КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

ЯНВАРЬ

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЗНАКОМСТВО И. И. СРЕЗНЕВСКАГО СЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКИМЪ. **Вс. Срезневскаго** . . . . 1—8

II. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА. (Продолженіе). **А. Крымскаго.** . . . . 9—29

III. ПОПОКЪ. Повѣсть (Продолженіе). **Б. Познанскаго** . . 30—80

IV. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ-СЫНУ . . . . 81—100

V. ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ БЕРЛОВЪ. **Ал. Лазаревскаго** . . . . 101—133

VI. КНИЖНАЯ РѢЧЬ У МАЛОРОССОВЪ И РУСИНОВЪ. **В. Науменка** . . . . 134—142

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Три письма кошевыхъ атамановъ къ шведскимъ королямъ. Сообщ. **Н. Молчановскій**; б) Находка клада въ Почаевской лаврѣ въ 1840 г. **О. Л.**; в) Новый документъ 1604 г. о Самозванцѣ. Сообщ. **В. Доманицкій**; г) По Днѣстру. **А. П. Тиверцева**; д) Летучія замѣтки . . . . 1—35

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ЮЖНОЙ РОССІИ . . 36—57

III. БИБЛІОГРАФІЯ а) Časopis Musea králоvstvi českeho. **А. С—чъ.** б) Новые художественные журналы. **Н. Ш.**; в) Симоновъ М. (Первый директоръ Лубенской гимназіи). **Н. Т.** Slovanský přehled, ročnik 1, čislo 3 (Prosinec) **В. Д.** 58—65

V. ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—22

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 31 декабря 1898 года.

М. Г.

26 мая 1899 года исполнится столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина.

Россія уже готовится къ торжественному чествованію памяти великаго поэта въ этотъ день.

Желая внести свою лепту въ это общерусское дѣло, Одесское Литературно-Артистическое Общество, въ засѣданіи литературной секціи, избрало особую Коммиссію, которой поручено: а) выработать программу празднованія 26 мая 1899 года нашимъ Обществомъ, б) собрать находящіяся въ частныхъ рукахъ письма Пушкина за время пребыванія его на югѣ Россіи, а также его вещи и вообще предметы, имѣющіе то или иное отношеніе къ его памяти, в) собрать воспоминанія о немъ за то же время, г) издать Литературный Сборникъ, включивъ въ него неизданныя письма Пушкина, воспоминанія о немъ за время пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ и литературно-критическія статьи, касающіяся дѣятельности поэта на Югѣ и д) устроить въ помѣщеніи Общества „Пушкинскую комнату“, собравъ здѣсь изданныя сочиненія Пушкина и литературу о немъ, бюсты и портреты Пушкина, автографы и предметы его и т. п.

Пребываніе Пушкина на Югѣ представляетъ очень важный моментъ въ его поэтической дѣятельности.

Годы 1820—1824—это Drang und Sturm-Periode въ жизни Пушкина. Это—по справедливому замѣчанію одного критика Пушкина—„періодъ смутныхъ, титаническихъ стремленій еще несознающей себя вполнѣ, неопредѣлившейся натуры, броженіе еще незрѣлыхъ идей, исканіе прочнаго и свѣтлаго идеала, молодое возмущеніе противъ общества и людей, желаніе отстоять, во что бы то ни стало, собственную самобытность противъ судьбы и жизни, не отвѣчающихъ идеальнымъ стремленіямъ молодого, еще неопытнаго сердца. У Пушкина этотъ періодъ его поэтическаго развитія совпадаетъ съ его увлеченіемъ байронизмомъ и освободительными идеями, бродившими тогда въ русскомъ обществѣ. Онъ оканчивается вмѣстѣ съ выѣздомъ его изъ Одессы и возвращеніемъ на Сѣверъ, въ грустную, сѣрую обстановку его Михайловскаго“.

Такимъ образомъ, важность литературно-критической разработки матеріала о пребываніи Пушкина на Югѣ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Правленіе сознаетъ, конечно, всю трудность настоящаго начинанія. Но оно надѣется, что цѣль до извѣстной степени можетъ быть достигнута при дружномъ, единодушномъ участіи Общества.

Въ виду этого, Правленіе считаетъ своимъ долгомъ просить почитателей великаго поэта оказать ему содѣйствіе посредствомъ сообщенія свѣдѣній и матеріаловъ, относящихся до пребыванія Пушкина на Югѣ, или—указанія лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за полученіемъ ихъ.

Правленіе съ благодарностью приметъ и матеріальную помощь для наилучшаго изданія Сборника, а также даръ—въ видѣ сочиненій Пушкина, бюстовъ, портретовъ его и т. п. предметовъ для образованія „Пушкинской комнаты" и, наконецъ,—статьи для Сборника.

Всѣ свѣдѣнія и запросы Правленіе проситъ адресовать на имя Члена Коммиссіи—Секретаря общества Ивана Антоновича **Смирнова** (Бульваръ, д. Маразли). Сообщенія могутъ направляться также на имя членовъ Коммиссіи: Александра Спиридоновича **Попандопуло** (редакція „Одесскаго Листка"), Николая Петровича **Цакни** (редакція „Южнаго Обозрѣнія"), Власа Михайловича **Дорошевича** (редакція „Одесскаго Листка"), Александра Митрофановича **Ѳедорова** (редакція „Южнаго Обозрѣнія"), профессора Алексѣя Ивановича **Маркевича** (Канатная, собств. домъ), Адольфа Игнатьевича **Черкасса** (Спиридоновская, № 7), Николая Гавриловича **Вучетича** (редакція „Южнаго Обозрѣнія"), Михаила Георгіевича **Попруженко** (Публичная библіотека), Митрофана Васильевича **Шимановскаго** (Янская, собств. д. № 84) и Валеріана Николаевича **Петровскаго** (Янская, д. № 92).

Предсѣдатель **П. Чеховичъ.**

Секретарь **И. Смирновъ.**

ЗНАКОМСТВО И. И. СРЕЗНЕВСКАГО СЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКИМЪ.

Среди бумагъ И. И. Срезневскаго, въ ряду массы листковъ, записей и замѣтокъ по малорусской старинѣ и народной словесности, находится, между прочимъ, разсказъ Измаила Ивановича о его свиданіи въ іюлѣ 1837 года съ Иваномъ Петровичемъ Котляревскимъ. Написанный наскоро на простой сѣрой бумагѣ, бѣглымъ почеркомъ, съ обиліемъ недописанныхъ словъ, очевидно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ давно желанной встрѣчи, разсказъ этотъ представляетъ собою большой интересъ. Если прибавить къ сказанному, что Срезневскій былъ замѣчательнымъ наблюдателемъ, какъ давнымъ-давно отмѣтилъ еще Шафарикъ, что часто въ своихъ описаніяхъ, замѣткахъ и очеркахъ онъ изображалъ предметъ, если можно такъ выразиться, съ фотографической точностью и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ влагать душу въ свои описанія, то значеніе рукописи должно еще болѣе увеличиться.

Свиданіе Срезневскаго съ Котляревскимъ произошло, какъ сказано выше, въ іюлѣ 1837 года, т. е. за полтора года до смерти Ивана Петровича, когда ему было 68 лѣтъ. Срезневскому тогда было 25. Это былъ человѣкъ полный силъ, съ энергіей отдавшійся изученію Украины, только что выступившій въ свѣтъ съ своей „Запорожской Стариной“, уже извѣстный въ литературѣ, благодаря ряду статей по исторіи и народной словесности Малороссіи. Такимъ образомъ, одинъ изъ встрѣ-

тившихся въ Полтавѣ въ 1837 году былъ человѣкъ, только что начавшій свою литературную жизнь, другой—уже ступившій одной ногой въ могилу. Но взаимное сочувствіе и уваженіе, соединенное съ общностью литературныхъ интересовъ и взглядовъ, ихъ сблизило, какъ ровней, какъ товарищей во время этого перваго и, какъ надо думать, послѣдняго ихъ свиданія.

Для почитателей таланта И. П. Котляревскаго 1830—40-хъ годовъ встрѣча его съ Срезневскимъ должна была быть дорога тѣмъ, что благодаря ей, можно предположить, Котляревскій ввѣрилъ Срезневскому свою рукопись Москаля-Чаривныка и Наталки-Полтавки, разрѣшивъ ему ихъ печатаніе въ Украинскомъ Сборникѣ, который тогда издавалъ Срезневскій. „Украинскій Сборникъ“, по словамъ его издателя, долженъ былъ быть „собраніемъ всякаго рода памятниковъ народности украинской“; Наталка-Полтавка, разбираемая съ той стороны, на которую главнымъ образомъ обращалъ вниманіе И. И. Срезневскій, вполнѣ подходила къ программѣ издателя. „Я началъ Украинскій сборникъ Наталкой-Полтавкой Ивана Петровича Котляревскаго“, писалъ Измаилъ Ивановичъ въ предисловіи къ сборнику, „и, кажется, не могъ выбрать лучшаго начала: а) Наталка-Полтавка была не только однимъ изъ первыхъ книжно-народныхъ произведеній Украины, но вмѣстѣ и первымъ сборникомъ памятниковъ украинской народности, образцемъ для всѣхъ послѣдовавшихъ; б) Наталка-Полтавка имѣла сильное вліяніе на изученіе Украинской народности, можно сказать, пробудила его и до сихъ поръ остается лучшимъ указателемъ почти на всѣ важнѣйшія стороны, съ которыхъ должно изучать украинскую народность. Можно бы послѣ этого и не упоминать о томъ, что Наталка-Полтавка изъ книжно-народныхъ украинскихъ произведеній большого размѣра по своему внутреннему достоинству занимаетъ первое мѣсто, что она болѣе всѣхъ любима во всей Украинѣ, что, наконецъ, она доселѣ была неиздана и переписчиками искажалась все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ, Наталка-Полтавка, занимая первое мѣсто въ моемъ Украинскомъ Сборникѣ, можетъ быть съ одной стороны считаема какъ бы

вступленіемъ ко всему тому, что будетъ за нею помѣщаемо въ немъ, а съ другой—останется навсегда однимъ изъ лучшихъ его украшеній".—Эти слова И. И. Срезневскаго обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, тѣмъ, что являются первой печатной оцѣнкой литературнаго значенія Котляревскаго: отзывы о его поэзіи, встрѣчавшіеся въ печати ранѣе, были слишкомъ случайны и отрывочны.

Наталка-Полтавка вышла въ 1838 году. По словамъ Стеблина-Каменскаго,[1]) Котляревскому удалось ее увидѣть незадолго до смерти; Москаля Чаривныка, который вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1841 г., онъ уже не увидѣлъ напечатаннымъ. Какъ говорится въ письмахъ И. И. Срезневскаго къ матери, веденіе изданія Москаля-Чаривныка, вслѣдствіе отъѣзда Измаила Ивановича за границу въ 1839 году, взялъ на себя Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, съ которымъ Срезневскій познакомился во время проѣзда черезъ Москву: „онъ—страстный охотникъ до всего малороссійскаго", писалъ Срезневскій,... я передалъ ему Москаля-Чаривныка, онъ издастъ его, какъ вторую книжку Украинскаго Сборника" [2]); тогда же обѣщалъ содѣйствовать изданію и Гоголь, предложившій Срезневскому держать корректуру [3]). Москаля-Чаривныка, какъ говорится въ тѣхъ же письмахъ, Щепкинъ предполагалъ поставить на сценѣ Московскаго театра.

Знакомство съ Котляревскимъ, можно думать, зародило въ И. И. Срезневскомъ мечту о составленіи его біографіи; по крайней мѣрѣ изъ писемъ къ Срезневскому полтавскаго священника о. Мазанова, пріятеля Котляревскаго, видно, что Измаилъ Ивановичъ собиралъ матеріалы для біографіи. „Къ сожалѣнію моему", писалъ Мазановъ, „не могу ничего особенно сообщить вамъ на счетъ Ивана Петровича; Стеблинъ въ некрологѣ своемъ весьма хорошо выразилъ его характеръ и образъ жизни; онъ точно былъ оригиналъ въ своемъ родѣ, говаривалъ всегда остро, но нерѣдко и съ аттическою солью..., трудно уберечься, чтобы

---

[1]) Сѣверная Пчела, 1839, № 146. с. 584.

[2]) Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери (Спб. 1895) с. 20.

[3]) Ibid. 20.

онъ къ чему не привязался, не всегда резонно; былъ душею общества, и гдѣ онъ, тамъ всегда было не скучно. Но особенно его анекдоты были всегда преуморительны; даже и тогда, когда онъ, заболѣвши, почувствовалъ близкій конецъ жизни, то, когда пріѣхалъ къ нему докторъ, онъ ему на отрѣзъ сказалъ: не поможе баби кадыло, колы бабу сказыло, и рѣшительно не захотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ; болѣе отъ него никто ничего и не слышалъ" [1]). Изъ другого письма Мазанова видно, что для И. И. Срезневскаго онъ просилъ у Котляревскаго позволенія снять копію съ его портрета; это позволеніе, вмѣстѣ съ обѣщаніемъ надписать портретъ, было имъ получено незадолго до смерти Котляревскаго, 29 августа, въ день его именинъ, когда Мазановъ обѣдалъ у него съ нѣсколькими близкими лицами [2]). Біографіи Котляревскаго Измаилъ Ивановичъ не составилъ; даже матеріаловъ для нея не сохранилось въ его бумагахъ [3]). Неосуществленіе этой мечты Срезневскаго находится въ связи съ тѣми перемѣнами, которыя наступили въ жизни и направленіи его дѣятельности въ 1839 году съ отъѣздомъ въ западно-славянскія земли.

Вс. Срезневскій.

28 окт. 1898 г.

Полтава, 11 іюля 1837.

Сегодня въ пять часовъ послѣ полудня началась для меня новая жизнь въ Полтавѣ. Я забылъ на время, насколько могу забыть и прошедшее, бывшее для меня еще такъ недавно настоящимъ, и будущее, еще такъ недавно казавшееся мнѣ вовсе лишнимъ въ жизни человѣческой. Пролежавши добрый часъ на диванѣ, я очнулся, очень важно задалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ-же я въ Полтавѣ?"—и невольно

---

[1]) Письмо Мазанова 10 янв. 1839 г.

[2]) Письмо Мазанова 28 ноября 1838 г.

[3]) Единственное исключеніе составляетъ листокъ съ выборками изъ біографіи, составленной С. Каменскимъ. Изъ относящагося къ Котляревскому въ бумагахъ И. И. Срезневскаго есть еще начало перевода Наталки-Полтавки на чешскій языкъ (Natalka-Poltavanka).

изумился, когда, не успѣвши самому себѣ договорить вопроса, уже успѣлъ договорить въ отвѣтъ—„Могила и Котляревскій". Могила и Котляревскій—ничто другое не могло меня привлечь въ Полтаву, въ эту беззаботно-скучную, простодушно-пустынную, хоть и милую Полтаву. Пробило 5 часовъ; я отправился къ хозяюшкѣ съ просьбою о совѣтѣ, что мнѣ дѣлать—получилъ совѣтъ ѣхать къ Котляревскому, послалъ за извощикомъ и черезъ пять минутъ сидѣлъ на дрожкахъ.—Куда прикажете?—Къ Котляревскому.—Но—но... Поди—и—и!—Да развѣ ты знаешь его домъ?—Гмъ-съ! Какъ не знать. Важивали къ нему и генераловъ.—Что-же, ты знаешь Котляревскаго?—И видалъ-съ.—А знаешь о немъ что нибудь?—Да тутъ—мальчишка-дуракъ скажетъ вамъ о немъ что ни есть, и къ дому доведетъ, и собаку его по имени назоветъ.—Ну, кто-жъ онъ?—Да Богъ его знаетъ, кто онъ—не то майоръ что-ли, хоть и бѣдный, а знатный баринъ. Вишь ты, сказываютъ, что де онъ что-то по хохлацки писалъ, да вотъ какъ писалъ, что де и какую-то нашу Наталку Полтавку описалъ. Объ ней и пѣсни его ходятъ. Я бы вамъ сказалъ и пѣсни, да по хохлацки мудрено сложены.—Ну вотъ и... тпру.—

Заборъ, ворота съ калиткой, подъ заборомъ и подъ воротами трава—будто вокругъ обгороженнаго памятника. Извощикъ помогъ мнѣ отворить калитку, приласкалъ „жучка", встрѣтившаго было насъ лаемъ, и провелъ до крыльца. Мы шли по едва протоптанной тропинкѣ по дворику, маленькому и чистенькому, какъ садикъ, а впереди былъ и въ самомъ дѣлѣ садикъ, отгороженный рѣшеткой, и слѣва углублялся въ него старенькій маленькій домикъ съ чудною высокою крышей, съ крылечкомъ въ полторы ступени, съ крошечными оконцами...—Извольте идти направо, сказалъ мнѣ извощикъ, и пошелъ къ лошадямъ, а я, признаюсь откровенно, я остановился на крылечкѣ и вздохнулъ отъ радости.—Я увижу его! О еслибъ онъ меня принялъ хорошо, радушно, хоть съ тысячной долей того чувства, которое влечетъ меня къ нему! Какая то женщина лѣтъ тридцати попросила меня взойти, повела за собой по сѣнямъ, отворила

дверь направо и ввела въ длинную комнату, темную и странную, можетъ быть и темную и странную отъ обоевъ, на которыхъ пепельно-кофейными красками разрисованы были различные портреты и что-то еще въ этомъ родѣ. Изъ этой комнатки одна притворенная дверь вела въ маленькую же комнату, которая, какъ я узналъ послѣ, есть спальня Ивана Петровича, а другая растворенная дверь выказывала другую комнату, гораздо болѣе свѣтлую и помѣстительную, и растворилась еще болѣе, когда моя путеводительница просила меня взойти въ нее. Я вошелъ... никого не было. Низенькая комнатка была свѣтла, довольно велика и какъ-то мила, прихотливо-уютна, покойно-весела. Тутъ направо столъ, за нимъ два или три стула; окно и опять столъ въ углу, большой, накладенный книгами, полуприкрытыми синей скатертью, а надъ столомъ двѣ картины; отъ стола прямо по стѣнѣ стулья и между ними вольтеровское старинное кресло, бокомъ къ окну; между этимъ окномъ и двумя другими два маленькія зеркальца; далѣе опять въ углу столъ, тоже съ книгами, тоже подъ синей скатертью; стѣна направо украшена картинками въ папковыхъ рамкахъ, между которыми два гравюрованныхъ портрета—императоровъ Александра и Николая—отличаются отъ другихъ богатствомъ и изяществомъ рамокъ, и подъ ними диванъ, а передъ диваномъ столъ, покрытый драдедамовымъ платкомъ, и на немъ бронзовый чернильный приборъ, бумаги, прикрытыя томомъ Исторіи Карамзина, и еще какія-то развернутыя книжки; далѣе въ углу опять столъ и опять съ книгами; за нимъ два шкафа съ книгами, печь и за нею дверь, въ которую я вошелъ. Вотъ эта комната, этотъ гостинная-кабинетъ Ивана Петровича! Едва я успѣлъ окончить мой tour вокругъ комнатки, какъ въ комнатку вошелъ довольно высокого роста, худой старикъ, въ кашемировомъ халатѣ... Это онъ. Пріятная улыбка на лицѣ, и рука протянута ко мнѣ....

— Извините, Иванъ Петровичъ, если я васъ обезпокоилъ. Быть у васъ и засвидѣтельствовать вамъ лично то глубокое, душевное уваженіе, которое издавна питаю къ вамъ,—вотъ одна изъ немногихъ причинъ, которыя заставили меня вос-

воспользоваться нѣсколькими днями досуга и поѣхать въ Полтаву... Позвольте мнѣ представить вамъ первый опытъ моихъ трудовъ объ Украинѣ, странѣ хотя и не родной мнѣ, но тѣмъ не менѣе любимой.—Я подалъ ему мою Запорожскую Старину.

— А!... Очень радъ, Измаилъ Ивановичъ, знакомству съ вами. Я давно знаю васъ, и жалѣлъ, что до сихъ поръ мнѣ удалось читать только одну изъ книжекъ вашего прекраснаго изданія.

Онъ поцѣловалъ меня, дружески пожалъ руки и повелъ къ дивану. Мы сѣли. Разговоръ быстро завязался. Иванъ Петровичъ говорилъ мало и все по-русски, но говорилъ умно, отчетливо, просто. Мнѣ очень пріятно было сойтись съ нимъ въ мысли, что исторія Украины или, какъ я зову, Малороссіи, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Россіи, и что этотъ эпизодъ долженъ быть обработанъ съ особеннымъ тщаніемъ, потому что Украинѣ принадлежитъ слава разрѣшенія судьбы и Польши, и Россіи.—„Когда-то мы дождемся историческаго описанія Малороссіи, ея достойнаго!“... „Когда желаніе понять ее будетъ замѣнять желаніе ее описать“, отвѣчалъ я. „Ваша правда: теперь она невозможна“,—и Иванъ Петровичъ, припоминая о томъ, что сдѣлано, прекрасно высказалъ, чего еще не достаетъ въ массѣ матеріаловъ. Видно было, что онъ слѣдилъ зорко за движеніемъ разработки матеріаловъ. Потомъ у насъ завязался маленькій споръ о важности памятниковъ народной словесности: онъ отчасти отрицалъ эту важность, называлъ современную любовь къ собиранію народной поэзіи порожденіемъ моды, ведущимъ къ немногому, и собирателей винилъ въ недальнозоркости, въ неумѣніи пользоваться сокровищами.—„А сокровища все болѣе пропадаютъ, и скоро не надъ чѣмъ будетъ и трудиться; бывало десятками, сотнями слышишь старинныя пѣсни и думы, а теперь разъ въ годъ придется услышать одну. Пусть бы эти сокровища остались не болѣе какъ тѣмъ, чѣмъ стались пирамиды для Египта, все же-бъ остались памятникомъ народа, стоющаго памяти“.

Я разсказалъ ему свои попытки къ собиранію памятниковъ народности, свои предположенія, свои надежды,—говорилъ, какъ думалъ, какъ чувствовалъ.....—„Колы бъ-то такъ уси за дило прыймалысь! Та ще колы бъ не москали, а наши“..... Не знаю, что я отвѣчалъ на это, но съ этихъ поръ Иванъ Петровичъ, позволяя мнѣ мѣшать русскія фразы съ украинскими, самъ говорилъ почти все по-украински. Взоръ его, до того направленный на меня какъ-то недовѣрчиво, какъ-то холодно, оживился, слова полились рѣкою, и нѣсколько разъ почтенный старикъ откашливалъ свой смѣхъ, свои краснорѣчивые періоды.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи всѣхъ малоруссовъ?

(*Продолженіе* [1]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кіевскіе и мнимо-кіевскіе памятники XI—XV вв.

а) Домонгольскіе.

Памятниковъ, писанныхъ въ домонгольскомъ Кіевѣ, сохранилось только два: *Изборники Святослава 1073 г. и 1076 года.* Оба они относятся къ тому періоду, когда русскій языкъ, собственно еще не распался на нарѣчія великорусское и малорусское. Конечно, онъ не былъ уже однимъ языкомъ „въ полномъ смыслѣ этого слова", но во всякомъ случаѣ приходится соглашаться съ замѣчаніемъ г. Шахматова, что въ XI и XII в. нельзя еще говорить о полномъ обособленія великорусскаго нарѣчія [2]), такъ-какъ самой существенной черты малорусскаго нарѣчія (ô и ê) тогда еще не было. Все таки извѣстныя діалектическія данныя въ Изборникахъ Святослава ужъ есть. Ихъ разсмотрѣніе показываетъ намъ, что кіевская рѣчь XI вѣка не

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., іюнь и сентябрь.

[2]) А. Шахматовъ: Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 132, 138, 139.

заключала въ себѣ никакихъ элементовъ противомалорусскихъ, а напротивъ—имѣла въ себѣ въ зачаточномъ видѣ почти всѣ черты современнаго малорусскаго нарѣчія, кромѣ той одной, которая образовалась послѣ XI вѣка. Какъ же относится къ Изборникамъ г. Соболевскій?

Г. Соболевскій, касаясь правописанія Изборниковъ Святослава, отмѣчаетъ въ нихъ два начертанія, которыя онъ ясно [1]) называетъ немалорусскими особенностями: 1) *тобѣ* дѣлѣ (=для тебя), причемъ понимаетъ „*тобѣ*“ какъ разновидность или неправильное написаніе вмѣсто „*тобе*“, и 2) начертаніе *я* вм. *е*: по*я*млютъся, Елисавять, каж*а*ника, [2]). Разсмотримъ эти мнимые немалоруссизмы.

Въ параллель къ единичному *тобѣ дѣлѣ* укажемъ: 1) сѣверно-малорусское „край собѣ“ [3]), 2) угорско-малорусское „въ тобе“ [4]), 3) въ Энеидѣ Котляревскаго: тобе [5]), 4) въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губ.: поверхъ с*о*бе [6]), 5) у галицкаго наборщика: коло с*о*бе [7]). Не считаемъ нужнымъ пускаться

---

[1]) Прибавляемъ слово „ясно“ во избѣжаніе недоразумѣній. Въ „Ж. М. Н. Пр.“ (1885, февр., ст. 352—353, въ статьѣ: „Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ“) г. Соболевскій отмѣчаетъ въ Изборникахъ Святослава нѣсколько особенностей, которыя онъ считаетъ мѣстными кіевскими, напр. „ч*о*ловѣка“ вм. „ч*е*ловѣка“, „в*о*лоба“ вм. „зълоба“ и др. Такъ какъ онъ не говоритъ ясно, что считаетъ ихъ всѣ за немалорусскія, то было бы несправедливо съ нашей стороны приписать ему такое утвержденіе и показывать, напр., что *о* въ „чоловѣка“—вполнѣ въ духѣ малорусскаго нарѣчія. Но начертаніе „тобѣ“ прямо объявлено г. Соболевскимъ за антималоруссизмъ.

[2]) См. „Очерки изъ исторіи русскаго языка“, стр. 84. И въ устномъ диспутѣ съ П. И. Житецкимъ въ 1883-мъ году г. Соболевскій прямо заявилъ, что начертаніе *я* вм. *е* въ такихъ случаяхъ, какъ „по*я*млються“—рѣзкій антималоруссизмъ.

[3]) Довнаръ-Запольскій: Пѣсни Пинчуковъ, стр. 56 (К. 1895).

[4]) Угрорусскія народныя пѣсни Де-Воллана (СПБ. 1885, стр. 33): „Гей, козаче червоусый! Чому в т*о*бе жупанъ кусый?“

[5]) Виргиліева Энеида, вновь исправленная самимъ авторомъ и дополненная противу прежнихъ изданій, СПБ. 1809, ч. 1, стр. 25: „то тутъ тобе лызне и чортъ“.

[6]) Громада, № 2, стр. 72.

[7]) Передѣлка наборщика вм. написаннаго „с*е*бе“. Зоря 1897, № 20, стр. 399, столб. 2-й. Добавимъ, что слово „цобе“ (влѣво) многими объясняется какъ „одъ с*о*бе“, т. е. „отъ себя“. Въ Галичинѣ слышится и „цебе“ съ *е* (словарь Закревскаго, 576).

въ разборъ всѣхъ этихъ начертаній (это насъ слишкомъ далеко отвлекло бы въ сторону),—одно лишь отмѣтимъ: писецъ Изборника Святослава, будучи малоруссомъ, прекрасно могъ написать „тобѣ".

Другая якобы немалорусская особенность Изборниковъ—написаніе *я* вм. *е*: поямлються 212, *я* *я* 219, Елисавять 254 об., кажаника 262; къ этимъ четыремъ случаямъ г. Соболевскій по своему произволу прибавляетъ еще два, встрѣчающіеся въ Галицкомъ евангеліи, но, по его мнѣнію, заимствованные изъ какого-нибудь кіевскаго оригинала: изъ далячa и кщ*а* [1]). Ужъ одно то обстоятельство, что *я* вм. *е* попадается въ памятникѣ галицкомъ, должно было бы внушить г. Соболевскому мысль о невеликорусскости этой черты [2]), но онъ вмѣсто того предпочитаетъ утверждать, будто малорусскому нарѣчію такой переходъ *е* въ *я* не свойственъ, и этимъ онъ обнаруживаетъ свое незнакомство съ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій малорусской фонетики. Приведемъ полторы сотни примѣровъ, въ которыхъ у малоруссовъ слышится то *е*, то *я* (или *а*, послѣ шипящихъ, послѣ *р* и въ кое-какихъ другихъ случаяхъ).

Отмѣтимъ чередованіе *е* и *я* прежде всего въ страдательныхъ причастіяхъ и въ тѣхъ существительныхъ, которыя отъ нихъ производятся. Говорится, напримѣръ: плетяный, паляный, зведяный, крышаный, прынесяный, зачыняный, зробляный, прядяный, выполяный (=выполотый), зміняный [3]), напояный, похожано-поброжано, зложаный [4]) и. т. д.; плетянка, плетяниця, палянка, паляниця, зведяныця, крышанык [5]) и т. д. Очень

---

[1]) Очерки стр. 84.

[2]) Напротивъ, г. Шахматовъ прекрасно подмѣтилъ, что это черта общерусская. См. его Изслѣдованія въ области русской фонетики, стр. 63—64.

[3]) Срв. „Обмѣняный"—въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 года. См. Кіев. Стар. 1886, нб., 563.

[4]) „Што было зложане"—въ книгѣ гродской Луцкой 1596 г. Архивъ юго-зап. Россіи, т. I, ч. 3-я, К. 1863, стр. 92.

[5]) „Кажаникъ" въ Изборникѣ Святослава 1073 относится именно къ этому роду явленій.

вѣроятно, что въ такомъ образованіи страдательныхъ причастій мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ нефонетическимъ: какое-нибудь „зачыняный" (отъ „зачыныты") или „зминяный" (отъ „зминыты") могли образоваться подъ вліяніемъ глаголовъ пятаго класса („зачыняты", „зминяты"), послѣ чего и при „печеный" могло возникнуть „печáный" (Ogonowskij: Studien, 109).

Изъ другихъ случаевъ чередованія *е* и *я* укажемъ слѣдующіе [1]):

а) Послѣ шипящихъ. Часныкъ (галицкое чосныкъ, великорусское чеснокъ). Щабель. Очаретъ. (Руска Библіотека 1884, т. III, стр. XLI). Чарственный (Рудченко, II, 160). Чахоня (Cyprinus cultratus). Чапытыся (Жел.). Зачапка (у Іоанна Вышенскаго). Кочатъ (въ сказкѣ, записанной Костомаровымъ. „Саратов. малор. литер. сборн." 1859, стр. 366). Щапыты (Желех.). Защапка. Печарыця. Дочарми (въ дневникѣ Ханенка 1719 г. Кіев. Стар. 1896, іюль—авг., 169) [2]). Жавриты. Аджа (на Волыни) [3]). Жалаты. Жарнивкы (у Квитки). Жавкаты. Жажкый (у Старицкаго очень часто вм. обычнаго „жежкый"). Шамранье (въ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Русск. Историч. Библ. VII, 1512).

б) Послѣ йоты. Явдокымъ. Явтухъ. Явдоха. Явреи. Явхымъ [4]). Ядвабный (Чайковскій: Олюнька. Л. 1895, ст. 149). Ядвабъе (Чайковскій: Въ чужимъ гнизди. Л. 1896, ст. 175). Ямлю [5])

---

[1]) При этомъ не будемъ дѣлать различія между тѣмъ *е*, которое происходитъ отъ стараго є, и между тѣмъ, которое происходитъ изъ ѣ: въ современномъ языкѣ законъ ихъ перехода въ *я*—одинъ, общій.

[2]) Кстати отмѣтимъ еще Чарнятинци въ Ипат. Лѣт. 555.

[3]) Именно съ этой фонемой слѣдуетъ сопоставлять старокіевское ѥꙗ жа и также, вѣроятно, галицкое ѥща

[4]) Есть и въ дневникѣ Евлашевскато подъ 1587-мъ г. Кіев. Стар. 1886, янв., 149.

[5]) Срв. старокіевское „поямлються". Довольно правдоподобно, что звукъ *я* развился здѣсь не фонетически, но подъ вліяніемъ неопр. наклоненія *яти*. Впрочемъ въ пользу фонетическаго образованія этого слова говоритъ форма послѣдующаго слова („ямъ" изъ „ѥмъ"), которую едва ли можно объяснить путемъ аналогіи. Объяснить современное *ямлю* и ямлити иначе, чѣмъ изъ *емлю*, намъ кажется труднымъ.

(=набираю), — откуда образовано и неопр. н—ніе „ямлыты" (напр., у Макаровскаго въ „Наталѣ": Наямлыла грушъ сушеныхъ, терну, слывъ въ базари). Ямъ (т. е. есмь,—Огоновскій: Studien 144). Якономія (очень часто у Чайченка-Гринченка). Ягыпетъ. Яхыдна. Ялыця, ялына, яловець (=можжевельникъ). Ярема. Ярмола [1]), Ярмолынци. Ярошъ. Ярына. Ярусалымъ [2]), Ярусланъ (Гринченко: Этн. Мат. I, 189). Яретычый. Ясетръ. Ясокиръ. Суятытыся, суя́тный, суя́тъ [3]).

Послѣ *л*. Лящъ [4]). Лядащый. Зблякнуты (=поблекнуть). Лягомыны (Шевченко, т. III, стр. 6) [5]). Лямпачи (Lehmpatze). Холяра (записалъ В. Охрымовичъ у гуцуловъ или бойковъ. Житье и Слово 1895, т. I, стр. 144; и у Франка: „Въ поти чола", стр. 72). Облясныкъ (Тобилевичъ: Драмы и комедіи, II, 411). Пидлястытысь (Збирныкъ творивъ Кропывныцького, друге выдання, ст. 47). Скляпъ (склепка. Бытъ русскаго народа— Терещенко, 65; Чуб. III, 98). Глякъ (Жел. I, 143 и 145). Галяра (въ Подоліи. Кіев. Стар. 1884, сент. 59). Шпаляры (Громада № 5, стр. 110, письмо изъ Полтав. губ.). Куляша (им. п.=кулеша. „Въ Карпатахъ" Ив. Левицкаго. Львовъ 1885, стр. 50). Лягавый (лѣнивый, legawy). Голяныща. Малячъ. Далячъ [6]). Плясканка (Жел. II, 662). Каля́ндаръ (Руданскій, III, 139). Палястына. Таля́ры (им. множ.,—„Богданъ Хмельныцькый" Старыцького. Кіев. Стар. 1896, май, 280) [7]). Слово

---

[1]) См. въ Батуринской купчей 1671 г.—Кіев. Стар. 1883, іюль, 509.

[2]) Г. Соболевскій въ рецензіи на трудъ г. Шахматова отмѣчаетъ начертаніе Ярусалимъ въ Галицк. Еванг. Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, стр. 432.

[3]) Въ полтавскомъ сборникѣ 1679-го года читаемъ: „суѧта суѧтствуй, всѧческаѧ суєта" (Поповъ: Библіографическіе Матер., II, 69).

[4]) Интересно, что Котляревскій въ изданіи Энеиды 1809-го года (ч. I, стр. 25), напечатавши „лещъ" (съ е), считаетъ это за неправильность и, въ спискѣ опечатокъ, исправляетъ на „лящъ". Но форма съ е также употребительна. См. Желех.

[5]) Въ переводѣ (повѣсти „Художникъ") А. Конисскаго.

[6]) Срв. начертаніе „изъ далѧча" въ Галицкомъ ев., приписанное г. Соболевскимъ Кіеву.

[7]) „Талярей" въ записи Ивана Малашкевича 1735 года. Кіев. Стар. 1898, кн. II, 36.

„телеграмма" произносятъ въ Кіевщинѣ „теляграма"; такъ набрано и въ газетѣ „Буковына" (1897, № 175, стр. 2, столб. 3-й). Халя́та (записалъ отъ галицкихъ крестьянъ Франко, Желех. II, 1033). Хля́статы, (въ Сѣдлецк. губ.,—сообщ. Н. А. Янчукъ). Пля́каты (Желех. II, 661). Коля́йка (изъ польск. kolejka,—у Желех.). Alaxandra Skarżyńskiego (имя овруцкаго русина, писанное русиномъ же, въ жалобѣ 1648-го года. Архивъ юго-з. Россіи, т. I, ч. IV, 277).

в) Послѣ губныхъ. Грабъяжлывый (хищный). Любъязный. Свяпка (Желех. 854). Лыпъяшка (лепешка). П'ятербургъ (нѣсколько разъ наряду съ Петербургъ у Осташевскаго: Пивъ сотни казокъ. Кіевъ 1869, № 35). Мъятлыця (метелыця,—у Желех.). Замъятня (рѣдкое, у Желех., вм. заметня). Схамъянутыся (откуда, затѣмъ, схаманутыся, Жел.). Семъянъ (=Семенъ См. Жытье и Слово III, 305 и 307). Пымъянъ (срв. Пимянъ въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 г. Кіев. Стар. 1886, ноябрь, 568).

г) Послѣ *н*. Жовнярь. Панянка. Сонячко. Поняхаты (Желех.). Унява (род. падежъ отъ Унивъ, у Головацкаго,—см. Русалку Днѣстровую 122 № 9, и въ „Рускій Библіотеци" III, 355). Сопротывнячыще (въ малорусской рукописи 18-го вѣка,—Гринченко: Этнографич. матеріалы II, 220) [1]).

д) Послѣ зубныхъ. Навстя́жъ (Котляревскій, изд. Катранова, 130; Тобилевичъ: Драмы и Комедіи, II, 152; Гринченко: Этногр. Матер. I, 246). Сердя́чко (Жел. II, 861,=Herzchen). Тячынка (изъ тычинка, течынка,—Чубинскій IV, 281, № 711). Стябло (плетенка изъ стеблей. Стороженко II, 150). Застяжка (застежка). Тясомка, тясмыця. Тябрычыты (изъ тебрычыты тербычыты. Номисъ, стр, 9, № 426).

е) Послѣ свистящихъ. Сячъ (у Верхратскаго,—см. Желех. II, 943, вм. обычнаго сечъ,—моча). Осятръ. Цякавый (изъ польскаго ciekawy, Желех.).

---

[1]) Здѣсь *я* изъ неударнаго *ѣ*, которое, какъ извѣстно, у малороссовъ всегда смѣшивается съ *е*.

ж) Послѣ *р*. Ряминь, ряминный (раминный у Руданскаго: „Царъ-соловей“, ч. II, гл. 1-я и гл. 3-я). Рамъя (=ремье. Кулишъ: Иовъ, стр. 49: „ты зъ голого здіймавъ остатнье рямъя“. Также у Квитки, по Желех.). Тряба (въ Житом. уѣздѣ, сообщилъ Е. К. Тимченко). Тралиственъное (въ виршахъ буковинца В. Фирдеевича 1841 г.—см. статью проф. Смаль-Стоцкаго. „Буковына“ 1897, № 138, стр. 3). Трямкый (Зоря 1896, стр. 249, изъ трымкый, черезъ тремкый). Гряхитъ (срв. grzechotać,—у Чайковскаго: „Въ чужимъ гнизди“, Льв. 1896, стр. 260). Дряготиты, дрягить, дряговына, драгли (срв. Дреговичи и Дряговичи). Шкрябаты (гораздо чаще, чѣмъ шкребаты). Рáндаръ (arendarz).

Переходъ малорусскаго *е* (произносящагося твердо, за *э*) въ мягкій звукъ *я* есть, разумѣется, отголосокъ той старой эпохи, когда старорусское є еще не отвердѣло и произносилось за *je*. Но случается въ настоящее время, что малорусское *е* (*э*) переходитъ ужъ прямо въ *а*. Таковы, напримѣръ: Оксана (при Ксена), Мáхтодъ (Меѳодій), Харсонъ (Гринченко: Этн. Мат. II, 120), сардакъ, до тáбе, царква, тепáр, мане́ (Огоновскій: Studien, 42), парыверненый (перевернутый), парысоленый (Studien, 207), винъ идá (=идетъ,—сообщилъ В. Щуратъ), хлопаць (=хлопець,—Огоновскій: Studien, 235), дащо (Желех.); по сообщенію Е. К. Тимченка, въ Житомірскомъ уѣздѣ вмѣсто звука *е* часто слышится звукъ, близкій къ *а*.

Намъ не представляется необходимымъ уклоняться здѣсь слишкомъ въ сторону для освѣщенія всѣхъ этихъ фактовъ путемъ сравнительной филологіи и ссылокъ на старинные памятники [1]): и безъ того читатель видитъ, что появленіе звука *я*

---

[1]) Если мы и дѣлали по временамъ ссылки на докуметы, то лишь мимоходомъ, случайно,—просто потому, что кое-какія показанія памятниковъ вспоминались сами собою.—Въ извѣстномъ количествѣ фактовъ, собранныхъ здѣсь нами, звукъ *я* можетъ еще быть объясненъ какъ явленіе нефонетическое, но для общей массы пригоденъ только тотъ законъ *прарусской* фонетики, который предложенъ г. Шахматовымъ. (Изслѣдованія 62—64; Къ исторіи звуковъ—Извѣстія отд. русск. яз. Акад. Наукъ, 1896, кн. IV, стр. 732 и слѣд.). Рецензія г. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1894, апр., 431—432) не можетъ поколебать этого закона,—особенно те-

вмѣсто *е*, считаемое г. Соболевскимъ (по незнанію малорусскаго нарѣчія) за немалорусскую черту, есть черта безусловно малорусская.

Итакъ въ Изборникахъ Святослава нѣтъ великоруссизмовъ. А какіе есть въ нихъ малоруссизмы?

Самой характерной особенности современнаго малорусскаго нарѣчія—звуковъ *ô* и *ê* (т. е. уо, у, і, юо, ю, і, іе)—странно было бы и искать въ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года. Откуда возникли малорусскіе *ô* и *ê*? Эти долгіе звуки (и ихъ позднѣйшій потомокъ—*і*) явились какъ результатъ паденія глухихъ гласныхъ ъ и ь,—какъ замѣнительная долгота. А вѣдь въ XI вѣкѣ глухіе гласные русскаго языка были въ полной сохранности,—обстоятельство, отмѣченное въ свое время г. Соболевскимъ [1]) и особенно рельефно выдвинутое его ученикомъ г. Волковымъ [2]).—Для г. Соболевскаго видимымъ знакомъ замѣнительнаго удлиненія служило бы написаніе *ѣ* вм. *ê*,—такое, какое бываетъ въ такъ называемыхъ „галицко-волынскихъ" памятникахъ со второй половины XII вѣка; разъ такого ятя въ Святославовыхъ Изборникахъ нѣтъ, г. Соболевскій отказывается считать старыхъ кіевлянъ предками малоруссовъ. Ниже, въ главѣ пятой и шестой, мы покажемъ, что „галицко-волынское" написаніе *ѣ* не есть выраженіе замѣнительной долготы; но если-бъ эта буква и въ самомъ дѣлѣ была обозначеніемъ

перь, когда г. Шахматовъ, въ дополненіе къ своимъ двумъ десяткамъ фактовъ можетъ воспользоваться тѣми полутораста примѣрами, которые привели мы (число ихъ можетъ быть увеличено). Отмѣтимъ для свѣдѣнія г. Шахматова, что, по сообщенію г. Шурата, звукъ *е* переходитъ въ *а* преимущественно тогда, когда онъ оказывается подъ удареніемъ (срв. Огоновскаго Studien, 42).

[1]) Очерки, стр. 71.

[2]) Къ исторіи русскаго языка. Ж. М. Н. Пр. 1894, янв., стр. 214—221. Памятники XI вѣка плохо различаютъ юсы, вводятъ въ церковно-славянскій текстъ русское полногласіе, Ж и Ү вм. ЖД и ШТ и т. д., а между тѣмъ строго и послѣдовательно пишутъ Ъ и Ь; ясно отсюда, что правильное употребленіе Ъ и Ь не могло быть результатомъ церковно-славянской традиціи, но было отраженіемъ факта живой рѣчи. „Но какъ только перейдемъ за рубежъ XI в.", прибавляетъ г. Волковъ, „то начинаютъ попадаться чистые вмѣсто глухихъ,—вслѣдствіе требованій живой рѣчи".

замѣнительной долготы, то и въ такомъ случаѣ требованіе г. Соболевскаго крайне странно: едва успѣвши сказать, что до конца XI вѣка глухіе гласные еще не пали [1]), т. е. другими словами, что „галицко-волынскаго ѣ въ XI вѣкѣ еще и не могло быть, г. Соболевскій требуетъ отъ Изборниковъ 1073 и 1076 года, чтобы въ нихъ попадалось „галицко-волынское" ѣ [2])!—не то кіевляне XI вѣка будутъ для г. Соболевскаго предками великоруссовъ, а не малоруссовъ!

Другія, менѣе характерныя, но все таки очень выразительныя особенности малорусской рѣчи: смѣшеніе ѣ съ и, смѣшеніе и и ы и смѣшеніе е съ оу—въ Изборникахъ Святослава уже отразились.

Вмѣсто ѣ мы находимъ и въ Изборникѣ 1073 года: вици л. 5; въ вѣри, л. 17 об.; оутишенія, л. 100; видающи боудащая, л. 124 об.; виды 149; имая 142; пламениѥ(ть) 153 об.; исцѣли 162; многыи (вм. многыѣ) 253; Андрия [3]) 261 об.;

---

[1]) Это онъ сказалъ въ упомянутомъ мѣстѣ „Очерковъ", печатаніе которыхъ закончилось только къ 1885-му году (послѣдній листъ вышелъ въ февральской книгѣ „Университетскихъ Извѣстій" 1885 года).

[2]) Именно въ февралѣ 1885 года въ Ж. М. Н. Пр. Кстати отмѣтимъ, что г. Колесса въ своей статьѣ (Archiv XVIII, стр. 492) таки старается доказать, что въ Изборникѣ 1076 года есть „галицко-волынское" ѣ: онъ его усматриваетъ въ „трѣзвѣниѥ" и „прилѣжьно". Но вѣдь трѣзвѣниѥ прекрасно можетъ быть произведено отъ трѣзвѣти (тогда какъ трѣзвениѥ отъ трѣзвити), а въ прилѣжьнъ пишется ѣ иногда даже въ церковно-славянскихъ памятникахъ. Кто желаетъ искать въ Святославовыхъ сборникахъ „галицко-волынскаго" ѣ, тому мы можемъ указать слѣдующія начертанія: сѣмь (Изб. 1073, л, 47 а), бѣзмѣрьноѥ (Изб. 1076 г., л. 237 а), бѣсѣда (тамъ же, л. 147 б), бѣж нѥго (1073 г., л. 24), нѣ дьнѥ, нь нощиѥ (тамъ-же, л. 131 об.) Пожалуй, въ изд. Общ. Любит. Древ. Письменности нельзя найти двухъ изъ этихъ фактовъ (въ то изданіе внесены поправки издателей), но ѣ въ бѣж нѥго и нѣ дьнѥ указано по подлинной рукописи Горскимъ и Невоструевымъ (Описаніе рукоп. Синод. библ. II, 394) и Буслаевымъ (Историч. Хрестом., 278 и 263).—Конечно, подобныя начертанія могутъ считаться за малорусскія только съ точки зрѣнія г. Соболевскаго; объ истинномъ ихъ значеніи мы будемъ говорить въ 6-й главѣ нашей работы.

[3]) Что въ этомъ имени былъ въ старину ѣ, видно изъ малорусскаго Андрій, Андріи и т. д.

върдзоумнннѥ 263 об.; въ Изборникѣ 1076 года: волѧ [1]) ѥн (вм. ѥѣ) л. 111 об.; въ мироу (κατὰ τὸ μέτρον) л. 237 об. [2]).— Отсюда видимъ, что еще въ XI вѣкѣ старорусское ѣ (звучавшее, по многимъ признакамъ, какъ двугласный їє) частенько переходило у кіевлянъ въ звукъ ї.

Само по себѣ, смѣшеніе ѣ съ ї не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе). Логика говоритъ, что, если древніе кіевляне были предками малоруссовъ, то, допуская, смѣшеніе ѣ съ ї, они должны были тогда же произносить основное и потверже, чѣмъ ї, и что, слѣдовательно, въ Изборникахъ Святослава мы смѣемъ искать смѣшенія и съ ы [3]). И оно дѣйствительно оказывается: неправьди (Изб. 1073 г., л. 104 об., при сосѣднемъ начертаніи: неправьды), запони (Изб. 1073, л. 116) [4]), милостинѧ (Изб. 1076, л. 13 б., наряду съ милостыни, л. 13 а), осырѣѭ (Изб. 1076, л. 112 б., при сирота 192 б). Не такъ характерны: риба (Изб. 1073, л. 251, при рыба на томъ же листѣ), прикриваѥ (1073 г., л. 185).

Замѣчается въ Святославыхъ Изборникахъ и смѣшеніе звуковъ ү и в,—смѣшеніе пока-что зачаточное: какъ разъ въ такихъ словахъ, гдѣ употребленіе предлога въ и оү не обусловливаетъ большой разницы въ смыслѣ. Такъ, въ Изборникѣ 1076 года

---

[1]) Въ подлинникѣ юсъ не йотированъ.

[2]) Что «въ мироу» здѣсь значитъ „въ мѣру", ясно изъ контекста: авторъ восхваляетъ „питиѥ мѣрьноѥ" и находитъ, что люди, *въ мѣру* пьющіе вино, лучше людей, безмѣрно пьющихъ воду.

[3]) Допустить, что предки малороссовъ, произнося *ѣ* за *і*, могли въ то же время произносить *и* какъ совсѣмъ мягкій звукъ *і*, вещь немыслимая. Вѣдь если-бы *ѣ* и *и* отождествились въ старину, то къ 14-му вѣку, когда у малороссовъ *ы* и *и* окончательно слились въ одинъ довольно твердый звукъ, *ѣ* также обратилось-бы въ твердый звукъ, и мы бы теперь говорили не „хлѣбъ", но „хлыбъ".

[4]) Въ виду этого окончанія *и*, Миклошичъ (Lexicon, стр. 215) рѣшилъ образовать имен. пад. ед. числа не „запона", но „запонъ" (слово, нигдѣ не встрѣчающееся). Однако, Востоковъ въ своемъ словарѣ не сдѣлалъ чего-нибудь подобнаго. Въ словарѣ Срезневскаго форма „запонъ" приводится съ ссылкой на Миклошича, а самъ Срезневскій понималъ *и* въ данномъ начертаніи Святославова Изборника какъ результатъ смѣщенія *и* и *ы*. (Славяно-русская палеографія. Спб. 1885, стр. 115).

мы съ одной стороны находимъ: оугодивъ 130 б., оугодить 168—169, оугодьна 74 а, а съ другой стороны на томъ же 74-мъ листѣ—вьгодити. При оучиненъ (Остром. Еванг.=τασσόμενος) видимъ въ Изборникѣ 1976 года: вьчиненъ 218 а. При вьселися 82 а-б, вьселю 115 б. находимъ: оуселихъ 81 б., оуселиться 168 б. [1]). То же явленіе въ Изборникѣ 1073 года: оуселяться (л. 36 и 37), оуселеная (л. 9 об. и 78 об.), оуселенѣи (л. 48 об.), оуселеныю (л. 23); вьгодити 91 об., вьгожьша, вьгаждали (тамъ же), вьгодьно (л. 35, 82); вьчипены (95 об., 97 об.) [2]).

Читатель видитъ, что въ Изборникахъ Святослава достаточно ясно отразилась малорусская рѣчь,—конечно, не наша современная, а только такая, какая была у малорусскихъ предковъ въ XI вѣкѣ. Очевидно, что будь у насъ кіевскіе памятники отъ второй половины вѣка XII и отъ вѣка XIII, въ нихъ бы все съ большей и большей рельефностью выступали малорусскія черты. Къ сожалѣнію, кіевскихъ памятниковъ XII—XIII вѣка, достовѣрныхъ хоть сколько-нибудь, нѣтъ у насъ ни одного, а тѣ десять рукописей XII—XIII вѣка, которыя г. Соболевскій рѣшилъ приписать Кіеву и въ которыхъ онъ не могъ усмотрѣть никакихъ малорусскихъ особенностей, отнесены имъ

---

[1]) Срв. введеніе Шимановскаго къ первому изданію Сборника 1076-го года стран. 54.

[2]) Г. Соболевскій отказывается видѣть здѣсь смѣшеніе В и Ү и говоритъ, что во **ВЪГОДЬНЪ** начальное **ВЪ** надо понимать какъ особый предлогъ, а не какъ фонетическую замѣну предлога **ОҮ**, и т. д. Но Срезневскій (Палеографія, 115) и Ягичъ (Критич. замѣтки, 84), филологическій авторитетъ которыхъ всякій, понятно, поставитъ несравненно выше авторитета г. Соболевскаго, видятъ въ данныхъ случаяхъ какъ-разъ смѣшеніе **ВЪ** и **ОҮ**. Г. Соболевскій для доказательства вѣрности своего утвержденія ссылается на то, что и въ староцерковныхъ памятникахъ попадаются подобныя же начертанія,—напр. **ВЪГОДЬНИКЪ** въ Супрасльской рукописи (Древній церковно-слав. языкъ, стр. 29). Но отсюда слѣдуетъ только то, что въ дошедшихъ до насъ староцерковныхъ памятникахъ также есть смѣшеніе **ВЪ** и **ОҮ**. И дѣйствительно, въ той самой Супрасльской рукописи, гдѣ есть **ВЪГОДЬНИКЪ** есть также **ОҮ ОСТАТЪКЫ** 321[15], **ВЬРАЖДЕНИЮ** 416[8].

къ Кіеву совсѣмъ произвольно: или безъ всякой мотивировки, или съ такой мотивировкой, которая противорѣчитъ основнымъ правиламъ логики. Эти десять памятниковъ слѣдующіе: 1) Пандекты Антіоха XI—XII в., 2) Мстиславово евангеліе начала XII в., 3) Юрьевское евангеліе 1119—1128 г., 4) Юрьевская грамота ок. 1130 г. (аттестуется, какъ „самый авторитетный" памятникъ), 5) Успенскій Сборникъ XII—XIII в., 6) Архангельское евангеліе XII—XIII в., 7) Румянцевская Лѣствица XII—XIII в., 8) Сказаніе Ипполита объ антихристѣ XII—XIII в., 9) Оршанское евангеліе XIII в. и наконецъ 10) Тріодь новгородца Моисея Кіянина XII—XIII в.,—второй „самый авторитетный памятникъ". Посмотримъ, годятся ли они для изученія кіевской рѣчи.

---

1) *Пандекты Антіоха XI—XII вѣка*[1]). Мѣсто написанія не отмѣчено, и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы рукопись когда-либо находилась на югѣ. Почему г. Соболевскій считаетъ Пандекты за памятникъ кіевскій, не извѣстно[2]). Въ языкѣ Пандектовъ есть одна особенность, чуждая Святославовымъ Изборникамъ и переносящая насъ на сѣверъ,—смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ: цръньць 84 и 98[3]), съпътьная 53 (наряду съ обычнымъ шъпътаниѥ, шъпътьникъ и т. д.). Эта черта, въ связи со смѣшеніемъ ѣ и ѩ[4]), вполнѣ подтверждаетъ наблюденіе архим. Амфилохія, что Пандекты писаны въ Новгородской области. Замѣчается также употребленіе ѣ, а не є въ сьдѣ 26, 69, отъсѧдѣли 53,—употребленіе, которое и г. Соболевскій

---

[1]) Обширныя извлеченія изданы архимандритомъ Амфилохіемъ въ М. 1880: „Изслѣдованіе о пандектѣ Антіоха XI в." Въ томъ же году имъ изданъ „Словарь изъ Пандекта Антіоха"

[2]) Онъ просто говоритъ: „Пандекты Антіоха, писанные едва ли не въ Кіевѣ". Лекціи, 1-е изд., стр. 11, 2-е изд. стр. 12.

[3]) Цифра указываетъ страницу „Изслѣдованія" Амфилохія.

Вл ниѥ 64, вѩстъ 69, пѩваньѥ 95 (μελῳδία), въ грѣнилѩ 95.

признаетъ за невозможное для кіевскихъ памятниковъ [1]). Какъ же изучать кіевскую рѣчь по новгородскому памятнику? Каковы-то будутъ результаты такого изученія?

---

2) *Мстиславово евангеліе* (до 1117 г.) Изъ приписки [2]) видно, что оно писано Новгородскому князю Мстиславу для Новгородской Благовѣщенской церкви. Тѣмъ не менѣе г. Соболевскій по немъ изучаетъ кіевское нарѣчіе! Пока у него не явилось желанія обратить кіевлянъ въ великоруссовъ, онъ заявлялъ, про *Мстиславово* евангеліе писано *несомнѣнно* въ Новгородѣ [3]).

---

3) *Юрьевское евангеліе* 1119—1128 г. Приписка свидѣтельствуетъ, что оно написано между 1119—1128 г. монахомъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, для монастырскаго употребленія. Писано не тщательно, а потому оказались въ немъ новгородскія особенности: мѣна ѣ и и, мѣна ч и ц, мѣна въ и оу; отъ оумыти будущее время оумъж (срв. соврем. умью). [4]) Но г. Соболевскому необходимо было обратить кіевлянъ въ великоруссовъ, и потому онъ рѣшилъ считать Юрьевское евангеліе за памятникъ кіевскій.

---

[1]) Лекціи, 1-е изд., стр. 37; 2-е изд. стр. 64; срв. Изслѣдованія въ области русской грамматики. В. 1881, стр. 2.

[2]) См. у Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма. СПБ. 1882, ст. 49; Палеографія, стр. 142—146.

[3]) Изслѣдованія, стр. 4.

[4]) См. Срезневскаго: Древніе памятники, 2-е изд., 50; его же: Палеографія, 146—148; Амфилохій: Описаніе Юрьевскаго евангелія, М. 1877; вкратцѣ евангеліе характеризовано у Воскресенскаго: Евангеліе отъ Марка, Сергіевъ посадъ 1894, стр. 41.

4) *Юрьевская грамота* (1128—1132 г.), т. е. дарственная грамота князей Мстислава и Всеволода [1]), данная новгородскому Юрьевскому монастырю. Срезневскій (въ 1861 г.), принимая въ соображеніе, что грамота дана не только отъ имени новгородскаго князя Всеволода, но и отъ имени кіевскаго князя Мстислава, дѣлаетъ предположеніе, что она написана въ томъ году, когда оба князя сошлись вмѣстѣ, т. е. въ 1130-мъ г.; по лѣтописи, это было въ Кіевѣ. Понятно однако, что Мстиславъ могъ севершить даръ и заочно, а Всеволодъ, давая грамоту въ Новгородѣ, все таки долженъ былъ упомянуть имя Мстислава. Поэтому гипотеза Срезневскаго не имѣетъ неоспоримой убѣдительности, и г. Соболевскій въ 1881-мъ году утверждалъ, что Юрьевская грамота «писана *несомнѣнно въ Новгородѣ*» [2]). Но когда г. Соболевскій задумалъ обратить старыхъ кіевлянъ въ немалоруссовъ, онъ рѣшилъ воспользоваться догадкой Срезневскаго и торжественно заявилъ: „по даннымъ, собраннымъ И. И. Срезневскимъ, грамота писана въ 1130-мъ году въ Кіевѣ" [3]). Можно подумать, что Срезневскій произвелъ впослѣдствіи цѣлыя новыя изслѣдованія для подкрѣпленія своей скромной гипотезы 1861-го года, которыя ужъ не могли не переубѣдить г. Соболевскаго!

Съ своей стороны г. Соболевскій выставляетъ одну такую черту правописанія Юрьевской грамоты, которая будто бы свойственна только кіевскимъ памятникамъ и совершенно не свойственна новгородскимъ. Эта черта—постановка буквы **о** вм. **ъ** передъ слѣдующимъ **о**: изоѡстанеть. Но развѣ въ кіевскихъ Святославовыхъ Изборникахъ есть такая особенность?—Нѣтъ, въ нихъ такого **оо** нельзя найти. Эта особенность извлечена г. Соболевскимъ изъ Успенскаго Сборника XII в. и изъ Тріоди новгородца Моисея Кіянина XII—XIII в.,—памятниковъ, кіев-

---

[1]) Г. Соболевскій въ своихъ „Левціяхъ" изгналъ общеупотребительное названіе этой грамоты „Юрьевская", равно какъ избѣгаетъ упоминать имя новгородскаго князя Всеволода. Онъ называетъ эту грамоту просто грамотой Мстислава.

[2]) Изслѣдованія, стр. 4.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1885, февр., стр. 352.

ское происхожденіе которыхъ—болѣе чѣмъ сомнительно; въ нихъ-то есть: изо олтаря [1]), изо о(ть)ца 42, 62, 79, 102, изообильно 101 об., безо о(ть)ца 123 и др. Ужъ одно то обстоятельство, что указанный признакъ попадается въ рукописяхъ сомнительныхъ и отсутствуетъ въ подлинныхъ кіевскихъ (Изборникахъ 1073 и 1076 г.), служитъ доказательствомъ, что онъ не можетъ быть сочтенъ за кіевскую примѣту. А кромѣ того мы можемъ указать г. Соболевскому еще цѣлый рядъ памятниковъ не кіевскихъ, въ которыхъ вмѣсто ъо пишется оо. Въ новгородской Минеѣ 1096-го г.: изообразилъ (окт. 56), изоѡбрѣтоша (сент. 106). Въ словахъ Григорія Богослова XI в.: изо обоѭ 154 β, безо о(ть)ца 148. Въ Рязанской кормчей 1284 года: безоѡбразия, л. 119. Въ Новгородскихъ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 года: со ороужьи 141 об., ко обоимъ 144 об. [2]). Въ бѣлорусскомъ [3]) Житіи Саввы Освященнаго XIII в.: безо оуса 391, безо оуспѣха 503, прѣдо олтаремъ 453. Въ грамотѣ полоцкаго епископа Іакова около 1300 г. [4]): во отца. Въ лѣтописи Лаврентьевской: во о(ть)ца 77, ко ѡ(ть)цю 62, ко ѡлгови 17, со ѡгнемъ 20. Въ Ипатьевской ивоострился 540 (подъ 6759 г.). Въ Никоновской: изооруживъ (собр. лѣт., VII, 340). Въ Псковской I: воополчився (подъ 6831 г.). Въ договорѣ 1437 года Бориса Александровича Тверского съ Витовтомъ [5]): со ѡ(ть)чиною (два раза), во ѡ(ть)чинѣ. Въ Паисіевомъ Изборникѣ XV вѣка [6]): ізоѡбретено. Очевидно, такихъ примѣровъ можно подыскать въ русскихъ памятникахъ множество; мы ограничились тѣми двадцатью двумя, которые были намъ ужъ извѣстны, но и это количество показываетъ, что начертаніе оо вмѣсто ъо, неизвѣстное кіевскимъ сборникамъ 1073—1076 г., встрѣчается всюду (преимущественно въ Новгородѣ) и не даетъ права и Юрьевской грамотѣ считаться за кіевскую.

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древностей 1870, № 1, 11 об.

[2]) Интересно, что оба эти случая извѣстны и г. Соболевскому. Лекціи стр. 50

[3]) Галицко-волынскомъ, по увѣренію г. Соболевскаго.

[4]) По Исторической Хрестоматіи Буслаева, стр. 421.

[5]) Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки, т. II, стр. 215.

[6]) Въ Исторической Хрестоматіи Буслаева, стр. 528.

Впрочемъ, если догадка Срезневскаго вѣрна и грамота писалась дѣйствительно въ Кіевѣ 1130-го года, то и въ такомъ случаѣ она еще можетъ быть памятникомъ не кіевскимъ. Вѣдь когда Всеволодъ пріѣхалъ въ 1130-мъ году погостить въ Кіевъ, то были же съ нимъ новгородскіе спутники? Одинъ изъ нихъ могъ написать грамоту,—напримѣръ, какой-нибудь монахъ Юрьевскаго монастыря, въ интересахъ котораго и составлялась грамота [1]).

Значитъ, Юрьевская грамота не только не заслуживаетъ эпитета, даннаго ей г. Соболевскимъ: „самый авторитетный памятникъ кіевскаго говора", но напротивъ—оказывается совсѣмъ не авторитетнымъ. Пользоваться ею для рѣшенія серіозныхъ діалектологическихъ вопросовъ—по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно. Великоруссизмовъ-то, во всякомъ случаѣ, въ ней нѣтъ, какъ нѣтъ и малоруссизмовъ [2]).

---

5) *Успенскій Сборникъ XII—XIII вѣка*, гдѣ переписаны произведенія Нестора (составленныя лѣтъ пятнадцать спустя послѣ Изборниковъ Святослава). Мѣсто переписки не отмѣчено. „Откуда былъ родомъ Несторъ—не извѣстно", говоритъ г. Соболевскій [3]), „но нѣтъ основанія считать его не кіевскимъ уро-

---

[1]) Послѣдній резонъ долженъ имѣть сугубо убѣдительную силу собственно для г. Соболевскаго. Вѣдь, по его мнѣнію, Апостолъ 1307 года, написанный *для* Псковскаго монастыря, долженъ *поэтому* считаться памятникомъ псковскаго говора. По той же причинѣ къ памятнику псковскаго говора г. Соболевскимъ отнесенъ и Прологъ 1383 года. См. его Очерки, ст. 142.

[2]) Въ Юрьевской грамотѣ есть извѣстная доза церковно-славянщины, что ужъ отмѣчено Буслаевымъ (Ист. Хрест., 317). Къ числу славянизмовъ относится начертаніе ѣ вм. ꙗ братѣ,—черта, которую г. Соболевскій, въ противоположность Буслаеву, объясняетъ произношеніемъ ѣ какъ є! Звательный падежъ этого слова очень часто сходенъ въ древнихъ памятникахъ съ падежемъ именительнымъ напр. въ XIII словахъ Григорія Богослова XI в., 291; въ Арханг. Еванг. 1092 года, л. 174—175 (Амфилохій: Описаніе Евангелія 1092-го года, стр. 4).

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1885, февр., 354.

женцемъ“. Конечно, нѣтъ основанія, но вѣдь въ Сборникѣ помѣщены его произведенія не въ оригиналѣ, а въ болѣе позднемъ спискѣ, изготовленномъ не извѣстно гдѣ. Списки, вообще, довольно вѣрно отражаютъ только тѣ стороны оригинала, которыя при списываніи не такъ легко поддаются безсознательному извращенію, напримѣръ,—лексическую часть; такъ, и Успенскій сборникъ сохранилъ малоруссизмы Нестора;—въ родѣ слова **пригърщи** 29 б.; что же касается чертъ правописанія, то разумѣется, нѣкоторыя могутъ перейти изъ оригинала въ копію [1]), но вообще переписчики очень многое измѣняютъ въ правописаніи и вносятъ черты своего собственнаго говора. Все это—вещи, вполнѣ извѣстныя г. Соболевскому, и не будь онъ ослѣпленъ тенденціей—онъ никогда не рѣшился бы назвать Успенскій сборникъ „вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ для знакомства съ кіевскимъ говоромъ домонгольской эпохи“ [2]). Опять намъ вспоминается предчувствіе Потебни: „предположеніе, закинутое далеко напередъ болѣе основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности поставить на своемъ, можетъ дать одностороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора“.

Г. Соболевскій говоритъ, что онъ причисляетъ Успенскій сборникъ къ кіевскимъ памятникамъ „вмѣстѣ съ г. Ягичемъ“. Рѣчь идетъ о „четырехъ палеографическихъ статьяхъ“ г. Ягича [3]); въ нихъ говорится объ Успенскомъ сборникѣ на стра-

---

[1]) Напримѣръ, окончаніе **ТИ** вмѣсто **ТЬ** (передъ слѣдующимъ **И**), часто встрѣчающееся въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава, могло перейти въ Успенскій сборникъ изъ предполагаемаго кіевскаго оригинала; впрочемъ это **ТИ** попадается и въ галицкихъ, и въ смоленскихъ, и въ новгородскихъ памятникахъ. Могло перейти въ Успенскій сборникъ изъ кіевскаго оригинала смѣшеніе **Ы** и **И**, извѣстное Святославовымъ Изборникамъ. Такъ, уже г. Шахматовъ (Archiv, VII, 77.) отмѣтилъ въ житіи Ѳеодосія по Успенскому списку: т**И** (—ты) и **СИ** (вм. с**Ы**; пожалуй, во второмъ начертаніи можно видѣть не **СЫ**, а **СЫН**, съ пропускомъ средней буквы). Также—смѣшеніе **ВЪ** и **ОУ** въ словѣ **ВЪГОДЬНИКЪ**.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1885, февр., стр. 351.

[3]) Въ 33-мъ томѣ сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, 1884 г.

ницѣ 95-ой. Но г. Ягичъ не называетъ Успенскаго сборника прямо кіевскимъ: онъ въ немъ видитъ черты малорусскія и называетъ его „южнорусскимъ", что можетъ означать и кіевскій, и галицкій, и волынскій. Это одно. Во-вторыхъ, въ чемъ видитъ г. Ягичъ южнорусскую черту Успенскаго сборника? Въ окончаніи хоүть имперфекта [1]). Будь эта черта даже дѣйствительно южнорусской, то и въ такомъ случаѣ нельзя опредѣлить, переписчикъ ли внесъ ее отъ себя, или же она была заимствована изъ кіевскаго оригинала. Но вѣдь она встрѣчается и въ памятникахъ новгородскихъ. Г. Соболевскій началъ свою статью (направленную противъ г. Ягича) заявленіемъ, что «окончаніе хоүть не относится къ числу характерныхъ особенностей южнорусскихъ говоровъ [2]). Но черезъ нѣсколько страницъ онъ «вмѣстѣ съ Ягичемъ» называетъ Успенскій сборникъ кіевскимъ памятникомъ.

Отъ себя г. Соболевскій указываетъ въ Успенскомъ сборникѣ „спеціально кіевскую особенность: вставочное о въ золодѣй". Правда, въ Изборникѣ Святослава 1073 года попадается о въ золоба,—возможно, что и Несторъ такъ писалъ; но вѣдь ясно, что будь это „вставочное" о въ самомъ дѣлѣ *исключительною* особенностью кіевскою, присутствіе ея въ Успенскомъ Сборникѣ, въ этой *копіи*, все таки нисколько не говоритъ въ пользу кіевскаго происхожденія кописта. Однако г. Соболевскій ошибается, называя „вставочное" о въ золодѣй *спеціально* кіевскою чертою: оно встрѣчается въ разнообразныхъ русскихъ памятникахъ,—напримѣръ въ новгородскихъ Пандектахъ Антіоха XI вѣка: съ золобоѫ 288, золыѫ [3]), въ новгородскомъ Евангеліи XIV в. золыи [4]), въ Часословѣ XIV в. („галицко-волынскомъ" по Соболевскому) бе золобы [5]); у Іоанна Дамаскина по переводу Іоанна Экзарха: золяще *κακίζοντες* [6]).

---

[1]) По крайней мѣрѣ другихъ резоновъ онъ не приводитъ.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1885, февр., ст. 349.

[3]) См. Словарь Срезневскаго 995 и Миклошича 233.

[4]) Купріяновъ: Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей новгородской Софійской библіотеки, № XXI. СПБ. 1857 (или въ извѣстіяхъ VI, 278).

[5]) „Очерки" Соболевскаго, 46.

[6]) Словарь Востокова 142 а.—Кромѣ того см. данныя въ Словарѣ Срезневскаго, стр. 1003.—Повидимому, сюда относится и современное малорусское слово: „золокъ" (Желех. 312), означающее самый больной пунктъ раны, опухоли и т. п.

Итакъ, Успенскимъ Сборникомъ XII—XIII вѣка если и можно пользоваться для изученія кіевскаго говора, то только для говора временъ Нестора (до 1091-го года), да и то съ величайшей осторожностью; а предполагать, чтобы переписчикъ XII—XIII в. былъ кіевлянинъ, нѣтъ никакихъ основаній.

Самъ г. Соболевскій, съ теченіемъ времени, все больше и больше умѣрялъ свое сужденіе насчетъ Успенскаго Сборника: въ 1885-мъ году онъ его считалъ „вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ", въ 1888-мъ году—„едва ли не кіевскимъ", а въ 1891-мъ году—ужъ просто русскимъ, безъ болѣе подробнаго опредѣленія.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Просимъ читателей исправить въ нашей статьѣ слѣдующія опечатки и пропуски.

Въ іюньской книгѣ «Кіевской Старины»:

Стр. 349, примѣч. 4-е. Добавить: Очень интересныя свѣдѣнія о томъ, до какой степени (непредубѣжденные) великоруссы считаютъ рѣчь малоруссовъ за чужую см. въ „Этнографич. Обозрѣніи", кн. XXXI, стр. 124.

Стр. 353, примѣчаніе къ 1-ой строкѣ: Мы, конечно, исключаемъ населеніе южной окраины современной Кіевской губерніи (окраины, не входившей въ область стараго Кіевскаго княжества), исключаемъ и населеніе Слободской Украины, и Кубанщины, и Новороссіи, и Сибири. Тамъ малоруссы, дѣйствительно, пришельцы.

Стр. 355. Добавить къ примѣчанію 1-му: Въ послѣдніе три года г. Соболевскій значительно умѣрилъ свое мнѣніе и склонился къ мысли, что въ старомъ Кіевѣ было нарѣчіе сѣверно-малорусское. См. объ этомъ четвертую главу нашей работы.

Стр. 359. Добавить къ примѣчанію 1-му: Такъ и г. Шахматовъ употребляетъ одновременно выраженія: „малорусскій языкъ" и „малорусское нарѣчіе",—смотря по тому, какой терминъ болѣе подходитъ къ общему ходу рѣчи.

Стр. 360, строка 18-я. Пропущена ссылка: Изслѣдованія въ области русской фонетики", стр. 120.

Стр. 363, строка 4-я снизу. Вм. „слова" чит. „словá", съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

Въ сентябрьской книгѣ:

Напечатано:	Должно быть:
Стр. 236, примѣч. 1-ое: отъ „Путило" или	подобно „Путило" отъ
„ „ 2-ое	Поставить вопросит. знакъ.
„ 237, строка 22: выходитъ	выходитъ
„ 238, примѣч. 3: А. Соловьевъ	А Соловьевъ (безъ точки послѣ А)
„ 241, строка 7: Мьстишенскій	Мьстишинскій
„ 242, примѣч. 13, стр 6. соварищѣ	товарищѣ
„ „ „ 2 снизу сильські	сільскі
„ 246, въ строкѣ 11 пропущено имя: Стецько.	
„ 248, стр. 19, 20, 23: Мостиша, Ратоша	Мьстиша, Ратьша.
„ 249, въ выноскѣ 2 строка: словамъ	словарю
„ 251, строка 21: кекотъ	кокотъ
„ „ 5 снизу: кривногій	кривоногій
„ въ примѣч. 1 мъ: Десятинѣ	Делятинѣ
„ 252, стр. 13: великорусское	общерусское
„ примѣч. 1-е: заря	зоря
„ 253, строка 12: qarrula	garrula
„ 254, стр. 8 должна читаться такъ:	понимать ли ихъ какъ уменьшительныя, или какъ прозвища.
„ 254, стр. 10: скучаѣ	случаѣ
„ 256, къ строкѣ 10 й прибавить: См. форму „бабуся" еще въ разсказѣ П. Засодимскаго изъ жизни сѣвера (Задушевные разсказы, т. II, стр. 4. СПБ. 1881).	
„ 256, стр. 11: твердое	тверское
„ строка послѣдняя: милушка	милуська
„ 257, къ строкѣ 18. П. Н. Милюковъ говоритъ: „У насъ—русскихъ вопросъ о происхожденіи славянъ до сихъ поръ продолжаетъ иногда ставиться не только даже такъ, какъ можно было его ставить во времена Пикте и Будиловича; нѣтъ, мы иногда возвращаемся къ временамъ Забѣлина и Иловайскаго и даже, наконецъ, ко временамъ Надеждина". Этнограф. Обозрѣніе, книга XXXVII, стр. 141.	
„ 258, въ примѣч. 2-мъ: Otdřlch	Oldřich
„ тамъ-же: veleslwny	veleslawny
„ 259. въ примѣч. 1 добавить: г. Гинкенъ считаетъ „Борисъ" уменьшительнымъ отъ Боримиръ или Болеславъ и принимаетъ *съ* за особый суффиксъ. См. его статью въ Живой Старинѣ 1893 г., вып. IV, стр. 415: „Древнерусскія двуосновныя личныя имена и ихъ уменьшительныя".	
„ 260, прим. 3-е: Вав. Миллеръ	Всев. Миллеръ
„ 261, стр. 2-ая: кырта	кырпа
„ „ „ дубаса	дубаса и дубоса
„ 262, строка 6-ая: вѣрна	несомнѣнна
„ „ „ Пропущена выноска: Роль *Галичины* въ заселеніи Слободской Украины недостаточно выяснена.	
„ „ стр. 2-я снизу: гуцулами	гупалами
„ 1-я стр. примѣч.: производныхъ	сродныхъ и производныхъ.

Стр. 263, послѣдняя строка: Послѣ слова „на Кіевщину" нужно добавить: съ ея особымъ географическимъ и топографическимъ положеніемъ, съ ея особымъ архаическимъ нарѣчіемъ.

Стр. 263, строка 21-ая. Пропущена выноска: Конечно, можно допустить, что современное толкованіе прозвища „буцъ" есть позднѣйшее осмысленіе. Очень правдоподобное объясненіе первоначальнаго смысла слова „буцъ" можно извлечь изъ довольно старой книги (Варш. 1853) Руликовскаго: Opis powiatu Wasylkowskiego. Въ настоящее время жители Васильковскаго уѣзда говорятъ такою рѣчью, которая въ извѣстной степени можетъ считаться однообразною, но во времена Руликовскаго только сѣверная лѣсистая, предросская часть уѣзда была населена коренными малоруссами, а южная часть, степная, заросская, получившая много новаго населенія въ новое время, заселена была при Руликовскомъ людьми, собравшимися изъ разныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ въ большомъ количествѣ изъ Бѣлоруссіи (Литвы). По словамъ Руликовскаго, жители сѣверной, исконно-малорусской части уѣзда, относились къ пришлымъ южнымъ поселенцамъ съ насмѣшкою и издѣвались надъ ихъ рѣчью, „z przekąsem nazywając ich b u c a m i i hesztakami, bo ci za każdym wyrazem mają we zwyczaju powtarzać wyraz „heta" na sposób poleski" (str. 148—151). Судя по давнему указанію, „буцъ" должно происходить отъ бѣлорусскаго „буцымъ", вмѣсто чего исконный васильковецъ говорилъ „наче", „неначе", „немовъ", „нибы" и т. п. Но и въ Подоліи слово „буцимъ" очень распространено и могло бы послужить поводомъ къ тому, чтобы подолянинъ получилъ прозвище „буцъ". Если точность сообщеній г. Руликовскаго подтвердится, то вышеприведенное объясненіе слова „буцъ" окажется наиболѣе правдоподобнымъ. А произвести „буцъ" изъ „бойко"—вещь прямо немыслимая.

Стр 265, строка 7-ая. Вм. „сосѣдніе" надо читать „сосѣднія".

„ПОПОКЪ“.

*(Продолженіе *).*

XXIII.

Въ воскресенье съ утра пришла Полька. Поздоровавшись и узнавъ, что Машка еще у обѣдни, она сообщила Хведьку, что Машку сватають на ихъ кутокъ Бемовки „на Удильщыну“, что ту семью она знаетъ—люди они хозяиновитые, своими волами пашуть, имѣють „витрякъ, а хлопцивъ тилько два“, одинъ женихъ, а другой еще подростокъ, что старуха нарочно пристала къ ней, идучи съ базару и „дуже, дуже вговорюе“, и какъ только „подадуть слово“, то „воны заразъ вашлють людей“, такъ чтобы послѣ „Здвыженя“, або не далій якъ заразъ писля Покровы, и весилля“.

Съ этого у нихъ перешла рѣчь на то, что „дивка ще не зовсимъ справна“, что „въ неи ни подушокъ, якъ слидъ, ни скрыни, ни кожуха нема“, а потому слѣдуетъ потолковаться о томъ, что и какъ. При этомъ высказывалось, что покупку кожуха можно бы отложить и до Казанской, а ужъ подушки и все такое слѣдуетъ „прыдбать“ а „на втрату“ можно будетъ взять, что прійдется, со сватовъ. Съ своей стороны Полька совѣтовала не отказываться отъ хорошей партіи, а отдавать „дивку, колы люде трапляются“, но во всякомъ случаѣ сейчасъ же, сегодня, нужно бы сообщить объ этомъ и „титци Горпыни“, потому что у нихъ только и роду, такъ какъ „дядыну“,

---

*) См. Кiев. Ст. 1898 г. № 12.

вдову ихъ родного дядька, и считать нечего: она всегда, сколько ее помнятъ, была для нихъ „чужа-чуженыця“.

Хведько облокотившись локтемъ на столъ и подперши ладонью щеку, молча слушалъ эту „раду-пораду“ сестры и только кивками головы и короткими „гмъ, гмъ“ выражалъ свое согласіе съ ея мнѣніемъ.

Порѣшили, что сейчасъ послѣ обѣда онъ пойдетъ на деревню къ теткѣ Горпынѣ, а Полька съ Машкой отправятся къ Сугыбѣ и, „якъ шо таке“, то и въ волость къ начальству править долгъ.

Такъ и сдѣлали; но только сестры зашли еще за совѣтомъ къ Сохвѣ, которая дала имъ настоящія инструкціи, какъ и что говорить съ „начальныкамы“.

Не доходя до саги, Хведько встрѣтилъ Мелашку, идущую „къ своимъ“ на Красноселовку, и, постоявъ съ нею, условился, что будетъ ожидать ее на возвратномъ пути къ лугу въ концѣ Бемовскихъ огородовъ. По улицѣ вышелъ онъ на щляхъ и пошелъ стороной дороги, пролегающей здѣсь по сыпучему песку. Шелъ онъ, обдумывая положеніе своихъ семейныхъ дѣлъ, необходимость „справлять„ Машку; припомнилось ему наставленіе Шляхового, его совѣты, думалъ онъ про то, какъ сестрамъ удастся „справыты гроши у Сугыбы“...

— А ось и винъ самъ!—вдругъ раздался за нимъ знакомый голосъ.

Хведько и не послышалъ, какъ по мягкой песчаной дорогѣ его нагнала запряженная парою лошадей телѣга, въ которой сидѣли Шляховой, Йосыпъ и еще какой-то человѣкъ.

Остановились и въ короткихъ словахъ разспросились. Хведько сказалъ, что идетъ по дѣлу къ теткѣ; онъ не захотѣлъ разсказывать по какому дѣлу: не хотѣлъ мѣшать семейныя дѣла съ дѣлами, связывавшими его съ этими людьми, а они сказали, что ѣдутъ „тутъ недалеко“.

— Гляды жъ не забудь, що я казавъ—окрикнулъ на прощанье Шляховой, и они укатили; но видно было, какъ остановились около бакшевнаго надъ дорогой куреня, гдѣ стали вы-

бирать арбузы. Потому то они не предложили ему подъѣхать съ ними. Хведько понялъ, что они не желали быть замѣченными въ знакомствѣ съ нимъ, и поэтому прошелъ мимо бакчи, не останавливаясь. Уже на деревнѣ они еще разъ обогнали его, но не затронули ни словомъ, ни взглядомъ.

На деревнѣ по случаю праздничнаго дня много было людей на улицѣ: сидѣли подъ дворами „мужыкы" и „жинкы", играли дѣти, кружокъ дивчатъ букетомъ пестрѣлъ около одного изъ стоящихъ внѣ ряда хатъ амбара, около „витряка" въ группѣ парубковъ слышна была гармоника... Хведько нарочно пошелъ не около хатъ, а прямо шляхомъ и затѣмъ уже сразу повернулъ къ хатѣ титкы Горпыны.

Она сидѣла съ „жинкамы" у недалекихъ сосѣдей, узнала его, и какъ только увидала около своихъ воротъ, пошла домой. Хата была заперта, и Хведько ожидалъ тетку на крыльцѣ, куда спасся отъ взъѣвшейся на него собаченки... Титка Горпына отогнала собаку и, поздоровавшись, открыла прикутанныя оковницы и затѣмъ отперла хату.

— Орышка десь зъ дивчатамы, а старый ще й не прыходывъ зъ росправы, а я пишла посыдить зъ жинкамы—объясняла она вводя гостя. Сидай отъ тутъ на лавци! Якъ тамъ Господь васъ мылуе?—

Хведько разсказалъ теткѣ о томъ, что къ Машкѣ „люде трапляются", и о всѣхъ изъ сего истекающихъ хлопотахъ, что вотъ дивчата пошли „гроши правыть" и что только теперь вотъ онъ вспомнилъ спросить тетку, „якъ воны, ти гроши, оддани Сугыби, чы у срокъ, чы якъ"...

Титка Горпына сидѣла на лавкѣ рядомъ съ гостемъ, слушала его внимательно и, подперши щеку рукою, въ свою очередь поддерживаемою другою, покачивалась всею верхнею половиною туловища, какъ бы выражая этимъ пониманіе всей важности с бщаемаго и трудности разрѣшенія возникшихъ вопросовъ.

— Була! пры мени й отдани!—заговорила она, когда послѣдними словами закончилась рѣчь Хведька.—Була тамъ и

у росправи... Ты жъ саме тоди... гм... гмъ... страждавъ.—Колы чую я про покійного Андрія, царство й его души, вашого батька, отъ такъ и такъ, кажуть бы то померъ, нехай йому земля перомъ; пійду, думаю, такъ у недилю провидаю дивчатъ. Прыйшла до ныхъ, ажъ ихъ саме у росправу поклыкалы: пысьмо, кажуть, прыйшло—а воно бачъ, чутка и ранійше була, ще якъ ото Олександровци верталысь знызу... Отожъ якъ прыбигъ за нымы десятській—я й зъохмалась и соби пійты послухаты, якъ пысьмо чытатымуть... Прыйшла, ажъ воно не пысьмо, а такъ одъ начальства шось прыпысано. Вычыталы якусь то бумагу, що отъ такый то Самченкивъ Андрій, хрестьянынъ, нещасною смертью по случаю померъ и що отъ грошей скилькы восталося й одежа де яка. Та тамъ такы у росправи и тебе згадувалы, не знаю тамъ скилькы у подушне повернулы, а ти оддалы у ростъ, покы ты вызволышся. Я сама була пры тому, якъ и бомагу вычытувалы, якъ и гроши оддани тому рудому Сугыби.

Поразговорились они о предстоящемъ сватаньи и пришли къ тому, что „людей цуратыся не слидъ", что пока есть возможность, нужно дѣвку отдать по пословицѣ: сына жены, колы здумаешъ, а дивку оддавай, колы беруть. Разумѣется, похлопотать прійдется, какъ нибудь „покрыты недостаткы", на расходы нужно со свата взять денегъ. Скрыню прійдется, если не въ городѣ на Головосика, такъ ужъ непремѣнно въ Андреевкѣ „на Здвыження" купить.. Опроче, якъ Господь дасть. Имъ пытать ни зъ кого: воны сами бачуть, кого беруть... Сыроту—ни батька, ни матери... Лишь бы вотъ Сугыба хоть часть денегъ отдалъ..

Такъ они протолковали, пока вернулся и дядько Иванъ, мужъ титкы Горпыны, немного выпившій и голодный. Еле поздоровавшись съ Хведькомъ, онъ попросилъ чего нибудь поѣсть. Титка Горпына собрала пообѣдать и приглашала Хведька поѣсть вмѣсто полудника, но послѣдній отказался.

Утоливъ немного голодъ, дядько Иванъ разговорился и разсказалъ, что при немъ изъ росправы послали за Сугыбою по просьбѣ Польки и Машки, и что начальныкы уговаривали его

отдать „безъ звяги", но что онъ упирался и все толковалъ, что еще будетъ судиться и требовать за украденную у него лошадь съ Хведька.

Послѣдній, молча потупившись, слушалъ этотъ разсказъ дядька Ивана и не могъ ничего придумать, какъ поступить въ данномъ случаѣ, а при упоминаніи о судбищѣ, готовъ былъ и совсѣмъ отказаться отъ денегъ, лишь бы не судиться, такъ какъ онъ и самъ сознавалъ себя участникомъ похищенія лошади у Сугыбы.

Та́къ и не порѣшили самой главной сути дѣла, финансовой его стороны. Только титка Горпына пообѣщала прійти къ нимъ къ то́му времени, когда будетъ заповѣдана присылка сватовъ, а во всякомъ случаѣ побывать въ Андреевкѣ въ первое свободное время.

XXIV.

Не дождалась Полька Хведька, проблаженствовавшаго до вечера на лугу съ Мелашкою, которой онъ дождался, припрятавшись за копной сѣна. Уже сгущались короткіе лѣтніе сумерки, когда онъ появился у воротъ своего двора, гдѣ на крыльцѣ засталъ сидящихъ и разговаривающихъ Машку и Сохву. Ему сейчасъ же передали про неудачу полученія денегъ съ Сугыбы, про извѣстную ему угрозу еще съ него по суду требовать стоимость украденной лошади и, наконецъ, что старшина велѣлъ имъ „якъ небудь, коли буде вольготнійше", надойти въ какую нибудь изъ субботъ, чтобы ихъ „судъ розсудывъ". Все сводилось на безконечную волокиту и почти окончательно убѣждало въ невозможности „выправыть гроши". Въ концѣ разсказа Машка сказала, что пысарчукъ, Кучерчынъ Ванюшка, посовѣтовалъ имъ поговорить съ писаремъ у него на дому, и что это можетъ имъ пособить.

Хведько все время сидѣлъ опустивши голову, морщилъ лобъ и сдвигалъ брови, какъ бы придумывая способъ выйти изъ

затруднительнаго положенія, и злобою проникался къ этому „рудому Сугыбѣ и вообще ко всѣмъ начальныкамъ“, подъ какимъ понятіемъ у него обобщались всѣ мѣстныя власти.

Замолчала Машка. Всѣ трое они молчали, не находя словъ, ничего не придумавъ, какъ пособить горю.

— Ну, зажурывся-задумався! — сказала Сохва, вставая съ лавки и тронувъ Хведька за плечи. Буде! Усе Господь управыть. А теперъ спочывайте! Завтра вранци за цицы—домолотымо до снидання въ мене, тай визьмемся за ваше.—На добраничъ!—и пошла со двора.

Долго не спалось въ эту ночь Хведьку: все онъ раздумывалъ, какъ раздобыться деньгами для выдачи замужъ сестры, а также, чтобы сколько нибудь имѣть ихъ по наставленію Шляхового. Обзаведеніе собственною лошадью опять казалось ему возможнымъ при помощи этого его ментора, но въ то же время онъ хорошо понималъ, что и на „справу“ сестры деньги необходимы. Но гдѣ ихъ взять, добыть—онъ не могъ придумать. На писаря, къ которому совѣтовали пойти поговорить, онъ мало надѣялся, признавая Сугыбу отчасти вправѣ не отдавать денегъ, а удерживать ихъ въ возмѣщеніе похищенной у него при его, Хведька, участіи лошади. Но съ другой стороны онъ соображалъ, что еслибы Сугыба своевременно отдалъ ему деньги, то ему бы не пришлось вѣдаться съ Йосыпомъ, выстрадать отъ побоевъ—и опять всплывало въ немъ чувство озлобленія ко всѣмъ этимъ людямъ, прямо повиннымъ во всѣхъ постигшихъ его бѣдахъ и неудачахъ.. Такъ перебирая въ мысляхъ всѣ эти обстоятельства, онъ ворочался съ боку на бокъ, то укрывался черкескою, чувствуя холодъ августовской ночи, то разметывался, согрѣваемый внутреннимъ жаромъ, послѣдствіемъ возбужденія. Пропѣли ужъ пѣтухи, гуси гдѣ-то на рѣкѣ прокричали, и тогда только усталая мысль его натолкнулась на всю обаятельность его послѣдней подъ стогомъ на лугу встрѣчи съ Мелашкой, и онъ заснулъ, успокоенный сладостнымъ воспоминаніемъ.

Обмолотили и провѣяли конопли Сохвы, дня за два управились и со своими $5^1/_2$ копнами жита. Оставалось только три дня

до ярмарки въ городѣ, до „Ивана постного—Головосѣка“ (29 августа). Подъ лопотъ цѣповъ при молотьбѣ, Хведько не переставалъ думать о предстоящей ярмаркѣ и о томъ, какъ и гдѣ добыть денегъ, чтобы съ ними обзавестись хоть какою нибудь шкапыною. Опять у него явились мечты о своемъ хозяйствѣ, о возможности заработковъ на приближающейся возкѣ свеклы на сахарный заводъ... При этомъ ему пришлось подумывать и о предстоящемъ, съ выходомъ замужъ Машки, одиночествѣ. Но это преткновеніе къ осуществленію своего мечтанія онъ сейчасъ же отгонялъ отъ себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ его тревожила мысль о встрѣчѣ на ярмаркѣ съ Шляховымъ, исполненіе обѣщанія принесть съ собою припрятанный халатъ, опасеніе опять участвовать въ какой нибудь воровской исторіи. Намолотившись до устали, онъ долго не могъ заснуть, перебирая въ мысляхъ всѣ эти соображенія, и никакъ не находилъ выхода изо всей этой запутанности своихъ дѣлъ.

Сохва, незнакомая со всѣмъ этимъ, задумчивость Хведька относила къ его заботѣ добыть денегъ, потребныхъ для снаряженія Машки, и отъ времени до времени успокаивала его своимъ обычнымъ:

— Не журысь, парень! Усе Богъ управыть!

Въ четвергъ они заработались до поздней ночи: пока убрали перевѣянное зерно, полову, сложили въ небольшой ометъ, поогребли и оправили солому,—совсѣмъ повечерѣло. Машка пошла еще раньше на огородъ къ сосѣдямъ варить „кулишъ“ на ужинъ, а Хведько и Сохва, усталые, молча сидѣли подъ ометомъ, каждый изъ нихъ какъ бы раздумывая что-то особое, но на самомъ дѣлѣ мысли ихъ были объ одномъ и томъ же: придумывали средство добыть денегъ.

А мени оце завтра на-вичъ мабуть треба рушаты у городъ—первый отозвался Хведько.

— Чого такъ заздалегидь? А-же ярмарокъ ажъ у недилю—що ты тамъ робытымешъ?

— Та все маракую, чы не розжывуся якою шкапыною хоть поганенькою... Усе бъ такы де що заробыть можна.

— А чымъ же ты іи, тую шкапыну годуватымешъ?—Вопросъ этотъ не приходилъ въ голову Хведьку, и онъ задумался.

— Ще то покы до зимы сякъ такъ перебьешся... а зимою?—разсуждала Сохва.—Хиба отъ що! добавила она... Ото въ мене есть кипъ зо дви ячменю; перемолотымо—солома буде, а тамъ наймешся барду возыть на обору... Якъ небудь розгорюемося.—Та тилькы, де грошей взяты? И опять сидѣли молча, передумывая высказанное.

— Ну, а якъ до пысаря пійти попрохать? Що винъ скаже?

— А що винъ скаже?.. Тежъ, що и казавъ: усе держатыме його руку... сказалъ, подумавъ Хведько.

— Та вже якъ тамъ не держатыме, а пійты треба; почуешъ, що скаже. А може!

— Шо жъ, колы треба, такъ и пійду.

— Ты отъ що: якъ пійдешъ до нього, то посулысь йому даты якого рубля, якъ що допоможе гроши справыть. Такъ такы й скажы: я вамъ дамъ рублевку, колы гроши справыте.

— Шо жъ, колы такъ, то и такъ—хиба мени жалко буде оддаты йому рубъ; абы тилькы справывъ.

— Такъ такы завтра вранци и сходы; гляды, може й выправышъ свое.

XXV.

Ходилъ Хведько и къ писарю на домъ, просилъ его пособить „справыть гроши", но посулить ему что либо не съумѣлъ, а писарь хотя и понялъ смыслъ этого визита, но отдѣлался общими фразами:

— Что-жъ! Надойди въ субботу—пошлемъ за нимъ, что онъ скажетъ.—И отпустилъ его.

Пришлось идти въ городъ съ полутора рублями въ карманѣ и съ подкинутымъ халатомъ, завязаннымъ въ мѣшокъ. На вопросъ Сохвы, что это у него въ мѣшку, Хведько только буркнулъ что-то.

Когда онъ выбрался за Бемовку на шляхъ, то увидалъ, что много народу идетъ на ярмарку. Ѣхали Шереметьевцы „зъ чобитьмы“ и зъ ременемъ; Залыманци съ колесами, съ возами и съ тарантасиками; москали луковники „зъ цыбулею“; гнали кой какую скотину, а гдѣ и небольшія шаечки овецъ; шли и ѣхали по шляху и по узбочинамъ его...

Отъ моста Хведька взялъ подвезть обратный ямщикъ, такъ что онъ и этотъ второй разъ не пѣшкомъ вошелъ, а въѣхалъ въ городъ. Ямщикъ спалъ, свернувшись клубкомъ въ тарантасѣ, лошади шли шагомъ по зыбучему подъ городомъ песку.

Задумался опять Хведько: что дѣлать, гдѣ ему найти здѣсь въ городѣ, да еще ночью, Шляхового, куда ему дѣваться съ этимъ халатомъ?.. Какъ бы еще не влопаться съ нимъ! Дремота одолѣвала его, и онъ забылся, опершись на грядушку тарантаса, подъ слабое перерывчатое тиньканье колокольчиковъ и погромковъ. Сквозь облако пыли онъ было завидѣлъ городъ, кой гдѣ блеснувшіе огоньки, и наконецъ совсѣмъ забылся.

Тройка сама собой привернула къ первому кабачку на слободкѣ и по привычкѣ стала. Ямщикъ и его пассажиръ Хведько сразу проснулись.

— А! потянулся ямщикъ и спросилъ:

— Развѣ купишъ?

— Такъ що жъ... и куплю,—и оба они слѣзли и пошли въ кабачекъ, уже освѣщенный и полный людьми и гуломъ.

Протолпившись къ стойкѣ, Хведько купилъ себѣ и ямщику водки и уже хотѣлъ выходить—ожидалъ только, пока ямщикъ закуритъ сдѣланную „цыгарку“,—какъ къ нему подошелъ какой то человѣкъ на деревяшкѣ—„мылыци“ и шепотомъ сказалъ знакомую фразу „Шамро—мамро“.

Хведько насторожился и, не зная что отвѣчать, смотрѣлъ на подошедшаго.

— Шамро—мамро!—повторилъ тотъ, смотря уже прямо въ глаза ему.

— А що тоби треба? спросилъ Хведько.

— Иды за мною—сказалъ незнакомецъ и застучалъ „мылыцею“ по направленію къ дверямъ.

Они вышли вмѣстѣ и стали около тарантаса.

— Я тебе вгадавъ зразу—сказалъ незнакомецъ. Одежына тутъ? Прынисъ?

Хведько смотрѣлъ съ недоумѣніемъ и ничего не отвѣчалъ.

— Что жъ? Тутъ останешся?—спросилъ его вышедшій изъ кабака и подошедшій къ тройкѣ ямщикъ.

— Забирай свой мѣшокъ; я поѣду—добавилъ онъ.

Хведько снялъ съ тарантаса мѣшокъ и вскинулъ на плечо. Когда ямщикъ поѣхалъ, не оставлявшій его незнакомецъ опять спросилъ.

— Тутъ въ мѣшкѣ?—

— Тутъ.

— Ну такъ ходимъ же! трохы не проворонывъ було тебе... Ходимъ!

Недоумѣвая, что и какъ, пошелъ Хведько за бойко „шкутыльгающимъ“ на деревяшкѣ незнакомцемъ.

Они вышли изъ улицы на выгонъ и пошли вдоль ряда хатъ, обращенныхъ лицомъ въ поле. Рядъ этотъ почти упирался въ шеляговую заросль, насаженную горожанами для укрѣпленія сыпучихъ песковъ. Въ концѣ ряда хатъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ заросли, они вошли во дворъ, откинувъ плетневыя ворота.

— Сядь же оттутъ на „прызьби“, а це давай я прыховаю—сказалъ незнакомецъ и, взявъ отъ Хведька мѣшокъ съ халатомъ, пошелъ въ конецъ двора, гдѣ скоро послышался трескъ плетня, какъ бы кто черезъ него лѣзъ. Было уже темно, и нельзя было видѣть, что тамъ дѣлалось; въ хатѣ не свѣтилось, но слышался плачъ ребенка и убаюкиванье его.

Незнакомецъ очень скоро вернулся и повелъ Хведька въ сѣни, отворенныя по его требованію, и оттуда въ избу, гдѣ хозяйка зажгла сальную свѣчку, вставленную въ какой то глиняный, донельзя затекшій саломъ, подсвѣчникъ.

— Проходь отъ—сюды и сидай! сказалъ хозяинъ хаты, пока хозяйка усиленнымъ колыханьемъ люльки усыпляла попискивающаго ребенка.

— Ну, теперъ роздывляйся.—Вгадаешъ?

— Ни,—не вгадаю отвѣтилъ Хведько, рѣшительно не могшій припомнить, гдѣ и когда онъ видѣлъ этого человѣка.

— Ну, такъ и не треба. А я тебе добре та гараздъ запрымитывъ и у васъ, въ Андріевци на пидторжи, и на шляху побиля Бемовкы... Шо-жъ—повечеряты буде що?—обратился онъ къ женѣ.

— А ты прыдбавъ?—въ свою очередь сердито огрызнулась та, не переставая убаюкивать ребенка... Онде хлиба шматокъ йижте.

Хведько разсмотрѣлъ хозяйку. Это была высокая женщина, не смотря на худобу и неряшливость неоправленнаго костюма, все-таки выдающаяся красотою лица. На ней была какая-то затасканная юбка, грязная рубаха и на головѣ кой-какъ обмотанный платочекъ, изъ-подъ котораго выбивались густые черные волосы. Черные, какъ у цыганки, глаза злобно смотрѣли изъ-подъ сдвинутыхъ, рѣзко очерченныхъ, такихъ же, какъ и волосы, черныхъ бровей.

Въ хатѣ было грязно и убого. Изъ-за висѣвшей на вбитомъ въ сволокъ гвоздѣ люльки виднѣлась куча какой-то одежи, очевидно замѣнявшей постель на помостѣ, двѣ темныя иконки пристроены были безъ всякихъ украшеній въ переднемъ углу; не видно было ни скрыни, ни даже другой лавки „ослона". На кое-какъ сколоченномъ столѣ лежалъ скомканный, грязны „настильныкъ", прикрывающій собою очевидно небольшую краюху хлѣба, крошки котораго виднѣлись тутъ же. Жужжали проснувшіяся мухи да поскрипывала качаемая люлька.

— Ну, штожъ, братъ мой—подвечеряемо и хлибомъ, якъ що бильше ничого нема. Звыняй на цьому!—сказалъ хозяинъ и, доставъ изъ-подъ настольника хлѣбъ, предложилъ гостю.

— Та въ мене тамъ у мишку есть хлибъ,—сказалъ Хведько.

— Ну хочь и есть—теперь вже не йти за нымъ. Йижъ осьде цей...

Хведько молча взялъ отрѣзанный хозяиномъ кусокъ хлѣба, но понявъ, что это у него чуть ли не послѣдняя краюха, предупреждая возможность отказа, сказалъ:

— Та мени, прызнаться, и йисты не хочется: зъ дому йдучы попойивъ...

— Ну, якъ знаешъ! Я тежъ не голодный. А то якъ що таке, такъ и спочыть можна, а удосьвита я вже тебе одведу, куды звелено...

— Тутъ, чы може въ синяхъ ляжешъ?—спросилъ Хведька хозяинъ, хорошо понимающій, что въ маленькой избѣ и негдѣ уложить гостя, такъ какъ единственная, на которой они сидѣли, лавка была узка и коротка.

— Та хоть и въ синяхъ або на двори ляжу, мени усе йидно... отвѣтилъ гость.

— Ни, ты якъ шо таке, такъ лягай въ синяхъ, а то, бувае, проспымо, такъ щобъ тебе хто не побачывъ... объяснилъ хозяинъ, и Хведько отправился въ сѣни, гдѣ и улегся на голомъ земляномъ полу.

Провожавшій и свѣтившій ему хозяинъ въ сѣняхъ сказалъ:

— Денысовычъ (Шляховой) усе тоби завтра розскаже, а теперъ спочывай здоровъ; ось возьмы хоть цю одежыну пидъ головы—и подалъ ему какой-то заскорузлый полушубокъ, стянувъ его съ перекладины.

Пока не заснулъ, Хведько слышалъ какія то пререканія между хозяевами. Слышался басовой буркотъ хозяина и недовольный шепотъ хозяйки. Сквозь тонкую дверь можно было ясно дослышать ея укоризны мужу:

— Шо ты соби думаешъ? Шо все не кыдаешся свого— поводышся зъ такымы...

Опять буркотъ—пискъ ребенка, укачиванье и убаюкиванье, и затѣмъ онъ забылся крѣпкимъ сномъ.

XXVI.

Рано прокинулся Хведько, разбуженный стоявшимъ надъ нимъ хозяиномъ хаты.

— Вставай, братко! Пора вже! Выпровожу тебе, покы ще мало хто й бачытыме. Ось на̀ тоби твій мишокъ. Та иды прямо на конну—аже знаешъ де. Якъ що не знаешъ, то дывысь, куды люде идуть. — Тамъ найдешъ Денысовыча—и я туды прыйду. Другому кому не кажы, що ночувавъ въ мене. Съ этими словами онъ отперъ двери, выглянулъ, нѣтъ-ли кого, и отпустилъ гостя.

Было еще рано, какой-то туманъ стлался надъ городомъ, и не совсѣмъ отчетливо можно было разглядѣть въѣзжающихъ по шляху въ улицу пригородней слободки ярмарчанъ. Хведько пошелъ вдоль хатъ по выѣздной улицѣ и смѣло зашагалъ, опережая тихо ѣхавшія по зыбучему песку подводы. Такъ онъ вошелъ въ улицу города и дошелъ до базарной площади, изъ-за мелкихъ лавокъ которой высился передъ нимъ знакомый ему острогъ. Онъ зналъ, что ярмарка располагалась за острогомъ на пространномъ полуостровѣ, образуемомъ изгибомъ рѣки Осередья. Сейчасъ же за зданіемъ тюрьмы онъ очутился между ярмарочными балаганами и установившимися и устраивающимися возами. Ярмарка только что просыпалась: между возами и балаганами пошевеливались люди, отвязывали и отковывали съ цѣпей отъ возовъ и вели на водопой скотину, лошадей; кто умывался изъ боклага, кто молился, повернувшись на востокъ. Послышался благовѣстъ къ заутрени въ церквахъ; кой гдѣ отдѣльные восклики, мычаніе, ржаніе; сталъ туманъ подъ первыми лучами восходящаго солнца,—смѣнили его облака пыли, закурились печи около ярмарочныхъ кухонь (борщивъ)—блеснули огоньки костриковъ въ цыганскомъ таборѣ... Ярмарка проснулась, росла и разворачивалась...

Изъ тюремнаго окна во время своего заключенія Хведько не разъ созерцалъ эту площадь и потому зналъ, что конная находится въ сторонѣ къ пристаннымъ амбарамъ, „туды геть за крамамы", и потому прошелъ „крамы", дошелъ до амбаровъ и тамъ усѣлся на сваленныхъ деревьяхъ, неподалеку отъ возовъ конскихъ барышниковъ, обставленныхъ привязанными къ рептухамъ лошадьми.

Мало по малу зашевелились на конной. Барышники сводили лошадей къ водопою, поприглаживали и попричесывали гривы, хвосты, почистили, установили такъ, чтобы передъ былъ немного выше, разсортировали коней, поставивъ лучшихъ съ краю для закрасы, отдѣливъ особо злыхъ и кусающихся. Попригнались табунки киргизскихъ саврасовъ, ночевавшихъ гдѣ-то на пастбищѣ; цѣлымъ эскадрономъ тронулись цыгане отъ табора; конная наполнилась всякаго рода лошадьми, начиная отъ рослыхъ битюкскихъ жеребцовъ на цѣпяхъ и кончая мужицкими „шкапынами". Зашагалъ народъ, началась продажа-купля.

Какъ ни всматривался Хведько въ шнырявшую толпу людей, все-таки не могъ найти глазами Шляхового. Наконецъ, онъ рѣшилъ пройти по ряду и попалъ въ самую гущу верховыхъ и пѣшихъ людей—хохловъ, кацаповъ и цыганъ.

Тутъ можно было видѣть всячину:—„Посторонись, посторонись!" кричалъ москаль, еле удерживая подъ устцы оплывшаго жиромъ темносѣраго жеребца; ѣхалъ верхомъ, спустивъ чуть не до земли ноги въ громаднѣйшихъ чоботяхъ, хохолъ въ перекошенномъ на головѣ малахаѣ; еле тащилъ за поводъ стараго мерина какой-то великороссъ въ лаптяхъ; бадёрили худыхъ калѣкъ цыгане, подобравъ поводья, вздернувъ имъ головы и не замѣтно подстебывая кнутомъ; оглядывали привязанныхъ къ возамъ коней, смыкали за хвосты, щупали подъ челюстями, смотрѣли зубы, хлопали руками, божились, ругались...

Чуждый всей этой обстановкѣ, непривыкшій къ лошадямъ, боящійся ихъ, робко шелъ Хведько по этой гущѣ, то

сторонясь отъ наѣзжавшихъ, то оглядываясь, со свернутымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Такъ онъ прошелъ по ряду до „трахтыря“, помѣщающагося въ большомъ балаганѣ и отмѣченнаго краснымъ флагомъ на высокомъ шестѣ. Его высокая фигура выдавалась въ толпѣ и даже обратила вниманіе тутъ же расположившихся „бублешныць“.

— Молодець, молодець! въ мене, въ мене беры, въ мене саме горячи,—затараторили бабы, увидавъ его подвигающагося къ „трахтырю“.

— Чорнявый—кучерявый! ось пять на семышныкъ—звала къ себѣ румяная, полная бублешныця. Мъякесеньки... протянула она, чуть не подъ носъ тыкая поджаренный бубликъ.

— Ты не дуже, кума; у нього тутъ жинка на ярмарку—съострила другая, провожая глазами отступающаго Хведька.

— Осьде винъ!—отозвался около него голосъ, и онъ, повернувшись, увидѣлъ Йосыпа.

— А я усю конну пройшовъ—ниде нема. Ну постій же тутъ побиля трахтыря, никуды не ходы, мы тебе тутъ знайдемо. Отъ тутъ ззаду пидъ стинкою и сядь--сыды;—и Йосыпъ куда то исчезъ въ толпѣ.

Долгонько пришлось Хведьку ожидать, глазѣть на ярмарку съ ея сутолокою и гамомъ. Ужъ перезвонили и къ „достойной“ въ соборѣ, уже паны показались въ гущѣ мужиковъ на ярмаркѣ, трактиръ уже гудѣлъ говоромъ и возгласами посѣтителей, слышными сквозь тонкую шалевочную стѣнку; уже онъ и вставалъ, и опять садился, и доходилъ до угла балагана,—все не видно было Иосыпа, и ѣсть ему уже захотѣлось, когда съ коннаго ряда показался Шляховой, а за нимъ вслѣдъ Йосыпъ, Шкавро и вчерашняя „мылыця“. Шли они не вмѣстѣ, а на нѣкоторой дистанціи одинъ за другимъ. Шляховой подошелъ къ Хведьку и послѣ короткаго „здоровъ“! позвалъ его въ трактиръ.

Тамъ уже было такъ людно, что съ трудомъ удалось имъ найти свободный столикъ, который они и заняли вдвоемъ. Остальные усѣлись особо.

— Сидай оттутъ! Та ще бачъ... треба бъ бублыкивъ, або паляныци... сказалъ Шляховой и, вышедши на минуту, вернулся съ „паляныцею“ въ рукахъ.

Къ поданному чаю былъ потребованъ графинчикъ водки, которую Шляховой степенно „вычастувавъ“ себѣ и Хведьку, разломавъ на закуску принесенную мягкую паляныцю, и только уже за чаемъ спросилъ:

— Ну, щожъ, добувъ грошей? Скилькы?

— Ни, не добувъ—отвѣтилъ Хведько.

— Ну! Шо жъ—байдуже! Якось управымося! За халатъ вже далы тилькы пивтора рубля: оце нà—твоя полтына.

— Слухай сюды! продолжалъ онъ.—Ото вдывляйся добре та гараздъ: онъ де пидъ тіею стиною трое сыдять—два кацапы и хохолъ; одынъ коцапъ—це той, що бувъ тоди у Стрибуля, а онъ той рябый—Лыповськый Красавыкъ, ажъ зъ Лыповны, а на хохла добре прыдывляйся: його тоби треба знать, бо въ тебе зъ нымъ дило буде—це старшый Кленовый зъ Майдану,—знаешъ, що пидъ лисомъ... А ото бачъ, що пидійшовъ до Шкавра—це здешній городськый—Орелъ. Чого ты насупывся? Ты мене слухай—чоловикомъ будешъ!.. Пый, пый, закусюй... Отъ тутъ походы по ярмарку, та не помижъ киньмы, а такъ-мижъ крамамы, а тамъ, якъ зверне сонце на пивдня, надійды у „борщи“—знаешъ, де воны? Оттутъ заразъ за трахтыремъ. Тамъ пойисы чого, та якъ прыйде туды Гандзя-салдатъ—ото що въ нього ночувавъ, на мылыци, такъ якъ що винъ кывне на тебе, такъ иды за нымъ назырцемъ—куды винъ йтыме и ты за нымъ, а тамъ винъ тоби розскаже якъ и що. А теперъ буде роздобарюваты—онде вже наши пишлы, давай и мы підемъ. Та не робъ, парень! Усе гараздъ буде!

И Шляховой подозвалъ подносчика, расплатившись вышелъ изъ трактира и вмѣшался въ толпу, оставивъ задумавшагося Хведька.

Задуматься было надъ чѣмъ: опять его втягивали въ какія то воровскія дѣла, дѣлали участникомъ этихъ дѣлъ, которыя были ему и не по мысли, и угрожали опять боемъ и тюрьмою.

Но съ другой стороны менторство степеннаго и такъ родственно относившагося къ нему „Денысовыча“ не дозволяло ему рѣшительно отказаться отъ этой компаніи, тѣмъ болѣе, что ему сулилась возможность сдѣлаться „чоловикомъ“ т. е. стать на свои ноги, а онъ ни откуда больше не видѣлъ помощи и сочувствія въ своемъ безвыходномъ положеніи.

— Ну, будь что будетъ! попробую, а тамъ и отстать съумѣю—разсудилъ онъ и порѣшилъ отдаться не имъ установленному ходу дѣлъ.

Потолкавшись по ярмаркѣ и даже прицѣнившись въ ряду деревянныхъ подѣлокъ къ стоимости „скрыни“, каковую нужно будетъ хоть на „Здвыження“ покупать для Машки, Хведько пошелъ къ „борщамъ“, которые тутъ же недалеко отъ трактира были расположены.

„Борщи“—это наскоро изъ глины сбитыя печи, иногда даже съ жестяною трубою, гдѣ варили для ярмарочнаго люду кушанье—большей частью только борщъ и жареное. Тутъ же около печей стояли наскоро сколоченные столы, на которыхъ крошили и рѣзали приготовляемые для варки продукты. Все это стряпается очень опрятно на глазахъ публики и исключаетъ всякую возможность заподозрѣвать недоброкачественность продуктовъ и нечистоплотность, чего нельзя сказать о „трахтирныхъ“ приготовленіяхъ. Обыкновенно въ такомъ предпріятіи участвуютъ чуть не цѣлыя семьи простыхъ селянъ (исключительно хохловъ), которые кочуютъ со всѣми своими незатѣйливыми приспособленіями этой походной кухни все время, начиная съ раннихъ весеннихъ и оканчивая поздними осенними ярмарками, оставляя дома только стариковъ для присмотра за огородами и домашнею птицею. Мужчины устраиваютъ глинобитныя печи, обмазываемыя женщинами; мужчины рѣжутъ и „патраютъ“ тутъ же на ярмаркѣ покупаемыхъ барановъ, рубятъ дрова, носятъ или возятъ воду, нанимаютъ мѣста и въ самый разворотъ ярмарки разсчитываются съ потребителями кушанья, а женщины и подростки дѣти стряпаютъ, перемываютъ посуду, подаютъ гостямъ „страву“, тутъ же на открытомъ воздухѣ или въ палаткахъ

съѣдаемую. Женщины стряпухи по возможности одѣты чисто, и роль подавальщицы исполняютъ большей частью болѣе молодыя и красивыя. Посуда употребляется большею частію деревянная или „полывяни“ мисочки разной величины—(на одного, на двухъ, на трехъ и на четырехъ)—и деревянныя ложки. Вилокъ не полагается, равно какъ и салфетокъ. Заѣзжіе торговцы присылаютъ за пищей свою посуду и даже заказываютъ состряпать что либо особенное. Необходимо при этомъ сказать, что приготовленная такими наторѣлыми стряпухами пища, очень вкусна и дешевизною вполнѣ подходяща къ средствамъ потребителей: за 15 и даже за 10 копѣекъ можно очень сытно пообѣдать борщомъ, или „кваскомъ“—(разсольникомъ)—съ бараниной, и кускомъ жирной баранины съ жаренымъ картофелемъ, но только съ своимъ хлѣбомъ.

XXVII.

Вотъ къ такимъ „борщамъ“ и направился Хведько, сообразивъ, что солнце уже вотъ-вотъ „зверне зъ полудня“.

Присмотрѣвшись и прислушавшись, какъ покупаютъ пищу подходящіе, онъ и себѣ спросилъ борщу и усѣлся обѣдать, добывъ изъ мѣшка уже зачерствѣлую краюху хлѣба.

Вскорѣ около „борщивъ“ появился и солдатъ—Гандзя. Онъ также сталъ торговаться со стряпухами, но когда Хведько приподнялся и помолился, окончивъ свою трапезу, то Гандзя кивнулъ на него и пошелъ въ гущу возовъ.

Хведько слѣдовалъ шагахъ въ десяти за нимъ и, благодаря своему росту, не терялъ его изъ виду все время, пока они прошли ярмарочную площадь и, перешедши валъ старинной крѣпости, вошли въ улицу города.

Такъ они одинъ за другимъ прошли городъ, пригородню слободку и вдоль ограды кладбища, дойдя до конца которой, Гандзя усѣлся на пескѣ въ тѣни каменной стѣны и кивкомъ подозвалъ къ себѣ Хведька, очевидно утомленный далекой проходкой на своей „мылыци“.

Сидѣли они на кладбищномъ бугрѣ, подъ которымъ пролегала выѣздная изъ города дорога. По ней шли и ѣхали въ разныхъ направленіяхъ люди безконечною вереницею. Около колодца подъ тесовымъ навѣсомъ толпились люди съ возами; за дорогой и за узкою рѣчкой Самаркой разстилался широкій, со стогами уже убраннаго сѣна, лугъ Осередья, на которомъ кой гдѣ изъ-за очерета блестѣли плеса рѣки. Темной каймой тянулись на той сторонѣ луга подъ горою за-осередскіе сады; прямо на сѣверъ черезъ лугъ линіей шла дамба съ нѣсколькими уцѣлѣвшими столѣтними вербами, а на западъ чернѣлъ луговой лѣсъ, съ одиноко-высящеюся горою Мамайкою, а за лѣсомъ синѣли пестрѣющія мѣловыми обнаженіями по-донскія горы, съ монастыремъ на одной изъ нихъ. Направо лугъ въ далекѣ сливался съ пологою степью.

Гандзя сдѣлалъ „цыгарку", закурилъ и тогда только обратился къ Хведьку.

— Свынолупове знаешъ?—отъ що тамъ Студеный колодець?

— Знаю; та тилькы тамъ не довелось бувать—отвѣчалъ хлопецъ.

— Дарма! А же розберешъ зъ степу, де вона,—якъ на Андріивку йихать горою.

— Та це то разберу, аже тамъ заразъ за курганамы и наша грань.

— Ну, ну! Тамъ знаешъ у вершыни Свынолуповаго на степу терныкы?.. Знаешъ?

— Знаю.—

— Ну, такъ и рушай туды до тихъ тернивъ, хоть оце лугомъ, якъ зимнякомъ у городъ йиздять. Якъ перейдешъ мистокъ, що на сарми побиля Аптекыной пасикы, такъ и держысь усе дорожкою у лисъ, такъ и выйдешъ до Студеного кордону.

— Ни, такъ я не втраплю: не доводылося тамъ бувать...

Ну, такъ иды на мосты, а пысля послиднёго мосту звернешъ отъ на ти садкы, бачышъ, де онде тополи стовбасти,— онъ москали лугомъ пойихалы. Бачышъ?—

— Бачу.

— Тамъ саме теперъ на Березкы, Майданъ и Ярошивку йидуть. Такъ ты якъ выйдешъ на гору, такъ хоть спытай, тамъ буде дорога на Андріивку. По ній и йды ажъ до тернивъ, а тамъ и заляжъ. Лежы хоть до свита, ажъ покы тебе хто не гуконе, Мыкытою зватыме. Чуешъ? Розибравъ? Що тоби оддадуть—веды по кряжу по-надъ вершынамы балокъ ажъ до лису. Якъ що буде вже къ свитанню, такъ заведы у лисъ и прыручы Плахоти, а якъ що ще до свита далеко, такъ подасысь ажъ до Стрибуля. Якъ що не вспіешъ за цю ничъ, такъ на другу; усе жъ такы добувайся зо здобыччю до Стрибуля. Чуешъ!..

— Та чую, та тилькы...

— Ну, тамъ якъ знаешъ—такъ Денысовычъ прыказувавъ.— Оттутъ и спускайся на дорогу и прямо по мостамъ... Иды!.. А я подамся по свойому дилу.—И онъ ловко привсталъ на мылыци и пошелъ обратно въ городъ.

Посидѣлъ еще немного Хведько, подумалъ и сталъ медленно спускаться съ пещанаго кладбищенскаго бугра на дорогу, по которой и потянулся съ ярмарчанами на мосты.

Уже въ вечернихъ сумеркахъ по глухой дорожкѣ дошелъ онъ до терновъ, островками чернѣющихъ по городской степи. Изъ нѣсколькихъ такихъ клумбовъ онъ избралъ ближайшій къ дорогѣ и, обошедши его, расположился со стороны балки.

Тихо въ степи, уже по осеннему опустѣвшей, оставленной лѣтними ея гостями. Далеко виднѣлись огни въ городѣ, да гдѣ-то, должно быть на Кордонѣ въ Свинолуповой—такъ соображалъ онъ—тявкала собачка. Ночь покрывала степь, ярче и ярче загорались звѣзды въ темномъ небѣ. Утомленный, съ разсвѣта почти на ногахъ, Хведько хотѣлъ спать,—такъ и не обдумывалъ ничего. Умащиваясь на землѣ, онъ вспомнилъ, что у него еще осталась краюха хлѣба, и онъ съ аппетитомъ съѣлъ ее и прилегъ, но побоялся заснуть и потому опять поднялся, вглады-

вался въ темную мглу степи, прислушивался... Тишина напрягала нервы; жутко становилось. Послышался въ сторонѣ какой-то шорохъ, и вслѣдъ затѣмъ большая сова захлопала крыльями, налетѣвъ на него... Опять все затихло; слышалось собственное дыханіе и удары сердца въ груди. Но вотъ какъ будто что-то глухо ударилось о землю, еще и еще. Хведько припалъ къ землѣ и явственно различилъ топотъ лошадиныхъ ногъ. Топотъ этотъ приближался со стороны города, слышались удары многихъ копытъ по сухой землѣ, какъ будто цѣлый табунъ скакалъ... ближе и ближе, и въ ночной мглѣ замаячила цѣлая группа. Еще немного спустя уже явственно можно было различить силуэты лошадей и высящуюся надъ ними фигуру всадника.

— Это должно быть на пашу кто-то ѣдетъ—соображалъ Хведько и припалъ къ землѣ.

Скакавшій сталъ сдерживать лошадей и, очевидно, пригинался къ головамъ. Въ темнотѣ точно нельзя было сосчитать, но лошадей было не меньше 4—5. Ведшій ихъ что-то сказалъ, какъ будто, задерживая коней и проѣхалъ дальше уже шагомъ, но не успѣлъ онъ скрыться совсѣмъ въ темнотѣ, какъ Хведьку показалось, что онъ свернулъ съ дороги и ѣдетъ къ нему. На самомъ дѣлѣ вскорѣ онъ увидѣлъ, что группа приближается и затѣмъ явственно послышалъ два раза отрывисто повторенное:

— Никита! Никита!..

— Говъ?—Отозвался Хведько и приподнялся съ земли. Лошади было шарахнулись, но были удержаны, и верховой соскочилъ на землю.

— А я было проѣхалъ кусты, окликнулъ—никого не слышно. Ты Никита?

— Я—отвѣтилъ Хведько.

— Мнѣ велѣли съ тобою къ лѣсу ѣхать. Давай трогать! не рано!

— Лошадей оказалось пять, двѣ изъ нихъ были въ хомутахъ. Хведько взгромоздился на указанную москалемъ, взялъ одну за поводья, и они поѣхали, причемъ держались около до-

роги по травѣ, а послѣ прямо по дорогѣ. Проѣхавъ курганы, они стали забирать все лѣвѣе, уже не держась дороги, а только стараясь не сбиться съ кряжа. Доѣхавъ до Лосневской изъ Андреевки дороги, пріостановились, поприслушались, не ѣдеть-ли кто, и вскачь помчались къ лѣсу, опушкою котораго поѣхали къ куреню Плахоты. Не доѣзжая куреня, остановились. Москаль слѣзъ, поснималъ хомуты и сѣделки, запряталъ все это во рву лѣснаго окопа и остался, приказавъ Хведьку ѣхать уже самому дальше.

— Коли успѣешь сюда свернуться, такъ въ эфтомъ мѣстѣ кашлянешь три раза.

Осторожно пѣшкомъ вывелъ Хведько узбочью Холоднаго яра заморенныхъ скачкою лошадей внизъ подъ гору, но все-таки прямо къ броду побоялся идти, попривязывалъ ихъ къ кустамъ, а самъ пошелъ къ Осередью. Еле вошелъ онъ въ камыши, какъ передъ нимъ поднялась какая-то фигура, въ которой онъ узналъ Йосыпа.

— Що-жъ це? А кони? спросилъ онъ.

— Тутъ—отвѣтилъ шепотомъ Хведько.

— Де?

— Та у яру... Я побоявся весты сюды.

— Ну, дарма! Ходимъ за мною—сказалъ Йосыпъ и тихонько сквозь зубы присвиснулъ. Шагахъ въ десяти послышался такой-же свистъ, и вслѣдъ за тѣмъ они увидѣли человѣка, ведущаго двухъ лошадей. Йосыпъ подсадилъ Хведька на одну изъ нихъ, а самъ сѣлъ на другую и сказалъ остающемуся:—Дожыдай тутъ.—Йосыпъ поѣхалъ изъ камышей и за нимъ Хведько по направленію къ Холодному яру. Одна изъ лошадей намѣревалась заржать, но Йосыпъ нагнулся и щипнулъ ее за ухо.

— Ну, такъ теперъ веды жъ ты оцихъ, оддай русському, а я заберу твоихъ—сказалъ Йосыпъ, когда они доѣхали до привязанныхъ въ яру лошадей. Оце тоби былетъ—десятка, а у понедилокъ выходь на базаръ—Денысовычъ отдасть остальни. Якъ що збудемъ цихъ русському, такъ доизжай зъ нымъ, ажъ

супроты Лыпового, а тамъ пійдешъ прямо на горны, щобъ небезпреминно хто небудь тебе тамъ бачывъ. Чуешъ!

— Чую—отвѣтилъ Хведько припрятывая деньги и забирая поводъ другой лощади.

По условленному кашлю на дорожку изъ-за лѣснаго окопа появился одинъ изъ участниковъ, надѣлъ на приведенныхъ лошадей хомуты, и вмѣстѣ съ нимъ Хведько доѣхалъ до дорожки, идущей изъ Липоваго на „кутокъ" Андреевки—Фукулевщину. Съ этой полевой дорожки, свернувъ по-надъ кручею, онъ спустился къ горнамъ почти передъ разсвѣтомъ. Одному работнику на Тищенковомъ горну объяснилъ, что припоздалъ изъ города и пошелъ на свѣтъ, чтобы подночевать, и завалился въ солому, гдѣ и проспалъ чуть не до „снидання"—часовъ до 8 утра.

XXVIII.

Разбудили его, сваливая привезенную съ хутора солому. Поблагодаривъ за ночлегъ, Хведько сошелъ на дорогу и направился прямо домой. Непривычный къ верховой ѣздѣ, онъ шелъ какъ разбитый на ноги.

Дома онъ не засталъ сестры—хата Сохвы была тоже заперта. Сосѣдка объяснила ему, что они на огородѣ около рѣчки бѣлье стираютъ. У нихъ тамъ оказалась цѣлая компанія. Стирка шла за однимъ заходомъ у нѣсколькихъ хозяекъ. Разложили костеръ, грѣли на огнѣ воду, накаливали камни для „жлукта" (букъ), въ которомъ золили бѣлье; прозоленное тутъже на кладкахъ „прали", немного помыливъ, и выкрутивъ (выжавъ), развѣшивали затѣмъ на кустахъ лозы и вишняка. Тутъ же на огнищѣ варили обѣдать.

— Отъ и гостыньци прынисъ!—весело отозвалась Сохва, первая увидѣвшая Хведька.

— Поярмаркувавъ?—добавила она—Щожъ не хвалышся?

Онъ постоялъ, какой то сконфуженный, и не зналъ что отвѣтить. Сохва почему то сообразила, что онъ „забарывся" возвращеніемъ съ ярмарки, подночовывая на Деревнѣ, у „титкы Горпыны", и подошедши поближе, сказала:

— Оце на ключъ, та прынось сюды зъ хаты хлибъ и ложкы: будемъ тутъ и обидать, бо мы варылы у одному горшку.

Хведько, молча, повиновался приказу, но, когда онъ выбиралъ на „полыци" ложкы, въ хату вошла Сохва, будто бы забывшая приказать принесть какую-то миску, и тутъ безъ свидѣтелей, проницательно смотря на него, спросила:

— Шо жъ ты робывъ у ярмарку?

Хведько сконфузился и не нашелъ что отвѣтить.

— Ну, нехай писля роспытаемося, а теперъ ходимъ; несы ты оцю мыску и ложкы, а я хлибъ прынесу—сказала Сохва.

Только обѣдая въ садку подъ старою яблонею, Хведько вспомнилъ, что сегодня суббота и что писарь приказалъ ему надойти въ волость. Страхъ не хотѣлось идти туда; но дѣлать нечего, и онъ сейчасъ же отправился, порѣшивъ дать писарю рубль изъ имѣющихся у него денегъ.

Въ волости изъ „началства" были только судьи и писарь, и шло разбирательство о какой то одежѣ и тѣлкѣ, неотдаваемыхъ свекромъ овдовѣвшей невѣсткѣ. Свекоръ не отдавалъ одежи умершаго сына на томъ основаніи, что послѣ смерти его осталась дочь, а не сынъ, и что ей не понадобится мужская одежа, а когда выростетъ, тогда видно будетъ, какъ ее „справыть", при чемъ настаивалъ на томъ, что „сынъ бувъ мій и уся худоба моя". Телку же отказывался отдать потому, что хотя она и отъ коровы, пригнанной, какъ приданное, невѣсткою, но пригнана была еще телушкою и только послѣ перезимовки отелилась, слѣдовательно принадлежитъ всей семьѣ. Дѣвочку же (внучку) онъ не отказывается докормить, „до зросту литъ" а послѣ „по спроможности" и замужъ отдать и „справыть". Вдова высказывала свои резоны: во первыхъ, что „яке тамъ вже дытыни буде жытья" въ семьѣ дѣда безъ матери; во вторыхъ, что откуда же можно знать, что „батькови Господь

продовжыть вику до зросту дивчонкы", что «воно вже й теперъ— сказано сырота—у поневирци, и якъ що не дай Богъ свекоръ умреть, тогда и вовсе останется „на поталу", что покойникъ былъ отцомъ дѣвочки, а потому „іи батько, іи й батькова худоба"; что корову продали тогда, когда меньшаго девера женили, и что на ея протесты тогда-же говорили, что выростятъ телку,— она „ничыя буде—твоя", что перваго телка отъ коровы назимкомъ уже продали и деньгами заплатили „подушне"; что она не проситъ всей одежи покойнаго, а только „чоботы", полушубокъ и халатъ. „Може колы хоть прыкрыетця, батька помьяне; наконецъ, что „воно, якъ що, Богъ дасть, на ногы зопретця" само станетъ на себя работать, „справлятыме". Всѣ эти доводы вдова подкрѣпляла плачемъ и своею „збидканою" особою.

— Може вы якъ-небудь сами помырытеся,—вы усе такы не чужи свои—вразумляли ихъ судьи.

— Ты бъ такы хотя чымъ небудь поступывся, Ивановычъ, може й зойдетеся.

Но „Ивановычъ", побитый аргументами невѣстки, а особенно слезами, которымъ онъ не могъ ничего противупоставить подобнаго, только сопился, въ душѣ надѣясь на поддержку одного изъ судей, своего недалекаго сосѣда, котораго онъ „частувавъ и загодывъ".

— Що жъ пан-отци! судить по закону, по Божому: мени ни въ кого бильше прохаты суда, правды—чы тожъ думалось такъ оце звягуваты; та, бачъ, горе мое! Такъ вже Богу Мылосердному зволылося, щобъ мы, сыроты, людей своимъ горемъ турбовалы—клянчила-плакалась вдова.

Сидѣвшій въ концѣ стола волостной писарь не мѣшался въ разбирательство, а только постукивалъ пальцами по раскрытой передъ нимъ книгѣ для записи рѣшенія суда. Въ открытыя двери онъ увидалъ Хведька.

— Ну, такъ рѣшайте дѣло, потолкуйтесь сами промежду собою, а вы выйдите на крыльцо—добавилъ онъ, обращаясь къ Ивановичу и къ чмыхающей и утиравшей слезы невѣсткѣ его, а самъ вышелъ къ Хведьку, притворивъ за собою двери.

Хведько поклонился и вертѣлъ въ рукахъ рублевую бумажку, не зная какъ дать ее писарю, не зная съ чего начать. Но писарь разрѣшилъ его неловкость, по-просту взявъ у него деньги и спрятавъ въ карманъ.

— Ты все на счетъ денегъ? Кликни тамъ кого изъ десятниковъ.—

Позванный десятникъ былъ посланъ за Сугыбою, но оказалось, что онъ еще не возвращался съ ярмарки. Хведько ожидалъ, пока писарь записывалъ состоявшееся рѣшеніе по дѣлу невѣстки со свекромъ. Изъ прочитаннаго рѣшенія оказалось, что невѣсткѣ присуждена тёлка, а изъ одежи покойника только полушубокъ и халатъ.

Судъ кончили, и судьи отправились „до Кучеркы пыть чай", а замѣшкавшійся въ волости писарь кивнулъ на Хведька и, остановившись около церковной ограды, сказалъ:

— Дѣло, значитъ, будетъ въ слѣдующую субботу, какъ вернется домой вашъ должникъ, но лучше будетъ, если на судъ явятся твои сестры, а не ты. Такъ будетъ лучше. Тогда и присудимъ. А могарычъ за тобой ужъ будетъ.

Обнадеженный шелъ Хведько на Красноселивку.

— Ужъ если взялъ деньги, то и дѣло сдѣлаетъ—думалъ онъ, и мечты о возможности и сестру „справыть", и обзавестись хозяйствомъ опять охватили его, тѣмъ болѣе, что и десятка имѣлась въ карманѣ, и Денысовычъ обѣщалъ „чоловикомъ" сдѣлать его, наставить на хозяйство.

Дома онъ засталъ уже Машку за субботней приборкой хаты. Мазалась печь, вымытъ былъ полъ и „попидведени челюсты" печи и рамы оконъ снаружи. Съ затаенной радостью и тревогой Машка ожидала „не сьогодня—завтра старостивъ".

Хведько попереносилъ къ Сохвѣ изъ сада жлукто, чавуны и большіе горшки „золійныкы" и успѣлъ разсказать ей про то, что писарь взялъ деньги и обѣщалъ на ту субботу „судыть ихъ", но при томъ совѣтовалъ на судьбище прійти Машкѣ и Полькѣ. Сохва сейчасъ же сообразила всю резонность совѣта писаря.

— Ото, щобъ винъ—Сугыба—не мавъ чымъ одмагаться супроты тебе. Щобъ, значыть, гроши правылы дивчата ни въ чому йому неповынни... разсуждала Сохва и потомъ вдругъ, пытливо смотря ему въ глаза, спросила:

— А що жъ ты ничого не роскажешъ, що ты робывъ у ярмарку?

Хведько опустилъ глаза и ничего не отвѣчалъ.

— Зъ нею не бачывся? опять спросила Сохва.

— Ни, не бачывся.

— Такъ дежъ ты такъ довго ярмаркувавъ?

— Я у Тышка на горну ночувавъ, хотивъ було наняться такъ тамъ вже есть кому робыть...

— Гмъ! что-то соображала Сохва.—Це ты мени щось не все розсказуешъ, зъ чымъ-сь затаюешся видъ мене. Якъ знаешъ Я наче тоби не ворогъ. Ну, та це твое дило. Иды, а мени ще треба сорочкы покачать,—закончила она и стала прибирать со стола, на которомъ собиралась катать бѣлье.

Хведько какъ-то нерѣшительно поднялся съ лавки и медленно пошелъ изъ хаты, сконфуженный этими упреками. Ему такъ хотѣлось все разсказать Сохвѣ, во всемъ признаться ей и даже узнать ея мнѣніе, но боязнь выдать тайну другихъ, а наиболѣе совѣстливость по отношенію къ Сохвѣ не дозволяли ему сдѣлать этого.

Съ улицы еще отъ воротъ слышенъ былъ туркотъ „рубля", которымъ Машка усердно катала навиваемое на „качалку" бѣлье, успѣвшее уже высохнуть на вѣтрѣ и солнцѣ. Хведько сѣлъ на крыльцѣ и, не зная, за что взяться, думалъ все на ту же тему устройства себя и сестры. Послѣднее ему представлялось почти обезпеченнымъ, такъ какъ онъ вѣрилъ въ отдачу денегъ Сугыбою, но что ему дѣлать, какъ оставаться одному въ своей хатѣ, какъ вести самое хозяйство, если бы даже и возможно было обзавестись лошадью? А ужъ будетъ у него лошадь своя! Онъ вѣрилъ Денысовычу: тотъ исполнитъ свое обѣщаніе. Но все-таки, какъ же онъ будетъ самъ жить, кто у него будетъ въ хатѣ, когда Машка выйдетъ замужъ? Да, не случись

съ нимъ бѣды, не попадись онъ въ тюрьму—Мелашка была бы у него хозяйкой... Мелашка... И натолкнувшись въ мысляхъ на нее, онъ уже не могъ разстаться съ нею, со всею обаятельностію воспоминаній, душевныхъ порывовъ къ ней...

А Машка ужъ покончила съ катаньемъ и, что то прибирая, пѣла на жалостный мотивъ давно знакомую ему пѣсню:

„Ой упавъ снижокъ тай на батькивъ садъ,
„Побывъ дерева, красне яблучко...
„Котысь яблучко, куды котышся...
„Оддай батечку, куды хочется“...

И въ ней говорила дѣвичья тоска, душевная тревога, и пѣла она, выливала грусть-тоску свою, растравляла свое сердце, готовая кому-то отдаться со всѣмъ пыломъ молодости, выйти замужъ:

„Ни за старого, ни за малого,
„За козаченька розудалого“...

Хведьку понятна была эта пѣсня, эта тоска, и его душу она рвала на части, но тѣмъ не менѣе онъ съ такимъ удовольствіемъ слушалъ ее, такъ мила ему была эта боль души, что когда Машка перестала пѣть и вышла на крыльцо, то онъ готовъ былъ просить ее продолжать пѣніе, терзать мелодіей его душу.

— А я бачъ и байдуже! Думала—тебе нема. Вже й не рано... отозвалась она, какъ бы оправдываясь.

XXIX.

Еще съ вечера въ присутствіи забѣгавшей къ нимъ Сохвы порѣшено было, что Хведько пойдетъ завтра „до церквы“. Сего ради Машка добыла изъ „скрыни“ зеленый отцовскій поясъ, а Сохва, какъ ни отказывался Хведько, большими ножницами „пидривняла“ ему чубъ, успѣвшій уже настолько отрости, что несмотря на кудреватость, все-таки нависалъ на глаза и со-

вершенно прикрывалъ собою лобъ. Сохва продѣлала это ловко и не только „пидривняла“ спереди, но и выстригла сзади шею—однимъ словомъ привела въ порядокъ шевелюру и, осмотрѣвъ любовно, добавила:

— Отъ такъ прычыпурыла! А завтра ще возьму тай посьскаю въ голови...

Вмѣстѣ съ тѣмъ она приказала Машкѣ осмотрѣть черкеску, гдѣ нужно подштопать и помазать чоботы хоть саломъ „зъ каганьця“. Порѣшено было, что стряпать будетъ Сохва у себя на всѣхъ, такъ какъ у ней все одно „на завтра вчинята дижа“ и нужно печь хлѣбъ. Машка, провожая Сохву, подала ей въ мискѣ пшено и кусокъ сала.

Еще не успѣло взошедшее солнце обсушить росу, блестѣвшую на покраснѣвшихъ уже кой-гдѣ листьяхъ вишняка, и на посохшихъ колючкахъ подъ заборами, какъ уже благовѣстъ къ обѣднѣ густою волною огласилъ проснувшуюся слободу. Пріодѣвшись совсѣмъ, Машка оправлялась передъ вмазаннымъ въ стѣну зеркальцемъ, причесала спереди надо лбомъ „начосы“, обдернула „кохту“, и, накрывшись большимъ платкомъ, отправилась къ Сохвѣ, которая обѣщала „вывъязаты, якъ слидъ гарнитуровый платокъ“ на головѣ. Умывавшемуся на крыльцѣ Хведьку она сказала, что бѣлье лежитъ въ хатѣ на лавкѣ и что она отъ Сохвы уже пойдетъ прямо „до церквы“.

Когда Хведько въ смазаныхъ чоботяхъ, „подперезаный“ зеленымъ поясомъ съ бѣлымъ выпущеннымъ по обычаю воротникомъ сорочки, вышелъ за ворота, то увидѣлъ и Машку, вышедшую изъ воротъ Сохвинаго двора, и сейчасъ же присоединившуюся къ группѣ дивчатъ ихъ улицы. Онъ бы съ удовольствіемъ задержалъ сестру, чтобы идти вмѣстѣ съ нею въ церковь; ему было-бы смѣлѣе,—но совѣстился и потому, отпустивъ ихъ далеко впередъ, пошелъ самъ. Изъ двухъ дворовъ вышли тоже сосѣди, отвѣтили на его привѣтствіе поклономъ и пошли вмѣстѣ съ нимъ. Одинъ изъ нихъ, оказалось, даже имѣлъ къ нему дѣло:

— А я хотивъ самъ йты до тебе. Ажъ ось ты й самъ тутъ. Въ мене твоя земля... Якъ ты зъ нею справлятымешся? Чы може продасы? Іи усего 12 сажнивъ. Ще ажъ колы оддана... Нехай писля службы Божои побалакаемъ.

Сходившійся людъ не сразу шелъ въ церковь: до окончанія благовѣста группами стояли около ограды; женщины сидѣли даже на ступенькахъ паперти. Тутъ же цѣлымъ букетомъ цвѣтныхъ ситцевыхъ и кумачныхъ паръ красовались „дивчата", меньшая дитвора начинала ужъ поигрывать, бѣгая вдоль церковной ограды; подростки позабирались на колокольню; въ сторонѣ отъ церковныхъ воротъ стояли двѣ телѣги „кавунивъ" и мясникъ съ бараниной.

Хведько стоялъ около колокольни и конфузился, когда на него присматривались односельчане, мало его знающіе, и даже безцеремонно, глядя на него, спрашивали.—Чый це? Видкиля винъ?

Довольно ясно донеслось до его слуха объясненіе одного изъ вопрошаемыхъ:

Це той, що то у волости вбытый бувъ за Сугыбыного коня; Попкомъ дразнять, а тамъ якъ звать не знаю, чый винъ... Потюремщыкъ...

Онъ готовъ былъ бѣжать отсюда, отказаться отъ церкви и сейчасъ же отслонился въ тѣнь отъ колокольни, но вдругъ послышалось:

— Пипъ иде! Онде батюшка!—и всѣ дружно пошли въ церковь, гдѣ уже дьякъ читалъ часы. Вмѣстѣ съ другими пошелъ и Хведько.

Давно онъ не былъ въ церкви—болѣе двухъ лѣтъ. Въ постъ, предшествующій его тюремному заключенію, онъ не говѣлъ, такъ какъ въ первой половинѣ возилъ барду съ винокуреннаго зовода въ заведеніе для скота, а къ концу поста попалъ въ воловики и на шестой недѣлѣ началась „оранка". Въ прошломъ году онъ постъ, когда арестанты говѣютъ, пролежалъ въ больницѣ... Да, болѣе двухъ лѣтъ не былъ онъ въ церкви, не видѣлъ богослуженія, и потому ему, вообще таки

мало знакомому съ обрядами вѣры, да еще послѣ услышанной рекомендаціи, было очень не по себѣ. Началось съ того, что онъ, ставъ недалеко отъ дверей, вскорѣ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ мужчиною посреди женщинъ и дивчатъ, надъ которыми онъ замѣтно высился, если не половиною туловища, то все-таки, какъ библейскій Саулъ, былъ выше всѣхъ отъ плечъ.

— Ты бъ, сынку пройшовъ онъ-туды, де мужыки стоять, а тутъ бабынець—потихоньку сказала ему какая-то маленькая бабуся. Онъ поступился нѣсколько впередъ, но проходившіе со свѣчами оттерли его къ правому выступу, гдѣ онъ очутился какъ разъ передъ новой иконой цѣлителя Пантелеймона. Прикладывавшіеся и ставившіе свѣчи богомольцы отодвинули его совсѣмъ къ стѣнѣ, такъ что онъ не вышелъ изъ бабынця и стоялъ на соблазнъ дивчатъ и молодыць, любовавшихся его красивымъ лицомъ и стройною постатью, у многихъ вызвавшими вопросы—хто це такый и сенсаціонныя „пидштовхування“ дивчатъ между собою.

Сконфуженный всѣмъ этимъ Хведько стоялъ, глядя на старинную почернѣвшую икону, и не впопадъ крестился. Искоса взглядывалъ онъ на ставящихъ свѣчи передъ иконою св. Пантелеймона и не прочь былъ сдѣлать то же, но совѣстился двинуться съ мѣста и боялся усугубить неловкость своего положенія. За выступомъ не видно ему было того, что совершалось у алтаря, а только слышался голосъ діакона и пѣніе пѣвчихъ. Всматриваясь въ икону, онъ разобралъ ликъ какого-то святаго, каковое изображеніе отождествлялось у него съ понятіемъ о Богѣ. Пѣніе становилось все болѣе внятнымъ и торжественнымъ.

Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ!—отчетливо доносилось до его слуха и проникало въ душу. И онъ крестился, молитвенно смотрѣлъ на икону. Это одно онъ понялъ изъ всего, что доносилось до него изъ читаннаго и пѣтаго; но самая музыка пѣнія—стройнаго, благодаря стараніямъ діакона, все больше и больше рас-

трогивало его. Когда во время „херувимской“ всѣ стали бить поклоны и послышался усиленный молитвенный шепотъ, Хведько и себѣ сталъ на колѣни и тоже, не отрывая глазъ отъ иконы, шепотомъ повторялъ—„святый Боже, святый крипкый, святый безсмертный помылуй насъ“!

Полнѣйшій невѣжда въ понятіяхъ христіанской вѣры, знающій только, какъ и большинство его сверстниковъ, безъ всякаго пониманія молитвы: „Царю небесный“, „отче-нашу“ и „вирую“, забываемыя по мѣрѣ отдаленія отъ дѣтскаго возраста, когда ему эти молитвы проказувала покойная его мать, Хведько разумѣется, имѣлъ самое смутное понятіе о Богѣ, о св. Тройцѣ, о Сынѣ Божіемъ, объ обрядахъ церкви, о всемъ томъ, чему учитъ насъ церковь и св. писаніе. Богъ въ его пониманіи представлялся ему какою-то силою, властью всемогущею, совершенно по прихоти своей все содѣвающею. О милосердіи Божіемъ онъ только зналъ изъ употребляемыхъ въ общерѣчіи словъ „Милосердный“ „Помылуе“, Богъ дасть“... По всему этому онъ и теперь, молитвенно настроенный, созерцающій, какъ ему казалось, ликѣ самого Бога на иконѣ, ни о чемъ не молилъ Его, не просилъ, ни въ чемъ не каялся, не думалъ объ этомъ. Въ словахъ „помилуй насъ“ для него выражалось все моленіе, лучше сказать, все умиленіе, въ какомъ онъ находился. Онъ и не подумалъ бы упасть на колѣни и просить о чемъ бы то ни было ни старшину, ни судью, ни вообще какое бы то ни было начальство, власть, хотя бы дѣло шло о самой жизни его. Ему бы въ голову не пришло надѣяться что либо у нихъ выпросить, умилостивить ихъ; но здѣсь, подъ стройные звуки пѣнія, при этой всей обстановкѣ, онъ стоялъ на колѣняхъ, билъ поклоны и искренно просилъ Бога Святого, Крѣпкаго и Безсмертнаго помиловать его. Ничего опредѣленнаго онъ не просилъ, а только помилованія.. И такъ онъ долго стоялъ на колѣняхъ, долго молился, забывъ все окружающее, не обращая вниманія на то, что всѣ уже давно поднялись на ноги, что, отвлеченные на время молитвами и поклонами, всѣ опять смотрѣли на него, удивлялись его набожности и даже перешепты-

вались о немъ. Даже Машка, стоявшая съ дивчатами, удивленно поглядывала на него.

Подошедшіе съ тарелочками и „карбонками“ диды и дякъ прервали молитвенное его настроеніе. Какъ бы очнувшійся отъ сна, Хведько оглянулся, всталъ на ноги. Увидавъ, что окружающіе его „жинкы“ кладутъ на тарелочки деньги, онъ и себѣ полѣзъ въ карманъ и, нащупавъ двѣ крупныя монеты, положилъ одну на тарелку ктитарю, а другую дьячку, не ставъ брать къ удивленію ихъ сдачи. Повернувъ голову на жинокъ, онъ замѣтилъ много глазъ устремленныхъ на него, и сконфузился окончательно. Опять сталъ смотрѣть на икону, опять крестился и повторялъ „помилуй насъ“, но уже то умиленное-молитвенное чувство, которое такъ наполняло его душу, не возобновлялось, и даже пѣніе концерта, со всѣмъ стараніемъ исполненнаго пѣвчими, не трогало его. Теперь ужъ одно занимало его мысли—это желаніе поскорѣе выйти изъ церкви и пройти домой, наименѣе замѣченнымъ публикою.

Послышался звукъ отъ колецъ завѣсы, пискъ и плачъ причащаемыхъ дѣтей, и затѣмъ вскорѣ и пѣніе—„Спаси Господи люди Твоя“... И эти слова понялъ Хведько и крестился, и кланялся, повторяя „Спасы Господы“, и вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ что люди стали выходить изъ церкви. Дождавшись, когда женскій полъ удалился и пошли „мужыкы“, онъ и себѣ пошелъ.

Не всѣ вышедшіе изъ церкви сейчасъ же отправились къ дворамъ: многіе остались еще или около возовъ съ кавунами, или стояли и говорили о дѣлахъ. „Ризныкъ“ уже уѣхалъ, но за то явилась „стара Прокопенчыха“ съ бубликами на маленькомъ возку. Покупали, стояли, поджидали, или здоровались. Нѣсколько человѣкъ уже отправились по направленію къ кабаку Козла. Хведько и себѣ сталъ около воротъ, не рѣшаясь, пристать къ группѣ парубковъ, направившихся вслѣдъ за дивчатами, такъ какъ между ними не было его сверстниковъ, переженившихся еще въ прошломъ году. Къ нему подошелъ его сосѣдъ—уличанинъ, заговорившій было передъ обѣдней о землѣ, Семенъ Ковтунъ, и пригласилъ его идти съ нимъ къ Жердеву,

гдѣ они и покончатъ это дѣло.—Хведько почти обрадовался этому обращенію Ковтуна къ нему, совершенно чужому среди своихъ однослобожанъ, и пошелъ съ нимъ даже къ Жердеву. Тамъ они сладили такъ, что Ковтунъ купилъ у него его 12 саженей за 2 р. 40 к. верховъ, т. е. приплаты къ платежу за землю, и договоръ скрѣпили могорычемъ—роспили вдвоемъ косушку (2 шкалика), а послѣ еще съ кѣмъ то косушку и еще сколько то — Хведько ужъ не помнилъ. Можетъ быть они и еще могорычились бы, но Машка, посланная Сохвою купить кавуновъ, вызвала брата черезъ кого-то изъ кабака и потребовала, чтобы онъ шелъ домой, такъ какъ пришла Полька по какому-то дѣлу. Сильно захмѣлѣвшій Хведько отъ выпитой натощакъ водки, безпрекословно повиновался и пошелъ домой. Ему почему то теперь стало жаль сестру, такая она показывалась хорошая, сирота—безъ батька-матери. Онъ, не смотря на ея сопротивленіе, взялся нести мѣшокъ съ кавунами и всю дорогу бормоталъ что то ласковое, изъ чего Машка могла разобрать только отрывочныя фразы.

— Ты въ мене теперъ одна... Я тебе пожалію... Усе справлю.. Усе...

У Сохвы, къ второй они зашли, сидѣла Полька, разряженная, въ большомъ платкѣ поверхъ очипка. Она прямо изъ церкви съ Бемовки отправилась сюда ради того, чтобы сказать, что сегодня вечеромъ явятся старосты и что „титка Горпына“, которую она видѣла въ церкви, обѣщала прійти ночевать къ нимъ —Хведьку и Машкѣ. Все это она успѣла разсказать Сохвѣ и спѣшила домой, а ей—„не блыгомый свитъ: ажъ на Удильщыну“ нужно поспѣшать. Сохва и Полька сразу поняли, что Хведько пьянъ.

— Отъ такъ—такъ! нарюхався!.—сказала первая Сохва, между тѣмъ, какъ Полька только смотрѣла укоризненно на брата, котораго она никогда не видѣла пьянымъ.

— Намолывсь?—продолжала Сохва, когда Хведько сѣлъ на лавку и, окинувъ всѣхъ затуманенными очами, свѣсилъ голову и замоталъ ею. Всѣ онѣ—и Сохва, и Полька, и Машка—всѣ

казались ему такими добрыми, хорошими. Такъ онъ любилъ ихъ, такъ они его жалѣютъ... Особенно Машка...

Сестро, сестрычко!—бормоталъ онъ,—Я, я! Отъ ты якъ мене розжалобыла... Якъ пакъ??...

— Ой упавъ снижокъ, тай на батькивъ садъ!.. Затянулъ онъ, замоталъ еще больше головою и заплакалъ.... Святый Безсмертный помылуй насъ!.. бормоталъ онъ.

И Сохвѣ, и Полькѣ, и Машкѣ стало жаль его. Онѣ въ немъ видѣли сбитаго съ колеи человѣка, который „настраждався занапрасно". Онѣ понимали, что не самъ онъ собою напился, а что кто-то и зачѣмъ-то напоилъ его.

— Ну, буде жъ, буде!—сказала Полька... Мени пора, пійду... Розскажешъ все сама йому... обратилась она къ Сохвѣ.— Прощайте.

Пока Машка провожала Польку и уже въ калиткѣ выслушивала отъ нея кой какія наставленія, Сохва уговорила Хведька снять поясъ и черкеску и, наклонивъ его надъ помыйныцею, обливала голову водою. Освѣженный, онъ сидѣлъ на лавкѣ и мало по малу приходилъ въ себя.

— Отъ пойисы, такъ воно не такъ разбиратыме—говорила Сохва, доставая изъ печи горшокъ съ борщемъ.

Вошедшая въ хату Машка помогла собрать обѣдать, и они втроемъ усѣлись за столъ.

XXX.

Машка была задумчива: особая складка легла у нея между бровями; она почти ничего не ѣла. Полька сказала ей, что сегодня будутъ старосты. Хведько, взглядывая на Машку, соображалъ, что она опечалена его пьянствомъ, и все порывался разсказать, какъ его завелъ въ кабакъ Ковтунъ, какъ тамъ еще кто-то присталъ къ нимъ, хотѣлъ извиниться, но ужъ хмѣль не осмѣливалъ его, какъ въ первыя минуты опьянѣнія, когда

онъ могъ, что вздумаетъ сказать... и такъ ничего и не сказалъ онъ; только тяжесть чувствовалъ въ головѣ, да клонило ко сну.

Послѣ обѣда Сохва предложила ему тутъ же у нея и выспаться, а Машка пошла домой, такъ какъ къ ней обѣщались прійти дивчата.

Къ полудню, людно стало на улицѣ. Подъ хатами на „прысьбахъ“, на кое гдѣ сложенныхъ деревахъ, а то и попросту на землѣ, сидѣли группами „жинкы, чоловикы“; дѣти бѣгали, играли въ свинку; дивчатка-подростки попискивали тоненькими голосами пѣсни; „парубкы“ цѣлою юрбою собрались около кузни и рипѣли на гармоніяхъ; взрослыя дивчата—невѣсты—собрались около хаты Самченковыхъ. Сегодняшнее появленіе Хведька въ церкви было непосредственною причиною этого сборища дивчатъ. Хотя онъ уже заросталъ бородою и хотя онѣ уже успѣли поразузнать про него, что онъ и въ тюрьмѣ былъ, и въ какихъ то странныхъ отношеніяхъ состоитъ къ Сохвѣ солдаткѣ, но въ то же время кой кто изъ нихъ успѣлъ подмѣтить его красоту; сообразили, что онъ все-таки парубокъ, и то, что у Машки, гдѣ нѣтъ никого изъ „старшыхъ“, ихъ никто не можетъ стѣснять... Все это совмѣстно было причиною ихъ „збижыща“ къ Машкѣ.

Сохва, заперевъ двери и оставивъ Хведька спящаго въ прохладныхъ сѣняхъ, тоже вышла на улицу и подсѣла къ ближайшей группѣ около Журиленкового двора. Оживленный разговоръ „жинокъ“ какъ то оборвался, когда она приблизилась и сказала обычное привѣтствіе: „Днювалы соби! Зъ недилею“!—Сохва сообразила, что тутъ говорили если не про нее, то про Хвеьдка, ставшаго для всѣхъ интереснымъ, и со свойственной ей бойкостію сейчасъ же замяла неловкость, обративъ вниманіе всѣхъ на дивчатъ.

— Отъ бачъ! Дивчата по духу чують, де зативается що.—Такъ и прыленули до Самченкивъ, мабуть-то вже дознались що Машку сватають. Новость всѣхъ заинтересовала, и бойкая Сохва сразу стала средоточіемъ бесѣды жинокъ, разспрашивавшихъ „якъ и що“, кто сватаетъ? какъ будутъ отдавать ее си-

роту? Сохва все по порядку разсказала: что сватають „зъ Удильщыны“; что Полька знаетъ этихъ людей и хвалитъ; что „титка Горпына“ не оставитъ сироту; что вотъ и деньги отцовскія обѣщали взыскать съ Сугыбивъ, которые тогда такъ занапрасно „було вбылы парнягу“; что „судыть“ всѣ умѣютъ, а попробовали бъ сами побыть въ такомъ положеніи, не то бы сказали. Съумѣла она разсказать, какъ „занапрасно“ парня засудили у тюрьму, какъ они, Самченковы, разорились и какъ всѣ эти бѣдствія—смерть отца, матери, тюрьма, поклепъ, доведшій до смертнаго бою—все это внезапно обрушилось на нихъ.

— Не доводь, Господы, никому дознать стильки лыха!—закончила она разсказъ, возбудившій сочувствіе и жалость у слушателей къ Хведьку и Машкѣ и обрисовавшій положеніе ихъ совсѣмъ въ новомъ для всѣхъ свѣтѣ. Старый—совсѣмъ бѣлый—Журило, сидѣвшій тутъ же, какъ бы выражая общее настроеніе, сказалъ:

— Не судыть, а жалить ихъ треба. Воны сыроты! Кой кто вздохнулъ. Разговоръ пошелъ о томъ, что теперь бы слѣдовало и Хведька женить и что многія изъ дивчатъ „не погордують“ имъ, что все Богъ устроитъ и за терпѣніе дастъ спасеніе.

Всѣ эти толки были прерваны появленіемъ на улицѣ какого то „москаля“, направлявшагося съ Машкой, выдвинувшейся изъ-за дивчатъ; тогда только первая Сохва узнала въ немъ прежняго ихъ квартиранта, бондаря.

— О! це той бондарь, що у ныхъ въ хати зимовавъ. Всѣ тогда вслѣдъ за нею узнали его, и когда онъ пошелъ въ хату, Сохва и себѣ пошла туда же. Оказалось, что бондарь прибылъ на заводъ и опять хочетъ нанять хату Самченковыхъ для себя и жены и пришелъ узнать, можно ли будетъ это сдѣлать.

Сохва и Машка ничего не могли положительнаго сказать, не поговоривъ съ Хведькомъ и съ обѣщавшею прійти ночевать „титкою Горпыною“, но какъ имъ казалось, они пустятъ его въ хату зимовать. Такъ какъ жена бондаря пріѣдетъ съ ар-

телью не раньше какъ черезъ двѣ недѣли, то и порѣшили обождать съ рѣшеніемъ этого вопроса.

Сохва, проводивъ бондаря, уже не пошла къ жинкамъ, а отправилась къ себѣ въ хату. Хведько спалъ, разметавшись въ сѣняхъ на полу, и Сохва, затворивъ входныя, синешни двери, а отперевъ хатни, долго стояла, смотря на него и любуясь его красивымъ лицомъ и богатырскимъ сложеніемъ. Послышались чьи-то шаги на крыльцѣ, и въ сѣни впорхнула Машка отдать ключъ и сказать, что идетъ съ дивчатами по слободѣ.

— Иды! Погуляй—покрасуйся! Це тилькы й твого, а тамъ... Не досказала она, и только покивала головою, какъ бы застигнутая въ какомъ-то грустномъ раздумьи.

Провожая Машку къ воротамъ, гдѣ ожидали ее дивчата, Сохва постояла въ калиткѣ, посмотрѣла вслѣдъ уходившей группѣ дивчатъ и пустившимся за ними парубкамъ съ гармоніей, окинула взглядомъ улицу, съ которой уже начинали расходиться люди, перекрестилась, услыхавъ благовѣстъ къ вечернѣ и, повернувшись идти въ хату, уткнулась глазами на Мелашку, выходящую изъ садка.

Какое то нёзнакомое ей чувство недовольства ощутила она; ей почему то непріятнымъ показался этотъ приходъ Мелашки шибко пробѣжавшей дворъ и вскочившей впередъ ея въ сѣнцы, а послѣ въ хату.

— Охъ! сестрыце, якъ ще я боялась идучы городамы, вже було й не думала заходыть до тебе, да такъ вже, думаю, хоть на хвалыночку—говорила запыханная Мелашка.

Сохва молчала и что-то передумывала, но вдругъ вздохнула и сказала:

— Оставайся тутъ. А я пійду до вечерни—помолюся.

— О, ни, сестрыце! мени тежъ треба йты—я це, кажу жъ, на мынуточку—повыдатысь...

Но Сохва, не слушая ее, уже напялила на голову очипокъ съ платкомъ, оправила на себѣ пару и тогда только отвѣтила:

— Та же й повыдаешся! хыба не прымитыла?—отъ дывысь.—Засунься, а я пійду... и пошла изъ хаты.—Мелашка же только тогда и „запрымитыла" того, къ кому она такъ бѣжала, того, къ кому такъ рвалась душа ея.

Синешни двери замкнуты, и Мелашка очутилась въ полуосвѣщенныхъ сѣняхъ надъ Хведькомъ, уже проснувшимся, но неподнявшимся съ постланнаго на землѣ рядна.

XXXI.

Поздно уже вечеромъ на крыльцѣ хаты Самченковыхъ появились „старосты". Неспавшій еще Хведько на окликъ:—Дома хозяинъ? Выйдить хто сюды!—отсунулъ засовъ синешныхъ дверей и увидалъ двухъ человѣкъ, сказавшихъ ему „добрый вечиръ" и попросившихъ позволенія войти въ хату.

— Зачимъ? Хто вы таки?—спросилъ Хведько.

— Сторонни, подорожни, просымось у хазяйску господу одпочыть, а може, якъ Богъ поможе, хлиба соли вкусыть.—

Разбуженная, задремавшая уже было „титка Горпына" зажгла огонь—(сальную свѣчу нарочно припасенную), надѣла очипокъ съ повязаннымъ платкомъ и пригласила гостей въ хату. Вошедшіе были въ обыкновенныхъ „простого сукна" черкескахъ, подпоясанные поясами и съ палками. Одинъ изъ нихъ держалъ завернутый въ платокъ хлѣбъ. Перекрестившись на образа, они поздоровались по обычаю.

— Добрый вечиръ! Днювалы соби у добримъ здоровьи?

— Спасыби! Якъ вы соби?—отвѣтила „титка Горпына".

— Що вы за люде?—добавила она.

— Люде зъ стороны, прохожи, соби та Богу прыгожи, а може й вамъ не будемо протывни. Дозвольте намъ поморенымъ у вашому чесному доми систы-одпочыты, тоди й станемо свои речи вамъ говорыты.—

— Мылосты просымо. Сидайте въ насъ. Мы ради речей добрыхъ людей послухаты,—отвѣтила „титка Горпына".

Гости прошли къ столу и усѣлись рядомъ на лавкѣ, но прежде того старшій изъ нихъ, развернувъ платокъ, добылъ изъ него хлѣбъ и подавая хозяйкѣ сказалъ:

— Пріймить же одъ насъ хлибъ-силь.—

— Мы хлиба-солы не цураемося—отвѣтила „титка Горпына",—взяла хлѣбъ и положила его на столѣ рядомъ съ закрытымъ концомъ скатерти—настильныка—своимъ хлѣбомъ.

Она сѣла въ другомъ концѣ стола, а Хведько стоялъ посреди хаты, не зная, что дѣлать.

— Сидай и ты, молодый хазяинъ, нашихъ речей послухаешъ, одвитъ намъ зъ пани-маткою дасы.—

Хведько сѣлъ около „титкы Горпыны". „Въ валькири", за перегородкою, затаивъ дыханіе, стояла Машка.

Послѣ небольшой паузы, старшій староста откашлянулъ и началъ свои „законни речи" такъ:

— По свитахъ ходючы, мы зайшли у вашу слободу и отъ за вашымъ дозволомъ ажъ у вашъ домъ чесный зайшлы и тутъ, чого шукалы, те й знайшлы.—

Тутъ онъ немного замялся и опять, откашлянувъ, продолжалъ:

— Не сами собою мы прыйшлы—люде намъ васъ вказалы, бо въ насъ есть купець, а въ васъ товаръ. Якъ то кажуть—не купець, а добрый молодець, не товаръ, а красна дивыця. Дозвольте купцеви на неи подывытьця...

„Титка Горпына" и Хведько молчали во время произнесенія всей этой рацеи и видимо досадовали, когда староста запинался. Когда онъ умолкъ, они не нашлись что сказать и смотрѣли на него, какъ бы ожидая продолженія рѣчи. И на самомъ дѣлѣ требованіе посмотрѣть дѣвушку было противно этикету, что самъ староста сообразилъ и добавилъ:

— Дозвольте намъ купця показаты и товаръ повыдаты.—

Но „титка Горпына", какъ бы не слыша этой послѣдней просьбы, съ своей стороны спросила:

— Хто жъ винъ такый цей вашъ „купець", чы добрый молодець, якого винъ роду, батька-матери?—

— Це мы скажемо, не потаимо. Воны у насъ на Удильщыни люде не послидни, тамъ ихъ усяке знае, а же ваша молодыця туды оддана и вона ихъ знае... Тесленкы воны въ насъ прозываютця, може чувалы, Петро Якымовычъ Тесленко... А парень Иванъ... Иванъ Петровычъ.. Люде воны звистни...

Подъ хатою между тѣмъ собралась кѣмъ то извѣщенная о приходѣ „старостивъ" цѣлая юрба молодежи, челяди. Парни и дивчата припадали къ окнамъ, стараясь сквозь щели оконицъ проникнуть глазами въ хату и хоть что-нибудь разсмотрѣть. На крыльцѣ въ тѣни сидѣлъ кто-то, очевидно не принимавшій участія въ этихъ зазираніяхъ молодежи. Кто то изъ нихъ замѣтилъ сквозь щели огорожи эту особу и сообщилъ другимъ, и всѣ порѣшили, что это и есть самый женихъ. Всѣ по-очередно стали его разсматривать, высказывать свои замѣчанія, при чемъ нѣкоторые осмѣлились пріотворить немного калитку. Дивчата шепотомъ сообщали компаніи результаты своихъ наблюденій, очевидно, насмѣшливаго содержанія, хихикали, „прыкладалы", а парни несдержано „реготалысь", что заставило жениха—это онъ былъ на самомъ дѣлѣ—спрятаться въ сѣни.

Въ хатѣ же своимъ чередомъ шла рѣчь сначала о томъ, кто родители жениха, о составѣ семьи, объ ихъ имущественномъ положеніи, о томъ, что у нихъ плугъ воловъ, вѣтряная мельница, что вообще они люди зажиточные...

„Титка Горпына" стала было говорить, что невѣста сирота— „ни батька, ни матери", что это можетъ быть причиною несоотвѣтственности ея имущественному положенію семьи жениха, что у нея еще „де чого багато не справлено", что „недостаткы" ихъ семьи могутъ помѣшать сватовству...; но старосты, очевидно не уполномоченные въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, отклонили рѣчь объ этомъ общими фразами.

— Це вже таке... якъ Богъ дасть. Пійде на дило, такъ, поздоровъ Боже свата, усе зтокмаетця... Абы согласія була, а то хиба винъ за тымъ постоить... Усе Богъ управыть!..

— Вы намъ тилькы подайте слово... кх!.. кхъ!.. отъ у горлянци пересохло... лукавилъ староста, разсчитывая, что позовутъ дѣвку принестѣ воды и такимъ способомъ явится возможность ее увидѣть.

Но хозяйка догадалась подать воды сама, и другой староста, понявъ этотъ маневръ, сказалъ:

— Чымъ ото тамъ водою прочыщаты горлянку, такъ ось въ мене е друге—и досталъ изъ-подъ полы черкески бутылку съ водкою и поставилъ на столъ.

— Оце вирно! такъ то смилійше буде говорыты,—сказалъ старшій староста. Отъ тилькы миркы въ насъ нема, чы не знайдется якои у васъ...

Хведько отыскалъ у „мысныку" рюмку и, обтерши ее концомъ скатерти, поставилъ на столъ. „Титка Горпына" не трогалась съ мѣста, хотя слѣдовало бы найти чего нибудь для закуски. Она, казалось, предоставляла гостямъ самимъ угощаться.

Старшій староста ототкнулъ бутылку и обратился къ хозяевамъ:

— Благословить, паниматко, и ты молодый хазяинъ, у вашому чесному доми васъ почастуваты и соби смилосты прыдаты.

—Частуйтесь сами у добримъ здоровьи, а мы вже повечерялы, отвѣтила „титка Горпына", съ напускнымъ равнодушіемъ относясь къ этому предложенію. Но староста опять не унимался: взявъ въ руки бутылку, сказалъ —

— Воно бъ то и выпыть, та закусыть ничымъ...

— Та же ото хлибъ передъ вамы—не поддавалась «титка Горпына»

— Признатця, намъ цей хлибъ на дило далы, такъ мы прыказъ сповняючы и не сміемо його почынаты.

— Подывысь, сыну, тамъ у мысныку, наче есть хлибъ... нарижъ и подай... обратилась „титка Горпына" къ Хведьку, каторый уже начиналъ терять терпѣніе отъ всей этой церемоніи, казавшейся ему совершенно излишней. Онъ нашелъ начатый хлѣбъ, отрѣзалъ двѣ большія скибки и подалъ на столъ, открывъ въ то же время прикрытую концомъ скатерти солонку.

Староста налилъ рюмку водки и подалъ ее „титкѣ Горпынѣ“, но та, разумѣется, отказалась. и даже не съ обычнымъ пріемомъ отвѣта подносящему, какъ это дѣлается при потчиваньи, а опять съ тѣмъ же видимымъ равнодушіемъ къ „ихъ дѣлу самоугощенія“.

-- Ни, спасыби; я жъ кажу, мы вже повечерялы. Кушайте, сами соби у добримъ здоровьи.—

Староста хорошо понималъ всю эту процедуру, и перекрестившись началъ:

— Будьте жъ здорови! Пошлы намъ, Господы, у мыри—покои дило наше встроиты, за чымъ насъ послано, щобъ нашого свата звисткою доброю звеселыты, усе по ладу до киньця довесты. Будьте здорови!—и, поклонившись хозяевамъ и товарищу, онъ выпилъ всю рюмку, показалъ ее всѣмъ, какъ-бы для осмотра, что она пуста, и сталъ наливать другую, опять протянувъ „титци Горпыни“. Опять тотъ же отказъ, то же предложеніе потчиваться самимъ, подносить товарищу... Выпилъ и другую староста почти съ тѣми же приговорами. Опять налитая рюмка протянулась къ „титкѣ Горпынѣ“—и опять тотъ же отказъ. Старосты оказались побѣжденными стойкостію бабы.

— Такъ вы жъ намъ, пани-матко, хоть слово подайте—яка у васъ буде согласія.—

— А яка наша согласія? Мы ще й самого парня не бачылы, якый винъ такый е...

— Та це дило за вашымъ дозволомъ, а то мы заразъ його вамъ покажемо—винъ у насъ слава тоби Господы, не крывый и не горбатый. Выйды товарышу, поклычъ його, винъ тутъ десь...

Черезъ минуту вслѣдъ за выходившимъ въ сѣни старостою вошелъ молодой еще совсѣмъ парубокъ, безъусый, съ ровно подрѣзаннымъ въ кружокъ чубомъ, въ суконной черкескѣ, подпоясанный зеленымъ камлотовымъ поясомъ. Онъ какъ то торопясь перекрестился и сказалъ:

— Здорови були! Добрый вечиръ!—

— Здоровъ!—отвѣтили одновременно Хведько и „титка Горпына“, только послѣдняя добавила—отецькый сыну.—Проходь дали, сидай у насъ, гостемъ будешъ.—

Паробокъ стоялъ и конфузился подъ вперившимися въ него взглядами хозяевъ, которымъ видимо понравилась его стройная фигура, покраснѣвшее молодое лицо и манера. Онъ мялъ въ рукахъ картузъ и стоялъ, потупивъ глаза.

Хведько не выдержалъ, всталъ и, подошедши къ нему, взялъ его за рукавъ черкески и подвелъ къ лавкѣ со словами—

— Сидай, сидай оттутъ.—

— Ото и дывится, якый нашъ купець, добрый молодець—сказалъ староста. Теперъ ласкы вашой просымо, нехай буде можно й намъ вашу дивку побачыты, щобъ Господь благословывъ ихъ звесты до купы.—

Машка все время стояла прислонившись къ перегородкѣ „валькиря“; задумавшись, она не совсѣмъ внимательно относилась ко всему, что было по сю пору говорено сватами. Мысли у нея путались и не могли остановиться на чемъ-либо опредѣленномъ. Она знала, что ей необходимо выходить замужъ, такъ же какъ и то, что когда нибудь и умретъ. Первое—замужество—стояло на очереди круговорота ея жизни, и она и раньше, а особенно въ послѣднее время, когда уже была заповѣдана присылка сватовъ—обдумывала и не находила въ этомъ ничего особеннаго. Молоденькая еще дѣвушка, она не успѣла занозить свое сердце особымъ какимъ къ кому нибудь влеченіемъ, была ровна со всѣми парубками своего кутка, не остановила пока ни на комъ изъ нихъ взгляда души своей. Про невзгоды супружеской жизни она знала больше изъ жалобныхъ „жиноцькыхъ писень“, не присмотрѣлась еще къ жизни, а удавшееся замужество сестры Польки, ихъ хорошая жизнь отстраняли опасенія этой жизненной фазы. Ее отчасти только пугала неизвѣстность, какой такой этотъ женихъ собой, какъ онъ отнесется къ ней, соотвѣтствуетъ ли онъ пѣсеннымъ идеаламъ, старый ли онъ, малый ли въ смыслѣ возрастномъ, или „молодчыкъ розудалый“. Когда изъ-за перегородки она услыхала, что жениха пошли звать

въ хату, то любопытство заставило ее прильнуть къ щели перегородки съ желаніемъ увидать его, но когда скрипнули двери и около порога послышалось произнесенное имъ привѣтствіе, то дѣвичья стыдливость взяла верхъ, и она, не увидавъ „його“, отскочила къ помосту, и съ какимъ то страхомъ припала къ подушкѣ.

Вошедшая въ „валькиръ“ „титка Горпына“ должна была чуть не силою оторвать ее отъ подушки, оправить на ней пару и красную сконфуженную вывести къ сватамъ.

Она еле успѣла взглянуть на гостей, сейчасъ же опустила глаза и едва съумѣла пробормотать—„Здрастуйте!.

— Здрастуй! Здорова була, батькова дочко!—отвѣтили старосты, а женихъ даже всталъ съ лавки, впился было сразу глазами въ нее, но тоже вдругъ покраснѣлъ и, опустивъ вѣки, такъ и не садился. Невѣста, очевидно, всѣмъ понравилась; старосты не сводили очей съ нея, ласково ее оглядывая, даже Хведько въ первый разъ замѣтилъ, какъ она была красива, Минуту, или больше, въ хатѣ все замолкло. „Титка Горпына“, усѣвшаяся на прежнее мѣсто, какъ то выше подняла голову, какъ бы хотѣла сказать своею миною.

— Какова?! Смотрите, чѣмъ не дѣвка?!—

— Такъ отъ, пани-матко и ты молодый хазяинъ, и ты, батькова дочко, дайте намъ одвитъ, яка буде ваша согласія, чы оддасте намъ за цього молодця дивку?

Молодець стоялъ и только при этихъ словахъ взглянулъ на „дивку“ и опять опустилъ глаза.

— Кажить!—повторилъ староста.

— Шо жъ намъ казать?—отвѣтила „титка Горпына“. Вы и пытайте, іи воля, якъ вона скаже.—

— Такъ ты, батькова дочко, намъ кажы: чы до вподобы тоби молодець? Пійдешъ за нього?—

Машка молчала и закрылась опертой въ перегородку рукою.

— Ну, тутъ ничого соромытця. Одвить намъ, що мы въ тебе допытуемось—чы согласна ты слово подать за нашого парня?—

Машка не знала, что сказать, а только еще больше попилась.

— Шо жъ, дочко, кажы, якъ ты надумалася. Людямъ треба такый чы иншый одвитъ даты...—сказала „титка Горпына, ей. Тутъ ничого соромытысь—добавила она.

— А що мени казать? Я не знаю,—процѣдила Машка, все больше и больше краснѣя.—Якъ бы въ мене батько—маты...—сказала она и заплакала, прижавшись къ притолкѣ. Напряженность разрѣшилась слезами.

Всѣмъ стало ее жалко, всѣ поняли, что ей особенно тяжело въ этотъ рѣшительный моментъ ея жизни, когда совѣтъ родныхъ „батька—матери" наиболѣе былъ бы необходимъ; всѣ хорошо знали, что только „ненька ридненька" въ эту минуту жизни никѣмъ не замѣнима... Старосты замолкли, вздохнула „титка Горпына", поникнулъ головою Хведько, а заторопѣвшій женихъ даже вышелъ изъ хаты и сталъ въ раздумьи въ сѣняхъ.

Одинъ изъ старостъ тоже на минуту вышелъ въ сѣни. Ему нужно было спросить мнѣніе жениха. На вопросъ, нравится ли ему дѣвушка, онъ отвѣтилъ:

— Вы свое робить, а мени кращои й не треба.

Вернувшійся въ хату староста подтолкнулъ товарища и, прокашлявшись, началъ опять.

— Шо жъ, воно звисно, сырота... згадала й заплакала. А все жъ такы якось, якъ то кажуть, не безъ мылосты й Господь, усе Винъ мылосердный управыть.—Вздохнувъ и немного помолчавъ, онъ продолжалъ.—Усе гараздъ буде. Дасть Господь зламогоду, такъ ото тоби и батько и маты. Пожывете, злюбытеся... усе гараздъ буде. Абы тилькы одно одному до вподобы. Ото я выходывъ, пытавъ, такъ каже—мени кращои не треба.—Послѣднюю фразу онъ сказалъ почти шепотомъ, но однако же такъ, что ее услыхала Машка, переставшая уже плакать и зашедшая за порогъ „валькиря".

— Угамуйся, батькова дочко, та такы якъ слидъ намъ и кажы... а попередъ усього, будь ласкова, дай мени воды напытьця... Машка оправилась, взяла кружку и пошла въ сѣни набрать воды. Тамъ она наткнулась на жениха. Онъ взялъ ее за руку и тихонько сказалъ:

— Не плачь—я тебе жалитыму, въ мене батько, маты добри—и воны тебе жалитымуть.—

Они стояли вплотную другъ къ кругу, онъ ей жалъ руку, а она не знала, что отвѣтить ему, а только вздрагивала. Одно это мгновеніе ихъ сблизило, оба они почувствовали взаимное влеченіе...

Набравъ въ кружку воды, Машка смѣло вошла въ хату и подала напиться старостѣ, при чемъ поклонилась въ поясъ и сказала отчетливо:

— Добре здоровъя пывшы.

— Спасыби, хороша дивко. Дасть Господь у тебе на весилли и иншои выпыть,—сказалъ староста, обтирая усы и отдавая кружку.

— Ну, теперъ же дай намъ одвитъ, яка твоя согласія буде?

Машка опять отошла на свое мѣсто и не знала, какъ отвѣчать.

— Кажы, сказала „титка Горпына", хорошо понимавшая весь этотъ маневръ старосты, эту высылку старостою Машки за водою въ сѣни, лишнюю проволочку времени, употребленнаго на зачерпываніе воды изъ тутъ же около дверей въ сѣняхъ находившейся кадушки, и наконецъ по лицу дѣвушки понявшей что съ ея стороны нѣтъ противленія сватовству.—Одповидуй, ничого людей водыть, якъ думаешъ.

— Кажы, дивчыно, що небудь кажы...—добавилъ староста.

— Шо жъ я скажу? Якъ титка и братъ скажуть.

— А намъ що казать, сказала „титка Горпына"—ни мени, ни братови зъ нымъ не жыть, а тоби—ты й кажы, чы согласна виддатыся, чы якъ?..

— Кажы сама, сестро!—добавилъ отъ себя Хведько.

— Я... согласна... отвѣтила, опустивъ глаза, Машка.

— Ну, спасыби тоби, батькова дытыно, що ты насъ не водыла, а усю правду одкрыла. Теперъ, слава Тоби, Господы, наше дило Богу помолытьця и добрымъ людямъ поклонытьця хлибомъ-силлю.—Онъ всталъ вмѣстѣ съ товарищемъ, помолился на образа взялъ со стола хлѣбъ и подалъ „титкѣ Горпынѣ".

— Просымо васъ, пани-матко, хлибъ-силь одъ насъ прыйняты и намъ, яхъ слидъ по закону, порядокъ дать.

„Титка Горпына" а также и Хведько встали и первая перекрестившись взяла поданный хлѣбъ, поцѣловала его и, кладя его на столъ, торжественно произнесла:

— Дай же намъ, Господы, Маты Божа, дило до киньця довесты, дитей, якъ кажуть, за Божимъ прозволеніямъ до купы звесты. Теперъ просымо васъ, люде добри, посыдьте, погостюйте въ насъ, а ты, дочко, побижы до дядыны Катри, попросы іи сюды прыйты, вона жъ тоби не чужа чуженыця...

Машка взяла какой то платокъ въ „валькыри" и пошла изъ хаты, за нею вышелъ и Хведько и сказалъ ей, чтобы зашла и къ Сохвѣ и ее позвала. Стоявшій въ сѣняхъ женихъ по приглашенію Машки пошелъ съ нею. Когда они, держась за руки, вышли изъ калитки, то стоявшая тамъ молодежь разступилась и дала имъ дорогу, но лишь они отдалились, челядь нарочно громко заговорила и даже было кинулась вслѣдъ за ними...

— Отъ такъ Машка! Вразъ рушныкы подае!..

— Отъ така.

— Жоныхъ... фу... щей за рукы побралысь...

— Сестрычко, клычъ же въ дружкы!.. и т. п.—раздавалось вслѣдъ за изчезающими въ темнотѣ ночи молодыми. Они шибко шли не разрываясь руками, молча...

Разбуженная стукомъ въ оконницу Сохва догадалась, въ чемъ дѣло, засвѣтила огонь и впустила въ хату Машку, которая жениха оставила на дворѣ.

— Вже?—спросила Сохва, когда Машка, тяжело дыша, вошла въ хату.

— Та вже—отвѣтила она.

— Шо жъ, хлопецъ хорошый?

— Не знаю, якъ кому, а мени до вподобы, винъ тутъ... Идить до насъ, а я побижу до дядыны Катри, іи поклыкать...

— Та ты постій, поспіешъ... Покажы мени свого жоныха... Я його поклычу въ хату...—И она вышла на крыльцо. Женихъ,

не разглядѣвши, взялъ ее за руку, а она, не отзываясь, ввела его въ хату, гдѣ уже онъ увидѣлъ свою ошибку. Сохва, смѣясь, объяснила, какъ онъ сжалъ ей руку и какъ она поняла, въ чемъ дѣло, но нарочно молчала. Всѣ смѣялись, смѣялся и сконфуженный женихъ.

— Я такъ и думала, що отъ-отъ обійме, поцілуе... Веду, а винъ тилькы руку тысне...

Сохва и Машка впились веселыми глазами въ красивую фигуру потупившагося парня.

— Ну, идить же съ Богомъ! а я отъ трохы прычепурюсь и заразъ буду... проводила Сохва молодыхъ, парою опять исчезнувшихъ въ темнотѣ.

Возвратившись изъ посылки, молодые застали уже въ хатѣ оживленный разговоръ, очевидно возбужденный выпитою водкою. На столѣ уже на тарелкѣ имѣлась закуска—порѣзанная баранина, соленые огурцы и куски хлѣба. Сохва сидѣла въ сторонѣ отъ стола. Молодежи около хаты поменьшало—остались только тѣ, кто хотѣлъ видѣть самую процедуру „давання рушныкивъ“, для чего они даже ставни немного пріоткрыли. Было уже далеко за полночь.

Когда вскорѣ за возвратившимися молодыми пришла „дядына Катря“, не молодая уже, высокая рябоватая женщина, староста, послѣ небольшого перерыва разговора, сказалъ:

— Ну, теперъ благословить, пани матко, дивци насъ пошануваты и за наши труда плату даты. Чымъ ты, батькова дочко, награждатымешъ насъ, що прыдбала?..

— Шо жъ, дочко, пошануй добрыхъ людей тымъ, що въ тебе прыдбано — отозвалась „титка Горпына“.—Де жъ вашъ молодый?—добавила она.

Машка съ Сохвою вышли въ „вальвиръ“, а одинъ изъ старостъ позвалъ жениха, стоявшаго въ сѣняхъ. Его усадили на лавкѣ рядомъ со старостами.

Машка, надѣвши новую кохту и пригладивъ волосы, вышла изъ „вальвиря“, держа въ рукахъ два „рушныка“ изъ полотна,

сложенные квадратами. Сохва пріостановила ее за рукавъ и взявъ изъ „мысника“ деревянную тарелку со словами: „отъ якъ слидъ,—положила на нее рушники, и Машка, перекрестившись, тряхнувъ головой, какъ бы отгоняя какія то мысли, пошла къ старостамъ и, въ поясъ поклонившись, протянула тарелку съ рушниками.

Старосты встали и, взявъ каждый по рушнику, развернули и сказали:

— Спасиби тоби, отецька дытыно, що ты насъ пошанувала, ночи не спала, пряжу пряла и чого треба прыдбала. Давай же товарыщу, мы сами себе повьяжемо, свою честь добрымъ людямъ покажемо.—И они взаимно черезъ правыя плечи поперевязывались рушниками и со словами: „отъ такой чести сподобылысь“ усѣлись опять рядомъ на лавкѣ. Машка же между тѣмъ опать пошла въ валькиръ и оттуда вышла съ ситцевымъ въ цвѣтахъ платкомъ на тєрелкѣ, который и поднесла жениху. Тотъ взялъ платокъ и, не зная что сказать, держалъ его въ рукахъ. Сохва что-то шептала Машкѣ, но та, сконфузившись, не дослышала и себѣ стояла съ тарелкой въ рукѣ передъ женихомъ. Старшій староста, очевидно, уже не разъ бывшій въ этой роли, опять выручилъ:

— А ты, батькова дочко, прывьяжы йому хустку, а то винъ іи загубыть, на правій руци прывьяжы.

Невѣста взяла, развернула платокъ и перевязала имъ правую руку жениха повыше локтя.

На этомъ и окончилась форменная сторона обряда: сваты побрали рушникы, Машка подавала рушникы. Старосты исполнили порученіе, въ остальномъ договориться предоставлялось родителямъ и родственникамъ „зарученныхъ“.

Старосты допотчивали бутылку водки, при чемъ каждымъ выпивающимъ были высказаны пожеланія всякихъ благъ молодятамъ, щобъ якъ гараздъ почалы дило, такъ щобъ и закинчаты його, щобъ легонько сгадалось сватови и сваси и т. п. Порѣшено было, что такъ какъ завтра праздникъ „Семена“, то уже сами родители жениха прійдутъ „домовляться про все,

а старосты просятъ ихъ „хлибъ силь обминяты и ихъ честь-честю проводыты“.

„Титка Горпына“ взяла изъ-подъ скатерти свой хлѣбъ и со словами: „оцежъ вамъ нашъ хлибъ силь“ подала его старшему старостѣ, который, перекрестившись, взялъ его и завернулъ въ платокъ. Послѣ этого старосты вышли изъ-за стола, помолились и попрощавшись пошли изъ хаты. „Титка Горпына“ и Хведько проводили ихъ, а женихъ остался въ сѣняхъ.

Не много погодя Сохва повела жениха и Машку къ себѣ, а дома оставшіеся улеглись соснуть. До свѣта оставалось не много, пѣтухи ужъ два раза пропѣли.

Б. Позманскій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ-СЫНУ.

1857—1897.

1.

Прошу васъ, любый мій козаче, сповистыть мене про свою войну зъ Риттеромъ и про все, що зъ вамы діетьця и якъ вамъ жыветця.

Граматкы не прысылаю затымъ, що одну статью переправывъ по своёму и налигъ на цензуру, да ще за тымъ, що вся вона буде разомъ переплитатысь, щобъ де ни появытця, то всюды мала бъ одно облычче и щобъ оддалекы выдно було, що се *Граматка.*

Сповистить мене про Дебальманову семью да роспытайте такъ, незнарошне, що сталось изъ плахтою й сорочкою, на котори я давъ паніи 15 цилковыхъ.

Чы въ Кыеви Леся и чы крутятця одъ неи панычи?

Тарасъ у Ныжнёму Новгороди дожыдаетця якогось лысту на прожыванне. Хвалятця, що ему добре. Прыславъ сюды 17 акварелей, котори представляють уси тыи стороны, по которымъ винъ блукавъ невольныкомъ. Тутъ розиграють ихъ у лотерею, и шкода, що історія заточення нашого поэта розійдетця по чужымъ рукамъ. Годылось бы панамъ нашымъ захватыть у свои рукы таки клейноты. 250 срибныхъ имъ цина. Стоять того:

душа Тарасова въ тыхъ выдахъ пустынныхъ такъ и сыяе. Колы схочете вы, або Галаганъ купыть, то заразъ пышить, а гроши шлить у слидъ; ще можна захопыть рысункы. Чытавъ я й одну поэмку, котору напысавъ винъ почувшы волю. Не ослабъ, а окрипнувъ въ ёму духъ. Велыкый винъ поэтъ, во истыну! Се въ насъ найбильшый поэтъ на всій Славянщыни, а цину ёму зложать тилько тогди, якъ выйде все на явъ, що винъ понапысувавъ.

Прощайте, мій голубе сызый!

П. Кулишъ.

1857, ноября 1. С. Петерб.

2.

Коханый земляче Васылю Васылёвычу!

Не выноватьте мене дуже, що я й доси не напысавъ до васъ про Горшковського. Не хутко я дознавъ, де винъ дивъ свій старосвитськый скарбъ, а дознавшысь хотивъ знаты, що тамъ таке въ тому скарби. Продавъ винъ ёго ажъ на Подолье, якомусь пану Мыхаловському (Грабовскій знае, то колы схочете, и роспытаете въ ёго). Тамъ есть дуже гарни патреты панивъ XVII чы XVI вику. Одежа на ныхъ коштовна и гарна, а мы зовсимъ не знаемо, якъ тогди паніи ходылы наши. Отъ тилько Скоропадськои портретъ и маемо, а глыбше початку XVIII вику—ни одного. Дуже добре було бъ, колы бъ вы такымы портретамы убралы свою свитлыцю. А то ще есть у тому скарби и значкы козацьки и старопечатни кныжкы тыхъ то друкарень, котори булы на Вкраини до *велыкои руины*. Бачте, просвищенье посунулось назадъ посли Хмельныщыны, ажъ покы дойшло до нимецького варварства нашого часу (се дарма, що мы, паны, нибы то просвитылысь); теперь тилько народнымы школамы почынае воно вертатысь до тои вышшыны, на котору пиднялось за ляхивъ. То намъ бы не мишало сберегты памятныкы такыхъ друкарень, якъ Новгородъ-Сиверська, Черни-

гивська,—тилько жъ за тымъ не дуже уганяйте; а отти портреты—дуже коштовна ричь!

Колы будете пысаты, то отъ адресъ: Въ Ялту, Таврич. губ., на дачу Абазы, Александру Андреевичу Иванову, для передачи.

Щиро прыхыльный до васъ

П. Кулишъ.

1860, іюля 23. Одесса.

3.

Коханый земляченьку

Васылю Васылёвычу!

Чуючы про мене, що я заробляю въ Лядській земли не мали гроши, вы, може, думаете соби ныщечкомъ: „Яке жъ бо ледащо сей Кулишъ! Не взявъ мій панотець у його роспыскы, то винъ соби й знитывся, наче ничого й не выненъ"!—Колы бъ вы зналы... та що й казаты? Далеби думаю про се у день и въ ночи, та ніякъ не спроможусь. Отъ же впевняю васъ, що незабаромъ зачну вамъ высылаты гроши частынамы, та й вышлю до тыхъ поръ, поки не налычите трёхъ-тысячъ-шесты-сотъ-шестыдесяты карбованцивъ*), а потимъ и процентъ злычымо, та й процентъ вышлю вамъ зъ велыкою дякою, що ваша стриха и мене колысь укрыла.

Всій вашій шановній родыни ньзенько вклоняюсь.

Щирый покирныкъ вашъ Панько Кулишъ.

Р. Б. 1866, лыпця 12, зъ Варшавы.

4.

Высокоповажному землякови

Васылеви Васылёвычу. Здоровъ бувай, добродію!

Сподивавсь бачытысь, добродію, съ тобою на Вкраини, та багацько нашому братови всюды дила. Оце жъ, пры добрій на-

*) Здаетця, стильки, а не бильшъ перебравъ я въ вашого панотця грошей.

годи, озываюсь до тебе лыстомъ, абы про себе нагадаты. А нагадуючы про себе, тымъ самымъ натякаю, що одно и тежъ саме про кого—играшкы, а про кого—велыке и спасенне дило. Не сподиваюсь по тоби, щобъ играшкамы тилькы втишався. Ходышъ есы въ гарныхъ жупанахъ, кохаесся въ старосвицькыхъ клейнотахъ. Добре—спасыби тоби—робышъ. Спогадай же, коханый земляче, того Тарновського, що купувавъ есы кныгы, печатай зъ ёго гербамы. Нехай бы нихто не сказавъ, пышучы историю, що одколовшысь одъ Речи посполытои у козацтво, усякій старорусськый вельможный ридъ зникчемнивъ. Нехай бы знавъ очоловиченый свитъ, що козачына породыла твердыхъ духомъ людей, а не якыхъ небудь гречкосіивъ та домонтаривъ. Тоби, добродію, годылось бы того доказаты, яко чоловикови такому, що зъ малку постеригъ, чого стоить наша Украина. Ты жъ маешъ и голову ясну, и серце чысте, и достатокъ чымалый. Билшъ одъ усякого иншого змигъ бы ты вславыты покозачену виру пресвитлого роду Тарновськыхъ. Воны, бувшы давнезнымы русынамы, служылы щырымъ и велыкымъ серцемъ своимъ ляцтву божевильному, а ты послужывъ бы Руси праведній... Сымъ однымъ ты бъ увесь древній свій ридъ искрасывъ. Колы жъ за своимы господарськымы турботамы, не маешъ часу добре надумать, зъ якого боку допомагаты ридній нашій матери, дакъ е въ насъ тямущи люде, що якъ браты тебе у сёму спасенному дили порадылы бъ. Чулы мы, що ты простуешъ у чужи земли, да такы й казано намъ, що ихатымешъ поузъ нашу тутешню хату. Ось прыверны лышень до насъ, то багацько де про що зъ братомъ Васылемъ тоби скажемо. Хочъ бы жъ твоя думка була й инша, то все такы ховай насъ у своихъ спомынкахъ, а мы до тебе, якъ булы, такъ и зостанемось прыхыльни.

Жинка моя любенько тоби вклоняецця. Одынъ хиба Господь знае, колы на Вкраину прыбудемо, бо кажу жъ тоби, добродію, що въ мене багацько дила всюды.

Кланяюсь тоби поклономъ, якъ голоснымъ дзвономъ.

П. Кулишъ.

Р. Б. 1868, мисяця березоля у 26, день зъ Варшавы.

5.

Пиддубень. 1869, грудня 17.

Ось бы якъ треба напысаты на святому образи, высокоповажный пане Васылю:

Споруджено сей святый образъ думкою и коштомъ мирового посредныка Васыля Васылёвого сына Тарновського про спасенный вжытокъ Плысецькои народнёи школы, року Божого 1869, мисяця грудня 17 дня.

—

Хотивъ бувъ я завытаты до вашои господы, та ніякъ не впораюсь, а тутъ грязюка невылазна! То вже хиба саньмы прыбижу на часыну.

Пани моя любенько вамъ одклоняецця. Просымо поклонытысь за насъ вашій шановній пани матци.

Щыро прыхыльный до васъ П. Кулишъ.

6.

Пыталы вы въ мене, любый и высокоповажный прыятелю Васылю Васылёвычу, чого я замовкъ? Не замовкъ я, добродію коханый, а люде, якъ той мовлявъ:

„оглухлы, не чують“.

Покынувшы Варшаву, выдавъ я ви Львови виршованый украинській перекладъ кныгы Іова; потимъ выдавъ у Львови жъ такы зновъ виршованый перекладъ цилого Псалтыря; далій напечатавъ у Видни чотырма кныжечкамы чотырёхъ Евангелыстивъ, та маю рукопысну всю Библыю старого и нового завиту, зовсимъ готову до печатання. Якъ упораюсь трохы зъ господарствомъ моеи жинкы (бо самъ, опричъ пера, ничого не маю), то поиду за граныцю печататы Святе Пысьмо все разомъ. Перекладъ кныгы Іова и Псалтыря наготовленый для сёго прозою.

Оттакъ я замовкъ, высокоповажный пане Васылю! А якъ дасть Богъ, то побачять ворогы наши и историю ридного нашого краю, тилькы не по нашому напечатану, а по нимецькы; нехай знають про Вкраину вси народы,

„За що погыбала,
За що слава козацькая
По всимъ свити стала!“

Прыславъ бы я вамъ, пры сій нагоди, по экземпляру выданыхъ за граныцею кныжокъ, та маю тилькы одынъ экземпляръ Евангелыстивъ, а Псалтыря и Іова зовсимъ не маю. Колы жъ вы хочете ихъ бачыты, то можете выпысать зи Львова одъ кныгопродавця Мыхайла Дымета, а въ Видня одъ Клема. (Wien, Buchhandler Klemm, Dorotee Strasse, № 7). А колы трапыться нагода, той въ Лейпцигу знайдете: Leipzig, E. Kasprowicz, Slawische Buchhandlung.

Прошу гарнесенько вклоныгысь за мене любому вашому подружью Софіи Васылёвни.

Щыро прыхыльный до васъ П. Кулишъ.
Р. Б. 1872, квитня 20. Зъ Пиддубня.

7.

Высокоповажный Добродію,
Васылю Васылёвычу!

Незабаромъ мушу йихаты мисяцивъ на два въ Саксонію та въ Прусію. Вернувшысь увъ осены до дому, знайду стилькы всякого дила, що зновъ не можна буде одирватысь хочъ на день до вашои любои господы; то надумався я завытаты до васъ теперъ. Певно, вы, пидъ сей холерный часъ, день у день домонтарюете и покажете мени сами вашъ украинськый музей и вашъ славный на всю Украину паркъ.

Оце жъ до любого вытання и въ вичи вбачання.

Щыро до васъ прыхыльный П. Кулишъ.
Р. Б. 1872, червця 21. Зъ Пиддубня.

8.

Якъ зъ горемъ змишаны радощы, такъ съ прозою поэзія. Зибралы вы іи пахощы, шановный добродію Васылю Васылёвычу, та й намъ далы понюхаты, прыславшы въ Ганныну Пустынь препышный офортовый альбомъ. Шевченко бувъ троистый поэтъ: поэтъ слова, пензеля й сьпиву. Въ двохъ першыхъ часомъ хыбывъ черезъ недосвидъ, а въ третёму суддею надъ нымъ було саме серце: тымъ и зисталась така спомынка про ёго спивання (хочъ бы й по нашому весильни), нибы мы ничого кращого й не чувалы. Блаженъ, хто въ сихъ троистыхъ роскошахъ благородно кохаецьця. Дякуйте мылосердному Богови, що поставывъ душу вашу на таку гарну стезю, а мы дякуемо вамъ, що вы й про насъ не забулы.

Щыро прыхыльный до вашого спасеннаго дила

Панько Кулишъ.

Р. Б. 1891, мая 29. З Ганнынои Пустыни.

---

9 [1]).

Высокоповажный добродію

Васылю Васылевычу!

Вродлыва, та бидолашня въ своій недузи Маруся Вовкивна пыше до мене, що колыбъ схотивъ я побачыты васъ у вашій дорогій Качанивци, дакъ вы заразъ бы прыслалы по мене таки кони й колесныцю, що й Соломонъ, у слави своій, не погордувавъ бы ними. Шануючы высокочестыву память вашого панотця и ваше подвызанне археологичне й артыстычне, радъ бы я летиты й до тыхъ и до сыхъ ласощивъ духовныхъ орловымы крылами, да не стае въ мене снагы на докинчанье „Старорусского перекладу Сьвятого Пысьма“ и хочъ працюю надъ нымъ день у день, та мучусь думкою, що покыну не докинчывшы спасенной праци. Найтруднища жъ іи частына, да ще така

---

[1]) Всѣ послѣдующія, начиная съ этого, письма писаны карандашомъ

що я одынъ зъорудую нею, се те, що въ первобутьній Библіи пысано не прозою, а виршуваннемъ. Оце жъ я вже поперевиршовувавъ нашою ридною мовою все, що виршовано въ Старому Заповиди, а такого наберецьця въ ёму цила четвертына. Тепереньки даю вже соби право позырнуты на шырокый Божый свитъ изъ нашои *Ганнынои Пустыни*, и хочъ давно вже никуды ни ижжу, а въ прославлену Качанивку поихавъ бы. Тилько прошу васъ попереду зазырнуты въ *Ганныну Пустынь* хочъ на дви годыны. И вы не здужаете и я не здужаю, тилько на вашу недугу есть ликы, а на мою нема: бо ввійшовъ уже у восьмый десятокъ людського вику. Нахай же молодишый пошанує старезнёго попереду; а за те, що вы себе переможете, я дамъ у вашъ музей те, чымъ Стара Русь переважує Нову. Перевиршувавшы виршоване въ давнезни давна и роспочынаючы друкуваты перву ёго частыну, думаю соби: „А що якъ мій автографъ та зныкне якось у дорози за политычню прирву? Пидьнятысь у друге на таку працю не маю вже снагы ни въ дуси, ни въ тили“. Отъ узявъ тай перепысавъ соби виршовану четвертыну первобутьнёи Быбліи. Важка се була моимъ очамъ праця, да втишавсь я тымъ, що постеригъ подекуды недоладъ у моій мови, наче въ чый иншій. Оце жъ перву редакцію всёго виршованого въ Быбліи подарую вамъ, бувшы певенъ, що вона, про случай, буде цилища въ Качанивци, нижъ у Ганныній Пустыни.

Платючы жъ вамъ одвидынамы за одвидыны, думаю показаты новосоздану вашу господу й Ганни Барвиновъ: бо за очыма въ неи ничого не бачытыму, якъ и вона безъ мене дома, душа жъ у неи не зъ лопуцька, и рада подыхаты чымся гарьнищымъ надъ свою *Пустынь*. Да такы й не можна обомъ намъ покынуты на довшый часъ хуторъ, щобъ винъ изъ *Ганнынои Пустыни* та не зробывся *Паньковою Пусткою*. Людъ у тутешній Украини, после польщизны, козащыны и московщыны, гайдамацтвує такъ, що не давъ мени ни захыстытысь канавою й Трояновськымъ валомъ, ни обсадытысь деревомъ Руйнує й ламає все, оправдуючы слова кгрецькыхъ ченьцивъ що выхвалялы нашыхъ козакивъ передъ московськымъ царемъ

Олексіемъ словамы: „Такъ усе навкругы попустошылы, наче тамъ николы ничого не було“.

По сій же мови та буваймо здорови. Высокоповажній паньматуси вашій нызенько вклоняемось обое.

Панько Хуторный.

P. S. Колы схочете и зможете насъ одвидаты, дакъ выбирайте не буденный день. Но увы! Ганна моя захворала. Я васъ увѣдомлю, когда она будетъ въ силахъ принять достопочтенныхъ гостей.

Р. Б. 1896, вересня 24.

10.

Ждатымемо высокоповажного госьтя прызначеной годыны. Ждалы й „заразъ“, по словесы его, та ждання не згубылы.

Александру Михайловну велычаю *моею Ганною*, велыко цинуючы іи творы пидъ псевдонимомъ.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896, окт. 2.

11.

Велыкошанованый Добродію
Васылю Васылёвычу!

Не схотилы вы прыйняты видъ мене колысь грошыма довгу мого, що задовжывся вашому панотцеви, давъ мусыте прыйняты моимы автокграфамы. Посылаю вамъ перву ихъ серыю; другу жъ надишлю тоди, якъ уже втеряю надію одужаты зъ моей недугы. Эге жъ бо! Занедужавъ и самъ я, дывлючысь на мою Ганну. Може, воно й окошыцця на кашли й на нежыти, (?) да стара будивля боицця й витру. Тымъ часомъ надумавсь я прыховаты въ вашому музеи мое рукопысне добро про мои насьлидныкы (а ихъ буде не одынъ та й не два, сподиваюсь). Слово наше невмыруще. Нехай же воны бачять, якъ працювавъ предокъ ихъ, та й сами его робомъ працюють.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896. Окт. 4.

12.

Р. Б. 1896, лыстопаду 12. Ганнына Пустынь.

Велыковажный Добродію
Васылю Васылевычу!

Ганна мои дякуе вамъ вельмы подячно за кыевськи ласощи та й посылае вамъ малюночокъ—хочъ и мызерный, та достойный увагы.

Якъ прылетае було до насъ пидъ виконце козарлюга зъ шаблюкою, пу́гаючы по запоровькій: „Пугу, пугу! Козакъ зъ лугу!" тоди гостювавъ у насъ коло Золотыхъ Воритъ Левко Жемчуженко; ажъ ось пыше до ёго телеграмуючы съ Крыму Олекса Товстый, невмирущій теперыньки своею письнею: „Эхъ, кабы Волга матушка да вспять побѣжала! кабы можно, братцы, начать жить сначала!" Занедужавсь у Крыму. Левко не звирывъ бы ніякому профанови съ своимы жывопысными пробамы, отъ и просыть мою Ганну переховаты все, а вона, позапечатувавшы всяку всячыну, знайшла роздерту на четверо картынку. Вподобавъ я сю пробу жывопысну, та й видгадавъ іи тему, и надпысавъ іи на лысточку, стулывшы докупы малюванне Левкове. Оце жъ нехай и вона йде въ васъ до гурту всякои дывовыжи, едынои на Вкраини.

Я дякую за „Коріолана" и вертаю вамъ ёго; а свого часу надишлю й оригиналъ—автокграфъ. Бувъ винъ у Т—а ёго, яко мою рукопысь, не малы права выпускаты зъ рукъ, а й надто, що я допевнявсь іи.

Теперъ изъ ласки своеи прышлитъ мени хочъ аркушыкъ того Шекспыра, що друкуецьця въ якыйся газети за полытычнёю прирвою.

Не зьдякувать... мы вамъ обойко за ваше заклыканьне въ гостыну до „Матери городивъ руськыхъ", та ба! Готовлю печататы кныжку завбильшкы зъ „*Дзвона*", пидъ назвою: „*Позычена Кобза*", переспивъ чужомовнихъ сьпививъ (покы що, Кгете, Шиллера, Байрона, Гейне); переспивувавъ же ихъ Кулишъ Олельковычъ Панько выступцемъ первымъ" (бо хочецьця сьпи-

ваты ще й по италыянськiй, по кгрецькiй, по латынськiй, щобъ доказаты тiеи правды, що *лубьяный языкъ* не давъ бы й самому Пушкину (зривняйте „Вертоградъ сестры моей" и поклонъ одъ Дону съ тымъ, якъ воно пересыпивано въ „*Дзвони*)". Потимъ ще мушу напечататы „Оповидання Ганны Б—ичъ, новый лыстъ въ народнихъ устъ". У передних словахъ до первои и другои кныжкы позвиршовувано, про що мы дбаемо, а въ Оповиданняхъ кажу:

Потомкы древнёго славянського народу
За слбва стоимб и розуму свободу....

Це все мушу вхопыты однымы рукамы, та ще трохы й слипуючы (не вамъ казавшы). Якъ мышъ одкусыть голову, дакъ нихто вже не дасть ничому тому ладу, а воно, яке ни е, мусыть проводырствуваты въ моимъ переклади „Святого Пысьма„: зрозумiють бо й ворогы наши, що хто такъ высловлюе и велыкыхъ сьпивцивъ и простолюдьню мову, той не безъ громадського вжытку перекладавъ Кныгу Кныгъ....

Поселъ вашъ хапаецьця вертатысь такъ, що я не встыгъ и доси подякуваты вамъ за вашого малеваного Кобзаря зъ Гайдамакамы. Отъ що нехай лежыть на столи въ вельможного панства,—не чужеземни! Нехай и дитвора набираецьця старорусього духу тай спогадуе, „откуду пошла есть Руская земля!".

Обiймаю васъ видъ серця, мiй соколе ясненькый!

Щыро прыхыльный Панько Хуторный.

13.

Высокоповажный Добродiю!

Цыдулу сю посылаю навпереймы вчорашнёго лысту. Дякуючы за мою Ганну, що вгонобылы iи такъ вѐлыко ласощамы, я задержавъ посла вашого, а й надто, що винъ прыбувъ саме въ обиды. Студiи жъ мои забылы мени паморокы; я й не схаменувся, де вы резыдуете. Выбачайте, що такъ невважно задержавъ посла, колы ёго можна було видпустыты заразъ, а до васъ пысаты въ Кыивъ.

Дякувалы мы вчора й за пышный альбомъ Шевченкивъ. Зробылы вы нымъ соби монументъ, ушановавшы ёго велыкого,

хочъ и не обизнаного зъ наукою, духа. Щобъ то було съ сіеи кгеніяльнои людыны, колыбъ намъ изъ Ганною пощастыло взяты ёго промижъ не таки люде, зъ якымы винъ товарышувавъ (та й псувавсь) на Вкраини!

Пышучы вчора до васъ, що прядучы на тонку вже, яко людына, що ій—мовлявъ той—зосталось уже зо дьви чысныци жыты, выдхылывъ я ваши зазовыны въ Кыивъ тымъ, що хапаюсь довесты до ладу мои пысаньня. Сёгодни жъ моя стара будивля натякнула мени, що(бъ?) въ осены вже седивъ я сыдьма въ хати, дакъ у Кыивъ зимою мени ихаты хиба по смерть... Я то про неи дбаю якъ той, що пысавъ:

Покамѣстъ, упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію друзья:
Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я...

Та хочецьця ймени покынуты сьлидъ по соби. Отъ и зачынывсь я соби въ хатыни пустынныкомъ. Знаючы се, не здывуйте, що зрекаюсь усякои втихы велыкосвитнёи, втишаючы себе тилько сьвятымы словесамы: „Теченіе жизни скончахъ и вѣру (въ слово „спасенный даръ Божый соблюдохъ").

По сій же мови та бувайте здорови и передайте мое шанибне й прыхыльне витаньня всій вашій родыни.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896, лыстопаду 13.

P. S. Я вамъ оповидувавъ, якъ Т—о пидвивъ бувъ мене пидъ манастыръ тымъ, що „Зоря" печатала бъ мого Шекспыра прыложеньнямы; я жъ „Зори" не люблю за йіи дурощи (не кажучы ыншого). Оцимъ же то робомъ „Коріоланъ" и заихавъ бувъ у Кыивъ, та я вернувъ ёго до дому.

14.

1896, ноября 16.

На ознаку того, якъ я поважаю ваше пораньня коло забуткивъ риднои намъ давныны, посылаю вамъ ще вязку шпаргаливъ. Себе вже выпроводжаю въ ыншый, не такый якъ сей

сьвитъ, маковъ цвитъ, що вранци цвите, ввечери опаде, а ваша дбайлыва зьбиранына попережывае й ненародженныхъ ище. Благаю тилько—не выпускаты сихъ покыдёкъ моихъ за ваши двери въ Кіеви й за ваши ворота въ Качанивци. Се памятайте, спасыби вамъ. Хто жъ бы схотивъ передывлюватысь мою покыдь, нехай передывлюецьця въ вашій господи.

Панько Хуторный.

Ганна моя покорнѣйше проситъ васъ прислать ей или Байронова Джавура на франц. языкѣ, или томикъ Байрона, въ которомъ помѣщенъ Джавуръ.

15.

Р. Б. 1896, мисяця лыстопада 28 дня.

Ой Васылю Васылыно,
Любая дытыно!
Йидешъ полемъ сывымъ конемъ—
Дывытыся мыло....

И доси вы той же „юноша благый" серцемъ, якымъ я васъ велычавъ, незнаючы ничого луччого надъ благость.

Радъ я, що й перва серыя моихъ автогкрафивъ була вамъ до любои вподобы: бо друга й третя задоволныть васъ билше.

Хвалыты Бога мылосердного, моя кохана дружына вычуняла, та й я сякъ-такъ перемогаю кашляньне. Колы маете часъ на завытаньне *въ Ганныну Пустынь*, дакъ прыбувайте якои схочете добы, не вважаючы на наше клопотлыве хуторянство. Давній прыятель укontентуетьця нашымъ пбобутомъ, якый винъ бесоби ни è, середъ ридного мени и вамъ краю. На мое жъ безустаньне нышпоренне по кныжкамъ не вважайте: бо й самъ письмацькый богъ Аполлонъ, мовлялы латыньци, не разъ у разъ держыть лука натягненымъ (Non semper tendit arcam Apollo).

Щыро-прыхыльный до васъ укупи зъ Ганною и до вашои высокоповажнои нени—Панько Хуторный.

16.

Телеграмма.

Ваше молчаніе тревожитъ меня. Я уже извиняюсь въ своей забывчивости, отправляя благодарственное за лакомства и роскошный альбомъ и Коріолана письмо въ Качановку, а *не въ Кіевъ.*

Ганна моя просила васъ выслать ей на фр. языкѣ тотъ томикъ Байрона, въ которомъ помѣщенъ „Джавуръ", а я прошу ссудить меня на время рукописью поэмы: „Кулишъ у Пекли". Готовлю ее къ напечатанію въ Женевѣ и хочу просмотрѣть, нѣтъ ли въ вашемъ спискѣ какой нибудь поправки, или прибавки.

Интересуетъ меня извѣстіе о найденной у насъ въ огородѣ гривнѣ, приложенной при рукописномъ тюкѣ. Что за фигуры на ней и что за надпись: неграмотное ли подражаніе письменамъ, или плохо скопированная глаголитика?

Увѣдомьте немедленно о вашемъ здоровьи.

Панько Хуторный.

1896, декабря 2.

P. S. Поэма о пребываніи моемъ въ аду будетъ напечатана, pecuniarum causa, только въ одной сотнѣ экземпляровъ. У мене и „Дзвинъ" только въ одномъ экземплярѣ, неброшюрованномъ и составленномъ изъ корректурныхъ. Spiewak niestetu, spiewać nie mam komu!

17.

Телеграмма *).

Допытувавсь я про мого рукопысного Шекспыра, що хтось его якось нибы друкуе по тимъ боци политычнёи прирвы, а печатаного маю, и пры сій нагоди вашого печатаного вертаю. Выбачте за недброзумъ.

---

*) Такъ называлъ П. А. К—шъ свои письма въ послѣднее время.

Т—ови бувъ я передавъ тры драмы: Король Лиръ, Коріоланъ и Прыборкана Гоструха, та роспытавшысь, якъ винъ хоче ихъ друковаты, вернувъ до дому. Дывуюсь тій панноцьци: чомъ вона не выбрала котру ынишу драму, а Коріолана! Хиба се було не іи, не барышенське дило?

Поспытавъ я й у Павлыка. Пыше: „про друкованьне Шекспировыхъ творивъ доси не знаю ничого. Якъ узнаю, то напышу вамъ".

Велыке спасыби, що прыслалы моій Ганни гарнесеньке выданьня Шекспыра. Забувъ я поспытаты просючы: яка ему цина? Пры нагоди, не забудьте сповистыты.

Не знаю, про якого Чорненка пышете, що въ ёго гравырованьня Шевченкове. Колы се людына знакома, заразъ напышу до неи.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896, дек. 5.

P. S. Пославъ я вчора Павлыкови печататы вви Львови первый выступець *Позыченои Кобзы*, що закинчавъ „Корныховською молодою княгынею" Кгёте и Кгрецькымы богамы Шыллеровымы. „Кулишъ у Пекли" не мусыть друковатысь за Павлыковымъ доглядомъ, щобъ не зьвилы ёго жывцемъ ильвивськи брехуны й крадуны. Пошлю ему тилько прымирнычокъ, а теперъ винъ про сю поэму не знае ничогисенько.

Повторяю настоятельнѣйше мою покорную просьбу—не выпускать за порогъ вашего музея и мѣстопребыванія ни одного листка моихъ автокграфовъ ни для *кого* и ни для *чего*.

18.

Телеграмма.

1896, декабря 16.

Князь Шаховской, Мыкола Володаренко, прыславъ мени якось дьви новынкы: кныжку Лева Товстуна и кныжку Куно-

Фишерову про молодецьке мандруваньне Шиллерове. Первои, Товстуновои, я й не розгорнувъ, а другу, Фишерову, прочытавъ зъ велыкою увагою. Раю вашій, розумно-навченій дони прочытаты въ сёму невелычкому томку странычку 244 и 245. Воны преглыбоко и прегарно выясьнюють Шилleривъ стыхотвиръ Resignation, выясьнюють про тыхъ, що возлюбылы пробуваньне людське на сьвити въ ёго справдешнёму сяеви. Пышу жъ до васъ про се не такъ соби, абы то, пышу ось чого. Колы въ библіотеци панноччыній есть у васъ Фишеръ (ни! тилько выданьня Кгёте и Шиллера съ комментаріямы такымы, якъ оцей новенькый томыкъ), дакъ я, пораючысь тепереньки саме коло *„Позыченои Кобзы“*, прошу надислаты мени ихъ на якыйся часъ; колы жъ нема, дакъ, памятаючы вашу лыстовну обицянку роздобуваты мени всяку таку всячыну, раю вамъ, яко сотворытелю новои эпохы въ молодыхъ вашыхъ пáганьняхъ, купыты се все, опричъ кныжкы пидъ назвою: Schillers Jugend=und Wanderjahren in Selbstbekentnissen, von Kuno Fischer.

Сю бо кныжку я подарую вашій дони (за позы́ку) на спомынъ про Пушкынське виршуваньне:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная ирирода
Красою вѣчною сіять.

Ще жъ и отъ що: поэму про Гийоба (Ыова) надечатавъ я вви Львови ще въ 1861 роци, не маючы жъ въ себе друкованои, пересьпивавъ іи соби вдруге, и думаю, що, посьли мого пораньня коло Сьвятого Пысьма, другый пересьпивъ переважыть первого. Нема жъ у мене и Псалтыря мого, друкованого вви Львови.

Та все лугы, все берегы,
Ниде воды тай напытыся:
Горе мени на чужыни,—
Ни до кого прыхылытыся.

Мій прымирнычокъ, гарно переплетеный у Петербурзи (переплитавъ прыятель мій Соломахынъ, той, що ёго жывцемъ

изьзивъ псевдопоэтъ Некрасовъ), я пославъ Драгоманову на щось ему потрибне. Теперъ удови его не (до) моеи кныжечкы, а въ васъ „на славнiй Украини" вже другый разъ прошу та й не допрошусь ни въ кого. Чы нема въ васъ?

Додатокъ до телеграмы 1896, дек. 16.

Прошу пры нагоди выслаты мени такый спысокъ *„Кулеша въ Пекли"*, де въ кожнiй письни наличять бильше десяты стыховыхъ строфъ, позначеныхъ рымською цифирою; опричъ того, прошу выслаты той „засппвъ до поэмы", де билше строфъ, нижъ у другыхъ засьпивахъ.

Та ще пры нагоди—коробочку пиръ зъ надпысомъ угори: Perry et C⁰, а збоку medium points. Я звыкъ такымы пирамы пысаты, иншымы жъ не вмiю.

Бачте, якъ изъ нашымъ братомъ клопотно водытысь! Выбачайте старому!

P. S. Фылософыя Куно-Фишерова е въ мене. Мени треба тилько те зъ ёго чытаты, що годыцьця до *„Позыченои Кобзы"*.

Треба бъ мени чытаты й ёго розумованьня про Шекспыра, а може винъ пысавъ и про Байрона. Си кныжкы згодяцьця вашымъ насьлидныкамъ. Ихъ викъ буде розумнищый одъ XIX-го, и намъ треба дбаты про ёго.

17.

Телекграма. 1896, дек. 21.

Тилько що пославъ до васъ одну телекграму, поселъ нашъ прынисъ вашу посылку, пышу й другу. Про Чорненка не я вамъ казавъ. Я й не знаю, де винъ и що винъ, а якъ знатыму одъ васъ, напышу до ёго заразъ.

Про стародавню грывню пысатыме Ганна: бо се вона знайшла, а яжъ тилько сховавъ.

Спасыби за *„Кулеша въ Пекли“*. Перегледившы ёго, заразъ и верну. Изъ Женевы нема видпысу. Може, святкы по новому стылю перебывають.

Лычманъ, що вы прыслалы, носытыме достойно и праведно небога Ганны Барвинокъ, Ганна Половыныха, прехороша сьпивачка й людына. Жыве въ Зáрози по-визъ ту Оржыцю, що пысавъ Гребинка:

Хто знае Оржыцю? а нуте озывайтесь!..
Уси мовчать... Гай, гай, яки шолопай!..
Вона въ Сулу тече, у нашей сторони.
Вы, брацьци, все такы домивкы не цурайтесь.

Послано мени зъ Галычыны рукопысный початокъ „Устыхотвореної Быбліи“, що готую опричъ прозóвого повного Сьвятого Пысьма про вжытокъ людей малопысьменныхъ; та й нема про ёго „повѣсткы“. Якъ ще довше не буде, вытребую реципысь изъ Болехова и прышлю вамъ.

Сей то початокъ é въ мене въ рукопысяхъ, да не хочецьця вдруге перепысуваты ажъ 18 лысткивъ. И такъ багацько въ мене всякого пысаньня. Тымъ же то я й выдумавъ соби телеграмуваньне. Honny soit qui mal y pense.

P. S. Спасыби, що готови допомогаты мени кныжкамы въ пóзыку. Отъ же якыхъ позычте: первого тома хочъ и Таухницевого выданьня Байрона, що почынаецьця ёго сатирою на англыйськыхъ бардивъ и шотландськыхъ крытыкивъ. Треба мени сю сатиру прочытаты.

18.

Телекграма.

Велыко дякую за Байрона и прошу напысаты, скилько за ёго и за ёго прычéпу заплачено.

Чы не можна бъ вамъ роздобуты мого Псалтыря, надрукованого вви Львови? Верну циленького съ подякою. Ще прошу запомогты мене товкмаченымы понимецькій творамы Кгете (Ghöte).

Сами творы маю, а хотилось бы прыслухатысь, якъ що розуміють у ныхъ нимци,—се есть: якъ воны зазырають у саму душу поэзіи ёго твору. Такъ само хотивъ бы я знаты, якъ нимци розуміють Байроновы творы.

Пославъ я вамъ оповистку пидъ назвою: „О мѣстонахожденіи Ганнино-Пустынской гривны". (Здаетьця заказнымъ лыстомъ). Чы одéржалы?

Колысь у Екатеринослави подаровано мени портретъ отця Владимера, що про ёго сьпивають:

Кругомъ церквы сичовои
Калавуры сталы,
Священныку Владымеру
Служыты не далы.

Я тоди просывъ мени не посылаты, а якъ одержыте зъ Екатерынослава посылку на 10 р., дакъ знайте, що се прыбувъ до васъ отець Владымеръ.

Той, що подарувавъ его мени, бувъ соби антыкварій и ховавъ свій старосвицькый скарбъ у якомусь мурованому лёху. Чы не довидалысь бы вы, що то за лёхъ и що то бувъ за скарбъ.

Се бувъ покійнычокъ Петро Ивановычъ Зуйченко.

Чи помагае вамъ ванна?

Ганна Барвинокъ прыхыльно вамъ видклоняеця.

Вышла въ Галычыни новà кныжка журнальця Натали Кобрыньськои „Жиноча доля". Тамъ надруковано оповиданьне Ганныне, выйняте зъ народнихъ устъ у Мотроновци. Хотивъ бы я, щобъ вы роздобулы. А до насъ, мабуть, не допускають. Послано мени (пышуть) 18 лыстивъ такъ званои „Устыхотвореной Библіи". Ся Библія мусыть буты предтечею „Старорусьского перѐкладу Сьвятого Пысьма", яко босоногый проповиднык̀ъ велыкой премудросты про малопысьменну громаду. Я потребовавъ реципысъ, чы квитанцію застрахованого пакета. Роспытайтесь, покы що (спасыби вамъ), якъ вызволыты мою рукопысь, а тымъ часомъ, колы въ васъ é выразный пысарець, нехай бы винъ перепысавъ сей почынокъ Устыхотвореной Библіи in quarto (у четвертушку). Посылався почынокъ сей на перéглядъ покійнычкови Мыхайлови

Золотоверхому, а теперь ёго пересыла до мене пани Кобрынська Наталка зъ Галичыны, зъ Болехова, а може йзи Львова.

Р. Б. 1897, стычня 8 (января).

Р. S. Выдавцемъ псалтыря могó, моимъ же такы й коштомъ, бувъ Барвинськый, а де винъ дивавъ уси прымирныкы, я не знаю: за вси мои кныжкы, яки булы вви Львови, я не одержавъ ни видъ кого ни одного кгульдена.

19.

1897, леденя (января) 24.

Телекграмма.

Боимось, чы не занедужалы вы! бо не видпысуете. Вертаю вамъ *Кулеша въ Пекли*.

Устыхотвореной Быбліи допысувать въ васъ не треба,— вернулась цилисинька.

Спасыби вамъ за теку *): згодылась до наготовляньня сёго й того, щобъ не шукаты. Ганна Барвинокъ дякуе за прывитання и видклоняетця вамъ любесенько.

К.

---

*) Портфель.

Изъ семейной хроники Берловъ.

(1672—1805).

Когда, послѣ изданія дворянской грамоты въ 1785 г., малорусская козацкая старшина стала записываться въ ,,списки дворянскихъ родовъ", то многіе изъ новыхъ дворянъ, недовольствуясь представленіемъ въ доказательство своего „благороднаго происхожденія" гетманскихъ универсаловъ и другихъ *козацкихъ* документовъ, повѣствовали еще и о своихъ *до-козацкихъ* предкахъ, досягая при этомъ иногда и до римлянъ... При помощи Окольскаго и Нѣсецкаго (авторы польскихъ гербовниковъ), особыхъ затрудненій для такихъ повѣствованій—не представлялось. Такъ, переяславскіе ,,паны" *Берлы*, Иванъ и Пантелеймонъ, правнуки переяславскаго полковаго судьи Ивана Берла, представляя въ к. XVIII в. доказательства своего ,,дворянства", не удовольствовались указаніемъ на гетманскіе универсалы о службѣ ихъ прадѣда, а обратились еще къ Окольскому и Нѣсецкому. Здѣсь въ числѣ гербовъ нашли они *зуброву голову*, признали его своимъ гербомъ и затѣмъ смѣло уже разсказывали о своемъ древнемъ *благородствѣ*, как видно изъ слѣдующаго „доказательства" ихъ дворянства.—„Пишутъ авторы Окульскій и Нѣсецкій въ гербутѣ (sic), что тотъ гербъ (*зубра*) внесенъ отъ старыхъ римлянъ въ 155 году въ Валахію, гдѣ большіе домы въ Валахіи означали фамиліи свои; а когда король польскій и венгерскій Вла-

диславъ Ягеловичъ войну имѣлъ съ турками, за султана Амурата, въ 1440 году, и съ арміей своей, польскою и венгерскою, къ которой присовокупился и господарь волошскій Тымша, съ 15-ю тысячами своего войска, и дошелъ съ тѣми войсками подъ Бѣлградъ, то турецкій султанъ, узнавъ о семъ и собравши больше ста тысячъ войска, напалъ на короля и разбилъ его; при этомъ одинъ изъ войска волошскаго воинъ выскочилъ и оборонилъ короля, не допустивъ его убить, и—хотя и раненаго—довезъ его до королевскаго обозу. За это король Владиславъ Ягеловичъ, въ знакъ благодарности, одарилъ того воина золотымъ *берломъ* *) и отголь сему воину дано прозваніе Берла и, кромѣ того, онъ былъ припущенъ къ индигнату шляхетства и рыцарства, а конституціями за нимъ были утверждены всѣ вольности шляхетства и рыцарства польскаго. И тотъ воинъ сей свой гербъ до Литвы принесъ и тамъ домъ ихъ, Берловъ, „состоялъ", съ которыхъ Берловъ—Федоръ Берло былъ канцлеромъ литовскимъ, Казиміръ Берло—каштеляномъ виленскимъ Николай Берло—подкоморымъ смоленскимъ, Анастасій Берло—подсудкомъ кіевскимъ. По выходѣ же въ Россію, Иванъ Берло былъ полковникомъ стародубскимъ, Ивановъ сынъ (Василій) Берло сотникомъ воронковскимъ и судьею переяславскимъ, Ивановъ сынъ Андрей—бунчуковымъ товарищемъ, Андреевъ сынъ, просителей (т. е. Ивана и Пантелеймона) отецъ, Иванъ—войск. товарищемъ и судьею полковымъ переяславскимъ".

Располагая частью фамильныхъ документовъ Берловъ, мы можемъ сказать, что о *мифическихъ* Берлахъ, перечисленныхъ выше, разумѣется никакого упоминанія въ этихъ документахъ, нѣтъ, а свѣдѣнія объ *историческихъ* Берлахъ, „вышедшихъ въ Россію"—невѣрны. Въ к. XVIII в. Берлы многое уже забыли изъ жизни своихъ „дѣдовъ", а о многомъ не хотѣли вспоминать. Изъ приведеннаго выше „доказательства" одно несомнѣнно, что Берлы происходятъ изъ *волоховъ*, т. е. изъ Молдавіи; это происхожденіе видно изъ усвоеннаго ими герба *головы чер-*

*) Berło ein Stock, eine Stange, das Scepter. (*Linde*).

наго зубра (głowy czarnej zubrzej), указывающей на województwo Wołoskie, т. е. Молдо-Валахію [1]). Во второй половинѣ XVII в. въ Малороссію приходило много „волоховъ" искать службы и счастья; цѣлые отряды ихъ бродили по гетманщинѣ, предлагая свои военныя услуги тѣмъ или другимъ искателямъ власти. Иногда эти волохи осѣдали цѣлыми селами, какъ это указываютъ: *Волошиновка*, въ Переяславскомъ и *Волосковцы*—въ Сосницкомъ уѣздахъ. Въ Переяславскомъ уѣздѣ и теперь остались прозванія, которыя на первый разъ звучатъ, какъ нѣмецкія, а въ дѣйствительности оказываются молдавскими. Услыхавъ когда то фамилію покойнаго кіевскаго профессора В. А. *Беца*, мы не сомнѣвались въ его нѣмецкомъ происхожденіи; а затѣмъ, познакомившись съ нимъ, мы узнали, что предки Беца были *волохи*, осѣвшіе въ Переяславщинѣ, причемъ покойный профессоръ объяснилъ намъ, что молдавское слово *бецъ* означаетъ *плеть*, *бичъ*. Такими же волохами были конечно и Берлы, помнившіе о своемъ волошскомъ происхожденіи и потому присвоившіе себѣ гербъ Молдо-Валахіи. Нѣкоторые изъ этихъ волоховъ попадали и въ старшину, предварительно связавъ себя бракомъ съ мѣстными людьми. Такимъ образомъ въ началѣ XVIII в. братья Русты, Петръ и Яковъ, судя по прозвищу—волохи, попали въ замѣтную старшину: Петръ былъ протопопомъ воронковскимъ, а Яковъ—сотникомъ терехтемировскимъ. Выйдя въ люди, Русты стали называться Рустановичами [2]).

Первымъ извѣстнымъ изъ Берловъ становится Иванъ Берло, бывшій сначала воронковскимъ сотникомъ (1696—1706), а потомъ переяславскимъ полковымъ судьею (1707—1711). Онъ оставилъ, кромѣ разныхъ земельныхъ документовъ, еще и очень пространное, *собственноручно* написанное (въ 1717 г.) духовное завѣщаніе, изъ котораго и можно видѣть—ктó такіе были родоначальники Берловъ, причемъ, между прочимъ, объясняется

[1]) Herby Ryc. Polskiego. B. Paprockiego. Изд. Туровскаго, стр. 922.

[2]) Рустановичи были пасынками воронковскаго сотника Ивана Берла, который ихъ называетъ въ своемъ завѣщаніи то Рустановичами, то Рустами („пасынки мои от. Петръ Руста и Яковъ Руста...")

и происхожденіе переяславскаго епископа Арсенія Берла, о чемъ печатаемыя свѣдѣнія до сихъ поръ остаются невѣрными. Въ началѣ второй половины XVII в. въ Малороссію пришли два брата *волоха*, оба Иваны, прозывавшіеся Берлами. Не знаемъ какимъ образомъ одинъ изъ нихъ, старшій Иванъ, сталъ около 1670 г. мглинскимъ сотникомъ. По всей вѣроятности, тутъ имѣла мѣсто женитьба на дочери какого-нибудь вліятельнаго лица Стародубщины, такъ какъ есть свѣдѣнія, что родичи жены Ивана I-го Берла жили въ Стародубѣ. Младшій Иванъ Берло жилъ въ это время въ Воронковѣ. Старшій братъ рано умеръ, оставивъ малолѣтнюю дочь Анну. Передъ своею смертью, онъ вызвалъ изъ Воронкова во Мглинъ брата, который его и похоронилъ (въ мглинской церкви Воскресенія Христова). Распродавъ оставшееся послѣ брата имущество, кромѣ „скрини зъ фантами" и платьемъ, которую Иванъ поручилъ на сохраненіе теткѣ малолѣтней дочери умершаго, онъ послѣднюю забралъ съ собою въ Переяславщину.—

Младшій Берло, въ это время еще неженатый, повидимому, женился въ эту поѣздку въ Стародубѣ на дочери извѣстнаго Якима Сомка, казненнаго осенью 1663 г., послѣ его неудачнаго соперничества съ Брюховецкимъ. Кромѣ вдовы Ирины, Сомко оставилъ одну дочь Прасковью. Съ этою дочерью Ирина Сомчиха, *) послѣ смерти мужа, проживала въ Стародубѣ, будучи, вѣроятно, оттуда родомъ. Здѣсь, кажется, познакомился съ нею Берло младшій, послѣ смерти своего брата, причемъ это знакомство могло возникнуть и изъ того обстоятельства, что и Сомко, и Берло—были землявами по м. Воронкову. Сохранился очень интересный универсалъ Б. Хмельницкаго, по которому Сомко получилъ около м. Воронкова и сосѣдняго съ нимъ с. Рогозова—земли, принадлежавшія прежде польскимъ „панамъ". Мы до сихъ поръ почти не имѣемъ свѣдѣній о томъ—какъ рас-

*) Ирина Сомкова родомъ была *Короповна*, такъ какъ Иванъ Берло въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ о „сестрѣ рожоной панеи Сомковой именемъ Галки *Короповны* Даниловой". Въ Галку, Галочку, Галю въ Малороссіи переиначиваютъ имя Анны.

порядилось „Войско“ съ тѣми землями лѣвобережной Малороссіи, которыя оставались послѣ убитыхъ и бѣжавшихъ отсюда за Днѣпръ землевладѣльцевъ-поляковъ. Несомнѣнно, что большую часть оставшихся безхозяйными земель тутъ-же захватывалъ народъ, какъ мѣстный, такъ и нахлынувшій сюда изъ-за Днѣпра. Но были случаи, когда эти зе́мли раздавались по распоряженію Хмельницкаго. Такъ мы знаемъ, что оставшіяся послѣ лубенскихъ бернардиновъ земли гетманъ отдалъ лубенскому Мгарскому монастырю. Монастырю земли даны были, конечно, безмездно; но встрѣчается случай, когда оставшіяся послѣ „пановъ“ земли „Войско“ *продавало*, и продавало козакамъ. Такой случай встрѣчаемъ именно относительно Сомка, какъ это видно изъ слѣдующаго универсала Б. Хмельницкаго,—„ознаймуемъ симъ нашимъ писаніемъ, кому бы о томъ вѣдать належало, *ижъ отдалъ до скарбу нашого войскового Якимъ Сомковичъ*, товарищъ нашъ, *сумму певную за всѣ грунта панскии*, такъ воронковскіе, яко и рогозовскіе, за которыми нивами сумму отобравши, онии въ поссесію и вѣчное заживане помененному Якимовѣ подаемъ, хотячи мѣти, абы заразъ обнявши, яко своими власными диспоновалъ и къ своему найлѣпшому пожиткове оборочалъ“ *).

Случай продажи оставшейся послѣ „пановъ“ земли именно Сомку тѣмъ интереснѣе, что это былъ шуринъ Б. Хмельницкаго, который (кажется) первымъ бракомъ былъ женатъ на сестрѣ Сомка. Какъ бы то ни было, Сомко оселился въ Воронковѣ и жилъ тутъ, пока не погибъ въ 1663 г. Послѣ смерти Сомка, вдова его почему то покинула земельное свое имущество въ Переяславщинѣ и удалилась въ Стародубщину. Очень вѣроятно, что она боялась Брюховецкаго, такъ какъ по смерти послѣдняго Сомчиха выпрашиваетъ, въ 1671 г., у его преемника Многогрѣшнаго подтвердительный универсалъ на земли мужа. Но кажется, что вдова не смогла возстановить свое прежнее владѣніе или не заботилась объ этомъ, продолжая жить въ Стародубщинѣ. Здѣсь пови-

*) Универсалъ написанъ 26 іюня 1655 г., „подъ Бадомъ“ (Баромъ?). *Съ копіи.*

димому встрѣтился съ нею младшій Берло, сталъ ея зятемъ и засимъ получилъ отъ тещи право на принадлежавшія Сомку земли, которыя затѣмъ поотбиралъ отъ лицъ, ими завладѣвшихъ [1]). Сомковскихъ земель, повидимому, было не мало, такъ какъ получивъ ихъ въ свое распоряженіе, младшій Берло сталъ замѣтнымъ въ своей сотнѣ человѣкомъ. Съ Сомковной Берло прожилъ недолго: она вскорѣ умерла, оставивъ ему сына Василія и дочь Ирину. Умирая, Сомковна отцовскія свои земли завѣщала сыну Василію.—Берло скоро затѣмъ женился второй разъ, на вдовѣ Татьянѣ „Щуровщанкѣ", у которой, отъ перваго брака съ какимъ то Рустою, было уже два сына—Петръ и Яковъ. Называя свою вторую жену на польскій манеръ *Щуровщанкою*, Берло говоритъ конечно о Щуровской; вѣроятно, это была дочь переяславскаго полковника Афанасія Щуровскаго, казненнаго въ 1663 г., вмѣстѣ съ Сомкомъ, по интригѣ Брюховецкаго. Но и вторая жена Берла скоро умерла, оставивъ ему, какъ и первая, сына и дочь, Арсенія и Софью. На третьей женѣ Берло женился около 1692 г.; звали ее Анною Мазапетовною. Это была дочь, повидимому, майора черниговскаго великорусскаго гарнизона Константина Мазапеты, который былъ женатъ на Маринѣ Грязной, дочери ополячившагося русскаго шляхтича Бориса Грязнаго, имѣвшаго богатыя имѣнія въ Черниговѣ и потерявшаго ихъ во время Хмельнищины [2]). Съ Мазапетовной Берло прожилъ до своей смерти и оставилъ ее вдовою. Съ этою женою Берло устроилъ свое благосостояніе, нажилъ земли и получилъ войсковые уряды, сначала воронковскаго сотника (1696—1705), а потомъ переяславскаго полковаго судьи (1706—1711).

Выше уже сказано, что первая жена Берла Прасковья Сомковна всѣ отцовскія земли завѣщала сыну своему Василію, а оставшаяся послѣ ея движимость отдана была самимъ Берломъ рожденной отъ брака съ нею дочери Иринѣ. Татьяна Щуровская, повидимому, земельнаго имущества съ собою не принесла,

---

*) См. въ *приложеніи* духовное завѣщаніе Ивана Берла, которое печатаемъ здѣсь полностью въ виду особаго интереса этого документа.

*) Опис. Стар. Малор., II, 513.

а ея движимость отдана была рожденной отъ брака съ нею дочери Софьѣ. Поэтому, когда Берло женился на Мазапетовнѣ, то, по словамъ его, она не застала въ мужниномъ домѣ „жадной готовизны нѣ зъ срѣбра, нѣ зъ цѣни (цинковая посуда), а нѣ зъ фантъ покойныхъ первыхъ двухъ женъ, бо любо,—говоритъ Берло въ своемъ завѣщаніи,—що зъ спендоровъ (одежды и другихъ принадлежностей женскаго костюма) покойной жены моей Сомковны было позостало, тое дочери моей Иринѣ, зъ Сомковною спложенной, досталося; также по небожцѣ Татиянѣ Щуровщанцѣ що было позостало зъ вношення (вношене=приданое) небожчиного, тое Софиѣ дочери моей, зъ нею спложенной, оддано усе"...

Нажитыя во время своего старшинства земли Берло, какъ водилось, закрѣпилъ актами властей. Первый утвердительный актъ на маетность Берло получилъ отъ своего полковника Томары, осенью 1711 г., наканунѣ своей отставки. По этому „универсальному писанію" за Берломъ утверждались нажитые имъ „грунта въ сотнѣ Воронковской, хутора и хаты", а именно: шинковыхъ домовъ два, хата, прозываемая Ребриковскою, хата Ковтуновская, хата Зелененького, хата Оверковская, хата Бутенковская, хуторовъ два, подъ мѣстомъ (т. е. около Воронкова), прозываемые: Перехристовскій и Горкушевскій; млинъ тамъ-же подъ мѣстомъ, вешнякъ, (у котораго млина ставку неводомъ рыбы ловить невольно, а волокомъ вольно [1]). Хуторъ въ с. Рогозовѣ, хуторъ въ селѣ Жеребятинѣ, тамъ же „островецъ", лозы, гай на Каранѣ, другой гай за селомъ Софіевкою, третій—Лисенковскій. Тутъ же и люди, живущіе въ своихъ хатахъ, но „ко двору" его п. Берла „наслуговуючіе", которые по именамъ слѣдующіе: Климъ Шолопокъ, жеребятинскій... (и т. д.—еще десять душъ). Утверждая это имѣніе за Берломъ, полковникъ говоритъ: „уважаючи на прислуги его, п. судѣ нашего на тотъ часъ полкового, приватно и публѣчно въ Войску чрезъ *килка десять лѣтъ* значне роненніи, всѣ тіи вишъ писанніи

---

[1]) Кому же? Вѣроятно, ставокъ былъ чужой, и волокомъ рыбу ловить позволялось Берлу.

грунта, футорѣ и хати, также и село Роговзовъ (*которое онъ по заслузѣ своей, отъ сорока уже лѣтъ, зъ ласки войсковой, въ своемъ владѣніи мѣетъ*)[1]) потверждаемъ и повагою сего нашего *унѣверсалу* пилно варуемъ"... Объявляя объ этомъ подтвержденіи, полковникъ добавляетъ: „люде зась въ своихъ хатахъ жіючіи, а до двору его, пана судѣ, наслуговуючіи здавна, тутъ-же описанныи, якъ предъ симъ до двору его належали сами, такъ и потомкове оныхъ албо хто въ тихъ хатахъ по ихъ жити будетъ, ему жъ п. Берлу, жонѣ и наслѣдникомъ его *подсутствовати*[2]) и наслуговати мѣютъ, а п. сотникъ, атаманъ и войтъ жебы до ихъ не интересовалися и нѣ въ чемъ не чепали"... Упоминаемыя въ этомъ „универсалѣ"[3]) *хаты*, разумѣется, были пустыя и наготовлены были для бродившихъ „лёзныхъ"[4]) семей, которыя въ нихъ осѣдали, какъ рои пчелъ въ ульяхъ, и, сѣвъ, становились *подсосѣдками*. Такими подсосѣдками были и тѣ одиннадцать лицъ, которыхъ актъ полковника называетъ поименно и которымъ полковникъ приказываетъ *наслуговать* Берлу, разумѣется до тѣхъ лишь поръ, пока они будутъ жить въ его хатахъ, при чемъ и упоминаніе о потомкахъ этихъ подсосѣдковъ тоже другого значенія не имѣетъ.—Вслѣдъ за полученіемъ этого акта Берло вышелъ въ отставку, вѣроятно, по старости.

Вмѣстѣ съ отставкою Берло получилъ отъ того же полковника своего Томары другой „универсалъ", на с. Панфилы,

---

[1]) По генер. слѣдствію Переясл. полка (*Сборникъ Харьк. Истор.-Филол. Общ.*, VIII, 255), с. Роговзовъ сначала „надлежало до сотнѣ Воронковской, а послѣ больше сорока уже тому лѣтъ, завладѣлъ Иванъ Берло, будучи сотникомъ воронковскимъ"... Это значитъ, что Берло захватилъ Роговзовъ въ свое владѣніе, пользуясь благопріятными обстоятельствами, т. е. добрыми отношеніями съ полковниками...

[2]) Повидимому, въ этомъ словѣ пропущенъ, по ошибкѣ, слогъ *сѣ*, т. е. имѣлось въ виду написать малоупотребительное *подсусѣдствовати*. Слѣдовательно, полковникъ приказывалъ живущимъ въ хатахъ Берла людямъ—*наслуговать* ему, какъ вообще „наслуговали" *подсосѣдки*.

[3]) Подобные свои акты полковники обыкновенно называли „*листами*" и оч. рѣдко—*универсалами*.

[4]) *Лёзными* (отъ польск. luźny, lóźny) назывались праздношатавшіеся крестьяне, свободные отъ какого бы то ни было „подданства"; иногда эти люди въ польскихъ законоположеніяхъ называются *гультяями*. См. у *Линде*.

которое находилось у Берла, повидимому, въ урядовомъ владѣніи по рангу судейства:—„Памятаючи мы, едно, на стародавнія службы въ Войску безпрестанно роненнія п. Ивана Берла, знатного товарища войскового, въ кождомъ неодступне походѣ праци, другое—во всякихъ полѣценнихъ ему одъ насъ интересахъ, совершенно истинную управность, хочай и уряду судейства полковбго переяславского на собѣ не маетъ, однакъ самое достоинство велитъ ему всякій показати ку его жъ пожиткови респектъ, прето не иншое наше ему якое оказуючи респектованне въ совершенствѣ, тилко село Панфили, въ сотнѣ Яготинской лежачое, якое и за уряду судейства мѣлъ во владѣніи, теперь ему жъ пану Ивану Берлу подаючи въ область, симъ нашимъ ствержаемъ *универсаломъ*... (*Выданъ 24 іюня 1712 г.*) Этотъ полковничій универсалъ тогда же былъ утвержденъ и универсаломъ Скоропадскаго. Томара, повидимому, очень благоволилъ къ Берлу, такъ какъ въ іюнѣ 1715 г. выдалъ ему и другой актъ, которымъ увольнялъ крестьянъ Берла, посаженныхъ имъ на *скуплѣ*, отъ общественныхъ повинностей: „Ознаймуемъ симъ нашимъ писаніемъ, ижъ просилъ насъ п. Иванъ Берло, знатный товарищъ войсковый, абысмо людей его, въ Панфилахъ *на грунтахъ его купленнихъ мешкаючихъ*, отъ тяглостей посполитыхъ, подачокъ и станцій (постоевъ) уволнили; прето мы, не отмовивши его п. Берла прошенію, респектомъ знатнихъ услугъ его жъ въ полку нашомъ и во всемъ Войску Запорозкомъ ронячихся зъ давнихъ лѣтъ, помянутыхъ оного людей на *власныхъ грунтахъ*, въ селѣ пререченномъ *живучихъ*, уволняемъ, зачимъ, абы п. сотникъ яготинскій зъ урядомъ, а особливе атаманъ и войтъ панфилскіе, пререченнихъ пана Берловихъ людей до жаднихъ повинностей посполитыхъ, поборовъ, работизнъ и подводъ не важилися потягати и станций на ихъ насилати и иншихъ трудностей чинити не дерзали“... Хотя это распоряженіе полковника относилось, какъ мы понимаемъ, только къ тѣмъ крестьянамъ, которые жили на *скуплѣ* [1]), и

---

[1]) *Скупля* противополагалась крестьянамъ, жившимъ на собств. „грунтахъ“.

слѣдовательно относилось далеко не ко всѣмъ панфильскимъ крестьянамъ, но тѣмъ не менѣе и такія распоряженія полковники дѣлали рѣдко, и настоящій случай указываетъ, что Томара очень милостиво относился къ Берлу, дѣлая для него болѣе или менѣе исключительное распоряженіе.

Познакомившись съ имущественнымъ положеніемъ Берла, скажемъ о его семьѣ.

Старшій сынъ Берла Василій учился, въ „кіевскихъ школахъ", и отецъ его въ своемъ завѣщаніи говоритъ, что это ученіе сына „не безъ кошту" обошлось ему, такъ какъ нужно было „господы" (квартиры) нанимать и „инспекторамъ за науки платить готовизною", т. е. деньгами, а не продуктами какими. Какъ видно, то обстоятельство, что Василій получилъ по завѣщанію дѣдовскія земли, не освобождало отца отъ тратъ на его воспитаніе. Женился Василій Берло на Настасьѣ Ивановнѣ Сулимовнѣ, отецъ которой, женатый на дочери бывшаго переяславскаго полковника Леонтія Полуботка, сначала былъ воронковскимъ сотникомъ, а потомъ генеральнымъ хоружимъ. Такимъ образомъ старшему сыну Берла высватана была жена изъ знатнаго рода, который связывалъ его съ властными людьми въ гетманщинѣ: жена В. Берла была напр., родною племянницею извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботко. Женившись, Василій отдѣлился отъ отца, причемъ послѣдній нашелъ нужнымъ тогда же дать сыну часть своей земельной „худобы". Далъ онъ ему изъ недвижимаго имѣнія два двора, одинъ—въ Воронковѣ, въ которомъ тотъ родился, „на плецу половиною Сомковскомъ" (т. е. дворъ, половина площади котораго принадлежала Сомку), а другой дворъ, въ которомъ самъ Берло когда то жилъ и въ которомъ указаны слѣдующія постройки: „свѣтлица съ комнатою", „пекарня" съ сѣньми, коморъ двѣ, „подъ единъ побой, на помостахъ" [1]), кухня, погребъ «походящій» (походной), „шопа" (сарай) надъ погребомъ. Данъ былъ Василію еще и „млинъ на греблѣ руччинской, объ одномъ ка-

[1]) Подъ единъ побой=въ одну связь, а на „помостахъ" значитъ—съ *дощатымъ*, а не съ *землянымъ* поломъ.

менѣ мучаномъ". Кромѣ того, отецъ „осадилъ" для Василія около Воронкова „слободку, человѣковъ десятковъ килко подданныхъ, на землѣ покойной панеѣ Сомковоѣ, "при чемъ,—добавляетъ Берло,—„сотникуючи тамъ (въ Воронковѣ) килко десять лѣтъ, чинилъ тимъ людямъ (жителямъ слободки) дефолгацію и полегкость и обороняемъ отъ всякихъ тяжаровъ мѣскихъ". Изъ движимости Василій при женитьбѣ получилъ: „коней двое верховыхъ съ седзенемъ (сѣдломъ) и уздечкою гончою" (верховою), шесть лошадей рабочихъ („клячъ"), плугъ воловъ (т. е. три пары), коровъ пять, овецъ тридцать и пчелъ двадцать ульевъ. Денегъ на Васильеву свадьбу издержано, по словамъ отца, 700 золотыхъ, изъ которыхъ 300 нужно де было занять... Женитьба Василія Берла на Сулимовнѣ можетъ быть дала ему и возможность занять урядъ воронковскаго сотника, который передъ тѣмъ занимали сначала тесть его, а потомъ отецъ.— Послѣ Василія остался одинъ сынъ Иванъ, служившій бунчук. товарищемъ; у него были только дочери [1]).

Дочь Ивана Берла отъ Сомковны, Ирина, вышла замужъ за какого то „пана" Петровскаго „изъ Переяслава." Вѣроятно, это былъ Лука Петровскій, писарь Переяславскаго полка(1696—1706), взятый шведами вмѣстѣ съ переясл. полковникомъ Мировичемъ въ плѣнъ, въ 1706 г., по освобожденіи отъ котораго въ 1712 г., получилъ полковое сотничество [2]).

Отъ второй жены, вдовы Рустановича, Берло имѣлъ сына Арсенія и дочь Софью. Арсеній Берло, какъ будущій переяславскій епископъ, обращаетъ на себя особое вниманіе, тѣмъ

---

[1]) Изъ нихъ Татьяна была замужемъ за войск. товар. Дмитріемъ Волевачемъ (1775 г.), Наталья—за кіевск. бурмистромъ Семеномъ Козельскимъ и Аграфена—за какимъ то Василіемъ Варфоломеевымъ.

[2]) Лука Петровскій владѣлъ селомъ Скопцами, даннымъ ему Мазепою въ 1696 г. Послѣ Петровскаго остались двѣ дочери: Евдокія, бывшая замужемъ за бунч. тов. Степаномъ Максимовичемъ, и Анна, мужемъ которой былъ Бахчевскій выкрестъ изъ евреевъ, служившій у переясл. епископа Шумлянскаго и получившій за эту службу санъ священника. Его сынъ Иванъ Бахчевскій былъ извѣстнымъ дѣльцемъ въ Переяславщинѣ въ к. XVIII в. См. Сулим. Арх., 113.

болѣе, что печатныя свѣдѣнія о его происхожденіи почти всѣ невѣрны [1]).

Арсеній, какъ и старшій его братъ, учился сначала въ тѣхъ же „кіевскихъ школахъ", причемъ и для него нанимались „инспекторы", которымъ платилось „готовизною". Но Арсеній, какъ видно, и самъ къ наукамъ настолько прилежно относился, что не удовлетворился кіевскими школами, и послѣ нихъ отправился для дальнѣйшаго образованія во Львовъ, какъ это нерѣдко дѣлали ученики Кіевской академіи въ к. XVII и нач. XVIII в. в.—Выправляя Арсенія во Львовъ, отецъ снабдилъ его „сукнями" (верхнею одеждою), далъ ему „коня съ возомъ" и денегъ талеровъ двадцать. Во Львовѣ Арсеній пробылъ нѣсколько лѣтъ и вернувшись оттуда, сталъ просить отца—позволить ему принять монашество („принять габѣтъ") въ Печерской лаврѣ. Отецъ не перечилъ сыну, но такъ какъ „въ часъ постригу" Арсенія отецъ его куда то отлучался изъ дому (вѣроятно, въ какой нибудь походъ), то Арсенія снаряжала въ монашество его мачиха Мазапетовна. Для этого сдѣлана была ему одежда: пара „суконь" (верхняя одежда), сутана штаметовая (*стамедъ*=особаго рода сукно) и „реверенда" (ряса) тонкаго французскаго сукна, подшитая волчьими „шлямами" (подбрюшина). Кромѣ того, Арсенію дана была пара буланыхъ коней-вozoвиковъ, съ „колясою". Принявъ монашество, Арсеній уже въ 1717 году былъ архидіакономъ митрополіи Кіевской. Въ 1722 году онъ ѣздилъ въ Москву съ ризницею и свитою, къ посвященію Вар-

---

[1]) Напр., въ *Историческомъ Очеркѣ Полтавско-Переяславской епархіи*, игум. Поліевкта, (Полтава, 1868 г., отд. оттискъ изъ Полтавск. епарх. вѣд. 1867 г. №№ 18—24), Арсеній называется сыномъ переяславскаго протоіерея на основаніи записи въ *синодикѣ* пafфильской церкви, гдѣ говорится: „Родъ отца Берлы протопопы переяславского. Помяни, Господи, рабовъ своихъ: Іоанна, Татіану, Анну, Марину, Марію, іеромонаха Арсенія". Въ этихъ именахъ слѣдуетъ видѣть отца и мать Арсенія и его сестеръ (Анну двоюродную и Марину родную). Называемый въ этой записи—протопопъ переяславскій былъ конечно Андрей Берло, который могъ сдѣлать и самую запись. Невѣрныя свѣдѣнія игумена Поліевкта повторены г. Н. Левицкимъ въ его исторіи Переяславской семинаріи. Кіевск. Стар. 1889 года февр., 428.

лаама Ванатовича на кіевскую архіепископію. Въ это время Арсеній посвященъ былъ во іеромонаха и вслѣдъ затѣмъ—въ санъ архимандрита съ назначеніемъ настоятелемъ Кіево-Межигорскаго монастыря. Можетъ быть, въ это время Арсеній обратилъ на себя особое вниманіе Феофана Прокоповича, которое было причиною, что въ 1729 г. Арсеній былъ избранъ епископомъ Могилевско-Бѣлорусской епархіи и утвержденъ въ этомъ санѣ синодомъ и императоромъ [1]). Но польскій король не согласился на епископство Арсенія, указывая, что онъ избранъ не изъ знатнаго дворянства. Тѣмъ не менѣе Арсеній прожилъ въ Могилевѣ около трехъ лѣтъ, именуясь администраторомъ Могилевской епархіи [2]). Потерявъ надежду получить утвержденіе въ санѣ могилевскаго епископа, Арсеній отправился въ Петербургъ и здѣсь при дѣятельной помощи Феофана Прокоповича, въ 1733 г. былъ назначенъ епископомъ переяславскимъ. Переяславскіе епископы этого времени считались коадьюторами кіевскихъ митрополитовъ, въ областъ управленія которыхъ входила вся Полтавщина. Вѣроятно, пользуясь тѣмъ, что въ этотъ моментъ митрополитовъ въ Кіевѣ не было, а были лишь кіевскіе архіепископы, Арсеній обратился въ синодъ съ представленіемъ объ освобожденіи Переяславской кафедры отъ кіевской зависимости и дать ей такія же права, какія имѣла кафедра Черниговская. Представленіе Арсенія было уважено (видимо, при помощи Феофана Прокоповича), и съ августа 1733 г. Арсеній получилъ право самостоятельнаго епископства съ наименованіемъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Впрочемъ предѣлы Переяславской епархіи ограничились однимъ *Переяславскимъ полкомъ* (теперешніе уѣзды Переяславскій и Золотоношскій); остальная Полтавщина продолжала находиться въ вѣдѣніи Кіева. Въ 1735 г. Арсеній былъ переведенъ въ Бѣлгородскую епархію, но его болѣзнь (вывихъ ноги) помѣшала этому перемѣщенію, и онъ остался въ Переяславѣ. Изъ общественной дѣятельности Арсенія Берла

---

[1]) См Труды Кіевск. Дух. Акад. 1865 г., кн. 3, стр. 604—607.

[2]) *Свѣдѣнія о Полт. Переясл. епархіи и ея архипастыряхъ*, игум. Полієвкта, стр. 38—39.

въ его епископствѣ главною является учрежденіе въ Переяславѣ училища, по кругу преподаванія, равнявшагося теперешней семинаріи. Въ 1737 г. сдѣлано было общее распоряженіе объ „учрежденіи во всѣхъ епархіяхъ и въ пристойныхъ мѣстахъ, училищъ, по духовному регламенту, для обученія въ нихъ учениковъ священнаго чина и церковнаго причта дѣтей, на славяно-латинскомъ языкѣ грамотѣ, а потомъ граматикѣ, риторикѣ и другимъ высшимъ наукамъ",при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось опредѣлять въ церковные чины „неученыхъ людей". Около этого же времени было ограничено поступленіе козачьей старшины въ духовные чины тѣмъ, что „въ дьяконы и попы велѣно было принимать не иначе какъ по аттестатамъ мѣстной власти и по позволенію войсковой канцеляріи, понеже многое число духовныхъ не у мѣста суть и дабы козакамъ въ войсковой службѣ умаленія не было". (П. Соб. Зак., № 6614, п. п. 12—13). Въ виду этихъ указовъ высшаго правительства, Арсеній, съ своей стороны, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Сначала нужно было устроить въ Переяславѣ домъ для школы; для этого дома намѣстникъ Кіево-печерской лавры пожертвовалъ находившіяся вблизи Переяслава четыре хаты. Заботясь о перевозкѣ ихъ въ Переяславъ, Арсеній писалъ въ іюнѣ 1738 г. золотоношскому протопопу слѣдующее: „намѣрены мы сего лѣта, при домѣ нашемъ, устроить училище, на которое по требованію нашему о. Илларіонъ Негребецкій, Кіево-печерскія лавры архимандритъ съ братіею, соблаговолилъ подарити четыре хаты, за рѣчкою (Трубежемъ) стоячія, якія хаты къ катедрѣ нашей въ скорости были бъ перевезены, со всея епархіи нашей опредѣлили мы выстачить подводъ 50. По учиненному отъ насъ распоряженію, съ протопопіи своей Золотоношской изволь, всячестность твоя, подводъ *поодноконь,* числомъ пятнадцать, прислать въ катедру для перевозу оныхъ хатъ на число сего іюля 10 непремѣнно, собравъ тіи подводы безобидно: у едного священника возъ, въ другого—лошадь, а отъ третего—кто къ подводѣ человѣка сопредѣлитъ. Въ тѣхъ же училищахъ, якъ дастъ Богъ устроить, священическія и церковно-причетническія дѣти святого ученія имѣютъ

обучатися, что будетъ къ большей славѣ и прославленію имени Божія, къ пользѣ же отечества...“ Въ другомъ указѣ (11 сентября) тому же золотоношскому протопопу Арсеній пишетъ: „въ новосооруженныхъ при домѣ нашемъ архіерейскомъ училищахъ имѣютъ быть сего года зачаты ученія—фары и инфимы, граматики, синтаксимы, поэтики, риторики, для якихъ ученій уже и учители учреждены... А дасть Богъ слѣдующаго октября на второе число, непремѣнно представлять всей епархіи нашей Переяславской имѣючіе сыновъ своихъ, долженствуютъ подъ опасеніемъ штрафа и наказанія. И тіи ученики, священническіе дѣти, которыя слушали синтаксиму, то здѣсь (будутъ слушать?) поэтики, которыя поэтики то здѣсь—риторики и которыя риторики ихъ слушали бъ непремѣнно (?).... „Отсюда слѣдуетъ догадываться, что въ открытое осенью 1738 г. Переяславское училище были переведены изъ Кіева уже учившіеся тамъ сыновья священниковъ Переяславской епархіи, при чемъ имъ даны были нѣкоторыя льготы. О дѣйствительномъ открытіи осенью 1738 г. Переяславскаго училища говоритъ указъ Арсенія, писанный 6 ноября 1738 г., въ которомъ читаемъ: „за помощію Божіею, при катедрѣ нашей Переяславской (мы) устроили училища и *уже въ нихъ собравшіеся ученики славяно-латинскаго ученія обучаются*, которымъ искусныхъ учителей учредили и содержимъ въ катедрѣ нашей; особливое же имъ зъ дому нашего архіерейского опредѣлили пропитаніе“. Указываемое здѣсь „пропитаніе“ отпускалось изъ „катедры“, повидимому, учителямъ, а ученики кормились въ *бурсѣ*, при чемъ пища для нихъ поставлялась со всей епархіи, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста того же указа: „а для учениковъ со всей епархіи отъ церковныхъ пожитковъ и священническихъ доходовъ, по учиненному расположенію, токмо една пашня (рожь) да мука пшеничная да гречаная отчасти собрана, и то еще не совсѣмъ, понеже круповъ, сыра, масла и прочихъ къ пропитанію потребностей не имѣется; а во ономъ расположеніи опредѣлено—безъ чего всячески обойтись невозможно, того для по сему вновь учиненному расположенію, всечестность ваша, опредѣленное выстачить для пропитанія обу-

чающихся учениковъ долженствуетъ"... [1]) „Искусныхъ учителей", о которыхъ говорится въ этихъ указахъ, Арсеній приглашалъ изъ Кіева; еще и въ 1743 г. онъ просилъ тогдашняго печерскаго архимандрита Тимофея Щербацкаго прислать ему, въ Переяславъ, двухъ ученыхъ монаховъ изъ лавры, для преподаванія риторики и піитики [2]). Заботы Арсенія объ устройствѣ Переяславскаго училища дали основаніе тогдашнему учительскому его персоналу называть это училище *Берліанскою коллегіей* [3]). Позже изъ этой *коллегіи* образовалась Переяславская семинарія.

Заботясь объ устройствѣ переяславскаго училища, Арсеній однакожъ личныя матеріальныя средства отдавалъ преимущественно на украшеніе Кіевской лавры; такъ, онъ дарилъ туда нѣкоторыя церковныя вещи, а въ 1741 г. пожертвовалъ *тысячу червонцевъ* на позолоту главы въ новой лаврской колокольнѣ. Эта огромная для тогдашняго времени сумма указываетъ, что архіерейскіе доходы и въ незначительной малорусской епархіи въ XVIII в. были не малые и что о благолѣпіи лавры, гдѣ Арсеній „принялъ габѣтъ", онъ заботился болѣе, чѣмъ о нуждахъ своей епархіи.

Умеръ Арсеній Берло 7 іюня 1744 г.

Родная сестра Арсенія, дочь Щуровской, Софья выдана была замужъ за Евстратія Гулака. Гулаки были старые переяславцы, происходившіе отъ переяславскаго обозного Ивана Гулака (1688 г.); у этого обознаго былъ сынъ Иванъ же, который въ 1699 г. былъ переяславскимъ полковымъ сотникомъ; сыномъ этого Ивана

---

[1]) Всѣ три указа напечатаны г. Павловскимъ въ Полтавск. Епарх. Вѣдом. 1878 г., № 2. См. также Полт. Еп. Вѣд. 1882 г., № 19, стр. 935—938.

[2]) *Очеркъ* игум. Поліевкта, стр. 12.

[3]) Недавно мы встрѣтили одинъ изъ учебниковъ этой *коллегіи* 1743 г., озаглавленный такъ: „Volumen continens in se varias occupationes nec non scholastica exercitia recte dicendi lingua latina ad praecepta alvariana traditum in gratiam ac usum roxolanae juventuti studiosae in *collegio Berliano-Pereiaslaviae* professore infimae ac mediae classis Jacobo Javorski. Anno salutis humanae 1743, in annum 1744". Здѣсь же кстати замѣтимъ, что списокъ учениковъ *Берліанской Коллегіи* за 1744 г. напечатанъ въ Кіевск. Стар. 1888 г., ноябрь, 23—26; въ немъ начтется „учениковъ"—130, въ шести классахъ, начаная отъ „фары" до „риторики."

Ивановича Гулака былъ зять Берла Евстратій Гулакъ, занимавшій въ 1734 г. урядъ своего отца. О данномъ дочери Софьѣ *вѣнѣ*, при выдачѣ ея замужъ, Иванъ Берло въ завѣщаніи говоритъ: „выдавши оную въ станъ малженскій, отвѣнили (Софью) по нашой зможности такимъ вспоможеніемъ: сплендоръ (украшенія) увесь, якъ належитъ бѣлоголовскій (женскій), манисто перловое (жемчугъ), сребра питного судинокъ (сосудовъ для питья)—три, поясъ у пьять гривенъ (вѣсу) срѣбрный, дощатий (изъ пластинокъ), сутозлоцѣстій. Кромѣ того, „подъ часъ веселя Софіиного, дали ей коня зъ колясою, а потомъ еще: коней два и коровъ четыре."

Отъ Мазапетовны у Ивана Берла было два сына и три дочери, да еще была на рукахъ у Берла его племянница, дочь старшаго Ивана Берла, Анна, которую онъ взялъ на свое попеченіе послѣ смерти брата. О ней Берло разсказываетъ въ своемъ завѣщаніи, что достигнувъ возраста, Анна влюбилась въ какого-то Антона Тарловскаго, который, выкравъ ее изъ Воронкова, женился на ней. Этотъ поступокъ „братанки" (племянницы) очень оскорбилъ дядю, который почелъ самовольный ея уходъ изъ его дому за „встыдъ себѣ". Но когда Анна пріѣхала съ мужемъ просить у дяди прощенія, то послѣднее тутъ же было ими получено. Антонъ Тарловскій можетъ быть былъ отцомъ того извѣстнаго „дикаго попа", который по преданіямъ игралъ такую видную роль въ колонизаціи Екатеринославщины и который будто бы вѣнчалъ императрицу Елисавету Петровну съ Разумовскимъ въ Козельцѣ, на пути ихъ въ Кіевъ [1]). Изъ завѣщанія Ивана Берла видно, что Антонъ Тарловскій уже въ 1717 г. былъ священникомъ. Берло подробно перечисляетъ тѣ подарки, которыми онъ надѣлялъ молодую чету при ея посѣ-

---

[1]) О „дикомъ попѣ" о. Кириллѣ Тарловскомъ см. Черниг. Губ. Вѣд. 1887 г. № 63, гдѣ записано преданіе о томъ, что онъ сочеталъ императрицу бракомъ („съ необычайною простотою и таинственностью") съ гр. А. Г. Разумовскимъ, въ небольшомъ деревянномъ дворцѣ, построенномъ къ пріѣзду, на берегу Остра, въ г. Козельцѣ". Преданіе записано со словъ глубокаго старика, мѣстнаго протоіерея Ф. И. Долинскаго (умершаго лѣтъ десять назадъ), почему преданіе это не лишено значенія.

щеніи дяди, при чемъ Тарловскіе дали послѣднему и „квитанцію“, что они не будутъ затѣмъ „турбовати Берла за отцовскую отчизну“. Изъ этой „квитанціи“ слѣдуетъ заключить, что источникомъ для подарковъ служило отцовское наслѣдство, „братанки“, оставшееся у дяди... Тутъ же Берло упоминаетъ, что, онъ выхлопоталъ мужу племянницы и приходъ („парафію“) въ с. Нехайкахъ, давши за это тогдашнему переяславскому епископу Захарію Корниловичу „червоного золотого“. Отъ Мазапетовны Берло имѣлъ двухъ сыновей—Данила и Андрея, и трехъ дочерей—Марину, Настасью и Елену. Разсказавъ въ завѣщаніи о положеніи своей семьи, Берло далѣе говоритъ, что главная его цѣль заключается въ томъ, чтобы послѣ его смерти старшія дѣти (отъ первыхъ двухъ женъ) не спорили съ своею мачихою Мазапетовной и ея дѣтьми и чтобы при этомъ „костьми его, Берла, не ворушили“. Къ этому Берло добавляетъ, что если старшія дѣти отъ первыхъ двухъ женъ рожденныя, въ чемъ считаютъ себя обиженными и обдѣленными по этому завѣщанію, то онъ проситъ ихъ заявить свои претензіи теперь же ему лично, пока онъ еще живъ, а онъ обязывается каждому изъ нихъ дать полное объясненіе и исправить то, что окажется неправильнымъ; все это обѣщаетъ онъ сдѣлать, лишьбы они, старшія дѣти, по смерти его, не безпокоили его жену, на которую они „похвалки чинятъ“. Женѣ своей Мазапетовнѣ Берло по завѣщанію назначилъ слѣдующія имѣнія: дворъ въ Переяславѣ, купленный у тамошняго протопопа Николая Мосцицкаго, хуторъ въ с. Панфилахъ и другой хуторъ въ с. Роговѣ, а также и всѣ вообще земли. Все это имѣніе завѣщается „самой женѣ“ и меньшому сыну Андрею, „ежели будетъ поволный матцѣ“ (т. е. если будетъ слушать мать); а если этотъ сынъ окажется непослушнымъ, то завѣщаемое имѣніе должно принадлежать одной женѣ, а жена, во всякомъ случаѣ, „повинна будетъ съ тихъ же набитковъ випосадити дочерей Настусю и Елену, когда Господь Богъ подастъ имъ станъ малженскій восприяти“; при этомъ самъ отецъ назначилъ этимъ дочерямъ по пять коровъ и по пять рабочихъ лошадей

(„клячей“) и кромѣ того, еще по пять кубковъ „пестрозлоцѣстыхъ“. Сынъ Данило и дочь Марина здѣсь не упомянуты конечно потому, что они въ это время были уже отдѣлены.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что старый Берло называя въ завѣщаніи своемъ два *хутора* въ Панфилахъ и Рогозовѣ, какъ намъ кажется, маскируетъ этимъ названіемъ *села* Панфилы и Рогозовъ, которыхъ онъ не считалъ себя въ правѣ *завѣщать*, а между тѣмъ, имѣя въ Панфилахъ и Рогозовѣ купленныя земли съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, онъ могъ говорить и о хуторахъ...

Написавъ завѣщаніе, Берло послалъ его „до вычитання“ старшимъ двумъ сыновьямъ, которые вслѣдъ за тѣмъ пріѣхали сами въ Переяславъ, гдѣ жилъ старый Берло, и тутъ стали было „домовляться отчизни“, „нажитой съ сеею женою“ (т. е. Мазапетовною); но отецъ „декляровалъ“, что отдаетъ имъ только то, что нажилъ съ ихъ матерями, а что̀ нажилъ съ Мазапетовною, то все отдаетъ дѣтямъ отъ нея рожденнымъ. Споры отца съ сыновьями продолжались, какъ говорится въ завѣщаніи, нѣсколько дней, пока наконецъ сыновья уступили, „склонившися, не нарушаючи отцовскаго себѣ благословенія“, и приняли то, что кому изъ нихъ тестаментомъ назначено, при чемъ просили у отца еще „прощенія съ тѣмъ одозвомъ, же уже вовся не мѣли турбовати жены его и дѣтей съ нею спложенныхъ“... Духовное завѣщаніе Берло написалъ въ 1717 г., не обозначивъ его мѣсяцемъ, а 1-го января слѣдующаго 1718 г. Василій далъ отцу письменное обязательство, [1]) которымъ, *по совѣту отца*

[1]) Року 1718, иануария мѣсяца 1. Я, Василій Берло, будучи на сей часъ сотникъ воронъкувскій, чиню вѣдомо симъ моимъ рукописаніемъ, ижъ по благословенію всемилостивого моего патрона и добродѣя его мил. папа Иоанна Беръла, милого родителя, часьти отчизны трудами и стараньемъ родителскимъ на мене спадаючой, набитой, рѣчей рухомихъ и нерухомихъ, зъ доброй моей волѣ, п. братамъ моимъ Данилу и Андрѣеви, зпложенним зъ панею Анною Мазапетовною, второю родителкою моею, уступую по согласію и совѣту любимого отца брата моего Арсенія Берла, и якъ въ той децисии кондицѣя за рукою его превелебности виражена, на томъ и я руку свою подписую. Василій Беръло, сотникъ варонъкувскій, рукою власною. (*Съ подлинника*).

брата Арсенія Берла, уступилъ право свое на слѣдовавшее ему отцовское наслѣдство братьямъ Данилу и Андрею.

Заботы Ивана Берла о соглашеніи старшихъ сыновей на уступку ими своихъ правъ на „отчизну"—младшимъ братьямъ, указываетъ, по нашему мнѣнію, что старый Берло изобрѣталъ здѣсь способъ—какъ бы маетности свои, Рогозовъ и Панфилы, полученныя по универсаламъ, передать вдовѣ и младшему сыну помимо Василія и Арсенія, на что онъ не имѣлъ права. Называя эти маетности въ завѣщаніи лишь *хуторами*, Берло, повторяемъ, имѣлъ въ виду *усилить свое право* на распоряженіе ими... Какъ видимъ, Берло достигъ своей цѣли, но едва ли не потому лишь, что Арсеній, будучи монахомъ, не только что самъ согласился отказаться отъ права на „отчизну", но и старшаго брата къ тому склонилъ.

Иванъ Берло умеръ, оставивъ вдову съ тремя неустроенными дѣтьми: сыномъ Андреемъ и дочерьми Настасьей и Еленой. Время смерти его не извѣстно, но вдова его обратилась къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за нею мужниныхъ маетностей въ нач. 1721 года, почему можно думать, что и мужъ ея умеръ около этого жо времени. Въ универсалѣ Скоропадскаго, выданномъ (28 марта 1721 года) вдовѣ Берла, читаемъ: „вдова панѣ Анна Мазапетовна презентовала намъ *уньверсалъ* нашъ, въ року 1712, ему небожчику Ивану Берлу выданный, *на село Рогозовъ* и на футоръ тамошній, прозываемій Пѣсоцковскій, такожъ *листъ* покойного п. Стефана Томари, полковника переясловского, ему жъ небожчику Берлу въ року 1715 данный, *зъ уволненемъ людей въ селѣ Панфилахъ десяти человѣкъ*, на власныхъ его покойного покупленныхъ грунтахъ *погребцами* [1]) мешкаючихъ, отъ налоговъ, поборовъ ратушныхъ и работизнъ... и просила *на всѣ тіи добра* нашой унѣверсалной конфѣрмаціи". Исполняя эту просьбу, гетманъ

[1]) Слѣдуетъ думать, что слово *погребцы* употреблено здѣсь въ смыслѣ *землянокъ*. Въ Прилуцкомъ уѣздѣ есть село *Погребы*, возникшее на мѣстѣ разореннаго татарами села *Держикрая*; можетъ быть и тамъ названіе Погребовъ возникло отъ тѣхъ землянокъ, въ которыхъ ютились новые насельники стараго *селища*.

выдалъ универсалъ, „повагою котораго всѣ вишеписанние добра и грунта въ безперепонное заживане ей, паней Берлиной, ствердилъ“, съ обычными оговорками относительно послушанія крестьянъ, которые „безъ всякого огурства послушенство и повиновеніе отдавати долженствуютъ“.

Одновременно съ матерью обращался къ гетману и старшій сынъ ея Данило, въ то время бунчуковый товарищъ, съ просьбою объ утвержденіи за нимъ маетностей; какихъ именно—неизвѣстно, но онъ получилъ универсалъ, въ томъ же 1721 г., только на дворъ въ Воронковѣ и на хутора́ въ Воронковской сотнѣ. Можно думать, что Данило Берло обратился къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за нимъ „отчизны“, по крайней мѣрѣ въ части, но что гетманская канцелярія (т. е. въ дѣйствительности генер. писарь Савичъ) нашла возможнымъ во всемъ исполнить завѣщаніе Ивана Берла, а Данилу—дать универсалъ лишь на то, что, повидимому, отцемъ было ему отдано еще при жизни.

Послѣ смерти мужа, Мазапетовна осталась жить съ младшимъ сыномъ Андреемъ и двумя незамужними дочерями. Андрей скоро устроился, получивъ мѣсто священника въ переяславской успенской церквѣ, и мать осталась безъ защитника, тѣмъ болѣе что и старшій сынъ ея Данило вскорѣ умеръ (прежде 1725 г.).—Этимъ положеніемъ вдовы Берлихи воспользовались сильные сосѣди и начали ее тревожить, захватывая ея земли. Въ это время на младшей дочери Берла посватался канцеляристъ генер. канцеляріи Андрей Володковскій. Одно мѣсто его службы давало уже ему значеніе, почему Мазапетовна имѣла основаніе искать въ немъ защитника своего „дома“. Желая привязать Володковскаго къ этому своему „дому“, Мазапетовна отдала ему село Рогозовъ. Любопытный объ этомъ актъ вдовы „Берлиной“ гласитъ слѣдующее: „Поневажъ дѣйствіемъ и изволеніемъ Божіимъ сбылося, же п. Андрей Володковскій, генер. войск. канцеляріи канцеляристъ, дому моему усиновился, дщерь мою Елену себѣ за малжонку понялъ, и видячи я его ку себѣ и дѣтямъ своимъ: Андрею Берлу и сыновой моей Даниловой Берлиной удовствуючой,

зичливость и пріязнь, и во многихъ теперъ приключающихся трудностяхъ и турбаціяхъ, такъ о завладѣніи млина и о отнятіи подданныхъ, и въ прочихъ обидахъ и разореніяхъ помоществующого своимъ коштомъ и працею, того ради я, *переговоривши съ сыномъ своимъ Андреемъ Берломъ*, священникомъ, *на вспарте его, Володковского господарства, маетность покойного мужа моего село Рогозовъ* заслуженную и отъ пятидесяти пяти лѣтъ владѣемую... *вручаю и уступаю*; да въ томъ же селѣ власній, купленій за гроши мужемъ моимъ прозываемій Пѣсоцковскій хуторъ"... во вѣчность и потомное владѣніе ему, п. Володковскому, дарую... Упомянувъ о передачѣ при этомъ Володковскому всѣхъ документовъ на Рогозовъ и на Пѣсоцковскій хуторъ, вдова затѣмъ добавляетъ: а мѣлъ бы хто его, Володковского, зъ дѣтей моихъ, чили зъ внучатъ, чили съ первой и другой женъ покойного мужа моего дѣтей, якихъ духовною за живота своего отдѣлилъ, якъ надлежитъ, вивѣнилъ и квѣтовалъ, турбовати, трудности и препятствія чинити въ тихъ грунтахъ, отъ мене Володковскому даннихъ, или ихъ отнимати, то яко тать и хищникъ чужого имѣнія буде зо мною и мужемъ моимъ на страшномъ второмъ пришествіи предъ нелицемѣрнимъ судіею судится и да будетъ анаѳема проклятъ" [1]).

Такимъ образомъ по этому акту Мазапетовна отдаетъ затю *населенную* мужнину *маетность, помимо сыновей*... Правда, мужъ ея, умирая, далъ ей власть распоридиться селами по своему усмотрѣнію; гетманскій универсалъ какъ бы укрѣплялъ за нею это право; но тѣмъ не менѣе обычное право препятствовало вдовѣ отдавать полученную по универсалу маетность зятю, хотя на эту уступку и согласился, какъ говоритъ актъ, младшій сынъ Мазапетовны. И мы видимъ, позже, что распоряженіе вдовы всетаки не смогло стать крѣпкимъ, такъ какъ

---

[1]) Подпись: Анна Мазапетовна Берлина, неумѣющая писать сину своему подписать рукою повелѣла. Андрей Берло рукою приложилъ свято успенскій переяславскій... (Конецъ вытертъ).

Володковскій, не смотря на свое положеніе [1]), удержать за собою Рогозова не смогъ: это видно изъ того, что въ к. XVIII в. владѣльцемъ этого села былъ одинъ изъ внуковъ Андрея Берла.

Выше уже сказано, что младшій сынъ Ивана Берла, Андрей, промѣнялъ козацкую саблю на рясу священника. Вѣроятно, что священство Андрея Берла явилось слѣдствіемъ близкаго его родства съ Арсеніемъ Берломъ, протекція котораго обѣщала младшему брату карьеру и въ духовномъ его званіи, а козацкая старшина иногда предпочитала эту карьеру—воинской, въ виду связаннаго съ ней освобожденія отъ походовъ и другихъ воинскихъ повинностей. Извѣстенъ такой случай: въ 1724 г., передъ походомъ козаковъ въ Сулакъ, сынъ бунч. товарища Якимъ Кулябка, желая избѣжать этого похода, поѣхалъ было въ Кіевъ „для поповства," но полковникъ послалъ за нимъ въ погоню съ приказомъ, „чтобы онъ того не дерзалъ чинить". (Зап. Як. Марк., I, 55). Несомнѣнно, что Андрей Берло не проигралъ въ перемѣнѣ общественнаго своего положенія, такъ какъ послѣ священства въ переяславской успенской церкви, онъ сталъ переяславскимъ протопопомъ и оставался на этомъ мѣстѣ до смерти, около двадцати лѣтъ (1735—1755 г.). Священство не мѣшало Андрею Берлу получить по смерти матери во владѣніе одну изъ отцовскихъ мѣстностей, с. Панфилы. Кромѣ того, на протопоповствѣ Берло наживалъ всякаго рода „худобу" такъ-же успѣшно, какъ это дѣлала и старшина. Напр., по купчей 1755 г., „попадя" сосновская, по умертвіи мужа своего священника сосновскаго Герасима Золотухи, съ сыномъ своимъ священникомъ с. Ничипоровки Иваномъ Золотухою, продала отцу Андрею Берлѣ, протопопу переяславскому, ставокъ съ гребелькою и берегами", около с. Соснова, *„вподовжъ разстояніемъ въ версту"*, *за сто рублей*. Такое пріобрѣтеніе, какъ „ставокъ" (прудъ, а м. б. и озеро) *длинною съ версту* (образовавшійся изъ заливовъ Супоя, при которомъ расположены села Панфилы и Соснова),

[1]) О Володковскомъ, А. В., см. Опис. Ст. Малор., II, 45. Изъ генер. канцеляріи онъ получилъ урядъ нѣжинскаго полкового есаульства (1734—1746), котораго лишился за участіе въ насиліяхъ полковника Божича.

заплоченное столь дорогою для того времени цѣною, было пріобрѣтеніемъ несомнѣнно крупнымъ [1]).

Послѣ Андрея Берла остался сынъ Иванъ, который въ 1764 г. былъ войсков. канцеляристомъ, а затѣмъ въ отставку, въ 1773 г., получилъ чинъ полков. судьи. У него было четыре сына: Павелъ, Иванъ, Пантелеймонъ и Михаилъ, изъ которыхъ Иванъ и Пантелеймонъ по спискамъ 1805 г. значатся корнетами и владѣльцами: Иванъ с. Рогозова (53 крест. м. п.), а Пантелеймонъ—с. с. Панфиловъ и Комаровки (108 крест. м. п.).

О потомствѣ старшаго брата Андрея Берла—Данила точныхъ свѣдѣній у насъ нѣтъ; но въ документѣ 1799 г. показаны *троюродными братьями* сыновей Ивана Андреевича Берла—Матвѣй и Пантелеймонъ, называющіе себя сыновьями полковаго писаря Владиміра Берла. Зная, что у старшаго сына Ивана Берла Василія былъ одинъ только сынъ (Иванъ), слѣдуетъ заключить, что Владиміръ Берло былъ сыномъ Данила Ивановича Берла, умершаго раньше своей матери. Гдѣ онъ былъ полковымъ писаремъ—изъ документовъ не видно.

На этомъ кончаются наши свѣдѣнія о Берлахъ, найденныя въ обрывкахъ ихъ семейнаго архива. Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, но все же въ нихъ находимъ нѣсколько интересныхъ чертъ для исторіи общественнаго быта старой Малороссіи, а при скудости этого рода свѣдѣній слѣдуетъ сохранять и такія черты. Только заботливымъ подборомъ послѣднихъ можно приготовить достаточный матеріалъ для давно ожидаемой книги—*о юридическомъ бытѣ старой Малороссіи.*

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) По смерти Андрея Берла, младшій сынъ священника Герасима *Золотухи* Герасимъ *Злотковскій* возбудилъ противъ Андреевагв сына—Ивана Берла споръ требуя и свою долю доплатить за „ставокъ", вслѣдствіе чего Берло и доплатилъ ему 25 рубл. Здѣсь интересенъ случай—какъ легко было сыну *Золотухи* измѣнить отцовское прозвище въ полонизованное *Злотковскій*...

Приложеніе.

Духовное завѣщаніе переяславскаго судьи Ивана Берла. 1717 года.

Во имя Пресвятия Животворящия і Нераздѣлимия Тройци, Отца і Сына и Святого Духа. Аминь.

Звичай тотъ в людехъ поводится, когда кто биваетъ болезнию обятий и призрѣний отъ Бога, яко и я грѣшний Іванъ Берло вижду себе часто у слабомъ моемъ здоровю, умислилемъ, по доброй волѣ моей сей тестаментъ моею рукою написати, жебы по моей смерти дѣти моѣ од первих жон двох моѣх покойних з теперешнею третею жоною моею Анною Мазапетовною, яко и з дѣтми тож моѣми з нею зиложенними, не вщинали позвов и турбаціи не заводили, а костми моѣми неворошили, лечъ кгды кому о що з дѣтей моѣх первих жон покойних моѣх идет, покол еще я во живихъ обрѣтаюся, позволяю мнѣ самому договорити и кому чого не доходит, на мнѣ упоминатися; я повиненъ буду кожному одвѣтовати і справитися, а не жона моя Мазапетовна, на которую похвалки чините неслушне, бо кгди она мнѣ пошлюбивши и въ дом мой зо мною прибивши, не застала у мене жадной готовизни, нѣ з срѣбра, нѣ з цени, а нѣ з фантъ покойних матерей ваших, бо любо що з плендоров покойной жони моей Сомковни било позостало, тое дочери моей Іринѣ, з Сомковною жъ зиложенной, досталося, некому инному. Также по небожце Татиянъ Щуровщанцѣ, другой жони моеѣ, що било позостало з ношення небожчичиного, то Софиѣ, дочери моей, зъ нею зиложенной оддано усе. А теперешняя жона Мазапетовна позосталих фантъ и сплендоров од первих жонъ моѣхъ и найменшой рубчинце не при-

винная, якихъ не приймала и непожитковала, которую симъ рукописаннемъ моимъ одъ турбацѣи и позвов на неѣ одъ дѣтей моѣхъ обваровую и заступаю; а мѣли бы дѣти моѣ, Василий, Арсений и Софья дочерь моя, і кто ли колвекъ, сей доброволний тестаментъ мой касовати или разоряти, на таковому противникови и разорителеви моему да будет клятва святих отецъ триста осмнадесят, іже в Никеѣ, і самъ Всемогущій Господь Богъ разоритъ душу его во ад муки вѣчной. Аминь.

Сынови моему Василию Берлови, зпложенному з покойною Параскевиею Сомковною, которого уже зъ сею жоною моею Мазапетовкою дружилемъ его, далемъ ему сынови Васпливи двуръ у Воронковѣ, в которомъ родился а дворъ де ново мною фундованний на плецу половиною Сомковкономъ (sic), на котором том плецу засталем свѣтлицу велми дряхлую і огорѣлую, которая до мене еще била заняласи. А половину плецу на двори до моего фундовання об межу купилем у Мартина Говорухи, жителя старинского, тот двор, свѣтлиця з комнатою, пекарня з сѣнми, комор двѣ под един побой, на помостахъ, кухня, погребъ походящій и шопа надъ погребомъ. Я самъ у том дворѣ жилем, так зо всѣм оддалем Василиеви сынови. А в часъ женитби сына моего готовизною грошей самих розийшлося сѣм сот золотихъ, чотириста зобранныхъ из Мозапетовною, жоною моею, а триста золотих позиченныхъ у Прокопия, хоружого чернѣговского полкового, покойного зятя нашего. Млин на гереблѣ Руччинской прозиваемой, о едномъ каменѣ мучаномъ, который з Мазапетовною жоною моею, фундованний, дан ест сынови Василиеви; также коней двое верховых з седзеннем і уздечкою гупчою, пестро злосцѣтою, клячъ шист, волув плуг, коров пять, овец тридцат, пчулъ двадцат уллювъ, любо и у себе мало статку мѣлемъ, не без коцту и тое било черезъ колко роков намъ из жоною Мазапетовною господи наймовати, за науки школъ киевских сынам Василию и Арсенію, інспекторам платити готовизною и кому того часу належало. I о том докладаю, же власним стараннем моѣмъ і тщаніемъ слободу людми осадилем под Воронковом человѣка десятков килко подданих, любо на землѣ покойной панеѣ Сомковоѣ, тилко моѣм зобраннемъ, чинячи тимъ дефолкгацію и полегкост черезъ колко десят лѣтъ, мнѣ тамъ сотникуючи, обороняем и од всякихъ тяжаровъ мѣскихъ их заступалемъ, памятствуючи же сукъцесиве спадати будут тие поддание Василиеви, сынови моему. I подтвердителние унѣверсали рейментарские на сло-

бодку и на всѣ грунта Сомковское выправлялем, на которие мене покойная панѣ Сомковая, теща моя, изъ Стародуба подняла, вручивши оние пожитковати, якихъ много били люде, а найбарзѣй помѣжники завладѣли и присвоѣли в самом Воронковѣ и в селѣ Рогозовѣ, и в селѣ Старомъ; которих грунтовъ од давнихъ часов людми завладѣлихъ Сомковскихъ во всѣхъ трохъ тихъ руках одстоялем плуговъ на тридцать, од лiоду до леду орання доволного, которие синови моему Василиеви тестаментомъ лекговала панѣ Сомковая, черезъ мою поволност къ ней и датками употребляючи через колко десят лѣт, оную од дому моего аж до самой смерти еѣ. О чом сына моего Василия упоминаю под неблагословенiем Божiимъ i моимъ грѣшним отческим нейти в завод из второю маткою и з братами Даниломъ и Андрѣемъ, але тими контентоватися грунтами, яких я додержалем тобѣ зъ благословением Божиим пожитковати и моѣми грѣшними молитвами. А мѣл би еще вщинати завод о грунта и о дом из жоною Мазапетовною у Воронковѣ фундованний, да не благословит тебе Господь Богъ и буди од мене проклят, анаѳема в сем вѣце и въ будущом. Сына моего од другой жони моей Татияни Щуровщанки покойной зо мною зпложенного, Божiимъ дарованiемъ Арсенiя Берла, архидiякона митрополiи Киевской, когда по его хотенiю, од школ киевских до Львова для наукъ виправилем, давши ему суннѣ, у дорогу коня з возом i вѣкту з потребу, грошей таляровъ двадцат. А кгди, по колкох роках, одтол повернулся з фурманомъ нанятимъ, якому заплатилисми за привоз до нас сина нашего Арсенiя, почасѣ просил мене и жони моей, жеби у святой обители Киевопечерской габѣтъ моглъ приняти, въ чомъ желанiю его сыновном старанием моѣм и жони моей задоситъ учинилося, бо любо я сам в дому в часъ постригу бити не згодился, еднак жона моя Мазапетовна з остатной готовизны всяких вещей на постригъ синовний достатно ложила i одправовала: и пару суконъ, сутану штаметовую i реверенду тонкого сукна французского, шлямами волчими подшитую, справили; коней пару буланих возников зъ колясою далисми синови Арсенiеви, свитлицу шинковую у Воронковѣ, обмежу Леска Тимченка стоячую, i футор в селѣ Жеребятинѣ з садом, нажитий з покойною Татияною Щуравщанкою, жоною моею, а маткою Арсенiевою, ему записую. Який сей мой тестамент посилалем синам моѣм Василiю и Арсенiю до вичитання, Хомою Луциком, жителем рогозувским, по которого вычитаню тестамента, сини моѣ приехавши до Переяслова, упоминалися у мене

отчизни нажитоѣ із сею жоною моею, ставши при упорѣ, котории однюд того их жаданію не позволилем, тим тилко оних декляровалем› що ся з матерями ихъ нажило, тое им подѣлилем и в тестаментѣ записалем, а що из сею жоною Мазапетовною прижилемъ, то сим дѣтем пятерим подѣлилемъ. А потом, по килкох днех, сини моѣ Василій и Арсеній, склонившися, ненарушаючи моего себѣ благословенія і хотенія, що кому тестаментом лекгую, приняли у мене прощеніе с тим одозвом, чого я по нихъ потребовалем же уже вовся немѣли турбовати жони моей и дѣтей з нею зпложенних: Данила, Андрѣя, Марини, Настасиѣ и Елени. И по моей смерти обѣцуючи квѣтовати жону рукописаніем кождый синъ своим, Василий и Арсений, і на той угодѣ з моею порадою видячи склонност жона моя синную, офѣровали куфел срѣбрний столовый у гривен чотири и в девять лотовъ удѣланный, з власного срѣбра жони моей принесен; него у дом мой, пояса срѣбрного старосвѣцкого и чарок и иншого ламанннаго срѣбра унесеннаго. Тим толко уже Арсений, синъ мой, повинен контентоватися, а турбаций жадних не вщинати і рукописанія моего не нарушати. А когда би ся поважил которий синъ мой Василий или Арсений сей тестаментъ мой дерзнути касовати албо разоряти, таковаго противника моего милосердия Господь Богъ разоритъ душу его во адъ муки вѣчной и да будетъ такий проклят анаѳема, в сем вѣце и въ будущомъ.

Софѣю Евстратиевую Гулаковую, дочерь мою, еще з покойною Татіаною Щуровщанкою, жоною моею, а маткою Софіиною, видавши оную в стан малженскій, одвѣнили, по нашой зможности, такимъ вспоможеніем: сплендоръ увесь, як належит бѣлоголовский, манисто перловое, срѣбра питного судинокъ три, пояс у пят гривен, срѣбрний, дощатий, сутозлоцистий, а тотъ поясъ покойная Татіяна, жона моя, лекговала пополамъ, з Яковом Ростановичом, братомъ Софиіним, за который и позванний билемъ до суду енералного одъ Ростановичов, пасинков моѣх, і за инние их дѣдизнее и отчистое зобранне, которое з маткою их же в господарствѣ розейшлое, тое усе платилем пасинкам моѣм, который уже и поясъ одплаченний нами и суденца срѣбрние из жоною моею теперешнею Мазапетовною пасинкам отцу Петру и Якову Ростановичамъ уже самой Софиѣ власне другим одвѣненнемъ непенно найдуется пояс и суденца сребрние под час веселя Софиіного, еще з маткою Софиіною, дали коня з колясою дочери нашой Софии, а з теперешнею жоною моею Мазапе-

товною дали коней двое і коровъ чотири Софиѣ, в чомъ уже дочерь моя і Евстратій Гулакъ, зять мой, неповинни турбовати жони моей Мазапетовни і дѣтей моѣх з Мазапетовною зиложенних, бо теперешняя жона моя Мазапетовна, як первой жони моей Сомковни, так и другой жони моей Щуровщанки, нѣкчому непривинная и до найменшой рубѣчинки. А любо било що бялоголовного незвелика якого пошеня, по Самковнѣ жони моеѣ, дочери Іринѣ оддано, а по жонѣ Щуровщанце Софии досталося. Овшемъ еще долги якие на мнѣ зависали, которыхъ задолжилемся з покойною жоною Щуровщанкою нa колко сотъ золотих, людем поплатили з теперешнею жоною Мазапетовною, которую рукописаніем моим сим обваровую и дѣтей моихъ упоминаю, Василія и Арсенія, и Софию, жеби и по моей смерти Анни Мазапетовни, жони моей, и дѣтей з нею зиложенних Данила, Андрѣя, Марини, Настасія и Елены, нѣ в чом не турбовали, а кто би ея поважил з дѣтей моѣх од первых жон моѣх зиложенних жону Мазапетовну и дѣтей з нею зиложенних дерзнути над волю мою в право удаватися і тестаментъ мой касовати, таковогo противника моего многомилосердный Господь Богъ да разорит душу его во адъ муки вѣчной и да будетъ проклятъ таковий, анаѳема, въ семъ вѣце и в будущом.

Пасинков моихъ в Богу превелебного отца Петра Русту, протопопу воронковского и Иякова Русту, пасинковъ моихъ, по наказанію суду енералного войскового, уконтентовалем их и заплатилемъ, і одержалем од них квитацію под печатію судіи енералного, которі уже жадною мѣрою неповинни жони моеѣ Мазапетовни турбовати і дѣтей моих зъ нею зиложенних под зарукою, якая есть на квѣтаціи од суду енералного положенная.

Данилови синови моему двуръ у Воронковѣ з футорами і поля пахарного купованного из жоною моею Мазапетовною, на купленных плецах тотъ двур фундованний, солодовню и винницу з посудками, опрочъ казанов, именую і со всѣмъ на чомъ я жилемъ у Воронковѣ і нажилем через двадцат три роки з маткою Даниловою, а жоною моею, і подданих на плецах моѣхъ жиючих, покупленних поселенн ихъ, а иннихъ нажитихъ, і поважним универсалом ясне-вельможного его милости пана гетмана і его милости пана полковника переяславского ствердженних, записую ему самому и женѣ его и потомкамъ его, аще Богъ подастъ во вѣчние роды подаю.

Жонѣ моей Аннѣ Мазапетовнѣ Івановой Берловой сколко чого працою і стараннеи вкупѣ нажилисмо: двуръ у Переяславлю купленний у превелебного господина отца протопопи переяславскаго Николая Мосцѣцкого, футоръ въ селѣ Панфилах, купленный з жоною моею Мазапетовною, і в селѣ Рогозовѣ тож футор з нею жъ купленный з пахарным полем и з гаями, все одмала і до велика в кгрунтах з нею покупленнихъ в Переяславлю и в Панфилах, самой жонѣ моей и меншому синови моему Андрѣеви, ежели будеть поволний матцѣ, то имъ записую и лекгую. А ежели в чом би мѣл бити противко матки противним і непослушним, то самой жонѣ моей одписую і именую, которая жона моя Анна Мазапетовна повинна будет з тих же набитковъ наших виносадити дочерей наших, якъ матка, Настусю и Елену, когда Господь Богъ подаст им стан малженский восприймати, которим именую коровъ по пят обоимъ і клячей такъ же по пят Настусѣ и Олесѣ. Кубков пять Настусѣ пестрозлоцистихъ іменую, якихъ з маткою еѣ нажилисмо, а другую кубковъ пят тоже пестрозлоцистих дочери Еленѣ лекгую і именую, і записую. І о сем тут в моем тестаментѣ докладаю, же братанка моя Анна Берловна, гди по отцу своему Іванови Берлови, а моему брату рожоному по умертвиѣ зосталас осиротѣлою в лѣтехъ семи, тую воспиталем у моем дому за покойной жони моей еще Параскевиѣ Сомковни, а покойного брата моего, од мене старшого Івана Берла, в мѣстѣ Мглинѣ, за Стародубомъ, там живючого, при доконченню живота его, того часу хорующого близко полрока бавилемъ ся при немъ, по его прошенію, поехавши з дому моего з Воронкова до Мглина, ажъ до его небожчиковского умертвія. А по умертвиѣ брата моего належите, по хрестиянску в церквѣ Воскресенія храма Господня, в мѣстѣ Мглинѣ погребенъ, и одпоминан. З дубръ его братнихъ, по которомъ зосталася била вторая жона его небожчиковская, з якою подѣл худоби братнеи од пана полковника Рославца зосланние вислание особи раздѣляли и тую частку спадаючую худоби братнеи на братанку мою Анну Берловну до рукъ моихъ принятую, там же зпродалемъ, бо з готовизни едного шеляга братовая вторая жона братняя, а мачуха Анни братанки моей, не объявила и не сказала; а братъ мой покойний такъ хоровал тиранско, что и при моем прибитю до него, слова едного не моглъ промовити до мене, до самой его смерти. З которой его подѣленной и на братанку мою худоби расход, того часу рукою моею писалем и щом принял и спродал, записалем, як

реестр покажет. А по одходѣ сорокоустов и по одпоминанiѣ братнем, возвратилемся зо Мглина ку домови своему, взявши з собою Анну братанку осиротѣлую. А скриню з фантами и з платтемъ матки Анниной братанки моей, далем до рукъ тютцѣ рудной у Стародубѣ моей братанки Цѣмоховой [1]) до взросту, а свести брата моего, которая при мнѣ жиючи уже братанка моя за другой жони моей покойной Татияни Щуровщинки, безоповѣдне, мимо вѣдомост мою, з дому моего з Воронкова утекъши, якъ подехалъ Антоний Тарловскій под Воронкув, з нимъ до Козелца заѣхала и в стан малженскій ему пошлюбила, чогомъ на братанку мою Анну немало скорбѣлемъ за в стид мнѣ заданний братанкою. А потомъ кровную мою помиловавши, за прибиттемъ их до мене з зятем моимъ, а мужемъ братанки моей, которие и часто приеждающе бывало до мене не тщо одездят за покойной жони моей Щуровщанки, якъ готовизною, такъ куним и сукнею датком одъ мене; а на потом, за тоей же жоны моей Щуровщанки, просили мене приехавши обое, зят мой Антоній Тарловскій и братанка моя Анна Берловна, о золотих сто двадцат прилѣжно, которим и в себе того часу немѣючому, запожившися у людей, далемъ имъ золотихъ сто двадцат, которие обое зят мой Тарловскій и Анна братанка, доброволне квитацию своею рукою писанною зять мой Тарловскій и жона его Анна Берловна прилюдне дали, же уже а нѣ они сами, а нѣ потомкове ихъ вѣчными часы турбовати за отчизну братанки моей, так мене самого, як и жони моей Щуровщанки, нѣ дѣтей моих во вѣчние роди не будут, такъ договорили и квѣтацию подали. А же когда Господь Богъ уже оддалил од мене жону мою Щуровщанку, по которой понялемъ сию Анну Мазанетовну, в которою, Божнимъ дарованнемъ, жиючи зъ нею лѣть двадцат пят, зплодилемъ з нею сини и дочери, і за сее жони моей що року ко мнѣ уже іереемъ отецъ Антоній будучи, з попадіею своею, а моею братанкою приеждаючи и насъ навѣжаючи, вспоможення од нас просили, которим жадного разу при их приездѣ од дому нашего тщо не отпустили: коней шестеро и корову и на кунтушъ штамету и барановъ чорнихъ на подшите, и грошми кождого разу, по таляру и по болше давалося,

---

[1]) Можно догадываться, что подъ именемъ *Цѣмоховой* разумѣется жена стародубскаго полковника *Тимофея Алексѣева* (1676—78). См. Опис. Стар. Малороссiи I, 18. По *литовскому* выговору жена этого полковника должна была называться—*Цѣмоховой*.

червоного золотого покойному святой памяти отцу Захарiѣ Корниловичу, епископови переяславскому, отдалем поклону за благословение отцу Тарловскому, зятеви моему, служити в селѣ Нехайках, на парафиѣ, и иним многимъ вспомоганем з теперешнею моею жоною Анною, хлѣбомъ и прочая нѣкогда тщо не одпускалемъ и непрейзрилисмя. О чомъ крайним моимъ словомъ и рукописаниемъ твержу и упоминаю, жеби уже отецъ Антоній Тарловскій, зять мой, и его потомкове жадного не мѣли дѣла до жони моеѣ, а нѣ до дѣтей моихъ з нею зиложенних, а не до худоби любо и невеликой з моею жоною зобранной, которая жадною мѣрою прошлих моих двоих жонъ нѣчимъ не користовала и не владѣла, бо самою истинною нѣчимъ било и владѣти, чого небило; также и внуки моѣ Ірини Петрувской, дочери моеѣ Сомковни дочеръ Настасия Петрувщанка не повинная жони моеѣ турбовати, а нѣ дѣтей зиложенних з теперешнею моею жоною, за манисто перловое, которое я оддав по умертиѣ Заборовской у Чернѣговѣ, якую заручилем бил собѣ за доживотного приятеля, по умертвиѣ покойной Параскевиѣ Сомковны, за которое манисто у толко ж шнуровъ каралями червоними перенизаное перловое, сестри рожониѣ покойной панеѣ Сомковоѣ, именемъ Галки Короповни Даниловой одкупилем, у сина Галчиного Андрѣя Даниловича, сестренца панеѣ Сомковоѣ, и далем Іринѣ того часу дочери моей, як в станъ малженскій оддавалем за пана Петрувского до Переяславля, бо теперешний мужъ внуки моей Настасиѣ Петрувщанки Прокопий домовил бил жонѣ моей в дому превелебного господина отца Іоанна свято воскресенского переяславскаго, на крестинахъ, о том манистѣ и о иних вещех матки Настасиіной, до чого и найменшой рубчинки Анна, жона моя, не знает себе тому бити винною. Посилалемъ человѣка годного на другий ден до Прокопия и до внуки моей Петрувщанки, за тую примовку, ставшуюся од Прокопия, а посилалемъ Григория Калениченка, атамана курѣнного значкового, и на тотъ часъ городового наказного переяславского, который унук мой Прокопий зараз з тим же Григориемъ Калениченкомъ в дом мой пришедши, просил мене и жони о прощение моеѣ, тим вимовляючися, же люде побудкою ему до тоей примовки подиустили, которому я вкляр мовилемъ, ежели о що кому идет, минѣ самому договорити и доходити позволяем и позволяю покол во живих още обрѣтаюся, чого уже под клятвою вирекался Прокопий и жона его настасия, внука моя, во вѣчние роди не вспоминати и жадною мѣрою жони моей и дѣтей не-

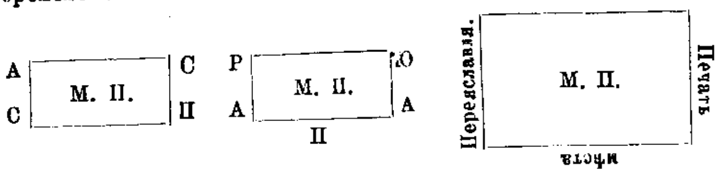
турбовати; такое слово подали при Григорию Калениченкови, на тот час атаманови наказному переясловскому.

І о семъ тутъ в семъ тестаментѣ моемъ докалаю же, задолжилемся людемъ полтори тисячи грошей золотихъ, яких позичалемъ з интересомъ на скупованне воловъ въ дорогу шліонскую [1]), тотъ увес долггъ мой повинна будет жона моя Мазапетовна з тих же дубръ моѣхъ з нею нажитих людем поплатити і уйститися.

А когда Божие повеленіе роскажет і мнѣ грѣшному од сего временного жития преставитися, повинна будетъ жона моя Мазапетовна о души моей грѣшной старатися, християнским похороном погребъ одправити и одпоминати сорокоустами грѣшную мою душу. На семъ тестаментѣ моею рукою писанномъ подписуюся Іван Берло, рука власная. 1717.

А сорокоустов сколко зможет жона моя по моей души у Переясловлѣ заплатити. А похороненъ мѣю бити при храмѣ Воскресения Господня.

Алерсандръ Сулима, судія полковій переясловский. Роман Юрченко, атаманъ городовии переяславский. Лаврентій Ѳомовичъ, войтъ маестрату переяславского. Евстафій Щири, райца старши и на сей часъ бурмистръ рочный. Григорий Бартошевичъ, писаръ майстратовіи переясловскій.



Весь «тестаментъ» написанъ на пяти листахъ плотной бумаги и писанъ весь собственноручно завѣщателемъ, при чемъ первые три листа (до словъ: «і о сем тут в моем тестаментѣ докладаю, же братанка моя Анна Берловна»...) написаны крупнымъ четкимъ почеркомъ, а послѣдующая часть завѣщанія писана ускореннымъ уже почеркомъ, но тою же «власною» рукою Ивана Берла.

---

[1]) Т. е. для продажи (воловъ) въ Силезіи.

Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ.

(*Критико библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. Т. Д. Флоринскаго. „Кіев. Унив. Извѣстія“ 1898 г. № 11, стр. 203—244*).

Перечитывая недавно вышедшую ноябрьскую книгу „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій“ за 1898 годъ и съ удовольствіемъ останавливаясь на прекрасно составленномъ обзорѣ новѣйшихъ изданій по славяновѣдѣнію проф. Т. Д. Флоринскаго, мы въ этомъ „обзорѣ“ находимъ нѣсколько страницъ, случайно посвященныхъ вопросу о малорусской книжной рѣчи, вопросу, давно составляющему предметъ многихъ споровъ и, къ сожалѣнію, иногда печальныхъ недоразумѣній. Въ данномъ случаѣ уважаемый профессоръ натолкнулся на этотъ вопросъ, благодаря тому новому чешскому изданію (Slovanský Přehled) и той статьѣ въ немъ д-ра І. Франка, о которыхъ въ нашемъ журналѣ была рѣчь въ №№ 11 и 12 прошлаго года. Напомнимъ нашимъ читателямъ, что въ этой статьѣ д-ръ І. Франко задается цѣлью познакомить славянскій міръ съ положеніемъ вопроса объ украинской литературѣ и между прочимъ обосновываетъ свои взгляды на нее путемъ безпристрастнаго научнаго разсмотрѣнія давнопрошедшей жизни Украины-Руси. Основные-же его взгляды сводятся къ тому, насколько несостоятельны нападки со стороны многихъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Галиціи, на національное малорусское движеніе. Вотъ эта-то статья и заставила проф. Т. Д. Флоринскаго остановиться на ней, „нѣсколько дольше, чѣмъ, быть можетъ, слѣдовало“, въ виду важности самаго вопроса, „къ сожалѣнію

—говоритъ онъ—мало привлекающаго къ себѣ вниманіе нашей печати", а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ виду желанія разъяснить редакціи и читателямъ чешскаго изданія, что „на малорусскій языкъ и малорусскую литературу можетъ быть и иной взглядъ, существенно отличающійся отъ того, какой изложенъ въ статьѣ д-ра Франка".

Что касается перваго пункта, т. е. слабаго вниманія нашей печати къ этому вопросу, то мы безусловно готовы согласиться съ основательностью такого упрека, но въ то же время, думаемъ, и почтенный профессоръ согласится съ нами, что для этого существуютъ причины, далеко выходящія за предѣлы отсутствія интереса. Вопросъ это, съ одной стороны, чисто научнаго свойства, и казалось-бы—можетъ быть предметомъ спокойнаго, академическаго разъясненія; съ другой-же стороны—слишкомъ жизненный, и вслѣдствіе этого переплетается постоянно съ тѣми теченіями жизни, которыя ничего общаго съ наукой не имѣютъ. А мы думаемъ, что при такихъ условіяхъ самый глубокій интересъ къ данному вопросу неминуемо влечетъ къ ослабленію способовъ рѣшенія его, даже и въ исключительно-научной перспективѣ. Какъ на образецъ такого положенія дѣла, мы укажемъ хотя-бы на одну газетную статью („Зачѣмъ" въ С-Петерб. Вѣд. 1898 г, № 297), каждая строчка которой имѣетъ отношеніе къ вопросу, затронутому какъ д-ромъ Франкомъ, такъ и проф. Т. Д. Флоринскимъ, и можетъ (да и должна-бы) служить предметомъ глубокаго научнаго разсмотрѣнія для пользы самой жизни многомилліоннаго народа. И что-же? статья эта вызвала только маленькія указанія на нее въ текущей ежедневной прессѣ и не повлекла за собой ни одной капитальной работы, даже въ толстыхъ журналахъ. А между тѣмъ, кто прочтетъ эту статью тотъ —мы увѣрены въ этомъ—нестанетъ отрицать факта, что однимъ вышучиваніемъ, какъ это часто дѣлается, такіе вопросы не рѣшаются. Причина молчанія, по нашему мнѣнію, та, что нежелающіе только ограничиться вышучиваніемъ, а поглубже заглядывающіе въ существо вопроса видятъ передъ собой такую массу переплетающихся жизненныхъ нитей, которая отнимаетъ

возможность приступать къ серьезному анализу каждаго явленія въ отдѣльности.

Въ самомъ дѣлѣ, почему-то установилось мнѣніе, что вопросъ о литературномъ языкѣ есть вопросъ только филологической науки, и благодаря этому рѣшается онъ по своему существу такъ, какъ рѣшаетъ его отчасти и проф. Т. Д. Флоринскій, т. е.: если наука филологія признала, что рѣчь даннаго народа есть *языкъ*,—быть такому языку *литературнымъ, книжнымъ* въ смыслѣ широкаго толкованія этихъ терминовъ; если-же это только *нарѣчіе*,—не имѣетъ оно права выходить за предѣлы обиходнаго употребленія. Мы не будемъ говорить теперь о томъ, насколько наука филологическая твердо установила свои основные пункты для опредѣленія границъ между языками и нарѣчіями вообще и между русскимъ и малорусскимъ—въ частности. Надѣясь въ ближайшемъ будущемъ болѣе подробно коснуться этого вопроса въ нашемъ журналѣ, мы напомнимъ только уважаемому профессору, что исторія жизни народовъ не очень-то считается съ установленной филологами теоріей *языковъ и нарѣчій*, и что, вопреки этому закону для литературной рѣчи, существуютъ рядомъ такіе языки, какъ верхне-лужицкій и нижне-лужицкій, сербскій и словинскій, не говоря уже о датскомъ и норвежскомъ, испанскомъ и португальскомъ, которые съ точки зрѣнія филологической могутъ быть признаны только нарѣчіями. Да зачѣмъ намъ ходить далеко? Мы видѣли въ 16 и 17 вѣкахъ два книжныхъ языка—сѣверно-русскій и южно-русскій, которые слились въ одинъ общій не потому, что таковъ законъ природы языковъ, а потому, что такъ повернулось политическое колесо въ жизни русскаго народа.

Но допустимъ, что теорія языковъ и нарѣчій непоколебима, что можно особыми аппаратами филологической науки точно опредѣлить—языкъ это или нарѣчіе; неужели въ такомъ случаѣ вопросъ о правѣ на книжный языкъ долженъ рѣшаться безповоротно, не справляясь съ другими науками—соціальными? Вѣдь вопросъ о созданіи общихъ книжныхъ языковъ—съ этой точки зрѣнія очень еще открытый вопросъ. А можетъ быть для

соціальной и политической жизни славянства лучше будетъ, если создастся одинъ обще-славянскій языкъ, но не въ формѣ одного какого-нибудь изъ нихъ, принявшаго доминирующее положеніе, а въ дѣйствительности естественно сложившагося обще-славянскаго? Это еще вопросъ, надъ которымъ человѣчеству предстоитъ поработать. За то и въ другую сторону можетъ повернуться этотъ-же вопросъ: кто знаетъ, не лучше-ли будетъ для всесторонняго развитія всѣхъ душевныхъ силъ націи, если предоставлена будетъ возможность каждой изъ нихъ выработать самостоятельно свой самобытный культурный языкъ? Можетъ быть, въ этомъ послѣднемъ случаѣ и сила народнаго генія, и сила поэтическаго чутья, и даже самыя этическія начала въ человѣчествѣ получатъ большую интенсивность въ своемъ совершенствованіи? Мы глубоко убѣждены, что создайся въ человѣчествѣ *волапюкъ* или *эсперанто*, создайся даже только обще-славянскій языкъ,—и мы не получимъ высоко-художественныхъ произведеній ни новыхъ Пушкиныхъ, ни Лермонтовыхъ, ни Мицкевичей и пр. Вѣдь съ этими вопросами тоже надо считаться, а не ограничиваться только справкой у филологовъ—языкъ это или нарѣчіе.

Обратимся теперь еще въ другую сторону, все исходя изъ того-же пункта о языкахъ и нарѣчіяхъ. Рѣшивъ, что рѣчь такая-то есть *языкъ*, а такая-то *нарѣчіе*, мы прямолинейно пойдемъ далѣе и установимъ, что священное писаніе должно быть только на языкѣ, а не на нарѣчіи. Филологическая справедливость въ такомъ случаѣ будетъ соблюдена; но будетъ-ли соблюдена та высшая справедливость, въ силу которой, какъ говорится въ вышеупомянутой статьѣ „Зачѣмъ", „въ христіанскомъ государствѣ, гдѣ имѣется Евангеліе на 70 языкахъ, въ томъ числѣ: на вогульскомъ, вотяцкомъ, зырянскомъ, калмыцкомъ, латышскомъ, лапландскомъ и пр.,—славянское населеніе въ два десятка милліоновъ душъ лишено права читать Св. Писаніе на своемъ родномъ языкѣ?" Удобное-ли это положеніе для цѣлей религіозно-нравственнаго просвѣщенія массъ, и не оказываетъ-ли оно вліянія на соціальный бытъ народа?

Мы не имѣемъ въ виду доказывать въ частности каждое изъ этихъ положеній; мы хотимъ только подчеркнуть ту мысль, что въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ методомъ научнымъ, нужно въ дѣйствительности считаться съ наукой широко, а не ставить базисомъ для своихъ заключеній ту мысль, что „малоруссы въ этнографическомъ отношеніи представляютъ не самостоятельную особь, но лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуется русскимъ народомъ“ (стр. 213).

Стоя на только-что указанной точкѣ зрѣнія, проф. Т. Д. Флоринскій однако-же не соглашается съ тѣми взглядами, по которымъ малорусская литература совсѣмъ не должна существовать. „Такое право—говоритъ онъ—ею пріобрѣтено какъ давностью бытія, такъ особенно высокими достоинствами нѣкоторыхъ ея произведеній“. Признаться нужно, что мы такой постановки вопроса не понимаемъ: если рѣшено, что литература для даннаго народа, говорящаго *нарѣчіемъ*, а не *языкомъ*, не нужна, то при чемъ тутъ давность, а еще болѣе личная талантливость? То, что было давно и теперь признано ненужнымъ, должно быть брошено, и то, чего никогда не было, но признается полезнымъ, должно быть наново заведено—вотъ какъ должна-бы разсуждать прямолинейно логика. Равнымъ образомъ: если что-нибудь оказывается лишнимъ, а можетъ быть даже и вреднымъ, тó должно быть уничтожаемо, и чѣмъ бóльшій талантъ обнаружится въ этомъ излишнемъ, тѣмъ съ большей энергіей надо его искоренять,—и наоборотъ: если что-либо признано полезнымъ, то, и при отсутствіи таланта, оно все-же будетъ полезнымъ, хотя и въ меньшей степени. Правда, это недоразумѣніе нѣсколько выясняется впереди, когда мы прочтемъ тѣ ограниченія, какія проф. Т. Д. Флоринскій дѣлаетъ для малорусской литературы, опредѣляя ея отношенія къ обще-русской. Такъ, онъ готовъ помириться съ тѣмъ, что „если малорусская литература возникла и существуетъ, то она можетъ играть роль лишь второстепенной, побочной литературы, слу-

жащей какъ-бы дополненіемъ литературы общерусской; она можетъ имѣть значеніе лишь какъ одно изъ проявленій племенной индивидуальности данной вѣтви русскаго народа наряду съ малорусскимъ театромъ, малорусской народной пѣсней и пляской, малорусскимъ народнымъ одѣяніемъ, но не можетъ и не должна брать на себя выполненія всѣхъ тѣхъ функцій, какія выполняютъ общерусскій языкъ и общерусская литература" (стр. 217). Отсюда проф. Т. Д. Флоринскій дѣлаетъ такое рѣшительное заключеніе: „По моему мнѣнію, малорусская литература прежде всего должна быть органомъ непосредственнаго поэтическаго творчества, вытекающаго изъ глубины малороссійскаго духа, и, сверхъ того, можетъ служить средствомъ распространенія элементарнаго знанія среди простого крестьянскаго люда. Содержаніе ея должно исчерпываться художественно-поэтическими произведеніями, рисующими народную жизнь малоруссовъ, изданіями памятниковъ малорусскаго народнаго творчества и простонародными книгами, имѣющими цѣлью распространеніе просвѣщенія въ малорусской деревнѣ. Подобныя книги для народа на малорусскомъ нарѣчіи должны служить переходною ступенью къ общерусской книгѣ" (стр. 217).

Если-бъ всѣ вышеприведенныя заключенія проф. Т. Д. Флоринскаго относились только къ русской части Малороссіи, мы могли бы не возражать ему, ужъ въ силу того, что для нашей жизни уступки, дѣлаемыя имъ, вызываютъ только слова „спасибо и на этомъ", хотя далеко не исчерпывается здѣсь сущность вопроса съ научной точки зрѣнія. Такъ напримѣръ: для насъ, съ педагогической стороны, совсѣмъ не ясно, какъ долженъ совершиться для простого народа переходъ отъ *своей* книги къ *общерусской*,—должна-ли это сдѣлать школа, или оно какъ-нибудь само собой случится? Какимъ методомъ произойдетъ переходъ отъ чтенія художественно-поэтическихъ произведеній на малорусскомъ *нарѣчіи* къ чтенію такихъ художественно-поэтическихъ произведеній, какъ произведенія Пушкина, Лермонтова—на общерусскомъ *языкѣ*? Что нужно сдѣлать для того, чтобы послѣ простонародныхъ книгъ, имѣющихъ цѣлію распространеніе про-

свѣщенія въ малорусской деревнѣ, перейти къ чтенію такихъ-же книгъ на общерусскомъ языкѣ? Все это вопросы, требующіе серьезной разработки, и разъ для уважаемаго профессора они ясны, то мы можемъ только пожалѣть, что онъ не нашелъ нужнымъ просвѣтить и насъ въ этомъ отношеніи. Вѣдь если мы, малороссы по происхожденію, принадлежа къ культурнымъ классамъ общества, пользуемся съ удобствомъ книгой на общерусскомъ языкѣ, то для меня ясно, что причина этого скрывается въ той школѣ, которую мы прошли, въ той средѣ, въ которой мы вращались съ дѣтства, вращаемся и теперь; но какъ сдѣлать достояніемъ селянина-малоросса ту-же общерусскую книгу, при условіи, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ въ своей жизни можетъ провести въ школьной работѣ, изрѣдка можетъ слышать этотъ культурный русскій языкъ и *maximum* успѣваетъ только исковеркать немного свою родную рѣчь, не менѣе того уродуя и общерусскій книжный языкъ. Пока результатъ получается такой, котораго—мы увѣрены—не пожелаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій. Вотъ почему намъ совершенно странными кажутся слѣдующія его строки: „Стремленія современныхъ галицко-русскихъ дѣятелей возвести малорусское нарѣчіе на степень языка преподавательскаго (въ среднихъ и высшихъ школахъ), научнаго, публицистическаго и общественнаго не оправдывается *ни логическими основаніями, ни практическими соображеніями*".

Повторяемъ, если бъ шла рѣчь только о русской Украинѣ, то мы не возражали бы на слова проф. Т. Д. Флоринскаго, т. к. общерусскій языкъ для насъ, обучающихся въ русскихъ школахъ, вполнѣ доступенъ; но какъ можно предъявлять требованія къ галичанамъ, чтобы они отказались отъ разработки своего научнаго языка и пользовались обще-русскимъ? Не мнѣ доказывать ученому славису, что литературная рѣчь у народовъ вырабатывается не полицейскими предписаніями, даже не академическими постановленіями, а самымъ складомъ жизни, той—такъ сказать—культурной атмосферой, которой окружены люди. Взглянемъ-же съ этой точки зрѣнія на положеніе гали-

чанъ. Если развитіе ихъ родного языка обмежевать, какъ желаетъ для насъ проф. Т. Д. Флоринскій, только сельской, „мужицкой" литературой, то для высшихъ культурныхъ задачъ они должны, значитъ, воспользоваться какимъ-то другимъ языкомъ; спрашивается теперь: какимъ-же именно? Намъ отвѣчаютъ — *общерусскимъ*. Если у отвѣчающихъ такимъ образомъ есть хоть малѣйшее знакомство съ вопросами политической и общественной жизни въ Галиціи, то они или умышленно не хотятъ понять положенія вещей, или, сами того не замѣчая, впадаютъ въ логическое противорѣчіе. Мы спросимъ только: есть-ли возможность всю Галицію покрыть школами низшими, средними и высшими съ преподавательскимъ языкомъ общерусскимъ? За отвѣтомъ надо обратиться, конечно, къ австрійскому правительству... Мы ужъ не станемъ говорить о томъ, что одной школой вопросъ не будетъ все-таки рѣшенъ въ корнѣ: школа можетъ сдѣлать многое, но далеко не все. Вѣроятно, уважаемому профессору знакомы писанія тѣхъ галичанъ, которые, изучая общерусскій языкъ и желая писать на немъ, преподносятъ время отъ времени намъ эти свои яко-бы русскія писанія; вѣдь и больно, и смѣшно видѣть, какъ искалѣчивается ими по нетинѣ блистательно разработанный русскими писателями нынѣшняго столѣтія литературный русскій языкъ, и если-бы всѣ галичане приняли совѣтъ, даваемый имъ между прочимъ и проф. Т. Д. Флоринскимъ, то мы съ грустью смотрѣли-бы на то, какъ созидаемое здѣсь разрушается тамъ.

И такъ, если общерусскій языкъ пока-что не можетъ быть удѣломъ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, то для высшихъ задачъ имъ пришлось-бы пользоваться чужими языками, что́, съ точки зрѣнія австрійской политики, гораздо болѣе достижимо, но что́ ни въ какомъ случаѣ не было бы желательно ни со стороны общерусской политики, ни съ точки зрѣнія національныхъ стремленій всего славянства, за которыя такъ ратуетъ нашъ уважаемый славистъ.

Гдѣ-же въ такомъ случаѣ выходъ? Единственный тотъ, на который ступила народническая партія въ Галиціи нѣсколько

десятковъ лѣтъ тому назадъ, а именно—постепенное созданіе своего культурнаго языка, который защититъ ихъ положеніе, пригнетаемое отовсюду недобродушными сосѣдями, и выведеть ихъ на прямой путь къ установленію прочной національной особи среди другихъ славянскихъ и неславянскихъ народностей Австріи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что современный галицкій книжный языкъ насъ такъ-же мало радуетъ, какъ и профессора Т. Д. Флоринскаго; мы полагаемъ, что въ тотъ срокъ, который прошелъ для галицкой литературы, можно было-бы достигнуть бóльшаго, что слишкомъ мало обращено вниманія галицкими писателями на технику разработки языка,—но мы думаемъ, что причины этому заключаются въ слишкомъ интенсивной работѣ галичанъ въ области очень путаной политики, которая не даетъ имъ времени болѣе спокойно остановиться на культивированіи рѣчи. Впрочемъ, это вопросъ будущаго, котораго предсказывать мы не рѣшаемся, какъ и вообще полагаемъ, что въ дѣлѣ развитія литературныхъ языковъ должна быть дана, такъ сказать, академическая свобода, потому-что именно къ этой области больше всего можетъ относиться изреченіе; „аще есть дѣло рукъ человѣческихъ—погибнетъ“. А если это, въ случаѣ чего, есть дѣло рукъ Божіихъ, т. к. языкъ у человѣка есть даръ Божій? Не грѣшно-ли его уничтожать руками человѣческими?

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Три письма кошевыхъ атамановъ къ шведскимъ королямъ.

1) *Письмо кошевого атамана Константина Гордіенка къ Карлу XII. 16 апр. 1709 года.* «Прибувши до насъ атамана Кошового и всего войска Запорожского Низового отъ ясне вельможного добродѣя нашого его милости пана гетмана панъ Филипъ Орликъ писаръ енералный войсковый предложилъ словесно отъ вашого королевского пресвѣтлого величества милостивое слово и высокопочтеннѣйшій совѣтъ: якимъ бы способомъ могли зломыслящую Москву общого непріятеля нашого враждебнѣйшого подъ Соколкою будучую зносити и зломити и переправу оной попустивши чрезъ Ворскло на сюю сторону или на томъ боку Ворскла баталѣю з нею учинити. Такое прето одобравши мы словесное отъ пана писаря енералного предложенье, а певне вѣдаючи, что тая Москва, погребши трупъ збытихъ людей своихъ подъ Соколкою [1]), рушила во свои слободскіе мѣсца минувши и Царичанку, [2]) о томъ вашему королевскому пресвѣтлому величеству ознаймуемъ. Да онъ же панъ писаръ енералный войсковый предложилъ намъ атаманови кошовому и всему войску запорожскому отъ вашого королевского пресвѣтлого величества премоцнѣйшій указъ, жебысмо нашого войска запорожского пехотного з тисячу прислали подъ Полтаву въ назначоное время; тое зъ охотою учинити по висоце почтеннѣйшому вашого королевского величества повелѣнію готови будучи на всегда.

---

[1]) Мѣст. Кобыляц. у. Полт. губ.

[2]) Ibid.

Вашого королевского пресвѣтлого величества наиповолнѣйшіе слуги Константинъ Гордѣенко Атаманъ Кошовый войска запорожского низового зъ товариствомъ».

З Нового Санджарова [1]) Априля ѕі року ҂аѱк.

На оборотѣ второго листа печать краснаго воску съ надписью: «печать славного войска запорозского низового» и адресъ: «Наяснѣйшому вельможному его милости королеви Шведскому, намъ велце пану милостивому въ достопочтенное отданье».

(Подлинникъ хранится въ Шведскомъ Госуд. Архивѣ въ Стокгольмѣ, отдѣлъ Cosacica, связка «Underfältherrars skrifvelser 1710—1721».).

—

2) *Письмо кошевого атамана Ивана Малашевича къ королевѣ Ульрикѣ Елеонорѣ 8 мая 1720 года.* «Наяснѣйшая, вельможная и многомощная королевая шведского величества велце намъ премногомилостивая монарха и особливѣйшій патроне, добродѣю и протекторю.

Сердцемъ и всею высокою силою покойного блаженного и вѣчно достойной памяти премногомилостиваго нашего протектора его милости наяснѣйшого короля шведского вашого милого рожоного брата уболѣваемъ і ижъ есмо зостали безъ монаршой милости въ краю чужомъ осиротѣлими по истинной тужимо, но еднакъ упевнившися чрезъ нарочного войскового товариша [2]) отъ нашего ясневельможного войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра пана гетмана до насъ войска запорожскаго низоваго и до великаго хана его милости кримскаго, же по изволенію всесилнаго единаго святаго Бога и по желанію всего вашего монаршества швецкаго ваша королевская милость вмѣсто милостивого нашего протектора покойнаго блаженнаго и вѣчно достойной памяти его милости наяснѣйшого короля шведского, а вашого рожоного милого брата естесь на тронъ державства королевского возведенная, честію и славою прославленная, несмущаемо

---

[1]) Мѣст. Кобыляц. у., Полтавской губ.

[2]) Въ штатѣ Филиппа Орлика Ѳ. Нахимовскій носилъ званіе булавничаго. См. „Спецификацію оффицеровъ моихъ и провизіи ихъ якъ много хто зъ нихъ въ годъ беретъ“, писанную рукою Орлика, въ Швед. Гос. Арх., Cosacica: Orliks skrifvelser till kongl M: t. 1711—1722. Получалъ Нахимовскій въ годъ 400 „талярей силберминцъ“. Онъ отправился съ дипл. порученіемъ къ хану и въ кошъ въ сентябрѣ 1719 г.

жъ, но аки на твердомъ основаніи зостаючи умоцнени на вашой королевской милости и вшехмоцности, во вѣнцѣ королевства шведскаго вашу королевскую милость сіяючую славою и велелѣпіемъ красящуюся, всѣ мы цѣлое войско запорожское низовое рабски предъ величествомъ вашой королевской милости и предъ престоломъ и діадимою славы вашой королевской милости лицемъ доземно падаемъ и покланяемся, просячи отъ Бога вашой королевской милости во многіе лѣта помислно и долговременно отъ сили въ силу и отъ славы въ славу поступовати а надъ всѣми противящимися вашой королевской милости во всякіе часы тріумфовати и зѣло сіяти; есть намъ атаману кошовому и всему войску запорожскому низовому вѣрнимъ вашой королевской милости подданнимъ и поклоннимъ отъ прежного милостивого нашего монархи покойнаго блаженной и вѣчно достойной памяти наяснѣйшого его милости короля шведского милого вашого брата превысочайшимъ и преповажнѣйшимъ наданніи деклераціи подъ время тое, когда изъ границъ панства турецкаго во свою шведскую уступовалъ сторону, упевняючіи насъ все войско въ своей королевской милости и именуючихъ всегда имѣти при своей королевской опасности. И аще, мовилъ, отъ вашого и нашого непріятеля вамъ войску запорожскому войною не одстою желаемой вами вашой отчизни, то покоемъ, а еднакъ вась осиротѣлими не остановлю. И того ради нашому ясне вельможному войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра его милости пану гетману, а нынѣ при королевской вашой державѣ зостаючому росказалъ за собою въ Швецію ити, на него же ми все войско запорожское аки на стѣну непреломаную и крѣпкое оружіе, тоежъ на наданніи королевского величества деклераціи щочасно уважаючи и всекрѣпко вѣрячи всѣ до вашой королевской милости рабски припадаемъ и ижъ бы и наданное право вашой королевской наяснѣйшой милостію, а не цесаремъ его милостію наяснѣйшимъ королемъ шведскимъ, милимъ вашимъ рожонимъ братомъ, при насъ войску вашомъ запорожскомъ возъимѣло скутокъ и исполненіе, кроткими душами смиренними сердци милости ищемъ.

Вашой королевской наяснѣйшой милости милостивѣйшому нашому патрону, добродѣевѣ и протекторю вѣрнии раби и подножки.

Иванъ Малашевичъ Атаманъ кошовой зо всѣмъ войска запорожского низового товариствомъ».

З Коша мая й Року ҂аѱк.

На обороть 2-го листа печать войска зап. низ. и адресъ: «наяснѣйшой велможной многомощной кролевой въ шведской коронѣ сіяющой еи милости Улрицѣ Елеонорѣ, велце намъ премногомилостивому монарсѣ а особлившому патроновѣ, протекторовѣ и величайшому добродѣевѣ, достопочтенно и смиренно належитъ».

(Подлинникъ тамъ-же).

—

3) *Письмо кошеваго атамана Василія Еровеевича къ кор. Фридриху I. 20 августа 1721 г.* «Наяснѣйшій и насилнѣйшій Королю Пане а пане намъ милостивый.

Когда мы атаманъ кошовый и все войско низовое запорожское получили превысочайшее намъ и благополучное наяснѣйшого вашего королевского величества презъ умислного посланнаго отъ боку ясне велможнаго добродѣя нашего его милости пана Филиппа Орлика гетмана войскъ нашихъ запорожскихъ низовихъ посланіе, въ которомъ инъформованнія зосталисмо, же намъ до тихъ часъ жаль неутолимій и преникаючій сердце и душу, смерти блаженнія и вѣчнія достойнія памяти наяснѣйшого и насилнѣйшого Короля второго надцать короля Шведского шваgра вашего королевскаго величества, а нашего милостиваго пана и протектора, нынѣщасливимъ и намъ благопомислнимъ вашего королевскаго величества трону сукцессіоналне королевства шведского завладѣніемъ утолился и так наша жалость на велію перемѣнися радость. А до того еще когда ваше королевское величество обнадеживаетъ и упевняетъ насъ атамана кошового и все войско запорожское низовое во всемъ прежнею протекціею неотмѣнною и ласкою антесессора своего вишше реченнаго наяснѣйшого короля милостивого пана нашего и протектора, а швакgра вашего королевского величества, теди мы атаманъ кошевый зо всѣмъ войскомъ запорожскимъ, ведлугъ присяги нашой на вѣрность антецессорови вашего королевского величества повинъни зостановляючися при вожду и лейменътарови нашему ясне вельможному его милости пану Филиппу Орлику гетманови войскъ запорожскихъ за маестатъ вашего королевского величества а за отчизну и волности войска запорожского до остатней кроплѣ крови животъ свой истощати яко тіе, которіе зостають Вашему королевскому величеству пану а пану нашему милостивому вѣрніе наинижайшіе слуги Василій Іерофеевичъ Атаманъ кошовый зо всѣмъ войска запорожского низового товариствомъ.

З Коша запорожского августа к҃ Року ҂аѱка.

На оборотѣ второго листа слѣды печати краснаго сургуча и адресъ: «Наяснѣйшому и наисилнѣйшому королеви шведскому Фридерикови первому, намъ велце милостивому пану а пану наипокорнѣйше. (Подлинникъ тамъ-же).

Сообщ. Н. Молчановскій.

Находка клада въ Почаевской лаврѣ въ 1840 году.

Передача Почаевскаго монастыря въ 1831 г. въ православное вѣдомство, какъ извѣстно, сопровождалась упорнымъ стремленіемъ прежнихъ его хозяевъ, уніатскихъ монаховъ, утаить и скрыть отъ новыхъ владѣльцевъ денежныя суммы и драгоцѣнныя вещи. Чего нельзя было увезти изъ монастыря, то пряталось въ разныхъ тайникахъ и укромныхъ мѣстахъ въ надеждѣ впослѣдствіи воспользоваться припрятаннымъ. Военносудная коммиссія, разбиравшая дѣло объ участіи Почаевскихъ базиліанъ въ польскомъ мятежѣ, не мало занималась разслѣдованіями и относительно сокрытія ими монастырскаго имущества, и благодаря добытымъ ею свѣдѣніямъ, а главнымъ образомъ—благодаря указаніямъ мѣстныхъ крестьянъ, много было впослѣдствіи разыскано кладовъ и въ монастырскомъ лѣсу, въ муравейникахъ, и въ разныхъ тайникахъ церковныхъ зданій, и даже въ гробницѣ фундатора монастыря, Н. Потоцкаго. Какъ извѣстно, молва о существованіи кладовъ въ Почаевѣ живетъ и по настоящее время, и вотъ причина, почему тамъ и теперь еще занимаются кладоискательствомъ. Часто-ли такія разысканія сопровождаются находками, неизвѣстно, въ прежніе же годы подобныя находки удавались. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ вотъ что нашли мы въ дѣлахъ Кременецкаго уѣзднаго суда.

Въ числѣ лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію въ 1831 году военносудною коммиссіею, былъ почаевскій крестьянинъ Михаилъ Турчинюкъ, исполнявшій при базиліанахъ должность монастырскаго привратника. Его обвиняли въ томъ, что за три дня до пріема монастыря, онъ по порученію іеромонаха Гервасія Галинскаго, зарылъ въ лѣсу болѣе трехъ тысячъ рублей денегъ, которыя впослѣдствіи были отысканы и отобраны въ монастырскую казну, а Турчинюкъ за то просидѣлъ около семи лѣтъ въ Кіевской крѣпости. Вернувшись въ Почаевъ въ 1839 году, онъ узналъ, что іеромонахъ Гервасій, пе-

реведенный въ Кременецкій базиліанскій монастырь, подъ разными предлогами нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Почаевъ, и въ послѣдній разъ просилъ дозволенія пойти на чердакъ братскаго корпуса и взять сложенный имъ тамъ для храненія простой курительный табакъ въ папушахъ. Ему это было дозволено, но за нимъ зорко слѣдили, и онъ дѣйствительно набралъ цѣлую бричку табаку, но не могъ взять того, за чѣмъ собственно пріѣзжалъ. Спустя нѣкоторое время Гервасій встрѣтилъ въ Кременцѣ на ярмаркѣ лаврскаго служителя Мартина Погорѣлецкаго, пользовавшагося особенною довѣренностью базиліанъ, и предложилъ ему сто червонцевъ награды, если онъ тайно достанетъ ему спрятанную на томъ-же чердакѣ книгу; при этомъ ему были описаны всѣ признаки книги и точно указано мѣсто, гдѣ она спрятана. Но Погорѣлецкій не прельстился наградой, а предпочелъ послѣдовать примѣру своего односельца крестьянина Андріевскаго, который за содѣйствіе къ отысканію сокрытыхъ базиліанами монастырскихъ сокровищъ, по представленію генералъ-губернатора Левашова, былъ награжденъ серебрянною медалью на аннинской лентѣ. Погорѣлецкій секретно сообщилъ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію, о сдѣланномъ ему Гервасіемъ предложеніи, и когда монастырскія власти пошли на чердакъ, что надъ братскими келліями, и, по указанію Погорѣлецкаго, отрыли щебень, то нашли тамъ зашитую въ холстъ и опечатанную пятью монастырскими печатями приходо-расходную книгу съ 1789 по 1827 годы, ту самую, предъявленія которой тщетно добивались власти у базиліанъ при отобраніи монастыря. Зналъ ли Турчинюкъ о существованіи этой книги— неизвѣстно, но ему было хорошо вѣдомо, что тамъ же, на чердакѣ, спрятаны были деньги. Сильно хотѣлось ему проникнуть туда и доподлинно развѣдать, сохранился ли въ цѣлости этотъ кладъ. Пробовалъ онъ подговорить монастырскаго крестьянина, кузнеца Ивана Голынца поддѣлать ключъ къ дверямъ, ведущимъ на лаврскій чердакъ, но тотъ не согласился. Между тѣмъ весною 1840 года буря сорвала кровлю на братскомъ корпусѣ, и Голынецъ посланъ былъ чинить ее. Слѣдомъ за нимъ прокрался туда же и Турчинюкъ. Голынецъ хотѣлъ было удалить его съ чердака, но Турчинюкъ остановилъ его словами: «Мовчы, дурню, я покажу тоби скарбъ». И онъ точно указалъ въ стѣнѣ мѣсто, гдѣ долженъ находиться ящикъ съ табакомъ и съ деньгами, тайно замурованный имъ совмѣстно съ бывшимъ іеромонахомъ Гервасіемъ, еще въ 1830 году. Стали они ломать стѣну надъ трапезой,

и тамъ дѣйствительно оказался ящикъ, наполненный табакомъ. Когда вынимали табакъ, то Турчинюкъ выхватилъ оттуда какую-то пачку, обернутую синею бумагою, спряталъ ее за пазуху и, сказавъ Голынцу: «Мовчы жъ, я и тоби удилю»,—поспѣшно скрылся съ чердака.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того по селу прошелъ слухъ, что Голынецъ и Турчинюкъ нашли на лаврскомъ чердакѣ деньги. Слухъ дошелъ до намѣстника лавры, архимандрита Антонія, и онъ, пригласивъ мѣстнаго станового пристава, рѣшилъ произвести формальное слѣдствіе. На допросѣ Голынецъ во всемъ повинился и подробно сообщилъ, что выше разсказано, при чемъ добавилъ, что вынутая изъ ящика пачка была толщиною въ полъ-кирпича и что Турчинюкъ, выйдя съ ней изъ монастырскаго двора, направился къ еврею Нуткѣ, арендовавшему у лавры питейную торговлю. Противъ этого Турчинюкъ показалъ, что онъ точно ходилъ на монастырскій чердакъ, такъ какъ зналъ, что бывшіе базиліане прятали тамъ табакъ, и что они съ Голынцемъ открыли въ стѣнѣ ящикъ съ табакомъ, откуда онъ и взялъ одну или двѣ папуши, но денегъ никакихъ тамъ не было и онъ о нихъ ничего не знаетъ. Спросили и еврея Нутку, но тотъ рѣшительно отвергъ какое бы то ни было свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Приставъ составилъ протоколъ, и дѣло было передано кременецкому земскому исправнику для дослѣдованія, а Турчинюкъ и Голынецъ взяты были подъ стражу и заключены въ кременецкую градскою тюрьму. Тамъ они имѣли достаточно времени и всѣ удобства къ тому, чтобы столковаться какъ слѣдуетъ, и когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ вызвали къ исправнику для передопроса и Голынецъ долженъ былъ на очной ставкѣ съ Турчинюкомъ уличать его въ содѣянномъ совмѣстно преступленіи, то Голынецъ, къ изумленію исправника и духовнаго депутата, категорически отрекся отъ своего первоначальнаго показанія и во всемъ подтвердилъ показанія Турчинюка. «Зачѣмъ же ты иное говорилъ на первомъ допросѣ?» спрашивали его слѣдователи. Голынецъ отвѣчалъ, что онъ взвелъ напраслину на Турчинюка, чтобы избѣжать тѣлеснаго наказанія, котораго ожидалъ со стороны лаврскаго начальства. Напрасно его уличали присяжными показаніями двухъ почаевскихъ крестьянъ, которые сами слышали, какъ Голынецъ хвалился, что Турчинюкъ при немъ нашелъ на монастырскомъ чердакѣ деньги и обѣщалъ съ нимъ подѣлиться. Голынецъ упорно стоялъ на своемъ. По обычаю тогдашняго судопроизводства, сдѣлали «повальный обыскъ» у подсудимыхъ, при чемъ они оба были «въ поведеніи» одобрены.

Дѣло поступило въ такомъ видѣ на рѣшеніе уѣзднаго кременецкаго суда. Здѣсь подсудимые согласно повторили прежнія показанія, и судъ, за недостаткомъ прямыхъ уликъ, постановилъ: «оставить Голынца и Турчинюка въ находкѣ ими съ чѣмъ бы то ни было пачки между табакомъ въ подозрѣніи, покамѣстъ какимъ-либо случаемъ явнѣе на нихъ сіе не обнаружится, а за необъявленіе ими въ свое время о находкѣ въ ящикѣ табаку, къ чему сами добровольно сознались, вмѣнить имъ въ наказаніе претерпѣнное ими подъ стражею тюремное заключеніе, и какъ одобренныхъ въ поведеніи, оставить на прежнемъ жительствѣ».

О. Л.

Новый документъ 1604 года о Самозванцѣ. Приводимый ниже документъ о Лжедимитріи найденъ г. Адамомъ Даровскимъ въ Италіи, въ архивѣ князей Фарнезе. Одинъ изъ представителей этого знатнаго рода Рануччіо, владѣвшій въ началѣ XVII в. Піаченцей и Пармой, держалъ при австрійскомъ дворѣ въ качествѣ резидента собственнаго агента Томаша Ронкароли, который доставлялъ властелину своему свѣдѣнія, не только близко касавшіяся Піаченцы и Пармы, но вообще политическаго положенія другихъ государствъ. Когда вѣнскій дворъ переѣзжалъ въ Прагу, Ронкароли сопровождалъ его, доказательствамъ чего могутъ служить оставшіяся послѣ него за нѣсколько лѣтъ письма, дающія свѣдѣнія о Самозванцѣ. Письма эти, впрочемъ, не сохранились въ подлинникѣ, а лишь въ копіи съ оригинала, который пармскій посолъ имѣлъ въ рукахъ, или, быть можетъ, видѣлъ у лицъ, близкихъ къ императорскому двору.

Какъ историческій документъ, наибольшій интересъ изъ этихъ писемъ представляетъ донесеніе изъ Чернигова—описаніе перваго похода Самозванца изъ Украины за Днѣпръ, въ московскіе предѣлы, вмѣстѣ съ воеводой Сандомірскимъ Юріемъ Мнишкомъ. Въ «заѣздѣ» этомъ, которымъ Самозванецъ открылъ свою карьеру, авторъ реляціи самъ принимаетъ участіе. Онъ былъ, несомнѣнно, лицо духовное католическаго вѣроисповѣданія (повидимому, іезуитъ); пишетъ о событіяхъ своему начальнику, также духовному. Судя по выраженіямъ, напр.: «наше войско», т. е. воины воеводы Сандомірскаго, онъ, очевидно, былъ полякъ, чему не противорѣчатъ разсказы его о

проповѣдяхъ и исповѣди во время похода, въ совершеніи которыхъ онъ дѣятельно участвовалъ.

Главный интересъ и цѣнность документа заключается не въ описаніи осады г.г. Моровска и Чернигова, о которой такъ подробно говоритъ Паерле въ своихъ запискахъ [1]), а затѣмъ еще обстоятельнѣе Костомаровъ [2]), пользовавшійся для своего труда и упомянутыми записками, и многими другими источниками; гораздо большее значеніе имѣютъ приводимыя въ документѣ свѣдѣнія о состояніи замковъ въ этихъ городахъ, о степени ихъ укрѣпленности, о замковой артиллеріи, о количествѣ украинскихъ, запорожскихъ и донскихъ казаковъ, участвовавшихъ въ первомъ походѣ Самозванца за время отъ выѣзда его изъ Сандоміра до выступленія изъ Чернигова (отъ 22 августа до 12 ноября 1604 года). По этому послѣднему вопросу показанія прежнихъ источниковъ рѣзко расходятся. Одни [3]) показываютъ 6000 козаковъ, другіе [4]) 10000, третьи [5]) всего лишь около 1000 и т. д. Документъ нашъ ясно говоритъ, сколько было первоначально козаковъ, сколько присоединилось по пути, сколько прибыло запорожцевъ и донцовъ.

Писанъ онъ на латинскомъ языкѣ, и помѣщенъ въ переводѣ на польскій въ газ. «Kraj», № 47, откуда его и заимствуемъ [6]).

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Ватиканскомъ Архивѣ (Borgh., III, go b. F. 298—300) хранится въ подлинникѣ какъ настоящее донесеніе, такъ и позднѣйшее, отъ 15 ноября. Копіи съ этихъ донесеній есть въ Краковской Академіи Наукъ. Ими пользовался г. Ал. Гиршбергъ въ своемъ недавнемъ трудѣ «Dymitr Samozwaniec» (Lwów, 1898), стр. 75, пр. I.

Nova Moskovitica 10 et 12 Novembris anni 1604. Послѣ весьма продолжительнаго похода черезъ Подолье и другія обширныя

---

[1]) Сказанія современниковъ о Димитр.-Самозв., I, 156—157 „Записки Паерле“.

[2]) Смутное время Моск. Госуд. т. I.

[3]) Беръ (Лѣтопись Московская), въ Сказ. совр., стр. 38.

[4]) Де-Ту,—тамъ-же, 330.

[5]) Маржеретъ, тамъ-же, 293.

[6]) Документъ подписанъ 10 ноября, но по смыслу его (разсказываются событія 12 числа) надъ предположить, что это описка.

области русскія [1]), мы благополучно и невредимо прибыли 17-го октября съ ясновельможнымъ паномъ Воеводою (т. е. Юріемъ Мнишкомъ) и его войскомъ въ Кіевъ; пробывъ здѣсь три дня и приведя въ порядокъ войско, отступили отъ Кіева на двѣ мили для переправы черезъ Днѣпръ. Но намъ потребовалось 6 или 7 дней, пока все войско перешло на противоположный берегъ широкой рѣки; поэтому представился прекрасный случай позаботиться у Днѣпра о религіозныхъ потребностяхъ солдатъ, особенно же о св. исповѣди, о чемъ мы не забыли, и дѣла, благодареніе Господу, пошли не дурно: ибо почти всѣ сотники и знатнѣйшіе, очиствъ душу покаяніемъ, пріобщились св. Таинъ надъ берегомъ Днѣпра, въ небольшой палаткѣ. Ихъ примѣру тогда же и вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали прочіе жолнѣры: забываютъ старыя неудовольствія, застарѣлую вражду, уничтожаютъ ростовщическіе договоры, вознаграждаютъ убытки, возвращаютъ чужое добро, на службѣ Божіей бываютъ не только въ праздничные дни, но нѣкоторые даже ежедневно. Духовная помощь подается не только здоровымъ, но и болящимъ. Господу Богу за то хвала!

Послѣ переправы мы направились къ границамъ Московскимъ, черезъ лѣса и болота, пока, наконецъ, въ послѣдній день октября не разбили палатокъ въ Сѣверской землѣ, подъ первымъ городомъ и замкомъ (называется Морависко [2]) и отстоитъ отъ Кіева въ 12 польскихъ миляхъ), при томъ такъ счастливо и благополучно, что замокъ этотъ вмѣстѣ съ городомъ найяснѣйшій князь (Serenissimus Princeps, т. е. Димитрій Самозванецъ) взялъ безъ битвы, не употребляя оружія.

Три дня спустя подступили къ другому, бо́льшему замку, лучше укрѣпленному, съ собственнымъ городомъ, который является однимъ изъ важнѣйшихъ, можно сказать, столицей Сѣверской земли, т. е. къ Чернигову, именуемому также Черніеховымъ; отстоитъ онъ отъ Кіева въ 18 миляхъ, а отъ Морависка въ 12. И этотъ замокъ также найяснѣйшій князь взялъ 1 ноября безъ бою, благодаря добровольной сдачѣ при всеобщихъ поздравленіяхъ.

---

[1]) Изъ Самбора, надъ Днѣстромъ, вышли 22 августа (Записки Паерле, стр. 156—„Сказан. современниковъ о Димитр. Самозванцѣ", т. I).

[2]) Моровскъ—въ 60 в. отъ Чернигова.

Что же касается укрѣпленности обоихъ замковъ, то хотя оба они деревянные, однако весьма крѣпки благодаря валамъ, рвамъ, палисадамъ, башнямъ, дубовымъ стѣнамъ, внутри насыпаннымъ землей и снабженнымъ всевозможными московскими укрѣпленіями этого рода.

Въ первомъ замкѣ было найдено 7 большихъ арматъ (tormenta bellica grandiosa), меньшихъ же болѣе 20 (aeneae fistulae minores); гарнизона также было около 700 стрѣльцовъ, каждый съ ружьемъ. Во второмъ замкѣ было больше войска и начальниковъ: арматъ большихъ 27, поставленныхъ на башняхъ и на стѣнѣ такъ, чтобы можно было со всѣхъ сторонъ поражать и оттѣснять непріятеля; было еще много меньшихъ арматъ, такъ что немыслимо было бы взять эти замки силой, если бы они сами не сдались. Оба замка взяты слѣдующимъ образомъ: впередъ отправлена часть войска для того, чтобы окружить и осадить замокъ, именно 2000 козаковъ и тысяча польской гусарской конницы. Тѣмъ временемъ послана грамота найяснѣйшаго князя (т. е. Самозванца) къ москвитянамъ, въ которой онъ приглашалъ ихъ добровольно и дружески возвратить ему отцовское наслѣдіе. Нѣкоторые изъ начальниковъ городовъ упорно сопротивляются, но не одинъ тайкомъ соглашается. Народъ безъ колебанія, цѣлуя грамоту князя, такъ сильно и неудержимо стремится къ подданству, что производитъ бунтъ, производитъ нападенія на нѣкоторыхъ начальниковъ, ранитъ ихъ, хватаетъ, ввергаетъ въ тюрьмы; нѣкоторыхъ, связавши, отправляетъ къ князю, въ сопровожденіи многочисленныхъ своихъ представителей, и тѣ отдаются въ подданство и приносятъ присягу.

Таково начало перваго вступленія въ Московію, Ваше Высокопреподобіе (Reverentia Vestra), довольно мирное, удачное, хотя между жолнѣрами и случалось нѣсколько дракъ, какъ это обыкновенно бываетъ на войнѣ, но они уже, слава Богу, прекратились и не мѣшаютъ предпринятому походу въ Москву.

Что же касается *нашего* войска, то оно превосходно и немалочисленно. Кромѣ тѣхъ 3-хъ тысячъ, о которыхъ, если не ошибаюсь, раньше писалъ Вашему Высокопреподобію, къ намъ на пути присоединилось много *козаковъ*, такъ что ихъ уже считается около 3-хъ тысячъ, и это только изъ тѣхъ селъ и городовъ, черезъ которые мы проходили; теперь ожидаемъ еще болѣе тысячи другихъ, которыхъ именуютъ Запорожскими. Ожидаемъ также пана Галецкаго, пана Струся съ тысячей конницы и кн. Рожинскаго съ нѣсколькими сот-

нями, которые конечно пойдутъ за ясновельможнымъ паномъ Воеводой [1]), что обѣщали устно, а затѣмъ подтвердили и письменно. Ожидаются также на помощь козаки московскіе, Донцы, которые, какъ говорятъ, идутъ на встрѣчу князю [2]).

12 ноября прибыло еще 9000 конницы или козаковъ донскихъ. Ожидали это войско, а теперь оно уже есть, къ великой радости найяснѣйшаго князя. Кромѣ того прибыло еще 4000 козаковъ запорожскихъ. Да будетъ благословенно имя Божіе за неизмѣнную помощь вездѣ невинному. О военныхъ силахъ Москвы ничего не знаемъ; только начальники Черниговскаго замка увѣряютъ, что Годунъ (т. е. Борисъ Годуновъ) не собралъ совсѣмъ войска, считая немыслимымъ, чтобы Черниговъ, такъ хорошо укрѣпленный, могъ быть взятъ нами [3]). Правда ли то, что мнѣ разсказываютъ, не знаемъ. Вижу, что наши начальники держалися осторожно.

Ежедневно отправляемъ Службу и говоримъ проповѣди жолнѣрамъ въ праздничные дни, развѣ что надо идти поспѣшно, какъ это нерѣдко случается; но мы лишь тогда снимаемся съ мѣста, когда здоровые ушли впередъ. Ясновельможный Воевода (Magnificus Dux Pallatinus—Мнишекъ) исповѣдникомъ имѣетъ бернардина, но и о насъ имѣетъ великое, отцовское попеченіе.

Найяснѣйшій князь (т. е. Димитрій) часто благосклонно и ласково бесѣдуетъ съ нами, но въ краткихъ словахъ проситъ молиться за него и за успѣхъ похода, не разъ проситъ поблагословить его, иногда привѣтствуетъ и притомъ искренно. На пути почти всѣ сотники и многіе изъ воиновъ передъ переходомъ московской границы очистили души св. покаяніемъ и укрѣпились св. евхаристіей, каковымъ дается также приватно общее отпущеніе грѣховъ; другіе слѣду-

---

[1]) Сандомірскимъ,—Юріемъ Мнишкомъ.

[2]) Въ бытность Самозванца въ Самборѣ, посланъ былъ нѣкто Свирскій на Донъ для возбужденія донскихъ козаковъ. Но еще раньше, во время пребыванія Димитрія въ Краковѣ, туда являлись къ нему два донскіе атамана и объявили готовность служить „всѣмъ тихимъ Дономъ" (Костом. Смутн. время, I, 108, 123). Затѣмъ, когда польское войско переправилось черезъ Днѣпръ и направлялось къ Моровску, снова явились къ Димитрію послы отъ донскихъ козаковъ съ изъявленіемъ охоты служить всѣмъ вольнымъ Дономъ. Однако, какъ видно, обѣщанія такъ и оставались обѣщаніями; только теперь прибыла значительная подмога, превосходившая числомъ всю польскую армію.

[3]) Соловьевъ, т. VIII, 761, говоритъ, что только въ январѣ сѣверныя русскія области были увѣдомлены правительствомъ о Лжедимитріи.

ютъ ихъ примѣру, и такимъ образомъ получается немалая польза въ обращеніи душъ. Слава Богу! Дѣйствительно, надо благодарить Бога и за это начало; пусть Онъ дастъ еще болѣе счастливый оборотъ этому дѣлу, а мы будемъ неустанно просить о помощи Милосерднѣйшаго Бога, такъ какъ по Его Милости достигли мы того, что есть и что признано не только нами, но и многими воинами.

Два или три дня спустя войско двинется отсюда вглубь Московіи [1]), гдѣ, какъ говорятъ, путь будетъ идти миль на тридцать лѣсами къ Бѣлгороду (Bialingrod): пусть Богъ ведетъ и выведетъ. Многіе изъ польскихъ жолнѣровъ даютъ обѣщаніе остаться въ Москвѣ, если Богъ дастъ успѣхъ въ этомъ предпріятіи; и мы вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ упускать случаевъ обращенія душъ ко Христу, хотя о томъ и о другихъ важныхъ дѣлахъ будетъ, надѣемся, время и возможность подумать. Тѣмъ временемъ горячо поручаю себя памяти Вашего Высокопреподобія при св. службѣ и въ молитвахъ.

Изъ Чернигова, 10 ноября 1604 г.

Сообщ. В. Доманицкій.

По Днѣстру. *(Путевыя замѣтки)*. Въ Новороссійскомъ Телегр. 1898 г. № 7542 были помѣщены путевыя замѣтки по Днѣстру А. П. Тиверцева, представляющія интересъ въ томъ отношеніи, что живо рисуютъ характерныя мѣстности русскаго Днѣстра на протяженіи до 300 верстъ. Считаемъ нелишнимъ для нашихъ читателей перепечатать болѣе интересныя выдержки изъ этой статьи.

—

Желая проѣхать по Днѣстру, я рѣшилъ отправиться на «Піонерѣ»—пароходѣ, курсирующемъ между Вадулуй-Водами и Могилевымъ. Вадулуй-Воды—небольшое село, въ 18 верст. отъ Кишинева, у вершины одной изъ значительныхъ излучинъ Днѣстра. Впадающая въ нее невдалекѣ р. Икель отдѣляетъ Кишиневскій уѣздъ отъ Оргѣевскаго уѣзда, Бессарабской губерніи.

Могучая рѣка, широкая долина по берегамъ, сплошь покрытая садами, виноградниками, тополями и вербами—вотъ первое впечатлѣніе, полученное мною отъ долины Днѣстра около г. Дубоссаръ, когда на разсвѣтѣ поднялся я на мостикъ парохода.

---

[1]) По словамъ дневника Лжедимитрія, изъ Чернигова выступили 14-го.

Между прочимъ, противъ Дубоссаръ впадаетъ р. Реутъ—самый значительный правый притокъ Днѣстра.

Нѣсколько выше Дубоссаръ, бессарабскій берегъ начинаетъ повышаться, и Днѣстръ образуетъ довольно крутой изгибъ по направленію къ пристани Маловатой,—такъ называемые *Роги* (рога), обставленные дугою горъ, то покрытыхъ лѣсомъ, то обнаженныхъ и изрытыхъ оврагами съ сверкающими на солнцѣ ручейками и родниками. Здѣсь, между прочимъ, проѣзжаемъ мы мель «Гуяна».

Зеленая ленточка р. Ягорлыка отдѣляетъ Херсонскую губ. отъ Подольской, которая представляетъ долину, почти сплошь покрытую роскошными садами съ рядами тополей, особенно въ изгибѣ Днѣстра у с. *Красный Кутъ*. Далѣе повышается уже подольскій берегъ и понижается бессарабскій и т. д. Въ этой части, на дугообразномъ изгибѣ Днѣстра, расположены почти сплошнымъ рядомъ деревни. Правильное чередованіе горъ то съ правой, то съ лѣвой стороны, стѣсняющихъ иногда оба берега Днѣстра, замѣчается на всемъ протяженіи нашего пути.

Выше Днѣстръ течетъ почти въ меридіанальномъ направленіи безъ значительныхъ извилинъ, образуя такъ называемый *прогонъ*. Часть этого проѣзда отъ пристани Латовой до Рыбницы—одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей, достойная кисти художника.

Затѣмъ снова возвышается бессарабскій берегъ, горы котораго,—то усѣянныя камнями, то гладкія, какъ столъ, или же съ возвышающимися небольшими конусами,—большею частью покрыты лѣсомъ. Здѣсь, среди лѣса, выдѣляются три дикихъ скалы, въ одной изъ которыхъ бѣлѣетъ древній скитъ,—такъ называемый *Городище*, (близъ бессарабской деревни Цибова, напротивъ подольскаго селенья Попенки) Верстахъ въ 12 отъ него находится *Сахарнянскій монастырь*, (возлѣ с. Сахарна; основанъ монахомъ Варѳоломеемъ Криворучкой въ XVIII в.), расположенный въ лѣсномъ ущельѣ, на трехъ возвышающихся одинъ надъ другимъ уступахъ и окруженный со всѣхъ сторонъ горами съ вьющимися по нимъ тропинками, дорожками и особымъ узкимъ проходомъ. Напротивъ расположенъ продолговатый высокій островъ, покрытый виноградниками. Продолговатые, покрытые вербами и лозою острова, а также выступающія изъ воды отмели, съ разгуливающими на нихъ аистами и цаплями, расположены противъ овраговъ или устьевъ впадающихъ въ Днѣстръ рѣчекъ и наглядно указываютъ на свое образованіе путемъ наносовъ...

Мы все плывемъ. Вотъ, наконецъ, сѣро-желтая Резина—мѣстечко, въ которомъ «Монополія» представляетъ лучшее зданіе, а затѣмъ—подольское мѣстечко Рыбница, съ красивымъ садомъ на берегу. Здѣсь оба берега Днѣстра соединены желѣзнодорожнымъ мостомъ на двухъ устояхъ; здѣсь же, между прочимъ, оканчивается ровно треть нашего пути (100 верстъ).

Нѣсколько выше Рыбницы этотъ длинный поѣздъ заканчивается крутымъ поворотомъ Днѣстра къ западу. Суровый подольскій берегъ господствуетъ надъ бессарабскимъ берегомъ, который спускается здѣсь нивами и яркими лугами почти къ самой рѣкѣ. У вершины угла, въ виноградникахъ, бѣлѣетъ постройка къ видѣ башенки, на склонѣ горы пестрѣетъ стадо овецъ, на рѣкѣ—съ острова—поднимается купа деревъ, въ узкой долинѣ, прорѣзывающей горы, виднѣется с. Молокишъ. Впереди тоже довольно грозныя горы, а далѣе горизонтъ закрывается поперечными горами, что означаетъ новый поворотъ рѣки... Отъ середины этого западнаго переѣзда виднѣется характерный уступъ, напоминающій издали голову громаднаго сфинкса; повышается также бессарабскій берегъ, покрывается лѣсомъ и импонируетъ подольскому берегу,—съ обѣихъ сторонъ на склонахъ—виноградники, сады, то съ бѣлѣющимъ домомъ помѣщика, то съ постройкою въ видѣ башенокъ... Здѣсь, при верховомъ вѣтрѣ («горишный»), насъ настигаетъ гроза съ эффектными зигзагами молніи и раскатами грома, повторяемыми эхомъ...

Вотъ мы дѣлаемъ новый небольшой поворотъ къ сѣверу. У с. Соколы оканчивается Оргѣевскій уѣздъ и начинается Сорокскій, который тянется въ продолженіе всего остального нашего пути. Скоро показались огни м. Рашкова—подольскаго и бессарабскаго,—нѣсколько выше котораго оканчивается также Балтскій и начинается Ольгопольскій уѣздъ Подоліи.

Непрерывный дождь съ холоднымъ вѣтромъ заставляетъ насъ спуститься на палубу. Въ числѣ новыхъ пассажировъ (изъ Рыбницы) виднѣется десятокъ—другой типичныхъ малороссовъ, часть которыхъ расположилась въ душной каютѣ 2 класса, откуда доносится какая то малорусская хоровая пѣсня.

Это—такъ назыв. *галерники*, т. е. гонщики плотовъ и галеръ,—преимущественно изъ Жванца, Хотина, Ушицы,—возвращающіеся домой послѣ пятинедѣльной отлучки. За гонку плата до г. Маяки—

вблизи лимана—каждый изъ нихъ получаетъ по 9 рублей, изъ которыхъ 2 рубля удерживаются на обратный путь.

Когда-то пишущій эти строки проѣхалъ на плоту въ теченіе болѣе сутокъ и теперь считалъ бы нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній объ этой поѣздкѣ.—Съ появленіемъ утренней зари, мы вмигъ поднялись на *сплавахъ* (такъ называются плоты); заскрежетали шесты о кремнистое дно, заскрипѣли «кермы»—огромныя весла,—и мы тихо поплыли... Горы, изрытыя желтыми оврагами, бѣлѣющія, темнѣющія отъ покрывающаго ихъ кустарника, то уходятъ назадъ, то загораживаютъ горизонтъ... Деревеньки съ маленькими церквами, овцы съ глухимъ звономъ вожака, скрипъ и пискъ водяныхъ мельничекъ чередуются съ здоровымъ носовымъ говоромъ жителей Бессарабіи.

Вотъ закраснѣлся небосклонъ; просыпающаяся рѣка дымится паромъ, и теплая вода не освѣжаетъ лица... Вотъ чайки (рыбалки) съ крикомъ проносятся по рѣчкѣ... Разъ направленный плотъ (сплавъ), идетъ вѣрно и спокойно подъ присмотромъ «правчика», который изрѣдка закричитъ своему подручному»: «тремай (держи) въ Лядчину, тремай въ Молдову! Годи (довольно)»!... Сидя у кормы, при такой однообразной обстановкѣ, невольно вспоминается покинутая «Окраина», милая, летающая по полю «сивою голубкою»,— и польется грустная, мелодичная пѣсня, долго оглашающая берега Днѣстра... А то вдругъ съ берега какая-нибудь проказница закричитъ звонко: «Дадьку—дадьку, щаслыва вамъ дорога, видъ носа та до порога!» на что иной находчивый голосъ съ плота отвѣчаетъ: «Росты велыка, та не будь дыка;—не ходы въ лисъ, бо вовкъ тебе зъисть»!..

Трудно приходится когда плотъ сядетъ на мель: не столько опасно, сколько несносно и невыгодно; много времени отнимаетъ это стояніе на одномъ мѣстѣ у людей, которымъ предстоитъ впереди недѣльный обратный путь пѣшкомъ. Такъ случилося и съ однимъ изъ нашихъ сплавовъ (плотовъ) возлѣ с. Нападава... Не теряя времени, мы направились въ Шабку...—Эту-то мѣстность съ извѣстною мелью «Качалова» (ниже Каменки) мы проходили ночью на «Піонерѣ».

Шабскій Вознесенскій монастырь съ церковью и небольшой келіей въ скалѣ (основанъ въ XVII в. іеремонахомъ Іезикіилемъ) посѣщается множествомъ богомольцевъ. Мѣстность чудная. Молдаване говорятъ, что соловьи со всей Бессарабіи слетаются сюда. Видно,

что основатели бессарабскихъ монастырей были тонкими цѣнителями красотъ природы. Напротивъ виднѣется м. Каменка—нынѣ курортъ—съ ея садами, виноградниками, домомъ кн. Витгенштейна и извѣстнымъ виномъ («каменское вино»). Вообще здѣсь происходитъ интереснѣйшая часть нашего пути. Кто проѣхалъ по Днѣстру между Каменкою и Ямполемъ,—тотъ, можно сказать, узналъ всѣ главнѣйшія особенности этой живописной рѣки. Прежде всего это одна изъ самыхъ извилистыхъ частей Днѣстра, въ общемъ болѣе чѣмъ удваивающая разстояніе между названными пунктами (90 верстъ вмѣсто 40 в. сухопутьемъ). Ночью мы прошли первую изъ трехъ извилинъ (у с. Вертюжаны), нѣсколько похожую на шею рака—*Ракова шыя* (кажется, собственно, такъ называется большая извилина Днѣстра между гг. Григоріополемъ и Бендерами)—и встрѣтили пасмурное утро (10-го іюля) у с. Грушки. Вторая извилина, съ весьма острымъ угломъ, такъ называемая *Локоть* (у с. Воронкова) служитъ причиною сильнѣйшихъ наводненій, вслѣдствіе того, что въ ней во время ледохода нерѣдко скопляется ледъ и забиваетъ Днѣстръ. Здѣсь-же, между прочимъ, заканчивается вторая треть нашего пути (103 версты).

Наконецъ, третья значительная извилина, начинающаяся прекрасною долиною у с. Трефауцы, омываетъ затѣмъ возвышенный бессарабскій берегъ, покрытый лѣсомъ, виноградниками и прорѣзанный громаднымъ бѣлѣющимъ оврагомъ съ пещерою на склонѣ, за которымъ начинаются предмѣстья гор. Сороки, съ его круглою генуэзскою крѣпостью (Ольхіонія) и улицами, въ которыхъ съ трудомъ могутъ разъѣхаться двѣ молдаванскія «каруцы»—одноконныя повозочки.

По выѣздѣ изъ Сорокъ, сначала повышается подольскій берегъ. Вотъ бѣлѣющій оврагъ—возлѣ м. Цекиновки—съ уступомъ, по которому во время ливня вода низвергается въ видѣ водопада. Вотъ Янкуловскій лѣсъ съ различными оттѣнками зелени—темной вверху, свѣтлой посрединѣ и серебристой внизу,—два большихъ острова, покрытыхъ вербами, лознякомъ, садами, тополями. По берегу начинаются гранитныя скалы—иногда громадныхъ размѣровъ—сглаженныя водою. Одна изъ нихъ въ видѣ мавзолея...

Дальше мы проѣзжаемъ среди сплошныхъ отвѣсныхъ стѣнъ, состоящихъ изъ сѣраго гранита и желтой глины. Береговыя ласточки рѣзво носятся надъ рѣкою; иногда небольшой пестрый ястребъ паритъ надъ прибрежными скалами. Въ гранитной стѣнѣ возлѣ г. Ка-

соуцы, точно нарочно, выдѣланы карнизы, выдолблены углубленія и поднимаются отдѣльныя плиты, въ родѣ памятниковъ... Мы—у *Ямпольскихъ пороговъ* (деревня «Пороги»), мѣсто которыхъ обозначается темными гранитными скалами съ той и другой стороны узкаго фарватера. Нѣсколько выше выступаетъ такъ называемая *Череда*—цѣлая группа скалъ, напоминающая издали стадо скота.

Самый Ямполь—уѣздный городъ—расположенъ на низменности; у второго поворота отъ него, около деревни Фламинды, выступаетъ внушительный подольскій берегъ изъ глины и мѣла («крейда»), въ которомъ виднѣется нѣсколько отверстій—*пещеръ*, въ которыхъ и теперь еще находятъ много стараго серебра и оружія. Старые люди утверждаютъ, что здѣсь когда-то былъ городъ—Старый Могилевъ, но «турокъ разогналъ его».

Въ образуемомъ здѣсь колѣнѣ Днѣстра находится такъ называемый *Гребень*—ряды подводныхъ скалъ, надъ которыми рябится вода, а изъ ней въ мелководье нѣкоторыя скалы выступаютъ на поверхность... Далѣе, на возвышенномъ бессарабскомъ берегу тянется Головчинскій лѣсъ; впереди горизонтъ закрывается поперечными горами, и Днѣстръ снова образуетъ крутой «локоть». Падающая отъ горъ тѣнь и рельефъ постепенно понижающагося подольскаго берега производятъ удивительный оптическій обманъ: кажется, будто вы движетесь по покатой поверхности рѣки, которая далѣе исчезаетъ... Въ слѣдующемъ небольшомъ прогонѣ, у подошвы горы въ формѣ трапеціи, расположенъ бессарабскій *Кременчугъ*, бывшее мѣстечко, жители котораго, по разсказу добродушнаго старичка, кременчугскаго обывателя, были разогнаны татарами и дали названье полтавскому Кременчугу (днѣпровскому)... Наконецъ, Днѣстръ дѣлаетъ послѣдній на нашемъ пути поворотъ—и мы направляемся къ западу. Сначала возвышается подольскій берегъ, особенно, у м. Яриги. Весь склонъ у с. Субботовки покрытъ прекрасными виноградниками. Здѣсь оканчивается Ямпольскій уѣздъ; далѣе, на холмахъ видны Садновцы—село Могилевскаго уѣзда.

Здѣсь снова повышается бессарабскій берегъ, большею частью покрытый лѣсомъ, съ лѣсистыми ущельями и выступами, напоминающими старинныя башни. Въ одномъ изъ такихъ ущелій расположенъ *Каларашевскій монастырь*,—бывшій сначала подворьемъ молдавскаго монастыря св. Саввы, въ которомъ могилевскій житель Хаджи Марко Доничъ, около 1780 г., устроилъ каменную церковь и сталъ именоваться первымъ *эпитропомъ*, т. е. настоятелемъ монастыря.

Подъ звуки солдатскихъ пѣсенъ нашихъ галерниковъ, къ 10 часамъ вечера мы прибыли въ Могилевъ,—собствено «Могиловъ», городъ, основанный молдавскимъ господаремъ Іеремiей Могилой (около 1600 г.),—лучшiй городъ въ Подолiи, съ грандiознымъ мостомъ черезъ Днѣстръ...

Среди такихъ-то береговъ, на каждомъ шагу мѣняющихъ свои очертанія и краски, въ тѣсномъ руслѣ, постоянными извилинами пролагаетъ свой путь быстрый Днѣстръ,—Тирасъ грековъ, Турла турокъ—съ его продолговатыми островами, выступающими изъ воды отмелями, перекатами, порогами и т. п. Довольно узкій и прихотливый фарватеръ Днѣстра,—такъ называемая *матка*—въ настоящее время на всемъ пути обозначенъ различными знаками; устроены дамбы, плотины, поставлены бакены, фонари и проч., для наблюденія за которыми содержится цѣлый штатъ береговыхъ, постовыхъ старшинъ и различныхъ чиновниковъ. Для разъѣздовъ ихъ имѣется пароходъ «Днѣстръ»,—какъ говорятъ весьма комфортабельный. Встрѣчающiеся отъ времени до времени, такъ называемые *сплавы*—плоты и *галеры*—открытыя, четыреугольныя плоскодонныя баржи, въ родѣ ящиковъ,—нагруженныя мѣшками съ хлѣбомъ, досками, гонтомъ, дровами, гипсомъ и проч., попрежнему составляютъ главный видъ днѣстровскаго торговаго судоходства; нѣсколько закрытыхъ баржей и встрѣтившiйся буксирный пароходъ «Польза» вмѣстѣ съ «Кишиневомъ» и «Пiонеромъ» представляютъ все торговое и пассажирское движенiе Днѣстра, пересѣкающаго на своемъ пути густо населенную полосу чернозема, считающагося житницею Россiи.

О какихъ бы то ни было пристаняхъ для пассажировъ здѣсь и мечтать не совѣтую.

По словамъ лоцмановъ, знаки и баканы мало помогаютъ при мелководьи: суда то и дѣло становятся на мель.

Одна или двѣ землечерпательныя машины, находящiяся у какой то днѣстровской пристани, въ полномъ бездѣйствiи.

Почти въ двое сутокъ (44 часа) мы проѣхали около 300 верстъ, т. е. все среднее теченiе русскаго Днѣстра, который въ этой части служитъ естественною этнографическою границею между Россiею и Румынiею.

Разставаясь съ прекрасными берегами Днѣстра, нельзя не посовѣтовать каждому, у кого есть возможность, совершить поѣздку по

Днѣстру—даже на «Піонерѣ». Окружающая природа заставитъ васъ забыть неудобства пароходной обстановки, тѣмъ болѣе что по теченію рѣки на этотъ проѣздъ потребуется нѣсколько болѣе сутокъ.

А. П. Тиверцевъ.

ЛЕТУЧІЯ ЗАМѢТКИ.

Съ текущаго года мы рѣшаемъ внести въ отдѣлъ «Извѣстій и замѣтокъ» особую рубрику, озаглавивъ ее «Летучія замѣтки», куда войдутъ всѣ тѣ извѣстія, которыя касаются новостей въ области науки, литературы и искусства въ нашемъ краѣ и которыя въ разрозненномъ видѣ попадаются въ разныхъ газетахъ и журналахъ, но не будучи сгруппированы вмѣстѣ, затериваются въ массѣ разнородныхъ мелочей. На первый разъ мы помѣщаемъ рядъ такихъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ нѣкоторыхъ русскихъ, польскихъ и галицкихъ изданій, но разсчитываемъ впереди расширить этотъ отдѣлъ, слѣдя болѣе систематически за періодическими изданіями, начиная съ 1899 года.

Празднованіе столѣтія возрожденія украинской литературы.

1) *Въ Кіевѣ* происходило чествованіе памяти творца и родоначальника художественной малорусской словесности, И. П. Котляревскаго, 25 ноября 1898 года. Празднество было устроено Литературно-артистическимъ Обществомъ, многіе изъ членовъ котораго, малороссы по происхожденію, приняли въ немъ самое дѣятельное участіе, составивъ очень удачно литературно-вокальный вечеръ. Вечеръ этотъ открылся чтеніемъ большого количества телеграммъ изъ разныхъ городовъ Россіи и Галиціи, а затѣмъ были прочитаны два реферата: одинъ—г. Науменкомъ, а другой—г-жей Старицкой-Черняховской. Послѣ рефератовъ началось концертное отдѣленіе вечера, причемъ чередовались декламаціи съ вокальными и музыкальными номерами. Особенно произвели впечатлѣніе: кантата для хора, напи-

санная г. Лисенкомъ къ этому дню на слова Шевченка «На вичну памьять Котляревському», а также прочитанное артистомъ кіевской русской драматической труппы г. Багровымъ стихотвореніе г-жи О. Косачъ. Вечеръ этотъ, какъ по содержанію, такъ и по исполненію, можетъ быть названъ вполнѣ удавшимся. Зала Литературно-артистическаго Общества не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на вечерѣ, и такъ какъ она была переполнена, то пришлось многимъ возвращаться домой, не проникши даже въ самое помѣщеніе Общества. О чествованіи въ Кіевѣ сообщалось, кромѣ кіевскихъ газетъ: «Жизнь и Искусство», № 328 и «Кіевское Слово», №№ 3910 и 3911,—въ «Сынѣ Отечества», № 336 и въ «Полтавскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ», № 261.

—

2) *Въ Петербургѣ* празднованіе происходило 29-го октября, въ залѣ желѣзнодорожнаго клуба, куда собралось до 50 человѣкъ почитателей памяти поэта; тутъ были и нѣкоторые изъ русскихъ и польскихъ писателей, расположенныхъ къ украинскому слову. Среди залы, на высокой подставкѣ, стоялъ большихъ размѣровъ портретъ творца «Энеиды», убранный вышитыми «рушныкамы». Празднованіе открылъ г. Мордовцевъ короткой рѣчью о значеніи Котляревскаго, закончивъ ее теплымъ обращеніемъ къ присутствующимъ русскимъ и польскимъ писателямъ. За нимъ г. Ж. подробнѣе остановился на содержаніи «Энеиды», показавъ, какимъ правдивымъ народнымъ духомъ, гуманностью и любовью къ родному краю проникнуто это произведеніе. Затѣмъ г. Ц. представилъ обзоръ работы преемниковъ Котляревскаго, изъ которыхъ—Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ—привели къ найвысшему расцвѣту родную литературу и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали росту національнаго самосознанія. Наконецъ г. Б., перечисливъ главныхъ писателей Украины и Галичины самаго новаго періода, показалъ, какъ тяжело отражаются на украинской литературѣ нынѣшнія неблагопріятныя условія ея существованія. Извѣстный писатель-философъ г. Л., въ красивой рѣчи далъ новое освѣщеніе литературному облику Котляревскаго, показавъ признаки вѣроятнаго вліянія на него философіи Сковороды. Было еще нѣсколько рѣчей, а также прочтено до 20 полученныхъ телеграммъ и писемъ съ привѣтами изъ Украины, Галичины, Буковины и Угорщины, среди которыхъ выдавались письма отъ Наукового тов. ім. Шевченка, общества «Просвіта», ред. «Кіевской Старины», черниговскихъ украинцевъ.

(Літ.-Науков. Вістн., т. IV, кн. III).

3) *Въ Краковѣ*, 24 октября, въ городскомъ театрѣ, отпразднованъ торжественно юбилей возрожденія украин.-русской литературы. Сначала прочелъ рефератъ г. Войтовичъ, который въ самомъ началѣ обратилъ вниманіе поляковъ на то, что они отлично знаютъ иныя чужія литературы, а малорусской—передъ глазами у нихъ—не интересуются, и представилъ затѣмъ краткій очеркъ нашей литературы отъ Котляревскаго и его преемниковъ до нашего времени. Послѣ этого слѣдовало представленіе драмы Л. Манька «Нещасне кохання» въ переводѣ краковскаго артиста Милевскаго. Публика наградила представленіе громкими аплодисментами. Особенно понравились пѣніе и танцы. Во время антрактовъ хоръ академиковъ пѣлъ малорусскія пѣсни. Съ особеннымъ одушевленіемъ встрѣчено было пѣніе извѣстной пѣсни «Ще не вмерла Украина».

(«Буковина», ч. 129).

—

4) *Въ Галиціи* празднества происходили въ разныхъ мѣстахъ, а именно: во Львовѣ, сверхъ празднества, устроеннаго Науков. Тов. імени Шевченка 19 и 20 окт. (см. «Кіев. Ст.», № 12), было еще празднованіе 20-го ноября Общества «Руськихъ ремісників Зоря», которое устроило весьма удачный концертъ.—Перемышльскіе русинскія общества праздновали юбилей 8 декабря. Количество публики было громадное.—Такъ-же торжественно отпразднованъ былъ юбилей 3 декабря въ Черновцахъ. Малорусской публики въ театрѣ было такъ много, что такого количества до сихъ поръ не запомнятъ.—Юбилейныя торжества состоялись еще въ Станиславовѣ, Самборѣ, Дрогобычи, Бережанахъ, Бродахъ, Сокали и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ и селахъ Галиціи.—Товариству імени Шевченка, уже послѣ празднества, присланъ былъ изъ Москвы слѣдующій привѣтъ: «Этнографическій отдѣлъ Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи шлетъ Ученому Обществу имени Шевченка въ день его національнаго праздника свой искренній привѣтъ и желаетъ уважаемому Обществу дальнѣйшаго процвѣтанія на славу русскаго имени и науки. Предсѣдатель Этнографическаго отдѣла, ординарный профессоръ Всев. Миллеръ. Секретарь Вл. Богдановъ.

(Літ.-Науков. Вістник, т. IV, кн. III).

—

5) Въ № 238, «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья «И. П. Котляревскій» (1769—1839). Въ ней указываются

заслуги Котляревскаго по отношенію къ малорусской литературѣ («та же, что Карамзина къ общерусской литературѣ»); то, что въ общерусской литературѣ сдѣлано цѣлымъ рядомъ талантливыхъ писателей—Крыловымъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ—по отношенію къ малорусской литературѣ на нѣсколько десятилѣтій ранѣе сдѣлано однимъ Котляревскимъ. Въ этомъ его вся и сила, и заслуга, хотя въ общерусскую сокровищницу литературы онъ не внесъ ровно ничего». Упомянувъ о произведеніяхъ Котляревскаго съ точки зрѣнія художественности, сообщается довольно подробная біографія писателя.

—

6) Въ № 43 «Нивы» помѣщенъ портретъ Котляревскаго и статья о послѣднемъ, представляющая довольно подробную біографію писателя, съ коротенькимъ замѣчаніемъ о значеніи Энеиды, какъ литературнаго произведенія.

Къ памятнику И. П. Котляревскаго.

1) Губернаторъ полтавскій увѣдомилъ городскую полтавскую управу, что помѣщеніе на памятникѣ Котляревскаго надписи на малорусскомъ языкѣ «Рідний край першому народному поэтові Іванові Котляревському» признано Министр. Внутр. Дѣлъ неподходящимъ. Однако г. Министръ нашелъ возможнымъ разрѣшить надпись того-же содержанія на русскомъ языкѣ; что-же касается другихъ проектированныхъ городскою управою надписей на памятникѣ, то г. Министръ препятствій не нашелъ, съ предупрежденіемъ однако, чтобы въ обѣихъ малорусскихъ надписяхъ, взятыхъ изъ сочиненій Котляревскаго (изъ «Наталки-Полтавки»: «Де згода в семействі де мир і тишина, щасливі там люде, блаженна сторона») и изъ Шевченка: («Слава сонцемъ засіяла—не вмре кобзар, бо на віки його привітала») соблюдено было правописаніе обще-русское. («Kraj», № 48, стр. 33).

—

2) Бюстъ для памятника Котляревскому полученъ въ началѣ декабря Полтавской городской управой и помѣщенъ въ городской технической конторѣ. Бюстъ не будетъ распакованъ до установки его на постаментъ памятника. (Полтав. Губ. Вѣд., № 266).

Юбилей І. Франка въ Вѣнѣ.

26 ноября ст. ст. малорусское «товариство» въ Вѣнѣ «Січ» устроило вечеръ по поводу 25-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности І. Франка. Празднованіе открылъ предсѣдатель («голова») общества Романъ Сембратовичъ рѣчью, въ которой ярко обрисовалъ заслуги юбиляра по отношенію къ русско-украинскому обществу. Послѣ рѣчи «головы» слѣдовали декламаціи изъ стихотв. произведеній Франка; пѣлъ также сѣчевой хоръ. Въ этомъ вечерѣ принимало участіе (пассивное) много русскихъ («россіян»). При окончаніи вечера «голова», отъ имени общества, поблагодарилъ русскихъ гостей за то, что они приняли участіе въ общемъ торжествѣ возвеличенія неутомимаго труженика на украинской нивѣ. Благодаря за искренній пріемъ, одинъ изъ «россіянъ» подтвердилъ слова «головы»: что «есть также и между русскими расположенные къ украинцамъ элементы—т. е. русскіе прогрессисты».

(Буковина, 138).

—

Памяти Е. П. Гребенки.

Въ № 264 «Подольск. Губернск. Вѣдомостей» помѣщена довольно обширная статья, посвященная памяти Е. П. Гребенки. Авторъ ея, остановившись нѣсколько на личности поэта, разбираетъ преимущественно произведенія, писанныя на русскомъ языкѣ, о малорусскихъ упоминая только вскользь. Такого же содержанія статью помѣстили также и «Полтавскія Губернскія Вѣдомости» № 266; С.-Петербургскія, № 333, Московскія Вѣдомости, № 336 и «Галичанинъ», № 276.

—

Памятникъ Т. Г. Шевченку.

Михайло Маковей Маковычъ, гражданинъ г. Львова, имѣетъ намѣреніе, по словамъ Руслана (№ 226), поставить на собственныя средства въ городскомъ охотничьемъ паркѣ во Львовѣ памятникъ Т. Г. Шевченку.

—

Общество имени Т. Г. Шевченка.

29-го ноября состоялось, подъ предсѣдательствомъ Д. Л. Мордовцева, первое общее собраніе общества имени Т. Г. Шевченка,

для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга. Собраніе было посвящено выборамъ должностныхъ лицъ и кандидатовъ къ нимъ. Избраны: предсѣдателемъ — помощникъ предсѣдателя Императорскаго человѣколюбиваго общества сенаторъ тайный совѣтникъ А. Н. Марковичъ и членами правленія: Д. Л. Мордовцевъ, И. С. Иващенко, П. П. Катериничъ, П. М. Саладиловъ и Я. П. Забѣлло. Вновь возникшее общество намѣрено оказывать учащимся уроженцамъ и уроженкамъ южной Россіи помощь:—взносомъ платы за слушаніе лекцій, безплатною выдачею книгъ и учебныхъ пособій, снабженіемъ одеждою, пищею и пріютомъ неимущихъ студентовъ и курсистокъ, содѣйствіемъ къ пріисканію имъ занятій, снабженіемъ бѣдныхъ больныхъ медицинскими пособіями, врачебною помощью и помѣщеніемъ въ больницы и назначеніемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, денежныхъ пособій. По окончаніи выборовъ собранію было доложено, что Императорское человѣколюбивое общество, сочувствуя цѣлямъ новаго общества, пожертвовало на его нужды 200 руб.; собраніе постановило выразить Человѣколюбивому обществу благодарность за пожертвованіе.

(Сынъ Отеч. № 325).

Новое просвѣтительное общество.

По сообщенію «Жизнь и Искусство» (№ 348), 27 декабря въ Петербургѣ открывается «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» для *малорусскаго* народа. Задача его организовать въ Петербургѣ центръ мыслящаго и дѣятельнаго общества въ интересахъ культуры малорусскаго народа и его экономическаго благосостоянія. Общество предполагаетъ создать свой органъ и журналъ общеполезныхъ знаній для народа, и поэтому оно разсчитываетъ на поддержку всѣхъ, кому дорого благосостояніе родного края. Изъ утвержденнаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ устава Общества видно, что ближайшею своею цѣлью оно ставитъ помощь религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа. Имѣя это въ виду, Общество будетъ издавать одобренныя цензурою дешевыя и доступныя по языку и изложенію книги какъ религіозно-нравственнаго содержанія, такъ и по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственнаго и вообще промышленнаго знанія,

а равно и литературно-художественнаго содержанія. Членами Общества могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, за исключеніемъ учащихся, нижнихъ чиновъ и лицъ, ограниченныхъ въ правахъ по суду. Поступленіе въ члены Общества обусловливается ежегоднымъ взносомъ въ кассу не менѣе трехъ рублей.

Портретъ Ольдриджа работы Шевченка.

До сихъ поръ полагали, что Шевченко написалъ только одинъ портретъ Ольдриджа, тотъ, который онъ подарилъ графинѣ К. Ф. Толстой (по мужу—Юнге), а она передала его въ московскую галлерею Третьякова. Теперь же стало извѣстно, что другой такой же портретъ съ подписью Ольдриджа—Шевченко подарилъ Н. Д. Сухановой-Подколзиной. Этотъ портретъ сынъ Сухановой—ученикъ Шевченка—подарилъ А. Я. Конисскому вмѣстѣ съ другими рисунками и письмомъ Шевченка. Письмо будетъ напечатано въ «Літер.-Науков. Вістнику» и будетъ передано, какъ и рисунки, въ Шевченковскій музей при Наук. Товар. ім. Т. Шевченка во Львовѣ.

(Літ.-Науков. Вістник, томъ IV, кн. III.

Изданіе произведеній Шевченка.

1) Вскорѣ начнется печатаніе во Львовѣ VI тома «Кобзаря» Шевченка. Этотъ томъ будетъ обнимать письма Шевченка, которыхъ А. Конисскій собралъ болѣе 170. Предполагается добыть еще нѣсколько до сихъ поръ ненапечатанныхъ писемъ нашего поэта.

(«Літ.-Науков. Вістник», т. IV, кн. III.).

—

2) Въ настоящее время въ Кіевѣ уже печатается «Кобзарь» новымъ изданіемъ, которое по прежнему будетъ въ двухъ видахъ: одно—дешевое, а другое—болѣе дорогое на лучшей бумагѣ. Изданіе это готовитъ редакція журнала «Кіевская Старина».

—

3) «*Гайдамаки*» Шевченка въ изданіи Бѣлоуса. Михаилъ Бѣлоусъ, галичанинъ (изъ г. Коломыи), издалъ «Гайдамаки» Шевченка, съ объяснительнымъ рисункомъ такого содержанія: на рѣзню «ляховъ» (мужчинъ и женщинъ) съ святымъ «запаломъ» въ очахъ, и ножемъ

въ рукѣ, смотритъ мальчикъ («pacholę»). Кромѣ того, издатель отъ себя написалъ предисловіе, дышащее искренней ненавистью и полное обдуманныхъ... опечатокъ, образчикъ которыхъ «Kraj» приводитъ цѣликомъ.

«Онъ (Шевченко) и его личные пріятели, высоко поставлени люди въ Россіи, старалися выхлопотать у императора Александра II указъ о знесение панщины—неволи, и передъ смертью Шевченка имп. Александръ дѣйствительно подписалъ указъ, освобождающій весь народъ имперіи изъ неволи. Это случилось въ 1861 г. Два года спустя вспыхнула въ Польшѣ послѣдняя революція. Какія причины послужили поводомъ къ этой революціи, это загадка (sic!) и когда-то она будетъ распутана—открыта; однако это правда, что освобожденный изъ неволи сельскій людъ польскій и рускій (малорусскій) хваталъ повстанцевъ и представлялъ ихъ правительству. Остальное долженъ каждый самъ понять».

«Kraj», отмѣтивъ крупныя ошибки, какъ напримѣръ то, что возстаніе началось раньше освобожденія,—добавляетъ, что «поводъ» къ хватанію повстанцевъ сельскимъ людомъ *каждый* можетъ понять только подъ тѣмъ условіемъ, если его невѣжество и легковѣріе равняется «шляхетскимъ» тенденціямъ п. Бѣлоуса.

—

4) *Извѣстія книжн. магазиновъ товар. М. О. Вольфъ* (№ 2, 1898, стр. 23) сообщаютъ, что П. А. Бѣлоусовъ готовитъ изданіе стихотвореній Т. Г. Шевченка въ переводѣ на русскій языкъ. Кстати будетъ замѣтить, что уже одинъ Бѣлоусовъ (Иванъ), однофамилецъ, издалъ въ 1887 году, въ Кіевѣ, книжку переводовъ подъ заглавіемъ «Изъ Кобзаря».

Тарасъ Бульба на французской сценѣ.

Довольно извѣстный французскій беллетристъ Сильвестръ Арманъ вмѣстѣ съ другимъ писателемъ Маро, написалъ пьесу «Kosaks», передѣлавъ ее изъ повѣсти Гоголя «Тарасъ Бульба». Остановился онъ на послѣдней, по его словамъ, какъ на чудной поэмѣ въ прозѣ, которая способна ознакомить французскую публику съ совершенно незнакомымъ ей міромъ—съ *Малороссіей*. «Русскій романъ», ставшій популярнымъ во Франціи, представляетъ только великорусскую жизнь,

великорусскую натуру, а о существованіи въ предѣлахъ же Россіи страны, которая ближе подходитъ къ нашему Провансу, объ *особой южной расѣ* со всѣми свойствами нашихъ gens du midi—у насъ и понятія не имѣютъ (Изъ Новорос. Телегр. № 7569).

Другой вопросъ, насколько удачно исполнилъ французскій писатель взятую на себя довольно нелегкую задачу. Объ этомъ мы встрѣчаемъ интересную статью г. В. Г—ко (Полтав. Губ. Вѣд., № 263), съ которой считаемъ нелишнимъ познакомить читателей.

Какъ отнеслись авторы піесы къ своему источнику?—ставитъ вопросъ г. В. Г—ко. «Это вовсе не скромная и покорная передѣлка! восклицаетъ театральный критикъ одной изъ распространеннѣйшихъ французскихъ газетъ» (Journal). «Авторы съумѣли, съ самымъ вѣрнымъ чутьемъ, сохранить языкъ и чувства дѣйствующихъ лицъ, то, что можно назвать умственной декораціей, духовнымъ пейзажемъ творенія Гоголя, представляющаго, само по себѣ, заимствованіе изъ народныхъ преданій. Но что касается театральнаго приключенія и столкновенія чувствъ,—тутъ доля вымысла, внесенная французскими авторами, гордо заявляетъ критикъ, очень и очень велика.»!

И, вслѣдъ за этимъ, онъ разсказываетъ ходъ дѣйствія новой драмы, и вплетенные въ нее французами вымыслы. Когда два сына Бульбы возвращаются изъ Кіева, гдѣ они учились въ семинаріи, отецъ встрѣчаетъ ихъ съ нѣсколько презрительной насмѣшливостью, глядя на ихъ поповскіе подрясники, и, чтобы испытать ихъ, дерется съ ними на кулакахъ. Но нѣтъ! Не смотря на свое платье, —они молодцы, и черезъ недѣлю онъ повезетъ ихъ въ лагерь запорожскихъ козаковъ, гдѣ живутъ храбрецы, недруги поляковъ, и гдѣ они научатся настоящей наукѣ, какъ понимаетъ ее Тарасъ Бульба,—наукѣ убивать людей и умирать самому. «Озапъ и Андри» (Osap et Andry) скоро постигаютъ эту науку, въ особенности Остапъ. Андрей менѣе жестокъ, меньше козакъ душею. Причина тому та, что въ Кіевѣ онъ видѣлъ и полюбилъ польку, дочь воеводы (Waived). Онъ отыщетъ ее. Однажды ночью, стоя на часахъ въ лагерѣ подъ Дубномъ, онъ оставляетъ свой постъ и отправляется въ городъ къ полькѣ, которую не переставалъ любить. Эта выходка имѣетъ послѣдствіемъ то, что запорожскіе козаки захвачены врасплохъ непріятелемъ, почти всѣ перебиты или захвачены въ плѣнъ. И въ теченіе многихъ годовъ старый Бульба оплакиваетъ потомъ это пораженіе».

«Что сталось съ его сыновьями? Остапъ, онъ знаетъ,—умеръ. Онъ былъ свидѣтелемъ его смерти, онъ умеръ доблестно, распѣвая воинственную и религіозную пѣснь,—пѣснь отчизны. Что касается Андрея, то о немъ Тарасъ не имѣетъ вѣрныхъ извѣстій. Онъ считаетъ его умершимъ, подобно старшему брату, или попавшимъ въ плѣнъ. Ибо никто не открылъ ему правды, никто не рѣшился сказать отцу объ измѣнѣ сына. Даже когда козаки, бывшіе въ плѣну, возвращаются изъ Польши, онъ не узнаетъ ничего. Однако подозрѣніе какого-то несчастія живетъ въ немъ. Съ неистовымъ бѣшенствомъ допрашиваетъ онъ объ этомъ возвращающихся и болѣе всѣхъ пѣвца, бывшаго пасѣчника, Руслана, которому поляки выкололи глаза. Русланъ, которому все извѣстно, не говоритъ ничего изъ жалости къ юношѣ и изъ состраданія къ отцу. Напрасно Тарасъ проситъ его, умоляетъ, приказываетъ, угрожаетъ: Слѣпецъ молчитъ, и не скажетъ никогда ничего... Тогда Тарасъ велитъ казнить его и оставляетъ его глазъ на глазъ съ священникомъ, который долженъ исповѣдывать его предъ смертью. Только для этого? Нѣтъ, слѣпой, допрошенный священникомъ, скажетъ правду. Кому, священнику?.. Нѣтъ самому отцу, одѣвающему для этого рясу священника.

«Тарасъ Бульба, продолжаетъ наивный французскій критикъ, несмотря на признаніе Руслана, не хочетъ вѣрить измѣнѣ своего сына. Онъ даетъ клятву передъ образомъ покарать измѣнника, кто бы онъ ни былъ. Увы, измѣнникъ этотъ дѣйствительно Андрей, и скоро Бульба видитъ его дерущимся противъ козаковъ, защищая свою польку. Тогда бѣшенство стараго казака выходитъ ихъ границъ. Онъ велитъ привязать губительницу своего сына къ хвосту дикой лошади и, посовѣтовавшись со стариками о карѣ, какая надлежитъ Андрею, убиваетъ своего сына. А въ это время пѣвецъ Русланъ, на сторонѣ котораго, какъ всегда на сторонѣ поэтовъ, остается правда,—оплакиваетъ въ прелестныхъ строфахъ бѣднаго юношу, ставшаго преступникомъ изъ-за любви къ женщинѣ и ея красотѣ, и свирѣпая драма заканчивается слезами нѣжности... Прекрасное произведеніе, великолѣпный успѣхъ»!...

Къ этой наивной глупости или глупой наивности прибавлять нечего,—такъ говоритъ она сама за себя.

Правнукъ гетмана Украины.

«Галичанинъ» (№ 265) сообщаетъ, что въ числѣ 4404 особъ, получившихъ отличіе въ Австріи по случаю юбилея Франца-Іосифа, находится въ оффиціальномъ спискѣ (въ Wiener Zeitung) Statshaltereirath ausser Dienst, Gutsbesitżer in Ober-Wigstein Kamillo Graf Razumovski. Это правнукъ гр. Кирилла Разумовскаго, гетмана Украины (1755—1764), затѣмъ фельдмаршала. Одинъ изъ сыновей Кирилла, Григорій, переселился въ 1805 г. изъ Россіи въ Австрію, купилъ въ Моравіи имѣніе Радолецъ, и уже тамъ получилъ титулъ австрійскаго графа. Умеръ онъ въ 1838 г., и представителемъ этой австрійской линіи Разумовскихъ въ настоящую пору является упомянутый выше графъ Камиллъ, родившійся въ 1852 году.

Интересъ къ Галиціи со стороны зап.-европ. публицистовъ.

1) Извѣстный талантливый датскій критикъ *Брандесъ* пріѣзжалъ въ половинѣ ноября во Львовъ, приглашенный поляками на торжественное открытіе памятника Яну Собѣсскому. Поляки пригласили его за то, что онъ написалъ годъ тому назадъ книжку о Польшѣ, о Галиціи, гдѣ весьма симпатично говоритъ о полякахъ и высказываетъ полнѣйшее невѣдѣніе о существованіи въ Австріи русиновъ, (по его мнѣнію, Галиція вся населена польскимъ народомъ, который распѣваетъ польскія пѣсни и т. д.). Явившись во Львовъ и поживъ нѣкоторое время въ немъ, онъ «открылъ» злополучныхъ русиновъ и заинтересовался ими. Желая узнать о взглядахъ Брандеса на послѣднихъ, нѣсколько передовыхъ галицко-русскихъ дѣятелей обратились къ нему и пригласили его къ себѣ на собраніе. Брандесъ съ охотой согласился, но, на другой день имъ было прислано письмо, въ которомъ онъ глубоко извиняется за неисполненіе даннаго слова и беретъ его обратно, потому что онъ узналъ отъ поляковъ, что русины и поляки—двѣ враждебныя стороны, и онъ, будучи гостемъ послѣднихъ, не желаетъ ихъ оскорбить.

(Буковина, 136).

—

2) *André Cheradam*, французскій публицистъ изъ Парижа, пробылъ значительное время во Львовѣ съ цѣлью собрать матеріалъ для обширной публицистической статьи о Русинахъ. Между прочимъ

онъ дважды посѣтилъ посла Барвинскаго и въ продолжительной бесѣдѣ съ нимъ старался ознакомиться съ русинскимъ вопросомъ, при чемъ получилъ при этомъ богатыя записки и матеріалы, а также указанія, гдѣ и какимъ образомъ могъ бы получить дальнѣйшіе матеріалы.

(Буковина, № 109).

—

3) Нѣмецкій журналъ «Die Gesellshaft, halbmonatschriftf ür Litteratur, Kunst und Socialpolitik», № 20, помѣстилъ среди другихъ статей—три посвященныхъ *малорусской* литературѣ. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляетъ статья *Осипа Маковея*, Zur Wiedergeburt der Kleinrussischen Litteratur, съ содержаніемъ которой считаемъ не безъинтереснымъ познакомить читателей. Авторъ прежде всего отмѣчаетъ тотъ печальный фактъ, котораго, къ сожалѣнію, нельзя не признать, что, несмотря на свою давнюю исторію и культуру, 30 милліонный народъ малорусскій *менѣе извѣстенъ въ Европѣ, чѣмъ какое-нибудь дикое Африканское племя*. Объясняется это тѣмъ взглядомъ на опредѣленіе народности вообще, который, вмѣсто признанія природныхъ этнографическихъ границъ для опредѣленія націй, ставитъ на ихъ мѣсто границы гусударственныя. Представивъ въ общихъ чертахъ тяжелое положеніе украинскаго народа, разбитаго на нѣсколько частей и страдающаго, помимо прочаго, и отъ собственныхъ ренегатовъ, авторъ переходитъ къ указанію на практическіе результаты столѣтняго существованія украинской литературы. Перечисливъ болѣе выдающихся дѣятелей родной земли отъ Котляревскаго и до нашихъ дней, авторъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «малорусской литературы въ Европѣ теперь не знаютъ, но настанетъ еще время, когда ее «откроютъ» и убѣдятся, что она заслуживаетъ по крайней мѣрѣ столько же вниманія, какъ и молодое поколѣніе талантливыхъ норвежскихъ писателей... Настанетъ вѣдь время, когда малорусская нація заявитъ о себѣ въ Украинѣ».

Статья эта, съ такимъ сочувствіемъ говорящая о нашемъ словѣ и помѣщенная въ широкораспространенномъ нѣмецкомъ литературномъ органѣ,—вполнѣ, надо полагать, исполнитъ свою задачу, за что, главнымъ образомъ, слѣдуетъ принесть заслуженную благодарность почтенному ея автору.

Въ томъ же № помѣщенъ переводъ весьма поэтичнаго разсказа Ольги Кобилянськоі «Eine Schlacht» (Битва), а также, въ от-

дѣлѣ критики, небольшая статейка Georg'a Adama—Kleinrussische Liter., являющаяся собственно весьма симпатичной рецензіей на 4 книжку «Літературно-Наукового Вістника».

„Русини з початком XX століття“.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ № 229 «Руслана» статья, въ которой предлагается программа такой книги, которая могла бы дать читателю: «полное и всестороннее понятіе о современной жизни всей націи малорусской и представляла бы степень ея культурности». Идея книги—«єдність інтересів цілої україньско русскої нациї від Карпатів до Кавказа». Содержаніе книги, раздѣленное на XX главъ, имѣетъ быть слѣдующее: географическій очеркъ, антропологическій, политическое положеніе, церковное устройство и религіозная жизнь, финансы, промышленность и торговля, рабочіе, сельское хозяйство и населеніе, національное движеніе, общественная жизнь, пресса, низшее народное образованіе, среднее и высшее образованіе, наука, литература, театръ, музыка, живопись, архитектура и скульптура, колоніи малороссовъ. Къ участію въ составленіи этой книги приглашаются всѣ, кто сочувствуетъ задуманному дѣлу. Изданіе предполагается иллюстрированное и должно выйти въ свѣтъ въ концѣ 1899 г., сначала въ Австріи, на малорусскомъ языкѣ, а затѣмъ въ переводѣ на русскій. Матеріалы, рисунки, фотографіи и въ особенности фотографіи американскихъ и сибирскихъ малор. колоній—просятъ присылать не позже 1 іюля 1899 г. Кто беретъ на себя ту или иную главу, просятъ извѣстить объ этомъ редакцію. По дѣламъ редакціи просятъ обращаться по адресу: Кіевъ, Софійская, 8, Н. Михновскому.

Подольскій народный катихизисъ.

Редакціей «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» напечатанъ въ №№ 45, 46, и 48 опытъ *Народнаго Катихизиса*, который имѣетъ цѣлью «пособить духовенству, какъ народнымъ учителямъ и руководителямъ, въ выясненіи основныхъ истинъ о русской народности, вѣрѣ православной и исторіи подольскаго края, знаніе чего необходимо мѣстному населенію въ виду близкаго сосѣдства съ иновѣрцами и инородцами». Самъ по себѣ этотъ катихизисъ весьма инте-

ресенъ; въ особенности такіе пункты, какъ опредѣленіе русской народности, отечества, времени появленія христіанства въ Подоліи, исторія подольской земли. Что касается его исполненія,—то отвѣты на поставленные вопросы почти всегда удовлетворительны; встрѣчаются, правда, нѣкоторыя удивительныя вещи, какъ напр. такое опредѣленіе понятія «славянина»: славяниномъ называется всякій, кто *говоритъ* языкомъ похожимъ на тотъ славянскій языкъ, на которомъ у насъ въ церкви совершается богослуженіе». Впрочемъ такіе перлы встрѣчаются въ весьма незначительномъ количествѣ. Вообще «катихизисъ» этотъ надо признать весьма полезнымъ средствомъ въ цѣляхъ ознакомленія народа съ прошлымъ, да и невѣдомымъ ему настоящимъ.

Первая выставка малорусскаго искусства.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ во Львовѣ, въ залахъ общества «Сокіл», происходила первая выставка картинъ художниковъ-русиновъ. Участіе приняло въ ней всего лишь 7 художниковъ. Наибольшій успѣхъ имѣли работы Івана Труша, ученика Крак. Акад. Наукъ,—главнымъ образомъ портреты и пейзажи, напр. «Поле по жнивах», «Гірскій водопад», «Сад в маю». Хорошей техникой и талантливымъ исполненіемъ выдавались картины Ал. Скрутика,—напр. «Двое дітий в полю» и портретъ старой гуцулки. Обращала на себя вниманіе картина Корнила Устіяновича,—«Шевченко на вигнаню». Томасевичъ выставилъ копію извѣстной Рѣпинской картины «Отвѣтъ запорожцевъ Султану». Остальные художники представили главнымъ образомъ произведенія на религіозно-церковные темы и сюжеты.

Вообще выставка эта невелика и какъ сумма работы, произведенной на нивѣ изобразительнаго искусства, является не въ очень то розовомъ свѣтѣ,—«але початок зроблений. Може будучність принесе нам щось ліпшого на тім полі».

(Буковина, ч. 129).

Малорусскія пьесы у нѣмцевъ.

Малорусскія народныя пѣсни «Ой за гаемъ, гаемъ,—гаемъ зелененькымъ», «Дивка въ синяхъ стояла, на козака моргала»,—по-

мѣстилъ въ довольно удачномъ, по словамъ «Руслана» (№ 234), переводѣ Otton Hauser въ № 20 газеты «Aus fremdem Zungen». Первый куплетъ первой пѣсни такъ переведенъ:

Auf dem grünem Felde,
Pflügt'ein Mädchen Wacker,
Pflügte dort mit schwarzen Ochsen
Pflügte stets den Acker».

Начало второй пѣсни въ переводѣ звучитъ такъ:

Stand das Mädchen vor dem Haus,
Winkte, rief ins Feld hinaus;
Lass, kȯzak, das Zaudern!
Lass uns küssen, plaudern!
Komm doch, mein Herr!

Переводчикъ придерживается ритмическаго строя пѣсенъ, такъ что эти переводы можно пѣть согласно малорусской аріи. По замѣчанію редакціи «Руслана» и здѣсь проявляется (подчеркнутая такъ рѣзко Шевченкомъ) традиція «науки од німця»: «ми все ждемо, аж німець сам випередить нас и покаже нам, що у насъ е замитного и цикавого».

Südrussische Parallelen zu Doctor Allwissend.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣстилъ извѣстный фольклористъ Ю. А. Яворскій въ Zeitschrift füz österreichische Volkskunde, вып. IX—X, 250—255 стр. интересную статью изъ области южно-русской литературы. Въ этой статьѣ авторъ приводитъ нѣсколько вновь записанныхъ варіантовъ извѣстной басни «о всезнайкѣ», а также пополняетъ новыми библіографическими данными богатую литературу о немъ, собранную и сведенную Бенфеемъ, Косвеномъ и Поливкою. (Галичанинъ, № 273)

Нѣкоторыя ститистич. данныя о Галиціи.

Населеніе въ Австріи располагается въ такомъ порядкѣ: поляковъ—4 милліона (15,8%), русиновъ—3,200,000 (13%); нѣмцевъ—9,100,000 (36%). По вѣроисповѣданію: р.-катол.—20 милліон. (79%), греко-котолич.—2,760,000 (11%), евреевъ—1,340,000 (5%). Всего

населенія числится 25 милліоновъ и въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ возросло на $34\%_0$=8 милл. Бюджетъ доходовъ и расходовъ въ Австріи въ теченіе этого времени тоже повысился въ нѣсколько разъ. Въ 1848 г. (безъ Венгріи) доходилъ онъ до 150 милл., нынѣ же—720 м. Прямыхъ налоговъ въ Галиціи на душу приходится 1 зл. р. (гульд.) 96 кр. въ годъ, во всей же остальной Австріи приходится по 4 зл. 85 кр. Данныя эти взяты изъ графической статистической таблицы, изданной вѣнскимъ «Fremdenblatt» по поводу юбилея австр. императора. (Kraj, № 49).

Крупное пожертвованіе на малорусскій Университетъ.

Kraj, № 48, сообщаетъ, что «какой-то русинъ (малороссъ) пожертвовалъ 40 тысячъ злот. рейнск. на основаніе малорусскаго университета. Для этого, «Наукове Товариство ім. Шевченка» купило домъ во Львовѣ на ул. Чарнецкаго за 120 тыс. злот. рен., заплативъ сразу 41 тысячу».

„Прекращеніе галицкаго изданія Дзвинок."

Украинское педагогическое общество во Львовѣ рѣшило съ 1899 года прекратить изданіе дѣтскаго журнала «Дзвинок», вслѣдствіе недостаточнаго количества подписчиковъ на изданіе, а вмѣсто него рѣшило издавать книжечки для дѣтей съ малорусскими и другими сказками. (Літер.-Науков. Вістник, томъ IV, кн. II.)

Новый трудъ по исторіи Украины-Руси.

Во Львовѣ на дняхъ вышелъ I-й томъ «Исторіи Украіни-Руси,— напис. М. Грушевський. До початку XI віку. У Львові, 1898, стр. 496, in 8°, ціна 2 зл. р. (4 франка). Авторъ задумалъ издать полную научно-составленную исторію укр.-русскаго народа, которая обнимала бы все время его историческаго развитія. Этотъ томъ является началомъ этой исторіи; авторъ старался, не поступаясь научностью своей работы, сдѣлать ее доступною и для болѣе широкой публики.
(Літ.-Науков. Вістник. т. IV, кн. III).

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Отъ редакціи.

Съ настоящей книжки мы открываемъ на страницахъ «Кіевской Старины» новый небольшой отдѣлъ, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, въ которомъ будутъ помѣщаться въ сжатомъ видѣ различнаго рода свѣдѣнія, касающіяся южно-русскихъ древностей и старины. Такого рода свѣдѣнія, если и попадаются въ печати, то, будучи разбросаны, затрудняютъ возможность слѣдить за ними. Группировать ихъ во-едино и, такимъ образомъ, облегчать лицамъ, интересующимся памятниками старины нашего края, трудъ по собиранію такихъ свѣдѣній и будетъ задачей «Археологической лѣтописи». Въ этотъ отдѣлъ войдутъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, случайныхъ находкахъ древностей, о музеяхъ и частныхъ собраніяхъ, краткія библіографическія указанія и т. п. Для достиженія возможной полноты «Лѣтописи», редакція «Кіевской Старины» обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ, сочувствующимъ дѣлу изученія мѣстныхъ древностей не отказать въ присылкѣ такого рода свѣдѣній [1]).

---

[1]) Сообщенія просятъ присылать по адресу Редакціи для Н. Ф. Бѣляшевскаго, которому поручено завѣдываніе этимъ отдѣломъ.

Къ Археологическому съѣзду въ Кіевѣ.

Дѣятельность Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI Археологическаго съѣзда. Въ Кіевской Старинѣ *) были напечатаны протоколы 1-го и 2-го засѣданій (20 іюня и 5 октября 1897 г.) Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета; въ настоящей замѣткѣ мы постараемся дать краткій очеркъ того, что было сдѣлано Отдѣленіемъ въ послѣдующее время—по конецъ 1898 г. За это время состоялось еще 7 засѣданій Отдѣленія, на которыхъ обсуждались и рѣшались различные вопросы, касающіеся какъ подготовительныхъ работъ къ съѣзду, такъ и самого съѣзда. Начнемъ съ первыхъ. На лѣто 1898 г. были намѣчены археологическія экскурсіи для изученія различныхъ памятниковъ старины, главнымъ образомъ на Волыни. Предсѣдатель отдѣленія *проф. В. Б. Антоновичъ* предполагалъ произвести археологич. раскопки на Волыни съ цѣлью опредѣлить сѣверную границу скиѳскихъ поселеній въ странѣ; въ этихъ видахъ проф. Антоновичъ предполагалъ изслѣдовать интересный въ указанномъ отношеніи курганъ близъ м. Берестечка, дубенск. уѣзда, и предпринять экскурсіи въ окрестности гг. Кременца и Старо-Константинова (гдѣ, по сообщеніямъ корреспондентовъ, находятся мегалитическіе памятники), а равно и въ ковельскій уѣздъ, гдѣ, какъ сообщаютъ, обнаружены остатки свайныхъ построекъ на озерѣ; предполагалось также изслѣдованіе могильника у м. Шумска, на территоріи с. Брыкова, гдѣ находится огромное городище съ обширнымъ могильникомъ близъ него. *Е. Н. Мельникъ* предложила произвести археолог. раскопки въ Ровенскомъ, Луцкомъ, Острожскомъ и друг. уѣздахъ Волынской губ. (между проч. г-жей Мельникъ былъ намѣченъ для раскопки огромный курганъ, находящійся въ предмѣстьи г. Луцка). *Н. Ф. Бѣляшевскій* предложилъ произвести археологич. изслѣдованія и раскопки по обоимъ берегамъ Западнаго Буга въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Люблинской и Волынской. *М. П. Истоминъ* предполагалъ отправиться на Волынь съ цѣлью осмотрѣть и описать сохранившуюся тамъ старинную церковную живопись и архитектуру. *И. М. Каманинъ* предложилъ совершить экскурсію на Волынь и Подолію для осмотра и описанія

*) Октябрь и ноябрь 1897 г.

частныхъ архивовъ и вообще собраній старинныхъ рукописей и гравюръ, а равно для собиранія свѣдѣній, касающихся палеографіи; *проф. П. А. Лашкаревъ* предложилъ осмотрѣть и описать церковныя древности гг. Чернигова, Новгородъ-Сѣверска и Острога. *Н. В. Молчановскій* и *О. И. Левицкій* предложили осмотрѣть древности въ Подольской губ. Предполагалась еще одна экскурсія—*Н. П. Василенка* въ Полтавскую губ. для осмотра архивовъ, но, по неимѣнію средствъ, отъ нея пришлось отказаться. Какъ видимъ, экскурсій на лѣто 1898 г. предполагалось гораздо больше, чѣмъ въ предыдущее лѣто; заручившись денежнымъ пособіемъ отъ Предварительнаго Комитета и согласіемъ мѣстныхъ начальствъ содѣйствовать намѣченнымъ изслѣдованіямъ, экскурсанты и совершили поѣздки и, если, по различнымъ обстоятельствамъ, не все изъ предполагавшагося было сдѣлано, то во всякомъ случаѣ сдѣлано было довольно много. О результатахъ этихъ экскурсій мы постараемся дать краткіе отчеты въ слѣдующей книжкѣ.

Въ связи съ археологическими изслѣдованіями, Отдѣленіемъ была выработана довольно пространная «Программа для собиранія свѣдѣній о древностяхъ»; «Программа» эта была отпечатана въ количествѣ 2000 экземпляровъ и разослана лицамъ, интересующимся древностями, священникамъ и учителямъ сельскихъ школъ (между прочимъ и въ Холмскую Русь); отвѣты на вопросы «Программы» уже поступаютъ, но, къ сожалѣнію, поступаютъ очень туго—мало еще у насъ развитъ интересъ къ памятникамъ прошлаго.

Какъ извѣстно, при съѣздѣ предположено устроить археологическую выставку, и вопросъ о выставкѣ занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ дѣятельности Отдѣленія. Кромѣ древностей, имѣющихся въ кіевскихъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, Отдѣленіе старалось привлечь къ участію въ выставкѣ и многочисленныя провинціальныя собранія, разбросанныя главнымъ образомъ въ юго-западномъ краѣ. Выставка будетъ состоять изъ слѣдующихъ 6-ти отдѣловъ: 1) первобытныхъ древностей—завѣдующій этимъ отдѣломъ проф. В. Б. Антоновичъ, 2) церковныхъ древностей—завѣдующій проф. Н. И. Петровъ, 3) историческихъ древностей—завѣдующій проф. В. З. Завитневичъ, 4) книгъ, рукописей и гравюръ—завѣдующій И. М. Каманинъ, 5) древнихъ географическихъ картъ и плановъ—завѣдующій В. А. Кордтъ, 6) классическигъ древностей—завѣдующій проф. Ю. А. Кулаковскій. Первоначально предполагалось

размѣстить предметы выставки въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: древности первобытныя, классическія и историческія—въ Музеѣ Кіевскаго Общества Любителей Древностей и Искусствъ, если тако-вой будетъ готовъ къ съѣзду; судя по быстротѣ, съ какой производится постройка музея, можно надѣяться, что это намѣреніе осуществится; древности церковныя—въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіевской Духовной Академіи; книги, рукописи и гравюры—въ помѣщеніи Кіевскаго Центральнаго Архива; географическія карты, планы и чертежи—въ одной изъ залъ университетской библіотеки. Впослѣдствіи, въ виду отказа Церковно-Археологическаго Общества передать изъ Церковно-Археолог. Музея на выставку нѣкоторые предметы изъ числа первобытныхъ древностей, Отдѣленіе постановило не передавать въ свою очередь церковныхъ древностей, могущихъ поступить на выставку въ Церковно-Археолог. Музей, а оставить ихъ при общей выставкѣ и поручить завѣдываніе этимъ отдѣломъ выставки проф. Лашкареву и Дмитріевскому. Вышеприведенное обстоятельство внесло нѣкоторый разладъ въ дѣятельность двухъ учрежденій, имѣющихъ задачей однѣ и тѣ-же цѣли, но въ общемъ, обстоятельство это существеннаго вліянія на ходъ дѣла имѣть не можетъ. Необходимая принадлежность каждой выставки, а въ особенности такой, какъ археологическая—умѣло составленный каталогъ выставки; отдѣленіе всесторонне обсуждало этотъ вопросъ и рѣшило составить каталогъ (къ сожалѣнію, безъ иллюстрацій—это обошлось-бы слишкомъ дорого); что-же касается системы, то предметы будутъ описаны по отдѣламъ, на которые распадается выставка, и при томъ каждая изъ коллекцій, имѣющихъ поступить на выставку отъ различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, будетъ описана отдѣльно. Составленіе каталога поручено отчасти лицамъ, завѣдующимъ отдѣлами, отчасти спеціалистамъ, приглашеннымъ для этой цѣли; составленіе каталога уже настолько подвинулось впередъ, что въ настоящее время рукопись каталога занимаетъ объемъ 10-ти печатныхъ листовъ, и на очереди вопросъ о печатаніи каталога.

Помимо вышеперечисленнаго, Отдѣленію пришлось заниматься и рѣшать много другихъ, болѣе мелкихъ вопросовъ, связанныхъ со съѣздомъ. Наряду съ Московскимъ Комитетомъ, Отдѣленіе заботилось о приглашеніи на съѣзды представителей различныхъ заграничныхъ ученыхъ учрежденій и ученыхъ, главнымъ образомъ изъ славянскихъ земель, такъ что если даже на съѣздъ явится и половина

приглашенныхъ, то онъ превзойдетъ въ этомъ отношеніи всѣ предшествовавшіе съѣзды. Поступили также въ Отдѣленіе новые вопросы и запросы, предлагаемые на обсужденіе будущаго съѣзда. Упомянемъ здѣсь о цѣломъ рядѣ вопросовъ и запросовъ, представленныхъ редакціей «Кіевской Старины»; они относятся къ Лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII в.в. и касаются формъ землевладѣнія, ремеслъ, рабочей платы, крестьянскихъ повинностей, цеховъ, цеховой организаціи, торговли, формъ ссудъ, выборнаго начала, войсковой старшины, крестьянскихъ волненій, родового выкупа, архива генеральнаго суда—это все вопросы, на которые предложившіе ихъ, именно И. В. Лучицкій и В. А. Мякотинъ, дадутъ отвѣтъ въ видѣ рефератовъ. Кромѣ того, В. П. Науменко дастъ отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ—«Предшественники Энеиды» Котляревскаго въ малороссійской литературѣ XVIII вѣка, а П. В. Голубовскимъ, А. М. Лазаревскимъ, А. В. Стороженкомъ и Е. А. Кивлицкимъ будетъ составлена историческая карта Лѣвобережной Украины. Довольно многочисленны и запросы, отвѣты на которые желательно получить на съѣздѣ; въ виду интереса, какой они представляютъ, приводимъ ихъ цѣликомъ: 1) Типы монастырскаго и владѣльческаго хозяйства въ Лѣвобер. Украинѣ; 2) типы козачьяго хозяйства въ Лѣвобер. Укр.; 3) типы посполитскаго хозяйства въ Лѣвоб. Укр.; 4) Размѣры и характеръ скотоводства въ Лѣвоб. Укр. XVII—XVIII вв.; 5) Добывающая и обработывающая промышл. въ Лѣвоб. Укр. XVII и XVIII вв. (руды, буды и т. п.). Развитіе фабричнаго дѣла въ Малороссіи XVIII в.; 6) Городское хозяйство XVIII в.; 7) Писанные законы, употреблявшіеся въ малорусскихъ судахъ XVII и XVIII вв. 8) Ревизіи, переписи населенія въ Малороссіи XVIII в. въ связи съ вопросомъ, кому принадлежали инціатива и планъ Румянцевской описи; 9) Оцѣнка цифровыхъ данныхъ Румянц. описи; 10) На основаніи какихъ источниковъ написана Румянцевская записка о непорядкахъ въ Малороссіи? 11) Малорусская Генеральная Рада XVII в.; 12) Рада старшинъ при гетманахъ XVII в.; 13) Генеральная войсковая, полковая и сотенная старшина; ея составъ и происхожденіе; 14) Шляхты и шляхетское землевладѣніе въ Малороссіи въ первое время послѣ присоединенія ея къ Россіи; 15) Составъ малорусскаго прихода въ XVII и XVIII вв. въ Лѣвоб. Украинѣ. Отмѣтимъ еще вопросы П. В. Голубовскаго 1) Съ какого времени существовалъ въ Россіи способъ защиты «таборомъ»; 2) О необходимости археологическихъ изысканій въ г. Чер-

ниговѣ; 3) Положеніе вѣча послѣ нашествія татаръ; и его-же запросъ—нѣтъ-ли связи между каменными бабами и изображеніемъ идоловъ, находимыхъ въ курганахъ? Отдѣленіемъ получены также свѣдѣнія, что свящ. Евф. Сѣцинскій намѣренъ изготовить къ съѣзду археологическую карту Подольской губерніи, а А. Н. Половцовъ изготовляетъ докладъ «О Юрьевской Божницѣ» (возлѣ г. Остра, Черниговск. г.).

Занималось Отдѣленіе и вопросами хозяйственнаго характера, такъ напр.: оно обратилось съ просьбой къ Попечителю Кіевск. Учебнаго Округа о предоставленіи въ распоряженіе Хозяйственнаго Комитета на время съѣзда для размѣщенія пріѣзжихъ членовъ зданія нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеній, и просьба эта уважена г. Попечителемъ. Для удобства пріѣзжихъ иностранныхъ гостей Отдѣленіе, по предложенію В. С. Иконникова, рѣшило издать краткое описаніе Кіева на французскомъ языкѣ. Въ настоящее время Отдѣленіемъ рѣшенъ уже вопросъ и о поѣздкахъ и раскопкахъ во время предстоящаго Съѣзда; изъ трехъ, намѣченныхъ раньше, болѣе или менѣе продолжительныхъ экскурсій—1) Въ г. Луцкъ; 2) Въ Кременецъ, Почаевскую Лавру, г. Дубно и г. Острогъ, 3) По р. Днѣпру—рѣшено избрать поѣздку по р. Днѣпру и его берегамъ въ такомъ направленіи: Кіевъ—Триполье—Переяславъ—Черкассы—Корсунь—Бѣлая Церковь—Кіевъ; Сверхъ того, рѣшено устроить двѣ небольшихъ экскурсіи: 1) въ Китаевскую Пустынь и 2) въ Вышгородъ и Межигорье.

Н. Б.

—

— Проф. В. Б. Антоновичемъ, взявшимъ на себя трудъ составленія къ предстоящему Археологическому Съѣзду археологической карты Волынской губ., въ настоящее время собранъ уже обширный матеріалъ для карты; матеріалъ распредѣленъ по уѣздамъ, и въ каждомъ уѣздѣ—по тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ находятся памятники старины, производились раскопки или обнаружены случайныя находки древностей. Матеріалъ этотъ проф. Антоновичъ черпалъ какъ изъ печатныхъ источниковъ, такъ и изъ рукописныхъ замѣтокъ и корреспонденцій, доставленныхъ разными лицами. Имѣющійся рукописный матеріалъ, по изготовленіи карты, предназначенъ проф. Антоновичемъ для Городецкаго Музея Волынской губерніи.

—

— Кіевскимъ городскимъ головой получено отъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества письмо слѣдующаго содержанія: «Какъ извѣстно, Имп. моск. арх. об. устраиваетъ съ Высочайшаго соизволенія въ г. Кіевѣ въ августѣ 1899 г. XI археологическій съѣздъ для Кіева не незнакомый, ибо III археологич. съѣздъ былъ также въ Кіевѣ въ 1874 г. Какъ этотъ съѣздъ, такъ и всѣ остальные девять всегда находили радушный пріемъ со стороны городскихъ управленій С.-Петербурга, Москвы, Кіева, Казани, Одессы, Тифлиса, Ярославля, Вильно, Риги, и это выражалось главнымъ образомъ въ устройствѣ безплатныхъ помѣщеній для членовъ съѣзда, конечно по мѣрѣ возможности, и въ организаціи какого либо пріема или праздника при открытіи съѣзда. Имѣя въ виду, что XI съѣздъ будетъ особенно богатъ гостями не только русскими, но въ особенности изъ славянскихъ земель и что древній Кіевъ является лучшимъ представителемъ древней Руси—широко гостепріимной, Императорское археологическое общество надѣется, что Кіевъ и на этотъ разъ проявитъ къ членамъ съѣзда свое радушіе». Письмо это внесено въ городскую финансовую комиссію.

„Ж. и И.“.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки въ г. Кіевѣ на Кирилловской ул. Осенью 1898 г. В. В. Хвойка продолжалъ изслѣдованія замѣчательной стоянки палеолитической эпохи, открытой на Кирилловской ул. Изслѣдованія производились въ усадьбахъ Зайцева (прежде Зивала) и Багрѣева. Въ первой культурный непрерывный слой, отличавшійся мощностью, залегалъ на глубинѣ 25-ти аршинъ, на поверхности третичныхъ отложеній; надъ нимъ находился слой валуновъ и лессовыхъ отложеній; культурный слой заключалъ въ себѣ массу обугленныхъ и разбитыхъ костей мамонта и другихъ современныхъ ему животныхъ, обугленное дерево и сравнительно очень незначительное количество осколковъ кремневыхъ орудій. Въ усадьбѣ Багрѣева, лежащей по другую сторону холма, у основы котораго была сдѣлана первая находка, культурный слой обнаруженъ на глубинѣ 16-ти аршинъ, ниже суглинка, между сѣрыми песками; залегалъ онъ не сплошнымъ пластомъ, а гнѣздообразно (б. м. это мѣста первобытныхъ жилищъ); костей мамонта здѣсь не было встрѣчено, найдены зубы пещернаго медвѣдя

и кости менѣе крупныхъ животныхъ; обнаружена здѣсь масса отбивныхъ кремневыхъ орудій, которыя можно уже подраздѣлить на нѣсколько типовъ; вмѣстѣ съ орудіями найдены осколки кремней, ядрища и куски кремня, приготовленные, повидимому, для выдѣлки орудій,—всѣ эти находки указываютъ на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со стоянкой-мастерской палеолитической эпохи. Въ верхнихъ слояхъ Холма, какъ и при прежнихъ изслѣдованіяхъ, открыты землянки, относящіяся къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка. М.

—

Раскопки у м. Триполья, Кіевск. у. У м. Триполья и между сс. Халепьемъ и Веремьемъ уже раньше обнаружены В. В. Хвойкой очень интересные остатки культуры, на которую впервые, благодаря раскопкамъ въ данной мѣстности, было обращено серьезное вниманіе. Культура эта, еще не вполнѣ опредѣленная, относится къ концу каменнаго вѣка и началу металлическаго; здѣсь, на площадкахъ изъ пережженной глины, служившихъ б. м. основаніемъ жилищъ, найдено громадное количество цѣлыхъ и разбитыхъ сосудовъ разнообразной формы, покрытыхъ своеобразнымъ росписнымъ и рельефнымъ орнаментомъ, очень интересныя глиняныя фигурки людей и животныхъ, кремневыя и полированныя каменныя орудія и наконецъ орудія изъ чистой мѣди. Нѣкоторые изъ обнаруженныхъ здѣсь предметовъ имѣютъ сходство съ кипрскими и финикійскими, и вообще здѣсь чувствуется вліяніе Востока. Несомнѣнно, что находка эта составитъ эпоху въ археологіи южной Россіи. Лѣтомъ 1898 г. г. Хвойка, съ обычной энергіей, продолжалъ свои изслѣдованія въ этой мѣстности. Изъ болѣе интересныхъ находокъ отмѣтимъ открытіе довольно большого помѣщенія, съ остатками глинобитныхъ стѣнъ, въ которое вели три ступеньки; посрединѣ этого помѣщенія, на площадкѣ, среди сосудовъ, обломковъ ихъ и золы, найденъ слой обуглившейся и благодаря этому прекрасно сохранившейся пшеницы, не принадлежащей ни къ одному изъ существующихъ видовъ; въ другомъ помѣщеніи найдены также обуглившіяся зерна, еще пока неопредѣленныя. Отмѣтимъ также находку сосуда, наполненнаго различными кремневыми орудіями. Во время этихъ раскопокъ былъ вскрытъ и курганъ, расположенный въ мѣстности, занятой вышеуказанными площадками. При раскопкѣ кургана, въ основаніи его, обна-

ружена площадка изъ обожженой глины—одинаковаго характера съ раньше обнаруженными; въ площадкѣ оказалась яма, въ которой лежалъ скелетъ съ окрашенными костями. Курганы съ окрашенными скелетами встрѣчаются часто на югѣ, заходятъ они даже въ Крымъ; предметы, которые находятъ въ такихъ курганахъ, относятся къ каменному вѣку и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—къ переходной эпохѣ, къ металлическому; въ такихъ курганахъ иногда встрѣчаются мѣдныя кованныя орудія; раскопка кургана у м. Триполья, какъ единичная, еще не даетъ твердыхъ основаній къ пріурочиванію кургановъ съ окрашенными костяками, а слѣдовательно и населенія, оставившаго эти курганы, къ культурѣ, открытой у м. Триполья, но все таки мы имѣемъ исходную точку для сближеній; болѣе тщательное изслѣдованіе культуры кургановъ съ окрашенными костями, кстати сказать, не пользовавшейся до сихъ поръ особымъ вниманіемъ ученыхъ, можетъ повести къ болѣе точнымъ и несомнѣнно очень интереснымъ выводамъ.

Н. Б.

—

Раскопки у с. Пастерскаго, Чигиринск. у., Кіевск. г. По приглашенію владѣльца Пастерскаго имѣнія Б. И. Ханенка, В. В. Хвойка произвелъ лѣтомъ 1898 г. раскопку находящагося вблизи этого села городища и кургановъ. Городище, круглой формы, окружено валомъ и занимаетъ площадь въ 18 десят. Вышина вала—25—26 арш., ширина у основанія 19—22 арш., верхъ вала состоитъ частью изъ обожженной глины и камней; въ городище ведутъ 4 въѣзда. Протекающей здѣсь небольшой рѣченкой городище раздѣлено на двѣ части; въ одной изъ этихъ частей находится небольшое внутреннее укрѣпленіе, образуемое тремя концентрическими валами, концы которыхъ упираются въ главный валъ. Поверхность площади городища состоитъ изъ неправильной формы бугровъ; на нихъ и сосредоточивались раскопки, результатомъ которыхъ явилась возможность положительно отнести это городище къ т. н. скифской культурѣ; и на этотъ разъ археологія нашего края обязана г. Хвойкѣ еще однимъ важнымъ открытіемъ, т. к., если не ошибаемся, это первый случай открытія въ данной мѣстности несомнѣнно скифскаго городища. Раскопанные бугры заключали въ себѣ площадки обожженной глины (какъ полагаетъ г. Хвойка, б. м. это мѣсто погребеній съ сожженіями), и массу разбитыхъ амфоръ, греческихъ терракотъ, глиняныхъ сосудовъ т. н.

скифскаго типа; изъ другихъ предметовъ здѣсь встрѣтились: скифскіе желѣзные мечи, безчисленное множество желѣзныхъ ножей, два бронзовыхъ ножа, желѣзные наральники и лопатки, желѣзные серпы, масса бронзовыхъ стрѣлочекъ, стеклянныхъ бусъ, глиняныхъ грузилъ; тутъ-же находилась зола и много костей животныхъ: лошадей, воловъ, барановъ, кабановъ и оленей. Пастерское городище замѣчательно еще тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь раньше часто были находимы крестьянами цѣлые клады очень цѣнныхъ предметовъ другой эпохи—эпохи переселенія народовъ; какъ это часто бываетъ, большинство этихъ находокъ погибло безвозвратно; при раскопкахъ г. Хвойка, было найдено нѣсколько предметовъ и изъ этой эпохи, именно—кладъ, состоящій изъ серебряныхъ фибулъ, серегъ и браслетовъ; всего 12 штукъ. Изъ расположенныхъ возлѣ городища кургановъ было раскопано 14; они относятся къ той-же скифской эпохѣ и заключали въ себѣ погребенія 3-хъ типовъ: 1) погребеніе въ камерѣ или склепѣ, 2) погребеніе въ нишѣ, устроенной въ боку ямы и 3) погребеніе съ сожженіемъ. Почти всѣ курганы оказались разграбленными, и разграбленными въ близкое къ погребенію время; только въ одномъ случаѣ удалось раскопать курганъ съ нетронутымъ содержимымъ; курганъ заключалъ въ себѣ двѣ камеры съ мужскимъ и женскимъ скелетами; возлѣ мужского скелета были найдены кости 2-хъ барановъ, бронзовый шлемъ типичной греческой работы, три желѣзныхъ копья, желѣзный ножикъ, колчанъ съ бронзовыми стрѣлочками, 2 терракотовыхъ греческихъ сосуда, 2 амфоры съ греческими клеймами и электроновая чаша; кромѣ того, кругомъ всего скелета лежалъ рядъ бронзовыхъ стрѣлочекъ; въ ногахъ скелета обнаруженъ другой скелетъ въ поперечномъ положеніи—повидимому скелетъ раба; возлѣ женскаго скелета найдены: амфора, плита изъ особой массы, бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой, 2 бронзовыя шпильки, 2 золотыхъ серьги, 18 бляшекъ съ изображеніемъ оленя и краски. Раскопка разграбленныхъ кургановъ также дала очень цѣнныя находки, напр.: фрагменты расписной греческой вазы съ изображеніемъ похищенія Европы Зевсомъ—произведеніе лучшей эпохи греческаго искусства, панцырь изъ бронзовыхъ бляшекъ, золотыя штампованныя бляшки и тому подобное.

М. К.

Случайныя находки.

Въ усадьбѣ Кіево-Софійскаго собора, при выемкѣ земли для фундаментовъ уже въ настоящее время выстроеннаго громаднаго дома, была произведена находка, къ сожалѣнію потерянная для науки благодаря невниманію и безучастному отношенію тѣхъ, кому о семъ надлежало вѣдать. Передаемъ со словъ очевидца и компетентнаго лица нѣкоторыя обстоятельства дѣла. Лицо это посѣтило мѣсто постройки уже тогда, когда яма для фундамента была почти закончена; здѣсь, на довольно большой глубинѣ, были обнаружены остатки громаднаго кострища, большая часть котораго была уже вывезена; среди предметовъ, которые удалось извлечь изъ кострища, большой интересъ представляетъ бронзовый котелокъ или курильница; судя по патинѣ, покрывающей котелокъ, онъ долженъ быть отнесенъ къ глубокой древности; нѣкоторыя указанія на время происхожденія кострища могутъ дать куски перегорѣвшей парчи, въ большомъ количествѣ находившейся въ кострищѣ,—на нихъ ясно виденъ византійскій рисунокъ. Совѣстно становится за нашъ просвѣщенный Кіевъ,—находка эта произведена на архи-историческомъ мѣстѣ, гдѣ каждая пядь земли хранитъ въ себѣ остатки прошлаго: вѣдь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста (въ усадьбѣ Есикорскаго) не такъ давно еще былъ найденъ кладъ цѣнныхъ предметовъ великокняжеской эпохи; неужели такъ трудно было установить хотя какой-нибудь надзоръ при выемкѣ земли, удѣлить хотя немного вниманія тому, что не принадлежитъ къ числу земныхъ благъ міра сего.

М. К.

—

Городище „Княжа Гора“ (у с. Пекарей, Черкасск. у.) не перестаетъ быть источникомъ многочисленныхъ и зачастую очень интересныхъ находокъ. Городище это принадлежитъ въ настоящее время крестьянамъ, и нѣкоторые изъ нихъ создали себѣ изъ поисковъ на немъ древностей постоянный и очень доходный промыселъ. Наученные опытомъ крестьяне-искатели обходятся теперь безъ посредничества торговцевъ древностями, а собравъ партію предметовъ,—отвозятъ ихъ въ Кіевъ и продаютъ въ музей и частныя собранія. Въ теченіе минувшей осени въ Кіевъ было доставлено четыре партіи древностей,—между которыми, помимо массы болѣе обычныхъ предметовъ великокняжеской эпохи, были слѣдующіе, заслуживающіе

вниманія: небольшая рѣзная на сланцѣ иконка съ рельефнымъ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Николая, а на другой—четвероконечнаго креста (поступила въ собраніе древностей великокняжеской эпохи Н. П. Чернева); два цѣлыхъ мѣдныхъ креста—энколпіона, особенно интересенъ одинъ изъ нихъ: изображенія на немъ сдѣланы чернью, и крестъ былъ позолоченъ; нетронутой сохранилось внутреннее содержаніе креста; въ какой-то массѣ, наполняющей крестъ, видѣнъ небольшой кусочекъ дерева, уложеннаго въ массу (поступили въ собраніе В. В. Хвойки); изъ украшеній упомянемъ о небольшомъ кладѣ, состоявшемъ изъ 13-ти височныхъ серебряныхъ колецъ, и о золотой привѣскѣ въ формѣ геральдической лиліи—такая привѣска встрѣтилась первый разъ на Княжей Горѣ; раньше этотъ типъ извѣстенъ по кладу изъ усадьбы г. Лѣскова въ Кіевѣ (поступили въ собраніе Н. П. Чернева). Много находилось и желѣзныхъ предметовъ, типа, раньше извѣстнаго, и новаго (поступили въ собраніе Н. Ф. Бѣляшевскаго).

П. К.

—

Цѣнная находка въ Кіево-Печерской лаврѣ. 26-го ноября въ Кіево-Печерской лаврѣ обнаружена цѣнная находка при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ настоящее время производится капитальный ремонтъ соборной церкви Кіево-Печерской лавры. Между прочими передѣлками и измѣненіями, рѣшено въ указанной церкви замѣнить всѣ деревянные полы каменными плитками. Когда, съ этой цѣлью, на хорахъ сорвали деревянные полы, то оказалось, что довольно значительное пространство между полами и каменнымъ сводомъ заполнено разнаго рода мусоромъ и щебнемъ. Но такъ какъ мусоръ отъ времени сильно слегся и пріобрѣлъ значительную плотность, то его пришлось разбивать. 26 ноября, когда названныя работы по удаленію мусора производились въ лѣвомъ придѣлѣ во имя св. Θеодосія, одинъ изъ рабочихъ, отдѣляя щебень отъ стѣны, сильно ударилъ ломомъ. Ломъ коснулся чего то желѣзнаго, раздался довольно глухой звукъ, и ломъ ушелъ въ пустое пространство. Немедленно приступили къ очищенію этого мѣста отъ мусора, и глазамъ рабочихъ предстала слѣдующая картина. Въ стѣнѣ была довольно значительная ниша, отверстіе которой было закрыто незначительной толщины чугунной плитой, разбитой ломомъ. Когда приняли плиту, то въ нишѣ нашли деревянную кадушку, имѣющую видъ небольшого улья, емкостью около двухъ ведеръ. Вокругъ этой кадушки стояло 4 оловя-

ныхъ сосуда. Два изъ нихъ имѣютъ круглую форму, другіе два четыреугольную. Круглые сосуды вмѣщаютъ по полуведру каждый, четыреугольные—по ведру. Эти оловяные сосуды имѣютъ навинчивающіяся крышки съ ручками. Два изъ нихъ повреждены ударомъ лома.

Въ Лаврѣ и въ настоящее время существуютъ сосуды, подобные найденнымъ, но они уже рѣдки и остаются, какъ памятники старины.

Одинъ изъ круглыхъ сосудовъ заключалъ въ себѣ золотыя монеты, которыхъ было въ немъ $^{2}/_{3}$ всей емкости сосуда. Всѣ же остальные сосуды, а также и кадушка были до верху наполнены разнаго рода серебряными монетами. Золотыхъ монетъ было вѣсомъ 1 пудъ 26 ф., серебряныхъ до 20-ти пудовъ. Въ сосудахъ, кромѣ монетъ, были обнаружены также документы, отчасти испорченные временемъ. Большая часть изъ нихъ оказывается неимѣющей никакого историческаго значенія,—они изорваны и помяты и, по всей вѣроятности, были положены для того, чтобы прикрыть сокровища. Большій интересъ представляютъ найденные тамъ-же различные счеты и реестры; начинаются они 1631 г. и оканчиваются 1753 годомъ. При золотыхъ монетахъ найденъ документъ съ датой «1731 г. ноября 26»; по содержанію своему онъ представляетъ актъ генеральной ревизіи лаврскихъ сокровищъ, произведенной 26 ноября 1731 г. Въ немъ указаны размѣры лаврскихъ сокровищъ, констатированные ревизіей, затѣмъ говорится, что изъ нихъ взята сумма, необходимая на ремонтъ соборной церкви, пострадавшей послѣ пожара 1718 года, и на постройку нынѣшней лаврской колокольни; послѣ всего этого подведенъ итогъ остающимся суммамъ, которыя опредѣлены слѣдующимъ образомъ: „въ скобцѣ червонныхъ 1,100“ и въ остальныхъ сосудахъ „талеровъ 10,000“; внизу слѣдуютъ подписи архимандрита Романа Копы и трехъ лаврскихъ старцевъ. По этимъ документамъ можно прослѣдить исторію позаимствованій изъ этого казнохранилища на различныя нужды лавры; послѣдній разъ, именно въ 1753 году, было взято на нужды лавры „2000 червонныхъ“.

По поводу этой находки проф. Лашкаревъ обратился въ Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи съ запиской, въ которой указывалъ на научный интересъ найденныхъ сокровищъ. Вслѣдствіе этой записки Общество въ экстренномъ засѣданіи своемъ 2 декабря назначило особую комиссію изъ членовъ:

профессоровъ П. А. Лашкарева, Н. И. Петрова и В. З. Завитневича и чиновника А. Ф. Новицкаго, для научнаго опредѣленія находки. Комиссія собиралась 3, 8 и 9 декабря и нашла слѣдующее. Большинство монетъ—XVII в., меньше—XVI в. и изрѣдка попадаются XV вѣка, позднѣйшая монета—1702 года. Русскихъ монетъ весьма мало, но зато всѣ онѣ представляютъ большую рѣдкость, а именно: двѣ золотыя—Бориса Ѳеодоровича Годунова, двѣ золотыя—Алексѣя Михайловича, 1 золотая—Софіи Алексѣевны и Іоанна и Петра Алексѣевичей и 1 золотая въ 10 червонцевъ Петра Великаго 1702 года. Къ русскимъ же монетамъ нужно отнести 167 ефимковъ, т. е. западно-европейскихъ талеровъ съ московскимъ штемпелемъ XVII в. Польскія монеты, какъ серебряныя, такъ особенно золотыя, идутъ сплошнымъ рядомъ, начиная со Стефана Баторія и оканчивая Яномъ Собѣсскимъ. Между польскими золотыми есть массивныя донативы (Стефана Баторія и Сигизмунда III) и коронаціонные червонцы (2 Яна Казиміра). Единственную въ своемъ родѣ вещь представляетъ большая золотая медаль князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, съ портретомъ на одной сторонѣ и щитомъ съ его гербами на другой, а также латинскими надписями. Есть частные фамильные жетоны кн. Радзивилловъ и др. Много есть шведскихъ, датскихъ, трансильванскихъ и прусскихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, а также мелкихъ германскихъ княжествъ и городовъ, которыя болѣе или менѣе точно и подробно опредѣлены комиссіей. Менѣе важныя, съ точки зрѣнія русской нумизматики, монеты голландскія, австрійскія, венгерскія, венеціанскія и вообще итальянскіе, швейцарскія, испанскія, португальскія, французскія (англійскихъ нѣтъ ни одной) и турецко-татарскія, распредѣлены только по группамъ.

Среди этой массы монетъ нашлась одна, относящаяся къ другой эпохѣ—это собственно не монета, а большой золотой медальонъ императоровъ восточной римской имперіи Констанція и Константа.

Интересно, что объ этомъ казнохранилищѣ не сохранилось въ лаврѣ никакихъ преданій; вѣроятно оно было забыто во время чумы, свирѣпствовавшей въ Кіевѣ въ 1769—71 гг., когда лица, вѣдавшія казнохранилище, могли умереть отъ чумы или удалиться изъ Кіева.

Насъ интересуетъ судьба этой находки. Если соборъ лавры рѣшитъ ее продать, то очень желательно, чтобы были оставлены хотя нѣкоторые экземпляры, представляющіе историческій и нумизматическій интересъ, какъ напр., замѣчательная медаль Константина

Острожскаго и нѣкоторые изъ русскихъ и польскихъ монетъ; для нихъ имѣется уже и надлежащее мѣсто—Церковно-Археологическій Музей; намъ кажется, что отъ такого дара средства лавры не потерпятъ особеннаго ущерба.

Б.

Музеи и частныя собранія

Кіевскій музей. 2 декабря состоялось засѣданіе строительной комиссіи кіевскаго музея древностей и искусствъ для обсужденія вопроса объ исполненіи статей и барельефовъ, которыми будетъ украшенъ фасадъ зданія музея. Изъ многочисленныхъ гипсовыхъ проэктовъ, представленныхъ различными художниками, комиссія въ предъидущихъ засѣданіяхъ признала лучшими проэкты итальянскаго художника г. Sala, которымъ недавно исполнены барельефы для Ксеніевскаго института въ Петербургѣ.

Намъ пришлось видѣть проэкты г. Sala, одобренные къ исполненію. Парапетъ музея будетъ вѣнчать группа, состоящая изъ трехъ фигуръ: искусства, архитектуры и поэзіи. Искусство, громадная женская фигура, вышиною въ 4 съ половиною аршина, вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ двѣ другія женскія фигуры, живопись и архитектуру. Изъ многочисленныхъ варіантовъ группъ, представленныхъ для главнаго фронтова зданія, избрана аллегорическая группа, изображающая торжественное шествіе искусства. Искусство возсѣдаетъ на колесницѣ, запряженной разгоряченными конями; вокругъ шествуетъ толпа съ факелами, трепетниками и т. д. У главнаго входа въ музей, по обѣ стороны большой лѣстницы, будутъ помѣщаться два льва, колоссальныя фигуры длиною въ 7 и вышиною въ 4 съ половиною аршина.

Общество древностей и искусствъ приступило пока къ сооруженію частей зданія, обращеннаго фасадами къ европейской гостинницѣ и царскому саду. Часть зданія обращенная фасадомъ къ институту благородныхъ дѣвицъ, будетъ выстроена впослѣдствіи. Строющаяся часть зданія, возведенная въ настоящее время подъ крышу, будетъ заключать 20 залъ, по пяти въ каждомъ этажѣ. Изъ нихъ собственно для музея предназначается десять залъ, въ двухъ надземныхъ этажахъ зданія, въ двухъ же подземныхъ этажахъ будутъ помѣщаться

залъ общихъ собраній, библіотека, архивъ, залъ для публичныхъ лекцій и т. д.

Съ Царской площади зданіе музея будетъ производить впечатлѣніе капитальнаго одноэтажнаго зданія, возвышающагося на вершинѣ 13-ти аршинной скалы, созданной искусственно. Будетъ построена гранитная упорная стѣна, производящая впечатлѣніе скалы. Такимъ образомъ, главный входъ въ музей, съ расположенными по обѣ его стороны колоссальными львами, поднимается на высоту третьяго этажа домовъ Александровской улицы. Съ площади ведетъ къ входу широкая каменная лѣстница. Холмъ будетъ отдѣланъ двумя уступами, на первомъ изъ которыхъ будутъ разбиты клумбы и цвѣтники, на второмъ будетъ возвышаться зданіе.

Стоимость сооруженія, которое, несомнѣнно, явится однимъ изъ лучшихъ украшеній Кіева, исчислено въ 400.000 руб.; стоимость же части, сооружаемой теперь, вмѣстѣ съ упорною стѣною, цвѣтниками, канделябрами у входа и желѣзною рѣшеткою, исчисляется въ 215.000 руб. Въ распоряженіи общества древностей и искусствъ, которому Кіевъ будетъ обязанъ этимъ прекраснымъ зданіемъ, имѣется около 200.000 р. Въ части зданія, обращенной фасадомъ къ институту благородныхъ дѣвицъ, предполагается помѣстить художественно промышленную школу, учрежденіе которой проектируется. Общество надѣется исходатайствовать себѣ правительственную субсидію собственно для учрежденія школы, при чемъ эта субсидія дала бы ему возможность закончить зданіе музея.

(Ж. и И.)

—

Воззваніе правленія Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ. «Кіевское общество древностей и искусствъ», основанное въ 1897 году, имѣетъ своей задачей служить научному изученію памятниковъ старины, а равно развитію эстетическаго вкуса и художественнаго образованія. Для осуществленія поставленной задачи общество прежде всего приступило къ сооруженію въ г. Кіевѣ музея, подъ усадьбу котораго городское управленіе, сочувствуя задачамъ общества, отвело участокъ земли противъ Царскаго сада.

Въ музеѣ предполагаются два отдѣленія: 1) исторіи и этнографіи и 2) изящныхъ искусствъ и художественной промышленности. Первый отдѣлъ имѣетъ въ виду интересы чисто научные. Второй отдѣлъ имѣетъ цѣлью удовлетворять практическимъ нуждамъ юго-западнаго

края, играя роль учебно-воспитательнаго учрежденія, гдѣ всѣмъ желающимъ будетъ предоставлена возможность полнаго ознакомленія съ образцами художественныхъ и художественно-промышленныхъ произведеній.

Въ настоящее время зданіе музея вчернѣ окончено, и теперь надлежитъ приступить: во-первыхъ, къ отдѣлкѣ внутренняго помѣщенія зданія и, во вторыхъ, къ пріобрѣтенію и составленію коллекцій для музея.

Въ виду недостатка средствъ на устройство музея, кіевское общество древностей и искусствъ обращается ко всѣмъ, кому дорого развитіе въ нашемъ отечествѣ искусствъ и охраненіе памятниковъ старины, съ покорнѣйшей просьбой о содѣйствіи ему въ устроеніи кіевскаго музея пожертвованіемъ деньгами или предметами искусства для коллекцій музея.

Пожертвованія въ пользу музея будутъ приняты съ благодарностью; отчеты о поступленіяхъ будутъ опубликованы, и имена жертвователей будутъ занесены въ особую книгу. Желающимъ поступить въ члены кіевскаго общества древностей и искусствъ уставъ общества будетъ высланъ по первому требованію.

Обращаться лично или письменно въ правленіе кіевскаго общества древностей и искусствъ (Кіевъ, Бульварная у., домъ № 9), къ предсѣдательницѣ общества графинѣ М. Н. Мусиной-Пушкиной (Екатерининская, д. № 18), или къ вице-предсѣдателю Б. И. Ханенко (Алексѣевская, соб. домъ).

—

Музей древностей университета св. Владиміра. Въ 1898 г. въ музей поступило 708 предметовъ. Изъ предметовъ, найденныхъ *въ Кіевской губ.*, поступили: часть эмали бивня мамонта изъ палеолитической стоянки въ г. Кіевѣ на Кирилловской ул. и образцы кухонныхъ остатковъ и неолитической стоянки тамъ же; кремневые отбойники, стрѣлы, острія ножика, обломки глиняныхъ сосудовъ, найденные на Лысой горѣ, на предмѣстьи г. Кіева, Верхней Соломенкѣ; образцы глиняной обмазки стѣнъ, глиняные сосуды, часть глиняной статуэтки грубой формы, топорикъ изъ сѣраго талька, кусокъ оленьяго рога, отдѣланный въ видѣ клина, оленья кость (три послѣдніе предмета найдены въ одномъ сосудѣ)—изъ раскопокъ жилища на поселкѣ неолитической эпохи на земляхъ с. Халепья, Кіевск. у; желѣзный кинжалъ, желѣзный ножъ, бронзовые наконечники стрѣлъ, кос-

тяныя стрѣлы, бронз. гвозди, бронз. зеркало, стеклянныя бусы, золотая штампованная блящка, краски, сѣра—изъ скифскаго кургана у сс. Лазурцы, Ковали, и Ромашки—Каневск. у.; бронзовыя стрѣлы, бляшки, шперы, фибула, обломки браслетовъ, серьги, кольца, желѣзные ножи, подковы, глиняныя пряслицы, стеклянныя бусы—изъ городища у с. Бабичи, Чигиринск. у.; кремневый ножъ, бронзовыя стрѣлы, фрагментъ бронзоваго дротика, бронз. украшенія, серебрян. перстень, пряслицы, грузила, глиняные сосуды—изъ окрестностей с. Трехтемирова, Кіевск. у.; кремневыя орудія изъ сс. Трощина и Тростянца, Каневск. у; бронз. фибула—изъ с. Вучака, Каневск. у.; брон. пряжка и смальтовыя бусы—изъ городища у с. Пилявы, Каневск. у; бронз. браслеты и украшенія, желѣз. стрѣлы—изъ окрестностей г. Канева; каменныя полированныя орудія, бронз. фибулы, браслеты, привѣски, украшенія, клинокъ сибирскаго типа, желѣзныя стрѣлы и крючки, грузила, пряслицы—изъ городища Княжа гора у с. Пекарей, Черкасск. у.; кремневыя стрѣлки, бронз. и костяныя стрѣлы—у с. Грищенецъ, Каневск. у.; каменный топоръ—молотъ, брон. стрѣлы, фибулы, бляхи, привѣски, украшенія, часть желѣзнаго кинжала, желѣзныя стрѣлы, ножи, копье, бусы, пряслицы, бронзовый складной крестъ—изъ окресностей с. Сахновки, Черкасск. у.; два стеклянныхъ сосуда—изъ г. Кіева. *Въ Волынской губ.*: кремневыя и каменныя орудія, найденныя у входа въ пещеру у с. Бущи, Дубенск. у.; кремневыя и каменныя орудія, найденныя у с.. Будеража, Малой Мощаницы, Нараева, Ступна, Чубры, Листвина. и Майдана—Дубенск. у. *Въ Подольской губ.*: бронзовыя стрѣлы и желѣзные гвозди, найденные въ курганахъ въ имѣніи Межирѣчье, Балтск. у., бронзовая стрѣла съ римскими цифрами изъ Балтс. у. *Въ Полтавской губ.*: кремневыя и костяныя стрѣлы, костяныя пластинки и острія,—(изъ городища у с. Лѣпляви, Золотоношск. у.); кремневыя орудія, найденныя на песчаныхъ розсыпяхъ у с. Келеберды, Золотоношск. у.; золотой перстень изъ г. Переяслава. *Въ Екатеринославской губ.*; глиняная урна, найденная въ Брянскомъ заводѣ; золотая серьга изъ Биширина; желѣзная стрѣла, найденная въ полѣ с. Волоскаго, Екатеринославск. у. Особенно замѣчательныхъ предметовъ въ означенномъ году въ музей не поступало.

М.

—

Собраніе древностей Н. Я. Тарновскаго. Большая часть собранія покойнаго Н. Я. Тарновскаго послѣ его смерти была продана съ

публичныхъ торговъ; [1]) непроданными остались, благодаря высокой оцѣнкѣ, лишь двадцать съ небольшимъ витринъ. На вторичныхъ торгахъ почти все оставшееся было пріобрѣтено родственниками покойнаго и предназначено для помѣщенія въ одинъ изъ общественныхъ музеевъ г. Кіева. Намъ удалось поближе ознакомиться съ этими остатками собранія; размѣщены они въ 26-ти небольшихъ изящныхъ витринахъ; всѣ предметы занумерованы, и по оставшимся каталогамъ можно возстановить происхожденіе каждой вещи. Перечисленіе всего имѣющагося въ коллекціи заняло-бы слишкомъ много мѣста, да кромѣ того есть надежда, что будетъ составленъ и изданъ подробный каталогъ коллекціи, поэтому ограничимся бѣглымъ обзоромъ. Одна витрина занята каменнымъ вѣкомъ; здѣсь имѣются двѣ каменныя булавы со сверлинами, найденныя у с. с. Грушева и Москалевокъ, Кіевск. у. и нѣсколько топоровъ—молотковъ и кусковъ ихъ—изъ Каневск. у. Двѣ витрины наполнены предметами изъ раскопокъ кургановъ у с. с. Бурты, Зеленки, Казаровки и Синявки, Емчихи, Грищенецъ—Каневск. у. Кіевск. губ., у с. Халчи, Кіевск. у., у с. Келеберды, Золотоношск. у. Полтавск. г. Изъ бронзовыхъ предметовъ большой интересъ представляетъ булава, найденная при корчеваніи лѣса въ с. Поташнѣ, Кіевск. губ.; часть бронзовой формочки для отливки стрѣлъ—с. Грищенцы, Каневск. у.; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ бронзовыхъ фибулъ, браслетовъ, украшеній, стрѣлъ изъ разныхъ мѣстъ Каневскаго у. Кіевск. г. Много предметовъ дали пробныя раскопки городища у с. Лѣплявого, Золотоношск. у. Полтавской губ.; здѣсь мы находимъ бронзовыя кольца, браслеты, фибулы, пряжки, украшенія, различные желѣзные предметы, грузила, пряслицы, бусы и, что особенно интересно, массивные мѣдные топорики. Есть нѣсколько мечей—кинжаловъ, формы переходной отъ бронзовой къ желѣзной—м. Корсунь, Черкасс. у Кіевск. губ., масса различныхъ мелкихъ предметовъ изъ случайныхъ находокъ, главнымъ образомъ, въ Каневск. у., и т. под. Особенно большой подборъ желѣзныхъ орудій, оружія и украшеній изъ городища Княжа гора у с. Пекарей, Каневс. у.; изъ другихъ предметовъ великокняжеской эпохи отмѣтимъ крестъ энколпіонъ, нѣсколько крестиковъ-тѣльниковъ, нѣсколько перстней изъ разныхъ мѣстъ Каневск. у.; изъ монетныхъ знаковъ той-же эпохи есть серебряная гривна новгородскаго типа—с. Пекари, Черкасск. у., и двѣ серебр. гривны кіевскаго типа—городище Княжа гора. Хотя коллекція эта и представляетъ только остатки большей но и въ такомъ видѣ она можетъ составить цѣнный вкладъ во всякій музей.

В.

[1]) См. некрологъ П. Я. Тарновскаго въ декабр. книжкѣ „Кіев. Ст.“ 1898 г.

Подвижной Музей Учебныхъ Пособій Кіевскаго Общества Грамотности. Въ декабрѣ состоялось общее собраніе Кіевскаго Общества Грамотности, на которомъ было рѣшено устроить Подвижной Музей Учебныхъ Пособій, сосредоточить въ немъ различныя коллекціи и разсылать таковыя для временнаго пользованія въ городскія и сельскія школы. Среди другихъ коллекцій, имѣется въ виду составить коллекціи и по *археологіи.* Нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно къ новому начинанію Кіевскаго Общества Грамотности; въ частности, касаясь коллекцій по археологіи, нужно признать, что такія коллекціи будутъ способствовать распространенію въ массѣ какъ знаній, такъ и вообще интереса къ памятникамъ нашей старины, къ сожалѣнію, еще очень слабо развитаго не только среди простонародія, но даже и въ болѣе интеллигентныхъ слояхъ общества.

К.

Разныя извѣстія.

Фальсификація древностей. У кіевскихъ торговцевъ древностями время отъ времени появляются различныя поддѣлки; фальсификаціей занимались до сихъ поръ тѣ-же мѣстные торговцы; въ послѣднее время появились фальсификаты повидимому другого происхожденія; такъ напр., мы видѣли мѣдную литую икону съ рельефными изображеніями свв. Константина и Елены и греческими подписями; по увѣренію торговца, икона найдена въ Херсонесѣ, но достаточно одного взгляда, чтобы узнать поддѣлку, поэтому насъ очень удивилъ интересъ, съ какимъ отнеслись къ этой фальсификаціи нѣкоторые изъ мѣстныхъ присяжныхъ ученыхъ, считающіе икону подлинной. Начали появляться на кіевскомъ рынкѣ и предметы изъ мрамора съ изображеніями и греческими надписями, — также несомнѣнные фальсификаты; можно догадываться и объ источникѣ всѣхъ этихъ поддѣлокъ—повидимому, мы имѣемъ дѣло съ произведеніями бр. Гохмановъ изъ Очакова, получившихъ уже достаточную извѣстность своей энергичной и ловкой дѣятельностью на этомъ поприщѣ.

—

Живопись въ Кирилловскомъ монастырѣ. Въ засѣданіи русскаго археологическаго общества 12 декабря былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ, стоитъ ли издать памятники древней стѣнной живописи въ

Кіевскомъ упраздненномъ Кирилловскомъ монастырѣ. Спрошенный, какъ лицо, хорошо знакомое съ памятниками нашей древней церковной живописи, А. В. Праховъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, снимки со стѣнной живописи Кирилловскаго монастыря издать необходимо, и вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, издавать ли одни только снимки со стѣнной живописи Кирилловскаго монастыря, или же—совмѣстно съ тѣмъ, что осталось еще неизданнымъ изъ фресокъ и памятниковъ стѣнной живописи собора св. Софіи и Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Окончательное обсужденіе этого вопроса было отложено.

("Ж. и И.")

Библіографическія замѣтки.

Лашкаревъ П. Церковно-археологическіе очерки. Кіевъ 1898, 8⁰ 240 стр. съ планами и рисунками. Настоящая книга почтеннаго профессора представляетъ изъ себя сборникъ очерковъ, изслѣдованій и рефератовъ, большей частью уже напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ; всѣ они связаны общимъ характеромъ и—по словамъ автора—служатъ цѣлью уяснить правильное отношеніе къ памятникамъ (главн. обр. архитектурнымъ) религіозной старины и установить соотвѣтствующіе дѣлу пріемы ихъ изслѣдованія. «Очерки» заключаютъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Религіозная монументальность, 2) что осталось отъ древней кіевской церкви Спаса на Берестовѣ. 3) По вопросу объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ, 4) Кіевская архитектура X—XII вѣка, 5) Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева, 6) Киворій, какъ отличительная архитектурная принадлежность алтаря въ древнихъ церквахъ, 7) Остатки древнихъ зданій Кіево-печерской лавры, 8) Остатки древней церкви въ г. Переяславѣ, 9) Соборная Успенская церковь въ г. Каневѣ. Послѣдняя статья появляется въ печати впервые, и о ней мы подробнѣе поговоримъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ. Выходъ своей книжки авторъ пріурочилъ къ предстоящему въ Кіевѣ XI археологическому съѣзду, и сдѣлать это авторъ счелъ умѣстнымъ потому, что, какъ онъ говоритъ, всѣ его археологическіе опыты такъ или иначе касаются памятниковъ мѣстной старины, которая, по связи ея съ общерусскою стариною, не можетъ прямо или кос-

венно входить въ программу занятій съѣзда,—нужно быть только благодарнымъ автору за принятый имъ на себя трудъ.

В.

—

Собраніе В. Н. и Б. И. Ханенко. Древности Русскія. Кресты и образки. Кіевъ. 1899. 4⁰. Только что вышло роскошное изданіе, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, представляющее изъ себя часть описанія замѣчательнаго собранія древностей В. Н. и Б. И. Ханенко, находящагося въ г. Кіевѣ. Въ настоящемъ выпускѣ, на 16-ти прекрасно исполненныхъ фототипіей таблицахъ, мы находимъ изображенія 169-ти крестовъ и образковъ; таблицы снабжены текстомъ и вступительной статьей о религіозномъ, историческомъ и художественномъ значеніи изданныхъ крестовъ и образковъ, которые раздѣлены на три группы: 1) корсунскіе (греческіе кресты), 2) русскіе кресты и образки цотатарской эпохи—съ X до половины XIII в. и 3) съ XVI по XVIII в.; большинство изъ изданныхъ относится ко второй группѣ, и здѣсь есть очень рѣдкіе и замѣчательные по работѣ экземпляры. Изданіе это будетъ служить незамѣнимымъ справочнымъ руководствомъ для всѣхъ интересующихся даннымъ предметомъ.

—

Каталогъ собранія В. В. Тарновскаго въ Кіевѣ, давно начатый, повидимому скоро появится въ свѣтъ; текстъ и отлично исполненные фототипіей таблицы съ изображеніями предметовъ уже почти закончены печатаніемъ; съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода этого изданія, обѣщающаго дать богатый матеріалъ, какъ для мѣстной археологіи, такъ и для бытовой исторіи козацкой эпохи, такъ какъ по отношенію къ послѣдней собраніе В. В. Тарновскаго является единственнымъ по богатству и рѣдкости собранныхъ предметовъ.

М. К.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе октября—декабря въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) И. П. Деревянко—2 р. 15 к. 2) С. А. Е—ова—50 к. и 3) П. Д—каго—25 коп.,—всего 2 р. 90 к., что вмѣсто съ прежними 877 р. 57 к. (см. № 10), составитъ 880 р. 47 к. которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Časopis Musea království českého. 1897 и 1898 годы, тт. 71 и 72. Red. Ant. Truhlař, profes. akadem. gymnasia v Praze.

Подъ редакціей г. Тругларя, извѣстнаго знатока чешской литературы, оффиціальное изданіе чешскаго музея, существующее уже 72 года, продолжаетъ выходить книгами, полными такого же глубокаго интереса и значенія, какъ и прежде; дѣло, очевидно, находится въ хорошихъ рукахъ и ведется съ большою любовію и знаніемъ. Въ указанныхъ томахъ имѣется нѣсколько работъ, небезъинтересныхъ и для русскаго читателя; таковы, напр., статьи г. В. Францева (о пребываніи русскихъ войскъ въ Чехіи во время наполеоновскихъ войнъ; приводится, между прочимъ, свидѣтельство Рулика о томъ восторгѣ, который былъ вызванъ въ русскихъ и чехахъ возможностью взаимнаго пониманія, даже когда каждая сторона говорила на своемъ языкѣ), г. В. Вондрака (о новѣйшихъ работахъ по вопросу о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, главнымъ образомъ по поводу работы г. Фридриха ‹Ein Brief des Anastasius bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri über die Abfassung der ‹Vita cum translatione s. Clementis papae› Eine neue Quelle zur Cyrillus und Methodius-Frage; оттискъ изъ Sitzungsberichte der philos. philol. histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1892. Heft. III, 393—442). Но особенный интересъ возбуждаетъ статья извѣстнаго знатока червоно-русской жизни Фр. Рѣгоря, чьи путевыя замѣтки по Галиціи были помѣщены въ извлеченіи въ „Кіевской Старинѣ“ за 1896 г. Статья эта, называющаяся „Календарикъ изъ народной жизни лем-

ковъ. Къ галицко-русскому народовѣдѣнію» (353—376 стр.), состоитъ изъ 47 большихъ и малыхъ, иногда въ нѣсколько строкъ, замѣтокъ о разныхъ праздникахъ въ году и сопряженныхъ съ ними обычаяхъ, обрядахъ, пѣсняхъ и т. п. Таковы, напримѣръ: Новый рôкъ, Василевъ день, Щедрый вечеръ, Пущанья, Великій пôстъ, Понедѣлокъ хромый, Теплый Олекса, Благовѣщенье, Страстный четвергъ, Велыка пятныця, Велыкдень, Задушна субота, Святый Юръ, Русала, Купало, Маковея, Успеніе, Николая, Ламаный вечеръ (вечеръ предъ Щедрымъ днемъ), Святый вечеръ, Рôздво и друг. Особенно любопытныя въ отношеніи языка и содержанія пѣсни приведены въ замѣткѣ о русалкахъ „За селомъ коло лиса" и о Купалѣ. Приводимъ эту послѣднюю, какъ болѣе короткую:

На Яна, на Яночка,
Палыть ся намъ соботонька.
А вы хлопци выйдить на ню
Спечемо вамъ чорну китку.
Чорна китка не салена, не мащена,
Лемъ (только, лишь) попелцемъ прыпрящена.
А на Яна на Курделя,
Зарызалы дивкамъ теля;
А на Яна на Палача,
Зарызалы хлопцамъ гача (?)
А на Яна на Купала,
Санця кабатъ залыпала.
Не могла го одопраты,
Мусивъ Ваня помогаты,
Не´могла го окрутыты
Мусивъ Ваня полюбыты.

Приведемъ также кстати нѣкоторые обычаи и повѣрья, связанные съ тѣми либо другими днями. На Спаса, т. е. въ день Преображенія Господня, 6 августа, женщины предъ обѣдней сбиваютъ масло, которое святится только въ день Успенія Пресвятыя Богородицы вмѣстѣ съ цвѣтами и другими растеніями. На Спаса не годится ходить въ лѣсъ за орѣхами:

Не ходы на орихы на Спаса
Бо ти окрутытся коло ногы колбаса.

Въ пищу употребляютъ въ этотъ день преимущественно вареныя стручковыя растенія.

Въ день Ильи подвѣшиваются торжественно нѣсколько картофельныхъ высадокъ, чтобы картофель уродился крупнымъ. Предъ этимъ днемъ сажается рѣпа.

Въ день Покрова, 1 октября, дѣвушки, жаждущія замужества, обращаются къ своей покровительницѣ Покровѣ съ слѣдующею мольбою:

Свята Покровонько,
Накрый мою головоньку
Якомъ такомъ шматыномъ,
Штобы-мъ была газдынёмъ (хозяйкою),
Якомъ такомъ онучомъ,
Най ся дивкомъ не мучу.

О днѣ св. Екатерины (24 ноября) существуетъ такая примѣта: если въ этотъ день морозно на дворѣ, то на Іорданъ будетъ тепло, и наоборотъ. Въ день св. Николая (6 дек.) женщины приносятъ въ церковь этому святому деньги, хлѣбъ, пѣтуховъ и кроликовъ. Хлѣбъ, называемый *осухъ*, складываютъ предъ образомъ св. Николая, а въ случаѣ недостатка мѣста у престола за иконостасомъ. Хлѣбъ этотъ дѣлится между членами причта, участвующими въ чтеніи акафистовъ святому; кроликовъ же и пѣтуховъ запираютъ въ «бабинцѣ» (мѣсто у церковныхъ дверей, гдѣ стоятъ во время богослуженія женщины). Пѣтушиный крикъ, если онъ послышится оттуда, пророчитъ множество свадебъ и плодородіе куръ къ всеобщему удовольствію женскаго населенія.

А. С—ъ.

Новые художественные журналы. а) *Искусство и Художественная Промышленность.* 1898 №№ 1—3 Октябрь—Декабрь.—б) Міръ Искусства. 1898. № 1—2.

Послѣ длиннаго промежутка времени, въ теченіе котораго у насъ не было журналовъ, посвященныхъ изобразительнымъ искусствамъ, конецъ прошлаго года ознаменовался почти одновременнымъ выходомъ двухъ новыхъ художественныхъ журналовъ.

Ранѣе появился журналъ «Искусство и Художественная Промышленность», издаваемый съ октября обществомъ поощренія художествъ подъ редакціею секретаря этого общества Н. П. Собко, а ав-

тора «Словаря русскихъ художниковъ», который началъ выходить нѣсколько лѣтъ тому назадъ и повидимому никогда не окончится по той причинѣ, что составитель его, не съумѣвъ отличить существенное отъ несущественнаго, важное отъ ненужнаго, слишкомъ растянулъ и осложнилъ свой трудъ. Вслѣдъ затѣмъ другой журналъ «Міръ Искусства», ведущій свое существованіе съ 1 января 1899 г., также поспѣшилъ выйти въ ноябрѣ двойнымъ номеромъ (т. е. за январь 1899 года). Этотъ журналъ издается кн. М. К. Тенишевой и С. И. Мамонтовымъ подъ редакціей С. П. Дягилева, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ, какъ устроитель разныхъ выставокъ и авторъ нѣсколькихъ статей по искусству.

Первый журналъ, во вступительной отъ редакціи статьѣ, своею цѣлью ставитъ расиространеніе въ массахъ публики возможно точныхъ и вѣрныхъ понятій и знаній по художественной части какъ прежняго, такъ и нынѣшняго времени, знакомство ея со всякими новыми идеями и принципами въ той же области, борьбу какъ со старою рутиною, такъ и съ новѣйшими вредными направленіями въ той или другой области искусствъ и художественныхъ промысловъ у насъ и за границею, наконецъ, развитіе въ обществѣ идеи о народности въ художествѣ и промышленности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, причемъ заявляетъ, что будетъ стараться о возможно большемъ и своевременномъ сообщеніи свѣдѣній относительно состоянія и развитія названныхъ отраслей знанія въ провинціи.— Второй журналъ, въ объявленіи и подпискѣ, излагаетъ, что въ немъ художественный отдѣлъ посвящается произведеніямъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ мастеровъ всѣхъ эпохъ исторіи искусствъ, насколько означенныя произведенія имѣютъ интересъ и значеніе для современнаго художественнаго сознанія, а въ отдѣлѣ художественно-промышленномъ особенное значеніе придается вопросамъ самостоятельной русской художественной промышленности, причемъ обращено особенное вниманіе на великіе образцы стараго русскаго искусства, и что въ обоихъ отдѣлахъ статьи будутъ главнымъ образомъ посвящены вопросамъ художественной критики.

Оба журнала имѣютъ одинаковый форматъ и изданы съ небывалой въ нашихъ художественныхъ журналахъ роскошью. Особенно въ этомъ отношеніи пріятно поражаетъ первый журналъ, въ которомъ есть въ высшей степени изящно исполненные снимки.

По направленію же журналы рѣзко отличаются одинъ отъ другого. Въ журналѣ «Искусство и Худож. Промышленность», какъ можно судить по содержанію вышедшихъ номеровъ, главнымъ дѣятелемъ, дающимъ тонъ журналу, является В. В. Стасовъ, взгляды котораго по разнымъ вопросамъ искусства достаточно извѣстны изъ многочисленныхъ статей его.

А какіе взгляды и мнѣнія найдутъ себѣ мѣсто въ журналѣ «Міръ Искусства», открывается изъ передовой статьи редактора, озаглавленный «Нашъ мнимый упадокъ», въ которой онъ говоритъ: «Насъ назвали дѣтьми упадка, и мы хладнокровно и согбенно выносимъ безсмысленное и оскорбительное названіе *декадентовъ*». Изъ этого признанія, равно какъ изъ многихъ подробностей и изъ нѣсколькихъ весьма странныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ первой книгѣ журнала, начиная съ курьезныхъ и непонятныхъ рисунковъ на обложкѣ журнала,—надо заключить, что названный журналъ будетъ выразителемъ того направленія въ искусствѣ, которому даютъ названія «декадентизма» или направленія «конца вѣка».

Къ южнорусскому краю въ журналѣ «Искусство и Художеств. Промышленность» имѣютъ отношеніе: а) письма изъ Харькова *Е. К. Р—на*, и изъ Одессы *А. П.* со свѣдѣніями о художественной жизни этихъ городовъ, о существующихъ въ нихъ рисовальныхъ школахъ, объ устройствѣ музеевъ и о художественныхъ выставкахъ,—б) заключающіяся въ статьѣ Стасова о В. М. Васнецовѣ свѣдѣнія о дѣятельности этого художника по украшенію Владимірскаго Собора въ Кіевѣ,—в) рецензія изданія Кульженка «Соборъ св. кн. Владиміра въ Кіевѣ въ изложеніи А. Д. Эртеля и В. Г. М.»,—г) снимки внутреннихъ видовъ этого собора,—д) снимки съ заставокъ въ старинныхъ южнорусскихъ рукописяхъ.

Въ журналѣ Міръ Искусства», къ которому, по всѣмъ видимостямъ, намъ придется обращаться гораздо рѣже, чѣмъ къ первому журналу, нѣтъ ничего относящагося къ южно-русскому краю, кромѣ снимка съ картины В. М. Васнецова «Несторъ Лѣтописецъ».

Н. Ш.

Симоновъ М *(Первый директоръ Лубенской гимназіи) Замѣтки къ юбилейной по случаю двадцатипятилѣтія Лубенской гимназіи запискѣ.* Кіевъ. 1898. стр. 39.

Въ № 7—8 «Кіев. Старины» за 1898 г. намъ пришлось отмѣтить появленіе исторической записки въ Лубенской гимназіи, составленной по поводу 25-лѣтія ея существованія. Еще тогда нѣкоторыя мѣста этой записки, особенно извлеченія изъ отчета гимназіи за 1877—1878 годъ, вызвали у насъ недоумѣнія. Брошюрка г. Симонова проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины тѣхъ нестроеній, которыя пришлось пережить Лубенской гимназіи въ теченіе немногихъ лѣтъ ея существованія. Появленіе этой брошюрки вызвано тѣми обвиненіями, какія взведены были на г. С—ва, какъ въ отчетѣ гимназіи за 1877—1878 г., такъ отчасти и въ самой юбилейной запискѣ. Въ началѣ брошюры г. С—въ разсказываетъ о томъ, какъ онъ попалъ въ директора Лубенской гимназіи и почему оставилъ директорство (въ 1877 г. С—въ былъ выбранъ предсѣдателемъ Лубенской земской управы, и такъ какъ Министерство народнаго просвѣщенія нашло неудобнымъ совмѣщеніе этой должности съ должностью директора гимназіи, то г. С—въ и оставилъ управленіе гимназіей). Переходя затѣмъ къ разбору взведенныхъ на него обвиненій, г. С-въ выясняетъ свою точку зрѣнія на переводы учениковъ изъ класса въ классъ. Переводились ученики на основаніи изданныхъ М—вомъ Народнаго Просв. правилъ, причемъ, согласно циркуляру М—ва, педагогическій совѣтъ допускалъ въ иныхъ случаяхъ переводъ въ высшій классъ даже и при нѣкоторыхъ непереводныхъ отмѣткахъ, коль скоро убѣждался, что слабое знаніе по данному предмету не помѣшаетъ ученику успѣшно проходить курсъ слѣдующаго класса. Благодаря этому, избѣгали безполезнаго, иногда и вреднаго задерживанія учениковъ въ томъ же классѣ по чисто формальнымъ причинамъ, избѣгали и выбрасыванія учениковъ изъ заведенія, если они пробыли уже два года въ классѣ. Нельзя не согласиться, что такое снисхожденіе не было ошибкой. Далѣе г. С—въ подробно разбираетъ приведенную въ запискѣ запутанную и довольно таки безграмотную цитату изъ отчета гимназіи за 1877—1878 учеб. годъ и дѣлаетъ поясненія къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ юбилейной записки.

Грустное впечатлѣніе производитъ разсказъ о судьбахъ Лубенской гимназіи. Ревизія установила, что ученики распущены—свали-

вается вина на прежняго директора, и начинается безпощадное «подтягиваніе»; оставшіеся послѣ подтягиванія ученики начинають разбѣгаться сами, гимназіи грозитъ опасность остаться безъ гимназистовъ; тогда система мѣняется: дѣлаются всяческія послабленія, и снова ревизія застаетъ заведеніе въ такомъ печальномъ состояніи, что составитель записки считаетъ счастливымъ исходомъ, то обстоятельство, что гимназіи вовсе не закрыли.

Казалось бы, давно уже признано, что въ дѣлѣ воспитанія больше всего надо избѣгать рѣзкихъ переходовъ отъ снисходительности къ суровости и наоборотъ, а примѣняется это элементарное педагогическое правило далеко не всегда.

Н. Т.

Slovanský přehled, ročnik I, čislo 3 (Prosinec).

Въ этомъ номерѣ симпатичнаго чешскаго журнала, о которомъ мы говорили въ предыдущихъ книжкахъ [1]), помимо другихъ матеріаловъ, представляющихъ по своему содержанію огромный интересъ, для насъ въ частности особенный интересъ имѣетъ все то, что относится къ нашей народности и ея литературнымъ проявленіямъ. Въ этомъ смыслѣ, на первомъ мѣстѣ можно поставить статью упоминавшагося уже въ предыдущихъ №№, сочувствующаго намъ чешскаго писателя Францишка *Режоря* (Řehoř)—Jubilejni slavnosti rusinske. Разсказавъ довольно обстоятельно біографію поэта, авторъ счелъ нужнымъ упомянуть о юбилейныхъ торжествахъ, бывшихъ въ Галиціи, потому что въ нихъ—по его словамъ — „отражается до извѣстной мѣры степень развитія народной и духовной жизни въ Галицкой Руси и способъ, какимъ оно проявляется".

Слѣдуетъ также отмѣтить въ отдѣлѣ *хроники* сообщеніе о юбилеѣ 25-лѣтней дѣятельности И. Франка и о торжественномъ его праздновании во Львовѣ; объ основаніи во Львовѣ же «Руско-украінскоі спілки видавничоі»,—издательской организаціи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ на себя и книготорговлю.

---

[1]) № 10 и 11 въ отдѣлѣ библіографія.

Небезъинтересно также отмѣтить въ отдѣлѣ «литературы, науки и искусства» сочувственныя рецензіи на альманахъ «Січ», (изданъ въ память 30-лѣтія основанія общества «Січ» въ Вѣнѣ), на поэму Шевченка «Гайдамаки»,—изданіе М. Білоуса (въ Коломиі),—съ біографіей и нѣсколькими рисунками; упоминаніе объ основаніи русинами перваго «Товариства для розвою руськоі штуки»,—явленіе, съ котораго «начнется новая эпоха въ развитіи русинскаго искусства».

Однимъ словомъ, повторяя то же самое, что и раньше нами говорилось, мы можемъ только пожелать уважаемому журналу съ новаго года дальнѣйшаго процвѣтанія на благо всѣхъ славянскихъ націй и чешской въ особенности.

В. Д.

(съ примѣч. Тріема); Л. Е. Оболенскій—Дикость современныхъ западно-европ. народныхъ массъ и ея причины; проф. Elie Reclus—О чародѣйствѣ и волшебствѣ у первобытныхъ народовъ; проф. Charles Richet—1) Задачи воздухоплаванія въ 1897 году, 2) Стремленіе въ жизни и теорія конечныхъ причинъ; проф. Л. Саккети—Задачи искусства; прив.-доц. Спб. унив. В. Серафимовъ—Новости астрономіи; акад. кн. И. Р. Тархановъ—1) Неожид. научн. наслѣдіе стараго года, 2) О періодичности въ явленіяхъ жизни, 3) Физич. энергіи природы въ качествѣ цѣлебн. силъ, 4) О чувствѣ оріентированія у голубей, 5) Почтовые голуби, 6) О закаливаніи человѣка, 7) О нейронахъ, 8) Физіол. и психол. обезглавленія, 9) Рентгеновы лучи и Өемида, и др.; Тріемъ—О томъ, что было, но прошло и былью поросло; и другія статьи разныхъ авторовъ.

Кромѣ оригинальныхъ статей, не появлявшихся до сего времени въ печати и написанныхъ большею частью спеціально для журнала выдающимися учеными и мыслителями какъ русскими, такъ и иностранными, въ отдѣлѣ „Изъ журналовъ" печатаются экстракты замѣчательнѣйшихъ статей, и статей извѣстнѣйшихъ авторовъ, появляющихся въ русской или иностранной періодической прессѣ, а также критика и библіографія, обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ журналовъ, смѣсь, гигіена и здоровье и пр. Въ программу журнала входитъ: науки естеств., медиц., физико-математ., исторія и обществ. науки, философія, метафизика, психологія, литература, искусства, критика и т. д.

Въ отдѣлѣ „Изъ журналовъ" помѣщены были между прочимъ статьи слѣдующихъ авторовъ: Gabriel D'Annunzio, проф. М. Антокольскій, проф. Berthelot, d-r A. Binet, проф. D. Brinton, проф. W. Crookes, Léon Daudet, Ө. М. Достоевскій, E. Faguet, астрон. C. Flammarion, проф. A. Fouillée Daniel Halevy, d-r Havelock Ellis, Папа Левъ XIII, Raphael Lévy, проф. Cesare Lombroso, проф. Paola Mantegazza, проф. G. Maspero, проф. И. Мечниковъ, проф. Max Müller, Фритіофъ Нансенъ, d-r Max Nordau, проф. Оршанскій, К. П. Побѣдоносцевъ, d-r Félix Regnault, проф. Elisée Reclus, проф. Charles Richet, Ed. Rode, А. Г. Рубинштейнъ, Ж. Ж. Руссо, астрон. G. V. Schiaparell, Генрихъ Сенкевичъ, W. Stead, Gabriel Tardo, граф. Л. Н. Толстой, проф. Tompson, И. С. Тургеневъ и мн. друг

Отдѣлъ наукъ естеств. и медицинскихъ при сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ акад. кн. И. Р. Тарханова, исторіи — при сотрудничествѣ В. Ф. Головачова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	на ½ года.
На дешевое изданіе безъ доставки и пересылки.	5 р.	3 р.
" " " съ достав. " "	6 "	4 "
На роскошное изданіе съ достав. " "	10 "	6 "
За границу деш. изд.	9 "	5 "
" " роск. изд.	14 "	8 "

Отдѣльные номера дешеваго изданія по 75 коп., роскошнаго изданія по 1 руб.

Роскошное изданіе печатается на лучшей бумагѣ съ улучшенными иллюстраціями и иногда съ увеличеніемъ ихъ количества. Разсрочка на дешевое изданіе съ пересылкою и доставкою при обращеніи непосредственно въ контору журнала допускается со взносами не менѣе 1 р. ежемѣсячно съ 1 января.

Подписка и продажа отдѣльныхъ №№ во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель *И. П. Кондыревъ.*

Контора и редакція: СПБ., Гороховая, 13 (уголъ Б. Морской).

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" заключаютъ въ себѣ два отдѣла: оффиціальный и ученый. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: 1) сокращенные протоколы засѣданій Совѣта Университета, 2) обозрѣніе преподаванія по полугодіямъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ Университета, 3) извлеченія изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Университета, 4) отчеты профессоровъ и преподавателей объ учебныхъ командировкахъ, 5) актовыя рѣчи профессоровъ, 6) отзывы о диссертаціяхъ докторскихъ, магистерскихъ и pro venia legendi, 7) программы университетскихъ лекцій, 8) сочиненія студентовъ, удостоенныя награды золотою медалью и 9) отзывы о медальныхъ сочиненіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ печатаются научныя статьи профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при Университетѣ, а также вступительныя лекціи профессоровъ и преподавателей; въ зависимости отъ состоянія средствъ „Извѣстій", въ этомъ отдѣлѣ печатаются также курсы университетскихъ лекцій, диссертаціи и другіе научные труды большаго объема.

Въ прибавленіяхъ печатаются таблицы метеорологическихъ наблюденій и списки книгъ, поступающихъ въ библіотеку Университета, при чемъ эти списки издаются одинъ разъ въ годъ въ видѣ особаго приложенія къ майской книжкѣ „Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" выходятъ 9 разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца) книжками въ размѣрѣ до 12 печатныхъ листовъ каждая. Годовая подписная цѣна—5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ профессоръ *Ѳ. Леонтовичъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1899 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1899 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** Редакторъ **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

ФЕВРАЛЬ.

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. **АРЕСТЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВЪ 1895 г. Н. М.** . . . 143—150

II. **ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Ѳ. М. ЛАЗАРЕВСКАГО О ШЕВЧЕНКѢ**, съ предисл. **М. Чалаго** . . . . 151—167

III. **СВѢДѢНІЯ ПО ВОПРОСУ О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА И О ПЕРВОМЪ ПОСМЕРТНОМЪ ИЗДАНІИ ЕГО СОЧИНЕНІЙ. Н. Ш.** . . . . 168—184

IV. **ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ.** (1843—1861 гг.) . . . . 185—208

V. **ПО-НАДЪ ДНИПРОМЪ.** (Драматычни картыны въ 5 одминахъ). **И. О. Тобилевича (Карпенка-Караго)** . . . . 209—282

VI. **ГДѢ ЖИЛИ ПЕРЕЯСЛАВСКІЕ ТОРКИ? А. Стороженка.** 283—290

VII. **НОВОПЕТРОВСКОЕ УКРѢПЛЕНІЕ.** (Къ рисунку). **А. Л.** 291—295

ОТДѢЛЪ II-й.

I. **ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ**: а) Письма К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому о Шевченкѣ и Шевченка къ поэту Жуковскому и къ неизвѣстному; б) Колядки на Подоліи; в) Письмо Н. А. Маркевича (историка) къ Г. П. Галагану, 1857 г.; г) Къ исторіи Мазепинаго замысла. **А. Л.**; д) Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры? е) Письмо М. А. Максимовича къ преосв. Иннокентію Борисову, 1854 г.; ж) О происхожденіи поэта Полонскаго; з) А. А. Скальковскій (некрологъ); и) И. Ф. Хильчевскій (некрологъ); к) Летучія замѣтки . . . . 67—95

II. **АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.** . . . . 96—108

III. **БИБЛІОГРАФІЯ**: а) Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго Козачьяго Войска **А. Л.**; б) Памятники, изданные Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, **О. М**; в) Труды черниговской губернской архивной коммиссіи. **Е. К**; г) Воспоминанія и дневники Адр. Мойс. Грибовскаго. **А. Л.**; д) Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. К. Харламповича; е) Гдѣ обучалось подольское духовенство до учрежденія духовной семинаріи. Историческій очеркъ А. Лотоцкаго. **В. Д.**; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 109—130

IV. **ОБЪЯВЛЕНІЯ** . . . . 1—22

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 28 января 1899 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПРОДЛЕНІИ КОНКУРСА,

НАЗНАЧЕННАГО РЕДАКЦІЕЙ „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ".

Въ январѣ 1896 года редакціей нашего журнала былъ объявленъ конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработаннаго курса Исторіи Малороссіи, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Подробныя условія конкурса и программа „Очерковъ Исторіи Малороссіи" напечатаны были въ № 2-мъ журнала за 1896 годъ.

Въ виду того, что до 1-го января 1890 года въ редакцію не было представлено ни одного труда на означенный конкурсъ, считаемъ долгомъ заявить, что срокъ представленія сочиненій на тѣхъ-же условіяхъ продленъ теперь редакціей еще *на одинъ годъ*, т. е. *по 1 е января 1900 года.*

АРЕСТЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВЪ 1859 ГОДУ.

(*Матеріалы для біографіи*).

Обстоятельства этого печальнаго случая, доставившаго поэту немало горькихъ минутъ и лишившаго его возможности провести на родинѣ послѣдніе дни жизни, до сихъ поръ съ точностью не выяснены. По поводу задержанія Тараса Григорьевича въ 1859 году въ литературѣ явилось нѣсколько легендарныхъ сказаній, донынѣ не опровергнутыхъ цѣликомъ. Такъ, по слухамъ, дошедшимъ до покойнаго И. С. Тургенева, Шевченко разгнѣвалъ исправника Табачникова и былъ арестованъ за то, что отказался написать портретъ его масляными красками во весь ростъ; въ м. Межиричѣ Ш. будто-бы произносилъ на базарѣ съ воза сѣна „богохульственныя" рѣчи (легенда нѣкоего М. Ф.) и т. д. Біографамъ поэта приходится критически разбирать эти легенды и изъ остатковъ дѣлать правдоподобное заключеніе (А. Я. Конисскій, Жизнь укр. поэта Т. Г. Шевченка. Одесса, 1898. Стр. 588).

На основаніи случайно уцѣлѣвшихъ документальныхъ данныхъ есть возможность возстановить главныя обстоятельства печальнаго событія и отвести каждому изъ участниковъ его подобающее мѣсто.

Необходимо припомнить прежде всего, что дѣло „обнаружено" и двинулось по установленному порядку изъ м. Межи-

рича, принадлежавшаго въ то время польскому помѣщику Н. Парчевскому. Данныя для подозрѣній противъ Шевченка добыты отъ служащихъ Парчевскаго, совершенно такъ, какъ въ 1861 г. извѣстная тревога надъ могилой поэта [1]) была поднята тѣмъ-же Парчевскимъ. Создательно или искренно—трудно сказать, но обыватель этотъ изображалъ изъ себя въ нѣкоторомъ смыслѣ маніака. По поводу скромнаго художника Честаховскаго, занимавшагося въ 1861 г. обдѣлкой могилы Шевченка, Парчевскій писалъ кн. Лопухину: „La ville de Kaniew est le foyer d'une conspiration contre les propriétaires et Korsoun en est le succursale, il y a des agents très actifs parmi les adeptes de Schewtchénko. Nous sommes tous sur un volcan, l'ignorance ou l'indifférence de la police n'est que surprenante". И далѣе: „Il est permis à chacun de défendre, qui sait, peut-être sa vie,—le temps presse". Для характеристики этого обывателя любопытно post-scriptum къ его знаменитому письму отъ 12 іюля 1861 г.: „J'aurais demandé à ce que cette lettre soit brûlée".

И вотъ во владѣніяхъ такого-то обывателя поэтъ задумалъ найти пріютъ на родинѣ: не трудно догадаться, что̀ изъ сего произойти могло.

Дѣло было такъ.

25 мая 1859 г. петербургскій полиціймейстеръ выдалъ свидѣтельство срокомъ на 5 мѣсяцевъ „состоящему по Высочайшему повелѣнію подъ строгимъ надзоромъ полиціи, обучающемуся въ Имп. академіи наукъ и признанному нынѣ за успѣхи въ гравированіи назначеннымъ въ академики Тарасу Шевченко, отправляющемуся, съ разрѣшенія президента академіи, Ея. Имп. Выс. Вел. княгини Маріи Николаевны, въ губерніи Кіевскую, Черниговскую и Полтавскую для поправленія здоровья и рисованья этюдовъ съ натуры". Тогда же извѣщенъ объ этомъ кіевскій губернаторъ ген. лейт. Гессе, который предписалъ начальникамъ градскихъ и земскихъ полицій губерніи, по прибытіи Ш. въ ихъ вѣдомство, учредить за нимъ самый строгій надзоръ.

---

[1]) Тревога эта подробно описана И. Билыкомъ въ „Кіев. Старинѣ" 1886 г. № 4, стр. 708—729.

Къ 9 іюля Гессе получилъ извѣщеніе каневскаго земскаго исправника, что Ш. прибылъ въ м. Корсунь къ родственнику своему, елисаветградскому 3 гильдіи купцу Варѳоломею Шевченку, и что строгій секретный надзоръ учрежденъ. Ген.-лейт. Гессе подтвердилъ исправнику, чтобы онъ присылалъ по временамъ донесенія „о послѣдствіяхъ надзора" за Ш., а по выѣздѣ его доставилъ немедленно особое донесеніе о мѣстѣ, въ которое онъ выѣдетъ.

Къ 15 іюля черкасскій земскій исправникъ Табачниковъ рапортовалъ генералъ-губернатору князю И. И. Васильчикову, что 5 іюля пріѣхалъ въ м. Межиричъ Тарасъ Шевченко, „тотъ самый, который за политическія преступленія былъ отданъ въ военную службу и по увольненіи изъ оной, на основаніи послѣдовавшаго предписанія нач. губерніи, долженъ находиться подъ строгимъ секретнымъ надзоромъ." 7 іюля Табачниковъ производилъ разспросы въ м. Межиричѣ (резиденціи Н. Парчевскаго) и узналъ, что Ш. имѣетъ намѣреніе поселиться въ межирическомъ имѣніи, для чего предполагаетъ избрать мѣсто въ с. Пекаряхъ и построить тамъ домъ. Табачниковъ подтвердилъ кому слѣдовало о бдительномъ наблюденіи за дѣйствіями Шевченка. 12 іюля въ томъ же фатальномъ м. Межиричѣ исправникомъ дознано, что черезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ туда Ш. осматривалъ мѣстпость с. Пекарей, въ 15 верстахъ отъ Межирича, и избралъ мѣсто для своей осѣдлости. При осмотрѣ мѣста находились дворяне Витольдъ Вольскій, Козловскій и Хилинскій и варшавскій житель Молендскій, занимавшіе экономическія должности въ межирическомъ имѣніи Парчевскаго; кромѣ того при этомъ былъ карбовничій, Пекарской Луки кр. Тимоѳей Садовый.

По выборѣ мѣста для дома [1]) (такъ разсказываетъ исправникъ далѣе) началъ Ш. подчивать водкой, которой было выпито двѣ кварты. Затѣмъ, показывая Садовому оторванный тутъ же отъ липы листъ, Ш. (будто-бы) спрашивалъ его по малороссій-

---

[1]) Гора Мотовиловщина надъ Днѣпромъ.

ски: „кто это далъ"? и когда Садовый отвѣчалъ, что Богъ, то Ш. отозвался: „дуракъ ты, вѣруешь въ Бога", затѣмъ позволилъ себѣ въ крайне рѣзкой и неприличной формѣ произнести хулу на Бога Саваоѳа и Матерь Божію и высказывалъ свое вѣрованіе въ одного Іисуса Христа. Садовый сталъ креститься и уклоняться отъ такого разговора. Тогда Ш. бранилъ его словами „старый собака, невира" и прогналъ отъ себя.

Это дозналъ исправникъ въ Межиричѣ, очевидно, отъ „оффиціалистовъ" Парчевскаго, еще до бесѣды своей съ Садовымъ. Между оффиціалистами—разсказываетъ исправникъ—разнеслись толки, будто Ш. кромѣ богохульства говорилъ еще бывшимъ около него названнымъ выше лицамъ о ненадобности властей, пановъ и поповъ. Но Садовый, допрошенный исправникомъ и жандармскимъ поручикомъ Крижицкимъ (который находился въ Межиричѣ для слѣдствія о чиновникѣ Монастырскомъ), показалъ, что Ш. „дѣйствительно произносилъ богохульство въ такомъ видѣ ,какъ изложено выше, и что кромѣ того ничего другого противъ правительства онъ, Садовый, не слышалъ, но что Ш. сказалъ это, какъ полагаетъ, потому, что былъ пьянъ".—Дворяне Вольскій и Козловскій, *„какъ бы подтверждая вышеизложенное относительно богохуленія* и того, что Ш. былъ пьянъ, прибавляютъ, что они сейчасъ же замѣтили, что Ш. долженъ быть или сумасшедшій или полоумный, ибо когда что̀ либо онъ начинаетъ говорить, а они не могутъ понять и спрашиваютъ разъясненія, то онъ ихъ бранитъ грубыми словами". О выходкахъ противъ правительства Вольскій и Козловскій положительно объяснили, что ничего особеннаго Ш. объ этомъ не говорилъ. Вольскій добавилъ, что Ш. пѣлъ какія то пѣсни на малороссійскомъ языкѣ и разказывалъ что-то изъ своего сочиненія, котораго Вольскій не понялъ. Крестьянскій мальчикъ, сынъ Садового, показалъ, что ничего не слышалъ, ибо бѣгалъ нѣсколько разъ за водкою. Хилинскій не допрошенъ за отсутствіемъ, а Молендскій заявилъ, что былъ пьянъ, положительныхъ свѣдѣній дать не можетъ, да и не помнитъ ничего.

„Самъ же Шевченко, на данные ему вопросы по обстоятельствамъ извѣта на него, говоритъ, что онъ, сколько помнитъ, ничего дурного не говорилъ ни предъ означенными дворянами, ни предъ кр. Садовымъ, что на подобныя выходки, въ которыхъ его оговариваютъ, онъ никогда не могъ рѣшиться, ибо хорошо знаетъ свое отношеніе къ правительству и знаетъ, что за нимъ наблюдаютъ".

Конечно, исправникъ могъ тутъ же сдѣлать очную ставку съ карбовничимъ Садовымъ, на котораго предусмотрительно былъ возложенъ весь onus probandi, и вся эта пошлая сплетня тогда-же разлетѣлась бы какъ дымъ. Но для очной ставки потребовался-бы приводъ къ присягѣ, и Табачниковъ ограничился такимъ заключеніемъ: „означенныя нелѣпости, сказанныя безсознательно Шевченкомъ, рѣшительно не произвели никакого вреднаго вліянія какъ вообще на слышавшихъ ихъ упомянутыхъ лицъ, такъ и въ особенности на кр. Садоваго, человѣка пожилого и извѣстнаго въ нравственномъ отношеніи". Но вмѣстѣ съ тѣмъ исправникъ полагалъ, что „было-бы полезнымъ, не дозволяя Шевченку дальнѣйшихъ разъѣздовъ, выслать его на мѣсто службы въ С.-Петербургъ". Впредь до распоряженія, исправникъ приказалъ оставить поэта въ квартирѣ пристава 3 стана (въ м. Мошнахъ) подъ особеннымъ надзоромъ.

Получивъ рапортъ Табачникова, кн. Васильчиковъ 18 іюля предложилъ и. д. кіевскаго губернатора распорядиться высылкою Ш. въ Кіевъ подъ надзоръ полиціи, приказавъ полиціймейстеру по прибытіи Ш. немедленно о немъ доложить.

31 іюля кн. Васильчиковъ предписалъ полиціймейстеру оставить Ш. въ Кіевѣ подъ надзоромъ полиціи, а чиновнику особыхъ порученій кол. сов. Андреевскому поручилъ допросить подробно Ш. по содержанію донесенія исправника, стараясь при этомъ удостовѣриться въ образѣ мыслей его. Тогда же предполагалось предписать полиціймейстеру доставить Ш. за надлежащимъ присмотромъ къ Андреевскому въ указанное послѣднимъ время, но это предписаніе не состоялось по желанію самого Андреевскаго. Тотъ же чиновникъ отклонилъ и мысль

выслать Ш. съ жандармомъ прямо изъ Мошенъ въ столицу къ тамошнему военному генералъ-губернатору. Еще до свиданья съ Шевченкомъ Андреевскій намѣтилъ рѣшеніе—приказать поэту возвратиться въ столицу къ своимъ занятіямъ.

8 августа Андреевскій представилъ кн. Васильчикову при рапортѣ „данное академикомъ Ш. объясненіе на счетъ разговора, веденнаго будто-бы имъ въ Каневскомъ уѣздѣ, близь села Пекарей, при обмѣрѣ участка земли, которую онъ имѣлъ намѣреніе купить тамъ". При этомъ (писалъ Андр.) долгомъ поставляю доложить вашему сіятельству, что академикъ Ш., сколько можно заключить изъ наблюденій надъ нимъ и изъ сужденій его о разныхъ предметахъ, преданъ безусловно вѣрѣ предковъ своихъ, отъ которой въ томъ племени, къ коему онъ принадлежитъ, не было еще примѣровъ вѣроотступничества; напротивъ, въ немъ слишкомъ замѣтно врожденное, вовсе даже не скрываемое имъ пренебреженіе ко всему латинскому и польскому, и потому весьма вѣроятно, что онъ, какъ и самъ это подтверждаетъ, сперва подсмѣивался надъ страннымъ нарядомъ родственника землемѣра Хилинскаго, нѣкоего Козловскаго, явившагося неизвѣстно зачѣмъ на мѣсто, гдѣ была измѣряема земля а потомъ, когда Козловскій завелъ неумѣстный разговоръ о богословіи, могъ дать ему на его разспросы нѣсколько колкій отвѣтъ, чѣмъ, конечно, возбудилъ еще болѣе негодованіе къ себѣ.—Въ другихъ отношеніяхъ и сужденіяхъ академикъ Шевченко соблюдалъ въ Кіевѣ должное приличіе и осторожность и не подалъ ничѣмъ повода къ невыгодному въ чемъ либо о себѣ заключенію".

Подлиннаго показанія поэта я не видѣлъ. Въ одномъ изъ документовъ оно передано такъ: „Въ объясненіи своемъ Шевченко изложилъ, что желая купить въ Черкасскомъ уѣздѣ, между г. Каневомъ и с. Пекарями, у помѣщика межиричскаго имѣнія Парчевскаго кусокъ земли для водворенія на постоянное жительство, онъ, совмѣстно съ землемѣромъ, поѣхалъ для измѣренія избраннаго имъ мѣста; среди производства работъ прибылъ къ нимъ нѣкто Козловскій въ странномъ костюмѣ,

надъ которымъ онъ, Шевченко, началъ подсмѣиваться; за завтракомъ Козловскій завелъ съ нимъ богословскій разговоръ; въ цѣли прекращенія этого разговора Шевченко сказалъ, что теологія безъ живого Бога не въ состояніи создать даже древеснаго листка; потомъ Козловскій опять спросилъ Шевченка, что онъ думаетъ о матери Іисуса Христа, на что Шевченко отвѣтилъ: предъ Матерью, родившею намъ Спасителя, который пострадалъ и умеръ за насъ на крестѣ, мы всѣ должны благоговѣть; если-бы Она не родила Его, то была бы обыкновенная женщина".

Такова истинная природа этого древеснаго листка, столь нелѣпымъ образомъ яко-бы предъявленнаго поэтомъ карбовничему Садовому.

8 августа и. д. губернатора, вице-губернаторъ Селецкій, донесъ на усмотрѣніе кн. Васильчикову, что „вызванный" въ Кіевъ академикъ Тарасъ Шевченко обратился къ нему съ просьбою о дозволеніи выѣхать въ С.-Петербургъ. Согласіе дано 11 августа, а три дня спустя, 14 августа, „вырвался я изъ того святого Кіева и теперь направляюсь безъ оглядки въ Петербургъ" (письмо къ Варѳ. Шевченку 20 авг. 1659 г.—„Основа" 62 г., кн. IV).

День спустя кн. Васильчиковъ изложилъ кн. Долгорукову свой взглядъ на все это дѣло: „Соображая объясненія Шевченка, я прихожу къ заключенію, что взведенное на него обвиненіе могло возникнуть по недоразумѣнію лицъ, предъ которыми онъ велъ разговоръ, или, быть можетъ, вызвано неудовольствіемъ, возбужденнымъ имъ къ себѣ насмѣшками надъ Козловскимъ и рѣзкими отвѣтами на разговоры его о богословіи. Потому, не придавая дѣлу этому особаго значенія, я оставляю его безъ послѣдствій и разрѣшилъ Шевченкѣ, согласно изъявленному имъ желанію, возвратиться въ С.-Петербургъ. Къ сему имѣю честь присовокупить, что если-бы Шевченко пожелалъ поселиться въ здѣшнемъ краѣ, то я полагалъ-бы отклонить его намѣреніе. Водвореніе его здѣсь я не почитаю удобнымъ не потому, чтобы онъ возбуждалъ опасенія прежнимъ его полити-

ческимъ поведеніемъ, но по той причинѣ, что онъ извѣстенъ здѣсь какъ человѣкъ окомпрометировавшій себя въ политическомъ отношеніи, поступки его и слова нѣкоторыя лица могутъ истолковать въ иномъ смыслѣ, и придавать имъ особенное значеніе и возбуждать на него подозрѣнія и обвиненія, подобно описанному выше случаю".

Таково это дѣло, не представлявшее для своего времени ничего выдающагося или чрезвычайнаго. Безпристрастіе требуетъ признать, что самый способъ „производства" въ Кіевѣ и сравнительно благополучный исходъ его свидѣтельствуютъ уже о нѣкоторомъ смягченіи недавней суровой практики. Едва-ли можно сомнѣваться также, что поэту въ всякомъ случаѣ не удалось бы надолго обрѣсть душевный миръ въ межиричскомъ осиномъ гнѣздѣ [1]).

Рѣшеніе кн. Васильчикова не допускать „водворенія Ш. въ здѣшнемъ краѣ" осталось неизвѣстнымъ поэту. Мечта переселиться на родину не оставляла его до самой могилы. Еще на смертномъ одрѣ Шевченко распрашивалъ о кіевскомъ шоссе и сказалъ: „не доѣду на проклятыхъ перекладныхъ, а ѣхать надо; тутъ я, если останусь, умру непремѣнно". Наканунѣ рокового дня поэтъ мечталъ о поѣздкѣ весною на родной Днѣпръ: „Да, если-бы на родину: тамъ, можетъ быть, я и выздоровѣлъ-бы".

И. М.

---

[1]) Припомнимъ, что даже мертвый Шевченко былъ невыносимъ для „обывателей" этого гнѣзда, и уже 31 іюля 1861 г. губернскій предводитель дворянства Горватъ серьезно ходатайствовалъ передъ властями о перенесеніи праха поэта изъ Канева „въ такое мѣсто, гдѣ сборища и скопища простонародья не могли-бы имѣть мѣста", а каневскій уѣздный предводитель даже рекомендовалъ разрыть могилу, дабы „показать народу, что ножовъ тамъ вовсе не было". Это осиное жужжанье пошло и дальше. Въ 1862 г. подольское польское дворянство, ходатайствуя о присоединеніи Подольской губерніи къ царству Польскому, во всеподданнѣйшемъ адресѣ инсинуировано такъ: „въ центрѣ управленія, въ Кіевѣ, развивается общество будто-бы послѣдователей Шевченка, какихъ-то коммунистическихъ понятій. Цѣль ихъ взволновать народъ и довести до истребленія собственниковъ земли; общество это существуетъ уже болѣе четырехъ лѣтъ". (См. Журн. Мин. Юст. за 1863 г, апрѣль. Русская угол. хроника, стр. 165).

Изъ воспоминаній Ѳ. М. Лазаревскаго о Шевченкѣ.

По конфирмаціи Государя Императора, состоявшейся въ въ концѣ мая 1847 года, Т. Г. Шевченко, въ сопровожденіи фельдъегеря Видлера, отправленъ на почтовыхъ въ ссылку въ Оренбургъ, отстоящій отъ Петербурга на 2110 верстъ, и чрезъ 7 дней, въ 11 часовъ ночи, доставленъ на мѣсто назначенія, дѣлая по 300 верстъ въ сутки. Тамъ его зачислили въ пятый Оренбургскій линейный батальонъ во вторую роту, занимавшую гарнизонъ въ Орскомъ укрѣпленіи. Къ этому времени и относится первоначальное знакомство съ Шевченкомъ покойнаго Ѳедора Матвѣевича, который съ 1846 года служилъ въ Оренбургской пограничной коммиссіи, а старшій братъ его, Мих. М—чъ, впослѣдствіи задушевный другъ и душеприкащикъ поэта, находился въ Троицкѣ, въ 200 верстахъ отъ Оренбурга въ должности попечителя прилинейныхъ киргизовъ. Эти два брата—земляки, па сколько отъ нихъ зависѣло, и облегчили горькую участь нашего изгнанника: свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Написанныя Ѳедоромъ Матвѣевичемъ воспоминанія о его знакомствѣ съ Шевченкомъ (для предполагавшагося второго изданія моей книги о Шевченкѣ) помѣщаемъ здѣсь [1]).

М. Чалый.

---

[1]) Ѳ. М. Лазаревскій умеръ въ 1890 г. въ Гадяцкомъ уѣздѣ, Полтавской г. въ своемъ имѣніи, хуторѣ Побиванкѣ.

9 іюня 1847 года сидѣлъ я въ своей Пограничной коммиссіи и усердно занимался текущими дѣлами. Вдругъ, около двухъ часовъ пополудни, въ комнату вбѣгаетъ, запыхавшись, писецъ Галевинскій и говоритъ: „ночью жандармы Шевченка привезли; я слышалъ отъ офицера, которому его сдали, и онъ находится теперь въ пересылочной казармѣ“.

Не давая себѣ отчета, я побѣжалъ въ казармы и съ трудомъ отыскалъ тамъ новопривезеннаго арестанта. Лежалъ онъ ничкомъ на нарахъ, углубившись въ чтеніе библіи. До этого времени я никогда не видалъ Шевченка, а зналъ только его „Кобзаря“ и „Гайдамакъ“. Забывая о присутствовавшихъ соглядатаяхъ, въ юношескомъ увлеченіи я бросился къ нему на шею. Неохотно поднявшись съ наръ, Тарасъ Григорьевичъ заговорилъ со мной недовѣрчиво, отвѣчая отрывисто на мои вопросы. Понятно, могъ ли онъ сразу довѣриться человѣку, явившемуся къ нему, ни съ того, ни съ сего, въ первые часы его прибытія на мѣсто ссылки? Между прочимъ, я спросилъ его: не могу ли я быть чѣмъ нибудь ему полезенъ? Онъ сдержанно отвѣтилъ: „я не нуждаюсь въ чужой помощи—самъ себѣ буду помогать. Я получилъ уже приглашеніе отъ завѣдывающаго пересылочной тюрьмой учить его дѣтей“.

Просидѣвъ у него съ полчаса, я прямо изъ казармъ отправился къ своему начальнику, генералу Ладыжинскому, къ которому до того являлся только по дѣламъ службы, и то, если не со страхомъ, то застѣнчиво и робко.

— В. п-во! Шевченка привезли! выпалилъ я генералу: я сейчасъ былъ у него, нельзя ли помочь ему?

Генералъ удивленно посмотрѣлъ на меня и улыбнулся. Надобно замѣтить, что Ладыжинскій былъ начальникъ гуманный не по тогдашнему времени. Очевидно, онъ понялъ порывъ молодого увлеченія и деликатно-снисходительно охладилъ меня, замѣтивъ оффиціальнымъ тономъ, что Шевченко, вѣроятно, заслужилъ свою участь, что въ такомъ дѣлѣ слѣдуетъ быть осторожнымъ и сочувствіе свое припрятать и что онъ наконецъ удивляется смѣлости такого къ нему обращенія со стороны подчиненнаго. Отъ генерала вышелъ я съ поникшей головой и побрелъ въ свою коммиссію, но съ неизмѣннымъ желаніемъ, во чтобы то ни стало, помочь несчастному. Посовѣтовавшись съ товарищемъ

своимъ по службѣ и по черниговской гимназіи Сергѣемъ Левицкимъ [1]), мы сообща порѣшили дѣйствовать чрезъ чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ подполковника Матвѣева. Сынъ простого уральскаго козака, изъ писарей достигшій довольно высокаго положенія въ краѣ, но оставшійся такимъ же простымъ сердечнымъ козакомъ, чуждый важности и напускного величія, Матвѣевъ всегда готовъ былъ помочь ближнему въ нуждѣ. При Обручевѣ онъ былъ великая сила въ Оренбургскомъ краѣ, и мы съ Левицкимъ не ошиблись въ своемъ выборѣ. Выслушавъ насъ внимательно, Матвѣевъ, повидимому, былъ тронутъ. Правда, ничего не обѣщалъ, но мы вышли отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, увѣренные въ томъ, что онъ будетъ работать въ пользу обездоленнаго Кобзаря.

Черезъ два дня Шевченко пришелъ къ намъ на квартиру. Я встрѣтилъ его, какъ брата, какъ самаго близкаго человѣка. Со мной жилъ тогда Левицкій, и Тарасъ Гр—чъ съ обоими нами былъ сердечно простъ, и мы сразу стали друзьями. Говорили много и оживленно. Между прочимъ, онъ сообщилъ намъ, что былъ у Матвѣева, по его приглашенію, и что онъ очень расположилъ его къ себѣ. Гость остался у насъ ночевать. Снявъ съ кроватей тюфяки, мы разложили ихъ на полу и всѣ втроемъ улеглись на полу вповалку. Шевченко прочелъ намъ наизусть свою поэму „Кавказъ", „Сонъ" и др., пропѣлъ нѣсколько любимыхъ своихъ пѣсенъ: неизмѣнную „Зироньку", „Тяжко важко въ свити житы"; но съ особеннымъ чувствомъ была исполнена имъ пѣсня:

Забилилы сниги,
Заболило тило
Щей головонька,
Нихто не заплаче
По билому тилу
По бурлацькому... и проч.

---

[1]) Сережа Левицкій—сынъ б. директора черниговской гимназіи, въ 30-хъ год. учился со мной въ новгородсѣверск. повѣтовомъ училищѣ и потомъ, по окончаніи черниг. гимназіи, въ университ. Св. Владиміра. *М. Ч.*

Мы всѣ пѣли. Левицкій обладалъ замѣчательно пріятнымъ теноромъ и пѣлъ съ большимъ чувствомъ [1]). Были минуты, когда слезы сами собой катились изъ глазъ, а гость нашъ просто рыдалъ..

Лѣтняя ночь такимъ образомъ пролетѣла незамѣтно. Мы не спали вовсе. Рано утромъ Т. Гр—чъ простился съ нами, объявивъ, что получилъ уже назначеніе въ Орскую крѣпость, куда онъ на дняхъ долженъ отправиться.

Орская крѣпость—Яманъ-Кала (дрянь-городъ, какъ называютъ ее киргизы) лежитъ въ степной сторонѣ р. Яика въ двухъ верстахъ отъ р. Ори, на ю.-востокѣ отъ Оренбурга, въ 250 верстахъ отъ него.

Разставшись съ Шевченкомъ, я постоянно о немъ заботился, просилъ за него каждаго, кто только ѣхалъ въ Орскъ и кто хоть чѣмъ нибудь могъ быть ему полезенъ. Часто писалъ туда своему доброму знакомому, попечителю прилинейныхъ киргизовъ, М. С. Александрійскому. Не смотря на свои 40 л., это былъ лучшій представитель молодого поколѣнія сороковыхъ годовъ. Докторъ по профессіи, М. С. бросивъ медицину, перешелъ на службу въ пограничную комиссію; всегда спокойный и сдержанный, онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми обитателями Орскаго укрѣпленія. Женатый на дочери богатаго купца, Александрійскій всегда жилъ открыто, и нашъ Кобзарь былъ принятъ у него въ домѣ не какъ солдатъ, а какъ самый близкій знакомый, наравнѣ съ другими гостями. Тамъ онъ, безъ сомнѣнія, встрѣчался и съ батальоннымъ, и съ другими гарнизонными офицерами, какъ гость хозяина, а не какъ рядовой, 191 № по списку.

Вообще говоря, въ матеріальномъ отношеніи Ш—ку въ Орской крѣпости жилось недурно: надъ нимъ неусыпно бодрствовалъ добрый геній въ лицѣ Матвѣева. Ему помогали день-

---

[1]) По свидѣтельству К. И. Герна (см. ниже письмо его къ М. М. Лазаревскому) Левицкій, часто посѣщая Тараса, когда тотъ жилъ у него, пѣвалъ съ нимъ въ два голоса „и я не слыхалъ ничего восхитительнѣе этого пѣнія“, прибавляетъ К. И.

гами петербургскіе земляки, нерѣдко дѣлясь съ нимъ своимъ мизернымъ жалованьемъ. Пріѣзжавшій въ Оренбургъ старшій изъ моихъ братьевъ Василій преподнесъ Тарасу два ящика сигаръ и 50 руб. денегъ. Были присылаемы субсидіи на мое имя и отъ другихъ лицъ, напр. отъ Конотопца, В. О. Езучевскаго, Семена Артемовскаго (пѣвца),—и я отправлялъ ихъ для передачи брату Михаилу въ Троицкъ.

Затѣмъ братъ Михаилъ, перейдя на службу въ Петербургъ, присылалъ деньги непосредственно самому Тарасу и довольно крупные куши [1]).

Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ кружкахъ долго и упорно продолжали циркулировать нелѣпые разсказы о томъ, будто-бы, Ш—ко въ Орской крѣпости испилъ горькую чашу солдатскаго житья. Будто бы онъ изобразилъ себя стоящимъ подъ палками, съ руками, вскинутыми на голову, съ надписью: «отъ якъ бачите»! А Н. М. Бѣлозерскій въ „Кіевской Старинѣ“ увѣряетъ, якобы онъ видѣлъ у Лизогуба портретъ Ш—ка, съ подписью „оттакъ тоби!“. Стоитъ Тарасъ въ мундирѣ, а унтеръ колотитъ его тесакомъ... „Вѣроятно, замѣчаетъ глубокомысленно авторъ этой нелѣпой выдумки, рисунокъ и надпись были стерты при прохожденіи черезъ цензуру крѣпостного начальства“. Трудно объяснить происхожденіе этой небылицы.

Подобный же нелѣпый разсказъ случилось слышать мнѣ отъ какого-то господина, вовсе мнѣ незнакомаго, который повѣствовалъ, что когда онъ служилъ въ Оренбургскомъ батальонѣ вмѣстѣ съ Шевченкомъ, то однажды онъ пришелъ къ нему избитый тесакомъ, въ слезахъ попросилъ бумажку и тутъ же нарисовалъ себя стоящимъ подъ палками и надписалъ: «отъ якъ бачите»!

Терпѣливо выслушавъ разсказъ, я спросилъ разсказщика: „а въ какомъ году это было?—Въ 1851-мъ.“—А какъ фамилія командира того батальона, въ которомъ вы изволили служить? И онъ назвалъ какую то вымышленную фамилію. Тогда я публично назвалъ его лгуномъ, и онъ не посмѣлъ даже оправдываться.

[1]) Тарасъ Гр. часто вспоминалъ генерала Кухаренка, особенно щедро надѣлявшаго его субсидіями: „и въ вичи не бачывъ сіого доброго чоловика, а спасыби ему, дуже помогавъ мени“. *М. Ч.*

Могу увѣрить всѣхъ, кому дорога истина, что Т. Г—чъ съ благодарностью вспоминалъ всегда о своихъ начальникахъ въ Орской крѣпости; что ни о какихъ палкахъ и фухтеляхъ не-было тамъ и помину; что никакого цензора для его писемъ и рисунковъ тамъ не существовало, и если de jure и считалась какая нибудь цензура, то у него было довольно благопріятелей, при содѣйствіи которыхъ письма, его могли всегда избѣгать ее. Александрійскій, по тогдашнему моему служебному положенію и по довѣрію, какимъ я пользовался у генерала Ладыжинскаго, съ великою готовностью исполнялъ всѣ мои просьбы; но и помимо моего вліянія, онъ очень любилъ Тараса. Кромѣ того, отъ всяческихъ взысканій и строгостей батальоннаго начальства нашего Кобзаря хранило доброе расположеніе браваго козака Матвѣева, который при каждой встрѣчѣ со мной обыкновенно обращался ко мнѣ съ вопросомъ: „а что вашъ Шевченко? Пожалуйста, прибавлялъ онъ, понизивъ голосъ, если что не такъ, заходите ко мнѣ и скажите“.

Повторяю: совмѣстимы ли при такомъ положеніи Шевченка палки и тесакъ унтера?

Въ началѣ 1848 года Т. Г—чъ съ ротой былъ отправленъ въ Уральское укрѣпленіе, а оттуда, въ числѣ другихъ нижнихъ чиновъ 5-го линейнаго батальона, командированъ, для прикрытія отъ нападенія кочующихъ киргизовъ транспорта, слѣдовавшаго подъ начальствомъ генерала Штейнберга въ Раимское укрѣпленіе, на берега Сыръ-Дарьи. Затѣмъ, какъ извѣстно, Ш—ко безвѣстно пропадалъ въ опасной аральской экспедиціи А. И. Бутакова. Во все это время ни я, ни кто другой изъ близкихъ ему лицъ не получали отъ него ни строчки. Неизмѣнный другъ поэта, княжна Реппина, встревоженная долгимъ его молчаніемъ, вначалѣ сентября 1848 года обратилась ко мнѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь Ѳ. М—чъ.

Болѣе года, какъ я совершенно безъ извѣстій о Т. Григ. Шевченкѣ, который находится подъ вашимъ начальствомъ, (?) именемъ всего вамъ дорогого прошу васъ увѣдомить меня, гдѣ

находится Ш—ко и что съ нимъ? Вы меня очень обяжете. Готовая къ услугамъ В. Репнина".

На это письмо я предоставилъ отвѣтить самому Тарасу, по возвращеніи его въ Оренбургъ.

Экспедиція Бутакова окончилась осенью 1849 г. Для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ ему понадобились въ Оренбургѣ Вернеръ и Шевченко; послѣдній—для окончательной отдѣлки живописныхъ видовъ, чего на морѣ сдѣлать было нельзя, а равно и для перенесенія на карту видовъ гидрографическихъ, вслѣдствіе чего Бутаковъ вошелъ съ представленіемъ къ Обручеву объ откомандированіи Вернера и Шевченка въ Оренбургъ. Узнавши же, что во второмъ батальонѣ есть искусный рисовальщикъ, ссыльный Брониславъ Залѣскій, Бутаковъ просилъ командировать и его въ помощь Шевченку. Такимъ образомъ нашъ Кобзарь, вмѣсто Орской крѣпости, попалъ въ Оренбургъ и поселился въ квартирѣ моей, близъ костела, а потомъ въ предмѣстьи Оренбурга въ домѣ К. И. Герна, хотя собственно говоря, нашъ Тарасъ, имѣя много знакомыхъ, проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь.

Во весь 1849 г., я, по дѣламъ службы, подолгу оставался въ киргизскихъ степяхъ. Вернувшись однажды изъ командировки глубокой осенью, я засталъ въ своей квартирѣ Шевченка и моряка Поспѣлова, съ которымъ поэтъ болѣе года провелъ въ аральской экспедиціи. Тарасъ, Поспѣловъ, Левицкій и я зажили, что называется, душа въ душу: ни у одного изъ насъ не было своего, все было общее; а съ Тарасомъ у насъ даже одежда была общая, такъ какъ въ это время онъ почти никогда не носилъ солдатской шинели. Лѣтомъ онъ ходилъ въ парусиновой парѣ, а зимой въ черномъ сюртукѣ и драповомъ пальто. Иногда заходилъ къ намъ и Бутаковъ, чаще же другихъ гостилъ К. И. Гернъ. Матвѣевъ также не чуждался нашего общества. Вечера наши проходили незамѣтно. Пили чай, ужинали, пѣли пѣсни. Тарасъ съ морякомъ Поспѣловымъ иногда прохаживались по чарочкамъ. Изрѣдка устраивались вечера съ дамами, при чемъ неизмѣнной

подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замѣчательной красоты. А. И. Бутакову очень понравились наши вечера, но, стѣсняясь своего подчиненнаго Поспѣлова, онъ у насъ не засиживался. Однажды Алексѣй Ивановичъ просилъ Тараса устроить въ его квартирѣ подобный нашему вечеръ, только безъ Поспѣлова. Былъ назначенъ день, но какъ на зло, въ этотъ именно день Бутаковъ былъ приглашенъ на вечеръ къ Обручеву. Тѣмъ не менѣе мы собрались у него и ожидали его къ ужину. Къ тремъ часамъ вернулся хозяинъ. Тарасъ собственноручно зажарилъ превосходный бифштексъ и мы пропировали до свѣту.

Въ концѣ декабря того же 1849 года я долженъ былъ отправиться за 500 верстъ въ Гурьевъ городокъ и пробылъ тамъ до весны 1850 года. Вернувшись въ мартѣ, я засталъ въ городѣ только одного Тараса. Левицкій переведенъ на службу въ Петербургъ, Бутаковъ съ Поспѣловымъ выѣхали въ степь. Въ мое отсутствіе Ш—ко сблизился съ поляками, которыхъ въ николаевское царствованіе въ Оренбургѣ была цѣлая колонія. Они очень ухаживали за Тарасомъ, что подъ часъ сильно тяготило его, хотя по наружности онъ съ ними былъ на дружеской ногѣ. Бывало не вижу его два-три дня; спрашиваю: гдѣ ты пропадалъ такъ долго?—„Та оци проклятущи ляхи заманылы мене до себе, тай не выпускалы“, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ.

Ближе всѣхъ, повидимому, онъ стоялъ къ Залѣскому, Сѣраковскому, Станевичу, Турно, Зеленкѣ и Аркадію Венгржиновскому. Послѣдній изъ нихъ служилъ въ Пограничной коммиссіи; человѣкъ необыкновенно юркій и пронырливый, онъ первымъ узнавалъ о прибытіи новыхъ ссыльныхъ поляковъ и тотчасъ вводилъ ихъ въ свой кружокъ. Михаилъ Зеленко, доминиканскій монахъ, бывшій въ 30-хъ годахъ префектомъ гимназіи въ Литвѣ, сосланъ въ Оренбургъ въ 1834 году и сдѣлался тамъ капелланомъ Оренбургскаго кадетскаго корпуса. Поляки не переставали величать его префектомъ (ojciec prefect). Эти то два воротилы, Венгржиновскій и Зеленко, составляли центръ польскаго населенія въ краѣ. Лучшими изъ ссыльныхъ поляковъ

были сосланные въ 30-хъ годахъ. Было нѣсколько и такихъ, которые были назначаемы на службу въ Оренбургскій край отъ правительства, съ обязательствомъ отслужить извѣстное число лѣтъ. Ссыльные поляки составляли образованную часть губернскаго общества, конечно, не чисто аристократическаго, а того средняго кружка, въ которомъ вращалось чиновничество невысокаго ранга.

Одна изъ сестеръ полковника Герна была замужемъ за паномъ Киршей, служившимъ въ провіантской коммиссіи. Въ домѣ Киршей всегдашними гостями были: Сѣраковскій, Залѣскій, Турно и др. Тамъ же довольно часто бывалъ и Ш—ко, окуриваемый ѳиміамомъ лести и ухаживаній.

Разъ приходитъ ко мнѣ Тарасъ и предлагаетъ свой портретъ.

— Возьми ты у мене, Христа ради, оцей портретъ, хотилось бы, щобъ винъ зостався у добрыхъ рукахъ, а то поганци ляхи выманять ёго у мене. Усе пристають, щобъ я имъ оддавъ.

— Де жъ ты, пытаюсь, малювавъ ёго?

— Та у ихъ же й малювавъ.

Портретъ, по желанію поляковъ, долженствовалъ изобразить Ш—ка сидящимъ въ казематѣ Орской крѣпости за рѣшеткой; но такой обстановки на рисункѣ не оказалось. На предложеніе же Тараса взять портретъ въ свою собственность, я сказалъ:

— Портретъ твой, мій голубе, для меня большая драгоцѣнность, а за то, что возьму его, я обязанъ отдарить тебя чѣмъ нибудь цѣннымъ, чего у меня теперь не имѣется.

Тарасъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня и промолвилъ:

— Бачишъ, чоботы у мене износылысь: возьми и дай мени чоботы.

Устыдившись своей щепетильности, я взялъ портретъ [1]).

---

[1]) Портретъ этотъ, нарисованный тушью, былъ подаренъ мнѣ покойнымъ Ѳ. М—мъ для приложенія ко 2-му (несостоявшемуся) изданію моей книги („Жизнь и произведенія Т. Шевченка“), но потомъ имъ отобранъ у меня и теперь неизвѣстно, гдѣ находится; а я не успѣлъ даже копіи снять. *М. Ч.*

Въ послѣдній свой пріѣздъ изъ степи, я засталъ Шевченка тамъ-же на слободкѣ во флигелѣ дома К. И. Герна; но по возвращеніи моемъ, онъ началъ по прежнему проживать чаще въ моей квартирѣ, оставляя свой скарбъ у Герна.

Вообще говоря, въ короткій періодъ своего житья-бытья въ Оренбургѣ, Т. Г—чъ былъ обставленъ превосходно. Образъ жизни его ничѣмъ не отличался отъ жизни всякаго свободнаго человѣка. Онъ только числился солдатомъ, не неся никакихъ обязанностей службы. Его, что называется, носили на рукахъ. У него была масса знакомыхъ, дорожившихъ его обществомъ, не только въ среднихъ классахъ, но и въ высшихъ сферахъ оренбургскаго населенія: онъ бывалъ въ домѣ генералъ-губернатора, рисовалъ портретъ его жены и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ это время, вслѣдствіе частыхъ командировокъ въ степь, я страшно страдалъ ревматизмомъ. Пришелъ однажды ко мнѣ Тарасъ и сталъ тянуть меня къ доктору Майделю на вечеръ.

— Ходимъ, винъ тоби скаже, що треба робыть.

— Христосъ съ тобой, говорю ему: какъ я пойду безъ приглашенія къ такому важному тузу?

— Але ходимъ, я вже знаю, що роблю.

Я и пошелъ. Надобно знать, что тайный совѣтникъ баронъ Майдель былъ породистый аристократъ и вращался въ самыхъ высшихъ сферахъ губернской знати; но я воочію убѣдился, что мой Тарасъ и тамъ былъ свой человѣкъ. И никакой угловатости, никакого диссонанса съ окружавшими его гостями я не замѣтилъ. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ и даже съ нѣкоторой важностью. Мнѣ за него, какъ за любимое существо, было очень пріятно. Онъ никому не навязывался, не вмѣшивался ни въ какой разговоръ; всѣ обращались къ нему и онъ всякому отвѣчалъ сдержанно, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи и съ чувствомъ собственнаго достоинства.

Меня приводятъ въ негодованіе разсказы о безобразіяхъ Шевченка въ нетрезвомъ видѣ. Я былъ знакомъ съ нимъ въ лучшіе годы его жизни, когда онъ отличался здоровьемъ и силой, но я ни разу не видалъ его въ пьяномъ видѣ до безобра-

зія. Выпивалъ онъ, правда иногда довольно, но каждая лишняя чарка дѣлала его только болѣе развязнымъ и воодушевленнымъ, сообщала болѣе задушевности и невообразимой симпатичности. Душа его всегда знала мѣру. Четверостишіе, написанное имъ гдѣ-то углемъ на стѣнѣ питейнаго заведенія, вполнѣ характеризуетъ подобное состояніе:

Выпьешъ першу—стрепенешся,
Выпьешъ другу—схаменешся,
Выпьешъ третю—въ очахъ сяе,
Думка думку погоняе. *)

Въ 1849 году прибылъ въ Оренбургъ на службу только что выпущенный изъ какого-то кадетскаго корпуса смазливенькій прапорщикъ Исаевъ. Не прошло и полгода, какъ по городу стали ходить слухи о томъ, что сей юный Адонисъ приглянулся супругѣ N. N. Слухи эти приводили Тараса въ изступленіе.

— Докажу жъ я этой к....! не дамъ я ей безнаказанно позорить честное имя почтеннаго человѣка, кипятился онъ, заходя ко мнѣ.

— Не твое, говорю, дѣло мѣшаться въ семейныя дрязги. Помни, Тарасе, что ты солдатъ, а Исаевъ хотя и плюгавенькій,

---

*) Высказанное здѣсь мнѣніе почтеннаго Ѳ. М-ча о Шевченкѣ нельзя назвать пристрастнымъ. Такого человѣка, какъ нашъ Кобзарь, не слѣдуетъ ставить на одну доску съ заурядными „мочемордами": тѣ, когда пьютъ—они просто пьянствуютъ; поэты же и художники часто черпаютъ въ винѣ вдохновеніе. Кто не въ состояніи понять различія между художникомъ и не художникомъ, тотъ будетъ видѣть въ Шевченкѣ не вдохновеннаго поэта, а только пьянаго человѣка.

Сопоставляя приведенный выше разсказъ Ѳ. М-ча о счастливыхъ мѣсяцахъ ссыльной жизни поэта съ нѣкоторыми изъ его писемъ изъ того же времени, — невольно приходишъ къ заключенію, что проявлявшаяся въ немъ мимолетная веселость была только наружная, что предаваясь иногда развлеченіямъ, онъ старался только забыться отъ неустанно угнетавшей душу его тоски, что сравнительно привольная жизнь нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могла удовлетворить пожиравшей его внутренности жажды свободы.

„Ничтожны матеріальныя блага въ сравненіи съ духовными... Какъ грустно стою я между людьми!... Не видать мнѣ веселыхъ дней, ни моей милой родины!.. Ужасна безнадежность!..."

Вотъ что онъ думалъ, оставаясь на единѣ съ самимъ собой, чего желалъ, къ чему стремился. *М. Ч.*

да офицеръ, и если черезъ тебя что нибудь откроется, то ты думаешь—N. N. подякуе тоби? Есть вещи, про которыя лучше не знать.

Но Тарасъ мой не унимался. Онъ началъ слѣдить за женой N. N. и каждый вечеръ приносилъ мнѣ все новыя извѣстія о своихъ наблюденіяхъ и открытіяхъ. Въ пятницу на страстной недѣлѣ онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ торжествующей физіономіей.

— Накрывъ! доказавъ! N. N. со двора, а онъ въ форточку, а я слѣдомъ за N. N., вернувъ его до дому да прямо въ спальню...

— Дурень же ты, дурень, Тарасе! Наробивъ ты соби лыха. Знай же, що се тоби не минетьця даромъ: маленькая душонка Исаева отдасть тоби!..

Къ несчастію, слова мои оказались пророческими. Но все таки я не предполагалъ найти въ молодомъ человѣкѣ столько мерзости, сколько ея въ немъ оказалось. Я не допускалъ болѣе того, чѣмъ офицеръ можетъ выместить свои обиды на низшемъ чинѣ—рядовомъ Шевченкѣ. Но я сильно ошибся.

На слѣдующій день, въ страстную субботу, Тарасъ былъ дома, а я получилъ оффиціальное приглашеніе пожаловать къ генералъ-губернатору въ такомъ-то часу разговѣться. Спрашиваю Тараса, какъ тутъ быть?

— Ты соби якъ знаешь, а я поіду въ гости.

Въ сумерки ко мнѣ пріѣхалъ Гернъ, страшно озабоченный, взволнованный.

— Гдѣ Тарасъ? спрашиваетъ меня торопливо.

— Поѣхалъ, говорю, въ гости.

— Ради Бога, поскорѣй зовите его въ квартиру. Жгите тамъ все, что сколько-нибудь можетъ повредить ему: на него Обручеву поданъ доносъ. Уже сдѣлано распоряженіе произвесть въ его квартирѣ обыскъ.

Я бросился къ знакомымъ, забралъ Тараса и помчался съ нимъ на Слободку. Онъ былъ совершенно покоенъ и даже подшучивалъ надъ собой. Пріѣхали. Вывалилъ онъ мнѣ цѣлый

ворохъ бумагъ и нѣсколько портретовъ: начатый портретъ жены Герна и его самого.

— Ну, щожъ тутъ палыть?—обратился онъ ко мнѣ. Я, хотя и зналъ содержаніе чуть-ли не всѣхъ писемъ къ нему, но сталъ ихъ пересматривать. Всѣ они, по моему мнѣнію, были самаго невиннаго свойства.

— И я тебе пытаю, отвѣчалъ я вопросомъ на его вопро съ що палыть?

— Палы уси письма кн. Репниной.

И всѣ драгоцѣнныя для Тараса посланія Варвары Николаевны, конечно, самыя невинныя, брошены въ каминъ. Туда же полетѣли и еще нѣкоторыя бумаги, по выбору самого Тараса.

Пытливо прочелъ я письма брата Василія, свои письма, письма Левицкаго, Александрійскаго и др., но ровно ничего, по моему, въ нихъ не было недозволеннаго, а тѣмъ болѣе преступнаго, но Тарасъ командовалъ: „палы!“.

— Но послухай-же, мій голубе: якъ мы все спалымъ, то догадаютьця, що насъ предупредылы объ обыскѣ, да и станутъ искать вIноватого. А не будетъ-ли въ такомъ разѣ въ отвѣтѣ Карлъ Ивановичъ?

— И то правда, согласился Тарасъ: буде! Пойидемъ до тебе, та ще тамъ що небудь спалымъ.

Когда мы въѣзжали въ городъ, то въ Сакмарскихъ воротахъ повстрѣчали плацъ-адъютанта Мартынова, полицій-мейстера и еще какого-то военнаго. Мы догадались, что они ѣдутъ въ Слободку. Не смыкаючи очей провели мы эту ночь, но обыска у меня не было. Рано утромъ, прямо отъ Обручева, пріѣхалъ къ намъ послѣ рбзговинъ Александрійскій и разсказалъ все, что тамъ происходило,

— На меня, говорилъ онъ, внезапно накинулся Обручевъ: „а-а, такъ мы отвѣчаемъ пушками на вопли порабощеннаго народа о свободѣ! (Цитата изъ письма Александрійскаго къ Ш—ку о бунтѣ киргизовъ въ 1848 г.). На обвахту! на бѣлое, черное, синее море (поговорка Обручева). А Лазаревскій здѣсь? а-а, въ перепискѣ съ преступникомъ: „милый, любый мій, а? На обвахту! (Здѣсь Обручевъ смѣшалъ меня съ братомъ Василіемъ).

Въ то же время всѣхъ присутствовавшихъ поразило необыкновенное вниманіе Обручева къ прапорщику Исаеву. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ нему, бралъ подъ руку, подводилъ къ столу, любезно припрашивалъ „разговляйтесь, любезнѣйшій, разговляйтесь". Тогда всѣмъ стало ясно, кто былъ этотъ любезнѣйшій предатель.

Значитъ, еще до разсвѣта часть взятыхъ при обыскѣ бумагъ уже успѣли разобрать и доложить генералъ-губернатору за одно съ радостнымъ благовѣстіемъ о воскресеніи распятаго за насъ Спасителя!...

Въ тотъ же день ко мнѣ заѣзжали и другіе знакомые и передавали, что Обручевъ высказывался передъ своими приближенными объ Исаевѣ въ такихъ выраженіяхъ:

„Мерзавецъ! подлецъ! но.. что будешь дѣлать? Я увѣренъ, что этотъ негодяй и на меня послалъ доносъ. А въ Петербургѣ я никого не имѣю за плечами; я, какъ Шевченко, человѣкъ маленькій"...

Обручевъ не ошибся: на него полетѣлъ другой доносъ шефу жандармовъ. Въ тотъ же день Шевченка потребовали въ ордонансъ-гаусъ и посадили на обвахту впредь до особаго распоряженія; а 12-го мая отправили въ Орскую крѣпость этапнымъ порядкомъ, съ строжайшимъ предписаніемъ командиру 5 батальона слѣдить за нимъ. Вскорѣ послѣ высылки Шевченка уволенъ былъ и самъ Обручевъ...

Къ счастію для бѣднаго Тараса, въ Петербургѣ не признали нужнымъ входить въ глубь вещей и свели все обвиненіе къ тому, что онъ нарушилъ высочайшее запрещеніе писать и рисовать и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ. Просидѣвъ въ Орскомъ казематѣ болѣе мѣсяца, по приговору военнаго суда Шевченко былъ отправленъ въ Новопетровское укрѣпленіе и зачисленъ тамъ рядовымъ въ 1-й уральскій батальонъ въ 4-ю роту.

Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ, говоритъ пословица. На сей разъ щепки полетѣли очень далеко. По поводу злосчастнаго письма Сергѣя Левицкаго, въ квартирѣ Головка и самого Ле-

вицкаго произведенъ былъ обыскъ, окончившійся, для Головка весьма трагически [1]). Вслѣдъ за симъ арестованъ былъ и Левицкій. Повезъ его жандармъ черезъ Синій мостъ въ крѣпость. Бѣднягой Сергѣемъ овладѣлъ такой страхъ, такое непреодолимое желаніе извести себя, что, переѣзжая мостъ, онъ выпрыгнулъ изъ пролетки и бросился въ воду. Но его вытащили. 12 дней просидѣлъ онъ въ крѣпости и хотя арестъ не повлекъ за собой никакихъ послѣдствій для его службы, но сильно повліялъ на его здоровье: этотъ 28-лѣтній юноша, крѣпкаго сложенія, вдругъ захирѣлъ, осунулся, и хотя начальство отнеслось къ нему участливо, переведши его, для поправленія здоровья, на службу въ Скуляны, но черезъ два года онъ отдалъ Богу душу.

Оканчивая эту печальную исторію, не могу не помянуть добрымъ словомъ генералъ-губернатора Обручева. Мы знаемъ, что Обручевъ за данное имъ, по просьбѣ А. И. Бутакова, разрѣшеніе Ш—ку участвовать своею животворною кистію въ опасной Аральской экспедиціи, получилъ изъ Петербурга строгое замѣчаніе и не смотря на то, не только не принялъ противъ него никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, но напротивъ, по возвращеніи поэта изъ экспедиціи, дозволилъ ему остаться въ Оренбургѣ, вдали отъ 5 батальона и тяготы солдатской службы, принималъ его у себя въ домѣ не какъ рядоваго, а какъ талантливаго художника, заказавъ ему написать портретъ своей супруги. Не то было послѣ доноса Исаева...

Обручевъ много потрудился на пользу Оренбургскаго края. Главной его заботой было водвореніе между кочующими киргизами осѣдлости. Между кочевниками онъ ввелъ обязательную запашку. Проѣзжая степью, онъ, говорятъ, самъ, въ присутствіи киргизовъ, подмазывалъ телѣгу и заставлялъ ихъ продѣлывать то же самое. Онъ былъ большой экономъ и ревностно оберегалъ казенные интересы, сдерживая хищничество интендантовъ и инженеровъ.

М. Ч.

[1]) См. Кіев. Ст. 1898 г., мартъ, 429.

Разставшись съ Тарасомъ въ памятный мнѣ первый день Пасхи 1850 года, я не видалъ его до 1857 года, когда я встрѣтился съ нимъ у брата Михаила Матвѣевича въ Петербургѣ, гдѣ я въ этомъ году получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при предсѣдателѣ департамента удѣловъ М. Н. Муравьевѣ. Встрѣтились мы, какъ братья, безъ возгласовъ и восклицаній, но съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Всевышнему и съ увѣренностью въ томъ, что мы остались такъ-же близки другъ другу. 20 марта 1857 года я уѣзжалъ въ командировку въ губерніи: Вятскую, Черниговскую, Орловскую, Московскую, а въ 1859 году назначенъ управляющимъ Орловскою удѣльною конторой. Ш—ко, прощаясь со мной, сказалъ: *любите крестьянъ.* 23 года я занималъ должность управляющаго удѣльною конторой и въ ушахъ моихъ при всякомъ дѣлѣ съ крестьянами постоянно звучали эти знаменательныя два слова: при надѣлѣ ихъ землею я составилъ около 200 уставныхъ грамотъ... и надѣюсь, съ успѣхомъ выполнилъ заповѣдь народолюбца Тараса!...

Хотя по дѣламъ службы, живя въ Орлѣ, я часто бывалъ въ Петербургѣ и въ каждый свой пріѣздъ видѣлся съ Ш—комъ, но о столичной его жизни предоставляю разсказать другимъ. Помню только, что мои знакомые, зная добрыя отношенія ко мнѣ Тараса, просили меня доставить имъ случай познакомиться съ нимъ. Такъ, по просьбѣ Н. Н. Тютчева (члена совѣта департамента удѣловъ) я однажды вечеромъ пришелъ къ нему съ М. С. Щепкинымъ и съ Тарасомъ, который прочелъ нѣсколько своихъ стихотвореній и когда началъ читать „Сонъ“:

„На панщини пшеныцю жала“, и пр.

всѣ прослезились, а М. С—чъ просто рыдалъ [1]).

---

[1]) Щепкинъ подъ старость былъ очень слабъ нервами: читая или выслушивая что нибудь доброе, хорошее, онъ заливался слезами. О такой чувствительности комика, между прочимъ, свидѣтельствуетъ четверостишіе водевилиста Ленскаго: когда его пригласили участвовать въ подпискѣ на юбилей М. С—ча, то онъ сказалъ такой экспромтъ:

Заиграетъ оркестръ Сакса
И завекрится ай,
И заплачетъ старый плакса
И съ нимъ денежки мои. (Рус. Архивъ 84 г.) М. Ч.

Въ августѣ 1859 года я нѣсколько дней провелъ съ Тарасомъ у матери въ селѣ Гирявкѣ, въ Конотопскомъ уѣздѣ. Съѣхались мы совершенно случайно. Возвращаясь изъ своей поѣздки на родину, по дорогѣ изъ Кіева въ Петербургъ, онъ заѣхалъ въ Гирявку и къ нашему общему удовольствію засталъ тамъ и меня; объѣзжая свой районъ по удѣльному вѣдомству, я заѣхалъ погостить у матери.

Живя въ Гирявкѣ, Тарасъ, по обыкновенію, вставалъ очень рано и отправлялся въ садъ, садился тамъ подъ вербою и оставался въ созерцательномъ состояніи, до чаю. Настроеніе его, вслѣдствіе испытанныхъ имъ на родинѣ непріятностей, было какое-то удрученное... Впрочемъ это состояніо не помѣшало Тарасу Григорьевичу нарисовать тогда портретъ нашей матери для подарка брату Михаилу [1]).

Изъ Гирявки мы выѣхали вмѣстѣ. Я довезъ его до Сѣвска и повернулъ въ сторону—осматривать свое удѣльное хозяйство, а онъ поѣхалъ дальше одинъ на почтовыхъ.

---

[1]) Портретъ этотъ теперь хранится у Ал. М. Л—аго, вмѣстѣ съ портретомъ М. М—ча Л—аго, нарисованнымъ Т. Г. Ш—комъ въ 1858 г. Ред.

Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка и о первомъ посмертномъ изданіи его сочиненій.

Въ собраніе рукописей В. В. Тарновскаго недавно поступила небольшая пачка бумагъ изъ числа оставшихся послѣ смерти Михаила и Василія Матвѣевичей Лазаревскихъ, состоящая изъ нѣсколькихъ писемъ и счетовъ и заключающая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія: во 1-хъ, о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка и устройствѣ его могилы, и во 2-хъ, объ изданіи его сочиненій. Этими свѣдѣніями мы и считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ читателями.

I.

По вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка, какъ можно заключать изъ сохранившихся между означенными бумагами писемъ свояка и „названнаго брата“ Т. Г. Шевченка, Варѳоломея Григорьевича Шевченка, Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій былъ того мнѣнія, что похоронить Т. Г. Шевченка слѣдуетъ въ Кіевѣ, въ Выдубицкомъ монастырѣ. Въ письмѣ отъ 17 марта 1861 года Варѳоломей Г. Шевченко, отвѣчая на письма Михаила М. Лазаревскаго отъ 25 и 28 февраля и сообщая, что по полученіи извѣстія о смерти Тараса Григорьевича онъ еще не успѣлъ повидѣться съ родными его братьями Никитою и Іосифомъ и сестрою Ириною и что довѣренность, о которой

писалъ Михаилъ Матвѣевичъ, [1]) будетъ выслана послѣ свиданія съ ними,—выражалъ свое согласіе съ мнѣніями Михаила Матвѣевича (въ чемъ именно—не объясняется), а затѣмъ дальше продолжалъ: „Въ одномъ только позвольте мнѣ разойтись съ Вашимъ мнѣніемъ, именно, что похоронить Тараса, по моему, слѣдуетъ на томъ мѣстѣ, которое я купилъ ему въ Каневѣ; онъ такъ бредилъ этою позиціею, что на эту тему прислалъ маленькій кусочекъ написанныхъ имъ стиховъ. Поэтому я думаю, написать въ довѣренности и прошеніи слѣдуетъ такъ: „перевезти тѣло въ Кіевскую губернію и похоронить на указанномъ имъ самимъ мѣстѣ“. Это—высокій холмъ надъ Днѣпромъ въ лѣсу съ удивительнымъ видомъ на Полтавскую и часть Кіевской губерніи, гдѣ на его гробѣ поставить возможно огромной величины, чугунный крестъ на пирамидальномъ каменномъ пьедесталѣ, въ выраженіе того, что онъ понесъ тяжелый крестъ въ своей жизни до предѣловъ гроба, за любовь къ братьямъ. Противъ этого мѣста лѣтомъ пристаютъ пароходы, а крестъ будетъ виденъ очень, очень далеко, и пожалуй современемъ эта мѣстность приметъ названіе—„*Шевченкова могила*“.

Подъ этимъ письмомъ имѣется приписка отъ 18 марта, въ которой сообщается, что послѣ написанія приведенныхъ строкъ явились братья Т. Г. Шевченка и что теперь можно сдѣлать все сразу. Дальше Варѳоломей Шевченко продолжаетъ: „они (т. е.) братья согласны на мое мнѣніе; поэтому посылаю при семъ бумагу въ Академію [2]) а остальное, т. е. довѣренность, и прошеніе Министру [3]) пришлю по слѣдующей почтѣ; завтрашній день ѣду съ братьями въ Кіевъ для засвидѣтельствованія довѣренности и для узнанія, не будетъ ли препятствія похоронить Тараса въ Каневѣ, на той горѣ, которая ему предназначалась для хаты“.

---

[1]) Этою довѣренностью надо было уполномочить Михаила М. Лазаревскаго отъ наслѣдниковъ Т. Г. Шевченко на совершеніе всякихъ сдѣлокъ относительно движимости и литературной собственности покойнаго поэта.

[2]) Конечно, надо разумѣть академію художествъ.

[3]) Надо думать—о разрѣшеніи перевезть тѣло Т. Г. Шевченка въ Кіевскую губернію.

Въ другомъ письмѣ, отъ 20 марта 1861 г., Варѳоломей Шевченко сначала продолжаетъ отстаивать высказанную раньше мысль, говоря: „относительно погребенія Тараса Григорьевича въ Каневѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ желалъ построить себѣ домъ, объяснюсь Вамъ слѣдующими словами: ему это мѣсто чрезвычайно нравилось, такъ что онъ постоянно объ этомъ мечталъ; желаніе братьевъ единодушное похоронить его непремѣнно въ Каневѣ, почему я подалъ уже объявленіе къ начальнику полиціи и просилъ его исходатайствовать разрѣшеніе.“ Но потомъ, уступая Михаилу М. Лазаревскому, онъ пишетъ: „въ доказательство же, что я спорить съ Вами не намѣренъ, пришлю Вамъ съ слѣдующею почтою другое прошеніе къ Министру, въ которомъ буду просить похоронить въ Выдубицкомъ монастырѣ въ Кіевѣ; этимъ Вы будете уполномочены поступить по вашему желанію.“

Какъ и при какихъ обстоятельствахъ окончательно разрѣшился вопросъ о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка—читателямъ Кіевской Старины извѣстно изъ другихъ помѣщенныхъ въ ней матеріаловъ, въ дополненіе къ которымъ мы сочли нужнымъ привесть выписанныя выше и высказанныя вслѣдъ за смертью поэта соображенія объ избраніи мѣста погребенія его. Изъ нихъ видно, что немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ Т. Г. Шевченка его „названный братъ“ и другъ, ссылаясь на единодушное желаніе родныхъ братьевъ, высказывалъ ту же мысль, которую позже горячо поддерживалъ и привелъ въ исполненіе другой пріятель его Г. Н. Честаховскій; причемъ оба они, повидимому, руководились тѣмъ желаніемъ поэта, которое выразилось въ словахъ:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій,
Щобъ ланы шырокополи
И Днипро, и кручы
Булы выдни, було чуты
Якъ реве ревучій...

Разница между ними въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что Варѳоломей Шевченко, высказавъ свои пожеланія въ письмахъ къ Мих. М. Лазаревскому, чтобъ не спорить съ нимъ, готовъ былъ уступить ему, соглашаясь на погребеніе въ Кіевѣ, а затѣмъ, ко времени привезенія туда тѣла Т. Г. Шевченка, какъ сообщалось объ этомъ въ «Кіевской Старинѣ» *), по неизвѣстнымъ причинамъ избралъ для погребенія въ Кіевѣ не то мѣсто, на которое указывалъ Мих. М. Лазаревскій (Выдубицкій монастырь), а другое (на Щекавицкомъ кладбищѣ). Честаховскій же не хотѣлъ никому уступать и энергично отстоялъ мысль о погребеніи Т. Г. Шевченка около Канева на горѣ надъ Днѣпромъ.

Изъ позднѣйшихъ писемъ Варѳоломея Шевченка видно, что устройство надъ могилою Т. Г. Шевченка сооруженія, имѣющаго видъ продолговатаго кургана, потребовало значительнаго времени и что это сооруженіе представляетъ собою не простую земляную насыпь, какъ это кажется съ перваго взгляда, а заключенную между двойными каменными стѣнами, устроенными для того, чтобы современемъ насыпь не могла осыпаться. Въ письмѣ, писанномъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ перевезенія тѣла Т. Г. Шевченка въ Каневскій уѣздъ, именно 21-го іюля 1867 г., и адресованномъ Мих. М. Лазаревскому, Варѳоломей Шевченко съ приложеніемъ чертежа работъ, сообщалъ, что въ первыхъ числахъ іюля онъ распорядился начать постройку надъ могилою «покойнаго батька» по плану, который ранѣе былъ доставленъ Михаилу Матвѣевичу, и что первую стѣну, которая опоясываетъ могилу и въ основаніи своемъ имѣетъ толщины $1^1/_2$ аршина, а къ верху должна съузиться до $^3/_4$ аршина (чтобъ сооруженіе имѣло могилообразный видъ), воздвигли до высоты $1^1/_2$ аршинъ. Оставалось возвысить эту стѣну еще на столько же и затѣмъ, отступивъ отъ нея $1^1/_2$ аршина, построить другую стѣну вышиною въ $1^1/_2$ аршина, такъ чтобы вокругъ внутренней стѣны образовалась терраса, на которой можно бы было

*) 1894 г., № 2.

посадить деревья. Но генералъ-губернаторъ Юго-Западнаго края Безакъ, пріѣхавъ въ Каневъ и узнавъ отъ мѣстнаго городского головы о воздвигаемомъ надъ могилою Т. Г. Шевченка сооруженіи, воспретилъ продолжать работы; послѣ чего Варѳоломей Шевченко, по его разсказу, обратился къ исправнику съ просьбою отыскать въ полиціи дѣло, изъ котораго видно, что на эту постройку разрѣшеніе было дано губернаторомъ. Удостовѣрившись въ этомъ, исправникъ сдѣлалъ представленіе начальству, а пока пришлось пріостановить работы и ожидать вторичнаго разрѣшенія. Опасаясь, что это разрѣшеніе можетъ слишкомъ замедлиться или вовсе не послѣдовать, Варѳоломей Шевченко просилъ Михаила Матвѣевича, на случай если придется обращаться къ высшему начальству, подготовить къ этому кого слѣдуетъ и написать проэктъ прошенія Министру.

Это письмо уже не могло застать Михаила М. Лазаревскаго въ живыхъ, такъ какъ смерть его послѣдовала въ маѣ 1867 года. Изъ письма къ Василію М. Лазаревскому, писаннаго 18 апрѣля 1868 г., надо заключать, что разрѣшеніе, объ ожиданіи котораго сообщалось выше, было получено. Въ этомъ письмѣ Варѳоломей Шевченко между прочимъ говоритъ: „О произведеніи не оконченной еще постройки на гробѣ батька я донесу вамъ обстоятельнѣе по окончаніи начатой работы, а теперь скажу только, что три четверти постройки сдѣланы, судя по тому, что 6 кубическихъ саженей камня уложено, а по разсчету придется уложить еще 2 саж. Коль скоро откроется весна—теплые дни, тотчасъ приступаю къ работѣ, а по окончаніи поставлю старый крестъ до времени постройки новаго и, снявши фотографическій снимокъ, пришлю Вамъ“.—Когда именно были окончены тѣ работы, о которыхъ идетъ рѣчь въ приведенномъ отрывкѣ—на это нѣтъ указаній въ разсматриваемыхъ нами бумагахъ: въ имѣющихся между ними позднѣйшихъ письмахъ Варѳоломея Шевченка о могилѣ почившаго поэта больше уже не упоминается.

II.

Относительно изданія сочиненій Т. Г. Шевченка изъ сохранившагося въ бумагахъ Михаила М. Лазаревскаго счета типографіи П. А. Кулиша отъ 13 февраля 1860 г. видно, что вышедшее при жизни автора въ 1860 году изданіе „Кобзаря" было отпечатано въ 6050 экземплярахъ (въ томъ числѣ 50 экз. на веленевой бумагѣ), изъ которыхъ по отпечатаніи въ контору Яхненка было выслано 735 экземпляровъ—очевидно, въ возвратъ тѣхъ 1100 рублей, которые П. Ѳ. Симиренкомъ даны были на это изданіе [1]) и которыхъ оказалось болѣе чѣмъ достаточно для изданія, ибо всѣ издержки его составили сумму въ 1048 руб. 10 коп. Изъ денегъ вырученныхъ отъ продажи экземпляровъ при посредствѣ типографіи П. А. Кулиша и завѣдывавшаго ею Д. С. Каменецкаго, кромѣ покрытія всѣхъ издержекъ изданія и расходовъ на печатаніе объявленій и укупорку и пересылку въ разныя мѣста книгъ, Т. Г. Шевченко при жизни своей успѣлъ получить наличными деньгами 1591 руб. 67 коп. и вещами (разныя книги, купленныя по порученію Т. Г—ча и кожанъ, купленный по его-же порученію для Варѳоломея Шевченка) на 74 руб. 68 коп. Наличныя деньги вручались Тарасу Григорьевичу разными суммами: наибольшее полученіе въ тысячу рублей [2]), наименьшее—въ 20 копѣекъ (на извощика).

Изъ другихъ счетовъ и отмѣтокъ видно, что по сдѣланному послѣ смерти Т. Г. Шевченка, именно 22 мая 1861 г., приведенію въ извѣстность числа остававшихся непроданными экземпляровъ „Кобзаря" оказалось, что ихъ оставалось къ означенному времени 2373. Къ этой цыфрѣ на разсчетномъ листкѣ прибавлено: „на 2966 р. 25 к.", изъ чего видно, что въ то время предполагалось дѣлать книгопродавцамъ уступку по 25 коп. на каждомъ экземплярѣ, или иначе—продавать имъ

[1]) См. объ этомъ въ Кіевской Старинѣ 1889 г. № 2.

[2]) Вѣроятно, это была та тысяча которую Т. Г—чъ 29 Іюля 1869 г. выслалъ Варѳоломею Шевченку для покупки земли. См. *Конисскаго* „Жизнь Т. Г. Шевченка", стр. 621.

каждый экземпляръ по 1 р. 25 коп. Но вслѣдъ затѣмъ продажная цѣна „Кобзаря“ была понижена съ 1 руб. 50 коп. до 75-ти копѣекъ, вѣроятно для того, чтобъ скорѣе можно было приступить къ новому изданію.

Это пониженіе цѣны „Кобзаря“ было сдѣлано слишкомъ поспѣшно, при не совсѣмъ вѣрныхъ предположеніяхъ относительно того, сколько времени можетъ потребоваться для распродажи остававшихся непроданными экземпляровъ и когда въ дѣйствительности будетъ приступлено къ новому изданію. Между тѣмъ по поводу пониженія цѣны заявили претензіи тѣ книгопродавцы, у которыхъ, какъ по крайней мѣрѣ они заявляли, еще оставались непроданными экземпляры, пріобрѣтенные ими раньше. Такъ, одесскій книгопродавецъ А. С. Великановъ въ письмѣ отъ 15 марта 1862 г. писалъ Мих. М. Лазаревскому, что публикація, сдѣланная о продажѣ „Кобзаря“ по 75 коп., можетъ причинить ему большой убытокъ, такъ какъ изъ 150 экземпляровъ, купленныхъ имъ при жизни Т. Г. Шевченка по цѣнѣ 1 р. 50 съ уступкою 20-ти процентовъ, у него еще остались непроданными 112 экз., вслѣдствіе чего, для отвращенія этаго убытка, онъ требовалъ, чтобъ ему было додано (т. е. безплатно выслано) 85 экземпляровъ, причемъ прибавлялъ, что онъ дѣлаетъ это по совѣту П. А. Кулиша. На этомъ письмѣ имѣется сдѣланная рукою Михаила Матвѣевича отмѣтка: „13 апрѣля написано въ Спб. Честаховскому о высылкѣ 85 экз.“,— изъ чего видно, что требованіе Великанова было удовлетворено.

Чрезъ непродолжительное время послѣ того все изданіе „Кобзаря“ 1860 г. было распродано, а выходъ новаго изданія замедлился. Изъ письма Варооломея Шевченка отъ 25 апрѣля 1865 г. видно, что Полтавскій книгопродавецъ Труновъ, не находя нигдѣ „Кобзаря“, 29 марта 1865 г. обращался къ В. Шевченку съ запросомъ о томъ, не можетъ ли онъ указать, гдѣ бы можно было найти эту книгу, на которую есть запросъ со стороны покупателей,—на что В. Шевченко отвѣчалъ, что онъ самъ не знаетъ, остался ли еще гдѣ нибудь въ продажѣ „Кобзарь“.—Изъ Харькова уполномоченный Е. С. Баллиной Мос-

соловскій 5 марта 1865 г. писалъ Михаилу М. Лазаревскому: „Что у насъ нѣтъ Кобзаря въ продажѣ—это нашъ стыдъ и срамъ. Это дѣло требуетъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ всѣ другія дѣла, о которыхъ столько хлопочутъ“. Затѣмъ Моссоловскій сообщилъ, что Баллина желаетъ издать по возможности полное собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка, и кромѣ того намѣрена издать отдѣльнымъ томомъ матеріалы для его біографіи, и что относительно сочиненій Т. Г—ча онъ уже обращался съ запросомъ къ Варѳоломею Шевченку,—и просилъ Михаила Матвѣевича, если со стороны. В. Шевченка послѣдуетъ разрѣшеніе, переслать рукописи Т. Г—ча въ магазинъ Баллиной. По этому поводу Варѳоломей Шевченко сообщалъ Михаилу М. Лазаревскому, что М. А. Максимовичъ не совѣтовалъ ему имѣть дѣло съ Баллиной.

Въ томъ же мартѣ Труновъ писалъ Михаилу М. Лазаревскому: „Я слыхалъ, что Вы имѣете въ виду запродать вновь издавать Кобзаря; если можете это предположеніе остановить до моего пріѣзда къ Вамъ, то сдѣлайте это: я по обстоятельствамъ имѣю въ виду самъ съ мадамъ Милорадовичъ пріобрѣсти право и уполномоченъ отъ особы (надо догадываться—отъ ея особы, т. е. г-жи Милорадовичъ) съ Вами переговорить по сему дѣлу“. Кромѣ того, какъ видно изъ письма Варѳоломея Шевченка отъ 26 марта 1865 г., находились также и въ Кіевѣ издатели для „Кобзаря“, желавшіе неизвѣстно почему ограничиться только перепечаткой того, что́ раньше было напечатано, для чего экземпляръ печатныхъ сочиненій Т. Г. Шевченка уже былъ представляемъ въ кіевскую цензуру [1]); но, какъ сообщалъ В. Шевченко, этотъ печатный экземпляръ кіевская цензура „такъ ощипала, что изъ поэзіи вышли шарады“, почему мысль объ изданіи „Кобзаря“ въ Кіевѣ была оставлена.

---

[1]) Повидимому, это было сдѣлано безъ вѣдома Михаила М. Лазаревскаго, который вышеупомянутою довѣренностью по передовѣрію отъ В. Г. Шевченка былъ уполномоченъ распоряжаться изданіемъ сочиненій Т. Г. Шевченка и у котораго находились всѣ рукописныя его сочиненія; вѣроятно, упоминаемыя В. Шевченкомъ, но не названныя имъ, лица, желая предпринять указанное изданіе „Кобзаря“ въ Кіевѣ, надѣялись пріобрѣсть право на это изданіе непосредственно отъ В. Г. Шевченка или наслѣдниковъ поэта.

Наконецъ, свои услуги по изданію сочиненій Т. Г. Шевченка предложилъ петербургской книгопродавецъ-издатель Д. Е. Кожанчиковъ. Въ письмѣ Михаилу М. Лазаревскому отъ 12 мая 1865 г., упоминая о томъ, что по просьбѣ Н. И. Костомарова онъ дѣлалъ разсчетъ стоимости изданія „Кобзаря", и сообщая данныя этого разсчета, онъ вслѣдъ за тѣмъ продолжалъ: „Затѣмъ я поговорю съ Вами о своихъ правахъ: во первыхъ, я любилъ и уважалъ Тараса Григорьевича не менѣе Васъ, а во вторыхъ, по возвращеніи его въ Петербургъ мною было куплено право на изданіе его сочиненій и уже данъ былъ мною задатокъ. Когда же Т. Г—чу предложилъ Яхненко издать его сочиненья задаромъ, то я, не относясь никогда къ моей дружбѣ коммерчески, тотчасъ же отказался, да еще съ удовольствіемъ, отъ моего права и получилъ задатокъ обратно чрезъ П. А. Кулиша. Объ этомъ фактѣ хорошо знаютъ Кулишъ, Бѣлозерскій и Костомаровъ. Слѣдовательно, за мною существуетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ право нравственное. Относительно цензурнаго разрѣшенія надѣюсь успѣть скорѣе всѣхъ прочихъ, какъ москаль, какъ человѣкъ, находящійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ цензурою и какъ человѣкъ настойчивый". Затѣмъ Кожанчиковъ сообщалъ, что имѣя магазины въ Варшавѣ, онъ разсчитываетъ при посредствѣ этого магазина на большой сбытъ въ Галиціи,— что желалъ бы издать 6000 экземпляровъ, помѣстить хорошій гравированный портретъ Т. Г—ча, а на оборотѣ—видъ его могилы, и, отпечатавши томъ величиною въ номеръ „Современника", пустить въ продажу не дороже одного рубля. Назначить болѣе низкую цѣну Кожанчиковъ не считалъ удобнымъ, опасаясь обратить на себя вниманіе дешевизной. Далѣе онъ продолжалъ: „риску въ изданіи я не вижу, а потому желаю взять въ свою пользу только процентъ за затраченный мною капиталъ и все дѣло сдѣлать не коммерчески. По моему, лучше улучшить внѣшность, нежели издавать въ 75 копѣекъ: рубль за книгу въ 30 листовъ—и такъ у насъ дѣло небывалое. На этихъ дняхъ я купилъ право на изданіе новаго труда Ник. Иван., на изданіе полнаго собранія сочиненій Островскаго и веду переписку объ

изданія, болѣе дешевомъ, сочиненіи Гоголя. Слѣдовательно это было бы для меня кстати". Сообщивъ затѣмъ о письмѣ, посланномъ Варѳоломею Шевченку съ тѣмъ же предложеніемъ, Кожанчиковъ добавлялъ: „надѣюсь, что Вы не только меня отрекомендуете (т. е. В. Шевченку) хорошо, но поможете мнѣ въ пріобрѣтеніи права и во всемъ прочемъ. Мое же предложеніе, какъ я полагаю, Васъ избавитъ отъ хлопотъ, а въ цензурномъ отношеніи даже поможетъ, и Н. И. (т. е. Костомаровъ) избавитъ отъ траты денегъ. Однимъ словомъ, имѣйте меня въ виду, какъ покупателя".

Еще не получивъ письма отъ Кожанчикова, Варѳоломей Шевченко, отвѣчая на письмо Михаила М. Лазаревскаго, 17 мая 1865 г. писалъ ему: „Что издавать „Кобзаря" въ Петербургѣ слѣдуетъ—это дѣло не вызываетъ возраженій; что лучше всѣхъ можетъ сдѣлать Николай Ивановичъ—также безъ всякаго сомнѣнія. Если Вы съ нимъ переговорили, то значитъ дѣло въ шляпѣ"[1]). Въ припискѣ подъ этимъ письмомъ Варѳоломей Шевченко говоритъ, что сейчасъ онъ получилъ письмо отъ Кожанчикова и что, если Н. И. Костомаровъ не возьмется за изданіе, а другого болѣе вѣрнаго средства издать „Кобзаря" не будетъ, то онъ находитъ возможнымъ принять предложеніе Кожанчикова, къ чему однако прибавлялъ: „но я не намѣренъ отступать отъ моего предположенія, что, если печатать полнаго „Кобзаря", то не менѣе 9000 экземпляровъ и продавать не дороже 60 коп. за экземпляръ".

---

[1]) Вѣроятно, въ письмѣ М. М. Лазаревскаго шла рѣчь о томъ, что печатаніе въ Петербургѣ можетъ быть сдѣлано подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, а В. Шевченко понялъ это сообщеніе въ томъ смыслѣ, что Н. И. Костомаровъ берется не только редактировать изданіе, но и предпринять его на свой счетъ. Изъ другого, болѣе ранняго письма В. Шевченка видно, что въ скоромъ времени послѣ смерти Т. Г. Шевченка П. А. Кулишъ предлагалъ ему свои услуги по редакціи „Кобзаря". Именно, въ письмѣ М. М. Лазаревскому отъ 20 марта 1861 г. В. Шевченко говоритъ по этому предмету слѣдующее: „Пантелеймонъ Александровичъ писалъ ко мнѣ, что желалъ бы досмотрѣть, когда поступятъ въ печать сочиненія Т. Г., чтобы помочь къ правильнѣйшему ихъ изданію; позвольте просить Васъ принять это къ свѣдѣнію, не объявляя однако о томъ, что я къ Вамъ пишу".

Затѣмъ изъ письма В. Шевченка отъ 23 августа 1865 г. видно, что Мих. М. Лазаревскій 14 іюля 1865 г. извѣстилъ его о заключеніи условія съ Кожанчиковымъ, прибавивъ, что о подробностяхъ увѣдомитъ по совершеніи контракта. По этому поводу В. Шевченко писалъ: „слѣдовательно, лишь оставалось ждать Вашего увѣдомленія и тогда уже писать Вамъ, но я не могу вытерпѣть до того времени, чтобы не поблагодарить Васъ за отлично устроенное дѣло. Какія бы ни были кондиціи Вашего условія съ Кожанчиковымъ, во всякомъ случаѣ я вполнѣ увѣренъ, что онѣ хороши, тѣмъ болѣе, что дѣло поведетъ Николай Ивановичъ—человѣкъ извѣстный своимъ знаньемъ дѣла и дружбою, которую онъ питалъ къ самому автору, а также любовію ко всему родному. Вотъ именно теперь я совершенно покоенъ относительно изданія „Кобзаря“. Повторяю только мою покорнѣйшую просьбу имѣть въ виду два главныя условія: первое—сколь возможно большее число экземпляровъ напечатать и второе—сколь возможно доступнѣе по цѣнѣ для народа“.

Послѣ этого письма, за періодъ времени съ 23 августа 1865 г. до марта 1867 г. не сохранилось никакихъ бумагъ въ числѣ разсматриваемыхъ нами. Изъ писемъ же Кожанчикова 1867 года видно, что къ изданію „Кобзаря“ было приступлено имъ безъ заключенія письменнаго договора, по одному словесному соглашенію, сущность котораго заключалась въ томъ, что всѣ расходы на изданіе долженъ былъ произвесть Кожанчиковъ, а затѣмъ вырученный отъ изданія доходъ долженъ былъ быть раздѣленъ между Кожанчиковымъ и наслѣдниками Т. Г. Шевченка пополамъ. Уже въ мартѣ 1867 г., когда М. М. Лазаревскій сталъ страдать болѣзнью, сведшею его въ могилу, Кожанчиковъ, извѣщая его, что изданіе „идетъ какъ по маслу“ и приближается къ концу, писалъ дальше: „мое предпріятіе можетъ прихлопнуть цензура, тогда какъ я еще не знаю даже, мое ли оно: Вы знаете, у насъ нѣтъ никакой даже письменной записки, и я даже не знаю, изъ за чего буду рисковать, почему рѣшаюсь выставить Вамъ здѣсь всѣ расходы по изданію и предложить Вамъ мои условія; это при наступленіи кризиса считаю

во всякомъ случаѣ необходимымъ. „Затѣмъ, высчитавъ всѣ расходы по изданію, Кожанчиковъ составилъ проэктъ письменнаго домашняго договора, который подписалъ и приложилъ къ своему письму, предлагая Михаилу Матвѣевичу, если онъ согласится на предлагаемыя условія, переписать и подписать его, а на случай несогласія съ нимъ писалъ слѣдующее: „если Вамъ мои условія покажутся обидными, это дѣло можно поправить: увѣдомьте меня только, что Вы все изданіе берете за себя, и тогда я конечно избавлюсь отъ всякой отвѣтственности. Вы заплатите мнѣ за бумагу, заплатите сами типографіи и примите на себя уплату прочихъ расходовъ; я и на это согласенъ и, говорю искренно, обижаться не буду, даже приму на себя всѣ сдѣланные расходы по публикаціямъ".

По сдѣланному Кожанчиковымъ разсчету издержекъ и написанному имъ проэкту условія, наслѣдникамъ Т. Г. Шевченка, за продажу Кожанчикову права изданія „Кобзаря" въ 3,000 экземплярахъ, причиталось получить 600 рублей. Въ объясненіе этого, въ письмѣ отъ 12 марта 1867 г. Кожанчиковъ писалъ М. М. Лазаревскому: „Заключая со мною условіе гораздо ранѣе, Вы рѣшились прибыль раздѣлить пополамъ. Я тогда же высчитывалъ Вамъ, что прибыли болѣе 1600 рублей не будетъ (ошибся не въ свою пользу); значитъ, наслѣдники получили бы 800 руб., ни какъ не болѣе, и Вы были согласны. Послѣ этаго Вы прибавили редакцію (т. е. расходъ на редактированія изданія) въ 150 рублей (которыя, какъ указано въ томъ же письмѣ, слѣдовало уплатить Вашкевичу) и 200 рублей за портретъ; слѣдовательно, если мы дадимъ наслѣдникамъ 600 руб., вмѣсто 800 р., они обижаться не должны".

Изъ разсматриваемыхъ нами бумагъ не видно, почему именно изданіе было отпечатано въ такомъ сравнительно небольшомъ числѣ экземпляровъ, когда Варѳоломей Шевченко требовалъ печатать не менѣе 9000 экземпляровъ, а самъ Кожанчиковъ въ вышеприведенномъ письмѣ выражалъ желаніе издать 6000 экземпляровъ и когда спросъ на „Кобзаря" былъ такъ великъ, что можно было, какъ это доказали послѣдствія, смѣло разсчитывать на

распродажу болѣе десятка тысячъ экземпляровъ, при чемъ наслѣдники Т. Г. Шевченка могли бы получить сумму, въ нѣсколько разъ бо́льшую той, которую они получили. Въ виду же того, что въ письмахъ Кожанчикова, писанныхъ въ мартѣ 1867 г., высказываются опасенія, что предпріятіе „можетъ прихлопнуть цензура“ и что такая возможность была предусмотрѣна въ самомъ проэктѣ условія[1]), мы думаемъ, что рѣшеніе ограничить число экземпляровъ состоялось подъ вліяніемъ опасеній того, что изданіе, печатавшееся, на основаніи новаго закона, незадолго передъ тѣмъ послѣдовавшаго, безъ предварительной цензуры, можетъ быть воспрещено по отпечатаніи книги, при чемъ получился бы убытокъ—тѣмъ большій, чѣмъ больше экземпляровъ было бы издано[2]).

Вѣроятно найдя упомянутую, причитавшуюся наслѣдникамъ Т. Г. Шевченка сумму слишкомъ незначительной и желая увеличить ее, М. М. Лазаревскій, который прежде самъ хотѣлъ, чтобы цѣна „Кобзаря“ была назначена возможно ниже, теперь, уже послѣ того, какъ Кожанчиковъ напечаталъ публикаціи съ упоминаніемъ о томъ, что „Кобзарь“ будетъ продаваться по 1 руб. 25 коп., пожелалъ возвысить ее, но на это не согласился Кожанчиковъ, который въ письмѣ отъ 12 марта 1867 г., писалъ по этому поводу: „изъ письма Вашего я замѣчаю, что Вы не прочь повернуть это дѣло на коммерческій ладъ и объявить цѣну въ 2 руб. Я Вамъ на все сдѣлаю разсчетъ ниже, но самъ на него согласиться не могу. Я не разъ предлагалъ Вамъ повести это дѣло иначе; говорилъ, что для меня совсѣмъ нѣтъ выгоды: но Вы не вняли моимъ доводамъ, а теперь я долженъ сказать, что поздно. Поднимать цѣну въ новыхъ публикаціяхъ я для себя считаю неприличнымъ, и потому готовъ

---

1) Въ 5-мъ пунктѣ условія по этому предмету было изложено слѣдующее: „Въ случаѣ запрещенія правительствомъ продажи вышеозначенныхъ сочиненій Т. Г. Шевченка я, Кожанчиковъ, несу на себѣ одномъ всѣ расходы по изданію и затѣмъ не имѣю болѣе права взыскивать съ г. Лазаревскаго или наслѣдниковъ Шевченка никакихъ убытковъ“.

2) Можетъ быть Г. С. Вашкевичъ сообщитъ по этому вопросу какія либо свѣдѣнія.

Ред.

это дѣло кончить для себя безъ пользы, то есть согласенъ только на предложенныя Вамъ мои условія съ добавкою пункта, изъясненнаго въ этомъ письмѣ [1]). Если это Вамъ кажется невыгоднымъ или неудобнымъ, возьмите все изданіе на себя со всѣмъ его рискомъ, или, надбавивши цѣну на изданіе, продайте его другимъ книгопродавцамъ; но мнѣ согласиться на новыя условія невозможно, и потому я отъ нихъ отказываюсь".

Кромѣ разногласія въ цѣнѣ „Кобзаря", установившейся согласно желанію Кожанчикова, М. М. Лазаревскій потребовалъ измѣненія еще одного пункта условія, который былъ измѣненъ согласно его требованію, послѣ чего условіе было имъ подписано. Случилось это уже незадолго до смерти М. М. Лазаревскаго, послѣдовавшей, какъ мы упоминали выше, въ маѣ 1867 года.

Независимо отъ того, что изданіе Кожанчикова было отпечатано въ слишкомъ недостаточномъ, несоразмѣрномъ съ запросомъ, количествѣ экземпляровъ, его постигла одна неудача. Вслѣдъ за выходомъ этого изданія въ свѣтъ, книгопродавецъ И. Т. Лисенковъ предъявилъ къ Кожанчикову искъ, доказывая свое право собственности на сочиненія Т. Г. Шевченка на основаніи двухъ документовъ: а) собственноручной надписи Т. Г. Шевченка, сдѣланной 8 февраля 1843 г. на экземплярѣ изданія „Кобзаря" 1840 г., слѣдующаго содержанія: „Въ вѣчное и потомственное владѣніе передаю право сего сочиненія Ивану Тимофеевичу Лисенкову. Шевченко",—и б) условія, также собственноручно написаннаго Т. Г. Шевченкомъ того-же 8 февраля 1843 г., слѣдующаго содержанія: „Я, нижеподписавшійся, продалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе мое собственное сочиненіе с.-петербургскому книгопродавцу И. Т. Лисенкову стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ „Кобзарь" и „Гайдамаки" и симъ обязуюсь, что, кромѣ книгопродавца Лисенкова, ни я, Шевченко, ни даже никто изъ наслѣдниковъ, сего сочиненія печатать не имѣютъ права. Слѣдуемыя за это

---

[1]) Этотъ пунктъ касался опредѣленія послѣдствій неуплаты Кожанчиковымъ въ назначенный срокъ условленной наслѣдникамъ суммы.

деньги сполна получилъ. Если же я сочиненіе безъ вѣдома Лисенкова напечатаю, то обязанъ заплатить Лисенкову 1500 рублей неустойки, въ чемъ и свидѣтельствую собственноручно. Шевченко". О существованіи этихъ записей Т. Г. Шевченка не знали ни М. М. Лазаревскій, ни Кожанчиковъ, и тѣмъ менѣе можно было подозрѣвать объ ихъ существованіи, что и самъ Т. Г. Шевченко, повидимому, не вспомнилъ объ нихъ, когда печаталось изданіе „Кобрзаря" 1860 г., и Лисенковъ при жизни его не рѣшался предъявлять какія либо претензіи по поводу этого изданія, хотя оно по содержанію своему гораздо больше подходило къ изданію 1840 г., чѣмъ изданіе Кожанчикова, которое заключало въ себѣ посмертныя сочиненія Т. Г. Шевченка и въ которомъ стихотворенія, входившія въ изданіе 1840 г., занимали менѣе трети книги.—Теперь же Лисенковъ, утверждая, что Кожанчиковъ нарушилъ его право собственности, потребовалъ взысканія съ него 3750 рублей.

Извѣщая объ этомъ Василія М. Лазаревскаго, который послѣ смерти Михаила Матвѣевича получилъ отъ Варѳоломея Шевченка такую же довѣренность, какою былъ снабженъ Михаилъ Матвѣевичъ, — Кожанчиковъ въ письмѣ отъ 14 ноября 1867 г. писалъ, что вслѣдствіе предъявленія къ нему иска онъ былъ вынужденъ пригласить для веденія дѣла присяжнаго повѣреннаго Спасовича, которому обязался уплатить 300 рублей, и просилъ отсрочить до разрѣшенія апелляціонной жалобы, поданной Лисенковымъ на рѣшеніе петербургскаго окружнаго суда, уплату тѣхъ 600 рублей, которые по условію, заключенному съ Мих. М. Лазаревскимъ онъ обязался уплатить наслѣдникамъ Т. Г. Шевченка 10 ноября 1867 г. При этомъ Кожанчиковъ сообщалъ, что по сдѣланному по окончаніи печатанія подробному разсчету, ему, за уплатою Спасовичу 300-тъ руб., придется получить дохода отъ изданія только 47 рублей.—Въ другомъ письмѣ, уже уплативши въ счетъ условленной суммы 100 рублей, Кожанчиковъ вновь просилъ отсрочить уплату остальныхъ 500 рублей, излагая: „Я прошу Васъ потерпѣть немного не ради моего безденежья, но считая себя по совѣсти

и юридически въ этомъ дѣлѣ правымъ. Мнѣ продали наслѣдники вещь, по мнѣнію Лисенкова имъ не принадлежащую, и за это онъ требуетъ ее съ меня назадъ, или уплаты 3750 руб. По какому же праву я долженъ еще платить наслѣдникамъ за эту же вещь 500 рублей? Я и такъ уже теряю 300 рублей, которые долженъ уплатить Спасовичу. Я уже съ этимъ обстоятельствомъ обращался къ другимъ бывшимъ друзьямъ Вашего покойнаго брата, и всѣ они рѣшили, что эти 300 рублей слѣдовало бы удержать изъ суммы, слѣдующей наслѣдникамъ, но я этого не желаю и никогда не сдѣлаю. Пусть это будетъ доказательствомъ моего уваженія къ покойному Т. Г. Шевченко, а Васъ только покорнѣйше прошу подождать окончанія дѣла; оно непремѣнно кончится теперь скоро".

Затѣмъ, не выждавъ окончанія дѣла, Кожанчиковъ уплатилъ всѣ слѣдующія съ него деньги въ два срока: 300 рублей 29 марта 1868 г. и остальные 200 рублей—5 апрѣля того же года, въ ожиданіи же, что „дѣло непремѣнно скоро кончиться, ему пришлось очень ошибиться: процессъ этотъ тянулся болѣе десяти лѣтъ. Не одинъ разъ судебныя рѣшенія были отмѣняемы сенатомъ, [1]) вслѣдствіе чего, проведя дѣло по всѣмъ инстанціямъ, приходилось опять вести его сначала. Послѣ отмѣны рѣшенія петербургской судебной палаты, дѣло рѣшила московская судебная палата, а послѣ того оно было передано въ харьковскую судебную палату, причемъ производство послѣдней сгорѣло. По окончаніи гражданскаго процесса, Лисенковъ завелъ дѣло въ уголовномъ порядкѣ, обвиняя Кожанчикова въ контрафакціи. Сколько всего пришлось Кожанчикову уплатить денегъ адвокатамъ—неизвѣстно; но, допуская, что многолѣтнее веденіе дѣла разными порядками, въ разныхъ судебныхъ округахъ и въ разныхъ инстанціяхъ должно было стоить не мало денегъ, можно думать, что изданіе Кобзаря 1867 года, доставившее наслѣдникамъ Т. Г. Шевченка очень незначительную сумму, самому издателю причинило убытокъ и массу непріятныхъ хлопотъ.

---

[1]) См. Рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената 1869 г. № 178 и 1870 г. № 778.

Разошлось это изданіе, какъ и слѣдовало ожидать при небольшомъ количествѣ экземпляровъ, гораздо быстрѣе предъидущаго: уже 1 мая 1868 г., менѣе чѣмъ черезъ годъ по выходѣ книги, Варѳоломей Шевченко, думая, что процессъ съ Лисенковымъ совсѣмъ оконченъ, писалъ Вас. М. Лазаревскому: „теперь можно хлопотать о новомъ изданіи, потому что послѣднее разошлось быстро; въ Кіевѣ уже Литовъ, пользуясь случаемъ, деретъ по три рубля за экземпляръ.“ Затѣмъ въ письмѣ отъ 28 апрѣля 1869 г., желая, повидимому, вознаградить возможные убытки Кожанчикова, онъ писалъ: „чтобы дать возможможность Кожанчикову защищать дѣло до конца, необходимо предоставить ему право издать „Кобзарь, тысячъ въ двѣнадцати экземпляровъ на возможно выгодныхъ для него кондиціяхъ, а въ письмѣ отъ 18 февраля 1870 г. уже спрашивалъ В. М. Лазаревскаго, заключено ли съ Кожанчиковымъ условіе на новое изданіе Козбаря“. Въ слѣдующемъ письмѣ В. Шевченко соглашается съ В. М. Лазаревскимъ, что до окончательнаго разрѣшенія процесса съ Лисенковымъ нѣтъ никакого разсчета приступать къ новому изданію „Кобзаря“. Затѣмъ идетъ рядъ писемъ его съ запросами о томъ, не окончился ли процессъ съ Лисенковымъ,—съ разсужденіями о невозможности заводить рѣчь о новомъ изданіи до окончанія этого дѣла и съ выраженіемъ сожалѣній по этому поводу. Такъ, въ письмѣ отъ 14 марта 1870 г. онъ писалъ: „жаль, конечно, что потеряется много времени; теперь большое требованіе, а послѣ, Богъ знаетъ, можетъ быть, совсѣмъ забудутъ, какъ забыли „Хижину дяди Тома“. Подумаешь, какое образцовое произведеніе человѣческаго ума и сердца, а между тѣмъ—прошла пора, и можетъ быть, прошла безвозвратно на всегда; то самое можетъ случиться и съ „Кобзаремъ“.

Опасенія В. Шевченка относительно того, что „Кобзаря“ забудутъ, къ счастію, не оправдались; но много лѣтъ прошло, въ теченіе которыхъ читающая публика напрасно искала въ книжныхъ магазинахъ исчезнувшаго изъ продажи „Кобзаря“; а наслѣдники Т. Г. Шевченка не получали отъ своего литературнаго наслѣдства той пользы, какую при другихъ условіяхъ оно могло бы доставить.

Н. Ш.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ.

(1843—1861 г.г.).

Помѣщаемыя ниже 27 писемъ П. А. Кулиша къ извѣстному кіевскому общественному дѣятелю М. В. Юзефовичу представляютъ весьма интересный матеріалъ какъ для біографіи обоихъ этихъ лицъ, такъ и для характеристики эпохи. Большая часть писемъ относится къ 1843—1847 г.г.—эпохѣ въ исторіи Юго-западнаго края крайне любопытной, но все еще мало изученной. Для Кулиша это были годы формированія его богатыхъ духовныхъ силъ, пламеннаго энтузіазма, смѣлыхъ порывовъ и неудержимаго стремленія къ дѣятельности на пользу родного края. За годъ передъ тѣмъ (въ 1842 г.) онъ долженъ былъ оставить мѣсто учителя русскаго языка въ Луцкомъ дворянскомъ училищѣ, поссорившись съ тамошнимъ смотрителемъ Глибовскимъ, и былъ переведенъ на такую же должность въ Кіево-Подольское дворянское училище. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ переводомъ онъ обязанъ былъ покровительству М. В. Юзефовича, бывшаго раньше инспекторомъ казенныхъ училищъ Юго-зап. края, а въ октябрѣ 1842 г. назначеннаго на должность помощника попечителя Кіевск. учебнаго округа. Вѣроятно, послѣднему указалъ на Кулиша М. А. Максимовичъ, его первый покровитель. Надо вообще замѣтить, что М. В. Юзефовичъ съ молодыхъ лѣтъ былъ большимъ поклонникомъ

литературы и искусства, гордился знакомствомъ съ А. С. Пушкинылъ и дружбой съ его братомъ Львомъ, велъ переписку съ литераторами, самъ любилъ пописывать стихи и уже въ то время интересовался мѣстной археологіей и исторіей. Не трудно догадаться, какъ покровительство талантливому молодому писателю легко могло перейти въ дружбу съ нимъ. По крайней мѣрѣ, уже первыя письма Кулиша не оставляютъ сомнѣнія, что у него съ этого времени завязались весьма близкія, дружественныя связи съ расположеннымъ къ нему начальникомъ. Онъ откровенно дѣлится съ нимъ самыми задушевными мыслями, не кроется предъ нимъ съ своею пламенною любовью къ Малороссіи и желаніемъ служить ей. Юзефовичъ съ своей стороны платитъ ему такою же пріязнью и оказываетъ не каждомъ шагу дружескія услуги. Онъ знакомитъ его съ польскими учеными, Грабовскимъ и Свидзинскимъ, доставляетъ ему возможность путешествовать по краю для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, переводитъ, по его желанію, на должность учителя Ровенской гимназіи, замышляетъ устроитъ ему ученую командировку въ славянскія земли для приготовленія къ профессурѣ, наконецъ посылаетъ его въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ ректору тамошняго университета П. А. Плетневу. Въ то же время Юз—чъ помогаетъ К—шу въ кредитъ печатать въ университетской типографіи свои книги, распространяетъ ихъ по гимназіямъ и училищамъ, дѣлаетъ ему протекцію въ редакціяхъ столичныхъ журналовъ, покровительствуетъ по службѣ его друзьямъ и пріятелямъ и т. под. Такъ продолжается до начала рокового 1847 года, когда Кулишъ получаетъ благодаря стараніямъ Плетнева, отъ Академіи Наукъ ученую командировку заграницу, заѣзжаетъ по пути въ Малороссію, женится и, напутствуемый благожеланіями своего кіевскаго друга, съ молодой женой и ея братомъ направляется къ границѣ,—но въ Варшавѣ подвергается аресту по дѣлу о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ и, послѣ петербургскихъ казематовъ, ссылается на жительство въ Тулу.

Въ перепискѣ нашихъ друзей наступаетъ восьмилѣтній перерывъ. Помимо неожиданно постигшихъ Кулиша злоключеній, душу его гнетутъ какія-то ужасныя подозрѣнія относительно бывшаго друга и благодѣтеля. Но вотъ ему удается въ 1855 г. лично (или можетъ быть письменно) объясниться съ нимъ,—и онъ уже готовъ покаяться „въ ужасномъ заблужденіи" относительно друга и радуется, что „съ души свалился тяжкій камень". Прежнія отношенія возстановились: Кулишъ снова заваливаетъ Юз—ча порученіями (по распродажѣ своихъ изданій и т. под.), откровенно посвящаетъ его въ свои литературные и общесеверные замыслы, величаетъ его „землякомъ" и, въ качествѣ таковаго, посылаетъ ему нѣсколько писемъ на чистомъ украинскомъ языкѣ.

Эта интересная переписка обрывается въ 1861 году. Кажется, однако, дружественныя отношенія Юз—ча къ К—шу продолжались еще нѣкоторое время, но затѣмъ между ними произошло какое-то недоразумѣніе. Что было его причиною—не извѣстно. Знаемъ лишь, что въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ своей жизни М. В. Юз—чъ отзывался всегда о бывшемъ своемъ „землякѣ" и другѣ далеко недружелюбно.

Подлинники печатаемыхъ писемъ хранятся въ собраніи В. В. Тарновскаго.

Ред.

1.

Милостивый государь Михайло Владиміровичъ!

Честь имѣю поздравить васъ съ праздникомъ Воскресенія Христова. Я боленъ, и это причиною того, что я до сихъ поръ не могу явиться ни у васъ, ни у князя [1]). Не умѣю сказать, чѣмъ именно я боленъ: чувствую себя какъ бы разбитымъ, но особенно мучитъ меня несносная боль въ груди. Боюсь, чтобъ

---

[1]) Тогдашній попечитель уч. округа князь С. И. Давыдовъ.

это не заставило меня умереть. Не могу ничего дѣлать: вотъ что всего мучительнѣе. Получилъ я изъ книжной лавки Погодина книги: „Шекспиръ" Кетчера (12 выпусковъ) и „Сочиненія Ник. Гоголя". Это меня утѣшило нѣсколько въ моей невыразимой скукѣ. Гоголь, подъ вліяніемъ Гомера, дополнилъ своего „Тарасу Бульбу" и возвысилъ его достоинства. Въ описаніи битвъ онъ совершенно подражаетъ манерѣ гомеровской, и это ему чудесно удалось. Жаль только, что, вычисляя, какъ и въ Иліадѣ, множество ратующихъ героевъ, онъ сочиняетъ ихъ имена. А я въ этомъ случаѣ взялъ бы всѣ ихъ или народныхъ пѣсенъ, или изъ старинныхъ бумагъ. Это необходимое условіе исторической поэмы.

Гоголь больше теперь вчитался въ малороссійскую стастарину, глубже вглядѣлся въ душу южныхъ руссовъ и выразилъ въ „Тарасѣ Бульбѣ" многія новыя черты народнаго характера, быта и военныхъ „звычаевъ козацкихъ". Я желалъ бы, чтобъ вы прочли. Каково будетъ ваше мнѣніе? О квартирѣ моей человѣкъ вашъ можетъ узнать въ училищѣ. Письма же отъ Погодина еще ожидаю.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашимъ, м. г., покорнѣйшимъ слугою Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 г., апрѣля 15. Кіевъ.

2.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Я не запечаталъ письма къ Погодину для того, что, можетъ быть, вы, прочтя ею, найдете въ немъ что-нибудь не ладное и переправивши возвратите мнѣ для переписанія вновь. Идея новаго романа, о которой я ему пишу, родилась у меня ясно именно въ то время, когда я испугался, чтобъ не умереть отъ боли въ груди. Міръ, представлявшійся мнѣ дотолѣ мрачнымъ скопищемъ людскихъ недостатковъ, вдругъ, при одной

мысли о смерти, явился въ моей душѣ со всѣмъ тѣмъ, что только она находила въ немъ поэтическаго,—и это явленіе неожиданно озарило для меня художественнымъ колоритомъ нѣсколько страницъ *нашей* исторіи. Я, кажется, пишу темно: нельзя ясно высказать того, что еще душевныя силы ворочаютъ въ неопредѣленномъ хаосѣ, доколѣ твореніе не явится уму возведеннымъ въ ту степень ясности и цѣлости, послѣ которой поэтъ можетъ уже смѣло выражать себя письменно. Опять темно, и потому оставляю: можетъ быть, и ничего не выйдетъ изъ этого хаоса, и я напередъ боюсь, чтобъ Вы не журили меня за дѣтское болтанье. Правда Шиллеръ не иначе создавалъ свои творенія, какъ разболтавши сперва своимъ знакомымъ все, что было у него на душѣ, и наговорившись досыта о своемъ будущемъ дѣтищѣ.

Обѣщаніе Ваше посѣтить когда-нибудь мою обитель весьма меня обрадовало, тѣмъ болѣе, что я вовсе не заслуживаю такой чести, развѣ, при помощи Божіей, заслужу ее въ будущемъ. Но когда уже дома я вспомнилъ, что Вы можете застать меня одѣтымъ не такъ, какъ бы слѣдовало къ принятію столь почтеннаго посѣтителя, то пришелъ въ большое затрудненіе; ибо, привыкши жить на свободѣ, несвязаннымъ ни съ какимъ семействомъ, не могу одѣвшись работать. А потому напередъ покорнѣйше прошу извинить меня въ этомъ, во имя литературы и живописи.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью и. ч. быть и проч. Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 г., апрѣля 27. Кіевъ.

3.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Я теперь хожу какъ пчела по сотамъ: гдѣ только встрѣчу сѣдую бороду, не отойду отъ нея безъ того, чтобъ не выжать

изъ нея пахучаго цвѣтка народной поэзіи, или въ преданіи, или въ пѣснѣ. Изученіе этихъ малороссійскихъ антиковъ такъ же меня совершенствуетъ, какъ совершенствуетъ живописца изученіе антиковъ скульптуры. Но меня смущаетъ посреди моей лабораторіи то, что я не имѣю средствъ, возвратившись въ Кіевъ, пополнить, что я издержу изъ данной мнѣ казенной суммы денегъ; а не издержать лишняго сверхъ 1½ рубля, ассигн. въ сутки, мнѣ въ дорогѣ рѣшительно не возможно. Почему обращаюсь къ Вамъ, моему всегдашнему покровителю и защитнику, съ покорнѣйшею просьбою разослать сколько можно по округу мои книги, чтобъ я вырученными чрезъ то деньгами могъ пополнить казенную сумму, а иначе—я найдусь Богъ знаетъ въ какомъ положеніи. Это иногда сильно меня тревожитъ. Здѣсь познакомился я съ извѣстнымъ Мих. Грабовскимъ [1]) и нашелъ въ немъ человѣка весьма умнаго и чрезвычайно трудолюбиваго. Онъ пригласилъ меня провесть у него въ деревнѣ нѣсколько дней и представилъ въ мое распоряженіе свою библіотеку и всѣ свои бумаги, которыхъ у него множество. И я теперь посреди книгъ и бумагъ чувствовалъ бы себя какъ въ раю, еслибъ не сказанное обстоятельство. Отсюда я буду углубляться въ разныя мѣста Украины для изысканія развалинъ народной поэзіи,—дѣло великой важности, какъ я увидѣлъ послѣ нѣсколькихъ опытовъ. Михайло Александровичъ [2]) написалъ о Коліивщинѣ сущій вздоръ, который я совѣтовалъ бы ему предать забвенію: я только теперь то увидѣлъ. Я самъ думаю написать о Коліивщинѣ, нуждѣ нѣтъ, что Скальковскій пишетъ исторію гайдамакъ. Я Грабовскому сообщилъ много такого, что его удивило, но за то и у него нашелъ такіе матеріалы для исторіи Малороссіи, о которыхъ намъ, заднѣпрянамъ, и не снилось. Теперь Грабовскій пишетъ романъ изъ старины, но болѣе нравоописательный, чѣмъ историческій. Умная, свѣтлая го-

[1]) Извѣстный польскій писатель (1805 † 1863), жившій въ своемъ имѣніи селѣ Александровкѣ, Чигиринскаго уѣзда. Извѣстна его статья—*O piesniach ukrainskich*, написанная по поводу Сборника Малор. пѣсенъ Максимовича 1834 г. и напечат. въ 1-мъ томѣ книжекъ Грабовскаго—„Literatura i Krytyka“, (стр. 5—118).

[2]) Максимовичъ.

лова. Онъ очень пригодился бы въ нашей Археографической Коммиссіи. Онъ, между прочимъ, совѣтуетъ мнѣ заняться сочиненіями, подобными Огненному Змѣю, а съ романомъ пока обождать для лучшаго познанія человѣка. Моего „Мих. Чарнышенка" переводитъ кто-то подъ его руководствомъ на польскій языкъ. Онъ говоритъ, что я первый постигъ элементы души запорожской, и что со временемъ я напишу что нибудь равное Ваверлею, Пуританамъ и проч. А мои народныя легенды (въ „Кіевлянинѣ") онъ ставитъ единственными въ русской литературѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть и проч. Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 года, іюля 31. Д. Александровка.

4.

М. Г. Михайло Владиміровичъ

У меня родилась такая дерзкая мысль, что я уже не смѣлъ и говорить Вамъ о ней прежде ея осуществленія,—мысль выразить жизнь Малороссійскаго народа въ *эпопеѣ*! Я избралъ для этого языкъ и форму народныхъ нашихъ думъ, которыя изучалъ долго и прилежно, и такъ какъ думы наши суть отрывки народной эпопеи, то я вставлялъ ихъ цѣликомъ, приблизясь къ воспѣваемой въ нихъ эпохѣ. Я довелъ такимъ образомъ свою необычайную композицію до смерти Остряницы. Тутъ поляки доходятъ до величайшаго варварства, души мучениковъ возносятся къ Богу и просятъ отмщенія. Отмщеніе готовится въ страшномъ для Польши Хмельницкомъ. Можетъ быть, я и совсѣмъ не показалъ бы Вамъ этого труда, предпринятою не съ полною увѣренностью въ своихъ силахъ, но Грабовскій, которому я читалъ, превозноситъ его такими похвалами, что и я начинаю вѣровать въ его достоинства. Онъ выпросилъ у меня два отрывка и послалъ Крашевскому въ „Ате-

неумъ". Совѣтуетъ издать эту первую часть въ Кіевѣ, а онъ перепечатаетъ польскими буквами, и увѣряетъ, что она разойдется по всему Славянскому міру. Продоставляю это на Ваше усмотрѣніе [1]). Въ стихахъ моихъ Вы найдете ямбъ подлѣ хорея, дактиль подлѣ ямба; можетъ быть, это поразитъ непріятно Вашъ слухъ; но стопосложеніе думъ (отмѣнное даже отъ стопосложенія малороссійскихъ пѣсенъ) имѣетъ свои законы, и когда глубже въ него вчитаетесь, найдете въ немъ такой тактъ, котораго не замѣнитъ ни амфибрахій, ни гекзаметръ.

Здѣсь я надѣюсь собрать окончательныя свѣдѣнія о гайдамакахъ и потомъ поѣду чрезъ Корсунь на другую сторону Днѣпра.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью.. Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 года, августа 14. Умань.

5.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ переводъ полученнаго мною на дняхъ отъ Грабовскаго письма, котораго считаю достойнымъ Вашего вниманія во многихъ отношеніяхъ,

Позвольте вмѣстѣ съ этимъ безпокоить Васъ покорнѣйшей просьбою, чтобы Чуйкевичъ опредѣленъ былъ на русскій языкъ, а мнѣ бы позволено было преподавать исторіи и географію послѣ Ланге, ибо учитель исторіи и географіи имѣетъ только 8 лекцій въ недѣлю, а учитель русскаго языка—12.

Да еще покорнѣйше прошу Васъ сдѣлать распоряженіе, чтобы деньги, вырученные за разсылку 50 экземпояровъ моей книги по гимназіямъ, отданы были мнѣ, а не начальнику типографіи, ибо я много долженъ и крайне нуждаюсь въ деньгахъ.

---

[1]) Говорится объ изд. Кулишомъ въ 1843 г. книжкѣ „Украйна". Подробности ея изданія см. ниже.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Пантелеймонъ Кулѣшъ.

1843 года, октября 7. Кіевъ.

6.

М. Г. Михайло Владиміровичъ.

Я напередъ зналъ что значитъ сказанное Вамъ Николаемъ Эваристьевичемъ [1]): *„Подумаю“*. Я до сихъ поръ не имѣю денегъ, и это во многихъ случаяхъ связываетъ мнѣ руки. Билетовъ на „Украйну“ Николай Эваристьевичъ не раздавалъ по той причинѣ, что не надѣется, чтобъ кто-нибудь читалъ эту книгу.—„Ваше дѣло, говоритъ онъ мнѣ, было бы перевести её на русскій языкъ“. Перевесть на русскій языкъ то, что рѣшительно *непереводимо*! Видя, что мы такъ далеко расходимся въ своихъ понятіяхъ о народной поэзіи, я уже не хотѣлъ безпокоить его просьбою о разрѣшеніи мнѣ печатать Преданія, тѣмъ болѣе, что онъ съ нѣкотораго времени сдѣлался для меня суровъ и недоступенъ.

Имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ экземпляръ „Украины“ собственно для Васъ и 50 экземпляровъ для употребленія, какое Вы заблагоразсудите изъ нихъ сдѣлать. Покорнѣйше прошу не предлагать ихъ Вашимъ знакомымъ, а отдать на коммиссію (или же продать) въ лавку. Кто купитъ её въ лавкѣ, тотъ, вѣрно, ее уразумѣетъ и не будетъ бранить автора.

Вы велѣли мнѣ напомнить Вамъ о вашемъ обѣщаніи войти въ переговоры съ какимъ-нибудь журналомъ, который бы назначилъ мнѣ постоянную плату отъ листа. Я готовъ доставлять въ журналъ все, что напишу, но только не забезцѣнокъ, ибо въ такомъ случаѣ я соглашусь лучше жить однимъ жалованьемъ и не браться за перо, чѣмъ обогащать бездушныхъ столичныхъ

[1]) Писаревъ, тогдашній правитель канцеляріи генералъ-губернатора.

писакъ, умѣющихъ разглагольствовать только въ программахъ да на журнальныхъ обверткахъ.

Я больше всего просилъ бы Васъ объ одномъ благодѣяніи. Кіевъ мнѣ страшно опротивѣлъ. Здѣсь моя дѣятельность застываетъ въ безплодныхъ усиліяхъ. Я года два уже помышляю о томъ, какъ бы изъ него вырваться, но при всемъ моемъ желаніи его оставить, чувствую необходимость прожить въ немъ еще до 18 февраля 1845 года: тогда, получивши чинъ, я буду вольный козакъ. Одно могло бы освободить меня изъ этой тѣсной темницы: еслибъ я получилъ въ Петербургѣ такое мѣсто, на которомъ бы дослужилъ до полученія чина.

Шевченко хвалился мнѣ добрымъ къ нему расположеніемъ тамошняго попечителя и обѣщалъ доставить мнѣ мѣсто учителя въ Дворянскомъ училищѣ въ Петербургѣ; но кто, зная Шевчонка, можетъ въ чемъ-нибудь на него положиться? Потому-то я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею моею просьбой доставить мнѣ это мѣсто. Живя въ Петербургѣ, я безъ всякихъ препятствій издалъ бы и малороссійскія лѣтописи, и исторію малороссійскихъ фамилій (на одинъ томъ набирается уже матеріалъ), и всякое грузное изданіе. Тамъ посѣщалъ бы я Академію художествъ и чрезъ то одно образовалъ бы свой слогъ до высокой степени совершенства, чего въ этой тюрьмѣ, при всѣхъ усиліяхъ, кажется, не достигну; а можетъ быть, живопись, къ которой я съ самаго малолѣтства имѣлъ страсть, пошла-бы мнѣ въ прокъ, и кисть моя сказала бы современемъ больше о Малороссіи, чѣмъ перо. Нужды нѣтъ, что въ Петербургѣ воздухъ не здоровый: въ Кіевѣ тоска убьетъ меня скорѣе, чѣмъ самый нездоровый воздухъ.

Въ типографіи остается еще 350, что-ли, экземпляровъ моего романа. Продать бы ихъ въ Перербургѣ всѣ разомъ какому-нибудь книгопродавцу за такую сумму, чтобъ расплатиться съ типографіею (т. е. за 400 р. серебр.). Можно включить въ то число и тѣ, что отданы въ Москвѣ и Петербургѣ на коммиссію, лишь бы долгъ уничтожить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ м. г. покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1893 г., ноября 23. Кіевъ.

P. S. Богородскій [1]) напалъ въ совѣтѣ на начальника типографіи за то, что онъ напечаталъ мою „Украйну", не имѣя форменнаго поручительства въ уплатѣ издержекъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что въ Вашей запискѣ къ Коломійцеву нѣтъ „Милостивый Государь", и онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ раскричаться въ совѣтѣ во имя точнаго исполненія законовъ. Въ счетѣ за „Украйну", представленномъ Вамъ, не положены деньги за обертку и сшивку. Теперь еще набралось 18 карбовинцовъ сверхъ 80 р. серебромъ; въ томъ числѣ 7 карбов. за переплетъ книгъ для подарковъ, безъ чего обойтись нельзя. На эти деньги нужно дополнительное поручительство, ибо ректоръ, по словамъ Коломійцева, запретилъ выходить для „Украины" за предѣлы 80 руб. сер. Посему покорнѣйше прошу Васъ въ письмѣ ко мнѣ приложить поручительство на всѣ издержки для „Украины" вообще, т. е. за печатанье, за бумагу, за обертку, за брошюровку и переплетъ 5 экземпляровъ въ сафьянъ и 20 въ папку. Общій счетъ долженъ быть менѣе 98 руб. серебр., ибо Коломійцовъ разсчитывалъ въ смѣтѣ на 7 печатныхъ листовъ, а вышло только 6; значитъ, нужно вычесть 6 р. 50 к. сер., итого останется 91½ руб. серебромъ.—

7.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Въ теченіе короткаго времени, со дня отправленія къ Вамъ перваго моего письма, низошла на меня особенная дѣятельность, такъ что я теперь работаю безпрестанно и, кажется,

[1]) Тогдашній деканъ юридич. факультета. Коломійцевъ—завѣдывавшій университетскою типографіею, въ которой печаталась книга Кулиша.

съ успѣхомъ. Планъ романа давно у меня готовъ, эпоха представляется уже ясно воображенію съ своимъ особеннымъ колоритомъ и характеры уже заданы, но боюсь писать, чтобъ послѣ не раскаиваться, да и гдѣ я его подѣну? Началъ писать *Повѣсть о старыхъ временахъ и обычаяхъ малороссійскихъ*, въ которой утѣшаетъ меня то, что ни одинъ человѣкъ не умретъ. Я не буду давать ей большого объему, опасаясь того, что называется „exagération“, а заключу въ кругу самыхъ обыкновенныхъ событій. Повѣсть эта можетъ быть готова къ 1-му января къ услугамъ того журнала, который мнѣ хорошо заплатитъ, т. е. не менѣе 50 руб. сер. за печатный листъ. Вмѣстѣ съ этою, пишу еще другую на малороссійскомъ языкѣ, чѣмъ конечно я не долженъ бы Вамъ хвалиться, а большую историко-философо-топографо-филолого-поэтическую статью подъ заглавіемъ: „*Поѣздка въ Украину*“. Въ ней я хочу представить характеристику заднѣпрскаго народа, отмѣннаго отъ малороссійскаго, описаніе мѣстности замѣчательныхъ городовъ и урочищъ, способъ выраженія народнаго, его домашніе обычаи и преданія. Преданія, которыя составили у меня, извѣстную Вамъ, особую книжку, я разложу здѣсь такъ, какъ я выспрашивалъ и изыскивалъ, при чемъ сами разскащики ихъ обрисуются читателю и представятъ много замѣчательныхъ частностей. Всѣ преданія я буду писать здѣсь уже по русски, сохраняя только мѣстами характерныя черты.

Занимаюсь живописью. Все мучусь надъ тою картиною, которая достана (sic) для меня у б. Шодуара [1]) и которая мнѣ по своей, какъ справедливо Вы замѣтили, фарфорной живописи очень не нравится; но какъ я уже сдѣлалъ подмалёвокъ, то жаль бросить. Позвольте безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбой купить на книжные деньги въ Петербургѣ красокъ: бакановъ, желчи, ультремарину и другихъ лучшихъ,—простыя же есть и въ Кіевѣ,—да дюжину хорошихъ щетинныхъ кистей, которыхъ недостатокъ подвергаетъ меня ежеминутно въ досаду.

---

[1]) Баронъ Шодуаръ—извѣстный нумизматъ, тогдашній вицепредсѣдатель кіевской Археограф. Комиссіи.

Если купитъ какой журналъ или книгопродавецъ мой романъ: *„Сотникъ Шрамко и его сыновья“* [1]), то я напишу.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь... П. Кулѣшъ.

1843 года, декабря 10. Кіевъ.

8.

М. Г. Михайло Владиміровичъ!

Озабоченный своею новою поѣздкою, я сегодня забылъ сказать Вамъ, что у графа Свидзинскаго [2]) есть превосходный списокъ древнѣйшей малороссійской лѣтописи. Онъ уже и далъ было мнѣ его на время, но узнавши, что тутъ есть и Вашъ интересъ, удержалъ у себя. Онъ имѣетъ къ Вамъ просьбу о возвращеніи какихъ-то монетъ и ожидаетъ пока Вы будете просить его о лѣтописи.

Иванъ Ивановичъ [3]) сказалъ мнѣ, что Вы отыскали уже и идола, чему я отъ души радуюсь, но на всякій случай сообщаю здѣсь подробности о скелетѣ, при которомъ оный найденъ.—Въ селѣ Осотѣ, Чигиринскаго уѣзда, возлѣ плотины было провалье, въ которомъ иногда долго лѣтомъ стояла вода. Брали изъ этого провалья глину и нашли скелеты человѣческій и конскій; человѣческій—лежалъ ницъ; на головѣ у него желѣзная шапочка, покрытая желѣзнымъ щитомъ; шаровары (или ноги съ обѣихъ сторонъ) и грудь были покрыты рядами пуговицъ золотыхъ; кромѣ пуговицъ, на груди найдено 5 золотыхъ „дудочекъ“, вершка въ два длиною; на ногахъ золотыя шпоры; возлѣ него него лежало копье, золотой молотокъ и идолъ; на

---

[1]) Это будущая—Черная Рада.

[2]) Польскій помѣщикъ Кіевск. губ., извѣстный коллекціонеръ, собиравшій преимущественно письменные памятники, богатое собраніе которыхъ нынѣ находятся въ Варшавѣ въ муз. гр. Красинскихъ.

[3]) Фундуклей, тогдашній кіевскій губернаторъ.

рукахъ два золотые перстня съ печатками; на мѣстѣ пояса 27 стрѣлъ; у коня по бокамъ головы двѣ золотыя бляхи, а на лбу золотая звѣзда. Послѣ найдена на томъ мѣстѣ золотая медаль. Скелетъ человѣческій лежалъ головою на югъ.

Покорнѣйше прошу Васъ прислать мнѣ на время чрезъ подателя сего письма доставленную мною Вамъ лѣтопись, а также остающіеся у Васъ экземпляры *„Чарнышенка“* и *„Украйны“*.

Приношу Вамъ искреннюю мою благодарность за всѣ Ваши благодѣянія; чувствую глубоко благодарность въ сердцѣ, но не умѣю выразить словами.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть... П. Кулѣшъ.

1844 г., августа 22. Кіевъ.

9.

М. Г. Михайло Владиміровичъ, добрый мой благодѣтель!

Въ библіотекѣ графа Свидзинскаго нашелъ я двѣ важныя для исторіи Малороссіи книги: автографъ лѣтописи Ерлича и печатную книжку in 4°, содержащую въ себѣ три отдѣльныя статьи на польскомъ языкѣ: 1-я подъ заглавіемъ: „О козакахъ, должно-ли ихъ истребить или нѣтъ?“ (напечатанная въ 1618 году), занимаетъ девять листковъ; 2-я статья—рукописная—подъ заглавіемъ: „Совѣтъ объ истребленіи Татаръ“, сочиненіе Симона Старовольскаго, занимаетъ семь листковъ; 3-я статья, безъ перваго листка, содержитъ въ себѣ подробное, чрезвычайно занимательное и важное во многихъ отношеніяхъ описаніе войны Поляковъ съ гетманомъ Павлюкомъ [1]) (въ 1637 году) и занимаетъ 43 листка. До сихъ поръ у насъ о войнахъ до Хмель-

---

[1]) Или *Павломъ Михновичемъ Бутомъ*, какъ называетъ онъ себя здѣсь въ своихъ универсалахъ. Замѣчательно, что поляки и козаки называютъ его въ этой статьѣ просто *„Павлюкомъ“*, подъ каковымъ именемъ онъ и намъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ. (*Примѣч. П. Кулиша*).

ницкаго и о гетманствѣ Павлюка писали весьма мало, и то въ общихъ выраженіяхъ, или же повторяли вымыслы Конисскаго; изъ этого дневника (это, вѣдь, дневникъ самовидца и участника въ войнѣ съ Павлюкомъ) мы наконецъ узнаемъ и тогдашнее устройство козацкаго войска, и отношенія его къ своимъ начальникамъ, и козацкую тактику, и способъ писанія тогдашнихъ универсаловъ и войсковыхъ ордеровъ—всѣ они сохранены здѣсь, хотя въ переводѣ, однакожъ въ переводѣ, видно, весьма близкомъ, ибо оставлены даже нѣкоторыя русскія выраженія, какъ напримѣръ: „доброго здоровья отъ Господа Бога“ и т. п.; словомъ, эта статья прольетъ свѣтъ на темную эпоху состоянія и устройства козаковъ до возстанія Богдана Хмельницкаго.— Лѣтопись Ерлича, которая въ печати составила бы томъ страницъ въ 100, также весьма важна, какъ свидѣтельство современника войнъ Хмельницкаго, равно предыдущихъ и послѣдующихъ. Самъ онъ, будучи православнымъ, но пиша и глядя на все попольски, можетъ служить для насъ представителемъ малороссіянъ, противодѣйствовавшихъ Хмельницкому.

Въ Кіевѣ я не имѣлъ случая поговорить съ Вами объ одномъ весьма важномъ литературномъ предпріятіи или намѣреніи, лучше сказать. Политическая жизнь Малороссіи давно кончилась; та жизнь, которая выражается въ языкѣ, костюмахъ, обычаяхъ и пр.,—назову её хоть поэтическою,—также съ каждымъ годомъ теряетъ свою выразительность. Малороссія скоро сольется въ одно тѣло съ Россіею. Это и хорошо; но не хорошо то, что она, разцвѣтая около двухъ вѣковъ такою сильною, такою пышною народной жизнью, при сліяніи съ народомъ русскимъ, мало привнесла въ него элементовъ новыхъ, выработанныхъ собственными силами во время отдѣльнаго своего существованія. Было время, когда мы, малороссіяне, въ соприкосновеніяхъ съ русскими, могли бы, такъ сказать, напитать ихъ запахомъ своихъ степей, придать имъ богатства колорита своими народными красками, осіять ихъ блескомъ своей поэзіи; но въ то время и мы не были еще такъ просвѣщены, чтобы знать себѣ цѣну, и они были слишкомъ невѣжественны

чтобы не пренебрагать нашимъ языкомъ, поэзіею, нравами и обычаями. Еслибъ мы до сихъ поръ сохранили вполнѣ свою народную характеристику, о! я увѣренъ, что, послѣ вліянія, произведеннаго на русскихъ романами Вальтеръ-Скотта, мы сдѣлались бы для нихъ предметомъ особеннаго изученія; но въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, когда мы такъ обрусились и оставили въ удѣлъ однимъ мужикамъ свой родной языкъ и свои обычаи, мы не можемъ вносить въ бѣдное жизнью общество русскихъ никакого новаго элемента. Русскій поэтъ, возвышенный до всеславянской идеи, еслибъ захотѣлъ, посредствомъ изученія, пережить богатою жизнью нашего народа и такимъ образомъ пополнить и усилить свою русскую душу, то почти не имѣетъ для этого средствъ: Малороссія въ нормальномъ своемъ состояніи представляетъ почти безцвѣтный обломокъ прежней Малороссіи, а литература наша, по недостатку народной эрудиціи въ литераторахъ, выразила въ себѣ жизнь нашего народа тоже весьма слабо, (кромѣ народныхъ пѣсенъ, которыхъ, впрочемъ, издано весьма мало). И потому, чтобъ доставить возможность и русскимъ изучать наше отжитое прошлое, да и самимъ намъ основательнѣе познать себя, нужно бы предпринять такое изданіе, которое бы обняло своими томами все, въ чемъ выражалась жизнь Малороссійскаго народа. Краеугольный камень этому изданію Вы уже положили намѣреніемъ напечатать наши лѣтописи. Это будетъ первое. Если, кончивши лѣтописи—со всѣми примѣчаніями, приложеніями и выписками изъ иностранныхъ писателей о Малороссіи, въ слѣдующихъ томахъ напечатать: 2) сводъ малороссійскихъ узаконеній и исторію законодательства въ Малороссіи; 3) географію Малороссіи въ древнія и въ наши времена—причемъ показать порядокъ или исторію заселенія края, переходъ владѣнія землями и селами изъ однихъ рукъ въ другія, отмѣны почвы съ описаніемъ мѣстоположеній, урочищъ и пр.; 4) описаніе старинныхъ церквей и зданій, утварей, домашнихъ принадлежностей, хозяйства, торговли, ремеслъ и пр. въ древнемъ и новомъ состояніи Малороссіи; 5) народныя преданія, какъ переходъ отъ исторіи къ поэзіи, отъ по-

ложительной, существенной жизни къ жизни идеальной и фантастической, (а мое собраніе народныхъ преданій просто—superbe!); 6) народныя сказки, пословицы, загадки и пр.; 7) народныя пѣсни съ критическимъ разборомъ замѣчательнѣйшихъ; наконецъ 8) написанную, послѣ глубокаго изученія всѣхъ этихъ источниковъ, исторію Малороссіи; если издать все это любовью малороссіянина, славянина и просвѣщеннаго человѣка, приложить множество разнаго рода рисунковъ и чертежей и назвать однимъ общимъ именемъ *Жизнь Малороссійскаго народа*, то это была бы достойная жертва любви къ родинѣ и важная услуга Малороссіи, Россіи, всему Славянскому міру и всѣмъ ученымъ вообще. Изданіе это можно совершить въ теченіе 10 или 15 лѣтъ, по мѣрѣ того, какъ будутъ пополняться и обрабатываться матеріалы; а потомъ тотъ, кто издастъ все предыдущее, кажется, довольно ознакомится съ предметомъ, чтобъ рѣшиться писать исторію Малороссіи. Вотъ программа патріотическаго подвига, для котораго мнѣ пріятно было бы посвятить тѣ годы, когда способности наши бываютъ въ цвѣтѣ силъ и дѣятельности. И такъ, не угодно-ли будетъ Вамъ начать изданіе лѣтописей подъ заглавіемъ: *Жизнь Малороссійскаго народа*? (Можно написать небольшое предисловіе). Этимъ мы придадимъ своимъ лѣтописямъ важное значеніе для подписчиковъ. Между тѣмъ въ слѣдующемъ году я предприму поѣздку въ Малороссію и соберу матеріалы для географіи. А составленіемъ свода узаконеній и исторіею законодательства займется одинъ почтенный и просвѣщенный человѣкъ, служившій долго судьею и знающій дѣло это, какъ нельзя лучше.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть... П. Кулѣшъ.

1844 г., сентября 10. Сквира.

10.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Позвольте еще разъ принесть Вамъ искреннюю мою благодарность за опредѣленіе меня учителемъ въ гимназію. [1]) Я

---

[1]) Рѣчь идетъ о Ровенской гимназіи.

постараюсь быть достойнымъ Вашего покровительства. Директоръ принялъ меня по начальнически, впрочемъ внимательно. Мнѣ очень много работы, но я радъ, что принятая мною на себя обязанность заставитъ меня наконецъ изучить исторію въ полномъ объемѣ. Квартира въ замкѣ, о которой я имѣлъ неблагоразуміе безпокоить Васъ своею просьбою, такъ не выгодна, что я и самъ отъ нея отказался.

Правду Вы говорили, что непройдетъ мѣсяца, какъ я возопію къ Вамъ о переводѣ меня въ Кіевъ!

Здѣсь мнѣ такая тоска, что я почти боленъ. Если только представится какая-нибудь возможность, ради Бога, переведите меня въ Кіевъ! Я готовъ даже читать словесность, хотя словесность гораздо труднѣе читать въ гимназіи, чѣмъ исторію. Кіевъ теперь еще привлекательнѣе для меня, потому что тамъ есть Костомаровъ, котораго сообщество для меня такъ много значитъ. Сдѣлайте одолженіе, не забудьте обо мнѣ.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1845 г., октября 6. Ровно.

11.

М. Г. Почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Вы давно уже ждете моего письма и, вѣроятно, порядочно меня браните, но я виноватъ въ своей медлительности только тѣмъ, что, заѣхавши въ Борзну, прожилъ тамъ цѣлую недѣлю, чтобъ ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ братомъ извѣстнаго Вамъ Бѣлозерскаго, служащимъ здѣсь по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ [1]). Послѣ того я, до самой Москвы, нигдѣ уже

[1]) Рѣчь идетъ, кажется, о старшемъ изъ братьевъ Бѣлозерскихъ, Викторѣ Мих—чѣ, давно умершемъ; а „извѣстный“ Б—ій,—это былъ, вѣроятно, Василій М—чъ, редакторъ *Основы*.

не останавливался, но дорога была такъ затруднительна отъ замерзшей грязи, что я рѣшительно не могъ ѣхать быстро. Въ Москвѣ я прожилъ трое сутокъ во первыхъ для того, чтобъ отдохнуть, а во вторыхъ для того, чтобъ сдѣлать извлеченія изъ лѣтописи Велички, принадлежащей Погодину. Лѣтопись эта написана въ 1720 года и замѣчательна въ особенности тѣмъ, что авторъ ея, кромѣ другихъ источниковъ, пользовался—какъ говоритъ онъ самъ—дневникомъ Зорки, секретаря Богдана Хмельницкаго. Она заключаетъ въ себѣ множество писемъ гетманскихъ къ запорожскимъ и запорожскихъ къ гетманамъ, объясняющихъ значеніе, Запорожья въ козацкой исторіи и отношенія Низовцевъ къ городовому правительству украинскому; кромѣ того, въ ней нашелъ я много такихъ подробностей о разныхъ лицахъ, которыя до сихъ поръ не были извѣстны мнѣ ни изъ русскихъ, ни изъ польскихъ источниковъ. Погодинъ принялъ меня весьма радушно я у него прожилъ двое сутокъ и открылъ въ немъ больше достоинствъ, чѣмъ предполагалъ доселѣ. Лѣтопись его, состоящая изъ трехъ большихъ томовъ, такъ меня заняла во все время пребыванія моего въ Москвѣ, что я не имѣлъ даже возможности посмотрѣть Оружейную Палату; но сама Москва съ своими домами, съ своимъ кремлемъ и храмами, послѣ Кіева, поразила меня своимъ великолѣпіемъ. Я спрашивалъ себя: что же я увижу тамъ въ Петербургѣ? и немогъ вообразить себѣ, чтобъ послѣ Москвы Петербургъ такъ сильно занялъ мое любопытство, какъ занимаетъ онъ его теперь. Въ дождь и въ вѣтеръ я немогу ѣхать по немъ спокойно, закутавшись въ воротникъ своей шинели; я безпрестанно поворачиваю голову то въ ту, то въ другую сторону, и еслибъ ходилъ пѣшкомъ, то, вѣроятно, простаивалъ по получасу предъ каждымъ великолѣпнымъ зданіемъ, передъ каждымъ памятникомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ ѣздить, потому что дѣятельность, которою кипитъ сѣверная столица, охватила уже и меня своими волнами. Я радъ бы отъ всей души написать Вамъ нѣсколько листовъ и такимъ образомъ вполнѣ исполнить Вашъ наказъ, но впередъ предстоитъ мнѣ столько работы, что по неволѣ долженъ ограничиться увѣдом-

леніемъ Васъ только о томъ, что существенно нужно Вамъ обо мнѣ знать.

Плетневъ принялъ меня съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ дружелюбіемъ, котораго описать невозможно. Чрезъ полчаса онъ повелъ меня въ университетъ и представилъ попечителю. Мнѣ, кромѣ лекторства, даютъ мѣсто старшаго учителя словесности въ пятой гимназіи, чрезъ что годовой доходъ мой здѣсь будетъ состоять изъ тысячи рублей серебромъ. Пятая гимназія, недавно открытая, состоитъ теперь только еще изъ первыхъ трехъ классовъ. Это для меня благопріятно, потому что я не буду готовиться къ лекціямъ [1]).

Пока пріищу себѣ квартиру, я живу у Плетнева, посему покорнѣйше прошу теперь, да и послѣ, я думаю, адресовать ко мнѣ письма на его имя. Плетневъ надѣялся, что лекторское мое мѣсто со временемъ сдѣлается равнозначительнымъ мѣсту адъюнкта, и совѣтуетъ мнѣ приготовить вступительную лекцію о Русскомъ языкѣ такъ, чтобъ дать о себѣ попечителю хорошее мнѣніе. Этимъ-то я теперь и занятъ въ особенности.

Журналъ не приноситъ Плетневу никакой выгоды, почему покорнѣйше прошу Васъ приказать директорамъ и смотрителямъ кіевскаго округа непремѣнно его выписать. Я буду опредѣленъ завтра или послѣ завтра къ должности, и тогда сдѣлаютъ въ Ровно отношеніе о моемъ перемѣщеніи. Еще разъ осмѣливаюсь напомнить Вамъ о Малавскомъ, который вполнѣ заслуживаетъ, и по своимъ способностямъ и по своему трудолюбію, занять мое мѣсто въ Ровенской гимназіи.—Примите еще разъ увѣреніе въ моей вѣчной Вамъ благодарности за всѣ ваши благодѣянія.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ, м. г. покорнѣшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1845 г., ноября 13. С.-Петербургъ.

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1896 г., декабрь, II, 87.

12.

М. Г. Почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Я утвержденъ учителемъ словесности въ пятой гимназіи, и этимъ обязанъ, вѣроятно, Вамъ, потому что мои бумаги изъ Ровно не получены еще, а не получены потому, что Иванишевъ [1]) выслалъ ихъ туда безъ аттестаціи съ своей стороны о службѣ моей въ Кіево-Подольскомъ училищѣ, почему дирекція ровенская должна, препроводивъ ихъ обратно, требовать отъ Иванишева объясненія, почему онъ не аттестуетъ. Такъ мнѣ пишутъ изъ Ровно, и я иначе не могу этого себѣ истолковать, какъ только ошибкою Иванишева.

Вечеръ, проведенный мною недавно у Александра Васильевича, [2]) чрезвычайно былъ для меня занимателенъ. Тамъ между прочимъ узналъ я, что Сенковскій, т. е. баронъ Брамбеусъ, изобрѣлъ клави-оркестръ, инструментъ подобный фортепьяно и заключающій въ себѣ 240 духовыхъ и струнныхъ инструментовъ. Онъ издержалъ на эти инструменты, пробуя ихъ и передѣлывая, тысячъ 30 и ни о чемъ не можетъ говорить теперь, кромѣ своего клави-оркестра. Теперь онъ занимается устройствомъ въ немъ человѣческихъ голосовъ; Александръ Васильевичъ говоритъ, что уже видѣлъ два горла.

На этомъ вечерѣ сподобился я видѣть Полевого, котораго хозяинъ, ко всякому весьма привѣтливый, усадилъ со словами: „возсядьте, какъ патріархъ русской словесности". Полевой сѣлъ и началъ говорить съ смиренно-кичливымъ видомъ сперва о Ж.-Зандѣ, потомъ о Шекспировыхъ драмахъ и наконецъ о себѣ. „Въ этомъ году, говорилъ онъ, я много имѣлъ работы, но въ новомъ году напишу такую драму, отъ которой заревѣтъ все, отъ партера до райка".

---

[1]) Н. Д. Иванишевъ былъ тогда ордин. профессоромъ Кіев. университета.— Почему онъ долженъ былъ высылать бумаги Кулиша и давать ему аттестацію— непонятно.

[2]) Профессоръ университета Никитенко.

Теперь я долженъ сказать Вамъ, какъ человѣку, такъ долго державшему меня на свѣтѣ, что въ Александрѣ Васильевичѣ я не нахожу того, что вы мнѣ обѣщали. Онъ ко мнѣ весьма внимателенъ, но это вниманіе совсѣмъ не то, что было Ваше. Между тѣмъ его болѣе сердечная расположенность весьма бы пригодилось мнѣ здѣсь, потому что я намѣренъ держать лѣтомъ экзаменъ на кандидата. Петръ Александровичъ истинно мнѣ преданъ, но живетъ въ разладѣ съ профессорами; а Александръ Васильевичъ лучше всякаго другого могъ бы меня сблизить съ ними и расположить ихъ въ мою пользу.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью... П. Кулѣшъ.

1845 г. декабря 20. С.-Петербургъ.

P. S. Позвольте еще разъ напомнить Вамъ о Малавскомъ, который, занявши въ Ровенской гимназіи мое мѣсто, будетъ его вполнѣ достойнымъ, потому что изучаетъ исторію безпрестанно. Когда вы будете въ Петербургѣ?

13.

М. Г. Почтеннѣйшій мой благодѣтель,

Михайло Владиміровичъ!

Стыдно мнѣ признаться Вамъ, что я до сихъ поръ не видѣлъ картины Брюлова. Я видѣлъ въ Казанскомъ соборѣ его „Вознесеніе Божіей Матери“ и не понялъ. Это уменьшило во мнѣ желаніе видѣть „Послѣдній день Помпеи“; я не хотѣлъ оскорблять великаго художника невѣжественнымъ своимъ любопытствомъ и рѣшился идти къ его высокому произведенію тогда, когда почувствую, что въ состояніи понять его. Исполненію до сихъ поръ этого обѣта способствовало то, что здѣсь нѣтъ Шевченка, который бы повелъ меня къ земляку нашему Григоровичу и показалъ мнѣ картину Брюлова. Впрочемъ, кажется, мнѣ скоро представится удобный случай видѣть Академію Художествъ, и тогда я напишу Вамъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Конями Клодта[1]) я восхищался. Для того, чтобъ вполнѣ оцѣнить фронтоны Исаакіевскаго собора, не достаетъ солнечнаго освѣщенія. Сквозь туманную атмосферу они для моихъ близорукихъ глазъ теряютъ свою изящную отчетливость и выразительность.

Современная наша литература представляетъ печальное зрѣлище. Представителями ея, кромѣ немногихъ истинныхъ жрецовъ поэзіи, все народъ развратный: другимъ словомъ я не могу опредѣлить этого коммерческаго духа, которымъ давно заражены старыя и молодыя сердца; этой жизни суетной, какой всѣ они предаются, этихъ дерзкихъ сужденій о великихъ писателяхъ, которыя безпрестанно слышишь въ обществѣ и читаешь въ книгахъ, этого, наконецъ, неблагоговѣйнаго взгляда на міръ какъ на дѣло творчества Божія, съ какимъ они трактуютъ обо всемъ, что подлежитъ ихъ чувствамъ и уму! Молчаливый зритель всѣхъ этихъ грустныхъ явленій, я здѣсь заключаюсь самъ въ себѣ глубже, нежели въ Кіевѣ, и благодарю Бога, что я не раньше попался въ этотъ хаосъ. Уединенная жизнь и долговременное изученіе такихъ писателей, какъ Гомеръ, Данте, Шекспиръ, вмѣстѣ съ изученіемъ исторіи и народной поэзіи своей родины, поставили меня такъ крѣпко на ноги, что меня не можетъ увлечь съ собою неистовый потокъ Краевщины и другихъ литературныхъ партій. Я теперь желалъ бы еще одного для полнаго своего развитія: желалъ бы быть посланнымъ для изученія славянскихъ языковъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ держать экзаменъ на магистра и занять каѳедру въ Петербургскомъ или Кіевскомъ университетѣ. Пребываніе въ Прагѣ дало бы мнѣ возможность воспринять въ свою душу всѣ элементы западно-европейской образованности, сгармонировать ихъ въ себѣ съ элементами духа славянскаго и потомъ дѣйствовать сложностью всѣхъ этихъ силъ на молодое поколѣніе, котораго если ничто не спасетъ отъ нынѣшняго эфемернаго направленія, то горе, горе Русской литературѣ! Я слышалъ, что Вашъ университетъ хочетъ послать за границу бездушнаго Страшкевича. Ради

[1]) Извѣстный скульпторъ.

Бога, употребите всѣ усилія, чтобы это не состоялось! Довольно уже и того, что посланы ничтожные Тутковскіе, Вигуры и пр., которые, возвратясь, будутъ только играть въ карты и пускать пыль въ глаза.

Отъ Погодина на счетъ лѣтописи Величка узнать что-нибудь навѣрное было трудно. Онъ скоро будетъ здѣсь. О лѣтописи Конисскаго я не узналъ еще. Лѣтопись Самовидца я хочу издать здѣсь. Покорнѣйше прошу прислать мнѣ изъ Вашего экземпляра окончаніе отъ 1667 года.

Оканчиваю *Черную Раду*. Въ Современникѣ будетъ помѣщенъ 2-й томъ въ 1, 2 и 3 нумерахъ. Въ 1-мъ нумерѣ я напечаталъ письмо Грабовскаго о Гоголѣ. У Васъ есть гдѣ-то переводъ еще одного письма Грабовскаго. Покорнѣйше прошу отыскать его и прислать мнѣ. Онъ писанъ не моею рукою.

Я очень желалъ бы сойтись съ художниками: къ нимъ болѣе лежитъ душа моя, нежели къ здѣшнимъ литераторамъ; но не знаю какъ.

Познакомился я съ барономъ Корфомъ. Онъ хочетъ изучить и написать въ теченіи пяти лѣтъ „Исторію Россіи отъ смерти Грознаго до Петра". Совѣтовался со мною касательно изученія источниковъ исторіи Малороссіи.

Когда Вы будете въ Петербургѣ?

Позвольте, Михайло Владиміровичъ, попросить Васъ объ учителѣ Красковскомъ, несчастливѣйшемъ изъ коллежскихъ совѣтниковъ. Во время пребыванія моего въ Кіевѣ, я въ его семействѣ былъ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Нельзя-ли для него чего-нибудь сдѣлать? Онъ человѣкъ весьма основательно ученый и старательный на службѣ. Если нельзя сдѣлать его въ Черниговѣ или въ Нѣжинѣ инспекторомъ, то по крайней мѣрѣ нельзя-ли представить его къ денежной наградѣ?

Съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокою преданностью имѣю честь... П. Кулѣшъ.

1845 г., декабря 25. С.-Петербургъ.

P.S. Прошу сказать мое почтеніе Аннѣ Максимовнѣ.

Во 2-мъ номерѣ дѣтскаго журнала „Звѣздочка" и въ слѣдующихъ—будетъ моя статья *Повѣсть объ Украинскомъ народѣ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПО-НАДЪ ДНИПРОМЪ.

Драматычни картыны въ 5 одминахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Павло Серпокрылъ, крестьянынъ хлиборобъ.

Явдоха, его жинка.

Мыронъ, скинчывъ выщу школу хлиборобства } диты ихъ.
Мыхайло, простый парубокъ . . . . . }

Клымъ
Панько } крестьяне хлиборобы.
Терешко

Марія . . } сельски дивчата.
Елысавета }

Настя, маты Маріи.

Лука
Матвій
Мойсій } крестьяне спильщыкы-хлиборобы.
Демьянъ
Харько
и инши

Мыкола, багатый дидъ.

Купырьянъ, бурлака.

Харытына, сестра Явдохы.

1 и 2 бабы, подругы Явдохы.

Ликарь.

Волостный старшына.

Пысарь.

1-ый и 2-ый киргызы.

Народъ.

1, 2, 3 и 5 діи по-надъ Днипромъ, 4 дія въ Орембурськимъ степу.

Дія I.

Середына хаты.

Ява I.

Явдоха дывытся у викно.

Павло (*на двори*). Здоровъ сынку, здоровъ мій коханый! Заходь-же, заходь... (*одчыняе двери*). Тилько помалу, бо тутъ у насъ у синяхъ темно... Та нагынайся, щобъ часомъ лоба не набывъ; ты-жъ знаешъ, яки у насъ нызеньки двери.

Явдоха (*раньше пидійшла и позадъ Павла пидіймается навспынячкы и заглядае черезъ плече*). Та пусты бо мене, старый, ты заступывъ двери и самъ любуешся Мыраномъ, а мене не пускаешъ и глянуты на нёго...

Павло. Та де тамъ любуюсь. На двори темно, хочъ око выколы. (*Мовчать*).

Явдоха. Чого жъ це винъ не йде?

Павло. Богъ его знае, чого винъ тамъ копается! Я выйшовъ, винъ обизвався зъ воза; мени здалося, що вже йде слидкомъ за мною, я й пишовъ видчынять двери, бо винъ же давно дома не бувъ, то, певно, забувъ якъ и двери въ батькивську хату видчыняются, а его, бачъ, и доси нема.

Явдоха. Пусты мене! (*у двери*) Мыроне!

Мыронъ (*зъ-надвору*). Га?

Явдоха. Та де ты тамъ? Мы тебе на дверяхъ ждемо, а ты сыдышъ на вози, чы що?

Мыронъ (*зъ-надвору*). Та заразъ, мамо! Стривайте, дайте повыймать всяку всячыну зъ воза.

Павло. Та йды вже, нехай Мыхайло коней роспряже, тай повносыть все въ хату.

—

Ява II.

Тижъ и Мыронъ несе всяки пакункы.

Мыронъ. Здорови булы!

Явдоха. Сыну мій дорогый! (*цилуются; Мыронъ цилуе матирь у руку.*) Якый же ты старый ставъ... въ бороди! И не пизнала-бъ николы, якъ бы такъ де зустрила!

Мыронъ. Не дыво—шисть литъ не бачылысь, а за цей часъ я постаривъ: бородою зарисъ и зморщывся трохы. Доброго здоровья, тату! (*цилуется зъ Павломъ*).

Павло. То такъ зразу, а прыдывышся—той Мыронъ! Тилько що борода.

Мыронъ. Мами хотилося-бъ, щобъ я хлопчыкомъ якъ бувъ, то такъ щобъ и зостався до смерты!...

Явдоха. Де жъ такы! (*прыдывляется*) Ни, ничого... въ бороди гарно!.. Тилько чого жъ ты такый блидый?

Мыронъ. А вже нашъ братъ городянынъ выбилыся сыдючы въ кимнати,—краще нижъ полотно на мартовимъ повитри.

Явдоха. Не дойидавъ, не допывавъ, не досыпавъ... И на що такъ багато вчыться... Господы, то жъ мабуть литъ одынадцять учывся?

Мыронъ. Одынадцять литъ учывся, а чотыри годы другыхъ вчывъ...

Явдоха. И чому тамъ васъ такъ довго учать? Ты, певно, все знаешъ?

Мыронъ. О, мамочко! И цилый викъ можна учыться, то й то всего не знатымешъ... Я вчывся тилько, якъ добре хазяйнуваты треба, хлибопашыть...

Павло. Абы, сыну, земля, а хлибопашыть можна й безъ наукы; мы це дило знаемъ зъ дида—прадида! Та й то...

Мыронъ. То такъ здается, а безъ наукы добра не буде.

Павло. И, вже зъ тіею наукою! онъ панъ Кукуриченко хазяинувавъ по-вченому, та за пять литъ дохазяинувався до того, що й землю продавъ.

Мыронъ (*сміется*) Ловко! Ну, що жъ—бувае и такъ.

Явдоха. Ты, певно, йисты хочешъ, а мы тебе роспытуемъ Богъ зна про що?

Павло. И справди! Давай що тамъ е, нехай пидйисть зъ дорогы.

Мыронъ. Я-бъ, мамо, чаю выпывъ зъ дорогы.

Явдоха. У насъ же, сыну, а ни самоварю того, а ни чаю-сахарю немае.

Мыронъ. У мене е все. Отъ заразъ достану, и самоваря поставымо, та вси разомъ и чаю напьемося, и побалакаемо, а потимъ и повечеряемъ.

Явдоха. Де жъ такы самъ будешъ самоваря настановляты... Ого! У насъ тутъ е сусидка, вона въ попа щось зъ мисяць була, то знае коло него; я іи поклычу, такъ вона цей разъ поставыть, а на завтра и я навчуся.

Мыронъ. Якъ хочете,—штука не мудра. (*Маты выйшла. Мыронъ достае самоваръ, посуду и инше*) Якъ же вамъ тутъ, тату, жывется?

Павло. Сутужно, сыну. Поля мало, хлибъ не родыть, та ще й дешево...

Мыронъ. А все жъ такы не голодаете, сами соби панъ, то й за те слава Богу.

Павло. Тилько що зъ голоду, мовлявъ, не пухнемо. Ще, слава Богу, Мыхайлови пощастыло: вытягъ далекый жеребокъ та й зостався дома.

—

Ява III.

Ти-жъ, Явдоха и Марія.

Марія (*нызенько кланяется*) Добры-вечиръ.

Мыронъ. Добры-вечиръ и вамъ.

Явдоха. Отъ вона намъ и самоваря поставыть.

Мыронъ. Чія-жъ це така слухняна?

Павло. Максымова. (*Марія бере самоваря, налывае*).

Мыронъ. Сусидська; Марія, лыбонь?

Марія. Не забулы?

Мыронъ. Колысь быть тебе хотивъ за те, що языка мени показала и Мыпономъ печенымъ назвала.

Марія (*сміется*) Та не піймалы.

Мыронъ. Бо не хотивъ гнатысь; я тилько пожартувавъ, щобъ налякать.

Марія. Теперъ не буду языка показувать... то була дурна...

Явдоха. Вона у школи вчылася.

Мыронъ. Уміешь же чытать?

Марія. Та!.. по своій кныжци... (*сміется*) Давайте жъ угилья.

Явдоха. Отъ тоби й маешъ! А угилья й нема.

Мыронъ. Е. Я прывизъ. Тамъ на вози все. (*Входе Мыхайло*).

Ява IV.

Ти-жъ и Мыхайло.

Мыронъ. Мыхайло, а де угилья?

Мыхайло. У сивяхъ.

Марія. Соснынкы нема на скалкы...

Мыхайло. Ходимъ, я тоби и соснынку дамъ, и угилья покажу, та й повчуся настановлять самоваря.

Марія. Ото штука: воды влывъ у трубу, угилья поклавъ по-за трубу,—отъ и шумыть! (*сміется. Выйшлы.*)

Ява V.

Ти-жъ безъ Маріи и Мыхайла.

Мыронъ. Гарна дивчына.

Явдоха. Добра, розумна...

Павло. И проворна.

Мыронъ. А чомъ вы Мыхайла не женыте?

Явдоха. Морока.

Мыронъ. Чого такъ?

Павло. Та... багато говорыть... Мыхайло хоче сватать Чайкивну.

Явдоха. Заможного батька дытына...

Павло. Такъ що зъ того? А семейка хиба мала; тому дай, тому дай, то й выйде всимъ по-троху!... Та тутъ, бачъ, дило не въ тимъ, чы багата, чы бидна, а въ тимъ, що колы Мыхайла оженыть, то прыйдется зостатысь самому, зъ малымы дитьмы, бо Чайка хоче, щобъ диты, поженывшысь, жылы на отдили, а я збираюся на переселеніе въ Орембурську губерню...

Мыронъ. Що вы? Богъ зъ вамы!

Явдоха. Таку збывъ бучу, що... Отутъ ще есть два непосыдька... Ну, та тимъ не дыво, воны прывыклы волочытысь ще зъ молоду: то на лыніи, то въ Тавріи, то на Дону що лита...

Мыронъ. Выходыть—перелётни птыци! Люблять нови мисця: хочъ гирше, абы инше!...

Явдоха. Именно... А винъ наслухався видъ цихъ бурлакъ, та й соби: пойиду, та й пойиду щастя шукать....

Мыронъ. Богъ зна що выгадалы! Тамъ гарно, де насъ нема.

Павло. Идуть же люде въ Орембурськи степы, покупылы тамъ за помичью банка земли нипочому, осилысь на прыволли, и жывуть добре; Панько своимы очыма бачывъ!.. Чого жъ намъ тутъ сыдить? Сыдячого, кажуть, и татары беруть...

Явдоха. На мисти й каминь обростае.

Павло. А оброста, тилько чортъ зна чымъ!..

Мыронъ. Одны идуть туды и тишать себе надіямы на краще жыття; а други вертаются назадъ, проклынаючы той часъ, въ якый выйихалы звидциля!..

Павло. Я не вернуся.

Мыронъ. Невже, тату, вы й справди задумалы переселеніе?

Павло. Все спродамъ и раннёю весною въ Орембурську губерню... Банкъ грошей дасть, и я куплю тамъ сто десятынъ на вичнисть.

Мыронъ. Нехай тій Орембурській губерни добре снытся! Немае краще въ свити, якъ у насъ—по-надъ Днипромъ! Вы жъ не знаете, якъ це далеко: бильше якъ 2500 верстовъ!

Павло. То що? Люде онъ ажъ на Зеленый Клынъ высылаются...

Мыронъ. Куды, кажете?

Павло. На Зеленый Клынъ.

Мыронъ. Такои стороны немае у насъ.

Павло. Такъ, якъ разъ—нема! То ты не знаешъ... Люде идуть на той Зеленый Клынъ зъ якого часу и вси хвалять, що добре; тилько що далеко,—тамъ десь ажъ коло кытаянкы земля клыномъ у море входыть.

Мыронъ. Не знаю. Може Зеленымъ Клыномъ прозвалы Амуръ, або Камчатку.

Павло. Тамъ всего кажуть е, то може й крупчатка е.

Мыронъ. Хто де прывыкъ, хто де родывся, тому тамъ и добре. Не вирьте, тату, никому, сыдить дома... А клынъ зеленый,—одно горе; его люде забываютъ сами соби у груды! И боляче имъ потимъ, и згадуютъ воны тамъ що-дня, якъ то гарно по-надъ Днипромъ, и ради бъ вернутыся, такъ клынъ не пускае: одно далеко, а друге—ни на що...

—

Ява VI.

Ти-жъ, Панько и Клымъ.

Панько и Клымъ. Добры-вечиръ!

Павло. Отъ и Панько и Клымъ! Сидайте! Це жъ мои товарыши на переселеніе.

Клымъ. Здорови булы, Мыронъ Павловычъ! (*чоломкаются обыдва зъ Мыроном*). Що жъ, ради гостеви?

Явдоха. Якъ же не радиты, такъ давно не бачылы... Та ще, спасыби ему, въ такый часъ нагодывся, колы старому заманулося ридне село кыдаты.

Мыронъ. Я тата не пустю.

Клымъ. А чого тутъ сыдить?

Панько. Злыдни годувать!

Мыронъ. Хто тутъ годуе злыдни, того воны й тамъ знайдуть.

Клымъ. Ой, не скажить. Отъ я бувъ и на лыніи, и на Дону, тамъ людямъ добре жыветця: степу—сыла, скотыны—выдымо не выдымо, заробиткы—онъ яки!..

Панько. Особлыво, якъ хлибъ зародыть.

Мыронъ. Такъ ще жъ треба, щобъ винъ зародывъ; а то частенько бувае, що робитныка въ Ростовъ нализе выдымоневыдымо, та й лежать тысячамы по-надъ полотномъ зализныци и на станціяхъ, не йившы, бо нихто на роботу не бере... и вертаются до дому голодни и боси, бо пойидять тамъ и чоботы, и свыты.

Панько. Бувае и такъ, то правда... колы неурожай, а народъ зберется... то бувае... и я одного лита набравсь лыха.

Клымъ. Безъ того не можна, а все жъ такы степу сыла, скотыну можна кохать.

Мыронъ. Треба жъ перше скотыну мать, а тоди вже кохать.

Клымъ. Колы немае выпасу, то не будешъ кохать скотыны, хочъ бы й мавъ.

Павло. Въ Оренбурськiй губерни степу, кажуть, ще бильше.

Панько. Я самъ бувъ. Степу—скилько окомъ сягнешъ... степъ, степъ и степъ!

Клымъ. И нипочому, хочъ дурно беры.

Панько. Пять рублывъ десятына на вичнисть.

Павло. Пять карбованцивъ на вичнисть!.. А тутъ аренда десять въ годъ.

Мыронъ. Пустыня: людей нема, збыту нема—то й не дыво, що дешево.

Клымъ. А намъ що? Намъ земля потрибна; а люде на що?

Панько. Замисть людей, будемо мы!

Павло. Абы земля.

Мыронъ. А тутъ хиба мало земли? Зъ одного боку 500 десятынъ казенной земли, зъ другого 800; и всю цю землю казна дае переважно нашому братови, крестьяныну...

Павло. Давала.

Мыронъ. А теперъ же якъ? Не дае-бъ то? Я щось про це ще не чувъ! Новоселивци и заразъ держать казенну землю и не дорого—по 6 руб.

—

Ява VII.

Ти-жъ, Марія и Мыхайло.

Марія (*несе самоварь, ставыть на стилъ. Мыронъ заварюе чай, ставыть стаканы*). Самоваря вамъ настановыла, Мыхайло вже навчывся ставыть, а теперъ побижу до дому, бо я не сказала, куды йду. Прощайте!

Мыронъ. Ни, не пустымо, сидай и ты зъ намы.

Марія. А маты будуть сердыться.

Мыронъ. Пусте! Поможы мени, ты певне умієшъ биля нёго поратысь, а я буду балакать.

Марія. Треба послухать, а то ще побьете... ха, ха! Пустить же мене одну до нёго, а то у двохъ ще перевернемо.

Мыронъ. Що то колысь быть хотивъ, то й теперъ боишся!

Марія. Ни, я васъ не боюся! Вы такъ балакаете и дывытесь, и усьмихаетесь, що я ни краплыночкы васъ не боюся. Прямо сказать—за панибрата! (*сміется и други сміются.*)

Мыронъ. Бачъ, яка жвава та натуральна дивчына, любо глянуть.

Явдоха. Сказано пысьменна.

Мыронъ. И панночку за поясъ заткнешъ.

Марія. Отъ вы мене вже й засоромылы... ще й посуду побью, бо видъ сорому ничого и на столи не бачу... (*закрывается рукавомъ.*)

Мыронъ. Не буду, не буду—робы свое дило, а мы вернемось до своеи бачачкы. Такъ черезъ що жъ, кажете, не дають вамъ тепера земли?

Павло. А черезъ те, що зостались вынни казни мало не чотыри тысячи.

Мыронъ. Ого—го!

Павло. Ще мы мало выпни, а онъ Просянивци—двадцять тысячъ не виддалы.

Мыронъ. Двадцять тысячъ!! А що жъ теперъ буде?

Павло. Ничого. Недоимку подарувалы, а земли не дають.

Мыронъ. Та й не дыво, що такымъ справнымъ платильщыкамъ не дають земли! Ще треба и вставаючы, и лягаючы дякувать, що подарувалы. Тилько такый велычезный хазяинъ, якъ казна, може зробыть надзвычайне мылосердіе, а малый хазяинъ и шкуру-бъ здеръ... Черезъ що жъ не заплатылы? Неурожаи, чы якъ?

Клымъ. Бодай не казать: кругова порука!

Мыронъ. Такъ то й добре.

Павло. Ото-то бо й е, що погано! Якъ землю брать, тоди вси лизуть: и мени давай—я въ круговій поруци! Якъ ты не дасы? Дасы! А у него нема чымъ землю обробыть, такъ винъ свій пай визьме тай продасть; за-дешево продасть, абы гроши взять на обиходку. Колы жъ прыходытся платыть, що ты зъ нёго визьмешъ? А винъ у круговій поруци—платы за нёго! Тутъ и почынается: нехай той та той дае, у мене нема!.. Я-бъ може й давъ, такъ онъ Дмытро не дае, зъ якои жъ речи я дамъ? Дывлячысь на Дмытра, я не даю; дывлячысь на мене, ты не даешъ... нарешти нихто не дае. Знайшлысь, правда, и таки, що платылы що-года... Такъ теперъ такъ выйшло: не платильщыкамъ подаровано чотыри тысячи, а тимъ, хто платывъ, и не подаровано ничого, и ще й земли не дають, бо кругова порука! Тамъ не знають ни Петра, ни Павла, ни Клыма, а всю громаду, а на громади недоимка—и земли не дають!

Мыронъ. Онъ воно що! Такъ це жъ не порядокъ, роспуста... Такъ можна виру потерять и у казны, и у сусидъ;

скажешъ, що зъ нашого села, то й на подвирья нихто не пусте. Хто жъ тутъ выненъ? Вси!

Павло. А ты думавъ якъ зъ круговою порукою? Бида! якъ бы мени одному далы тамъ тыхъ 25 десятынъ, такъ я бъ и знавъ, що мени треба платыть одному—й краще: сама робы, сама й знай, бо гуртове—чортове!

Мыронъ. Колысь наши диды краще думалы: хто робе вкупй—не болыть въ пупи; а теперъ у людей полуда на очахъ, черезъ те гуртове—стало чортове... Тьма пануе, просвиты, просвиты треба!..

Павло. Не поможе! Не той народъ...

Панько. Роспаскудылысь.

Павло. Тикать треба! Спродамъ все и весною въ Орембурську губерню на вольни степы, а то, то й на Зеленый Клынъ—байдуже, абы земли побильше, та видъ людей подальше.

Марія (*налывшы чаю*). Отъ и чай.

Мыронъ. Тату, мамо, пыйте чай. А ну, переселенци просю покорно (*сидають до столу*). Маріе, сидай же й ты зъ намы.

Марія. Та пыйте сами, вы прывыклы, а намъ байдуже.

Мыронъ. Погани порядкы завелыся... погани. А я прыйихавъ хазяйнуваты.

Павло. Що?!

Клымъ и Панько. Якъ?!

Явдоха. Господь зъ тобою!

Мыронъ. Вы мени дывуетесь, а я вамъ дывуюсь! Я тежъ переселенець: зъ казенного хлиба на свій хочу перейты. Хочу хлиборобомъ стать, гречкосіемъ.

Явдоха. Оце выгадавъ: выбывся на пана та й знову у мужыкы сунешся?

Мыронъ. Бодай, мамо, не казать! Паномъ добре буть, то правда, але паномъ зъ дида-прадида, доскональнымъ паномъ, у котрого есть спроможнисть и сыла стоять за науку, за свій народъ, мать вплывъ на земськи дила; а вже нашому братови, що горбомъ та кривавымъ потомъ тилько вчора, мовъ левъ,

выбьется нибы-то на пана, и циле жыття гнется, поневиряется на тыхъ службахъ,—краще не личыть себе паномъ!.. У досконального пана есть своя дворянська громада, у мужыка своя громада, а мы, такъ звани, чыновныкы, ничого того не маемо, жывемо одынцямы коженъ самъ соби, по своему!..

Клымъ, Панько и Павло. То й добре!

Мыронъ. Кому добре, кому й ни! Хто зневирывся у своій громади, хто любе тилько себе и думае, що винъ самъ по соби щось вызнача на свити, такъ тому добре буть одынцемъ; а хто думае що громада—велыкый чоловикъ, що спильна думка, спильни интересы багатёхъ—поменьшать мижъ людьмы биднисть, хворобы, нудьгу, тьму, дадуть бильше задовольненя и щастя людямъ на земли—тому инакше це здается...

Павло. Це вже щось по ученому ты забалакавъ.

Клымъ. Яке мени дило до васъ, а вамъ до мене?

Панько. Сама робы, сама й знай.

Мыронъ. Хочъ бы я й здохъ видъ голоду, то вамъ байдуже?

Панько. А щожъ я поможу вамъ, колы й самому нема чого йисты?

Мыронъ. Ну, а якъ бы було, то вы бъ помоглы, подилылыся бъ зо мною, зарятувалы бъ на якый часъ?..

Панько. Та хто его знае.

Мыронъ. Ото-то бо й е! А черезъ те у васъ и недоимка завелась, и землю видъ васъ одбираюгь, бо вси въ ростичъ, нема святого гурту.

Павло. Гуртове—чортове!

Мыронъ. Одынъ горюе, а симъ воюе; дружній череди вовкъ не страшный! Та то такъ здается. Отъ колы греблю прорве и нема куды перейихать, то вы жъ сами іи не загатыте, а якъ зберется трыдцять чоловикъ зъ возамы,—дывысь, черезъ якыхъ пивъ-дня и перейиздъ готовъ!

Клымъ. То гребля... звисно, тутъ гуртомъ, громадою...

Мыронъ. Такъ и все. Отъ давайте заснуемъ справжвю спилку—артиль, та будемо робыть укупи: и орать разомъ, и

за землю платыть, и вси одбуткы одбувать разомъ, гуртомъ— тоди черезъ годъ, черезъ два сами побачыте, якъ воно буде добре, де та динется охота до переселенія въ Орембурську губерню.

Мыхайло. Я чувъ, що десь есть артиль, и добре дуже жывуть.

Павло. Ты мовчы, не суньси мижъ старшыхъ.

Мыронъ. Чомъ же? винъ правду говоре: артиль добре жыве и буде жыть!

Панько. Чувъ и я. Заснувалась десь артиль, далы имъ грошей, а воны й розійшлыся... Выходыть—заснувалы тилько на те, щобъ грошей взять.

Мыронъ. Мало якыхъ людей нема, мало чого тьма не робе. Отъ же й вы: недоимокъ не заплатылы, а Новоселивци онъ, заплатылы, имъ землю далы, а вамъ ни. Такъ и спилка одна розійшлася—десять есть. Колы звирылысь, то не лехко навернуть людей до спилкы: погане одъ разу вси прыймають, бо воно лехше здается, а добре важче,—отъ не всякый и може пиднять таку вагу; але то байдуже, одъ разу ничого доброго: не зробышъ, а треба по малу, годамы робыть! Онъ, вира хрыстіянська 2000 литъ мижъ людьмы насаждается, а хрыстіянъ нема.

Павло. А мы жъ по твоему хто?

Мыронъ. Вовкы.

Клымъ. Це такъ.

Павло. И въ церкву ходымо, и говіемо, а вовкы?

Мыронъ. Та що зъ того що въ церкву ходыте? А одынъ одного не любыте, зъ рота выдераете. Готови въ ложци воды утопыть свого сусида, абы соби бильше зосталося... Такъ и вовкы роблять.

Павло. А ты, выходыть, уже настоящый хрыстіянынъ, чы якъ бы-то?

Мыронъ. Ни, и я ще не хрыстіянынъ, а хочу буть хрыстіяныномъ.

Павло. То ты перевчывся на одынъ бикъ.

Клымъ и Панько. (*Сміются*).

Явдоха. Годи вже, а то ще на сварку зведете... Невже ты, сыну, и справди хочешъ остатысь на сели, чы може ты оце жартуешъ?

Мыронъ. Безъ жартивъ, мамо! Отъ я соби й дивчыну тутъ вже нагледивъ, ще прыдывлюсь та й старостивъ зашлю.

Марія. Ой, Боже мій, якъ я засыдилась! Прощайте. (*хутко побигла зъ хаты*).

Явдоха. Засоромывъ дивчыну.

Мыронъ. Безъ жартивъ, мамо й тату. Я службу кынувъ.

Явдоха. Що жъ ты будешъ робыть?

Мыронъ. Хлибопашыть.

Явдоха. Ты жъ до цего не прывыкъ.

Мыронъ. Прывыкну. Я мужыкъ, хлиборобство—наше прырожденне дило зъ дида-прадида, а до того ще й учывся, якъ землю оброблять...

Павло. Чомъ же не дурить, колы прыступыло!.. Може грошей сылу маешъ, такъ отъ жыру захотилося побаловатысь коло земли.

Мыронъ. Ни, тату, не кажить такъ, бо й я повыненъ буду сказать, що вы одъ жыру въ переселеніе задумалы мандрувать.

Клымъ. Наше дило одно, а ваше друге! Мы тилько й уміемъ що орать, та сіять...

Павло. А ты учывсь, учывсь мало не пивъ жыття! Вывчывся... Зробывся паномъ, чого жъ тоби ще треба? Певно, яку тысячу въ рикъ грошвы загрибавъ, и—на тоби: у мужыкы лизешъ!!.

Мыронъ. Бильшъ тысячи, тату, бравъ.

Клымъ. Бильшъ тысячи?!

Явдоха. Для чого жъ було и вчытыся, сыну, колы вертатыся въ село и хазяинуваты, якъ и вси невчени мужыкы.

Мыронъ. Отутъ то й хазяиновать, колы де чому повчывся и переконався, що кращого жыття, якъ жыття хлибороба—немае въ свити.

Павло. Де вже тамъ тому хазяинувать, хто прывыкъ чаювать, хто на пана выбывся: ручкы биленьки, нижки тоненьки—

куды тамъ, скоро пидирвешся! сыды соби, сыну, краще, у теплій хати, спы на мяхкій кровати. Панамъ жалуваня, а мужыкамъ земля!

Мыронъ. Я мужыкъ и е, тилько що трохы вченый, то то й добре.

Клымъ. Ни, Мыронъ Павловычъ, не скыпыть ваше дило! Важко.

Явдоха. Важко, сыну.

Панько и Клымъ. Що й казать, що й казать. Важко! Ваша робота далеко лехша.

Мыронъ. О, якъ бы вы зъумилы такъ мое становыще й мою роботу оцинувать, якъ я оцинуюю вашу, тоди-бъ инча була мижъ намы розмова!.. Посадывъ бы я васъ, якъ квочку на яйця въ хати, безъ жоднои охоты высыжувать курчатъ... Нудно бъ вамъ стало, и вы бъ ланцюга перегрызлы та втиклы въ село, въ поле.

Клымъ. Лыхо бъ мене понесло зъ теплои, чыстои хаты, зъ холодку... Хиба я не знаю, якъ то на поли: питъ очи залыва, сонце пече, спына болыть—святе дило въ холодочку...

Мыронъ. Правда. Сонце пече, спына мокра, питъ очи залывае, деревьяніють рукы, а станешъ, глянешъ навкругы: все поле, якъ море зелене передъ тобою, вбране квиткамы всякого колиру, и краю ему нема, бо краемъ своимъ воно зійшлося зъ небомъ! Витрець по нёму легенькій подыха и горне хвыли зеленои пахучои травы; очи въ себе вбирае—такъ мыло. А груды шыроко роздуваются, сыла росте, мовъ здоровья влывается въ тебе шырокою ричкою... Земли пидъ собою не чуешъ, и знову закыпыть робота! На души лехко, радисно: ніяки думкы у голову не лизуть—одна у всихъ спильна думка: поможы, Боже, за годыны сино убрать—до хлиба прыйняться. И черезъ тыждень велыки копыци скризь мовъ гостроверхи шапкы роскыдани! А тамъ и хлибъ поспивъ: жыто похылылось, мовъ журытся, що скоро зитнуть его буйну голову.

Павло. Багато ты знаешъ. Тры лита робывъ, то й верзешъ, а колы бъ надирвавъ за працею пупа,—не те бъ сказавъ.

Мыхайло. Ни, тату, винъ правду каже! Я бъ и самъ ни на яку роботу не проминявъ роботы въ поли на синокоси, та у жныва...

Панько. Та воно такъ... Я самъ служывъ якось на вакзали и добри гроши бравъ, а якъ пидійшлы синокосы—не выдержавъ, покынувъ зализныцю: такъ и маныть, такъ и тягне въ поле...

Клымъ. Тягнуть,—то тягне, а на дили, мовлявъ... якъ прыпече...

Мыронъ. Що жъ тамъ прыпече? Мужыкови, хлиборобови, въ поли якъ на роздоли, та на воли, якъ рыби у чыстій води! А скинчытся праця литня, велыка радисть у душу льется, колы дывышся у осены на село, якъ уси хаты, уся оселя потоне въ стижкахъ зъ хлибомъ! Кожный хазяинъ похожае тоди поважно, пышно, биля своеи господы, на току и поглядае на стижкы зъ хлибомъ, ёго властными рукамы здобути, полыти его кривавымъ потомъ... Та ни видъ кого не залежышъ, ни передъ кимъ не роспадаешся: заплатывъ що слидъ—и панъ!

Павло. А якъ нема земли, а якъ не вроде, хочъ и йе земля, то що тоди такый панъ буде робыть?

Клымъ. Горе, голоднымъ жывотомъ—таку працю пидпирать, та мусымъ, бо бида наша, що тилько биля земли и умієшъ працювать.

Мыронъ. А я вамъ скажу, що вы и биля земли не вміете працювать.

Павло. А ты бъ то вміешъ?

Мыронъ. Щобъ вы зналы! Вы дряпаете, землю сіете наволокомъ, наукы Бигъ дасть, хапаетесь, абы бильше, а воно й родыть все гирше, та гирше. Видъ того вы такъ и балакаете, видъ того вы й на переселеніе хапаетесь.

Павло. Мы цилый викъ коло земли, та й ничого не знаемо; а винъ тамъ десь зъ кныжкамы возывся и вже дума, що справди все знае, Бога за бороду піймавъ!

Явдоха. Старый, на що ты такъ балакаешъ, ты й самъ казавъ и попови, и всимъ, що Мыронъ сыльно вченый и багато знае.

Павло. Та винъ знае въ кныжци, а коло земли знае зъ носа та въ ротъ и прыйихавъ насъ учыть.

Мыронъ. Именно, я прыйихавъ васъ учыть. Самъ буду працювать и покажу всимъ, що й хлибъ буде, й скотына буде, и хто мене послуха—всякый паномъ жытыме! Я знаю, що це важко зробыты, сказано-жъ: не влывайте вына новаго въ мишкы стари.

Павло. Це по вченому: выно въ мишкы вже влывають—ха, ха, ха! (*Вси сміются*).

Клымъ. Въ мишкы выно?! Ха, ха, ха! Бодай васъ.

Мыронъ. Отъ бачыте: вы сміетесь, а я заразъ васъ засоромлю. Ци слова—и вы ихъ зовсимъ не розуміете... сказавъ Хрыстосъ! Що вы скажете? То-то! Грихъ сміятся надъ тымъ, чого не знаешъ. Багато вамъ ще треба вчытысь...

Панько. Отъ тоби й ускочылы!

Мыронъ. Отакъ вы вскочыте и зъ переселеніемъ!.. А отъ якъ бы вы повирылы тому, що я вчывся и де що знаю и на худо васъ не поведу, та прысталы до всихъ тихъ думокъ, яки я вамъ скажу, тоди ничого було бъ шукать щастя за горамы, и малы бъ вы его тутъ у себе дома не рунтуючысь.

Явдоха. Сыну мій дорогый, я серцемъ чую, що ты дило кажешъ. Старый, покынь свою гадку! зостанемось дома, послухаемъ Мырона.

Мыхайло. Дозвольте, тату, мени зостатысь тутъ зъ братомъ.

Павло. Сто чортивъ тоби въ спыну за таки речи! То я повыненъ самъ на старисть литъ працюваты зъ матирью старою та ще зъ трёма малымы дитьмы... Що ты слухаешъ его? Винъ дурысвитъ! Видъ мужыкивъ видбывся, у него панська голова звыкла на карандашъ та на щоты личыть барыши: пысь, пысь... цокъ, цокъ, цокъ отаку й таку сумму заробымо!.. А на решти вси тикають зъ села! Нехай жыве зъ панамы, тамъ его хымеры будуть розумить, а намъ треба шукать земли. Хиба мы одны іи шукаемо? Куды не поткнысь, де не почуешъ, звидъусиль люде потроху тикають, бо тисно стало, а винъ тутъ заразъ зробе рай! Що ты ему вирышъ! Надирве пупа и втече

знову до панивъ, ему байдуже—це видризана скыба видъ хлиба! Чого ты прытысся въ село мутыть людей, затуманювать головы своимъ знахарствомъ? Геть зъ села! Я тоби якъ батько велю! Тебе громада вже выпысала въ паны—иды мижъ паны!

Явдоха. Старый, старый—годи!

Мыронъ. Вже черезъ те одно, що я, по вашому, панъ, то вы мене не маете права выганяты зъ села, бо я можу жыть, де самъ схочу.

Павло. Такъ и жывы соби на сели, а це моя хата.

Мыронъ. Такъ я жъ прыйихавъ до васъ у гости, а гостя ни одынъ почтывый хазяинъ не выганяе середъ ночи зъ хаты... Це одно. А друге ще й те, що вы продаете, а я купець на все.

Панько. Отъ бачыте! И купець знайшовся, а вы пеклувалыся.

Павло. Купыть винъ, якъ разъ! У него стилько грошей, скилько правды у его словахъ.

Явдоха. Старый, и на вищо ты такъ гостро балакаешъ?

Мыронъ. Тато мене ревнуе до земли, до села. Краще не гнивайтесь, тату. Вы говорыте свое, а я свое. Видъ цёго свитъ не завалытся и Орембурська губерня никуды не втече. Вы переселяетеся видциля, а я переселяюся сюда. Продайте мени усадьбу и надилъ, я вамъ выкладу чысти гроши... И вамъ корысть и помичъ на переселеніе, и я одразу хазяинъ.

Павло. Та я ничого... Тилько досадно стало, що ты Мыхайла збаламутывъ.

Мыронъ. Нехай и Мыхайло иде зъ вамы... Я тилько думкы свои выкладаю, а сылувать—не сылую...

Павло. Такъ ты справди купуешъ и усадьбу и надилъ?

Мыронъ. Все куплю.

Павло. Спасыби (*мовчать*). Ты не сердься на мене, я трохы погарячывся... Не хочешъ буть паномъ, будь мужыкомъ—це твое дило, ты не малолитка, та ще й ученый!..

Мыронъ. Я ни панъ, ни мужыкъ, я, тату, чоловикъ! Це перше всего, а потимъ я селянынъ, хлиборобъ зъ дида-прадида...

Нежданно-негадано, дякуючи земству, мене вывчено на мужыцьки гроши, на мене одного потрачено стилько грошей, що можна-бъ було вывчыть добре грамоты пивъ сотни мужыцькыхъ дитей... Совисть моя мени не дозволяе панувать, я хочу тимъ свитомъ, якый я здобувъ за громадськи гроши, освитыты шляхъ своимъ селянамъ до кращого, безбидного жыття и наважытся працювать биля земли, и помогать темнымъ людямъ, чимъ тилько зможу, щобъ поменьшыты биду, яка у насъ на сели пануе.

Клымъ до Панька. Хороши слова промовляе.

Панько. Правдыви по совисти.

Клымъ. Тилько мени здается, що винъ божевильный.

Панько. Та хто его знае... ученый!

Мыронъ. Трудно мени буде, багато крови вытече изъ мого серця, покы я зроблю хочъ частыну того, що задумавъ, але зъ цего шляху нихто мене не зверне, покы серце мое у грудяхъ бьется. Тату, мамо! Не лайте мене, а благословить на це святее дило.

Явдоха. Сыну мій, дытыно моя кохана... Я добре всёго не розумію, а серцемъ чую, що думкы твои хороши! Нехай же тебе Богъ благословыть на всякимъ мисци! (*обнима и цилуе Мырона*).

Павло. Хымерный!

Зависа.

Дія II.

Дворыще Мырона.

Ява I.

Павло, Явдоха, Мыронъ, Мыхайло и трое дитей. Диты и Мыхайло идуть у хату.

Павло. Напутственный молебенъ одслужылы, а теперъ поможы Боже збиратыся.

Явдоха. Тамъ небагато зосталося. А ось и сестра иде, поможе зашыть пакункы.

Харытына. Якъ вьяла рыба ци дни хожу, а сегодня, то зъ ннгъ валюся... Якъ подумаю, що мы зъ тобою, сестро, на викы розлучаемось...

Явдоха. Не говоры, сестрычко, жалибныхъ ричей, бо я заслабну зъ горя.

Мыронъ. Годи вже, мамо, не поможе! колы ранище не зговорылысь, такъ теперъ ничого про це й балакать, дарма! Зосталося дви годыны до одйизду. Идить краще та складайтесь! (*пишовъ*).

Явдоха. Вже й Мыронъ мене выпыхае зъ ридной хаты, наобисила я ему своимъ плачемъ.

Павло. Ну й дурна! Одынъ день згожуешся зо мною, а на другый день—знову тужышъ... неначе не бачышъ, неначе не розумieшъ, яке намъ тутъ жыття? Сестро, не рострывожуй ii на дорогу. Хиба такы у васъ розуму нема, щобъ зважыты що краще: чы 100 десятынъ въ Орембурськiй губерни на вичнисть, чи одынъ надилъ въ $3^1/_2$ десятыны тутъ? Та тамъ, це вже я досконально знаю, десятына на вичнисть вдвое дешевше нижъ тутъ у насъ аренда на одынъ годъ. И той дурный, що тутъ зостанется злыдни годувать. Отъ побачыте: якъ мы пойидемо да оселымось, то скилько васъ туды найиде на вольни, дешеви степы... Люде скризь однакови! Тай на вищо намъ люде, га? А мы хиба не люде... Та насъ же пять семей иде—зъ дитьмы, чоловика мало не сорокъ.

Явдоха. Та отакъ, якъ ты почнешъ говорыть: 100 десятынъ, на вичнисть, земля своя, худобу можна водыть... то я й розвеселюся; а якъ подумаю, що сегодня одйиздыть въ чужу чужыну, то и земли тiеи мени не треба...

Павло. Годи вже! Це я чувъ тысячу разивъ, ажъ обрыдло. Ходимъ, пидиимо, та прыймайтеся за роботу, щобъ ще не опизнытыся. (*Пидходыть ще дви бабы*) Отъ и подружкы.

Бабы. Зъ пьятинкою.

Явдоха. Спасыби!

Баба. Сёгодня и одйиздышъ? Боже мій, Боже мій! Блызенькый свитъ!

Павло. Почынается!

Явдоха. Охъ!.. Ходимъ у хату, поснидаемъ (*идуть*).

Баба (*идучы*). Кусокъ у горло не пиде, такъ шкода за тобою (*пишлы*).

—

Ява II.

Павло (*одынъ*). Знову рострывожать мени бабу! Колы бъ уже одйиздыть, мерщій, а то наобисило мени сварытыся та грызтыся: то зъ сыномъ и за переселеніе, и за ти капосни артили, и за науку, то зъ жинкою—знову за переселеніе... А ци артили щось наче й справди добре. Не знаю тилько, чы на довго Мыронъ ихъ зъеднавъ, але за прыводомъ его, такого вже наробылы, що мене ажъ завыдкы беруть... Та й не мене одного, всихъ! То сміялыся, а теперъ и мени, и другымъ здается... Тилько ни!.. Чорты-батька зна що здается... Нехай лышъ выведуть бабивъ на роботу, нехай не подилятся молокомъ. И—и! та хиба мало е за що посварытыся! Дай Богъ, щобъ годъ продержалось... Ни! Нема у свити, якъ свій шматочокъ, та ще й не малый—100 десятынъ на вичнисть! Нехай соби хто хоче тутъ горюе, а я тамъ запануюі (*пишовъ у хату*).

—

Ява III.

Вступають на подвирья: Лука, Матвій, Демыдъ, Демьянъ, Мойсій, Терешко.

Терешко. Пождить же тутъ, а я загляну въ хату: чы зибралысь батькы Мырона Павловыча. Може що треба помогты, то й поклычу васъ.

Матвій. Гараздъ. Сидаймо на прызьби! Отъ и обсілысь... А що теперъ скажете?

Лука. А ты що скажешъ?

Матвій. Те, що й казавъ: колы будемо слухать Мырона Павловыча, то повыганяемо злыдни геть зъ нашыхъ хатъ!

Мойсій. И я такъ думавъ одразу.

Матвій. Эге, думавъ, та не хотивъ, одначе, довго у спилку прыставать.

Лука. Та що й казать: темнота, вси вагалыся...

Демьянъ. Бо стари люде та багати сміялыся.

Матвій. А теперъ вже не сміются.

Демьянъ. Такъ сердятся, и лаются, и дражнятся. Тилько все по дурному. А що багати—ажъ казятся, особлыво дидъ Мыкола,—ну й клятый!

Мойсій. Якъ ему й не казыться: торикъ вси косылы у нёго, десятынщыкамы булы, сказано, люде безъ тягла, а теперъ засіялы вже пятьдесятъ десятынъ всякого хлиба, маемо два своихъ плуга.

Матвій. Та ще й сакивськыхъ, якъ у Пузыря...

Мойсій. Та ще 12 коней до ныхъ!

Матвій. Та ще й чотыри коровы! Молока и для дитей, и для всихъ насъ стае. А ще якъ купымо свій шматочокъ земли тоди у кожного буде по корови!

Мойсій. Поздоровъ, Боже, Мырона Павловыча, то й земелька буде своя. Мыронъ казавъ, що Кукуриченко продае решту 200 десятынъ; винъ вже й балакавъ зъ нымъ, та ще, каже, треба дизнатыся, скилько банкъ дасть намъ грошей, и тоди вдарымо по рукахъ зъ Кукуриченкомъ!

Матвій. Выбьемось такы и мы зъ злыднивъ, благодареніе Богови!

Мойсій. Та Мырону Павловычу! Ну й душа, ну й чоловикъ! и въ кого винъ удався? Батько такый, що й не пидступай: сердытый та неподильчывый, а Мыронъ Павловычъ янголъ,—такыхъ людей нема на свити!

Вси. Нема, нема...

Матвій. Все добре, колы бъ тилько бабы не сварылысь.

Мойсій. Та покы тыхо.

Лука. Та я свою бабу буду быть, якъ товарюку, нехай тилько пыкне сварыться.

Матвій. Боже сохраны быть! Хиба не чув, що Мыронъ Павловычъ казавъ? Пальцемъ, каже, жинокъ не зачипайте; грихъ, каже, й скотыну быть, а то подружжя... маты нашихъ дитокъ!

Лука. А якъ почне колотыть, дило псувать?

Матвій. Треба словамы.

Лука. Що темному слова поможуть?

Матвій. Чого темному? Мыронъ Павловычъ за зиму всихъ насъ вывчывъ чытать и пысать... жинкы дурни не хотилы, соромылысь, а теперъ и воны вже заохочуются.

Мойсій. Моя чытае. Памятлыва клята баба, за тры недили—грамотна!

Матвій. Та якъ же розсказуе,—якъ у ротъ кладе.

Лука. Добре буть грамотнымъ,—и-и-добре! Такъ якось выходыть: отъ нибы ты въ темній хати сумувавъ, сыдивъ, ничого не бачывъ, а засвитылы свитло—и радисно, що бачышъ... я ще буду учыться!...

Вси. Вси будемо.

—

Ява IV.

Ти-жъ и дидъ Мыкола, а потимъ Харько.

Мыкола. Бачъ, ироды! гроши позабирають, а ты посли ходы до нёго, кланяйся ему! Матери вашій бисъ! Такъ и старцемъ зробыться не довго. (*пидходе до сусиднеи хаты*).

Матвій. Отъ клятый дидъ! И кому винъ збирае: диты вже сами хазяины, а винъ зъ бабою зоставсь,—багато ему треба? Пиды-жъ ты—колотытся що-дня...

Мыкола (*стука у викно*). А выйды сюды!.. Ироды! Супостаты! Артиль якусь завелы, бодай вы показылыся. Грамоты вчатся, а грошей не виддають. Якъ пысьменный, такъ и мотъ!

Матвій. Чуете, артиль ему въ печинкахъ!

Лука. Мовчы, а то прычепытся. (*выходе Харько*).

Мыкола. Ты чомъ не йдешъ на роботу, га? гроши взявъ зъ зимы, а теперъ бокы вымынаешъ и одробыть не хочешъ?

Харько. Жинка слаба, нема на кого хаты покынуть, хлиба нема...

Мыкола. А мени яке дило? У мене робота стоить... Я тоби давъ пять карбованцивъ зимою, ты повыненъ мени одслужыть: весною дви недили и въ косовыцю дви недили! Теперъ, онъ, черезъ того, сучои пары, ученого Мырона, щобъ его чорты вхопылы, артиль якась завелась, хочъ лусны, нихто не йде на роботу, а цина у-двое пидскочыла!

Харько. Сами кажете, що теперъ у-двое дорожче—заплатить мени въ-двое: я хлиба куплю, бабу до жинкы найму.

Мыкола. Якъ, якъ доплатыть? Я тоби зимою ще давъ 5 карбованцивъ, ты корыстувався ными висимъ мисяцивъ. Положы по пивъ карбованця въ мисяць проценту, то вже й буде 9 карбованцивъ! А за выгоду? Що жъ то я тоби дурно позычавъ, чы якъ?

Харько. Доплатить хочъ два карбованци.

Мыкола. Що ты, глузуешъ? За вищо я тоби два карбованци дамъ? Та я лучче за ти гроши свичокъ у церкву куплю, нижъ тоби ихъ дурнисенько дамъ! Ты выненъ, кажы, выненъ одслужыть теперъ дви недили и въ косовыцю дви недили? Чого мовчышъ? оглухъ? Взявъ пять карбованцивъ ще зимою, взявъ? Такъ одробы! Тоби доплаты, другому доплаты, то такъ усимъ треба доплачувать—це розбій, грабижъ, дневный грабижъ!

Харько. Кажу жъ вамъ, жинка слаба. Я однымъ сыривцемъ жыву другый день.

Мыкола. Чортъ тебе беры, хочъ ты одну воду пый, не то сыривець. Яке мени дило? Взявъ гроши—одробы!

Харько. Вы жъ сами кажете—що теперъ у-двое платять.

Мыкола. Матери твоій бисъ за таки речи, отъ що! Хиба я тебе сылувавъ тоди брать гроши? Га? Сылувавъ? Самъ прыходывъ, грабытель, самъ прыходывъ, кланявся, просывъ!

Харько. Лыхо мое кланялось... Вы знаете добре сами, що у мене коней покрадено, корова здохла.

Мыкола. Дневный грабижъ! Прямо граблять, хочъ караулъ крычы! Прыйшовъ зимою, взявъ пять карбованцивъ, а теперъ ни грошей, ни одробитку! Такъ не пидешъ?

Харько. Не пиду,—жинка слаба.

Мыкола. Щобъ ты повисывся, колы такъ! Артильщыкъ ты, а не чоловикъ.

Харько. Колы бъ я бувъ не одуривъ,—прыставъ до артили, то й гроши-бъ вамъ вернувъ и не мучывся-бъ теперъ, якъ у пекли за тяжки грихы.

Мыкола. Поверталы вже гроши и други, бодай имъ печинкы повывертало! Отъ бачъ, сыдять и усмихаются, вси поверталы гроши на десятыны; теперъ бигай, шукай людей по чужыхъ селахъ, а воны артильщыкы, грамотіи: букы-азъ-ба, види-азъ-ва! Свого скилько насіялы, бодай того вченого Мырона роздуло! И вырвется десь сатана! сыдивъ бы тамъ мижъ панамы въ городи! ни, сюды его прыперло лыхе. Що его робыть? Пиду у волость, нехай цёго Мырона прысмырять. Що то за артиль така? Николы цёго не було—и на тоби—артиль!.. Кинець свита... Постривайте грабытели, не пожалію видра горилкы суддямъ, а вже провчу, хочъ злисть зирву! Отъ народъ якый понастававъ! Ну, народъ! И якъ тутъ у свити Божому хазяинувать?.. прыйдется тикать и соби въ Орембурзію. Забере, анахтема, зъ зимы гроши, а литомъ одроблять не хоче—прыплачуй ему! А, щобъ вы вси подохлы!.. (*иде; артильщыкы не выдержалы и засміялысь, дидъ обертается*). Антыхрысты, грабытели, артильщыкы! вертильщыкы, щобъ вамъ очи на лоба повывертало! Побачымо, що вы скажете, якъ одшмагають, а вже одшмагають,—нехай повчать! (*выходе Мыронъ зъ хаты*).

—

Ява V.

Ти-жъ и Мыронъ.

Мыронъ. Добрый день! (*чоломкается*). Чого це дидъ такъ росходылыся?

Матвій. Хочуть шмагать всихъ насъ у волости.

Мыронъ. За що?

Лука. Що гроши виддалы и на роботу не йдемо (*вси сміются*).

Д и д ъ. Спильщыкы! Артильщыкы, крутильщыкы, букы-азъ-ба, види-азъ-ва! Мыронъ ученый, Мыронъ печеный! Бодай тебе такъ пекло, якъ мене коло серця черезъ твою артиль!

М ы р о н ъ. Та не сердьтеся, дидусю, та не лайтеся! Бо вы жъ тимъ самымъ языкомъ, що лайку сыплете, и Богу молытесь—грихъ же такъ!

Д и д ъ. Яжъ кажу що такъ!... Винъ проповиди чыта! Вже й видъ попа хлибъ одбываешъ?

М ы р о н ъ. Ни, я тилько попови помогаю. Може вы забулы те, що въ церкви чулы, то я вамъ на улыци нагадавъ. Грихъ, дидусю, лаяться! Краще прыстаньте у спилку до насъ.

Д и д ъ. А, щобъ ты не диждавъ! Ще й мене будешъ учыть: букы-азъ-ба, види-азъ-ва!

М ы р о н ъ. Не вадыло бъ. Прочыталы бъ Евангелію своимы очыма и хочъ передъ смертію пересталы-бъ лаяться.

Д и д ъ. Зъ тобою не зговорышъ: звисно, ты Мыронъ ученый, печеный, смаженый, скаженый! Тьху! (*пишовъ*). (*Вси сміются*).

Д и д ъ. (*обертается*). Бодай вы на кутни засміялыся! (*Зныкъ, за кономъ чуть: Грабытели, артильщыкы, крутильщыкы! Анахтемы! Дневный грабижъ!*

—

Я в а VI.

Ти-жъ безъ дида.

М а т в і й. Ачъ, якъ сыпле! Ну й дидокъ...

М ы р о н ъ. Мишокъ старый, а тутъ выно нове... Я жъ вамъ розсказувавъ.

М а т в і й. А якъ же, розуміемо! Нутро ему розпера те выно, от-от-отъ трисне... Николы цёго не було, винъ ничого не тяме, ну й злоба...

М ы р о н ъ. Багато такыхъ... Нехай соби! Слава Богу обсіялысь. Спильни весняни роботы скинчылы.

М а т в і й. Теперъ кожный биля своеи господы порядокъ робе.

М ы р о н ъ. Та заразъ и на паръ орать.

Лука. Рано жъ ще!

Мыронъ. Боже васъ сохраны думать, що рано! Чимъ ранище, тымъ лучче, бильше захопымо сниговои воды въ земли. Мы жъ чыталы зъ вамы кныжку Чикаленка про чорный паръ...

Матвій. А якъ же, знаемо... Тилько бачыте, це тежъ для насъ покы що вино нове, отъ и тее...

Мыронъ. Такъ вы жъ и мишкы не стари.

Вси. А такъ.

Мыронъ. Сегодня у вечери зробымо нарядъ и запышемо чергу: колы кому выходыть зъ плугомъ, та й зъ Богомъ до роботы.

Лука. И щобъ за кожнымъ плугомъ по борони йшло.

Мыронъ. Слидкомъ! А завтра пойиду въ городъ—побалакаю зъ банкомъ за землю Кукуриченка, и якъ що дасть банкъ добру помичъ, то й землю купымо.

Вси. Колы бъ Богъ помигъ.

Мыронъ. Не забувайте жъ, товарыши, що въ цю недилю мы вси спиваемо обидню въ церкви. Я вже батюшци казавъ. А у вечери, въ недилю жъ такы, батюшка буде чытать у мене въ клуни изъ святои исторіи для всихъ селянъ, а я буду картыны показувать, якъ у ту недилю.

Матвій. Ой Боже мій, ой Боже мій! Мало серце не лопне видъ радощивъ! Я на-ново родывся.

Лука. Вси сталы нови! Ото люде здывуются: артиль обробылась, артиль вже на паръ оре, артиль грамоты навчылась, артиль и въ церкви спивае!!. (*зъ хаты выходыть Харько, пидходе до спильщыкивъ*).

Харько. Мыронъ Павловычъ и вси вы, хлопци! Простить що я тоди сміявся зъ артильщыкивъ. Дурный бувъ... Прыймить и мене до свого гурту.

Лука. Якъ же воно? Пизно!

Матвій. Трудненько теперъ.

Демьянъ. Обробылысь.

Лука. Якъ скаже Мыронъ Павловычъ...

Мыронъ. Треба обмиркувать, пораяться.

Вси. Треба обмиркувать.

Мыронъ. Одразу ничого не скажемо.

Вси. Не скажемо...

Харько. Не дайте загынуть: кони вкрадено, корова здохла; а тутъ ще й жинка слаба—хочъ вишайся!

Мыронъ. А що таке жинци?

Харько. Родыла, и все благополучно. Була здорова. На другый день встала...

Мыронъ (*хватается за голову*). На другый день, писля пологу?!

Харько. Та то ничого; зовсимъ була здорова! Треба жъ було їй лизты на горыще: щабель въ драбыни обламався—упала и вже не встае третій день!..

Мыронъ. Нове сельске нещастя, нова безпомичнисть, нова моя мука!! Чымъ же его допомогты?

Харько. Та вы жъ все знаете, порятуйте!

Мыронъ. О, колы бъ же то я все знавъ... Тутъ треба ликаря. Я заразъ напышу запыску до ликаря, наймы коней и прывезы, бо це може зкинчытысь погано.

Харько. Нема жъ за що й коней нанять.

Мыронъ. (*розводыть рукамы; мовчать*).

Матвій. Може нехай хто изъ насъ пойиде артильнымы киньмы.

Мыронъ. Ничого товарыши протывъ цего не маете?

Вси. Нехай, нехай йиде... Треба порятувать.

Лука. Тутъ недалеко—я пойиду. Давайте запыску. (*Мыронъ иде*). А, скоро жъ татко одйиздыть, бо други переселенци вже попакувалысь и прощаются зъ людьмы.

Мыронъ. Та й наши зъ ранку пакуются, певно скоро. (*пишовъ*).

Вси. Пидождемо. Треба жъ попрощатыся.

Лука. Такъ я пиду коней запрягать. А якыхъ дозволыте, товарыши?

Матвій. Запрягай кругляка и кибчыка. (*Лука пишовъ. Харько сидае на прысьби*).

Ява VII.

Иде народъ,—стари и молоди, не разомъ, частынами. Одни входять у хату, други зостаются на подвирьи. Панько, Клымъ и Терешко.

Панько. Тутъ ще копаются, а мы вже й на пидводы упакувалы и зъ людьмы попрощалыся!

Клымъ. А жинка моя ажъ зомлила дурна. Що то баба! Жалкуе за своею риднею.

Панько. Ну, я такъ прывыкъ одйиздыть часто на заробиткы, що мени ажъ мыло оце: зибратыся въ дорогу, а тамъ на вокзалѣ, а на вокзали всяки люде, що не годына, то й нове мисце... Цикаво! Такъ и кортыть мерщій выйихать.

Терешко. И мени байдуже!

Матвій (*до товарышивъ*). Слухайте, адже Мыронъ Павловычъ просывъ одвезты батька и клункы, то йдить котрый запрягайте ще пару коней. (*одынъ пишовъ*).

Панько. Розжылысь на коней.

Клымъ. Все у боръ, не штука! А отъ якъ то виддавать прыйдется.

Матвій. Оддамо! Та колы бъ мени теперъ не то на переселеніе, а навить тылько товарышивъ покынуть прыйшлося, такъ и то здается бъ сказывся зъ горя та печали!

Панько. Розлизетесь скоро. Це такъ добре ведется, покы дурный Мыронъ у казни доставъ, та свои гроши дае...

Матвій. Краще вы, дядьку, такыхъ словъ про Мырона Павловыча не говорить, щобъ, бувае, мы васъ на дорогу не пополупылы.

Мойсій. И не заикайтесь!

Лука. Бо худо вамъ буде!

Клымъ. Якъ жыды, одынъ за другого.

Панько. Ще жъ и не вси...

Матвій. Краще прыкусить языка! Про насъ говорить що завгодно, глузуйте, якъ хочете, а за Мырона Павловыча— прыкусить языка.

Панько (*глузуючы*). Артиль! Зовсимъ, якъ жыды! (*пишовъ у хату*.

Клымъ (*глузуючы*). Спилка! (*пишовъ у хату*).

Терешко. Чырва свитыть, ха, ха, ха! (*пишовъ у хату*).

—

Ява VIII.

Ти-жъ, безъ Панька, Клыма и Терешка, а потимъ Лука, Демьянъ и Мыронъ.

Матвій. Переселеніе голопузе, а ще й глузуе! Засвитыть у васъ въ очахъ, якъ прыйдется тамъ лободу замисть хлиба йисты. (*Входе Лука и Демьянъ*).

Лука. Запряглы. Що то зерно—и на мисти не встоять. (*Выходыть Мыронъ*).

Мыронъ. Нате-жъ запыску до ликаря, до мого прыятеля, що тутъ бувавъ у мене.

Лука. Та я знаю; знаю, де й жыве—я бувъ у нёго разъ зъ лыстомъ видъ васъ. (*Лука пишовъ*).

Харько. Спасыби вамъ всимъ, дай вамъ Богъ чого сами хочете... (*пишовъ у хату*).

Матвій. И чого бъ то татови не зостатысь? бачыть же, що добре такъ, якъ вы робыте.

Мыронъ. Де тамъ. И бачыть, и не вирыть, и глузуе бильшъ другыхъ.

Мыронъ. Дывно!

Мыронъ. Не дывуйте: выно нове!

Матвій. Мабуть, що такъ.

Мыронъ. Циду жъ я выносыть пакункы, бо вже готови и мои переселенци.

Матвій. Ходимъ же, то й мы поможемо. Гайда, хлопци! (*пишлы въ хату; Мыронъ позаду. Колы вси увійшлы, выходе Марія*).

—

Ява IX.

Марія и Мыронъ.

Марія. Здается, я вамъ сёгодня заважу, бо вы жъ выряжаете своихъ у дорогу.

Мыронъ. Ни. Я готовъ урваты часъ видъ самого дорогого дила, бо ты жъ найкраща моя ученыця.

Марія. Не перехвалить на одынъ бикъ.

Мыронъ. Я не хвалю, а кажу правду. Адже-жъ теперъ не тилько по своій кныжци чытать умієшъ, а й други розбираешъ?

Марія. Я вже не знаю, якъ и отдячу вамъ: и чытаю и розумію всяку... и пышу хочъ и поганенько, и арифметыку шуплю—вже й дилю на дви цыфры.

Мыронъ. Такъ якъ же не найкраща?

Марія. Тилько бида моя: маты и тато все грымають, щобъ не чытала, щобъ свитла не палыла...

Мыронъ. А ты ихъ гарненько, та ласкавенько просы, та кныжку имъ хорошу прочытай—отъ воны й подобрищають.

Марія. Я чытала.

Мыронъ. И що жъ?

Марія. Плакалы. Маты въ голову мене поцилувала, а тато сказавъ: якъ бы жытіе!..

Мыронъ. Достанемо для ныхъ и жытіе.

Марія. Мыронъ Павловычъ!

Мыронъ. Слухай, Маріе: кажы на мене Мыронъ; а то я прывыкъ казать тоби—*ты*, а ты мени не тилько *вы*, а ще й по батюшци!

Марія. Э, то вы, а то я!

Мыронъ. Однаковисеньки: тилько й того, що ты дивчына, а я парубокъ.

Марія. Ни, вы учытель.

Мыронъ. Ни, парубокъ.

Марія. Та парубокъ, бо ще не жонати... Отъ якъ бы вси парубкы на сели булы таки якъ вы, тоди бъ я вамъ казала—ты, а теперъ не можу.

Мыронъ. Такъ и я буду казать на васъ: Марія Сергѣевна.

Марія. А я тоди не буду ходыть до васъ учыться, бо це насмишка!

Мыронъ. Ну, Богъ зъ тобою: нехай вже я буду—Павловычъ, а ты просто Марія.

Марія. О, такъ краще! Скажить мени: чы довго треба вчыться, щобъ буть ликаремъ?

Мыронъ. Довго.

Марія. Вы такъ довго вчылысь, чомъ-же вы не вывчылысь на ликаря?

Мыронъ. Такъ склалось; а хиба що?

Марія. Вы бъ людей личылы; а то онъ хворихъ-хворихъ. Маты Божа скилько!.. Якъ бы я хотила буть ликаремъ!..

Мыронъ. Я пославъ за ликаремъ: у Харька жинка тяжко слаба.

Марія. Е—ихъ...

Мыронъ. Всихъ поклычемо!

Марія (*стревожено, ледве здержуе слёзы*). Теперъ диты мруть, завалкы давлять.... Вчора умерло двое у Сыдора и двое у Мытрофана... уже пидлиткы... а сегодня у Полыкарпа умерло трое: одно за другымъ... Диты мали, опухлы... такъ тройко у одній труни лежать, якъ квиткы завьяли... а хворихъ скилько... всихъ дитокъ подавыть!.. (*плаче*) Невже нема рятунку?..

Мыронъ (*бере іи за руку*). Що можна и що знае ликарь, винъ все зробе—порятуе.

Марія. Нехай Господь ему пошле здоровья... Колы бъ же винъ прыйихавъ мерщій. Хотила вамъ розсказать те, що прочытала, та нехай вже тоди, якъ вы вырядыте своихъ, прыйду. Прощайте,

Мыронъ. Маріе!

Марія. Чого?

Мыронъ (*дывытся на неи довгенько*). Ни... нехай тоди скажу, якъ прыйдешъ у-друге, бо й справди нема часу.

Марія. Все, що скажете, я для васъ зроблю. Вы не просить мене, велить мени! (*пишла*).

Мыронъ (*одынъ, дывытся у слидъ Маріи довгенько, потимъ зитхае*). И треба жъ було закохатысь у цю дивчыну...

Якъ не бачу якый день, не можу выдержать: иду до хаты самъ... Дило натуральне, справедлыве и вытикае прямо изъ прыроды серця! Вона жъ не тилько мени не заваже, а ще й помичъ и энергію прыдасть! Треба сказать ій, давно треба, а я вагаюсь—соромлюсь!.. Паскудна натура! (*пишовъ у хату*).

—

Ява X.

Зъ хаты выносять клункы здорови и мали, зашыти въ ряднахъ, въ лантухахъ—одынъ за другымъ—чоловикъ 10.

Матвій. Що то спилка!

Демьянъ. Попоносывъ-бы одынъ!

Мойсій. Якъ бжолы.

Терешко. Гуртъ.

Панько. На одынъ часъ, а якъ що дня — поластесь. Не дурно кажуть: гуртомъ батька тилько добре быть.

Матвій. Визьмить цю поговирку на переселеніе, бо мы іи залышылы.

Мыронъ (*те-жъ несе клунокъ*). У насъ друга пануе: святывся гуртъ! Дружна череда вовка не боится.

Клымъ. А гуртове—чортове, забулы?

Мойсій. И цю визьмить зъ собою въ Орембургъ. (*Такъ перекыдаючысь словамы, выносять все за конъ*).

—

Ява XI.

Куперьянъ зъ улыци, а Харько выходе зъ хаты.

Куперьянъ (*прыспивуючы*). „Куперьянъ цехмейстеръ надъ соломою“. (*Харько сидае на прызьби*). Цехмейстеръ! Ха-ха! А у цехмейстра тилько й соломы, що пидъ голову замисть подушкы кладе. Здоровъ Харьку! Чого зажурывся? Жаль переселенцивъ?

Харько. Байдуже! Я й самъ бы пойихавъ, чы пишовъ свитъ за очи, такъ рукъ нема за що зачепыть.

Куперьянъ (*сидае биля него*). Чого такъ?

Харько. Пишый зостався, а надъ пишымъ и вороны крякають!

Куперьянъ. Такъ, такъ... коней у тебе покрадено и корова здается здохла? Погано! Чомъ же до Мырона въ спилку не прыставъ?

Харько. Здуру, а теперъ пизно: вже обсіялысь.

Куперьянъ. Выходыть—теперъ и ты такый, якъ я: цехмейстеръ надъ соломою!

—

Ява XII.

Ти-жъ и гуртъ, що нисъ клункы—вертается.

Куперьянъ. Спилыцыкы роемъ за Мырономъ Павловычемъ, якъ бжолы за маткою.

Мыронъ. А вы бъ те-жъ до спилкы прысталы.

Куперьянъ. Якый зъ мене спильщыкъ? Тилько й добра, що та солома, котру пидъ голову кладу, якъ спать лягаю.

Мыронъ. Байдуже! Въ спильци тилько рукы працёвыти потрибни, а добро буде!

Куперьянъ. Не годюсь! Роспаскуженый чоловикъ: литомъ—кожухъ продаю, зимою—свыту, щобъ лышнёго не було, бо грихъ мать лышне; а мени все здается лышнимъ! Заробывъ—прогулявъ, и знову: заробывъ—прогулявъ! Що мени? Я одынъ, хочу буть вильнымъ, якъ витеръ въ поли! А вже якъ пекты, та варыть, та гаряче йисты, то краще поганяй до ямы!.. (*смихъ*). Про те спилку вашу поважаю, святе дило, тилько не для мене: я—Куперьянъ цехмейстеръ надъ соломою!

Вси (*сміются*).

Мыронъ. Всимъ такъ не можна жыть.

Куперьянъ. Правда! Я ни на кого не нарикаю, никому не завыдую и до всихъ прыхыляюся, якъ трава до святои землы.

Мыронъ. Нехай другымъ разомъ побалакаемъ (*пишовъ у хату*).

Куперьянъ. Побалакаемъ, тилько дозвольте! Я зъ вамы люблю балакать: вы мене зрозуміете и не осудыте! (*выходе Панько*).

Панько. А! Куперьянъ цехмейстеръ надъ соломою!

Куперьянъ. Здоровъ, Панько цехмейстеръ надъ витромъ! Здается, ты идешъ шукать витра въ поли?

Панько. А може й ты зъ намы въ Орембурську?

Куперьянъ. Щаслывои дорогы—я тутъ зостаюсь.

Панько. Жаль ту солому покыдать, що пидъ головы кладешъ, колы спать лягаешъ?

Куперьянъ. Ни. Я не хочу надавать лышнихъ дурнивъ у ту Орембурзію, куды ажъ пять иде тилько зъ нашого села (*вси сміются*).

Панько. Помыляешся, Куперьяне. Колы бъ ты пойихавъ зъ намы, то тутъ бы поменьшало дурнивъ.

Куперьянъ. Ни, Паньку, не вгрызешъ! Все такы вы дурнищи за насъ, бо мы хочъ знаемо, що въ рукахъ маемо; а вы й того не знаете, идете шукать витра въ поли, и все, що маете, Орембурзія зйисть, тоди вернетесь вы знову до насъ, тилько вже вси будете Куперьянамы! (*вси сміются. Панько махнувшы рукою, пишовъ у хату, а други за нымъ*). Я, братъ, слызькый, мене не вхопышъ на зубы!.. И чого воны тамъ довго такъ сыдять? Питы й соби, чы не почастують! (*пишовъ*).

—

Ява XIII.

Мыхайло и Елысавета.

Мыхайло. Прыйиду, побый мене Богъ прыйиду, въ осены прыйиду и поберемося! Пожды мене, Елысавето.

Елысавета. Хиба тутъ немае парубкивъ? Посватають, то й не буду ждаты.

Мыхайло. Це такъ любышъ?

Елысавета. А ты хиба любышъ, колы кыдаешъ?

Мыхайло. Не по своій воли.

Елысавета. Я въ тимъ не вынувата.

Мыхайло. Кажу-жъ тоби, я прыйиду за тобою. Тамъ же батько купують на вичнисть 100 десятынъ, тамъ земля ни почому... Може жъ тамъ буде краще, нижъ тутъ. Тилько оселымось, заразъ и прыйиду...

Елысавета. Та чы куплять же сто десятынъ?

Мыхайло. Куплять. Земля тамъ ни почому. Подумай: тутъ одынъ надилъ, а то на вичнисть 100 десятынъ!!

Елысавета. Та якъ що тамъ 100 десятынъ на вичнисть, то пидожду; тилько жъ не прыйидешъ передъ Пылыпивкою...

Мыхайло. Побый мене Богъ, прыйиду: утечу, колы на те пиде, а прыйиду.

Елысавета. Гляды!

Мыхайло. Ждатымешъ??

Елысавета. Не допускай недили до Дмытра.

Мыхайло. За дви прыйиду! Братъ каже, що тамъ на Семена зима стае.

Елысавета. Абы до Дмытра за недилю, той ждатыму.

Мыхайло. О, теперъ я весело иду и ни крапли не журюся! Голубонько моя! (*хоче обнять*).

Елысавета. Що ты? Онъ люде!

Мыхайло. Щобъ ихъ чортъ забравъ, не можна й попрощатыся, якъ слидъ! Побижымо до васъ!

Елысавета. Ходимъ! (*хутко пишлы*).

—

Ява XIV.

Зъ хаты выходыть багато людей. Бабы плачуть и де яки чоловики плачуть.

Куперьянъ. Бабы вы дурноголови, чого вы плачете? Воны вернутся видтила!

Мыронъ и Павло.

Павло. Женыся, сыну, женыся, — я тебе благословляю. Тилько шукай соби дивчыну у заможныхъ хазяинивъ, путяще що-небудь: ты жъ стоишъ не то що мужычкы... Що тамъ казать! Колы бъ хотивъ, то й 20 тысячъ прыданого взявъ бы, тилько треба свыту скынуть.

Мыронъ. Яку знайду до мысли: чы багату, чы бидну — на тій и женюся.

Павло. Робы, якъ краще... Ты й не малый, и вченый, и розумный! Не будемо въ суперечку заходыть, бо я и такъ нагрызся зъ тобою за ци часы! Просты мене и я тебе прощаю, и ще разъ благословляю! (*обнимаются*). Богъ ёго знае, чы побачымось...

Мыронъ. Осядетесь, тату, одпустить сюда Мыхайла, нехай винъ тутъ женытся, тамъ же татарва—де винъ жинку визьме? а тутъ мы поженымось, та й я прыйиду и жинку показать, и васъ одвидать!

Павло. Гараздъ. Зроблю такъ—це дило.

—

Ява XVI.

Явдоха и скилько бабъ зъ нею выходять.

Павло. А ну, стара, а ну! Ще опизнымось.

Явдоха. Ой сестро жъ моя, ой голубко жъ моя, жыви мы ще зъ тобою обыдви и мертви вже обыдви: черезъ годыну розлучымось и николы не побачымось.

Харытына. Не побачымось!..

Явдоха. Це я вмыраю, сестро! Просты мене, колы въ чимъ согришыла.

Харытына. Ты жъ моя старшая сестра, ты жъ моя маты... Для чого жъ мене покыдаешъ, для чого сама соби смерть робышъ? На вищо вамъ той край чужый здався?.. Сестро жъ моя, ридна моя! (*обнимаются и цилуются*).

Явдоха. Простить мени, сестрыченькы! (*бабы обступають*). Зрослы мы вси у купи, гулялы-дивувалы вкупи... косы намъ росплиталы, замижъ насъ виддавалы и старости мы диждалы, жывучы вкупи... А теперъ розлучаемось навикы, мовъ жывымы насъ у труну кладуть, бо то жъ чужа чужына, бо то жъ далекая сторона! Роздилять насъ горамы высокымы, лисамы густымы, рикамы глыбокымы—не побачымось мы, сестрыченькы, на цёму свити! (*цилуется зъ бабамы*).

Павло. Та годи тоби тужыть! На вику, якъ на довгій ныви: може ще й воны до насъ прыбудуть!

Я в д о х а. Ой ни, ой ни! На визъ сидаю—у гробъ вступаю, за гору зайизжаю, землею мене прысыпають! Прощайте! (*кыдается Мыронови на шыю*). Сыну мій дорогый, гордосте и одрадосте моя! Тебе я покыдаю—серце одрываю!

М ы р о н ъ. Мамо! Вы не плачте, не вбывайтеся, бо вже того не переминыте, що сталося... Я на той рикъ до васъ прыйиду, вы жъ мени далы благословеніе выбрать любую дивчыну и женытыся. Отъ я женюся, а обробывшысь, до васъ прыйиду, тилько напышить, де будете.

П а в л о. А нумъ рушать, а нумъ рушать! Годи стара, гайда, не рано! Треба жъ на пойиздъ поспить.

Я в д о х а. (*цилуючы уголь хаты*). Хатко жъ моя, хатко моя... Я-жъ тебе будовала, я-жъ у тоби дитокъ рожала, щастя имъ у Господа благала... Прощай моя ридна оселя, не будешъ ты чуть мого голосу поки й тебе!

П а в л о. (*зтривоженымъ голосомъ*). Прощайте! Сыну... Прощай!.. отъ капосна баба, розтрывожыла й мене! (*вытерае слёзы*).

К у п е р ь я н ъ. Прощай, Павле! И на що вже я запеклый, а й мени жаль зробылося, що вы одйизжаете въ чужу сторону. Такъ якось ажъ сумно... Мовъ и справди ховаемо васъ! Хотивъ бы пожартувать, такъ жартъ на губахъ замырае (*цилуются. Явдоха, Павло и Мыхайло обходять всихъ и прощаются. Мыхайло вернувся, те-жъ прощается. Помалу выходять*).

П а в л о. Стара! Ходимъ бо (*выходять*).

—

Я в а XVII.

Явдоха и Мыронъ.

Я в д о х а. Ой ниженькы мои не пиднимаются, до риднои земли прыросли воны (*падае на землю*). Свята земля, ридна земля! И батькови, и матчыны ниженькы по тоби ходылы, и кисточкы ты ихъ прыйняла до себе... Чымъ же мы такъ согрышылы, що ты немовъ зрикаешся, выкыдаешъ насъ на чужыну...

Ой, визьму жъ я оцю грудочку земли святои, нехай вона мени нагадуе на чужій чужыни ридну родыну, мылу мою краину...

Павло. Мыронъ, веды матиръ! Пора вже!

Мыронъ. (*обнимае матиръ*). Не плачте, матусю... Не сыла моя, а то бъ я васъ видъ себе не пустывъ! Не вбывайтеся!.. Я до васъ прыйиду, я васъ одвидаю и сюды прывезу, и назадъ одвезу—по зализныци, це не такъ трудно. А може вы ще й сами назадъ повернетесь, колы батько побачыть, що тамъ не такъ гарно, якъ ему здается, бо бубонъ гарно гуде тилько за горою.

Явдоха. Нехай тоби, сыну, Богъ заплатыть, що ты утишаешъ мое серце! Ходимъ! (*идуть. Стае. Похытала головою*). Прощай, моя... хатыно ридна!.. Прощай!

Зависа

Дія III.

Улыця и дворыще Мырона. Дидъ Мыкола иде вулыцею.

Мыкола. Грабытели, вси грабытели! Та дарма,—Харька вже прыговорылы пидъ ризкы, ще й васъ напарю!! Ачъ, яки розумни: букы-азъ-ба, види-азъ-ва! Я й до Мырона ще доберуся! Ученый, моченый, смаженый, скаженый! Батька выгнавъ зъ двору, людей збунтувавъ, на роботу не йдуть, якусь артилькрутиль завивъ—хочъ и самъ кыдай хазяйство, та тикай соби на вильни степы... Бисовои пары, перевертень! Сказано: зъ хама не буде пана, скилько ёго тамъ по школахъ не вышкребалы, скилько не парылы, може и въ молоци выварювалы, а мужыкъ тамъ десь на дни зостався!.. И прыперло ёго сюды! Нехай ему старшына допроса учыныть: по якому праву? Винъ зъ обчества выпысався—нехай иде на чотыри витры (*пишовъ*).

Ява II.

Мойсій, Матвій и Лука.

Мойсій. Ходимъ до Мырона Павловыча, винъ певно ще не знае, що Харька пидъ ризкы прысудылы.

Лука. А не знае.

Мойсій. Це такъ, це такъ! То выходыть и насъ ще будуть быты ризкамы?

Лука. Мабуть.

Матвій. О ни! Мыронъ Павловычъ не допустять, та й Харька оборонять. (*Мыронъ выходыть зъ хаты, кобенякъ и палыця въ рукахъ.*) Куды це вы зибралысь?

Мыронъ. На варту. Сёгодня моя черга въ ночи биля худобы. (*Кладе кобенякъ и палыцю на прызьби).*

Матвій. Та це таке дило, що будли хто зъ насъ справыть... Вы вже ти дила справляйте, що мы не можемо, а на варти—чы я, чы Лука, чы Мойсій, та будли хто побуде, слава Богу людей у спильци не мало.

Мыронъ. И це дило и то дило, и те и те треба справлять. А хиба що знову трапылось?

Лука. Що дня насъ мучымо.

Матвій. Харька, кажуть, дидъ Мыкола потягнувъ до волосты на судъ. Судьивъ пидпоивъ и ти прыговорылы его пидъ ризкы! Це вже побыла лыха годына, це страмовысько... Винъ же теперь артильщыкъ, та намъ очи выколють. Мало того, дидъ Мыкола пидпоить, то й насъ будуть парыть.

Мыронъ. За вищо жъ?

Лука. Дило завелося за пять карбованцивъ, що той ему вынёнъ.

Мыронъ. Мы жъ ему виддалы, та й за довгы здается жъ не бьють.

Матвій. Такъ дидъ выгадавъ, що нибы то Харько похвалявся пидпалыть его, що нибы ёго, старого, въ груды штовхавъ, наплювавъ межи-очи...

Мыронъ. А свидкы?

Матвій. Мабуть знайшовъ. А пьяныкъ суддямъ що?

Мыронъ. Такъ якъ же воны можуть напыватыся, колы въ той день, якъ иде судъ, лавкы зъ водкою заперти?

Матвій. О, то вы ще въ волости не булы, не бачылы, якъ судять?

Мыронъ. Збирався скилько разивъ, та не мавъ часу.

Матвій. То то бо й йе!.. Лавкы заперти! А хиба сёгодня не можна купыть на завтра?

Мыронъ. И тамъ у волости пьють?

Матвій. Есть друга кимната, звется совищательска—такъ тамъ такъ совищаются зъ пляшкамы, що на решти судьи мало не падають.

Мыронъ. А волостный старшына?

Лука. Яки бо вы? Хиба старшына мае сто очей! Винъ одвернется, а тамъ кокъ, кокъ, кокъ—и готови!

Мыронъ. Нехай прыйде до мене Харько, я его роспытаю и завтра рано пойиду до земського начальныка за порадою. Будемъ жалиться.

Матвій. Обороняйте насъ видъ сорому.

Мойсій. Повирыте, я якъ побачывъ разъ, що сиклы, такъ цилый мисяць самъ соромывся дывытысь на людей, а колы бъ зо мною те сталося, такъ повисывся-бъ!

Матвій. Карпо-жъ повисывся. Ёго высиклы, а винъ пишовъ и заразъ такы повисывся.

Мыронъ. А—а!.. Невже вси люде такъ люблять, такъ ухвалылы ризкы, що судьи не соромлятся открывать передъ громадою нагую срамоту?..

Матвій. Не вси ухвалылы. Де жъ такы, щобъ вси! Отъ же вы чуете, якъ намъ це не по души!.. А Карпо такъ повисывся... Булы у насъ и судьи зъ молодыхъ, такъ ти никого пидъ ризкы не прысуждалы, соромылысь! А теперъ старыхъ выбралы, воны й жарять! Имъ що: ихъ былы, такъ и воны бьють; за бытого, кажуть, дають два небытыхъ, та й то не беруть; та ще горилка... Напьются, совисть прытуплять,—ну й жарь!

Мыронъ. Правда! Крипостни калики, та горилка... Де жъ тутъ совисть, де соромъ? Воны, напывшысь, не посоромлятся открыть нагую срамоту и своихъ батькивъ!

Матвій. Имъ що! А бодай не казать... Такъ вы на варту не йдить, я за васъ. А то цилу ничь не спать и завтра до земського, та ще и въ Банкъ треба за землю клопотаться...

Мыронъ. Ничого. Прывыкъ.

Лука. Де жъ такы? Це вже не годытся...

Матвій. Ни, вже, якъ хочете, а мы всіею артилью зговорылыся, щобъ вы не вартувалы, хочъ у ночи; мало у васъ дила, вы й такъ иноди ледве на ногахъ держытесь: хлопоты за все и за всихъ!

Мыронъ. Вы мене тяжко обидыте, колы за мене станете робыть... Та годи про це, а отъ я васъ порадую: Кукуриченко прыславъ мени лыста: згожуется продать землю по 125 руб., завтра пойиду въ Банкъ, дизнаюсь, скилько дасть на десятыну, а вершкы заплатымо зъ послиднёго; та ще може розсрочыть.

Вси. Перервемся, а заплатымо!

—

Ява III.

Ти жъ и старшына зъ пысаремъ

Старшына. Доброго здоровья!

Пысарь. Мое почтеніе!

Мыронъ. Добры-день и вамъ. (*Пысарь подае руку Мыронови и трясе его за руку*).

Старшына. А хто зъ васъ Мыронъ Серпокрылъ?

Мыронъ. Я.

Старшына. Не пизнавъ бы. Хлопчыкомъ малымъ ты у мене поганявъ.

Мыронъ. Забувъ, чы у васъ, чы въ кого другого, а поганявъ не разъ.

Пысарь. Не тыкайте на нёго—винъ чынъ мае.

Старшына. О?!

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. А хто вы теперъ будете?

Мыронъ. Мыронъ, Павливъ сынъ, Серпокрылъ.

Старшына. Та я знаю. А що вы йе таке: чы панъ, чы мужыкъ?

Мыронъ. Мужыкивъ сынъ.

Старшына (*до пысаря*). Такъ що жъ вы кажете, що винъ чыновныкъ?

Пысарь. Выдите, Мыронъ Павловычъ, що вы крестьянскій сынъ—это извѣстно, но господынъ старшына сомниваются на щотъ вашого теперешнёго званія...

Мыронъ. Теперъ я коллежскій секретарь.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Такъ вы выбачайте. Дывлячысь на васъ, цёго не сказавъ бы.

Мыронъ. А звисно, на лоби не напысано—по одежи й зустричають.

Пысарь. Вѣрно!

Старшына. Такъ будемъ теперъ балакать на дыликатну ногу.

Мыронъ. Мени байдуже, балакайте якъ завгодно, я не обижаюсь.

Старшына. Розумно.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Жалуются на васъ старыкы-хазяины, що вы розвращаете народъ.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Чымъ?!

Старшына. Бачыте-выдите... робочыхъ у насъ и такъ сутужно, робочи дорого, а вы збунтувалы людей: нихто не хоче йты на роботу... ни за яки гроши.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Не вси жъ, хиба спильщыкы, та й тыхъ я не одговорюю: хотять, то нехай идуть, якъ що нема своеи роботы. А отъ вы скажить мени: пидуть на чужу роботу Грычани, Балабуха, дидъ Мыкола. Не пидуть?!

Старшына. А ни!

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. А чомъ же бъ имъ и не питы?

Старшына. Чудне дило! Таки хазяины, свою роботу покынуть та пидуть на чужу?

Мыронъ. То такъ же й други люде: свою роботу мають и на чужу не йдуть.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Покы не було за що рукъ зачепыть, люде ходылы на поденщыну, набиралы на десятыны въ строкы, а теперъ, отъ хочъ бы й наша артиль, складается зъ 16 чоловикъ, мы засіялы 50 десятынъ, оремо вже на паръ, та й дома у кожного знайдется дило,—отъ люде и не йдуть на чужу роботу...

Пысарь. Вѣрно.

Старшына *(до пысаря)*. Не збывайте, Яковъ Мыхайловычъ, а то вы: и туды вѣрно, и сюды—вѣрно!

Пысарь. Именно: и сюды, и туды—вѣрно!

Старшына. А що то за артиль така, видкиля вона взялася, де таке право есть, щобъ заводыть артиль супротывъ хазяинивъ? Такъ и робитныка не достанешъ.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Мы артиль заснувалы не протывъ биды... Отъ я вамъ покажу заразъ артильный договоръ, напысаный и завиреный по закону нотаріусомъ!

Старшына. Нотаріусомъ?! Покажить...

Пысарь. Вѣрно.

(Мыронъ пишовъ у хату).

Старшына. Не кажить, будь ласка, оцёго вашого „вѣрно"! бо я збываюся: и Мыронъ каже—вѣрно, и я кажу—вѣрно!

Пысарь. Харытонъ Харытоновычъ! Такъ воно й есть такъ точно: и вы говорыте—вѣрно, но и винъ говорыть—вѣрно. Що жъ я можу сказать?.. Вѣрно!

Старшына. Пущай-нехай... такъ... вы хочъ мовчить.

Пысарь. Постараюсь.

Старшына *(до людей)*. Що жъ Мыронъ у васъ: чы за хазяина, чы за прыкащыка, чы й самъ робыть зъ вамы?

Матвій. Товарыщъ, якъ и вси, а робыть черезъ сылу. Вже мы ёго просымо, щобъ не робывъ, бо намъ ёго голова бильше нужна, нижъ ёго рукы: якъ звалытся, то мы безъ нёго пропащи!

Пысарь. Вѣр...

Старшына. Яковъ Мых....

Пысарь. Забувъ...

Старшына. Хымерный чоловикъ! *(выходе Мыронъ).*

Пысарь. Хто?

Старшына. А, Господы, чымъ вы слухаете?

Пысарь. Обома ухамы, вѣр....

Мыронъ. Отъ и договоръ.

Старшына *(до пысаря).* А прочытайте... *(пысарь чыта).* Я й самъ грамотный, вы не думайте, тилько треба правду сказать: пысане довго розбыраю.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Що?

Пысарь. Договоръ—по закону: и Нотаріусъ, и №, и печать. Вѣрно!

Старшына. Такъ у чимъ же дило?

Пысарь. Багато напысано, но отъ главное: „чтобы отвыкать отъ злобы другъ къ другу, а учиться взаимному уваженію и любви, мы, посовѣтовавшись между собою, руководствуясь 1528, 1529 и 1530 ст. X т., части 1-й и 89, 90 и первою частью 91 ст. XI т., части 2 уст., торгов. порѣшили соединиться всѣмъ вмѣстѣ и составить земледѣльческую артель для веденія одного общаго хозяйства.

Старшина. А дали?

Пысарь. Все, що зароблять—дилыть на-ривно мижъ усима спильщыкамы.

Старшына. А дали?

Пысарь. Подписи.

Старшина. Чіи?

Пысарь. Собственноручныи всихъ артильщыкивъ.

Старшына. Такъ уси бъ то грамотни?

Лука. Мыронъ Павловычъ насъ за зиму всихъ грамоти вывчывъ, а договоръ весною робылы.

Старшына. На законнимъ основаніи?

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Дывно! Яка жъ вамъ корысть отаке зативаты?

Мыронъ. Хиба тутъ тилько мени корысть? И вамъ, и всёму начальству корысть, и всій громади корысть.

Пысарь. Вѣрно...

Старшына (*до пысаря*). Що?.. отъ бачыте,—сказалы „вѣрно", а що—вѣрно, то й сами не знаете.

Пысарь. Вѣрно... не знаю: похопывся, видите—бачыте, выскочывъ зъ словомъ; но, правду сказать, еще не понялъ...

Старшына. А вы не спищить, бо хто спишыть, той людей смишыть.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына (*до Мырона*). Такъ яка жъ корысть? Розтолкуйте...

Мыронъ. Про це треба говорыть довго, щобъ все въ подробыцяхъ зъясуваты. Скажу коротенько. Всяку повыннисть чы натуральну, чы грошову—артиль сповныть скорище и краще, нижъ одынъ чоловикъ,—отъ и вамъ полехкисть, бо меньше хлопоту; знову—артиль, велыкый хазяинъ,—вона хлибъ матыме одъ нового до нового, ще й въ запаси, и черезъ те артильщыкы не будуть просыть, щобъ помоглы прохарчуватыся, та обсіяты свои нывы—выходыть начальству меньше клопоту;—всяки платижи артиль заплатыть у свій часъ—казни корысть и знову начальству полехкисть... Нарешти: въ достаткахъ люде чеснищи, жывуть тыхо, мырно, працёвыто, не пьянствують, не безчынствують, а видъ цёго всій громади и всій околыци спокій! Оце й усе...

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Отеперъ и я скажу: вѣрно! Тилько все жъ такы не розумію: яка видъ цёго именно вамъ корысть?

Мыронъ. А колы всимъ добре, то й мени добре.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Отъ вы и знову похопылысь: а ну, розскажить своимы словамы!

Пысарь (*чуха потылыцю*). Головоломно!

Старшына. То то бо й е!

Мыронъ. Отъ вы мени допросъ учынылы, теперъ дозвольте вамъ учынить допросъ: за вищо Харька Круглого прысудылы пидъ ризкы?

Старшына. Певно есть прыговоръ.

Пысарь. Вѣрно.

Мыронъ. Несправедлывый. Харько гроши дидови Мыколи виддавъ, не грубывъ ёму, дидъ зъ злосты показавъ, свидкы и судьи булы пьяни.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. То выходыть и вы булы пьяни?

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Наказаніе Господне зъ вамы.

Мыронъ. То вже выбачайте, а я пойиду до земського начальныка... У насъ есть тежъ свидкы... Въ совищательскій судьи пьють могорычи...

Старшына. Що жъ ты будешъ робыть? Покы не судья, то й не пье, а выберуть у судьи--и роспаскудытся.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына (*до пысаря*). Такъ вы не запысуйте прыговора за Харька у кныгу, бо сами жъ кажете „вѣрно", що булы пьяни... А вамъ нічого йихать до земського: я бачу, що вы чоловикъ умный, стоющый, говорыте дило, и ваши слова треба уважать.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Не перебывайте-бо!

Пысарь (*затуляе рота рукою*).

Старшына. Намъ такыхъ людей, якъ вы—треба!

Пысарь (*въ руку мурчыть*).

Старшына (*глянувъ на нёго, похытавъ головою*). Отъ у насъ скоро выборы гласнихъ въ земство, такъ мы васъ гласнымъ выберемо!

Мыронъ. Спасыби! Я ще ничымъ не заслужывъ у громады такои честы.

Старшына. Ни, не кажить! Выберемъ! Я самъ буду про це стараться. Тымъ часомъ, колы тамъ що, пущай—нехай!.. А

вы мени заявить, я не дозволю, я тежъ чоловикъ не слипый и розумію де-що...

Мыронъ. Спасыби вамъ, господынъ старшына! Я дуже радый, що зъ вамы познаёмывся... Теперъ якъ тилько що—до васъ. Кому жъ, якъ не вамъ, заступыться за обиженого. Звисно, безъ помылкы не можна, на те люде; а де люде—тамъ и грихъ.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Отъ бачыте, якый вамъ соромъ, та ще передъ такымъ стоющымъ чоловикомъ. Вы жъ тамъ у волости разъ-у-разъ, и допускаете пьянство.

Пысарь (*зитхнувъ*). Вѣрно.

Старшына. Ото й погано, що все це вѣрно! А вы повынни до соблазну не допускать.

Пысарь (*тыхо*). Вѣрно.

Старшына. Такъ отъ же й знайте: що колы я застану у волости, або на суди, пьянство, то васъ першого выжену, а судьивъ пидъ судъ.

Пысарь. Вѣрно.

Старшына. Яковъ Мыхайловычъ! Вы бъ хочъ чужого постыдылысь... Хиба вы другихъ словъ не вміете говорыть, а тилько одно—„вѣрно?"

Пысарь. Вѣрно.

Старшына (*сміется*). Отакъ, якъ бачыте! Земській начальныкъ не може зъ нымъ говорыть, ажъ за бокы берется—такъ регоче, а винъ хочъ бы тоби вусомъ моргнувъ: вѣрно и край.

Пысарь. Вѣрно, потому... Вѣрно!

Старшына. Чуете?.. Ну, прощайте! Бо й мени немае часу! (*иде и вертается*). Ага! скажить, будь ласка: для чого вы такъ рано орете на паръ?

Мыронъ. Мылосты просю, чы въ недилю, чы въ празныкъ зайдить до мене, то я вамъ розскажу и кныжку прочытаю.

Старшына. Гараздъ! Прощайте! (*идучы до пысаря*): прыятный чоловикъ.

Пысарь. Вѣрно (*пишлы*).

Ява IV.

Ти-жъ безъ Старшыны и Пысаря.

Лука. Ну й чудни.

Мыронъ. Що жъ, воны свое дило робылы... Це вже багачи настренчылы.

Лука и Матвій. А вже-жъ! Ну й вы жъ ихъ загналы на слызьке.

Мыронъ. Не дуже... Старшына чоловикъ розумный, а пысарь—чудакъ... Мени здается, що винъ навмысне говоре оте „вѣрно".

Лука. А вже жъ, винъ тилько зъ началныкамы такъ говоре, а зъ мырянамы инакше... Вси началныкы у нёго говорять: „вѣрно", а черезъ те винъ уже 25 литъ у нашій волости пысаремъ и кажуть мае *вѣрныхъ* тысячи тры карбованчыкивъ.

Мыронъ. Отъ и ликарь (*входе ликарь*).

Ява V.

Ти-жъ и Ликарь.

Ликарь. Доброго здоровья! *(цилуются)*. А що тутъ у васъ?

Мыронъ. О, Господы! Та тутъ цилый лазаретъ хворыхъ, а до всихъ хворобъ ще й дифтеритъ дитей давыть.

Ликарь. Чомъ же не напысавъ про дифтеритъ? я-бъ доставъ сыворотки за для прывывкы, та й земській ликарь прыйихавъ бы зо мною.

Мыронъ. Колы жъ я й самъ дизнався тилько тоди, якъ уже за тобою пойихалы. Такъ мы пошлемо до земського ликаря лыстъ, а ты тымъ часомъ иды у цю хату, подывыся, та колы можна, поратуй нещасну молодыцю.

Ликарь. Подывымось *(пишовъ)*.

Мыронъ. Побижить, товарыши, загадайте хворимъ, щобъ ишлы до мене: ликарь прыйихавъ, може кому дасть раду.

Матвій. Ты туды Мойсію, а я сюды *(розійшлыся у ризни стороны. Куперіянъ выходе)*.

Ява VI.

Ти-жъ безъ Матвія, Мойсія и Куперіянъ.

Куперіянъ *(выходе)*. Мыронъ Павловычъ! А ну зробить зъ мене чоловика!

Мыронъ. Та вы й такъ чоловикъ.

Куперіянъ. Ни, я цехмейстеръ надъ тіею соломою, що пидъ головы кладу.

Мыронъ. И хиба вамъ такъ худо?

Куперіянъ. До цёго часу було добре, а теперъ надывывся на васъ, наслухався вашыхъ речей и не можу спать, не можу пыть, не можу йисты: проснулась совисть... Хочу працювать, колы не для себе, то для другыхъ: есть багато сыритъ, вдовъ, биднихъ, нехай мій пай иде на ныхъ, а я буду жыть, якъ жывъ, мени ничого не треба. Гляньте, якый здоровый катюга, можу працювать за двохъ: вылежався!

Мыронъ. Чы правду жъ вы говорыте?

Куперіянъ. Правду. Совисть заговорыла. Удавлюсь, колы збрешу. Вже й артиль—6 чоловикъ—набравъ, тилько поможить.

Мыронъ *(цилуе его)*. Збирайтеся, та завтра пойидемо у городъ, зробымо у нотаріуса договоръ артильный, ґрошей достанемо, хазяйство заснуемъ—и нехай вамъ Богъ помогае.

Куперіянъ. А до васъ прыстать не можна?

Мыронъ. Окрему артиль лехше заснувать, а потимъ можна буде зъеднатыся докупы.

Куперіянъ. Вы жъ будете и нашимъ порадныкомъ?

Мыронъ. Зъ усіеи сылы.

Куперіянъ. Такъ завтра у городъ? Побижу порадую товарышивъ *(пишовъ)*.

Мыронъ. Господы, дай мени сылы всю ту роботу зробыть, яку задумавъ... *(выходе ликарь)*. Ну, якъ?

—

Ява VII.

Ти-жъ и Ликарь.

Ликарь. Помре!

Мыронъ *(тяжко зитхнувшы)*. Жертва тьмы.

Ликарь. На другый день писля пологу встала—разъ, зъ горища упала—два, догляду не було—тры: воспаленіе брюшыны—и край!

Мыронъ. Бидность, темнота и безпомичнисть гублять людей... Будемъ рятувать. Найизжай, брате, що недили два разы.

Ликарь. Зъ радистью, але треба аптечку, хочъ сяку-таку.

Мыронъ. Дай стать на ногы,—це жъ першый рикъ.

Ликарь. Знаешъ що, Мыроне: я прыстану до тебе въ спилку, колы дило пиде благополучно. Працювать же биля хлиборобства що-дня—я не матыму часу, а въ вильный часъ робота знайдется. Знову, не тилько жъ артильщыкы та селяне будуть личиться, а й околыця... а вона велыка, та й такы... Що зароблю въ артиль, а пай ривный зъ усима.

Мыронъ. Такъ, братику, такъ!.. Заведемъ школу, библіотеку, больныцю!..

Ликарь. Не кыпы. По-малу. Перше аптечку, помичъ, раду въ свій часъ, а тамъ побачымо. Ты знаешъ, я твои думкы подиляю и радъ служыть на корысть народного здоровья усимы сыламы; я тежъ не панъ якый вельможный, а паламаривъ сынъ и зъ дытячыхъ литъ вырисъ въ сели, не розлучався и до сёго часу зъ народомъ, то мени середъ народа, якъ рыби въ води, до того жъ зъ пуждою я зрисся и ще не роспаскудывся велыкымы заробиткамы, бо тилько що практыку почавъ, такъ не треба буде й сылувать свою натуру: борщъ, каша, часомъ кваша—и доволи!

Мыронъ. Я день и ничъ марывъ про це, але боявся тоби говорыть, щобъ не осміявъ. Вси думають, що я божевильный, утопистъ, мечтатель—и я, перше всёго, хотивъ диломъ доказать свои слова, а тоди вже клыкать и тебе, и другихъ до помочи... Теперъ же твоя згода прыстать до спилкы доказуе, що я настоящый реалистъ и раціоналистъ! Може я занадто гарячый, але це натура и ничому не шкодыть, а въ дили я соби йду до меты тыхо, спокійно, що дня поступово... Ты жъ знаешъ: вся артиль грамотна, жинкы перше соромылысь брать кныжку въ рукы, теперъ почалы вчытысь; спивають у церкви

и спивають чудово; батюшка чоловикъ хорошый, зимою чытавъ людямъ священну исторію, за це я ёму помогавъ учыть дитей въ приходській школи... И цей рикъ чудовый выпускъ буде школяривъ... А на той рикъ...

Ликарь. Тпру!.. Стій! Не забигай годомъ впередъ. А знаешъ, на мою думку таки идеи, якъ идея спилкы, кооперації, ховать не слидъ тилько въ однимъ сели; не за тымъ свичку запалюють, щобъ ставыты іи пидъ стилъ; слухай же: ты маешъ уси права пройты въ земство. Скоро будуть у насъ выборы и треба попасты покы въ гласни, а тамъ черезъ годъ и въ члены.

Мыронъ. Гласнымъ—зъ радистью, тилько що мене нихто не знае, то наврядъ, чы й попаду, а членомъ не хочу, хочъ бы й певенъ бувъ, що выберуть... хто що любе, нехай те й робе—бильше задовольненя, бильше щастя... Вильна праця, биля земли незалежнисть—отъ мои мріи.

Ликарь. Тамъ побачымо... Але объ цимъ ще побалакаемо, а теперъ ходимо ликарюваты *(до хворихъ)*. Вси хвори?! *(идуть хвори, хто шкандыба, хто зъ перевьязанымъ окомъ, хто такъ блидный сунется помалу, де яки кашляють—ажъ свыстыть. Хворихъ сыла).*

—

Ява VIII.

Ти-жъ и хворый народъ.

1 чоловикъ. Ой, пидъ грудьмы болыть.

Ликарь. Заходьте въ хату, я заразъ прыйду *(вси идуть въ хату, жаліючысь на хворобу).*

Баба. У кульшу вступыло, насылу йду...

2 чоловикъ. На крыжи впавъ.

3 чоловикъ. Рукы и ногы ломыть.

Ликарь. Идить, идить, тамъ вже вси пожалуетесь. Що жъ у тебе йе зъ ликарствъ?

Мыронъ. Хына, іодъ, шкапыдаръ, бадяга, блыкотне масло, конфорне масло, муравьиный спыртъ, добрый дёготь...

Ликарь. А дёготь же для чого?

Мыронъ. Видъ кашлю помогае.

Ликарь. Пожалуй... А оліумъ рецини?

Мыронъ. Есть.

Ликарь. Ну, чого не стане, зъ города прышлю *(пишлы)*.

—

Ява IX.

Дидъ Мыкола *(выходе)*. Отъ грабытели! Крутильщыкы, артильщыкы! Ученый Мыронъ, бодай ёму... Все переробывъ. Старшына не звеливъ пысареви запысувать въ кныгу прыговора за Харька, каже—пьяни вси булы!.. Пропала горилка и не провчу анехтему! Гей ты, артильщыкъ! *(у хату до Харька)*. Крутильщыкъ! Букы-азъ-ба! *(выходе Харько)*.

—

Ява X.

Дидъ Мыкола и Харько.

Дидъ. Иды завтра, поможы досіять ячминь—чортъ тебе беры—заплатю 40 копіёкъ; я жъ тоби допомогавъ колысь, послухай же й мене хочъ цей разъ

Харько. Не можу, диду—у мене жинка померла.

Дидъ. Померла?.. Худо... шкода... Ну, тутъ ничого не зробышъ... Померла... Царство небесне!.. Смерть... сказано... (*Харько пишовъ у хату. Дидъ постоявъ трохы)*. Померла... Отъ, грабытели! До кого жъ ёго й питы? На що Куперьянъ цехмейстеръ надъ соломою, и той не хоче! Каже, въ артиль прыставъ, завтра иде въ городъ!.. Хочъ здыхай! *(пишовъ; изъ хаты выходять хвори. Марія выходе)*.

—

Ява XI.

Хворый народъ и Марія безъ дида.

Марія. Що тутъ, бабо?

Баба. Ликарь, дочко, ликарь. Веливъ ростирать и ликарство давъ, спасеть его Богъ *(пишла)*.

1 чоловикъ. Напойивъ чымъ-сь и зразу наче полехчало...

2 чоловикъ. Мыронъ розтеръ крыжи якоюсь мазью и ще веливъ розтырать на ничъ. *(Решта выходыть мовчкы. Бронхитики кашляють ажъ свыстыть).*

Марія. Якый Мыронъ добрый!.. Господы, и полюбыла жъ я ёго—той вымовыть не можна! Здается, и очей бы зъ нёго не зводыла, та все слухала ёго розмову. Кныжкы мени дае чытать: хороши-прехороши. Хотила однесты ёму оцю кныжку *(выймае зъ-пидъ хвартуха)*. Та теперъ тамъ ликарь, соромлюсь иты... А хочется зъ нымъ побалакать. Два дни не бачыла: ни дома не застанешъ, ни на улыци не побачышъ самого, все хтось до нёго прыйде, або прыйиде... Хвылыны не мае спокою. Его замучать, винъ такъ и захворіе! И обидать ему, бидненькому, немае кому зварыть; самъ, кажуть, варыть... Боже мій, Боже мій!.. Що, якъ бы?.. *(зитхае)*. А винъ до мене прыхыльный... Та ни, ему и женытыся нема часу *(входе Матвій)*.

—

Ява XII.

Марія и Матвій.

Матвій. Мыронъ Павловычъ дома, не знаешъ?

Марія. Дома. Я имъ кныжку прынесла, та тамъ ликарь.

Матвій. Поклыкать?

Марія. Ликаря? Ха, ха!

Матвій. Мырона.

Марія. Такъ винъ и пиде.

Матвій. А чомъ ни?

Марія. Не до мене.

Матвій. Та хто ёго знае...

Марія. Выгадайте!

Матвій. А пишла-бъ?

Марія. Куды?

Матвій. Ачъ, якъ круте! Замижъ за Мырона?

Марія *(соромлыво)*. У!.. Ще й допытують.

Матвій. Ни, справди?

Марія. А чомъ же.

Матвій. То я скажу ёму, щобъ сватавъ.

Марія. Отакои! Прыстало якъ разъ!.. (*выходыть Мыронъ*).

—

Ява XIII.

Ти-жъ и Мыронъ.

Мыронъ. Ликарь заснувъ; нехай трохы одпочыне, а ты, Матвію, запряжы, братику, кони: хочъ уже й смеркае, але мисячно, та й нехай, хто тамъ на черзи, йиде зъ оцымъ лыстомъ до земського ликаря.

Марія. Добры-вечиръ!

Мыронъ. Марія! Отъ спасыби, що провидала.

Матвій. До речи, за чергу; вы жъ, Мыроне Павловычъ, сёгодня до скоту не йдить на варту. Я за васъ.

Мыронъ. Не выгадуй. Такъ не можна, це баловство: того не буду робыть, другого не буду робыть, то й выйде, що я хазяинъ, а вы мои робитныкы. Я такъ не можу. Ты мени про це и не заикайся, я повыненъ все те робыть, що робыть кожный артильщыкъ.

Матвій. Такъ вы жъ бильше другихъ робыте.

Мыронъ. Языкомъ.

Матвій. Охъ, не шануете вы себе, намъ не рукы потрибни, а голова ваша.

Мыронъ. Годи тоби, Матвію, бо буду гниватысь.

Матвій. Та я й мовчатыму, але ще разъ скажу: не годылось бы вамъ на варти цилу ничъ биля худобы побыватысь.

Мыронъ. Отъ же розсердюсь.

Матвій. Бодай васъ, яки вы уперти. Прощавайте (*пишовъ*).

Мыронъ. Сидай, Маріе, посыдь зо мною... Воны бъ хотилы, щобъ я панычемъ дило, за прыкащыка бувъ. Такъ я-бъ краще у городи соби панувавъ. Ревнують мене до робыты (*сміется*).

Марія. Жаліють... Не треба такъ надрывать себе.

Мыронъ. Такъ я-жъ и не надрываюсь, а роблю на-ривни.

Марія. А трошкы подалысь.

Мыронъ. Втягнуся (*чуть дивочый спивъ. Слухають писни*). Гарно, чудово!

Марія. Вы любыте?

Мыронъ. Якъ же молодому серцеви та гарнои дивочои писни не любыть.

Марія. Мени здается, що вы про це и не думаете, вы й на парубка не похожи!..

Мыронъ. А на дида?

Марія. Ни, де жъ такы! Вы молоди, а тилько таки степенни, якъ тилько стари люде бувають... Николы не гуляете?

Мыронъ. Якъ не гуляю? А на весилли у Дементія, гацавъ онъ якъ!

Марія. Чула, та на жаль не бачыла! И, Боже, якъ бы хотила побачыть васъ веселымъ!..

Мыронъ. Такъ отъ я на твоимъ весилли потанцюю. Певно ціеи осены выйдешъ замижъ.

Марія (*зитхнула*). Ни.

Мыронъ. Чомъ же? Невже ни зъ кымъ не гуляла и не гуляешъ?.. Невже нема пары?

Марія. Була, та загула!..

Мыронъ. Одкынувся?

Марія. Я сама одкынулась. Поки кныжокъ не чытала, то Клымъ здавався мени ничого соби парубокъ; а потимъ чымъ бильше прыслухалась до вашихъ речей, чымъ бильше чытала, тымъ Клымъ дурнищымъ все й дурнищымъ почавъ мени здаватыся... До того дійшло, що мени було соромно слухать ёго розмову, взяла та й залышыла.

Мыронъ. А Клымъ же якъ?

Марія. Довго мордувався. Бувало, клыче мене на улыцю,—я не выйду; спивае у левади довго-довго—я не йду; зустринемось—я мовчу, або тикаю, одмовляючысь, що николы; винъ це пидстеригъ, та на злисть мени почавъ до Горпыны залыцятысь, думавъ мене роздражне, а я ажъ зрадила,.. Та такъ по малу, по малу й розійшлыся—слава Богу!..

Мыронъ. Такъ ты вильна пташка теперъ?

Марія (*встае*). Вильна! Нате вамъ кныжку; колы можна, дайте другу!..

Мыронъ (*бере іи за руку*). Сидай, посыдь ще трохы; мени такъ гарно, якъ ты тутъ биля мене сыдышъ.

Марія. Ну, колы я вамъ не надойила, то й посыдю. Тильно у насъ кажуть: дивци зъ парубкомъ не прыстало сыдить на прызьби, а треба десь такъ, щобъ нихто не бачывъ!.. Такъ то-жъ зъ парубкомъ...

Мыронъ. Такъ и я жъ парубокъ.

Марія. Парубокъ, та не такый якъ други.

Мыронъ. Такый самый, тилько що старищый.

Марія. Ни. Вы настоящый парубокъ, а то хлопчыкы... Тилько що вы въ бороди.

Мыронъ. А ты хочешъ, то я збрыю бороду.

Марія. Ото! Дежъ такы, щобъ я була така дурна? Вамъ у бороди гарно; то зразу, а теперъ око прывыкло—и гарно!..

Мыронъ. То тоби до вподобы моя борода?

Марія. А то жъ! така, якъ шовкъ...

Мыронъ. Слухай, Маріе (*прытягае іи блыжче до себе, Марія сама пидсовуется*). Чого жъ ты голову такъ нызько нахылыла? Глянь на мене... (*Марія дывытся на нёго и зитхае*) Голубонько моя! скажы мени, що небудь гарне, гарне...

Марія. Гляньте, якъ мисяць высоко пиднявся, та ясно, якъ на двори,—отакъ у мене заразъ на души!..

Мыронъ. На неби мисяць сяе, а биля мене зирка вечирняя блыщыть. Серденько мое! (*тулыть іи до себе, Марія не спретчается*) Маріе, пидешъ за мене замижъ?

Марія. Жартуете...

Мыронъ. Ни.

Марія (*про себе*). Може выпытуе, чы дурна я, чы зразу повирю.

Мыронъ. Ни, зиронько моя, я тебе давно люблю, та не набрався смилосты сказать тоби... Я не смилывый зъ дивчатамы.

Марія. Хиба дивчата кусаются? (*дывытся на нёго, а винъ на неи*). Вже правда, що вы не смилыви (*обнимае его за шыю, заглядаючы у вичи*). Ну жъ бо!

Мыронъ. О, теперъ и я вже смилывый! (*цилує Марію*).

Марія (*схоплюется и оглядается*). Мыронъ Павловычъ! Може тутъ хто пидгляда?

Мыронъ. Нехай; я завтра старостивъ прышлю.

Марія (*одходыть*). Спить же сёгодня гарно... а завтра скажете, щó вамъ прыснытся! А цю княжку не виддамъ вамъ теперъ; вона моя на викы, черезъ неи у насъ стала оця перша розмова (*повертается иты*).

Мыронъ. Маріе! (*Марія стае*). Вернысь, посыдь зо мною... Писля такои розмовы не хочется зъ тобою розлучатысь.

Марія. Серденько мое, мылый мій! (*бижыть до него. На дверяхъ ликарь позихае; хвылына замишкы*). Нате вамъ цю княжку, мени николы! (*побигла*).

Зависа.

Дія IV.

Середына землянкы, стины сыри, смугы по стинахъ,—выдко, що по ныхъ слезыть. Свиту мало, двери ныженьки. Стеля высыть надъ головою. Тисно. Въ углахъ навалено всякого хламу.

Ява I.

Павло, Мыхайло и Явдоха. Сыдять за столомъ мовчкы и вечеряють.

Павло. Морозе, морозе, а йды до насъ вечерять!.. (*мовчать*). Сёгодня жъ святый вечиръ, то, здается, клычуть мороза вечеряты?

Явдоха. Мороза клычуть вечерять на голодну кутю, а це багатый вечиръ.

Мыхайло. Тутъ и багата кутя жъ голодна... (*встають. Сидають по куткахъ. Мовчать*).

Явдоха (*прыймае зъ столу*). Завтра Риздво святе (*мовчать*).

Павло. Велыкый празныкъ... (*мовчать*).

Явдоха. Це у насъ тамъ носять вечерю...

Мыхайло. Зоряно—воряно! Та тыхо, тилько пидъ ногамы морозъ скрыпыть.

Явдоха. А тутъ тилько витеръ реве середъ степу...

Павло. Бувае, що й тамъ завирюха свыще.

Мыхайло. Тутъ разъ-у-разъ свыще; а затыхне витеръ, то звиръ голодный вые въ пустыни...

Павло. А у насъ тамъ хиба звиръ не вые?

Мыхайло. Я ни разу й не чувъ, а тутъ, ажъ сумъ душу обгортае, якъ завыють.

Павло. Сказано, ще людей мало.

Мыхайло. На сто верстъ кругомъ пустыня.

Павло. Такъ було колысь и у насъ. Я ще зазнаю, що, бувало, якъ йидешъ зъ лисомъ до Вознесеньска, такъ одъ Вознесеньска до Новомыргорода десять селъ стояло.

Мыхайло. Колы бъ же тутъ на такимъ пути хочъ тры села стояло...

Павло. Будуть й тутъ.

Мыхайло. Черезъ сто литъ? Ждить. Сто литъ не будете жыть?

Павло. А хто ёго знае... (*мовчать*).

Явдоха. Святе Рыздво, а мы и до церквы завтра не пидемо... Якъ то тамъ Мыронъ, мій голубчыкъ, нехай ему легенько гыкнется.

Павло. Пошлы, Боже, ёму щастя, та здоровья.

Явдоха. Хто жъ насъ завтра провидае?—Ни роду тутъ немае, ни родыноньки... Чужа чужына!

Мыхайло. Хочъ не нагадуйте! (*мовчать*). Тутъ, може, кыргызъ якый провидае, та и остатню пару коней украде.

Павло. Чого доброго. А провидаемъ, сыну, худобу (*бере рушныцю, а Мыхайло кіекъ; выходять*).

—

Ява II.

Явдоха сама.

Ой, нещасна моя головонька, загубыла насъ чужа сторононька! Дитокъ малыхъ Господь прыбравъ, поховалы середъ степу чужого, зосталыся въ трёхъ у цій шыровій домовыни, и не тисно намъ, и земли сырои на груды, здается, намъ не на-

сыпано, а тяжче намъ отутъ, нижъ мертвому въ нимій холодній домовыни!.. А старый сылкуется, а старый тишытся надіямы и уперто сыдыть тутъ... Мени й жаль ёго, душа болыть, бо чуе мое серце, що й винъ шкодуе за тымъ, що покынувъ, але соромытся, що будуть глузуваты дома, и упыраеться, щобъ тутъ росыдить, хочъ и не говоры... Парубокъ звився... Що мени робыть, що мени робыть?

Я в а III.

Входять Мыхайло, а потимъ Павло.

М ы х а й л о. Ничого не выдко. Пидъ повитчыну бье, рве, скотына скоцюрбылась, далеко десь звиръ вые... Ой, пропадемъ отутъ!

Я в д о х а. Мовчы, сыну, терпы, моя дытыно, не рвы батькового серця, бо й винъ, якъ мертвець ходе! (*входе Павло*).

П а в л о. Затыхае, мабуть выпогодытся... Здается, витеръ повернувъ... (*мовчать*).

М ы х а й л о. Тату!

П а в л о. Чого сыну?

М ы х а й л о. Тикаймо звидциля, бо пропадемъ отутъ, ни за цапову душу!

П а в л о. Шкода-жъ, сыну, потеря: земли купылы задешево, завдатокъ далы, весною банкъ грошi выдасть, и земля наша на вичнисть.

М ы р о н ъ. Для кого-жъ, тату, та вичнисть? Братъ и сестры померлы тутъ; Мыронови ничого не треба, зостався я одынъ у васъ; вы вже стари, то це выходыть для мене?

П а в л о. Для тебе, сыну.

М ы х а й л о. Не хочу я, тату! Лехче мени и краще мени наймытомъ жыть у своій сторони, а нижъ тутъ у цій пустыни мать землю на вичнисть.

П а в л о. Дурный ты, сыну, лыха не знаешъ.

М ы х а й л о. Охъ, тату! Не треба довго жыть, щобъ лыха багато знать: доволи перейихать на винець свита, жывымъ себе

поховать въ Орембурськимъ степу, щобъ лыха набратысь бильше, нижъ у насъ дома за ввесь викъ. Тату, я довго мовчавъ, теперъ не можу, бо мене щось ухопыло за серце, здавыло его мицно и не выпускае, а все бильше й бильше давыть. Колы бъ хочъ насъ тутъ було багато, колы бъ хочъ уродыло, колы бъ хочъ було куды той хлибъ одвезты продать—то ще сякъ-такъ! А то: Панько, Клымъ и Терешко десь повіялысь;—воны все шукають новыхъ мистъ,—зосталысь мы сами. Братъ и сестры померлы; хаты путнёи мы не змоглы поставыть и не зможемо; хлибъ уродывъ гирше, нижъ у насъ, тай той, щобъ продать по грошу—треба тарабанытьтся намъ у двохъ на трое сутокъ и зоставлять тутъ матиръ одну; кымлыкы, чи кыргызы коней дви пары у осены на очахъ нашыхъ потурлылы въ степъ, и воны пропалы; озымына тутъ вымерзне, ярына снову не вроде, и мы попухнемо зъ голоду! Тату, ридный мій, пожалійте мене молодого: до ридного краю, якъ тамъ не тисно, та краще: и серцю одрада и души спокій!

Павло. Хаты у насъ и тамъ теперъ немае, надилъ Мыронови продалы... Знову, щобъ достатыся до дому—треба все продать за безцинь... А тутъ завдатокъ пропаде... За вищо жъ мы тамъ рукы зачепымо, чимъ хазяинуваты будемо?

Мыхайло. Маты будуть у Мырона. Я наймусь на годъ, мени дадуть 80 рублывъ, и вамъ за хазяина коло плугивъ у любій экономіи дадуть 80, а то и 100 карбованцивъ.

Явдоха. И я наймуся до Пузыря за куховарку на чорну кухню. Лехче мени тамъ, здоровья мавшы, працювать, нижъ тутъ межъ гнылымы стинамы у цій землянци погыбать!

Мыхайло. И матери дадуть 50 рублывъ. Отъ у насъ черезъ годъ зостанется не меньше якъ пивтораста карбованцивъ, тоди женюся, 2 пары коней справымо, отъ и хазяины! Яку жъ тутъ пораду можна знайты?

Павло. Тутъ?.. своя земля на вичнисть!.. Погорювать той годъ, чи два, такъ за те яки хазяины будемо!.. Люде и не таке лыхо перебувають, а мы вже злякалыся зимы, та першого неврожаю... отъ же ни Панько, ни Клымъ ни Терешко не тикають

до дому, а мы вернемось и тамъ, середъ своихъ людей, засміють, проходу не дадуть! Одынъ Куперьянъ, цехмейстеръ надъ соломою, скилько буде глузувать, продра́жнять переселенцямы и будуть тымъ очи выпикать.

Мыхайло. То я самъ утечу до дому.

Павло. И не грихъ тоби отакъ казать? Невже ты одважышся насъ зъ матирью покынуть тутъ самихъ?..

Мыхайло. Не грихъ, одважусь! Бо я васъ не кыдаю, я васъ клычу до дому, а вы хочете себе и мене поховать у цимъ степу чужимъ, глухимъ, непрыютнимъ! (*мовчать*).

Явдоха. Охъ!

Павло. Охъ! (*зъ-надвору голосъ чуть*:) Гей, а хто тутъ йе? Озовиться!

Павло. Щось гукае!

Явдоха. Може розбійныкы?..

Мыхайло (*бере кіёкъ*). Берить, тату, рушныцю, а вы, мамо, макогинъ. (*У двери*) А хто тамъ? (*иде.*) Станьте дали видъ дверей, не наблыжайтеся, бо хто васъ знае, що вы за люде.

Голосъ. Та мы свои.

Явдоха. Господы! Може Мыронъ?..

Павло. Оце выгадала! Винъ же не знае и де мы, бо за турботамы й не напысалы.

Мыхайло. А хто жъ вы свои? У насъ вси свои дома!

Голосъ. Та одчыняйте, бо померзлы.

Павло. Балакають по нашому.

Мыхайло. Станьте, тату, подали и наготовте рушныцю,— я видчыню (*Павло наготовывъ рушныцю. Мыхайло одчыня*).

—

Ява IV.

Панько и Клымъ, а зъ нымы два кыргыза.

Клымъ. Якся маете? Зъ святымъ вечиромъ.

Павло, Явдоха и Мыхайло. Панько! Клымъ!

Мыхайло. А це жъ хто?

Панько. Кемлыкы! Мы такы простувалы до васъ, та збылыся сёгодня и потерялы прекметы, та до ныхъ въ кибитку попалы. Слово-по-слову—знають, и згодылыся провесты насъ до хутора за карбованця.

Клымъ. Мы вже думалы, що пропадемъ, а воны прывычни до свого степу: чухрають и чухрають навпростець.

Павло. Звидкиля жъ Богъ несе?

Панько. Багато розсказувать, дайте одигріемося.

Явдоха. Сидайте, грійтесь; хочъ якъ погано, а все жъ затышокъ, не те, що на двори.

Клымъ. Що й казать.

Мыхайло. Вы грійтеся, а я вашыхъ коней заведу хочъ пидъ повитку.

Панько. Будь ласка (*Мыхайло выйшовъ*).

Явдоха. Певно, йисты хочете, та не дуже то йе чого подать: борщу трохы, та кутя свята...

Клымъ. Козакы, якъ диты: багато выйидятъ, мало найидятся! Давайте, спасыби вамъ.

Явдоха. Сидайте жъ до столу... отъ Богъ гостей пославъ у таке свято, ажъ на души лекше стало.

Панько. А мы, думаете, не ради? Господы! Наче саму блызьку ридню бачымо. (*Явдоха подае. Кыргызы щось мижъ собою балакають тыхо.*) Може бъ и вы попойилы, хочъ хлиба?

Кыргызъ. Хѣбъ? Давай!

Явдоха (*дае имъ по куску хлиба, воны ховають за пазуху; входе Мыхайло*).

Мыхайло. Сякъ-такъ прымостывъ. А добри кони.

Панько. Кыргыськы. Вынослыви страшенно.

Мыхайло. А у насъ вятськи, те жъ ничого конькы—бигучи и сыльни.

Кыргызъ. Ну, давай рюпь.

Панько. Хиба пойидете?

Кыргызъ. Поѣдемъ.

Панько. Та кони жъ потомлени.

Кыргызъ. Потомъ?.. Ничево! Дома спать.

Панько (*достае гроши.*) Не все розуміють: я кажу потомылысь, а воны потомъ. Нате!

Кыргызъ. Будь здоровъ! (*выйшлы.*)

Мыхайло. И я выйду за нымы (*бере рушныцю и выходе*).

Кыргызъ. Сиди, малчикъ, въ кибиткѣ, мы дорогу знаемъ.

Мыхайло. Не завадыть.

Кыргызъ. Куда не заводить? Нихто не будить заводить, у насъ лошади есть свои много. Чево мерзнешъ... иди кибитку...

Павло. Де-жъ вы булы,—оце цикаво, и куды идете?

Панько. Заразъ розскажемо.

Явдоха. Що жъ тамъ Кылына, Параска, Одарка, диткы, чы жыви-здорови?.. А мы своихъ поховалы, завалкы подавылы всихъ трёхъ.

Панько. Поховавъ и я двохъ.

Клымъ. И я одного (*входе Мыхайло*).

—

Ява V.

Мыхайло. Якъ побачу кымлыка... чы добрый винъ, чы худый, а мени все здается, що винъ коней покраде.

Панько. О, воны таки! Терешка бидного убылы.

Павло и Явдоха. Убылы? Царство небесне!..

Панько. Литомъ... Тильки-що втемнило, насъ двохъ не було,—мы йиздылы верстовъ за 30,—а ихъ четверо на добрыхъ коняхъ наскочылы на пасовысько, де наша скотына наслась, и зайнялы коней и дви коровы. Углядивъ Терешко, та за рушныцю, та на свого коня, що стоявъ на прыпони,—добрый бувъ кыргызъ! и за нымы, та бубухъ разъ, бубухъ и въ друге зъ рушныци, а того и не помичае, що двое зъ ныхъ отдилылысь и забигають зъ-заду, а винъ летыть!.. Колы шарахъ! злетивъ зъ коня. Арканомъ закынулы, кинь зъ пидъ нёго выпорснувъ, побигъ, а винъ на землю. Тоди воны поперебывалы ёму ногы, та й зайнялы и ёго коня, та й на сей день... Вернувшысь, мы пишлы слидомъ и найшлы его—ледве дыхавъ. Черезъ два дни

й померъ. И—и! Бабы пиднялы галасъ: не хочемо тутъ жыть, тутъ и насъ повбываютъ. Нема имъ рады,—що хочъ кажы, а воны свое: назадъ и назадъ до дому!.. Такъ мы зибралы хлибъ зъ грихомъ пополамъ помолотылы,—зоставалось у насъ ще трое коней, повезлы разомъ и скарбъ свій, и жинокъ до чаункы; тамъ де-що продалы, добулы дарови былеты, жинокъ одправылы до дому, а сами на коней, та на розвидкы: де краще жыть? Булы и въ Екатерын... не вымовлю... бурзи, и за Ураломъ. Возылы рыбу до вокзала и такъ всяки роботы и хвуры бралы, грошей заробылы дещыцю, але переконалыся: що тамъ найкраще, де насъ нема, и, повертаючысь до дому, думаемъ,— грихъ намъ буде: зманылы Павла, сами вернемось, а його покынемо: зайидемо до нёго, провидаемъ, якъ тамъ винъ и що? Такъ оце й добралыся до тебе. Ну, якъ же вамъ жывется? Не выдно, щобъ добре...

Явдоха. Ой, мои ридни, берить ёго, берить и насъ, бо пропадемъ.

Мыхайло. Колы тато не пойидуть, то я лышу ихъ тутъ, нехай мене Богъ простыть, и вернусь до дому,—я тутъ не можу соби рады даты. Колы бъ хочъ мижъ людьмы, а то ни души: кругомъ тилько кемлыкы. Вода гирка, хлибъ не вродывъ, коней украдено, трое дитей поховалы... Ни за що не останусь!

Панько. Що жъ, Павле, пойидемо до дому?

Явдоха. Чого жъ ты мовчышъ, старый?

Павло. Охъ, гирко моій души. Соромъ и досада, и злисть давлять мене, грызуть мене!.. Все пропало, розорывся, зныщывъ хазяйство, яке було, зоставсь безъ хаты, безъ земли, и вертаться на глумъ, на смихъ усій громади! Ни, краще я тутъ помру, нижъ вернуся старцемъ до дому.

Панько. Не будь бо такый гордый, Павле! Посміются, та й перестануть. Хиба жъ ты не бачышъ, якъ замучылась Явдоха, якъ змарнивъ Мыхайло, та й самъ ты зигнувся и понурывся. Кращыхъ кладуть у домовыну, нижъ вы вси трое. Мы, бачышъ, лехкодухи, у насъ бурлацьки натуры, такъ намъ байдуже, а тебе жаль. Вернимось краще до дому.

Мыхайло (*падае до нигъ батька*). Тату, мій голубчыку риднесенькый, я перервуся, а дома знову мы выбьемось на шматокъ хлиба, и не будемо такъ горювать, якъ тутъ.

Павло (*довго барабаныть пальцямы по столу*). Вернимось! (*рыдае—схылывшысь на стилъ*).

Явдоха. Годи, старый! Я заразъ и поздоровшаю, и помолодчаю.

Павло. А!!. Трохы лекше и мени.

Панько. Стійте, що воно загуркотило?..

Мыхайло. Ходимъ до худобы (*выходыть взявшы рушныцю*). Ходимъ ще хто, берить кіёкъ!

Панько. И яке це жыття, що безъ кійка та безъ рушныци й не выходь (*взявъ кіёкъ пишовъ*).

—

Ява VI.

Ти-жъ безъ Мыхайла и Панька.

Клымъ. У васъ йе сани?

Павло. Йе.

Клымъ. Велыки?

Павло. Добри сани.

Клымъ. Такъ мы все на ныхъ накладемъ, та якъ запряжемъ четверо коней встяжъ, то за килько день будемо биля чугункы на станціи. Шляхы мы добре знаемо, и дарови былеты достанемо. Тутъ нашого брата, абы здыхатысь, хутко выряжають.

Павло. Намъ треба буде переждать до весны, збижжя всякого багато.

Панько. Продамо.

Павло. Треба обмиркувать. Насъ пятеро, коней четверо, чымъ ихъ въ дорози годувать; збруя; снасти—не кыдать же всёго—тутъ и на трое саней не заберешъ. Хлибъ же, ще сино йе—треба все продать. Скоро не выйидешъ.

Панько. Поможемо, то й черезъ мисяць выйидемо.

Павло. Побачымо!

Ява VII.

Ти-жъ, Мыхайло и Панько.

Панько (*вбигае*) Нещастя!

Вси. Що сталось?

Явдоха. Де Мыхайло?

Панько. Мыхайло то йе, а коней нашыхъ нема.

Клымъ. Це кымлыкы.

Мыхайло. Вернулысь, кляти, и коней покралы, добре що хочъ наши въ пути, а то бъ зовсимъ зосталысь пиши.

Панько. Пойидемо шукать, я ихъ и пидъ землею знайду; я тутъ ходы знаю; я ихъ въ округъ потягну! Ахъ вы прокляти конокрады! Тутъ ще гирше, нижъ у насъ (*одягается*).

Клымъ (*до Панька*). Стривай! передъ свитомъ краще всёго наскочыть на ихъ тырло.

Павло. Правда.

Мыхайло. Навалымо у чотырёхъ на ныхъ. Жаль, що тилько одна рушныця.

Павло. А кіёкъ, а макогинъ, а люшня?

Клымъ. Готовъ до смерты бытысь! Послидню шкапу скралы. Отъ тоби й переселеніе.

Мыхайло. Вольни земли.

Павло. Теперъ, колыбъ тилько Богъ помигъ благополучно повернутыся до дому, то мы вже заснуемъ артиль.

Явдоха. Насылу у тебе одкрылысь очи.

Мыхайло. А щобъ то було дома прыстать до спилкы!

Павло. Э, сыну, сыну! Щобъ научытысь плавать, треба воды набрать въ уха; щобъ научытысь жыть, треба настраждатысь въ жытти... А теперъ мы вже знаемо, що то за Клынъ Зеленый! Теперъ я розумію, що це той клынъ, що мы сами соби у груды забываемо.

Вси. Правда!

Явдоха. Охъ, правда! Поможы жъ намъ, Боже, повернутыся до дому хочъ весною. Поможы жъ, Боже, намъ побачыты ридну родыну! Оце жъ земля ридна (*выйма зъ-запазухы зашыту въ тряпку землю. Цилуе и прыгортае до грудей*). Ридна земле,

ты чуешъ? Мы йидемо туды, де вербы, та тополи шумлять, де гаи зелени, повни птаства, де все радисно и весело балака до чоловичого серця, мы вертаемось до тебе, наша кормылыце зъ дида-прадида; це ты насъ мукамы такымы покарала за те, що мы тоби зрадылы, тебе покынулы! (*вытерають вси слёзы*).

Вси. Поможы намъ, Боже, благополучно добраться до ридного краю.

Зависа.

Дія V.

Ява I.

Середына хаты.

Артильщыкы, одни сыдять на лавахъ, други стоять группамы; зъ одного боку вси. Якъ зависа пиднимается, по паузи входе Павло, Явхода и Мыхайло.

Павло. Здрастуйте вамъ!

Лука. Дядько Павло!

Вси. Вернулыся?

Павло. Охъ! Вернулыся, та не радисть тутъ насъ зустрила, а тяжке нещастя.

Явдоха. Мыронъ, кажуть, хворый?

Лука. Ледве дыхае.

Явдоха. Нещасна я маты! На чужыни далекій поховала трёхъ дитокъ и сюды поспила, щобъ плакаты—рыдаты, тило твое, сыну мій коханый, матерынымы слёзамы обмываты (*иде въ другу кимнату.*)

Павло. Стара, вдержуй себе, не тривожъ хворого (*пишла*). Що зъ нымъ? Видъ чого тяжко такъ захворивъ?

Мойсій. Нещастя!

Лука. Простудывся. На водохреща морозъ бувъ лютый, а винъ писъ корогву, розхристався.

Мойсій. Не беригся.

Лука. Знову, давалы мы скотыни пашу, було холодно, а винъ ключкою смыкавъ сино—упривъ—ну й продуло.

Мойсій. А, може, варта дойихала, та невгамовна щоденна праця...

Лука. Охъ! Працювавъ черезъ сылу. А якъ пиде на нещастя, то не вбережешся.

Мойсій. Колы-бъ Господь его помылувавъ.

—

Ява II.

(Зъ дверей выходе Матвій, вытыраючы очи).

Вси. Пбмеръ? *(обступають Матвія).*

Матвій. Жывый, а тилько, Боже, якъ тяжко дыхае.

Павло *(вытырае очи и тыхо иде въ другу кимнату, за нымъ Мыхайло.).* Тяжко согришывъ я десь передъ тобою, Боже, що ты мене такъ покаравъ. Все потерявъ, и теперъ ховаю едыную мою надію, сына дорогого.

Лука. Хочъ-бы побачытысь, попрощатысь.

Матвій. Ликарь каже, не можна напускать людей у хату, ёму и такъ повитря мало, нема чымъ дыхать.

Куперьянъ. Невже-жъ мы и передъ смертію не побачымо Мырона Павловыча... не почуемо ёго голосу?..

Матвій. Винъ просытся самъ, щобъ людей побачыть, попрощатысь.

Зъ гурту. Що-жъ ликарь?

Куперьянъ. Ликарь не Богъ! Смертельна хвороба—чехотка.

Матвій. Сыльно простудывся, доставъ запаленіе легкыхъ... ну й чехотка! А чехотку выличыть неможна.

Куперьянъ. А скилько я разивъ казавъ: не пускаймо ёго до всякои роботы, особлыво на варту биля скотыны; мало чого винъ не говоре, а якъ бы ёго береглы, не давалы такъ працювать, якъ винъ працювавъ, то може-бъ и не простудывся, а колы и простудывся, то выдержавъ-бы хворобу.

Матвій. Якъ же ты ёго вдержышъ, якъ же ты ёго не допустышъ до праци! Та ёго тилько и можна було тымъ хиба зупыныть, що прывьязать у хати. На що вже жинку, якъ любыть, а й ту не слухавъ. Скилько разъ вона ёго просыла: не працюй такъ; ты знемигся! А винъ и дома вчыть, и въ школи вчыть, и наривни зо всима роботу всяку робе: одпочыватыму, каже, якъ умру.

Вси. Надто працювавъ, безъ спочывку.

Матвій. Жинку вышколывъ на учытельку, экзаменъ здала... Ну й знемигся.

Лука. Отъ Господь и клыче на спочывокъ.

Матвій. Та, будемъ казать, отъ же и ликарь Иванъ Ивановычъ, прыставшы до спилкы, працювавъ наривни и личывъ, больныцю завивъ, а ничого...

Куперьянъ. Не такый запальный; а що вже Мыронъ Павловычъ, то й Господь ёго знае, де у нёго те здоровья бралося: разъ-у-разъ кыпивъ и кыпивъ.

Матвій. Оця жъ то кыпучисть разомъ зъ простудою и звалылы ёго.

Куперьянъ. Теперъ на ликаря, на Ивана Ивановыча, наша надія. Винъ ученый такый, якъ и Мыронъ, и любыть насъ, мовъ ридныхъ.

Матвій. Тилько будемо вже цёго берегты; намъ ёго рукы не потрибни, намъ голова нужна.

Вси. Рукъ йе доволи, абы керувавъ.

Матвій. То й не будемо допускать до всякои роботы, нехай керуе, людей личыть; а колы вже хить, то тамъ що небудь легеньке можна ёму дозволыть робыть.

Вси. Именно, нехай, мовлявъ, керуе.

Матвій. Та ще онъ дядька Купріяна треба шанувать.

Куперьянъ. Що тамъ я! Краще-бъ таке ледащо померло, нижъ мае смерть одбыраты видъ громады Мырона Павловыча! Де такого знайдешъ? Не за хлибъ винъ спилку заснувавъ и працювавъ такъ тяжко, а для громадськои корысти. Такый чоловикъ въ громадськимъ дили дорожче золота, бо не

корысть вела ёго на працю, а гаряче серце, що бажало щастя и добра всимъ людямъ.

Вси. Нема такого въ свити.

Куперьянъ. Нема! Я, ледарь, пьяныця, волоцюга, пидъ ёго вплывомъ на-ново родывся, бо винъ не тилько говорывъ, але й робывъ. Винъ запалывъ у мени такый духъ, що я одразу переминывся и зрозумивъ, що спилка для всихъ насъ, бидныхъ хлиборобивъ, едыный рятунокъ видъ усихъ нашыхъ прыгодъ! Охъ, колы-бъ можна було такого чоловика выкупыть видъ смерты своимъ жыттямъ—я-бъ и на хвылыну не задумався, нехай бере мое никчемне! (*вытерае очи*).

Матвій. Не кажить такъ, дядьку! Колы Мыронъ Павловычъ, по воли Божій, васъ переробывъ, то и вы потрибни намъ! Нихто зъ насъ не зробыть того, що зробыте вы. Отъ я и про себе скажу: люблю Мырона Павловыча такъ, що и не знаю... Здается, все-бъ виддавъ... Але то такъ тилько здается, по совисти жъ скажу: що я-бъ за нёго не хотивъ умерты, нема у мене того духу, а дядькови Купріянови вирю, що винъ оддавъ-бы свое жыття за жыття Мырона Павловыча.

Вси. Вирымо и мы, вси вирымо.

Матвій. Бачыте, дядьку? Чуете, дядьку? Отакъ про васъ думавъ и Мыронъ Павловычъ! Такъ отъ що дядьку: колы такого чуда зробыть неможна, щобъ выкупыть у смерти жыття Мырона—виддайте ёго нашій спильци, щобъ душа Мыронова по насъ и на тимъ свити не тужыла.

Куперьянъ. Це вже вы мене такъ ухвалылы, що я соромлюсь и очи на васъ пидвесты. А ось що вамъ скажу: працюватыму, поки душа въ тили, пропаду за спилку.

—

Ява III.

Ти-жъ и ликарь.

Одни. Ликарь, ликарь.

Други. Иванъ Ивановычъ!

Вси. Що, що?

К у п е р ь я н ъ. Жывый?

Л и к а р ь. Гасне зъ кожною хвылыною и часу не проживе.

В с и. Боже нашъ! Боже!

М а т в і й. Пустить же насъ зъ нымъ попрощатысь.

К у п е р ь я н ъ. Почуть видъ нёго одно слово.

Л и к а р ь. Винъ и самъ того хоче... Але це прыспишыть ёго смерти: та нема чого робыть, одно зосталося—умерты. Нехай же умре передъ усима, ёму легче буде закрыть очи, дывлячысь на своихъ товарышивъ. Отъ ёго несуть. (*Мырона выносять у крисли обложеного подушкамы*)

—

Я в а IV.

Ти-жъ, Мыронъ, Марія и други.

В с и. Брате нашъ, батьку нашъ! Не покыдай насъ безпомощныхъ.

Л и к а р ь. Тыхо, тыхо, не тривожте ёго.

М ы р о н ъ. Ничого, ничого, друже! Кинець блызько, я заразъ помру.

М а р і я. Ты не вмрешъ, Богъ не захоче мене посыротыть.

М ы р о н ъ. Мыла моя! Для идей смерты нема, и я не вмру—душа моя буде зъ вамы!

М а р і я. Свите мій, учытелю мій! (*цилуе руку*).

М ы р о н ъ. Памятайте, чому учывъ васъ.

М а р і я. И едыного слова твого николы не забуду.

К у п е р ь я н ъ. Прысягаю жыть, якъ вы учылы.

В с и. Вси прысягаемо.

М ы р о н ъ. Любить другъ друга! Иване, не кыдай ихъ.

Л и к а р ъ. Нехай того Богъ покыне.

М ы р о н ъ (*показуе на Марію*). Не обижайте іи и ихъ (*показуе на батькивъ*).

К у п е р ь я н ъ. Нужды не знатымуть.

В с и. Покы мы жыви.

Куперьянъ. У спилку прыймемо!

Мыронъ. Спасыби! Тату, мамо! Не плачте, мои ридни, я радый, що передъ смертію всихъ васъ бачу... Прощайте!

Разомъ. {
Павло. Сыну мій!
Явдоха. Дытыно моя дорога!
Мыхайло. Братику!
}

Ликарь. Спочынь, ты утомывся.

Мыронъ. Николы... заразъ спочыну на викы! Иды сюды, дай мени твою руку. Товарыши, пидійдить до мане блыжче, обступить мене тиснище—нехай я середъ васъ помру.

Ликарь. Помовчы.

Мыронъ. Послидня хвылына! Иване, брате: люде умирають—идеи вични! Товарыши! Не розризняйтеся, живить у злагоди, въ согласіи, учиться, держиться спилкы, любить другъ друга!.. Охъ!

Ликарь. Тыхо, тыхо... (*писля паузы*) Померъ. (*тыхый плачъ жинкы и матери.* Прощай мій друже, мій брате! Велыкый духъ твій буде зъ намы, покы мы жыви. Передъ прахомъ твоимъ клянуся все жыття мое виддать на служеніе твоій идеи!

Зависа.

Гдѣ жили Переяславскіе Торки?

Исторія Торковъ прекрасно разработана проф. Голубовскимъ въ книгѣ: *Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ* (Кіевъ 1884 г.). Припомнимъ важнѣйшія его положенія.

1) Печенѣги, Торки, Половцы, Турки-Сельджуки и Турки-Османы—представляютъ одну семью *тюрковъ.* Все это—вѣтви одного племени, кочевавшаго нѣкогда въ областяхъ центральной Азіи.

2) Торки нашихъ лѣтописей въ мусульманскихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ источникахъ называются Узами (Гузами).

3) Русскимъ Торки—Узы (Гузы) становятся извѣстными въ X вѣкѣ, потому-что въ 985 г. они являются уже союзниками Владимира Святого въ его походѣ на Волжскихъ Болгаръ. Они жили въ это время по берегамъ Волги и Дона—тамъ, гдѣ эти рѣки сближаются между собою.

4) Половцы, появившись изъ-за Яика или Урала, вытѣснили Торковъ съ береговъ Волги и Дона далѣе на западъ, ближе къ границамъ русскихъ поселеній.

5) Въ 1055 году Всеволодъ Ярославовичъ долженъ былъ ходить на Торковъ для защиты отъ ихъ набѣговъ Переяславскаго княжества. Въ 1060 году князья Изяславъ, Святославъ,

Всеволодъ и Всеславъ предприняли огромный походъ противъ Торковъ. Они такъ напугали Торковъ, что послѣдніе разбѣжались въ разныя стороны (одни—къ Дунаю и далѣе въ предѣлы Византійской Имперіи, другіе—обратно на востокъ на встрѣчу Половцамъ) и во множествѣ погибли отъ зимней стужи, отъ голода и отъ моровыхъ болѣзней.

6) Немногіе оставшіеся въ сосѣдствѣ съ Русскими Торки подчинились верховной власти русскихъ князей и являются впредь, или въ составѣ княжескихъ дружинъ, или въ видѣ пограничнаго населенія, имѣвшаго назначеніемъ давать первый отпоръ набѣгамъ Половцевъ.

Извлеченные изъ сочиненія проф. Голубовскаго выводы достаточно поясняютъ, какъ намъ кажется, общія судьбы Торковъ.

Обратимся теперь къ Переяславскимъ Торкамъ.

Помѣщаемое во всѣхъ спискахъ древней лѣтописи подъ 1080 годомъ извѣстіе о бунтѣ Переяславскихъ Торковъ („*заратишася Торци Переяславьстии на Русь*"—Лавр. стр. 198, Ипат. стр. 143, Воскр. стр. 3, Никон. стр. 110), который удачно усмирилъ Владимиръ Мономахъ, даетъ намъ право утверждать, что часть Торковъ послѣ 1060 года поселилась въ окрестностяхъ г. Переяслава. Гдѣ-же именно жили эти *Переяславскіе* Торки?

Если мы развернемъ трехверстную карту Переяславскаго уѣзда, остановимъ взоръ на берегу р. Днѣпра верстахъ въ 8—15-ти ниже Переяслава и оттуда начнемъ слѣдить за направленіемъ нанесенныхъ на карту двухъ валовъ, идущихъ сначала параллельно на сѣверо-востокъ, а затѣмъ поворачивающихъ на сѣверъ, сближающихся и, наконецъ, соединяющихся на берегу рѣки Трубежа противъ хутора „Дубовая Шея", а потомъ осмотримъ пространство отъ валовъ до г. Переяслава, то въ промежуткѣ между внутреннимъ валомъ и г. Переяславомъ и между дорогами изъ г. Переяслава

на г. Золотоношу и на м. Яготинъ мы замѣтимъ два большихъ селенія: *Малую Каратуль* и *Великую Каратуль*, расположенныхъ вдоль рѣчки Каратульки, вытекающей изъ *пологихъ* болотъ, по которымъ получили первыя части своихъ названій села: Пологи-Чоботьки, Пологи-Вергуны и Пологи-Явенки, и впадающей въ р. Трубежъ ниже с. Великой Каратули.

Извѣстно, что въ древней лѣтописи всѣ мелкія тюркскія племена, осѣвшія постепенно по границамъ Руси, (Печенѣги, Торки, Берендѣи, Ковуи, Турпѣи и проч.) носятъ общее родовое названіе: *Черные Клобуки* [1]. „Черные Клобуки"—ничто иное, какъ переводъ тюркскихъ названій Кара-Калпаки или Кара-Тули т. е. черныя шапки [2]. Вѣроятно, подобныя названія стали общераспространенными вслѣдствіе того, что эти кочевники носили высокія барашковыя шапки изъ черныхъ смушковъ, называемыя кое-гдѣ въ Малороссіи кучмами. Въ имени селъ Малая и Великая *Каратуль* точно сохранилось съ XI вѣка древнее названіе для Торковъ и другихъ тюркскихъ племенъ: *Каратули* (Черные Клобуки или Черныя Шапки), и не можетъ быть сомнѣнія, что Переяславскіе *Торки* иначе *Каратули* или Черные Клобуки жили именно тамъ, гдѣ теперь расположены селенія Малая и Великая *Каратули* и гдѣ протекаетъ рѣчка *Каратулька*.

Но въ одномъ мѣстѣ древней лѣтописи мы имѣемъ указанія и на другія мѣста торкскихъ поселеній въ окрестностяхъ г. Переяслава. Къ сожалѣнію то извѣстіе, въ которомъ они находятся, дошло до насъ въ 2-хъ редакціяхъ и отличается значительною неясностью. Вотъ его тексты:

Лавр. спис. изд. 1872 г. стр. 280 [3].	Ипат. спис. изд. 1871 г. стр. 208.

---

[1] *Клобукъ* тоже слово восточное (=турецк. *калабакъ*), но оно очень рано вошло въ русскій языкъ и было понятнѣе, нежели другія восточныя названія для головныхъ уборовъ: калпакъ, туль. См. П. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. 1896. Стр. 169 подъ словомъ: шапки.

[2] Цитованное сочин. проф. Голубовскаго, стр. 149.

[3] Въ Воскр. спискѣ текстъ Лавр. списка нѣсколько сокращенъ. См. стр. 26.

1125 г. Потомъ же услышавше Половци, яко умерлъ есть Володимеръ князь, присунушася вборзе и навороппиша изгономъ къ Барочю и ко Бронь княжю, хотяче полонити Торкы проклятыя, и с тѣми повоевати Русску землю [1]); но Богъ въ изумѣнье положи совѣтъ ихъ, и не успѣша ничтоже.	1126 г. Слышавше же севрази Половци смерть Володимерю, и присунушася къ Баручю, рекше: возмемъ Торкы ихъ.
Ярополку бо вѣсть бысть, и въгна Торкы в городъ тое ночи.	Бѣ же вѣсть Ярополку, и повелѣ гнати люди и Торкы в Баручь и въ прочая грады, навороцивше же врази и невъспѣвше ни въ что же положи; увѣдавъ же Ярополка в Переяславли, вратишася на Посулье воевать, Ярополкъ же князь укрѣпився и иде по нихъ,
И егда воротишася опять Половци, князь же Ярополкъ укрѣпивъся Божьею помощью, не жда иное помощи, ни брата, ни другаго, токмо с Переяславци своими испостиже я у Полкъстѣня.	с Божьею помощью, не жда отъ брата помощи, ни отъ другаго, толко с Переяславци постиже я.

Далѣе въ обоихъ спискахъ разсказывается, какъ Половцы были разбиты на голову.

Изъ извѣстія Лаврентьевскаго списка получается такая последовательность событій:

Половцы, очевидно въ небольшомъ числѣ, прискакали на коняхъ къ Баручю и къ Бронь княжю, чтобы взять въ плѣнъ проживавшихъ тамъ Торковъ, переманить ихъ на свою сторону и вмѣстѣ съ ними опустошить русскую землю. Но Ярополкъ, сидя въ г. Переяславѣ, раньше узналъ о приближающемся на-

[1]) Въ Никоновскомъ спискѣ сказано: „Пригнаша скоро изгономъ съ Торкы проклятыми, съ тѣмя хотяще воевать Русскую землю“ (изд. 1862, стр. 153), но это, очевидно, передѣлка позднѣйшаго переписчика.

бѣгѣ Половцевъ и въ ту самую ночь, когда они должны были напасть, онъ насильно перегналъ Торковъ изъ Баручя и Бронь Княжя въ Переяславъ (мы принимаемъ *городъ* въ извѣстіи Лаврентьевскаго списка въ значеніи *Переяслава*, какъ города κατ' ἐξοχήν для Переяславской области). Половцы, не увеличивъ своихъ силъ Торками, не рѣшились продолжать набѣгъ и вернулись обратно. Ярополкъ погнался за ними и разбилъ ихъ у Полкстѣня (нынѣ с. Полстинъ въ Пирятинскомъ у. на берегу р. Удая).

По извѣстію Ипатскаго списка дѣло представляется нѣсколько иначе:

Половцы приблизились къ Баручю, чтобы захватить Торковъ и заманить ихъ съ собою на набѣгъ. Узнавши заранѣе о предстоящемъ набѣгѣ, Ярополкъ усилилъ торкскіе гарнизоны въ Баручѣ и иныхъ укрѣпленныхъ городкахъ другими Торками и мѣстными русскими людьми. Половцы, узнавши, что Ярополкъ въ Переяславѣ и что онъ приготовился ихъ встрѣтить, усиливъ гарнизоны въ тѣхъ именно торкскихъ городкахъ, гдѣ они разсчитывали найти не отпоръ, а поддержку, повернули обратно въ Посулье. Ярополкъ нагналъ ихъ и разбилъ (не сказано, гдѣ).

Можно думать, что извѣстіе о набѣгѣ Половцевъ въ годъ смерти Владимира Мономаха и о побѣдѣ надъ ними Ярополка записано не на мѣстѣ въ г. Переяславѣ, а въ г. Кіевѣ, по слухамъ и при томъ въ передачѣ двухъ лицъ. Этимъ объясняется и разница въ описаніи распоряженій Ярополка, благодаря которымъ Русь счастливо избавилась отъ угрожавшаго ей опустошительнаго набѣга.

Для вопроса собственно о торкскихъ поселеніяхъ изъ обѣихъ редакцій можно сдѣлать тотъ выводъ, что Торки жили въ Баручѣ, въ Бронь княжѣ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ городкахъ, и что всѣ эти городки были невдалекѣ отъ г. Переяслава, такъ какъ Ярополкъ могъ или *въ одну ночь* перегнать изъ нихъ Торковъ въ Переяславъ, или, по крайней мѣрѣ, *быстро* подкрѣпить тамошнихъ Торковъ другими Торками и мѣстными людьми. Имѣя въ виду, что *Баручь*, или *Бэрочь*—является темой

нынѣшняго названія селенія *Барышевки*, которое произошло отъ прибавки къ темѣ *Баруч—*, *Бароч—* суффикса *евка*, при чемъ *уч*, *оч* могло перейти въ *ыш* подъ вліяніемъ народной этимологіи (Volksetymologie), которая названіе *Барышевки* производитъ отъ словъ *барышъ шевскій*, будто-бы по выгодности издавна здѣсь существующаго *шевскаго* (сапожнаго) промысла [1]), имѣя въ виду, что отъ Барышевки до Переяслава 35 верстъ— разстояніе, которое легко могли проѣхать въ одну ночь конные Торки въ особенности при поспѣшности, съ которою *гналъ* ихъ Ярополкъ („*вгна Торкы в городъ тое ночи*"),—имѣя это въ виду, мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что *Баручь* находился на мѣстѣ нынѣшней *Барышевки*. Что касается *Бронь княжя* и прочихъ городковъ („... *въ прочая грады*"), то нужно думать, что они были расположены вдоль праваго берега р. Трубежа между Барышевкой и Переяславомъ. Такое предположеніе подтверждается еще и слѣдующими соображеніями.

Изучая по картѣ и на мѣстѣ окрестности г. Переяслава, мы можемъ понять планъ обороны отъ кочевниковъ, который составили себѣ строители Переяславскихъ валовъ. Г. Переяславъ стоитъ на мысѣ, образуемомъ сліяніемъ Трубежа съ Ильтицею (Льтицею). Противъ него Трубежъ мелокъ и имѣлъ *бродъ*, о которомъ упоминаетъ и древняя лѣтопись въ легендарномъ разсказѣ объ основаніи г. Переяслава Святымъ Владиміромъ (993 г.—„*Володимеръ.... срете я* (Печенѣговъ) *на Трубежи на бродѣ, где нынѣ Переяславль*"; Лавр. стр. 119, Ипат. стр. 84, Воскр. стр. 314). Въ виду этого, для защиты города и брода, отъ берега р. Днѣпра до берега р. Трубежа у „Дубовой Шеи" насыпано было полукругомъ два параллельныхъ вала, сходящихся только у Трубежа. Между городомъ и валами поселены были Торки на мѣстѣ нынѣшнихъ селъ „Каратулей". Выше

---

[1]) См. Богдановичъ, Сборникъ свѣдѣній о Полтавской губерніи, 1877, стр. 150. Интересныя соображенія о вліяніи народной этимологіи на мѣстныя названія можно найти въ книжкѣ чешскаго ученаго Примуса Соботки: Výklady prostonárodní z oboru jazykozpytu, bájesloví, psychologie národní atd. V Praze 1882. Стр. 44—56.

„Дубовой Шеи“ Трубежъ становится глубокимъ и страшно болотистымъ, такъ-что перебираться черезъ него и теперь затруднительно, а 8 столѣтій назадъ, когда берега его были покрыты непроходимыми пущами, было и того труднѣе. Поэтому строители валовъ правильно разсуждали, что выше „Дубовой Шеи“ (можетъ быть, это урочище называлось тогда совсѣмъ иначе) теченіе р. Трубежа лучше всякаго вала будетъ ограждать русскія поселенія и что только по правому берегу его должны быть устроены укрѣпленные городки съ гарнизонами, которые могли-бы задерживать враговъ въ случаѣ прорыва ихъ въ зимнее время черезъ замерзшій, а потому и доступный Трубежъ. Вдоль праваго берега Трубежа мы, дѣйствительно, находимъ нѣсколько городищъ, которыя можно признать современными валамъ. Вотъ мы и полагаемъ, что въ этихъ городищахъ вдоль праваго берега р. Трубежа намъ и слѣдуетъ видѣть остатки Бронь княжя и другихъ городковъ, въ которыхъ жили Переяславскіе Торки. Есть, напримѣръ, огромное городище на берегу Трубежа невдалекѣ отъ дороги изъ с. Пристромъ въ с. Волошиновку приблизительно на половинѣ разстоянія отъ Переяслава до Барышевки. Не это-ли остатки *Княжой Обороны* (Бронь княжя), называвшейся такъ тогда, когда уже имя князя, руководившаго насыпкой ея валовъ, было забыто?

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ достаточно обоснованный, по нашему мнѣнію, отвѣтъ на поставленный вопросъ:

Переяславскіе Торки жили вдоль той оборонительной линіи, которая прикрывала древній Переяславъ и его область отъ кочевниковъ, а именно вдоль валовъ, на мѣстахъ нынѣшнихъ Малой и Великой Каратулей, и вдоль Трубежа, на правомъ берегу его, между г. Переяславомъ и с. Барышевкой.

Баручь былъ послѣднимъ на сѣверъ торкскимъ городкомъ. Можетъ быть, названіе его произносилось Торками нѣсколько иначе, чѣмъ написано въ лѣтописи, можетъ быть, онъ назывался *Барычь*. Въ такомъ случаѣ имя это легко объясняется изъ тюркскихъ нарѣчій и значитъ оно: *торгъ, базаръ*. Слово *барычь* близко родственно со словомъ *барышъ*, которое также

восточнаго происхожденія. Такимъ образомъ народная этимологія, производящая названіе *Барышевки* отъ *барышъ шевскій*, до нѣкоторой степени права. Въ смыслѣ *торга, базара* слово *барычъ* употреблялось въ *XVI* вѣкѣ въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, въ сочиненіи знаменитаго Николая Рея Wizerunk własny żywota człowieka poczciwego 1560 года, гдѣ находимъ слѣдующее двустишіе (изд. С. Пташицкаго 1881—1888 гг., стр. 106, стихи 381—82):

By miał z dzyećmi pozdychać tedy go wyłupią,
A iáko ná Baryczy nigdy nic nie kupią [1]).

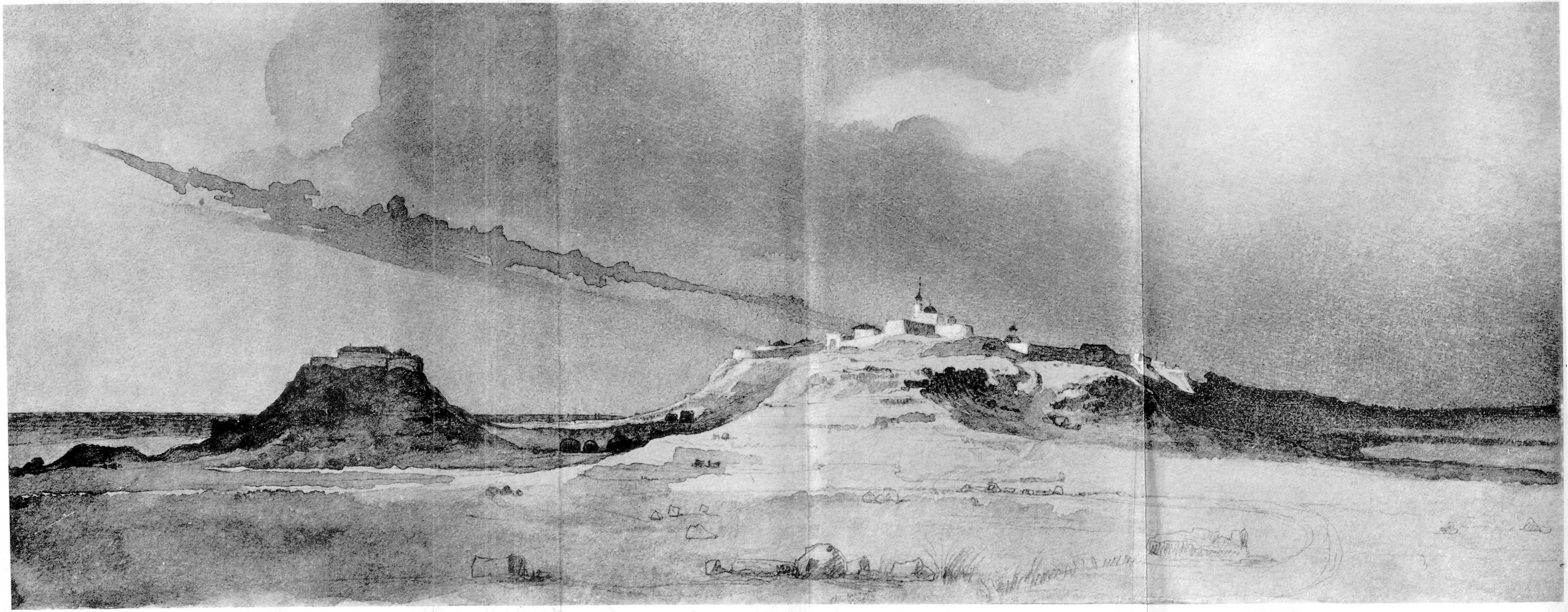
Торки могли назвать одинъ изъ своихъ городковъ *Барычъ* (Баручь, Барочь)=торгъ, базаръ на томъ основаніи, что въ немъ происходили торги или базары, на которыхъ пріѣзжіе купцы снабжали Торковъ товарами, необходимыми въ ихъ быту. Города, гдѣ собирались торги, назывались иногда по этому проявленію ихъ жизни; напримѣръ, Новый Торгъ или Торжекъ. Можетъ быть, что еще съ этихъ древнихъ временъ (XI в.) опредѣлилось удобное торговое положеніе Барышевки, которымъ она долго пользовались и которое утратила въ самое новѣйшее время.

Проф. Голубовскій говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, упомянутой въ началѣ нашей замѣтки, (стр. 133): „Гдѣ только мы видимъ прежнія, старыя названія мѣстностей, мы имѣемъ полное право думать, что преемственность населенія данной мѣстности не прекращалась“. Въ именахъ селъ Малой и Великой *Каратулей* съ XI в. удержалась память о жившихъ въ нихъ *Каратуляхъ* (Торкахъ или Черныхъ Клобукахъ), въ имени *Барышевки* живетъ до сихъ поръ одно изъ словъ ихъ языка (если наши домыслы правдоподобны). Очевидно, что преемственность населенія въ мѣстахъ бывшей осѣдлости Переяславскихъ Торковъ не прекращалась совершенно даже въ эпоху самыхъ грозныхъ татарскихъ нашествій.

А. Стороженко.

---

[1]) Ср. I. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. 1894. Стр. 37 и 62.



Новопетровское укрепление. С Хивинской дороги.

„Новопетровское укрѣпленіе. Съ хивинской дороги.“

Новопетровское укрѣпленіе.

(*Къ рисунку*).

Прилагаемый къ этой книжкѣ рисунокъ представляетъ *Новопетровское укрѣпленіе*, гдѣ Т. Г. Шевченко провелъ около семи лѣтъ своей жизни (1850—57 гг.). Рисунокъ этотъ сдѣланъ самимъ Шевченкомъ во время его жизни въ этомъ укрѣпленіи. — Пустынный видъ мѣстности требуетъ объясненія. Новопетровское укрѣпленіе находилось на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на полуостровѣ Мангышлакѣ. Мангышлакъ состоитъ изъ двухъ полуостровов: Бузачи и собственно Мангышлака, раздѣленныхъ горами Акъ-Тау. Этотъ полуостровъ Мангышлакъ выдается въ море гористымъ мысомъ (Тюкъ-Караганъ), на оконечности котораго и находилось Новопетровское укрѣпленіе. Исторія послѣдняго такова. До 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря представлялъ собою совершенную пустыню, въ которой только кочевали киргизы и отчасти туркмены. Мѣстность эта входила въ составъ оренбургскаго губернаторства, и въ 1832 г. оренбургскій губернаторъ гр. Сухтеленъ поручилъ офицеру Корелину обозрѣть сѣв.-восточн. берегъ Каспійскаго моря и выбрать тамъ мѣсто для постройки крѣпости. На выбранномъ Корелинымъ мѣстѣ, при заливѣ *Мертвый-Култукъ*, въ 1833 г. было устроено *Новоалександровское укрѣпленіе*. Мѣстность послѣдняго скоро оказалась почему-то неудобною, и въ 1839 году капитану,

генер. штаба Широкову и капит.-лейтен. Бодиско поручено было поискать тамъ-же, на сѣв.-вост. берегу Каспійскаго моря, лучшее мѣсто для перенесенія туда укрѣпленія. На этотъ разъ выбрана была *Николаевская гавань* у мыса *Тюкъ-Караганъ* и въ 1845 году на этомъ мѣстѣ, „на высотахъ *Курганъ-Ташъ*", и было устроено укрѣпленіе, получившее названіе *Новопетровскаго*, а Новоалександровское укрѣпленіе тогда же было упразднено [1]).

Возведенное на мысѣ Тюкъ-Караганъ укрѣпленіе одной стороной прилегало къ морю, а другой—къ степи, по которой отъ Мангышлака шла дорога на Хиву [2]). Видъ укрѣпленія съ этой стороны и нарисовалъ Т. Г. на прилагаемомъ рисункѣ. Пустыней вѣетъ отъ этого рисунка... Да пустыня, пустыня безжизненная—тутъ и была... Это была песчаная степь съ характерною своею растительностью: полынь, саксаулъ, солянка, верблюжья колючка—вотъ тѣ травы, которыя тутъ только и растутъ. Дѣйствительно это была *пустыннѣйшая пустыня*, какъ выразился о Новопетровскомъ укрѣпленіи ротный командиръ Т—са Гр—ча Косаревъ въ своемъ разсказѣ о возникновеніи этого укрѣпленія [3]).

Я имѣлъ возможность близко знать Ш—ка въ послѣдній годъ его жизни въ Петербургѣ. Въ первый разъ я увидѣлъ Т. Гр—ча, когда онъ пріѣхалъ весною 1858 г., изъ ссылки, въ Петербургъ. Пріѣхавъ сюда, онъ поселился въ квартирѣ у брата Мих. М—ча Л—аго, на Мойкѣ, въ домѣ графа Уварова. Въ этомъ-же домѣ жилъ и я, въ особой квартирѣ, рядомъ съ „музеемъ" гр. Уварова, такъ какъ и музей этотъ, и

---

[1]) *Топограф. и статист. описаніе восточнаго берега Каспійскаго моря, И. Ф. Бларамберга.* Записки Русск. Геогр. Общ., кн. IV, (Спб. 1850), стр. 104—105.

[2]) Ср. Кіевск. Стар. 1889 г., февраль, 299. Повидимому, Новопетровское укрѣпленіе описано здѣсь невѣрно, такъ какъ оно находилось на берегу моря, (а не въ трехъ верстахъ отъ него), что подтверждаетъ и командиръ роты, строившей это укрѣпленіе: „море съ одной стороны, а пустыннѣйшая пустыня—съ другой". Т. ж., мартъ, 570.

[3]) См. выше примѣч.

петербургская библіотека [1]) гр. А. С. Уварова находилась тогда въ моемъ *смотрительствѣ*. Живя съ младшимъ братомъ-студентомъ въ этой *музейной* квартирѣ, мы имѣли обѣдъ, или какъ говорятъ въ Кіевѣ—„столовались", у М—ла М—ча. У него же обѣдалъ и Т. Гр—чъ. Каждый день за обѣдомъ сходились мы слѣдовательно съ Шевченкомъ и каждый день приходилось слушать намъ его одушевленную бесѣду, большею частью, впрочемъ, вертѣвшуюся на событіяхъ *дня*, на встрѣчахъ Ш—ка съ его старыми пріятелями и жалобахъ на постоянное пріобрѣтеніе новыхъ, спѣшившихъ знаменовать свое знакомство съ поэтомъ дорогими обѣдами у разныхъ Дононовъ. Въ это время ежедневно почти встрѣчался я съ Т. Г. до лѣта 1858 г., когда, по окончаніи университета, переселился, вмѣстѣ съ музеемъ и библіотекою гр. Уварова, въ Москву. Сколько помню, въ эти первые мѣсяцы петербургской своей жизни Т. Гр—чъ велъ жизнь довольно разсѣянную, чему главною причиною было, повидимому, *неимѣніе своего угла*. Совсѣмъ другую жизнь повелъ Т. Гр—чъ, когда переселился въ Академію Художествъ, гдѣ ему отведена была въ длинномъ корридорѣ большая комната (съ антресолемъ), при чемъ на дверяхъ этой комнаты поэтъ написалъ мѣломъ—крупныхъ размѣровъ монограмму—Ш. (понимай: Т. и Ш.). Въ Академіи Художествъ засталъ я Т. Г—ча въ 1860 г., когда вернулся въ Петербургъ. Тогда же и братъ Мих. М—чъ перемѣнилъ уваровскую свою квартиру и поселился въ пятой (кажется) линіи В. О—ва, въ домѣ Воронина, какъ разъ противъ Академіи Художествъ. Вотъ въ это время мы опять стали ежедневно сходиться съ Т. Г—чемъ за обѣдомъ у Мих. М—ча, у котораго „столовался" и Т. Г—чъ, и я съ младшимъ братомъ-студентомъ. Помню хорошо это время, ка́къ бывало мы, съ младшимъ братомъ, голодные, ждали возвращенія старшаго брата со службы, чтобы приняться за ѣду... Вотъ въ эти моменты приходилъ къ обѣду и Т. Г—чъ.

---

[1]) Была у гр. А. С. Уварова и другая, отцовская библіотека, эта послѣдняя тогда находилась въ извѣстномъ его Порѣчьи.

Входилъ онъ въ комнаты, обыкновенно, распѣвая какую-нибудь пѣсню; чаще всего пѣлъ онъ въ это время:

По-надъ моремъ Дунаемъ
Витеръ яворъ хитае,
Витеръ яворъ хитае,
Маты сына пытае:
Ой сыну мій Иване,
Дитя мое кохане.
Якъ я тебе родыла
Свитомъ важко пудыла и т. д.

Возвращался со службы братъ и вслѣдъ, затѣмъ, вынималась изъ буфета водка; наливались двѣ рюмки, одна для хозяина, а другая для Т. Г—ча. Мы съ братомъ „столовались" *безъ водки*, что давало поводъ Т. Гр—чу, выпивая водку, замѣчать: „хто пье, той крывытся, а кому не дають, той дывытся" и при этомъ бросать лукавый взоръ на *дывящыхся*... Иногда Т. Г—чъ при этомъ предстательствовалъ за послѣднихъ и обращаясь къ хозяину, говорилъ: „слухай, Мыхайло,—нехай уже и хлопци выпьють по чарочци"... За обѣдомъ обыкновенно начиналась бесѣда, въ которой первенствовалъ поэтъ, благодушно доказывая, напр., что А. Гумбольдъ не болѣе, какъ придворный угодникъ и напрасно-де его такъ прославляютъ... Мы, „хлопци", начинали спорить, а этого, повидимому и хотѣлъ бывало Т. Г—чъ. Бесѣда оживлялась; „хлопци" возвышали голосъ, а Т. Г—чъ, благодушно улыбаясь, подзадоривалъ...

Очень нерѣдко Т. Г. приходилъ къ обѣду съ листкомъ бумаги въ рукѣ; это были какіе-нибудь новые его стихи, написанные на оборотѣ пробнаго его-же офорта. Вотъ этотъ листокъ отдавалъ онъ обыкновенно одному изъ „хлопцивъ" для переписки, оставляя имъ за трудъ свой автографъ. Большею частью Т. Г. отдавалъ при этомъ стихи для переписки младшему изъ „хлопцивъ", потому-ли что онъ яснѣе писалъ, или потому, что онъ былъ благодушнѣе—не знаю...

Много лѣтъ прошло со времени этихъ ежедневныхъ встрѣчъ съ поэтомъ, но у меня и до сихъ поръ сохранилась ясная па-

мять о тогдашнемъ благодушіи Т. Г., о его живости, о его любвеобиліи... Какъ то легко и свѣтло было впечатлѣніе отъ общенія съ этимъ человѣкомъ... Живой человѣкъ, а не мертвый— былъ Т. Г. Ш—ко!

Новопетровское укрѣпленіе въ 1858 г. было переименовано въ *Александровскій фортъ* [1]), ставшій впослѣдствіи административнымъ центромъ Мангышлакскаго уѣзда, въ которомъ и теперь осѣдлыхъ поселеній находится всего *два*: Александровскій фортъ да село Николаевское. Населеніе Ал—аго форта въ 1894 г., т. е. черезъ 50 лѣтъ послѣ его основанія, состояло только изъ 800 душъ.

Нарисовавъ Новопетровское укрѣпленіе „съ хивинской дороги", Т. Г-чъ нарисовалъ его и со стороны моря. Оба рисунка находятся въ богатой *Шевченковіанѣ* В. В. Тарновскаго; объ этихъ рисункахъ, повидимому, говоритъ Кулишъ въ 1857 г., въ письмѣ къ ихъ теперешнему владѣльцу, совѣтуя купить рисунки: „Тарасъ у Ныжнёму Н—ди... Прыславъ сюды 17 акварелей, котори представляють *уси тіи стороны, по которымъ винъ блукавъ невольныкомъ...* Душа Тарасова въ тыхъ выдахъ такъ и сыяе"... [2]) По словамъ В. В. Тарновскаго, рисунки эти тогда же были куплены его отцомъ и Г. П. Галаганомъ, пополамъ.

А. Л.

---

[1]) Г. Зарянко, записавшій воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Г. Ш—кѣ, говоритъ, что Новопетровское укрѣпленіе, переименованное въ 1858 г. въ Александровскій фортъ, было въ 1865 г. упразднено и срыто... „К. Ст." 1889 г., февраль, 313. Очевидно, что это ошибка, основанная на какомъ-то невѣрномъ сообщеніи. Очень хорошій рисунокъ *Александровскаго форта* приложенъ къ книгѣ *Галкина—Этнографич. и Историч. матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю.* (Спб., 1868 г., стр. 50).

[2]) Кіевск. Стар. 1899 г., янв., 81.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письма К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому о Шевченкѣ и Шевченка къ поэту Жуковскому и къ неизвѣстному [1]). *Письмо Герна.* «Общее горе сближаетъ людей! Я не считаю васъ чужимъ, мой добрый знакомый-незнакомецъ; какъ могу и насколько могу, исполню желаніе ваше о доставленіи свѣдѣній о времени бытности нашего дорогого покойника Тараса въ Оренбургскомъ краѣ. Такъ какъ свѣдѣнія эти предназначаются его друзьямъ, то, вѣроятно, за подробности на меня сердиты не будете. Многія изъ нихъ, безъ сомнѣнія, вамъ уже извѣстны изъ изустныхъ разсказовъ покойника.

[1]) Перепечатывая настоящее письмо изъ Русск. Архива (1898 г., № 12, стр. 550—555), считаемъ нелишнимъ добавить, что хотя годъ въ этомъ письмѣ не означенъ, но несомнѣнно, что оно писано въ 1861 г., когда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти поэта, друзья его начали заботиться о собраніи матеріаловъ для біографіи Т. Г. Шевченка. Какъ видно, тогда же обратился М. М. Лазаревскій къ полковнику К. И. Герну, служившему въ Оренбургѣ, съ просьбою сообщить, что̀ онъ знаетъ объ оренбургской жизни Ш—ка. Всѣ эти свѣдѣнія собирались для напечатанія ихъ въ издававшейся тогда *Основѣ*. Какимъ образомъ любопытный отвѣтъ Герна, заключающій въ себѣ, кромѣ того, такое интересное письмо Ш—ка къ поэту Жуковскому,—попалъ не въ Основу, а въ руки неизвѣстнаго намъ г. Терехова—объяснить не умѣемъ, зная всю ревность М. М. Лазаревскаго къ памяти дорогого ему поэта... Во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить почтеннаго редактора Русскаго Архива за обнародованіе этихъ двухъ интересныхъ писемъ. Тутъ же скажемъ, что повторяющіеся и въ этомъ письмѣ свѣдѣнія о грубомъ отношеніи майора Мѣшкова къ Шевченку должны быть признаны крайне сомнительными. Напечатанныя въ этой же книжкѣ Кіевской Старины воспоминанія Ѳ. М. Л—аго заставляютъ думать, что сообщаемыя здѣсь подробности о „муштрѣ“ „бѣднаго Тараса“ созданы стоустою молвою... *Ред.*

Тарасъ прибылъ въ Оренбургъ лѣтомъ 1847 года, съ приказаніемъ назначить его на службу въ одну изъ отдаленныхъ крѣпостей; выбрали крѣпость Орскую, куда онъ тотчасъ же отправился. Первый сообщилъ мнѣ объ этомъ полусумашедшій нашъ начальникъ штаба Прибытковъ, у котораго, по болѣзни его, я занимался. «Вообразите себѣ, К. И., какого господина къ намъ сегодня прислали: ему запрещено и пѣть, и говорить, и еще что-то такое! Ну какъ же ему при этихъ условіяхъ можно жить?».

Хотя я впослѣдствіи узналъ, что запрещеніе касалось вовсе не пѣнія, но, сознавая, что *жить* дѣйствительно ему будетъ трудно, отправился къ добрѣйшему бригадному генералу, Логину Ивановичу Өедяеву, и вмѣстѣ съ нимъ настрочили посланіе къ командиру батальона, въ который назначенъ былъ Тарасъ, маіору Мѣшкову, прося его, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на несчастнаго сосланнаго и помогалъ ему въ чемъ можетъ.

Мѣшковъ понялъ просьбу нашу по своему: принялся самолично, по нѣскольку часовъ въ день, мучить бѣднаго Тараса солдатскою выправкой, учебнымъ шагомъ въ три пріема и другими тонкостями строевой науки, выбиваясь изъ силъ, чтобы образовать изъ него хорошаго фронтовика. Пытка эта продолжалась до весны 1848 года, въ которую доброму Алексѣю Ивановичу Бутакову удалось прикомандировать Тараса къ командѣ, назначенной для плаванія по Уральскому морю.

Пробывши въ экспедиціи этой безъ малого три года, Тарасъ привезъ съ собою множество эскизовъ, снятыхъ имъ во время пути, степью и во время плаванія по морю, частью карандашемъ, частью же слегка тронуты акварельными красками, гдѣ понадобилось выразить особенности степнаго колорита. Онъ воротился уже не въ Орскую, а прямо въ Оренбургъ; жилъ сначала вмѣстѣ съ Бутаковымъ, и по отъѣздѣ Бутакова въ Петербургъ перешелъ жить ко мнѣ.

Что за чудная душа у этого Тараса! И померъ же! Видно, не стоимъ мы, поганцы, того, чтобы онъ жилъ между нами!

Живя у меня, онъ много рисовалъ, въ особенности портреты, и сдѣлалъ нѣсколько превосходныхъ пейзажей акварелью изъ привезенныхъ съ Аральскаго моря эскизовъ; началъ масляными красками писать портретъ мой и жены моей. Въ числѣ посѣтителей его довольно часто навѣщалъ Левицкій, съ которымъ они въ два голоса пѣли малороссійскія пѣсни. Кажется, братъ вашъ Өедоръ тоже принималъ

иногда участіе въ этихъ импровизированныхъ концертахъ; но я не слыхалъ ничего восхитительнѣе этого пѣнія.

Не долго утѣшались мы: опять подула на бѣднаго Тараса невзгода! Какой-то подлый человѣкъ написалъ губернатору доносъ о томъ, что Тарасъ рисуетъ. Предупрежденный друзьями, онъ успѣлъ скрыть слѣды рисованія, при чемъ мой несчастный портретъ былъ сожженъ; но доносъ этотъ имѣлъ два бѣдственныхъ послѣдствія: найдено было письмо Левицкаго, писанное въ весьма неосторожныхъ выраженіяхъ по которому бѣдный впослѣдствіи сильно пострадалъ, и самого Тараса опять перевели на Сыръ-Дарью, а потомъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе на Мангишлакѣ. Много онъ тутъ перенесъ горя и скуки!... Сначала напуганное начальство строго смотрѣло за тѣмъ, чтобы онъ не писалъ и не рисовалъ; но потомъ строгости эти смягчились и, какъ мы узнали, онъ успѣлъ нѣсколько превосходныхъ акварельныхъ и рисованныхъ сепіей картинъ переслать въ Малороссію, откуда, по горячему сочувствію преданныхъ друзей, притекали къ нему и средства къ жизни. Онъ, впрочемъ, жилъ постоянно такъ скромно, что ему немного было надобно.

Оттуда я получилъ отъ него превосходный акварельный рисунокъ песчанаго бурьяна [1]) въ Мангишлакской пустынѣ, который храню, какъ единственную оставшуюся у меня дорогую память о покойномъ; всѣ бывшіе у меня на сохраненіи эскизы, бумаги и книжечку съ Малороссійскими его стихотвореніями я ему возвратилъ. Осталось только черновое письмо его къ Жуковскому, писанное въ весьма грустномъ расположеніи духа, предъ отправленіемъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе. Въ концѣ письма я вамъ сниму копію съ этого документа, въ которомъ такъ рельефно выражено положеніе несчастнаго страдальца и сѣтованіе на К. П. Б. (вѣроятно Карла Павловича Брюлова).

У Тараса, въ веселую минуту, въ особенности послѣ стакана добраго вина, часто срывались съ языка идеи скептическія и неморальныя; но въ глубинѣ души, какъ истый поэтъ и артистъ, онъ былъ проникнутъ самымъ великимъ религіознымъ чувствомъ. Ему прислали изъ Малороссіи, не помню Репнина или Лизогубъ, переводъ Сперанскаго: «О подраженіи Христу». Превосходное твореніе это мы съ нимъ прочли и въ грустныя минуты часто къ нему прибѣгали; но кто-то его, къ большому горю нашему, у насъ похитилъ или зачиталъ.

---

1) Не бурана-ли? См. ниже, стр. 73. *Ред. К. Ст.*

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи Тарасъ попытался лѣпить. Первый опытъ были два барельефа: одинъ изображалъ внутренность киргизской кибитки, съ двумя сидячими фигурами, мужчиной и женщиной; другой—молящагося Спасителя; нѣсколько отливокъ этихъ барельефовъ онъ прислалъ Оренбургскимъ своимъ друзьямъ; а мнѣ—самыя формы ихъ. Къ сожалѣнію, я ихъ не взялъ съ собою въ Орду, а оставилъ у себя въ хуторѣ; а то бы можно было на память друзьямъ его отлить этихъ барельефовъ сколько угодно. Впрочемъ, время на это еще не ушло: когда-нибудь же Богъ дастъ мнѣ вернуться домой и вырваться изъ этой мертвой пустынной Орды, въ которую, вѣроятно, за какіе-нибудь тяжкіе грѣхи мои судьба меня засадила.

Предъ отправленіемъ въ Ново-Петровскъ, Тарасъ, сидя уже подъ арестомъ на гауптвахтѣ, узналъ о существованіи въ Оренбургѣ бѣднаго мѣщанина Хлѣбникова съ необыкновеннымъ дарованіемъ къ живописи; добрался до него, удостовѣрился въ дѣйствительно замѣчательныхъ способностяхъ этого молодого человѣка, и отъѣзжая передалъ его на мои руки. Къ сожалѣнію, мы могли помочь Хлѣбникову только матеріальными средствами: онъ впослѣдствіи былъ освобожденъ мѣщанскимъ обществомъ, сдѣланъ учителемъ рисованія въ уѣздномъ училищѣ и, съ горемъ пополамъ, существовалъ, поддерживая крайне бѣдное свое семейство. Во время послѣдней бытности моей въ Оренбургѣ, осенью прошлаго года, я видѣлъ Хлѣбникова и узналъ отъ него, что онъ успѣлъ, наконецъ, собрать нѣсколько деньжонокъ, чтобъ отправиться въ Петербургъ и тамъ, съ помощью Тараса, поступить въ Академію Художествъ. Засталъ ли бѣдный человѣкъ этотъ Тараса еще въ живыхъ и что̀ съ нимъ дѣлается, и какъ онъ успѣлъ себя пристроить, я не знаю, потому что не получилъ отъ него обѣщаннаго письма изъ Петербурга. Если онъ у васъ не былъ, то отыщите его пожалуйста. Могу васъ увѣрить, что покойникъ принималъ въ немъ самое искреннее участіе и, помогая этому несчастному бѣдняку, мы исполнимъ завѣтную мысль Тараса, и онъ намъ за это съ того свѣта спасибо скажетъ. Вы и мнѣ дайте возможность участвовать въ этомъ добромъ дѣлѣ.

Теперь спишу вамъ письмо Тараса къ Жуковскому (покойному знаменитому поэту нашему); оно было писано въ то время, когда Жуковскій находился въ Женевѣ, чуть ли не вскорѣ послѣ женитьбы его на m—lle Reitern. (Тарасъ въ это время по доносу, о которомъ сказалъ выше, сидѣлъ на гауптвахтѣ).

„Я три года крѣпился, не осмѣливался васъ безпокоить; но мѣра моего крѣпленія лопается, и я въ самой крайности прибѣгаю къ вамъ, великодушный благодѣтель мой. Я писалъ еще въ первый годъ моего изгнанія К. П. Б., и никакого результата; бѣдный онъ великій человѣкъ! При всей своей великости, самой малости не хочетъ сдѣлать; говорю не хочетъ, потому что онъ можетъ; позволяю себѣ думать и первое добро (написаніе вашего портрета) было сдѣлано случайно. (Простите мнѣ подобное нареканіе на великаго человѣка. Печально, что съ великимъ геніемъ не соединена великая разумная добродѣтель).

Былъ я по долгу службы въ Киргизской степи и на Аральскомъ морѣ, при описной экспедиціи, два лѣта; видѣлъ много оригинальнаго, еще нигдѣ невиданнаго, и больно мнѣ, что ничего не могъ нарисовать, потому что мнѣ рисовать запрещено. Это самое большое изъ всѣхъ моихъ несчастій! Сжальтесь надо мною! Исходатайствуйте (вы многое можете!) позволеніе мнѣ только рисовать—больше ничего и надѣяться не могу и не прошу больше ничего.—Сжальтесь надо мной! Оживите мою убогую, слабую, убитую душу! Ежели вы (въ чемъ я не сомнѣваюсь) напишете графу Орлову, или кому найдете лучше, то, Богъ милостивъ, и я взгляну на Божій свѣтъ, хотя передъ смертью, потому что казарменная жизнь и скорбутъ разрушили мое здоровье.—Да, я теперь могъ бы описать быть русскаго солдата не хуже всякаго нравоописателя. Печальный бытъ!.. Что дѣлать?... Таковы люди вообще, а наши особливо. И скорбутъ, и казарменная жизнь совершенно разрушили мое здоровье. Для меня необходима была-бы перемѣна климата; но я на это не долженъ надѣяться: рядовыхъ таких, какъ я, не переводятъ. Мнѣ бы хотѣлось въ кавказскій корпусъ, и врачи тоже совѣтуютъ; а меня посылаютъ опять въ Сыръ-Дарью, потому только, что тамъ расположенъ баталіонъ, въ которомъ я записанъ. Для моего здоровья этотъ походъ самый убійственный: новыя укрѣпленія еще не совсѣмъ устроенныя, плохая вода и жизнь самая однообразная. Еслибъ можно было рисовать, я могъ бы ее разнообразить, хоть самому грустно. Бога ради и ради прекраснаго искусства сдѣлайте доброе дѣло, не дайте мнѣ съ тоски умереть! Я постараюсь, ежели мнѣ будетъ позволено, нарисовать для васъ все, что́ есть интереснаго въ этомъ неинтересномъ, но пока таинственномъ краѣ. Тарасъ».

Тутъ же другое черновое письмо—почти того же содержанія—писанное, какъ мнѣ кажется, другому лицу, потому что общій коло-

ритъ его церемоннѣе и лицо это титулуется: ваше пр—во! Къ тому же въ немъ ссылается на авторитетъ А. И. Бутакова; стало быть лицо это, въ то время, было въ Петербургѣ. Надѣюсь не надоѣмъ вамъ, списавши вамъ и съ этого письма копію, не смотря на то, что оно почти повтореніе прежняго.

«Я не умѣлъ воспользоваться вашимъ благодѣяніемъ. Сдѣлавъ слабые успѣхи въ Академіи Художествъ, былъ я выпущенъ съ аттестатомъ на званіе художника—не больше—и отправленъ на службу въ Кіевъ, гдѣ предложили мнѣ мѣсто рисовальнаго учителя при университетѣ. Недолго пробылъ я въ Кіевѣ. Въ припадкѣ сумасшествія написалъ я пасквиль и, въ 1847 году, былъ сосланъ въ солдаты, въ Оренбургскій край, съ запрещеніемъ писать стихи и рисовать, что-бы то ни было. Мнѣ грѣхъ бы было, облагодѣтельствованному такъ великодушно вами, вновь васъ безпокоить, но несчастія мои переходятъ всякую мѣру. Я уже третій годъ, вооружаясь терпѣніемъ, живу самою бѣдною жизнью, бывалъ въ Киргизской степи и былъ два лѣта на Аральскомъ морѣ при описной экспедиціи; видѣлъ много новаго, оригинальнаго, еще невиданнаго въ Европѣ и ничего не могъ нарисовать, потому что мнѣ рисовать запрещено. Это самое большое изъ моихъ несчастій! Умоляю васъ, сжальтесь надо мною, исходатайствуйте мнѣ позволеніе. Вы это можете—только рисовать! Оживите меня убитаго. Напишите графу Орлову обо мнѣ или кому вы найдете лучше; авось Богъ милостивъ, и взгляну на Божій свѣтъ! Походъ въ Киргизскую степь и двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить ваше превосходительство моею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой А. И. Б., ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіе двухъ лѣтъ, подтвердитъ истину словъ моихъ, ежели будетъ угодно вашему пр—ву спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства вашего предъ всемилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ, прошу одной великой милости: позволенія рисовать портреты и пейзажи. Я въ жизни не рисовалъ ничего преступнаго, свидѣтельствуюсь Богомъ. Умоляю васъ! Вы, какъ слѣпому, раскроете глаза и оживите меня, упавшаго духомъ. Лита (лѣта) и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Оренбургскомъ краѣ, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу. Прошу васъ принять, хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей, и Богъ васъ наградитъ за доброе дѣло. Возлагающій единственную надежду на Бога и на ваше прев—во: Т.»

Оканчиваю письмо это, *мой добрый Михаилъ* Матвѣевичъ, одною меня всегда поражавшею странностію. Вы повѣрите, что Тарасъ былъ со мною совершенно откровененъ; разсказывая о происшествіи, погубившемъ его, онъ подтверждалъ тоже, что написано въ сообщенныхъ мною письмахъ, т.-е., что онъ однажды, подкутивши порядкомъ въ пріятельской компаніи, написалъ пасквильные стихи, которые сознавалъ до того глупыми и мерзкими (какъ покойникъ самъ, въ бѣшенствѣ при воспоминаніи объ этомъ происшествіи, *выражался*), что никакъ не хотѣлъ сообщить мнѣ ихъ; да можетъ и дѣйствительно онъ ихъ уже *не помнилъ*. Это *единственный* его проступокъ. Самъ покойный Императоръ не признавалъ его черезчуръ важнымъ, потому что разжалованіе Тараса послѣдовало *«до отличной выслуги»*. Между тѣмъ покойный графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, на котораго мы такъ много надѣялись за Тараса, при назначеніи его къ намъ генералъ-губернаторомъ, рѣшительно отказался отъ всякаго къ нему участія. Между тѣмъ, графъ былъ человѣкъ истинно-великодушный и съ ангельски-добрымъ сердцемъ. Когда я ему показалъ подаренный мнѣ Тарасомъ рисунокъ «буранъ», то онъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ: «Мнѣ Чернышевъ (художникъ) еще въ Петербургѣ говорилъ о Шевченкѣ, и я готовъ былъ сдѣлать для него все, что можно— попросилъ для этого у Дуббельта подлинное о немъ дѣло, прочелъ его самъ отъ доски до доски и убѣдился только въ томъ, что мнѣ за него вступиться и просить объ немъ Государя нельзя! И васъ прошу впередъ меня никогда ни о чемъ до него касающемся не просить; я уже это и Глѣбову, и Середѣ, и Павлову сказалъ».

Отчего такая немилость и въ какой степени искажено дѣло о Тарасѣ, я узнать не могъ. К. Гернъ. 12 апрѣля».

Колядки на Подоліи. Въ *послѣднемъ* номерѣ Под. Еп. Вѣд за 1898 г. (№ 51—52) помѣщена статья уважаемаго ихъ редактора— *Рождественскія колядки*, указывающая на всестороннее знакомство автора съ религіозно-бытовою жизнію подольскаго народа. Приводимъ здѣсь эту статью съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Было время, когда въ нашемъ краѣ, особенно во время уніи колядки имѣли за собою даже церковную санкцію. Такъ, въ день

праздника Рождества Христова, по окончаніи вечерни, всѣ присутствующіе въ храмѣ здѣсь же, въ присутствіи священника, подъ руководствомъ своего приходского дьячка—«регентого», пѣли одну или двѣ колядки, а затѣмъ уже выходили изъ храма, дабы исполнить священную миссію—возвѣстить о Рождествѣ Спасителя и прославить Его воплощеніе во всѣхъ дворахъ и домахъ родного села, начиная съ дома священника. Обычай колядовать въ церкви давно уже превратился, но для частныхъ домовъ онъ сохраняется и поднесь. Колядуютъ и старики, и молодые, особенно паробки и дѣти, а въ послѣднее время попреимуществу дѣти-школьники. Для колядниковъ народъ нашъ заблаговременно заготовляетъ хлѣбъ, калачъ, «трояка» ($1^1/_2$ к.), «чворака» (2 к.), иногда «шистку» (3 к.), и даже «десятку» (5 к.). Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть костелъ и гдѣ контингентъ католиковъ довольно значителенъ, колядники дѣлятся на «нашихъ-русскихъ» и «польскихъ». И тѣ, и другіе никогда не ограничиваются исключительно домами единовѣрцевъ, но «польскіе» считаютъ долгомъ зайти къ священнику и его паствѣ, а «русскіе» идутъ къ ксендзу и его словеснымъ овцамъ; такимъ образомъ, и тѣ, и другіе обходятъ все село, собирая трояки и хлѣбъ, какъ для церкви, такъ и для костела. Въ настоящее время, при развитіи и процвѣтаніи церковно-приходской школы, порядокъ колядъ нѣсколько измѣнился. Теперь кое-гдѣ колядники, придя въ хату, прежде всего пропоютъ тропарь, а иногда и кондакъ празднику Рождества Христова, а затѣмъ уже распѣваютъ общеизвѣстныя, но въ каждомъ селѣ на разные лады варіируемыя, колядки.

Во многихъ колядкахъ, особенно распѣваемыхъ крестьянскими дѣтьми по вечерамъ святокъ подъ окнами сосѣдей, сохранилось много остатковъ отъ временъ язычества. Но колядки эти, какъ большею частью непонятныя теперь пѣвцамъ, забываются и исчезаютъ. Гораздо важнѣе колядки, содержащія въ себѣ догматическія и нравственно-религіозныя истины: онѣ также имѣютъ за собою глубокую древность, такъ какъ явились въ южной Россіи до уніи, какъ нѣкоторые справедливо полагаютъ. Многія изъ этихъ колядокъ внесены въ такъ называемые «Богогласники» или «Сборники благоговѣйныхъ пѣсенъ». Изъ старыхъ изданій этого рода извѣстны почаевскіе Богогласники 1790, 1806 и 1825 годовъ. Хотя эти Богогласники изданы базиліанами (т. е. уніатскими монахами чина св. Василія Великаго, коимъ принадлежала Почаевская лавра въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ

нынѣшняго до 1839 г.), но несомнѣнно, что издатели внесли сюда много старыхъ колядъ, употреблявшихся въ православномъ народѣ. Въ Богогласникѣ 1806 г., озаглавленномъ такъ: «Пѣсни благоговѣйныя, въ кратцѣ собранныя»,—находимъ 3 колядки; въ Богогласникѣ 1825 г. (заглавіе его такое: «Богогласникъ, пѣсни благоговѣйныя... содержащъ, собранъ, по силѣ исправленъ... типомъ и чертами мусикійскими напечатася и изобразися») находимъ 28 колядокъ, изъ нихъ 14 пѣсенъ на русскомъ языкѣ и 5 на польскомъ и, кромѣ того, 9 «иныхъ пѣсенъ на Рождество Іисуса Христово, вмѣсто небогоугодныхъ обычныхъ колядъ простшимъ пѣвцемъ служащихъ». Нѣкоторыя изъ этихъ колядъ, въ числѣ 13, помѣщены въ новѣйшемъ Богогласникѣ 1885 г., изданномъ въ г. Кіевѣ Холмскимъ Православнымъ Братствомъ [1]).

Помѣщенныя въ различныхъ Богогласникахъ пѣсни и коляды на Рождество Христово положены на ноты, въ старинныхъ—на квадратныя, какъ въ обиходахъ, а въ новѣйшемъ Холмскомъ—на ноты итальянскія. Мелодіи ихъ просты и болѣе или менѣе подходятъ къ церковнымъ напѣвамъ. Въ Холмскомъ Богогласникѣ эти колядки прекрасно гармонизованы на три голоса, но, къ сожалѣнію, нѣкоторыя въ очень широкомъ регистрѣ. Всѣ онѣ заимствованы изъ стараго Богогласника Почаевскаго 1825 года; многія изъ нихъ поются и у насъ, таковы: «Небо и земля нынѣ торжествуютъ», «Вселенная веселися, Богъ отъ Дѣвы днесь родися», «Дивная новина: нынѣ Дѣва (Панна) Сына породила въ Виѳлеемѣ Марія едина», «Даръ нынѣ пребогатый отъ небесъ пріиде», «Новая радость стала» и другія. Въ наше время, когда во всякой почти деревушкѣ есть хотя маленькій хоръ, когда всякій учитель церковно-приходской школы въ большей или меньшей степени знаетъ пѣніе, распространеніе Холмскаго Богогласника и возможно, и желательно [2]). Если же гдѣ можно достать старые Богогласники, то и ими можно пользоваться какъ матеріаломъ. Хотя тѣ Рождественскія пѣсни и колядки, которыя находятся въ старыхъ Богогласникахъ, не гармонизованы, но молитвы ихъ такъ просты, что всякій мало-мальски знакомый съ пѣніемъ сумѣетъ разучить ихъ по крайней мѣрѣ на два голоса. Къ таковымъ можно отнести помѣщенныя въ Богогласникѣ 1806 года: «Днесь вси

---

[1]) Хотя этотъ *Богогласникъ* изданъ въ Кіевѣ (печатанъ въ Лаврѣ), но достать его здѣсь болѣе чѣмъ трудно; видимо, что все изданіе вывезено въ Холмщину. Холмскаго богогласника было нѣсколько изданій. Намъ извѣстно 4-ое его изданіе, 1889 г., въ 16-ю д. л. 126 стр. *Ред. К. Ст.*

[2]) Вполнѣ присоединяемся къ этому желанію. *Ред. К. Ст.*

возиграйте, въ длани восплещайте, въ день сей превеликій, радостенъ толикій; се бо Творецъ всего свѣта, пришелъ въ послѣдніа лѣта, изволи плоть воспріяти и съ нами обитати на земли»; а также, «Радость ся намъ зъявляетъ, Дѣва Сына раждаетъ, небеса поютъ, ангели ся удивляютъ, пастыріе поклонъ даютъ Нарожденному».

Колядки служатъ прекраснымъ средствомъ къ удержанію народа отъ различныхъ неблаговидныхъ праздничныхъ развлеченій. Такъ смотрѣли на это дѣло, между прочимъ, и издатели Богогласниковъ, гдѣ помѣщены и колядки. Въ предисловіи къ одному изъ Богогласниковъ (1825 г.) говорится, что побужденіями къ изданію его послужили слѣдующія соображенія: «Понеже многія въ честь Всемогущаго Бога, Пречистой Богоматери и св. Его угодниковъ отъ различныхъ стихотворцевъ и пѣснописцевъ искони сочиненныя пѣсни, иныя вправду худо и неискусно составлены быша, того ради весьма отриновенныя явишася»; другія же «аще искуснѣ и мудрѣ составишася, но не бѣ мощно увѣдати приличнаго имъ гласа»; третьи «егда писменемъ отъ единаго другому пѣвцу предаватися начаша, чрезъ ненаказанныхъ пѣвцевъ тако повредишася, яко не токмо стихи ихъ слоговъ, но ниже удобна разумѣнія своего возъимѣша»; поэтому эти пѣсни предлагаются благоговѣйнымъ пѣвцамъ, «аки снѣдь иными смаками (вкусомъ) утворенная и на ново пріуготованная», дабы, распространяясь чрезъ означенныхъ благоговѣйныхъ пѣвцовъ въ народѣ, овѣ принесли послѣднему несомнѣнную и превеликую пользу: «яко пѣснопѣнія ради мнози могутъ убѣжати тщетныя праздности, изволяюще паче сему присутствовати, нежели скверным игралищамъ, баснемъ, смѣхотвореніямъ, плясаніямъ, піятикамъ и иныхъ непреподобнымъ дѣломъ». Далѣе, эти благоговѣйныя пѣсни и коляды «отженутъ тлетворное сѣтованіе, тугу, горесть опечаленнаго сердца», вызовутъ, наоборотъ, «умиленіе души, сокрушеніе сердечное и возникновеніе ко исправленію житія воспріимутъ». Таковы были задачи и цѣли изданія Богогласниковъ. «Народъ Холмскаго края», говорится въ новѣйшемъ Богогласникѣ, изданномъ Холмскимъ Православнымъ Братствомъ въ 1885 году, «не забылъ о Богогласникѣ, и изъ всего содержанія его особенно сохранилъ въ памяти даже до настоящаго времени пѣсни на Рождество Христово подъ именемъ колядъ: народъ здѣшняго края любитъ и потому поетъ эти набожныя пѣсни, написанныя простымъ языкомъ и заключающія въ себѣ высокія мысли, благочестивыя чувствованія и историческія указанія».

Подольскій народъ поетъ много и такихъ колядокъ, которыхъ нѣтъ въ Богогласникахъ. Составлены онѣ, по всей вѣроятности, древними дьячками. Приведемъ двѣ изъ такихъ колядокъ, насколько позволитъ намъ наша память.

1) Днесь поюще, купно и играймо,
Царя нарожденна вси восхваляймо,
Поюще и чтуще, слава во вышнихъ глаголюще.
Егда Іосифъ обрученъ бысть Дѣвѣ,
Услыхалъ онъ отъ Ангела жива:
«Пойми Отроча и Матерь Его,
Бѣги, бѣги во Египетъ отъ проклятаго»!
Царь на осляти въ Египетъ ступаетъ,
Иродъ войско свое розсылаетъ,
Былъ бы убіенъ Царь нарожденъ,
Отъ Маріи Дѣвы днесь воплощенъ.
2) Крикните, ангели, на небеси согласно,
Людіе же на земли пойте пѣсни прекрасно!
Царіе! царіе! вдарьте во струны,
Возыграйте, князіе, во трубы!
Христосъ раждается, славите!
Языци разумѣйте: Яко съ нами Богъ
Яко съ нами Богъ!
Пастыріе бѣжатъ скочно одинъ ко другому;
Взявши цѣла барана, несутъ Рожденному.
Царіе, царіе и т. д.
Пастыріе взыграли Царю во кимвалы,
Князіе же отъ востокъ кланяются со дары.
Царіе, царіе и т. д.
Возьми гусли, Давиде, возыграй, пророче,
Яко если возгравалъ, скачущъ при кивотѣ.
Царіе, царіе, т. д.

Мы записали ихъ такъ, какъ слышали отъ товарищей-семинаристовъ. Въ былое время, начиная съ праздника Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, воспитанники семинаріи въ часы, свободные отъ занятій. а то и предъ уроками, до прихода въ классъ наставника, пѣли колядки общимъ хоромъ и знакомили другъ друга съ такими колядками, какія употребительны въ различныхъ мѣстностяхъ Подоліи.

Колядки послѣ пѣнія ихъ, заканчиваются обыкновенно слѣдующимъ «повиншуваньемъ», слышаннымъ нами въ дѣтствѣ: «Винщуемо васъ (отъ слова «вѣнецъ»?), пане господарю, тымы святкамы, Рождествомъ Христовымъ, а Богъ винщуе счастьемъ, здоровьемъ, щобъ тіи святки счастлыво опровадыты, та съ жинкою, съ диточкамы и зо всею родыною (родственниками) дождаты до Нового року, отъ Нового року до Богоявленія (дальше по желанію поздравителя перечисляются важнѣйшіе праздники), до ста литъ, докы Богъ назначывъ викъ!.. Дай Боже!». Поздравленіе произноситъ обыкновенно одинъ головщикъ, или запѣвало, скороговоркою, а послѣднія два слова: «дай Боже!» —подхватываютъ всѣ хоромъ, съ сильнымъ удареніемъ и протяженіемъ послѣдняго слога».

Письмо Н. А. Маркевича (историка) къ Г. П. Галагану 1857 г. [1]). «Двадцать девятаго, на разсвѣтѣ, вышли мы изъ вагона въ Краковѣ и только еще завтра выѣдемъ въ Вѣну, милый другъ и братъ Григорій Павловичъ. Болѣзнь не болѣзнь, а обыкновеніе, дамскіе капризы, ущербъ луны насъ удержалъ. Видѣли мы Дитля; я ему отдалъ рекомендательное письмо Цыцурина; онъ меня принялъ съ распростертыми объятіями. Оправдываетъ Неаполь, предпочитаетъ Ниццу и Флоренцію для меня; но я сказалъ, что въ Ниццѣ дорого, во Флоренціи скучно; онъ повторилъ, что и въ Неаполѣ будетъ весьма полезно для меня; но чтобъ я не купался ни въ заливѣ, ни на Искіѣ въ знаменитомъ Чвжара, передѣланномъ итальянцами изъ источника Цичерскаго.

Въ Лембергѣ я познакомился съ Головацкимъ и его женою, которая говоритъ по малороссійски; но это Яковъ Өедоровичъ [2]), а ли-

---

[1]) Печатаемое здѣсь письмо взято изъ бумагъ Г. П. Галагана, хранящихся въ *Коллегіи Павла Г—на*, съ любезнаго разрѣшенія ея директора А. І. Степовича, нашего многоуважаемаго сотрудника. Въ составѣ этихъ бумагъ значительную часть составляетъ частная переписка Г. П. Галагана съ его сосѣдями (т. е. собственно—письма послѣднихъ). Надѣемся въ ближайшемъ будущемъ помѣстить на страницахъ нашего журнала рядъ *выбранныхъ* отсюда писемъ. *Ред.*

[2]) Як. Фед. Головацкій, собравшій „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“ (4 тома), род 1814, ум. 1888 г.

тераторъ Иванъ Ѳедоровичъ, его братъ, живетъ въ Вѣнѣ, и я тамъ поищу его съ визитнымъ билетомъ Якова Ѳедоровича. Билетъ печатанъ русскимъ шрифтомъ.

Въ Лембергѣ купилъ *Полярную Звѣзду* Искандера, печатанную въ Лондонѣ. Уморительно, иногда ѣдко, умно, смѣшно, иногда изъ рукъ вонъ глупо.

Разговоръ съ хорошенькой Климентиной, которая сметаетъ со стола и не даетъ мнѣ писать, прервалъ это письмо на минуту, я ей сказалъ: «якъ былемъ млодъ, кохалемъ польки бо пѣнкны сонъ».

Обращаюсь къ Лембергу.

Былъ ли ты въ немъ? Какая дивная гора надъ нимъ. Она напоминала мнѣ «Страшную Месть» Гоголя. Какъ дивны бываютъ формы горъ, сколько въ нихъ фантастическаго! Гора *Буіра* на Волыни, *Лемберіская* надъ Лембергомъ и *Бабы* подъ Краковомъ—такія странныя впечатлѣнія производятъ, что народъ не можетъ не сложить на нихъ легенды.

Какъ удачно я ѣду. Въ Лембергѣ попалъ на гулянье съ оркестромъ; здѣсь на ярмонку и на праздникъ въ Величкѣ. Вчера я былъ въ шахтѣ величкинской; я не спускался ниже ста саженъ подъ землю; потомъ возвратился въ залу, которая ниже поверхности земной саженъ на 50; тамъ при освѣщеніи люстрами и канделябрами, передъ императорскимъ вензелемъ прозрачнымъ и иллюминованнымъ, подъ звукъ прекраснаго оркестра, танцовало паръ сто французскій кадриль. Представь танцы въ царствѣ мертвыхъ! Балъ ниже, нежели зарытые земные мертвецы! Какая страшная идея.

Но какъ я не въ силахъ всходить 669 ступней вверхъ, то меня краковьяковъ пара взнесли на рукахъ, въ сопровожденіи Julie, Зосима и двухъ лембергскихъ дамъ, съ которыми я подъ землею познакомился. Сегодня профессоръ словесности при здѣшнемъ университетѣ, ведетъ меня показывать университетскую библіотеку, въ качествѣ verschiedenen kaiserlichen russischen wissenschafften и пр. Фамилія профессора Aubertin, какъ жаль что не Chambertin...

Третьяго дня я осматривалъ замокъ и соборъ. Дивная, благородная масса стѣнъ, вышекъ (?), башенъ, остроконечныхъ кровель, шпилей слѣпленныхъ вмѣстѣ. Тысячи амбразуръ глядятъ на неизмѣримую даль. Внизу текутъ Вейхсель и Рудава; далѣе видна лента быстрой Вислы, еще далѣе холмы Кракуса, Ванды и Косціюшки; даль оканчивается синею зубчатою полосою горъ—это Карпаты.

Статуи Торвальдсена и Кановы; гробы Собѣсскаго, Стефана Баторі и Болеслава, Ягелла, Казиміра Великаго, Ядвиги—все мнѣ было показано, и я даже спускался въ склепъ, гдѣ они лежатъ.

Храмъ Notre Dame de Cracovie приводилъ меня въ восторгъ своими разноцвѣтными окнами. Городъ исполненный поэтическихъ, грустныхъ воспоминаній о герояхъ, которыхъ уже нѣтъ, о сильномъ государствѣ, которое анатомическимъ ножемъ своимъ разсѣкла Катенька на трое.

Только что возвратился я изъ библіотеки учрежденной Ягелономъ. Что за зданіе внутри! Должно отдать честь нынѣшнему правительству, оно дорожитъ древностями. Теперь возобновляютъ эти дивныя черепичныя и цинковыя кровли, эти готическія висящія бесѣдки и каѳедры въ дворѣ, эти балконы, сплошные вокругъ всего дома съ готическими перилами и мраморы въ залахъ; потомъ показывали мнѣ автографы всѣхъ польскихъ знаменитостей; громадную рукопись польскаго Фауста—Твардовскаго, скипетры кардиналовъ и ректоровъ и кумиръ Святовида.

Кончили тѣмъ, что пропѣли:

Dignus, dignus est intrare,
In nostro docto corpore—

и избрали меня членомъ Краковскаго Общества Наукъ.

Дорога на меня вообще дѣйствуетъ весьма благодѣтельно. Но съ пріѣзда въ Краковъ погода перемѣнилась; сырость въ воздухѣ, туманы и мелкій дождь меня заставляютъ страдать. Впрочемъ тепло. Сегодня я ходилъ по городу въ одномъ пальто.

Julie [1]) здорова и цѣлуетъ Васъ.

Мих. Владиміровичу, Павлу Ив. (Гессе) Дарьѣ Алексѣевнѣ (его женѣ), Семену, Ребиндеру, наконецъ всѣмъ поклонись отъ меня; кузинѣ ручку поцѣлуй. Тебя и Павлуся цѣлую. Твой братъ и другъ N. Маркевичъ. $^2/_{14}$ октября, 1857. Краковъ.

Къ исторіи Мазепинаго замысла. Какъ велъ себя народъ послѣ того, какъ Мазепа былъ объявленъ въ царскихъ граматахъ измѣнникомъ и пока шведы вмѣстѣ съ нимъ оставались въ Малороссіи,—объ этомъ свѣдѣній сохранилось очень мало. Мы уже имѣли случай говорить, что открытое участіе въ «измѣнѣ» Мазепы приняло

[1]) Жена А. Н. М—ча.

лишь Запорожье и отчасти—сосѣднее съ нимъ населеніе по-орельскихъ городковъ (К. Стар. 1898 г., іюнь, 403). Въ другихъ мѣстахъ Малороссіи народъ въ совершавшихся событіяхъ видѣлъ лишь старшинскую затѣю, которою тутъ же пожелалъ воспользоваться, какъ воспользовался онъ прежде смутами, возникшими вслѣдъ за избраніемъ сначала Брюховецкаго, а потомъ Мазепы въ 1687 г. Какъ тогда, такъ и теперь народъ попробовалъ—«рабовать» (расхищать) старшинское имущество. Печатаемая здѣсь просьба лубенскаго полкового есаула Андрея Петровскаго, поданная гетману въ апрѣлѣ 1710 г., (какъ видно изъ канцелярской помѣты на ней), указываетъ—какъ народъ спѣшилъ воспользоваться моментомъ, чтобы поживиться на счетъ старшинскаго имущества и какъ старшина съумѣла тутъ же извлечь пользу изъ дерзости «подданныхъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, печатаемый здѣсь документъ служитъ *новымъ фактомъ* для освѣщенія того участія, которое народъ принималъ въ замыслѣ Мазепы.

А. Л.

Ясневелможный мосцѣ пане гетмане, велце мой милостивий пане, пане и великий добродѣю.

Любо одержалемъ по милости рейментарской поважный велможности вашей унѣверсалъ, чтобы на которихъ доведется порабоване моей худоби, мнѣ ворочали, однакъ панѣ Новицкая [1]) подданихъ своихъ снѣтинцювъ [2]), много худоби моей порабовавшихъ, не видаетъ и унѣверсалу велможности вашей не слухаючи, а сама за едни лѣски свои, которіи утѣкаючи и крилючись отъ неприятеля люде рубали, по килканадцять сотъ з людей зодрала. Такъ же и Балаклѣецъ на поважный указъ велможности вашой, моей не поворочалъ худоби; а Малишъ лукомский и Александръ, черевкувский поповичъ, не тилко мои добра рабовали, але еще и жону мою поймавши, водили и въ неволю цѣле хотѣли запродати, если бы отъ ныхъ, за упрошенемъ священника городисского зъ иншими людми, не откупилася. Упадши прето до стопи ногъ рейментарскихъ вашой панской велможности, прошу на такихъ моихъ упорчивихъ и унѣверсалу велможности вашой не слухаючихъ людей или рачей рабовниковъ, зослати отъ боку

---

[1]) Разумѣется, конечно, вдова охочеком. полковника Ильи Новицкаго Меланья Васильевна. См. Кіевск. Ст. 1885 г., іюль 457.

[2]) Жители М. Снѣтина Лубенск. у.

своего панского якого особу, которій бы моглъ мнѣ зъ оныхъ учинити справедливость. О якую рейментарскую велможности вашой милость и паки покорственнѣ прося, до стопи ногъ рейментарскихъ упадаю. Вашой панской велможности нижайшій слуга Андрей Петровскій, асаулъ полковий лубенскій.

Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры? Такой вопросъ былъ поставленъ нашимъ сотрудникомъ г. А. Л. въ замѣткѣ, напечатанной въ 7-й книжкѣ К.-Ст. за прошлый годъ. На этотъ вопросъ даетъ теперь (Кіевск. Слово, № 3950) отвѣтъ г. Эртель.

...«Посѣтивъ года два тому назадъ лавру, говоритъ авторъ замѣтки, г. А. Л., и проходя мимо новаго зданія братской трапезы, мы замѣтили, что могилы «двухъ страдальцевъ» на прежнемъ мѣстѣ нѣтъ. Повидимому, стѣна вновь воздвигнутаго зданія должна была тронуть ихъ могилу. Посѣтивъ вновь лавру этою весною, мы увидѣли около могилы Фролова (бывшей рядомъ съ могилою Кочубея и Искры), за тою же рѣшеткою еще и новую чугунную плиту, съ вылитою надписью: «Кто еси мимо грядый» и т. д.—Перенесенъ ли на новое мѣсто и прахъ «страдальцевъ», неизвѣстно. «Впрочемъ, заканчиваетъ А. Л., можетъ быть этого праха уже и слѣдовъ не осталось»!

Почему-то до сихъ поръ никто не трудился узнать и сообщить, что случилось съ могилой и прахомъ Искры и Кочубея.

Считая такой пробѣлъ существенно важнымъ, я обращаю вниманіе всѣхъ интересующихся этимъ вопросомъ на нижеслѣдующее разъясненіе, заключающее въ себѣ одни голые факты.

Реставрація трапезы была вызвана крайней необходимостью, въ виду неудобства, тѣсноты и, пожалуй, антигигіеничности стараго зданія. Поэтому рѣшено было построить новое зданіе съ церковью по новому плану, которое было-бы шире и длиннѣе прежняго. При выполненіи новаго плана оказалось, что канава для фундамента наткнулась какъ разъ на поперечную стѣну склепа, находившагося подъ плитой съ вышеприведеннымъ десятистишіемъ. Когда въ стѣнкѣ склепа было слѣлано отверстіе, позволившее осмотрѣть его внутренность, то въ склепѣ оказались два костяка, лежавшіе рядомъ и въ полномъ порядкѣ.

Такъ какъ этотъ фактъ давалъ полное основаніе думать, что найденный склепъ принадлежитъ именно Кочубею и Искрѣ, то строители порѣшили *включить склепъ въ стѣну новой* трапезной, примкнувъ новую кладку вплотную къ его боковымъ стѣнкамъ, а черезъ верхнюю—пройдя аркой.

Такимъ образомъ, могила Кочубея и Искры осталась на своемъ прежнемъ мѣстѣ, съ той только разницей, что теперь она находится уже не на дворѣ лавры, гдѣ она могла бы подвергнуться разнымъ случайностямъ, неизбѣжнымъ при всякаго рода строительныхъ работахъ, а включена въ зданіе церкви, т. е. будетъ сохранена тамъ до тѣхъ поръ, пока цѣлъ будетъ самый фундаментъ зданія.

Теперь еще о плитѣ, накрывавшей мѣсто надъ склепомъ. Такъ какъ стѣна новаго зданія трапезы сдвинула плиту съ ея мѣста и такъ какъ самая плита отъ времени совершенно истерлась, такъ, что трудно уже было читать надпись на ней, то администрація лавры въ видахъ сохраненія этой плиты распорядилась отлить новую съ сохраненіемъ въ точности надписи и затѣмъ, утвердивши старую каменную плиту въ кирпичномъ фундаментѣ, прикрыть ее указанной чугунной плитой, установивъ ихъ противъ того мѣста, гдѣ въ стѣнѣ замурованъ прахъ страдальцевъ [1]). Внутри зданія, въ подвалѣ, склепъ задѣланъ «за подъ лице» со стѣной.

Итакъ, вотъ гдѣ и вотъ въ какомъ видѣ находится могила Кочубея и Искры.

Не лишнимъ считаю, говоритъ далѣе г. Эртель, прибавить, что на дворѣ лавры да и вообще во всей усадьбѣ лавры, за все время ея существованія, похоронено безчисленное множество людей всякаго званія и состоянія. Но всесглаживающее время уничтожило не только какіе-бы то ни было внѣшніе знаки памяти объ этихъ людяхъ, но и самую эту память и поистинѣ имена ихъ «Ты, всеблагій, Господи, вѣси». При постройкѣ трапезной, костями такихъ «неизвѣстныхъ» было наполнено два большихъ ящика. Надъ ними была отслужена панихида, онѣ были окроплены святой водой и затѣмъ зарыты глубоко въ землю подъ церковью.

Кости Кочубея и Искры, какъ видитъ читатель, избѣгли этой участи, если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на очень и очень долгія времена, ибо ничто не вѣчно подъ солнцемъ.»

---

[1]) Кажется, могила Кочубея и Искры находилась ближе къ *теперешней* трапезной церкви, чѣмъ то мѣсто, гдѣ лежитъ теперь плита. *Ред.*

Письмо М. А. Максимовича, 1854 г. Профес. А. И. Маркевичъ, сообщая въ кіевскую газету Ж. и И. (1899 г., № 8) свѣдѣнія о нѣкоторыхъ патріотическихъ стихотвореніяхъ М. А. Максимовича, въ дополненіе къ напечатаннымъ въ ноябрской книгѣ «К. Стар.» за прошлый годъ, тутъ-же приводитъ и письмо Максимовича, писанное въ 1854 г. къ преосвященному Иннокентію Борисову, въ Одессу. Въ письмѣ этомъ Максимовичъ сообщаетъ о себѣ такія интересныя автобіографическія подробности, что мы находимъ нужнымъ перепечатать его на страницы нашего журнала съ цѣлію спасти это письмо изъ *газетной пучины.*

«Задушевный, сердечный привѣтъ мой и усерднѣйшій поклонъ Вашему Преосвященству!

Какую *великую субботу* отслужить и какой великій *Великдень* провести привелъ Васъ Господь въ Одессѣ, ставшей такъ знаменательно и славно на виду у всего міра, въ наше великое время!..

Богъ въ помочь Вамъ, и всей Одессѣ, и храбрымъ ея защитникамъ! Богъ въ помочь всей святой Руси во благо всемірное!..

Въ это время, когда душа и мысли русскаго человѣка обращены на Востокъ, и событія всемірныя занимаютъ Васъ подъ часъ, можетъ быть и до утомленія, хочетъ сказаться Вамъ о себѣ человѣчина, близкій къ вамъ по душѣ—азъ грѣшный, вельми томящійся самимъ отрѣшеніемъ отъ участія въ жизни всеобщей...

Я все на Горѣ Михайловой; за много утратъ, сталъ наконецъ женатъ... Въ прошлогоднюю весну я женился на дочери той украинки, о смерти которой я упоминалъ въ послѣднемъ письмѣ къ Вамъ, писанномъ года за два... Въ прошлую осень лишился моей сестры-питомцы, и съ нею ушло отъ меня все уже изъ прежней жизни моей въ здѣшней сторонѣ... Новая спутница жизни моей доброе дитя, и я люблю ее; но мнѣ и при ней скучно здѣсь въ настоящее время, что я сижу на Горѣ бездѣйственнымъ домонтаремъ,—а теперь еще болѣе скучно, ибо еще крѣпче прикованъ къ Горѣ тою же желѣзною цѣпью нужды;—а дума такъ и рвется къ Черному морю, вслѣдъ за Днѣпромъ!.. Мнѣ до смерти хотѣлось бы поучаствовать какъ нибудь въ дѣлѣ *Востока*, хотѣлось бы примкнуться хоть послѣднею спицею въ колесницѣ *сего времени*...

Не знаю и самъ, какъ удовлетворить этому желанію, прошенію души моей... Хоть бы повидать мнѣ войну, которой вовсе не случалось мнѣ видѣть,—*а аще и рати и неслышано*!.. Хоть бы покупаться

въ Черномъ морѣ, въ виду тѣхъ кораблей!.. Не найдется ли средства какъ нибудь пристроить меня въ Одессѣ или въ Крыму, или на Дунаѣ... Чтобы быть мнѣ ближе къ Востоку, и поработать тамъ хоть перомъ, если не копьемъ!

... Буду съ нетерпѣніемъ ждать Вашего отзыва на этотъ голосъ, на этотъ вздохъ души моей... А до того остаюсь, съ благословеніемъ вашимъ и моимъ всегдашнимъ, неизмѣннымъ чувствомъ къ Вамъ почтенія и преданности, остаюсь Вашъ покорный слуга.

М. Максимовичъ.

6 іюня, 1854 г. Михайлова Гора.

О происхожденіи поэта Полонскаго. Въ январской книгѣ Историч. Вѣстника за настоящій годъ, въ статьѣ С. И. Уманца «Памяти Полонскаго» въ одномъ изъ приводимыхъ писемъ Полонскаго къ автору, находится слѣдующее мѣсто: „Что касается до моего происхожденія, то еще Богъ вѣсть,—отъ Разумовскаго или... отъ какого-нибудь драбанта?.. Судя по „Исторіи Екатерины II“ Бильбасова, у Разумовскаго безпрестанно родились дѣти и, можетъ быть всѣхъ ихъ, отдавая въ чужія руки, называли Умовскими. Пока не найдется какихъ-нибудь документовъ о происхожденіи Умовскихъ, объ ихъ блестящей карьерѣ и богатствѣ, трудно сказать что-нибудь положительное и о моемъ происхожденіи. Семейное же преданіе, слышанное мною отъ моего родного дяди, еще не доказательство“... О какомъ семейномъ преданіи идетъ здѣсь рѣчь—г. Уманецъ не объясняетъ.

А. А. Скальковскій. *(Некрологъ).* 29 декабря 1898 г. умеръ въ Одессѣ, на 91-мъ году жизни, маститый историкъ Запорожья и Новороссіи Аполлонъ Александровичъ Скальковскій.—Главныя черты его жизни и подробный перечень его произведеній былъ помѣщенъ въ прошлогодней январской книжкѣ нашего журнала, по поводу исполнившагося девяностолѣтія жизни умершаго. Поэтому здѣсь сообщаемъ лишь главнѣйшія біографическія данныя почившаго историка. Аполлонъ Александровичъ, сынъ помѣщика Волынской губерніи, ро-

дился 1-го января 1808 г. въ г. Житомирѣ, гдѣ и окончилъ гимназію, затѣмъ съ 1822 года проходилъ курсъ наукъ сперва въ Виленскомъ, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, который и окончилъ въ 1828 г. со степенью кандидата юридическихъ наукъ.—По окончаніи университета А. А. опредѣлился на службу въ Одессѣ въ канцелярію новороссійскаго генералъ губернатора князя М. С. Воронцова. Въ 1862 г. онъ былъ откомандированъ въ распоряженіе Одесскаго градоначальника въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, въ какомъ званіи и оставался до самой смерти. Работы А. А. С—аго какъ по исторіи и статистикѣ Южной Россіи, такъ и по публицистикѣ и изящной литературѣ доставили С—ому общую извѣстность, особенно на югѣ Россіи.

Покойный состоялъ почетнымъ членомъ академіи наукъ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

Отпѣваніе А. А. С—аго происходило 31 декабря въ каѳедральномъ соборѣ. Здѣсь свящ. о. Петровскій произнесъ надгробную рѣчь на текстъ: «*я отдалъ сердце мое, чтобы познать мудрость и позналъ ее*». Послѣ отпѣванія останки умершаго направились къ *старому* одесскому кладбищу, гдѣ и были преданы землѣ.

Отмѣтимъ, что ни одной рѣчи не было произнесено надъ могилой Нестора исторіи Новороссійскаго края.

На дняхъ въ одесск. газетахъ появилось извѣстіе, что библіотека А. А. Ск—го перевозится въ Петербургъ, гдѣ живетъ одинъ изъ сыновей покойнаго. При этомъ извѣстіи слѣдуетъ помнить, что въ составъ этой библіотеки входили *и бумаги запорожскаго архива* [1]). Слышно было, что умершій историкъ не прочь былъ продать этотъ архивъ... Если наслѣдники умершаго согласились-бы на его отчужденіе и теперь, то кому приличнѣе купить его, какъ не Одессѣ и помѣстить затѣмъ эти бумаги въ свой *музей*, для общаго пользованія. Не сомнѣваемся, что бывшій одесскій городской голова г. Маразли пришелъ бы на помощь

---

[1]) Объ этомъ архивѣ А. А. Ск—ій говоритъ въ предисловіи къ 1-му изданію *Исторіи Новой Сѣчи* (1841 г.). „Въ обрывкахъ архива одного давно упраздненнаго присутственнаго мѣста (въ Екатеринославѣ) я отыскалъ акты запорожскаго коша... Отысканная мною часть запорожского архива заключаетъ въ себѣ дѣла производившіяся въ послѣдніе дни Запорожскаго Войска, т. е. съ 1730 по 1775 г. и копіи весьма важныхъ документовъ, простирающихся до 1660 годовъ". Изъ этихъ словъ видно, какъ важно сохраненіе спасенныхъ уже разъ отъ гибели остатковъ сѣчеваго архива.

городу въ этомъ дѣлѣ, какъ помогъ онъ умершему А. А. С—ому напечатать послѣднее изданіе его *Исторіи Новой Сѣчи* (въ 1885 г). Говорили, что послѣ умершаго А. А. остался его *дневникъ*, начатый имъ съ молодыхъ лѣтъ и что предполагалось даже приступить къ его изданію.

Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники А. А. С—аго опубликовали свои намѣренія относительно дальнѣйшей судьбы *запорожскаго архива*, если только онъ еще сохранился въ библіотекѣ умершаго.

И. Ф. Хильчевскій. *(Некрологъ)*. 9-го января умеръ Иванъ Филипповичъ Хильчевскій. Въ прошломъ году на страницахъ нашего журнала былъ помѣщенъ рядъ писемъ П. А. Кулиша къ покойному, а потому считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ умершемъ, пользуясь для этого обширнымъ некрологомъ его, написаннымъ уважаемымъ нашимъ сотрудникомъ М. К. Чалымъ. (Кіевлянинъ, № 11). И. Ф. Хильчевскій родился въ 1809 въ г. Нѣжинѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ 1819 г. покойникъ поступилъ въ черниговскую семинарію, а въ 1833 г. отправленъ былъ, какъ окончившій курсъ однимъ изъ первыхъ, въ кіевскую духовную академію. Въ 1834 г. И. Ф. принужденъ былъ оставить академію и началъ учительствовать. Въ 1837 г. онъ получилъ должность учителя въ махновскомъ училищѣ, а въ 1838 г.—въ луцкомъ. Въ 1842 г. туда же былъ назначенъ учителемъ и П. А. Кулишъ.—Земляки очень сблизились, но вскорѣ имъ пришлось разстаться. Послѣ скитаній по различнымъ училищамъ и гимназіямъ, И. Ф. поселился наконецъ въ Кіевѣ въ качествѣ преподавателя 2-ой мужской гимназіи; здѣсь же въ 1862 году онъ сталъ еще и преподавателемъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Въ 1866 году Х—ій вышелъ въ отставку, но до 1874 г. преподавалъ еще частнымъ образомъ въ Фундуклеевской женской гимназіи.

До самой своей смерти покойный И. Ф. сохранилъ бодрость и почти юношескую свѣжесть умственныхъ силъ...

Летучія замѣтки.

Преемникъ м. Сембратовича. Въ концѣ прошлаго декабря галицкимъ греко-уніатскимъ митрополитомъ, на мѣсто умершаго м. Сембратовича, назначенъ станиславскій уніатскій епископъ Юліанъ Куиловскій. Біографія новаго митрополита довольно любопытна. Родился онъ въ 1826 г. въ семьѣ уніатскаго приходскаго священника. Въ 1848—29 гг. онъ принималъ участіе въ венгерскомъ возстаніи, въ составѣ польскаго легіона. По усмиреніи возстанія онъ эмигрировалъ сначала въ Турцію, потомъ во Францію. Въ Парижѣ онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ «отелемъ Ламбертъ», однимъ изъ центровъ польскихъ эмигрантовъ, и подъ вліяніемъ ген. Быстржоновскаго рѣшилъ посвятить себя церкви съ цѣлью расширенія церковной уніи среди русскаго народа. Онъ вступилъ въ миссіонерскій коллегіумъ въ Парижѣ, основанный Ипполитомъ Терлецкимъ и посѣщалъ лекціи въ семинаніи св. Сульпиція. Принявъ посвященіе, Куиловскій нѣкоторое время жилъ въ Римѣ. Интересны его сношенія съ Терлецкимъ, который въ 1872 г. принялъ православіе и жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ. К—ій, встрѣтившись съ Т—мъ въ 1878 г. во Флоренціи, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы склонить его къ возвращенію къ уніи. Послѣ объявленія амнистіи участникамъ венгерскаго возстанія К—ій возвратился въ Галицію, былъ здѣсь приходскимъ священникомъ, ректоромъ семинаріи и деканомъ въ Перемышлѣ. Въ 1887 г. назначенъ прелатомъ въ Станиславовѣ, въ 1889 г. суфраганомъ въ Перемышлѣ и въ 1891 г. епископомъ станиславовскимъ. Судя по біографическимъ даннымъ (Gaz. Lv.. 1899 г., №№ 18 и 19), можно думать, что дѣло сближенія греко-уніатской церкви съ римской найдетъ въ лицѣ новаго митрополита дѣятельнаго продолжателя м. Сембратовича.

О сохраненіи памятниковъ народнаго творчества. Въ числѣ докладовъ черниговскому губернскому земскому собранію губернской земской управы въ сессію сего года представленъ, между прочимъ, докладъ «О сохраненіи памятниковъ народнаго творчества». При этомъ губернская управа предлагаетъ:

1. Поручить Управѣ войти въ сношеніе съ мѣстными знатоками и любителями народнаго быта о доставленіи ими различнаго рода

памятниковъ народнаго творчества: напримѣръ, пѣсенъ съ напѣвами и безъ нихъ, сказокъ, преданій, суевѣрій, пословицъ, загадокъ, костюмовъ, узоровъ или рисунковъ съ нихъ, рисунковъ или фотографій архитектурныхъ и другихъ памятниковъ старины.

2. На необходимые расходы по собиранію, разработкѣ и напечатанію всего этого матеріала въ «Земскомъ Сборникѣ» и, если понадобится, отдѣльнымъ изданіемъ, внести въ смѣту по изданію «Земскаго Сборника» отдѣльной статьей: «На сохраненіе памятниковъ народнаго творчества» 500 руб.

3. Поручить Управѣ, въ видахъ сохраненія малорусскихъ мотивовъ для будущаго художественнаго развитія, ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи публичнаго исполненія любителями и профессіональными артистами, малороссійскихъ театральныхъ пьесъ и пѣсенъ на общихъ основаніяхъ съ русскими пьесами и пѣснями.

По поводу открытія новаго просвѣтительнаго общества. Какъ мы уже сообщали (въ № 1, стр. 25), въ Петербургѣ недавно основано «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» для малорусскаго народа. Первое собраніе его было открыто рѣчью одного изъ учредителей, генералъ-майора Н. Ѳ. Федоровскаго, о нуждахъ малорусскаго народа. Можетъ быть, въ этой рѣчи и было что-нибудь, заслуживающее ироніи, но фельетонистъ «Нов. Времени», извративъ отчетъ о засѣданіи, подвергъ глумленію самую идею Общества, переименовавъ его смѣха ради въ «общество распространенія малорусскаго языка среди малорусскаго народа». Напрасно г. Федоровскій, въ письмѣ къ редактору «Нов. Времени» (помѣщенномъ въ № 3) старался возстановить смыслъ своей рѣчи и опровергнуть измышленіе фельетониста: отвѣтомъ на это письмо были новыя насмѣшки и издѣвательства и самая развязная болтовня на тему о малорусскомъ языкѣ и его правѣ на существованіе. Возмущенныя такимъ легкомысленнымъ отношеніемъ фельетониста къ серьезному вопросу «Полт. Губ. Вѣдомости» (въ № 7) посвящаютъ этому прискорбному эпизоду слѣдующія строки:»

«Маленькая группа малороссовъ собралась въ Петербургѣ, съ надлежащаго разрѣшенія и при надлежащемъ контролѣ, обсудить кое какіе вопросы, касающіеся малорусскаго языка и его возможныхъ

судебъ на общей для всѣхъ русскихъ гражданъ почвѣ существующихъ законоположеній. Боже, какая дерзость! какъ смѣть заикаться о какой-то литературной малороссійской рѣчи, какъ смѣть еще помнить ее?! Для краснаго словца, чтобъ было смѣшно, изобрѣтается какое то малороссійское знамя. Для этого знамени наиболѣе подходятъ, видите ли, изношенные запорожскіе штаны..»

«Чтобы показать нелѣпость малороссовъ, любящихъ выразительный и сильный народный языкъ, выдумывается длинная бесѣда якобы съ однимъ изъ присутствующихъ въ собраніи. Пріемъ, къ сожалѣнью, слишкомъ извѣстный и старый: собесѣднику вкладываются въ уста всякія нелѣпости, которыя пишущій побѣдоносно и безъ труда разбиваетъ! Но подчасъ пишущій завирается, и довѣріе къ его аргументамъ падаетъ. Малороссійское нарѣчіе, по его словамъ, образовалось окончательно въ XVII вѣкѣ и послѣ того застыло... У малороссовъ будто-бы одинъ только писатель—Шевченко, да и тотъ стоитъ еще на почвѣ народной поэзіи и представляетъ изъ себя послѣдній ея отголосокъ. Мы полагали, что необыкновенное дарованіе Основьяненка-Квитки, проявленное въ народныхъ повѣстяхъ, которыя онъ создалъ, когда ихъ не существовало ни въ одной европейской литературѣ, тоже что-нибудь да значитъ. Считали мы кое-чѣмъ и Котляревскаго, и Кулиша.—Лирическія народныя думки выше поэзіи Шевченка. Можетъ быть, но что это за «лирическія думки»? Малороссійскія думы—сильнѣйшіе образцы эпоса, какіе существуютъ у славянскихъ народовъ; о «лирическихъ думахъ» мы что то не слыхали... Да и прежде всего, чтобъ судить о достоинствахъ или недостаткахъ литературныхъ произведеній, *надо дать имъ возможность появляться, дабы ознакомиться съ ними*. Такъ думаетъ и правительство наше, разрѣшая печатаніе малороссійскихъ книгъ на общецензурныхъ основаніяхъ. *Если онѣ стоютъ чего, онѣ будутъ жить, если онѣ ничтожны, то удѣлъ ихъ забвеніе*... Иначе думаетъ «независимый» литераторъ, которому, по самой сущности его дѣятельности, казалось бы, ближе и дороже всего должны бы быть интересы мысли и слова».

Переводъ стихотв. Т. Г. Шевченка на чешскій языкъ. Въ чешскомъ журналѣ «Slovansky Přehled» (№ 4) помѣщенъ опытъ перевода стих. Т. Шевченка на чешскій языкъ R. Iesenska, при чемъ приложенъ и портретъ, въ видѣ медальона, нашего Кобзаря. Всего переведено

4 піесы: «Тече вода въ сыне море»; «Ой чого ты почорнило зеленее поле»? «На що мени чорни брови»? «Ой три шляхи широкіи до купы зійшлыся». Переводъ этотъ нельзя назвать близкимъ къ подлиннику, но исполненъ вполнѣ удачно, какъ по размѣрамъ стиха, такъ и по передачѣ основного тона. Для образца приведенъ начало одного изъ четырехъ стихотвореній:

Proč zelené zčernalojsi
Pole země naši?—
Od krve já zčernalojsem
Pro svobodu vaši.
Kol městečka Berestečka
Ćtyri mile zdeli
Pokryli mě Zaporožci
Slavni svymi těly.

Напомнимъ читателямъ нашимъ текстъ этихъ-же строчекъ у Шевченка:

Ой чого ты почорнило
Зеленее поле?
Почорнило я видъ крови
За вольную волю.
Кругъ мистечка Берестечка
На чотыри мыли
Мене славни запорожци
Своимъ трупомъ вкрылы.

Памяти И. П. Котляревскаго. I. Въ № 139—140 *«Буковины»* напечатана рѣчь профессора д-ра Стефана Смаль-Стоцкаго, сказанная 1-го ноября 1898 года на львовскомъ торжествѣ: «Котляревскій и его «Энеида». «Въ нашей литературѣ нѣтъ такого произведенія, гдѣ бы, какъ въ Энеидѣ, были такъ пластично обрисованы всѣ обстоятельства и сама жизнь нашего народа того времени. Она дѣйствительно національная поэма и первое реальное произведеніе нашей литературы,—реальное не только по своему предмету, но и формою и языкомъ. Въ Энеидѣ и во всѣхъ произведеніяхъ Котляревскаго три главныхъ основныхъ мысли: 1) Онъ пропагандируетъ гуманность, пятнаетъ всякіе безнравственные поступки и становится на защиту униженныхъ и оскорбленныхъ; 2) онъ становится на

защиту національныхъ правъ малорусскаго народа, его обособленности и самостоятельности въ языкѣ, обычаяхъ, и т. п. 3) Онъ противникъ ложнаго вкуса въ литературѣ и требуетъ, чтобы въ литературныхъ произведеніяхъ обнаруживалась народность».

При статьѣ помѣщенъ портретъ Котляревскаго.

II. Въ №№ 141—143 *«Буковины»* помѣщена рѣчь вышеупомянутаго оратора, сказанная имъ на юбилейномъ утрѣ въ Черновцахъ, 3-го дек. 1898 г.—«Чим есть для нас Котляревский?» Ораторъ указалъ на двѣ главныя заслуги Котляревскаго: «онъ ввелъ наше родное, живое, народное слово въ книгу и тѣмъ сдѣлалъ книжную литературу принадлежностью всего малорусскаго народа и затѣмъ въ своихъ произведеніяхъ онъ обратился къ дѣйствительности, первый вполнѣ удовлетворилъ поэтическимъ потребностямъ малорусскаго народа. Произведенія его проникнуты искренней горячей любовью къ родному народу, отвращеніемъ ко всякому звѣрскому насилію; въ нихъ онъ первый освѣжаетъ въ памяти Украинцевъ, «славну минувшину Україны» съ ея могучими гетманами, полковниками, козаками, и напоминаетъ и другимъ то, что козаки оказали имъ великія услуги. Онъ пробудилъ духъ во всей Буковинѣ, въ Руси-Украинѣ, онъ спасъ украинскій народъ отъ неминуемаго забвенія, показалъ и проложилъ Руси-Украинѣ путь къ новой культурной жизни«.

III. *«На Великі роковини і в память Івана Котляревського»*. Подъ этимъ заглавіемъ издалъ В. Маслякъ небольшой сборникъ, гдѣ помѣщенъ портретъ Котляревскаго, біографія, а также ноты и текстъ кантаты, написанной Масляком въ память Котляревскаго. Затѣмъ слѣдуютъ поэтическія произведенія, относящіяся къ минувшимъ юбилейнымъ торжествамъ въ память Котляревскаго, выписки изъ произведеній его и наконецъ приведены отзывы критики подъ заглавіемъ: «Иван Котляревский в світлі росийськоі и руско̂і критики». Книжка издана очень изящно. Цѣна 50 крайцаровъ. (Буковина, 143).

О памятникѣ И. П. Котляревскому. Проектъ постамента для памятника Котляревскому въ Полтавѣ уже оконченъ художникомъ г. Ширшовымъ и въ послѣднихъ числахъ декабря отправленъ въ

Петербургъ скульптору г. Позену для изготовленія вѣнка къ памятнику. Копіи проекта постамента отправлены будутъ въ одесскія мастерскія мраморныхъ издѣлій для опредѣленія стоимости изготовленія его. (Полтавск. Губ. Вѣдомости, № 277).

Общество любителей изученія Полтавской губерніи. 6-го января въ залѣ городской управы, въ Полтавѣ, состоялось учредительное собраніе Общества любителей изученія Полтавской губерніи. Избранный въ предсѣдателя Собранія, иниціаторъ этого дѣла, В. И. Василенко обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой вкратцѣ выяснилъ исторію возникновенія общества, равно какъ и цѣль послѣдняго. Общество, по словамъ оратора, станетъ центромъ единенія и полнаго общенія для всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, которые пожелаютъ послужить родинѣ своими трудами и знаніями туземной жизни населенія. Оно намѣрено заняться наблюденіемъ и систематическимъ изученіемъ безконечно разнообразныхъ проявленій живой дѣятельности населенія родного края, съ возможнымъ при томъ сравнительно-историческимъ и статистическимъ изученіемъ по доступнымъ старымъ и новымъ источникамъ. Участіе въ общей работѣ будетъ принимать вся мѣстная интеллигенція, учащіе, учащіеся, служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, землевладѣльцы, и т. д. Выработанный г. Василенкомъ проектъ устава подвергся нѣкоторымъ поправкамъ и измѣненіямъ, и затѣмъ избранной коммиссіи изъ Д. К. Квитка, В. П. Трегубова, А. В. Шидловскаго, И. Ф. Сосновскаго, Н. А. Дмитріева, П. П. Фролова и В. И. Василенка поручено было окончательно редактировать, подписать и представить куда слѣдуетъ проектъ устава для утвержденія. (Полт. Губ. Вѣд. № 9).

Общество изданія народныхъ картинъ. 30-го декабря въ Петербургѣ происходило предварительное совѣщаніе членовъ-учредителей вновь возникающаго въ Петербургѣ общества для изданія *дешевыхъ народныхъ картинъ.* На совѣщаніи былъ разсмотрѣнъ проектъ устава общества и состоялось рѣшеніе возбудить ходатайство о дозволеніи обществу издавать для народа, помимо картинъ, еще особый періодическій сборникъ съ иллюстраціями, цѣною не дороже 1 руб. въ годъ. Для большаго развитія дѣятельности общества предположено

открыть его филіальныя отдѣленія въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Варшавѣ («Ж. и Иск.», № 7).

Слѣдуетъ надѣяться, что учреждаемое общество, въ особенности же его филіальныя южно-русскія отдѣленія обильно воспользуются столь благодарнымъ для художественнаго воспроизведенія матеріаломъ, какой представляетъ минувшая жизнь Малороссіи, ея современный бытъ и природа.

Карта Буковины. Книгоиздательская фирма Пардина, въ Черновцахъ, издала небольшую раскрашенную, съ малорусскимъ текстомъ, карту Буковины. Цѣна всего 10 кр. Предназначается главнымъ образомъ для учениковъ среднихъ школъ. Такая же карта вышла на языкахъ молдавскомъ и нѣмецкомъ. (Буковина, 143).

Памяти Григорія Саввича Сковороды. По сообщеніямъ газетъ, среди почитателей украинскаго писателя-философа Сковороды возникла вновь мысль учредить въ раіонѣ Харьковской губерніи школу его имени, по случаю исполнившагося недавно столѣтія со дня его смерти. (Южный Край, № 6190).

Курьезный протестъ. Нѣкто г. Тиблевичъ, членъ «Общества Карпатъ» помѣстилъ въ какой-то нѣмецкой газетѣ протестъ такого содержанія, что члены названнаго общества не желаютъ де принимать участія въ чествованіи памяти И. П. Котляревскаго, потому что, «имѣютъ *болѣе давнюю* Энеиду, напечатанную *на литературномъ языкѣ*,—т. е. Энеиду Осипова!» (Буковина, 140).

Поправки: 1) Считаемъ своимъ долгомъ, въ дополненіе къ корреспонденціи изъ Полтавы (№ 12-й 1898 г., стр. 81) «О юбилеѣ и памятникѣ И. П. Котляревскому» сдѣлать существенную поправку къ подстрочному примѣчанію, гдѣ было сказано, что «товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ Саксаганскаго и Садовскаго была поставлена «Наталка Полтавка» и сборъ поступилъ полностію въ пользу товарищества, безъ взноса хотя части на памятникѣ И. П. Котляревскому». Дѣло въ томъ, что этимъ же товариществомъ раньше

данъ былъ въ Полтавѣ спектакль, чистая выручка съ котораго поступила полностію въ фондъ на устройство этого памятника, а именно—332 руб., что можно видѣть въ напечатанномъ отчетѣ о поступленіи пожертвованій по 1 октября 1896 года (стр. 2).

2) Въ предыдущемъ № мы привели сообщеніе галицкой прессы о прекращеніи изданія дѣтскаго иллюстрированнаго галицкаго журнала «Дзвинокъ». Это сообщеніе оказалось невѣрнымъ: львовское педагогическое общество, издающее этотъ журналъ, объявило подписку на 1899 годъ и уже выпустило 1-й № его.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ г. Кіевѣ. ***Экскурсіи для подготовительныхъ работъ къ съѣзду лѣтомъ 1898 г.*** Членами Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда, а также и другими лицами были, по порученію комитета, совершены прошлымъ лѣтомъ экскурсіи какъ для производства археологическихъ изслѣдованій, такъ и для осмотра различныхъ памятниковъ старины. Въ виду того, что предстоящій съѣздъ имѣетъ своей главной задачей изслѣдованіе Волыни, большая часть экскурсій и произведена на территоріи древней Волынской земли, но были также экскурсіи и въ другія части какъ правобережной, такъ и лѣвобережной Малороссіи. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія объ этихъ экскурсіяхъ.

В. Б. Антоновичъ посѣтилъ Кременецкій, Дубенскій и Новоградволынскій уу. Волынской губ. Въ теченіе экскурсіи имъ было раскопано три могильника у сс. Брыкова, Рыкань и Краснаго, снято много плановъ древнихъ городищъ (коллекція плановъ городищъ Волынской губ. проф. Антоновича достигла въ настоящее время почтенной цифры—ихъ имѣется 56 штукъ), обслѣдовано 14 стоянокъ каменнаго вѣка въ уѣздахъ Дубенскомъ и Кременецкомъ, провѣрены свѣдѣнія о мегалитическихъ постройкахъ въ послѣднемъ уѣздѣ и осмотрѣно три частныя собранія древностей: г.г. Орлова, Житынскаго и Волянскаго.

Е. Н. Мельникъ производила раскопки кургановъ въ Ровенскомъ и Луцкомъ уѣздахъ, Волынской губ.; въ Ровенскомъ уѣздѣ—возлѣ мѣстечка Здолбунова и села Басова Кута, въ послѣднемъ мѣстѣ былъ снятъ также планъ находящагося тамъ городища, въ

Луцкомъ-же, гдѣ главнымъ образомъ и были сосредоточены раскопки г-жи Мельникъ,—въ самомъ г. Луцкѣ и у селъ: Горка, Полонка, Городище, Теремное, Лыще, Крупы, Поддубы, Бороховъ, Усвчи, Торчинъ и др. Всего было раскопано болѣе ста кургановъ; большой курганъ въ г. Луцкѣ не далъ никакихъ результатовъ, остальные-же курганы, относящіеся къ языческой славянской эпохѣ, оказались очень бѣдными по содержанію; въ нихъ было обнаружено нѣсколько погребальныхъ типовъ: погребеніе въ ямахъ, на поверхности почвы, въ насыпи кургана, сожженіе, погребеніе въ гробахъ и деревянныхъ склепахъ, сожженіе, соединенное съ устройствомъ склепа; что касается найденныхъ предметовъ, то въ этомъ отношеніи женскія могилы оказались богаче мужскихъ—тутъ были находимы украшенія—кольца, серьги, бусы, изрѣдка предметы домашняго обихода—ножи, куски посуды, но въ общемъ, какъ выше сказано, курганы въ этой мѣстности настолько бѣдны, что въ большинствѣ случаевъ при скелетахъ не встрѣчалось ничего и даже черепки отъ сосудовъ попадались не въ каждомъ курганѣ.

Н. Ф. Бѣляшевскій продолжалъ начатыя археологическія изслѣдованія береговъ р. Западнаго Буга и отчасти его притоковъ. Прошлымъ лѣтомъ были обслѣдованы оба берега Буга отъ г. Влодавы до впаденія въ него р. Красной (Кшны), т. е. немного ниже г. Бреста Литовскаго, а также часть теченія р. Красной; береговыя полосы подробно обслѣдованы на разстояніи приблизительно верстъ 10-ти въ ширину. Эта часть теченія Западнаго Буга оказалась сравнительно очень бѣдной въ археологическомъ отношеніи: на всемъ этомъ пространствѣ, т. е. приблизительно на протяженіи 65-ти верстъ, ни на правомъ, ни на лѣвомъ берегу не обнаружено ни одного городища, нѣтъ также и кургановъ, небольшая группа послѣднихъ (всего 4) найдена лишь на берегу Красной у с. Добрыня, (Бѣльскаго у. Сѣдлецкой г.) но и здѣсь раскопки двухъ изъ нихъ не дали никакихъ результатовъ—курганы оказались пустыми. На за то бѣдность памятниками болѣе позднято доисторическаго, а также и историческаго времени искупилась изобиліемъ памятниковъ болѣе ранней, первобытной старины. Можно сказать, что берега Буга въ этомъ мѣстѣ прямо усѣяны ими; всѣ они относятся къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка и отчасти захватываютъ время введенія въ употребленіе металловъ; мѣста находокъ такихъ предметовъ—открытыя песчаныя площади съ волнистой или бугристой поверхностью, располо-

женныя на возвышенныхъ берегахъ или въ рѣчныхъ долинахъ; это, т. н. стоянки первобытнаго человѣка; обнаружено ихъ около 30-ти, нѣкоторыя изъ нихъ отличались обиліемъ найденныхъ на нихъ различнаго рода остатковъ первобытной культуры, укажемъ напр. на стоянки у сс. Прилукъ, Заказанки, Збунина—Брестскаго у., Гродненской г. и у сс. Болоткова и Костомлотъ—Бѣльскаго у., Сѣдлецкой губ. Всего предметовъ найдено около тысячи; это различнаго рода кремневыя острія, скребки, ножики, превосходно отдѣланныя кремневые наконечники стрѣлъ, отбойники, ядрища; гораздо рѣже встрѣчались полированныя каменныя орудія; въ громадномъ количествѣ найдены куски первобытной посуды, иногда покрытой разнообразнымъ орнаментомъ.

О. И. Левицкій совершилъ поѣздки совмѣстно съ Н. В. Молчановскимъ и о. Е. Сѣцинскимъ по Побужью. Экскурсіи совершались частью лодкой, частью лошадьми. Было осмотрѣно Побужье отъ Межибожа до Брацлава; по пути отмѣчались древнія городища; особенно интереснымъ оказалось городище у с. Кудинки. Въ самомъ г. Брацлавѣ было осмотрѣно древнее замчище; выше Брацлава, по Бугу, было обнаружено мѣсто древняго замка Сокольца (у м. Печара), упоминаемаго въ литовскихъ лѣтописяхъ въ XIV в. Кромѣ того, О. И. Левицкій проѣхалъ отъ Каменца до Межибожа; здѣсь обратили на себя вниманіе пещеры на р. Смотричѣ у с. Негова, были затѣмъ осмотрѣны церковь и замокъ с. Сутковецъ (кажется XVI в.); въ м. Зиньковѣ обнаружены остатки замка еще болѣе ранней эпохи.

Экскурсіи на Волынь двухъ ниже слѣдующихъ лицъ имѣли цѣлью осмотръ болѣе позднихъ памятниковъ старины.

М. П. Истоминъ имѣлъ въ виду изученіе памятниковъ иконографіи и стѣнописи въ православныхъ и католическихъ храмахъ съ XVI по XVIII в. Съ этой цѣлью имъ были осмотрѣны: въ г. Бердичевѣ (раньше входившемъ въ составъ Волынской губ.)—стѣнопись главного костела—прежде монастыря, въ м. Чудновѣ—Воскресенская и Петропавловская церкви, въ м. Полонномъ—6 церквей и костелъ, въ с. Городищѣ—женскій монастырь и церковь, въ г. Острогѣ—нѣсколько церквей и кладбищенская часовня, въ г. Дубно—соборная церковь, бывшая Крестовоздвиженская пустынь и Спасопреображенская церковь, въ м. Почаевѣ—соборный храмъ и пещерныя церкви. Кромѣ того, г. Истоминъ занимался въ Волынскомъ Епархіальномъ древлехранилищѣ въ г. Житомірѣ и въ только что

организующемся древлехранилищѣ типографіи Почаевской Лавры. Иконографическаго матеріала XVII и XVIII вв. во время этой экскурсіи было встрѣчено довольно много и г. Истоминъ представилъ Отдѣленію списокъ тѣхъ предметовъ, которые желательно было-бы имѣть на выставкѣ Съѣзда. Не знаемъ, какъ осуществится на практикѣ это предложеніе г. Истомина, конечно, лучше всего было-бы имѣть на выставкѣ оригиналы, затрудненіе представляетъ лишь пересылка такихъ громоздкихъ предметовъ, какъ церковныя иконы, поэтому, если онѣ не будутъ доставлены, то во всякомъ случаѣ слѣдовало-бы получить фотографическіе снимки съ болѣе интересныхъ иконъ.

И. М. Каманинъ экскурсировалъ по Волынской и Подольской губ. съ цѣлью собиранія свѣдѣній объ архивахъ правительственныхъ учрежденій, монастырей, церквей и частныхъ лицъ; имъ были посѣщены слѣдующія мѣстности: Житоміръ, Заславъ, Луцкъ, Острогъ, Дубно, Кременецъ, Владиміръ-Волынскъ, Ковель, Чудновъ, Полонное, Славута, Городище, Загорово, Почаевъ и Каменецъ-Подольскъ; въ виду многочисленности мѣстъ, которыя пришлось посѣтить, г. Каманинъ занимался, главнымъ образомъ, архивами правительственныхъ учрежденій; при осмотрахъ было обращаемо вниманіе на помѣщеніе архивовъ, способы храненія дѣлъ, систематическія ихъ описанія и отмѣчаемы тѣ группы дѣлъ, которыя имѣютъ научное значеніе и должны быть сохраняемы; отмѣчены также и отдѣльныя дѣла, интересныя въ томъ или другомъ отношеніи. Г. Каманинымъ осмотрѣны также въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ музеи, монастырскія и церковныя библіотеки, здѣсь отмѣчались такія рукописи и книги, какія желательно имѣть на выставкѣ Съѣзда.

Изслѣдованія и раскопки. *Раскопки городища у д. Приворотья-Маковскаго Каменецъ-Подольск. у.* Въ минувшемъ сентябрѣ Е. Сѣцинскій производилъ раскопки городища у д. Приворотья Маковскаго, въ 15-ти верстахъ отъ Каменца. Городище это находится въ такъ называемыхъ Медоборскихъ горахъ,—гряды тянущейся съ с.-з. на ю.-з. по Каменецкому уѣзду. Гряда эта во многихъ мѣстахъ прорѣзывается небольшими рѣчками, текущими въ глубокихъ скалистыхъ берегахъ. На этой грядѣ находится нѣсколько городищъ, помѣщающихся на высокихъ мѣстахъ, таковы городища у се-

Черча, Приворотья Маковскаго, Колубаевецъ, Княжполя, Супруньковецъ. Почти параллельно этой грядѣ тянется, такъ называемый Трояновъ валъ, идущій отъ рч. Збруча къ юго-востоку по направленію къ рѣкѣ Днѣстру. Приворотское городище находится въ 3 верстахъ отъ мѣстечка Макова у рѣчки Мукши, перерѣзывающей здѣсь Медоборскія горы. Проходя чрезъ эти горы, рѣчка образуетъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ между высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Въ двухъ мѣстахъ среди горъ рѣчка разливается въ пруды, похожіе на альпійскія озера. По берегамъ рѣчки и прудовъ раскинуто нѣсколько хатъ—это деревня Приворотье. Вся мѣстность весьма живописная. Здѣсь надъ этой мѣстностью возвышается конусообразная гора, примыкающая съ одной стороны къ другимъ горамъ, съ трехъ сторонъ представляющая крутые откосы, покрытые деревьями, среди которыхъ мѣстами выглядываютъ скалы. На вершинѣ этой горы находится городище, представляющее собою въ планѣ эллипсисъ, растянувшійся отъ с.-з. къ ю.-з. на 200 саж. Юго-восточ. сторона эллипсиса болѣе широкая, примыкающая къ другой горѣ, окружена валомъ и рвомъ съ юга, вост. и зап. Сѣверо-зап. сторона суживается и на концѣ представляетъ скалу, а потому здѣсь искусственныхъ укрѣпленій нѣтъ; здѣсь, на разстояніи 50 саж. отъ конца, городище перерѣзывается валомъ въ ширину. Съ ю.-з. былъ въѣздъ въ городище и здѣсь на разстояніи отъ круговаго вала на 40 саж. есть еще валъ, перерѣзывающій гору. На этомъ городищѣ были частыя находки разныхъ древнихъ предметовъ. Такъ, здѣсь были находимы каменныя скребки, наконечники стрѣлъ, топорики, глиняныя, стекляныя и бронзовыя бусы, обломки стеклянныхъ браслетовъ, металлическіе спиральные браслеты, глиняная посуда. Въ музеѣ Краковской Академіи находятся слѣдующіе найденные здѣсь предметы: кремневый отбивной ножъ и наконечникъ стрѣлы, каменная полированная пряслица. При раскопкахъ Е. Сѣцинскаго внутри городища найдены на глубинѣ $1^1/_2$—2 арш. скелетъ лежащаго навзничь мужчины съ раскинутыми руками и ногами, у ногъ желѣзный боевой топоръ, а у пояса небольшой желѣзный ножъ. Дальше въ этомъ мѣстѣ, среди массы пережженной глины, черепьевъ и костей, найдено еще два желѣзныхъ топора, три висячихъ замка, по устройству немного похожихъ на тѣ, какіе теперь употребляются при конскихъ путахъ, четырехгранный наконечникъ копья, шпора съ шипомъ вмѣсто кольца, мѣдная круглая бляха, точильный

большой камень, удила, нѣсколько глиняныхъ праслицъ, куски смальтовыхъ браслетовъ и небольшая стеклянная привѣска въ серебряной оправѣ, величиной и формой въ видѣ большого желудя, стеклышко нечистое—съ одной стороны плоское, съ другой—выпуклое. Очевидно, все это болѣе поздняго времени; предметовъ каменнаго вѣка не найдено, хотя несомнѣнно они встрѣчаются въ той мѣстности, какъ это видно изъ прежнихъ находокъ. Кромѣ того, уже во время раскопокъ Е. Сѣцинскаго, крестьянинъ изъ д. Приворотья показывалъ кусочекъ кремневаго полированнаго топорика, найденнаго имъ на «гороськахъ», какъ называетъ народъ эту мѣстность. На предложеніе продать этотъ предметъ, крестьянинъ наотрѣзъ отказался, такъ какъ, по увѣренію его, это «громова стрилка», имѣющая цѣлебное свойство: при болахъ въ желудкѣ и при другихъ болѣзняхъ стоитъ только отбить кусочекъ, истолочь въ порошокъ, принять внутрь—и болѣзнь прекращается. Найдевъ имъ топорикъ въ цѣломъ видѣ, но значительный кусокъ его отбитъ и подаренъ кумѣ, спеціально занимающейся леченіемъ больныхъ. Другой каменный топоръ, найденный въ окрестностяхъ городища, имѣется у управляющаго Маковскимъ имѣніемъ г. Кульчицкаго.

Изслѣдованіе стоянки и мастерской каменнаго вѣка въ с. Городкѣ, Ровенскаго у. Волынск. г. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ покойный Я. Я. Волошинскій сдѣлалъ на Третьемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ подсчетъ каменныхъ орудій, найденныхъ, какъ въ Кіевской губ., такъ и въ смежныхъ съ нею [1]); на Волынскую губернію пришлось 182 орудія, и въ томъ числѣ на Ровенскій у. всего 2 экземпляра. Въ настоящее время даже трудно сдѣлать подобный подсчетъ—благодаря развившемуся интересу къ изученію памятниковъ старины предметы каменнаго вѣка, найденные на Волыни, нужно считать тысячами; были найдены цѣлыя мастерскія каменныхъ орудій; не дальше напр., какъ въ 1897 г. такая мастерская, давшая массу предметовъ, была обнаружена г-жей Мельникъ у с. Пересопницы именно въ томъ Ровенскомъ у., гдѣ по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у Волошинскаго, каменный вѣкъ почти отсутствовалъ. Теперь мы имѣемъ возможность сообщить о еще болѣе недавней находкѣ мастерской каменнаго вѣка; она открыта лѣтомъ прошлаго года въ с. Городкѣ

---

[1]) „Въ какихъ мѣстахъ Кіевской и смежныхъ съ нею губерній находимы были каменныя орудія?“.—Труды 3-го Съѣзда, т. II.

Ровенскаго у. въ фруктовомъ господскомъ саду. Мѣстность, гдѣ расположена мастерская и стоянка, представляетъ изъ себя небольшую береговую террасу р. Устья, на правомъ ея берегу; здѣсь, на незначительной глубинѣ, въ большомъ количествѣ встрѣтились отбойники, ядрища, кремневыя скребки, ножи, копья, полированые клинья, кривые ножи очень тонкой отдѣлки, каменныя шлифованыя орудія, куски роговъ и костей лося и другихъ животныхъ со слѣдами обработки, много черепковъ отъ сосудовъ, пищевые остатки въ видѣ костей и устричныхъ раковинъ. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ мастерской, на это указываютъ орудія обработки—каменные отбойники, масса испорченныхъ и недоконченныхъ орудій; среди послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе діоритовый топоръ-молотъ съ только что начатымъ отверстіемъ; невдалекѣ отъ мѣста мастерской обнаружено и мѣстонахожденіе кремневыхъ голышей, служившихъ матеріаломъ для изготовленія орудій. Всего найдено за прошлый годъ болѣе ста предметовъ; они поступили въ Городецкій Музей, Волынской губерніи, барона Ѳ. Р. Штейнгеля.

Раскопки могильника у д. Студинки, Ровенскаго у., Волынск. г. были произведены въ концѣ прошлаго года барономъ Ѳ. Р. Штейнгелемъ для пополненія антропологическаго и археологическаго отдѣловъ принадлежащаго ему Городецкаго музея. Могильникъ расположенъ на возвышенности и заключалъ въ себѣ около 20-ти кургановъ; въ настоящее время кургановъ замѣтно меньше—ихъ распахали живущіе здѣсь колонисты; вообще нужно замѣтить, что на Волыни такого рода памятники старины уничтожаются главнымъ образомъ пришлымъ населеніемъ, коренное-же, наоборотъ, старается сохранять ихъ: были даже случаи, что крестьяне препятствовали раскопкамъ спеціально для этой цѣли командированныхъ лицъ, снабженныхъ оффиціальными полномочіями. Изъ сохранившихся кургановъ было раскопано пять; курганы, какъ и весь могильникъ, оказались принадлежащими языческой славянской эпохѣ; погребенія совершались въ довольно глубокихъ ямахъ, трупы погребались въ гробахъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчались двойныя погребенія; могилы оказались бѣдными по содержанію: при костякахъ найдены лишь куски посуды, незатѣйливыя украшенія въ видѣ мѣдныхъ колецъ и серегъ, части какого-то желѣзнаго предмета и кусочекъ орнаментированной кости, повидимому отъ гребешка; характерную особенность этого могильника представляетъ то обстоятельство, что, помимо по-

гребеній, въ верхнихъ частяхъ кургановъ зачастую встрѣчались разбросанныя въ безпорядкѣ кости другихъ скелетовъ.

Нѣкоторыя изъ стоянокъ каменнаго вѣка на берегахъ р. Западнаго Буга, обслѣдованныя прошлымъ лѣтомъ г. Бѣляшевскимъ, были вторично осмотрѣны на праздникахъ Рождества Христова И. Р. Дмитріюкомъ. Осмотръ оказался очень удачнымъ, такъ что въ результатѣ образовалась новая дополнительная коллекція, заключающая болѣе полусотни отборныхъ экземпляровъ разныхъ кремневыхъ и каменныхъ орудій. Коллекція эта будетъ присоединена къ собранной г. Бѣляшевскимъ и поступитъ на выставку будущаго Археологическаго Съѣзда.

Случайныя находки. *Городище „Княжа гора" (у с. Пекарей, Черкасск. у.)*, благодаря стоявшей въ первой половинѣ января чисто весенней погодѣ, продолжаетъ служить ареной для раскопокъ окрестныхъ крестьянъ. Раскопки велись не безъ результатовъ: недавно въ Кіевъ была привезена партія древностей, добытыхъ этими внѣсезонными раскопками. Партія оказалась по составу очень интересной: кромѣ обычныхъ для этой мѣстности различныхъ желѣзныхъ предметовъ, бронзовыхъ пряжекъ, привѣсокъ, зеркалъ, стеклянныхъ бусъ и кусковъ браслетовъ, частей мѣдныхъ складныхъ крестовъ и т. п., здѣсь встрѣтились два креста съ припаянными къ оборотной сторонѣ гвоздями, служившими для прикрѣпленія къ какимъ-то предметамъ—кресты, сравнительно рѣдко находимые на «Княжей горѣ»; затѣмъ, особенный интересъ представляютъ: часть бронзоваго штампованнаго, диска, довольно большихъ размѣровъ, на которомъ, повидимому, находилось изображеніе св. Георгія; кусочекъ отъ большой сравнительно иконы изъ терракоты, пепельнаго цвѣта, съ уцѣлѣвшимъ рельефнымъ изображеніемъ плачущаго ангела и части распятія; такая-же терракотовая небольшая иконка съ полукруглымъ верхомъ и рельефнымъ изображеніемъ св. Георгія на конѣ, поражающаго копьемъ змія, и наконецъ, т. н. змѣевикъ (одинъ изъ видовъ амулетовъ), имѣющій видъ небольшой бронзовой иконки, на одной сторонѣ которой помѣщено рельефное изображеніе Божіей Матери со Спасителемъ на рукахъ, исполненное очень тонко и отчетливо, а на другой—голова съ исходящими отъ нея змѣями и заклинательной надписью внизу. Всѣ

эти предметы относятся къ половинѣ XIII-го вѣка; большая часть ихъ поступила въ собраніе Н. П. Чернева.

Эти послѣднія находки еще разъ указываютъ на археологическій интересъ «Княжей горы». Систематическими раскопками, производившимися на городищѣ въ 1891 и 92 гг., была изслѣдована только часть городища раскопки были прекращены по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ лица, производившаго раскопки; въ послѣдующіе затѣмъ годы гора, перешедшая въ собственность крестьянъ, подвергалась безпорядочнымъ раскопкамъ послѣднихъ и, какъ видимъ, находки не прекращаются. Особенно интересно было бы обслѣдовать научнымъ образомъ сѣверный склонъ горы, на которомъ очевидны слѣды древняго поселенія; давно пора какому ниб. изъ нашихъ учрежденій, вѣдающихъ археологію, поставить на очередь вопросъ о прекращеніи варварскихъ раскопокъ крестьянъ на этомъ замѣчательномъ городищѣ и о продолженіи научнаго изслѣдованія его.

Музеи и собранія древностей. *Городецкій музей Волынской губерніи барона Ѳ. Р. Штейнгеля,* благодаря сочувствію мѣстнаго общества, вступилъ на путь болѣе широкаго развитія. Въ концѣ прошлаго года закончился второй годъ существованія музея; въ теченіе этого года пополнялись всѣ отдѣлы, на которые распадается музей. Что касается археологическаго отдѣла, то здѣсь поступленія были особенно многочисленны,—прибавилось всего около 350-ти номеровъ. Главная масса поступившихъ предметовъ относится къ каменному вѣку: каменный молотокъ и друг. предметы изъ кургана близъ г. Заслава; разнообразные кремневые, каменные и глиняные предметы изъ стоянокъ и мастерскихъ у м. Искорости, сс. Швабовъ, Васьковичъ, Збранокъ, Красноселки и Папирни, Овручск. у., особенно интересенъ большой сосудъ изъ стоянки у с. Папирни; каменныя орудія, найденныя у с. Зубковичъ Овручск. у.; кремневыя и каменныя орудія изъ мастерской у с. Будеража, Дубенск. у.; каменныя орудія изъ кургановъ у с. Горбова, Новоградъ-Волынск. у.; діоритовой топоръ, найденный у с. Золотіева, Ровенск. у. и, наконецъ, большое собраніе предметовъ изъ мастерской въ с. Городкѣ, Ровенск. у. Къ языческой славянской эпохѣ относятся предметы изъ раскопокъ кургановъ у г. Заслава—серебряныя височныя кольца, желѣзные гвозди, куски посуды, и у д. Студинки—о послѣднихъ мы говорили уже выше, въ замѣткѣ о раскопкахъ этого могиль-

ника. Сравнительно немного поступило предметовъ великокняжескаго времени—они вообще на Волыни встрѣчаются довольно рѣдко; сюда относится цѣлая коллекція изъ мастерской шиферныхъ праслицъ, находящейся въ урочищѣ Коптевской Лѣсъ у с. Копчевщизны, Овручск. у., коллекція эта даетъ образцы послѣдовательной обработки кусковъ шифера въ праслицы; кромѣ того, есть нѣсколько предметовъ, какъ напр. шиферный крестикъ—тѣльникъ, стеклянные браслеты и бусы—изъ урочища Богдыховъ близъ с. Збрановъ, Овручск. у. и половина мѣднаго складнаго креста—изъ с. Оржева, Ровенск. у. Къ литовскому періоду можно предположительно отнести стальную кольчугу, выпаханную возлѣ г. Луцка, и нѣсколько монетъ изъ кладовъ—о нихъ мы скажемъ ниже. Къ позднѣйшему уже времени относятся—желѣзный кованный крестъ (первой половины XVIII в.) съ колокольни одной изъ церквей м. Чуднова, Житомірск. у., и стальной нагрудникъ съ такими-же перчатками, найденные подъ поломъ одного стариннаго дома въ Ровенскомъ у. Нумизматическая коллекція городецкаго музея составляется исключительно изъ монетъ, найденныхъ въ видѣ кладовъ; за истекшій годъ монеты поступили изъ 8-ми кладовъ: литовскія монеты (съ конца XIII по начало XVI в.) изъ кладовъ въ сс. Полгановѣ Баковцахъ, Семеренкахъ—Луцкаго у. и въ с. Солотвинѣ, Ковельск. у.; польскія, прусскія и австрійскія (XVII и начала XVIII-го в.)—въ м. Аннополѣ, Острожск. у. и въ сс. Шпановѣ, Рубчѣ и м. Степани, Ровенск. у.

Въ собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ истекшемъ году и отчасти уже въ настоящемъ поступило довольно много новыхъ предметовъ, между которыми есть нѣсколько очень интересныхъ и рѣдкихъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить знамя Переяславскаго полка 1762 года, которое прежде находилось въ м. Мошнахъ, у князя Воронцова; рисунокъ его приложенъ къ К. Стар. 1890 г. № 10. Далѣе можетъ быть указанъ перначъ Павла Полуботка, черниговскаго полковника; перначъ серебряный вызолоченный съ шестью ажурными «перьями»; онъ пріобрѣтенъ отъ Милорадовичей, родственниковъ и наслѣдниковъ Полуботка. Затѣмъ слѣдуютъ сабли, рушницы, пороховницы, принадлежности стариннаго костюма, дукачи и различные предметы домашняго обихода; между послѣдними отмѣтимъ стеклянный бокалъ кіевскаго митрополита Тимофея Щербатскаго съ его гербомъ и инціалами.

Полтавскій Земскій Музей, по сообщенію мѣстной газеты,—обогатился нѣсколькими новыми пожертвованіями. В. И. Гаевскій пожертвовалъ коллекцію монетъ въ 373 экземпляра, между которыми имѣются 3 монеты римскія, различныя иностранныя и русскія, такъ что собраніе монетъ музея состоитъ теперь болѣе чѣмъ изъ 2000 экземпл. Есть также пожертвованія старинкаго оружія, вышивокъ и т. п. «Всѣ эти пожертвованія, говоритъ газета, еще разъ даютъ возможность убѣдиться въ тепломъ сочувствіи къ музею, которое неоднократно уже высказывалось со стороны просвѣщенныхъ полтавцевъ и можно надѣяться, что это сочувствіе, при ближайшемъ знакомствѣ съ музеемъ, еще будетъ усиливаться и впредь». Искренно желая чтобы надежды, выраженныя газетой, осуществлялись, съ своей стороны не можемъ не высказать пожеланій, чтобы было побольше пожертвованій памятниковъ *мѣстной* старины и другихъ предметовъ, характеризующихъ *данный край*,—тогда только музей и будетъ въ дѣйствительности областнымъ полтавскимъ музеемъ, отражающимъ въ себѣ прошлое и настоящее края.

Въ Церковно-археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи передано на дняхъ изъ Кіево-Печерской Лавры 12 такъ наз. «голосниковъ»; они имѣютъ видъ довольно большихъ сосудовъ, боченкообразной формы, на днищахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть клейма въ видѣ круга, съ крестомъ или точкой въ срединѣ. Голосники эти открыты въ большомъ числѣ въ стѣнахъ великой лаврской церкви; такого рода голосники встрѣчаются довольно часто въ храмахъ великокняжескаго времени; по объясненію археологовъ, они служили для усиленія резонанса, хотя, быть можетъ, при болѣе тщательномъ наблюденіи положенія ихъ въ стѣнахъ церквей, мнѣніе это и измѣнится, т. к. напр. въ данномъ случаѣ голосники оказались совсѣмъ задѣланными въ стѣнѣ и снаружи отверстій ихъ не было видно.

Разныя извѣстія. *Выставка старинныхъ художественныхъ предметовъ и картинъ*, открытая теперь въ Кіевѣ и устроенная Кіевскимъ Обществомъ Древностей и Искусствъ,носитъ сборный характеръ: предметы разныхъ эпохъ, странъ и художественнаго достоинства; обиліемъ предметовъ выставка не отличается. Малорусская старина имѣетъ также нѣсколькихъ представителей, хотя очень немногочи-

сленныхъ; есть здѣсь нѣсколько образцовъ и образцовъ художественныхъ, старинныхъ вышивокъ—риза, съ вышитыми изображеніями святыхъ, подолъ отъ подризника, поручи, есть нѣсколько козацкихъ поясовъ, штампованныя бляхи съ священными изображеніями, серебряная кадильница, кубокъ, довольно хорошій подборъ дукачей, серьги, застежки, серебряное ожерелье, кое что изъ рѣзьбы по дереву (ангелъ и левъ),—вотъ и все. Среди картинъ мы нашли только одинъ старинный миніатюрный портретъ, изображающій женщину въ богатомъ малорусскомъ костюмѣ—быть можетъ портретъ какой ниб. гетманши. Есть также на выставкѣ небольшая картина масляными красками, по указателю выставки принадлежащая кисти Т. Г. Шевченка и озаглавленная «Гамалія»; сюжетъ картины—козаки на чайкахъ среди бурнаго моря; очень желательно, чтобы спеціалисты рѣшили вопросъ дѣйствительно-ли картинка писана Шевченкомъ. Въ заключеніе не можемъ не упомянуть, что указатель выставки изданъ очень небрежно.

Въ Подольскомъ Епархіальномъ Историко-статистическомъ Комитетѣ снова поднятъ вопросъ о церковно-приходскихъ лѣтописяхъ и объ изданіи краткаго описанія приходовъ Подольской епархіи; подобная мысль являлась въ Подольской епархіи еще въ 1855 и 1865 гг., но она не увѣнчалась успѣхомъ,—быть можетъ, теперь Комитетъ справится съ этой задачей. Имѣть краткое описаніе всѣхъ приходовъ крайне необходимо, но Комитету не слѣдовало бы отступать отъ плана, намѣченнаго въ VII-мъ вып. его трудовъ: печатать сводъ всѣхъ историческихъ свѣдѣній о приходахъ поуѣздно, какъ это сдѣлано въ данномъ выпускѣ по отношенію къ приходамъ Каменецкаго у.,—такимъ образомъ слѣдовало бы описывать и другіе уѣзды; однако, описаніе Каменецкаго уѣзда вышло еще въ 1895 году и до сихъ поръ не слышно, чтобы продолжалось это дѣло.

Дѣло о Бакотскомъ «монастырищѣ». Открытыя лѣтъ 8—9 назадъ пещеры древняго православнаго монастыря у с. Бакоты (Подольск. г. Ушицкаго у.) надъ Днѣстромъ составляютъ теперь предметъ судебнаго иска.

Остатки Бакотскаго монастыря, въ видѣ келій въ скалѣ, первоначально были указаны В. Б. Антоновичемъ при его поѣздкѣ по Днѣстру въ 1884 г. и описаны въ его рефератѣ на Одесскомъ Археологическомъ Съѣздѣ; затѣмъ, въ 1889 г., мѣстные крестьяне отыскали въ скалѣ пещеры съ нишами, надписью и др. Въ 1891 г.

здѣсь производилъ раскопки В. Б. Антоновичъ, причемъ откопано было еще нѣсколько пещеръ, мѣсто бывшаго пещернаго храма, обломки фресковой иконописи на камняхъ, нѣкоторые церковные предметы и др. (описаніе находокъ и снимки найденныхъ иконныхъ изображеній помѣщены въ «Кіев. Старины», 1891 г. № 10). Такъ какъ несомнѣнно здѣсь былъ древній православный монастырь, о которомъ упоминается въ лѣтописяхъ, при занятіи въ XIV в. Подоліи кн. Каріатовичами, то это мѣсто стали посѣщать разныя лица и изъ Каменца и изъ другихъ мѣстъ; сталъ сюда приходить и народъ на богомолье, чему способствовало и живописное мѣстоположеніе. Въ 1893 г. мѣстный священникъ на собранныя деньги устроилъ на мѣстѣ бывшаго здѣсь храма новый небольшой, для чего къ пещерамъ была сдѣлана деревянная пристройка. Церковь освящена была торжественно Подольскимъ Преосвященнымъ, который со времени открытія здѣсь пещеръ бывалъ въ Бакотѣ почти ежегодно, служилъ и въ приходской церкви и во вновь устроенной пещерной. Это такъ возвысило въ глазахъ народа Бакотское монастырище, что лѣтомъ сюда стала приходить масса богомольцевъ, какъ изъ подольской стороны, такъ и бессарабской. Особенно много бываетъ ихъ 1-го августа, въ храмовой праздникъ возстановленной пещерной церкви; въ этотъ день бываетъ теперь богомольцевъ нѣсколько тысячъ; установился такъ называемый «отпустъ», и бѣдная прежде бакотская церковь имѣетъ теперь уже средства для постройки новаго зданія. Никто до сихъ поръ не заявлялъ своихъ правъ на ту скалу, гдѣ открыты пещеры древняго монастыря, никому эта скала не была нужна, такъ какъ она представляла то отвѣсы, то крутые откосы, гдѣ можно было лишь съ большою опасностью пасти скотъ, главнымъ образомъ овецъ,— словомъ, скала была ничья, или находилась собственно въ общемъ пользованіи крестьянъ. Но въ декабрѣ прошлаго года, на исходѣ десяти лѣтъ со времени открытія пещеръ, владѣлецъ части с. Бакоты, Конрадъ Шиманскій предъявилъ въ окружномъ судѣ искъ къ Подольской духовной консисторіи указывая, что вслѣдствіе находки на берегу р. Днѣстра «какихъ-то человѣческихъ изображеній», мѣстное духовенство захватило его землю и не допускаетъ его къ пользованію ею, почему г. Шиманскій требуетъ взыскать съ Консисторіи 600 р. за провладѣніе и возстановить его права собственности на Бакотское монастырище. Пока судъ рѣшитъ дѣло, священникъ с. Бакоты (онъ же и представитель отвѣтчика), возбудилъ чрезъ свое начальство вопросъ о необходимости отчужденія Бакотскаго монастырища, какъ важнаго историческаго и археологическаго памятника, въ пользу церкви.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго Козачьяго Войска. *Томъ IV. 1795—1799 г. г. Собраны и изданы И. И. Дмитренкомъ. Спб. 1898. 8 д. л. XX+497 стр.*

О первыхъ трехъ томахъ этого интереснаго *Сборника* мы подробно говорили годъ тому назадъ. Теперь появился въ печати четвертый томъ, по интересу напечатанныхъ въ немъ документовъ не уступающій первымъ тремъ. Содержаніе этого тома касается той же дѣятельности трехъ главныхъ устроителей запорожскаго «товарищества» на берегахъ Кубани: Чепѣги, Головатаго и Котляревскаго. Главное вниманіе этихъ дѣятелей обращено было на устройство козачьяго хозяйства, причемъ старшина старалась расширить сельскую промышленность во всѣхъ ее видахъ возможныхъ, для данной мѣстности. Не забыты были, напр., и «виноградные сады». Въ іюлѣ 1795 г. Головатый пишетъ гр. Зубову: «Поселившіесь на островѣ Фанагоріи вѣрнаго войска Черноморскаго старшины и козаки, слава Богу, обзаводятся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но при томъ желаютъ, въ разсужденіи *плодовитой здѣсь земли,* обзавести виноградные сады. О семъ вашему высокографскому сіятельству донеся, прошу исходатайствовать у милосердной нашей матери Великія Екатерины, ради такова размноженія, Таврической области, въ Судакѣ виноградный *садокъ въ хозяйственное наше распоряженіе»* (стр. 47). Выгодно было запорожцамъ заняться тутъ хозяйствомъ потому, что земля дѣйствительно была *плодовита*; тотъ же Головатый и тогда же писалъ тому же Зубову: «*египетская* пшеница съ помощію Бо-

жіею выросла въ полтора аршина и поспѣваетъ...» Насколько земли были *плодовиты*, настолько же и кубанскія воды были рыбообильны: «Кубань рѣка отъ частыхъ въ полѣ дождей, вскрывъ свои берега, разливается... Чрезъ сіе разлитіе водъ за берегами показалось рыбы корона такъ довольно, что козаки, содержащіе стражу, во время ихъ разъѣздовъ, *пиками и кіями бьютъ* и употребляютъ въ пищу совмѣстно съ *тетерею* казацкою, да и не голодны»... Это опять пишетъ Головатый гр. Зубову [1]) (49). Изобиліе всякаго рода рыбы давало возможность черноморской старшинѣ дѣлать крупныя посылки рыбныхъ приготовленій въ Петербургъ и надѣлять ими и на мѣстѣ нужныхъ людей, какъ видно, напр., изъ слѣдующаго письма къ Головатому подполковника Кираева [2]): «Прибылъ я въ Царское Село 14-го минувшаго іюня (1795 г.). Рапорты ваши къ гр. Платону Ал—чу (Зубову) и *два колоса пшеницы* отдалъ исправно чрезъ Андреяна Мойсеевича Грибовскаго [3])... Икра ваша сколь много принесла мнѣ удовольствія, а паче тѣмъ, которые ѣли оную, и повѣрить трудно. Я подносилъ оную графу Александру Андреевичу Безбородку, Василію Степановичу Попову, пріятелю вашему Головцыну (?), Андрею Ивановичу и многимъ, даже и женскимъ особамъ, въ *царскихъ чертогахъ пребывающимъ*... Всѣ распрашивали, каково вы поживаете, а Василій Степановичъ весьма доволенъ, что земли ваши вамъ весьма полезны и что вы бл гоустройствомъ неусыпно занимаетесь. ...Я, исполненный къ вамъ и къ Черноморскому войску непрерывнымъ усердіемъ моимъ... Тутъ не обинуясь говорю тоже самое, что и съ вами разсуждалъ относительно до государственныхъ пользъ, отъ Черноморскаго войска происходящихъ. Говорилъ и о томъ еще,

---

[1]) Объ изобиліи на Кубани всякаго рода животныхъ (кабаны, *олени*, козы), птицъ, рыбы, о разнообразіи растительнаго царства (персики, абрикосы, каштаны миндаль...) см. подробный перечень предметовъ фауны и флоры на Кубани—стр. 68—72. Отсюда видно, что по Кубани тогда водились и бобры, и какія то еще „видныхи" (выдры?), кожи которыхъ продавались по 7 р.—„въ разсужденіи блѣдной на нихъ шерсти", т. е. такъ дешево...

[2]) Кираевъ командовалъ егерскимъ баталіономъ, стоявшимъ въ „старой" Таманѣ, вѣроятно, на всякій случай... Стр. 103.

[3]) Два колоса пшеницы (вѣроятно египетской) посланы были Головатымъ, какъ видно для поднесенія императрицѣ чрезъ А. М. Грибовскаго, который „состоялъ при особѣ" Екатерины II, и былъ потомъ пожалованъ въ званіе статсъ-секретаря. См. *Записки А. М. Грибовскаго*, напечатанныя въ январской книжкѣ Русск. Арх. за настоящій годъ.

что вы желаете до того еще, чтобъ *по покореніи сопредѣльныхъ вамъ народовъ, приводить ихъ въ христіанскій законъ, чему иной по легкомыслію смѣется, а иной съ добрымъ вниманіемъ желаетъ успѣха»* (48). Какъ видно изъ этого письма, Головатый и козачье хозяйство устраивалъ, и политику велъ, указывая на «государственныя пользы», которыя должны де произойти отъ Черноморскаго войска... Объ устроеніи кубанскихъ колонистовъ въ это время (1795 г.) Головатый посылалъ подробные отчеты «батьку» кошовому Чепѣгѣ, тогда находившемуся въ польскомъ походѣ, какъ видно, хотя бы и изъ слѣдующаго письма (сентябрь, 1795 г.)—«Слава Богу въ городѣ Екатеринодарѣ и во всѣхъ войсковыхъ предѣлахъ благополучно. Хлѣбъ по малой части въ урожаѣ. Размежеваніе войсковой земли кончилось сего лѣта съ пользою нашею. Церковь скоро заложится. Кирпичный заводъ устроенъ, кирпичъ уже дѣлается на церковь, куренные и войсковые домы. Сосѣди наши, большею частью набережные, сдѣлались очень дружелюбными. Изъ нихъ князь Батыръ-Гирей Щербатый поѣхалъ въ С.-Петербургъ и теперь тамо. Куренныя селенія порядочно заселяются въ своихъ мѣстахъ. Флотилія и пограничная стража благоденствуютъ. Балыковъ, икры и чего потребно, *ровно обстоятельный со дня отсутствія вашего въ Польшу журналъ* [1]) пришлю вамъ въ скорости съ нарочнымъ. По возвращеніи *посланнаго мною съ балыками, щуками и икрою изъ С.-Петербурга* [2]), съ полученными на просьбы мои резолюціами и святостями, милостивою монархинею въ соборную церковь пожалованными, я вижу, что вы моихъ двухъ писемъ не получили»... (62). Изъ этого же письма видимъ, что «соборная церковь» въ Екатеринодарѣ построена была каменная, хотя каменныхъ зданій въ Сѣчи и не было. Такая же каменная церковь построена была и въ Таманѣ: «выстроена на Тамани свято-покровская церковь каменна *съ желѣзною крышею*, съ одною банею (куполомъ), бѣлою жестью покрытою, *обнесена вокругъ каменною оградою*, колокольня же (?) и въ ней монументъ надъ мраморнымъ камнемъ, свидѣтель-

---

[1]) Этотъ въ высшей степени интересный журналъ, заключающій въ себѣ любопытныя черты житейской мудрости Головатаго, напечатанъ тутъ же, стр. 100—106.

[2]) „Прошлаго 1795 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, отправлено ко двору ея императорскаго величества и *многому генералитетству* балыковъ 220 паръ, икры 10 пудъ, щукъ 215, которые приняты съ удовольствіемъ...“ Стр. 104.

ствующимъ [1]) дѣянія князя Глѣба» (104). Въ 1797 г. церкви были построены уже во всѣхъ (болѣе 20-ти) «куреняхъ» (279). На устройство церквей въ новыхъ мѣстахъ было обращено особое вниманіе: запорожцы любили благолѣпіе церквей и благолѣпное въ нихъ служеніе. Чепѣга очень хлопоталъ, предъ своимъ епископомъ, чтобы екатеринодарскаго священника Якова Барвинскаго посвятить въ протоіерея, но у Барвинскаго не было никакихъ «аттестатовъ», почему епископъ (екатеринославскій) не имѣя права исполнить просьбу Чепѣги, совѣтовалъ какъ обойти это формальное затрудненіе (117).

Потерявъ на Запорожьи свой знаменитый Самарскій монастырь, запорожцы на первыхъ же порахъ своего кубанскаго жительства стали заботиться объ устройствѣ здѣсь новаго. Въ маѣ 1796 г. запорожцы уже устраивали у себя «монашескую пустынь», какъ видно изъ слѣд. письма ѳеодосійскаго епископа Іоны къ Чепѣгѣ (26 мая 1796 г.): «по требованію вашего превосходительства подъ вновь заводимую войска Черноморскаго монашескую пустынь, наименованную Екатеринолебяжскою Святониколаевскою, заложить мѣсто и на немъ на первый случай трапезную, во именованіе великомученицы Екатерины церковь, далъ я повелѣніе означенной пустыни отцу архимандриту Феофану» (118). О состояніи этой пустыни архимандритъ Феофанъ писалъ въ іюлѣ 1798 г. тогдашнему кошевому Котляревскому: «О постриженіи монаховъ я позволенія никакого не имѣю и нужно просить вамъ у его в.-преосвященства... Къ постригу имѣется до 15-ти человѣкъ, живутъ въ ожиданіи безвыходно третій годъ. Въ пустынѣ выстроено, по плану вамъ извѣстному, а именно: 1-е, на больничномъ мѣстѣ, на востокъ южной стороны построена келія о 6-ти поконхъ, длины 8 саж. и 1 арш. Для церкви больничной и къ прибавленію келіи мѣсто оставлено по пропорціи. 2-е, на востокъ съ сѣверной стороны трапезная церковь длиною 11 саж. и 1 арш. и ширины 4 сажени, въ одной связи; на сѣверъ трапезоповарня, пекарня и келарня. 3-е, особливо на сѣверъ же амбаръ длины 9 сажень, для содержанія разнаго хлѣба и всякой монастырской рухляди. 4-е, погребъ походной. 5-е, ледовня. 6-е, съ проѣзду отъ запада

---

[1]) Рѣчь идетъ о знаменитомъ тмутараканскомъ камнѣ. О перенесеніи его къ таманской церкви Головатымъ см. стр. 25; здѣсь онъ былъ помѣщенъ по распоряженію того же Головатаго, „на четырехъ каменныхъ столбахъ, съ порядочною крышею *откровенно, дабы вся надпись дѣяній князя Глѣба безъ трудности любопытствующимъ видна была...*"

на сѣверъ настоятельскій келій. Все вышеозначенное строеніе покрыто шелевкою сосновою. 7-е, оградою вся пустынь досками сосновыми кругомъ по плану ограждена, съ двумя вратами: 1, съ пріѣзду отъ запада на востокъ, противъ соборной церкви (имѣющейся быть) врата украшены святыми иконами и 2, съ востока на западъ для въѣзда и привозу разныхъ надобностей. Нынѣшнюю весну не строился, а просидѣлъ въ унынія, наконецъ скучилъ и началъ. 8-е, сего іюля 8 дня, за Божіей помощью, заложилъ по чиноположенію церковному и началъ строить братскія рядовыя келіи, длиною въ 30 сажень отъ запада на востокъ, на сѣверной странѣ, и надѣюсь на зиму достроиться, только будетъ остановка въ кирпичѣ для трубъ. Нѣту того милостивца, у котораго можно бы было выпросить, а у остающихся правителями и за деньги не отпустятъ. Сіи келія по одному вмѣстятъ 16 человѣкъ. *Ризница Кіево-Межигорская со всею библіотекою при описи отдана покойнымъ княземъ Потемкинымъ покойному преосвященному Амвросію и нынѣ хранится у новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гавріила.* Я совершенно знаю (?) которую я, ежемѣсячно будучи въ Полтавѣ, нарочито смотрѣлъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ. Постарайтеся, Бога ради, выпросить, ибо она тамъ вовсе ненадобна и лежитъ подъ спудомъ. Явите ея на свѣтъ. Митры я и по нынѣ не имѣю и надѣюсь, что она отдѣлана, прошу покорно черезъ оказію прислать...» (347). Это письмо устроителя Лебяжьей пустыни дало поводъ Котляревскому обратиться въ синодъ съ слѣдующимъ ходатайствомъ: «Извѣстился я, что упраздненнаго Кіево-Межигорскаго Преображенскаго монастыря ризница и библіотека находятся подъ сохраненіемъ новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гавріила безъ употребленія, а какъ нынѣшнее Черноморское войско, составленное изъ Запорожскаго войска, которое во время существованія Сѣчи было оному монастырю укладчикомъ, на вновь пожалованной ему землѣ по высочайшему соизволенію Екатерино-Лебяжскую Николаевскую монастырскую пустынь сооружаетъ, то для вспоможенія оной пустыни объ отдачѣ войску тѣхъ ризницы и библіотеки святѣйшаго правительствующаго синода покорнѣйше прошу учинить милостивое разсмотрѣніе» (349). Синодъ удовлетворилъ ходатайство Котляревскаго, но только относительно той части ризницы сѣчевой церкви, которая хранилась въ Невской Лаврѣ, и объ остальной ризницѣ предложилъ Котляревскому представить болѣе точныя свѣдѣнія—гдѣ она находится. Наведенныя справки указали,

что большая часть сѣчевой ризницы хранилась въ Новомиргородскомъ монастырѣ [1]); тутъ же оказалась и ризница межигорская, между вещами которой оказались, между прочимъ, *сабля и перначъ Семена Палія* (268). Изъ сѣчевой церкви въ Н. Миргородѣ оказалось: «евангелій 11, ризъ болѣе ста, книгъ церковныхъ болѣе 300». Многія вещи изъ этой ризницы были розданы Потемкинымъ въ другія церкви; часть онъ подарилъ въ Николаевъ, въ соборную церковь: «сѣчевое евангеліе одно, крестъ *золотой* одинъ и десять ризъ парчевыхъ богатыхъ». Послѣ многихъ стараній «Черноморскому войску» удалось выхлопотать возвращеніе, повидимому, значительной части бывшей сѣчевой ризницы; подробный списокъ предметовъ этой ризницы напечатанъ на стр. 269—273. Между евангеліями, обращаетъ на себя вниманіе евангеліе, пожертвованное въ сѣчевую покровскую церковь въ 1763 г. тогдашнимъ войск. судьею Петромъ Калнишевскимъ (позже—кошевымъ). Евангеліе это «съ серебромъ, каменьемъ и позолотою» оцѣнено въ 1025 рублей. Тутъ же въ спискѣ показаны: «потиръ, тарелочка, звѣзда, лжица и копіе, *оказавшіеся* въ 1793 году *при экипажѣ* покойнаго князя Потемкина». На устройство «пустыни» «войско» отпустило изъ своей казны тридцать тысячъ, кромѣ мельницъ, рыбныхъ заводовъ, пчелъ и разнаго скота. Въ 1799 г. Котляревскій очень заботился объ упорядоченіи монастырскаго хозяйства и сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи въ точную извѣстность монастырскаго имущества (384 и 390) [1]).

Устройство кубанскихъ колонистовъ шло нормальнымъ путемъ до января 1797 г., когда почти въ одно время умерли *столпы* «войска» —кошевой Чепѣга (16 января) и судья Головатый (28 января). Несомнѣнно, что оба эти лица положили много труда на устройство запорожской колоніи на берегахъ Кубани и будущій ея историкъ подробно опишетъ эти заслуги. Здѣсь же скажемъ, что Чепѣга и Головатый, преслѣдуя одну цѣль, принадлежали къ совершенно различнымъ типамъ *Чепѣга* сохранилъ черты запорожцы старыхъ временъ; онъ, повидимому мало заботился о личныхъ своихъ дѣлахъ, можетъ быть потому, что остался неженатымъ, въ то время

---

[1]) Заштатный городъ Новомиргородъ находится въ Елисаветгр. уѣздѣ. Монастырь, кажется, теперь не существуетъ.

[1]) О теперешнемъ состояніи Лебяжьей пустыни см. Ставроп. Епарх. Вѣдом. 1898 г., № 24. Какъ извѣстно, съ 1849 г. у кубанцевъ существуетъ и женскій монастырь—*Маріинская пустынь*. О ней см. тамъ-же, стр. 1237—1240.

какъ Головатый, ревнуя объ устроеніи «войска», не забывалъ и личныхъ интересовъ.—Чепѣга очень хорошо характеризуется изъ его письма, писаннаго въ мартѣ 1796 года, къ Головатому [1]), послѣ польскаго съ Суворовымъ похода. Приводимъ здѣсь полностью это письмо. «Благодарствую вамъ покорно за добрыя желанія ваши и за поклоны отъ почтеннѣйшей *супруги вашей Ульяны Григорьевны*, любезныхъ сыновъ и дочерей вашихъ, въ письмѣ своемъ отъ 8 февраля изъясняемыя. Мнѣ пріятно, что Богъ послалъ вамъ такихъ любезныхъ дѣтей, дай Боже, шобъ здорови да долголѣтни булы.

Походъ въ Польшу былъ, слава Вседержителю нашему Богу, благополучный. Корпусъ нашъ подъ начальствомъ генерала Дерфельдена шелъ до Слонима и мы, бывши съ польскими мятежниками на восьми небольшихъ сраженіяхъ, гнали ихъ, якъ зайцивъ ажъ до самой Праги, что насупротивъ столичнаго города Варшавы, и тутъ уже, по соединеніи съ батькомъ графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ, обступивши, доклали воза и всѣхъ непріятелей, въ Прагѣ бывшихъ, выкололи, а решику (решту?) вытопили въ Вислѣ. Тутъ ихъ наклали, такъ якъ мосту. На Варшаву, якъ учали съ гарматъ стрѣлять и влучать [2]) по королевскихъ будинкахъ, такъ вона заразъ и сдалась. Послѣ сего все ихъ людское воинство истреблено, а жители обезоружены, для лучшаго же увѣренія прилагаю у сего копію съ письма ихъ польскаго короля Станислава, писаннаго къ государынѣ въ 1794 году. Батько нашъ графъ Александръ Васильевичъ, также, бачу, по нашему ляховъ не любитъ, и я думаю, ихъ (ижъ?) Польша сего гостя повѣкъ не забуде. *Вы рекомендуете дочку Лидію въ невѣсты*. Благодаренъ Вамъ, пусть буде здорова и премноголѣтня. Жаль, что изъ Польши пришовъ, такъ доси не оженився, все тымъ, що нема счастья. Особливо въ Польшѣ хотѣлось полячку забрать, такъ никого было въ старосты взяты. Не знаю, якъ дале уже буде. Я и тутъ надываюсь сватать княгинь черкескихъ у горскихъ князей. Во время слѣдованія моего съ полками, въ октябрѣ мѣсяцѣ, съ Польши, имѣлъ слу-

---

[1]) Въ текстѣ „Сборника“ письмо это означено адресованнымъ какому-то *Петру Михайловичу NN*, но, повидимому, адресатъ здѣсь обозначенъ ошибочно, такъ какъ женою его называется Ульяна Григорьевна, а это была жена Головатаго, какъ видно изъ словъ его невѣстки, приводимыхъ на стр. 285.

[2]) *Влучать* значитъ мѣтить, попадать. Видимо, что слово это и теперь живущее происходитъ отъ слова *лукъ*, стрѣлы котораго влучали въ цѣль.

чай въ почтенной матушки вашей Булацельшѣ быть, гдѣ и съ ихъ любезнымъ шуриномъ вашимъ угощенъ былъ отмѣнно, и не только мы всѣ кампаніею, но и кони ваши были довольны, что мнѣ чрезвычайно пріятно было, за что и вамъ, равно и Ульянѣ Григорьевнѣ усерднѣйше благодаренъ [1]) (116).

Головатый имѣлъ большую семью и старательно заботился объ ея обезпеченіи. При описи имущества Головатаго, послѣ его смерти, оно было оцѣнено въ 215 тысячъ рублей. При его дер. Веселой значилось земля 35 тыс. десятинъ и крестьянъ 49 д. об. п. [2]) Любопытно, что когда въ январѣ 1796 г. Зубовъ приказывалъ Чепѣгѣ отрядить въ персидскій походъ «тысячу самыхъ отборныхъ молодцевъ съ добрыми старшинами» (163), то въ то же время извѣстный Грибовскій писалъ Головатому: «его с—во гр. Пл. Ал—чъ пишетъ къ вамъ (т. е. передаетъ черезъ Грибовскаго) чтобы вы, *если хотите*, шли съ командою въ Астрахань (т. е. въ персидскій походъ), но сіе предоставляетъ собственно на волю вашу и отнюдь вамъ въ вину не поставится, *если вы останетесь дома. Я говорю вамъ то, что знаю*». (163). Не смотря на это письмо, Головатый «за особливое счастье и долгъ поставилъ самъ себя къ сему походу изготовить и въ февралѣ 1796 г. повелъ въ походъ два полка «отборныхъ молодцевъ». Почти годъ пробылъ Головатый въ этомъ походѣ и «имѣя командированіе каспійскимъ флотомъ на Кизиль-Агацкой рейдѣ и войсками на полуостровѣ Камышевани состоящими, генваря въ 28, день скончалъ животъ свой, а 29 съ отличною церемоніей отъ морскихъ и сухопутныхъ силъ погребенъ» (223).

---

[1]) Отсюда можно думать, что жена Головатаго была рожденная Булацель.

[2]) Слѣдуетъ думать, что эта д. Веселая находилась гдѣ нибудь въ Херсонской губерніи, въ которой съ этимъ названіемъ селъ существуетъ не меньше десятка. Часть крестьянъ изъ Веселой Головатый перевелъ на Кубанъ и здѣсь ихъ „отпустилъ свободно", какъ это видно изъ сообщенія Котляревскаго, который въ 1798 г. писалъ, что „Головатый за жизнь при разговорахъ съ покойнымъ кошовымъ Чепѣгою о удерживаемыхъ многими помѣщиками людяхъ, сему войску (Кубанскому) принадлежащихъ, многократно напоминалъ объ оныхъ людяхъ тако: „я же своихъ людей, по желанію ихъ, вышедшихъ въ Черноморское войско на службу государеву, не только бывшихъ запорожцевъ, но какіе бы они не были, за ихъ усердіе къ службѣ, *отпустилъ* свободно. Чему соотвѣтствуя и кошовый Чепѣга про своихъ *подданныхъ людяхъ* тоже самое говорилъ". (337). Изъ этого любопытнаго свидѣтельства, видно, что послѣ разоренія сѣчи многіе запорожцы были сначала записаны въ „подданные", а потомъ, конечно, и закрѣплощены. Какъ видно и у Головатаго были „подданные" изъ запорожцевъ.

Такимъ образомъ основателю Кубанской колоніи запорожцевъ пришлось сложить голову на далекомъ и пустынномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ могила его, конечно, сразу была потеряна. Вѣсть о смерти Головатаго дошла до Петербурга не скоро, такъ какъ 21 марта 1797 г. подписанъ былъ указъ сенату о «пожалованіи войсковаго судьи бригадира Головатого кошовымъ атаманомъ войска Черноморскаго». (243). Какъ видно, назначеніе это послѣдовало въ силу той извѣстности, которою Головатый пользовался не только дома, но и въ Петербургѣ. Но конечно вѣсть о смерти Головатаго въ столицу дошла вслѣдъ засимъ, и кошовымъ былъ пожалованъ войск. писарь Котляревскій. При немъ положеніе общественныхъ дѣлъ въ Кубанскомъ «войскѣ» круто измѣнилось. Котляревскаго не любили вообще, не любили его умершіе Чепѣга и Головатый; не любило его и все «войско». Повидимому, склонность къ интригѣ Котляревскаго была главною причиною этой нелюбви. Котляревскій назначенъ былъ кошевымъ лѣтомъ 1797 г., а черезъ годъ, лѣтомъ 1798 г. «черноморское войсковое правительство» доносило между прочимъ этому кошевому»: къ первому стѣсненію сего войска, которое за прежнихъ начальниковъ кошового Чепѣги и судьи Головатаго разными обстоятельствами *претерпѣло въ состояніи своемъ великое разореніе* такъ что и ввѣренныя ему границы въ разсужденіи малаго его (войска) количества и крайней скудости защищаетъ съ нуждою, *о чемъ ваше в. благородіе, будучи извѣстны, и его и. величеству всеподданнѣйше донесли, какъ и сіе правительство увѣдомили...*» (319). Видно, что донесеніе это писано по внушенію Котляревскаго, который при всякомъ удобномъ случаѣ набрасывалъ тѣнь на дѣятельность умершихъ Чепѣги и Головатаго (426), а иногда указывалъ факты будто бы несомнѣнныхъ ихъ преступленій (441). Неприязнь «войска» къ Котляревскому рѣзко выразилась при волненіяхъ козаковъ, вернувшихся изъ персидскаго похода, которые претендовали за какія-то «обиды, претерпѣнныя въ персидскомъ походѣ» (409). Котляревскій не смогъ успокоить этого «бунта» именно вслѣдствіе не популярности среди козаковъ, которые, вовсе не хотѣли признавать его кошевымъ. Когда для усмиренія «бунта» прибылъ въ Екатеринодаръ полковникъ Пузыревскій (присланный изъ Петербурга собственно для инспектированія на югѣ кавалерійскихъ полковъ), то, по словамъ самаго Котляревскаго, „бунтующихся козаковъ благоразумными совѣ-

тами смирилъ; а когда на другой день, при собраніи у войсковой церкви, тотъ полковникъ объявилъ козакамъ, что его, Котляревскаго, его и. величество пожаловалъ войсковымъ атаманомъ, то они первѣе всего громко, единогласно и многократно кричали такъ: «не хотимъ, чтобъ онъ, Котляревскій, былъ намъ атаманомъ!... За что же они намѣревали меня не принять начальникомъ, а стремились убить, я знать не могу»... (Стр. 425—27). Объ этомъ событіи подробно потомъ доносило «войсковое правительство» въ военно-судную коммиссію (въ апрѣлѣ 1798 г.), при чемъ народное недовольство противъ Котляревскаго выражалось въ такой формѣ криковъ: «пущай де уже Котляревскій пануе, покуда мы его кое-какъ избудемъ, ибо онъ у насъ не будетъ долго пановати» (455). «Тѣсно стало Котляревскому въ войскѣ отвсюду» (427) и онъ уѣхалъ въ Петербургъ «для испрошенія о войсковыхъ нуждахъ высочайшей милости» (428). Въ Петербургѣ же Котляревскій писалъ свои объясненія противъ жалобъ на него «бунтовщиковъ» (331). Въ Петербургѣ Котляревскій нашелъ благопріятелей въ лицѣ такихъ ловкихъ царедворцевъ, какъ, напр., гр. Морковъ, (457) и вернулся на Кубань въ декабрѣ 1798 г. съ большими полномочіями, при чемъ, для особой помпы этого возвращенія, въ Екатеринодарѣ устроена была такая встрѣча возвратившемуся «атаману»: «Командиры войска честь ему отдали, семъ разъ выстрѣлено изъ пушекъ, съ пиками и знаменами, церковными знаками, войсковыми то-жъ, и священники съ полнымъ церковнымъ уборомъ его Котляревскаго встрѣтили, да еще по повелѣнію священника войсковые дьячки пѣли воскресный тропарь Котляревскому— «днесь спасеніе міру бысть, поемъ воскресшему изъ гроба и начальнику жизни нашея, разрушивъ бо смертію смерть, побѣду даде намъ и велію милость» (485). «Велія милость» между прочимъ заключалась и въ томъ, что Котляревскому дано было въ столицѣ право «уничтожить въ войскѣ великое разстройство и безпорядокъ» и «исправить оное на истинный путь повиновеніемъ власти» (457). Для этого Котляревскій рѣшилъ прежде всего перемѣнить куреныхъ атамановъ и избрать новыхъ изъ «честнаго и самонадежнѣйшаго общества». «Для чего почитаю за нужное быть въ каждомъ куренѣ атаманомъ, примѣрно бывшимъ въ войскѣ запорожскомъ, вѣжливымъ, расторопнымъ, разумѣющимъ страхъ Божій, страхъ государевъ и грозящіе его законы, также воинскую службу и хозяйственное распоряженіе» (340). Но «войско» и тутъ заявило свой протестъ противъ

Котляревскаго, называя его «самозванцомъ и бѣглецомъ», такъ какъ не повѣрило тому, что онъ по высочайшему повелѣнію «пожалованъ войску Черноморскому въ войсковые атаманы, произведенъ генералъ-майоромъ и отправленъ для управленія своимъ войскомъ» (458). Такъ писалъ самъ Котляревскій въ январѣ 1799 г. Впрочемъ «благомыслящее общество» козаковъ должно было покориться Котляревскому, и онъ началъ безпрепятственно «уничтожать въ войскѣ разстройство и безпорядокъ». Но кажется, что усердіе Котляревскаго перешло нужную мѣру, такъ какъ въ февралѣ 1799 г. на его имя данъ былъ слѣдующій рескриптъ императора Павла: «Господинъ генералъ-майоръ Котляревскій! По полученному мною донесенію вашему отъ 14 февраля, повелѣваю вамъ никакихъ перемѣнъ не дѣлать во ввѣренныхъ вамъ Черноморскихъ войскахъ, которыхъ хочу оставить въ томъ же положеніи, какъ были при восшествіи моемъ на всероссійскій престолъ» (255).

Изъ проведенныхъ выпусковъ видно, какія научно-интересныя свѣдѣнія для исторіи Кубанской колоніи запорожцевъ заключаются въ четвертомъ томѣ «Сборника матеріаловъ». Издатель послѣдняго конечно, заслуживаетъ полной благодарности за обнародованіе такихъ важныхъ матеріаловъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть, что г. Дмитренко и въ теперь изданномъ томѣ, какъ и въ первыхъ трехъ, опускаетъ *надписи* и *подписи* въ напечатанныхъ бумагахъ. Эти опущенія затемняютъ значеніе нѣкоторыхъ бумагъ и являются причиною недоразумѣній, какое встрѣчаемъ, напр., въ письмѣ Чепѣги (№ 125) которое, повидимому, писано было вовсе не къ Петру Михайловичу N. N., какъ значится въ книгѣ.

Будемъ ожидать послѣдующихъ томовъ „Сборника“, такъ какъ кубанскій войсковой архивъ, повидимому, хранитъ въ себѣ богатый запасъ «матеріаловъ».

А. Л.

Памятники, *изданные Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томы I—II и III (въ двухъ книгахъ.) Изданіе второе, съ дополненіями. Кіевъ. 1898 г. 8 д. л. I и II т.т.—VI+616 и III т.—XVI+600 стр. Цѣна по 2 р. за каждую книгу.*

Въ этомъ изданіи давно настояла потребность. «Памятники», какъ извѣстно, принадлежатъ къ начальнымъ изданіямъ Кіевской

Археографической Коммиссіи. Первый томъ ихъ вышелъ въ свѣтъ въ 1845 г., второй въ 1846, третій въ 1852 и четвертый въ 1859 годахъ. Послѣдній томъ еще имѣется въ продажѣ, но первые три давно сдѣлались библіографическою рѣдкостью; между тѣмъ научная цѣнность заключающихся въ нихъ историческихъ матеріаловъ нисколько не ослаблена временемъ. Здѣсь помѣщены, напримѣръ, такіе драгоцѣнные документы, какъ памятники южно-русскихъ церковныхъ братствъ: Луцкаго, Кіевскаго и Львовскаго, описи королевскихъ и частновладѣльческихъ имѣній XVI—XVII ст. и въ особенности—обширная политическая переписка правительственныхъ и частныхъ лицъ, относящаяся къ войнамъ Б. Хмельницкаго, гетманству Выговскаго и Юрія Хмельницкаго. Весьма многіе изъ этихъ матеріаловъ извлечены изъ архива, давно потеряннаго для нашего края: разумѣемъ богатѣйшій архивъ и библіотеку бывшаго кіевскаго помѣщика Каэтана Свидзинскаго. Онъ состоялъ нѣкогда почетнымъ членомъ Коммиссіи и щедрою рукою обогащалъ ее сокровищами изъ своего драгоцѣннаго собранія. Послѣ его смерти это собраніе было увезено изъ края и до сихъ поръ пребываетъ подъ спудомъ въ Варшавѣ.

Новое изданіе первыхъ трехъ томовъ «Памятниковъ» не есть простая перепечатка прежняго. Не говоря о томъ, что въ новомъ изданіи документы расположены въ болѣе строгомъ хронологическомъ порядкѣ, свѣрены съ подлинниками и снабжены болѣе точными заголовками,—здѣсь мы встрѣчаемъ значительное число (78 нумеровъ) совершенно новыхъ документовъ по содержанію однородныхъ съ прежде изданными. Такіе документы распредѣлены почти по всѣмъ отдѣламъ каждаго тома. Болѣе другихъ пополнены: отдѣлъ документовъ, относящихся къ исторіи Луцкаго братства и въ особенности отдѣлъ «Матеріаловъ по исторіи Малороссіи». Новые матеріалы извлечены изъ разныхъ источниковъ: изъ Центральнаго Архива, изъ рукописнаго собранія Коммиссіи и болѣе всего изъ Московскаго Архива Министр. Иностр. Дѣлъ. Наиболѣе интереснымъ изъ такихъ вновь прибавленныхъ матеріаловъ слѣдуетъ признать краткую Лѣтопись о войнахъ Хмельницкаго (1647—1656 г.), составленную кѣмъ-то изъ поляковъ, принимавшимъ въ ней личное участіе. Она представляетъ совершенную аналогію съ козацкими лѣтописями о тѣхъ же событіяхъ и отличается рѣдкимъ безпристрастіемъ. Хорошо сдѣлала редакція новаго изданія «Памятниковъ», что помѣстила подлинный

текстъ записки Криштофа Перетятковича объ услугахъ, оказанныхъ имъ Рѣчи-Посполитой въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ козаками въ 1657—1659 г.г. Когда то, лѣтъ 25 тому назадъ, русскій переводъ этой записки былъ напечанъ, въ Кіевскихъ «Университ. Извѣстіяхъ» въ числѣ студенческихъ работъ, подлинный же текстъ ея не былъ изданъ; между тѣмъ въ запискѣ сообщаются драгоцѣнныя свѣдѣнія объ исторіи составленія «Гадацкихъ пактовъ», о семьѣ Выговскаго, о Сомкѣ и др. старшинахъ. Не лишены также интереса документы, заключающіе новыя извѣстія о взятіи козаками Люблина въ 1655 г., объ оккупаціи козацкими войсками Волыни и Полѣсья въ 1658—59 гг., о Конотопской битвѣ и проч.

Въ прежнемъ изданіи акты на западно-русскомъ языкѣ были напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ, и всѣ тексты — не только латинскіе и польскіе, но даже западно-русскіе—снабжены переводами на русскій языкъ; теперь славянскій шрифтъ совершенно основательно замѣненъ русскимъ, а переводы исключены, какъ ненужные для спеціалистовъ и лишь безъ надобности увеличивавшіе объемъ изданія. Этимъ путемъ достигнутъ тотъ выигрышъ, что прежнее трехъ-томное изданіе, въ общей сложности занимавшее болѣе 150 печатныхъ листовъ, теперь помѣстилось въ двухъ книгахъ, по 40 печ. листовъ въ каждой, несмотря на то, что новое изданіе почти на $1/5$ обогащено новыми матеріалами и снабжено подробными (личнымъ и географическимъ) указателями. Въ тѣхъ же видахъ сокращенія издержекъ по изданію, исключена большая часть рисунковъ и палеографическихъ снимковъ, приготовленныхъ къ первому изданію, съ сохраненіемъ лишь двухъ видовъ Кіева, рисованныхъ въ 1651 году. На этихъ рисункахъ изображены: сухопутное (у стѣнъ Кіево-Подола) и рѣчное (на Днѣпрѣ) сраженія козаковъ, какъ кажется, съ войсками литовскаго гетмана Радзивилла. Къ сожалѣнію, ни въ новомъ, ни въ прежнемъ изданіяхъ къ этимъ интереснымъ рисункамъ не достаетъ необходимаго объясненія относительно ихъ происхожденія. Вѣроятно, прежняя редакція не догадалась этого сдѣлать, а новая—не имѣла нужныхъ для такого объясненія данныхъ.

Ѳ. М.

Труды черниговской губернской архивной коммиссіи. *1897—1898. Вып. 1. Черниговъ. Стр. 1—64 и 1—48.*

Черниговская архивная коммиссія возникла въ 1896 г., а правильно функціонировать начала съ іюля 1897 года. Теперь передъ нами лежитъ первый выпускъ ея трудовъ. Книжка эта распадается на два отдѣла: первый—бо́льшій заключаетъ въ себѣ разсказъ объ учрежденіи Коммиссіи и протоколы первыхъ ея засѣданій, во второмъ напечатанъ рядъ документовъ, касающихся святителя Θеодосія Углицкаго, архіепископа черниговскаго, и вѣновный реестръ, т. е. опись приданого, полученнаго въ 1786 г. поручикомъ А. А. Θедоровичемъ за А. В. Зарудною. О св. Θеодосіи напечатано 26 документовъ, частью до сихъ поръ неизданныхъ, частью перепечатанныхъ изъ другихъ изданій. Мы не можемъ, конечно, не поблагодарить издателя документовъ А. А. Доброгаева за перепечатку нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ «Черниг. Губ. Вѣдомостей» за старые годы, но думаемъ, что не было надобности перепечатывать другіе изъ такихъ доступныхъ изданій, какъ «Историко-стат. описаніе Черниг. епархіи», «Акты южн. и зап. Россіи», «Лѣтопись» Величка. Не можемъ также не указать на то, что примѣчанія издателя большею частію не совсѣмъ удовлетворительны и могутъ только ввести въ заблужденіе мало свѣдущаго читателя. Приведемъ два-три примѣра. О Нѣжинѣ говорится слѣдующее: «Нѣжинъ, по лѣтописи Унѣжа, извѣстенъ съ 1147 г.; когда Ольговичи «пошли на Глѣба къ Чернигову». Въ 1326 г. Нѣжинъ былъ покоренъ литовцами, а въ 1386 г. онъ былъ староствомъ польскимъ. Въ 1618 г. онъ былъ подъ властію Москвы, а при Сигизмундѣ опять не надолго подпалъ подъ власть поляковъ. Съ 1636 г. Нѣжинъ уже резиденція нѣжинскаго полковника» (Труды отд. II, стр. 15). Въ лѣтописи подъ 1147 г. упоминается не Унѣжа, а Уненѣжъ и вовсе не потому поводу, что Ольговичи пошли на Глѣба, да и пошли то они не на Глѣба, а черезъ городъ Глѣбль («на Глѣбль»), а потому, что Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи сожгли Уненѣжъ вмѣстѣ съ другими городами (см. Ипат. лѣт. стр. 252). Откуда, наконецъ, авторъ примѣчаній взялъ, что Нѣжинъ былъ взятъ литовцами въ 1326 г. или что онъ былъ *польскимъ* староствомъ въ 1356 г., т. е. въ моментъ первой династической уніи Литвы съ Польшей; если въ грамотѣ Сигизмунда III, данной Нѣжину въ 1625 году, читаемъ «...городище наше Нѣжинъ, въ

княжествѣ Черниговскомъ лежащее, теперь *новооселье*» (см. Лазаревскій. Описаніе ст. Малороссіи, II, 51). Откуда, далѣе, г. Доброгаеву извѣстно, что Нѣжинъ былъ полковничьею резиденціею съ 1636 г., когда первый извѣстный нѣжинскій полковникъ Шумейко упоминается только въ 1649 г. (см. Лазаревскій, II, 3). О Новгородѣ-Сѣверскѣ г. Доброгаевъ говоритъ: „Въ 1033 г. Мстиславъ Владимировичъ одержалъ при помощи Новгородсѣверцевъ побѣду надъ Кіев. княземъ Ярославомъ, и въ память ихъ храбрости назвалъ ихъ городъ княжествомъ. Тяжелая рука Батыя не пощадила Н.—онъ былъ разоренъ татарами. Въ 1686 г. послѣ мира Яна Собіесскаго, Н. перешелъ въ подданство Россіи и сдѣланъ сотеннымъ городомъ». (Труды II, 38). Опять рядъ ошибокъ. Столкновеніе Мстислава съ Ярославомъ было не въ 1033, а въ 1024 году, и помогали Мстиславу, не новгородсѣверцы, а сѣверяне, т. е. жители всей Сѣверской земли; (Ип. лѣт., стр. 103—104). Далѣе, ни при Мстиславѣ, ни позднѣе до конца XI ст. ни о какихъ князьяхъ Новгородъ-Сѣверскихъ лѣтописи не упоминаютъ; Чернигово-Сѣверское княжество дѣлится на два только по любецкому договору 1097 г. Къ Московскому государству Н.-С. былъ присоединенъ при Иванѣ III и перешелъ къ полякамъ только по Деулинскому договору, изгнаны же отсюда поляки были въ 1648 г. На стр. 32 мѣстечко Мена ошибочно названо заштатнымъ городомъ. Не лучше и біографическія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ документахъ лицахъ. Такъ на стр. 13 г. Доброгаевъ смѣшиваетъ двухъ Яковов Лизогубовъ—черниг. полковника Якова Кондратьевича Л-ба, отличившагося подъ Азовомъ въ 1696 г. и умершаго въ 1698 г., съ его внукомъ Яковомъ Ефимовичемъ Л-мъ, генеральнымъ обознымъ, умершимъ въ 1750 году. Къ тексту документовъ приложено 4 прекрасно исполненныхъ снимка съ документовъ.

Мы указали на недостатки, которыми отличается 1-й выпускъ Трудовъ Черниговской Архивной Коммиссіи. Не сомнѣваемся, что издатели внимательнѣе отнесутся къ слѣдующимъ выпускамъ. Новое дѣло всегда налаживается съ трудомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не выразить живѣйшаго сочувствія къ первой въ нашемъ краѣ архивной коммиссіи и не пожелать ей успѣшной дѣятельности. То горячее участіе, съ какимъ отнеслись къ ней представители мѣстной администраціи (особенно черниг. губернаторъ Е. К. Андреевскій и губернскіе предводители дворян-

ства—нынѣшній кн. Н. Д. Долгоруковъ и бывшій гр. Г. А. Милорадовичъ), а равно губернское и уѣздныя земства и общественныя управленія многихъ городовъ Черниговской губ., ассигновавшія ей единовременныя и ежегодныя пособія, служитъ ручательствомъ, что коммиссія будетъ имѣть возможность работать, если найдутся работники, а матеріала для работы и въ Черниговѣ, и въ Черниговской губ.— непочатый уголъ.

Е. К.

Воспоминанія и дневники Адр. Мойс. Грибовскаго. *Съ подлинной рукописи. (Русск. Арх. 1898 г., № 1, стр. 1—166).*

Записки извѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины II Грибовскаго были изданы уже два раза: въ Москвитянинѣ 1847 г., а въ другой разъ—полнѣе—въ 1864 г., отдѣльною книжкою. «Дневники» печатаются теперь въ первый разъ. Грибовскій уроженецъ г. Лубенъ (Полт. губ.), гдѣ отецъ его «служилъ есауломъ *напольнаго* малороссійскаго казачьяго войска», какъ говоритъ теперешній издатель дневниковъ. Слово *напольный* здѣсь кѣмъ то выдумано; слѣдуетъ полагать, что отецъ Грибовскаго былъ есауломъ Лубенскаго *городоваго* полка. Сынъ этого есаула началъ было дѣлать блестящую карьеру, попавъ въ статсъ-секретари Екатерины II, но смерть императрицы оборвала эту карьеру и Грибовскій былъ высланъ изъ Петербурга, а черезъ годъ попалъ и въ крѣпость. Настоящій издатель его воспоминаній отмѣчаетъ у Грибовскаго «полное отсутствіе ма обособленности въ характерѣ». Въ воспоминаніяхъ Грибовскаго для насъ интересны сообщаемыя имъ свѣдѣнія о Безбородкѣ (стр. 6—9) и Трощинскомъ (стр. 14). О первомъ, котораго Грибовскій называетъ «нашимъ гетманцемъ», говорится, что онъ былъ неспѣсивъ, въ обхожденіи ласковъ, привѣтливъ и нѣсколько застѣнчивъ; *всѣхъ даже послѣднихъ чиновниковъ называлъ вы...* Упоминаетъ Гр—ій о какой-то *запискѣ графа Безбородко о Малороссіи,* составленной, повидимому, для императрицы. О Трощинскомъ Гр—ій отмѣчаетъ *въ 1832 г.*, добытое имъ лишь теперь свѣдѣніе, что «Дм. Прок. Тр—ій происходилъ изъ казаческаго званія Черниговской губерніи...» Упоминаетъ Гр—ій еще о томъ, что когда «рагузинецъ»

Алтести потерялъ кредитъ у Зубова, то «бывшія у него на рукахъ дѣла отданы были помощнику его по иностранной части Полетикѣ». Къ этимъ словамъ издатель Русск. Арх. дѣлаетъ примѣчаніе: это сочинитель «Исторіи Малороссіи», приписанной преосвящ. Георгію Конисскому». Если при этомъ разумѣется Григорій Андреевичъ Полетика, то послѣдній умеръ въ 1784 г., когда Зубовъ, при дворѣ еще и не появлялся. Упоминаемый Гр—имъ Полетика былъ Григорій Ивановичъ, двоюродный братъ предполагаемаго автора *Исторіи Русовъ*.

Для характеристики самого Грибовскаго, какъ общественнаго дѣятеля, интересно слѣдующее мѣсто его воспоминаній. «Судъ надъ Измайловымъ кончился тѣмъ, что показанія большею частью нелѣпыя и противорѣчащія дворовыхъ людей о его распутной жизни уважены; его велѣно передать за блудодѣяніе и небытіе на исповѣди и причастіи церковному покаянію, а имѣніе содержать въ опекѣ самому же ему жить въ деревнѣ безвыѣздно. Свидѣтельство многихъ благородныхъ дворянъ о его пристойной и честной жизни и хорошемъ съ своими дворовыми людьми обращеніи оставлено безъ уваженія, потому что они сосѣди и ему знакомы; но кто же и можетъ знать о жизни сосѣда какъ не сосѣди?... *) Теперь спрашивается, какъ обходиться помѣщику съ дворовыми крѣпостными своими людьми? Люди сіи, вообще находясь въ невѣжествѣ, рѣдко бываютъ добронравны: при тихости господина бываютъ пьяницы и развратны, а при строгости злобны, дерзки и опасны, особливо при теперешней (1831 г.) потачкѣ со стороны правительства. Законныхъ правилъ, какъ съ ними господамъ обходиться, нѣтъ. По прежнимъ обычаямъ они отданы въ неограниченную власть и зависимость своихъ господъ которые могли тѣлесно ихъ наказывать и только не имѣли ва лишать ихъ жизни; а законами подъ жестокою казнію запрещено имъ на господъ своихъ доносить, кромѣ первыхъ двухъ пунктовъ. Но обычаи измѣнились, законы вышли изъ употребленія (?), и правительство, просвѣщенное новымъ образованіемъ, считая, что прежнее крѣпостное право помѣщиковъ надъ крестьянами не совмѣстно съ теперешнимъ временемъ и полагая, что надобно оное ограничить,

---

*) О *жестокости* обращенія Измайлова съ его крѣпостными см. обширную статью г. Славучинскаго—„Генералъ Измайловъ и его дворня",—въ послѣднихъ книжкахъ „Древн. и Нов. Россіи" 1876 г.

уже около 40 лѣтъ какъ начало принимать отъ крѣпостныхъ людей доносы на помѣщиковъ, вмѣшиваться во внутреннее ихъ управленіе крестьянами и за жестокое обращеніе налагать на первыхъ разныя взысканія. Чéрезъ сіе помѣщики поставлены въ большое затрудненіе и опасность, а злонамѣреннымъ и дышащимъ своевольствомъ крѣпостнымъ людямъ данъ поводъ къ возмущенію противъ своихъ господъ и къ доносамъ на нихъ. Но извѣстно, что, по невѣжеству и грубости крестьянъ и дворовыхъ людей, невозможно со многими изъ нихъ обходиться безъ строгости, особливо при хозяйственныхъ работахъ. Помѣщики, обязанные въ голодное время кормить своихъ крестьянъ, должны стараться на это приготовлять излишній запасъ хлѣба, слѣдовательно и крестьянъ къ работамъ понуждать. Но правительство въ это не входитъ, а требуетъ только, чтобъ помѣщики обходились съ крестьянами своими безъ строгости и въ голодное время ихъ кормили; въ противномъ случаѣ имѣніе велѣно брать въ опеку. Въ семъ случаѣ, если бы помѣщикъ съ своимъ семействомъ остался безъ прислуги и безъ пропитанія, то правительству также до этого дѣла нѣтъ, а только требуется, чтобъ крестьяне и дворовые люди были удовлетворены и казенныя повинности исправлены. Посему правительство обязано для общаго спокойствія постановить точныя правила, какъ для помѣщиковъ, такъ и для ихъ подданныхъ, какимъ порядкомъ первымъ съ послѣдними обращаться и ограничить взаимныя ихъ обязанности, т. е. до какой степени власть первыхъ и зависимость послѣднихъ должны простираться и какимъ взысканіямъ за нарушеніе сихъ правилъ обѣ стороны должны подвергаться. Нынѣшнее же помѣщиковъ къ своимъ людямъ отношеніе нестерпимо...»

Въ этомъ *голосѣ помѣщика* для насъ интересно слышать, что уже первое поколѣніе разныхъ „обозныхъ“ и „есауловъ“, будучи поставлено въ благопріятныя условія, настолько освоилось съ крѣпостнымъ правомъ, что считало себя въ правѣ даже протестовать хотя бы противъ малѣйшаго правительственнаго начинанія, направленнаго къ облегченію крѣпостнаго состоянія....

А. Л.

Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. К. Харлампиовича. *Казань, 1898 г. Стр. XIII+524, съ приложеніемъ именного и географическаго указателей. Цѣна 3 р. съ пересылкою.*

Отлагая подробный отзывъ, объ этой цѣнной въ научномъ отношеніи книгѣ до другого времени, считаемъ нужнымъ покамѣстъ познакомить читателей съ ея богатымъ и интереснымъ содержаніемъ. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ подробно обозрѣваетъ существовавшія въ западной Россіи въ XVI—XVII вв. *католическія школы:* каѳедральныя и приходскія, іезуитскія, духовныя семинаріи и Замостьскую академію. Второй отдѣлъ посвященъ *протестантскимъ школамъ*, возникшимъ въ Литвѣ и Зап. Руси въ половинѣ XVI ст. Въ третьемъ, самомъ обширномъ отдѣлѣ изложена исторія *православныхъ училищъ:* приходскихъ и монастырскихъ, Острожскаго училища и всѣхъ (большихъ и малыхъ) братскихъ школъ. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ посвященъ обзору *уніатскихъ* училищъ. Авторъ пользовался громадной массой источниковъ и пособій (русскихъ, польскихъ и иностранныхъ) и изложилъ свой предметъ съ достаточной полнотой.

Гдѣ обучалось подольское духовенство до учрежденія духовной семинаріи. Историческій очеркъ А. Лотоцкаго. (*Изъ Под. Епарх. Вѣдом. 1898 года*). *Кам.-Подольскъ, 1898. 8 д. л. 47 стр.*

Брошюра заключаетъ въ себѣ обстоятельный сводъ печатныхъ извѣстій по вопросу о состояніи образованности духовенства въ Украинѣ вообще и въ Подоліи, въ частности,—до конца XVIII ст.. Начавъ съ древнѣйшихъ временъ, авторъ говоритъ затѣмъ о просвѣтительной роли монастырей (Ладавскаго, Бакотскаго, Кіево-Печерскаго) и останавливается подробнѣе на приходскихъ школахъ, которыя, нося элементарный характеръ, спеціальной задачи—приготовленія людей къ духовному званію—не имѣли. Эти школы сохранились до конца XVI ст. когда въ Украинѣ стали возникать братства. Братства же, въ особенности Львовское и второстепенныя, вродѣ Каменецкаго, Шаргородскаго, Могилевскаго, главною своею цѣлью поставили

образованіе кандидатовъ духовенства и тѣмъ наиболѣе содѣйствовали образованію, не только духовенства, но и народа вообще. Такъ въ братскихъ школахъ свѣтскихъ учениковъ всегда бывало больше, чѣмъ дѣтей духовенства. Специальныя духовныя школы появляются лишь въ XVIII ст., но и то на лѣвомъ, а не на правомъ берегу Днѣпра, куда, впрочемъ, не мало поступало уроженцевъ и Подоліи. По отдаленности кіевскихъ и лѣвобережныхъ училищъ, дѣти подольскаго духовенства принуждены были поступать въ мѣстныя иновѣрныя школы, какъ напр. въ коллегіи іезуитовъ въ Барѣ, Каменцѣ, Винницѣ, учебныя заведенія ордена піаровъ, уніатскія базиліанскія училища (Каменецкое, Шаргородское, и Барское—подокружныя и Винницкое—окружное), школы на kaptantstwo (напр. въ Каменцѣ). Говоритъ авторъ и о дьячковскихъ школахъ, которыя поставляли самый значительный контингентъ кандидатовъ священства въ виду нежеланія большинства поступать въ иновѣрныя школы.

В. Д.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго*. Съ прилож. 16-ти табл. фототипн. снимковъ. Кіевъ. 1898. 4 д. л. 86 стр. и таблицы.—Будетъ данъ отзывъ.

— *Прикарпатская Русь въ XIX вѣкѣ, въ біографіяхъ и портретахъ замѣчательныхъ людей, которыхъ 1772 р. заставъ при жизни. Т. I. Львовъ.* Подъ такимъ заглавіемъ, по сообщенію «Буковины» (№ 238—239) вышелъ первый выпускъ 1-го тома изданія, предпринятаго извѣстнымъ галицкимъ библіографомъ Ив. Ем. Левицкимъ. Издатель желаетъ: «представить по возможности полну картину нашего національнаго и культурнаго движенія въ текучимъ вицѣ». По его разсчету, трудъ этотъ будетъ заключать въ алфавитномъ порядкѣ около 2000 біографій замѣчательныхъ народныхъ дѣятелей. *Прикарп. Русь* будетъ выходить, начиная съ ноября 1898 г., каждые два мѣсяца по 7-ми печ. листовъ, съ портретами. Всѣхъ выпусковъ предположено 60, которые составятъ 6 томовъ. По выходѣ перваго тома этого изданія о немъ будетъ данъ болѣе полный отзывъ.

— *Исторія Россіи. Соч. И. Иловайскаго. Тома IV-го вып. 2-ой. Эпоха Михаила Федоровича Романова. М. 1899. 8 д. л. VII 375. Ц. 2 р.*

Здѣсь, между прочимъ,—гл. XII.—Успѣхи церковной уніи въ зап. Руси и митр. Петръ Могила и гл. XIII—Украина, казачество и еврейство въ перв. пол. XVII в.—Будетъ данъ отзывъ.

—

— *Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. Очерки по этнографіи края. Изд. Харьк. стат. ком. Ред. В. В. Иванова, Т. I. 1898.*—Этнографическій матеріалъ, собранный въ Старобѣльск. у. народными учителями и учительницами: численный и этнограф. составъ населенія, экономич. и семейный его бытъ; языкъ, наружный видъ, одежда, пища, жилища, нравственное и умствен. состояніе, религія и народная демонологія, ботаника и зоологія; повѣрья, обряды, игры и забавы, народная поэзія: пѣсни, сказки, преданія, заговоры, пословицы.

—

— *Записки наук. товариства имени Шевченка.* 5-я книга за 1898 г.— «Молотовське срібро,» археол. замітка М. Грушевського.—Приписки до зносинъ П. Дорошенка зъ Польщею в 1670—2 р. Олега Целевича.—1 и 2 падол. 1848 р. у Львові. Юл. Левицького.—Юбилей укр.-руськ. литературы.—Miscellanea.—Наукова Хроніка.—Библіографія».

—

— *Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы». Волкова.* Спб. 1899. Ц. 60 к.

—

Малороссійскій Сборникъ повѣстей, сценъ, разсказовъ и водевилей извѣстныхъ малороссійскихъ писателей. М. 1899. 8 д. л. 388 стр. Ц. 1 р. 75 к.

—

— Въ Универс. Изв. (Кіевск. университета), за 1898 г., № 11, началось печататься сочиненіе В. В. Волка—Карачевскаго: *Борьба Польши съ козаками во второй полов. XVII и началѣ XVIII вѣка,* удостоенное истор.-филол. факульт. золотой медали. Событія доведены до к. 1659 г. (стр. 1—51).

—

— Тамъ же, № 12, напечатана *Баркулабовская лѣтопись*, приготовленная къ печати М. В. Довнаромъ-Запольскимъ. Лѣтопись уже была издана Кулишомъ въ 1-мъ томѣ *Матер. для истор. возсоединенія Руси* (стр. 45—89) и теперь перепечатывается, по словамъ г. Довн.-Запольскаго, въ виду «неисправности изданія» Кулиша и рѣдкости его книги. «Подробности о рукописи и самой лѣтописи» будутъ напечатаны, въ «Извѣст.», засимъ.

—

— Во 2-мъ вып. VIII-го года *Живой Старины* (1898 г.) начата печатаніемъ ст. г. Дм. Абрамовича—*Село Коснище, Владим.-Вол. уѣзда. Волынск. губ.* (184—202) Содержаніе: говоръ, склоненія и спряженія, пословицы и поговорки, пѣсни и крестьянская свадьба.

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

Кіевъ, Безаковская ул., д. № 14,

въ теченіе **1898** года, въ числѣ другихъ, поступили слѣдующія книги:

А.

Афанасьевъ-Чужбинскій Собраніе сочиненій. 9 томовъ. Спб. Ц. 15 р.

*) **Андріевскій.** „Давыдова Боженка." Брош.-оттискъ. Цѣна 25 к.

Б.

*) **Бабуся съ того свиту.** Оповидання про померши души. Спб. 1861 г. Ц. 10 к.

*) **Барвінській.** Бесіда, виголошена на музикально-декляматорськім вечері у Львові в XIV роковини смерти Шевченка. У Львові, 1875. Ц. 10 к.

Бораковскій. Риздвяный вечиръ. Комедія. Ц. 25 к.

Билецькый-Носенко. Прыказкы. Кіевъ, 1871. Ц. 2 р.

Р. Б. Хома Баглай. Поэма. Черниг., 1898. Ц. 10 к.

Батькове вищовання та инше. Черн., 1898. Ц. 3 к.

В.

Викторовъ-Пархомовычъ. Чумакъ, або сыроту и осинне сонечко прыгріе. Оперетта. Кіевъ, 1891. Ц. 40 к.

Ванченко. Вечиръ на хуторн, або Васыль та Галя. Водевиль. Кіевъ, 1889. Ц. 20 к.

*) **Вовчокъ, М.** Выкупъ. Оповидання. Спб., 1862. Ц. 10 к.

*) **Вовчокъ, М.** Ледащиця. Оповидання. Спб., 1862. Ц. 10 к.

*) **Вовчокъ, М.** Сестра. Оповидання. Спб., 1862. Ц. 15 к.

Веселый оповидачъ. Изд. Гринченка. Черниг., 1898. Ц. 20 к.

Г.

Ганько. Якъ дбаешъ, такъ и маешъ. Полтава, 1898. Ц. 3 к.

Гаврышъ. Пылыпъ Бандура. Рогатый сватъ и др. и Голка (Стороженка). Черкассы, 1898. Ц. 12 к.

Грыгоренко. Наши люде на сели. Юрьевъ, 1898. Вып. I—15 к., вып. II—30 к., вып. III—35 к. Всѣ три выпуска въ одной книгѣ—80 к.

Грушевскій. Барское староство. Историческіе очерки. Кіевъ, 1894. Цѣна 2 р. 25 к.

Грушевскій. Къ вопросу о Болоховѣ. Брошюра-оттискъ. Ц. 15 к.

Грушевскій. Барская околичная шляхта до конца XVIII в. Брош.-оттискъ. Ц. 20 к.

Гоголь, Н. В. Собраніе сочиненій, 5 томовъ. Спб., 1898. Ц. 6 р.

Грабына. Весинни грозы. Казка. Кіевъ, 1885. Ц. 40 к,

Грабына. Старосвитськи казкы. Ц. 10 к.

Грабына. Новосвитськи казкы. Ц. 10 к.

*) **Гриненко.** Де що изъ перекладивъ и самостайныхъ творивъ. Елисаветградъ. Ц. 50 к.

Грабъ. Кобза. Черниг., 1898. Ц. 35 к.

*) **Гаццукъ, М.** Ужинокъ риднего поля. М., 1862. Ц. 3 р.

Д.

Дивка-чорнобрывка и сорокъ розбійныкивъ. Кіевъ, 1890. Ц. 5 к.

*) **Днипрова Чайка.** Знахарка. Оповидание. Одесса, 1885. Ц. 5 к.

Довгоязыка Хвесьна. Кіевъ, 1889. Ц. 10 к.

Дума про Гандижу Андыбера. Харьк., 1886. Ц. 5 к.

---

*) означаетъ библіографическія рѣдкости.

Думы: Про турецьку неволю и Самійла Кишку. Этногр. трудъ В. Чайченка. Кіевъ, 1886. Ц. 15 к.

Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ, 1891. Цѣна 1 р.

Добрый звиръ. Сирко. Вирний кинь. Черниговъ, 1898. Ц. 5 к.

Ж.

Житецкій, П. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Кіевъ, 1893. Цѣна 2 руб.

З.

*) **Записки Юго-Запада**. Отд. Императорскаго Русск. Геогр. Общества. Т. II. Кіевъ, 1875. Ц. 2 р.

И.

Ивась Удовыченко (Народня дума) К., 1890. Ц. 5 к.

К.

Кропивницкій. Повный збирныкъ творивъ. Выдання трете. Харьк., 1895. Ц. 3 руб. 50 коп.

Кропивницкій. По ревизіи. Этюдъ. Харьк., 1894. Ц. 20 к.

Колоски. Збирныкъ казокъ та оповиданнивъ. Черниговъ, 1898. Ц. 12 к.

Карнаушенко. Изъ Малороссіи. Одесса, 1897. Ц. 10 к.

*) **Казюка**. Січові гості. Чуприна и Чортоусъ. Спб., 1862. Ц. 20 к.

*) **Казюка**. Північника. Гишпанська казочка. Спб., 1861. Ц. 5 к.

Квитка. Маруся. Повисть. Харьк., 1887. Ц. 20 к.

Квитка. Конотопська видьма. Харьк., 1887. Ц. 20 к.

Квитка. Сердешна Оксана. Москва, 1894. Ц. 25 к.

Квитка. Отъ тоби й скарбъ. Харьк., 1887. Ц. 6 к.

Квитка. Добре робы, добре й буде. Харьк., 1887. Ц. 10 к.

Квитка. Перекотыполе. Харьк., 1887. Ц. 10 к.

Квитка. Козырь-дивка. Харьк., 1887. Ц. 12 к.

Квитка. Лысты до любезныхъ землякивъ. Харьк., 1887. Ц. 6 к.

Квитка. Мертвецькый великдень. Харьк., 1887. Ц. 6 к.

*) **Кулішъ**. Циганъ. Урывокъ казки. Спб, 1861. Ц. 3 к.

*) **Короленко**. Черноморцы. Спб., 1874. Ц. 1 р.

Конисскій. Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Съ портретами его друзей и рисунками. Одесса, 1898. Цѣна 1 р. 75 к.

Коваленко. Иванъ Котляревскій. Біографическій очеркъ; съ портретомъ. Черниг., 1898. Ц. 15 к.

*) **Конісскій**. Арихметика, або щотниця для сільскихъ шкілъ. Спб., 1862. Ц. 50 к.

Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго, съ приложеніемъ 16-ти таблицъ фототипныхъ снимковъ. Кіевъ, 1898. in 4°. (Роск. изданіе). Ц. 6 р.

Л.

*) **Луна**. Украиньскый альманахъ на 1881 г. Ч. I. Кіевъ, 1881. Ц. 50 к.

*) **Левицкій. Ив.** Перші кіївські князі: Олег, Игорь, Святослав і святий Володимер і ёго потомки. К., 1876. Ц. 20 к.

*) **Левицкій Ив.** Прыятели. Кіевъ, 1887. Ц. 10 к.

*) **Листи съ хутора**. I и II, III, IV и V. Спб., 1861—62. Цѣна за всѣ пять 50 коп.

Левицкій. Ор. Опытъ изслѣдованія о лѣтописи самовидца. Кіевъ, 1878. Цѣна 50 коп.

Левицкій Ор. Афанасій Филипповичъ, игуменъ Брестъ-Литовскій. Кіевъ, 1878. Ц. 25 к.

М.

Махновськый. Оповидання про висну и доктора Дженнера. Черниг., 1898 г. Ц. 5 коп.

Н.

Нельговская. Не все такъ робыться, якъ хочеться. Водевиль. Кіевъ. 1892. Ц 30 к.

О.

Озерская-Нельговская. Маруся Чуранивна. Историческа поэма 1652 року. Кіевъ, 1896. Ц. 20 к.

Олексій Поповычъ. Маты удова и тры сыны. Сестра и братъ. Народни думы. К., 1890. Ц. 5 к.

О прошломъ Подоліи. Кам.-Под., 1895. Ц. 15 к.

Острожынськый. Пый, та дило розумій. Бердичевъ. 1898. Ц. 5 к

*) **Очаніаська біда**. Козацьке оповідання. Спб., 1861. Ц. 10 к.

П.

Памяти Максимовича. Кіевъ, 1898. Ц. 50 к.

Петровъ, Н. Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими въ образованіи и литературѣ. Кіевъ, 1876. Ц. 60 к.

Петровъ, Н. Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи. В. 2-й. Кіевъ, 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, Н. То-же. В. 3-й. Кіевъ, 1879. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, Н. Древнія изображенія св. Владиміра. Кіевъ, 1888. Ц. 10 к.

Петровъ, Н. Чествованіе памяти св. Владиміра на Югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Кіевъ, 1888. Ц. 10 к.

Петровъ, Н. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Кіевъ, 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Петровъ, Н. Кіевская академія во 2-й половинѣ XVII в. Кіевъ, 1895. Цѣна 1 руб.

Петровъ, Н. Коллекція древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныхъ Н. А. Леопардовымъ. Кіевъ, 1895. Цѣна 50 коп.

Петровъ, Н. Монеты великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославововича. (1054—1073). Ц. 10 к.

Петровъ, Н. Начало греко-болгарской распри и возрожденія болгарской народности. Кіевъ, 1886. Ц. 60 к.

Петровъ, Н. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. В. I. М. 1898. Ц. 2 р.

Петровъ, Н. То-же. В. II. М. 1897. Ц. 2 р.

Петровъ, Н. Очерки исторіи украинской литературы XIX стол. Кіевъ, 1884. Цѣна 3 руб.

Петровъ, Н. Указатель церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи. Кіевъ, 1897. Ц. 1 р. 75 коп.

Пущанськый. Перлы фантазіи югового руського народу. Николаевъ, 1894. Ц. 15 к.

Путеводитель по Кіеву и его святымъ мѣстамъ. Кіевъ, 1898. Ц. 35 к.

Подольскіе архипастыри. Кам.-Под., 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Р.

Р—а. Вовче лыхо. Оповидання. К. 1890, Ц. 5 к.

Руданській. Співомовки. Кіевъ, 1880. Ц. 40 к.

С.

Стороженко. Украинськи оповидання. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Сѣцинскій. Древнѣйшія церкви въ Подоліи. Вып. II—Кам.-Под., 1890. Ц. 10 к.; вып. III—Кам.-Под., 1890. Ц. 20 к.; вып. IV—К.-Под., 1892. 10 к.

Сѣцинскій. Матеріалы для исторіи монастырей Подольской епархіи. К.-Под., 1891. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣцинскій. Историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквахъ Подольской епархіи. I. Каменецкій уѣздъ. Кам.-Под., 1895. Ц. 2 р.

Сѣцинскій. Городъ Каменецъ-Подольскій. Кіевъ, 1895. Ц. 2 р.

*) **Степовыкъ.** Оповидання про конияхъ. Кіевъ, 1882. Ц. 50 к.

*) **Сумцовъ.** Малорусская географическая номенклатура. Кіевъ, 1886. Цѣна 50 коп.

*) **Сумцовъ.** Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. Кіевъ, 1886. Ц. 40 к.

*) **Сумцовъ.** Мѣстныя названія въ украинской народной словесности. К., 1886. Ц. 40 к.

*) **Сумцовъ.** Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. Кіевъ, 1885. Ц. 40 к.

*) **Сумцовъ.** Іоаннъ Вышенскій. К., 1885. Ц. 40 к.

*) **Сѣлецкій.** Колдовство въ Юго-Зап. Руси въ XVIII ст. Брош.-оттискъ. Цѣна 50 коп.

*) **Семейная хроника и воспоминанія** князя Бориса Ивановича Куракина. Брош.-оттискъ. Ц. 40 к.

Спилка. И. На чужій сторони. Харьковъ, 1899. Ц. 5 к.

Т.

Тарасенко. Кырыло. Святова поема. Кіевъ, 1896. Ц. 5 к.

З. Т. Верба и зирка. Казка. К., 1890. Ц. 5 к.

Тобилевичъ. Сто тысячъ. Комедія. Черкассы, 1898. Ц. 10 к. и 8 к.

Тобилевичъ. Розумный и дурень. Комедія. Черкассы, 1898. Ц. 10 к. и 8 к.

Теодоровичъ. Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ. Т. IV. Староконстантиновскій уѣздъ. Почаевъ, 1899. Ц. 3 р.

Труды комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Вып. II. К.-Под. 1878. Ц. 1 р. 50 к.; вып. IV—К.-Под., 1889, Ц. 1 р. 50 к.; вып. V—К.-Под., 1890. Ц. 1 р. 50 к.; вып. VI—К.-Под., 1892. Ц. 2 р.; вып. VII—

К.-Под., 1895. Ц. 2 р.; вып. VIII—К.-Под., 1897. Ц. 2 р.

У.

Устенко-Гармашъ. Бова-Королевычъ, чоловикъ Полтавськый, богатырь басурманськый та инше. Казкы. Кіевъ, 1896. Ц. 25 к.

Устенко-Гармашъ. Майська ничъ. Комедія. Кіевъ, 1895. Ц. 15 к.

Х.

Хведоровычъ. Збирнычокъ украинськыхъ писенъ. Зъ нотами. Одесса. 1896. Ц. 30 коп.

Ц.

*) **Царинный.** Литви красы. Кіевъ, 1884. Ц. 15 к.

Ч.

Чайченко. Нови писни и думы. Кіевъ, 1887. Ц. 25 к.

*) **Чайченко.** Бидный вовкъ. Харьк., 1885. Ц. 3 к.

Чайченко. Писни. Хар., 1885. Ц. 15 к.

*) **Чайченко.** Про гримъ та блыскавку. Харьк., 1883. Ц. 5 к.

Чайченко. Скарбъ та други вирши. К., 1892. Ц. 5 к.

Чайченко. Середъ крыжаного моря. Ц. 15 коп.

Чайченко. Олеся, Грыцько, Украла. Оповиданея. Москва, 1892. Ц. 10 к.

*) **Чумакы,** або смутни часы. Черниговъ, 1864. Ц. 2 р.

Чарнецкій. Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ Шаргородѣ духовной семинаріи и училищѣ. К.-Под., 1894. Ц. 25 к.

Ш.

Шевченко. Катерына и Перебендя. Одесса, 1888. Ц. 5 к.

Шостаковскій. Нещаслыва доля. Орелъ, 1891. Ц. 50 к.

Шостаковскій. Бурсакъ. Жартъ въ 1 діи. Миніатюрное изданіе (64о). Кіевъ, 1892. Ц. 10 к.

Щ.

Щоголевъ. Слобожанщына. Лирна поэзія. Харьковъ, 1898. Ц. 1 р.

Э.

Эварницкій. По слѣдамъ запорожцевъ. Спб., 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Съ картами. Спб., 1898. Цѣна 2 р. 50 к.

Эварницкій. Исторія запорожскихъ козаковъ. Съ рисунками и картами. Три тома. Ц. 4 р. за каждый томъ.

Я.

Яйце-райце. Народня казка. Кіевъ, 1898. Ц. 5 к.

Якъ линывыхъ учыты та розумъ куповаты. Кіевъ, 1892. Ц. 5 к.

Яворовскій. Религіозная жизнь въ Подоліи въ концѣ прошлаго вѣка, передъ возсоединеніемъ ея съ Россіей. К.-Под., 1896. Ц. 10 к.

Янушевскій. Историческія свѣдѣнія о Тульчинскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. К.-Под., 1892. Ц. 10 к.

Янушевскій. Очерки церковной и гражданской жизни Подоліи. К.-Под., 1891. Ц. 25 к.

Ящуржинскій. Лирическія пѣсни малорусскаго народа. Ц. 1 р.

Кіевъ, тип. Императорскаго Унив. св. Владим. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 22 Января 1899 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1899 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно, съ этой цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи разпредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и ино-

странной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1899 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредствено въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

1899 годъ **изданія годъ II.**

Открыта подписка на выходящее 20 разъ въ годъ, т. е. по одному разу въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (май, іюнь, іюль, августъ) и по два раза въ остальное время, иллюстрированное изданіе безъ предварительной цензуры.

„Журналъ Журналовъ и Энциклопедическое Обозрѣніе".

Въ 1898 году были напечатаны слѣдующія оригинальныя статьи: проф. H. Beaunis—Гипнотизмъ и внушеніе; d-r Gustave Le Bon—Замѣтки о соціализмѣ; проф. Léon Bonnet—X-лучи Рентгена. Радіоскопія и радіографія; проф. Julius Wiesner—Потребленіе свѣта растеніями; d-r Havelock Ellis—1) Вліяніе смѣшенія расъ на происхожденіе генія, 2) Международный языкъ будущаго; В. Ф. Головачевъ—О значеніи флота для Россіи на основаніи исторіи; И. А. Гриневская—1) Альфонсъ Додэ, 2) Сканд. выставка, 3) Альма Тадема, 4) Георг. Гауптманъ; проф. Н. Коркуновъ—1) Доменико Гирландайо и вновь открытая во Флоренціи его фреска, 2) Экономическія теоріи государства; проф. Cesare Lombroso—1) Послѣдствія американской побѣды, 2) Типъ преступной женщины; М. М. Манасеина—О деньгахъ и богатствѣ; проф. Д. И. Менделѣевъ—Золото изъ серебра; проф. A. Mosso—Обсерваторія на Монрозѣ и альпійская станція; проф. Max Müller—О совпаденіяхъ

(съ примѣч. Тріема); Л. Е. Оболенскій—Дикость современныхъ западно-европ. народныхъ массъ и ея причины; проф. Elie Reclus—О чародѣйствѣ и волшебствѣ у первобытныхъ народовъ; проф. Charles Richet—1) Задачи воздухоплаванія въ 1897 году, 2) Стремленіе къ жизни и теорія конечныхъ причинъ; проф. Л. Саккети—Задачи искусства; прив.-доц. Спб. унив. В. Серафимовъ—Новости астрономіи; акад. кн. И. Р. Тархановъ—1) Неожид. научн. наслѣдіе стараго года, 2) О періодичности въ явленіяхъ жизни, 3) Физич. энергіи природы въ качествѣ цѣлебн. силъ, 4) О чувствѣ оріентированія у голубей, 5) Почтовые голуби, 6) О закаливаніи человѣка, 7) О нейронахъ, 8) Физіол. и психол. обезглавленія, 9) Рентгеновы лучи и Ѳемида, и др.; Тріемъ—О томъ, что было, но прошло и былью поросло; и другія статьи разныхъ авторовъ.

Кромѣ оригинальныхъ статей, не появлявшихся до сего времени въ печати и написанныхъ большею частью спеціально для журнала выдающимися учеными и мыслителями какъ русскими, такъ и иностранными, въ отдѣлѣ „Изъ журналовъ" печатаются экстракты замѣчательнѣйшихъ статей, и статей извѣстнѣйшихъ авторовъ, появляющихся въ русской или иностранной періодической прессѣ, а также критика и библіографія, обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ журналовъ, смѣсь, гигіена и здоровье и пр. Въ программу журнала входитъ: науки естеств., медиц., физико-математ., исторія и обществ. науки, философія, метафизика, психологія, литература, искусства, критика и т. д.

Въ отдѣлѣ „Изъ журналовъ" помѣщены были между прочимъ статьи слѣдующихъ авторовъ: Gabriel D'Annunzio, проф. М. Антокольскій, проф. Berthelot, d-r A. Binet, проф. D. Brinton, проф. W. Crookes, Léon Daudet, Ѳ. М. Достоевскій, E. Faguet, астрон. C. Flammarion. проф. A. Fouillée Daniel Halevy, d-r Havelock Ellis, Папа Левъ XIII, Raphael Lévy, проф. Cesare Lombroso, проф. Paola Mantegazza, проф. G. Maspero, проф. И. Мечниковъ, проф. Max Müller, Фритіофъ Нансенъ, d-r Max Nordau, проф. Оршанскій, К. П. Побѣдоносцевъ, d-r Félix Regnault. проф. Elisée Reclus, проф. Charles Richet, Ed. Rode, А. Г. Рубинштейнъ, Ж. Ж. Руссо, астрон. G. V. Schiaparell, Генрихъ Сенкевичъ, W. Stead, Gabriel Tardo, граф. Л. Н. Толстой, проф. Tompson, И. С. Тургеневъ и мн. друг.

Отдѣлъ наукъ естеств. и медицинскихъ при сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ акад. кн. И. Р. Тарханова, исторіи — при сотрудничествѣ В. Ф. Головачова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	на ½ года.
На дешевое изданіе безъ доставки и пересылки	5 р.	3 р.
„ „ „ съ достав. „ „	6 „	4 „
На роскошное изданіе съ достав. „ „	10 „	6 „
За границу деш. изд.	9 „	5 „
„ „ роск. изд.	14 „	8 „

Отдѣльные номера дешеваго изданія по 75 коп., роскошнаго изданія по 1 руб.

Роскошное изданіе печатается на лучшей бумагѣ съ улучшенными иллюстраціями и иногда съ увеличеніемъ ихъ количества. Разсрочка на дешевое изданіе съ пересылкою и доставкою при обращеніи непосредственно въ контору журнала допускается со взносами не менѣе 1 р. ежемѣсячно съ 1 января.

Подписка и продажа отдѣльныхъ №№ во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель *И. П. Кондыревъ.*

Контора и редакція: СПБ., Гороховая, 13 (уголъ Б. Морской).

Въ 1899 году „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволожья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи:

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ, М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ). В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Смолен.) Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ „Извѣстій“ является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція „Извѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финской, венгерской и скандинавской литературъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 р. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подписке и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р. получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

А. А. Ѳомина. XVIII). Памяти Мацкевича (1798—1855 г.)—В. В. Каллаша. XIX). 1898-й годъ въ политическомъ отношеніи—В. А. Гольцева. XX). Современное искусство.—Ан. и М. С. Карелина. XXI). Поэты переходного времени.—М. А. Протопопова. XXII). Смѣна. Боярство и дворянство.—В. О. Ключевскаго. XXIII). Внутреннее обозрѣніе: 1898 г. XXIV). Библіографическій отдѣлъ. XXV). Объявленія.

Подписная цѣна на 1899 г. (двадцатый годъ изданія).

Цѣна съ достав. и перес.: на годъ	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.	
Во всѣ города Россіи:	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
Заграницу.	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	—

Для годов. подписч. допускается разсрочка: при подп., къ 1-му апр., къ 1-му іюля и 1-му окт. по 3 р. Подписка принимается въ Москвѣ, Шереметевскій пер., д. Шереметева, кв. 28, въ к—рѣ редакціи. Въ СПБ., въ кн. мг. Н. П. Карбасникова Литейный, 46. Въ Кіевѣ, въ кн. мг. Н. Я. Оглоблина. Въ Варшавѣ, въ кн. мг. Н. П. Карбасникова. Новый Свѣтъ, 69. Въ Вильнѣ, въ кн. мг. Н. П. Карбасникова. При редакціи открытъ магазинъ русск. и иностр. книгъ (Б. Никитская, д. Вельтищевой), съ пріемомъ подписки на журналы, газеты и словари Брокгауза и Гранта. Кн. мг. принимаетъ на коммиссію постор. изданія и высылаетъ по первому треб. всѣ существующ. въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народн. и др. библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составл. народн. и школьн. библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" заключаютъ въ себѣ два отдѣла: оффиціальный и ученый. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: 1) сокращенные протоколы засѣданій Совѣта Университета, 2) обозрѣніе преподаванія по полугодіямъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ Университета, 3) извлеченія изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Университета, 4) отчеты профессоровъ и преподавателей объ учебныхъ командировкахъ, 5) актовыя рѣчи профессоровъ, 6) отзывы о диссертаціяхъ докторскихъ, магистерскихъ и pro venia legendi, 7) программы университетскихъ лекцій, 8) сочиненія студентовъ, удостоенныя награды золотою медалью и 9) отзывы о медальныхъ сочиненіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ печатаются научныя статьи профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при Университетѣ, а также вступительныя лекціи профессоровъ и преподавателей; въ зависимости отъ состоянія средствъ „Извѣстій", въ этомъ отдѣлѣ печатаются также курсы университетскихъ лекцій, диссертаціи и другіе научные труды большаго объема.

Въ прибавленіяхъ печатаются таблицы метеорологическихъ наблюденій и списки книгъ, поступающихъ въ библіотеку Университета, при чемъ эти списки издаются одинъ разъ въ годъ въ видѣ особаго приложенія къ майской книжкѣ „Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" выходятъ 9 разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца) книжками въ размѣрѣ до 12 печатныхъ листовъ каждая. Годовая подписная цѣна—5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ профессоръ *Ѳ. Леонтовичъ.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

МАРТЪ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
И. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ І-й.

I. ТУМАНСКІЙ И МИЦКЕВИЧЪ. **Н. Ш.** . . . . 297—302
II. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ (1843—1861 гг.) . . . . 303—324
III. «ОБОРОНА БУШИ». Историчня картына въ V діяхъ и 6-ты одминахъ. **М. Старицкаго** . . . . 325—396
IV. КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ РАФАИЛЪ ЗАБОРОВСКІЙ И ЕГО МѢРЫ КЪ ИСПРАВЛЕНІЮ ДУХОВЕНСТВА. **Д. В.** 397—423
V. «ПОПОКЪ» (Продолженіе). **Б. Познанскаго** . . . . 424—443
VI. РЕВНИТЕЛИ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ ГАЛИЦІИ. **В. Науменка** . . . . 444—452
VII. ЗАМѢТКИ О ПОРТРЕТАХЪ МАЗЕПЫ. (Къ рисунку). **А. Л.** . . . . 453—462

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Письмо А. И. Лизогуба къ Г. П. Галагану, 1853 года; б) Свѣдѣнія о неизвѣстныхъ будто-бы произведеніяхъ Т. Г. Шевченка; в) Приключеніе англійскаго путешественника въ Миргородщинѣ, въ 1888 году; **Н. Василенка**; г) Малорусская кабальная запись, 1725 года. **А. Л.**; д) Закрутки и заломы. **П. Литвиновой**; е) надпись на книгѣ, посланной Метлинскимъ О. М. Бодянскому; ж) Къ біографіи м. Гавріила Кременецкаго; з) В. М. Бѣлозерскій (Некрологъ); и) Юлій Коссакъ. (Некрологъ. Съ рисункомъ); і) В. Н. Ястребовъ. (Некрологъ); к) Летучія замѣтки . . . . 131—155
II. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . 156—162
III. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. **Н. В.**; б) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. **L.**; в) Сочиненія Н. И. Касиненка. **О. Л.** . . . . 163—175
IV. ПРИЛОЖЕНІЕ. Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка . . . . 1—16
V. ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—11

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

1899 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 марта 1899 г.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 64-го:

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ. 1899.

Книга первая—январь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЗНАКОМСТВО И. И. СРЕЗНЕВСКАГО СЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКИМЪ. **Вс. Срезневскаго** . . . . 1—8

II. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА. (Продолженіе). **А. Крымскаго** . . . . 9—29

III. ПОПОКЪ. Повѣсть (Продолженіе). **Б. Познанскаго** . . 30—80

IV. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ-СЫНУ. (1857—1897). . . . . 81—100

V. ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ БЕРЛОВЪ. **Ал. Лазаревскаго** . . . . 101—133

VI. КНИЖНАЯ РѢЧЬ У МАЛОРОССОВЪ И РУСИНОВЪ. **В. Науменка** . . . . 134—142

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Три письма кошевыхъ атамановъ къ шведскимъ королямъ. Сообщ. **Н. Молчановскій**; б) Находка клада въ Почаевской лаврѣ въ 1840 г. **О. Л.**; в) Новый документъ 1604 г. о Самозванцѣ. Сообщ. **В. Доманицкій**; г) По Днѣстру. **А. Тиверцева**; д) Летучія замѣтки . . . . 1—35

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . 36—57

III. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Časopis Musea kràlovstvi českého. **А. С—чъ.** б) Новые художественные журналы. **Н. Ш.**; в) Симоновъ М. Замѣтки къ юбилейной по случаю 25-лѣтія Лубенской гимназіи запискѣ. **Н. Т.**; г) Slovanský přehled, ročnik 1, čislo 3 (Prosinec). **В. Д.** . . . . 58—65

Книга вторая—февраль.

ОТДѢЛЪ I.

I. АРЕСТЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВЪ 1859 г. **Н. М.** . . . 143—150

II. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Ѳ. М. ЛАЗАРЕВСКАГО О ШЕВЧЕНКѢ, съ предисл. **М. Чалаго** . . . . 151—167

III. СВѢДѢНІЯ ПО ВОПРОСУ О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА И О ПЕРВОМЪ ПОСМЕРТНОМЪ ИЗДАНІИ ЕГО СОЧИНЕНІЙ. **Н. Ш** . . . . 168—184

IV. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ. (1843—1861 гг.) . . . . 185—208

V. ПО-НАДЪ ДНИПРОМЪ. (Драматычни картыны въ 5 одминахъ). **И. К. Тобилевича (Карпенка-Карого)**. . . . . 209—282

VI. ГДѢ ЖИЛИ ПЕРЕЯСЛАВСКІЕ ТОРКИ? **А. Стороженка.** 283—290

VII. НОВОПЕТРОВСКОЕ УКРѢПЛЕНІЕ. (Къ рисунку). **А. Л.** 291—295

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письма К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому о Шевченкѣ и Шевченка къ поэту Жуковскому и къ неизвѣстному; б) Колядки на Подоліи; в) Письмо Н. А. Маркевича (историка) къ Г. П. Галагану, 1857 г.; г) Къ исторіи Мазепинаго замысла. Документъ 1710 г., съ предисл. **А. Л.**; б) Гдѣ теперь находятся могила Кочубея и Искры? **Эртеля**; е) Письмо М. А. Максимовича къ преосвящ. Иннокентію Борисову, 1854 г.; ж) О происхожденіи поэта Полонскаго; з) А. А. Скальковскій (некрологъ); и) И. Ф. Хильчевскій (некрологъ); к) Летучія замѣтки . . . . 67—95

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. . . . . 96—108

III. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго Козачьяго Войска, собр. И. И. Дмитренка, т. IV. **А. Л.**; б) Памятники, изданные Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, томы I—III, изд. 2-е. **О. М**; в) Труды черниговской губернской архивной коммиссіи. Вып. I. **Е. К**; г) Воспоминанія и дневники Адр. Мойс. Грибовскаго. **А. Л.**; д) Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. К. Харламповича; е) Гдѣ обучалось подольское духовенство до учрежденія духовной семинаріи. Историческій очеркъ А. Лотоцкаго. **В. Д.**; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . . 109—130

ПРИЛОЖЕНІЕ. Новопетровское укрѣпленіе, рисунокъ Т. Г. Шевченка.

Книга третья—мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ТУМАНСКІЙ И МИЦКЕВИЧЪ. (1825 г.). **Н. Ш** . . . 297—302

II. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ (1843—1861 гг.) . . . . 303—324

III. «ОБОРОНА БУШИ». Историчня картына въ V діяхъ и 6-ты одминахъ. **М. Старицкаго** . . . . 325—396

IV. КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ РАФАИЛЪ ЗАБОРОВСКІЙ И ЕГО МѢРЫ КЪ ИСПРАВЛЕНІЮ ДУХОВЕНСТВА. **Д. В.** 397—423

V. «ПОПОКЪ» (Продолженіе). **Б. Познанскаго** . . . . . 424—443

VI. РЕВНИТЕЛИ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ ГАЛИЦІИ. **В. Науменка** . . . . 444—452

VII. ЗАМѢТКИ О ПОРТРЕТАХЪ МАЗЕПЫ. (Къ рисунку). **А. Л.** . . . . 453—462

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Письма А. И. Лизогуба къ Г. П. Галагану, 1853 года; б) Свѣдѣніе о неизвѣстныхъ будто-бы произведеніяхъ Т. Г. Шевченка; в)

Приключеніе англійскаго путешественника въ Миргородщинѣ, въ 1888 г. **В. Василенка**; г) Малорусская кабальная запись, 1725 г. съ предисл. **А. Л.**; д) Закрутки и заломы. **П. Литвиновой**; е) Надпись на книгѣ, посланной Метлинскимъ О. М. Бодянскому; ж) Къ біографіи м. Гавріила Кременецкаго; з) **В. М.** Бѣлозерскій. (Некрологъ); и) Юлій Коссакъ. (Некрологъ. Съ рисункомъ); і) В. Н. Ястребовъ. (Некрологъ); к) Летучія замѣтки . . . . 131—155

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . 156—162

III. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. XII. **Н. В.**; б) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XXI. **L.**; в) Сочиненія Ю. И. Касиненка. **О. Л.** . . . . . . 163—175

IV. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листъ 1-й.

2) Партретъ гетмана Мазепы. *(Снимокъ съ гравюры Норблена)*.

Туманскій и Мицкевичъ.

Подобно тому, какъ А. С. Пушкинъ былъ нѣкоторое время подневольнымъ жителемъ южной Россіи, такъ точно и польскому поэту Адаму Мицкевичу пришлось не по своей охотѣ оставить прежнее мѣсто жительства своего, чтобъ на время поселиться на югѣ Россіи. Объ обстоятельствахъ, которыми было вызвано это переселеніе и о пребываніи Мицкевича въ Одессѣ излагаются свѣдѣнія въ нѣсколькихъ статьяхъ, явившихся въ послѣднее время, въ числѣ многихъ другихъ статей о Мицкевичѣ, по поводу ожидавшагося и затѣмъ состоявшагося празднованія юбилея Мицкевича и открытія ему памятника. Таковы были: а) „Aër. Mickiewicz w Odessie i twórczośc jego z tego czasu" (Warszawa. 1898),—б) „Мицкевичъ въ Одессѣ, *I. К.*" (Историческій Вѣстникъ 1898 г., № 3),—в) „Адамъ Мицкевичъ, *П. Б.*" (записано со словъ М. А. Максимовича, Русскій Архивъ 1898 г., № 7).—Нѣкоторымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ этихъ статьяхъ, могутъ послужить сообщаемыя ниже письма, являющіяся также матеріаломъ для біографіи уроженца Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда и внука послѣдняго малороссійскаго генеральнаго писаря, поэта пушкинской эпохи, Василія Ивановича Туманскаго, о которомъ говорилось въ Кіевской Старинѣ 1892 года (№ 1, стр. 164—166).

Прежде, чѣмъ привесть эти письма, считаемъ нужнымъ, для уясненія повода, по которому они были написаны, вкратцѣ

изложить обстоятельства упомянутаго переселенія Мицкевича на югъ Россіи.

Подъ вліяніемъ существовавшей въ первой четверти текущаго столѣтія между интеллигентными людьми большой наклонности къ устройству разныхъ обществъ и кружковъ съ разнообразными цѣлями, Мицкевичъ, будучи студентомъ университета въ Вильно, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами, въ 1817 году образовалъ негласный кружокъ т. наз. „филоматовъ“, ставившій себѣ цѣлью взаимное усовершенствованіе и развитіе умственное и нравственное и состоявшій сначала изъ пяти, а впослѣдствіи изъ 14-ти членовъ. Нѣсколько позже, также при участіи Мицкевича, образовалось въ Вильно съ болѣе обширной организаціей общество „филаретовъ“, относительно котораго въ печати мы находили противорѣчивыя свѣдѣнія: по изложенію В. Д. Спасовича [1]), это было совершенно явное общество, уставъ котораго въ маѣ 1820 года былъ утвержденъ ректоромъ виленскаго университета Малевскимъ; а по разсказу В. А. Мякотина [2]), упомянутое утвержденіе устава относится къ третьему обществу, называвшемуся „обществомъ полезнаго удовольствія“ или „лучистыхъ“, общество же филаретовъ было тайное. Повидимому, общество филаретовъ сначала существовало тайно, а потомъ, пожелавъ сдѣлаться явнымъ и легальнымъ и представивъ свой уставъ на утвержденіе, измѣнило свое названіе, при чемъ, рядомъ съ новымъ названіемъ, за членами его могло оставаться и прежнее названіе „филаретовъ“.—По окончаніи университетскаго курса, сдѣлавшись учителемъ гимназіи въ Ковно и наѣзжая оттуда въ Вильно, Мицкевичъ не прекращалъ сношеній съ названными обществами. Между тѣмъ въ началѣ 20-хъ годовъ власти стали строже относиться къ организаціямъ негласныхъ обществъ и кружковъ. Вмѣстѣ съ закрытіемъ, какъ въ Вильно, такъ и въ другихъ городахъ, масонскихъ ложъ, подверглись преслѣдованію и упомянутые виленскіе кружки, когда фактъ су-

---

[1]) Исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича, т. II, стр. 633.

[2]) А. Мицкевичъ, его жизнь и литературная дѣятельность, Спб. 1891, стр. 21—83.

ществованія ихъ сдѣлался извѣстнымъ правительству. Мицкевичъ и нѣсколько другихъ членовъ обществъ филоматовъ и филаретовъ были арестованы на время производства слѣдствія, порученнаго сенатору Новосильцеву, и затѣмъ осенью 1824 года были отправлены въ Петербургъ. Тамъ къ нимъ отнеслись милостивѣе, чѣмъ они ожидали; но возвратиться въ Ковно или въ Вильно Мицкевичъ уже не могъ, а долженъ былъ избрать для своего жительства другое мѣсто, внѣ западнаго края. Вмѣстѣ съ своими пріятелями Малевскимъ (сыномъ ректора) и Ежовскимъ, Мицкевичъ избралъ Одессу, куда они втроемъ и выѣхали изъ Петербурга въ началѣ 1825 года.

Этотъ выѣздъ ихъ изъ Петербурга былъ напутствованъ двумя приводимыми ниже письмами къ Вас. И. Туманскому, который жилъ тогда въ Одессѣ, служа въ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора гр. М. С. Воронцова. Оба письма, изъ которыхъ первое принадлежитъ А. Бестужеву (извѣстному подъ псевдонимомъ Марлинскаго), а второе—Рылѣеву, написаны на одномъ листкѣ почтовой бумаги и заключаютъ въ себѣ слѣдующее:

I.

„Спб. 1825. 15 Генв.“

Пожалуйста не сердись, любезный Туманскій, что я не писалъ долго къ тебѣ. По почтѣ невозможно и скучно, а другимъ путемъ не было случаю. Да и ты сумасшедшій: выдумалъ писать такія глупости, что у насъ дыбомъ волосы стаютъ (sic). Гдѣ ты живешь? вспомни, въ какомъ мѣстѣ и вѣкѣ! у насъ что день, то вывозятъ съ фельдъ-егерями кое-кого... Что твоя лира дѣлаетъ?—что-то плошаетъ, кажется, подъ свѣтлымъ южнымъ небомъ. Грѣхъ, Вася, грѣхъ. Только намъ и простительно лѣниться—и ужъ правду сказать, что я лѣнился классически. Годъ цѣлый въ руки пера не бралъ и цѣлое лѣто катался въ разныя стороны. Я прозябаю, а не живу; забылъ и дѣйствовать и мыслить, и мнѣ даже слово сказать—работа. За то рас-

толстѣлъ знатно, и такъ нѣтъ худа безъ добра.—Рекомендую тебѣ Мицкевича, Малевскаго и Ежовскаго. Перваго ты знаешь по имени, а я ручаюсь за его душу и талантъ. Другъ его Малевскій тоже прекрасный малый. Познакомь ихъ и наставь; да приласкай ихъ бѣдныхъ.—Брата твоего недавно видѣлъ—все тотъ же. Здѣсь шумитъ и по достоинству Грибоѣдова комедія. Это диво, и онъ самъ пресвѣжая душа. Пушкина Цыганъ... (здѣсь два слова написаны такъ неразборчиво, что мы не могли ихъ прочесть), и это выше всего, что онъ писалъ доселѣ. Тутъ Пушкинъ—Пушкинъ, а не обезьяна. Будь здоровъ и остороженъ и люби насъ. Рылѣевъ тоже говоритъ и чувствуетъ, что я. Твой Александръ.

Стихи З-го весьма хороши. Не написалъ ли онъ чего національнаго?"

II.

„Милый Туманскій.

Полюби Мицкевича и друзей его Малевскаго и Ежовскаго: добрые и славные ребята. Впрочемъ и писать лишнее: по чувствамъ и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевичъ къ тому же и поэтъ—любимецъ націи своей. Ты лѣнишься, мы также. Вотъ времячко: не сберегаетъ ли самъ Богъ дѣятельность нашу на что либо лучшее?.. (многоточіе въ подлинникѣ). Но какъ бы то ни было, а стыдно. Посмотри, какъ шагаетъ Пушкинъ! мы пигмеи передъ нимъ.—Будь здоровъ, отжени лѣнь, пиши, но пиши дѣло—у тебя прекрасный талантъ: ты самъ не дорожишь имъ.

Твой Рылѣевъ".

Что именно сдѣлалъ Вас. И. Туманскій для исполненія изложенной въ этихъ письмахъ просьбы Бестужева и Рылѣева, и какія отношенія установились въ Одессѣ между нимъ и Мицкевичемъ—неизвѣстно. Въ собраніи стихотвореній В. И. Ту-

манскаго есть одно переводное изъ Мицкевича, подъ заглавіемъ „Воспоминаніе“, но этотъ переводъ относится къ времени, предшествовавшему знакомству Туманскаго съ Мицкевичемъ. Въ книгѣ Аэра „Mickiewcz w Odessie“, по которой составлена статья I. К., напечатанная въ Историческомъ Вѣстникѣ, о Туманскомъ не упоминается; авторъ ея распространяется главнымъ образомъ о знакомствѣ Мицкевича съ жившими въ Одессѣ польскими семействами—Собанскихъ, Залѣсскихъ и др. и объ отношеніяхъ его къ тѣмъ одесскимъ дамамъ, которыми тогда Мицкевичъ болѣе или менѣе увлекался.

Въ Одессѣ Мицкевичу пришлось пробыть не долго: въ томъ же 1825 году, часть котораго притомъ Мицкевичъ, вмѣстѣ съ Собанскими и гр. Ржевусскимъ, провелъ въ Крыму (результатомъ чего явились извѣстные „Крымскіе сонеты“), въ Одессѣ было получено распоряженіе, по которому, какъ Мицкевичъ, такъ Малевскій и Ежовскій, не могли оставаться жить въ южныхъ городахъ, а должны были избрать для жительства мѣсто въ среднихъ губерніяхъ. Вслѣдствіе этого Мицкевичъ еще до окончанія года уже сдѣлался жителемъ Москвы. Туманскій же оставался въ Одессѣ до 1828 года, когда былъ назначенъ состоять при предсѣдателѣ дивановъ Молдавіи и Валахіи гр. Паленѣ по дипломатической части, затѣмъ вмѣстѣ съ Брунновымъ участвовалъ въ редакціонныхъ трудахъ Адріанопольскаго мирнаго трактата, а по заключеніи мира состоялъ при гр. Киселевѣ, управлявшемъ въ то время дѣлами княжествъ и въ 1836 году былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Константинополь, откуда перешолъ на службу въ государственный совѣтъ.

Приведенныя нами письма интересны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что устанавливаютъ дружественныя сношенія, какъ Туманскаго, такъ и Мицкевича, съ декабристами. Относительно Туманскаго объ этомъ свидѣтельствуетъ совершенно пріятельскій тонъ обоихъ писемъ, причемъ въ одномъ изъ нихъ Бестужевъ внушаетъ Туманскому быть болѣе осторожнымъ въ письмахъ; а относительно Мицкевича объ упомянутыхъ сношеніяхъ надо заключать изъ того, что Бестужевъ и Рылѣевъ сочли

нужнымъ поручить Мицкевича вниманію и заботливости Туманскаго, прося полюбить и „наставить“ его, причемъ Рылѣевъ въ своемъ письмѣ удостовѣряетъ, что *по образу мыслей* Мицкевичъ уже другъ имъ, т. е. Бестужеву и Туманскому. У Туманскаго эти дружескія отношенія къ декабристамъ, должно быть, были болѣе давнія, чѣмъ у Мицкевича, установившись въ то время, когда Туманскій жилъ въ Петербургѣ, гдѣ съ 1814 года онъ воспитывался, а послѣ былъ членомъ вольнаго общества любителей россійской словесности и оттуда переселился въ Одессу только въ 1823 году; съ Мицкевичемъ же декабристы могли сблизиться тогда, когда онъ явился въ Петербургъ по дѣлу о виленскихъ кружкахъ.

Подлинникъ приведенныхъ писемъ къ Василію И. Туманскому сохранился въ бумагахъ его брата Владиміра Ивановича Туманскаго, служившаго въ теченіи многихъ лѣтъ глуховскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ настоящее время находится въ собраніи рукописей П. Я. Дорошенка.

Н Ш.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ *).

(1843—1861 г.г.).

14.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Я до сихъ поръ не писалъ къ Вамъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ на меня „Послѣднимъ днемъ Помпеи“. Я вошелъ въ академическія галереи боковою дверью, такъ что налѣво тотчасъ увидѣлъ картину Брюлова. Разумѣется, я проникнулся благоговѣніемъ къ такому могуществу таланта, но съ перваго разу я не постигъ всей высокости этого произведенія и оцѣнилъ его только тогда, когда, прошедъ по всѣмъ заламъ, опять къ нему возвратился. Тогда я вдругъ, какъ бы какимъ откровеніемъ, увидѣлъ, во сколько разъ картина Брюлова выше всего, что дотолѣ я видѣлъ. Я провелъ передъ нею около часу, и трудно опредѣлить то чувство, какимъ чтеніе ея,—нельзя сказать разсматриванье,—наполнило мою душу. Когда я ушелъ изъ галереи, то долго чувствовалъ въ груди какое-то томительное и сладкое волненіе.

Скоро будетъ выставка. Теперь пускаютъ въ Академію только частнымъ образомъ. Изъ пейзажей замѣчателенъ на вы

*) См. Кіевск. Стар., февр., стр. 185.

ставкѣ „Лѣсъ“ Кукука. На первомъ планѣ два старые дуба, покрытые мхомъ, по которому играетъ солнце. Между ними ходятъ и лежатъ коровы. Солнце, пробиваясь сквозь вѣтви, играетъ въ рыжей шерсти одной изъ нихъ и чудесно отдѣляетъ этимъ яркимъ цвѣтомъ синюю даль, состоящую изъ ветхой хижины и деревьевъ, синѣющихся подъ зелеными сводами перваго плана. „Переходъ чрезъ Березину“ Гесса хвалятъ многіе, но меня онъ не поражаетъ. „Швейцарскія горы“ Калама—восхитительны. „Разбойники“ Вернета хороши по движенію, но не по строгому исполненію. „Виды Палестины“ Чернецовыхъ—прелестны, особенно Іорданъ и Іерусалимъ. „Венера“ Тыранова отличается тщательною отдѣлкою, но красота не божеская, а безстыдная, чего я никакъ не могу совмѣстить съ моимъ идеаломъ греческой Венеры. Въ ней и самое сладострастье должно являться чувствомъ возвышеннымъ. Еще обращаютъ на себя вниманіе художниковъ портреты Штейбена. Заняли меня еще эскизы Рисса для Исакіевскаго собора. Изъ эскизовъ Брюлова для Исакіевскаго собора поразителенъ своимъ величіемъ и простотою ап. Павелъ, читающій книги.

Я здоровъ и климатъ петербургскій мнѣ нисколько не вреденъ. Теперь нашелъ я себѣ такую квартиру, на которой учусь говорить по-французски и по-нѣмецки. П. А. (Плетневъ) предполагаетъ провесть меня не-ученою дорогою, и это, по его словамъ, для меня необходимо.

Мнѣ прислали нѣсколько тюковъ съ разрозненными листами *Чернышенка*, а остальныхъ вотъ уже съ мѣсяцъ не получаю. Пускай бы Коломійцевъ прислалъ сперва сшитые экземпляры, доставленные ему Бѣлозерскимъ. Еще прошу Васъ приказать ему прислать для всѣхъ обертку, потому что она поставлена въ счетъ.

Михайло Владиміровичъ, столь добрый для меня и столь равнодушный къ участи моихъ друзей! Услышьте мою покорнѣйшую просьбу: сдѣлайте Хильчевскаго штатнымъ смотрителемъ даже въ Малороссіи, а Красковскому тоже какъ-нибудь поблагодѣтельствуйте.

Прошу передать мой почтительный поклонъ Аннѣ Максимовнѣ. Съ глубокимъ почтенiемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть П. Кулѣшъ.

1846 г. марта 23. С.-Петербургъ.

P.S. Не получая изъ Ровна жалованья, я вошелъ съ прошенiемъ къ своему попечителю, чтобъ онъ разрѣшилъ выдачу мнѣ жалованья въ 5-й гимназiи со дня исправленiя мною здѣсь должности, т. е. мѣсяцемъ раньше моего утвержденiя въ ней. Онъ разрѣшилъ, и я теперь оставляю Абрамова въ покоѣ.

15.

М. Г., почтеннѣйшiй мой благодѣтель, Михайло Владимiровичъ

То, что Вы замышляли въ Кiевъ, исполнилось въ Петербургѣ. Второе отдѣленiе академiи наукъ, нуждаясь въ человѣкѣ, знающемъ славянскiе языки, посылаетъ меня на два съ половиною года за границу; а какъ профессоръ Славянскихъ языковъ Прейсъ, которому предполагалось предложить и мѣсто въ академiи, недавно умеръ, то князь Ширинскiй-Шихматовъ предполагаетъ поручить мнѣ и каѳедру въ университетѣ. На содержанiе мое за границею опредѣляется мнѣ 4000 рублей ассигн. въ годъ. Академiя, лишившись Прейса, торопится отправить меня поскорѣе, такъ что я въ первыхъ числахъ iюля, можетъ быть, буду уже въ Кiевѣ. Я намѣренъ взять съ собою Чуйкевича [1]), который будетъ мнѣ весьма полезенъ, какъ переписчикъ и исполнитель разныхъ надобностей, на что онъ охотно соглашается. Содержанiе его мнѣ не дорого будетъ стоить, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ получать нѣсколько сотень рублей и отъ своего отца, человѣка зажиточнаго. Чуйкевичъ скоро прiѣдетъ въ Кiевъ и подастъ въ отставку. Покорнѣйше прошу Васъ исходатайствовать ему не только увольненiе, но и выѣздъ безъ платы за границу „для ученой цѣли“.

---

[1]) Петръ Емельяновичъ. Ему К—шъ посвятилъ повѣсть свою „Ѳеклушу“.

Итакъ не одни Вы, добрѣйшій Михайло Владиміровичъ, потворствовали моей охотѣ безпрестанно перемѣнять мѣсто. Судьба также меня балуетъ. Теперь, пошлявшись года три между Львовымъ, Прагою, Вѣною, Сербіею и Варшавою, я или совсѣмъ потеряю охоту къ бродяжничеству, или сдѣлаюсь настоящимъ Ходаковскимъ.

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Аннѣ Максимовнѣ. Съ глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ, м. г., покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1847 г., мая 30. С.-Петербургъ.

P.S. Еще просьба. Бѣлозерскій (Вас. Мих.) держитъ экзаменъ на кандидата. Вамъ очень возможно теперь послать его въ Славянскія земли, а здѣсь замолвить о немъ словцо министру Петръ Александровичъ, который чрезъ меня его уже знаетъ и любитъ. Это достойнѣйшій юноша. Путешествуя вмѣстѣ, мы были бы взаимно одинъ другому чрезвычайно полезны.

16.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Я получилъ извѣстіе, что Костомаровъ сдѣланъ адъюнктомъ, а Бѣлозерскій получилъ степень кандидата. Если Вы дорожите талантливыми людьми, то покорнѣйше Васъ прошу воспрепятствовать Бѣлозерскому перемѣститься въ полтавскій кадетскій корпусъ, а опредѣлить его на мѣсто Костомарова въ первую гимназію; между тѣмъ Вы можете сдѣлать министру представленіе объ отправленіи его за границу для изученія славянскихъ языковъ. Теперь это самое горячее желаніе моего сердца. Прошу Васъ, и да будетъ моя просьба стóить тысячи.

Такъ какъ въ іюлѣ, по случаю вакацій, общаго собранія академіи не будетъ, то дѣло обо мнѣ пойдетъ на утвержденіе министру въ августѣ, а выѣхать я могу не раньше сентября. Къ этому времени можетъ рѣшиться и дѣло о Бѣлозерскомъ. А здѣсь у министра похлопочетъ за него Петръ Александровичъ, который чрезъ меня знаетъ его и любитъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ, м. г., покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1896 г., іюня 22.

P.S. Еще просьба. Изъ Чуйкевича вѣдь вышелъ прекрасный учитель. Вы сдѣлали бы для него великое благодѣяніе, а для меня одолженіе, еслибы перевели его въ Бѣлую-Церковь. Незабудьте, сдѣлайте милость!—Если Бѣлозерскій будетъ отправленъ за границу, я въ Чуйкевичѣ не буду имѣть надобности.

17.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Посылаю Вамъ 100 экземпляровъ дѣтской Исторіи Малороссіи; можетъ быть, Вамъ удастся разослать часть ихъ по библіотекамъ, а остальные роздать желающимъ пріобрѣсть эту книгу. Цѣна 50 коп. сер. Вырученныя деньги прошу бросить въ широко развернутую для меня пасть университетской типографіи. Можетъ быть, этотъ глотокъ остановитъ ея голодъ хоть столько, сколько останавливаетъ его стаканъ воды у человѣка, имѣющаго несчастье лѣчиться голодомъ.—Бодянскій уже печатаетъ сообщенную мною *Лѣтопись Самовидца*. Покорнѣйше прошу, по полученіи сего письма, немедленно отправить на его имя конецъ Вашего списка этой лѣтописи, именно съ 1668 года. У меня не вся была переписана. На основаніи одного пункта устава Историческаго Общества, Бодянскій отпечаталъ для меня, особо отъ „Чтеній", 300 экземпляровъ этой лѣтописи. Сколько прислать вамъ для сбыта въ пользу типографіи?

Радъ бы душевно побесѣдовать съ длиннобородымъ Вашимъ Чижовымъ [2]), но я писалъ уже Вамъ, что выѣду изъ

---

[1]) „Повѣсть объ Украинскомъ Народѣ. Написалъ для дѣтей старшаго возраста Кулѣшъ". Спб. 1846. (Оттискъ изъ журн. „Звѣздочка". См. объ этой книжкѣ „Сочин. Ю. Ѳ. Самарина" (М. 1877) стр. 293—298.

[2]) Федоръ Васильевичъ Чижовъ, род. 1811, ум. 1877. См. о немъ Кіевск. Стар. 1898 г., іюль-августъ, 191—193.

Петербурга только въ сентябрѣ; а онъ до тѣхъ поръ, вѣрно, улетитъ куда-нибудь, въ Римъ или въ Лондонъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ, какъ Вы пишете, то онъ не откажется для Васъ написать мнѣ пространную инструкцію, что, гдѣ и какъ изучать, къ кому или куда обращаться, какъ путешествовать и пр. и пр. Какъ человѣкъ ученый и бывалый, онъ сдѣлаетъ этимъ для меня истинно доброе дѣло.

Въ Кіевѣ, кажется, долго нельзя мнѣ будетъ оставаться, потому что я долженъ прожить дня два въ Москвѣ и нѣсколько дней на родинѣ, гдѣ предстоитъ мнѣ возня даже съ крючкодѣями для устройства небольшого, но все же наслѣдства послѣ отца, который еще живъ, но котораго не надѣюсь найти въ живыхъ, возвратясь изъ-за границы. Впрочемъ я къ Вашимъ услугамъ. Боюсь только, что Вы найдете меня очень тяжелымъ и скучнымъ. Плетневъ сдѣлалъ меня еще большимъ нелюдимомъ, нежели какимъ я былъ прежде. Я вѣдь почти все свободное время проводилъ только въ его маленькомъ семейномъ кругу, и, повѣрите-ли? не видѣлъ ни Брюлова, ни кн. Вяземскаго, ни Одоевскаго, ни Григоровича, однимъ словомъ, никого изъ тѣхъ, кого желалъ видѣть, ѣдучи въ Петербургъ! Теперь я живу на дачѣ; мы оба свободны, онъ могъ бы повезти меня въ мастерскую Брюлова (о прочихъ я не забочусь); но онъ объ этомъ и не думаетъ. Онъ, какъ истинный поэтъ или, лучше сказать, пустынникъ, везетъ меня въ какой-нибудь далекій загородній садъ, оставленный странствующимъ, Богъ знаетъ гдѣ, хозяиномъ, и тамъ бродитъ со мною по цѣлымъ днямъ, слушая шумъ водъ и шелестъ листьевъ. Его дочь съ какою нибудь дѣвочкою-подругою и А. О. Ишимова [1]) бѣгаютъ съ нами (П. А. ходитъ обыкновенно скоро) какъ дикія лани, никогда не уставая. Дача Плетнева находится подлѣ саду Кушелевки, устроеннаго Екатериною II въ пустомъ лѣсу для поправленія здоровья Ланскаго. Здѣсь по праздникамъ играетъ музыка и собирается многолюдное общество обита-

[1]) Издательница дѣтск. журн. „Звѣздочка".

телей окрестныхъ дачъ. Петръ Александровичъ никогда въ такое время туда не пойдетъ, напротивъ старается уѣхать изъ дому, чтобы не слушать музыки (онъ любитъ, впрочемъ, слушать фортепьяно) или уходитъ въ лѣсъ. Вы помните, можетъ быть, его инымъ, и онъ говоритъ, что при жизни Пушкина, Дельвига, Гнѣдича и другихъ онъ былъ не тотъ. Однажды онъ сказалъ: „Вотъ я сталъ теперь каковъ! прежде я тотчасъ бы повезъ Васъ къ Пушкину, къ Вяземскому, а теперь и не думаю". Его молчаливый, открывающійся только для немногихъ, характеръ совершенно пришелся по моему вкусу, и мы сердечно одинъ другого полюбили. Когда мы молчимъ, или говоримъ, или читаемъ вдвоемъ, намъ больше никого не надо. Со стороны можно бы подумать, что мы скучаемъ безъ общества, а мы всегда и такъ рады, когда въ урочные часы воскресенья и середы у П. А. нѣтъ никого! Тогда является на сцену какой-нибудь поэтъ, и мы перечитываемъ его, какъ студенты. Такъ провелъ я весь мой досугъ въ Петербургѣ.

Я очень радъ, что Костомаровъ будетъ въ числѣ Вашихъ университетскихъ оракуловъ. По крайней мѣрѣ, теперь Вы будете имѣть въ словесномъ отдѣленіи хоть одного профессора не ремесленника. Это душа благороднѣйшая, руководимая чистѣйшими побужденіями, и если только хотя нѣсколько студентовъ уразумѣютъ его и пойдутъ его дорогою, благо имъ будетъ! Можно ли ждать чистаго энтузіазма къ наукѣ въ студентахъ, когда ихъ профессоры не похожи нисколько на пророковъ? Личность профессора—великое дѣло! Я знаю не одного юношу, въ которомъ Вашъ Новицкій сегодня поселялъ возвышеннѣйшіе помыслы философіею Сократа, а завтра уничтожалъ ихъ своимъ ничтожнымъ, мелочнымъ, чуждымъ всякаго самопожертвованія характеромъ. Какую же пользу могутъ принесть юношеству Иванишевы и другіе, холодные и на каѳедрѣ, и въ жизни? Странно! Эти господа воображаютъ, что довольно профессору ясно изложить свой предметъ, и просвѣщеніе возьметъ свое. Онъ много сдѣлаетъ для Вашего университета!

О Чуйкевичѣ (котораго нужно перевесть, если можно, старшимъ учителемъ латинскаго языка), о Хильчевскомъ (котораго нужно сдѣлать, и достойно, штатнымъ смотрителемъ) и о Красковскомъ (котораго нужно сдѣлать инспекторомъ или улучшить какъ-нибудь иначе его финансовое положеніе) до тѣхъ поръ не перестану Васъ просить, пока у меня будетъ перо или голосъ. Въ Кіевѣ я стану повторять Вамъ каждыя 5 минутъ свою просьбу. Я куплю попугая, выучу его кричать: Хильчевскій, Чуйкевичъ, Красковскій! и подарю его Вамъ.

Такъ какъ есть надежда, что Бѣлозерскій поѣдетъ заграницу, то Чуйкевича я увольняю отъ пожертвованія для меня тремя годами службы; почему онъ и будетъ ожидать въ Ровно ниспосланія Вашей милости.

Глубоко Васъ почитающій Вашъ покорнѣйшій слуга П. Кулѣшъ.

1846 г., іюля 8. Новая-Деревня.

18.

М. Г., мой незабвенный благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Будучи въ Кіевѣ, я не нашелъ случая открыть Вамъ одну тайну, именно, что я женюсь на сестрѣ извѣстнаго Вамъ Бѣлозерскаго, съ тѣмъ, чтобы взять её съ собою за границу. Впрочемъ, это къ лучшему. Вы, конечно, стали бы бранить меня, а это очень непріятно въ такомъ дѣлѣ, котораго я ни за что въ мірѣ перемѣнить не согласился бы. Теперь же, обдумавши дѣло, какъ оно есть, Вы безъ сомнѣнія найдете лучшимъ—осыпать меня похвалами, какъ и добрѣйшій Петръ Александровичъ, отъ котораго я получилъ три письма, одно другого милѣе. Это дѣвушку я люблю три года и женюсь на ней, какъ истинный романистъ, т. е., безъ всякаго разсчета. Впрочемъ, у нея есть 10 тысячъ, которыя могутъ, еслибы понадобились, пригодиться намъ за границею. Съ нами ѣдетъ также и братъ ея, которому изъ дому будутъ высылать по 2

тысячи въ годъ. За 6 тысячъ, кажется, можно прожить троимъ. Какова моя новость?

Вѣнчанье и жертвоприношеніе Гименею будетъ 19 числа, а черезъ недѣлю мы выѣдемъ въ дорогу. Если Вамъ не въ тягость, покорнѣйше прошу писать ко мнѣ въ Борзну на имя ея выс. Матроны Вас. Бѣлозерской [1]).

Аннѣ Максимовнѣ мой почтевнѣйшій поклонъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть, м. г., Вашъ покорный слуга П. Кулѣшъ.

1847 г., января 14. Борзна.

19.

М. Г. незабвенный мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Благодарю Васъ за вашъ привѣтъ и за наставленія. Въ Кіевѣ я буду около 15 февраля. Извините, что пишу кратко. По случаю женитьбы я такъ запустилъ свою корреспонденцію, что теперь едва успѣваю отписываться. Не нужно и говорить, что я теперь по шею окунулся въ счастье.

Теофипольскій смотритель Люба выѣхалъ въ Кіевъ съ намѣреніемъ не возвращаться. Ради Бога, дайте его мѣсто моему Хильчевскому!

Аннѣ Максимовнѣ мой почтительный поклонъ.

Письмо Ваше получено въ день свадьбы, черезъ часъ послѣ вѣнчанья. Жена моя свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе.

Съ глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть, м. г. Вашъ покорнѣйшій слуга П. Кулѣшъ.

1847 г., января 29. Хуторъ Матроновка, близъ Борзны.

20.

Мнѣ нужно было написать къ Вамъ только два слова, почтеннѣйшій другъ моей юности, Мыхайло Владиміровичъ, но я пишу къ Вамъ длинное посланіе.

---

[1]) Мать Бѣлозерскихъ.

Какъ то дико было бы обратиться къ Вамъ съ письменною рѣчью безъ предисловія, послѣ столь долгаго молчанія. Предисловіе мое будетъ заключаться только въ томъ, чтобы выразить, какъ легко у меня сдѣлалось на душѣ послѣ того, когда между нами возстановились прежнія отношенія. Можетъ быть, Вы никогда не испытали, какъ тяжко отвергнуть отъ души человѣка, съ которымъ связаны святыя воспоминанія юности. Мои горестныя обстоятельства оправдываютъ меня въ моемъ ужасномъ заблужденіи касательно Васъ, и мнѣ остается только радоваться, что у меня съ души свалился, наконецъ, тяжелый камень.

Теперь буду говорить о дѣлахъ текущихъ. Потрудитесь передать цензору предисловіе къ „Черниговской лѣтописи“ [1]. Авторъ его на третьемъ полулистѣ говоритъ, что получилъ отъ П. А. Кулиша выписку изъ одной лѣтописи. Я думаю, цензоръ не получалъ инструкціи, чтобы вычеркивать изъ рукописей слово „Кулишъ“, и потому долженъ пропустить его. Въ статьѣ Д. Костенецкаго (№ 11-й Москвитянина) напечатаны же слова: „Украина, сочиненіе П. К.“. Пора, мнѣ кажется, пробовать справедлива ли пословица: „Не до поросятъ, колы свыню колють“. Впрочемъ, не бѣда, если цензоръ и вычеркнетъ мое имя.

Прилагаю 50 руб. серебр. и покорнѣйше прошу достать мнѣ на нихъ въ Вашихъ кассахъ звонкой монеты. Не могу ничего купить, потому что всѣ мои покупки вертятся около 1 р. сер.; ни у кого нѣтъ сдачи. Купцы безъ церемоніи говорятъ: если есть у Васъ 40 коп. сер., такъ извольте, а то не продамъ. Съ извощиками та же возня. Я теперь у Грабовскаго и пробуду у него часа два; можетъ быть, можно прислать сюда звонкую монету.

Вашъ по прежнему П. Кулѣшъ.

1855 г., октября 29. Кіевъ.

---

[1] Напечатанной Н. М. Бѣловерскимъ въ его книжкѣ „Южнорусскія Лѣтописи“.

Може, вже Вы довидались и одъ кого иншого, добродію Михайло Владимеровичу, що „Чорна Рада" вже печатаетця. Зъ давныхъ давéнъ вы залюбкы помогалы мини у моихъ кныжныхъ дилахъ; то маю добру надію, що й теперъ не одкажетесь. Безъ сорома казка: грошей катмае! Будьте ласкави, роздайте добрымъ людямъ оци 20 билетивъ, да прышлить мини пидмогу. Хто визьме билетъ, той не платытыме за пересылку. Тилько потурбуйтесь пидпысатысь на кожному, щобъ знало всяке, одъ кого ёму ждать „Чорнои Рады". А я вже Вамъ заразъ, якъ напечатаю, то й пришлю скильки треба экземплярівъ.

Другый томъ „Записокъ о Южной Россіи" выйде посли „Рады", бо не всяка друкарня згидна печатать по нашому. Тымъ-то й неможно назначать дешевои цины моимъ кныжкамъ, що зъ мене самого беруть дорого. Оттіи ксіи коштуютъ мини багато грошей и праци. А що жъ робыть, колы землякы забулы чытать по своёму? Уже колы я ихъ не навчу, то не научыть и лысый дидько. А що щыро працюю, то нехай мини Богъ такъ у царстви небесному заплатыть! И поты буду працюваты, покы снагы моеи стане. Абы мини Богъ помогавъ, а покажу я всю нашу старовыну, якъ на картыни, почавшы одъ львовського братства да ажъ до Калныша и Головатого. Колы вже славыть Русь передъ чужоземцями, то оттутъ іи славыть!..

Ну, да то ще якъ Богъ поможе, а отъноможитъ мині выпхать у свитъ изъ „Чорною Радою".

Анни Максимовни мое ушановання.

Щыро прыхыльный землякъ П. Кулишъ.

1856, дек. 2. С.-Петербургъ.

22.

Спасыби Вамъ, высокоповажный пане земляче, за грошы, що прыслали на „Чорну Раду", а ще бильщъ за добре слово,

котре Вы до мéне обернулы [1]). Хоть Вы пышете и не по нáшому, да не зовсимъ же й по чужому; бо мы Московською Землею не ворогуемъ и любымъ московськую словесность, якъ и свою руськую. Сохрани насъ Боже Московськои Земли одбигаты! Се тилько москали насъ одбигалы, кыдавшы насъ то орди, то ляхамъ на поталу. Разъ одцуралысь воны насъ, якъ уломывся Батый у Золотіи Ворота, а въ-друге—по ганебному Андрусовському договору.

И нихто вкраинцивъ не рятувавъ,
Нихто за ихъ Богови молытовъ не посылавъ;
Тилько Святый Богъ нашыхъ не забувавъ,
Только Винъ тее знавъ,
Що Винъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ невзгóдыны на Вкраинську Землю посылавъ...

Знавъ Господь, що зъ намы діе и на якы учынкы, на яки подвыгы готуе. Загартовалось наше серце въ бидахъ и напастяхъ и сіяе душа наша, „яко злато седмерицею искушенно". Шукáй чого иншого по тыхъ Суздаляхъ, Псковахъ, да Тамбовахъ, а щырого серця, а души святои не забувайсь шукаты на чужынý,—не знайдешъ нигдé такои, якъ дома. Не про едыныцю веду я ричь, а про велыкіи сонмы; бо що казать про едыныцю колы „Господь можетъ и отъ камене воздвигнути чада Авраамовы"? [2]) Сонмы, сонмы велыке дило роблять, якъ настане велыка годына! Сонмы рождають изъ себе велыкихъ чоловиколюбцивъ, велыкыхъ граждáнъ, велыкихъ мудрецивъ. Изъ сіеи то рилли благодатнои выростае насыщающее и плодотворящее жныво; а нигдѣ не родыть духовного жныва бильшъ, якъ на Вкраини,—тилько що женцивъ мало, и треба намъ благаты Бога, щобъ вывивъ бильшъ женцивъ на ныву свою. А пóкы що, будемъ чыныты такъ, якъ чынылы нашы предкы. Москва

---

[1]) Двадцать билетовъ на Ч. Раду, о которыхъ говорится въ предыдущемъ письмѣ, найдены при немъ и теперь въ видѣ тѣхъ же бланковъ, какими они были присланы Юзефовичу, изъ чего слѣдуетъ видѣть, что полученныя К—шемъ за „Раду" деньги присланы Юзефовичемъ изъ собственности...

[2]) Выбачайте, колы помыляюсь у Евангельскому тексти, бо за суетою мырською ридко въ его й заглядаю.—

ихъ одбигае, а воны до Москвы горнутця, наче той братъ, що покынули ридни браты на самарськыхъ степахъ; Москва ихъ цураетця, а воны славлять царя и бажають пиддаться пидъ ёго руку; Москва роздырае Вкраину ризно и одву часть кыдае Ляхамъ на поталу, другу Турчыну на наругу, трейтю сама обдырае, а воны за зло платять добромъ и заступають іи одъ шведа, такъ якъ заступылы хрыстыянськый мыръ одъ мусульманъ, а православный одъ католыкивъ. Докоряе намъ Шевченко „овечою натурою"; отъ же, якъ поглянешъ на всю исторію, то есть у того сонму народнёго якыйся вышчій розумъ, и не дармо сказано: „терпы козакъ—отаманомъ будешъ!"

Прыйде годына—и, може, вже скоро, що „кротцыи наслѣдять землю". Насъ обдыралы, насъ зневажалы не съ чого иншого, якъ зъ дурного розуму, да й самы мы до того прычыпялысь черезъ своихъ недолюдкивъ панивъ да гетьманивъ. Отъ же й намять злочинцивъ и здырцыкивъ погибла, а сонмы люду украинського сіяють душевнымъ багатствомъ надъ уси народы и збагащають Московську Русь що року. Чы дякуе вона, чы ни; чы знае вона тее, чы ни—нужды мало; а що дано, те дано, и вернетця намъ колысь сторыцею. Посіе пахарь зерно, да й те не погыбае безплодно; а то жъ зерно добра святого! якъ ёму не вернутьця, якь не возродытьця сторыцею? Тымъ то, шановный мій земляче и друже, будемъ труждатьця на Божій ниллй, якъ хто зможе. Одынъ оре, другій сіе, третій жне, а четвертый змоловъ, испикъ и людей годуе—хто жъ туть передъ Богомъ достойнійшый? Може, Гоголь, пройшовшы плугомъ по цилыни, бильшъ заслужывъ передъ Господомъ сылъ, нижъ мы, що вже скородымо и зерно засиваемо; а хто пожне и зложыть у жытныцю, то ще краще дило зробыть. А коваль, що лемишь ковавъ? а тесля, що плугь спорядывъ? Хиба воны не прыслужылысь до велыкого дила? Да й мала дивчынка, котра вынесе стравы пахареви на ныву, и та вже прыспорыть святому дилу. Такъ и Вы, добродію, пышыть соби хоть по нимецьки, абы съ добрымъ розумомъ и щырымъ серцемъ, то може, сами того не знаючы, выкуете

„.... до старого плуга
Новый лемишъ и чересло́...“

Колы Вы, идучи мымо, сказалы трудящому хлиборобови: „Боже поможы“! то й за се Вамъ спасыби; и сымъ однымъ словомъ Вы обтерлы питъ на ёго чоли и прыспорылы до ёго праци. Спасыби жъ Вамъ за Ваше добре слово, котре Вы до мене обернулы, спасыби й за гроши, котри для мене зобралы. Чы велыка мени нужда, можете съ того вже пораховаты, що пыльнуючы свого любого и дорогого дила, узявъ я оце издать сочиненія Гоголя, пійшовъ у наймыты до Гоголевого небожа, который недугуючы, йиде у чужи земли. Звирывъ на мои рукы все дило, и мени теперъ

„Николы борщу хлебнуты,
Николы у смакъ заснуты“,

якъ казавъ той Котляревськый.

Отъ же допысавсь до краю, а тобѣ ще пысавъ, бо любо мени й весело зъ землякамы розмовляты, и не за трудъ, а за одпочынокъ соби маю пысати лысты въ ридну сторону. Бувайте жъ здоровы зъ добрымъ Вашымъ подружіемъ и диточкамы.

Щыро прыхыльный зъ ушанованнемъ землякъ Вашъ П. Кулишъ.

Р. Б. 1857, стычня 19. С.-Петербургъ.

Приписка. Плетневъ живе и доси у чужыхъ земляхъ. Вернетця по весни. Перекыдаемось ииколы лыстамы. Пани ёго, якъ недуговала, такъ и недугуе. Горе намъ чоловикамъ изъ сымъ скудельнымъ сосудомъ,—и бережы, то не збережешъ. И моя пани недугуе. Дывуюсь, якъ мене Господь держыть на свити.

23.

Навздогинъ зъ недавнимъ моимъ лыстомъ, пышу до Васъ ище лыстокъ, высокоповажный пане земляче и друже Мыхайло Владымеровычу. Бувшы въ Кыёви, чыталы мы вкупи съ паномъ Грабовськымъ универсалъ гетьмана Остряныци и мизковалы надъ нымъ—винъ польскою и шляхетською, а я южно-руською

и козацькою головою. Посли мы спысалы свое мизкования на папиръ, и теперъ ёго цензура, посли довгои волокыты, пропустыла. Тилько отъ яка бида. Панъ Судіенко не выпустывъ и доси 3-го тому литопыси Велычка, у котрому сей универсалъ надрукуетця, а я на нёго зсылаюсь. То чы не буде ёму обидно, що универсалъ явится въ мене скорійше, нижъ у ёго? Будьте ласкави, шановный добродію, помырите насъ якъ-небудь. Скажить ёму, що рукопысь була въ мене въ рукахъ, не йшовшы ще до друку, то я й выпысавъ соби, що мени треба; а зсылаюсь на ёго съ политыкы, щобъ зналы добри люде труды пана Судіенка; а тобъ я й промовчавъ про ёго выдання. Зробить що знаете; у Васъ и въ самого голова велыка. Може, треба мини напысаты лыстъ до пана Судіенка, а бо що: то я все зроблю, якъ скажете. Тутъ не въ универсали штука, а въ тому, що пышуть польскій панъ и украинськый козакъ въ *девятнадцятому* вику про гетьманській универсалъ *симнадцятого* вику [1]. Що пропустыла цензура наше послання, то се велыкій фактъ, добродію мій любый! Не дурно я ждавъ сёго пропуску изъ другимъ томомъ „Записокъ“ мисяцивъ зб тры. Ось прочытаете, то побачыте самы до чого дило доходыть. Панъ Грабовській мого пысання не знае, а прочытавшы (се нехай буде мижъ намы) може й винъ носомъ закрутыть...

Годи, бо дуже николы!

Щыро прыхыльный землякъ зъ велыкымъ ушанованнемъ П. Кулишъ.

Р. Б. 1857, стычня 23. С.-Петербургъ.

24.

1860 г., ноября 7. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій Михайло Владиміровичъ!

Петербургскій кружокъ работящихъ земляковъ Вашихъ, къ которому принадлежу и я, постоянно занимается исторіею

---

[1]) Объ этомъ универсалѣ см. Кіевск. Стар. 1897 г., май, отд. II, стр. 55.

Украины во время своихъ вечернихъ сходокъ [1]), и вотъ ужъ нѣсколько разъ встрѣтилась намъ настоятельная надобность въ 4-мъ томѣ лѣтописи Величка, которая, Богъ знаетъ почему, не является въ продажѣ. Сдѣлайте одолженіе, пришлите намъ хоть не полный экземпляръ на братію, да не всуе будемъ мы ломать голову надъ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ.

Я, между прочимъ, занимаюсь исторіею XIV вѣка на пространствѣ земель, занимаемыхъ древнею Русью, Литвою, Польшею и другими тогдашними нашими сосѣдями. По мѣрѣ возможности, я стараюсь относиться къ каждой массѣ народа одинаково симпатично, переносясь въ понятія XIV вѣка и въ побудительныя причины поступать такъ, а не иначе. Не взойдя къ источнику явленій позднѣйшихъ, мы никогда не увидимъ ихъ въ истинномъ свѣтѣ, потому что каждый вѣкъ имѣлъ свои пристрастія и запутывалъ взаимныя отношенія массъ и партій все болѣе и болѣе. Въ настоящее время болѣе, нежели когда либо сгустились вокругъ насъ недоразумѣнія, и самые спокойные умы невольно раздражаются, уясняя истину по своему. Ни на XVIII, ни на XVII, ни даже на XVI вѣкѣ успокоиться духомъ не возможно: все это еще какъ будто вчера происходило. XV вѣкъ имѣетъ значеніе только въ связи съ XIV; вотъ почему я и обратился къ этому отдаленному отъ насъ времени, которое уврачевало старыя наши раны и не нанесло еще намъ новыхъ, такъ какъ намъ тогда и не снилось еще протестовать противъ силы, которая потомъ сдѣлалась анахронизмомъ. Изображая старый русско-польскій міръ во всей его законности, мы имѣемъ возможность вглядѣться въ составные его элементы sine ira, а когда отроемъ въ землѣ старый фундаментъ, тогда уже легче будетъ возводить разрушенное козаками зданіе прошедшаго, каково бы оно ни было. Но все это не болѣе, какъ великодушныя мечты. Богъ знаетъ, хватитъ-ли силъ все это исполнить, что задумываемъ, хотя въ мой планъ входитъ не одна только моя дѣятельность. Я разумѣю себя только вспомо-

[1]) Полагаемъ, что этотъ *кружокъ* ограничивался Костомаровымъ, Кулишомъ и отчасти—В. М. Бѣловерскимъ. *Ред.*

гательною частью великой души, работающей надъ уясненіемъ нашего прошедшаго и настоящаго, безъ чего никакой шагъ впередъ не возможенъ.

Что дѣлаете Вы въ своемъ мыслящемъ обществѣ? Что нашъ почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михайло Антоновичъ [1])?

Весь Вашъ П. Кулишъ.

25.

Почтенный Михайло Владиміровичъ!

Отъ всей души благодарю за гостинецъ. Сюрприза никакого не бойтесь: мы и сами народъ друкованный. Отвѣчаю Вамъ, не видавшись съ Василіемъ Михайловичемъ [2]) и не читавши Вашего письма, котораго содержаніемъ я заинтересованъ очень. Я не перестаю и не перестану работать для образованія массы, и какъ не трудно мнѣ проходить чрезъ наши мытарства, но и нынѣшней зимой выпущу кое-что въ родѣ *Граматки*, которая разошлась уже въ 5,000 экземплярахъ, кромѣ тѣхъ, которые задержаны кн. Васильчиковымъ, Г. П. Галагапомъ и еще однимъ господиномъ, такъ какъ я имѣлъ неосторожность продать имъ по нѣскольку сотень, въ увѣренности, что они предоставляютъ каждому свободу убѣждаться и разубѣждаться въ чемъ угодно,—единственно разумный путь къ образованности.—Но эти господа больше вѣруютъ въ свои политическія соображенія, чѣмъ въ стремленіе массы.

Пусть и такъ будетъ. Если они не даютъ намъ свободы, то дадимъ хоть мы имъ. Пускай и въ наше время существуютъ Вишневецкіе и Кисели, если жизнь нуждается въ ихъ противудѣйствіи, какъ въ отрицательномъ стимулѣ; я же и мнѣ подобные будемъ идти своей дорóгой, а сила вещей поможетъ кому слѣдуетъ. Вотъ основаніе моихъ поступковъ, на которомъ я, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, остаюсь такъ спокоенъ, какъ будто все идетъ, какъ по маслу.

---

[1]) Грабовскій.

[2]) Бѣлозерскимъ.

Вашимъ Лукомскимъ [1]) мы съ Костомаровымъ заинтересованы очень. Ради Бога, скорѣе печатайте, а еще лучше, еслибъ прислали хоть на недѣлю къ намъ, чтобы сообразить, что это такое. Въ Публичной Библіотекѣ есть только Continuatio діаріуша Окольскаго, и самаго діаріуша нѣтъ. Поэтому Селинъ [2]) своею медленностью дѣлаетъ уголовное преступленіе противъ науки.

Мы имѣемъ теперь въ рукахъ драгоцѣнныя рукописи отъ 1600 года до XVIII вѣка, которыя разубѣждаютъ насъ во многомъ и придаютъ исторіи Украины совершенно новый интересъ. Костомаровъ порывается даже оставить каѳедру, чтобы всего себя отдать литературѣ и исторіи.

Съ этою почтою посылаю Вамъ гостинецъ—мои повѣсти [3]), перепечатанныя изъ журналовъ.

Душею преданный Вамъ П. Кулишъ.

1860 г., декабря 5. С.-Петербургъ.

26.

Какъ Вы любезны и обязательны, почтеннѣйшій Михайло Владиміровичъ! Лукомскаго Вашего я еще не успѣлъ показать Костомарову, за множествомъ неотлагательныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, но сказалъ ему и посылаю Вамъ нашу общую благодарность, а къ ней присовокупляю экземпляръ новой „Грамáтки". (Повѣсти мои въ 4-хъ томахъ посланы Вамъ давно). Въ концѣ этой книжицы приложена коротенькая исторія Украинскаго на-

---

[1]) Рѣчь идетъ о рукописи, заключающей лѣтописную компиляцію по исторіи Малороссіи, составленную въ 1770 г. отст. полк. обознымъ Стеф. Лукомскимъ. Она издана въ 1872 г., въ приложеніи къ Лѣтописи Самовидца.

[2]) Проф. Кіев. Ун—та и членъ Кіев. Археографич. Коммиссіи. Онъ принималъ въ то время участіе въ приготовленіи къ печати дневника Окольскаго, изданнаго потомъ Коммиссіею.

[3]) Экземпляръ этихъ „Повѣстей" (4 т.) теперь находится въ Кіевской публичной библіотекѣ, куда поступилъ вмѣстѣ съ библіотекою Вл. Мих. Юзефовича. На первой книгѣ имѣется надпись: „Михаилу Владиміровичу Юзефовичу вѣчно признательный за юные свои годы авторъ".

рода, которою Костомаровъ восхитился до зѣла и будетъ о ней писать статью. Интересно знать Ваше мнѣніе. Не приложите-ли попеченія о распространеніи сей пятикопеечной книжицы? Я помню Ваши мысли о простомъ народѣ. Судя по нимъ, „Граматка“ придется Вамъ по душѣ, да и властямъ нашимъ сердиться тутъ нечего. Я открываю народу нашему широкую будущность, но на основаніи просвѣщенія массы—только. Слѣдовательно, что жъ тутъ обиднаго для нынѣшняго порядка вещей? Ахъ, какую славную вещь сказалъ Костомаровъ на публичныхъ чтеніяхъ о Выговскомъ!—„Въ XVII вѣкѣ еще не знали что для будущихъ поколѣній нѣтъ и быть не можетъ никакихъ условій“- Этого еще и теперь не знаютъ, и изъ-за незнанія своего дѣлаютъ непріятности дѣятелямъ свободной мысли. Прочитайте-ка, Михайло Владиміровичъ, мою статью о чтеніяхъ Костомарова въ IV № „Вѣка“. Что Вы скажете о нынѣшнемъ состояніи историческихъ понятій объ Украинѣ?—Мы теперь заняты превосходнымъ трудомъ: у меня печатаются акты Московскаго Архива Иностранныхъ дѣлъ на счетъ Археографической Коммиссіи, вотъ гдѣ наша исторія, вотъ она гдѣ! да еще въ рукописяхъ Публичной Библіотеки, которыя я переписываю для себя, да въ центральномъ архивѣ, надъ которымъ трудится неоцѣненный Н. Дм. Иванишевъ. Исторіи до сихъ поръ не было, и Костомаровъ отрекается отъ своего „Богдана Хмѣльницкаго“.

Душею Вашъ П. Кулишъ.

1861, января 23. С.-Петербургъ.

27.

Почтеннѣйшій Мыхайло Владиміровичъ!

Получивъ отъ Васъ дозволеніе,—о которомъ и просить не мыслилъ,—издать здѣсь Лукомскаго, возрадовахся зѣло и тотчасъ началъ изыскивать потребныя для того средства. Я думаю, что Археографическая Коммиссія издастъ эту лѣтопись на свой счетъ, съ приложеніемъ собранныхъ мною актовъ, относящихся къ тому же самому времени. Вмѣстѣ съ 3-мъ томомъ „Актовъ

для исторіи Южной и Западной Россіи", который мы печатаемъ, это будетъ превосходный запасъ для историка. Акты эти изображаютъ именно внутреннюю жизнь Москвы, Украины и Польши. Остается только воспользоваться ими искуснымъ людямъ—и старина наша явится во всей своей выразительности. Въ синодальномъ архивѣ также открыты нами заброшенныя и не имѣющія описи бумаги 15, 16 и 17 вѣковъ, относящіяся къ уніи. Мы еще только понюхали ихъ, но уже знаемъ, что свидѣтельство Ерлича о неистовствахъ Петра Могилы подтверждается вопіющими жалобами на его грабежи и разбои. Со временемъ наша старина польско-украинско-московская представитъ матеріалы для историческаго романа, никакъ не блѣднѣе тѣхъ, какими пользовался Вальтеръ-Скоттъ. Статью мою о чтеніяхъ Костомарова таскаютъ по мытарствамъ, и, кажется, придется перечеркнуть её самому окончательно.

Душевно радуюсь, что Михаилъ Антоновичъ Грабовскій, лучшій и независимѣйшій критикъ изъ всѣхъ, являвшихся въ нашемъ обществѣ, обращаетъ вниманіе на мои повѣсти. По старой дружбѣ, я похвалюсь Вамъ, что я теперь пишу лучше, потому что сдѣлался разборчивѣе въ выборѣ и обработкѣ предметовъ. Жаль, что мнѣ не пришло на мысль прочесть Вамъ въ Кіевѣ свою повѣсть „Тайна", которую долго еще не пропуститъ цензура. Мнѣ хотѣлось написать такую вещь, которая бы ничего не потеряла, будучи переведенною на языкъ Боккачіо, Сервантеса, Гёте, или Маколея, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Костомаровъ очень доволенъ ею. Да, я люблю таки русскій языкъ, не смотря на свое ратованье за украинскій, но онъ очень книженъ,—это меня въ немъ возмущаетъ, и не хватаетъ у меня силъ вырваться изъ общей филологической манеры русскихъ писателей. Украинскій хорошъ тѣмъ, что изъ него можно еще дѣлать, что угодно,—только не тѣмъ способомъ, какъ въ плохой, крайне плохой, повѣсти Марка Вовчка: „Три долі". Это профанація святыни народнаго вкуса; это—жалкое исчадіе денежнаго вдохновенія! Я крѣпко не доволенъ на „Основу" за помѣщеніе подобной прозы и стиховъ. Развратъ всего губитель-

нѣе въ юности. Имѣя возможность выражаться на языкѣ великорусскомъ, мы должны съ крайней осторожностью дѣлать шаги впередъ въ украинскомъ, чтобъ изъ нашей юной словесности не вышла польско-московско-французская горничная, которой народъ нашъ не захочетъ знать. Но Василій Михайловичъ обрадовался, что бумага все терпитъ, и величаво шествуетъ по слѣдамъ пакостной русской журналистики.

Вашъ душею П. Кулишъ.

1861 г., февраля 8. С.-Петербургъ.

Адресъ: въ собственной типографіи, и только.

Оканчивая здѣсь печатаніе писемъ Кулиша къ Юзефовичу, замѣтимъ, что писемъ послѣдняго къ Кулишу не сохранилось; только въ бумагахъ покойнаго Д. С. Каменецкаго сохранилось одно изъ нихъ и то лишь въ копіи и безъ даты, съ надписью «М. В. Юз.» Какъ извѣстно, Д. С. К—ій былъ однимъ изъ близкихъ людей Кулиша и можно думать, что настоящая копія письма сдѣлана К—имъ въ то время, когда онъ имѣлъ доступъ ко всей корреспонденціи Кулиша [1]). Приводя здѣсь копію этого интереснаго письма, остается пожалѣть, что не сохранилось другихъ писемъ къ Кулишу М. В. Юзефовича. *Ред.*

Любезнѣйшій Пантелеймонъ Александровичъ!

Ваше дружеское вниманіе къ моимъ совѣтамъ меня искренно тронуло и вмѣстѣ порадовало: значитъ, мы не такъ чужды другъ другу на почвѣ нашего національнаго вопроса. Меня радуетъ и то, что наши громады, какъ явленія жизни, имѣютъ громаднѣйшую силу: онѣ успокоятъ у насъ горячечныя увлеченія, какъ успокаиваютъ ихъ въ Петербургѣ нелѣпые утописты.

Теперь имѣю сказать вамъ вотъ что: я прочелъ вашу повѣсть въ „Вѣстникѣ" [1]). Она замѣчательна, какъ и все, что вы

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1898 г., май, 222.

[1]) Не знаемъ о какомъ *Вѣстникѣ* здѣсь говорится, такъ какъ кромѣ *Русскаго Вѣстника*, былъ еще и *Вѣстникъ Юго-Зап. и Западной Россіи*, изд. Говорскаго. Въ *Русск. Вѣстн.*, въ 1859 г. (янв. и февр.) была напечатана повѣсть К—ша „Майоръ", но здѣсь „малоросс. словъ" почти нѣтъ. А въ *Вѣстн. Ю.-З. и Зап. Р.*, въ 1862 г., былъ напечатанъ „Отрывокъ изъ историч. романа нач. XVII в Вѣтрѣна", въ которомъ оч. много „малороссійскихъ словъ". *Ред.*

создаете; но, разумѣется, по началу судить о ней еще не позволительно, какъ о художественномъ произведеніи. Но она навела меня на мысли, которыя считаю не лишнимъ сообщить на ваше соображеніе. У васъ мѣстами вводятся малороссійскія слова, какъ *вставки* въ разговорную рѣчь, мнѣ бы казалось, лучше вести по малороссійски всю разговорную рѣчь, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ эта рѣчь запечатлѣна мѣстнымъ колоритомъ. А такая смѣсь, какъ у васъ, какъ-то неестественно отзывается въ умѣ читателя и тревожитъ покой въ его представленіяхъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что введеніе мѣстной разговорной рѣчи въ литературно-русскую повѣсть, т. е. сопоставленіе рядомъ въ художественныхъ произведеніяхъ нашей рѣчи съ литературнымъ нынѣшнимъ языкомъ, ведетъ къ разрѣшенію вашей задачи: сопоставленіе это рукою мастера, напечатлѣвая въ умѣ читателей элементы нашей рѣчи, будетъ мало-по-малу вводить ихъ въ словесную практику и прививать къ художественному слову, а такимъ образомъ всего лучше будетъ способствовать тому воздѣйствію другъ на друга двухъ коренныхъ русскихъ нарѣчій, изъ общаго источника которыхъ, по моей вѣрѣ, долженъ вылиться великолѣпный, образцовый нашъ литературный языкъ, какъ изъ воздѣйствія другъ на друга нашихъ коренныхъ соціальныхъ элементовъ: великорусской земельной общины и южнорусскаго духовнаго братства должна вылиться великолѣпная, образцовая наша христіанская общественность. Вотъ та задача, которую, по моей глубокой вѣрѣ, задала намъ исторія, и та связь, которую она установила между нашими обѣими племенными личностями. Въ области слова эта задача теперь принадлежитъ вамъ, и чуть ли не вамъ одному. На этой точкѣ зрѣнія мы можемъ стать твердо; съ нея мы въ правѣ смотрѣть *требовательно* на нашу народность и громко заявлять свои требованія.

„ОБОРОНА БУШИ“

Историчня драма въ V діяхъ и 6-ты одминахъ

(зъ часивъ Хмельныщыны).

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

1. Сотныкъ Зависный—середнёго вику, зализнои вдачи. Волосся на-пивсыве, пидголене.
2. Верныгора—здоровенный козарлюга; носыть косу. Байдужый, мовъ камьяный, не усмихается. Литъ сотныка.
3. Шрамъ—уже дидъ сывый; лывыци нема. Веселый, все зъ смихомъ и зъ жартамы.
4. Денысъ Хоружый—молодый, стрункый.
5. Марьяна Зависна—дочка сотныка; литъ 20-ты. Глыбокои, думнои вдачи. Ходыть бильше у темному.
6. Баба Палажка—маты іи покійнои матери; поважна бабуся, у стародавнёму строи.
7. Степаныда Свырыдыха—сыва баба, але бадёра, завжды розъятрена, мовъ нависна, чы божевильна.
8. Катря—жинка Деныса;—молода, але запекла.
9. Меласья—сестра іи; жвавый пидлитокъ; весела, безжурна.
10. Унукъ Свырыдышынъ, молодый юнакъ.
11. Кобзарь—слипый дидъ.
12. Дидъ—кволый, старезный.

13. Странныкъ—въ довгій, чорнечій одежи; сывый, зъ бородою.
14. Антось—князь Порецькый: молодый, осьвиченый, палкои вдачи, высокыхъ порывань.
15. Сапига—дядько ёго, магнатъ.
16. Грушецькый—панъ пидстаркуватый.
17. Яскульскый—молодый шляхтычъ: жвавый, брехунъ, похабный.
18. Опацькый—дуже товстый панъ, зъ гуморомъ, веселый.
19. Ясь и Стась—молоди панычи.
20. Пробощъ—строга, поважна фигура.
21. Грохольска—поважна, горда пани.
22. Юля—весела вдова.
23. Ядвыга—дочка Грушецького, небога Грохольскои; пышна панна, зъ гедзомъ.
24. Чарнецькый—региментарь; ще молодый, сухый и лютый.
25. Панны, панычи, драбанты, козакы, хлопци, молодыци, жинкы, бабы, диты, челядь.
26. Прохожій. Дякъ. Сурмачи. Полякы. Татаре.

Діется въ 1654 р.

I и II діи—въ сели пидъ Бушою. III дія—у Порецькыхъ, черезъ мисяць; IV и V діи зъ шостою картыною—въ замку Буши.

Дія перша.

Майданъ въ Подольскимъ сели, блызько Буши. Село въ садкахъ и тополяхъ край пьяты крутыхъ скель та гиръ, яки по-надъ Днистромъ сынiють. Далеко бовванiе на скели замокъ Буша. На переднимъ кону, праворучъ хата сотныка: на третимъ пляни тежъ праворучъ церковный парканъ зъ'двиныцею. Лива сторона — дерева, тыны мижъ садкамы поодыноки хаткы. Ранокъ.

Ява I.

(На кону тры группы: а) праворучъ — коло цвынтаря, б) одна коло кобзаря, якый посередыни, и в) злива на предкону коло Свырыдыхы и другыхъ за нею сыдухъ. Багато люду ще вештается по майдану, пидходять то до однiеи, то до другои купы. На переди жвавый рухъ, а коло цвынтаря люде стоять безъ шапокъ, богобiйно).

Б) Кобзарь (*спива*)

Гей, сыны мои люби, дитки мои мыли,
Орлы сызокрыли!
Зъ клекотомъ дужымъ злитайтесь одважни, весели,
Бо ворогъ вкрыва ваши скели!

Писля куплета кобзарь прыграе; тымъ часомъ розмова иде въ ризныхъ мисцяхъ и до его сходятся люде.

В) Свырыдыха (*до гурту*). Спысы сталёви, шабли дамаськи, пистоли турецьки! За свои виддаю!

Одни. Спасыби, билоголово, що назбирала: надиляй чесный людъ!

1-ша Сыдуха (*за Свырыд.*). Пырогы, кныши, хлибъ!

2-а Сыдуха. Поясы, саквы! (*Народъ розгляда*).

Б) Кобзарь. Ой, укрываютъ знову шульпикы,
Хотятъ заклювать насъ навикы...
То-жъ не шульпикы, а галичъ та крюкы,
Не даймося-жъ, диткы, жывцемъ имъ на мукы!

Унукъ. Це вже старецъ нашъ нову зложывъ думу.

1-й слухачъ. И все до прыкладу... ажъ голосыть, та словомъ тымъ такъ и цвяхуе у серце.

2-й слухачъ. Бо слово у ёго видъ Бога!

В) Свырыдыха. Зброя влучна та зручна! Гартована моимы проклёнамы: жодному ворогу пощады не дасть! Купуйте до помсты!

Одынъ (*осторонь*). Що вона, мовъ божевильна?

Другый. Ни, вона тильки розъятрена, розсатанила видъ горя.

Одынъ. Навнущалысь, знаты, допеклы до жывыхъ печинокъ?

Диты (*перебигаютъ по майдану*). Мы тежъ пидемо! А ну поциляй! А я волога ось якъ!! (*стриляють зъ лукивъ*).

Б) Кобзарь. Ой чого стогнешъ, земле ридна, кривава,
То жъ чынытся війскова справа;
Що и слухачамъ, и мырянамъ,
И лыцарству, и поспильству, и всимъ хрысті-
янамъ,
Во викы вичніи слава!

Одни. Спасыби, старче Божый!

Други. Колы-бъ твое слова та Богови въ вуха.

Третій. А намъ у серце! (*кыдаютъ ему грошы*)

А) Прохожій (*коло цвынтаря*). Що се за знакъ: будень, а въ церкви одправа?

Левенецъ. А ты, чоловиче, здалеку?

Прохож.. Та зза Прута.

Левен. (*показуе на голову*). Выдко, що не вси у васъ тута.

Прохож. А то чого?

Левен. Та хиба вамъ позакладало? Не чулы, що гетьманъ нашъ славный Богданъ склыка зновъ всихъ своихъ дитокъ на криваве докинчення, на беньветъ!

Прохож. Невже! А була-жъ згода?

Левенець. Гай-гай! Глухый у васъ край: докы не станемо въ своій хати панамы, доты не буде й згоды мижъ намы.

Прохож. Та такъ-то, такъ.

Левен. То жъ-бо й йе: ото-жъ де-яки козакы и наши левенци зибралы загонъ, та й выступають оце у походъ: ну, въ церкви й иде имъ подорожня одправа.

Прохож. Онъ воно що! А чы не можна, козаче, й чужымъ до загона прыстаты?

Левен. А чому-жъ ни? Чужый у насъ тилько ворогъ... а хто грецькои виры та коха Украину,—той свій.

Ява 2.

Ти-жъ, Меласся й дви дивчыны.

(*Гоминъ на майдани трохы затыхъ, вси захрестылысь*).

Мелася (*выбига зъ двома дивчатамы, пидлиткамы*). Ой, весело якъ! Ой, якъ я люблю, якъ вси метушатся, бигають, бентежутся... и рухъ такый, и страшно... и сама на мисци не встоишъ, а серце тилько трипъ-трипъ, трипъ-трипъ!

Дивч. 1-ша. Що-жъ то за весело, колы страшно?

Мелася. Ого бо й йе,—саме втиха! Отъ, якъ пожежа... гыскры летять... полумья гогоче... чорный дымъ такъ и котыть. такъ и котыть... а тутъ гвалтъ, лементъ... кыдаются, одынъ одного давлють... Ухъ, славно!

Дивч. 2. Божевильна! Якъ я забачу вогонь, такъ у подушку уткнусь, та й репетую...

Мелася. А я бъ у саме пекло ускочыла: и гасыть весело, и ратувать радисно... и втишно, ой Господы!

Дивч. 1. Та постыдайся людей!. Тутъ смутокъ, а вона выгадуе невить-що!

Мел. Якый смутокъ? Онъ заразъ військо выйде, шыкуватысь буде; хоруговкы замають, сурмы засурмлять, коныкы забасують... чы то-жъ не весело? га?

Дивч. 2. И вси заплачуть: бо хто зъ батькомъ, хто зъ братомъ, а хто зъ чоловикомъ розстается навикы...

Мел. Чого жъ заразъ на викы? Нагадай кози смерть...

Дивч. 1. Та цыть, шалена! [*затесалысь зъ реготомъ мижъ юрбу*].

Ява 3.

(*Выходять дви жинкы*).

Старша жинка. Двохъ, серденько, выряжала—брата та дядька, а це прыходытся третёго—старшого сына, а двое пидлиткивъ ще тутъ гасають...

Молодша. А я—чоловика... рикъ тилько, якъ побралысь... Боженьку мій, Боженьку!

Старша. А це немовля?

Молод. Третій мисяць пишовъ... А—а! А—а! Цыть, ще наплачешся...

Старша. Або навикъ втыхомырышся... Охъ, таке теперъ наше жыття: день мынувъ,—то й твое, а на завтра и слиду нема... [*Проходять*].

Свырыдыха. Гартована зброя! Заклята зброя!

2 Сыдуха. Сидла, ретязи!

1 Сыдуха. Прыпасъ, харчи!!

Ява 4.

(*Два хлопци и унукъ Свырыд. зъ Меласею*).

Мелася [*выбига зъ реготомъ*]. Ха, ха, ха! Насупывся... похнюпывся, якъ понура въ дощъ...

Унукъ Свыр. Чого жъ ты сміешся? Що за тобою нудно... серце болыть?

Мелася. Ты ще заплачъ...

Унукъ. Эхъ, та й каторжна жъ!

Мелася. Чы ба?!

Унукъ. Дерево!

Мелася. Оттакои!

Унукъ. У—у! Краще було-бъ тебе николы й не бачыты...

Мелася. Дывысь, якый!

Унукъ. Ну, якъ убъють, нарочыто що-ночи сныымусь...

Мелася. Цуръ тоби!

Унукъ. И плакатымешъ... та ба!

Мелася. Эгъ!

Унукъ. Пропадай усе пропадомъ! (*Пишовъ*).

Мелыся (*збентежена*). Та чого жъ бо ты? Грыцю! (*За 'нымъ*).

2 хлоп. (*Свырыдыси*). Бабусю, продайте намъ хочъ невелычки спысыкы.

Свырыд. А скилько маете грошей, мои люби?

1 хлоп. У ёго тры шагы, а въ мене лыше два.

Свырыд. Берить, диткы, дурно оци спысы, а на гроши краще купить харчивъ... та не жалуйте ворога: сыроты вы черезъ ёго, такъ за батька й за матиръ оддячте!

1 и 2 хлопци. Спасыби, бабусю,—абы попався! (*Видбигають. Чуты дзвоны*).

Ява 5.

Ти-жъ и Палажка.

Палажка. О! Дзвоны? Здоровеньки, Свырыдыхо! (*Пидходыть*). Що се? На достойну, чы обхождение?

Свырыд. Лыбонь на достойну... а що, понимаако, и вы кого выряжаете?

Палажка. Ни, Свырыдыхо, нема вже кого. Хочу роздаты печево юнакамь на дорогу... все уже й готово, а помогты нікому... Марьяна, унука, певно въ церкви; іи одно тилько: або молытысь, або другымъ помогаты! И молода, и хороша,—про себе-бъ теперъ и думаты, та веселытысь, а іи молодіи лита мовъ за водою пишлы... журытся, та й журытся.

Свырыд. Чого жь то?

Палажка. Та побывается за Антосемъ... Кохалысь, ну а теперъ зныкъ... вбыто певно... Охъ, и я ёго дуже любыла!

Свырыд. Убылы? Якъ и моихъ всихъ? О, я имъ готую гостынци! (*трясе спысамы*) Помсты! Я тилько про неи й молюся, щобъ сподобытысь.

Палажка. Охъ, лютисть—тежъ лыхо!

Мелася (*проходыть блызько*). Зныкъ... зчезъ, и не знайшла! Отъ, Господы!

Палажка. Меласю, дзыго! То ты?

Мел. Я, бабусю... а то хто-жъ бы?

Палажка. Побижы лышень хутенько, та вынесы зъ Горпыною у рядни пырогы, кныши, паляныци й перепичкы... Будемо обдиляты загинъ. Отутъ коло бабы Свырыдыхы станете, а я пиду ще до церквы. (*Пишла въ цвынтарь. Мелася побигла).*

Ява 6.

Ти-жъ и дякъ.

(*На стовпи ще ранишъ прыбылы гетьманськый универсалъ. Юрба скупчуется: всѝ цикави послухаты, що тамъ напысано).*

Прохожій. Слово—еръ... сымъ... о,—зело, нашъ, азъ—ознай... мыслите, укъ—ознайму...

Де хто. Чорты-батька-зна що бубоныть.

Други. Геть, на бикъ!

Левенець. Пустить мене, панове! Я часословъ колысь... я у дяка вчывся.

Де-хто. Пустить, пустить! Ось ученый.

Левенець. Одступиться тилько... не застуйте!

Други. Та одійдить же одъ свиту! Не штовхайтесь! Ну, чытай; теперъ просторо.

Левен. Гм! гм! Кахы!! (*одкашлюется*) Высоко прыбыто... не выдко гараздъ... Пиднимить мене блыжче до паперу.

Де-хто. Ну, злазь; ставай на плечи!

Левен. (*злизъ, прыдывляется и мымрыть*).

Де-хто. Чытай же! Ну!

Други. Та голоснише, щобъ на весь майданъ було чуты.

Левен (*зусыльна кашля, мовчыть*).

Одны. Чытай же! Чуешъ?

Други. Заципыло, чы що?

Левен. Гм! гм!! Не розберу... Часослова колысь... а це щось не тее... (*Смихъ*).

Де-хто (*що держалы*). Геть зъ плечей! Отъ идолъ!

Други. Накласты бъ ще по-никуды, щобъ знавъ!

Де-хто. Онъ дякъ иде,—самъ навчытель: тягнить ёго мерщій!

Дякъ (*опынается*) Чего ради?

Вси. Чытай универсалъ.

Дякъ (*чыта повагомъ, одкашлюючысь*). Ознаймуемо сымъ нашымъ универсаломъ всимъ въобецъ и кожному зъосибна, же сьмо постановылы зъ усимъ Войскомъ Запорозькымъ стануты мужно, пры всемогущій помощи Божій, супроты ляхивъ, нашыхъ розорителей, озлобителей и супостатовъ, а стануты усима сыламы до сконання (*кашля*). Кому зъ васъ люба свята вира и отчызна, той всякъ, яко зычлывый сынъ матери Украины, мае пидъ Камьянець до наказного гетмана Томиленка неоткладне прыбуваты. Бо колы Ляхы насъ подолають, то видайте певне, же и села и городы ваши и святи церквы Божи, подлугъ давнёго злого намиренія свого, огнемъ и мечемъ спустошать и зруйнують и васъ всихъ въ горшую неволю повернуть. Лыпше теды намъ за виру благочестыву и за отчызну головы свои положыты, нижъ якъ безсловеснымъ ворогу пиддатысь.

Де-хто. Такъ якъ-же воно и що?

Дякъ. Щобъ загоны справлялы пидъ Камьянець до Томиленка, або у Баръ до Богуна: ворогы, рече, ополчишася на насъ всима сылами, чего ради згромадымо и свои имъ на одсичь!

Блыжчи. Спасыби, паве дяче! За виру, за благочестя!

Други. Чуете? Батько насъ клыче! Слушный часъ наставъ!

Дальни. Гей, уставайте и старе й мале, и дивчата й билоголови! Ворогъ зновъ пиднявсь хмарою!

Вси. На погыбель ворогамъ! Гынь усе, намъ на славу!

(Обуриння охоплюе весь майданъ; пиднимаются вгору кулакы, мыгочуть шапкы, крыкъ зростае до реву: „Вси повставай. Бый! На погыбель!")

Свырыд. (*ажъ бига, роспатлана*). Всихъ до ногы! Тельбухы! Тельбухы!

Хлопець [*выбига изъ цвынтаря зъ репетомъ*]. Гей, рушылы зъ церквы! Цытьте! Обхожденіе!

(Дзвоны)

(Гвалтъ стыхае; вси розступылысь и знышклы).

Ява 7.

Ти-жъ и старець.

Старець [*выходе зъ цвынтаря зъ мысочкою*]. Подайте за упокой родытеливъ, за спасення душъ вашыхъ, подайте на видновлення зруйнованыхъ Божыхъ домивъ, на вызволення братывъ вашыхъ зъ тяжкои неволи!

Кобзарь. Пидведить мене, люды добри, до ёго... Де той святый збирачъ? [*Колы пидвелы*]. Не бачуть мои очи свита Божого, сонця красного, не бачуть и тебе, старче Божый; але вуха мои чують твій поклыкъ спасенный... На, визьмы все! На благе дило! Хай помолятся вызволенци и за мою гришну душу!

Стар. Благословы Боже такыхъ незрячыхъ!

(Вси товплятся, скыдають старцеви грошы; дали винъ выходыть зъ Кобзаремъ).

Ява 8.

Марьяна и Катря [*выходять зъ цвынтаря*].

Катря. Куды бъ питы? Нудьга!
Марьяна [*идучы*]. Заходь до мене.
Катря. Та швыдко жъ тутъ... прощатыся... Охъ, смерть!
Марьяна. Чого жъ то смерть? Крый Боже!
Катря. Ой, Марьяно,
Я чую смерть...
Марьяна. На Бога уповай:
Не надовго зъ малжонкомъ розстаеться...
Катря. А въ серци нижъ... Не знаю, що и якъ
Соби й чыныть?

Марьяна. Та цей походъ звытяжный
Не лыхо намъ, а славу прынесе!
Катря. А покы що—страхъ навернутысь въ хату.
Марьяна. Всимъ такъ... Мени жъ...
Катря [*перебыва*]. Тоби? Та батько жъ твій
Не йде въ походъ... Хиба хто другый, може?
Марьяна. Опричъ отця, никого бильшъ нема...
Катря. Ты крыешся словамы лышъ, голубко,
А гляне хто—и не пизна тебе:
Замыслена разъ-по-разъ, мовчазлыва:
У очихъ згасъ огонь, що перше гравъ;
Краса-зоря зъ блидого лычка збигла...
Де твій дзвинкый та жартовлывый смихъ,
Де ти писни?
Марьяна. Въ могыли, въ домовыни...
Катря. Хиба Антось...
Марьяна. Цыть, сестро! Не вражай!
Катря. Невже ёго ты й доси не забула?
Марьяна. А ты бъ свого забула черезъ рикъ?
Катря. То жъ чоловикъ...
Марьяна [*палко*]. А то—юнàкъ зъ юнàкивъ,
Мій другъ, и братъ, и лыцарства краса!
Катря. Та де жъ пакъ винъ?
Марьяна. Въ могыли... въ домовыни...
Катря. Ой, Господы! Ты певна въ тимъ?
Марьяна. А вже жъ,—
А то бъ давно давъ звистку...
Катря. И давно пакъ
Розстались вы? Бо якъ торикъ сюды
Перевеслысь, то не було жъ Антося...
Щось чула я... та ты мени й разý—
Хочъ пòдруга,—про те не прызнавалась...
Марьяна. На щò жъ було чужый полохать смихъ?
Катря. Такъ я чужа?
Марьяна. Ни, ни—кохана, ридна..
А тилько, охъ...

Катря [*обнима ии*]. Твоя журба—моя,
Розважъ іи на двое—легше буде.
Марьяна. Бачъ, якъ почать, зъ чогó—не зважу я:
Одлынулы думкы́ мои далеко...
Я, бачъ, тоди ще пидлиткомъ була,
Якъ прывезлы Антося въ нашу хату:
Десь у бору безпамьятнымъ знайшлы...
Спочатку я ховалася видъ хлопця:
До мене винъ,—а я навтикача,
Промовыть що—зъ страху́ й не розумію...
А пóтимъ вже нешвыдко изійшлысь,
Та щыро такъ, якъ ридный братъ зъ сестрою.
И бавылысь, и вчылыся у-двохъ.
И радощи, и горе вдвохъ дилылы...
Та такъ уже любылысь, що й на часъ
Манесенькый не розлучалысь: вкупи
Ото й рослы... якъ дви тополи...
Катря. Та й
Зрослысь, сплелысь и серцемъ, и душею?
Марьяна. Такъ, винъ вбыравсь у сылу, у красу,
Наукою лыцарською втишався,
Озброювавъ одвагою іи,—
И зъ славою ставъ знатыся... Ой, серце!
Не счулась я, якъ дитське почуття
Перелылось у чаривне кохання...
Катря. Здается, ты й заручена була?
Марьяна. Насправжнье—ни; але мій тато видавъ,
Що любымось, и натякавъ не разъ,
Що радъ бы бувъ на рушныку насъ бачыть,—
Якъ боротьбы гарячый часъ мыне...
Ну, отъ... Антось и вырушывъ у-перве,
Якъ гетьманъ нашъ до зброи всихъ пиднявъ,
Якъ всихъ збудывъ его орлыный клекитъ,—
Въ походъ пишовъ, та й не вернувсь...
Катря. Що жъ зъ нымъ?
Марьяна. Лыбонь полигъ...

Катря. А може бранцемъ взято?
Марьяна. Ще гиршъ тоди: скатовано на смерть!
Катря. Колы ёго навикы поховала,
То не весь викъ тужыты жъ: ранокъ нашъ
Тилько почавсь...
Марьяна. Зійшло у мене сонце
На мыть одну, та й скрылося у мли...
У серци—нижъ, нима, глуха могыла;
Але въ іи, въ ту тышу дорогу
Я не впущу ни шарварку людського,
Ни радощивъ зрадлывыхъ...
Катря. То жъ—нудьга?
Марьяна. Сестра моя и пӧдруга найщырша!
Але тривай,—вже выступа загинъ.
[*Катря побигла вглыбь*].
Марьяна. [*Пидійшла блыжче до ганку, замыслылась. По паузи*].
Такъ, серцемъ я для себе скамъянила;
Садочокъ мій, не цвившы, помарнивъ...
Якыхъ жадать мени веселыхъ днивъ,
Колы кругомъ могыла та могыла!
Мынулося... мовъ не було весны,—
Вона жъ назадъ николы не вертае...
Одлынулы вси золотіи сны,
Ни сподиванъ, ни навить мрій немае...
Свое нудне, спустошене жыття
Давно вже я охвировала Богу:
Сховать свій жаль, и тугу, и тривогу,
Знайты для ныхъ въ молытви забуття,
У келіи, захованій видъ мыру;—
Мою любовъ и виру мою щыру
Тамъ виддала бъ Царыци въ небесахъ
И душу всю омыла бъ у слёзахъ...
Але й тіи не маю я порады:
Не можу я другымы нехтувать,

Не можу я ихъ горя занедбать,—
Уныкнуты видъ слизъ—для сѐбе-рады!
Не можу я й спочыты, колы зновъ
Польется скризь людська, братерська кровъ...
А батько мій? Невже бъ далась я лыху—
Пограбыты останню въ ёго втиху?
Себе жъ цилкомъ винъ людови оддавъ,
За волю бывсь, за щастя ёго дбавъ,
И отъ теперъ дае за ёго душу...
Ни, зъ горемъ я своимъ занышкнуть мушу!
Тилько, чого жъ це серце такъ болыть,
Чого ёму сказать не зважусь—цыть
И занимій на викы? Въ тимъ и горе,
Що мукъ ёго нихто не переборе! [*Пишла тыхо до юрбы*].

Ява 9.

Ти-жъ и Сотныкъ, Шрамъ, Верныгора, Лобода, військо.

[*Старшына йде попереду; за нею загонъ и шыкуется*].

Сотныкъ. Витаю васъ, зборонци Украины!
Вы несете за неи свою жызнь,
И за дитей вона благае Бога,
Заплакана, скривавлена, блага:
А що то есть та матерня молытва?
Одъ куль и стрилъ вона обороня,
Изъ полумья, изъ пекла вызволяе,
Зъ морського дна выносыть на цей свитъ!
Эхъ, юнакы, орлята, мои диты!
Я заздрисный, що зъ вамы не лечу
На бенькетъ той, на чесне погуляння,
Бо часъ якый на чатахъ мушу буть,—
А тобъ, диткы, мы наварылы пыва!
Эхъ, що жъ чыныть, летить уже сами
За сывымы, бувалымы орламы:
Верныгору даю вамъ въ ватажкы!

Вси. Верныгори и Сотныкови слава
Во викъ викивъ! Спасыби, батьку нашъ!
Сотникъ. Ну, крый васъ Богъ одъ лыха и напасты:
За славою васъ посылаю я,
Такъ прынесить и намъ іи залышокъ!
Верныг. Прынесемо!
Вси. Подилымось, а вже жъ!
Сотныкъ. Ну, попрощайсь хто зъ кôтрымъ, та й до лавы!
(*Вси помишалысь, обнимаются, хрестять одынъ одного*).

Ява 10.

Ти-жъ и надбига зъ хатъ ще жонота й диды.

(*Чуты гоминъ, зитхання: зридка—слёзы*).

Свырыд. Гей, юнакы! Все дарма виддаю!
Тнить ворогивъ! Гей, разбырайте зброю!
1 Сыдуха. Берить харчи безъ !
2 Сыдуха. И сакзы,
И весь прыпасъ!
Вси (*розбыраючы*) Спасыби вамъ, спасыби!
Палажка. Гей, диточкы! Пидходьте лышъ сюды!
Мелася. Ось пырогы й кныши вамъ на дорогу!
Де-хто (*бере*) Бабусенько! Спасенна въ васъ душа!
Палажка. Храны Господь васъ, молодята, въ сичи!
Баба. На кого жъ насъ лышаете, диткы?
Молод. Хто захыстыть видъ ворога насъ дома?
Баба (*зъ плач.*) Пропащи мы безъ лыцаривъ-орливъ!
Шрамъ. Эй, бабо, грихъ! Нехтуешъ, бачу, намы!
Хиба-жъ пакъ мы не лыцари? Гай, гай!
Що жъ, що рука утята? И цурпалкомъ
Недобыткивъ локшытыму!.. Щей то
Лышается насъ, лыцарства чымало:
Слипый кобзарь, безногый воротарь,
Безрукый я, та баба Степаныда... (*Смихъ.*)
Свырыд. Я—надъ уси!—То правда! Най идуть!..
(*трясе спысомъ*) Не ощажу ни пса, а ни щеняты...
Когтямы впнусь, зубамы..

Верныгора. Що катъ-ма?
Шрамъ. У коваля позычыть!
Де-хто. Ну, та й баба!
Други. О, оджахне! Хто гляне—й дропака!
Марьяна. Рахуйте й насъ до війська, дядьку любый:
Мы зъ радистю дамо свое життя
Й одвагою не осоромымъ въ сичи,—
А пры орлахъ и гòрлыци страшни!
Шрамъ. Фу, пышно якъ!
Верныгора. Орлыця, що й казаты!
Шрамъ. По батькови!
Сотныкъ. Спасыби, доню!
Шрамъ. Эхъ,
Тай військо-жъ въ насъ! Не то—панамъ, татарамъ,
А и чортамъ мы утнемо хвоста!
Верныг. Хе, на чортивъ жиноча сыла—перва!
Сотныкъ (*обнима Верныгору*). Ну, не барысь, Верныгоро шыкуйсь!
Верныг. Готуйтеся! До лавъ!!
Сотныкъ. Браты и друзи!
Не нàдовго розстаемось,—на часъ;
Не на загынъ прямуете—на бенькетъ—
Кинчаты лышъ недобыткивъ-панивъ...
Такъ мы за васъ тутъ веселытысь будемъ,
А сумувать не будемъ,—такъ, чы ни?
Марьяна. Молытыся мы будемъ,—не тужыты!
Жонота. Й втишатыся звытягамы сынивъ,
Та славою здобутою квитчатысь!

(*Почынается хаплывый рухъ: прыхваткомъ обнимаются й бижать до лавъ; кланяются, проходячы, Сотныку и Марьяни. Чуты урывчасти покрыкы*).

„Храны Господь"!... — „Крый Матирь Пресвятая,
Одъ стрилъ и куль"! ..—" Не кыдайся-жъ въ огонь

Хочъ ослипъ"...—„Эхъ, колы вмыраты въ сичи,
То, сыну, вмры, якъ батько твій умеръ!"

Унукъ [*Меласи*]. Ну, прощавай... пидъ тры чорты!

Мелася. Шаленый!
Я жъ не сміюсь?

Унукъ. Этъ, годи! Гынь усе!! [*Махнувъ и пишовъ до бабы Свырыдыхы*].

Катря [*хорунжому*]. Хочъ вистку дай! Видъ тугы я зивьяну...
Та бережысь—за береженымъ Богъ!

Хорунжый [*обнима*].
Богъ мылостывъ! Неволя жъ гирше смерты...
Не побывайсь!

Катря [*прыпада до єго*]. Не сыла!.. Але я
Въ другый загинъ прыстану незабаромъ
Изъ сестрамы... Мы стринемось въ бою
И пидемо, зъ тобою, друже, поплечъ! [*Хор. до лавъ*].

Свырыд. [*унуку*]. Ну, внуче мій едыный, памьятай,
Що весь твій ридъ—теперъ въ одній бабуси:
Я мала трёхъ сынивъ, якъ соколивъ,
И дочокъ пьять—красунь на всю Вкраину...
Благословывъ Господь ихъ и дитьмы:
Гойдала вже унучокъ та унукивъ...
И всыхъ каты поризалы, спеклы
Жывцемъ въ огни... до немовляты навить!
О, прокляти! Бодай увесь вашъ ридъ,
Все кодлыще гадюкъ и жабъ смердючыхъ
Пропало въ-пень! Гляды,—всихъ рижъ и ты!
Та не давай ощады ни дытыни,
Ни дидови! Хочъ въ свити насъ двойко,
Але несы цилкомъ жыття на помсту!

Онукъ. О, не зхыблю! Умыюся въ крови,
Та и кативъ въ ій потоплю!

Свырыдыха. (*обнима й благословля єго*). Такъ, сыну,
Благословы-жъ тебе Господь на бій!

Ява 11.

Ти-жъ и сурмачи, та товарышъ Хорунжого зъ стягомъ.

(*Війско шыкуется, сурмачи попереду; стягы по бокахъ*).
(*Чуты виддалекы глухи пострилы*).

Шрамъ (*до Сотныка*). Що то за знакъ? Стриляють десь
блызько!...
(*Стоять на предк.*) Пидъ замкомъ мовъ, пидъ Бушою?
Сотныкъ (*набыва тютюномъ люльку*). Эге!
Шрамъ. Якъ? Хто-жъ тамъ сивъ? Адже паны изъ Буши
Зъ надворнымы командами втеклы?
Сотныкъ. Одни втеклы, а други малы замиръ
Засисты тамъ... Такъ я ото й пославъ
Охотныкивъ, щобъ оджахнуть... (*Креше вогонь*)
Шрамъ. Такъ знаты,
Тамъ сича йде?
Сотныкъ (*запалюе люльку*) Лыбонь, що йде...
Шрамъ. А намъ.
И байдужѐ? Пидъ носомъ харцызякы,
А мы звидсиль ось вырядымъ загинъ,
И на одчай зостанемось зъ бабамы?
Сотныкъ (*смокче*). Этъ, що й казать...
Шрамъ. А якъ бува...
Сотныкъ. Дарма!
Шрамъ. Якъ то дарма? А ну, якъ переважать.
То щò тоди?
Сотныкъ (*выпуска дымъ*). Ха, ха! Куды имъ, бра!!
Колы-бъ що зле, то заразъ-бы звистылы...
Верныгора. Шыкуйтеся! Хорунжый на крыло!
А сурмачи попереду! Готуйтесь!
Розвыньте стягъ, хай мають корогвы!!
(*Війско шыкуется. Решта люду розступается шпалерамы: диты, хлопци спынаются на тыны, на дерева*).

Ява 12.

Ти-жъ и страннык (зъ кропыломъ)

Стран. О Господы, благословы дитей!
Хай янголы ихъ крыламы укрыють:

Зане гряде се воинство Твое
За хрестъ святый, за край, Тобою данный,
За братію—и душу поклада...
О, будь ёму Ты мылостывъ и ныни,
И присно, й викъ—викивъ—аминь! (*Кропыть и благословля Прыхыляють передъ нымъ стягы. Чуты дзвоны. Поблагословывшы, заходыть у цвынтаръ*).

Верныгора. Пыльнуй
Готуйсь въ походъ! Рушай! До зброи! Гайда!!
(*Музыка. Сурмы.*

Гуртъ (*походомъ*). Вылитае быстрокрылый сокилъ,
Поглядае звысока надокилъ,
Де та галичъ по нызахъ шугае?
Стережися, гей ты чорна зграе!
А надъ військомъ короговкы маютъ;
Гайда-жъ въ поле, братья мыли, друзи,—
На погыбель ворогу—катюзи!

(*Війско проходыть зъ глыбыны впередъ, заверта на бикъ, и дали зъявляется на заднимъ кону, пидъ горою, и знову здіймается по ій два разы ключемъ. Писня и сурмы зтыхають тежъ вмиру*).

(*Люде вси посуваются на задній плянъ, махають рукамы, хусткамы, шапкамы.*

Де-хто. Щасты, Господь, и бороны въ дорози!
Вертайтеся жъ здорови! Слава вамъ!!
Свырыдыха. Всихъ до ногы! Хай по крови плазують
И корчатся!
Катря. Я буду швыдко! Жды!!

Ява 13.

Сотыкъ и Марьяна.

(*Війско зныкло. Де-хто стоить въ глыбыни; тамъ-же по середыни Шрамъ. Жинкы розійшлысь по хатахъ*).

Единая моя утихо, доню!
В) Сотныкъ. (*Марьяни коло своеи хаты*). Въ тоби лыше—
усе мое жыття—

И радощи, и гордощи, и слава...
Господь мене посыротывъ давно—
Замучылы паны нещасну Галю,
Мою жону, а твою матирь... Охъ,
Якымъ бычемъ упало тоди горе
На голову похылую мою!
Виддячывъ я... та силькысь; але люде,—
Ограблени, прыныжени браты—
РазвАжылы те горе своимъ лыхомъ,
Що на вази перетягло й мое...
Та ще тебе Господь лышывъ на втиху...

Марьяна. Мій таточку коханый, дорогый!
Люблю тебе, кохаю и пышаюсь
Тобою лышъ: голинный лыцарь ты
И велетень душею,—всимъ заслона!
Для мене-жъ ты едыный проминь, свитъ
У темряви, у пустци непрозорій...

Сотн. Риднесенька, чого ты все смутнà?
Все чынытся по Божій воли, доню:
Винъ прозыра въ викы викивъ, а мы
Слипуемо, и реметвуемъ, и плачемъ,
Не знаючы, що въ суженій биди
Ховается часамы наше щастя...
Ой, донечко, и пòглядъ твій ясный
Ставъ крытыся журлывою сутиню...
Що жъ діяты? Всимъ тяжко... И мени
Не легше, вирь: любывъ ёго, якъ сына,
Бо всимъ узявъ—и вродою, й умомъ,
И звагою, и серцемъ... але може
Ще винъ жывый?

Марьяна [*лама рукы*]. Охъ, ни, мій тату, ни!

Сотн. Не побывайсь, дытыно моя люба,
А уповай на Диву пресвяту,
И батькови не наваншажуй тугы:
Слёза твоя вогнемъ по серцю бье!

Марьяна. Що зможу—все, а що надъ сылу...

Сотн. Доню,

Поглянь округъ—скризь стогинъ, слёзы...

Марьяна. Такъ,—

Сушыты ихъ—едына мени втиха!

Ява 14.

Ти-жъ и ляхъ, та тры левенци и Палажка.

(Пры кинци розмовы чуты шабельный дзвякъ).

1 хлоп. [*зъ дерева*]. Генъ звирь у насъ... Загналы...
Ось... Пыльнуй!

За мною, гей!

2 и 3 хлоп. [*пидбигають зъ вылами*]. Куды? Кого локшыты?

1 хлоп. Та ось сюды, за вербы... Переймай!
Въ потылыцю!

2 хлоп. Та винъ одынъ—на трое...

3 хлоп. И зраненый... Такого быты грихъ!

1 хлоп. Эхъ, бабіи! Вже й жалощи обсилы!

(Показуется шляхтычъ; за нымъ тры левенця.)

1 Левен. Здавайсь мерщій!

Шляхт. Не здамсь, покы жывый.

2 Левен. Такъ на шматкы жъ посичемо!

Шляхт. [*бьется*] Чувалы!

3 Левен. Кынь шаблю, гей!

Шляхт. Свою мицнишь трымай! [*Выбыва*].

3 Левен. Чы ба?! [*ото२опивъ*].

2 Левен. [*бье*] Такъ ось!

Шляхт. Не такъ же, дурню! [*Раныть*].

2 Левен. [*выпуска шаблю*]. Проби!

1 Левен. До помочы!

Шляхт. На одного—усп?!

Шрамъ. Марцёвый звирь!.. А ну, стара, бебехны! [*стриля*].

(Шляхтычъ выпуска шаблю и точытся майже до сотныка, що пидійшовъ на середычу).

1 Хлоп. Теперъ смалить, лупить кійкамы!
Марьяна [*выбига, зупыня рукою*]. Стій!
На одного, беззбройного? Брыдота,
Злочынство то!
Сотн. [*пиддержуе ляха*]. Ой, лыхо! Гвалтъ! Це нашъ!
Шляхт. Охъ, батьку... вы? Марьяна? Боже! [*зомливъ*].
Марьяна [*несамовыто*]. Хто-то?
[*глянувшы*]. Антось! Антось! [*Прыпала*].

Зависа

Дія друга.

На третимъ пляни розложысте дерево; пидъ нымъ пивколомъ зъ дерну сыдиння, передъ якымъ нызькый стилъ. Праворучъ и ливоручъ мижъ кущамы идуть стежечкы до грушы й до яблуни, пидъ якымы по ослинчыку. Посередыни, на краю—грядкы квитокъ. Мисячна ничъ

Ява 1.

Сотныкъ, Шрамъ, Марьяна, Антось, Палажка.

(*Вечеряють. Баба то подасть страву, то прысяде; Марьяна тежъ помага порядкуваты, частуе всихъ, упада, зовсимъ змынылась — щаслыва, весела*).

Палажка [*Антосю*]. Що жъ ты не йисы? Хиба не добри вареныкы?

Шрамъ [*запыхаючысь*]. Ой, ой! Сами въ ротъ лизуть.

Марьяна [*тыхо Антосю*] Я й липыла...

Антось. Чудови... Тилько не хочется...

Марьяна. Не до смаку?

Антось. Ба ни! Найився...

Палажка. Гай—гай! Хиба такъ йидять? Що бъ ажъ за вухамы лящало!

Сотн. Эге! Не вытребенькуй!

Марьяна. Може хворый? Не доведы Боже, якъ зновъ пропасныця...

Сотн. Чого ій до доброго юнака чиплятысь?

Шрамъ. Часъ и по потылыци! Ты отъ смыкны оковытоп, то й шкура заговорыть до йижи.

Ант. Не знаю, якъ и дяковаты за вашу ласку гойну...

Мар. [*кокетуючы*]. Та цыть уже зъ ласкою!.. [*До Шрама*] Дядечку, лебедыку... прызволяйтесь... Я ще пидложу...

Шрамъ. Охъ, ще коло мене й упада?..

Ант. Едыный хиба Богъ...

Сотн. Отъ, Ему едыному й дякуй, що пидвивъ тебе зъ смертельного лижка... А мы що? Яки булы, таки й есьмо, не миняемось..

Ант. То щастя... А якъ доля часамы змиными шкуру...

Сотн. У вужа, або у гадюкы... а мы, хиба що зминымось на ридниішыхъ... то вже не здывуй!

Ант. Батьку... чы жъ я... чы жъ мени...

Мар. Таточку ридцесенькый! [*Обнима*].

Сотн. Утихо моя! А не казавъ я, що пислѧ хмаръ ще яснишъ сонечко, а пислѧ слизъ—радисть? То-то! Колы бъ тилькы заверюха мынулась... А ты, Антосю, и ты, Марьяно, здавенъ сыдыте въ однимъ кутку мого серця... а теперъ воно й не одризня васъ...

Палажка. Не одризня, не одризня... якъ два ока!

Шрамъ. А я, старый песъ, трохы не скоивъ вамъ горя, а соби—гриха... Пробачъ, сыну!

Ант. Та въ чимъ же? Вы жъ тоди, дядьку, не козака стрилялы, а ворога?

Шрамъ. Та такъ то воно, такъ... а якъ бы часомъ ты вмеръ, то я бъ соби утявъ и правыцю: разъ—на свого зпялась, а вдруге—дала маху, не влучыла въ серце.

Сотн. Ха, чымъ грызе себе!

Палажка. Дяка Богу, що помылывсь,—а то бъ я на тоби й рушныцю побыла: де жъ, на кого пиднявъ?

Марьяна. На найщыршого козака и найкращого лыцаря!

Автось. Охъ, не хвалить.

Сотн. Не бійсь, не перехвалымъ; а що намучылысь воны надъ тобою,—то такъ.

Палажка. Тры мисяци й очей не стулялы.

Марьяна. Ой, Боженьку! На ножи серце выпило...

Ант. [*роспачлыво*]. А я!..

Сотн. Теперъ уже молиться Богу, та й годи! А збигай Марьяно, та вточы меду: за ёго ливицю, за невлучный цурпалокъ той выпьемо! [*Марьяна весело побигла*].

Шрамъ. Та я й самъ смыкну и за неи, и на загынь рудому чортяци,—щобъ ёму втялы хвоста! То жъ винъ мене пидбывъ,—винъ, винъ! Дывлюсь—ляхъ, а бьется, якъ сокилъ, якъ орелъ: у одного шаблю выбывъ, другого проткнувъ, а третёму лагодытся голову зняты... Ну, такому завзятцеви треба було бъ воздаты ясу, а мене куцый пидъ руку—штовхъ!

Сотн. Та що й казать, нечыста сыла безъ капосты не проживе й дня.

Шрамъ. И то скажы: кому бъ спало на думку, що то свій братъ, тилькы въ лядській шкури?

Сотн. Ловко, ловко ты ихъ одурывъ!

Палажка. О, спрытный!

Шрамъ. Та розскажы справди, якъ те сталось, що тебе ляхы ощадылы, та ще й одяглы въ таки кунтуши?

Сотн. А справди, якъ воно?

Ант. [*змишався*]. Та не вартъ... и языкъ не тее... Звисно—прыгода, скрутъ... Эхъ, бодай и не згадувать!

Палажка. Охъ, крый Боже всякого! Напасть!

Ант. Та якъ и що... я не знаю й самъ... Писля...

Ява 2.

Ти-жъ и Марьяна.

Мар. Ось и медъ! (*Ставыть пляшкы, налыва въ кухли*).

Атн. (*набикъ*). Охъ, очи ся! Языкъ не повертается...

Сотн. Отъ и гараздъ,—йе чымъ промочыты горлянку... А ти ляхы ёму певно ввирылысь... И згадаты не хоче! (*Налыва всимъ*).

Шрамъ. Ге, дисталось певно сыни й иншому...

Сотн. Звисно, неволя: чы у кателыка, чы у невиры, а для нашого брата все йидно! И славный нашъ гетьманъ мылывся...

Шрамъ. Та й вси крычалы пидъ Зборовымъ: „кинчай ляхивъ!“... Ну, а Богданъ короля вшанувавъ... А воно на те йде: або намъ, або имъ не буты на свити...—тисно у двохъ, та й уже!

Ант. Выбачте, пане, за слово: намъ уварылысь не ляхы, а паны... а це не все йидно. Польскый наридъ такый же нещасный харпакъ, якъ и наше поспильство; давно уже винъ на панивъ тыхъ запродавсь, якъ вилъ пидъяремный... а до насъ винъ не тилько не ворогуе, а спрія и не зазиха на наше добро: та у самый же Польщи и въ Мазовіи було повстання... тилько що перемогла ёго панська сыла, а прыйды мы,—то пиднялась бы и тамъ заверюха....

Мар. (*тыхо*). Братикъ мій любый!

Сотн. Маешъ рацію, бо й самъ гетьманъ засылавъ туды зазывни лысты.

Шрамъ. Та зъ поспильствомъ ихнимъ можна бъ и побрататысь, колы бъ не вира: а то жъ тоби—кателыкъ на кателыку!

Сотн. Наврядъ, а чы й будемъ колы дружытысь!

Палажка. Та й грихъ!

Ант. Эхъ, батьку й бабуню! Хрыстосъ знявся на хрестъ, щобъ зъ ёго проректы всёму мырови про любовъ та братерство, а мы объ той хрестъ ножи гострымо!

Палажка. А хиба кателыки не ворогы намъ? Хиба воны не гнитуть нашои виры?

Марьяна. Палють церквы...

Ант. Знову такы—кателыкы паны, зъ другымы панамы—езуитамы...

Шрамъ. Паны, бо мають сылу, а дай сылу кателыцькій голоти, то тежъ на насъ сяде болячкою.

Ант. Чого-жъ то? Католыкивъ йе багато на свити, и воны по другыхъ панствахъ обстоюють и волю и правду, навить суть и ксёнзы, яки чужу виру шанують и дбають про людську освиту, про спильне добро...

Сотн. Та видкиля ты знаешъ це все? Де выдавъ? Де чувавъ?

Шрамъ. Та таке що й не второпаю...

Марьяна. О, винъ здатный,—за всихъ розумнишый!

Сотн. Спасыби, доню! Ха, ха, ха!!

Шрамъ. Що жъ, свате, часъ намъ и на бикъ.

Марьяна. Тату! Дядечко! [*цилуе обохъ*].

Сотн. Бачъ, яка?

Марьяна. То невзначай...

Шрамъ. А прямо въ око! Тилько я все такы скажу, що... чы ляхы, чы паны... а згоды мижъ намы не буде...

Ант. То буде невсыпуще горе й загы́нъ.

Сотн. Та хиба отой панъ змины́ть колы шкуру? Николы въ свити! Ворогомъ винъ намъ бувъ, ворогомъ и зостанется.

Ант. Та може-жъ и паны ти, хочъ де́-яки, а додумаются, що ро́збрать зныщыть и русына й поляка, а що тилько въ згоди—спильный рятунокъ...

Сотн. Не додумаются.

Палажка. Покы свитъ сонця!

Шрамъ. Та я бъ имъ и не повирывъ! Тилько въ шаблюци наша сыла и правда!

Ант. Эхъ, шаблюка да шаблюка! Та воно-жъ тилькы руину чыныть, а не будуе щастя...

Сотн. Та що се ты?

Марьяна. Годи краще! Винъ ажъ розъятрывся видъ суперекы... а ще слабый...

Палажка. Такъ, такъ, цуръ ёму!

Ант. Та я годи!

Сотн. И то краще: выпьемо! [*налыва*].

Марьяна [*тыхо*]. Не змагайся, не рвы себе, голубе: зъ усихъ козакивъ ты найрозумнищый и найкращый: я тоби вирю! [*Видійшла*].

Ант. Вирышъ? Горлыце моя! Охъ!! [*Видійшовъ на передкинъ*].

Ява 3.

Антось—самъ.

Ант. [*иде впередъ и сида пидъ грушою наливо на ослони*].

Все лжа и лжа! И отъ теперъ що дали,

То бильше ще крывлю душею я...
И передъ кымъ? Передъ найщыршымъ серцемъ,
Та чыстою душею, якъ крышталь!
Вона коха самозабутнье, щыро,
Вважа мене за козака, а я....
Ворожый сынъ, чужого роду, виры...
Й не прызнаюсь! Я нышкомъ потайно,
Мовъ злодій той прокрався ій у серце!..
Якъ я лежавъ безпамятнымъ мерцемъ,
То першый свитъ въ безла̀дній огневыци
Мене пронявъ—видъ чаривныхъ очей..
Зъ любовію воны зорилы тыхо...
И лыченько хороше та яснѐ,
Якъ ранокъ той, якъ сяйво янголы́не,
Схылялося надъ камьяны́мъ чоло́мъ,
А рученька торкалась ёго чуло,
Якъ неньчына колысь-то въ часъ ясный...
О, въ хвыли ти каламутно̀го сону
Я спочувавъ себе въ раю... мій духъ
Скрылявсь, шыривъ и лынувъ въ высокости,
Роскошамы небесными впывавсь...
Очу́нявъ я—и сонъ зминывсь у правду:
Я покохавъ... шалено, гаряче,
Безъ памьяты... и що̀ чыныть—не знаю!
[*Гирко всмихается*] Не крытыся було бъ ранишъ... а якъ
Я мигъ сказать, що я полякъ, като̀лыкъ?
„Ляхъ, кателы́къ?"—Це жъ ворогъ знаты, злый,
Зъ якымъ нема й не може буты згоды,
Хоть бы за ныхъ винъ перепавсь цилкомъ!
Лыхѐ слипы́ть та сіе скризь нена́высть,
А боротьба озвирюе людей....
Нихто, нихто не хоче зрозумиты,
Що пипъ и ксёнзъ для себе сварють насъ,
Що русынъ, ляхъ повынни побрататысь,
Бо въ тимъ корысть, бо въ тимъ рятунокъ ихъ,

Ни, не збагнуть и тутъ цієи правды,
Якъ бачу я;—іи-жъ, мою зорю,
Ця звистка вбье!.. Вона жде шлюбу, щастя,
И я ёго не зражу... Такъ на що-жъ
Маню людей, брудню свою святыню
За все добро лукавымъ зломъ плачу!..
[*схоплюется*].
Яке-жъ слабе, никчемне я створиння!
Гыдую самъ собою, соромъ, лжу
У кожнимъ слови, въ кожнимъ вчынку чую
И доси все сказать не можу: „стій!
Ты за межу и гонору и честн
Переступывъ!".. Я у тенета впавъ
И плутаюсь, а розирвать ти пута,
Лыбонь, ни сылъ, ни звагы не стае!
Тону въ быстри и не одынъ—а подло
Ще дру́гого, коханого тягну,
Щобъ кынуты у пекло мукъ катовныхъ!..
[*Хапается за голову*] О, ни! Пора ци пута розирвать! [*пишовъ*].

Ява 4.

Ти-жъ, безъ Антося, й Меласяя.

(*Ця сцена йде разомъ. Старши розмовляють на прызьби, а молоди щебечуть на переднимъ кону*). (*Мижъ звиздочкамы розмовы идуть вкупи*).

Марьяна (*выйшла й розгляда, де Антось*). (*Баба до столу за обрусомъ.*)

Меласяя (*за перелазомъ*). Марьяно, гу!!

Марьяна (*здригнулась*) Меласяя?

Палажка (*струхуючы обрусъ*). Вже-жъ не хто!

*Шрамъ. Отъ тилько що, бра, негараздъ: хочъ-бы тоби хто теленькнувъ зпидъ Камьянця!

Сотн. Э-жъ, якъ одійшлы, мовъ хвыля понила.

Пал. (*складуючы обрусъ*). Охъ, рятуй Божа Маты!

Шрамъ. Татаре, чувъ, перейшлы... уже за ляхивъ.. Лышылы за собою кривави шляхы та пожарыща...

Сотн. Оттакъ и вирь невири! Эй, не до смаку була мени й перша спилка та зъ бусурменомъ!

Шрамъ. Скрутъ бувъ... Безъ помочи не здолалы-бъ: та гетьманъ же те и досвидчывъ, славою вкрывъ Украину...

Сотн. Розбуркавъ всихъ—то такъ: а довивъ не туды справу... Эхъ, що й казать! (*Махнувъ рукою*). Ходимъ ще до коней, або-що! .. (*пишлы*). *

Мелася (*пидбига радисно*). На сылу я, моя ты дорога,
Ось вырвалась!

Мар. (*цилуе іи*). А що, все не пускають?

Мел. То се, то те... А дома-жъ нудно—страхъ:
А ни гукны, а ни засмійсь.. а писни
Й не затынай!

Марьяна. Ой, бидна ты!

Мелася. А то-жъ.—
Я такъ люблю сміятысь и спиваты,
А тутъ мовчы, та крадькома ступай,
И не бижы...

Марьяна. То мука-жъ задля дыгы?

Мел. Та ще й яка!

Марьяна. Чого-жъ така напасть?

Мел. Эть, мама все та Катря... мовъ чорныци,—
Зитхають знай, та молятся въ-ночи,
А въ день блиди, якъ тини сновыгають,
Та все мовчать... У насъ, мовъ у труни,
На цвынтари: ни гомину, ни згуку...
Забудешся—ну вразъ и нападуть,
Що я й така, й сяка—и нечуствéнна,
И камьяна... Хиба всимъ смерть?

Мар. Чого-жъ
Таки думкы имъ въ голову прыходють?
Крый Господы! Преславный нашъ Богданъ
Зъ одвагою не розлучывсь...

Мелася. А наши
Збентежени; а що нема вистòвъ,

Ну й сердются, що я соби весела...
А що жъ мени, сестрыченько, чыныть?
Насуплюся, и губу накопылю,
И наклыкать почну сумни гадкы,
Щобъ плакаты... а слизъ—дасть-Би... Ще регитъ
Пидкотытся... а чобиткы—брязь, брязь!
Чы-жъ грихъ ото? Невже я деревьяна,
— Чы камьяна?

Мар. Ты жвава, молода,
Та радисна, бо сонечко для тебе
Лыше встае, а ранокъ—благодать!
Радій, спивай, тилькы й твого тепера,
Безжурни дни не вернутся назадъ:
А замисть ихъ пидкрадется зла туга
Изъ мукою, зъ кривавымы злизьмы,
Тоди й зитхнешъ, наплачешся... А покы—
Радій, спивай, танцюй...

Мел. *обнима іи, пидскакуючы*). Такъ то не грихъ?
Риднесенька, мылесенька, голубко,
Якъ я тебе кохаю, якъ я люблю!
Чы-жъ вынна я, що весело на свити?

Марьяна. О, весело! То Богъ дае намъ рай
И мусымо мы ласци тій радиты!

Мел. Ой, Боженьку, якъ рада я! А ничъ
И зоряна й ласкàва, наче маты,
А соловейко тёхъ та тёхъ...

Мар. (*зазыра ій у вичи*). А ну,
Поглянь сюды: чы другый соловейко
Не залетивъ часамы въ твій садокъ?

Мел. (*сором.*). Ни, такъ соби... Ха, ха, ха, ха!! Ой, смишно!
Свырыдышынъ онукъ... (*сміется*)

Мар. О, то юнакъ!

Мел. (*потуп.*). Гарненькій винъ... але смишный, похмурый...

Въ останній часъ немовъ прыбытый бувъ,
Чогось зитхавъ, втопывшы въ землю очы...

Мар. Хиба не жаль?

Мел. Не знаю (*заговорыла иншымъ тономъ*). Хотила-бъ я...

[*озырается*] Чы можна тутъ... хочъ трошкы заспиваты?

Мар. Спивай, спивай!

Мел. Якои-бъ же? Ага!

[*Меласяспива ad libitum закохану писню... Марьяна слуха, невзначай вступа дуетомъ*].

Меляся. Якъ хороше! А ось ще краща,—слухай!
[*Почына веселои й прытанцёвуе*].

Мар. [*нарешти*]. Ой, ластивко! Щебечешъ, дорога, [*обнима*].
А серцеви й надбытому—утиха!

Ява 5.

Ти-жъ и Катря.

Катря. О, такъ и есть; якъ уродылась тутъ!
Уже й спива... у, камьяна!

Марьяна. Ты... прыкро:
То не вона, а молода гра кровъ,
И серденько радіе свитомъ Божымъ...

Катря. Не ти часы: не втиха, а слёза
У кожного...

Меласяг. Хиба я що?

Катря. Эгъ, годи!
Знайды мерщій Свырыдыху.

Мел. Чого?

Катря. Вона це зновъ по вулыци ходыла
Зъ проклёнамы... а то вже не дармà!
Бижы жъ, спытай!

Мелася [*кынулась*] Я духомъ справлюсь, сестро!
[*Побигла*].

Ява 6.

Катря й Марьяна.

Марьяна. Ты, серденько, бентежышся дармà,
Себе грызешъ и дру́гымъ дорикаешъ...
Терпиты тра...
Катря. Ты жъ видаешъ сама,
Яка тяжка розлука зъ мылымъ?
Мар. Знаю,—
Натèрпилась, настрàждалась...
Катря. Не вкрай,
Бо дивчына не може такъ кохаты,
Якъ замижня!
Мар. Чому?
Катря. Бо не була
Ще звязана навикы передъ Богомъ,
Не звидала ни бури, ни жагы́...
Мар. Не знаю якъ: я тилько чую радисть—
Не буйную, а тыху, лагидну́—
Мовъ въ серденьку журлыво-втишна писня
Дзвеныть, тремтыть та чулисть порыва...
И плачу я солодкымы слёзамы,
И цилый свитъ обняты бъ хтила я,
И Богови ласкавому молытысь,
Полынуты, де мріе лышъ блакить,
Де котытся шляхомъ прозорымъ сонце...
Катря. А мылого лышыла бъ на земли?
Мар. Ни, зъ нымъ...
Катря. У рай? А я пишла бъ и въ пекло!
Де бъ винъ не бувъ, чымъ бы не ставъ,—
пишла бъ!
Мар. Хочъ бы винъ ставъ харцызомъ, лыходіемъ
Чы й ворогомъ?
Катря. Хочъ дидькомъ бы!
Мар. О, ни!
Це бъ на шматкы порвало мени серце,

Але бъ воно не знадылось лыхымъ:
Въ дружыни я шаную вси достоты,
Люблю въ ёму душевніи красы...
Колы бъ же я зневярылась...

Катря. Ой, леле!
Дивочи то все прымхы, а якъ шлюбъ
Зъедна на викъ,—не те ты заспиваешъ:
Вся прыкыпышъ...

Мар. Спиватыму все те жъ!

Голосъ [*за хатою*]. Хай буде викъ похваленъ!

Голосъ [*зъ хаты*] Най во викы!

Катря. Хтось тамъ прыйшовъ: я побижу мерщій.

Ява 7.

Марьяна сама

Марьяна. Не доведы, Пречыста, щобъ Ангинъ
Зминывсь колысь! О, видхылы ци кары!
Бажала бъ я сама лягты на мары,
Згодылась бы, щобъ похоронный дзвинъ
Загувъ скоришъ надъ мылого труною,
Нижъ щобъ душа загынула, на жаль:
Вона ясна у ёго, якъ крышталь,
И тымъ една на викъ мене зъ собою...
Для серця жъ я—ни правды не змалю,
Ни зъ крывдою не помырюсь николы,—
Ни рады втихъ, ни рады вражинь кволыхъ,
Ни рады слизъ и тяжкого жалю!
Тебе циню, якъ перлы дорогіи,
Якъ самоцвитъ, якъ зироньку ясну,
Якъ сяево недосяжноі мріи,
Якъ гоноръ нашъ, якъ славу голосну,—
Ой циню, люблю й кохаю...
Сове легкый, чаривный,
Шепотны ёму, благаю,
Про прыхылъ мій незрадный!

Соловейко, мій сусидо,
Ты не тёхкай у гаю,
А коханому повидай
Про любовь святу мою,—
Про рожеви, свитли мріи—
Мого серця таину,
Про сподиванкы блидыи
Пидъ годыну нависну,
Про слёзу мою едыну—
За тымъ щастямъ чаривнымъ:
Що безъ мылого—я гыну,
Що жыву я тилькы нымъ!
О, мои яскрави зори,
Освитить мою весну:
Вы на Божому престоли
Рызу кропыте рясну,
Вы огныстою стягою
Шляхъ показуете въ рай...
Такъ спадить, скропить росою
Серце, змучене у-край!
Втыхомырьте давне лыхо,
Що сміется надъ людьмы,—
И мени пошлить утиху,
За пекучымы слизьмы!

Бо пóкы насъ одъ сонця крыють хмары,
Бо пóкы плачъ и лементъ скризь буя,
Не можу я жадать своеи пары,
Щаслывою не можу буты я...
Керуйте жъ насъ вы, провиднычи зори,
Мижъ хыжыхъ хвыль на збуреному мори
До прыстани, де запануе зновъ—
И воленька, й братерство и любовъ!

Ява 8.

Марьяна и Антось.

Антось. Ни, тра скинчыть... [*натыкается*] Марьяна?
Марьяна. Я, мій орле!

Ант. Замыслывся и якось невзначай...

Мар. Ты все чогось зажуреный?

Ант. Охъ, тяжко!

Въ мынулому... у тій прыгоди злій...
Зплелось таке—що все жыття ламае,

Мар. Забудь ёго! Не треба и вражать
Себе такымъ.

Ант. О, забуття у Бога
Я такъ благавъ! Але ёго нема,
Не може буть и до труны не буде!
Хиба розбыть сей черепокъ въ шматкы,
Щобъ зъ ёго геть розсыпалысь на пропадъ
Уси думкы, вси почуття, все те,
Що вьяже насъ тяжкымы ланцюгамы
Повынностивъ и гонора...

Мар. Чого
Ты, голубе, бентежышся? За мукы
Видпомстымо!

Ант. Охъ, зиронько моя!
Пробачъ, що я... таивсь... не хтивъ вражаты...
Все розсказать: не повертавсь языкъ...
Давыло духъ... въ устахъ нимило слово...
Та и теперъ... охъ, сестро...

Мар. Боже мій!
Ты весь тремтышъ... пополотнивъ ажъ...

Ант. Серце!
Давно хотивъ... и отъ теперъ...

Мар. Трывай!
Ранъ не вразы,—ще гоятся...

Ант. Суть раны,
Яки лышъ смерть вагоить...

Мар. Друже мій,
Не говоры такыхъ ричей—заплачу:
Ты знаешъ же, що твій найменьшый биль
Пронызуе мени ножамы серце...

Вже жъ туча та грядова перейшла
И сонце гра...

Ант. Моя голубко тыха,
Якъ глянешь ты... Але мене гнитыть...

Мар. Що? Що гнитыть? Мій лыцарю, мій друже,
Яки думкы? Скажы мени, прызнайсь:
Адже нема щырішои людыны
И блыжчои, якъ я тоби?—Й сестра,
И подруга, и...

Ант. [*палко перебыва*]. Янголъ мій хранытель,
И проминь мій, и свитъ души, и все,
Що въ свити йе найкраще, найчыстише:
Въ тоби одній зъеднавъ, злучывъ Господь
Уси красы земли й ясного неба...

Мар. Антосю!..

Ант. Такъ, ты свитозорый храмъ,
Зыждытеля найкраще сотвориння...
Стій, не спыняй!.. [*на груды*]. Тутъ накыпило такъ,
Що вражиння мене задавыть наломъ...
Зъ того часу, колы тебе спизнавъ,
Я все забувъ мынуле,—занимило
Потемрылось:засяявъ мени день...

Мар. Та й ты жъ мени ставъ найриднишымъ зъ малку!

Ант. О, чаривни, видрадисни часы!
Чы жъ вернетесь, чы одлетилы въ вырій?
Не зналося тоди ни хмаръ, ни бурь,
Ни забобонъ людськыхъ непогодымыхъ,
Що шарпають и серце на шматкы,
И рай души отрують злобою...
Охъ, все тоди яке було яснѐ,
Якымъ ключемъ кыпило й грало щастя!
Душа моя шырила до добра,
Любовію займалася до люду,
Братамы всихъ вважавъ я, а тебе
Веселкою, молытвою...

М а р. [*зъ слёзамы*], Ой, леле!
Такъ то було тилькы колысь?
А н т. Ба, ни!
Було, и есть, и буде!
М а р. Мій соболю,
Видъ щастя я... [*прыпада*].
А н т. [*обнима*] Все занялось вогнемъ,—
И въ полумьи вже я й не добачаю
А ни думокъ, а ни грызотъ тяжкыхъ,
Яки у край шматують серце... Зоре!
Зъ того часу, якъ розлучылысь мы...
М а р. [*цилуе*]. Не говоры, не згадуй, орле сызый,
И Господа докоромъ не вражай!
Мы знову въ двохъ—жывый ты и зо мною
Стоишъ рядкомъ, твій голосъ чую я,
Твоихъ очей свитъ чаривнычый бачу:
У темряви, у пустци—сонце зновъ...
Про що жъ тужыть?
А н т. Такъ, мы зійшлыся знову...
И небомъ цымъ клянуся, що тебе
Я покохавъ ще бильше, ще палкише,—
Вогнемъ занявсь и гыну у вогни!
И ты, моя святыне, ты, мій раю,
Не проклята проклятого мене,
А ласкою, прыхыломъ надилыла,
И щастемъ ще оквйчуешъ такымъ,
Якого туть, мижъ людомъ, не бувае,
Яке хиба на неби тилько йе,
Та й то наврядъ!
М а р. Кохаю я, кохаю!
Въ тимъ почутти злылось мое жыття:
У серци лышъ Украина й мій сокилъ...
А н т. [*прыгорта несамовыто*]
Жыття мое! И пекло мое й рай!
Ой, що чыню? Нема у мене воли...

Поламана: все биля нигъ твоихъ!
Охъ, гвалтъ якыйсь... щось тутъ крычытъ и стогне,
И вопіе... Не чую! Сылъ нема
Розбыть таке непереможне щастя!
Моя, моя [*палко прыгорта*]

Мар. Твоя, твоя на викъ!

(*Занимилы*).

Ява 9.

Ти-жъ и Свырыдыха.

Свырыд. (*выходе злива*). Хто тутъ жывый?

Мар. и Ант. (*розскочылысь*). Свырыдыха?

Свырыд. Я, диты.
Де батько твій? Де Шрамъ? Де старшына?
Чуткы бижать лыхи...

Ант. (*радисно*). Не може буты?

Свырыд. Всёго бува на ныви кривьяній...

Мар. Господь святый—за правду, за бездольныхъ.

Свырыд. А сатана не насталыть сынивъ
На все лыхе? А зрада? А невира?
А, вси чорты!!... Де старшына?

Мар. [*побигла*]. Я вмыть!

Свырыд. О, всихъ невиръ тра вырizать теперъ
Безъ жалосты!

Ант. То лышъ злоба слипа:
Ляхы крычать, що мы есьмо невиры,
Що треба насъ всихъ выбыть до ногы...
То де-жъ кинець?

Свырыд. Тамъ хто кого? А жыда,
Ксёнза, ляха—чы пана, чы псаря
У пень товкты, рубыть, смалыть...

Ант. На решти
Всихъ вытнемо и самы ляжемъ вси...
А край ясный повернемо въ пустыню
Й достанется все хыжаку...

Свырыд. То-що?
Абы лышень не кателыку!
Ант. Добре
Кохаете свій край и свій народъ!
Не лютистю бисованого ката
Будуется те щастя на земли,
Бо катъ—все катъ, чы репаный, чы билый
За нымъ услидъ—неволя, гвалтъ и смерть:
У лàгоди, въ братéрстви тилькы сыла!
Свырыд. Щобъ кателыкъ та зъ благочеснымъ бувъ
Прыятелемъ? Та зроду и до вику!
Колы не нашъ, то ворогъ значыть ты!
Ант. Чого-жъ то такъ?
Свырыд. Бо ворогъ, ворогъ, ворогъ!
Та цуръ тоби! Пиду лышъ до старыхъ!.. [*пишла*].

Ява 10.

Антинъ самъ.

Ант. Або ты нашъ,—або ты ворогъ... звири!
Що-жъ, колы вашъ, то ворогомъ ставай
Своимъ братамъ, ойчызни, кревнымъ, вири?
Всихъ тны у-пень, всимъ мукы завдавай?
Яка злоба, яка вироненàвисть!
И хто іи посіявъ на земли?
Попы й ксёнзы! И на людській ридли,
Замисть любвы зійшла ненатла зависть,
А зъ нею й вси пекельни нагаи!—
Колы-жъ вогонь розжевреный погасне,
Колы кинець настане цій злоби,
Колы браты спизнаются соби
И вже гуртомъ добудуть щастя власне?
Охъ, одумаймося, друзи,
Даймо вси на згоду рукы;
Хай не стогне людъ у тузи,
Хай не гыне край видъ мукы,—

Бо непатліи сусиды,
Знай чатують нашу зваду,
Наклыкають тилькы биды
И кують мижъ насъ розраду:
На корысть соби пыльнують
И на нашу власну згубу,
Щобъ загарбаты святую
Нашу землю й волю любу!
О, Господы, смыры Твоимъ сынамъ
Пыху лыху и серця злу гордыню,—
Даруй любовъ и згоду вичню намъ,
Да воспоемъ гуртомъ Твою святыню!

Я в а 11.

Сотныкъ, Шрамъ, Палажка, Свырыдыха, Катря, Антинъ (за деревомъ).

Ш р а м ъ. Такъ знаты жиноче військо? Згода! Тилькы прыймить и мене, и нимоту, й безногого...

С в ы р ы д. Не смійся! Жинкы вамъ тежъ покажуть, якъ ворога витаты, якъ умыраты! Тельбухы выпустымъ!

К а т р я. Колы не наважутся други—сама пиду!

Ш р а м ъ. Прысяй-би, не сміюся! А вкупи зъ вамы питы такъ весело, що ажъ выбрыкую!

С о т н. Годи, бра, не шуткуй! Краще похопысь озброиты Бушу, а я склыкъ гукну по хуторахъ, по селахъ, а ватажкомъ... [*до себе*] винъ чогось, але ни!.. такъ, ватажкомъ—Антось!

А н т о с ь [*за деревомъ*]. Я? Пекельный жартъ!

М а р. и П а л. Винъще не одужавъ.... слабый!

С о т н. Хвалыты Бога, прысыли! А кращого доводця нема: и звагою, и розумомъ не схыбыть.. Скажы ёму—винъ буде радый... А пидъ Богомъ вси мы... Гайда-жъ до Степаныды— обрадымось! [*пишлы*].

Я в а 12.

Марьяна и Антосъ.

М а р ь я н а. Що-жъ, колы такъ—свята Господня воля! [*забачывшы Ант.*] Антосю, чувъ?

Ант. Доплутавсь.. ну й кинець
Всёму, всёму!
Мар. Чого-жъ то?—Богъ...
Ант. [*перебыва*] Для мене
Рятунку вже ни тамъ [*на небо*], ни тамъ [*у землю*] нема!
[*похопывшысь*] Ты не завважъ, що я боюся смерты:
О, я не разъ дывывся въ вичи ій,
И не мене кырпатій излякаты!
Мар. Чы я-жъ могла зневирыты тоби?
Ты сокилъ мій и вѐлетень коханый!
Охъ, якъ тебе кохаю...
Ант. [*обнима*]. Раю мій!
[*опамьятовшысь*] А, знову лжа? Яке шельмовство подле!
Ни, годи! Стій! Нехай мене убье
Огыдою твое презырство прàве,
Нехай мене зненавыдышъ,—а все-жъ
Мовчаты бильшъ не можу и не буду!
[*Марьяна видступа, збентежена*].
Мар. Не говоры! Ой, страшно!
Ант. Ни, вже—край!
Просты мене, пробачъ, колы здолаешъ:
Манывъ тебе, таився, наче вужъ,
И зъ розуму тебе, безвынну, зводывъ...
Мар. Що кажешъ ты, мій Боже?!
Ант. Я не той,—
Я не козакъ, не грецького закону!
Мар. Ой! [*вхоп. за серце*]. Хто жъ ты? Хто [*глухо*].
Ант. [*спустывъ и рукы, мовъ пидстреленый*]. Католыкъ и полякъ!
Мар. [*хап. за голову*]. Якъ? Що!?.. Ни, ни! Жартуешъ ты! Такого [*Довга пауза*].
Не може буть! Це щось пекельне... Ой,
Хочъ пошануй! [*зъ мольбою*].
Ант. [*лама рукы*]. Нещасна!! Я злодюга!!
Мар. Такъ правда то? Не пидступай!.. Ой смерть!

Антось. Марьяночко!

Марьяна. Земля схытнулась... Що се? [*Вхопылась за дерево*].

Антось. Просты мене!!

Мар. Ты зрадныкъ! Ворогъ нашъ?!

Ант. Не ворогъ я—прыхылецъ!

Мар. Не знущайся!..

[*Лементуючысь*]. Охъ, боляче! Кыпыть окропомъ кровъ...
Горыть... пече!..

Ант. [*кыдается обняты*]. Голубко! Моя зоре!!

Мар. Вельможный панъ! не насмихайсь!.. Не рушъ!
Лышы мене,—бо ворогу й я ворогъ!

Ант. Не дорикай: то доля зла моя!
Нещасный я... бидакъ—не выноватець...
Не вирышъ ты? Такъ ось же! [*выймае кинджалъ*].

Мар. [*зупыня, хапа за руку*]. Стій! Не рушъ!
Мене добый! [*одбера кинджалъ*].

Ант. [*зрушено*]. Загубленый мій раю!

[*закыда киндж.*] Послухай-же уважно й розсуды!
Колы мене маленькымъ хлопцемъ взято,
Я памьятавъ, що въ пышнимъ замку бувъ,
Де пéстылы мене, якъ паненятко...
Але татусь завирывъ твій, що я
Въ неволи бувъ, бо-бранецъ, що мій батько
Изъ козакивъ... Я першъ мовчавъ, таивсь,
А потимъ часъ прымусывъ все забуты:
Я риднымъ ставъ оцій симьи святій,
Забувъ панивъ, пышноту, виру, гоноръ—
И ставъ цилкомъ правдывымъ козакомъ...
А серце се зрослось зъ другымъ, дивочымъ,
Яке цилкомъ всю душу повяло
И надало своеи ій святыни...

Мар. Святыни? Ой!!

Ант. [*не завважывшы*]. Якъ въ сичи я упавъ,
То вразъ прызнавъ магнатъ мене за князя,

Небижчыка Порецького Петра...
Я зъ малку бувъ католыкъ, дидычъ...
Мар. [*сплеснула рукамы*]. Леле!
И въ одну мыть поласывсь?
Ант. Не вражай,
Бо не скарбы купылы мою душу,
А почуття выхдване у васъ:
Надъ все любыть ойчызну й ридну виру,
Не зражувать ни рады чого ихъ,
А все жыття виддаты имъ на благо...
И гоноръ мій тежъ обизвавсь...
Мар. Чого-жъ
Не обизвавсь той гонор тутъ одверто,
И не прызнавсь, а все манывъ?.
Ант. Чого?!
Клянуся я и Богомъ всемогущымъ,
И матирью замученою, що
Не страхъ за жызнь мени вуста зацыпывъ,
А лыше страхъ, щобъ ты не прокляла,
Бо серце се жыло й жыве тобою!
Мар. Про панське дбавъ, але про хлопське-ни?
Ант. Не додавай прызырствомъ мукъ: тутъ пекло!
Послухай-но, не вже я ворогъ тымъ,
Що не кляну ойчызны й виры предкивъ?
Мар. Такъ мусышь-же й ненàвысть ихъ ховать!
Ант. О, навпакы: лыхе—не обовьязокъ...
Мар. Та ще й якый!
Ант. Тебе и весь твій людъ,
Украину, цю другу мою неньку,
Люблю!
Мар. Не вирь ты серцеви, не вирь,
Ойчызны сынъ, ясновельможный княже,
Бо гоноръ, честь прымусять ёго встать
На нашъ народъ оружною рукою!
Ант. Ни, зроду ни!

Мар. Ха! Ты забувъ? А тутъ
Кого рубавъ? Чы не сынивъ Украйны?
Тра зрадцемъ стать,—чы люду, чы панамъ,
Ант. Чого-жъ то такъ? Ще есть и третій способъ:
Опросвитыть и пана, й козака,
И харпака,—та й помырыть...
Мар. То байка!
Ант. Два роки я по всихъ чужыхъ краяхъ
Шукавъ знаття и розуму: тамъ мудри
Домыслылысь, що щастя всихъ людей—
У лагоди, у братстви, у освити,
Що вира-но тоди святійша ричъ,
Колы вона любовъ и згоду сіе.
Мар. Не збутня ричъ: чы-жъ пана и раба
Помырыть хто? Панъ зъ рукъ чужыхъ жыруе
И рабъ ёму потрибенъ, якъ жыття,
А кателыкъ за вси схызматськи слёзы
И гроши ма, и рай видъ папы...
Ант. Охъ,
Чого-жъ намъ свій пустошыты?
Мар. Бо зныкъ,
Бо винъ зоставсь лышъ въ спогади пекучимъ...
И якъ же ты хотивъ ёго втрымать?
Щобъ я зреклась и роду, й люду, й виры,
Щобъ зрадою купыла княжу честь?
О, ни, не дбай! Ймовирне мое серце,
А гордощивъ никому не продасть,
Якъ не продасть укоханого люду
И риднои Украины по-викъ!
Ни я тебе, ни ты мене до зрады
Прынажувать не зважуйсь.. Та й яке
По зради тій ще може буты щастя?
Ант. Не треба зрадъ, хиба, якъ мы есьмо,
Не можемо любытыся и дбаты
Про долю двохъ ридныхъ братывъ?

Мар. Ой, ни!
За намы-жъ хто стоятыме? Не друзи,
А ворогы запеклы и слипи,
Що й насъ вийдять...

Ант. Те слово гирше смерти!
Да мыть хиба на цёму свити я,
Бо марю ще постаткувать Вкрайни,
Перемогты шляхетства злу пыху...

Мар. Якъ не текты вверхъ до Карпатъ Днистру,
Такъ шляхти вже зъ посполитствомъ не здружытысь!

Ант. Якый одчай! Речъ Посполыта гыне,
Въ руини весь пытымый, руськый край:
Обомъ братамъ у лагоди—рятунокъ!

Мар. Спасенна ричъ; але тому не буть!..
Ну, прощавай! Почастувавъ... Спасыби!
Вогонь—пытво!.. Було-бъ хочъ шляхетнийшъ
Ударыты, щобъ занимила зразу
Я на ножи... Але нихто, якъ Богъ:
Ёго була на те святая воля,—
И ій корюсь...[*тепло*]. Хочъ не збрудны жъ души!
Але прощай... не буты намъ у-купи:
Наши шляхы на викы розійшлысь
И полягла мижъ намы чорна прорва...

Ант. Надъ-сылу то: мы друзи кревни, вирь,
Коха тебе несамовыто серце! [*хоче обняты*]

Мар. [*гордо*]. Ой, видступысь, мій княже!... Прощавай!

[*Чуты гвалтъ*] [*на вулыци*]. Жинкы. Гей зрада зла! Пропащи мы! Погыбель!
Верныгора зъ десяткомъ лышъ вернувсь!

Сотн. [*голосно*]. Що сталося?

Верныг. [*голосъ*]. Козаче військо згыбло,
А наказный пидъ Камьянцемъ полигъ!

(***Гвалтъ зкамьяныгъ Марьяну и Антося***).

Антось [*сплеснувъ рукамы*] Звытяга!
Мар. Ха! такъ отъ яки мы друзи!

Зависа хутко спада.

Дія третя.

На другимъ пляни зправа частына пышного палацу; шырокый рундукъ зъ марморовымы сходамы, статуямы; въ палаци викна одчынени. Посередыни кону клумбы, водометъ, фигуры, садова мебель. На першимъ пляни злива альтанка. Навкругы роскишный садъ зъ дорижкамы и шырокымы проходамы. Дали ставъ, мистокъ, по якому ходять, и чудовый краевыдъ.

Мисячна ничь

(*Діется черезъ мисяць*).

Ява 1.

А) Грушецькый, Опацькый, Сапига, Яскульскый, два шляхтыча (на рундуци пьють). Б) Грохольска, Юля, Ядвига (въ альтанци).

А) Груш. Добрый венгржынъ, панове!

Сапига. У Порецькыхъ лёхы знакомыти.

Яск. Досконалый, illustrissimi domini! Нижный, якъ кобита—и вабыть, и нестыть; запашный, якъ молодощи—и дурманыть, и розжеврюе кровъ, а смашный, якъ... якъ перша утиха!

Шлях. 1, 2. Ха, ха, ха!! Браво, браво!! Ньехъ жые!

Опацьк. Го, го, мій любый! [*Бье его по плечу*].

Яск. [*зъ келыхомъ*]. За втихы й за ласощи! Прысягаюсь св. Марцеломъ, шо кобита й выно, та якъ ще до ныхъ додаты панове добродійство, дукаты—найкращи утихы на свити! За Венеру-жъ, Бахуса та Меркурія! In hoc trinitario est veritas.

Опацьк. Пышно!

Шлях. 1. Виватъ! Виватъ! [*пьють*].

Ява 2.

Ті-жъ та Ясь и Стась (выходять зъ мистка).

Ясь. Куды ты, до паненокъ?

Стась. Э, ну ихъ—квасни! Залыцятысь на-дàрма!

Ясь. Якъ на-дáрма? Такъ и скрутять!

Стась. А, брунь Боже! Втиха—для смиха, а воля—роздоля! Ходимъ липше, выхылымъ келыхъ мальвазіи, та спробуемъ фортуну на кости...

Ясь. И овшемъ! [*проходять за рундукъ*].

Б) Юля [*грала весь часъ, бильше брынькала на лютни*].
Эгъ, нудно такъ! [*озырается*].

Юзя. Чого намъ тутъ чекаты?

Грохол. Часъ и пора, моя кохана, дбать
Тоби уже про станъ малжонскій...

Ядвига [*на впивъ-жартлыво*]. Бусю!
Ты-жъ напередъ юнацьтво все кляла?

Грохол. Бо вси теперъ юнакы марнодумы:
[*строго*] Костёлъ святый нехтують за ковшемъ,
Розгублюють зъ сорóмныцями мужнисть,
Дають на глумъ ойчызну креви-псій
И нивечать всю старопольску славу!

Ядвига. На Бога, ой! Якый таланъ мени
Бажа пры цимъ моя кохана буся?

Юля. За гостро то!

Грохол. [*глянула зіорда на неи*]. Цей уродзоный князь
Въ неволи бувъ у тыхъ ворожыхъ хлопивъ,
У козакивъ—схызмативъ... [*Юли*]. Не бренчы,
Добродійко, колы я мовлю... Врешти
Теперъ его тра залучыть въ симью
Побожную и збыть въ его болото,
Въ яке убравсь у простыхъ поселянъ...

Ядвига. Не звыкла я до бруду и касатысь!

Юля. Що-жъ? Рукы-но помыешъ, та й уже!

Грохол. Ой, цихо тамъ! Здается князь и пробощъ?

(*Одійшла и пишла направо*).

Юля. Бабуня зла?

Ядвига. Бурчыть, а не куса...
Люблю іи посердыть... Грай що жваве!

(*Юля гра на лютни*).

А. Груш. А що-жъ нашого князя нема?

Сапига [*тыхо ёму*]. Шановный панъ мусыть радиты, що небижъ мій не сыдыть мижъ намы, а упада кола панны Ядвигы.

А) Груш. Ой, ясный грабье... воля Божа!

Яск. Я, панове, вамъ розскажу одну байку, але цихутко.

Опацьк. Го—го! Цикаво!

[Всп *насунулысь слухаты*].

Ява 3.

Б. *Ти-жъ и Грохольска*.

Грохол. Пройшлы туды... Ты май обачнисть, серце,—
Повернутся—зустринь и прывитай!

Ядвига. Нехай мене витають, а не я ихъ...
Цикавый шлюбъ зъ якымсь хлопыськомъ?..

Грохол. Цыть!
И не дратуй! Содома и Гомора!
Мале паня—и сміе мирковать
Про власный шлюбъ? це старшыхъ, панно, справа...
О, гыне все! Ламается законъ,
Якый трымавъ въ шаноби и святыни
Дитей, симью, шляхецтво й славну Речъ!

Юля. Що тамъ симья? Сваволя и неволя,
Ціяцтво, гвалтъ, прыныження...

Грохол. Мовчы!
Згасылы вы у персахъ пломинь виры—

Пидвалыны шляхетськои симьи—
И безъ стерна майнулы въ море човномъ.—
Ну, такъ ёго й розибье хвыля вщепъ...
Не усмихайсь—я мовлю панни дило!
Розчахнется величня Польска вкрай—
Пидниже́сько престолу папъ найсвьентшыхъ,
Колы кобитъ охопыть вильный духъ:
Це ихъ повынъ натхнуты дитямъ виру
Патріотызмъ, ненавысть до схызматъ!

Ядвига. Ну, а мени якъ разъ далы схызмата?!

Юля. Такъ ты обмый...

Грохол. [*глянула гризно до Юли*]. Винъ певный кателикъ...
Въ чужыхъ краяхъ два рокы бувъ въ науци..!

Юля. Що жъ раджу й я: винъ багатырь и князь,
Юнакъ палкый, коханець невгасымый.

Грохол. Розумна ричъ... Ну, бавтесь—я пиду... [*пишла наливо вглыбъ*].

А) Опацькый [*спильный регитъ*]. Ой, не выдержу, лусну... якъ Бога кохамъ! Бодай тебе, мій пане! [*Регоче, за жывитъ хапается*].

Груш. [*потыра рукы*]. Хе, хе, хе!! Трошкы зъ набяломъ, але слично! [*Сміется*].

Шляхта. Го, го, го!! [*ажъ качаются*]. Досконале! Браво!.

Сапига. Скоромынка!

Яск. Перепрошую ёго яснить...

Сапига. Богъ пробачыть, а чортъ подячыть...

Груш. Цуръ тоби, пане, ажъ плачу!

(*Яскульскый метушытся; выбига, правыть вына, пидлыва и т. и.*).

Б) Юля. Огъ регитъ! Ой, якъ весело тамъ знаты!
Ходимъ лышень шукать юнакивъ.

Ядвига. Не хочется...

Юля. Тамъ на ставку помарымъ...
Ачъ садъ якый, яка пышнота скривь!
Ядвиго, зважъ! багацтва незличыми...

Ядвига. Що въ ныхъ самыхъ?

Юля. Але й корона?

Ядвига. Що жъ,

Лышъ серцеви корюся я...

Юля. Ой, любко,

Хиба воно ще зъ княжымъ не злылось?

Ядвига. Лыбонь, що ни...

Юля. Такъ кынь ёму прынаду,

Та и на гакъ! На бабцю не вважай:
Малжонство намъ дае шыроку волю—
Натишытысь, насмаковать жыттямъ
И серцеви знайты свій рай... На неи—
Такъ вся симья йе кля́шторъ, а вже мы
Пошытысь вси повынни у черныци?
Этъ, марна ричъ! Не двичи въ свити жыть,
И дурень той, хто часъ марнуе: панство
Генъ пье, гуля и рве жыття, а мы
Тежъ будемо! [*Гра шпарко краковьяка*].

Ядвига. Але чекай, ще може

Про мене князь и въ думку не кладе?

Юля. Менщызны— этъ,—уси дурни, мовъ мухы:
Абы тилько сякый-такый имъ медъ,
Хочъ здàлеку, то вже и подурилы,
Якъ мотели коло квитокъ кружать.

Ядвига. А колы медъ не вабыть мухы часомъ?

Юля. Хиба перга, а то имъ все—за медъ!
То й раю я: вдавай святу та божу,
Тилькы таку, що въ любощахъ слабà
Передъ орломъ-кохащемъ; воны люблять,
Щобъ ихъ вважать за вѐлетнивъ-орливъ...
А якъ жагà спьяныть цилкомъ имъ розумъ,
Тоди орла и боркай, и сидлай!

[*Забачывшы панянокъ*] Ходимъ туды—генъ юнакы й паненкы?

Ядвига. Не хочется...

Юля. Ну, марь на самоти! [*Пишла*].

Ядвига [*схыля голову на рукы и журно замыслюется*].

Ява 4.

Ти-жъ и дви панны (выходять видъ ставка).

Панна 1. Яки у насъ нудни звычáи, Боже:
Стари онъ пьють, а молодь въ кости гра.
Панна 2. До правды! Ой, нудота! Знай, по стежкахъ
Лышъ шпацируй.
Панна 1. Та хочъ бы зъ кымъ!
Панна 2. То князь
Якыйсь ведмидь... Хочъ бы музыка й танци?
[*Пидходыть*].
Юля. Ще ждуть когось... Що, нудно?
Панны 1, 2. Все жъ сами...
Юля. А молодь де?
Панна 1. А пье и въ кости грае...
Юля. Ходимъ мерщій и бунтъ учынымъ тамъ:
Зъ юнацтвомъ тра поводытысь зухвало!
[*Пишлы хутко*].

А) Яск. А що жъ то буде, панове, колы мы повернемось у свою Палестыну—Украйну, Подоль,—де дукаты въ земли, де ричкы течуть медомъ, де ковбасы литають, де красунькы гуляють, де на кожнимъ кроку утиха...

Опацьк. Э, теперъ безпешно: татары зъ намы, Потоцькый и Чарнецькый розбылы до-щенту війско хлопське: вся Подоль и Украина у насъ пидъ ногамы.

Груш. О, благодать! Земля намъ поверне вси збыткы!

Яск. А все то я, панове!

Груш. и Оп. Якъ такъ? Невже?

Сапига. Ой, пане, не брешы!

Яск. И то вдячнисть? Не вважайте, панове, що на взиръ я не велыка горошына, а сикнысь хто, то и зубы полама!

Опацьк. Ого—го!

Яск. Пидъ Зборовымъ... Король злякався, а мени байдужé!—Пусты, кажу, мене найяснишый, такъ я всю справу переверну до-горы черева: маву пущу, татарву забавшычу—и зйисть

той Богданъ дулю! Ну, що-жъ, панове, не сталося! А пидъ Берестечкомъ? Всихъ мавъ роздавыть отой песъ и проглынуть Польску, а я—хана купывъ, Ярему пидбадёрывъ, та въ Чыгырынъ! Богданову жинку до боку, а сынови-дурню... про зраду: а той мерщій мачуху—смыкъ на очкуръ!-Батько сказывся и зъ військомъ провалывся!

Вси. Ха, ха, ха! Отъ зухъ! Невже такы й бабу?

Яск. А що мени кобита? Гляну—и квита!.. А Антось? Хто вырвавъ ёго у быдла? Владя! На всихъ святыхъ,—Владя! У дивкы, у простои выдравъ! Пидъ тры замкы ховала... Проте—мене вздрила й зомлила... Але й краса! А перса? (*щось шепоче*). (*Регить*).

Опацьк. Ой, на Бога!

Шляхта. У, шельмовство! Виватъ, виватъ!! (*пьють*).

(*Яскульскій, розглядаючы, побигъ по садку, а дали до ставу.*

Б.) Ядвига (*вставала, вызырала когось, и знову сидала въ роспачи*).

Ой, прыкро якъ, ажъ серце рве грызота!
Не мыслыть князь про мене, не займа
Моя краса: байдужый винъ до неи!
Невже снагы и чаръ у мене бракъ?
Невже мои невартъ ничого вабы?
И якъ на злисть, ще до вподобы винъ,
Озброеный всима жаламы знады:
И красень самъ, и можновладный князь,
И багатырь баечный; але каминь—
Не займется!... Чы закохався бъ-то
У хлопську тварь?! О, тысячу перунивъ!
(*схоплюется*). Невже мене те быдло подола
И на вази у князя переважыть?
Прокляття зле! Не попущу во викъ!
О, чарамы вси сылы я напружу,
Щобъ хлопку ту звалыты пидъ пьяту!

(*Пишла въ гай*). Сапига (*Груш—у*). Ходимъ, проходымось... промнемось.

Груш. Правда, ажъ крыжи болять... и Язю-бъ побачыть.

Санига. А мени пробоща треба... (*сходять по сходахъ въ садокъ*).

Ява 5.

Яскульскій, дивчына, а потимъ Антось и Пробощъ.

(*На рундуци 2 шляхт. напоюють Опацького; колы винъ заснувъ— воны розійшлысь*).

Яск. [*вертается видъ ставка, назустричъ ёму йде до ставка дивчына по воду*]. Хе, пташка! [*обнима*]. О, моя яскулечко! Ципонько!!

Дивчына [*служка*]. Гетьте, панычу, не чипайте!

Яск. Хочешъ дуката?

Дивчына. Эй, на бикъ! [*штовха*]. Здійму гвалтъ!

Яск. А спробуй шельмо!

Дивчына. Не злякаешъ, пане! Нашъ князь не попустыть на знущання простоты! [*Пишла гордо*].

Яск. Ну, цёго хлопського князя часъ и прыборкаты [*заходыть въ садокъ*].

Проб. [*выходыть зъ Антосемъ збоку*].

Юнацькый твій я поважаю запалъ
И самъ циню высоки ти думкы́,
Але до ихъ веде шляхъ ыншій, сыну—
Едыный шляхъ правдывый на земли!
Нашъ розумъ, бачъ, души корытысь мусыть,
Бо наши вси тилесни почуття́
Лышъ слугы ій; а дай роспусту слугамъ,
То й промижъ ныхъ лышъ выбухне злоба̀
Й владычыцю воны загублять... Amen!

Ант. Але жъ хиба не розумъ и знаття
Дають добро и щастя людямъ?

Проб. Серце,—
А розумъ той слугу́е й лютымъ псамъ...
И вири винъ непогодымый ворогъ:
Черезъ ёго сваволю вырына

Пыха, корысть, зневирья, заздристь, помста,
И ныщытся покора та любовъ...
Покы була неподилыма церква—
То доты й бувъ въ Хрыстовимъ стади рай,—
И зныщылы ёго пыха та розумъ:
Змагаться ставъ за владу Фотій першъ,
За нымъ пишлы—Кальвиній, Цвинглій, Лютеръ—
И полылась людська братерська кровъ!

Ант. Поводари́ дошукувалысь правды...

Проб. Але знайшлы—но крывду нависну:
На неби есть едынъ Хрыстосъ, сынъ Панськый—
И на земли тежъ мусыть буть едынъ—
Пленипотентъ Ёго святои влады!

Ант. Дезидератъ: чымъ дали—свары бильшъ...

Проб. О, сыне, вирь, що буде templum unum!
Не намъ, не намъ, забрудженымъ въ грихахъ,
Побачыты земли те раюванння,—
Non possumus, але настане часъ,—
Схызматы вси зиллются серцемъ зъ намы...
Якый тоди величній буде храмъ,
Де прыпадуть уси земни народы
До стопъ святыхъ найсвентшого зъ владыкъ,
Безгришного въ суди и правди Папы:
Хто захыстыть окрывдженныхъ? Лышъ винъ.
Хто всихъ зривня и ласкою надилыть?
Едыный лышъ отець нашъ на земли,
Заступныкъ нашъ передъ Отцемъ Небеснымъ...
Яка краса, якый величній ладъ—
И лагоды, и правды панування!
Для того-то правдывый кателы́къ
Повыненъ все забуты за-для виры,
Молытыся и дбаты лышъ про те,
Щобъ цилый свитъ прызнавъ святого Папу.

Ант. Охъ, та невже жъ Ёго велебна Мосць
Цю унію криваву апробуе?

Проб. К иваву—non, а доброхитну—sic:
Вона веде до свитлого злучення!
Хиба костёлъ цей гвалтъ благословля?
Хиба ёму прыемни людськи слёзы?
То чыныть все сваволя та корысть,
Якымы-но обурено шляхетство...
Зруйновани ойчызна и костёлъ
Зовуть своихъ сынивъ незрадныхъ, ридныхъ,
Абы змоглы зъ лыцарствомъ запалыть
У щырои правдоты й виры свиточъ.

Ант. О, колы бъ всимъ таки святи думкы—
Наставъ бы мыръ, настало бъ раювання;
Але мое тутъ серце знемога,
Его пройма нудьгою зле зневирья—
Бо тутъ кругомъ не люде...

Проб. Въ кожнимъ йе
Хочъ крапелька небесного надання:
Лышь розшукай та допыльнуй; тебе
Зража пыха... ты сумырысь душею...
Повыненъ ты продовжыть славный ридъ
И прысвятыть ёго ойчызни й виры.

Антось. Охъ, отче мій...

Пробощъ. То щастя й вчынъ святый!

(*Проходять*: *пробощъ—до магнитеріи, Антось—вглыбъ*).

Ява 6.

Юля, Стась (*выходять збоку*).

Юля. То панови видпомщення за тее,
Що зацуравъ...

Стась. Упавъ до панськыхъ нигъ!
Але зоря моя була у хмарахъ...

Юля. До мисяца вона-бъ вырнула зъ хмаръ

Сталь. Такъ гынь усе!

Юля. А панъ програвъ багато?

Сталь. Этъ, тамъ—програвъ, за тежъ тутъ—выгравъ
скарбъ!

(*Пишлы до альтанкы, мылуются*).
Юля перебира струны на лютни.)

Ява 7.

Панна 1, 2 и Яскульскій, та тижъ.

Панна 1. Пождить и насъ! (*выбига*).
Панна 2. [*за нею вслидъ*] Не чуе и не бачыть!
Яск. [*на зустричъ имъ*]. Ой, що за гвалтъ! Я мыслывъ—
сонце тутъ
Зійшло въ ночи, ажъ то панны яскрави!
Панна 1. То компліментъ!
Панна 2. И навить дуже злый!
Яск. Перунъ забый, колы надъужываю!
Панна 1 [*на бикъ*]. Пресличный панъ!
Яск. А панна Юзя де?
Панна 2. Тамъ марыть десь... Поклычъ-но, Франю, серце!
Панна 1. Вона й сама надійде.
Панна 2. Побижы!
Яск. Пшепрашамъ, я лечу туды...
Панна 2. [*бере его пидъ руку*]. И я зъ паномъ.
Панна 1. И я зъ нымъ тежъ!
Яск. [*пидставля другу руку*]. Рука ось до послугъ!
Панна 2 [*на бикъ до 1 п.*]. Стыда нема!
Панна 1 [*на бикъ до 2 п.*]. Якась моральна каличъ!
Яск. [*глянувшы прыкро на обохъ, пидходыть до альтанкы*].
Ахъ, пани тутъ? Музыка, щастя, рай!
Прыставъ бы вразъ до виры Магомета!
Юля. Панъ мае смакъ, але про себе дба,
А мы ёму лышъ маемъ слуговаты?
Э, ни! Другу я виру заснyю:
Въ моимъ раю мы будемо царыци,
А юнакивъ—на кожну до послугъ!
Стась. Мене, мене не выкынь, пани, зъ гурту!

Я с к. Я до послугъ!
Панны 1, 2. А мы-жъ якъ? Знов сами?!
Ю л я. Ха, ха, ха, ха! Не бійтесь!
Я с к. [*на одно колино пада*]. Чаръ музычнихъ!
Ю л я. Ходимъ въ палацъ,—тамъ арфа...
Я с к. [*въ роспачи*]. Згынувъ я!!

Я в а 8.

Ти-жъ и Ясь, та Антось.

П а н н а 1. А, ось и винъ! Поскаржытысь я мушу,
Що Ясь и Стась провадылы страшне:
Немовъ рабивъ не мусыть буты въ панстви!
Ю л я. Ой, Езусъ панъ, ой, матко свьента!
Я с к. Гвалтъ!
И хто-жъ-то имъ,—господарь?
П а н н а 2. Князь Порецькый.
С т а с ь. Що-жъ, Рымъ узять чы Спарту...
Я с ь. Рымъ и впавъ
Черезъ рабивъ.
Я с к. Безглуздя!
А н т. Пане, правда!
Я с к. Та безъ рабивъ и панствъ нема!
А н т. Колысь
Появытся на неби пышне сонце
И проминемъ розвіе темный чадъ,—
Прозрять тоди невольныкы слипущи
И закують у пута хыжакивъ!
Я с к. Яки думкы! Ого!
А н т. Шляхетни, пане:
Лышъ ривни всимъ—и воля и права
Й повынности—кують у панстви сылу.
П а н и у с и. Це гвалтъ якійсь!
Я с к. И учни тыхъ думокъ?
П а н н а 1. И вы насъ всихъ ривняете до быдла?

Панна 2. И кажете, щобъ шыты намъ и прать?
Юля. Щобъ въ почуттяхъ шукалы мы простôты?
Ясь и Стась. Ни, мы такыхъ загострыхъ вже думôкъ
Не вызнаемъ...
Яск. Зрекаетесь?
Ясь и Стась. Бо, що-жъ пакъ...
Ант. Эхъ, я давно въ васъ виру загубывъ.
Вы лыцари за власни прывилеи,
Рабивъ то жаль...
Яск. Пры думци сій лышь князь!
Ант. Тымъ гиршъ для васъ; але, якъ шляхтычъ вильный,
Я на думкы тежъ маю прывилей!
(*Подаєсь на передкинъ. Сивъ у альтанци*).
Яск. Ну, прôшу всихъ до втихы, до музыкы!
(*пишлы въ галасомъ*).

Ява 8.

Грохольска, Сапига и Пробощъ. (*выходять зъ боку*).

Грох. Такъ граба запевня, що эдукація чужоземня не навіяла небожу ёго марныхъ думокъ?

Сапига. Ничого такого не помичавъ, пани кохана.

Грох. А чы твердый у кателыцькій вири? То найпередъ, найголовниша ричъ!

Проб. О, въ тимъ имосць най буде певна: винъ непохыбный и щырый катôлыкъ... Я доклавъ вси сылы...

Грох. Тоди я даю згоду.

Сапига. Се буде велыке, патріотычне дило, а любій Юзи и щастя й почотъ: вдача у нашого князя мъяка, зъ неи прывабна красуня зробыть, що схоче, а колы й зосталась у ёго яка крапля хлопськыхъ думокъ чы звычáивъ, то розумна кобита ихъ знищыть...

Грох. За Юзю я певна. Ось рука моя! [*простяга*].

Сапига [*тежъ*]. На добру згоду й на щастя!

Пробощъ [*благословля*]. Nomine Dei, Amen!! [*идуть вси до рундука*].

Ява 9.

Ти-жъ и драбантъ.

Драб. Ясновельможный Региментарь надъизжа!

Сапига и Проб. Ходимъ... Поклычъ усихъ!.

Грох. Треба пышно зустриты! [*натыкается на пьяного Опацького*] Ой, на Бога! Розбудить ёго! Несвицькый соромъ и бешкетъ! [*пишла*].

Сапига. Пане! Пане!

Шляхт. 1 и 2 [*регочутся*]. Пыльнуй!!

Опацьк. [*схопл.*]. Ой, го-го-го-го!!

Пробощъ. Панове, жартамъ не часъ! Поможить пану! [*Выходять*].

Ява 10.

Антось (самъ).

Ант. [*седивъ зажуреный, раптомъ встае*].

Куды втекты? Подитысь де видъ тугы?
За мною скризь слидкомъ, якъ тинь вона:
У серци нижъ, а навкругы—все звири,
Розъятрени, злобытели слипи!
Имъ цинна лышъ своя шляхетська шкура,
А решта—гынь! „Речъ Посполита—мы!
Вона—для насъ!" крычать несамовыто...
И молоди надежнои нема:
И пробощъ мій байки-но пророкує!
А я гадавъ, що думку засную,
Що чесный стягъ здійму у-гору зъ ными...
Гай-гай! И тутъ здается лышъ—мана́...
Хто зворухне ихъ зашкарублу душу?
Хочъ бы зійшовъ зъ небесъ святый пророкъ
И кынувъ имъ палке, огнысте слово—
Не проняло-бъ, не зрушыло... Що-жъ я?
И отъ стою надъ урвыськомъ глыбокымъ,—
Надія схне и навить мрій нема!

Одна лышылася, одна,
Якою й марыты не мушу,
Яка осяяла до дна
Мою отруеную душу...
Моя ты зирочко ясна́,
Моя ты квитко запашна́,—
Едына ты мени царыця!
Охъ, у души моїй смутній
Не згасне голосъ твій срибны́й
Не згасне у́смихъ чаривный
И лагидны́хъ очей зирныця!
  Зорій-же зда́леку й свиты
  Въ моїй пустыни-гробовыщи,
  Щобъ я справдывъ жадання выщи,
  Якимъ що-дня молылась ты!
Зъ тобою насъ и розлучыла
Необорыма, грызна сыла—
Непохыбны́й, святый повы́нъ:
Его зламать зъ насъ ни одынъ
Не мавъ ни сылы, а ни звагы,—
И отъ кайданы и ярмо
Видъ злои доли несемо
И безъ надій, и безъ розвагы..
И згасъ очей моихъ крыштали!...
  О, де-жъ ты, згубленый мій раю,
  Чы чуешъ пакъ, що я конаю,
  Що серце рве журьба—печаль,
    Що тутъ безъ тебе гыну й гыну...
    Ой, зазырны жъ въ мою руину
    Хочъ лехкымъ маревомъ хысткы́мъ,
    Хочъ сномъ прозорымъ, чаривны́мъ—
    Прылынь, прылынь хочъ на хвылыну
    До серця змученого вкрай
    И не промовъ ёму „прощай"! [*Замыслывся*].

Ява 11.

Антось и Ядвига.

Ядвига. Ахъ, ось-де князь! [*Надходыть збоку*].
Ант. [*кынувся*]. Пшепрашамъ!
Ядвига. Князь щось марывъ?
Ант. Ни, я шукавъ...
Ядвига [*радисно, жваво*]. Мене? Ахъ, щасна я!
Князь такъ скупый на ласку...
Ант. Панно люба,
Не звыченъ я до панськыхъ лебезинь:
Языкъ мій зна лышъ правдыве слово,
А серце зна лышъ щыре почуття;
Не вмію я мастыты слово медомъ
И непріязнь ухмилкою скрашать,—
Що на души—не крыю...
Ядвига. Досконале!
Що липшого й на свити може буть?
Я заздрю лышъ такій правдоти, княже,
Я ій молюсь...
Ант. А я й не сподивавсь,
Щобъ въ панночкы таку зустриты душу...
Я самъ тутъ, самъ... мій „лёсъ“ якыйсь смутный...
Ядвига. Смутный? Яке жъ у князя мого горе?
Ант. Старе, старе...
Ядвига. То вже й забуты часъ,
Та у жытти знайты новитнье щастя...
Отъ, у цю мыть, яка щаслыва я!
Ант. Чого жъ въ цю мыть, моя крулево пышна?
Ядвига. Того... Хиба не чуе серцемъ князь?
Бо щастя—мыть... Отъ, налетило нотай,
То й роскошуй цымъ часомъ дорогымъ,
Бо згыне вразъ, и зновъ огорне туга.
Ант. Якъ? Въ мыть одну замкнуты все жыття?
О, се було бъ миверно й необачно:
Ёго вырокъ суворый и тяжкый—

За мало—втихъ, задуже—обовъязкивъ...
А щастя? Охъ, мого—то й не шукай:
Нове жыття ще бильше безнадійне,
Якъ мертвызна̀ на гробовыщи...

Ядвига. Ай,
Яки думкы! Мій другъ чогось сумуе?
Якась иржа на серци завелась?
Князь... прызнавайсь!

Ант. Не раю панни любій
И заглядать у пустку.

Ядвига. Якъ? Нихто
Й не зазыравъ у потайный той за́куть?
(*бере за руку*) Прысядьмо тутъ въ альтанци (*сидають*).
Ничъ яка!—
И ла́гидна, й ласкава, и журлыва!
А тыхо якъ, мовъ прытаилось все,
Лышъ тёхкае кохано соловейко—
И въ серци знову тремтыть чудовый спивъ...
Невже це все нагоныть князю смутокъ,
А не зрыва до иншыхъ почува́нь?
Мій другъ кохавъ? (*Антось зитха. Пауза*).
Мовчыть, не прызнается?
О, колы такъ, то вывидаю вмыть.
(*Прытуля руку до серця*) Эге-ге-ге!

Ант. Це серце знай болыть...

Ядвига. Такъ тра ёго загоить... (*кокетуючы*).

Ант. Лышъ могыла!

Ядвига. Чого-жъ то такъ? Невже не бачыть князь,
Що я ёму и серцемъ, и душею—
Якъ другови найщыршый другъ... Невже
Не бачыть князь, що вси ёго жадання,
Вси за́миры, вси мріи и гадкы,
Нехай воны булы-бъ и надзвычайни,
Бодай смишни́...—для мене все-жъ воны
Святи, бо князь...

Ант. Такъ панна спочувае
Моимъ думкамъ? О, якъ бы радый бувъ
Знайты хочъ въ тимъ соби розвагу....

Ядвига. Друже,
И день-бы й ничъ найсвентшій Панни я
Молылася, щобъ князь пизнавъ це серце
Самóтнее, якъ сырота въ гурти...
Бо тутъ нихто ёго не розуміе...

Ант. О, вельмы радъ! Я сыротамъ всимъ—братъ!
[*Тысне руку ій*] [*чуты арфу*].

Ядвига [*по паузи*]. Ахъ, чуе князь, яки солодки згукы!

Ант. То арфа?

Ядвига. Такъ, кохання въ ій спива...

Ант. [*слуха*]. А не зруша: мелодія чужынна—
Не промовля до серця, якъ своя.

Ядвыга. Охъ, якъ своя! [*Схыляется*] Колы до серця серце
Застукотыть, то выразнище сливъ...

Ант. Туманъ налигъ... и сóлодко, и журно,
И мовъ струна надирвана дзвеныть...
Нагадуе кохану писню...

Ядвига [*прыпала*]. Княже,
Яка то мыть... О, щастя! [*занимилы*].

Ява 12.

Ти-жъ и дивчына служка.

Дивчына (иде зъ видромъ черезъ кинъ на другый бикъ, и пройшовшы, почына тыхо писню, яку спивала Марьяна у II д.; дали вона голоснище и смилище спива).

Ант. [*дочувшысь, кынувся*]. Хтось спива?

Ядвига [*удержуе*]. То гепъ въ садку... якась челядка панська.

Ант. [*пидводытся*]. Але цей спивъ... [*слуха*] винъ душу порыва!

(Схоплюется, одхыля лаекы Ядвиги, и стоить муромъ, слуха).

Цю писню тежъ спивала... Боже, Боже!
Пожежою занявся мозокъ мій,
Скыпила кровъ, разъятрылася рана,
Тьма тьмуща жалъ впъялась у серце се
Роздавлене, побыте...

Ядвига [*схопылась, якъ опечена*]. А! такъ онъ що!
У хлопку князь закоханый? Ха, ха!
Не стапу я перешкожать быдлыську!

Ант. Я бымъ просывъ не зневажать...

Ядвига. Ха, ха!
Публика, глумъ! Прошу я князя-хлопа
Забуты все!

Ант. Радъ панни въ тимъ служыть!

Ядвига [*видходячы*]. У! Якъ я нымъ гыдую, Матко Боска!

(*Чуты сурмы. Маршъ. Музыка голоснишá. Збираются цикави*).

Ява 13.

Ти-жъ и Чарнецькый; за нымъ магнаты й паны. (Панны до ганку посунулысь. Яскульскій—на ганокъ. Цикава челядь тежъ показуется полохлыво навдали).

Чарнец. Виньшую васъ: вже ворога нема,—
Прыборкано до щенту крыла хлопамъ!
Пидъ Камьянцемъ Томиленко полигъ,—
Вчынылося имъ друге Берестечко...
Хочъ былыся й скажено тіи псы,
Але ихъ всихъ мы вылущылы гойно...
Хиба якый утикъ, щобъ розсказать
Богданови про цю нову неславу:
Шельмовськый хлопъ подався до Москвы,
Щобъ розчахнуть на двое нашу Польшу,
Але ёму покажемо, хто мы
И плазувать заставымо псивъ—хлопивъ!

Вси. Виватъ, виватъ! Нехъ жие регментарь!
Яснійшому звытяжцеви викъ слава!

Яск. [*до слугъ*]. Венгржыну гей! Медивъ! [*кынулысь, налываютъ*].
[*Чарнецькому*] Упавъ до нигъ
Орлу 'зъ орливъ, звытяжцю надъ звытяжци!
Вси. Виватъ, виватъ! [*пьютъ*].
Ксёнзъ. [*до Яск.*]. Де жъ, пане, князь Антось?
Не выйшовъ винъ на вустричъ...
Яск. Посварывся
Зъ Ядвигою.
Ксёнзъ. Чого?
Яск. Бо нависный!
Сапига. Знайды ёго!
Яск. [*оглянувся*]. На ганку вже.
Вси [*за галасомъ не чутно, що Чарнецьк. гов.*] Виватъ!!
(*Сапига знаємыть зъ Чарнецьк. Антося. Ядвигу потишають панны*).
Юльця. Та цуръ ёму! забудь и залышы!
Ходимъ туды: прыйихавъ воевода,
Чы хтось старшый.
Панны 1 и 2. Ахъ, якъ цикаво!
Ядвига. Йдить,
Идить сами, а я лышуся тута!

Ява 14.

[*Антосю*] Ксёнзъ. Прошу тебе найсвентшымъ менням Папы,
Не забрудны шляхетськый гоноръ.
Ант. Чымъ?
Ксёнзъ. Зобыдывъ князь Ядвигу. [*Иде зъ ганку въ садокъ*].
Ант. [*зъ нымъ пидъ руку*]. Я? Ядвигу?
А ни въ думкахъ! Та то жъ вона сама
Облаяла мене негиднымъ хлопомъ
И лышъ за те, що маю я думкы...
Ксёнзъ. Думкы ховай обачнише...
Ант. Ни, ксёнже,
Для чого жъ свитъ ховаты видъ людей?
Ксёнзъ. Щобъ часомъ винъ не затлумывсь...

Ант. Я певенъ:
Мои думкы ойчызни на корысть,
И нымы я не поступлюсь ни панни,
Ни лыцарськiй, задуренiй пыси!
Ксёнзъ. Хто зъ намы—нашъ, а хто не зъ намы—ворогъ!
Ант. А, й тутъ одынъ Свырыдышынъ законъ!
Ксёнзъ. Horribile! Але Ядвига плаче...
Ходимъ мерщiй, пробачься за вину:
Гостынность есть найпершый обовъязокъ,
А у вельможъ найсвентшый доброчынъ.
Ант. Я вельмы радъ поквитовать свiй грихъ,
Колы винъ бувъ...
Ксензъ. Панъ-Езусъ! На ойчызну,
На гоноръ твiй, на виру пресвяту,
Тебе молю: о, сумырысь, мiй сыну,
Споглянь на ту, що такъ тебе коха:
Цей звязокъ дасть и мицъ тоби и сылу.
Ант. Не торгувавъ я серцемъ...
Кзёнзъ. Зновъ пыха?
Ант. Та згоденъ я потишыты Ядвигу—
Ксёнзъ [*Ядвизи*]. Ось лыходiй! Прывивъ на карный судъ;
Але прошу, зъявы до ёго мылость...
Ядвига. Такъ боляче, що ясный князь до тыхъ...
Пшепрашамъ, я не хтила гостро...
Ант. Панно,
А я не мавъ и въ думци... Запалывсь
И може що не до ладу... Пробачъ-но!
Ядвига. Я князю ницъ... Це серце тилькы...
Ксёнзъ [*тыхо*]. Винъ
Збожеволивъ одъ панны: слово дàе!
Ну, звычаивъ шляхетськыхъ ще не зна,
Бо зрисъ, на жаль, мижъ дыкыхъ, грубыхъ хлопивъ...
Та то дармà: така красуня вразъ
Здмухне зъ ёго увесь той хлопськый порохъ.

Ядвига [*дае руку*]. Я князеви прощаю залюбкы,
Най и мени князь выбачыть.

Ант. [*цилуе руку*]. О, радо!

Ксёнзъ. Благословы, Панъ-Езусъ ихъ! Аминь! [*До Ядвигы пидходыть Грохольска*].

Ява 15.

[*Яскульск. пидбигавъ до пань, на рундукъ; дали его вызвавъ лёкай*]

Яск. [*Вбига*] Кобзарь зъявывсь... піймала челядь!

Ант. [*збентеженый*]. Знову?
Я наказавъ...

Яск. [*глумлыво*]. Що-жъ станется ёму?
Потишыть лышъ пресличныхъ пань, паненокъ...

Ант. Потишыть? А!! [*хапается за голову*].

Ксёнзъ [*тыхо*]. Не бешкетуй, молю:
Региментарь, сенаторъ и магнаты
У князя тутъ,—а ты пиднимешъ гвалтъ
Образлывый и Речи-Посполытій,
И гонору шляхетства, и гостямъ,—
Це може мать непогодыми скуткы...
Изъ-за дурныць...

Ант. Точить останню кровъ!

Ява 16.

Ти-жъ и Кобзарь (слипого прыводять).

Яск. Ну, похвалысь, спиваешъ що?—Глухый?
[*Кобзарь мовчыть*]. То клейтухомъ прочыстить можна вуха...
Спиваешъ що?

Кобзарь. А те, що Богъ пошле,
Що завелось и выкохалось въ серци.

Яск. Ге, спрытный зухъ! А ну лышъ, заспивай!

Кобзарь. Не для панивъ писни мои—для люду.

Яск. Цикаво й намъ.

Кобзарь. Щобъназнущатысь?

Яск. Гей
Поговоры! поговоры!

Юльця. Мій пане,
Заставъ ёго!

Панни. Потишымось зъ смиху!

Де-хто [*зъ ганку*]. А ну, яки у ёго думы?

Яск. Хлопе,
Чы довго ждать? Спивай, колы кажу!

Опацьк. А за письни видплатымо мы гойно.

Кобзарь [*тыхо*]. Чы заспивать дурныцю имъ? Ой, ни!

Грох. Упартый песъ!

Яск. Спивай, не то на палю!

Кобзарь. Звычайно такъ! Ну, колы панськый зволъ,
То слухайте жъ мою найкращу думу:
Ось правда вамъ! [*тыхо*] О, Господы, прыймы
За братію катамъ виддану душу!

Дівчи росположени такъ: посередыни глыбше Кобзарь; злива видъ зрытеливъ на передкони—Антось и ксензъ, за ными Ядвига и Грохольска; направо на ганку—вси магнаты; блыжче до Кобзаря злива Яскульск., Казим., Юльця, и де-яки пани; направо—Ясь, Стась Броня и панны; за кобзаремъ—всяка челядь.

Кобзарь. Якъ изъ день годыны
Счыналыся велыки здырства на Вкраини:
Що превражи Ляхы козакивъ за быдло малы,
На права ихъ наступалы,
Велыкы утыскы имъ вчынялы,
Край веселый у пень плюндровалы,
Народъ хрещеный у ярмо запрягалы,
Церквы Божи жыдамъ въ оранду виддавалы...

Впродовжъ (*цієи писни*). Панны. Ай, що спива!

Ксёнзъ. O, coelum.

Ант. Старець Божый!

[*на ганку*]. Вси. Зухвальство то!

Чарнец. Дослухаемъ до дна!

(*Ксензъ всю цю сцену зупыня Антося*)

Кобзарь. Тогди-то гетьманъ Хмельныцькый
До козакивъ лысты розсылае,

Зтыха сдовами промовляе:
„Гей, козакы, диты, друзи-молодци!
Прошу я васъ, добра дбайте,
Ляхивъ, преважныхъ сынивъ, у пень рубайте,
Кровъ ихъ лядську зъ жовтымъ пискомъ мишайте,
Виры своеи христыянськои у наругу не давайте...

Впродовжъ писни: Молодь. Га! Ризать всихъ?
Яск. [*показуе на князя*]. Новый псаломъ!
Грох. Мій Боже!
Не дамъ іи! [*захыля й одтяга Яву*].
[*на ганку*] Вси. Винъ про ножи спива?!
Чарнец. Дослухаемъ, подякуемъ за писню!
Яск. На палю пса!
Чарнец. На дыбу!
[*на ганку*] Вси. Катуваты!
Яск. Берить ёго!
[*Антось рвется*] Ксёнзъ [*удержуючы*]. На Бога!
Ант. [*вырвався, одипхнувъ слугъ*]. Не позволю!
Винъ у моимъ палацу... Я тутъ панъ,
И правъ моихъ нихто ламать не сміе! [*Яскульск.*]
Колы панъ „хце"—ось рукавыця! [*кыда*].
Ксёнзъ [*до Антося*]. Стій!
Проты чого, безумче, напастуешъ?
То ворогъ нашъ, бунтарь и злый схизматъ!
Сапига. Заступныцтво проты такыхъ,—повстання
На нашу Речъ, на нашъ шлехетськый станъ!
Други. То зрада есть!
Ант. [*выступа*]. Не зрада, а порада!
Що винъ вчынывъ? Прымусылы жъ спивать,
А винъ спива, що Богъ натхнувъ на душу,
Що назбиравъ по селахъ, хуторахъ,
По займыщахъ, по пущахъ несходымыхъ,
По тёмрявыхъ лугахъ, очеретахъ

И по степахъ шырокыхъ безберегыхъ:
Въ ёго словахъ нема краплыны лжи,
И въ кожному лыше лунае правда,—
Клянусь Творцемъ, клянуся Небомъ—такъ!
Не писня то, а стогинъ, гвалтъ и лементъ,
Дытячый крыкъ, рыдання матерей,
Предсмертный крыкъ конаючого люду,
И пекло мукъ, що коятся здавéнъ
Въ сплюндрованій, нещасній Украйни...

[*На ганку*]. Де-хто. То хлопськый круль!

Грох. Понивеченый князь

Всі. И слухаты шалени речи годи!

Ант. Послухайте! За щò вы стоите?
Чы люба-жъ вамъ ойчызна?—Ни, не люба:
Про неи вамъ, оспалымъ, байдуже́!

Вси. Образа то! (*брязнулы шабли*).

Ант. Що вамъ до слизъ народа,
Що вамъ до ранъ, до стогону ёго?
А той народъ есть грунтъ и сыла Речи,—
До храма винъ—пидмурокъ дорогый,
А вы ёго руйнуете, слипущи:
Храмъ упаде и похороныть васъ!
Погляньте: скризь—руина, мотлохъ, попилъ,
И одъ крови шкарубытся земля;
Въ степахъ нимыхъ высоки лышъ могылы,
Де поляглы и сыла наша, й честь
И голосна, колышня спильна слава!

(*На ганку*). Вси. Шельмовство то! Винъ, якъ и хлопъ, бунтарь!

Ант. Не я бунтарь, вы—бунтари, панове!
Вы доконать ойчызну завзялысь,—
И згыне въ пень! Ярмо васъ жде, неволя...
Й нихто, нихто не обороныть васъ:
Зъ дитей своихъ—вы вороги́въ вчынылы,
И виддадуть воны батькивъ зъ смихо́мъ,
Бо пану рабъ не буде оборонцемъ,—

Лышъ вильный братъ за воленьку стоить
И виддае за брата свою душу...
Вы—вороги, а я—ойчызни другъ,
Бо я іи люблю надъ все на свити,
За неи радъ виддать свое жыття,
А за дитей іи виддамъ и душу:
Проймить мечемъ ци перса,—и тоди
Не выбьете любовы зъ ныхъ до люду!

Яск. Стерявсь цилкомъ!

Стась. Винъ божевильный!

Ядвига (*до Грохольскои прыпада*). Ай!!

Сапига. Шаленый!

Опацьк. Шпигъ!

Чарнецьк. До ликивъ я визьмусь!

(*Сходыть зъ сходивъ до Антося*).

Чарнецьк. За звóленнямъ и короля и Речи,
Тебе теперъ до війська я беру!
Гей, хоруговъ військову сюды заразъ! (*Кынулысь*)

Ант. Якъ, гетьмане?

Чарнец. (*глузлыво*). Боится князь?

Ант. (*гордо*). О, ни!

Чарнец. То будь готовъ въ походъ, хорунжый, завтра.

(*Прыносять Чарнецькому хоругвъ*).

Ант. Куды?

Чарнец. Въ Подоль, змитать такыхъ-отъ псивъ.

Ант. На простый людъ, на бидаривъ незбройныхъ,
На бабъ, дидивъ, дитей? О, зроду ни!

Вси (*скупчуются*). Що-о? Що таке?

Чарнец. Рушення посполите!

Сапига (*пидход.*) Повынниcть всихъ и честь!

Ксёнзъ. Законъ святый.

Ант. Се не війна, а бійня...

Ксёнзъ. Езусъ!

Чарнец. Княже!
Такъ ты цей стягъ, клейнотъ нашъ не берешъ?

Сапига (*по паузи*). Цураешся ойчызны?
Ксёндзъ (*по паузи*). И костёла?! (*Пуаза*).
Грох. Публика то!
Вси. Зрадецтво!
Ант. Боже мій!
Зрадецтво... грихъ... зневага и неслава!
Чарнец. То князь куды? До зрады, чы пидъ стягъ?
Ант. (*несамов.*). Охъ, скрутъ и гвалтъ! (*Крокъ впередъ*).
Вамъ жызнь моя потрибна,—
Берить іи! Надъ тиломъ вы—паны;
Але души й думокъ вамъ не зигнуты
И не зламать: воны мои, мои!!

Зависа.

М. Старицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій и его мѣры къ исправленію духовенства.

Въ ряду кіевскихъ митрополитовъ XVIII в. трудно указать болѣе дѣятельнаго и просвѣщеннаго пастыря, чѣмъ былъ Рафаилъ Заборовскій, занимавшій эту каѳедру съ 1731 по 1747 годы. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить лишь съ величайшимъ изъ кіевскихъ іерарховъ, жившимъ ровно за сто лѣтъ предъ нимъ, знаменитымъ Петромъ Могилой. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на различіе времени и обстоятельствъ, когда они оба святительствовали, въ ихъ характерѣ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ было много общаго. Прежде всего оба они были ревностными поборниками просвѣщенія, и если Могила въ предсмертномъ завѣщаніи назвалъ основанную имъ кіево-братскую коллегію своимъ „единственнымъ сокровищемъ", то и для Заборовскаго это училище было такимъ же дорогимъ и близкимъ сердцу учрежденіемъ, предметомъ его всегдашнихъ заботъ и попеченій. И то, что сдѣлалъ онъ для преобразованной имъ академіи, справедливо напомнило ей заслуги ея основателя, и она въ своемъ титулѣ пожелала соединить оба эти дорогія ей имена и стала называться „*Могило-Заборовскою* академіею". Если мы обратимся къ церковно-административной дѣятельности Рафаила Заборовскаго, то и здѣсь найдемъ много чертъ, напоминающихъ того же Могилу: его непоколебимая энергія въ искорененіи церковныхъ нестроеній, ревностная заботливость о поднятіи

просвѣщенія въ средѣ приходскихъ пастырей и всяческія понужденія и поощренія ихъ къ отдачѣ дѣтей въ школы для обученія, его суровыя мѣры въ борьбѣ противъ пороковъ среди духовенства и въ то же время отеческая снисходительность къ раскаявшимся—всѣ эти и многія другія дѣйствія Заборовскаго невольно переносятъ мысль изслѣдователя въ эпоху церковныхъ преобразованій, предпринятыхъ приснопамятнымъ Могилою. Правда, предѣлы власти и личной иниціативы у кіевскаго митрополита въ XVIII ст. были далеко не тѣ, что въ первой половинѣ XVII в. Поставленный въ строгое подчиненіе синодальному управленію и жившій въ эпоху Бироновщины, Заборовскій ни въ какомъ случаѣ не могъ повторить собою Могилу, хотя бы и обладалъ его духовною мощью; но онъ, видимо, хотѣлъ быть продолжателемъ его преобразовательныхъ начинаній, прерванныхъ смертью Могилы и наступившими вслѣдъ за тѣмъ политическими тревогами. Переворотъ Хмельницкаго, междоусобія его преемниковъ, безпрестанныя смуты и войны, повлекшія за собою опустошеніе правобережной Украины—всѣ эти печальныя событія должны были губительно отразиться во внутреннемъ строѣ южно-русской церкви и до конца разрушить то относительное благоустройство, какое было достигнуто преобразовательными мѣрами П. Могилы. Смутное время способно было порождать архіереевъ—интригановъ, въ родѣ знаменитаго епископа Меѳодія, но ни въ какомъ случаѣ не церковныхъ реформаторовъ, тѣмъ болѣе, что кіевская митрополичья каѳедра въ теченіе почти тридцати лѣтъ (съ 1657 до 1686 г.) фактически оставалась вакантною, ибо ни Діонисій Балабанъ, ни Іосифъ Тукальскій, ни Антоній Винницкій не жили въ Кіевѣ, а два послѣдніе въ значительной части Малороссіи не были даже признаваемы въ правахъ митрополитовъ. Престарѣлый Гедеонъ Четвертинскій и болѣзненный Варлаамъ Ясинскій не много могли успѣть въ дѣлѣ возстановленія церковнаго благоустройства, равно какъ и ихъ злосчастные преемники Іоасафъ Кроковскій и Варлаамъ Ванатовичъ, печально окончившіе жизнь внѣ предѣловъ своей митрополіи. Такимъ образомъ на долю

Рафаила Заборовскаго преемственно досталась задача водворить порядокъ въ церковной сферѣ, давно нарушенный теченіемъ историческихъ событій. Какъ онъ исполнилъ эту не легкую задачу, какія именно нестроенія нашелъ въ средѣ подчиненнаго ему духовенства и какія мѣры употреблялъ для его исправленія—объ этомъ лучше всего могутъ свидѣтельствовать многочисленные указы Раф. Заборовскаго, какіе и понынѣ сохранились въ библіотекахъ многихъ церквей кіевской, полтавской и черниговской губерній [1]). Эти указы, благодаря богатству заключающихся въ нихъ бытовыхъ подробностей, уже не однократно служили матеріаломъ для изслѣдователей, интересовавшихся бытомъ малорусскаго духовенства или всего общества XVIII вѣка; подобныя изслѣдованія и замѣтки не разъ находили мѣсто и на страницахъ „Кіевской Старины". Дѣйствительно, указы Заборовскаго—это живая лѣтопись тогдашней церковно-общественной жизни Малороссіи. Какъ мѣстный уроженецъ [2]) и питомецъ кіевской академіи, Загоровскій былъ непосредственно знакомъ съ этою жизнью и потому, обличая извѣстные пороки, злоупотребленія или предосудительные обычаи, онъ необыкновенно мѣтко и рельефно изображалъ ихъ, нерѣдко рисуя мелкія бытовыя подробности. Кромѣ того, его указы—не сухія оффиціальныя предписанія, а по большей части живыя, одушевленныя проповѣди, иногда не лишенныя даже извѣстнаго драматизма. Вотъ почему мы не скупились дѣлать изъ нихъ обильныя выписки [3]).—Кромѣ указовъ, мы пользовались также

[1]) Нужно помнить, что во времена Рафаила Заборовскаго въ составъ кіевской епархіи входили: юго-восточные уѣзды нынѣшней черниговской губ., почти вся полтавская (за исключеніемъ уѣздовъ переяславскаго и частью золотоношскаго), и лишь незначительная часть кіевской (большая часть ея принадлежала польскому государству).

[2]) Точнѣе говоря, Заборовскій родился въ Галиціи, въ м. Заборовкѣ, отъ имени которой получилъ и фамилію. Учился въ кіевской академіи до класса философіи, а потомъ перешелъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію, въ которой былъ затѣмъ учителемъ риторики.

[3]) Но для удобства читателей, старинную славяно-малороссійскую рѣчь указовъ мы переводили на современную, удерживая лишь наиболѣе характерныя слова и выраженія.

нѣкоторыми дѣлами той эпохи, сохранившимися въ архивѣ кіевской духовной консисторіи.

Повидимому, болѣе всего поразила Рафаила Заборовскаго по вступленіи на кіевскую митрополичью каѳедру—чрезвычайная молодость нѣкоторыхъ священниковъ кіевской епархіи,—молодость, настолько смущавшая самихъ владыкъ—предшественниковъ Заборовскаго, посвящавшихъ этихъ юношей, что они находили нужнымъ на четыре, пять, шесть лѣтъ лишать молодыхъ іереевъ права исповѣдывать своихъ прихожанъ.

По этому поводу Рафаилъ Заборовскій въ своемъ первомъ (по вступленіи на каѳедру) указѣ протопопамъ и пресвитерамъ (3 ноября 1731 года) восклицалъ: „Какое дивное и достойное удивленія запрещеніе! Человѣкъ, при посвященіи во іерея, получаетъ всю власть, подобающую іерею; удостоивается совершать таинство евхаристіи, на которую безъ трепета не могутъ взирать и ангелы; а между тѣмъ ему запрещаютъ совершать меньшее дѣйствіе—исповѣдывать своихъ прихожанъ!" И приводя цѣлый рядъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцовъ, онъ показывалъ, насколько такой утвердившійся въ епархіи обычай противенъ церковнымъ законамъ.

Обычай этотъ отчасти обусловливался тогдашней системой замѣщенія священнослужительскихъ должностей. Въ то время въ кіевской епархіи, какъ и во всей Малороссіи, кандидатовъ на священство въ извѣстный приходъ избирали сами прихожане. Избраніе производилось обыкновенно сейчасъ же послѣ смерти прежняго приходскаго священника, и лишь въ случаяхъ разногласія между избирателями затягивалось иногда на довольно продолжительное время, въ теченіе котораго богослуженіе и требоисправленія въ приходѣ исполнялъ священникъ-викарій, назначавшійся духовнымъ управителемъ (въ родѣ современнаго благочиннаго). Впрочемъ, оттягиваніе такихъ выборовъ, если оно происходило вслѣдствіе назначенія викаріевъ „по самоволію управителей, безъ архіерейскаго вѣдѣнія", какъ вызывавшее

собою „не мало нерадѣній и нестроеній“, Рафаилъ Заборовскій указомъ отъ 24 іюня 1734 г. запретилъ, предписавъ протопопамъ доносить ему о смерти священниковъ немедленно, съ немедленною же присылкою ему „презенты“ (рекомендаціи, представленія) достойнаго кандидата на его мѣсто. Выборы происходили на общемъ собраніи прихожанъ, часто безъ участія священнослужителей, и дѣло рѣшалось большинствомъ голосовъ въ пользу того или другого кандидата. Прихожане руководились при подачѣ своихъ голосовъ соображеніями самаго разнообразнаго характера, иногда вовсе не касавшимися степени способностей и нравственныхъ достоинствъ лицъ, намѣчаемыхъ ими въ кандидаты на священство. Чтобы задобрить избирателей, имъ предлагались обильныя угощенія. Бывали случаи, что самые выборы происходили въ корчмѣ. Искателями іерейскихъ мѣстъ чаще всего бывали или сыновья прежнихъ священниковъ (состоявшіе съ отрочества причетниками при своихъ отцахъ), или мужья священническихъ дочерей, женившіеся главнымъ образомъ въ видахъ полученія тестевскаго прихода. Расположить прихожанъ къ выбору такихъ кандидатовъ старались всѣми силами заинтересованные въ устройствѣ ихъ судьбы родственники, попы и попадьи, усвоившіе себѣ (вслѣдствіе издавна укоренившагося въ Малороссіи обычая) твердое убѣжденіе, что церковные приходы должны преемственно, по наслѣдству переходить отъ отцевъ къ дѣтямъ. Противъ такихъ злоупотребленій выборными порядками боролся м. Рафаилъ. Въ указѣ отъ 24 ноября 1731 года, онъ, между прочимъ, предписывалъ, чтобы при собраніяхъ прихожанъ, въ домѣ честномъ, а не въ корчемницѣ, для рекомендаціи на пресвитерство какого-либо честнаго, учительнаго и постояннаго человѣка, непремѣнно присутствовали священники окрестныхъ селъ, числомъ отъ 7 до 5, а въ крайнемъ случаѣ не менѣе трехъ; эти священники собственноручно должны подписываться, послѣ подписи прихожанъ, на презентѣ въ томъ, что и они рекомендуютъ избраннаго „акколѣту“, считая его „въ добронравіи и чтеніи искусна и священства достойна“. Поэтому, если на такомъ избраніи, вслѣдствіе дальности

разстоянія или иной какой крайности, нельзя быть многимъ пресвитерамъ,—избраніе акколѣта должно быть совершено, по меньшей мѣрѣ, тремя пресвитерами, но правильно и праведно, безъ всякаго подкупа и лицепріятія, „чтобы не было того, какъ *намъ донесено*, что иные получаютъ письменныя рекомендаціи на священство *немалымъ искупомъ, какъ денежнымъ, такъ и другимъ даткомъ и чрезъ напоеніе прихожанъ*". За неисполненіе этого (какъ и другихъ) указа митрополитъ угрожалъ протопопамъ „непоблажнымъ штрафованіемъ и на тѣлѣ наказаніемъ".

Труднѣе было пошатнуть вѣками укоренившееся въ самомъ духовенствѣ убѣжденіе относительно его права передавать приходы по наслѣдству своимъ дѣтямъ и родственникамъ. Право это въ прежніе вѣка нерѣдко санкціонировалось королевскими грамотами; съ этимъ же правомъ считались и прихожане, избирая чаще всего сыновей или зятьевъ прежнихъ „пароховъ". Заборовскій хотѣлъ бороться съ этой традиціей и въ своемъ указѣ отъ 2 іюня 1732 г., между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Священники и попадьи своимъ дѣтямъ или другимъ родственникамъ никакимъ образомъ не смѣютъ утверждать и давать легацію (опредѣленіе, избраніе) или поссесію парафіи письменнымъ тестаментомъ. Намъ вѣдь извѣстно, что безчестные, скорѣе же безтолковые дураки попадьи и попы (говоримъ *не о всѣхъ*), вмѣсто денежнаго или другого какого имущества, въ вѣно за своими дочерьми отдаютъ парохіи, что и утверждаютъ даже своими дураческими письмами. Въ виду этого пусть будетъ извѣстно всѣмъ, что святыя церкви и парохіи не въ ихъ волѣ и диспозиціи, а въ нашей архіерейской, и что онѣ должны распредѣляться по нашему разсмотрѣнію, людямъ достойнымъ іерейскаго сана, ученымъ и незазорной жизни... Многія вдовствующія попадьи,—это не диво, но—что уже весьма удивительно—и попы дураки своихъ сыновей, дочерей и другихъ родственниковъ называютъ наслѣдниками парохій и думаютъ, что поссесія парохій непремѣнно должна принадлежать ихъ сыновьямъ, дочерямъ, внукамъ и правнукамъ. Мы такое безумное наслѣдіе отрицаемъ, а утверждаемъ лишь, что будемъ рукополагать во

пресвитеровъ тѣхъ поповскихъ сыновей, кои будутъ достойны этого сами по себѣ, постоянны и притомъ учены, равнымъ образомъ и тѣхъ только мужей священническихъ дочерей, которые окажутся людьми добрыми и учительными и будутъ являться къ намъ съ обычными презентами, и даже людей не изъ того прихода („отъ стороны"), лишь бы они были добрѣ учительны. Непостоянныхъ и неучительныхъ іерейскихъ сыновъ и другихъ родственниковъ мы отрѣшаемъ отъ наслѣдія парохій и усиленно принимаемся искоренять такое наслѣдство; а чтобы у разсчитывающихъ на такое наслѣдство и думки (мысли) не было о немъ, говоримъ одно: кто достоинъ парохіи, тотъ и наслѣдникъ ея".

Добиваясь помянутымъ образомъ избранія въ священническій санъ, малосвѣдущіе и малограмотные люди оказывались далеко не соотвѣтствовавшими высотѣ своего служенія. Не зная церковныхъ правилъ и узаконеній, они весьма часто отступали отъ нихъ, особенно если эти отступленія и нарушенія почему-либо нравились ихъ прихожанамъ и оплачивались со стороны послѣднихъ. Такъ, таинство елеосвященія нерѣдко совершалось надъ людьми, далеко не опасно и не тяжко больными (указомъ Рафаила отъ 7 октября 1734 года это было запрещено); таинство исповѣди, когда много бывало исповѣдниковъ, напр., во дни великаго поста, иные священники совершали *сразу* надъ двумя, тремя, четырьмя и даже большимъ числомъ простыхъ людей. Чрезъ это (разъяснялъ митрополитъ Рафаилъ указомъ 24 марта 1736 г.) исповѣдь не бываетъ совершенною, такъ какъ многіе кающіеся по чувству стыда утаиваютъ нѣкоторые свои грѣхи, и такимъ образомъ „лѣнивые, нерадивые и крайне несмысленные попы", вмѣсто освобожденія отъ грѣховъ, вовлекаютъ своихъ исповѣдниковъ-простолюдиновъ чрезъ самую исповѣдь, по ихъ невѣдѣнію, въ бóльшіе грѣхи, соблазняя и повреждая ихъ совѣсть. Указомъ предписывалось исповѣдывать всѣхъ порознь, кромѣ младенцевъ семи лѣтъ и моложе.—Часто изъ-за небольшой денежной подачки иные священники совершали требы для лицъ, пріѣзжавшихъ изъ чужихъ епархій и лишеныхъ

тамъ благословенія отъ своихъ архіереевъ (указъ съ запрещеніемъ этого 23 декабря 1733 г.). Кое-гдѣ священники („невѣжи“, какъ ихъ назвалъ митрополитъ въ указѣ 28 августа 1738 года) на литургіяхъ и другихъ богослуженіяхъ евангеліе читали не на престолѣ, а въ царскихъ вратахъ, обратившись къ народу, при чемъ подходившихъ подъ евангеліе покрывали по главамъ своими епитрахилями. Такой обычай, какъ противный чину церковному [1]), митрополитъ строго воспрещалъ. Во многихъ мѣстахъ священники дозволяли міряпамъ во время богослуженія стоять въ алтарѣ. Міряне тутъ часто разговаривали, шумѣли и смѣялись, вслѣдствіе чего священнослужителямъ, совершавшимъ богослуженіе, трудно было сохранять въ своихъ душахъ должное сокрушеніе и подобающее благоговѣніе. Митроп. Рафаилъ 22 февраля 1739 г. разослалъ по всей епархіи указъ съ разъясненіемъ непристойности этого обычая, при чемъ самый указъ предписалъ публиковать во всѣхъ церквахъ въ воскресные и праздничные дни.

Среди духовныхъ того времени нерѣдко встрѣчались люди лѣнивые и мало религіозные. Многіе изъ нихъ къ обычному (обязательному) богослуженію относились нерадиво, отъ панихидъ и молебновъ, кои обязаны были совершать безъ платы, (напр., о высочайшихъ особахъ) уклонялись; о благолѣпіи церковномъ мало заботились и къ самой святынѣ часто относились съ полною небрежностью. Такъ, митр. Рафаилъ замѣтилъ, что многіе священники св. миро и елей держали у себя въ домахъ, въ мѣстахъ не особенно пристойныхъ, „на лавѣ“ (скамьѣ) и даже подъ „лавою“ (указъ отъ 4 ноября 1731 г.). Къ исправленію требъ, мало оплачиваемыхъ, многіе священники относились лѣниво; напр., какъ писалъ митр. Рафаилъ въ указѣ отъ 22 октября 1739 года, многіе священники не ходили въ дома родильницъ и не читали имъ молитвъ, положенныхъ въ требникѣ—въ первый день женѣ, родившей отроча; имена же новорожденнымъ младенцамъ обычно давали чрезъ бабъ, приходив-

---

[1]) Сомнѣваемся, чтобы этотъ обычай, кое-гдѣ практикуемый и теперь въ Малороссіи, былъ противенъ чину церковному. *Ред.*

шихъ отъ родильницъ съ объявленіемъ о родившемся; этимъ бабамъ они прочитывали молитву и чрезъ нихъ объявляли назначенное имя младенцу, при чемъ случалось, что бабы забывали имена, пока возвращались къ родильницамъ, и называли новорожденныхъ совсѣмъ не такъ, какъ назвалъ ихъ священникъ. Митрополитъ, подъ угрозою лишенія сана, предписалъ всѣмъ священникамъ положенныя въ требникѣ двѣ молитвы читать въ слухъ родильницѣ, такъ какъ въ этихъ молитвахъ возносится благодарность къ Богу о ней и о родившемся; а третью молитву требника читать въ слухъ всего дома родильницы, какъ содержащую въ себѣ моленіе за всѣхъ обрѣтающихся въ этомъ домѣ и послужившихъ новорожденному. Крестить младенцевъ предписалъ въ 8-й день по рожденіи и непремѣнно въ церкви, за исключеніемъ младенцевъ слабыхъ, коихъ разрѣшилъ крестить и въ домахъ.

Крещеніе нѣсколькихъ младенцевъ иные священники совершали въ одной и той же водѣ, державшейся долгое время вмѣстѣ со вливаемымъ въ нее елеемъ, или же въ обыкновенной водѣ, вливъ въ нее „малую часть“ воды, освященной въ день Богоявленія или перваго августа и становившейся отъ времени мутною и испорченною. Рафаилъ Заборовскій (10 апрѣля 1739 года) строго, угрожая жестокимъ наказаніемъ на тѣлѣ, предписалъ священникамъ надъ всякимъ младенцемъ, приносимымъ ко крещенію, совершать все показанное въ требникѣ, освящая для каждаго крещенія новую воду, а затѣмъ, послѣ крещенія, выливая ее подъ церковь,—и никоимъ образомъ не крестить въ водѣ давней и освящаемой лишь чрезъ влитіе въ нее воды, освященной въ давнее время.

Въ угоду желаніямъ богатыхъ и знатныхъ прихожанъ священники часто допускали при крещеніи одного младенца по нѣсколько паръ воспріемниковъ, допускали быть воспріемниками ребенка его родителей и т. п. Митроп. Заборовскій, указомъ 24 ноября 1731 года, это запретилъ, но священники во многихъ мѣстахъ продолжали поступать по прежнему, почему митрополитъ снова повторилъ прежнее запрещеніе въ іюнѣ и

въ октябрѣ 1739 г., угрожая уже на этотъ разъ нарушителямъ его лишеніемъ сана.

Особенно много злоупотребленій допускали священники при совершеніи браковъ, потому что въ этихъ случаяхъ они получали съ брачившихся тѣмъ большее вознагражденіе, чѣмъ бо̀льшее для нихъ дѣлали нарушеніе церковныхъ правилъ и узаконеній.

Во-первыхъ, они вѣнчали молодыхъ безъ всякихъ свидѣтельствъ, часто въ близкихъ степеняхъ духовнаго и плотскаго родства, почему митр. Заборовскій поставилъ въ долгъ священникамъ настойчиво допрашивать поручителей о томъ, нѣтъ ли между молодыми такого родства, которое бы не позволяло ихъ вѣнчать, и допрашивать объ этомъ другихъ честныхъ и достойныхъ вѣры людей (указъ 24 ноября 1731 г. пунктъ 1), а затѣмъ, нѣсколько позже (указомъ 29 марта 1739 года) обязалъ священниковъ, чтобы они о каждомъ бракѣ за 2 или 3 недѣли до его совершенія объявляли всенародно въ церкви и разспрашивали, нѣтъ ли какихъ препятствій къ совершенію его. Нерѣдко вѣнчали молодыхъ нетрезвыхъ, почему митр. Рафаилъ предписалъ вѣнчать вообще послѣ литургіи, не выходя изъ храма, до обѣда (тамъ же, п. 3). Часто совершали браки въ дни, въ которые не разрѣшается правилами церкви; митроп. Рафаилъ, указомъ отъ 28 іюня 1743 г., запретилъ это, подъ угрозою „лютой казни“ и изверженія изъ сана.

Митроп. Рафаилъ, видимо, склоненъ былъ объяснять эти злоупотребленія корыстолюбіемъ священниковъ. Нѣкоторые „лакомцы“, въ особенности же, „безстыдные сребролюбцы“, какъ ихъ, негодуя, называлъ митр. Рафаилъ, брали дорого съ брачившихся не только за совершеніе надъ ними таинства, но и за самыя „вѣнечныя памяти“, выдававшіяся имъ. Надо знать, что эти „вѣнечныя памяти“ (т. е. метрическія записи и выписи о бракахъ) въ Малороссіи съ давнихъ временъ облагались извѣстною пошлиною въ пользу содержанія митрополита и его каѳедры. Такъ въ кіевской епархіи, въ половинѣ прошлаго вѣка, собиралось „вѣнечныхъ пошлинъ: съ первобрачныхъ по 24 копѣйки,

съ второбрачныхъ по 50 к., съ полувторобрачныхъ по 36, съ третьебрачныхъ по 60 к., а всего въ епархіи такого сбора бывало до 4700 рублей и болѣе въ годъ. Пользуясь этимъ, священники, подъ предлогомъ „вѣнечнаго“ сбора на митрополита, могли брать съ молодыхъ что хотѣли и деньги цѣликомъ присваивать себѣ, утаивая отъ епархіальныхъ властей самые браки, совершенные ими. Иногда же за одну вѣнечную память они брали по два, по три и по четыре рубля, обращая эту сумму, за исключеніемъ законной части, въ свою пользу. „Отъ этого (писалъ митр. Заборовскій въ указѣ 29 января 1732 года) бѣднымъ, нищимъ людямъ происходитъ непомѣрная тяжесть. Вѣроятно, затѣмъ и дьяки окаянные не идутъ на клиросъ пѣть брака. Іереи, похитивши хорошо, возглашаютъ: „благословенъ Богъ нашъ“..., а дьячки и не думаютъ произносить: „аминь“, пока у убогаго мужичка не выдерутъ таляра“. Митрополитъ строго воспрещалъ утаивать и брать лишнія деньги за вѣнечныя памяти, равнымъ образомъ совершать „здирство“ съ прихожанъ и въ другихъ случаяхъ; указомъ 19 марта 1732 года онъ потребовалъ отъ всѣхъ священниковъ выслать вѣдомости о числѣ браковъ за пять послѣднихъ лѣтъ, съ предупрежденіемъ, чтобы въ этихъ вѣдомостяхъ не было никакой утайки, потому что послѣдняя обличится при ревизіи; 22 марта 1732 года, узнавъ, что въ нѣкоторыхъ протопопіяхъ берется съ вѣнечныхъ памятей больше, чѣмъ положено указами (хотя эти сборы и цѣликомъ высылались въ архіерейскую казну) онъ предписалъ „по всѣмъ церквамъ, при всенародномъ собраніи“ объявить, сколько полагается взимать съ вѣнечныхъ памятей въ архіерейскую казну.

Не малые поборы съ прихожанъ брались священниками за погребеніе умершихъ. Митроп. Заборовскій 4 марта 1732 года въ своемъ указѣ духовенству по этому поводу писалъ такъ: „Во всю епархію разосланъ нашъ указъ съ повелѣніемъ, чтобы не брали лишняго съ вѣнечныхъ памятей... Но слышимъ, что въ епархіи нашей, какъ до нашего прибытія, такъ и теперь существуетъ другое „здирство, вящшее, мерзкое и весьма богопро-

тивное“. Намъ приносятся жалобы, что попы мертвыя тѣла своихъ прихожанъ не погребаютъ по церковному чиноположенію, пока „не выдерутъ изъ мужика или жены (его) рублей 6, 5, 4 или 3“. Въ случаѣ же бѣдный, нищій мужичекъ или жена (его) оказываются безъ денегъ, но имѣютъ лошадей, воловъ или коровъ, то не ожидая, пока добровольно мужикъ дастъ что-либо за трудъ, либо самъ попъ, либо, по его приказанію, пономарь изъ подъ навѣса „выдираетъ“ лошадей, воловъ или коровъ, и уводитъ ихъ въ свой домъ, говоря: „то не за погребеніе берется, але на сорокоустъ: душу надобно поминать умершаго и литургіи по небожчику отправлять!“ Такъ, подъ предлогомъ заботливости о душѣ, ненасытные хищники насильно забираютъ себѣ коровъ, желая имѣть великій прибытокъ „отъ здирства“! Когда же мизерный мужичекъ или „невѣста“ имѣютъ лишь единственную лошадь, или коровку, или бычка, и не хотятъ отдавать этого послѣдняго своего достоянія, вслѣдствіе своей крайней нужды; то попы „окаянные, безчинные, любители ненасытнаго грабленія, возъярившись“ уходятъ въ свои дома; тѣла же мертвыхъ часто дня по 3, по 2 и еще чаще по дню въ домахъ или на улицахъ валяются безъ погребенія, отъ чего весною, лѣтомъ и осенью бываетъ смрадъ нестерпимый, отъ котораго распространяется зараза и безвременная смерть здоровыхъ. Чтобы не было послѣдняго, предписываемъ: ненасытнаго „здирства“ не производить, и погребать умершихъ безъ всякаго торгу, какъ повелѣвается Духовнымъ Регламентомъ, въ особенности не торговаться за сорокоусты, за которые попы всегда домогаются великой цѣны, хотя ихъ и не просятъ служить таковые и сами они объ этомъ не думаютъ, а только подъ предлогомъ служенія ихъ истязуютъ большую плату, будто пошлину за смерть. Если намъ будетъ донесено на кого-либо за подобное насильное „здирство“, то его мы заставимъ возвратить вдвое, жестоко накажемъ и запретимъ ему священнодѣйствіе“.

Такой рѣзкій указъ митрополита все-таки не положилъ предѣла злу. Священники во многихъ мѣстахъ продолжали поборы, торгуясь съ прихожанами за каждую требу. 24 марта

1744 года Рафаилъ Заборовскій, чтобы хоть нѣсколько уменьшить такія явленія, разослалъ во всю епархію новый указъ по этому поводу. „Такъ какъ изъ производимыхъ въ консисторіи дѣлъ видно,—писалъ на этотъ разъ митрополитъ,—что нѣкоторые священники торгуются съ прихожанами за требы и совершаютъ вымогательства (за что на такихъ священниковъ подаются челобитныя, только затрудняющія насъ и прерывающія болѣе важныя дѣла), что, думаю, происходитъ вслѣдствіе того, что прихожане не опредѣляютъ имъ руги и прочихъ вознагражденій („датки“) для ихъ довольства и пропитанія, то мы предписываемъ, чтобы въ презентахъ всегда точно была обозначаема руга, земля и прочее, что прихожане опредѣляютъ священникамъ за дѣло ихъ служенія. Протопопы должны брать отъ прихожанъ письменное обязательство въ аккуратномъ уплачиваніи ими священникамъ опредѣленнаго содержанія, и отъ ставленниковъ подписку, что они будутъ довольны назначаемымъ содержаніемъ.

Поставляя цѣлью своего служенія наживу и прибытки, многіе священнослужители кіевской епархіи часто обращали въ свою личную пользу и церковное имущество. Чтобы уничтожить это зло, митр. Рафаилъ 2 іюня 1732 г. запретилъ какъ священникамъ, такъ и ктиторамъ церковнымъ продавать церковные грунта (земли) и другое церковное имущество, безъ архіерейскаго вѣдома, подъ угрозою жестокаго истязанія. Узнавъ, что священники часто распоряжаются церковнымъ имуществомъ и деньгами по своему усмотрѣнію, безъ вѣдома ктиторовъ, а ктиторы въ свою очередь, безъ вѣдома священниковъ, митроп. указомъ 10 іюня 1735 г. предписалъ въ каждой церкви пресвитерамъ и ктиторамъ вести двойные реестры всѣмъ расходамъ церковныхъ суммъ, и хранить церковныя суммы въ сундукахъ за печатями священническими и ктиторскими.

Не имѣя возможности, послѣ митрополичьяго запрещенія, продавать церковныя земли, нѣкоторые священники стали сдавать ихъ въ аренду, а плату за нее брать себѣ, а не обращать въ пользу церквей. Отъ бдительнаго митрополита это не

укрылось; 5 іюля 1743 г. онъ въ своемъ указѣ писалъ: „Извѣстно, что нѣкоторые іереи корыстуются церковными грунтами, по смерти же этихъ іереевъ тѣми грунтами владѣютъ ихъ жены и свойственники; также ругу, которая при церквахъ бываетъ на содержаніе священниковъ, послѣдніе продаютъ или предъ смертью передаютъ въ пользованіе своимъ женамъ, дѣтямъ и свойственникамъ, не служащимъ при тѣхъ церквахъ. Грунтами, наданными церквамъ, іереямъ, а тѣмъ болѣе, по ихъ смерти, ихъ дѣтямъ и свойственникамъ—не корыстоваться, прибыль же съ этихъ грунтовъ употреблять на нужды церквей; руги никому не продавать, по смерти же священниковъ она должна переходить въ пользованіе ихъ преемниковъ по іерейству, а не въ пользованіе женъ, дѣтей и свойственниковъ“.

Стремленіе священниковъ къ наживѣ дѣлало многихъ изъ нихъ совершенно равнодушными къ церковному благолѣпію. Все, что могло такъ или иначе способствовать улучшенію или увеличенію церковнаго благолѣпія, они старались всячески обратить въ свою собственность [1]). Поэтому многіе храмы не только не отличались богатою утварью, но и извнѣ имѣли жалкій видъ. Вотъ что, напр., писалъ митроп. Рафаилъ въ указѣ отъ 28 августа 1738 г.: „Намъ извѣстно, что многія церкви ничѣмъ не ограждены. Ограды же необходимы, такъ какъ не только при сельскихъ, но иногда и при городскихъ церквахъ ходитъ скотъ... Самыя церкви вслѣдствіе своей ветхости во время дождей текутъ, а пресвитеры должнаго старанія объ этомъ не имѣютъ. Повелѣваемъ священ-

[1]) Напр., синодальнымъ указомъ отъ 16 января 1723 г. было повелѣно при каждой церкви учредить церковныхъ старостъ, которые бы продавали свѣчи и вырученныя деньги употребляли на устройство и содержаніе богадѣленъ для нищихъ и больныхъ; между тѣмъ въ кіевской епархіи это не соблюдалось. „2) января,—писалъ митроп. Заборовскій въ указѣ 30 января 1732 года,—намъ объявлено, что при приходскихъ церквахъ кіевской епархіи продаются восковыя свѣчи—не церковныя, а священническія. Священники сами на свои деньги покупаютъ воскъ, дѣлаютъ свѣчи и продаютъ ихъ, употребляя вырученныя деньги на свои нужды... Надѣемся, что синодальный указъ полученъ вездѣ и въ нашей епархіи, но такъ какъ онъ, какъ слышимъ, не исполняется, то требуемъ отъ всѣхъ священниковъ прислать собственноручныя доношенія съ объясненіемъ причинъ, почему онъ не исполняется“.

никамъ прилагать возможное стараніе о надлежащей починкѣ церквей и объ устройствѣ оградъ вокругъ нихъ, а начальникамъ неусыпно побуждать къ этому пресвитеровъ и ктиторовъ". (5 пунктъ указа) [1]). Въ 1739 г. митрополитъ запретилъ погребать умершихъ, за исключеніемъ важныхъ особъ, около церквей; но священники этого не соблюдали (вѣроятно, въ виду денежныхъ выгодъ для себя); поэтому 6 мая 1740 г. Рафаилъ Заборовскій снова повторилъ свой указъ о томъ же.

Алчность дѣлала священниковъ крайне неуживчивыми между собою, особенно если при одной церкви служило ихъ двое или трое. Въ такихъ случаяхъ между священниками почти не прекращались ссоры и раздоры и притомъ часто изъ-за ничтожныхъ поводовъ. Митрополитъ Рафаилъ во многихъ изъ своихъ указовъ вооружался противъ подобныхъ явленій. Такъ 6 октября 1733 года онъ писалъ: „Много труда причиняютъ намъ пресвитеры, которые, служа вдвоемъ при одной церкви, „на половинныхъ парохіяхъ", не могутъ жить въ мирѣ между собою, а безпрестанно ссорятся и враждуютъ и весьма часто изъ-за предстоятельства и первенства въ возглашеніяхъ эктеній. Мы предписываемъ духовнымъ начальникамъ крѣпко слѣдить за тѣми пресвитерами, которые затѣваютъ между собою вражды и раздоры, и о тѣхъ бездѣльникахъ, которые враждуютъ и ссорятся, немедленно и безъ всякой поноровки, праведно доносить намъ. Мы будемъ знать, какъ поступить съ этими бездѣльниками; для пресѣченія же ихъ вражды и раздоровъ, предлагаемъ къ тѣмъ церквамъ (гдѣ два враждующихъ между собою настоятеля) избирать и присылать къ намъ для рукоположенія во діаконовъ честныхъ и постоянныхъ людей". Въ іюлѣ 1735 года онъ писалъ: „Изъ присылаемыхъ по четвертямъ видѣній о справахъ въ протопопіи мы видимъ, что пресвитеры, когда правуются и во враждѣ обрѣтаются, священнодѣйствуютъ. Приказываемъ, чтобы впредь іереи, враждующіе между собою или съ другими людьми и судящіеся, не дерзали священнодѣйство-

[1]) 1 апрѣля 1740 г. митрополитъ изъ всей епархіи требовалъ донесеній о церквахъ починенныхъ, построенныхъ и нуждающихся въ починкѣ.

вать, и чтобы такіе задорники, пока не примирятся и не получать христіанскаго прощенія, были безъ священнослуженія". Но конца жалобамъ и доношеніямъ со стороны пресвитеровъ другъ на друга не было. Митрополитъ Рафаилъ въ глубокомъ негодованіи, въ апрѣлѣ 1736 года пишетъ всему духовенству своей епархіи длинный указъ, съ самымъ точнымъ указаніемъ того порядка, слѣдуя которому священники могли бы избѣгать недоразумѣній, кои вызывали между ними ссоры и пререканія.

„6 октября прошлаго 1733 года,—говорилъ на этотъ разъ митрополитъ,—состоялся нашъ указъ въ томъ смыслѣ, чтобы къ тѣмъ церквамъ, гдѣ два настоятеля, избирались достойные кандидаты для рукоположенія во діаконы, для того, чтобы такимъ путемъ пресѣчь раздоры и вражды между священниками изъза возглашенія эктеній, которыя діаконъ по своей должности будетъ возносить безъ всякихъ поповскихъ междуусобныхъ споровъ, іереи же будутъ надлежащимъ порядкомъ совершать возгласы. . Но такому нашему архипастырскому велѣнію до сей поры протопресвитерами не дается исполненія. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ были присылаемы кандидаты для рукоположенія во діаконы, но весьма немногіе. Въ такомъ презрѣніи у васъ наши приказанія! Ваши дѣйствія—одно лишь противленіе намъ. Мы подлинно знаемъ, почему протоіереи и настоятели не желаютъ при своихъ церквахъ имѣть діаконовъ: имъ, по одной только любви къ скверному прибытку, чрезвычайно тяжело поступиться тою лишнею частицею дохода, которая могла идти діакону за трудъ его священнослуженія. Вѣдь между протоіереями и іереями есть нѣкоторые, такъ связанные лихоимною скупостью и такъ одержимые страстью къ богомерзкому сребролюбію, что они не иначе, какъ съ дрожащими руками и съ искажающимся (отъ сердечнаго волненія) лицемъ, какъ бы (Боже сохрани!) страдающіе лихорадкою, отдаютъ одну или другую гривну, кому слѣдуетъ за его трудъ!.. Можете видѣть изъ этого, какъ мерзко сребролюбіе; не прилѣпляйтесь же къ этому окаянству, а будьте довольны своими—хотя и малыми—оброками. Если хотите, чтобы довольствовали васъ, и вы довольствуйте слѣдуемою части-

цею своихъ подчиненныхъ или служащихъ съ вами. Для искорененія же скверныхъ вашихъ лихоимныхъ доходовъ, для благочиннаго церковнаго богослуженія и для прекращенія междуусобныхъ ссоръ и дракъ, происходящихъ у васъ изъ-за лишнихъ избытковъ, повелѣваемъ вамъ какъ и прежде: гдѣ при церкви два настоятеля, непремѣнно избирать туда людей, достойныхъ діаконскаго сана, и присылать къ намъ для посвященія. Надѣемся, что вы станете извиняться предъ нами за неприсылку ставленниковъ тѣмъ, что многіе изъ достойныхъ діаконскаго сана не были въ прошлыхъ годахъ приводимы къ присягамъ, а потому и не были высылаемы. Но отъ нашего указа до синодальнаго повелѣнія—не посвящать во іереевъ и діаконовъ лицъ, не бывшихъ у присяги и неподписавшихся на присяжныхъ листахъ,—прошло времени вполнѣ достаточно, чтобы успѣть выслать къ намъ людей, достойныхъ діаконской степени; да и по полученіи синодальнаго повелѣнія вы, еслибы только хотѣли исполнять нашъ приказъ, могли бы сдѣлать намъ такого рода представленіе: по силѣ пастырскаго велѣнія, мы рады бы присылать въ катедру людей, способныхъ къ діаконскому служенію, но они не были у той или другой присяги, а потому и не высылаются. Но подобныхъ представленій мы отъ васъ не получали: вы молчаніемъ обходите наши приказанія, уничтожая наши предложенія. Если же и этотъ нашъ указъ не станете исполнять, то будете непремѣнно оштрафованы и лишены чести, а нѣкоторые будутъ непоблажно наказаны и на тѣлѣ". Далѣе въ указѣ слѣдуетъ самое подробное росписаніе, кому въ какіе дни и какія службы отправлять въ тѣхъ церквахъ, гдѣ одинъ, два и три священника, при чемъ даже указывается, кому и когда во время соборнаго богослуженія слѣдуетъ занимать предстоятельское мѣсто. Это для того, какъ поясняетъ самъ митрополитъ, чтобы „искоренилась богомерзкая, дьявольски надменная гордость между тѣми священниками, которые иногда уклоняются отъ соборнаго богослуженія и лишаютъ себя причастія св. таинъ даже въ великіе праздники изъ-за того только, чтобы избѣжать низшаго пред-

стоянія во время богослуженія съ другимъ священникомъ. Иной при этомъ гордо размышляетъ, что онъ старше другого лѣтами или по времени посвященія во іереи; но спесивый поповскій духъ забываетъ про то, что какъ въ старѣйшихъ, такъ и въ младшихъ пресвитерахъ дѣйствуетъ чрезъ архіерейское рукоположеніе одна и та же Божья благодать, что какъ тѣ, такъ и другіе пріяли и пріемлютъ единъ и тотъ же даръ пресвятаго Духа. Мы потому опредѣлили порядокъ священнослуженія какъ настоятелямъ такъ и викаріямъ, что намъ стало извѣстнымъ, что настоятели работаютъ своими викаріями, какъ волами, заставляютъ викаріевъ, какъ наемниковъ, служить возможно чаще, а сами разъѣзжаютъ по хуторамъ и прочимъ угодьямъ да только упражняются частыми питейными гулками"; все церковное служеніе, и все бремя („тяжарь") пастырства, лежащее на нихъ, они возлагаютъ на викаріевъ, какъ на верблюдовъ, а между тѣмъ викаріямъ-труженикамъ не отдаютъ своихъ доходовъ, а забираютъ ихъ себѣ сами и перста не двинувъ къ труду заработать ихъ, такъ что викаріи несутъ трудъ безмездно".

Всѣ священнослуженія митрополитъ предписалъ всѣмъ священникамъ отправлять неопустительно (кромѣ случаевъ ихъ болѣзни и законныхъ отлучекъ изъ домовъ), освободивъ отъ богослуженія лишь однихъ протопоповъ на время объѣзда ими своихъ протопопій для осмотра церковнаго благочинія. При этомъ митрополитъ сдѣлалъ въ своемъ указѣ такую характерную оговорку:

„Инымъ, а не всѣмъ, всечестнымъ протопресвитерамъ и честнымъ іереямъ можетъ войти въ умъ такое неразсудное раздумье: не знать-де, для чего опредѣлено такое частое священнослуженіе и для кого кто будетъ слушать богослуженіе, если въ будніе дни люди заняты работой и въ церкви не бываютъ?—развѣ стѣны? Такъ безсмысленно могутъ болтать нѣкоторые... Такому мнѣнію, если-бы оно безразсудно возникло, мы противопоставляемъ слѣдующее: хотя въ будніе рабочіе дни въ церкви не случится народу, однако церковь, какъ ча-

долюбивая мать, обязана молиться и молится не только за предстоящихъ, но и за ожидающихъ отъ Господа великія и богатыя милости. Разсудите только, что заключаютъ въ себѣ полунощница, утреня, всѣ часы, вечерня, повечеріе и въ особенности божественная литургія! Тутъ вспоминается вся жизнь нашего Спасителя, отъ Его воплощенія до вознесенія, и въ этомъ священнослуженіи при безкровной жертвѣ возносится моленіе ко всеблагому Богу о здравіи, спасеніи и прочихъ нуждахъ *всѣхъ* православныхъ христіанъ, прошеніе о вѣчномъ упокоеніи усопшихъ и пр!.. На что же церкви святыя, если въ нихъ не приносятъ Богу безкровной жертвы?"

Малообразованные, корыстолюбивые священники, разумѣется не находили для себя въ жизни никакихъ высшихъ интересовъ, а всецѣло погружались въ заботы о своихъ матеріальныхъ удобствахъ и удовольствіяхъ. И удовольствія эти были по большей части весьма грубыя: они состояли въ большинствѣ случаевъ въ сильномъ пьянствѣ. Митрополитъ Заборовскій весьма враждебно относился къ такому пороку духовенства и неоднократно (напр., 23 марта 1743 г., 30 апрѣля и 28 мая 1737 г.) разсылалъ по всей кіевской епархіи указы съ сильными угрозами пьянствовавшимъ священно и церковно-служителямъ. Вотъ, напр., указъ митр. Рафаила протопопамъ епархіи отъ 27 января 1732 года-

„Намъ извѣстно, что многіе пресвитеры, не прилежащіе своему пресвитерскому званію и не любящіе трезвости, до того возлюбили богомерзкое пьянство, что всякой године дневно и нощно и чванцы (чаны?) руками и устнами съ великимъ невоздержаніемъ объемлютъ", и о томъ только думаютъ, чтобы вино или, проще, горѣлка отъ ихъ устъ не отходила; даже во время священнослуженія (если кому изъ нихъ случится за цѣлую четверть года одинъ разъ литургисать) о томъ лишь и помышляютъ, какъ бы пойти къ кому-либо съ просфорою да напиться горѣлки. При этомъ одною чаркою не довольствуются, но напиваются до помраченья ума и такъ, что падаютъ на томъ же мѣстѣ и засыпаютъ. Просвувшись же на другой день, они не помнятъ своего вчерашняго окаяннаго дѣйствія, а у дру-

гихъ, „живущихъ въ богоугодной трезвости", разспрашиваютъ о себѣ про то, что они вчера дѣлали; и какъ тѣ скажутъ мерзкое дѣло, то они, терзаемые совѣстью, снова бросаются къ горѣлкѣ, говоря себѣ: „охъ, якъ совѣсть біе по щекамъ!" и, снова напившись, опять на первое злое дѣло, какъ псы на блевотину свою, возвращаются. Вслѣдствіе такого постояннаго пьянства они во время богослуженія едва могутъ отъ дрожанія рукъ и всѣхъ членовъ перенести дары чрезъ церковь, чуть—чуть не падая; слѣдовательно, святыя тайны принимаютъ не во спасеніе, но на погибель себѣ. Такъ возлюбили пьянство, крайнее окаянство и безуміе, приносящее вредъ здоровью и сокращающее жизнь; такъ удалились отъ трезвости, приносящей тѣлу здравіе и душѣ спасеніе; забыли заповѣдь апостола Павла и наставленіе іерейскихъ (ставленныхъ) грамотъ! Временами, быть можетъ, разумъ, какъ добрый совѣтникъ, и увѣщеваетъ ихъ: „эй! не дѣлай: худо будетъ; казнь вѣчная постигнетъ тебя въ богомерзкомъ пьянствѣ"..., но необузданная воля влечетъ ихъ къ скаредному дѣлу, какъ бы говоря: „одинъ только разъ!" и такъ, увлекаемые своею страстью, какъ больные, неожиданно и умираютъ... Да не будетъ этого! Дай, Боже, чтобы во всѣхъ васъ всегда царствовалъ разумъ надъ волею—этого вамъ пастырски желаемъ... Мы разсуждаемъ: ежегодно большое число причетниковъ посвящается во іереи, а гдѣ они такъ скоро дѣваются? Отъ проклятаго лишь пьянства быстро умираютъ! Теперь предъ нашими глазами доношенія на многихъ священниковъ съ показаніемъ за ними самыхъ злыхъ проступковъ. И если спросить у котораго изъ нихъ: для чего такъ окаянный поступалъ? всякій отвѣтитъ: пьянство меня привело къ такому поползновенію... Пьяницами будучи, на пьянство свою вину слагаютъ! Потому-то и нужно всячески удаляться отъ пьянства, что пьянство—начало и причина всѣхъ злыхъ дѣлъ. Если же случится кому пить, то нужно такъ пить, чтобы это питье было во славу Божію... Вотъ почему мы съ кротостію васъ увѣщеваемъ и архіерейски вамъ, какъ нашимъ намѣстникамъ, приказываемъ: удерживать іереевъ отъ пьянства, наблюдать за ними,

наставлять и поучать на всякое доброе дѣло. Если же какой пресвитеръ будетъ замѣченъ въ корчемницѣ, или по улицѣ будетъ ходить въ пьяномъ видѣ, или напьется въ своемъ домѣ, а церковное служеніе опуститъ, брать съ него штрафу три рубля, во второй разъ—вдвое; за третій же разъ, отрѣшивши отъ священнослуженія и отъ всѣхъ доходовъ, оковать его и держать въ школѣ или въ шпиталѣ, пока не исправится. Вдовыхъ священниковъ за два пьянственныхъ поползновенія штрафовать точно такимъ же образомъ, а за третій разъ отсылать ихъ въ ближайшіе къ нимъ монастыри въ мужичью работу на воловнѣ, или въ поварнѣ дрова рубить, на ихъ же мѣста избирать достойныхъ. И вамъ, всечестные отцы протопопы, если вы станете укрывать поповъ, бездѣльныхъ пьяницъ, утаивать ихъ вины или прощать ихъ безъ взысканія штрафа, взявши себѣ за это выкупъ,—если мы узнаемъ про это,—будетъ назначенъ такой же штрафъ, съ лишеніемъ протопопскаго чина. О штрафныхъ деньгахъ вы обязаны присылать намъ вѣдомости каждую четверть года. Но лучше,—чтобы не было ни штрафовъ, ни наказаній отъ васъ, ни гнѣвнаго слова,—прекратить пьянство и жить трезво. На такое исправленіе васъ и всѣхъ пресвитеровъ да пошлетъ Господь Богъ Духа крѣпости, утверждающаго васъ во всю жизнь на всякое добро и да даруетъ вамъ въ трезвеніи миръ, здравіе, благополучіе, тишину и душеспасительное пребываніе, дабы, поступая по заповѣдямъ Господнимъ, вы достигли вѣчнаго блаженства. Сего желаемъ вамъ мы, при пастырскихъ нашихъ молитвахъ. Настоящій нашъ указъ протопопы, собравши священниковъ и причетниковъ, должны *опубликовать въ церквахъ* и дать подписку, что въ точности будутъ исполнять его".

Впослѣдствіи—и слишкомъ скоро послѣ разсылки приведеннаго указа—обнаружилось, что нѣкоторые протопопы были сами причастны тому же пороку пьянства, что они, какъ и попы, любили бывать на свадебныхъ пиршествахъ, тутъ брали на себя роль свадебныхъ старостъ, подпоясывались для этого особымъ образомъ и т. п., такъ что 6 октября 1733 г. митроп.

Заборовскій долженъ былъ въ особомъ указѣ разъяснять протопопамъ всю непристойность такихъ поступковъ для духовнаго чина...

Слабости протопоповъ сильно печалили митр. Заборовскаго. На нихъ онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ главныхъ помощниковъ въ дѣлѣ исправленія низшаго духовенства, имъ онъ (указомъ 18 декабря 1735 г.) поручилъ для наблюденія за духовенствомъ дважды въ годъ объѣзжать назначенные имъ округи церквей и приходовъ и обо всемъ замѣчаемомъ репортовать ему, а между тѣмъ многіе изъ нихъ сами не отличались отъ прочихъ священниковъ и не исполняли предписаній митрополита.

Напр., распоряженіе митрополита о высылкѣ кандидатовъ для посвященія въ діаконы протопопы исполняли лишь на первыхъ порахъ, а затѣмъ перестали. 28 августа 1738 г. Заборовскій по этому поводу писалъ имъ: „на первыхъ порахъ вы показали мнимое якобы ревностное стараніе къ исполненію нашего повелѣнія (1736 г.), а затѣмъ, надѣясь, что мы забыли свое приказаніе, бросили заботы о церковномъ благолѣпіи. Мы вамъ повелѣваемъ: до той поры не присылать къ намъ ни одного діакона, избраннаго во пресвитера, пока съ нимъ вмѣстѣ не будетъ представленъ избранный на мѣсто его новый діаконъ. Они одновременно должны присылаться къ намъ; если же этого не будетъ, то присланнаго для посвященія во іерея мы будемъ возвращать назадъ, а васъ, какъ плохую команду, подвергать штрафу. Въ дополненіе указа 1736 г. мы присовокупляемъ, чтобы не только къ тѣмъ церквамъ, гдѣ два настоятеля, но и къ тѣмъ, гдѣ одинъ, въ особенности къ градскимъ соборнымъ и приходскимъ, ради благочиннаго въ нихъ священнослуженія, присылать къ намъ кандидатовъ для поставленія во діаконы. Отъ прибавленія къ клиру діакона (гдѣ его до сей поры нѣтъ) священнику доходъ не уменьшится, а благолѣпіе въ богослуженіи увеличится“.

Затѣмъ, м. Рафаилъ запретилъ вдовымъ священникамъ, безъ особаго архипастырскаго благословенія, священнодѣйствовать, предписавъ имъ въ извѣстные сроки являться въ катедру

для исповѣди у каѳедральнаго духовника. Наблюдать за аккуратностью исполненія такого распоряженія обязаны были протопопы; они же должны были выдавать этимъ священникамъ и свидѣтельства объ ихъ поведеніи, для представленія митрополиту. Но протопопы, помимо митрополита, разрѣшали такимъ священникамъ служить въ теченіе года и болѣе. Это побудило митроп. Рафаила снова напомнить протопопамъ свой указъ и пригрозить имъ за нарушеніе его жестокимъ наказаніемъ (3-й пунктъ указа 28 августа 1738 года).

Къ вдовымъ священникамъ, замѣтно вообще, подозрительно относился митр. Рафаилъ и старался ихъ, по возможности, для избавленія отъ нареканій въ зазорной жизни, располагать къ постриженію въ монашество. Всякую отлучку вдовцамъ-священникамъ отъ мѣстъ ихъ службы онъ запретилъ безусловно, если они не получали на нее письменнаго разрѣшенія отъ своего начальства. Онъ даже освободилъ ихъ отъ путешествій въ Кіевъ для представленія отчетовъ и денегъ и поручилъ протопопамъ отбирать у нихъ тѣ и другія. Только для исповѣди у каѳедральнаго духовника вдовцы священники прямо обязаны были, какъ мы уже сказали, ежегодно пріѣзжать въ Кіевъ, при письменныхъ видахъ отъ своихъ протопоповъ (указъ 25 октября 1734 г.).

Наконецъ, протопопы не мало огорчали митроп. Заборовскаго своею небрежностью въ веденіи письменныхъ дѣлъ, возлагавшихся на нихъ. Часто нѣкоторые изъ нихъ при своихъ письменныхъ отношеніяхъ къ митрополиту препровождали особыя „цедулки"—маленькія добавленія на небольшихъ лоскуткахъ бумаги, включая въ эти „цедулки" дѣла болѣе важныя, чѣмъ въ самыя отношенія; напр., въ такихъ „цедулкахъ" иной разъ они сообщали митрополиту о лѣтахъ людей, присылавшихся для рукоположенія въ священныя степени. 20 января 1832 г. митр. Рафаилъ особымъ указомъ разъяснилъ протопопамъ, что ему непріятна подобная переписка, но протопопы по прежнему были малоисправными; такъ что 28 августа 1738 г. митр. Рафаилъ вынужденъ былъ снова подробно въ указѣ изло-

жить имъ, какъ они должны писать презенты ставленникамъ, въ чемъ необходима была самая строгая точность (4-й пунктъ указа), и т. п. дѣла [1]).

Помощь со стороны протопоповъ для митр. Заборовскаго въ его стремленіи поднять нравственный уровень духовенства кіевской епархіи не могла быть особенно надежною, потому что между протопопами бывали такіе люди, которые своимъ начальственнымъ положеніемъ пользовались лишь для своего прибытка, ничуть не заботясь о тѣхъ высокихъ цѣляхъ, для коихъ имъ вручалось это начальствованіе митрополитомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляется ихъ дѣятельность указомъ митр. Заборовскаго 8 апрѣля 1739 г. Мы,—писалъ онъ въ этомъ указѣ,—18 декабря 1735 года велѣли духовнымъ властямъ дважды въ годъ объѣзжать порученные имъ округи для наблюденія благочинія, не вымогая при этомъ ни у кого взятокъ, не домогаясь никакихъ излишествъ и не причиняя никому никакихъ отягощеній. Теперь же мы узнали, что многіе духовные командиры во время своихъ разъѣздовъ по ревизіи причиняютъ не мало обидъ священно и церковно-служителямъ, у однихъ безстыдно вымогая денежныя взятки, а у другихъ „ручники" (полотенца) и полотна если не самолично, то чрезъ своихъ спутниковъ; у иныхъ же требуя „посуловъ", съ выговорами и похвалками, причемъ, добиваясь, чтобы имъ устраивали обѣды, возятъ съ собою „непотребную ассистенцію, вымогая не мало излишняго пропитанія какъ для себя со своими спутниками, такъ и для лошадей. Мы повелѣваемъ, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не требовали взятокъ и никакихъ

[1]) Вообще все духовенство кіевской епархіи во время управленія ею митр. Заборовскаго было неаккуратно въ веденіи церковной и пастырской отчетности. По своей малограмотности оно часто представляло такіе отчеты, которые необходимо было ему возвращать назадъ для лучшаго составленія (что, напр., было сдѣлано 20 мая 1739 г.), а по своей небрежности оно всегда почти представляло ихъ несвоевременно (указъ митроп. 2 ноября 1740 г.). Все это значительно увеличивало работу для кіевской консисторіи, которой митр. Заборовскій за это постарался увеличить жалованье въ 1740 г. (его указъ о сборахъ по всѣмъ приходамъ на прибавку жалованья консистористамъ).

излишествъ, кромѣ „харчей“ для себя и своихъ лошадей, и притомъ, чтобы во время объѣздовъ своихъ округовъ не имѣли при себѣ ни лишнихъ лошадей, ни лишнихъ людей, что причиняетъ священникамъ напрасный убытокъ и разореніе, вмѣсто пользы. Объ обидахъ со стороны протопоповъ мы разрѣшаемъ священникамъ доносить намъ; мы же знаемъ, какъ нужно будетъ поступить“...

Преподавая такими указами духовенству своей митрополіи правила должнаго поведенія и благопристойности, митроп. Рафаилъ старался о томъ, чтобы духовенство само, наконецъ, сознало высоту и отвѣтственность своего положенія, какъ пастырей и учителей народа, и относилось къ своему служенію съ ревностнымъ усердіемъ, назидая своихъ пасомыхъ и дѣломъ жизни, и словомъ ученія. Глубоко скорбѣлъ митрополитъ, что быть учительными пастырями очень многіе священники его митрополіи не могли, вслѣдствіе собственной малограмотности. Помочь этому горю было трудно. Но и тутъ архипастырь не останавливался. Онъ по крайней мѣрѣ добивался того, что хоть нѣсколько заставлялъ священниковъ уяснять себѣ сущность христіанства и священнослуженія христіанскаго. Онъ каждаго ставленника, прежде посвященія его на приходъ, держалъ при своей каѳедрѣ до той поры, пока тотъ не выучивалъ катехизиса, подъ руководствомъ экзаминатора, и не пріобрѣталъ навыка къ толковому, сознательному и правильному совершенію богослуженія. Трудъ руководства ставленниками въ изученіи ими катехизиса и богослуженія, кромѣ каѳедральнаго экзаминатора, митрополитъ весьма часто возлагалъ на профессоровъ академіи [1]). Всѣхъ священниковъ епархіи онъ обязалъ имѣть въ своихъ церквахъ книги съ толкованіями заповѣдей и блаженствъ, и 26 октября 1734 г. сдѣлалъ особый запросъ всему духовенству митрополіи о томъ, исполнено ли его такое распоряженіе, и, если нѣтъ,—то почему? 31 января 1744 г. онъ предписалъ протопопамъ, чтобы они присылали ставленниковъ

---

[1]) См. многочисленныя дѣла о ставленникахъ митр. Заборовскаго, въ архивѣ кіевской духовной консисторіи.

не иначе, какъ по изученіи послѣдними букварей и катехизиса, чтобы такимъ путемъ избѣжать промедленія при посвященіи ставленниковъ, какое происходило, пока эти ставленники въ Кіевѣ изучали катехизисъ и проч...

Желая, чтобы богослуженіе отправлялось во всей епархіи съ благолѣпіемъ, по церковному чиноположенію и безъ собственныхъ измышленій священниковъ, митр. Рафаилъ въ указѣ 1736 года, между прочимъ, предписывалъ, чтобы они всѣ службы церковныя отправляли по новоизданнымъ служебникамъ, безъ всякихъ пропусковъ, а старинные служебники оставили совсѣмъ. Новопоставленнымъ священникамъ приказывалъ служить такъ, какъ ихъ обучили при митрополичьей каѳедрѣ, а протопопамъ запретилъ,—что они дѣлали, какъ дошло до свѣдѣнія митрополита,—„новообученныхъ порядочному священнослуженію при катедрѣ прелыщать къ своему старому и непорядочному", угрожая протопопамъ за отступленіе этого вызовомъ въ каѳедру на мѣсяцъ и болѣе, штрафомъ и жестокимъ тѣлеснымъ наказаніемъ [1]).

Разсылая не мало, какъ видимъ, указовъ по поводу нестроеній въ средѣ духовенства кіевской епархіи, митр. Рафаилъ Заборовскій весьма бдительно слѣдилъ за тѣмъ, насколько аккуратно и добросовѣстно исполняло духовенство его предложенія и повелѣнія. Отступниковъ и нарушителей своихъ распоряженій онъ каралъ строго денежными штрафами, заключеніемъ „подъ арестъ" въ консисторіи, сажаніемъ „на цѣпь", заточеніемъ въ монастыри въ „черную работу", „непоблажнымъ и нещаднымъ" сѣченіемъ плетьми, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ—продолжительнымъ запрещеніемъ священнослуженія и даже лишеніемъ сана. Все это оказывало должное вліяніе на

[1]) Архивъ Кіево-Подольской Борисо-Глѣбской церкви, „Указы его священнѣйшаго величества Петра Великаго.., отъ установленія духовнаго собранія, т. е. отъ початку Св. Синода.., имъ же послѣдуютъ универсала архіерейскіе", книга третья, л. 40 на оборотѣ.

духовенство, и мѣры архипастыря хоть медленно, но вѣрно вели къ своей цѣли. Объ этомъ, пожалуй, достаточно говоритъ уже то, что къ концу управленія Заборовскаго кіевскою митрополіею къ нему поступало гораздо менѣе разныхъ жалобъ и доношеній на духовенство, чѣмъ въ первую половину его кіевскаго архипастырства; по крайней мѣрѣ, въ архивѣ кіевской духовной консисторіи дѣлъ такого рода за первую половину правленія Заборовскаго митрополіею несравненно болѣе, чѣмъ за вторую. Читая эти дѣла, удивляешься, какъ внимателенъ, предусмотрителенъ и остороженъ былъ въ изслѣдованіи винъ духовенства митр. Заборовскій, какъ затѣмъ онъ былъ всегда готовъ помиловать виновнаго, если только послѣдній давалъ обѣщаніе исправиться. Но на ряду съ этимъ видишь, насколько велико было въ немъ недовольство, если священникъ, разъ давшій ему слово исправиться, нарушалъ таковое. Тутъ архипастырь становился непоколебимо вѣрнымъ своимъ угрозамъ и приводилъ ихъ въ исполненіе со всею точностью. Наконецъ, изъ этихъ же дѣлъ можно видѣть, какъ онъ цѣнилъ, одобрялъ и ставилъ въ примѣръ другимъ—іерсевъ чистой и безукоризненной жизни, глубокаго благоговѣнія, аккуратной пастырской дѣятельности. Въ такихъ іереяхъ, разумѣется, не было недостатка и въ то время, и м. Рафаилъ всегда оказывалъ имъ вниманіе и благоволеніе, которое, по смерти ихъ, переносилъ на ихъ дѣтей, заботясь объ ихъ образованіи, помогая имъ въ нуждѣ и горѣ,—и на ихъ вдовъ, на пропитаніе которыхъ часто повелѣвалъ священникамъ, преемникамъ ихъ мужей, выдавать извѣстную часть доходовъ.

Д. В.

„ПОПОКЪ“.

*(Продолженіе *).*

XXXII.

На другой день послѣ сватанья былъ праздникъ „Семена“ (Симеона столпника, 1-го сентября), и Машка отправилась въ церковь, надѣвъ поверхъ шелковаго головного платка вѣнокъ изъ дѣланныхъ лавочныхъ цвѣтовъ, занятыхъ у кого-то, пока Сохва на базарѣ въ Бемовкѣ купитъ новый. Вѣнокъ этотъ обозначалъ, что Машка „вже засватана“, и, разумѣется, обращалъ вниманіе всѣхъ односельчанъ на нее.

— Чія це?

— Оця, бачъ, не заседилась...

— А! це того „Попка“ сестра—и подобныя фразы слышались въ компаніяхъ бывшихъ въ церкви селянъ.

„Титка Горпына“, еле стало свѣтать пошла домой „на деревню“, спѣша распорядиться по дому и затѣмъ отправиться на базаръ, кой чего купить для ожидаемыхъ къ вечеру сватовъ и, само собою, повидать и познакомиться съ ними на базарѣ.

Хведько съ Сохвою тоже пошли на Бемовку, они тоже знали, что тамъ встрѣтятъ стариковъ Тесленковыхъ.

Такъ и случилось. На базарѣ еле успѣли кое что купить по общему совѣту съ „титкою Горпыною“, какъ въ числѣ вы-

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 1.

ходящихъ изъ церкви увидѣли Польку съ какою-то пожилою женщиною рядомъ. Полька указала этой женщинѣ брата и „титку Горпыну". Это была будущая свекровь Машки „стара сваха". Недалеко вслѣдъ за ними шелъ и мужъ Польки со старикомъ Тесленкомъ. Они всѣ другъ съ другомъ поздоровались, при чемъ Теслиха назвала родню Машки „мои люби сваты" и особо ласково кивала головой.

„Сваты"—Хведько, Полька съ мужемъ и „титка Горпына"—были приглашены стариками Теслями въ трактиръ Вовка, а Сохва, забравъ съ покупками мѣшокъ, пошла домой. Поверхъ мѣшка былъ наколотъ купленный для Машки въ лавкѣ вѣнокъ: „щобъ не помьявся".

Въ трактирѣ за особымъ столомъ усѣлась вся компанія. Пока старикъ Тесля бралъ водку, жена его вышла на минутку на базаръ и принесла паляницу и арбузъ.

Хотя при угощеніи сватовъ и говорили взаимныя любезности и по мѣрѣ „частуванія" слова „сватъ и сваха" обратились въ „сваточокъ" и „сванечко", но тѣмъ не менѣе во всей бесѣдѣ сквозило взаимное выпытываніе сватомъ со стороны невѣсты: хотѣлось знать, чего именно потребуютъ въ приданомъ Машки и что можетъ дать отецъ жениха въ „помочь" на свадьбу. Тесли же намекали на то, что какъ бы ни было, а все-таки слѣдуетъ дать, что возможно, и что, при неимѣніи отца-матери у невѣсты, роднымъ слѣдуетъ пособить, чѣмъ смогутъ. Большую и даже преимущественную роль въ этихъ дипломатическихъ разговорахъ исполняли „титка Горпына" и сваха Теслычка, такъ какъ Полька съ мужемъ и Хведько вообще помалкивали, а „старый" Тесля только поддакивалъ женѣ. Но категорическихъ рѣшеній на сей разъ не воспослѣдовало, такъ какъ такіе вопросы не разрѣшались въ трактирѣ, а откладывались до окончательнаго обсужденія „въ господи" за „отцивськымъ" хлибомъ-силью, передъ своимы „богамы (образами)". Между прочимъ было рѣшено, что сваты со стороны невѣсты побываютъ съ родными у Тесленковъ въ четвергъ. Нарочно выбирался день скоромный, ради удобства подчиванья гостей, которые хотѣли было

отложить посѣщеніе на воскресенье, но „старый Тесля“ настаивалъ на четвергѣ, намекая на возможность и свадьбу самую играть въ воскресенье. Родичи Машки хорошо понимали, „куды винъ гне“, уразумѣли, что старикамъ Теслямъ хотѣлось взять невѣстку во дворъ до начала копки свеклы на плантаціяхъ, „щобъ вона поробылась на ныхъ и де що вернула“ съ затратъ на свадьбу. Все это не высказывалось вслѣдствіе неумѣстности такихъ дебатовъ въ трактирѣ.

Роспили бутылку водки, закусили арбузомъ съ паляницею и стали расходиться.

Передъ выходомъ изъ трактира Хведько замѣтилъ подошедшихъ къ стойкѣ городского знакомаго на деревяшкѣ (на мылыци) со Шкавромъ и Шляховымъ. Встрѣча эта его шокировала; ему совѣстно было общаться съ ними при цѣлой компаніи своихъ и сватовъ, и при томъ во время одной изъ обрядовыхъ стадій семейнаго событія, въ которомъ ему предстояло играть роль „если не батька“, то все-таки главы семейства. Пріятели хоть и узнали его, но со своего рода тактомъ отстранились отъ привѣтствій, понявъ, что онъ „витается“ со сватами.

На базарѣ сваты разошлись, но Полька съ мужемъ, Хведько и „титка Горпына“ еще долго стояли подъ заборомъ одного изъ дворовъ, дебатируя вопросъ о взысканіи денегъ съ Сугыбы, а также о томъ что „Тесли сдаются соби люде ничого“. Порѣшено было передъ посѣщеніемъ сватовъ зайти къ Полькѣ, пригласить „дядыну Катрю“ и тогда ужъ вмѣстѣ отправиться къ Теслямъ на „печоглядыны (печь глядѣть“—увидать обстановку жизни семьи, въ которую приходится отдавать свою дѣвушку). Вмѣстѣ съ тѣмъ „титка Горпына“ пообѣщала или сама пойти въ волость въ субботу съ „дивчатами“, т. е. съ Полькою и Машкою, посудиться съ Сугыбою, или своего „Петровыча“ (мужа) уговорить пойти. Хведько провелъ „титку Горпыну“ до плотины, по которой и пошелъ на Андреевку.

Базаряне б. ч. шли домой напрямикъ черезъ лугъ, и потому попутчиковъ у него по плотинѣ не было: онъ шелъ одинъ, задумавшись и свѣсивъ голову. Подумать было о чемъ: пред-

стояло не мало хлопотъ по случаю свадьбы, нужно было разрѣшить вопросъ о принятіи на квартиру бондаря, гадать и думать о томъ, отдастъ ли Сугыба долгъ, и о томъ, какъ придется устроиться самому на хозяйствѣ.... Все это, перебивая одно другое, тѣснилось въ мысляхъ Хведька и никакъ не укладывалось въ желанный порядокъ. Среди такихъ раздумываній, мимолетно пришла въ голову мысль о возможности имѣть свою лошадь, зарабатывать ею на предстоящей litteraturaвознѣ свеклы.

Приближающій стукъ телѣги нарушилъ задумчивость Хведька: кто то обгонялъ его по плотинѣ на доброй гнѣдой лошади, запряженной въ московскій ярандакъ (простой возъ русскихъ крестьянъ), на которомъ оказались Шляховой съ хромымъ городскимъ знакомцемъ, солдатомъ Гандзеюю.

Нагнавши Хведька, они поѣхали рядомъ съ нимъ шагомъ, и Шляховой, не здороваясь началъ:

— Що тамъ зативается?

— Сестру просваталы,—отвѣтилъ Хведько.

— Гмъ! А я думавъ, що ты самъ засватався. Ну, це дай Богъ! Дило таке. А все жъ, ты самъ не цурайся, и, якъ що можна, у вечери, такъ якъ улягома, будь дома... Гляды жъ!

И тронулъ лошадь.

Непріятна была для Хведька эта встрѣча въ то самое время, когда онъ былъ такъ озабоченъ, когда именно обдумывалъ дальнѣйшій токъ своей жизни въ мирѣ и покоѣ...

Машка управилась со стряпнею и у себя вмѣстѣ съ Сохвою ожидала только прихода Хведька. До того онѣ успѣли многое переговорить о предстоящихъ хлопотахъ и снаряженіи. Всѣ комбинаціи разбивались о недостатокъ денегъ и о трудность взысканія ихъ съ Сугыбы. Про деньги, имѣющіяся у Хведька, онѣ ничего не знали, а у самой Машки заработанныхъ было только восемь рублей съ мелочью. Не зная о задуманномъ Теслями ускореніи свадьбы, Сохва и Машка возлагали надежду на заработки при копкѣ свеклы, и первая настаивала на томъ, что Тесли должны оказать денежную помощь хотя бы въ размѣрѣ необходимыхъ затратъ на свадебныя пиршества и на пріо-

обрѣтеніе кожуха для Машки. Въ бѣльѣ послѣдняя не особенно нуждалась, такъ какъ имѣлось много бѣлья еще отъ покойной матери, но кожухъ уже довольно потрепанный, какъ равно и иная верхняя одежа. А свадебнее угощеніе, подарки—все это, по самой скромной смѣтѣ, требовало не менѣе 50 рублей, если не больше...

— Якось то Господь упрaвыть та Царыця Небесна—рѣшила Сохва, какъ бы отрываясь отъ этихъ неразрѣшимыхъ задачъ.

— Щось це нашъ молодый батько забарывся.. а воно хоть и празныкъ, а треба бъ де-що на городи попорать. У мене й доси ще неэбирана цыбуля, тай макъ... такъ якъ наломала, такъ и доси лежыть у комори. Та ще, бачъ, кадовбы... чы вже подождать, якъ до васъ бондари прыбудуть—громко соображала Сохва.—А ось и винъ!—добавила она, увидавъ подходящаго Хведька.

Машка собрала обѣдать. Молча обѣдали: каждый думалъ свое. Машка, какъ и слѣдуетъ быть засватанной дѣвкѣ, имѣла какой-то разсѣянный видъ: у нея то приходили на мысль тѣ работы, о которыхъ она толковала съ Сохвой, то вдругъ вспыхивало чувство любви во всей обаятельности его для нея. Она какъ бы всѣмъ своимъ естествомъ чувствовала близость своего жениха—даже въ жаръ ее кидало по временамъ.

Хведько теперь обдумывалъ, какимъ образомъ отдать сестрѣ или Сохвѣ имѣющіяся у него деньги, не объясняя, какъ и откуда онѣ ему достались. Сохва, очевидно, была только опечалена, убѣжденная въ полнѣйшемъ недостаткѣ средствъ къ обряженію невѣсты.

Встали изъ-за стола, помолились, поблагодарили другъ друга взаимно и опять, пока Машка прибирала со стола, молчали.

— Ну, оце Богу благодареніе й пообидалы й поседилы, якъ слидъ,—нехай у васъ все добре сидае, а лыхо мынае, якъ то кажуть... а теперъ зновъ за дило—отозвалась Сохва, поднимаясь съ мѣста.

— Колы, пакъ, обицявъ бондарь надійты? Наче, казавъ, празныкомъ. Воны скилько платылы торикъ за кватырю?—спросила она.

— Висимъ рублывъ—отвѣтила Машка.

— Такъ оть може й уси гроши оддасть напередъ—треба буде його попрохать; та ще отъ що: ты жъ ото якось купувавъ ременю,—такъ и пошевцюй, облагодь сестру—настаивала Сохва:—завтра почынай, благословывшысь—и пошла домой, а вмѣсто нея въ хату вошло нѣсколько „дивчатъ“, подругъ Машки.

Всѣ онѣ (ихъ было пять) какъ будто бы не знали о возможности встрѣчи съ Хведькомъ, и каждая считала себя обязанною сконфузиться. Хведько же на самомъ дѣлѣ сконфузился и не зналъ, что ему дѣлать. Онъ молча взялъ шапку и черкеску и вышелъ въ сѣни, гдѣ уже одѣлся и пошелъ въ садъ. Немного погодя онъ услыхалъ голосъ сестры, протяжно крикнувшей: я жъ иду зъ дивчатами,—а затѣмъ веселый смѣхъ ея подругъ.

XXXIII.

Долго стоялъ онъ въ садку, передумывая опять то, какъ ему отдать деньги Машкѣ „на справу“ и какъ объяснить ихъ происхожденіе. Прилегъ было на раскинутой черкескѣ, думая соснуть, но такъ сонъ его и не взялъ. Перезвонили къ вечернѣ; по мостамъ протуркотѣли телѣги, очевидно въ поле, за оставшимися отъ всего урожая коноплями; солнце скатывалось за наползавшую съ запада тучу... Хведько поднялся и поплелся въ хату, гдѣ досталъ изъ чулана заготовленный „товаръ“ (кожевенный), разсмотрѣлъ его, подошвы намочилъ въ лоханкѣ, подобывалъ весь „струментъ“, но послышались чьи то шаги и голоса, и въ хату вошелъ въ сопровожденіи Сохвы бондарьрядчикъ.

Поздоровались вошедшіе, причемъ Сохва отрекомендовала Хведька:

— Оце саме й хазяинъ... сказала она бондарю..

Ну, здравствуй, коли ты хазяинъ! А мы вотъ ваши квартиранты зимніе, налётные... сказалъ бондарь, высокій, осанистый русакъ, одѣтый въ синій длинный кафтанъ со сборами и короткой таліей.

Бондари пріѣзжаютъ на винокуренные заводы только на зиму, когда идетъ винокуреніе. Обыкновенно „рядчикъ" самъ рядится съ заводоуправленіемъ о томъ, сколько и по какой цѣнѣ будетъ дѣлать бочекъ для завода изъ новой клепки и „пересыпать" старыхъ. Онъ уже отъ себя нанимаетъ артелѣ бондарей у себя на родинѣ (всѣ они большею частію Рязанскіе).

Вотъ такой рядчикъ бондарь, Елисей Саввичъ Зихѣевъ, нѣсколько ужъ лѣтъ работавшій на Андреевскомъ винокуренномъ заводѣ и пришелъ къ Хведьку нанимать квартиру на зиму, для своей семьи, состоявшей изъ него, жены и дѣвочки подростка. Зихѣевы прошлую зиму жили въ Самченковыхъ хатѣ, и теперь Елисей Саввичъ опять пришелъ. Хведька онъ не зналъ, такъ какъ тотъ тогда сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Дѣло сладилось скоро: бондарь согласился дать за квартиру десять рублей, но выговаривалъ себѣ право пользованія повѣтью съ хлѣвомъ, такъ какъ онъ разсчитывалъ держать корову и, можетъ быть, откормить какого нибудь кабана. Къ „Здвыженью" (Воздвиженіе Честнаго Креста Господня)—14 сентября должна прибыть и семья бондаря съ артелью. При началѣ работъ на заводѣ онъ обѣщалъ дать сколько-нибудь денегъ впередъ.

Бондарь пошелъ, а Сохва осталась еще „де-що поговорыть".

Разговоръ начался съ того, что она, примѣтивъ добытый сапожничій „струментъ" и намоченный въ лоханкѣ подошвенный ремень, похвалила Хведька.

— Отъ такъ бы й давно. А же вміешъ шевцювать—и шевцювавъ бы... а за тѣмъ рѣчь перешла на злобу дня—обсужденіе хода свадьбы. Хотя сватъ и „натякавъ" на возможность обвѣнчать молодыхъ сейчасъ же въ воскресенье, но врядъ

ли и думать объ этомъ прійдется. У Машки много еще несобраннаго. Скрыню материну нужно осмотрѣть—можетъ быть и это сгодится; а еще жъ необходимо купить „образъ“, платковъ для подарковъ, сколько ихъ потребуется, какъ столкуются со сватами. Да и вообще всего нужно—ложекъ и чашекъ деревянныхъ для гостей... Затѣмъ, какъ быть еще съ кожухомъ?.. Вотъ на „Здвыженья“ на ярмаркѣ все бы это было призапасено, колибъ были гроши. Прійдется поторговаться со сватомъ. Если ему ужъ такъ спѣшно—пусть дастъ помощи. „На бурякахъ“—т. е. на копкѣ свекловицы—Машка отработаетъ. А имъ то, очевидно, и хочется до той поры закончить „весилля“. Да вотъ еще метрику „выправлять у попа“... Самъ ли сватъ возьмется за это дѣло или навяжетъ имъ. А къ попу по такому дѣлу съ пятишницей и соваться нечего. Все это деньги и деньги, а гдѣ только ихъ брать?.. А и миновать этого нельзя. Когда ужъ „трапляются люде“, то и не слѣдуетъ упускать случая. Можетъ быть, „титка Горпына“ де-що пособитъ, а тамъ, Богъ дастъ, „дивчата“ (Полька и Машка) хоть часть денегъ взыщутъ съ Сугыбы, да и сватъ не долженъ бы отказать въ помощи... Какъ-нибудь Богъ управитъ. Въ виду обѣщанія бондаря, Сохва предложила у нея взять пока денегъ... Вообще все это обсужденіе вела она, а Хведько только слушалъ, сидя, опершись локтемъ на столъ.

Нѣсколько разъ подмывало его сказать Сохвѣ, что у него есть болѣе десяти рублей, но совѣстливость мѣшала ему сдѣлать это, такъ какъ при этомъ пришлось бы и указать источникъ этихъ денегъ. У Сохвы тоже вертѣлась одна мысль—это то, какъ устроится Хведько послѣ выхода Машки въ замужество и когда переселится въ хату Самченковыхъ бондарь съ семьею; гдѣ тогда онъ будетъ жить, какъ харчиться... Машка, въ промежуткахъ службы въ людяхъ, только навѣдывалась въ хату и въ „коморю“, гдѣ была сложена вся ихъ „худоба“, а то пребывала у нея, Сохвы. Какъ же быть съ Хведькомъ? Не брать же ей его въ нахлѣбники... „Поговору“ не оберешься. А можетъ быть и онъ куда-нибудь наймется...

— Ну, пійду же я... закончила Сохва разговоръ,—а то до мене Машка зъ своимъ жоныхомъ мабуть прыйде... и она пошла изъ хаты.

Смеркало. По улицѣ проѣзжали выбравшіеся съ сохами въ поле пахать завтра; проѣхала цѣлая компанія въ ночное съ лошадьми; скотина ужъ позагнана, дѣтвора поугомонилась... Только гдѣ-то съ выгона доносилась пѣсня дивчатъ, да шумъ водяной мельницы. Предстояла темная ночь: закрывшая скатившееся солнце туча мало по малу расплылась по всему горизонту.

Хведько сидѣлъ задумавшись ва крылечкѣ. Вотъ и Машка, распрощавшаяся съ подругами со словами „гляды жъ, сестрычко, я на тебе надіюся!"—вскочила въ калитку, а затѣмъ мимо Хведька въ хату.

Тамъ она скинула головную повязку съ вѣнкомъ и, переодѣвшись, позвала Хведька вечерять. Она знала, что ея женихъ по обычаю долженъ прійти ночевать къ ней, и понимала, что у себя въ домѣ можно будетъ только угостить его, а спать прійдется идти къ Сохвѣ, такъ какъ у нихъ дома нѣтъ никого старшаго.

Дѣйствительно, еще не успѣли они усѣсться за вечерю, какъ кто то постучалъ въ окно. Выбѣжавшая Машка ввела въ хату своего жениха и еще другого молодого парня—„боярына". Вошедшіе поздоровались, но не смотря на упрашиванье, не захотѣли садиться вечерять, а только усѣлись на лавкѣ въ сторонѣ отъ стола... Подавъ на столъ страву, Машка и себѣ не сѣла ужинать, а сидѣла молча въ концѣ стола. Ужиналъ одинъ Хведько. Разговоръ не вязался: на заданные вопросы женихъ отвѣчалъ кратко.

Хведько повечерялъ, всталъ, помолился, а Машка убирала со стола. Въ это время послышались чьи то шаги на крыльцѣ, въ сѣняхъ, и въ хату вошла Сохва. Она поздоровалась съ парнями и, подождавъ, пока Машка убирала со стола, сказала ей:

— Пійды до мене—тамъ тебе подруга жде...

Всѣмъ было понятно, что Сохва пришла съ намѣреніемъ перевесть жениха съ бояриномъ и Машку къ себѣ, но тѣмъ не менѣе никто не подалъ вида, что понимаетъ этотъ маневръ. Даже Машка, не прерывая мытья ложки и миски и закрывая заслонкою печь, какъ бы нехотя, шепотомъ спросила:

— Яка тамъ подруга?—

— Така! Орышка Плахотына... отвѣтила Сохва и добавила:

— Иды-жъ, иды, а я тутъ сама допораю...

Машка, накинувъ какую то „куцыну", вышла изъ хаты, и вслѣдъ за нею вышелъ женихъ. Не сейчасъ послышались шаги ихъ на крыльцѣ: очевидно, Машка пріостанавливалась поговорить въ сѣняхъ съ женихомъ.

Сохва пригласила съ собою и товарища жениха. Дома остался одинъ Хведько.

Пришедши домой, Сохва застала въ хатѣ только оставленную ею Орышку, что-то налаживающую около печи. Приведеннаго парня Сохва пригласила присѣсть на лавкѣ, а сама, перешепнувшись съ дѣвушкой, взяла какую-то миску и вышла въ сѣни. Немного погодя явилась Машка со своимъ женихомъ, котораго она провела сюда огородами и садками.

На припечку развели огонь, и тамъ скоро засквorчала яичница на сковородѣ.

Парубковъ—жениха и его боярина—усадили за столъ, накрытый чистою скатертью, и попросили вечерять. Сохва усѣлась съ ними, а дивчата только „услуговалы". У „хлопцивъ" оказалась съ собою бутылка какой то цвѣтной водки, извѣстной въ то время подъ именемъ „красной"—въ народѣ и спеціальной—въ торговлѣ и акцизномъ вѣдомствѣ. Спеціальность ея состояла въ подкраскѣ въ розовый цвѣтъ, чуть ли не фуксиномъ, и въ произвольной крѣпости, градусами никакъ не болѣе 25%. Употреблялась эта „красная" тогда, когда приходилось подчивать какое либо вновь избранное сельское начальство, которое заявляло, что „воны простои не вжывають", а только красну (хотя бы въ нее, замѣтимъ кстати, и подбавлялось спирту), и

когда затѣвали угощать, какъ вотъ и въ описываемомъ случаѣ, женскій полъ, а особенно дивчатъ.

Подчивалъ бояринъ и настоялъ на томъ, чтобы и дивчата выпили, что онѣ и сдѣлали, жеманясь, морщась и по нѣсколько разъ отказываясь. Сохва, которой была поднесена 1-я рюмка, выпила степенно, съ подобающимъ приговоромъ:

— Дай же вамъ, Господы, Царыця Небесна, усякои вдачи у тому, що вы задумалы, щобъ Богъ мылосердный помигъ у мыри й согласіи усе й до конця довесты, якъ и почалы. Нехай легко згадается сватови и сваси и всимъ родычамъ. Будьте здорови, отецьки сыны и батькови дочкы!—выпила и остатки выбрызнула къ потолку, добавивъ:

— Щобъ такъ наши молоди пидскакувалы.

Хлопцы было припомнили, что слѣдовало бы позвать сюда и Хведька, но Сохва отклонила это приглашеніе. Онъ былъ бы здѣсь лишнимъ и стѣснялъ бы жениха съ невѣстой.

Пока шло такимъ образомъ угощеніе, слышно было, какъ подъ окнами топтались любопытные. Со средины улицы послышалось нѣсколько воскликовъ и нарочно громкій „реготъ" парубковъ. Возгласы эти были своего рода угрозами и демонстраціей, направляемыми по адресу „чужихъ хлопцивъ", затесавшихся въ „нашу слободу" къ дивчатамъ. Но эта компанія вскорѣ разошлась, разъ потому, что Хведько, вышедшій изъ хаты, понимая смыслъ этихъ демонстрацій, нарочно прошелъ мимо двора Сохвы, а во вторыхъ и потому, что съ вечера еще наползавшая туча разразилась сильнымъ дождемъ, отбившимъ всякую охоту подсматривать и угрожать чужимъ парубкамъ, да еще подъ опасеніемъ быть побитымъ этимъ здоровымъ „Попкомъ", очевидно охраняющимъ спокойствіе своихъ.

Закусили, поѣли яишницу, порѣзанный арбузъ, выпили еще красной съ Сохвою, такъ какъ дивчата наотрѣзъ отказались пить, и хлопцы высыпали на прибранный столъ „всяки зайидкы". За этими „зайидками" хлопцы думали было доподчивать оставшуюся „красную", но такъ какъ, не говоря о дивчатахъ, Сохва не захотѣла пить, то пиршество на этомъ и кончилось.

Дождь все болѣе и болѣе усиливался, о чемъ сказала Сохва, выходившая изъ хаты. Хотя по мѣстному обычаю и принято, что женихъ обыкновенно ночуетъ (спитъ) съ невѣстой, тѣмъ не менѣе это дѣлается будто бы скрытно, но дождь въ данномъ случаѣ далъ поводъ сказать Сохвѣ:

— Ну, хлопци! Будете, мабуть, тутъ у насъ ночуваты, бо тамъ таке хлющыть...

Хлопци одинъ за другимъ выходили посмотрѣть и каждый говорилъ:

— Иде, не перестае.—Темно...

Дивчата тоже, какъ бы для убѣжденія, выбѣгали и, возвращаясь, повторяли:

— Хоть око выколы... такъ темно, а винъ ажъ шкварчыть...

— Вже не що, якъ оце прыходытся вамъ, хлопци, заночуваты въ насъ... А ну-те, дивчата, котора не боязька, возьмить рядно, та пійдить за соломою.

Дивчата будто не рѣшались; на повтореніе предложенія съ добавленіемъ, что „хлопци проведуть ихъ, щобъ що не злякало",— Машка съ Орышкою прикрылись чѣмъ то и въ сопровожденіи парней пошли принесть соломы. Сохва тѣмъ временемъ прибрала кой-что съ лавки и около печи и ушла въ „валькиръ" собрать постель.

Со смѣхомъ и шутками парни втащили, сколько можно было захватить въ рядно соломы. Нельзя было не замѣтить, что возвратившіеся съ экспедиціи какъ бы больше ознакомились другъ съ другомъ. Несшаго на себѣ солому жениха Орышка толкнула на опущенную на полъ солому, а Машка пхнула на него же Орышку. Очевидно, это было продолженіе шутокъ и заигрываній, начатыхъ еще въ повѣткѣ, гдѣ набирали солому. Сохва, какъ бы унимая ихъ, сказала:

— Ну, буде! Стелить, а то вже не рано.—Дивчата разровняли солому, стараясь отобрать смоченную дождемъ, прикрыли ее добытымъ изъ чулана Сохвою рядномъ и въ головы положили большую одну подушку. Затѣмъ Сохва стала молиться Богу, а за нею хлопцы и дивчата.

— Ну! отъ и розмищуйтесь, роздягайтесь, а я каганець визьму въ валькиръ—сказала она и пошла туда съ дивчатами..

Хлопцы стали раздѣваться, раззулись и легли. Въ „валькирѣ“ слышно было, какъ стлалась Сохва... Сохва вышла и хлѣборѣзнымъ ножомъ похрестила окна, двери и отверстіе (челюсти) печи.

— Що, гараздъ?.. спросила она хлопцевъ.

— Ничого—добре!—отвѣтили они. Дивчата шептались. Наконецъ и каганецъ затушенъ; темно стало..

— На, понесы пидложы пидъ головы, а то нызько—сказала Сохва Машкѣ, подавая какую то одежу, и повернулась къ стѣнѣ. Та шепнула что то Орышкѣ и пошла „пидмощувать“, но уже назадъ не возвратилась...

XXXIV.

Хведько, вышедши на крыльцо и услышавъ демонстративные восклицанія противъ дома Сохвы, какъ уже было сказано, счелъ нужнымъ охранять ихъ отъ нескромныхъ подглядывателей, и потому, накинувъ на себя старую одежину, заперъ хату и пошелъ ко двору Сохвы. Его высокая фигура, а отчасти и все усиливающійся дождь, разогнали молодежь, и онъ вернулся домой, постоялъ немного у себя на крыльцѣ и, не зажигая огня, улегся спать съ тѣмъ, чтобы по утру приняться „шевцювать“.

Къ полночи кто то постучалъ къ нему въ окно. На окликъ: хто тамъ?—ему отвѣтили:—Выйды, хазяинъ!—

Нехотя обулся Хведько, накинулъ на себя черкеску и вышелъ.

Небо прочистилось, порванныя вѣтромъ тучи уже „зашматкувалыся“, и можно было разсмотрѣть, что на скрипъ отпираемыхъ дверей у калитки показалась какая-то человѣческая фигура.

Не успѣлъ онъ отозваться, какъ фигура эта вскочила на крыльцо и шепотомъ спросила:

— Хто въ тебе йе дома?—Хведько узналъ Шляхового, который, послѣ отвѣта „я самъ"—вошелъ въ сѣни и потянулъ за собою хозяина.

— Не свиты и такъ побалакаемо, якъ що никого нема въ хати... Никого нема?—

— Кажу—самъ.—

— Отъ и добре! Слухай! заразъ же иды прямо на гору, а якъ выйдешъ поверхъ проваллЯ, то не дуже голосно свысны; тоди прыслухайся, де хропоне по кабанячы два разы,—туды и йды на голосъ. А видтиля зъ тымъ, хто тамъ буде, товаръ заведешъ у лисъ до Плахоти, та тильки не горою, а зновъ такы по вашій улыци. Здай товаръ и нехай його береже ажъ до другои ночи, а тамъ, колы можно буде, бродкомъ переведешъ до Стрибуля; якъ же що бродкомъ не можна буде, то веды на Бемовку, о-пивночы, кругомъ. Тильки дознайся: теперъ у Богатыря иде помолъ на вси заставкы—воды на бродку не повынно буты багато. Заразъ же справляйся, а я пійду—мене тамъ ниджыдають.—Та гляды-жъ!..

Хведько хотѣлъ что-то возразить, припомнилъ, что днемъ онъ видѣлъ Шляхового съ солдатомъ Гандзею... но такъ и остался, ибо гость сейчасъ же ушелъ.

Не хотѣлось Хведьку исполнять порученія, но некуда было дѣться. Взявъ шапку и прихвативъ какую-то палку, онъ отправился по указанію и тамъ нашелъ незнакомаго человѣка съ четырмя лошадьми. Незнакомецъ разсказалъ ему, что за лошадьми должна быть погоня, а потому „возомъ" поѣхали одною лошадью черезъ слободу и нарочно должны были остановиться около подваловъ, чтобы ихъ видѣли проѣзжающими на одной лошади, а этихъ нужно провесть по двѣ, какъ будто съ ночной паши пастухи проѣхали.

Такъ и сдѣлали. Кони были сданы Плахоти, и тамъ же остался и незнакомецъ. Хведько вернулся домой, когда уже въ нѣкоторыхъ хатахъ свѣтился огонь и изъ нѣкоторыхъ трубъ показывался дымъ, и завалился спать.

Уже солнце, взошедшее на очистившемся отъ тучъ небѣ, высоко поднялось, когда пришедшая второй разъ Машка кое-какъ добудилась Хведька.

Проснувшемуся и впустившему ее въ хату она разсказала, что и она, и Сохва приходили по разу будить его еще до свита, но никакъ не могли достучаться.

Къ начавшей „пораться" около печи Машкѣ вскорѣ зашла и Сохва съ какою-то работою. Хведько, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ около лавки и сапожничалъ. Бойкая Сохва сейчасъ же обратила вниманіе на то, что валявшіеся подъ лавкою сапоги Хведька какъ-то особенно загрязнены сѣрою мѣловою грязью, какой у нихъ на улицѣ не бываетъ. Она что-то соображала молча. Когда Хведько всталъ за чѣмъ-то со своего „дзыглыка", то она замѣтила, что его казинетовые штаны съ внутренней стороны были загрязнены и съ прилипшею какою-то шерстью; очевидно ей стало, что онъ ѣздилъ верхомъ на лошади, и при томъ лошади мокрой.

Цѣлая нить соображеній потянулась въ мысляхъ молодицы, но, при всей ея догадливости и жизненной опытности, нить эта никакъ не распутывалась.

Если даже допустить, что ночью онъ—думала она—ходилъ къ Мелашкѣ, что доказывалось мѣловою грязью на сапогахъ, добытою на плотинѣ, мощеной мѣломъ, то откуда жъ эти явные слѣды ѣзды верхомъ на лошади...

Разспрашивать при Машкѣ она не хотѣла, а по ея живому темпераменту и терпѣнія не хватало...

— Ты бъ шевче, шыючы нови чоботы, пожаливъ бы стари, та обмывъ бы ихъ одъ крейды, а то вона пройидае товаръ— сказала Сохва Хведьку. Въ другое время и Машка обратила бы вниманіе на это обстоятельство, но теперь, пораясь около печи, она мыслями была со своимъ женихомъ.

Хведько понялъ намекъ и, доставъ сапоги, хотѣлъ было мыть ихъ надъ помойницею, но Сохва прогнала его съ хаты въ сѣни, куда и сама вслѣдъ вышла. Пока онъ отчищалъ предварительно грязь, она напрямикъ спросила его:

— Де це ты, хлопче, валандався по крейдяній грязюци?..

Хведько сконфузился и покраснѣлъ...

— Це ты ажъ до неи тёпався?.. Щожъ не кажешъ?..

— Та це зъ вечора ходывъ хлопцивъ одганять одъ твого двора...

— Ты кому-небудь кажы, а не мени. Въ насъ на юлыци крейдянои грязи нема.. А це де-жъ набрався шерсти?—указала она на штаны?

Хведько растерялся и положительно не зналъ, что сказать..

Молодица укорительно покачала головою...

— Ну, гляды жъ, я тебе высповидаю, усёго допытаюся—сказала она и пошла въ хату къ Машкѣ.

Обмывши сапоги и поставивъ ихъ на крыльцѣ обсохнуть, Хведько зашелъ въ чуланъ и, тамъ передѣвъ какіе-то штаны, вошелъ въ хату и сѣлъ за свою работу.

Машка упрашивала Сохву оставаться у нея, пока прійдутъ къ ней какія-то подруги съ Орышкою, чтобы помочь ей что-то шить, но Сохва усумнилась въ томъ, что онѣ прійдутъ раньше какъ послѣ обѣда, и пошла, сказавъ, чтобы Машка съ подругами лучше всего приходила къ ней, а то тутъ будутъ мѣшать Хведьку..

Наварила обѣдать Машка и занялась какимъ-то шитьемъ. Хведько сапожничалъ и передумывалъ замѣчанія, сдѣланныя Сохвою, а также то, какъ отвильнуть отъ объясненій съ нею и какъ опять ночью устроить переправу лошадей къ Стрибулю, какъ пойти осмотрѣть воду, высока-ли она, можно-ли будетъ перебресть рѣчку, или прійдется ѣхать кругомъ по плотинѣ, а послѣ—на Бемовку. Онъ вспомнилъ, что сегодня еще и не завтракалъ, но не хотѣлось ему прерывать работу, тѣмъ болѣе, что можно и пообѣдать пораньше.

— А що, Ма́шко, чы скоро можно буде пообидать?—спросилъ онъ сестру.

— Та отъ ще трохы—юшка упріе, то й обидатымемо, бо й я пійду до Сохвы, якъ прыйдуть дивчата—отвѣтила Машка.

Такъ и проработали они до обѣда.

Не успѣла Машка прибрать посуду, помыть ее и подместь хату, чего она, чтобы не мѣшать брату, не дѣлала раньше, какъ къ нимъ вошла Сохва, какая то встревоженная, запыхавшаяся, очевидно, прибѣжавшая огородами, потому что не видно было ее идущею отъ воротъ. Она сѣла на лавкѣ и, дождавшись, пока Машка подмела хату, спровадила ее къ себѣ.

— На̀ ключъ, тай йды до мене! Якъ хто сюды навернется зъ дивчатъ, то я ихъ туды за тобою справлятыму.

Машка пособрала что-то въ платокъ и пошла. Еще не сошла она съ крыльца, какъ уже послышалось ея пѣніе.

— Заспивала!—замѣтилъ улыбаясь Хведько.

— Якои оце ты мени заспиваешъ?—сказала строго Сохва, не отвѣчая улыбкой на его улыбку.

— А, може, послухай моеи писни.. добавила она.. Ось слухай.

Хведько насторожился.

— Я оце ходыла до Журыливъ, такъ тамъ розсказувалы, що у насъ въ слободи шукають коней покраденыхъ сю ничъ у Бобчанського пана. Кажуть, слидъ дойшовъ до гамазеивъ, що на гори, а писля повернуто зъ горы не по дорози, а прямо ажъ до супікы, а тутъ вже слидъ пропавъ, забыто його—сказано, вулыця... Тамъ, розказувалы, и старшына й соцькыхъ ажъ тры побиглы на Бемовку, на Куколевщыни булы... Становый, казалы, прыбижыть сёгодня...

Хведько поблѣднѣлъ и поднялся съ лавки.

— Що жъ ты мовчышъ, ничого не кажешъ? Га?.

Хведько насупился, поникъ головою.

— А що жъ мени казать?.

— А чоботы у крейди, а штаны?. Це ты ходывъ по гори: тамъ крейда, це ты на коняхъ йиздывъ: на штаняхъ знать—допытывала Сохва.

— Що жъ ты мени не кажешъ? За вищо тоди тебе трохы не вбылы? Яки и хто передавъ Мапіци гроши, якъ ты бездыханный лежавъ?. Чого ты потаюешъ, ничого мени не кажешъ? У тюрягу зновъ захотивъ?. Чого тебе тоди скортило на ярмарокъ у городъ? Га! Кажы! Казала, що высповидаю...

Она схватила его за рукавъ рубахи и дергала:—кажы!.

Хведько стоялъ блѣдный и молчалъ. И страхъ, и стыдъ сковали ему языкъ. Онъ не смотрѣлъ на нее и даже отвернулся. Вдругъ Сохва выпустила его рукавъ, припала къ столу и зарыдала. Раздраженіе, испугъ отъ обнаруженія того, что ей только смутно показывалось и мысль о чемъ она отгоняла отъ себя, разразились слезами. Эта бойкая, всегда находчивая Сохва плакала, всхлипывая.

Хведько окончательно растерялся, и только, взявъ ее за плечо, повторялъ, путаясь въ словахъ:

— Чого се ты? Перестань! Та що жъ таке?.. Сохво!

Но это продолжалось не долго. Сохва поднялась, встала, обтерла рукавомъ кофты глаза и опять начала „сповидать" совсѣмъ оторопѣлаго парня.

— Бога ты не боишся. Людей не соромышся. Тоби оце встрявать у таки дила? Забувъ есы, якого ты батька—матери? Байдуже тоби, що въ тебе на рукахъ сестра не виддана. А ты, бачъ, за яки дила прыйнявся, зъ якымы людьмы водышся.

Щожъ воно тоби на корысть, на спожытокъ? Сорому, славы ще тоби мало. Я, бачъ, за нымы вбываюся, якъ за риднымы, а винъ онъ куды погнувъ... Усе мени розскажы, ничого не потай,—я жъ вамъ обомъ сыротамъ не чужа. Я все потраплю знесты, похыстыть тебе... Сядь оттутъ и розсказуй...

— Я писля розскажу...

— Якъ це писля? Саме трусъ иде, саме зъискують, а винъ „писля". Може заразъ до тебе прыйдуть... Де ты скынувъ ти штаны? Давай мени заразъ—я ихъ намочу, такъ не знать буде. И на указаніе, что штаны въ чуланѣ, Сохва сейчасъ же отправилась, и слышно было, какъ она въ сѣняхъ во что-то наливала воду...

Управившись въ сѣняхъ, Сохва опять вошла въ хату и со словами: „Ну, теперъ розсказуй! Ничого не потаюй"—усѣлась на лавкѣ.

Хведько мрачно молчалъ. Кромѣ совѣстливости, у него стояло въ умѣ отрицаніе права женщины, какою бы она ни

была, мѣшаться въ эти дѣла, чисто мужскія. Не могъ онъ себѣ представить такого положенія, чтобы эта безукоризненная молодица, узнавъ все—что, кто и какъ—могла покрывать всѣ эти дѣла и не объявить обо всемъ. Близкій къ полному сознанію въ тотъ моментъ, когда Сохва, вслѣдствіе возбужденія, расплакалась, теперь онъ одумался и рѣшилъ не открываться ей ни въ чемъ. Онъ молчалъ, опустивъ глаза передъ проницательнымъ взглядомъ молодицы. Сохва поняла, что ему тяжело что либо сказать, что настаиванье ея только укрѣпитъ его скрытность, и сразу перемѣнила тактику.

— Ну, Богъ зъ тобою! Ты, бачу, ще мени виры не доймаешъ, тоби ґиднійши оти твои прыятели... Богъ зъ тобою! Самъ колысь пожаліешъ... Тильки гляды! Чы йе въ тебе хто риднійшый за мене? А я тоби кажу: одступыся ты видъ цёго дила, не доведе тебе до добра ця кумпанія.. Попамъятаешъ мое слово.. И она направилась къ дверямъ, но еще разъ обернулась и прибавила: Дывысь же! шевцюй, щобъ и въ прымиту никому не попало". На крыльцѣ она встрѣтила двухъ дѣвушекъ, подругъ Машки, которыхъ и повела къ себѣ.

Въ задумчивости работалъ Хведько, съ особою силою стучалъ молоткомъ по копылу, натягивалъ дратву... И самъ онъ, помимо словъ Сохвы, сознавалъ всю низость своего участія въ кражѣ лошадей и всю опасность этого дѣла... Всякій разъ онъ дѣлалъ это неохотно, подъ стороннимъ давленіемъ, и всегда былъ бы радъ отказаться отъ этого дѣла. Нужно будетъ такъ и сказать Шляховому. Но какъ же быть теперь съ этими заведенными въ лѣсъ лошадьми?. Вести ли ихъ къ Стрибулю, и теперь, когда по словамъ Сохвы, поднялась такая тревога? Теперь не проведешь ихъ по слободѣ.—

Пока онъ такъ раздумывалъ, послышались чьи-то шаги на крыльцѣ, и въ хату открылъ двери какой-то калѣка съ обвязанной тряпками головою и съ мѣшкомъ, перекинутымъ подъ лѣвую руку.

— Подайте убогому Хрыста рàды... произнесъ онъ.

Хведько приподнялся, обмылъ руки и сталъ отрѣзывать краюху хлѣба. Нищій переступилъ порогъ хаты и терпѣливо ждалъ подаянія.

— Видкиля, диду? спросилъ, подавая кусокъ хлѣба, Хведько.

Зъ Водяного, може чувалы... отвѣтилъ старецъ, укладывая подаяніе въ мѣшокъ. Голосъ нищаго показался какъ бы знакомымъ Хведьку, и не успѣлъ онъ разобраться, какъ тотъ спросилъ:

— Ты самъ тутъ? Шамро—мамро... Никого нема?

— Самъ одынъ, нема никого...

— Ну, такъ слухай. Зъ вечора заразъ пійды на кардонъ до Плахоти, одошлы Москаля, а „товаръ нехай зостается у лиси, ажъ покы скажемо, звистку дамо. А самъ ты у пъятныцю выйды на базарь и дожыдай побиля Вовкивського трахтыря".— И нищій, въ которомъ Хведько узналъ Йосыпа, сейчасъ же вышелъ.

Постоявъ немного, Хведько усѣлся сапожничать. Нечего было и думать объ отказѣ исполнить порученіе: неисполненіе его могло повлечь за собою обнаруженіе мѣста храненія лошадей, а затѣмъ и его участіе въ этомъ дѣлѣ.

В. Иовнанскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РЕВНИТЕЛИ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ ГАЛИЦІИ.

(*„Живое Слово", ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ. Львовъ. 1899 г., № 1*).

Въ статьѣ „Книжная рѣчь у Малороссовъ и Русиновъ" (№ 1-й 1899 г.) намъ пришлось высказать ту мысль, что условія жизни Галиціи не только не могутъ способствовать галичанамъ установленію у себя *русскаго литературнаго языка*, какъ языка своей книжности, но даже дѣлаютъ стремленія достигнуть этого вредящими ихъ національному дѣлу въ борьбѣ съ другими славянскими и неславянскими народностями въ Австріи. Эта наша мысль нисколько не исключаетъ возможности и полезности для галичанъ изучать русскій литературный языкъ, подобно тому, какъ безспорно полезно всякому знать побольше чужихъ языковъ, распространяющихъ знанія и культуру въ человѣчествѣ; мы вполнѣ убѣждены, что знаніе галичанами русскаго литературнаго языка для нихъ, не только не излишне, но во многихъ отношеніяхъ прямо-таки полезно. Но одно дѣло— знать языкъ, и совсѣмъ другое—сдѣлать его своимъ литературнымъ языкомъ. Если мы повсюду видимъ фактъ стремленія приблизить литературную рѣчь къ жизненной, народной; если въ русской литературной рѣчи были въ теченіе почти двухъ столѣтій постепенныя попытки выйти изъ круга чужеземности

на почву народной основы въ языкѣ [1]); если, наконецъ, въ настоящее время мы видимъ возникшее въ 1897 году въ Петербургѣ новое общество „Союзъ ревнителей русскаго слова", цѣлью котораго служитъ „пробуждать въ русскомъ обществѣ уваженіе къ самобытности и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи и *содѣйствовать сближенію книжнаго языка съ народнымъ*",—то, будучи логически послѣдовательными, мы не можемъ не признать, что галичане, у которыхъ основа народной рѣчи слишкомъ равнится отъ великорусской основы, входящей въ русскій литературный языкъ, не имѣютъ возможности, покинувъ свой простой народъ на произволъ судьбы, заводить у себя рѣчь, развившуюся при другихъ условіяхъ и совсѣмъ въ иной обстановкѣ. Повторяемъ опять, что мы, отрицая послѣднее, признали вполнѣ пользу изученія галичанами, какъ и вообще славянами, русскаго языка, почему не безъ удовольствія прочли присланное намъ печатное извѣщеніе о томъ, что въ Вѣнѣ еще въ 1897 году возникъ, съ разрѣшенія австрійскихъ властей, „Кружокъ любителей русскаго слова", поставившій своей задачей изученіе русскаго языка и заключающій въ себѣ представителей почти всѣхъ славянскихъ племенъ. Знали мы также, что въ Галиціи есть тоже кружокъ, неоффиціальный, правда, стремящійся къ изученію русскаго языка; знали мы, что многія изъ лицъ этого кружка, работая у себя дома на полѣ научномъ и литературномъ и участвуя въ изданіяхъ на вырабатываемомъ своемъ книжномъ языкѣ, прекрасно знакомы съ русской литературой, хотя и не безъ грѣха, но владѣютъ русской книжной рѣчью и въ то-же время не смѣшиваютъ желанія знать эту рѣчь съ неисполнимымъ желаніемъ сдѣлать ее рѣчью своей страны. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ, хорошо извѣстныхъ, представителяхъ старо-русской партіи въ Галиціи, которые въ теченіе многихъ лѣтъ подвизались въ своихъ писаніяхъ яко-бы на русскомъ языкѣ; отъ этого *язычья* каждый ревнитель чистоты русскаго языка, конечно, отвернется, какъ

---

[1]) См. объ этомъ обстоятельную статью Ф. А. Ватберга „Ревнители русскаго слова" въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г. № 1.

отъ чего-то неуклюже-уродлаваго. Нѣтъ, мы имѣетъ въ виду исключительно *любителей изученія русскаго языка.*

Пока дѣло стояло на почвѣ *изученія*, мы вполнѣ сочувствовали всѣмъ этимъ лицамъ, не безъ удовольствія встрѣчали ихъ статьи въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и охотно мирились съ тѣми недочетами въ русской стилистикѣ, которые всегда, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, оказывались въ ихъ рукописяхъ. Но вотъ съ начала нынѣшняго года часть такихъ любителей русскаго языка сложилась въ опредѣленный литературный кружокъ, поставившій своей задачей политическую цѣль—сдѣлать литературный русскій языкъ книжнымъ языкомъ для Галиціи, для чего основали они во Львовѣ новый огранъ „Живое Слово", ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ, подъ редакціей Ю. А. Яворскаго.

Мы не станемъ повторять и развивать въ подробностяхъ тѣхъ нашихъ принципіальныхъ положеній, въ силу которыхъ мы считаемъ созданіе такого органа далеко не удовлетворяющимъ жизненнымъ потребностямъ страны и ея народа, а укажемъ только, что, по нашему мнѣнію, полное отрозненіе книжнаго языка отъ народнаго есть тормазъ въ развитіи націи. Не станемъ мы также касаться того не всегда спокойнаго тона, которымъ написаны нѣкоторыя статьи въ первомъ номерѣ этого новаго органа, т. к. мы въ данномъ случаѣ совсѣмъ не задаемся цѣлями полемическими. Не будемъ мы останавливаться и на содержаніи (сказать между прочимъ—очень не богатомъ) этого пробнаго номера, т. к. мы не имѣемъ въ виду литературно-критическаго обозрѣнія. Наша задача проще: высказавши общее положеніе, что при настоящихъ условіяхъ въ Галиціи невозможно введеніе русскаго литературнаго языка въ обиходъ ея литературы, мы хотимъ фактами, полученными нами изъ перваго номера „Живого Слова", показать, какими перлами будетъ преисполнена галицкая литература, если осуществится тамъ задача, поставленная на значеніи этого журнала.

Основное наше положеніе, которое едва-ли кто-нибудь серьезно будетъ оспаривать, слѣдующее: для того, чтобы создать въ какой-нибудь народности хорошо выработанную книжную рѣчь, нужно, кромѣ научнаго знакомства съ языкомъ, быть пропитаннымъ тѣмъ *чутьемъ языка* (Sprachgefühl), которое, по словамъ Я. Гримма, всасывается нами вмѣстѣ съ молокомъ матери, поддерживается, затѣмъ, въ насъ всѣми условіями домашняго и общественнаго быта и окончательно укрѣпляется многообразной жизненной практикой. Спрашивается теперь, есть-ли въ Галиціи въ данное время все то, что способствовало-бы выработкѣ тамъ этого чутья русскаго литературнаго языка? Прекраснымъ отвѣтомъ служатъ факты, даваемые намъ статьями „Живого Слова", гдѣ читатель на каждомъ шагу чувствуетъ тяжеловѣсность синтаксическаго строя рѣчи, дѣлающаго подъ часъ и самую мысль темной, не говоря уже о постоянныхъ лексическихъ промахахъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что авторы, будучи пропитаны чутьемъ родной галицкой рѣчи, силятся выражать мысли хотя и на изученномъ ими, но все-таки чужомъ языкѣ. Не угодно-ли, напримѣръ, сразу отыскать мысль въ слѣдующей фразѣ отъ редакціи: „Общее направленіе Живого Слова обусловлено историческимъ развитіемъ русской народной мысли въ австрійской Руси, цѣлой цѣпью лучшихъ ея дѣятелей и двигателей, пробивавшихъ ей путь, сквозь залегающіе нашу злополучную страну туманы, на торную дорогу". Куда здѣсь отнести слова „цѣлою цѣпью и т. д.? А вотъ на выдержки цѣлый рядъ выраженій, которыя хотя понять и не трудно, но сразу видно, съ какой отмѣнной чистотой русской рѣчи вылились они изъ-подъ пера автора. Такъ, въ корреспонденціи изъ Петербурга(!) встрѣчаемъ къ удивленію фразу: „Мордовцевъ *засѣдаетъ въ характерѣ русскаго писателя* въ комитетѣ..." (стр. 60)—понимай, значитъ, въ *качествѣ* русскаго писателя. Даже О. Мончановскій, главный ревнитель всего этого дѣла и лучшій знатокъ русскаго литературнаго языка, употребляетъ такіе полонизмы: „дѣятельность русской партіи *есть подвигомъ* личной совѣсти ея членовъ..." (стр. 52). Или: „старая

партія всегда *стояла* на стражѣ Червонной Руси и не разъ *отстояла* ея національныя особенности“ (стр. 53); „*огьняя* твердость убѣжденій“.... (тамъ-же); Петрушевичъ *вѣщимъ духомъ* сказалъ“ (стр. 51); „ты, милый другъ, не отсталъ отъ *того естественнаго* исторически-культурнаго стремленія одной части австрійской Руси, *приведшаго* насъ къ принятію“... Вѣдь у насъ ученики низшихъ классовъ гимназіи знаютъ правило, что разъ ставится въ главномъ предложеніи указат. мѣст. *тотъ* то въ придаточн. должно быть *который*. Мы не сомнѣваемся, что и г. Мончановскій знаетъ это правило, но отсутствіе чутья языка не позволяетъ ему примѣнить это правило въ рѣчи.

Другой знатокъ въ Галиціи русскаго литературнаго языка, Ю. А. Яворскій, онъ же и редакторъ „Живого Слова“, очевидно, *всѣ усилія* употребилъ въ своихъ статьяхъ, чтобы соблюсти чистоту языка, но увы! не избѣжалъ такихъ выраженій, какъ— „записывать слѣдуетъ съ буквальной точностью, съ приведеніемъ имени разсказчика и *относительной* мѣстности“ (стр. 46); что это за *относительная мѣстность*—пусть догадываются читатели. Или у него-же встрѣчаемъ: „*побожная* женщина“ (вм. набожная); „въ какой генетической связи находится нашъ разсказъ, даже *въ приближеніи* опредѣлить невозможно“; „*ограничиваюсь на простомъ сопоставленіи*“ (стр. 49). Что же касается другихъ сотрудниковъ журнала, менѣе извѣстныхъ въ области знанія русскаго языка, то тутъ на каждомъ шагу попадаются такія неправильности, какъ: „*пришло къ тому*“ вм. *дошло* до того“, „глумятся“, „принадлежитъ уже къ *минувшести* (Дудыкевичъ В.); „излишно“, „невольно *пристанешь*“ вм. *остановишься*; „лицо его лоснилось тогда подъ *густо намащенными волосами*, будто тихій сельскій *пейсажъ въ лаковыхъ рамахъ*“; „ходила *боса*“; „*онъ сновалъ бывало разныя мысли*“; „возненавидѣлъ себя самого, какъ *нездару* (бездарность?); вѣдь-же ему слѣдовало-бы быть—ну, какъ знать чѣмъ?—но на всякій случай какимъ-то великимъ человѣкомъ“; „*опековаться* бѣдными людьми“; *вертопрахъ* каждой ярмарки“; „если-бъ такъ я сѣлъ на мѣстѣ того или другого, я зналъ-бы давать людямъ правду“;

терялъ свой *философскій равновѣсъ*"; „будто *соскочила съ него одна изъ лучшихъ иллюзій*". Но остановимся на этихъ выпискахъ, т. к. боимся, что и мы потеряемъ свой *философскій равновѣсъ* и съ насъ тоже *соскочитъ всякая иллюзія*, перечитывая—не забудьте этого, читатель—беллетристическое произведеніе „Сенько-швецъ": обидно, вѣдь, зная богатство русской беллетристики, видѣть такое страшное коверканье ея стиля!

Немного лучше другой беллетристическій разсказъ „Зозулька", принадлежащій перу *В. Ф. Луцыка*, хотя и здѣсь вы можете прочесть, что „этому послѣднему обстоятельству *одолжалъ тотъ сынъ принятіе въ русскую бурсу* и наконецъ *становище* русскаго священника"; можете также узнать, что „пастухъ умеръ въ винокурнѣ, сварившись въ *кипущей* брагѣ", но что „сынъ его *подсмотрѣлъ* и усвоилъ себѣ свѣтскія манеры"; а внукъ, панычъ Викторъ, взялъ отпускъ, чтобы провести каникулы въ домѣ своихъ родителей, которыхъ „не *посѣщалъ уже дольшее время*", что „разсчитывалъ онъ на то, что выжметъ отъ отца немного денегъ на уплату долговъ, висѣвшихъ какъ мечъ Дамокла надъ его репутаціей и *дальшей* карьерой". Узнаете вы также тутъ, что Настуся, прозываемая Зозулькой, „*заслуживала вполнѣ на это ласкательное названіе*", что „*нѣсколько лѣтъ тому* пріютили ее, дочь бѣднаго, обремененнаго *численною семьей* лѣсника, *на приходствѣ*"; прочтете и еще многое о ней въ такомъ-же стилѣ и наконецъ узнаете, что Зозулька утонула въ колодцѣ и что „она навѣрное опьянѣла и *потеряла равновѣсъ*, какъ разсуждали между собою бабы".

Если такъ тяжело дается ревнителямъ русскаго языка въ Галиціи беллетристическій стиль, за который, конечно, берутся люди болѣе опытные въ этомъ дѣлѣ, то само собою разумѣется, что публицистическій стиль окажется еще менѣе удачнымъ, что мы и видѣли въ статьѣ, напримѣръ, Ф. И. Свистуна „Галицко-русское войско въ 1848—49 годахъ". Тутъ чуть не на каждой строчкѣ промахъ за промахомъ: „имѣть на цѣли", „раздѣлиться между государя и населеніе", созветъ парламентъ въ

цѣли составленія конституціи"; „въ вооруженіи гвардисты могли являться только въ службѣ, впрочемъ нѣтъ"; „правительство *не вмѣнило имъ того во зло*, но напротивъ, даже *радо смотрѣло*"; „статья, *обговорившая* значеніе народной гвардіи"; „она не можетъ къ каждомъ случаѣ *проявляться на внѣ*"; „въ пародѣ *крыется* большая сила"; „пришла уже минута, чтобы *хватить* за оружіе"; „*оттянуться* отъ исполненія аирибы"; „получилъ *не обмеженное полномочіе*"; „значитъ *пересѣчно* (вмѣсто: среднимъ числомъ) 570 человѣкъ"; „требовала *обмундировки въ народныхъ цвѣтахъ*"; священникъ кончилъ *воскликомъ*"; „умерли *на холеру*"; „*станулъ* батальонъ". Достаточно, кажется, и этихъ образцовъ, чтобы убѣдиться въ полномъ отсутствіи у автора чутья русскаго книжнаго стиля, а слѣдовательно и въ томъ, насколько полезнымъ можетъ быть распространеніе такого журнала въ Галиціи въ дѣлѣ развитія книжнаго языка.

Что-же придется сказать объ умѣніи галицкихъ ревнителей русскаго языка владѣть стихотворной рѣчью? Нужно признаться, что стихъ у галичанъ, даже на ихнемъ книжномъ языкѣ, рѣдко бываетъ удаченъ, но тамъ ихъ очень часто въ соблюденіи размѣра выручаетъ особая подвижность галицкихъ удареній въ словахъ; въ русскомъ-же литературномъ стихѣ, какъ извѣстно, нужно очень тонко различать, гдѣ и какъ допустима эта подвижность удареній и вообще фонетическая измѣняемость формъ. Въ данномъ номерѣ три стихотворенія, и всѣ три безусловно слабы; даже въ лучшемъ изъ нихъ. („Живое Слово" Д. Вергуна) встрѣчаемъ стихъ: „ты къ новой жизни *вызви* насъ", гдѣ, повидимому, мелочной промахъ, но въ стихѣ онъ очень даетъ себя чувствовать. Даже *Ю. Яворскій*, владѣющіе, какъ мы сказали, лучше другихъ русской рѣчью, въ стихотвореніи своемъ употребляетъ фразу „и падаетъ съ проклятьемъ *родъ по родѣ*" и свободно по своему усмотрѣнію, мѣняетъ удареніе въ словѣ *де́ржитъ* на *держи́тъ*: „бунтующихъ рабовъ держи́тъ обманомъ". Но перлъ созданія въ этомъ отношеніи представляетъ стихотв. *Богдана Сталина* „Мимо", пер-

вые два куплета котораго мы приведемъ здѣсь безъ всякихъ комментаріевъ.

Безконечно поле это,
Безпросвѣтная страна!
Голосъ гибнетъ безъ отвѣта,—
Сумракъ, *мётель,* тишина....
Чу, подъ лѣсомъ бѣлоснѣжный
Одинокій хуторокъ.
Не ставай, мой конь мятежный,
Не заѣдемъ на *ночлёгъ*.

Дальше ужъ идти некуда, если мы въ концѣ 19-го вѣка будемъ употреблять въ русскихъ стихахъ для рифмы слово *ночлёгъ*!

Закончимъ мы нашу замѣтку о галицкихъ ревнителяхъ русской рѣчи выдержкой изъ помѣщеннаго въ Живомъ Словѣ „Письма къ другу“ О. Мончановскаго. „Геній Петра Великаго подсказалъ ему мысль основаніемъ Петербурга *прорубить окно* въ Европу, чтобы впустить на Русь свѣтъ европейской культуры; геній русскаго народа заставилъ насъ, австрійскихъ русскихъ, принятіемъ русской литературной рѣчи *прорубить окно* въ великую Русь, чтобъ намъ не пришлось задохнуться въ польской и нѣмецкой атмосферѣ или закоснѣть въ областности нашей скудной жизни“. Да, скажемъ мы отъ себя: вообще прорубливать окна, чтобы освѣжать застоявшуюся атмосферу,—дѣло необходимое, но надо помнить, что иногда неудачно прорубленное окно портитъ всю постройку, а въ худшемъ случаѣ грозитъ обваломъ стѣны. Относя это общее положеніе къ данному частному случаю, мы опять скажемъ, что галичанамъ если надо прорубить окно, то въ смыслѣ *изученія* русскаго языка, которое поможетъ имъ поставить свою культурную рѣчь на надлежащую высоту, опираясь на двухвѣковую работу русскихъ писа-

телей, много потрудившихся для усовершенствованія своего литературнаго языка; но должно совершиться это не въ видѣ простого безпочвеннаго заимствованія, а въ видѣ тщательной разработки своей народной основы. Утѣшать-же себя тѣмъ, что какой-нибудь десятокъ—другой культурныхъ галичанъ научились кое-какъ владѣть русскимъ языкомъ, и сразу пытаться сдѣлать его общимъ достояніемъ страны—это значитъ совершать не созидательную, а разрушительную работу, а въ результатѣ и получится то, что начнется писаніе не по-русски и не по-малорусски, а *мало по-русски*, чему прекраснымъ примѣромъ служитъ цитируемый нами новый галицкій органъ.

В. Науменко.

I.

Замѣтки о портретахъ Мазепы.

(Къ рисунку).

Какъ ни странно, но мы до сихъ поръ не знаемъ достовѣрнаго портрета Мазепы. Обыкновенно мы видимъ *настоящаго* Мазепу на томъ портретѣ, который былъ приложенъ къ первому изданію (1822 г.) Исторіи Малой Россіи Бант.-Каменскаго. Портретъ этотъ взятъ изъ собранія Бекетова [1]).—Гдѣ же свидѣтельство, что называемый здѣсь портретъ Мазепы дѣйствительно изображаетъ Мазепу?—Мы не знаемъ, а можемъ лишь привести слѣдующія соображенія. Въ *Иллюстраціи* за 1847 г. напечатана гравюра NK. (Куренкова?) Мазепинаго портрета того самаго, который напечатанъ и у Бекетова, и у Бант.-Каменскаго (кафтанъ на груди украшенъ позументами), но съ добавленіемъ, что это копія съ портрета, находящагося въ академіи художествъ. Какой же портретъ Мазепы находится въ академіи художествъ?—Вотъ справка по этому вопросу г. Кибальчича. Въ записяхъ академіи объ этомъ портретѣ значится: „императорская академія художествъ. Галлерея русской живописи № 2.

---

[1]) Бекетовское собраніе малорусскихъ портретовъ издано въ 1844 г. подъ заглавіемъ: „Изображенія людей знаменитыхъ или чѣмъ либо замѣчательныхъ, принадлежащихъ по рожденію или заслугамъ Малороссіи“. М. 1844. 4 д. л. Предисловіе къ этому изданію состоитъ изъ двухъ строкъ: „Эти портреты заимствованы изъ собранія покойнаго П. П. Бекетова, также какъ и портреты именитыхъ мужей россійской церкви“.

Портретъ напольнаго гетмана малороссійскихъ войскъ. Гетманъ изображенъ съ непокрытою головою и съ лицемъ, обращеннымъ нѣсколько влѣво; на немъ голубоватая нижняя одежда и разстегнутый коричневый кунтушъ, *обложенный золотымъ позументомъ.* Грудное изображеніе.—Вѣроятно, это портретъ Скоропадскаго. Художникъ имѣлъ случай написать его въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ, въ 1722 году. *Долго слылъ за портретъ Мазепы.*—Портретъ работы Ив. Макс. Никитина, род. не позже 1690 г., а ум. послѣ 1744 г.“ [1]).

Отсюда слѣдуетъ, что тотъ портретъ якобы Мазепы, который наиболѣе распространенъ со страницъ трехъ изданій „Исторіи Малой Россіи“—вовсе не портретъ Мазепы, а только лишь слылъ за таковой. По крайней мѣрѣ, онъ никогда не имѣлъ надписи или подписи, указывающей на Мазепу. Значитъ, дѣйствительнаго Мазепу нужно искать въ другихъ изображеніяхъ. Прежде, чѣмъ говорить о другихъ портретахъ Мазепы, скажемъ, что̀ о нихъ заключается въ классической книгѣ Ровинскаго—*Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ* [2]). Ровинскій различаетъ пять типовъ Мазепиныхъ портретовъ:

1. *Тарасевича,* въ гравюрѣ его 1696 г., посвященной Шереметеву. Ровинскій полагаетъ, что имѣющееся на этой гравюрѣ изображеніе рыцаря въ латахъ изображаетъ Мазепу, а не Шереметева; съ этимъ трудно согласиться, имѣя въ виду, что „Вирши“ поднесены Тарасевичемъ Шереметеву, а не Мазепѣ, почему вѣроятнѣе здѣсь видѣть Шереметева, а не Мазепу (У Ровинскаго—*Мазепа 1*).

2. *Вигуры,* на кіевской его гравюрѣ 1706 г., въ латахъ и шлемѣ, *съ бородою.* (У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 2*, а въ *Матеріал. для русск. иконографіи,* № 33).

3. *Бекетовскій,* тотъ, что у Бекетова и Бант.-Каменскаго, о которомъ сказано у насъ въ началѣ.

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г., № 7, 595.

[2]) Спб., 1887. Четыре тома. О портретахъ Мазепы—во 2-мъ томѣ, стр. 1209—1217.

4. *«Съ рисунка 1796 г.»*, въ латахъ, съ булавою въ рукѣ. (У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 7*, а въ *Матер. для русск. иконографіи*—№ 221).

5. *Норблеровскій*. У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 13*, а въ *Мат. для русск. икон.*—№ 222.

Къ этому списку портретовъ прибавимъ еще два: а) тотъ, который приложенъ къ № 1-му Кіевск. Стар. 1887 г., снятый съ рисунка, находившагося на одной изъ стѣнъ большой церкви Кіевской лавры, [объ этомъ портретѣ Ровинскій упоминаетъ лишь вскользь] и б) портретъ Мазепы, имѣющійся на иконѣ Покрова Божьей Матери, находившейся прежде въ Покровской Переяславской церкви, а въ 1886 г. принесенной преосв. Іоанномъ въ даръ вел. князю Николаю Николаевичу.

Мы не будемъ говорить о портретѣ Тарасевича, потому что нѣтъ достовѣрнаго свѣдѣнія о томъ, что здѣсь изображенъ именно Мазепа, а не Шереметевъ.

Изображеніе Мазепы на гравюрѣ Вигуры не можетъ представлять дѣйствительнаго портрета, потому что здѣсь имѣлось въ виду изобразить апоѳеозъ гетмана, какъ покровителя Кіево-братской школы, зданія которой на гравюрѣ занимаютъ главное мѣсто. Но въ гравюрѣ Вигуры для насъ важно, что она отпечатана въ Кіевѣ, въ 1706 г., т. е. при живомъ Мазепѣ, которому гравюра несомнѣнно была и поднесена. На этой гравюрѣ Мазепа изображенъ *съ бородою*.

Есть еще подобное Вигуринскому изображеніе Мазепы—на рѣдчайшей гравюрѣ—Галяховскаго, 1708 г. [См. Кіевск. Стар., 1890 г., янв., 57]. Мы видѣли карандашную копію этой гравюры у Е. Н. Скаржинской; оказывается, что это опять таки апотеозъ, а не портретъ; борода у Мазепы и здѣсь ясно видна.

Переходя къ портрету, обозначенному у Ровинскаго—„съ рисунка 1796 г.“, мы должны сказать, что оригинала этого рисунка Ровинскій не зналъ, а между тѣмъ онъ извѣстенъ. Портретъ этотъ напечатанъ въ первый разъ въ 1704 году, въ тогдашнемъ, повидимому, политическомъ ежегодникѣ—*Die Europäische Fame*, откуда былъ перепечатанъ въ извѣстномъ поль-

скомъ сборникѣ тридцатыхъ годовъ *Przyjaciel Ludu* [1835 г., № 22] [1]). И этотъ портретъ Мазепы для насъ очень важенъ потому, что онъ изданъ при живомъ Мазепѣ и изображенъ *съ бородою.*

Норбленовская гравюра изображаетъ Мазепу въ совсѣмъ особомъ видѣ: въ шапкѣ съ перьями, безъ усовъ и съ бородою, раздвоившеюся на два длинные клина. Норбленъ, бургундецъ по рожденію [род. 1745 г. † 1830 г.], живописецъ по занятію, выѣхалъ въ Польшу въ 1770 г., поселился здѣсь въ Варшавѣ и сталъ рисовать картины для короля и польскихъ магнатовъ. Срисовывалъ онъ при этомъ и разные костюмы польскіе [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Н—нъ былъ и граверомъ. Къ числу его гравюръ принадлежитъ и прилагаемый здѣсь портретъ Мазепы. Вернулся Н—нъ изъ Польши во Францію въ 1804 г. Такимъ образомъ гравюра прилагаемаго портрета сдѣлана была приблизительно въ концѣ XVIII в.

Копія норбленовской гравюры въ первый разъ была издана, сколько намъ извѣстно, въ перв. книжкѣ Ateneum'а Крашевскаго за 1842 г., какъ иллюстрація къ небольшой статейкѣ о Мазепѣ польскаго ученаго Ал. Пшездѣцкаго (25—41). Перерисовалъ гравюру Норблена и Де-ля-флизъ; его рисунокъ имѣется какъ въ томъ его альбомѣ, который хранится въ Церк.-арх. музеѣ при Кіевск. дух. акад. [3]), такъ и въ другомъ, имѣющемся въ нашей библіотекѣ [4]).

Переходимъ къ лаврскому портрету Мазепы, изданному покойнымъ редакторомъ Кіевск. Старины Ѳ. Г. Лебединцевымъ.

---

[1]) Слѣдуя Ровинскому, Ѳ. М. Уманецъ (стр. 419) думаетъ, что этотъ портретъ Мазепы писанъ въ 1796 г., Beyel'емъ.

[2]) Къ числу картинъ Норблена принадлежитъ и „Битва при Берестечкѣ" неизвѣстно гдѣ нынѣ находящаяся. Въ 1838—41 гг. изданъ (въ Страсбургѣ) его альбомъ—„Les costumes du peuple polonais suivis d'une description éxacte de ses moeurs, de ses usages et de ses habitudes".

[3]) См. Опис. рукоп. церк.-археол. музея при кіевск. дух. ак. Н. И. Петрова I, стр. 153.

[4]) Въ нашемъ рисункѣ Де-ля-флиза подпись такая: „Іоанъ Мазепа въ 1711 году".

Въ поясненіи къ этому рисунку издатель его говоритъ, что это „современное стѣнное во весь ростъ изображеніе Мазепы, писанное масляными красками, уцѣлѣло въ великой церкви Кіево-печерской лавры на заломѣ стѣны противъ лѣваго клироса". Далѣе издатель продолжаетъ: „принадлежность Мазепѣ этого портрета, съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ, удостовѣряется подписью: *Иванъ Степановичъ Мазепа гетманъ*, которая была еще три года назадъ сему и о существованіи которой свидѣтельствуютъ нѣсколько лицъ изъ начальствующей лаврской братіи.... О близости портрета къ подлиннику можно заключить какъ по высокому положенію лица, съ котораго писанъ портретъ, и учрежденія, для котораго онъ писанъ, *такъ и по сходству его съ тѣми гравированными изображеніями, какія дѣлалъ Щирскій для поднесенія Мазепѣ*.... Иное дѣло, какъ могъ уцѣлѣть этотъ портретъ послѣ извѣстной катастрофы съ Мазепою и начавшагося изъ году въ годъ повсюднаго его анафематствованія, а также и послѣ пожара 1718 г., истребившаго иконостасъ и большую часть утвари великой лаврской церкви. Но и это легко объясняется мѣстомъ изображенія Мазепы: оно написано на обращенномъ къ западу заломѣ главной лѣвой стѣны церкви, куда не заходили ни свѣтъ, ни огонь. И теперь въ этомъ уголкѣ совершенный мракъ, и изображеніе Мазепы можно разглядѣть при нарочномъ освѣщеніи" (янв., 100). Въ этомъ поясненіи наибольшее подозрѣніе возбуждаетъ свѣдѣніе о будто бы существовавшей подъ портретомъ подписи—*Иванъ Степановичъ Мазепа гетманъ*, которая, „*по свидѣтельству начальствующей лаврской братіи*" уничтожена въ 1883 г. или около того... Въ какомъ бы „мракѣ" ни находился этотъ портретъ, но существованіе при немъ подписи *съ именемъ Мазепы послѣ его измѣны*—фактъ невѣроятный, а пожалуй и совсѣмъ невозможный... Извѣстно, съ какою ревностью истреблялось имя Мазепы даже въ тѣхъ церковныхъ книгахъ, гдѣ оно помѣщалось гдѣ-нибудь на мало замѣтномъ мѣстѣ, на послѣдней страницѣ [1]). А то бы позволили остаться этому *подписанному* пол-

---

[1]) Очень часто въ лаврскихъ изданіяхъ церковныхъ книгъ, въ концѣ, печаталось: „за счасливого владѣнія ихъ царскаго пресвѣтлаго величества гетмана обоихъ

нымъ именемъ портрету Мазепы въ лаврѣ!.. Намъ могутъ замѣтить, что сохранялся же до к. XVIII в. портретъ Мазепы, нарисованный въ Братскомъ монастырѣ, возлѣ дверей," о которомъ любопытное свидѣтельство Берлинскаго сохранилъ г. Цимбалистовъ (К. Ст. 1887 г., янв., 371). Но вѣдь еще вопросъ что это былъ за портретъ, описанный такъ: „съ бородою и усами сѣдыми, съ густыми и большими бровями, *въ зеленой шинели* съ небольшимъ воротникомъ, собою очень прекрасенъ..." Вѣдь легко могло случиться, что этотъ портретъ, потомъ „разбитый" митропол. Самуиломъ, только слылъ за Мазепинъ... Ни о какихъ атрибутахъ его власти здѣсь не говорится и дѣйствительнаго гетмана въ немъ не видно... Не говоритъ г. Цимбалистовъ, чтобы этотъ портретъ имѣлъ и подпись. А лаврскій портретъ будто-бы сохранялъ подпись до недавнихъ дней... Мы не вѣримъ, чтобы эта подпись дѣйствительно существовала, и думаемъ, что она явилась со словъ людей, которые, имѣя о Мазепѣ и о его времени *самыя смутныя понятія*, не затруднились удостовѣрять предъ Ѳ. Г. Лебединцевымъ и существованіе той подписи, которая подкрѣпляла ихъ личное свидѣтельство о портретѣ... Наконецъ, почему же на этомъ портретѣ нѣтъ никакихъ атрибутовъ, указывающихъ на „высокое положеніе лица, съ котораго писанъ портретъ?" Вѣдь этихъ атрибутовъ не имѣетъ только Бекетовскій портретъ, но это же и не Мазепа... а то или булава, или какая-то медаль, украшающая Норбленовскій

стронъ Днѣпра, благороднаго *Іоанна Стефановича Мазепы*, тиномъ совершися". См., напр., *Апостолъ* 1695 г. Но всѣ эти мѣста въ книгахъ, бывшихъ въ общемъ употребленіи, при церковномъ напр. богослуженіи, тщательно вычищались; для примѣра можемъ указать на евангеліе, находящееся въ ахтырской успенской церкви, въ которомъ печатное упоминаніе о Мазепѣ тщательно выскоблено. Это послѣднее свѣдѣніе сообщено намъ ахтырскимъ жителемъ, П. А. Филиповымъ, въ отвѣтъ на вопросъ—дѣйствительно ли на этомъ евангеліи имѣется собственноручная *надпись* Мазепы о пожертвованіи книги въ церковь, какъ объ этомъ говоритъ напечатанная въ прошломъ году *въ Южномъ Краѣ* (№ 5960) замѣтка. Отвѣтъ полученъ, что никакой собственноручной надписи Мазепы на этомъ евангеліи—*нѣтъ*. Да едва ли она могла и быть, если въ этой книгѣ выскоблено и печатное имя Мазепы.—Объ уничтоженіи надписей съ именемъ Мазепы.—см. также Уманца *Гетманъ Мазепа*, стр. 417.

портретъ, несомнѣнно служатъ указаніемъ на „высокое положеніе лица“, съ котораго писанъ портретъ. Фактъ возможности найти портретъ Мазепы на стѣнахъ великой лаврской церкви былъ слишкомъ заманчивъ, и покойный редакторъ Кіевской Старины поддался искушенію явить такой портретъ на страницахъ своего журнала... Для убѣдительности въ автентичности портрета издатель его указываетъ на сходство этого портрета съ *неизвѣстными* «изображеніями Щирскаго» [1]). Мы тогда же возражали покойному Ѳ. Г. Лебединцеву противъ печатанія этого якобы мазепинаго портрета, указывая на то, что никакимъ образомъ портретъ Мазепы не могъ сохраниться на стѣнахъ лаврской церкви, да и *гетмана* не видно на этомъ портретѣ... Но *редактору* видимо хотѣлось *украсить свой журналъ...* [2]) Такимъ образомъ, никакой достовѣрности этотъ лаврскій портретъ Мазепы, по нашему мнѣнію, не имѣетъ [3]).

За симъ еще есть одинъ портретъ Мазепы, сохранившійся на иконѣ Покрова Божьей Матери, нынѣ принадлежащей вел. князю Николаю Николаевичу, а прежде находившейся въ Покровской Переяславской церкви. Объ этой иконѣ извѣстный А. Терещенко записалъ, лѣтъ около 50-ти назадъ, такое преданіе, что эту икону заказывалъ переяславскій полковникъ Мировичъ, близкій родственникъ Мазепы, для Покровской пе-

---

[1]) Гравюры Щирскаго указаны въ словарѣ граверовъ, прилож. къ книгѣ Ровинскаго—„Русскіе граверы и ихъ произведенія“ (М. 1870), стр. 353. Никакихъ „изображеній“, указывавшихъ бы на Мазепу, въ перечнѣ гравюръ Щирскаго—нѣтъ, да ихъ и не было. Не хотѣлъ ли покойный издатель портрета назвать здѣсь Тарасевича?..

[2]) Изданіе этого портрета вызвало тогда же возраженіе въ Кіевлянинѣ (1887 г., № 6), принадлежащее, какъ намъ извѣстно, покойному проф. В. А. Бецу. Возражая редактору К. Старины, Бецъ указывалъ на другой, болѣе достовѣрный портретъ Мазепы, именно на гравюру Норблена, находившуюся въ коллекціи проф. Чугаевича, а потомъ доставшуюся ему, Бецу. Покойный профессоръ очень желалъ издать фототипный снимокъ съ этой гравюры и уже было приготовилъ для этого негативъ... Съ этого негатива, любезно переданнаго намъ вдовою профессора Д. И. Бецъ, мы и сдѣлали прилагаемый здѣсь снимокъ. Г. Уманецъ говоритъ, что на этой гравюрѣ имѣется надпись: „Mazepa aetatis 78“. Обозначенія лѣтъ на нашемъ негативѣ нѣтъ, вѣроятно не отпечаталось.

[3]) Того же мнѣнія объ этомъ портретѣ и Ѳ. М. Уманецъ. См. его монографію о Мазепѣ, стр. 417.

реяславской церкви, которую онъ строилъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. По записи Терещенка, на этой иконѣ, по заказу полковника, изображены: Петръ В., супруга его Екатерина, Мазепа, Ѳеофанъ Прокоповичъ и друг. неизвѣстныя лица [1]). Петръ В. на этой иконѣ изображенъ въ латахъ; рядомъ съ нимъ—Екатерина I, съ вѣеромъ въ рукахъ; сзади Петра долженъ быть Мазепа—подстриженъ вкружокъ, съ усами; за Екатериной—двѣ придворныя дамы, а сзади ихъ—двѣ *паніи* въ кораблпкахъ. Эти кораблики собственно и указываютъ на мѣстное происхожденіе иконы, такъ какъ фигура предполагаемаго Мазепы заслонена царемъ и поэтому одежды гетмана почти не видно [2]). Говорить о какомъ либо сходствѣ этого портрета мы не будемъ уже и потому что трудно что-нибудь сказать и о сходствѣ нарисованнаго здѣсь Петра В., который представляется ужъ очень молодымъ... Хотя, напр., портретъ Екатерины I сдѣланъ мастерски: мы видимъ несомнѣнно красивую женщину, нарисованную опытною рукою,. Относительно этого Мазепинаго портрета можно сказать только, что Мазепа здѣсь безъ бороды. Борода Мазепы на его портретахъ возбуждаетъ у нѣкоторыхъ сомнѣніе... Такъ, напр., и Ровинскій готовъ заподозрить сходство съ оригиналомъ Норбленовской гравюры—только изъ-за бороды. Намъ кажется, что борода Мазепы потому вызываетъ у насъ сомнѣніе или недоумѣніе, что мы очень *привыкли* къ его *Бекетовскому* портрету, гдѣ этой бороды нѣтъ. Нѣтъ бородъ и на портретахъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола, которые оба умерли глубокими стариками... Но есть бороды на вполнѣ достовѣрныхъ портретахъ: генер. обознаго Василія Дунинъ-Борковскаго (К. Ст. 1894 г., № 3), генер. судьи Ивана Домонтовича (въ Батуринск. монастырѣ), лубенскаго полковника Максима Ильяшенка (К. Ст. 1891 г., № 1). Все это люди к. XVII

---

[1]) См. „Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божіей Матери и паденіи гетмана Мазепы предъ Покровскою церковью въ Переяславѣ“. А. Терещенка. Русск. Арх. 1865 г., стр. 818—322.

[2]) Описываемъ лица на покровской переяславской иконѣ, имѣя передъ собою фотографную ея копію (вышиною въ 12 вершк.), подаренную намъ покойнымъ В. А. Бецомъ

в., а Борковскій такъ и совсѣмъ современникъ Мазепы. Отсюда видно, что борода вовсе не была рѣдкостью въ старой Малороссіи на лицахъ людей „высокаго положенія", но носили бороду только старые люди. Поэтому совершенно естественно видѣть бороду на изображеніяхъ Мазепы заграничной гравюры 1704 г. („die Europäische Fame") и Вигуринской—1706 г. Никакихъ сомнѣній не представляетъ борода и на гравюрѣ Норблена, на которой гетманъ изображенъ дѣйствительнымъ старцемъ...

Какой же изъ описанныхъ здѣсь портретовъ Мазепы можно признать за наиболѣе достовѣрный? [1]) Мы бы сказали, что тотъ, который изображенъ на норбленовской гравюрѣ... Это дѣйствительно *мастерской портретъ*, а не полуфантастическіе рисунки 1704 и 1706 г. г., а затѣмъ—это портретъ, который гравированъ въ к. XVIII в., *заграницей*, гдѣ Норбленъ могъ найти настоящій портретъ Мазепы, потому что польскіе вельможи сохраняли портретъ этого болѣе или менѣе близкаго имъ человѣка... Не далеко отъ Бродовъ, въ Злочовскомъ „обводѣ", есть историческое село Подгорцы, сначала, въ XVII в., принадлежавшее Конецпольскимъ, а потомъ королевичу Якову Собѣскому. Въ Подгорцахъ имѣется великолѣпный палацъ, въ которомъ любилъ жить и отецъ собственника Янъ Собѣскій. Впослѣдствіи (1725 г.). Подгорцы перешли къ Ржевусскимъ, а теперь принадлежатъ Сангушкамъ. Подгорецкій палацъ, заключающій въ себѣ множество дорогихъ картинъ и разныхъ предметовъ искусства, подробно описанъ извѣстнымъ польскимъ книжникомъ и археологомъ Пшиленскимъ и его описаніе напечатано въ львовскомъ сборникѣ „Dniestrzanka" (Lwòw, 1841, стр. 9—33). Среди портретовъ польскихъ магнатовъ, украшающихъ стѣны замка, есть и pan Mazepa, hetman kozacki, портретовъ котораго здѣсь показано *два* (стр. 11 и 17). Вмѣстѣ съ Мазепою здѣсь помѣщаются:

---

[1]) Мы не упомянули здѣсь о портретѣ Мазепы, который описанъ г. Горленкомъ въ К. Стар. 1892 г. (Янв.. 603), такъ какъ очевидно („растегнутый кунтушъ") что это копія *бекетовскаго*. Тѣ „гетманскіе портреты, которые встрѣчаются, по словамъ г. Уманца, (стр. 419) на постоялыхъ дворахъ, въ домахъ помѣщиковъ' купцовъ"—все это очевидно снимки съ портретовъ Бант.- Каменскаго.

Конецпольскій, Ходкевичъ, Ржевускіе, *Богданъ Хмельницкій*, Карлъ XII, Августъ II, Августъ III и друг. [1]). Вотъ гдѣ нужно искать достовѣрнаго портрета Мазепы!.. Очень вѣроятно, что оригиналомъ и для Норблена служилъ одинъ изъ сохраненныхъ у поляковъ портретовъ Мазепы [2]). Интересно бы найти этотъ портретъ для провѣрки гравюры Норблена, во всякомъ случаѣ представляющей типичное лицо... Быть можетъ Ѳ. М. Уманецъ и правъ, говоря, что въ такого старика могла влюбиться Кочубеевна...

А. Л.

---

[1]) По рѣдкости книжки, гдѣ напечатано описаніе подгорецкаго палаца, упомянемъ, что тутъ находятся еще и слѣд. картины, касающіяся Малороссіи: „Pjmanie przez wojsko polskie jakiegos hetmana kozackiego. Zygmunt August w senacie na tronie siedzi, a kozacy przysięgę mu skladają.—Koniecpolski z kozakami. Есть тутъ и рукописи для насъ интересныя, напр. Regestr pułkownikòw woyska Zaporozskiego na expedyciją turecką 1620; Inwentarz zamku kijowskiego, spis. r. 1616 po polsku. Paszport Iwanowi Bohunowi wolnego przejscia przez" wojsko Zaporozkie, w ktorem tenże był pułkownikiem, 1631, po rusku."

[2]) Въ К. Ст. за 1890 г, № 1. помѣщена статья—„Старинная южнорусская гравюра"; авторъ ея говоритъ здѣсь (стр. 58) между прочимъ, что въ б—кѣ Красинскихъ, (въ Варшавѣ) находится старинный портретъ Мазепы, писанный масляными красками, „съ котораго сдѣлана гравюра Норблена". Лицо очень схоже съ тезисомъ Галяховскаго, но въ немъ Мазепѣ, вмѣсто короткой подстриженной бородки, придѣлана длинная борода въ двѣ космы, „которой Мазепа никогда не носилъ"." Изъ этой выписки не видно—знакомъ ли авторъ лично съ этимъ подлинникомъ гравюры Норблена и откуда ему извѣстно, что Мазепа длинной бороды „никогда" не носилъ. Свѣдѣніе объ указываемомъ здѣсь „оригиналѣ" норбленовской гравюры требуетъ большихъ подробностей, чтобы дѣлать какое нибудь прочное заключеніе, а относительно бороды могло и такъ быть, что Мазепа всегда носилъ (въ старости) длинную бороду, а тѣ „подстриженныя бородки", которыя мы видимъ на апотеозныхъ картинахъ, являлись тутъ изъ угодническаго желанія художниковъ облагообразить лицо властелина... Повидимому, приведенное замѣчаніе автора статьи „Стар. Южнор. грав." о сходствѣ апотеозы Галяховскаго съ гравюрой Норблена даетъ основаніе г. Уманцу уже для заключенія, что гравюра Галяховскаго служила прототипомъ гравюры Норблена...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письма А. И. Лизогуба къ Г. П. Галагану, 1853 года [1]). Черниговскій помѣщикъ Андрей Ивановичъ Лизогубъ извѣстенъ своими сердечными отношеніями къ Т. Г. Шевченку, котораго онъ не забылъ и въ горькіе дни жизни поэта. Какъ извѣстно, Л—бъ переписывался съ Ш. и во время его ссылки. Новѣйшій біографъ Т. Г. Ш. говоритъ, что за эту переписку графъ Орловъ, *будучи въ Черниговѣ, въ 1850 г.*, выражалъ Л—бу свое неудовольствіе и совѣтовалъ ее не продолжать... [2]). Среди своихъ современниковъ-помѣщиковъ А. И. Л—бъ замѣтно выдѣлялся своей любовью къ родинѣ, причемъ, будучи любителемъ живописи, онъ рисовалъ, какъ говорятъ, недурныя картинки изъ малорусской природы. По разсказу А. И. Ханенка, стѣны седневского дома Л—ба были украшены портретами его дѣтей—въ національной одеждѣ, работы—отца. Въ послѣдніе годы своей жизни Л—бъ былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по выбору отъ дворянства.

1. «Изъ поганои дороги зробилась ще поганійша, коханый брате и друже; и мы вже не сподиваемся, щобъ вамъ можно було, не тиль-

---

[1]) Письма заимствованы изъ архива Коллегіи Павла Галагана. См. К. Ст. 1899, янв.

[2]) Неприходилось намъ слыхать, чтобы гр. Орловъ былъ когда либо въ Черниговѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ сопровождалъ императора Николая I. Въ 1850 г. гр. Орловъ въ Черниговѣ вовсе не былъ, судя по тому, что Черниг. губ. вѣд. за этотъ годъ ничего о томъ не говорятъ. Не было у гр. Орлова и тѣхъ родственниковъ въ Черниговской губерніи, о которыхъ говоритъ львовское изданіе біографіи Т. Г. Ш—ка. *Ред.*

ки съ жинкою, у коій при сій вирный оказіи цилую обыдви ручки, але мабуть вамъ и самому, одному, не трапится насъ одвидати.— Праздники близько, треба бъ вамъ и до дому; напышить, будьте ласкавы, колы вы думаете ихать у Секиринци, щобъ я вамъ переславъ писни Максимовича и ваши рукописи. Тилько, Бога ради, бережитесь переправы на Десни; братъ Илья каже, щобъ зробить такъ, щобъ идти пишки по дамби, гдѣ буде шоссе, а тамъ систи у дуба да и переихать Десну до Кольчевки, а то на пароми—и довго мордуются досягнуть того краю, да ще и препоганые броды зъ сего боку— поки доберешся до того гаспыдского парома.—Бережитесь да й тильки. —Ефимовъ [1]) учора пріихавъ;—мабуть завтра, або сими днями буде у Черниговѣ.—Щасты вамъ Боже; усіого наилуччого въ свити зычить вамъ усіею душею и серцемъ щирый до васъ Андрей Лизогубъ. 5 апрѣля, 1853 г. Седневъ».

2. «Братъ Илья велив всимъ кланяцця, коханный брате, и посылае квиткивъ фіалокъ, що воны почалы цвисты. Елизавета Ивановна (жена И. И. Л—ба) тожъ кланяецця и посылае паску. Мы уси укупи поздоровляемо васъ съ милою жинкою зъ предстоящимъ велыкъ-днемъ, и жалкуемось, що вамъ не зъ доброю матусею вашою приходицця розговляться; але, такъ Богови угодно, хочъ бы вже, намъ зъ вами укупи исты паску, такъ и сіого не приходиться; нехай буде воля Божа; дай тилько Господи всякаго здоровья и радостнаго подарунка, що вы самы и ты уси, що васъ люблять, вамъ отъ щираго серця бажають. Якъ будете ихать до дому, то разгледьте перше дорогу до парома и переправу, щобъ не було бродовъ, а то на тыхъ бродахъ, опричъ того що нема шляху пидъ водою, бувають ще препоганыя ямы и трусько. Чи не можно якъ нибудь переихать у дуби; розглядайте хорошенько переправу. Кохай васъ Боже, якъ я васъ кохаю и зостаюсь щиримъ серцемъ до васъ зычлывый Андрей Лизогубъ. 17 апрѣля, 1853. Седневъ».

3. «Дякую щиро за вашъ листъ, коханный родичу; поздравляю зъ пріѣздомъ у Черниговъ, цѣлую ручки доброи вашои панеи и ма-

---

[1]) Этого Ефимова звали Дмитріемъ Егоровичемъ и онъ, повидимому, былъ только однофамильцемъ другого архитектора Н. Е. Ефимовича, занимавшагося въ 20-гг. планомъ возобновленія Десятинной церкви. См. Кіевск. Стар. 1896, № 10. Д. Е. Ефимовъ построилъ деревенскіе дома нѣсколькимъ черниговскимъ помѣщикамъ, напр., Миклашевскимъ, въ с. Пануровкѣ, Стародуб. уѣзда, Дун.-Борковскимъ въ с. Романовкѣ, Мглинскаго у., какъ объ этомъ ниже упоминаетъ и Л—бъ.

менького Павлуся. Дай Господы вамъ усякои радости и щастя, на великъ день и на усю жизнь. Минѣ не можно збигать до васъ, дѣтки нездужаютъ. Старшій Илько и меньшій Бурковскій Олексій [1]) уже поправились, а мій малый Митя ще теперь саме хоріе; а старшій Бурковскій теперь у батька. У моихъ була сыпь, и жаръ и кашель, але воно и не корь, а кажуть якаясь красуля, а що воно таке, вже я не знаю. Жинка васъ дякує за память и цѣлує вашу добрую панію. Уси наши вамъ щыро кланяються. Приходылось къ мови, то я й казавъ Ефимову, що вамъ хочеться, щобъ церква була бильша, чимъ якъ нарисована; а що фасадъ—вельми гарный. Винъ казавъ, що зробить и бильшую. Казавъ, що іому бы хотилось, щобъ вы іому поручили и доглядъ за постройкою сіеи церкви, бо винъ вельми цинить той рисунокъ. Якъ побачимось, то можно перше помирковать намъ промижъ себе.—Бувайте здоровы, коханный друже. Отъ усіого сердця щирый до васъ Андрей Лизогубъ. 1853. Ноября 1. Седневъ.

Сейчасъ сказалъ мнѣ Дмитрій Егоровичъ Ефимовъ, что ему завтра, въ понедѣльникъ, надобно быть въ Черниговѣ; это значитъ, что ему нужны туда лошади; быть можетъ вы его увидите въ Черниговѣ и захотите говорить съ нимъ о предполагаемой къ постройкѣ у васъ въ Секиринцахъ церкви; а потому распечатываю свое письмо, чтобы прибавить слѣдующее: шуринъ мой Яковъ Дмитріевичъ Борковскій заказалъ ему рисунокъ для себя дома и просилъ его быть и строителемъ онаго, и спросилъ прямо—какое слѣдуетъ ему выдать возмездіе за труды по надзору за постройкою.—За планъ предложилъ ему 200 руб. сер., но онъ взялъ за планъ 125 руб. сер., за надзоръ за постройкою назначилъ тысячу (1000) руб. сер. Спѣшу увѣдомить васъ объ этомъ для вашего соображенія».

Свѣдѣнія о неизвѣстныхъ будто-бы произведеніяхъ Т. Г. Шевченка. Въ февральской книжкѣ Кіевск. Старины за прошлый годъ напечатаны были воспоминанія полковника Е. М. Косарева о Т. Г. Шевченкѣ. Какъ извѣстно, Косаревъ былъ командиромъ одной

---

[1]) Племянникъ А. И. Лизогуба, женатаго на Борковской.

изъ ротъ оренбургскаго линейнаго батальона, составлявшаго гарнизонъ Ново-Петровскаго укрѣпленія во время пребыванія тамъ Т. Г. Ш—ка. Недавно въ *Новомъ Времени* (№ 8200) напечатано сообщеніе г. Н. Кучинскаго со словъ этого же самого Косарева о какихъ то «произведеніяхъ Шевченка», будто бы оставшихся у Косарева послѣ отъѣзда поэта изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія. Сообщеніе г. Н. Кучинскаго по этому предмету перепечатываемъ здѣсь.

«Проѣзжая въ 1887 году черезъ городъ Ташкентъ, я пробылъ тамъ нѣсколько дней и познакомился съ интересной личностью, отставнымъ полковникомъ Косаревымъ, туркестанскимъ старожиломъ, замѣчательно хорошо разсказывавшимъ про прежнюю средне-азіатскую жизнь.

Однажды полковникъ сообщилъ нѣсколько эпизодовъ про Тараса Шевченка, который, въ качествѣ ссыльного солдата, состоялъ въ гор. Казалинскѣ [1]) подъ его, коменданта, вѣдѣніемъ. Надъ неблагонадежнымъ поэтомъ былъ учрежденъ особый надзоръ. Слѣдили, главнымъ образомъ, чтобы Шевченко не имѣлъ чернилъ, бумаги, пера, карандаша и, вообще всего, чѣмъ можно было бы писать. Но вѣдь извѣстно, что даже въ тюрьмѣ при самомъ строгомъ контролѣ, находятъ, все-таки, у заключенныхъ недозволенныя вещи, а стѣны оказываются исчерченными стихами и разными изреченіями. Шевченку-же, пользовавшемуся относительной свободой, легко было удовлетворять своей страсти писать и рисовать при помощи остроумныхъ хитростей и снисходительности знакомыхъ казалинцевъ. Но, когда онъ попадался съ запрещенной работой, ее отбирали и препровождали коменданту Косареву.

— По примѣру Шевченки, я тоже сталъ сочинительствомъ заниматься,—сказалъ старый полковникъ.

— А напечатали что нибудь?—спросилъ я.

— Все собирался въ редакцію отправить и не рѣшился. А какъ пришлось выходить въ отставку и уѣзжать изъ Казалинска въ Ташкентъ, сложилъ всѣ бумаги въ ящикъ и до сихъ поръ не открывалъ его. Въ чуланѣ теперь стоитъ,

— Шевченкины произведенія тоже тамъ?

— Все въ ящикѣ!—отвѣтилъ Косаревъ.

— Дайте посмотрѣть ваши и Шевченкины бумаги,—попросилъ я.

---

[1]) Слѣдуетъ—въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. *Ред.*

Косаревъ обѣщался показать, но не раньше субботы, когда жена будетъ въ чуланѣ убирать.

Обстоятельства сложились такъ, что я долженъ былъ уѣхать изъ Ташкента раньше назначеннаго дня.

Шевченкины бумаги, оставшіяся послѣ Косарева, могутъ обогатить русскую литературу неизданными до сихъ поръ твореніями, а собственныя замѣтки полковника освѣтятъ біографію Шевченки описаніемъ пребыванія его въ Средней Азіи.

Я помѣщаю въ печать эти строки, чтобы кто-нибудь, встрѣтившись съ двумя дочерьми или сыномъ Косарева (Вячеславомъ), офицеромъ одного изъ туркестанскихъ баталіоновъ, попытался розыскать и опубликовать бумаги Шевченки, которыя быть можетъ, сохранились еще въ семейныхъ документахъ».

Къ этому сообщенію г. Кучинскаго считаемъ не лишнимъ добавить, что едва ли у Косарева оставалось что нибудь цѣнное изъ произведеній Шевченка: послѣ освобожденія изъ ссылки поэтъ имѣлъ полную возможность просить Косарева о возвращеніи его рукописей и судя по личности бывшаго «ротнаго командира», послѣдній ему въ томъ конечно не отказалъ бы, но Шевченко объ этихъ рукописяхъ, сколько знаемъ, никогда ничего не упоминалъ. *Ред*

Приключеніе англійскаго путешественника въ Миргородщинѣ, въ 1888 г. Въ маѣ 1888 г. я имѣлъ случай познакомиться съ ученымъ секретаремъ лондонскаго королевскаго географическаго общества г. Делмаръ-Моргановъ, который прибылъ въ Полтаву изъ Харькова съ рекомендательными письмами. Онъ былъ любезно принятъ покойнымъ полтавскимъ губернаторомъ Янковскимъ, а также бывшимъ предсѣдателемъ губернской земской управы А. В. Заленскимъ. Ко мнѣ г. Делмаръ-Морганъ обратился съ просьбою указать ему болѣе интересныя мѣста Полтавщины и снабдить его маршрутомъ для путешествія. Онъ свободно владѣлъ русскимъ языкомъ, конечно съ своимъ иностраннымъ акцентомъ, и желалъ познакомиться съ экономическимъ положеніемъ и бытомъ пановъ и крестьянъ. Заленскій снабдилъ путешественника порядочною пачкою рекомендательныхъ писемъ, а я, съ своей стороны, составилъ маршрутъ для

объѣзда Полтавщины, при чемъ указалъ на нѣкоторые болѣе интересные ея уголки.

Послѣ радушнаго пріема въ Полтавѣ, г. Делмаръ-Морганъ двинулся въ путь по указанному ему маршруту, но недалеко отъѣхалъ любопытный англичанинъ, такъ какъ былъ остановленъ полицейскимъ урядникомъ въ м. Шишакѣ, Миргородскаго уѣзда... Это свое приключеніе г. Делмаръ-Морганъ подробно описалъ въ письмѣ ко мнѣ, отъ 31 мая (12 іюня) 1888 г., присланномъ изъ Кіева. Вся бѣда стряслась надъ почтеннымъ путешественникомъ вслѣдствіе того, какъ оказывается, что губернаторъ Янковскій понадѣялся на свою визитную карточку, данную имъ г. Делмаръ-Моргану безъ всякаго письменнаго поясненія объ оказаніи содѣйствія путешественнику. Полученное письмо привожу здѣсь съ соблюденіемъ неправильностей подлинника.

В. Василенко.

—

«Дорогой г. Василенко.

Поѣздка въ Полтавской губерніи, предпринятой мною, какъ Вамъ извѣстно, неожиданно скоро прекратилась. Вотъ почему: поѣхавъ изъ Полтавы 14 мая, я ночевалъ на первый день въ Диканка. Тамъ меня приняли очень гостепріимно, показали заводъ, сельско-хозяйство, домъ и все, однимъ словомъ, дѣлали все, что могли. Я остался очень довольнымъ и на слѣдующій день отправился дальше. Пріѣхавъ въ Опошни, я немедленно обратился тамошнему мировому судью Трипольскому, который также вмѣстѣ со своей женой оказали мнѣ много содѣйствія. Въ Сорочинцахъ я не съ кѣмъ познакомился, остался тамъ только нѣсколько часовъ, купался въ рѣкѣ Пслѣ и поѣхалъ дальше на Яновщино. Здѣсь я тоже имѣлъ счастіе познакомиться съ сестрой и племянникомъ Гогола, осмотрѣть домъ и усадьбу и слушать нѣсколько воспоминаній про знаменитаго автора. Изъ Яновщина я поѣхалъ на Шишакъ. Вотъ гдѣ меня застало несчастіе. По неимѣвію лошадей, я долженъ былъ ждать на станціи обывательской. Чтобы провести время, я пошелъ прогуляться въ деревни. И такъ, по любопытству, вошелъ въ одномъ хатѣ. Хозяинъ показалъ мнѣ свой садъ и хозяйство, жаловался что у него нѣтъ земли и такъ далѣе. Другіе присоединились къ нашему разговору, сдѣлали свои замѣчанія и такъ далѣе. Скоро послѣ возвращенія на станціи, представлялся ко мнѣ урядникъ и сталъ требовать паспортъ. Онъ

остался этимъ недоволенъ и на карточку генерала Янковскаго не обратилъ малѣйшее вниманіе. (Не помню говорилъ ли я вамъ, что полтавскій губернаторъ, когда я у него былъ и просилъ открытый листъ, ссылался на свою карточку, увѣряя что это очень довольно въ случаѣ надобности показать мѣстному начальству). Урядникъ грубилъ порядочно и на слѣдующій день, когда нанявъ лошадей я хотѣлъ отправиться, остановилъ меня, потребовавъ, чтобъ я его сопутствовалъ къ становому въ Сорочинцахъ. Противъ начальства я не сталъ сопротивляться, но кстати пріѣхалъ самъ становой, который увидавъ, что я ничего дурного не сдѣлалъ, а просто распрашивалъ крестьянъ по любопытству, какъ могъ всякій путешественникъ, оставилъ бы меня въ покой, но такъ какъ у меня иностранный пашпортъ, то просилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Миргородъ. Въ Миргородѣ исправникъ возвратилъ пашпортъ, при томъ совѣтовалъ обратиться телеграммою консулу или другому вліательному лицу. Я такъ и сдѣлалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ полтавскаго губернатора. На слѣдующее утро не получивъ отвѣта отъ своего знакомаго въ Петербургѣ, которому я обратился для содѣйствія и не желая терять болѣе времени въ Миргородѣ, я заказалъ лошадей на станціи и поѣхалъ въ Ромоданъ, съ разрѣшеніемъ исправника. Однако же мнѣ посадили жандарма въ повозкѣ. Въ виду такого недовѣрія со стороны начальства, я счелъ лучшимъ прекратить дальнѣйшія изслѣдованія въ Полтавской губ., взялъ билетъ на Кременчугъ и Кіевъ и пріѣхалъ сюда 19 числа. Здѣсь профессоръ Антоновичъ всевозможными стараніями помогалъ меня изгладить непріятныя воспоминанія и впечатлѣнія моего путешествія. По его рекомендаціи, я сдѣлалъ поѣзку въ Кочановку къ Тарновскимъ, у которыхъ я гостилъ четверо сутокъ и получилъ радушный пріемъ. Теперь же я собираюсь ѣхать дальше—въ Кременчугъ, Екатеринославъ, Крымъ, Одессу. Оттуда же, или моремъ черезъ Константинополь домой, или по желѣзной дороги въ Львовъ, и черезъ Австрію въ Англію.

Извините, что я вамъ такъ обстоятельно писалъ обо всемъ, но такъ какъ вы были такъ любезны указать мнѣ самые интересные пункты и составить маршрутъ, то счелъ это за обязанность извѣстить васъ о послѣдствіи.

Примите увѣреніе моего къ Вамъ глубокаго уваженія и искренней преданности. Э. Делмаръ-Морганъ.

P. S. Передайте, если будете имѣть случай, г. Заленскому о моихъ приключеніяхъ, ставшихъ меня въ невозможности исполнить програму и воспользоваться рекомендательными письмами такъ любезно снабженными имъ. Пожалуйста кланитесь вашей супруги отъ меня. Кіевъ. 31 мая (12 іюня) 1888 года».

Малорусская кабальная запись, 1725 года. Этотъ интересный документъ, печатаемый ниже, полученъ нами отъ П. Я. Дорошенка (изъ Глухова). По этому акту «подданный» глуховскаго сотника Мануйловича записывается со всею своею семьею, въ *вѣчное владѣніе* своему державцѣ за то, что тотъ заплатилъ за него Вельяминову сколько-то денегъ за передержательство вельяминовскаго крестьянина. Такой актъ былъ не возможенъ въ это время гдѣ нибудь въ степной Малороссіи, и вполнѣ былъ возможенъ въ Глуховѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Великороссіей, гдѣ подобныя *кабальныя записи* давно уже практиковались. Во всякомъ случаѣ, печатаемый здѣсь актъ представляетъ собою любопытный документъ для исторіи закрѣпощенія крестьянъ въ Малороссіи.

А. Л

Року 1725, мѣсяца декабря 23 дня. Я, Василый Андріевъ синъ прозиваемій Козинцевъ, житель ромашковскій, чиню вѣдомо симъ моимъ доброволнимъ записомъ, кому бы о семъ вѣдати надлежало, ижъ превосходителнего его млсти господина Стефана Велляминова, бригадира и коллегіи малороссійской президента, крестьянинъ его владѣнія Іванъ Василіевъ синъ Сериковъ зъ женою и зъ дѣтмы жилъ у мене сего жъ 725 году, за которого его милость панъ Іванъ Мануйловичъ, сотникъ глуховской, державца мой, платился его превосходителству немалое число денегъ; теди я немѣючи чимъ тѣхъ денегъ пану сотнику уплатити, а понеже я теперъ и предъ симъ въ козацкомъ компутѣ не былъ и не записанъ, и за тѣ денги данніе записуюся зъ женою своею и зъ дѣтми, и наслѣдники—его милости пану Івану Мануйловичу, женѣ его и потомкамъ, или кому отъ него вручено будетъ, во вѣчное владѣніе, которимъ должни вѣрне, неисходя никуда, служити вѣчне. Чего для лѣпшой вѣри и твердости въ потомніе часи, сей мой

запись, за вѣдомомъ всего ниже подписаннего уряду глуховского, его милости пану Івану Мануйловичу, сотнику глуховскому, въ ратуши глуховской далемъ, року и дня звишписанного. Къ сей записѣ церкви Илинской глуховской школникъ Яковъ Андрѣевичъ вмѣсто Василія Андрѣева сина Козинцева, жителя ромашковскаго, по его прощенію руку приложилъ.

Федоръ Омелиновичъ, атаманъ глуховскій. (*Съ подлинника*).

Закрутки и заломы. «Закрутки» и «заломы» — это особый видъ колдовства, внушающій и доселѣ немалый страхъ простому сельскому люду. «Закрутки» попадаются въ лѣсу, саду, огородѣ, но чаще всего на полѣ, именно на злакахъ. Насколько люди боятся этихъ «закрутокъ», и насколько сами вѣдьмы вѣруютъ въ нихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа землянскихъ крестьянъ Наума Савченка и Марфы Гутырихи, которые были очевидцами этого случая.

«Въ 20-хъ годахъ въ с. Землянкѣ, Глуховск. у., на левадѣ у помѣщика Бартоша оказалась на житѣ «закрутка». Узнавъ про такое несчастье, Бартошъ отправился къ священнику и попросилъ его отслужить молебенъ и вырвать «закрутку». Въ старинныхъ, могилянскихъ требникахъ существовали молитвы на всѣ подобные случаи, и священникъ вырывалъ «закрутку» крестомъ.—Это былъ будній день, когда священникъ съ Бартошемъ отправились служить молебенъ на левадѣ. Зазвонили въ колокола. Въ это время та баба, которая дѣлала закрутку, мѣсила дома тѣсто. Никто не подозрѣвалъ ее въ вѣдовствѣ. Услыхавъ звонъ, она спросила, что сегодня за праздникъ? Ей отвѣтили, что звонятъ потому, что у Бартоша батюшка закрутку вырываетъ. Тогда она, съ руками въ тѣстѣ, побѣжала на леваду, желая повиниться и остановить проклятіе; но когда добѣжала и увидѣла, что священникъ закрутку уже вырываетъ, то она упала на улицѣ и заголосила; съ ней случился припадокъ падучей, и ей скорчило руки и ноги. Все, что она желала Бартошу, приключилось съ ней, и она жила калѣкой до своей смерти».

Во время жатвы я не одинъ разъ натыкалась на эти закрутки; срисовавъ ихъ нѣсколько видовъ, я пригласила «знающаго человѣка» отъ котораго узнала слѣдующія подробности.

Бабы дѣлаютъ закрутки либо на смерть, либо на болѣзнь, на скотской надежъ, на усыханіе лѣса, на убытки. Когда подобной бабѣ придетъ «необходимость» дѣлать зло, то она непремѣнно пойдетъ дѣлать закрутки. Дѣлаютъ закрутки на *зорѣ*, т. е. передъ восходомъ, или вскорѣ по захожденіи солнца. Пойдетъ вѣдьма на поле, сброситъ съ себя всю одежду, кромѣ рубахи, безъ пояса, скинетъ головной уборъ, растреплетъ на головѣ волоса, выберетъ себѣ нивку съ какимъ нибудь хлѣбомъ, станетъ на мѣсто, мысленно очертитъ вокругъ себя на разстояніи трехъ аршинъ отъ себя черту, за которую будто бы никто не въ силахъ къ ней приблизиться, и начнетъ лѣвой рукой дѣлать закрутки и заломы. Нагнется вѣдьма надъ пашней, правой рукой держитъ стебель и колосья, а лѣвой крутитъ, ломаетъ и заворачиваетъ стебли «одъ лукавого». т. е. не посолонь, а противъ солнца. Это вѣрная примѣта, чтобы узнать, настоящая-ли то закрутка или шутка.

Когда вѣдьма сдѣлаетъ одну закрутку или заломъ, то разогнется, станетъ прямо и обѣими ногами перескочитъ черезъ закрутку, послѣ чего отправляется дальше, пока не окончитъ всего задуманнаго. Въ составленіи закрутокъ существуетъ цѣлая разнообразная система, извѣстная лишь самимъ вѣдьмамъ и ихъ антагонистамъ вѣдьмакамъ, или «опытнымъ» людямъ.

Срисовавъ видѣнныя мною закрутки, я пригласила такого человѣка, съ просьбой объяснить мнѣ значеніе ихъ

«Всѣ закрутки дѣлаются на три стороны свѣта: на востокъ, западъ и сѣверъ, на югъ никогда. *Номеръ первый*—это *залóмъ* (солома не скручена, а поломана); онъ заломленъ на западъ. Заломъ этотъ—годовой, теперь отъ него ничего не приключится, а чрезъ годъ хозяева, именно двѣ души, заболѣютъ *годовой болѣзнею. Номеръ второй—зáкрутка*, загнута на востокъ. Она сдѣлана на убытокъ: отъ хозяевъ отнята «спорость» (удача, успѣхъ) во всѣхъ дѣлахъ. *Номеръ третій—зáкрутка* на востокъ; сдѣлана на скотской падежъ, на людскую болѣзнь, и отъ этой закрутки умретъ двѣ души въ разное время. *Номеръ четвертый—зáкрутка* на сѣверъ; сдѣлана она для двухъ душъ на два года болѣзни и обѣимъ одновременно умереть. *Номеръ пятый—потайной залóмъ:* на семь вершковъ отъ земли взять правой рукой горсть стеблей, а лѣвой берется одинъ-два стебля съ колосомъ и, не вырывая, заломить «одъ лукавого» вокругъ горсти жита, какъ бы ниткою обвести, а средніе колоски лѣвою-же рукою

заломить, чтобы чрезъ ободокъ кругомъ висѣли. Надѣлаетъ вѣдьма такихъ потайныхъ заломовъ по всей нивѣ, а хозяева не розглядятъ, вообразятъ, что кони или свиньи жито «побили», (а то вѣдьма черезъ заломы скакала) и выжнутъ ниву безъ предосторожностей; тогда на томъ хозяинѣ сядетъ столько чирьевъ, сколько на нивѣ было сдѣлано «потайныхъ заломчиковъ».

Есть такіе люди, которые эти закрутки и заломы вырываютъ и «отшептываютъ», но свои знанія держатъ они въ секретѣ и только передъ смертію передаютъ эти свѣдѣнія какому нибудь близкому лицу. Такимъ «опытнымъ человѣкомъ» въ с. Землянкѣ былъ козакъ Ром. Голубъ, умершій около 20 л. назадъ. Его знанія теперь перешли къ коз. Николаю Сѣрику, 60 лѣтн. старику, отъ котораго я и получила настоящія свѣдѣнія. Нашептыванія онъ не согласился открыть, а сказалъ только, что отъ заломовъ и закрутокъ покровителемъ состоитъ архистратигъ Михаилъ; ему надо молиться, онъ отъ этого зла спасаетъ. Вырывать и отмаливать закрутки можно во всякое время дня.

П. Литвинова.

Надпись на книгѣ, посланной Метлинскимъ О. М. Бодянскому. Приводимъ здѣсь надпись Амвр. Метлинскаго на его книгѣ: «Думки и пѣсни та шче де-що» (Харьковъ, 1839), сдѣланную, какъ видно, при посылкѣ этой книги О. М. Бодянскому.

«Спасиби тоби, братику, по неньцѣ ридненькій, Украинѣ старенькій, за твою вѣрну про мене памъять и Казки Материнки [1]). Давно я читавъ ихъ: вони ище тодѣ процвѣли и запахли менѣ мовъ *материнка* [2]) на чужому полѣ, и про матинку нагадали, про матинку—матиръ нашу ридну. А хто хоче, щобъ вона замовкла на вѣки, хай ёму зацѣпить.—17 февраля 1843». А. Могила.

---

[1]) Разумѣется книжка О. М. Бодянскаго, напечатанная въ 1835 году, въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Наськы украинськы казкы, запорозьця Иська (т. е. Осипа), Матерынки". 16 д. л. XX+47 стр. Книжка посвящена: „Матери мой ридненькій, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ." Предисловіе подписано: І. Б. М. Варва. 1834. (Бодянскій былъ родомъ изъ Варвы).

[2]) Материнка=origanum vulgare, L.

«Роспитайся, будласковъ, чи не можно менѣ хочъ книжками абищо шчо небудь получити одъ покійного Ширяева. Винъ усѣ книжки роспродавъ, якъ самъ мовлявъ и Пашкови (?), а я жъ одъ ёго и шеляга не бачивъ. Тежъ и одъ Андрія Глазунова, тежъ и одъ петербурськихъ артистивъ (банкрутитись)!».

Сильно любили свою родину оба: и тотъ кто посылалъ книгу, и тотъ, кому она посылалась!

Къ біографіи м. Гавріила Кременецкаго. М. Евгеній говоритъ (Опис. Кіево-Софійск. Собора, стр. 234), что м. Гавріилъ Кременецкій родомъ былъ изъ «города Носова», а отецъ его «былъ въ Носовѣ городовымъ старшиною». Трудно понять отсюда и мѣсто родины митр—та (вспоминается лѣтописный Носовъ) и чинъ его отца... Современная запись говорить яснѣе: «его преосвященство (м. Гавріилъ) былъ уроженецъ малороссійскій, полку Нѣжинского, *мѣстечка Носовки, сынъ бывшаго тамошняго войта*». Отсюда видимъ, что м. Гавріилъ Кр—ій по рожденію принадлежалъ къ *посполитству*: отецъ его былъ войтомъ носовскихъ крестьянъ, которые въ к. перв. полов. XVIII в. были отданы—сначала Миниху, а потомъ Алексѣю Разумовскому. Такимъ образомъ, сынъ войта богатаго мѣстечка не ограничивается какою нибудь мѣстною школою, а идетъ учиться въ Кіевъ, сначала въ «нижнихъ школахъ» а потомъ и «философія». Кончивъ академію, сынъ сельскаго войта сдѣлалъ блестящую духовную карьеру... Такіе случаи были нерѣдки; только, пока, мы еще, мало имѣемъ свѣдѣній о происхожденіи многихъ видныхъ малорусскихъ дѣятелей изъ монашества. Напр., извѣстный архимандритъ кіевской лавры Іоанникій Сенютовичъ, (ея возобновитель послѣ пожара), былъ сосницкій козакъ.

Современникъ м. Гавріила оставилъ любопытную запись о его пріѣздѣ въ Кіевъ. Здѣсь, между прочимъ, о первомъ посѣщеніи митрополитомъ «кафедральнаго Софійскаго монастыря,» говорится слѣдующее: «въ проѣздъ его преосвященства отъ Николаевскаго монастыря, до кафедрального (м—ря) *цеховіи подольскіи мѣщане зъ корогвою и съ котлами, въ котлы бючи, на коняхъ передъ его преосвященствомъ ѣхали...» (Кіевск. Еп. Вѣд. 1899 г., № 2)*, Жалко, что какой-нибудь другой современникъ не нарисовалъ этой картины...

В. М. Бѣлозерскій. (*Некрологъ*). 20-го февраля скоропостижно умеръ, въ хуторѣ подъ Борзною, Вас. Мих. Бѣлозерскій, бывшій редакторъ журн. *Основы*. Въ печатающихся на страницахъ Кіевск. Старины письмахъ Кулиша немало находится свѣдѣній объ этомъ нѣкогда близкомъ ему человѣкѣ, за котораго онъ предстательствовалъ у М. В. Юзефовича, желая направить своего шурина, послѣ окончанія имъ университета, по дорогѣ ученаго. Но эта карьера молодому кандидату кіевскаго университета не удалась, такъ какъ извѣстно, что за участіе въ Кирилло-Мефодіевскомъ обществѣ Б—ій долженъ былъ нѣкоторое время (въ концѣ сороковыхъ годовъ) прослужить въ Петрозаводскѣ. Отсюда В. М. Б—ій перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ и возникла, въ 1861 г., подъ его редакторствомъ *Основа*. Журналъ этотъ не просуществовалъ и двухъ лѣтъ, такъ какъ на октябрской книгѣ 1862 г. онъ прекратился. Когда нибудь историкъ разскажетъ любопытную повѣсть объ этомъ кратковременномъ журналѣ, судьба котораго тѣсно была связана съ личнымъ характеромъ нынѣ умершаго его редактора. Извѣстно, что П. Кулишъ былъ недоволенъ редакторствомъ своего шурина, и выражался иногда слишкомъ рѣзко о недостаточномъ умѣніи послѣдняго — вести журналъ, при достаточныхъ къ тому средствахъ. Въ шестидесятыхъ годахъ В. М. Б—ій служилъ въ Варшавѣ директоромъ канцеляріи учредительнаго комитета. По оставленіи этой службы, В. М. Б—ій не имѣлъ опредѣленной дѣятельности и нерѣдко строилъ въ это время разные планы экономическаго характера. Паралитическое состояніе В. М. Б—аго приковало его въ послѣдніе годы къ родному хутору, гдѣ онъ и умеръ въ семидесятипятилѣтнемъ примѣрно возрастѣ. Всегда живо интересуясь литературой, В. М. Б—ій самъ писателемъ никогда не былъ. Въ *Основѣ* его писаній совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ лишь небольшихъ примѣчаній. Живой и общительный характеръ умершаго мѣшалъ ему сосредоточиться... Но любовь къ родинѣ у бывшаго редактора Основы никогда не угасала и за эту любовь онъ не будетъ забытъ.

Юлій Коссакъ. (*Некрологъ*). 22 января с. г. умеръ одинъ изъ старѣйшихъ польскихъ художниковъ—Юлій Коссакъ, родившійся въ 1824 г. К—къ былъ уроженецъ м. Вишница (въ Галиціи) и учился въ львовскомъ университетѣ. Много путешествуя въ молодости, К—въ изъѣздилъ Подолье, Волынь и Кіевщину; здѣсь онъ долго гостилъ у гр. Браницкихъ и много тутъ рисовалъ. Такимъ образомъ правобережная Малороссія К—ку хорошо была знакома.

Болѣе всего любилъ К—къ рисовать лошадей и тѣ сцены, гдѣ послѣднія являлись необходимостью: битвы, стада, переправы черезъ рѣки... [1]). Сцены изъ народнаго быта также были частою темою рисунковъ К—ка. Изучивъ жизнь подольскихъ крестьянъ, во всѣхъ ея фазахъ, К—къ явился замѣчательнымъ ея иллюстраторомъ, какъ это видно особенно изъ его рисунковъ, которыми онъ украсилъ монографію Завадскаго—*Obrazy Rusi Czerwonéj* (Tygodn. Illustr., 1864 г., №№ 223—232 и отдѣльно). Эти рисунки представляютъ живыя картины Подолья въ его природѣ и людяхъ: художникъ какъ бы воплощалъ въ своемъ рисункѣ близко знакомую ему часть Галиціи въ ея народной жизни. Вотъ эти рисунки: *Pastuszkowie przy drodze*, *Krajobraz Podolski*, *Pantelicha*, *Cerkiew w dzień nedzielny*, *Dobrodziéj* («парохъ» и крестьянка, съ пѣтухомъ подъ мышкою, цѣлующая его руку), *Kolomyjka*, *Arendarz*, *Żydzi podolsky*, *Żydówki podolskie*, *Konie podolskie*, *Chaty wiesniacze na Podolu*, *Ubiory włościan na Podolu galicyiskiem*, *Lirnik podolski*, *Pogrzeb wiejski*, *Powrot z jarmarku*, *Jarmark*, *Hailka*, *Korowaj* и *Tłoka*. Снимокъ съ одного изъ этихъ рисунковъ въ уменьшенномъ видѣ—*Церковь въ воскресный день*—помѣщаемъ ниже.

Еще раньше этихъ иллюстрацій, въ Tygodn. Illustr. 1861 года (№ 105) былъ помѣщенъ рисунокъ Ю. Коссака—*Typy i ubiory ludowe z Rusi Czerwonej* [2])—представляющій пять фигуръ крестьянъ.

Типичны рисунки Ю. Коссака, которыми онъ иллюстрировалъ повѣсть Ежа—*Pamiętniki starającego się*, напечатанную тамъ же, въ 1865 г. (№ 313 и слѣд). Здѣсь, на первомъ планѣ, видимъ рисунки Кіевщины, такъ какъ дѣйствіе разсказовъ происходитъ въ Уманскомъ уѣздѣ. Укажемъ, напр., на «*dworek*» въ с. Тальномъ, наполненный *крутороіими* волами у колодезныхъ корытъ. Тутъ же видимъ типическія лица: мирошника (młynarz), насѣчника, ганчара и нѣсколькихъ евреевъ. Особенно удаются Коссаку типы послѣднихъ, даже въ миніатюрныхъ рисункахъ. Такъ, напр., въ этихъ же иллюстраціяхъ, къ повѣсти Ежа мы видимъ двѣ фигурки—*Żidzi humanscy*, въ ихъ прежнихъ характерныхъ мѣховыхъ шапкахъ: такъ и слышишь, какъ одинъ изъ нихъ, поднявъ руку, пересчитываетъ по пальцамъ выгоды предлагаемаго или, можетъ быть, уже и обдѣланнаго гешефта... Очень интересны рисунки Коссака—*Dawne ubiory i uzbrojenia;* Коссакъ ревностно собиралъ ихъ по разнымъ коллекціямъ, для исторіи поль-

[1]) См. перечень, повидимому, лучшихъ картинъ Коссака въ книгѣ „Katalog Illustrowany sztuki polskiej od roku 1764—1886", (Lwów, 1894) №№ 1060—1081.

[2]) „Rysował z natury Kossak".

ской одежды, и помѣщалъ въ томъ же Tygodnik'ѣ шестидесятыхъ годовъ. Межъ этими рисунками есть интересные и для насъ, напр., *Rusin z lukiem i sajdakiem*—по рисунку XVI в. (1865 г., № 297).

Все это работы Ю. Коссака—молодыхъ и среднихъ его лѣтъ. Въ старости онъ опять встрѣтился съ Малороссіей въ своихъ иллюстраціяхъ къ извѣстному роману *Огнемъ и Мечомъ*. Одинъ изъ лучшихъ рисунковъ здѣсь—*Встрѣча Хмельницкаго съ Тугай-Беемъ*. Этотъ рисунокъ былъ помѣщенъ и въ Tygodn. Illustr. (1886 г., № 194), а въ большомъ видѣ и раскрашенный—продавался, лѣтъ пять назадъ, въ кіевскихъ красочныхъ лавкахъ. Это одинъ изъ лучшихъ Коссаковыхъ рисунковъ: тутъ все въ движеніи, спѣшащихъ другъ къ другу навстрѣчу—козаковъ и татаръ... Хмельницкій на бѣломъ конѣ горделиво принимаетъ первое привѣтствіе Тугай-Бея...

Польскія газеты наполнены воспоминаніями и сожалѣніями объ умершемъ Ю. Коссакѣ. Бросаемъ и мы свою горсть земли на свѣжую могилу художника, не забывшаго народа, среди котораго онъ жилъ.

Церковь въ воскресный день

В. Н. Ястребовъ. *(Некрологъ).* Въ декабрѣ прошлаго года умеръ В. Н. Ястребовъ, одинъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ Кіевской Старины. Умеръ онъ въ больницѣ душевнобольныхъ въ Елисаветградѣ. Надѣемся болѣе подробныя свѣдѣнія объ умершемъ представить въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала.

Летучія замѣтки.

Къ чествованію И. П Котляревскаго. Прежде сообщенія позднѣйшихъ свѣдѣній по этому предмету, приведемъ здѣсь пять телеграммъ изъ множества ихъ полученныхъ во Львовѣ, въ прошломъ году, ко дню празднованія «Науковымъ Товариствомъ имени Шевченка» *столитнихъ роковинъ.* Телеграммы эти напечатаны въ одной изъ последнихъ книжекъ *Галиц. Лит.-наук. Вѣстника.*

Петербургъ «Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи наукъ привѣтствуетъ общество имени Шевченка съ торжествомъ по поводу столѣтія выхода Энеиды Котляревскаго. *Предсѣдатель Бычковъ.*

Харьковъ. «Императорскій Университетъ шлетъ свой привѣтъ львовскому ученому обществу имени Шевченка и присоединяется къ чествованію памяти въ родственной намъ русской Галиціи незабвеннаго И. П. Котляревскаго, положившаго сто лѣтъ тому назадъ своею перелицеванной Энеидой начало новой малорусской литературѣ *Ректоръ Алексѣенко.*

Харьковъ. «Харьковское историко-филологическое общество съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяется къ чествованію памяти Котляревскаго, цѣня въ немъ высокодаровитаго писателя, раскрывшаго въ оригинальной художественной формѣ богатство малорусскаго языка и содѣйствовавшаго возникновенію серьезнаго интереса къ малорусской народности и литературѣ. *Предсѣдатель профессоръ Сумцовъ*».

Черниговъ. «Черниговская Губернская Земская Управа. 12 октября 1898 г. Нр. 6362. г. Черниговъ. Въ «Наукове Товариство імени Шевченка у Львові». Черниговская Губернская Земская Управа, принося «Науковому Товариству імени Шевченка» благодарность за приглашеніе на литературное празднество, въ виду предстоящаго Земскаго Собранія, не можетъ прислать своего представителя, но

считаетъ своимъ долгомъ выразить «Товариству» привѣтъ и сочувствіе въ день празднованія столѣтняго юбилея новаго періода украинской литературы и пожеланіе ей въ будущемъ свободнаго и счастливаго развитія». *Подписи предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ.*

Житомиръ. «Витаючи вин. товариство з радісним ювилеєм полуднево-руськоі мови, Волинське церковно-археольогічне товариство сердечно жичить дальшоі щироі праці на добро руському краеві. *Президентъ товариства Барскій.*

Чествованіе И. П. Котляревскаго. 1) *Въ Петербургѣ.* Объ этомъ чествованіи мы получили слѣдующую корреспонденцію. «22-го января Петербургу удалось почтить нѣсколько запоздавшимъ юбилейнымъ спектаклемъ, устроеннымъ въ залѣ Павловой, память творца Энеиды. Не смотря на то, что продажа билетовъ была начата только за два дня до спектакля и особыхъ объявленій нигдѣ не появлялось, публика наполнила обширный залъ Павловой, изящно декорированный гирляндами цвѣтовъ. Въ углу около сцены на высокомъ пьедесталѣ помѣщался громадный гипсовый бюстъ поэта, работы Позена, представляющій, помимо удачнаго выполненія, тѣмъ большій интересъ, что съ этого слѣпка будетъ отлитъ памятникъ въ Полтавѣ. Изящно отпечатанная и украшенная красивой виньеткой (работы художника Сластёна) программа вечера [1]) подтвердила ходившіе слухи объ участіи въ празднествѣ М. К. Заньковецкой и М. Л. Кропивницкаго, обѣщавшихъ исключительно для него пріѣхать въ Петербургъ, первая—изъ Харькова, а второй—изъ Москвы. Вечеръ долженъ былъ состоять изъ двухъ отдѣленій: первое—литературно-музыкальное—имѣло цѣлью, судя по программѣ, дать въ отдѣльныхъ отрывкахъ болѣе или менѣе полную картину Украинской литературы: сюда вошли отрывки изъ «Энеиды», произведеній Основьяненка, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Гребенки, Глѣбова, Марка-Вовчка, Стороженка, Кулиша, Щоголева, Мордовцева и Старицкаго. Кромѣ того, въ это же отдѣленіе было включено нѣсколько вокальныхъ номеровъ. Второе отдѣленіе посвящено было «Наталкѣ-Полтавкѣ (двѣ

---

[1]) „Программа семейнаго литературно-музыкальнаго вечера со спектаклемъ и танцами 22 января, въ залѣ Павловой", украшенная портретомъ И. П. Котляревскаго и готовящимся къ открытію его памятникомъ, продается въ книжной лавкѣ „Кіевской Старины". *Ред.*

послѣднія картины), съ участіемъ М. К. Заньковецкой въ заглавной роли и Кропивницкаго (Выборный).

Юбилейное празднество было открыто Д. Л. Мордовцевымъ, выяснившимъ въ коротенькой лирической аллегоріи значеніе Котляревскаго въ украинской литературѣ. Затѣмъ были прочтены отрывки изъ Энеиды и Кобзаря, стихотворенія Кулиша, Щоголева, Старицкаго и очеркъ Мордовцева. Лучшимъ изъ чтецовъ, былъ, конечно, М. Л. Кропивницкій («Чернецъ» и «Думы мои»), встрѣченный громомъ рукоплесканій, повторявшихся послѣ каждаго исполненнаго имъ номера. Большой успѣхъ имѣлъ хоръ любителей, исполнившій нѣсколько народныхъ пѣсенъ, и солисты: г-жа Ѳеодоско, г. Жадановъ и г. Я., оказавшійся извѣстнымъ Петербургу и Кіеву пѣвцомъ. Послѣдній съ замѣчательнымъ вкусомъ и рѣдкимъ воодушевленіемъ спѣлъ два романса г. Гордѣева на слова Кобзаря «Думы мои» и «Одъ села до села танци та музыки», принятые публикой съ восторгомъ еще въ прошломъ году, на вечерѣ въ память Шевченка. Понятно, что и въ этотъ разъ публика безконечно вызывала талантливаго пѣвца, настойчиво требуя отъ него повтореній.

Болѣе интереснымъ оказалось второе отдѣленіе (Наталка-Полтавка), тѣмъ болѣе, что малорусскія труппы, къ сожалѣнію, весьма рѣдко посѣщаютъ Петербургъ, а любители въ послѣднее время что-то пріумолкли. Интересно оно было въ художественномъ отношеніи, особенно благодаря участію г.г. Заньковецкой и Кропивницкаго Говорить подробно объ исполненіи этими общепризнанными талантами своихъ ролей, само собой разумѣется, излишне; достаточно сказано, что оно было, какъ и всегда, мастерское и повліяло на прочихъ участниковъ-любителей. Публика горячо привѣтствовала своихъ любимцевъ и устроила имъ, какъ при появленіи на сценѣ, такъ и по окончаніи спектакля, шумныя оваціи съ цвѣточными и иными подношеніями. Послѣ спектакля, въ первомъ часу ночи начались танцы. Въ залѣ царила большое оживленіе, какое рѣдко можно видѣть. Многіе изъ танцующихъ были въ малорусскихъ костюмахъ. Вѣнскій вальсъ и жеманный модный Chaconne смѣнялись «метелыцей» и «гопакомъ»...

За ужиномъ, въ присутствіи М. К. Заньковецкой и М. Л. Кропивницкаго, было произнесено нѣсколько рѣчей, какъ по поводу праздновавшагося юбилея, такъ и въ честь нашихъ талантливыхъ

гостей, пожертвовавшихъ для содѣйствія успѣху этого вечера своимъ временемъ и не побоявшихся далекой дороги.

Вообще—устроенный 22-го января вечеръ прошелъ, какъ въ художественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи весьма успѣшно. Послѣднему обстоятельству тѣмъ болѣе можно порадоваться, что весь чистый доходъ съ него, достигшій, насколько намъ извѣстно, семисотъ съ лишнимъ рублей, поступаетъ въ распоряженіе Комитета по сооруженію памятника Котляревскому въ Полтавѣ.

С. Н.

Отмѣтимъ, что чествованіе И. П. Котляревскаго въ Петербургѣ очень подробно описано въ петербургскихъ газетахъ: *Сынъ Отечества* (№ 24) и *Биржев. Вѣдомости* (№ 23).

2). *Въ Черниговѣ*, 29 ноября состоялся литературно-артистическій вечеръ «въ ознаменованіе столѣтія Энеиды Котляревскаго» въ Черниговѣ. Вечеръ начался пѣніемъ хора «Де згода въ семействи» передъ портретомъ Котляревскаго. Затѣмъ І. Шрагъ прочелъ рефератъ о значеніи дѣятельности Котляревскаго. Упомянувъ, что языкъ Энеиды сталъ теперь языкомъ литературы, науки, школы и т. д., референтъ закончилъ слѣдующими словами: «Значеніе Котляревскаго и слава его будетъ рости по мѣрѣ распространенія и роста украинскаго національнаго самосознанія». Рѣчь г. Шрага произвела огромное впечатлѣніе и встрѣчена была громкими аплодисментами. Затѣмъ г. Силичъ произнесъ стихи Шевченка «На вичну память Котляревскому».

3). *Въ Одессѣ*. Января 23-го, въ общемъ собраніи членовъ Одесскаго Общества любителей науки, литературы и искусства, А. А. Андріевскимъ прочтенъ былъ рефератъ по поводу столѣтія «Энеиды». Упомянувъ о юбилейныхъ чествованіяхъ Котляревскаго, происходившихъ въ недавнее время въ Полтавѣ, Львовѣ и въ Кіевѣ, референтъ познакомилъ слушателей съ біографіей поэта и опредѣлилъ значеніе «Энеиды», какъ поэтическаго отраженія малорусской народной жизни.

Къ юбилею Пушкина. Университетъ Св. Владиміра приметъ участіе въ чествованіи столѣтія рожденія А. С. Пушкина, ознаменовавъ день 26 мая нынѣшняго года устройствомъ торжественнаго

акта въ Университетѣ. Предполагается къ 26 мая 1899 г. издать Пушкинскій Сборникъ, въ который войдутъ статьи, написанныя профессорами и другими лицами. Предполагается также устроить небольшую выставку первыхъ изданій сочиненій Пушкина, его автографовъ и принадлежавшихъ ему предметовъ, а *также видовъ мѣстностей Юго-Западнаго Края*, которыя посѣтилъ поэтъ во время пребыванія его на югѣ Россіи. На выставкѣ будутъ представлены виды м. Каменки, Чигиринскаго у., гдѣ Пушкинъ гостилъ во время поѣздки на югѣ Россіи, у владѣльцевъ имѣнія Давыдовыхъ. М. Каменка, одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ юго-западной Россіи, принадлежало князю Потемкину, а затѣмъ перешло къ Давыдовымъ.

Площадь имени Т. Шевченка во Львовѣ. Существующее во Львовѣ учено-литературное «Товариство имени Шевченка», пріобрѣтя въ собственность два дома въ нагорной части улицы Черніецкаго, обратилось недавно въ Львовскій городской совѣтъ (Rada miejska) съ ходатайствомъ, чтобы находящаяся противъ этихъ зданій площадь была наименована «площадь Тараса Шевченка» и чтобы часть ея была отведена для памятника, который «Товариство» намѣрено поставить тамъ украинскому поэту. (Gazeta Lwowska, № 40).

Малорусскій языкъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ въ Галиціи Въ послѣднее время галицкое духовенство все чаще и настойчивѣе стало заявлять требованія, чтобы свѣтскія власти и управленія въ краѣ не только принимали отъ духовныхъ уніатскихъ бумаги на русскомъ (галицкомъ) языкѣ и отвѣчали на нихъ по русски, но употребляли тотъ же языкъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, требующихъ сношенія съ духовенствомъ. По этому поводу въ галицкой польской печати высказываются разнообразныя мнѣнія. Болѣе здравыя сужденія по сему предмету выразила редакція петербургской газеты «Kraj» (1899 г. № 3). Она признаетъ, что возраженія польскихъ шовинистовъ противъ формальной законности требованій русинскаго духовенства имѣютъ нѣкоторыя основанія. Дѣйствительно, въ государственной организаціи Австріи автономія провинціи, повѣта, гмины простирается такъ широко, что нѣтъ власти въ государствѣ, которая могла бы дать органамъ мѣстнаго земскаго или городского

самоуправленія предписаніе объ употребленіи того или другого языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе «Kraj» совѣтуетъ полякамъ уступить справедливымъ требованіямъ русиновъ, хотя и не основаннымъ на правѣ формальномъ. «Поляковъ на Руси (Галиціи) мало, русиновъ много. Отговариваться полякамъ незнаніемъ языка, на которомъ говоритъ коренное населеніе края, было бы наивностью а выказывать къ нему пренебреженіе—грѣхомъ. Если поляки еще недавно провозгласили, что чехъ имѣетъ право требовать, чтобы всѣ правительственныя учрежденія въ его краѣ знали чешскій языкъ, и для торжества этого принципа сказали чехамъ дѣятельную поддержку въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами, то логика и справедливость требуютъ, чтобы такое же право было признано и за русинами. Если и нѣтъ въ Галиціи власти, которая могла бы предписать низшимъ автономнымъ учрежденіямъ (радомъ повѣтовымъ и городскимъ магистратамъ) сноситься съ русскимъ духовенствомъ на языкѣ русскомъ то есть, однако, учрежденіе, которое можетъ вліять на нихъ своимъ примѣромъ и авторитетомъ: это именно Выдѣлъ краевый. Къ счастью, прибавляетъ газета, это учрежденіе оказалось на высотѣ своего призванія и поняло, чего требуетъ отъ него гражданскій долгъ: недавнимъ циркуляромъ Выдѣлъ увѣдомилъ повѣтовыя автономичныя учрежденія, что самъ онъ въ сношеніяхъ съ уніатскими консисторіями употребляетъ языкъ русскій». Газета съ своей стороны одобряетъ этотъ циркуляръ, какъ проявленіе политическаго здравомыслія.

Къ возстановленію иконостаса Кіево-Софійскаго собора. Въ газетѣ «Кіевлянинъ» (№ 25) напечатано слѣдующее любопытное извѣстіе о возстановленіи прежняго иконостаса въ К.-Софійскомъ соборѣ. »—Отъ массивнаго, въ стилѣ рококо, трехъ-ярусваго иконостаса главнаго алтаря Кіево-Софійскаго собора, сооруженнаго еще въ 1747 году, въ настоящее время остался одинъ только нижній ярусъ и то, впрочемъ, не весь. Верхній ярусъ съ иконами пророковъ снятъ при возобновленіи сбора, 1846., а въ 1888 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, снятъ и средній ярусъ съ иконами Пресвятой Троицы и апостоловъ для того, чтобы открыть видъ на запрестольную мозаичную стѣну съ изображеніями Божіей Матери и Тайной вечери. Въ 1894 же году едва былъ не упраздненъ и нижній ярусъ этого грандіознаго иконостаса, который въ это время разобранъ былъ для

перезолотки. Но приступая однако къ возобновленію разобраннаго иконостаса, покойный каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ представилъ высокопреосвященному Іоанникію, митрополиту кіевскому и галицкому, проектъ—замѣнить иконостасъ не высокой мраморной преградой, мотивируя такую замѣну тѣмъ, что предалтарныхъ иконостасовъ въ древности вообще не было, и въ Кіево-Софійскомъ соборѣ иконостасъ въ видѣ сплошной преграды устроенъ въ первый разъ лишь по распоряженію митрополита Петра Могилы въ 1644 г., а до того времени, на мѣстѣ иконостаса, была лишь невысокая преграда изъ мраморныхъ столбовъ съ полокотными между ними плитами и въ такую же высоту вратами противъ престола, иконами-же для молящихся въ храмѣ служили изображенія Тайной вечери, Богоматери и святителей на запрестольной мозаичной стѣнѣ. Но этотъ проектъ протоіерея Лебединцева не встрѣтилъ сочувствія со стороны другихъ членовъ соборнаго причта, особенно нынѣшняго каѳедральнаго протоіерея А. И. Браиловскаго, бывшаго тогда ключаремъ собора; и церковнаго старосты Г. И. Брычкина, которые—наоборотъ—ходатайствовали предъ митрополитомъ о скорѣйшемъ возобновленіи разобраннаго иконостаса, въ уваженіи къ памяти Императрицы Елисаветы Петровны, даровавшей средства митрополиту Рафаилу Заборовскому на сооруженіе этого иконостаса, и въ виду дороговизны устройства мраморнаго иконостаса. Результатомъ ходатайства этого явилось распоряженіе высокопреосвященнаго владыки—возобновить разобранный иконостасъ и возстановить его безъ всякихъ измѣненій съ лицевой стороны. Но однако послѣ этого возстановлена была только средняя часть главнаго иконостаса, отдѣляющая главный алтарь отъ средней части храма. Боковыя-же части иконостаса, отдѣлявшія отъ средняго храма смежные съ главнымъ астаремъ абсиды жертвенника и бывшаго придѣла во имя св. Іоакима и Анны не были возобновлены и замѣнены были занавѣсями. Эти занавѣси, разрывая собою сплошную раззолоченную иконостасную стѣну, такъ какъ и дальше по обѣ стороны занавѣсей, у всѣхъ придѣловъ имѣются рѣзные вызолоченные иконостасы, вредятъ цѣльности впечатлѣнія, да и сама по себѣ возобновленная средняя часть иконостаса представляется, до очевидности, не законченною. Обстоятельство это побудило причтъ Кіево-Софійскаго собора ходатайствовать предъ митрополитомъ о разрѣшеніи возобновить и возстановить и боковыя части главнаго соборнаго иконостаса. Ходатайство это на дняхъ удовлетворено.»

Судьба рукописей Владиміра Барвинскаго. Въ октябрьской книгѣ нашего журнала за 1898 г. была помѣщена переписка П. Кулиша съ извѣстнымъ галицкимъ дѣятелемъ Владиміромъ Барвинскимъ. Письма эти, вмѣстѣ съ другими бумагами Барвинскаго, были отысканы, среди бумажнаго хлама, у одного львововскаго антикварія. Сообщившій намъ эти письма г. Миронъ, въ предисловіи къ нимъ, основательно выразилъ удивленіе, какъ онѣ туда попали: «сколько мнѣ извѣстно—замѣчаетъ онъ—бумаги В. Барвинскаго, послѣ его смерти (1883 г.), перешли въ руки его брата Александра. Не знаю также, уцѣлѣла ли остальная часть обширной переписки покойнаго В. Барвинскаго».

По этому поводу А. Барвинскій напечаталъ въ львовской газетѣ «Русланъ» (1899 г., № 8) объясненіе факта пропажи бумагъ его брата, а къ намъ обратился съ просьбою сообщить его объясненіе и на страницахъ нашего журнала. По его словамъ, дѣло происходило такъ: Въ небольшой квартирѣ одинокаго В. Б—го помѣщалась и редакція газеты «Дила», при чемъ его личныя бумаги не были отдѣлены отъ редакціонныхъ. Во время тяжкой болѣзни покойнаго и послѣдовавшей за тѣмъ смерти, сюда ежедневно заходило много разнаго народа и беззрепятствено рылось въ грудахъ книгъ и рукописей. Когда прибывшій изъ Перемышля г. А. Барвинскій, похоронивъ брата, сталъ приводить въ порядокъ его библіотеку, то убѣдился, что въ ней многаго недостаетъ. «Очевидно (замѣчаетъ онъ), тутъ походылы ти библіоманы, котри безъ усякыхъ скрупуливъ маютъ звычай прысвоюваты соби чужы кныжкы». Что касается бумагъ, то ему достались лишь тѣ, что были спрятаны, а остальныя расхитили тѣ же «библіоманы». По его словамъ, въ сохранившихся бумагахъ и письмахъ есть много интереснаго, и онъ намѣренъ все это со временемъ опубликовать.

«Богданъ Хмельницкій» на сценѣ. О постановкѣ этой пьесы въ Москвѣ, въ Русск. Вѣд. (№ 32) читаемъ: «На сценѣ театра «Аквариумъ» идетъ въ настоящее время историческая драма М. П. Старицкаго «Богданъ Хмельницкій», премированная на конкурсѣ малорусскихъ драматическихъ писателей. Московской публикѣ она, видимо, понравилась, и первыя три представленія, данныя на прошлой недѣлѣ, сопровождались весьма замѣтнымъ для пьесы успѣхомъ.

Судьба знаменитаго гетмана Малороссіи не первый разъ служитъ благодарной темой для историческихъ романистовъ и драматурговъ. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчается между прочимъ имя одного изъ прямыхъ потомковъ малороссійскаго гетмана, небезизвѣстнаго въ свое время драматурга Н. И. Хмельницкаго, которому принадлежитъ драма «Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій» [1]. Новое произведеніе г. Старицкаго, несмотря на слишкомъ знакомый сюжетъ, не утрачиваетъ своего интереса благодаря, главнымъ образомъ, вполнѣ литературной формѣ и знакомству автора съ условіями сцены. Въ пьесѣ есть эффектно задуманные моменты, есть нѣсколько выигрышныхъ ролей, что вмѣстѣ съ обычнымъ прекраснымъ исполненіемъ малорусскихъ артистовъ вполнѣ объясняетъ успѣхъ новой драмы у публики. Изъ исполнителей очень хороши г, Кропивницкій въ роли стараго бандуриста, г. Разсудовъ-Кулябко въ заглавной роли, г-жи Боярская и Ратмирова и г. Манько. Поставлена пьеса старательно: хоры звучатъ полно и красиво; декораціи, костюмы и вооруженіе—хорошіе».

Эта же пьеса дана была 5 февраля въ первый разъ и въ Кіевѣ, и послѣ того еще нѣсколько разъ была повторена, труппою Садовскаго и Саксаганскаго. Мѣстная публика съ интересомъ отнеслась къ ней, и на первомъ представленіи театръ былъ совершенно полонъ. Съ внѣшней стороны пьеса была обставлена прекрасно: костюмы, декораціи, гримъ, бутафорскія принадлежности—все это было сдѣлано по указаніямъ знатоковъ исторической эпохи. Лучшими исполнителями оказались: г. Садовскій, безукоризненно проведшій роль Богдана, и г. Карпенко-Карый въ роли полковника Барабаша, а еще лучше—въ роли генер. писаря Выговскаго. Остальные артисты, исполнившіе роли козацкихъ полковниковъ, въ общемъ были удовлетворительны, но роли польскихъ магнатовъ (Фирлея, Іереміи Вишневецкаго, Ал. Киселя) неудались и,можетъ быть, не по винѣ актеровъ.

«Галицкія дѣла». Въ № 33 «Спб. Вѣд». г. Корниловичъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки во Львовъ. Самый городъ, по его словамъ, имѣетъ видъ города большого, оживленнаго и красиваго. Въ обществѣ имени Шевченка («Наукове Товариство») г. К—чъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны мѣстныхъ литера-

[1] Прямыхъ потомковъ у Б. Хмельницкаго не было: послѣ старшаго его сына Тимофея, потомства не осталось, а младшій сынъ Юрій не былъ женатъ. *Ред.*

торовъ и ученыхъ. Г. Осипъ Маковей взялся ознакомить его съ городомъ. Г. К—чъ осмотрѣлъ малорусскій клубъ, гимназію, «керныцю» Хмельницкаго, уніатскія церкви. Интересны замѣчанія г. К—ча о галицкихъ партіяхъ. Онъ возмущается языкомъ мѣстныхъ руссофиловъ, представляющихъ «какой-то винигретъ, составленный изъ польскихъ, малорусскихъ, церковно-славянскихъ и русскихъ словъ, на которомъ никто не говоритъ, а лишь издается нѣсколько газетъ, и то—по увѣреніямъ мѣстныхъ дѣятелей—на чужой счетъ». Сами же руссофилы, какъ говорилъ г. К—чу его спутникъ, говорятъ по польски, ибо по русски не умѣютъ, а по малорусски не хотятъ, и потому сами собою полонизуются. Украинофилы же «борются съ полонизмомъ на культурной почвѣ, противопоставляя ему свои школы, свой языкъ, свою литературу и науку». Относительно Романчука и Барвинскаго г. Маковей выразился, что они—строгіе утилитаристы въ политикѣ и находятся въ согласіи съ поляками, пока надѣются получать отъ нихъ уступки, въ противномъ случаѣ переходятъ въ оппозицію. Г. Маковей указалъ на тѣсную связь уніатскаго духовенства съ народомъ. Самъ митр. Сембратовичъ былъ народникъ, это сказалось и въ его завѣщаніи, въ которомъ онъ отказалъ 80,000 гульд. на женскій институтъ, исключительно малорусскій. Что касается обрядности, то г. К—ча поразила близость богослужебнаго ритуала въ уніатскихъ церквахъ къ католическому. Г. К—ча просили распространять въ русскомъ обществѣ правильные взгляды на галицкія дѣла, ибо «ваши украинофилы являются украинофилами лишь въ буквальномъ смыслѣ этого слова: они только любятъ Украину, но ничего для нея не дѣлаютъ».

Поминки Т. Г. Шевченка. Въ № 55 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей напечатано слѣдующее объявленіе: «*Правленіе общества имени Т. Г. Шевченка* доводитъ до свѣдѣнія членовъ общества и почитателей покойнаго поэта, что въ годовщину его смерти, въ пятницу, 26-го февраля, будетъ отслужена обычная панихида въ Казанскомъ соборѣ, въ 12 ч. дня».

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому Съѣзду въ Кіевѣ. *Экскурсіи для подготовительныхъ работъ къ съѣзду лѣтомъ 1898 года.* Чтобы закончить обзоръ экскурсій, намъ осталось упомянуть еще о двухъ, совершенныхъ на территоріи лѣвобережной Малороссіи.

В. Г. Ляскоронскій производилъ археологическія изслѣдованія въ предѣлахъ Полтавской, Харьковской и Черниговской губерній. Результаты экскурсіи заключаются въ слѣдующемъ. Обслѣдованы мѣстности по теченію р. Удая, отъ с. Повстена до с. Гурбинецъ, и по теченію р. Лисогора, отъ впаденія его въ Удай до с. Алексинецъ, причемъ сняты планы городищъ у сс. Повстена, Пирятина, Варвы, м. Сребнаго и близъ Сребнаго у с. Грицевки; изслѣдованы городище и курганы близъ Бѣлой-Вѣжи и Дмитровки; изслѣдованы и сняты городища по теченію р. Ромна и его притока Терговицы, именно, у сс. Сарановки, Корибутова, Кошаръ, Б. Самбора, Краснаго Колядина, Грицевки, Липоваго, Медвѣжьяго, Галки и др.; такимъ-же образомъ обслѣдованы городища по теченію р. Сулы до впаденія ея въ Днѣпръ, всего на протяженіи 250 верстъ; городища встрѣчены у Недригайлова, въ Константиновѣ, близъ с. Басовки, въ г. Ромнахъ, въ Глинскѣ и близъ его, въ м. Сенчѣ и возлѣ нея, въ м. Снѣтинѣ, въ г. Лубнахъ, близъ с. Мацковецъ, м. Лукомья, Вел. Селецкой, м. Оржицы, с. Слинка, м. Горошина, въ Буромкѣ, Лащевкѣ, близъ с. Матвѣевки, въ Жовнинѣ и возлѣ него и близъ Воинской-Гребли, что на устьѣ р. Сулы; осмотрѣны затѣмъ берега р. Терна, впадающаго въ верхнюю Сулу, отъ Череповки (Курской г). до с. Будокъ, причемъ описаны городища: у м. Терновъ, въ имѣніи кн. Щербатова и у с. Городища (Харьковск. г.). Кромѣ того, г. Ляскоронскимъ собраны

свѣдѣнія о т. н. «зміевыхъ валахъ» близъ с. Гиревки (Конотопск. у.), с. Будовъ (Роменск. у.) и близъ устьевъ р. Сулы.

П. А. Лашкаревъ посвятилъ свою экскурсію осмотру памятниковъ церковной архитектуры и иконографіи въ гг. Черниговѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ, причемъ были сняты планы, чертежи и фотографіи съ болѣе замѣчательныхъ памятниковъ. Въ Черниговѣ осмотрѣно 5 храмовъ: Преображенскій и Борисоглѣбскій соборы, Успенская церковь Елецкаго монастыря и церкви Пятницкая и Ильинская. Всѣ эти храмы относятся къ великокняжескому времени, но не всѣ они сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ благодаря позднѣйшимъ перестройкамъ, совершенно измѣнившимъ ихъ внѣшній видъ, можно отнести, по первому впечатлѣнію, къ гораздо болѣе поздней эпохѣ. Въ иконографическомъ отношеніи Черниговъ оказался мало интереснымъ, здѣсь была найдена всего одна икона заслуживающая вниманія—Елецкой Божіей Матери—копія половины XVII в. съ изображеніемъ Елецкаго монастыря. Новгородъ-Сѣверскъ въ послѣднемъ отношеніи далъ гораздо болѣе интереснаго матеріала, хотя, съ другой стороны, памятники древняго зодчества въ немъ почти совершенно отсутствуютъ. Интересные памятники иконографіи обнаружены, главнымъ образомъ, въ деревянной Покровской церкви и затѣмъ въ Преображенскомъ монастырѣ. Покровская церковь съ такъ наз. «опасаньемъ», на теперешнемъ мѣстѣ поставлена въ 1762 г., но сюда перенесена съ другого мѣста и построена, вѣроятно, гораздо раньше. Въ этой церкви обращаютъ на себя вниманіе три иконы: одна западнаго письма хорошей кисти, изображающая Божію Матерь со Спасителемъ и Предтечей; двѣ другія—южно-русскаго и также очень хорошаго письма. Первая изъ нихъ—Скорбящая Божія Матерь, на ней вверху помѣщена Богоматерь, окруженная ангелами, ниже—горы и рѣка или море и еще ниже, въ трехъ ярусахъ,—прибѣгающіе къ защитѣ Боготатери; здѣсь наиболѣе интересенъ второй ярусъ, гдѣ съ правой стороны находимъ изображенія простолюдиновъ—типичныхъ малороссовъ и великоросса нищика, съ лѣвой же, на первомъ планѣ какого-то козацкаго старшины въ епанчѣ, подбитой горностаемъ. Другая икона—Покровъ Богоматери, съ лѣвой стороны ея изображено духовенство съ патріархомъ во главѣ, съ правой—царь и царица, великорусскій воевода и также одинъ изъ козацкой старшины; весьма вѣроятно, что на этой иконѣ нѣкоторыя изображенія лицъ представляютъ изъ себя портреты.

Въ Преображенскомъ монастырѣ интересны 4 иконы: 1) Антонія и Θеодосія, съ видомъ Кіево-Печерской лавры первой половины XVII в; 2) Почаевской Божіей Матери, съ видомъ лавры надо полагать еще до перехода послѣдней подъ власть уніатовъ; 3) Преображенія, съ помѣщенными внизу видами цѣлаго ряда монастырей съ Преображенскимъ въ центрѣ и 4) Макарія Калязинскаго, съ дѣяніями и видомъ Калязинскаго монастыря.

— *Въ засѣданіи Кіевскаго отдѣленія Предварит. Комитета по устройству съѣзда*, происходившемъ 14-го февраля, обсуждались слѣдующіе вопросы. Заслушано письмо нѣсколькихъ членовъ Науковoго Товариства імени Шевченка во Львовѣ, въ которомъ члены этого общества, выражая благодарность за приглашеніе на съѣздъ, просятъ разъяснить тотъ параграфъ правилъ съѣзда, въ которомъ говорится о языкахъ, на какихъ могутъ быть читаемы рефераты, именно, можетъ-ли быть употребляемъ также и малорусскій языкъ, въ виду того, что многіе изъ галицкихъ ученыхъ не владѣютъ русскимъ языкомъ,— постановлено направить это письмо въ Московскій Комитетъ, въ которомъ и раньше обсуждался вопросъ о языкахъ. Предсѣдателемъ отдѣленія было доложено затѣмъ о ходѣ составленія каталога выставки и о коллекціяхъ, поступающихъ на выставку—получена коллекція волынскихъ первобытныхъ древностей г. Тиховскаго и обѣщаны коллекціи г. Пуласскаго (въ окрестностяхъ г. Каменца) и г. Волянскаго (въ Дубенскомъ у. Волынск. г.). Въ заключеніе были доложены заявленія нѣкоторыхъ лицъ, выразившихъ желаніе прочесть на съѣздѣ рефераты, между пр. чешскій ученый Л. Нидерле предложилъ прочесть на русскомъ языкѣ рефератъ «О времени переселенія славянъ на югъ отъ Карпатъ» и поставилъ вопросъ—нельзя-ли на съѣздѣ обсудить способы улучшенія постановки славяновѣдѣнія и взаимныхъ отношеній славянскихъ ученыхъ.

Случайныя находки. *Городищу на Княжей Горѣ* повидимому суждено занимать постоянное мѣсто въ отдѣлѣ случайныхъ находокъ нашей лѣтописи. За послѣднее время снова были привезены въ Кіевъ три партіи древностей, превзошедшія по цѣнности предметовъ всѣ предыдущія. Предметы добыты какъ раскопками, которыя продолжались все это время, такъ и скупкой прежде найденныхъ. Нужно вообще замѣтить, что благодаря интересу, какой возбудила Княжа

Гора среди ученыхъ, любителей и торговцевъ древностями, заинтересовались древностями и мѣстныя крестьяне, и вотъ, съ одной стороны ими безпрестанно ведутся раскопки на городищѣ, съ другой-же, нѣкоторые изъ нихъ занялись скупкой древностей и по окрестнымъ селамъ; скупку они ведутъ энергично, переправляются и на лѣвый берегъ Днѣпра и тамъ рыщутъ по селамъ, такъ что можно съ увѣренностію сказать, что въ томъ раіонѣ, очень богатомъ древностями, ни одна находка не теряется безслѣдно; фактъ этотъ представляется намъ явленіемъ очень отраднымъ, благодаря ему много цѣнныхъ находокъ спасается отъ гибели, и что главное—открываются новыя мѣста нахожденія древностей. На этотъ разъ, среди обычныхъ для Княжей Горы предметовъ, заслуживаютъ вниманія: нѣсколько золотыхъ и серебраныхъ серегъ кіевскаго типа, небольшой янтарный крестикъ прекрасной сохранности, мѣдный крестъ-энколпіонъ, найденный вполнѣ нетронутымъ и даже съ той цѣпочкой, на которой онъ носился (эти предметы поступили въ собраніе Н. П. Чернева), особенно же большой художественный интересъ представляетъ мѣдный крестъ-энколпіонъ, также прекрасной сохранности, украшенный разноцвѣтной перегородчатой эмалью; судя по нѣкоторымъ раньше найденнымъ образцамъ, его нужно считать произведеніемъ русскаго ювелира половины XIII вѣка (поступилъ въ собраніе Б. И. Ханенко).

— На Андреевскомъ спускѣ въ Кіевѣ еще осенью прошлаго года была найдена *серебряная гривна въ видѣ слитка серебра*; благодаря невѣжеству находчика она была разломана и только недавно представлена въ Археолог. Комиссію.

Музеи и собранія древностей. Въ засѣданіи Черниговскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшемся 2-го февраля, вновь подтверждено постановленіе собранія прошлаго года *о принятіи въ даръ губернскимъ земствомъ музея украинскихъ древностей, В. В. Тарновскаго* В. В. Тарновскій нарочито пріѣзжалъ въ Черниговъ для выясненія условій принятія земствомъ его обширнаго и богатаго собранія, оцѣненнаго проф. Антоновичемъ въ 80 тысячъ. Чтобы какъ слѣдуетъ размѣстить всѣ коллекціи музея, необходимо большое, спеціально устроенное, зданіе, особенно если имѣть въ виду, что съ устройствомъ музея, многіе обладатели украинской старины не замедлятъ, какъ утверждалъ г. Тарновскій, дарить свои

предметы музею. Жертвователь отказался отъ первоначальнаго своего условія помѣстить музей непремѣнно въ такъ называемомъ домикѣ Мазепы на валу, на отчужденіе котораго уже состоялось согласіе со стороны казны. Три комиссіи, трудившіяся надъ выработкой условій пріема и содержанія музея г. Тарновскаго, представили собранію слѣдующее заключеніе: на постройку и приспособленіе зданія для музея ассигновать 20 тысячъ рублей, ходатайствовать передъ городомъ о безплатномъ отводѣ для этого зданія земли; для устройства зданія избрать исполнительную комиссію, пригласивъ въ нее и г. Тарновскаго; жертвователя сдѣлать почетнымъ членомъ музея; впредь до устройства помѣщенія хранить подарокъ у г. Тарновскаго, принявъ его предварительно по описи. На завѣдываніе музеемъ назначить 1500 рублей. Противники пріобрѣтенія этого музея, суживая понятіе «заботъ земства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ», доказывали, что земство не имѣетъ юридическаго права тратить деньги на музей и, въ виду необходимости позаботиться о народномъ образованіи, отрицали нравственное право за земствомъ обзаводиться подобной роскошью. Послѣ рѣчи гл. Шрага о культурномъ значеніи музея, собраніе большинствомъ голосовъ приняло предложеніе комиссіи.

Разныя извѣстія. *Поддѣлка старинныхъ вещей.* Передаемъ со словъ одной изъ кіевскихъ газетъ любопытныя подробности о случайно открытой поддѣлкѣ старинныхъ предметовъ, практиковавшейся въ широкихъ размѣрахъ. 8 февраля кіевской полиціи стало извѣстно, что въ Кіевъ прибылъ изъ-за границы и остановился въ гостинницѣ какой то продавецъ старинныхъ вещей, который привозитъ ихъ контрабанднымъ способомъ, и что вещи эти низкопробнаго серебра. Вслѣдствіе этого полиція прибыла въ гостинницу и застала тамъ нѣкоего Боруха Даренгейма, австрійскаго подданнаго. Въ номерѣ оказалось очень много серебряныхъ вещей, по виду старинныхъ, такъ что комната носила характеръ небольшого музея. Тутъ стояли огромныя серебряныя блюда, почернѣвшія отъ времени, съ разными изображеніями изъ исторіи среднихъ вѣковъ, тяжелые массивные бокалы, рюмки, большіе серебряные барельефы въ старыхъ плюшевыхъ рамахъ, металлическія изображенія Петра Великаго, Анны Іоанновны, царей Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича,

Яна Собѣскаго, Станислава Понятовскаго и Яна Казимира, серебряное блюдо съ надписью «Masepa» и т. п. Борухъ Даренгеймъ объяснилъ, что онъ эти «старинныя» вещи самъ изготовляетъ въ своей мастерской, которую онъ содержитъ совмѣстно съ своимъ тестемъ Яковомъ Цимерманомъ во Львовѣ. Изготовляя «древности» за границей, Даренгеймъ привозилъ ихъ для сбыта въ Россію. Насколько они искусно поддѣланы—доказывается тѣмъ, что ихъ пріобрѣтали спеціалисты-антикваріи и платили большія деньги. Въ Кіевѣ, напримѣръ, извѣстный содержатель магазина старинныхъ вещей И. купилъ у него «древностей» изъ слоновой кости на 2,000 рублей. Впослѣдствіи Даренгеймъ сталъ утверждать, что найденныя у него вещи дѣйствительно старинныя. Но это второе заявленіе его опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ старыя времена такого художественнаго характера предметы не изготовлялись изъ низкопробнаго серебра, а наоборотъ, изъ серебра самаго высокаго качества.

Какъ оказывается, въ Россіи вообще и въ Кіевѣ въ частности практикуется въ широкихъ размѣрахъ не только сбытъ, но и производство «древностей». Такъ, напримѣръ, одновременно съ обнаруженіемъ «музея» Даренгейма, стало извѣстно, что «древности» изготовляются также однимъ изъ жителей Н. Юрковицы. Какъ оказалось, «мастеръ» этотъ проживалъ въ полуразвалившейся темной избѣ; кругомъ царила полная нищета и грязь; самъ «мастеръ» сидѣлъ на изломанномъ табуретѣ у простого, залитого смолою стола, который освѣщался небольшой, съ закоптившимся стекломъ, лампой. Хозяинъ, бѣдный на видъ человѣкъ, смахивающій на берегового рабочаго, разговаривая со своими гостями, чертилъ карандашемъ на бумагѣ, приклеенной къ большой металлической доскѣ, какія то фигуры съ копьями и спокойно покуривалъ «сигарку» изъ газетной бумаги. На вопросъ, что это онъ дѣлаетъ, «мастеръ» отвѣтилъ, что онъ работаетъ надъ металлическимъ барельефомъ «коронованіе короля Сигизмунда» и что на бумагѣ онъ теперь чертитъ контуры и затѣмъ будетъ выбивать ихъ на доскѣ. «Мастеръ» оказался «чеканщикомъ» старинныхъ вещей, и когда его спросили, какъ же это онъ рисуетъ безъ оригинала, онъ выразился, что ему приходилось «коронованій Сигизмунда» изготовить нѣсколько десятковъ экземпляровъ и потому онъ это «коронованіе» знаетъ «на память». У него въ конуркѣ найдено было готовое «коронованіе Сигизмунда», имѣвшее такой видъ, словно барельефъ по крайней мѣрѣ сто лѣтъ находился гдѣ-нибудь въ землѣ.

Какъ выяснилось, этотъ мастеръ исполнялъ заказы разныхъ антиквaріевъ, содержателей магазиновъ древнихъ вещей и т. д. Ему давали матеріалъ и тему и платили за работу гроши, между тѣмъ какъ его работы продавались какъ «антики» за большія деньги. Кромѣ этого работника, въ Кіевѣ обнаружены еще другіе «чеканщики», работавшіе по заказу. Вышеупомянутый мастеръ поинтересовался взглянуть на коллекцію Даренгейма и явился въ то время, когда приглашенные золотыхъ дѣлъ мастера занимались изслѣдованіемъ серебра, изъ котораго сдѣланы вещи. Эксперты признали, что это серебро самаго низкаго достоинства, т. е. самое лучшее четырнадцатой пробы, а худшее шестой пробы. Относительно же времени существованія этихъ предметовъ золотыхъ дѣлъ мастера готовы были прійти къ заключенію, что они дѣйствительно «старинные». Въ особенности они утверждали это относительно одного барельефа, изображавшаго «принятіе Богданомъ Хмельницкимъ присяги на вѣрность Россіи», дѣйствительно по виду очень старой вещи. Слушая ихъ заключеніе, «чеканщикъ» только улыбался и, наконецъ, не выдержавши, заявилъ, что ему этого «Богдана Хмельницкаго» сдѣлать «все равно, что плюнуть», и онъ готовъ взяться за изготовленіе такихъ точно барельефовъ по рублю за штуку. Въ общемъ, онъ категорически заявилъ, что среди этихъ вещей нѣтъ ни одной старинной и что они всѣ, какъ онъ характерно выразился, «прошлогоднія». Для точнаго же заключенія по этому вопросу будутъ вызваны спеціальные эксперты антикваріи. Даренгеймъ, который, къ слову сказать, выписывался въ Кіевъ коммиссіонеромъ по продажѣ древностей, привлекается къ суду по обвиненію въ провозѣ контрабанды.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. *Книга XII (съ приложеніемъ шести картъ). Издана подъ редакціей М. Н. Ясинскаго. Кіевъ, 1898 г. Стр. 64+337+21+155.*

Содержаніе XII книги «Чтеній», по обыкновенію, очень пестро и случайно.

Насъ, конечно, могутъ интересовать здѣсь, главнымъ образомъ, статьи и матеріалы, относящіяся къ югу Россіи и преимущественно къ Малороссіи. Изъ нихъ въ отдѣлѣ „Матеріаловъ" на первомъ планѣ мы должны поставить «Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи за 1722—1723 года» (Отд. III, стр. 9—145), напечатанные А. М. Лазаревскимъ. „Напечатанный О. М. Бодянскимъ въ 1858 г. «*Діаріушъ, или журналъ случающихся при дворѣ ясн. велм. его мил. п. Іоанна Скоропадскаго гетмана оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ*» за 1722 годъ (за первую половину), веденный старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ,—говоритъ издатель въ своемъ предисловіи—показываетъ, какой драгоцѣнный источникъ для исторіи представляли эти *даріуши*. Это были полные дневники административной дѣятельности правителей края; точность записей въ нихъ обезпечивалась оффиціальнымъ положеніемъ лицъ, которымъ поручалось ихъ веденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что діаріуши велись въ гетманскихъ канцеляріяхъ издавна. Вѣроятно, и упомянутый Величкомъ діаріушъ Самойла Зорки, „секретаря" Богдана Хмельницкаго, представлялъ собою такой же дневникъ административной дѣятельности славнаго гетмана.

Къ сожалѣнію, всѣ эти діаріуши погибли... Сохранился діаріушъ за первую половину 1722 г., веденный Николаемъ Ханенкомъ, и сохранился не въ оффиціальномъ архивѣ, а въ семейномъ. Сохранилось и продолженіе этого діаріуша. Продолженіе это начато со дня смерти Скоропадскаго (3 іюля 1722 г.) и доведено до конца 1723 г. Это было время установленія въ Глуховѣ малороссійской коллегіи, съ съ Вельяминовымъ во главѣ, и попытокъ наказнаго гетмана Полуботка защитить гетманскую автономію. Діаріушъ за указанные полтора года представляетъ собою фоліантъ въ нѣсколько сотъ страницъ» (Ibid. стр. 90—91). А. М. Лазаревскій пріобрѣлъ этотъ діаріушъ въ Черниговѣ, пользовался имъ при написаніи своей монографіи о Полуботкѣ (Рус. Арх. 1880, кн. I) и въ настоящее время передалъ его въ библіотеку университета св. Владиміра...

Діаріушъ былъ начатъ Ханенкомъ, продолжался Филиппомъ Борзаковскимъ, а былъ оконченъ канцеляристомъ Павломъ Ладинскимъ (Чтенія, отд. III, стр. 91, прим. 1-е). Для насъ онъ пріобрѣтаетъ еще большій интересъ, потому что здѣсь же, въ Кіевскомъ университетѣ, имѣются и копіи протоколовъ генеральной войсковой канцеляріи за тотъ періодъ, къ которому относится діаріушъ. Сопоставляя поэтому нѣкоторые протоколы и указы генеральной войсковой канцеляріи съ діаріушемъ, мы имѣемъ возможность составить себѣ понятіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ былъ составленъ или которыя вызвали тотъ или другой указъ.

Ѳ. П. Истоминъ напечаталъ «Матеріалы для біографіи «друкара» Тимофея Александровича». Это, во-первыхъ, запись отъ 1 сентября 1624 года о продажѣ женой запорожскаго козака, кіевскаго обывателя, Авдотьей Путивльцевой двора съ постройками Тимофею Александровичу и, во-вторыхъ, жалоба Тимофея Александровича отъ 24 апрѣля 1625 г. на Лаврина Бучайскаго о нанесеніи ему побоевъ. Тимофей Александровичъ былъ владѣльцемъ частной типографіи въ Кіевѣ въ періодъ съ 1625—1630 года, которая существовала на ряду съ лаврской типографіей. Другая подобная типографія принадлежала Спиридону Соболю. Обѣ онѣ выпустили за пять лѣтъ 7 книгъ... Напечатанные Ѳ. П. Истоминымъ документы имѣютъ не только юридическое, но и бытовое значеніе. Изъ перваго документа мы знаемъ, напримѣръ, что проданный домъ Путивльца, въ которомъ, очень можетъ быть, какъ предполагаетъ Ѳ. П. Истоминъ, помѣщалась и типографія, долженъ былъ занимать обширное мѣсто; по обѣимъ

сторонамъ его шли улицы, ведшія въ «мѣсто», главнѣйшую часть города; въ дворѣ находились: пекарня, сѣни, свѣтлица, комната, комора, пивница, а въ саду баня. Второй документъ свидѣтельствуетъ намъ о дикой расправѣ, которой подвергся Тимофей Александровичъ въ Острогѣ. Панъ Бучайскій его, пріѣхавшаго въ Острогъ по своимъ дѣламъ и устраивавшаго ихъ на рынкѣ, велѣлъ схватить своей челяди и помощникамъ и держать, а самъ билъ его обухомъ, мучилъ и нанесъ ему много синяковъ и кровавыхъ ранъ на плечахъ, рукахъ, хребтѣ, на ногахъ; но недовольствуясь этимъ, онъ арестовалъ его, держалъ нѣсколько дней и едва выпустилъ, за поручительствомъ нѣсколькихъ лицъ... Хорошая бытовая картинка!... Мы не знаемъ причины, вызвавшей такую расправу. Тимофей Александровичъ говоритъ, что безъ всякой причины. Можетъ быть, и такъ, а можетъ быть, правъ и Ѳ. П. Истоминъ, который думаетъ, будто для Бучайскаго «достаточнымъ поводомъ могло служить то обстоятельство, что онъ встрѣтилъ въ Александровичѣ, во-первыхъ, запорожца, а, во-вторыхъ, человѣка, намѣревающагося распространять «схизматицкія» книги и тѣмъ препятствовать св. уніи греческаго исповѣданія съ римскимъ костеломъ»... Ѳ. П. Истоминъ снабдилъ свои документы обстоятельнымъ и интереснымъ предисловіемъ, которое, хотя (неизбѣжно въ такихъ случаяхъ) нѣсколько и преувеличиваетъ значеніе документовъ, но подробно отмѣчаетъ всѣ ихъ стороны. Несомнѣнно они, не прибавляя ничего новаго, важны и въ юридическомъ отношеніи. Кіевскихъ документовъ, первой половины XVII в. у насъ вообще мало...

Интересный матеріалъ напечаталъ и М. П. Истоминъ подъ заглавіемъ «Описаніе иконописи Кіево-Печерской лавры», снабдивъ его рефератомъ: «Къ вопросу о древней иконописи Кіево-Печерской лавры», отнесеннымъ, по не совсѣмъ удачному редакціонному пріему, къ первому отдѣлу «Чтеній», тогда какъ онъ неразрывно связанъ съ «Описаніемъ». Въ лаврѣ, видите-ли, есть два описанія живописи; оба они, по времени написанія, но не составленія, относятся къ 1720-мъ годамъ. Одно изъ этихъ описаній хранится въ лаврской библіотекѣ подъ № 183, другое подъ № 204-мъ. Изслѣдуя самымъ всестороннимъ образомъ оба эти описанія, М. П. Истоминъ пришелъ къ заключенію, что рукопись № 204 не является черновикомъ для № 183; «точно также она не была и оригинальнымъ произведеніемъ начала XVIII в.; по многимъ, весьма важнымъ признакамъ эту рукопись должно считать копіей другой, древней рукописи, не дошедшей

до насъ, разбитой, неполной, съ перемѣшанными и утраченными листами, съ листками изъ третьей книги, съ выцвѣтшими чернилами и не разборчивымъ уже почеркомъ для переписчика начала XVIII в.». (Отд. I, стр. 6). Переписана она была, вѣроятно, послѣ пожара 1718 года съ разбитаго и неполнаго подлинника, который М. П. Истоминъ относитъ къ XV вѣку, когда кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ «обнови церковь Печерскую, Батыемъ разоренну, 233 г. въ запустѣніи бывшую» (Ibid. стр. 16). Разрисовка Великой лаврской церкви была окончена въ половинѣ XVI в. и настолько прочно, что вопросъ объ ея возобновленіи не возбуждался ни при Петрѣ Могилѣ, ни въ XVIII вѣкѣ; при реставраціяхъ живопись только поновляли... Разъ доказано, что «Описаніе иконописи» относится къ XV вѣку, само собой ясна его научная важность. М. П. Истоминъ по этому поводу говоритъ: «древняя иконопись Кіево-Печерской лавры въ настоящее время почти уничтожена; она отходитъ, такимъ образомъ, въ вѣчность и становится съ этихъ поръ достояніемъ исторіи... Но разъ древней живописи уже нѣтъ, и задача художественной оцѣнки ея становится затруднительной, то дѣло историка теперь, по нашему крайнему разумѣнію, заключается въ необходимости изслѣдовать и изучать, на сколько это возможно, по сохранившимся источникамъ, не степень художественнаго исполненія священныхъ изображеній, а ихъ сюжетъ, ихъ смыслъ и общую идею разрисовки, отвѣчавшую, конечно, требованіямъ своего времени и находившуюся, поэтому, въ тѣсной связи съ главнѣйшими направленіями религіозной мысли. Народная масса, вообще нетребовательная въ отношеніи эстетики, вполнѣ удовлетворялась степенью художественности лаврской иконописи; ею удовлятворялось даже и образованное общество до того, что уподобляло Печерскую обитель небесамъ. Проникнутые глубоко-религіознымъ восторгомъ, посѣтители и богомольцы лавры безъ критики относились къ священнымъ и историческимъ изображеніямъ въ ней и должны были, поэтому, подчиняться не столько художественности исполненія изображеній, сколько самому содержанію ихъ, его глубокому смыслу и горячему религіозному чувству, прямо и ясно выражавшемуся въ тѣхъ текстахъ изъ священнаго писанія и твореній отцевъ и учителей церкви, которые (т. е. тексты) сопровождали каждое изображеніе и объясняли сущность его сюжета; и для нихъ важна была, такимъ образомъ, идея, какъ отдѣльныхъ произведеній, такъ и всей совокупности ихъ. Съ этой именно стороны и заслужи-

ваетъ полнаго вниманія историка иконопись Кіево-Печерской лавры, какъ главнаго св. мѣста въ «Русскомъ Іерусалимѣ», къ которому въ теченіе 8-ми вѣковъ стекается вся православная Россія» (стр. 4). Авторъ, поэтому, въ ближайшемъ будущемъ обѣщаетъ намъ заняться вопросомъ о томъ, «какая же основная мысль лежала въ общей совокупности священныхъ изображеній на стѣнахъ Великой лаврской церкви и въ каждомъ отдѣльно; насколько она была близка или чѣмъ отличалась отъ основной мысли въ сюжетахъ иконъ другихъ столь же древнихъ православныхъ храмовъ, что вносили въ нее новаго реставраціи позднѣйшихъ вѣковъ; подъ какими вліяніями совершались и какой мысли отвѣчали измѣненія и дополненія въ иконописи?» (стр. 19). Подобная широкая постановка вопроса, разъ у автора найдутся матеріалы, заслуживаетъ самой глубокой симпатіи. Мы только боимся, чтобы авторъ не увлекся отыскиваніемъ «*основной* мысли, лежавшей въ *общей* совокупности священныхъ изображеній»... Значеніе лаврской живописи, кажется намъ, именно въ отдѣльныхъ сюжетахъ. Подъ видомъ религіозной живописи, они должны были вносить новыя понятія въ наше южно-русское искусство... А сколько такихъ отдѣльныхъ-то сюжетовъ наберется въ описаніи лаврской живописи! Предъ вами проходитъ цѣлая галлерея лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, имя которыхъ такъ или иначе связано съ лаврой—это *историческая* живопись. «Святій Василій Великій бяше возврастомъ высокъ, тѣломъ сухонявъ и чернъ въ образѣ, видомъ похилъ, горбоносъ, брови окружени, браду же имѣя долгу и рѣдку, въ мислѣ челомъ высоко, кротокъ, средовѣкъ, въ сѣдинахъ доволенъ (стр. 71)— такія требованія выставлены для образа Василія Великаго. Здѣсь мы видимъ не случайную мазню, а опредѣленную мысль въ образѣ. „Телецъ, изваянный на столпѣ, и люде около его скачущіе; Моисей же подъ горою скрижали сокрушаетъ и идола жезломъ сокрушаетъ, а на горѣ написать заповѣдь 2-ю, више писанную: «не сотвори» и проч. (стр. 83). Вѣдь это настоящая жанровая картина! Мы имѣемъ даже такіе сюжеты: «древо дубъ, листвія распростерто имѣяй»; «лоза виноградная обрѣзаема»; «Моисей, жезломъ поразивъ камень, изводитъ воду» (стр. 60) и т. д.—сюжеты, которые являются иллюстраціей священнаго писанія, но въ которыхъ очень трудно поймать, безъ натяжекъ, какой-нибудь нравственный мотивъ. Одинъ изъ столбовъ въ церкви такъ былъ разрисованъ: „ліеншафти (ландшафтъ); Іосифъ, сѣдящу Фараону на креслѣ, разсуждая съ нимъ; ближшей море; изъ

моря идутъ 7 коровъ худыхъ, а на земли стоятъ 7 коровъ тлустыхъ»... Таковы сюжеты живописи Кіево-Печерской лавры. Конечно, мы, вѣроятно, не найдемъ здѣсь пейзажей Шишкина, Волкова, экспрессіи Рѣпина; но самые маленькіе зародыши этого тамъ были—и въ этомъ несомнѣнное значеніе лаврской живописи. Посѣщавшій лавру народъ выносилъ оттуда скорѣй всего не священные тексты, а художественные образы и сравнивая ихъ съ убогой живописью деревенскаго храма, получалъ извѣстный плюсъ въ своемъ художественномъ образованіи. Посѣтите Владимірскій соборъ, прислушайтесь къ говору сермяжной толпы, которая его всегда наполняетъ—тамъ живое подтвержденіе всего этого. А какое вліяніе могла имѣть лаврская живопись на малорусскихъ маляровъ? на всѣ тѣ картины, которыя дошли до насъ?!... Сомнѣваемся, чтобы никакого, а можетъ быть и большое. Вопросъ этотъ сложный, трудный; очень вѣроятно, что при данныхъ средствахъ невозможно на него дать и приблизительнаго отвѣта; но вопросъ этотъ важный, интересный, а главное законный, насколько вообще законенъ вопросъ о культурномъ вліяніи Кіева на малорусскую жизнь...

Въ отдѣлѣ „Изслѣдованій“ мы должны отмѣтить статью В. Г. Ляскоронскаго «Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіеся къ Южной Россіи». Къ статьѣ этой приложены и 4 карты Боплана: генеральная карта Украины; карта Брацлавщины, Покутья и Подоліи. Авторъ добросовѣстно изучилъ матеріалъ, посѣтилъ многія заграничныя собранія, библіотеки и музеи, хотя мы должны сказать, что изученіе картъ и описаніе ихъ у В. Г. Ляскоронскаго чисто внѣшнее. Онъ не критикуетъ картъ, атласовъ, не ищетъ ихъ источниковъ; онъ только описываетъ и перечисляетъ. Конечно, и это трудъ очень почтенный, за который нельзя не быть благодарнымъ автору, который, очевидно, не мало потратилъ усилій на разысканіе и изученіе матеріала. Намъ только кажется, что В. Г. Ляскоронскій слишкомъ преувеличиваетъ значеніе картъ Боплана, да и вообще старинныхъ географическихъ картъ Южной Россіи, составленныхъ на Западѣ Европы. По картамъ, говоритъ онъ, «является возможность судить какъ о существованіи тѣхъ или другихъ поселеній въ странѣ, такъ и о границахъ послѣдней въ различные періоды ея исторической жизни. Неполныя свѣдѣнія, сообщаемыя этими картами, все же являются весьма цѣнными для насъ, такъ какъ, благодаря имъ, можно съ полнымъ основаніемъ доказать ошибочность

предвзятаго (нашъ курсивъ) мнѣнія о пустынности и ненаселенности въ XVI вѣкѣ большей части лѣвобережной Украины. Мы изучили съ этой цѣлью значительное количество старинныхъ атласовъ и убѣдились, что древнія географическія карты могутъ съ большимъ успѣхомъ разсѣять ложно составленныя предвзятыя мнѣнія. Подробное изученіе за границей древнихъ картъ Южной Россіи дало намъ возможность сдѣлать выводъ, что наши историки, *руководствуясь только генеральными картами Южной Россіи* (нашъ курсивъ), часто впадали въ крайне грубое заблужденіе какъ относительно степени населенности края, такъ и относительно времени возникновенія тѣхъ или другихъ поселеній его. Изученіе старинныхъ картъ, относящихся къ Южной Россіи, все болѣе и болѣе убѣждаетъ насъ, что свѣдѣнія на Западѣ о Южной Россіи долгое время были чрезвычайно скудны, и лишь этимъ обстоятельствомъ объясняется неполнота и несовершенство ея географическихъ картъ. Въ старинныхъ атласахъ карты Россіи зачастую перепечатывались по одному какому-либо образцу, признанному наиболѣе удачнымъ и достовѣрнымъ. Относительно старинныхъ картъ и атласовъ, издававшихся въ Западной Европѣ, необходимо замѣтить, что они не всегда заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, составленныя по послѣднимъ, доступнымъ для того времени даннымъ: атласы, по большей части, заключали въ себѣ такія карты, которыя были сдѣланы значительно раньше и въ разныхъ странахъ, такъ что, напр., атласъ XVII ст. заключалъ въ себѣ карты XVI ст.» (стр. 99—100). Такъ неблагопріятно характеризуетъ В. Г. Ляскоронскій свой матеріалъ. Естественно, кажется, было и отнестись къ этому матеріалу нѣсколько суровѣе, критически, чѣмъ сдѣлалъ это В. Г. Ляскоронскій, а между тѣмъ онъ допускаетъ возможность дѣлать на основаніи только его выводы, разсѣивать «предвзятыя мнѣнія» и исправлять «грубыя заблужденія» историковъ.

Кто же эти историки, которые «грубо заблуждаются, утверждая что южная Полтавщина была мало населена въ XVI вѣкѣ и что ея колонизація началась послѣ люблинской уніи и, главнымъ образомъ, въ началѣ XVII вѣка? В. Г. Ляскоронскій не называетъ ихъ именъ. Мы знаемъ четырехъ такихъ заблуждающихся историковъ: г. Ал. Яблоновскаго съ его «Żródła dziejowe т. XXII, М. Ф. Владимірскаго-Буданова съ его предисловіемъ ко 2-му тому VII ч. «Архива Юго-Западной Россіи, И. В. Лучицкаго съ его «Займанщиной и формами заимочнаго землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи» и А. М. Ла-

заревскаго съ его «Лубенщиной и князьями Вишневецкими» (въ Кіевской Старинѣ 1896 г.) и «Историческими очерками Полтавской Лубенщины». (XI кн. „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца). Къ этимъ, пожалуй, можно прибавить еще и В. Б. Антоновича, который въ своихъ лекціяхъ, говоря о козачествѣ, его происхожденіи и первыхъ временахъ, указывалъ и на малонаселенность Украины. Смѣемъ увѣрить В. Г. Ляскоронскаго, что историки эти сдѣлали свои выводы на основаніи критическаго изученія доступнаго имъ обширнаго матеріала, а не «руководствуясь только генеральными картами Южной Россіи», какъ утверждаетъ В. Г. Ляскоронскій. Извѣстенъ ли этотъ матеріалъ В. Г. Ляскоронскому, изученъ-ли онъ имъ—этого изъ статьи его не видно, а между тѣмъ изученіе его было необходимо для критической оцѣнки картъ, которой, какъ я уже сказалъ, нашъ авторъ и не сдѣлалъ. Мы считаемъ утвержденія названныхъ выше историковъ не только не поколебленными, а напротивъ подтвержденными матеріаломъ, сообщеннымъ г. Ляскоронскимъ. На древнѣйшихъ картахъ, о которыхъ онъ говоритъ, мы встрѣчаемъ мало поселеній. Поселенія эти не новость для ученыхъ, занимающихся исторіей колонизаціи: они были имъ извѣстны и раньше, чѣмъ г. Ляскоронскій заговорилъ о картахъ. Что же касается картъ Боплана, то ненужно забывать, что они относятся къ очень сравнительно позднему времени, почти ко времени Хмельниччины. Никто никогда не утверждалъ, что въ это время Полтавщина была еще почти пустыней, хотя все же таки масса земли въ ней оставалась незанятой. Она была колонизована уже послѣ Богдана Хмельницкаго. Труды М. А. Максимовича, И. В. Лучицкаго, А. М. Лазаревскаго—даютъ много историческаго матеріала для такого заключенія.

Мы вообще не придаемъ такого большого значенія картамъ Боплана, какъ В. Г. Ляскоронскій. Безспорно, они полезны, какъ *вспомогательный*, но не какъ главный матеріалъ. Они могутъ служить для провѣрки, для разъясненія недоразумѣній, но никакъ не для выводовъ. Самый способъ составленія этихъ картъ, о которомъ говоритъ В. Г. Ляскоронскій (стр. 120 и слѣд.), заставляетъ историка относиться къ нимъ съ осторожностью.

Кромѣ означенныхъ статей, къ исторіи Малороссіи относятся еще: рефератъ С. Т. Голубева «О древнѣйшемъ планѣ г. Кіева 1638 г.» и Н. Н. Оглоблина «Изъ жизни Кіевской губерніи прошлаго вѣка». Въ первой сообщается очень много свѣдѣній, критически провѣрен-

ныхъ такимъ знатокомъ, какъ С. Т. Голубевъ, и имѣющихъ большое значеніе для древней топографіи г. Кіева; вторая заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ «мелочей жизни». Первая такая «мелочь»—генералъ-губернаторское внушеніе полякамъ въ 1796 году. «Съ крайнимъ соболѣзнованіемъ извѣщаюсь, писалъ кіевскій генералъ-губернаторъ Тутолминъ пятигорскому уѣздному предводителю дворянства Залевскому — что молодые дворяне, *возвратившіеся* въ домы послѣ *бывшей революціи*, находясь теперь при родителяхъ своихъ и родственникахъ въ праздности и безъ всякой службы, позволяютъ себѣ несовмѣстную и предосудительную *вольность въ словахъ* своихъ, или обнаруживаютъ малое по молодости понятіе о вещахъ и прямыхъ своихъ пользахъ, или мѣшаясь разсужденіями *въ непринадлежащія дѣла*, слѣдуютъ... неосновательному умствованію *суетныхъ гаданій*... (стр. 323). Вторая замѣтка Н. Н. Оглоблина заключаетъ въ себѣ нѣсколько данныхъ изъ исторіи старообрядческихъ поселеній въ Кіевской губерніи—борьбу старообрядцевъ съ помѣщиками, желавшими ихъ закрѣпостить. Третья—интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло о Ривкѣ Шимоновой, которая истребила рожденнаго ею урода... Ривку привлекли, конечно, къ суду и только послѣ долгихъ проволочекъ выпустили на свободу.

Въ XII книгѣ помѣщены и юбилейные рефераты, прочитанные въ обществѣ по случаю исполнившагося 100-лѣтія со дня смерти Екатерины II, проф. В. С. Иконниковымъ «Значеніе царствованія Екатерины II»; проф. Н. П. Дашкевичемъ «Литературныя изображенія имп. Екатерины II и ея царствованія»; И. И. Гливенкомъ «Россія временъ Екатерины II въ «Il Poema Tartaro» G. Gosti...».

Н. В.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *Томъ XXI. Одесса. 1898. 8 д. л. 292+56+32+28+66 стр. и 8 табл. рисунк.*

Въ первомъ отдѣлѣ этого тома помѣщены: окончаніе объемистаго изслѣдованія С. В. Петровскаго «Апокрифическія сказанія объ апостольской проповѣди по Черноморскому побережью»; два доклада В. В. Шкорпила: о камняхъ съ греческими надписями, поступившихъ въ Мелекъ-Чесменскій музей въ 1898 г., и о боспорскихъ

надписяхъ (на камняхъ), пріобрѣтенныхъ тѣмъ же музеемъ въ 1897 г.; продолженіе статьи В. В. Латышева о христіанскихъ надписяхъ изъ Крыма; замѣтка Р. Ф. Гаусмана о фибулахъ, и отчетъ Э. Р. Фонъ-Штерна о раскопкѣ гробницы въ Керчи, въ 1896 г. Изъ матеріаловъ отмѣтимъ лишь: переводъ, сдѣланный проф. Ю. А. Кулаковскимъ «Аланскаго посланія» епископа Ѳеодора (XIII в.) и документы о родѣ новороссійскихъ дворянъ Бѣлыхъ, потомковъ извѣстнаго войсковаго атамана (бывшихъ запорожцевъ) Сидора Бѣлаго, погибшаго при штурмѣ Очакова. (46—56 стр.) Въ Смѣси помѣщена «Овруцкая купчая 1590 г.» Это—продажная запись Овруцкаго боярина Назара Максимовича на землю—документъ, не представляющій особаго интереса. Замѣтимъ мимоходомъ, что текстъ его напечатанъ здѣсь въ крайне изуродованномъ видѣ; напримѣръ, извѣстный Овруцкій староста Абрамъ Мышка-Варковскій здѣсь названъ «вирховьскимъ», а шляхтичъ повѣту Киевского панъ Гапонъ Дѣдовичъ-Триполскій» оказался «шляхча повѣшу клевского панъ гапонъ Дѣдовичъ Трыполсамъ». «Вышле з уряду замку государскаго Овруцкого» конечно должно означать: «выпис з уряду господарского»; «сума пенятен»—очевидно «сума пенязей»; «половица помянриде земли Милошовщины»—вѣроятно «половица помененое земли Милошовщины». Вообще документъ прочтенъ крайне неумѣло, а гдѣ и удалось вѣрно скопировать слова, почему то показавшіяся издателю странными, тамъ безъ надобности поставлены знаки вопроса, наприм. въ словахъ: «неоставляючи», «при моцы» (т. е. въ силѣ), «под зарукою». Очевидно, въ составѣ Од. Общества нѣтъ людей, опытныхъ въ чтеніи южнорусскихъ старинныхъ актовъ; въ такомъ случаѣ можно было бы обратиться за помощью въ Кіевъ, гдѣ существуетъ Центральный Архивъ (въ которомъ хранятся милліоны такихъ точно документовъ). Здѣсь любой переписчикъ безъ труда разрѣшилъ бы тѣ недоумѣнія, какія для редакціи представляло чуть не каждое слово мало знакомаго памятника.—Далѣе слѣдуютъ матеріалы по исторіи Одессы: письмо путешественника, посѣтившаго Одессу въ 1804 г. (перепечатка изъ «С.-Пет. Комерческихъ Вѣдомостей 1804 года), рисунокъ (съ объясненіемъ) развалинъ Гаджибейской крѣпости въ 1818 г.; Къ исторіи Одесской Михайловской церкви, съ рисункомъ и «Одесса сто лѣтъ назадъ»—перепечатка изъ газеты «Од. Новости». Въ протоколахъ помѣщены, между прочими, доклады: И. А. Линниченки (Линниченка?): «Археологическія новинки на Кіевской археологической выставкѣ

1897 г.» —здѣсь подробныя сообщенія о раскопкахъ г. Хвойко близъ Триполья и раскопкахъ г. Мазараки въ Роменскомъ у., въ д. Волковцахъ,—и докладъ В. М. Истрина: «Греческая запись о нападеніи козаковъ на Константинополь въ 1623 году». О содержаніи этой интересной записи было сообщенно уже въ нашемъ журналѣ.—Въ протоколахъ засѣданій общества (66 стр.) излагается текущая дѣятельность послѣдняго; отсюда видно, между прочимъ, что А. А. Скальковскій былъ избранъ почетнымъ членомъ общества лишь послѣ достиженія имъ девяноста лѣтъ...

L.

Сочиненія Н. И. Касиненка: *Малороссы во Франціи. Ванда Запольская. Три граціи. Хохлатая курица. На пароходѣ. Томъ I. Лубны, 1898. 8 д. л. 223 стр.*

Многимъ памятно, какъ въ 1893 г. незначительная малорусская труппа г. Деркача, увлеченная бурными проявленіями франко-русской «дружбы» и тѣмъ восторженнымъ пріемомъ, какой достался во Франціи на долю матросовъ изъ эскадры адмирала Авелана, легкомысленно отважилась отправиться въ Парижъ, сняла тамъ одинъ изъ большихъ театровъ и начала плѣнять парижанъ своими маленькими талантами. Несмотря на сочувственное отношеніе парижской печати, несмотря даже на покровительство самой m-me Аданъ, предпріятіе, какъ и слѣдовало ожидать, потерпѣло полное фіаско, и нашимъ соотечественникамъ (между ними едвали не половина состояла изъ одесскихъ евреевъ) пришлось очень плохо на чужбинѣ. Прогорѣвъ въ Парижѣ, они перекочевали въ Бордо, но и тамъ постигла ихъ неудача, и послѣ цѣлаго ряда приключеній имъ съ трудомъ удалось раздобыть мѣста на пароходѣ въ Марсейли и кое-какъ, терпя всевозможныя лишенія, вернуться на родину. Объ этой печальной исторіи много говорили въ свое время газеты, но только теперь она подробно и обстоятельно разсказана г. Касиненкомъ, который самъ въ ней участвовалъ. Авторъ отличается достаточной наблюдательностью, передаетъ приключенія труппы вполнѣ объективно, и его повѣствованіе читается съ большимъ интересомъ. Остальные очерки его, помѣщенные въ настоящемъ изданіи, свидѣтельствуютъ также о литературномъ талантѣ втора. Всѣ они они взяты изъ быта, хорошо ему знакомаго, именно изъ театральнаго быта; чаще всего въ нихъ изображаются

приключенія странствующихъ бѣдняковъ-актеровъ, и въ этихъ разсказахъ кое-гдѣ забавныя сцены и комическія положенія обрисованы мастерски, съ юморомъ.

О. Л.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Е. Тимченко. Русско-малороссійскій словарь. Томъ второй. П—Ѳ. Кіевъ. 1899. 8 д. л. 267 стр.* О первомъ томѣ см. Кіевск. Ст. 1898 г., августъ, 84.

— *Максимовичъ, Н. И., инж. п. с. Днѣпръ у гор. Кіева. Краткій гидрографическій и историческій очеркъ (Для членовъ X всероссійскаго съѣзда естествоиспытателей и врачей). Кіевъ. 1898. Тип. С. Кульженка. 16 д., 59 стр., 1 планъ и 2 таблицы чертежей. 6.000 экз.*

— *Kodeń Sapiehow, jego koscioly i starożytny obraz Matki Boskiej Gwadałupeńskiej (de Guadalupe) z dawnych i współczesnych źródeł napisał Podlasiak. Kraków. 1898.*—Посадъ Кодень находится въ Подлясьи (въ уѣздѣ Бѣльскомъ, Сѣдлецкой губерніи), причемъ населеніе его состоитъ преимущественно изъ малороссовъ. Обстоятельныя свѣдѣнія о Коднѣ, Г. К. Хруцевича, см. въ *Памятн. Рус. Стар. въ Зап. губ.*, вып. 7-й, стр. 241—258.

— *Folklore de l'Ukraine. Extr. des* Κρυπτάδια *t. V, 1898. Украінський фолькліор. Соромицькі звичаі, казки, пісні, приказки, загадки і лайка.* Paris. 1898. 163. л. 214 стр.—Въ этой книжкѣ приведены преимущественно такъ называемыя *перезовныя* пѣсни.

— *Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. Выпускъ 2-й. Подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ. 1898.* Первый выпускъ этого изданія вышелъ въ 1896 г. Въ настоящій 2-й выпускъ вошли сообщенія волостныхъ судовъ Зміевскаго, Харьковскаго, Лебединскаго и Сумскаго уѣздовъ и записи уѣздныхъ судовъ: харьковскаго, богодуховскаго и сумскаго.

— *Turkull Ian. Gawędy familijne. Krakow. 1897. 8⁰ 93+2 стр.* Авторъ воспоминаній родился на Волыни, учился здѣсь въ Кременецкомъ лицеѣ (1809—1814) и въ своей книжкѣ разсказываетъ немало свѣдѣній о жизни волынской шляхты полов. настоящаго столѣтія. (Kwart. Histor. 1898 г., кн. IV, 963).

— Въ Русской Старинѣ (февраль, 401—409) напечатанъ разсказъ подъ заглавіемъ—*Императоръ Николай I въ Черниговѣ, въ 1845 году*,—о переправѣ императора чрезъ Десну, у Чернигова, весною 1845 г., въ половодье. Переправа была совершена въ катерѣ, которымъ управлялъ черниговскій помѣщикъ капитанъ-лейтенантъ П. И. Исаевичъ, сынъ котораго и сообщаетъ настоящій разсказъ.

— Въ извѣстномъ изданіи *Die Öster—Ungar. Monarchie in Vort und Bild* уже четыре выпуска занимаетъ описаніе *Буковины*. См. Кіевск. Стар. 1898, апрѣль, II, 28.

— Въ № 5 „*Slovansky Přehled* помѣщена статья Володимера Гнатюка „*Rusini v Uhràch*“. Здѣсь послѣ короткаго историческаго очерка угорской Руси, отмѣчается фактъ печальнаго современнаго положенія угорских русиновъ и причины его авторъ видитъ прежде всего въ полномъ отсутствіи національнаго самосознанія угорской интеллигенціи, въ систематической мадьяризаціи, въ упадкѣ экономическаго благосостоянія.

— Въ берлинск. журналѣ *Das litterarische Echo* 1898 г., октябрь, помѣщена статья Georg'a Adam'a подъ заглавіемъ: «*Kleinrussland.*». Здѣсь говорится о малорусскомъ народѣ, сохранившемъ не смотря на различныя неблагопріятныя условія, въ теченіе многихъ лѣтъ, свой національный характеръ и языкъ; о Котляревскомъ, снискавшемъ малорусской литературѣ право гражданства среди европейскихъ литературъ, о Шевченкѣ, болѣвшемъ сердцемъ за свой народъ, и, наконецъ о томъ, что малорусская литература и наука нашли себѣ свободный пріютъ въ восточной части Галиціи, гдѣ и продолжаютъ развиваться. („Руслан“, ч. 25).

— По сообщенію польскаго книжнаго магазина К. Грендышинскаго (въ СПб.) печатаются: 1) *Гавронскаго Фр.* (*Равиты*), *Historja ruchow hajdamackich* и 2) *Улашина*, *Kontracty Kijowskie.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1899 годъ

на ежедневную газету

„ПОДОЛЬСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“.

На годъ 6 рублей на полгода 3 рубля.

„Подольскія Вѣдомости“, вступая во второй годъ своего существованія, какъ изданіе ежегодное, въ наступающемъ 1899 году будутъ издаваться по прежней программѣ, соотвѣтствующей обычной программѣ частныхъ провинціальныхъ періодическихъ изданій: Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агенства, статьи по общимъ и мѣстнымъ вопросамъ, общая и мѣстная хроника, сообщенія и свѣдѣнія о дѣятельности Подольскаго общества сельскихъ хозяевъ, Каменецъ-Подольскаго сельско-хозяйственнаго товарищества (синдиката), Каменецъ-Подольскаго скакового общества и др., сообщенія изъ уѣздовъ, петербургскія вѣсти, отголоски пресеы, фельетонъ, внутреннія извѣстія, судебная хроника, театральная хроника, баржевыя вѣсти и т. п.

Цѣль, положенная въ основу изданія „Подольскихъ вѣдомостей“—посильно служить интересамъ Подольскаго края и, въ качествѣ его мѣстнаго печатнаго органа, быть непосредственнымъ выразителемъ его общественныхъ и экономическихъ нуждъ.

Въ видахъ желательнаго болѣе широкаго распространенія среди читающаго населенія Подоліи ея мѣстнаго печатнаго органа, признано возможнымъ сдѣлать его съ наступающаго 1899 года общедоступнымъ по цѣнѣ, назначивъ годовую подписную плату въ шесть рублей, вмѣсто прежнихъ восьми, и кромѣ того допустивъ для частныхъ подписчиковъ льготную разсрочку, безъ обычныхъ приплатъ. а именно: на годъ 6 рублей, на полгода—3 рубля, на 1 мѣсяцъ—1 рубль (за перемѣну адреса—50 коп.).

Подписка принимается: а) въ г. Каменцѣ-Подольскомъ—въ Редакціи „Под Вѣд“. и б) въ уѣздахъ—во всѣхъ полицейскихъ управленіяхъ губерніи, а также въ становыхъ квартирахъ.

Частныя объявленія принимаются въ г. Каменцѣ-Подольскомъ, въ газетномъ столѣ губернскаго правленія, по цѣнѣ (за одинъ разъ) 20 коп. за мѣсто, занимаемое строкой петита впереди текста и 10 коп. на послѣдней страницѣ (сверхъ этого въ обоихъ случаяхъ, за каждый послѣдующій разъ, до 10 включительно, взимается по 5-ти коп. отъ строки). За объявленія, помѣщаемыя сряду свыше 10-ти разъ взимается плата въ половинномъ размѣрѣ. Мѣсячныя и годовыя объявленія принимаются за плату по особому соглашенію.

Редакторъ *В. Гульдманъ.*

Въ 1899 году „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволожья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Auліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ, М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ). В. А. Мошковъ (Варшава). еписк. Никаноръ (Смолен.) Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М, Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ „Извѣстій“ является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція „Извѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финской, венгерской и скандинавской литературъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 р. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пере-

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" заключаютъ въ себѣ два отдѣла: оффиціальный и ученый. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: 1) сокращенные протоколы засѣданій Совѣта Университета, 2) обозрѣніе преподаванія по полугодіямъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ Университета, 3) извлеченія изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Университета, 4) отчеты профессоровъ и преподавателей объ учебныхъ командировкахъ, 5) актовыя рѣчи профессоровъ, 6) отзывы о диссертаціяхъ докторскихъ, магистерскихъ и pro venia legendi, 7) программы университетскихъ лекцій, 8) сочиненія студентовъ, удостоенныя награды золотою медалью и 9) отзывы о медальныхъ сочиненіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ печатаются научныя статьи профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при Университетѣ, а также вступительныя лекціи профессоровъ и преподавателей; въ зависимости отъ состоянія средствъ „Извѣстій", въ этомъ отдѣлѣ печатаются также курсы университетскихъ лекцій, диссертаціи и другіе научные труды большаго объема.

Въ прибавленіяхъ печатаются таблицы метеорологическихъ наблюденій и списки книгъ, поступающихъ въ библіотеку Университета, при чемъ эти списки издаются одинъ разъ въ годъ въ видѣ особаго приложенія къ майской книжкѣ „Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" выходятъ 9 разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца) книжками въ размѣрѣ до 12 печатныхъ листовъ каждая. Годовая подписная цѣна—5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ профессоръ *Ѳ. Леонтовичъ.*

Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній; 2) служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи и 3) доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшимъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства.

„Хуторянинъ" допущенъ Мин. Нар. Просв. въ безплатн. библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: за одну строку въ концѣ текста—8 к., впереди вдвое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ, въ конторѣ и Редакціи „Хуторянина", при Обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина", при с.-х. книж. магазинѣ жур. „Деревня", уг. Б. Морской и Кирпич. пер., д. 3. 13. 3) Въ Кіевѣ, въ конторѣ Разевскаго. 4) Въ Кременчугѣ въ общественной библіотекѣ. 5) Во всѣхъ уѣздн. городахъ Полт. губ. при Земск. Управахъ и въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

Съ разрѣшенія М. Т. Симонова (Номиса), редакція предположила напечатать въ приложеніи къ Кіевской Старинѣ, въ теченіе этого года, полный сборникъ его разсказовъ, печатавшихся въ 1858—1863 гг. въ *Русской Бесѣдѣ*, *Основѣ* и *Черниговскомъ Листкѣ*.

Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка [1].

Утро въ свѣтлый праздникъ.

. . . .

. . . небо звѣздами покрыто, воздухъ такой теплый, такъ хорошо было кругомъ! Народу уже совсѣмъ не было,—кто домой пошелъ, наши хуторяне по знакомымъ разбрелись,—и возлѣ колокольни остались только мы съ старикомъ.

---

[1]) Мы получили эту рукопись отъ неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Номиса, и печатаемъ его живые разсказы со всѣми, сдѣланными имъ самимъ примѣчаніями. Кромѣ своего пояснительнаго значенія, эти примѣчанія кажутся намъ и сами по себѣ не лишенными интереса: въ нихъ отражается, даже незамѣтно для автора, то особенное, нѣжное отношеніе, въ которомъ состоитъ каждый, даже цивилизованный малороссъ къ своей прекрасной родинѣ, та внутренняя, не отвлеченная, но живая, не искусственная и не умышленная, но вполнѣ свободная и искренняя связь съ своею народностью, которою особенно отличаются малороссы. Какъ плодотворна эта связь для искусства, тому лучшимъ доказательствомъ служатъ—не говоря уже о Гоголѣ—произведенія не только первостепенныхъ, но и второстепенныхъ и даже посредственныхъ малороссійскихъ писателей. *Прим. ред. Русской Бесѣды, гдѣ въ 1858 г.* (кн. IV, стр. 35—64) *былъ напечатанъ этотъ отрывокъ.*

Засимъ слѣдуютъ примѣчанія автора. Считаю нужнымъ здѣсь замѣтить: 1) что Василій Петровичъ человѣкъ правдивый и никогда не лжетъ; 2) что малороссійскій подлинникъ автобіографіи Василія

— А чтó, говоритъ, покойникъ—пойдемъ и мы куда нибудь: обѣдня еще не скоро начнется.

— Пойдемъ, батюшка! говорю:—пойдемъ къ дьяку Ивану: тутъ не далеко; а у меня ноги разболѣлись—новые сапожки таки жмутъ.

— Хорошо, пойдемъ къ дьяку Ивану.

Пошли. Отворяетъ отецъ дверь въ сѣни—а изъ хаты слышно: та—та, та—та! порядочный таки говоръ!

— Ого! говоритъ отецъ:—да здѣсь и безъ насъ довольно набралось!

Ощупалъ покойникъ двери, отворилъ: въ самомъ дѣлѣ, людей и по лавкамъ, и на *полý* [1]) а кто и просто на *долйвци* [2]), потому что всѣ очень любили Ивана и особливо наши хуторяне. Да и было за что любить: такой былъ пригожій, и пѣлъ такъ хорошо, и не гордый былъ,—просто какъ и всѣ, и ужъ такой, если обѣщаетъ чтó—акафистъ отправить или сорокоустъ—такъ

Петровича еще не напечатанъ, по крайней мѣрѣ, Василій Петровичъ *собирается* предать его тисненію, и 3) что художественности въ предлагаемыхъ отрывкахъ искать не зачѣмъ: ея нѣтъ и въ подлинникѣ, въ чемъ скромно сознается и самъ Василій Петровичъ, а если что и было,—переводъ и то снялъ, какъ обыкновенно всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

[1]) и [2]) Слова *полý* и *долйвци* я оставилъ безъ перевода, потому что соотвѣтствующихъ имъ словъ нѣтъ въ великороссійскомъ языкѣ—не имѣется. *Пóломъ* (*пилъ*) у малороссіянъ называется нѣсколько досокъ, одна возлѣ другой положенныхъ и замѣняющихъ кровать. *Пилъ* всегда занимаетъ все пространство хаты, заключающееся между стѣною и печкою. Онъ отстоитъ отъ полу обыкновенно на аршинъ и иногда укрѣпляется неподвижно въ печкѣ и стѣнѣ, но чаще *стелется* (кладется) на *прибояхъ* (палкахъ), деревянными гвоздями къ нимъ прикрѣпленныхъ. *Долйвка, дилъ,*—полъ избы, не изъ досокъ, (полъ изъ досокъ у малороссіянъ называется *помйстъ*), а изъ земли. Различіе же между *дилъ* и *долйвка*, то, что первое изъ этихъ словъ относится ко второму, какъ родовое понятіе къ видовому, именно, что полъ называется *доломъ*, будетъ ли онъ насыпанъ и вымазанъ глиною или нѣтъ, напр. *дилъ въ клунѣ, а доливкою* онъ называется только тогда, когда онъ уже покрытъ и вымазанъ глиною.

ужъ и будетъ, какъ ни отнѣкивайся [1]) отецъ Василій. Покойникъ отецъ часто бывало говоритъ, Ивану тамъ или Петру: „если обѣщалъ дьякъ Иванъ—ужъ сдѣлаетъ, будь покоенъ“. И дьячиха у него была—невысокаго, правда, росту, но такая красивая и опрятная, такая пріятная, такая привѣтливая и такъ со всякимъ умѣла заговорить! Одно только у Ивана было нехорошо: любилъ, знаете, покойникъ тово, лишнюю... ну, и иногда, знате такъ, и въ церковь... Ну, да кто и не безъ грѣха: „всѣ мы подъ Богомъ“!

---

[1]) Въ подлинникѣ: «якъ ни цмакай отче Василію». Слово *отнѣкивайся* далеко не передаетъ образа, который рисуетъ въ воображеніи слушателя слово *цмакай*, но что дѣлать! болѣе соотвѣтствующаго слова великорусскаго и не могу прибрать! Да, кажется, и совсѣмъ прибрать его невозможно.—Малороссіане,—старики, а также люди медлительные и неразговорчивые,—если видятъ предметъ имъ нравящійся или не нравящійся, или слышатъ о такомъ предметѣ, не любятъ выражать своего удовольствія или неудовольствія словами, смотря по роду и степени душевнаго состоянія, качаютъ головами, скребутъ въ затылкѣ, двигаютъ плечами, морщатся, плюютъ,—и все это сопровождаютъ звукомъ, нѣсколько напоминающимъ цмоканье, впрочемъ отъ него отличнымъ и происходящимъ отъ ударенія извѣстнымъ образомъ языка о верхніе зубы, звукомъ—цмакъ, цмакъ! Чуткій въ подобныхъ случаяхъ геній малороссійскаго народа тотчасъ подмѣтилъ этотъ способъ выраженія извѣстныхъ душевныхъ ощущеній нѣкоторыми его членами и окрестилъ его въ своемъ языкѣ глаголомъ *цмакай*. Поэтому выраженіе Василія Петровича: «якъ ни цмакай отче Василію», не значитъ только: «какъ ни откладывай,—отецъ Василій», но значитъ: «какъ ни непріятно тебѣ, отецъ Василій, служить акафистъ, какъ ни морщися ты, сколько ни плюй, сколько ни хлопай при этомъ языкомъ».—Пользуясь случаемъ, скажу тутъ заразъ, чтобы читатель не считалъ меня совсѣмъ уже никуда негоднымъ переводчикомъ, или чтобы Василія Петровича не считалъ онъ совсѣмъ негоднымъ писакою, что переводить съ такого языка, какъ малороссійскій, и въ особенности такія вещи, какъ автобіографія Василія Петровича,—вещь очень нелегкая.

Такъ вотъ и вошли мы въ хату. Всѣ тотчасъ стихли и встали съ мѣстъ, потому что всѣ очень уважали отца за умъ,— да и старѣе таки онъ былъ во всемъ хуторѣ,—ну, и достатокъ таки былъ у покойника.

— Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, панове [1]), Христосъ воскресъ! сказалъ отецъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства началъ кланяться [2]) на всѣ стороны.

И я:—Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ! и кланялся всѣмъ смѣло, но съ уваженіемъ. О, мы у отца вышколены были хорошо! не такъ какъ у иныхъ людей дѣти!

— Воистину воскресъ, воистину воскресъ, воистину воскресъ! отозвались съ лавокъ и съ *полу*, и старый Устенко, подобравши усы [3]), хотѣлъ было къ отцу—извѣстное дѣло, чтобы похристосоваться.

---

[1]) *Панъ* малороссійское имѣетъ двѣ формы: для множественнаго числа болѣе древнюю форму, *панóве*, и значитъ тогда—господà, messieurs, и болѣе новую, *паны*, и значитъ—бара. Я не перевелъ *панóве* словомъ *господа* потому, что великорусское *господа* слишкомъ оффиціальное, холодное, а *панове*—общеупотребительное у малороссіянъ-простолюдиновъ, и значеніе его выработано самою жизнью народа. Замѣчу здѣсь, что обращеніе *панóве* употребляется обыкновенно въ неоффиціальныхъ отношеніяхъ съ равными и притомъ знакомыми, въ такихъ же отношеніяхъ, но съ низшими (напр. хозяина съ работниками)—*хлопцы, добри люде*; съ незнакомыми—*добри люде*; а въ оффиціальныхъ отношеніяхъ всегда прибавляется слово, обозначающее значеніе собранія: *панóве громáда, панове парафіяны* (прихожане) и т. д.

[2]) Въ подлинникѣ: «съ повагою склонивъ головою на вси боки». *Повáга* внѣшнее выраженіе чувства — въ лицѣ, во всей фигурѣ, въ движеніи,—выраженіе ни для кого неоскорбительное. *Повага* впрочемъ имѣетъ и объективное значеніе. *Склонять головою* не значить кланяться, а наклонять голову, какъ наклоняютъ женщины въ образованномъ обществѣ при входѣ въ какое нибудь собраніе.

[3]) Въ подлинникѣ: «розгорнувши усъ». Это не значитъ собственно подобрать или поправить усы. Поправлять усы, т. е. нѣко-

Но отецъ остановилъ его:—Обожди-ка, панибратъ! говоритъ:—здѣсь бѣлѣе твоей есть голова [1]), старѣе тебя есть человѣкъ! и моргнулъ усомъ по направленію къ печкѣ, откуда спускалась уже дьячиха.

Всѣ захохотали, и самъ Устенко старый захохоталъ.

— Правда, правда твоя, *пане Петре*! говоритъ Устенко поглаживая себѣ волосы,—и отецъ направился къ дьячихѣ, которая тѣмъ временемъ спустилась на землю.

— Вы ужъ, *пане Петре*, никогда не обойдетесь безъ шутки! встрѣтила его, усмѣхаясь, дьячиха.

торымъ образомъ прихорашиваться - совершенно не въ духѣ малороссіянъ простолюдиновъ. Покрутить усъ,—паробку передъ дѣвушками, шляхетному козаку передъ громадою и т. п.—и тѣмъ выразить душевное волненіе, а пожалуй и сказать этимъ, что мы-де вонъ какіе,— это такъ, это на насъ похоже, но поправлять усы! прихорашиваться— нѣтъ, пусть офицеры поправляютъ себѣ усы! Когда христосуется или вообще, когда собирается кого поцѣловать, малороссіянинъ *розгортае* усъ просто съ цѣлью поцѣловать губами, а не усомъ, и только! Этому дѣйствію надобно приписывать только одно побужденіе—прирожденное душѣ малороссіянина чувство опрятности и сердечной теплоты и искренности, какъ надобно приписать такое-же побужденіе молодой малороссіянкѣ, когда она, цѣлуя своего милого, *розгортáе* ему усы. Замѣчу еще здѣсь, что, впрочемъ, слѣдовало замѣтить выше, что малороссіянинъ, когда входитъ въ собраніе себѣ подобныхъ, и особенно не близкихъ себѣ людей, обыкновенно *Христосъ воскресъ* говоритъ три раза,—этого требуютъ мѣстныя правила приличія.

[1]) Здѣсь отецъ Василія Петровича играетъ словомъ *билúша*. *Била голова*, или лучше сказать, *билоголова* говорятъ о женщинѣ сѣдой и о женщинѣ, имѣющей бѣлые волосы, но также и о всякой женщинѣ, въ родѣ шутки и даже въ насмѣшку. Прозванье это для женщины, безъ всякаго сомнѣнія, заимствовано въ малороссійскій языкъ съ польскаго,—буквальный переводъ białogłowa, и употребляется только въ языкѣ правой стороны Днѣпра; по крайней мѣрѣ на лѣвой сторонѣ, я не помню, чтобы слышалъ это слово. Самъ Василій Петровичъ сдѣлалъ у себя замѣтку: «теперь что-то не слышно, чтобы у насъ (Василій Петровичъ урожденецъ лѣвой стороны Днѣпра) говорили *билоголова*».

Похристосовался отецъ съ дьячихою, а потомъ уже съ старымъ Устенкомъ (съ дьякомъ въ церкви онъ христосовался), а потомъ и съ другими: за отцемъ и я.

— Садитесь же, Васильевичъ, да отдыхайте! сказала дьячиха, когда со всѣми уже похристосовались, и проворно въ углу подъ святыми иконами смахнула пыль съ лавки, какъ прилично для почетнаго гостя [1]).

Отецъ сѣлъ подъ святыми иконами, за нимъ сѣли и другіе.

— А ты, Вася, говоритъ дьячиха, поворотившись ко мнѣ: ты ступай на пилъ, и заснешь тамъ, если захочешь, пока зазвонятъ къ обѣднѣ. Да сбрось кафтаникъ и сапожки—легче будетъ!

— Мнѣ бы, думаю себѣ, это и очень кстати [2]), но что скажетъ отецъ! и я посмотрѣлъ на покойника.

---

[1]) Правила приличія у малороссіянъ-простолюдиновъ требуютъ, чтобы хозяйка сама или кто другая изъ женщинъ семьи, смотря по важности гостя, смахнула пыль съ мѣста, на которомъ сидетъ гость, хоть бы пыли тамъ совершенно не было и лавка или скамейка была бѣлѣе снѣгу.—Тѣ же правила приличія требуютъ, чтобы самаго почтеннаго гостя сажать, на *покути* подъ иконами.

[2]) Въ подлинникѣ: «мени-бъ то се и на̀-руку ковинька». Въ Малороссіи, у мальчиковъ, есть игра, называемая *ковйнькою* или *булкою* (*грать въ ковиньки или булки*). Она состоитъ въ слѣдующемъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи, болѣе или менѣе многочисленныя (въ каждой партіи можетъ, впрочемъ, быть и по одному мальчику) и назначаютъ на льду, на дорогѣ, на огородѣ и т. п. два пункта: одинъ—для одной партіи, другой—для другой. Потомъ они становятся по обѣимъ сторонамъ воображаемой линіи между пунктами, берутъ въ руки *ковиньки* (палки съ естественнымъ или искусственнымъ загибомъ на концѣ), которая-нибудь партія по жребію беретъ *булку*—(камышекъ, кусокъ льду, отрубокъ дерева и т. п.—чаще всего пробку изъ бочки) и въ лицѣ котораго-нибудь изъ своихъ членовъ начинаетъ игру: избранный ставитъ *булку* на своемъ пунктѣ и бьетъ ее со всего размаху *ковинькою*, по направленію къ пункту вражескому. Другіе подхватываютъ ее ковиньками-же, противники отбиваютъ назадъ—и въ этомъ заключается игра, имѣющая

— Да ну ужъ, ну! отозвался тотъ.—Оно, конечно, стыдно бы такому паробку, да нечего дѣлать! и, поворотившись къ Усенку и къ другимъ хуторянамъ, добавилъ, потому что ему немножко совѣстно стало, что двѣнадцатилѣтнему мальчику позволилъ—въ гостяхъ итти на *пилъ*:—не знаю, чтó сталось съ нашимъ Хрущомъ—такіе тѣсные сапожки сдѣлалъ мальчику! и указалъ на меня.

— Старъ ужъ дѣлается, плохо видитъ! отозвался кто-то.

Я тѣмъ временемъ проворно *сзулъ* сапоги, сбросилъ кафтаникъ и, забравшись на *пилъ*, въ самый уголъ, расположился тамъ поудобнѣе—не спать, какъ говорила дьячиха, а чтобы слушать, потому что зналъ, что вотъ собрались наши хуторяне, отецъ здѣсь, Каленикъ здѣсь, такъ такіе пойдутъ разсказы, что только слушай.

И въ самомъ дѣлѣ было чего послушать! Сначала извѣстное дѣло, начали, какъ кто шелъ или ѣхалъ на *Дѣянія*! [1]) кто опоздалъ, кто дремалъ въ церкви—и всего тутъ было! [2])

конечнымъ результатомъ—загнать *булку* за пунктъ противниковъ. Если во время игры булка предъ кѣмъ-нибудь очутится такъ, что ему не зачѣмъ бѣжать или поворачиваться, чтобы ударить ее, куда слѣдуетъ, то говорятъ: «ёму нà-руку ковúнька». Отъ игры выраженіе это перенесено и къ другимъ случаямъ, гдѣ надобно выразить удобство для дѣйствія или состоянія.

[1]) *Дѣянія.* Въ Малороссіи строго исполняютъ обрядъ: слушать въ церкви, въ страстную субботу, чтеніе Дѣяній св. Апостолъ.

[2]) Съ этого мѣста я уничтожаю послѣдовательность изложенія и перевожу изъ автобіографіи Василія Петровича только отдѣльные разсказы, почему-либо заслуживающіе, по моему мнѣнію, вниманія читателя и представляющіе собою нѣчто отдѣльное цѣлое. Угожу-ли я такимъ способомъ читателю—не знаю; по крайней мѣрѣ—я желалъ ему угодить. Во всякомъ случаѣ да знаетъ онъ, читатель, что я не позволилъ себѣ никакихъ прибавокъ или убавокъ противъ разсказовъ въ оригиналѣ, и что эти отдѣльные разсказы у Василія Петровича—снимки съ натуры.

Калевикъ разсказываетъ про дьяка Ивана.

. . . .

. . . Пріѣзжаю въ запрошлое лѣто къ Ивану,—этакъ на зеленыхъ праздникахъ,—на другой день, кажется: покойница мать на тотъ свѣтъ уже сбиралась, такъ пріѣхалъ просить, чтобы на другой день пріѣхали съ священникомъ и *отправили маслосвятіе.* Ну, извѣстно, привязалъ гнѣдую къ плетню и вхожу въ сѣни,—глядь, Мотрона сидитъ на скамейкѣ и рукою подперла себѣ голову, а изъ хаты слышно Ивановъ голосъ—поетъ. Я остановился и началъ прислушиваться: „О тебе» поетъ, вотъ что̀ поютъ, когда плащаницу носятъ вокругъ церкви, и такъ тихонько поетъ, такъ печально, такъ печально! голосъ дрожитъ и каждое слово какъ-будто тихими слезами обливается...

— Что это, спрашиваю у Мотроны, Иванъ такъ поетъ такое печальное.

— Богъ его знаетъ! говоритъ Мотрона;—на него иногда какъ-будто, храни Господи, *что̀ находитъ*: такимъ грустнымъ дѣлается, такимъ грустнымъ, что сердце ноетъ на него глядя—и тогда все поетъ, все поетъ: и божественныя пѣсни, и такія, а иногда и такія, какихъ отъ роду никогда и не слыхала.

Мотрона замолчала и я молчалъ. Немного спустя Мотрона снова заговорила:—И ужъ такой тогда добрый, такой добрый, что и высказать нельзя! Онъ и всегда добрый и *жалостливый* ко всѣмъ, а ко мнѣ—и говорить нечего,—пусть ему Богъ отплатитъ, святой душѣ! но если сдѣлается такимъ, вотъ какъ теперь, то всякому послѣднюю-бъ рубаху отдалъ, а мнѣ—даже тяжело дѣлается на сердцѣ, какъ будто согрѣшила какъ передъ нимъ, или погубила его на вѣкъ....

И у Мотроны слезы потекли по личику.

— Чаще всего такое съ нимъ дѣлается,—дальше продолжала,—послѣ похоронъ, когда умретъ кто-нибудь молодой и пригожій, и особенно, если выпьетъ тамъ лишнее.... Сегодня хоронили *Рыжикѝвну*—знаете, какая она была добрая и красивая дивчина! Такъ вотъ онъ тамъ былъ, и ихъ порядочно таки угостили.... такъ вотъ онъ и поетъ....

Я и прежде слышалъ, что въ домѣ у себя, когда одинъ останется въ хатѣ, Иванъ еще лучше поетъ, чѣмъ въ церкви, и особенно, если немного подъ хмѣлькомъ..... но слышать такого его пѣнія никогда не приходилось. Я сѣлъ на порогѣ и началъ слушать... Господи, какъ хорошо пѣлъ! Я слышалъ, какъ поютъ у переяславльскаго [1]) архіерея, доводилось слышать и въ *Братствѣ* [2]), и лаврскихъ [3]) монаховъ, и митрополичью [4]) пѣвческую, но куда!.. Такъ какъ-то грустно пѣлъ, такъ грустно!.. Какъ будто лѣсомъ тихимъ да зеленымъ ѣдешь, а гдѣ-то въ чащѣ горлинка тихо да жалобно воркуетъ... Или смотришь на кого дорогого, тяжело больного, а онъ съ тоскою глядитъ на тебя и проситъ: „затвори-молъ оконечко—не для меня ужъ тихій вѣтерокъ и ясное солнышко...."

Такъ пропѣлъ Иванъ все „о тебе", и все-таки поетъ, одинъ напѣвъ поетъ, безъ словъ. Потомъ и слова какія то началъ пѣть и напѣвъ перемѣнять. Изъ какой пѣсни были эти слова, и на какой напѣвъ пѣлъ онъ ихъ—не знаю: никогда ничего подобнаго не слышалъ; только пѣлъ, и слова при этомъ произносилъ еще грустнѣе [5]), такъ что у Мотроны начали слезы течь по щекамъ и у меня что-то завертѣлось на рѣсницахъ...

---

[1]) Полтавскій преосвященный, какъ извѣстно, жилъ прежде въ Переяславлѣ, и для малороссіянъ поэтому онъ былъ только *переяславльскій* архіерей.

[2]) Т. е. въ Братскомъ монастырѣ. Малороссіяне и теперь еще часто называютъ его братствомъ.

[3]) Наши хуторяне очень любятъ слушать лаврское пѣніе, особенно на вечернѣ, въ тихій лѣтній вечеръ, когда церковные своды скроются въ темнотѣ и откликающееся въ нихъ заунывное пѣніе такъ неотразимо увлекаетъ душу куда-то, далеко... *Прим. Василія Петровича.*—

[4]) Т. е. кіевскаго митрополита.

[5]) Въ подлинникѣ: «Тильки спивавъ и промовлявъ ще смутнише, ще жалибнише». Передать на великорусскомъ языкѣ всю прелесть образа, рисуемаго этими словами, я не въ силахъ, а потому и выписываю ихъ здѣсь.

— Можетъ быть, говорю Мотронѣ, отозваться бы къ нему?

— Боюсь, говоритъ, чтобы это не повредило ему,—я никогда не прерываю его. Пусть ужъ лучше напоется!

Я замолчалъ и снова началъ слушать. Напѣва, которымъ онъ пѣлъ, я не замѣтилъ, да и замѣтить его невозможно было: все не одинаково пѣлъ, не такъ, какъ поютъ пѣсни; а слова нѣкоторыя замѣтилъ, и теперь помню, какъ онъ пѣлъ: „Не убирайте головки въ цвѣты и ленты, не надѣвайте на шейку серебряныхъ *дукачей* [1]), не запирайте меня въ сосновый гробъ, не закапывайте въ сырую землю--разспросите у Божьей птички, у степной травки, какъ слѣдуетъ жить и умирать!... Воспойте намъ, воспойте намъ, отъ пѣсней сіонскихъ! Како воспоёмъ на земли чуждѣй?... Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!..... на мѣстѣ злачнѣ, на мѣстѣ чистѣ, на мѣстѣ покойнѣ“....

И такъ все пѣлъ и пѣлъ, и мѣшалъ божественное съ такимъ, небожественнымъ. И про себя что-то пѣлъ, и про хату свою пѣлъ.

Я не выдержалъ напослѣдокъ и говорю Мотронѣ:—Нѣтъ, Мотрона, къ нему надо отозваться: ему, видно, тяжело—лучше прервать!

— Боюсь! снова Мотрона:—развѣ ужъ вы отзоветесь.

— Пожалуй, говорю, хоть и я!—и вставши съ порога началъ потихоньку отворять двери въ хату, но какъ ни старался тихонько отворять ихъ—все-таки скрипнули.

Иванъ замолчалъ. Я больше отворилъ и просунулъ въ хату голову: лежитъ посреди хаты, лицомъ вверхъ, и блѣдный—блѣдный! а изъ закрытыхъ очей—слезы...

— Иванъ, говорю, Иванъ! здравствуй!

---

1) *Дукачь*—родъ медали, большаго или меньшаго размѣра, которую носятъ иногда дѣвушки на шеѣ. *Дукачи* бываютъ золотые, серебряные и мѣдные и имѣютъ изображенія, иногда содержанія религіознаго, а иногда и нерелигіознаго. Слова: *дукачь*, *дукатъ* (червонецъ), кажется, одноплеменныя. Читатель пусть не смѣшиваетъ *дукачей* съ образками.

Вздрогнулъ и схватился на ноги.

— Здравствуй, здравствуй! говоритъ, а самъ такъ и покраснѣлъ,—сконфузился, что его такъ засталъ чужой человѣкъ,—и какъ началъ, какъ началъ!

— Это я, говоритъ, повторялъ изъ обихода, потому что совсѣмъ перезабылъ гласы!.. Но видя, что я не очень-то ему вѣрю и что засмѣялся:—Не вѣришь? говоритъ—не вѣришь? Такъ вотъ же повѣришь! и, выскочивши въ сѣни,—къ Мотронѣ:—Правда, правда, *Мотрусю*, что я повторялъ? Правда?

— Правда, правда! сказала Мотрона, отирая слезы съ лица, и тоже усмѣхнулась.

— Э, говоритъ Иванъ, такъ и ты не вѣришь?.... и, упершись руками въ бока, началъ передъ нею скакать, и потомъ, подхвативши ее за талію,—пошелъ вертѣть ее по сѣнямъ.

— Полно, говоритъ Мотрона, полно тебѣ, Иванъ: видишь, чужой человѣкъ смотритъ!

Такъ куда! Шаль обуяла, какъ молодого *дружка* [1]), что самъ еще недавно оженился. А потомъ какъ подхватитъ и

---

[1]) *Дружко* — главный церемоніймейстеръ малороссійской свадьбы, во всѣхъ ея фазисахъ. Такъ какъ на обязанности его лежитъ, между прочимъ, посвященіе жениха во всѣ таинства гименея, потчиваніе гостей и проч., и проч., то требуется, чтобы *дружко* былъ непремѣнно женатый, но въ то же время, чтобы онъ былъ не слишкомъ старый человѣкъ. Кромѣ *дружка* бываетъ *пиддружій*. Образъ, который соотвѣтствуетъ словамъ Каленика: «Шаль обуяла» и проч., вполнѣ будетъ понятенъ только людямъ, бывавшимъ на малороссійской свадьбѣ и видавшимъ, какъ тамъ иногда бѣснуется молодой *дружко*, бьетъ горшки и миски, отхватываетъ трепака на черепкахъ, поливаетъ эти послѣдніе водкою, чтобы мягче-де было ногамъ и увлекаетъ всю компанію въ какой-то сумашедшій танецъ, гдѣ все кривляется, скачетъ или катается по полу, поетъ пѣтухомъ, хрюкаетъ свиньею, представляетъ изъ себя бочку, въ которую льютъ водку... Не смѣйтесь, мой читатель, надъ моими земляками: если бы вамъ пришлось побывать на подобной свадьбѣ, да еще при извѣстной обстановкѣ, Богъ вѣсть, не увлеклись ли бы и вы подъ конецъ всеобщимъ вихремъ и не запѣли ли бы пѣтухомъ!

меня—и меня туда же.... И такъ откалываетъ *трепака,* такъ бѣснуется, и такъ при этомъ поетъ!... Нечего грѣха скрывать—отъ этого шальнаго человѣка и я какъ-будто одурѣлъ [1]) и, забывши, зачѣмъ пріѣхалъ, и что мать при смерти, и самъ уже чуть не началъ было топать ногами..... Но Мотрона таки не удержалась, и она, какъ ребятишки неразумные, пошла скакать и дурить, и такую пыль подняли, что и свѣту Божьяго не стало видно......

Отецъ разсказываетъ про хату дьяка Ивана и про людей, въ ней жившихъ.

. . . .

. . . Это ужъ хата вѣрно такая странная! Когда ни заворoти въ нее—всегда какъ то весело и тепло на душѣ дѣлается! Да и люди такіе-то все жили тутъ! Вотъ хоть бы и тезка мой, покойникъ отецъ Ивана—что это за мастеръ былъ играть на *сопилкѣ* [2])! Какъ выйдетъ, бывало, вечеромъ къ рѣкѣ, да какъ сядетъ у перевоза, да какъ начнетъ играть—и божественныя, и чумацкія, и про казакованье нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ,—такъ и рыба въ водѣ заслушалась бы, а ужъ людей-людей соберется на обоихъ берегахъ, съ этой стороны—здѣшніе, а съ той—харьковцы!... Не долго только покойникъ былъ дьякомъ у насъ: переѣхалъ изъ Чорнухъ, пожилъ этакъ годковъ съ пять, да и умеръ. И таковъ ужъ былъ покойникъ, что вотъ бывало шепни ему въ церкви: „Петръ, у насъ въ хуторѣ чумаки остановились, и сопилка у одного такая, что ты еще отъ роду не видалъ такой,—съ Крыму привезъ“!—то и обѣдню броситъ—управляйся попъ съ пономаремъ, какъ знаешь!—и пошелъ въ хуторъ! Хуторяне часто, бывало, съ нимъ такое подобное дѣлаютъ, чтобъ заманить его къ себѣ, и ужъ какъ попался туда, да еще не въ рабочее время, такъ такіе пойдутъ *банкеты* [3]), что держись только.

---

[1]) Въ подлинникѣ: «оцапивъ», т. е. сдѣлался *цапомъ,* козломъ.

[2]) Свирѣль.

[3]) *Пирушки.*

Но страннѣе всѣхъ, которые жили въ этой хатѣ, такъ это дьякъ, который ее построилъ.

Очень давно онъ жилъ—я еще былъ молодымъ хозяиномъ, когда онъ умеръ. И такого высокаго росту былъ, широкой кости человѣкъ; и усы такіе длинные, а ужъ что сила—и не приведи Господи! А какъ запоетъ, бывало, въ церкви—какъ изъ бочки! Только угрюмый какой-то такой, пасмурный всегда былъ.

И откуда онъ взялся къ намъ, что онъ былъ за человѣкъ—Богъ его знаетъ! Кое-кто разсказывалъ, говорятъ, что будто онъ учился прежде въ Кіевѣ, въ *Братствѣ*, что будто его прогнали оттуда за что-то, или самъ ушелъ, и очутился потомъ въ Запорожьи, и уже съ Запорожья, за Потемкина, къ намъ пришелъ—но было ли это въ самомъ дѣлѣ, такъ никто навѣрно не зналъ; потому что никто изъ прихожанъ нигдѣ его прежде не видѣлъ; спрашивать не спрашивали, потому что онъ рѣдко когда съ людьми говорилъ, да и то, когда говорилъ, та̀къ на тебя смотрѣлъ, что морозъ по кожѣ пробѣгалъ.

Явился онъ къ намъ, еще на свѣтѣ меня тогда не было, и, какъ разсказываютъ старые люди, явился—будто съ неба упалъ.

Дѣло было, говорятъ, на праздникъ Маккавеевъ; святили, говорятъ, какъ и всегда, воду на рѣкѣ, и народу навалило кругомъ столько, и тѣснота была такая, что и Господи упаси! Вотъ и святятъ воду, и за дьячка правитъ кто-то изъ здѣшнихъ, потому что дьячка тогда у насъ не было, а пономарь былъ неграмотный. Ну, дѣло извѣстное, какой изъ нашего брата дьякъ, Оно конечно, поетъ, читаетъ, иногда и лучше иного дьяка, но порядка не смыслитъ. Такъ вотъ и тотъ, что правилъ тогда за дьяка, все останавливается, все останавливается, а напослѣдокъ и совершенно остановился.

— Пой же! говоритъ священникъ:—вотъ то̀ пой!

Молчитъ

— Да пой же, говорю тебѣ! уже сердито сказалъ священникъ.

— Не знаю наизусть! отвѣчаетъ.

— Такъ отыщи въ книгѣ.

— Упомнилъ взять книгу изъ церкви.

Всѣмъ какъ-то стыдно стало, что такое случилось въ нашемъ приходѣ, да еще въ такой праздникъ, а священникъ ногою даже топнулъ:—Бѣги же скорѣй, говоритъ, за книгою!....

Но не успѣлъ онъ проговорить этихъ словъ, какъ кто-то запоетъ сзади всего народу, и, въ самомъ дѣлѣ, тó, чтó надобно было пѣть, и громко такъ, будто въ рогъ затрубило!....

Всѣ вздрогнули и оглянулись: какой-то высокій-высокій и усатый тѣснится межъ народомъ къ священнику, какъ, будто плыветъ,—только стонутъ кругомъ, и народъ, какъ груши сыплется отъ него во всѣ стороны! а онъ все поетъ, все, поетъ!... Добрался къ священнику и началъ править, и все наизусть, все наизусть,—на книги и не посмотритъ, и все какъ по маслу!

— Вотъ, шепчетъ кругомъ народъ:—если бы намъ этакій дьякъ!

Посвятили воду, священникъ уже и покропилъ всѣхъ, и хотятъ нести хоругви назадъ въ церковь,—смотрятъ уже усатаго и нѣтъ, какъ будто сквозь землю провалился! подумали бы, что нечистая [1]) сила, если бы не видѣли всѣ, какъ онъ набожно пѣлъ и крестился, и какъ прежде всѣхъ подошелъ подъ кропило.

Вотъ отнесли хоругви, и народъ пошелъ по домамъ. И Куёвда пошелъ домой—старый Куёвда, дѣдъ нашего Куёвденка, жилъ на грунтѣ, гдѣ теперь живетъ старая *Макариха* Входитъ въ хату,—въ углу подъ святыми иконами сидитъ усатый и куритъ *люльку* [2]). Куёвда даже испугался....

---

[1]) Въ подлинникѣ: «куцый», т. е. короткій, имѣющій короткій хвостъ, безхвостый. Когда-нибудь я побесѣдую съ читателемъ, въ какихъ случаяхъ малороссійскій чортъ бываетъ безхвостый, а въ какихъ съ длиннымъ хвостомъ.

[2]) Трубка. Въ подлинникѣ не *куритъ*, а *смалитъ*. *Смалить люльку* больше значитъ, чѣмъ курить, курить усиленно, или вслѣдствіе аппетита, или вслѣдствіе нерасположенія душевнаго, или вслѣдствіе молодечества и т. п., курить такъ, чтобы въ трубкѣ *сопѣло* или *шкварчало*, какъ *шкварчитъ*, когда *смалятъ* кабана.

— Здравствуй, говоритъ, человѣкъ добрый!

Тотъ кивнулъ головою.

— О, отъ какого же ты стыда насъ избавилъ сегодня!

Молчитъ!

— Откуда ты, человѣкъ добрый?

Ни пары съ устъ!

— Какъ тебя по имени и отчеству?

Хоть бы словечко!

— Э, говоритъ Куёвда, немного разсердившись на усатаго:—да ты, вѣрно, пѣть только и умѣешь, а говорить и не того?...

Вмѣсто отвѣта, усатый вынулъ *люльку* изъ зубовъ, сплюнулъ на землю и, поправивши кулачищемъ, величиною въ *макитру* [1]), себѣ усы, такъ поглядѣлъ на Куёвду, что старику показалось, будто та *макитра* уже летитъ ему на лысую голову, и сказалъ:

— А по чаркѣ будетъ у тебя къ обѣду?

— Будетъ, будетъ, панибратъ! торопливо отвѣтилъ Куёвда, догадавшись, что этотъ времени на слова тратить не любитъ, и тотчасъ послалъ дѣвочку за *квартою* [2]) къ Цёмоху, а старухѣ своей велѣлъ тотчасъ обѣдъ подавать.

Принесли кварту, сѣли обѣдать:—усатый ѣстъ и пьетъ за троихъ, но съ какой стороны Куёвда къ нему не заходилъ—молчитъ да и полно! Такъ и отъ миски встали:

Перекрестился усатый иконамъ, сказалъ: „Благодареніе Богу, матери Божьей и всѣмъ святымъ, и тебѣ, хозяинъ, съ хозяйкою!" раскурилъ снова *люльку* и взявши, ни у кого не спрашивая, съ *полицы гречаникъ* [3]) на дорогу, кивнулъ головою Куёвдѣ и вышелъ изъ хаты,—куда?... Святые знаютъ! Видѣли

---

[1]) Большая глиняная крынка, въ какихъ здѣсь держатъ молоко.

[2]) Т. е. водки, за штофомъ водки. Ведро имѣетъ 10 квартъ.

[3]) *Полица*—полка, идущая подъ потолкомъ хаты во всю ея длину. Иногда она сверхъ того есть еще и въ ширину хаты, у входа или съ противуположной входу стороны. *Гречаникъ*—хлѣбъ изъ гречневой муки.

только вечеромъ въ полѣ, что разведши огонь, что-то пёкъ на немъ, а па другой день утромъ видѣли въ лѣсу—гнѣзда съ деревьевъ снималъ.

Къ обѣду на другой день снова пришелъ въ село и ужъ къ другому какому-то козаку пошелъ обѣдать. Пообѣдалъ, и здѣсь то же, что и у Куёвды: все молчитъ, все молчитъ, а пообѣдавши взялъ гречаникъ, кивнулъ хозяину и хозяйкѣ головой и пошелъ.

И этакъ каждый день: сегодня у одного, завтра у другого, послѣ завтра у третьяго, и все выбираетъ которые побогаче. Такъ шли дѣла до субботы.

Настала суббота; пора уже пришла, чтобы и къ вечернѣ звонить, и пономарь началъ взбираться по лѣстницѣ на колокольню. Но не успѣлъ онъ и до половины лѣстницы добраться, надъ головою бовъ! бовъ!—Что за оказія! думаетъ. Взобрался, смотритъ—усатый звонитъ! Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на него пономарь—что прикажешь съ нимъ дѣлать!

— Ну, говоритъ, если звонишь, такъ звони, а я пойду церковь отмыкать. Только, пожалуйста, полегче: нашъ колоколъ не пріученъ, чтобъ его такъ, по ребрамъ колотили: видишь, какъ дрожитъ!...

Усатый послушался, и пономарь пошелъ церковь отмыкать.

Отомкнулъ, зажегъ свѣчи, пришелъ и священникъ.

— А кто же будетъ пѣть? спрашиваетъ:—время благословить.

Пономарь посмотрѣлъ изъ олтаря: Вонъ, говоритъ, посмотрите!

Подошелъ священникъ къ дверямъ, взглянулъ на клиросъ,—усатый ужъ тамъ, распоряжается тамъ съ книгами, будто въ своемъ карманѣ....

Священникъ былъ тогда у насъ, говорятъ, старый престарый; посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на усатаго, тотчасъ понялъ, что это мастеръ на такое дѣло, и говоритъ пономарю:—Ну, этому незачѣмъ разсказывать, что послѣ чего, и незачѣмъ спрашивать, готовъ ли! и, надѣвши ризы, поблагословилъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXV.

АПРѢЛЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 29 марта 1899 года.

Бо хоць въ ночи спокійный викъ?
Дитий и Жинку выганяють!
И скильки въ хаті буде всіхъ,
Через що бидный Грицъ хлиба немае.
въ Свити Грицъ що мае,
Не разъ зъ Мариною заплачу,
Аби хто буде по смерти!....

Еще изъ воспоминаній Ѳ. М. Лазаревскаго о Шевченкѣ.

Напечатанныя въ февральской книгѣ „Кіевской Старины“ этого года очень интересныя воспоминанія Ѳедора Матвѣевича Лазаревскаго о жизни Т. Г. Шевченка въ Оренбургѣ, которыя, по просьбѣ уважаемаго сотрудника нашего журнала М. К. Чалаго, были написаны въ дополненіе къ его книгѣ о Шевченкѣ для предполагавшагося второго изданія этой книги,—вызываютъ надобность сдѣлать къ нимъ нѣкоторое дополненіе.

Послѣ смерти Ѳ. М. Лазаревскаго, послѣдовавшей въ 1890 году, въ бумагахъ его осталась доставленная въ редакцію Кіев. Старины дочерью покойнаго О. Ѳ. Лазаревскою рукопись, къ сожалѣнію не оконченная, въ которой, послѣ появленія въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ статьи Е. М. Гаршина „Шевченко въ ссылкѣ“, онъ еще разъ приступалъ къ изложенію своихъ воспоминаній о Т. Г. Шевченкѣ,—что было вызвано отчасти желаніемъ исправить ошибки Гаршина, отчасти—тѣмъ обстоятельствомъ, что Ѳ. М—чъ, повидимому, потерялъ надежду, чтобы книга Чалаго была издана вторымъ изданіемъ.

По поводу упомянутой статьи Гаршина мы, въ статьѣ „Къ біографіи Т. Г. Шевченка“, помѣщенной въ Кіевской Старинѣ 1896 г. № 2, съ подписью Н. Васильева, изложили свои дополненія къ ней на основаніи разныхъ документальныхъ данныхъ; но исправленія Ѳ. М. Лазаревскаго касаются иныхъ подробно-

стей, о которыхъ въ приведенныхъ нами документальныхъ данныхъ не упоминалось. Равнымъ образомъ и въ напечатанныхъ въ Кіевской Старинѣ воспоминаніяхъ Ѳ. М—ча, сообщенныхъ М. К. Чалымъ, нѣтъ нѣкоторыхъ подробностей, о которыхъ идетъ рѣчь въ рукописи, оставшейся послѣ смерти Ѳ. М—ча.

Въ виду этого и такъ какъ Ѳ. М—чъ былъ однимъ изъ лицъ, наиболѣе близко стоявшихъ къ Шевченку въ Оренбургѣ и является самымъ достовѣрнымъ разсказчикомъ видѣнныхъ имъ событій, мы нашли, что, не смотря на неоконченность этой рукописи, содержаніе ея не должно остаться неизвѣстнымъ читающей публикѣ, почему и приводимъ ее ниже въ томъ видѣ, какъ она сохранилась.

Н. Ш.

Евгеній Гаршинъ въ своей статьѣ „Шевченко въ ссылкѣ" (Истор. Вѣстникъ, январь, 1886) высказалъ, между прочимъ: „въ настоящей статьѣ выступаютъ многія до сихъ поръ неизвѣстныя имена лицъ, игравшихъ роль въ жизни Шевченка"... „Будемъ надѣяться, что статья наша, прочтенная кѣмъ нибудь изъ лицъ, до сихъ поръ хранившихъ молчаніе, послужитъ поводомъ къ обогащенію матеріаловъ для біографіи Шевченка".

Изъ лицъ, дѣйствительно близкихъ Шевченку во время его ссылки въ Оренбургъ были: Бутаковъ, Поспѣловъ, Левицкій, братъ мой Михаилъ и я. Всѣ они уже въ могилѣ; остаюсь пока въ живыхъ одинъ я.

И опять таки продолжительность почти совмѣстной жизни съ Шевченкомъ въ Оренбургѣ (не говорю о сердечной близости, о чемъ вѣрно могъ сказать самъ дорогой нашъ Тарасъ) несомнѣнно остается за мною.—Я, первый, нашелъ Шевченка въ казармахъ оренб. линейнаго батальона въ первый день невольнаго пріѣзда его въ Оренбургъ. Я-же и проводилъ Ш. изъ Оренбурга въ маѣ 1850 г. въ Орскую крѣпость.

Читая все что было до сего времени писано о Шевченкѣ, я всегда волновался за массу неправды въ этихъ писаніяхъ и всегда

рука моя тянулась къ перу и бумагѣ написать ту дѣйствительность, среди которой проходила жизнь Тараса во время его ссылки, разсѣять умышленную ложь, произвольные выводы, клевету и пр., и пр., что въ такомъ обиліи нагромождено въ писаніяхъ о Шевченкѣ. Приведу для примѣра сказаніе о томъ, что Перовскій ударилъ Шевченка по лицу (ст. Гаршина, стр. 178). Сплетня эта повторяется не однимъ Гаршинымъ.—Слѣдуетъ припомнить, что Шевченко оставилъ Оренбургъ въ 1850 г. и безвыѣздно до дня Всемилостивѣйшаго помилованія жилъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.—Перовскій пріѣхалъ въ Оренбургъ послѣ высылки оттуда Шевченка и за все время своего генералъ-губернаторства въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи не былъ—я спрошу распространителей сплетни: *гдѣ* Перовскій могъ ударить по лицу Шевченка? Но и въ то-же время я не могъ не сознавать, что для откровеннаго, подробнаго, правдиваго разсказа о жизни Шевченка не пришло еще время... Поневолѣ я долженъ былъ затрогивать нѣкоторыя имена, къ неудовольствію можетъ быть носителей этихъ именъ. 36 лѣтъ прошло съ того времени, какъ я въ послѣдній разъ въ Оренбургѣ обнялъ своего дорогого Тараса (Прошу помнить „въ Оренбургѣ". Впослѣдствіи я встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ и провелъ нѣсколько дней у моей матери въ с. Гирявкѣ, Конотопскаго уѣзда). Живо, какъ-бы это вчера случилось, я помню нашу совмѣстную въ Оренбургѣ жизнь до дня выхода его оттуда по этапу.

Если всѣ исторіи пишутся также правдиво, какъ пишется исторія Шевченка, то въ нашей исторіи правда сильно искажена. Помню зимою 1882 г. я получилъ отъ Чалаго въ Владикавказѣ „Жизнь и произведенія Т. Шевченка" (Чалаго до того времени я совсѣмъ не зналъ.—Чалый прислалъ мнѣ свой трудъ, конечно, зная о моихъ близкихъ, сердечныхъ отношеніяхъ къ Шевченку). Я не выдержалъ. Всю книгу его я исписалъ замѣтками о неправдѣ и неполнотѣ свѣдѣній его о „Жизни" Шевченка въ Оренбургѣ и возвратилъ ему эту книгу, написавъ на скоро въ дополненіе нѣсколько почтовыхъ листовъ о томъ, что я знаю о жизни Шевченка въ Оренбургѣ. Г. Чалый послѣ по-

лученія моихъ замѣтокъ признаkъ свой трудъ далеко не полнымъ и сталъ приготовлять второе изданіе. Какъ полезное приложеніе ко второму изданію, я послалъ г. Чалому портретъ Шевченка, рисованный имъ самимъ въ казематѣ Орской кр. Съ того времени я считалъ, что совѣсть моя удовлетворена. Все, что слѣдовало исправить и дополнить въ созданіи Чалаго, я исправилъ и дополнилъ. Второе изданіе Чалаго не вышло до сихъ поръ...

Между тѣмъ явилась въ январьской книжкѣ Истор. Вѣстн. за 1886 г. статья Гаршина „Шевченко въ ссылкѣ".—Я уже находился въ отставкѣ и проживалъ въ своемъ имѣніи Гадячскаго уѣзда. Объ этой статьѣ мнѣ приходилось говорить съ г. Чалымъ, который отчаивается уже въ возможности второго изданія „Жизнь и произведенія Т. Шевченка".

Перечитавъ на дняхъ ст. Гаршина, я рѣшилъ, пока живу, не выжидая второго изданія Чалаго, написать отъ себя извѣстное мнѣ о Шевченкѣ.

Да и кто вѣрнѣе и обстоятельнѣе меня передастъ о Шевченкѣ то, что происходило на моихъ глазахъ. Въ статьѣ Гаршина, какъ и въ книгѣ Чалаго, встрѣчаются невѣрности и недомолвки, на которыя нельзя не обратить вниманія.

Командиръ 5 линейнаго оренб. батальона Мѣшковъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 166) названъ Матвѣевымъ, въ другомъ Мѣшковымъ. (Стр. 175).

Чиновникъ оренб. погр. коммиссіи (у Гаршина—канцеляріи) Александрійскій названъ Александровскимъ. Чигиры вмѣсто Чигирь; Гулакъ въ одномъ мѣстѣ и Гулакъ-Артемовскій въ другомъ.—(правильно Гулакъ). Бакшаевъ вмѣсто Бикмаевъ. Согласенъ, что это пока мелочи, но изъ-за мелочей иногда выходятъ серьезныя недоразумѣнія. Но тамъ же оказываются обстоятельства посерьезнѣе. Для примѣра приведу слѣдующее: Гаршинъ пишетъ: (стр. 165) „дѣло въ томъ, что до Обручева дошли слухи, что Шевченко занимается рисованіемъ. Кромѣ того, какъ говоритъ Чалый, прапорщикъ И—въ сдѣлалъ доносъ!"... Кто-же

изъ насъ, жившихъ тогда въ Оренбургѣ, не зналъ, что Шевченко рисовалъ, не стѣсняясь, что въ то время, „когда до Обручева доходили слухи", онъ рисовалъ между прочимъ портретъ жены Обручева Матильды Петровны и въ извѣстные дни являлся въ домъ военнаго губернатора Обручева для сеансовъ? могло-ли это дѣлаться въ домѣ военнаго губернатора безъ его вѣдома? Дѣло въ томъ, что въ 1852 г. въ пятницу на страстной недѣлѣ Шевченко, подкарауливъ прапорщика Николая Григорьев. Исаева, когда онъ вечеромъ шмыгнулъ въ калитку дома N., привелъ мужа N. въ спальню его жены N. N. гдѣ оказались прапорщикъ Исаевъ и N. N. только вдвоемъ. Въ субботу на той же страстной недѣлѣ, въ квартирѣ Шевченка въ домѣ Герна (Шевченко большею частью жилъ у меня, но почти все его имущество помѣщалось во флигелѣ въ домѣ Герна, гдѣ онъ и работалъ, о чемъ я подробно разскажу въ свое время) былъ сдѣланъ обыскъ; въ утро Христова Воскресенья Шевченко былъ уже арестованъ. При чемъ же тутъ: „до Обручева дошли слухи" и „кромѣ того"?. Гаршинъ свидѣтельствуетъ (стр. 173), что „и въ Петербургѣ не признали нужнымъ входить въ глубь вещей и не стали доискиваться особыхъ преступленій со стороны Шевченка"... Едва-ли это такъ.—Въ Петербургѣ Левицкій, письмо котораго отобрано при обыскѣ у Шевченка, былъ арестованъ. Къ Головку, о которомъ Левицкій писалъ Шевченку, явились жандармы и полиція, и Головко на глазахъ ихъ застрѣлился, пустивъ предварительно пулю, неудачно впрочемъ, въ полицейскаго чиновника. Обыски производились само собою.

Но я отдаляюсь отъ цѣли записки. Для меня особую важность имѣетъ слѣдующее мѣсто въ ст. Гаршина: „что касается личности Герна, у котораго одно время проживалъ Шевченко, то мы можемъ сообщить, что это былъ человѣкъ очень добрый и симпатичный, одинъ изъ благорасположенныхъ къ Шевченку лицъ, какъ это видно изъ письма къ Тарасу Григорьевичу Сергѣя Левицкаго" (стр. 165). Ниже (стр. 170) оказывается, что при обыскѣ отобрано одно письмо отъ Сергѣя Левицкаго. Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, что на это именно письмо

ссылается Гаршинъ. Письмо отобранное отъ Шевченка при обыскѣ я помню очень хорошо (написано оно на большомъ почтовомъ листѣ). Я читалъ его въ то время, когда Тарасъ получилъ его, читалъ его и въ тотъ день, когда оно было отобрано отъ Тараса (Мы, т. е. Тарасъ и я, были предупреждены объ обыскѣ и прежде обыска разобрали всѣ бумаги и рисунки и многое сожгли; о томъ какъ уцѣлѣло это роковое письмо я разскажу послѣ). Я помню, что въ письмѣ упоминается имя Герна—Карла Ивановича, который какъ бы сталъ Шевченку на дорогѣ. Левицкій впослѣдствіи передавалъ мнѣ, что во время ареста спрашивали его: кто этотъ Карлъ Ивановичъ, о которомъ онъ писалъ Шевченку. Левицкій отвѣчалъ: Гернъ, о которомъ въ средѣ его знакомыхъ составилось убѣжденіе, какъ о человѣкѣ строгомъ и правдивомъ, который разъ составивши извѣстное мнѣніе твердо стоялъ на немъ, не поддаваясь никакимъ вліяніямъ...

Въ общемъ извѣстномъ мнѣ ходѣ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, какъ-то не вяжется отзывъ Гаршина о Гернѣ, *на основаніи письма Левицкаго.* Левицкій уѣхалъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, сколько помню, въ генварѣ 1850 года, когда уже отношенія Шевченка и нашего кружка [нашъ, тѣснѣйшій, кружокъ осенью 1849 г. составляли: Шевченко, Левицкій, Поспѣловъ и я; къ этому кружку принадлежалъ Бутаковъ и Гернъ, но по положенію въ обществѣ и по отношенію къ высшей въ краѣ власти—Гернъ, сколько помню, состоялъ при военномъ губернаторѣ для особыхъ порученій—они между нами являлись случайно, временно, на сколько позволяло имъ служебное, оффиціальное положеніе] къ Герну совершенно опредѣлились и укрѣпились. По какому поводу Левицкій могъ писать Шевченку о душевныхъ доблестяхъ Герна, когда Шевченко несомнѣнно лучше Левицкаго зналъ уже Герна и любилъ его тою беззавѣтною любовью, любить которою способенъ былъ Тарасъ Григорьевичъ...

На этомъ рукопись Ѳ. М. Лазаревскаго оканчивается. По-видимому, въ послѣднихъ строчкахъ рѣчь клонилась къ тому, чтобъ сказать, что подъ упоминаемымъ въ письмѣ Левицкаго Карломъ Ивановичемъ слѣдуетъ разумѣть не Герна, а совсѣмъ другого Карла Ивановича; но кто былъ этотъ послѣдній и почему именно упоминанію объ немъ Ѳ. М—чъ придавалъ важное значеніе—за неокончаніемъ рукописи осталось неизвѣстнымъ... [1]).

---

[1]) Намъ приходилось слыхать, что подъ именемъ Карла Ивановича Левицкій разумѣлъ кого то изъ сильныхъ предержащихъ властей. *Ред.*

ИЗЪ ПИСЕМЪ П. А. КУЛИША КЪ С. Д. НОСУ[1].

(1860—1892 г.г.)

1.

1860, лыпця 15. Спб.

Чую я черезъ люде, що Вы, пане куринный, напысалы про чумакивъ, та й дуже гарно. То прошу жъ Васъ—прысылайте скорійше въ „Основу", та й наказуйте, щобъ безъ мого прогляду ничого Вашого не друковаты и якій бы не выйшовъ мій проглядъ, такъ уже тому й буты. Покы моеи снагы, буду Васъ и ще де кого одъ фалшы словеснои обороняты и полову одъ чыстого зерна одвіюваты. Бо якъ кынуться нашвыдку пысаты та друковаты, то скаламутять зовсимъ невелычку нашу словесность. Отъ Кузьменко напысавъ балладу „Погане Поле"

[1]) Печатаемыя здѣсь письма получены редакціею отъ М. К. Чалаго, который сдѣлалъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе:

Д—ръ С. Д. Носъ, уроженецъ с. Попоръ, Конотопскаго уѣзда, Черниг. губ., еще въ 50-хъ годахъ, будучи студентомъ Кіевскаго университета, извѣстенъ былъ между земляками, какъ выдающійся знатокъ малорусской народности. Онъ зналъ многое множество народныхъ пѣсенъ, съ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ напѣвовъ. Обладая сильнымъ баритономъ и здоровой грудью, онъ пѣлъ съ необыкновенной экспрессіей, въ особенности нѣкоторыя думы и бурлацкія пѣсни. Вотъ почему Степанъ Даниловичъ обратилъ на себя вниманіе Кулеша при первой ихъ встрѣчѣ. См. письма К—ша къ Каменецкому. Кіевск. Ст. 1898 г. іюнь, 386, гдѣ есть такое выраженіе о С. Д. Н.: „это имя у насъ будетъ безсмертнымъ". М. Чалый.

дуже гарно, та до баллады доложывъ незнать якыхъ виршъ. Якъ надруковаты саму балладу,—скажуть: лебедыне перо въ пана Кузьменка; якъ же все понадруковаты,—скажуть: индыче! Пысавъ я до Васъ лыстъ недавно, та ще нема одвитування. Пани Параска [1]) пыше, що Вы танцюете завзято. Добре отсе Вы робыте, що запорожськои *вдачи* не кыдаете! А въ насъ и потанцюваты—хоть бы и вмивъ чоловикъ—ни передъ кымъ: все чѳла похмурыи та понаморщувани, цуръ имъ!

Компоную отсе невелычку кныжку „Исторію Украины", такъ, щобъ на святкахъ, або вже хочъ передъ маслыцею и выпустыть; а то „Граматка" якъ розійдется, то ничого гараздъ й чытаты хлопятамъ та дивчатамъ.

Щыро прыхыльный до Васъ побратымъ П. К.

2.

1862, березоля 22. Спб.

Спасыби Вамъ, коханый прыятелю, Степане Данyловичу, що Вы мене обмыслыли свижыною. Що дня Васъ спомынатыму и весь чесный куринь Вашъ. „Основа" запизнылась трохы сама черезъ себе, а то й черезъ ледачу цензуру. Все ждавъ п. Билозерській пропуску де-чого дуже потрибного для журнала, а моя така була рада: выпускай, що можна, а то поспіе въ 3-ю кныжку. Отсе жъ бы була й пора выходыть 3-й кныжци, а мы ще тилько другу выпускаемо завтра. Така вже, мабудь, наша вдача.

Що се вы такъ турбуетесь про тыхъ людей, що мене ганять. Нехай соби ганять, колы охота. Дило само себе покаже. Все те забудется скоро, а дило не на те робытся, щобъ ёго занедбаты, бо воно *дило*. Нехай ганять: може ганывшы, яку й правду скажуть, а мы іи й намотаемо на усъ, та й порозумнійшаемо на корысть добрымъ людямъ. Радыте Вы мени покынуты вирши, а того й не знаете, що до мене пышуть люде дуже пысьменни: „Отъ ваша дорога! Отъ колы вы на іи натра-

[1]) Жена поэта Глѣбова, Прасковья Федоровна, рожд. Бордоносъ.

пылы“ [1])! Такъ якъ же теперъ пораете мени: чы Васъ, чы тыхъ людей слухаты? Зъ роду я ще ни въ кого не пытавсь дорогы и пытатысь не буду. Зъ роду я все по своій уподоби робывъ, и робыты буду. Ото не гарна ричъ, якъ знавъ бы чоловикъ, що воно ни до чого, тай робывъ. А колы винъ певенъ, що воно дуже потрибне и що воно бъ ёго замучыло, колыбъ винъ не выявывъ на свитъ, то вже тутъ шкода раяты! Вы забулы, що не всякій городъ зветься Черниговомъ, а я добре знаю, що пышу не для одного Чернигова. Такъ нехай уже воно такъ буде, якъ душа моя велыть мени. Ото буде краще, якъ я зъ Полтавы прыйиду въ вашу Конотопщыну послухаты писень старосвицькыхъ, та ричей хорошыхъ. Йе въ мене така думка, щобъ де-що поробывшы, йиздыты на оддыхъ то сюды, то туды по Вкраини и набиратысь запасу до дальшого пысання. Такъ перше всёго завитаю въ Конотопщыну, котрои зовсимъ не знаю, а тилько догадуюсь, що тамъ годытся мени побувать и зъ добрымы людьмы поговорыты. Щыро прыхыльный братчыкъ П. Кулишъ.

3.

1862, лыпця 13. Хутиръ Мотроновка, пидъ Борзною.

Посылаю Вамъ, пане отамане куринный, 20 карбованцивъ. Оддайте ихъ панови Тымошкови [2]) за одежу, що забравъ у ёго мій небижъ. Ще зостается въ ёго сюртукъ, а по нашому жупа-

---

[1]) Хотя оффиціальнымъ редакторомъ „Основы“ считался В. М. Бѣлозерскій, но большимъ значеніемъ въ администраціи журнала пользовался и Кулишъ, причемъ, какъ извѣстно, онъ печаталъ въ Основѣ множество своихъ статей, прозой и стихами. Изъ этого письма его къ С. Д. Носу можно видѣть, что, помѣщая въ Основѣ свои стихи, К—шъ думалъ было вступить, какъ бы въ нѣкотораго рода соперничество съ покойнымъ Кобзаремъ. Нашлись земляки, которые поддерживали въ немъ такое самомнѣніе: „отъ ваша дорога! отъ колы вы на іи натрапылы!“. Впрочемъ самъ К—шъ внутренно сознавалъ невозможность состязанія съ Ш—комъ, такъ какъ на одномъ изъ стихотвореній, присланныхъ въ редакцію Основы и представлявшемъ собою видимое подражаніе Ш—ку, мы нашли слѣдующую собственноручную замѣтку К—ша: „*Оце тоби, Тарасе, за те, щобъ не пысавъ дуже самостійно: одежу зъ тебе можно стяіты, якъ упъесся, а души твоей самъ чортяка не вкраде!*“. М. Ч—ый.

[2]) Черниговскій портной.

нокъ. То я не знаю, якъ тутъ чыныты. Небижъ мій роздобувъ якось уже соби жупанокъ, то другого ёму й не треба. Такъ нехай п. Тымошко накыне на мене якого рубляку, а жупанокъ продасть и тымъ нàкыдомъ залатае свою втрату. Колы жъ ёму такъ буде невыгодно, то—ничого робыты—нехай уже мій небижъ бере соби жупанокъ, щобъ одынъ бувъ про будень, а другій—про свято.

Напысалы бъ вы мени, добродію, колы вамъ выпаде слушный часъ завитаты до Вашои домивкы. Може бъ и я выбравъ годыну погуляты та писля пысарськои моеи праци оддыхаты. То мы бъ оттакъ зробылы: выйихавъ бы я, на якій скажете реченець, у Батурынъ, та й пидожавъ бы васъ изъ пивдня, чы що, у почтмейстера батурынського, а вы бъ надйихалы зъ Чернигова та въ купци й пойихалы бъ у славну Конотопщыну. Я прогаюсь у Борзенщыни до Палія, а потимъ уже помандрую въ Кыивъ або й дальшъ Кыива. Щыро прыхыльный до Васъ братчыкъ К.

4.

1888, мая 1. Хутиръ „Ганнына Пустынь, що бувъ Мотроновка“ [1]).

Велыкошановный земляче, Степане Даныловычу!

Зрадилы мы обое, побачывшы рукопысанне такого одиссеюватого верстателя дорогы по свитахъ; та шкода, що пышете про свое одиссейство тилько натякомъ. Ни, бо вже, голубе нашъ волохатый, колы натякаты, то мусыте й пропысуваты. Не полинуйтесь докладно все те намъ выслебезуваты, що своими очыма вбачылы. Мы жъ, колы хочете знаты, не замовклы, а саме ввиходымо въ смакъ розмовы зъ велыкою громадою тямущыхъ людей. Якъ бачымо, Вы й сами зъ тіеи жъ громады. Незабаромъ чытатымете видъ насъ обоихъ усячыну, абы тилько намъ Господь допомигъ звидсиля выгребтысь. А покы щò, печатаю въ „Чтеніяхъ Императорск. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ“ на цилій сотни аркушивъ друку опо-

---

1) „Ганнына пустынь“—писля пожежи стала.

виданне про всяку давныну, пидъ назвою: „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1640—1654)". Саме почынають печататы, а покы надрукують, може й мы тамъ будемо. Тогди заговорымо й ридною мовою: Ганна прозовдю, я—виршованою.

Спасыби Вамъ, що хочете насъ одвидаты на хутори; та, не вамъ кажучы, будынокъ нашъ и трохы не всю оселю спалено; такъ мы тулымось у такій хатыни, що ниде гостя й спокоиты: насылу сами мижъ усякою всячыной повертаемось. Навить кныгы мои грызуть пацюкы въ комори,—ажъ серце болыть, якъ споглянешъ, а сховыща дасть Бигъ. Тилько и втихы намъ, що лыстуемось изъ добрымы людьмы, та мижъ землядтвомъ ихъ мало: зляться на зеркало, що крывопыки. Хиба жъ мени имъ объ землю брязнуты? Я жъ ёго всюды полирувавъ, щобъ не хыбыло, и вже на Вкраини не переполировуватыму: зеркальнои гуты не вбачаю ни въ Кыиви, ни въ Харькови. А якъ розжывуться на таку гуту, то побачать, що крывопыки съ предкивъ своихъ, козакивъ. Побачыте, якого нароблять колоту, чытаючы мое шыроке оповиданне про наши давнезни дáвна; а Москву жъ не однымы дурнямы осаджено: сами здорови пышете, що люде московськи не згирши. Отъ же землякы и наслидныкы Карамзина назвалы мое щыре оповиданне *изслѣдованіемъ* и видпысалы мени, що знайшлы, мовлявъ, „прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ", а мене хочъ и затуркано, та я знаю, що на двори бильшъ свиту, нижъ у викни. Оце жъ добра страння людына просыть у мене справкы про романиста Нарѣжного. Пысавъ я до служащого въ Межевой Комиссіи земляка—мовчыть. Рады нашои національнои честы, знайдите ёго въ Комиссіи по сій цидулочци, що вкладую, и попросите гарненько, нехай знайде мій лыстъ: бо не знайду ніякъ лысту прыятелькы нашои, щобъ имъ прописаты, чого ій треба; а мавши въ рукахъ мій лыстъ, легко знайдете въ архиви все, чого ій треба про Нарѣжного. По сій же мови та бувайте здорови. Щыро прыхыльный до васъ П. Кулишъ.

5.

1888, мая 13. Ганнына Пу́стынь, що була колысь Мотроновка.

Высокоповажный земляче, Степане Даныловычу! Радію серцемъ, що вы знайшлы соби таку дружыну, що, знай, молодшаете. „За хорошымъ чоловикомъ жинка молодіе", а й надто чоловикъ—за хорошою жинкою. Сей комментарій прыкладую й до Гомерового слова по Гнѣдычовому переспиву:

. . . „Зелена̀ Одиссеева старость".

Колы жъ мы повдавалысь обыдва одиссеюватымы, такъ про насъ ходыть мижъ людей гуторка: „викъ жывы, викъ учысь". Оце жъ я й навчывся мижъ иншимъ, ось чого:

Слово *Русь* прынеслы намъ недовидоми й доси Варягы. Слово *Росъ,* а зъ нымъ и *Россія,* пійшло мижъ намы видъ грекивъ. Велыку и *Малу* Россію зналы ще до татарського лыхолиття, и одынъ зъ нашыхъ князивъ пидпысавсь княземъ *малороссійскимъ.* У XV столитти венетъ Контарини, йидучы черезъ нашъ край зъ Луцького на Кыивъ, звавъ ёго Rossia Bassa, а въ XVI восточный патріархъ выдавъ середъ насъ грамату, звучы нашъ край Малою Россіею. Назвы Русь нихто въ насъ не однимавъ, навить и ляхъ: винъ перевертнивъ нашыхъ тытуловавъ зъ початку и до кинця *Руссю.* Москаль, дакъ сей велычався обладателемъ всіеи Руссіи ще тоди, якъ насъ ляхы водылы за носа и нахылялы пидъ свою волю за чуба. Що ляхъ урвавъ зъ нашого предковичного займыща пидъ часъ Хмильныщыны и руины, те винъ и доси зве *Руссю,* дарма що вона давно вже обросла лядськымъ мясомъ, та руська кисть, которою велычалысь Кисели и tutti quanti. Мы, одни мы, покынулы, чы занедбалы свою предкивську назву. Повтикавшы одъ Хмильнычанъ у Харьковщыну, Вороныжчыну и т. д., велычали мы себе татарською назвою *козакы,* а свій край и въ новыхъ слободахъ, и въ давнихъ займыщахъ звалы польськымъ словомъ Ukraina (по Россійски Украйна) и плакалысь надъ симъ словомъ, неначе въ прыказци Богъ надъ ракомъ. Теперъ мы бачимо, що зъ давнихъ-давенъ булы риднымы зъ Руссю московською и вирою, й мовою,

черезъ те й наличуете Вы насъ по московськыхъ державахъ до 40 милліоновъ. Розлучывъ насъ изъ ными Ляхъ, кохаючысь у козакахъ поты, покы воны ёго спалыли й заризалы, а недопалену й недоризану Ляхву піймала за чубъ правою рукою Москва, держучы ливою за чуба жъ такы козака. Навить хохломъ зве насъ Москаль черезъ те, що мы взялы на себе образъ и подобіе свого наставныка Ляха. За те, що Ляхъ не вмивъ жыты зъ козакомъ, прозвала ёго Москва *безмозглымъ*. И справди, се було двое скаженыхъ, що „землю, текущу молокомъ и медомъ“, зробылы голодною и безлюдною. Вспогляньте теперъ на Царство Польске: воно золотомъ сяе; спогляньте на ту Малороссію: вона мовъ у городи макъ процвитае. Обыдви жъ си земли такыхъ породылы *безмозглыхъ* „народнихъ пророкивъ“, що й за се тычуть Москалеви дули въ кышени. Назваты мою кныгу „отпаденіемъ Руси отъ Польши“ не можна черезъ те, що Русь (Галыцька) одпала черезъ Ляхивъ та Козакивъ одъ Малороссіи, а не одъ Польщи. А то вы не любыте, якъ звуть чоловика *мужыкомъ*, такъ позырните въ кобзарськи думы: тамъ *козакъ* и *мужыкъ* фыгурырують, яко технычни назвы: такъ само, якъ *козакъ и чернь, козаки и поспольство*. Ну, та може вже й годи про се: бо чытатымете шыроко въ трехъ моихъ томахъ. Думавъ колысь и я про си речи по вашому, та що жъ, колы, мовлялы розумни люде: „все мынется, одна правда зостанется“.

Щырый Вашъ П. Кулишъ.

P. S. „Кіевська Старына“ выхваляе такыхъ людей, що своимы вчынкамы наше руське имя зневажалы. Вона малюе зрадныкивъ нашои національносты строителямы нашого народу, тымъ и не лычыть мени печататысь въ ній, та й сама вона цурается мене, мовъ той чортяка ладану [1]). А Ганна (Барвинокъ) послала де-що, дакъ цензура не хоче, щобъ увесь діалогъ въ оповиданни бувъ по-нашому. Отъ до чого допысалысь и доказувалысь наши украиньски патріоты. Колы не слухалы Кыва, нехай слухають кыя. Дуже мени жаль бидного Леоныда (Гли-

---

[1]) Ни Кулишъ *никогда* не обращался въ редакцію Кіев. Стар., ни редакція послѣдней къ нему... *Ред.*

бова)! Отъ кому не пощастыла доля! А винъ же то вродывся зъ душею щырою и чыстою, що подобало бъ ій буты сосудомъ блаженства и на симъ, не то на тимъ свити. Нехай ёму снытся

Що-ночы й що годыны рай Божій,
Де правдою святою все сіяе,
Де мовъ звизда пророча надъ Востокомъ
Вси почуття́ Премудристь просвищае...

6

1888, червця 13. Ганнына Пустынь.

Жыва душе, Степане Даныловычу!

Кныжечку Вашу про те, що въ кожного народа своя прырода, чыталы мы зъ велыкою вподобою. Такымъ, якъ Вы, мусыть буты врачъ, колы хоче буты знахаремъ, а безъ того знахарства, про котре Мицкевычъ напысавъ:

Miej serce i patrzaj w serce,

шкода врачоваты землящтво. Воно жыло на божому свити ще до научнёго часу, тай пережыло не одне лыхолиття, не одну чорну смерть (mors nigra). Якъ же пережыло? чы тиломъ тилько, чы тиломъ вкупи зъ душею? Отъ у цю жъ то давнезну душу зазыраете Вы жывою душею, и певне се дило, що робыте добра багато. Нехай же Вамъ Богъ помагае въ сій преподобній праци. Не вважайте на врачивъ визытныкивъ, имъ-же имя—легіонъ; простуйте своею дорогою, и зоставыте по соби память правдывого народолюбця, не такого, якъ ти, що выхваляють мужа кровей и льсти, Хмельныцкого, зъ ёго попередныкамы й позадныкамы, а такого, якымъ у Велыкорущыни зъявывсь, хочъ бы й Бѣляевъ. Може Вы не чыталы ёго кныгы: „Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время". (Москва, 1883 г.). Оттакъ любы, шануй и розумій те, що праведно звется *народомъ*. Прочытайте сю спасенну кныгу. Наши жъ народомъ зробылы антинародъ, такъ само, якъ Ляхы выдумалы „народъ шляхетській", брата-розбишаку *народу козацького*. Мени тымъ паче було

весело почытуваты Бѣляева, що винъ забривъ до мене въ Ганныну Пустынь тоди вже, якъ мои тры тома про боротьбу народу Шляхетського зъ народомъ Козацькымъ пойихалы на Москву. А Вамъ подобае почытуваты ёго, яко праведного народолюбця.

По симъ же слови та бувайте здорови П. Кулишъ.

7.

Р. Б. 1890, мисяця квитня на 20 день. Хутиръ Ганнына Пустынь.

Спасыби за добре слово, любый земляченьку, Степане Даныловычу! Веселыть мене Ваша рукопысна заможнисть, та *„що мени по басоли,* колы нема дома соли"! Не вбоги й мы зъ Ганною запасомъ до друкования и годылось бы все те явыты мырови: нехай бы видавъ мыръ, що не лежобокивъ, не лекгъ, мовлявъ, запомигъ пысьменською наукою, не недбахъ до ёго поступу въ словесному смаку. Дакъ отъ же бачыте: сыдымо сыдьма зимовныкомъ. Що вы почытуете мои тры томы, дакъ се тилько программа до другого переробленного и вповненного выдання „Исторіи Возсоединенія Руси". Оце жъ треба бъ мени перебратысь изъ запилля въ городы да впорядкуваты мою працю за пидмогою чужомовныхъ историчныхъ праць, чы хочъ бы й джерелъ, дакъ не мушу жъ и зимовныка кынуты. Чы не маете, соколе мій, у Черныговы такого добродія, щобъ допомигъ мени заложыты 120 десятынъ хуторнои земли въ казну? Дакъ я бъ тогди, мавшы грошенята въ рукахъ, почавъ бы де що свое й Ганныне оглашаты друкомъ. А що пышете, спасыби вамъ, про погулянку вкупи зъ Вамы, дакъ се ричъ гарна та не зможна. Шкода про таке й розмовляты. Не то гуляты по свитахъ, та й въ себе гостя витаты мени трудно черезъ те, що жывемо соби въ одній-однисенькій хатыни. Колы не заложымо, чы то не продамо земли, то вже нехай охочій друкуе наше писля насъ. Такъ то, мій волохатый голубе! А по сій мови та буваймо здорови, та беримось до XX столитія, чы не буде воно розумнище за XIX, та чы не выкупыть насъ изъ господарськои

неволи, що зъ насъ тутъ обохъ изъ Ганною ни Богови свичка, ни чортови дудка. Отъ до сёго жъ то маю въ Бози надію розумного столиття; видсуньте, спасыби Вамъ, и Вашу любу думку про одвидыны нашои пустыни, що не васъ первого видхыляемо мы, дякуючы, видъ такои шаны до насъ. Щыро прыхыльный до Васъ П. Кулишъ.

P. S. Прочуваючы черезъ люде про Леоныда Ивановыча, веселымось думкою, що въ свити не безъ добрыхъ людей. Колы знаете, то й сповистить, спасыби Вамъ, хто се зробивъ его друкарнымъ отаманомъ, щобъ спогадаты намъ про таку дорогу думу у мовчазній молытви до Бога, се-есть тоди, якъ пидіймемо духа свого видъ людськои мизеріи до вичнёго порядку и совершенства. А що пысавъ я про казну, такъ боюсь процедуры зъ тымъ закладомъ. Инша ричъ, колы бъ хто купывъ, або всю худобу, або іи частыну. Йе въ насъ пидъ самымъ селомъ, надъ ричкою, десятынъ 25 синожати, дубривнои и лановои земли зъ 12 розлогымы дубамы, купою, посередъ поляны, якъ разъ навпроты церквы, що й звона не проспавъ бы господарь церкволюбныкъ. Можна й такъ зробыты, що зоставлю соби 20 десятынъ зъ дворыщемъ, садомъ, левадою, окопомъ, а все инше продамо, або не все огуломъ, нехай охочій купуе. Воно въ одному шматку, а до тыхъ дубивъ проты церквы ийты повагомъ тилько 10 мынутъ, и звется те врочыще *Рай*.

Просыть у мене профессоръ львивського университету д—ръ Огоновській довидатысь про біографичны обставыны двохъ Рудченкивъ, Мырного и Билыка. Винъ печатае по нашому исторію русско-украинськои литературы. Роспытайте, спасыби Вамъ, у тямущыхъ людей та пры сій нагоди скомпонуйте и власну автобіографію. Хочъ винъ и знае де що про Васъ, та не може знаты такъ докладно, якъ Вы самы. Мы зъ Ганною не видпысувалы про себе на его пытання. Колы схочете, шлите ёму навпростець и про Рудченкивъ, и про себе самого. Ось вамъ адресъ: Oesterreich. Lemberg. Д—ръ Огоновській.

8.

1890, іюня 14. Ганнына Пустынь.

Дорогій мій басолюбныку й танцюрысто, Степане Даныловычу!

Понапысувавъ я стилько и прозою, и виршами, що й на тому свити мучытымусь думкою: про кого дбавъ я,—чы про людей, чи про мышей? Оце жъ, колы людямъ не треба й Раю, знайдите, благаю Васъ, такого чоловика, щобъ вызычывъ мени пидъ вексель за 10% тысячу рубливъ. Худоба наша ніякымы довгамы не отя́гчена, такъ боятысь кредиторови ничого, а я, покы ёго тысячу рострачу, такъ, певно, дви прыдбаю. Такъ и 10% не важко мени заплатыты. Такъ буде лучче, чымъ вызыраты, чы прыйиде хто, чы не подывыться на нашъ Рай и на наши поля. А нехай бы прыйихавъ та подывывсь, яки въ насъ родять жыта й овса. Щырый Вашъ П. Кулишъ.

9.

1890, іюля 14 зъ Ганнынои такы жъ Пустыни.

Ось Вамъ, коханый чумаче, басолюбныку, звистка про врочыще Рай. Посылаю й мышачій огрызокъ плана. Тамъ воно зветься Гайдаливщына, по Гайдалахъ, що жылы пидъ дубамы, чы за дубамы—къ „Шпылю". Сей же шпыль и одгрызлы мыши. Дальшъ надъ ричкою хуторувавъ Лагода якійсь, а ще далій—якійсь Петро, то й звемо той кутокъ Петривщыною. Ричка повзъ Рай зветься Самотека, чы Березенка, добре не знаю. Стрыжень мисцями й доси позарисъ осокою, а навпроты Лагодыного булы недавно на Стрыжни пали. Тутъ стоявъ млынъ, и зветься те млынище Витрова прыстань. Колысь изнаходылы въ болоти й ричци старезни байдакы, чы шугаліи. Такъ высоко й шыроко йшла вода, де теперъ косять косари. А навпроты Витровои прыстани жыве й теперъ козакъ Витеръ,—се есть въ Оленовци, бо съ того боку стоить Оленивка зъ своимы

левадамы й хатамы. Зъ Раю блызенько выдно й церкву. Можна кладкамы ходыты й до церквы. Хочемо грошей за Рай 2500; дви тысячы вже давано. А за хуторну землю хочемо взять 8000 руб.

Вы наче вгадалы, мій соколе, що я хочу навидатысь у той, мовлявъ, *Вильвовъ* (Львовъ). И въ мене, и въ Васъ йе такого до воли, що пора бъ уже попечататы: повылежувалось добре. Тымъ я й знызывъ цину до 100 р. за десятыну, щобъ зачепыты за щось рукы печатаючы. Писля, може, нихто не доведе того до путя, хочъ бы й схотивъ: бо и въ корректури багацько де чого прыбавытся. А пірами я пышу такымы, що на коробочци напысано: Perry and C⁰ Classikal pen. № 36. medium points. Посылаю одно на спробу. Ганна любенько Вамъ уклоняется. Вашъ П. Кулишъ.

10.

1890, серпня 1. Ганнына Пустынь.

Голубе мій буркотлывый, прыятелю сердечный, Степане Даныловычу! Превелыке Вамъ спасыби за тысячу рублякъ, та я боюсь ихъ взяты въ васъ. Чрезъ що боюсь, про се довго було бъ высловлюваты, а якъ вы схотили одвидаты нашу хатыну на курячій нижци, дакъ бы устамы до устъ, очыма до очей про вси жытейськи злыдни побесидовалы бъ. Колы прыбудете справди, дакъ прывезите мени тилько сотеньку рублыкивъ за 10 %, пидъ яку схочете заруку, чы вбезпечъ. А що пышете про чужомовни слова, такъ згадайте, що грекы надалы чрезъ латыньцивъ усимъ народамъ таки назвы, про яки теперъ дбаете, передалы греки й латыняне ще за ихъ варварства, а ти, выбывшысь изъ дыкого побыту, надалы иншымъ варварамъ, що позыралы на ныхъ изнызу вгору, бо й ляхви, й Москви, и нашій Татарви. Англійську мову прошпыкгованo чужоземнымы словамы надъ усяку иншу, а про те вона пійшла вгору высоко. Абы духа мовы не зопсуваты, абы слово дзвоныло гарно въ насъ у бандурній струни, дакъ je prends mon bien partout, oú je le

trouve. Такъ я надумавсь; инши жъ нехай думають по вподоби, faciunt meliora potentes. Щырый Вашъ П. Кулишъ.

P. S. Вкланяемось обое Вамъ и вашій старесенькій, гладючы дитокъ по головци. Якъ йихатымете до насъ, дакъ забырите зъ собою струны до гытары, а потимъ повезете до дому, бо въ насъ на сій кобзи нихто не грае.

11.

Р. Б. 1890, серпня якогось: бо не знаю, колы буде нагода послаты.

Любый Буй-Туре не Всеволоде! Даруючы Вамъ Буй-турство Ваше, поновлюю обицянку мою—зредакгуваты ваши стыхотворы, якъ вернусь на бытый культурный шляхъ. Перепущу ихъ черезъ віялку, не жаліючы праци й часу, абы стать Вамъ у прыгоди такъ, якъ вы сталы мени сотнягою рублйвъ. Кажу въ прыгоди тымъ, що, вповаю, не знайдете ни такого щырого патріота словесного, ни такого дотепы на сю ричъ,—ще й надто, що въ нёго самого дума думу пошыбае, а власна сорочка до тила блыжче.

Прыхыльный до вашои словесной праци Панько Кулишъ.

12.

Р. Б. 1890, паздерныка 2. Зъ Ганнынои Пустыни.

Голубе мій волохатый та буркитлывый, Степане Даныловычу!

Спасыби вамъ за вашъ прыхыльный лыстъ й за те, що не ремствуете на мене за мою невмилисть копыроваты векселй́. Колы бъ мавъ пидъ рукою другый бланокъ, заразъ бы попросывъ Ганну мени слово по слову диктуваты, а то—посылай у Борзну, а кого? хиба себе самого. Да й за моею простою росныскою ваши 100 р.+10% не пропащи, хочъ бы й мене на свити не було.

Завыдувавъ я вашій профессіи, чытаючы Вашъ лыстъ, що Вы всюды вхожи, и передъ вамы ще лучче, нижъ передъ сповидныкомъ, людське жытте незакрытнѐ. Оце жъ вы, певно, понавозылы съ Конотопщыны всякыхъ спомынокъ. Не гнивайтесь за чужоземныи слова: я стою не на тому, щобъ намъ ни въ кого не то тютюнцю, та й искоркы на люльку не позычыты. Люлька-же такы буде наша. Та й народы, що подилылысь Грещыною й Рымлянщыною, побудовалы соби мовы, такъ само, якъ и оселя, зъ грецькои й рымськои руины. Нихто не скаже, що Дантова мова крадена; була жъ вона колысь такымъ жаргономъ, що правый наслидныкъ Цицерона затыкавъ бы вуха, а затыкавъ бы черезъ те, що сымъ жаргономъ ще не промовылы до нёго Данты й Шекспыры. Мусымо дбаты найбильшъ про те, щобъ духа творчого въ своимъ народи пидняты. Тоди будивля, хочъ бы и съ чужои цеглы, чы мармору, була на половыну споруджена, здается благородною и самостійною.

Не гнивно Вамъ нехай буде й те, що я боюсь насылуваты мій жывитъ ліками. Умырають велыки дукачы, мавшы коло свого боку прерозумныхъ ликаривъ, а простый хуторянынъ жыве соби тай жыве. Що-жъ до ривносты духа, то спогляньте на ричку, щó выробляе вона на порогахъ, а зипхнувшы або перескочывшы бурно перéпятъ, зновъ тече своимъ ходомъ. Колы бъ вы зазырнулы въ мою, такъ звану, чорну тетрадь, то що-дня побачылы бъ що-небудь выще надъ хуторне смитьте та кизячьче, або жъ такы спокійно, якъ ровчачокъ у травыци. Хто стилько напысавъ и пыше по своій духовній спромози, тому байдуже про кинець жыття ёго, абы тыхо заснуты, возложывшы прымусову тяготу жызни на новищи, молодши плечы. Нехай ще добри люде попонесуть сокровыще нашого серця й розуму, переступаючы черезъ каминня й колодде недорозуму людського, дбаючы про те, щобъ те сокровыще хочъ не втерялось, колы не побильшало. Такъ то, мій голубе сызый! Не пытае въ насъ доля, чы *хочемо* жыты, бо *мусымо*. Се спильня праця всёго жывого, праця съ прымусу. „Раби неключимы есьмы и, еже что сотворихомъ, должны бѣхомъ сотворити“. Такъ, здается, пыше апостолъ Павло.

Хотивъ бы я знаты, колы вы навидаетесь у Кыивъ. Якись чудни люде Кыяне: хочуть, якъ бачу, щобъ курку вчылы яйця. Довго було бъ розсказуваты про ихъ козакувати каверзы, та й не знаю, про що й на що. Тилько вповаю, що Вы пропышете мени дещыцю про ихъ литературщыну. Не багацько воны наробылы дила за ци десятолиття, колы за роботу не вважаты колотнечу та перелайку, мовъ на торгу. Бигаючы по коней та по телятъ у садъ пидъ страшенну хлющу, охрыпъ я бувъ такы геть, а потимъ и кашляты почавъ. Теперъ те вже пійшло на сухій (слово не разоб.).. а такы прошу пропысать мени запорожську прыпарку, бо я, не Вамъ кажучы, забувъ, якъ робыты. Прыхыльный до Васъ Панько Кулишъ.

13.

Р. Б. 1890. Лыстопадъ, 5 дня зъ Ганнынои Пустыни.

Хочъ и цураетесь Вы 10 р. проценту, а я такы Вамъ ихъ прышлю. Не честь мени и не подоба виднfinancial"видниматы въ любого земляка десять карбованцивъ прыбутку черезъ те, що винъ любый землякъ. Се выйде на те, що хвалылась одна дивчына: „мене, мамо, хлопци люблять, кулакамы луплять". Да Вы жъ и не Крезъ, щобъ запомогаты Кулешови. Ся честь Вамъ не налéжыть: ни Вашы диды, ни Вы самы до неи не дослужылысь и не доробылысь. А що Вы пышете про Кыивськыхъ патріотовъ, такъ се въ мене давно пропечатано, тилько не про ныхъ самыхъ, а про ихъ предкивъ. Не може древо ледаче даваты плоду доброго. Яблучко видъ яблуни не далеко видкотытся. Васъ покарано за те, що вы, бувшы мужемъ блаженнымъ, пійшлы на раду нечестывыхъ и силы на сидалыще губытеливъ. Симъ грихомъ вы гришни ще й тоди, якъ бачылысь мы у Петробурси. Вухо ваше було тоди осквернено брехлывою хулою, та я, бувшы іи жертвою, не давъ Вамъ ничымъ постерегты, що добре бачу, въ якыхъ клоакахъ Вы тамъ оберталысь. Не Вы первый, не Вы й остатній. Тымъ я й тытуловавъ Васъ лыстовно Буй-Ту-

ромъ не Всеволодомъ. Бачывшы жъ теперъ, якъ гирько Васъ покарано, болію серцемъ.. Що зъ воза впало, то пропало. Якъ одирвалы іезуиты видъ насъ панувыту Русь, и мы вже іи споганену до себе не прылучымо, такъ воны обикралы й саму безцинну скарбивню. Ажъ рука въ мене надто тремтыть се пышучы. Чы забезпечылы жъ Вы хочъ пысання свое копіямы? Я й не знавъ, що Вы такъ доблестно працювалы на нашій ридній ныви, збираючы колосокъ по колосочку, не то що! За сю велыку, хочъ бы и втрачену вже, працю прыгортаю Васъ до серденька.

Хотилы бъ мы зъ Ганною знаты, чомъ Вы не спомынаете въ лысти про Вашу старесеньку. Чы й вона була зъ Вамы у Кыиви? Колы жъ була, такъ я бъ хотивъ незрымо йты всюды посередъ Васъ и прыслухатысь до іи сердечнои ричы. Що вона казала про святощи наши? Якъ вона чыстымъ сердцемъ Богови нашому молылась? Богъ же намъ зоставывъ свои спасенныи слиды не тилько въ высокимъ пѣснопѣньѣ и велычній правдою прози, ни! Его натхненне выдко намъ усюды, де праведныи души поклонялысь ёму духомъ и правдою видъ щырого серця. Оце жъ просымо сповистыты насъ про старесеньку, де вона теперъ зъ дитонькамы и чы почынае вже звываты соби кубелечко? А що я зву мое мыле подружже Ганною, дакъ се ознака, що спершу вона була не зовсимъ моеи виры, а потимъ охрыстылась у мою виру и въ святому хрыщенни наричено іи Ганною Барвинокъ. Прыймите видъ неи щыре прывитанне.

Правдывый прыхыльныкъ Вашъ Панько Кулишъ.

14.

Р. Б. 1890, мис. 12, дня 7.

Любый прыятелю, Степане Даныловычу!

Лыстъ Вашъ, пысанный 3-го дня 12 мисяця, мае на соби образъ и подобіе воловои шкуры, що на ній пропысани людськіи грихы, духомъ же дыше голубынымъ. Я бильшъ вознепщувавъ про Б...чову крадижъ, нижъ той, хто заслужуе вичного по-

дячного спомыну знаходженнямъ, збыраннямъ и хованнямъ усякыхъ памятокъ нашои старовыны... Спысанъ и Іереміевськый жаль Вашъ у лысти до К...го, щобъ знавъ, якого прычепу своимъ верховодомъ настановылы. Вказавъ на той лыстъ и лыстуючысь изъ В. Вовкомъ, та обыдва мовчать, маючы таку вдачу, що иншый скорише жытіе Сковороды напыше, нижъ воны ёму на его „добрыдень“ видкажуть „бувай здоровъ“. Не пропущу й потимъ нагоды—впысаты въ исторію Староруськои жызни выразный лыстокъ. Тымъ и погыбае слава Дажбожого Внука въ князькыхъ усобыцяхъ (мовлявъ хвалытель „Соловья старого времени“, Бояна), що мы давно вже заслужылы докиръ незнаного виршопыса:

Гей панове генералы,
Чого есте такъ оспалы?

Отаки жъ останни передовыкы національносты Староруськои й репетують мовъ та баба, що нихто іи не ратуе, або лизуть у гору, мовъ жаба на купу грязи. Котузи (а може й катюзи) по заслузи. Та цуръ ёму!

Звеселылы Вы мене звисткою про дванадцять баёкъ своихъ, що ходять, мовъ гришна душа, по мытарствахъ. Ходыть и доси по мытарствахъ и моя не байка, щыра правда. Склалась изъ нею така бида, якъ зъ тымъ пентюхомъ, що спивають про нёго:

Ой пійшовъ Опанасъ
По горилку за для насъ,
Зачепывся за пень,
Дай стоявъ цилый день...

Вымагае видъ мене мытарство не такои правопыси, якъ въ оцимъ моимъ лысти (що здается, й козы булы бъ сыти и сино циле), ни! Велять мени пысаты правопыссю „Перелицёваной Енеиды“, а я й не знаю, чы забувъ уже,—яка и вона. Оце жъ мушу вхопытысь за черныговську старовынолюбну клямку: або вышлить мени того мерця, Котляра, жывцемъ, або скопыруйте аркушыкивъ пару съ первого, чы другого тыпу пере-

лыцёванои Енеиды, нехай нашъ Опанасъ не стоить зачепывшысь за пень, а то буде ёму те, що вже й було колысь:

Прыйшла жинка, видчепыла,
Та й потылыцю набыла
(або: Та й по пыци была, была!)

Любо мени було довидатысь, що вы такъ памятаете псаломъ: „Что есть добро или что есть красно, яко жити, братіе, вкупи?“ Добра ричъ и одынъ розумъ, а два, чы тры—ще й луччa. Вы вкупи й про будущыну дбаете и одно'дного навчаете. Сымъ робомъ здякуетесь найлучче мылосердному Богови за те, що насъ на свити держыть. Аминь.

Ганна Барвинокъ гарненько Васъ витае. Панько зъ Ганнынои Пустыни.

15.

1891, травня 29, Ганнына Пустынь.

Зрадилы мы, почувшы ваше жваве, та ще й жартовлыве слово, коханый и шановный добродію. Вы жъ бо и зъ самою смертю жартуете, не то що!

Вбачаемо зъ сёго, що по Черныгову не журытесь, а нову свою оселю веселымы мыслямы витаете [1]). Такій и бувъ нашъ завитъ видъ предкивъ: „Дай же (рече), Боже, щобъ козакы пылы та гулялы, весели мысли малы“.

Прославылы Вы черныговського Голосія-срибляныка добре, та зъ ильвивськoю бурсою ничого не вдіемо. Выпрохала въ мене бурса право перепечататы мою „Чорну Раду“, яко премію до ихъ газеты „Дило“, я й давъ имъ дозволъ, и чытаю въ часопыси, що выйшла моя кныга другымъ тыпомъ и продается отъ по такій цини. По нашому звычаю подобало бъ дякуваты чоловикови хочъ двома словамы за пидпомогу, да надислать ёму прымирныкивъ твору ёго, щобъ сказавъ: „добре перепечатано“,

---

[1]) Въ это время С. Д. Носъ былъ назначенъ врачемъ въ Городницкій уѣздъ Черниг. губ. *Ред.*

та годылось бы й саму часопысь, котру пидперъ, выслаты ёму. Ничогисенько такого бурса не тямыть. Гавъ! гавъ! та й мовчыть соби псыною. То якже до такыхъ псяюхъ мени посылаты Вашого Богухвала? Колы насъ не поважають за нашу повагу, такъ поважаймо сами себе. Вы не знаете, якъ воны покралы въ мене кныгы й ландкарты, що йидучы въ Парыжъ подавъ имъ на схованку! Що воны робылы зъ моими гришмы! и таке инше—цуръ имъ! А що вашыхъ баёкъ не дозволяють печататы цензурни недоумкы, такъ се того, що вы, певно, й тамъ проповидуете:

„А вы жъ прыйихалы народъ судыть,
А вся ёго душа и розумъ у звычаяхъ,
Въ истории сыдыть.
Хыба жъ вамъ до того,
Щобъ сей народъ розвидать—изучыть,
Та й праведно судыть, и т. д.

Я про таки речи мовчу, та й мени дають видъ коша, вымагаючы якоись правопыси Котляревського, се-есть ретроградства въ пысаній промови ридного слова. Байдуже и я, що не печатается: абы пысалось. Настане часъ, якъ не буде насъ, що повынышпôрюють и поспысують усяку всячыну нашу, та й дывуватымутся: що якъ си люде въ такій темряви працювалы и пры такому темрявому свитли пысалы? Мы зъ Ганною, хвалыты Господа Мылосердного, жывемо соби помалу, та заходылысь оце будыночокъ будоваты, такъ изъ майстрамы морока: и не вміють, и не хочуть робыты до ладу. Вже валькуемо стелю и вкрываемо кроквы зъ латамы! абы дощемъ не залывало, закилъ на копійку розжывемось, щобъ окукобыты.

Щырый прыхыльныкъ Вашъ Панько Кулишъ.

P. S. Якъ прочытавъ я Ганни про львивську бурсу, вона й рече: „Нехай же то бурса, а въ насъ не бурса, та що робыты изъ Донъ-Жуаномъ“? Переспивавъ, бачте, я Байронового Донъ-Жуана по нашому отакымы строфамы:

Налагодывсь оце поэму виршовать:
Кого жъ бы то мени та за героя взять?
У насъ теперъ що рикъ, то все нови герои...
Подывымось—ажъ ни! не Гекторы се зъ Трои...
Не хочу славыты пройдысвитивъ такыхъ;
Старый другъ, Донъ-Жуанъ, далеко лучче ихъ,—
Той, що на сцени въ насъ колысь гулявъ, крутывся,
Ажъ покы до чортякъ у пекло провалывся.

Просыть у мене сёго переспиву К.....ій, кыянынъ, щобъ напечататы у львивській „Правди". Я зъ доброхитства свого й давъ. Отъ чую ще зимою, що бачылы мій печатный переспивъ у Кыянъ у рукахъ, а мени не сказано навить спасыби, и я не знаю й доси, чы добре надруковано. Бачыте, якъ наша пичъ пече, а мы хочемо, щобъ насъ и въ Московщыни шановано, не то що! за що насъ шануваты?

16.

Р. Б. 1891, мисяця лыпця 21 дня. Зъ Ганнынои Пустыни.

Любый и шановный земляченьку, Носе—Доброносе! Зрадивъ я, чытаючы зъ Ганною Ваше выбрикуванне та й не дывувавсь: бо зъ Вамы була, а може йѐ й буде въ Городни Ваша (нехай доля гладыть іи по головоньци!) старесенька. Посылаю до васъ моихъ десятёхъ потужныкивъ; нехай подякують, нызенько вклонывшысь, що Вы дозволяете сотни ихъ товарыства погостюваты въ мене покы добудую будыночокъ. Чы не знаете Вы у Черныгови часомъ Мыхайла Кыryллов. Б—ка? Пысавъ до мене, чы не можна бъ черныговцямъ „unitis viribus", мовлявъ, появыты свитови де-що зъ моихъ творивъ? Я видпысавъ, яки въ мене йѐ томы до тыпування и пры тыхъ томахъ усяка прозова й стыхова дрибно́та; такъ можна купыты въ мене право выдавныцтва и на одынъ аркушыкъ друку, не то що; та ще й кажу, що й такою кныжечкою спасенна душа довела бъ тіеи славы, що й мы такы кришечку закандзюбылысь на самостійну мижъ славя-

нами націю, не даючы загынуты словесности своій у рукôпысяхъ. Ну, та може мій лыстъ не дійшовъ до ёго рукъ; дакъ зробить мени ласку—дознайтесь: чы справди такы мовчыть сей Б—ко черезъ пошту, а не черезъ те, що винъ—потомокъ балакучыхъ и брехлывыхъ предкивъ? Щыро до васъ прыхыльный

Панько Кулишъ.

17.

Телеграмма. Р. Б. 1895, мисяця стычня, дня 4.

Спасыби, голубе нашъ сывый, та волохатый, що Вы й насъ у новому роци спогадалы. Мы жывемо такъ осторонь, що не дыво й позабуваты, чы ще манячымо на свити, чы перебралысь до предкивъ своихъ у козацьку Валгалу (а чымъ же козакы згирши Варягъ Игоревыхъ та Святославовыхъ, що имъ не дзвонылы въ золоти струны ихъ робомъ да не спромоглысь на свою власну Валгалу?) Я жъ до того, колы хочете знаты, заходывсь вдруге коло перекладу святои Библіи на мисце тіеи, що згорила до Апокалипсового кинця. И въ мене душа не зъ лопуцька,—хоче того, чого й людська, се йе спасення души, да покы що й тила. Латынци бо не даремно пысалы про душу: mens sana in corpore sano, а таки нимци, якъ Гуфландъ и Кантъ дойшлы умомъ, що завзятте розумове пидкрепляется завзяттемъ физыковымъ. Отъ я й бачу, що Библія держыть мене на свити краще доброи горилкы оковытои, тай роблю перекладъ що день Божій. Витаю Васъ на 21 стыси главы XIX Выходу (Exodus). Позыраю черезъ оксфордовське выданне и на свою славяно-церковную кныгу, прыдержуюсь того слова, що видкрыло новый свитъ хоробрымъ русычамъ, та й на чужеземни коментыровкы и переклады, таки, якъ Рейссивъ и проч. Вповаю на Божу ласку, що дожыву до кинця 1895 року, а зъ ёго концемъ скинчытся й моя нова праця. Покы жъ той Божій судъ, а наше жызняне право, печататыму выпускамы, частынамы, по сотни прымирныкивъ по-за-полыты нею прыр-

вою: нехай хто мени й укаже друкомъ, колы не driучкомъ, мои помылкы въ нашій старезній по Владымерамъ та Ярославамъ, та молоденькій по Тарасамъ, або й по Носамъ—мови. Отъ и Вамъ буде робота зъ Вашою досвиднею памяттю. Робимо ридну промову вкупи, яко ривный зъ ривнымъ, хто къ чому горазденъ и угоденъ. Ну, та годи надокучаты Вамъ похыплывымъ пысаннемъ, що може й не разберете чого.

Щирый Вамъ Панько Хуторный изъ Ганною Хуторною.

19.

Телеграма.

Коханый и высокошановный земляченьку! Не здывуйте, що пышу до Васъ оливцемъ, та ще й телеграму—не лыста. Ars longa, vita brevis; думка за горамы, смерть за плечамы. Не пышу ни до кого, ни про що, тилько видпысуюсь, совистячысь добрыхъ людей. Найлюбиша Вы намъ душа тымъ, що седыте вкупочци зъ Вашею суженою—не гудженою, та зъ диточкамы. Оце воно, дбання про ихъ розумъ и серце: такого дбання не купылы бъ ни за яки гроши. Университеты жъ та чыны й нажывы те все ричъ марна. Вы й сами, здоровы, се выспивуете гарнымъ стыхомъ про тыхый и хвылеревучый Дунай. Оце жъ не мени вчыты на́вченого, хыба дяковаты, що й Хуторного Панька не занедбалы.

Про мои рукопыси давно миркую, щобъ ихъ орда не поынивечыла, ийе въ мене такый чоловикъ зъ высокого колина, що иметься до сіеи справы, якъ наслидныкъ и завитныкъ велыкои библіотекы, тилько та перебывка, що таки люде ще меньше маютъ часу, нижъ той пылновытый кожемяка, мабуть, кыивського кодла, що каже дивчыни, якъ вона пидъ виконцемъ ниженькамы тупъ, тупъ!

Не видчыню Марусенько,
Бо немаю часу:
Одну шкуру держу въ зубахъ,
Другу тягну зъ квасу.

Пышемо одынъ до одного про всяки речи, а бачытысь—изъ роду не бачылысь. Ваше жъ пысанне шкода була бъ утеряты необачно. Памятатыму про Васъ, и колы тее, дакъ и тее. Та тилько раю Вамъ: на чужый коровай очей не порывай, а свій дбай. Ще лучче мене се, може, зробыте до свого впокою.

По тимъ боци политычнёи прырвы давно вже ничого не друкую, та не маю кошту й друковаты: бо въ литку перемовляю святе пысьмо босоножъ, а въ зиму—въ чернечыхъ кéнькахъ. Такъ бо воно й годытся робомъ босоногыхъ велетнивъ чыныты. Вас. Мых. и до мене не пыше: въ таку судову справу вплывъ и вбривъ. Изъ нашымы Старицькымы та Кропивныцькымы не знаюсь, певно й черезъ ихъ, и черезъ мое нйкольство. Про академію ничогисенько не знаю й не хочу знаты: вона съ Костомарою зайила соби лепту вдовыци, тай байдуже. Бачте, якымъ самитныкомъ жыву соби зъ моею Ганною! А вы гукаете: Гей хто въ лиси озовыся! Та выкрешымъ огню, та покурымъ люльку—не журыся! Я жъ и сіеи розвагы не маю, та й не хочу маты. Ни тютюнъ, ни люлька не знадобытся въ дорози такому козаковинетязи, якъ я; ни ковбаса, мовлявъ той, ни чарка, щобъ мынулася сварка. Мени жъ, хвалыты Господа, ни съ кымъ и ни за що сварытысь. Обое Вамъ обомъ уклоняемось, витаючы прыхыльни. Панько Хуторный.

19.

Р. Б. 1895, мисяця лютого, дня 10. Зъ Ганнынои Пустыни.

Телеграма.

Спасыби за сповистку про всячыну. А щобъ намъ по гаяхъ оддыхаты, такъ видложымо се на тогосвитни гульбыща. Ледве маю снагы й часу на коротисеньку телеграму. Никого не пускаю до себе, та й самъ ни до-кого ни-жè! Ще тилько четверту кныгу Мойсееву допысавъ до гл. XXIII, та й не знаю, чы побачу колы Апокалыпсового аминя. Ще жъ мушу почыту-

ваты й загранышнихъ библиствивъ. Про кого, якъ не про такыхъ хуторянъ, якъ я, воны такъ велыко працювалы? Noblesse oblige,—отъ и почытую; а свои люде не багацько бъ мени по за нымы выяснылы,—безъ сорома казка. Вас. Билоз. трохы ще крепыться, а пысаты до ёго на столыцю: Караванная, № 11, меблир. кв. Та винъ скупъ на видповидь, а й надто зъ недужою рукою, що ледь-не-ледь саморучъ пидпышется. Такъ то, голубе мій, „вѣци человѣчи въ княжихъ усобицяхъ съкратишася", якъ жалкуе землякъ, спивець Игоривъ Святославенкивъ. Про печатанне чужого шкода й казаты. Я й свого багацько занедбовую, дарма, що доволи пробувавъ пера и черныла, що въ ёму за сыла. Теперъ уже перо такъ пыше, якъ муха дыше. Колы бъ Господь сподобывъ пидперты ридну мову Библіею. Сей перекладъ и мени самому наука,—est modus in rebus. Та годи! Выбачте за коротенькій видгукъ на ваше голосне й шыроке гуканне. Дай Господы Вамъ довго мене добрымъ словомъ помынаты за мое сылкуванне середъ ридного безлюдья. Панько Хуторный.

„ОБОРОНА БУШИ"

Исторычня драма въ V діяхъ и 6-ты одминахъ.

(*зъ часивъ Хмельныщыны*).

(*Окончаніе* [1]).

Дія четверта.

Середына замчыща. Злива на передкону дзвиныця; на їй икона зъ лямпадою. Зправа брама и башта. Навкругы зубчасти муры зъ стрильныцямы и пидмуркамы, на яки ставлять гарматы. За муромъ зъ одного боку, що йде внызъ, видкрывается дали на 3-му пляни высокій окипъ. День.

Ява 1.

Верныгора, Хорунжый, Свырыдыха и чимало людей.

Въ церкви йде одправа. Людъ богобійно то входыть, то выходыть; часамы чуты спивы духовни. А) Коло дзвиныци прыбытый наказъ Богуна; Верныгора и де-котри коло ёго купчатся. Б) Коло брамы сыдыть и лежыть чимало жоноты, дитей; де-яки пидходять зъ лахманами, клункамы и т. и.

Б) Молодыця [*дытыни*]. Цыть уже, годи!.. Тутъ не страшно! [*До другыхъ*]. На сылу-сылу дисталася... Такый лементъ та страхъ навкругы: людъ тика, товаръ реве, собакы выють...

Баба. Ой, молодыце! Невже посида уже ворогъ?

Молод. Не выдко ще; але на обріи мовъ хмара, чы мла видъ пожарыщъ, ажъ небо все жовте и сонце минытся...

Де-хто. Уже четвертый день, якъ заволокло...

---

*) См. Кіев. Ст. 1899 г. № 3.

Де-хто. Та отъ и тутъ, чуете, якъ гарью одгоныть?

Баба. Блызытся, блызытся страшный судъ: прогнивылы, знаты, мы Бога! [*Де-хто хрестытся, де-хто зитха*].

А) Хорунжый [*прочытавшы наказъ*]. Такъ бачыте, панове, нашъ полковныкъ, а теперь и наказный, славный Богунъ оповища й наказуе, щобъ озброилы яко-мога и замокъ и пидзамче, бо сюды йде и може ударыть на Бушу зъ гризными сыламы звирюка Потоцькый, а зъ нымъ и родычъ ёго, ще гиршый чортяка—Чарнецькый.

Козакъ 1. О, той уже певный выплодокъ видъ пьянои видьмы и скаженого вовка.

Де-хто. Ха,ха! Такои звирюкы й не выдано, и Ярему забье пидъ пъяту́.

Хорунж. Эге-жъ: воны, выдко, закупылы татаръ-харцызякъ, та й сунуть всима сыламы на Вкраину; такъ ото панъ Богунъ и наказуе, що, колы пощастыть, и ворогъ обляже Бушу, такъ щобъ мы затрымалы ёго тутъ, покы наказный злучытся зъ гетьманськымы потугамы.

Верныг. Чому не затрыматы? Можна побавытысь зъ нымы и тыждень: пидзамче голымы рукамы не визьмуть, а объ муры поламають и зубы.

Баба [*пидходыть видъ брамы*]. Ой, лыцарю любый, такъ кажешъ, що мицный тутъ зату́локъ?

Верныг. Мицнишый за твою кыбалку.

Молод. Охъ, колы-бъ Богъ давъ! Людъ зъ усихъ хуторивъ такъ и посунувъ сюды.

Верныг. Набьется жоноты и каличи, а потимъ и здіймуть гвалтъ та лементъ, щобъ одчынять ворогу браму.

Одни жинкы. Не диждутся!

Други жинкы. Якъ пропадать, то не даромъ!

Трети жинкы [*тыснутся видъ брамы*]. Уже? Пропадать? Хыба ворогъ у замку?

Верныг. Та тыхо тамъ! Де ще те, мовлявъ, теля, а воны уже зъ довбнею!

Свырыд. [*мижъ юрбою*]. Диждалася! Свято, свято! Кривавый бенькетъ и свято! [*проходыть; за нею юрба*].

Хорунж. Та що вы тамъ лементуете? Дарма праця!

Верныг. Якъ дарма? То я бъ оце на-порожнье цилу ничъ працювавъ у пидзамчи?! Ты-бъ поглянувъ, скильки гарматъ настягано, скильки туривъ наставлено, яки валы пиднесено, то й ахнувъ-бы,—а то дарма! Та хай тильки посунутся, хай наважутся, такъ я имъ якъ поросну межы очи, то такъ шкереберть и поточутся... а то дарма! Та я люльку ставлю объ закладъ, що ни Потоцькый, ни Чарнецькый, хочъ бы въ ихъ на въязяхъ було стильки головъ, скильки у пекельного змія, хочъ бы у ихъ за спыною було стильки нечыстои сылы, скильки сараны въ Перекопи,—а черезъ греблю до мене не дистанутся: зъ одного боку—ставъ, зъ другого—проваллл, а зъ третёго—я зъ гарматамы... Отъ тоби й дарма!

Козакъ 1. Э, Верныгора якъ скаже, то мовъ обухомъ по потылыци!

Жонота. Продовжъ викъ ёму, Боже!

Хорунж. Та я не про те, дядьку, лыцарю славный, що ваша праця на-дарма, а проте, що дарма ихъ ждаты.

Одни. Якъ такъ?

Верныг. А наказъ Богуна?

Хорунж. Наказъ для обезпекы, бо лежачого визьмуть и татары, а зъ того наказу я й постерегаю, що не дурень-же той Потоцькый: спишытся не попустыты злучытысь Богуну зъ гетьманомъ и ставъ бы бавытысь, марнувать часъ коло жменькы у Буши!

Де-хто. Щось воно нибы тее..

Козакъ. А, може, винъ подума, що роздавыть насъ однымъ тыскомъ, якъ блоху баба!

Верныг. О, подавытся цією блохою!

Хорунж. А колы-бъ и такъ, то пошле сюды килька сотень, а всёго війска не зупыныть.

Одни. Э, пана хорунжого рація!

Други. Ну, колы лышыть на насъ килька сотень, то видъ ныхъ тильки мокре мисце зистанется.

Козакъ. Такъ, такъ! А вы, бабы, уже скыглыты!

Молод. Чого скыглыты? Колы яка тамъ зроныла за дытыну слёзу, то на те вона маты.

Други жинкы. А прыйдется до дила, той за васъ постаткуемо!

Хорунж. Отъ и слава Богу! Росходьтесь-же спокiйно!

(*Вси посунулы, а самъ винъ у церкву*).

Верныг. Якъ? Щобъ Потоцькый промынувъ Бушу и впавъ на Богуна всима сыламы? О, не буты цёму! Я самъ изъ жменею кынусь ёму на зустричъ и дратуватыму, поки не заманю пидъ си муры! [*Пишовъ у церкву*].

Ява 2.

Марьяна сама.

Мар. [*выходыть зза дзвиныци зажурена*].

Вже наступа Господнiй Страшный Судъ,
Збигаются збентеженiи люде
Зъ усихъ усюдъ... Несуть свои скарбы,
И головы, й остатни дружни сылы
Украини нещаснiй на окрéпъ,—
Всякъ забува свои жалú, прыхылы
И виддае всю душу iй цилкомъ...
А я забуть не можу все Антося,
Не можу я прогнать ёго зъ думôкъ
И вырваты изъ серця геть... Ой, леле!
Що дiяты?.. Люблю-жъ ёго, люблю!
Недоля насъ на викы розлучыла,
Та не дала-жъ пакъ забуття́ мени...—
И я ношу зъ тымъ горемъ нерозважнымъ
И образъ той коханый, дорогый—
Воны сплелысь... Хиба-жъ то грихъ и зрада
Кохать ёго?—Шляхетныхъ винъ думôкъ,
Душа ёго ясна̀ и серце щыре...
Не суженый... про те коха... Охъ, жаль!
(*Пауза*).
Де винъ? Що зъ нымъ? А чы додержавъ слова?

И видъ думокъ святыхъ не одцуравсь,
Чы потонувъ у панськимъ багновыщи?
(Пидходыть до иконы, що на дзвиныци)
Не попусты, мій Боже—краще смерть!
(Озырнулаеъ зъ жахомъ).
Охъ, що я, що? Онъ диты и стари...
Все сыроты—безъ хлиба й безъ покривли,—
А я ношусь зъ сымъ серцемъ нависнымъ...
Ни, задавыть на викы, щобъ не ныло
Й не трипалось... О, Маты Пресвята!
Зитры зъ ёго укохане мынуле,
Змицны, скрепы мое жыття знебуле,
Дай сылу знять на рамена хреста
И безъ жалю виддаты духъ свавольный
За ридный людъ окрывдженый, бездольный!
(Пауза).

Ява 3.

Марьяна и Палажка.

Палажка. [*пидходыть до Марьяны и цилуе іи въ голову*]
Ты все такы зажурена, въ слёзахъ...
Ажъ не пизнать—зивьяла... Охъ, бодай винъ!
Звивъ зъ розуму... а самъ у ногы...

Мар. Годи!
Бабусенько, онъ немошни, слаби
Й скаличени пидъ брамою зибралысь...

Палажка. Я захыщу и нагодую всихъ;
А тильки-отъ тебе, голубко, й Катрю
Просыла-бъ я у ликахъ помичъ дать.

Мар. Мы прыйдемо: Катруся, певно, въ церкви...

Палажка. Охъ, а мени нема часу й питы—
Такыхъ клопотъ! Ну, що жъ тамъ чуть?

Мар. А тее,
Що треба всимъ за Украйну встать
И понесты въ охвиру свои души...

Палажка. О, певно всимъ!

Мар. Наставъ, бабусю, часъ,
Колы й мое жыття въ прыгоди стане,
И я ёго зъ охотою виддамъ
За ридный край!

Палажка [*обнима*]. О, моя доню люба!
Ажъ ожыла, ажъ очenята зновъ
Якымсь огнемъ невыданымъ загралы
Й на лыченьку разжеврылась зоря...
Ховай Господь тебе, мою воркоту,
И оджены видъ тебе злу нудьгу!
Ну, я иду... [*Баба одводыть слабыхъ*].

Мар. Я незабаромъ буду.

Ява 4.

Марьяна и Катря (выходыть зъ церквы).

Мар. Отъ и гараздъ; тебе я, Катре, жду:
Тра до слабыхъ навидатысь...

Катря. Я заразъ,
Тильки скажу Денысови.

Мар. Зайдимъ.

Катря. У церкви винъ.

Мар. У церкви? Вже выходыть?
Якъ рада я за любыхъ васъ обохъ!

Катря. Вже зажылы вси раны, хвала Богу:
Теперъ новыхъ тильки чекать...

Мар. Ну, що-жъ,
Гуртомъ уси поляжемо, а вкупи
И умирать утишно.

Катря. О, теперъ
Душею я покійна: щобъ не сталось,
А зъ мылымъ я не розлучусь повикъ,—
Мижъ куль и стрилъ полыну зъ нымъ я пблычъ,
И колы смерть ёму жыття утне,

А ощадыть мене на люте горе,
То ся рука поправыть хыбу злу
И злучыть зновъ.

Мар. О, смерть бува часамы
Едыная порадныця въ жытти:
Вона здебильшъ намъ заступае матирь,—
Прытысне вразъ до лона, подыхне́
На голову, на перса—и вси мукы,
Вси болисти несказани души
Прыспыть на викъ, укрые супокоемъ...
А ворогъ нашъ лютишый—то жыття!

Катря. Ты все такы на ёго нарикаешъ?

Мар. А що жъ воно дало мени?—Одно:
Омàну злу, нелюдське ошукання
И безличъ мукъ, пекельныхъ катувàнь.

Катря. Хыба Антось зновъ десь подавсь?

Мар. [*збентежено, прыкро*]. По справи...
У кожного теперъ свое... Тоби
Щось мала я... Чого це знявся галасъ?

Ява 5.

(Ти-жъ и Свырыдыха, бабы́, жинкы́, диты та други).
(Хтось злизъ на дзвиныцю, ударывъ на сполóхъ. Збигаются збентежени, де-яки на муры пнутся).

Мар. Що тамъ за гвалтъ?

Молод. [*зъ муру*]. Вже військо обляга!

2 жинка [*зъ муру*]. Генъ навкругы, мовъ хмара, бованіе.

Бабы. Пропалы жъ мы! Надходыть Страшный Судъ.

Други и диты. Ой, лелечкы! Рятуйте!

(Замъятня, переполохъ).

Мар. [*збига на муръ*]. Де той ворогъ?

Молод. Та онъ генъ-генъ! Свырыдышынъ унукъ
Трохы не впавъ до рукъ татарськыхъ хыжыхъ,—
Такъ хтось ёму знаёмый стривсь...

Мар. Зъ татаръ?

Молод. Ни, зъ козакивъ обляшеныхъ... Отой пакъ,
Що бувъ у васъ... годованцемъ...

Мар. Що?! Що?!
Не може буть! Не може того статысь!
Омылка то... Хтось схожый на выду...
Неправда то! Ой, зроду ни!..

Катря. Мій Боже,
Невже кинець и выкруту нема!

Дидъ [*якого дви унукы несуть*].
Охъ, не несить! Не натружайте сылы!
Навищо я? Пидъ цвынтаремъ лышить!

Унукы. Дидуню нашъ, голубчыку!

Дидъ [*плаче*]. Спасыби,
Риднесеньки! Прыймы васъ тамъ Господь!
[*цилуе*].

Гуртъ жинокъ [*надбига*]. Вже свитъ урвавсь!

2-й гуртъ. Тамъ и ляхы, й татары!

Де-хто. Охъ, люта смерть!

Бабы. Ощады вже не жды!

Хлопч. Ой, проби! Ой, не хочу я вмыраты!

Свырыд. [*выходыть и стука клюкою*].
Ха, ворогъ тутъ! Спровадывъ сатана
До нашыхъ рукъ! Диждалася я свята!

[*До хлопця*]. Гей, дурню цыть! Чого ревешъ? Радій:
Тутъ бéнькетъ, ой, та ще якый... пекельный!
Въ смакъ напьемось ворожои крови,
Виддячымо въ сто кратъ панамъ несытымъ,
Натишымось ихъ мукамы у-край!
Радійте вси! Точить ножи и спысы!
У казанахъ розтоплюйте смолу!
Диждалася... ой, свято, свято, свято!!

Ява 6.

Ти жъ и (выходять изъ церквы)—Сотныкъ, Шрамъ, Верныгора, Лобода й инши. Надѐкола и по мурахъ збильшуется юрба. Надходыть и странныкъ.

Сотн. Що сталося? Яки вистки́ тяжки́
Зибралы васъ, сполоханыхъ видъ жаху,
И лементомъ замчыще понялы?
Мар. Скризь навкругы насъ облягае військо,
Немае мѐжъ тымъ хмарыщамъ густымъ
И око имъ кинця не бачыть, тату!
Безног. Піймавсь жыдокъ: до замку прывелы,—
Такъ божытся, що, мовъ, завзявсь Чарнецькый
Сей замокъ взять, якъ спадщыну свою,
А левенцивъ до одного стребыты...
Сотн. Прошу усихъ на раду військову—
Бративъ орливъ и славную жоноту!
Мар. [*про себе*]. Щобъ въ війську винъ, супроты насъ? О, ни,
То крывда зла!!.. то бъ бувъ пекельный вчынокъ.
Сотн. Якъ чулысьте, Чарнецькый нависный
[*Вси пивколомъ*]. Замыслывъ насъ скосыть едынымъ махомъ...
Се благодать Господь намъ посыла,—
Бо ворогъ мавъ спишытысь въ Баръ найхутче,
Щобъ розлучыть зъ Богданомъ Богуна,
И нарізно на кожного ударыть,
А тутъ ёму спокуса на шляху́—
И въ пастку винъ попавсь, спасыби, о́слипъ!
Теперъ на насъ лежыть святый повынъ:
Якъ мога довшъ ёго тутъ затрыматы,
Щобъ гетьманъ встыгъ злучыты військо все,—
Тоди то мы дамо ёму звытя́гу!
Пидъ Камьянцемъ побыла зрада насъ,
И панство йде нашъ ридный людъ змитаты
Вогнемъ, мечемъ—одъ старця до дитей,—
Щобъ руського и йменя не зосталось,
Щобъ не було й святынь у насъ слида,—

А ни церковъ, а ни хрестивъ почесныхъ...
Вырбкъ давъ ляхъ спустбшыть, знищыть геть
Нашъ любый край, засіянный кистками,
Залытый скризь слёзамы й кровью вщерть...
А решту насъ зробыть рабамы, псамы,
Чы обректы на злу, ганебну смерть...
Такъ умремо жъ, якъ лыцарство вмырало
Зъ ухмилкою на сципленыхъ устахъ:
За правду мы, за виру! Хай насъ мало,
А ци муры́ укрые трупомъ ляхъ!

Старш. Смерть ворогамъ!

Левенци. На згубу!

Вси. Вси поляжемъ,
А не дамо цурпалка злымъ катамъ!

Свырыд. Загоготыть скризь полумья жеруще
И закыпыть ворожа, чорна кровъ,
А я тоди утну веселу писню
И выступцемъ по трупови пиду!

Молод. Ой, Боженьку! Видъ смерты захысты насъ!

Жинкы. Охъ, диточкы риднесеньки, мали
Погынете, мовъ на цвиту прыбыти!

Де-яки. Рятуймося! Порвалося жыття!

Мар. Не рвить себе, не ремствуйте на Бога:
Жыття и смерть—въ правыци пресвятій...
Хто зъ насъ повстать на волю Его сміе?
И сонце се, и зори незлични́
Идуть, плывуть Его шляхамы... Слово
Лышъ прорече—и вси погынуть вразъ...
А намъ Господь давъ найславнишу долю—
Своимъ жыттямъ зарятуваты край,
Дать супокій замученому люду...
О, се така утиха раёва,
Що за іи благословимте Бога:
Щò те жыття? Оманъ и втратъ стяга,
Такъ оддамо жъ ёго безъ ремства, сестры,
За ридный край!

Стран. О, дщере, надъ уси!
Въ твоихъ устахъ глаголы Неба чую:
Тоби мое благословення! [*Благословля, Марьяна пада навколишкы*].

Жонота. Такъ!
Правдыва ричъ! Коримся Божій воли!
[*Навколишкы*].

Вси. Поляжемъ вси за край нашъ! [*Тежъ навколишкы*].

Стран. [*Здіймаючы рукы*]. О, блаженъ
Сей день и часъ, блаженни вси вы! Небо
Розверзлося и янголы несуть
Предвичнёму сердець вашыхъ охвиру,
Готують тамъ, въ надзоряныхъ краяхъ,
Де викъ викивъ хвалы лунають Богу,
Де ни турботъ, ни слизъ земныхъ нема,—
Готують тамъ осели злотосяйни
Для вашыхъ душъ... О, ниспошлы жъ, Благый,
Рабамъ Твоимъ нещаснымъ опрощення,—
Зане идуть на славну, чесну смерть,
Виддаючы за друзи свои души!
[*Благословля и заходыть у церкву*].

Ява 7.

Ти-жъ безъ странныка.

Сотн. Такъ слухайте жъ моеи рады!

Вси. Згода!

Сотн. Твердыню сю пидзамче огорта;
Поузъ ёго не досягты до неи:
Ото жъ кажу—потугы вси метне
И ворогъ нашъ, конешне, на пидзамче,
И наколы знесе ёго, тоди
Вже визьмется и до муривъ замкóвыхъ;
Такъ треба намъ вси сылы зъедыныть,
Щобъ затрымать пидзамче, яко мога,
Бо си муры продержутся й сами.

Ось мій наказъ: абы усе вояцтво—
И юнакы, и лѐвенци й стари—
Пидзамче йшлы грудыма бороныть,
А въ замку тутъ лышытся хай жонота,
Та немошни, каликы и диды:
Изъ баштъ воны здолають ȯдсичъ даты.

Воякы. Такъ, батьку нашъ!

Жонота. Не пустымъ ворогивъ!

Мар. Мы смерть прынять зъуміемо, якъ браття,
И пометою си рукы насталымъ!

Шрамъ. Ой, любо!

Верныг. Бый мене нечыста сыла,—
Нема ниде такыхъ, якъ въ насъ, орлыць!

Хорунж. Пидъ ихъ крыломъ на смерть иты—утиха!

Вси. Ну й задамо жъ мы чосу ворогамъ!!

Свырыд. А я такы въ пидзамче зъ вамы, друзи,—
Тамъ вразъ напьюсь ворожои крови!

Верныг. То що жъ, нехай!

Шрамъ. А що, якъ янголына
Душа іи розчулыть насъ у край,—
То й бытыся не схочемъ!..

Други. О, то правда!
Ха, ха, ха, ха!!

Свырыд. Побачыте!

Сотн. Ще й то:
Хто-жъ въ замку тутъ ата́маншою буде?
Я думавъ бы—Свырыдыха?..

Свырыд. Ни, ни!
За ватажка найспры́тниша—Марьяна!

Одни жинкы. И розумомъ, и звагою за вси!

Други жинкы. О, кращои ата́маншн не треба—
И лыцаривъ за пояса заткне!

Вси. Вси волымо Марьяну Сотныкивну!!

Мар. Велыка честь! Спасыби, сестры, вамъ
И вамъ, браты, и лицарямъ—спасыби!

Чы стане лышъ въ мене, слабои, сылъ!
Тô—есть святый, велыкый обовьязокъ;
Але у насъ одна надія—Богъ!
Нема часў видпрохуватысь трычи,
Якъ звы́чаи батькивъ нашыхъ веля́ть,
И я корюсь и вамъ, и Божій воли!
Будь свидкомъ-же, ты, сонце пресвятѐ,
Що свій повынъ я справлю святоблыво!

Сотн. О, вирю: Богъ тебе натхнувъ! [*обнима*].

Вси. Хвала

[*Шапкы въ гору*] И слава ввикъ Марьяни Сотныкивни!

Сотн. Ну, часъ рушать: вже ворогъ обляга,
Мовъ сарана...

Верныг. А въ сій частыни муру
А ни гарматъ, а ни стрильбы́ць нема.

Шрамъ. Озброиты.

Хорунж. И зàразъ!

Сотн. Щожъ,—до праци:
Пидъ баштою арматы досыть йе!

Верныг. Такъ, хлопци, гей! Ходимъ мерщій по неи!

(Спильный рухъ. Зъ-дебильша пишлы. Особни купкы).

Ява 8.

Катря [*осторонь съ Хорунжымъ*] Зъ тобою я въ пидзамче: я клялась,
Що ни на крокъ не видступлю видъ тебе—
И бытыся мы будемъ пòпличъ въ двохъ,
И умремо...

Хорунж. Дружыно моя люба!
Не упада ламаты вразъ наказъ
Преславного панъ-сотныка: за намы
Посунулы-бъ билоголови вси—
И матері́ й малжонкы, а сей замокъ
Лышывся бы на безбашъ, безъ души?

Хай коженъ зъ насъ свій обовьязокъ справыть,
А бытыся мы будемъ на очахъ...

Катря. Що-ра̀зу я прыносытыму страву
Й не розлучусь...

Хорунж. [*обнима*]. О, моя доле зла!
Теке ясне́, таке хороше щастя—
И прыйдется виддаты за свій край...

Катря. Зъ видрадистю! Тильки укупи, разомъ!

(*Тягнуть чотыри чоловика и чотыри жинкы плющыху*).

Верныг. У! Хай ёму абыщо! Отъ важка,
А, кажете—панянка?

1 козакъ. Хыба панна
Та не бува важкою?

Верныг. Хе! Куды жъ
Прытнуть іи?

Сотн. А отъ-сюды ливбручъ:
Колы въ кинци пидзамче упаде
И зъявытся, по нашыхъ трупахъ, ворогъ,
То панна ся гостынця пиднесе.

Вси. Не одному постеле добру по́стиль.

Мар. [*журно*]. И влучыть ще въ Антося... О, невже,
Невже винъ тамъ?.. Зняло-бъ се въ пекли регитъ,
Сказылась-бы нечыста сыла... Ни,
Се все брехня! Не вирю!.. А якъ правда?
То улучай, гармато: ворогъ винъ,
А ворогу нема, нема ощады!

Мелася [*На другимъ боци*]. Чы на окипъ, чы зъ намы?

Унукъ. Вже-жъ туды

Мелася. Чого жъ то такъ?

Унукъ. Не чула? Мы жъ—лыцарство.

Мелася. Эгъ, хвалытся! Та буду тамъ и я,
Бо охвитнишъ, нижъ за мурамы тута.

Унукъ А якъ прогонять?

Мелася Хто?

Унукъ. Не хто,
А й я!

Меласяя. Овва! Мене?

Унукъ. А то-жъ!

Меласяя. Цуръ дурня!
Ще заревешъ, абы зосталась...

Унукъ. Ни!

Меласяя. Побачымо! Ну жъ, одступысь: пиду ще
Допоможу гармати. .

Унукъ [*за нею*]. Стій! куды?

Меласяя. Де радисно. .

Унукъ [*доганяючы*]. Пидирвешся ще, часомъ! [*забиглы*].

(*Друга купа людей тягне велыку гармату*).

Шрамъ. Гей, набикъ вси! Гармата-баба!

Жинка 1. Ху,
Не чую й рукъ.

Козакъ 1. А вы не дуже, титко,
Натужуйтесь, щобъ часомъ...

Жинка 2. Ой, нога!

Шрамъ. Гей, обачнишъ: задавыть баба бабу!

Хорунж. Якъ прытыснѐ въ обіймахъ...

Козакъ. Або ще,
Якъ брехоне, якъ гавкне!

Шрамъ. Пелька въ неи—
Свырыдыси не вступыть..

Одни. Де тамъ, ни!
Ковтне лыбонь и цилу гарбузяку...

Други. Чы гарця два зализныхъ галушокъ.

Сотн. Такъ становить въ середыну брехуху,
Щобъ стерегла до башты сеи шляхъ.

Шрамъ. Оце гараздъ! Бо по шляху якъ плюне,
То й цуцыня не пробижыть...

Де-хто. А вже-жъ!

(*Прыладновують весело*).

[*Въ 3 купи*] Жинка 1. Цыхъ диточокъ, бабусю, прыголубте,
[*Палажци*]. Бо вже мени нема часу до ныхъ...

Палажка. О, якъ своихъ: тамъ ихъ, сыритъ, чы-мало,
И напою, и нагодую...

Жинка. Охъ,
Ховай васъ Богъ за вашу ласку щыру!
Всимъ маты вы!

Палажка. Эхъ, на малый лышъ часъ!

Унукъ [*таска зъ Меласею зоружжа*].
Куды оси стрильбыци й гакивныци,
Вельможный нашъ панъ сотныку?

Сотн. Сюды!
Стрильбыци вси до башты, бо зъ тамъ-видтиль
По сыхъ мурахъ имъ прыськаты зъ рукы,
Колы на ныхъ полизе лютый ворогъ;
А гакивныць чипляйте на гакы!
[*Мелася и унукъ озброюють*].

Шрамъ. Ну, добувать пидъ прыскомъ рай не смашно:
И якъ теперъ дистатысь до жинокъ?

Верныг. Ге, мають чымъ залётныкивъ витаты!

Жинкы. Учаіють одъ ласкы!

Шрамъ. Що й казать:
Украинкы—найпрывитниши въ свити!

Молод. Зъ-того жъ до насъ насунуло й гостей.

Верныг. Чы ба, якъ разъ! А мы й не догадалысь!

Молод. Такъ рады насъ, витайте-жъ гойно ихъ!

Свырыд. Пиднесемо червоного имъ пыва!

Мелася. Ой, завдамо! [*Радисно*].

Унукъ. Ты бъ заспивала ще!

Мелася. А ты гадавъ, що плакаты я буду?
Не диждешся!

Унукъ. Та вже й часу нема!

Сотн. Здается, все уже готово, друзи?

Вси. Озброено.

Сотн. У лавы вси шыкуйсь! [*Шыкуются*].

Ну, часъ наставъ... Обнимемось же, друзи,
Й на вчынъ святый себе благословимъ,
Якъ на той шлюбъ почёсный... Божа воля,
Такъ зъ радистю чынимъ іи!

Марьяна. Скрепы
Намъ, Боже, духъ и серце насталы намъ!

Други. И рызою укрый насъ всихъ!

Сотн. [*благословля и дае знакъ рушаты*]. Аминь!

(*Вси прощаются хутко, хаплыво и мовчкы рушають черезъ браму въ пидзамче. Не чуты ни стогону; ни слизъ. На облыччяхъ сувора звага. Лунае сумный дзвинъ*).

Ява 9.

Сотн. [*обнима дочку*]. Ну, може ще побачымось?..

Марьяна. [*на небо рукою*]. Тамъ, тату!

Сотн. Не дайся жъ-но на мукы...

Марьяна. Певенъ будь!

(*Вси выйшлы. Жонота стоить. На мури два вартовыхъ и Катря; де-яки тежъ зійшлы, дывлятся*).

Ява 10.

Марьяна и жинкы.

[*Осторонь*] Марьяна [*каминемъ стоить. Пауза*].
Невже той богъ, якому я молылась,
Ставъ идоломъ, ставъ гемономъ лыхымъ?
Невже-бъ винъ змигъ у брудъ, въ багно вваляты
Клятьбы́ уси, свій заповитъ святый,
И молытвы́, и серце мое бидне?
То бувъ бы глумъ надъ Богомъ!.. О, не дай
Господь дожыть мени до тіи мукы,
Не дай Господь! Такои кары я
И не знесла-бъ: іи вага задавыть!
Ни, щырый винъ... шляхетный зъ юнакивъ...

Освиченый... не здатный на мерзоту...
Даремно я себе грызу... А що,
Колы бува... Ой, дали!.. Кожна хвыля
Намъ дорога, а я марную часъ!
(*Хутко и жваво повертается до жоноты*)
Коханыи и пòдругы, и сестры,
И матери, и ветхи деньмы, й вси!
Голосыть дзвинъ и всихъ насъ поклыкае
Забуть себе и злыть вси почуття
Въ одно лыше велыке, неомирне—
До матери Украины: вона
Теперъ кона въ тяжкій, пекельній скрутн
И поклыка, благае до дитей...
Невже жъ то мы ганебно й похоплыво
Видсахнемось одъ неньчыныхъ благань?
О, зроду ни! Будь проклятъ, хто й подума!
Мы мусымо умерты безъ жалю,
Безъ роспачи, безъ ремства, безъ докору,
А радисно зъ одвагою въ очахъ
И зъ вирою, що наша славна страта
Спромòгу дасть преславнымъ воякамъ
Злучытыся и ворога видкынуть...

Жонота. Вси жалощи, вси радощи до нигъ
Мы зложымо нещасній Украини!

Марьяна. Сторожою-жъ скризь станьте по мурахъ
И по черзи змиияйтесь, а стариши
Хай страву лышъ готують за-для всихъ.
Та начынить набоямы гарматы!

Катря. А покажить намъ, диду, якъ и що?

Дидъ. Бувъ гармашемъ, то стану у грыгоди.
(*Набываютъ гарматы*).

Марьяна [*обійшла на передкинъ и замыслылась*].
Спокійна я... Все занимило... Годи
Вагатыся зъ цымъ серцемъ; а жыття
Не жаль мени: зивьяло въ злій прыгоди!

Всёму кинець! Немае вороття!
Ну, смерте, йды! Тоби я навить рада,
Помиряюсь и въ вичи зазырну;
Не виджахне твоя страшна порада!
И чую я въ сю хвылю чаривну
У персяхъ тутъ таку звытяжну сылу,
Яка злама на смертному шляху
Навить твою незважену пыху
Й пережыве ниму, тисну могылу!

Я в а 11.

Ти-жъ и вартовый.

Вартовый [*выходыть на мури зза башты*].
Пидйихавъ генъ пидъ башту ляхъ...
Катря [*прыдывляется въ бійныцю*]. Магнатъ
Якыйсь, лыбонь изъ почтомъ.
Марьяна. Гей, пыльнуйте!
Мелася. Якъ разъ пидъ стрилъ зъ гарматы...
Марьяна. Нациляй,
Наводь мерщій!
Дидъ и жинка. Готово!
Катря. Стій, на хвылю!
Здается, що.. Такъ, такъ; конешне, винъ!
Марьяна. Хто винъ?
Катря. Та нашъ, ій-Богу!
Марьяна [*нетерпляче*]. Хто-жъ то?
Катря. Антось!
Марьяна. Антось?! Антось!? Не може буть!
[*Збига на пидмурокъ*].
Катря. Та глянь сюды! Коханый-же? Пизнала?
Марьяна. Пизнала!.. Ха, коханый?! Лжа и лжа!
Дурывъ, манывъ... Ой, боляче!.. Все пада!
Де-жъ гоноръ, де?! На бабъ меча гострывъ!

У шатахъ змій... злый ворогъ... Зрада, зрада!
Нема жалю!.. Палы!!

(Розлигся постриль).

Катря [*сплеснула рукамы*]. Ай! впало тры!!

(Марьяна, одвернувшысь одъ муру, стоить каминемъ).

Зависа

Дія пьята.

А) Перша картына.

(Декорація тажъ. Ничъ. Дви свижыхъ могылы).

Ява 1.

Дидъ и Сотныкъ.

Дидъ [*до Сотныка, що вылазыть зъ потайныка*].
Хто тамъ? Пыльнуй!

Сотн. [*выходыть*]. Се я.

Дидъ. Панъ Сотныкъ?

Сотн. Дійсне.

Дидъ. Що-жъ тамъ, гараздъ?

Сотн. Тры дни уже пройшло,
А ворогъ нашъ не роздобувъ и пьяди:
Чарнецькый-катъ вси сылы нацькувавъ—
И татарву, й драгонію, й кварцёвыхъ,—
Зъ усихъ-усюдъ метать ихъ ставъ на насъ;
Не разъ, не два, а десять разъ на добу
Пекельный гвалтъ насъ огортавъ, разывъ—
И пьяна смерть зъ косою скаженила!

Дидъ. Мы бачылы, якъ ти налёты зли
Йно прыгорща завзятцивъ оджахала:
Якъ безъ гарматъ на груды лышъ свои
Прыймалы вы розсатанили хвыли

И якъ воны, немовъ одъ грizныхъ скель,
На дрибенъ-дощъ, на пину розбывалысь.

Сотн. Пивдня тильки було у насъ гарматъ,
А то ихъ вси на пôкыдьки розбылы
Й пишлы на гвалтъ, та ззилы гарбуза:
Объ насъ соби пополамалы зубы!
Ще зъ тыждень бы прыйшлось имъ сатанить,
Колы бъ лыхый не накладавъ зъ Чарнецькымъ:
Прыдумалы у-двохъ спустыты ставъ,
Що захыщавъ видъ нàпаду намъ спыну,
А се морозъ ще дно глейке скрепывъ,—
Ну, въ досвита й нарыне по ставыську
Тьма-тьмуща ихъ... Що-жъ? Ляжемо гуртомъ,
А зàмокъ ще устоить хочъ пивъ-добы—
И те гараздъ: Богданъ прыбувъ у Баръ
И злýчытся...

Дидъ. Не на дармà сконання!

Сотн. А лыцарство яке вже полягло
И засягло якои славы! Боже,
Не одхылы одъ лона ихнихъ душъ!
Чортополохъ прокрався по-пидъ греблю
Й перевернувъ гармату ихню въ ставъ;
Палывода зъ окопыща самъ кынувсь,
Щобъ збыть килькохъ... Хорунжый мій Денысъ,
Щобъ замануть ляхивъ зирватысь зъ скели,
На втекы вдавсь,—за нымъ прытьмомъ воны
И разомъ вси шелеснулы въ проваллл...
Палій... Колій...—Эхъ, добри козакы,
Ажъ тутъ щемыть!

Дидъ. Земля перомъ надъ нымы!
И въ насъ уже полынуло у рай
Чы-мало душъ... Та ось въ нову могылу
Лыбонь несуть новыхъ ще пожыльцивъ!

(На кону проходыть похоронна процессія. Дидъ, znявшы шапку, мовчкы за нею пишовъ. Сотныкъ znявъ шапку, перехрестывсь и довго стоить нерухомо).

Ява 2.

Сотныкъ самъ.

Сотн. Охъ, тяжко якъ, нудьга здавыла груды:
Нема киньця братерській сій ризни,
Нема кинця, та мабуть и не буде!
Хочъ бы намыть прызволывъ Богъ мени
Зырнуть, яку судывъ Вкраини долю?
Гей, ридная матусе, краю мій!
Широко ты роскынулась по долу,
Въ далекій мли втопыла берегъ свій,
Прыбралася садочкамы, ланамы,
Старымъ Днипромъ пидперезала станъ,
Обперлася ажъ объ Карпатъ плечамы,
Та й простяглась до моря за Лыманъ...
Всимъ надилывъ, скрасывъ тебе Всевышній,
Тилько не давъ ни доли, ни пуття!
Чы кара то за грихъ тяжкый, колышній,
Чы на тоби лежыть лыхе клятття?
Бездольна ты, бездольни й твои диты!
Пидъ зорямы яснымы, въ симъ краю
Сынамъ твоимъ брататысь-бы, радиты,
Роскошувать та Господа хвалыты
И жыты такъ, якъ въ Божому раю!
Такъ сатана-жъ позаздрывъ чоловику
И звивъ соби въ Украини кубло́:
Посіявъ скризь ненависть, заздристь дыку,
Корысть, пыху, звироцтво, люте зло...
Де мавъ буть рай, тамъ пекло мае втиху—
И знову кровъ та крыкъ зъ усихъ-усюдъ!
Колы жъ кинець сёму тяжкому лыху,
Колы зитхне на воли кревный людъ?..

Ява 3.

Ти-жъ и Кобзаръ зъ поводаремъ.

Кобзарь. Чы вже свита?

Повод. На свитъ благословытся.

Кобрарь. А въ лагери ворожому чы сплять?
Повод. Ворушатся.
Кобзарь. Такъ проведы до башты,—
Звидтиль выднишъ прудкои смерти лётъ...

(*Проходять. Кобзарь сида. Поводарь видходыть и прыходыть*).

Сотн. Годыны дви—й пидзамче, вмыте кровью
Руйновыщемъ, пожарыщемъ впаде,
А за добу и замокъ... Ворогъ лютый
Скризь пбтоптомъ перейде... и кинець,
Кинець всёму и забуття! А доня?
Орлыцею знялася до горы,
Уквичана винкомъ гучнои славы—
И нагла смерть! Охъ, якъ дытыны жаль:
Не нажылась, роскошивъ не зазнала—
И на цвиту—морозъ... Що-жъ—Божый зволъ!
Але що смерть? Суть гирши катування;
Не дай Господь, якъ куля чы стрила
Іи мыне,—и насміется ворогъ...
Публикою дытыну затаврыть?
О, пекло, ни! Не дамъ на поквиля дони,
Не попущу, щобъ назнущався катъ...
А самъ іи на-викы заспокою... [*Добува запоясныкъ*].

Тепера спыть и въ сни іи душа
Полыне въ рай... Але хапатысь треба,
Бо кожна мыть зблыжа несытый гвалтъ,
Іи жъ жыття не спыныть ёго лёту...
Охъ, якъ пиднять... на доню... Боже мій,
Пробачъ сей грихъ—повстання проты Тебе:
Ёго зрыва незмиряна любовъ...

Ява 4.

Сотныкъ и Марьяна.

Сотн. [*забачывшы дочку*]. Вона... иде... [*впустывъ запоясныкъ*].

Мар. [*якось розвіяно*]. Чы винъ жывый, чы вбытый?
Сотн. [*глухо*]. Блида якась...
Мар. [*здригнулась*] Хто? Тато?
Сотн. [*глухо*]. Я!
Мар. [*прыдывляется*]. А що?
Ой! Ранено?
Сотн. Та то пусте! дурныця!
Сёгодня всихъ насъ жде одынъ кинець!
Мар. Колы бъ мерщій! Я жду ёго пекуче!
Сотн. [*здригнувсь*]. Ты смерти ждешъ?
Мар. Якъ щастя!
Сотн. [*вагается, кладе руку на пистоль*]. Щастя... рай...
Такъ, донечко... Смерть—хвылёва лышъ мука;
Жыття несе нещастя, поквилъ, глумъ
И ворогивъ нечýвани знущання...
Мар. О, краще смерть!
Сотн. [*вытяга потай пистоль*]. И ты? Такъ... Мыть одна...
И наколы зненацька... то...
Мар. [*безжурно, не помичаючы*]. Знай, тату:
Мы поклялысь одна одну добыть,
Колы на муръ полизуть харцызяки.
Сотн. Вы поклялысь? [*кыда пистоль*]. Спасытелю благый!
[*Пада на вколишкы*] Ты вызволывъ! Безмирне мылосердя!
Дытя мое! [*Прыгорта Маръяну, рыдаючы*].
Мар. [*зрушена. Обнима*]. Мій тату дорогый,
Едыная въ останни хвыли втиха! [*Пиднима*].
Сотн. Тебе прыйшовъ на смерть благословыть,
Тебе, мою орлыцю... але годи:
Бо зъ сыхъ очей ледачыхъ ще слёза
Покотытся й оберне сылу въ немичъ...
А! часъ-пора! [*Одвертается*].
Мар. [*обнима палко*]. Прощай навикы!
Сотн. [*хаплыво*]. Стій!
Колы впаде зруйноване пидзамче

И ворогы озвирени шугнуть
Черезъ муры й затоплють замковыще,
То, доню, знай: пидъ церквою йе склепъ,
А въ тихъ лёхахъ—все порохъ...

Мар. А! Роскишно—
И славный згынъ и помста!

Сотн. Квите мій!
Благословы тебе Господь въ дорогу!
[*благословля*] Не на̀довго... У батюшкы ключи...
Ну, часъ! [*Обнима*].

Мар. [*показуе на небо*]. Охъ... тамъ!

Сотн. [*одирвавсь и знову*]. На хвылю... Ще на хвылю
Дай глянуты на тебе!.. А! Прощай!!
[*Хутко пишовъ*].

Ява 5.

Марьяна сама.

Мар. [*по паузи*]. Щемыть, болыть ще гирше на останку!..
[*Пауза*] Чы винъ жывый, чы вбытый?.. Охъ, умеръ!
Напевно такъ! А то бъ зъявывсь за тры дни...
И винъ полигъ одъ осіи рукы,
И я сама згубыла скарбъ найлипшый?
Ой, мусыла... Я сповныла повынъ!..
Чого жъ, колы другыхъ на смерть вражала,
То серце се не ныло видъ жалю?
Й винъ—ворогъ-же, а серце замырае,
Запроданець—а серце, охъ, болыть!
Перевертень, бо за роскоши паньски
Продавъ симью, що нарекла ёго
Годованцемъ и риднымъ сыномъ, мало,—
Що двичи ще у смерты видняла—
И насміявсь... а серце жъ все ниміе!..
Якъ говорывъ, якъ запевнявъ мене,
Що дбатыме про Украину-неньку,
Що за нашъ людъ стоятыме.—Ха, ха!

Де жъ слово те шляхетне, гонорове?
На кволыхъ бабъ и на малыхъ дитей
Пиднявъ меча! Ой, княже уродзоный,
Яка то честь!.. А душу рве въ шматкы
И сылъ нема той образъ затлумыты
И вырвать геть... болыть, болыть, болыть!

(*Прудко, ламаючы рукы видходыть*).

Ява 6.

Унукъ, Шрамъ, Верныгора, дидъ, молодыци, Марьяна.

(*Свитае. Унукъ перестрива Марьяну коло брамы*).

Унукъ. Панъ сотныкъ прыславъ сюды до вельможнои панны килька пораненыхъ, щобъ далы имъ раду...

Марьяна [*нервово вельмы*]. Де жъ воны? Сюды, сюды ихъ: покы не порвалось дыханя—имъ вси турботы!

Верныг. [*пидходыть*]. Та мы не яки ще й поранени... у мене дряпаныва абы-яка, а у Шрама на нози цяцька...

Шрамъ [*Его ведуть пидъ рукы дви молодыци*]. Та й ловко ще поцяцьковалы.

Верныг. А то жъ, хыба ни? Ливои рукы не було, а нигъ пара, ну теперъ якъ зайву втялы, то якъ разъ до ладу й буде.

Шрамъ. А що ты думаешъ? Се, певно, й постаравсь якыйсь прыятель ляхъ,—для порядку!

(*Надходять дидъ и баба. Марьяна метушытся коло слабыхъ*).

Дидъ. А ну, покажить свои забавкы.

Верныг. Та ось... Тильки не подумайте, що мы гоитысь будемъ... а де тамъ! Се—дурныця, а мы сюды прыйшлы до помочи: мовлявъ до доброго гурту, бо въ гурти й каша йистся.

Шрамъ. Та ще въ пышному гурти? Дале-би, и въ ями зъ такымы красунямы поручъ лягты—втиха!

Баба. Та не ёрзайся...

Шрамъ. Э, бабуню, не зъ вамы...

Дидъ. [*Верныгори*]. Ну, брате, рука у тебе пропаща: килька-но клаптыкивъ та кисточокъ... а решты нема.

Верныг. Пороскыдалось... не хтилось збыраты... та то дарма, цуръ йимъ! Вы, диду, одрубайте краще отъ-поты, то я й цурпалкомъ ще штурхону кому въ пыку.

Дидъ. Маешъ рацію: иды-жъ онъ туды до колоды, положышъ на неи руку, то я, нацилывшысь сокырою, й одитну.

Верныг. А такъ, на колоди зручнише.

Дидъ [*Шраму*]. Ну, твоя нога те жъ до ничого: хыба на мылыци увьязать, то ще скакатымешъ.

Шрамъ. Хи, хвацько! То ще мы зъ бабусею й потанцюемо...

Баба. Тьху! Тры чысныци до смерты, а винъ ще танцювать збирается... Ачъ, крывытся, а туды жъ!

Шрамъ. Бо трохы лоскотно, якъ оддыраете шкуру...

Баба. Лоскотно?.. Берить ёго пидъ рукы, та ведить до замку: тамъ теплою водою одмочымо.

Шрамъ. Та на вищо ти забобоны? Одтялы бъ и мени...

Дидъ. Не вытребенькуй!

Марьяна [*упада коло всихъ*]. Пидведить покы Шрама! А ты, хлопче, поможы сымъ двомъ: тежъ—до замку! И вы туды йдить до бабы Палажкы, бо ій—и сюды, и туды... [*До другыхъ, що надійшлы*]. Вважайте! Подвійну сторожу на муры! Сёгодня ждать нàпаду... Пыльнуйте добре! Обиду готовыть не треба: не до йижи буде—часу не стане! А замисть того грійте въ казанахъ и въ золійныкахъ смолу, окрипъ... та стягайте на пидмуркы колоды и каминь, щобъ було чымъ прывитаты гостей. Хапайтесь же! Оповистить усихъ!

(*Купы росходятся*).

Ява 7.

Марьяна, *Свырыдыха и Катря.*

Свырыд. Заледве ось я видтягла іи... [*Держыть Катрю; та борсается*].

Катря. Я все йидно... зъ бійныци кынусь... [*Вырывается*].

Свырыд. [*удержуе*]. Годи!
Марьяна. Чого жъ то? Ой, що сталось...
Свырыд. Та унукъ...
А ся дурна, якъ тильки-но почула,
Що чоловикъ розбывсь, та ну й соби...
Катря. Умру! Нихто!
Свырыд. Не борсайсь, не пручайся!
Катря. Не встережешъ! Де винъ,—тамъ буду й я!
Мар. Не рвы себе, моя голубко!
Катря. Зъ мылымъ
Нихто, нихто мене не розъедна!
Мар. Не бійся: вси сёгодня будемъ вкупи...
Свырыд. А бенькетъ-но дамо на самъ-передъ!..
Мар. О, справымо!
Катря. Мени вже не до свята!
Мар. Хто ляже тутъ за дило пресвяте,
Того жде рай, а самогубця—пекло:
Невже-жъ тоби ще хочется и тамъ
Розраитысь на викъ-викивъ зъ Денысомъ?
Катря. Ой, проби! Ни!
Мар. Такъ затрымай жыття
На ныньки лышъ: прыйшовъ часъ слушный помсты!
Катря. До помсты—такъ! Вси сылы й почуття!
Мар. На згынъ кативъ!
Свырыд. [*ажъ заплакала*] Орлыци вы мои!
Лебедоньки! Ой, радисть! Ой утиха! [*Обнима обохъ*].
Ажъ пьяна я! До помсты жъ!
Катря и Мар. [*видходючы разомъ*]. Безъ жалю!!

Ява 8.

(*Зносютъ каминня, колоды; казаны гріютъ*).

Кобзарь. А глянь, що то гуде? Немовъ море заграло.
Повод. То ворогы... наблыжаются зъ усихъ бокивъ чорною хмарою: отъ-отъ на пидзамче ударять.

Кобзарь. Ага, уже? Такъ задзвоны жъ, моя кобзо, въ останне!

(Спива воевнычу думу, поки гріють казаны, набывають гарматы, зтягають колоды, каминня. Рухъ ввелыкый. Зъявляются на мурахъ оружни жинкы).

(Впродовжъ сіи писни голосъ окольный зроста; на прыкинци уже блызьки вйкрыкы й замыпотилы стрилы. Одна влучыла на останнимъ аккорди въ перса Кобзареви).

Кобзарь. Охъ, митко!.. Прощавайте, друзи!.. Хай луна наша слава... ажъ до Бога! [*Умирає*].

Ява 9.

Ти-жъ и Шрамъ та Верныгора.

Верныг. Ну й замашно-жъ осіею головешкою садонуты... а правыця шаблюкою ще!

Шрамъ. Та й у мене правыця статкуе, а отъ на мылыци що розмахнусь, то й сторчака.

Верныг. А ты не рыпайсь: пидъ муромъ стань, обипрысь спыною, та й локшы!

Шрамъ. Ага, я пидъ баштою... и порядокъ даватыму [*Пидходыть до кобзаря*]. А, старець Божый... Згадай тамъ и насъ! *(Пострилы у пидзамчи. Галасъ боёвый. На мурахъ збильшуется люду)*.

Варт. 1. По болоту пишлы... Уже хмарою вкрылы пидзамче... Ой, гыне все!

Варт. 2. И до насъ рынуть... Гей, зъ того боку пыльнуй!

Шрамъ. Готуйте ковши зъ смолою! До каминня и до колодъ!

Верныг. Зъ гарматы бый!

(Выпалюють зъ гарматы й зъ гакивныцъ).

Ява 10.

Ти-жъ и Марьяна зъ війсъкомъ.

Марьяна. [*выбига на чоли жиночого війська, зъ стягомъ*]
На ворога! До зброи, мои сестры!

Генъ за мурóмъ батькы наши й браты
За ридный край вмыраютъ славно, чесно,—
Такъ докажимъ, що кровъ у насъ одна
И серце те жъ! Геть нá-бикъ чулисть, слёзы!
Насталымо одвагою нашъ духъ,
Вси сылы мы напрýжымо до бою...
Хай видають, хай знають ворогы,
Що умырать украинкы уміють!

Вси. Веды насъ въ бій! Вси ляжемъ до ногы
И ворогы́ видъ жàху пониміють!

(*Кыдаются направо. Гвалтъ сичи*).

Верныг. Ухъ, славно! Орлыця, орлыця! Блыскавкою вдаряе зъ мисця на мисце... а за нею й билоголови!

Шрамъ. Фу, пышно якъ! Шкереберть, шкереберть покотылысь! Ай, та жонота! А спысамы та шаблямы якъ!

Свырыд. Такъ ихъ! Такъ имъ! Тельбухы вынускай!.. Ой! Марьяна вхопылась за драбыну... щобъ не зтяглы іи?! Ни, зипхнула, зипхнула! Гепнулы вси у проваллля... Ой, весело! Трамъ-та-та-та, трамъ-та-та! [*прыспивуе*].

Унукъ. Гей, пыльнуй! Сюды лизуть! [*покузаются де-не-де головы*]

Свырыд. [*до Меласи, що коло казана*]. Полывай ихъ! Полывай смолою! Отакъ, отакъ! Ха, ха, ха!! Корчатся! А що! смашно? Пеклы моихъ дитей и онукивъ,—такъ ось-же вамъ! Полывай, полывай!

Меласяя. Сюды, сюды! Га, якъ разъ! А онъ ще де лизуть? [*Бижыть, выверта ковши*].

(*Де-яки вергають колоды*)

Шрамъ. А куды? [*Бъе шаблею двохъ, що выткнулысь*]. А ось и тоби! [*Потягся до третёго та й упавъ зъ мылыци на муръ*]. Чортова мылыця! [*Его проткнулы спысомъ*]. Оттуды къ бису!

Молодыця. [*проткнула й ворога спысомъ*]. Здыхай, собако!

Мелася [*бъе одного киндж.*]. Куды лизешъ?

Свырыд. [*одскакуе*]. Смолы! Смолы сюды!

Унукъ [*накынутый аркномъ*]. У! Каторжни! [*Борсается*],

Мелася. [*кыдается*]. Стій! Затрымайсь! [*Перетяла арканъ, але проте унукъ за муръ пада*]. Ай!! На спысы впавъ... такъ и я за тобою! [*Кыдается.*]

Вси. Ой, Господы, прыймы ихъ души!

Свырыд. [*зовсимъ збожеволившы*]. Ха! Й останній впавъ, теперъ я вильна! Крыла маю, пазури маю и ось якъ хапаю! [*Вхопыла якусь свытку, чы кунтушъ и почына на ему танцюваты й дыко спиваты*]. Ха, ха, ха! Піймавсь, якъ рыба-щука. Сюды, сюды! А я пôтоптомъ!

Ой, свято, ой свято въ Облози,—
Топчу я ворогы пидъ нози!! [*Пада видъ кули*].

(На мурахъ показуются рясныще татарськи головы. Пидзамче палá Верныгора зъ жонотою виджаха нáпадъ).

Ява 11.

Ти-жъ и Марьяна зъ вíйськомъ.

Марьяна. За мною, гей! На муры! Бый ихъ! А ни жалю, а ни ощады!

Жонота. На погыбель! [*Кыдаются*].

(Жорстока сича; ворогъ видступа видъ мурівъ).

Марьяна. [*рукою здійма стягъ*]. Звытяга!

Верныг. Хвала, хвала Сотныкивни! Слава!

Вси. Слава Сотныкивни во-викы!

Марьяна. Не мени, А Богови!

Катря. Ворогъ видступа... сурмыть на суремкахъ... Билый стягъ замаявъ!

Марьяна. А, одпочынокъ... Передыхнить!

Катря. А трупы?

Верныг. Нема часу! Тутъ спильне кладовыще!

Марьяна. Оглядить вси муры, вси бійныци. Набыйте гарматы, нагострить шабли! А вартови пыльнуй!

(Вси розходятся. Катря на варти).

Ява 12.

Марьяна, Катря и вартовый.

Марьяна. Звытяга! Охъ, солодкый згукъ на мыть,
Въ огыдлому жытти остання втиха,..
Чого-жъ ничымъ це серце не щемыть,
Чы не жыве, чы зкамьянило зъ лыха?
Мовъ море зле, гуде ворожый станъ
И топчытся по ридныхъ трупахъ люто...
Мене жъ немовъ у телягы закуто—
Тутъ каминь, лидъ, а въ голови туманъ,—
И не займа вогнемъ жывущымъ слава,
А давыть ще затрымане жыття:
Хутчій леты жъ, остання мыть кривава,
Хутчій настань, довичне забуття!

Катря [*По паузи*]. Стрила впьялась, на ій шматокъ паперу!
Марьяно, глянь!

Марьяна. Давай мерщій сюды!

Катря [*Зъ муру кыда*]. [*Марьяна розгорта, тремтыть*].

Марьяна. Антось жывый?! Винъ пыше! Ой, вгамуйся!
[*Хапается за серце*]. Яки слова... вогнемъ займають кровъ!
[*Цилуе лыстъ*]. Мій голубе!.. Що я?.. Винъ ворогъ лютый...
Але блага, щобъ бачытысь на мыть.—
Зрадецтво то... не треба, ни... на викы!
Але посолъ... винъ мае перекàзъ:
Умовы намъ, або и пильгу, волю...
Клянется всымъ, що зъ мисця не зійдè,
Бодай бы вразъ гарматы розирвалы...
Ой, що чыныть?. Я потураю?—Ни,—
То за для ныхъ! Ой, Боже, мýка, мýка!!
[*Йде до брамы*] Впустить посла!... Ну, серце занимій!

Ява 13.

Марьяна и Антось (на передкони), Катря (на мури).

Антось [*его вводють беззбройно, зъ завъязанными очыма*].
[*Знявшы хустку*]. Просты!.. Я вмеръ въ твоему серци...

Марьяна [*суворо*]. Годи!
Що хоче князь?
Антось. Одно,—умерты тутъ,
Край ныгъ твоихъ, видъ риднои правыци...
Марьяна. У ворога тутъ ридного нема!
Антось. Не ворогъ я!
Марьяна. А прыятель? Ой, княже!
Антось. Не добывай: я не воякъ—посолъ...
Свого меча не забруднывъ я кривью
Братывъ моихъ! О, пекло тутъ ношу!
Зъ того часу́, якъ залышывъ тебе я,
Мене понявъ рій лютыхъ катувань,
Якыхъ нихто не змигъ бы перебуты...
Охъ, правду ты казала, ще й яку!
Туманомъ все пишло, чадною млою...
Погасъ вогонь—надія одцвила—
И попиломъ взялыся мои мріи...
Теперъ уже и коринця нема,
Якый мене въязавъ-бы до шляхетства:
Ты—все мени!
Марьяна. Мій брате, друже мій!
Якъ жаль тильки, що часъ уже урвався,
Що мы его не маемъ сылъ вернуть!
Якъ жаль тебе, якъ шкода того раю!
Антось. Не згыбло все... ще змога йе...
Марьяна. Одна—
Зостатыся тутъ зъ намы...
Антось. Тутъ-же пекло,
А за моря́ геть—дали...
Марьяна. Зновъ? О, ни!
Тутъ гетьманъ я й повынъ свій сповню свято:
Мы поклялысь кистками полягты
За ридный край, за его люту долю—
И ляжемъ вси безъ ремства, безъ жалю...
Въ нещасти я шукала зъ нымы смерти,

Такъ въ щасти тежъ не вражу ихъ по викъ!
Та хочъ бы я, забувшы честь и соромъ,
И утекла, якъ зрадныця, якъ шпыгъ,
То чы змогла бъ найты въ неслави щастя?
Видъ серця намъ никуды не втекты,
А въ серци лышъ—бездолля Украины.

Антось. О, Боже мій! [*лама рукы*].

Марьяна. Чарнецькый правыть що?

Антось [*мовчкы подае умовы*].

Марьяна [*глянувшы гордо*]. Не згожусь я! Зберется! заразъ рада.
Колы на мыръ—замае билый стягъ,
Колы на смерть то захвылюе чорный.

Антось. И згынешъ ты?

Марьяна. У ридному гурти.

Антось. Ни, не кажы! Не може сёго буты:
Безъ тебе смерть... Я твій теперъ цилкомъ,
Мій свитоньку, мое жыття й дыхання!

Марьяна. Охъ, рай якый нарешти!... Любый мій,
Колы тоби безъ мене нудно въ свити,
Колы уси надіи одцвилы,—
Прыходь тоди въ байракъ, що биля брамы:
Тамъ ляда есть въ терныни... Ось ключи...
Се таина̀, але тоби я вирю...

Антось. Охъ, щастя! Я стеряюся у-край:
[*кынувся до неи*]. Роскоши ти гвалтовни для людыны!

Марьяна. Цыльнують насъ... за дви, та тры годыны
[*спыныла*]. Я буду тамъ... Едына мыть—и рай!

(*Антосю завъязують, по знаку, очи, виддають зброю и выводють зъ осторогою за браму*).

Ява 14.

Мар. Ударыть въ склыкъ!

Молод. И въ дзвоны?

Мар. Бый на раду!

(*Збыраются вси: Верныгора, Палажка, страннык—и жонота*).

Странн. Прыспѣ намъ часъ...

Мар. [*подае умовы*]. Чарнецького наказъ,—
Ось на якыхъ дае умовахъ пильгу:
Щобъ заразъ же всю зброю виддалы,
Та щобъ мерщій поодчынялы брамы,—
Тоди тильки даруе винъ жыття!

Странн. Охъ, и на хливъ поверне храмъ Господень..

Верныг. И жывота не дасть—все збреше!

Палажка. Такъ!
Увирылась вже намъ омана панська!

Мар. У пòрукы винъ гоноръ свій дае... [*глумлыво*]..

Бильш. Не вирымо!

Мар. Яка-жъ-но ваша рада?

Катря. Смерь, смерть усимъ—и намъ, и ворогамъ!
Щобъ не ввійшовъ зъ ныхъ жоденъ у сей замокъ.
На вищо намъ мизерне се жыття?
Кому воно теперъ потрибне?

Мар. й други. Правда!

Странн. Претерпымо-жъ мы, диты, до кинця,
На судьбыще до Бога вси предстанемъ!

Мар. [*Показуе на церкву*]. То намъ труна и помста ворогамъ!

Вси. Хай, буде такъ!

Странн. [*Марьяни*]. Тебе благословляю
На вчынъ святый! А васъ въ останню мыть
Поклыкую въ сей храмъ на ланахыду.
Мужайтеся: Господь намъ доручывъ
Оборыныть бративъ и сю святыню...
Намъ немощнымъ, знесыленымъ, слипымъ,
Покынутымъ значныімы шахварямы:
Не видаю, чы спевнылы, якъ слидъ,
Мы Божый зволъ, але мы чысти души
Вознесемо до праведныхъ небесъ,—
Не знажени оманою мырською,

Роскошамы несытого жыття,
Не злякани туртурамы и смертю...
Най судыть ихъ Хрыстосъ!—Простимся жъ мы
И сотворимъ останнье цилування!

(Вси обнимаются и благословляются у странныка).

(На блыжній гори зъявляются Татаре).

Ява 15.

Ти-жъ и Чарнецькый та Сотныкъ.

Клыкунъ. Чы згода, гей! Региментарь велыкый
Не буде ждать.

Верныг. Що жъ, просымъ ёго-мосць
До насъ хутчій: мы маемъ чымъ витаты.

Чарнец. [*выход.*]. У, быдло, цыть! Колы ввійду, то вже
И кошенятъ не ощажу, а мукы
Завдамъ таки, що й сатани у-дывъ!

[*До сотныка*]. Промовъ же ты хочъ слово, песъ лукавый,
До нависныхъ твоихъ собакъ...

Катря [*до Марьяны*]. Ой, гвалтъ!
То батько твій пораненый.

Мар. [*збига на пидмурокъ*]. Мій тато?
Ище жывый?! Але увесь въ крови...

[*Сплеснула рукамы*]. Орелъ—въ сильци, у путахъ—сяйво наше!

Вси. Нещасный!

Чарнец. Гей, ватажныце, чувай!
Якъ не здасы ты заразъ сёго замку,
То сотныка велю замордувать
Тутъ на очахъ...

Вси Прыймы ёго, Царыце!

Сотн. Дытя мое, чы чуешъ?

Мар. Чую все!

Сотн. Такъ не звертай, молю тебе, увагы
На ихъ грозьбу́, на мои мукы: мыть
Одна лышъ ихъ,—душа моя въ дорози...

Не попусты, щобъ мене рады вы
Схылылыся пидъ канчукы ганебно:
За волю мы боролысь, и вмремо,
Якъ лыцарству вмыраты подобае!

Мар. Такъ, тату мій, не схыбымъ!

Катря и вси. Якъ батькы
Поляжемо!

Сотн. До скорои зустричи!

Чарнец. Ну, що-жъ вы, псы?

Вси. Не згода!

Чарнец. Такъ на палю
Старого пса! [*Кынулысь тамъ браты*].

Верныг. Товарыша на глумъ
Не попущу! [*Стриляя: сотныкъ упавъ*].

Вси. Ой, Боже! Вична памьять!

Мар. Прощай, прощай! [*До вартового*]. Здіймайте
чорный стягъ!

(Вси стають навколишкы. Странныкъ здійма рукы до неба. Чорный стягъ тыхо звываетcя вгору).

Зависа.

—

Б) Друга картына

(Пидземный склепъ. Одынъ выхидъ по сходахъ прямо; другый потайный збоку; суть и други ходы въ склепиння. Посередыни шаплыкъ зъ порохомъ; по куткахъ—бочкы).

Ява 16.

Марьяна и Катря.

(Проводять штопины видъ шаплыка зъ порохомъ до бочокъ).

Мар. Тутъ все гараздъ—и гнитъ и порохъ... Тильки
Оцей смолякъ геть однесы въ кутокъ,
Щобъ не вчынывъ до часу спалъ...

Катря. Крый Боже!
Хай зійдутся на замчыщи каты

До вȁтовну, та оттоди й послаты
Ихъ всихъ до хмаръ!

Мар. А догляды, щобъ спалъ
Понявъ у-мыть и тры нарижни башты.

Катря. А, конче, вси: злучыла я гноты
Зъ куткивъ сюды до шаплыка.

Мар. Прысыпъ ще
И ривчакы ти порохомъ у-щерть...—

Катря. Я огляжу и справлю все, якъ треба.

Ява 17.

Марьяна сама.

Мар. Надъ намы тамъ зибралысь въ церкви вси
И мушу я скинчыть имъ мýкы... Доля
Волила такъ, щобъ катомъ стала я:
Самъ батюшка благословывъ на вчынокъ,
Але чы Богъ благословыть?. За що-жъ
Бы винъ судывъ? Чы за любовъ до люду?—
Вона жъ одна керуе серцемъ сымъ!

Ява 18.

Марьяна и Катря.

Катря. Зробыла все... теперъ безпешно: гыскра
Одна лышень—и пекло розсвине.
Ой, весело летиты буде вкупи!

Мар. Вже швыдко часъ...

Катря. Ничого ще не чуть —
Ни лементу, ни стогону, ни крыку...

Мар. Може, кинець? Здобулы все?

Катря. Ой, ни!

Мар. Проте бижы и стань вгори на чатахъ:
Колы злетыть давно жадана мыть,
Ты гасло дай!

Катря [*пишла*]. Не схыблю и на цяту!

Ява 19.

Марьяна сама.

Мар. Ось тыхее прыстаныще—мій склепъ!
Ну, и кинець всёму, всёму—и мукамъ,
И радощамъ, и втихамъ, и журьби...
Отъ, заразъ ще трипоче въ персахъ серце,
А въ голови—сполохани думкы́...
Я бачу все, я чую,—а за хвылю—
Невидомо, яка поймé питьма?..
(*Чуты дзвинъ и похоронни спивы*).
Ой, що тамъ, що? [*Слуха*] А, дзвинъ загувъ...
разъ, двичи...
Мовъ стогне хто далеко, а земля
Видгукуе журлыво на той стóгинъ...
А, ось и спивъ... въ останнье винъ луна!
То правытся по насъ всихъ панахыда...
(*Проказуе молытовно пидъ згукы хорала*).
Прыймы, спокой своихъ рабивъ
Въ оселяхъ праведныкивъ, Боже,
Де нѣсть ни слизъ, де гасне гнивъ,
Де зло труить жаломъ не може;
Де правды свитли вивтари,
Де лышъ любовъ та всепрощення
Пробачъ-же наши прыгришення
И памьять вичну сотворы! [*Стае на колина*]·

Ява 20.

Марьяна и Катря.

Катря [*вбига*]. У церкви вси... Муры опорожнилы...
Мар. [*схоплюется*]. Такъ я у-мыть! [*До походни*].
Катря. Стій! Ворогъ ще трыва
Биля муривъ, не зважуется лизты...
Готова будь, а я дамъ гасло... [*Вагается*]. Мы
Напевне вже... Прощай! [*Обнима*].
Мар· Прощай на викы!

Ява 21.

Марьяна сама.

Мар. Готова я... жыття поквитовала!
Все тамъ въ земли... Але на-вищо я
Заклыкала Антося въ сю могылу?
Винъ щастя жде, а я готую смерть!
Омана зла!.. Та винъ чы й прыйде навить?
О, якъ ёго кохаю, якъ люблю,
Якъ жду ёго на чаривну пораду!
Але не чуть... невже винъ заблудывсь? [*Прыслухается*]
[*Пауза.—Зъ жалемъ*]. Ни, знайде винъ—и зновъ хвылына щастя,
Але одна, едына... Боже мій!
[*Пауза*] Зновъ тыхо якъ, немовъ у домовыни,—
Та це й вона: жыття десь тамъ, у мли...
Пройшлы, якъ сонъ, въ нудлывій самотыни—
Квиткы мои, не цвившы, одцвилы...
И отъ вже смерть,—и серцю супокій:
И все те, чымъ воно боліе ныни,
Потоне вразъ у темряви нимій,
Розвіется въ надзоряній пустыни...
Чого-жъ щемыть це серце нависне,
Чого ёму въ цимъ руйновыщи шкода?
Чы тымъ болыть, що марно згыне врода,
И безъ утихъ жыття се промайне?..
Ни, не вража ёго моя прыгода,
Не жаль мени понивеченыхъ мрій,
А серцемъ я за край болію свій,
За доленьку нещасного народа!

Ява 22.

Марьяна и Антось.

Мар. [*зачувшы стукъ*]. Ой, винъ! Хто тамъ?
Антось [*за дверыма*]. Я, я! Антось! [*Входыть*].
Мар. [*кыдается, обнима ёго*]. Мій раю!

Антось. Едывая! [*занимилы*].

Мар. Коханый, любый мій,

Ты знову тутъ, зи мною? Охъ, и щастя-жъ!

Стерякось я...

Антось. О, раювання!

Мар. Ай,

Не тямлюсь я... а щось страшне́... Мій Боже,

Тикай мерщій: тутъ смерть, тутъ пекло! Я

Тебе сюды... щобъ вкупи... намъ...

Ант. Марьяно,

Моя красо, мій промине святый,

Мене нихто видъ тебе не одирве!

Намучывся розлукою въ кинець,

Натерпився пекельнои дративли..

Але теперъ я твій цилкомъ—и рай

Чекае насъ, мое пекуче щастя!

Мар. Охъ, рай... Хыба жъ... життя тоби не жаль?

Антось. Безъ тебе—ни: безъ тебе скризь—могыла,

Сумна, страшна, якъ непрозора ничъ...

Та що про те—теперъ скризь сонце сяе,

Веселкою у серци выграе

И гріе такъ, якъ тепла ласка неньки...

[*Показуе на двери*]. Я зновъ молю,—спишимъ туды, у рай!

Мар. Риднесенькый! тамъ—холодъ, мла, омана,

Грызотъ и чваръ незмиряна стяга,

Надій и мрій улюбленыхъ розрада.

И плачъ тяжкы́й окрывдженыхъ людей.

Антось. Що намъ до ныхъ? Всякъ борется за щастя:

Кохаемось—и цилый свитъ у насъ!

Мар. Коханый мій порадныче и друже,—

Де стогинъ, крыкъ,—тамъ щастя намъ нема..

Антось. Ой, не кажы: слова твои, якъ стрилы,

Пронызують си перса боляче,—

Лунае зъ ныхъ холодна безнадія...

Марьяна. Ни, квите мій,—надія чаривна:
Родылысь мы зъ тобою зъ злу годыну,
Мижъ двохъ мечивъ—и доли намъ нема!
Твій людъ и мій въ братерній сичи гыне;
Твій ридъ и мій—запекли ворогы,
Твій храмъ и мій ненавистни мижъ себе...
Не намъ, не намъ ти свары погодыть—
И щастя тутъ знайшлы-бъ мы лышъ на зради,—
Такъ на іи-жъ нездатни мы булы!
Тутъ, на земли насъ розлучыла доля,
[*показ. на небо*] А тамъ нема ни особыстыхъ виръ,
Ни ворожбы, ни боротьбы за право,—
Тамъ ривни вси, тамъ всихъ една любовъ,
И наше тамъ въ оселяхъ вичныхъ щастя!

Антось. Колы-бъ то такъ... невидання жаха...
Але проте зъ тобою й въ безвисть рынусь:
Визьмы сей мечъ и серце проныжы!

Марьяна. Такъ ты ришывъ зи мною вкупи вмерты?

Антось. Зъ тобою, такъ—и мукы, й смерть, и рай!

Марьяна. Мій соколе, мій орле сызокрылый!
Кохаю я тебе надъ все жыття!
Здавенъ ище твій образъ зрисся зъ серцемъ;
Якъ цинный скарбъ ховала я його,
Винъ бувъ мени едыною зорею—
И бувъ, и есть, и буде до вику...
Вси роспачи, вси невымовни мукы
Не малы сылъ зетемрыты його,
А ни снагы кохання подолаты—
Воно росло...

Антось [*обнима*]. Мій квите чаривный!
Спьянивъ цилкомъ... Це сонъ... се пышна мрія...
Чадъ чаривный, а не жыття... Нема
Й не може буть такого щастя въ свити!!

(*Хоралъ зпочатку діалога йшовъ тыхесенько, пры кинци зроста до* forte).

Марьяна. Сзій! Чуешъ тамъ? То смерть уже летыть...
(*дочувшы, здригнула й одкынулась*).
Видъ крылъ іи гуде й буяе буря,
Видъ подыху холоне въ жылахъ кровъ...
Ще хвыля йе тоби втекты видъ неи,
Ще мыть—твоя!.. Подумай!

Антось. Годи думъ:
Въ тоби воны!

Марьяна [*палко обнима, прыгорта, мылуе*]. О, щастя необмежне!
О, раю мій! Такъ ось-де, ось-де винъ!
Коханый мій, моя яскрава мріе,
Мій мисяцю, мій соне золотый—
[*обнимаются*]. Справдывсь, справдывсь: твоя теперъ на викы!

Антось. Моя, моя! О, надзвычайна мыть,—
Не пережыть такого порывання—
Воно вбыва...

Марьяна. Не зводь зъ мене очей,
Хорошый мій, улюбленый! Кохаю
Тебе такымъ жертовнымъ я вогнемъ,
Якый спаля́ вси почуття...

Ява 23.

Ти-жъ и Катря.

Катря [*вбига*]. Готови?
Тамъ церкву вже пидпалюють!

Марьяна [*хапа походню*]. Идемъ!

Антось. Зъ тобою вразъ! [*прыгорта*].

Марьяна [*зъ смолякомъ у руци*]. До правды, до любовы
(*кыда вогонь у шаплыки.*)

Пекельный выбухъ, гримъ; все зныкло пидъ руйновыщемъ.

Зависа.

Мых. Старыцькый.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ИЗЪ СТОКГОЛЬМА.

(О бумагахъ шведскаго государств. архива по исторіи Малороссіи).

Съ охотой исполняю ваше желаніе—подѣлиться съ читателями „Кіев. Старины" нѣкоторыми свѣдѣніями о бумагахъ здѣшняго государственнаго архива. Объ устройствѣ и порядкахъ архива едва-ли слѣдуетъ распространяться послѣ обстоятельной статьи Ю. В. Готье (въ Трудахъ Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ., Древности, т. 1, вып. 1). Хотя нѣкоторые отдѣлы архива, наиболѣе интересные для русскаго архивиста, не вполнѣ его удовлетворили, но надо взять въ разсчетъ огромную массу актовъ этого хранилища, надо видѣть трудъ, который ежедневно посвященъ здѣсь его разборкѣ и описанію—чтобы умѣрить стороннія требованія. Конечно, жаль, что русскіе и польскіе старые акты еще мало изслѣдованы здѣшними учеными, но шведы, разумѣется, прежде всего заняты тѣми отдѣлами, которые наиболѣе важны для шведской исторіи.

Съ великимъ усердіемъ и любовью изучая свою исторію не только внѣшнюю, но и въ особенности внутреннюю, шведскіе ученые изъ года въ годъ даютъ рядъ цѣнныхъ спеціальныхъ монографій, а нерѣдко и обширныхъ трудовъ въ этой области, основанныхъ на внимательномъ изслѣдованіи преимущественно архивныхъ матеріаловъ, своихъ и иностранныхъ. Изданія историческихъ актовъ ведутся здѣсь систематически и

не безъ успѣха, но они далеко не удовлетворяютъ ученой любознательности. Требованія, предъявляемыя здѣсь къ историкамъ ученой критикой, довольно строги и придирчивы. Если имъ возможно удовлетворять, то это прежде всего объясняется сравнительнымъ благоустройствомъ и легкостью доступа къ государственнымъ и частнымъ архивамъ и коллекціямъ. Ссылки, напр., на бумаги госуд. архива въ историческихъ работахъ здѣсь столь-же часты, обычны и легко провѣряемы, какъ въ Кіевѣ ссылки на лѣтописи или изданія кіевской коммисіи. Эта легкость доступа къ главнымъ здѣшнимъ хранилищамъ имѣетъ свои выгоды, какъ въ отношеніи самаго объема разработки историческихъ сюжетовъ, такъ и потому, что сырые матеріалы не накопляются чрезмѣрно, безъ соотвѣтственной обработки, изслѣдованія.

Ранняя исторія здѣшняго госуд. архива, какъ извѣстно, довольно печальна. Правда, уже при Густавѣ II Адольфѣ знаменитый Аксель Оксеншерна думалъ было поставить архивъ на правильную дорогу и кое-чего достигъ, но времена и люди перемѣнились, и архивъ въ сущности находился въ запущенномъ видѣ, какъ тяжеловѣсный и громоздкій придатокъ къ королевской канцеляріи, до 70-хъ годовъ нын. вѣка. Съ этого недавняго времени сдѣлано очень много: главные отдѣлы приведены въ порядокъ, составлены инвентари, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и подробныя описи. Теперь можно оріентироваться въ этомъ морѣ бумагъ и искать что нужно съ увѣренностью, а это уже большой успѣхъ. Видно, и риксдагъ цѣнитъ національное значеніе этого архива, если отпустилъ на постройку новаго зданія для него 575 тысячъ кронъ=805 т. франковъ, а на содержаніе штата и прочія нужды архива отпускаетъ ежегодно свыше 55 т. кронъ. Благодаря этой просвѣщенной щедрости (ибо общій modus vivendi здѣсь—экономія въ расходахъ до nec plus ultra), въ архивѣ, кромѣ госуд. архиваріуса, постоянно работаетъ цѣлая маленькая академія ученыхъ, нерѣдко извѣстныхъ многочисленными и серьезными историческими трудами: кромѣ шести штатныхъ архивистовъ, работаетъ столько-

же и больше сверштатныхъ, и работа ведется съ истинно шведской аккуратностью и усердіемъ. Во главѣ учрежденія стоитъ такая крупная ученая сила, какъ г. Класъ Теодоръ Однеръ (предшественникъ его—dr. P. M. Боваллiусъ). Нѣкоторые изъ г. г. архивистовъ знакомы, теоретически, конечно, съ русскимъ языкомъ (напр. каммергеръ К. Г. Сильверстольпе перевелъ часть „Мазепы" Костомарова; ссылки на русскую историческую литературу въ спеціальныхъ трудахъ шведскихъ историковъ попадаются нерѣдко). Предупредительность г.г. архивистовъ въ отношеніи иностранцевъ заслужила общее признаніе, и вполнѣ справедливо, въ чемъ я не разъ убѣдился при своихъ занятіяхъ теперь и въ началѣ 1898 г. Процедура доступа въ архивъ упрощена до послѣдней возможности: даже иностранецъ можетъ при первомъ появленіи въ архивѣ приступить къ занятіямъ черезъ 5, много если черезъ 10 минутъ! Ибо ни паспорта, ни другого какого-либо цертификата здѣсь у васъ не спрашиваютъ, и однако все идетъ благополучно, и о пропажѣ документовъ даже какъ-то странно подумать, а предустановленныхъ тайнъ для любознательныхъ шведскихъ историковъ вовсе не полагается,—онѣ не предусмотрѣны. Открытъ архивъ съ 10 до $2^1/_2$ ч., а въ маѣ—августѣ еще и послѣ обѣда съ 5 до 7 ч. Среднее число посѣщеній—до 6000 въ годъ.

Въ архивѣ всегда есть переписчицы для общеизвѣстныхъ языковъ. Такса съ листа—1 крона. Высылаются подлинники лишь своимъ оффиціальнымъ учрежденіямъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія короля.

Коллекціи архива состоятъ главнымъ образомъ изъ актовъ и бумагъ различныхъ министерствъ и упраздненныхъ учрежденій и коммисій. Изъ королевской канцеляріи переданъ драгоцѣнный матеріалъ — т. н. госуд. регистратура, содержащая копіи переписки королей. Тутъ-же собрано нѣсколько драгоцѣнныхъ частныхъ библіотекъ и фамильныхъ архивовъ: Оксеншерна, Де-ла-Гарди, Штегеборгъ, Бьельке, Тессинъ, гр. Браге, герцоговъ пфальцскихъ и цвейбрюккенскихъ. Въ залѣ для чтенія порядочная библіотека. Архивъ издаетъ сборникъ средне-

вѣковыхъ документовъ XIV в., документы по исторіи Швеціи, акты риксдага и свои „Извѣстія“ (вышло 22 вып.), гдѣ печатаются описи и инвентари, отчеты, матеріалы по исторіи архивнаго дѣла и пр. [1]).

Кромѣ гос. архива, множество актовъ и старыхъ рукописей находится въ богатой корол. библіотекѣ въ Стокгольмѣ, упсальской и лундской унив. библіотекахъ и въ частныхъ хранилищахъ, доступъ къ которымъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Архивное дѣло здѣсь не централизовано, хотя еще въ 1885 г. воспрещено уничтожать публичные акты безъ разрѣшенія короля и вѣдома гос. архиваріуса. Нынѣ въ этомъ отношеніи проведена серьезная реформа, о которой съ восторгомъ отзываются здѣшніе архивисты: по иниціативѣ гос. архиваріуса, риксдагъ постановилъ устроить три главныхъ провинціальныхъ архива, гдѣ будутъ сосредоточены всѣ общественные архивы раіоновъ по 1801 г.: въ Упсалѣ, Вадстенѣ и Лундѣ. Отнынѣ сохранность публичныхъ актовъ будетъ обезпечена, завѣдываніе ими перейдетъ въ компетентныя руки, а доступъ къ актамъ все же будетъ легокъ. При незначительности здѣшнихъ пространствъ и отличныхъ сообщеніяхъ, эта мѣра не вызываетъ въ обществѣ возраженій.

Инвентари архива, донынѣ напечатанные, довольно кратки и конечно не могутъ замѣнить ни въ какомъ отношеніи изданія подлинныхъ актовъ. Подробныя описи нѣкоторыхъ коллекцій немногочисленны. Г.г. Якубовъ и Готье уже издали описи новгородскихъ и смоленскихъ актовъ XVII в.; въ 30-хъ годахъ нѣкоторые русскіе акты описаны проф. гельсингофорскаго унив. Соловьевымъ; усердно изучаетъ дѣла архива для исторіи балтійскаго вопроса г. Форстенъ (петерб. профессоръ), обѣщавшій (въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г.) издать нѣкоторые болѣе важные матеріалы о сношеніяхъ съ Москвой. Польскіе ученые посѣщали архивъ еще въ первой половинѣ вѣка (гр. Е. Тышкевичъ

---

[1]) Подробности см. напр. у г. Север. Берга (Bergh), Notice sur les avchives de Suède (Revue intern. d. Archives, des Bibliothèques et des Musées за 1895 г. и отдѣльно—Paris, 1896).—Нѣсколько статей въ швед. Historisk tidskrift съ 1882 г.

и Ал. Яблоновскій дали нѣсколько случайныхъ указаній), а въ 1896 г. львовскій проф. Ал. Гиршбергъ напечаталъ инвентарь польскихъ дѣлъ архива [1]). Не всѣ акты и коллекціи, наиболѣе интересные для русской, польской и малорусской исторіи, разобраны, не говоря уже о подробномъ описаніи. Это понятнымъ станетъ, если просмотрѣть „Извѣстія“ архива: разнообразіе и обширность дѣлъ огромны.

Если взять на выдержку отдѣлъ „*Muscovitica*“, то найдемъ здѣсь болѣе 450 томовъ и связокъ для періода 1615—1811 г. Кромѣ собственно дипломатическаго матеріала, тутъ сосредоточено огромное количество бытовыхъ, статистическихъ и географическихъ данныхъ для московскаго и петербургскаго періодовъ русской исторіи. Разработка этого матеріала, можно сказать, едва начата, а между тѣмъ онъ неизбѣжно составитъ предметъ любознательности русскихъ ученыхъ на долгое время. Лишь для подлинныхъ трактатовъ издана опись г.г. бар. Таубе и С. Бергомъ. Шведскіе послы, резиденты, гонцы, агенты и корреспонденты XVII в. были большею частью люди весьма любознательные и не ограничивались строгими рамками служебныхъ порученій. Наступательная политика, торговая и военная, требовала и вызывала высокій подъемъ дипломатической службы, къ которой привлекались, кромѣ шведскаго дворянства и образованные иностранцы изъ Германіи, Польши, Голландіи. Этимъ объясняется, кромѣ обычной для дипломатіи XVII в. многорѣчивости и многописанія, также и содержательность работы, преслѣдовавшей весьма широкія цѣли и планы. Въ прочихъ коллекціяхъ архива можно тоже найти массу разнообразныхъ данныхъ для русской исторіи XVII и XVIII в.в.: рядъ описаній, атласовъ (знаменитѣйшій—Пальмквиста—изданъ въ 1898 г.), дневниковъ, хроникъ и разсужденій на разныя темы—историческія, военныя, камеральныя, статистическія. Думаю, что для русской исторической науки было-бы небезполезно заняться систематическимъ и подробнымъ описаніемъ всего этого богатаго матеріала,

---

[1]) Z wycieczki naukowej do Szwecyi (въ Kwart. hist. 96 г.), также отдѣльно. Подробности о русскихъ матеріалахъ архива см. въ „Опытѣ“ В. С. Иконникова.

большая часть котораго еще не использована и лежитъ подъ спудомъ. Тоже самое нужно сказать и о польскихъ историческихъ матеріалахъ гос. архива. Сѣверныя области Польши были извѣстны шведамъ XVII в. лучше, нежели московская Русь, интересъ къ польскимъ дѣламъ отразился преимущественно въ дипломатической перепискѣ эпохи, но зато шведы во время неоднократныхъ польскихъ войнъ (особенно въ 50-хъ годахъ XVII в.) увезли къ себѣ множество польскихъ документовъ, старыхъ изданій и коллекцій. Упомяну, для примѣра, что даже часть семейныхъ подлинныхъ бумагъ кор. Владислава IV попала въ архивъ. Я не сомнѣваюсь, что этотъ матеріалъ можетъ пригодиться для польскихъ историковъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ бумаги архива, относящіяся непосредственно къ исторіи Украины и въ частности Запорожья. Эти далекія земли не представляли для шведовъ XVII и XVIII в.в. прямого интереса. Украина привлекала время отъ времени вниманіе шведской дипломатіи лишь, какъ одинъ изъ второстепенныхъ факторовъ въ политическихъ комбинаціяхъ эпохи войнъ въ Германіи, Польшѣ и Моск. государствѣ. Великодержавная политика шведскихъ королей съ Густава II Адольфа до Карла XII включительно, какъ извѣстно, испытывала постоянныя смѣны успѣховъ и неудачъ, сопровождалась энергическимъ завоевательнымъ натискомъ и промежутками видимаго бездѣйствія и утомленія, въ зависимости отъ внутреннихъ отношеній страны, борьбы сословій, истощенія казны и т. д. Германскія войны естественно привлекли вниманіе шведскихъ политиковъ къ дѣламъ далекаго юга; борьба съ Польшей и Москвой за приморскія области, широкіе планы раздѣла Польши при Карлѣ X Густавѣ, натискъ на Москву и Польшу при Карлѣ XII неизбѣжно вовлекали такъ или иначе и козачество въ эти комбинаціи европейской политики, въ эту дипломатическую игру, въ исходѣ которой былъ заинтересованъ почти весь западъ Европы, какъ протестантскій, такъ и католическій. Были моменты—и именно при Б. Хмельницкомъ—когда козачество повидимому могло играть значительную роль въ этой скрытой и явной

борьбѣ, когда попытки сыграть эту роль сдѣланы были весьма недвусмысленно со стороны представителей козачества, которые не могли относиться безучастно къ ожидаемому расчлененію Польши и тоже стремились урвать добрую часть добычи. Какъ извѣстно, добыча оказалась не такъ легка, какъ думалось сначала. Къ задуманнымъ результатамъ эти попытки не привели, какъ извѣстно, при Хмельницкомъ, а замыслы Мазепы и его преемника in partibus Филиппа Орлика, благодаря измѣнившемуся сценарію, получили въ глазахъ потомства характеръ политической авантюры, заранѣе обреченной на неудачу: судъ потомства о политическихъ неудачникахъ всегда суровъ, это—обычная черта психологіи массы.

Разъ Украина или, точнѣе выражаясь, козачество не представляли для Швеціи другого интереса, кромѣ чисто политическаго и военнаго, то конечно таковъ же и характеръ большей части оффиціальныхъ документовъ архива, относящихся непосредственно къ Малороссіи. Въ архивѣ эти документы сосредоточены въ особомъ отдѣлѣ „*Cosacica*“, составляющемъ прибавленіе къ дѣламъ московскимъ и польскимъ (Meddelanden, XIV, 422). Дѣлъ собственно „козацкихъ“ немного—нѣсколько связокъ въ двухъ отдѣлахъ, обнимаютъ они время 1654—1747 г., но лишь эпоха Хмельницкаго и личность Филиппа Орлика обрисовываются этими документами сколько нибудь связно,—прочіе акты случайно попали сюда. Конечно, наибольшій интересъ къ отдѣлѣ имѣютъ подлинныя письма Б. Хмельницкаго и И. Выговскаго, донесенія шведскихъ пословъ къ Хмельницкому Веллинга и Лилліекроны, инструкціи и письма агента обѣихъ сторонъ греческаго архимандрита Даніила, впослѣдствіи переименовавшагося въ Оливеберга и нобилитованнаго послѣ гадяцкихъ пактовъ. Нѣсколько переводовъ и подлинныхъ писемъ кошевыхъ атамановъ Гордіенка, Богуша, Кириленка, Малашевича, Ероѳеевича (за 1709—1721 г.) [1]) въ общемъ имѣютъ

[1]) Три письма кошевыхъ къ швед. королямъ напечатаны въ „Кіев. Стар.“, 1899 г. (январь).

второстепенное значеніе. Тутъ-же хранится обширная корреспонденція Филиппа Орлика и членовъ его семейства—письма, прошенія, политическія меморіи, историческія замѣтки, копіи современной дипломатической корреспонденціи. Хотя и отсюда могутъ быть извлечены нѣкоторыя цѣнныя черточки для малорусской исторіи, но главный интересъ этой корреспонденціи въ томъ, что она даетъ довольно полное понятіе о т. наз. мазепинцахъ, ихъ стремленіяхъ, симпатіяхъ, умственномъ и моральномъ уровнѣ. На мой взглядъ, эта корреспонденція заслуживаетъ вниманія историковъ эпохи. Вотъ и все существенное въ отдѣлѣ „*Cosacica*", и это вполнѣ понятно, такъ какъ „*Cosacica*"—коллекція добавочная, болѣе или менѣе случайная для гос. архива и потому эпизодическая: архивныя рубрики лишь отражаютъ ходъ политической исторіи.

Не стану подробно перечислять бумагъ этого отдѣла уже потому, что важнѣйшія изъ нихъ приготовлены мною къ изданію, которое, для эпохи Хмельницкаго и Выговскаго, уже начато благодаря любезному вниманію и содѣйствію кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ.

Но документами отдѣла „*Cosacica*" далеко не исчерпывается интересъ, который можетъ имѣтъ гос. архивъ для исторіи Малороссіи XVII и XVIII в. Данныя для этой исторіи, значительной цѣнности и объема, разбросаны и въ другихъ отдѣленіяхъ архива—въ дѣлахъ московскихъ, молдаво-валашскихъ, турецкихъ и особенно татарскихъ, трансильванскихъ и польскихъ. Кромѣ того, весьма важное значеніе имѣетъ и госуд. регистратура, это огромное собраніе корреспонденціи (конечно, въ копіяхъ) шведскихъ королей по всевозможнымъ вопросамъ жизни страны и конечно прежде всего по дѣламъ политическимъ. Для періода 1648—1660 г.г. въ регистратурѣ имѣется 48 томовъ, по 2000 и болѣе листовъ каждый. Подробныхъ описей регистратуры этого времени не издано, а между тѣмъ здѣсь можно нерѣдко найти матеріалы первостепенной важности, особенно для дипломатической исторіи. Между прочимъ, тамъ можно видѣть до 30 писемъ королей къ гетманамъ, инструкціи

шведскимъ посламъ въ Украину, акты, относящіеся къ корсунскому договору съ Выговскимъ (октябрь 1657 г.) и т. п. бумаги несомнѣннаго значенія для нашей исторіи.

Какъ уже упомянуто, вниманіе къ козакамъ шведскіе политики стали обнаруживать уже при Густавѣ II Адольфѣ. Бумаги Моск. гл. арх. мин. иностр. дѣлъ сообщаютъ о двухъ посольствахъ этого короля къ козакамъ, конечно, задуманныхъ канцлеромъ Акселемъ Оксеншерна: въ 1626 г.—Александра Рубцова и въ 1631 г.—капитана Ладмирала и прапорщика Дегрева. Эти послы направлялись чрезъ Москву, гдѣ имъ оказано содѣйствіе, такъ какъ цѣль посольства была—поднять козаковъ противъ Польши. Въ т. наз. Tidöo Samlingen гос. архива (бумаги Оксеншерна) можно видѣть письмо козацкаго „старшого" Ивана Петринскаго изъ Канева, 18 сентября 1631 г., къ гетману коронному, находившемуся тогда въ Барѣ, о появленіи этихъ пословъ въ Каневѣ и о созывѣ рады для прочтенія писемъ короля шведскаго, а также донесеніе гетмана объ этомъ королю польскому отъ 28 сентября 1631 г.

Но еще раньше этого посольства, именно въ 1628 г., шведскій посолъ въ Трансильваніи и Турціи Павелъ Страсбургеръ собиралъ у Бетлена Габора свѣдѣнія о козакахъ, ихъ внутреннемъ бытѣ, отношеніяхъ къ Крыму, Молдавіи, Польшѣ и далъ прелюбопытный отчетъ о своихъ бесѣдахъ по этому поводу съ трансильванскимъ княземъ. Какъ видно изъ отчета Страсбургера, этотъ дальновидный князь отлично былъ знакомъ съ козацкими дѣлами и уже тогда думалъ натравить козаковъ на Польшу, упорядочить ихъ бытъ, организовать военную силу и образовать изъ нихъ особое господарство подъ „протекціей" сосѣдей, т. е. конечно прежде всего трансильванскихъ князей. Въ планахъ войны противъ Турціи козаки тоже играли немаловажную роль, и князь, стараясь привлечь къ этому дѣлу Густава II Адольфа, настоятельно рекомендовалъ употребить вліяніе на религіозныхъ и суевѣрныхъ козаковъ константинопольскаго патріарха. Если религія не поможетъ, князь совѣтовалъ разжечь еще болѣе жажду мести, обратить вниманіе козаковъ на багатыя монастырскія имущества и панскія маетности.

Эти мотивы отлично усвоены были шведскими послами и резидентами послѣдующаго времени, что видно изъ ихъ донесеній; мотивы эти красной нитью проходятъ въ отношеніяхъ къ козакамъ шведскихъ политиковъ. Конечно, въ кровавую эпоху 30-лѣтней войны козаки для борющихся партій представлялись въ видѣ грубой военной силы, которую можно направить въ своихъ интересахъ, если употребить надлежащія средства, главнымъ образомъ противъ Польши,—отношеніе послѣдней къ козакамъ прекрасно было извѣстно, какъ въ Трансильваніи, такъ и въ Швеціи.

Съ этой точки зрѣнія бумаги шведскаго гос. архива представляютъ значительный интересъ, и притомъ не исключительно внѣшній. Традиціи политики въ отношеніи козаковъ, отразившейся въ рѣчахъ Бетлена Габора, сохранялись неизмѣнно вплоть до межибожской катастрофы 1657 г. Важные матеріалы госуд. архива, хранящіеся въ отд. *Transilvanica,* изданы венгерской акад. наукъ подъ редакціей г. А. Силадьи еще въ 1890—91 гг. и потому не буду ихъ здѣсь касаться. Что до Швеціи, то время королевы Христины, какъ извѣстно, было неблагопріятно для энергической политики въ духѣ рѣчей Бетлена Габора. Но это вовсе не значитъ, что козаки были забыты, какъ возможное орудіе въ борьбѣ съ Польшей: этого не могло быть ужъ и потому, что руководителемъ политики оставался тотъ же Аксель Оксенштерна. Интересъ этого канцлера къ козакамъ доходитъ до чрезвычайной степени. Съ самаго начала движенія Б. Хмельницкаго и до вторженія кор. Карла X Густава въ предѣлы Польши, въ Данцигѣ съ великимъ усердіемъ и нѣмецкой аккуратностью собираются всевозможныя свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ: два шведскихъ корреспондента—Пельсъ и Кокъ—еженедѣльно шлютъ въ Стокгольмъ подробныя реляціи, присылаютъ переводы оффиціальной и частной корреспонденціи, собираютъ слухи, слѣдятъ за настроеніемъ въ Польшѣ и Украинѣ. Изъ нѣсколькихъ сотенъ донесеній этихъ агентовъ (1648 — 1656 гг.) въ рѣдкомъ не встрѣтишь извѣстій и слуховъ о козацкихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ. Конечно,

тутъ много и слуховъ фантастическихъ, столь распространенныхъ въ Польщѣ того времени. Мнѣ кажется, было-бы небезполезно составить подробную опись этихъ реляцій, потому что по своей обширности едва-ли онѣ будутъ изданы въ скоромъ времени.

Война съ Польшей 1655—60 г. подготовлялась шведами исподоволь. Кромѣ Трансильваніи, сношенія съ которой были завязаны давно, въ 1650 г. посланъ агентъ Іоаннъ Майеръ въ Крымъ, въ отвѣтъ на ханское посольство въ Стокгольмъ, вызванное, какъ полагаютъ нѣкоторые польскіе и русскіе историки, Б. Хмельницкимъ. Полугодовое свое путешествіе въ Крымъ и обратно чрезъ Польшу и Молдавію Майеръ подробно описалъ изо дня въ день, и обширные дневники его (въ *Tatarica*; отрывки въ *Polonica*) представляютъ цѣнный матеріалъ и для исторіи Малороссіи: здѣсь находимъ много свѣдѣній и наблюденій во всѣхъ областяхъ современнаго быта. Живой и умный наблюдатель, Майеръ не упускаетъ отмѣтить все, что можетъ пригодиться для шведской королевы; даже слухи, иногда неточные, тщательно заносятся въ дневники. Замѣтки его о пути вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, по Молдавіи, Галичинѣ, Волыни (куда онъ прибылъ передъ Берестечской битвой) полны живого интереса и значительно пополняютъ запасъ бытовыхъ данныхъ для исторіи эпохи. Его встрѣчи съ людьми, отмѣтки о торговлѣ рабынями и обращеніи съ ними, о враждебномъ отношеніи къ турецкому режиму грековъ и молдаванъ, о польско-козацкихъ отношеніяхъ, о печальномъ состояніи земель, чрезъ которыя проѣзжалъ и т. п., заслуживаютъ, на мой взглядъ, большого вниманія, тѣмъ болѣе, что самъ Майеръ, какъ польскій выходецъ—диссидентъ, могъ судить о дѣлахъ компетентно. Отмѣчу здѣсь и курьезный разсказъ его, имѣющій характеръ анекдота, но, кажется, достовѣрный, о казни, придуманной въ 1651 г. для Б. Хмельницкаго евреями (дневникъ, 11 іюня).

Для исторіи берестечской битвы въ бумагахъ архива также можно найти нѣсколько интересныхъ подробностей.

Въ 1652 г. на сцену шведско-козацкихъ отношеній выступаетъ извѣстный польскій подканцлеръ Іер. Радзѣевскій. Роль этого фатальнаго человѣка и типичнаго польскаго магната, какъ подстрекателя шведовъ противъ Яна-Казимира, довольно извѣстна, но мѣра его вліянія въ дѣлѣ привлеченія козаковъ къ шведско-польской борьбѣ полнѣе выясняется актами архива, куда попали его арестованныя бумаги и хранятся его письма къ Карлу X Густаву. Довольно сомнительная роль въ этомъ дѣлѣ греческаго аббата Даніила, впослѣдствіи нобилитованнаго въ Украинѣ подъ именемъ Оливеберга, этого дипломата на всѣ руки, тоже выясняется болѣе чѣмъ достаточно довольно обширной его корреспонденціей, которую можно видѣть въ разныхъ коллекціяхъ архива (*Cosacica*, *Polonica*, *Polska kriget*, *Tidöo Samlingen*, *Transilvanica*). Какъ кажется, его и Радзѣевскаго замыслу принадлежитъ редакція обширной для козацкой дипломаціи XVII в. итальянской инструкціи Хмельницкаго для переговоровъ съ Карломъ X Густавомъ (октябрь 1655 г.). Какъ типъ странствующаго дипломата эпохи, кишѣвшей авантюристами разнаго рода, аббатъ Даніилъ интересенъ уже потому, что онъ принималъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ гетманской заграничной политики. Письма его сухи, безграмотны, но безспорно свидѣтельствуютъ о реалистическомъ складѣ ума этого „субтельнаго" греческаго монаха, съ изумительною быстротою вошедшаго въ сложные интересы европейской политики эпохи и пріобщившагося къ успѣхамъ современной европейской культуры. Что подобному господину Хмельницкій вынужденъ былъ ввѣрять важные свои политическіе интересы—достойно вниманія. Однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ Радзѣевскаго въ 1656 и 1657 г. въ его процессѣ, учиненномъ шведами, было выставлено то, что онъ побудилъ Хмельницкаго отступить отъ Львова осенью 1655 г., и главнымъ доносителемъ выступилъ тотъ-же Даніилъ, который, конечно, не предвидѣлъ, что сынъ Радзѣевскаго сыграетъ подобную отцовской роль при Карлѣ XII.

Отношенія Б. Хмельницкаго къ шведамъ при Карлѣ X Густавѣ характеризуются, вообще говоря, недовѣріемъ къ цѣлямъ

и замысламъ шведской политики, несмотря на безпрестанныя увѣренія въ дружбѣ, широкія обѣщанія, на которыя никогда не скупился знаменитый гетманъ, и т. д. Въ проектѣ раздѣла Польши, выработанномъ въ 1656 г. между Швеціей и Трансильваніей, козакамъ не было отведено того мѣста, на которое они считали себя вправѣ притязать,—отсюда всѣ колебанія козацко-шведской политики. Съ 1655 г. и до самой смерти Б. Хмельницкаго козацкая дипломатія безпрерывно торгуется съ шведской и трансильванской, среди безпрестаннаго опасенія передъ сосѣдями, при необходимости блюсти тайну въ виду запутанныхъ отношеній къ Москвѣ, Крыму и Турціи, считаться съ императоромъ германскимъ и одолѣвать глубокій разладъ среди козацкой старшины и поспольства. Какъ извѣстно, въ 1656 г. Хмельницкій рѣшилъ соединить свои интересы съ дѣломъ Юрія II Ракочи. Для выясненія этого шага гетмана и въ особенности для исторіи козацко-трансильванскаго нашествія на Польшу въ 1657 году архивъ также даетъ богатый и разнообразный матеріалъ, лишь частью изданный г. Силадьи. Въ то время, какъ союзныя войска громили и грабили Польшу и ссорились между собою, въ Чигиринѣ продолжались трудные и запутанные переговоры съ шведскими послами. Донесенія послѣднихъ о ходѣ этой дипломатической торговли изъ-за будущей добычи полны глубокаго интереса, ибо рисуютъ живыхъ людей и ихъ стремленія въ совершенно реальномъ духѣ, безъ прикрасъ и небылицъ, столь частыхъ у польскихъ современныхъ писателей. Отъ 28 іюля 1657 г. сохранилась реляція шведскаго посла Лилліекроны, по словамъ котораго смерть гетмана была прямымъ послѣдствіемъ межибожской катастрофы—этой первой Полтавы и Переволочны—и измѣны полковника Антона Ждановича. Гетманъ погибъ отъ апоплексіи, пролежавъ до смерти (27 іюля 1657 г.) пять дней безъ языка. Переговоры закончились уже при Выговскомъ корсунскимъ договоромъ 7 октября 1657 г., подписаннымъ Немиричемъ, Ковалевскимъ и Ѳедоровичемъ. Договоръ этотъ, съ дополнительными нератификованными статьями, былъ предвѣстникомъ гадяцкихъ пак-

товъ съ Польшей, выработанныхъ годъ спустя. Выговскій считалъ необходимымъ заручиться союзомъ со шведами на случай ихъ одолѣнія, которое, какъ извѣстно, не состоялось благодаря новому повороту московской, датской и австрійской политики.

Конечно, это лишь, такь сказать, скелетъ отношеній, рисуемыхъ бумагами разныхъ отдѣловъ архива. Картина эта пріобрѣтаетъ новыя и болѣе живыя краски при чтеніи подлинныхъ документовъ, часть которыхъ вскорѣ будетъ издана. Мнѣ кажется, что отсутствіе въ научномъ обиходѣ этихъ документовъ, дающихъ твердую опору для сужденія хотя бы о замыслахъ Хмельницкаго въ этомъ частномъ вопросѣ, представляетъ досадный пробѣлъ.

Шведско-козацкія отношенія при Хмельницкомъ и Выговскомъ во многомъ напоминаютъ такія же отношенія при Мазепѣ, конечно, mutatis mutandis. Къ сожалѣнію для эпохи Мазепы архивъ даетъ очень мало: если не считать паспорта 1704 г., выданнаго Мазепою своему посланцу въ Польшу для какихъ то важныхъ дѣлъ, уже послѣ избранія Станислава Лещинскаго, то подлинной корреспонденціи Мазепы донынѣ не обнаружено. Въ обширной корреспонденціи Орлика можно видѣть переводъ (нѣмецкій) любопытнаго письма царя Петра I къ Мазепѣ 20 сентября 1707 г. изъ Тыкочина по поводу извѣстныхъ переговоровъ царя съ поляками объ уступкѣ имъ Украины: письмо это не въ весьма выгодномъ свѣтѣ рисуетъ царскую дипломатію и пожалуй не могло произвести выгоднаго впечатлѣнія на недовольнаго гетмана. Тутъ же найдемъ подробную реляцію объ истребленіи Карломъ XII трехтысячнаго козацкаго отряда въ Польшѣ (1704 г.), донесеніе объ обстоятельствахъ смерти Мазепы въ Бендерахъ, роли Войнаровскаго, назначеніи Орлика гетманомъ и нѣк. другія бумаги, относящіяся къ событіямъ эпохи.

Обширная корреспонденція Филиппа Орлика подробно рисуетъ судьбу его, какъ эмигранта въ Швеціи и затѣмъ въ Турціи. Она очень интересна для всесторонняго пониманія мазепинцевъ. Особенно любопытны письма на современномъ мало-

русскомъ языкѣ Нахимовскаго, носившаго титулъ булавничаго въ штатѣ Филиппа Орлика. Сынъ послѣдняго Петръ перешелъ во французскую службу и именовалъ себя графомъ д'Орликъ. Мнѣ приходилось слышать, что у наслѣдниковъ его во Франціи сохранились подлинные мемуары первой половины XVIII в., принадлежащіе перу отца или сына, но вѣренъ-ли этотъ слухъ, не знаю. Одинъ изъ здѣшнихъ архивистовъ собираетъ матеріалы для біографіи Филиппа Орлика и предполагаетъ посвятить ему особую монографію.

Въ заключеніе позвольте обратить ваше вниманіе на прекрасную статью г. Эрнста Карльсона: „Полтавскій бой и его военно-историческія предпосылки по современнымъ даннымъ", съ 4 картами (напечатана въ сборникѣ „Historiska studier", вышедшемъ въ 1897 г. къ юбилею историка К. Г. Мальмстрема). Кромѣ цѣннаго содержанія своего, обширная статья эта отлично показываетъ, какъ обрабатываютъ шведскіе историки сюжеты, касающіеся и нашей исторіи, и какая масса драгоцѣнныхъ для этой исторіи данныхъ хранится въ шведскихъ архивахъ, правительственныхъ и частныхъ.

Н. Молчановскій.

6/18 февраля 1899 г.
Stockholm, Arkivsgatan, 3.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1831 ГОДА

въ Кіевщинѣ.

Въ концѣ марта 1831 года предводитель польскихъ мятежниковъ Дверницкій перешелъ р. Бугъ и вступилъ съ своимъ отрядомъ въ предѣлы Волыни. Это послужило сигналомъ для польской шляхты юго-западнаго края, и въ разныхъ мѣстахъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній стали организоваться мятежныя шайки и открыто выступать противъ русскихъ военныхъ отрядовъ. И если бы генералу Ридигеру не удалось удержать Дверницкаго близъ австрійской границы, то послѣдній, двинувшись вглубь Волыни или Подоліи, встрѣтилъ бы здѣсь сильную поддержку со стороны мѣтныхъ повстанцевъ. Въ эту тревожную минуту русское правительство, кромѣ военной силы, не могло опереться въ юго-западномъ краѣ ни на мѣстное дворянство, почти исключительно принадлежавшее къ польской національности и въ значительной своей части открыто сочувствовавшее возстанію, ни даже на мѣстное чиновничество, главный контингентъ котораго (въ среднихъ и низшихъ инстанціяхъ) состоялъ изъ той же польской шляхты, а чины судебнаго вѣдомства получали должности по выбору дворянства и состояли почти исключительно изъ поляковъ. Правда, въ краѣ жило свыше четырехъ милліоновъ коренного малорусскаго населенія, но это была безправная крестьянская масса. Закрѣпощен-

ное полякамъ-помѣщикамъ и крайне угнетаемое панами и ихъ управляющими, это населеніе питало непримиримую вражду къ своимъ притѣснителямъ—той самой шляхтѣ, которая въ то время выступала подъ знаменемъ мятежа. Несомнѣнно, что если бы правительство въ это время хотя косвенно дало понять народу, что не будетъ мѣшать и его содѣйствію въ усмиреніи мятежа, то народъ огульно пошелъ бы противъ своихъ притѣснителей, и югозападный край сдѣлался бы ареной такихъ же событій, какія произошли въ 1846 г. въ восточной Галиціи. Но правительство не могло рѣшиться на такую мѣру, такъ какъ этимъ самымъ должно было поколебаться крѣпостное право, а его трогать правительство тогда опасалось... Поэтому рѣшено было ограничиться лишь содѣйствіемъ со стороны сельскаго православнаго духовенства, которому вмѣнялось въ обязанность силою пастырскаго вліянія удерживать крестьянъ отъ участія въ мятежѣ, если бы ихъ привлекали къ тому помѣщики, и сверхъ того имѣть неослабное наблюденіе за поведеніемъ послѣднихъ, равно ихъ управителей, посессоровъ и другой шляхты, и о всякихъ подозрительныхъ, а тѣмъ болѣе явно преступныхъ дѣйствіяхъ ихъ тотчасъ доносить начальству. Съ самаго начала мятежа въ каждомъ уѣздномъ городѣ юго-западнаго края были учреждены особыя „комиссіи для точнѣйшаго приведенія въ извѣстность лицъ, принявшихъ участіе въ возникшемъ мятежѣ“ [1]), въ составѣ: мѣстнаго городничаго, исправника, стряпчаго, почтмейстера, депутата со стороны дворянства и военныхъ аудиторовъ въ лицѣ кавалерійскихъ офицеровъ. Эти комиссіи начали свои дѣйствія съ того, что обратились въ мѣстныя духовныя правленія съ конфиденціальными требованіями „дать секретныя повелѣнія всѣмъ сельскимъ священникамъ, дабы они, посредствомъ прихожанъ, старались какъ можно узнать о намѣреніяхъ помѣщиковъ и шляхты къ мятежу, о приготовленіи ими людей и оружія, и о выѣздѣ ихъ самихъ или съ людьми, и

[1]) Короче эти комиссіи титуловались „частными комиссіями (такого-то уѣзда) о мятежникахъ“, а въ Кіевѣ, Житомирѣ и Каменцѣ существовали такія же „губернскія комиссіи“.

когда гдѣ-нибудь извѣстно станетъ о таковомъ предпріятіи давали бы какъ можно исправнику секретнымъ образомъ знать, не опасаясь по сему какого изслѣдованія и оставались бы спокойными, только должны истинно развѣдывать". Духовныя правленія разослали такіе же указы благочиннымъ, чтобы они, созвавъ подвѣдомственныхъ имъ священниковъ, разъяснили, чего требуетъ отъ нихъ правительство, и чтобы требуемыя доношенія посылались ими одновременно въ мѣстное духовное правленіе и исправнику.

Изъ послѣдующаго видно, что сельское духовенство съ живѣйшею готовностью откликнулось на этотъ правительственный призывъ. Помимо служебнаго долга, имъ могло руководить въ этомъ случаѣ и естественное чувство мщенія за то приниженное положеніе, въ какомъ оно находилось главнымъ образомъ благодаря мѣстному владѣльческому классу. Въ то время сельское духовенство юго-западнаго края рѣшительно ничѣмъ не было обезпечено въ матеріальномъ отношеніи; оно не получало отъ казны никакого жалованья, не имѣло опредѣленныхъ ружныхъ земель и жило исключительно нищенскими крохами, собираемыми съ прихожанъ. Если священникъ оказывался человѣкомъ покорнымъ и умѣлъ низко кланяться, то помѣщикъ или его управляющій милостиво дозволялъ ему пользоваться полемъ, сѣнокосомъ, пастбищемъ, дровами изъ господскаго лѣса, безплатнымъ помоломъ на господской мельницѣ и другими благостынями, количество которыхъ находилось въ зависимости отъ степени его смиренія и угодливости. Но за то священникъ обязывался во всемъ сообразоваться съ волею пана, безропотно хоронить до смерти засѣченныхъ имъ людей, вѣнчать насильственно устраиваемые имъ браки и вообще сквозь пальцы смотрѣть на многое, вредное религіозно-нравственнымъ интересамъ своей паствы. А если случалось, что иной священникъ захочетъ остаться вѣрнымъ своему пастырскому долгу и вздумаетъ въ чемъ-либо заступиться за прихожанъ, то на него же донесутъ, какъ на возмутителя крестьянъ, и выданный мѣстными полицейскими властями въ русскомъ мундирѣ, но польской крови,

онъ нигдѣ не найдетъ защиты и въ самомъ счастливомъ случаѣ будетъ переведенъ на другой приходъ съ замѣчаніемъ быть впередъ умнѣе. Понятно, какія чувства должно было питать сельское духовенство по отношенію къ польскому дворянству и съ какою готовностью отозваться на призывъ правительства— взять на себя тайный надзоръ надъ высокомѣрнымъ панствомъ, столь презрительно относившимся къ „пбпу". Теперь этотъ „попъ", въ союзѣ съ такимъ же забитымъ и униженнымъ „хлопомъ", могъ прослѣдить каждый шагъ своего притѣснителя, угадать сокровеннѣйшіе его помыслы—и выдать его властямъ головою. Правду говоря, правительство не могло найти болѣе усердныхъ агентовъ. Это усердіе раньше другихъ оцѣнили ушедшіе въ мятежъ поляки: гдѣ только проходили банды повстанцевъ, тамъ они съ наибольшимъ озлобленіемъ набрасывались на православныхъ священниковъ. Такъ въ Брацлавскомъ у. священникъ с. Сокольца Міановскій, за доносъ на мятежниковъ, былъ схваченъ маршаломъ Жабокрицкимъ, брошенъ въ каменный погребъ и три недѣли содержался подъ арестомъ; села Рогозны священникъ Пясецкій потерпѣлъ подобныя же насилія; села Рубани священника Чернышевича мятежники намѣревались повѣсить, закинули и веревку на шею, били и бросили полумертваго; въ м. Зятковцахъ, Гайсинскаго уѣзда, священника Рыбицкаго искали убить, но, не найдя, разграбили его домъ; священникъ с. Межировки Чернышевичъ былъ въ плѣну у повстанцевъ въ теченіе двухъ дней, и т. п. [1]). Еще болѣе ожесточеннымъ—ибо они были повсемѣстны и систематичны—преслѣдованіямъ со стороны помѣщиковъ подверглось сельское духовенство (не говоримъ уже о крестьянахъ) за свое усердіе впослѣдствіи, по усмиреніи мятежа, когда одни изъ пановъ-владѣльцевъ вышли сухими изъ воды, другіе были прощены, третьи мстили за своихъ сосланныхъ родственниковъ

---

[1]) „О ревизіи прот. Скворцовымъ Подольской епархіи въ 1831 году", ст. Н. С. Гогоцкаго, помѣщенная въ Подольск. Епарх. Вѣдомостяхъ 1890 г. То, что было въ подольской губ., безъ сомнѣнія повторялось и въ другихъ мѣстностяхъ, охваченныхъ повстаньемъ.

и т. д. Но въ началѣ возстанія священники не могли предвидѣть будущихъ событій; къ тому же, имъ было обѣщано, что ихъ доношенія останутся въ ненарушимой тайнѣ и доносителей ни въ какомъ случаѣ не станутъ привлекать къ слѣдствіямъ. Полагаясь на это обѣщаніе, священники съ полною готовностью, какъ умѣли, старались помочь чинамъ уѣздныхъ слѣдственныхъ комиссій. Но мы видѣли уже, изъ какихъ мало надежныхъ элементовъ состояли эти комиссіи: тамъ засѣдали чины той самой уѣздной и земской полиціи, которая преспокойно проглядѣла процессъ подготовленія къ мятежу и допустила организоваться вооруженнымъ бандамъ; тамъ были депутаты отъ польскаго дворянства, которое одно и затѣяло повстанье; тамъ было наконецъ много чистокровныхъ поляковъ, которые едвали могли пылать особеннымъ ревніемъ къ дѣлу, столь противному ихъ національному чувству. Неудивительно поэтому, что патріотическое усердіе православнаго духовенства и его прихожанъ далеко не всегда встрѣчало должную оцѣнку и поощреніе со стороны уѣздныхъ комиссій: иногда онѣ находили его чрезмѣрнымъ и не только выдавали доносителей на жертву мести лицъ, о дѣйствіяхъ коихъ они доносили, но и сами обуздывали ихъ довольно грубымъ способомъ, и въ такихъ случаяхъ положеніе простецовъ-священниковъ являлось по истинѣ трагическимъ. Объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ мы и намѣрены разсказать по документамъ, хранящимся въ кіевскомъ Центральномъ архивѣ.

Въ южной части нынѣшняго Бердичевскаго, а тогда Махновскаго повѣта, въ м. Старой-Прилукѣ, приходскимъ священникомъ былъ Ѳома Врублевскій, занимавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и должность благочиннаго. Получивъ изъ консисторіи указъ о строгомъ наблюденіи за мятежниками, онъ, по его словамъ, „ревнуя по долгу вѣрноподданнической іерейской присяги своей и славу свою и самую жизнь вметая ни во что для общаго

блага", рѣшился оказать дѣятельное содѣйствіе правительству „въ пресѣченіи злоумышленности вѣроломныхъ поляковъ, дерзнувшихъ нарушить общее спокойствіе". И точно, когда 8-го мая 1831 года небольшая шайка мятежниковъ изъ Скалы прибыла въ м. Прилуку и остановилась для отдыха въ домѣ здѣшняго помѣщика Каллиста Гойжевскаго, то Врублевскій немедленно далъ знать объ этомъ въ Махновку, въ нижній земскій судъ, и не успѣли повстанцы встать изъ-за обѣденнаго стола, какъ оттуда появился военный отрядъ и разогналъ ихъ. Скоро послѣ того Врублевскій узналъ отъ дворовыхъ людей Гойжевскаго, что въ числѣ гостившихъ у него повстанцевъ былъ братъ его жены Корженіовскій, котораго Гойжевскіе снабдили платьемъ и деньгами, равно какъ и другихъ хорошо имъ знакомыхъ начальниковъ банды; что Гойжевскій еще до прихода повстанцевъ тайно готовился пристать къ нимъ и подговаривалъ къ тому же дворовыхъ своихъ людей и служившихъ въ его экономіи шляхтичей, изъ коихъ двое такъ и поступили, самъ же Гойжевскій не рѣшился послѣдовать за своимъ шуриномъ лишь потому, что въ то время къ Прилукѣ неожиданно подступилъ генералъ Ротъ съ отрядомъ солдатъ, и повстанцы, бросивъ обѣдъ, поспѣшно бѣжали въ лѣсъ; что и послѣ того Гойжевскій объѣхалъ многихъ помѣщиковъ—именно тѣхъ, у которыхъ останавливалась проходившая банда, и что затѣмъ эти помѣщики 21-го мая съѣхались къ Гойжевскому и ночевали у него, вопреки строжайшему воспрещенію правительства устраивать полякамъ какіе бы то ни было съѣзды; что хотя, при самомъ началѣ мятежа, велѣно было помѣщикамъ и шляхтѣ добровольно выдать полиціи все имѣвшееся у нихъ холодное и огнестрѣльное оружіе, порохъ, пули и т. под. припасы, подъ угрозою строжайшаго взысканія за утайку, тѣмъ не менѣе служащая у Гойжевскаго шляхта имѣетъ у себя ружья, а въ саду помѣщика работавшіе крестьяне случайно отрыли подъ кустомъ крыжовника мѣшечекъ съ пулями и отдали его священнику. Обо всемъ этомъ свящ. Врублевскій послалъ 22 мая донесеніе въ махновское духовное правленіе и вмѣстѣ махновскому зем-

скому исправнику Коломійцеву, только что смѣнившему прежняго исправника Піотровскаго, поляка. Доносъ возымѣлъ дѣйствіе: помѣщикъ Гойжевскій былъ немедленно арестованъ и отправленъ въ Махновку, въ слѣдственную комиссію, и крестьяне были увѣрены, что ихъ панъ не вернется оттуда; но черезъ пять дней онъ возвратился и попрежнему вступилъ въ управленіе имѣніемъ. Какъ впослѣдствіи оправдывался исправникъ Коломійцевъ, онъ сразу же убѣдился въ невиновности Гойжевскаго и, не производя никакого слѣдствія, отпустилъ его съ миромъ, а священнику Врублевскому сдѣлалъ внушеніе „впредь лучше разузнавать о наводимомъ на Гойжевскаго подозрѣніи“.

Тѣмъ бы это дѣло и окончилось; но до свѣдѣнія тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора Княжнина неизвѣстно какимъ путемъ дошли слухи о помѣщикѣ Гойжевскомъ, совершенно сходные съ донесеніемъ священника Врублевскаго, и онъ предписалъ (31 мая) исправнику Коломійцеву строжайше разслѣдовать это дѣло. Нечего было дѣлать, выѣхалъ исправникъ въ Прилуку, остановился въ еврейскомъ домѣ и приступилъ къ формальному слѣдствію—но не надъ помѣщикомъ Гойжевскимъ, а надъ священникомъ Врублевскимъ. Онъ вызвалъ послѣдняго къ себѣ и подвергъ допросу: какія онъ имѣетъ доказательства, что Гойжевскій мятежникъ? Намѣревался ли Гойжевскій присоединиться къ проходившей чрезъ м. Прилуку мятежнической шайкѣ, или хотѣлъ организовать собственную? Гдѣ и какое именно хранится у него оружіе? Приведенный въ смущеніе такимъ оборотомъ дѣла, священникъ отвѣчалъ, что, по точному смыслу объявленнаго ему правительственнаго указа, онъ не можетъ быть привлеченъ къ слѣдствію по поводу сдѣланнаго имъ доношенія, и не его дѣло доказывать, вполнѣ ли достовѣрны тѣ свѣдѣнія о Гойжевскомъ, какія секретно сообщены ему прихожанами; провѣрку ихъ нужно было сдѣлать по горячимъ слѣдамъ, въ отсутствіе помѣщика, а не теперь, когда онъ имѣлъ полную возможность эти слѣды уничтожить и застращать крестьянъ; что, привлекая его, священника, гласно къ

слѣдствію, исправникъ тѣмъ самымъ открываетъ тайну его доношенія и ставитъ его въ крайне тревожное и опасное положеніе.—Но когда въ эту минуту въ комнату вошелъ самъ Гойжевскій, исправникъ постѣснялся при немъ продолжать допросъ священнику, а спустя часъ или два уѣхалъ въ городъ. Но черезъ нѣсколько дней (10 іюня) Коломійцевъ снова прибылъ въ Прилуку и на этотъ разъ съ большею энергіею принялся допытывать все того же священника Врублевскаго. Онъ началъ съ того, что прислалъ ему слѣдующее предписаніе: „Въ дополненіе донесенія вашего превелебія отъ 22-го минувшаго мая, прошу васъ увѣдомить меня: 1) Кто именно тотъ достовѣрный человѣкъ, отъ коего вы узнали, что помѣщикъ Гойжевскій единомышленникъ съ прочими мятежниками? 2) Какіе вы имѣете виды, что сей послѣдній желаетъ пріобщиться къ мятежникамъ или вновь заводить шайку? Сами ли достовѣрно о семъ знаете, или отъ кого слышали? Также не извѣстны ли вы о каковыхъ либо приготовленіяхъ къ тому оружій огнестрѣльныхъ или сабель и пикъ? Кѣмъ послѣднія и гдѣ дѣлались и въ какомъ мѣстѣ сохранялись, и кто именно изъ шляхты или крестьянъ къ возмущенію приглашались? Каково свѣдѣніе съ описаніемъ всѣхъ подробностей имѣете доставить ко мнѣ завтрашній день, пояснивъ все то на сей бумагѣ“. Священникъ Врублевскій удержалъ у себя подлинное предписаніе, а отвѣтъ написалъ отдѣльно. Онъ сознавалъ, что назвать дворовыхъ людей Гойжевскаго, со словъ которыхъ онъ писалъ доношеніе на него—значило бы выдать ихъ на жертву мщенію помѣщика, и потому отвѣтилъ исправнику, что не можетъ „поименовать онаго достовѣрнаго человѣка, поелику онъ мнѣ на духу сознался“. Это не удовлетворило Коломійцева; въ тотъ же день онъ прислалъ ему вторичное требованіе такого содержанія: „Вы пишете, что не можете обнаружить лица, объявившаго вамъ о намѣреніяхъ Гойжевскаго, потому что оно созналось вамъ о томъ на исповѣди. Но неужели есть грѣхомъ одно знаніе о намѣреніи помѣщика Гойжевскаго присоединиться къ мятежникамъ, и сознаваться о семъ вамъ на духу? Развѣ сіе утаиваемое вами

лицо само причастно тому же преступленію? Впрочемъ, если и такъ, то по правиламъ о исповѣдяхъ заговоръ противъ государства обнаруживается и посредствомъ оныхъ, и потому не должны вы утаивать того лица, которое ежели знало только о намѣреніяхъ Гойжевскаго присоединиться къ мятежникамъ, то обязано было по долгу вѣрноподданнической присяги объявить о томъ мѣстному начальству, а не сознаваться вамъ на исповѣди". Въ заключеніе исправникъ снова настойчиво требовалъ открыть имя означеннаго лица, грозя „въ противномъ случаѣ принять рѣшительныя мѣры, какъ въ дѣлѣ, по настоящимъ обстоятельствамъ не терпящемъ промедленія".

Эта вторая бумага была доставлена священнику поздно, ночью, когда въ домѣ его всѣ уже спали. Посланный такъ громко стучалъ въ запертую ставню, что разбилъ стекло въ окнѣ. Перепуганный священникъ, въ домѣ котораго были опасно больные, выслалъ ночевавшаго у него дьячка узнать, кто такъ настойчиво ломится въ домъ. Оказалось—посланецъ исправника съ требованіемъ немедленнаго отвѣта. Священникъ долженъ былъ встать съ постели и сѣсть за писаніе. Въ одной съ нимъ комнатѣ находилась страдавшая нервнымъ разстройствомъ жена, а въ сосѣдней—корчился въ судорогахъ заболѣвшій холерой старикъ тесть, надъ которымъ рѣшено было утромъ совершить елеосвященіе. Удрученный домашнимъ горемъ и окончательно убѣдившійся въ томъ, что исправникъ дѣйствуетъ въ интересахъ помѣщика, священникъ Врублевскій коротко отвѣтилъ Коломійцеву: „Что вамъ отъ меня нужно—требуйте по моей командѣ, а впредь ко мнѣ не пишите и дайте мнѣ покой, ибо я безъ воли моей верховной власти и безъ участія духовнаго депутата не могу отвѣтствовать на ваши допросы".

Раннимъ утромъ 12-го іюня въ домѣ Врублевскаго собралось духовенство и приступили къ совершенію таинства надъ больнымъ его тестемъ, священникомъ Аѳанасіемъ Ящуржинскимъ. Хозяину докладываютъ, что за нимъ пришли люди отъ исправника. Вышелъ онъ изъ комнаты на дворъ и видитъ шляхтичей Зарицкаго и Маслякевича, служащихъ въ экономіи Гойжевскаго.

— А что скажете, панове?

— Насъ прислалъ исправникъ Коломійцевъ, дабы вы сейчасъ къ нему явились; а если вы насъ не послушаете, то онъ пришлетъ и десять человѣкъ, дабы васъ таки взять".

— Скажите господину исправнику, что я сейчасъ не могу отлучиться, а какъ окончится отправа, то я прійду.

Но исправникъ не умѣлъ ждать: четверть часа спустя онъ прислалъ за тѣмъ же засѣдателя нижняго земскаго суда Денбскаго, о которомъ свящ. Врублевскій писалъ въ своемъ доношеніи, что онъ „весьма пріятельски живетъ съ помѣщиками" и, по увѣренію прежняго исправника, зналъ всю подноготную о замыслахъ поляковъ и шляхты, но молчалъ и никуда не доносилъ; поэтому Врублевскій предупредительно просилъ Коломійцева утаить его доносъ отъ Денбскаго, дабы онъ его не выдалъ полякамъ. Теперь этотъ панскій угодникъ, видимо посвященный во всѣ подробности дѣла, былъ присланъ съ порученіемъ привести Врублевскаго къ исправнику. Его встрѣтила дочь хозяина и пригласила обождать въ другой горницѣ, пока окончится елеосвященіе. Черезъ нѣсколько минутъ служба была окончена, и въ горницу вошелъ хозяинъ и съ нимъ другіе священники, участвовавшіе въ совершеніи таинства.

— Ваше благородіе! обратился Врублевскій къ засѣдателю: вы болѣе меня знаете; скажите, чего хочетъ отъ меня молодой исправникъ? Насылаетъ ночью на домъ мой людей, которые стучатъ въ окошки, мало оныхъ не поразбивали,—дѣлаетъ мнѣ сильныя непріятности и хочетъ меня взять подъ арестъ, тогда какъ я ему въ команду не подлежу, а имѣю свое начальство.

— Я ничего совершенно не знаю,—отвѣчалъ Денбскій,— а только г. исправникъ требуетъ васъ къ себѣ на квартиру по касающемуся васъ дѣлу и проситъ, чтобы вы возвратили тѣ бумаги, какія къ вамъ отъ него вчера и позавчера посланы.

— Вы видите мое несчастное положеніе,—продолжалъ хозяинъ: тамъ тесть на холеру болѣетъ, а здѣсь жена моя спазмами или чорною болѣзнью страждетъ. Прошу васъ, посо-

вѣтуйте г. исправнику, пусть меня оставитъ спокойнымъ, а чего ему нужно отъ меня, то пусть требуетъ по моей командѣ, какъ я къ нему уже и писалъ. А явки къ нему я чинить не буду, хотя бы еще нѣсколько посланныхъ отъ него прибыло, и бумагъ не возвращу.

Тѣмъ временемъ поданъ былъ завтракъ. Хозяинъ и гости выпили по рюмкѣ водки и Денбскому поднесли. Во время закуски всѣ съ жаромъ осуждали поступокъ исправника. Засѣдатель не счелъ приличнымъ выслушивать (какъ онъ писалъ въ рапортѣ) „дерзостныя выраженія“ о своемъ начальникѣ и поспѣшилъ откланяться. Завтракъ продолжался.

Но ему не суждено было мирно окончиться. Зазвенѣли звонки и на крыльцѣ раздался грозный окрикъ исправника:

— Подлецы! пьяницы! Что же они лгутъ, будто окошки побиты? Окошки цѣлы!

Войдя въ комнату, Коломійцевъ „въ чрезвычайномъ азартѣ“ сразу же набросился на хозяина: какъ онъ смѣлъ его ослушаться—не явился по его двукратному требованію и не возвратилъ его предписаній?

— Я вамъ далъ отъ себя отзывъ... Я не подлежу вамъ въ команду, и вы не можете на меня кричать!.. защищался Врублевскій.

— А, такъ ты такъ? вскричалъ взбѣшенный исправникъ.— Отдай, с..... сынъ, мои отношенія, а не то я тебѣ бороду по волоску выщиплю...

При этихъ словахъ гости въ суматохѣ встали изъ-за стола, а въ сосѣдней комнатѣ послышалось истерическое рыданіе.

— Ваше высокоблагородіе! вскричалъ блѣдный какъ стѣна хозяинъ: пожалѣйте хотя больныхъ моихъ, а особливо жену, которая страждетъ чорною болѣзнью и отъ малѣйшаго случая можетъ лишиться жизни!..

Исправникъ нѣсколько притихъ, а Врублевскій продолжалъ:

— Я уже вамъ неоднократно и писалъ, и словесно объявлялъ: чего вамъ отъ меня нужно—требуйте по моей командѣ.

— Да что ты мнѣ указываешь, с..... сынъ! вспыхнулъ снова Коломійцевъ.—Я съ тобою что захочу, то и сдѣлаю. И кто у тебя таковая команда?

— Въ Махновкѣ—протоіерей, а въ Кіевѣ—митрополитъ,— отвѣчалъ Врублевскій.

— Да что мнѣ твой митрополитъ! Я имѣю особую отъ его высокопревосходительства довѣренность...

Тутъ уже не выдержали присутствующіе священники и вступили въ споръ. Послышались ироническія замѣчанія: „Ого, какой вы великій господинъ! Пожалуй, больше самого митрополита!

Это еще больше разозлило расходившагося исправника, и онъ сталъ бранить все духовенство, обзывая его членовъ пьяницами, подлецами, собаками и другими ругательными эпитетами. „Да что и говорить! заключилъ онъ: у всего духовенства махновскаго повѣта совѣсть есть не іерейская, а собачья".

Тутъ подошелъ къ ругателю отецъ хозяина, престарѣлый священникъ и духовникъ Петръ Врублевскій и, желая ему что-то сказать, коснулся его руки и началъ: „Ваше благородіе"!.. Но тотъ грубо оттолкнулъ его, прикрикнувъ: „Да что ты, старая собако, пьянице, ко мнѣ вяжешься"!.. и снова принялся ругать хозяина и требовать возвращенія бумагъ. Наконецъ крикнулъ на него:

— Да что съ тобою долго толковать! Собирайся, я арестую тебя и возьму съ собою...

Священникъ Ѳома Врублевскій тотчасъ снялъ висѣвшую на стѣнкѣ рясу, одѣлъ ее на себя и, взявши въ руки шляпу, сказалъ:

— Ѣдьмо, г. исправникъ! Я готовъ...

Но въ эту минуту произошло нѣчто неожиданное: изъ сосѣдней комнаты донесся душу раздирающій крикъ, и оттуда, прямо съ постели, выбѣжала больная хозяйка и съ крикомъ: „Что вы дѣлаете, г. исправникъ! Куда берете моего мужа"?.. припала къ его плечу. Присутствующіе были потрясены этою сценою; они опасались за жизнь больной. Мужъ, успокаивая ее, сказалъ:

— Не бойся, другъ мой: г. исправникъ знаетъ, что меня беретъ, но не знаетъ, гдѣ меня дѣнетъ...

Зарвавшійся Коломійцевъ видимо не зналъ, какъ ему закончить затѣянную имъ нелѣпую сцену, и уходя крикнулъ Врублевскому:

— Я пришлю за тобою нарочныхъ: будь готовъ!

Но злоба душила его, и онъ, выйдя на крыльцо, еще два раза возвращался въ сѣни, продолжая бранить хозяина; наконецъ сѣлъ въ ожидавшій его экипажъ и уѣхалъ въ Махновку [1]).

На другой день Коломійцевъ послалъ подробный рапортъ генералъ-губернатору объ исполненіи его предписанія отъ 31 мая. Помѣщика Гойжевскаго онъ расписалъ бѣлѣе снѣга и невиннѣе агнца; доносъ свящ. Врублевскаго обозвалъ „ложнымъ" и совершенно ни на чемъ не основаннымъ. Самого Врублевскаго представилъ человѣкомъ „чрезвычайно упорнымъ, самонадѣяннымъ и дерзкимъ, не признающимъ никакого полицейскаго начальства". Онъ отказался явиться на его приглашеніе потому-де, что „занятъ былъ пьянствомъ съ гостями". Когда же самъ онъ, исправникъ, отправился въ домъ къ нему, то, не взирая на ранній часъ дня, засталъ хозяина и гостей уже пьяными. Его тоже хотѣли усадить „за круговой столъ"; когда же онъ отказался, пьяная компанія стала „наносить ему разныя грубости и оскорбленія", а подвыпившій хозяинъ „готовился даже нарушить спокойствіе (?)". Вообще, по его наблюденію, разсчеты правительства на содѣйствіе духовенства въ дѣлѣ прекращенія мятежа оказались ошибочными. „Духовенство махновскаго повѣта (писалъ далѣе Коломійцевъ) часто затрудняетъ меня бездоказательными, основанными на однихъ догадкахъ, донесеніями; напримѣръ, села Свитинецъ свящ. Е. Крижановскій доносилъ, что у мѣстнаго посессора хранится оружіе. Съѣзжалъ я на мѣсто, и за всѣми мѣрами разслѣдованія доне-

---

[1]) Кто изъ читателей усомнился бы, точно ли воспроизведена нами эта дикая сцена, того мы можемъ увѣрить, что не прибавили ни одной черты, ни одного лишняго эпитета къ тому, что находится въ присяжныхъ показаніяхъ очевидцевъ: двухъ священниковъ, дьячка и двухъ крестьянъ.

сеніе оказалось ложнымъ. Другой священникъ доносилъ, что м. Бѣлиловки настоятель римско-католич. костела сказывалъ на духу людямъ, что лучше пойти въ тотъ хлѣвъ, гдѣ свиньи лежатъ, нежели перейти въ грекороссійскую вѣру. Когда я спрашивалъ доносителя: какія онъ имѣетъ на то доказательства, когда и кому было сіе говорено? то священникъ увѣрялъ, что назадъ тому два года какая-то женщина, уже умершая, ему о семъ сказывала, и просилъ только вѣрить его іерейской совѣсти, которой, какъ бездоказательной, я вѣрить не могъ. Вслѣдствіе чего, дабы не затрудняло меня духовенство подобными неосновательными донесеніями, по которымъ изслѣдованія остаются безполезными и отнимающими напрасно время, я отнесся вмѣстѣ съ симъ къ махновскому протоіерею о сдѣланіи со стороны его въ загражденіе того надлежащаго распоряженія".

Не знаемъ, имѣлъ ли исправникъ полномочіе чинить такое „загражденіе", но изъ послѣдующаго видимъ, что донесенія со стороны духовенства продолжались, и Княжнинъ требовалъ, чтобы уѣздныя слѣдственныя комиссіи дѣлали по нимъ дознанія.

Между тѣмъ священникъ Ѳома Врублевскій, не ожидая присылки за нимъ нарочныхъ и оставивъ на произволъ судьбы больную жену и умирающаго тестя, почти вслѣдъ за исправникомъ отправился въ Махновку и явился въ духовное правленіе. Изложивъ въ рапортѣ всѣ обстоятельства дѣла и яркими чертами изобразивъ нанесенныя ему исправникомъ обиды и оскорбленія, онъ горько жаловался на то невыносимое положеніе, въ какомъ неожиданно очутился онъ и другіе изъ духовенства, подобно ему изъ чувства вѣрноподданническаго долга старавшіеся по мѣрѣ силъ исполнить правительственное требованіе. „Уличенные уже и уличаемые въ мятежничествѣ и всему духовенству извѣстные помѣщики и шляхта находятся на свободѣ, а доносители и свидѣтели преслѣдуются открыто разысканіемъ, какъ и я невинно гонимъ земскою полиціею и преслѣдуемъ

помѣщиками за доносъ, по сущей справедливости учиненный". Члены духовнаго правленія отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ невинно потерпѣвшему собрату и только въ одномъ не одобрили его дѣйствія: они нашли, что, въ виду настойчивыхъ требованій исправника назвать имена дворовыхъ людей Гойжевскаго, уличавшихъ его въ соучастіи въ мятежѣ, Врублевскій долженъ былъ исполнить это требованіе, такъ какъ безъ того слѣдственная комиссія лишена была возможности произвести нужное разслѣдованіе. Врублевскій въ тотъ же день исправилъ это упущеніе, пославъ въ комиссію требуемое объясненіе. А духовное правленіе постановило представить подлинный рапортъ священника Врублевскаго кіевскому митрополиту вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, обращало его вниманіе на то, что „подобныя открытыя розысканія со стороны полиціи и суда не только обидны для духовенства, по долгу вѣрноподданнической присяги немедленными донесеніями своими о зачинщикахъ мятежникахъ и даже открытіями тайно сокрываемаго оружія оказавшаго немалую услугу для правительства, но и отъ помѣщиковъ духовенство начинаетъ быть преслѣдуемо болѣе прежняго и обижаемо всѣми мѣрами, съ явнымъ поношеніемъ, и нѣкоторыми уже уличенными въ винѣ помѣщиками, кои на свободѣ, произносятся нахвалки и на самую даже жизнь духовенства, какъ явствуетъ, напримѣръ, изъ донесенія благочиннаго Павла Баккалинскаго отъ 20 мая, что тамошній посессоръ сказалъ: „я въ арештѣ не пропаду, но ежели выйду, то попу отблагодарю"! Поэтому, „для предохраненія духовенства отъ таковыхъ опасныхъ обстоятельствъ", духовное правленіе „всесмиреннѣйше" испрашивало у митрополита „защиты и покровительства".

Въ то время кіевскимъ митрополитомъ былъ извѣстный Евгеній Болховитиновъ. Изъ многочисленныхъ его резолюцій и отписокъ по дѣламъ того времени, какія намъ приходилось просматривать, видно, что онъ сердцемъ болѣлъ по поводу безправнаго и униженнаго положенія приходскаго духовенства, всѣми мѣрами защищалъ его отъ порабощенія со стороны все-

властнаго иновѣрнаго дворянства и былъ невысокаго мнѣнія о служебномъ усердіи, честности и безпристрастіи тогдашняго чиновничества; поэтому и къ настоящему дѣлу онъ не могъ отнестись безучастно. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ не сохранилось его представленія, при которомъ онъ велѣлъ консисторіи препроводить генералъ-губернатору копіи рапорта махновскаго духовнаго правленія и жалобы священника Врублевскаго; но нѣтъ сомнѣнія, что это преставленіе не было лишь соблюденіемъ одной формальности. За то генералъ-губернаторъ Княжнинъ отнесся къ дѣлу чисто формально: не дѣлая никакихъ общихъ распоряженій относительно того, какъ полицейскія и судебныя власти должны относиться къ политическимъ доносамъ, поступающимъ отъ сельскаго духовенства, онъ ограничился лишь предписаніемъ (30 іюня) махновской уѣздной слѣдственной комиссіи разсмотрѣть жалобу священника Врублевскаго „о учиненіи яко бы ему обидъ земскимъ исправникомъ и по разсмотрѣніи сдѣлать законное распоряженіе къ открытію истины и поступленію по законамъ“. Столь же безучастно отнеслась и комиссія къ генералъ-губернаторскому предписанію: лишь 20 іюля она удосужилась его „заслушать“ и постановила опредѣленіе: „предложить присутствующему въ сей же комиссіи г. земскому исправнику Коломійцеву дать противу жалобы объясненіе“. А Коломійцевъ на это отписался: „по предписанію г. генералъ-губернатора отъ 31 мая, я произвожу изслѣдованіе по извѣту свящ. Врублевскаго на помѣщика Гойжевскаго въ намѣреніи его присоединиться къ мятежнической шайкѣ, по окончаніи коего оно представлено будетъ на разсмотрѣніе въ оную же комиссію, которая тогда можетъ увидѣть, какія со стороны моей были дѣйствія въ отношеніи священника Врублевскаго и сколь несправедливо онъ обжаловалъ меня предъ начальствомъ“. Комиссія удовлетворилась этимъ неопредѣленнымъ обѣщаніемъ и даже не сочла нужнымъ рапортовать генералъ-губернатору объ исполненіи его приказанія.

А Коломійцевъ дѣйствительно принялся за слѣдствіе, но не надъ помѣщикомъ Гойжевскимъ, а надъ его дворовымъ че-

ловѣкомъ, поваромъ Яковомъ Значковскимъ, оказавшимся именно тѣмъ „достовѣрнымъ человѣкомъ", со словъ котораго главнымъ образомъ священникъ Врублевскій доносилъ на Гойжевскаго. Узнавъ наконецъ его имя, исправникъ прибылъ въ Прилуку и подвергъ его допросу. Несмотря на явно пристрастный характеръ допроса, крѣпостной человѣкъ безбоязненно подтвердилъ все то, что раньше говорилъ священнику, и смѣло уличалъ своего господина въ соучастіи съ мятежниками и въ подговорѣ дворовыхъ людей и служившей у него шляхты присоединиться къ повстанцамъ. Чтобы его образумить, на него надѣли двойныя деревянныя колодки и посадили на нѣсколько сутокъ подъ арестъ, а затѣмъ допрошены были другіе дворовые люди, на которыхъ поваръ ссылался; конечно, они не подтвердили этой ссылки. Но колодки не образумили упорнаго Якова. Тогда его подвергли разнымъ истязаніямъ, отставили отъ поварской должности и повернули въ полевыя работы, для него совершенно непривычныя, изнуряли его непосильнымъ трудомъ, запретили его скоту пастись на господскомъ выгонѣ и оставаться въ господской „оборѣ" и почти ежедневно подвергали его и даже его жену нещадному сѣченію. Яковъ ожесточился, но не сдавался; помѣщикъ бьетъ его по щекамъ, а онъ, не смѣя ничего сказать, злобно глядитъ на мучителя и укоризненно мотаетъ головой; барыня посылаетъ его косить, а онъ „дерзко" объясняется съ ней, что умѣетъ управляться съ кастрюлями, но не съ косой. „Мнѣ все равно пропадать!" жаловался онъ крестьянамъ: „ужъ лучше бы въ Сибирь сослали!" Эти слова были перетолкованы въ томъ смыслѣ, будто Яковъ злоумышлялъ на жизнь своихъ господъ: его оковали въ кандалы и подъ конвоемъ отправили въ махновскую тюрьму. Но нижній земскій судъ не нашелъ возможнымъ долго держать его въ заключеніи, а сдалъ на поруки и снова отправилъ къ владѣльцу. Тотъ рѣшительно не зналъ уже, что дѣлать съ упрямымъ поваромъ: сдать его въ рекруты—долго ждать набора, а оставлять его въ экономіи опасно, такъ какъ Яковъ открыто хвалился, что онъ „обиженъ и изнуренъ за правду", что „пан-

скіе родичи въ Махновкѣ всячески прельщали его, чтобы онъ объявилъ начальству, будто прежнее донесеніе на своего господина онъ произвелъ спьяна, понапрасну, но что онъ, по привычкѣ своей къ долгу христіанскому, на то не соглашается". Мало того, онъ всенародно упрекалъ дворовыхъ людей за то, что они покрыли-де преступленіе господъ, и увѣрялъ, что еслибъ начальство убрало хоть на время пана да допросило дворовыхъ подъ присягою, такъ они показали бы другое. Исправникъ нѣсколько разъ навѣдывался въ Прилуку, но Яковъ не внималъ и его „вразумленіямъ" и когда бывалъ „въ хмелю" (а это случалось съ нимъ довольно часто), то и съ начальствомъ объяснялся недостаточно почтительно. Тогда Коломійцевъ посовѣтовалъ Гойжевскому припрятать подальше этого „развратнаго" человѣка, и въ концѣ іюля Яковъ съ семействомъ очутился въ Липовецкомъ у., въ имѣніи тестя Гойжевскаго, въ качествѣ кандидата въ рекруты при первомъ наборѣ. Въ Прилукѣ точно не знали, куда онъ исчезъ, и между крестьянами распространились толки, будто Якова „спровадили на Сибирь".

Такъ прошло лѣто и большая часть осени. Въ сентябрѣ генералъ-губернаторъ вторично запросилъ махновскую слѣдственную комиссію, въ какомъ положеніи находится дѣло свящ. Врублевскаго, но комиссія и на этотъ разъ отмолчалась, а исправникъ Коломійцевъ по прежнему тянулъ слѣдствіе о Гойжевскомъ. Вдругъ въ исходѣ октября генералъ-губернаторомъ получено было какое-то высочайшее повелѣніе, касавшееся дѣла Врублевскаго и Коломійцева. Въ чемъ именно состояло это повелѣніе и чѣмъ оно было вызвано—въ дѣлѣ нѣтъ указаній. Видно лишь, что въ октябрѣ свящ. Врублевскій посылалъ въ кіевское губернское правленіе прошеніе на высочайшее имя съ жалобою на Коломійцева, но эта жалоба, конечно, не могла имѣть столь важныхъ послѣдствій. Гораздо правдоподобнѣе другое объясненіе, приводимое самимъ Врублевскимъ въ одномъ изъ имѣющихся въ дѣлѣ его отзывовъ: „Видя (писалъ онъ), что исправникъ Коломійцевъ, вмѣсто разысканія по горячимъ слѣдамъ по моему доношенію и вмѣсто огражденія меня бе-

зопасностью и закрытіемъ имени и прозванія моего, причинилъ мнѣ жестокія обиды, а равно и донесшаго мнѣ о злоумышленности помѣщика Гойжевскаго Якова кухара, ококавъ въ кандалы, посадилъ въ тюрьму безъ всякой вины, а послѣ уже началъ испытывать, безъ приведенія къ присягѣ, дворовыхъ людей и нѣкоторыхъ крестьянъ о мятежническихъ дѣйствіяхъ ихъ господина,—я жаловался своему епархіальному начальству, которое довело о таковомъ безобразномъ изслѣдованіи и о моей обидѣ до свѣдѣнія пекущагося о благѣ общества всемилостивѣйшаго Монарха". Какъ бы то ни было, но съ этого момента дѣло Врублевскаго приняло иное теченіе. Генералъ-губернаторъ Княжнинъ прислалъ (1 ноября) членамъ махновской слѣдственной комиссіи строгій выговоръ, наложилъ на нихъ денежный штрафъ за нерадѣніе и предписалъ окончить слѣдствіе по этому дѣлу въ самоскорѣйшее время. Вслѣдъ за тѣмъ исправникъ Коломійцевъ былъ вытребованъ въ Кіевъ и отрѣшенъ отъ должности. Передъ отъѣздомъ онъ подсылалъ къ священнику Врублевскому посессора м. Старой-Прилуки, доктора медицины Альберта Блюменталя (лѣчившаго жену Врублевскаго) съ предложеніемъ мировой, но оно не было принято обиженной стороной. Носились слухи, что Коломійцевъ въ Кіевѣ попалъ подъ арестъ и былъ вынужденъ возвратить полученные отъ помѣщиковъ разнаго рода подарки.

По случаю тяжкой болѣзни священника Врублевскаго слѣдствіе по его дѣлу началось лишь въ январѣ 1832 года. Его производили члены уѣздной слѣдственной комиссіи: подполковникъ Борейша, новый исправникъ Шепелевъ и стряпчій Долинскій, при участіи духовнаго депутата. Всѣ свидѣтели, указанные потерпѣвшимъ, были допрошены подъ присягою, не исключая и духовныхъ лицъ. Такимъ способомъ выяснены были подробности дѣла, переданныя въ нашемъ разсказѣ. Не ограничиваясь разслѣдованіемъ дѣйствій Коломійцева по отношенію къ свящ. Врублевскому, слѣдственная комиссія должна была провѣрить и тѣ факты, которые послужили Врублевскому основаніемъ для его доношенія о политической неблагонадеж-

ности Гойжевскаго. Это значительно усложняло ея задачу, но на этомъ очень настаивалъ свящ. Врублевскій, такъ какъ для него являлось необходимостью доказать, что онъ не клеветникъ и не опрометчивый человѣкъ, какимъ его представилъ въ своихъ рапортахъ начальству Коломійцевъ, и что, донося на Гойжевскаго, онъ имѣлъ на то фактическія основанія и руководствовался чистыми побужденіями. Комиссія указывала, что о дѣйствіяхъ Гойжевскаго уже имѣется особое дознаніе, произведенное бывшимъ исправникомъ Коломійцевымъ; но Врублевскій возражалъ, что этому дознанію нельзя придавать никакого значенія, такъ какъ оно производилось Коломійцевымъ беззаконно во всѣхъ отношеніяхъ, безъ приведенія свидѣтелей къ присягѣ и съ явнымъ пристрастіемъ къ обвиняемому. Послѣ нѣкотораго колебанія комиссія постановила: такъ какъ передопросъ подъ присягою свидѣтелей, уже допрошенныхъ безъ присяги, воспрещенъ 6-ю статью 1-й главы 2-й части Воинскаго процесса, то спрашивать подъ присягою лишь новыхъ свидѣтелей, какіе будутъ представлены сторонами, а изъ прежнихъ лишь по такимъ обстоятельствамъ, о коихъ они не были спрашиваемы при первомъ дознаніи. Врублевскій долженъ былъ волей-неволей подчиниться такому, для него мало благопріятному постановленію, и съ своей стороны какъ на главнаго свидѣтеля указалъ на повара Якова Значковскаго. Еще до начала слѣдствія онъ настоятельно ходатайствовалъ, чтобы Яковъ былъ возвращенъ изъ заточенія въ Прилуку, такъ какъ (писалъ онъ) „сей толико усердствующій въ пользу отечества человѣкъ не только необходимо нуженъ къ доказательству по сему дѣлу, но, по человѣколюбивому о таковыхъ состраданію Монарха нашего, законами даже отъ таковаго неправосудія оправданъ быть довлѣетъ". Этотъ Яковъ и послѣ полугодичнаго пребыванія у тестя Гойжевскаго остался такимъ же неустрашимымъ обличителемъ своего господина, какимъ былъ и прежде. Въ своихъ показаніяхъ онъ нарисовалъ знакомую уже намъ картину истязаній и притѣсненій, какія пришлось вытерпѣть ему за это обличеніе со стороны помѣщика и бывшаго исправника; въ доказатель-

ство же преступныхъ намѣреній Гойжевскаго онъ повторилъ тѣ же улики, какія первоначально сообщилъ священнику Врублевскому и затѣмъ подтвердилъ при слѣдствіи исправнику Коломійцеву, а именно: 1) Гойжевскій подговаривалъ служившихъ въ его экономіи шляхтичей пристать вмѣстѣ съ нимъ къ мятежникамъ; 2) его жена не разъ говорила дворовымъ людямъ: „кто пойдетъ съ ея мужемъ въ мятежники, той будетъ усчастливленый"; 3) наканунѣ прохода черезъ Прилуку повстанцевъ Гойжевскій посылалъ имъ на встрѣчу, къ с. Турбову, своего эконома Рондзицкаго, затѣмъ угощалъ ихъ въ своемъ домѣ, и начальниковъ банды, своихъ родственниковъ, снабдилъ одеждой и деньгами; 4) наканунѣ того же дня посылалъ ковать лучшую верховую лошадь, намѣреваясь уѣхать на ней вмѣстѣ съ повстанцами; и 5) объѣзжалъ и собиралъ въ своемъ домѣ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, впослѣдствіи ушедшихъ въ повстанье. При этомъ Яковъ указалъ цѣлый рядъ свидѣтелей—шляхтичей и дворовыхъ крестьянъ, которые, если ихъ спросятъ подъ присягою, должны подтвердить вышесказанное; но онъ ошибся: шляхтичи отговорились невѣдѣніемъ, а дворовые подтвердили лишь нѣкоторые пункты обвиненія, но и то не въ видѣ безспорныхъ фактовъ, а лишь въ видѣ ходившихъ слуховъ. Спрошенъ былъ и самъ Гойжевскій; онъ призналъ лишь одно, что 8 мая въ его домѣ останавливались проходившіе повстанцы, ѣли, пили и насильно брали, что хотѣли, и что не явись въ скорости, по ихъ слѣдамъ, генералъ Ротъ, „они бы и меня захватили, и я, при всей моей преданности россійскому престолу, остался бы на вѣки несчастливымъ". Когда же спросили Гойжевскаго: кто именно изъ его родственниковъ былъ въ этой шайкѣ? то онъ отвѣтилъ: „я не только не знаю, кто въ той толпѣ находился, но отъ испугу не зналъ, былъ ли я тогда живымъ, или въ числѣ мертвыхъ, и лишь впослѣдствіи слышалъ отъ жены, что тамъ были ея родственники Корженевскіе". Изъ другихъ обстоятельствъ, выясненныхъ слѣдствіемъ, любопытна одна подробность, характеризующая отношеніе бывшаго исправника Коломійцева къ Гойжевскому: послѣ того,

какъ, при началѣ возстанія, у всѣхъ жителей повсемѣстно было отобрано оружіе подъ угрозою суроваго взысканія за его утайку, служившіе у Гойжевскаго шляхтичи преспокойно, на виду у всѣхъ, разъѣзжали съ ружьями; когда же, при слѣдствіи, одного изъ нихъ спросили, откуда онъ добылъ ружье, то онъ отвѣтилъ, что оно на время дано было Гойжевскому бывшимъ исправникомъ Коломійцевымъ.

Вообще говоря, слѣдствіе открыло, что въ началѣ возстанія въ экономіи Гойжевскаго происходило какое-то броженіе; что среди служившей здѣсь польской шляхты возникали какія-то странныя опасенія, выражавшіяся въ такихъ загадочныхъ фразахъ (о которыхъ упоминали многіе свидѣтели изъ крестьянъ): „какъ имѣемъ сидя на мѣстѣ пропадать, то лучше идти за прочими", или: „доведется идти въ мятежники, въ коихъ, можетъ быть, чего дослужишься, а дома сидя, при нашествіи войска, можно пострадать съ женою и дѣтьми"; что между крестьянами была полная увѣренность въ намѣреніи Гойжевскаго пристать къ мятежу, и они въ каждомъ его дѣйствіи (наприм., въ ковкѣ лошади) видѣли приготовленіе къ тому; что священникъ Врублевскій имѣлъ вполнѣ достаточное основаніе къ тому, чтобы, исполняя извѣстный правительственный указъ, донести на Гойжевскаго, и что, наконецъ, у него не было къ тому никакихъ недостойныхъ побужденій, такъ какъ въ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, нѣтъ и намека на существованіе какихъ-либо личныхъ счетовъ у него съ помѣщикомъ. Безтактность или предательство исправника неожиданно поставили его въ трудное положеніе, изъ котораго онъ вышелъ съ честью лишь благодаря удивительной стойкости двороваго человѣка Якова Значковскаго, съ геройскимъ равнодушіемъ переносившаго всякія истязанія и все-таки безбоязненно продолжавшаго обличать своего господина въ измѣнѣ. Будь иначе, т. е. откажись онъ отъ этихъ обличеній, какъ его склоняли къ тому и муками, и прельщеніями,—священнику Врублевскому не миновать бы позора, справедливо постигающаго клеветниковъ, особенно въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему. Впрочемъ, мы выска-

зываемъ о Врублевскомъ наше личное мнѣніе; тогдашній оффиціальный судъ иначе оцѣнилъ его дѣйствія.

Но пока судъ произнесъ свой приговоръ, прошло еще полтора года, и этотъ срокъ нельзя считать особенно длиннымъ, если принять во вниманіе обычную медленность тогдашняго судопроизводства. Вѣдь сколько ненужныхъ инстанцій должно было пройти хотя бы и настоящее дѣло! Оконченное слѣдствіемъ въ генварѣ 1832 г., оно поступило изъ махновской слѣдственной комиссіи о мятежникахъ въ таковую же кіевскую губернскую комиссію. Тамъ оно пролежало съ полгода и, какъ дѣло „гражданское", а не „политическое", передано было кіевскому гражданскому губернатору „для зависящаго распоряженія". Отъ губернатора оно поступило въ губернское правленіе да тамъ и застряло. О высочайшемъ повелѣніи, касавшемся настоящаго дѣла, видимо позабыли. Напомнить было некому, такъ какъ генералъ-губернаторъ Княжнинъ, получившій это повелѣніе, сошелъ со сцены. Самъ виновникъ дѣла, бывшій исправникъ Коломійцевъ, состоялъ уже на службѣ въ Петербургѣ, въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства и, конечно, забылъ и думать о своихъ подвигахъ въ махновскомъ повѣтѣ. Но объ нихъ вспомнилъ новый генералъ-губернаторъ Левашовъ (тогда еще не имѣвшій графскаго титула) и въ ноябрѣ 1832 года поинтересовался узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла по жалобамъ свящ. Врублевскаго и двухъ другихъ духовныхъ лицъ на бывшаго махновскаго исправника Коломійцева. Тогда только губернское правленіе поспѣшило передать эти дѣла въ кіевскую уголовную палату. Несмотря на неоднократныя генералъ-губернаторскія предписанія „озаботиться скорѣйшимъ ихъ окончаніемъ", палата семь мѣсяцевъ медлила съ приговоромъ. Приступивъ наконецъ къ разсмотрѣнію дѣла объ оскорбленіи Коломійцевымъ свящ. Врублевскаго, палата нашла нужнымъ справиться „для соображенія", какъ рѣшено въ кіевской губернской комиссіи о мятежникахъ дѣло о помѣщикѣ Гойжевскомъ. Оказалось,

что дѣло это было разсмотрѣно въ комиссіи по даннымъ, разслѣдованнымъ единолично бывшимъ исправникомъ Коломійцевымъ, а то дополнительное слѣдствіе о Гойжевскомъ, какое производилось особой комиссіей по настоянію свящ. Врублевскаго, не было вовсе принято къ соображеніе. Не удивительно, что губернская комиссія постановила такое рѣшеніе: „Хотя свящ. Врублевскій донесъ, что Гойжевскій желаетъ пріобщиться или вновь заводить шайку мятежниковъ и что къ нему въ маѣ мѣсяцѣ заѣзжало 12 человѣкъ мятежниковъ, кои у него завтракали, и онъ далъ имъ одежду и деньги и самъ намѣревался ѣхать съ ними, и что за таковой доносъ Гойжевскій дѣлалъ притѣсненія и побои Значковскому; но какъ всего сего спрошенные при слѣдствіи не подтвердили, самъ же Гойжевскій въ участіи въ мятежѣ не сознается и въ томъ по имѣющимся въ губернской комиссіи свѣдѣніямъ не изобличается: то, освободивъ его, Гойжевскаго, отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, обязать не мстить доносителю, крестьянину Значковскому, за сдѣланный доносъ, а имѣніе, если взято въ казенный секвестръ, ему возвратить“. Кіевская уголовная палата, хотя и сдѣлала подробную выписку изъ дополнительнаго слѣдственнаго дѣла, но въ своемъ опредѣленіи буквально повторила декретъ губернской комиссіи о Гойжевскомъ, а къ нему лишь добавила: „да и при производствѣ по изъясненному предмету слѣдствія махновскій исправникъ Коломійцевъ оговоренъ священникомъ Врублевскимъ въ преклонности на сторону Гойжевскаго неправильно, ибо сего самъ не доказалъ и обстоятельствами дѣла не обнаружено; напротивъ, тотъ же Врублевскій не только отказалъ исправнику въ поясненіи своего доноса на Гойжевскаго, но завелъ переписку, что онъ помимо духовной власти требуемаго доказательства ему, исправнику, не дастъ и о лицѣ, которое объ умыслѣ Гойжевскаго на исповѣди яко-бы ему изъявило, не объявитъ, изъ-за чего Коломійцевъ поѣхалъ къ Врублевскому въ домъ и нанесъ ему и отцу его Петру Врублевскому ругательствомъ и толканіемъ обиды; а посему палата полагаетъ: бывшаго исправника Коломійцева за неприличное при произ-

водствѣ слѣдствія обращеніе съ духовными особами (на основаніи Уложенія царя Алексѣя Михайловича главы 10, пункта 85) оштрафовать на удовлетвореніе священниковъ Петра и Ѳомы Врублевскихъ пятьюдесятью рублями и сверхъ того обязать подпискою, дабы впредь на подобные поступки не рѣшался. Какъ же и священникъ Ѳома Врублевскій обнаруживается по дѣлу сему виновнымъ въ недачѣ по требованію исправника Коломійцева къ доносу его на помѣщика Гойжевскаго надлежащаго доказательства и тѣмъ въ оказаніи какъ-бы пренебреженія къ его законному требованію, съ поставленіемъ еще, напротивъ, себѣ за обиду представлять таковыя доказательства, то о семъ разсмотрѣніе представить кіевской духовной консисторіи". Этотъ приговоръ, состоявшійся 20 іюля 1833 года, былъ утвержденъ тогдашнимъ кіев. гражд. губернаторомъ Лашкаревымъ.

Увѣдомляя генералъ-губернатора объ этомъ приговорѣ, кіевская уголовная палата одновременно сообщила ему о своихъ рѣшеніяхъ по двумъ другимъ однороднымъ дѣламъ. Діаконъ Чарпинскій жаловался на того же бывшаго махновскаго исправника Коломійцева „о причиненныхъ ему Коломійцевымъ обидахъ и о слабомъ его дѣйствіи въ открытіи мятежниковъ". Подробности дѣла не извѣстны, но можно съ увѣренностью полагать, что это былъ варіантъ исторіи со свящ. Врублевскимъ. Приговоръ послѣдовалъ такой: «Коломійцева, яко оказавшагося по оному дѣлу ни въ чемъ невиновнымъ, отъ взысканія оставить свободнымъ, а о поступкѣ діакона Чарпинскаго за неправильный доносъ и утружденіе тѣмъ правительства какъ духовнаго, такъ и гражданскаго, предоставить разсмотрѣнію духовной власти съ тѣмъ, дабы, кромѣ сего, взыскано было съ него за негербовую бумагу, употребленную на производство сего дѣла въ количествѣ 80-ти листовъ, всего 50 рублей въ доходъ казны». — Для бѣдняка-діакона эта значительная сумма могла казаться замаскированнымъ штрафомъ за непрошенное содѣйствіе.

Другое дѣло нѣсколько въ иномъ родѣ. Священникъ села Ботвиновки, уманскаго уѣзда, Колтуновскій доносилъ на помѣщицу Теклю Каменецкую, что она въ присутствіи крестьянъ дерзко поносила высшее правительство. Доносъ оправдался; но помѣщица, узнавъ, что доносителемъ былъ мѣстный священникъ, подвергла его разнымъ притѣсненіямъ, въ глаза безчестила самыми неприличными словами, строго воспретила своимъ крестьянамъ ходить къ нему на работу и оказывать малѣйшую услугу, а непослушныхъ подвергала, совмѣстно съ экономомъ, жестокимъ истязаніямъ, воспретила крестьянину Вѣстюку становиться въ церкви на клиросѣ и помогать дьячку, и сверхъ того въ истребованномъ отъ нея, при слѣдствіи, объясненіи взвела да священника и дьячка какіе-то „поступки". Кіевская уголовная палата такъ рѣшила это дѣло: „помѣщицу Каменецкую, за произнесеніе предъ простолюдинами нелѣпыхъ словъ и тѣмъ обнаруженную ея дерзость, равно разсужденіе о несвойственныхъ и не относящихся къ ней дѣлахъ, выдержать при уманской городской полиціи на собственномъ ея содержаніи двѣ недѣли; затѣмъ, съ уваженія на ея женскій полъ и незнаніе законовъ, оставить свободной со взятіемъ подписки, дабы впредь на подобныя преступленія не рѣшалась; а за причиненную священнику Колтуновскому неприличными словами обиду взыскать съ нея въ пользу его безчестья 25 рублей асигнаціями и подтвердить ей, дабы крестьянамъ своимъ въ свободные отъ повинностей дни заниматься работами у священника Колтуновскаго не воспрещала и крестьянъ за неповиновеніе умѣренно наказывала; эконома Потельскаго, исполнявшаго приказаніе своей госпожи, отъ дѣла и взысканія уволить, а о наведенныхъ помѣщицею Каменецкою на священника Колтуновскаго и дьячка Гвоздіевскаго поступкахъ произвесть особо слѣдствіе, для чего копію объясненія оной Каменецкой отослать въ надлежащее судебное мѣсто; а о дозволеніи крестьянину Вѣстюку находиться въ исправленіи должности дьячка, какъ онъ состоитъ во власти владѣлицы, предоставить сіе ея распоряженію".

Конечно, помѣщица едва-ли послушалась отеческихъ внушеній суда и сугубо отплатила священнику и свидѣтельствовавшимъ противъ нея крестьянамъ за двухнедѣльное пребываніе при городской полиціи.

Такъ платилось духовенство и крестьяне за содѣйствіе правительству, и эта расплата продолжалась въ юго-западномъ краѣ до конца крѣпостного права.

О. Левицкій.

„ПОПОКЪ".

*(Продолженіе *).*

XXXV.

Въ четвергъ, какъ было условлено, „титка Горпына" съ мужемъ и Хведько съ „дядыною Катрею" зашли къ Полькѣ и оттуда всѣ вмѣстѣ отправились къ Тесленкамъ. Мужа Польки не было дома,—онъ гдѣ-то допахивалъ свое поле; но ему оставленъ наказъ прійти тоже къ сватамъ, когда возвратится домой. Вся родня Машки шла вмѣстѣ „зъ повагомъ", не спѣша.

Всѣ мѣстные уличане знали, куда и зачѣмъ они идутъ. Мужчины, отвѣтивъ на привѣтъ, продолжали свое дѣло, а женщины провожали ихъ глазами, а если были вдвоемъ или втроемъ, то непремѣнно одна другой сообщали:

— Оце жъ до Тесливъ идуть сваты на печоглядыны... Це не маты, а титка дивкы, бо вона сырота, и т. п.

Гостей за воротами встрѣтилъ женихъ, а на присинкахъ его отецъ. Какъ тотъ, такъ и другой, пригласили войти въ хату. Но гости не сразу сдались на приглашеніе, а вошедши въ ка-

---

*) См. Кіевск. Стар., 1899 г., мартъ.

литку и поздоровавшись, съ нескрываемымъ любопытствомъ осматривали дворъ. Хозяинъ, вполнѣ признавая законность этого любопытства, прямо сказалъ:

— Дывиться, сваты, дывиться! Ни зъ чимъ не потаюемось... усе на выдноти... Якъ Господь дававъ, такъ и встроивалыся и хозяйнувалы на батькивщыни. Де-що одъ родытеливъ,—царство небесне имъ, вичный покой,—досталося, а де-що и сами прыдбалы по своій спроможности.

Сразу видно было, что дворъ Тесленкивъ старый, зажиточный, сооруженный во всѣхъ его частяхъ годами. Толстыя дубовыя плахи коморъ своимъ темносѣрымъ цвѣтомъ доказывали, что они не вчера построены, а еще тогда, когда можно было добывать такой лѣсъ; о томъ-же свидѣтельствовали и крыши изъ почти истлѣвшей соломы, кое-гдѣ позаросшей бурьяномъ и лишаями. Коморы, котухи, хлѣвы и повѣти свидѣтельствовали о зажиточности цѣлаго поколѣнія жившихъ здѣсь домохозяевъ.

Сватъ просилъ гостей посмотрѣть все; провелъ ихъ на задворки, гдѣ они увидѣли обору, съ которой очевидно весною выбранъ былъ навозъ на кизяки, аккуратно сложенные въ особый буртъ. Дальше за небольшимъ вишневымъ садикомъ, въ которомъ замѣтно высились двѣ старыя груши, видны были стожки хлѣба „и торишни и сёгоришни“, а изъ-за нихъ выказывалась просторная „клуня“ съ пристроеннымъ „половныкомъ“.

— Дывиться, сваточкы! Всёго надбалы зъ Божою помичью. Буде чимъ невистку прогодуваты,—сказалъ сватъ не безъ гордости гостямъ.

— Та слава Тоби Господы! Есть що йисты, то есть коло чого поробыться... отвѣтила „титка Горпына“, намекая этими словами на то, что будущей невѣсткѣ не мало прійдется и поработать на свекровомъ хозяйствѣ.

— Це вже таке—возразилъ сватъ, понявъ намекъ.—Якъ то кажуть: „робы небоже, то й Богъ поможе... Просю, дороги гости, вступыты до господы, у родытельскый домъ—добавилъ онъ, отстраняя этимъ приглашеніемъ всякія возможныя прере-

канія, и пошелъ впередъ, по направленію къ дому. Женихъ шелъ сзади всей компаніи, какимъ-то прутикомъ угрожая кудластому псу, порывавшемуся залаять на чужихъ для него людей.

Сваха Теслыха встрѣтила пропущенныхъ мужемъ ея въ сѣни гостей въ открытыхъ настежъ дверяхъ чистой половины хаты. Она была одѣта въ кубоваго ситцу „пару“ [1]) и въ повязанномъ большимъ, тоже темнымъ, платкомъ очипкѣ на головѣ.

Гости крестились на образа, обвѣшанные рушникомъ, и степенно здоровались съ хозяевами, усаживавшими ихъ за столъ. „Титка Горпына“ подала изъ развернутаго платка свату хлѣбъ, который онъ, поцѣловавъ, положилъ на столъ. „Титку Горпыну“ усадили на „самый покуть“ въ виду того, что она собою замѣняла мать невѣсты, а рядомъ съ ней помѣстили ея мужа, а послѣ ужъ „дядыну Катрю“, Польку и, наконецъ, Хведька. Послѣднему было не по себѣ, неловко. Какъ парубокъ, онъ не зналъ, какъ себя держать.

Усѣвшихся гостей подчивали водкой, просили закусить „накрошенною“ на деревянной тарелкѣ вареной бараниной, солеными огурцами... При подчиваніи шли обычныя причитанія пожеланій, отказыванія, упрашиванія. Какъ гости, такъ и хозяева, „прынадержувалися“ пить водку, такъ какъ обѣ стороны имѣли въ виду еще переговоры относительно свадьбы и всего касающагося ея. Сватъ послѣ закуски самъ началъ рѣчь объ этомъ.

— Що-жъ, сваты наши люби та мыли, треба жъ намъ, якъ то кажуть, почате зъ Божого прызволенія дило до кинця доводыты... Спасыби вамъ, що вы нашого хлиба-солы не оддуралыся, слово подалы, волю нашу вволяете, оддаете дивку,—нашого сына не поганьбылы... Якъ же и колы намъ дитей до купы звесты, усьому ладъ зробыть?...

Все это онъ говорилъ, стоя, оперпись одною рукою объ столъ. Жена его присѣла на лавкѣ и внимательно слушала. Хведько потупился, а „титка Горпына“ запышалася, собрала въ сборку губы и наморщила лобъ, готовясь дать отвѣтъ.

---

[1]) „Пара“—юбка и кофточка.

— Це вже дило таке! Звисно... отвѣтилъ мужъ „титки Горпыны," очевидно ради только того, чтобы что-нибудь сказать, поддержать свой престижъ мужчины, старшаго между гостями.

— „Колы"... сказала „титка Горпына". Оце то й саме те „колы". Правду сказано: якъ сироти женыться,—чы то, пакъ, усе йидно—замижъ иты, то й день малый. Мы що жъ,—зъ дорогою душею, та тилькы, якъ ото мы й старостамъ казалы, недостаткы наши, за справкою дило...

— Що тамъ, справка! Абы було дило, та добра воля до нёго—все тее злаштуется. Правду кажучы, воно бъ то й не слидъ у велыке забыватьcя. Воно тилькы ото турботы тіеи багато; попросту було бъ краще...

— Та все, сваточку, якъ попросту не стягатымемось, а все-таки и дивци де-чого незбутно треба додбаты, тай такъ-то туды, то сюды... ажъ воно й не обійдется абы-чымъ. Усе жъ бы то хотилося, мовлявъ той—хоть не такъ якъ у людей, такъ хоть такъ, якъ побиля людей водытся. Не намы це заведено, не намъ його й одминяты...

— Та це, що й казать!—вмѣшалась Теслыха. Його й не выдно наче, а якъ пощытаешъ.

— Отожъ то й то, свашечко! Якъ бы то въ неи, въ дивкы, булы батько-маты, воно все-бъ завчасу було прыдбано,—колы те, колы инше... а то сами бачыте... Де його такъ зразу всёго добуть? Оце почнуть бурякы копаты, може бъ вона, Богъ дасть, де що й заробыла бъ; та такы й обгорнулася бъ, якъ слидъ; кожухъ бы прыдбала,—дѣловито мотивировала „титка Горпына", зная, что Теслямъ именно хотѣлось бы до начала копки имѣть невѣстку въ домѣ...

— Оце, свахо! вы у велыке время одкладаете. Це такъ и до заговынъ дотягнуты можна... Тутъ отъ такъ, щобъ заразъ же при Божій помощи писля Здвыження й дило закиньчыты... Воно й вамъ одразу позбутыся клопоту, тай намъ воно у цю пору найзручнійше—сказалъ сватъ.

Послѣ этихъ, такъ сказать, вступительныхъ рѣчей, порѣшили такъ, что сватъ на подмогу дастъ 15 рублей и 4 пуда

пшеничной муки, а также возьметъ на себя „выправку“ метрики. Опредѣлено было количество подарковъ взаимныхъ, какъ со стороны невѣсты, у которой и роду то всего было въ наличности „титка Горпына“ съ мужемъ, „дядына Катря“, Полька и братъ,—такъ и со стороны жениха—не много больше. „Вечорыны“ 1) не дѣлать вовсе, а только погулять передъ днемъ вѣнчанія, которое назначалось въ первое воскресенье послѣ „Здвыження“, такъ какъ на ярмаркѣ на „Здвыження“ прійдется коечто прикупить для невѣсты. Теслями выговорено было, чтобы невѣста имѣла непремѣнно кожухъ, а въ остальномъ предоставлялось доброй волѣ родни ея.

Къ концу переговоровъ надошли мужъ Польки и одинъ изъ старостъ. Бесѣда затянулась; чарка чаще обходила гостей и опорожнялась съ меньшею церемонностію. Сватъ и самъ уже хватилъ лишнюю и успѣлъ подпоить мужа „титкы Горпыны“ и скоро подогналъ подъ общій уровень и пришедшаго старосту. „Титка Горпына“ уже вышла изъ-за стола и въ сторонѣ толковала со свахой и съ „дядыной Катрею“; мужъ Польки и Хведько хоть и выпили порядочно, но помалкивали, давая волю наговориться старшимъ. Полька, менѣе всѣхъ пившая, сидѣла одиноко. Женихъ и не показывался... Подвыпившій сватъ собирался было затянуть какую то пѣсню, но не находя поддержки, ничего не спѣлъ... Наконецъ онъ, какъ бы соображая что-то, всмотрѣлся въ Польку и, подсѣвъ къ ней, сказалъ:

А! Молода сваха! Ось де воно! Отъ зъ кымъ я заспиваю. Нумо, свашечко, оціеи, якъ, пакъ, іи... Чы я вплыла, чы я вбрела...

Полька, улыбаясь, отстранялась отъ присѣвшаго къ ней свата, но онъ ее обнялъ одною рукою, а другою взмахивалъ въ тактъ запѣваемой пѣсни.

— Аже вміешъ, свахо молода?—Спивай, ну! Не поглядай на стару,—вона не сварытыметься... И на нёго не дывысь. Нумо!—Старухи смѣялись и себѣ сказали:

---

1) *Вечорыны*—дѣвичникъ.

— Почынай, почынай, молода свахо! Ты жъ свашкуватымешъ, тоби й прыводъ давать.—

Полька отстранила пристававшаго свата, кивнула головою мужу, приглашая его присѣсть ближе, подперла рукою щеку, облокотившись на столъ, и чистымъ молодымъ голосомъ затянула.

„Ой чы я вплыла, чы я вбрела,
Чы мене пидлыто?
Чы самъ козакъ любыть не ставъ,
Чы його одбыто“...—

При началѣ пѣсни сватъ привсталъ, замоталъ головою и подтягивалъ хриплымъ басомъ; всѣ замолкли и слушали. Послѣ перваго куплета сватъ сказалъ:

— Отъ такъ свашка. Отъ люблю! Пошаную!—и опять хотѣлъ было обнять Польку, но она опять отстранила его и словами: „що жъ не поможешъ“?—пригласила мужа вторить ей.

Стройно полилась пѣсня. Старая сваха махнула на мужа, чтобы онъ не мѣшалъ, и только два голоса вели отчетливо мелодію. Всѣмъ очевидно понравилось пѣніе этой молодой пары, всѣ затаили дыханіе, внимали пѣснѣ и кой когда въ болѣе выразительныхъ мѣстахъ покачивали головами. При словахъ пѣсни:

Въ мене свекоръ, якъ батенько,
Въ мене свекруха, якъ матинка,—

сватъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Вона въ мене буде наче ридна дытына...

Хведько глазъ не отрывалъ отъ поющихъ; онъ не слышалъ словъ, а мелодія уносила его куда-то, проникала въ сердце, разжалобливала...

Общее молчаніе послѣ послѣдней вытянутой ноты пѣсни, какъ бы ожиданіе продолженія этого пріятнаго ощущенія, ясно доказывало, что пѣснею увлеклись всѣ.....

Молча стоявшій сватъ, какъ бы очнувшись, взмотнулъ головою и воскликнулъ:

— Отъ такъ сваха! Ридна моя свашко! Отъ такъ заспивала. Якъ тоби й дякувать... Выпьемо, сваты мои ридни, люби

та мыли! вдарымо лыхомъ объ землю. Нехай воно нашимъ ворогамъ снытся. И принялся подчивать гостей, выпивъ духомъ первую чарку...

До полуночи затянулась „бесида“; упросили Польку еще спѣть—„Сосонку“, послѣ пробовали еще кой-чтó пѣть хоромъ, но ничто ужъ не производило такой экспрессіи, какъ первая пѣсня.

Съ тяжелою, охмѣлѣвшею отъ выпитой водки головою, шелъ Хведько по плотинѣ, разставшись съ „титкою Горпыною“, поддерживающею своего совсѣмъ пьянаго мужа. Стлавшійся по рѣкѣ туманъ проникалъ до тѣла, знобилъ его, и ему хотѣлось прилечь и заснуть. Гдѣ-то недалеко прокричали гуси, и отъ завода послышался стукъ колотушки ночного сторожа: самая глухая ночь. Прошелъ онъ плотину, послѣдній мостъ и повернулъ въ свою улицу. Тихо и глухо было, никого нигдѣ не видно. Нужно будетъ стучаться, будить Машку, у которой, какъ извѣстно было ему, ночуютъ теперь ея двѣ подруги, взявшіяся кой-что пошить ей... А вотъ и Сохвына хата; дуется она на него, виноватъ онъ передъ нею; никакъ вотъ не придумаетъ, какъ ей передать деньги Машкѣ на справу.

Все это онъ раздумывалъ, стоя противъ хаты Сохвы, и вдругъ повернулъ прямо къ ней. На несмѣлый стукъ въ окно Сохва отозвалась и отсунула засовъ дверей.

— Це ты? Иды жъ, чы що, а то у ногы холодно, я боса...

Хведько вошелъ въ хату и сталъ около порога..

— Проходь! чого жъ стоишъ? сказала Сохва.

— Сидай, я засвичу...

— Ни, не свиты, я такъ; трохы погріюсь, тай пиду...

— Ну, розсказуй поночи. Якъ улаштувалыся?—спросила Сохва и стала противъ сѣвшаго Хведька. Онъ разсказалъ ей сущность дѣла и замолкъ. Свѣтъ отъ окна, противъ котораго стояла Сохва, не смотря на темноту ночи, позволилъ разсмотрѣть ему, что она была только въ „спидныци“ и въ кой какъ прикрывавшемъ голову платкѣ, но выраженія ея лица ему нельзя

было видѣть, а, слѣдовательно, и рѣшить, все ли еще она дуется на него. Оба они молчали

— Ну, оце й все, за чимъ и розбудывъ мене? спросила Сохва, стоя чуть не вплотную къ нему. Хведько молчалъ...

— Може ще що надумався? Кажы—я сама ночую, никого нема... Що жъ мовчышъ? Соромъ мабуть и розсказуваты? Га!— И она положила руку ему на плечо, какъ бы пробуждая его отъ задумчивости,

— Шо жъ я тоби скажу, якъ розсказуватыму все?... какъ то неестественно вскрикнулъ Хведько и припалъ головою къ ея высокой груди, обхвативъ ее за талію.

Она обѣими руками стала гладить его волосы, но вдругъ оторвалась отъ него и всхлипывая сказала:—

— Иды, иды соби! Просю тебе, иды!... завтра побалакаемо. Иды!... и кинулась въ валькиръ, гдѣ, упавъ на постель, истерически зарыдала...

Хведько началъ было что-то говорить, но на повторенное „иды соби!“ потупился, ощупью нашелъ свою шапку на лавкѣ и пошелъ изъ хаты.

Долго, судорожно вздрагивая, рыдала молодица, не давая себѣ отчета, пока благодѣтельный сонъ не угомонилъ ее.

Утромъ, при выходѣ изъ хаты, увидавъ незасунутыя двери, она вспомнила ночную сцену, и ей самой передъ собою стало стыдно, стыдно встрѣчаться съ Хведькомъ, который по причинѣ охмѣлѣнія не понялъ да и мало помнилъ все происшедшее.

XXXVI.

Сохва все время была скучная и неразговорчивая. Она видимо избѣгала говорить съ Хведькомъ и, встрѣчаясь, не смотрѣла на него, хотя и не переставала участливо относиться къ дѣлу затѣянной свадьбы. Не смотря на то, что еще не совсѣмъ поуправились съ возовицей хлѣба, и что шла уборка

огородовъ, Полька и „титка Горпына“ обѣщали побывать у Машки и заняться пересмотромъ ея приданаго.

Хведько ночью сходилъ таки на кардонъ, исполнилъ наказъ Йосыпа и затѣмъ притаился у себя за сапожничаньемъ, такъ какъ пронырливая Сохва узнала откуда-то, что на Бемовкѣ становой арестовалъ Шкавра и еще кого-то ей неизвѣстнаго, все по дѣлу объ уводѣ лошадей у Бобчанскаго пана. Онъ очень былъ доволенъ, что на судъ въ волостное правленіе пошли сестры съ нарочно прибывшею для этой цѣли „титкою Горпыною“. Ему очень не хотѣлось показываться на глаза кому бы то ни было изъ начальства. Поэтому, а также вслѣдствіе разсказовъ Сохвы, онъ и на базаръ въ пятницу не пошелъ. Уже послѣ полудня въ субботу пришли Полька и Машка изъ волости, гдѣ имъ все-таки удалось сдѣлать дѣло: хоть въ части Сугыба сдался на уговоры судей и рѣзкія требованія „титки Горпыны“, отдалъ тридцать рублей и остальные обѣщалъ „отдаты икъ Казанськiй“ (22 октября). Писарь сказалъ, что такъ и записано въ книгу, а ужъ что записано, то ужъ и будетъ вѣрно. „Титка Горпына“ не захотѣла и заходить на Красноселовку, а пошла прямо на мостъ, такъ какъ сегодня суббота, и дома еще много „порання“. Изъ полученныхъ денегъ пришлось на бутылку водки дать дядьку Ивану, который и остался почастуваты судей.

Наскоро закусивъ кой чего, Полька также поспѣшила домой въ виду того же субботняго „порання“.

Пособравъ со стола, Машка принялась и себѣ за приборку и подмазку, такъ что Хведьку пришлось убраться со своимъ мастерствомъ въ сѣни, а послѣ и совсѣмъ зашабашить, такъ какъ и въ сѣняхъ скоро появилась Машка во всеоружіи— съ разведенной въ черепкѣ глиной и со щеткой. Поприбравъ свой струментъ, онъ накинулъ на себя черкеску и пошелъ въ садъ. Осень уже вступала въ свои права: въ густой листвѣ вишняка кой гдѣ попадались краснѣющіе листья, трава пожелтѣла, побурѣла осока по берегу, на огородѣ торчали стебли подсолнуха и кукурузы; кой-гдѣ виднѣлись желтыя тыквы на совершенно сухой огудинѣ; только капуста пышалась на гря-

дахъ роскошными кочанами, да между ней кой-гдѣ торчали оранжевыя маковки „гвоздыкивъ". Лѣто прошло, наставала осень, а Хведько ничего не сдѣлалъ: ни денегъ не добылъ, ни устроился на своемъ хозяйствѣ. То его Сугыба водилъ съ отдачею денегъ, то эта вся исторія въ волостномъ правленіи... такъ и осень подошла. Горькое чувство охватило его; онъ сидѣлъ задумавшись на берегу рѣки, свѣсилъ голову и ломалъ попавшуюся въ руки былинку. Заблаговѣстили къ вечернѣ сначала на Бемовкѣ, а послѣ и въ Андреевкѣ.

— Ой чы ты, Иване, рыбу ловышъ,

Ой чы ты людей перевозышъ?—

послышался возгласъ съ того берега. Хведько взглянулъ и узналъ Цюпу съ какимъ-то узелкомъ за спиною. Ширина рѣки дозволяла свободно распознать и видѣть стоящаго на другомъ берегу.

— Що-жъ не одзываешься? Ты бъ мене, братець, перевизъ; онде пидъ кущамы човенъ... все-такы блыжче чвалать буде, чимъ ажъ на мистъ... Перевезы; Хряпко не гриматыме, винъ же мени по матери дядько...

Хведько побѣжалъ во дворъ, взялъ лопату и, отвязавъ лодку, поплылъ за Цюпою.

Недалеко отъ того мѣста, съ какимъ то сверткомъ бѣлья на рукѣ разогналась было къ рѣкѣ на кладки Сохва, но, увидавъ Хведька, плывущаго на тотъ берегъ, пріостановилась въ чащѣ вишняка и стала какъ будто подсматривать, а затѣмъ, сложивъ мокрый свертокъ на вѣтку дерева, скрылась въ кустахъ. Она хорошо узнала Цюпу и, спрятавшись, успѣла подслушать, какъ онъ объяснилъ Хведьку, что отошелъ отъ хозяина, не „схотивъ жыть", что теперь думаетъ подаваться въ городъ, гдѣ ему обѣщали найти мѣсто у кого-то изъ бахшевниковъ. Подслушала она между прочимъ и то, что Цюпа удивлялся тому, какъ Хведько не „запозывалъ" Сугыбу за „бой„ что онъ, Цюпа, слыхалъ, какъ его хозяинъ разговаривалъ съ „нимцемъ" по этому поводу и какъ они оба рѣшили, что онъ, Хведько, что захочетъ, то и сдеретъ съ Сугыби за „бой", что, наконецъ, тогда только

ему нельзя будетъ судиться, когда онъ сознается самъ въ кражѣ лошади у Сугыбы. Сохва все время стояла за кустами и слушала, какъ „бубонилы“ Цюпа съ Хведькомъ, и въ мысляхъ вполнѣ соглашалась съ Цюпою, хотя съ другой стороны и сознавала, что ея прежнее мнѣніе о „безвинно-напрасномъ“ страданіи Хведька у нея сильно пошатнулось.

Проводивъ Цюпу, Хведько опять вернулся въ садъ и оттуда увидѣлъ Сохву, полоскавшую что-то на кладкѣ. Она сама его окликнула, подозвала къ себѣ и сказала, чтобы онъ вечеромъ надошелъ къ ней,—нужно-де кой о чемъ поговорить...

—

Такъ и не пришлось Хведьку приняться за работу. Когда стало темно, онъ пошелъ къ Сохвѣ, которая только что прибралась въ хатѣ, засвѣтила „каганець“ и ожидала его.

— Ну, сидай, та й будемо говорыты, якъ на свити жыты— сказала Сохва, усаживаясь по другую сторону стола...

— Я чула, що тоби говорывъ оттой Цюпенко. И незатывайся! Оце, бачъ, воно трохы заметушылось, такъ зновъ почынаты не слидъ. Якъ бы жъ ты бувъ такый вже ни въ чому не повынный, а то самъ ты за собою грихъ знаешъ. Я ще тоди запрымитыла, якъ ото ты лежавъ вбытый, та ото хтось грошы передавъ Машци. Вже воно це не даромъ... Не хочешъ ты мени усёго по правди казаты, Богъ зъ тобою! А я все-такы казатыму тоби... залышы ты все це, розійдысь зо своимы знакимцямы, воны тебе до добра не доведуть... Ты отъ краще подумай про те, що ты робытымешъ, якъ ото Машку оддасте, а бондари до тебе переберутся. А ты жъ якъ и де жытымешъ? Думавъ ты про це? Гадавъ?..

Тихо и ровно говорила Сохва, кой когда только взглядывая на Хведька, сидѣвшаго „край стола“ съ опущенною головою. Не могъ онъ не сознавать всей резонности сказаннаго Сохвою, но въ то-же время ничего не могъ придумать, какъ быть, что дѣлать.

— Отъ объ чимъ подумай, а не судыться. Оце жъ „дивчата“ зъ Сугыбы справылы 30 руб., сватъ дасть 15—зъ выданнямъ Машкы якось, Богъ дасть, управытеся, а дали якъ?

— Що жъ, прыйдется десь найматысь... уже не що.

— То то-не що... а самому колы-жъ на свое хазяйство збиратыся? Якъ бы батько бувъ, то винъ бы тебе оце оженывъ, тай... А може й самъ надумаешься оженыться? Гляды, ще не кожна погордуе... Шо жъ мовчышъ?

— А що мени казаты—сама добре та гораздъ знаешъ... Про це й говорыты ничого. Отъ якъ бы було роздобувся якою шкапою, якъ тоди ото думавъ, а теперъ... не що, якъ тилькы найматься.

— Найматься такъ найматься, та тилькы де ще й у кого нанятыся... Ото чы не будуть наймаmы на Лыповому хутори до машыны на молотьбу, а то вже не инакше, якъ на заводъ. Де-небудь треба встрять у дило. Хто тоби буде йисты варыть, хто обмые, пооблатуе?.. А, може, здоліешъ шевцюваты? Воно й це дило здобутне... тилькы, що отъ бондаривъ до васъ пущено. До шевства тежъ треба грошей...

Та въ мене на це гроши йе.

— Йе? И багато грошей? спросила Сохва и посмотрѣла на него.—А ну, покажъ...

Хведько вынулъ изъ кармана кожаный гаманокъ и тогда только спохватился, но было уже поздно. Сохва моментально взяла его въ руки, отстебнула пуговку и, увидавъ красную 10-ти рублевую бумажку и еще бумажку зеленую и мелочь, вскочила съ мѣста и въ изумленіи не нашлась даже что сказать...

Хведько покраснѣлъ и потупился.

— Я жъ и кажу! Еге! Ось що воно!—какъ-то безсвязно бормотала она, не зная съ чего начать. Хотя и порѣшила она, что Хведько не чуждъ какихъ-то, сомнительнаго свойства, похожденій, но такихъ ясныхъ доказательствъ его причастности къ оглашенному по слухамъ уводу лошадей и инымъ продѣлкамъ, какъ наличность у него такого количества денегъ, она еще не имѣла. Ей сразу стало ясно, что онъ водится съ ворами, что не безучастенъ онъ въ кражѣ лошади у Сугыбы, что на ярмарку въ городъ онъ не за чѣмъ другимъ ходилъ, какъ только по какимъ-то воровскимъ дѣламъ. Все это моментально про-

мелькнуло въ ея мысляхъ, какъ равно и то, что всему этому начало дало тюремное заключеніе и, слѣдовательно, и знакомство съ такими людьми. И страшно за него, и жалко его ей стало, и въ то же время что то новое, удалое въ немъ обрисовывалось въ ея пониманіи. Но тѣмъ не менѣе общее всѣмъ крестьянамъ осужденіе этого занятія, конокрадства, сознаніе, что этотъ милый ей человѣкъ сходитъ на эту стезю, ужасно ошеломляло ее.

— Ну, хлопче! Теперъ же розсказуй все, все до чыста— сказала Сохва сконфуженному окончательно парню и изъ опасенія, чтобы кто случайно не увидалъ этихъ денегъ, прикрыла ихъ концомъ скатерти.

— Кажы, сповидайся!—наступала она на него.

— Що-жъ я казатыму? адже сама знаешъ и бачышъ... мрачно отвѣтилъ Хведько.

— Що-жъ я бачу? одне тильки те, що въ тебе оце якись гроши, а якъ воны зароблени, хто тоби ихъ давъ, за вищо—отъ що ты мени розсказуй...

Хведько молчалъ и затѣмъ склонился головою совершенно на столъ. Сохва стояла надъ нимъ и боялась прикоснуться къ нему, тронуть его. Ей памятна была вчерашняя исторія, когда она не съумѣла совладать съ собою и разрыдалась истерически...

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ приподнялся отъ стола; физіономія его была сурова, брови сдвинуты. И онъ началъ:

— Що жъ мени казаты? Якъ я тоби, жинци, стану усе одкрываты, тулыты и тебе у ціи дила. Ти, въ кымъ я знаюсь, хто мене устромывъ у це дило, ти тилько одни мене не цураются, не называють потюремщыкомъ, запомогу дають мени и на-дальше даватымуть. Якъ мени ихъ выявляты?... Такъ оце й знай. Хочъ заразъ иды доказуй на мене, нехай мене знову сажають у тюрягу, а я ничого бильше не скажу—и всталъ съ лавки.

Молодица стояла изумленная; она не ожидала такого твердаго, рѣшительнаго отказа въ исполненіи ея желанія повѣдать

ей всю правду, со стороны Хведька, ею опекаемаго и наставляемаго и, какъ ей казалось, припертаго, что называется, въ данный моментъ къ стѣнѣ случайнымъ обнаруженіемъ явныхъ уликъ его нечистыхъ похожденій. Но такъ онъ хорошъ былъ въ эту минуту противленія ея желанію съ этимъ грознымъ выраженіемъ лица, столько самостоятельности обрисовалось въ немъ, что она положительно была побѣждена, восхищена имъ и не могла собраться съ мыслями, не нашлась что сказать, а только протянула руку, какъ бы не давая ему уйти..

— Сядь—сказала она. Чого ты зхопывся?....

Онъ опустился опять на лавку и сидѣлъ все такой же суровый, не смотря на смущенную молодицу.

Мало по малу вспыхнувшая энергія стала остывать.—Отъ таке-то!—сказалъ онъ.

— Та же бачу яке. Якъ його розибраты? Що й робыты зъ тобою? Ты, бачъ, усе не довиряешъ мени, я все чужа зовсимъ за для тебе, така, що отъ-отъ заразъ схоплюся, тай побижу доказуваты на тебе—медленно, какъ бы обдумывая каждое слово, говорила Сохва, отошедшая на другой конецъ стола и сѣвшая на прежнее мѣсто.

— Що жъ, дило твое; може кого й щырійшого знайдешъ, такъ тій й розскажешъ усе.—Хведько понялъ этотъ намекъ.

— Никому ничого я не скажу, хочъ бы ридна маты булаи ій бы не сказавъ... Ты не сердься на мене, Сохво: сама розбираешъ, що мени не можно розсказуваты, хочъ я тоби вирю, и отъ-якъ вирю, а тильки цёго не скажу, це не жиноцьке дило... сказалъ Хведько.. И ій не скажу—добавилъ онъ, отвѣчая вполнѣ на сдѣланный намекъ...

— Ну що жъ, не скажешъ и не кажы—сказала Сохва, какъ бы отряхнувъ какую-то думу: а скажы, що жъ ты робытымешъ зъ грошыма?..

— Зъ грошыма? Я оце вже думавъ-гадавъ, якъ ихъ оддаты Машци на справку, таніякъ не прыдумаю.. Беры ихъ; якъ сама знаешъ, такъ и робы.. Ты потрапышъ ихъ передаты..

— Чы такъ, той такъ —сказала Сохва, подумавъ немного. Воно й безпечнійше, а то ще хто пидглядыть ихъ въ тебе, такъ щобъ не було якои халепы.

— Скильки ихъ тутъ?.. О! Та тутъ ще одна зелена, и це ще й серебро и мидь. Я визьму отци бумажкы.

— Беры все, мени тильки гаманъ отдай. Тамъ, якъ знаешъ передай Машци. А я, може ще... и замолкъ.

— Що ще?..

— Та ничого.. це я такъ...

— Ну, якъ знаешъ. Давай розиходыться, бо вже не рано, а завтра побалакаемо ще. „Утро вечера мудряе", якъ казавъ той вашъ бондарь—закончила Сохва, и Хведько пошелъ домой.

XXXVII.

Машка, пораньше упоравшись съ хлѣбомъ и „варывомъ", принарадилась и отправилась къ обѣднѣ, такъ какъ Сохва пообѣщала прійти и повынимать посаженный въ печь хлѣбъ, который временно былъ порученъ Хведьку. Онъ въ чистой рубахѣ съ большимъ отвороченнымъ комиромъ сидѣлъ въ хатѣ и думалъ думы, не оставлявшія его со вчерашняго разговора съ Сохвою. Помимо обдумыванія своего положенія, соображеній о томъ, какъ устроиться по выдачѣ сестры замужъ, у него не выходило изъ головы и вчера какъ-то сразу сформулировавшееся мнѣніе о его отношеніяхъ къ Шляховому и К° и ихъ промыслу. Онъ теперь твердо стоялъ на томъ, что изо всѣхъ окружающихъ, за исключеніемъ Сохвы, эти только люди, а особенно Шляховой, были къ нему добры, смотрѣли на него безо всякаго укора. Всѣ остальные, начиная съ тѣхъ, кто около церкви не могъ иначе опредѣлить его какъ словомъ „потюремщыкъ", и оканчивая начальствомъ, такъ жестоко посадившимъ его въ тюрьму и чуть не убившимъ его съ цѣлою толпою— все это были его недруги, враги. При воспоминаніи всѣхъ этихъ перипетій, брови его сдвигались и пальцы мимовольно сжима-

лись въ кулакъ. Такъ бы и растрощилъ онъ этими пальцами все это начальство, этого ненавистнаго Сугыбу... Не то его лошадь,—онъ увелъ бы всегда съ удовольствіемъ, въ отместку, жену его, его самого онъ запроторилъ-бы куда-нибудь... Не бери этихъ денегъ этотъ проклятый Сугыба, отдай онъ ихъ ему по чести въ пору—онъ бы теперь работалъ на своемъ хозяйствѣ, не думалъ бы о томъ, куда дѣваться, гдѣ ютиться зимою. А не имѣй онъ этого знакомства со Шляховымъ, кто его знаетъ, имѣлъ ли бы онъ чѣмъ и питаться, пролежавъ рабочую пору больной, продержавъ при себѣ сестру въ безработицѣ. Только Сохва да эти знакомцы оказали ему помощь. Сохва—вотъ еще добрая, хорошая „людына" и такъ искренне, родственно относящаяся къ нему. А вѣдь она настаиваетъ, чтобы онъ раззнакомился съ „прыятелями", отшатнулся отъ этого прибыльнаго дѣла. Она, эта Сохва, только не знаетъ Денисовича, этого степеннаго, ласковаго человѣка, всегда готоваго помочь другому, посочувствовать чужому горю, а то бы и она иначе смотрѣла на него, не считала бы его недругомъ.

Все это онъ передумывалъ, отъ времени до времени пріоткрывая заслонку и заглядывая въ печь. Готовъ ли былъ уже хлѣбъ, онъ не понималъ, какъ равно не зналъ, что дѣлать, если-бы даже и признать его ужъ испекшимся. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ зазираній въ печь, изъ которой пахнуло кислымъ тѣстомъ, вошла въ хату Сохва.

— Хозяйнуешъ!?—шутя сказала она. Здрастуй! Зъ недилею будь здоровъ! А ну, лышень, пусты мене, ось я заразъ,—и она прошла въ валькиръ, запялась, какъ фартухомъ, какимъ-то старымъ платкомъ, чтобы не запачкать бывшей на ней новой „пары", и, посмотрѣвъ въ печь, сразу порѣшила, что пора вынимать хлѣбъ. Ловко шло у ней это дѣло: лопатой подхватывала она хлѣбъ съ печнаго поду, вынутый обводила по поверхности обмоченною въ налитую миску воду рукою и клала на лавкѣ, предварительно сметенной. Все это сдѣлано ею вразъ:—и зола въ печи подгребена, и заслонка опять закрыта, и „припечокъ" подметенъ, и хлѣбъ прикрытъ скатерью. Сняла она запястье и самодовольно усѣлась со словами:

— Отъ такъ вчысь робыть...

— Хиба жъ це наше мужыцьке дило—отвѣтилъ Хведько.

— Ваше не ваше, а ты вчысь... Якъ ото забралы мого Илька, то я бачыла, якъ салдаты справляются: сами и вчыняють, и мисять, и печуть хлибъ—усе сами. Отъ якъ оддамо Машку, такъ хто тоди тоби пектыме хлибъ?...

— Я вже думавъ про це... ничого й не выдумаю.

— Ото-тожъ то „думавъ"! и я думала, а це ще не одне: а варыты, а обстыраты, а хату прыбраты?.. Вже не що, а треба оженыться, хозяйку браты.

Хведько молчалъ и, задумавшись, опустилъ голову. Мелашка вспомнилась, опять тоска-кручина пала на сердце...

Сохва съ участіемъ и соболѣзнованіемъ, молча, смотрѣла на него; она хорошо понимала его, догадалась, о комъ онъ вспомнилъ въ эту минуту сознанія своего одиночества...

— Не журысь, парень, все Господь управыть! Ну, я жъ пійду, а ты, якъ що Машка скоро не прыйде, такъ, якъ хлибъ простыне, пообрывай лыстья зъизподу, чотыри хлиба положы на полыцю, а пьятый на стилъ, та прыкрый його скатиртью—дѣловито добавила она и вышла изъ хаты.

Опять остался онъ со своими думами да гадками, опять съ тѣми же неразрѣшенными вопросами. О женитьбѣ и рѣчи быть не могло, такъ какъ онъ никого не любилъ, кромѣ Мелашки, и былъ увѣренъ, что никто и не выйдетъ за него, опороченнаго, разстроившагося въ своемъ хозяйствѣ. Да и вообще думать объ этомъ нечего, такъ какъ средствъ на это никакихъ нѣтъ, да и въ домъ пущены на зиму квартиранты. Какъ ему быть, какъ устроиться? Развѣ къ Сохвѣ попроситься. Вотъ съ кѣмъ бы жить можно; эта бы могла устроить его... Жену такую развѣ бы поискать... мелькнуло у него на мгновеніе. И вспомнилось ему, что въ охмѣленіи онъ какъ будто посягалъ на нее, какъ то нескромно держалъ себя съ нею. Ясно вдругъ припомнилось, что послѣ „печоглядынъ", когда онъ, возвращаясь отъ сватовъ, немного пьяный, ночью зашелъ къ ней, она его прогнала. Этотъ эпизодъ какъ-то прошелъ незамѣтнымъ въ его сознаніи, а те-

перь только все это отчетливо стало предъ нимъ, и совѣстно ему сдѣлалось. Вотъ она и солдатка, а никто никогда ничего худого сказать про нее не можетъ. И такая она добрая, родственная, а ужъ умница какая—и сказать нельзя. Да и красивая она... стройная!.. Мелашка тоже вотъ красивая, а не такая стройная и не такая смышленая. Но за то она его любитъ и отдается вся ему... И онъ весь отдался мыслямъ, мечтамъ о ней, забывъ все прочее. Этими мечтами о Мелашкѣ, которую онъ давно уже не видѣлъ, онъ увлекся на столько, что не слыхалъ, какъ во дворъ вошла съ тремя подругами Машка, неожиданно введшая ихъ въ хату.

— Здрастуйте! Ночувалы соби!... повторяли дивчата, входя за разряженною Машкою въ хату.

— Здрастуйте! Слава Богу! якъ вы соби!—отвѣчалъ вставшій со скамьи Хведько и пошелъ въ сѣни, какъ бы сознавая себя лишнимъ въ этой компаніи.

Не долго пробыли у Машки ея подруги: что-то осмотрѣли, о чемъ то переговаривали и сейчасъ же вышли, провожаемыя хозяйкою, успѣвшею снять съ головы «вывъязаный платокъ зъ квиткамы".

— Що жъ, управывъ все? шутливо спросила Машка Хведька, опять усѣвшагося на лавкѣ.—А хлибъ, бачъ, и не прыбравъ—добавила она, увидѣвъ остывшіе уже хлѣбы на лавкѣ.

Пообѣдали. Машка поприбирала и стала наряжаться, такъ какъ уговорилась пойти куда то съ подругами. Хведьку нечего было дѣлать, и онъ располагалъ сейчасъ же послѣ ухода сестры улечься и заснуть. Но Машка ушла не скоро; собравшіяся ея подруги долго пробыли у нихъ въ хатѣ и на „прысинкахъ". Онѣ то разсматривали что-то въ валькирѣ изъ Машкиныхъ работъ, то выходили въ сѣнцы, перешептывались, шутили, смѣялись. Нѣкоторыя, очевидно, кокетничали, рисовались передъ Хведькомъ своею развязностію и остроуміемъ, и одна даже осмѣлилась спросить его, почему онъ не выходитъ на „юлыцю". Когда наконецъ вся эта компанія пестрымъ букетомъ, посреди

котораго красовалась Машка въ вѣнкѣ, вышла со двора на улицу, то у Хведька прошла уже охота заснуть, и онъ усѣлся около наружнаго окна и, безучастно смотря на проходящихъ мимо двора и на играющихъ подъ противоположнымъ плетнемъ дѣтей, опять отдался заботливымъ думамъ о себѣ, о своей жизни; опять вспомнилась ему Мелашка, которой онъ уже давно не видѣлъ; опять потянуло его къ ней всѣмъ сердцемъ, всѣми помышленіями; опять явилось страстное желаніе повидаться съ нею. Но какъ это сдѣлать? Очень можетъ быть, что теперь вернулся ея мужъ, котораго она ожидала, какъ говорила при послѣднемъ свиданіи. Злое чувство ревности стало разливаться въ немъ при этой мысли... Но вотъ со стороны кузницы закраснѣла какая-то нарядная женщина; присмотрѣвшись, онъ узналъ въ ней Мелашку, идущую рядомъ съ какимъ то молодымъ мужчиной. Мужчина этотъ походилъ больше на подростка—мальчика безъ усовъ; но по манерѣ, съ какой онъ шелъ, выступая немного впередъ Мелашки, по степенности всей его фигуры, Хведько безошибочно опредѣлилъ, что это ея мужъ, вернувшійся „зъ дорогы", съ которымъ она идетъ „до своихъ въ гости". Вотъ они обое кому то изъ сидѣвшихъ за воротами степенно кланяются— онъ, приподымая рукою малахай, а она только наклономъ головы; въ рукахъ у нея въ платкѣ завернутый хлѣбъ... Вотъ они поравнялись съ его хатою; Мелашка искоса глянула сюда, замѣтила Хведька и отвернулась, чтобы не подать виду.

— Вотъ „онъ", хозяинъ, богачъ, онъ съ нею, а я голякъ, одинокій, разоренный—„потюремщыкъ"—подумалъ Хведько въ безсильной злобѣ...

XXXVIII.

Съ улицы послышался протяжный окликъ:—Горшкы! Горшкивъ минять!

Этимъ окликомъ разъѣзжающіе по селамъ въ этотъ сезонъ торговцы горшками и иной черепичной посудой сзываютъ покупателей.

Хведько выглянулъ въ окно и какъ разъ противъ своего двора ўвидѣлъ возъ съ горшками, съ запряженной плохенькой лошаденкой, около котораго уже пестрѣло нѣсколько женскихъ фигуръ.

Шла торговля; пріобрѣтались горшки и на готовыя деньги, и вымѣнивались на зерновой хлѣбъ. Бабы выбирали посуду, постукивали въ бока и дно косточками пальцевъ, прислушивались къ извлекаемому звуку, по которому можно судить, нѣтъ ли гдѣ трещины. Шли обычныя при торгѣ пререканія и споры. Мужчины не трогались со своихъ мѣстъ, считая это дѣло спеціально женскимъ, и только полушутя, полусерьезно противились требованіямъ насыпки зерномъ пріобрѣтаемой посуды.

Смотрѣвшій на всю эту сутолку, сквозь отсунутую половинку окна, Хведько увидѣлъ Сохву, несущую къ нему во дворъ цѣлыхъ три горшка.

Онъ вышелъ ей пособить—пріотворить двери и калитку.

— Ось на, хозяинъ! Машка, ще зъ церквы йдучи, побачыла за заводомъ його, такъ казала, що треба купыть, а то въ васъ и нема такои посуды про случай. Я ще пійду пошукаю макитерку, та покрышокъ. Поставъ тамъ де-небудь...

Хведько отнесъ въ хату посуду и опять вышелъ на улицу за калитку. Въ горшечникѣ-продавцѣ онъ узналъ того самаго Кленоваго, на котораго обратилъ его вниманіе Шляховой въ ярмарочномъ трактирѣ въ городѣ.

Сохва скоро вернулась, нагруженная двумя разныхъ размѣровъ „макитерками и покрышками". Въ хатѣ она осмотрѣла покупку, отнесла кой что въ чуланъ, оставивъ одну макитру и три покрышки, какъ купленныя для себя, и, присѣвъ на лавкѣ, сказала:

— Що-жъ, бачывъ?—Хведько понялъ, о комъ та говорила, но молчалъ.

— Хорошый? Прыдывывся? Наче отта гныда! Выскрасте,— ни вуса, ни бровей; гыдко й скыбкамы узять!—А його жъ то треба любыты, мыловаты, говорила она какъ бы сама съ собою.

Хведько понялъ опять, о комъ идетъ рѣчь, но молчалъ, не отзывался, печально опустивъ голову. Онъ понималъ, что Сохва говорила о прошедшей раньше по улицѣ Мелашкѣ съ мужемъ.

Взглянула на него молодица, и жалко ей стало его, моментально сопоставленнаго съ тою „гныдою"—

—, Э, не журысь, хлопче! Божа воля! Щожъ робыть?!—сказала она вставая. Пiйдужъ я! въ мене й хата не заперта—и пошла.

Хведько, присѣвъ опять къ окну, увидалъ, что горшечникъ, очевидно, расположился кормить лошадь. Онъ отъѣхалъ подъ плетень на ту сторону улицы и съ мальчикомъ распрягалъ свою „шкапу". Бабы и дѣти послѣдовали за нимъ, и торгъ еще продолжался.

Онъ сидѣлъ, смотрѣлъ безучастно на всю эту сцену и опять мимовольно мыслями вернулся къ своему горькому положенiю. Опять неразрѣшимые вопросы объ устроенiи себя, о своемъ одиночествѣ, о причинахъ всего съ нимъ происшедшаго... Онъ и не замѣтилъ, какъ юрба женщинъ около гончаря разошлась, и только увидалъ, что гончарь съ хлопцемъ сидятъ около воза и полуднуютъ. Ему показалось, что гончарь посматривалъ на его дворъ. Пополуднали они. Кленовый, отвязавъ цыбарку, послалъ хлопца, очевидно къ рѣчкѣ, поить лошадь, а самъ увязалъ возъ и направился прямо къ нему въ дворъ.

Хведько засуетился. Этотъ визитъ посреди бѣлаго дня, въ такое время, когда на улицѣ было много людей, вовсе ему не нравился.

— Здрастуй, хозяинъ! Будь здоровъ зъ недилею! Чы нема въ тебе сокыры та хоть якого-небудь ухналя чы що, въ мене тамъ пидисокъ одирвався—сказалъ Кленовой, войдя въ хату и озирая ее быстрыми глазами.

Хведько успокоился и со словами „ось пошукаю" досталъ изъ-подъ лавки ящикъ со всякою мелочью.

— Шамро-мамро—сказалъ вдругъ Кленовой, очевидно осмотрѣвшiйся, что въ избѣ ихъ только двое.

Хведько, нагнувшiйся было надъ ящикомъ, выпрямился и повернулся къ гостю.

— Шляховой наказуе тоби, щобъ ты завтра ничью, такъ якъ улягома, бувъ небезпреминно у Плахоти на кордони. Небезпреминне! Гляды жъ! Ну, теперъ шукай ухналя, тай пійдемо, поможешъ мени справыться—воно никому й не-впрымиту буде.

Нашли два старыхъ „ухналя".[1]) Хведько взялъ топоръ и они пошли къ возу. Кленовый „важныцею" [2]), при помощи Хведька поднялъ возъ, снялъ колесо и, нарочно пріотворивъ „подосокъ", прибилъ его выровнянымъ на ободѣ ухналемъ.

Самымъ спокойнымъ голосомъ послѣ этого онъ поблагодарилъ Хведька, приподнявъ даже немного на головѣ свою шапку.

— Ну, спасыби тоби, добрый чоловиче, що ты мене порятувавъ у прыгоди!—и онъ подалъ ему топоръ, послѣ чего началъ подмазывать оси.

Хведько пошелъ спокойно домой. Онъ понялъ всю ловкость пріема Кленоваго: и въ голову не могло прійти никому, что между ними что либо было иное, кромѣ обыкновеннаго обращенія за помощью къ хозяину ближайшей хаты.

Долго еще сидѣлъ въ задумчивости онъ, но теперь его уже не пугало предстоящее возобновленіе отношеній къ Шляховому и компаніи; напротивъ—его влекла къ нимъ какая то особая потребность дѣятельности, ему хотѣлось самому участвовать въ этихъ опасныхъ дѣлахъ, сулящихъ возможность, какъ сказалъ ему когда-то Денысовычъ, „чоловикомъ статы". Припомнились ему многіе, слышанные имъ въ острогѣ разсказы объ удалыхъ похожденіяхъ разныхъ дѣльцовъ этой воровской жизни, героевъ тюрьмы и преступности... Въ немъ заговорилъ избытокъ силъ, не употребляемыхъ на иное какое либо дѣло. Въ неясныхъ, туманныхъ образахъ, рисуемыхъ его воображеніемъ на фонѣ припомнившихся ему разговоровъ, онъ представлялъ себя однимъ

[1]) Ухналь—сплющенный гвоздь, употребляемый для прикрѣпленія подковъ къ копытамъ лошади при ковкѣ и для подосковъ къ оси.

[2]) Важныця—по русски „вага"—приспособленіе поднимать возъ.

[3]) Пидисокъ или подосокъ — желѣзная пластинка, подбиваемая подъ деревянную ось.

изъ этихъ героевъ, увертывающихся отъ преслѣдованія, ловко умѣвшимъ обмануть бдительность сторожей, богатѣющимъ, разживавшимся отъ удачной добычи. Мечты унесли его даже въ тѣ же тюремныя камеры, изъ которыхъ онъ при своемъ умѣніи и силѣ легко уходилъ. Онъ припомнилъ разсказъ про извѣстнаго въ той мѣстности Реву, который среди бѣлаго дня въ то время, когда часовой—тогда еще тюрьма состояла подъ охраною солдатъ—зазѣвался на шарманщика съ обезьяной, выломалъ рѣшетку окна въ своей камерѣ и ушелъ безслѣдно. Вспоминался ему разсказъ про то, какъ пробравшійся въ корридорную тюрьму черезъ выломанную печь другой арестантъ придушилъ руками часового и въ его платьѣ и вооруженіи вышелъ послѣ смѣны съ часовъ изъ тюрьмы. Замечтавшись, онъ и не слышалъ, какъ проблаговѣстили къ вечернѣ, не замѣтилъ, какъ уѣхалъ горшечникъ Кленовый, какъ мало по малу опустѣла улица, и только опомнился, когда увидалъ шедшихъ уже изъ гостей Мелашку съ ея мужемъ. Опять также она шла немного сзади съ нимъ, съ этимъ „выскрастымъ", съ этою „гнидою". Такъ-же искоса глянула она на его хату. Такъ и кинулся бы онъ къ этой парѣ; схватилъ бы за одну ногу, наступилъ другою и разорвалъ бы на двое—казалось ему—этого поганаго „мужика". Кулаки сжались, сознаніе силы заговорило въ немъ—хруснули пальцы, жаръ вступилъ въ голову...

Послышался стукъ калиточнаго кольца, и во дворѣ появилась Машка съ двумя подругами. Гдѣ-то за ними на улицѣ зарипѣла гармонія.

Вошедшая Машка съ подругами пошла въ валькиръ, гдѣ наскоро переодѣлась и сняла вѣнокъ.

Хведько молча взялъ шапку, накинулъ черкеску и пошелъ изъ избы на крыльцо, а тамъ и на улицу.

Около сосѣдняго двора стояла кучка парней, изъ которыхъ одинъ игралъ на гармоніи, и тутъ-же стояли, ожидая выхода Машки съ подругами, трое дивчатъ. Вдали, уже почти около моста на рѣкѣ, за заводомъ еще алѣла уходившая съ мужемъ Мелашка.

Дивчата, чего то смѣявшіяся, умолкли, гармонистъ сталъ играть тише. Очевидно, его конфузились: онъ былъ для нихъ не свой. Вскорѣ вышла Машка съ подругами, и всѣ—и дивчата, и парни—потянулись особыми одна за другой группами вдоль по улицѣ въ сторону Богатыревой мельницы. Провожая ихъ глазами, Хведько увидалъ Сохву, шедшую откуда-то навстрѣчу молодежи. Она на минутку пріостановилась было съ дивчатами и шла къ нему.

— Провожаты выйшовъ?—спросила она его. Пишлы на свою „Деревню"... Я постояла зъ нею трохы, де що побалакалы. продолжала она въ-полголоса, какъ бы боясь, чтобы кто не подслушалъ.

— Вона бачъ що каже: заваготнила, каже—продолжала Сохва, лукаво вглядываясь въ покраснѣвшаго до ушей парня.

— Батько!!—протянула она улыбаясь.

Хведько еще больше покраснѣлъ, сконфузился и, моментально повернувшись, пошелъ не въ хату, а въ садокъ.

Сохва поняла, что поступила нетактично; постояла немного, посмотрѣла вслѣдъ ему и пошла къ своему двору.

Такъ они и не видѣлись въ тотъ день.

XXXIX.

Уже близко было къ полночи, когда Хведько подходилъ къ кордону. На лай собакъ вышелъ къ воротамъ Плахотя съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ безъ опроса подошелъ, отгоняя собакъ, къ Хведьку, узналъ его и повелъ по дорогѣ въ лѣсъ. Дома онъ сказалъ, что идетъ въ обходъ.

Тихо и темно было въ лѣсу, хотя ночь была ясная, небо звѣздное. Хведько въ первый разъ былъ въ лѣсу ночью, и потому темнота и своеобразный шумъ верхушекъ деревьевъ казались ему страшными. Шли они молча, почти беззвучно ступая по мягкой дорогѣ. Но вотъ Плахотя шепнулъ: „Иды сюды"—и свернулъ въ сторону съ дороги по какой то тропѣ,

усыпанной шелестящими подъ ногами листьями. Прошедши немного, онъ слегка присвистнулъ. Въ отвѣтъ послышался совсѣмъ близко тоже свистъ, и передъ ними встала какая-то фигура...

— Зъявывся?—сказала эта фигура, въ которой Хведько сейчасъ же узналъ Шляхового.

— Якъ же теперъ будемо? — обратился Шляховой къ Плахоти.

— Дило ваше; до парни́ васъ доведу, а тамъ, якъ знаете,— тилькы къ свиту щобъ убралысь, бо тутъ у мене на кордони буде лисныччй, обходытыме участокъ, такъ щобъ чого не лучылось... Ходимъ!

Онъ, какъ и Шляховой, говорили въ-полголоса. Шли они долго вслѣдъ за Плахотею молча. Шелестѣли сухіе листья подъ ногами, да по прежнему въ вершинахъ деревъ слышенъ былъ какой-то шумъ. Жутко было Хведьку; онъ радъ бы держаться за полу шедшаго впереди его Деныcовича, но въ то же время въ немъ развивалась какая-то готовность къ борьбѣ: сжимались пальцы въ кулаки, которыми онъ, казалось, готовъ былъ отъ самаго чорта отбиться, раздвинуть эту стѣну деревъ, чащу, сгущающую темноту ночи.

Впереди засвѣтлѣло; они вышли изъ чащи высокихъ деревъ и очутились въ болѣе низкой поросли. Это былъ срубленный лѣтъ пять-шесть тому назадъ, успѣвшій уже обкуститься, участокъ лѣса. Здѣсь было не такъ темно: видно было усѣянное звѣздами небо, глухой шумъ вершинъ стараго лѣса остался сзади нихъ. Но за-то теперь имъ пришлось продираться черезъ густую заросль кустовъ, безъ всякой тропинки, и при томъ внизъ съ какого-то косогора.

Впереди что-то зашелестѣло кустами, и Хведько явственно увидалъ какой-то блескъ въ сторонѣ удалявшагося шороха. Плахотя что-то сказалъ Шляховому, изъ чего слышно было только: „пидбиралыся ироды!“. Плахотя слегда присвиснулъ разъ, другой; послышался отвѣтный свистъ и вскорѣ за тѣмъ явственный шорохъ кустовъ, раздвигаемыхъ кѣмъ-то идущимъ

навстрѣчу. Показался какой-то человѣкъ. Это былъ неизвѣстный Хведьку москаль, судя по говору. Онъ сейчасъ, хотя и въ полголоса, началъ ругаться.

— Черти проклятые! Голодомъ заморили! Хлѣбушка ни крохи вотъ ужъ два дня... Тутъ бирюки... отбою нѣтъ, такъ и шмыгаютъ—хриплымъ басомъ говорилъ москаль. Какъ бы въ подтвержденіе этого невдалекѣ послышался заунывный вой, сначала въ одинъ голосъ, а послѣ подхваченный цѣлымъ хоромъ.

— Не поены ужъ другой день, какъ онадысь попоилъ такъ и по сю пору. Черти!

— Та цыть! Хай тоби лыхо! Наче вперше... На, ось де шматокъ хлиба—сказалъ Шляховой.

— Ну, выводьте-жъ по ярузи зъ лису, а я пійду впередъ... Якъ що таке, такъ стрельну зъ рушныци—сказалъ Плахотя и пошелъ.

„Парня́“—мѣсто, гдѣ раздѣлывающіе купленный на срубъ лѣсъ изготовляютъ ободья и полозья. Въ косогорѣ сдѣлана была выемка, гдѣ была самая печь, въ которой распаривалось сырое дерево. Теперь все это было убрано, а въ выемкѣ, какъ оказалось, припрятана была тройка лошадей. Москаль оставленъ былъ для охраны коней отъ волковъ. Онъ же, какъ послѣ разсказали Хведьку, прикармливалъ ихъ нарванною травою и молодыми вѣтками. Шляховой уговорилъ москаля помочь имъ вывести лошадей изъ лѣса, а то онъ хотѣлъ сейчасъ же оставить ихъ. Разобрали накиданныя вѣтви и жерди и, взявъ по одной лошади за поводья, спустились въ яръ и повели по тропкѣ. Не доходя до конца лѣса, Шляховой остановился, передалъ веденную имъ лошадь Хведьку и тогда отправился на опушку, приказавъ идти на свистъ, а безъ этого не двигаться впередъ.

Послышавъ свистъ, Хведько съ москалемъ повели коней и скоро вышли на опушку, гдѣ ихъ ожидалъ Шляховой. Москаля отпустили, при чемъ Денисовычъ далъ ему сколько-то денегъ.

— Ну, давай я тебе пидсажу, тай съ Богомъ, бо до свита треба убраться съ товаромъ—сказалъ Шляховой.

Сѣли и поѣхали по яру, но куда, въ какую даже сторону—Хведько никакъ не могъ сообразить. Вскачь неслись они по какимъ-то жнивьямъ, при чемъ Шляховой подгонялъ прирученную Хведьку третью лошадь. Болѣе получаса скакали они, пока не обозначились передъ ними какія-то высокія вербы, а затѣмъ заблестѣло широкое плесо воды. Когда они попридержали лошадей, то впереди между вербами послышался шумъ мельничныхъ колесъ и лай собаки.

— Ну, отъ и Крипачанська мельныця. Теперъ намъ треба отъ-сюды—шепнулъ Шляховой, сворачивая вправо понадъ порослью лозы.

— Тутъ заразъ буде бродокъ, напоимо коней тай зъ Богомъ дали.—

Скоро черезъ жидкую зарослъ въѣхали они въ рѣчку, напоили лошадей, и тогда Хведько сообразилъ, что они были какъ разъ противъ хутора Крипаки, верстахъ въ трехъ отъ того конца Бемовки, гдѣ жилъ Стрибуль.

Вскачь опять пробѣжали они это небольшое пространство и своротили съ дороги къ протекающей здѣсь рѣчкѣ Данилкѣ, перебраться черезъ которую можно было только по мосту на большой дорогѣ. Загерготали испуганные ими гуси, и закахкали утки на водѣ... Восточный край неба сталъ уже проясняться. Шляховой оставилъ Хведька съ лошадьми надъ рѣчкой, а самъ пошелъ на мостъ, приказавъ не трогаться съ мѣста.

Долго его не было. Наконецъ по мосту послышался стукъ ѣдущей телѣги. Кто то ѣхалъ къ нему... Онъ оробѣлъ, хотѣлъ бросить лошадей и кинуться въ рѣчку, которую разсчитывалъ переплыть. Еще моментъ—и онъ сдѣлалъ-бы это, но, присмотрѣвшись, увидѣлъ, что къ нему подвигается тарантасъ, а не телѣга, везомый тремя человѣками. Это были Шляховой, Йосыпъ и солдатъ Гандзя. Моментально тройка была запряжена; хомуты и вся прочая сбруя оказались на тарантасѣ. Йосыпъ надѣлъ на себя какой-то чекмень и кучерскую шляпу; солдатъ Гандзя оказался въ военной фуражкѣ. Йосыпъ сѣлъ на козлы,—Гандзя умостился на мѣсто барина, и тройка тронулась.

— Эхъ-ти! Забыла, какъ ходыла! — Послышался крикъ Йосыпа.

— Иды-жъ прямо по слободи на Богатыреву греблю, а въ пьятныцю выходь на базаръ—сказалъ Шляховой Хведьку, тыкая въ руку ему какую-то бумажку, и моментально пошелъ на мостъ.

Все исчезло, какъ сонъ.

Онъ стоялъ въ недоумѣніи надъ рѣчкой.—Кахъ, кахъ, кахъ!—кахкали уплывающія подъ другой берегъ утки. Во дворѣ Стрибуля запѣлъ пѣтухъ, слышно было даже было хлопанье крыльевъ его; въ оставшихся сзади Крипакахъ засвѣтился гдѣ-то огонь; занималась заря; на Бемовкѣ грохотали ѣдущія по мосту телѣги. Скомканную бумажку Хведько спряталъ въ карманъ и пошелъ къ мосту, переждавъ, пока проѣдетъ обозъ.

Рано вошедшая черезъ незапертыя двери въ хату Машка постояла надъ безчувственно спящимъ Хведькомъ, подивилась тому, что онъ и „не раззувався“, и принялась „пораться“—топить печь.

Еле разбудила она его уже „въ обидню пору“.

Умываясь надъ „помыйныцею“, Хведько обратилъ вниманіе на свои штаны, запачканные лошадинымъ потомъ и шерстью. На черкескѣ видны были такіе же слѣды ночной скачки. Вышедши въ сѣни, онъ по возможности вытеръ все это какимъ-то мѣшкомъ. Измятая бумажка оказалась десятирублевкой.

Послѣ обѣда Машка, поприбиравъ все, усѣлась около окна что-то шить, а Хведько пошелъ огородами къ Сохвѣ, которую засталъ тоже за какимъ-то шитвомъ.

— Выспався?—спросила Сохва, пристально вглядываясь въ него.

Хведько молча вынулъ изъ кармана десятирублевую бумажку и подалъ ей.

— Це що таке?—

— Визьмы й сховай Машци на справу...

— Все такы свое! Самъ дывысь!—сказала Сохва, взявъ деньги и пряча ихъ всѣ въ лядунку.

— Це-жъ вже твоихъ грошей въ мене двадцать шисть рубливъ—ты знаешъ?—

— Нехай воны въ тебе—отвѣтилъ Хведько и поникъ головою.

Молодица поняла, что выпытать у него, какъ эти деньги попали къ нему, ей не удастся, и пошла къ стоявшей у перегородки, отдѣляющей „валькиръ", „скрынѣ", отперла ее висѣвшимъ на поясѣ ключемъ и спрятала туда деньги.

— Не журысь, хлопче! Ось дождемо ярмарку—повыдаешся: казала, що забижыть до мене—стала она утѣшать его. Но онъ сидѣлъ мрачный, задумчивый и не подымалъ опущенной головы.

— Що-жъ, шевцюешъ?—Посправлявъ Машци чоботы? Ось ще й мени треба де-що полататы, а то якъ почнется копка, такъ ни въ чому буде. На, обдывысь!—сказала она, доставая старые сапоги и желая хоть чѣмъ нибудь развѣять его мрачное настроеніе.

— Машка ото забигала, якъ ты спавъ, такъ казала, що позавчора побиля росправы одъ Лыповськаго пана выклыкалы на машыну, та сояшныкы молотыть. Дають до сояшныкивъ по 30 коп., а на машыни мужыкамъ по 7 рубливъ въ мисяць, а жинкамъ по чотыри зъ половыною, на ихъ харчахъ. Ото тоби-бъ и наняться, та тилькы оце зъ Машкою якъ? Ій вже не лычыть найматыся; одно те, що й самій де-що треба попошыты, бо тамъ у свекра николы буде, а вдруге те, що й жоныхъ ходытыме... Вже-жъ имъ не у васъ въ хати ночуваты однимъ, а хату ніякъ кыдаты—говорила спокойнымъ тономъ Сохва, выговаривая каждое слово тихо и плавно.

Что-то успокоительное слышалось въ ея рѣчахъ. Сказывалась ея обдуманная заботливость объ ихъ дѣлахъ, устанавливалось то, что они—Хведько и Машка—въ лицѣ этой доброй и смышленой молодицы, имѣютъ распорядителя ихъ дѣлами, совѣтчика и покровителя.

— Дивку треба обмыслыты—продолжала она. Не знаю, якъ тамъ обрадятся ваши... Машка казала, що прыйдется въ пятныцю йты на Бемовку на базарь, щобъ тамъ переговорыты зъ вашою титкою, та може й Полька выйде. Мени, бачъ, ніяково

встрявать самій; ще гляды, титка звягуватыме—хиба що дивчата прохатымуть... Такъ и то треба такъ зробыты, що начеты зъ Машкою все робытымешъ, а я вже вамъ буду дораджуваты. Я не знаю, чы пійду на базаръ, чы ни, а ты пійды... Отъ-отъ незабаромъ и ярмарокъ, вже крамари будуются. На ярмарку можно буде усимъ скупыться, чого треба, а найпаче кожухъ... Попрыйиздять и Лоснивци и Билгоряне... Тай ты, якъ думаешъ?—Въ тебе есть яка кожушына на зиму? Пообдывыться треба, може прыйдется якый лынтварь купыты, пидлататы покойного твого батька полушубокъ, такъ и перезимуешъ—не унималась добрая „порадныця" Сохва.

— Щось не чуть, колы саме бондари прыйидуть. Саме якъ стукнутся у той часъ, якъ зъ весиллямъ зативатымутся... що тоди робыты?—обдумывала Сохва и съ этой стороны обстоятельство жизни Хведька, а онъ все молчалъ понурившись. Мысль его то и дѣло отдалялась отъ темы разсужденій Сохвы и неслась то къ Мелашкѣ, врядъ ли теперь доступной для него, то вслѣдъ за умчавшимися на тройкѣ Йосыпомъ и Гандзею, то во мракъ и глушь лѣса, по которому его водили прошлую ночь, то въ захватывающую духъ бѣшенную скачку на добромъ конѣ...

— Такъ таке то!—закончила Сохва свои семейно-хозяйственныя соображенія.—Ще що казатымешъ?—спросила она его, какъ будто не она сама, а онъ все время велъ рѣчь.

— Що-жъ мени ще казать?—ты все сама розскажешъ.—Пійду я, може, пошевцюю трохы, сказалъ Хведько и, вставъ съ лавки, пошелъ изъ хаты.

У себя на крыльцѣ онъ остановился, не желая мѣшать Машкѣ пѣть пѣсню, очевидно только что начатую ею.

Выйду за ворота,
Та не бере охота,...
Выйду за новыи —
Ажъ трава зеленіе...
Та трава зеленіе,
А мое серденько мліе...

Мліе—зомливае,
Що мылого дома не мае...

Хведько присѣлъ на скамейкѣ крыльца и наслаждался знакомымъ мотивомъ пѣсни, хорошо и хорошимъ голосомъ пѣтой Машкою, которая словами пѣсни тосковала за своимъ милымъ, суженымъ.

Пѣніе прекратилось, и Машка съ кѣмъ-то очевидно черезъ окно заговорила. Это оказались двѣ ея подруги, пришедшія къ ней пособить въ шитьѣ. Но онѣ не вошли даже во дворъ, а звали Машку къ Сохвѣ. Она не заставила себя ожидать и вышла, собираясь запереть избу.

— А! ты тутъ?—сказала она, увидавъ брата, и отдала ему замокъ.

Едва только устроился онъ со своимъ „струментомъ", какъ пришелъ Цюпа.

— Што братэць? за шевство узявся—сказалъ онъ, садясь на лавку и доставая изъ кармана кисетъ съ табакомъ. Онъ ловко скрутилъ цыгарку и закурилъ добытою въ томъ-же кисетѣ спичкою.

Долго болталъ Цюпа, разсказывая о своихъ похожденіяхъ, по преимуществу ловеласническихъ, но Хведько почти не перебивалъ его, продолжая свою работу и очень нетерпѣливо выжидая окончанія этого визита. Наконецъ, гость удалился, давъ возможность Хведьву предаться своимъ невеселымъ думамъ.

XL.

Въ пятницу и Хведько, и Машка порознь пошли на базаръ. Встрѣтившіяся имъ тамъ „титка Горпына" и Полька забрали Машку и пошли къ какимъ-то „черныцямъ" [1]) покупать „подушкы" [2]), оставшіяся послѣ какой то ихъ товарки. Полька

---

[1]) „Черныци" особо отъ семьи живущія дѣвушки, „пидстаркуваты".

[2]) „Подушкы" или „подушкы"—мягкая постель, б. ч. состоящая изъ двухъ перинъ, изъ коихъ одна стелется подъ боки а другая въ изголовье.

какъ то объ этомъ провѣдала и не упустила случая пополнить этою покупкою приданое Машки.

Хведько купилъ какого-то ременя и не зналъ, что съ собой дѣлать: ожидать ли своихъ на базарѣ, или идти домой, и стоялъ среди снующихъ базарянъ.

Тучи, затянувшія еще съ ночи небо, начинали разрѣжаться мелкимъ дождемъ. Базаряне прикрывались чѣмъ кто могъ; „седухи"-торговки укрывали свои „возыки", продавцы кожевеннаго товара укрывали возы „шкурами". Базаръ разстроивался. Кто могъ, поспѣшалъ домой; многіе прятались подъ навѣсы лавокъ; „трахтырь" Вовка былъ тоже полонъ.

Къ Хведьку подошла какая-то неизвѣстная ему женщина, накрытая отъ дождя рядномъ, произнесла знакомое „шамромамро" и не смотря на него сказала:

— Иды оподаликъ за мною!—и пошла съ базара въ улицу

Мгновеніе онъ было поколебался и затѣмъ пошелъ слѣдомъ за незнакомкой, уже успѣвшей отойти отъ него саженей на тридцать.

Не оглядываясь, шла молодица по улицѣ; повернула въ переулокъ, вышла на выгонъ и затѣмъ пошла по-надъ задворками и огородами. Нѣсколько „витряковъ" на выгонѣ были въ полномъ ходу, но людей не видно было: и мирошники, и помольщики попрятались отъ дождя внутрь мельницы. Кончались уже недалеко впереди огороды, и начиналось поле. Проводникъ женщина вдругъ повернула на одинъ изъ огородовъ, къ краю котораго прилегалъ густой вишневый садъ. Въ этомъ саду Хведько натолкнулся на поджидавшую его молодицу.

— Отъ тутъ побудь трохы; я пійду скажу, що ты вже тутъ.

Немного погодя его нашелъ въ саду незнакомый крестьянинъ и повелъ въ какую-то ригу. Тамъ оказался Шляховой, поднявшійся съ прикрытаго рядномъ сѣна. Очевидно, онъ или ночевалъ въ этой ригѣ, или валялся съ самаго утра, такъ какъ мѣсто лежки было умято.

Денысовычъ поздоровался и, обратясь къ приведшему Хведька человѣку, сказалъ:

— Ты вже сюды прынесы чого небудь закусыть, та й пляшку не забудь—и когда тотъ вышелъ, обратился къ Хвецьку дѣловымъ тономъ.

— Ото тройку мы спровадылы, а теперъ треба четвертого збуть. Воны мене не послухалы: я казавъ попрыдержаты у лиси, а воны и повелы—накынулы слидъ на Шкавра, а його й заарештовано. Такъ ото й треба, щобъ ты у вечери, якъ зовсимъ зсутеніе, надійшовъ сюды; визьмешъ коня, тай одведешъ ажъ у городъ до Гандзи, тильки не до дому, а не дойиздючы до города, супротывъ витряка подасыся до лизокъ,—тамъ тебе дожыдатымуть. Цього здасы, а на другого пересидлаешъ сидло и щобъ до свита назадъ сюды. Аже потрапышъ на сидли йихаты, чы може такъ по просту?

— Я на сидли не вмію.

— Ну, такъ и безъ сидла: тилько, гляды дуже розибьешся: це туды пятнатцать да назадъ... це верстовъ трыдцять...

— Якъ небудь пройиду.—

— Ну, твое дило.—Визьмешъ коня не тутъ, а на Таракановци—знаешъ? Саме де ото стари гамазеи—туды тоди тоби його выведуть... Винъ тутъ, ось дывысь сюды!—и Денысовычъ подвелъ его къ одной изъ плетневыхъ стѣнъ «клуни».

— Дывысь ось сюды скризь плетинь.

Хведько посмотрѣлъ и увидѣлъ въ очень узкомъ межъ двумя плетнями помѣщеніи лошадь. Отдѣлявшій это помѣщеніе отъ всей клуни плетень былъ ничто иное, какъ только двойная стѣнка, очень искусно приставленная. Трудно было догадаться, что это не наружная стѣна риги.

Пришелъ посланный за закуской и пляшкой, очевидно хозяинъ двора, и заявилъ, что дождь усиливается.

— Ажъ шкварчыть! — сказалъ онъ, вынимая изъ-подъ полы завернутый въ старую скатерть хлѣбъ и порѣзанную большую селедку; затѣмъ онъ изъ угла клуни взялъ какую-то мѣрку, опрокинулъ ее вверхъ дномъ, положилъ закуску и поставилъ вынутую изъ кармана черкески бутылку и стаканчикъ. Устроивъ все это, онъ удалился, затворивъ ворота.

Шляховой сѣлъ самъ на сѣно и пригласилъ сѣсть Хведька, снялъ шапку и, перекрестившись, налилъ стаканчикъ, поздоровался и выпилъ; послѣ поднесъ Хведьку и закусилъ.

— Ше одну тоби пиднесу, а бильше не дамъ: вона тоби не пайдыть.

— Колы жъ саме у васъ свадьба?—спросилъ онъ, обирая звенко селедки.

— Та ото въ ту недилю, писля Здвыження зативаются.

— Ну слухай, що я тоби казатыму. Треба тоби у волости билетъ узять. Дадуть? Якъ думаешъ? Сходы до пысаря, поспытай. Такъ мы бъ зъ тобою пойихалы у другу краину. Тильки ты мене слухай—я зъ тебе чоловика зроблю. Якъ зустринемося на ярмарку, такъ и скажешъ мени, чы дадуть тоби билетъ, чы ни. Якъ що таке, такъ можно буде яку рублевку дать пысареви, а то й у подати що небудь дасы, абы тильки одпустылы...

— Закусюй! На! ще одну выпый, закусы тай иды зъ Богомъ. Пійдешъ не по улыци, а зновъ выйдешъ на выгонъ, тай пійдешь скризь по Тараканивци и повзъ гамазеи, а йдучы прымичай, щобъ у вечери не заблудыться. Итымешъ такъ: зъ гребли повернешъ по шляху-вулыци, або хоть и по-за городамы; якъ ото саме шляхъ выходе зъ слободы, такъ и верны собъ по надъ глыныщемъ и, не доходячы гамазеи, прысядь и дожыдай—а тоди вже рушай прямо на шляхъ и на городъ. Якъ що хто по шляху стриватымется, такъ объизжай стороною. Никого нема—й побижы, а запрымитышъ кого по шляху, зупыны коня и йидь пройиздомъ, щобъ невпрымиту було. Якъ дойидешъ до городського витряка, такъ заразъ круто поверны на лозы, заведы туды коня, прывьяжы зновъ дожыдай. Тамъ тебе знайдуть; почуешъ тилько хтось свысне, ты и соби тыхо прысвысны. Назадъ также само де пройиздомъ, а де й пробижышъ... Дойидешъ до гамазеивъ, легенько свысны и прыслухайся. Такъ треба, щобъ за ничъ управытыся.— Подождемо, отъ я выгляну, чы нема кого. Ну, теперъ иды зъ Богомъ! Та не забудь про билетъ—на ярмарку скажешъ.

Когда возвратился Хведько домой, Машка уже давно была дома и не знала, обѣдать ли ей самой, или поджидать исчезнувшаго на базарѣ брата.

Ему пришлось переодѣваться и развѣшивать въ сѣняхъ на жердяхъ намокшее платье. Отъ Машки онъ узналъ, что подушкы

приторговали за 3 р. 50 к., но только съ тѣмъ, чтобы ихъ пересыпать и перебрать перо въ новые наволочки, что рано утромъ на ярмарокъ, къ нимъ надойдутъ „титка Горпына“ и Полька, чтобы отправиться вмѣстѣ въ „крамныци“ скупить что нужно къ свадьбѣ, что дождь перебилъ имъ сегодняшній базаръ.

Пообѣдавши, Машка ушла къ Сохвѣ, а Хведько усѣлся шевцювать, при чемъ никто не мѣшалъ ему думы думать и мечтать о дальней поѣздкѣ съ Шляховымъ куда-то на сторону, гдѣ онъ найдетъ для себя дѣло, пристроится къ чему либо. Въ хату пуститъ бондарей; Машку выдастъ замужъ. Что ему дома дѣлать?—На сторонѣ лучше: никто его тамъ не знаетъ, ничѣмъ не попрекнетъ, не назоветъ потюремщикомъ. Мелашка?!—все равно ее теперь не увидишь, доступу къ ней нѣтъ. Сохвѣ нужно будетъ сказать о своемъ намѣреніи убраться на сторону,—безъ этого нельзя; только онъ не скажетъ, разумѣется, съ кѣмъ и какъ отправится.

Онъ такъ замечтался объ этой поѣздкѣ, что даже забылъ было о необходимости ночью сгонять въ городъ и обратно. Когда однакоже онъ вспомнилъ, то дѣло это ему уже не было ни страшнымъ, ни противнымъ, какъ прежде. Напротивъ, что-то лихое, удалое видѣлось ему въ этой ночной экспедиціи; онъ готовъ бы хоть сейчасъ взгромоздиться на коня и мчаться въ пространство.

Сумерки, сгущенные пасмурною погодою, застали его за работой и въ этихъ мечтахъ о предстоящихъ похожденіяхъ.

Прибравши струментъ, онъ сидѣлъ въ хатѣ, обдумывая, какъ сказать Машкѣ, куда онъ пойдетъ.

Легка на поминѣ, она пришла домой съ чѣмъ-то завязаннымъ въ платкѣ, при чемъ сказала, что дождь пересталъ идти, а поднялся вѣтеръ,—и пошла въ валькиръ.

Когда совсѣмъ стемнѣло и Машка засвѣтила каганецъ, Хведько вышелъ въ сѣни, розыскавъ какой-то старый халатъ, подпоясался, захватилъ кіёкъ и, сказавъ въ пріотворенныя двери „я жъ иду зъ дому“,—пошелъ изъ хаты.

Б. Позпанскій.

(Продолженіе будетъ)

Картина изъ временъ крѣпостного права.

(Къ рисунку).

Въ Древнехранилищѣ Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета въ Каменцѣ-Подольскомъ есть двѣ картины, изображающія горе мужика-крѣпака. Картины эти, писанныя масляными красками не особенно художественно, представляютъ интересъ съ историко-этнографической стороны. Хотя обѣ онѣ поступили въ Древнехранилище изъ разныхъ мѣстъ, но по сюжету и по содержанію подписанныхъ подъ изображеніями стиховъ—малорусскихъ и польскихъ—картины почти одинаковы: здѣсь изображена тяжелая участь крестьянина во время крѣпостного права.

На первой картинѣ изображенъ сидящій подъ деревомъ крестьянинъ, въ глубокой думѣ склонившій голову на руку. Во многихъ мѣстахъ его одежды видны прорѣхи. Возлѣ него стоитъ пара тощихъ воловъ, запряженныхъ въ ярмо и рало. Дальше по полю идетъ женщина—поселянка, несущая въ одной рукѣ „блызнята“, въ которыхъ обыкновенно выносятъ на поле работникамъ обѣдъ—горячую пищу; другой рукой она придерживаетъ на плечахъ мѣшочекъ съ чѣмъ-то. Вдали виднѣется панскій палацъ. Подъ картиной подписаны слѣдующіе стихи:

Охъ, доле, доле ты моя!
Колы диждуся щастя я?
Колы на тимъ кровавимъ поли
Зобачуся въ щаслывій доли?

Уже-мъ зчорнивъ, якъ головня,
Видъ паньскои биды що-дня.
Таку, якъ й панъ мій, маю душу,
А вразъ зъ воломъ тягнуты мушу.
Ще навить бильше, якъ и вилъ,
Бо хоць въ ночи спокійный винъ,
А я якъ день—за плугомъ ходжу,
Ничь прыйде—йду я на сторожу.
И такъ ажъ лито все мыне,
Женуть на панщыну мене.
Чы йивъ що, чы ни—не пытають,
Дитей и жинку выганяють,
И скилько въ хати буде всихъ,
Никого не мынуть на-смихъ.
Царя, ни Бога не боятця,
Що-дня, що-свята такъ глумлятся.
Ажъ вже настане и зима—
Хлибъ въ пана е, въ Грыцька нема,
И панъ о тимъ якбы не знае,
Черезъ що бидный Грыцъ хлиба не мае.
Якъ йиде часомъ безъ [1]) село,
Не дывитця и не спытае,
Чы бидный въ свити Грыцъ що мае;
Абы у него все було.
По три дни хлиба я не бачу,
Не разъ зъ Марыною заплачу:
Що въ него псамъ его хлибъ е,
А въ мене дитямъ не стае.
Але, щобъ раментъ видбуваты,
Винъ каже гарци виддаваты
На бидни рукы вже дитей,
Або хто буде по смерты!

Сочиненіе свящ. и кавалера **М. Орловскаго.**

---

[1]) Мѣстный подольскій говоръ: *безъ*=*черезъ*.

Авторъ этихъ стиховъ былъ священникомъ (впослѣдствіи протоіереемъ) с. Глядокъ, Проскуровскаго уѣзда, Подольской губерній, скончался въ глубокой старости десять лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ замѣчательный любитель мѣстной старины, помѣщавшій въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ свои весьма цѣнные труды по описанію разныхъ городовъ и мѣстечекъ Подоліи, имѣлъ большую библіотеку историческихъ сочиненій (болѣе цѣнныя книги переданы имъ еще при жизни въ библіотеку Подольской дух. семинаріи). Въ томъ же Каменецкомъ Древнехранилищѣ, гдѣ находится вышеописанная картина, есть принадлежавшая покойному Орловскому тетрадь разныхъ стиховъ и выписокъ изъ книгъ, большею частью на малорусскомъ языкѣ; среди этихъ стиховъ есть и вышеприведенные стихи, озаглавленные въ тетради такъ: „*До нещастя*“, а подъ стихами подписано: „1837 года, 13 декабря“.

На другой находящейся въ Древнехранилищѣ картинѣ изображенъ селянинъ такъ же, какъ и въ первой картинѣ: сидитъ подъ деревомъ въ позѣ глубокаго раздумья, а возлѣ него пара воловъ, запряженныхъ въ рало. Жены и панскаго палаца на этой второй картинѣ нѣтъ. Внизу слѣдующая подпись:

O Nieba! kiedyż, kiedyż te przykrości miną,
W których moie lata, dnie y godziny giną?
Pracuię, a nigdy nieznam pracy moiey końca,
Od wschodu ranney pory do zachodu słońca.
Czyliż się wyrok smutku dla mie nie odmienia,
Bym doznał w mem życiu choć moment ulżenia?
Dzwigam iarzmo niewoli, aż mie sił niestaie,
Co włożyli oddawna przemocy obyczaie.

Эта картина древнѣе первой. Кѣмъ составлены подписанные подъ нею стихи,—неизвѣстно.

Сообщ. свящ. **Е. Сѣцинскій.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи „Основы“. Въ память только что умершаго бывшаго редактора «Основы», помѣщаемъ здѣсь три его записки къ Д. С. Камснецкому, завѣдывавшему типографіею Кулиша, при чемъ двѣ изъ записокъ относятся, повидимому, къ концу 1860 г., когда В. М. Бѣлозерскій готовился приступить къ изданію уже разрѣшенной ему «Основы». Третья записка писана весною 1861 г., такъ какъ статья Костомарова—*Воспоминаніе о двухъ малярахъ*, о которой въ этой запискѣ говорится, напечатана въ апрѣльской книгѣ «Основы» 1861 года.

1. «Весьма благодаренъ Вамъ, Даніилъ Семеновичъ, за присылку. Но такъ какъ произведеніе назначалось для сборника, то мнѣ необходимо знать, былъ ли согласенъ Пантелеймонъ Ал. [1]) на передачу мнѣ онаго произведенія.

Не теряю надежды вскорѣ съ Вами увидѣться. Было бы очень для меня полезно, если бъ Вы потрудились: 1) привести хоть въ приблизительную извѣстность, сколько книгъ «О винокуреніи» продано и доставить мнѣ для отправки деньги; 2) привести въ точную извѣстность, сколько взято мною изъ денегъ, должныхъ Пантелеймономъ Ал. Н. Н. Катенину [2]) и могутъ ли быть возвращены теперь остальныя; 3) показать мнѣ печатные листы разныхъ форматовъ и шрифтовъ изъ Вашей типографіи съ назначеніемъ цѣны; 4) пока-

1) Кулишъ.

2) Сколько приходилось слыхать, отъ этого Катенина получены были деньги на изданіе „Основы“, при чемъ указывается и цыфра ихъ—20 т. р. *Ред.*

зать образцы хорошей печатной бумаги (какъ въ Искрѣ, Арх. Вѣстникѣ, Volumina legum) и опредѣлить ихъ цѣну.

Мнѣ необходимо напечатать 600 экз. объявленій на большихъ почтовыхъ листахъ. Нѣтъ ли у Васъ въ виду и такой бумаги, которая была бы не дорога и не пропускала.

Вашъ В. Бѣлозерскій».

2. «Очень жаль, что мы это время не видѣлись. Я такъ былъ занятъ, что рѣшительно не имѣлъ возможности забѣжать къ Вамъ. Завтра уѣзжаю въ Москву и ворочусь черезъ недѣлю, въ понедѣльникъ. Отъ души радуюсь за П. Ал. Мнѣ извѣстно, что онъ ѣздилъ къ Ригельману, который живетъ подъ Черниговомъ.

Прошу Васъ собрать мнѣ, къ пріѣзду, побольше адрессовъ и вручить посылаемый пакетъ въ Стрѣльнѣ.

Вашъ В. Б.

Мнѣ уже отвѣчають кіевскіе профессора. Одинъ профессоръ даже прислалъ пѣсню «Чумакъ» на малороссійскомъ языкѣ!

Нельзя ли помѣстить объявленіе объ «Основѣ» въ *Нар. Чтеніи* (хоть краткое)».

3. «Посылаю Вамъ, Даніилъ Семеновичъ, цензорскіе листы. Обратите вниманіе на *Двухъ Маляривъ*: они напечатаны въ противность цензорскому замѣчанію, за что́ я получилъ замѣчаніе и предостереженіе. Вамъ извѣстно, что я не держалъ корректуры этой статьи; поэтому не трудно рѣшить, кто оказалъ такую опасную услугу и мнѣ, и П. А., и Костомарову. Если Вы сравните корректуры стиховъ и проч., то также убѣдитесь въ основательности моего негодованія.

Въ цензурномъ комитетѣ удержали билетъ за неполученіемъ книгъ изъ типографіи. Почему Вы не послали въ комитетъ и главн. правленіе? Это обязанность типографіи. По сдѣланному въ четвергъ еще распоряженію, переплетчикъ долженъ былъ доставить 8 экземпляровъ.

Прошу Васъ прислать мнѣ конецъ (набранный, но не сверстанный) Выговскаго [1]) и извѣстите, что у Васъ еще набрано и что́ Вы согласны изъ того отпечатать. Потрудитесь привести это въ ясность.

---

[1]) Статья Костомарова *Гетманство Выговскаго* напечатана въ апрѣльской и майской книгахъ „Основы“ 1861 г.

За школу весьма благодаренъ. Если Вамъ будетъ угодно, то позаботьтесь о доставленіи статьи объ изданіи Вашихъ пѣсенъ-брошюръ. Пантелеймонъ Ал. не попроситъ ли Николая Ив. о Хмельнищинѣ?

Вашъ покорный слуга В. Бѣлозерскій».

Письмо П. А. Кулиша въ Буковину, 1861 года. Печатаемое здѣсь письмо найдено въ бумагахъ Д. С. Каменецкаго [1]), въ подлинникѣ, изъ чего видно, что оно не было отправлено по адресу; но это не мѣшаетъ интересу, представляемому этимъ посланіемъ для характеристики общественной дѣятельности Кулиша.

«Чесни панове! Дякую Вамъ зъ души за ваши гарни лысты. Шкода велыка, що въ Васъ мижъ письменнимы людьми таки ростыркы, а ще гирша шкода, що не вси письменни люде шанують, такъ якъ вы, мову народню. Думы вашого поэта Федьковича дуже вподобавъ я. Трохи, чы не первый се ще въ васъ поэтъ! Треба вамъ, прытьмомъ треба зъ нашою словесностью бильшъ обзнаватысь, щобъ одна була поэзія и въ васъ, и въ насъ. Федьковичъ прыслухавсь до народнихъ писень, тимъ винъ и риднійшый намъ одъ усихъ иншихъ вашихъ поэтивъ. Народня писня була взоромъ и нашому Шевченкови. Вже жъ прошу вашои ласкы, не одризнайтесь одъ насъ. Нехай соби львивське *Слово*, якъ хотя мудрує, а вы йдить одниєю зъ намы дорогою.

Коліи въ мене не скинчени, и не знаю, колы скинчу, а то бъ я заразъ уволи́въ вашу волю и выславъ бы вамъ рукописъ. Не одно въ мене дило: я пышу й московською мовою, повертаючы на добру дорогу тихъ, що нашои риднои мовы не розуміють. Праведно вы, панове, постерегли, що литература въ насъ не циль, а способъ. Намъ аби люде сталысь людьмы. Тымъ-то мы опричъ книжо́къ, ще заводымо й школы таки, щобъ зъ ныхъ выходылы *люде*. Ото жъ намъ и не до смаку таки утворы, що тилько нижать серце та морочать солодкимъ о́дуромъ голову, а духу народнёго, праведно людського не пидиймають уго́ру. Журналъ нашъ *Основа* не дуже розбирае, чого що́ стоить и шкодыть чистому смаку мовы народнёи, а

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1898 г., май, 222.

тимъ часомъ исуе й здоровый розумъ крытыкы народнёи. На той дивъ, може, зачнемо выдаваты газету таку, щобъ держаты нашихъ землякивъ на добрій дорози. А поки що выниджаю я оце погуляты по Европи, та покупатысь у мори, щобъ набраты сылы до новои праци. Визьму зъ собою кныжокъ, чы не знайду способу переслаты ихъ вамъ изъ Берлина або-що. Прожыватыму на первыхъ часахъ у Ныцци. Пишите до мене туды poste restante, колы ваша ласка, та й сповистить, чы дойшлы до васъ мои кныжкы.

Щыропрыхыльный до васъ обохъ, мои кохани панове, П. Кулишъ.
Р. Б. 1861, квытня 9. С.-Петербургъ.

Пренумерантивъ у насъ на вашъ часописъ не знайдетця. Уже одно те, що не кырылыцею, панове, друкуете, оджахне одъ ёго. Треба бъ уже однаково намъ пысаты всимъ. Мы свій *ёрг* (ъ) тилько дочасно ставымо, поки побильшае нашои пысьменнои громады. А то знаете, прывыклы на церковныхъ та на московськыхъ кныжкахъ, то й спотыкаютця; усе здаетця, що слово не допысане».

Надпись. W. Pan Kobylański, g. n. u. teolog 4 r. *Czernowitz* (*Bukowina*).

Изъ семейныхъ отношеній нач. XVIII вѣка. Печатаемое здѣсь (по подлиннику) письмо пишетъ дочь нѣжинскаго полковника Степана Забѣлы, Настасья, бывшая замужемъ за внукомъ переяславскаго полковника Дмитрашка-Райча Алексѣемъ Марковичемъ [1]), къ своему «свату», бывш. лубенскому полк. есаулу Андрею Петровскому. Содержаніе письма не требуетъ объясненій. Интересенъ вопросъ—кѣмъ писано письмо: самою ли «Алексѣевою Думитрашковою» или кѣмъ другимъ, по ея порученію. Почеркъ письма не писарскій, но несомнѣнно, что письмо писано не самою «сватовою», которая, хотя и была дочерью богача-полковника, но писать не умѣла, какъ и всѣ тогдашнія малорусскія женщины; послѣднія писать научились лишь во втор. полов. XVIII вѣка.

А. Л.

«Благородний мосцѣ пане Андрей Петровский, ласкавый намъ приятелю и пане свату.

---

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г., II, 405.

Листъ писанный отъ вашмосцѣ пана получила 10 генвара, въ которомъ прописалъ вашмосць, что сынова ваша, а моя дочеръ Іуліяна сщаста збираючи к себѣ якъ не потребно жонокъ, и съ ними гуляніе справляетъ, а о господарствѣ и дѣтяхъ, якъ описуешъ вашмосць, не дбаетъ нѣ мало, что я тому ея гулянню нѣмало не благодарна; вашмосць же, якъ отецъ ей и дѣтемъ, всячески силенъ возбранить и запретить, да и наказать, дабы она того вовся поперестала. А худобу, которая імѣется, в себѣ изволте до зросту дѣтей содержать, перстенки и прочія вещи пожалуйте, пожалуйте (*sic*) в себе удержать, и ей нѣмало не дать, бо и я рада б вседуш (sic) отвѣдатися и розговоръ имѣти с вами, тилко жъ, якъ видите и сами, непостоянная дорога; ежели ж Господь подастъ хотя мало дорога полѣпша, то и сама обѣщаюсь повидѣтись с вами. При семъ зостаю вашмосцѣ пану всего добра зичливая сватова Апастасія Забѣловна, Алексѣева Думитрашкова.

З Березани. 1738 год, генваря 6 д.

P. S. Прошу вашмосцѣ пана сей листъ, которий посилаемъ до пана асаула полкового лубенского хотя своимъ козакомъ одослать и вручить кому надлежитъ».

Надпись. «Благородному его милости пану Андрею Петровскому, ласкавому намъ пріятелю и пану свату належитъ. В Городищи.

Пѣсня изъ крѣпостнаго быта „про галаганцивъ“. Запись малорусскихъ пѣсенъ изъ крѣпостной жизни крестьянъ начата вслѣдъ за ихъ освобожденіемъ. Едва-ли не первымъ записателемъ ихъ былъ извѣстный другъ малорусской народности Левъ Мих. Жемчужниковъ: черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ, на страницахъ февральской книги *Основы* за 1862 г., напечатаны имъ шесть пѣсенъ, сложенныхъ народомъ подъ тяжестью крѣпостнаго состоянія. [1]) Въ числѣ этихъ пѣсенъ помѣщена и слѣдующая:

Наступае чорна мара
А другая сыня,
Не заступыть сынъ за батька
А батько за сына и т. д.

---

[1]) Позднѣйшую запись пѣсенъ изъ крѣпостнаго быта см. въ сборникѣ пѣсенъ г. Гринченка. (Черниговъ, 1899 г.), стр. 932 и слѣд.

Въ концѣ пѣсни читаемъ слѣдующія строки:

У нашои окономши
Червона спидныця,
Ой выходять билозирци,
Якъ сходыть зирныця;
У нашого оконома
Сивая кобыла,—
Ой побыла билозирцивъ
Лыхая годына и т. д. [1])

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что пѣсня эта сложена не *бѣлозерцями*, т. е. не крестьянами помѣщиковъ Бѣлозерскихъ, а существовала и раньше, и крестьянами Бѣлозерскихъ лишь пріурочена къ своему положенію—вставкою фамиліи помѣщика. Какъ одинъ изъ варіантовъ этой пѣсни, приводимъ здѣсь пѣсню про «галаганцивъ», т. е. пѣсню о галагановскихъ крестьянахъ, обращающую на себя вниманіе и тѣмъ, что найдена она въ бумагахъ Гр. Павл. Галагана († 1888 г.), *собственоручно имъ переписанная*.

А. Л.

—

— Ой высоко сонце сходыть, а нызько заходыть,
Ой ходыть пипъ по виктарю, та лысты чытае:
«Чому, чому галаганцивъ у церкви не мае?
— Ой якъ же намъ, нашъ батюшка, до церквы ходыты,—
Загадують десятчики въ клуни молотыты.
Що братъ косыть, що братъ косыть, а батько молотыть,
Сестра у насъ одыныця—тай та кирпичъ носыть.
Пишлы наши жита жаты, силы спочиваты,
Озирнутця назадъ, ажъ йиде Лученко, [2]) канчукъ росправляе,—
«Чому, чому галаганцивъ по трое немае?»
— Ой якъ же намъ, паноченьку, по трое ходыты,
Покинулы малыхъ дитей никому глядиты!
Ой въ нашои Галаганши жовтая спидныця,

---

[1]) Въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ сказано, что она записана „въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниг. губ.", гдѣ находились имѣнія Бѣлозерскихъ; мы лично слыхали въ дѣтствѣ (въ сороковыхъ годахъ) эту пѣсню пѣтою одною древнею старухою въ с. Гирявкѣ, Конотоп. у., гдѣ тоже находилось имѣніе Бѣлозерскихъ. Кстати замѣтимъ, что б. редакторъ „Основы", напечатавшій эту пѣсню, былъ довольно близкій ихъ родичъ.

[2]) Вѣроятно, одинъ изъ „экономовъ".

Идуть наши жинки зъ жнививъ вже зійшла зирныця.
У нашого Галагана вышивана хустка,
Буде въ нашихъ Озерянахъ [1]) не одна хата пустка!
У нашого Лученка билая кобыля,
Ой побыла галаганцивъ лыхая годына!

Показаніе о службахъ лубенскаго полковаго есаула Андрея Петровскаго. (1678—1712 гг.). Печатаемое здѣсь показаніе полк. есаула Петровскаго о его службахъ сохранилось въ двухъ спискахъ [2]), изъ которыхъ одинъ, какъ видно по почерку и по языку, написанъ былъ гораздо раньше второго, относящагося къ концу XVIII в. Оба эти списка другъ друга пополняютъ, почему нѣкоторыя записи здѣсь печатаются по обоимъ спискамъ, при чемъ, находящіяся въ позднѣйшемъ спискѣ, помѣщаются подъ строкою.

Показаніе Петровскаго заключаетъ въ себѣ очень много любопытныхъ подробностей изъ военной жизни гетманщины к. XVII и нач. XVIII столѣтій, незанесенныхъ въ тогдашнія лѣтописи, почему мы и нашли нужнымъ напечатать этотъ документъ полностью. Особенно интересны здѣсь упоминанія о «ватагахъ» (Цапугѣ, Плякѣ и друг.); повидимому, это были своего рода партизаны, рыскавшіе «по дикимъ полямъ татарскимъ», съ цѣлію добывать «языка» и съ помощью его предупреждать нечаянные набѣги татаръ. [3])—Интересны подробности осады Азова, объ услугѣ за которую гетманскихъ козаковъ Петръ В. нашелъ нужнымъ подробно упомянуть, извѣщая патріарха о взятіи Азова.

Извѣстіе о «запорожникѣ» Пинчукѣ, разорявшемъ окрестности Кременчуга, сколько знаемъ, совсѣмъ новое.

---

[1]) Село Озеряны, Лохвицкаго уѣзда, при крѣпостномъ правѣ принадлежало не Гр. Павл. Галагану, а дядѣ его Петру Григорьевичу Галагану...

[2]) Они получены нами, вмѣстѣ съ другими бумагами Петровскихъ, отъ П. В. Новицкаго, которому и приносимъ здѣсь глубокую нашу благодарность.

[3]) Лизогубовская лѣтопись, говоря объ этихъ „ватагахъ", замѣчаетъ, что „изъ тѣхъ ватаговъ значнѣйшій былъ Семенъ Палѣй.." *Сборн. Лѣтоп.*, 1888 г., стр. 36.

Нѣкоторыя изъ упоминаемыхъ въ показаніи событій мы обозначили точнымъ временемъ, въ которое они произошли. О самомъ Петровскомъ мы знаемъ немного: онъ былъ сначала сотникомъ городисскимъ (м. Городища), а потомъ полковымъ есауломъ. Подъ конецъ жизни онъ писался «знатнымъ товарищемъ», изъ чего видно, что онъ дожилъ до такой старости, когда долженъ былъ оставить свой урядъ. Онъ былъ живъ еще и въ 1738 г., какъ видно изъ напечатаннаго выше (стр. 4) къ нему письма его «свахи». Послѣ него остался сынъ Филиппъ, который тоже занималъ (въ 1742 и слѣд. гг.) городисскій сотничій урядъ.

А. Л.

—

«Доношеніе даю въ службѣ своей ея императорскаго величества, якъ сталемъ служить въ походахъ военнихъ, въ року 1678.

1. Походъ мой подъ Чигиринъ, когда турчинъ взялъ Чигиринъ, билемъ съ отцомъ своимъ на той службѣ.

2. Якъ намѣровалъ турчинъ подъ Кіевъ прійти, тогда въ войску билъ; и посилано насъ, вибравши съ полковъ, съ Павломъ Папугою, ватагомъ, козакомъ полтавскимъ, и ходилисмо за Бугъ и взяли татаръ человѣка 2-хъ на Куялникахъ, якіе татаре сказали, же турчинъ повернулся назадъ къ Царюгороду, и тихъ язиковъ отдали гетману Ивану Самуйловичу.

3. Якъ Григорій Григоріевичъ Ромодановскій ходилъ подъ Козацку Дуброву и пакта мирніи съ турчиномъ и зъ ордою постановили, на тотъ часъ и я билъ.

4. Якъ Василій Василіевичъ Голицинъ зъ гетманомъ Иваномъ Самуйловичемъ пошли били на Кримъ и вернулися отъ великого луга, и я въ томъ походѣ билъ.

5. Якъ Самаръ робили городъ, чрезъ все лѣто, и я въ томъ походѣ билъ. (1688 г.)

6. Повторе, когда Василій Василіевичъ Голицинъ ходилъ подъ Перекупъ зъ гетманомъ Мазепою и подъ Перекопомъ били, и я тамъ билъ. (1689 г.)

7. Походъ завжды хожувалемъ у поля́ зъ ватагамы Плякою, Кулимомъ, Ковалчикомъ и Рубаномъ, по поляхъ дикихъ татарскихъ, искаючи татаръ, и розбивали ихъ и отдавали гетману Мазепѣ; зо всѣми тими ватагами и я ходилъ [1]).

1) Изъ Иваномъ Плякою полтавскимъ посилали насъ для язика и взяли человѣка восемъ татаръ на. . . . (неразобрано) и отдали гетману Самойловичу, и съ тими жъ язики и на Москву ходили.

8. Походъ, якъ Петрикъ виходилъ влѣтку изъ ордою и городки по-надъ Орѣлю поприверталъ билъ подъ себе онъ, Петрикъ, прелестью своею, гетманъ посилалъ зъ войсками вибранними теперешнего ясневелможного пана гетмана (полковника миргородского Апостола) противку Петрика, якъ зъ ордами вибили и прогнали зъ Украины, и я въ томъ походѣ билъ (1692) [1]).

9. Якъ виходилъ Батейча изъ ордами и вдарилъ въ полкъ Переясловскій на села, нашъ полкъ Лубенскій стоялъ въ Веремѣевцѣ на тотъ часъ, а они виправили съ кошемъ... вдарили подъ насъ, теди ми тогда (sic) ихъ много покололи, а живыхъ взяли человѣка 30, въ якомъ походѣ я билъ. (1694 г.) [2]).

10. Гетманъ посилалъ Іллю Новицкаго подъ Очаковъ и нашого полку Лубенского приданно ему тисячу подъ коменду его; и ходили подъ Очакувъ и посадъ спалили и ясиру много побрали. Тогди въ томъ походѣ я билъ сотникомъ. (И я тогда жалованъ сотникомъ).

11. Якъ гетманъ посилалъ подъ Казикерменъ полкъ нашъ Лубенскій и (съ?) Палѣемъ и тогда стрѣтились надъ Ингулцемъ зъ ордою, и тамъ взяли человѣка вусемнадцать, и подъ Казикерменъ пришедши, посадъ спалили и много ясиру побрали. И я тамъ билъ сотникомъ [3]).

12. Якъ посилалъ гетманъ Якова Лизогуба, полковника чернѣговского, съ полками и съ Палѣемъ за Днѣстръ, подъ паланку, якую паланку добули и селъ много попалили и ясиру много набрали, въ якомъ походѣ я билъ сотникомъ (1694 г.).

13. Когда Борисъ Петровичъ Шереметовъ зъ гетманомъ ходилъ подъ Казикерменъ, въ томъ походѣ Казикерменъ добули и людей посадскихъ совсѣмъ побрали, въ томъ походѣ и я билъ сотникомъ (1695 г.).

---

[1]) И много татаръ побили и живцемъ побрали, такожъ и ясиръ отбили многъ.

[2]) Якъ орда била подъ Переясловимъ, селъ много попаливши тамъ и людей подрали, а подъ Веремѣевку на насъ ударила, тоди ми вибѣгши, тамо много подъ Переяславимъ орди побили...

[3]) Якъ Палѣй ходилъ подъ Казикерменъ зимного часу, тогди и нашему полку Лубенскому приказано ити зъ онимъ же Палѣемъ и тогда били орду на Гардарской (?) и много татаръ побрали тамъ, а пришедши отъ Казикерменъ, посадъ спалили и коло города все спустошили.

14. Якъ Петрикъ виходилъ зимою и подъ Говтвою Гадяцкій полкъ разбилъ и всѣ орди подъ Миргородъ пришли, тогда полковникъ Свѣчка придавши мнѣ двадцать человѣкъ, послалъ мене зъ Миргорода, и тамъ я татарина поймалъ, якій татаринъ сказалъ: уже всѣ орди маютъ вернутися, поневажъ рѣки не мерзли. И я тамъ билъ сотникомъ. (1696 г.).

15. Когда билъ указъ достойной и блаженной памяти его императорского величества Петра Алексѣевича до гетмана, аби зъ Украины далъ войска подъ Озовъ, а подъ Озовомъ сидѣли въ шанцахъ шесть недѣль, добуваючи Озова. И тамъ приказалъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ полковнику Свѣчкѣ аби под... [1]) подкопался; и мнѣ полковникъ Свѣчка приказавъ тое. Теди я зъ своею сотнею и приданнихъ до тоей сотни Чорнусскую и Сенецкую, съ которыми стали про..... чинити; потомъ подкопавшись подъ раскатъ, гармати капатами повитягали, бой превеликій учинили съ турками и зъ роскату ихъ вибили; и я зъ своею корогвою сѣлъ на валу, а бой билъ отъ обѣда до полночи, не толко стрелбою, но и ручно бились камѣнямъ; а въ свѣтѣ (?), третой години, стали проситись на миръ, и вишло три аги, а мене съ товарищи дали взамѣну въ Озовъ, поки они переговоръ унили (учинили?) въ шатрѣ государевомъ. Тогда я билъ сотникомъ. (1696 г.)

16. Якъ били князѣ Долгорукіе въ Бѣлгородѣ, тогда велѣли полкомъ судна на море робити гетману, и тие суда я и спускалъ чрезъ дванадцять пороговъ; и тогда билъ Протасьевъ Неплюевъ, спускалъ суда государевы зъ запасами. Тогда я билъ сотникомъ.

17. Когда таборъ оставили великороссійское и малороссійское войско, тогда послалъ мене гетманъ на стражъ въ Качкасъ, аби орда не вдарила. Тамъ я билъ. [2]).

18. Походъ съ полковникомъ стародубовскимъ Миклашевскимъ, посилано и нашъ Лубенскій ему придано съ прочими полками, подъ

---

[1]) Неясно написанное слово; м. б. *ласкар*.

[2]) Якъ князѣ Долгорукіе били въ Бѣлгородѣ и тогда я судъ (суда?) спускалемъ черезъ пороги при Семену Протасіеву Неплюеву, а спустивши суда черезъ пороги, поставилъ мене гетманъ на стражи въ Кучкасѣ, а самъ пошолъ водою до Таванѣ, на якой службѣ я билъ сотникомъ.

Биховъ и Билцѣкевича взяли, въ якой службѣ билъ я асауломъ полковимъ. (1702 г.) [1])

19. Подъ Печерами подъ Песковомъ (Псковомъ) посилавъ нашъ полкъ Лубенскій перве Подалистовъ (?) и приказавъ Шереметовъ, чтобъ ударили на самый празникъ Рождества Христова, а придалъ до насъ Лопуха самопять.

20. Потомъ велѣлъ намъ Шереметовъ ити въ походъ зъ собою подъ Юркевъ Леонскій (т. е. Ливонскій) и розбили тамъ генерала шведского, и тамъ я билъ асауломъ полковимъ лубенскимъ. [2]).

21. Якъ Михаило Ивановичъ Гонцовъ (Кольцовъ?) Масалскій билъ у Бѣлагородѣ и получилъ указъ, жеби запаси вибѣрать зъ Казикермена и зъ Таванѣ, и городки порозбивать, билъ я тамъ асаул. полковимъ.

22. Якъ у Полщу ходили, тогда самъ билъ императоръ въ въ Тунску (Минску?) и посилалъ Менщикова, Григорія Федоровича Долгорукова князя и тогда велѣно нашему войску лубенскому ити зъ ними до Угродна ити... висвобождаючи войска великороссійскіе, и мене ординовали туда, давши мнѣ 150 человѣкъ. И пошли передомъ до Угронда съ князями и висвободивши войска зъ Угродна и запаси великіе побравши, пришли до Киева вцѣлости. И тамъ я былъ асаул. полков.

23. Подъ Полтавою на баталѣи билъ и до Русской Косы за шведомъ гонили съ княземъ Волохонскимъ и тамъ я былъ ас. полк. [3])

24. Когда ходили до Каманого Затону зъ генераломъ Бутурлинымъ, запаси повибѣрали и Самаръ роскидали и Кодакъ розгребли (sic), билъ я тамъ асаул. полк. луб. (1711 г.)

---

[1]) Подъ Биховомъ билъ, якъ добували Бѣлигевича; когда виходъ (Быховъ?) хотѣлъ здатися и вислали сюда Змару (?) и Александровича, и Косташа, а мене дали взамѣну въ Биховъ.

[2]) Гди указъ билъ къ гетману, жеби висилалъ войско подъ Печеры противку шведа, теперешнего ясневелможного пана гетмана Апостола назначено било намъ комендѣромъ; а ишлисмо подъ команду его пр-ва г. генерала Б. П. Шереметова, где повсе лѣто и зиму чинилисмо баталѣи подъ Листовомъ и въ прочіихъ мизахъ.

[3]) Приказано нашему полку и Переясловскому гонити за шведомъ съ княземъ Волохонскимъ и гонили до Русской Коси и тамъ не малое число узяли шведовъ въ Русской Коси.

25. Якъ съ полковникомъ Церцовимъ на той бокъ Днѣпра ходили и тамъ Чигиринъ, Вороновку и Криловъ спалили, людей на сю сторону отъ тудова перегнали, и тамъ я билъ асаул. полк. (1712 г.?)

26. Когда запорожникъ Пинчукъ, зобравши собѣ своеволниковъ и. . . . вщиковъ, противъ его императорского величества многіе пакости людемъ чинилъ: кременцуцкимъ, уласовскимъ, городискимъ, криловскимъ, подпадаючи подъездами, добра ихъ забирали и самихъ людей забираючи, въ неволю, туркамъ и татарамъ, продавали, послано насъ двухъ асауловъ полковыхъ, мене и Клима, полку Миргородского, за якими гонили двое сутокъ, и догнали его на Саксаганѣ, и тамъ его осадивши, добували цѣліе сутки, и забили ихъ сорокъ человѣкъ и одного, а тридцять человѣкъ взяли живцемъ, и самого ватага Пинчука припроводивши и отдали теперешнему гетману.

Случай на монастырской ярмаркѣ, 1757 г. При Густынскомъ Троицкомъ монастырѣ изстари собирается на Тройцу ярмарка. Густынская ярмарка особенно процвѣтала въ XVIII в., привлекая къ себѣ населеніе чуть не всей *степной* Малороссіи. На время этой ярмарки монастырь назначалъ одного изъ своей братіи смотрителемъ за порядкомъ на ней, при чемъ смотритель этотъ назывался *базарнымъ*. На густынскую ярмарку пріѣзжало много мѣщанъ изъ недалекаго полковаго города Прилуки для торговли здѣсь всякою всячиною; торговали прилуцкіе мѣщане тутъ и водкою.. Въ числѣ нѣсколькихъ шинковъ, открытыхъ на густынской ярмаркѣ въ 1757 г., два шинка было открыто прилуцкимъ войтомъ Семеномъ Сластеникомъ; въ одномъ изъ нихъ торговала его жена, а въ другомъ—дочь. Вотъ эту дочь чѣмъ то обидѣла на ярмаркѣ жена прилуцкаго мѣщанина Трофима Тарасовича; *войтовна* пожаловалась матери, мать—мужу-войту, а послѣдній—тогдашнему *базарному* о. Афанасію, который тутъ же распорядился обидчицу посадить въ «тюрму». Мужъ арестованной бросился къ *базарному*, говоря, что если его жена чѣмъ и обидѣла дочь войта, то они разсудятся своимъ судомъ въ Прилукѣ, а потому и просилъ *базарнаго* отпустить жену его на свободу. Но *базарный* отвѣчалъ Тарасовичу такимъ ударомъ «въ щоку», что тотъ «не устоялъ на ногахъ и повалился на землю»... А затѣмъ, *базарный*

распорядился привести жену Тарасовича и тутъ же приказалъ положить ее и — «бить плетьми нещадно». Не удовлетворившись этимъ, *базарный* приказалъ, «на одни пздѣвки», и «мужа положить на женѣ и бить плетьми безмилосердно». Поруганный Тарасовичъ отправился въ прилуцкую ратушу и просилъ описать «боевые знаки» на немъ и на женѣ его, причемъ оказалось, между прочимъ на женѣ Ефросиніи «правой ноги стегно весьма побито и синіокриваво и опухло, колѣни оба позбиваны» и проч. Съ этимъ «свидѣтельствомъ» Тарасовичъ обратился къ тогдашнему густынскому игумену Митрофану Горленку, прося у него суда, но «оной Афанасій, не удоволясь тѣмъ прежде приключеннымъ Тарасовичу и женѣ его увѣчьемъ и безчестьемъ, за призывомъ его къ игумену, при намѣстнику тамошнему, экономy и другихъ іеродіаконахъ, бранилъ Тарасовича сучимъ сыномъ, шельмою и каналіею...» Тарасовичъ пожаловался въ прилуцкую полковую канцелярію, а канцелярія только и могла, что опять попросила игумена Митрофана «учинить Тарасовичу справедливость», но игуменъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ «того чинить не позволялъ, то и вступаться въ это дѣло не станетъ...». Но Тарасовичъ былъ настойчивъ и обратился съ жалобою къ самому кіевскому митрополиту, который жалобу эту передалъ въ консисторію. Здѣсь подобныя дѣла не залеживались, если жалобщикъ былъ умѣлъ и расторопенъ. Въ концѣ января 1758 г. консисторія предписала игумену Митрофану произвести по жалобѣ Тарасовича слѣдствіе; черезъ два мѣсяца «начальникъ Густынскаго монастыря» Митрофанъ донесъ «въ духовную митрополіи кіевской консисторію», что «надлежащее слѣдствіе и рѣшеніе имѣетъ быть учинено», а въ нач. апрѣля «прилуцкій мѣщанинъ Трофимъ Тарасовичъ и іеромонахъ Афанасій», «не входя въ бóльшую контроверсію, по любви христіанской и снисхожденію христіанскому — примирилися», о чемъ и было донесено въ Кіевъ. Засимъ, повидимому, всѣ были удовлетворены, а въ томъ числѣ, конечно, и «члены»: «катедральный намѣстникъ іером. Лука, катедральный уставникъ іером. Сифъ, реентъ іерод. Іаковъ и канцеляристъ Леонтій Пѣнчуковъ», подписавшіе указъ игумену Митрофану о слѣдствіи.

Объявленіе А. Л. Метлинскаго [1]). «Издавши въ 1839 году «Думкы и Писни», а потомъ въ 1848 году «Южный Русскій Зборникъ», на малороссійскомъ языкѣ, я намѣренъ приступить къ напечатанію 2-й книжки «Южнаго Русскаго Зборника», изъ сочиненій разныхъ авторовъ, но какъ несмотря на то, что изданія мои удостоились лестнаго пріема въ лучшихъ журналахъ и просвѣщенною публикою, у меня остается непроданными нѣсколько десятковъ «Думокъ и писень», напечатанныхъ въ числѣ 600 экземпляровъ (по рублю серебромъ за экземпляръ) и нѣсколько сотенъ «Южнаго Русскаго Зборника», напечатаннаго въ числѣ 1200 экземпляровъ (по два рубля серебромъ за экземпляръ) и я намѣренъ продолжать изданіе на деньги, вырученныя за продажу изданныхъ уже сочиненій, то посему обращаясь къ участію просвѣщенныхъ читателей въ успѣхахъ словесности, имѣю честь довести до свѣдѣнія ихъ, что продолженіе и усовершенствованіе предполагаемаго мною изданія будетъ зависѣть отъ содѣйствій ихъ въ распродажѣ уже изданныхъ сочиненій.—Амвросій Лукьяновъ Метлинскій, статскій совѣтникъ, въ Кіевѣ».

Какъ извѣстно, второй томъ Южно-русскаго Сборника въ печати не появлялся. *Ред.*

Письмо А. В. Марковича къ Д. С. Каменецкому, 1858 г. [2])

«Любый вирный прыятелю, коханый земляче, пане Даныллу!

Хочъ разъ да гараздъ, мовлялы добры люде, то й вы такъ однымъ своимъ дотепнымъ лыстомъ сплатылы усю мою корреспонденцію. Дуже жалко васъ, що кинци вамъ не стикають [3]). Прохавъ бы я васъ, братику, братерську помичь одъ мене прыняты и хочъ трохы одъ мене порятоваться, якъ я колысь рятовався вамы. Мыни п. К. не оддае грошей 50 карб. изъ 100 колысь (въ 1847) позыченыхъ и тилки половыну выплаченыхъ. Хочъ я якъ до ёго удавався, винъ и грошей не шле, и словомъ добрымъ не обзывается. Дакъ я

---

[1]) Найденное въ бумагахъ Г. П. Галагана объявленіе даты не имѣетъ, но оно относится къ нач. 50-хъ гг., когда Метлинскій жилъ въ Кіевѣ.

[2]) Настоящее письмо Аф. Вас. Марковича (см. Кіевск. Стар. 1892 г., сентябрь, 405) интересно по заключающимся въ немъ свѣдѣніямъ для исторіи малорусскихъ разсказовъ „Марка Вовчка". *Ред.*

[3]) Т. е., что концы у васъ не сходятся.

мушу поличыты ти грошы пропащымы для себе: чы винъ забувъ, чы росписка, данная имъ мыни, а мною втраченая, его вдержуе, чы дожыдае гиршого для мене часу, щобъ мене тоди зрадоваты выплаткою, яково бъ тамъ не було, а я перше въ голову заходывъ, а теперъ и рукою махнувъ. Посылаю вамъ, однакъ, записъ на оддибранне вамы тыхъ грошей. Колы вамъ тяжко такъ, якъ вы пышете, то позычывши у вовка очей, порунтаете (sic) тимы грошима п. К., а винъ бачучы вашы нестаткы, може й выплатыться. А вы мыни, якъ розжыветесь, колысь оддасте, не наварюючысь,—бо зновъ вамъ кажу, ничого я тутъ не втеряю, бо не даю ничого и самъ бы николы не мавъ и васъ бы для себе такою згиршою працёю не клопотавъ, и якъ бы й справди вы захотилы той зыскъ мыни переслаты, то зновъ ёго передъ очыма матымыте, бо я не такый, щобъ добрыхъ людей на таке тяжке дило, якъ зыскъ моихъ грошей для мене, настромлювавъ. Дило выдне. Для себе самыхъ волю маете, для своеи гиркои нужды, правыть грошы, для мене—ни.

Шановному добродієви пану Тарасу дякую за мылу его памъять, навикы дякую. Нехай мылосердный Богъ его збереже середъ камьяныць петербурськыхъ, такъ якъ заховавъ своею небесною ласкою середъ пискивъ кайсацькыхъ, щобъ прожывъ винъ довго у тепли душевному и спокои тилесному на спожытокъ, на корысть вишню людямъ. Колы намъ [1]) доведеться що ще переслать вамъ у друкъ, показуйте тее п. Тарасови, нехай винъ провирыть своима очима, справыть своею рукою, особлыво, колы станеться се безъ п. Кулиша, бо сей п самъ удаеться до рады «велыкого характерныка» мовлявъ п. Пантелій. Добре бъ, якъ бы винъ колы небудь на гулянци и надрукòване вже провивъ черезъ свою руку, а вы бъ переслалы той экземвляръ Вовчкови, на науку ему и найвыжшу надгороду (?). А я бъ казавъ, не одкладаючы друковаты п. Тараса; для обжывання, мовлялы вы, могла бъ полежаты кныжка у печатни вашій, да вже бъ була надрукована.

Геогр. Збирныкъ одъ Давыдова маю, вже тры кныжкы. Колы яки грошы самымъ п. Пантеліемъ постановлени для Вовчка и вже выбралысь, за покрыттемъ ростраты на Вовчка тыпографськои и *65 руб. напередъ на гостынецъ* высланыхъ, то не помылытесь, выславшы,

---

[1]) Т. е. мужу и женѣ.

бо мій Вовчокъ хоруе, ему треба ужываты чыстого воздуху, зажыты спокою, бачыты и одиляты другыхъ. Отъ винъ и теперъ у сели, верстовъ зъ 10 одъ Немырова, зъ Богдасемъ жыве у селянській хатци, зъ Богдасемъ, тожъ слабымъ на груды. Думкою роскидае, щобъ и туды, и туды поихаты, а ничымъ. Въ насъ же е таки, щобъ хочъ далы на произды такій людыни, зъ которои ихъ имъя величнише робыться. Та що вже про себе казаты. Е справниши одъ насъ людци: отъ хочъ бы и п. Тарасъ, чимъ винъ перебываеться? Колы ему тяжко, завидомте. Не охота для себе прохаты, а за другыхъ—хочъ вылаяты можно, кого треба. Такъ я вже справився торишнёго року зъ п. Галаганомъ за Пантелія Олекс.

Сеи жъ пошты пышу въ редакцію Русскаго Вѣстника въ Москвѣ, щобъ дала мыни одвитъ: якъ и що зъ Вовчка переводыты, що винъ самъ береться. Треба бъ и вамъ до ихъ напысаты, на ймовирность, що більшъ права не мае нихто на сю работу, якъ мы. Обнимаю васъ дружнимъ поцилункомъ! А. М.

Спускаты цину мы не будемъ на Вовчка. А онъ Литовъ Степанъ,[1]) кажуть по $2^1/_2$ р. продае *Чорну Раду* (малор.), а Вовчка хотивъ у Кыиви передруковать на дешеву цину. Я одповидь давъ, що Вовчокъ на все добрее для народу согласенъ, тилько щобъ втраты не выйшло черезъ се п. Кулишеви, щобъ его объ тимъ поспыталы. Отъ ище що: нашъ ликаръ, що личыть насъ, та хоче замотаты II-й томъ *Зап. о Южн. Руси*, а вона зъ надпысомъ Кулиша. Такъ чи не можна другу, щобъ ему пидсунуть изъ тихъ грошей, що на Вовчка впадуть.

Пани моя прочытала вашъ лыстъ дружній на самимъ одъизди въ Коваливку, дакъ не впало одпысать, а поки що покланяется вамъ дружнимъ поклономъ, и прохала, щобъ цей лыстъ полichчылы за нашъ спильный, яко однымъ мыромъ мазаный, бо я все тее, що пышу ій росказувавъ, и вона каже: стилькы добра напышешъ, що вже мени никуды.

Мая 7 дня. 1858. Немировъ».

---

[1]) Тогдашній кіевскій книгопродавецъ.

Текущія извѣстія.

Поминки Т. Г. Шевченка. 1) *Въ С.-Петербургѣ.* «Въ годовщину смерти Т. Г. Шевченка 26 февраля въ Петербургѣ была отслужена панихида въ Казанскомъ соборѣ, а вечеромъ въ союзѣ писателей прочтенъ былъ рефератъ объ украинствѣ и стремленіи Шевченка къ «святой правдѣ среди людей». Рефератъ законченъ былъ краткимъ указаніемъ на то, къ чему обязываютъ современниковъ поэзія и жизнь Шевченка и уваженіе къ его памяти современныхъ его почитателей. Послѣ перерыва П. И. Вейнбергъ прочелъ стихотвореніе— свой переводъ «Тополи» Шевченка, В. В. Лесевичъ—нѣсколько его стихотвореній; было и пѣніе. Потомъ возникла бесѣда по вопросамъ, вызваннымъ рефератомъ, затянувшаяся до часа ночи. Такой обмѣнъ мыслей какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ достойному чествованію памяти поэта, просившаго поминать его послѣ его смерти «не злымъ, тыхымъ словомъ». Группа членовъ союза писателей исполнила въ этомъ году завѣтное желаніе поэта поминками 26-го февраля». (Кн. Недѣли, мартъ).

2) *Въ Екатеринодарѣ,* 26 февраля въ залѣ женской гимназіи, литературная секція мѣстнаго музыкально-драматическаго кружка устроила чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Публики собралось весьма значительное количество.

Програма празднества, къ сожалѣнію, не вполнѣ осуществленная, вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ обстоятельствъ, носила скромный характеръ. Взойдя на красиво декорированную пальмами эстраду, на которой возвышался большой, хорошо исполненный бюстъ кобзаря, установленный на пьедесталѣ, убранномъ вышитыми малорос-

сійскими полотенцами, Д. А. Шаманскій прочелъ небольшой, но содержательный и изящно написанный рефератъ, посвященный характеристикѣ поэтической дѣятельности поэта, г-жа Бѣлая великолѣпно продекламировала «Перебендю», затѣмъ г-жа О. П. Короленко прочла собственное стихотвореніе на малорусскомъ языкѣ, посвященное памяти кобзаря и, наконецъ, Л. М. Мельниковъ прочелъ рефератъ о Шевченкѣ, какъ поэтѣ-гражданинѣ.

Вечеръ закончился пѣніемъ нѣсколькихъ украинскихъ піесъ. (Куб. Обл. Вѣд., № 47).

3) *Въ Асхабадѣ*. Отсюда нами получена слѣдующая корреспонденція. «26 февраля на далекой окраинѣ въ г. Асхабадѣ состоялось скромное чествованіе памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка проведшаго, какъ извѣстно, въ Закаспіи въ ссылкѣ около семи лѣтъ.

Еще за два дня въ двухъ мѣстныхъ газетахъ были напечатаны объявленія, приглашавшія публику на панихиду, которая и состоялась въ назначенное время въ мѣстномъ соборѣ. Священникъ Шаховцевъ передъ панихидой произнесъ прочувствованное слово, въ которомъ вкратцѣ очертилъ обликъ покойнаго поэта, а затѣмъ значеніе его въ украинской народной поэзіи и просилъ собравшуюся публику вознести молитву за упокой души поэта. Хоръ учениковъ Асхабадской воскресной школы стройно пропѣлъ панихиду. Послѣ панихиды тутъ-же въ церкви былъ сдѣланъ среди присутствующихъ сборъ пожертвованій въ пользу «общества имени Т. Г. Шевченка». Слѣдуетъ отмѣтить, что какъ священникъ такъ и хоръ служилъ и пѣли панихиду безвозмездно.

Вечеромъ въ циркѣ кружкомъ любителей-малороссовъ былъ въ память поэта Шевченка данъ спектакль. Представленъ былъ «Назаръ Стодоля». Сборъ со спектакля предназначался въ пользу мѣстной воскресной школы и фонда имени Шевченка. Когда поднялся занавѣсъ публика увидала, подъ сѣнью дерева, бюстъ поэта, а участвующіе въ пьесѣ любители въ національныхъ костюмахъ составляли группу вокругъ бюстъ. Красный бенгальскій огонь усиливалъ эффектъ живой картины. При первыхъ звукахъ молитвы «Коль славенъ» публика, какъ одинъ человѣкъ, поднялась со своихъ мѣстъ и этимъ почтила память дорогого поэта. Картина была настолько эффектна, что публика дружными аплодисментами заставила вновь поднять занавѣсъ.

Затѣмъ былъ представленъ «Назаръ Стодоля». Любители приложили много старанія, тѣмъ болѣе, что цѣль спектакля—была вспомнить и почтить память поэта, а лучше всего можно было сдѣлать это хорошимъ дружнымъ исполненіемъ его-же собственнаго произведенія. Этотъ день, посвященный памяти поэта Шевченка на далекой окраинѣ тамъ, гдѣ нѣкогда онъ провелъ тяжелые годы ссылки, останется надолго въ памяти живущихъ здѣсь почитателей поэта, и надо надѣяться, что начавшись въ этомъ году, такія поминки будутъ изъ года въ годъ повторяться.

4) *Въ Симферополѣ.* 26 февраля, въ соборѣ была отслужена панихида по Шевченкѣ, по иниціативѣ гостившей тамъ малорусской труппы.

5) *Въ Полтавѣ* мѣстный музыкально-драматическій кружокъ устроилъ 13 марта въ залѣ губернской земской управы вечеръ, посвященный памяти Шевченка. Читались произведенія Шевченка и пѣлъ мужскій хоръ.

6) *Въ Одессѣ* устроенъ былъ 13 марта въ залѣ литературно-артистическаго общества вечеръ въ память Шевченка. Прочтено было сообщеніе А. И. Маркевича «о значеніи поэзіи Шевченка». Затѣмъ исполнены были различныя положенныя на музыку произведенія Шевченка.

Въ Галиціи чествованіе 38-й годовщины смерти Шевченка происходило, по сообщенію газеты «Русланъ»:

1) *Во Львовѣ*, 26 февраля въ день смерти поэта устроенъ былъ въ залѣ почтоваго клуба концертъ. Исполнены были музыкальныя пьесы оркестромъ, хоромъ и соло, по преимуществу композиціи Н. В. Лысенка. Кромѣ того были номера декламаціи произведеній Шевченка.—Тамъ же 1 марта былъ устроенъ вечеръ гимназическою молодежью.

2) *Въ Коломыѣ*—устроенъ былъ вечеръ гимназическою молодежью.

3) *Въ Стрыѣ* устроенъ былъ 16 марта концертъ, при чемъ исполнены были многія произведенія Н. В. Лысенка.

4) *Въ Тернополѣ* устроенъ былъ 10 марта вечеръ.

5) *Въ Борщевѣ* устроенъ былъ 14 марта вечеръ съ пѣньемъ, декламаціей и живыми картинами.

Вечеръ въ память М. А. Максимовича. 14 марта въ залѣ литературно-артистическаго общества состоялся вокально-музыкальный и литературный вечеръ, посвященный памяти М. А. Максимовича, перваго ректора университета Св. Владиміра. Вечеръ открылся чтеніемъ реферата *В. П. Науменка.* Въ краткой, но выразительной рѣчи референтъ охарактеризовалъ дѣятельность покойнаго, какъ ученаго слависта филолога. Другой референтъ, *В. Б. Антоновичъ*, охарактеризовалъ покойнаго М. А. Максимовича, какъ родоначальника такъ называемой областной исторіи.

Вокально-музыкальная часть вечера прошла оживленно. Г-жа Зотова съ чувствомъ и художественной экспрессіей исполнила «Плачъ Ярославны» (въ перев. Максимовича), а г.г. Бритовъ и Внуковскій красиво и звучно пропѣли дуэтъ «Ой на гору козакъ воду носыть». Но больше всего понравилась публикѣ народная пѣсня «Ой у поли два явора», исполненная хоромъ, подъ управленіемъ Н. В. Лысенка.

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка, въ С.-Петербургѣ. Объ этомъ вечерѣ, состоявшемся 20-го марта, получена редакціей отъ г. С. Н. слѣдующая корреспонденція. «Съ давнихъ поръ у насъ вошло въ обычай въ концѣ февраля или въ началѣ марта устраивать такъ называемый Шевченковскій вечеръ. До этого года устроителями, обыкновенно, являлись частныя лица, и самые вечера носили болѣе или менѣе семейный характеръ, что, однако, не мѣшало имъ всегда привлекать весьма обширную аудиторію. Привлекало на такіе вечера публику, какъ самое имя Кобзаря, такъ и то обстоятельство, что на этотъ разъ посѣтителямъ преподносилась не обычная, уже успѣвшая набить оскомину на безчисленныхъ благотворительныхъ концертахъ, а совершенно особенная, строго выдержанная національная программа. А всякому малороссу, хотя бы даже за долгое пребываніе въ столицѣ успѣвшему превратиться въ типичнаго Петербуржца, пріятно услышать свою родную «думу и письню». Представляли интересъ эти вечера также и для великороссовъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ нихъ, которые, не будучи заражены духомъ нетерпимости, видятъ въ проявленіи самосознанія отдѣльныхъ національностей залогъ преуспѣянія обще-культурнаго дѣла. Этихъ-то великороссовъ привлекала сюда увѣренность, что они услышатъ здѣсь и народную, мало имъ знакомую музыку, и отрывки изъ «Кобзаря», который, понятно, имъ

хорошо извѣстенъ, но самая музыка стиховъ котораго становится понятной только въ исполненіи украинцевъ. Наконецъ, даже самая публика и особенно оживленная молодежь не можетъ не интересовать такого посторонняго наблюдателя. Все это объясняетъ, почему публика, независимо отъ того, кто являлся устроителемъ такихъ вечеровъ, на расхватъ брала на нихъ билеты.

Въ этомъ году устройство Шевченковскаго вечера взяло на себя недавно народившееся «Общество имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга», и состоявшійся 20 марта въ залѣ собранія офицеровъ арміи и флота вечеръ явился однимъ изъ первыхъ шаговъ дѣятельности молодого общества [1]).—Устроители, съ своей стороны, приложили всѣ старанія, чтобы сдѣлать концертъ интереснымъ, какъ по содержанію, такъ и по подбору исполнителей, но имъ пришлось при этомъ встрѣтить непреодолимыя препятствія. Во-первыхъ для литературнаго отдѣленія въ Петербургѣ почти нѣтъ возможности найти подходящихъ исполнителей, т. к. здѣшніе профессіональные чтецы вовсе не знакомы съ малорусскимъ языкомъ, и потому приходится ограничиваться любительскимъ, не всегда удачнымъ, исполненіемъ. Этимъ и объясняется, почему литературная часть описываемаго нами вечера состояла только изъ коротенькаго вступительнаго слова г. Мордовцева и трехъ стихотвореній (Шевченка и Кулиша), прочитанныхъ г. Лесевичемъ. Гораздо богаче было вокальное отдѣленіе, хотя и оно не такъ удалось, какъ можно было ожидать, ибо наиболѣе видные представители здѣшняго артистическаго міра, на которыхъ особенно разсчитывали распорядители, вовсе не явились. Наибольшій успѣхъ въ этомъ отдѣленіи выпалъ на долю хора любителей, исполнившаго подъ управленіемъ г. Черемховича нѣсколько номеровъ, въ томъ числѣ такія трудныя вещи, какъ кантата Лисенка «Бьють пороги» и «Закувала та сива зозуля» изъ *Вечорныцъ* Нищинскаго. Исполненіе всѣхъ хоровыхъ номеровъ не оставляло желать ничего лучшаго, что и было въ полной мѣрѣ оцѣнено публикой, сопровождавшей наиболѣе понравившіеся номера громомъ рукоплесканій. Изъ солистовъ большой успѣхъ имѣли г. М. («Гетьманы» и «Реве витеръ» Глинки), г-жа С. («Хусточка» подъ

---

[1]) Первымъ считаемъ отслуженную по иниціативѣ правленія общества панихиду по Т. Г. Шевченкѣ, которая своевременно была отмѣчена въ „Кіев. Ст.“.

аккомпаниментъ віолончели и арфы) и г-жа С—къ («Витри буйни» и «Чумарочка рябесенька», при чемъ необходимо замѣтить, что особенно талантливо и увлекательно была спѣта послѣдняя вещица). Изъ любителей отмѣтимъ г-жу Борсукъ и г-жу Хмару. Послѣдняя—обладательница небольшого, но чистаго и красиваго сопрано—имѣла особый успѣхъ: задушевное, чуждое всякой манерности пѣніе и малорусскій костюмъ создавали полную иллюзію, и публика невольно забывала, что она находится въ концертной залѣ, а не на лонѣ природы, въ Малороссіи.

Послѣ концерта, само-собой разумѣется, начались танцы, затянувшіеся до поздней ночи. При входѣ въ залъ были выставлены для продажи небольшіе (около 6 вершковъ) гипсовые бюсты Т. Г. Шевченка, работы одного изъ учениковъ Академіи Художествъ. Бюсты эти, при крайне дешевой цѣнѣ (1 руб.), такъ выгодно отличаются отъ прежнихъ кабинетныхъ бюстовъ поэта (въ шапкѣ), въ сущности не имѣющихъ ничего общаго съ лицомъ Кобзаря, что могутъ удовлетворить самаго взыскательнаго эстетика.

Чествованіе И. П. Котляревскаго въ Харьковѣ. Печатаемъ полученную теперь только корреспонденцію объ этомъ чествованіи въ Харьковѣ, имѣющую цѣлью, между прочимъ и поправить невѣрныя по сему предмету свѣдѣнія, напечатанныя въ львовскомъ *Літ.-Наук. В—къ*.

«Шестого февраля наст. года былъ устроенъ въ залѣ городской думы литературно-музыкальный вечеръ въ память столѣтія «Энеиды» Котляревскаго. Вечеръ состоялъ изъ трехъ отдѣленій и живой картины: апофеозъ Котляревскаго. Вечеръ открылся рѣчью о Котляревскомъ, написанной А. Я. Ефименко, и прочтенной, вслѣдствіе болѣзни автора, артистомъ драматическаго театра М. Г. Діевскимъ. Вокальныя номера преимущественно изъ «Наталки-Полтавки» очень хорошо были исполнены мѣстными любителями и любительницами: Л. В. Дыздеревой-Сидоренко, О. А. Зубатовой, И. А. Алчевскимъ и А. А. Лавровымъ. Особенный успѣхъ имѣли О. Н. Клименко и М. К. Щербина—артисты малорусской труппы Старицкаго—спѣвшіе дуэтъ изъ «Наталки-Полтавки» „Богъ поможе". М. М. Старицкая прочла «Стихотвореніе памяти Котляревскаго», Г. И. Рѣшетниковъ — «На вичну память Котляревському», а отрывки изъ «Энеиды» вмѣсто М.

П. Старицкаго, заболѣвшаго въ то время, мастерски прочелъ и съ чисто малороссійскимъ юморомъ И. В. Перелыгинъ.

Заключительный хоръ изъ «Наталки-Полтавки» и «Кантата Котляревскому» —прекрасно были исполнены хоромъ труппы Старицкаго подъ управленіемъ Пастухова.

Исполненіе каждаго номера вызывало дружныя рукоплесканія, и исполнители по нѣсколько разъ повторяли свои номера.

Во время исполненія этихъ номеровъ, занявшихъ первыя два отдѣленія на эстрадѣ стоялъ большой портретъ Котляревскаго, украшенный малороссійскими «рушниками» и окруженный пальмами и др. зеленью. Этотъ портретъ подаренъ въ Харьковскую общественную библіотеку, въ кабинетѣ для чтенія которой онъ и виситъ на ряду съ портретами И. С. Тургенева и Некрасова. Самымъ интереснымъ номеромъ была «Наталка-Полтавка», 2-ая картина 1-го акта которой была поставлена съ участіемъ М. К. Заньковецкой (Наталка), О. Н. Клименко (Терпелыха) и И. А. Науменко (Выборный). Въ заключеніе была поставлена художн. Выѣзжевымъ живая картина „Апофеозъ И. П. Котляревскаго“. По срединѣ сцены стоялъ портретъ И. П. Котляревскаго, украшенный лавровымъ вѣнкомъ и окруженный зеленью; вокругъ него живописно были расположены группы изъ дѣйствующихъ лицъ „Наталки-Полтавки“ и „Энеиды“, здѣсь также находился и бандуристъ, окруженный маленькими дѣтьми, внимательно его слушавшими. Вся картина, освѣщенная друммондовымъ свѣтомъ, была очень эффектна, такъ что публика нѣсколько разъ вызывала художника.

Публики было настолько много, что пришлось даже открыть хоры, которые почти никогда не открывались.

По случаю празднованія юбилея были получены телеграммы: изъ Полтавы, Чернигова, Одессы, Екатеринодара, Лубенъ, Острогожска, Москвы и Новой Александріи, которыя и были прочтены публикѣ.

О мѣстѣ для памятника И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Болѣе уже года полтавцы никакъ не могутъ найти во всемъ городѣ мѣста для постановки памятника своему знаменитому земляку, поэту Котляревскому. Первоначально намѣченная для этого площадка передъ го-

стинницей Воробьева, въ виду ея тѣсноты, оказалась неудобной, а проектъ расширить ее путемъ прирѣзки части сада, принадлежащаго дворянскому собранію, не встрѣтилъ со стороны дворянъ сочувствія. Тогда стали намѣчать другія мѣста, какъ-то: корпусный скверъ, гдѣ стоитъ колонна Петру I, городской садъ, Протопоповскій бульваръ, Ивановскую улицу, скверъ Бѣлухи-Кохановскаго и др. Относительно корпуснаго сквера состоялось даже формальное постановленіе городской думы, но впослѣдствіи эта мысль была оставлена въ виду того соображенія, что монументальная Петровская колонна совершенно затмитъ постановленный въ близкомъ сосѣдствѣ съ нею скромный памятникъ украинскому поэту. Точно также отвергнуто было и мѣсто въ городскомъ саду въ виду его отдаленности отъ центра города и того соображенія, что садъ этотъ посѣщается публикой лишь въ лѣтнее время. Въ послѣднее время дума избрала особую коммиссію и поручила ей осмотрѣть остальныя намѣченныя мѣста. Въ думскомъ собраніи 27-го минувшаго февраля былъ заслушанъ докладъ этой коммиссіи, причемъ оказалось, что она не пришла ни къ какому заключенію, а лишь намѣтила новый пунктъ—пустопорожнее мѣсто противъ дома Радунскаго, при спускѣ къ Подолу. Продолжительные и горячіе думскіе дебаты также не привели къ опредѣленному рѣшенію, и дума, въ виду рѣзко выразившагося различія во мнѣніяхъ гг. гласныхъ, постановила отложить еще на нѣкоторое время рѣшеніе столь горячо волнующаго всѣхъ вопроса и всѣмъ составомъ внимательно осмотрѣть намѣченныя для постановки памятника мѣста. Но и эта рѣшительная мѣра не привела къ единодушію. Когда 2 марта открыто было «послѣднее» думское засѣданіе, посвященное окончательному рѣшенію даннаго вопроса, раздались прежніе горячіе и разноголосные споры и неожиданно было выдвинуто новое предложеніе—поставить памятникъ на площадкѣ за соборомъ, откуда открывается превосходный видъ на Ворсклу и зарѣчные луга, и гдѣ по близости находился домикъ Котляревскаго. Противъ этого предложенія возражали, что мѣсто это слишкомъ глухое и въ зимнее время малодоступное: здѣсь обворуютъ не только арматуру, но, пожалуй украдутъ и самый памятникъ. Послѣ долгихъ дебатовъ приступили къ подачѣ голосовъ, причемъ за Протопоповскій бульваръ высказались 20 гласныхъ, за площадку за соборомъ—15, за площадку близъ дома Радунскаго—6, за скверъ Бѣлухи-Кохановскаго—1 и за Ивановскую улицу—никто. По желанію большинства окончательная

баллотировка произведена была шарами, причемъ мѣсто на Протопоповскомъ бульварѣ избрано большинствомъ 22 противъ 13, а площадка за соборомъ отвергнута большинствомъ 21 противъ 14. Послѣ этого вопросъ о выборѣ мѣста для постановки памятника на самомъ бульварѣ предоставленъ на окончательное рѣшеніе особой коммиссіи, которая 8 марта имѣла уже объ этомъ посужденіе.

Такимъ образомъ полтавцевъ никакъ нельзя упрекнуть въ равнодушномъ отношеніи къ вопросу о мѣстѣ для постановки памятника своему славному земляку и согражданину. Уже одно то обстоятельство, что они болѣе года искали приличное мѣсто для этого памятника, ясно свидѣтельствуетъ, что имъ дорога память этого человѣка и они желали бы отвести для памятника ему самое лучшее мѣсто въ городѣ. Тѣмъ не менѣе думское постановленіе 2 марта далеко не удовлетворило всѣхъ. Въ мѣстной газетѣ съ тѣхъ поръ появилось уже нѣсколько открытыхъ писемъ съ страстнымъ призывомъ— еще разъ пересмотрѣть вопросъ и удѣлить болѣе вниманія проекту постановки памятника на площадкѣ за соборомъ. Этотъ проектъ, возникшій лишь въ самое послѣднее время, видимо находитъ не мало убѣжденныхъ сторонниковъ. Добьются ли они новаго пересмотра вопроса—не извѣстно. Во всякомъ случаѣ ихъ возраженія противъ избраннаго думою мѣста на Протопоповскомъ бульварѣ не существенны. Безспорно, это—одинъ изъ самыхъ бойкихъ, центральныхъ пунктовъ въ Полтавѣ, правда, на немъ теперь довольно тощій бульварецъ, но что мѣшаетъ со временемъ развести здѣсь настоящій, красивый бульваръ. Когда будетъ поставлено здѣсь памятникъ, дума предполагаетъ переименовать Протопоповскую улицу въ Котляревскую.

—

Настоящая замѣтка была уже въ печати, когда редакція «К. Старины» получила изъ Полтавы приглашеніе высказать и свое мнѣніе по вопросу о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Принимая живѣйшее участіе въ судьбѣ этого памятника, редакція не могла отнестись безучастно къ означенному вопросу и, обсудивъ его внимательно съ тѣми изъ своихъ сотрудниковъ, которые хорошо знакомы съ топографіей Полтавы, пришла къ слѣдующему заключенію.

Чтобы достигнуть своей цѣли—увѣковѣченья памяти извѣстнаго лица, всякій памятникъ долженъ быть поставленъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ привлекать вниманіе возможно большаго числа людей. Поэтому и памятникъ Котляревскому долженъ быть

поставленъ въ самой людной и наиболѣе посѣщаемой мѣстности города. Площадка за соборомъ безусловно не удовлетворяетъ этому требованію, какъ мѣсто глухое и рѣдко посѣщаемое. Ее нельзя и сравнивать, напримѣръ, съ Владимірской горой въ Кіевѣ, расположенной надъ Александровской улицей—главнымъ пунктомъ сообщенія Подола съ Крещатикомъ, между тѣмъ, какъ памятникъ Котляревскому, поставленный въ Полтавѣ за соборомъ, не будетъ даже виденъ съ дороги, ведущей съ вокзала въ городъ, да и въ лѣтнее время его будутъ посѣщать лишь немногіе, а для пріѣзжихъ онъ можетъ остаться совершенно неизвѣстнымъ. Поэтому рѣшеніе полтавской думы, избравшей для постановки памятника Протопоповскій бульваръ, мы готовы признать наиболѣе удачнымъ, особенно, если памятникъ будетъ поставленъ на пересѣченіи улицы Протопоповской съ Малопетровской, гдѣ теперь стоитъ, кажется, будка для продажи зельтерской воды, возлѣ магазиновъ Мазанова и Недоборскаго. Лицомъ памятникъ долженъ быть обращенъ къ Александровской улицѣ (такъ стоитъ, вѣдь, памятникъ Пушкину въ Москвѣ, на концѣ Тверского бульвара). При такой постановкѣ памятникъ Котляревскому будетъ сразу бросаться въ глаза идущимъ по Александровской улицѣ, Малопетровской и Протопоповской, а все это—наиболѣе людныя улицы въ Полтавѣ.

Есть еще два мѣста въ Полтавѣ, которыя, по нашему мнѣнію, годились-бы для памятника Котляревскому: это, во-первыхъ, недавно заведенный скверъ противъ дома полтавскаго земства и, во-вторыхъ, бульваръ, составляющій продолженіе Александровской улицы, отъ Срѣтенской церкви по направленію къ собору. Не зная, почему оба эти пункта оставлены безъ вниманія полтавскою думою при выборѣ мѣста для памятника Котляревскому, мы не можемъ особенно на нихъ настаивать, но повторяемъ: памятникъ долженъ быть поставленъ въ такомъ мѣстѣ и такимъ образомъ, чтобы онъ самъ бросался въ глаза и мѣстному, и пріѣзжему населенію и чтобы не нужно было его разыскивать; поставленный же хотя бы и въ очень живописномъ, но отдаленномъ отъ центра пунктѣ, онъ потеряетъ половину своего значенія.

Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Въ свое время мы уже сообщали объ открытіи въ Петербургѣ

упомянутаго общества и о тѣхъ толкахъ, какіе оно вызвало въ прессѣ [1]). Теперь, на основаніи протокола открытія общества мы имѣемъ возможность установить дѣйствительность, затемненную нѣкоторыми газетными извѣстіями. Какъ уже мы указывали, иниціаторъ общества, Н. Ф. Федоровскій, сказалъ рѣчь о нуждахъ малорусскаго народа. Указавъ на неравную борьбу экономическую малоросса и еврея, основаніемъ для которой служитъ отсутствіе свѣта: знаній, правъ и обязанностей; отмѣтивъ тотъ несомнѣнный фактъ, что малороссъ съ большимъ трудомъ понимаетъ книжную литературную рѣчь, а въ иныхъ случаяхъ и вовсе ее не понимаетъ, ораторъ долженъ былъ прійти къ тому выводу, что для устраненія отмѣченнаго недостатка является безусловная необходимость обращаться къ народу (въ данномъ случаѣ малороссу) на его языкѣ «отказать народу въ изученіи имъ книжной, литературной русской рѣчи—значитъ отрѣзать ему путь къ прогрессу»; но нельзя отказать ему и въ печатномъ родномъ словѣ, этомъ единственно-разумномъ для него проводникѣ Слова Божія и общечеловѣческаго образованія. Иначе, говоря словами поэта: «и чужому научайтесь, свого не цурайтесь». Ибо «внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ»,—справедливо говоритъ Тургеневъ.

Затѣмъ была прочитана поздравительная телеграмма отъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ, и наконецъ избрано правленіе: предсѣдателемъ—Н. Ф. Федоровскій, секретаремъ — П. Я. Стебницкій, казначеемъ — В. В. Игнатовичъ, членами правленія—П. П. Катериничъ, Филипьевъ и Сластіоновъ. Въ число членовъ-учредителей записалось уже 19 человѣкъ,

---

«Наталка-Полтавка» съ актерами-крестьянами. Въ Ромнѣ, 14 февраля, состоялся первый народный спектакль, въ которомъ дѣйствующими лицами явились любители-крестьяне изъ подгородняго села Процовки. Поставлена была «Наталка-Полтавка», и, по сообщенію мѣстнаго корреспондента, мысль объ этомъ спектаклѣ зародилась у крестьянъ еще съ осени прошлаго года, а осуществить ее удалось благодаря содѣйствію мѣстнаго землевладѣльца и любителя драматическаго искусства, В. П. Камнева. Онъ сумѣлъ поддержать и развить въ сознаніи крестьянъ хорошее дѣло; въ его домѣ

---

[1]) См. № 1, стр. 25—26; № 2, стр. 89—90.

устраивались репетиціи, причемъ В. П. Камневъ давалъ указанія неопытнымъ «артистамъ», какъ въ игрѣ, такъ и въ пѣніи. Труды г. К—ва увѣнчались полнымъ успѣхомъ: деревенскіе «парубки и дивчата» хорошо исполнили свои роли. Особенно выдѣлялись Алексѣенко въ роли Тетерваковскаго, Павлюкъ (Макогоненко) и Гарасько (Мыкола). Въ заключеніе народнымъ хоромъ с. Процовки, организованнымъ также г. К—вымъ, было исполнено нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ соч. Лысенка.

Спектакль привлекъ массу зрителей, среди которыхъ много было крестьянъ. Театръ былъ полонъ и многимъ недостало мѣста. Пѣніе и спектакль доставили зрителямъ много удовольствія, которое часто выражалось громомъ аплодисментовъ.

Чистый сборъ съ этого спектакля поступилъ въ число суммъ Роменскаго попечительства о народной трезвости на устройство народныхъ развлеченій. Сообщая объ этомъ спектаклѣ свѣдѣніе мѣстный корреспондентъ выражаетъ надежду, что мѣстная интеллигенція почтетъ своей нравственной обязанностью поддержать и повести далѣе добрый почипъ г. Камнева. (Полт. губ. вѣд. 1899 г., № 45).

Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго закончило въ Кіевѣ сезонъ очень удачно въ матеріальномъ отношеніи. Всѣхъ спектаклей, вечернихъ и и дневныхъ, дано было 117, при чемъ общая валовая выручка достигла 63,863 руб., что составляетъ въ среднемъ почти 546 руб. на каждый спектакль. Въ общемъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, товарищество получило крупный плюсъ, и каждый изъ 22 членовъ товарищества получилъ по 3 р. 65 к. на одну марку. Такимъ образомъ первый опытъ пребыванія товарищества въ теченіе всего зимняго сезона въ Кіевѣ далъ блестящіе результаты. Начиная съ Пасхальной недѣли, труппа будетъ давать спектакли въ Одессѣ. Лѣтомъ-же товарищество предполагаетъ посѣтить цѣлый рядъ южныхъ городовъ и, между прочимъ, Екатеринославъ и Полтаву. (Кіевл., № 68).

По поводу письма г. Ал. Марковича. Въ № 80 кіев. газ. «Жизнь и Искусство» напечатано нижеслѣдующее письмо въ редакцію изъ

Одессы, за подписью г. Ал. Марковича: «Долженъ сознаться, что мой очень плохой почеркъ доставляетъ мнѣ уже не мало огорченій, такъ какъ мои труды нерѣдко появлялись въ печати съ крупными опечатками. Такъ и теперь: въ 8 № вашей газеты напечатано было мною, въ Кіевской Старинѣ» № 2 перепечатано письмо М. А. Максимовича, въ которомъ онъ такъ говоритъ о войнѣ: «а сицеи рати и не слышано» —извѣстное выраженіе Слова о полку Игоревѣ; вмѣсто того и въ газетѣ, и въ журналѣ напечатана фраза лишенная смысла! Другой случай еще обиднѣе: въ запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XXI сообщена мною овруцкая купчая 1590 г. Сдавъ ее въ печать, я къ сожалѣнію за выѣздомъ не могъ продержать ея корректуры, и актъ былъ напечатанъ безъ всякой корректуры и потому съ ужасающими опечатками, малая часть которыхъ указана въ Кіевской Старинѣ» № 3. Я охотно готовъ признать свою вину въ томъ, что, зная свойства своего почерка во время не распорядился задержать печатаніе акта до своего возвращенія; но никакъ не могу признать за Одесскимъ Обществомъ той вины, какую возводитъ на него журналъ. Среди членовъ этого общества найдется не мало лицъ, которыхъ нисколько не затрудняетъ прочтеніе южнорусскихъ актовъ XVI вѣка. Что касается поставленныхъ среди акта вопросительныхъ знаковъ, то они обозначаютъ не непонятыя для издателя слова (не мудреная вещь понять смыслъ «оставлючи» или «под.»!), а поставленныя нѣсколько наугадъ, такъ какъ бумага въ этихъ мѣстахъ протерлась и чтеніе не затруднительно; такъ вездѣ и всегда принято поступать. Попросилъ бы редакцію журнала «Кіевская Старина» не отказать въ перепечаткѣ настоящей замѣтки, особенно той части ея, которая относится къ письму Максимовича, такъ какъ овруцкая купчая особенной важности не представляетъ, да ее можно и перепечатать болѣе исправно въ какомъ либо собраніи южнорусскихъ актовъ. Я съ удовольствіемъ, напримѣръ, доставлю вѣрный списокъ въ «Кіевскую Старину», если редакція захочетъ его напечатать».

Прочитавъ это письмо, редакція К. Ст. находитъ нужнымъ замѣтить слѣдующее: дѣйствительно въ № 2 «Кіев. Стар.» за настоящій годъ перепечатана изъ газ. «Жизнь и Искусство» корректурная ошибка: *а аще* и рати и не слышано. Благодаря письму г. Марковича, причина этой ошибки теперь обнаружена, что́ и заносимъ въ

нашу лѣтопись. Охотно вѣримъ также, что среди членовъ Одесскаго Общ. ист. и др. есть немало лицъ, способныхъ читать южнорусскіе акты XVI в. Согласны также съ авторомъ письма, что Овруцкая купчая не имѣетъ важнаго значенія. Редакція съ удовольствіемъ *разсмотритъ* подлинный актъ, если авторъ письма захочетъ его прислать.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ дополненіе къ прежней суммѣ—880 р. 47 к., поступившей въ редакцію, получено изъ Петербурга 718 р. 36 к., вырученныхъ отъ вечера 22 января 1899 года, что вмѣстѣ съ прежними (см. № 1-й) составитъ *1598 р. 83 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго. Съ приложеніемъ 16-ти фототипныхъ снимковъ. *Кіевъ, 1898 г. 4°. 86 стр. + 16 таблицъ.*

Всѣмъ, интересующимся украинской стариной, давно было извѣстно о существованіи собранія В. В. Тарновскаго; однако, вѣроятно только немногимъ удалось видѣть это первоклассное собраніе. Теперь, съ изданіемъ каталога коллекціи, эта послѣдняя въ извѣстной степени стала общимъ достояніемъ и поэтому нельзя не выразить глубокой благодарности издателю, потратившему на изданіе много труда и издержекъ. Два слова о внѣшности каталога—его нужно причислить къ такъ наз. роскошнымъ изданіямъ: печать, рисунки, бумага—не оставляютъ желать ничего лучшаго. Что касается характера настоящаго изданія, то собственно названіе каталога придано ему не вполнѣ правильно: это не каталогъ въ обычномъ смыслѣ, а подробное, составленное съ знаніемъ дѣла описаніе коллекціи, дающее богатый научный матеріалъ и притомъ матеріалъ, подобранный систематически. Коллекція В. В. Тарновскаго, среди другихъ, размножившихся въ послѣднее время частныхъ собраній, занимаетъ особое мѣсто: будучи посвящена исключительно украинскимъ древностямъ, заключая въ себѣ богатый подборъ ихъ, какъ въ смыслѣ количества, такъ и качества предметовъ, коллекція эта является единственной въ своемъ родѣ—другой такой коллекціи нѣтъ и собрать въ настоящее время другую подобную едва-ли возможно не только частному лицу, но и общественному учрежденію. О томъ, какъ со-

ставлялось это собраніе, В. В. Тарновскій въ предисловіи къ каталогу говоритъ слѣдующее: «Еще въ молодые годы, лѣтъ сорокъ назадъ, я задался мыслью собрать возможно полную коллекцію предметовъ, характеризующихъ старинный бытъ моей родины, Малороссіи. Такъ какъ выполненіе этой задачи въ полномъ ея объемѣ не по силамъ частному лицу, то я по необходимости принужденъ былъ ограничиться предѣломъ болѣе тѣсной, наиболѣе мнѣ близкой территоріи, именно лѣвобережной Малороссіи. Впослѣдствіи, предпринявъ археологическія раскопки въ Черкасскомъ у., Кіевской г., и посѣтивъ Запорожье, я пополнилъ мое собраніе многими предметами, найденными на правомъ берегу Днѣпра и въ Новороссійскомъ краѣ. Такимъ образомъ моя коллекція имѣетъ строго мѣстный характеръ украинскихъ древностей». Что касается эпохъ, какія обнимаетъ коллекція, то въ ней мы имѣемъ представителей трехъ періодовъ: доисторическаго, великокняжескаго и козацкаго. Слѣдуя этому дѣленію и пользуясь настоящимъ каталогомъ, постараемся дать самую краткую характеристику отдѣловъ, на которые распадается коллекція В. В. Тарновскаго.

Доисторическій и великокняжескій отдѣлы заполнены главнымъ образомъ предметами, добытыми раскопками извѣстнаго городища «Княжа гора» (б. м. лѣтописная Родня) въ Черкасск. у. Кіевской г. Въ древнѣйшемъ слоѣ городища открыта т. н. мастерская и стоянка каменнаго вѣка, изъ которой и поступили въ коллекцію кремневыя издѣлія, каменныя шлифованныя орудія, костяныя издѣлія и образцы керамики; вмѣстѣ съ найденными тамъ-же нѣсколькими предметами, относящимися къ бронзовому вѣку и эпохѣ переселенія народовъ, а также немногочисленными предметами изъ другихъ мѣстъ, отдѣлъ этотъ заключаетъ въ себѣ 400 предметовъ.

Однако, главный интересъ Княжей горы заключался не въ доисторической старинѣ, а въ великокняжеской: по богатству и обилію найденныхъ тамъ предметовъ этой эпохи городище это до сихъ поръ не имѣетъ себѣ подобнаго. Многочисленныя какъ частныя, такъ и общественныя собранія обладаютъ предметами съ Княжей Горы, но всѣ эти предметы получены при посредствѣ торговцевъ и происходятъ изъ безпорядочныхъ раскопокъ мѣстныхъ крестьянъ, коллекція же В. В. Тарновскаго добыта правильными раскопками, такъ что подлинность предметовъ и точно установленное мѣстонахожденіе ихъ

не подлежатъ никакому сомнѣнію. Коллекція эта представляетъ большой научный интересъ: мы имѣемъ здѣсь дѣло съ предметами точно датированными (половина XIII в.), найденными на одной мѣстности и, благодаря полнотѣ подбора, дающими возможность почти въ деталяхъ возстановить внѣшнюю сторону быта той эпохи; находимъ мы въ этой коллекціи предметы, начиная съ тончайшихъ произведеній ювелирнаго искусства (каковы напр. золотые образки съ перегородчатой эмалью) и оканчивая грубыми издѣліями кузнечной работы. По характеру предметовъ коллекція съ Княжей Горы распадается на слѣдующія группы: монеты и печати, кресты и образки, змѣевики, украшенія, оружіе, упряжь, предметы домашняго обихода, орудія и инструменты; всего предметовъ съ Княжей Горы—1700. Кромѣ того, въ этомъ-же отдѣлѣ имѣются предметы, найденные въ т. н. Липлявскомъ городкѣ (Золотоношск. у. Полтавск. г.) и въ другихъ мѣстахъ. Общее число всѣхъ предметовъ великокняжеской эпохи—1728.

Переходимъ теперь къ центральной части собранія В. В. Тарновскаго — къ коллекціи предметовъ козацкой эпохи. Если доисторическій отдѣлъ представляетъ только лишь небольшую горсть матеріала, въ громадномъ количествѣ разбросаннаго по разнымъ музеямъ и собраніямъ, если великокняжескій отдѣлъ, отличаясь полнотой, заключаетъ предметы, не составляющіе въ отдѣльности особенной рѣдкости, то главнымъ образомъ къ отдѣлу козацкой старины относится выше выраженное нами мнѣніе, что другого такого собранія нѣтъ и собрать что ниб. подобное теперь едва-ли возможно. Самъ издатель по отношенію къ этому отдѣлу говоритъ: «хотя розыски начаты были около сорока лѣтъ назадъ, но уже и въ то время въ Малороссіи лишь въ весьма немногихъ дворянскихъ и козацкихъ домахъ сохранялись еще кое-какія старинныя прадѣдовскія вещи»; нужно кромѣ того замѣтить, что владѣлецъ собранія обращалъ особенное вниманіе на такіе предметы, которые можно было отнести къ тѣмъ или другимъ историческимъ лицамъ,—такой характеръ собиранія еще болѣе увеличивалъ трудность его. Сообразно тому какъ цѣнно само собраніе малорусской старины, цѣнна и та часть каталога, которая посвящена описанію его. Наша литература очень небогата свѣдѣніями о такого рода памятникахъ, свѣдѣнія эти разбросаны, отрывочны,— въ данномъ-же случаѣ мы имѣемъ систематическое описаніе громаднаго количества разнообразныхъ предметовъ стариннаго малорусскаго

быта. Нѣтъ никакой возможности въ небольшой замѣткѣ дать хотя приблизительное понятіе о составѣ этого отдѣленія, описаніе котораго занимаетъ 50 страницъ,—поневолѣ приходится ограничиться лишь бѣглымъ перечнемъ, но и по одному такому перечню уже можно судить о богатствѣ отдѣла. Описаніе начинается съ остатковъ стариннаго зодчества—матеріалъ, неудобопомѣстимый въ частномъ собраніи, поэтому и предметовъ такого рода менѣе всего въ коллекціи—нѣсколько кафель и часть фресковой живописи изъ собора въ г. Каневѣ. Слѣдующій разрядъ—священные предметы даетъ уже много представителей; мы тутъ находимъ: иконостасы, аналои, различные священные сосуды и утварь—чаши (м. п. серебрянные чаша, дискосъ и звѣздица изъ бывшей запорожской церкви Старо-Кодацкаго села, пожертвованные куреннымъ атаманомъ Иваномъ Кравчиною), дарохранительницы, лампады, подсвѣчники, кадила, блюда, иконы малорусскаго письма, панагіи, иконки, кресты, хоругви, плащаницы, антиминсы и наконецъ, надгробные памятники и кресты (м. п. каменный крестъ въ память кошевого атамана Гордѣенка, стоявшій на запорожскомъ кладбищѣ Чертомлыцкой Сѣчи). Богатствомъ, многочисленностью и рѣдкостью предметовъ отличается разрядъ оружія,—да это и не удивительно,—единственная роскошь, какую позволялъ себѣ козакъ—дорогое оружіе, ему по праву и отведено въ коллекціи одно изъ первыхъ мѣстъ; есть тутъ луки, налучья, стрѣлы, пики, чудные экземпляры сабель, не уступающія имъ по отдѣлкѣ рушницы, пистолеты, пушки, крѣпостныя ружья, снаряды для стрѣльбы, роскошныя сѣдла и сбруя, различныя другія военныя принадлежности, какъ пороховницы, натруски, лядунки, пулелейки и т. п.; многіе изъ этихъ предметовъ украшены драгоцѣнными камнями, инкрустаціей, рѣзьбой, снабжены надписями и изображеніями. Особое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаютъ клейноты: булавы, перначи (м. п. перначи, принадлежавшіе полковникамъ Семену Палію, Григорію Иваненку, знамена—одно подлинное и копіи, бунчукъ, печати.. Нѣтъ нужды распространяться о цѣнности этихъ предметовъ, упомянемъ лишь, что здѣсь имѣется 4 булавы и 11 перначей! Не менѣе многочисленъ слѣдующій разрядъ — утвари; въ него вошли кубки, кружки, чарки, ложки и т. д.; не говоря уже о матеріальной стоимости всего здѣсь имѣющагося—за малыми исключеніями почти всѣ предметы сдѣланы изъ серебра,—они зачастую представляютъ и большой художественный интересъ, кромѣ того, многіе изъ

нихъ принадлежали разнымъ извѣстнымъ лицамъ старой Малороссіи. Очень интересъ затѣмъ разрядъ предметовъ домашняго обихода, каковы напр. замки, кресала, люльки, натруски, чернильницы, скриньки и т. п., музыкалдные инструменты—бандуры, мужскія и женскія одѣянія—корабляки, плахты, пояса, черевики, наконецъ цѣлый кунтушъ—такого рода предметы легче всего подвержены уничтоженію, между тѣмъ и здѣсь мы находимъ замѣчательные образцы, какъ напр. тотъ же кунтушъ, принадлежавшій дочери гетмана Апостола, женѣ генер. есаула Мих. Скоропадскаго, и болѣе десятка роскошныхъ *слуцкихъ* (шелковыхъ, затканыхъ золотомъ) поясовъ. Чтобы покончить съ этой частью отдѣла, упомянемъ еще о громадномъ подборѣ шитья на полотнѣ и о мужскихъ и женскихъ украшеніяхъ, каковы личманы (дукачи), застежки, сережки, намыста и т. п. Самостоятельное собраніе могла бы составить входящая въ коллекцію В. В. Тарновскаго галлерея портретовъ историческихъ лицъ; здѣсь собрано почти все, что́ можно было собрать по этой части; всѣхъ портретовъ писанныхъ масляными красками 43, имѣются они въ оригиналахъ и копіяхъ; среди оригинальныхъ есть очень рѣдкіе; какъ на таковые можно напр. указать на портреты, лубенскаго полковника Максима Илляшенка (1677—1687) —самый старый изъ извѣстныхъ до сихъ поръ портретовъ лѣвобережной Малороссіи, генеральнаго обозного Василія Борковскаго (1640—1702), гадяцкаго полковника Михайла Бороховича (1687—1704), генер. судьи Ивана Чарныша (+1728) и др. Къ портретамъ примыкаютъ картины, гравюры и пр., ихъ въ общемъ немного, есть здѣсь между прочимъ цѣлая коллекція картинъ различной компановки, изображающихъ «козака Мамая». Заключаютъ каталогъ списки старопечатныхъ книгъ (малорусскихъ типографій) и автографовъ свѣтскихъ и духовныхъ историческихъ лицъ. Всего предметовъ въ отдѣлѣ козацкой старины—863, количество-же предметовъ всего собранія выражается почтенной цыфрой 2991.

Коллекція В. В. Тарновскаго является результатомъ заботъ цѣлой жизни—нужно имѣть много любви къ своей родинѣ, къ ея прошлому, къ развитію ея въ будущемъ, чтобы, намѣтивъ опредѣленную цѣль, довести ее до конца и довести такъ, какъ сдѣлалъ это В. В. Тарновскій...

. N

Przewodnik naukowy i literacki. *Lwów. 1896—1898 гг. 8°. 3 тома.*

За три года въ *«Научномъ и литературномъ путеводителѣ»*, издаваемомъ во Львовѣ, были помѣщены слѣдующія статьи, относящіяся къ области «Кіевской Старины».

1) *Равита-Гавронскій. Очеркъ государственно-общественнаго устройства Руси въ XI и XII в.в.* (1896 г. №№ 1—8).

Статья состоитъ изъ 4-хъ частей. 1-ая часть озаглавлена: зачатки государственнаго устройства; 2-ая:—устройство общества; 3-ая:—экономическо-земледѣльческія отношенія; 4-ая:—домашняя жизнь. На основаніи русскихъ лѣтописей авторъ характеризуетъ вліяніе варяжскаго элемента на строеніе русскаго государства, взаимныя отношенія князя и дружины, организацію войска, гражданскую власть, уголовный и гражданскій судъ, монетную систему, родовую общину, вѣче, земельную собственность, общественные классы и ихъ взаимныя отношенія, способы хозяйства, земледѣльческія орудія, источники доходовъ, устройство поселеній, мѣру и вѣсъ, пчеловодство, охоту на бобровъ, скотоводство и строй домашней жизни. Статья производитъ очень странное впечатлѣніе. Авторъ пишетъ изслѣдованіе по бытовой исторіи Руси въ удѣльно-вѣчевой періодъ, а между тѣмъ:

а) древнюю русскую лѣтопись цитуетъ по изданію Авг. Бѣлёвскаго въ *Monumenta Poloniae historica*;

б) Русскую Правду цитуетъ по изданію Кухарскаго въ *Antiqua monumenta juris slovenici*;

в) пособіями ему служатъ такія сочиненія, какъ *Prawda Ruska* Раковецкаго, *Polska wieków srednich* Лелевеля, *Historya prawodawstw słowiańskich* Мацѣёвскаго, *Chrobacya* Войцеховскаго, *Kniazowie i Szlachta* Радзиминскаго и Рушковскаго; только случайно онъ справляется съ трудами Калачова (изслѣдованіе о Русской Правдѣ), Ланге (изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды) и гр. И. Толстого (Древнерусскія монеты).

А вся русская наука неужели не нужна была автору? Неужели русскія изданія лѣтописей и Русской Правды не лучше польскихъ? Неужели авторъ не могъ найти ничего для себя поучительнаго въ трудахъ Соловьева, Бѣляева, Хлѣбникова, Аристова, Сергѣевича, Мрочекъ-Дроздовскаго и многихъ другихъ?

2) *Михаилъ Ролле. Кременецъ. Изъ исторіи просвѣщенія въ Польшѣ (1805—1832).* (1896 г., №№ 1—12 и 1897 г., №№ 1—7).

Михаилъ Ролле, сынъ извѣстнаго историка доктора Антонія (псевдонимъ его отца Іосифа Ролле), подробно разсказываетъ судьбу основаннаго гр. Чацкимъ учебнаго заведенія. Относится онъ къ предмету, какъ горячій и искренній панегиристъ, которому все въ его излюбленномъ дѣтищѣ чудится совершеннымъ и блестящимъ. Идеализація скромнаго волынскаго Лицея и его основателя мѣстами претитъ непредубѣжденному читателю и вызываетъ раздраженіе. Особенно удивительно въ образованномъ человѣкѣ полное игнорированіе требованій русской государственной жизни и упорное стремленіе считать судьбу бывшихъ провинцій Польши послѣ ея раздѣловъ какимъ-то—сплошнымъ недоразумѣніемъ. Мнѣнія проф. Владимірскаго-Буданова о дѣятельности гр. Чацкаго и о значеніи кременецкаго Лицея (въ I томѣ «Исторіи Университета св. Владиміра») вездѣ даютъ автору поводъ къ бурному негодованію [1]).

—

3) *Равита-Гавронскій. Зоріанъ Долеиа-Ходаковскій (Адамъ Чарноцкій). Его жизнь и сочиненія.* (1897 г., №№ 4—12).

Адамъ Чарноцкій, дворянинъ Минской губерніи, родился 4 апрѣля 1784 г. въ с. Подгайномъ, около Несвижа. Учился въ г. Слуцкѣ. Въ 1808 г. за переписку съ организаторами польскихъ легіоновъ во Франціи онъ былъ отданъ въ солдаты. Въ 1811 г., наканунѣ войны съ Наполеономъ, онъ бѣжалъ изъ полка, чтобы стать въ ряды французовъ. Это дезертирство заставило его перемѣнить имя и фамилію: иначе потомъ онъ не имѣлъ-бы возможности безнаказанно вернуться въ Россію. Много лѣтъ онъ велъ кочующую жизнь (1812—1821), а потомъ случайно осѣлся въ Москвѣ, въ которой прожилъ почти 5 лѣтъ, попалъ въ качествѣ управляющаго имѣніемъ въ Тверскую губернію, гдѣ и скончался скоропостижно 17 ноября 1825 г. на 42-мъ году жизни. Авторъ подробно разсказываетъ жизнь этого фанатика науки, замѣчательнаго не столько результатами своей дѣятельности, сколько необыкновенно широкими научными планами и несчастной судьбой. Тонъ статьи панегирично-приподнятый. Авторъ правильно отмѣчаетъ вліяніе сочиненій гр. Яна Потоцкаго на разви-

---

[1]) Отмѣтимъ, что въ польскомъ *Краѣ* за 1895 г., была помѣщена статья Ферд. Гёзика (Hösick)—*Krzemienec i jego liceum.*

тіе научныхъ вкусовъ Ходаковскаго. Когда-то (въ 1876 г.) блестяще развивалъ эту мысль въ своихъ лекціяхъ покойный проф. А. А. Котляревскій, излагая въ «Исторіи славяновѣдѣнія» научную дѣятельность, какъ гр. Потоцкаго, такъ и Ходаковскаго. Обзоръ сочиненій Ходаковскаго очень полный. Только авторъ сожалѣетъ, что Ходаковскій въ послѣдніе годы своей недолгой жизни сдѣлался болѣе русскимъ ученымъ, чѣмъ польскимъ, и умеръ вдали отъ родины. Онъ обвиняетъ старыхъ русскихъ ученыхъ: Максимовича, Погодина и Н. Полевого—въ томъ, что они позволяли себѣ плагіаты изъ рукописей Ходаковскаго, а новыхъ (напр. Пыпина) въ томъ, что они не такъ высоко цѣнятъ Ходаковскаго, какъ-бы это слѣдовало.

—

4) *Ф. Мрочко. Снятынщина. Вкладъ въ этнографію.* (1897 г., №№ 3—7).

Снятынскій уѣздъ въ Галиціи расположенъ по обоимъ берегамъ р. Прута, на границѣ съ Буковиной. Кромѣ Прута уѣздъ прорѣзываютъ рѣчки: Черный Черемошъ, Рыбница, Чернява, Бѣлелюйка и Поточекъ. Населеніе—малороссійское, близкое по типу къ подольскому. Языкъ отличается нѣкоторыми особенностями произношенія и значительною примѣсью румынскихъ словъ. Авторъ въ семнадцати главахъ разсматриваетъ по порядку: границы уѣзда, почву, климатъ, хозяйство, торговлю, промышленность, состояніе просвѣщенія, типъ населенія, его одежду, жилища, пищу, языкъ, религіозныя понятія, праздники, свадьбы, крестины, обряды при посѣвахъ, обжиночныя пѣсни, астрономическія понятія, свѣдѣнія о мірѣ животныхъ и растеній, ворожбу, наконецъ, погребальные обычаи и обряды. Приводятся въ оригиналѣ народныя пѣсни, пословицы и разсказы.

—

5) *I. Дунинъ-Карвицкій. Мѣстности надъ р. Иквой. Ихъ прошлое и настоящее.* (1897 г., №№ 8—12 и 1898 г., №№ 1—6).

Авторъ идетъ по теченію р. Иквы, берущей начало въ Галиціи, въ Бродскомъ уѣздѣ, и впадающей въ р. Стырь и сообщаетъ историческія свѣдѣнія о поселеніяхъ, расположенныхъ по берегамъ ея или невдалекѣ отъ нихъ. Въ его сообщеніяхъ множество интересныхъ подробностей. Особенно важны отдѣлы: о Подгорцахъ (здѣсь въ архивѣ кн. Сангушка имѣются подлинныя письма Мазепы къ Ржевусскому 1705 и 1706 г.г.), о Почаевской Лаврѣ, Кременцѣ, Дубнѣ, Млыновѣ, Муравицѣ и Торговицѣ.

6) *Шелонговскій. Павелъ Пясецкій, польскій историкъ XVII вѣка. Этюдъ о хроникѣ и жизни ея автора.* (1898 г., №№ 7—12).

Пясецкій родился 17 октября 1579 г. въ с. Вздуль (нынѣ Кѣлецкой губ. и уѣзда), гдѣ отецъ его былъ пожизненнымъ солтысомъ, а умеръ 1 августа 1649 г. въ Могильскомъ клашторѣ близь Кракова. Образованіе свое онъ получилъ въ Прагѣ (1596—98) и Римѣ (1598—1601). Въ 1601 г. онъ возвратился на родину и въ 1606 г. получилъ должность каноника въ г. Познани. Съ этихъ поръ онъ началъ принимать участіе въ политической жизни отечества. Позднѣе онъ былъ послѣдовательно бискупомъ каменецкимъ (1627—1640), холмскимъ (1640—1644) и перемышльскимъ (1644—1649). Хроника Пясецкаго начинается описаніемъ королевствованія Стефана Баторія и оканчивается 1645 годомъ, въ которомъ вышло въ свѣтъ первое ея изданіе. Г. Шелонговскій отмѣчаетъ разницу между изложеніемъ событій до и послѣ 1606 года. Первыя изложены исключительно по печатнымъ матеріаламъ, вторыя Пясецкій описываетъ, отчасти, какъ очевидецъ и участникъ. Архивными источниками Пясецкій нигдѣ не пользовался, а довольствовался тѣмъ, что давали доступныя ему историческія сочиненія, летучія брошюры и опубликованные документы. Отношеніе его къ политикѣ Сигизмунда III и Владислава IV отличается строгимъ критицизмомъ; объясняется это тѣмъ, что онъ не занялъ при королевскомъ дворѣ того выдающагося и вліятельнаго положенія, о какомъ мечталъ въ сознаніи своей учености (былъ doctor sanctae theologiae) и литературнаго дарованія. Нѣкоторые полагаютъ (напр. Иловайскій въ «Исторіи Россіи» т. IV, вып. 2-ой, стр. 361), что Хроника Пясецкаго важна для исторіи усмиренія козацкихъ возстаній 1596, 1625, 1630 и 1638 г.г., но на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: Пясецкій ни одного изъ козацкихъ возстаній лично не видѣлъ, а разсказываетъ о нихъ, и притомъ въ самыхъ общихъ чертахъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія онъ вычиталъ или услышалъ отъ другихъ, можетъ быть, тоже не участвовавшихъ лично въ походахъ противъ козаковъ, а слышавшихъ отъ третьихъ лицъ. Его разсказъ имѣетъ такое значеніе, какое имѣлъ-бы краткій разсказъ объ экспедиціяхъ русскихъ войскъ противъ кавказскихъ горцевъ, написанный духовнымъ лицомъ, не принимавшимъ въ нихъ никакого личнаго участія, жившимъ вдали отъ театра дѣйствій (напр. въ Кіевѣ), не пользовавшимся матеріалами соотвѣтствующихъ архивовъ, составившимъ себѣ поверхностное понятіе объ

этихъ экспедиціяхъ на основаніи книжныхъ и газетныхъ свѣдѣній, пожалуй даже не встрѣчавшимся ни съ кѣмъ изъ участниковъ экспедицій, которые могли-бы оживить въ его воображеніи эти сухія свѣдѣнія воспоминаніями о видѣнномъ и пережитомъ. Конечно, такого разсказа не счелъ-бы *важнымъ источникомъ* ни одинъ историкъ кавказской войны.

А. С.

Иллюстрированный альманахъ-ежегодникъ «Кіевскій календарь Юго-Западнаго края» на 1899 г. *Изданіе Ф. Д. Иссерлиса. Кіевъ. Типографія Барскаго. 1898. 8⁰, XVI, 384, 78 и 70 стран.*

Выписанное заглавіе характерно въ томъ отношеніи, что указываетъ на колебанія издателя въ выборѣ названія для своей книги: очевидно, заманчивымъ ему казалось названіе «Альманахъ-ежегодникъ», что и понятно послѣ того, какъ «Альманахъ-ежегодникъ» П. О. Яблонскаго пріобрѣлъ себѣ заслуженный успѣхъ; но недурнымъ также представлялось и названіе «Кіевскій календарь», тѣмъ больше, что и съ такимъ названіемъ другіе издатели съ успѣхомъ для себя вели свои дѣла; вспомнилось затѣмъ и третье названіе «Календарь Юго-Западнаго края». Не будучи въ состояніи остановить свой выборъ на какомъ нибудь изъ трехъ хорошихъ названій, г. Иссерлисъ окончилъ тѣмъ, что всѣ три названія соединилъ въ одно названіе.

Не смотря на нѣкоторую комичность этой погони за многими названіями для одного календаря и на не совсѣмъ скромныя похвалы себѣ, которыя редакція дѣлаетъ въ предисловіи, заявляя, что она смотрѣла на задачу подобныхъ изданій шире, чѣмъ это обыкновенно принято, и не щадя трудовъ, относилась къ своей задачѣ всегда серьезно— книга Иссерлиса заслуживаетъ вниманія уже потому, что послѣ изданнаго четверть столѣтія тому назадъ В. Борисовымъ и П. Чубинскимъ «Календаря Юго-Западнаго края» на 1873 г., является первой попыткой составить для Юго-Западнаго края полный календарь въ объемѣ большихъ календарей.

Существенная разница между двумя названными изданіями заключается въ томъ, что редакторы календаря 1873 г., въ виду отсутствія настольной книжки, которая заключала бы въ себѣ современныя статистическія и справочныя свѣдѣнія объ Юго-Западномъ краѣ, поставили себѣ задачей составить такой календарь, въ которомъ бы

нашли мѣсто, какъ главнѣйшія изъ общихъ свѣдѣній, имѣющихся во всѣхъ большихъ календаряхъ, такъ въ особенности возможно полныя свѣдѣнія объ Юго-Западномъ краѣ, и, будучи въ этомъ отношеніе хорошо освѣдомлены, дали въ своей книгѣ обстоятельные очерки Юго-Западнаго края, географическій и этнографическій и большую массу статистическихъ объ немъ свѣдѣній. Редакція же новаго календаря, находя, что въ настоящее время, когда человѣчество шагаетъ быстрыми шагами по пути прогресса, годъ не является уже краткимъ мгновеніемъ въ сравненіи съ вѣчностью, а представляетъ страницу многотомнаго фоліанта исторіи человѣчества, главной своей задачей поставила дать такую книгу, которая заключала бы въ сжатомъ видѣ лѣтопись важнѣйшихъ событій истекшаго года, почему признала нужнымъ изложить въ хронологическомъ порядкѣ событія изъ жизни Кіева и Юго-Западнаго края за минувшій годъ. Изъ этихъ событій больше всего удѣлено мѣста устройству политехническаго института въ Кіевѣ; затѣмъ идетъ рѣчь о перемѣнахъ въ личномъ составѣ разныхъ вѣдомствъ, о постройкѣ зданія коммерческаго училища, объ открытіи торговой школы и торговыхъ курсовъ, о закладкѣ зданія кіевскаго музея древностей и искусствъ, о предположенныхъ постройкахъ новаго католическаго костела, новаго желѣзно-дорожнаго вокзала и новыхъ желѣзныхъ дорогъ, о застройкѣ Кіева и дѣятельности домостроительнаго общества, о положеніи сахарной промышленности въ послѣднее время, о дѣятельности городскаго управленія въ Кіевѣ въ періодъ 1894—1898 г.г. и проч. Нельзя не одобрить мысль дать въ календарѣ лѣтопись событій въ Юго-Западномъ краѣ за истекшій годъ; только думается намъ, что начиная такую лѣтопись, нужно было бы изложить ее въ связи съ исторіей предшествующаго времени, которой составители календаря не касаются нисколько повидимому не интересуясь ею. Кромѣ того, изъ перечисленнаго содержанія очерка «Кіевъ и Юго-Западный край въ 1898 г.» видно, что въ немъ идетъ рѣчь почти исключительно о Кіевѣ и главнымъ образомъ—о такихъ внѣшнихъ фактовъ изъ жизни его, какъ служебныя перемѣны, постройки, закладки, открытія и т. п., а о внутренной жизни, какъ города, такъ и цѣлаго края не дается почти свѣдѣній. Какъ курьезъ, укажемъ то, что авторъ названнаго очерка, говоря о думскихъ выборахъ и гласныхъ кіевской думы, нашелъ между послѣдними такихъ дѣятелей, которые «удивительно» напоминаютъ Александра Македонскаго (стран. 133). Остается такимъ

образомъ порадоваться, что Александры Македонскіе еще не перевелись на бѣломъ свѣтѣ.

Вслѣдъ за упомянутымъ главнымъ отдѣломъ, календарь даетъ и статистическія свѣдѣнія объ Юго-Западномъ краѣ, но въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ календарь Борисова и Чубинскаго. Многихъ статистическихъ свѣдѣній, которыя желательно было бы видѣть въ календарѣ, въ немъ недостаетъ. Равнымъ образомъ замѣчается неполнота и въ справочныхъ свѣдѣніяхъ. Для сравненія упомянемъ, что о существующихъ въ Кіевѣ ученыхъ обществахъ календарь 1873 г. давалъ обстоятельные очерки съ изложеніемъ историческихъ объ нихъ свѣдѣній и обзоромъ дѣятельности ихъ, въ календарѣ же Иссерлиса имѣются только одни адресы этихъ обществъ, но нѣтъ никакихъ другихъ объ нихъ свѣдѣній. Недостаетъ свѣдѣній объ издающихся въ краѣ періодическихъ изданіяхъ, о существующихъ въ немъ музеяхъ, и многихъ другихъ.

Довольно страннымъ представляется составъ отдѣла некрологовъ: въ немъ имѣются только некрологи поэта Я. П. Полонскаго и землевладѣльца Кіевской губерніи В. А. Бобринскаго; никакихъ другихъ некрологовъ нѣтъ.

Календарь изданъ довольно изящно и украшенъ недурно исполненными фототипическими видами кіевскихъ зданій; исполненный же не механическимъ способомъ рисунокъ, которымъ украшено начало «Сельско-хозяйственнаго отдѣла» очень плохъ: на немъ запряженные въ плугъ волы, будучи несоразмѣрно малы сравнительно съ стоящими около нихъ людьми, больше похожи на овечекъ, чѣмъ на воловъ, а изображенная въ сарафанѣ жница свидѣтельствуетъ о томъ, что почтенная редакція календаря имѣетъ довольно фантастическое представленіе о жницахъ Юго-Западнаго края.

Н. Ш.

«Geneza poetycznych utworów Markiana Szaszkewicza». *Napisał Cyryl Studziński (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział filologiczny. Serya II, Tom XII, str., 1—46).*

О Маркіанѣ Шашкевичѣ, начинателѣ галицко-русскаго литературнаго возрожденія, и его значеніи въ исторіи малорусской литера-

туры существуетъ не мало изслѣдованій [1]), преимущественно въ Галиціи; но вопросъ о генезисѣ литературныхъ произведеній, о вліяніи на нихъ того или иного писателя, подобно тому, какъ это исполнено по отношенію къ поэтическимъ произведеніямъ Шевченка львовскимъ проф. Колессою, [2]) по отношенію къ Шашкевичу не былъ обстоятельно разобранъ никѣмъ, если не считать нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ этому вопросу въ «Отчетѣ о 29 присужденіи наградъ графа Уварова», стр. 131, проф. Дашкевичемъ. Этому то вопросу и посвятилъ разсматриваемую нами статью извѣстный знатокъ малорусской литературы г. Студзинськый [3]).

Г. Студзинськый различаетъ три категоріи произведеній Шашкевича, написанныхъ подъ постороннимъ вліяніемъ. Къ произведеніямъ первой категоріи, проникнутыхъ «мѣстнымъ патріотизмомъ», онъ относитъ тѣ, которыя явились у него подъ вліяніемъ народной поэзіи, какъ напр. «Погоня» (носящая также слѣды сербскаго вліянія и Мицкевичеваго «Farysa»), «Думка», «Туга за мылою», «Нещасный»; послѣднее, впрочемъ, какъ и «Пидлися», «Надъ Бугомъ», можно считать написанными подъ вліяніемъ народной поэзіи лишь благодаря тождеству сравненій.—Что касается «Веснивкы», то она носитъ слѣды вліянія «Pierwiosnka» Мицкевича, родственнаго съ «Blümlein Wunderschön» Гете, хотя и въ ней тѣ же сравненія, что и въ народныхъ пѣсняхъ [4]).

Вторая категорія произведеній, въ которыхъ Шашкевичъ становится на болѣе широкую почву, это тѣ, гдѣ онъ говоритъ о духов-

---

[1]) Изъ наиболѣе крупныхъ работъ можно отмѣтить: *Огоновскаго*—„Исторія литературы рускои“ (Львовъ, 1889, ч. II); *Коцовскаго*—„Жите и значене Маркіяна Шашкевича; Львовъ, 1886. Его-же: Памяти Маркіяна Шашкевича. Въ III т. Записк. Науков. Товариства им. Шевченка, 25—35 стр. и др. (см. литературу о Шашкевичѣ, у Огоновскаго, ч. II, отдѣлъ 1, 354 стр. Въ Россіи: Дашкевичъ, Пыпинъ;

[2]) Записки Наукового Товариства им. Шевченка т. III стр. 36—152.

[3]) Изъ другихъ работъ его извѣстны: „Абельфотес“, въ Зап. Науков. Тов. им. Шев., т. VII, „Козако-Польск. война 1625 г.“ въ XVII т.

[4]) Здѣсь же авторъ дѣлаетъ весьма основательную поправку къ одному утвержденію проф. Дашкевича („Отчетъ“... 113, и прим. 4). Проф. Дашкевичъ въ стихотвореніи „До мылой“ видитъ вліяніе искусственной украинской пѣсни „Повій витре на Вкраину“. Студзинськый дѣлаетъ замѣчаніе, что съ этимъ трудно согласиться, хотя бы по той причинѣ, что эту пѣсню сложилъ „Степанъ Руданськый“ въ 1856 г. (См. Зоря, 1895, № 20, стр. 389, „пісня“), и впервые она напечатана въ 1861 г,—почти черезъ двадцать лѣтъ по смерти Шашкевича.

номъ, культурномъ народномъ единствѣ Галиціи и Украины, возводитъ въ апоѳеозъ историческое прошлое Украины. Въ этомъ направленіи на Шашкевича оказали вліяніе: Метлинскій («Думы и пѣсни»), *Шевченко*, («Кобзарь», 1840 г.), [1]) и Гребинка («Ластивка», 1841); но помимо этихъ послѣднихъ, огромное вліяніе на него оказали также произведенія писателей польско-украинской школы; какъ напр. Залѣсскій, Гощинскій, Падура... Такъ напр. «Дума»—является слабымъ отзвукомъ музы Залѣсскаго, но въ тоже время обнаруживаетъ вліяніе Метлинскаго; въ «Бандурыстѣ» (неоконченная поэма «Перекинчыкъ басурманськый»)—есть слѣды вліянія «Dudarsa» Мицкевича, повліявшаго также на «Перебендю» и «Черныцю Марьяну» [2]) Шевченка [3]), и затѣмъ Метлинскаго («Степь», «Бандура»): «Болеславъ Крывоустый пидъ Галычемъ въ р. 1139»—находится въ родствѣ съ поэзіей Падуры; а „Замокъ Каніовскій"—Гощинскаго.

Наконецъ послѣдняя категорія произведеній,—отзвукъ панславизма,—такія, какъ напр. «Згадка», написанная подъ вліяніемъ „Slawy Dcera"—Kolara и вообще переводы съ сербскаго, съ чешскаго («Краледворскый рукопысъ»).

Кромѣ того, въ этой статьѣ находятся весьма цѣнныя интересныя свѣдѣнія по вопросамъ, имѣющимъ непосредственное значеніе для характеристики литературной дѣятельности Шашкевича, какъ напр. объ энтузіазмѣ по отношенію къ малорусской народной поэзіи со стороны Ходаковскаго, Ляха Ширмы, кн. Цертелева, Максимовича, Залѣсскаго; о значеніи польско-украинской школы въ исторіи малорусской литературы...

В. Д.

О. А. Мончаловскій. Литературное и политическое украинофильство. *Львовъ. Типографія Ставропигійскаго Института. 1898. 16 д. л. Стр. 190. Цѣна 30 крейцеровъ.*

Г. Мончаловскій любезно прислалъ свою книжечку для отзыва въ «Кіевской Старинѣ». Охотно исполняемъ желаніе любезнаго автора.

[1]) Противорѣчіе автора самому себѣ: на стр. 32, прим. 1 онъ говоритъ, что nie wiemy, czy „Kobzar" zr. 1840 r., był Szaszkiewiczowi znany".

[2]) Зап. Науков, Тов., т. III, ст. проф. Колессы стр. 81—88.

[3]) J. Tretiak... Pro wpływ Mickewicza na poezyju „Szewczenko" Krakow, 1892, str. 16.

Вся книжка г. Мончаловскаго представляетъ собою безпрерывный вопль наболѣвшей души, и отъ души же нельзя не пожалѣть о столь печальномъ настроеніи этого публициста. Было время, когда въ Галичинѣ развелись страшные звѣри—т. наз. «фонетики», но это были просто младенцы въ сравненіи съ галицкими «украинофилами». Г. Мончаловскій громитъ ихъ безпощадно и неутомимо, съ великою запальчивостью, которая увлекаетъ его за предѣлы здраваго смысла.

Что основныя сужденія настоящей книжки или, точнѣе, памфлета лишены здраваго человѣческаго смысла, постараюсь показать въ немногихъ словахъ.

Приведя въ началѣ книжки статью г. Осипа Маковея, напечатанную въ № 144 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1898 г. [1]) и какъ извѣстно, доказывающую, что галицкимъ малороссамъ слѣдуетъ развивать свой языкъ и литературу на своемъ языкѣ, г. Мончаловскій тотчасъ-же (стр. 22) приклеиваетъ къ этому здравому сужденію г. Маковея ярлычекъ «сепаратистскихъ стремленій». Эта прискорбная логическая ошибка—настоящее lucus a non lucendo!—красной нитью проходитъ въ памфлетѣ г. Мончаловскаго и губитъ всѣ его публицистическіе порывы. Ибо если г. Маковей «сепаратистъ», то что же такое представляютъ собою г. Мончаловскій, Драгомирецкій и consortes изъ т. наз. «москвофильскаго» лагеря? Сколько мнѣ извѣстно, и въ русской литературѣ, которую столь цѣнитъ г. Мончаловскій, и въ русскомъ языкѣ, который онъ чтитъ платонически, ибо не знаетъ его, страшное слово «сепаратистъ» обозначаетъ лицо или направленіе, отдѣлившееся отъ какого-то большинства лицъ или направленій, стремленій, интересовъ, желаній, инстинктовъ, наконецъ. Если г. Мончаловскому угодно называть мнѣніе г. Маковея «сепаратистскимъ», то для этого надо подвести свою галицкую статистику, иначе—это простая подтасовка понятій, тѣмъ болѣе прискорбная, что она лишена смысла и рѣшительно ни къ чему не ведетъ.

Минуя безконечный ландшафтъ сплетенъ, препирательствъ изъ-за выѣденнаго яйца, темныхъ намековъ по поводу обвиненій весьма недвусмысленныхъ, минуя всю эту грязь, въ изобиліи украшающую страницы памфлета г. Мончаловскаго—ибо копаться въ этой грязи и нѣтъ охоты, и не предвидится ничего поучительнаго—спросимъ: что́ угодно г. Мончаловскому, чего онъ требуетъ отъ своихъ соплеменни-

[1]) См. Кіевск. Стар. 1898 г., сентябрь, II, 74.

ковъ и соотечественниковъ въ Галичинѣ? Ему угодно: 1) чтобы уничтожено было фонетическое малорусское правописаніе въ Галичинѣ, ибо оно—проявленіе «сепаратизма»; 2) чтобы галицкіе «украинофилы» не якшались съ галицкими поляками; 3) чтобы галицкіе «сепаратисты» обратили свои упованія и надежды къ обще-русскому отечеству и обще-русской литературѣ, признали малорусскій языкъ въ Галичинѣ лишь нарѣчіемъ общерусскаго языка и сообразно съ симъ дѣйствовали, ибо «вся современная малорусская литература есть лишь болѣзненный наростъ на русскомъ народномъ тѣлѣ» (стр. 162), ибо незачѣмъ сочинять свою литературу, если есть готовая за кордономъ, богатая и блестящая литература великорусская.

Какъ видно, г. Мончаловскій, въ пылу публицистическаго задора, думаетъ взгромоздить Пеліонъ на Оссу: тутъ и фонетика, и политика, и литературное развитіе несутся въ нестройной пляскѣ, и все это зачѣмъ то преподносится въ поученіе публикѣ на яко-бы русскомъ литературномъ языкѣ. Оставимъ политику въ покоѣ: если г. Мончаловскому подозрительны галицкіе поляки, то онъ имѣетъ возможность съ ними бороться на общемъ основаніи австрійскихъ законовъ и порядковъ, и не къ чему приплетать сюда русскую литературу, у которой есть свои злободневные вопросы. Если ему не нравится «фонетика», то надо убѣдить своихъ соотчичей, что она не годится, но въ настоящей книгѣ доказательства такой негодности не представлено. Наконецъ, если г. Мончаловскій чтитъ культурное и образовательное значеніе русской литературы, то и благо ему, но незачѣмъ вопить объ этомъ на весь міръ. Иностранцы, чтущіе русскую литературу, стараются знакомить съ ея произведеніями и добытками своихъ соотечественниковъ—и тѣмъ даютъ хорошій примѣръ г. Мончаловскому. Если онъ убѣдитъ своихъ соотечественниковъ, что лучше пользоваться чужой литературой и языкомъ, чѣмъ развивать свои, если онъ докажетъ имъ, что такое чудо возможно при данныхъ условіяхъ, то и отлично: чего, въ самомъ дѣлѣ, лучше—жити братіи вкупѣ? Но такъ какъ, вмѣсто убѣжденія, г. Мончаловскій предлагаетъ своимъ читателямъ лишь наборъ восклицаній и загадочныхъ тезисовъ въ стилѣ lucus a non lucendo, то и результатъ получается болѣе, чѣмъ печальный: добытки «изученій» г. Мончаловскаго граничатъ просто со смѣшнымъ. Такъ, напр., онъ съ серьезнымъ видомъ знатока берется рѣшать глубокомысленный вопросъ, въ какомъ рангѣ надлежитъ считать рѣчь галицкихъ малороссовъ: языка, нарѣчія или

поднарѣчія, и для этого прибѣгаетъ къ методу статистическому, именно ссылкѣ на авторитеты. Но бѣда въ томъ, что даже для правильной постановки филологическихъ вопросовъ требуется широкая научная основа; если же дѣло осложняется политическими озлобленіями и невѣжествомъ, то фіаско неизбѣжно. На нелѣпые вопросы получаются и нелѣпые отвѣты, въ изобиліи предлагаемые нашимъ трудолюбивымъ авторомъ, который не можетъ сообразить, что всякому народу надо жить и развиваться духовно на своей національной основѣ, чтó-бы ни думали объ этомъ ученые и неученые невѣжды,— иначе народу этому грозитъ духовное убожество и калѣчество.

Слѣды такого убожества носитъ и стиль книги г. Мончаловскаго, который видимо силится показать, какъ прекрасно можетъ онъ писать на русскомъ литературномъ языкѣ. Эти усилія печально отражаются на словесныхъ построеніяхъ автора и логической силѣ его доводовъ: малопонятный для галицкихъ читателей, памфлетъ его представляетъ мертвый и тяжкій балластъ для читателя русскаго. Можно-ли такъ калѣчить русскую рѣчь и оскорблять наши литературные вкусы, преподнося намъ такія красоты: «Статья г. Маковея въ «С.-Пб. Вѣдомостяхъ» есть выраженіемъ нынѣшняго литературно-политическаго украинофильства, заправленнымъ, однако, ядомъ клеветы не только на членовъ русской національно исторической партіи, но и на саму русскую мысль»; «разберемъ письмо г. Маковея о столько, о сколько оно насается»; «а ошибся онъ сознательно, имѣя на цѣли представить насъ «самозванцами» и осмѣшить насъ передъ русскимъ обществомъ»; «въ нынѣшнемъ году припадаетъ юбилей... и этотъ юбилей мы отпраздновали величаво въ дняхъ отъ 3 до 7 мая с. г.»; «эпохальное событіе», и т. д. Каковъ стиль, такова и сообразительность автора, и вотъ два образчика: «Энеида Котляревскаго не можетъ составлять начала малорусскаго національнаго возрожденія, такъ какъ отдѣльной малорусской національности раньше совсѣмъ не было» (чтó же было—авторъ не удостоилъ пояснить); «если-бы въ Галичинѣ и Буковинѣ нынѣ были введены русскія народныя школы, русскіе гимназіи и университеты, то не прошло-бы десятка лѣтъ, и населеніе этихъ русскихъ областей, наслѣдія св. Владиміра, отличалось-бы отъ населенія Малороссіи только въ экономическомъ отношеніи, т. е. бѣдностью, между тѣмъ какъ оно уже нынѣ, можетъ быть, превосходитъ и малорусское и великорусское простонародіе въ Россіи въ развитіи національнаго сознанія, въ патріотизмѣ и въ глубокой привязанности къ русскому обряду и къ русской церкви».

Послѣдняя тирада г. Мончаловскаго весьма типична для этого публициста. Позволительно просить у него разъясненій по такимъ пунктамъ: 1) какимъ чудомъ въ Галичинѣ могутъ явиться русскія школы и чтó для сего требуется? 2) если и черезъ десять лѣтъ послѣ чуда галичане будутъ отличаться только бѣдностью, то какой смыслъ этого чуда? 3) если, какъ увѣряетъ авторъ, послѣ чуда національное сознаніе галичанъ, патріотизмъ, привязанность и пр. спустятся на низшую ступень (ибо лишь бѣдностью галичане будутъ превосходить родичей), то неужели того желаетъ авторъ?

Ясное дѣло, что чужой языкъ сыгралъ съ авторомъ злую шутку и повредилъ ясности его идей. Слава Богу, русскій языкъ живъ,— быть можетъ, г. Мончаловскій подучится и подаритъ насъ произведеніями болѣе вразумительными.

Н. М.

Церковно-приходская лѣтопись села Глубочка, Житомирскаго у., Волынской г. *Почаевъ, 1898 г., 8 д. л. 133 стр.*

Въ послѣднее время почти во всѣхъ епархіяхъ священникамъ вмѣнено въ обязанность веденіе церковныхъ или церковно-приходскихъ лѣтописей. Многія изъ такихъ лѣтописей помѣщаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, веденныя умѣло и толково, лѣтописи эти могутъ представлять цѣнный матеріалъ и какъ результатъ мѣстныхъ церковно-археологическихъ изыскиваній, и еще болѣе—какъ плодъ непосредственнаго изученія народной жизни, ибо кому же ближе и удобнѣе наблюдать эту жизнь, какъ не приходскому священнику, нерѣдко единственному интеллигентному человѣку въ селѣ и притомъ, въ силу пастырскихъ своихъ обязанностей, поставленному въ самыя близкія, интимныя отношенія къ народу. Къ сожалѣнію, сколько не приходилось намъ читать такія лѣтописи въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ нашего края, онѣ рѣдко удовлетворяютъ самымъ скромнымъ научнымъ требованіямъ—и именно потому, что ихъ составители почему-то проявляютъ большую склонность къ рѣшенію вопросовъ, выходящихъ за предѣлы ихъ знаній и молчатъ о предметахъ вполнѣ доступныхъ ихъ наблюденію. Обыкновенно въ такихъ лѣтописяхъ дѣлаются попытки объяснить происхожденіе села и его древнѣйшую исторію—но не на основаніи историческихъ фак-

товъ, невѣдомыхъ составителю, а на основаніи якобы народныхъ преданій или произвольнаго толкованія именъ мѣстностей, урочищъ и т. под.; затѣмъ слѣдуетъ описаніе приходскаго храма, перечень бывшихъ священнослужителей и въ заключеніе—нѣсколько поверхностныхъ замѣчаній о томъ, что, по всей справедливости, должно бы составлять главный предметъ церковно-приходской лѣтописи—разумѣемъ бытъ прихожанъ.

Брошюра, названіе которой мы выписали, по своимъ достоинствамъ настолько выгодно выдѣляется изъ массы однородныхъ съ нею произведеній, что ее смѣло можно бы рекомендовать, какъ лучшій образецъ для составителей подобныхъ лѣтописей. Она составлена приходскимъ священикомъ А. Левицкимъ и помѣщена была въ мѣстныхъ епарх. вѣдомостяхъ. Несмотря на то, что с. Глубочекъ представляетъ самое заурядное поселеніе, авторъ съумѣлъ сдѣлать его лѣтопись крайне интересной, и для посторонняго читателя. Программа ея очень несложна: Отдѣлъ I. Приходъ. Здѣсь также помѣщены народныя преданія о прошлой судьбѣ села, въ связи съ упоминаніемъ о вещественныхъ памятникахъ мѣстной старины, но это сдѣлано умѣло, безъ филологическаго суесловія. Отдѣлъ II. Приходскій храмъ. Здѣсь подробно описаны хранящіяся въ церкви старопечатныя книги. Отдѣлъ III. Причтъ. Самый интересный отдѣлъ IV—Прихожане. Здѣсь подробно описаны: а) внѣшній бытъ селянъ—ихъ дома, костюмы и украшенія, занятія и промыслы, форма землевладѣнія; б) соціально-юридическій бытъ: семья, «громада», сходъ; в) религіозный бытъ: отношеніе къ иновѣрцамъ, посты, поминки, праздники; г) народные обычаи: обряды, игры и гаданья, пріуроченные къ различнымъ праздникамъ; родины, крестины и похороны; подробное описаніе свадьбы съ текстами свадебныхъ пѣсенъ; д) народная демонологія: повѣрья и сказанія о чертяхъ, домовикахъ, лѣсовикахъ, вѣдьмахъ, упыряхъ и вовкулакахъ; е) народные апокрифы: сонъ Богородицы, сказаніе о 12-ти пятницахъ и пр.; ж) пороки селянъ: конокрадство, пьянство, «роспуста», число незаконнорожденныхъ въ приходѣ по десятилѣтіямъ съ 1794 по 1894 гг. и пр. з) умственное развитіе: стремленіе къ грамотности, способы лѣченія болѣзней, примѣты, ворожба, заговоры, пословицы. Послѣдній отдѣлъ—церковно-приходская школа.

Уже изъ одного перечня можно видѣть, сколько интереснаго заключаетъ въ себѣ лѣтопись. Къ тому же, составитель ея—человѣкъ очень наблюдательный. Онъ хорошо знаетъ бытъ своихъ прихожанъ,

видимо съ любовью и пониманіемъ относится ко всѣмъ проявленіемъ ихъ жизни, правдиво и безпристрастно изображаетъ хорошія и дурныя ихъ свойства. Этнографъ и фольклористъ найдутъ для себя въ этой лѣтописи немало цѣннаго. Какъ мы упоминали, здѣсь помѣщено много матеріаловъ, записанныхъ изъ устъ народа: колядокъ, пѣсенъ, пословицъ, заговоровъ, народныхъ разсказовъ, довольно полно описанъ мѣстный свадебный ритуалъ и т. п.

Повторяемъ, если бы всѣ церковно-приходскія лѣтописи составлялись такъ умѣло, какъ настоящая, сколько цѣнныхъ наблюденій и фактовъ изъ народной жизни было бы собрано для науки!

О. Л.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ.* Томъ III. Пѣсни. Б. Д. Гринченко. (Прилож. къ № XI—XII. Земск. Сборника 1898 г.) Черниговъ 1899. 8 д. л. XXII+765 стр. О первыхъ двухъ *выпускахъ* „Матеріаловъ", изданныхъ въ 1895 и 1896 г.г. см. Кіевск. Ст. 1895 г., дек., 112, и 1896 г., ноябрь, 61. О настоящемъ томѣ, обращающемъ на себя вниманіе уже однимъ своимъ размѣромъ, редакція имѣетъ въ виду дать подробный отзывъ.

— *Списокъ дворянъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу Полтавской губерніи.* Изданъ полтавск. двор. депут. собраніемъ. Полтава. 1898. Fol., 792 стр. Книга эта издана, повидимому, съ чисто практическою цѣлью—имѣть для справокъ перечень дворянскихъ родовъ, утвержденныхъ и неутвержденныхъ герольдіей въ дворянствѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ настоящій списокъ можетъ служить справочникомъ для историка—о какихъ старо-козацкихъ родахъ онъ можетъ найти свѣдѣнія въ „дѣлахъ" полтавск. двор. депут. собранія. Извѣстно, что въ этихъ «дѣлахъ» очень часто заключаются интересныя историческія свѣдѣнія, а подъ часъ и любопытные подлинные документы, представленные для доказательства дворянства, а потомъ здѣсь забытые...

— *В. П. Горленко. Украинскія Были. Описанія и Замѣтки.* Кіевъ. 1899. 16 д. л. min. 168 стр. Изъ 11-ти помѣщенныхъ въ этой книжкѣ разсказовъ—четыре новыхъ: «Коварникъ» (Тепловъ), „При-

дворный бандуристъ въ бѣгахъ и бѣгуны отъ науки», «Семейная драма въ военномъ поселеніи» и «Бабушка Полуботкова» [1]). Два разсказа— «Левицкій» и «Боровиковскій»—совсѣмъ переработаны, а остальные—перепечатаны изъ разныхъ изданій, въ томъ числѣ и изъ Кіевск. Стар.

— *Д. Марковичъ. По степамъ, та хуторамъ.* I. Оповидання слѣдователя: 1) Иванъ зъ Буджака. 2) На Вовчому Хутори. 3) У наймы. 4) Винъ присягавъ. 5) Невдалиця. II. Незрозумилы. Комедія. Москва. 1899. 154 стр. Ц. 30 к.

— *В. Катрановъ. О малорусской драмѣ.* Опытъ краткой исторіи развитія малорусск. драм. литературы и общ. разборъ крупнѣйшихъ ея образцовъ. Одесса. 1899. 63 стр. Ц. 30 к.

— *Евгеній Гребинка, Гр. Коваленка* [2]). Земск. Сборн. Черниг. губ. 1898, № 11—12 [3]), 34—62. Очеркъ составленъ по случаю 50-тилѣтія со дня смерти Г—ки; есть здѣсь отрывки изъ рукописныхъ писемъ Г—ки къ его лицейскому товарищу Н. М. Новицкому, не заключающіе впрочемъ чего либо для біографіи писателя важнаго. Пріѣхавъ въ Спб., Г—ка оттуда писалъ (1834 г.) Нов—ому: «Думалъ я долго дорогою: що зъ мене буде въ П—ргѣ, що я тамъ робытыму мижъ москалями... Петербургъ есть колонія образованныхъ малороссіянъ. Всѣ присутственныя мѣста, всѣ академіи и проч. наводнены земляками и, при опредѣленіи человѣка на службу, малороссъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ un homme d'esprit... На масляной студенты медицинской академіи играли на своемъ театрѣ «Наталку-Полтавку».

— *Сельскіе чиншевики въ литовско-русскомъ государствѣ. Ф. И. Леонтовича.* Журн. М. Нар. Пр., февр., 285—307. (Нач.) Здѣсь между прочимъ находятся подробныя указанія на литературу чиншеваго права.

— *О порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ малороссійскимъ козакамъ. В. Мордухай-Болтовскаго.* Вѣстникъ Права, февраль, 83—104 стр. Статья имѣетъ практическую цѣль—установить порядокъ отчужденія такъ наз. «потомственныхъ козачьихъ

---

[1]) Разсказъ основанъ на письмахъ, напечатанныхъ въ „Любецкомъ Архивѣ“.

[2]) Такой-же очеркъ г. Коваленка о Котляревскомъ—помѣщенъ въ томъ же Земск. Сборн. Черниг. губ. 1898 г., № 2—4, стр. 20—39.

[3]) Напечатанъ въ 1899 г.

земель», отличить которыя отъ пріобрѣтенныхъ лично (безъ актовъ), добавимъ мы, не представляется никакой теперь возможности.

— Въ послѣднихъ номерахъ петербургскаго *Kraj'я* помѣщены: въ номерѣ 10-мъ,— *Kontrakty kijowskie* съ четырьмя красивыми фототипными рисунками видовъ Кіева и 2) біографическое свѣдѣніе объ *А. А. Скальковскомъ*, съ его портретомъ. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ, что будто Скальковскій «*miał siebie za polaka* (?), w towarzystwach polskich mówił nieodmiennie *ojczystem* językiem; jeno pod koniec życia listy już tylko zaczynał i kończył popolsku»... Тутъ же сообщается, что Ск—ій оставилъ трехъ сыновей. Думаемъ, что послѣдніе съ большимъ чѣмъ мы правомъ отвергнутъ эту странную выдумку о польской національности Скальковскаго. Въ номерѣ 11-мъ *Края* помѣщена интересная фотографія *„группа членовъ кіевскаго губернскаго комитета“*. Напомнимъ, что обязанность губернскихъ комитетовъ, учрежденныхъ въ началѣ 1858 г., заключалась: *въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и въ начертаніи общаго объ этомъ положенія* [1]). Учрежденный съ этою цѣлью комитетъ для Кіевской губерніи состоялъ, какъ указываетъ фотографія, изъ 23-хъ лицъ, при чемъ изъ нихъ только *два* было «россіянина» (Гудимъ-Лѣвковичъ и Люценко), а всѣ остальные члены комитета принадлежали къ польской національности...

— Прислана въ редакцію книга: *Хозяйственное положеніе и платежныя средства крестьянъ губерній Царства Польскаго*. Составилъ И. Орловъ, управляющій Кѣлецкою казенною палатою. Кѣльцы. 1898. 8°. 142 стр.

---

[1]) См. Паденіе крѣпостн. права въ Россіи, Иванюкова, стр. 42 и слѣд.

Археологическая лѣтопись.

Для удобства при печатаніи нашей „Лѣтописи“, таковая помѣщается въ концѣ книжки журнала. Эта перемѣна дастъ возможность, не стѣсняясь мѣстомъ, вести „Лѣтопись“ съ большею полнотою. При этомъ мы еще разъ обращаемся ко всѣмъ, интересующимся южнорусскою стариною, съ просьбою доставлять намъ свои о ней замѣтки и сообщенія.

Н. Бѣляшевскій.

Къ археологическому съѣзду въ Кіевѣ.

Подготовительныя работы *къ выставкѣ*, устраиваемой при съѣздѣ, быстро двигаются впередъ. Вся архелогическая коллекція университета св. Владиміра уже почти совсѣмъ готова къ выставкѣ, что потребовало много кропотливаго труда. Печатаніе каталога также идетъ безостановочно—уже напечатано 8 листовъ. Прибываютъ и новыя коллекціи древностей: прислана коллекція г. Червинскаго, составленная изъ предметовъ, добытыхъ раскопками кургановъ въ Кіевской и Подольской губ., а г-жей Зноско-Боровской обѣщана для выставки коллекція акварелей съ древностей, составляющихъ богатое собраніе ея недавно умершаго мужа.

Ученыя общества.

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи къ концу 1898 г. состояло, кромѣ предсѣдателя, изъ 22 почетныхъ членовъ, 118 дѣйствительныхъ и 42 членовъ-корреспондентовъ. Въ теченіе истекшаго года было 9 засѣданій общества, на которыхъ прочитано 10 рефератовъ; изъ нихъ три, прочитанные проф. Н. И. Петровымъ, касались древностей нашего края, именно: 1) О нѣкоторыхъ змѣевикахъ, энколпіонахъ и образкахъ, найденныхъ въ Кіевской губ. и вообще на югѣ Россіи; 2) О собраніи древнихъ крестиковъ и образковъ Б. И. и В. Н. Ханенко и 3) Лубенскій музей древностей Е. Н. Скаржинской. Для нѣкоторыхъ спеціальныхъ работъ составлялись изъ членовъ общества особыя комиссіи, которыми м. п. производилась разборка и описаніе старыхъ дѣлъ архива Кіевской духовной консисторіи и разборка и опредѣленіе богатой нумизматической находки въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки кургановъ у д. Луковки, Звенигородскаго у., Кіевск. губ. Въ августѣ прошлаго года В. Н. Доманицкимъ были произведены раскопки двухъ кургановъ, расположенныхъ въ углѣ, образуемомъ р. Гнилымъ Тикичемъ и впадающимъ въ него ручьемъ Колодистымъ. Благодаря любезности В. Н. Доманицкаго, сообщившаго намъ дневникъ этихъ раскоповъ, мы имѣемъ возможность дать о нихъ краткій отчетъ. Мѣстность, гдѣ расположены курганы, представляетъ изъ себя возвышенность, поднимающуюся надъ уровнемъ р. Гнилого Тикича саженей на 5. Одинъ изъ кургановъ въ прежнее время былъ повидимому большихъ размѣровъ, въ настоящее-же время имѣетъ около $1^1/_2$ арш. высоты и 50 шаговъ въ окружности; при раскопкѣ его на глубинѣ $^1/_2$ арш. былъ обнаруженъ скелетъ въ полной сохранности, головой на сѣв.-вост.; по бокамъ черепа замѣтны слѣды двухъ вбитыхъ въ землю кольевъ, у черепа—масса раздавленной землей посуды хорошей выдѣлки, по бокамъ скелета—слѣды деревяннаго гроба; надъ скелетомъ найденъ сильно окислившійся желѣзный кинжалъ, точилка и много костей крупныхъ животныхъ; погребеніе это открыто въ сѣверо-вост. части насыпи кургана, въ центрѣ же кургана открыта круглая яма, глубиной въ $2^1/_2$ арш., по бо-

камъ ея также стояли 4 колка, вбитые въ землю, у юго-зап. края ямы найденъ глиняный кувшинъ, сдѣланный на кругѣ, пепельнаго цвѣта, наглухо закупоренный небольшой терракотовой чашкой; въ ямѣ обнаружены части 3-хъ или 4-хъ скелетовъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ, одинъ надъ другимъ, череповъ при нихъ не найдено. Судя по погребенію въ насыпи кургана, находкамъ желѣзнаго кинжала и посуды, погребеніе это можно отнести къ типу скифскихъ и притомъ скифовъ—земледѣльцевъ. Другое погребеніе открыто сейчасъ-же возлѣ перваго кургана; на поверхности земли не было замѣтно почти никакихъ признаковъ насыпи; на глубинѣ $^1/_2$—$^3/_4$ арш. обнаружено 5 скелетовъ, почти совершенно истлѣвшихъ, расположенныхъ головами къ центру и туловищами по радіусамъ; при каждомъ изъ скелетовъ находились сосуды, причемъ черепъ одного изъ скелетовъ лежалъ на самомъ сосудѣ; сосуды грубой ручной лѣпки, небольшихъ размѣровъ, съ плоскими и остроконечными днищами; по сосѣдству найдена каменная стрѣлка. Погребеніе это, представляющее изъ себя рѣдкій типъ по расположенію скелетовъ, относится къ болѣе ранней эпохѣ, б. м. къ каменному вѣку.

—

Раскопки кургановъ въ Роменскомъ у., Полтавской г. у сс. Волковцы и Великія Будки. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ, произведенныхъ С. А. Мазараки и И. А. Линниченкомъ, основываясь на докладѣ послѣдняго Одесскому Обществу Исторіи и Древностей. Курганы, относящіеся къ разряду такъ называемыхъ скифскихъ, расположены здѣсь группами съ центральнымъ курганомъ большихъ размѣровъ; группы кургановъ окружены валами. Раскопки начаты въ группѣ кургановъ у с. Волковецъ. Сначала были раскопаны 3 кургана небольшихъ размѣровъ, всѣ они оказались ограбленными въ давнее время. Болѣе удачной была раскопка кургана довольно значительныхъ размѣровъ (около 11 арш. высоты и 100 шаговъ окружности), въ которомъ оказались погребенія въ нѣсколько ярусовъ; на глубинѣ 3 метр. обнаруженъ деревянный склепъ съ двумя женскими костяками, возлѣ которыхъ найдены золотыя и бронзовыя украшенія, части сбруи, глиняные и терракотовые сосуды. Къ этому склепу, въ поперечномъ направленіи, примыкалъ другой деревянный склепъ, въ которомъ найдены: амфора, сосуды, бронзовое зеркало и два бронзовыхъ лошадиныхъ налобника. Подъ первымъ склепомъ оказался еще одинъ склепъ, около 3 арш. глубиною

и въ немъ два разбитыхъ сосуда и двое желѣзныхъ удилъ. Наконецъ, на поверхности земли обнаружилась еще могильная яма, въ которой въ безпорядкѣ лежали кости скелета и животныхъ и при нихъ золотыя серьги, желѣзный кинжалъ и ножъ, костяныя и бронзовыя украшенія отъ пояса; въ сѣв.-зап. углу этой ямы—слѣды подкопа, а въ немъ куски человѣческихъ костей. Т. о. и въ этотъ курганъ проникли грабители, но воспользовались они лишь содержаніемъ могилы въ грунтѣ, склепы же въ насыпи кургана остались ими незамѣченными, а потому и уцѣлѣли. Въ этой группѣ С. А. Мазараки былъ раскопанъ еще одинъ курганъ, къ сожалѣнію наполовину ограбленный; могильная яма вырыта здѣсь въ грунтѣ, въ ямѣ обнаружены въ безпорядкѣ человѣческія кости, сбруя и вооруженіе, между которымъ находился колчанъ со стрѣлами, украшенный 9-ью золотыми пластинками съ изображеніемъ крылатаго льва. Въ группѣ у с. Великія Будки раскопано два небольшихъ кургана. Въ насыпи перваго кургана обнаружены дубовыя уголья и обожженная глина, на глубинѣ 1-го арш.—сильно пережженныя человѣческія кости; въ этой же могилѣ найдены 2 сосуда. Другой курганъ заключалъ могильную яму, вырытую въ грунтѣ; выше уровня могилы нашлась серебряная шпилька, сама-же могила оказалась пустой.

—

Раскопки у д. Андреевки, Елисаветградск. у., Херсонской г. Въ засѣданіи кіевскаго Физико-медицинскаго общества, происходившемъ 28 января, проф. Н. А. Оболонскій прочелъ рефератъ, озаглавленный „Курганныя раскопки въ Херсонской губерніи“. Опуская первую часть сообщенія, въ которой рефе ентъ говорилъ о научномъ значеніи раскопокъ кургановъ и о распространеніи послѣднихъ на территоріи Россіи, и сдѣлавъ къ ней только небольшую поправку, именно къ тому мѣсту, гдѣ референтъ отрицаетъ присутствіе кургановъ въ Царствѣ Польскомъ, что не совсѣмъ точно, т. к. курганы имѣются въ довольно большомъ числѣ, напр., въ Сѣдлецкой и Люблинской губ., перейдемъ къ сути сообщенія. По порученію физико-медицинскаго общества проф. Оболонскій производилъ раскопки въ Елисаветградскомъ у., въ 6-ти верстахъ отъ г. Бобринца, близъ деревни Андреевки. Изъ находящихся тамъ 4 кургановъ имъ было раскопано 2. Въ одномъ изъ нихъ вещественныхъ доказательствъ погребенія изслѣдователь не нашелъ; это онъ объясняетъ тѣмъ, что курганъ былъ ограбленъ кладоискателями. Въ верхней части другого кур-

гана былъ найденъ каменный ящикъ, состоящій изъ двухъ отдѣленій. Ни дна, ни крышки этотъ ящикъ не имѣетъ. Въ одномъ изъ отдѣленій заключались кости человѣка, лошади, собаки и какого-то большого грызуна; послѣдній, надо полагать, попалъ туда случайно; другое было пусто. Прорывъ затѣмъ отъ верхушки кургана къ его основанію колодезь, діаметромъ въ 3 аршина, производившіе раскопку на материкѣ нашли дубовый ящикъ, совершенно истлѣвшій. Дна онъ не имѣлъ, крышкой же ему служила березовая кора. Въ ящикѣ этомъ лежалъ скелетъ человѣка, обращенный головой къ западу. Кисти его рукъ лежали у нижнихъ реберъ, ноги были вытянуты. Подлѣ головы валялась серебряная серьга. Около таза найдено 2 желѣзныхъ кольца, желѣзное кресало, кремень, желѣзный ножъ и пряжка. По вопросу о томъ, какой народности принадлежитъ раскопанный курганъ, проф. Н. А. Оболонскій, принимая во вниманіе все, что при этомъ было найдено, полагаетъ, что изслѣдованный имъ курганъ славянскаго происхожденія.

Съ послѣднимъ заключеніемъ докладчика согласился и присутствовавшій въ засѣданіи общества проф. В. Б. Антоновичъ.

—

На городищѣ у лѣтописнаго с. Витачева (Кіевск. у.) лѣтомъ прошлаго года В. В. Хвойкой были произведены пробныя раскопки, давшія интересные результаты. Городище это занимаетъ площадь около десятины, обнесено двумя валами; въ той части его, которая прилегаетъ къ Днѣпру, найдена масса погребеній, относящихся къ христіанской эпохѣ; покойники лежали на глубинѣ $^3/_4$—1 арш., сверху надъ ними не находилось никакихъ внѣшнихъ признаковъ могилъ, предметовъ при костякахъ не найдено. Въ другой части городища обнаружены слѣды жилищъ съ сохранившимися частями глинобитныхъ печей. Во время раскопокъ найдены слѣдующіе предметы, относящіеся къ XII—XIII в.: ручка б. м. отъ зеркала, украшенная плетенымъ византійскимъ орнаментомъ, двѣ золотыя серьги, серебряные и бронзовые витые браслеты, бусы и желѣзные топоры, копья, ножи, серпы и т. п., представляющіе полную аналогію съ находимыми на городищѣ Княжа Гора.

—

Раскопки въ Херсонесѣ. Производитель раскопокъ, неутомимый археологъ г. Костюшко-Волужинецъ, давно уже обратилъ вниманіе на еле виднѣвшійся проходъ подъ открытую недавно древнюю стѣну

Херсонеса. Раскопками была открыта здѣсь гробница, которая расположена у древнихъ воротъ съ правой стороны отъ входа къ морю, къ бухтѣ, на глубинѣ 10 арш., рядомъ съ раньше открытой гробницей-склепомъ конца I-го вѣка по Р. Х. Сама гробница очень узка, всего $^3/_4$ аршина въ ширину, но за то имѣетъ 11 аршинъ въ длину, при высотѣ въ 2 аршина. Въ гробницѣ найдены 6 урнъ очень крупныхъ размѣровъ—три женскихъ и три мужскихъ. Три урны бронзовыя, чудно зеленаго цвѣта, а три глиняныя, изъ коихъ одна—прекрасной античной формы, черной глазури съ легкими рисунками. Всѣ урны покрыты массивными свинцовыми крышками. Урны были вынесены осторожно изъ гробницы и изслѣдованы. 3 мужскія урны были пусты, а въ женскихъ найдена масса древностей: два золотыхъ ожерелья, замѣчательно художественной работы, 2 пары такой-же работы золотыхъ серегъ, 2 массивныхъ серебряныхъ браслета съ золотыми бараньими головками на концахъ, нѣсколько золотыхъ перстней съ рѣзными изображеніями и много золотыхъ тисненыхъ бляшекъ, нашивавшихся на платье. Находка эта несомнѣнно можетъ быть отнесена одновременно къ постройкѣ древней херсонесской стѣны, т. е. къ 4—3 вѣку до Р. Х., иначе говоря—къ самому цвѣтущему состоянію греческаго искусства. («Южн. Кр.»).

Случайныя находки.

Еще о лаврской находкѣ. 25 января настоящаго года въ засѣданіи Церковно-Археологическаго общества проф. Н. И. Петровымъ былъ прочтенъ рефератъ о находкѣ въ лаврской церкви. Почтенный референтъ обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на записи при монетахъ и на золотую медаль князя К. К. Острожскаго. Древнѣйшія записи представляютъ реестры податей лаврскихъ имѣній въ нынѣшнихъ губерніяхъ Минской, Волынской и Черниговской и относятся къ XVII в. (1636—1638 г.). Повѣрочныя и выемочныя записи относительно самой казны начинаются съ 1697 года, дальнѣйшія датированы 1731 и 1753 годами. Относительно самой находки проф. Петровъ высказываетъ предположеніе, что собираніе заключавшейся въ ней казны, судя по наиболѣе позднимъ монетамъ 1702 года, закончилось вскорѣ послѣ этого года, передъ измѣной Мазепы, можетъ быть въ виду приготовленій Петра къ битвѣ съ Карломъ XII, когда Петръ потребовалъ отъ лавры 200000 червонцевъ для войска. Почему кладъ

остался забытымъ—неизвѣстно. Референтъ устраняетъ свое прежнее предположеніе относительно чумы 1769 года, такъ какъ, по болѣе тщательномъ изслѣдованіи находящихся при кладѣ документовъ, получились нѣкоторые противорѣчащіе такому продположенію выводы, а именно: слѣдовавшій за Романомъ Копой, подписавшій актъ 1753 года архимандритъ Бѣлоусовичъ поступилъ на архимандрію въ 1762 г. и пережилъ чуму. Онъ былъ смѣщенъ съ должности въ 1786 г. вслѣдствіе того, что въ этомъ году званіе священноархимандрита лавры было присвоено кіевскимъ митрополитамъ. Въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ можно поставить и сокрытіе лаврскаго казнохранилища.

Медаль князя К. К. Острожскаго, вѣсомъ приблизительно въ 5 червонцевъ, имѣетъ на одной сторонѣ погрудное изображеніе князя съ длинной бородой, одѣтаго въ горностаевую шубу; вокругъ портрета идетъ латинская надпись: «Константинъ, князь Острожскій, воевода Кіевскій, маршалъ земли Волынской, староста Володимірскій». На оборотѣ медали—гербъ князей Острожскихъ, такой-же, какъ и на первомъ листѣ изданной этимъ же княземъ Острожской библіи 1581 года, и другая латинская надпись. Въ предисловіи къ этой библіи четыре, составляющія гербъ, части толкуются символически, въ смыслѣ тѣхъ средствъ, какими владѣетъ князь Острожскій для приведенія своихъ единовѣрцевъ-православныхъ къ спасенію и возведенію на небо; такъ, фигура литовской «погони» (Pogoń) истолковывалась въ смыслѣ изображенія св. Георгія, поражающаго дракона невѣрія и безбожія, мечъ—въ смыслѣ меча слова Божія и т. д. Въ связи съ этимъ толкованіемъ референтъ читаетъ и латинскую надпись на оборотной сторонѣ. Надпись анаграмматическая и даетъ два чтенія: 1) «Вотъ какъ невинный голосъ ведетъ своихъ на небо!» и 2) «Ахъ, онъ увидѣлъ своихъ на небѣ», т. е. умеръ. Послѣднее чтеніе ведетъ къ заключенію, что медаль выбита на смерть князя К. К. Острожскаго, послѣдовавшую 15 февраля 1608 года. По выслушаніи реферата, собраніе общества выразило желаніе издать отъ 15 до 20-ти болѣе типичныхъ и рѣдкихъ медалей и монетъ находки и постановило отнестись о семъ въ духовный соборъ лавры. Такимъ образомъ интересующимся представится возможность наглядно ознакомиться по крайней мѣрѣ съ частью любопытной лаврской находки.

Кстати замѣтимъ, что вся эта находка оцѣнивается нѣкоторыми мѣстными нумизматами въ сумму отъ 200 до 300 тыс. руб.

А. С.

—

Съ наступленіемъ весны привозъ въ Кіевъ древностей съ *«Княжей Горы»* значительно усилился,—древности привозятся сотнями. Изъ послѣднихъ партій укажемъ на довольно полный подборъ желѣзныхъ предметовъ (поступилъ въ собраніе Н. Ф. Бѣляшевскаго), на интересные каменные крестики съ металлическими обложками (т. н. корсунскіе кресты), кресты энколпіоны, гривны, разнообразныя каменныя, янтарныя и стеклянныя бусы и привѣски и т. п. (поступили въ собраніе Н. П. Чернева), особенно-же замѣчательной является бронзовая подставка (б. м. отъ подсвѣчника), состоящая изъ орнаментированнаго обруча, стоящаго на ножкахъ, изображающихъ звѣриныя головки, и снабженнаго наверху такими-жъ головками,—произведеніе русскаго искусства половины XIII в., впервые встрѣченное на Княжей Горѣ (поступила въ собраніе Б. И. Ханенка).

—

Интересная археологическая находка доставлена г. херсонскому губернатору земскимъ начальникомъ 1 участка Херсонскаго уѣзда П. А. Стѣной: мѣдный шлемъ, вырытый плугомъ крестьяниномъ с. Каменки Романомъ Ѳедькомъ при вспашкѣ нивы. Шлемъ этотъ, несомнѣнно древне-греческій, такъ называемаго аттическаго типа, съ характернымъ выпуклымъ околышкомъ, оканчивающимся завитушками, съ небольшимъ козырькомъ; по двѣ дырочки съ каждой стороны указываютъ мѣста неподвижнаго прикрѣпленія нащечниковъ; по одной дырочкѣ съ каждой стороны затылочной части шлема служили мѣстомъ прикрѣпленія подъемнаго назатыльника. Эти придатки шлема не сохранились, какъ не сохранилась и вся его верхушка. Г. губернаторомъ шлемъ переданъ на храненіе въ губернскій археологическій музей, гдѣ онъ займетъ мѣсто наряду съ желѣзнымъ средневѣковымъ шлемомъ, извлеченнымъ недавно г. Стемпковскимъ изъ одной могилы въ окрестностяхъ г. Тирасполя. («Югъ», № 276).

Музеи и собранія древностей.

Церковно археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи въ 1898 г. За истекшій годъ въ музей поступило: памятни-

ковъ архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и проч.—44, медалей, монетъ и жетоновъ—306, религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта—75, актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.—7, рукописей—9, старопечатныхъ церковныхъ книгъ—1, гравюръ, чертежей, фотографій и т. п.—7, въ библіотеку музея—135 періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ,—всего 584 отъ 84 учрежденій и лицъ. Вмѣстѣ съ этими новыми поступленіями музей въ настоящее время заключаетъ въ себѣ до 29562 различныхъ предметовъ. Изъ болѣе интересныхъ предметовъ древности, поступившихъ въ 1898 г., отмѣтимъ: кладъ, найденный въ г. Луцкѣ и состоящій изъ оригинальной серебряной подвѣски къ серьгѣ и 26-ти литовско-русскихъ и чешскихъ монетъ XIV—XV вв.,—клады этого періода вообще очень рѣдки, въ этомъже кладѣ мы имѣемъ точно датированный предметъ; двѣ мраморныя колонны и такія-же четыре капители, украшенныя орнаментомъ, переданныя изъ трапезной церкви Михайловскаго монастыря—колонны эти относятся повидимому ко времени первоначальной постройки храма; черепъ, разсѣченный мечемъ, найденный въ Кіевѣ возлѣ Десятинной церкви; коллекцію первобытныхъ древностей, собранную Л. Завадовскимъ въ Днѣпровскомъ у., Таврической г.

Церковно-археологическій музей все еще остается для Кіева единственнымъ учрежденіемъ такого рода, открытымъ для публики; какъ одно изъ симпатичныхъ явленій, отмѣтимъ, что музей осматривали подъ руководствомъ спеціалистовъ цѣлыя группы учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ—такіе осмотры очень желательны для цѣлей образованія и устраивать ихъ слѣдовало-бы почаще, обративъ ихъ въ нормальное явленіе, а не практикуя случайно, какъ это наблюдается въ настоящее время.

—

Собраніе Ѳ. Ѳ. Кундеревича въ Кіевѣ. Намъ представилась возможность познакомиться съ собраніемъ древностей Ѳ. Ѳ. Кундеревича. Собраніе это не преслѣдуетъ научныхъ цѣлей и не носитъ постояннаго характера. Всѣ предметы въ собраніи южнаго происхожденія, пріобрѣтены они покупкой. Въ настоящее время собраніе заключаетъ довольно много интересныхъ предметовъ; среди нихъ есть нѣсколько изъ каменнаго вѣка, нѣсколько изъ бронзоваго (отличной сохранности кельты, серпъ, булава и др.); болѣе цѣльный характеръ носитъ подборъ предметовъ великокняжеской эпохи; тутъ мы находимъ довольно большую

(около 100 экз.) коллекцію крестовъ и образковъ, большая часть ихъ представляетъ изъ себя типы уже извѣстные, но есть нѣсколько и новыхъ; затѣмъ слѣдуютъ украшенія—золотыя и серебряныя серьги, браслеты, цѣпи и т. п. Желательно, чтобы это собраніе попало на выставку предстоящаго археологическаго съѣзда — какъ дополненіе къ другимъ коллекціямъ оно во всякомъ случаѣ будетъ не лишнимъ.

—

Въ нумизматическій кабинетъ университета св. Владиміра переданы Археологической комиссіей слѣдующія монеты изъ кладовъ, найденныхъ въ 1898 г.: 1) 45 римскихъ монетъ I—II вв. по Р. Х. (начиная отъ Гальбы и кончая Коммодомъ), найденныя у с. Бѣлгородки, Заславск. у. Волынск. губ.; 2) 5 голландскихъ и германскихъ талеровъ XVII в. и 86 польскихъ монетъ того-же времени, найденныхъ у с. Сарны, Ровенск. у. Волынск. губ.; 3) 52 аббассидскихъ диргема, найденные въ г. Полтавѣ.

—

Въ археологическій музей того-же университета на дняхъ поступила небольшая коллекція предметовъ каменнаго вѣка, представляющихъ интересные образцы т. н. ядрищъ, кремневыхъ клиновъ, копій, каменныхъ топоровъ, найденныхъ у с.с. Будеража, Мосты, Ступно, Дермань, Малая Мощаница, Майданъ, Вуща, Листвинъ, Иловице— Волынской губ. Кромѣ того, туда-же поступили: шиферный крестъ и тигель, найденные въ Кіевѣ, при устройствѣ гавани, 2 серебр. серьги кіевскаго типа, найденныя въ Кіевѣ у Десятинной церкви и 2 бронзовыя фибулы и пряжка эпохи переселенія народовъ изъ Екатеринославской губ.

—

Императорская Археологическая Коммиссія прислала въ даръ *Московскому историческому музею* богатую коллекцію древностей, собранную г. Фармаковскимъ въ древне-греческой колоніи около села Парутина, Херсонской губенрніи. Коллекція состоитъ изъ многочисленныхъ предметовъ древне-греческой эпохи. Среди монетъ особенный интересъ представляетъ одна поддѣльная мѣдная посеребренная монета. Поддѣлка относится къ древне-греческой эпохѣ, приблизительно ко II вѣку до Рождества Христова. Вообще, случаи нахожденія поддѣльныхъ монетъ самаго отдаленнаго происхожденія

нерѣдки, и современные поддѣлыватели фальшивыхъ монетъ могутъ гордиться тѣмъ, что родъ ихъ ведется съ древнѣйшихъ временъ. («Нов. Тел.»).

—

Въ собраніе древностей проф. В. Б. Антоновича на дняхъ поступили интересная позолоченная бронзовая фибула готскаго типа, орнаментированная буса изъ сланца и много бронзовыхъ обломковъ со слѣдами огня, найденные при копаніи могилы на кладбищѣ с. Старо-Мирополя, Новоградволынскаго уѣзда.

Разныя извѣстія.

До послѣдняго времени, при раскопкахъ кургановъ и вообще могилъ, очень мало обращалось вниманія на тотъ *антропологическій матеріалъ*, какой даютъ могилы. Въ лучшемъ случаѣ сохранялись лишь черепа, остальныя-же кости обыкновенно оставлялись въ могилѣ. Въ настоящее время Императорская Археологическая Коммиссія постановила ставить непремѣннымъ условіемъ, при выдачѣ ученымъ обществамъ и лицамъ разрѣшенія производить раскопки, чтобы черепа и кости, найденные при раскопкахъ, были препровождаемы въ антропологическій музей Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; хотя, что касается послѣдняго пункта, то намъ казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ обязывать доставлять антропологическій матеріалъ въ ближайшее къ мѣсту раскопокъ антропологическое общество или музей.

—

Въ Кіевѣ очень часто *во время земляныхъ работъ* встрѣчались цѣнныя находки предметовъ древности; много изъ такихъ находокъ погибло благодаря невѣжеству рабочихъ. Съ наступленіемъ весны и съ открытіемъ строительныхъ работъ и теперь могутъ встрѣтиться находки, жаль, если онѣ будутъ потеряны для науки; давно бы пора обязать черезъ полицію производителей земляныхъ работъ доставлять всѣ безъ исключенія находки свѣдущимъ лицамъ, напр. въ археологическій музей нашего университета.

2-го февраля, въ с. Берестнягахъ, Каневскаго у., *умеръ Е. А. Зноско-Боровскій.* Покойный много лѣтъ занимался систематическими раскопками кургановъ въ Каневскомъ у. Изъ предметовъ, добытыхъ раскопками, образовалось обширное собраніе, приведенное въ образцовый порядокъ. Собраніе это, по желанію, выраженному при жизни покойнымъ, поступитъ въ Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на безцензурный

научно-литературный и политическій журналъ

„НАЧАЛО".

Журналъ «Начало» будетъ выходить ежемѣсячными книгами до 30 печатныхъ листовъ и содержать, кромѣ беллетристическихъ произведеній, очерковъ, стихотвореній, научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и статей публицистическихъ, слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) внутреннее обозрѣніе: 2) обозрѣніе провинціальной жизни и письма изъ провинціи; 3) иностранное обозрѣніе и письма изъ-заграницы; 4) литературное и журнальное обозрѣніе.—Въ библіографическомъ отдѣлѣ журнала будутъ печататься подписанныя авторами рецензіи на вновь выходящія книги.

Въ ближайшихъ книгахъ будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія произведенія: К. Баранцевичъ «Пожаръ» (разсказъ).—В. Вересаевъ «Изъ лѣтнихъ встрѣчъ» (очерки).—Н. Гаринъ (Михайловскій) «Клотильда» (повѣсть).—«Мессеръ Гвидо Кавальканти», разсказъ Анатоля Франса, въ перев. С. Ф. Ольденбурга.—Р. Гвоздевъ „Шаманъ" (разсказъ).—Н. А. Рубакинъ, „Митрошкино жертвоприношеніе" (Изъ воспоминаній голоднаго года).—З. А. Венгерова «М. Метерлинкъ».—С. Ф. Ольденбургъ „Есть ли буддизмъ религія пессимизма?"—.—В. Г. Михайловскій „Развитіе русскаго земледѣлія въ XIX в.".—В. А. Іоновъ «Что такое „оскудѣніе центра"?».—А. Е. Лосицкій «Неурожай 1898 года».—Л. А Кирилловъ «Неземледѣльческій отходъ крестьянскаго населенія».—М. И. Туганъ-Барановскій «Споры о фабрикѣ и капитализмѣ (моимъ критикамъ).—П. Б. Струве «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ XIX в. въ Россіи».—П. П. Масловъ «Заработная плата и рента въ русскомъ земледѣліи».—Г. Зиммель «Задача соціологіи», перев. Б. А. Кистяковскаго.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Б. В. Авиловъ, К. С. Баранцевичъ, С. Н. Булгаковъ, С. А. Венгеровъ, проф. В. И. Вернадскій, проф. К. А. Вернеръ, В. В. Вересаевъ, А. Э. Вормсъ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), Р. Гвоздевъ, М. О. Гершензонъ, И. А. Гурвичъ, М. И. Гуровичъ, В. Э. Денъ, В. И. Ильинъ, В. А. Іоновъ, А. М. Калмыкова, Л. А. Кирилловъ, Л. Ф. Кржививцкій, А. А. Корниловъ, Б. А. Кистяковскій, М. В. Крестовская, проф. Д. Н. Кудрявскій, А. Е. Лосицкій, П. П. Масловъ, В. Г. Михайловскій, Н. К. Муравьевъ, А. А. Никоновъ, кн. В. А. Оболенскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, И. Х. Озеровъ, проф. С. Ф. Ольденбургъ, В. В. Португаловъ, Н. А. Рубакинъ,

А. А. Санинъ, В. Л. Сѣрошевскій, П. Б. Струве, П. Ф. Тепловъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, М. И. Туганъ-Барановскій, С. Л. Франкъ, В. Я. Яковлевъ (В. Богучарскій), А. И. Яроцкій, и др.

Условія подписки:

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ . .	10 р.	— к.
» » » » » » » полгода	5 »	— »
» » » » » » » три мѣсяца	2 »	50 к.
» » безъ доставки и пересылки	9 »	— »
» » съ пересылкой за границу на годъ . . .	12 »	— »

Принимается подписка въ главной конторѣ журнала: Малая Итальянская д. 5, кв. 25 и въ отдѣленіяхъ конторы: въ библіотекѣ Черкесовой (О. Н. Поповой), Невскій, 54, и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой, Литейный, 60.

Редакторъ-издательница **А. А. Воейкова.**

номической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній; 2) служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи и 3) доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшимъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства.

„Хуторянинъ" допущенъ Мин. Нар. Просв. въ безплатн. библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: за одну строку въ концѣ текста—8 к., впереди вдвое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ, въ конторѣ и Редакціи „Хуторянина", при Обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина", при с.-х. книж. магазинѣ жур. „Деревня", уг. Б. Морской и Кирпич. пер., д. 3. 13. 3) Въ Кіевѣ, въ конторѣ Разевскаго. 4) Въ Кременчугѣ въ общественной библіотекѣ. 5) Во всѣхъ уѣздн. городахъ Полт. губ. при Земск. Управахъ и въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

Усатый трахнулъ аминь и пошелъ трепать языкомъ, и пошелъ трепать! и что—съ книги, а болѣе съ памяти, и такъ, что только эхо раскатывается по церкви.

Отслужилъ священникъ вечерню и выходитъ изъ олтаря—усатаго уже и слѣдъ простылъ. Удивился старикъ и спрашиваетъ пономаря: ну, что это за человѣкъ!

— Не знаю! отвѣчаетъ пономарь;—только—такъ вотъ и такъ,—и разсказалъ, какъ тотъ обѣдалъ у Куёвды и потомъ у другихъ.

— Гм! произнесъ священникъ, и подумалъ-подумалъ, перекрестился святымъ иконамъ и побрелъ старикъ домой.

На другой день приходитъ пономарь звонить къ заутренѣ: усатый подъ колокольнею спитъ, видно здѣсь и ночевалъ,—и только что пономарь было на крыльцо и стукнулъ сапогомъ, усатый проснулся, вскочилъ себѣ и на крыльцо, потомъ на лѣстницу и ужъ звонитъ.

Пожалъ пономарь плечами и пошелъ церковь отпирать.

Прошла заутреня, и священнику снова не удалось поговорить съ усатымъ: исчезъ, какъ и послѣ вечерни. Подумалъ-подумалъ старикъ и позвалъ къ себѣ въ олтарь прихожанъ, которые были постарѣе, и говоритъ, „что такъ вотъ и такъ", что „этотъ усатый очень бы хорошій былъ дьякъ", но что „то—вотъ и то".

Поговорили-поговорили и разошлись.

— Смотрите же, сказалъ священникъ на прощанье:—объ этомъ никому!

— Хорошо, сказали старики:—никому!

Къ обѣднѣ усатый явился, какъ и къ вечернѣ, на колокольню не пустилъ никого и во всѣ колокола прозвонилъ самъ. Во время служенія пѣлъ, какъ и обыкновенно—только *бани* [1]) дрожатъ и всѣ прихожане нарадоваться не могли. Къ нему на клиросъ

[1]) *Банями* (*баня*) называются, по преимуществу въ деревянныхъ церквахъ, главы церковныя.—Баня же великороссійская называется *лазнею*.

забрался было какой-то *дворянишка*[1]) и началъ, какъ обыкновенно они дѣлаютъ, чваниться и порядокъ давать, хоть ничего не смыслилъ; но усатый какъ взглянулъ на него, да какъ поправилъ себѣ усы *макитрою,* такъ у того и языкъ *прильпе гортани* и скорчился, какъ кусочекъ кожи на угольяхъ, и совсѣмъ спрятался въ свои сапоги.

Ну, оканчивается обѣдня, священникъ поблагословилъ народъ, но вмѣсто того, чтобъ въ олтарь и затворить царскія врата,—какъ былъ въ ризахъ, прямо къ клиросу и загородилъ собою выходъ, а тутъ и старики, чтó говорили съ священникомъ послѣ заутрени, и обступили клиросъ кругомъ. И началъ священникъ, что молъ у насъ нѣтъ дьяка, если можно—пожалуйста—и извѣстно, какъ въ такихъ случаяхъ бываетъ. Прихожане и себѣ тоже.—Хорошо! сказалъ сквозь зубы усатый, посматривая изъ подлобья. Прихожане было, что молъ—хату тебѣ дадимъ, позволеніе достанемъ сами, женимъ, если не женатый,—но тотъ, не дождавшись конца, таки нашелъ способъ прошмыгнуть мимо священника и, растолкавши народъ, изъ церкви!

Удивились всѣ, чтó за странный это человѣкъ, но убѣждены были, что дьякомъ у насъ будетъ. . . . .
. . . .

Дивный былъ это человѣкъ! Для Божьяго дѣла и отыскать было трудно такого усерднаго: ни одного служенія бывало, говорятъ, не пропуститъ, ни одной требы, самъ и звонитъ, и священника иногда разбудитъ [2]), и къ благочинному сходитъ, и въ книгу запишетъ, такъ что старостѣ церковному и пономарю дѣлать почти было нечего. Но никогда ни отъ кого и копѣйки бывало не возьметъ—ни за свадьбу, ни за похороны, ни за чтó! Если ему бывало чтó нужно, пойдетъ, къ кому тамъ знаетъ:—Петръ, вотъ я у тебя *каптанокъ,* говоритъ, беру—мой уже совсѣмъ износился!—и понесетъ себѣ домой, какъ будто свое добро. Или:—Григорій, вотъ тебѣ мои сапоги! Отдай, если хочъ, починить, а я возьму эти—вотъ твои!—И такъ и все: и рубахи,

---

[1]) Уничижительное отъ *дворянинъ.*

[2]) Т. е. ночью къ заутренѣ, или послѣ обѣда къ вечернѣ. Въ Малороссіи исполненіе этой обязанности лежитъ на пономаряхъ.

й хлѣбъ, и живность, и *вариво* [1]),—словомъ, все. Очень ужъ развѣ любилъ онъ кого, чтобы сказалъ:—Скажи-молъ, Θедоръ или Степанъ, своей женѣ, чтобы мнѣ рубаху или штаны пошила! а то просто возьметъ Θедорову или Степанову рубаху или штаны,—и дѣлу конецъ.

Сначала прихожане очень удивлялись этому, но потомъ, иные, повидѣвши, что никогда лишняго не беретъ, беретъ то, безъ чего обойтись могутъ, и беретъ не у однихъ ихъ, а у всѣхъ, привыкли и еще и радовались, что для дьяка у нихъ такъ мало выходитъ, а иные, погордѣе, что умѣютъ просить и кланяться, и любятъ, чтобы и у нихъ просили и кланялись, замѣтивъ, какъ дьякъ поправляетъ себѣ усы *макитрою*,—должны были привыкнуть.

Такъ-вотъ онъ и жилъ, и никогда ни съ кѣмъ не видѣли его ни въ какой компаніи, или что́ подобное: все одинъ, все одинъ, и если не въ церкви—у себя въ хатѣ. И все бывало *майструетъ* [2]), все *майструетъ*....

Очень покойникъ любилъ *майстровать*! И куда какой хорошій былъ онъ столяръ! И столы, бывало, дѣлаетъ, и *мисники* [3]), и скамеечки, и лопаты, и долбитъ ложки, и *ваганки* [4]), и

---

[1]) *Вариво*мъ называются по-малороссійски квашенныя огородныя овощи, которыя *варятся:* капуста, свекла.

[2]) *Майстровать* по-малороссійски значитъ и плотничать, и столярничать,—словомъ, гдѣ только рубится, или пилится (конечно не на шіяхъ), или долбится, или выглаживается и т. д. дерево, говорится *майструютъ*.

[3]) *Мисникъ*—посудникъ: такъ называется отъ *миска*, такъ какъ на немъ больше всего ставится мисокъ, составляющихъ у малороссіянъ — простолюдиновъ одну изъ важнѣйшихъ статей столоваго прибора.

[1]) *Ночвами (но́чвы)* по-малороссійски называется то, что великороссіяне называютъ корытомъ. Маленькія *ночвы* называются *ночовками*, если онѣ употребляются для приготовленія тѣста, для купанья дѣтей, для стиранья бѣлья и т. п., и *ваганками*—если онѣ употребляются для подаванія пищи косцамъ и т. п. У малороссіянъ есть и *корыто*; это просто выдолбленый кусокъ дерева, употребляемый для кормленія и напованія птицы, скота, лошадей, свиней.

ковшики, и *корыта*, и все. И ужъ разукраситъ разными насѣчками, разукраситъ! И бывало, сдѣлаетъ что-нибудь, полюбуется и идетъ въ село: Вотъ тебѣ, Катерина, говоритъ, ложки—твои ужъ поиспортились!—и отдастъ и спасиба не дождется. Или, прійдетъ на гумно, увидитъ, что зерно вѣютъ лопатами:—Возьми, говоритъ, и броситъ новую лопату:—не смѣши людей своею спичкой!—И пошелъ, какъ будто и не онъ бросилъ новую лопату. И бывало, такъ всегда выбираетъ, что или дастъ тому, кто побѣднѣе, или—въ самомъ дѣлѣ человѣку негдѣ или некогда достать.

Лѣтомъ только, бывало, никогда не сидитъ дома, и лѣтомъ только, бывало, и застанешь его, что ночью, да и то рѣдко: все, бывало, ходитъ, все ходитъ—и по лѣсамъ, и по полямъ, и по очеретамъ,—и бывало знаетъ, говорятъ, каждый прутикъ въ лѣсу, каждую купу въ болотѣ. Иногда и перепелокъ, бывало, ловитъ, гнѣзда достаетъ, журавлей засѣдаетъ на *тырлахъ* [1]), утокъ дикихъ *пружинами* [2]) ловитъ а ужъ что̂, бывало, орѣховъ припасетъ на зиму—и говорить нечего.

Какъ сдѣлался онъ у насъ дьякомъ—жилъ такъ себѣ, Богъ его знаетъ гдѣ, а кормился на селѣ, вотъ какъ у Куёвды на праздникъ Маккавеевъ; но когда пришла осень—извѣстное дѣло: непогодь, морозы, хаты надо. Вот и приходитъ дьякъ къ священнику.

---

1) *Тырловать* значитъ остановить и сбить въ кучу стадо. *Тырло*—мѣсто, гдѣ обыкновенно на ночь или послѣ обѣда *тырлуется* стадо. *Тырло* называется также мѣсто (обыкновенно гдѣ-нибудь въ очеретахъ), гдѣ журавли садятся на ночь. *Тырло* у журавлей постоянное бываетъ, и потому малороссіяне-охотники засѣдаютъ иногда на *тырлахъ*, т. е. прячутся гдѣ-нибудь въ очеретѣ еще днемъ, и когда журавли прилетятъ на ночь, бьютъ ихъ. Этотъ способъ охоты требуетъ чрезвычайной ловкости, потому что журавли и вообще, а на тырлахъ въ особенности, бываютъ очень осторожны.

2) *Пружина*—силокъ, привязанный къ концу гибкой палки, другой конецъ которой укрѣпляется въ водѣ или въ купѣ, неподвижно. Силокъ прилаживается на струю воды или на проходъ между купами, гдѣ часто шныряютъ утки, и утка ловится.

— Хаты, говоритъ, мнѣ нужно!

— Хорошо! отвѣчаетъ священникъ:—ты до воскресенья обожди, поживи гдѣ-нибудь, а въ воскресенье послѣ обѣдни я поговорю съ прихожанами—и тебѣ дадутъ хату.

— Да мнѣ, говоритъ снова дьякъ,—не столько хата нужна, сколько мѣсто для хаты. Хаты пусть мнѣ дадутъ только на эту зиму, а то пусть мѣсто дадутъ—весной я самъ себѣ сдѣлаю хату.

Удивился священникъ, но, зная молчаливую натуру дьяка, только сказалъ:—Какъ знаешь!

Какъ хотѣлъ дьякъ, такъ ему и сдѣлали: на зиму дали ему, у кого-то изъ болѣе достаточныхъ, помѣщеніе, и дали это мѣсто, чтб подъ дворомъ и огородомъ Ивановымъ.

Наступила зима, замерзли болота и рѣки—принялся нашъ дьякъ за работу: у того въ лѣсу осинъ нарубитъ, у того—дубка, тамъ лозы на трубу и на связи для кровли, тамъ молодыхъ ольхъ на латы, тамъ хворосту на плетни, тамъ одного, тамъ другаго, тамъ очерету накоситъ,—и все самъ, ни у кого не спрашивая, ни у кого не прося, и все на это мѣсто, все на это мѣсто, и все или на плечахъ, или *самотужки* [1]). Нѣкоторые изъ хозяевъ очень чесали себѣ затылки, глядя въ своихъ лѣсахъ на свѣжіе пни, но что̀ прикажешь дѣлать! „Какой чудакъ этотъ дьякъ!“ ну и „хорошій“, нѣкоторые думали, а кому и *макитра* приходила на память.

Такъ и насобиралъ онъ себѣ зимой припасовъ, а какъ только сошелъ снѣгъ и земля оттаяла,—тотчасъ началъ плетнями мѣсто обносить, и потомъ и за хату! Къ осени уже совершенно была готова: самъ и построилъ, самъ и покрылъ, самъ и обмазалъ, самъ и эти окна вставилъ, что̀ наши хуторяне купили на Преображеніе на ярмаркѣ и прислали ему въ *гостинецъ*,—и вотъ, какъ видите ее: тутъ и прутика нѣтъ куплен-

---

[1]) *Самотужки* (отъ *самъ* и *туга*) значитъ на саняхъ или на повозкѣ, но безъ лошади или чего подобнаго, а *собственною натугою*.

наго, все такъ себѣ, за то и труда—никто и перстомъ не дотронулся, все самъ дьякъ [1]).

. . . .

. . . Дивный, дивный былъ это человѣкъ, очень дивный! Прихожане, какъ узнали лучше его обычаи, что все беретъ, какъ свое, и что никто ему ничего за это не говоритъ,—нашлись, знаете, изъ нашей братіи хозяевъ, которымъ изъ своего лѣса—жалко, заплатить-тоже, а тайкомъ изъ чужаго-страшно,—и ну къ нему: „пожалуйста, нельзя ли мнѣ, знаешь, тово“ на латы или на сани, или на ось къ повозкѣ?—Дьякъ только кивнетъ головою, хорошо-молъ, и пошелъ,—и у того же таки хозяина такой кругъ очиститъ въ лѣсу, что не только дастъ ему на сани или на ось, а еще и притащитъ кому нибудь, кто побѣднѣе, что стало бы на пятеро саней или на пять повозокъ.

— Что это ты сдѣлалъ? говорятъ дьяку.

— Дубъ, говоритъ, повалилъ кругомъ дерево, какъ падалъ, такъ я вотъ вырубилъ сломанное и оттащилъ Петру на топливо или на что тамъ ему пригодиться.

— Да я просилъ тебя не въ моемъ лѣсу?..

— Что ты говоришь! спроситъ дьякъ, поправляя *макитрою* усы:—говори громче, я что-то плохо слышу сегодня.

— Ничего! ничего! Это я такъ—благодарю за трудъ! и скорѣе черезъ *перелазъ* [2]) или и просто чрезъ плетень отъ дьяка

---

[1]) Читатель, можетъ быть, усомнится въ истинѣ разсказываемаго Василіемъ Петровичемъ, не смотря на то, что съ самаго начала я предупреждалъ его, что Василій Петровичъ никогда не лжетъ. Но я снова ему повторяю: Василій Петровичъ никогда не лжетъ. Объ этомъ дьякѣ, его нравѣ, способѣ построенія хаты и т. д. и т. д., и вообще обо всемъ, что содержатъ эти отрывки до самаго ихъ конца, переводчикъ, лѣтъ двадцать пять назадъ,слышалъ на мѣстѣ дѣйствія собственными своими ушами отъ стариковъ, и слышалъ именно такъ, какъ разсказываетъ Василій Петровичъ, во всѣхъ подробностяхъ.

[2]) *Перелазъ*—незаплетенное въ верхней части плетня мѣсто, гдѣ перелезаютъ.

. . . .

. . . Дивный, очень дивный былъ это человѣкъ! Какъ теперь помню одну встрѣчу съ нимъ!... Я еще былъ тогда молодымъ хозяиномъ,—только что оженился,—и этакъ въ Спасовъ постъ, что ли, на болотѣ съ косцами осоку косилъ. Вотъ и косимъ, косцы болтаютъ, помахивая косами; тамъ, немного подальше, дивчата поютъ и покосы сгребаютъ, и кругомъ, въ лѣсу и по болоту, такъ тихо и весело!.. Только слышимъ—въ лѣсу: „стукъ, стукъ, стукъ—трись"! только эхо по лѣсу раскатилось... Дивчата притихли, косцы косы опустили, и всѣ стали прислушиваться. Тихо! а потомъ опять: „стукъ, стукъ, стукъ—трись"!

—О, говорю косцамъ:—да этотъ рубитъ, не шутку шутитъ! и потомъ, подумавши немного, говорю косцамъ:—косите же вы, а я пойду въ лѣсъ,—рубитъ какъ-будто въ моемъ Крамаренковскомъ!—и взявши добрый *свидъ* [1]), пошелъ.

Добрался въ лѣсъ и началъ направляться на стукъ. Прихожу къ Крамаренковскому лѣсу,—нѣтъ, дальше! и снова затрещало, вотъ какъ большое дерево валится въ чащѣ.

—Поѣду, думаю себѣ, посмотрю, чтó это за хозяинъ такой, что въ лѣтнее время рубитъ и корень губитъ! ну, да вѣдь и стучитъ не какъ-нибудь...

Пошелъ, прихожу—дьякъ нашъ! и уже одну осину вытащилъ на дорогу, а другую тащитъ изъ чащи, и такую дорогу сдѣлалъ въ хворостѣ, вотъ какъ санями проѣдешь въ очеретѣ... И нечего удивляться: нижнее гольё обрубитъ на мѣстѣ, а съ верхнимъ такъ и тащитъ на дорогу!...

—Господи Боже мой! думаю себѣ, глядя, какъ онъ проворно управляется съ осиною:—и гдѣ этакая сила у человѣка возьмется?..

Я и самъ, знаете, слава Господу, хоть и старъ ужъ, ну, а въ молодыя лѣта и не то было! но у этого человѣка... страхъ даже меня обнялъ!

---

[1]) *Свидъ*—большая (иногда въ сажень почти) и хорошо завяленная палка. *Свидъ*, или вмѣсто *свида*, *кый*, непремѣнная принадлежность пастуха большихъ стадъ рогатаго скота. Есть дерево *свидина* (отсюда, вѣроятно, *свидъ*) гибкое, ровное, безъ сучьевъ.

—Чтó это, спрашиваю, ты дѣлаешь?

—Развѣ не видишь! отвѣтилъ, вытащивши совсѣмъ осину и бросая ее на дорогу.

—Да вижу, вижу, говорю, что ты лѣсъ Алексѣя портишь...

Дьякъ посмотрѣлъ на меня изъ подлобья и, не сказавши ни слова, пустилъ *сокиру* [1]) *въ голову* осинѣ, и такъ, что та увязла въ ней по самое *ушко*.

— Гм! думаю себѣ:—знаю эту загадку, смѣкаю, чтó хочешь сказать! и какъ хвачу свидомъ по сокирѣ, по ручкѣ...

Сокира выпрыгнула изъ дерева и полетѣла вонъ, подальше, звеня.

—Изъ хорошей, говорю, у тебя стали сокира, дьякъ!

Дьякъ снова посмотрѣлъ на меня изъ подлобья, а потомъ и на свидъ.—Да ты, говоритъ, какъ вижу, мастеръ свиды завяливать! Ну, ступай своей дорогой и молчи... И дьякъ плюнулъ и пошелъ сокиру взять.

Воротившись, снова пустилъ сокиру въ осину, поднялъ другую осину себѣ на лѣвое плечо, взялся правою за ручку сокиры,—и такъ, съ необрубленнымъ верхнимъ гольёмъ, и пошелъ, и пошелъ лѣсомъ, только гольё шумитъ и трещитъ, и листье на нихъ колышется!.. Даже морозъ у меня по кожѣ пробѣжалъ!..

—Боже праведный! думаю себѣ:—развѣ для того эти руки созданы, чтобъ ложки строгать или книгу перелистывать? или эти плеча—чтобъ осины таскать?.....

---

[1]) *Сокира*—топоръ. Отъ топора *сокира* отличается тѣмъ, что бываетъ обыкновенно болѣе грубой отдѣлки и болѣе тяжелая, чѣмъ топоръ, что лезвее ея (*жало*) гораздо уже, чѣмъ у топора, и вслѣдствіе того она не имѣетъ формы треугольника, какъ топоръ, а скорѣе четыреугольника, и что топорище у нея (*ручка, державно*) безъ всякаго выгиба, ровное. Замѣчу еще, что нижняя часть лезвея сокиры называется *боридкою* (уменьшительное отъ борода), дыра, въ которой укрѣпляется топорище,—*укомъ*, бока—*щеками*, верхняя часть лезвея—*носкомъ*, *головою*—часть возлѣ обуха.

Отецъ замолчалъ и задумался: вспомнилъ, вѣрно, покойникъ и про свои молодые годы, и про давнюю давнину...

И всѣ какъ-то нахмурившись сидѣли.

—Слышалъ я объ этомъ дьякѣ, отозвался Уступенко:—видѣть не видѣлъ, но слышалъ. Онъ, говорятъ, не женатый и умеръ?

Отецъ утвердительно кивнулъ головой, и снова молчаніе.

—Ну, съ этимъ нашъ Илья вѣрно не справился бы! снова кто-то отозвался.

—Куда Ильѣ! заговорилъ наконецъ покойникъ:—Илья больше хвастунъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ при силѣ. Говоритъ вотъ: „землю поворочу кругомъ—колъ только укрѣпи мнѣ въ землю“! Но если правду сказать, и я его бросалъ на земь неразъ, пока былъ помоложе... Нѣтъ! сказалъ отецъ, помолчавъ немного и вздохнувъ:—теперь такихъ людей не отыщешь, которые бы въ силахъ были одолѣть того дьяка,—совсѣмъ люди переводятся!.. о, я знаю объ одномъ! Но того, Богъ его знаетъ, за кого ужъ его и считать!

--А разскажите, разскажите, Васильевичъ! заговорили со всѣхъ сторонъ.

—Да разскажу, разскажу, сказалъ отецъ:—только не знаю повѣрите ли. Я и самъ бы не повѣрилъ, если [бы самъ не видѣлъ... Но разспросите у стариковъ, и особенно за Сулою,—вѣрно есть такіе, что слышали отъ своихъ отцовъ, а можетъ быть найдутся и такіе, что и сами видѣли...

Отецъ снова разсказываетъ про какого-то неизвѣстнаго силача.

Я еще былъ тогда мальчикомъ, этакъ лѣтъ семи или восьми, и мы съ покойнымъ отцомъ—царство ему небесное!—поѣхали въ Горошинъ[1]) на ярмарку. Ну, *ярмарковали* тамъ, *ярмар-*

---

[1]) Мѣстечко Полтавской губ., Хорольскаго уѣзда, расположенное на лѣвомъ берегу Сулы.

ковали—пора и домой ѣхать. Впрягли лошадей, поѣхали; за нами и еще повозокъ пять или шесть, таки изъ нашихъ же хуторянъ и такъ кое-кто *зъ сего боку* [1]). Ну, извѣстное дѣло, на ярмаркѣ народъ немного подгулялъ,—такъ поютъ да обгоняютъ другъ друга, и лошадей таки порядочно поизмучили, пока доѣхали до *дубинки* [2]).

— Пусти шагомъ, говоритъ покойникъ отецъ работнику, правившему лошадьми:—пусть немножко отдохнутъ.

Поѣхали и шагомъ, а тутъ и песчаное мѣсто,—еще тише поѣхали.

Время ужъ было такъ къ *полудню* [3])—и такъ хорошо было ѣхать! Тамъ и теперь въ лѣтнее время бываетъ хорошо, особливо подъ вечеръ или послѣ дождика, или когда вѣтерокъ повѣваетъ отъ Сулы; но давнѣе еще лучше было: такой густой, да хорошій лѣсъ былъ.

— Хорошо бы пройтись! сказалъ отецъ:—встанемъ-ка,

Встали; по примѣру нашему, встали и съ другихъ повозокъ и пошли пѣшкомъ, а повозки за нами. Старшіе же идутъ и,—кто разговариваетъ; а кто похмѣльнѣе былъ—и пѣть, и въ танцы по песку: а мы дѣти, извѣстное дѣло, дурачимся, за кусты прячемся, а гдѣ дорога надъ самымъ берегомъ—брызгаемъ другъ на друга, камышками *бабъ перевозимъ* [4]).

---

[1]) Т. е. съ этого боку Сулы, съ праваго.

[2]) Т. е. до дубоваго лѣса. *Дубинка*—уменьшительное отъ *дубина*, дубовый лѣсъ.

[3]) Т. е. къ полднику, часамъ къ тремъ, четыремъ, къ пяти по полудни. Въ лѣтніе дни рабочій народъ обыкновенно ѣстъ: завтракаетъ (снида) между 6—8 часами, обѣдаетъ (обида) между 9—11, полдничаетъ (полудные) между 3—5, и ужинаетъ (вечеряе) между $8^1/_2$—$9^1/_2$. Если рано полдничаютъ, то еще и *пидвечиркуютъ*, между 6—7 часами. *Пидвечиркуютъ*, впрочемъ, очень, очень рѣдко.

[4]) *Бабъ перевозить* или играть въ *перевоза*—значитъ бросать камышками такъ, чтобы они пошли рекошетомъ по водѣ. Если брошенный камышекъ не сдѣлаетъ рекошета—баба, значитъ, утонула.

Такъ мы добрались почти до конца *дубинки*. Только не знаю, кто таки изъ нашей компаніи отшатнулся за чѣмъ-то въ чащу и слышимъ зоветъ:—А идите-ка сюда, а идите-ка сюда! —А что́ тамъ такое? отозвались.—Да идите! говорю вамъ.

Пошли, смотримъ—межъ деревьевъ, какъ будто прогалина и посрединѣ ея скрученый дубокъ, вотъ-этакой толщины, на хорошую ось погодился бы! и скрученъ такъ вотъ, какъ очеретъ скручиваютъ на граняхъ, или какъ во ржи попадаются иногда *закрутки* [1]), что́ злые люди дѣлаютъ: верхъ завороченъ и уперся въ землю—стоитъ себѣ, только *жилы* въ верхъ торчатъ! И видно, что недавно тутъ и работали; вѣрно, того таки и дня, потому что и почернѣть не успѣло на разщепинахъ.

— Что́ за диво! обозвался кто-то изъ нашихъ:—грань бы сказать, такъ нѣтъ, а дурачиться-кому здѣсь прійдетъ охота! Вѣдь здѣсь, вѣрно, человѣкъ двадцать работали!

— Да и какъ они крутили его! отозвался другой: тутъ голову надобно поломать, чтобы и способъ прибрать! Вѣдь теперь и отвернуть его мудрено! Вотъ попробуемъ-ка.

— Попробуемъ!

И схватились человѣкъ пять и начали тащить: но возились, возились,—ни съ мѣста! вершина какъ-будто приросла къ землѣ.

— Экія чудеса! экое диво! говорили наши, бросивши дубокъ и отирая себѣ съ лица потъ. Но говорили-говорили, толковали-толковали и ни съ чѣмъ пошли къ повозкамъ.

— Спросимъ, говорятъ, у паромщиковъ, что́ это такое.

Пріѣзжаемъ къ парому и паромщикамъ—такъ-вотъ и такъ, растолкуйте это диво!...

---

[1]) Съ какою цѣлію такія *закрутки* дѣлаются во ржи,—хорошо не знаю. Знаю только, что малороссіяне, если увидятъ ихъ у себя въ хлѣбѣ, тотчасъ вырываютъ, съ бранью, что вотъ-де злой человѣкъ закрутилъ. Кажется, что ихъ закручиваютъ въ *житѣ* съ цѣлію оставить все горе свое и болѣзни въ *житѣ* (ржи) другого. Прибавлю еще для соображеній читателю, что *жито* у малороссіянъ символъ *жизни*.

Послушайте, что̀ мы узнали.

Того же таки дня, утромъ, паромщики, перевезши народъ, который собирался было съ этой стороны, позавтракали; двое же изъ нихъ легли отдыхать въ куренѣ, а третій, взявши лодку и *ситку*[1]), поѣхалъ внизъ по рѣкѣ рыбу ловить.

Много или мало отдыхали тѣ, которые остались въ куренѣ, только слушаютъ—съ этой стороны рѣки кто-то кричитъ: „Подай лодку или паромъ! подай лодку или паромъ!“ и такъ кричитъ, что и мертвый бы послышалъ.

— Ого! говорятъ паромщики:—какъ шумитъ!— и выглянули изъ куреня: стоитъ такъ себѣ, будто и незавидное, на пристани.—Не большой, подумали, *панъ*, обождетъ! и снова въ курень.

А тотъ снова кричать, а потомъ и въ другой разъ и въ третій. Не выдержали, наконецъ, паромщики, выскакиваютъ изъ куреня и къ нему:—А, онѣмѣлъ бы ты, проклятый! Видишь, какъ раскричался! обождешь—не важная птица!—и хотѣли было снова въ курень: но тотъ какъ ревнетъ, словно волъ, что̀ клеймо выжигаютъ:—Такъ вы вотъ какъ, сякіе-такіе, съ бѣднымъ народомъ! Подавайте же, говорю вамъ, паромъ; не то, Богъ свидѣтель, разобью паромъ!

Паромщики, извѣстное дѣло, только захохотали, а тотъ:— Э, такъ вы еще и хохочете! и къ палѣ, къ которой паромъ привязывается: шатнулъ ее разъ, въ другой, въ третій, дернулъ и выдернулъ!... и какъ размахнетъ ее, какъ пуститъ!... Паромщики и окаменѣли!... Слава Богу, въ паромъ не попалъ— перелетѣла и такъ брякнула въ песокъ, что пыль только столбомъ поднялась!... А тотъ съ этой стороны:—Не попалъ одной— попаду другой! говоритъ, и къ другой палѣ бросился...

— Отецъ родной, пощади! завопили паромщики, не много опамятовавшіеся отъ перваго испуга:—Обожди, ради Бога! сейчасъ подадимъ паромъ!

---

[1]) *Ситкою* у малороссійкихъ рыбаковъ называется извѣстный родъ сѣтей, поменьше невода. *Ситкою* называется также сѣть, которою перепелокъ ловятъ.

— Вотъ то̀ то же! отозвался тотъ:—такъ бы и давно.

Подали ему паромщики паромъ, сѣлъ онъ, и поѣхали назадъ.

— Смотрите же, говоритъ, какъ выѣхали на середину рѣки: какъ буду возвращаться назадъ и узнаю, что вы народъ задерживаете, вотъ какъ меня хотѣли задержать, такъ я вамъ вотъ-что̀ сдѣлаю!—и вскочивши въ *байдакъ* [1]) схватился руками за его края и началъ расшатывать паромъ, и такъ расколыхалъ, что вотъ-вотъ *мостницями* [2]) достанетъ до воды...

— Не будемъ, не будемъ! почти съ плачемъ заговорили паромщики:—вотъ те крестъ—не будемъ! Только перестань, ради Бога, шутить, не то паромъ пойдетъ ко дну!

— Смотрите же, иначе... и онъ погрозилъ имъ пальцемъ, но ужъ ласково, и бросилъ раскачивать паромъ, и какъ пристали къ берегу, вскочилъ на пристань, кивнулъ паромщикамъ головою, усмѣхнулся такимъ пріятнымъ смѣхомъ, вотъ совсѣмъ какъ маленькое дитя, и потянулъ въ ту сторону, къ дубинкѣ, и въ мельницу, въ вѣтряную мельницу.

Теперь тамъ нѣтъ ея, этой мельницы, а въ то время была, да еще не такъ себѣ, какая-нибудь, а машина о двухъ камняхъ, сейчасъ вотъ стояла по правую руку, какъ выѣдешь изъ дубинки.

Ну, мельникъ въ это время тоже уже позавтракалъ и, насыпавши въ коши зерно, тоже легъ отдыхать,—тамъ, у верхняго камня. Спалъ ли, не спалъ ли онъ,—только слышитъ, мельница заскрыпѣла и перестала шумѣть; открылъ глаза—въ самомъ дѣлѣ остановилась!

— Что̀ за диво! ужъ не перемѣняется ли вѣтеръ? думаетъ себѣ и хотѣлъ было встать, чтобы итти перевести мельницу: только валъ снова двинулся.

— Такъ и есть, что перемѣняется! снова подумалъ мельникъ и рѣшился обождать, пока вѣтеръ не начнетъ дуть со-

---

[1]) и [2]) *Байдаками*, извѣстно, называется извѣстный родъ судовъ, плавающихъ по большимъ рѣкамъ. Но этимъ же именемъ называются въ Малороссіи лодки, на которыхъ кладутъ доски (*мостныци*) для построенія парома.

всѣмъ съ другой стороны. Но мельница опять остановилась, и немного спустя опять пошла, и такъ нѣсколько разъ.—Нѣтъ, думаетъ себѣ, тутъ что-то да не такъ! Въ это время года вѣтеръ если перемѣняется, то перемѣняется за-разъ, а тутъ вотъ ужъ нѣсколько разъ мельница не на вѣтрѣ. Развѣ не собирается ли буря, и вѣтеръ заходитъ съ разныхъ сторонъ?—и всталъ, чтобы пойти посмотрѣть на небо.

Но только что началъ спускаться по ступенькамъ внизъ—глядь, внизу у камня кто-то сидитъ, но кто—не видать, сидитъ къ лѣстницѣ спиною.—Что онъ здѣсь дѣлаетъ? думаетъ себѣ мельникъ и, притаившись, началъ глядѣть. Только смотритъ: поднимаетъ тотъ руку, расправилъ ладонь надъ камнемъ и опустилъ!... мельница заскрипѣла немного и остановилась, а тотъ только усмѣхнулся!

— У меня, говоритъ мельникъ, (онъ, вѣдь, тоже пришелъ къ парому и все это самъ намъ разсказывалъ),—у меня, говоритъ, и ноги подкосились! — Немного спустя, тотъ поднялъ ладонь—и камень двинулся, и такъ разовъ нѣсколько, а тотъ только, знай, все усмѣхается, когда камень останавливается, все усмѣхается, да еще какимъ дѣтскимъ смѣхомъ!

Глядѣлъ мельникъ, глядѣлъ, а потомъ и набралъ смѣлости и, перекрестившись, и говоритъ:—Чтó ты тамъ дѣлаешь?

Тотъ вскочилъ на ноги, быстро поворотился къ нему и, смѣшавшись и закраснѣвшись:—Ничего, говоритъ, это я такъ!

— Какъ такъ? мельницу останавливаешь! и мельникъ понемногу началъ сходить внизъ.

— Да нѣтъ, говоритъ, это я такъ, пошутилъ немного!

— Хороши шутки! и еще болѣе посмѣлѣвшій мельникъ началъ къ нему присматриваться...

И силѣ бы тамъ такой, казалось, негдѣ взяться, какъ разсказывалъ мельникъ: совсѣмъ еще молодой, этакъ двадцати двухъ или двадцати трехъ лѣтъ. Но пригожій—пригожій! и передать нельзя, говоритъ мельникъ: какъ тростинка стройный, и усъ, какъ изъ бархата, а глаза—такъ вотъ и горятъ, такъ вотъ и

лезутъ тебѣ въ душу!...—Не изъ подъ *купы* [1]) ли онъ? подумалъ мельникъ и перекрестился со страхомъ...

Догадался вѣрно тотъ, зачѣмъ перекрестился мельникъ, и какъ выпрямится, какъ взглянетъ на мельника, такъ тотъ такъ и опустился на землю: ему показалось, что тотъ выросъ до самаго потолка и, наклонившись оттуда, такъ и метнулъ искрами изъ очей!.. Потомъ какъ-будто одумался, успокоился и говоритъ:—Крестись, молись Богу, человѣкъ добрый, тяжелыя времена наступаютъ!.. и пошелъ изъ мельницы.

И слышалъ потомъ мельникъ, и паромщики слышали,—въ лѣсу затрещало, какъ-будто дубъ огромный валится, и трещатъ вокругъ большія деревья; въ воздухѣ даже задрожало, и даже въ отдаленныхъ лозахъ и очеретахъ эхо отозвалось!.... Потомъ снова затрещало, но ужъ тише, гдѣ-то далеко... а потомъ и еще разъ едва слышно,—вѣрно, на самомъ уже концѣ дубинки...

Отецъ замолчалъ, опустилъ на грудь свою сѣдую голову и задумался.

Всѣ молчали, тоже повѣсивши головы, а я притаившись на полу, и глаза закрылъ себѣ: казалось, что я такъ вотъ и слышу это эхо, откликающееся въ лозахъ и очеретахъ, и потомъ этотъ отдаленный трескъ на той сторонѣ дубинки. .

Напослѣдокъ Каленикъ прервалъ молчаніе и спросилъ у покойника отца:—Что же, возвращался тотъ, какъ обѣщалъ?

— Богъ его знаетъ! отвѣтилъ отецъ:—неизвѣстно! Ходила только потомъ молва, что онъ направился къ Днѣпру, а потомъ и черезъ Днѣпръ и за Днѣпромъ гдѣ-то скрылся.... И все, говорили, по прямому направленію шелъ, все по прямому!.. Черезъ *Бурчакъ* [2]) перебрался, не черезъ Горошинъ, но гдѣ-то

---

[1]) Болотная *купа* только лѣтняя резиденція черта, а на зиму онъ оттуда переѣзжаетъ.

[2]) Рукавъ Сулы, отдѣляющійся выше Горошина и снова впадающій въ нее ниже этого мѣстечка.

возлѣ Калкаева, [1]) черезъ трущобы да очерета́. И гдѣ, говорять, ни шелъ—вездѣ оставилъ за собою слѣдъ: тамъ дерево скрутитъ, вотъ какъ въ дубинкѣ дубки крутилъ, гдѣ мельницу за крыло придержитъ на полномъ вѣтрѣ, гдѣ скирду сѣна опрокинетъ, гдѣ чумацкій возъ съ солью вытащитъ изъ *балюры* [2]) *самотужки*. А на Днѣпрѣ, какъ перевозили его въ дубѣ и пришлось объѣзжать какую то косу:

— Нѣтъ, говоритъ, не надо!—и соскочивши въ воду, велѣлъ перевозчикамъ и другимъ, которые съ нимъ разомъ перевозились, сойти туда же и, схвативши дубъ за плеча, словно какой кусокъ коры, перетащилъ его черезъ косу [3])!....

---

[1]) Деревня Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда,—недалеко отъ Горошина.

[2]) *Балюра*—лужа на дорогѣ, глубокая, въ которой обыкновенно вязнутъ повозки, особенно тяжело нагруженныя.

[3]) Выше я сдѣлалъ замѣчаніе, что я слышалъ эти разсказы именно такъ, какъ разсказываетъ Василій Петровичъ, во всѣхъ подробностяхъ. Повторяю и здѣсь то же самое; но тѣмъ не менѣе считаю своею обязанностію сдѣлать здѣсь маленькую оговорку относительно послѣдняго разсказа: у Василія Петровича, начиная съ того мѣста, какъ хуторяне пріѣхали къ парому, разсказываетъ отецъ его все отъ своего лица и только изрѣдка приводитъ подлинныя слова лицъ; притомъ, по словамъ отца Василія Петровича, хуторяне прямо поѣхали къ парому, а на мельницу не заѣзжали. Я тоже слышалъ этотъ разсказъ отъ очевидца, бывшаго въ дѣтствѣ съ хуторянами у скрученнаго дубка. По его словамъ, хуторяне сначала были у мельника на мельницѣ и тамъ слышали отъ него все, чего онъ былъ свидѣтелемъ, а потомъ уже съ мельникомъ отправились къ парому.—Большой тутъ разницы, если угодно, и нѣтъ, да и ту, пожалуй, при нѣкоторой натяжкѣ, можно согласить; но разница нѣкоторая все таки есть. Память ли измѣнила отцу Василія Петровича, или тутъ причина, по которой событія въ устахъ народа какъ-то округляются съ теченіемъ времени, согласно съ требованіями эстетическаго его вкуса и т. д. и т. д.—пусть рѣшитъ самъ читатель.

Поступленіе Василія Петровича въ городское училище [1]).

Мелкопомѣстное украинское дворянство, купцы и зажиточные изъ другихъ сословій, собираясь выводить своихъ дѣтей *въ люде*, обращались въ тѣ времена обыкновенно къ средствамъ самымъ несложнымъ: обучали дѣтей грамотѣ, у себя на дому или въ мѣстныхъ *шкôлахъ*, смотря по достатку,—запасались извѣстнымъ количествомъ *карбôванцивъ* или мѣшковъ съ мукою, пшеномъ и тому подобнымъ, и помѣщали и дѣтей, и карбованцы, и мѣшки въ какомъ-нибудь повѣтовомъ или земскомъ судѣ, на службу отечеству, на радость себѣ и на зависть сосѣдямъ; или же, вмѣсто повѣтовыхъ и земскихъ судовъ, выбирали расположенные въ ближайшихъ мѣстностяхъ полки. Если при этомъ кто-нибудь нуждался въ доказательствахъ о дворянскомъ происхожденіи, родители старались запастись и таковыми: чрезъ такой камень преткновенія въ тѣ времена легче было перескочить, чѣмъ теперь, и мало-мальски зажиточный мѣщанинъ или козакъ, при опредѣленіи сына на службу, могъ выступить дворяниномъ, хоть куда!

Случалось при этомъ и даже очень часто случалось, что мѣстомъ для службы выбираемъ былъ какой-нибудь отдаленный городъ, напримѣръ Петербургъ, Кіевъ; но охотнѣе всего земляки мои ѣхали служить въ южныя наши провинціи, въ Бессарабію, Таврическую губернію, а больше всего—въ *Чорноморію* и на Кавказъ. Конечно, причиною предпочтенія въ этомъ случаѣ чужой стороны своей было: иногда „нѣсть пророкъ *во отечествіи* своемъ“, особенно если пророку приходилось, посредствомъ *вышеупомянутыхъ* документовъ, добывать доказательства о дворянскомъ происхожденіи, а иногда—и перспектива возмож-

---

[1]) «Основа» 1861 г., № 3, стр. 50—77.

Разница въ тонѣ изложенія предлагаемыхъ теперь отрывковъ и отрывковъ, напечатанныхъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды 1858 г., произошла, вѣроятно, отъ разности впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ писаны тѣ и другіе. *Примѣч. автора.*

ности пріобрѣтенія большихъ чиновъ и большихъ денегъ, возможности, часто доказываемой прибылыми изъ Петербурга, Кіева, Кавказа.

Отправленіе въ далекіе края совершалось довольно разнообразно. Напримѣръ, проѣзжій офицеръ или чиновникъ, случайно попавшій къ какому-нибудь жаждущему вывести свое дитя въ люди, насказывалъ столько чудесъ о Кавказѣ или Бессарабіи, что родитель, не долго справляясь, въ нѣсколько часовъ снаряжалъ сына въ далекую дорогу и отдавалъ его *дóброму чоловикови*, прося послѣдняго помѣстить сына, а сыну наказывая—*шáнуватьця* (вести себя хорошо) и слушаться *дóброго чоловика.* Добрый человѣкъ увозилъ сына, иногда очень надолго, иногда и навсегда... Случалось, что сынъ оказывался слугою у добраго человѣка!.. Совершалось отправленіе иногда и такъ, что родители выбирали кого нибудь изъ среды себя и отправляли дѣтей или же навязывали ихъ какому-нибудь пріѣзжему погостить съ Кавказа, братцу, племяннику, доброму сосѣду. Но и такъ иногда случалось, что иной отважный юноша—котомку на плечи, одинъ да съ Богомъ,—и въ какой-нибудь Петербургъ или Тифлисъ!.. иногда и тайкомъ отъ родителей!..

Худо ли, хорошо все это, и если худо, то въ какой степени—поговоримъ объ этомъ въ другое время. Дѣло въ томъ только, что такъ водилось тогда, и что съ старшими своими сыновьями поступилъ такъ и мой отецъ: одного послалъ на Кавказъ, двухъ другихъ—въ губернскій городъ. Но со мною вышло иначе—рѣшился отдать въ городское училище...

Что заставило старика отдать меня въ городское училище—положительно не знаю. Думаю, что, какъ человѣкъ очень умный, онъ не могъ не замѣтить, что люди, хорошо грамотные, начинаютъ быть въ ходу, и потому заключилъ, что ограмотивъ сына хорошенько, т. е. *городскимъ* способомъ, легче всего выведетъ его въ люди. Къ такому заключенію ему прійти было тѣмъ легче что къ грамотности и, вообще, къ знанію онъ питалъ большое уваженіе. Въ свое время, онъ неоднократно и со слезами умолялъ, чтобы научили его грамотѣ, а когда старикъ, дѣдъ мой,

отказалъ, пустился на хитрости: добылъ себѣ позволеніе, во время говѣнья, провести три дня у дьячка, гдѣ учился родичъ и, сидя тамъ на *печи* и прислушиваясь къ чтенію школярей, выучилъ наизусть церковную азбуку и всѣ склады до *тма-мна*... Впослѣдствіи я разскажу подробно, какъ этотъ человѣкъ, повидимому холодный ко всему, что выходитъ за кругъ хозяйственныхъ интересовъ, слушалъ меня, уже гимназиста, о причинахъ солнечнаго затмѣнія, грома и другихъ физическихъ явленій, о жизни иныхъ народовъ, о далекихъ странахъ, о событіяхъ давно минувшихъ,—слушалъ, повидимому, разсѣянно, трунилъ надъ людьми, тратящими *грóши и часъ на чóрзнащо*, трунилъ надъ разсказчикомъ, а все таки слушалъ! Если, выведенный изъ терпѣнія его насмѣшками, бывало, прекращаю свои розсказни, какими-нибудь окольными путями снова наводилъ разговоръ на брошенный предметъ... или же обращался къ такой методѣ: „Бàчъ“, говоритъ, чомý воны вчя́гця!.. А дурни батькы грòши трàтять!.. Якый же вамъ гàспидъ цепъ тягàвъ до сòнця, що знàете, скилкы туды верстòвъ? Хиба чы не ворòнъ просылы?“— „Вы дýмаете“, отвѣчаетъ гимназистъ, „якъ не ворòна, то й не кàркае, якъ цéпу немà, то й мирять немòжна!“ и пошелъ снова... А ему только того и надо: опять слушаетъ, опять трунитъ, опять выводитъ изъ терпѣнія разсказчика... А смотришь потомъ, въ какомъ-нибудь разговорѣ, невольно прорывалось у него (по доброй волѣ онъ бывало никогда не признается, что понялъ или убѣдился) такое разумѣніе, напримѣръ, способовъ измѣренія между небесными свѣтилами, что и иному гимназисту подобное не подъ силу. „Эхъ, якъ-бы булó менè навчылы!“ иногда, бывало, говоритъ онъ въ задушевной бесѣдѣ съ близкимъ ему человѣкомъ....

Какъ я живо помню всѣ обстоятельства поступленія въ училище! Какъ-будто все это вчера происходило! Да чтó вчера: чтó вчера дѣлалось, я не могу представить себѣ съ такою выпуклостію и такъ отчетливо, какъ то, чтò дѣлалось тогда.

Надобно знать, что покойникъ отецъ, частію по свойственной всѣмъ украинцамъ несообщительности, не любящей посвя-

щать всякаго встрѣчнаго и поперечнаго въ свои душевные интересы, любящей больше дѣлать, чѣмъ говорить.... частію по самостоятельности характера и вообще рѣдко допускающей вліяніе совѣта, а, можетъ быть, частію и по убѣжденію, что изъ всѣхъ окружающихъ его, близкихъ и далекихъ, никто не дастъ ему совѣта умнѣе того, какой онъ самъ себѣ дастъ, не любилъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было,— даже не любилъ совѣтоваться съ моею матерью. Предположенія его потому, большею частію оставались въ тайнѣ и открывались только тогда, когда приходила пора приводить въ исполненіе. Разумѣется, что чѣмъ настоятельнѣе была необходимость въ ихъ исполненіи, или чѣмъ болѣе представлялось возможности встрѣтить—не говорю, сопротивленіе, противодѣйствіе, а неодобреніе, въ формѣ слезъ, вздоха,—тайна сохранялась тѣмъ упорнѣе... Предположеніе высказывалось за минуту до того времени, когда слѣдовало его выполнять, являлось въ формѣ догматической и какъ снѣгъ на голову: некогда ни возражать, ни сожалѣть—исполняй, и дѣлу конецъ!

Такъ онъ рѣшился поступить и въ настоящемъ случаѣ... Конечно, болѣе догадливые поняли бы, можетъ быть, по нѣкоторымъ примѣтамъ его предположенія на мой счетъ; но матери и намъ всѣмъ, привыкшимъ видѣть, что старшихъ братьевъ увозятъ изъ дома, когда имъ ужъ лѣтъ семнадцать, восемнадцать, не имѣвшимъ никакого понятія, что̀ это за *училища*, намъ и въ голову ничего не приходило!... Начать съ того, что вдругъ,— какъ говорится, ни съ сего, ни съ того,—мнѣ сдѣланъ былъ новенькій *нагольній кожушокъ* и притомъ изъ хорошихъ годовалыхъ барашковъ; сдѣлана была пара новыхъ сюртучковъ съ соотвѣтственными принадлежностями, т. е., по обыкновенію, передѣланы изъ платья старшихъ братьевъ, для нихъ уже негоднаго. Потомъ, около того же времени, онъ позволилъ мнѣ пріостановить ученье: „Забрѐзкъ", говоритъ, „занудився.... Нехáй ужé", говоритъ, „въ учылыщи бýдешъ!" Ученье, конечно, было пріостановлено а слова „въ учылыщи бýдешъ вчытьця"—приняты за фразу въ родѣ „въ полкъ тебя отдамъ" и т. п. Догадливому

человѣку можно было также призадуматься надъ мягкостію и снисходительностію, которыя съ нѣкотораго времени проявлялись въ обращеніи его со мною и которыхъ я, согласно украинскимъ нравамъ, не встрѣчалъ у отца съ того самаго времени, когда пересталъ быть *дитятею*, т. е. когда взялся за букварь. Но и это было мнѣ не въ домекъ! Послѣ ужъ я научился понимать старика: желѣзный характеръ не выдерживалъ и размягчался, когда приходилось наносить ударъ чьему-нибудь чувству, а въ особенности чувству своего дитяти....

Дѣло было въ первыхъ числахъ января, въ субботу. Отецъ былъ серьёзенъ и почти цѣлый день провелъ на дворѣ: смотрѣлъ, какъ снаряжались подводы, которыя отправлялъ къ какому-то пану, верстъ за сорокъ, за купленнымъ лѣсомъ, провожалъ ихъ, давалъ наставленіе: гдѣ и какъ накормить и напоить воловъ, гдѣ ночевать, кто долженъ сторожить подводы ночью, какихъ воловъ сторожъ долженъ веревкою привязать себѣ къ ногѣ, отъ воровъ... что долженъ дѣлать онъ, если бы, чего Боже сохрани, воръ въ самомъ дѣлѣ сталъ уводить, и веревка дернула за ногу;—гдѣ должны кормить на другой день, гдѣ онъ, отецъ, нагонитъ ихъ и т. д. Распоряжаясь отправленіемъ подводъ, отецъ велѣлъ приготовать и *киньски сани*, большія сани и пару лучшихъ лошадей—признакъ, что поѣздка имѣетъ важное значеніе!.. самъ наблюдалъ, какъ Грицько, плотникъ и вмѣстѣ мельникъ и *олійникъ*, осматривалъ сани, не нужно ли *завертни* или оглобли перемѣнить, *де свérдломъ крутнýть, де сóкúрою стýкнуть*; разсказывалъ, кàкъ *óрчикъ* привязать, потянулъ даже за *пóборсни* (постромки), крѣпко ли привязаны: самъ указалъ, какую упряжь взять, присутствовалъ при ея осмотрѣ Прокопомъ, сапожникомъ и вмѣстѣ кожевникомъ и скрипачемъ; присутствовалъ, кáкъ набивали *пихтиръ*[1]) сѣномъ, какъ вывели и чистили лошадей и пробовали, не захромала ли которая, хорошо ли ѣстъ и пьетъ и т. д. Мы, дѣти,

[1]) Веревочный мѣшокъ, въ которомъ украинцы, особенно народъ торговый, возятъ сѣно при поѣздкахъ.

все это видѣли; видѣли также, какъ мать, по приказанію отца, приготовляла *ящыкъ* и *мишо́къ*[1]) и клала туда куски *са́ла*, жаренаго гуся, ножъ, вилку, хлѣбъ, булки, пироги и т. п.—все это завернутое въ бѣлѣйшія полотенца; видѣли, какъ она отперла *скрыньку*, въ которой хранились мѣдныя деньги, отсчитала

---

[1]) *Ящыкъ* и *мишо́къ* при сборахъ въ путешествіе и во время самыхъ путешествій, по преимуществу, означаютъ у насъ ящикъ и мѣшокъ съ съѣстнымъ (т. е. ящикъ—съ *са́ломъ*, *ковба́сами*, вареными яйцами, мясомъ и рыбою, зажаренными или отваренными и т. д., а мѣшокъ—съ хлѣбомъ, *паляныцями*, *коржа́ми* и т. д.). Потому, если, напримѣръ, украинка говоритъ,—конечно, если дѣло идетъ о сборахъ къ путешествію: «Ще треба ящыкъ и мишо́къ спорядыть»—это значитъ: «Еще надо зажарить курицу, очистить *са́ла*, выбрать хорошихъ сельдей, спечь булокъ и т. д. и все это уложить въ ящикъ и мѣшокъ». Вообще, земляки мои, отправляясь въ путешествіе, близкое или далекое, съѣстнымъ для себя и кормомъ для лошадей и воловъ, даже водою любятъ запасаться въ большемъ количествѣ, если возможно, даже на все путешествіе, а мои землячки любятъ снабжать отъѣзжающихъ самымъ лучшимъ, что́ у нихъ есть въ запасѣ изъ съѣстнаго. За такой обычай, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, иные порицаютъ моихъ соотчичей: говорятъ, что это не разсчетливо, и наклонность къ обжорству показываетъ. Разсчетливо ли для моего земляка держаться подобнаго обычая или нѣтъ,—поговоримъ объ этомъ когда-нибудь въ другое время, а здѣсь только замѣчу, что обычай этотъ имѣетъ основаніе не въ нашемъ желудкѣ, а въ нашей исторіи, имѣвшей обыкновеніе постоянно ставить въ необходимость—женъ, сестеръ и матерей нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ разлучаться съ близкими ихъ сердцу... и снабжать дорогихъ отбывающихъ на дорогу всѣмъ, что было лучшаго въ вѣдомствѣ женскаго населенія былой Украины, а дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ ставившей въ необходимость часто перелетать безплодныя и безлюдныя южныя степи, гдѣ не было въ тѣ время, да и теперь еще очень мало, постоялыхъ дворовъ и трактировъ и гдѣ, слѣдовательно, утолить голодъ и жажду можно было или вѣтромъ степнымъ, или тѣмъ, что несла на себѣ быстрая, какъ степной вѣтеръ, вьючная козацкая лошадь.

нѣсколько рублей на мелкіе путевые расходы отцу и положила ихъ въ пестрядевый мѣшочекъ; видѣли, что она долго возилась съ *капшучкáми* и домашняго издѣлія бумажниками, т. е. рукавами отъ старыхъ рубашекъ, завязанными или зашитыми наглухо съ которой-либо стороны и такимъ образомъ представлявшими нѣкоторое удобство для прятанія ассигнацій; но что́ ужъ она тутъ дѣлала, намъ было неизвѣстно—насъ не подпускала... Отецъ дома, можетъ увидѣть, какъ мы глядимъ, сколько у него денегъ,—а подобное, куда было ему не по сердцу! Мы, дѣти, говорю, все это видѣли, дѣлали заключенія,—значитъ батюшка куда-то ѣдетъ и ѣдетъ на нѣсколько дней, надолго даже, можетъ быть,—видѣли и радовались, что батюшка, этотъ суровый батюшка, который за всякія шалости бранитъ и наказываетъ и никогда ни за что́ не похвалитъ, никогда не ласкаетъ и не *голýбитъ*, ѣдетъ на нѣсколько дней изъ дому.... Съ такимъ расположеніемъ духа мы и спать легли....

Если покойнику отцу предстояла дальняя дорога, или отправлялся по какому важному дѣлу, то всегда выѣзжалъ ночью, задолго до разсвѣта, и тѣмъ раньше, чѣмъ цѣль поздки была серьезнѣе; а въ особенно важныхъ случаяхъ, выѣздъ изъ дому у него бывалъ сейчасъ послѣ ужина. Такъ дѣлывали, говорятъ, наши дѣды и прадѣды, такъ дѣлываютъ еще и теперь земляки мои, люди стараго порядка—таковъ стародавній обычай. Но почему обычая этого держался и отецъ—не знаю. Знаю только, что онъ держался его не потому, что онъ былъ стародавній обычай, что такъ дѣлывали дѣды и прадѣды: въ подобнаго рода дѣлахъ старикъ слѣдовалъ обычаямъ только до тѣхъ поръ, пока болѣе или менѣе сознавалъ ихъ разумность, болѣе или менѣе они нравились ему. Можетъ быть, выѣздъ ночью болѣе соотвѣтствовалъ его наклонности—больше дѣлать, чѣмъ говорить, потому что такимъ образомъ, при выѣздѣ ночью, онъ избѣгалъ, въ хуторѣ и ближайшихъ селахъ, встрѣчъ съ знакомыми и ихъ разспросовъ,—а куда? а зачѣмъ? избѣгалъ неизбѣжныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ украинской семьѣ слезъ и прощальныхъ сценъ, неизбѣжныхъ по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она

зиждется и которые выработаны историческою ея жизнію: человѣкъ, которому хочется спать, мало бываетъ способенъ къ сильнымъ сердечнымъ движеніямъ. Быть можетъ, отецъ мой руководствовался иногда и разсчетомъ, признаваемымъ впрочемъ иными невѣрнымъ,—въ первый день ѣзды больше воспользоваться силами лошадей, чѣмъ въ слѣдующіе дни, такъ какъ въ первый день силы ихъ еще бодры. Можетъ быть, онъ руководствовался и тѣмъ разсчетомъ, что чрезъ выѣздъ ночью нисколько не разстраивается обыкновенное теченіе домашнихъ дѣлъ. Выпроводили, поплакали и заснули... и на другой день все болѣе или менѣе пошло по вчерашнему; днемъ же выѣзжать изъ дому—для домашнихъ дѣлъ день пропалъ! Можетъ быть, и другія еще были причины: мало ли чего не прійдетъ въ сѣдую голову, пятьдесятъ лѣтъ, во всѣ глаза, съ толкомъ и чувствомъ, глядѣвшую на человѣка и его жизнь! и глядѣвшую не сквозь системы и ученія, а просто безъ всякой *посредствующей средины*, какъ они въ дѣйствительности заявляются!

При поѣздкахъ своихъ отецъ держался еще другого обычая, не менѣе, повидимому, страннаго, какъ и первый. Какъ бы рано старикъ ни выѣзжалъ и какой бы праздникъ ни случился въ день выѣзда, онъ, и всѣ выѣзжавшіе, непремѣнно должны были поѣсть—что, большею частію, равнялось настоящему обѣду. Обычай этотъ можетъ показаться еще страннѣе, если прибавлю, что пока у покойника дѣти были малы, онъ строго соблюдалъ посты и въ праздничные дни, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, до окончанія обѣдни, ни самъ ничего не ѣлъ, ни другимъ домашнимъ не позволялъ ничего ѣсть. Да и въ будніе дни, если не было гостей, онъ никогда не завтракалъ и не пилъ чаю (котораго, впрочемъ, и никто у насъ тогда по утрамъ не пилъ: не было обычая, чай былъ угощеніемъ, а не вседневнымъ питьемъ),—словомъ, до обѣда и *рисвы въ ротъ не бравъ* [1]). За такими завтраками или обѣдами, кто пилъ водку—ѣлъ съ аппетитомъ; а мы, дѣти, если намъ приходилось въ нихъ участвовать, обыкновенно только дремали.

---

[1]) Т. е. росинки.

Дремалъ и я, сидя за столомъ, передъ выѣздомъ въ училище: и этотъ выѣздъ отецъ рѣшилъ сдѣлать ночью и предварительно позавтракавши... Кàкъ меня разбудили, кàкъ умыли, одѣли, посадили за столъ и велѣли ѣсть, чтó въ это время вокругъ меня дѣлалось,—ничего не помню: сонный былъ, дремалъ... Первое, чтò обратило мое вниманіе, чтó я началъ понимать и чтó, слѣдовательно, помню и теперь, это—необыкновенное состояніе матери. Она была блѣдна и ни минуты не сидѣла на мѣстѣ: сядетъ, протянетъ дрожащую руку, погладитъ меня по голов и исчезла... „Ижъ, Васюню, ижъ, дытыно моя́!"—снова исчезла... Спросила, новенькихъ ли мнѣ рубашечекъ, или *приношеныхъ мякéнькыхъ,* и не дождавшись отвѣта, снова!....

Дремота моя начала исчезать, окружающее ближе подвигаться къ моему сознанію...

За столомъ только отецъ и я, да стулъ и приборъ для матери; остальной семьи никого нѣтъ.

Отецъ серьёзенъ, очень серьёзенъ; ни слова не говоритъ, не отрываетъ глазъ отъ тарелки, ни разу не взглянулъ ни на меня, ни на мать...

Я одѣтъ попраздничному; возлѣ, на стульяхъ, простыня съ моимъ бѣльемъ, и другимъ платьемъ...

Отъ времени до времени изъ кухни выглядываютъ головы, съ какимъ-то любопытствомъ смотрятъ сюда, особенно на меня...

Мною же овладѣло какое-то любопытство, даже безпокойство... Я началъ быстрѣе поворачивать голову къ, матери, когда она входила: „Чтò случилось? чтò все это значитъ?"—„Ничóго, Васюню, ничòго! ижъ!" тихо,—и я опускалъ голову къ тарелкѣ, боязливо поглядывая на отца...

Узелъ мой готовъ, завтракъ конченъ, сани провизжали мимо оконъ, гнѣдой жеребецъ заржалъ и затопалъ передъ крыльцомъ...

Порà! сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и попрежнему ни на кого не глядя:—Одинь ёго!...

Мать бросилась ко мнѣ, и начала снаряжать меня: дрожащими руками надѣла на шею дорогую кашемировую шаль, *бàбинськую*, которой и сама никогда не надѣвала... нагольный кожу́шокъ и поверхъ воротника другую бàбинскую шаль... Какъ руки у нея путаются, какъ медлитъ она! Отецъ давно уже готовъ: *кожухъ*, крытый синимъ сукномъ изъ превосходныхъ сѣрыхъ барашковъ, въ одной рукѣ черная *смушéвая* шапка, въ другой—неразлучный спутникъ его старости, *ципокъ*; а она все еще медлитъ!

Но вотъ и я готовъ.—Ходимо въ свитлыцю!

За старикомъ пошла мать со свѣчею въ рукахъ, шатаясь, по временамъ обращая ко мнѣ взглядъ, свѣтящійся лихорадочнымъ жаромъ... За матерью—я, съ поникшею головою, съ какою-то тяжестью въ душѣ, съ темною догадкою, что что-то недоброе ожидаетъ!

— Сядьмо!

Сѣли.

Наступила минута молчанія,—охъ, какого молчанія! Никогда я не забуду этой минуты! Какъ-будто все кругомъ почувствовало, что тутъ идетъ тяжелая борьба, на чувства налагается невыносимое молчаніе,—и все притаило дыханіе!... Даже свѣча какъ-будто боялась свѣтить: бросала какой-то дрожащій, желтоватый, погребальный свѣтъ; даже мебель, всѣ неодушевленные предметы, наполнявшіе комнату, какъ будто притаились, прятали углы и выпуклости, жались въ тѣни... Словно мертвецъ тутъ лежитъ, свѣчи нагорѣли, раздается унылое чтеніе дьячка, болѣе несносное, чѣмъ могильная тишина!...

Да, въ комъ-нибудь дѣйствительно должно было что-то тутъ умереть!...

„Порà! раздался снова голосъ отца: „молитця, говоритъ, Богу!“ и вставши, началъ самъ креститься къ образамъ.

Мы съ матерью тоже встали и начали креститься.

„Поблагословы, старà, сы́на! Та накажы, щобъ бувъ дòбрый, розу́мный!...

— Нехáй тебé благословыть Богъ и Мáты Бóжа, моя дытыночко!... якъ я тебé благословляю!...

Осѣнила меня нѣсколько разъ большимъ крестомъ.

— Не забувáй Бога и Мáтери Бóжои!... слýхай бáтька, своихъ вчытеливъ!... будь дóбрый, розумный!... Не забувáй и менé, моя дытыночко!...

„Порá, Васыльку, ходимъ! прервалъ съ другого конца голосъ звучный и вмѣстѣ сдержаный...

— Поцилýй же менѐ, Васюню!—начала меня цѣловать и снова крестить:—Може бъ? говоритъ...

Я поднялъ голову—съ мольбою глядитъ на отца, что-то мнетъ въ пальцахъ, слышенъ звонъ мѣдной монеты... Я быстро поворотилъ голову къ отцу—одинъ изъ взглядовъ, которыми онъ обыкновенно отдаетъ ей секретныя приказанія...

— Оцé тоби, Васюню, дéсять шажкивъ—бýблычкивъ, мóже колы кýпышъ...

Послѣднее объятіе матери...

Отецъ сѣлъ въ сани; въ ногахъ постлали ему большой тулупъ, посадили меня, закутали; сверху отецъ прикрылъ еще своимъ тулупомъ... Кондратъ тронулъ возжами,—сани понеслись, визжа полозьями и скользя на забоинахъ, то въ ту, то въ другую сторону...

Старикъ мой, старикъ!... Крутъ ты подъ часъ бывалъ, суровъ, жестокъ; но я люблю тебя вспоминать!... люблю вспоминать даже о крутыхъ, суровыхъ и жестокихъ твоихъ поступкахъ! Вѣрно и въ нихъ есть своя доля правды, чтó-то влекущее къ себѣ даже и тѣхъ, кому больше всего приходилось отъ нихъ терпѣть. А можетъ быть, не смотря на наше образованіе, мы еще на столько дѣти нашихъ отцовъ и внуки и правнуки нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, столько еще мы потомки нашей суровой старины, что намъ по сердцу и тѣ жесткія ея стороны, которыхъ не одобряетъ наша голова и жесткость которыхъ намъ приходилось на себѣ отвѣдывать!... Но особенно я люблю вспоминать о твоихъ поступкахъ, которые не были порожденіемъ болѣе или менѣе разнуздавшейся страсти, а проистекали изъ

сердечныхъ ощущеній, управляемыхъ разсудкомъ и волею. Все тогда уступало тебѣ, мудрецъ мой, все преклонялось передъ тобою!

Да, изъ дальнѣйшаго разсказа о моей незатѣйливой жизни, вы, можетъ быть, убѣдитесь, что отецъ мой былъ далеко не изъ дюжинныхъ людей. А пока я укажу вамъ на двѣ черты его характера, т. е. разскажу о его образѣ дѣйствованія въ двухъ различныхъ житейскихъ положеніяхъ, изъ которыхъ объ одномъ я необходимо долженъ говорить теперь же, по порядку разсказа, а разсказъ о другомъ понадобится намъ послѣ, чрезъ нѣсколько страницъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что выѣхавъ изъ дому, я остался одинокимъ, нѣкому принять участіе въ моей тоскующей душѣ? Если вы такъ думаете,—вы крѣпко ошибаетесь! Этотъ суровый старикъ, устроившій все такъ, что я и слезинки не успѣлъ выронить при разлукѣ съ матерью, мать не успѣла поворковать надъ отрываемымъ отъ нея дѣтищемъ, наглядѣться на него въ послѣдній разъ, не позволявшій и себѣ обнаружить признаковъ чувства и оцѣпенявшій чувства другихъ,—съ отъѣздомъ изъ дому, когда дитя осталось у него одного на рукахъ, превратился въ самую нѣжную мать, въ самую заботливую сестру. Словомъ, старался замѣнить для него все и всѣхъ.... и, конечно, при своемъ знаніи человѣческаго сердца, при своемъ умѣ и опытности, успѣвалъ въ этомъ на столько, на сколько другому успѣть никакъ бы не удалось. Всѣ дѣтскія потребности и прихоти имъ были предусматриваемы и предупреждаемы съ величайшей заботливостію; онъ былъ болтливъ, какъ самая болтливая нянька, разсказывалъ сказки и разныя интересныя событія изъ собственной жизни, игралъ со мною, позволялъ выбираться изъ моего гнѣзда въ тулупѣ, садиться на кóзла и т. д. И замѣчу, онъ дѣлался такимъ ласковымъ не въ эту только поѣздку, но и послѣ, когда ему случалось отвозить меня въ городъ, и когда мною овладѣвала тоска.... Помѣстивъ меня въ училище, онъ не поѣхалъ сейчасъ домой, а отправился верстъ за пять, отъ города къ одному своему знакомому и прожилъ тамъ нѣ-

сколько дней, чтобы только ежедневно навѣщать меня.... Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь?

Эпизодъ.

Надобно вамъ сказать, что въ хуторѣ у насъ завелся такой обычай: общество избавляло отца отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, а отецъ за это кормилъ и поилъ Временныя Отдѣленія, засѣдателей,—словомъ, властей. Обычай этотъ съ теченіемъ времени сдѣлался до того извѣстнымъ всѣмъ, что каждая власть, прибывъ въ хуторъ, отправлялась прямо къ отцу и располагалась тамъ, какъ у себя дома или у себя на квартирѣ. Если власть была заѣзжая и не знала о существующемъ обычаѣ, съ нимъ знакомили ее возницы, и *передовые* козаки, и власть всё таки попадала къ намъ. Равнымъ образомъ сдаваема была на руки отца и всякая военная власть, долженствовавшая квартировать въ хуторѣ, если только эта власть была значительнаго ранга и, слѣдовательно, была съ значительнымъ развитіемъ потребностей на удобство помѣщенія и т. д., или же, хотя и не имѣла значительнаго ранга, но было съ сильно развитою наклонностью: шумѣть, оставаться ничѣмъ недовольною,—наклонностью къ пинкамъ, зубочисткамъ, зубочыткамъ, подзатыльникамъ, треушинамъ—словомъ, ко всѣмъ такимъ вещамъ, о которыхъ въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ ничего не упоминается, но къ которымъ однако мы, всѣ власти, питаемъ большое расположеніе и которыми, при случаѣ, присыщаемъ себя въ сласть.

Прійдетъ бывало отàманъ:—Бýдьте лàскавы, Петрó Васылёвичъ, возьмить соби тогó ýша [1]), що у Голованя!

„А хибá що?

— Та таќа й такá ричъ.

„Ну, колы такъ, силькысь [2])

---

[1]) Земляки мои называютъ иногда людей военнаго званія *ýшами* и *кáбышами*, за часто употребляемыя ими слова *ужъ*, *кабышъ*.

[2]) *Силькысь*—пусть себѣ.

И *ушъ* переселялся къ намъ.

Ну, такъ однажды, около того времени, какъ меня отвезли въ училище, къ намъ попалъ подобный Ушъ.

Дѣло было наканунѣ Духова дня, вечеромъ. Комнаты и сѣни малыхъ хатъ, въ которыхъ мы проводили тогда лѣто, убраны были липовымъ и кленовымъ *клечаннямъ*, пучками *гвоздыкивъ*, *васылькивъ*; полы устланы только-что накошенною травою. Окруженные зеленью и благоуханіями травы и цвѣтовъ, мы сидѣли въ сѣняхъ за столомъ и весело ужинали... Покойникъ отецъ любилъ ужинать лѣтомъ, если не на открытомъ воздухѣ, то по крайней мѣрѣ въ сѣняхъ, при открытой двери на огородъ.

Вдругъ дверь, выходящая на дворъ, съ шумомъ отворилась, и въ сѣни ввалился хуторской атаманъ Грицько,—запыхавшійся, безъ шапки, съ приподнятымъ спереди чубомъ, не говорившимъ, а просто кричавшимъ, что къ нему только что прикасалась чья-то чужая рука и рѣшительно не съ тѣмъ, чтобы его пригладить,

— Здилайте Бо̀жеську мылость, Петро̀ Васылёвычъ!... заговорилъ Грицько, оставляя на другое время привѣтствія: „хлибъ та силь! Добры-вечиръ, бу́дьте здоро́ви зъ симъ днемъ!"

„А що́ тамъ такѐ? отозвался отецъ, оставляя ложку и поворачиваясь къ Грицьку.

— Москали прийшлы на посто́й, такъ одынъ такый офыцѐръ, що вже й до Ива̀на водывъ, и до Усте́нка, и до Палыводы: „Тѣсно"! крычыть, та й годи, хоть ты въ вичи ёму́ плюй!... И колыбъ що пу́тне, сказа̀въ, продолжалъ Грицько̀ изливать душу:—ато яка́сь фря така́, мызерне, мале́ньке... А ла́етця жъ то, не пры хлиби свято́му зга̀дуючы... тьфу!... И въ вичи такъ и сычетця!... Та ще й до чу́ба...—и Грицько махнулъ рукою и кивнулъ головою, какъ обыкновенно дѣлаютъ земляки мои, когда чувства ихъ принимаютъ другое направленіе, не земляками моими обыкновенно выражаемое: „Да что́ говорить! пусть ужъ Богъ ему проститъ!"

„Ну, силькысь, веды ёго́! отозвался отецъ, вставая изъ-за стола.

— Та винъ тутъ, у васъ за воритьмы!... Я зáразъ, спасыби вамъ!...

Чрезъ нѣсколько минутъ влетѣлъ въ сѣни крошечный офицерикъ конныхъ егерей, киверъ на бекрень, сабля гремитъ, весь въ пыли... Не кивнувши никому головою, онъ прямо къ отцу.

— Ты хозяинъ? давай квартиру, да жива!...

„Зáразъ, зàразъ!" спокойно, но серьёзно отвѣчалъ отецъ. и поворотившись къ матери: „Велы, старá [1]), одпèрты ти хаты"..,

— Какія *хаты?* перебилъ офицеръ:—вѣрно сыро, гадко!... Знать ничего не хочу, мнѣ сухую, чистую давай квартиру, тутъ давай!—и покосился на растворенную дверь кухни, изъ-за которой выглядывали нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ женскаго ея населенія.

„Колы вамъ хóчетця тутъ—и тутъ мóжна!" сказалъ невозмутимо старикъ: „вотъ выбирайте, какую хотите!—и взявъ со стола свѣчу, началъ показывать офицеру *свитлыцю* и *кимнáту.*

— Я эту возьму! сказалъ тотъ, вошедши въ *кимнату.*

„Чи сю, то й сю! моя́ старá зъ дитьмы ля́же въ свитлыци—васъ не побезпокоять: у меня маленькихъ дѣтей нѣтъ, а мнѣ поставятъ кровать въ сѣняхъ возлѣ кухни,—всимъ дóбре бýде!

Какъ невозмутимо и упорно смотрѣлъ онъ при этомъ ему въ глаза!...

Офицеръ, кажется, не совсѣмъ былъ доволенъ такими распоряженіями, сердито началъ отцѣплять саблю и кричать на деньщика, чтобы скорѣе вносилъ вещи.

Отецъ поставилъ свѣчу на столъ, вышелъ въ сѣни, и мы снова принялись за ужинъ, хоть уже не такъ весело, какъ прежде: вѣрно военному элементу ужъ *на родý написано* быть вездѣ возмутителемъ тихихъ семейныхъ и гражданскихъ радостей!

Чрезъ нѣсколько минутъ офицеръ снова появился въ сѣняхъ, но уже безъ кивера, сабли и другихъ военныхъ принадлежностей, съ разстегнутымъ сюртукомъ, безъ жилета и галстука.

[1]) Въ Украинѣ мужъ и молодую жену называетъ иногда *старóю.*

— Нужно и лошадямъ моимъ дать мѣсто!

„И лошадямъ найдемъ мѣсто!“ отвѣтилъ старикъ, и поворачивая голову къ кухнѣ, прибавилъ:—Хлопци, покажите вотъ ихнему денщику, гдѣ ясли.

— Какъ, *ясли?* снова возвысивъ голосъ нѣсколькими тонами выше:—Мои лошади стоять у яслей не привыкли, ночью дождь можетъ пойти!

„А въ конюшнѣ можно ихъ поставить?“

Конечно!

„Ну, такъ выведите, хлопцы изъ конюшни своихъ лошадей и поставьте къ яслямъ, а въ конюшню деньщикъ...“.

— Да у меня и кучеръ есть.

„Ну, такъ пусть кучеръ! Да что́ нужно, разскажите, помогите! Можетъ статься, сѣна, соломы нужно, и сѣна и соломы имъ!“

По зову отца, *Оксе́нтій* и *Антинъ* выскочили изъ кухни и, выслушавъ его приказаніе, *выбрыкомъ* пустились черезъ сѣни; а офицеръ, видимо сбитый съ толку, потеръ себѣ лобъ, потеръ правою рукою лѣвую, выше локтя и, не зная, что́ дальше тереть, потеръ еще одну пуговицу на сюртукѣ... какъ-будто въ разсѣянности нацѣпилъ на нее петлю противоположнаго лацкана,—и такимъ образомъ, застегнутый уже, постоявъ еще нѣсколько мгновеній, пошолъ въ *кимна́ту*.

Мы переглянулись, едва удерживая отъ хохота (отъ неоднократныхъ повтореній подобныхъ сценъ, мы, увы, даже самые малолѣтніе, понимали ихъ значеніе), а отецъ—какъ ни въ чемъ не бывало: ѣстъ себѣ преспокойно и хоть бы тѣнь улыбки или огорченія! серьезнѣе только, сдержаннѣе обыкновеннаго; а когда деньщикъ, внесши въ кимна̀ту послѣднія вещи, вышелъ оттуда и затворилъ за собою дверь, поднялъ голову и указалъ матери глазами, сначала на стоявшую на столѣ миску, а потомъ на дверь кимна̀ты.

— Чу̀ешъ, якъ тебѐ звуть, бу̀дь ла̀скавъ!...

„Иваномъ-съ, матушка!“

— Спыта̀й, будь ла̀скавъ, Ива̀не, своѓо па̀на, чи не хо̀че повечѐрять: у насъ бу̀де що.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ

1899 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. **Е. К.** . . . . 155—180
II. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 1. Письма Н. А. Ригельмана, 1846—53 г. . . . . 181—198
III. ПОПОКЪ. (*Продолженіе*). **Б. Познанскаго** . . . 199—248
IV. ОТЗЫВЪ М. А. МАКСИМОВИЧА О ПОЭМѢ ПУШКИНА „ПОЛТАВА“. (1829 г.). . . . . 249—259
V. ПОЛУЙКА. (Оповидання старого рыпныка). **Мирона**. . . 260—282
VI. ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ ЖИЗНИ ПУШКИНА НА ЮГѢ РОССІИ. **Игн. Житецкаго** . . . . 283—306

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Малорусскіе переводы стихотвореній Пушкина; б) Кіевъ въ сороковыхъ годахъ; в) Два письма А. В. Марковича къ Т. Г. Шевченку и П. А. Кулишу; г) Памяти П. И. Калнышевскаго. **Проф. Н. Ф. Сумцова**; д) Могила П. А. Кулиша; е) Къ исторіи «Основы»; ж) Украинскіе козаки при осадѣ Дюнкирхена, въ 1646 г.; з) Сотничій производъ. (Документъ 1751 г.); и) Денежныя и натуральныя повинности въ пользу гетмана въ к. XVII в.; і) По поводу столѣтія со времени смерти князя А. А. Безбородка; к) Къ исторіи крестьянъ. (Письмо 1780 г); л) Каневская соборная церковь. **N.** . . 65—81
Текущія извѣстія . . . . 81—88
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Biblioteka Warszawska за 1898 г. **А. С.**; б) Къ исторіи кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. С. Голубева. **О. Л.**; в) Archiv für Slawische Philologie. **А. С—ча**; г) Документы Московскаго Архива Минист. Юстиціи. Т. I. **Н. Т.**; д) Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора, 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, 3) Хроника Русская (лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича. **Н. Т.**; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . 89—105
Археологическая лѣтопись . . . . 106—121
III. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 4-й и 5-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXV.

МАЙ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 4 мая 1899 года.

Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству *XI-го Археологическаго Съѣзда*, имѣющаго быть въ Кіевѣ съ 1-го по 20-е августа текущаго года, объявляетъ, что лица, желающія записываться въ члены Съѣзда, могутъ получать, по уплатѣ 4-хъ рублей, членскіе билеты у казначея Комитета *И. М. Каманина*, ежедневно, отъ 1 до 3-хъ часовъ по-полудни, въ *Университетѣ*, помѣщеніи *Центральнаго Архива.*

Иногороднымъ, по доставкѣ ими (по адресу: *Кіевъ, Университетъ, Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству Археологическаго Съѣзда*) членскаго четырехрублеваго взноса, билеты немедлено высылаются по почтѣ.

Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія.

(Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. По неизданнымъ матеріаламъ. Томъ 1. 1802—1815 г. Харьковъ. 1893—1898).

18 января 1805 г. Харьковскому университету предстоитъ праздновать столѣтіе своего существованія. На долю профессора русской исторіи въ этомъ университетѣ Д. И. Багалѣя выпала трудная задача подвести итоги прошлому этого учрежденія. Въ истекшемъ году Д. И. Багалѣй окончилъ 1-й томъ своего труда, заключающій въ себѣ исторію возникновенія Харьковскаго университета и первыхъ десяти лѣтъ его жизни. Исторія *перваго* университета на югѣ Россіи представляетъ огромный интересъ. Возникшій въ глухомъ провинціальномъ городѣ, благодаря энергіи *одного* человѣка (В. Н. Каразина), который хотя и нашелъ сочувствующихъ его идеѣ людей, но долженъ былъ употребить необыкновенныя усилія для осуществленія этой идеи, Харьковскій университетъ долго былъ единственнымъ научнымъ центромъ и для Слободской Украины, и для Новороссіи, и для Малороссіи[1]). Д. И. Багалѣй широко понялъ свою задачу. На ряду съ исторіей университета въ тѣсномъ смыслѣ слова онъ старается нарисовать картину жизни тогдашняго мѣстнаго общества и прослѣдить то взаимодѣйствіе, которое

[1]) Кіевская академія въ началѣ истекающаго столѣтія пріобрѣла уже характеръ спеціальнаго духовно-учебнаго заведенія.

оказывали другъ на друга университетъ и общество. Книга г. Багалѣя основана главнымъ образомъ на архивномъ матеріалѣ. Со свойственной ему пунктуальностью авторъ старается всякое свое положеніе подтвердить выписками, иногда очень обширными, изъ источниковъ. Это обстоятельство въ связи съ широкой постановкой вопроса, данной ему почтеннымъ ученымъ, сильно отразилось на объемѣ книги (она заключаетъ болѣе 1200 стр. большого формата) и сдѣлало ее малодоступной для широкой публики. Въ виду этого, равно какъ и въ виду интереса самой темы, мы рѣшились ознакомить нашихъ читателей, поскольку позволяютъ размѣры журнальной статьи, съ содержаніемъ труда нашего уважаемаго сотрудника.

Во второй половинѣ XVIII ст. жизнь Слободской Украины едва только начала укладываться въ рамки обще-государственнаго гражданскаго быта. Еще недалеко было то время, когда въ краѣ шло броженіе, вызванное колонизаціей степныхъ пространствъ, когда новымъ поселенцамъ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое имущество и даже жизнь. Но нельзя сказать, чтобы у жителей этого „новаго“ края не было своихъ традицій; правда, традиціи эти были не мѣстныя, онѣ были принесены колонистами съ ихъ старой родины—Приднѣпровья. Оттуда вынесли они и уваженіе къ просвѣщенію и тѣсную связь между носителями этого просвѣщенія—представителями духовенства и свѣтскимъ обществомъ. Перенесена сюда была и та школа, полу-церковная, полу-свѣтская, которая дала въ свое время не мало образованныхъ по тогдашнему людей. Слободская Украина скоро покрылась сѣтью элементарныхъ школъ; возникли здѣсь и школы высшаго типа, какъ напр. школа въ с. Новыхъ Водолагахъ и извѣстный Харьковскій коллегіумъ, основанный епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ въ 1726 г. и во второй половинѣ столѣтія достигшій значительнаго развитія—число воспитанниковъ его доходило до 700—800 человѣкъ. Это не было спеціально духовное учебное заведеніе: на ряду съ богословскими здѣсь преподавались и свѣтскіе предметы, на ряду съ

дѣтями духовенства здѣсь учились и дѣти представителей всѣхъ классовъ мѣстнаго общества. Изъ этого коллегіума выходили и тѣ домашніе учителя, которые разносили просвѣщеніе по захолустьямъ Слободской Украины. Типъ странствующаго учителя—„мандрованнаго дьяка", выросшій на берегахъ Днѣпра, перенесенъ былъ и сюда. Но высшій слой мѣстнаго населенія—козацкая старшина—еще въ XVIII в. чувствовалъ потребность въ свѣтскихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Такъ, еще въ 60-хъ гг. этого столѣтія среди сумскихъ дворянъ является мысль объ учрежденіи въ Сумахъ университета. Правда, проектъ этотъ такъ и остался проектомъ, за то въ 1768 г. при коллегіумѣ учреждены были для дѣтей свѣтскихъ лицъ „прибавочные классы", присоединенные въ 1798 г. къ вновь учрежденному въ Харьковѣ главному народному училищу. Въ то же время учреждены были малыя народныя училища въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ, Валкахъ и Острогожскѣ.

Кромѣ козацкой старшины въ составъ высшаго слоя мѣстнаго общества вошелъ еще иной элементъ. Въ Слободской Украинѣ осѣлось не мало помѣщиковъ изъ великороссовъ и даже изъ иностранцевъ. Они внесли въ мѣстную культурную жизнь новую струю—отраженіе того теченія въ русскомъ обществѣ второй половины XVIII в., которое началось подъ вліяніемъ просвѣтительнаго движенія въ Западной Европѣ. Къ числу такихъ помѣщиковъ принадлежалъ А. А. Палицынъ, создавшій въ Сумскомъ уѣздѣ цѣлый литературный кружокъ.

Такимъ образомъ стремленіе къ просвѣщенію въ Слободской Украинѣ было, въ средѣ мѣстнаго общества были элементы, готовые содѣйствовать созданію въ Харьковѣ просвѣтительнаго центра; учесть эти элементы очень трудно, но нужно признать, что они все таки не были настолько многочисленны, чтобы созданіе такого центра было дѣломъ легкимъ. Нужно было сгруппировать всѣ эти элементы, направить всѣ благопріятныя теченія въ одно русло, преодолѣть возникавшія на каждомъ шагу препятствія,—все это представляло задачу, для разрѣшенія которой требовалось много инициативы, умѣнья при-

влекать и возбуждать людей и незаурядной настойчивости. Къ счастью для харьковцевъ въ лицѣ В. Н. Каразина нашелся человѣкъ, совмѣщавшій въ себѣ эти качества.

Поводомъ къ возникновенію вопроса объ учрежденіи въ Харьковѣ университета послужили два обстоятельства.

Еще въ въ 1801 г. имп. Александръ I въ рескриптѣ на имя Слободско-Украинскаго губернатора извѣстилъ его о своемъ намѣреніи учредить въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Харьковѣ, дворянскія военныя училища и предложилъ ему обратиться къ мѣстному дворянству съ приглашеніемъ оказать матеріальное содѣйствіе къ устройству новаго заведенія, избѣгая, впрочемъ, какихъ бы то ни было принудительныхъ мѣръ. Слободско-Украинское дворянство въ общемъ отнеслось къ проекту сочувственно и ассигновало на учрежденіе училища 100,000 руб. Но прежде чѣмъ проектъ этотъ осуществился произошло новое событіе, измѣнившее назначеніе пожертвованной суммы.

29 декабря 1801 г. государь особою грамотой подтвердилъ права и привилегіи слободско-украинскаго дворянства. Естественно, что среди представителей этого дворянства, очень обрадованнаго царскою милостью, явилась мысль ознаменовать это событіе пожертвованіемъ нѣкоторой суммы на какое-нибудь общеполезное дѣло. Возникли предположенія объ устройствѣ въ Харьковѣ больницы, дворянскаго пансіона при училищахъ или даже просто о пожертвованіи въ пользу бѣдныхъ. Между тѣмъ у Каразина, стоявшаго въ то время близко къ государю и много способствовавшаго дарованію Слободско-Украинскому дворянству упомянутой выше грамоты (благодаря чему онъ пріобрѣлъ большую популярность и авторитетность среди этого дворянства), явился грандіозный планъ учрежденія въ Харьковѣ университета, который „былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи“. Со свойственной ему горячностью и стремительностью Каразинъ сообщилъ эту мысль государю, и она получила Высочайшее одобреніе. Тогда Каразинъ вступилъ въ пе-

реписку по этому вопросу съ Слободско-Украинскимъ губ. предводителемъ дворянства В. М. Донцомъ-Захаржевскимъ и вліятельнымъ мѣстнымъ помѣщикомъ Г. Р. Шидловскимъ, которыхъ и успѣлъ склонить на свою сторону. При ихъ содѣйствіи въ августѣ 1802 г. состоялся въ Харьковѣ съѣздъ дворянъ. На частномъ собраніи рѣшено было внести съ дворянскихъ имѣній на учрежденіе университета 1,000,000 руб. Впрочемъ, на общемъ собраніи дворянъ 30 августа пожертвованіе было установлено въ размѣрѣ 400,000 р. и то не безъ оппозиціи. Каразину пришлось употребить всѣ усилія, чтобы сломить эту оппозицію. Онъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой, описавъ самыми яркими красками богатую природу Слободской Украины и природные таланты ея обитателей, выражалъ надежду, что „науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспомянутъ священную для нихъ Грецію, которая первоначально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ". Харьковская губернія, по словамъ Каразина, могла быть для Россіи тѣмъ же, чѣмъ были Аѳины для Греціи. „Отъ насъ имперія, говорилъ онъ, будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и правахъ, мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; мы посадимъ мудрость въ судахъ; купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія; изыдутъ витіи, стихотворцы прославятъ добродѣтель и благословенное нынѣшнее правленіе; мы доставимъ воспитателей россійскому юношеству; мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго дастъ надежду и отраду; ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться". Наконецъ Каразинъ каялся передъ дворянствомъ въ томъ, что превысилъ свои полномочія и объявилъ уже государю о желаніи харьковскихъ дворянъ сдѣлать пожертвованіе на университетъ, на что государь выразилъ ему свое удовольствіе. Вмѣстѣ съ

тѣмъ прочитано было и „Предначертаніе“ Каразина о Харьковскомъ университетѣ. По этому предначертанію вмѣсто обычныхъ 4 факультетовъ проектировалось 9 отдѣленій: 1) общихъ познаній, 2) пріятныхъ искусствъ, 3) богословское, 4) гражданскихъ познаній, 5) военныхъ познаній, 6) врачебныхъ познаній, 7) гражданскихъ искусствъ, 8) отдѣленіе учености, 9) изящныхъ художествъ; сверхъ того для низшихъ классовъ— училище сельскаго домоводства и школа ремеслъ и рукодѣлій. Самъ Каразинъ понималъ, что проектируемое имъ учебное заведеніе не подходитъ подъ обычный типъ университета и въ составленной для министерства народнаго просвѣщенія объяснительной запискѣ доказывалъ, что Россія находится въ такомъ счастливомъ положеніи, что ей удобнѣе создать новое, чѣмъ исправлять старое; этимъ правиломъ нужно руководствоваться и въ дѣлѣ устроенія университетовъ, ей не зачѣмъ заимствовать готовые образцы съ запада, тѣмъ болѣе, что и тамъ они отжили уже свой вѣкъ. Приношеніе Слободско-Украинской губерніей 70,000 р. ежегоднаго дохода доказываетъ, что просвѣщеніе въ ней распространено достаточно, чтобы поддерживать нѣсколько спеціальныхъ высшихъ училищъ, собраніе которыхъ въ одно цѣлое онъ и назвалъ университетомъ, „чтобъ не придумывать другого названія“. При университетѣ предполагались ученыя общества: „Ихъ могло бы быть нѣсколько родовъ: иногда для бесѣдъ о точныхъ наукахъ, другой разъ для бесѣдъ о нравственныхъ и политическихъ наукахъ, иной разъ о литературѣ и искусствѣ; иногда также для упражненій въ древнихъ языкахъ и вообще для разговоровъ о древностяхъ, наконецъ для бесѣдъ объ изящныхъ художествахъ, о сельскомъ хозяйствѣ и пр.“ Для помѣщенія этого университета Каразинъ „предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный, учебный, такъ сказать, городокъ: въ срединѣ—садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ 3 церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекціонными залами крытыми галлереями; на зад-

ней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія.“ Число студентовъ Каразинъ, по словамъ его сына, опредѣлялъ въ 3000. Грандіозные планы требовали для выполненія ихъ и грандіозныхъ средствъ. Но Каразинъ въ своемъ предначертаніи изыскивалъ и ихъ, и притомъ безъ обремененія для государственнаго казначейства. Ежегодно, по проекту, требовалось 200,000 р., которые должны были составиться такъ: „20,000 р., процентовъ съ 400,000 р., пожертвованныхъ харьковскимъ дворянствомъ; 50,000 ежегоднаго сбора съ купечества и гражданства ($1^1/_4$ % съ капиталовъ и половина откупной суммы), 25,000 р., назначенныхъ на содержаніе военнаго училища; 30,000 р. процентовъ съ 600,000 р., которые могутъ пожертвовать сосѣднія губерніи (6 по 100,000 р. каждая), будучи подвинуты на это примѣромъ Харьковской; 75,000 р. ежегоднаго пособія, которое можетъ быть безъ обремененія получено правительствомъ изъ двухъ источниковъ: 50,000 р. составятъ винный откупъ на четвертныхъ земляхъ и доходъ съ оброчныхъ статей Слободско-Украинской губерніи и 25,000 р. процентовъ получится изъ вымороченнаго имущества Кантемировъ“. Откуда взять средства для возведенія дорого стоющихъ построекъ—не было указано. Общество, давшее средства для содержанія университета, должно было принимать участіе и въ управленіи имъ. Онъ долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи комитета изъ профессоровъ, а во главѣ комитета стоять директоръ, избираемый харьковскимъ дворянствомъ. Кромѣ этого комитета, обязаннаго руководить учебной стороной дѣла, избиралась бы еще дворянствомъ особая коммиссія для завѣдыванія хозяйствомъ. Такимъ образомъ и купечество съ гражданствомъ, и обыватели сосѣднихъ губерній, на которыхъ, по проекту, ложилась не малая часть расходовъ на содержаніе университета, устранялись отъ участія въ управленіи имъ.

И рѣчь, и „предначертаніе“ Каразина произвели сильное впечатлѣніе на слушателей,—ассигновка въ 400,000 р. была принята, и Каразину поручено ходатайствовать предъ государемъ о трехъ пунктахъ: 1) чтобы харьковскому дворянству былъ

уплаченъ причитающійся отъ казны за поставленныя въ турецкую войну подводы долгъ въ размѣрѣ 66,910 р., имѣющій войти въ составъ 400,000 р., ассигнованныхъ на устройство университета, 2) чтобы позволено было для ускоренія дѣла занять подъ университетъ недостроенный домъ, предполагавшійся для присутственныхъ мѣстъ, 3) чтобы Высочайше пожалованная 29 дек. 1801 г. подтвердительная грамота была распространена и на тѣхъ землевладѣльцевъ, которыхъ раньше она не коснулась (владѣльцевъ четвертныхъ земель), и тогда они охотно будутъ вносить въ казну откупную сумму.

Еще до собранія губернскій предводитель, извѣщая городского голову Урюпина о предполагаемомъ съѣздѣ дворянъ, выражалъ надежду, что и горожане примутъ участіе въ пожертвованіи. Урюпинъ, лично симпатизировавшій планамъ Каразина, повелъ дѣло такъ, что одновременно съ рѣшеніемъ дворянства городское общество постановило: 1) вносить въ пользу университета въ теченіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати съ капиталовъ, т. е. $1^{1}/_{4}$ %; 2) сумма эта можетъ быть впослѣдствіи увеличена, а кромѣ того болѣе зажиточныя лица изъ купеческаго сословія готовы будутъ и на частные добровольные взносы; 3) ходатайствовать черезъ дворянскаго депутата Каразина передъ государемъ о разрѣшеніи имъ предоставить половину откупной суммы, идущей въ пользу города, на нужды университета; 4) на ту же цѣль ассигновать весь наличный остатокъ этой суммы, накопившійся съ 1781 г.; 5) просить губернатора пригласить къ пожертвованію всѣ уѣздные и заштатные города Харьковской губ., такъ какъ и они несомнѣнно почувствуютъ выгоды отъ расширенія промысловъ и торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ горожане просили объ освобожденіи ихъ отъ постоевъ и постоянныхъ воинскихъ командъ, что очень обременяло ихъ. Опредѣлить сумму пожертвованія харьковскихъ горожанъ трудно, но, по мнѣнію Д. И. Багалѣя, она въ теченіе 10 лѣтъ должна была составить отъ 50 до 70 тысячъ рублей. Включеніе въ протоколъ о пожертвованіи пункта объ обремененіяхъ, причиняемыхъ воинскими командами, вызвало сильный протестъ со стороны

тогдашняго харьков. губернатора Артакова, вообще не сочувствовавшаго дѣлу учрежденія въ Харьковѣ университета. Въ засѣданіи губ. правленія онъ даже кричалъ и угрожалъ городскому головѣ, такъ что послѣдній долженъ былъ внести протестъ объ этомъ въ городскую думу, а затѣмъ жаловаться министру вн. дѣлъ, результатомъ чего было удаленіе губернатора отъ должности. Ходатайство объ освобожденіи отъ постоевъ, хотя и было представлено министромъ вн. дѣлъ государю, но онъ не счелъ возможнымъ удовлетворить его вполнѣ, а только предписалъ военному министру облегчить по возможности эту повинность. Относительно же взноса половины откупной суммы велѣно было ежегодно дѣлать особое опредѣленіе.

Дума обратилась также съ предложеніемъ о пожертвованіи на университетъ къ цеховымъ и мѣщанамъ. И тѣ, и другіе выразили свое сочувствіе дѣлу учрежденія университета, но отъ пожертвованія отказались въ виду того, что они и такъ слишкомъ обременены различными повинностями.

Войсковые обыватели, т. е. потомки бывшихъ слободскихъ козаковъ, уступили безвозмездно въ пользу университета участокъ земли въ 125 дес. по Сумскому шоссе.

Дворянство сосѣднихъ губерній далеко не такъ дружно, какъ думалъ Каразинъ, откликнулось на призывъ харьковскаго, екатеринославское пожертвовало 103,260 р. $12^1/_2$ к. съ разсрочкой на 10 лѣтъ. Херсонское же только въ 1806 г. ассигновало 40,500 р.

Уѣздные города Харьковской губерніи дали единовременно 9921 рублей $50^3/_4$ копѣекъ и обязались въ теченіе 10 лѣтъ вносить по 3148 р. ежегодно. Частные благотворители пожертвовали 9650 рублей.

Общая сумма денежныхъ пожертвованій должна была превысить 658,000 рублей. Такимъ образомъ сумма эта оказалась много меньше той, на которую разсчитывалъ Каразинъ.

Каразинъ уѣхалъ хлопотать объ учрежденіи университета въ Петербургъ. Но здѣсь его положеніе измѣнилось. Онъ лишился расположенія имп. Александра I, и представить всѣ до-

кументы по дѣлу объ основаніи Харьковскаго университета государю лично ему не удалось. Пришлось передать это дѣло въ главное правленіе училищъ, и только 23 января 1803 года состоялось Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи Харьковскаго университета.

Въ то же время учрежденъ былъ и Харьковскій учебный округъ, обнимавшій почти всю южную Россію. Попечителемъ вновь образованнаго округа былъ назначенъ сенаторъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Впрочемъ Потоцкій по личнымъ дѣламъ уѣхалъ за границу, а исправленіе своей должности временно передалъ попечителю Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцеву. Ближайшее же завѣдываніе дѣлами по открытію университета Потоцкій поручилъ назначенному профессоромъ новаго университета И. Ѳ. Тимковскому [1]) и В. Н. Каразину; первому изъ нихъ была поручена и визитація училищъ округа.

Каразинъ отправился въ Харьковъ, гдѣ долженъ былъ заняться приготовленіями къ открытію университета при помощи Тимковскаго и коммиссіи, избранной дворянствомъ. Но такъ какъ Тимковскій оставался пока въ Петербургѣ, а дворянская коммиссія вовсе не была избрана, то Каразинъ въ теченіе нѣкотораго времени оставался единоличнымъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ.

Между тѣмъ въ Харьковѣ далеко не все обстояло благополучно. Мы говорили уже, что въ самомъ собраніи дворянства 30 августа нѣкоторые дворяне выступили противъ проекта Каразина. И послѣ того какъ дворянство рѣшило сдѣлать пожертвованіе, часть дворянъ, особенно изюмскій предводитель Капустянскій, доказывали незаконность такого рѣшенія и необязательность его для всѣхъ дворянъ. Капустянскій тормозилъ сборъ денегъ, порученный уѣзднымъ предводителямъ Донцомъ-Захаржевскимъ, и при содѣйствіи сочувствовавшаго ему губернатора Артакова причинилъ Захаржевскому не мало безпокойствъ. Харьковскіе

---

[1]) Біографія И. Ѳ. Тимковскаго была напечатана Н. В. Шугуровымъ въ VIII—X книжкахъ „Кіев. Старины" за 1891 г.

враги просвѣщенія ссылались то на бѣдность значительной части дворянства, то на волю государя, который выразилъ желаніе, чтобы сборъ пожертвованій не легъ новымъ бременемъ на крестьянъ. Правда, дѣло о пожертвованіи было рѣшено безповоротно, такъ какъ удостоилось Высочайшаго утвержденія. Въ рескриптахъ изъявлена была монаршая признательность дворянству, лица, оказавшія особыя услуги дѣлу, были награждены чинами и орденами, причемъ харьковскій городской голова, купецъ 3 гильдіи, Урюпинъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, дававшій въ то время дворянство; несочувствовавшій учрежденію университета губернаторъ Артаковъ замѣненъ И. И. Бахтинымъ, отнесшимся къ этому дѣлу совершенно иначе; Капустянскій, дошедшій со своими жалобами и кляузами до самого государя, получилъ Высочайшій выговоръ. Но и при этихъ условіяхъ сборъ пожертвованія оказался труднымъ. Выдача денегъ изъ казны за фуры затянулась. Дворяне не уплачивали во время, а нѣкоторые подъ разными предлогами вовсе отказывались платить. Интересно, что въ числѣ недоимщиковъ были и тѣ, которые подписали протоколъ о пожертвованіи въ милліонъ рублей. Видимо, дворяне уже охладѣли къ дѣлу. Пришлось давать отсрочки, принимать репрессивныя мѣры и только уже въ царствованіе имп. Николая Павловича былъ оконченъ сборъ пожертвованныхъ суммъ.

Между тѣмъ деньги были нужны. Уже на первыхъ порахъ Каразинъ обратился къ губернскому предводителю съ просьбой выслать изъ пожертвованныхъ денегъ 10,000 р. на покупку библіотеки и на выдачу прогоновъ вновь опредѣленнымъ профессорамъ. Потоцкій съ своей стороны просилъ о высылкѣ ему заграницу денегъ, такъ какъ онъ уже пригласилъ было тамъ нѣсколькихъ профессоровъ, но очутился въ щекотливомъ положеніи, не имѣя денегъ для того, чтобы выдать имъ необходимыя суммы.

Въ Харьковѣ Каразину пришлось рѣшить и вопросъ о помѣщеніи университета. Рѣшено было занять временно генералъ-губернаторскій домъ, и Каразинъ, торопившійся открыть универ-

ситетъ къ осени 1803 г., поспѣшилъ прибить на этомъ домѣ вывѣску: „Государственный университетъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Каразинъ выбралъ и мѣсто по Сумскому шоссе для постройки будущихъ зданій, планъ которыхъ былъ составленъ архитекторомъ Васильевымъ. Вскорѣ Каразинъ уѣхалъ въ Петербургъ, сдавъ дѣла въ Харьковѣ пріѣхавшему туда Тимковскому.

На долю Тимковскаго выпало много черной подготовительной работы. Ему пришлось и пріискивать мѣсто для постройки зданій, и хлопотать о приспособленіяхъ для временнаго помѣщенія университета, и наконецъ заботиться о пріисканіи будущихъ студентовъ. Попытался было онъ также увеличить пожертвованныя на университетъ деньги и обратился къ малороссійскому генералъ-губернатору и полтавскому предводителю дворянства съ письмами, въ которыхъ просилъ привлечь къ пожертвованіямъ мало россійское дворянство. Попытка эта, впрочемъ, оказалась безуспѣшной, такъ какъ малороссіяне хотѣли учрежденія университета въ Черниговѣ или въ Полтавѣ.

Въ Петербургѣ у Каразина дѣла пошли плохо. Онъ представилъ планы университетскихъ зданій въ главное правленіе училищъ, завелъ переписку съ иностранными учеными, приглашая ихъ въ Харьковскій университетъ, пріобрѣталъ книги для университетской библіотеки, вещи для типографіи и учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Но въ главномъ правленіи дѣло шло туго. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, лично нерасположенный къ Каразину, тянулъ университетскія дѣла. Каразинъ горячился, писалъ министру внутр. дѣлъ и лично государю, дѣлалъ промахи, которыми воспользовались его недоброжелатели. Много непріятностей причинили ему два случая. Для университета была имъ куплена у Аделунга за 5.000 руб. коллекція эстамповъ; коллекція эта, по отзыву компетентныхъ лицъ, стоила никакъ не менѣе заплоченной за нее суммы, но возникъ вопросъ, нужна ли она университету вообще, и много пришлось повозиться Каразину, пока онъ получилъ уплоченныя за нее деньги. Другое дѣло имѣло еще худшій для Карамзина исходъ. Вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать въ Петербургѣ и отсы-

лать въ Харьковъ, различныя необходимыя для университета вещи, Каразинъ заблагоразсудилъ законтрактовать и отправить туда 32 чел. различныхъ ремесленниковъ, которые должны были изготовить нужныя вещи на мѣстѣ. Эта операція обошлась университету болѣе 12,000 р. Въ числѣ ремесленниковъ были и вовсе ненужные университету чулочникъ, замшенникъ, кожевникъ и ткачъ. Каразинъ имѣлъ здѣсь въ виду интересы города, въ которомъ не было хорошихъ ремесленниковъ, и спуталъ эти интересы съ интересами университета. Изъ-за этихъ то ремесленниковъ Каразинъ поссорился съ управлявшимъ Харьковскимъ округомъ Новосильцевымъ, до тѣхъ поръ относившимся къ нему хорошо; Новосильцевъ пожаловался министру, а тотъ доложилъ государю. Результатомъ этой исторіи было запрещеніе Каразину мѣшаться въ какія бы то ни было университетскія дѣла (18 іюня 1804 г.).

Въ мартѣ 1804 г. пріѣхалъ наконецъ въ Харьковъ попечитель гр. Потоцкій и для ускоренія дѣла по открытію университета назначилъ комитетъ изъ наличныхъ профессоровъ— Рижскаго, Тимковскаго, Делявиня, Балленъ-де-Баллю и Осиповскаго, присоединивъ къ нимъ и Каразина; предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ Рижскій, который потомъ былъ избранъ и ректоромъ университета. Дѣло пошло быстрѣе, тѣмъ болѣе что въ распоряженіи комитета была уже и штатная сумма, которую теперь начали отпускать. Комитетъ заботился о приспособленіи зданій, упорядоченіи библіотеки и кабинетовъ, разведеніи ботаническаго сада, устройствѣ типографіи и т. п. При выборѣ мѣста для будущихъ зданій попечитель остановился на томъ же мѣстѣ по Сумской дорогѣ, на которое указывали Каразинъ и Тимковскій. Огромная площадь была частью пожертвована университету, частью пріобрѣтена покупкою, но дѣло о постройкѣ затянулось на многіе годы и университетъ до сихъ поръ остался въ своемъ *временномъ* помѣщеніи.

Къ началу 1805 г. сформировался отчасти и преподавательскій составъ.

Въ университетѣ было уже 9 профессоровъ, 11 адъюнктовъ, 1 лекторъ и 4 учителя „пріятныхъ искусствъ"—рисованья, гравированья, музыки и фехтованья. На общемъ собраніи профессоровъ распредѣлены были и курсы. Предположено было учредить 5 факультетовъ: историко-филологическій, философско-моральный, физико математическій, медико-хирургическій и юридико-политическій. Лекціи должны были читаться отъ 7 до 11 и отъ 3 до 6 час. весною, а зимою отъ 8 до 12 и отъ 4 до 7 час. Читать лекціи предполагалось на языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, такъ какъ многіе изъ профессоровъ были иностранцы, не владѣвшіе русскимъ языкомъ. Знаніе латинскаго языка предполагалось обязательнымъ для студентовъ, но такъ какъ многіе изъ кандидатовъ въ студенты знали его плохо, то для нихъ предположено было устроить особыя лекціи латинскаго языка.

Конечно, далеко не всѣ каѳедры были замѣщены. По медицинѣ напр. былъ всего только 1 адъюнктъ. Не было и учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Пока не былъ открытъ университетъ, многіе изъ профессоровъ-натуралистовъ занимались изслѣдованіемъ естественныхъ богатствъ края: производили анализы минеральныхъ водъ, торфа, каменнаго угля и т. п.

Весьма серьезнымъ являлся и вопросъ о студентахъ. Они должны были дѣлиться на казеннокоштныхъ, числомъ 40, и своекоштныхъ. Такъ какъ подготовленныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій молодыхъ людей въ краѣ оказалось мало, то обратили вниманіе на семинаріи, какъ на учебныя заведенія, которыя могли доставить подходящихъ слушателей. Съ Высочайшаго соизволенія и съ благословенія Св. Синода весь комплектъ казеннокоштныхъ былъ назначенъ изъ 2 семинарій—Курской и Бѣлгородской, изъ каждой по 20 чел.,—по 15 изъ богословскаго и философскаго класса и по 5 изъ риторическаго. Но въ виду недостаточной подготовки послѣднихъ и желанія оставить нѣсколько вакансій для постороннихъ лицъ, комитетъ выбралъ только 30 чел. богослововъ и философовъ. На содержаніе каж-

даго казеннокоштнаго студента ассигновано было по 200 р. въ годъ, изъ которыхъ 90 р. назначалось на столъ. Своекоштныхъ кандидатовъ явилось на экзаменъ 41, а выдержало 21, большею частью изъ учениковъ главнаго народнаго училища. Недостаточность подготовки экзаменующихся побудила начальство открыть при университетѣ приготовительный классъ. Желаніе имѣть болѣе или менѣе подготовленныхъ слушателей привело комитетъ и къ заботамъ объ устройствѣ училищной части въ округѣ вообще, что было возложено главнымъ образомъ на Тимковскаго.

Торжественное открытіе Харьковскаго университета было пріурочено къ съѣзду дворянъ на выборы и назначено на 17 января 1805 г.

Утромъ 17 января губернскіе чиновники, съ губернаторомъ Бахтинымъ во главѣ, дворяне и горожане собрались въ университетскій домъ, гдѣ находились уже чины университета, будущіе студенты и учащіе и учащіеся главнаго народнаго училища. Отсюда они церемоніальнымъ шествіемъ направились въ соборную церковь, въ которой совершилъ литургію и сказалъ приличествующее слово епископъ Христофоръ Сулима. По возвращеніи участниковъ торжества въ университетъ, были освящены университетскія зданія, причемъ ректоромъ коллегіума Андреемъ Прокоповичемъ была сказана рѣчь. Этимъ окончилась духовная часть торжества. Затѣмъ послѣдовали рѣчи: попечителя на латинскомъ языкѣ „о новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ“, ректора университета Рижскаго на русскомъ языкѣ „объ изящныхъ искусствахъ“ и проф. Балленъ-де-Баллю на французскомъ языкѣ „о необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій, а въ особенности военнаго“. Послѣ рѣчей новымъ студентамъ роздали шпаги, а почетные гости были приглашены на устроенный университетомъ обѣдъ. Въ теченіе трехъ дней зданія университета были иллюминованы. Вечеромъ 18 января въ университетскомъ домѣ музыкантами и пѣвчими, числомъ до 100, исполнена была ораторія, слова для которой сочинилъ И. Ѳ. Тимковскій. За ораторіей слѣдовалъ балъ и ужинъ.

Опальный иниціаторъ учрежденія Харьковскаго университета Каразинъ отсутствовалъ на этихъ торжествахъ. Только позднѣе, въ 1811 г., университетъ вспомнилъ о немъ, избравъ его въ свои почетные члены, да въ 1833 г., въ виду страшно стѣснительнаго матеріальнаго его положенія, профессора собрали между собою и внесли въ уплату его долга 1280 р., „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета", и то же сдѣлало городское общество.

По уставу 1804 г. университеты являлись учрежденіями и учеными, и учебными. Профессора были обязаны „разсуждать о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ", составлять при университетахъ ученыя общества, читать лекціи, руководить адъюнктами, экзаменовать студентовъ, вести съ ними бесѣды. Кромѣ того на университетъ возлагалось много другихъ обязанностей: цензура книгъ, наблюденіе за учебной и даже за хозяйственной частью во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа; наконецъ, университету принадлежало управленіе собственными дѣлами до суда надъ своими членами и ихъ семьями включительно.

Во главѣ управленія университетомъ стоялъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Совѣтъ разсматривалъ счеты, избиралъ профессоровъ, почетныхъ членовъ, адъюнктовъ, учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ, изыскивалъ средства къ усовершенствованію преподаванія наукъ, разсматривалъ тяжебныя дѣла, перенесенныя изъ правленія, и т. п.

Къ концу 1805 года совѣтъ Харьковскаго университета состоялъ изъ 10 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарнаго и 8 адъюнктовъ. Ректоромъ былъ избранъ Рижскій. По уставу ректоръ избирался ежегодно, но выборъ перваго ректора былъ такъ удаченъ, что избраніе Рижскаго повторялось ежегодно до самой его смерти въ 1811 г., только на 1807 г. избранъ былъ ректоромъ проф. Стойковичъ. Деканами являлись обыкновенно тоже самые авторитетные профессора.

Самую важную заботу совѣта Харьковскаго университета въ первые годы его существованія составляло пріисканіе профессоровъ. При малочисленности русскихъ ученыхъ волей-неволей пришлось обратиться за границу. Совѣтъ выбиралъ иностранцевъ съ извѣстной осторожностью, полагаясь на рекомендаціи своихъ сочленовъ или извѣстныхъ ученыхъ. Однако, не всѣ приглашенные соглашались ѣхать въ глухой городъ чужой страны, тѣмъ болѣе, что и библіотека и другія вспомогательныя учрежденія университета только что еще устраивались, и потому вести научныя работы въ Харьковѣ было трудно, если не совсѣмъ невозможно. Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, когда кандидаты сами заявляли о своемъ желаніи получить каѳедру. Дѣятельную роль въ дѣлѣ приглашенія профессоровъ игралъ и попечитель округа гр. Потоцкій.

Профессора-иностранцы большею частью были изъ нѣмцевъ менѣе было профессоровъ французскаго происхожденія; были, наконецъ, приглашаемы и уроженцы славянскихъ земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ заботился и о пополненіи состава своихъ профессоровъ природными русскими. Съ этою цѣлью привлекались къ преподаванію въ университетѣ нѣкоторые изъ учителей гимназій Харьковскаго округа, а также принимались мѣры къ приготовленію профессоровъ изъ числа питомцевъ университета. Въ первые годы число профессоровъ-иностранцевъ превышало число русскихъ профессоровъ. Но съ 1811 г. число русскихъ начинаетъ замѣтно возрастать и въ 1804 г. число ихъ уже равняется числу иностранцевъ. Антагонизмъ между русскими профессорами и иностранцами замѣчался уже въ первые годы, и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе обострялся. Въ 1812 г., когда подъ вліяніемъ событій Отечественной войны среди русскаго общества особенно рѣзко стало выражаться враждебное отношеніе къ чужеземцамъ, положеніе послѣднихъ въ университетѣ иногда становилось очень тяжелымъ и съ этого времени начинается бѣгство иностранныхъ профессоровъ изъ Харькова. Уходъ иностранцевъ, кромѣ указанной только что причины, вызывался еще и тѣми неблагопріятными экономическими условіями, въ которыя

попали въ это время всѣ русскіе чиновники. Курсъ сильно понизился, а оклады остались прежніе. Служащіе при университетѣ обращались къ начальству съ просьбой о прибавкѣ содержанія, но получили отказъ, мотивированный тѣмъ, что всѣ чиновники находятся въ одинаково тяжелыхъ условіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ министерство, въ видѣ утѣшенія, выражало надежду, что затрудненія эти временныя и что чувство патріотизма поможетъ университетскимъ служащимъ перенести денежныя затрудненія.

Борьба партій въ совѣтѣ особенно обострилась послѣ смерти ректора Рижскаго, который умѣлъ поддержать высокое положеніе, данное совѣту по уставу. Само министерство, относившееся въ первые годы къ совѣту съ большимъ уваженіемъ, мало по малу измѣнило это отношеніе. Въ 1812 году произошло столкновеніе между министерствомъ и совѣтомъ, окончившееся для послѣдняго весьма печально. Суть дѣла была такова. Совѣтъ, разбирая дѣло о ссорѣ учителей въ Курскѣ, постановилъ уволить нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ должности. Министръ отмѣнилъ рѣшеніе совѣта и командировалъ для новаго разсмотрѣнія этого дѣла экспедитора своей канцеляріи Дунина-Борковскаго. Совѣтъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, такъ какъ распоряженіе министра нарушало права, предоставленныя совѣту уставомъ 1804 г., призналъ свои рѣшенія законными и рѣшительно протестовалъ противъ назначенія Дунина-Борковскаго. Министръ въ свою очередь разсердился и передалъ представленіе совѣта на разсмотрѣніе въ комитетъ министровъ, а послѣдній постановилъ: профессоровъ, подписавшихъ мнѣніе о непризнаніи Дунина-Борковскаго ревизоромъ, „призвать въ Харьковское губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду“. Профессора переполошились и обратились къ губернатору, которому поручено было привести въ исполненіе это постановленіе, съ просьбой объ отсрочкѣ этого исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они послали министру коллективную просьбу, въ которой униженно умоляли сдѣлать выговоръ

по крайней мѣрѣ не гласно. Министръ смягчился, и хотя и не счелъ себя въ правѣ отмѣнить рѣшеніе комитета министровъ, но согласился сдѣлать выговоръ не гласнымъ; кромѣ того, вмѣсто Дунина-Борковскаго онъ прислалъ ревизоромъ профессора Московскаго университета Двигубскаго, который почти вполнѣ согласился съ рѣшеніемъ совѣта Харьковскаго университета.

Еще болѣе подорвало престижъ университета и въ глазахъ начальства и въ глазахъ общества дѣло ректора Стойковича. Профессоръ физики Стойковичъ, родомъ изъ австрійскихъ славянъ, уже съ первыхъ лѣтъ существованія Харьковскаго университета сталъ играть въ немъ видную роль. Не будучи крупною научной силой, Стойковичъ былъ человѣкомъ образованнымъ, хорошо говорилъ и мастерски владѣлъ перомъ. Онъ очень искусно лавировалъ между русской и иностранной партіей и ловко умѣлъ поддѣлываться къ начальству. Среди профессоровъ онъ выдвинулся настолько, что не разъ былъ избираемъ секретаремъ совѣта и даже на 1807 годъ былъ избранъ въ ректоры. Въ моментъ смерти Рижскаго (въ 1811 г.) Стойковичъ былъ проректоромъ. Вступивъ въ исправленіе обязанностей ректора, онъ началъ хлопотать въ министерствѣ объ утвержденіи его въ должности помимо избранія совѣта и о замѣнѣ годичнаго срока ректорства трехлѣтнимъ. Министръ не нашелъ удобнымъ замѣнять выборнаго ректора ректоромъ по назначенію, но призналъ полезнымъ ввести трехлѣтній срокъ. Впрочемъ Стойковичъ былъ избранъ совѣтомъ и утвержденъ ректоромъ уже на три года.

Около этого времени попечитель Потоцкій уѣхалъ въ отпускъ въ Варшаву на нѣсколько лѣтъ и такимъ образомъ Стойковичъ оказался полнымъ хозяиномъ университета и всего Харьковскаго учебнаго округа. Но недолго пришлось ему оставаться у власти. Его погубила жажда наживы. Хотя онъ и получилъ значительное приданое за женой, но тѣмъ не менѣе задумалъ увеличить свое состояніе торговыми операціями, носившими весьма неблаговидный характеръ. Дѣло въ томъ, что каждому иностранцу, вызванному на русскую службу, предоставлялось ввезти безпо-

шлинно на 3000 руб. вещей и товаровъ для собственнаго употребленія. Стойковичъ, замѣстившій многія учительскія мѣста въ Харьковскомъ округѣ своими земляками, воспользовался этимъ и на деньги, якобы доставшіяся по наслѣдству учителю Паратичу, пріобрѣлъ въ Австріи вино, эстампы, ленты и др. вещи, безпошлинно ввезъ ихъ въ Россію и занялся ихъ продажей, частью самолично, частью черезъ подначальныхъ ему учителей, которые должны были выступить въ роли коммиссіонеровъ. Въ теченіе нѣкотораго времени эта операція шла, повидимому, благополучно, но на бѣду свою Стойковичъ поссорился съ адъюнктомъ архитектуры Васильевымъ и тотъ, желая насолить противнику, вошелъ въ совѣтъ съ жалобой, въ которой обличалъ ректора въ незаконной торговлѣ. Совѣтъ, видимо, нерасположенный къ Стойковичу, принялъ жалобу и сталъ разсматривать ее, устранивъ ректора отъ предсѣдательства и избравъ временнымъ предсѣдателемъ проф. Срезневскаго. Стойковичъ протестовалъ и просилъ о перенесеніи разсмотрѣнія дѣла въ Петербургъ. Въ то же время онъ поспѣшилъ помириться съ Васильевымъ, но и это не могло уже прекратить дѣла. Оно дошло до министра. Стойковичъ всячески изворачивался, писалъ униженныя письма министру, подавалъ обширныя объясненія въ совѣтъ. Враги его, въ свою очередь, дѣйствовали энергично. Восемь профессоровъ (5 русскихъ и 3 иностранца) подали въ совѣтъ заявленіе, въ которомъ, перечисливъ всѣ неблаговидные поступки Стойковича, просили „дабы совѣтомъ опредѣлено было донести его сіятельству (министру), что миръ и согласіе въ университетѣ никакимъ образомъ не могутъ быть возстановлены, покуда сей ректоръ останется здѣсь, съ покорнѣйшею просьбою объ освобожденіи насъ отъ онаго“. Интересно, что противники С—ча сваливали на него вину въ томъ, что совѣтъ протестовалъ противъ назначенія Дунина-Борковскаго ревизоромъ. Одинъ изъ профессоровъ (Книгинъ) писалъ министру частнымъ образомъ.

Министръ рѣшилъ замять это скандальное дѣло. Стойковичъ былъ уволенъ въ отпускъ, а совѣту предписано было

сначала избрать проректора, а вслѣдъ затѣмъ приступить къ избранію ректора. Ректоромъ былъ избранъ проф. Осиповскій. Вскорѣ Стойковичъ подалъ прошеніе объ увольненіи его по болѣзни отъ должности профессора. Ему назначена была половинная пенсія. Впрочемъ Ст—чъ этимъ не удовлетворился—онъ еще долго, хотя и безуспѣшно, хлопоталъ о назначеніи ему полной пенсіи и о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ.

Но и съ удаленіемъ Стойковича распри и дрязги среди харьковскихъ профессоровъ не прекратились. Авторитетъ совѣта палъ и профессора постоянно обращались со всякими жалобами къ министру, такъ что тотъ вынужденъ былъ наконецъ оффиціальной бумагой предложить имъ оставить свои распри и несогласія.

Дѣятельность факультетовъ была значительно ўже, чѣмъ дѣятельность совѣта. Ихъ вѣдѣнію подлежали только дѣла, касавшіеся ученой и учебной дѣятельности университета. Интересно отмѣтить, что сочиненія профессоровъ часто цѣликомъ прочитывались въ факультетскихъ засѣданіяхъ и подвергались здѣсь исправленіямъ.

Гораздо многостороннѣе была дѣятельность правленія. Предсѣдателемъ его былъ ректоръ, а членами деканы факультетовъ и непремѣнный засѣдатель, назначавшійся попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Правленіе вѣдало хозяйственныя дѣла, какъ университета, такъ и училищнаго комитета, которому были подчинены всѣ училища Харьковскаго округа. Въ вѣдѣніи же правленія былъ и университетскій судъ, который имѣлъ нѣсколько инстанцій, и которому были подчинены всѣ служащіе и студенты университета. Первой изъ этихъ инстанцій былъ ректоръ, какъ предсѣдатель правленія. Онъ безапелляціонно рѣшалъ дѣла по денежнымъ взысканіямъ не выше 15 р. и по проступкамъ, за которые полагалось не больше 3 дней ареста. Второй инстанціей было правленіе въ полномъ составѣ, которое въ важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ приглашало одного или двухъ профессоровъ юристовъ. Законы къ рѣшеніямъ подыскивалъ синдикъ. Въ правленіе можно было жаловаться и на

ректора, но если жалеба оказывалась неосновательной, то жалобщикъ подвергался штрафу въ 25 р., а въ случаѣ справедливой жалобы, правленіе представляло свое заключеніе попечителю. Окончательно рѣшало правленіе дѣла по взысканіямъ до 50 р., по проступкамъ чиновниковъ, за которые полагался арестъ до 14 дней и по проступкамъ чиновниковъ, за которые полагался штрафъ до 24 р.; оно же вѣдало дѣла по раздѣлу движимаго имущества, оставшагося по смерти подвѣдомственныхъ университету лицъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ правленіе производило предварительное слѣдствіе и отсылало его въ соотвѣтствующее присутственное мѣсто, гдѣ при разборѣ этихъ дѣлъ засѣдалъ синдикъ, какъ депутатъ отъ университета. Высшей инстанціей былъ совѣтъ, рѣшавшій окончательно дѣла по денежнымъ искамъ до 500 р. и по проступкамъ, которые влекли за собою штрафъ въ 100 р. Въ болѣе важныхъ дѣлахъ можно было аппелировать на рѣшеніе совѣта въ правит. сенатъ.

Къ числу университетскихъ учрежденій нужно отнести еще цензурный комитетъ, состоявшій изъ декановъ факультетовъ. Комитетъ принималъ рукописи и передавалъ ихъ для разсмотрѣнія профессорамъ, адъюнктамъ или магистрамъ. За 8 лѣтъ (1805—1812 гг.) комитетомъ было разрѣшено къ печати 103 сочиненія.

Посмотримъ теперь на матеріальную обстановку университета. На содержаніе его отпускалось по штатамъ 130,000 руб въ годъ. Спеціальныхъ средствъ, которыми теперь располагаютъ университеты и которыя составляются изъ сбора за слушаніе лекцій, тогдашніе университеты не имѣли по той простой причинѣ, что студенты учились тогда безплатно; кромѣ того изъ штатной суммы отпускалось еще болѣе 16,000 р. на содержаніе 12 магистровъ въ педагогическомъ институтѣ при университетѣ, 12 кандидатовъ и 40 казеннокоштныхъ студентовъ. Если принять во вниманіе, что большая часть отпускаемой суммы расходовалась на личный составъ, то на учебно-вспомогательныя

учрежденія оставались очень скромныя суммы, такъ напр. на библіотеку отпускалось 1000 р. въ годъ, на анатомическій театръ 800 р., ботаническій садъ съ садовникомъ 1000 р., химическую лабораторію съ лаборантомъ 1000 р., обсерваторію 500 р., физическій кабинетъ 500 р., кабинетъ естественной исторіи 600 р. Только на клиническій институтъ ассигнована была сравнительно большая сумма въ 5000 р. Имѣя въ виду, что всѣ эти учрежденія приходилось заводить вновь, нельзя не признать отпускаемыя суммы весьма недостаточными. Впрочемъ недостаточность ассигновокъ пополнялась тѣмъ, что такъ какъ Харьковскій университетъ не былъ открытъ сразу въ полномъ составѣ, то ежегодно были остатки отъ суммъ, назначенныхъ на личный составъ и на тѣ учрежденія, которыя не были еще открыты, и эти остатки, въ случаѣ надобности, обращались на пополненіе средствъ другихъ учрежденій. Такимъ образомъ на нѣкоторыя учрежденія тратилось болѣе, чѣмъ полагалось по штату, хотя университетское начальство иногда урѣзывало даже штатныя ассигновки на существующія уже учрежденія.

Въ общемъ ежегодно отъ штатной суммы нѣкоторая часть зачислялась въ запасный фондъ, въ который поступали и собираемыя недоимки по пожертвованной на университетъ суммѣ. Фондъ этотъ назначался на возведеніе университетскихъ зданій. О постройкѣ этихъ зданій много говорили въ первые годы, но органичились тѣмъ, что понемногу приспособляли къ университетскимъ надобностямъ временное помѣщеніе и мало-по-малу вопросъ о постройкѣ заглохъ.

Перейдемъ къ обзору самыхъ вспомогательныхъ учрежденій. Библіотека пополнялась медленно, главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности получать книги изъ-за границы. Въ 1812 г. въ библіотекѣ числилось 14,271 тт. Были и пожертвованія книгами, изъ которыхъ самое крупное (700 тт.) было сдѣлано курскимъ купцомъ, докторомъ философіи Хлапонинымъ.

Особенно заботилась университетская администрація о типографіи, въ которой печатались не только университетскія изданія, но и книги по частнымъ заказамъ и даже ноты.

Лучше другихъ учрежденій былъ обставленъ мюнцъ-кабинетъ. Основаніе ему было положено попечителемъ гр. Потоцкимъ, который пожертвовалъ университету коллекцію изъ 820 серебряныхъ и 20 золотыхъ монетъ, а потомъ прислалъ еще болѣе 100 монетъ. Поступали пожертвованія и отъ другихъ лицъ. Такъ, проф. Тимковскій во время объѣзда училищъ собралъ болѣе 150 монетъ. Но главное пожертвованіе было сдѣлано въ 1813 г. адмираломъ Чичаговымъ, который принесъ въ даръ университету коллекцію, взятую имъ въ качествѣ военной добычи въ Несвижѣ въ замкѣ кн. Радзивилловъ и состоявшую изъ 13,209 штукъ монетъ и медалей, причемъ золотыхъ было вѣсомъ 9 ф. 62 зол., а серебряныхъ 62 ф. 63 зол.

„Кабинетъ рѣдкостей“ заключалъ небольшое количество весьма разнообразныхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ были предметы древности, имѣвшіе научное значеніе.

Наконецъ нужно упомянуть еще объ очень цѣнномъ, по отзывамъ спеціалистовъ, собраніи гравюръ, пріобрѣтенномъ Каразинымъ у Аделунга и послужившемъ поводомъ къ столькимъ пререканіямъ.

Физико-математическій факультетъ располагалъ нѣсколькими вспомогательными учрежденіями, но далеко не всѣ они были обставлены удовлетворительно.

Астрономическая обсерваторія была устроена во временномъ помѣщеніи, и хотя имѣла необходимые инструменты, но по неудобству помѣщенія не могла, повидимому, удовлетворять научнымъ цѣлямъ. Химическая лабораторія была въ довольно жалкомъ состояніи, не богаче обставленъ былъ и технологическій кабинетъ. Зоологическій кабинетъ пополнялся весьма медленно и главнымъ образомъ путемъ пожертвованій. Сравнительно лучше былъ поставленъ кабинетъ минералогическій, въ основу котораго легли двѣ коллекціи, пріобрѣтенныя заграницей и стоившія около 10,000 р. ассигнаціями.

Объ устройствѣ ботаническаго сада особенно заботился самъ попечитель гр. Потоцкій. Онъ входилъ во всѣ мелочи, велъ по

этому поводу оживленную переписку и побуждалъ университетскую администрацію спѣшить съ посадками и съ постройкою оранжерей и др. зданій. Садъ былъ разбитъ на обширномъ мѣстѣ, назначенномъ для предполагавшейся постройки университетскихъ зданій и дѣлился на двѣ части: англійскій садъ, предназначавшійся для прогулокъ публики, и собственно ботаническій для учебныхъ цѣлей. Попечитель преимущественно обращалъ вниманіе на первый. Вслѣдствіе такого любовнаго отношенія попечителя къ ботаническому саду, расходы на это учрежденіе въ много разъ превышали штатныя ассигновки. Расходы эти, видимо, тяготили университетъ и, по отъѣздѣ Потоцкаго въ 1811 г. изъ Харькова въ долговременный отпускъ, правленіе университета вошло въ совѣтъ съ предложеніемъ объ уменьшеніи чрезмѣрныхъ расходовъ на ботаническій садъ. Совѣтъ донесъ объ этомъ министру. А. К. Разумовскій въ довольно рѣзкой формѣ отвѣтилъ, что садъ долженъ служить исключительно для учебныхъ надобностей, а вовсе не для прогулокъ стороннихъ посѣтителей и, разрѣшивъ произвести необходимые расходы на расширеніе оранжерей, предложилъ прекратить всѣ расходы на англійскій садъ.

Вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета, въ виду того обстоятельства, что этотъ факультетъ былъ открытъ позже другихъ, были въ первое десятилѣтіе въ зачаточномъ состояніи. Анатомическій театръ помѣщался въ старомъ домикѣ въ ботаническомъ саду. Клиники были открыты только въ 1814—1815 гг.

Для преподаванія искусствъ при университетѣ заведены были классы: рисованія и живописи, музыкальный, танцовальный и фехтовальный.

Необходимо упомянуть еще о неосуществившихся проектахъ трехъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Профессоръ ветеринаріи Пильгеръ предлагалъ учредить ветеринарный институтъ, который долженъ былъ состоять во-первыхъ изъ хутора, гдѣ велось бы раціональное скотоводство и коневодство, а, во-вторыхъ зоотомическаго театра, клиники

для животныхъ и т. п. проектъ этотъ былъ одобренъ факультетомъ и совѣтомъ, но приведеніе его въ исполненіе отложено въ виду предположенія правительства учредить школу скотолѣченія въ Лубнахъ.

Профессоръ сельскаго хозяйства Нельдехенъ предлагалъ устроить опытное поле въ большихъ размѣрахъ, для чего просилъ отвести ему сначала 30, а потомъ 100 десятинъ. Просьба эта была отклонена. Наконецъ, профессоръ ботаники Делявинь выступилъ съ проектомъ устройства вспомогательнаго ботаническаго сада въ Крыму. Но и этотъ проектъ раздѣлилъ судьбу двухъ первыхъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

Между бумагами Г. П. Галагана, хранящимися въ *Коллегіи Павла Галагана*, находится не малое количество писемъ, писанныхъ къ Галагану разными его родичами, знакомыми и сосѣдями. Содержаніе значительной части этихъ писемъ, заключая въ себѣ мелочи обыденной жизни, почти совсѣмъ неинтересно для насъ; но есть тутъ письма, которыя необходимо сохранить для будущаго историка теченія общественной мысли въ интеллигентномъ слоѣ малорусскаго общества половины настоящаго вѣка. Вотъ этого рода письма и предлагаются здѣсь съ любезнаго разрѣшенія настоящаго ихъ распорядителя. Первое мѣсто тутъ занимаютъ письма такихъ лицъ, какъ Н. А. Ригельманъ, П. А. Кулишъ, О. М. Бодянскій, А. Л. Метлинскій. Письма этихъ лицъ печатаются здѣсь *всѣ*, сколько ихъ нашлось, а переписка Г. П. Галагана съ его родичами и сосѣдями печатается лишь въ той ея части, гдѣ мы находимъ черты интересныя для исторіи быта.

I. Письма Н. А. Ригельмана.

(1846—1853 гг.)

Николай Аркадьевичъ Ригельманъ (р. 1818 † 1888),—внукъ инженеръ - генералъ - маіора Александра Ивановича Ригель-

мана, автора извѣстнаго сочиненія „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи“, изданнаго О. М. Бодянскимъ въ 1847 году. Воспитывался Р—нъ въ московскомъ университетѣ; съ 1848 г. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ кіевской археографической коммиссіи; въ пятидесятыхъ годахъ былъ короткое время директоромъ кіевской 2-ой гимназіи. Къ концу жизни интересы Р—на сосредоточились въ кіевскомъ отдѣленіи музыкальнаго общества и въ славянскомъ обществѣ, въ коихъ онъ состоялъ председателемъ. Ригельманъ не былъ чуждъ и литературной дѣятельности: въ 1874-мъ году онъ издалъ книжку „Три поѣздки за границу“, въ которой описалъ впечатлѣнія своихъ трехъ заграничныхъ поѣздокъ: 1843—1846 гг., 1857—1858 г. и 1867 г. По воззрѣніямъ своимъ Р—нъ былъ близокъ къ славянофиламъ, изъ которыхъ съ иными (напр. съ И. С. Аксаковымъ) находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Умеръ онъ скоропостижно, играя на фортепіано, въ маѣ 1888 г., и погребенъ въ родовомъ имѣніи Андреевкѣ, близъ гор. Чернигова. Немногія печатныя свѣдѣнія о Н. А. Ригельманѣ и весьма схожій портретъ его можно найти въ книжкѣ: „Очеркъ дѣятельности Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества за 25 лѣтъ его существованія 1869—1894“, на стр. 57—60.

1.

Что съ тобой дѣлается, и что ты дѣлаешь, Грицько?—Никакого извѣстія отъ тебя; странно, чему бы это приписать? Разумѣется я не приписываю лѣни, но развѣ служебной дѣятельности. Нужно ли тебѣ говорить, что мнѣ было очень скучно послѣ твоего отъѣзда; я воротился въ свою слишкомъ уединенную Андреевку, [1]) и принялся опять за книги; но какъ то мало толку выходило изъ моихъ занятій, потому что мнѣ было черезчуръ тоскливо. Кое когда нѣсколько мыслей, нѣсколько воспоминаній, при перелистываніи своихъ замѣтокъ, просвѣтляли

---

[1]) Имѣніе Ригельмана, въ Черниговскомъ уѣздѣ.

обыкновенное туманное состоянiе головы. Нѣтъ, рѣшительно я не въ состоянiи выносить подобнаго образа жизни! Но наконецъ день за днемъ, сборы наши тянулись, приблизились, или лучше мы дождались батюшкиныхъ именинъ, которыя отпраздновали въ кругу нашихъ сосѣдей, которыхъ ты знаешь. Затѣяны были танцы подъ квартетъ Крылова, но выкопаны изъ подъ спуда остатки прошлаго столѣтiя: *краковякъ*, *матрадуръ*, *à la grecque* и т. п. Я отъ души смѣялся надъ нѣкоторыми жестами и pà, но не смотря на каррикатуру, я сдѣлалъ замѣчанiе, что прежнее поколѣнiе сохранило однакожъ больше нацiональности, народнаго характера, нежели мы: въ движенiяхъ, въ прiемахъ во всемъ были видны истые малоруссы; но дѣти ихъ уже не то, уже каррикатура заморскаго тона, и гораздо худшая нежели первая, повсему. Мы мечтаемъ о томъ, что наше время пойметъ значенiе народнаго достоянiя; но это кажется обманъ; можетъ быть наши дѣти поймутъ и прилѣпятся къ нему, если мы воспитаемъ ихъ иначе; отъ теперешнихъ юношей (я говорю о массѣ) ожидать нечего.

Читалъ бiографiю Бетховена—удивительный генiй, обнимавшiй цѣлый мiръ въ своихъ звукахъ, а не могшiй ужиться съ своими кухарками, которыхъ перемѣнялъ каждый мѣсяцъ. Не было у него друга, съ которымъ бы онъ не перессорился нѣсколько разъ на своемъ вѣку; а между тѣмъ имѣлъ нѣжное, любящее сердце, которое не могло оставаться празднымъ безъ привязанности. У него ничего не дѣлалось безъ увлеченiя, во всемъ была страсть. Но странности и раздражительность много происходили отъ отчаянiя неизлѣчимой болѣзни—глухоты; и это понятно!

Наконецъ, мы завтра ѣдемъ въ путь дороженьку, въ Москву бѣлокаменную,—навѣрно. Вотъ еще предо мною дорога—куда она приведетъ меня, Богъ вѣсть! Мнѣ, кажется, суждено цѣлую жизнь шататься на распутьи,—цѣли мелькаютъ впереди, станешь итти на огонь—смотри подъ ногами болото, кочки, ровчаки, надо обходить, а жизнь уходитъ, и тѣло больше и больше гнететъ къ землѣ. Право смѣшно подумать для чего мы живемъ

на свѣтѣ; ну хоть бы и я: не могу назвать себя совершеннымъ негодяемъ, и истинно старался всячески сдѣлать себя сколько-нибудь достойнымъ имени человѣка, и трудился, и иную ночь не доспалъ, и отказывался не разъ отъ житейскихъ радостей, и испортилъ отчасти и продолжаю портить свое тѣло—а что толку? Ну принесъ ли я хоть каплю пользы этими трудами; если принесъ какую пользу, такъ развѣ давши гривенникъ иному нищему, но для этого ничуть не было нужно и капли ученія. Право вспомнишь эпикурейцевъ—жить для наслажденія въ обширномъ смыслѣ—вотъ цѣль жизни. Пользоваться настоящимъ, не думать о будущемъ. Увить себя розами, умастить, и въ тѣни померанцевъ, съ чашею салернскаго (или сливянки) обвить стройный станъ и смотрѣться въ черныя очи (впрочемъ есть и голубыя). Но теперь для насъ это невозможно—червь сознанія подточилъ наши радости. Пусть мы отправимся на край свѣта, гдѣ *долго ясны небеса*, гдѣ плещутъ бирюзовыя волны, гдѣ кипарисы и пины подпираютъ небо—вездѣ мы будемъ ходить съ поникшею головою, уставивъ носъ въ землю. Прости за элегію—такъ ужъ пришлось. Заключаю тебя въ свои горячія объятія.

Н. Р.

Поцѣлуй ручки маменьки, и глазки Маруси, и графу низенько кланяюсь. Маменька тебя цѣлуетъ и проситъ навѣстить ее, когда будешь въ Черниговѣ.

Пиши на мое имя въ Москву, въ университетъ.

Андреевка. 28 генв., 1846.

2.

Твое письмо, брате милый, отъ 19 мая, получилъ недавно; благодарю за него, но жалѣю, что ты не сообщаешь мнѣ ничего о своихъ, о здоровьѣ милесенькой Маруси, и что они подѣлываютъ. Наконецъ я собралъ тебѣ кипу малороссійскихъ произведеній; исключая имѣющихъ нѣкоторыхъ неоспоримое достоинство, большая часть имѣетъ кажется ту лишь заслугу, что онѣ писаны на малорос. языкѣ.—Конечно это обстоятельство

для тебя, и для каждаго малороссіянина, очень важное, особенно при настоящемъ совершенномъ упадкѣ нашего родимаго слова. Послѣднее изданіе пѣсенъ Максимовича принадлежитъ 1834 г., которое и посылаю, новѣе нѣтъ. Есть ли у тебя новое изданіе Энеиды Котляревскаго 1842, единственное полное, которое двумя третями болѣе прежняго? Многое кое что можно еще найти, и я очень радъ буду доставить тебѣ по временамъ, что окажется, даже что будетъ здѣсь выходить изъ дѣльныхъ и занимательныхъ книгъ; но для этого надо, чтобы ты мнѣ прислалъ денегъ, и смотря по тому сколько пришлешь, я на столько могу и собрать. Какъ образованному и богатому человѣку, тебѣ дѣйствительно стыдно было бы не составить хоть постепенно и медленно домашней библіотеки; мнѣ кажется это непростительная вина нашихъ дворянъ, что они съ нѣкоторыхъ поръ рѣшительно пренебрегаютъ литературою,—это плодъ журналовъ, подобныхъ *Библіотекѣ* и *Отеч. Запис.* Всякое достойное произведеніе мысли или поэтическаго творчества есть достояніе народа, и если мы любимъ себя, какъ русскихъ, то непремѣнно бы дорожили подобными явленіями, а не проходили бы мимо, какъ будто это до насъ не касается. Все таки пока мы не сдѣлаемъ письменность отголоскомъ по возможности нашихъ мнѣній и интересовъ, до тѣхъ поръ даже эти мнѣнія останутся въ состояніи дѣтства, лишенными всякаго значенія. Что ни говори, но письменность и у насъ имѣетъ вліяніе на вѣтрило общихъ убѣжденій, и у насъ можетъ быть больше нежели думаютъ, потому что если и мало пишется, за то никакое мелкое явленіе не проходитъ незамѣченнымъ; не такъ, какъ на Западѣ, гдѣ все пропадаетъ въ бездонной пучинѣ, и гдѣ общество до того созрѣло, что внушаетъ пишущихъ, а не наоборотъ, какъ бываетъ въ молодости. Посылаю тебѣ четыре части *Чтеній Моск. Истор. Обществ.*, гдѣ ты съ восторгомъ найдешь Конисскаго, вполнѣ, безъ малѣйшаго пропуска. Какъ же нашимъ добро-лукавымъ юморомъ гуляетъ онъ на счетъ москалей, какъ въ немъ отпечатывается характеръ народа, въ его разсказѣ, изложеніи и духѣ. И мастеръ разсказывать—языкъ прекрасенъ и теперь, а тогда былъ

удивителенъ живостью. Въ *Моск. Сборн.* ты найдешь нѣсколько прекрасн. статей: обрати особенное вниманіе на статью Хомякова, прочти ее по крайнѣй мѣрѣ два раза—это новый свѣтъ и новый міръ. Есть мысли или лучше главная мысль великая, геніальная. Лекціи Шевырева очень любопытны и по взгляду, и по новости матеріаловъ, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ; этотъ періодъ нашей словесности оставался до сихъ поръ совершенно заглохшимъ, или его расчищали неучи. Тебѣ вѣрно любопытно будетъ узнать, что мыслили и что чувствовали наши предки временъ Владиміровыхъ. Книги тебѣ посланныя 12 іюня черезъ контору транспортовъ, въ Нѣжинъ, на имя купца Чернова:

1) Чтенія Общества Ист. и Древ., 4 част. . . .	14 р. ас.
2) Исторія Словесности, Шевырева.	5 р. 25
3) Исторія Червонной Руси.	3 р. 50
4) Запорожская Старина, Срезневскаго, 5 част.	55 р. ас. (за №№ 4—20)
5) Ластовка, Гребенки.	
6) Ганнуся, Основьяненка.	
7) Повѣсти его же, 2 ч.	
8) Чуръ Чепуха, Кир. Тополи.	
9) Украинск. пѣсни, Максимовича. . . .	
10) Зеленый Барвинокъ, Карпенка. . . .	
11) Украинскія мелодіи, Маркевича. . .	
12) Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ Сковороды. . . . . :	
13) Убогій жаворонокъ, его же.	
14) Поверхностныя замѣчанія на пути изъ Москвы въ Украйну.	
15) Шельменко деньщикъ.	
16) Грамматика, Павловскаго	
17) Голоса украинскихъ пѣсень, Максимов.	
18) Чары, Кир. Тополи.	
19) Изображенія малоросс. людей. . . .	
20) Наськи казки, Бодянскаго.	
21) Московъ. Сборн. (*отпр. по почтѣ*). . . .	10 р. 50
За пересылку.	4 р. 60
	92 р. 85
Получено	52 р. 50

О себѣ нечего сказать тебѣ, дружище, скоро впрочемъ можетъ сообщу тебѣ нѣчто рѣшительное; а теперь, было захворалъ, но стало лучше. Будь здоровъ! обнимаю тебя отъ души и прижимаю къ сердцу, яко друга сердечнаго. Поцѣлуй ручки маменьки.

Московія. 13 іюня. (1846 г.).

3.

Пишу къ тебѣ, милый друже, наканунѣ новаго года съ сердцемъ полнымъ желаній тебѣ всякаго счастья: одного боюсь, что ты слишкомъ хорошъ, чтобы быть счастливымъ; но вѣдь бываютъ же исключенія, иногда и на землѣ Богъ посылаетъ награду за добро. Что-то съ нами будетъ въ этотъ годъ?—Прости, что я думая о тебѣ, связываю и себя въ этой мысли воедино, это какое-то невольное требованіе сердца—погружаясь мысленно въ даль будущности мнѣ какъ то становится радостно за тебя, и грустно за себя. Дай Богъ, чтобы послѣднее было, припадкомъ хандры, не больше; но оно такъ. И надо сказать, что рѣдко меня обманывало мое предвидѣніе. Но, благодарю Бога, что я въ искренности души могу радоваться счастью друга и утѣшаться имъ въ невзгодахъ судьбины. Тебѣ я предсказываю свѣтлую даль, широкій, радостный путь, радостный особенно къ добру, которое ты можешь разливать, идя по немъ; и близко время, когда ты пойдешь по немъ вдвоемъ съ существомъ любимымъ; на груди любимой женщины ты будешь отдыхать отъ своихъ трудовъ, и въ ея взорѣ черпать новыя силы. Это такъ возможно, такъ близко, стоитъ тебѣ постараться и захотѣть. А мнѣ кажется судьба назначила безотрадное одиночество.—Я старъ, и ужасно какъ быстро старѣюсь. Но.... да будетъ! Перейду къ твоему посланію; можешь судить, какъ я цѣню твои письма или лучше сколько отрады они мнѣ доставляютъ: я всегда прежде цѣлую ихъ, а потомъ уже распечатываю. Такъ поступлено было и этимъ, и конечно не пропалъ мой поцѣлуй,

а былъ вознагражденъ съ избыткомъ. Твои мысли по случаю разговора съ Кулѣшомъ прекрасны уже и потому, что онѣ имѣютъ въ основѣ такія благія намѣренія. Особенно мнѣ понравилась твоя мысль объ изданіи народнаго чтенія; съ сердечнымъ участіемъ примусь пособлять ей тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ. Съ Костомаровымъ я знакомъ, но не въ такой степени еще, чтобы судить о его средствахъ къ этому дѣлу; во всякомъ случаѣ лучше будетъ что-нибудь, нежели ничего. Мнѣ кажется въ этомъ дѣлѣ первое дѣло—нравственное воспитаніе народа; какъ ни слабо въ началѣ это средство будетъ, но утопающій долженъ хвататься и за соломину; тѣмъ болѣе, что здѣсь ни откуда же нѣтъ спасенія. Слѣдовательно все, что бы вы ни вводили въ сочиненія народныя, будетъ имѣть цѣну постольку, посколько можетъ служить удобнѣйшимъ средствомъ для этого воспитанія. Пусть это будетъ идиллія, похожденія чумака, разговоръ двухъ лицъ, повѣсть или родъ катихизиса—это уже болѣе зависитъ отъ личности сочинителя, отъ его способности къ одному или другому роду; но цѣль должна быть неизмѣнна у автора постоянно передъ глазами. Не надо дѣйствительно трогать исторіи въ смыслѣ прагматизма, т. е. разсѣченія и философскаго изображенія бывшаго: можно разъ коснуться этого прошедшаго въ простодушномъ повѣствованіи; но я думаю еще лучше, если простолюдинъ прочитаетъ прямо какую нибудь старую малороссійскую лѣтопись,—пусть его умъ самъ дѣлаетъ выводъ. Изданіе Бодянскаго даетъ къ тому средства; а еще бы лучше, если бы выбравъ, сдѣлать современемъ особенное изданіе какой-нибудь старой лѣтописи для народа. Въ числѣ опоръ и точекъ отправленія, мнѣ кажется, важнѣйшею должна быть для сочинителя вѣра, сильно колеблемая въ нашемъ народѣ въ настоящую минуту. Тутъ много надо уже не искусства, а убѣжденія для сочинителя, чтобы сдѣлать надлежащее приложеніе; а безъ убѣжденія и безъ собственной теплоты это не возможно. Что касается до второго изданія, сочиненія Кулѣша [1]), то признаюсь, я не вижу тутъ особенной

[1]) Повѣсть объ украинскомъ народѣ? *Ред.*

важности. Конечно, можно и издать, если первое изданіе вышло; книжка путная; но спрашивается для кого?—я бы отнюдь не желалъ, чтобы она попалась въ руки народу, и никто не пожелаетъ этого, любящій спокойствіе и не намѣренный вызывать потрясенія. Мы должны разумно вести людей къ добру, а не съ помощью ножей и крови: послѣднее средство никогда не дѣлаетъ чести употребляющимъ его. Возбуждать неудовольствіе, право, кажется, трудъ напрасный, оно и безъ того возбуждено въ высшей степени; и дѣло въ томъ, чтобъ поддержать нравственно отклонящійся народъ къ гибели, а не умножать его униженіе, открывая глаза. Для помѣщиковъ, читающихъ, эта книжка слишкомъ поверхностна, и не сдѣлаетъ впечатлѣнія прочнаго. Если бы Кулѣшъ взялся написать картину въ большихъ размѣрахъ для взрослыхъ дѣтей, красками болѣе яркими и вмѣстѣ съ опредѣлительнымъ и обязательнымъ для каждаго изъ насъ выводомъ—тогда, другое дѣло, можно-бы пожелать ему успѣха другого рода. Вспомни записку Карамзина о русск. исторіи—вотъ какъ бы я желалъ, чтобы кто-нибудь написалъ объ Малороссіи. Впрочемъ все это сказалось для сущности дѣла; и не должно тебя смущать; если ты хочешъ сдѣлать доброе дѣло Кулѣшу, то это не трудно, обратись къ Панову, Каткову (или они укажутъ тебѣ кого) и поручи кому-нибудь хлопоты изданія, которыя почти ограничиваться будутъ корректурою, и по небольшому размѣру будутъ не очень обременительны. Я впрочемъ не вижу, кого ты такъ боишься, что будутъ противъ тебя; да и за что же? Если бы я былъ въ Москвѣ, я бы охотно сдѣлалъ все это самъ, да ба! Есть типографщикъ Степановъ, довольно честный, хотя и неаккуратный въ срокахъ; можешь поговорить съ нимъ, я думаю онъ возьметъ изданіе на себя. Съ помощью Панова, ты можешь вычислить, что будетъ стоитъ бумага, наборка, отпечатокъ, обвертка, переплетъ или сшивка, и положивши что-нибудь за трудъ, можешь поручить это Степанову; но надо самому или кому нибудь другому наблюдать. Кстати о Пановѣ. Между нами будь сказано, я имъ порядочно недоволенъ за мою послѣднюю статью въ Москов. Сборн. Онъ хо-

рошій и благородный малый; но упрямъ, и иногда педантъ до ограниченности. Представь, онъ вздумалъ выкинуть изъ средины моего писанія листовъ пять, то что я считалъ по крайней мѣрѣ столько же важнымъ, какъ и все прочее, если и не важнѣе. Замѣть, что рукопись была у него гораздо прежде моего отъѣзда изъ Москвы, и онъ тогда не говорилъ мнѣ ни слова. Къ тому еще и цензура подвернулась и отрѣзала двѣ послѣднія самыя интересныя пѣсни изъ моего разбора Колларовой поэмы—*Дочь Славы*. И этого не умѣли спасти,—будь я на лицо, я бы рѣшительно не позволилъ такого произвола—можно было послать цензуровать въ Петерб., измѣнить названіе рая и ада, за что привязывались, но ничего этого не сдѣлано. Словомъ, я былъ очень раздосадованъ, получивши отпечатокъ. Трудишься родами, а послѣ, по милости нянекъ, выходитъ дитя уродливое, кривобокое, кривое и косое. Нехай ему всячина! Не иначе буду давать, какъ за честнымъ словомъ, что не будетъ выпущено ни іоты. Мои архивные поиски затянулись сверхъ чаянія; есть кое-что любопытное, но какъ всегда бываетъ въ актахъ, понемножку въ каждомъ. Между тѣмъ меня сильно призываетъ въ Кіевъ, вѣроятно тебѣ уже извѣстное, болѣзненное состояніе Пет. Григ. [1])—Съ нимъ случился родъ паралича, но послѣ кровопусканія сдѣлалось тотчасъ лучше, а теперь онъ на пути выздоровленія; но тетенька безпокоится, онъ скучаетъ и надо бы быть тамъ. Надѣюсь отправиться тотчасъ послѣ крещенія. Ну, брате, запысавсь; хотѣлъ на третьей страницѣ кончить; а вотъ и на четвертой не умѣщается. Ты взялъ прекрасную форму въ своихъ письмахъ—форму журнала, слѣдуй ей и впредь; тутъ родятся и мысли сами собой. Ну что—общество? я думаю—чушь, какъ было и при мнѣ. Въ Москвѣ, неча сказать, въ высшему кругу удача на дураковъ, особенно между мужчинами; но можетъ въ три года или четыре и перемѣнилось къ лучшему. (Столько уже прошло тому, какъ я много посѣщалъ моск. общество). При мнѣ бывали хорошенькія дѣвочки—есть ли теперь? Прошлую зиму я почти не встрѣчалъ таковыхъ.

---

[1]) Петръ Григорьевичъ Галаганъ?

Веселись, друже, обнимаю тебя отъ души; поцѣлуй ручки маменьки и глазки сестры. Я ѣду на балъ обычный къ Гессе [1]), но уже не будетъ такъ весело, какъ прошлый; Черниговъ обнищалъ; а для меня нѣтъ тебя,-я стою въ той же самой комнатѣ въ *Цареградѣ* [2]) и часто задумываюсь о тебѣ.

Н. Р.

Ты вѣрно видишь Ел. Ив.; теперь это талантъ и талантъ замѣчательный въ нашей литературѣ; но и безъ того въ этой женщинѣ много прекраснаго чувства, соединеннаго съ гибкимъ, необыкновеннымъ умомъ. Скажи мнѣ объ ней свое мнѣніе. Изъ Бодянскаго *Чтеній* сеголѣтошняго ряда—не присылай № 3: онъ уже у насъ есть. Пиши въ Кіевъ по прежнему адресу.

О поѣздкѣ моей въ Москву не скажу ни да, ни нѣтъ,—но обстоятельства склоняются больше на нѣтъ, къ сожалѣнію: повѣришь ли, что не чувствую силы предпринять это путешествіе; впрочемъ до сихъ поръ еще жду отвѣта отъ одного человѣка, который можетъ меня погубить.

Черниговъ. 31 декабря (1846).

4.

Сегодня получилъ отъ батюшки извѣстіе, что ты, милѣйшій Григорій, выѣхалъ изъ Москвы 6-го, и преисполнился радостію; пишу къ тебѣ, хоть нѣсколько строчекъ, не смотря на первый часъ ночи и неимѣніе почтовой бумаги. Зѣло изрядно поступилъ еси, если чувствовалъ, что нечего дѣлать въ Московіи. Гарненько дьякую за твою цидулу и за многое, что въ ней написано хорошаго. И мы тутъ таки шатаемся и ворочаемъ ваши дѣла, что вамъ Богъ положилъ на сердце. Послѣ разныхъ размышленій, соображеній и разсужденій, я пришелъ къ той мысли, чи не лучше ли будетъ не откладывать твои намѣренія

---

[1]) Тогдашній черниговскій губернаторъ.

[2]) Черниговская гостинница.

въ долгій ящикъ, котораго длина Богъ знаетъ какова была бы за неимѣніемъ здѣсь настоящихъ дѣлателей, приступить къ рѣшенію задачи исподволь, постепенно, хоть и не такъ блистательно. Чтобы не озадачить недруговъ, мы рѣшились перевести на нашу рѣчь нѣкоторыя статьи изъ *Сельскаго Чтенія* Одоевскаго, не выказывающія сильно московскаго характера. Нашлись младики (sic) усердно принявшіеся за дѣло, такъ что оно разомъ вскипѣло и уже готово. Польза въ отношеніи къ нимъ самимъ—нѣкоторый родъ упражненій въ дѣлѣ, дотолѣ совершенно чуждомъ: *второе,* выгода произвести на малороссійскій свѣтъ то, что уже одобрено правительствомъ, слѣдовательно не можетъ быть преслѣдуемо; *третье,* этимъ способомъ управляющіе нашими палатами могутъ безъ зазрѣнія совѣсти подать руку помощи для распространенія; *четвертое* и главное, что на безрыбьи и ракъ рыба. Якъ се вамъ сдается? Напишить, братику, швидче ваше гаданье. Изданіе вѣроятно будетъ немного стоить, и согласенъ ли ты взять издержки на себя, въ такомъ случаѣ я сдѣлаюсь редакторомъ. Ты знаешь мои порожніе карманы, вотъ почему я принужденъ обратиться къ тебѣ съ такимъ неделикатнымъ предложеніемъ. Впрочемъ, если ты имѣешь что либо другое въ виду, то не стѣсняйся, мы можемъ сдѣлать складчину. Жду отъ тебя вѣсточки съ горячимъ нетерпѣніемъ. Я никому объ этомъ не болтаю, даже своимъ, что уѣхали отсюда недавно, и имъ то въ особенности: Богъ знаетъ что за духъ въ нихъ поселился,—тилько махнуть рукою. Ну ихъ! Якъ се вамъ тамо въ Москаливщини тее? Просто полетивъ бы къ тоби, да чортъ-ма крыльевъ. А у насъ ничого-тыхо да смирно. Костомаровъ почти напечаталъ славянскую миѳологію, и вообрази—о неслыханное!—славянскими буквами! То-то подымется шумъ и гамъ между чертями. Онъ же приготовилъ къ печати—*Исторію Хмельницкаго*—любопытно; только нѣсколько страшно за его пристрастіе къ полякамъ. Гдѣ ты теперь служишь? Не будешь ли въ Черниговѣ, не будешь ли въ Кіевѣ? Обо всѣхъ твоихъ шагахъ нужно мнѣ знать, что-бы воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы намъ свидѣться. Купилъ ли ты мнѣ

книгъ? и какія именно привезъ? Да не слышалъ ли о *Моск. Сборн.* (втор. части). Чертъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось. Ни слуху, ни духу; у кого ни спрашиваю, всѣ нѣмы, какъ стѣны. А Шевырева *Истор. Словесн.*? Положи передъ глазами сію цидулу и отвѣчай на всѣ вопросы. Обнимаю тебя щиро. Что Чижовъ? Послѣ извѣстія о смерти Яз.? намѣренъ ли онъ предпринять журналъ? Бувай здоровъ. Поздравляю завременно съ праздникомъ и знай что буду христосоваться мысленно съ первымъ тобою.

Твой весь Н. Р.

(Кіевъ. 1847). Марта 17.

Адрессъ: Его В. бл. Григорію Павловичу Галагану. Въ г. Прилуку, Полт. губ., въ село Сокиринцы. *Штемпель*—Кіевъ.

5.

Со времени послѣдняго моего письма, любезный Григорій, произошли здѣсь очень печальныя событія, о которыхъ могу сказать тебѣ то, что уже знаетъ цѣлый городъ,что профессора Костомарова, извѣстнаго своими литературными трудами, взяли и отправили въ Петерб. по подозрѣнію не знаю какихъ проступковъ политическихъ. Тоже случилось съ Шевченкомъ и нѣсколькими здѣшними студентами. Богъ знаетъ въ чемъ ихъ тамъ подозрѣваютъ; а зная ихъ по литературнымъ трудамъ, нельзя не сожалѣть, потому что это люди съ талантами были. Я провожу время по прежнему, занимаюсь болѣе дѣлами нашей *Коммиссіи* [1]); посѣщаю кое-кого изъ знакомыхъ; довольно часто бываю у Судіенки [2]); это добрые люди, ко мнѣ по крайней мѣрѣ. У насъ затѣваютъ театръ въ пользу бѣдныхъ, но врядъ-ли это состоится. Что если бы ты пріѣхалъ посмотрѣть или поучаствовать; для меня ты былъ бы небеснымъ явленіемъ въ этой юдоли скуки

---

[1]) Кіевской археографической.

[2]) М. О. Судьенко, тогдашній предсѣдатель Кіевск. археограф. коммиссіи.

и скорби. Я бы самъ пустился бы къ вамъ, если-бы позволила служба. *Сельское Чтеніе* кн. Одоевскаго не могло быть приведено мною къ окончанію, и объ этомъ нечего болѣе заботиться [1]). Такъ какъ ты занятъ своими дѣлами, да къ тому же нѣсколько лѣнивъ, то не желая тебя затруднять, прошу писать только о себѣ, о литературныхъ новостяхъ московскихъ, если оныя имѣются; да напиши не привезъ ли ты мнѣ какихъ книгъ изъ Москвы. До свиданья. До другого раза, когда я буду въ лучшемъ расположеніи духа. Притомъ же поздно, и я ужасно спать хочу. Передай мое совершенное почтеніе при свиданіи—дяденькѣ и Соф. Алек.—и скажи ему, что деньги (75 р. сер.), высланныя мнѣ я получилъ сполна; на дняхъ буду писать къ нему и благодарить за исправное доставленіе.

2 апр. (1847. Кіевъ).

6.

Нарочно взялъ большой листъ, чтобы его наполнить весь бесѣдою съ тобою, милый брате; но не знаю успѣю ли: почта на носу. Если ты станешь меня попрекать въ долгомъ молчаніи, то я могу отвѣчать тебѣ тѣмъ же, потому что на мои три письма, ты едва отвѣчалъ однимъ коротенькимъ и то вызваннымъ дѣломъ. Иногда, признаюсь, зѣло сердился, даже бранилъ тебя внутренно,—думаю себѣ:—что за холодный и апатическій человѣкъ этотъ Григорій; ну вѣдь кажется и любитъ меня, или лучше сочувствуетъ мнѣ больше чѣмъ кому нибудь; а между тѣмъ, при широкомъ своемъ досугѣ, совсѣмъ забываетъ о моемъ существованіи; не найдетъ же на него минута потребности высказаться или заочно пожать мнѣ руку или перемолвить доброе слово, какое только можетъ молвиться на этой глупой бумагѣ; а мнѣ бы иногда такъ хотѣлось его видѣть, обмѣняться съ нимъ мыслями, поцѣловать его; такая иногда бываетъ потреб-

[1]) Вѣроятно, въ виду послѣдовавшихъ арестовъ. *Ред.*

ность въ этомъ, какъ будто онъ моя любовница. Вотъ въ немногихъ словахъ, какія внутренно происходятъ во мнѣ патетическія тирады! Ты готовъ смѣяться надъ этимъ, готовъ пожалуй приписать это, высказанное мною—какой нибудь риторической фигурѣ, или хоть желаніе наполнить чѣмъ нибудь листъ. Да, коли хочешь, оно смѣшно въ 30 л. такъ объясняться; да и не къ чему.... потому что это все.... слова, слова, слова. А отъ словъ до дѣла большое разстояніе. Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, сначала изъ злости, потомъ отъ занятій разныхъ навалившихся на мою голову; изъ нихъ главную роль играетъ все тотъ же *Величко*, являющійся уже теперь, или лучше начинающій являться въ печати (сейчасъ принесли ко мнѣ первую корректуру); ты не можешь себѣ представить сколько мелочной и неблагодарной работы при редакціи, особенно стараго сочиненія. Вы не цѣните вообще книжности, люди жизни и практики; а она достается намъ, хоть и не въ потѣ лица, но за то на счетъ зрѣнія и здоровья, трудомъ одинокимъ, истощающимъ, тогда какъ вашъ трудъ подкрѣпляющій, возобновляющій силы. Эта лѣтопись занимаетъ меня теперь исключительно; кромѣ нея я читаю еще кое что; а потомъ даю свѣту слѣдуемое—бываю кое-гдѣ, болтаю, даже танцую и называю настоящее время моимъ бабьимъ лѣтомъ. Общество кіевское ты можетъ быть знаешь отчасти, это ни то, ни се, но взамѣнъ есть разнообразіе, которое врядъ ли можно встрѣтить въ какомъ нибудь изъ провинціальныхъ городовъ; тутъ есть люди, въ особенности женщины очень образованныя и даже довольно милыя; есть нѣчто вродѣ красавицъ; наконецъ есть добродушныя и милѣйшія своею патріархальностью малороссіянки; потомъ есть клубъ, а главнѣйшее есть университетъ, въ которомъ не безъ хорошихъ головъ, хотя зарытыхъ въ хламѣ, онѣ и не обнаруживаются яркимъ свѣтомъ. Въ нашемъ уголкѣ такія же ступени общественной лѣстницы, какъ и вездѣ; мы ужасные охотники надѣлать ихъ, какъ можно больше; но я въ этомъ не слѣдую общей привычкѣ, у меня наперекоръ всѣмъ, силящимся только вверхъ и часто не по силамъ, была всегда страсть заглядывать во всѣ

ярусы, и находить въ нихъ пищу, смотря по тому, кто больше въ состояніи подать, или лучше—болѣе дорожить тою средою, которая въ состояніи лучше поддерживать въ насъ человѣческія чувства, и все то, чѣмъ человѣкъ гордится, какъ частичка духа божественнаго. А согласись, что этой частицѣ плохо пришлось бы, еслибъ наконецъ настало на землѣ повсемѣстное царство,— *bon genre*, *bon goût*, *fashion*, *comme il faut*, *distingué* и тому подобное, и если бы мы всѣ могли превратиться въ олицетворенный *bon genre*, но къ крайнему и слезному сожалѣнію его послѣдователей это вещь невозможная. Но полно болтать о дѣлѣ, заговоримъ о бездѣльи. По желанію твоему, я неоднократно освѣдомлялся у Юзефовича, который наконецъ говорилъ съ Траскинымъ и объявилъ мнѣ, что.....[1]) рѣшительно обѣщано Вас. Петр. Тарновскому; а потому, если ты непремѣнно хочешь, то сдѣлайся съ нимъ какъ нибудь или помѣняйся. Иначе нельзя. За ковёръ не знаю, какъ благодарить милую тетеньку (у которой прошу расцѣловать ручки), отказываться не смѣю; но на тебя сердитъ, что ты такъ поворотилъ это и прошу впередъ не дѣлать: послѣ этого нельзя тебѣ будетъ дать никакого порученія! да притомъ добрые люди подумаютъ, что я выманиваю подарки,—бѣднымъ людямъ надо быть осторожну.... для другихъ. У насъ въ Черниговѣ холера и я иногда прихожу въ грустное раздумье о своихъ; хотѣлъ, еще къ именинамъ маменьки отправиться въ Андреевку; но ген.-губ. не пустилъ и я прикованъ. О многомъ хотѣлъ бы съ тобою переговорить; о такомъ, о чемъ ты и не воображаешь—касающемся меня. Но какъ тебя достанешь? легче достать теперь въ Кіевѣ персиковъ; а это равняется невозможности. Напиши, что ты располагаешь? Именно только съ тобою могу я говорить объ этомъ. Непремѣнно поцѣлуй ручку у своей Кат. Вас. за меня, не забудь и Marie.

Напиши, не забудь, не будетъ ли Алекс. Григорьевна въ Кіевѣ, какъ здѣсь разнеслись слухи: или она поѣдетъ въ Петербургъ? Marie вѣрно это знаетъ, мнѣ нужно. Передай так-

[1]) Оторвана часть письма.

же графу, что здѣсь есть очень хорошій шелководъ, французъ, имѣвшій заведеніе возлѣ Кіева, но погорѣвшій, и теперь ищущій мѣста. Онъ получилъ медаль за свой шелкъ и хорошій, честный малый—не нужно-ли?

5 декабря. (1847). Кіевъ.

7.

Сегодня получилъ я твое письмо, дружище, и сегодня же пишу къ тебѣ; но на этотъ разъ по дѣлу и потому прошу отвѣчать также неукоснительно и опредѣлительно. А оное состоитъ въ слѣдующемъ: какъ тебѣ извѣстно, здѣсь обрѣтается Максимовичъ, который долго занимался собраніемъ украинскихъ пѣсенъ и накопилъ ихъ порядочное количество; малѣйшую ихъ часть онъ издалъ, но изданіе остановилось на первомъ томѣ, за неимѣніемъ средствъ. Разговорившись разъ объ этомъ, мнѣ пришло на мысль, не найдется ли добрый человѣкъ, который могъ бы пособить этому горю; и твой образъ мелькнулъ передо мною. Я не назвалъ однакожъ тебя; впрочемъ сказалъ Максимовичу, что можетъ быть мнѣ удастся найти человѣка, который захочетъ дать ему взаймы, или даже пожертвовать нужныя деньги. Теперь, надѣюсь, что ты нисколько не затруднишься сказать мнѣ, безъ всякихъ обиняковъ—нѣтъ, если бы такое предложеніе, почему бы то ни было, стѣсняло тебя, я обращаюсь къ тебѣ съ этимъ вопросомъ. Не хочу тебя ни уговаривать, ни приводить какихъ либо убѣжденій въ пользу Максимовича и его труда. Ты знаешь то и другое; могу только сказать, по его завѣренію, что продолженіе его изданія будетъ снабжено всякаго рода примѣчаніями, для полнѣйшаго уразумѣнія текста, отъ чего зависитъ самый его успѣхъ, и вообще это придаетъ гораздо больше достоинства подобному труду. Въ сколькихъ томахъ будетъ онъ состоять, это трудно опредѣлить; бумага и печатаніе каждаго тома обойдется не менѣе 300 руб. сер., и если ты согласишься на это пожертвованіе, то на пер-

вый случай дальше и не нужно; а тамъ далѣе увидимъ будетъ ли соотвѣтствовать это изданіе твоимъ ожиданіямъ?—и смотря потому, по своему усмотрѣнію, дашь средства на его продолженіе или нѣтъ. Можетъ быть, если выручка будетъ хорошая, тогда и самъ Максимовичъ соберется съ силами на продолженіе. Но во всякомъ случаѣ, пусть это дѣло покамѣстъ останется между нами. Благодарю тебя, дружище, за всѣ тѣ добрыя чувства, которыя я привыкъ находить въ твоихъ письмахъ. Что касается до меня, то хотя я и попалъ въ служебные рядовые (назначеніемъ меня секретаремъ въ нашей канцеляріи) и хотя это меня заваливаетъ бездною разныхъ бумагъ, но я всетаки успѣваю выныривать изъ этого омута, и освѣжаться по временамъ чистымъ воздухомъ чувства и мысли. Моя духовная натура окрѣпла въ борьбахъ разнаго рода и врядъ ли какія либо обязательства въ состояніи подавить ее. Тутъ есть и хорошее, это соприкосновеніе съ дѣйствительностью нашей жизни —а всетаки она должна быть мѣриломъ и почвою нашихъ движеній. Прощай! цѣлую тебя отъ души. Когда будешь въ Мостищѣ, то непремѣнно заверни въ Кіевъ, хоть на нѣсколько дней; пора исполнить тебѣ твое обѣщаніе. Да сдѣлай одолженіе побуди настоятельно Мих. Вас. Гуд. (овича), чтобы выслалъ деньги за сына ко мнѣ или директору 1-ой гимназіи: его приняли на мою отвѣтственность, и могутъ возвратить, если долго не получатъ. Мой сердечный поклонъ всѣмъ вашимъ. Ригельманъ. Я живу въ домѣ Дмитріевой, а не Дмитревской; если ты пріѣдешь одинъ, то остановись у меня непремѣнно. Что же твое предводительство?

„ПОПОКЪ“.

*(Продолженіе *).*

XLI.

Сохва, не нашедшая Хведька дома и узнавшая отъ Машки только то, что онъ куда то пошелъ еще съ вечера, крайне была изумлена, когда, указывая пріѣхавшимъ на подторжье какимъ то родычамъ мѣсто для склада сбруи въ своей „коморѣ“, увидѣла тамъ его спящимъ на лаптухѣ. Она, не давъ никому войти въ комору, захлопнула дверь и повела гостей въ домъ, гдѣ уже она въ сѣняхъ сложила снятую съ лошадей сбрую и какіе то мѣшки.

Какъ только родычи отправились на ярмарку—а это было уже съ полудня. Сохва сейчасъ же пошла въ „коморю“. Хведько мертвецки спалъ; на ощупь одежда на немъ была мокрая, на сапогахъ видна была грязь. Что все это означало, она не знала, но догадывалась, что онъ гдѣ-то протаскался ночь, промокъ, усталъ... Жалко ей было будить его, но нужно было.

Разбуженный Хведько приподнялся съ земли, безсмысленно осмотрѣлся кругомъ и опять упалъ на рядно. Постояла надъ нимъ молодица и опять принялась его расталкивать. Кое какъ наконецъ удалось ей его разбудить и поставить на ноги.

— Прочумайся! Тю на тебе! И въ насъ у двори, тай й мабуть и у васъ люде, а ты,—бачъ яке время—валяешься.

*) См. Кіевск. Стар., 1899 г., апрѣль.

Протры очи. Все на тоби мокре. Це такъ не довго й хоробы здобуть.

Такъ ворчала Сохва, пока вставшій парень пришелъ въ себя, припоминая, гдѣ онъ и понялъ, что рѣчь идетъ о „людяхъ", такихъ, которые впрашиваются на постой во время ярмарки, по случаю ненастной погоды, въ болѣе или менѣе знакомымъ или родычамъ.

— Пройды въ хату,—тамъ никого нема,—та хоть умыешься, тоди вже и перейдешъ у свій двиръ.—

Не легко далось Хведьку исполнить все это: онъ еле могъ переступать ногами и то окорачь; трудно было нагнуться надъ лоханью при умываньи, ломило въ рукахъ и поясницѣ...

Замѣтивъ все это, Сохва испугалась: ей представилось, что его гдѣ то избили и она заботливо стала распрашивать, что у него и какъ болитъ.

— Та це такъ. Мабудь то одъ того, що на мени все мокре було—объяснилъ парень...

— Гляды самъ—сказала молодица, когда онъ умывшись и перекрестившись нѣсколько разъ на образъ со словами: Ночувала соби!—сѣлъ на лавкѣ.

Днювалы, а не ночувалы—вже отъ скоро й вечоръ... Де це ты такъ добувсь?—спросила Сохва.

Хведько молчалъ и смотрѣлъ на прикрытый скатертью хлѣбъ... Ему вдругъ страшно захотѣлось ѣсть; но сказать о томъ хозяйкѣ по принятому этикету не приходилось. Онъ всталъ идти домой, но Сохва поняла его взглядъ и сообразила.

— Подожды. Я дамъ тоби чого небудь поисты а тоди й підешъ,—сказала она и отправилась къ „мысныку", а послѣ и печкѣ, гдѣ достала какой то горшокъ.

Въ этихъ простыхъ словахъ и предложеніи Сохвы для него столько добраго, чисто материнскаго послышалось, что онъ готовъ былъ сейчасъ же поклониться ей, благодарить всячески.

Еле теплый борщъ и совсѣмъ зачерствѣвшая каша показались ему чрезвычайно вкусными, а найденная въ оставленной „жоныхомъ" при послѣдней ночовкѣ бутылкѣ не полная рюмка водки довершила угощеніе.

Пока онъ, что называется, уплеталъ за обѣ щеки обѣдъ Сохва молча сидѣла на другомъ концѣ стола и любовно, но въ тоже время проницательно смотрѣла на него. Бойкіе глаза ея осматривали его, а мысль старалась проникнуть и понять, гдѣ и какъ провелъ онъ ночь: былъ ли онъ гдѣ нибудь побитъ въ похожденіяхъ со своими „знакимцямы“ или застигнутъ на свиданіи съ „нею“—Мелашкою... То или другое сопоставленіе его со случившимся какъ то обаятельно дѣйствовало на нее, возвышало его въ ея глазахъ, придавало ему особый оттѣнокъ удали и молодечества.

— Ну, щожъ не кажешъ де бувъ, що робывъ? спросила она, прибирая со стола.

Де ничъ ночувавъ, славы добувавъ — добавила она словами пѣсни.

Сохва въ этотъ моментъ казалась ему такой доброй, родственной, что отдѣлаться отъ нея молчаніемъ онъ не могъ.—

— Ничъ не поспавъ, де чого додбавъ,—отвѣтилъ онъ полупризнаніемъ, которое потвердилъ, доставая изъ кармана и подавая ей четыре зеленыхъ скомканныхъ кредитки.

Этимъ сразу разсѣевалось предположеніе о неудачѣ похожденій, о предполагаемыхъ побояхъ и отстранялась мысль о свиданіи съ „нею“, а слѣдовательно и мимовольное чувство ревности. Все это такъ обрадовало молодицу, что она теперь безъ всякаго колебанія взяла деньги и сейчасъ же спрятала ихъ въ „скрыню“. Даже опасеніе отвѣтственности его за эти дѣла теперь не пришло ей въ голову.

Но на этомъ и кончилось признаніе его, дальше ни полъ слова.

— Хто жъ це гости въ тебе?—спросилъ Хведько.

— Та це родня.. далеки родычи—попросылыся на время.. Бачъ ото яка була негода! Чы тожъ выпогодытся до завтрёго? Наче витеръ зхоплюется—може й розжене хмары... Тамъ, гляды, й у васъ чы не буде хто. Бувало на цей ярмарокъ заиздять... отти ваши родычи зъ Козынкы, якъ ихъ такъ звуть, забула... Дойды, хозяинъ, до двора, та одягны суху сорочку, все идно завтра недиля.—Хведько всталъ и пошелъ, разминаясь на ходу.

Въ своемъ дворѣ онъ, дѣйствительно, засталъ два воза Изумившаяся при видѣ его Машка объяснила, что это впросились въ дворъ родычи съ Козынкы и ихъ кумовья; что они пишли на подторжье.. Она не стала распрашивать, гдѣ и какъ онъ былъ, а по просьбѣ его достала чистое бѣлье, которое онъ передѣлъ въ чуланѣ, почистивъ и помывъ предварительно загрязненные сапоги.

Къ ночи собралось не мало народу къ нимъ въ дворъ: ярмарчане, пришла Полька съ полдня, такъ какъ нужно было позаботиться о пріемѣ сватовъ, которые навѣрное захотятъ зайти къ нимъ съ ярмарки, а трудность этого пріема заключалась въ томъ что завтра постъ. (Въ день Воздвиженія Честнаго Креста Господня—полагается постъ). Она уже заходила къ Сохвѣ, и онѣ порѣшили послать Хведька къ Хряпкѣ или даже къ дьячку Лаврентьевичу, тоже завзятому рыболову, добыть рыбы, хоть мелкой, на юшку, если не найдется чего лучше. Машка состряпала кой какую вечерю, къ которой были приглашены заѣзжіе гости, не всѣ однако явившіеся въ хату. Мужчины ночевали на дворѣ около лошадей, а въ избѣ помѣстились только три женщины, изъ коихъ одна была съ ребенкомъ.

Выспавшійся Хведько долго не могъ заснуть, а когда ужъ къ полночи почти задремалъ, грудной ребенокъ раскричался и опять перебилъ ему сонъ.. Ворочаясь съ боку на бокъ, онъ припоминалъ похожденія прошлой ночи, когда онъ подъ неустаннымъ дождемъ мчался въ городъ и обратно. Припомнилъ онъ, какъ разъ чуть было не полетѣлъ со споткнувшейся лошади, какъ, обминая какіе-то ѣхавшіе возы, чуть было не увязъ въ канавѣ, какъ встрѣтилъ его Гандзя и вручилъ не одну, а двѣ лошади на обратный проводъ, какъ, наконецъ, отуманенный ночнымъ мракомъ, онъ спутался было около „гамазеевъ“ и, наткнувшись на сторожа, чуть было не влопался, какъ шелъ послѣ сдачи лошадей домой, какъ порѣшилъ никого не будить и улегся въ коморѣ Сохвы, очевидно, случайно незапертой. При всѣхъ этихъ передумываніяхъ онъ ощущалъ какое то чувство удовлетворенія, довольства собою, сознавая, что съумѣетъ дѣло сдѣлать

не хуже другихъ. Вспомнилъ онъ, что завтра нужно будетъ справиться о томъ, выдадутъ ли ему билетъ, и сказать то или другое Шляховому... Замечтался онъ о поѣздкѣ съ этимъ Денысовычемъ, о предстоящихъ дѣлахъ, похожденіяхъ.. Избытокъ силы тянулъ его въ этотъ міръ подвиговъ и удали.

Такъ, уносясь мечтами въ близкое будущее, онъ и заснулъ наконецъ, обезсиленный продолжительнымъ бодрствованіемъ.

XLII.

Разбуженный Полькою Хведько сейчасъ же отправился по ея наказу къ Хряпкѣ, котораго по указанію жены нашелъ на рѣкѣ, плывущимъ уже на лодкѣ домой. У него оказалась только мелкая рыба, и онъ далъ немного ея безплатно.

Писарь, къ которому зашелъ Хведько на домъ, сказалъ, что билетъ вѣроятно выдадутъ, если только нѣтъ за нимъ недоимокъ.

Прошедши на „конную", Хведько не долго искалъ Шляхового. Онъ сидѣлъ на возу съ опущенной на грудь головою, слушая какіе то увѣренія стоявшаго тутъ же москаля. Денысовычъ молчалъ и только похлестывалъ себя по сапогамъ кнутикомъ.

— Нѣтъ! Ты повѣрь—обманывать не стану. Только дай вѣрнаго человѣка перепрятать а то...

Денысовычъ поднялъ голову и, очевидно, замѣтилъ Хведька, но какъ будто не обратилъ на него вниманія и сталъ озираться кругомъ.

— Иды соби геть! тамъ побалакаемо—сказалъ онъ москалю и соскочилъ съ воза.

Хведько понялъ маневръ и медленно сталъ отходить въ сторону.

— Берегись!—крикнулъ наѣзжая, на него цыганъ.

Онъ отстранился и сзади себя послышалъ вопросъ:

— Шо жъ билетъ добудешь?—

Хведько, не поворачиваясь, въ полголоса передалъ слова писаря.

— Ну, такъ старайся, щобъ до Покровы справыться. Рублевку дай йому, отвѣтилъ ему въ томъ же тонѣ Шляховой и исчезъ.

Въ ряду „кушнеривъ“ [1]) онъ увидѣлъ своихъ—„титку Горпыну“ и Польку, поворачивающуюся въ надѣтомъ на нее кожухѣ. Онъ счелъ своею обязанностію подойти къ нимъ. Торговецъ одергивалъ бѣлый длинный кожухъ, бралъ за концы полъ и подымалъ ихъ выше головы. Польки въ удостовѣреніе того, что „кожухъ рясный“ т. е. широкъ въ низу, въ полахъ [2]), снималъ его, выворачивалъ рукава, хлопалъ по рукѣ „титку Горпыну.“ Понявъ, что Хведько свой человѣкъ покупателямъ, онъ обращался къ нему, божился, увѣрялъ... но тѣмъ не менѣе „титка Горпына“ порѣшила пройти „по ряду“ и еще посмотрѣть. Причиною отказа ставила она дороговизну, назначенную продавцомъ. Продавецъ просилъ за кожухъ восемьнадцать рублей—„титка Горпына“ давала двѣнадцать. Побывали у другихъ „кушнеривъ“, еще много разъ повторялись примѣриванія, расхваливанія продавцовъ и докоры покупателей, битье по рукамъ, божба и т. п., пока наконецъ порѣшили дѣло покупкою кожуха за четырнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ. Завернутый въ большой платокъ кожухъ поручили Хведьку отнесть домой и послать Машку къ иконной лавкѣ, „до богивъ“, гдѣ предполагали купить „образъ“ на благословеніе,

Хведько давно ужъ торопился домой, помня, что Сохва говорила ему относительно свиданія съ Мелашкой.

Хотя сегодня и выпогодилось, но тѣмъ не менѣе было грязно, особенно тамъ, гдѣ смоченная земля была разбита и сгружена ярморочнымъ людямъ. Сохва въ окно увидала его,

---

[1]) Кушнирь—выдѣлывающій мѣха, въ селахъ преимущественно овечьи—скорнякъ. Они же и шьютъ кожухи и полушубки.

[2]) Кожухъ или полушубокъ долженъ быть широкъ въ полахъ, внизу. Опредѣляется полнота такъ: берутъ два конца полъ и приподымаютъ вверхъ. Если при этомъ поли свободно подымаются выше головы—кожухъ „ременный“.

какъ онъ съ завернутымъ кожухомъ пробирался понадъ плетнями, и почти слѣдомъ вошла за нимъ въ ихъ хату. Машка, успѣвшая уже поприбирать послѣ стряпни, сдерживая выраженіе радости, такъ и сіявшей въ ея глазахъ примѣрила кожухъ, одобренный и Сохвою, и сейчасъ же собралась и пошла на ярмарокъ. Проводившая ее на крыльцо Сохва успѣла сунуть ей деньги и вернулась въ хату къ Хведьку.

— Оце дала ій десятку—покы бильше не треба, тай то наказала, щобъ ажъ тоди тратыла, якъ вже въ ныхъ не стане, сказала она...

— Що жъ сыдитымешъ дома?—Сыды, дожидай,—може сваты зайдуть; та якъ що ваши ще не вернутся, такъ мене поклычешъ... наставляла она, выходя изъ хаты...

— А то, може, я тебе поклычу—добавила она, уже переступивъ порогъ сѣней и улыбаясь.

Еще до полудня гости-родычи „поярмаркувалы" и съѣхали со двора, сказавъ, что заѣдутъ на ярмарокъ за оставленною тамъ какою то посудою. Хведько сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на пробирающихся вдоль плетня своихъ уличанъ, на проѣзжающихъ, на бѣгающихъ подъ хатами „хлопчыкивъ" съ черепяными „свыстунамы—коныкамы", обыкновеннымъ ярмарочнымъ гостинцемъ. Ему все казалось, что вотъ-вотъ покажется на улицѣ проходящая Мелашка. Но увы! проходило туда и сюда много, а ея не было.

Наконецъ явилась Машка съ купленною иконою въ застекленной рамѣ, украшенной фольгою, и съ какимъ то еще узломъ покупокъ, и вскорѣ вслѣдъ за нею пришелъ и „старый сватъ Тесля" съ мужемъ Польки, оставившіе по ихъ словамъ „стару Теслиху" и титку Горпыну" на ярмаркѣ кое что еще купить.

Тесля разсказалъ, что онъ былъ у „попа выправлялъ метрику", за которую „батюшка" запросилъ сперва двѣнадцать рублей, а сталъ на десяти и никакъ не подается. Что хоть „втрата на выправку" по уговору должна быть и его, но все таки слѣдуетъ сходить къ попу „титкѣ Горпынѣ", или ея мужу. Можетъ быть уламаютъ.

— А то куды! и не пидъидешъ...

Такъ какъ въ хатѣ „старый сватъ" былъ найстаршій, то говорилъ только онъ, а Хведько и мужъ Польки молчали и слушали; Машка же изъ валькиря въ щелочку разсматривала своего будущаго свекра, котораго она видѣла только вскользь на базарѣ, когда послѣ сватанья „наши" зустрилыся съ ними.

Наконецъ надошли и „стара сваха" съ титкою Горпыною, долго на „прысинкахъ" обтирали грязь съ сапогъ, не переставая „любенько" разговаривать—кончать ведшійся всю дорогу разговоръ.

Полька пришла послѣ всѣхъ, такъ какъ она заходила въ кабакъ за водкой и купила два кавуна и три селедки. Всю эту ея покупку кто то изъ уличанъ подвезъ ей до самыхъ воротъ.

Сейчасъ же она принялась съ Машкою собирать обѣдать.

Сватовъ посадили на покуть, а рядомъ съ ними мужа Польки и Хведька; „титка Горпына" заняла мѣсто на особо приставленной лавкѣ впереди стола.

Сначала было предложили Хведьку подчивать, но такъ какъ онъ отказался, то за это дѣло взялась, „титка Горпына", Полька подавала „страву", а Машка экспедировала ее отъ печи.

Это не было пиршество, а простое угощеніе обѣдомъ случайно зашедшихъ сватовъ, но тѣмъ не менѣе при этомъ случаѣ съ одной стороны наблюдали, а съ другой представляли хозяйственность будущей невѣстки. Ради этого и иконы были обвѣшаны чистыми рушниками, и чистымъ рушникомъ для вытиранія рукъ обложены были края стола, и паляныци [1]) тщательно выпечены, и „страва" по мѣрѣ возможности вкуснѣе изготовлена. Какъ сватъ, такъ и сваха, не подавая виду, проницательно взглядывали на Машку и, если первый наблюдалъ за нею только съ внѣшней стороны, то вторая по неуловимымъ для обыкновеннаго наблюдателя признакамъ до тонкости опредѣлила хозяйственность дѣвушки.

---

[1]) Паляныци—хлѣбъ изъ пшеничной муки, а иногда съ примѣсью и житной.

Когда уже на столъ былъ поданъ порѣзанный „скибками" арбузъ, замѣняющій десертъ, а слѣдовательно къ концу обѣда, въ хату вошла Сохва.

Она перекрестилась и степенно со всѣми поздоровалась. По манерѣ, съ какою отнеслись къ ней Полька и Машка, сваты сообразили, что она здѣсь свой человѣкъ, и догадались, что это и есть „досвидчанна маты", у которой ночевалъ ихъ сынъ.

„Титка Горпына" сейчасъ же обратилась къ Сохвѣ съ подчиваніемъ. Немного поломавшись, она взяла рюмку и, съ приговорами и пожеланіями всякихъ благъ и благополучнаго достиженія задуманнаго, выпила до половины, поморщилась, замотала головой и, не смотря на упрашиванія, поставила рюмку на столъ.

Обѣдъ кончился. Гости встали изъ за стола и помолились; но затѣмъ ихъ попросили еще посидѣть. Оживленный къ концу обѣда разговоръ затихъ было, но послѣ опять возобновился. Условились, что „титка Горпына" съ Полькою сходятъ къ попу потолковать о цѣнѣ за метрику; что „якъ що Богъ поможе, то въ недилю и весилля". Свахѣ въ валькирѣ были показаны подарки, а всѣмъ присутствующимъ купленный кожухъ. Сватъ тутъ же вынулъ изъ кармана и передалъ въ руки самой Машкѣ условленную помощь „на справку" пятнадцать рублей, а относительно муки сказалъ: а муку самъ прывезе...

Всѣмъ понятно стало, кто этотъ „самъ", какъ равно понятно и то, что деньги сватъ выдалъ только тогда, когда увидалъ купленный кожухъ; но тѣмъ не менѣе Машка, принимая деньги поклонилась въ поясъ будущему свекру, а потомъ и свекрухѣ.

Опять разговорились о томъ, о семъ, а Машка тѣмъ временемъ прибрала посуду и пошла въ валькиръ показывать Сохвѣ „образъ" и „подарки". Туда же вошелъ Хведько.

— Подай мени, Машо, воды—сказала Сохва, а то такъ и першыть у горли горилка. Пока Машка ходила за водой, Сохва успѣла сунуть въ руку Хведьку ключъ отъ своей хаты и сказала: заразъ иды, та тильки зачыняйтесь!..—шепнула она.

Взявъ шапку, Хведько тихонько вышелъ изъ хаты и огородами почти бѣгомъ пробрался въ избу Сохвы. Тамъ въ валькирѣ, окно котораго предусмотрительно было „запьято" какимъ то платкомъ, онъ нашелъ Мелашку, припавшую головой къ подушкѣ.. Она очевидно, плакала,но оправилась при входѣ Хведька и со словами: охъ, заждалася!—припала къ нему на грудь.— Думала, що вже й побачыться не прыйдется—шептала она, обнимая парня и ласкаясь къ нему.

— Наче хмарою заслоныло, и свитъ мени не мылый, и не дывылась бы ни на кого, тилько ты одынъ зъ думкы не выходышъ, ажъ увыждаешься—страстно обнимая его, прижимая къ себѣ, шептала она и цѣловала-миловала его...

Онъ и словъ не находилъ, отвѣтить ничего не могъ. Въ эту минуту онъ и ея мужа забылъ, и всѣ свои дѣла; онъ даже не давалъ себѣ отчета въ томъ, что вотъ теперь онъ съ нею, не любовался ею, а чувствовалъ ее всѣмъ существомъ своимъ, сливался съ нею въ страстныхъ объятіяхъ.

И онъ, и она многое хотѣли сказать другъ другу, когда думали о предстоящемъ свиданіи, но теперь все это забыто, ничего они не вспомнили.

Не сразу достучалась къ нимъ Сохва, явившаяся припомнить имъ о необходимости прекратить свиданіе—разойтись. Она, впущенная Хведькомъ въ хату, не смотрѣла на нихъ, а только сказала Хведьку.

— Буде! Иды до дому, тамъ жоныхъ прыихавъ, прывизъ муку и гости збираются ихаты вже...

Не попрощавшись, выскочилъ парень изъ хаты и, пробѣжавъ огородами, очутился у себя во дворѣ.

Не много погодя Мелашка улицей прошла къ своимъ.

XLIII.

Незамѣтно прошла недѣля въ хлопотахъ по приготовленію къ свадьбѣ. „Титка Горпына" и Полька два раза каждая по-

бывала у Самченковыхъ, а въ пятницу прямо съ базара онѣ пріѣхали уже на все время свадьбы, привезли съ собою купленную на базарѣ цѣлую тушу баранины и полпуда свинины. Подушки, купленныя, какъ это разсказано выше, у черницъ были доставлены въ одинъ изъ пріѣздовъ Польки и сложены въ коморѣ. Сохва принимала самое дѣятельное участіе во всѣхъ хлопотахъ: ей было между прочимъ поручено заготовленіе локшины, лапши изъ пшеничной муки, привезенной женихомъ; у нея въ хатѣ принимался каждый вечеръ являвшійся со своимъ бояриномъ женихъ, Какъ съ вечера, такъ и по утру гостей этихъ угощали яишницей, млынчиками и оришками[1]). Принявъ на себя всѣ эти хлопоты, Сохва явила извѣстную долю самопожертвованія, такъ какъ ея личныя дѣла-заработки на молотьбѣ подсолнуха или при экономическихъ молотилкахъ—пришлось упустить. Машка съ подругою—Орышкою Плахотыною—не выходили почти отъ Сохвы, спѣшно заканчивая кой какое шитво, при чемъ не переставали пѣть. Пѣсни ихъ не были обрядовыя, свадебныя. Нѣтъ. Это были пѣсни бытовыя, въ которыхъ разсказывались разныя случайности изъ исторіи любви, а также супружеской жизни. Въ нихъ и „любылыся, кохалыся якъ голубивъ пара“, и расходились „якъ чорная хмара“; и порывалось и серце, и душа туда, въ то село, которое не видно, а виднѣлась одна только груша; и тоскованіе за „мыленькымъ, моимъ сонцемъ“, котораго она выглядываетъ „сидя край виконця“; и просьба отдать ее „не за старого, не за малого—за козаченька молодого“; и ужасы жизни за „пъяныченькомъ проклятымъ“; и о сосонкѣ прекрасной, и о доленькѣ несчастной; и о томъ, какъ несчастная „водыла коня, щей другого—вызволяла його молодого“ и какъ ей за все это была одна и таже „шана“.

— Косою хату вымитала,
Плечьма двери одчыняла—...

---

[1]) *Млынцы, млынчикы*—блины. *Оришкы*—кубиками порѣзанное пшеничное тѣсто, прожаренное въ салѣ, маслѣ или смальцѣ.

Все перебиралось въ пѣтыхъ ими пѣсняхъ—этихъ резюмированіяхъ горькой жизни, этихъ складныхъ жалобахъ на долю горькую, на „биду горюваньячко“.

Хведько два раза натыкался на это пѣніе и каждый разъ, боясь перебить его, останавливался и слушалъ—воровалъ это малодоступное ему удовольствіе. Онъ уже ушелъ отъ того возраста, когда этого можно было вдоволь наслушаться на „юлыци“, между молодежью. Пѣніе всегда настраивало его жалобно, звучало чѣмъ то безвозвратно ушедшимъ прошлымъ, припоминало ему короткую, прерванную невзгодами весну его жизни...

„А въ мого двора
Нема ни кола,
Тильки й родыны, що кущыкъ калыны,
Тай та не цвила!
Калыно жъ моя,
Чомъ ты не цвила?
Та булы жъ зимни, лютыи морозы,
Тимъ я не цвила, цвиту не дала...“

Безнадежностію звучала пѣсня и безнадежно, съ жалемъ за прошлымъ, болѣла душа у парня за изломанной жизнью.

Еще въ четвергъ съ вечера была „вынята дижа“, т. е. сдѣлано приготовленіе къ печенію свадебныхъ тѣстъ. Явившіяся прямо съ базару въ пятницу „титка Горпына“ и Полька застали уже посаженными въ печь „шышкы“ Сохвою и нарочно приглашенною для сего сосѣдкою молодицею.—„Шышкы липылыся“ такъ: изъ подмѣшеннаго и взошедшаго тѣста выкатывались длинныя полоски; на одной изъ продольныхъ сторонъ полоска нарѣзывалась частыми рѣзами, затѣмъ эта полоска тѣста непорѣзанной стороной свертывалась и обводилась тонкимъ валикомъ изъ тѣста, какъ бы связкой. Разрѣзанная сторона распиралась и выходило что то похожее на цвѣтокъ. Эти „шышкы“ пеклись въ большомъ количествѣ.

Между тѣмъ навернувшійся изъ волости „дядько Иванъ“ предложилъ Хведьку пойти въ заводскій подвалъ купить къ свадьбѣ ведро водки, которая въ подвалѣ и дешевле и „добрій-

ша". Но у Самченковыхъ не оказалось нужной посуды. Сохва опять и здѣсь выручила: у кого то изъ сосѣдей добыла „баклагъ"[1]), который оставалось только замочить, такъ какъ онъ былъ немного разсохшійся. Замачиваніе «баклага» задержало ихъ, —они отправились въ подвалъ уже передъ заходомъ солнца. Тамъ тоже пришлось „забарытыся", потому что, по случаю пребыванія въ это время на заводѣ какого то акцизнаго начальства, подвальный не рѣшался отпускать одно ведро, а поджидалъ, пока не прійдетъ еще кто нибудь изъ покупателей, чтобы хоть въ разныя посуды отпустить не менѣе трехъ ведеръ. „Дядько Иванъ" такъ и не дождался отпуска водки, а немного напробовавшись „добрійшой", отправился домой, оставивъ Хведька въ подвалѣ дожидать, пока стемнѣетъ и тогда вынести баклагъ подъ полою.

Рано въ субботу собрали Машку съ ея подругою въ путь-дорогу „клыкать на весилля". Ей предстояло побывать и на Удильщинѣ въ домѣ жениха, и въ домѣ Польки, и на Бемовкѣ у діакона, у котораго она лѣтомъ служила, и на „Деревнѣ", въ домѣ „титки Горпыны",—гдѣ она должна была взять „въ дружкы" свою двоюродную сестру—подростка Орышку, и въ своей слободѣ то тамъ, то сямъ, и у „дядыны Катри" и у сосѣдей...

Пораньше собрали кой чего поснидать и затѣмъ вырядили. Машка надѣла ловко сшитую „кожушанку", отороченную крымскимъ сѣрымъ смушкомъ, пришпилила поверхъ шелковаго (гарнитуроваго) платка, повязаннаго на головѣ такъ, что макушка осталась непокрытою, вѣнокъ искусственныхъ цвѣтовъ, въ выпущенную косу вплела алую шелковую ленту. Помолилась и, наученная присутствующими молодицами, обратилась къ „титкѣ Горпынѣ".

— Благословить, мамо, ридъ-родыну, людей добрыхъ на весилля клыкать.

— Богъ благословыть.

— И въ друге, и въ третте.

---

[1]) Плоскій боченокъ.

— Богъ благословыть, Богъ благословыть, и я благословляю—отвѣтила „титка Горпына“ и подала ей завернутыя въ платокъ двѣ шишки и еще особо завернутую, пошитую для „молодого“, рубашку.—Оба эти свертка Машка приняла изъ рукъ „титкы Горпыны“, а Полька подала дружкѣ палочку, и дивчата отправились.

Провожая ихъ на крыльцо, Полька наставляла Машку:

— Кланяйся въ поясъ и кажы такъ:—Мылосты вашои просю до мене на весилля.

Дивчата прежде всего обошли сосѣдей. „Молода клыкала на весилля“ и у нѣкоторыхъ просила отпустить дочь „въ дружкы“.

— Пустить до мене Настю (или Дуньку) въ дружкы.—

— Въ добрый часъ! Боже тоби поможы и благословы.—

На плотину изъ слободы „молода“ вышла уже въ сопровожденіи пяти дружекъ. Перешедши мостъ, „дружки“ осмѣлились запѣть. Онѣ пронзительно визжали (верещали) очевидно раньше прорепетированную пѣсню.

Ой попе, попе Матвію,
Не звоны рано въ недилю,
Зазвоны пораньше въ суботу,
Нехай пускають зъ роботы,
Нехай дружечкы не прядуть,
Нехай же воны винкы вьють
Изъ руточкы та изъ мъяточкы,
Изъ червонои та калыночкы.
Ой зъ червонои та калыночкы
За для молодои та Марьечкы,
Та въ дерева та ялыны
За для молодой княгыни.

Послѣднія слова пѣсни онѣ тянули какъ можно дольше.

Сходя уже съ плотины на лугъ, „молода“ съ дружками встрѣтила своего будущаго свекра—Теслю, ѣхавшаго къ священнику въ Андреевку „за выправкою“, за которую нужно было по окончательному уговору уплатить шесть рублей.

Увидавъ издали и узнавъ Теслю, Машка обратилась къ подругамъ:

Шо жъ мени робыть? Чы клыкаты?... (она не сказала кого, такъ какъ не знала въ эту минуту, какъ назвать Теслю).—Дивчата зглянулись, и когда всѣ узнали, кто ѣдетъ, порѣшили, что нужно клыкать. Тесля, подъѣхавъ ближе и увидавъ, что дивчата направляются съ „молодою" впереди къ нему, попридержалъ лошадь и на поклонъ и приглашеніе Машки, отдавая ей шишку, которую онъ поцѣловалъ, приподнялъ малахай и сказалъ.

— Спасыби, батькова дочко! Нехай Богъ помогае! И васъ до насъ просымо.—

По Бемовкѣ прошли дивчата на Удильщину. Шли онѣ шибко, такъ что сопровождавшія ихъ по улицѣ дѣти только въ припрыжку поспѣвали за ними. Орышка Плахотына, какъ старшая дружка, шла слѣдомъ за „молодою", готовая данной ей палочкой (цѣпкомъ) отогнать взбудораженныхъ „верещаннямъ" дружекъ собакъ.

Зашли къ Зубатенкамъ—(дворъ Польки) и направились по указанію ихъ ко двору Тесливъ. Тамъ у Тесливъ шли приготовленія къ свадьбѣ; стояла уже дижа съ замѣшеннымъ тѣстомъ, когда кто-то сказалъ о приближеніи „молодой" съ дружками. „Стара Теслиха" вышла на крыльцо и тамъ ожидала подходящихъ ко двору „молодую" и дивчатъ, окруженныхъ сопровождающею ихъ дѣтворою. Подошедши къ двору, дружки пѣли:

Заручена наша Марьечка
Заручена....
Положыла билую руку
На заруку....
Била жъ моя рученька у батенька,
Ой чы будешъ така жъ била у свекорка....
Якъ будешъ ты, Марьечко, покирненька
Буде твоя рученька все биленька,
Якъ будешъ же ты тай упряма,
Буде твоя головонька що дня пьяна.

У садочку шевліечка зелененька,
Тамъ ходыла наша Марьечка молоденька,
А за нею Ивашечко изтыхенька,
— Стривай, постій ты, Марьечко,
Уже жъ ты моя—
Вона стала й одказала:
— Ой ще жъ не твоя.
Ой я въ свого роду паняночка,
А ты въ свого панъ.
Шукай соби ты иншои,
Такои, якъ самъ...—

— Идить же у двиръ, батькови дочкы, позвала дивчатъ Теслыха. Но дружки не унялись и еще пропѣли.

Тисни ворота, тисни...
Йихалы бояре пышни.
Везлы каравай и шышечкы,
Щобъ збыралыся дружечкы;
Щобъ и батенько догадався
И къ весиллячку прыби—р—а—вся...

Протянули онѣ, послѣ чего прошли вслѣдъ за молодою во дворъ, а послѣ и на „прысинкы“ хаты, гдѣ Машка „трычи нызенько вклонылася“ будущей своей свекрухѣ и приговаривала обычную формулу приглашенія на свадьбу.

— Спасыби тоби, моя дытыно. Боже вамъ допоможы.... И до насъ просымо—отвѣтила Теслиха и, принявъ отъ „молодой“ завернутую въ новый платокъ шышку, позвала ихъ войти въ хату. Здѣсь имъ предложили «поснидать», но дивчата отказались „Молода“ подала въ платкѣ пошитую ею для „молодого“ рубашку. Теслиха развернула платокъ, достала рубашку и показала бывшимъ въ хатѣ, очевидно, для сегодняшняго торжества собравшимся, „жинкамъ“. Тѣ разсматривали шитво и передавали одна другой. Опять стали приглашать „хоть трохы чого закусыть“, но дивчата не садились даже и положительно отказались.

Тогда Теслиха достала изъ стоявшаго на „покути“ рѣшета свою шишку, завернула ее въ свой новый большой платокъ и

подала „молодой," еще поблагодарила ее и всѣхъ дружекъ и проводила ихъ за ворота, гдѣ онѣ сейчасъ же заверещали:

Ишлы дружечкы
У три рядочкы,
А Марьечко тай попереду,
Уси жъ дружечкы
Такъ якъ макивъ цвитъ.
А Марьечка, якъ повна рожа.

XLIV.

Пока молода съ дружками обходила намѣченныхъ родичей, въ хатѣ Самченковыхъ затѣвалась церемонія приготовленія „коровая" и „лежня", начинали „коровой бгаты".

Въ печи уже кончилась стряпня заготовляемыхъ къ вечеру кушаній. Сварили „капусту" со свининой и бараниной, сжарили баранину и приготовили бульонъ для „галушекъ". Стряпали (поралыся коло печи) Сохва и Полька подъ наблюденіемъ „титкы Горпыны", самолично состряпавшей только „варену", какое то питье изъ вишень, меду и водки, которое она въ особомъ горшкѣ, плотно укутавъ крышкою по изготовленіи, поставила на печь въ самый уголъ. Пришли еще двѣ сосѣдки нарочито приглашенныя; явилась и „дядына Катря"....

Изъ валькира съ лежанки внесли прикрытую скатертью „дижу", въ которой еще съ вечера была „вчинята опара" и поставили на особую табуретку. Всѣ четыре молодицы—Сохва, Полька и двѣ сосѣдки—позасукивали рукава выше локтей, помыли руки и приступили къ дижѣ. Полька перекрестилась и, оглянувшись по хатѣ, сказала.

— Благословить, добри люде, почынаты коровай мисыты.

— Богъ благословыть—отвѣтили ей.

— И въ друге, и въ третте...

— Богъ благословыть, Богъ благословыть—повторили.

Тогда она изъ поданной въ большой мискѣ муки взяла три раза по полной пригоршнѣ, всыпала въ дижу и стала мѣсить ее сжатыми кулаками. Все то же вслѣдъ за Полькою продѣлали, только не благословясь уже и остальныя три молодицы. Замѣшенное такимъ образомъ тѣсто прикрыли скатертью и поставили на лежанкѣ для того, чтобы тѣсто „взошло".

Молодицамъ предложили „поснидать", но онѣ порѣшили, что „снидать" будутъ послѣ того, какъ посадятъ коровай въ печь. Одну изъ молодицъ отправили „ажъ до Могрыцькыхъ добуты калыны", необходимой при печеніи, какъ свадебныхъ хлѣбовъ, такъ и въ дальнѣйшихъ церемоніяхъ свадьбы.

Вернулась она съ цѣлымъ пучкомъ калины, наломанной прямо съ куста, даже съ зелеными листьями; печь уже готова, тѣсто взошло, что провѣрено всѣми наличными женщинами, входившими по очереди въ валькиръ, приподымавшими скатерть и заглядывавшими въ дижу. Порѣшено приступить къ приготовленію коровая.

— Хто до кого, я до Бога, до вашого здоровья. Благословить коровай бгаты, шышкы липыты,—сказала Полька, ставъ посреди хаты съ засученными и помытыми руками, очевидно вошедшая въ свою роль главной заправилы.

Хведько, призванный нарочно Сохвою и усаженный около стола, по ея же подсказу, конфузясь и путаясь въ словахъ, отвѣтилъ.

— Богъ благословыть. И въ друге и въ третте.

— Дижу вынесли вчетверомъ крестъ на крестъ молодицы изъ валькира и, троекратно приподнявъ ее на рукахъ вверхъ, поставили на табуреткѣ и, „хрестъ на хрестъ" нагинаясь надъ дижою, поцѣловались. Подмѣсили еще немного муки и начали мѣсить всѣ четверо одну большую булку, которую и положили на поставленную на столѣ и присыпанную мукою крышку дижи—(вико).—Два выкатанныхъ изъ тѣста валика положили крестообразно на булку и затѣмъ такимъ же валикомъ обвели снизу булку, приткнувъ мѣсто стычки концовъ валиковъ прутиками калины. Послѣ того, слѣпивъ одну большую шишку, воткнули

ее на верху „на перехрести", а четыре меньшія шишки между крестовиками. При этомъ молодицы пѣли:

Тройця Спаса за ручепьку водыла..
„Ходы, Спасоньку, до насъ,
„А въ насъ, Спасе, все гараздъ:
„Хорошыи коровайныци,
Хороше коровай бгають,
Сыромъ прысыпають,
Масломъ полываютъ.

Затѣмъ лѣпили „лежень": вылѣпленную продолговатую булку изукрасили разрѣзанными по продольной сторонѣ выкатанными изъ тѣста полосками, а низъ обвели круглымъ валикомъ. Изъ остальнаго тѣста налѣпили шишекъ.

Упиравшагося Хведька заставили поданною ему кочергою сгресть золу въ печи, а послѣ немного смоченнымъ помеломъ подместь подъ чиринь печи. При этомъ припѣвали:

Кучерявый пичь вымитае,
Пелехатый заглядае,
Чы хороше кучерявый вы-ми-та-е...

Едва онъ кончилъ эту работу, какъ всѣ четыре молодицы-коровайницы накинулись на него и мазали его лицо мокрыми и даже запачканными тѣстомъ руками такъ, что онъ силою вырвался отъ нихъ и безъ шапки при общемъ хохотѣ всѣхъ присутствующихъ побѣжалъ изъ хаты.

Опростанную дижу опять всѣ четыре молодицы три раза высоко приподняли такъ, что она ударилась въ сволокъ и вынесли обратно въ валькиръ, припѣвая:

Дижа, дижечко кленовая,
Въ тоби донце дубовее,
Мы въ тоби тисто мисылы
Мы зъ тебе коровай бгалы,
Лежень шышкы ли-пы-л-ы.

Раньше еще были измѣрены „челюсты" (отверстіе) печи. Молодицы перекрестились, и Полька обратилась къ „титкѣ Горпынѣ" со словами: „благословить коровай на чиринь сажаты",

и, послѣ обычнаго „Богъ благословыть“, молодицы понесли коровай на крышкѣ дижи и съ крышки осторожно спустили на подъ печи; а затѣмъ ужъ съ лопаты поспускали „лежень“ и шишки.

Когда несли со стола коровай, то пѣли:

Ой пичь ходыть на ногахъ,
Дижу несемо на рукахъ.
Ой пичъ наша, пече!
Спечи намъ коровай грече...

Когда все это покончили, „титка Горпына“ зажгла пучокъ соломы на загнеткѣ (прыпечку), осмотрѣла внутренность печи, пригребла ближе къ челюстямъ жаръ и, перекрестивъ, закрыла заслонкой печь.

Молодицы тѣмъ временемъ пѣли:

Ой зъизжайся роде-родыонько
Та до насъ на пораду,
Бо въ насъ ладу немае:
Старая маты порядкивъ не знае,
До стола не прыступае,
Кубочкивъ не сповняе,
Гостей не витае...
Ой пече жъ наша, пече
Спечы намъ коровай грече.
Та за цюю вить
Намъ чарокъ по шисть.
А то хоть по однiй
Абы по повнiй.

И начали тормошить „титку Горпыну“.

— Постойте! Гетьте, сорокы!—добродушно, шутливымъ тономъ отбивалась отъ нихъ „титка Горпына“.

— А дежъ це нашъ молодый хозяинъ?—отозвалась одна изъ молодицъ.

— Винъ десь зъ ляку забигъ зъ двора—його теперъ и не заклычешъ у хату—отвѣтила смѣясь другая.

Но Сохва нашла его въ сѣняхъ и ввела, увѣривъ, что больше никто его не тронетъ, а „вмылы“ его потому, что „такъ годытся“.

Полька подала на столъ закуску, а „титка Горпына“ поднесла всѣмъ водки. „Поснидавъ“ съ молодицами и Хведько.

И во время снидапья, и послѣ того, то одна, то другая изъ молодицъ попеременно пріоткрывали заслонку и заглядывали въ печь. Послѣ нѣсколькихъ такихъ заглядываній начали вынимать шишки, а затѣмъ уже и коровай съ лежнемъ. Все это укладывалось на застланной скатертью лавкѣ, пока остынетъ. Послѣ шишки сложили въ какое то рѣшето, а коровай и лежень положили на столъ. Лежень какъ разъ посрединѣ стола, а коровай ближе къ концу стола противоположному „покутю“, т. е. переднему углу. Коровай ставила сама „титка Горпына“, перекрестившись и благословившись....

— Благословить коровай на ёго мисти ставыть.

Хведько не находилъ себѣ мѣста въ хатѣ: сидѣлъ на лавкѣ—его оттуда прогнали, когда раскладывали вынимаемыя изъ печи шишки; подался къ порогу—здѣсь онъ мѣшалъ подходить къ печи; перешелъ на другую сторону стола—его отстранили, когда стали застилать столъ; хотѣлъ было пройти въ вальниръ—тамъ поналожено всячины... Такъ и топтался онъ съ мѣста на мѣсто по хатѣ, пока Сохва смѣясь примостила его въ углѣ на скрынѣ.

Молодыця тѣмъ временемъ пѣли:

Ой пропою, та пропоечку,
Пропывъ есы свою дочку
У вышневому садочку
За медъ горилочку.
Колыбъ я знала, що засватана буду,
Не ковала бъ, не золотыла перестеньочка,
Не обковала бы крыльця та въ голубочка,
Узяла бъ його сызыи крылечка
Тай поленула бъ край свиточка,
На чужую та сторононьку,

До чужого та до родоньку,
Подывылася бъ на чужого батенька,
Чы винъ ридный, чы на все довильный.
Такъ не такый довильный
Якъ мій ридный...

Надошли „дядько Иванъ“ и мужъ Польки, Максимъ Зубатенко. Первый, поздоровавшись, спросилъ.

— Ну, що жъ вы тутъ зовсимъ управылыся? Я зустривъ свата, повизъ выправку до свого батюшкы. Казавъ, що скоро прыбудуть. Я оце одпросывся въ росправи....

Имъ предложили закусить, поднесли по рюмкѣ водки. Угощеніе это шло по домашнему, какъ у своихъ людей, безъ всякой обрядности.

Одна изъ сосѣдокъ пошла за чѣмъ то домой, другая перетирала посуду; Полька и Сохва съ „титкою Горпыною“ въ вальkирѣ что-то укладывали, распредѣляли. При завтракающихъ оставался Хведько да еще „запышавшаяся дядына Катря“, очевидно недовольная тѣмъ, что ее не пригласили на совѣтъ въ вальkиръ....

Позавтракавъ, хотя это было уже послѣ полудня, „дядько Иванъ“ и Максымъ встали изъ за стола, перекрестились и сѣли на лавкѣ.

Тихо было въ хатѣ, слышенъ былъ шопотъ совѣтовавшихся въ вальkирѣ.

— Годына стала. Слава Тоби Господы! отозвался „дядько Иванъ“ очевидно ради того, чтобы прервать молчаніе.

— Еге жъ! Богъ давъ—пообсіялыся саме упору передъ дощемъ, а теперъ хоть бы й попогодыло. Вже почалы копаты бурякы. Отъ зъ недили и въ насъ начынатымуть—поддержалъ разговоръ мужъ Полькп.

Молодица поприбирала со стола и стала около окна.

— Онде диты побиглы—чы не йде наша „молода“,—сказала она, посмотрѣвъ въ окно на улицу.

Дѣйствительно, послышалось верещаніе дружекъ. Машка возвращалась со своего обхода съ нѣсколькими дружками. Вокругъ нихъ увивалась Красноселовская дѣтвора.

Дивчата остановились около двора и заверещали:

Тисни ворота, тисни—
Йихалы бояре пышни,
Везлы коровай й шышечкы,
Шобъ збиралыся дружечкы,
Шобъ и батенько догадався
И къ весиллячку прыбирався.
Гуляй, гуляй, наша Марьечко,
Покы волю маешъ,
Ни провищо не дбаешъ,
Свою воленьку вволяешъ.
Соби на здоровъячко,
Родови на втишаньячко.
Недоброи матери тоди погуляешъ,
Якъ выйдешъ замижъ...

— Идить, идить,—въ хату! Буде вамъ верещать—позвала Полька дивчатъ.

Въ хату прошла первою Машка, вся красная, съ заплаканными глазами. Полька это замѣтила и пристально посмотрѣла на нее. Одна изъ пропускаемыхъ Полькою въ двери дружекъ шепнула.

— У „Балци" булы, голосыла на могыльци. Полька поняла, что Машка заходила на могилу матери, и вздохнувъ пошла за дружками въ хату.

— Днювалы соби! Боже вамъ допоможи!—говорили дружки, входя въ хату и перекрестившись на образа.

— Проходьте дивчата. Проходьте дали, сидайте, потомылысь—приглашала Полька дружекъ, пока Машка, подавъ „титци Горпыни" завернутую въ платокъ шышку, раздѣвалась.

„Титка Горпына", вывязавъ шышку изъ платка, разсматривала его и показала Сохвѣ. Это былъ платокъ, данный свахою Машкѣ взамѣнъ ея платка и предназначенный для ношенія на головѣ.

Оправившаяся въ валькирѣ Машка вышла и пригласила съ обычными поклонами „дядька Ивана" и мужа Польки, такъ

какъ она хотя и была у нихъ дома, но ихъ не застала. На деревнѣ Машка забрала въ дружки свою двоюродную сестру, дочь титки Горпыны, подростка Орышку. Тамъ же она, проходя около двора Дейнекивъ, увидала Мелашку и ее пригласила на свадьбу.

XLV.

„Дядько Иванъ“ и Максимъ отодвинулись отъ, стола, давая мѣсто дружкамъ, а Хведько даже совсѣмъ всталъ съ лавки и стоялъ, но дивчата не пошли за столъ, а кое какъ жались въ углу хаты около валькиря.

Было уже не рано—вотъ и къ вечернѣ заблаговѣстятъ. „Титка Горпына“, пошептавшись съ Полькою и Сохвою порѣшили „садовыть молоду“ за столъ.

Пока молодыци приготовляли миски и ложки, „титка Горпына“ зажгла три восковыя свѣчки и прилѣпила ихъ къ образамъ, въ числѣ которыхъ сіяла фольговой отдѣлкой новая икона, купленная Машкѣ на благословеніе и подала четыре свѣчки Полькѣ, какъ намѣченной въ свадебный чинъ свашки.

— На, свашко! Прылипы до короваю: це твое дило.

Полька взяла свѣчи, перекрестилась и, обратясь къ „дядьку Ивану“ и мужу, сказала:

— Хто до кого, а я до Бога, до вашого здоровья. Благословить коровай скрасыть, выльцемъ звыть, жертвою Божою.

— Богъ благословыть,—отвѣчали ей.

— И въ друге, и въ третте.

— Богъ благословыть, Богъ благословыть. Повторили они,

Всѣ присутствующіе въ хатѣ стояли, кромѣ „дядька Ивана“ и Максима, замѣнявшаго въ данномъ случаѣ старость.

Полька въ коровай около боковыхъ шишекъ воткнула по свѣчкѣ съ вѣточками калины и затѣмъ уже, когда ей подала запыхавшаяся, выбѣгавшая нарочно за тѣмъ одна изъ молодицъ, пучекъ житныхъ и овсяныхъ колосьевъ, она къ калинѣ и свѣч-

камъ прибавила по нѣсколько колосьевъ. Исполнивъ все это, Полька по подсказу молодицъ приняла со стола „лежень“, перекрестилась и отошла въ сторону.

— Ну, теперъ тоби, небоже, а не кому иншому заводыть за стилъ молоду,—обратилась „титка Горпына“ къ мужу Польки, Максиму.

Сейчасъ же подали ему платокъ, конецъ котораго онъ подалъ Машкѣ и, благословившись, провелъ Машку за столъ, а самъ вышелъ кругомъ изъ-за стола и сѣлъ на свое мѣсто.

Машка сидѣла на почетномъ концѣ стола, а дружки сѣли вдоль длиннаго края его. Старшая дружка поближе къ молодой.

Во время этого размѣщенія «молодой» съ дружками, послѣднія пѣли:

Уси янголы, уси святи
По виконечкамъ силы,
За для молодои Марьечкы
Благословення просылы
У батенька и у матинкы,
У всіеи та родыноньки:
„Благословить мени на посадъ систы“!
—Зъ Богомъ, донечко, и зъ молытвою,
Зъ Богомъ, дытятко, зо всима святыми;
Богъ тоби на помичч'
Янголы на радость!

Пока ставили на столъ миски съ „капустой“ и обкладывали ихъ ломаными кусками „паляныци“, дружки пѣли:

Ой рясна пышна калына въ лузи,
А щежъ краща наша Марьечка....
А передъ столомъ батько частуе,
Гостей частуе, щастямъ даруе,
Щастямъ, здоровьямъ, доброю долею.
А на покути Самъ Господь сыдыть,
А по виконцямъ все янгелята,
А скризь по стинамъ та вси святыи
А по надъ ными Божая Маты
Даруе щастямъ, доброю годыною...

Мологай, Марьечко, мологай! (sic)
Що въ тебе батенька не мае,
Шо въ въ тебе й матинкы не мае,
Нихто й порядкивъ не знае:
Та стоять столы непозастылани,
Чаркы и пляшкы не налывани,
Уси гости позасмучани.

Чтобы „выспивать“ все, что по свадебному чину полагается, дружки считали своей непремѣнной обязанностью. Передъ каждою новою пѣснею онѣ сшептывались, какъ бы совѣтуясь, при чемъ видно было, что старшая дружка, Орышка, репетировала весь извѣстный ей репертуаръ „весильныхъ“ пѣсенъ и что пѣсни эти извѣстны были остальнымъ дружкамъ. Обыкновенно Орышка начинала—„заводыла“, а остальныя дивчата подхватывали и хоромъ вели пѣсни до конца. Мотивы пѣсенъ этого дня были большею частью печальны, на минорный тонъ. Послѣднія слова пѣсни и послѣдніе слоги вытягивались. Отсутствіе арранжировки дѣлало то, что всѣ тянули въ одинъ тонъ и при этомъ ужасно визжали.

Около хаты Самченковыхъ сбѣжалось много дѣтей разнаго возраста. Они смотрѣли на всю церемонію въ окна, выходящія на улицу; изъ хаты въ окнахъ видны были цѣлыя кучи головокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя совсѣмъ прижаты были приплюснутыми носами къ стекламъ оконъ. Заслоненныя такимъ образомъ окна не пропускали свѣта. Но еще было свѣтло отъ оконъ, выходящихъ во дворъ, столъ освѣщался свѣчами около иконъ и на короваѣ. Въ хатѣ было душно и жарко, лица дивчатъ отъ жары и пѣнія были красныя, пылающія...

— Буде вамъ верещать. Вси пересписаете, на-дальше ничого й не зостанется... остановила дружекъ Полька.

„Титка Горпына“ между тѣмъ налила рюмку водки и обратилась къ мужчинамъ.

— Благословить дружокъ, молоду челядь, почастуваты.

— Богъ благословыть—хоромъ отвѣтили ей на ея троекратный запросъ, и она подала первую рюмку Машкѣ. Но та замотала головой и сказала:

— О, ни! Шо це вы?—а послѣ оправившись добавила: сами кушайте на здоровья...

— Ну, дай же намъ Господы, Пречыста Маты Диво и вси святыи, молодыхъ дитей подружыть. Даруй имъ Господы щастя, здоровья, викъ довгый, розумъ добрый. Будьте здорови'— заключила „титка Горпына“ и, поклонившись всѣмъ, надпила немного.

Долитую рюмку она подала Машкѣ, но та положительно отказалась. Тогда рюмка была подана старшей дружкѣ. Она помочила губы, скривилась и отдала рюмку. То же сдѣлали и всѣ дружки такъ, что подносимая рюмка была только расплескана и ничуть не надпита.

— Шкода жъ козамы сино травыть—сказала „титка Горпына“, отдавая Полькѣ бутылку и рюмку, и пригласила дивчатъ обѣдать.

Онѣ тоже сначала церемонились, но упрошенныя и соблазненныя одна за другою начали ѣсть, какъ слѣдуетъ. „Молода“, набѣгавшаяся столько, тоже не отставала отъ дружокъ. Меню было не особенно разнообразное: послѣ „капусты“ подана была на деревянныхъ тарелкахъ „покрышана“ (порѣзанная кусочками) свинина и баранина, а послѣ галушкы изъ локшины.

Когда поставили на столъ лапшу, „титка Горпына“ поподчивала дивчатъ «вареною». Машка опять отказалась пить, а дружки, поломавшись, прихлебывали понемногу, при чемъ притворно кривились и гримасничали.

Пошептавшись, дружки не громко и складно стали пѣть.

Ой ходыла та Марьечка по крутій гори,
Та побачыла селезня на тыхій води...
— Плавай, плавай, селезеньку, по тыхій води.
— Ой прыбудь, прыбудь, мій батенько, теперъ и къ мени,
Та дай же ты порадоньку бидній сыроти.—
— Ой радъ бы я, мое дытятко, прыбуты къ тоби,—
Надавыла сыра земля на груды мени,
Склипылыся мои очи, не гляну къ тоби,
Не дамъ тоби порадоньки, бидній сыроти.

Машка припала къ столу и рѣкой разливалась—плакала; Полька въ валькирѣ припала къ подушкѣ и себѣ рыдала; „титка Горпына“ вздохнула и набожно перекрестилась, прошептавъ Царство Небесне. „Дядько Иванъ“ и Максымъ понурились, молодыци, подперевъ подъ щеки руками головы, жалостливо смотрѣли на плачущую „молодую“; Хведько не выдержалъ, вышелъ въ сѣни, слезы повисли у него на рѣсницахъ,—жаль стало ему сестры сироты... Но мотивъ пѣсни и его исполненіе были такъ хороши, что хотѣлось слушать, терзаться душою.

— Плавай, плавай, сира утинко, по тыхій води—
Ой прыбудь, прыбудь, моя матинько, та ты и къ мени!—
Да рада бъ я, моя донечко, къ тоби прыбувать,—
Надавыла сыра земля, не можу я встать;
Не можу я встать, тоби порады дать,
Склипылыся тай устонькы—не можу сказать.

Дружки довели таки пѣсню до конца, не смотря на то, что „молода“ билась объ столъ, ревомъ ревила, что и сами онѣ, всхлипывая и чмыхая носомъ допѣвали послѣднія слова, что у всѣхъ были слезы на глазахъ.—Обычай, свадебный ритуалъ, требовалъ этихъ слезъ и вздоховъ, исполненія этой пѣсни на дѣвичникѣ выдаваемой замужъ сироты...

Замолкли дружки; тихо стало въ хатѣ, только молодая всхлыпывала, не приподнимая головы отъ стола, да тяжко вздохнула Полька въ валькирѣ. Въ хатѣ было совсѣмъ уже темно. Сохва зажгла сальную свѣчку, вставленную въ какой то грязный жестяной подсвѣчникъ и поставила на столъ; другую зажженую свѣчку, вставленную въ бутылку поставили на выступъ печки.

Дружки затянули опять печальную сиротскую пѣсню.

Зеленая та дубровонька, зеленая та дубровонько!
Ой на тоби та дубивъ много..
Зеленого тай ни одного, зеленого тай ни одного
Молодая наша Марьечко, молодая наша Марьечко—
Що у тебе та батькивъ много
А риднаго тай ни одного,

Що никому тай порады даты
Нашу Марьечку благословляты...

Опять рыданія молодой, плачъ Польки, общее терзаніе душъ жалостію къ сиротѣ, грустное настроеніе печальнымъ мотивомъ пѣсни.

Зеленая та дубровонько,
Ой на тоби та дубивъ много,
Зеленого тай ни одного

Тянули дружки послѣ небольшой паузы—

Молодая наша Марьечко;
Що це въ тебе матерей много,
А роднои тай ни однои,
Що никому порады даты,
Нашу Марьечку благословляты.—

„Тужыла"—плакала пѣсня, до конца истерзавшая всѣхъ. Двѣ дружки еще съ середины пѣсни не выдержали и себѣ вторили рыданьямъ молодой. Это были тоже сироты. Молодую даже довели до истерики, до восклицаній: „моя жъ матинько, моя жъ ридная!".

Дружки сдѣлали свое дѣло и стали выходить изъ-за стола, вытирая заплаканныя глаза, сморкаясь и чмыхая носами. Онѣ крестились и благодарили за обѣдъ. Одна молодица взяла кружку съ водой и, поглаживая молодую ласково по головѣ, уговаривала ее хлебнуть хоть глотокъ воды.

— Буде, Машечко! Буде, риднесенька!—уговаривала она ее!

Хведько стоялъ у пріотворенной двери, насупившись, со слезами на глазахъ, растроганный, разжалобленный, въ какомъ то оцѣпенѣніи. Онъ такъ стоялъ и тогда, когда уже въ хатѣ всѣ пришли въ себя и перекидывались словами, когда кто то посмотрѣвшій въ окно сказалъ, что пріѣхали сваты, и когда его посылали ихъ встрѣчать, ворота отпирать. Не сразу онъ понялъ, чего отъ него требуютъ.

— Иды ворота одчины—чуть не третій разъ повторила Сохва—зустривай сватывъ...

Хведько очнулся и, повернувшись идти, увидалъ входящихъ въ сѣни сватовъ еще съ какими то людьми. Онъ отстранился, давая имъ дорогу.

„Днювалы соби въ добримъ здоровьи? Боже вамъ поможы у вашому дили—сказалъ „старый сватъ“ Тесля перекрестившись на образа, при которыхъ, какъ и на коровaѣ, зажжены были опять раньше того потушенныя свѣчи. Почти то же повторили и всѣ вошедшія со сватомъ—жена его, одинъ изъ старостъ, дружко и двѣ родычки. „Стара Сваха“ достала изъ платка паляныцю и, подтолкнувъ очевидно забывшаго про нее мужа, подала ему, а онъ уже подалъ ее „титци Горпыни“.

„Молода“ и дружки поприжались въ углу хаты и дверяхъ валькиря. Сватовъ съ ихъ спутниками попросили за столъ. Они крестились и разсаживались. Сохва внимательно посмотрѣла на иконы, очевидно соображая, которая изъ нихъ „благословенна“, и на коровай.

Когда гости разсѣлись, дивчата потихоньку выбрались изъ хаты и потолкавшись въ сѣняхъ, всею юрбою отправились въ хату Сохвы, захвативъ у нея ключъ.

На столъ опять подано было все то же, что и дружкамъ, и гостей подчивалъ водкою „дядько Иванъ“ запросто, безъ предварительнаго обращенія за благословеніемъ. Это былъ не „обрядовый столъ“, а угощеніе „сватовъ“, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ „молодымъ“ на пидвесилокъ, гдѣ заглавная роль принадлежала молодежи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было условиться подробно о порядкѣ свадебномъ на завтра, когда и какъ ѣхать вѣнчаться молодымъ, кому ѣхать съ ними, куда ѣхать отъ вѣнца, когда начинать самое „весилля“. Все это нужно было въ точности оговорить, обусловить, и обо всемъ этомъ и говорилось во время „трапезы“, т. е. угощенія сватовъ, которое по времени нельзя назвать было обѣдомъ.

XLVI.

Хведько не входилъ въ хату, а устраивалъ на дворѣ лошадей сватовъ вмѣстѣ съ женихомъ и его боярыномъ. Лошадей не распрягали, а только поотпускали черезсѣдельники и подкинули корму. Женихъ передалъ Хведьку для спрята четыре бутылки—три съ водкой и одну съ „красной"—и узелокъ съ „заидкамы".

— Идить же, браты, въ хату, а я тутъ доглядатыму—сказалъ Хведько жениху и боярину, вернувшись изъ избы, куда онъ носилъ переданное ему на сохраненіе.

Они постояли, переглянулись и пошли не въ хату Самченковыхъ, а за ворота, направляясь къ хатѣ Сохвы вслѣдъ за дивчатами.

Но около двора Сохвы ихъ „перестрилы" мѣстные парубки и заступили дорогу съ угрожающими минами и вопросами.

— Хто вы таки? Чого вы тутъ ходыте?

Парубки знали, что за этихъ „чужихъ" можетъ вступиться „Попокъ" котораго они побаивались, но допущеніе такъ безданно, безпошлинно „чужихъ" парубковъ къ „своимъ дивчатамъ" слишкомъ уже роняло ихъ парубоцкое достоинство, и они задорно приступали къ „молодому" и его боярыну. Въ задорѣ этомъ сказывалось архаическое исключительное право на обладаніе своихъ мужчинъ женщинами своего рода.

— Колякамы ихъ! По потылыци!—слышались возгласы изъ кучки парубковъ.

Дѣтвора-подростки, первѣйшіе зрители и свидѣтели всякаго рода событій улицы, столпились тутъ же, и нѣкоторые даже подпрыгивали въ ожиданіи драки между „своимы" и „чужимы" парубками. Эти чужіе, двое только—женихъ и бояринъ, прижатые наступающими къ забору, оторопѣли и положительно не знали, что дѣлать. Бояринъ попытался было отговориться.

— Це жъ молодый—винъ же сюды не такъ соби прыйшовъ.... Но въ кучѣ наступающихъ парней послышалось:

— А що намъ молодый! Хто ёго сюды клыкавъ?! За чубъ ёго та по потылыци....

Кто это выкрикивалъ, нельзя было разобрать.

Хведько, устроивъ лошадей сватовъ, хотѣлъ пойти въ хату и на „прысинкахъ" встрѣтился съ Сохвою, которая сказала ему, что пойдетъ къ себѣ „попорядкуваты" тамъ, когда въ калитку просунулась чья то дѣвочка и пропищала:

— Тамъ вашого молодого заходжуются быть...

Какъ ошпаренный кинулся Хведько за ворота, а за нимъ Сохва, понявшая смыслъ этого оповѣщенія. Она схватила за рукавъ Хведька и пріостановила его.

— Ось потривай лышень! Я сама побалакаю. Це то, може, „скупъ беруть".

Въ толпѣ дѣтворы и парней, окружившихъ молодого и боярина, послышалось „Попокъ! Попокъ".

Стоявшіе ближе подались назадъ. Сохва пошла прямо къ задержаннымъ жениху и боярину.

— Шо? Не пускають? Скупъ беруть?—спросила она ихъ. А що жъ, воно такъ и поводыться. Скилькы просыте? Обратилась она къ парубкамъ, между которыми узнала кой-кого изъ знакомыхъ ей. Они опять понатолпились, но не отвѣтили на заданный вопросъ. У нихъ существовало сознаніе своего права не допускать „чужихъ" парней до „своихъ дивчатъ", затѣяли они такую демонстрацію, но ни о способахъ выраженія ея, ни о цѣляхъ, ею достигаемыхъ, никто изъ нихъ не думалъ,—все дѣлалось какъ то инстинктивно. Вопросы Сохвы застали ихъ врасплохъ, не готовыми къ отвѣту. Они переглядывались и не знали что отвѣчать, хотя и увидѣли, что и страшный для нихъ „Попокъ" подходилъ къ нимъ спокойно, не выражая намѣренія вступиться за атакуемыхъ жениха и его боярина. Съ другой стороны подошелъ близкій сосѣдъ Грыцько Журыленко, отъ своихъ воротъ видѣвшій все это столкновеніе и понимающій его такъ-же, какъ поняла его Сохва.

— Це вже такъ заведено: скупъ треба заплатыть. Скилькы вы, хлопци, запросылы? Просить бильше: бачыте яку ловку дивку одъ насъ беруть. Не меньше, якъ бочку горилкы и меду. Проворонылы!..—говорилъ Журыленко въ шутливомъ тонѣ.

Дѣло улаживалось, сводилось на обычай—шутку.

— А ты отъ якъ—обратилась Сохва къ молодому:—вклонысь, попрохай до себѣ на пидвесилокъ, а якъ що скупъ—заплаты, ничого робыть...

Молодой и бояринъ оправились совсѣмъ. Они поняли, что задѣвающія ихъ самолюбіе угрозы свелись къ обычаю скупа, о которомъ они знали по наслышкѣ. Молодой приподнялъ шапку и сказалъ.

— Просю васъ, браты, до мене на пидвесилокъ, на вечорыны.

Старшіе изъ парней (такъ какъ тутъ были и подростки) тоже приподняли шапки и картузы и вѣжливо отвѣтили:

— Спасыби, брате, нехай вамъ Богъ помогае!

— А якъ же скупъ? отозвался кто-то.

Сохва успѣла шепнуть молодому, и онъ доставалъ изъ кармана двѣ монетки по 15 копѣекъ. Доставъ деньги, онъ не зналъ, кому ихъ отдать, и держалъ въ протянутой рукѣ. Никто изъ парней не рѣшался брать ихъ.

Опять Сохва разрѣшила недоразумѣніе: она взяла у жениха деньги и подала ихъ знакомому парню Семену Безуху.

— Беры. Оце пропыйте ихъ, тай прыходьте до насъ на вечорыны. Ты прыходь, Мытьку беры, Олексія, Васыля... зъ собою. Воно жъ вамъ лычыть буты на свадьби: отъ-отъ незабаромъ и васъ женытымуть—разъясняла она.

Семенъ взялъ деньги, всѣ столпились къ нему посмотрѣть сколько, а Сохва повела жениха и боярина къ себѣ во дворъ.

— О! це мало! Мало!—послышались голоса, но дѣло ужъ было сдѣлано—скупъ взятъ.

При входѣ въ хату „молодого“ съ бояриномъ, дружки, стоявшія около стола, у конца котораго сидѣла въ задумчивости Машка, запѣли.

Ой зъ суботы на недиленьку
Збиралася ридъ-родынонька
Бога молыты, щей Божу Матирь,
Божую Матирь и усихъ святыхъ.

Благословить намъ виночкы плесты
Зъ повнои рожи за для Марьечкы,
А зъ барвиночку за для Ивашечка,
Цвитъ калыною ихъ зукрашаты,
Зеленымъ лыстямъ,
Здоровьямъ, щастямъ!

Вошедшихъ молодого и его боярина посадили на лавкѣ, при чемъ перваго рядомъ съ невѣстой. Сидѣли они не совсѣмъ близко. Сохва присѣла около боярина и начала нарочно подвигать его къ жениху, который въ свою очередь, подвигаясь, очутился вплотную около невѣсты. Дружки видѣли и поняли эту уловку Сохвы и еле окончили пѣсню, какъ сейчасъ же пропѣли:

— Серденько мыленьке,
— Прысунься блызенько!
— Будемо говорыты,
— Якъ на свити жыты.

Молодые сообразили, что это подвиганіе „его“ къ „ней“ произошло не случайно, а нарочно, и сконфузились. Машка, сидѣвшая съ краю стола, рѣшительно отодвинулась отъ жениха подальше за столъ. Но Сохва, улыбаясь сильнѣе подвинула боярина, а тотъ въ свою очередь жениха, и послѣдній очутился и за столомъ, и рядомъ съ невѣстой. Сохва подмигнула дружкамъ, и онѣ заняли лавку съ противуположной стороны и запѣли:

Ишлы дружечкы
У три рядочкы,
А Марьечка тай попереду.
Уси дружечкы
На лавци силы,
А Марьечка тай на посади.

Машкѣ некуда было подвинуться. Всѣ смѣялись, а больше всѣхъ Сохва.

— Отъ такъ! И безъ дружка, и безъ старостивъ якъ слидъ дило зробылы, молодыхъ поручъ посадылы—громко, весело сказала она.

Молодые сконфузились. Всѣ смѣялись, посматривая на нихъ. Это усаживаніе молодыхъ „поручъ“ не входило въ число обрядовъ, а было устроено шутки ради Сохвою. Нѣсколько минутъ спустя, она сказала:

— Ну, уступить же дивчата зъ-за столу: треба намъ гостей нашихъ—молодого князя и його бoярына—погодуваты.

Дивчата, а съ ними и „молода“, вышли изъ-за стола, и Сохва перенесла на столъ свѣчу, заткнутую въ какую-то бутылку, и собрала кой-чего закусить.

Дивчата тѣмъ временемъ „юрмовалыся“ по хатѣ, оправляли одна другой костюмы, шушукались, пересмѣивались...

Поѣвши, молодый и его бояринъ встали, помолились и поблагодарили за „хлибъ-силь“.

Водворившуюся было на нѣкоторое время тишину нарушилъ топотъ нѣсколькихъ ногъ въ сѣняхъ, и въ открытыя двери показалось нѣсколько фигуръ парней, не рѣшавшихся входить въ хату.

Дружки увидѣли ихъ и показали Сохвѣ, прибиравшей со стола.

— Мылосты просымо. Отъ-такъ то лучше. Проходьте въ хату—пригласила она парней.

Тѣ входили въ хату, крестились на образа и степенно здоровались.

— Днювалы соби. Боже вамъ помогай! Здрастуйте!..

— Якъ вы соби? Спасыби, отецьки сыны! Проходьте дали, сидайте, гости будете—отвѣчала Сохва, и парни въ числѣ пяти человѣкъ усѣлись на лавкѣ рядомъ съ подвинувшимся поближе къ столу молодымъ и бояриномъ. Одинъ изъ парней даже „поруковався“ (подалъ руку)—съ ними.

Сохва доканчила убирать около печи. Молодежь испытывала какую-то неловкость. Дивчата перешептывались, подталкивали одна другую; кой-кто изъ нихъ вспрыскивалъ смѣхомъ, и прятались одна за другую. Никто не нашелся съ чего начать разговоръ. „Наши парубки“ только изрѣдка перемигивались со знакомыми изъ дружекъ.

— Отъ одчастують сватив, такъ переберемося въ ту хату на вечорыны. Вже скоро,—сказала Сохва, сглаживая неловкость общаго недоумѣнія.

Дѣйствительно, немного погодя, въ дверяхъ показался Хведько. Онъ сконфузился подъ взглядомъ обращенныхъ на него стольких очей, но поздоровался общимъ привѣтомъ и что-то шепотомъ сказалъ Сохвѣ. Всѣ поняли, что Хведько пришелъ звать компанію въ свою хату, гдѣ уже угощеніе „сватовъ“ кончилось и гдѣ предположено было справлять вечорыны-пидвесилокъ.

— Ну, молоди князю и княгине и вы, батькови сыны й дочки! мылосты просымо у другу хату... Тамъ вже гулятымете. Ну, дружкы, проводыте молоду—сказала Сохва, обращаясь ко всѣмъ.

Всѣ пошли изъ хаты. Машка впереди, за нею дружки, а потимъ женихъ съ бояриномъ и остальные парни, за которыми слѣдовалъ Хведько. Сохва, потушивъ огонь, заперла хату и догнала компанію уже около воротъ двора Самченковыхъ, когда дружки кончали затянутую ими при выходѣ пѣсню:

У садочку шевліечка зелененька
Тамъ ходыла наша Марьечка молоденька,
А за нею Ивашечко изтыхенька.
Стривай, постій ты, Марьечко!
Уже жъ ты моя.
Вона стала, одказала:
Ой ще жъ не твоя!
Ой я жъ въ свого роду паняночка,
А ты въ свого панъ.
Шукай соби ты иншои,
Такои, якъ самъ.

За компаніей слѣдовали дѣти и подростки, забѣгавшіе впередъ и съ боковъ шествія. Въ хатѣ Самченковыхъ, когда молодая съ дружками взошли на „прысинкы“, слышенъ былъ громкій разговоръ; подвыпившіе гости шумно вели бесѣду, слышенъ былъ густой басъ мужчинъ и тонкіе голоса женщинъ.

Сохва обогнала всѣхъ, протиснулась между дружками къ дверямъ хаты, отворила ихъ и шепнула дивчатамъ.

— Спивайте.

Тисни ворота, тисни,
Ихалы бояре пышни.
Везлы коровай й шышечкы,
Щобъ збиралыся дружечкы,
Щобъ и батенько здогадався,
До господы убирався...

Заверещали въ сѣняхъ дружки.

Гости замолкли. Въ хатѣ было душно, двѣ свѣчки, какъ въ туманѣ, мерцали въ пропахшей водкою атмосферѣ.

Чого жъ вы, старосты, сыдыте?
Чомъ вы до дому не йдете?
Марьечка наша не ваша,—
Вона жъ ще не винчана,
А лыше заручена.
Вона ще свою волю мае
И зъ челядью погуляе.

Пропѣли еще дружки.

Среди общаго молчанія послѣ этой пѣсни отозвался „старый сватъ".

— Це жъ намъ пора до господы, часъ пора до двора— якъ то кажуть.

— Поседьте, сваточки мыли та любы—упрашивала „титка Горпына", но сваты рѣшительно „выступылы изъ за стола", крестились, благодарили „за хлибъ-силь, за трапезу, за гостыну" и направлялись изъ хаты. „Титка Горпына", извиняясь за недостаточность угощенія, подала свату „паляныцю".

XLVII.

Когда „сваты" со всею ихъ свитою ушли. Полька при помощи Сохвы и дружекъ скоро поприбрала со стола остатки уго-

щенія, наскоро встряхнула скатерть, помыла и перетерла посуду. Парни „наши" и „молодый" съ боярыномъ пока шептались въ сѣняхъ и на крыльцѣ. Они переговорили между собою и двоихъ отправили позвать музыканта, Юхвымовыча.

„Сваты" съѣхали со двора; ворота заперты; въ хату вошли „молодый" въ боярыномъ и парни, а также провожавшіе сватовъ Хведько съ мужемъ Польки Максимомъ. На прибранномъ столѣ рядомъ съ короваемъ установлены были двѣ деревянныя чашки съ „оришками и жамками". За столъ никто не садился: дружки жались около стѣнки валькиря, парни толпились около порога и печи, на лавкѣ около стола сидѣлъ совсѣмъ опъянѣвшій и дремлящій мужъ титкы Горпыны, дядько Иванъ съ безсильно свѣсившеюся и мотающеюся головою.

Въ отворенныя двери воздухъ обновлялъ спертую атмосферу хаты, плохо освѣщенной двумя сальными свѣчками. Казалось, что въ тѣсномъ пространствѣ хаты и повернуться нельзя. Но вотъ Полька съ Сохвою придвинули столъ поплотнѣе къ лавкамъ, передали Хведьку приставленный „ослонъ", осталось еще увести совсѣмъ опьянѣвшаго дядька Ивана. Титка Горпына попробовала уговорить его, но онъ приподнялъ мотающуюся голову, посмотрѣлъ на нее мутными глазами и, пробормотавъ что то, опять опустилъ голову. Призванные на помощь Хведько съ Максимомъ кой какъ свели его въ комору, гдѣ и уложили, прикрывъ какимъ то рядномъ. На его мѣстѣ усадили „Юхвымовыча", явившагося съ однимъ только изъ цѣлаго оркестра музыкантомъ— второю скрипкою. Третій жилъ далеко. Эта вторая скрипка такъ и назывался „Втора". Одноглазый Юхвымовычъ взялъ къ себѣ на выучку слѣпого сироту, мальчика и этимъ пополнилъ свою капеллу, состоявшую до того времени только изъ него и еще „баса", тоже одноглазаго.

Такъ какъ это былъ „пидвесилокъ", гулянье молодежи, безъ всякихъ обрядностей, то музыкантамъ отвели почетное мѣсто около стола. Усаженные, они сейчасъ же начали слаживать и подстроивать скрипки. „Молодой" пошептался о чемъ-то съ боярыномъ. И послѣдній обратился къ Полькѣ съ просьбою попод-

чивать гостей. Полька сейчасъ же хотѣла исполнить это, но Сохва запротестовала.

— Ни! Теперь нехай самъ молодый потрудытся. То вже, якъ Богъ дасть дождемо завтрього, княземъ буде... а сьогодня нехай самъ старается.—

Полька передала бутылку жениху.

Конфузясь, всталъ женихъ, взялъ рюмку, налилъ ее водкой и.... не зналъ съ кого начать, кому первому подносить. Осмотрѣлся по хатѣ и наконецъ догадался поднесть „титкѣ Горпынѣ", стоявшей на дверяхъ валькиря.

— Ни, вже буде! Спасыби тоби, сынокъ. Наше вже одійшло. Теперъ вы соби гуляйте, вгощайтесь... Зъ насъ вже буде,— отказывалась „титка Горпына".

— Та вже хоть почынъ имъ зробить—сказала Полька, жалѣя молодого, который какъ протянулъ руку съ рюмкою, такъ и стоялъ, не зная что дѣлать—упрашивать, или обратиться къ кому другому.

— Отъ ты молодшa,—ты й роби почынъ—шутя огрызнулась „титка Горпына"—отъ бачъ, якъ напочынався—кивнула она головой въ сторону коморы, куда провели „дядька Ивана". Ичъ яка зыськалася!—и окончательно отказалась.

— Ну, такъ пиднось хлопцямъ, дивчатамъ—отъ й все. А ще бачъ Юхвымовычу—сказала Полька.

Женихъ обратился къ Хведьку, но тотъ отказался, такъ какъ порѣшилъ не пить во все время свадьбы, опасаясь какъ бы съ-пьяна не накуралесить чего; поткнулся было къ Максыму, но и этотъ отказался, такъ какъ уже выпилъ при угощеніи сватовъ. Такъ и тыкался женихъ съ налитой рюмкой, пока она попала къ Юхвымовычу, который безцеремоно, послѣ словъ:— „Дай же Богъ, чого вы соби жалаете", выпилъ полную рюмку. Поданную своему „Вторѣ" онъ отстранилъ, давъ ему вмѣсто того половину взятой со стола жамки.

Угощаемые парни, выступая изъ ряду, чинно здоровались.

— Дай тоби Господь, брате, здоровья и всякои вдачи— говорили они, выпивая не сполна всю рюмку.

О дивчатахъ и говорить нечего. Преподносимую имъ „солодку“ онѣ послѣ многократнаго отказыванія выпивали по полърюмки, морщились, закашливались и даже, отвернувшись, сплевывали.

Между тѣмъ Юхвымовычъ подтолкнулъ „втору“ и послѣ недолгаго настраиванія заигралъ мотивъ бывшей модною въ слободѣ пѣсни.

Чы я вбрела, чы я вплыла
Чы мене пидлыто,
Чы самъ козакъ любыть не ставъ
Чы його одбыто?

Женихъ наконецъ закончилъ подчиваніе,—сдѣлалъ что могъ. Поставивъ бутылку и рюмку, онъ по указанію Сохвы, сѣлъ опять около молодой. Мотивъ начатой пѣсни Юхвымовычъ добросовѣстно повторилъ столько разъ, сколько было въ ней куплетовъ, наигрывая все съ большимъ и большимъ выраженіемъ и все больше и больше закидывая смычекъ къ наклоняемой въ тактъ головѣ, пока наконецъ кончилъ протяжнымъ звукомъ.

— Послѣдовала тишина—всѣ молчали, какъ бы ожидая еще игры—пѣсни.

— Отъ такъ молодый!—обозвалась вдругъ Сохва. Всимъ пидносывъ, всихъ частувавъ,—тилькы своій суженій не пиднисъ ніякъ.

На самомъ дѣлѣ оторопѣвшій, сконфузившійся „молодой“ всѣхъ подчивалъ, а Машкѣ и не поднесъ „солодкой“. Замѣчаніе Сохвы сконфузило и его, и Машку. Оба они покраснѣли. Всѣ смотрѣли на нихъ.

— Та винъ и самъ не выпывъ—выручила его Полька.— Бачъ, кого винъ ни частувавъ, нихто й не одославъ къ ньому самому.

Всѣ смѣялись. Машка пожалась колѣномъ къ своему сконфуженному „Ивашкови“, какъ бы успокоивая его.

Молодицы между тѣмъ уже успѣли попросить Юхвымовыча заиграть другую пѣсню, тоже модную, очевидно, добытую гдѣ-то „на нызахъ“ [1]).

Та сама цвитыкы садыла,—
Сама жъ буду полывать,—
Та сама я дружка полюбыла,
Сама жъ буду цилувать....

Всѣ опять притихли, слушая пѣсню. Молодые прижались другъ къ другу плечами. Кой-кто вполголоса подпѣвалъ.

Когда затихла музыка, Полька предложила боярыну поподчивать гостей.

— А вы, гости, не пышайтеся, не водить, а то намъ и ночи не стане—добавила она, обращаясь ко всѣмъ.

Бояринъ началъ съ молодыхъ, которые на отрѣзъ отказались пить, и скоро обнесъ всѣхъ не минуя и Юхвымовыча. Само собою дивчатамъ подносилась „солодка“. Полька упрашивала закусить поставленными на столѣ оришками и жамками.

Юхвымовычъ забренчалъ подтягиваемою струной, толкнулъ колѣномъ „втору“ и заигралъ, хоть и въ минорномъ тонѣ, но всетаки плясовую.

Ой на гори калына, (bis)
Тамъ дивчына—серденько ходыла,
Цвитъ калыну, душенько, ламала...

Дивчата подталкивали другъ дружку локтями; кой-кто сидя притоптывалъ въ тактъ.

— Ну, чого жъ сыдыте? Почынайте—сказала Сохва и шутя стала вытаскивать притворно упирающихся дружекъ, а затѣмъ и молодыхъ. Столъ придвинули вплотную къ углу, поприбирали лишнія скамейки. Мѣста стало немного больше. Вытянутые изъ-за стола сбились въ кучу посреди хаты и взялись за руки. Ноги какъ бы сами собой выбивали тактъ.

— Хлопци! вы чого жъ ждете?—обратилась Полька къ парнямъ. Тѣ тоже вышли, и нестройная куча молодежи, взявшись за руки, образовала кругъ. Всѣ сразу заходили „кругомъ“;

[1]) „Нызы“— Воронежск. губ., называетъ землю В. Донскаго авторъ.

„молодой и молода“ были въ той же цѣпи круга. Кой кто сталъ подпѣвать. Въ средину круга вытолкнули „старшу дружку“, которая какъ то особенно оправилась и громко запѣла, раскачиваясь и притоптывая въ тактъ. Это раскачиванье и притоптыванье въ тактъ музыки и пѣнія и составляло танецъ. Большая или меньшая степень граціозности зависѣла отъ исполнительницы. Кругъ заходилъ, и пѣніе подхватывалось всѣми умѣющими пѣть и даже не участвующими въ танцѣ Полькою и Сохвою.

Цвитъ калыну ламала (bis)
И въ пучечкы, серденько, въязала,
И въ пучечкы, душенько, въязала...

Пѣсня сливалась съ музыкой, притоптываньемъ и „выхилясами“ поворачивающейся въ центрѣ круга Орышки Плахотыной.

Но вотъ она протягиваетъ руку къ Машкѣ, ту освобождаютъ, и онѣ вмѣстѣ перекруживаются, взявшись за руки. Нѣсколько разъ онѣ „окрутнулыся“, послѣ чего Орышка становится въ цѣпь круга, а Машка продолжаетъ плясъ.

Хведько, не участвовавшій въ танцѣ, черезъ головы всѣхъ смотрѣлъ на то, какъ „водять танокъ“ и любовался сестрою, которая съ граціей, скрашенной особаго рода застѣнчивостью, ловко выдѣлывала нехитрыя колѣна пляски.

И въ пучечкы въязала (bis)
На долыну, серденько, кыдала,
На долыну, душенько, кыдала.

Всѣ любовались ею, всѣхъ плѣнилъ отпечатокъ меланхолической мечтательности на лицѣ Машки, которая сегодня еще, по словамъ пѣсни „свою волю мае и съ челядью погуляе“.

„Такъ и взяла собою очы усихъ“—говорили перешептываясь между собою Сохва и Галька Ковтунова и, чтобы не сглазить ее, сплевывали. „Молодой“ еще никогда не видѣлъ ее танцующею, и теперь она для него была такъ красива, прелестна, что онъ даже, посмотрѣвъ на нее, стыдливо опускалъ глаза, чтобы не выдать себя, своей восторженности...

Машка вырвала изъ круга сестру Орышку, дочь „титкы Горпыны", не смотря на то, что та, еще подростокъ, упиралась, и, перекрутнувшись раза три съ нею, заняла мѣсто въ цѣпи круга. Дружка, державшая руку жениха, нарочно перемѣстилась дальше, пустивъ на свое мѣсто Машку. „Молодой" особенно сильно пожалъ руку своей невѣстѣ.

— На долыну кыдала (bis)
Въ козаченька, серденько, влучала,
Въ козаченька, душенько, влучала,—

Припѣвали всѣ хоромъ, притопывая въ тактъ игры скрипокъ. Орышка среди круга танцовала не хуже другихъ, но это было уже не то, что Машка; не было того обаянія, красоты и граціи...

Въ козаченька влучала (bis)
Козаченьку, серденько—серденя
Визьмы мене, душенько, на коня.

Тянулась пѣсня, вырывалась новая танцорка въ кругъ, а тамъ опять новая.

Визьмы мене зъ собою,
Коня тоби, серденько, напою,
Коня тоби, душенько, напою.
Коня тоби напою,
Во всимъ тоби, серденько, догожу.
Во всимъ тоби, душенько, догожу.
Во всимъ тоби догожу,
Спать зъ собою, серденько, положу,
Спать зъ собою, душенько, положу.

Послѣдній куплетъ допѣли молодицы, а дивчата только „водылы танокъ", пока наконецъ Юхвымовычъ протянулъ послѣднюю ноту и сразу замолкъ, подтолкнувъ „втору".

Кругъ разорвался, всѣ участвующіе были красны, лица горѣли. Многіе вышли въ сѣни и на прысинкахъ смѣшались съ невошедшими въ хату, не приглашенными зрителями... Не трогались съ мѣста только музыканты. Молодая ушла въ вальниръ, гдѣ на ней оправили повязанный на головѣ платокъ съ

вѣнкомъ. Хведько присѣлъ около музыкантовъ и съ любопытствомъ разсматривалъ скрипку, которую онъ первый разъ видѣлъ такъ близко. Юхвымовычъ добылъ изъ кармана небольшой рожокъ и, натрусивъ на обогнутый указательнымъ пальцемъ ноготь небольшого пальца табаку, съ аппетитомъ „понюхавъ табакы". Максимъ себѣ подошелъ къ музыкантамъ.

— Ну-ка, налыйте мени одну.... выпью, тай заграю,— сказалъ Юхвымовычъ, обращаясь къ Хведьку и Максыму. Послѣдній взялъ со стола бутылку и поднесъ налитую рюмку Юхвымовычу....

— Ну дай Боже, штобъ усе було гоже!—сказалъ онъ, выпилъ всю рюмку, опрокинулъ её и принялъ отъ Хведька на закуску поданный „оришокъ". Но его не съѣлъ, а отдалъ „вторѣ", подстроилъ скрипку свою и „вторѣ" и заигралъ пѣсню:

Ой устану я раненько
Тай умыюся биленько.

Къ музыкантамъ подошли Сохва и Полька, а за ними и другія молодицы и одна по одной втянулись въ пѣсню. Максимъ подпѣвалъ:

Тай сяду край виконця,
Проты ясного сонця,
Проты ясного сонця
Выглядаты чорноморця.
Чорноморець иде, иде,
Тай шестерыхъ коней веде,
На сёмому вороному
Самъ въ жупани голубому.
У жупани голубому,
На сиделечку новому,
Не пойихавъ винъ до дому,
А пойихавъ впрямъ до Дону,
Ставъ винъ коней напуваты,
Стала вода прыбуваты...
Стала вода прыбуваты,
Чорноморець потопаты...

Выходившіе, заслышавъ пѣсни и музыку, опять вошли и столпились около поющихъ. Машка сѣла около молодого и они о чемъ-то шептались. Полька съ Сохвою обнялись и старательно выводили пѣсню, кой-кто изъ вошедшихъ присоединился къ хору. Одинъ изъ парней ловко выводилъ высокимъ теноромъ концевыя ноты куплетовъ. Хведько сидѣлъ и упивался мелодіей. Мимовольно въ мысляхъ фабула пѣсни принаровлялась имъ къ себѣ, водившему тоже лошадей...

Чорноморець потопае,
Правою рукой махае...
На дивчыноньку гукае:
„Рятуй, рятуй, моя мыла,
„Колы вирно любыла—
— Охъ! рада бъ я рятуваты,
— Такъ не вмію плаваты...
— Якъ бы човенъ та весельце
— Рятувала бъ тебе серце...
— Якъ бы човенъ та бычова,
— Рятуваты бъ я готова...
„Бижы, мыла помежъ люде,
Чы не жаль кому буде....

Покы люде прибижалы,
На води лышъ кругы сталы.
Покы мыла збиралася
Вода вышче пиднялася
Надъ козакомъ зривнялася....

Опять стало тихо послѣ музыки и пѣсни. Всѣ какъ бы передумывали разсказанное въ пѣснѣ.

— Отъ вамъ писня до конца, мени чарочку винца,—сказалъ Юхвымовычъ, немного „штокающій“ т. е. старающійся иногда говорить „по руському“.

— Це вирно!—обозвался Максимъ и самъ взялся подчивать гостей, начавъ съ Юхвымовыча. Вообще мало кто пилъ, а многіе совсѣмъ отказались.—Юхвымовычъ же, пока

шло подчиваніе, опять подстроилъ обѣ скрипки и заигралъ плясовую.

Марусына пшениченьку жала (bis)
Стелю, стелю подушечку, та ще й пуховую,
Кого люблю, кого люблю, того й поцилую.

Безъ приглашеній всѣ какъ то вразъ свились въ кругъ, взявшись за руки и заходили коломъ, оставивъ въ серединѣ опять ту же старшую дружку, затопали и запѣли. При припѣвѣ „стелю, стелю подушечку"... Орышка обратилась къ „молодой" и хотѣла втянуть ее въ кругъ, но тутъ раздались протесты.

— Э! Ни! Шо жъ ты берешъ дивку—парубка треба!— Такъ не можно!—Молодая не пошла, и Орышкѣ пришлось взять «молодого». Она съ нимъ окрутнулась на обѣ руки и затѣмъ поцѣловавъ, оставила въ серединѣ круга, а сама взошла въ цѣпь. Опять кто-то затянулъ:

Вона жъ зъ того горя захворала (bis) (*дальше хоръ*).
Стелю, стелю подушечку, та ще й пуховую...
Кого люблю, кого люблю, того поцилую.

И молодой потянулъ къ себѣ за руку Машку, окрутнулся съ нею и затѣмъ поцѣловавъ, оставилъ её въ кругѣ.

Тры недили въ постели лежала (bis) затянула подъ музыку Машка, притоптывая и граціозно изгибаясь въ тактъ пѣсни.

Стелю, стелю подушечку, та ще й пуховую,
Кого люблю, кого люблю, того й поцилую,—подхватилъ хоръ, и сконфуженная Машка подъ нашептываніе дивчатъ „боярына, боярына"—подала руку старшему боярыну, окрутнулась съ нимъ и, поцѣловавшись, стала въ цѣпь.

Изъ-за моря зилля забажала (bis)
Стеллю, стелю подушечку, та ще й пуховую и т. д.

За каждымъ припѣвомъ вызывалось новое лицо въ середину круга: парень вызывалъ дѣвку, а дѣвка парня.

Ой хто жъ мени зиллячка достане
Стелю, стелю и т. д.

То той мени дружыною стане.
Обизвався козакъ молоденькый:
„Ой я жъ тоби зиллячка достану,
Ой я жъ тоби дружыною стану.
Есть у мене тры коня вороныхъ:
Першымъ конемъ до моря дойиду,
Другымъ конемъ море перейиду,
Третимъ конемъ зиллячка добуду“.
Ой ставъ козакъ зиллячко копаты,
Стала йому зозуля куваты:
„Копай, копай, козаче, кориння,
А въ Маруси на завтра весилля“.

Танецъ шелъ довольно скоро, такъ что къ концу пѣсни всѣ побывали въ кругу, всѣ перецѣловались.

Наконецъ, Юхвымовычъ кончилъ играть, и всѣ опять, еще больше красные, потные, возбужденные, разорвали кругъ и пошли кто присѣсть, а кто на „прысинкы“ освижыться.

Опять подчиваніе кое-кого — уже безо всякаго порядка— водкой, въ томъ числѣ и Юхвымовыча, опять понюшка табаку, подстройка скрипокъ, и—новая пѣсня веселаго плясоваго такта съ тѣмъ-же кругомъ, съ особымъ танцоромъ въ серединѣ и съ тѣмъ-же хоровымъ припѣвомъ.

Ой надумавъ комарыкъ оженытьсн;
То взявъ соби мушку не вмывашку,
Шо не тче, не пряде, не билытся.—
Ни въ чому комарыку проходытся,
Полетивъ-же комарь въ чысте поле,
Тай сивъ же комарыкъ на дубочку,
Простягъ свои ножкы къ коренёчку.
Де не взялась шура-буря
Комарыка съ дуба здула.
Якъ упавъ же комаръ на помости,
Побывъ, поломавъ свои кости.
Ой найихалы паны-генералы,

Воны жъ того комарыка увыдалы.
— Ой що жъ це лежыть за покойныкъ?
— Чы столяръ, чы маляръ, чы полковныкъ?
Це жъ у насъ не столяръ, не маляръ, не полковныкъ?
А комарь, старшои мушкы полюбовныкъ.

Кругъ разорвался, молодежь перемѣшалась: кто выходилъ изъ хаты освѣжиться, кто пересмѣивался, шутилъ. Шло уже къ полночи. „Титка Горпына" уже спала въ валькирѣ; молодыци, кромѣ Сохвы и Польки, убрались домой. Юхвымовычъ, послѣ нѣсколькихъ поднесеній, не смотря на отрезвляющія понюшки табаку, опьянѣлъ и моталъ головою; „втора" позѣвывалъ во весь ротъ. „Молоди" сидѣли, прижавшись другъ къ другу; въ освѣженной сквозь открытыя двери хатѣ было уже не такъ душно.

Юхвымовычъ рѣзко потянулъ смычкомъ и заигралъ ускореннымъ темпомъ плясовую:

Очеретъ трещыть и вода хлющыть,
А кумъ до кýмы судака тащыть.

Вразъ компанія разступилась и очистила середину хаты... Но никто не брался за руки для образованія круга. Подъ этотъ мотивъ не водили „танка": это былъ плясовой мотивъ для одного—двухъ.

— Ну! Шожъ вы, дивчата?—обратилась Сохва къ дружкамъ. Но онѣ жались одна къ другой и никто не выходилъ танцовать.

— Що жъ? Хиба намъ зъ тобою, сестрычко, почынать?!—сказала Сохва, обращаясь къ Полькѣ.

Полька обдернула на себѣ кофту, притиснула плотнѣе вспыжившійся на головѣ очипокъ, поприбралы высунувшіеся изъ-подъ очипка „наносы", выпрямилась, оглянула всѣхъ, встряхнула головой и плавно прошлась по небольшому свободному пространству хаты, въ тактъ притопывая, Сохва тоже была уже готова, и онѣ ловко стали танцевать, подпѣвая:

Й кумочко, и голубочко!
Звари жъ мени судака, щобъ и юшка була.
И юшечка, и петрушечка...
Кумо жъ моя, кумо моя, кумо душечко!
Въ кого чорный вусокъ,
Тому рыбкы шматокъ,
Въ кого рыжа борода
Тому й юшкы шкода.
По телята шла, спотыкалася...
Побачыла Васыля,—засміялася...
— Ой Васылю, Васылю, мое серденятко!
Не ходы жъ ты у салдаты, нехай иде батько.
Бо батько старенькый, на свити нажывся.
Васыль, мое серденятко, недавно женывся.

Ловко одбивая мелкую дробь трепака, молодыци граціозно изгибались и то устремлялись одна на другую, то одна уходила, другая догоняла. Подпѣвали всѣ.

Такъ никто изъ дивчатъ и не вышелъ танцевать—показать себя.

То Сохва, то Полька подергивали то одного, то другого парня, вызывая въ кругъ, но они сторонились, пока, наконецъ, Семенъ Безушенко, подстроенный задорнымъ видомъ кокетливо изгибающихся молодыць, не вошелъ въ кругъ и не взялся въ боки. Юхвымовычъ сразу перемѣнилъ еще на болѣе скораго темпа:

Ой мій мылый заболивъ, заболивъ,
Киселыку захотивъ, захотивъ...

Семенъ пріударилъ каблуками и сталъ на мѣстѣ выдѣлывать хитрыя колѣна. Сохва и Полька съ хохотомъ сошли съ поля, оставивъ одного Семена.

И ужъ выдѣлывалъ же онъ: то пройдетъ кругомъ выворачивая точно изломанныя ноги, то, какъ-бы спотыкаясь, заточится то въ одну, то въ другую сторону, то на мѣстѣ какъ дробь барабана ударитъ трепака, то зачаститъ ловко, спутывая нога за ногу, то ловко проплыветъ точно кѣмъ-то подталкивае-

мый по кругу. Разгорѣлся весь, мокрый чубъ присталъ ко лбу. И такъ до тѣхъ поръ, пока вдругъ оборвалъ Юхвымовычъ.

Отъ такъ наши парубкы!—громко сказали дивчата.

Этимъ и кончился вечеръ. Стали расходиться. Хведько пошелъ проводить молодого съ боярыномъ; Сохва забрала къ себѣ Машку и двухъ ея дружекъ. Хлопци и остальныя дивчата гурьбой пошли по домамъ.

Пидвесилокъ кончился. Къ завтрему нужно было соснуть.

В. Познанскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Отзывъ М. А. Максимовича о поэмѣ Пушкина „ПОЛТАВА".

Извѣстно, сколько разнообразныхъ толковъ и сужденій вызвало въ тогдашней русской журналистикѣ появленіе этой поэмы. О ней судили вкривь и вкось, критиковали ее со стороны художественной, но преимущественно отыскивали въ ней якобы промахи историческіе. Главные упреки тогдашней критики сводились къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: а) Пушкинъ исторически невѣрно понялъ характеръ Мазепы, изобразивъ гетмана—„патріота" какимъ-то злопамятнымъ и „глупымъ старичишкой"; б) Марія не могла быть влюбленной въ старика, а была увлечена тщеславіемъ, надѣясь стать гетманшей, и в) напрасно поэтъ вложилъ въ уста Мазепы пренебрежительный отзывъ о Карлѣ, какъ о „мальчишкѣ-сумасбродѣ". Какъ ни мало основательны были эти замѣчанія, потому что тогдашіе критики были мало знакомы съ исторіей Малороссіи, однако они задѣвали Пушкина, и онъ, оставляя безъ отвѣта другія критическія замѣчанія, направленныя противъ его поэмы, нашелъ нужнымъ печатно возражать противъ обвиненій, будто онъ разошелся съ исторіей. Современные коментаторы Пушкина, приводя подробныя выписки изъ этой любопытной полемики, почему-то обходятъ молчаніемъ наиболѣе основательный критическій отзывъ о поэмѣ „Полтавѣ", принадлежавшій юному тогда профессору бо-

таники въ Москов. ун—тѣ М. А. Максимовичу и помѣщенный имъ въ московскомъ журналѣ „Атенеѣ“ 1829 г.[1]).. Въ то время Максимовичъ не былъ еще присяжнымъ знатокомъ исторіи своей родины, какимъ сталъ впослѣдствіи, но онъ уже давно занимался собираніемъ историческихъ малороссійскихъ пѣсенъ и основательно изучилъ изданную еще въ 1822 году „Исторію Малой Россіи“ Д. Бантыша-Каменскаго, (которой руководствовался и Пушкинъ для „Полтавы“) и, какъ человѣкъ, одаренный историческою проницательностью, глубже и правильнѣе способенъ былъ понять событія прошедшей жизни своей родины. Отстраняясь отъ художественной оцѣнки, Максимовичъ въ означенной статьѣ занялся исключительно провѣркой того, насколько поэма „Полтава“ вѣрна историческимъ фактамъ, и выступилъ открыто апологетомъ Пушкина противъ обвиненій тогдашнихъ критиковъ. Хотя въ то время эпоха Мазепы далеко еще не была научно разработана, но нельзя не признать, что сужденія Максимовича о характерѣ гетмана, Маріи и др. лицъ въ общемъ правильны. Въ главныхъ чертахъ его аргументація повторена сильно Пушкинымъ въ „Критическихъ замѣткахъ“ о „Полтавѣ“, впервые напечатанныхъ въ „Денницѣ“ 1831 года.

Желая сохранить отъ забвенія эту во многихъ отношеніяхъ интересную историко-критическую статью М. А. Максимовича, помѣщенную 70 лѣтъ назадъ въ давно забытомъ журналѣ и почему-то не вошедшую въ полное собраніе его сочиненій, мы печатаемъ ее въ увѣренности, что она прочтется съ интересомъ именно въ настоящее время, когда вся Русь поминаетъ великаго поэта.

О поэмѣ Пушкина „Полтава“ въ историческомъ отношеніи.

Новая поэма Пушкина „Полтава“ болѣе, чѣмъ прежнія поэмы его, произвела разногласныхъ мнѣній и споровъ между читателями и критиками. По мнѣнію многихъ, поэтъ нашъ въ

---

[1]) Атеней 1829 г., май, стр. 501—515. Журналъ этотъ издавалъ М. Павловъ.

„Полтавѣ" является мужественнѣе и сильнѣе, съ болѣе глубокимъ знаніемъ сердца и обширнѣйшими видами, чѣмъ въ прежнихъ произведеніяхъ; нѣкоторые обнаружили противное мнѣніе. Одни полагаютъ, что выгоднѣе было бы для поэмы характеры дѣйствующихъ лицъ измѣнить и возвысить по идеалу, чѣмъ стѣснить себя историческою вѣрностью, какъ сдѣлалъ Пушкинъ; другіе думаютъ, что показанный Пушкинымъ опытъ соединенія исторіи съ поэзіей, есть именно тотъ родъ, который наиболѣе сходственъ съ духомъ нашей народной поэзіи; третьи напротивъ говорятъ (С. О. № 15, 52 с.[1]), что въ поэмѣ Пушкина „всякое лице имѣетъ свой характеръ, но только не такой, какъ намъ представляетъ исторія, и слѣдовательно историческія событія разногласятъ съ вымышленными характерами".

Рѣшить споры о поэмѣ и опредѣлить ея достоинство въ отношеніи эстетическомъ—есть дѣло людей, опытныхъ въ критикѣ изящнаго; но показать противное послѣднему изъ вышеприведенныхъ мнѣній можетъ всякій, кто съ размышленіемъ читалъ исторію Малороссіи. Руководствуясь оною, я намѣренъ въ сей статьѣ разобрать главнѣйшія возраженія, сдѣланныя критиками противъ исторической вѣрности дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ.

Сначала скажемъ о характерѣ Мазепы, какъ главнаго лица.

Говорятъ (С. О. 48 с.): „Мазепа въ поэмѣ жестоко обруганъ, но не представленъ въ томъ видѣ, какимъ представляетъ его исторія. Одна дума, сочиненная Мазепою и напечатанная въ исторіи Бантышь-Каменскаго, сильнѣе рисуетъ характеръ Мазепы, нежели всѣ эпитеты, данные ему авторомъ поэмы." Итакъ, по мнѣнію критика, Мазепа былъ патріотъ. Но развѣ такимъ представляетъ его исторія? Совсѣмъ нѣтъ! Всѣ его дѣйствія нисколько не показываютъ въ немъ самоотверженной любви къ Малороссіи. Исторія представляетъ въ немъ хитраго, предпріимчиваго честолюбца и

---

[1]) Ссылка указываетъ *Сынъ Отечества и Сѣверн. Архивъ* 1829 г., гдѣ въ №№ 15 и 16 (стр. 36—52 и 102—119) помѣщена критическая статья о *Полтавѣ* Пушкина, подписанная тремя звѣздочками (***). *Ред.*

корыстника, который готовъ былъ ничего не пощадить „для себя", обличаетъ въ немъ характеръ несовмѣстный съ высокою любовію къ отечеству. Пушкинъ понялъ совершенно и объяснилъ сей характеръ, представивъ оный въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ зрѣетъ одиноко.
Какъ знать?—Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеньемъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно, и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды

Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Портретъ сей, принадлежащій къ лучшимъ мѣстамъ поэмы, такъ вѣренъ, что почти на каждый стихъ (еслибъ было нужно) можно привести подтвердительныя событія. Но довольно указать на нѣкоторыя, кои представляютъ намъ Мазепу въ настоящемъ его видѣ, и въ противоположность коимъ нѣтъ почти ни единаго добраго дѣла, коимъ хотя нѣсколько просвѣтилась бы темнота души его. Мазепа, выжитый польскими панами за волокитства изъ Варшавы, гдѣ получилъ блестящее образованіе, принятъ Самойловичемъ въ домъ и былъ 6 лѣтъ учителемъ его дѣтей. Послѣ того гетманъ Самойловичъ избавилъ его отъ Сибири за преданность Дорошенку, вывелъ его въ люди и всегда отличалъ его. Но когда Голицынъ, любимецъ Софіи, такъ неуспѣшно совершилъ безразсудный походъ свой противъ татаръ, то Мазепа, дабы угодить Голицыну и оправдать его, всю вину неудачи сложилъ на гетмана Самойловича, оклеветалъ его, сочинилъ доносъ и тѣмъ погубилъ своего благодѣтеля и его семейство; послѣ сего купилъ себѣ у Голицына гетманство. Но когда упалъ сей вельможа, Мазепа не преминулъ донесть Петру о взяткахъ, кои бралъ съ него Голицынъ, и различными происками, унижая другихъ и выставляя только себя, при помощи Головкина, онъ вкрался въ любовь государя и пользовался его неограниченною довѣренностію, въ которой Петръ уже поздно раскаивался. Чтобы завладѣть сокровищами удалаго и для него опаснаго Палѣя, Мазепа зазвалъ его къ себѣ, заключилъ въ темницу, а потомъ сослалъ въ ссылку; чтобъ погубить Микла-

шевскаго и Мировича[1]), онъ заставилъ ихъ съ горстью козаковъ защищать крѣпости противъ сильныхъ отрядовъ; требовалъ казни отца своей любовницы—Кочубея и Искры за справедливый на него доносъ. Послѣ того Мазепа соединяется съ Карломъ противъ Петра; но видя неудачу свою, опять обращается къ Петру съ предложеніемъ предать Карла. Напрасно предполагать, чтобы такія преступныя дѣйствія клонились къ освобожденію Малороссіи для ея блага: онъ не имѣлъ того въ виду и хотѣлъ сдѣлать ее независимою для себя, свою независимость хотѣлъ утвердить онъ, завладѣвъ Малороссіей. Доказательствами послужитъ то, что онъ никогда не соблюдалъ выгодъ Малороссіи и грабилъ ее; что онъ не имѣлъ, да, кажется, и не старался пріобрѣсть любви народной, и до того былъ нетерпимъ малороссіянами, что, вступая въ гетманство, долженъ былъ выговорить стрѣлецкій полкъ для охраненія своей личности и послѣ на своемъ иждивеніи содержалъ гвардію изъ заднѣпровской вольницы и волоховъ. Самое „нечестное" сватовство его и связь съ дочерью Кочубея Матроною (Маріею)—своею крестницею, родная сестра коей была за его племянникомъ Обидовскимъ, показываетъ сколько онъ уважалъ мнѣніе малороссіянъ, до чрезвычайности приверженныхъ къ своимъ обычаямъ.

Чтожъ касается до думы его, то ее, равно какъ и другую пѣсню Мазепы,[2]) подъ именемъ „Чайки" извѣстную, едвали можно принимать за чистую монету. Положимъ даже, что въ молодости—

Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда судьба его не знала—

подлинно «утѣшалъ себя» (В. Е. №. 9. с. 27) мыслію:

Нехай вѣчна буде слава,
Же презъ шаблю маемъ права!

Но коль скоро открылись виды и пути къ его честолюбію онъ забылъ свою отчизну, если только Малороссія, а не

---

[1]) Сей Мировичъ былъ противникъ другихъ преданныхъ Мазепѣ Мировичей, предковъ извѣстнаго мятежника.

[2]) По преданіямъ, болѣе другихъ вѣроятнымъ.

„Польша“ была его родиной. Съ большею однакожъ справедливостію, кажется, полагать должно, что Мазепа, обладая даромъ стихотворства и «умѣнья разгадывать сердца», слагалъ пѣсни сіи и утѣшалъ сими мыслями вольнолюбивыхъ и недовольныхъ козаковъ. Такъ и король польскій Владиславъ, для возбужденія козаковъ противъ Польши, писалъ къ нимъ: «когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣетъ, кто же вамъ за себя стать воспрещаетъ?» Здѣсь нѣтъ патріотизма, но желаніе Владислава усилить королевскую власть свою, въ то время уже ослабѣвшую въ Польшѣ, и письмомъ симъ воспользовался Хмельницкій для освобожденія Малороссіи отъ поляковъ.

Для критиковъ страннымъ кажется еще гнѣвъ Мазепы на Петра, за то, что онъ схватилъ его за усы—«за эту шутку» (С. О. 48)! Но это было совсѣмъ не въ шутку, и Петръ схватилъ за усы, или, по словамъ другихъ, далъ пощечину Мазепѣ, не просто какъ Ивану Степанычу, но какъ гетману малороссійскому съ угрозой.

Я слово „смѣлое“ сказалъ.
Смутились гости молодые;
Царь вспыхнулъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ
Отмстить себѣ я клятву далъ...

Такъ говоритъ и исторія. Мазепа приближеннымъ своимъ открывалъ гнѣвъ свой и ненависть къ Петру; въ возмутительной рѣчи своей къ войскамъ козачьимъ онъ говорилъ о сей обидѣ какъ объ оскорбленіи Малороссіи царемъ даже въ лицѣ гетмана. Нѣтъ сомнѣнія, что Мазепа, поднявши знамя бунта для другой цѣли, хотѣлъ вмѣстѣ и отмстить Петру за свою личную обиду.

Что касается до Кочубея и Искры, то мука и погибель ихъ за справедливый доносъ конечно возбуждаютъ состраданіе

къ нимъ и ненависть къ вѣроломному, неправедно восторжествовавшему тогда гетману. И кто бы не пожелалъ опровергнуть безпристрастную исторію, чтобы вмѣстѣ съ критиками, почтить ихъ именами героевъ? Но прочтите въ 3-мъ томѣ Исторіи Бантышъ-Каменскаго доносъ, вопросы и отвѣты и вы увидите, что только судіи пристрастные къ Мазепѣ, а не собственное величіе Кочубея, возложили на него вѣнецъ страдальческій. Малороссійская исторія нигдѣ не представляетъ его своимъ „героемъ", какіе были и прежде Кочубея и послѣ. Искра является „не героемъ", но только страдальцемъ «правоты».

Исторически извѣстно, что вражда Кочубея съ Мазепою возникла еще болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до заговора Мазепы, до похищенія Матрены, и посему заключить можно, что жажда мести въ Кочубеѣ была главнымъ побужденіемъ къ доносу. Посему Пушкинъ совершенно правъ, представляя въ Кочубеѣ оскорбленнаго отца, а не патріота.

Обвиняютъ Пушкина въ томъ, что онъ представилъ дочь Кочубея дѣйствительно влюбленною въ Мазепу, не вѣрятъ, да и вѣрить не хотятъ, что она могла влюбиться въ старика, и полагаютъ, что она всѣмъ пожертвовала не изъ любви къ Мазепѣ, „но изъ тщеславія, въ надеждѣ быть первою въ Малороссіи—панею гетманшею" (С. О. 43). Любовь сія есть конечно необыкновенное, нельзя сказать однакожъ небывалое, явленіе, покрайней мѣрѣ въ Матренѣ не подлежащее сомнѣнію. Мы не отрицаемъ любви въ образованной венеціанкѣ Дездемонѣ къ черному мавру, плѣнившему ее простодушными разсказами о своихъ подвигахъ. Тѣмъ болѣе влюбленный въ Матрену, образованный, краснорѣчивый, вкрадчивый въ сердца и опытный въ дѣлахъ любви Мазепа могъ привлечь сердце юной пламенной украинки и завладѣть имъ. Онъ могъ своею любовью, своими разсказами возбудить въ ней участіе къ себѣ, уваженіе, могъ даже пробудить въ ней и честолюбіе; но все это перешло наконецъ въ любовь, которая одна только и могла заставить ее

пренебречь всѣмъ, покинуть домъ отцовскій и отдаться Мазепѣ; ибо что за честь быть наложницею гетмана, особливо при тогдашнемъ образѣ мыслей? А что ей не представлялась иная доля и не было надежды быть гетманшею, это видно изъ писемъ, Мазепы, который ясно открылъ ей будущую участь:

„Мое сѣрденько! Опечалился я, услышавъ отъ дѣвки, что ты гнѣваешься на меня за то, что я не оставилъ тебя у себя, а отослалъ домой. Разсуди сама, чтобъ изъ того вышло. Первое, родственники твои разгласили бы по всему свѣту: взялъ у насъ ночью насильно дочь и держитъ у себя вмѣсто наложницы! Другая причина, что, державши тебя у себя, я никакъ бы не могъ вытриматы, да и ты тожъ; мы бъ принуждены были жить какъ супруги, а потомъ пришло бы неблагословеніе и проклятіе отъ церкви, чтобъ намъ не жить съ тобою"...

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ:

„Тяжко соболѣзную о томъ, что не могу съ тобою подробно поговорить, какую отраду сдѣлать тебѣ въ теперешней печали; чего потребуешъ, скажи все этой дѣвкѣ; наконецъ, если они, твои проклятые, тебя отрекаются, иди въ монастырь, а я буду знать, что тогда съ тобою дѣлать"...

Самому вымыслить такую чудную любовь было-бы нѣсколько смѣло; но нашедши въ исторіи, Пушкинъ долженъ былъ воспользоваться ею.

Наконецъ еще одно нападеніе на характеры въ поэмѣ Пушкина, а именно на слѣдующіе, относящіеся къ Карлу XII-му стихи:

Ошибся въ этомъ Карлѣ я!
Онъ мальчикъ бойкой и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;

[1]) Въ приложеніяхъ къ 3 тому Исторіи Бантышъ-Каменскаго напечатаны на малороссійскомъ языкѣ 12 сихъ любопытныхъ писемъ Мазепы къ своей любовницѣ.

Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, козака
И обмѣнять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога!
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.

Не знаю, что здѣсь страннаго показалось критикамъ? Отъ себя Пушкинъ говоритъ о Карлѣ иначе; а это слова Мазепы, который, соединясь съ Карломъ и узнавъ его ближе, увидѣлъ, что онъ „Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ", перемѣнилъ о немъ свое прежнее мнѣніе: и вправѣ ли былъ обманувшійся шестидесяти-лѣтній старикъ назвать „мальчикомъ" бойкимъ и отважнымъ юнаго героя, въ ту ночь, когда Карлъ въ запальчивости „обмѣнялъ рану на рану?" Извѣстно, что онъ поѣхалъ съ двумя гвардейцами своими на рекогносцировку нашего лагеря и, наскакавъ на нѣсколькихъ козаковъ, самъ „свалилъ" одного изъ нихъ; козаки стали стрѣлять по немъ, и одинъ гвардецъ былъ убитъ, а король тяжело раненъ въ ногу. Это было наканунѣ роковаго сраженія, и какъ же иначе, какъ не хвастовствомъ или удальствомъ (примѣры коего не разъ видимъ въ Карлѣ), называть сей запальчивый и безразсудный поступокъ, въ коемъ Карлъ рисковалъ быть убитымъ и который

много отнялъ духу бодрости у шведскихъ войскъ во время битвы, по признанію какъ шведскихъ, такъ и другихъ писателей.

Сіи слова, какъ мнѣ кажется, тѣмъ еще естественнѣе, что Мазепа говоритъ ихъ раболѣпной твари своей, Орлику, въ злобѣ на свою неудачу, слагая всю вину оною на Карла, который въ свою очередь также обманулся, слишкомъ положась на помощь, которую обѣщалъ ему Мазепа и, сверхъ чаянія своего, не могъ доставить. Извѣстно, что въ побѣгѣ своемъ послѣ битвы, переправляясь черезъ Днѣпръ на рыбачьихъ лодкахъ и прощаясь съ Левенгауптомъ, Карлъ сказалъ Мазепѣ со вздохомъ: „ты, Мазепа, погубилъ меня и войско мое своими обнадеживаніями“.

Изъ всего сказаннаго, кажется, очевидно, что характеры дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ Пушкина таковы, какими представляетъ ихъ исторія; и если находится противурѣчіе поэмы съ исторіею, то не въ характерахъ лицъ, а въ томъ только, по моему мнѣнію, что украинцы—„друзья кровавой страны“, не желали соединиться со шведомъ противъ Россіи „и не ждали нетерпѣливо Карла“, какъ говоритъ Пушкинъ. Малороссіяне, приверженные къ греческому исповѣданію, всегда предпочитали единовѣрныхъ москвитянъ „бусурманамъ“—шведамъ, не говоря уже о „нехристахъ туркахъ“ и „зрадливыхъ“ ляхахъ. Во время пребыванія шведскихъ войскъ въ Украйнѣ, малороссіяне до половины истребили ихъ; а когда Мазепа, развивъ знамя бунта, объявилъ что онъ отлагается отъ Россіи и соединяется съ шведомъ, то войскà оставили его.

М. Максимовичъ.

ПОЛУЙКА.

(*Оповиданне старого рипныка* [1]).

I.

То теперъ Бориславъ [2]) зовсимъ на-псы зійшовъ! И жыды нарикають, и паны нарикають, и робитныкы нарикають. Усимъ не добре. Роблять людыська, якъ ти кони въ кырати, довбають святу земельку, черпають кыпячку [3]), тягають вискъ. Сказавъ бы хто: даръ Божый! золото! маетки! А пидить-но вы, десь усе те такъ пропадае, що й слиду нема,—такъ, якъ бы дидько всимъ тымъ давывся. Чымъ бильше божого дару выдобувають изъ земли, тымъ бильше вси биднiють. Не розумiю, якъ то воно такъ дiется, а такъ е. И заробиткивъ давнихъ нема, и веселосты та гуляньны нема, якъ колысь бувало, а йде чоловикъ до того Борислава такъ, якъ та худобына у ризныцю: а нужъ сёгодни на мене черга головою наложыты! А не пропаду, то

---

[1]) „Рипныки"—давнiйше, передъ експлуатацiею петролiю, збиралы ропу, що показувалася на болотахъ, и продавалы iи на смаровню (мазь) до возивъ. Пизнiйше такъ называлыся робитныкы, що працювалы при Бориславськыхъ копальняхъ.

[2]) Бориславъ—село дрогобыцького повиту, де видъ початку 60-хъ рокивъ експлуатуются багати жерела петролiю и де швыдко потимъ видкрыто одынокi доси въ Галычыни залежи земного воску (озекерита), що теперъ чынытъ багацтво тыхъ копалень.

[3]) „Кыпячка"—нафта (петролiй). Се густа, чорна масса, напоена газамы, що выдобуваючыся на верхъ, булькоче (кипыть) и видсы його назва. Въ дестылярни його варять и чыстять хымично, и тилько тоди винъ иде въ торгъ, якъ нафта.

й такъ не выграю багато,—отъ, абы продыхаты! Про те, щобы запомогтыся бидному чоловикови зъ того заробитку, прыдбаты щось для господарства, або й зовсимъ на ногы статы, зъ наймыта зробытыся господаремъ, якъ-то давно бувало,—про те ныни нема що й думаты. Жебрацтво тай годи!

А за моихъ молодыхъ литъ не те було! Отакъ трыдцять литъ тому було бъ вамъ зазырнуты до Борыслава, то було на що подывытыся, було чого послухаты! Того теперишнього нибы мисточка оплеканого ще зовсимъ не було; тилько ямы по-надъ потокомъ, тай то не глыбоки. Тыхъ нынишнихъ зломыголовъ по сто та по пивтораста метривъ нихто тоди и въ сни не бачывъ. Прокопаешъ було пять, шисть саженивъ, а якъ десять, дванадцять, то вже велыке свято, и вже чуешъ сопухъ [1]) бье, на дни ямы проступають бульбы, чуты якійсь клекитъ.....—ого, то вже знакъ, що пора забываты яму! Забьешъ на одну ничъ,—другого дня видибьешъ—повна яма кыпячкы,—тилькы беры та черпай!

Тамъ то було надывытыся, якъ жыды скакалы коло такои ямы, якъ цмокалы, якъ прыпадалы коло насъ, робитныкивъ! Мало въ рукы не цилувалы, а все частувалы, та прыпрошувалы: Ивануню! Дай вамъ Боже здоровля! Ну, та напыйтеся! А якъ гадаете, забьемо ныни яму?

— Ни, ще треба покопаты.

— Ну, а може бы ныни забыты?

— Та забывай, колы хочешъ, але я тоби мовлю, що задармо буде.

И такъ було, якъ робитныкъ мовывъ. Э, стоялы тоди жыды о нашу ласку, поводылыся зъ намы не такъ, якъ ныни, бо сами ще булы маленьки, ще, якъ то кажуть, тилько зачалы коштуваты шыломъ патокы! А тодишни робитныкы! Що то за хлопци булы! Не таке харпацтво, якъ ныни до Борыслава лизе. Тоди йшлы що найлипши парубкы, не разъ господарськи сыны, але найчастійше бидари, наймыты, кругли сыроты, що викъ прожывъ у наймахъ, у тяжкій праци, не разъ, видъ-колы жывъ,

---

[1]) Нафтовый удушлывый газъ.

то не мавъ у своій кышени рынського [1]), не знавъ иншого смаку въ роти, кримъ борщу та росолянкы, та горилкы. А тутъ наразъ—рынськый денно! И твое все, никому не давай рахунку, ни съ кымъ не дилыся, ни на кого не озырайся! Нихто на тебе не дывытся, нихто тебе не знае, нихто тоби въ рукы не зазырае. Самъ соби, въ компаніи такыхъ самыхъ якъ ты—робы що хочешъ, жый якъ знаешъ! И жылы хлопци! Робота роботою, але по роботи, вечеромъ, якъ почнется було гуляння, то було на що надывытыся! Нынп такыхъ гулянокъ нихто й думкою не збагне! Крыкы, спивы, бійкы, рижни збытки и жарты, абы грошамъ очи промыты! Для правдывого рипныка встыдъ було не пропыты къ недилю всего, що заробывъ у тыжни. Поплатывъ, чы не поплатывъ за харчъ, видложывъ, чы не видложивъ що на чорну годыну, але въ шынку, мижъ товарышамы, винъ бувъ панъ. Горилка, пыво, выно, печени—все йому мусило буты.

— Напчыхаты мени на все! Завтра або по-завтру може дидько вхопыть мене! Гуляймо, хлопци, покы часъ, покы наше!

Недиля, а по-пры неи й понедилокъ, то бувъ у Борыслави такый ярмарокъ, такый клекитъ и гармидеръ, якъ бы сто жыдивськыхъ шкилъ на одну купу зсыпавъ. Пьемо, гуляемо, а потимъ, побравшыся за рукы, лавою сунемо по дорози помижъ баракы—бо то бувъ тодишній Борыславъ; село одаликъ, а тутъ, де нынишній Борыславъ, то була середыною дорога, а по обохъ бокахъ баракы, тилько де-де почыналы будуваты хаты.—Отже сунемо по дорози и ревемо нелюдськымы голосамы:

Ой не жалуй, моя мыла,
Що я пью!
Тоди будешъ жалуваты,
Якъ я вмру!

А най то покажется жыдъ та заговорыть: Ивануню, часъ бы до роботы!

Ну, ну, мавъ бы ся винъ! Заразъ його обступлять, нибы добри прыятели. Сей у бочку зъ кыпячкою руку встромыть тай

---

[1]) Злотый рынськый (рейнській) або гульденъ.

на бекешу ззаду прылипыть йому здоровенну пятку! Другый у бочку руку встромыть и наперфумуе йому нею всю бороду; третій—такою жъ рукою пейсы йому пидкрутыть; четвертый—оби долони положыть йому на плечи, ще й прыговорюе:

— Мошку! Та чого тоби квапытыся? Насъ дидько визьме и тебе визьме. Мы погынемо рипныкамы, ты здохнешъ богачемъ. Не бійся, твое не втече! Робота не втече. Ходы, напыйся зъ намы! Але жъ бо ты файно выглядаешъ! Ай-ай, твоя ридна Сура тебе не пизнае!

Жыдъ нибы всмихается, а самъ злый—мало не трисне! Але, що мае робыты? Хлопы якъ медведи; ще до того пьяни. Полицыи ніякои, а ни жандаривъ тоди ще въ Борыслави не було, не було пры кимъ жыдамъ брыкаты.

Але швыдко воны навчылыся!

II.

Ага, що то я хотивъ оповистыть вамъ! Про полуйку! Теперъ уже про неи мало хто й тямыть, а тоди то було для рипныкивъ такъ, якъ для дытыны калачъ, що мама прывезе зъ миста.

Бачыте, бувъ такый звычай, що въ котрій ями показалася кыпячка, то перша бочка йшла на робитныкивъ, що працювалы пры ній. Воны моглы або взяты іи и продаты, кому хотилы, або властытель мусивъ выкупыты іи у ныхъ. Не велыки то булы гроши,—десять, пизнійше пятнадцять рынськыхъ, ну, але для тыхъ чотырьохъ людей, що робылы пры ями, то бувъ ладный крейцаръ. То вже, якъ пишла чутка, що въ тій а тій ями докопуются до кыпячкы, то йшовъ гамиръ по всихъ кошарахъ [1]).

— Ого, у Гершка, чы тамъ у Мошка, позавтра полуйка буде!

Ну, а того вамъ не треба й казаты, що то значыло: то значыло—пиятыка така, що вси ти гроши тамъ на мисци му-

---

[1]) Кошара—дощана буда, збудована надъ ямою.

сять мынутыся. То вже рипныкы биглы на полуйку, якъ свахы на весилля.

Не знаю вже, хто то встановывъ той звычай, та здается, що не жыды. Воны дуже крыво дывылыся на него, але не моглы ничого порадыты. Вже якъ разъ була така встанова, то рипныкы булы бъ йому кошару рознеслы и його самого зъ головою въ ту бочку всадылы, якъ бы винъ не захотивъ даты йимъ полуйкы. Зразу жыды, покы булы биднійши, радо давалы, потимъ, якъ розпаношилы троха, почалы крывытыся, дали прыходыло до сварокъ, а въ кинци, писля велыкого огню 1874 року, то й зовсимъ скасувалы сей звычай.

Отже то съ тою полуйкою на моихъ очахъ була сторія. Робылы мы—я, Грыць Хомыкъ (винъ теперъ е війтомъ у Запалимъ) и Иванъ Карапузъ, небощыкъ уже—пры одній ями у Йойны. Якось винъ дывно прозывався, але мы называлы його Йойна зъ трьома бородамы, бо мавъ бороду роздилену на тры космы, тай то середній бувъ чорный, а два крайни сыви,—зовсимъ такъ выглядавъ, якъ грыва гуска. Давно його вже вырвало,—такы черезъ ту полуйку зо свита зійшовъ, що вамъ хочу за неи розповисты; а отъ сынъ его, Борухъ, зкапцанивъ зовсимъ, фирманыть [1]) теперъ у Дрогобычи.

Той Йойна недавно прыйшовъ бувъ до Борыслава десь видкись зъ гиръ. Казалы, що доробывся маетку гендлюючы воламы, а теперь хотивъ розбагатиты въ Борыслави. Заразъ у однои бабы закупывъ частку поля, не скажу—за-пивъ-дарма, бо такы бувъ бы мусивъ ій щось даты, а такъ такы за низащо, за пару квартъ солодкои горилкы. Баба була сама, стара, мала хату тай той каваловъ поля далеко видъ села, на мокляках; решту іи чоловикъ ще передъ смертью пропывъ. Отъ вона рада була, що позбулася тои решты, а выпывшы горилку и проспавшыся, пошыла соби торбы, перехрестылася тай пишла по жебранимъ хлибу. А Йойна заразъ зачавъ копаты два закопы на тимъ кусныку.

---

[1]) Фирманъ, фурманъ—занимающійся извозомъ.

Якось йому не щастылося. Выдно було по нимъ, що ажъ трясется, щобы швыдко розбагатиты; бигае, нюхае, пидганяе робитныкивъ, зазырае до ямы. А наши рипныкы дуже того не любылы. Дурылы його. Визьмуть, прынесуть видкись кыбель ропы [1]), вечеромъ выллють у яму, а рано, колы выдобувають глыну зъ ямы, нашъ Йойна ажъ пидскакуе:

— Ого, вже, йе! Йе кыпячка у мене! Ивануню, а багато тамъ іи?—крычыть винъ у ызъ до робитныка.

— Тилько, що ажъ не выдно.

— Якъ то? Якъ то? А отже на глыни йе!

— Та то, Иойно, слынытся земля!—видповидае той зъ ямы.

— Якъ то слынытся? Я ще не чувъ, щобъ земля слынылася.

— Та такъ, що кыпячка йе десь глыбоко, а тутъ тилько така пина на глыни выступае.

— Ну, а швыдко буде, Ивануню, швыдко буде?

— Та переказувала, що буде, тилько почекайте! не радо видповидае робитныкъ и що сылы гепне дзюбакомъ у твердый лессъ [2]).

— Ни, ни, нивроки! нивроки!—прыговорюе Йойна самъ до себе и видходыть, и не йде, а бижыть до другои ямы, щобъ и тамъ довидатыся, що въ ями „слынытся, але кыпячка казала зачекаты“.

Килька разивъ такъ дурылы хлопци Йойну, а сами сміются,—ажъ рака лазять. Та ба! имъ смихъ, а Йойни почынае вже терпцю не ставаты и не такъ терпцю, якъ дрибныхъ грошей у него въ запаси було не дуже багато, а дви ямы видъ разу копаты и цямбруваты, то день-у-день коштуе. Доять його ти ямы, такъ що доять, а пожытку нема. Дали однои пятныци винъ выдно обрахувався зъ касою, прыйшовъ по полудне до кошары,

---

[1]) Ропа—ридка, чорна або червоняста масса;—мае малый процентъ нафты, а бильше иншыхъ складныкивъ.

[2]) Лессъ—тверда глына (Löss), що зъ неи складаются нафтодайни поклады въ Борыслави.

ходыть, зазырае до ямъ, цмокае и въ пальци трискае та свои тры бороды розгортае, а дали каже до мене—я власне одну шахту пры млынку робывъ:

— Слухайте, Иванунью, якъ вамъ здается: швыдко буде у насъ кыпячка?

— А хто жъ іи у Бога знае? видповивъ я.

— А земля слынытся въ ями?

— Щось перестала.

— А сопухъ чуты?

— Щось не чуты?

— То може мы не на добримъ мисци почалы копаты?

— Га, може буты.

— Може бы зачаты въ иншимъ мисци?

— Або я знаю.

— Я думаю, що онъ-тамъ у тій долыни.... Якъ вы думаете, Иванунью, була бы тамъ швыдче кыпячка?

— А хто іи знае.

— А я думаю, що тамъ була бы якъ не на пятимъ, то на шестимъ сажни.

— А по чимъ вы мыркуете?

— Бачыте, Нута Граубергъ онтамъ за межою въ тій самій долынци копае

— Та що зъ того, що копае? Ще ничого не докопався.

— Ропа вже показалася.

— Га, якъ показалася ропа, то певно швыдко буде й кыпячка.

— То що, може зачнемо й мы тамъ одну яму копаты?

— Якъ мыркуете.

— Але тутъ жаль покыдаты.

— Та жаль.

— Якъ бы знатя, що тутъ швыдче буде...

— Э, якъ бы знатя!

Такъ радывся зо мною Йойна. Ховай Боже, не мигъ сказаты, щобъ я намовлявъ його на сей або на той бикъ. Я такъ само не розумився на тимъ, де копаты, а де не копаты, якъ и винъ.

Ще килька день Йойна ходывъ, муркотивъ, митыкувавъ, радывся зъ иншымы жыдами, а дали сказавъ:

— Годи, хлопци! забывайте ти ямы! Зачнемо нови въ иншимъ мисци.

Намъ то байдуже. Зачнемо, то зачнемо. Намъ ище й липше, бо на верху лекша робота.

III.

Нута Граубергъ—то бувъ найблызшый сусидъ и найтяжшый ворогъ нашого Йойны. Чы направду такъ було, чы тилько такъ здавалося Йойни, що Нута все робывъ йому наперекиръ. Наперекиръ йому купывъ частку заразъ обикъ Йойны, и то такъ само за пивъ-дарма, якъ и сей. Наперекиръ йому винъ зачавъ такъ само видъ-разу копаты дви ямы, тилько що бувъ осторожнійшый и одынъ закипъ зробывъ на горбыку, тамъ де булы Йойныны оба, а одынъ на долынци, тамъ де теперъ збирався копаты Йойна. Оба сусиды ненавыдилы одынъ другого страшенно. Колы Йойна здыбавъ рано Нуту, то плювавъ у слидъ за нымъ, а колы самъ винъ перейшовъ Нути дорогу, то сей николы не занедбавъ вылаяты его въ-слидъ: „чортъ твоему батькови!".

Та колы Йойна бувъ захланный, хапчывый, прытимъ облеслывый и швыдкый до гниву, то Нута бувъ спокійный, любывъ жарты, а зъ робитныкамы поводывся, якъ зъ добрымы сусидамы. Часомъ винъ стававъ коло своеи кошары и бачучы, якъ рипныкы кепкують соби зъ Йойны, почынавъ и соби жъ жартуваты.

— Иойне!—мовывъ винъ.

— А що?—видмовлявъ Йойна по-жыдивськи.

— А слынытся въ твоій ями?

— А фрасъ на твои кышкы!—видповидавъ Йойна и видходывъ до кошары. Покрутытся тамъ, нибы забувъ щосъ, тай иде геть, а по хвыли вже чутно одаликъ, якъ Йойна говорыть:

— Нуте!

— Що?

— Накажы своимъ людямъ, щобъ не сыпалы мени землй на мій грунтъ.

— Обгороды соби свій грунтъ,—видповидае Нута.

— Я тоби насамперёдъ загорожу зубы.

Свары бувалы зъ кожнымъ днемъ частійши, покы въ кинци оба протывныкы не згодылыся на одно,—спильнымъ коштомъ розгородыты свои частки высокымъ парканомъ. Але спокою мижъ нымы про те не було. Йойна завыслывымъ окомъ дывывся на Нуту, що-дня бажавъ, щобъ його ямы позавалювалыся, щобы Нута „зломавъ кышкы" и щобъ винъ николы не бачывъ його на очи. Здается, що й Нута платывъ Йойни такою самою монетою. Колы жъ у Нуты въ тій ями, що була въ долынци, показалася ропа, не здатна для фабрыкацыи нафты, хыба тилько на смаръ для возивъ, Йойна не мигъ заснуты, не мигъ знайты соби спокою, покы не забывъ обохъ своихъ ямъ на горбыку и не почавъ копаты дви нови ямы въ долынци.

— Йойне,—кпывъ соби зъ-за паркана Нута,—а слынытся въ твоихъ ямахъ?

— Такъ само якъ у твоихъ.

— А колы буде полуйка?

— Оба одного дня справымо.

— А маешъ уже бочкы на кыпячку?

— Якъ буде треба, то знайдутся.

— То певно твій боднаръ пишовъ сьогодни у лисъ по обручи.

— Такый самый мій, якъ и твій.

— А я тоби мушу за одну ричъ подякуваты, Йойне.

— За що?

— За те, що ты вступывся мени зъ горбыка.

— Я—тоби?

— Ну, такъ. Ты выкопавъ десять сажень и я десять. Теперъ я прокопаю ще два, и вся кыпячка зъ твойого закопу зійде до мойого.

— Беры іи соби! Дай Боже, щобъ ты до вику лышъ тилько мавъ, що йе въ моимъ закопи!

Нута жартувавъ, а Йойна зъ цилого серця бажавъ йому того, що говорывъ. А тымъ часомъ доля инакше зажартувала соби зъ ныхъ обохъ. Не мынулы два дни, колы въ Нутовимъ закопи на горби показалася кыпячка. Нута перший справлявъ полуйку и насъ запросывъ на гостыну. Йойна мало не стикся зо злосты.

— Ай, вай! Що я наробывъ! По що мени було кыдаты свои ямы! крычавъ винъ, рвучы на соби пейсы.—Я бувъ бы теперъ мавъ кыпячку, а такъ сей трефнякъ выбере ню! Его яма глыбча, то зъ мого грунту уся стече до него.

— Не бійтеся, Йойно,—мовывъ я,—колы у Нуты показалася, то и у васъ буде. Выкопавъ винъ дванадцать сажень, то вы выкоплить чотырнадцять, то тоди зъ його закопу буде текты до вашого.

— Правда ваша, Ивануню, правда ваша!—скрыкнувъ Йойна.—А-ну хлопци! Покыдайте ти нови закопы, вертаймо до старыхъ.

Слухайте, Йойно,—мовывъ я до него. Не такъ вы зробить. Лышить одну компанію тутъ, нехай копають тутъ одынъ закипъ, а други нехай идуть тамъ.

— Добре мовыте, Ивануню, добре мовыте!—ажъ пидскакувавъ Йойна.—Лышъ вы мени все такъ файно радьте, бо вже якъ у насъ кыпячка покажеть, то я вамъ таку полуйку справлю, таку полуйку, що ажъ!...

— Та вже мы надіемося, що вы не будете таки... Крывды намъ не зробыте. Адже вы бачылы, яку Нута полуйку справлявъ.

— Що, Нута? До чого Нута? Нута капцанъ, пархъ, паскидныкъ! Що винъ розуміе. Я ще надіюся побачыты, якъ винъ буде тикаты видсы зъ торбамы.

А Нута тымъ часомъ черпае изъ своеи ямы кыпячку тай черпае, денно по двадцять бочокъ видвозыть до дестылярни. А Йойна стоить передъ своею кошарою, рахуе бочкы та ажъ тру-

сытся, ажъ зубамы скреготче зи злосты та зъ завысты. У Нуты коло кошары гармидеръ, крыкъ, повно жыдивъ, зъ возамы, та зъ киньмы, а у Йойны пусто та сумно, тилько чуты скрыпъ корбы, що двыгае до горы кыбель, повный сухого лессу, та пыскъ млынка, що жене до ямы свиже повитря.

— Йойне,—крычыть зъ-за паркана Нута.

— Що йе?—видгукуе Иойна.

— Чы то правда, що ты завтра забываешъ свою яму?

— Дай Боже, щобъ твое слово було сказане въ щаслывый часъ!

— Бо я хотивъ тоби щось сказаты.

— А що таке?

— Якъ завтра не забьешъ, то продай іи мени.

— Давыся своею.

— Ну, чого гниваешся? Я тоби зверну коштъ и дамъ пять шистокъ видчипного.

— Щобъ тоби языкъ видчепывся видъ твоёго трефного рота.

— А знаешъ що, Йойне?

— Не потребую знаты.

— Я выджу, що ты добрый чоловикъ. Якъ закоплешъ уси свои гроши, то прыходь до мене за кассира.

— А ты, якъ будешъ жебракомъ, то прыходы до мене два разы на тыждень; за кождымъ разомъ дистанешъ феныка.

— Добре, Йойне! запамятаю соби те, а ты запамятай соби те, що я сказавъ. И памятай, якъ будешъ продаваты закопы, то вже по сусидству удайся до мене першого. Добре заплачу.—

— Щобъ ты не дочекавъ платыты, а я браты видъ тебе!—крычавъ розлюченый Йойна и тикавъ до своеи кошары.

IV.

И сымъ разомъ Нутови жарты малы справдытыся. Отся пересварка була въ четвергъ, а въ пятныцю по-полудни роблю

я шахту въ ями, чую—сопухъ пидходыть, робытся чымъ разъ чутнійшый, сыльнійшый, почынае мени паморокы забываты. Дзвоню я до того, що пры млынку, щобы дувъ що сылы.

— А що тамъ, Ивануню!—крычыть зъ горы Йойна.—Ие сопухъ?

— Та йе!

— А слынытся яма?

— Ни, не выдно.

— А не булькоче ничого?

— Ни, не чуты.

Тутъ йому говорю, а тутъ дывысь! Що вдарю дзюбакомъ у глыну, а зъ-пидъ дзюбака: пшш...! Сопухъ иде, мовъ изъ ковальского миха дуе. А дали почынае проступаты таке, мовъ пина, мовъ булькы.

— Э,—думаю соби,—буде завтра полуйка! Або ни, ще сёгодни буде. Але не Йойна дасть намъ іи. Добре, що у нёго швыдко шабасъ заходыть! Зробымо мы соби полуйку сами, та таку, що буде що спомынаты.

Тутъ соби миркую, а тутъ прыслухаюся. А пидо мною немовъ щось жыве въ земли рушается, булькоче, клекоче,— здается, ось-ось бухне и залье мене. А сопухъ душыть мене, хочъ той пры млынку працюе зъ усіеи сылы.

Ставъ я, миркую, що тутъ діяты, а Йойна вже крычыть зъ горы:

— Ну, Ивануню, чого ты стоишъ?

— Бо змучывся и сопухъ душыть.

— Може слынытся?

— Та де тамъ слынытся.

— А може булькоче.

— Та булькоче, булькоче.

— Ой, чы на правду? Ну, Ивануню, кажы!

— Та булькоче, але мени въ жывоти, бо писно обидавъ сёгодни.

— А бодай ты жартувавъ, а не хорувавъ! Ну, ну, дзюбай, дзюбай, нехай кыбель не чекае.

— Щобъ ты тамъ закаменивъ, жыде!—подумавъ я соби. А тутъ чую, що колы дзюбну ще разъ порядно у дно ямы, то готова видъ разу кыпячка бухнуты. Розуміется, жыдъ побачыть се, наробыть гомону, поставыть варту, и наша полуйка пропала: дистанемо те, що жыдови зъ носа капне.—А мени дуже сего не хотилося. Отъ я взявся дзюбаты землю, але не зъ дна, тилько зъ бокивъ ямы. Ба, та бо й тутъ усюды зъ-пидъ дзюбака: пшш! та пшш! Що за дыво! Видъ разу немовъ десь пудамы прыгнано ту кыпячку, такъ и чуты, що зъ усихъ бокивъ прется и тыснется до ямы. То вже я то сякъ, то такъ ныпаю, та шолопаю, щобъ дотягты до вечера, а все подаю до видра саму суху глыну, безъ слиду кыпячкы. Дали почала й моя лямпа пчыхаты. Сопуху въ ями занадто багато. У мене голова хочъ яка мицна, а такожъ почала не статкуваты. Свитъ крутытся, по-передъ очыма зачынають бигаты колеса, зразу зелени, дали червони, въ горли нудыть, мовъ бы тамъ застромлявъ хто суху ложку,—ни, довше не выдержу! Дзвоню я, щобъ тяглы мене до горы.

— Ну, Ивануню,—крычыть Йойна зъ горы,—а що тамъ?

— Тягнить до горы, мени не добре!—крычу я. Ухопывшы обиручъ дзюбакъ, я що сылы затявъ його въ ослызлу вже видъ кыпячкы глыну на дни ямы, а до кинця ручкы прывязавъ тонкый и мицный шнуръ, що бувъ у мене за поясомъ про всяку прыгоду.

— Тягнить!—крычу ще разъ.

Потяглы мене до горы. Колы тяглы, я помаленьку розпускавъ той шнуръ изъ-за пояса, а конець его прывязавъ до сучка цямрыны вже пры самимъ краю ямы. Въ ями темно, имъ зъ горы ничого не выдно, а я соби свое знаю.

Вытяглы мене, и я видъ разу повалывся на землю мовъ не жывый.

— Ой, ой!—скрыкнувъ Йойна,—винъ замороченый! Ивануню! Ивануню! Що тоби е? Чы чуешъ мене?

— Я чую добре, але вдаю зовсимъ небижчыка. Надувся, посынивъ. Жыдъ ажъ рукамы объ полы вдарывся.

— Ай, ой! Ратуйте! Видтырайте! Воды!

— Горилкы!—крыкнувъ той, що бувъ пры млынку.

Йойна кынувся выдобуваты зи своеи торбы горилку. Покы мене терлы та ожывлювалы, та покриплялы, то вже почало смеркатыся. А мени тилько того треба.

— Ну, що, Ивануню?—допытуе мене Йойна, клянчучы надо мною зъ горилкою:--йе тамъ що въ ями?

— А дидько йе лобатый! Заморока тай годи.

— А кыпячкы нема?

— А най вона тоби вся скыпыть и ты самъ зъ нею!

— Ни, ни, пощо то таке говорыты? То даръ Божый!

— Дидьчый, не Божый! Ще ничого нема, а я ледве души не загубывъ.

— Ни, але якъ гадаешъ, буде що?

— Та певно, що буде, але ще не знаты колы. Сопухъ йе, але кыпячкы не чуты.

— Вона пидійде, Ивануню, вона пидійде!—радисно говорыть жыдъ.

— Сама не пидійде. Треба прокопаты ще зъ сажень, то може буде.

— Йой!—скрыкнувъ Йойна, мовъ ужаленый.—Ще зъ сажень? А я гадавъ, сёгодни на ничъ забываты.

— Та можешъ соби забываты, колы хочешъ. Але зъ того такый буде пожытокъ, що въ ями набереться тилько сопуху, що завтра треба буде до полудня двома млынкамы добре працюваты, покы тамъ чоловикъ буде мигъ показаты носа въ долыну.

Йойна стоявъ ни въ сыхъ, ни въ тыхъ. Нымъ ажъ телипало щось, ажъ бига лыхорадка зъ велыкои нетерплячкы, але зъ другого боку винъ знавъ добре, що я такожъ не прывыкъ говорыты на витеръ. Ще хвыльку винъ пробувавъ змагатыся.

— Ей, Ивануню, а не дурышъ ты мене?

— Ну, то лизь самъ у яму та переконайся!

— Ни, ни, та я ничого! Хыба я що? Нехай буде такъ, якъ вы мовыте! то по вашому ще ныни нема що забываты іи?

— Власне треба лышыты отворену, щобы выходывъ сопухъ. До кыпячкы ще не блызько.

— Але вы тутъ ночуйте! А ну жъ бы въ ночи кыпячка выбухла? А якъ бы щось до чогось, чуете, Иванупю, дайте мени знаты!

— Та вже вы, Йойно, не бійтеся,—мовлять рипныкы.

— Иванъ хочъ бы хотивъ питы, то не пиде никуды, бо слабый.

— Але вы не лышайте його самого.

— Що, и мы вси малы бы тутъ ночуваты коло вашои ямы? А нехай вона западется вамъ. Аджежъ нынн выплата! А деж жъ то хто бачывъ таке, щобы рипныкъ, маючы гроши въ кышени, не пишовъ погуляты соби? Чуете, онъ у Мендлёвимъ бараци вже грае музыке. Давайте гроши!

— Ни,—мовыть Йойна,—знаете що, люби мои? ночуйте вы тутъ ныни! Я вамъ завтра выплачу, не буду пытаты, що шабасъ. А нынн я вамъ не дамъ ничого, щобъ васъ не кортило на гуляне. Прынесить соби тутъ хлиба, горилкы, ковбасы,—я заразъ накажу Мендлеви, щобъ прыславъ вамъ усього досыть, а сами не ходить никуды. Прошу васъ, уже сю ничъ не видходить никуды. Прыпыльнуйте мени сеи ямы! Мени все здается, що сеи ночи тутъ буде щось. А якъ бы, нивроку, що до чого, то прошу васъ, хочъ бы о пивночи, заразъ дайте мени знаты. Винъ говорывъ, дроботивъ, гладывъ насъ по-пидъ бороды, видходывъ и зновъ вертавъ, и просывъ, и пидлещувався. Выдно було, що страхъ йому не хотилося видходыть видъ ямы. Що хвыли стававъ надъ нею, вдывлявся въ іи темне гырло, нюхавъ важкый нафтовый сопухъ, що валывъ изъ неи клубамы, а все прыслухувався, чы не булькоче що въ іи нутри. Ажъ трясся, щобъ узяты лямпу и пры іи свитли заглянуты въ нутро ямы, але се була небезпечна забава,—мигъ зробытыся выбухъ. Я все ще лежавъ, нибы то недужый, на околоти соломы, що розпростертый въ кути кошары служывъ за постиль для того, хто ночувавъ коло ямы. Лежу и думаю: а ну жъ дидьча кыпячка бухне въ тій хвыли, засычыть, заклекотить и забулькоче! Килька

разивъ мени навить прычувався той клекитъ, але все те була мана. Врешти якось-не-якось Йойна пишовъ.

На неби замыготила перша зирныця, йому пора була поспишаты на шабасъ. Я вставъ изъ своёго околота й проводывъ його очыма ажъ геть дали вулыцею. Винъ жывъ зъ жинкою и дитьмы въ сели, доброи чверть мыли видъ ямы.

Ну, пишовъ! Зчезъ! теперъ уже певно не верне....

V.

— Гей, хлопци!—скрыкнувъ я до своихъ рипныкивъ,— сюды! До мене!

— А що тамъ?

— Буде полуйка.

— Колы?

— Заразъ.

— Якъ то заразъ? Хиба йе кыпячка?

— Нема ще, але якъ я захочу, то заразъ буде. Бижить котрый до Нуты. Здается, винъ ще въ кошари.

— Я чувъ його, ще тамъ щось гаркотыть,—потвердывъ одынъ рипныкъ.—Бижить до него, клычте його сюды, а такъ, щобы нихто не знавъ, по що.

Покы тамъ одынъ скочывъ, перекынувся мовъ собака черезъ парканъ и побигъ шукаты Нуты, я на помацкы полизъ до ямы.

— Хлопци! Два васъ до мене! Держить мене за ногы! Та мицно!

Воны, не говорячы а ни слова, вхопылы мене за ногы. Тоди я, звисывшыся головою вныз, а за головою поповзшы й цилымъ жывотомъ, налапавъ на сучку цямрыны кинець того шнура, що почепывъ тамъ, колы мене вытягалы на верхъ. Сопухъ у ями душывъ мене, але мени се байдуже. Обвывшы соби той шнурокъ мицно довкола рукы, я шепнувъ своимъ хлопцямъ:

— Тягнить мене!

Потяглы. Я мицно торгнувъ шнурокъ, пиднявъ дзюбакъ, що бувъ застромленый у землю на дни ямы, видъ чого—я чувъ се—видвалыло добрый кусень глыны. И въ тій хвыли въ ями засвысталo, загичало, зашыпило мовъ пивъ копы лютыхъ гадюкъ, а дали забулькотило, заклекотило, мовъ окрипъ у велыкимъ казани. Мои товарыши зрозумилы.

— Кыпячка!

Въ тій хвыли вбигъ Нута до кошары.

— Ну, що тутъ чуваты?

— Слухайте, Нуто!

Винъ недовго й надслухувавъ.

— Ну, нивроку, нивроку!—сказавъ винъ якось такъ, мовъ раптомъ диставъ велыку оскомыну.

— А чого вы мене клыкалы?

— Не знаете чого? Адже се наша полуйка. Купить соби іи.

— А!

Винъ скрыкнувъ се такъ радисно, не мовъ знайшовъ на дорози цилу сотку.

— Добре.

— Почому дасте?

— Якъ звычайно: десятка за бочку.

— Килько маете бочокъ порожнихъ?

— Ти що на возахъ, уси двадцять порожни. Моя яма ными вычерпалася, я забывъ іи.

— Добре! Ладьте гроши. А мы, хлопци, до роботы!

Заразъ мои хлопци кынулыся, розибралы одно перыло паркана, прыкотылы визъ зъ бочкою, вложылы у видро тяжкый камень и спустылы його въ яму. Не далеко й ишло въ-ньизъ! За хвылю вернуло назадъ повне. Заразъ мы видъ Нуты прынеслы ще тры видра, почепылы вси чотыри на одынъ валъ на дви лынвы—и давай черпаты. За пивъ-годыны бочка повна—назадъ зъ нею на Нутивъ грунтъ! Свижу сюды! За пивъ годыны и ся повна—назадъ зъ нею! Свижу сюды!...

Попрацювалы мы отакъ до самого рана. Нута не сыдивъ пры насъ, але його пидручныкъ, видправывшы свойого сторожа, самъ сыдивъ цилу ничъ у своій кошари. Ще не свитъ, не зоря, а вси двадцять бочокъ Нутовыхъ булы повни. Тоди мы парканъ назадъ поставыли, слиды позагрибалы, въ своій кошари зробылы порядокъ, а диставшы кождый, якъ насъ було висимъ, по двадцять и пять рыньскыхъ на руку, а надто ще десятку на почесне, полягалы спаты, мовъ и ниде ничого.

Ледве мы хвылечку полежалы, не встыглы й задриматы, ажъ бижыть нашъ Йойна.

— Що тутъ чуваты?—то булы перши його слова. И не чекаючы видповиди, винъ просто бижыть до ямы. Не потребувавъ и заглядаты до неи: корба, лынвы, вси цямрыны, все було чорне, все такъ и капало видъ кыпячкы.

— Иване, Иване!—крыкнувъ винъ не свойимъ голосомъ, торгаючы мене за плече.

— А що тамъ?—буркнувъ я, мовъ зъ просоння, хочъ не спавъ и чувъ усе добре.

— Ну? Що тутъ сталося?

— Та сами бачыте!

— Йе кыпячка?

— А йе.

— А чого корба мокра? Чого цямрына мокра?

— Бо выбухла и все забрызькала.

— Ой, ой! Выбухла! Такъ мицно выбухла!

— А глядить, насъ усихъ обляпала.

— Васъ усихъ? А то якъ!

— Та якъ зачало въ ями щось шыпиты та свыстаты, ажъ мы побудылыся и скочылы вси до ямы. А въ тій хвыли якъ не бухне кыпячка, такъ насъ усихъ и обляпала.

— Ни, Ивануню, то не може буты! Вы мене дурыте!

— Та подывиться на мене, якъ я выглядаю!—справди, я выглядавъ якъ дидько, весь обмазаный кыпячкою. Мы въ ночи про се й не подумалы, а теперъ мусивъ чоловикъ выбрихуватыся. Але жыдъ якъ учора бувъ розгорячкованый та самъ не свій,

такъ теперъ, колы вже бувъ певный своёго, бувъ холодный, немовъ бы обильявъ його холодною водою.

— Ей, Ивануню, якось-то мени не вирытся! Я ще не чувъ, щобы кыпячка такъ бухала.

— А я чувъ и самъ на свои очи бачывъ.

Тымъ часомъ у кошари робылося чымъ разъ выднійше и выдно було слиды свижо розрытои землы, перемишанои зъ кыпячкою, слиды колисъ, що велы ажъ до Нутового паркану. Йойна мало не пожыравъ очыма ти слиды.

— Ивануню, а то що за слиды?

— Яки слиды?

— Та отъ, такъ якъ бы возы зайиздылы и выйиздылы зъ кошары.

— Ще може, кинськи копыта побачыте? Певно, дидько чвиркою зайиздывъ и вамъ маетокъ у яму кынувъ.

— Ни, Ивануню, не жартуй! Що то за слиды?

— Та то видъ нашыхъ тачокъ слиды. Мы ще вчора вечиръ вывозылы глыну зъ кошары.

— Ага! Ну, алежъ бо тутъ усюды кыпячкы накапано.

— Та що вамъ, Йойна, прывыджуется? Чого вы чипаетеся? Накапано, бо зъ ямы бухло та капало. Адже жъ мы вашу нафту не закрылы. Визьмить іи соби! Онъ тамъ вамъ іи певно повна яма.

— А може вы й закралы, Ивануню, га? Знаете, я не хочу вамъ сказаты злого слова, але мени здается, що вы вже трохи черпалы іи!

— Ага!—скрыкнулы рипныкы, що лежалы въ кошари и доси мовчкы прыслухувалыся тій розмови.—Теперъ мы вже розуміемо, Йойно! Вы заговорюете такъ, щобы не даты намъ полуйкы.

— Певно, що не дамъ!—скрыкнувъ наразъ Йойна, ажъ пидскочывшы зъ пересердя.—За що маю даты? Вы сами взялы соби. Вы не дали мени знаты! Вы обикралы мене! Вы цилу ничъ черпалы мою кыпячку! Гвалтъ! злодіи! Гвалтъ! Розбійныкы! що я маю робыты?

Йойна зачавъ крычаты и скакаты по кошари, мовъ божевильный.

— Будьте тыхо, Йойно,—промовылы мы до нёго помалу, але зъ прытыскомъ.—Будьте тыхо, бо вамъ буде гирше. Де маете хочъ одного свидка на те, що говорыте!

— Я знайду!

— Якъ знайдете, тоди говорить. Скаржьте насъ до суду. А теперъ будьте тыхо! И заплатить намъ за роботу.

— Заплатыты? За що я вамъ буду платыты? Вы обикралы, обрабувалы мене, а я ще маю вамъ платыты!

Сего було для насъ забагато. Бачу, що мои хлопци зубы закусують, а се злый знакъ. Колы чоловикъ натще, а зубы закусуе, то стережысь ёго.

— Хлопци,—мовлю до ныхъ.—Будьте спокійни. Йойна жартуе.

Але Йойни не до жартивъ. Его очи мовъ мыши разъ-у-разъ бигають за слидамы колисъ изъ кошары до паркана и назадъ. Дали винъ не вытримавъ, скочывъ зъ кошары, мовъ китъ выдряпався на парканъ и зырнувъ на той бикъ.

— Ай, ай! А тутъ що!—крыкнувъ винъ и вхопывъ себе за пейсы и въ тій хвыли скочывъ зъ паркана.

— Та що тамъ, Йойна?

— Я заразъ бижу до Дрогобыча! Даю знаты до крыминалу. Посылаю по жандаривъ. Се крадижъ! Се розбій на гладкій дорози! Тамъ такъ якъ на долони выдно цилый гостынець, куды мою кыпячку возылы. Цили калюжи накапано.

— Не робить изъ себе дурня, Йойно! Адже пры васъ учора Нута возывъ кыпячку—свою, а не вашу. Ще якъ разъ пидъ парканомъ одна бочка трисла. Отъ сами бачылы, сами сміялыся!—такъ говорылы Йойни рипныкы. Але Йойна не перестававъ йойкаты и вайкаты.

— Слухайте, Йойно,—мовывъ я до нёго, колы винъ увишовъ до кошары,—не шукайте соби напасты на насъ. Заплатить намъ за роботу, дайте намъ за полуйку, що намъ належытся; розстанемося по доброму.

— Ровстанемося?

— Ну, та певно!—скрыкнулы рипныкы.—Колы такъ ни за що, ни про що позлодіялы насъ, то мы у васъ довше не будемо робыты. Шукайте соби иншыхъ робитныкивъ.

— Овва! И знайду!—скрыкнувъ Иойна.

Съ тяжкымъ болемъ серця винъ выплатывъ намъ нашъ заробитокъ, ще зъ пивъ-годыны мусилы мы торгуватыся зъ нымъ за полуйку; ледво выдерлы іи у него, мовъ собаци зъ зубивъ, и тоди попрощалыся зъ нымъ.

— Бувайте здорови, Йойно! Дай вамъ, Боже, щобъ та яма була така щедра для васъ, якъ вы для насъ!—крыкнувъ йому одынъ на видхиднимъ.

— И щобъ вы не дочекалы бильше никому полуйкы даваты!—поправывъ другый.

А Йойна все ще стоявъ у кошари, вайкотивъ по-тыхо и зъ острахомъ та цикавостю вдывлявся въ недобре затерти слиды, що велы зъ его кошары до Нутового паркана.

VI.

Чы не смиха? Якъ йому заклялы рипныны, такъ усе доразу зъ нымъ сталося!

Цилый той шабасъ ныпавъ Йойна, муркотивъ, цмокавъ, йойкавъ, а дали зибрався и рушывъ до рабына. Заскаржывъ Нуту. А я у Нуты ставъ на роботу, то все знаю видъ нёго самого. Заскаржывъ Нуту у рабына, що сей обикравъ ёго, а Нута соби байдуже—сміется; що йому зробыть рабынъ? Винъ за нашу полуйку взявъ чыстыхъ пять сотокъ, и що йому бида зробыть?

Почавъ Йойна на вулыци чиплятыся Нуты, почавъ кыдатыся на нёго зовсимъ безъ памяты. Выдно було, що чоловикъ помалу зъ глузду зсуваетъся. И все одно торочыть: обикралы мене! обрабувалы мене! Та бо й яма, въ котрій показалася кыпячка, зробыла йому збытка. Йойна нанявъ новыхъ робитныкивъ; почалы черпаты, начерпалы щось пять бочокъ кыпячкы, тай годи. Забывъ Йойна яму, переждавъ день—пусто, переждавъ

другый—пусто. А у Нуты кыпячка йде та йде. Я, роблячы у Нуты, бачу бувало, якъ Йойна ходыть коло своеи кошары, розводыть рукамы, мурkоче щось и зновъ бигае и заглядае до ямы, и самъ не знае, що зъ собою діяты. Неразъ ажъ языкъ мени свербыть, щобъ закпыты соби зъ нёго, але зновъ и жаль мени ёго стане. Мы справди троха скрывдылы ёго. Але хто жъ знавъ, що яма такъ жыво вычерпается?

— Йойно,—мовлю разъ до него зъ-за паркана.

Винъ ажъ звергся, почувшы мій голосъ, немовъ бы хто наглымъ выстриломъ пробудывъ його зо сну.

— Не бійтеся! се я, Иванъ.

— Ну, чого тоби треба?

— Послухайте вы мене, Йойно,—мовлю йому щыро,—покыньте вы теперъ сю яму, копнить онъ тамъ у долынци.

Винъ не видповивъ ничого, але справди послухавъ мене. Другого дня его робитныкы забылы сю нещасну яму и взялыся до тои, що була розпочата въ долынци. Працювалы коло неи килька день. Здавалося, що Йойна успокоився троха, тилько очи его блыщалы якымсь несамовытымъ огнемъ, а на вулыци колы йшовъ, то не пизнававъ никого.

А одного дня чуемо: крыкъ коло Йойновои ямы. Рипныкы покынулы роботу и клычуть Йойну. А винъ якъ разъ тоди сыдивъ, чы може дримавъ у тій самій кошари, де мы зробылы соби полуйку.

— Господару! Господару!—крычать рипныкы зъ долыны. А ходить-но сюда!

Було саме полудне. Мы спочывалы, въ ями не було никого, то мы, почувшы крыкъ, повыбигалы зъ кошары.

— Ого, мовлю я,—у Йойны сьогодня полуйка буде!

Саме въ тій хвыли выбигъ Йойна зъ кошары и мабуть почувъ мои слова, бо бижучы крыкнувъ у нашъ бикъ:

— Ага, чорта зъисте, не полуйку!

Мы зареготалыся, повылазылы на парканъ и дывымося, що буде. А Йойна ще не добигъ до ямы и крычыть зъ-далека:

— А що, йе кыпячка?

— Йе.

— А не бухае?

— Ни.

— А багато?

— Та вже пивъ-ямы.

И на-пивъ жартомъ, на-пивъ радисно одынъ додавъ:

— Але то полуйка буде!

Въ тій хвыли Йойна зовсимъ сказывся. Винъ кынувся на бидного рипныка та й лусь його въ лыце!

— Ось тоби полуйка! А, драбы! А, розбійныкы! И вы хочете мене обикрасты! Не дамъ! Не дамъ! ничого не дамъ!

И винъ у якійсь шаленій нетями кынувся до ямы и, розихрестывшы рукы, прыпавъ ныць, щобъ закрыты собою те жерело свойого богацтва. Гырло ямы було досыть вузьке. Винъ, опершыся колинамы на одній цямрыни и вхопывшы розхрещенымы рукамы оби сумежни, заслонювавъ собою яму, не мовъ хтось хотивъ видибраты іи у него, и все крычавъ:

— Не дамъ! Ничого не дамъ! Гвалтъ! Ратуйте! Розбійнык!

Почалы збигатыся люды въ усихъ бокивъ, а побачывшы Йойну надъ ямою и не розуміючы, чого винъ хоче, думалы, що сталося якесь нещастя, що хтось упавъ до ямы або задушывся. А у мене ажъ серце застыло.

— Хлопци!—крыкнувъ я до рипныкивъ, що стоялы довкола ямы.—Винъ здуривъ! Видтягнить його видъ ямы! Жыво!

— А нехай його дидько визьме!—буркнувъ не рушаючыся зъ мисця той, що диставъ невынно ляпаса.

Въ тій хвыли Йойна, отуманилый видъ заморокы, що валыла зъ ямы, вхопывся обома рукамы за груды, бо йому не ставало духу, а стратывшы пидпору, тилько мыгнувъ, замахавъ патынкамы и мовъ галушка булькнувъ у яму. Кыпячка, що мала даты йому богацтво, дала ему смерть. А полуйкы своимъ рипныкамъ такы вже не давъ. Його вытяглы ажъ за тры дни, бо до ямы черезъ заморону не можна було доступыты.

Миронъ.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ ЖИЗНИ ПУШКИНА

НА ЮГѢ РОССІИ.

Пушкинъ передъ отправленіемъ на югъ.—Біографическія данныя за 1820—1821-й годы.—Стихотворенія, написанныя въ Малороссіи. —Посланіе Чаадаеву и стихотвореніе Овидію.—Байронъ и Пушкинъ.—Поэтъ и декабристы [1]).

I.

Послѣ окончанія курса въ Царскосельскомъ Лицеѣ А. С. Пушкинъ не прожилъ и трехъ полныхъ лѣтъ на сѣверѣ. По выходѣ изъ Лицея онъ получилъ чинъ коллежскаго секретаря и, согласно желанію, былъ опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но, за неимѣніемъ вакансій, съ 700 рублями вознагражденія „впредь до помѣщенія его на мѣсто съ жалованьемъ". Три года пролетѣло незамѣтно, то въ веселой смѣнѣ столичныхъ впечатлѣній, то въ поѣздкахъ въ псковское имѣніе матери поэта, Михайловское. Впрочемъ, большую часть времени Пушкинъ жилъ среди петербургской молодежи. Біографъ поэта

[1]) Авторъ этой статьи ничего новаго не думалъ сообщить въ своей работѣ; цѣль его напомнить читателямъ „К. С" въ годъ, когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина, о тѣхъ мѣсяцахъ, которые провелъ поэтъ въ Малороссіи, и разсмотрѣть, по возможности кратко, связанные съ этимъ пребываніемъ вопросы. Авторъ пользовался всѣми важнѣйшими источниками, появившимися въ печати, но ссылки приводитъ только въ случаѣ особой необходимости.

отмѣчаетъ, что Пушкинъ, „увлеченный общей жаждой широкаго разгула и веселья, не умѣвшій ни въ чемъ останавливаться на полдорогѣ, и въ этомъ направленіи доходилъ до послѣдней крайности. Отчаянная удаль, невозможныя шалости, разгулъ и даже развратъ были въ то время модой, своего рода щегольствомъ между праздной и богатой молодежью высшаго круга. Самый характеръ эпохи не мало способствовалъ такому настроенію общества: всѣ тяготились застоемъ, наступившимъ послѣ войны; молодые силы просились наружу, а дѣла настоящаго не было. Къ этому присоединились и другія причины: броженіе идей, принесенныхъ войсками изъ Франціи, усиливавшееся вліяніе Байрона съ его мрачнымъ міровоззрѣніемъ въ поэзіи и странностями въ общежитіи; вліяніе это, покуда еще внѣшнее, начинало уже носиться въ воздухѣ, развивая презрѣніе къ прозѣ жизни, ко всему обыденному и общепринятому. Наступалъ вѣкъ Онѣгиныхъ и Печориныхъ, вѣкъ поголовнаго ломанья, когда каждый старался быть не тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ, и, что странно, хотѣлъ казаться гораздо хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Всѣми ощущалась какая-то неудовлетворенность, всѣмъ хотѣлось забыться, и юношество предавалось самому разнузданному веселью: попойки, женщины и карты поглощали все свободное время великосвѣтской молодежи. Пушкинъ не отставалъ отъ другихъ. Первый зачинщикъ всевозможныхъ кутежей и безобразій, смѣлый и необузданный, онъ щеголялъ своимъ удальствомъ и гордился славой перваго шалуна въ Петербургѣ. Задорный и дерзкій, за всякую бездѣлицу готовый вызвать на дуэль или отплатить злой эпиграммой, онъ во многихъ возбуждалъ непріязнь смѣшанную отчасти со страхомъ. Для звучнаго стиха, для остраго слова онъ не щадилъ никого и ничего и всегда готовъ былъ издѣваться надъ предметами и людьми. Эпиграммы самыя злыя, экспромпты самые непристойные, стихи самые вольнодумные сыпались изъ подъ пера его направо и налѣво. И все это дѣлалось напоказъ съ какимъ то хвастовствомъ, съ претензіей обратить на себя вниманіе. Въ самой внѣшности Пушкина было видно желаніе казаться ори-

гинальнымъ: онъ то отпускалъ кудри до плечъ, то держалъ въ безпорядкѣ свою курчавую голову; одѣвался небрежно; ходилъ скоро, повертывая тросточкой или хлыстикомъ, насвистывая или напѣвая пѣсню". Но не однимъ разгуломъ заняты были мысли Пушкина: кромѣ лирическихъ пьесъ, въ это время была имъ написана поэма „Русланъ и Людмила", въ это время онъ вполнѣ сблизился съ молодымъ поэтическимъ кружкомъ; А. И. Тургеневъ, Жуковскій, Карамзинъ, Чаадаевъ искренне восхищались новымъ крупнымъ талантомъ, а вся думающая молодежь на расхватъ читала его кипучіе весельемъ и вольнолюбіемъ стихи и экспромпты. Въ это же время написана была Пушкинымъ прекрасная дума о деревнѣ, гдѣ

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
  Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
  Неумолимаго владѣльца....

Элегія эта заканчивается извѣстными стихами:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?
(Собр. соч. Пушк., изд. Литер. фонда, I, 206).

Когда кн. Васильчиковъ доставилъ эти стихи Александру I-му, они растрогали его до глубины души, и онъ сказалъ князю: Faites remercier Pouchkine des bons sentiments, que ces vers inspirent. Но не за всѣ чувства и мысли пожелали благодарить Пу-

шкина: уже давно былъ онъ извѣстенъ злыми стихами противъ сильныхъ міра сего. Весною цѣлый рядъ эпиграммъ (особенно сильныя на Аракчеева), неосторожныхъ, хотя нѣсколько мальчишески задорныхъ, выходокъ (демонстративное разсматриванье портрета Лувеля, убійцы герц. Беррійскаго, въ театрѣ на масляной), наконецъ получившая особенную популярность *ода* поэта *на вольность* (Бѣги, сокройся отъ очей...) рѣшили судьбу Пушкина: 4-го мая 1820 г. состоялся приказъ м-ра иностр. дѣлъ, Нессельроде, о перечисленіи изъ министерства иностр. дѣлъ и отправленіи коллеж. секр. А. С. Пушкина къ главному попечителю колонистовъ южнаго края Россіи ген. лейт. Инзову. Съ такимъ то общественно-нравственнымъ и литературнымъ багажемъ поэтъ уже 6-го мая, въ сопровожденіи своего слуги, Никиты, мчался въ русской красной рубашкѣ, опояскѣ и поярковой шляпѣ по бѣлорусскому тракту, чрезъ Могилевъ и Кіевъ, на югъ. Юному Пушкину грозила сначала ссылка въ Сибирь или, по крайней мѣрѣ, въ Соловецкій монастырь, но тогда еще умѣли любить молодежь, дорожить ею и понимать юный задоръ, поддерживаемый товариществомъ, и юныя увлеченія... Заступничество друзей поэта свело наказаніе къ *переводу* поэта на службу изъ „сѣвера дальняго въ сторону южную“ съ сохраненіемъ петербургскаго содержанія и выдачей 1000 рублей на проѣздъ къ мѣсту служенія.

II.

Очень часто говорятъ о *ссылкѣ* Пушкина на югъ въ 1820 году. Мы думаемъ, что переводъ Пушкина въ чиновники къ генералу Инзову, хотя непріятный и нежелательный для поэта, нельзя называть ссылкой,—Пушкина сослали позже, а именно въ 1824 году изъ Одессы въ с. Михайловское къ отцу, и это была дѣйствительная и тяжелая ссылка. Не говоря о внѣшней, формальной сторонѣ вопроса мы позволимъ себѣ, во первыхъ, привесть слова Александра І-го по окочаніи разговора его съ графомъ Милорадовичемъ, когда императоръ приказалъ „снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и съ соотвѣт-

ствующимъ чиномъ и соблюденіемъ возможной благовидности отправить его на службу на югъ". (Русск. Арх. 1866 г., стр. 920); во вторыхъ, напомнимъ двѣ три фразы оффиціальнаго письма гр. Каподистріи, утвержденнаго государемъ подписью „быть по сему", письмо, которое Пушкинъ самъ везъ изъ Петербурга своему новому начальнику ген. л. Инзову: „Письмо это, генералъ, имѣетъ цѣлію просить Васъ принять этого молодого человѣка (А. С. П.) подъ Ваше покровительство и просить Вашего благосклоннаго попеченія.... нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ несчастный человѣкъ, какъ нѣтъ и того совершенства, котораго не могъ бы онъ достигнуть высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій, (далѣе слѣдуетъ указаніе на вольномысліе Пушкина и заступничество его друзей)... Его покровители полагаютъ, что его раскаянье искренно, и что, удаливъ его на короткое время изъ Петербурга, *доставивъ ему занятіе* и окруживъ его добрыми примѣрами, можно сдѣлать изъ него прекраснаго *слугу государству*, или, по крайней мѣрѣ, писателя первой величины". (Рус. Стар. 1887 г. стр. 241, 242). Мы видимъ изъ этого письма, что поэта хотѣли подвергнуть не ссылкѣ, а дисциплинировать, привязавъ къ чиновничьему стулу, въ расчетѣ не выйдетъ ли изъ него прекрасный слуга государству, а, *по крайней мѣрѣ*, писатель, что такъ характерно для русской бюрократической точки зрѣнія... Но, надо сказать, друзья и благожелатели поэта не расчитывали сколько нибудь серьезно на то, что изъ Пушкина образуется хорошій чиновникъ или благоразумный россійскій обыватель, такъ какъ не безсознательно данъ былъ ему въ начальство г.-л. Инзовъ „памятный своею дружескою связью съ типографщикомъ Новиковымъ и съ мартинистами Екатерининскаго вѣка, человѣкъ образованный, служившій въ молодости адъютантомъ при кн. В. Репнинѣ, то же мартинистъ. Г-лъ Инзовъ усвоилъ себѣ лучшія качества этихъ людей, вполнѣ опредѣленный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію, мягкость нрава, чрезвычайное доброжелательство и человѣколюбіе"... Болгаре, сербы и др. колонисты почитали память этого добраго начальника, во многихъ ихъ семьяхъ хра-

нились его портреты... „Это былъ человѣкъ не хитраго ума, простой въ обращеніи, не умѣвшій говорить красно и громко, но его искренняя привѣтливость, умѣнье сживаться съ людьми и мирить ихъ, неподкупная честность и прямота характера заслужили ему любовь подчиненныхъ и уваженіе людей равныхъ и начальства. Сверхъ того, Инзовъ былъ очень образованъ и начитанъ, занимался исторіей, естественными науками, собиралъ рукописи". (П. Бартеневъ, Пушкинъ на Югѣ, стр. 1122—1123).

И вотъ къ такому то начальнику отправленъ былъ Пушкинъ.

Онъ не оставался на этотъ разъ въ Кіевѣ по пути изъ Петербурга на югъ: 16 или 17 мая послѣ спѣшной десятидневной ѣзды поэтъ былъ уже въ Екатеринославѣ. Пріемъ Инзова былъ сердечный; первыя тяжелыя минуты на чужой сторонѣ были нѣсколько сглажены дружескимъ расположеніемъ и вниманіемъ.

Пушкинъ осматривался, бродилъ по городу, по берегу Днѣпра, гдѣ однажды, прогуливаясь со своимъ слугой, видѣлъ бѣгство двухъ каторжниковъ, переплывшихъ Днѣпръ, потопившихъ одного изъ стражей и спасшихся на противоположномъ берегу, случай, послужившій фабулой для его поэмы „Братья-разбойники". Тамъ же въ волнахъ Днѣпра неосторожно искупался Пушкинъ, тяжко заболѣлъ лихорадкой и лежалъ въ одиночествѣ больной и тоскующій. Но тогда въ томъ же Екатеринославѣ онъ замѣчательно счастливо встрѣтился съ семьей своего молодого друга Н. Н. Раевскаго. Семья Раевскихъ состояла изъ старика, генерала 12-го года и извѣстнаго героя, старшаго его сына, отставнаго полковника Александра Николаевича, двухъ дочерей, Екатерины и Елизаветы, и младшаго сына, молодого офицера Николая. При дальнѣйшемъ знакомствѣ Пушкинъ восторгался сестрами, съ Николаемъ былъ еще друженъ въ Царскомъ Селѣ, (Раевскій былъ моложе Пушкина на два года). О роли молодого Раевскаго въ жизни Пушкина мы будемъ говоритъ позже, теперь же продолжимъ краткій перечень событій въ первые годы пребыванія поэта на югѣ, такъ какъ съ конца 1822-го, онъ уже въ Малороссіи не бывалъ, а жилъ

въ Кишиневѣ или Одессѣ. Итакъ, Пушкинъ, встрѣтился въ Екатеринославѣ въ 20-хъ числахъ мая съ семьей Раевскихъ, которая выѣхала 19-го мая изъ Кіева, гдѣ Раевскіе жили, на Кавказъ въ составѣ отца, обѣихъ дочерей и младшаго сына; съ ними ѣхалъ и докторъ, нѣкто Рудыковскій. Радушная семья поддерживавшая близкія связи съ литературнымъ міромъ, рада была помочь другу сына и поэту, въ то время уже далеко не безызвѣстному, и предложила ему, едва только онъ поправился немного, ѣхать на Кавказъ, полѣчиться, освѣжиться и ободриться. Инзовъ безъ задержекъ далъ разрѣшеніе на отпускъ и поѣздку, и въ концѣ мая Пушкинъ уже былъ на пути къ Дону. Путешествіе и пребываніе поэта у подошвы передняго Кавказа, на минеральныхъ водахъ продолжалось $2^1/_2$ мѣсяца, далѣе путь лежалъ черезъ Землю Черноморскихъ Козаковъ, Керченскій проливъ на Керчь, по морю у южнаго берега Крыма въ Юрзуфъ (Гурзуфъ). Конецъ августа провелъ поэтъ въ Юрзуфѣ и, проводивши въ сентябрѣ семейство Раевскихъ въ ихъ село Каменку, Кіев. губ., Чигирин. у., только 21-го сентября 1820 г. явился къ новому мѣсту своего служенія, г. Кишиневъ, куда былъ переведенъ изъ Екатеринослава попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края, такъ какъ Инзовъ былъ назначенъ намѣстникомъ Бессарабской области. Съ восторгомъ отзывался Пушкинъ объ этой поэтической поѣздкѣ и въ стихахъ, и въ письмахъ:

Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я близъ тебя (Н. Р.) еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ; другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...

(Посвященіе къ „Кавказ. Плѣн.“).

Въ письмѣ къ брату, Льву Сергѣевичу, онъ въ самыхъ трогательнымъ выраженіяхъ описываетъ свое путешествіе, Кавказъ и Крымъ: „Жалѣю, мой другъ, говоритъ онъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы и Змѣиной... Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей, свободныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ". Далѣе описываетъ поэтъ Керчь, Митридатову гробницу, развалины Пантикапеи, переѣздъ въ Гурзуфъ, гдѣ онъ прожилъ 3 недѣли. „Мой другъ, говоритъ онъ брату, счастливѣйшія минуты провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой; снисходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго ласковаго хозяина. Свидѣтель екатериненскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только долженъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная Суди, былъ ли я счастливъ: свободная безпечная жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое, полуденное небо, прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскихъ." (Собр. соч. VIII, 9—11).

Поѣзда вдохновила Пушкина, результатомъ его вдохновенія, кромѣ небольшихъ лирическихъ стихотвореній, о которыхъ мы еще будемъ говорить, явились поэмы „Кавказскій Плѣнникъ" (мартъ 1821-го г.) и „Бахчисар. Фонтанъ" (осень 1822 г.). Съ сентября 1820 года г. Кишиневъ былъ постоянной квартирой

поэта, откуда онъ совершалъ поѣздки то по Бессарабіи, то въ Новороссію. Но заглядывалъ онъ и въ Кіевъ, и въ Кіевскую губернію, именно въ село Каменку, имѣніе Давыдовыхъ и Раевскихъ. (Мать старика Раевскаго была во второмъ бракѣ за Давыдовымъ, отъ котораго имѣла двухъ сыновей, Александра и Василія Львовичей, знакомыхъ Пушкина). Декабрь 1820-го и часть января 1821-го г. поэтъ провелъ въ Каменкѣ, въ началѣ февраля онъ былъ въ Кіевѣ, но 20-го февраля, судя по нѣкоторымъ датамъ, опять былъ въ Каменкѣ и въ концѣ того же мѣсяца уже въ Одессѣ. Послѣдній разъ поэтъ ѣздилъ въ Каменку въ ноябрѣ 1822-го года; это было его послѣднее посѣщеніе Малороссіи, насколько можно прослѣдить по его письмамъ, замѣткамъ и стихотвореніямъ. Отмѣтимъ и напомнимъ важнѣйшее изъ того, что было создано въ эти непродожительные наѣзды его въ нашъ родной край.

III.

Въ Екатеринославѣ Пушкинъ на вопросъ доктора: „чѣмъ Вы тутъ занимаетесь?“ отвѣчалъ: „пишу стихи“, но къ этому времени мы не можемъ опредѣленно и точно пріурочить ни одного произведенія поэта. Да едвали и до того было больному поэту, только что прибывшему „по начальству“ на мѣсто своего новаго служенія. Но въ 1820-же году дописаны были два стихотворенія, имѣющія отношеніе къ Е. Н. Раевской: „Нереида“ (Среди зеленыхъ волнъ...) и „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“... Въ февралѣ же 1821-го г., въ Кіевѣ, дописана элегія „Увы, зачѣмъ она блистаетъ...“ и написаны „Земля и море“ (подражаніе идилліи Мосха, греч. поэта II-го в. до Р. Х.) и „Муза“ (можетъ быть въ Каменкѣ), наконецъ въ Каменкѣ дописанъ „Кавказскій плѣнникъ“ (безъ эпилога), написана элегія „Я пережилъ свои желанія“... и прекрасное стихотвореніе „Желаніе“,— вотъ и все, написанное въ Малороссіи, если не считать такихъ пустяковъ, какъ напримѣръ, стихотвореніе „Адели“ и т. п. Обратимся къ общей хактеристикѣ двухъ лучшихъ стихотвореній этого періода. Въ „Музѣ“ поэтъ говоритъ:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ своихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

(I, 235).

Само по себѣ прекрасное стихотвореніе по формѣ стиха, шестистопнаго ямба, доведеннаго Пушкинымъ до совершенства, по граціозности образовъ—музы, временами оживляющей тростникъ божественнымъ дыханіемъ, и поэта, наигрывающаго на цѣвницѣ робкими перстами, имѣетъ общее значеніе,—ни мѣстныхъ красокъ, ни мѣстныхъ впечатлѣній въ этомъ стихотвореніи мы, конечно, не видимъ. То же мы должны сказать и о другомъ прелестномъ стихотвореніи, написанномъ въ Кіевѣ: „Земля и Море“:

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,

Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубравы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

(Соб. соч. I, 233).

Отмѣтимъ двѣ черты въ этомъ стихотвореніи: во первыхъ, спокойное, безмятежное настроеніе поэта, который не только „не ищетъ бури“ и не думаетъ, что „въ буряхъ можно найти покой“, но хочетъ стоять на твердой землѣ, когда волны „ревутъ, кипятъ и плещутъ, и громъ гремитъ по небесамъ“, и чувствуетъ, что есть для него гостепріимный кровъ, полный „надежной тишиной“, во вторыхъ, роскошныя краски, подобранныя поэтомъ для изображенія моря, уподобляющагося у Пушкина—жизни, въ тихую и бурную погоду. Первая черта несомѣннно связана съ личнымъ настроеніемъ поэта: „Земля и Море“ написаны Пушкинымъ, когда онъ былъ въ Кіевѣ на свадьбѣ Ек Ник. Раевской съ хорошимъ знакомымъ Пушкина, М. Ѳ. Орловымъ; вторая черта безусловно является отголоскомъ неулегшихся еще впечатлѣній, вынесенныхъ авторомъ изъ путешествія у береговъ Чернаго моря. Тотъ же отголосокъ слышится въ стихотвореніи „Желаніе“, гдѣ рѣчь идетъ о Крымѣ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга? и т. д.

И во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ ничего нѣтъ, что бы отражало Малороссію, не говоримъ—ея бытъ, ея нравы, нѣтъ—природу Малороссіи... Это фактъ неоспоримый, и мы думаемъ, что объясненіе ему найти нетрудно. Поэтъ промчался

по Малороссіи въ Екатеринославъ, заболѣлъ тамъ, вылѣченный и ободренный тотчасъ уѣхалъ на Кавказъ, въ Крымъ, къ берегамъ Чернаго моря. Они поразили его: величественныя горы Кавказа, гдѣ высится и „пасмурный Бешту, пустынникъ величавый, гдѣ—кремнистыя вершины, гремучіе ключи, увядшія равнины, пустыни знойныя", гдѣ красуются

Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣетъ въ небѣ голубомъ....

Не менѣе овладѣли душой поэта нѣжныя очертанія и рѣзкіе, причудливые переходы картинъ Таврическаго полуострова; Крымъ для него—

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада....

А море.... Море настоящее, а не сѣрый Финскій заливъ, глубоко захватило своимъ могуществомъ и измѣнчивостью воображеніе поэта и осталось для него однимъ изъ самыхъ сильныхъ, живыхъ и постоянныхъ воспоминаній о свѣтлой жизни поэта на югѣ. Съ нимъ наиболѣе трогательно прощается Пушкинъ, уѣзжая на сѣверъ:

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы....
. . . .
Прощай же, море, не забуду
Твоей торжественной красы,

И долго, долго помнить буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Итакъ,—первыя, притомъ подавляющія, грандіозныя впечатлѣнія, пережитыя Пушкинымъ на югѣ, были впечатлѣнія Кавказа, Крыма и Чернаго моря. Онъ долго былъ подъ ихъ властью, они отразились на всей послѣдующей его поэтической дѣятельности. Возвратился онъ, проѣхалъ въ Каменку, наѣзжалъ по временамъ въ Малороссію, но красоты ея, скромныя, нѣсколько идиллическія, задумчивыя, безъ рѣзкихъ переходовъ и тоновъ, безъ картинъ широкихъ или поражающихъ, никогда не приковывали его вниманія, не овладѣвали его поэтической мыслью и не могли вытѣснить только что пережитыхъ живыхъ впечатлѣній путешествія. Отсюда—такія яркія, образныя по мѣстному колориту описанія Кавказа, Крыма и моря, отсюда—отсутствіе у Пушкина поэтическаго разсказа о природѣ нашего родного края. Мы, конечно, думаемъ, что причинъ такого отсутствія у поэта яркихъ впечатлѣній отъ малорусской природы и обстановки было не мало, и приводимое нами объясненіе считаемъ только наиболѣе важнымъ въ ряду другихъ причинъ и объясненій.

IV.

Но что же дали поэту первые полтора года пребыванія его на югѣ? Остался ли онъ такимъ же, какимъ выѣхалъ изъ Петербурга? Тѣ ли только страсти, мысли и тотъ ли задоръ и легкомысліе, освѣщенные крупнымъ талантомъ, волнуютъ его теперь? Отвѣта этотъ вопросъ поищемъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ и обратимся къ двумъ стихотвореніямъ поэта—„Посланіе Чаадаеву“ и „Овидію“—оба 1821-го года („Посланіе“ написано 6-го апрѣля, „Къ Овидію“—26-го декабря). Послѣ обращенія къ римскому поэту, изображенія его судьбы и тоски

по родинѣ Пушкинъ сравниваетъ свою судьбу съ судьбой Овидія и заключаетъ элегію словами:

Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
И не единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

(Собр. Соч. т. I, 260)

О серьезности своего настроенія въ концѣ перваго года пребыванія на югѣ поэтъ пишетъ Чаадаеву:

Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ,
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тяжкій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Стихи Пушкина такъ выразительны и говорятъ сами за себя, что даютъ опредѣленный отвѣтъ на поставленный нами выше вопросъ. Да, „много перемѣнилось въ жизни для поэта, и самъ, покорный общему закону, перемѣнился онъ“. По словамъ Грота („Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“) удаленіе Пушкина изъ Петербурга, безъ сомнѣнія, глубоко потрясшее впечатлительную душу юноши, не могло не пробудить въ немъ грустныхъ размышленій, не заставить его заду-

маться надъ жизнью и судьбой человѣка, а наглядное знакомство съ живописной природой юга Россіи, съ разнохарактерными племенами и съ провинціальнымъ обществомъ должно было дать новый сильный толчокъ и такъ уже далеко опередившему годы развитію Пушкина... Съ этихъ поръ особенно въ Пушкинѣ становится замѣтно сочетаніе рѣдкаго поэтическаго таланта съ любознательностью; онъ глубоко изучаетъ каждый предметъ, котораго коснется; потребность эта скоро приводитъ его къ заимствованію предметовъ для поэзіи изъ исторіи и наконецъ обращаетъ его къ чисто историческимъ трудамъ; плодъ новаго направленія его былъ рядъ поэмъ, гдѣ съ каждымъ шагомъ видимо зрѣетъ и мысль его, и художественное пониманіе..... Съ этихъ то именно поръ изъ него вырабатывается *взыскательный художникъ*, названіе, употребленное самимъ поэтомъ въ одномъ изъ его сонетовъ. По безчисленнымъ поправкамъ въ его произведеніяхъ можно судить, какъ не легко онъ удовлетворялся тѣмъ, что выходило изъ подъ пера его, какихъ, наконецъ, усилій стоило то совершенство формы, та ровность отдѣлки, которыхъ онъ достигалъ во всѣхъ своихъ стихахъ. И это упорство въ работѣ тѣмъ изумительнѣе, что намъ извѣстно, какою пламенною душою онъ былъ одаренъ. Какъ охотно предавался онъ развлеченіямъ общества и наслажденіемъ природою. Въ одной замѣткѣ его о разныхъ родахъ поэзіи наше вниманіе невольно останавливается на выраженіи: „Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго“ (стр. 149—151). Несомнѣнно, что лѣта дѣлали свое дѣло, но мы должны отмѣтить и тѣ два теченія въ жизни поэта, которыя наиболѣе способствовали, какъ дальнѣйшему развитію его таланта, такъ выработкѣ характера, настроеній и большей серьезности. Это были —вліяніе европейской литературы и друзей-декабристовъ.

V.

Въ то время, которое интересуетъ насъ, вліяніе Вольтера, Парни и французской литературы на Пушкина не исчезло,— онъ зачитывался ею еще съ отроческихъ лѣтъ. Позже высту-

паетъ болѣе серьезное увлеченіе Шатобріатомъ, Шенье и особенно Байрономъ. Увлеченіе послѣднимъ было самое значительное и продолжительное. Серьезное знакомство съ поэтомъ „мировой скорби“ началось именно на югѣ, хотя, вѣроятно, Пушкинъ зналъ и раньше—о самомъ Байронѣ, и можетъ быть читалъ кое-что изъ произведеній Байрона во французскомъ переводѣ (1819 г). Англійскаго языка до 1820 г. поэтъ еще не зналъ. Едва ли не черезъ Н. Н. Раевскаго и его сестеръ, говоритъ Л. Н. Майковъ, Пушкинъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положительныя свидѣтельства, что подъ ихъ руководствомъ Пушкинъ началъ учиться англійскому языку (намъ думается относительно сестеръ, слѣдовало бы сказать, опираясь на имѣющіяся данныя, не подъ ихъ руководствомъ, а при ихъ нѣкоторой помощи), когда же въ августѣ 1820-го года, онъ плылъ съ Раевскими на кораблѣ „изъ Азіи въ Европу“ уже была написана подъ живымъ впечатлѣніемъ только что прочтеннаго „Чайльдъ Гарольда“ элегія „Погасло дневное свѣтило“—первое стихотвореніе въ той полосѣ творчества Пушкина, когда онъ платилъ дань байронизму (Очерки, стр. 132). Н. Раевскій былъ не только хорошо образованнымъ человѣкомъ для того времени, но отличался и замѣчательнымъ литературнымъ вкусомъ, который высоко цѣнилъ поэтъ (См. письма Раевскаго изъ Бѣлой Церкви отъ 10-го мая 1825 г.). По вѣрному замѣчанію ученаго критика, литературныя воззрѣнія Пушкина слагались вообще очень самостоятельно и нерѣдко наперекоръ пріятельскимъ мнѣніямъ; но едва ли можно оспаривать вліяніе Н. Н. Раевскаго въ томъ, что у поэта рано проявилось сочувствіе къ англійской словесности (Очерки, 142). Вопросъ о байронизмѣ Пушкина вызвалъ цѣлую литературу, хотя къ чести русской критической мысли, рѣдкіе голоса большею частью случайныхъ или неосторожныхъ критиковъ указывали на якобы подчиняющее и безусловно подавляющее вліяніе англійскаго барда на нашего поэта въ 20-хъ годахъ (см. книгу С. Трубачева „Пушкинъ въ русской критикѣ“). Самымъ характернымъ и сжатымъ является опредѣленно высказанное мнѣніе Анненкова о вліяніи Байрона на поэта.

Люди, говоритъ онъ, слѣдившіе вблизи за постепеннымъ освобожденіемъ природнаго генія въ Пушкинѣ, очень хорошо знаютъ, почему такъ охотно и съ такой радостью преклонился онъ предъ британскимъ поэтомъ. Байронъ былъ указателемъ пути, открывавшимъ ему весьма дальнюю дорогу и выведшимъ его изъ того французскаго направленія, подъ которымъ онъ находился въ первые годы своей дѣятельности. Разумѣется, все, что впослѣдствіи говорено было объ общей настроенности вѣка, о духѣ европейскихъ литературъ, имѣло свою долю истины; но ближайшая причина байроновскаго вліянія на Пушкина состояла въ томъ, что онъ одинъ могъ ему представить современный образецъ творчества. Понѣмецки Пушкинъ не читалъ, или читалъ тяжело; перевѣсъ оставался на сторонѣ британскаго лирика. У него почерпнулъ онъ уваженіе къ образамъ собственной фантазіи, на которые прежде смотрѣлъ легко и поверхностно, у него научился художественному труду и пониманію себя. Байронъ вложилъ могущественный инструментъ въ его руки: Пушкинъ извлекъ имъ впослѣдствіи изъ міра поэзіи образы, нисколько непохожіе на любимыя представленія учителя. (Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 101—102).

Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ освѣжило интересъ русскаго общества къ поэту и дало возможность еще разъ поставить и пересмотрѣть вопросъ о байронизмѣ Пушкина. Достоевскій въ своей извѣстной рѣчи говорилъ, что „безъ сомнѣнія поэты Европы имѣли великое вліяніе на развитіе его генія, да и сохраняли вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе, даже самыя первыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ, такъ что и въ нихъ уже выражалась чрезвычайная самостоятельность его генія". Дѣйствительно, намъ думается, что для рѣшенія этого вопроса надо заглянуть въ глубь, такъ сказать, поэтическаго творчества Пушкина. Это творчество не было пѣсней прекрасно умѣющей пѣть птицы, оно не было результатомъ какого то безсознательнаго вдохновенія... Самъ Пушкинъ писалъ, что вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и

объясненію оныхъ, но восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго... онъ не продолжителенъ, не постояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство (Собр. Соч. V, 21). Для созданія истинно великаго нуженъ *постоянный трудъ*, и поэтическое творчество Пушкина было этимъ постояннымъ трудомъ.

Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное молчанье.

Другою чертою поэтическаго творчества Пушкина было то, что онъ въ поэзіи выражалъ все пережитое имъ въ жизни: онъ жилъ „погруженный въ заботы суетнаго свѣта", но видѣлъ и воспринималъ всю эту житейскую путаницу, переживалъ и какъ бы подвергалъ ее анализу въ душѣ своей и, послѣ долгаго и постояннаго труда, выражалъ эту жизнь, очищенную думой и чуткимъ нравственнымъ чувствомъ во вдохновенныхъ образахъ, полныхъ мысли и гармонической пластичности. Черта эта отмѣчена еще Анненковымъ въ такихъ словахъ: „вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ-бы поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагораживало все, что было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жестокаго. По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время". Такое перевоплощеніе „житейскихъ волненій", думъ и чувствъ въ поэтическіе образы и такой постоянный творческій трудъ, какъ наиболѣе характерныя черты поэтическаго генія Пушкина, не могли дать и не дали поэту возможности подчиниться, стать *подражателемъ* какого бы то ни было европейскаго таланта; самыя особенности Пушкинскаго генія были залогомъ его поэтической самостоятельности и оригинальности. Такъ было и съ вліяніемъ Байрона на Пушкина. Но важна и другая сторона вопроса,—характеръ поэтическаго генія самого англійскаго поэта. Брандесъ сравниваетъ поэзію Байрона съ

водопадомъ, образовавшимъ цѣлый рядъ пѣнистыхъ и кипучихъ каскадовъ, огласившимъ окрестности гармоническимъ шумомъ, привлекшимъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Н. А. Котляревскій указываетъ, что успѣху поэзіи Байрона не мало способствовали какъ разъ ея недостатки: неопредѣленность ея настроеній и недосказанность ея міросозерцанія. Намекъ или неясно формулированная мысль, но выраженные красиво и образно, производятъ иногда сильное впечатлѣніе именно тѣмъ, что позволяютъ читателю приноровить ихъ къ себѣ, дополнить, видоизмѣнить ихъ посвоему, найти въ нихъ то, что хочется въ нихъ вычитать; и поэзія Байрона съ ея неустановившимися, иногда противорѣчивыми, точками зрѣнія на міръ и человѣка, съ ея таинственнымъ полумракомъ сердца и загадочностью психическихъ движеній, дѣйствительно, позволяла многимъ, очень многимъ людямъ предполагать въ душѣ поэта родственную себѣ душу (Міровая Скорбь, стр. 167—168). Такая особенность поэзіи европейскаго генія, да при томъ еще при полной свободѣ художественной формы, давала возможность поэтамъ и съ менѣе оригинальнымъ талантомъ и не съ тѣми коренными чертами поэтическаго творчества, какія отличаютъ геній Пушкина, увлекаться общимъ обликомъ, тономъ и смысломъ байроновскаго протеста, но не подчиняться ему, усваивать то, что подходило, казалось, къ своему я, но безъ ущерба для собственной самобытности. Указанія, приведенныя нами сейчасъ, опредѣляютъ границы байронизма Пушкина, зависѣвшія отъ склада поэтическаго таланта англійскаго и русскаго поэта, но знакомство Пушкина съ Байрономъ было важнымъ переходнымъ моментомъ въ жизни А. С.: тогда то вполнѣ началъ овладѣвать Пушкинымъ вопросъ, мучившій Байрона всю его жизнь, какъ онъ мучилъ Пушкина и его современниковъ, вопросъ „объ отношеніи личности къ обществу, о взаимныхъ обязательствахъ, существующихъ между ними, о соглашеніи индивидуальнаго начала съ общимъ, однимъ словомъ—вопросъ объ индивидуализмѣ въ его борьбѣ за гуманные принципы нашего вѣка“. И нельзя забывать значенія даннаго момента въ жизни Пушкина, какъ

нельзя забывать и той роли, какую сыграли въ исторіи этого момента Раевскіе, особенно Н. Раевскій, встрѣтившіеся съ Пушкинымъ въ Малороссіи.

VI.

Въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу изъ Каменки отъ 4-го дек. 1820-го г. поэтъ пишетъ, что теперь находится въ Кіевской губ., въ деревнѣ Давыдовыхъ, „милыхъ и умныхъ отшельниковъ братьевъ генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ, продолжаетъ онъ, между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей, извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ (Собр. Соч. т. VII стр. 11). Объ этихъ таинственныхъ „демагогическихъ спорахъ“ мы узнаемъ изъ воспоминаній И. Д. Якушкина. Біографъ поэта говоритъ, что Пушкинъ въ Каменкѣ встрѣтился съ декабристомъ Якушкинымъ (февраль 1821-го г.), объѣзжавшимъ южный край съ цѣлью узнать мнѣнія членовъ бывшаго Союза Благоденствія и вообще мѣстныхъ либеральныхъ людей объ упраздненіи союза, и о взглядахъ ихъ относительно тайныхъ обществъ вообще. Якушкинъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что наканунѣ его отъѣзда изъ Каменки тамъ составлено было присутствующими нѣчто въ родѣ формальнаго совѣщанія, гдѣ обсуждался вопросъ: нужны, или нѣтъ тайныя общества въ Россіи? что Пушкинъ стоялъ за необходимость послѣднихъ; что при закрытіи совѣщанія, достаточно обнаружившаго мнѣнія его участниковъ, Пушкинъ, ожидавшій немедленнаго посвященія себя въ члены тайнаго общества, подошелъ къ нему, Якушкину, съ упрекомъ и сказалъ: „я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ въ эту минуту: я уже видѣлъ жизнь свою облагороженной, и все это оказалось злой шуткой“. Все это правдоподобно, хотя и можно сомнѣваться относительно точныхъ словъ Пушкина при этомъ случаѣ, которыя, заключая въ себѣ туже мысль, могли

быть и иныя; но дѣло въ томъ, что, произнося ихъ въ минуту воодушевленія и (прибавимъ отъ себя, надѣясь именно тогда войти членомъ въ тайныя общества), онъ такъ же мало былъ заговорщикомъ и отчаяннымъ радикаломъ, какъ мало былъ атеистомъ, создавая свои поэмы и эпиграммы въ воспаленномъ состояніи ума (Вѣстн. Евр. 1874 г. № 1, стр. 27).

Такимъ образомъ, мы знаемъ навѣрное, что членомъ Союза Благоденствія Пушкинъ не былъ, но сильно желалъ быть имъ. Однако, существуетъ мнѣніе, что декабристы—друзья поэта, оберегая его талантъ и не желая его подвергать опасности, уклонялись отъ фактическаго привлеченія Пушкина въ тайныя общества. Мнѣніе это намъ кажется вымышленнымъ и вполнѣ несостоятельнымъ. По справедливому замѣчанію проф. Кирпичникова, „скорѣе Пушкина считали для этого недостаточно серьезнымъ, неспособнымъ отдаться одной задачѣ". И дѣйствительно, политическіе дѣятели едва-ли когда-нибудь руководствуются подобными соображеніями „оберечь", „не подвергать опасности" сильнаго, талантливаго, горячаго человѣка... Да и почему не оберегали тогда Рылѣева? Наконецъ, въ 1821, да и 22-мъ году *серьезной* опасности и не предвидѣлось еще для членовъ тайныхъ обществъ, и о 14 декабря и его послѣдствіяхъ не могло быть никакого представленія... Разставаясь съ Каменкой и пребываніемъ Пушкина въ Малороссіи, мы считаемъ необходимымъ привести извлеченіе изъ той части труда Анненкова, которая непосредственно относится къ интересующему насъ вопросу. „Деревня Каменка, пишетъ авторъ, держала Пушкина подъ своимъ вліяніемъ совсѣмъ не революціонной пропагандой, которой у нея никогда и не было, несмотря на то, что при образованіи тайнаго общества на югѣ (1823 г.) въ число его членовъ попали В. Л. Давыдовъ, князь С. Г. Волконскій, В. А. Поджіо,—люди, связанные близкимъ родствомъ между собою и хозяевами „деревни". Еще не опредѣлено доселѣ—насколько согласіе участвовать въ заговорѣ выходило у этихъ людей изъ твердаго политическаго убѣжденія, и насколько оно было дѣломъ случайности и довѣрчивости къ вербовщику, и даже фаль-

шиваго стыда передъ смѣлымъ ораторомъ. Ни тогда, ни позднѣе Каменка не отличалась твердымъ служеніемъ какой-либо политической идеѣ или яснымъ пониманіемъ и преслѣдованіемъ какой-либо цѣли и задачи пропагандная свойства. Она подчиняла себѣ Пушкина совсѣмъ не общественной или революціонной стороной своей дѣятельности, а тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и духовному міру человѣка, ею усвоеннымъ. Ни передъ кѣмъ такъ не хотѣлось Пушкину блеснуть либерализмомъ, свободой отъ предразсудковъ, смѣлостью выраженія и сужденія, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ".

Мы говорили о послѣднемъ времени пребыванія Пушкина въ Малороссіи. Въ іюлѣ 1823 года изъ Кишинева Пушкина, по его же просьбѣ, перевели въ Одессу и зачислили въ штатъ намѣстника Новороссійскаго края гр. М. С. Воронцова. Немного больше года провелъ поэтъ въ Одессѣ. Отношенія съ намѣстникомъ у него установились самыя натянутыя: гр. Воронцовъ хотѣлъ видѣть въ немъ чиновника, Пушкинъ осыпалъ его эпиграммами. Извѣстенъ разсказъ Липранди о командировкѣ поэта въ край по дѣлу о нашествіи саранчи; такое порученіе Пушкинъ счелъ за обиду, принялъ его какъ месть за эпиграммы и написалъ намѣстнику письмо „въ сильныхъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ", а затѣмъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. На канцелярскомъ же дѣлѣ изобразилъ эпиграмму:

Саранча, летѣла, летѣла,
И сѣла. . .
Сидѣла, сидѣла—все съѣла
И вновь улетѣла. . .

Но онъ не получилъ ни отставки, ни даже перевода. Въ это время вскрыли письмо Пушкина, въ которомъ онъ писалъ неизвѣстному адресату: «Ты хочешъ узнать, что я дѣлаю? Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще не встрѣчалъ. Онъ исписалъ лис-

товъ тысячу, что бъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабые доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе всего правдоподобная». (Собр. Соч. VII, 74).

Судьба поэта была рѣшена,—вмѣсто отвѣтовъ на его просьбы его сослали въ с. Михайловское, Псковской губ., подъ надзоръ родителей, а потомъ губернатора Паулуччи. Пушкинъ долженъ былъ немедля отправляться въ ссылку подъ родной кровъ, не заѣзжая по дорогѣ никуда; онъ выѣхалъ 30 іюля изъ Одессы, и минуя Кіевъ и всѣ города, спѣшно прибылъ 9-го августа къ мѣсту назначенія. И потянулась тяжелая жизнь поднадзорнаго человѣка... Нужно читать письма и записки Пушкина, относящіяся къ тому времени, чтобы понять, какъ нелегко жилось въ тѣ годы поэту. И тогда тамъ, въ Михайловскомъ, постепенно совершался въ его душѣ переворотъ, временами доводившій его до выпрашиваній и униженій,—но разсмотрѣніе этого періода въ жизни поэта выходитъ уже за рамки поставленной нами задачи.

Передъ нами проходятъ вереницей всѣ событія жизни поэта: коронація Николая I-го и прощеніе; гр. Бенкендорфъ и новая цензура; женитьба и камеръ-юнкерство, наконецъ роковая дуэль и послѣ того все увеличивающаяся слава, все усиливающееся преклоненіе передъ геніемъ поэта. Любопытно, что по фактамъ, напечатаннымъ недавно г. Панкратьевымъ, и заслуга освобожденія Пушкина отъ полицейскаго надзора принадлежитъ шефу жандармовъ Мезенцову, несмотря на то, что этотъ послѣдній занималъ должность шефа въ семидесятыхъ годахъ, а Пушкинъ—какъ всякому извѣстно,—умеръ въ 1837 году. Назначенный шефомъ Мезенцовъ проявилъ большую энергію и потребовалъ себѣ всѣ списки поднадзорныхъ, въ числѣ которыхъ значился титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Велѣли канцеляріи навести справку: какой такой титулярный совѣтникъ? Оказалось, тотъ самый, который стихи писалъ, но о пожалованіи котораго въ камеръ-юнкеры канцелярія

не получила своевременно надлежащаго увѣдомленія; вслѣдствіе этого, по смерти означеннаго камеръ-юнкера, она естественно встрѣтила препятствія къ отождествленію личности умершаго съ поднадзорнымъ титулярнымъ совѣтникомъ. Вслѣдъ за симъ послѣдовало распоряженіе объ исключеніи Пушкина изъ упомянутаго списка".

А въ это время величайшему русскому поэту доканчивали сооруженіе памятника въ Москвѣ.

Игн. Житецкій.

СПБ. 26 апрѣля 1899 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Малорусскіе переводы стихотвореній Пушкина. Малорусскіе переводы стиховъ Пушкина стали появляться въ журналахъ съ 30-хъ годовъ, причемъ переведенная Гребенкою *Полтава* была напечатана нѣсколько разъ. Перечень извѣстныхъ намъ переводовъ помѣщаемъ здѣсь.

1. *Два ворона.* Вѣстн. Европы, 1830 г.

2. *Полтава*: а) въ отрывочномъ пересказѣ А. Ш. (Шпигоцкаго), Украинск. Альман. 1831 г.; б) переложеніе Е. Гребенки, Моск. Телегр., 1831 г., ч. 41, № 17, стр. 28—129, и в) полный переводъ, отдѣльн. брошюр. Спб. 1836. 12 д. л., 64 стр. Перепечатка въ Собр. сочин. Гребенки 1862 г., т. V,317—360 и въ львовск. «Правдѣ» 1874 г.

3. *Буря мглою небо кроетъ* подъ заглавіемъ *Зимній вечиръ*, переводъ Л. Боровиковскаго, «Ластовка», альман. изд. Гребенки, Спб. 1841 г. Перепечатанъ въ львовск. «Зорѣ» 1893 г.. Въ переводѣ Боровиковскаго же явились, по сообщенію г. Драганова (Спб. Вѣдом. 1899 г., № 57) *Цыгане, Поэтъ* и *Пророкъ*.

Въ львовскихъ журналахъ и сборникахъ напечатаны слѣдующіе переводы:

1. *Ты и Вы* и *Птичка* въ переводѣ П*, «Нива», 1865 г.

2. *Зимній вечеръ, Козакъ* и *Утопленникъ* въ переводѣ Гетьманца (М. П. Старицкаго), «Правда», 1868 г.

4. *Шотландская баллада* и *Русалка* въ переводѣ Франка, «Балляды и Разсказы», 1876 г.

5. *Моцартъ и Сальери*, переводъ Мик. Вороного, «Зоря» 1895 г.

Кромѣ того, Павло Грабъ печаталъ переводы съ Пушкина въ своихъ сборникахъ «Зъ чужого поля» и «Доля».

Кіевъ въ сороковыхъ годахъ. Со второго нумера текущаго года начали помѣщаться въ «Русскомъ Архивѣ» интересныя для кіевлянъ «воспоминанія»; покойнаго директора Острожской семинаріи Н. Д. Богатинова. Богатиновъ—уроженецъ г. Кіева, воспитывался послѣдовательно въ Кіево-Подольскомъ дворянскомъ училищѣ, губернской (нынѣ 1-ой) гимназіи и университетѣ св. Владиміра. Воспоминанія его проникнуты религіознымъ настроеніемъ, которое съ дѣтства развилось въ душѣ ихъ автора. Отмѣтимъ нѣкоторые сообщаемые Богатиновымъ факты, какъ интересные для читателей «Кіевской Старины».

Въ 1845 году Подолъ сильно пострадалъ отъ небывалаго разлива р. Днѣпра. «Наводненіе захватило собою не только ближайшія къ берегу мѣстности, но и отдаленныя, смотря по уровню поверхности. Вся береговая полоса была залита; церковь св. Иліи пророка, въ ожиданіи разлива, была «замурована», т. е. всѣ двери заложены каменною кладкою, и дѣйствительно была затоплена; духовное училище тоже. Вода была въ нѣсколькихъ саженяхъ, 4-хъ, 5-ти не болѣе, и отъ нашей квартиры (около Борисоглѣбской церкви); уже была впереди тротуаровъ насыпь изъ навоза; еще бы продлилось наводненіе день, другой, и мы тоже не избѣгли бы участи разоренія и бѣдствія. Наводненіе началось съ первыхъ дней Св. Пасхи. Пока вода не выходила изъ береговъ, я выходилъ смотрѣть на разъяренную рѣку, казавшуюся уже не рѣкою, а большимъ озеромъ до самаго горизонта; свирѣпыя волны, приходилось видѣть, несли бурливо не одну избу, не одинъ непрочно поставленный городской домъ; только крыша колыхалась подъ ударами бушующихъ волнъ. Когда наводненіе кончилось, по распоряженію власти, во всѣхъ частяхъ города, на всѣхъ домахъ, церквахъ, зданіяхъ, охваченныхъ водою, проведены были масляннною черною краскою линіи съ надписью «1845 годъ». (Стр. 422—23).

Въ сороковыхъ годахъ надъ Печерскомъ разразился страшный пожаръ (авторъ не помнитъ, въ какомъ именно году). «Пожаръ этотъ точно нарочно пришелся къ тому времени, какъ Печерскъ весь почти предназначенъ былъ къ сломкѣ подъ крѣпость, и почти одновременно съ пожаромъ шла страшная ломка, преобразившая значительную часть верхняго города. Тамъ, впереди зданія минераль-

ныхъ водъ (теперь императорскій дворецъ) расположенъ былъ обширный плацъ, со всѣхъ сторонъ обсаженный тополями, но не огороженный; за нимъ немедленно возвышалось большое 3-хъ этажное зданіе «присутственныхъ мѣстъ», и тутъ же начиналась Житная, съ 2-мя рядами домовъ, улица, ведшая къ Лаврѣ. Между тѣмъ по плану крѣпости здѣсь должны были быть воздвигнуты крѣпостныя укрѣпленія съ воротами, и все это черезъ годъ исчезло: присутственныя мѣста разобраны, дома снесены, и тутъ-то и случился страшный пожаръ, облегчившій очищеніе мѣста». (Стр. 423).

...«На моихъ же глазахъ пробивалась улица Владимірская, черезъ холмы, окружавшіе городъ и, быть можетъ, исполнявшіе въ то время назначеніе крѣпостныхъ валовъ, черезъ развалины храма св. Ирины, которыя я видалъ еще во всей ихъ обширности: черезъ нихъ приходилось пробираться, когда мы, ученики Дворянскаго училища, ходили 22-го іюня на торжественный актъ въ университетъ, общій для всѣхъ учебныхъ заведеній и гимназій Кіева. Шли мы туда въ строгомъ порядкѣ отъ самаго училища, въ парахъ, и мимо «Золотыхъ воротъ»; другой дороги не было. Тотчасъ за Золотыми воротами дорога спускалась среди валовъ на поляну, совершенно свободную, на поле настоящее, и такъ полемъ доходили мы до университета, проходя мимо подлѣ какихъ-то военныхъ или интендантскихъ сараевъ-магазиновъ. Ничего на этомъ просторѣ еще не было: ни гимназіи, ни Левашовскаго института. Особнякомъ среди раздолья величаво высился и раскидывался во всѣ стороны университетъ, а впереди него взрытое буграми и ложбинами поле, гдѣ, кажется, саперы тоже не мало поработали, производя свои упражненія «за городомъ». (Стр. 424).

...«Еще не забыть, что около этого же самаго времени шло сооруженіе Цѣпного моста черезъ Днѣпръ; что центръ торговли переносился съ Печерска, разрушеннаго и опустошеннаго, гдѣ Московская улица въ свое время была главною улицею въ городѣ, сосредоточивавшею всю лучшую торговлю вмѣстѣ съ лавками Восточной Сибири, гдѣ тоже были въ то время лучшія лавки въ городѣ, братьевъ Литовыхъ, а все это городское движеніе и торговля тогда-же уже направлялись къ новому торговому руслу—Крещатицкой долинѣ, которая съ того времени и стала обстраиваться, скоро мѣняла свою первобытную простоту, свою тихую жизнь». (Стр. 424—25).

Авторъ вспоминаетъ объ учителяхъ Кіево-Подольскаго дворянскаго училища.

...«Учителемъ исторіи и географіи былъ Кулишъ, знаменитый впослѣдствіи малорусскій писатель. О немъ помню только, что въ комнатѣ, гдѣ онъ жилъ, на стѣнѣ нарисованы были тушевальнымъ карандашемъ большія человѣческія фигуры. Помню и потому, что лучшимъ ученикамъ онъ дарилъ картинки, и я очень добивался чести получить тоже картинку, но получить, кажется, не удалось. Вскорѣ онъ оставилъ училище». (Стр. 429).

Одинъ знакомый студентъ академіи, нѣкто Ковалевскій, пригласилъ автора къ себѣ въ нумеръ, на 3-мъ этажѣ. «Тогда студенты жили человѣкъ по шести въ нумерѣ, гдѣ между ними жилъ и «старшій», студентъ перваго курса. Старшимъ въ томъ нумерѣ былъ первый студентъ *Рудневъ*, нынѣ митрополитъ кіевскій Іоанникій. Тутъ студенты и спали, и жили, и занимались». (Стр. 661).

...«Нынѣшній митрополитъ кіевскій *Іоанникій* тоже въ эту пору былъ постриженъ непосредственно по окончаніи курса академіи и оставленъ при ней же, какъ первый студентъ, баккалавромъ; но постриженіе его происходило въ пещерахъ, въ Лаврѣ, какъ и постриженіе еще двухъ хорошихъ моихъ знакомыхъ студентовъ *Петрова* съ именемъ Владиміра и серба, кажется, *Милоя* съ именемъ Михаила, по назначенію отъ митрополита Филарета, въ память первыхъ дѣятелей христіанскаго просвѣщенія въ Россіи: равноапостольнаго Владиміра и перваго митрополита кіевскаго Михаила... Второй — знаменитый митрополитъ сербскій Михаилъ»... (Стр. 668—69).

Два письма А. В. Марковича: къ Т. Г. Шевченку и П. А. Кулишу. (*Къ литературной исторіи «Народныхъ Оповиданъ» Марка Вовчка*) [1].

1. Велыкоповажный и дуже добрый пане батьку нашъ, Тарасъ Грыгоровычъ. Закохалысь вы въ простому та щырому пысанню дружыны моеи, та вже таку ій ласку показуете, що не треба й батька

---

[1]) Съ подлинниковъ, сохранившихся въ бумагахъ Д. С. Каменецкаго. См. Кіев. Ст., апрѣль с. г., стр. 14.

ридного. Да хто его й знае—якый лучче цикавишь подарокъ—дару: чы золотый *наручныкъ*—громадську за прыводомъ вашымъ даровызну [1]),—велыка чисть, немае бильшои!—чы вашъ власный *сонъ*, що й громади не треба кращого,—колы бъ, Богъ давъ, справдывся! А що вже я, то луччого не бачывъ, не чувъ—и не хочу!

Мы будемо слаты Вовчкови (свого йменняя вона не хоче) повисткы пану Данылу Каменецькому, яко вже й почалы *Лыхомъ*, а на тимъ тыжневи, якъ Богъ благословыть, пошлемо *Панночку*, або й дви *Паночкы*. Думка, черезъ увесь октябръ и ноябръ, колы будемъ жыви, пересылать вамъ Вовчковы *оповидання*; а въ декабри самы прыихать до васъ, щобъ розгледить васъ вичь на вичь, подяковать за зроблене и порадыться за себе надали.

За гроши вы радыте вирямъ, якъ ридный батько. Нехай васъ Богъ на довгый викъ поздоровыть и пощастыть! Мы вамъ полыцяемо нами побидкаться на столыци: кому хотя и за що хотя спродовать и выдавать новеньке й старе. А Каменецького, сёго щырого чоловика и нашого давнёго прыятеля, покладаемо вамъ певнымъ у всему пидпомошныкомъ. Черезъ нёго вже я прохавъ васъ переглядить роботы Вовчкови и до кращчого путтягдоводыть. Прошу оце й самихъ васъ объ тому жъ; одынъ розумъ, каже, добре, а два лучче.

Козачкы, *Панськои Воли* и *Одарки* Р. В. (Русск. Вѣстн.) не надрюковавъ переводу; такая прытыка одбыва Вовчка зовсимъ одъ переводивъ: шкода праци кривавои и часу дорогого. Хиба вже тоди, якъ побачымось, усовитуете, що певне по часть переводивъ. А тымъ часомъ, чи не пропустывъ бы Фонъ-Крузе Кулишеве выданне (грихъ сказаты дуже—добрее) *Оповиданій* другымъ выданнемъ и руськый ихъ переводъ—изъ тымы трома, що не пустывъ у *Руськый Висныкъ*. Може бъ таки дви кныжечкы хутче збылы копійку для насъ—щобъ намъ *змогтысь* зъ Немирова поволоктысь на Рыздвяни святкы,—хто жывъ дожде. Для Вовчка бъ добре свита и людей побачыть, дуже бъ добре! Прекладаю тутъ же на ваши очи, що *Рус. Вис.* вывенъ намъ за 4 лысты печатныхъ: объ цини винъ пытався, а мы ддалы на его долю,—да й замовкъ Да Оболонськый [2]) вывенъ за *Надежу*, одисланую ему вже тыжнивъ колы бъ не три буде, тожъ зъ покла-

---

[1]) Автору „Оповиданъ" былъ поднесенъ отъ тогдашней петербургской громады золотой браслетъ. *Ред.*

[2]) Издатель народнаго чтенія.

даннемъ платы на его волю. Да Каменецькый хвалывсь, що кримъ 100 экз. и 100 карб. перше намъ засланыхъ, ще зибъется карб. зъ «100» на нашу долю (65 карб. даны Кулишемъ ище до друку).

Щырозычлывый вамъ Опанасъ Марковычъ.

Колы вдастця выданне уповни переводныхъ повистокъ, та й настоящихъ—малороссійскихъ,—друге выданне, то чы не назвать бы *Паньскои воли—Горпыною*, а *Знай Ляше—Отцемъ Андріемъ*, зъ спразненнемъ останнихъ строчокъ двохъ. Будьте ласкавы, *одпысуйте* коженъ разъ, якъ одберете кожну повистку, або намовляйте Каменецького одпысувать.

2. Найлюбишій зъ людей Пантелій Олександровычъ! Дай Боже вамъ здоровья, що коло «Панночкы» потрудылыся. Не дывуйтеся, що я попропускавъ сомивъ: мыни, зблызька, дуже трудно розгледить ихъ; а ще якъ бы не я, то, може бъ ихъ и въ заводи не було..... Я все правлю сили й розвывання! А за те, щобъ авторъ не запнувся объ велыки хвалы, не турбуйтеся! Чы вы поймете виры, що нема чоловика меншъ довольного *Панночкою* якъ самъ М. В. Вінъ іи не хотивъ и посылать; [1]) а якъ вичній Тарасъ захвалывъ іи красы, то пытавсь у мене: що имъ такъ до души прыпали тая *Панночка?* Про епизоды наважывъ я, щобъ ихъ зоставаты, не выкыдать. Мыни жалко було жывои, хоть и душнои картыны литнеи спекы, сильского нашого побыту; не разъ я бачывъ самъ, якъ пидъ кирмигою паньскою та спека варыла людей похылыхъ, замученыхъ,—на гиршее свое лышенько перезимовалыхъ; оттакъ, я думавъ, благодати-тепла дожыдалысь небораки! И нихто, якъ диты!... Показувалося мени, що така картына лучче всвитыть панночине господарство хвалене...

Про похвалкы Назара у мандривку та й сыдиння про те при панахъ, черезъ що й повисть выходыла на описанне—я прокыдався своимъ словомъ; та мене подолала думка на се Назарова, що: «куды мандровать? усюды ривно, всюды добре!» Про: «тило мое хыре и души Богъ зміцняе» говорывъ мыни Дорошенко [2]), да мы побоялыся

---

[1]) Да я намигся и остався при своій думци, що кращого ще не выходыло зъ сего пера ничого.

[2]) Илья Петровичъ Дорошенко тогдашній учитель (математики) немировской гимназіи, а позже, въ 60-хъ годахъ, инспекторъ. черниговской гимназіи—считался знатокомъ малорусскаго языка и быта и тоже былъ, говорятъ, однимъ изъ совѣтниковъ Марка Вовчка при оцѣнкѣ и поправкахъ его малорусскихъ разсказовъ. *Ред.*

сказать авторови, бачучы, якъ винъ и безъ того не ввиря на свою сылу. Отъ тилько до тужиння Ганнынного, мовлялы, безъ прычыны, мыни здается вы не прыдывылысь. Се ен душа чула—матерына, удовына—що на ен дытынци лыхо окошится. И «недавно вырвалася я одъ такои» не можна сказать, бо имъ пры панычеви дуже добре було: «и на паныча не походывъ!» тогди той ликаръ и «персни блыскотилы тогди въ Ганны на руци ще незамученній». Одъиздъ Усти зъ чоловикомъ, правда не, такый бувъ, якъ треба и панови лики тежъ... про се а такожъ про «ризкы» и слабшый стрій на кинци проти початку—я що мавъ казать, хоть и добре бачывъ? Додавать, я додамъ скилько снаги моеи, абы прыймавъ авторъ, а справныть не сыла моя й не смилысть моя! особлыво въ повисти, которою дуже вередовавъ и поневирявъ самъ авторъ. Ище слово про Назара: до жарты жъ—здавленая сыла—хиба на ёму не слидъ паньскои кормыгы? Ище разъ—дякую вамъ зъ усіи душы и зо всёго серця за проглядъ щырый *Панночкы*. Щобъ не було мыни стыдно я вамъ правда (правду?) скажу, що знавъ, що вона не мыне вашыхъ золотыхъ рукъ. Якъ бы жъ не такъ выйшло, то дуже бъ и довго жалковавъ на себе що пильнише не походывъ самъ коло ен. Мала сыла моя, а щырости до чыстоты нашого дила, буде зъ мене понесты хоть и на той свитъ. Отъ тымъ то я бъ хотивъ пожыть коло боку вашого: багацько бъ де чого пизнавъ невидомого мени, а колы й самъ бы до ладу що зробывъ, або хочъ сказавъ—не по сыли моей, а по щырости. Чы вывелы що своеи *Хаты*?... [1]) Якъ вы уподобалы *Мотрю* и *Ворошка козака*? Ще можна (до 15 дек.) буде одибрать одъ васъ озовъ; а 15-го, якъ жыви будемо, рушымъ. Вашъ душею Опанасъ Марковичъ. Чы не моглы бы вы зробыть велыку ласку: *переглядить* вынысуемый одъ Руського Висныка Курочкинымъ для «Искры» переводъ *Козачкы*, *Одаркы* и *Горпыны*? *у Ковачици* въ середыни строчкы зъ дви промахнулыся—пропустылы зовсимъ.—Отъ, колы бъ вамъ Господь помигъ прыбрать до рукъ стихи вичнего Тараса—булы-бъ и воны вични. Якъ бы я нахопывсь подъихаты передъ ихъ друкомъ, абъ вамъ бувъ для сего у велыкий помочи! Вашъ въ шкурой й ниттями Опанасъ.

Не подумайте чого про те, що М. А. не пыше вамъ зъ сію поштою: не здужа! Тымъ часомъ щыро васъ дякуе за поправку.

Р. Б. 1858. Листопаду 13 дня. М. Немиривъ.

---

[1]) Сборникъ изданный Кулишемъ. *Ред.*

Памяти П. И. Калнышевскаго. По уничтоженіи Запорожской Сѣчи, послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнышевскій въ 1776 г, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. 25 лѣтъ онъ провелъ въ тяжеломъ тюремномъ заточеніи и въ 1801 г., по высочайшему повелѣнію, освобожденъ, но, по глубокой старости, онъ уже не могъ воспользоваться своей свободой, остался въ монастырѣ, доживать послѣдніе свои дни и скончался въ 1803 г. 112 лѣтъ отъ роду. Калнышевскій былъ похороненъ съ правой стороны собора у самой стѣны рядомъ съ могилой знаменитаго дѣятеля смутнаго времени Авраміл Палицына. Въ 1856 г. на могилѣ Калнышевскаго поставлена была надгробная плита съ соотвѣтствующей надписью, по усердію архимандрита Солов. монастыря Александра по фамиліи Павло́вича, по происхожденію малороссіянина, впослѣдствіи полтавскаго владыки. Это была дань украинца, проникшаго въ далекую сѣверную обитель по волѣ, несчастному земляку, попавшему въ ту же обитель по тяжкой неволѣ.

Въ 1887 г. извѣстный изслѣдователь запорожской старины Д. И. Эварницкій посѣтилъ Соловки съ спеціальной цѣлью собрать мѣстные архивные матеріалы о Калнышевскомъ и свои интересныя наблюденія изложилъ въ статьѣ «Въ поискахъ за архивными документами», вошедшей въ составъ послѣдняго прекраснаго его полубеллетристическаго труда.—«По слѣдамъ запорожцевъ». Недавно въ «Новомъ Времени» г. Навроцкій съ грустью разсказалъ, въ какомъ жалкомъ видѣ находятся могилы Палицына и Калнышевскаго. Съ наибольшой подробностью онъ останавливается на историческихъ воспоминаніяхъ о Палицынѣ, могила котораго находится въ страшно запущенномъ состояніи: «невысокая, растрескавшаяся, вросшая въ землю плита, на которой уже съ трудомъ разбирается надпись. Ни рѣшетки, ни ограды. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, разсыпется плита, заростетъ могила и тогда ее легко будетъ смѣшать съ другою, находящеюся рядомъ и тоже заброшенною могилою послѣдняго кошевого атамана Запорожской Сѣчи Калнышевскаго, сосланнаго на смиреніе въ 1776».

Справедливыя сѣтованія г. Навроцкаго, по всей вѣроятности, обратятъ на себя вниманіе обществъ историческихъ и археологическихъ и приведутъ къ исправленію этихъ заброшенныхъ историческихъ памятниковъ, причемъ, можно думать, южнорусскія историческія общества пріймутъ на себя хлопоты и труды по части исправленія памятника Калнышевскаго.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.

Могила П. А. Кулиша. Въ газетѣ «Южный Край» (наст. г., 25 марта, № 6261) [1]) г. М. Лободовскій разсказывая о своемъ посѣщеніи, лѣтомъ 1898 г., могилы П. А. Кулиша, описываетъ сначала хуторъ подъ с. Оленовкою, въ которомъ жилъ и умеръ К—шъ, а далѣе говоритъ: «Я попросилъ указать мнѣ мѣсто вѣчнаго покоя хозяина хутора. Домъ выходитъ одной стѣной въ садъ, а въ ней дверь, черезъ которую я вышелъ на рундукъ, родъ балкона, передъ которымъ небольшой цвѣтникъ, а отъ него вьется дорожка вглубь сада; пройдя по ней саженъ пятьдесятъ, я увидѣлъ стройную круглую колоннаду высокихъ деревьевъ вокругъ небольшой поляны и направо сбоку громадный деревянный коричневый крестъ, поставленный вскорѣ послѣ погребенія; на полянѣ высокая могила, усаженная цвѣтами, окружена желѣзной рѣшеткой, о-бокъ могилы—чугунный коричневый довольно большой крестъ съ мѣдной доской на немъ, на которой вырѣзано имя и фамилія покойника, годъ рожденія и смерти. Заканчивается надпись текстами изъ Библіи: «*Послеши Духа Твоего и созиждутся, и обновиши лице земли*» (Псал. 103). «*Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умреть и иже въ разумѣ поучается святыни. Не отъидеть память его и имя его поживеть въ роды-родовъ*» (кн. Спраха 14, 21—39, 12»).

Къ исторіи „Основы." При посѣщеніи хутора Кулиша въ 1898 г. (см. выше), г. М. Лободовскій встрѣтилъ тамъ недавно умершаго В. М. Бѣлозерскаго и, разсказывая о своемъ съ нимъ знакомствѣ, говоритъ: «Между прочимъ, я спросилъ В. М., почему прекратилъ свое существованіе, просуществовавъ такъ не долго, журналъ «Основа». На мой вопросъ В. М. отвѣтилъ, что програма журнала не соотвѣтствовала уже времени,—что онъ подалъ тогдашнему министру Валуеву для утвержденія новую программу, но г. Валуевъ не утвердилъ ея, а я, сказалъ В—ій М—чъ,— не хотѣлъ издавать по прежней програмѣ... Министру Валуеву я очень не нравился почему-то...»—Приведенное указаніе В. М. Бѣлозерскаго на причину недолгаго существованія журнала «Основы» требуетъ значительныхъ поправокъ; они когда-то и явятся, когда будетъ написана исторія «Основы»,

---

[1]) „На могилѣ П. А. Кулиша".

судьба которой, какъ сказали мы недавно, «тѣсно была связана съ личнымъ характеромъ ея редактора» [1]). Теперь можемъ сказать, что послѣднія двѣ книжки «Основы» за 1862 г. не были выпущены только по причинѣ плохого хозяйства въ журналѣ...

Украинскіе козаки при осадѣ Дюнкирхена, въ 1646 году

Въ засѣданіи И. общества любителей древней письменности, бывшемъ 26 марта, А. В. Половцевъ сдѣлалъ сообщеніе о «Пребываніи козаковъ во Франціи въ 1646 году». У Костомарова («Богданъ Хмѣльницкій») говорится, безъ указанія источниковъ, что во Францію было отправлено 2,400 казаковъ; съ цѣлью провѣрки этого извѣстія, референтъ произвелъ розысканія въ архивахъ Дюнкирхена, Парижа, Брюсселя и Шантильи. Въ послѣднемъ мѣстѣ, въ бумагахъ маршала Кондэ, референту удалось найти большую переписку Мазарини съ Кондэ, касающуюся осады Дюнкирхена, и здѣсь, между прочимъ, много говорится объ участіи въ этой осадѣ козаковъ, невѣрно называемыхъ всюду поляками. Козаки эти были присланы польскимъ королемъ Владиславомъ по просьбѣ герцога Мазарини, и путь свой во Францію они совершили моремъ, спустившись изъ Варшавы по Вислѣ до Данцига. Изъ найденной переписки ясно видно, что козаки были приглашены за деньги и принимали весьма дѣятельное участіе въ осадѣ, хотя Мазарини первоначально и опасался, что они, привыкшіе дѣйствовать въ открытомъ полѣ, будутъ непригодны при осадѣ крѣпости. Сколько было козаковъ ни изъ писемъ, ни изъ современныхъ осадѣ сочиненій не видно, но можно предполагать, что ихъ было до 2,000; не видно также, какъ и когда вернулись они на родину; но въ письмѣ Мазарини къ Кондэ отъ 1 ноября 1646 года говорится, что козаки бросаютъ французскую армію, что часть ихъ даже перешла къ непріятелю и что отъ нихъ необходимо избавиться. Можно сдѣлать лишь предположеніе, что на сторону испанцевъ козаки перешли потому, что французское правительство неисправно платило имъ жалованье; такъ, напр. сейчасъ же послѣ пріѣзда своего во Францію, козаки, остановившіеся въ Килѣ, отказались идти далѣе,

---

[1]) Кіевск. Стар. наст. г., мартъ, II, 143.

требуя денегъ, которыя имъ были обѣщаны по договору. Требованіе козаковъ было, правда, удовлетворено, но если французское правительство было не совсѣмъ исправно тогда, когда оно нуждалось въ помощи козаковъ, то, само собой разумѣется, оно задерживало уплату денегъ послѣ паденія Дюнкирхена, когда миновала надобность въ козакахъ. (Спб. Вѣд. 1899 г., № 84).

Сотничій произволъ. (*Документъ 1751 г.*) Печатаемое здѣсь письмо лубенскаго полковника къ его подначальному городисскому сотнику Филиппу Петровскому представляетъ одинъ изъ множества примѣровъ того безправія, которое царило въ это время среди старшины, какъ высшей, такъ и низшей. Лубенскій полковникъ Павелъ Апостолъ представлялъ между нею рѣдкое исключеніе. [1])

А. Л.

«Мой велце зичливій приятелю, моспѣ пане сотникъ городиcкій. Племенникъ вашъ Григорій Петровскій подалъ мнѣ прошеніе, въ которомъ между протчіимъ представилъ, что вы россердясь за подачу нимъ з другимъ братомъ его, въ полковую лубенскую канцелярию, на васъ, за неравномѣрное дѣдовского ихъ движимого и недвижимого імущества распредѣленіе, челобитя, и мстясь на немъ за то, въ повелѣнный нынѣшній походъ сами собою оного наряжаете, то яко показанный племенникъ вашъ в козачую службу не опредѣленъ и в компутѣ козачомъ не состоитъ написанъ, такъ вамъ оного и в походъ наражать весма не надлежитъ и неприлично, для того, что онъ подъ вѣдомствомъ полковой лубенской канцеляріи находится и въ числѣ значковыхъ товарищей, а не рядовыхъ козаковъ войсковую отправлять службу долженъ. Въ протчемъ остаюсь вашмости зичливый пріятель *и слуга П. Апостолъ*» [2]).

1751 году, генвара 13 д. Зъ Хомутца.

Надпись. Моему велце зичливому приятелевѣ его милости пану Филипу Петровскому, сотниковѣ городискому. *Съ подлинника.*

---

[1]) См. Чтенія въ ист. общ. Нестора лѣтописца, кн. XI, отд. I, стр. 65.

[2]) Напечатанныя курсивомъ слова писаны собственноручно.

Денежныя и натуральныя повинности въ пользу гетмана, въ к. XVII в. Въ библіотекѣ *Коллегіи Павла Галагана* хранится чрезвычайно интересная рукопись, подъ именемъ *Книги протоколовъ Пирятинской сотни*. Рукопись заключаетъ въ себѣ различнаго рода записи к. XVII и нач. XVIII в., но преимущественно ратушныя судебныя постановленія. Тутъ-же находятся замѣтки сотнянъ о своемъ общественномъ хозяйствѣ, при чемъ по историческому интересу особое обращаютъ на себя вниманіе записи к. XVII в. о тѣхъ денежныхъ и натуральныхъ со всего населенія повинностяхъ, которыя, какъ видно, издавна были установлены въ пользу гетмана и отчасти приближенной его старшины. Этого рода *повинности* совсѣмъ еще не обслѣдованы и мы приводимъ здѣсь три ихъ записи въ видѣ сырого матеріала, желая вызвать обнародованіе другихъ подобныхъ свѣдѣній, съ помощью которыхъ можно будетъ хотя нѣсколько познакомиться съ исторіей этихъ повинностей.

1. Року 1691. На потомніе часи записано. Ралцевыхъ [1]) грошей з города Пиратина и всего повѣта виетачаютъ ясневелможному пану гетману отъ сотника: талярей 10 битыхъ и монетъ золотыхъ 20. Отъ войта: талярей 2 битыхъ и монетъ золотихъ 4. Всѣхъ грошей ралцевыхъ з сотнѣ Пиратинской мѣетъ виставатися талярей 20.

—

2. Року 1691. Реестръ много з якого города полку нашего Лубенского яловицъ и барановъ в стацѣю пана гетмана маетъ давати. З Лубенъ, яловицъ 13, а барановъ 41.—З Лукомя, яловицъ 4, а барановъ 13.—З Пирятина, яловицъ 5, а барановъ 13.—З Чорнухъ, яловицъ 11, а барановъ 31.—З Сенчи, яловицъ 3, а барановъ 8.— З Лохвицѣ, яловицъ 11, а барановъ 36.—З Глинска, яловицъ 5, а барановъ 18.—З Ромна, яловицъ 13, а барановъ 41.

—

3. Реестръ мнѣ для памяти Тимофѣю Куриленку, атаману городовому Перятинскому, ижъ будучи мнѣ въ Батуринѣ з полчанами своими, з усѣхъ городовъ, кромѣ Смѣловцовъ, Городищанъ и Чигриндубровцовъ, отдаючи поруквичное, много, много зложили суми червоними и битими талярами, въ року 1694, мця іюнія дня 12. А од сотця зол. по два червоних раховано [2]).

[1]) О „ральцѣ“ см. Кіевск. Стар. 1885 г., № 10, стр. 361.

[2]) „Золотой“ въ XVIII в. считался въ 20 коп. ас., слѣдовательно, если такъ било и раньше, то два червонца заключали въ себѣ 20 рубл. асс., а слѣд. червонецъ равнялся 10 рублямъ.

Напродъ Лубенцѣ дали чирвоныхъ 40, а таляровъ битихъ 30.—Лукомцѣ од тисячи—дали чирвоныхъ 20, талярей битихъ 20.—Чернушане дали чирвоныхъ 22 и таляровъ битихъ 17½. — Пирятинцѣ дали чирвоныхъ 18 а таляровъ битихъ 13½.—Сенчане дали чирвоныхъ 8, а таляровъ битихъ 6.—Лохвичане дали чирвоныхъ 36 и таляровъ битихъ 26.—Глинчане дали чирвоныхъ 20, а таляровъ 15. —Роменцѣ дали чирвоныхъ 52, а таляровъ 40 отъѣздного битихъ.—

Ясневелможному его м. пану гетману при писмахъ дали поклону чирвоних 5. Его жъ велможности дали поруковичного чирвоныхъ 200 сполна.—Его мил. п. Гамалѣи, есауловѣ енералному, дали поклону таляровъ 2, а порукавичного дали таляровъ 30, и его панюи таляровъ 2 дали.—Его мил. пану Ломакувскому, асауловѣ генералному, дали порукавичного таляровъ 30 и панюй его 2 таляри. Дѣтемъ ихъ дали три полторнихъ (?) з. (олотихъ?).—Его мил. пану писаревѣ енералному дали таляровъ 30. Челяди его дали зол. 5. Его мил. пану судѣ енералному дали таляровъ 10. На канцелярію войсковую дали 100 золотихъ и 2 таляри.

По поводу столѣтія со времени смерти князя А. А. Безбородка. Шестого апрѣля с. г. истекло сто лѣтъ со времени смерти знаменитаго князя Безбородка, достигшаго въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ почти всѣхъ чиновныхъ почестей: и свѣтлѣйшаго княжества, и канцлерскаго достоинства. Прилично помянуть этого богатоодареннаго человѣка и на страницахъ нашего журнала, такъ какъ Безбородко горячо помогалъ изданію первой печатной «Исторіи Малороссійской» Прибывъ въ Петербургъ въ к. 1775 г., Б—ко въ августѣ 1776 г. просилъ отца прислать ему книгъ (т. е. рукописей) по исторіи Малороссіи, говоря, что «сіи всѣ книги здѣсь тѣмъ нужнѣе что, *находятся люди кои вознамѣрились издать исторію малороссійскую*». Просимыя «книги» старымъ Безбородкомъ, какъ видно, были присланы и съ помощью ихъ Вас. Рубанъ издалъ въ 1777 г. «Краткую Лѣтопись Малыя Россіи», которую Безбородко не замедлилъ послать своему отцу при слѣдующемъ интересномъ письмѣ.

«Имѣя честь представить вамъ при семъ *Краткую Лѣтопись Малыя Россіи по 1776 годъ*, съ описаніемъ географическимъ, изъ-

явленіемъ ея правленія и другими нужными свѣдѣніями, изданную г. надв. сов. Рубаномъ, приношу я дань справедливо принадлежащую вамъ, яко во многихъ случаяхъ прямую любовь къ тому краю, любезной отчинѣ нашей, доказавшему и котораго всегда усердныя простиралися старанія, чтобъ дѣла и обстоятельства, славу и честь предковъ нашихъ ознаменяющія, извлечены были изъ забвенія. Изъ предисловія вы, милостивый государь батюшка, усмотрѣть изволите, что къ изданію сія книги *поострилъ я г. Рубана не одними совѣтами но и въ разсужденіи послѣднихъ временъ и самыми достовѣрными извѣстіями, отъ меня ему сообщенными.* Сожалѣть только надобно что онъ поспѣшилъ нѣсколько печатаніемъ предъидущихъ листковъ въ которыхъ многія противу подлиности ошибки изъять да и въ разсужденіи различныхъ нужныхъ умолчанныхъ обстоятельствъ, распространиться я не преминулъ бы. Малое сіе сочиненіе служитъ теперь *къ намѣреваемому намъ изданію полной малороссійской исторіи* въ которой, конечно, всѣ погрѣшности лѣтописи исправлены будутъ, коль только успѣемъ собрать всѣ потребныя намъ извѣстія. *Упражняяся въ свободное отъ другихъ дѣлъ время симъ пріятнымъ для меня трудомъ*, я благословляю ваши милостивыя родительскія въ юности моей попеченія *о приведеніи меня въ точное и подробное познаніе состоянія земли, гдѣ я родился*, и всѣхъ въ оной случившихся событій. Велико и совершенно будетъ мое удовольствіе, когда я преуспѣю въ семъ предлежащемъ трудѣ, и особливо когда исполненіе онаго будетъ послѣдуемо многими другими случаями, кои мнѣ представали бы на изъявленіе моего велицемѣрнаго къ согражданамъ моимъ усердія» [1]). Но Безбородку скоро стало некогда «упражняться симъ пріятнымъ дѣломъ» и намѣченный имъ «трудъ» былъ забытъ...

Конечно, еще бо́льшей памяти заслуживаетъ Безбородко за его *Нѣжинскій Лицей*, который несомнѣнно помогалъ распространенію просвѣщенія въ Малороссіи, хотя едва-ли съ достаточнымъ правомъ именовался „высшимъ учебнымъ заведеніемъ"...

Къ исторіи крестьянъ. *(Частное письмо 1780 г.)* Печатаемое здѣсь письмо вдовы бунчуковаго товарища къ своему сотнику съ

[1]) Канцлеръ кн. А. А. Безбородко, Н. Григоровича. I, 46.

просьбою возвратить бѣжавшаго изъ ея владѣнія «подданнаго» (т. е. крестьянина), какъ видно, писано до изданія извѣстнаго указа 3 мая 1783 г., а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ то самое требованіе, право на которое узаконялось только этимъ указомъ, значитъ, и отсюда видно, что указъ 1783 г. явился уже на готовой почвѣ.

«Милостивій государь мой Павелъ Григоріевичъ. Природній подданій владѣнія моего деревни Черноводки Степанъ Мамикинъ, не хотя мнѣ подданнической повинности отбувать и кварталнихъ денегъ платить, зъ оного владѣнія мого со всѣмъ семействомъ и съ пожитками бежалъ въ футоръ козаковъ сотнѣ Мглинской Филипа и Лаврентія Шунковыхъ и нинѣ въ ономъ футорѣ и въ другихъ местахъ сотни мглинской въ побеге скривается. А какъ оній подданій мой Степанъ Мамикинъ и по ревизіи 764 году написанъ въ подданности за умершимъ мужемъ моимъ бунчуковымъ товарищемъ Антономъ Жоравкою, распубликованними жъ высочайшими указами накрипко запрещено таковыхъ беглихъ людей безъ писменного вида отнюдь никому не принимать и буде где каковіи бегліе явятся таковыхъ отсилать подъ крипкимъ карауломъ на прежнее ихъ жителство, для того вашего благородія покорнѣйше прошу здѣлать внѣ одолженіе, приказать, безъ далнихъ мнѣ затрудненій, показанного поданного моего беглого Степана Мамикина зъ его семействомъ и пожитками, въ моемъ владѣніи нажитими, взять подъ караулъ (и) ко мнѣ представить на прежнее его жилье въ деревню Черноводку, въ чемъ я имѣя на васъ надежду, мою за то благодарность принесть не промину и зъ надлежащимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю навсегда пребить. Вашего благородія покорнѣйшая слуга *Улияна Жоравкина* [1]).

Гудовъ. 1780 году, генваря « » д.

Адресъ. Его благородію господину Покорскому, милостивому государю моему Павлу Григоріевичу, господину сотнику мглинскому.

Каневская соборная церковь. Въ недавно вышедшихъ «Церковно-археологическихъ очеркахъ, изслѣдованіяхъ и рефератахъ» П.

[1]) Имя и фамилія написаны собственноручно неумѣлымъ почеркомъ.

Лашкарева[1]), представляющихъ сборникъ статей, уже раньше напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, помѣщена небольшая статья еще не бывшая въ печати, посвященная соборной Успенской церкви въ г. Каневѣ.

Статья эта даетъ нѣкоторыя новыя данныя, поэтому мы и сочли умѣстнымъ удѣлить имъ нѣсколько строкъ. Каневская церковь, по лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, заложена в. к. Всеволодомъ Ольговичемъ въ 1144 г. во имя св. Георгія; во время нашествія Батыя она не особенно пострадала и лишь въ 1630 г. была разрушена татарами; въ разоренномъ видѣ церковь оставалась до 1805—1810 гг., когда была возстановлена въ ея современномъ видѣ. По даннымъ, имѣющимся объ этой церкви въ историко-статистической литературѣ, теперешняя церковь признается произведеніемъ позднѣйшимъ, на томъ основаніи, что будто-бы древнія стѣны сохранились лишь до оконъ Мнѣніе это оказывается невѣрнымъ. Въ 1891 г. предполагались передѣлки въ церкви; проектъ передѣлокъ былъ представленъ на заключеніе кіевскаго церковно-археологическаго общества; на основаніи приложенныхъ къ проекту плановъ, разрѣзовъ и фотографій церкви, проф. Лашкаревъ пришелъ къ заключенію, что древнія части церкви сохранились гораздо лучше, чѣмъ это предполагалось; осмотръ на мѣстѣ подтвердилъ справедливость этого заключенія. Что касается общаго плана церкви, какой она удержала до настоящаго времени, то проф. Лашкаревъ говоритъ, что «планъ этотъ представляетъ всѣ особенности сооруженія древняго великокняжскаго періода. Между прочимъ онъ имѣетъ замѣчательное сходство (почти тождество) съ планомъ Кіево-Кирилловской церкви, заложеніе которой приписывается тому-же в. к. Всеволоду Ольговичу, хотя размѣрами церковь Каневская значительно уступаетъ Кирилловской». Соотвѣтственно плану и внутренняя конструкція церкви сходна съ конструкціей Кирилловской, нѣкоторая разница замѣчается лишь въ расположеніи хоръ, алтарный-же абсидъ и очертанія главнаго фонаря и купола представляютъ всѣ характерныя черты древне-кіевской (византійской) конструкціи. «Наружный видъ (по фотогр. снимку) даетъ основаніе заключать, что древнія стѣны ея сохранились не до оконъ только, а вплоть до подкровельнаго горизонтальнаго карниза, какъ сохранился и древній средній фонарь съ куполомъ; это предположе-

---

[1]) См. Кіев. Ст., январь, 1899 г., въ археол. лѣт.

ніе проф. Лашкарева вполнѣ подтвердилось осмотромъ церкви, древняя кладка обнаружена, какъ въ стѣнахъ, пилястрахъ и полуколоннахъ по всему пространству церкви, такъ и въ фонарѣ ея купола; новой кладки оказались башни надъ юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ углами ея.

Такимъ образомъ, благодаря изслѣдованіямъ проф. Лашкарева, открытъ еще одинъ памятникъ древне-русскаго зодчества, простоявшій семь съ половиною вѣковъ и сравнительно хорошо еще сохранившійся.

N.

Текущія извѣстія.

Чествованіе Т. Г. Шевченка въ Томскѣ. (*Корреспонденція «К. Старины»*). Наконецъ таки пѣвецъ Украины дождался чествованія его «роковинъ» и въ этой далекой и холодной окраинѣ Россіи. 26-го февраля въ зданіи Безплатной Библіотеки устроенъ былъ «Шевченковскій» (какъ гласила афиша) спектакль-концертъ. Чествовала Шевченка немногочисленная группа мѣстныхъ малороссовъ, но въ исполненіи программы вечера преимущественное участіе приняли великороссы, обнаружившіе достаточное знаніе украинскаго языка. Вечеръ открылся рѣчью присяжнаго повѣреннаго г. Вейсмана, сообщившаго въ ней краткій біографическій очеркъ жизни Шевченка. Затѣмъ на сценѣ поставлены были два послѣднихъ акта изъ драмы Кропивницкаго «Невольныкъ». Лучше другихъ исполнилъ свою роль (Опары) г. Петренко, а г-жа Славская доставила истинное наслажденіе спѣтой ею пѣсней, хотя и грѣшила въ акцентѣ. Болѣе удовлетворительно сошло концертное отдѣленіе—хоръ пѣлъ звучно и стройно. Лучше другихъ ему удалась народная пѣсня «Ой не знавъ козакъ, ой не знавъ Сопронъ». Слабѣе сошла чудная кантата Лисенка: «Бьють пороги» и его же «Ой нема, нема»... (изъ «Гамаліи»). Далѣе шли сольные номера: «Ой, Днипре, мій Днипре» и др. Въ заключеніе на сценѣ поставлена была живая картина—апоѳеозъ поэта.

Пренія въ Полтавской думѣ о мѣстѣ для памятника И. П. Котляревскому. Полтавцы все еще не могутъ прійти къ соглашенію въ выборѣ мѣста для памятника. Хотя въ думскомъ засѣданіи 2-го марта путемъ баллотировки вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу Протопоповскаго бульвара [1]), но такъ какъ къ тому времени выдвинутъ былъ на сцену новый проектъ—поставить памятникъ Котляревскому на площадкѣ за соборомъ, близъ его бывшаго домика, и за этотъ проектъ энергично стояли многіе изъ гласныхъ, то дума поступилась своимъ рѣшеніемъ и согласилась подвергнуть вопросъ новому обсужденію. 28 марта, наканунѣ очередного думскаго засѣданія, площадка за соборомъ была осмотрѣна гласными, но этотъ осмотръ мало содѣйствовалъ ихъ единомыслію. Когда на другой день открылось засѣданіе думы, раздались прежнія разногласія. Сторонники проекта постановки памятника на площадкѣ за соборомъ приводили соображенія, что здѣсь памятникъ будетъ находиться въ обстановкѣ, наиболѣе соотвѣтствующей его идеѣ: предъ этой площадкой разстилается та Украина, которую зналъ и любилъ Котляревскій, что въ городѣ нѣтъ другого мѣста, настолько характернаго и красиваго. Противъ этого возражали, что вся Полтава—Украина; что за соборомъ хороша только даль, между тѣмъ какъ близкое сосѣдство, состоящее изъ задворковъ и выгребовъ расположенныхъ здѣсь хатъ, далеко неблагопріятно постановкѣ памятника; что эта площадка настолько невелика, что, по постановкѣ памятника и устройствѣ небольшого цвѣтника, она вмѣститъ небольше 20 человѣкъ, и слѣдовательно городу необходимо предварительно пріобрѣсти сосѣднюю усадьбу, спланировать мѣсто и тогда лишь эта площадка сдѣлается мѣстомъ, приличнымъ для памятника; что если хотятъ «дать родному поэту родную обстановку», тогда памятникъ слѣдуетъ поставить на соборной площади, которая составляетъ «такое-же родное для Котляревскаго мѣсто, какъ и площадка за соборомъ», съ тою только разницею, что послѣднюю рѣдко кто посѣщаетъ, между тѣмъ какъ соборная площадь привлекаетъ (особенно въ праздничные дни, когда въ соборѣ совершаются торжественныя службы) массы народа; наконецъ, одинъ изъ гласныхъ указалъ на ползучесть площадки за соборомъ и предлагалъ не разрѣшать въ настоящемъ собраніи вопроса о мѣстѣ для памятника, а сперва всесторонне обслѣдовать его. Тогда выдвинуты

---

[1]) См. апрѣльскій номеръ „К. Старины".

были на сцену другія, довольно странныя соображенія: лица, стоящія за площадку за соборомъ, являются-де болѣе компетентными выразителями общественнаго мнѣнія, чѣмъ ихъ противники; они лучше знаютъ старину и малороссійскую литературу, принимали болѣе дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій на памятникъ, сносились съ жертвователями и потому знаютъ мнѣніе послѣднихъ. На это другіе возражали, что дума не можетъ считаться съ неизвѣстными ей мнѣніями неизвѣстныхъ лицъ и что въ такомъ случаѣ проще было бы обратиться къ болѣе крупнымъ жертвователямъ въ Кіевъ и Черниговъ съ просьбою прислать своихъ делегатовъ для выбора мѣста. Послѣ оживленныхъ преній, длившихся $2^1/_2$ часа, вопросъ о постановкѣ памятника на площадкѣ за соборомъ поставленъ былъ на закрытую баллотировку и большинствомъ 14 голосовъ противъ 10 отвергнутъ; окончательный же выборъ мѣста для памятника отложенъ вновь до слѣдующаго очередного собранія думы.

Малорусскій любительскій спектакль въ Петербургѣ. (*Корреспонденція „Кіев. Стар."*). Своевременно [1]) отмѣченный нами крупный успѣхъ, выпавшій на долю двухъ послѣднихъ малорусскихъ вечеровъ, побудилъ нашу молодежь, преимущественно причастную къ музыкальному и художественному міру, устроить 5 апрѣля въ залѣ Павловой свой любительскій малорусскій спектакль съ концертнымъ отдѣленіемъ. Въ этотъ вечеръ были поставлены два водевиля: «Якъ ковбаса та чарка, то минется й сварка», Старицкаго, и «По ревызіи», Кропивницкаго. Одобрить такой выборъ пьесъ, конечно, трудно; хотя каждая изъ нихъ, особенно же вторая, имѣетъ свои достоинства, тѣмъ не менѣе причислить ихъ къ серьезному репертуару нельзя, а поставленныя вмѣстѣ, онѣ придаютъ спектаклю нѣкоторое однообразіе, т. е. весь интересъ въ нихъ держится на „горилкѣ". Впрочемъ мы не ставимъ этого въ особую вину усттроителямъ, не имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи времени для подготовки болѣе серьезной пьесы.—Не вдаваясь въ подробности, считаемъ необходимымъ отмѣтить, прежде всего, тотъ ансамбль, которымъ сопровождалось исполненіе обѣихъ пьесъ. Въ этомъ отношеніи особенно удачно прошла

---

[1]) Кіев. Ст. 1899, №№ 3, 4—отдѣлъ „летучихъ замѣтокъ".

комедія Кропивницкаго: въ ней всѣ участники обнаружили извѣстную сценическую опытность и присутствіе таланта. Что касается фарса Старицкаго, то онъ былъ разыгранъ менѣе интересно, такъ какъ самая пьеса не вполнѣ опытнымъ артистамъ даетъ много поводовъ впадать въ шаржъ. Впрочемъ, нѣкоторые участники, напр. исполнители ролей Шпоньки и Степана (литній чоловикъ), проявили несомнѣнный комическій талантъ, а исполнительница роли шинкарки, помимо умѣнья держаться на сценѣ, оказалась обладательницей весьма недурного голоса. Собравшаяся публика осталась, повидимому, очень довольна спектаклемъ: по крайней мѣрѣ неумолкавшій въ залѣ хохотъ часто заглушалъ голоса артистовъ.

Въ концертномъ отдѣленіи, поставленномъ между двумя водевилями, шумный и вполнѣ заслуженный успѣхъ выпалъ на долю г. *Вильконскаго* (віолончель) и г-жъ *Хмары*, *Барвинокъ* и *Закопайко* (пѣніе). Понравился публикѣ также и скрипачъ г. *Фельдъ*. Три выше отмѣченныя нами пѣвицы выступили съ малорусскимъ репертуаромъ, инструменталисты же ограничились исполненіемъ общеизвѣстныхъ пьесъ Шопена, Рубинштейна, Вьетана и Давыдова и, такимъ образомъ, съ своей стороны, не внесли въ программу концерта ничего національнаго. А между тѣмъ, напр., скрипачъ г. Фельдъ съ успѣхомъ могъ бы замѣнить одинъ изъ своихъ номеровъ хотя бы варіаціями на украинскія темы г. Сикарда или одной изъ шумокъ г. Завадскаго.

Въ заключеніе можемъ только пожелать, чтобы выступившая съ такимъ успѣхомъ група любителей не ограничилась этимъ спектаклемъ и въ будущемъ показала свои силы въ болѣе серьезномъ малорусскомъ репертуарѣ, въ которомъ въ настоящее время найдется не мало пьесъ, достойныхъ вниманія: достаточно указать на произведенія гг. Кропивницкаго и Карпенка-Карого. При такой постановкѣ дѣла молодые артисты съ успѣхомъ смогутъ пополнить тотъ существенный недостатокъ, который заключается въ отсутствіи въ С.-Петербургѣ малорусскаго театра. Точно также музыкантамъ и пѣвицамъ, выступившимъ въ этотъ вечеръ, мы желаемъ расширить репертуаръ и знакомить публику, какъ съ новинками въ области малорусской музыки, такъ и съ вещами, сравнительно рѣдко исполняемыми. Талантами участниковъ вечера Богъ не обидѣлъ, и при дружномъ и серьезномъ отношеніи къ дѣлу они сослужатъ великую службу родному искусству. Въ добрый часъ!

С. Н.

Заботы буковинцевъ о сохраненіи своей народности. Русскіе депутаты Буковины, Пигулякъ и Василько, подали въ православный митропол. синодъ, въ Черновцахъ, заявленіе о положеніи православія въ русской Буковинѣ. Въ этомъ заявленіи они хлопочутъ согласно постановленію народнаго собранія русскихъ буковинцевъ въ 1898 г. о мѣрахъ, которыя могли бы остановить румынизацію русской православной церкви, неизбѣжно ведущую и къ румынизаціи самого русскаго населенія Буковины. Въ этой области по переписи 1890 г.— всѣхъ православныхъ обывателей числится 450773, изъ коихъ 250 т. принадлежатъ къ русской народности. Русскихъ приходовъ считается 134, румынскихъ—93 и смѣшанныхъ—35, а между тѣмъ въ консисторіи засѣдаютъ только румыны. Богословіе преподается только по-румынски, почему русскіе и избѣгаютъ священнической карьеры, такъ что напр. въ 1898 г. никто изъ нихъ не поступилъ въ духовную семинарію. Въ русскіе приходы назначаются румынскіе священники, не знающіе языка населенія, которое поэтому переходитъ даже въ унію, разсчитывая хотя такимъ путемъ получить русскихъ священниковъ. Въ заявленіи Пигуляка и Василька предлагается раздѣленіе митрополичьей консисторіи въ Буковинѣ на русскую и румынскую, а также очередной выборъ митрополита и радовицкаго епископа то изъ русскихъ, то изъ румынъ. (*Slovanský Přehled*, *1899*, *кн. 7*).

Этнографическая экскурсія на Волынь и Подолье. Д. чл. импер. географич. общества М. Ѳ. Кривошапкинъ въ настоящее время объѣзжаетъ *Волынскую*, *Подольскую* и Минскую губерніи съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія этого края, преимущественно-же его этнографическихъ особенностей. Г. Кривошапкинъ, по словамъ «Нов.», прислалъ уже въ общество коллекцію сохранившихся отъ старины и понынѣ употребляемыхъ въ означенныхъ мѣстностяхъ нарядовъ и свадебныхъ уборовъ. Присылаемыя имъ коллекціи обществомъ препровождены на храненіе въ академію наукъ, откуда поступятъ въ музей Императора Александра III.

Общество «Защита земли» въ Галиціи. Извѣстно, что русскій народъ въ Галиціи представляетъ почти исключительно крестьянство: духовенство и мірская интеллигенція—то и другая немногочисленныя—выходятъ изъ народа, крестьянства. Понятно отсюда, что русскіе патріоты въ Галиціи видятъ залогъ своего существованія и преуспѣянія въ благосостояніи крестьянства. Между тѣмъ крестьянство испытываетъ рядъ вѣковыхъ недуговъ, изъ которыхъ едва-ли не самый тяжкій—бѣдность, въ частности—безземелье. Безземелье обусловливается разрастаніемъ народонаселенія, идущимъ за нимъ дробленіемъ земли, отсутствіемъ дешеваго кредита и лихвой многочисленныхъ ростовщиковъ. Крестьянскіе участки продаются съ аукціоновъ, забираются польскими банками и передаются переселенцамъ-мазурамъ; крестьянинъ-русинъ уходитъ за океанъ, въ Америку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашелся добрый человѣкъ, который энергично сталъ проповѣдывать мысль объ избавленіи русинской земли отъ гнетущихъ ее золъ, и въ теченіе недолгаго періода собралъ маленькій капиталъ, послужившій основаніемъ для учрежденія общества «Защиты земли»; это былъ г. Ружицкій, нынѣ уже покойный. Въ 1896 году состоялось учредительное собраніе членовъ новаго общества, выработавшее и статутъ его.

Были взяты изъ банка оставленныя Ружицкимъ деньги, сдѣланы публикаціи въ газетахъ, и въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ разосланъ уставъ общества съ приглашеніемъ вступить въ его члены. Русское населеніе живо отозвалось на призывъ: нѣсколько сотъ лицъ, разныхъ состояній, вступили въ общество. Чтобы быть членомъ-пайщикомъ общества, нужно внести 25 гульд. въ пай и 1 гульд.—вступительный. Для облегченія желающимъ вступить въ общество разрѣшено взносъ паевыхъ денегъ распредѣлять на 5 лѣтъ. 15-го марта состоялось первое общее собраніе общества для того, чтобы приступить къ дѣятельности; уже поступило много заявленій отъ бѣдныхъ крестьянъ о выдачѣ ссудъ подъ землю. Такъ какъ большинство членовъ общества — люди несостоятельные, то капиталъ его равенъ всего 6,000 гульд. съ небольшимъ. (*Сынъ Отеч.*, *№ 96*)

Малороссы-переселенцы въ Сибири. Въ послѣднее время сибирская печать нерѣдко знакомитъ читателей съ бытовой стороной жизни переселенцевъ. Заимствуемъ изъ газеты «Енисей» нѣкоторыя данныя, имѣющія непосредственное отношеніе къ переселенцамъ-малороссамъ Ачинскаго округа.

«Зажиточнѣй другихъ высматриваютъ деревни, населенныя переселенцами-малороссами. Какъ видно, у нихъ больше любви къ труду и, къ чести ихъ, нужно сказать, что малороссы люди трезвые. Почти ни въ одной деревнѣ у нихъ нѣтъ кабаковъ, тогда какъ у переселенцевъ великоруссовъ таковые есть. Переселенцы, нѣсколько окрѣпшіе въ хозяйственномъ отношеніи, въ лѣтнее время занимаются работой въ своихъ деревняхъ: по окончаніи-же работъ свободные работники уходятъ на отхожіе заработки,—зачастую на желѣзную дорогу, высылая оттуда заработокъ домой. А семья на эти деньги обстраивается, заводится лишнимъ хозяйствомъ.

Нерѣдки случаи обратнаго переселенія на родину. Переселенія эти, какъ слышно отъ самихъ переселяющихся, вызываются, тоскою по родинѣ, суровостью здѣшняго климата, другими условіями жизни и отчасти развитою здѣсь преступностью.

По словамъ переселенцевъ, земля здѣсь хлѣбороднѣй земли ихъ родины, а главное, она не требуетъ удобренія, о климатѣ, или вѣрнѣе, о землѣ, переселенцы вообще отзываются, какъ объ одномъ изъ тяжелыхъ условій здѣшняго края. На первыхъ порахъ поселенія, многіе переселенцы, подъ вліяніемъ климатическихъ условій, болѣли, а другіе и умирали.

Въ общемъ «окрѣпшіе» переселенцы сравнительно благоденствуютъ.

Хотя окончательнаго размежеванія земель еще не было, но—по приблизительному разсчету, земельный надѣлъ опредѣляется въ 15 десятинъ на душу. Главное занятіе всѣхъ переселенческихъ деревень—земледѣліе, а въ единичныхъ случаяхъ работа изъ дерева предметовъ сельскаго хозяйства и кое какія ремесла».

Чествованіе памяти кн. А. А. Безбородка въ Нѣжинѣ. 6 апрѣля Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ чествовали память своего основателя кн. А. А. Безбородка по случаю

столѣтія со дня его смерти. Послѣ заупокойной литургіи проф. М. Н. Бережковъ въ залѣ торжественныхъ собраній Института, въ присутствіи многочисленной публики, произнесъ рѣчь, въ которой очертилъ жизнь и дѣятельность кн. А. А. Безбородка и сдѣлалъ характеристику его личности. Затѣмъ директоръ Института Ф. Ф. Гельбке прочелъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ отъ почетнаго попечителя Института гр. А. А. Мусина-Пушкина и другихъ потомковъ Безбородокъ, а также отъ бывшихъ воспитанниковъ и служащихъ Нѣжинскаго лицея и Института. По окончаніи торжества представители мѣстнаго общества вмѣстѣ съ настоящими и бывшими служащими Института и Лицея и бывшими питомцами этихъ заведеній, совѣщались по вопросу о постановкѣ въ Нѣжинѣ памятника кн. А. А. Безбородку. Для дальнѣйшей разработки этого вопроса избрана коммиссія [1]).

И. Ф. Головацкій. (*Некрологъ*). Въ мартѣ с. г. умеръ въ Вѣнѣ Иванъ Федоровичъ Головацкій, (братъ Якова Ф—ча), одинъ изъ замѣтныхъ русско-галицкихъ дѣятелей сороковыхъ годовъ. Ив. Г—ій родился въ 1814 г., въ с. Чепеляхъ, Золочевскаго, у., въ семьѣ священника. Въ 1846—47 гг. Г—ій издалъ двѣ книжки сборника руско-малорускихъ статей подъ названіемъ *Вѣнокъ Русинамъ на Обжинки* [2]). Въ 1859—51 гг., Г—ій издавалъ въ Вѣнѣ «Вѣстникъ, повременное письмо, посвященное политическому и правительственному образованію русиновъ Австрійской державы». Въ 70—хъ годахъ Г—ій былъ назначенъ переводчикомъ австрійскихъ законовъ на малорусскій языкъ и оставался въ этой должности до 1895 г. Въ то же время онъ состоялъ при Вѣнскомъ у—тѣ лекторомъ русскаго языка. Послѣдніе тридцать лѣтъ своей жизни Г—ій тщательно устранялся отъ всякой общественной дѣятельности и воспитывалъ дѣтей своихъ, какъ нѣмцевъ. (*Slovanský Prěhled*, *1899 г.*, *№ 7*).

---

[1]) Написанная по поводу празднованія біографія кн. А. А. Безбородка напеч. въ Кіевлян., №№ 113 и слѣд.

[1]) Это былъ сборникъ, служившій какъ бы продолженіемъ напечатанной за 20 лѣтъ передъ тѣмъ „Русалки Днѣстровой“, изданной въ 1837 г., Шашкевичемъ, Вагилевичемъ и Як. Головацкимъ. *Ред.*

Г. В. Есиповъ. *(Некрологъ).* 11-го апрѣля умеръ Григорій Васильевичъ Есиповъ, извѣстный въ русской литературѣ, какъ авторъ многихъ историческихъ очерковъ, написанныхъ по архивнымъ источникамъ. Къ числу этихъ очерковъ принадлежитъ и напечатанное въ Кіевской Стар. за 1890—91 гг. Описаніе путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ. Есиповъ умеръ 87-ми лѣтъ отъ роду. Въ послѣднее тридцатипятилѣтіе своей жизни онъ завѣдывалъ архивами министерства императорскаго двора, при чемъ привелъ ихъ въ полный порядокъ.

Библіографія.

Biblioteka Warszawska за 1898 годъ.

№ 2. *А. Рембовскій. Историкъ польскаго войска.* Статья посвящена обзору научной дѣятельности умершаго 1 января нов. ст. 1898 г. полковника русской службы Константина Гурскаго, который, не будучи ученымъ по профессіи, воспользовался свободнымъ временемъ, которымъ онъ могъ располагать по выходѣ въ отставку, чтобы заняться изученіемъ польской военной исторіи. Занятія эти оказались очень плодотворными, и въ продолженіи 11 лѣтъ (съ 1886 по 1897 г.) покойный написалъ рядъ работъ, которыя надолго останутся выдающимися и почти единственными въ избранной имъ области. Мы не будемъ здѣсь вслѣдъ за г. Рембовскимъ перечислять всѣхъ трудовъ Гурскаго, а укажемъ только на тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ отношеніе къ малороссійской исторіи. Таковы: 1) *Кончившійся пораженіемъ походъ подъ Цецору* (съ 1 сентября по 6 октября 1620 г.), Варшав. Библ. 1886, сентябрь.—2) *О мѣстѣ битвы у Желтыхъ Водъ* (въ маѣ 1648 г.). Варшав. Библ. 1886, декабрь.—3) *О дѣйствіяхъ короннаго войска польской Рѣчи-Посполитой въ войнѣ съ козаками.* Время съ 19 февраля по 10 іюля 1651 г. *Битва подъ Берестечкомъ.* Варшав. Библ. 1887, май и іюль.—4) *Оборона границъ Рѣчи-Посполитой отъ Татаръ.* Варш. Библ. 1891.—5) *Исторія польской пѣхоты.* Отд. книга 1893.—6) *Исторія польской конницы.* Отд. кн. 1894. Въ послѣднихъ двухъ книгахъ, основанныхъ преимущественно на архивныхъ матеріалахъ, для малороссійскаго историка особенно важны: въ первой—§ 12 (стр. 35—36) и примѣчанія 36, 37,

38, 39 и 40 (стр. 242—244), во второй §§ 15, 16, (стр. 25) и § 34 (стр. 67—69); въ нихъ авторъ сообщаетъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о запорожскихъ козакахъ, какъ о составной части польскихъ войскъ, особенно въ эпоху войнъ 1600, 1601, 1609—11, 1620—21, 1632—34 годовъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ № 2-го упоминается о выходѣ въ свѣтъ XVI-го тома той серіи публикацій исторической Коммиссіи при Краковской Академіи Наукъ, которая носитъ заглавіе *Scriptores rerum polonicarum* (*польскіе историческіе писатели*). Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ: *Stanislai Temberski annales* (лѣтописи Станислава Темберскаго). Темберскій—профессоръ Краковскаго у-та и каноникъ Краковскій—былъ одно время оффиціальн. исторіографомъ при Краковскомъ университетѣ. По обязанности исторіографа онъ написалъ на латинскомъ языкѣ лѣтописи за 1647—1656 гг., которыя теперь и напечатаны по рукописи Курницкой библіотеки. Въ нихъ очень подробно изложены войны съ Хмельницкимъ и критическая оцѣнка этого новаго источника для эпохи Хмельницкаго лежитъ на обязанности малороссійскихъ историковъ [1]).

№ 4. Въ библіографическомъ отдѣлѣ упомянуто о выходѣ въ свѣтъ II-го тома *Антропологическо-археологическихъ матеріаловъ*, издаваемыхъ антропологической Коммиссіей при Краковской Академіи Наукъ. Въ немъ находимъ статью Л. Гриневича: *Украинская шляхта*.

№ 6 и № 9. Здѣсь помѣщена замѣчательно интересная статья профессора Берлинскаго университета А. Брюкнера: *Цивилизація и языкъ. Очерки изъ исторіи польской культуры*. Главная мысль статьи та, что если народъ, вступая въ соприкосновеніе съ другимъ народомъ, заимствуетъ у него какія-либо особенности нравственнаго или матеріальнаго быта, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ переноситъ въ свой словарь и запасъ словъ, необходимыхъ для обозначенія новыхъ пріобрѣтеній. Поэтому словарь каждаго языка, въ томъ числѣ и польскаго, является какъ-бы архивомъ, въ которомъ сложены документы для возстановленія всей культурной исторіи народа, который говоритъ на этомъ языкѣ. Мысль эта была разработана впервые Як. Гриммомъ въ его «Исторіи нѣмецкаго языка». Она была примѣнена въ одной изъ раннихъ работъ Ѳ. И. Буслаева—«О вліяніи христіанства на славян-

---

1) Обширная рецензія анналовъ Темберскаго, *Т. Корзона*, помѣщена въ Kwart. Histor. 1898 г., кн. 4, стр. 937—946.

скій языкъ». Брюкнеръ въ рядѣ красивыхъ по изложенію очерковъ знакомитъ читателей съ вліяніемъ, какое оказали на польскій словарь: готы въ доисторическое время, христіанство, принятое черезъ чеховъ, нѣмцы, поселявшіеся въ польскихъ городахъ съ XIII ст., чехи, давшіе первые образцы религіозной литературы, Русь галицкая и литовская послѣ соединенія ихъ съ Польшею, реформація, школьная латынь, итальянскій гуманизмъ, венгры, румыны, татары и турки, западноруссы, писавшіе по польски въ эпоху религіозной борьбы, и, наконецъ, французы—въ эпоху увлеченія модами версальскаго двора. Такъ какъ многія слова заимствованнаго происхожденія перешли потомъ изъ польскаго языка въ нарѣчія бѣлорусское и малорусское и въ русскій литературный языкъ (№ 9, стр. 450), то изслѣдованія проф. Брюкнера очень поучительны также для русскихъ лингвистовъ и историковъ культуры.

№ 7. *Фр. Равита-Гавронскій. Страничка изъ жизни пограничнаго общества.* Разсказывается жизнь мелкаго шляхтича XVIII-го вѣка Игнатія Фельштынскаго (1718—1795), отецъ котораго былъ выкрестомъ изъ евреевъ. Игнатій Фельштынскій держалъ въ арендѣ имѣніе гр. Ледоховскихъ Жашковъ (нынѣ Таращанскаго уѣзда), торговалъ быками, но главнымъ занятіемъ его были тяжбы, которыхъ онъ велъ непомѣрное количество—со всѣми лицами, съ которыми только ему приходилось вступать въ соотношенія. Авторъ видитъ въ Игнатіи Фельштынскомъ типическаго представителя мелкой шляхты на югѣ нынѣшней Кіевской губерніи въ послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой.

№ 8. Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщено извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ двухъ новыхъ томовъ публикацій филологическаго отдѣла Краковской академіи наукъ (Сер. II, томы XI и XII), въ которыхъ находимъ двѣ статьи г. Кирилла Студзинскаго: «*Характеристика и генезисъ поэтическихъ произведеній Амвросія Метлинскаго*» и «*Генезисъ поэтическихъ произведеній Маркіана Шашкевича*» [1].

№ 12. *Станиславъ Добржицкій. Криштофъ Опалинскій, какъ критикъ государственно-общественнаго быта.* Опалинскій—авторъ XVII-го вѣка (1609—1655). Онъ написалъ: Satyry albo przestrogi do poprawy rządu i obyczajów w Polszcze należące, na pięć ksiąg rozdzielone, wierszem nierymowym (Kraków, 1652). Г. Добржицкій дѣлаетъ

---

[1]) См. К. Ст. наст. г., апрѣль, отд. II, стр. 42-44.

обзоръ содержанія тѣхъ сатиръ, которыя относятся не къ обычаямъ частной жизни, а къ государственнымъ и общественнымъ порядкамъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что Опалинскій лучше всѣхъ своихъ современниковъ видитъ недостатки тогдашняго польскаго государственнаго и общественнаго строя и предлагаетъ наиболѣе разумныя мѣры къ ихъ устраненію. Поэтому г. Добржицкій считаетъ его мудрѣйшимъ изъ всѣхъ политическихъ писателей XVII-го вѣка.

Отмѣтимъ между прочимъ, что сатира 8-ая книги V-й имѣетъ отношеніе къ Малороссіи. Заглавіе ея: *Zdanie i rozsądek o nowych osadach i słobodach ukrainnych*. Вотъ ея содержаніе въ изложеніи г. Добржицкаго: «Новыя поселенія и слободы—это расширеніе Рѣчи-Посполитой безъ пролитія крови, безъ обнаженія оружія. Полезную колонизаціонную дѣятельность портили доселѣ: неумѣлость, корыстолюбіе и угнетеніе, Для устройства новыхъ поселеній долженъ быть установленъ и строго соблюдаемъ извѣстный порядокъ.

Первое условіе: не должно быть дозволено частнымъ лицамъ устраивать поселенія въ дикихъ поляхъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Причины такого воспрещенія слѣдующія:

1-ая. Тамошнія земли или никому не принадлежатъ, или составляютъ собственность Рѣчи-Посполитой. Въ первомъ случаѣ не годится одному лицу безъ согласія соотечественниковъ захватывать новыя пространства, тѣмъ болѣе, что такой захватъ взваливаетъ на Рѣчь-Посполитую бремя обороны вновь пріобрѣтенныхъ мѣстностей и вызываетъ столкновенія съ сосѣдями. Во второмъ случаѣ такой захватъ являлся-бы нарушеніемъ правъ собственности Рѣчи-Посполитой.

2-ая. Частный человѣкъ не имѣетъ достаточнаго авторитета, чтобы собрать дѣльныхъ и честныхъ колонистовъ, и долженъ довольствоваться сбродомъ.

3-ья. Плохо устроенныя колоніи не могутъ составить для Рѣчи-Посполитой ни защиты, ни украшенія.

Но все будетъ иначе, если колонизація будетъ находиться въ распоряженіи у короля.

Для основанія новыхъ поселеній и слободъ должны быть на лицо три условія: удобныя мѣстности для заселенія, согласные на переселеніе люди и благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія поселеній. Самыя удобныя мѣста для колоній—это берега судоходныхъ рѣкъ: Днѣпра, Буга и Днѣстра.

Переселенцевъ нужно брать не изъ Украины, гдѣ и безъ того мало жителей, а изъ жолнеровъ, выслужившихъ срокъ, и изъ мелкой бѣдной шляхты, которой такъ много въ Мазовіи и Подляхіи.

Благопріятными условіями для развитія колоній являются: безопасность отъ враговъ, льготы и обезпеченное пропитаніе.

Для безопасности въ колоніяхъ должны быть достаточные запасы оружія, пороха и пуль. О наступленіи опасности колоніи должны оповѣщать одна другую посредствомъ зажиганія смоляныхъ бочекъ.

Льготы должны заключаться въ освобожденіи колонистовъ отъ податей—на время, а отъ натуральныхъ повинностей—навсегда.

Пропитаніе должно обезпечиваться хорошею постановкою въ колоніяхъ земледѣлія, ремеслъ и торговли.

Для процвѣтанія колоній нужна еще: свобода колонистамъ, если они православные, исповѣдывать свою православную греческую вѣру. Католичество можно распространять, но только мирнымъ путемъ, безъ споровъ и насилій. Кромѣ того необходимо учредить въ колоніяхъ школы при костёлахъ, или церквахъ для обученія чтенію, письму и катехизису, такъ какъ только образованіе смягчаетъ нравы людей.

Если голландцы и португальцы съумѣли колонизовать свои отдаленныя заморскія владѣнія, то тѣмъ легче полякамъ колонизовать Украину, до которой отъ центра Польши всего двѣ недѣли пути».

Проэкты Опалинскаго являются отзвукомъ колонизаціонныхъ плановъ Іосифа Верещинскаго, Петра Грабовскаго и др., но для его времени они уже запоздали, такъ какъ въ годъ выхода въ свѣтъ сатиръ Опалинскаго (1652 г.) большая часть Украины фактически не принадлежала уже Польшѣ.

А. С.

Къ исторіи Кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. С. Голубева. *Кіевъ, 1899. 8 д. л. 38 стр., съ рисункомъ. (Отдѣльный оттискъ изъ № 1 „Трудовъ Кіев. Дух. Академіи", за 1899 г.).*

Авторъ, на основаніи документальныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ Московскаго Архива минист. иностр. дѣлъ, существенно дополняетъ и разъясняетъ исторію Трехсвят. церкви во 2-й половинѣ

XVII ст. Церковь эта, построенная не св. Владиміромъ, какъ многіе думаютъ, а всего вѣроятнѣе княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ въ 1197 году, ко временамъ П. Могилы наиболѣе сохранилась изъ числа кіевскихъ храмовъ домонгольскаго періода и, отобранная имъ отъ уніатовъ, была передана Братскому монастырю. Но въ 1658—1660 гг. она была повреждена пожаромъ (вѣроятно, благодаря сосѣдству солдатскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, которыми она была кругомъ стѣснена) и, оставаясь безъ кровли болѣе 30 лѣтъ, начала разрушаться. Въ 1688 г. митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій добивался царскаго разрѣшенія разобрать ее (равно какъ и развалины сосѣдней, столь же древней церкви, св. Екатерины) и кирпичъ употребить на починку Софійскаго каѳедральнаго храма. Въ то же время игуменья Кіево-Михайловскаго женскаго монастыря отправилась съ сестрами въ Москву просить, чтобы царское правительство на свой счетъ починило Трехсв. церковь, такъ какъ „у ней порушились однѣ главы, а строеніе—великаго князя Владиміра",—и уступило ее для инокинь управляемаго ею монастыря, которыя, по неимѣнію своего храма, вынуждены посѣщать, вмѣстѣ съ братіею, Михайловскую монастырскую церковь. Прежде удовлетворенія этихъ просьбъ, изъ Москвы былъ присланъ приказъ кіевскому воеводѣ Бутурлину подробно осмотрѣть Трехсвят. церковь и дать заключеніе, возможно ли ее обновить. Воевода отвѣчалъ, что стѣны церкви разсѣлись, главы и своды обвалились, а можно ли ее реставрировать и сколько на то потребуется матеріаловъ,—«того осмотрѣть и смѣтить некому, ибо каменныхъ дѣлъ подмастерья нѣтъ» Въ виду этого Гедеону не дано было рѣшенія на ею просьбу, а монахинямъ велѣно построить особую деревянную церковь, отдѣливъ для того часть усадьбы Михайловскаго монастыря (гдѣ нынѣ строятся новыя братскія кельи).

Преемникъ Гедеона, митрополитъ Варлаамъ Ясинскій болѣе цѣнилъ древніе памятники. Онъ выпросилъ въ 1690 г. Трехсвят. церковь (и развалины церкви св. Екатерины) въ митрополичье завѣдываніе и, въ виду ея важнаго историческаго значенія и нареканія кіевлянъ, что «при владѣніи православномъ таковое есть нерадѣніе о той церкви, нестроеніе же и запустѣніе, каково не бѣ и при державѣ ляцкой»,—просилъ убрать воеводскіе амбары, совсѣмъ заслонившіе и стѣснившіе церковь, и дать средства для ея реставраціи. Амбары приказано было снести, а о реставраціи обѣщано дать

указъ по окончаніи войны съ Крымомъ. Въ 1693 г. м. Варлаамъ своими средствами началъ обновлять Трехсвят. церковь, но за скудостью этихъ средствъ дѣло подвигалось медлено, пока не удалось привлечь къ участію въ немъ щедраго «благотворителя»: то былъ извѣстный своею любовью къ храмосозадательству, генеральный войсковый судья Василій Кочубей, впослѣдствіи казненный за доносъ на гетмана Мазепу. На его средства и была возстановлена Трехсвят. церковь и освящена около 1706 года, а въ благодарность за то Кочубею былъ поднесенъ въ день его ангела, 1 января 1707 г. панетирикъ въ видѣ затѣйливой гравюры, скомпонованной митрополичьимъ архидіакономъ Иларіономъ Мигкурой. Гравюра эта хранится въ церковно-археологич. музеѣ при Кіевск. Дух. Академіи.

Изъ разысканыхъ авторомъ новыхъ документовъ разъясняется одно историческое недоумѣніе, издавна служившее предметомъ спора между историками г. Кіева, именно—относительно тождества Воздвиженской и Андреевской церквей на Старомъ городѣ. Изъ доклада царямъ митр. Варлаама Ясинскаго (1693 г.) оказывается, что въ то время Воздвиженская нагорная церковь имѣла придѣлъ во имя св. Апостола Андрея, и потому современники титуловали ее то тѣмъ, то другимъ именемъ.

Тѣ же документы даютъ возможность точнѣе опредѣлитѣ положеніе древней церкви св. великомученицы Екатерины. Митрополитъ Евгеній полагалъ, что она состояла близъ Трехсвят. церкви; другіе историки, довѣряя свидѣтельству Эриха Лясоты, посѣтившаго Кіевъ въ 1594 году, искали ея слѣдовъ близъ храма св. Софіи. Въ упомянутомъ докладѣ м. Варлаама Ясинскаго прямо сказано, что церковь св. Екатерины была «недалече» отъ Трехсвят. церкви, что въ то время «отъ нея токмо нѣкія столпы и часть стѣнъ на основаніи стояла», и митрополитъ опасался, какъ бы она «до конца не была разорена отъ безчиннаго народа, взимающаго оттуда камени на мирскія ихъ потребы».

Къ брошюрѣ приложенъ рисунокъ, изображающій Кіево-Михайловскую монастырскую церковь въ томъ видѣ, какой она имѣла въ 1688 году, когда еще не подвергалась существеннымъ внѣшнимъ передѣлкамъ, во многомъ измѣнившимъ ея древній стиль. Рисунокъ этотъ заимствованъ изъ плана части верхняго Кіева, доставленнаго по царскому требованію кіевскимъ воеводою въ 1688 г. для сообра-

женія, гдѣ построить церковь для Михайловскаго женскаго монастыря. Планъ этотъ, въ остальномъ мало интересный, хранится въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, въ Москвѣ.

О. Л.

Archiw für Slawishe Philologie. Ред. В. Ягичъ. Берлинъ— *Weidmannsche Buchhandlu'ng.* Спб. у Девріена, ц. годов. изд. 20 марокъ.

Изданіе это ведется съ большимъ знаніемъ дѣла и необычайною настойчивостью уже 20 лѣтъ и является необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто интересуется тѣми или другими вопросами славяновѣдѣнія. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, такъ какъ во главѣ изданія въ теченіе всѣхъ 20 лѣтъ стоитъ знаменитый ученый В. Ягичъ, глава вѣнскихъ славяновѣдовъ.

Отмѣтимъ наиболѣе любопытныя для читателей «Кіевской Старины» статьи «Архива» за послѣднія пять лѣтъ. Въ томѣ 16 (1894 г.) помѣщена работа І. Верхратскаго (1—42 стр.) о нарѣчіи галицкихъ лемковъ (Ueber die Mundart der galicischen Lemken), отзывъ Фр. Пастрнка (497—502 стр.) о книгѣ Е. Сабова «Христоматія церковно-славянскихъ и угрорусскихъ литературныхъ памятниковъ съ прибавленіемъ угрорусскихъ народныхъ сказокъ на подлинныхъ нарѣчіяхъ.» Изд. книгопечатный фондъ епархіи Мукачевской. Унгваръ 1893-ій 8°, VIII+232 стр., и любопытная замѣтка того же Верхратскаго о происхожденіи имени «Бойки» (591—594 стр. Woher stammt der Name Бойки?) Авторъ начинаетъ съ того, что, тогда какъ гуцулы не стыдятся своего имени и съ гордостью даже заявляютъ «Я гуцулъ»,—лемки (отъ слова: лемъ=лишь, только) и бойки обижаются, когда ихъ такъ называютъ, и даже стараются обратить свое непріятное прозвище на другихъ. Если бойковъ спросить: «Вы—бойки?», получите отвѣтъ: «Мы—русины; бойки коло Львова». Изъ этого авторъ дѣлаетъ заключеніе, что въ этомъ названіи кроется что то обидное, какая-то насмѣшка, издѣвательство: Der Name «Бойки» so wie «Лемки» einer Neckerei seinen Ursprung verdankt, т. е. **имя** *Бойки*, какъ и *Лемки*, обязаны своимъ происхожденіемъ насмѣшкѣ.

Но отъ какого слова произошло это названіе, какова его семазіологія? По словамъ автора, въ нарѣчіи Бойковъ имѣется слово *бойе*—да, такъ, именно такъ; эта утвердительная частица не суще-

ствуетъ въ другихъ червонорусскихъ говорахъ и, можетъ быть, стоитъ въ связи съ частицами: *або*, *ба*, *ба—ба*. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что бойки очень чувствительны къ этимъ своимъ словечкамъ и не употребляютъ ихъ при сношеніяхъ съ лицами другихъ народностей, даже галицко-русской, но другой разновидности, очевидно, изъ опасенія насмѣшекъ... Нѣчто подобное наблюдалось, какъ извѣстно, и въ древней Греціи, гдѣ къ беотянамъ относились такъже насмѣшливо и употребляли разныя смѣшныя прозвища.

Въ томѣ 17 (1895 г.) находимъ обширную статью О. Броха объ угрорусскомъ нарѣчіи «Znm klenrussischen in Ungarn (320—416 стр.)» и отзывъ г. Мурка (270—278 стр.) о книжкахъ А. Колессы «Украинскі народни пісні въ поэзіяхъ Богдана Залеского» и «Шевченко и Мицкевичъ», а въ томѣ 18 (1896 г.)—статью А. Колессы о діалектологическихъ признакахъ въ южно-русскомъ литературномъ памятникѣ «Житіе св. Саввы» (203—228 и 473—523 стр.).

Въ 19 томѣ (1897 г.) имѣются, въ дополненіе къ вышеупомянутой статьѣ, новыя замѣтки О. Броха объ угрорусскомъ нарѣчіи (1—22 стр.), затѣмъ интересная критическая статейка А. Брюкнера (188—202 стр.) о литературныхъ памятникахъ, относящихся къ литовско-русскому церковному соединенію (Die russich—litauische Kirchenunion ûnd idd ihre literarischen Denkmäler); изъ русскихъ книгъ между прочимъ разсмотрѣны работы Марковскаго «Антоній Разивиловскій 1894 г. Кіевъ», Недѣльскаго «Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка». Вильно 1894 г.

Архангельскаго: Борьба съ католичествомъ и западнорусская литература конца 16—перв. полов. 17 в. М. 1888 г., Голубева: «Памятники литературной полемики православныхъ съ латино-уніатами, Студинскаго: Перестерога, памятникъ 17 в. истор. литерат. студія. Львовъ 1895 г. и нѣк. друг.

Наконецъ назовемъ статью Е. Щепкина о Несторѣ лѣтописцѣ (498—554 стр. Zur Nestorfrage) и Ягичеву оцѣнку (230—240 стр.) книги Филевича «Исторія древней Руси» Варшава, 1896 г.

Въ томѣ 20 (1898 г.) укажемъ обширную статью Е. Щепкина о Лжедимитріи (224—325 стр. Wer war Pseudodemetrius?) и критическія статьи Ягича (151—152 стр.) о великорусскихъ пѣсняхъ, изд. А. Соболевскимъ, 343—367 стр., его же, совмѣстно съ Вондракомъ, о книгѣ Т. Флоринскаго: «Лекціи по славянскому языкозна-

нію»), Нахтигаля (124—151), о книгѣ Геца «Geschichte der slawenapostel»)—Исторія славянскихъ апостоловъ.

Библіографическая часть въ журналѣ поставлена образцово; если не всегда достаетъ полноты обзоровъ, зато это обстоятельство съ успѣхомъ вознаграждается замѣчательною обстоятельностію ихъ и дѣльностью. Редакція статей безупречна и вызываетъ невольно глубокое уваженіе къ трудолюбію и даровитости ученаго руководителя журнала

А. С—чъ.

Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи *Т. I. М. 1897. Стр. XXIII+570. Ц. 3 р.*

Настоящимъ томомъ администрація моск. архива м-ва юстиціи начинаетъ новое архивное изданіе, въ которомъ предполагается «печатать по мѣрѣ открытія архивный матеріалъ научнаго значенія и особенно документы, представляющіе собою типичные формы древнихъ актовъ, еще не опубликованныхъ». Для даннаго тома документы выбраны изъ литовской метрики и редактированы г. Довнаромъ-Запольскимъ. Документы эти относятся къ XVI вѣку (до 1569 г.) и касаются частью исторіи сеймовъ, частью экономическаго быта различныхъ мѣстностей, а частью землевладѣнія служивыхъ людей. Многіе изъ документовъ относятся и къ южной Руси, какъ напримѣръ нѣкоторые изъ сеймовыхъ документовъ, а также записи земельныхъ дачъ в. кн. Казимира и описаніе границы Литовскаго государства съ вел. княжествомъ Московскимъ. Послѣднее является драгоцѣннымъ матеріаломъ для топографіи и исторіи поселеній Сѣверщины въ одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ ея исторіи. Изданіе снабжено указателями географическимъ, личныхъ именъ и предметнымъ. Нельзя не пожелать, чтобы Литовская Метрика, заключающая въ себѣ столь цѣнные матеріалы для исторіи западной и южной Руси, стала наконецъ путемъ изданій, подобныхъ изданію Архива М-ва Юстиціи, доступной большему числу изслѣдователей.

Т. Н.

Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора. 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. 3) Хроника Русская (лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича. *По рукописи, принадлежащей Н. П. Никифорову. Съ пред. Сергѣя Бѣлокурова. (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1898, IV).*

Три помянутыя въ заглавіи лѣтописи найдены въ рукописномъ сборникѣ конца XV в. изъ собранія Н. П. Никифорова (въ г. Горбатовѣ, Нижегород. губ.).

Лѣтописецъ патр. Никифора по рукописи г. Никифорова отличается отъ изданнаго ранѣе текста вставками изъ Амартола. *Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго,* изданный въ 1851 г. кн. М. А. Оболенскимъ по рукописи моск. главн. архива м. и. д., до сихъ поръ былъ извѣстенъ только въ одномъ этомъ спискѣ. Списокъ г. Никифорова не полонъ и обрывается на 6415 г. Оба списка очень близки другъ къ другу.

Списокъ третьей лѣтописи, изданной проф. Даниловичемъ, польскимъ шрифтомъ, съ ошибками и пропусками, по рукописи, нынѣ исчезнувшей, является въ настоящее время единственнымъ и даетъ возможность возстановить чтеніе мѣстъ, искаженныхъ въ изданіи Даниловича. Нѣкоторыхъ листовъ въ рукописи г. Никифорова не достаетъ, и эти мѣста въ настоящемъ изданіи перепечатаны съ изданія Даниловича.

Изданіе снабжено обширнымъ предисловіемъ (стр. 1—52), примѣчаніями и фототипнымъ снимкомъ съ двухъ листовъ рукописи г. Никифорова.

Н. Т.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи и статистическія данныя о каждомъ поселеніи.* Секретаря херс. губ. стат. комит. В. Гошкевича. Херсонъ 1896. 406 стр. (См. «Югъ», № 305).

— *П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Б. Гринченко.* Черниговъ 1899. 8 д. л. 43 стр. (Прилож. къ вып. 1-му „Земск. Сборн." Черниг. губ. за 1899 г.). Кромѣ біографическихъ свѣдѣній, статья представляетъ попытку оцѣнки Кулиша, какъ литератора и обществен-

наго дѣятеля. Статья требуетъ фактическихъ поправокъ. Напр., извѣстный польскій *литераторъ* Мих. Грабовскій почему-то названъ—историкомъ, а *коллекціонеръ* Конст. Свидзинскій—этнографомъ... Псевдонимъ «Марко Вовчокъ» приписанъ Аф. Вас. Марковичу, тогда какъ этотъ псевдонимъ принадлежитъ женѣ послѣдняго. Хуторъ, о которомъ говорится на стр. 11-й, находился въ Лубенскомъ уѣздѣ и «живя въ этомъ хуторѣ», К—шъ едва ли могъ тамъ познакомиться съ С. Т. Аксаковымъ... Брошюры—„метелики" издавалъ не К—шъ, а Д. С. Каменецкій. Не справедливо заключеніе, что будто бы „Основа„ не могла существовать съ тѣми ограниченными силами, какія имѣлись на лицо..." и что будто бы безъ Кулиша „Основа" „врядъ ли пошла бы дальше 3—4 книжекъ перваго года...". Силы были и не малыя, какъ можно видѣть изъ перечня статей „Основы", *но не было порядка въ администраціи журнала*.... К—шъ не всецѣло сотрудничалъ въ Основѣ, такъ какъ уже съ лѣта 1863 г. онъ началъ, напр., печатать большую свою историческую статью въ «Вѣстникѣ» Говорскаго. Хотя можетъ быть К—шъ «исторію Малороссіи зналъ не хуже Костомарова», но книги К—ша по «исторіи Малороссіи» лишены научнаго значенія... К—шъ служилъ въ не «Западномъ краѣ», а въ Царствѣ Польскомъ, въ тамошнемъ «учредительномъ комитетѣ».

— *Въ Дебряхъ Полѣсья. (Очерки и наблюденія) А. Липранди.* Наблюдатель, янв., стр. III—137, и февр., стр. 96—79. Здѣсь между прочимъ читаемъ: «Нигдѣ, вѣроятно, народъ не хранитъ такъ упорно своихъ преданій, суевѣрій, сказаній и обрядовъ, какъ въ глухихъ дебряхъ Полѣсья, гдѣ весь складъ жизни особенно благопріятельствуетъ живучести вѣковыхъ традицій. Вся жизнь полѣсскаго крестьянина обставлена особыми традиціонными вѣрованіями; не только важныя событія, но и самыя незначительныя перемѣны въ жизни имѣютъ здѣсь свою особую суѣверную обрядность, неизмѣнно охраняемую вѣками и переходящую отъ поколѣнія къ поколѣнію... Въ Полѣсьи и теперь еще встрѣчаются такія патріархальныя, деревни и села, какихъ нигдѣ уже, вѣроятно, нельзя встрѣтить. Расположенныя среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, и недоступныя внѣшнему вліянію, они представляютъ собою медвѣжьи углы, гдѣ все находится въ первобытномъ, полудикомъ состояніи. Здѣсь вы можете видѣть вѣками сложившіеся традиціонные обычаи и порядки бытовой жизни полѣсскаго крестьянина..." Засимъ авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ полѣсскихъ пережитковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. «Проѣзжая

по глухой части Овручскаго уѣзда, въ одномъ изъ селъ, я былъ остановленъ стеченіемъ разряженнаго народа, запрудившаго всю улицу. Проѣздъ былъ загороженъ, и я невольно сдѣлался свидѣтелемъ одного изъ наиболѣе своеобразныхъ полѣсскихъ обычаевъ. Я увидѣлъ посерединѣ улицы ярко пылающій костеръ, окруженный нарядными дѣвушками; среди общаго хохота и отчаяннаго визжанія разбитой скрипки и брянчанья бубна, — изъ толпы дѣвушекъ выдѣлилась одна, съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ и низко спускающимся бѣлымъ платкомъ. Устремивъ стыдливо глаза въ землю, она быстро начала перебѣгать взадъ и впередъ чрезъ пылающій костеръ.

— Что это значитъ?—началъ разспрашивать я, удивленный этимъ зрѣлищемъ.

— А то молоду везуть до церкви вѣнчаться,—отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ крестьянинъ.

— Такъ зачѣмъ же вся эта исторія, если ее везутъ въ церковь вѣнчаться?

— А то такъ ще съ дидовъ у насъ робыться,—отвѣтило мнѣ уже нѣсколько голосовъ.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій я узналъ, что это одинъ изъ свадебныхъ обычаевъ Полѣсья. Чтобы узнать, сохранила ли невѣста дѣвственность до замужества, ее передъ тѣмъ, какъ вести въ церковь, заставляютъ пройти нѣсколько разъ черезъ огонь, который, по понятіямъ полѣщуковъ, непремѣнно долженъ обжечь дѣвушку, рѣшившуюся на такое испытаніе, не будучи цѣломудренной. Въ недавнее еще время, обряду этому придавалось большое значеніе и, по разсказамъ стариковъ, дѣвушка, которой до свадьбы не удалось сохранить невинность, ни за что не рѣшалась на огненное испытаніе". Не менѣе интересенъ тутъ же разсказанный пережитокъ о „перепеченіи" новорожденныхъ дѣтей.

— *Неизвѣстное полемическое сочиненіе противъ папскихъ притязаній въ юго-западной Россіи (1633 г.) С. Т. Голубева.* Труды Кіевск. Дух. Акад., февраль, 300—342. Свѣдѣніе о содержаніи рѣдкой брошюры—«Rzym albo stolica Rzymska i eśli co ma do praw Korony Polskiey y W. X. Litewskiego politickich, krotkie uważenia, roku 1633 stanom koronnym na seym koronaticy podane».

— *Дача Кіево-Братскаго монастыря, Церковщина. П. А. Лашкарева.* Тамъ-же, мартъ, *473—481.* Здѣсь находился, по мнѣнію автора, Гнилецкій монастырь.

— *Сонъ Богородицы.* (*Изъ народной литературы*). «Живое Слово», (Львовъ), февраль, 111—114. Молитва, распространенная въ апокрифической литературѣ подъ именемъ *Сонъ Богородицы* въ южно-русскихъ ея текстахъ была предметомъ подробнаго историко-литературнаго обозрѣнія, принадлежащаго покойному Ф. Г. Лебединцеву (Руков. для Сельскихъ Пастырей, 1860 г., № 5, 103—119), пришедшему къ заключенію, что этотъ памятникъ «по всей вѣроятности перешелъ къ намъ изъ запада». Въ журналѣ г. Яворскаго напечатано, въ малорусскомъ текстѣ, пять варіантовъ *сна*, записанныхъ въ Галиціи.

— *Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи, К. Филатова.* Русск. Филолог. Вѣстн. 1898 г., Здѣсь послѣ обозрѣнія великорусскихъ говоровъ, помѣщена «характеристика малорусскихъ говоровъ» (№ 1—2, стр. 207—230) и приведены образцы малорусскихъ пѣсенъ (№ 3—4, стр. 37—52), записанныхъ въ Богучарскомъ и Острожскомъ уу.

— *Черты изъ жизни И. С. Тургенева. Б. Батуринскаго.* Ист. Вѣстн., мартъ, 887). Здѣсь читаемъ слѣдующее. «Въ воспоминаніяхъ М. П. Д—ва, напечатанныхъ въ 1885 г. въ итальянск. журн. Rivista Politica e Litteraria», между прочимъ, говорится, что когда Тургеневъ завелъ съ Д—мъ разговоръ объ Украинѣ, то выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этою страною и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбудили въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій являются въ его романахъ: Маша въ повѣсти «Затишье» и Михалевичъ въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ».—«У малороссовъ, говорилъ Тургеневъ, есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ великорусскими утилитаризмомъ и распущенностью....»

— *Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ.* Русск. Арх., апрѣль, 643—647. Извлеченіе изъ этой статьи будетъ помѣщено въ слѣдующей книжкѣ К. Ст—ны.

— Въ этой же книжкѣ Русск. Арх., стр. 674, напечатанъ *универсалъ кн. Меншикова 1720 г.*, почепскому священнику Григорію Щеленговскому [1]) на земли около м. Почепа.—Универсалъ этотъ былъ уже раньше напечатанъ въ *Обозр. Румянц. Описи*, стр. 605.

[1]) А не Шелендовскому, какъ напечатано въ Р. Арх., гдѣ, какъ видно, при чтеніи документа—лат. g принято за русское д. Извѣстно, что при написаніи словъ, гдѣ буква г должна была произноситься какъ лат. g, а не какъ h, въ Малороссіи встарину употребляли лат. g. *Ред.*

— *Городъ Новгородъ-Сѣверскій, его прошлое и настоящее. М. Ркмицкаго.* Земск. Сборн. Черниг. губ. 1899 г., № 1, стр. 39—69. Кромѣ компилятивнаго историческаго очерка, приведены интересныя цифровыя свѣдѣнія «о распредѣленіи населенія г. Н.—С—ка по занятіямъ его жителей».

— *Письма Т. Г. Шевченка къ Я. Г. Кухаренку.* Кубанск. Вѣд., №№ 74 и 82. Здѣсь помѣщено семь (непечатанныхъ) писемъ Т. Г. Ш—ка, 1842—1857 г.г. Подробно объ этихъ письмахъ будетъ сказано по окончаніи ихъ печатанія.

— Въ «Journal des Debats» этого года (16-го апр.) напечатана статейка «Taras Chevtshenko», съ псевдонимной подписью «Ivan Strannik», въ которой послѣ вступленія, описывающаго въ самыхъ нѣжныхъ краскахъ природу Малороссіи, авторъ пересказываетъ общеизвѣстные у насъ факты ихъ жизни Т. Г. Шевченка и затѣмъ передаетъ содержаніе его поэмы «Наймычка», которую онъ считаетъ безъ сомнѣнія однимъ изъ найболѣе характерныхъ произведеній поэта. Упомянувъ, далѣе, о «Гайдамакахъ», «Русалкѣ» и сдѣлалъ краткую, но очень симпатичную, характеристику всѣхъ произведеній Шевченка, авторъ даетъ прозаическій переводъ второй половины стихотворенія поэта «Хатына», начиная со словъ:

А я такъ мало, небагато
Благавъ у Бога—тилько хату.

Переводъ сдѣланъ, хотя и не вездѣ близко къ подлиннику, но вполнѣ удачно. Въ иныхъ мѣстахъ, конечно, автору не возможно было на французскій языкъ точно перевести такія слова и выраженія, какъ «безталанную мою, мою Оксаночку» (ma pauvrette cherie, ma petite Oksana), «ланы золотополи» (les vallèes); строчка-же «туманъ на ланъ не прожене» совсѣмъ осталась непереведенной. Единственный упрекъ можно сдѣлать автору за то, что онъ не понялъ выраженія «думу сумную, *днедавну*» (старинную, давнюю днями) и передалъ его словами «la légende tèrrible et rècente», т. е. *свѣжую, недавнюю.*

— Въ «Сынѣ Отеч.» (№ 104) помѣщено извѣстіе г. С. Е—мова о томъ, что изъ Кіева поданъ на дняхъ въ главн. управленіе по дѣламъ печати сборникъ произведеній Пушкина въ переводѣ на украинскій языкъ. Въ сборникѣ этомъ кромѣ старыхъ переводовъ («Полтава», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» и мелк. стихотв.) вошло много новыхъ, какъ-то: «Борисъ Годуновъ», «Скупой рыцарь», «Моцартъ

и Сальери» и около 30-ти лирическихъ стихотвореній. Въ этомъ же извѣстіи приведены нѣкоторыя поправки къ замѣткѣ г. Драганова о малорусскихъ переводахъ произведеній Пушкина, при чемъ указывается, что переводовъ на малорусскій языкъ «Цыганъ», «Поэта» и «Пророка» вовсе не существуетъ. Согласно замѣчаніямъ г. Е—мова должна быть исправлена и пополнена и наша замѣтка, помѣщенная въ этой книжкѣ на стр. 65-й II-го отдѣла.

Въ редакцію поступили для отзыва.

— *П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ.* Изслѣдованіе изъ начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ, изданнымъ и рукописнымъ. С.-Петербургъ 1898. 8 д. л. CXXXIV+237+121 стр. Ц. 3 рубля.

— *Herbarz Polski. Wiadomosci historycsno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Ułożył i wydał A. Boniecki. Warszawa 1899.* Первые два выпуска, 70 стр. *Aron—Badeniowie.* Ц. вып. 75 коп.

Археологическая лѣтопись.

Ученыя общества.

Въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора Лѣтописца, происходившемъ 11-го апрѣля, предсѣдателемъ общества *проф. В. Б. Антоновичемъ* было сдѣлано сообщеніе *«О мѣстоположеніи лѣтописнаго г. Шумска»*. Г. Шумскъ (теперь мѣстечко Кременецкого у. Волынской губ.) въ княжескій періодъ нашей исторіи являлся однимъ изъ видныхъ городовъ Волынскаго княжества; лѣтописныя извѣстія о немъ тянутся на протяженіи 150-ти лѣтъ, отъ половины XII до конца XIII в.; одно время Шумскъ съ прилежащей къ нему областью былъ удѣльнымъ княжествомъ—въ числѣ князей, погибшихъ въ битвѣ при Калкѣ упоминается и шумскій князь Святославъ. Описавъ топографическое положеніе г. Шумска, лежавшаго въ области, de jure принадлежавшей Луцкому княжеству, но de facto служившей предметомъ притязаній и со стороны другихъ княжествъ, какъ напр. Кіевскаго и Галицкаго, изложивъ затѣмъ вкратцѣ исторію какъ этой области, такъ и г. Шумска, въ княжескій, литовскій и позднѣйшій періоды, проф. Антоновичъ перешелъ къ описанію тѣхъ остатковъ старины, которые имѣются въ современномъ Шумскѣ. Всѣ три періода, на которые раздѣляется исторія Шумска, оставили послѣ себя слѣды; но главный интересъ представляетъ вопросъ: гдѣ именно находился лѣтописный г. Шумскъ? Теперешній Шумскъ расположенъ въ котловинѣ, на берегу рѣки Виліи, притокѣ Горыни; въ самомъ мѣстечкѣ есть два городища: одно на полуостровѣ, другое на берегу пруда; первое относится къ позднѣйшему времени—здѣсь находился дворецъ однихъ

изъ позднѣйшихъ владѣльцевъ Шумска—кн. Радзивилловъ, второе, судя по формѣ сохранившихся укрѣпленій, принадлежитъ литовскому періоду; да и мѣстоположеніе означенныхъ городищъ указываетъ на ихъ болѣе позднее происхожденіе—оба они лежатъ на низменной мѣстности, городища-же княжескаго періода обыкновенно занимаютъ возвышенное положеніе; противъ принадлежности ихъ къ княжескому времени говорятъ и малые размѣры городищъ, лѣтописный-же Шумскъ былъ повидимому довольно большимъ городомъ. Мѣсто послѣдняго обнаружено немного всторонѣ отъ теперешняго Шумска: на разстояніи $^3/_4$ версты отъ мѣстечка, на возвышенномъ берегу Кумы, притока Виліи, между сс. Онышковцы и Брыковъ, лежитъ обширное городище, носящее всѣ признаки княжескаго времени. Городище довольно обширное, одну сторону его составляетъ высокій берегъ р. Кумы, двѣ другія—впадающіе въ долину рѣки овраги, со стороны-же поля, а также по краямъ естественныхъ укрѣпленій насыпанъ цѣлый рядъ учащенныхъ параллельныхъ валовъ, высота которыхъ и въ настоящее время достигаетъ двухъ метровъ,—это и есть лѣтописный г. Шумскъ. Возлѣ городища имѣются курганы, на самомъ-же городищѣ обнаружена также и стоянка каменнаго вѣка.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя, Херсонской губ. Въ теченіи февраля мѣсяца нынѣшняго года г. Стемпковскимъ продолжались начатыя раньше раскопки возлѣ г. Тирасполя. На терновской землѣ, въ 5 верстахъ отъ города, вскрытъ былъ небольшой курганъ; въ курганѣ оказались двѣ могилы, расположенныя рядомъ, вырытыя въ направленіи с.-з.—ю.-в. Въ одной могилѣ былъ погребенъ человѣкъ, а въ другой—его вѣрный другъ—конь. При скелетѣ лошади найдены и принадлежности сбруи: желѣзныя стремена, удила и украшенія отъ сѣдла. Могила человѣка оказалась глубиной болѣе сажени. Человѣкъ погребенъ былъ безъ гроба, но обложенъ бревнами. Онъ былъ положенъ на спинѣ, головой на сѣверозападъ съ правильно протянутыми ногами. На лѣвой сторонѣ груди покойника лежала орнаментированная серебряная мисочка. На лѣвомъ колѣнѣ найдены остатки колчана изъ березовой коры и въ нихъ нѣсколько желѣзныхъ стрѣлъ ромбоидальной формы. Одежда

на покойникѣ совершенно истлѣла и сохранились только кусочки ея—на груди, подъ серебряной мисочкой; судя по этимъ кусочкамъ, одежда была шелковая.

Болѣе древнее погребеніе встрѣтилось въ другомъ курганѣ. Центральная могила въ немъ оказалась разграбленной кладоискателями. Ускользнула отъ вниманія грабителей другая могила подъ той-же насыпью: въ ней лежалъ скелетъ человѣка. Положенъ былъ въ могилу покойникъ на спинѣ съ протянутыми руками и ногами. Вблизи него найдены три бронзовыя пирамидальныя стрѣлки скифскаго типа, а у головы кучка бараньихъ костей и между ними желѣзный ножъ съ костяной рукояткой.

Остальныя насыпи въ той же мѣстности, вскрытыя въ послѣднее время г. Стемпковскимъ, заключали въ себѣ могилы древнѣйшаго населенія нашего края: покойники въ нихъ лежали согнутыми, вещей при нихъ, кромѣ грубой выдѣлки горшковъ, никакихъ не найдено. Нѣкоторые скелеты покрыты краснымъ налетомъ, причемъ красящее вещество проникло и въ самыя кости.

Всѣ вещи, добытыя этими раскопками, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ устройства насыпей и могилъ, доставлены въ херсонскій археологическій музей. („Югъ“).

—

Изслѣдованія стоянки палеолитической эпохи, обнаруженной въ усадьбѣ Зайцева, по Кирилловской ул. въ г. Кіевѣ, продолжались въ теченіе всей истекшей зимы и начала весны. За послѣднее время обнаружена масса костей, главнымъ образомъ мамонта, слѣды кострищъ и отбивныя кремневыя орудія. При съемкѣ верхней части горы, у подошвы которой лежитъ палеолитическая стоянка, открыта пещера, вырытая въ лёсѣ, имѣвшая 75 стм. въ вышину. На стѣнѣ этой пещеры обнаружены какіе-то знаки, имѣющіе видъ письменъ. Пока трудно еще рѣшить къ какому времени относятся эти знаки; пещеры въ лёсѣ, каковыми изобилуетъ нагорный берегъ днѣпровской долины, служили жилищемъ первобытному человѣку неолитической эпохи каменнаго вѣка,—немножко смѣло будетъ относить къ этой эпохѣ и новооткрытыя „письмена“; нужно имѣть въ виду, что пещерами этими, особенно въ раіонѣ г. Кіева, зачастую пользовались и въ позднѣйшее время, такъ напр. ихъ приспособляли для цѣлей пустынножительства, предварительно конечно расширивъ, давали онѣ пріютъ и разному бездомному люду и въ самое послѣднее время; нѣсколько

лѣтъ тому назадъ, при осмотрѣ такого рода пещеръ, лежащихъ по-сосѣдству съ вышеописанной, въ одной изъ нихъ мы набрели на остатки, имѣющіе очень мало общаго съ археологіей; тутъ валялись бутылка отъ водки, объѣдки, какія-то тряпки и т. п.—повидимому слѣды недавняго пиршества послѣ дѣлежки...

—

Раскопки на городищѣ «Княжа Гора». Въ среднихъ числахъ апрѣля составителемъ настоящей лѣтописи были произведены раскопки на сѣверномъ склонѣ городища. Прежними раскопками этотъ склонъ не былъ затронутъ, интересъ-же онъ представляетъ большой. На всемъ пространствѣ поверхности его, имѣющей видъ то крутыхъ обрывовъ, то покатостей, то небольшихъ площадокъ, лѣтъ 6 тому назадъ были замѣтны цѣлые ряды воронкообразныхъ и продолговатыхъ углубленій; судя по аналогіи съ раньше раскопанными такими углубленіями, они представляютъ изъ себя остатки жилищъ княжеского періода. Въ настоящее время, съ переходомъ Княжей Горы въ собственность крестьянъ, весь этотъ склонъ гдѣ можно распаханъ, въ другихъ-же мѣстахъ раскопанъ, какъ съ сельско-хозяйственными цѣлями, такъ и съ цѣлью добычи древностей. Благодаря всему этому, поверхность этого склона сильно измѣнила свой видъ, слѣды жилищъ частью совсѣмъ уничтожены, частью едва замѣтны.

Раскопки произведены въ средней части склона; были намѣчены три пункта, гдѣ можно было предполагать, что встрѣтятся слѣды жилищъ; изъ нихъ, только въ двухъ послѣднихъ дѣйствительно оказались таковые. Первая „палатка“—такъ окрестные крестьяне называютъ эти остатки жилищъ, оказалась совершенно разрушенной и испорченной безпорядочнымъ рытьемъ кладоискателей, но что здѣсь было жилище, на это указывали встрѣчавшіеся въ землѣ куски пережженной глины—отъ печи и нѣкоторые бытовые предметы, какъ напр. черепки посуды и хорошо сохранившееся желѣзное долото. Ниже этой, на уступѣ, открыта другая „палатка“, сохранившаяся почти въ цѣломъ видѣ; немного разрушена лишь передняя часть этого жилища, выходившая къ обрыву, гдѣ повидимому былъ и входъ въ жилище. Послѣ очистки отъ навалившейся сверху и съ боковъ земли, раскопанное мѣсто имѣло слѣдующій видъ: въ склонѣ горы находилось четыреугольное углубленіе, задняя стѣнка котораго имѣла вышины 1,3 метра, боковыя-же сходили къ передней на нѣтъ; длина четыреугольника 3,3 м., ширина 2,9 м., но, повидимому, ширина была больше,

такъ какъ передняя часть жилища частью уничтожена или сползла внизъ. Низъ этой площадки въ древности былъ смазанъ глиной—части этой смазки—„доливки“ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Съ правой стороны, ближе къ передней части, на этомъ земляномъ полу возвышалось на 0,5 м. основаніе разрушившейся глинобитной печи; основаніе это неправильной круглой формы, состоитъ изъ пережженной глины; хорошо сохранился сподъ печи,—онъ гладко смазанъ, на немъ лежали черепки посуды, зола и угли. Въ лѣвомъ заднемъ углу землянки стоялъ прислоненный къ стѣнѣ жерновъ изъ кирпичной массы и возлѣ него желѣзный ножикъ, тесло, въ видѣ желѣзной лопатки, родъ желѣзнаго сверла, брусокъ, гвозди, глиняная небольшая мисочка и кусочекъ стеклянаго браслета. Въ правомъ заднемъ углу стоялъ у стѣны камень, поставленный торчкомъ, и возлѣ него другой небольшой камень. Вдоль задней стѣны обнаружены куски сосновой обугленной балки, б. м. поддерживавшей крышу. Если возстановить разрушенныя части этого жилища, то оно будетъ имѣть видъ полуземлянки, довольно большихъ размѣровъ, сравнительно съ тѣми землянками, остатки которыхъ обнаружены на хребтѣ горы во время прежнихъ раскопокъ; помѣщеніе было несомнѣнно тѣснымъ и неудобнымъ, но съ этимъ приходилось мириться русскимъ поселенцамъ половины XIII вѣка, жившимъ на окраинѣ Кіевскаго княжества въ близкомъ сосѣдствѣ съ дикими степняками.

Раскопки на Княжей Горѣ будутъ продолжаться въ теченіе всего лѣта.

—

Завѣдующій Артиллерійскимъ Музеемъ въ С.-Петербургѣ *Н. Е. Бранденбургъ*, производящій ежегодно раскопки на югѣ Россіи, находится въ настоящее время въ *с. Пастерскомъ*, *Чигиринскаго у.* и приступаетъ къ раскопкамъ находящагося здѣсь городища, частью уже раскопаннаго прошлымъ лѣтомъ (см. Арх. лѣт. за январь).

Случайныя находки.

Молотовскій кладъ. Въ Восточной Галиціи, у с. Демидова, составляющаго часть с. Молотова (возлѣ Мыколаева надъ Днѣстромъ), года три тому назадъ былъ найденъ очень интересный кладъ, поступившій въ настоящее время въ музей Львовской Ставропигіи. Въ XXV

томѣ «Записокъ Наукового Товариства Імени Шевченка» помѣщена статья М. Грушевскаго, посвященная подробному описанію клада, и приложена таблица, изображающая нѣкоторые предметы его. Считаемъ умѣстнымъ, на основаніи этой статьи, дать краткія свѣдѣнія о Молотовскомъ кладѣ. Кладъ состоялъ изъ 15-ти серебряныхъ украшеній и 65-ти монетъ; монеты—большіе и малые чешскіе гроши Вячеслава II (1278—1305) и Іоанна I Люксембургскаго (1311—1346). Такимъ образомъ кладъ оказался датированнымъ. Среди украшеній находились слѣдующіе предметы. Широкій браслетъ, состоящій изъ двухъ половинокъ, соединенныхъ шарниромъ; поля каждой половины раздѣлены арками на три части; въ средней аркѣ одной половины помѣщено схематическое гравированное изображеніе цвѣтка, въ такой-же аркѣ другой половины—стоящая фигура человѣка, повидимому охотника; въ боковыхъ аркахъ обѣихъ половинокъ выгравированы схематическія изображенія птицъ. Типъ такого рода браслетовъ давно извѣстенъ по находкамъ княжескаго времени; совершенно подобные браслеты были найдены напр. въ кладахъ Кіева и Чернигова. Кромѣ этого браслета въ кладѣ имѣются двѣ пары браслетовъ изъ спирально согнутой узкой серебряной полосы—типъ, извѣстный по находкамъ болѣе древнихъ періодовъ, среди-же предметовъ княжескаго періода встрѣчающійся въ первый разъ. Далѣе, въ кладѣ находились двѣ пары серегъ т. н. кіевскаго типа, съ тремя шариками на кольцахъ, причемъ особенность одной пары состоитъ во томъ, что шарики имѣютъ не круглую, а продолговатую, боченкообразную форму; три перстня со щитками, на которыхъ вырѣзаны печати; на каждой изъ нихъ въ срединѣ помѣщено схематическое изображеніе птицы и круговыя надписи: печат+канска и печат+скочкова, на третьемъ перстнѣ надпись не разобрана, буквы ея напоминаютъ глаголицу; кольцо изъ скрученной проволоки; перстень съ геометрическимъ орнаментомъ и наконецъ, перстень съ гнѣздомъ для камня (самого камня не сохранилось). Въ концѣ своей статьи г. Грушевскій даетъ слѣдующую характеристику этой находки: «молотовская коллекція имѣетъ очень типичный характеръ; мы въ ней имѣемъ цѣлый рядъ предметовъ, характерныхъ для старо-русскаго, развившагося подъ византійскимъ и сосѣдними вліяніями, искусства т. н. княжеской эпохи. Молотовская находка показываетъ, съ одной стороны, еще разъ, что и западная окраина украинско-русской земли входила въ кругъ этого искусства, съ другой стороны—что это искусство

было еще въ силѣ у насъ въ XIV в. и заглохло, вѣроятно, благодаря новымъ вліяніямъ, какія принесли съ собой XIII—XV вв.: это были западныя вліянія, но отличныя отъ прежнихъ, и еще больше—перевѣсъ западной культуры».

—

Съ городища «Княжа Гора» за истекшій мѣсяцъ получено много новыхъ интересныхъ находокъ. Изъ числа ихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить средней величины ($5^1/_4$—4 стм.) четыреугольную съ полукруглымъ верхомъ иконку изъ темно-сѣраго, почти чернаго, сланца, очень хорошей сохранности и тончайшей работы. На ней изображено «Распятіе съ предстоящими» и съ двумя полуфигурами скорбящихъ архангиловъ; общая композиція всей сцены и рисунокъ отдѣльныхъ фигуръ не оставляютъ желать ничего лучшаго по своей правильности и изяществу; платье на всѣхъ фигурахъ, нимбы и всѣ контуры креста покрыты тончайшимъ орнаментомъ. Съ лѣвой стороны распятія помѣщена фигура Богородицы, держащей въ лѣвой рукѣ, приложенной къ лицу, убрусъ; съ правой стороны—св. Іоаннъ, приложившій, въ знакъ скорби, правую руку къ лицу, а въ лѣвой держащій евангеліе; подъ крестомъ, на выпукломъ полукругѣ, видно изображеніе человѣческаго лица (глава Адамова или олицетвореніе горы Голгоѳы). Помимо художественнаго, иконка эта представляетъ большой интересъ и въ палеографическомъ отношеніи по находящимся на ней надписямъ. У головы Спасителя и Божіей Матери помѣщены обычныя монограммы ІС—ХС, NИ—КА и МР—ѲV, передъ фигурами архангеловъ находятся вертикальныя надписи: МХАІЛЪ и ГВРІЕЛЪ, по сторонамъ св. Іоанна Богослова: О АГІОС—ІѠКОНО. Надписи эти, особенно имена архангеловъ, оканчивающіяся на ъ, положительно указываютъ *на русское* происхожденіе этой замѣчательной иконки, а ея поразительная тонкость и изящество даютъ право на причисленіе ея къ числу chef d'oeuvre'овъ русскаго искусства XII—XIII в. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеромъ «Лѣтописи» мы дадимъ изображеніе этой иконки.

Среди другихъ предметовъ религіознаго характера заслуживаютъ вниманія: бронзовая складная панагія, на обѣихъ сторонахъ которой помѣщено грубое изображеніе человѣческой фигуры съ копьемъ (?) въ правой рукѣ; нѣсколько такъ называемыхъ «корсунскихъ» крестиковъ, между которыми есть напр. крестикъ изъ

зеленаго мрамора съ серебряной оковкой, покрытой орнаментомъ чернью, крестикъ изъ сѣраго мрамора съ оковками изъ гладкаго серебра со сканью и большимъ характернымъ ушкомъ, крестикъ изъ lapis—lazuli и агатовый; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ очень рѣдкихъ крестиковъ—тѣльниковъ, а именно нѣсколько серебряныхъ съ гравированными орнаментами и съ буквами и одинъ изъ блѣднаго золота (электрона) съ гравированными въ срединѣ и на концахъ византійскими крестиками.

Изъ предметовъ бытового характера есть очень много разнаго рода бусъ, перстней и привѣсокъ. Изъ послѣднихъ одна представляетъ особенный интересъ. Общеизвѣстенъ фактъ суевѣрнаго отношенія нашего простонародья къ нѣкоторымъ издѣліямъ каменнаго вѣка и м. п. къ кремневымъ наконечникамъ стрѣлъ; ихъ называютъ «молніиными стрѣлами», «громными стрѣлками», приписываютъ имъ небесное происхожденіе и употребляютъ какъ средство противъ всякихъ недуговъ. Что это суевѣріе существовало на Руси и въ прежнее время, объ этомъ свидѣтельствуютъ различныя поученія, въ которыхъ отводится мѣсто и «громнымъ стрѣлкамъ». Послѣдняя находка на Княжей Горѣ даетъ намъ фактическое доказательство того, что почитаніе такихъ стрѣлъ имѣло мѣсто у насъ въ княжескій періодъ. На Княжей Горѣ найденъ небольшой наконечникъ стрѣлы или остріе изъ чернаго кремня, широкій конецъ котораго оправленъ въ серебро съ очень изящною зернью и ушкомъ для привѣшиванія; характеръ оправы указываетъ на XII—XIII в. Это первая, встрѣтившаяся въ Россіи, находка такого рода. Нѣсколько подобныхъ амулетовъ, относящихся еще къ большей древности, найдено въ другихъ частяхъ Европы, что указываетъ на повсемѣстное распространеніе этого суевѣрія; такъ напр. совершенно подобная нашей кремневая стрѣла, оправленная въ золото и служившая привѣской къ золотому ожерелью, найдена въ Этруріи (хранится въ Британскомъ музеѣ). Нужно при этомъ замѣтить, что на самой Княжей Горѣ открыта стоянка и мастерская каменного вѣка, такъ что очень возможно, что вышеописанная кремневая стрѣлка найдена тамъ-же, на мѣстѣ, позднѣйшими обитателями горы.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть о находкахъ нѣсколькихъ монетныхъ гривнъ; большинство ихъ—изъ хорошаго серебра, одна-же изъ низкопробнаго; эта послѣдняя обычнаго кіевскаго типа, хотя съ нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ общаго образца, отличается она и вѣсомъ—42 зол., слѣдовательно больше обычнаго вѣса на

3—4 зол.; имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣло со «злою» (поддѣльною) гривною того времени, или съ какимъ-то новымъ монетнымъ знакомъ—сказать пока трудно. (Всѣ перечисленные предметы поступили въ собраніе Н. П. Чернева).

—

По поводу лаврской находки. Находка эта предназначена къ продажѣ. Съ этой цѣлью изданъ «Списокъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и медалей, принадлежащихъ Кіево-Печерской лаврѣ», на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, гдѣ перечислены монеты и медали находки, причемъ, при обозначеніи монетъ, не обошлось дѣло безъ довольно частыхъ курьезовъ, такъ что этотъ «Списокъ» былъ переизданъ наново и снова не вполнѣ удачно. Но все это мелочи. Ничего не имѣя противъ продажи большинства монетъ этой находки, мы не можемъ вполнѣ уяснить себѣ слѣдующаго обстоятельства: въ списокъ попали и такія рѣдчайшія и единственныя вещи, какъ медаль кн. Константина Острожскаго, нѣкоторыя русскія монеты и т. п. Печатая «Списокъ» и на нѣмецкомъ языкѣ, очевидно имѣлось въ виду распространить свѣдѣнія о находкѣ среди иностранныхъ торговыхъ фирмъ, и дѣйствительно, по газетнымъ извѣстіямъ, въ канцелярію собора лавры уже поступило нѣсколько предложеній отъ заграничныхъ фирмъ, желающихъ пріобрѣсти находку. Не разъ за послѣднее время поднимался вопросъ о томъ, что памятники нашей старины массами вывозятся за границу, на этотъ грустный фактъ было обращено вниманіе и правительствомъ, сдѣланы нѣкоторые шаги по пути ограниченія этого нежелательнаго явленія, свидѣтельствующаго о нашей малокультурности. Поэтому, намъ кажется очень страннымъ, что учрежденіе, которое по характеру своему обязано блюсти старину, употребило всѣ мѣры къ тому, чтобы именно не сохранить эту старину, и поступило такъ, руководствуясь чисто матеріальными разсчетами.

На дняхъ мы узнали, что Министерствомъ Императорскаго Двора командированъ въ Кіевъ для осмотра и оцѣнки лаврской находки извѣстный нумизматъ, хранитель Эрмитажа А. К. Марковъ. Будемъ надѣяться, что благодаря такому обороту дѣла, хотя болѣе рѣдкіе и цѣнные въ научномъ отношеніи предметы находки, если и не останутся въ Кіевѣ, гдѣ бы имъ было самое надлежащее мѣсто, то во всякомъ случаѣ не будутъ вывезены за предѣлы Россіи.

—

Находка клада въ г. Кіевѣ. Въ «Археологической Лѣтописи» за прошлый мѣсяцъ мы указывали на то, что при земляныхъ работахъ могутъ встрѣтиться цѣнныя находки и что на этотъ вопросъ слѣдовало бы обратить вниманіе. Въ настоящее время мы уже имѣемъ свѣдѣнія объ одной такой находкѣ, получившей, какъ и слѣдовало ожидать, не надлежащее назначеніе. У одного изъ мѣстныхъ торговцевъ древностями находится небольшой кладъ, относящійся къ великокняжеской эпохѣ. Кладъ состоитъ изъ трехъ серебряныхъ монетныхъ гривенъ кіевскаго типа, помѣщавшихся въ небольшомъ цилиндрическомъ сосудѣ изъ листовой мѣди—типичномъ для княжескаго времени. Къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть болѣе подробныя свѣдѣнія о мѣстѣ и обстоятельствахъ находки; говорятъ, что кладъ найденъ гдѣ-то на Подолѣ, при копаніи ямы.

Музеи и собранія древностей.

Волынское Епархіальное Древлехранилище. О. А. Фотинскій завѣдующій Древлехранилищемъ, любезно сообщилъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о поступленіяхъ въ него за прошлый годъ. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляютъ рукописи, переданныя изъ Дерманскаго монастыря. По монастырскому каталогу всѣ почти онѣ значатся дарованными кн. Острожскими и относительно большинства ихъ это очень вѣроятно. Рукописи главнымъ образомъ содержанія богослужебнаго; наиболѣе древней является рукопись, содержащая творенія Діонисія Ареопагита, переводъ аѳонскаго инока серба Исаіи 1370 г. Крайне интересна скорописная приписка на послѣднемъ листѣ этой рукописи, содержащая перечень «епископій» того времени. Затѣмъ интересно толковое евангеліе, значащееся какъ даръ кн. К. К. Острожскаго и снабженное на поляхъ многочисленными поправками евангельскаго текста. По мнѣнію И. М. Каманина, почеркъ этихъ поправокъ и дописокъ чисто московскій, вслѣдствіе этого можетъ быть поставленъ вопросъ: не служила-ли эта рукопись источникомъ для острожскаго изданія библіи? Далѣе заслуживаетъ вниманія связка актовъ, относящихся къ исторіи Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства и во многомъ поправляющихъ и дополняющихъ свѣдѣнія, существующія о Братствѣ въ литературѣ вопроса. Изъ поступленій предметами особенно интересныхъ и оригинальныхъ въ истекшемъ году не было,

можно указать лишь на пріобрѣтенную въ г. Владиміръ-Волынскѣ свинцовую торговую пломбу княжеской эпохи и на оригинальной, художественной работы старинный рѣзной деревянный крестъ; вообще же нужно замѣтить, что доброхотныя поступленія, прежде довольно обильныя, теперь почти прекратились.

Въ виду этого и полагая, что только путемъ личныхъ объѣздовъ можно пополнять тѣ или другіе отдѣлы собранія и спасти отъ гибели многіе памятники старины, О. А. Фотинскимъ была совершена прошлымъ лѣтомъ поѣздка въ западные уѣзды Волынской губерніи. Хотя поѣздка продолжалась сравнительно короткое время—всего 2 недѣли, но ее нужно считать вполнѣ удавшейся. Цѣлью поѣздки было: 1) обозрѣніе братскихъ древлехранилищъ—Луцкаго и Владиміръ-Волынскаго, 2) изученіе храмовой архитектуры, преимущественно деревянныхъ сельскихъ храмовъ и иконописи и 3) осмотръ церковныхъ библіотекъ и архивовъ. Во время поѣздки были посѣщены гг. Луцкъ, Владиміръ-Волынскъ, Ковель и нѣкоторыя промежуточныя села, а также и м. Полонное. Вотъ краткія свѣдѣнія о положеніи братскихъ музеевъ. Луцкій содержится отвратительно: помѣщается *въ полутемной палатѣ для глазныхъ больныхъ*, предметы размѣщены какъ попало, безжалостно испорчены гвоздями, помѣщеніе сырое. Владимірскій содержится лучше, да и богаче самъ по себѣ; здѣсь масса интересныхъ предметовъ изъ раскопокъ въ Мстиславовомъ храмѣ, «старой каѳедрѣ», нѣкоторыхъ окрестныхъ могильниковъ; есть иконы глубокой древности изъ сельскихъ храмовъ Владимірскаго у., прекрасные образцы древней каменной кладки, памятники быта домашняго, военнаго, хорошая нумизматическая коллекція; все это помѣщено въ витринахъ съ извѣстною системою и вкусомъ; но помѣщается музей въ монастырѣ, въ комнаткѣ, длиной и шириной аршинъ 7—8, въ которой буквально повернуться негдѣ. Довольно затруднителенъ также и доступъ для публики въ оба музея.

Въ осмотрѣнныхъ бѣгло уѣздахъ сохранилось не мало храмовъ, не подвергавшихся значительнымъ передѣлкамъ съ XVI и даже XV вв. Обзоръ ихъ привелъ г. Фотинскаго къ заключенію о господствѣ въ храмовой сельской архитектурѣ двухъ типовъ: храмъ круглый (банное строеніе) и храмъ продолговато-прямоугольный (базилическій). О. А. Фотинскій не считаетъ послѣдняго типа отраженіемъ латинскаго вліянія потому что, во первыхъ, это конструкція самая простая, какая была болѣе всего по плечу нашимъ малоискуснымъ

сельскимъ мастерамъ,—въ сущности это большая хата; во вторыхъ, за древность этой формы говорятъ нѣкоторые сохранившіеся храмы, какъ напр. церковь м. Локачей (Луцк. у.), существующая съ 1509 г. и лишь «подважившаяся на подвалы». Типъ круглаго храма (по мнѣнію г. Фитинскаяго—заимствованный) встрѣчается рѣже, главнымъ образомъ въ городахъ, причемъ формы каменныхъ храмовъ этого типа по конструкціи болѣе просты (г. Луцкъ, с. Озденижъ) и нѣсколько разнообразятся въ храмахъ деревянныхъ (г. Ковель, с. Губинъ, Луцк. у.).

Во время поѣздки г. Фотинскимъ было отмѣчено также нѣсколько древнихъ иконъ, напр. икона собора арх. Михаила въ с. Губинѣ, изображеніе Христа въ чашѣ съ кровью въ м. Локачахъ, мученія св. апостола Іоанна Богослова въ г. Ковлѣ, Страшный судъ и изображеніе Спасителя, раздирающаго Свою рану въ боку въ м. Полонномъ. Всѣ эти иконы уже поступили или поступятъ въ Волынское Епарх. Древлехранилище.

Нѣсколько дней г. Фотинскій провелъ вмѣстѣ съ И. М. Каманинымъ въ Загоровскомъ монастырѣ (Владимірск. у.). Здѣсь оказалась очень богатая и любопытная библіотека: много старопечатныхъ книгъ волынскихъ, галицкихъ, кіевскихъ и московскихъ типографій, 50 рукописныхъ книгъ, начиная съ начала XV в. и до 3000 разныхъ актовъ (XVI—XVIII вв. Въ настоящее время возбуждено ходатайство предъ св. Синодомъ о передачѣ этой библіотеки въ полномъ почти составѣ въ то-же Древлехранилище.

О. А. Фотинскій предполагаетъ совершить и въ этомъ году поѣздку по Волыни для тѣхъ-же цѣлей.

—

Собраніе І. А. Хойновскаго въ Кіевѣ пополнилось въ теченіе конца прошлаго и начала настоящаго года многими интересными предметами. Изъ эпохи каменнаго вѣка поступило нѣсколько превосходныхъ экземпляровъ отбивныхъ орудій, какъ напр. наконечникъ копья очень тщательной отбивки и выдающійся по своимъ размѣрамъ; наконечникъ этотъ, также какъ кремневый клинъ, топоръ—молотъ, глиняный сосудъ и 2 клыка дикаго кабана найдены, по словамъ владѣльца собранія, при устройствѣ крѣпости въ г. Дубно, Волынской губ. и происходятъ повидимому изъ доисторическаго могильника, случайно открытаго при съемкѣ земли; очень и очень жаль, что эта находка не обслѣдована въ научномъ отношеніи. Къ

той-же эпохѣ относится большой топоръ изъ рога лося съ продѣланнымъ круглымъ отверстіемъ для ручки—такого рода топоры представляютъ большую рѣдкость, найденъ онъ у с. Хмельной, Черкас. у. Поступило затѣмъ нѣсколько очень хорошихъ образчиковъ предметовъ бронзоваго вѣка, часть ихъ пріобрѣтена изъ коллекціи покойнаго Н. Я. Тарновскаго, какъ напр. длинный наконечникъ копья, прекрасной сохранности и патины, другіе-же поступили изъ отдѣльныхъ находокъ; укажемъ здѣсь на кельтъ, ручка котораго не вставлялась въ втулку кельта, а прикрѣплялась по обѣимъ сторонамъ стержня, спеціально приспособленнаго для ручки—типъ очень рѣдко встрѣчающійся въ нашей мѣстности, кельтъ найденъ въ Каневскомъ у. Изъ того-же Каневскаго у., по словамъ владѣльца, происходитъ и довольно большая бронзовая статуэтка египетскаго божества (Озариса?); замѣтимъ, что это уже не первый случай нахожденія въ нашемъ краѣ предметовъ египетскаго культа—найти подходящее объясненіе этому факту, не вдаваясь въ область догадокъ, пока еще трудно.

Собраніе I. А. Хойновскаго обладаетъ въ настоящее время массой предметовъ древности, собираніе ведется, если не ошибаемся уже болѣе десяти лѣтъ, матеріала собрано достаточно, но разобраться въ немъ не легко:—въ коллекціи мало системы, мало и порядка; мѣшаетъ этому, помимо нѣкоторой произвольности въ объясненіи назначенія тѣхъ или другихъ предметовъ, ихъ принадлежности и времени, опасныхъ лишь для не спеціалистовъ, также и то обстоятельство, что очень многіе предметы оказываются безпаспортными—неизвѣстно ихъ точное мѣстонахожденіе; это наполовину уменьшаетъ ихъ научное значеніе, а по отношенію напр. къ предметамъ первобытной эпохи, при поразительномъ сходствѣ культуры въ то время, таковое и совсѣмъ теряется.

Упомянемъ въ заключеніе объ одномъ пріобрѣтеніи художественнаго отдѣла собранія; это миніатюра на слоновой кости—портретъ Т. Г. Шевченка, хорошей, тонкой работы; портретъ заслуживаетъ того, что бы спеціалисты рѣшили вопросъ о времени и авторѣ его.

—

— *Въ музей древностей университета св. Владиміра* подарена на дняхъ коллекція предметовъ изъ стоянки и мастерской каменнаго вѣка на городищѣ «Княжа Гора». Особенно богатъ здѣсь

подборъ издѣлій изъ кости—болѣе 120-ти штукъ: разнаго рода острія, шила, долотца, топорики, примитивные крючки для рыбной ловли и т. п. Кромѣ того, въ музей поступили предметы изъ раскопокъ пр. Оболонскаго въ Херсон. губ. (о нихъ см. «Лѣт.», апрѣль).

—

Въ церковно-Археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи передано изъ Михайловскаго монастыря нѣсколько образцовъ древней мозаики, какъ отпавшей, такъ и прикрѣпленной еще къ кускамъ штукатурки, нѣсколько фрагментовъ повидимому отъ бронзоваго паникадила княжескаго времени, двѣ старинныя парчевыя митрополичьи шапки XVII—XVIII в. и нѣкоторые другіе предметы, не имѣющіе особеннаго значенія.

—

Въ Городецкомъ музеѣ Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгеля за послѣднее время, по отдѣлу древностей, есть нѣсколько новыхъ поступленій: римскія монеты II—III в. по Р. Х. изъ клада, найденнаго возлѣ м. Костополя, Ровенск. у., мѣдный круглый образокъ съ погрудными изображеніями св. Георгія и Николая XI—XII в. изъ г. Овруча, бронзовый крестъ, типа крестовъ княжескаго времени, (т. н. «Купятицкая Божія Матерь»), но не складной, а сплошной, и нѣкоторые предметы болѣе поздняго времени, м. п. икона на холстѣ, изображающая Почаевскую Божію Матерь съ видомъ Почаевскаго монастыря,—какъ кажется первой половины XVIII в.

—

Въ Херсонскій Археологическій музей, хотя медленно, но все таки идутъ пожертвованія разнаго рода предметами древности; за послѣднее время поступило нѣсколько десятковъ старинныхъ монетъ, складни-тѣльники, старопечатныя книги и т. п. Интересуется музеемъ и мѣстная публика, о чемъ свидѣтельствуетъ число посѣщеній музея—по воскресеньямъ оно достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ и зачастую переваливаетъ за полъ сотни.

Разныя извѣстія.

Графиня П. С. Уварова, въ письмѣ своемъ къ предсѣдателю Общества любителей изученія Кубанской области, обращается къ обществу съ просьбою доставить ей для XI археолог. съѣзда свѣ-

дѣнія *о церковныхъ вещахъ* (крестахъ, евангеліяхъ, чашахъ и т. д.), *сохраняемыхъ въ Кубанскомъ Лебяжьемъ монастырѣ, основанномъ выходцами изъ Сѣчи.* Къ этому мы можемъ прибавить, что церковныя запорожскія древности можно найти въ войсковомъ соборѣ, въ таманской церкви и въ станичной церкви станицы Анапской. Вышеозначенное общество предполагаетъ снять со всѣхъ этихъ предметовъ фотографіи или срисовать ихъ акварелью. («Куб. Обл. Вѣд.» № 78).

—

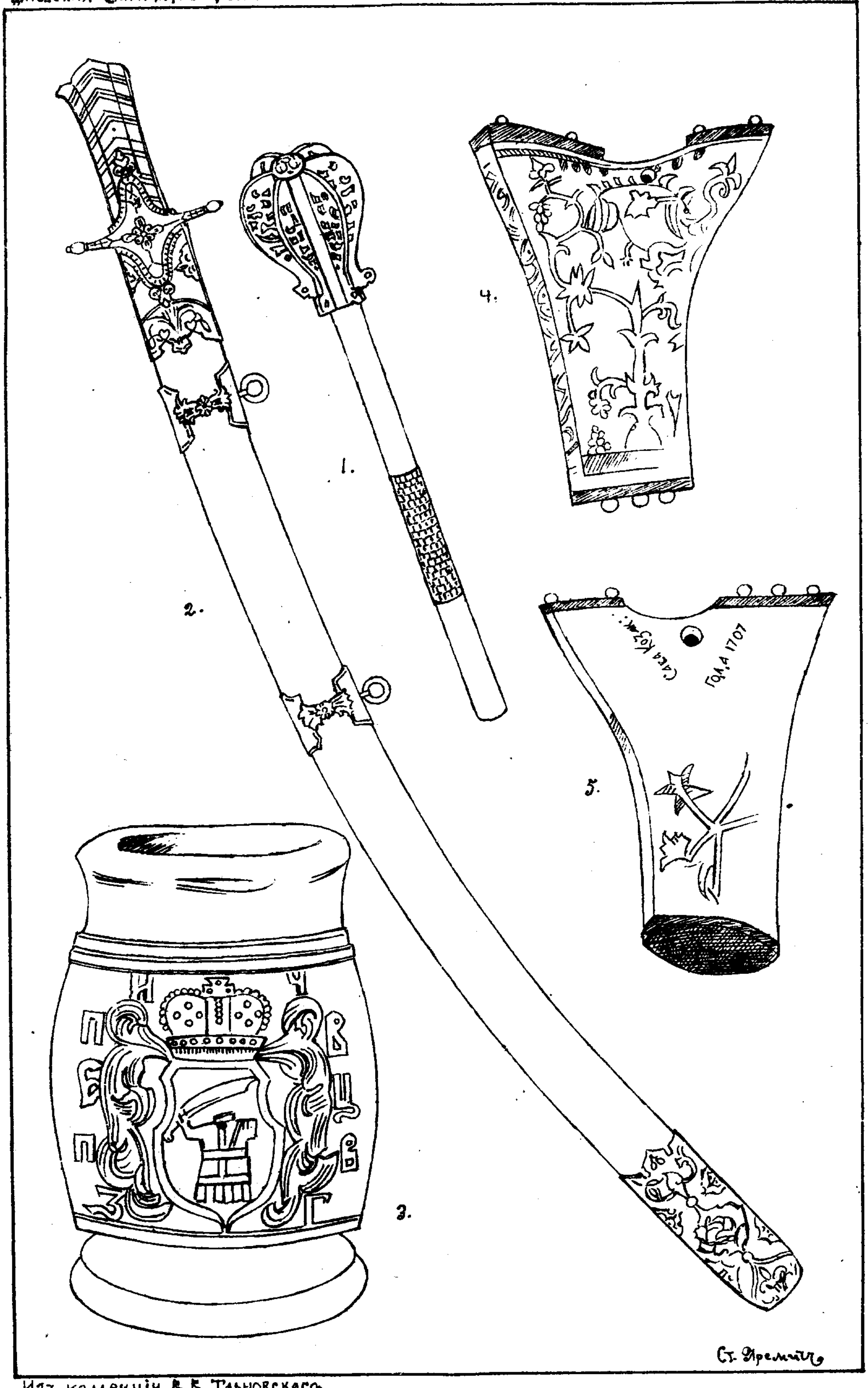
На открывшейся недавно въ Кіевѣ *выставкѣ рисунковъ русскихъ художниковъ* есть м. п. превосходный рисунокъ перомъ академика Шильде́ра—«Виды Волыни». Всѣхъ видовъ 8 (на одномъ листѣ); изъ нихъ особенно интересны: Мстиславовъ храмъ во Владимірѣ-Волынскомъ, Луцкій замокъ и Почаевская лавра.

—

К. В. Болсуновскій готовитъ къ печати *изданіе сфрагистическихъ памятниковъ Юго-западной Россіи.* Въ изданіе войдутъ печати монастырей, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, магистратовъ и т. п. Трудъ этотъ предполагается издавать выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріала. При изданіи памятниковъ главное вниманіе будетъ обращени на ихъ художественную сторону; памятники эти почти совершенно не изслѣдованы напр. со стороны иконографической, а между тѣмъ они представляютъ большой интересъ для исторіи южно-русскаго искусства XVI, XVII и XVIII вв. Въ 1-ый выпускъ войдутъ м. п. слѣдующія печати, интересныя по художественности исполненія: Іосифа, епископа луцкаго и острожскаго (1559 г.), св. Θеодосія Углицкаго (1694 г.), Кіево-Печерской лавры (1627 г.), Софійскаго монастыря (1695 г.), Кирилловскаго мон. (1697 г.), Трахтеміровскаго мон. (1714 г.) и др.

—

Въ брюссельской «La Gazette Numismatique» (мартъ, 1899 г.) помѣщена замѣтка редактора этой газеты г. Charles Dupriez *о лаврской находкѣ*; къ тексту приложены снимки съ медали кн. Острожскаго, медали имп. Констанція и Константа, донативы Сигизмунда III и нѣкоторыхъ другихъ неизданныхъ и рѣдкихъ монетъ.



Изъ коллекціи В. В. Тарновскаго.

1) Пернач Павла Полуботка. 2) Козацкая сабля. 3) Мортирка Ивана

Къ рисунку.

На приложенной таблицѣ помѣщены нѣкоторые предметы изъ поступившихъ за послѣднее время въ собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго.

1) Перначъ Павла Полуботка, полковника черниговскаго и наказного гетмана (1705—1724 г.). Перначъ этотъ, служившій символомъ полковничьяго званія, серебряный, гладкій; головка литая вызолоченная, о шести ажурныхъ «перьяхъ» (откуда и само названіе); посрединѣ ручки чеканка въ видѣ чешуи; длина всего пернача $48^1/_2$ стм. Хранился онъ раньше въ Полтавѣ, въ семьѣ Милорадовичей, родственниковъ и наслѣдниковъ Полуботка.

2) Козацкая сабля. Судя по отдѣлкѣ, сабля эта принадлежала кому ниб. изъ козацкой старшины; ея ручка (черенъ) и оковки на ножнахъ—серебряныя, вызолоченныя; длина сабли 91 стм.

3) Мортирка Ивана Чарныша, полковника гадяцкаго (1709—1715), а потомъ генеральнаго судьи (1715—1725). Такого рода мѣдныя мортирки или «мущири» были довольно распространены въ Малороссіи; нужно думать, что онѣ скорѣе служили для салютовъ, чѣмъ для военныхъ цѣлей, т. к. размѣры нхъ очень незначительны—настоящая имѣетъ всего $17^1/_2$ стм. вышины, да и стрѣлять изъ нихъ можно было только вверхъ. На принадлежность даннаго мущира Ивану Чарнышу указываютъ начальныя буквы, размѣщенныя кругомъ герба: И. Ч. П. В. Е. Ц. П. В. З. Г., что означаетъ: Иванъ Чарнышъ полковникъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго гадяцкій.

4 и 5) Пороховница изъ рога лося, 17 стм. вышиной, украшенная на одной сторонѣ гравированнымъ растительнымъ орнаментомъ, а на другой снабженная надписью, указывающею на владѣльца пороховницы—«Саву козака» и на время—1707 г. Видно Сава козакъ не жалѣлъ пороха для своей рушныци—пороховница отъ частаго употребленія сильно потерта, такъ что отчасти стерлись и покрывающіе ее узоры.

Въ книжный магазинъ редакціи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

Кіевъ, Безаковская ул., д. № 14,

за послѣднее время, въ числѣ другихъ, поступили слѣдующія книги:

Антоновичъ и Бецъ. Историческіе дѣятели. Юго-Западной Россіи. Съ портретами и факсимиле. К. 1885. Ц. 3 руб.

Александровъ, Н. Козаки-Черноморцы и Терцы. М. 1899. Ц. 12 к.

Билецькый-Носенко. Горпыныда, чы вхопленная Прозерпына. Жартовлыва поэма. К. 1871. Ц. 30 к.

Бораковскій. Собраніе сочиненій. 4 водевиля въ одной книгѣ. К. 1886. Ц. 75 к.

Вольвачивна. Кажы жынци правду, та не всю. Оповид. Харьк. 1893. Ц. 10 к.

— Казка про таемни слова. Харьк. 1893. Ц. 20 к.

Галайда. Добромъ усе переможешъ. Оповид. Харьк. 1899. Ц 3 к.

Гринченко. Этнографическіе матеріалы. Т. III. Пѣсни. Черн. 1899. Ц.

Гребинка. Прыказкы. Черн. 1899 Ц. 5.

Гоголь. Тарасъ Бульба (Въ переводѣ М. Л. на малорусскій языкъ). Харьк. 1883. Ц. 75 к.

Данилевскій. Украинская старина. Харьк. 1886. Ц. 3 руб.

Дикаревъ. Воронежескій этнографическій сборникъ. Воронежъ 1891. Ц. 1 р.

Е—а. Сватъ-вечиръ. Оповид. Харьк. 1888. Ц. 15 к.

Записки Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Россійскаго Географическаго Общества. Т. I. К. 1874. Ц. 2 р. (Безъ нотъ).

Катрановъ. О малорусской драмѣ. О. 1899. Ц. 30 к.

Карпенко-Карый. По-надъ Днипромъ. Др. К. 1899. Ц. 30 к.

Котляревскій. Вергиліева Энеида. Подъ редакц. Ив. Стешенка. К. 1899. Ц. 40 к.

Кострыцькый. Нова громада. Поэма. К. 1885. Ц. 65 к.

Котляревскій Иванъ. Описаніе его жизни. Полт. 1898. Ц. 5 к.

Квитка. Малороссійскія повѣсти. К. 1898. Ц. 75 к.

— Драматическія сочиненія. К. 1892. Ц. 35 к.

Кулишъ. Граматка. СПБ. 1861. Ц. 75 к.

Кернеренко. Щетынныкъ. Харьк. 1891. Ц. 10 к.

Кендзерскій. Слово о полкови Игоревому. Кременч. 1874. Ц. 1 р.

— Малорусскій театръ М. П. Старицкаго въ Воронежѣ. Ворон. 1885. Ц. 50 к.

Лисовскій. Хто батька покыдае, того Богъ карае. Драмат. сцены Екатер. 1892. Ц. 40 коп.

Левицкій, Ор. Опытъ изслѣдованія о лѣтописи Самовидца. К. 1878. Ц. 50 к.

— Социніанство въ Польшѣ и Юго-Зап. Руси въ XVI и XVII вв. К. 1882. Ц. 75 к.

М. Л. Лыстъ до хлиборобивъ про жучка-хлибойда. Харьк. 1880. Ц. 15 к.

М—ычъ. Про обкладкы (дафтератъ). К. 1881. Ц. 15 к.

Малороссійскій сборникъ сценъ, разсказовъ, поэзій и т. п. М. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Марковычъ. По степамъ та хуторамъ. М. 1899. Ц. 30 к.

Морозовъ. Мыхайло-чоботарь. Од. 1897. Ц. 15 к.

— Щира любовъ. Поэма. Од. 1897. Ц. 10 к.

— Мачуха. Байкы. Од. 1897. Ц. 10 к.

Мордовець. Салдатка. Оповид. Спб. 1861. Ц. 15 к.

Никифоровъ. Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками въ 1625 г. Ц. 10 к.

Новицкій. Адамъ Кисель, воевода Кіевскій. К. 1885. Ц. 75 к.

На Шпаковомъ шляху. Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII в. Ц. 25 к.

Онопріенко-Шелковый. Стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ. Харьк., 1886. Ц. 15 к.

Пивоваровъ. Ранни писни. Од. 1897. Ц. 10 к.

Пискуновъ. Чайка (Альманахъ). К. 1876. Ц. 50 к.

— Малороссійско-червонорусскій словарь. К. 1882. Цѣна 1 р. 50 коп.

Подушка, Ив. Почынокъ. Поэзіи Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.

Полещукъ. Сто карбованцивъ грошей. Др. Херс. 1899. Ц. 40 к.

Рыльскій. Про херсоньски заробитки. К. 1899. Ц. 7 к.

С—ко. Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка. Ц. 1 р.

Слово дидыча до землякивъ. Жит. 1862. Ц. 30 к.

Сватово-Луцкій. За дурною головою та й бокамъ лыхо. Купянскъ. 1892. Ц. 10 к.

Спилка. Переселенци. Оповид. Харьк. 1895. Ц. 10 к.

Старицкіе. Передъ бурей. Ром. К. 1899. Ц. 2 р.

Тарасенко. Ганнуся. Поэма. Золотон. 1891. Ц. 1 р.

Хуторнычка. Украинськи казкы. 1884. Ц. 50 к.

Хмара. Мудрый цыганъ, або жъ чортъ на муштри Жартъ. Харьк. 1894. Ц. 25 к.

Чайченко. Дума про княгыню—кобзаря та инши вирши. Харьк. 1893. Ц. 10 к.

— Безъ хлиба. Оповид. К. 1890. Ц. 10 к.

Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. К. II. Худоба. Од. 1899. Ц. 10 к.

А. А. Санинъ, В. Л. Сѣрошевскій, П. Б. Струве, П. Ф. Тепловъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, М. И. Туганъ-Барановскій, С. Л. Франкъ, В. Я. Яковлевъ (В. Богучарскій), А. И. Яроцкій, и др.

Условія подписки:

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ. . .	10 р.	—	к.
» » » » » » » полгода	5 »	—	»
» » » » » » » три мѣсяца	2 »	50	к.
» » безъ доставки и пересылки	9 »	—	»
» » съ пересылкой за границу на годъ . . .	12 »	—	»

Принимается подписка въ главной конторѣ журнала: Малая Итальянская д. 5, кв. 25 и въ отдѣленіяхъ конторы: въ библіотекѣ Черкесовой (О. Н. Поповой), Невскій, 54, и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой, Литейный, 60.

Редакторъ-издательница **А. А. Воейкова.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

„ХУТОРЯНИНЪ"

Еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

На 1899 годъ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельско-хозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельско-хозяйственное обозрѣніе и корреспонденція. 5) Сельско-хозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельско-хозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній; 2) служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи и 3) доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшимъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства.

„Хуторянинъ" допущенъ Мин. Нар. Просв. въ безплатн. библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: за одну строку въ концѣ текста—8 к., впереди вдвое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ, въ конторѣ и Редакціи „Хуторянина", при Обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина", при с.-х. книж. магазинѣ жур. „Деревня", уг. Б. Морской и Кирпич. пер., д. 3. 13. 3) Въ Кіевѣ, въ конторѣ Разевскаго. 4) Въ Кременчугѣ въ общественной библіотекѣ. 5) Во всѣхъ уѣздн. городахъ Полт. губ. при Земск. Управахъ и въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

Вышла апрѣльская (четвертая) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Содержаніе: I) Отдыхъ въ деревнѣ. (Изъ недавняго прошлаго). Марка Вовчка. Окончаніе. II) Стихотвореніе.—М. Т. Ярошевской. III) Лери. Повѣсть. А. Эръ. Продолженіе. IV. Женни Трейбель. Ром. Теодора Фонтана. (Пер. съ нѣм.) Н. К. Продолженіе. V. Профессоръ въ деревнѣ.—Н. В. Кропивницкой. VI) Зеленая гвоздика ром. Роберта Хитчинса. Пер. съ англ. А. Г. Продолженіе. VII) Шутка. Разсказъ изъ былой морской жизни К. М. Станюковича. VIII) Кресто-

носцы. Ист. ром. Генрика Сенкевича. Пер. съ польск. В. М. Л. Продолженіе. IX) Мужикъ въ русской беллетристикѣ. (1847—1897 г.) Собраніе сочиненій Каронина (Н. Е. Петропавловскаго) Москва 1899 г. А. М. Скабичевскаго. X) Положеніе русской женщины въ семьѣ и обществѣ по произведеніямъ А. Н. Островскаго. А. А. Ѳомина. Окончаніе. XI) Воспитаніе общественности.—В. П. Вахтерова. XII) Борьба между личностью и общественностью. Л. Е. Оболенскаго. XIII) На сходахъ волости особаго устройства. Н. П. Дружинина. XIV) Къ психіатрическому вопросу.—А. М. съ письмомъ гр. Л. Н. Толстого. XV) Возмущеніе въ Византіи VI вѣка. (Голубые и зеленые византійскаго ипподрома) М. Н. Ремезова XVI) Ближайшія задачи Московск. Обществ. Управленія по благоустройству города и средства къ ихъ осуществленію.—М. Щ. XVII) Письмо въ редакцію. Проф. Кулагина. XVIII) Современное искусство. Ан. XIX) Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. XX) Внутреннее обозрѣніе. XXI) Библіографическій отдѣлъ. XXII) Объявленія.

Подписная цѣна на 1899 годъ (двадцатый годъ изданія)

Цѣна съ достав. и перес. на годъ	12 м.	9. м.	6 м.	3. м.	1 м.
Во всѣ города Россіи	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
Заграницу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	—

Для годов. подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр., къ 1 Іюля и 1 окт. по 3 рубля. Подписка принимается: въ Москвѣ, Шереметевскій пер., д. Шереметева, кв. 28, въ к—рѣ редакціи; въ СПБ, въ кн. магаз. Н. П. Карбасникова, Литейный, 46; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова. Новый Свѣтъ, 69; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.—Новые подписчики, желающіе пріобрѣсть начало романа г. Сенкевича „Крестовосцы" благоволятъ уплачивать 1 рубль безъ пересылки.—При редакціи открытъ магазинъ русск. и и иностр. книгъ. (Б. Никитская, д. Вельтищевой), съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. кн. магаз. принимаетъ на коммиссію постороннія изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

„Слушаю-съ!“ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ отвѣтомъ, что де „его благородіе приказали благодарить, поужинаютъ, только немножко позже, а сейчасъ приказали, то есь чайничокъ, то есь чай кушать“.

Снова взглядъ отца, снова предложеніе матери—самоваръ, дескать есть. „Да ужъ ты, Иванъ, будь ла̀скавъ, говоритъ, не хлопочи, отдохни—послѣ дороги вѣрно усталъ; и повечерять потомъ съ кучеромъ дивчата вамъ дадутъ.... Оры́шко, Ва̀сько!“ и т. д.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ! вы, то есь, матушка, знаете нужду нашу!

Поужинали; насъ, дѣтей, тотчасъ уложили въ свѣтлицѣ, на *доливци*, *поко́томъ*, и отецъ наказалъ намъ не *пустува́ть* (не шалить), а спать, не шумѣть. Ка́къ офицера поили чаемъ, ка̀къ подавали ему ужинать—мы уже не слышали....

На другой день я всталъ, по обыкновенію, рано и умывшись и одѣвшись, тотчасъ, и тоже по обыкновенію, пустился въ огородъ, къ разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: надо же посуетиться, сюда-туда пометаться, покувыркаться, разбросать избытокъ жизни и благосостоянія дѣтской души, вѣчно льющейся черезъ края, а особенно при хорошемъ состояніи здоровья, послѣ сладкаго сна, нѣжной ласки матери, при очаровательной обстановкѣ весенняго украинскаго утра; надо и щенковъ посмотрѣть, и съ Барбо́сомъ поваляться на травѣ, избѣгать *стинку* [1]), гоняясь за соловьями, заглянуть въ леваду, много ли за ночь подросли *полуныци*.

Отецъ ходилъ уже по огороду.... Какъ теперь вижу его: высокій, полный, въ бѣлой, какъ снѣгъ, рубахѣ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, штанахъ съ *очкуро́мъ* и въ сапоги, въ картузѣ, съ *ципко́мъ* въ рукѣ: туда посмотритъ, туда заглянетъ.... Тутъ помолчитъ—хорошо, значитъ, все, а тутъ поворчитъ. „Ду́рень Оста̀пъ, и воритъ не причины́въ, телята повила̀зять“. Но, видимо,

[1]) *Стинка*—роща, расположенная по отлогостямъ горы надъ рѣкой.

старикъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: даже погладилъ меня по головѣ, когда я очутился какъ-то возлѣ. Прекрасное весеннее утро, въ праздничный день, на украинскомъ хуторѣ, хоть кого разшевелить, хоть что́ заставитъ забыть!....

Какъ вотъ денщикъ изъ конюшни:—Здравія желаю, Петръ Васильевичъ!

Какъ, скажу мимоходомъ, мы скоро узнаемъ, хорошо помнимъ имя и отчество человѣка намъ нужнаго или полезнаго!

— Здоро́въ, здоро́въ!

Сё, то, съ праздникомъ поздравили другъ друга... даже взаимно освѣдомились, какъ спалось, не кусали ли блохи, которыхъ, снова скажу мимоходомъ, у насъ въ Украинѣ чуть ли не столько, сколько въ Петербургѣ клоповъ и таракановъ. Все бы кажется хорошо; но у отца уже исчезло прежнее открытое выраженіе, сдѣлался какъ-то серьезнѣе, сосредоточеннѣе: какъ будто ему припомнился цѣлый рядъ нашихъ *ридныхъ* пословицъ и поговорокъ: „Не вирь, бо воно́ звирь, хоть не вку́сыть, то зляка́“; „Одъ москаля́ полы́ врижъ, та тика́й“ и т. д.

„Гдѣ бы, Петръ Васильевичъ, овса у васъ купить?

— Гм!... Оцёго́ вже не скажу́ тоби, до ново́го ще дале́ко,— а прошлогодній выкормленъ, распроданъ.... А если и есть у кого, поѣхали въ церковь, или собираются, не продадутъ!

„Экая бѣда! Баринъ встанетъ—отчего, молъ, то есь?“.....

Молчаніе....

„Нѣтъ-ли, то есь, у васъ, Петръ Васильевичъ?“

— Чомъ нема́?....

„Нельзя ли, то есь... баринъ, то есь, встанетъ...

— Возьмы, Оксе́нтію, ключъ одъ инбарця́, да наберы имъ ла́нтухъ [1])!

Офицеръ спалъ, когда мы уѣхали въ церковь.

Когда воротились, тотчасъ явился, въ свѣтлицу, но уже не нахальнымъ квартирантомъ, а гостемъ, прилично одѣтый, говорящій отцу, матери и сестрамъ *вы* и, въ добавокъ, порядочно

[1]) *Ла́нтухъ*—большой мѣшокъ, въ которомъ можетъ помѣститься русская четверть.

сконфуженный. Разговоръ, впрочемъ, какъ-то не клеился: между гостемъ и хозяевами было непріятное воспоминаніе, мѣшавшее сближенію. Наконецъ офицеръ всталъ итти къ себѣ.

— Вы рано, или поздно обѣдаете?

„Вы очень добры... я, право, не заслужилъ... Ахъ, чуть не забылъ поблагодарить васъ за овесъ. Сколько я долженъ“?

Вышла сцена, надъ которою можно и не смѣяться.

— Ничо́го! говоритъ старикъ.

„Какъ, ничего“?

— Такъ, ничо́го, та й годи!

Словомъ, отецъ не хотѣлъ взять за овесъ по той простой причинѣ, что у насъ, въ Украинѣ, и теперь рѣдко съ васъ возьмутъ за то, что васъ, вашу прислугу и вашихъ лошадей напоили и накормили, да и то развѣ въ деревняхъ, лежащихъ по большимъ дорогамъ; а въ тѣ времена—вы могли изъѣздить Украину, „вдовшъ и впо́перекъ“, не истративъ на корма́ ни копѣйки, Офицеръ съ своой стороны не хотѣлъ взять даромъ овесъ:—Это, говоритъ, рѣшительно было бы ни на что́ не похоже!

— Ну,—сказалъ старикъ,—его видимо началъ смѣшить этотъ споръ... поднялъ брови и, смотря въ землю, склонилъ на бокъ голову,—признакъ, какъ и вообще у украинцевъ, юмористическаго настроенія, готоваго разразиться рядомъ шутокъ, наивныхъ и, повидимому, глупыхъ вопросовъ, нелѣпыхъ предложеній и предположеній и т. п.—Ну, говоритъ, коли́ вже вамъ такъ хочѐтся,—силькысь, дава́йте гро́ши: сёго́дни у насъ овѐсъ по сорокивци [1]) ла̀нтухъ.

Дѣло кончилось обниманіями и цѣлованіями... Скоръ на дружбу, какъ и скоръ на грубость и оскорбленіе.

Съ этого времени офицеръ сталъ совершенно нашимъ семьяниномъ и, впродолженіе нѣсколькихъ дней квартированья, съ нами обѣдалъ: ужиналъ, завтракалъ; приводилъ къ намъ обѣдать и ужинать своихъ товарищей и своего эскадроннаго, или какъ тамъ его; толковалъ съ отцомъ, который очень

---

[1]) По гривеннику.

любилъ слушать разсказы людей многовидѣвшихъ, бродилъ съ нимъ по полямъ, огородамъ; всѣ заботы о его хозяйствѣ перешли на руки матери: чтò нужно,—перемыто, чтò нужно—вычищено, починено. Словомъ, его принимали, какъ принимаютъ бывшаго долго въ отсутствіи семьянина и выпровожали потомъ въ походъ, какъ выпровожаютъ семьянина.

Также скоро сошелся со всѣми и деньщикъ Иванъ и скоро, и охотно поступилъ въ число домочадцевъ. Состоя давно уже на службѣ, онъ часто проживалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины и всею душею полюбилъ этотъ прекрасный край и добрыхъ и честныхъ его обитателей, какъ это, впрочемъ, и всегда случается съ простонародьемъ великороссійскимъ, пожившимъ довольно долго въ *Хохландіи*. Избавленный матерью отъ заботъ о баринѣ, но дѣятельный по природѣ, онъ не оставался въ безсодѣйствіи и, какъ дѣлываютъ добряки-холостяки его лѣтъ и состоянія, обратился къ намъ, дѣтямъ, особенно ко мнѣ и къ покойнику меньшому брату: носилъ насъ на спинѣ, показывалъ разные фокусы снуркомъ, дѣлалъ изъ дерева танцующихъ солдатъ, и т. п. Мы очень его полюбили и, какъ истые дѣти и и внуки своихъ отцовъ и дѣдовъ, тотчасъ дали ему прозваніе: прозвали его *Тоесь*, за часто употребляемое имъ въ разговорѣ *то есть*, произносимое имъ *то есь*. Добрякъ нисколько не обижался, а напротивъ, его очень забавляло, что *хохлята* перекрестили его изъ Ивана въ Тоеся:—Вишь ты, пострѣлята! то есь я говорю *то есь*, а они, то есь, и зовутъ меня Тоесь!... говаривалъ онъ и принимался хохотать самымъ громоподобнымъ хохотомъ...

Что-то съ тобою сталось, добрый Тоесь?!... Выслужилъ ли ты свои двадцать семь лѣтъ и воротился въ какую-нибудь Костромскую или Пермскую, доле живать указанные годы жизни на полатяхъ, няньчить безсильными руками дѣтей братнихъ, сестриныхъ, можетъ быть, и своихъ? или торчать у дверей какой-нибудь Казенной, или какого нибудь Губернскаго, снимать шинель у его превосходительства—гражданскаго генерала?... Или же ждать двадцать семь лѣтъ тебѣ показалось слишкомъ долго,

и ты, неся барину на пикетъ трубку, задѣлъ лбомъ летѣвшую польскую пулю?.. или, разсердивъ отца-командира, былъ немножко тово, и въ лазаретъ, а оттуда—*туда*, идѣ же нѣсть ни того, ни сего, ни онаго? То ли, или это съ тобою сталось? Молчишь!... Эхъ вы, тоеси! и живетъ—молчитъ, и умираетъ—молчитъ, и въ могилѣ лежитъ—молчитъ.... На, вотъ тебѣ, Тоесь, отъ того, то есь, хохленка—помнишь? то есь, памятникъ тебѣ, слеза то есь....

Одинъ только кучеръ (забылъ, какъ его звали) не сошелся у насъ ни съ кѣмъ, и не только не сошелся, а даже сталъ всѣмъ непримиримымъ врагомъ. Причиною была отчасти его натура, вѣчно и всѣмъ недовольная и щедро разсыпавшая на всѣ стороны обидныя побранки, а при случаѣ и кое-что подѣйствительнѣе обидныхъ побранокъ; а отчасти и то, что недавно еще пріѣхалъ изъ своей Орловской что ли, не научился еще считать хохлатыхъ и безбородыхъ тоже носящими образъ и подобіе Божіе.... Можетъ быть, тутъ имѣло значеніе и еще одно обстоятельство, о которомъ разсказывалъ Тоесь.

Во время своего путешествія изъ деревни къ барину, гдѣ-то въ Черниговской губерніи, остановился онъ переночевать у какого-то зажиточнаго козака. Путешественникъ сначала велъ себя прилично; но послѣ, когда за ужиномъ поднесли ему нѣсколько чарокъ *насьêкои*[1]), бранчивая натура взяла свое, и онъ, держа въ рукахъ чарку противъ свѣта, такой спичъ сказалъ своимъ хозяевамъ:—„Нѣтъ, говоритъ, правды на свѣтѣ, нѣтъ, какъ хошь! Ужъ не мы ли люди, а Богъ не далъ намъ ефта-

---

[1]) Т. е. нашей (водки). Въ украинскомъ языкѣ есть и мѣстоимѣніе *нашъ*, вполнѣ соотвѣтствующее русскому *нашъ*. *Насъкій* же означаетъ нашъ только въ смыслѣ *не иностранный*, *намъ*, *народу принадлежащій и по происхожденію*, *и по употребленію* и т. п. Слово это употребляется чаще всего безъ существительнаго (напримѣръ, когда украинецъ увидитъ на чужой сторонѣ шапку украинскую, говоритъ: „та се наська!“) и притомъ почти всегда съ интонаціею голоса, свойственною только украинскому юмору, вмѣстѣ и ласкающему, и хохочущему,—ласкающему нѣжно, хохочущему безобидно..,

кой! а вы, и мазёпинъ духъ"... Хозяевамъ, конечно, не понравился такой поворотъ краснорѣчія, слово по слову, пошли и „чубы проклятые" и „обливанцы", и дѣло кончилось дракою.... Естественно, что происшествіе это, при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ Украиною, не могло расположить кучера въ пользу ея обитателей.

Какъ бы то впрочемъ ни было, никто не сошелся изъ нашего двора съ этимъ человѣкомъ. Сначала дѣло ограничивалось непріязненными взглядами, а потомъ пошло и далѣе. Онъ звалъ всѣхъ проклятыми нехристями, мазёпинымъ духомъ (конечно объ этомъ ни офицеръ, ни отецъ ничего не знали), а мы—ца̀помъ, „Цапъ, цапъ! козю, козю"! кричали цѣлою толпою дѣти, бросая ему вслѣдъ клочки травы или соломы; „Цапъ!" звенѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ Оксентій изъ сарая; „Цапъ" ревѣли цѣлымъ хоромъ молотники изъ клуни; «Цапъ, цапо̀къ»! пищала красавица Ганна въ слуховое окошечко кладовой,—и все это заканчивалось всеобщимъ хохотомъ, раздававшимся изъ оконъ, изъ дверей, изъ-за угловъ, справа, слѣва, а больше всего изъ конюшни, громоподобнымъ хохотомъ Тоеся... Бѣднякъ до того раздражался, до того выходилъ изъ себя, что хваталъ колъ и пускался за кѣмъ попало, или же, что̀ чаще всего случалось,—такъ какъ многими опытами убѣдился онъ, что не его ногамъ угнаться за быстрыми ногами хохлятъ,—бросалъ шапку оземь и въ бѣшенствѣ топталъ ее ногами . . . .

. . . .

. . . это былъ Рѐготивъ-хуторъ! Хаты, *хливй*, *токй* 1) и другія принадлежности украинскаго хутора размѣстились на ложбинѣ, не посовѣтовавшись ни съ законами пересѣченія прямыхъ линій подъ прямыми углами, въ формѣ шахматной доски,—ни съ условіями однообразія,—ни даже со вкусомъ проѣзжающихъ, или съ чьимъ бы то ни было вкусомъ: дескать, ка̀къ мы вамъ покажемся, если мы помѣстимся тутъ вотъ и тутъ, а вы будете тамъ, на горѣ, или тамъ у окошечка? а размѣстились, гдѣ кому на умъ взбрело: гдѣ попріютнѣе, или гдѣ попривольнѣе, гдѣ пора-

---

1) *Токй*—гу̀мна.

здольнѣе, гдѣ посподручнѣе. Оттого ложбина съ Реготовымъ хуторомъ, въ зимнюю пору, казалась съ горы безмѣрной величины *нóчвами* съ мукою, въ которыя какой-то проказникъ метнулъ горсть гречневыхъ отрубей, а пожалуй и сажи.... Тьфу! ни одной улицы, гдѣ, лихой тройкой, доброму мòлодцу можно бы изъ конца въ конецъ, не поварачивая!... ни одной улицы, гдѣ возвышенный чей взглядъ могъ бы прямо-прямо, по прямой линіи!.. и упереться въ пустынность и безлюдье заселковъ!...

— А онъ, Васúльку, и нáши пидвòди!—говоритъ Киндратъ, указывая *пýжалномъ* [1]) внизъ.

„Де?"

— Та онъ же!

„А и спрàвди!"...

И я несказанно обрадовался, что скоро буду межъ *нашими....*

— Ище й кыбитка якáсь стоить тамъ! добавилъ Киндратъ.

Мы спустились внизъ и поворотили къ подводамъ.

— Добрыдень, хлòпци! сказалъ отецъ подводчикамъ:—добрыдень!

— „Добрыдень и вамъ, панòче!" отвѣтили, кто былъ постарѣе.

— Съ прàзныкомъ будьте здорови!

„Спасыби, бýдьте й вы здорòви!"

— А щò, все благополучно?

„Да слава Богу, благополучно все".

— Слава Богу!—повторилъ и отецъ, и, обращаясь къ Грицьку, прибавилъ:—возьми-ка его отсюда.

Грицькò вытащилъ меня и поставилъ возлѣ саней. Съ непривычки къ дальнимъ поѣздкамъ, я отсидѣлъ себѣ ноги и съ трудомъ держался на нихъ. Впрочемъ, кое-какъ добрался до Оксентія, который, стоя возлѣ воловъ, давно уже мнѣ улыбался издали и подавалъ какіе-то сигналы.

— Онъ подывитця лишéнь тудú!—говоритъ, когда я приковылялъ къ нему поближе, показывая рукою на кибитку, стояв-

---

1) *Пýжално*—кнутовище.

шую тутъ же, возлѣ хаты, и которую мы замѣтили еще съ горы.

Я поворотилъ голову: кибитка прекрасная, и лошади прекрасныя, и кучеръ хорошо одѣтъ...

„Еслибъ намъ такую!“

— Да вы посмотрите на кучера!...

Я началъ смотрѣть и на кучера: борода длинная, смотритъ на насъ, ухмыляется...

„Цапъ“!.. вскрикнулъ я, совершенно забывъ, что недалеко и отецъ.

Дѣйствительно, это былъ цапъ! „Гора зъ горою, кажуть, не зходытся!“ Вслѣдъ за тѣмъ показался изъ избы и баринъ его....

Нѣтъ необходимости разсказывать подробности этой встрѣчи. Скажу только, что послѣ квартированья у насъ, офицеръ, какъ я узналъ изъ разсказовъ, вскорѣ сильно заболѣлъ и гдѣ-то долго лежалъ въ госпиталѣ, что во время этой болѣзни онъ по какимъ-то причинамъ долженъ былъ подать въ отставку, а полкъ между тѣмъ ушолъ въ Польшу, а съ нимъ и Тоесь, и что теперь онъ возвращается на родину.

Мы здѣсь простояли часа три (подводы впрочемъ скоро отправились далѣе), и офицеръ съ покойникомъ отцомъ много выпили тутъ и рому, привезеннаго офицеромъ, и водки, купленной гдѣ-то тутъ же въ хуторѣ, такъ много выпили, что офицеръ на сани попалъ уже не самъ, а его вынесли, а отецъ даже попросилъ у хозяина *люльки* и выкурилъ цѣлую трубку махорки.

Да, на счетъ попоекъ отецъ былъ изъ людей стараго закала! Будучи человѣкомъ вообще весьма трезвымъ и не любя, что̀ называется, бражничанья, онъ если уже былъ въ необходимости пить, напримѣръ, при встрѣчѣ съ пріятелемъ, котораго давно не видалъ, столько могъ глотать разныхъ спиртуозностей, что другіе, потерявъ всякую способность продолжать далѣе, уносимы были съ поля битвы, а онъ—какъ ни въ чемъ не бывало!... Оживленнѣе только становился, пробуждалось только ка-

кое-то неопреодолимое желаніе забыться, закружить голову въ глотанія новыхъ спиртуозностей, въ табачномъ дыму, а за отсутствіемъ всего этого—въ быстрой ѣздѣ....

Въ молодыя лѣта онъ курилъ постоянно табакъ, и тогда у него водились прекрасныя трубки; но послѣ, хозяйственныя и семейныя заботы, а главное—нежеланіе, чтобы сыновья переняли [1]) эту привычку, непріятную, по его словамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, а при неосторожности, и опасную, онъ пересилилъ себя, трубки и табакъ раздарилъ и совершенно пересталъ курить.... Но если случалось подгулять—*люльку*! махорка, виргинскій или какой ни попало—подавай! и курилъ старикъ, и разсказывалъ про свою молодость и *давнину́*, до тѣхъ поръ, пока не начинала кружиться голова. Тогда люлька прочь и—въ постель!

И ѣздить шибко онъ не любилъ и *нехазяина́ми* называлъ тѣхъ, кто ѣздитъ шибко: верхомъ всегда шагомъ, а въ повозкѣ или бричкѣ—маленькою рысцою. Но если подгулялъ и особенно если подгулялъ выше того градуса, съ котораго обыкновенно начиналъ курить, и если въ такую пору приходилось ѣхать—„торка̀й, торка̀й", ворчалъ онъ возницѣ,—что уже значило: гони степняковъ, сколько выскочатъ легкія ихъ ноги! Замѣчу еще, что „торка̀й!" и „люльку!" являлись у старика и тогда, когда онъ глубоко былъ чѣмъ огорченъ, оскорбленъ, разгнѣванъ.

Дальнѣйшее путешествіе наше, вѣроятно, не представляло для меня ничего занимательнаго, потому что въ памяти моей осталось не болѣе двухъ-трехъ картинъ... Особенно одна картина сильно врѣзалась въ память.

Лошади едва передвигаютъ ноги, устали, даже гнѣдой жеребецъ усталъ... дѣло подъ вечеръ, погода *смурая*; ни жила̀, ни деревца, а только равнина и равнина снѣжная... И на всемъ этомъ какой-то тусклый, какъ-будто съ жолтымъ отливомъ, колоритъ... въ какомъ представляется все, когда или скорбь тяжелая у человѣка на душѣ, или нескончаемый недугъ томитъ его—сидитъ у окна, и безъ цѣли и участія, глядитъ въ него, пере-

---

[1]) Вѣроятно, я и всѣ мои братья отъ того и вышли такіе *куріи*.

нося унылый взглядъ отъ одного предмета къ другому... И то скучно, и оттуда не ждать утѣшенія!...

Грустный тонъ, бѣдная картина! Но отчего бѣдная картина могла пережить нѣсколько десятковъ лѣтъ и сохраниться въ памяти? Богъ вѣсть! Не могу припомнить ни тогдашняго состоянія своей души, и ничего предъидущаго или послѣдующаго: только въ какой-то мглистой дали снѣжное пространство, лошади едва передвигаютъ ноги, какіе-то путники—туда, къ темному горизонту....

Знаю, мои друзья, что опять начинаю вдаваться въ подробности скучныя и для васъ неинтересныя, но снова повторяю, что̀ сказалъ вначалѣ моихъ записокъ, въ *Родословной съ отцовской стороны* [1]): „Разсказываю эти подробности не для васъ, а для себя: такъ пріятно болтать о невозвратномъ дорогомъ дѣтствѣ! Притомъ, воспоминанія дѣтства, съ лѣтами, болѣе и болѣе стираются,—прикрѣпить же ихъ перомъ и черниломъ: на старость пригодятся подмолаживать черствую ея жизнь, какъ принадобляются зимою засушенные лѣтомъ грибы“ [2]). Будемъ же прикрѣплять все, что̀ ни попадется подъ перо! И на этотъ разъ прикрѣпимъ къ бумагѣ воспоминанія свои о гнѣдомъ жеребцѣ.

Я сейчасъ сказалъ: «даже гнѣдой жеребецъ усталъ». Вы, можетъ быть, удивились этому *даже*, зная, что жеребцы въ ѣздѣ утомляются скорѣе всякой другой лошади? Не удивляйтесь! въ этомъ отношеніи, о гнѣдомъ жеребцѣ нельзя судить по жеребцамъ, какихъ мы обыкновенно теперь встрѣчаемъ. Это былъ прямолинейный потомокъ тѣхъ украинскихъ скакуновъ, на которыхъ предки наши переѣзжали заднѣпровскія степи, пускались въ наѣзды на крымцевъ, и, обремененные добычей, уходили отъ всевозможныхъ преслѣдованій: крѣпкій, быстрый, неутомимый!

Однажды, зимою, покойникъ отецъ съ Андреемъ Бѣлоусомъ, большимъ любителемъ хорошихъ лошадей, возвращались

---

1) Эта часть записокъ Василія Петровича не издана въ свѣтъ.

2) Не выпущено мною это мѣсто сколько для связи съ послѣдующимъ, столько и для того, чтобы читатель изъ словъ самого Василія Петровича могъ видѣть значеніе заключающихся въ ней подробностей, относительно ихъ достовѣрности.

изъ гостей. Андрей Васильевичъ на своей разудалой тройкѣ, а покойникъ—на гнѣдомъ жеребцѣ. Оба они навеселѣ, и имъ пришла охота пуститься въ перегонъ. Остановились, выровнялись и помчались.... Андрей Васильевичъ по гладкой дорогѣ, а покойникъ *манивцéмъ*, по нетронутому снѣгу... Почти три версты мчались, и тройка Андрея Васильевича не только не могла опередить гнѣдого, но даже поровняться съ нимъ, не смотря на то, что гнѣдой, какъ я сказалъ, шелъ не по дорогѣ, а *манивцéмъ*, что онъ былъ запряженъ *въ велúки сáны* и что на этихъ саняхъ сидѣлъ человѣкъ, могшій, по своей массивности и тяжести, потягаться, пожалуй, и съ самимъ Тарасомъ Бульбою... Въ дѣтствѣ я самъ неоднократно ѣздилъ на гнѣдомъ (онъ былъ необыкновенно тихъ и послушенъ), леталъ на немъ по степу—птица, вихорь!... Быстротою, выносливостію, крѣпостію, неутомимостію, онъ превосходилъ всѣхъ лошадей отцовскаго табуна, какія когда-либо у него были прежде и послѣ. Одной только онъ уступалъ лошади, *Бѣлозору*, но это былъ конь! Я вамъ разскажу и о немъ.

Вы, можетъ быть, знаете, что въ Украинѣ попадались прежде, и даже теперь иногда попадаются, лошади, которыхъ мои земляки называютъ *бараньски* (баранскіе). Почему онѣ такъ называются—никто не могъ мнѣ объяснить: «Бараньски, та й годи!... батькы й диды звалы бараньскими, и мы такъ звемо». Непремѣнная ихъ принадлежность: короткій некрасивый хвостъ, едва достающій до колѣнъ, короткая грива, иногда некрасивая, а иногда лоснящаяся, волнистая, небольшая длина и небольшой ростъ, способность держаться въ хорошемъ тѣлѣ, быстрота, выносливость, рысистость. Вотъ изъ этой-то баранской породы въ въ отцовскомъ табунѣ была одна *матка* (рыжей масти, съ прекрасною волнистою гривою). Много у нея было дѣтей, но замѣчательнѣе всѣхъ были двое: темно-сѣрой масти меринъ *сивозализый*, какъ у насъ говорятъ, и другой меринъ свѣтло-сѣрой масти, именно *Билозоръ*, такъ прозванный за свои бѣлые глаза. Сивозализого почти не помню: помню только, какъ ввалилась на нашъ дворъ цѣлая толпа проходившихъ чрезъ хуторъ линей

ныхъ козаковъ и купили его за 75 червонцевъ (цѣна по тогдашнему времени необыкновенно высокая); Билозора же я помню хорошо, хоть ѣздить на немъ никогда не осмѣливался, по причинѣ безмѣрной быстроты его бѣга. Онъ такъ быстро бѣгалъ, что даже гнѣдой жеребецъ не могъ угнаться за нимъ, и не только тогда, когда Бѣлозоръ пускался во всю прыть, но и когда онъ несся рысью. Помню, однажды, въ лѣтніе сумерки, пустились мы съ Оксентіемъ въ степъ, я—на гнѣдомъ жеребцѣ, а онъ—на Бѣлозорѣ.... Какъ теперь вижу эту, обаятельную для меня, картину моего дѣтства!... вотъ-вотъ нагоню, вотъ уже гнѣдой почти достаетъ Оксентія: но Оксентій гикнетъ, Бѣлозоръ вытянетъ шею, закачается, и чрезъ нѣсколько секундъ и слѣдъ простылъ!... опять догоню—опять исчезнетъ быстроногій... только далеко впереди слышится топотъ, да что-то бѣлое дрожитъ впереди, словно призракъ ночной въ сѣдомъ туманѣ....

Вернитеся, озвитеся, лита́ мои!...

На Бѣлозорѣ совершались иногда такія, напримѣръ, поѣздки. Разъ покойникъ отецъ былъ у одного пана, верстъ за сорокъ пять или за пятьдесятъ (это было въ зимнюю пору, за мѣсяцъ или за полтора до моего отправленія въ городскую школу). Довольный, что ему удалось заключить тамъ одну сдѣлку, и немножко подгулявшій, старикъ не захотѣлъ ночевать въ гостяхъ и—послѣ ужина—домой: «торкай»!... Къ полуночи онъ былъ уже въ хуторѣ! Подвигъ этотъ Бѣлозора покажется еще громаднѣе, если съ одной стороны, припомнимъ, что ѣхали ночью и что, слѣдовательно, какъ обыкновенно бываетъ въ ночныхъ поѣздкахъ, главная тяжесть поѣздки выпала на долю коренного, а съ другой стороны, если прибавлю еще, что дорога, по которой ѣхали, была узенькая, вьющаяся въ лозахъ и очеретахъ, и что, слѣдовательно, скакуны, какъ тоже обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, больше мѣшали Бѣлозору, чѣмъ помогали.

Поѣздка эта, впрочемъ, была причиною погибели бѣднаго Бѣлозора. Пріѣхавъ домой поздно, подгулявшій старикъ, противъ своего обыкновенія, не наблюль, какъ распорядились съ изму-

ченными животными, а возница ограничился только тѣмъ, что, распрегши, прицѣпилъ ихъ къ пустымъ яслямъ и улегся спать. Жажда заставила бѣднаго Бѣлозора перервать поводъ, и прямо къ рѣкѣ, къ *ополонкѣ*... Къ утру у Бѣлозора явился *паскудникъ*, а къ вечеру бѣдняга издохъ.... Уже на что покойникъ отецъ былъ тугъ па слезы, но и онъ плакалъ надъ добрымъ животнымъ, которому и цѣны никто не умѣлъ у насъ *сложить*!... Бѣлозоръ зарытъ былъ въ глубокую яму, и пока земля сверху не замерзла, по ночамъ стояли сторожа: этимъ почтили память добраго животнаго, чтобы собаки или волки не могли разрыть ямы и не растащили бы по лѣсамъ и очеретамъ костей, созданныхъ природою для широкихъ степей и вольныхъ раздоловъ.....

Утро [1]) было теплое; въ воздухѣ носился легкій туманъ лошади ступали тяжело, сани скользили невесело.... Словомъ, обстановка была изъ тѣхъ, которыя располагаютъ душу къ печальному, или къ *кислому*, настроенію, какъ выражаются поляки.

Сидя по прежнему у ногъ отца, я болѣе и болѣе сосредоточивался въ себѣ, съёживался, такъ сказать, и духовно, и тѣлесно... зарывался поглубже въ тулупы и угрюмо молчалъ, хотя по природѣ былъ любопытенъ и любилъ разузнавать обо всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ первый разъ, хотя отецъ, повидимому, расположенъ былъ болтать со мною и удовлетворять моему любопытству, и новыхъ предметовъ представлялось много. Это, напримѣръ, множество обгоняемыхъ нами подводъ, ѣдущихъ въ ту же сторону, куда и мы, и нагруженныхъ дровами, очеретомъ, мѣшками съ хлѣбомъ,—чьи онѣ, куда ѣдутъ, за чѣмъ? или, что это за подводы, запряженныя не парою воловъ, какъ дѣлается у насъ, а однимъ воломъ? [2]) И какъ это смѣшно, и какое ярмо̀ смѣшное!...

---

[1]) Разсказъ о пріѣздѣ къ пану, у котораго купленъ лѣсъ, какъ проведена ночь и проч., нами пропускается, какъ непредставляющій особеннаго интереса. Здѣсь Василій Петровичъ, впервые, изъ аханій и соболѣзнованій *паніі*, болѣе или менѣе узнаетъ, что такое городское училище....

[2]) Т. е. *бовкуно̀мъ*.

Вотъ какая-то перекладина впоперегъ дороги, пестрая, на столбахъ! Мы остановились, какіе-то пьяные обыскиваютъ, нѣтъ ли у насъ водки... Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ дома́—я ихъ не разглядѣлъ хорошенько, не до нихъ мнѣ.... Вотъ и площадь какая-то: евреи и евреи, а тамъ какія-то длинныя *комо́ры*, отецъ говоритъ—лавки.... „Лавки?..." охъ, когда бъ про училище забылъ!...

Вотъ снова въ какую-то улицу,—впереди церковь, тутъ, вѣрно, гдѣ-то и училище... вѣрно, тутъ меня бросятъ...

Я перевелъ духъ тогда только, когда, у самой церкви, лошади поворотили круто направо, начали спускаться съ горы, и впереди открылись луга, поля,—видъ за городъ...

„Вѣрно, забылъ про училище!" и я сидѣлъ еще неподвижнѣе, не смѣлъ и пошевельнутся, боясь напомнить о себѣ...

На полгорѣ лошади поворотили налѣво, мѣстность становилась безлюдною—съ одной стороны оврагъ, а съ другой—высокій валъ,—и только по склону послѣдняго лѣпились еще коегдѣ небольшіе домики.... „Се вже за городъ?" осмѣлился наконецъ я отозваться.—«Направо!» раздалось, какъ бы мнѣ въ отвѣтъ, надъ головою, и лошади, своротивъ съ дороги, шагомъ пошли по тропинкѣ, прорѣзанной вдоль отлогости вала и заканчивающейся сквозными воротами....

Какъ мы въѣхали на маленькій дворъ, какъ остановились, вошли въ хату,—ничего не помню. Воспоминанія мои начинаются съ того времени, какъ мы были уже въ хатѣ и сидѣли съ отцомъ на лавкѣ.

Возлѣ насъ, съ правой стороны, стояла и чистила рыбу очень стройная дѣвушка, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, съ рябоватымъ отъ оспы, но довольно красивымъ и пріятнымъ лицомъ,—Устя, мой будущій врагъ и мучитель, а напротивъ насъ, за верстатью, ткачъ Хома, высокій, тощій, съ орлинымъ носомъ, съ добродушнѣйшимъ, какое только можно себѣ представить, лицомъ... съ небритою бородою и съ небольшою лысиною по самой срединѣ головы, вслѣдствіе чего верхняя ея часть напоминала нѣсколько соломенныя покрышки на ульяхъ: вверху

гладкія, закругленныя, а внизу широкія, растопыренныя,—Хома, мой будущій другъ и защитникъ отъ Усти... Устя и Хома, особенно послѣдній, очевидно, давно были знакомы съ отцомъ и разговаривали съ нимъ, какъ давно знакомые. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что Устя—хозяйская дочка,—что она изъ сомовъ приготовитъ *юшку*, какое намѣреніе отецъ, большой любитель рыбы и рыбныхъ блюдъ, очень похвалилъ,—хозяинъ въ какомъ-то караулѣ, а хозяйка на базарѣ булки продаетъ...

Вообще, первое впечатлѣніе этой свѣтленькой хаты и встрѣченныхъ тамъ людей было какое то располагающее.

Чрезъ нѣсколько минутъ отецъ обратился ко мнѣ:—А ну, говоритъ, Васильку, пойдемъ!...

Мы пошли... Долго мы шли и пришли къ той церкви: инстинктъ не обманулъ меня, что училище тамъ, возлѣ этой церкви.

Вошли въ какой-то дворъ.

— Здѣсь живетъ смотритель?—спросилъ отецъ какого-то человѣка, хлопотавшаго по двору, отставнаго солдата и, какъ я послѣ узналъ, училищнаго сторожа.

«Здѣсь»!

— Дома онъ?

»Дома»!

Чрезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ низенькой, но просторной комнатѣ, плохо освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, и предъ нами какой-то *панъ*, тощенькій, угрюмый, съ длинными руками и узенькими полосками волосъ на щекахъ... Я сей-часъ догадался, что этотъ панъ—смотритель, какъ его назвалъ отецъ. Лѣвою рукою онъ придерживалъ полы своего стеганнаго ситцеваго халата, а правою чесалъ его спинку... Славныя это были руки! съ ними еще не разъ прійдется намъ встрѣтиться.

— Что вамъ нужно?—спросилъ панъ у отца.

Старикъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и подалъ какія-то бумаги. Смотрѣлъ въ нихъ, смотрѣлъ, ворчалъ-ворчалъ, и заключилъ сердитымъ: „нельзя!“

Слѣдуютъ доказательства, что—можно, но рѣчь прервана новымъ „нельзя“, еще болѣе сердитымъ.

„Авось-либо!“ радостно подумалъ я...

Отецъ немного подумалъ... потомъ полѣзъ въ карманъ, вытащилъ *капшукъ*, развязалъ, вынулъ нѣсколько карбованцовъ и положилъ ихъ на столъ. „Прошу“, говорилъ, „покорно!“.

Панъ искоса взглянулъ на столъ, потомъ, тоже искоса, но ужъ нѣсколько меланхолически, на боковое окно, и наконецъ устремилъ суровый взглядъ на меня.

— Чѳму ты учился?

Я смѣшался и началъ смотрѣть на отца.

— Кажы жъ, що ты вчывъ!

„Я училъ „О добромъ сынѣ“, „Какъ Маша клала въ ротъ иголки и булавки....“

Хотѣлъ было даже разсказывать содержаніе этихъ исторій.

— Дуракъ! Ариѳметикѣ и Закону Божію учился?... Ну, какъ Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака?

Ножемъ!“ прошепталъ я едва слышнымъ голосомъ.

— „Но-жеемъ!! прошепталъ и смотритель, передразнивая меня...—Дуракъ! по повелѣнію Божію, а не ножемъ! Нѣтъ, заключилъ онъ, обращаясь къ отцу:—его нельзя принять—онъ и въ первый классъ не годится.

Отецъ молча вынулъ и положилъ на столъ еще нѣсколько карбованцовъ.

— А читать ты умѣешь?

„Умѣю!“

— И церковное умѣешь?

„Умѣю!“

— Ну, прочитай! и сунулъ мнѣ подъ носъ „Чтеніе изъ Евангелистовъ“.

Я прочелъ нѣсколько строкъ.

— Хорошо! читаетъ хорошо! пожалуй въ приходское можно бы.

Снова нѣсколько карбованцовъ.

— Ну, хорошо ужъ, хорошо! Пусть ходитъ! Только вамъ надобно еще побывать у учителя: онъ *тоже добрый человѣкъ*.... Чего нельзя—нельзя, а что можно—можно!.. Мы рады, если къ намъ *хорошіе* ученики...

А вѣдь, если сказать правду, его, этого смотрителя, любили и дѣти, и родители: первые потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ не злой человѣкъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ остальнымъ училищнымъ штатомъ, а послѣдніе, что онъ велъ дѣла свои, какъ говорится, на чистоту, не ломался, ясно показывалъ, чего нужно... А что онъ любилъ чужіе карбованцы—кто же изъ насъ не любитъ ихъ, такъ ли, или иначе?! Это ужъ у насъ въ крови, должно быть, такой порядокъ... Вѣдь правду я говорю? Моя рѣчь къ вамъ, Александръ Степановичъ и Иванъ Николаевичъ, къ вамъ А. Б. В. et cetera!

Приходимъ къ учителю. Александръ Прохоровичъ, съ трубкою въ зубахъ, сидитъ на стулѣ и, очевидно, приготовляетъ себя къ послѣобѣденному сну.

Но полно, мои друзья! на одинъ разъ слишкомъ много объ этомъ!

Когда вышли отъ Александра Прохоровича, отецъ: „Ну", говоритъ, „вотъ ты, Васильку, и въ училищѣ!"

Воротились на квартиру. . . . .
. . . .
. . . . . Начали собираться къ обѣду. По просьбѣ отца, Хома принесъ *горилки*, сѣли за столъ.

За обѣдомъ ѣли, пили, вели бесѣду: ѣли юшку съ молодыми сомами, пили горилку и вели бесѣду о чемъ? не знаю: скорбная душа моя была въ это время далеко, далеко!...

Пообѣдали.

— Запьемо жъ! говоритъ отецъ и, взявши въ правую руку *пляшку*, а въ лѣвую чарку, налилъ немножко водки и подалъ мнѣ:—Выпый!

Я не зналъ, что дѣлать.

— Выпый, выпый! сёгодня годытця тоби, сёгодня твій день.

Я выпилъ.

Отецъ снова налилъ, но уже полную чарку, поднесъ ее ко рту и тихо заговорилъ:—Царство жъ небесное моимъ родытелямъ!... не хотилы воны мене вчыть—спасыби и за те!.. А я хочу, щобъ ты вчывся—чуешъ? щобъ потихою бувъ матери на старисть....

Я заплакалъ.

— Якъ вывчысся добре и буду я на тимъ свити—згадай колы небудь и мене, нелыхимъ словомъ—не ледащо, мовъ, бувъ у мене батько!...

Я заплакалъ еще сильнѣе.

— Не плачъ, сыну, не плачъ!... не плачъ!...

Но я плакалъ и плакалъ... и изъ-за стола встали, и лошадей подали отцу, и простились мы съ нимъ, и выѣхалъ онъ за дворъ, а я плакалъ...

Но когда Хома хотѣлъ затворить ворота, я съ крикомъ бросился къ нимъ: Батюшка, батюшка, не кидайте меня!...

Старикъ послышалъ, поворотилъ голову и погрозилъ мнѣ пальцемъ!...

Первые дни въ школѣ и первая поѣздка домой [1]).

.... Погрозилъ мнѣ отецъ пальцемъ... и я онѣмѣлъ... Хома началъ было уговаривать меня итти въ хату, но я не слушался; Хома хотѣлъ увести меня насильно, но я схватился обѣими руками за ворота... И все смотрѣлъ я и смотрѣлъ на удаляющагося... А когда, за первымъ изгибомъ дороги, онъ скрылся изъ виду, въ груди у меня какъ-будто что̀ оборвалось.... Я застоналъ и рыдая повалился въ снѣгъ.... Пусть Хома несетъ теперь въ хату или пусть тутъ броситъ!...

---

[1]) «Основа» 1861 г., май, 24—45.

Добрый Хома внесъ въ хату, и, положивъ на лавку, сквозь слезы принялся убѣждать; но я отворотился отъ него... И рыдалъ я до тѣхъ поръ, пока не стало ни слезъ въ глазахъ, ни стоновъ въ груди... Затѣмъ истощеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, какое-то тяжелое забытье, а тамъ и сонъ... Спустился, наконецъ, благодѣтельный, на измученную скорбію мою душу, и успокоилъ ее осиротѣвшую забвеніемъ всего и всѣхъ...

Проснулся я только передъ ужиномъ, и проснулся бодрый, веселый, много болталъ... Такъ ночь послѣ томительнаго, знойнаго дня заканчивается всегда восхитительнымъ утромъ, освѣжительною росою... Но когда пришла пора ложиться спать, когда я увидѣлъ, что не Васька стелетъ мнѣ постель, а Хома, и что не мать собирается укладывать меня, а тотъ же Хома, добрый Хома, ласковый, а все таки не мать! и не *попестывъ* (не поласкалъ) меня на ночь, не поцѣловалъ... И когда я услышалъ еще слова Усти: „На що ему стелешъ, вкладаешъ, якъ маленьку дытыну? Хиба не чувъ", говоритъ, „що татусь просывъ до всёго прывчать!", и слова хозяйки: „Себе знай, ледача!" слова, повѣявшія на меня женскимъ заступничествомъ, такъ легко вызывающимъ наружу дѣтское горе,—слезы снова полились у меня... и я плакалъ, долго плакалъ, тоскливо припоминая то сцену разставанья съ матерью, тамъ, дома, въ свѣтлицѣ.... то образъ удаляющагося и грозящаго мнѣ пальцемъ отца... нѣтъ ли чего, подающаго хоть какую-нибудь надежду.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ!... „Покынулы мене, вси покынулы!..."

Таковъ былъ первый день моего пребыванія межъ чужими людьми! Такова почти была и слѣдовавшая за нимъ ночь! Всю ночь мнѣ видѣлись: то столъ, съ кучкою карбованцовъ на немъ, а за столомъ смотритель, предлагающій вопросъ: „А какъ", говоритъ, „Авраамъ хотѣлъ убить Исаака?" то учитель Александръ Прохоровичъ, пыхающій мнѣ подъ самый носъ какимъ-то табачнымъ дымомъ; то Устя, всѣмъ толкующая: „Нехай самъ привыка, нехай до всёго привыка!"—и я сжимался и сжимался, какъ-будто спрятаться хотѣлъ въ постели, вскрикивалъ со сну....

Но не покинули меня, не покинулъ меня мой старикъ! Просыпаюсь на другой день утромъ,—на лавкѣ сидитъ и разговариваетъ съ хозяйкою и съ Хомою... Всѣ сны, всѣ страданія забыты... „Батюшка!" и, какъ былъ въ постели, къ нему, прижался къ колѣнямъ, охватилъ обѣими руками...

— Що се, що се!.. такый велыкый, та пестытьця!..

А между тѣмъ одну руку мнѣ на шею, прижимаетъ къ колѣнямъ, а другую на голову, тихо гладитъ...

— Головка не болыть?

„А мама де?" поднявъ голову, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Я дома не бувъ....

Снова опустилъ голову и еще крѣпче прижался къ его колѣнямъ, а онъ снова...

„Нѣтъ, говорю, не болитъ!..."

Кажется, не повѣрилъ, принялся ощупывать голову, грудь, въ особенности лѣвый бокъ, около сердца...

— Може ты, говоритъ, плакавъ?... Чы ни плакавъ, винъ?— къ Хомѣ, хозяйкѣ, Устѣ...

Устя захохотала.. я и дыханіе притаилъ, когда-то, когда я учился еще у дяди, высѣкъ онъ меня больно за слезы подобнаго рода!

Старикъ, впрочемъ, какъ-будто не слышалъ хохота, снова спросилъ, обращая на этотъ разъ вопросъ прямо къ Хомѣ.

„Ни, не плакавъ!" отвѣтилъ добрый Хома: „чого-бъ же ёму плакать?..."

— Коли не плакавъ, то розумный!... й маты не буде плакать, недужать!...

— — —

..... Послѣ завтрака отецъ велѣлъ одѣться:—Въ училище, говоритъ, одведу!...

Я надѣлъ сюртучокъ, кожушокъ; завязалъ какія были у меня, книжки въ платокъ.

„Помолимся же Богу!" началъ креститься...

Я послѣдовалъ его примѣру.

— Зъ Богомъ... прощавайте!

„Прощавайте!“ Хома и хозяйка. „Нехай вамъ Богъ помага!“

Проводили обое до самыхъ воротъ...

— — —

Учителя сидѣли по классамъ, когда мы пришли въ училище: такъ объявилъ намъ одинъ изъ учениковъ, бывшій на крыльцѣ и почему-то предпочитавшій прыжки на генварьскомъ морозѣ сидѣнію за скамьею... Сторожа же на лицо не имѣлось: и въ этотъ день, какъ и въ каждый день послѣ, во все время смотрительствованія тогдашняго смотрителя, онъ былъ на смотрительскомъ дворѣ, занимался тамъ разными домашними занятіями, конечно, не своими...

— Гдѣ, спрашиваетъ отецъ у школяра, такой-то учитель?

„Тамъ!“ отвѣчаетъ тотъ, указывая на одну изъ дверей взглядомъ и движеніемъ головы,—руки заняты были согрѣваніемъ ушей.

— Какъ бы его вызвать?

„Надо постучать въ дверь.... А вы развѣ хотите его вызывать?

— Да!

„Такъ обождите немного!...“ и школяръ съ крыльца, и стрѣлой черезъ дворъ, и въ какой-то сарай...

Старикъ искоса посмотрѣлъ на улепетывающаго школяра, взглянулъ потомъ мелькомъ на меня... вошелъ въ сѣни и постучалъ довольно громко въ дверь.... Дверь тихонько скрыпнула, и изъ-за нея—какъ-будто слизнячокъ вынырнулъ...

— Зачѣмъ ты такъ громко стучишъ? Учитель *сердятця!*— но потомъ, замѣтивъ, вѣроятно, у меня книги, мягче:—Кого треба?

„Вчителя вашого!...“

Слизнячокъ смѣшался....

— Такъ можна выклыкать вашого вчителя?

„Заразъ, заразъ! пидождить трошечки!...“

И скользнулъ за дверь, какъ-будто она и не отворялась...

— — —

Наконецъ Александръ Прохоровичъ явился въ сѣни.... Поздоровавшись съ отцомъ и узнавъ, зачѣмъ пришли, велѣлъ мнѣ итти въ классъ, а самъ остался съ старикомъ въ сѣняхъ...

Я пошелъ въ классъ, споткнулся на порогѣ, поднялъ голову....

Головы и головы рядами... всѣ смотрятъ, улыбаются, насмѣшливо перешептываются.... „Село, село!“

Я растерялся, и, самъ не зная, что дѣлаю, и къ заднимъ скамьямъ, чтобы не чувствовать непривѣтливыхъ взглядовъ....

— Куды, село!!. кто-то изъ средины...

Какъ заяцъ, налетѣвшій на выстрѣлъ, я отпрянулъ, а весь классъ: ха, ха, ха!!!..

Въ головѣ шумитъ, линіи насмѣшливыхъ взглядовъ и хохочущихъ ртовъ мѣшаются, перепутываются, уходятъ въ глубь, ничего не вижу.... только хохотъ, да тяжелый мракъ.... тоска въ душѣ безпредѣльная!...

О, друзья мои, много въ дѣтской натурѣ есть жестокаго!..

Да, тяжело вступать въ храмъ познанія такими дверями, какими я вступилъ и какими тысячи мнѣ подобныхъ, можетъ быть, вступали!... Тяжело даже вспоминать объ этомъ!... Горькое прошлое, сглаженное въ своихъ угловатостяхъ временемъ и облитое милымъ свѣтомъ отдаленнаго и счастливаго дѣтства, пріятно вспоминается мнѣ всегда, даже пріятно было мнѣ вспоминать о моемъ первомъ прощаньи съ матерью; но тутъ и вспоминать тяжело!... Рана, нанесенная сердцу въ дѣтствѣ, еще не успѣла совсѣмъ закрыться, хоть съ того времени много-много утекло уже воды изъ нашихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Черное море! я дотронулся до больного еще мѣста....

Не будемъ же дотрогиваться до такихъ мѣстъ! А если бы гдѣ понадобилось непремѣнно, будемъ дотрогиваться помягче! Зоркое око и по наружному виду распознаетъ великость язвы и силу нанесеннаго удара, а съ зрѣніемъ близорукихъ—пусть кто другой носится, а я умываю руки! не чувствую въ себѣ къ подобному дѣлу ни малѣйшаго призванія!.. Да и вообще, будемъ веселѣе! веселіе—свѣтъ!...

— — —

Сколько я ни стараюсь вызвать воспоминаніемъ, что происходило въ классѣ послѣ описанной мною сцены,—т. е., какъ учитель вошелъ въ классъ, что я тамъ дѣлалъ, или что со мною дѣлалось,—ничего не помню: мракъ, мракъ и мракъ! Помню только, что, когда выпустили изъ класса, я опрометью бросился на квартиру и, не нашедши тамъ отца, рыдалъ еще сильнѣе вчеряшняго....

Таковъ былъ второй день моего пребыванія между чужими людьми!..

На третій день отецъ опять пріѣхалъ ко мнѣ утромъ и, отведши меня въ классъ, опять исчезъ. На четвертый день явился онъ уже послѣ обѣда и провелъ со мною около часу; на пятый—вечеромъ, тоже не болѣе какъ на одинъ часъ... А потомъ уѣхалъ домой и уже цѣлыхъ двѣ недѣли ко мнѣ не являлся.

Что со мной дѣлалось въ эти двѣ недѣли, почти ничего не помню; помню только: первую встрѣчу съ своимъ хозяиномъ, помню, какъ Устя утѣшала меня въ тоскѣ, и помню, какъ я возвращался обыкновенно изъ школы на квартиру.

Первая встрѣча съ хозяиномъ была на третій день пребыванія моего въ городѣ. Пришедши изъ училища, я сидѣлъ возлѣ стола и ожидалъ, пока дадутъ обѣдать.

— Отъ, говоритъ Устя, выглянувъ въ окошечко: и татусь идуть!

Я бросился и себѣ къ окошку...

Солдатъ идетъ—было первое впечатлѣніе; но оно было мгновенно, и его тотчасъ закрыло другое впечатлѣніе: у солдата что-то на лѣвой ногѣ, какая-то огромная, изъ бѣлаго войлока, *кéндя*.... [1]) „Что это за кендя?... Зачѣмъ она?.... И только одна!...“ и открылъ даже окошечко, чтобы лучше поглядѣть, какъ она плыветъ по снѣгу, въ сѣни...

„А, въ сѣни!“ и отъ окошечка.... началъ глядѣть на порогъ...

---

[1]) Кенга.

Дверь скрыпнула, поднимается *кендя* и шлёпъ черезъ порогъ!...

Снова поднимается, и снова шлёпъ!... шлёпъ, по хатѣ шлёпъ!.. какъ какая-то лягушка пузатая!...

Я захохоталъ!...

— Вишъ, якый винъ! раздалось у меня надъ самою головою.

Я сконфузился... поднялъ голову: меня разсматриваетъ— какое добродушное лицо!... Солдатская фуражка, по усамъ и бакенбардамъ—снѣгъ; бѣлая шинель, фертомъ въ бока... а внизу все таки эта кѐндя... Ахъ какая она смѣшная!...

Второе воспоминаніе тусклѣе выдвигается въ моей памяти. Помню только, что когда бывало затоскую крѣпко, и хозяйка велитъ Устѣ пойти со мною гулять,—Устя водила меня на базаръ и угощала тамъ... т. е. брала изъ моего кармана деньги, пока водились еще данныя матерью и оставленныя отцомъ, покупала на нихъ *маковники*, или другія лакомства, ѣла ихъ и мнѣ иногда удѣляла: „На", говоритъ, „покоштуй—воно смашне!..." [1]) И я коштувавъ, крѣпко всегда недоумѣвая, отчего она ѣстъ лакомства, а я только коштую, а не я ѣмъ ихъ, а она только коштуетъ!... „Може воно такъ и треба!" думалъ я, „може тутъ таки звычаи!"

Зато третье воспоминанье рѣзко выдвигается изъ памяти— какъ-будто это еще вчера со мною было.

Я лечу и лечу, вырвавшись изъ школы! не бѣгу, а лечу! и на другой день такъ, и на третій... Сзади хохочутъ школяры; прохожіе указываютъ пальцами: „Народныкъ" [2]), говорятъ, „втика! народныкъ втика!..." собаки гонятся за мною, духъ у меня захватываетъ, а я лечу и лечу!... Куда?.. гдѣ мнѣ будетъ теплѣе, куда инстинктъ поведетъ!...

Устя однажды стала было ему, инстинкту этому, на перепутьи, но что-то другое стало на перепутьи, и я не погибъ...

---

[1]) Отвѣдай—оно вкусное.

[2]) Ученикъ *народнаго* училища. Уѣздныя училища, какъ извѣстно, назывались прежде народными.

— Оце дурный!—сказала она мнѣ однажды, видя, какъ я лечу изъ училища:—Колы вже тикать [1]), такъ тикавъ бы въ свій хутиръ!—и засмѣялась своимъ бездушнымъ смѣхомъ...

„Втикать [2])? втикать додому?“ подумалъ я: „Чувъ я, що втикають, и що....“—и мнѣ страшно стало: я съ ужасомъ отворотился отъ этой мысли... Но въ особенно тяжелыя для меня минуты, какъ демонъ-искуситель приходили мнѣ на мысль слова Усти и манили мое воображеніе картинами жизни въ хуторѣ, на свободѣ...

Почему тутъ дѣло не дошло до исполненія, рѣшительно не могу объяснить: время давнее, да и мудрено въ подобныхъ случаяхъ распознавать главные мотивы дѣйствованія дѣтской души отъ второстепенныхъ. Помню только, что однажды, когда особенно мнѣ тяжело было и когда особенно долго занимала меня мысль: „Чомъ же? хиба гирше [3]) буде, якъ оце?..“—такой приснился мнѣ сонъ... Смѣетесь? Не смѣйтесь! Вообще, сны въ нашей жизни важнѣе занимаютъ мѣсто, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ мы обыкновенно сознаемся; а у дѣтей—они въ числѣ сильныхъ двигателей ихъ дѣйствій, и въ особенности у дѣтей съ живою натурою и пріученныхъ оглядываться во всѣ стороны, отовсюду выводить заключенія.

Мнѣ снилось, будто я въ училищѣ, живу на той же самой квартирѣ и проч.—словомъ, вся обстановка тогдашней моей дѣйствительности,—и по окончаніи уроковъ, пустился летѣть.... но не туда, куда я обыкновенно леталъ прежде, а въ другую сторону, и не по землѣ, а по воздуху,—надъ домами, церквами, садами.... Вотъ уже и городъ назади, я уже лечу надъ лѣсами и глубокими ярами....

Вдругъ:—„Васыльку, Васыльку!“ надо мною.

Поднимаю голову—надо мною бѣлое облако, а на облакѣ—бабушка...—„Куды ты, дытыно моя?“—Додому“! говорю.—„Додому?.... Ой не лети, моя дытыно, додому!“ убѣждать меня

---

[1]) и [2]) Уходить—[3]) Хуже.

начала, доказывать, разсказывать, что ожидаетъ меня.... „Ты", говоритъ, не „долетишъ, устанешь, сядешь отдохнуть...."

„А покы бъ ты отдыхнувъ, знайшовъ якый чоловикъ и до отамана....

— „Що ты за хлопець?" спытавъ бы отаманъ—сказавъ— „Чого жъ ты?"

— „Не знаю!—бо якъ же", говоритъ, „сказать, що ты выдтыля.... [1]) изъ миста... [2]) наветъ заклявся бъ, забожывся... Ой, не литай, Васыльку, не литай додому николы!... [3]) И одиславъ бы тебе", продолжала далѣе, „отаманъ до батька... и звеливъ бы... „Може лакизка" [4]), дума, „втикъ,—знову втече, лыха [5]) набижышъ"... И такъ по селамъ звяваного.... хуторомъ: „Втикачъ", [6]) кажутъ, „втикачъ, втикачъ!"...

Я вздрогнулъ, проснулся облитый холоднымъ потомъ, съ невыразимою тоскою въ душѣ...

И теперь невольная дрожь пронимаетъ меня, когда я приприпоминаю этотъ сонъ, и когда подумаю, какъ я близокъ былъ ко всему, что пророчило мнѣ сновидѣніе! И случись все это,— много-много язвъ нанесено было бы моему сердцу, и много стыда исчезло бы изъ дѣтской души... А тамъ—дальше и дальше!.. И кончилъ бы я, можетъ быть, такъ, какъ кончилъ—помните, мои школьные товарищи?—школяръ Гуря, начавшій тоже бѣгствомъ домой... И не писалъ бы я, можетъ быть, своей автобіографіи, какъ теперь ее пишу, а выводилъ бы, можетъ быть, красивыя какія-нибудь литтеры въ какой-нибудь некрасивой полковой канцеляріи, или выписывалъ заступомъ въ какой-нибудь таинственной шахтѣ таинственныя дорожки... И мало ли еще чего не могло случиться со мною!.. И кто же этотъ невѣдомый, или что это за невѣдомое, недопустившее случиться всему этому, ставшее на перепутьи Устѣ?... Или я еще не успѣлъ тогда выпить чаши огорченій до дна? душевная сила? случай?.. мое незнаніе дороги домой?... Или въ самомъ дѣлѣ эта картина ужаснаго будущаго, промелькнувшая предъ моими духовными очами

---

[1]) Оттуда.—[2]) Изъ города.—[3]) Никогда.—[4]) Лакеишка.—[5]) Бѣды.
[6]) Бѣглецъ.

сквозь таинственное окошечко сновидѣній?... Богъ вѣсть, Богъ вѣсть!

О, добрые земляки мои! учите своихъ дѣтей ласковѣе и привѣтливѣе встрѣчать новоприбылыхъ товарищей!... пусть остроуміе свое надъ ними упражняютъ послѣ, когда новоприбылые оботрутся уже, станутъ въ школѣ, какъ у себя дома, могутъ имѣть своихъ сторонниковъ и, слѣдовательно, могутъ бороться равнымъ оружіемъ! Я бы попросилъ объ этомъ и педагоговъ, но это не по ихъ части, а начальствующихъ просить—у начальства и безъ того много разныхъ серьезныхъ, очень серьезныхъ обязанностей!...

— — —

И долго я леталъ изъ школы на квартиру! и леталъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не приняла во мнѣ участія одна добрая женщина... Разсказомъ объ этой женщинѣ,—кто она была, какое она приняла во мнѣ участіе, и какія послѣдствія для меня имѣло вмѣшательство ея въ мою судьбу,—я забѣгаю нѣсколько впередъ въ своей автобіографіи, но да будетъ тако! надобно съ этимъ предметомъ покончить по возможности полнѣе, чтобы потомъ къ нему не возвращаться.

Въ одномъ со мною классѣ, т. е. въ приходскомъ, былъ у меня товарищъ, по имени Иванъ... По фамиліи я его не назову вамъ Ивана--по разнымъ причинамъ, да и потому, что и никто почти въ классѣ не называлъ его по фамиліи... У насъ,—вы, можетъ быть, знаете давніе наши обычаи школьные: лишь попадется, бывало, межъ насъ какая особенная личность,—прощайся она съ своимъ предковскимъ прозваніемъ! Ее будутъ называть пятью, шестью прозвищами, сочиненными тутъ же, но настоящимъ—никогда. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и нашъ Иванъ. Во первыхъ, Иванъ имѣлъ фамилію, которая рифмовалась съ его именемъ Иванъ, и съ словами *галаганъ*, *тарканъ*,—его звали Иванъ Галаганъ, Иванъ Тарканъ; потомъ Иванъ имѣлъ лицо, усыпанное веснушками,—его звали за это Иванъ Горобыне-Яйце, Иванъ Сороче-Яйце; онъ былъ маленькаго роста—его звали Иванъ Знисокъ... Иванъ былъ страшный охот-

никъ подраться на-кулачки, и когда дрался, прыгалъ въ глаза и все норовилъ, какъ бы *лихтари посвитыть* подъ глазами, или *паскудникъ збить* [1]) съ носа,—его и звали Иванъ Оса или Иванъ Слёта [2]); у Ивана, когда сердился, волосы щетинились, и весь онъ какъ-будто щетинился и раздувался,—его окрестили за это *ижакомъ*, *иршемъ* (ёжъ, ёршъ); у Ивана были рыжіе волосы—учители звали его Рудая шельма, а учитель Лепѣкинъ изъ Калужской губерніи,—Рыжая бестія... Словомъ, сколько особенностей, выпуклостей было въ Иванѣ, столько и прозваній, и каждый крестилъ его по той особенности, которая больше кидалась ему въ глаза, или не ґармонировала съ его понятіями о нормальности человѣческой натуры. И не думайте, чтобы Ивана не любили. Напротивъ, его очень любили даже учители,— за его доброту сердца, за какой-то рыцарскій и вмѣстѣ веселый характеръ, за умъ бойкій и за какое-то чрезвычайно пріятное, влекущее, открыто-сердечное выраженіе утыканнаго веснушками его лица. А ужь я какъ его любилъ!! Потому и буду называть его просто по имени, Ивасемъ, какъ я звалъ его въ школѣ.

У Ивася былъ отецъ, отставной солдатъ, угрюмый старикъ, съ сабельнымъ рубцомъ на щетинистой сѣдой головѣ, и безъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, и была мать, женщина съ блѣдно-жолтымъ лицомъ. Отецъ этотъ былъ отецъ многочисленнаго семейства, и обладалъ въ высшей степени искусствомъ добывать льняное и конопляное сѣмя въ своей *олійныци*, что не

---

[1]) *Паскудникъ*—лошадиная болѣзнь; *сбить паскудникъ*—пустить лошади кровь *съ храпъ*. Отсюда перенесено выраженіе къ тѣмъ случаямъ, когда разшибается носъ до крови, на кулачкахъ и проч.

[2]) *Слётою* называется человѣкъ, лѣзущій къ вамъ съ прозьбою и проч. такъ, что нельзя отъ него отвязаться,—словомъ, *якъ слётá*. Какой корень этого слова, или что собственно имъ обозначается,— т. е. какой предметъ или какое живое существо—не знаю. Должно быть, первоначальное значеніе слова утратилось, а осталось только переносное. Слёта—какъ-будто *оводъ*, велико-русскій *слѣпень*,—что-то въ этомъ родѣ.

только давало ему возможность содержать безбѣдно себя и свое семейство, а отцовскій грунтъ въ приличномъ положеніи, но даже давало возможность обзавестись нѣкоторыми жизненными удобствами, конечно, по своему состоянію: купить и держать коровъ, расширить прикупкою и умножить посадкою деревъ свой садъ и т. д. Мать же Ивасева была—отличная мастерица приготовлять вареники съ *гурдою* [1]) и капустою, добрая жена, добрая мать семейства, хорошая хозяйка, женщина въ высшей степени нѣжнаго и впечатлительнаго сердца и, когда жолчь не одолѣвала ея, деликатности необычайной. Эта-то женщина, мать Ивасева, и приняла во мнѣ участіе.

Живя въ сосѣдствѣ съ моими хозяевами, она тотчасъ узнала, что на ихъ *кутку* явился новый обитатель, *народникъ*, и что этотъ народникъ живетъ у Решѐтки. Да и какъ было не узнать ей объ этомъ! Такое важное событіе, какъ появленіе тамъ новаго обитателя,—да объ этомъ если не въ самый день моего пріѣзда въ городъ, послѣ того, какъ Устя сходила вечеромъ къ колодцу по воду,—такъ по крайней мѣрѣ на другой же день, послѣ всеобщей сходки на *мисти* [2]), затараторили по всѣхъ хатамъ этого захолустья всѣ наймычки, хозяйскія дочки и самыя хозяйки, что молъ такъ и такъ, такой и такой у него отецъ, на такихъ и такихъ лошадяхъ пріѣзжалъ, и т. д.! Отъ Ивася, она узнала, какъ я встрѣченъ былъ школярами, какъ по окончаніи классовъ улетаю домой, и т. п... Ея нѣжное сердце было тронуто моимъ одинокимъ положеніемъ въ кругу товарищей... и, какъ я узналъ объ этомъ послѣ отъ самого Ивася, она крѣпко пожурила его, что онъ вмѣстѣ съ другими преслѣдуетъ меня насмѣшками, и велѣла непремѣнно познакомиться со мною, защищать меня. Ивась, конечно, готовъ былъ исполнить приказаніе матери, но познакомиться со мною онъ не имѣлъ никакой возможности: входилъ я въ классъ почти вмѣстѣ съ учителемъ, а на дворѣ и на улицѣ никто изъ школяровъ не могъ ко мнѣ

---

[1]) *Гурда*—начинка, извѣстнымъ образомъ приготовленная изъ *макухи*. Что значить *макуха*—объяснено ниже.

[2]) На рынкѣ.

приблизиться, потому что я уходилъ отъ всѣхъ, какъ отъ чумы, и ноги у меня, какъ у мальчика-степняка, были быстрѣе, чѣмъ у народниковъ-горожанъ, и даже у селянъ, непріученныхъ къ бѣганью и ходьбѣ, какъ насъ пріучалъ отецъ. Узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Ивася сблизиться со мною, мать его обратилась къ слѣдующей стратагемѣ.

Въ одно прекрасное воскресенье (это было на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста), выслушавъ обѣдню въ приходской церкви, она воротилась домой и стала поджидать, пока выйдутъ изъ соборной церкви, въ которую обыкновенно водили насъ, школяровъ... Къ этому времени, она вышла со двора и остановилась у угла, образуемаго дорожкою, ведущею ко двору моихъ хозяевъ, и уличкою, ползущей въ гору, къ дворамъ, расположеннымъ выше хозяйскаго двора, а въ томъ числѣ и къ ея собственному.

Вотъ она тамъ себѣ стоитъ, опершись локтями на плетень, и будто что-то за нимъ разсматриваетъ, а я тѣмъ временемъ изъ церкви лечу... Добѣжавъ до поворота къ хозяйскому двору и почувствовавъ себя свободнымъ отъ всякой опасности, т. е. отъ опасности встрѣтиться съ какимъ-нибудь школяромъ,—я пріостановился перевести духъ и, по обыкновенію, оглянуться, далеко ли остались всѣ эти разные... чужіе...,—какъ съ боку у меня: — Чы ты, будь ласкавъ, хлопчыку, не Билокопытенкивъ!

Я отпрянулъ въ сторону, какъ-будто выстрѣлили у меня подъ самымъ ухомъ, и быстро обернулся... Ничего, ласково улыбается, кажется, не думаетъ гнаться!.. должно быть, что-нибудь разсматривала за плетнемъ...—и я быстро пробѣжалъ по немъ взглядомъ—что тамъ? не видно ли въ скважины?...

„Билокопытенкивъ!..“

— Тымъ бо то!.. Я тильки,—говоритъ,—глянула,—заразъ пизнала: якъ дви капли воды—матуся!..

И такъ ласково улыбается,—мнѣ и въ голову не прійди, что я, какъ увѣряютъ домашніе, вылитый отецъ, а на мать нисколько не похожъ.

Здоровенька вона?

— Здоровенька!

„Слава тоби, Царыце небесная!... Однако, що це мы не прывитаемось! [1])—Съ улыбкою подошла ко мнѣ.

Я робко снялъ шапку; мы поцѣловались.

— Якый же ты, сынашу, моторный! и т. д. и т. д.

Словомъ, устроила мое знакомство съ Ивасемъ!

Благодарный тебѣ вздохъ, добрая, если ты жива! а если уже почиваешь въ могилѣ, подъ густою тѣнію пышныхъ яблонь и роскошныхъ липъ Толочанскаго кладбища, миръ праху твоему. Твой добрый примѣръ научилъ меня, и я пригрѣлъ нашего Нетямущого, какъ ты пригрѣла мою запуганную и уединившуюся душу, и ввелъ его въ кругъ товарищескій, какъ ты ввела меня въ него чрезъ своего Ивася. Только не съ такимъ тактомъ и умѣньемъ поступилъ я съ Нетямущимъ, какъ ты поступила со мною! Да и гдѣ, впрочемъ, равняться медвѣжьей мужской лапѣ съ нѣжною женскою рукою, да еще такой лапѣ, какъ моя!... Нетямущій былъ—мальчикъ веселенькій какъ ласточка, живой какъ *горобчикъ* [2]).... острая и низко остриженная черная голова, черныя брови и глаза, щечки пунсовыя, пухленькія внизу, *кожушокъ* назадъ оттопырившійся.... Словомъ, маленькая птичка веселенькая, подняла крылышки, рвется впередъ, за кормомъ!... Такимъ влетѣлъ онъ въ первый разъ и въ классъ,—къ тому, къ другому, заливается, болтаетъ, щебечетъ!... Но тамъ его оттолкнули, тамъ захохотали, тамъ отворотились—конфузится, бѣдненькій, еще больше сжимается, притаился въ углу!... А урокъ кончился,—изъ класса, и, онъ, какъ я во времена оны, летомъ домой!... сегодня такъ, завтра, послѣ-завтрего.... Припомнилъ я, добрая, твой примѣръ, и умудрился!... Жолчно ты насмѣхалась надъ моею неловкостью и грубостію, но и много зато меня ласкала и кормила лакомствами... Выбралъ день, и выскочивъ прежде Нетямущаго изъ класса, засѣлъ за первымъ угломъ.... а когда тотъ, ничего не подозрѣвая, налетѣлъ,—я, какъ коршунъ

[1]) Не здороваемся.—[2]) Воробушекъ.

на него, за кожушокъ... Вырвался,—догналъ, снова за кожушокъ, и о землю... Пищитъ бѣдный мальчикъ! „Що я“, говоритъ, „тоби такъ заподіявъ!“ [1])...—„И я“, отвѣчаю, „ничого не заподію, ходы тильки зо мною, не бійся мене!“... И подружились мы потомъ, особенно, когда я вытащилъ его изъ рѣки, а онъ чуть не топилъ меня при этомъ...

Миръ же, говорю, праху твоему и костямъ твоимъ, добрая!.. а если ты жива еще—благодарный тебѣ вздохъ!..

Знакомство съ Ивасевою семьею было для меня, во многихъ отношеніяхъ, благодѣтельно. Это было единственное въ городѣ семейство, гдѣ я былъ не чужимъ и гдѣ, слѣдовательно, могъ участвовать во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ семейной жизни и поддерживать ту внутреннюю теплоту, которою никакими средствами не напитаешь сердца дитяти, живущаго обособленною жизнію, и выросши безъ которой, сердце наше никакимъ образомъ не можетъ становиться въ уровень—ни съ лучшими стремленіями своего времени, ни съ нуждами и воздыханіями народныхъ массъ: человѣкъ, выросшій безъ такой теплоты, все только будетъ вращаться или около порожденій грязныхъ или, по крайней мѣрѣ, мелочныхъ страстишекъ, или около фикцій, ни къ небу не стремящихся, ни къ землѣ неприкрѣпленныхъ.—Тутъ же, въ семьѣ Ивася, при нуждѣ, мнѣ не отказывали въ кускѣ хлѣба; а раздавали дѣтямъ лакомство,—маковниковъ, напримѣръ, мать приносила съ *миста*, доставала изъ *хыжи* [2]) куски маковой *макухи* [3]), такъ любимой, бывало, нами, *бычка* [4]) дѣлалъ старикъ въ своей *олійныци* и давалъ дѣтямъ,—меня тоже не обходили. А ужъ садъ просторный и тѣнистый для гулянья, яблоки и *дули* [5]) доставать съ деревьевъ,

---

[1]) Сдѣлалъ, причинилъ зло.—[2]) Кладовая въ хатахъ, входъ въ которую изъ сѣней.

[3]) и [4]) *Бычкомъ* называется комъ толченаго и поджареного въ *олійныци* конопляного сѣмени. Лакомствомъ этимъ подчиваютъ у насъ обыкновенно дѣтей, во время самаго добыванія масла. *Макухою* называется твердая масса выжимокъ, остающаяся послѣ добыванія масла.

[5]) Лучшаго сорта груши, имѣющія продолговатый видъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXV.

1899 г.

ІЮНЬ.

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА. (*Продолженіе*). **А. Крымскаго** . . . . 307—316

II. ПИДПАНКЫ. Драма въ 5 діяхъ и 7 одминахъ. **Карпенка-Карого** . . . . 317—366

III. ЧЕРНИГОВСКАЯ СТАРИНА. (1765—1810 гг.). По архивнымъ бумагамъ городской думы. **В. Хижнякова** . . 367—407

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ. I. Проектъ поручика Нечая 1832 г., объ улучшеніи быта крестьянъ. Съ пред. **Н. М.** . . . . 408—432

V. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ. **Н. Ш.** . . . . 433—439

VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 1) Письма Н. А. Ригельмана. 2) Два письма А. Л. Метлинскаго. . 440—454

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Украинская дума въ польской литературѣ. **А. С.**; б) Старинная коляда. **В. Храневича**; в) Пирятинская «городовая армата» въ 1691 г.; г) Народный взглядъ на «нечистую» женщину. **Ив. Бѣньковскаго**; д) Къ исторіи цеховъ; е) Старинныя пригласительныя на свадьбу письма (1729—1735 гг.). **А. Л.**; ж) Письмо Василія Ивановича Григоровича, 1824 г.; з) Дневникъ Я. И. Костенецкаго. **А. Л.** . . . . 123—140

Текущія извѣстія. . . . . 140—151

III. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Черниговская памятка. Справочная книжка на $1898/_9$ годъ. **Н. Ш.**; б) Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Н. И. Теодоровича. **Ив. Каманина**; в) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . 152—165

Археологическая лѣтопись . . . . 166—179

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Разсказы М. Т. Симонова. (Номиса). Листъ 6-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXV.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 31 мая 1899 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 65-го:

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ. 1899.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ І-й.

I. ЕЩЕ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Ѳ. М. ЛАЗАРЕВСКАГО О ШЕВЧЕНКѢ. Съ предисл. **Н. Ш.** . . . . 1—7

II. ИЗЪ ПИСЕМЪ П. А. КУЛИША КЪ С. Д. НОСУ. (1860—1892 гг.). . . . . 8—31

III. «ОБОРОНА БУШИ». Историчня картына въ V діяхъ и 6-ты одминахъ. (*Окончаніе*). **М. Старицкаго**. . . . . 32—74

IV. ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ИЗЪ СТОКГОЛЬМА. (О бумагахъ шведскаго госуд. архива по исторіи Малороссіи). **Н. М.** . . 75—90

V. ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1831 ГОДА ВЪ КІЕВЩИНѢ. **О. Л.** . . . . 91—116

VI. ПОПОКЪ. (*Продолженіе*). **Б. Познанскаго** . . . . . 117—151

VII. КАРТИНА ИЗЪ ВРЕМЕНЪ КРѢПОСТНОГО ПРАВА. (*Къ рисунку*). . . . . 152—154

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи «Основы»; б) Письмо П. А. Кулиша въ Буковину, 1861 г.; в) Изъ семейныхъ отношеній нач. XVIII вѣка; г) Пѣсня изъ крѣпостнаго быта «про галаганцивъ», съ пред. **А. Л.**;

д) Показаніе о службахъ лубенскаго полковаго есаула Андрея Петровскаго (1678—1712 гг.), съ пред. **А. Л.**; е) Случай на монастырской ярмаркѣ, 1757 г.; ж) Объявленіе А. Л. Метлинскаго; з) Письмо А. В. Марковича къ Д. С. Каменецкому 1858 г.. . . . . 1—16

Текущія извѣстія . . . . 17—30

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго. Съ приложеніемъ 16-ти фототипныхъ снимковъ. **N.**; б) Przewodnik naukowy i literacki. 1896—1898 гг. **А. С.**; в) Иллюстрированный альманахъ-ежегодникъ «Кіевскій календарь Юго-Западнаго края» на 1899 г. **Н. Ш.**; г) Geneza poetycznych utworów Markiana Szaszkewicza. К. Студзинскаго. **В. Д.**; д) О. А. Мончаловскій. Литературное и политическое украинофильство. **Н. М.**; е) Церковно-приходская лѣтопись села Глубочка, свящ. А. Левицкаго. **О. Л.**; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 31—52

Археологическая лѣтопись . . . . 53—64

III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Картинка изъ временъ крѣпостного права. 2) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 2-й и 3-й.

Книга вторая—май.

ОТДѢЛЪ I.

I. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. **Е. К.** . . . . 155—180

II. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 1. Письма Н. А. Ригельмана, 1846—53 г. . . . . 181—198

III. ПОПОКЪ. (*Продолженіе*). **Б. Познанскаго** . . . . 199—248

IV. ОТЗЫВЪ М. А. МАКСИМОВИЧА О ПОЭМѢ ПУШКИНА „ПОЛТАВА". (1829 г.) . . . . 249—259

V. ПОЛУЙКА. (Оповидання старого рыпныка). **Мирона.** . . 260—282

VI. ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ ЖИЗНИ ПУШКИНА НА ЮГѢ РОССІИ. **Игн. Житецкаго** . . . . 283—306

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Малорусскіе переводы стихотвореній Пушкина; б) Кіевъ въ сороковыхъ годахъ; в) Два письма А. В. Марковича: къ Т. Г. Шевченку и П. А. Кулишу; г) Памяти П. И. Калнышевскаго. **Проф. Н. Ф. Сумцова**; д) Могила П. А. Кулиша; е) Къ исторіи «Основы»; ж) Украинскіе козаки при осадѣ Дюнкирхена, въ 1646 г.; з) Сотничій произволъ. (Документъ 1751 г.); и) Денежныя и натуральныя повинности въ пользу гетмана въ к. XVII в.; і) По поводу столѣтія со времени смерти князя А. А. Безбородка; к) Къ исторіи крестьянъ. (Письмо 1780 г); л) Каневская соборная церковь. **N.** . 65—81
Текущія извѣстія . . . . 81—88
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Bibliotekа Warszawska za 1898 г. **А. С.**; б) Къ исторіи кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. С. Голубева. **О. Л.**; в) Archiv für Slawische Philologie. **А. С—ча**; г) Документы Московскаго Архива Минист. Юстиціи. Т. I. **Н. Т.**; д) Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора, 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, 3) Хроника Русская (лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича. **Н. Т.**; ѳ) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . 89—105
Археологическая лѣтопись . . . . 106—121
III. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 4-й и 5-й.

Книга третья—Іюнь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА. (*Продолженіе*). **А. Крымскаго** . . . . 307—316
II. ПИДПАНКЫ. Драма въ 5 діяхъ и 7 одминахъ. **Карпенка-Карого** . . . . 317—366
III. ЧЕРНИГОВСКАЯ СТАРИНА. (1765—1810 гг.). По архивнымъ бумагамъ городской думы. **В. Хижнякова** . . 367—407
IV. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ. I. Проектъ поручика Нечая 1832 г., объ улучшеніи быта крестьянъ. Съ пред. **Н. М.** . . . . 408—432

V. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ. **Н. Ш.** . . . . 433—439

VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 1) Письма Н. А. Ригельмана. 2) Два письма А. Л. Метлинскаго. . 440—454

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Украинская дума въ польской литературѣ. **А. С.**; б) Старинная коляда. **В. Храневича**; в) Пирятинская «городовая армата» въ 1691 г.; г) Народный взглядъ на «нечистую» женщину. **Ив. Бѣньковскаго**; д) Къ исторіи цеховъ; е) Старинныя пригласительныя на свадьбу письма (1729—1735 гг.). **А. Л.**; ж) Письмо Василія Ивановича Григоровича, 1824 г.; з) Дневникъ Я. И. Костенецкаго. **А. Л.** . . . . 123—140

Текущія извѣстія. . . . . 140—151

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Черниговская памятка. Справочная книжка на $1898/_9$ годъ. **Н. Ш.**; б) Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Н. И. Теодоровича. **Ив. Каманина**; в) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . 152—165

Археологическая лѣтопись. . . . . 166—179

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Разсказы М. Т. Симонова. (Номиса). Листъ 6-й.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи всѣхъ малоруссовъ?

Кіевскіе и мнимокіевскіе памятники XI—XV вѣка.

(Продолженіе [1]).

6) *Архангельское евангеліе.* Извѣстно, что въ немъ (изъ 178 листовъ) надо отличать: а) вторую часть, писанную въ 1092-мъ (или 1097-мъ) году двумя писцами—Мичькою и пресвитеромъ ...томіемъ (л. 77—176) и б) первую часть (л. 1—76), писанную по разслѣдованію академика Бычкова, „въ концѣ XII-го, если не въ XIII вѣкѣ" [2]). Болѣе древнюю часть (1092 года) г. Соболевскій признаетъ за новгородскую [3]), а болѣе позднюю часть (XII—XIII в.) предлагаетъ считать за кіевскую и включаетъ въ число источниковъ для изученія старокіевскаго говора [4]). Діалектологическихъ описокъ Архангельское евангеліе XII—XIII в. даетъ слишкомъ мало: среди церковнаго языка

[1]) См. Кіев. Стар. 1899 г., январь, стр. 9—29.

[2]) Сборникъ Акад. Наукъ, т. 17-й, стр. XXXV. Мнѣ доступно было еще „Описаніе еванг. 1092-го г." архим. Амфилохія (М. 1877). Двѣ страницы посвящено этому евангелію у Воскресенскаго: „Евангеліе отъ Марка" (Сергіевъ Посадъ, 1894. стр. 15).—Кромѣ названныхъ двухъ частей, рукопись имѣетъ въ концѣ еще два листка, принадлежащіе опять другимъ писцамъ.

[3]) Изслѣдованія въ области русской грамматики. Варш. 1881, стр. 2.—Г. Колесса не обратилъ на это вниманія и старается доказать (стр. 500), что въ этой (новгородской!) части есть малоруссизмы.

[4]) Ж. М. Нар. Пр. 18 5, февраль, стр. 356.

и церковнаго правописанія попадаются, конечно, руссизмы, но все такіе, которые одинаково встрѣчаются и въ малорусскихъ, и въ бѣлорусскихъ, и въ великорусскихъ памятникахъ; характернѣе прочихъ чертъ—смѣшеніе ѣ и и [1]),—черта, которая дѣйствительно была свойственна старому Кіеву (какъ видно изъ Святославовыхъ сборниковъ), но и она мало характерна, потому что, кромѣ Кіева, она была свойственна и Галичинѣ, и Волыни, и сѣверной Руси. На рукописи Архангельскаго евангелія нѣтъ ни одного замѣчанія, говорящаго о Кіевѣ. Быть можетъ, оно какъ разъ галицкое! (Антималоруссизмовъ въ немъ нѣтъ).

---

7) *Румянцевская лѣствица XII—XIII в.* О ней Срезневскій говоритъ: „Это—произведеніе, важное потому, что въ немъ русскій переписчикъ *сохранилъ древнее правописаніе* нерусскаго подлинника“ [2]). Другими словами, для русской діалектологіи этотъ памятникъ вообще не пригоденъ. О Кіевѣ въ немъ ничто не говоритъ, и мы низачто не могли понять, почему это г. Соболевскій можетъ считать данный памятникъ за кіевскій, если бы самъ г. Соболевскій не потрудился объяснить того принципа, которымъ онъ руководится при классификаціи рукописей. Вотъ его точныя слова: „Для знакомства съ древнекіевскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которыя не имѣютъ въ своемъ правописаніи ни новгородскихъ, ни галицко-волынскихъ особенностей“ [3]). По этому интересному принципу можно искать кіевскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, смѣло заявлять, что старокіевскій говоръ былъ великорусскій.

---

[1]) По описанію архим. Амфилохія можемъ отмѣтить: вндѣла (стр. 9, вм. видѣла), ѣ (αὐτόν, стр. 10), гадарѣньскоу (стр. 17), въ црквѣ (стр. 19); впрочемъ, быть можетъ, эта послѣдняя форма произведена отъ имен. пад. падежа „цьркві“).

[2]) Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-е изд. Спб. 1882, стр. 121.

[3]) Ж. М. Нар. Пр. 1885 февр., стр. 356.

8) *Сказаніе Ипполита объ Антихристѣ XII—XIII* в. [1]). Въ настоящее время рукопись находится въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, а попала туда не позже, чѣмъ при Димитріи Донскомъ [2]). На оборотѣ перваго листа помѣщено, съ церковью въ рукахъ, изображеніе святого псковскаго князя Всеволода-Гавріила [3]), строителя многихъ церквей въ Новгородѣ и Псковѣ, умершаго въ 1132-мъ году; въ 1192-мъ году обрѣтены его нетлѣнныя мощи [4]). И эту то рукопись, явно относящуюся къ произведеніямъ Новгорода или Пскова и ничего не говорящую о Кіевѣ, г. Соболевскій считаетъ критеріемъ для сужденія о кіевскомъ говорѣ [5])!

---

9) *Евангеліе Церковно-археологическаго музея* при Кіевской духовной академіи, XIII в. Болѣе короткое его названіе—*Оршанское евангеліе*. Пожертвовано оно въ музей помѣщикомъ Меленевскимъ, которому оно досталось изъ разнаго хлама церковныхъ вещей и бумагъ, выброшенныхъ французами изъ монастырей г. Орши Могилевской губерніи послѣ разграбленія этихъ монастырей въ войну 1812—1814 года [6]); значитъ, найдено оно въ Бѣлоруссіи. Палеографическія особенности Оршанскаго еван-

---

[1]) Издано Невоструевымъ: „Слово святаго Ипполита объ Антихристѣ" (М. 1868) и Срезневскимъ въ „Отчетѣ о 15-мъ присужденіи наградъ графа Уварова". (Спб. 1874, стр. 140—362).

[2]) См. приписку, сообщенную у Невоструева, стр. 3.

[3]) Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки, т. I, № XIV, стр. 47. Невоструевъ, стр. 2—3.

[4]) Невоструевъ, стр. 3.

[5]) Г. Соболевскій, какъ на образецъ чертъ кіевскаго говора, указываетъ въ Словѣ Ипполита на три особенности. (Ж. М. Н. Пр. 1885, февраль, 356). Но эти всѣ три особенности отмѣчены бывали самимъ г. Соболевскимъ и въ псковскихъ памятникахъ, а именно: 1) *е* вм. *я* и наоборотъ самъ г. Соболевскій включилъ въ число „видныхъ псковскихъ особенностей" (Очерки, 145); 2) *и* вм. *ѣ* отмѣчается г. Соболевскимъ почти въ каждой псковской рукописи (Очерки 120, 123, 126, 129, 133, 137, 141); 3) *о* вм. *е* послѣ шипящихъ и *ц*—также (Очерки 130, 133).

[6]) Г. Крыжановскій: Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. Кіевъ 1889, стр. 3.

гелія, по наблюденію г. Крыжановскаго, приближают Оршанское евангеліе къ новгородской Кормчей около 1281 года, рязанской Кормчей 1284 года, западно-русской Псалтири 1296 г. Патерику Скитскому 1296 года, грамотѣ смоленскаго князя Александра 1297—1298 г., рядной грамотѣ Тѣшаты до 1299-го года и друг. [1]), т. е. къ памятникамъ, далекимъ отъ Кіева. „Изслѣдуя языкъ Оршанскаго евангелія", говоритъ г. Крыжановскій, „мы видимъ въ немъ множество руссизмовъ, но недостаточно опредѣленныхъ. Преобладающій элементъ, впрочемъ, великорусскій (сѣверно-русскій или вѣрнѣе — бѣлорусскій" [2]). Въ немъ есть аканье [3]), но „прежде всего обращаетъ на себя вниманіе употребленіе *ц* вмѣсто *ч* и наоборотъ" [4]),—черта, неизвѣстная кіевскимъ изборникамъ Святослава. Г. Крыжановскій добавляетъ наконецъ, что противъ южно-русскаго происхожденія Оршанскаго евангелія говорятъ и календарныя особенности рукописи: „Нужно замѣтить, что мѣсяцесловъ Оршанскаго евангелія—одинъ изъ полнѣйшихъ между древними русскими мѣсяцесловами. Не смотря на это, въ немъ не упоминаются многіе изъ такихъ южныхъ праздниковъ и святыхъ, которые часто встрѣчаются въ памятникахъ не только южно-русскаго, но и сѣверно-русскаго письма. Такъ, въ немъ не упоминаются: Ѳеодосій, игуменъ печерскій (3 мая), Перенесеніе его мощей (31 мая), Освященіе храма пресвятой Богородицы въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ (12 мая), Кириллъ, учитель славянскаго языка (14 февраля). Память Кирилла и Меѳодія не показана въ мѣсяцесловѣ ни разу, а праздникъ въ честь кн. Владиміра, опущенный въ текстѣ, дописанъ потомъ сбоку, на полѣ (15 іюля). Напротивъ, въ мѣсяцесловѣ упоминается *Обрѣтеніе честнаго телесе св. Леонтія, епископа Ростовскаго* (24

---

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Стр. 24.

[3]) Со араматы, Ареста. Патаиия. См. назв. изслѣдованіе г. Крыжановскаго, стр. 24.

[4]) Назв. сочиненіе, стр. 24. Можно пожалѣть, что г. Крыжановскій не позаботился, для большей наглядности, перечислить случаи такого смѣшенія шипящихъ.

мая),—праздникъ, установленный ,можно думать, въ концѣ XII в., но во всеобщее употребленіе вошедшій много спустя, такъ-какъ, по свидѣтельству историковъ, первоначально имѣлъ только мѣстное значеніе. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣсяцеслововъ Московской Синодальной библіотеки, Румянцевскаго музея и другихъ книгохранилищъ этотъ праздникъ упоминается только въ двухъ: въ мѣсяцесловѣ при Евангеліи XVI в. Москов. Синод. библіотеки [1]) и при Апостолѣ XVI в. той же библіотеки [2]). Естественно поэтому думать, что Оршанское евангеліе писано гдѣ нибудь на сѣверѣ или сѣверо-западѣ въ XIII вѣкѣ" [3]).

Обратимся наконецъ къ десятой рукописи, къ той рукописи, которую г. Соболевскій относитъ къ числу *„самыхъ авторитетныхъ"* [4]) памятниковъ кіевскаго говора домонгольскаго періода. Это—

10) Новгородская *Тріодь Моисея Кіянина* XII—XIII в. Слово „Кіянинъ" можетъ имѣть два значенія: во-первыхъ, оно можетъ означать „кіевлянинъ", во-вторыхъ, оно можетъ быть именемъ не то некалендарнымъ личнымъ (равносильнымъ крестному „Иванъ", „Петръ", „Моисей"), не то прозвищемъ или именемъ фамильнымъ у людей, которые вовсе и не жили въ Кіевѣ [5]). Такъ какъ Моисей (это видно изъ записи) былъ нов-

---

[1]) Описаніе рукописей Московской Синодальной библіотеки, отд. I, стр. 339.

[2]) Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV вѣка.—Воскресенскаго, стр. 179.

[3]) Крыжановскій, названное сочиненіе, стр. 26—27.

[4]) Лекціи, изд. 2-е, стр. 40.

[5]) У сѣверскаго князя Святослава Всеволодовича былъ бояринъ, по имени Кіянинъ, и только подъ этимъ однимъ именемъ, безъ прибавки всякаго другого имени, онъ упоминается (Ипат. лѣт. 341) въ перечнѣ пословъ, гдѣ остальные послы названы Гаврило, Онофрій, Жирославъ и т. п.;—ясно, что и Кіянинъ было здѣсь имя личное, изъ разряда т. н. некалендарныхъ, вродѣ Черемисинъ Ивановичъ, Чувашинъ Мироновичъ и т п.—Когда устанавливалась Русская Правда дѣтьми Ярослава, тогда на съѣздѣ былъ переяславецъ Никыфоръ Кыянинъ; это „Кыянинъ" очень похоже на имя фамильное или на прозвище (или опять таки на личное, некалендарное имя), и въ указателѣ къ „Древнимъ памятникамъ" Срезневскаго оно появляется не подъ буквою *м* или *н* (не на ряду съ другими Никифорами), а подъ буквою *к* („Кіянинъ Никифоръ, бояринъ"). У Андрея Боголюбскаго, не терпѣв-

городскимъ старожиломъ и притомъ обнаружилъ въ своей рѣчи яркое смѣшеніе *ч* и *ц* (характерную черту новгородскую, неизвѣстную Кіеву), то является основаніе подумать, что „Кіянинъ“ есть другое имя Моисея или его прозвище, которое еще не означаетъ непремѣнно кіевскаго происхожденія Моисея Кіянина. Но г. Соболевскій, кажется, не желаетъ даже того, чтобы подобное соображеніе приходило въ голову читателю: въ своихъ „Лекціяхъ“ [1]) онъ избѣгаетъ названія „Кіянинъ“ и титулуетъ Моисея не иначе, какъ „кіевляниномъ“. Въ статьѣ же „Источники для знакомства съ кіевскимъ говоромъ“ онъ увѣряетъ, что хотя Моисей „жилъ, вѣроятно, въ Новгородѣ, но говорилъ по-кіевски“ [2]). Посмотримъ же на запись, которую сдѣлалъ Моисей на Тріоди [3]): „**Съконьчашася книгꙑи сиꙗ м҃ца генъвра к҃в с҃тго ап҃ла Тимофеꙗ, ꙁимѣ. А Стефанъ далъ лежень, ст҃ымъ [м҃ученикамъ?] и (бр)атии своего дѣлꙗ сп҃сениꙗ и всѣхъ с҃тыихъ. А лежалъ сорокъ лѣтъ. А вдалъ ст҃ымъ м҃уницамъ двери да блаждореꙁъ кованъ, а Б҃а дѣлꙗ. И бѣше Мариꙗ б҃гобоꙗꙁнива и х҃олюбива, боꙗщася Б҃а, пре-**

шаго кіевлянъ, былъ (въ Суздалѣ) любимый слуга Кузмище Киянинъ (Ипат. лѣт. 400 и слѣд.),—можно здѣсь очень сомнѣваться въ кіевскомъ происхожденіи Кузмища и видѣть въ „Кіянинъ“ прозвище, вовсе не означающее, что Кузмище былъ родомъ изъ Кіева. Какой былъ смыслъ этого прозвища, теперь рѣшить трудно; по мнѣнію Н. Н. Харузина (который читаетъ этнографію въ Московскомъ университетѣ и Лазар. институтѣ и спеціально занимался некалендарными именами древней Руси), „Кіянинъ“ могло бы обозначать что-нибудь вродѣ „искусникъ“ (въ противность именамъ типа „Черемисинъ“, „Чувашинъ“, которыя давались, какъ личныя коренным русскимъ, должно быть, за отрицательныя качества). Не надо также забывать, что иной человѣкъ, въ томъ числѣ и Моисей, писецъ Тріоди, могъ быть прозванъ Кіяниномъ просто въ силу какой-нибудь спеціальной причины, о которой теперь мы и догадываться не можемъ вслѣдствіе ея случайности.—Отмѣтимъ еще близкую къ „Кіянинъ“ фамилію „Кіяниновъ“; Гаврилой Кіяниновымъ назывался какой-то вліятельный человѣкъ въ Новгородѣ XIII вѣка,—туземецъ, который былъ однимъ изъ первыхъ пріятелей тысяцкаго Ратибора и оказался зачинщикомъ въ мятежѣ противъ князя Ярослава Ярославича (упомянутъ подъ 6778 годомъ=1270 г.).

1) 1-е изд., стр. 12 и 36; 2-е изд., стр. 13 и 40.

2) Ж. Мин. Нар. Просв., 1885, февр., стр. 355. Въ „Лекціяхъ“ ужъ нѣтъ ни слова о томъ, что Моисей былъ новгородцемъ.

3) Приводимъ эту запись изъ Срезневскаго: „Древніе памятники русскаго письма и языка“. Спб. 1882, стр. 77—78.

бывающа съ страхомь н Ба болащаса по вса днйн, а ҳа мнръ молаща" (далѣе подпись Моисея „**Монсн псалъ, грѣшъный Кнанинъ**"). Въ тонѣ этой записки такъ и чувствуется человѣкъ, издавна жившій въ Новгородѣ и знакомый съ разными мелкими обстоятельствами мѣстной жизни; поэтому, если бъ Моисей родился даже въ Кіевѣ [1]), то долгое пребываніе въ Новгородѣ все равно измѣнило бы его языкъ на новгородскій ладъ и затерло бъ особенности кіевскія. И дѣйствительно въ Тріоди мы видимъ антикіевскую, новгородскую черту: смѣшеніе *ч* и *ц* (вели*ц*ающе, у*ц*еници и т. д.). Какой же это „самый авторитетный" источникъ для изученія рѣчи кіевской!

Г. Соболевскій, чтобы подорвать значеніе вышеотмѣченной новгородской черты и сдѣлать языкъ Моисея критеріемъ для сужденія о *кіевской* рѣчи, говоритъ, будто Тріодь Моисея Кіянина распадается на двѣ части: на первую (до листа 222-го), гдѣ (будто бы) нѣтъ смѣшенія *ч* и *ц*, и на вторую (л. 222—257), гдѣ такое смѣшеніе есть; каждая часть писана, будто бы, разнымъ почеркомъ. Вторую часть, по мнѣнію г. Соболевскаго, писалъ какой-то новгородецъ [2]), и только первую половину да запись написалъ Моисей „кіевлянинъ" [3]). Но, во-первыхъ, Срезневскій, съ которымъ въ дѣлѣ палеографіи трудно спорить, никакихъ *двухъ* почерковъ въ Тріоди не замѣтилъ, хотя, по увѣренію г. Соболевскаго, они якобы „*ясно* различаются". Во-вторыхъ, признавши за Моисеемъ только первую часть и запись, г. Соболевскій проявилъ съ своей стороны большую небрежность: запись („Моиси псалъ Киянинъ") помѣщена не въ первой части Тріоди, а на листѣ 257-мъ [4]), т. е. какъ разъ *во второй* части (которая, по признанію самого г. Соболевскаго писана *по-нов-*

[1]) Во избѣжаніе неразрѣшимыхъ споровъ мы охотно готовы и это принять.

[2]) Интересно однако, что въ „Лекціяхъ" (1-ое изд., стр. 12; 2-е изд., стр. 13) г. Соболевскій не включаетъ этой второй части Тріоди въ списокъ источниковъ для ознакомленія съ новгородскимъ нарѣчіемъ, а всю Тріодь цѣликомъ приписываетъ Моисею „кіевлянину", безъ раздѣленія на какія бы то ни было части.

[3]) „Источники", стр. 355.

[4]) См. Срезневскаго: „Древніе пам. р. письма", стр. 77. А г. Соболевскій утаиваетъ отъ читателя этотъ фактъ.

городски)! И притомъ въ записи вполнѣ точно указано, что Моисей Кіянинъ довелъ переписку Тріоди *до конца* („*съконьчашася* книгыи сия")!

Какъ видимъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Моисею принадлежитъ не только первая половина Тріоди, а сполна *вся* Тріодь, со второй частью, новгородскій языкъ которой не оспаривается и г. Соболевскимъ. Но для лучшей характеристики интересныхъ научныхъ особенностей г. Соболевскаго не мѣшаетъ еще упомянуть, какъ онъ препарируетъ первую часть Тріоди. Дѣло въ томъ, что и въ первой части также есть новгородское, антикіевское смѣшеніе *ч* и *ц*; такъ, на л. 21 об. написано: „о(ть)*ц*ьнями млъниими". Г. Соболевскій упоминаетъ объ этомъ фактѣ какъ бы не придавая ему значенія, мимоходомъ, въ сноскѣ [1]) и старается его затушевать особымъ образомъ. Именно, рядомъ съ „о(ть)*ц*ьними млъниими" онъ пишетъ по-гречески „ταῖς τῶν πατέρων ἀστραπαῖς" и заявляетъ, что повидимому Моисей сперва хотѣлъ поставить родительный падежъ множественнаго числа (о(ть)ць), а ужъ потомъ измѣнилъ родительный падежъ существительнаго на прилагательное, причемъ *ц* такъ и осталось. Значитъ, Моисей не просто списывалъ Тріодь, а переводилъ вновь?! Онъ зналъ греческій языкъ?! Да кто далъ право г. Соболевскому на эти гипотезы? И какъ же понимать въ такомъ случаѣ его же утвержденіе, высказанное и неоспоримо доказанное всего двадцатью строчками выше: „оригиналъ у Моисея былъ поздній церковнославянскій"?—или мы должны предполагать такую мудреную вещь, что полуграмотный Моисей, переписывая „поздній церковно-славянскій" текстъ, свѣрялъ его съ греческимъ оригиналомъ?! И можемъ ли мы приписать такое тщаніе именно Моисею, о которомъ и г. Соболевскій (на той же страницѣ) констатируетъ, что „Моисей работалъ чрезвычайно небрежно"?!

Таковъ то „*самый авторитетный*" источникъ г. Соболевскаго для знакомства со старо-кіевскимъ говоромъ. Онъ не

---

[1]) Ж. М. Нар. Пр., назв. статья, стр. 355.

можетъ выдержать легчайшаго прикосновенія критики: сразу же выясняется, что эта новгородская Тріодь Моисея Кіянина такой же неавторитетный источникъ, какъ и девять предыдущихъ (тоже преимущественно новгородскихъ), и даже, пожалуй, еще неавторитетнѣе [1]). Г. Соболевскій, на основаніи ихъ, „счелъ для себя возможнымъ остаться при своей гипотезѣ о большей близости древнекіевскаго говора къ говорамъ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ" [2]). Выраженіе „о большей *близости*" является со стороны г. Соболевскаго даже уступкой: изучая кіевскій говоръ не по кіевскимъ, а по завѣдомо новгородскимъ памятникамъ, онъ могъ бы выразиться и посмѣлѣе, т. е. могъ бы прямо сказать, что кіевскій говоръ есть *чисто* великорусскій.

Дѣйствительно авторитетными кіевскими памятниками домонгольскаго періода являются исключительно Святославовы сборники 1073-го и 1076-го года, и въ нихъ, какъ мы видѣли, не только нѣтъ ничего антималорусскаго, но, напротивъ, въ нихъ достаточно ясно отразилась сквозь церковно-славянскую кору рѣчь малорусскихъ предковъ, мыслимая въ XI вѣкѣ. Съ большей ясностью малорусскія черты проявляются въ кіевскихъ памятникахъ послѣмонгольскихъ. Но г. Соболевскій и тутъ постарался надѣлить Кіевъ некіевскими рукописями. Произведемъ же обзоръ ихъ.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Объ Архангельскомъ евангеліи XIII в., безъ кіевской даты, но и безъ черть противокіевскихъ, еще можно сомнѣваться, галичаниномъ ли, новгородцемъ или кіевляниномъ оно переписано. А на счетъ Моисеевой Тріоди никакое сомнѣніе немыслимо: она то безусловно (новгородскій памятникъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

[2]) Ж. М. Н. Просв., назв. статья, стр. 357.

Просимъ исправить пропуски и опечатки въ предыдущей статьѣ (январь 1899).

На стр. 9, строка 12 снизу, напечатано: собственно должно быть: собственно,
" — 8 " обособленія обособленіи
" 12, къ отдѣлу а) нужно добавить: печара—у Франка („Зъ вершинъ и низинъ" Львивъ 1893, стр. 176).
" 14, строка 3-я напечатано: халята должно быть: халяпа
" 15, къ отдѣлу ж) добавить: скрябатыся—у Мордовцева (Саратовскій литерат. сборникъ, 1859, стр. 178).
" 17, строка последняя—напечатано: Андріи должно быть: Андрія
" 19, строка 4-я " 1976 " 1076
" 17, (строка 14), стр. 18 (строка 1 и 15) и стр. 19 (строка 7, второе слово) напечатанъ юсъ малый вмѣсто юса большого
" 19, строка снизу 8-ая, напечатано: постаrитъ должно быть: поставитъ
" 20-ой, 21-й, 24-й и 25-ой напечатана церковнославанская буква И вм. Н
" 21, (строка 9) напечатано: про должно быть: что
" 20, строка послѣдняя " " видиниѥ, нисть
" 23, строка 23 " Паисіевомъ " " Паисіевомъ
" 24, строка снизу 6-ая " Ѩ БРАТНѢ " " Ѩ: БРАТНѢ
" 28, въ поправкѣ на стр. 259-ой напечатано: Болеславъ вмѣсто: Бориславъ.

ПИДПАНКЫ.

Драма въ 5 діяхъ и 7 одминахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

Фылымонъ, дворецькый.
Гаврюшка, козачокъ.
Атаманъ.
Экономъ.
Дуняшка, горнышна.
Домаха, удова
Васылына, іи дочка.
Софронъ, іи чоловикъ.
Карпо, товарышъ ёго.
Соломія, ёго жинка.
Чоловикъ 1.
Чоловикъ 2.
Гаврыло.
Аврамъ, старый дидъ.
Молодыци, дивчата, чоловикы.

ДІЯ I.

Одмина перша.

Покой у велыкимъ панськимъ будынку, въ котримъ мистытся бухветъ.

Ява I.

Фылымонъ. (*Ходыть по покою*). И якъ воно сталось? (*Набывае люльку зъ довгымъ чубукомъ*). Гаврюшка! (*Входыть Гаврюшка*). Дай огню! (*Закурюе*). Клыкавъ эконома?

Гаврюшка. Клыкавъ. Заразъ прыйде.

Фылымонъ. (*Маха рукою, Гаврюшка выходыть*). Безъ дозволу таку гарну дивчыну звинчалы! Хе! Може нимець самъ давъ дозвилъ. Винъ тутъ недавно, звычаивъ не знае. Гаврюшка! И якъ же я ранійше не бачывъ цiеи дивчыны? (*Входе Гаврюшка*). Атамана не бачывъ?

Гаврюшка. Тилько що пишовъ у застольну.

Фылымонъ. Чого жъ це нимець не иде? (*Дзвинокъ*).

Гаврюшка. Дзвонять.

Фылымонъ. Не твое дило. (*Дзвинокъ*). Ну, роздзвонывся! Якъ прыйде нимець, нехяй мене пидожде. (*Пишовъ у покои*).

—

Ява II.

Гаврюшка. (*Одынъ*). Чого-сь Фылымонъ Сыдоровычъ зъирытбвани. Цикаво! Треба пидслухать, я страсть люблю пидслухувать, щобъ усе знать. (*Входе экономъ*).

Ява III.

Экономъ и Гаврюшка.

Экономъ. Каспадынъ у себья?

Гаврюшка. Фылымонъ Сыдоровычъ? Воны заразъ выйдуть, пождить тутъ.

Экономъ. Я тебья спрашивайтъ о каспадынъ, а не о Фылымонушка! Ты эти... эти шуткы зо мною не шуты... Потому я хляднокровый и тому подобіе...

Гаврюшка. Та я Богданъ Богдановычъ не шуткую, ей Богу. Васъ клыкалы не панъ, а Фылымонъ Сыдоровычъ!

Экономъ. Фылымонушка? зашемъ самъ Фылымонушка не пошёль на контору?!.. Эти... Грюбо, не диликатно, я эти... эти не будить позволяйтъ. Я экономъ, а не какой-нибудь сякой такой и тому подобіе! Я слюжитъ каспадыну помѣщикъ, а не дворецкому Фылымонушка! Фылымонушка эти... Хвылка, а я Богданъ Богдановычъ! Я не будитъ слюжитъ Хвылка... Я хляднокровый и тому подобіе, але я можу розсердыться и тогда будить выходить што-нибудь полюче. (*На выходи*). Мушикъ.. (*Выйшовъ*).

—

Ява IV.

Гаврюшка. (*Одынъ*). Дывы, якъ нимець росходывся! Стривай, ты ще не знаешъ Фылымона Сыдоровыча, булы й кращи та слухалы ёго й боялыся. (*Входыть Фылымонъ*). Тилько що прыходывъ нимець...

—

Ява V.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. А де жъ винъ?

Гаврюшка. Пишовъ. Тутъ розгнивався бида якъ, що вы ёго поклыкалы до себе, а не сами пишлы до нёго. Фылымонушка, каже, Хвылька, а я Богданъ Богдановычъ!.. Такый!

Фылымонъ. Бачъ бисова ковбаса яку пыху заломывъ. Колы такъ, нехай же Богданъ Богдановычъ зостанется теперъ зъ одною тыжнёвкою. Нехай Королына Адамовна сама засукуе рукава. Бижы, скажы Мыкыти, що винъ нуженъ мени въ двори, нехай покыне заразъ экопома и йде на свое мисце—обійдется Богданъ Богдановычъ и безъ лакея, не велыкый панъ... Та перше поклычъ мени атамана (*Гаврюшка пишовъ*). Побачымо, що вимець засипае, якъ одныму лышнёго слугу та не дамъ зъ панського погреба то сёго, то того—нехай попостыть. Бачъ, Хвылька! Та знаешъ ты, нимче, що Хвылька змалку биля панивъ образувався, мае благородну натуру и вже давно Фылымонъ Сыдоровычъ! Теперъ Хвылькы уси боятся, бильшъ нижъ пана, бо панъ, колы що, то й помылуе... Тилько скрывывся хто, годи! А передо мною нехай не тилько крывытся, хочъ нехай скорчыть усёго, а колы мени треба, щобъ було по моёму, не помылую и що я скажу, те й панъ скаже. А чимъ до всёго дійшовъ? Знаю панову думку: винъ подума тилько, а я вже й зробывъ... Отъ и сёгодня. (*Оглядается*). Панъ спытавъ мене,—чыя це така красыва дивчына винчается, де вона взялася, що я іи не бачывъ? Отъ винъ тилькы спытавъ та й годи, а я заразъ и на усъ закрутывъ: треба услужыть, сурпрызъ зробыть!.. (*Входыть атаманъ*).

Ява VI.

Фылымонъ и атаманъ.

Атаманъ. Добрыдень Фылымонъ Сыдоровычъ! Клыкалы?

Фылымонъ. Клыкавъ. Скажы на мылость, якъ це такъ сталось, що Домашыну дочку Ярыну сёгодня звинчалы безъ дозволу?

Атаманъ. Ни, по квитку?

Фылымонъ. Колы жъ ій квитокъ далы, хто давъ? Я іи не бачывъ, у двори вона не була, дозволу не просыла. (*Гаврюшка выглянувъ у двери и сховався*).

Атаманъ. Та вы саме тоди въ городъ йиздылы, якъ Домаха просыла дозволу.

Фылымонъ. Ну?

Атаманъ. На тымъ тыжни... Та такъ, на тимъ. Прыйшовъ у вечери я за прыказаніемъ, а мене й позвалы до пана... Пытають мене, яка вона выходыть на масть... А я сплутавъ іи зъ Ярыною Лозовою, що свыней позаторикъ пасла, намьятаете? Та й кажу: поганенька, кажу, таранкувата, и очи лыбонь закысають, вона, кажу, свыней позаторикъ пасла,—панъ скрывылыся, наче зелену слыву роскусылы, и звелилы дать квитокъ.

Фылымонъ. Буде жъ тоби кыслоока!

Атаманъ. А хиба що?

Фылымонъ. А то, що панъ іи бачывъ сёгодня и звеливъ дознаться, хто давъ квитокъ? (*Дзвинокъ*). Чуешъ? Це вже за неи знову спытае. Пожды жъ, я заразъ. (*Пишовъ у покои*).

—

Ява VII.

Атаманъ. (*Одынъ*). Отъ тоби й маешъ! Збрехавъ на свою голову... Часто буває, зовсимъ не знаешъ або забудешъ яке дило, то тилькы глянешъ на стелю, мовъ прыгадуешъ и брешешъ абы до ладу, бо атаманови не прыходытся сказать—не знаю, треба все знать, на все одповидь давать. Погано. И на стелю глянувъ и збрехавъ не до ладу. Красыву дивку назвавъ кыслоокою... Кепсько! (*Входыть Фылымонъ*). А що Фылымонъ Сыдоровычъ?

—

Ява VIII.

Фылымонъ и атаманъ.

Фылымонъ. Та отъ що: трохы пизнійше... (*Оглядается. Гаврюшка выглянувъ у двери и сховався,—Фылымонъ крутнувъ головою*). Визьмешъ Софрона зъ весилля у буцыгарню, а до Васылыны я пошлю посла... Тилько гляды, визьмы Софрона въ свій часъ, не прогавъ! Розуміешъ?

Атаманъ. А звисно, розумію... До вечора треба взять, розумію.

Фылымонъ. Иды жъ. На твоій спыни окошытся всяка невдача.

Атаманъ. (*На выходи зитхнувши*). Ну й жыття атаманьске! (*Выйшовъ*).

—

Ява IX.

Фылымонъ. (*Одынъ*). Теперъ Самійла налякавъ, изъ шкуры вылизе, щобъ угодыть! Дума панови годыть, а винъ мени на корысть служе, бо панъ ничогисенько не знае про мои замиры... Гаврюшка! (*Входыть Гаврюшка*).

—

Ява X.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. (*Бере Гаврюшку за ухо*). Ты чого заглядавъ? Пидслухавъ?

Гаврюшка. Ей-Богу, побый мене Богъ, хрестъ мене накажы, не пидслухавъ. Я хотивъ увійты, та побачывъ, що вы не одни—не посмивъ.

Фылымонъ. Брешешъ вытушка! Знаю я. (*Выпускае ухо*). Гляды жъ мени, що бъ було усе шыто-крыто. Безъ мого дозволу не впускать никого въ горныци, хочъ бы до самои Дуняшкы йшовъ, и Матюшци скажы, що бъ Боже сохраны никого зъ сельськыхъ не впустылы—чуешъ? А то обомъ лобы забрыю! А Мыкыту взявъ видъ эконома?

Гаврюшка. Взявъ. Нимець крычавъ, плювався, зъ жинкою сварывся, тилько не розберешъ ничого, все по своёму мовъ гусы герготалы.

Фылымонъ. Ага! Поставъ же тутъ кого-небудь, а самъ пиды знайды Соломію и шепны ій, щобъ прыйшла сюды, та гляды, щобъ хто не почувъ. (*Гаврюшка пишовъ*). Проворный вражый сынъ! Скризь пролизе, пидслухае—права рука. Зъ нёго колысь буде гарный дворецькый. (*Входыть экономъ*).

Ява XI.

Экономъ и Фылымонъ.

Экономъ (*чоломкаючысь*). Моргенъ, майнъ либеръ! А за шемъ Фылымонушка вы эти... взяль одъ мене Мыкыту? Вы зердыца на мене хочите? За шево? Хе, хе, хе! Эти... эти не корошо, зовсемъ не корошо!.. И я, и моя Каролина и усо семейство васъ такъ уважайтъ.

Фылымонъ. Та Мыкыта, бачыте, потрибенъ у двори...

Экономъ. За шемъ? У васъ много людей... и тому подобіе... Вы огорчилъ моя Каролина... дама огорчилъ, она плячить... Эти... эти не хорошо и тому подобіе...

Фылымонъ. Знаете, Богданъ Богдановычъ, що я вамъ скажу: рука руку мые! Вы мени уважыте, я вамъ що-небудь зроблю. Вы тутъ въ новости. Я васъ поклыкавъ, а вы на мене розгнивалысь... Ну, думаю соби, колы Богданъ Богдановычъ не хоче мени угождать, гордуе протывъ мене, не буду жъ и я ёму угождать... А якъ будемо йты одынъ проты другого, то разъ-у-разъ такъ буде.

Ну, ну будимъ забывайтъ эти... эти... будимъ загласно жыть: вы мене послюжитъ, я вамъ послюжитъ. Дѣлайте дама одольженіе, посылайте Мыкытку зейчасъ; потому знаете, у мене эти... эти десяйтъ дѣтушекъ и тому подобіе и зъ одною тыжніёвкою ошынь трюдно бѣдной Каролини.

Фылымонъ. Такъ мыръ?

Экономъ. (*Трусыть руку*). И зоюзъ, и зоюзъ!.. Кажите, за шымъ присылали и я зичасъ усо будить дѣляль для васъ.

Фылымонъ. Теперъ покы що, ничого не треба, я вже веливъ атаманови. (*У двери*). Скажы тамъ Мыкыти, щобъ ишовъ до эконома заразъ! А колы що треба, Богданъ Богдановычъ, чы рыжу, чы озюму, чы кохвію, чы тамъ що иньче—можна дать, прысылайте.

Экономъ. Ихъ данке, ихъ данке, майнъ либеръ! Ну до звиданія зъ вамы! Заходите до мене; будымъ играть зехсъ ундъ зехцикъ и тому подобіе... Я васъ будить учить, хе, хе, хе!..

Ява XIII.

Фылымонъ. (*Одынъ*). Ха, ха, ха! Отъ тоби й Хвылька! Вси слухають!.. Прыятно!.. Дуняшка иноди у печинкахъ сыдыть... Забрала паню въ рукы, и не боится мене, клята! Хиба женытся на ній, то й вона буде трусыться? Колы жъ погана? Та що мени Дуняшка? Плювать! Треба тилько панови супрызъ уміючы пиднесты... Знаю, що буде доволенъ... и подякуе, або коня подаруе, або сотняжка прылыпне до моихъ рукъ. (*Вбигае Дуняшка*).

—

Ява XIV.

Фылымонъ и Дуняшка.

Дуняшка. (*Ще зъ дверей*). На якимъ такимъ повнимъ прави, Фыломонъ Сыдоровычъ, вы не звелилы пропускать до мене никого? Що це за мода така? Всихъ позапыралы тутъ и держыте, мовъ пидъ замкомъ. Що вы тутъ таке? Не велыка птыця дворецькый! Я барыни пожаліюсь.

Фылымонъ. Не гарячиться, не быйте подоломъ объ сухи колина, бо плаття посичется! Першъ усёго скажить мени, на якимъ прави вы требуете видъ мене одчота? Идить жалійтесь; а я скажу, що у мене посуда и столове бильё зъ бухвета пропадае и ни на кому спытать, бо до васъ лазыть усяка свынота.

Дуняшка. Яка? Яка свынота лазыть! Хиба паламарша свыня? У, безсовисный,—вона жъ и вамъ кума!

Фылымонъ. Паламарша не въ щотъ; я паламаршу звелю пускать, а вы зазываете ворожокъ: Кулыну, Горпыну, цыганокъ заклыкаете и дида Аврама, щобъ ворожылы вамъ,—чы скоро замижъ пидете. А що? почервонилы! Ха, ха, ха!

Дуняшка. Я? Я, ворожокъ?.. Писля такыхъ вашыхъ словъ, вы, Фылымонъ Сыдоровычъ, дуракъ!

Фылымонъ. Авдотья Даныловна! Идить у свою гардеропну, перетрусюйте плаття! Я до васъ не хожу, а вы до мене не ходить, бо якъ будете гарчать, то на цепъ посадю.

Дуняшка. Такъ я собака по вашому?

Фылымонъ. По моёму вы стара дивка, а стари дивкы зли якъ собакы! А вы краще не сердьтесь, жывить зо мною въ злагоди, то буду сватать, хе, хе, хе!

Дуняшка. Вы псарь, а не дворецькый! Вы ніякого обхожденія не понимаете? Прахвостъ вы, Фылымонъ Сыдоровычъ!

Фылымонъ. А вы чахоня.

Дуняшка. Мерзавець вы, Фылымонъ Сыдоровычъ!

Фылымонъ. А вы—селёдка!

Дуняшка. Я вамъ такои обиды по смерть не забуду (*Выбигае*).

Фылымонъ. (*У слидъ*). Ха, ха, ха!..

Зависа.

Одмина друга.

У Домахы въ хати. Довгый стиль, покрытый товстою скатертью. Кругомъ лавкы. За столомъ сыдять густо люде. На столи гыльце, мыскы зъ стравою, нарізано хлиба. Людей у хати багато: и стоять, и сыдять, на печи и прыпичку диты стоять. Музыка. Молоди на посади.

Ява I.

Дивчата. Изъ-за горы гуска летила,
Зъ перцемъ капуста кыпила.
Хочъ зъ перцемъ, не зъ перцемъ,—
Просымо зъ щирымъ серцемъ
Йижте, бояре, ложкамы,
Бо въ насъ капуста дижкамы,
Бо въ насъ Васылына садыла,
Бо въ насъ капуста вродыла.
Вы, бояре, вы чужосторонци
Та не берить по повній ложци,
А берить по половынци,
Щобъ стало всій родынци.

Мыръ мыромъ
Пыроги зъ сыромъ,
Вареныкъ въ масли
Дружечкы прекрасни,
Просымо васъ.
Ни бояре, йи
Цилого вола зйилы
На столи ни рисочкы
Пидъ столомъ вси кисточкы;
Йилы, дружечкы, йилы
Пивъ голубчыка зйилы,
Пидъ столомъ ни рисочкы
На столи вси кисточкы

(*Весильна писня зъ козачкомъ*).

Ой зъ-за горы чорни хмары
Та рано, рано.
Ой зъ-за горы чорни хмары
Та ранесенько.
То жъ не хмары, молоди бояры,
Та рано, рано.
Молоди бояры киньмы ґралы
Та ранесенько.
Нахмарылы жупанамы
Та рано, рано.
Нахмарылы жупанамы
Та ранесенько.
Выясныли сонце шабелькамы
Та рано, рано.
Выяснылы сонце шабелькамы
Та ранесенько.

(*По скинченню писни танцюють дивчата, потимъ два парубкы; тымъ часомъ за столомъ йидять и пьють. Колы танецъ скинчытся, Софронъ и Васылына встають. Васылына засоромылась*).

Домаха. Пора вже тебе въ дорогу выряжать, дытыно моя... Слухай свекрухы, угождай свекрови... Не пидтопчы ма-

тери пидъ ногы, та любиться, якъ Богъ веливъ, и будете щаслывы!

Дружкы. Покирлыве то деревце похыляется.

(*Васылына кланяется матери*).

Ой прыступы ты, Васылыно, та щей блыжче,
Поклоныся неньци своій та ще й ныжче
Тай огляныся ты, Васылыно, назадъ себе,—
Стоить твоя родынонька кругомъ тебе.

(*Староста бере платокъ и очипокъ, кладе на коровай, потимъ коровай кладе на голову, несе до столу*).

Ой глянь, Васылыно,
Кризь калачъ
Карымы очыма
Та й заплачъ.
Ось твій иде,
Розмай несе
Розмай косу
Згубывъ красу.
Все забере.
Ой глянь на поригъ дыво
Несуть твое дило,
Якъ снигъ билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке,
Биле извыванння,
Вичне покрыванння
Изъ билого цвиту,
Есть его по всимъ свиту,
Биле не лынюще,
Всимъ дивкамъ не мынуще

(*Сваха надиває Васылыни платокъ на голову*).

Що жъ бо ты, свашко, робышъ,
На що жъ ты кисоньку ломышъ?
Що жъ бо ты нзробыла—
Кисоньку поломыла!

(*Васылына скыдае платокъ и кыдае на землю*).

Искынь, искынь, бо не годытся:
Краще дивка, якъ молодыця;
Искынь, искынь: бо не подоба,
Не прыстае очипокъ до лоба.

(Свашка знovъ надиваe очипокъ Васылыни на голову. Спиваютъ тужъ писню. За третимъ разомъ очипокъ остается на голови. Покы писня спивается третій разъ, одна свашка стае зъ одного боку Васылыны, друга зъ другого, здіймаютъ зъ неи квиткы, одна своха надиває на себе квиткы, а друга шапку молодою, берутъ хустку и віютъ нею надъ головою Васылыны. Васылына плаче).

Сваха. Покрыватка плаче,
Чогось вона хоче,
Чепчыка кытаечкы
На свою головочку.

(Свахы покрываютъ Васылыни хусткою голову и лыце и звъязуютъ зъ-заду стричкою. Входытъ атаманъ).

—

Ява II.

Ти-жъ и атаманъ.

(Атаманъ одзываe Домаху на бикъ и тыхо балакае зъ нею).

Свахы. Я тебе, сестрыце, покрываю
Щастямъ здоровьямъ надиляю...

разомъ { Домаха. Охъ Боже мій, охъ Боже мій...
Свахы. Щобъ була здорова (*писня урываетcя*).

Вси. Що тамъ? (*Васылына зрывае зъ себе хустку*).

Домаха. Що жъ це за напасть? Люде добри, чы чулы вы? Велено заразъ зъ весилля взять Софрона у двиръ.

Софронъ. Мене? За вищо?

Атаманъ. Тамъ скажуть.

Карпо. Отъ тоби й весилля!

Соломія. (*Карпови тыхо*). Я тоби казала.

Атаманъ. Ходимъ, Софроне! (*Васылына хвата Софрона за руку, нибы не пускае. Вси здывовани, потеряни. Картына*).

Зависа.

ДІЯ II.

Пуста хата; лежать дви велики колоды, по середыни стовпъ. До стовпа и до колодъ прыроблено зализни ланцюгы. Въ кутку солома; на соломи лежыть дидъ Аврамъ.

Ява I.

(*Входыть Гаврюшка*).

Гаврюшка. Здрастуйте, диду!

Аврамъ. (*Прыдывляется*). Здрастуй. А хто це?

Гаврюшка. То я, Гаврыло, зъ двора

Аврамъ. Ага.

Гаврюшка. И охота вамъ, диду, по добрій воли сыдить у темныци?

Аврамъ. Кому, сыну, темныця, а мени свитлыця.

Гаврюшка. Идить у людську.

Аврамъ. Мени й тутъ добре.

Гаврюшка. Сюды, бачыте, прыведуть одного розбышаку, посадять на цепъ, такъ Фылымонъ Сыдоровычъ велывъ, щобъ вы йшлы у людську.

Аврамъ. Де вже мени межъ людьмы сыдить. Може видъ мене якый духъ иде та будуть сердыться. (*Пиднымается. Гаврюшка ёму помогае*). Я пиду у кузни переночую. Отакъ доживы, сыну, на старисть! Бувъ вильный—закрипостылы. Утикъ. Що жъ? Покы молодый бувъ, ховався видъ облавъ, а лита насунулысь, піймалы зъ диткамы малымы, якъ вильну птыцю въ пташенятамы, прыборкалы и прывелы у село. Тилькы жъ не довго диты тутъ вудылыся: крыльця пидрослы, и воны порозлиталыся на шыроки степы, де я ихъ вывивъ шукаты воли. Стара померла, хата розвалылась, мене жъ люде боятся прыйнять, бо вже смертію тхне видъ мене, и нема де прытулыться, никому йисты зварыть; лежу тутъ у буцыгарни, та смерти выглядаю, а вона не йде! Давыть купцивъ багатыхъ, панивъ роскишныхъ, дитей малыхъ, а за мене й забула! Чы вона боится пощербыть свою гостру косу объ мою жылаву суху шыю, чы не знайде мене у цій свитлыци, а вже й дожыдать надойило.

Гаврюшка. Лыбонь ведуть! Ходить, диду!

Аврамъ. А кого жъ тутъ посадять?

Гаврюшка. Я й самъ не знаю. (*Входять атаманъ и Софронъ.*) Ходимъ, диду, мерщій.

—

Ява II.

Атаманъ, Софронъ, Аврамъ и Гаврюшка

Аврамъ. (*Прыглядается*). Здается, Софронъ Коваливъ? За вищо жъ це? Дыво. Казалы сегодня звинчався...

Атаманъ. Идить, идить! Чого тамъ розглядать... Идить зъ Богомъ!..

Аврамъ (*про себе*). Пиду на село розпытаю, що винъ зробывъ. (*Выйшовъ*).

Гаврюшка. (*До Атамана*). Казавъ Фылымонъ Сыдоровычъ, щобъ вы зайшлы до нёго.

Атаманъ! Я заразъ. (*Гаврюшка пишовъ*).

—

Ява III.

Софронъ и атаманъ.

Софронъ. Скажить же мени, дядьку — видъ чого така напасть на мене звалылась? Вы жъ повынны знать... Може я ненарокомъ въ чымъ провынывся? Хочъ знатыму—легше мини буде.

Атаманъ. Я ничого не знаю. Велено взять тебе и прыпнуть.

Софронъ. И прямо зъ весилля видъ молодои.

Атаманъ. Якъ бачышъ!

Софронъ. Такъ за що жъ, за що? Що я кому лыхого зробывъ? Чы я пьяныця, чы я злодій, чы я ледарь, що мене хотять зъ свита звесты, у москали виддать? О, Боже мылостывый! Чымъ же я согрішывъ передъ Тобою? Здается, старшыхъ слухавъ, батька-матиръ почытувавъ, никого не скрывдывъ; за що жъ Ты мене караешъ такъ тяжко?

Атаманъ. Та не вбывайся, я пошуткувавъ, що тебе у москали виддадуть. Може тильки переночуешъ, а завтра й выпустять, отъ и мынется твое горе—побачышъ!

Софронъ. Такъ що жъ це вы? За выграшку маете нашъ шлюбъ, що такъ знущаетесь надъ намы, чы якъ? Та ще не выдано и не чувано, щобъ такъ законъ ламалы, щобъ молодыхъ сыломиць розризнялы въ такый часъ для потихы! Мы жъ не на смитныку, а въ Божимъ храми винчалысь! Грихъ вамъ, дядьку, сміяться!

Атаманъ. Та хиба жъ я по своій воли... чудный!

Софронъ. Знаю, що вы не вынни тутъ... Простить мене за такы речы!... Я одуривъ... У мене розумъ одбыло, не тямлю, що балакаю!... Зглянься, дядьку, надъ намы, це въ вашій воли: пустить мене крадькома до дому тильки на сёгодня...

Атаманъ. Схаменысь! Ты зовсивъ божевильный! Чого ты видъ мене хочешъ? Тебе пустыть, то самому треба тикать свитъ-за-очы.

Софронъ. Я жъ не втечу; нехай мене заразъ земля проглыне, колы самъ въ ранци не прыйду сюды, и тоди робить, що хочете зо мною, а сёгодня дайте намъ закинчыть весилля по закону, пустить мене, нихто не буде знать опричъ людей, а люде жъ панови не скажуть.

Атаманъ. Молодый ты ще мене вчыть! Тебе кортыть до жинкы,—це я розумію, и ты не знаешъ, що балакаешъ, а мене не кортыть пидставлять за тебе спыну! Що звелилы, то й роблю... Не моя воля! Сидай лышъ, я тебе прыпну за ногу до колоды...

Софронъ. Я соби смерть заподію!

Атаманъ. Не выгадуй бисъ-батька-зна чого, сидай! (*Софронъ сида на колоду, атаманъ наклада зализо на одну ногу и замыкае*). Кожный чоловикъ дума, що винъ найбильше мучыться. Ты думаешъ, мени легко тебе прыпынать? Що жъ маю робыть —не моя воля! У вечери сторожа прыйде, щобъ ты не сумовавъ одынъ. (*На бикъ*). Щобъ и справди здуру ще чого соби не заподіявъ.

Софронъ. Дядьку, пустить мене! На вашу душу ляже грихъ: покы сторожа прыйде, я задавлюсь...

Атаманъ. Я тоби кажу, що завтра тебе выпустять. Сыды смырно, не вбывайся даремно, чуешъ? (*Выйшовъ*).

—

Ява IV.

Софронъ (*одынъ*). Завтра выпустять!.. О, будь ты проклятъ зъ такою утихою! Що жъ це зо мною роблять? Тилькы що бувъ щаслывый, радистю былось мое серце и не сподивалося воно для себе такого горя... А теперъ? Зъ жывого чоловика жыве серце обценькамы выйнялы! (*Входыть Карпо*).

—

Ява V.

Софронъ и Карпо.

Карпо. Ты тутъ, Софроне, и никого нема?

Софронъ. Карпо! Тебе за сторожа прыслалы?

Карпо. Ни. Я прокрався сюды, щобъ тебе побачыть и довидаться, що тутъ зъ тобою роблять.

Софронъ. О, спасыби тоби, брате! Ты звидтиль, зъ весилля? Боже, зъ весилля... зъ похоронъ скорійшъ! Що тамъ робытся, кажы, що Васылына?...

Карпо. Люде зъ-де-бильшого розходятся, де-котри ждуть... Васылына плаче!..

Софронъ. Горлычко моя! А я—дывы! На цепу, якъ злодій, и самъ не знаю за-що? Скажы, ты не чувъ, що люде балакають, яка цёму прычына?

Карпо. Жинка у тебе дуже гарна.

Софронъ. Жинка гарна, такъ що?

Карпо. А хиба ты не знаешъ, що теперъ у насъ такъ: хто хоче маты чесну жинку—нехай бере погану дивку?

Софронъ. Я знаю одно, що Васылына—чесна дивчына.

Карпо. Оце жъ то й есть твое и іи горе.

Софронъ. Що ты хочешъ сказать?

Карпо. Сёгодня якъ стоялы пидъ винцемъ, панъ бачывъ Васылыну, отъ тебе и взялы въ весилля, щобъ не суперечывъ.

Софронъ. А Васылыну въ двиръ взялы, до пана? Чого жъ мовчышъ? Кажы! Такъ? Взялы?

Карпо. Ще рано... Може у ночи й визьмуть, а може й сама пиде—хто жинку розгада!

Софронъ. О... (*Сида на колоду*). Ни, Васылына не пиде...

Карпо. А якъ не пиде, то тебе у москали забрыють.

Софронъ. Мени однаково, хочъ и на каторгу, абы Васылына не зрадыла...

Карпо. Прызвычаешся!.. И я, братъ, лютувавъ, и те, и друге хотивъ зробыть, и душу хотивъ занапастыть, и надъ жинкою знущався, а теперъ бачу, що й жинка невынна! Отъ хочъ бы й твоя Васылына, ну чымъ вона буде вынна, колы захоче выкупыть тебе на волю?

Софронъ. Цыть! Бодай тоби зациныло! Не говоры мени цёго. Я не хочу ни воли, ни жыття не хочу за таку цину!..

Карпо. Не хоче коза на торгъ, та ведуть!

Софронъ. Сатана ты, а не чоловикъ, колы можешъ сміяться надъ тымъ, видъ чого серце кровью облывается!

Карпо. Бачъ! Не любышъ? А якъ ты сміявся надо мною въ такимъ самимъ прыпадци...

Софронъ. Просты! Я знаю, що и въ тебе серце наболило такъ саме, якъ и въ мене теперъ болыть... Просты мене, я вынenъ передъ тобою... (*Стае навколишкы*). Не докоряй, не смійся, пожалій мене! Не кажы ничого бильше, не будь моимъ ворогомъ, стань моимъ братомъ, просты...

Карпо. (*Пиднима вго*). Богъ тебе простыть... Я вже не сердюсь. Хотивъ посміятысь та ще гирше зворушывъ свое серце, дывлячысь на твое горе.

Софронъ. Поможы мени вырваться звидциля, и мы сёгодня спалымъ палацъ,—нехай згорыть жывымъ безчесныкъ.

Карпо. Ты хочешъ зъ однои биды у другу бильшу вскочыть. Краще будемо тикать теперъ у-двохъ въ несходымы степы, въ пущы, на Бесарабію, до моря. Розсказувалы дидъ Ав

рамъ, що тамъ и воля, и прыволля, и шляхъ я знаю—у дида жъ роспытавъ.

Софронъ. Та хочъ на край свита я утикать готовъ, абы на волю! Тилько якъ зъ цепу зирватыся?

Карпо. Я заразъ прынесу долото, и цепъ у двохъ мы перервемъ.

Софронъ. Мерщій же, мерщій, покы сторджа не прыйшла!

Карпо. Не спишы. Треба, щобъ добре стемнило, бо по выдному тикаты небезпешно, а за сторджу не турбуйся, прыйдуть пизно, я тутъ не разъ сыдивъ—знаю!

Софронъ. Забижы жъ заразъ до Васылыны и ій шепны, нехай збирается.

Карпо. Покынь ты думку про Васылыну утечемо попереду сами, бо зъ бабою такъ заразъ зловлять. Васылыну потимъ визьмешъ!

Софронъ. Ни за що въ свити! Мени безъ неи воля буде важча, нижъ неволя. Не одговорюй мене,—Васылыны я тутъ не покыну... Иды за долотомъ мерщій!... Я боюся, що сторджа скоро прыйде... Вже сонце зайшло.

Карпо. Робы, якъ знаешъ, я заразъ. (*Выйшовъ*).

—

Ява VI.

Софронъ. (*Тяжко зитхае*). Охъ... Видъ думкы однои, що утечемо на волю, легше стало, наче тепломъ обвіяло всёго, и серце радисно тремтыть у грудяхъ! Поможы Господы! А тамъ... Десь далеко въ степу, на чужыни, надъ моремъ, въ пущи, въ яру глыбокимъ, куды и воронъ ничыеи кости не занесе, збудуемо соби зъ Васылыною хату и будемъ жыть до смерти; нихто не знайде насъ, бо тилько витеръ знатыме, де мы!.. Боже, яка думка!.. Що, колы Карпо тилько посміявся надо мною и не прыйде? Отъ-отъ сторожа буде... Вже смеркае, а ёго нема... Може винъ тилько поманывъ мене волею, щобъ тимъ зробыть ще тяжчою неволю? Душа холоне!.. Ни, я вырвуся на волю самъ! (*Обмотуе рукы шапкою и крутыть ланцюгъ; черезъ хвылыну въ знеможенню опускае рукы*). А на двори

темніе, а Карпа нема... О нимый и глухый ланцюгъ! Ты не знаешъ и не чуешъ—яку ты муку людямъ робышъ, а колы бъ знавъ, давно бъ тебе видъ жалю иржа поточыла, якъ людей, прыкованыхъ до тебе, слёзы точать! Пусты, пусты мене! (*Бере znову ланцюгъ*). Зглянься жъ, ниме зализо! порвысь видъ мого горя тяжкого, бо до тебе ще не прывьязувалы на таку муку, якъ моя; пусты мене на волю! (*Крутыть*) Немае сылы! Невже жъ Карпо обмане? Невже жъ мои мріи про волю розвіются, якъ пылъ? Боже! Зъ высокого неба тоби все выдко! Подывысь же на мене—яке я горе терплю, що зо мною роблять! Мы зъ Васылыною, якъ мали перепелята, у котрыхъ матиръ вбыто и гниздо дощемъ змыто... Рятуй же насъ безпомощныхъ! Дывысь! Мене заперлы въ клитку, а Васылына на своимъ весилли рыдае якъ на похоронахъ. А може... Ни, страшно подумать! Не хочу думать! (*Входыть Карпо*). Сторожа! Пропалы вси замиры!

—

Ява VII.

Карпо и Софронъ.

Карпо. Отъ и я!

Софронъ (*Переводыть духъ*). Слава Богу! Давай мерщій долото!

Карпо. Я шворинь прынисъ,—мицнійше.

Софронъ. А я вже трохы розхытавъ зализо. (*У двохъ одкручують*). Зализо триснуло. Теперъ тилько треба зъ ногы збыть... Васылыну бачывъ?

Карпо. Ходимъ на двиръ. Тутъ заразъ бурьяны и ривъ. Тамъ мы ёго здіймемо зъ чоботомъ. Закруты добре биля ногы, щобъ не брязчало.

Софронъ. (*Пидбырае*). Чомъ же ты не кажешъ—Васылыну бачивъ?

Карпо. Я не заходывъ, николы було; побачышъ самъ.

Софронъ. (*Обкрутывшы ланцюгъ биля ногы*). Ходимъ. (*Идуть*).

Голосъ атамана (*за кономъ*). Та мерщій! Мы тутъ пидождемо.

Софронъ. Стривай! Чуешъ? Голосъ атамана и люде зъ нымъ—це сторожа... Попалысь... Карпо! Мени однаково, давай шворинь, я прокладу соби шляхъ на волю, хто бъ на нёму теперъ не стоявъ.

Карпо. Цыть! На биса тутъ шворинь? Ты балакаешъ, якъ божевильный. Тутъ розуму треба, а не запалу: въ запали ничого путнёго не зробышъ! Мовчы!

Софронъ. Я упаду...У мене серце розрывается. Чого жъ стоишъ?

Карпо. Воны балакають на однимъ мисци... Иды за мною, тилько тыхо, не брязчы.

Софронъ. Куды жъ ты мене ведешъ? Хочешъ виддать атаманови прямо въ рукы?

Карпо. Та не въ рукы, а въ сины ходимъ. Слухай мене, бо ты дурный сёгодня. Прысядьмо въ синяхъ, тамъ темно. Воны сюды, а мы на двиръ. (*Зныкають*).

—

Я в а VIII.

Атаманъ и сторо́жа.

Атаманъ (*за кономъ*). Тамъ у стани визьмы лихтарь, а я потимъ звелю прынесты сюды свитла, а лихтарь тоди однесешъ. (*Входять*). Бачъ, якъ темно, ще колы бъ лоба не набыть! Здоровъ, Софроне! Отъ я й людей тоби прывивъ, а щобъ не такъ було скучно, заразъ прынесуть свитла... Софроне! Не чуть щось ёго. Ты спышъ, Софроне? Ще, бороны Боже, удавывся! Крыкны лышъ, щобъ нисъ мерщій свитло. (*Иде тыхо*). Здается, тутъ колода... Софроне! Може ты йисты хочешъ? (*Вносять лихтарь*). Де жъ винъ? Нема! Хлопци, чы я слипый, чы ёго нема?

Гаврыло. Опричъ двохъ колодъ та стовпа, нема тутъ ничого.

Атаманъ. Невже утикъ (*Кыдается до колоды*). Свиты! (*Свитять*). Одкрутывъ ыродъ ланцюгъ! Отъ и встеригъ Васылыну! Теперъ винъ певно справыть весилля,—буде жъ мени!

Бижы, Петро, визьмы ще трёхъ чоловикъ: бачъ, зализо ламае, то зъ нымъ не справышся абы-якъ! А ты, Гаврыло, зайды до эконома, скажы, що Софронъ утикъ; я забижу до Фылымона Сыдоровыча на хвылыну, а потимъ зберемося вси биля Сыдоровои хаты... та не гвалтуйте, мы ёго піймаемо биля жинкы.

Гаврыло. Та на биса тоби здався Софронъ? Утикъ— утикъ! Мало ихъ повтикало...

Атаманъ. Балакала покійна... Хто-бъ ёго хотивъ чужои биды? Та ба!.. Ходимъ! Ну й прокляте жыття атаманське! Краще чортамъ табаку молоть, нижъ атаманувать.

Зависа.

ДІЯ III.

У Домахы на подвирьи. Хата выступае прычилкомъ до половыны на конъ. Двери выдко зрытелю. До хатнихъ дверей треба йты у ворота.

Ява I.

Зъ хаты выходять люде—и дивчата, и молодыци, и чоловикы, и розходятся у ризни бокы.

Чоловикъ 1. Та вже певно, що Софрона не выпустять сёгодня. Ходимъ! Ждалы, ждалы, вже й вечиръ, а ёго нема. И скучно стало: молода зъ матирью плачуть, вси сумують,— Богъ зъ нымъ зъ такымъ весиллямъ!

Чоловикъ 2. Яке вже тамъ весилля безъ молодого.

Чоловикъ 1. И то ты подумай, яка напасть на бидного парубка... И такъ ни зъ сёго, ни зъ того.

Ява II.

Домаха, Соломія и Васылына.

Домаха. Та хочъ не плачъ вже, дочко...

Васылына. Охъ, мамо! Якъ ёго не плакать,—колы сами слёзы льются?

Соломія. Вы бъ, титко, сами пишлы у двиръ, упалы панови въ ногы, може винъ змылуется, видпустыть Софрона.

Васылына. Идить, мамо, идить заразъ!

Домаха. Та колы бъ же мене допустылы; буду просыть, у ногахъ лазытыму, щобъ не сыротывъ насъ! Не сумуй тилькы такъ тяжко, дытыно моя, не сушы себе! Соломіе, останься хочъ ты биля неи; бачъ, вси розійшлыся, а я пиду у двиръ попробую щастя. (*Пишла*).

—

Ява III.

Васылына и Соломія.

Соломія. (*На бикъ*). Пишла, мени цёго тилько й треба. Розскажу Васылыни, якъ вырятуваты Софрона. (*До Васылыны*) Охъ, сестро, я знаю, що маты не вблагае пана, а оть колы бъ ты сама пишла...

Васылына. Такъ чомъ же ты не сказала? Я дожену матиръ, воны не далеко—и пидемъ разомъ.

Соломія. Ни, сестро, такъ ничого не поможе!

Васылына. Що жъ ты мене морочышъ?

Соломія. Слухай: пизнійше, якъ уси ляжуть спать, за тобою прыйде Гаврюшка. А тамъ тебе проведуть до пана, такъ, щобъ нихто не бачывъ... И завтра выпустять Софрона. Добре? Я заразъ побижу скажу, що ты згожуешся.

Васылына. И де твій соромъ, Соломіе? И якъ ты не подавылась такымы речамы? Мени гыдко тебе слухать, мени соромно въ вичи тоби глянуть писля цёго!

Соломія. Чудна ты та ще й дурна! Наче я видъ себе; я сказала те, що мени звелилы. Не одъ мене, то одъ Фылымона черезъ яку хвылыну почуешъ це саме. Прощай! (*На выходи про себе*). Побижу у двиръ, скажу, що й на мову не дается... Прынцеса, куды жъ пакъ! Якъ губу закопылыла! Я не гирша за тебе, та не мынула мене лыха годына, не втечешъ и ты видъ неи. (*Пійшла*).

Ява IV.

Васылына (*одна*). Праведный Боже! И у неи языкъ повернувся посылаты мене на такый грихъ велыкый, на таке безчестя! Та скорій умру, нижъ тебе послухаю. Утечу заразъ, и покы не выпустять Софрона, нихто мене не побаче (*Иде; назустричъ Софронъ*). Софроне! (*Кыдается до него*). Тебе выпустылы?

—

Ява V.

Васылына и Софронъ.

Софронъ: Я ланцюгъ одирвавъ и прыбигъ до тебе, моя голубко!

Васылына. То тебе тутъ знайдуть, піймають, тикаймо видциля мерщій!

Софронъ. Я жъ тилько за тымъ и прыйшовъ, щобъ взяты тебе та хлиба, скилько е, и въ мандры! Ходимъ мерщій збираться! (*Хутко пишлы у хату*).

—

Ява VI.

Карпо (*зъ клункомъ за плечыма*).

Карпо. Въ хати темно (*Пидходыть до викна*). Софроне! Ты дома? Це я, Карпо! Не чуть. (*Иде хутко въ двиръ до хатнихъ дверей*) Заперто зъ середыны! Огъ навиженый, одчай-голова! Зрадивъ, що биля жинкы, и за все забувъ! Чуете! Чы вы померлы? Софронъ!

Голосъ Софрона. Мы заразъ!

Карпо. Почувъ, слава Богу! Поспишайте, бо атаманъ збирае людей, отъ-отъ сюды прыйдуть, и прощай тоди воля на викы (*Выбига за ворота, выгляда на улыцю*). Темно, хочъ око выколы! Никого не выдко! Стій... Гомонять! Такъ и е! це атаманъ зъ людьмы! Що ты будешъ зъ нымъ робыть? Попадется знову (*Иде хутко у двиръ*). Та швыдче збирайтесь!

Голосъ атамана. Ну-жъ, ну-жъ! Лизете, якъ тры дни не йилы!

Карпо. Софронъ! Идуть сюды, вже недалеко, не выходь у двиръ, щобъ не стрився; лизь кризь стриху або кризь верхъ, та памьятай, що зъ того боку недалеко прычилка борона; гляды не окаличся, якъ будешъ скакать! Колыбъ ще й самому не влопаться! Куды жъ ёго сховаться! У хливъ. Ни, въ хливи ще застукають и визьмуть, якъ курку на сидали. Перебижу на другый бикъ вулыци. (*Зныкае*).

—

Ява VII.

Атаманъ и люде (зъ дрючкамы и виревкою).

Атаманъ. Гаврыло! Иды ты попереду: клычъ Домаху,—прыйшовъ мовъ за старою, щобъ ишла бабувать.

Гаврыло. Ни, вже иды ты! Зацьковувать не штука. Я въ сины, а винъ гепне чимъ по голови, та й со духы праведны. Я ще не сповидався.

Атаманъ. Чортъ-зна що выгадує! Ты тилько спытай, бо мени не прыходытся—пизна по голосу.

Гаврыло. Спытать я спытаю, а питы не пиду. (*Пидходыть до викна*). Домахо, а Домахо, ты дома? (*До атамана*) Мовчать. Домахо!.. Мовчать.

Атаманъ. Чы не змандрувавъ? Идить сюды (*Идуть у ворота, пидходять до дверей*). Одчыняй хто небудь двери.

Чоловикъ 1. Моторошно.

Атаманъ. Такъ що жъ мы будемо стоять тутъ два дни?

Гаврыло. Про мене хочъ и тыждень, абы за панщыну! Такъ то й видчыняй. Вже колы ты збиравъ на одного чоловика стилько людей, то мабуть и самъ добре знаешъ, що небезпечно лизты. Може, винъ тамъ жде тебе, а я зъ добра-дыва пидставлю свою голову.

Атаманъ. Яке мени дило! Велено—и голову пидставляй! Гей, хлопци! Хто смилывый? на кварту заробе!

Чоловикъ 1. Нема щось охоты за кварту помырать.

Ява VIII.

Ти-жъ и экономъ зъ лихтарчыкомъ.

Экономъ. Ифанъ!

Атаманъ. (*Пидбигъ*) Самійло, пане.

Экономъ. Свына!

Атаманъ. Де?

Экономъ. Мольчать!

Атаманъ. Слухаю.

Экономъ. Пошему ты не ухватылъ самъ, зашемъ растрифожиль усо моя семейство? Каролина лакаласъ, Гансъ лакаласъ, Фрицъ лакаласъ! Эти... Я хляднокровый и тому подобіе, але я можу разсердыця и тогда будить чево нибудь полюче! Давай Зофрона сюда, мы ему будемъ брить голева.

Атаманъ. Нихто не хоче иты у хату.

Экономъ. Зашемъ не хочитъ? Хто не хочитъ? Пошёль самъ!

Атаманъ. Страшно!

Экономъ. Зашемъ страшно? Я не боюсь! (*Иде до дверей*). Ну ошинай!

Гаврыло. Одчыняйте, вы смиливійши, а мы боимося—може у него коса въ рукахъ.

Экономъ О—о! Ты зашымъ мене лакаешъ?

Гаврыло. Та вы жъ не боитесь.

Экономъ. Я не боюсь, але я лакаюсь! Ты не шуты, потому эти... Я хляднокровый и тому подобіе, але я можу разсердыца и тогда будить (*бье ногою у двири*) выходыть (*бье*) чево нибудь полюче! (*Люде пидважують двери дрючкамы, воны одчыняются; зъ другого боку на прычилку хаты пиднимается солома на покривли и вылазыть Софронъ*).

—

Ява IX.

Ти-жъ и Софронъ (на хати)

Софронъ. Васылыно, мерщій! Берысь за верёвку, берысь! (*Прислухается*).

Э к о н о м ъ. Давай сюда эти разбойныкъ, будимъ его форостыть.

А т а м а н ъ. (*до 1-го чоловика*). Иды!

Ч о л о в и к ъ 1. (*до Гаврыла*). Идить!

Г а в р ы л о. Иды!

Э к о н о м ъ. (*Штовхае атамака*) Иты! (*Одъ штовханця атаманъ опыныеся въ синяхъ; штовхае такъ само двохъ прыговорюючы коженъ разъ „Иты!" Останни люде идуть сами, за ными экономъ*). Я эти... хляднокровый и тому подобіе (*зныкае за дверыма*)...

С о ф р о н ъ. (*Зискакуе зъ хаты. Карпо пидбига до него*) Що намъ робыть? Щабель въ драбыни зламався, Васылына не поспила вылизты за мною.

К а р п о. Першъ усёго заховаймось.

С ф р о н ъ. Воны іи визьмуть у двиръ.

К а р п о. (*Тягне его на другый бикъ вулыци*). Та цыть, не гомоны—побачымо, що дали буде (*зныкають*).

—

Я в а X.

Атаманъ и люде.

А т а м а н ъ. Винъ тутъ десь, тилько-що выскочывъ; самъ чувъ, якъ гупнуло,—шукайте!

Г а в р ы л о. Де жъ ты ёго будешъ шукать? Бачъ, якъ на двори темно, хочъ око выколы! То жъ не мишокъ, що упавъ зъ воза та й лежыть на тимъ самимъ мисци, а жывый чоловикъ.

А т а м а н ъ. Добре, що хочъ Васылыну успилы захопыть, а то и вона лизла вже на горыще (*Выходыть экономъ и Васылына*)

—

Я в а XI.

Ти-жъ, экономъ и Васылына.

Э к о н о м ъ. Така хорошенька малядычка плячить за грубымъ мушикомъ! Фу! (*Бере іи за бороду*) Зашымъ плячишъ? Ты будешь его скоро забывайтъ (*На бикъ*). Эти мужичка, какъ пер-

сыкъ (*До Васылыны*) Зашемъ не говоришь де эти... твой мушикъ Софронка? Плячишь? Ну, (*бере іи пидъ руку*) будимъ дѣлять пріятного прогулка.

Васылына. Софроне, мій голубе сывый, рятуй мене, пропала я на викы!

—

Ява XII.

Ти-жъ и Домаха (*вбигае*).

Домаха. Боже мій, що тутъ?

Васылына. (*Вырывается и бижыть до матери*) Мамо, ховайте мене, не виддавайте мене на поталу!

Домаха. Змылуйтесь надъ намы! Зглянытесь хочъ надъ моею старостью. Буде вже зъ васъ Софрона, на що жъ ще й іи сердешну мордуете! Заспокойся, доню, бо я й сама умливаю видъ горя и ногы мои ледви держать, вже зъ сылы выбылась... (*Обнима Васылыну и заспокоюе іи*).

Эконом ъ. (*До атамана*). Ну?

Атаманъ. Слухаю.

Экономъ. Больванъ! и тому подобіе... Софронъ уходилъ, она плячить, бабка плячить, а ты слюхаю! Эти... эти скушно! Зичасъ бери малядичку!

Атаманъ. (*Одводыть его на бикъ и тыхо*). А знаете, Бовтанъ Бовтановычъ, що я оце прыдумавъ? Не будемо брать Васылыну, бо й Фылымонъ Сыдоровычъ не велилы: вона гвалтуватыме и потривожыть панію. Нехай зостанется пры матери, то Софронъ сёгодня у ночи прыйде до неи безпреминно, бо винъ тутъ десь недалеко, а я зъ людьмы засяду у Сыдоровій клуни, и тилько винъ у хату—и мы у хату, та й на вирёвку его. Отакъ краще буде.

Экономъ. У тебья весь мовокъ идетъ у голова, когда ты лакаиса! (*До Васылыны*). Ну будить плячить, я тебья не будить забирайтъ. А ты, бабка, гляди своя дочка, а будить эти... уходить... будить худо, слишь? (*Иде, атаманъ за нымъ и люде*) Потому я хляднокровый и тому подобіе... (*Зныкають*).

Ява XIII.

Домаха и Васылына.

Домаха. Софронъ утикъ, винъ и тебе выкраде, то й будете жыть де-небудь до смерты. Заспокойся, моя дытыно!

Васылына. Охъ, мамо, мамо! Чы внаете вы, мамо, видъ чого така бида скоилася? Мени Соломія казала таке, що соромъ и переказуваты.

Домаха. И не переказуй, дытыно моя! ты чы знаешь, а я одъ-разу догадалась. У горныци мене не допустылы—тамъ Хвылька всёму голова, бодай на нёго Господня кара лягла за наши мукы; це все винъ, дочко. Колы бъ пани якъ переказать,—вона бъ ёго провчыла. (*Тымъ часомъ якъ Васылына зъ Домахою балакають, Софронъ и Карпо крадучысь пидийшлы до ныхъ.*)

—

Ява XIV.

Ти жъ, Софронъ и Карпо.

Софронъ. Не лякайтесь, цытьте, це мы...

Васылына (*тыхо*). Софроне, серденько, мылый! Колы бъ хто не побачывъ, не почувъ гомону...

Карпо. Та ничого бавыться; за клункы и гайда! (*хутко идуть у хату*).

—

Ява XV.

Атаманъ и люде.

(*Зъ-по-за хаты атаманъ выводыть людей, розставляе де-якыхъ, щобъ стереглы, а чоловика килько зъ атаманомъ мовчкы идуть у хату*).

Чоловикъ I. Отъ колыбъ тамъ бисового сына прыглушывъ Софронъ!

Гаврыло. Якого бисового сына?

Чоловикъ I. Та атамана.

Гаврыло. А ты жъ хиба и не такый, якъ и атаманъ!

Чоловикъ I. Я?.. А хиба я...

Гаврыло. Краще мовчы, колы дурный.

Ява XVI.

Ти-жъ, Атаманъ, Домаха и Васылына.

(*Зъ хаты выводять Софрона и Карпа звъязаныхъ*).

Карпо. Піймалы, якъ курей на сидали, а все черезъ тебе! Тикалы бъ сами,—ни, жинкы заманулося...

Атаманъ. Ты жъ чого сюды вплутався, Карпо?

Карпо. Одна бида людей една!

Васылына (*выбига*). Не пустю, не пустю тебе видъ себе! (*Обнима Софрона, тулытся до него*).

Атаманъ. Иды, иды въ хату! Ну жъ, стара, визьмы іи... Отъ життя атаманське!

Домаха. Васылыно, дочко!

Васылына.. Мовчить, мамо! Я никуды не пиду видъ Софрона, я хочу разомъ зъ нымъ мучыться. Нехай у купи звьяжуть и мучать обохъ...

Софронъ. Пусты мене, Васылыно, нехай роблять зо мною що хотять, а ты молыся Богу и памьятай свою прысягу. Прощай!

Васылына. Я зъ тобою пиду, мени страшно безъ тебе!

Софронъ. Визьмить іи, мамо, бо я, здается, тутъ зомлію, такъ мене вымучылы... Ходимъ!

(*Домаха бере Васылыну, Софронъ иде. Васылына порывается за нымъ, маты іи не пускае*).

Атаманъ (*идучы*). Охо-хо-хъ! Ну, й жыття атаманське! (*Вси выйшлы*). Натомывся, ледве ногы волочу.

—

Ява XVII.

Домаха и Васылына.

Васылына. (*Падае матери на плече и рыда*). О, мамо, мамо! Краще бъ вы похороны надо мною справылы, нижъ таке весилля!

Зависа.

ДІЯ IV.

У Домахы въ хати.

Ява I.

Домаха (одна, биля викна).

Домаха. Пишла сердешна дытына. Чы допустять же іи побачыться въ Софрономъ? (*Входыть Аврамъ*).

Ява II.

Аврамъ и Домаха.

Аврамъ. Здрастуй! Насылу додыбавъ... Вже й ходыть важко, а йисты все жъ такы хочется. Днивъ два нейимъ, а на третій хочется. Оце прыйшовъ до тебе, дай будь ласка хлиба та водыци... розмочу, то може проковтну...

Домаха. У мене йе кваша.

Аврамъ. Кваша? Голубко моя! Давай... Кваша це саме йида наша!...

Домаха (*подаючы квашу, на бикъ*). Може винъ що порадыть: винъ ворожбыть, характерныкъ!

Аврамъ (*йисть*). Ну й кваша! Давно такого добра нейивъ... Пошлы тоби Боже здоровья.

Домаха. Ой, диду! Вымоталы зъ мене й те здоровья, що було—теперъ ледве хожу... Чулы, що тутъ трапылось?

Аврамъ. Эй, чувъ, чувъ! Я вже и глухый, и ничого не бачу, а твое горе голосне—почувъ и я. Все то Хвылька орудуе.

Домаха. Думала, дочку виддамъ замижъ, заспокою свою старисть, та замисць радощивъ и спочивку тилько горя соби прыдбала.

Аврамъ. На вику горя—море, а радощи—и въ ложку заберешъ! Та й де ти радощи визьмутся у крепака?... Отъ и пидживывся днивъ на два.

Домаха. Заходьте завжды до мене, чимъ Богъ пославъ подилюсь.

Аврамъ. Спасыби тоби! Ну й кваша, якъ бессарабське выно!

Домаха. Диду! Що бъ я васъ попросыла? Вы чоловикъ тямущый, вы скризь по свиту побувалы, все знаете,—будьте ласкави, поворожить, чы не можна довидаться яка доля жде мою Васылыну, и порайте, що намъ робыть? Одвернить видъ насъ лыху напасть, нашлить іи на ворога нашого!

Аврамъ (*подумавшы*). Не можу. Радъ бы, та не можу.

Домаха Вы же, кажуть, до всёго знаете...

Аврамъ. Та щожъ, що знаю, колы боюся! Чогось роздсердывся на мене, колы бъ ще й самого не скрутывъ.

Домаха. Хто? Панъ чы Хвылька?

Аврамъ. Хе-хе! Хвылька, тилько другый, не нашъ... Розсердывся.... боюся! Ото якось ходывъ пидъ лотокы, хотивъ про дитей своихъ роспытать,—такъ штовхнувъ и засмердивъ смолою, не злюбывъ. Я почавъ у церкву ходыть и табаку покынувъ нюхать, а винъ и не злюбывъ.

Домаха (*про себе*). Охъ, мени лыхо, якъ страшно! Мовъ жаромъ посыпало по спыни... То винъ и справди наклада зъ нечыстымъ.

Аврамъ. А ось яку я тоби дамъ пораду. Ты знаешъ Явдоху, покоивку панину, Дуняшку?

Домаха. Знаю, якъ не знать?

Аврамъ. Отъ же слухай! Вона ненавыдыть Хвыльку, а Хвылька іи: одно другого ненавыдять и грызутся, якъ два коты въ однимъ мишку! Кожному, бачъ, хочется буть старшымъ и за старшынство готови одно другого въ ложци воды утопыть; винъ паномъ крутыть якъ хоче, а вона панею. Отъ и треба Явдоси сказать, що мовъ Хвылька такъ и такъ зробывъ, то Явдоха, абы нашкодыть своёму ворогови Хвыльци, заразъ прыбавыть въ-десятеро и розскаже пани, а та, звисно, знае, що таки дила водылыся, зразу повирыть, и пиде колотнеча, то може й выпустять твого зятя! Оце тоби моя порада, а ворожыть боюся.

Домаха. Якъ же ёго зробыть, щобъ побачыть Дуняшку? У двиръ до пана, чы й такъ у горныци, мымо Хвылькы нихто

не пройде, а вынъ мене не пустывъ и на поригъ,—я вже ходыла, и теперъ не пустыть.

Аврамъ. И цёму дилови можна помогты. Ты пиды до паламаршы; воны дружать зъ Дуняшкою, то паламарша доступыть до неи, позве Дуняшку до себе, а ты ій тамъ все розскажешъ. Тилькы нехай паламарша шепне Явдоси, що про Хвыльку йе недобри переказы, то вона й прыбижыть заразъ; та що й казать! якъ бы на ланцюгу сыдила,—ланцюгъ бы перегрызла, щобъ тильки Хвыльку утопыть.

Домаха. (*Кланяючысь ему у ногы*). Спасыби жъ вамъ, диду! По викъ вишный не забуду вашои порады, не знаю чымъ я вамъ и оддячу.

Аврамъ. Квашею нагодуешъ та й годи! Иды жъ заразъ, не гайся! Прощай! (*Уходыть*).

Домаха. (*У слидъ*) Идить здорови! Вы мене зъ труны пиднялы своею радою. (*Одна*). Що то, Господы, розумъ, до смерты бъ не прыдумала того, що дидъ порадывъ! Пиду жъ заразъ до паламаршы; я у неи бабувала, вона для мене повынна зробыть ласку. (*Входыть Васылына*).

—

Ява III.

Васылына и Домаха, а потимъ Соломія.

Домаха. А що, дытыно моя, бачыла Софрона?

Васылына. Не допустылы.

Домаха. Не сумуй, не сушы себе, може це лыхо пиде за водою. (*Входыть Соломія*) Отъ и спасыби, що зайшла, може чимъ розважышъ Васылыну, а я пиду до паламаршы,—чогось прысылала за мною. (*Выйшла*).

—

Ява IV.

Васылына и Соломія.

Соломія. Ачъ, яке выдумалы тикать! Насъ кыдають, а сами тикають, другыхъ жинокъ захотилось пошукать.

Васылына. Видъ такои мукы и кризь землю бъ провалывся и въ пекло бъ утикавъ.

Соломія. Це все черезъ тебе! Мене дывуе твій дурный розумъ,—и чого бъ то ерепеныться? Наче ты цяця така? Кращи за тебе булы тай то...

Васылына. Мовчы, не мучь хочъ ты мене!(*Входыть атаманъ*).

—

Ява V.

Атаманъ, Соломія и Васылына.

Атаманъ. Ага! Обыдви вкупи. Здрастуйте, молодіи вдовы! Объ чимъ рада?

Васылына. И цей прыйшовъ мучыть.

Соломія. Утишаю іи, розважаю, а вона и слухать не хоче.

Атаманъ. Ты іи утишаешъ, а я тебе утишу: твого Карпа вже выпустылы—иды лышъ до дому, витай ёго.

Соломія. На мою голову выпустылы! Покы ёго не бачу, доты й кисткы одпочываютъ.

Атаманъ. Хиба и доси бье?

Соломія. Ще й прывьязуе, щобъ не втикала.

Атаманъ. Ачъ юродивъ сынъ, ніякъ не вгамуется! Халява и вередуе! Иды жъ, иды! Пожалій ёго, прыголубъ, то й быты не буде.

Соломія. (*На бикъ*). Выпровожае. Крыются видъ мене. Певно, Васылына не хоче, щобъ я знала.

Атаманъ. Бачъ якъ любыть чоловика! Не дурно жъ винъ тебе бье. Чого стоишъ? Може винъ, сердешный, йисты хоче, а ты цындрышъ!

Соломія. И справди треба иты! (*На бикъ*). Видъ мене не сховаетесь, я й потимъ довидаюсь про все. (*На выходи*). Прощайте!

—

Ява VI.

Атаманъ. (*До Васылыны*). А я тоби прынисъ весильный подарунокъ.. Отъ глянь, бачъ яка хустка—на!

Васылына Цуръ ій!

Атаманъ. Чого жъ ты цураешся видъ подарунку? Ёго дарують тоби видъ щыросты... видъ добросты... Весильного подарунку не взять—обыдыть... Визьмы.

Васылына. (*Зкоса погляда*). Шовкова, ажъ очи въ себе вбырае!.. Не хочу, заразъ уси подумають...

Атаманъ. Дурна, ей-Бугу дурна! Хиба до тебе хто въ скрыню заглядавъ? Хто знае, що тамъ у тебе е? А ось глянь, яке добре намысто: червоне, мовъ калына... На, носы на здоровья...

Васылына. (*Бере въ рукы и розгляда*). Яке гарне. И де воно таке хороше зроблено? Мабуть дороге...

Атаманъ. Звисно, не дешеве. У кыивського крамаря куплене. Ще й перстинь, ось и сережкы!

Васылына. Охъ, яки жъ блыскучи! Ажъ сяють...

Атаманъ. (*На бикъ*). Клюе! Що то жиноча порода! ну й зна жъ ихъ Фылымонъ Сыдоровычъ. (*До Васылыны*). Та ты якъ уберешся въ це убрання, то вдвое будешъ краща! Та въ цимъ убранни тебе ще бильше любытыме Софронъ.

Васылына. Софронъ?.. Охъ Боже мій! Що жъ це я роблю? Цуръ ёму, цуръ! (*Кыда хустку и намысто на лаву*).

Атаманъ (*на бикъ*). Зирвалось!

Васылына. Одведы мене Господы! Це сатана заслипывъ мени очи, спокушае мене. Не хочу, ничого не хочу! Рижте мене, дядьку, не визьму... покы не выпустыте Софрона! Сёгодня не пустылы мене й глянуть на него.

Атаманъ. Та не Софронъ тутъ прычына, а ты... Я жъ тоби казавъ.

Васылына. И вы Бога не боитесь такъ балакать зо мною? Я жду видъ васъ рады, якъ одъ ридного батька, а вы глумытесь надо мною.

Атаманъ. Ну й чудна ты! якои жъ тоби ще рады? Ты не по добрій воли... И Богъ простыть, и Софронъ выбачыть, бо черезъ твою упертисть ему мука... Та мени такъ жаль Софрона, ей правду кажу, що колы дальше будешъ спрытчаться, сылою поведу тебе.

Васылына. Берить, берить! Ведить мене, тягнить мене! Рижте мене! Я буду крычать на все село, на весь двиръ, на вси горныци! О, краще бъ я вродылася каликою, безъокою, горбатою, крывою, краще бъ висна скаличыла мій выдъ, нижъ мала уродытыся хорошою на муку соби! (*Зъ одчаемъ*). Не треба мени моеи вроды, не треба! Чуете? Я соби весь выдъ подряпаю, отъ побачыте... Я скаличу себе. (*Плаче*).

Атаманъ (*на бикъ*). А лыха годына! Умовъ, каже, щобъ сама прыйшла, щобъ не плакала; отъ и умовывъ! (*До Васылыны*). Ну, годи тоби, не плачъ, а то лычко змарніе.

Васылына. (*Плаче дужче, а потимъ помалу стыхае зовсимъ*). Не треба мени мого лыця, не треба! Я ничого не хочу... Я не пиду, не пиду... Одчепиться видъ мене.

Атаманъ. Та чого ты? Хиба я тебе веду чы що? Ото! Я такъ тилько сказавъ жартомъ, що поведу. Заспокойся, не плачъ! (*На бикъ*). Пиду до Фылымона Сыдоровыча за прыказаніямы. (*До Васылыны*). Я тебе не сылую ни до чого, робы якъ знаешъ. (*На бикъ*). И ихъ жаль, и себе жаль... Охо-хо—хъ! Ну, жыття атаманське!.. Прощай, Васылыно. (*Иде; Васылына встае, вытырае очи рукавомъ, иде за атаманомъ; провившы атамана у сины, вертается*).

Ява VII.

Васылына (*одна*). Пишовъ. Наче каминь зъ серця зсунувся. Чого жъ це матери немае такъ довго? Самій сумно. (*Углядившы на лави хустку и намысто*). Дывы! На що жъ це винъ покынувъ тутъ хустку и намысто? (*Дывытся и усмихается, а потимъ плюе*). Тьфу! Тьфу! Ще хто побачыть, спытае; що я скажу! (*Пидходыть*). Що зъ нымъ робыть? Выкыну заразъ въ огородъ до бабы Сыдорыхы,—нехай воно тамъ потліе (*Бере хустку и намысто жужмомъ, иде хутко до дверей и видчыня вже ихъ, а дали стае, помалу прычыня двери, обертается лыцемъ до публикы; подумавшы, усмихается*). Стривай, дома нема никого, прымиряю, подывлюся—чы гарно мени, а потимъ закыну. (*Повязуется*). До лыця! (*Чыпляе намысто*). И не пизнавъ бы

Софронъ! Ачъ яке гарне, червоне та блыскуче. Якъ убрання красыть чоловика. (*Зитхае*). Пиду жъ закыну къ бисовому батькови, щобъ воно мене не спокушало... Гляну ще разъ на себе и закыну (*заглядa у дзеркало, вмазане у стину*). И справди гарно: очи блыщать и выдъ веселый, ясный... Отъ якъ бы свое таке було! На що жъ его выкыдатъ? Виддамъ дядькови Самійлови, а то ще найде хто и буде носыть, буде красувать, або ще яка бида зъ того выйде (*Входыть Соломія*). Охъ, Боже мій, Соломія, а я въ такимъ убрани.

—

Ява III.

Соломія и Васылына.

Соломія. А де дядько Самійло, пийшовъ уже? Ачъ якый чмутъ! Чы ты знаешъ, що винъ обманывъ мене? Карпа не выпустылы.

Васылына. Не выпустылы? (*На бикъ*). Що мени робыть? скынуть?

Соломія. Тилько даремно пробигалась... И на що винъ протурывъ мене видсиля?

Васылына. Не знаю. (*На бикъ*). Не буду скыдать убрання може вона не прымитыть.

Соломія. Бачъ, якъ прыбралась, що це за знакъ? Та яка гарна въ тебе хустка.

Васылына. (*На бикъ*). Що ій сказать? (*До Соломіи*) Це ще бабына.

Соломія, И новисенька! А намысто, намысто яке хороше, мовъ жаръ горыть! Ты кого ждешъ, чы куды пидешъ?

Васылына. И никого не жду, и никуды не пиду. Такъ прымиряла бабыне убрання. (*Скида хустку и хова въ скрыню; на бикъ*) И на що я збрехала?

Соломія. (*На бикъ*). Бреше! Выходыть—згодылась, колы подарунки прыйняла. (*Входыть атаманъ*).

Ява IX.

Атаманъ, Соломія и Васылына.

Атаманъ. (*До Соломіи*). Ну, тебе де не посій, тамъ и вродышся!

Васылына. (*На бикъ*) Боже мій! (*Хутко повъязуется своею хусткою, а потимъ хоче развъязать намысто, поспиша и ніякъ не може*).

Атаманъ. (*До Соломіи*). Що въ тебе роботы нема? Ишла бъ соби та сыдила дома. (*До Васылыны*). Заразъ прыйде Софронъ.

Васылына. Софронъ! (*Рве намысто, воно посыпалось.*

Соломія. Боится, щобъ Софронъ не побачывъ подарунку. (*Пидбирае намысто*).

Васылына. Охъ Господы, якъ сердце забылось! Его выпустылы? Кажить же, дядьку, выпустылы Софрона?

Атаманъ. Де тамъ! Видпросывся... Зайде попрощатысь: велено завтра у прыёмъ везты—здать у москали. (*На бикъ*) Побачымо, що теперъ скаже. Бабы московщыны боятся.

Васылына. У прыёмъ... у москали?

Атаманъ. (*Тыхо*) Отъ до чого ты его довела.

Соломія. (*На бикъ*). Эге-ге! Подарункы прыйняла, а чоловика у москали, розумію. Ачъ яке намысто, якъ горохъ, а ще й бреше, що бабыне. (*Входыть Софронъ*).

—

Ява X.

Ти-жъ и Софронъ въ кайданахъ; сторожа.

Васылына. *Зачувшы брязкитъ зализа, опамьяталась. Бижыть назустричъ, въ дверяхъ кыдается Софронови на шыю*). На кого жъ ты мене покыдаешъ?

Софронъ (*Веде іи на передъ кону до лижка*). Годи, Васылыно, годи моя мыла, не плачъ! Такъ Богу, значить, угодно. Сядь. (*Садовыть іи и самъ сидае*).

Атаманъ. Не бався, Софроне, мерщій балакай. А мы, братци, ходимъ у сины, нехай соби побалакають на самоти.

(*До Соломіи*) А ты, віялко, чого стоишь? Иды! (*Вси выходять. На выходи*) Ну, життя атаманське!

—

Ява XI.

Софронъ и Васылына.

Софронъ. Дай на тебе надывыться! жыття мое... Мене виддають у москали зъ помсты за те, що ты не зрадыла мени, и я тебе за це безъ миры кохаю! Мукы наши скинчатся скоро... Ты будешъ московкою, будешъ вильна, а я буду служыть вирою и правдою Богу и Государю, и въ служби нихто не посміе мене даремно зобыждать, якъ тутъ зобыждають. Спершу я самъ сумовавъ. Мени тяжко було покыдать тебе, ридне село батька, матиръ, а сёгодня зайшовъ дидъ Аврамъ—винъ все знае—и, спасыби ёму, розсказавъ, що я й тебе можу взять зъ собою, хочъ и на Кавказъ. (*Голубыть іи*). Прыгрій мене своимъ ласковымъ поглядомъ... Я вси мукы забувъ; такъ мени заразъ любо, такъ мени весело биля тебе. Краще, здается, заразъ умерты, нижъ розризныться.

Васылына. Мылый мій! (*Обнимаются палко*).

—

Ява XII.

Ти-жъ, атаманъ, Соломія и сторожа.

Атаманъ. А ну, ходимъ, хлопче!

Софронъ. Заразъ, дядьку! Иды жъ, скажы батькови и зберы на завтра всю одежу свою и мою. Де-що продамо та батько дасть—и грошы будуть на дорогу.

Соломія. Та ось цила жменя доброго намыста, и ще й хустка шовкова е, грошей буде якъ за пару воливъ...

Атаманъ. (*Шарпа Соломію*). Не вьязны, бо по потылыци выштовхаю. Люде прощаются, а вона зъ выхылясамы.

Софронъ. Яке намысто!

Атаманъ. (*Досадлыво*). Та що ты іи слухаешъ?... Пишла геть! Тутъ серце болыть, що ты пидешъ на чужу чужыну, а вона...

Софронъ. Ну, прощай Васылыно! (*Обнима и цилуе іи*). Не сумуй же!

Атаманъ. Де вже тамъ не сумовать.

Софронъ. Теперъ я тилько одного боюся,—боюся, щобъ не забракувалы, щобъ не прыйшлося сюды знову вертаться на муку. Ну, та Богъ мылостывый! (*Выходыть, за нымъ Васылына и сторожа*).

Атаманъ. Проведу трохы и вернуся, побачу, що Васылына скаже. Здается, вона не такъ радіе, якъ Софронъ. Ну, жыття атаманське! (*Побачывъ Соломію, показуе ій кулакъ*). Гляды мени! (*Выйшовъ геть*).

—

Ява XIII.

Соломія. (*Одна*). Теперъ зовсимъ переконалася, що намысто и хустка—панськый подарунокъ. Якъ бы бабыне, кынулася бъ збирать, и атаманъ такъ бы не розсердывся на мене. (*Кладе намысто на столи*). Певно згодылася, щобъ перше здыхаться Софрона, а винъ радіе здуру. Якъ бы ёму шепнуть про се? Ажъ ось колы Карпо не буде мене бильше быть, помырытся зо мною. (*Иде, назустричъ Васылына*). Прощай, сестро! (*На выходи*). А зъ тебе я такы очей не спускатыму.

—

Ява XIV.

Васылына (сама).

Васылына. (*Довго мовчыть*). Московка! Та ще чы й визьме? Чы дозволять? Чомъ же другыхъ чоловикы не беруть, колы можна взять? Ни, винъ утишавъ тилько мене, щобъ не журылась... У москали! Боже, та це все одно, що винъ умре и я ёго поховаю, жывого поховаю... И въ самотыни буду вьянуть... старить, ждать смерты! Охъ, тяжко мени, тяжко!.. И що робыть не знаю!.. Що робыть? Мылый черезъ мене погыбае, а я пытаю,—що робыть? Рятувать! Серце шепче мени: рятуй, рятуй его мерщій, а я думаю-гадаю, чы рятувать? Буду жъ рятувать! Пиду! Теперъ я не боюся ничого,—упаду панови въ ногы, буду

плакать кривавымы слёзамы, винъ не душогубъ, винъ самъ заплаче, стины ними заплачуть зо мною разомъ! Я ростоплю ёго своимъ горемъ, хочъ бы винъ бувъ зъ зализа. Винъ змылуется надъ намы, винъ самъ не захоче мого нещастя,—пиду! (*Входыть атаманъ*). Отъ и поводарь! Дядьку (*Здержуе рыдання*)... Ходимъ, ходимъ у двиръ!

—

Я в а XV.

Атаманъ и Васылына.

А т а м а н ъ. Отакъ бы й давно! Нехай же пизнійще...

В а с ы л ы н а. Заразъ... Заразъ ходимъ! (*Одягается*).

З а в и с а.

Д І Я V.

О д м и н а п е р ш а.

(*Декорація I одмины I діи*).

Я в а I.

Г а в р ю ш к а. (*Одынъ*). (*Иде тыхо навспынячкы до дверей*) Що воно за оказія, ніякъ не розшолопаю. Пани сердылася на пана, крычала, плакала, а потимъ поклыкалы Фылымона Сыдоровыча, послалы за экономомъ. Теперъ панъ крычыть на Фылымона Сыдоровыча... Не чуть всёго... О! наче щось про Васылыну... Не розберешъ, а цикависть все бильше й бильше росте. Отъ колы бъ шапка невыдымка—проскочывъ бы туды... Усе бъ знавъ... Дуняшка щось балакае! Ну, голосокъ, наче пыщыкъ зъ болыголовы. (*Входыть экономъ. Гаврюшка одскакуе видъ дверей*).

—

Я в а II.

Гаврюшка и экономъ.

Э к о н о м ъ. Эти... эти и тому подобіе... Ты шево тутъ дѣляль?

Гаврюшка. Я? Замокъ обтыравъ, Богданъ Богдановычъ.

Экономъ. Ну эти... А Фылымонушка гдѣ?

Гаврюшка. Воны тамъ у пана... И васъ клыкалы заразъ туды... до пана... у горныци. Идить, Богданъ Богдановычъ, васъ тамъ ждуть.

Экономъ. Ты зашимъ эти... эти зтрифожился?

Гаврюшка. Панъ сердятся... крычать...

Экономъ. О—о? Я лакаюсь и тому подобіе! Я не будитъ ходиль эти... эти безъ докладу.

Гаврюшка. Велено, щобъ заразъ, тужъ хвылыну, якъ тилько прыйдете, ишлы до пана.

Экономъ. А ты, гулюбушка, эти... Гавруха, не знаешъ за чево каспадынъ сердылся? А?

Гаврюшка. Не знаю, Богданъ Богдановычъ! Заразъ писля чаю таке пиднялось у горныцяхъ, що страхъ; я й самъ боюся, ажъ трусюся увесь.

Экономъ. (*Иде на вспынячкахъ до дверей. Передъ дверыма стае, берется за серце*). О, мейнъ готъ... и тому подобіе! (*Пишовъ въ покои. Гаврюшка, якъ экономъ одчынывъ двери, позадъ его стае навспынячкы и заглядае*)

—

Ява III.

Гаврюшка. (*Одынъ*). Такъ и е, що клята видьма Дуняшка заварыла якусь кашу, бо й вона доси тамъ стоить. А Фылымонъ Сыдоровычъ мовчыть, бидный, и голову повисывъ. И щобъ воно таке? (*Ковыряе пальцемъ вухо*). Чортъ ёго знае, що це зъ моимъ вухомъ сталось? наче заклало: ничого не чую. (*Слуха пидъ дверыма*). Нимець щось балака. Его й такъ не розберешъ, а черезъ двери здается, що хто-небудь у пустый глечыкъ палычкою стука. (*Въ горныцяхъ чуты ляскъ*). Ой! (*Одхыляется*). Це такъ панъ Фылымона у пыку затопывъ! Ну, оказія. (*Знову пидставля до дверей вухо, Фылымонъ одчыня двери и натыкается на Гаврюшку*).

Ява IV.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. Ты зачимъ глядивъ, иродивъ сыну?

Гаврюшка. (*Одступае*). Я...

Фылымонъ. (*Наступае*). Зубоскалъ! Що я тоби наказувавъ, га? Що?

Гаврюшка. Я...

Фылымонъ. Стань на мисци каменемъ! Чого рачкуешъ?

Гаврюшка. Я...

Фылымонъ. (*Бье въ лыце*). Іуда! Брехачъ! Вертыхвистъ! Хто набрехавъ Дуняшци про Софрона, про Васылыну, Карпа... Га? Хто? Говоры!

Гаврюшка. Ей-Богу не знаю, хрестъ мене...

Фылымонъ. Не божысь, вужъ, не божысь, гадюка! Ты одынъ знавъ про все; ты, Іуда, не здержавъ языка за зубамы, розбовтавъ!

Гаврюшка. Побый мене Богъ, не я! Нехай мени языкъ одсохне! Богъ мене накажы!

Фылымонъ. Ёлопъ, гава! Тилькы зубы уміешъ до дивчатъ скалыть! Постой, я до тебе прыймуся не такъ. Говоры: хто бувъ у Дуняшкы? Домаха була?

Гаврюшка. Никого не було, щобъ я пропавъ, колы брешу, тилько паламарша була, бо вы звелилы іи пропускать.

Фылымонъ. Паламарша, колы?

Гаврюшка. Заразъ пısля обидъ. И Дуняшка до неи ходыла.

Фылымонъ. Довидалась чортовка на сели и заразъ пани розсказала. Чортъ мени надавъ дозволыть пропускать паламаршу!

—

Ява V.

Ти-жъ и Дуняшка. (*Переходыть покой.*

Дуняшка. (*На ходу*) Спокойнои ночи, Фылымонъ Сыдоровычъ! (*Зныкае въ другыхъ дверяхъ*).

Ява VI.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. Голобля! Суха чахоня! Щобъ тебе цю ничъ домовый задавывъ! Сміется, бо іи взяла! Стривай, ще й я посміюся! (*До Гаврюшкы*). На ключи, дай Матвіеви, скажы, щобъ заразъ выпустывъ Софрона и Карпа и нехай идуть къ чорту, щобъ ихъ и духъ тутъ не смердивъ.

Гаврюшка. (*На бикъ*). Панъ его за дило триснувъ у пыку, а винъ мене зъ добра дыва,—щобъ тоби руки посудомыло! И доси щемыть. (*Выйшовъ*).

—

Ява VII.

Фылымонъ. (*Одынъ*). Такъ наче хто цилый цеберъ помый вылывъ на мене! Десять литъ пальцемъ не торкнувъ, а сёгодня вдарывъ. Нехай бы самъ на самъ, ще не такъ бы було жалко, а то передъ нимцемъ, передъ Дуняшкою... Теперъ прямо тикай зъ двору, свитъ за очи. Яке тутъ буде жыття мени, колы вси знатымуть, що мене, мене, Фылымона Сыдоровыча, ударено по морди за мое роспоряженіе. Страху не буде, послушанія не буде, поваженія не буде. Дуняшка верхъ визьме! Та краще задавыться, нижъ дійты до того, що Дуняшка буде командувать. Одно зосталось, выкупыться на волю. Грошы йе, слава Богу. Его жъ гришмы и одкуплюся видъ нёго! А на воли абы грошы... Гыльдію объявлю... Шынкы визьму въ одкупъ... Та що! На проценты буду грошы давать, женюся на чумакивни...... колыбъ тилько видпустывъ. (*Входыть экономъ*).

—

Ява VIII.

Экономъ и Фылымонъ.

Экономъ. Хвылка! Пошоль сюда!

Фылымонъ. Помалу Богданъ Богдановычъ, рано ще командувать.

Экономъ. О—о! Мальчатъ! Я не любитъ, когда мушикъ много говоряитъ и тому подобіе! Ты мене подводылъ дѣлять

паскудное дѣло безъ загласія каспадына! Ты эти... эти зводнықъ! Каспажа не можить тебья видить. Я полючиль инструкцію! зигодна передай усо Гаврушка и зафтра пашоль на панщына.

Фылымонъ. Якъ?! На панщыну? Богданъ Богдановычъ, вы мабуть сонни, проснիться, протрить очи.

Экономъ. У—у? Мальчать! Ты эти ошинь розпускался. Я тибья будить загиналъ у дуга. Я тебье будить показывайтъ эти... загранышново дистиплына! Свина! Тебя позволали за стола, а ты на стола ногы кладылъ? Нѣтъ, голюбушка, будить! Я хляднокровый и тому подобіе, але можу розсердыца... Я зейчасъ поужинайтъ и будить зъ тебья одчотъ полючать... Слишь? (*Выходить*).

—

Ява IX.

Фылымонъ. (*Одынъ*). Онъ якъ колесо повернулось! И нимець закомандувавъ... Вчора трусывсь передо мною, а сёгодня грымае, свынею называе... Вси зрадіють, що звалылы Фылымона зъ ёго стильця, особлыво Дуняшка! Та мени не жаль такъ ни на кого, якъ на пана... За мои труды бье мене передъ усима въ морду... Та ще ёму цёго мало, выганяе на панщыну, на посмишище передъ усима мужыкамы! На панщыну—мене! Богъ зъ тобою... Гоны зъ очей, гоны на панщыну вирного слугу... гоны!... Та ты самъ будешъ плакать, якъ побачышъ Хвыльку у свыти, засміеного, оплёваного! Згадаете... Згадаете мене, бо нихто вамъ, Петро Петровычъ не угодыть, якъ мене не буде. (*Вытыра слёзы*). Чого жъ це я хныкаю? Ото дурень! Та у мене жъ грошей повна скрынька, та зъ гришмы я все зроблю, та зъ гришмы и втикты можна... А якъ грошы однимуть? Та ни, чорта лысого знайдуть, заховани добре, не виддамъ, хочъ бы колесувалы. А може винъ погарячывся, може винъ вже й каится? Серце у нёго мягке,—може ще одумается, не треба впадать въ одчай. Такъ... Може ще й завтра ворогы мои у ножкы знову мени поклонятся! А щобъ пани угодыть, то я женюся на Дуняшци! (*Входыть Гаврюшка*).

Ява X.

Гаврюшка и Фылымонъ.

Гаврюшка. Выпустывъ вже Софрона и Карпа; нате ключы.

Фылымонъ. Поклады тамъ. (*Дзвинокъ*). Иды, Гаврюшка, ты, я не пиду,—Богъ зъ нымъ. Колы за мене спытае, скажы: сыдыть и плаче! (*Гаврюшка пишовъ у горныци*). Плаче! Це добре выдумавъ—жалю ёму завдать. (*Въ дверяхъ показуется атаманъ*).

—

Ява XI.

Атаманъ и Фылымонъ.

Атаманъ. (*Тыхо*). Фылымонъ Сыдоровычъ!

Фылымонъ. (*Кыдается*). Чого ты?

Атаманъ. Прывивъ Васылыну!

Фылымонъ. Ну іи къ чорту! Не треба, не треба! Иды, иды, щобъ хто не побачывъ... Нехай и вона йде соби до дому... Не чипай іи. Пани провидала... Софрона выпустылы—тутъ цила баталія була—не знаю ще, на чимъ все окошытся! Иды, иды! (*Входыть Гаврюшка*).

Фылымонъ. Ну, що?

Гаврюшка. Васъ клычуть.

Фылымонъ. Мене? Охъ! (*До атамана*). Иды жъ, иды, веды іи звидциля, чого стоишъ? (*Намочуе очы слыною*). А ну, Хвылька! Рятуй себе самъ, бо вси топлять тебе! (*Пишовъ*).

—

Ява XII.

Гаврюшка и Атаманъ.

Атаманъ. Отъ оказія! Що тутъ выйшло?

Гаврюшка. А, дядьку, бодай не казаты! Панъ у морду вдарылы Фылымона Сыдоровыча, а мене въ морду вдарылы Фылымонъ Сыдоровычъ!

Атаманъ. Ну? Треба жъ тикать, щобъ и мени якого зуба не выбывъ! Ну, жыття атаманське! Пиду зъ Васылыною кинчать весилля; теперъ по трудахъ и выпыть вартъ. (*Пишовъ*).

—

Ява XIII.

Гаврюшка. (*Одынъ*). Вси розбигаются, якъ мали курчата видъ шулики... А я все думаю: за що мене Фылымонъ Сыдоровычъ ляпнувъ по пыци? Не знаю. Та винъ и самъ не знае. (*Входыть Фылымонъ*).

—

Ява XIV.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. Гаврюшк?, иды сюда (*Гаврюшка пидходыть*)' Я тебе обыдывъ, не сердься на мене! (*Обнима и цилуе*). Теперъ знову наша взяла! Панъ заплакавъ, я заплакавъ—и помырылысь!

Зависа.

Одмина друга.

(*У Домахы въ хати. Горыть свитло и никого нема*).

Ява I.

(*Входыть Соломія*).

Соломія. И матери нема. Ну, такъ и йе. Хто жъ бы бильшъ пишовъ за атаманомъ въ двиръ, якъ не Васылына? Вона, вона,—бильшъ нікому. Я назырци йшла за ными до самого двору, а потимъ якъ воны зныклы у покояхъ, я побигла сюды довидаться, що маты робыть. Ажъ воно онъ якъ: и свитло горыть, и никого нема! Эге голубьята, мудруете! Свитло покынулы, мовъ дома сыдять, щобъ людямъ очи одвесты. А де-жъ и справди стара? Та що мени стара, якъ бы мени вывесты Васылыну на чысту воду, щобъ и Карпо знавъ, бо Софронъ не прызнается, покрые, щобъ люде не сміялыся. Намысто ось, а

де жъ хустка? Чы не надила? Скрыня не заперта... (*Одчыня скрыню*). Тутъ. Щось треба прыдумать. (*Вбигае Софронъ*).

—

Ява II.

Софронъ и Соломія.

Софронъ. (*Радисно*). Васылыно! Мамо... Хто жъ це?

Соломія (*на бикъ*). Не вспила Васылына панськый пoригъ переступыть, вже й выпустылы!

Софронъ. Це ты, Соломіе? Що ты тутъ сама робышъ? А де жъ Васылына, де маты?

Соломія. А ты знову втикъ, чы якъ то сталось, що на воли?

Софронъ. Насъ обохъ выпустылы. И Карпо пишовъ до дому. Богъ зглянувся надъ намы. Кажутъ пани якось довидалась про все и выпустылы.

Соломія. Ха, ха, ха! Пани довидалась и выпустылы! А ты й повирывъ? Якый же ты легкодухый!

Софронъ. Де Васылына?

Соломія. (*Усмихается*). Догадайся!

Софронъ. Де Васылына? Кажы!

Соломія. Де жъ бильше твоя Васылына якъ не въ горныцяхъ.

Софронъ. (*Хвата іи за плечи*). Брешешъ, сатано!

Соломія. Та пусты, навиженый! Я тоби ничого не скажу, колы будешъ крычать та лаяться. Я назырци ходыла и знаю бильшъ, нижъ ты; я не слипа и не мала дытына.

Софронъ. Не дражны мене лукавымы речамы! Кожне твое слово, якъ молотъ бье мене по голови—доказуй! Доказуй же, чого мовчышъ?

Соломія. Ты бачывъ сёгодня намысто, що я тоби показувала?

Софронъ. Бачывъ.

Соломія. Дывысь, ось воно! Дебъ у неи таке дороге намысто взялося? Якъ я въ день прыходыла до неи, то вона була повьязана шовковою хусткою и въ цимъ намысти, а якъ

почула, що ты йдешъ, хустку заховала въ скрыню, а намысто не поспила скинуть, переляка лася, щобъ ты не побачывъ, и розирвала. Отъ заглянь у скрыню, тамъ певно есть и хустка та.

Софронъ. (*Одчыня хутко скрыню*). Шовкова!

Соломія. И новисенька! А вона каже бабына.

Софронъ. Такъ чыя жъ вона? Чыя?

Соломія. У, Хома! То—подарунокъ. Панъ прыславъ въ обидъ передъ тымъ, якъ тебе прывелы, а оце вона пишла у двиръ—я сама бачыла.

Софронъ. Пишла?!

Соломія. Ей-Богу, правда!..

Софронъ. О-о-о! (*Сида*). Легче бъ мени було, якъ бы я побачывъ іи на лави.

Соломія. Годи, не мучъ себе! Вона пишла, щобъ вырятуваты тебе изъ москаливъ.

Софронъ. О, будь ты проклята за твою утиху и за твою звистку! Вона выдавыла разомъ зъ мого серця кохання до Васылыны! Краще бъ гора камьяная упала на мою голову и выдавыла изъ неи разомъ увесь мозокъ—легче бъ мени було, нижъ теперъ! (*Тре груды*).

Соломія. (*На бикъ*). Побижу, Карпови розскажу. (*Иде, входыть Домаха*). Прощай титко! (*Выйшла*).

Ява III.

Софронъ и Домаха.

Домаха. Софроне! Тебе вже выпустылы?—правду Дуняшка сказала...

Софронъ. Вы тилько вспилы провесты дочку у двиръ, а тутъ и мене выпустылы!

Домаха. Що ты балакаешъ? Опамьятайся! Я сыдила у паламаршы, ждала звисткы, що тебе выпустять, и тилько що...

Софронъ. Годи! Не одурышъ мене! Кажы, заразъ кажы—була у тебе оця хустка и намысто?

Домаха. Хустка... намысто... Яке намысто? У-перше бачу.

Софронъ. Такъ звидкиля жъ воно попало до тебе въ скрыню?

Домаха. Я ничого не знаю и не зрозумію твоихъ речей... Де жъ Васылына?

Софронъ. Ще й пытае, де Васылына? Ха, ха! Вона не розуміе? Згынь зъ очей моихъ, зводня стара! Вона не знае? А люде знають вже! [*Балака хутко, вхопывшы іи за руку*]. Иды заразъ до панського покою... Заразъ иды! И тамъ пидъ тыномъ жды твою дочку! Дочку твою жды, покы выйде звидтиля, и вкупи разомъ на одній гыляци задавиться! А сюда не йдить! Не йдить сюда, бо я васъ самъ тутъ подавлю обохъ!... Не стій же тутъ передъ очыма, счезны! И не вертайся сюда зъ дочкою своею, бо я васъ самъ подавлю, спалю въ огни обохъ!

Домаха. Боже мылостывый, винъ божевильный. [*Тика зъ хаты*].

—

Ява IV.

Софронъ одынъ, а потимъ Васылына, Карпо, Атаманъ, Домаха и Соломія.

Софронъ. О, Боже! За-вищо воны такъ мучать мене, безчестять мене?... И я имъ подарую свою наругу? и я не помщуся надъ ными?... Ни! Стривайте! [*Бере нижъ*]. Пидпалю горныци зъ чотырёхъ угливъ, и воны згорять тамъ на вугилля, а колы выскочать зъ огню, порижу на шматкы. (*Входыть Васылына*).

Васылына. Софроне! Ты дома, тебе выпустылы? (*Входыть Карпо, атаманъ, Домаха и Соломія*). Мій мылый, мій коханий, яка я рада!

Софронъ. Рада, рада! Ха, ха! Рада, що прынесла мени свое безчестя? Зрадныця лукава. (*Кыдается на Васылыну зъ ножемъ*).

Васылына. Ай! (*Одскакуе. Атаманъ и Карпо хватають его за рукы*).

Карпо. Опамъятайся!

Атаманъ. Прыйды до розуму!

Софронъ. Пустить мене. (*Рвется*). Пустить, дайте мени волю іи й себе заризаты!

Домаха. Боже мій, винъ божевильный!

Васылына. Богъ зъ тобою, я ни въ чимъ не вынувата.

Карпо. И я тоби, брате, свидчу, що вона не вынна ни въ чимъ. Не мучъ себе.

Софронъ. А хустка, а намысто?

Атаманъ. То вже мій грихъ, я ій пидкинувъ, а вона не брала, хочъ прысягты.

Васылына. Тилько прымиряла.

Соломія. Теперъ и я бачу, що це правда.

Софронъ. Правда?

Вси. Правда! Заспокойся! (*Пускають его*).

Атаманъ. Мы все тоби розскажемъ потимъ.

Карпо. А теперъ обнимай свою вирну молоду, кличъ людей, та будемо справлять весилля.

Васылына. (*Пидходыть до Софрона*). Мылый мій, коханый! Глянь, глянь, я плачу... Бачышъ? Така моя душа чыста передъ тобою, якъ оци слёзы!

Софронъ. За-вищо жъ такъ насъ тяжко мучылы?

—

Ява V.

Ти-жъ и Гаврюшка (вбигае).

Гаврюшка. Дядьку Самійло, вы тутъ? Идить у двиръ, васъ клычуть, важне дило!

Домаха. О, Господы!

Вси. Що тамъ?

Гаврюшка. Панъ якыйсь прыйихавъ, кажуть, прывизъ всимъ намъ волю видъ царя!

Вси. Волю?! (*Тыхо опускаются навколишкы*).

Софронъ. (*Обнимае Васылыну*). Горлычко моя, ажъ теперъ скинчылысь нашы мукы!

Зависа.

ЧЕРНИГОВСКАЯ СТАРИНА.

(1765—1810 гг.)

По архивнымъ бумагамъ городской думы.

Въ бытность свою городскимъ головою въ Черниговѣ, я ознакомился въ 1885 г. съ состояніемъ архива городской думы, на сколько было возможно привелъ его въ порядокъ и убѣдился, что въ немъ есть не мало цѣннаго для исторіи города. На основаніи этого матеріала я рѣшилъ составить очеркъ состоянія Чернигова въ концѣ прошлаго вѣка. Тогда же сдѣлалъ не мало выписокъ изъ дѣлъ,—но затѣмъ въ 1886 г. я былъ избранъ предсѣдателемъ губ. земской управы и не имѣлъ уже возможности продолжать эту работу.—Теперь, на досугѣ разобравшись въ этихъ выпискахъ, я нашелъ не безполезнымъ подѣлиться съ читателями фактами, взятыми изъ первоисточника. Они могутъ пригодиться для историка.

I.

Городское хозяйство въ Черниговѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

Городовое положеніе введено было въ Черниговѣ въ 1785 г.—Казенная палата передала вновь образованной думѣ вѣдомости городскихъ оброчныхъ статей, а въ январѣ 1786 г.

и поступившіе по этимъ статьямъ доходы, въ количествѣ 9074 р.—72½ к. Въ сохранившейся вѣдомости этихъ доходовъ болѣе крупными статьями являются сборы за торговыя лавки, за мѣста подъ торговыми коморами, ятками, шалашами, вѣтряными мельницами, шинковыми домами, сборы за сѣнокосы, рыболовныя озера, чиншевой сборъ „съ магистратскихъ подданныхъ“ и за винную продажу, отдаваемую на откупъ въ пользу города.

Сѣнокосы, принадлежавшіе прежде на рангъ (присвоенные должности) войта, бургомистровъ и писаря городового магистрата и расположенные въ дачахъ с. с Количевки, Яновки и Анисова, въ 1786 г. по распоряженію генералъ-губернатора гр. Румянцева—Задунайскаго переданы были въ вѣдѣніе думы. Туда-же по указу казенной палаты, были переданы магистратскія и ратушныя имѣнія въ городахъ и внѣ ихъ, причемъ посполитые въ деревняхъ были оставлены въ вѣдѣніи казны. Но не на долго: въ 1789 г. оброчная вѣдомость объ этихъ людяхъ передана была губ. казначеемъ въ думу, для внесенія ихъ въ городскія окладныя книги. По вѣдомости этой, посполитыхъ городового магистрата было: въ Черниговѣ 5, въ д. Свинѣ 64, въ с. Березанкѣ 43, въ с. Хмельницѣ 101, въ д. Погорѣлкахъ 16 и въ с. Петрушинѣ 347. Чиншеваго сбора съ нихъ показано 171 р. 30 ¼ к.— Изъ дѣлъ не видно, сколько земли поступило во владѣніе города, сохранилось только предписаніе губернатора думѣ въ 1786 г. принять отъ смотрителей казенныхъ имѣній Черниговскаго уѣзда, сотеннаго атамана Шихуцкаго и канцеляриста Скейковскаго 11 р.—88 к. за проданный ими хлѣбъ изъ принадлежащихъ магистрату и его урядникамъ земель при с. с. Березанкѣ и Хмельницѣ и д. д. Свинѣ и Погорѣлкахъ.—Далѣе, въ 1801 г. въ доходныхъ книгахъ показано 170 д. 2052 с. пахатной земли. Земля эта сдавалась спольщикамъ за пятую копу въ пользу города, [1]) а поступившій послѣднему хлѣбъ продавался въ копахъ,

---

[1]) Подробнѣе объ этихъ условіяхъ говоритъ Шафонскій (Описаніе черн. намѣстничества. 1786 г.): „Пахатную землю берутъ у Черниговскихъ и другихъ обы-

при чемъ за копу ржи платили отъ 57—90 к. Въ настоящее время такія земли у насъ сдаются за половину урожая, съ приплатами отъ спольщиковъ по 1 р. и болѣе за дес., деньгами или работой. Умолотъ съ копы ржи на такихъ земляхъ бываетъ у насъ въ среднемъ около 8 п.; слѣдовательно, цѣна зерна была въ то время 10—12 к. за пудъ.

Въ 1785 г. казенная палата передала въ думу контрактъ на аренду 24 озеръ, „вступившихъ въ казенное вѣдомство съ владѣнія Черниговскаго магистрата". Интересны названія озеръ въ этомъ контрактѣ: „Старая Десна,—выше перевоза мѣскаго, два Торжина—вышній и нижній, Бузовая, Старая Десна за Прорвою между хуторами Магистратскимъ, Задесенскимъ и сѣножатью магистратскою, Галинъ, Глушецъ, Либеда, Кривое, Печище, Колы, Буяницкое, Пухово, Грузкое, Тихое, Гостишъ, нижній и вышній Стрижни, Цыганка, два Гулака, за Десенкою и Спаское". Арендная плата за эти озера была 250 р. въ годъ. Но въ другомъ мѣстѣ упоминаются „ранговыя магистратскія войтовскія" рыболовныя озера: Пчельскъ, Тростянецъ, Свинь, Стародубъ, Жертки, Плоское, Домаха, Девень и Плетни. Вѣроятно, съ присоединеніемъ ихъ, общій доходъ за озера показанъ въ 1785 года въ 787 р.—76 к.

Цѣны за аренду городскихъ лавокъ и за аренду городской земли подъ лавки и другія постройки были очень низки. Въ 1787 г. „старшинскій товарищъ мясницкаго цеху" представилъ за мѣсто подъ 13 мясными лавками 6 р.—60 к. за треть года. За мѣста на пятницкомъ полѣ подъ вѣтряными мельницами и кузницами платили по 25 к.—За рыбныя и другія лавки показанъ доходъ по 1 р. въ годъ. За мѣста, арендуемыя подъ жилые дворы, была плата отъ 60 к. до 6 р. въ годъ. Даже за мѣста, подъ шинковыми домами платили отъ 30 к. до 3 р. въ годъ. Въ

вателей подъ рожь съ пятаго, а подъ яровой съ седьмого-снопа или копы (въ пользу владѣльца), съ тѣмъ, что они ее выпашутъ, своими сѣменами засѣютъ и пожнутъ, и сами хозяину на гумно привезутъ.—Жнецамъ за уборку давали пятую и шестую копу.

числѣ арендаторовъ такихъ мѣстъ являются войсковой товарищъ Глинскій, полковой хорунжій Мазуръ и полковой писарь Мартиновскій.

Ярмарокъ въ Черниговѣ въ то время было четыре: Прокофьевская, Крещенская, Евстафьевская и Десятинская [1]). Общей суммы дохода съ нихъ въ пользу города не видно, но по отдѣльнымъ записямъ можно думать, что онъ былъ очень незначителенъ: въ обрывкѣ приходской вѣдомости за 1687 г. записано дохода съ Евстафьевской ярмарки 1 р.—31 к., а въ 1787 г. дохода съ Крещенской ярмарки показано 1 р.—90 к.

Виднымъ среди городскихъ доходовъ былъ откупъ винной продажи. Въ с. с. Петрушинѣ и Березанкѣ и д. д. Свинѣ и Погорѣлкахъ этотъ откупъ содержалъ въ 1785 г. бунчуковый товарищъ Черниговскій уѣздный предводитель дворянства Ив. Мих. Дунинъ-Барковскій, а въ с. Хмѣльницѣ—подпоручикъ Доничъ. Сколько именно откупъ въ этихъ селахъ приносилъ дохода, не видно, есть только отдѣльныя записи въ вѣдомости 1785 г., что отъ Дунинъ-Барковскаго поступило въ уплату 20 р.—16 к., а отъ Донича 27 р.—50 к., но за какое время, неизвѣстно.—

Въ 1786 г. изданъ указъ о предоставленіи винной продажи городамъ для увеличенія ихъ доходовъ, при чемъ предписано, чтобы „купецкимъ людямъ тутешняго города передъ посторонними имѣть преимущество", если посторонніе больше не дадутъ. Въ виду окончанія сроковъ контрактовъ, заключенныхъ съ казенною палатой, въ январѣ 1786 г. произведены были въ думѣ торги на откупъ винной продажи. Въ торгахъ, кромѣ упомянутыхъ представителей казенной старшины, участвовали еще войсковые товарищи Грембецкій и Ладонка. На торгахъ предложена прежняя арендная цѣна—1300 р. въ годъ, и откупъ оставленъ за мѣстными купецкими людьми. Губернаторъ, утвер-

---

[1]) Первыя 3 продолжались по 2 недѣли: Крещенская съ 15 января, Прокофьевская съ 10 Іюля и Евстафьевская съ 23 сентября, а десятинская продолжалась недѣлю и назначалась въ 10 недѣлю послѣ пасхи.

ждая эти торги, предписалъ представить ему вѣдомость о домахъ, „въ коихъ производится винная продажа по закону и о тѣхъ чиновничьихъ домахъ, гдѣ не имѣютъ права на эту продажу, для запрещенія имъ сего недозволеннаго промысла". Вѣдомость эта сохранилась въ дѣлахъ. Въ ней показано 22 шинка, принадлежавшихъ лицамъ не купеческаго и не мѣщанскаго званій, не имѣвшимъ права на производство винной продажи. Почти всѣ эти шинки принадлежали войсковой старшинѣ. Кромѣ упомянутыхъ уже фамилій, показанъ войсковой товарищъ Николай Константиновичъ, имѣвшій въ своемъ дворѣ винокурню, шинокъ и трактиръ. Упоминаются еще въ вѣдомости 2 шинка Елецкаго монастыря и 2—„катедральнаго" монастыря.—Въ другой вѣдомости—о шинкахъ, содержимыхъ купцами и мѣщанами, такихъ шинковъ показано 48. Въ числѣ ихъ упоминаются шинковые дворы цеховъ, шевскаго, рѣзницкаго и перепечайскаго.

Губернаторъ сообщилъ думѣ, что онъ послалъ эти вѣдомости коменданту Мухину, для распоряженія, чтобы на тѣхъ домахъ, гдѣ будетъ производиться винная продажа, прибить „въ приличныхъ мѣстахъ знаки по номерамъ, начиная первымъ отъ публичнаго мѣста (?)" [1]), а трактиры отъ простыхъ шинковъ отличить надписями на знакахъ и имѣть наблюденіе, чтобы другіе въ домахъ своихъ и на выставкахъ продажи не производили и тѣмъ не дѣлали подрыва взявшимъ на откупъ винную продажу.

Къ торгамъ на винную продажу на 1787 г. явились купецъ Вас. Малаховъ и уѣздный предводитель дворянства Дунинъ-Барковскій. Высшую цѣну—1350 р. объявилъ послѣдній. Но уполномоченные городского общества заявили, что за эту цѣну они оставляютъ аренду за обществомъ. Съ ними заключенъ былъ контрактъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что обществу представляется производить винную продажу въ городѣ, полагая границы

---

[1]) Вѣроятно, мѣсто публичной казни: въ дѣлахъ 1799 г. есть свѣдѣнія, что станокъ на базарѣ для наказанія преступниковъ содержался на городскія средства.

его, какъ есть въ вѣдѣніи коменданта Мухина" (плана города еще не было), собственнаго своего или покупнаго вина хорошаго качества, „безъ примѣси и огулки, указными вѣрными мѣрами, не выше указной цѣны. Продажу производить тѣмъ, кои обовяжутся въ откупную сумму производить платежъ, что на кого положено." Дума обязалась защищать общество, „чтобы помѣшательства въ продажѣ никто чинить не дерзалъ и чтобы не платящіе въ откупную сумму вина не продавали, не корчемствовали и винокуренія не производили".

Вообще, тогда уже началось ограниченіе свободнаго винокуренія. Въ дѣлахъ за 1786 г. найденъ указъ намѣстническаго правленія, въ которомъ изложено предписаніе доставить обстоятельныя вѣдомости, „сколько въ городахъ здѣшней губерніи состоитъ винокуренъ, чьи онѣ именно, въ сколькихъ котлахъ каждая, и тѣхъ винокуренъ хозяева по какимъ случаямъ ихъ имѣютъ,—по владѣнію-ли какимъ наданнымъ имѣніемъ или по одному въ городахъ жительству".

Въ бывшихъ магистратскихъ селахъ винная продажа и въ послѣдующіе годы производилась войсковыми чинами и дворянами. Въ 1796 г. въ Петрушинѣ она отдана была съ торговъ за 36 р. 25 к. въ годъ кол. рег. Силичу, а въ 1799 г. въ Хмѣльницѣ и въ другихъ селахъ ее содержали Глинскій, Шуманъ и Мазуръ. Аренды эти пользовались покровительствомъ: въ 1796 г. предписано было черезъ нижній земскій судъ магистратскимъ посполитымъ въ Петрушинѣ, чтобы, въ подрывъ откупщику винной продажи Силичу, виномъ никто тамъ, кромѣ него, не торговалъ и на свадьбы и другіе подобные случаи вина на сторонѣ не покупалъ.

Но и въ городахъ дворяне не охотно отвыкали отъ виннаго промысла: въ 1789 г. губ. правленіе предписывало городничимъ воспретить дворянамъ въ городахъ винную продажу въ подрывъ откупщикамъ, содержащимъ эту продажу на пользу города.

Болѣе значительной цифры статья съ откупа достигаетъ въ 1809 г. съ винною и медовою продажею 16000 р. въ годъ.

Въ приходо-расходной книгѣ за 1785 г., между прочимъ. есть счетъ расходовъ на починку дороги „по узвалью" отъ крѣпости до Краснаго моста. Тамъ приведены слѣдующія цѣны: за 50 возовъ лозы 2 р.—50 к., за возъ соломы 10—12 к., за доски для тачекъ 12—3 к. (колеса въ тачкахъ дѣлались изъ сосновыхъ кругляковъ), за сотню гвоздей 30—35 к., за дубовыя сваи по 15 к., за копу дубовыхъ кольевъ 40 к.—Въ той-же вѣдомости упоминается о покупкѣ 80 колодъ по 30 к. „для поставки въ городѣ въ приличныхъ мѣстахъ" фонарныхъ столбовъ.—Рабочимъ за полоненіе Десны платилось по 10 к. въ день, а „колодникамъ" (въ другомъ мѣстѣ они называются невольниками) отъ 3 до 5 к. за земляную работу.

II.

Евреи въ Черниговѣ.

Во всѣхъ денежныхъ книгахъ въ первые годы описываемаго періода, въ спискахъ торговцевъ, арендаторовъ и проч. не встрѣчается ни одного еврейскаго имени. Одно только оказалось исключеніе: въ дѣлахъ 1786 г. найдено прошеніе еврея Ицковича объ отдачѣ ему въ аренду мельницы съ валюшенными ступами на р. Бѣлоусѣ при д. Погорѣлкахъ и шинка въ с. Петрушинѣ. Дума, соглашаясь на эту аренду, обращалась съ рапортомъ къ губернатору, прося на это разрѣшеніе, такъ какъ «сама собою она отдать въ откупъ еврею Яцковичу не смѣетъ». Въ 1796 г. на торгахъ на отдачу въ аренду винной продажи при паромномъ перевозѣ участвовали два еврея; одинъ изъ нихъ былъ черниговскимъ мѣщаниномъ. Аренда осталась однако за мѣстнымъ купцомъ Леонтьевымъ. Въ томъ же году оказался еще еврей, черниговскій мѣщанинъ, рѣзчикъ печатей, имѣвшій домъ на городской землѣ.—Въ слѣдующіе годы число евреевъ стало видимо прибавляться. Въ 1803 г. четыре изъ нихъ подали въ думу прошеніе, что откупщики винной продажи въ Черниговѣ не соглашаются отпускать евреямъ для продажи водку и тѣмъ

лишаютъ ихъ средствъ къ жизни; что евреи готовы подвергаться всякому наблюденію и взысканіямъ, еслибы они злоупотребляли этою продажей; что по городовому положенію дума должна заботиться о благосостояніи гражданъ и водворять между ними миръ и согласіе; поэтому евреи просятъ приказать откупщикамъ отпускать имъ водку для шинкованія по такой-же цѣнѣ, какъ и прочимъ.—Дума не оправдала надеждъ просителей и оказалась не на высотѣ указанной ей задачи, отказавъ въ прошеніи и пояснивъ, что заставлять откупщиковъ она не вправѣ, и что просители могутъ достигнуть цѣли путемъ частнаго соглашенія.—Въ 1809 г. число евреевъ въ Черниговѣ было уже такъ значительно, что они уже составляли кагалъ, и было еврейское кладбище. Кромѣ стремленія къ шинкованію, поселившіеся здѣсь евреи обратились сразу къ другому легкому способу наживы—скупкѣ и перепродажѣ продуктовъ. Въ томъ-же 1809 г. дума, въ виду того, что евреи закупаютъ и вывозятъ изъ города пшеницу и тѣмъ производятъ недостатокъ ея и дороговизну, просила полицію наблюдать, чтобы перекупщики могли покупать хлѣбъ только послѣ назначеннаго времени. Время это было опредѣлено еще въ 1801 г., и устроенъ былъ флагъ для выставленія его на базарѣ, съ цѣлью воспрещенія перекупки продуктовъ до назначеннаго часа.

Изъ донесенія черниговскаго полковника Влад. Измайлова князю И. Ф. Барятинскому въ 1736 г. видно, что тогда на всей территоріи Черниговскаго полка было 49 евреевъ,—28 мужчинъ и 21 женщина,—переселившихся изъ Польши. Въ самомъ Черниговѣ ихъ вовсе не было.

Наплывъ евреевъ, конечно, не могъ быть пріятенъ мѣстнымъ торговцамъ, промышленникамъ и цеховымъ, которые очень дорожили своими привилегіями и защищали ихъ не только противъ евреевъ. Въ 1786 г. дума просила комендантское управленіе воспретить женѣ трубача Черниговскаго полка Куксихѣ нанимать свои лавки на базарѣ другимъ, такъ какъ она «подъ вѣдомствомъ магистрата ни въ какой статьѣ не состоитъ; слѣдовательно и не должна пользоваться въ городѣ промысломъ,

купечеству и мѣщанству присвоеннымъ». Въ 1787 г. мѣщанинъ Березовскій, заявляя думѣ, что «до сего времени въ Черниговѣ никто изъ здѣшняго купечества и мѣщанства не содержали харчевенъ, а содержали таковыя разные пріѣзжающіе великороссійскіе люди, не имѣющіе къ тому права», проситъ отвести ему для харчевни мѣсто и «чтобы посторонніе никто, не имѣющіе права въ семъ промыслѣ, не чинили помѣшательства». Въ томъ же году старшинскіе товарищи перепечайскаго цеха просили возобновить съ ними контрактъ на аренду земли «подъ калачницкими ятками» на Пятницкомъ полѣ,—«поелику мы сего перепечайскаго ремесла художники».—Въ 1797 г. дума усмотрѣла, что разночинцы, солдатскіе жены и пріѣзжіе торговые люди пользуются не предоставленнымъ имъ мѣщанскимъ промысломъ, т. е. продаютъ на базарахъ и на ярмаркахъ, ранѣе открытія ихъ, въ раздробь свои товары, въ подрывъ мѣстному мѣщанству. Для преслѣдованія этого дума отрядила двухъ гласныхъ. Но вѣроятно, эти гласные не выполнили своей миссіи: въ томъ же году дума обратилась къ коменданту, прося его наблюдать за сроками торговли на ярмаркахъ, такъ какъ пріѣзжіе купцы торгуютъ дольше положеннаго срока и тѣмъ дѣлаютъ подрывъ мѣстной торговлѣ.

Не могло быть пріятно умноженіе евреевъ и тѣмъ мѣстнымъ жителямъ, которые нуждались въ городской землѣ для построекъ. Евреи создавали конкуренцію и, такимъ образомъ, увеличивали цѣну городской земли. До тѣхъ поръ земля эта отдавалась на особенно льготныхъ условіяхъ: изъ дѣлъ 1796 г. видно, что съ мѣщанъ, занимавшихъ землю подъ постройки, дума взыскивала единовременно всего по 2 к. за кв. саж.

III.

Состояніе городскаго управленія.

Городское управленіе въ первое время кажется далеко не на высотѣ своего призванія. Отстаивая, какъ мы видѣли торго-

вые интересы купцовъ и мѣщанъ, представители этого управленія не отличались такою ревностью къ другимъ общественнымъ дѣламъ. Можетъ быть этимъ, а можетъ быть неумѣньемъ сжиться съ самоуправленіемъ объясняется частое вмѣшательство въ городскія дѣла со стороны администраціи. Въ 1786 г. губернаторъ А. С. Милорадовичъ предписалъ, въ виду окончанія сроковъ, отдать вновь въ аренду разныя городскія статьи и при этомъ указалъ на ст. 167 городоваго положенія—„стараться о приращеніи доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по приказу общества Призрѣнія". Далѣе увидимъ, что городъ въ содержаніи этихъ заведеній принималъ значительное участіе.

Въ томъ-же году губернаторъ предписалъ устранить безпорядки въ паромномъ перевозѣ. Онъ указываетъ, что „люди при перевозѣ ежечасно находятся *напилые*". Иные при перевозѣ должны ожидать по недѣлѣ, и „сіи подлые люди, довлетворя своему корыстолюбію, вымогаютъ у переѣзжающихъ деньги и, не наблюдая никакой очереди, перевозятъ тѣхъ, кто больше заплатитъ". Затѣмъ предписывается поручить одному изъ благонадежнѣйшихъ людей по усмотрѣнію думы наблюденіе, чтобы переправа производилась непремѣнно по очереди, „исключая курьеровъ и другихъ знатныхъ лицъ, и отнюдь да не имѣли-бы перевѣсу какія-либо взятки, и особливо вымогательнымъ образомъ пріобрѣтаемыя и слѣдовательно грабежомъ почитаемыя."— Паромный перевозъ, вмѣстѣ съ хуторомъ и сѣнокосами за Десною, былъ тогда въ арендѣ у полковаго писаря Мартиновскаго. Безпорядки при перевозѣ продолжались. Въ 1787 г. губернаторъ снова далъ знать думѣ, что Мартиновскій злоупотребляетъ при взиманіи сборовъ за перевозъ, при чемъ внушаетъ, что дума поступила незаконно, сдавая всѣ указанныя статьи общею арендой, а не порознь, и что дума была не вправѣ вводить условіе, что починка паромовъ принимается на счетъ города, „не имѣя ни малѣйшей власти употреблять въ расходъ ни одной копѣйки безъ позволенія." Въ заключеніе губернаторъ спрашиваетъ, кто изъ засѣдающихъ въ думѣ находился въ засѣданіи, когда отдавалась эта аренда, и кто подписалъ опредѣленіе.

Нельзя не упомянуть при этомъ, что паромный перевозъ черезъ Десну былъ въ то время очень оживленнымъ. Тогда было 3 судна для переправы (теперь два), а въ 1787 г. былъ устроенъ на Деснѣ еще и „плавной" мостъ. Въ бумагахъ того года есть донесеніе гласнаго Семена Матусевича, что отпущенные ему 1200 р. на устройство этого моста онъ уже израсходовалъ и проситъ отпустить ему еще 300 р. Сохранился въ дѣлахъ и приказъ генералъ-маіора Льва Григ. Бухгольца о командированіи отъ думы пріемщика для полученія отъ артиллерійской команды пяти якорей для плавнаго моста. Въ томъ-же году проложенъ новый почтовый трактъ на Выбли и Горбовъ, и подъ этотъ трактъ отошла часть городскихъ сѣнокосовъ. Вѣроятно, оживленное движеніе по этому направленію объясняется тѣмъ, что это трактъ на Нѣжинъ, бывшій въ то время, какъ извѣстно, однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ на югѣ Россіи.— Кромѣ тѣхъ льготъ при перевозѣ, о которыхъ говорится въ приведенномъ предложеніи губернатора, въ указѣ намѣстническаго правленія 1787 г. разъяснено, чтобы за перевозъ на паромѣ не брать платежа „съ полковой старшины, козаковъ, посполитства, духовенства,—привозящихъ съѣстные и питейные припасы, съ курьеровъ и воинскихъ командъ; брать-же съ свободныхъ внутреннихъ, тако жъ великороссійскихъ и чужеземныхъ купцовъ и другихъ разныхъ чиновъ людей, а съ малороссійскаго народа, которые будутъ проѣзжать для своихъ нуждъ, а не по купечеству, по силѣ онаго 1734-го года именнаго указа, перевоза отнюдь не брать".

Относительно счетоводства и обращенія съ денежными суммами дѣло въ тогдашнемъ городскомъ управленіи стояло очень неудовлетворительно. Въ 1786 году казенная палата извѣстила, что ей предписано свидѣтельствовать ежемѣсячно счеты изъ всѣхъ мѣстъ въ губерніи. Между тѣмъ, кромѣ Березинской и Глинской, ни одна дума ни за одинъ мѣсяцъ такихъ отчетовъ не представила, и потому въ составленіи генеральнаго отчета въ палатѣ произошла остановка. При этомъ приложены формы для счетовъ и вѣдомости оброчнымъ статьямъ и предписано ис-

полнять порядокъ отчетности и въ строгомъ порядкѣ вести ежедневные балансы. Въ концѣ того-же года палата снова подтвердила предписаніе представить мѣсячные отчеты о приходѣ и расходѣ суммъ, такъ какъ до того времени дума ни за одинъ мѣсяцъ отчетовъ не представила. Такая неисправность продолжалась и въ слѣдующіе годы: въ дѣлахъ 1796 г. есть запросъ казенной палаты 18 іюля, думѣ, почему она до сихъ поръ не прислала вѣдомости объ оброчныхъ статьяхъ, которая должна высылаться въ началѣ года.—Нужно думать, что засѣдавшіе въ думѣ вообще плохо справлялись съ веденіемъ денежныхъ книгъ и отчетовъ. Въ 1809 г. городскія денежныя суммы свидѣтельствовались уже повѣтовымъ судомъ, стряпчимъ и полиційместеромъ, вмѣстѣ съ засѣдающими въ думѣ.

Распоряженіе денежными суммами также вызывали опеку и замѣчаніе администраціи. Въ 1786 г. губернаторъ, предлагая думѣ починить съѣзды съ Краснаго моста,—и не фашинникомъ и лозою, какъ прежде, а толстымъ лѣсомъ,—и прополонить Десну для свободнаго хода паромовъ, указалъ, „чтобы на это было истрачено не болѣе, какъ тратилось до того времени каз. палатою“. Въ томъ-же году губернаторъ написалъ, что городскія суммы не только не содержатся въ приличномъ и безопасномъ мѣстѣ, но розданы взаймы по векселямъ и хранятся въ разныхъ рукахъ. Поэтому предписано коменданту Мухину освидѣтельствовать городскія суммы и на будущее время хранить ихъ за общими печатями засѣдающихъ въ думѣ и ежемѣсячно доносить о свидѣтельствованіи ихъ.—Такое безцеремонное обращеніе съ городскими суммами продолжалось, однако, долго: въ 1799 году предписано было думѣ, въ виду предстоящихъ городскихъ построекъ, наличной суммы никому не выдавать, а розданную съ заемщиковъ взыскивать. Въ 1787 г. губернаторъ, разрѣшая думѣ черезъ лужу между Зеленымъ и Палевымъ мостами устроить новый мостъ, по составленной землемѣромъ смѣтѣ въ 117 р.—60 к., прибавилъ, что если будетъ сдѣлано непрочно, то исправленіе будетъ сдѣлано на счетъ засѣдающихъ въ думѣ за ихъ недосмотръ.—Въ 1788 г. намѣстническое правленіе предписало

думѣ, чтобы сборщики вносили платежи въ казначейство тою самою мѣдною и серебряною монетою, какою собираютъ отъ плательщиковъ, и не обмѣнивали монеты на ассигнаціи для своей корысти, такъ какъ казначейства затруднены размѣномъ при выдачѣ жалованья. Сборщики-же берутъ за промѣнъ рубля отъ 5 до 8 к.

Дума не имѣла точныхъ свѣдѣній и о городскихъ имуществахъ. Въ 1785 г. войсковой товарищъ Глинскій заявилъ, что дума неправильно не принимаетъ отъ него денегъ за аренду паромовъ, на томъ будто-бы основаніи, что они не внутри города состоятъ. Теперь, „выправясь обстоятельно“, что пріемъ этихъ денегъ подлежитъ точно въ думу, онъ представляетъ за полгода 87 р., проситъ принять деньги и „его въ томъ заквитовать“. Это было скоро послѣ введенія город. положенія,—а дальше въ 1788 г. находимъ запросъ земскаго исправника, до какихъ мѣстъ по кіевской дорогѣ простираются городскія дачи. Дума отвѣтила, что генеральнаго размежеванія губерніи не было, и она точныхъ границъ городскихъ земель не знаетъ.

Произвольные захваты городскихъ земель были въ большомъ ходу.

Въ 1796 г. губернаторъ, объѣзжая губернію, узналъ, что городскія земли захватываются, и предписалъ черниговской думѣ изслѣдовать это дѣло. Дума командировала для этого двухъ гласныхъ. Но они не могли исполнить порученія,—отчасти потому, что во многихъ случаяхъ не могли добиться признанія захвата, а отчасти по неумѣнію обмѣрять мѣста: квадратами, дескать, не вездѣ можно мѣрять, такъ какъ въ концѣ оказываются аршины и дробныя мѣры. Поэтому дума написала въ городовой магистратъ о порученіи городскому старостѣ созвать общество для допроса о захваченныхъ земляхъ и просила командировать землемѣра. То и другое было сдѣлано и обнаружено, что произвольно занятыхъ земель болѣе 5 десятинъ. Много послужили къ обнаруженію и справки изъ дѣлъ казенной палаты о подобныхъ случаяхъ. Дума рѣшила съ мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ взыскать за эту землю единовременно по 2 к. и оста-

вить мѣста за ними, сократив только нѣкоторыя большія усадьбы, чтобы остатки имѣть въ запасѣ для другихъ, а съ чужихъ и съ мѣстъ, зажитыхъ для промышленныхъ цѣлей, назначить годовую арендную плату.

Въ дѣлахъ за это время есть указанія о надѣленіи города выгонными землями. Въ октябрѣ 1791 г. прислана была въ думу выписка казеннымъ и монастырскимъ землямъ, отходящимъ въ выгонъ. Въ 1796 г. дѣло это не подвинулось. Дума представляла губернатору, что плана на эти земли не было, и онѣ не переданы окончательно городу.

Губернаторъ предложилъ, не ожидая этого, отдать тѣ земли подъ засѣвъ. Въ томъ же году, въ перепискѣ по поводу произвольной застройки городскихъ земель, дума объ этихъ земляхъ говоритъ, что онѣ выгонныя, „назначаемыя для выгоды всѣмъ гражданамъ, наипаче для постройки домовъ, кто на это имѣетъ право, за плату городу узаконненныхъ денегъ.“—Въ 1799 году по указу сената повелѣно составить планы земель вокругъ городовъ на двѣ версты, для надѣленія выгонами. При этомъ указать число жителей города и принадлежность окружающихъ его земель. Въ указѣ выражено, что, можетъ быть, выгоновъ довольно будетъ и на версту.—Въ дѣлахъ 1810 г. найдено требованіе полиційместера отпустить ему 60 столбовъ и 30 брусьевъ для постановки знаковъ назначенной вокругъ города двухверстной дистанціи.

На сколько исправно велись дѣла въ думѣ, даже подъ давленіемъ высшихъ инстанцій, видно изъ исторіи составленія обывательской книги. Въ 1786 г. губернскій магистратъ предписалъ городовому употребить „наиприлежнѣйшее раченіе о немедленномъ сочиненіи обывательскихъ книгъ, не извиняясь отнюдь никакими отговорками, ибо въ противномъ случаѣ неослабно будутъ штрафованы по законамъ. Какой-же происходить будетъ въ ономъ книгъ сочиненіи успѣхъ и сколько сочинено и безъ сочиненія еще оставатимется, о томъ черезъ каждыя двѣ недѣли рапортовали-бы намѣстническому правленію и губернскому магистрату.“ — Городовой магистратъ предложилъ городскому головѣ

Бублику изъ представленныхъ отъ старосты Колодкевича списковъ, совмѣстно съ выбранными отъ города депутатами, составить обыкновенную книгу и о ходѣ дѣла извѣщать городовой магистратъ черезъ каждыя двѣ недѣли. Далѣе въ дѣлѣ есть рапортъ Колодкевича о представленіи списка черниговскихъ купцовъ и мѣщанъ,—но списка этого не найдено.—Въ томъ же году мѣщане братья Голубовы представили выборному старостѣ „доказательство" о родѣ и службѣ своей, для внесенія въ обывательскую книгу. Голубовы заявили, что они за прадѣда, дѣда и отца имѣютъ дворъ и въ немъ живутъ съ семействами. Представляя «купчій записъ» на имущество, они упоминаютъ, что „хотя и другіе имѣлись въ насъ о службахъ нашихъ документы, но оные, по нашей простотѣ, а паче какъ въ давнія времена сего не требовалось, растеряны". Далѣе, они просятъ внести ихъ „по благоразсмотрѣнію въ городскую обывательскую книгу, въ приличную намъ статью".—Въ августѣ 1787 г. дума назначила собраніе купцовъ, мѣщанъ и церковныхъ въ помѣщеніи магистрата, чтобъ получить отъ нихъ свѣдѣнія для внесенія въ обывательскую книгу и для обсужденія того, что по Высочайшей грамотѣ городскому обществу дозволено имѣть общественный домъ для собранія и архива, печать съ городскимъ гербомъ, своего писаря и особливую казну изъ своихъ взносовъ,—„а всего этого нѣтъ". Затѣмъ въ томъ же году городовой магистратъ снова напоминалъ о скорѣйшемъ составленіи обывательской книги. Дума объясняла медленность составленія тѣмъ, что еще не состоялось постановленіе объ отводѣ головѣ съ депутатами особой горницы для разсмотрѣнія списка и сочиненія книги, также о собраніи денегъ на покупку бумаги и наемъ писцовъ для переписки книги."—Еще въ дѣлахъ 1788 г. найденъ запросъ городового магистрата думѣ объ успѣхѣ составленія обывательской книги, но затѣмъ—объ этомъ никакой переписки нѣтъ, и, на сколько мнѣ извѣстно изъ дѣлъ думы и изъ расходовъ, книга эта и не была составлена.

IV.

Обстановка городского управленія.

Обстановка городского управленія была очень неприглядна. Мы уже видѣли, что дума не имѣла даже особой „горницы" для занятій. Въ дѣлахъ 1786 г. найдено предписаніе намѣстническаго правленія коменданту Мухину избрать въ присутственныхъ мѣстахъ въ крѣпости мѣсто для храненія дѣлъ малороссійской коллегіи, присланныхъ въ Черниговъ. Мѣста тамъ не оказалось. Поэтому предписано думѣ очистить для этихъ дѣлъ комнату, гдѣ она засѣдаетъ, а для себя избрать другой домъ. Дума отвѣтила, что не можетъ этого исполнить, такъ какъ засѣдаетъ временно въ той же комнатѣ, гдѣ сиротскій судъ. Ей снова предписано исполнить это, пріискавъ себѣ домъ изъ обывательскихъ или цеховыхъ.—Въ 1792 г., упоминается расходъ на дрова, свѣчи и канцелярскіе матерьялы для думы, съ объясненіемъ, что прежде, когда дума помѣщалась съ магистратомъ, дрова и свѣчи были общія, а съ разломаніемъ магистратскаго корпуса, дума помѣщается въ обывательскихъ домахъ, и приходится покупать все отдѣльно.—Въ 1797 г. дума помѣщалась „постоемъ" въ домѣ Прусова. Но Прусовъ выбранъ отъ общества почтальономъ, а дома почтальоновъ отъ постоя освобождались. [1]) Поэтому городовой магистратъ предложилъ думѣ помѣститься въ городскомъ домѣ, купленномъ у Гулевича. Дума отвѣтила, что тотъ домъ далеко отъ базара и крѣпости, за Стрижнемъ, и улица къ нему весною затопляется. Поэтому думѣ тамъ быть неудобно. А такъ какъ общественнаго дома нѣтъ, то дума просила отвести для нея другой обывательскій домъ вблизи базара.—Изъ переписки того-же года видно, что для засѣданій городскому головѣ и при-

---

[1]) Въ дѣлахъ 1786 г. найдено увѣдомлѣніе малороссійскаго почтамта, что дума не должна взыскивать 2 р.—50 к. подушнаго оклада съ почтальона Герас. Овчиннюка съ сыномъ, „дабы не могъ онъ отговориться бѣдностью въ исправномъ исполненіи службы",—такъ какъ, „по силѣ всевысочайше конфирмованнаго о почтахъ въ Малой Россіи 765 г. учрежденія, малорос. почтальоны отъ всѣхъ общественныхъ службъ и податей, также и домы ихъ отъ постою увольнены".

сутствующимъ не было стола въ думѣ, а было такое „безобразіе“, что засѣдающіе занимались на канцелярскихъ столахъ. Тогда постановили купить столъ, 12 стульевъ и красное сукно.—Въ 1799 г. дума почему-то просила разрѣшенія губернатора на продажу „мебелей“ изъ городскаго дома, гдѣ помѣщаются магистратъ и дума.—Въ 1802 г. за наемъ домовъ для магистрата и думы платилось по 4 р. въ мѣсяцъ. Тогда-же производилась починка въ деревянномъ домѣ, гдѣ помѣщалось отдѣленіе казенной палаты и гдѣ разрѣшено городовому магистрату занять нѣсколько комнатъ.—Наконецъ, въ этомъ году рѣшено приступить къ постройкѣ каменнаго дома для магистрата и думы. Для этого отобрано было отъ купца Леонтьева арендуемое имъ мѣсто. Денегъ на постройку было мало, и у Остерской думы заняли 3000 р. Потомъ было представленіе о займѣ еще 6000 р. Изъ дальнѣйшей переписки видно, что всего долга на постройку сдѣлано было болѣе 10 т. р. Уплата ихъ была разсрочена на 10 лѣтъ, начиная съ 1807 г.—Магистратъ и дума перешли въ новый домъ въ іюлѣ 1806 г. Домъ этотъ оставался въ первоначальномъ видѣ до 1886 г., когда надъ нимъ надстроенъ былъ второй этажъ.

Содержаніе отъ города избираемымъ думою должностнымъ лицамъ было очень скудно, да и уплачивалось оно неисправно. На счетъ города, кромѣ думы, содержались два бургомистра, 4 ратмана и канцелярія городоваго магистрата, а также мѣщанскіе засѣдатели губернскаго магистрата и совѣстнаго суда. Размѣръ содержанія всѣмъ этимъ лицамъ и учрежденіямъ не выясненъ,—но изъ денежной книги за 1796 г. видно, что на жалованье секретарю и канцелярскимъ служителямъ городоваго магистрата отпущено было за треть 191 р. 66½ к. и на канц. матеріалы 33 р. 33½ к. Въ другой статьѣ этой книги показано, что на канц. расходы думы издержано за треть 10 р. 51 к., а „исправляющему дѣла“ и его помощнику выдано за треть: первому—54 р. 50 к., а второму—8 р. 32 к. Изъ тойже книги видно, что публичный нотаріусъ получалъ изъ думы жалованья 150 р. въ годъ.—Въ 1796 г. мѣщанскіе засѣдатели

жаловались губернатору, что они долго не получають жалованья. Причина оказалась въ томъ, что Прилуцкая, Нѣжинская, и Березинская думы не высылали въ Черниговскую слѣдуемыхъ съ нихъ на это денегъ. Губернаторъ предписалъ, какъ только получатся деньги отъ тѣхъ думъ, выдать ихъ засѣдателямъ.

На сколько можно судить и по дѣламъ, и по разсказамъ стариковъ о времени, близкомъ къ описываемому періоду, въ городскія должности шли тогда не охотно, и избираемыя въ эти должности лица далеко не всегда соотвѣтствовали своему назначенію и не пользовались авторитетомъ среди обывателей. Первымъ городскимъ головою послѣ введенія городового положенія 1785 г. былъ упомянутый уже Бубликъ. Въ 1787 г. шли въ Черниговѣ дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ императрицы Екатерины II. Гр. Румянцевъ-Задунайскій предписывалъ подробные церемоніалы встрѣчи. И городской голова долженъ былъ участвовать въ разныхъ народахъ. Но Бубликъ въ декабрѣ представилъ медицинское свидѣтельство, что „по глубокой старости и разслабленію всѣхъ частей тѣла, онъ не можетъ находиться въ продолженіи должности своей". Намѣстническое правленіе, „чтобы при церемоніалахъ и обрядахъ не могло быть затрудненія", поручило губернскому магистрату избрать на мѣсто Бублика другого способнаго. Магистратъ избралъ войсковаго товарища Демьяна Леонидова. Избраніе Леонидова изъ войсковой старшины, и притомъ необычнымъ способомъ, было сдѣлано, конечно, въ видѣ исключенія, для парада. Дальнѣйшіе же городскіе головы были изъ купцовъ и мѣщанъ. Въ 1792 г. головою былъ купецъ Михаилъ Цвѣтъ, а за нимъ были Владиміръ Леонтьевъ, Василій Грищенко, Андрей Шумаковъ, Кирилло Грибъ и въ 1810 г. Иванъ Колодкевичъ. Въ бумагахъ 1796 г. среди подписей засѣдающихъ въ думѣ встрѣчается подпись Феофила Тремле, по-нѣмецки, прекраснымъ почеркомъ, съ переводомъ другимъ почеркомъ по-русски.

Какова была вообще тогда среда городскихъ избирателей, какъ они относились къ выборамъ въ общественныя должности,

и какое было отношеніе къ занимавшимъ эти должности,—можно видѣть изъ слѣдующихъ эпизодовъ, Въ 1786 г. губернскій магистратъ далъ указъ городовому магистрату, чтобы при подписи за неграмотныхъ непремѣнно обозначалось имя подписывающаго грамотнаго. Указъ вызванъ тѣмъ, что неграмотный судья черниговскаго словеснаго суда Ковбаса оказался подписаннымъ на рапортѣ въ губ. магистратъ какъ-бы собственноручно, безъ обозначенія, кто именно по его уполномочію подписываетъ. Въ декабрѣ 1799 г. въ залѣ народнаго училища производились выборы въ городскія должности. Отъ каждаго цеха, отдѣльно по управамъ, выбирались гласные въ думу. (При этомъ, кромѣ указанныхъ, упоминаются еще цехи: кравецкій (портные), ковальскій (кузнецы), гончарскій и ткацкій. Выбирали гласныхъ и обыватели по шести частямъ города. Затѣмъ, городской голова писалъ въ ковальскую цеховую управу, что ковали избрали въ гласные, „искалѣченнаго, такъ что по испорченію въ него носа, произносимыя имъ рѣчи не ясны и почти совсѣмъ не понятны"; поэтому предложено избрать другого, способнаго, который соотвѣтствовалъ-бы возлагаемому на него званію. Въ дѣлахъ того-же года сохранилась повѣстка думы купечеству и мѣщанству, чтобы 6 января прибыли „въ чистомъ одѣяніи" въ Богоявленскую церковь и по окончаніи литургіи отправлялись „чинно" съ духовенствомъ на водоосвященіе на Стрижень. Въ 1802 г., на торгахъ, въ думѣ купецъ Гвардія изругалъ городского голову и присутствующихъ и выгналъ ихъ изъ присутствія. Голова скрылся въ магистратъ, но Гвардія и тамъ преслѣдовалъ его и бранилъ. Дума, донося объ этомъ губернскому правленію, проситъ предать виновнаго суду.

При описанныхъ условіяхъ дѣятельности городскаго управленія, въ дѣлахъ городскихъ преуспѣянія не замѣчалось: доклады города не увеличивались; новыхъ источниковъ не прибавлялось (только въ 1801 г. въ указѣ, „о возстановленіи городового положенія и грамоты городамъ" дарованы городамъ казенныя торговыя бани),—и черезъ 15 лѣтъ послѣ введенія городового положенія по денежнымъ книгамъ думы видимъ, что

доходовъ города исчислено 10756 р. 72 к., а расходовъ было 12161 р. 88½ к., т. е. цифры остались почти тѣ-же, что были въ 1786 г.—

V.

Проѣздъ императрицы Екатерины II чрезъ Черниговъ.

Выше было упомянуто о приготовленіяхъ къ проѣзду императрицы Екатерины II. Объ этомъ событіи сохранилось не мало данныхъ въ дѣлахъ думы 1786 и отчасти 1787 г. г. 13 марта 1786 г. послѣдовалъ указъ императрицы о заготовленіи лошадей по станамъ дла ея путешествія. Отъ Петербурга до Кіева на каждомъ стану назначено по 550 лошадей. Отъ Кіева до Новаго Кайдака, гдѣ назначено быть Екатеринославу, ѣхать на судахъ. Отъ Екатеринослава до Харькова—по 420 лошадей. Отъ Харькова до Москвы—снова по 550. При этомъ предписано, чтобы повинность эта была распредѣлена равномѣрно между намѣстничествами. Затѣмъ намѣстническое правленіе прислало въ думу слѣдующее росписаніе станцій для путешествія императрицы: г. Березна—25 верстъ, Брусиловъ—23 в., Черниговъ—15 в.,—ночлегъ, день и обѣдъ; Выбли—15 в., Куликовка—15 в., Дремайловка—19 в., Нѣжинъ—24 в.,—ночлегъ, Володькова-Дѣвица—15 в., Носовка—15 в. Извѣстивъ объ этомъ, намѣстническое правленіе потребовало, чтобы для лошадей, которыя будутъ поставлены предводителемъ дворянства на черниговскую станцію, починить и покрыть соломою сарай. Затѣмъ комендантское правленіе предложило—состоящія за Стрижнемъ сдѣланныя для лошадей квартировавшаго здѣсь черниговскаго карабинернаго полка конюшни починить или вновь сдѣлать для лошадей, заготовленныхъ къ путешествію императрицы и устроить сарай для упряжи. Тріумфальныя ворота, стоявшія на могилевскомъ трактѣ, въ отдаленіи отъ города, губернаторъ предложилъ думѣ перенести къ почтовому при г. Черниговѣ дому. Щитъ, стоящій въ крѣпости противъ генералъ-губерна-

торскаго дома, приготовляемаго для принятія императрицы, и сдѣланный для иллюминаціи при бывшемъ открытіи намѣстничества, губернаторъ предписалъ исправить и окрасить. На попочинку щита и на пріобрѣтеніе матерьяловъ для иллюминаціи ассигновано было думою 275 р., но затѣмъ потребовалась доассигновка. Въ счетъ этого расхода показаны слѣдующія цѣны: пудъ „шпигинару" 40 к., 800 желѣзныхъ колецъ по 9—10 к., пудъ „лою" (свѣчнаго сала) 2 р. 90 к., фунтъ камфоры 2 р. 25 к., ведро олею 1 р. 20 к. Чтобы не было задержки при переправѣ черезъ Десну, губернаторъ предписалъ, чтобы къ двумъ двухбайдачнымъ городскимъ паромамъ взять временно два однобайдачные монастырскіе—одинъ съ Анисовскаго перевоза, другой съ Количевскаго. Гласный думы Бердниковъ, которому поручено было осмотрѣть паромы, въ донесеніи своемъ упоминаетъ паромы Троицкаго, Ильинскаго, Елецкаго и Пятницкаго дѣвичьяго монастырей, два Количевскихъ, два Анисовскихъ, два городскихъ и особо одинъ Пятницкаго монастыря „на р. Деснѣ за с. Брусиловымъ, по тракту до Выбель". Затѣмъ послѣдовалъ указъ намѣстническаго правленія, съ приложеніемъ присланнаго гр. Румянцевымъ росписанія обѣденныхъ столовъ, ночлеговъ, объ устройствѣ домовъ, со всѣми уборами и домашними снарядами. Особенно предписано наблюдать, чтобы они были теплы, и сквозныхъ вѣтровъ отнюдь не было. Затѣмъ предписано приготовиться, что намѣрены предводители, магистраты и думы сдѣлать для доказательства ихъ усердія. Постановлено также дать знать губ. предводителю дворянства кол. ас. Полетикѣ и всѣмъ думамъ и ратушамъ, не пожелаетъ-ли кто изъ лежащихъ внѣ пути императрицы принять участіе во встрѣчѣ. По порученію намѣстническаго правленія, дума отправила мѣщанина Березовскаго въ Калугу и Москву для закупки обоевъ, стекла и изразцовъ для печей, для устройства путевыхъ домовъ къ путешествію императрицы. Изразцы предписано купить гладкіе, цвѣтовъ палеваго и бѣлаго съ синимъ, но безъ пестроты [1]).

[1]) Въ дѣлахъ 1788 г. есть переписка о томъ, что войсковому товарищу Леонидову поручено было продать книги, портреты и эстампы, принадлежавшіе акаде-

Губернаторъ предписалъ думѣ поправить и укрѣпить плавной мостъ на Деснѣ, а близь крѣпостныхъ воротъ устроить пирамиды для зажженія плошекъ. Дорога отъ почтоваго двора за Стрижнемъ до крѣпости была обсажена сосонками. „Непорядочныя строенія" на пути императрицы были снесены. Въ концѣ 1786 г. намѣстническое правленіе послало въ разныя учрежденія губерніи указъ о томъ, чтобы всѣ, назначенные къ присутствованію при встрѣчахъ императрицы и вв. князей, находились на своихъ мѣстахъ, согласно маршруту. При этомъ сообщено, что „ея императорское величество прибыть изволитъ сей губерніи на первую станцію въ городъ Березну января 21". Въ городовомъ магистратѣ по этому поводу опредѣлено: „Старостѣ городовому Манойлѣ Збинцу дать указъ, чтобы онъ всѣмъ подвѣдомымъ магистрату г. Чернигова жителямъ объ ономъ предпріемлемомъ всевысочайшемъ шествіи черезъ повѣстку далъ знать, съ тѣмъ, чтобы они для учиненія распоряженій относительно встрѣчи при вступленіи ея имп. величества въ здѣшній городъ и изъявленія должнаго усердія явились къ общему совѣту въ городовой магистратъ и гор. думу, а за таковою ихъ всѣхъ явкою, совмѣстно съ ними и город. думою, учинить о томъ къ надлежащему завременному пріуготовленію общее распоряженіе, о чемъ увѣдомить и городскую черниговскую думу". Наконецъ, въ дѣлахъ 1787 г. найдено слѣдующее предписаніе гр. Румянцева о порядкѣ встрѣчи императрицы: „1. Г. г. поручтчики имѣютъ находиться на границахъ ихъ губерній, внѣ тріумфальныхъ воротъ, по лѣвой сторонѣ съ пріѣзду, на челѣ собраннаго тамъ дворянства, гражданства и землянъ, для отданія всенижайшаго поклона ея имп. величеству. Затѣмъ, всѣ должны спѣшить въ губернскій городъ, чтобы тамъ быть во время на своихъ мѣстахъ. 2. По прибытіи императрицы въ губернскій городъ, всѣмъ старшимъ чинамъ и прочимъ по степенямъ нахо-

---

мія наукъ, примѣрно на 1000 р. Леонидовъ представилъ губернатору 213 р., а затѣмъ умеръ. Губернаторъ поручилъ гор. головѣ выбрать благонадежнаго человѣка, для дальнѣйшей продажи. Какъ попали сюда эти предметы, изъ дѣла не видно. Можетъ быть, присланы были для украшенія путевыхъ домовъ императрицы.

диться на гласисѣ, а по прибытіи во дворецъ, первыхъ двухъ степеней чинамъ явиться туда, а остальнымъ оставаться внѣ двора и ожидать дальнѣйшаго указа. 3. При допущеніи къ аудіенціямъ, наблюдать чины и мѣста. 4. Въ присутственныхъ мѣстахъ имѣть торжественныя засѣданія три дня передъ прибытіемъ и три дня по прибытіи, на случай, если угодно будетъ ея величеству нѣкоторыя изъ нихъ осмотрѣть. 5. Въ уѣздныхъ городахъ городничіе, какъ отправляющіе должность коменданта, должны находиться при въѣздѣ въ городъ съ лѣвой стороны воротъ на челѣ членовъ присутственныхъ мѣстъ, дворянъ, гражданъ и пр., а предводители дворянства должны сопровождать до границы уѣзда".

VI.

Предметы вѣдомства городскаго управленія и состояніе Чернигова въ 1785—1810 г.

Теперь упомянемъ о тѣхъ извлеченныхъ изъ архива фактахъ, которые могутъ дать понятіе о предметахъ вѣдѣнія городского управленія и вообще о состояніи города въ описываемое время.

О тогдашнемъ штатѣ полиціи не найдено указаній въ архивѣ. Видно, между прочимъ, что въ 1802 г. было въ городѣ 11 полицейскихъ будокъ. Слѣдовательно, полицейскій надзоръ былъ распредѣленъ гораздо лучше, чѣмъ въ настоящее время: теперь, при значительномъ расширеніи города и увеличеніи числа жителей, этихъ будокъ только три. Полицейскія должности замѣщались выборными изъ купцовъ и мѣщанъ. О соотвѣтствіи полиціи своему назначенію могутъ дать понятіе слѣдующіе факты: въ дѣлахъ 1797 года найдена переписка объ устройствѣ городомъ, по предложенію правительства, казармы на 67 человѣкъ. Городское общество согласилось произвести эту постройку изъ корпусовъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Относительно-же отопленія казармъ постановили: такъ

какъ съ пріѣзжающихъ на базаръ съ дровами полиція беретъ съ воза по одному полѣну, но куда эти дрова употребляются обществу неизвѣстно, то проситъ начальство, чтобы собираемыя такимъ образомъ дрова употреблялись на отопленіе казармъ. А если ихъ не хватитъ, то общество дополнитъ. Въ 1799 г. послѣдовалъ указъ о томъ, что такъ какъ въ городахъ опредѣленные въ полицейскія должности купцы и мѣщане, не имѣя ни навыка, ни нужныхъ свѣдѣній, не могутъ отправлать ихъ съ надлежащею исправностью, то Высочайше повелѣно опредѣлять на эти мѣста изъ оставшихся за упраздненіемъ должностей чиновниковъ.

Огнегасительныя средства города во время введенія городового положенія 1785 г. были очень скудны. Въ 1786 г. комендантъ Мухинъ донесъ губернатору, что сдѣланныя отъ бывшаго магистрата вилы, крюки желѣзные, телѣги съ бочками и кожаныя ведра негодны, и что въ шести частяхъ города нужно имѣть по 4 бочки съ телѣгами, по 2 вилы, крюка и метлы и по одному щиту. Губернаторъ предписалъ думѣ все исправить и пополнить „безъ излишняго издержанія суммы городскихъ доходовъ", а также заказать заливныя трубы.

Для заказа пяти трубъ трехъ сортовъ командированы были въ Кіевъ гласные думы Поддубенко и Шидловскій. Заказъ сданъ былъ кіевскимъ мѣщанамъ Звонику и Шведенку. Задатка дано имъ 400 р. О полной стоимости трубъ не найдено свѣдѣній. Въ 1787 г. дума просила разрѣшенія губернатора построить амбаръ для храненія трубъ. Но губернаторъ разрѣшилъ занять для этого сарай, устроенный для экипажей при проѣздѣ императрицы, въ крѣпости, близь корпуса казенной палаты. Въ 1797 г., въ виду того, что трубы портились отъ неумѣлаго обращенія, дума опредѣлила, чтобы на пожарахъ дѣйствовали трубами по нѣсколько человѣкъ отъ каждаго цеха. Въ дѣлахъ есть и списокъ выбранныхъ для этого цехами людей. Въ 1801 г. въ пожарномъ обозѣ были тѣ-же 5 трубъ. Въ 1809 г. отдѣльнаго помѣщенія для пожарной команды не было, а для нея нанимались думою частныя помѣщенія. Постоянныхъ пожарныхъ ло-

шадей было мало: изъ переписки 1810 г. видно, что ихъ тогда было только 10. Продовольствовалъ ихъ полиціймейстеръ на отпускаемыя думою суммы.

Освѣщеніе города было также не блестящее. Изъ дѣлъ 1796 г. видно, что по требованію полиціи въ высокоторжественные дни зажигались отъ думы въ фонаряхъ сальныя свѣчи. Число фонарей не показано. Видно только, что въ томъ году израсходовано 5 пудовъ, т. е. около 2200 свѣчей. Въ 1801 г. дума вызывала желающихъ устроить 110 столбовъ для освѣщенія города въ торжественные дни. Изъ этой переписки видно, что фонари назначены были для главныхъ улицъ, а для освѣщенія другихъ у думы не было средствъ. Въ дѣлахъ 1810 г. найдены счеты, показывающіе, что освѣщеніемъ фонарей завѣдывалъ полиціймейстеръ на отпускаемыя думою деньги.

Онъ-же нанималъ на счетъ думы и четырехъ городскихъ трубочистовъ.

Дѣло общественнаго призрѣнія въ описываемое время стояло въ Черниговѣ выше, чѣмъ теперь. Кромѣ сохранившихся при нѣкоторыхъ церквахъ старинныхъ «шпиталей», въ дѣлахъ думы за 1796 г. упоминается общественная богадѣльня, на содержаніе которой назначалась аренда за нѣкоторыя городскія мѣста. Въ 1799 г. упоминается городская богадѣльня, гдѣ призрѣвались нищіе. На содержаніе ея отпускалось городскому головѣ по 100 р. въ годъ. Въ томъ-же году, по предложенію губернатора, дума передала приказу общ. призрѣнія аренду кирпичнаго завода, принадлежавшаго архіерейскому дому, для выдѣлки кирпича для фундамента и печей казенной богадѣльни для содержанія нищихъ, устраивавшейся приказомъ. На счетъ приказа содержался и смирительный домъ. Изъ переписки 1796 г. видно, что на содержаніе заведеній, находившихся въ вѣдѣніи приказа, отпускалось изъ думы по 2000 р. въ годъ, а въ счетахъ 1809 г. показано, что для содержанія «дома воспитанія бѣдныхъ» дума давала приказу ежегодно по 2618 р.—Была еще общественная богадѣльня при кладбищенской церкви. Въ дѣлахъ 1799 г. найдено донесеніе смотрителя этой богадѣльни,

что собиравшіяся прежде карнавками по церквамъ приношенія, поступавшія на содержаніе богадѣльни, теперь обращены консисторіею на содержаніе вдовъ и сиротъ священнослужителей городскихъ церквей. Поэтому богадѣльня лишилась средствъ, и смотритель просилъ думу назначить пособіе на ея содержаніе. Дума назначила для этого по 150 р. въ годъ.—Наконецъ въ дѣлахъ 1810 г. упоминается «убѣжище» въ концѣ Преображенской улицы, построенное думою на занятыя у приказа деньги [1]).

Относительно учебныхъ заведеній тогдашній Черниговъ былъ едва-ли не выше настоящаго. Въ 1789 г. постройки упраздненнаго Пятницкаго дѣвичьяго монастыря назначены были для помѣщенія главнаго народнаго 4-хъ класснаго училища, и приказъ предписалъ думѣ отпустить на исправленіе этихъ построекъ173 р. 53 к. Дѣло съ этимъ училищемъ подвигалось быстро: устраивалась мебель и вся обстановка для него, и платилось за все изъ назначенныхъ отъ города на содержаніе училища суммы 2000 р. Въ томъ-же году училище было открыто. Во главѣ его стоялъ назначенный тогда-же директоръ народныхъ училищъ маіоръ Почека, получавшій отъ думы жалованья 500 руб. въ годъ. Опредѣлено 4 учителя. Двумъ—старшихъ классовъ—назначено жалованья, по 300 р. учителю 2 класса—200 руб., а 1 класса—150 руб. въ годъ. Послѣдній получалъ еще за обученіе рисованію во всѣхъ класахъ 150 р. въ годъ. Преподавателемъ нѣмецкаго языка договоренъ былъ по контракту профессоръ Шалье за 355 р. въ годъ. Училище это на первыхъ-же порахъ пріобрѣло большое отдовѣріе. Епископъ черниговскій Ерофей присылалъ туда отборныхъ учениковъ духовной семинаріи, для приготовленія изъ нихъ учителей въ уѣздныя училища.—Завѣдываніе содержаніемъ принадлежало приказу общ. призрѣнія.—Въ 1805 г., училище

---

[1]) При смирительномъ домѣ приказа была больница для богадѣльниковъ, призрѣваемыхъ приказомъ. Богадѣльниковъ этихъ было 9 мужчинъ и 23 женщины. При городской богадѣльнѣ на кладбищѣ, устроенной главнымъ образомъ, на средства ген. маіора Петра Степановича Милорадовича, и призрѣвавшей 7 мужчинъ и 6 женщинъ, была также больница, устроенная дворянами Енько. (Шафонскій. Опис. Черн. намѣст. 1786).

это преобразовано въ гимназію, которая помѣщена въ бывшей крѣпости, въ домѣ, построенномъ для генералъ-губернатора.

Въ дѣлахъ 1801 г. упоминается городское ремесленное училище. Въ томъ-же году изъ денежныхъ книгъ видно, что изъ думы отпускалось 500 р. въ пособіе приказу на содержаніе четырехклассныхъ народныхъ *школъ*, но сколько было ихъ, изъ дѣлъ не видно. [1])

Слово „школъ" подчеркнуто вотъ почему: въ 1790 г. присланъ въ думу указъ губ. правленія, что состоялось Высочайшее повелѣніе—народныя училища называть „просто школами".—Извѣстно, что распоряженія императора Павла отличались нерѣдко оригинальностью, а болѣе всего рѣзкимъ антагонизмомъ съ распоряженіями предъидущаго царствованія. Въ архивѣ найдено нами нѣсколько указовъ, отличающихся такимъ характеромъ. Въ 1799 г. предписано было на двухъ въѣздахъ въ городъ устроить шлагбаумы безъ рогатокъ. Въ 1801 г., немедленно по воцареніи Александра I, эти шлагбаумы уничтожены. Въ предписаніи объ ихъ уничтоженіи сказано, впрочемъ, чтобы ихъ хранить „на предбудущее время, въ случаѣ военнаго гарнизона". При этомъ упоминаются уже на 2, а 4 шлагбаума.—Другой Высочайшій указъ того-же года предписываетъ, чтобы не служащихъ дворянскихъ дѣтей въ службу по статской части никуда не записывать. Въ томъ-же году полученъ указъ изъ сената, чтобы „стараться объ очищеніи городовъ отъ несвойственнаго имъ помѣщичьяго населенія". По этому поводу губернаторъ требовалъ отъ думы свѣдѣній, „кто изъ помѣщиковъ имѣетъ въ городѣ землю и крестьянъ и сколько именно; за какую сумму они согласны уступить все городу; что сдѣлала въ этомъ отношеніи дума, и въ состояніи-ли городъ пріобрѣсти покупкою или обмѣномъ."—Въ 1796 г. послѣдовалъ указъ сената отъ 13 сентября о наборѣ по 5 рекрутъ съ 500 душъ, а съ купечества по 500 р. за рекрута. Вслѣдъ затѣмъ полученъ указъ о всту-

[1]) Шафонскій упоминаетъ еще 6 училищъ при церквахъ, гдѣ дьячки обывательскихъ дѣтей русской грамотѣ обучаютъ.

пленія на престолъ императора Павла, и скоро послѣ этого новый указъ объ отмѣнѣ упомянутаго набора. Въ томъ-же году и того-же числа изданъ указъ о новомъ тарифѣ съ вывозныхъ и привозныхъ товаровъ,—а 20 ноября того-же года императоръ Павелъ отмѣнилъ новый тарифъ и предписалъ брать таможенныя пошлины по прежнему.—Въ 1797 г. издано Высочайшее повелѣніе, „чтобы въ печатныхъ указныхъ книгахъ 1762 года вырвать листы—въ одной съ 13 по 21-й, а въ другой—съ 17 по 30-й, гдѣ бы эти книги ни находились, и листы эти немедленно доставить генералъ-прокурору.“

Въ вѣдѣніи думы находился и острогъ. Положеніе заключенныхъ въ немъ „колодниковъ“ было не завидное. Это видно, между прочимъ, изъ указа губернатора Андрея Степановича Милорадовича въ 1788 г. Въ указѣ этомъ губернаторъ требовалъ постройки добавочной казармы и препроводилъ для этого отъ себя 158 р., чтобы „изъ единаго человѣколюбія и благоуваженія къ роду человѣческому, поправить тягостное осуждаемыхъ состояніе, такъ какъ неумѣренная тѣснота стѣсняетъ ихъ состояніе и оттого рождаются разнообразныя болѣзни, сугубо обременяющія ихъ положеніе.“—[1]) Въ 1801 г. старый деревянный острогъ былъ проданъ съ торговъ. Для новаго куплено было за 100 р. мѣсто у Елецкаго монастыря близъ второго земляного вала. На постройку новаго острога назначено было по смѣтѣ 14187 руб. Постройка въ слѣдующемъ году была окончена. Обошлась она въ 16546 р. За недостаткомъ городскихъ суммъ, дума заняла въ

---

[1]) Упомянемъ, кстати, имена другихъ губернаторовъ и разныхъ болѣе значительныхъ лицъ, какія встрѣчаются въ разсмотрѣнныхъ архивныхъ дѣлахъ. А. С. Милорадовичъ умеръ въ 1796 г. Послѣ него былъ губернаторомъ Яковъ Леонтьевичъ Бакуринскій, до того черн. вице-губернаторъ. Въ 1801 г. назначенъ губернаторомъ баронъ Иванъ Вас. Френсдорфъ Онъ былъ до 1809 г., а въ октябрѣ этого года исправлялъ должность губернатора Николай Антоновичъ Милорадовичъ.—Вице-губернаторами послѣ Бакуринскаго были: Руновскій Павелъ, Чернышевъ и Мих. Як. Сахновскій.—Въ 1802 г. губ. маршаломъ утвержденъ ст. сов. Стороженко, а повѣтовымъ Андрей Дунинъ-Борковскій.—Въ 1789 г. совѣстнымъ судьею Черн. намѣстничества избранъ Лохвицкій, а предводителемъ дворянства кол. ас. Иванъ Милорадовичъ. Двор. засѣдателемъ совѣстнаго суда былъ тогда Василій Милорадовичъ.

приказѣ 1000 р., въ казенной палатѣ 3000 р. а за кирпичъ задолжала приказу 1545 р. По скудости городскихъ средствъ, дума ходатайствовала, чтобы хотя этихъ долговъ не взыскивали и приняли ихъ на счетъ правительства. Результатъ этого ходатайства неизвѣстенъ.

По поводу приведеннаго указа А. С. Милорадовича, нельзя не замѣтить, что вообще дѣловыя бумаги того времени не отличались такимъ сухимъ формальнымъ тономъ, какой установился въ нихъ въ послѣднее время. Въ нихъ нерѣдко проглядываетъ наивность, иногда звучитъ юморъ, а иногда выражаются, какъ въ указѣ о тягостномъ состояніи колодниковъ, возвышенныя человѣческія чувства. Какъ образецъ бумаги съ такими чувствами, нельзя не упомянуть указа опекунскаго совѣта 1796 г., въ которомъ сообщается, что поручикъ Тышкевичъ изъявилъ желаніе взять на свой счетъ воспитаніе приносныхъ дѣтей, для чего выстроилъ домъ въ м. Носовкѣ, Нѣжинскаго уѣзда. Губернскій магистратъ, препровождая копію этого указа въ думу, проситъ ее оказывать Тышкевичу содѣйствіе. Въ указѣ, между прочимъ, выражено: „пріемля съ достодолжнымъ признаніемъ такое, достойное памяти грядущихъ вѣковъ намѣреніе, клонящееся къ сбереженію рода человѣческаго и приносящее пользу и честь имперіи Россійской...“ и т. д.

Чтобы исчерпать предметы вѣдѣнія тогдашней думы, на сколько они выясняются изъ разсмотрѣнныхъ архивныхъ дѣлъ, остается сказать немного. Въ 1788 г. упоминается въ денежныхъ книгахъ расходъ въ 354 р. 21 к. на устройство ледника и погреба при оспенномъ домѣ. Изъ дѣлъ 1797 г. выясняется, что оспенный домъ помѣщался въ городскомъ домѣ на Лѣсковицѣ, принадлежавшемъ прежде Кіево-печерской лаврѣ.

Въ описываемое время дума содержала 4 герберга. Это были трактиры, учрежденные казною и сданные думѣ на откупъ.

Изъ дѣлъ 1799 года видно, что на думу возложена была обязанность отводить участки земли въ распоряженіе малороссійской врачебной управы для засѣянія ревенными сѣменами.

Обширной торговли въ Черниговѣ тогда не было. Она почти исключительно служила для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія [1]).

Фабрикъ и заводовъ не было, кромѣ мелкихъ винокуренъ. Мѣстная промышленность, виды которой опредѣляются приведенными выше названіями цеховъ, стояла не высоко, удовлетворяя также только незатѣйливыя потребности мѣстныхъ жителей. Названіе улицъ—Хлѣбопекинская, сохранившая это названіе и теперь, и Гончарская—указываютъ на то, что хлѣбниковъ и гончаровъ было въ городѣ особенно много. Между гончарами были и такіе, что дѣлали не одну простую глиняную посуду. Въ 1797 г. мѣщанинъ Дѣдушковъ, дѣлавшій горшки и изразцы, просилъ отвести ему мѣсто для промысла надъ Кіевскою дорогой, возлѣ цегельни (кирпичнаго завода) Елецкаго монастыря, такъ какъ онъ живетъ среди построекъ, и горнъ для выпалки его издѣлій можетъ быть опасенъ для сосѣдей. Въ 1799 г. упоминается гончаръ, дѣлавшій зеленые изразцы для печей. Теперь въ Черниговѣ вовсе нѣтъ гончаровъ.—Въ дѣлахъ 1786 г. найдено прошеніе приписаннаго въ черниговское мѣщанство Мирона Курбатова „пребывающаго въ дѣланіи серебрянаго искусства", объ отводѣ ему „на форштатѣ" земли для поселенія [2]). Строительные мастера до начала настоящаго столѣтія были исключительно мѣстные. Въ счетахъ 1801 г. о перестройкѣ городского дома на базарной площади, гдѣ жилъ вице-губернаторъ, встрѣчается въ первый разъ подрядчикъ изъ Тульской губ.—Приведенныя фамиліи показываютъ, что болѣе

---

[1]) Одинъ только 1-й гильдіи купецъ Иванъ Енько велъ значительную и даже заграничную торговлю, вывозя изъ-за границы, главнымъ образомъ, сукна и австрійскія косы. (Шафонскій, Опис. Черн. намѣст.).

[2]) Шафонскій представляетъ слѣдующій списокъ ремесленниковъ въ 1786 г.: портныхъ, съ кушнѣрами (скорняки) и шапочниками 30, ткачей 6, сапожниковъ 46, мясниковъ 16, гончаровъ 9, хлѣбниковъ 56, кузнецовъ, мѣдниковъ и оловяничниковъ 8, слѣсарей 2, музыкантовъ 5, переплетчиковъ 2, серебрениковъ 2, иконописцевъ 2 и жестяникъ 1.—Первыя 7 категорій составляли цехи. Кромѣ перечисленныхъ мастеровъ, во всѣхъ цехахъ было 198 подмастерьевъ и учениковъ.

искусными мастерами являются великороссы. Понятно, что въ Малороссіи, въ теченіе двухъ столѣтій не имѣвшей отдыха отъ войнъ, междоусобій и татарскихъ набѣговъ, раззорившихъ ее въ-конецъ, промышленность развиться не могла.

Итогъ городскихъ построекъ въ концѣ прошлаго столѣтія виденъ изъ слѣдующаго: въ 1797 г. сенатъ спрашивалъ, какія есть въ городѣ строенія, принадлежащія думѣ, и когда они устроены. Дума отвѣтила, что есть слѣдующія городскія строенія: 1) 9 лавокъ для свѣжей рыбы. Построены въ 1792 г. Обошлись въ 121 р.—2) Герберный домъ, построенный въ 1793 г. Стоитъ 5668 р.—3) Сарай для почтовыхъ лошадей, построенный въ 1793 г. Стоитъ 87 р.—90 к.—4) Ятки для продажи хлѣба. Построены въ 1794 г. Стоятъ 189 р.—5) Амбаръ для мѣры хлѣба и амбаръ для вѣсовъ. Построены въ 1794 г. Стоятъ 136 р.—6) Дубовая старая колода для мѣры хлѣба. Починена и построено надъ нею „подташье" въ 1794 г. Обошлось это въ 111 р.—7) Устроенный отъ общества купцовъ и мѣщанъ домъ, гдѣ была почтовая станція. Оставшійся впустѣ, онъ опредѣленъ подъ госпиталь воинскихъ людей. На починку истрачено 340 р.—8) Купленный у Гулевича домъ за 2500 р.—9) 18 деревянныхъ лавокъ, построенныхъ въ 1796 г. Обошлись въ 3146 р.—10) 56 совершенно старыхъ деревянныхъ лавокъ. —11) За Десною при паромѣ двѣ избы—одна для паромщиковъ, другая для шинка. Построены въ 1793 г. за 272 р.

Тогдашнее состояніе города обрисовывается болѣе полно слѣдующимъ документомъ: въ 1799 г. губернаторъ спрашивалъ, сколько нужно въ годъ бревенъ и дровъ для продовольствія безлѣсныхъ городовъ,—въ виду Высочайшаго повелѣнія о снабженіи ихъ лѣсомъ изъ казенныхъ дачъ. Дума отвѣтила, что въ Черниговѣ всѣхъ домовъ гражданъ 705 (около половины настоящаго числа); торговыхъ бань 3, кирпичныхъ заводовъ 4, монастырей 2[1]), церквей 12, семинарскія и народныя школы,

[1]) Собственно говоря, тогда былъ только одинъ монастырь въ Черниговѣ. Въ 1786 г., послѣ отобранія въ казну монастырскихъ крестьянъ, Борисоглѣбскій

смирительный и оспенный домы, двѣ богадѣльни — приказа обществ. призрѣніе и общественная—и острогъ.

Прекрасную характеристику Чернигова того времени находимъ въ другомъ документѣ того-же 1799 г. Дума ходатайствовала о томъ, чтобы въ Черниговѣ было меньше герберговъ или чтобы были назначены по прежнему 4, но низшаго разряда, т. е. съ платою меньшаго акциза. При этомъ приводятся такіе мотивы: „Хотя городъ сей и губернскій, но будучи не такъ, какъ прочіе города по купеческой комерціи и по другимъ надобностямъ до главныхъ городовъ проѣзжающихъ трактовой, то кромѣ однихъ только въ немъ по судамъ тяжущихся иногородныхъ временно проживающихъ, весьма рѣдко когда и мало другихъ народовъ и знатныхъ господъ проѣзжающихъ и временно пребывающихъ бываетъ“. Далѣе поясняется, что хотя и есть въ гербергахъ кушанья и напитки, но и здѣшнее гражданство, и пріѣзжающіе покупаютъ все въ погребахъ и лавкахъ и пользуются въ квартирахъ и домахъ.—Характеристика эта подходитъ и къ современному Чернигову. И теперь у насъ мало „проѣзжающихъ другихъ народовъ и знатныхъ господъ бываетъ“. И теперь нашъ средній обыватель, особенно старожилъ, не любитъ публичныхъ развлеченій и предпочитаетъ домашнюю обстановку.

VII.

Топографія Чернигова въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

Теперь у меня остались только архивныя замѣтки, заключающія въ себѣ указанія на расположеніе тогдашняго города,

---

каѳедральный, Троицкій, Ильинскій и Пятницкій дѣвичій монастыри были закрыты. Въ помѣщеніяхъ Борисоглѣбскаго велѣно быть архіерейскому дому, Ильинскій назначенъ для университета, а въ строеніяхъ Пятницкаго помѣщено, какъ уже сказано, главное народное училище. Въ 1790 г. повелѣно помѣщенія арх. дома при бывшемъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ занять для присутственныхъ мѣстъ, а арх. домъ устроить при бывшемъ Ильинскомъ монастырѣ.

названіе улицъ, площадей, строеній и проч. Замѣтки эти очень отрывочны, и потому, пополняя оставляемые ими пробѣлы, главнымъ образомъ, изъ „Описанія Черниговскаго намѣстничества“ А. Шафонскаго, составленнаго въ 1786 г., и изъ другихъ описаній стараго Чернигова, я постараюсь изобразить возможно полный планъ Чернигова въ описываемое время, пользуясь при этомъ и найденнымъ въ архивѣ думы планомъ Чернигова 1790 г.—На планѣ этомъ нѣтъ масштаба и экспепликаціи, но, при помощи другихъ источниковъ, онъ разъясняетъ многое.

Городъ въ концѣ прошлаго вѣка состоялъ изъ 6 частей.

Первую часть составляли крѣпость и пространство между Гончею улицей и старымъ землянымъ валомъ по Стрижню, до того мѣста, гдѣ Гончая пересѣкается перпендикулярнымъ къ ней направленіемъ этого вала.

Крѣпость—это древній „дѣтинецъ“, упоминаемый лѣтописями въ XI в. Послѣ многократныхъ раззореній, она возобновлена была около 1670 г. черниговскимъ полковникомъ В. А. Дунинымъ-Борковскимъ [1]). Въ описываемое время она окружена была валомъ и сухимъ рвомъ, на протяженіи болѣе $1^1/_2$ в. Валъ этотъ самою длинною стороной направлялся вдоль нынѣшней Преображенской улицѣ съ бульварами. Съ этой стороны вели изъ крѣпости Прогорѣлыя или Николаевскія ворота, съ мостомъ черезъ ровъ. Ворота эти находились противъ Гончей улицы. Далѣе валъ нѣсколько уклонялся къ ю.-з. и потомъ заворачивалъ по линіи, идущей позади нынѣшней гимназіи. На этой линіи были изъ крѣпости Водяныя ворота къ Стрижню, проникавшему тогда подъ самымъ валомъ. Наконецъ, сторона вала, замыкавшая его, направлялась по линіи нынѣшняго шоссе. Здѣсь, близъ Екатерининской церкви, были Любечскія ворота.

---

[1]) Въ 1736 г. полковникъ Измайловъ доносилъ гр. Румянцеву, что замокъ черниговскій „мало гдѣ былъ спорченъ; надлежащею земляною работою совсѣмъ какъ надлежитъ, также и палисадникомъ оконченъ и въ добромъ находится состояніи, и въ ономъ по имѣющимся раскатамъ батареи подѣланы и пушки вездѣ разставлены“.

Вѣроятно, эти ворота были значительнаго размѣра: въ дѣлахъ думы 1788 г. найдено свѣдѣніе, что на ихъ починку нужно было болѣе 300 р. Въ западной части вала, надъ нынѣшнимъ предмѣстьемъ „Кавказъ", было отдѣльное укрѣпленіе, устроенное московскимъ воеводою Загряжскимъ въ 1667 г. и названное тогда малымъ верхнимъ городомъ, а въ описываемое время называвшееся цитаделью или замкомъ. Оно занимало небольшую площадку, въ длину около 25, а въ ширину около 20 саж., было окопано особымъ валомъ и имѣло форму неправильнаго пятиугольника. Въ укрѣпленіи этомъ отсиживались русскіе воеводы отъ казаковъ, долго не могшихъ примириться съ воеводскимъ управленіемъ. Укрѣпленіе это было снабжено амбаромъ для боевыхъ снарядовъ, землянымъ пороховымъ погребомъ и потаеннымъ подземнымъ ходомъ къ Стрижню, для добыванія воды въ случаѣ осады. Въ концѣ XVII в. воевода Полюбинъ, по челобитью, находившагося въ цитадели московскаго гарнизона, построилъ тамъ церковь кн. Михаила и боярина его Ѳедора. Церковь эта въ 1766 г. по ветхости была разобрана. Крѣпость упразднена по распоряженію императора Павла въ 1798 г., а въ 1803 г., когда утвержденъ былъ планъ города, представленный на утвержденіе еще въ 1787 г., валъ крѣпостной съ западной и сѣверо-западной сторонъ былъ срытъ.

До 1750 г. внутреннее пространство крѣпости было застроено очень густо. Здѣсь находились дома болѣе знатныхъ и зажиточныхъ жителей, избравшихъ для поселенія мѣсто, защищенное отъ частыхъ въ прежнее время непріятельскихъ вторженій. Улицы были очень тѣсны, а дома въ нѣсколько этажей, съ выступающими верхними этажами, затѣнявшими улицы до того, что на нихъ, долго, говорятъ, не таялъ ледъ. Пожаромъ 1750 года почти все это было уничтожено. На планѣ 1790 г. въ крѣпости показано 37 построекъ. Болѣе выдающимися постройками были два соборныхъ храма. Главный храмъ—Преображенскій былъ приходскимъ. Въ его приходѣ было 59 дворовъ и 535 душъ обоего пола. Послѣ сильнаго поврежденія его пожаромъ 1750 г., онъ былъ окончательно возстановленъ въ

1798 г. Борисоглѣбскій теплый соборъ въ первой половинѣ XVII в., принадлежалъ, какъ извѣстно, католическому Доминиканскому монастырю. Послѣ изгнанія поляковъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ, монастырь этотъ обращенъ въ православный и названъ Борисоглѣбскимъ каѳедральнымъ. Келій, оставшихся отъ доминиканцевъ, быо 22. Половина ихъ въ два этажа, помѣщалась между колокольней и любечскими воротами, а другая половина стояла на югъ отъ собора и представляла одноэтажные постройки. Въ этой половинѣ помѣщалась латинская школа, переведенная сюда въ началѣ прошлаго вѣка архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ. Для учениковъ этой школы въ верхнемъ ярусѣ колокольни, надъ колоколами, устроена была тѣмъ же архіепископомъ церковь Іоанна Богослова. Въ 1776 г. школа была преобразована въ семинарію и переведена въ купленный для нея за Стрижнемъ домъ, ранѣе принадлежавшій извѣстному черниговскому полковнику Павлу Полуботку. Передъ соборомъ помѣщался деревянный архіерейскій домъ. Но въ 1780 г. архіепископъ Ѳеофилъ построилъ по другую сторону соборныхъ храмовъ каменный архіерейскій двухъэтажный домъ. Онъ былъ обнесенъ съ трехъ сторонъ, кромѣ лицевой, каменною стѣною. Въ прежнемъ архіерейскомъ домѣ помѣщена консисторія. Въ 1786 г., послѣ отобранія монастырскихъ крестьянъ въ казну, Борисоглѣбскій монастырь былъ закрытъ. Тогда же былъ закрытъ и Троицко-Ильинскій монастырь. Ильинская церковь была выдѣлена изъ него и обращена въ приходскую, а остальныя помѣщенія этого монастыря предназначены были для предположеннаго къ открытію въ Черниговѣ университета. Университетъ не былъ открытъ, и Высочайшимъ указомъ 1790 г. предписано было генералъ-губернатору Кречетникову перемѣстить архіерейскій домъ въ Троицкій монастырь, въ устроенномъ же въ крѣпости архіерейскомъ домѣ помѣщены: казенная палата, губернское правленіе и приказъ общ. призрѣнія. Тогда же была снята стѣна у этого дома и разобраны многіе келіи, а въ зданіи колокольни помѣщены архивы присутственныхъ мѣстъ.

Кромѣ соборныхъ церквей въ крѣпости въ описываемое время была еще деревянная приходская церковь архангела Михаила, построенная въ 1764 г., а сверхъ того помѣщались еще:

Деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ, построенный въ 1781 г. противъ архіерейскаго дома для генералъ-губернатора. Въ немъ останавливалась Императрица Екатерина II во время проѣзда чезъ Черниговъ въ 1787 году. Возлѣ замка былъ домъ, въ которомъ до открытія намѣстничества жили черниговскіе полковники. У Прогорѣлыхъ воротъ стояла гауптвахта, а противъ нея домъ для офицеровъ инженерной команды. Взаимное расположеніе остальныхъ построекъ въ крѣпости нельзя точно опредѣлить по плану и по имѣющимся источникамъ. Поэтому я ограничусь ихъ перечисленіемъ по описанію Шафонскаго: деревянный домъ, гдѣ помѣщалось намѣстническое правленіе, приказъ общ. призрѣнія и совѣстный судъ; деревянный домъ казенной палаты; такой же домъ, гдѣ помѣщались палаты уголовнаго и гражданскаго суда и верхній земскій судъ; такойже домъ, гдѣ были верхняя и нижняя расправы; каменный домъ, пріобрѣтенный у черниговскаго полковника Лизогуба, гдѣ ранѣе была полковая канцелярія и гдѣ въ 1786 г. помѣщались губернскій магистратъ и уѣздное казначейство; каменный домъ городового магистрата, купленный у черниговскаго полковника Полуботка; деревянный домъ комендантской канцеляріи; деревянный домъ для квартиры губернатора; два провіантскихъ магазина; соляной амбаръ; четыре обывательскихъ дома, изъ которыхъ одинъ каменный. Остальныя постройки представляли амбары и другія службы.

Въ концѣ прошлаго вѣка крѣпость называли *старымъ мѣстомъ*. „Мѣстомъ" называлось вообще площадь, гдѣ производился торгъ. Шафонскій говоритъ, что до 1766 г. въ крѣпости были купеческія лавки, и въ ней собирались ярмарки, затѣмъ все это переведено было на Могилки, а потомъ на Пятницкое поле.

Къ первой части, какъ уже сказано, причислялось и небольшое пространство той части города до второго земляного

вала, которая называлась Новымъ Мѣстомъ. На этомъ пространствѣ пролегали двѣ главныхъ улицы: одна направлялась отъ Прогорѣлыхъ воротъ по Взвалью къ Гноевой греблѣ, гдѣ стояли тогда деревянныя тріумфальныя ворота, устроенныя дворянствомъ къ пріѣзду Императрицы. Тогда черезъ Стриженъ вела уже не гребля, а Красный мостъ. Названіе-же Гноевой гребли сохранилось отъ того времени, когда Стриженъ запруженъ былъ такою греблей, и на ней стояли архіерейскія мельницы. По Гончей улицѣ до вала было тогда двѣ церкви: Николаевская, стоявшая близь нынѣшняго городского дома, гдѣ помѣщается общественная библіотека, и Богоявленская на мѣстѣ нынѣшней Николаевской церкви, давшая названіе проложенной потомъ мимо нея улицѣ. Указанное пространство ограничивалось съ востока линіею, соотвѣтствующею приблизительно нынѣшней Богуславской улицѣ. Теперь это пространство прорѣзывается съ с.-з. на ю.-в. тремя улицами—Николаевскою, Воздвиженскою и Богоявленскою, а тогда здѣсь было пять улицъ, идущихъ по этому направленію и три проулка по направленію, почти перпендикулярному къ улицамъ. Теперь отъ стараго плана остались въ этой части два тупыхъ проулка, —одинъ съ Богоявленской улицы, а другой съ Богуславской.

Всѣхъ обывательскихъ домовъ въ первой части города было въ 1786 г.—110.

Вторая часть города шла отъ Гончей улицы на с.-в. и простиралась на з. до нынѣшней Преображенской улицы, съ в. ограничивалась вторымъ валомъ, а съ с.-в.—поперечнымъ рвомъ, который шелъ отъ этого вала приблизительно по нынѣшней Святославской улицѣ до спуска на Московскую Слободку. Главною улицею въ этой части была Любечская, направлявшаяся отъ крѣпостныхъ Любечскихъ воротъ на с.-в. къ торговой площади и далѣе къ выѣздамъ на Любечъ и Кіевъ. Далѣе, эта часть пересѣкалась пятью продольными улицами, по направленію къ Гончей [1]). Эти улицы были искривленныя

[1]) Упомянемъ кстати, что улица эта получила такое названіе оттого, что по ней гоняли сквозь строй солдатъ.

и нѣкоторыя изъ нихъ не находили себѣ продолженія въ прежде указанной части города. Двѣ тогдашнихъ поперечныхъ улицы соотвѣтствовали приблизительно нынѣшнимъ Борисоглѣбской и Мстиславской. Изъ проулковъ того времени сохранился тупой проулокъ отъ Мстиславской улицы на ю.-з. Церквей въ этой части города было двѣ—Екатерининская каменная и Воздвиженская, каменная до половины. Воздвиженская стояла надъ самымъ валомъ. Въ дѣлахъ думы за 1799 г. найдена просьба прихожанъ этой церкви объ отводѣ мѣста для колокольни, такъ какъ звукъ двухъ колоколовъ прежней колокольни заслонялся землянымъ валомъ и не доходилъ до средины города. Обывательскихъ домовъ въ этой части города было 109. Пространство ея отъ Екатерининской церкви по направленію къ нынѣшнему базару называлось Могилками. Названіе несомнѣнно очень древняго происхожденія.

Третья часть города, составляя предмѣстье, шла отъ вала по Гончей улицѣ, захватывая и пространство между этою улицею и Стрижнемъ, до края города. Улица эта очень съуживалась въ концѣ, и та часть ея называлась, какъ и теперь Ковалевкой, потому что тамъ сосредоточены были кузницы. По этой улицѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь водопроводный кранъ, стояла деревянная Срѣтенская церковь. На с.-з. эта часть города ограничивалась приблизительно нынѣшнею Пятницкою улицею. По ней проходили четыре улицы по направленію къ Гончей, изъ которыхъ двѣ очень искривленныя, и двѣ, пересѣкавшія эти улицы подъ угломъ. На планѣ 1790 г. эта часть города, гораздо болѣе обширная, чѣмъ предъидущая, показана состоящею изъ сплошныхъ кварталовъ. Но она несомнѣнно представляла и большіе пустыри. Это видно изъ сообщенія Шафонскаго, что въ ней было всего 92 обывательскихъ дома, и изъ свѣдѣній найденныхъ въ архивныхъ дѣлахъ о проложеніи улицъ въ этой части по утвержденному въ 1803 г. плану: Кіевская улица прокладывалась по пахотному полю, а Воскресенская черезъ кирпичный заводъ Малахова.

Четвертую часть составляло предмѣстье за Стрижнемъ. Оно пересѣкалось всдвумя главными улицами—Могилекой, ко-

торая направлялась отъ семинаріи къ нынѣшнему предмѣстью „Березки“ и Московскою, которая называлась и Стародубскою. Расположеніе кварталовъ въ этой части мало отличалось отъ настоящаго. Только въ сторону „Березокъ“ городъ былъ меньше застроенъ [1]). По дорогѣ на Сосницу городъ простирался до березовой рощи за загороднымъ архіерейскимъ домомъ. Рощи этой давно уже нѣтъ, а на мѣстѣ этого архіерейскаго дома, гдѣ была тогда и церковь, находится теперь сиротскій домъ. На выѣздѣ изъ города по могилевскому тракту стояли деревянныя тріумфальныя ворота, устроенныя въ 1781 г. черниговскимъ магистратомъ для проѣзда великаго князя Павла Петровича съ супругою. Близь семинаріи стояла Вознесенская церковь и при ней другая, теплая великомученицы Варвары. Церкви эти снесены около 25 лѣтъ назадъ, и вмѣсто нихъ устроена нынѣшняя каменная близь губернаторскаго дома. Всѣхъ обывательскихъ домовъ въ этой части города было 102.

Въ составъ пятой части города входили: пространство отъ упомянутаго поперечнаго рва у нынѣшней Святославской улицы до Елецкаго монастыря, граничащее съ правой стороны продолженіемъ второго вала, а съ лѣвой доходившее до спуска съ горы и называвшееся „Третякъ“; сюда же входилъ Елецкій монастырь, а затѣмъ вся низменная часть подъ горой. Южныя поселенія этой части назывались Московскою Слободкой, потому что въ ней жили гарнизонные солдаты (москали); за нею расположено было ближе къ стѣнѣ Елецкаго монастыря предмѣстье Подолъ; далѣе Лѣсковица, а за нею, ближе къ бывшему Троицко-Ильинскому монастырю, слобода Мѣтловка. Въ „Третякѣ“ была тогда деревянная Покровская церковь, вблизи зданія думы. Поселенія на Лѣсковицѣ на планѣ 1790 г. показаны очень рѣдко. Главная улица по ней направлялась подъ стѣною Елецкаго монастыря къ Троицкому, подъ горою Болдинскою. Въ архивныхъ дѣлахъ 1810 г. сохранилось еще такое названіе этой горы, уцѣлѣвшее съ того времени, какъ св. Антоній вы-

---

[1]) Эта часть Застриженья называлось Нѣмецкою Слободой, потому что въ ней послѣ Полтавской битвы были поселены плѣнные шведы.

рылъ въ ней пещеру. По этой улицѣ было, впрочемъ, затруднительно сообщеніе съ Троицкимъ архіерейскимъ домомъ, особенно въ грязное время, когда подъемъ на Троицкую гору былъ очень труденъ. Поэтому ѣздили туда обыкновенно верхнимъ путемъ, но болѣе сокращеннымъ, чѣмъ теперь, для чего черезъ оврагъ на этомъ пути существовалъ мостъ. Обывательскихъ домовъ въ этой части было 117. Въ ней было и 3 кирпичныхъ завода.

Наконецъ, шестая часть города заключала въ себѣ торговую площадь, бывшій Пятницкій женскій монастырь, всѣ кварталы за зданіемъ думы, все пространство къ Александровской площади и кладбище. Въ этой части по плану 1790 г. кварталы разбросаны очень неправильно; сплошныхъ прямыхъ улицъ не было; между кварталами разнообразной формы много пустыхъ мѣстъ. Вообще эта часть города населена была слабо. На сравнительно обширномъ ея пространствѣ было только 97 обывательскихъ домовъ. Пятницкій монастырь въ описываемое время занималъ довольно большое пространство. Въ немъ были слѣдующія зданія: каменная церковь, трапеза, звоница, въ которой былъ другой храмъ св. Прокофія; на южной сторонѣ 18 деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ келій; на западной келіи настоятельницы съ церковью. При монастырѣ былъ садъ. Весь онъ былъ обнесенъ деревянною оградой. На з. и ю.-з. отъ него простиралось Пятницкое поле, на которомъ находилась большая часть ранѣе упомянутыхъ торговыхъ помѣщеній, а далѣе много вѣтряныхъ мельницъ. Кромѣ частныхъ домовъ въ этой части города были: деревянный острогъ, казенный деревянный смирительный домъ и такія-же богадѣльня и больница и богадѣльня на кладбищѣ, гдѣ было тогда двѣ церкви. На выѣздѣ изъ этой части города на старую Кіевскую дорогу были тогда тріумфальныя ворота, соотвѣтственныя стоявшимъ на Могилевскомъ выѣздѣ и устроенныя потому-же случаю.

Въ архивныхъ дѣлахъ, кромѣ названныхъ улицъ и урочищъ, встрѣчаются еще названія: Мужичая Слобода, пляцъ Моисеевскій, городской пляцъ близь Гноевой гребли надъ Стрижнемъ,

гдѣ были бани кафедральнаго монастыря, плацъ Купцовскій, огородъ Максимовщина, урочище Троянщина надъ Стрижнемъ и урочище Курганье при выѣздѣ на Трисвятское. Опредѣлить точно положеніе этихъ мѣстностей ни по архивнымъ дѣламъ, ни по плану, ни по другимъ источникамъ я не могъ.

Кромѣ крѣпостнаго вала и другого, о которомъ уже сказано и который, начинаясь надъ обрывомъ передъ Елецкою колокольней, направлялся на ю-в. къ Стрижню и не замыкался со стороны Стрижня и надъ горой,—былъ еще третій валъ, опоясывавшій городъ гораздо болѣе длиннымъ полукругомъ по окраинамъ. Одинъ конецъ этого полукруга упирался въ Синій мостъ на р. Кордиковкѣ, но прослѣдить все направленіе этого вала по имѣющимся источникамъ я не также могъ.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго года, еще до утвержденія плана города, прокладывались новыя улицы по этому плану. Въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается много случаевъ сдѣлокъ съ обывателями, дворы которыхъ захватывались новыми улицами и которымъ давалась взамѣнъ земля отъ закрываемыхъ проулковъ. Кромѣ Воскресенской и Кіевской, тогда проложены были Воздвиженская, Пятницкая, Богоявленская, Богуславская и Сѣверянская улицы. Второй валъ дѣятельно срывался, рвы засыпались, и въ дѣлахъ 1802 г. есть указаніе, что послѣдняя часть этого вала была тогда срыта и занята селидьбой.

В. Хижнаковъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАП. КРАЯ.

I. Проектъ поручика Нечая 1832 г. объ улучшеніи быта крестьянъ.

I.

Въ портфелѣ „Кіевской Старины" за 18 лѣтъ существованія журнала накопилось достаточное количество документальныхъ данныхъ, рисующихъ общественный, хозяйственный и церковный бытъ населенія юго-западнаго края, особенно крестьянъ, съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и вплоть до освободительнаго акта 19 февраля 1861 г. Редакція предполагаетъ постепенно публиковать этотъ матеріалъ въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ строго фактическаго содержанія. Многое говоритъ въ пользу необходимости и своевременности приступа къ такой фактической работѣ.

Какъ извѣстно, новѣйшая исторія нашихъ юго-западныхъ земледѣльцевъ далеко еще не можетъ считаться разработанною сколько нибудь обстоятельно. Въ исторической литературѣ извѣстно нѣсколько случайно проникшихъ въ печать оффиціальныхъ записокъ, обзоровъ и докладовъ по разнымъ сторонамъ крестьянскаго быта; опубликовано нѣсколько замѣчаній и очерковъ современныхъ наблюдателей этого быта (В. Шульгинъ, Ѳ. Самаринъ и нѣк. др.), но сколько еще лежитъ подъ спудомъ! Беспристрастная исторія, отдавая должное частнымъ наблюде-

ніямъ и впечатлѣніямъ, по самой задачѣ своей склонна опираться на факты, не допускающіе спора: для ея выводовъ нужны живые люди, краски, даты и имена, какъ оправдательные докумены для обрисовки пережитыхъ культурныхъ состояній. При переходѣ въ новый вѣкъ, долженствующемъ знаменовать нѣкій поворотъ въ культурной жизни, прилично напоминать и о старыхъ культурныхъ навыкахъ, ибо, не такъ, то иначе, они надолго еще будутъ давать чувствовать свою тлетворную силу. Напоминанія эти, составляя прямую задачу мѣстнаго историческаго журнала, быть можетъ небезполезными окажутся и для оздоровленія исторической философіи, насколько она пытается привлечь къ своимъ выводамъ и судьбы нашего края. Разумѣемъ здѣсь философію sui generis, въ родѣ той, какую недавно преподнесъ графъ Лелива въ своей книгѣ „Русско-польскія отношенія" (стр. 190--206).

Стремясь „безъ всякой предвзятой мысли, съ одной лишь готовностью найти истину", объяснить причины вѣковой вражды малорусскаго козачества и поспольства съ шляхетской олигархіей, этотъ случайный историкъ, удивительнымъ процессомъ умствованія, приходитъ, напр., къ такому заключенію: „Патріархальный строй міровоззрѣнія, взаимоотношеній и правоотношеній русскаго козачества не могъ приспособиться къ той культурной высотѣ, на которой стояло тогдашнее (XV в.) польское шляхетство". Позже, при Стефанѣ Баторіи, „польское шляхетство, пропитанное духомъ нравственной независимости католицизма, обуреваемое идеями гражданской свободы, причастное къ ученіямъ греческихъ философовъ, усвоившее себѣ наипозднѣйшія пріобрѣтенія европейской цивилизаціи, встало на защиту полноправности гражданина дворянскаго достоинства, политическихъ привилегій высшаго сословія и верховенства сейма. Наоборотъ, представители русской народности, въ лицѣ тогдашняго козачества, вслѣдствіе патріархальнаго склада своей семейной, политической и общественной жизни, стали на сторону отеческаго самодержавія королей". Inde irae и только съ этой поры, по мнѣнію автора, въ борьбу чисто политическую вводятся совершенно по-

бочные для нея элементы—національный и религіозный; отсюда борьба „народностей" (какъ будто шляхетская олигархія - народность!) въ теченіи 200 лѣтъ, закончившаяся отдѣленіемъ Руси. „Дальнѣйшая судьба рѣчи посполитой настолько общеизвѣстна, что считаемъ излишнимъ здѣсь говорить о ней", —такъ заканчиваетъ авторъ свою историческую спекуляцію, предназначенную, вѣроятно, ad usum delphini.

Исторической фразеологіей не рѣшаются подобные вопросы. Если вѣковая вражда и борьба польскаго пана съ малорусскимъ „хлопомъ" была лишь борьбой высшей культуры съ варварствомъ и патріархальной дикостью, а не споромъ рабовладѣльца съ возмутившимся рабочимъ населеніемъ, то вѣдь эта высшая культура имѣла много случаевъ проявить свои блестящія качества. Весьма замѣчателенъ и достоинъ всякаго вниманія тотъ фактъ, что въ знаменитой конституціи 3 мая 1791 года, олицетворившей собою наивысшій подъемъ государственно-строительнаго духа, до какого достигло польское шляхетство XVIII-го вѣка, крестьяне были забыты. Огромное большинство крестьянъ рѣчи посполитой, $^5/_6$ по крайней мѣрѣ, оставлены въ прежнемъ вѣковомъ пренебреженіи. „И вотъ государство, задумавшее подняться изъ упадка, признавшее свои прежнія ошибки и желавшее исправить свое управленіе, ничего не дѣлаетъ для улучшенія судьбы того самаго класса, который та же конституція 3 мая называетъ опорой отечества! Можно бы сказать, что шляхта польская, спасая край, помнила не о всемъ народѣ, а лишь о себѣ самой! Это не могло принести дѣлу Божія благословенія"... (Ks. Waleryan Kalinka, Ustawa trzeciego maja. Krak., 1896. Стр. 52).

Смутныя понятія о задачахъ и значеніи христіанской культуры принесли неисчислимые ущербы человѣчеству, отодвигая на задній планъ улучшенія наиболѣе настоятельныя. Послѣ раздѣловъ, крестьянство юго-западнаго края весьма долгое время не пользовалось вниманіемъ нашего законодательства въ смыслѣ обезпеченія личныхъ и имущественныхъ правъ. Извилисто идетъ исторія. Чуждый населенію, пришлый польскій землевладѣлецъ

столь высоко, по понятію законодателя, стоялъ въ культурномъ отношеніи и столь мало значилъ патріархальный земледѣлецъ, что энергическое вмѣшательство власти въ эту жестокую идиллію до самой крымской войны считалось чуть ли не посягательствомъ на драгоцѣнные добытки высшей культуры, о которой столь умилительно говоритъ намъ нынѣ графъ Лелива. Лишь возстаніе 1831 г. да галицкія событія 1846 г. заставляли нѣсколько призадуматься надъ этой культурной гармоніей. За 31-й годъ паны мстили своимъ хлопамъ, чѣмъ вызванъ именной указъ 1 августа того же года. Генералъ-фельдмаршалъ Остенъ-Сакенъ въ маѣ 1831-го года обѣщалъ крестьянамъ: „вы никогда уже не будете принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти“. (В. И. Семевскій, Крестьянск. Вопросъ въ Россіи, II, 583).

Компетентный свидѣтель, кіевскій ген. губернаторъ Бибиковъ, вотъ что писалъ по этому поводу кн. Варшавскому, въ октябрѣ 1846 года: „Въ отношеніи жестокаго обращенія съ крестьянами помѣщиковъ и арендаторовъ, обязанностію почитаю доложить вашей свѣтлости, что при самомъ вступленіи моемъ въ управленіе Кіев., Под. и Вол. губерніями, я обратилъ особенное вниманіе на положеніе здѣшнихъ крестьянъ, и въ первомъ всеподаннѣйшемъ докладѣ Государю Императору, въ 1839 году, довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія, что здѣшніе помѣщики и поссесоры управляютъ крестьянами безчеловѣчно, и хотя въ защиту крестьянъ принимаются указанныя закономъ мѣры, но онѣ, какъ послѣдствія разныхъ случаевъ или происшествій, принося пользу частную, не сильны отвратить зла общаго.—Въ 1840 и 1841 годахъ я также всеподданнѣйше докладывалъ Государю Императору, что здѣшніе крестьяне, во время мятежа, не только не измѣнили своему долгу, несмотря на соблазны поляковъ, но въ свое время предупреждали правительство о заговорѣ и бунтѣ, почему въ приказѣ покойнаго фельдмаршала кн. Сакена, въ маѣ 1831 года, читанномъ въ церквахъ, имъ было обѣщано, что они никогда не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ; по усмиреніи мятежа, это обѣщаніе не

выполнено,—крестьяне возвращены тѣмъ же самымъ владѣльцамъ, коихъ захватывали какъ мятежниковъ, или на коихъ доносили, а взятые въ казну поступили тоже въ управленіе поляковъ, часто родственниковъ тѣхъ, кои по мятежу наказаны и коимъ принадлежали имѣнія. Послѣ сего, крестьяне вытерпѣли жестокія преслѣдованія со стороны своихъ господъ; были даже случаи, что при наказаніяхъ имъ повторялось, что таковыя дѣлаются за ихъ вѣрность правительству.—Подобныя угнетенія и преслѣдованія были тогда повсемѣстны. Въ послѣдствіи хотя уменьшились, но и въ настоящее время весьма еще значительны. Это происходитъ сколько отъ привычки смотрѣть на здѣшнихъ крестьянъ, какъ на *рабочій скотъ*, столько же отъ свойства самаго закона, по коему надзоръ за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами возложенъ на предводителей, а они такіе же помѣщики и сами то же дѣлаютъ, что и другіе. Также по закону помѣщики могутъ ссылать крестьянъ въ Сибирь и ихъ наказывать когда пожелаютъ, только не было-бы увѣчья. Посему каждый годъ, по разнымъ свѣдѣніямъ, поступающимъ мимо предводителей, начинается множество дѣлъ о жестокомъ обращеніи, угнетеніи ихъ и проч. Дѣла эти вполнѣ доказываютъ, что слабости управленія нѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ ихъ-бы не было: онѣ ведутся съ послѣднею строгостію—вызываются виновные изъ имѣній, подвергаются аресту и суду, имѣнія поступаютъ въ опеку, по особому Высочайшему повелѣнію въ такихъ имѣніяхъ вводятся казенные инвентари, для примѣра одинъ помѣщикъ былъ преданъ военному суду и посаженъ въ крѣпость.—Изъ сего, ваша свѣтлость, изволите усмотрѣть, что мѣстное начальство принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ обузданію помѣщиковъ отъ своеволій и угнетеній крестьянъ, но, какъ я изъяснилъ въ первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, мѣры эти какъ послѣдствія разныхъ случаевъ, принося пользу частную, не отвращаютъ зла общаго.—Таковое положеніе крестьянъ обратило на себя всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора, и Е. И. В. Высочайше повелѣть соизволилъ въ 1844 году—перевести всѣхъ казенныхъ крестьянъ на оброкъ для изъятія ихъ изъ владѣнія поляковъ.

и въ прошедшемъ году—собрать и разсмотрѣть помѣщичьи инвентари.—Первая мѣра, по коей половина казенныхъ имѣній освободилась уже отъ арендъ, приведена въ дѣйствіе съ полнымъ успѣхомъ. Инвентари собраны, разсмотрѣны и представлено министру вн. дѣлъ соображеніе, какимъ образомъ и въ какомъ видѣ ихъ ввести. Соображеніе это заключается въ двухъ главныхъ основаніяхъ: въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ и уничтоженіи вреднаго произвола первыхъ и въ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей и работъ за выгоды и земли, предоставляемыя имъ помѣщиками.—Введеніе подобныхъ инвентарей, сколько могу надѣяться, не нарушая правъ помѣщиковъ, исполнитъ августѣйшую волю Г. И., т. е. оградитъ крестьянъ отъ жестокостей и угнетеній и поставитъ ихъ въ такое положеніе, которое удалитъ отъ нихъ всѣ поводы къ неудовольствіямъ и буйству.—Въ заключеніе обязываюсь доложить вашей свѣтлости, что въ прошедшемъ году (1845) въ Подольской губерніи было болѣе десяти возмущеній крестьянъ противъ помѣщиковъ или управителей,—они всѣ были уничтожены въ то же время, какъ возникли, ибо всякое возмущеніе противу власти, какія бы ни были тому причины, должно быть уничтожаемо немедленно; эти возмущенія имѣли поводъ и основанія въ угнетеніяхъ или несправедливыхъ притязаніяхъ владѣльцевъ; но въ настоящемъ (1846) году, несмотря на полицейскіе безпорядки, нигдѣ не было здѣсь ни одного возмущенія,—не потому, чтобы крестьяне не знали, что дѣлалось и дѣлается въ Галиціи—они все это знаютъ и не знать не могутъ, ибо имѣютъ на границѣ безпрерывныя сообщенія съ галичанами, по обоюдному владѣнію землями,—но потому, что казенные крестьяне уже чувствуютъ начало благодѣтельнаго вліянія на нихъ правительства, а помѣщичьи ожидаютъ отъ онаго утвержденія своихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ въ опредѣленномъ видѣ, т. е. въ установленіи инвентарей, какъ взаимныхъ обязательствъ. Исполнить эти ожиданія необходимо, не исполнить ихъ можетъ быть вредно,—все это, во всѣхъ подробностяхъ, я сообщилъ министру вн. дѣлъ и ожидаю разрѣшенія". (Портфель „Кіев. Старины").

26 мая 1847 г. были утверждены инвентарныя правила, и въ этомъ крупная заслуга Бибикова. Вслѣдъ за введеніемъ правилъ, начались интриги пановъ, пошли ложные слухи о бунтахъ крестьянъ, съ цѣлью сложить вину волненій на инвентари, жалобы, призывы къ военному содѣйствію, словомъ борьба высшей культуры съ патріархальностью... 29 декабря 1848 г. инвентарныя правила нѣсколько измѣнены, но, „во отвращеніе превратныхъ толковъ“, крестьянамъ объявлены не были, а дѣлались имъ извѣстными путемъ практики и распоряженій тѣхъ же пановъ, что принесло печальные плоды при введеніи уставныхъ грамотъ и обращеніи ихъ въ выкупные акты .. „Каковы бы ни были недостатки инвентарныхъ правилъ 29 декабря 1848 г. и еще болѣе ихъ примѣненія на дѣлѣ—замѣчаетъ В. И. Семевскій (изъ цит. соч., 504)), нужно помнить, что это, все таки, самая энергическая мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху Императора Николая I: относительно великороссійскихъ помѣщиковъ государь никогда не рѣшался на регулированіе положительнымъ закономъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ“.

Эти инвентарныя правила, ихъ разработка и примѣненіе еще ждутъ своей подробной и документальной исторіи. Соціальная среда, вызвавшая необходимость этой частичной мѣры, осуществленной лишь благодаря политическимъ соображеніямъ, также требуетъ подробнѣйшей обрисовки, для которой „Кіевск. Стар.“ и постарается дать по мѣрѣ силъ нѣкоторые матеріалы.

По поводу мятежа 1863 г. въ русской литературѣ явились нѣкоторыя интересныя реминисценціи покаяннаго характера. Писатель, который отнюдь не можетъ быть заподозрѣнъ въ тенденціозности, именно г. Еленевъ, выразилъ это настроеніе такими прочувствованными строками (см. „Сынъ Отечества“ 1863 г., май; также отдѣльное изданіе: „Польская цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь“. Въ пользу народныхъ школъ западно-русскаго края. СПБ., 1863): „Надо сознаться, что русское общество не сдѣлало до сихъ поръ ничего для нашего западнаго края; эта страна была доселѣ не

дочерью, а только падчерицею Россіи... Наше общество едва-ли и вспоминало до нынѣшнихъ событій, что за Кіевомъ и Смоленскомъ живутъ еще цѣлые милліоны русскихъ, но живутъ въ нищетѣ матеріальной и духовной, угнетенные и нравственно-униженные враждебнымъ элементомъ, покинутые безъ руководства и поддержки родными братьями... Съ того времени, какъ началось при Екатеринѣ возвращеніе къ Россіи Западнаго Края, прошло 90 лѣтъ, и въ эти 90 лѣтъ ни одного общественнаго дѣятеля, который бы принялъ къ сердцу нужды и страданія западно-русскаго народа! ни одного общественнаго предпріятія, которое-бы послужилв на его пользу! Наше купечество ежегодно шлетъ десятки тысячъ на содержаніе палестинскихъ пилигримовъ и аѳонскихъ монаховъ; наше образованное общество удивляетъ отъ своихъ щедротъ заграничныхъ метръ-дотелей; мы заботимся о введеніи цивилизаціи на Амурѣ и покровительствуемъ свободныхъ художниковъ чуть-ли не всего свѣта: а между тѣмъ истинно подвижническій и кровавотрудящійся западно-русскій народъ въ трехъ губерніяхъ умираетъ съ голоду, въ семи губерніяхъ лишенъ нерѣдко молитвенныхъ храмовъ; западно-русскій народъ не знаетъ, что и молиться, и мыслить, и просвѣщаться наукой можно также хорошо, если еще не лучше, и на его родномъ языкѣ, какъ на языкѣ польскомъ... Поистинѣ западно-русскій народъ, подобно плѣненному Израилю, можетъ сказать о себѣ: *На хребтѣ моемъ орали оратаи, проводили долгія борозды свои*; *мы прошли сквозь огонь и воду*" и только недавно онъ могъ прибавить: „но Ты, Боже, вывелъ насъ на прохладу" (Псал. 128: 3 и 65: 12). Надъ этимъ народомъ, забытымъ и пренебреженнымъ отъ русскаго общества, видимо бодрствовало Провидѣніе"...

„Ни одного общественнаго дѣятеля, который бы принялъ къ сердцу нужды и страданія западно-русскаго народа!"—сильно сказано. Безпристрастная исторія не можетъ примириться съ столь суровымъ сужденіемъ. Въ здѣшнемъ краѣ существовалъ въ 30-хъ годахъ чигиринскій предводитель дворянства, поручикъ и польскій помѣщикъ Нечай, который уже въ 1832 г. сильно

озабоченъ былъ улучшеніемъ быта патріархальнаго и некультурнаго крестьянства и даже составилъ по сему поводу цѣлый проектъ. Послѣдній случайно сохранился въ бумагахъ покойнаго М. В. Юзефовича и любезно сообщенъ редакціи Б. М. Юзефовичемъ. Для перваго раза, познакомимся съ этимъ любопытнымъ обывательскимъ проектомъ.

2.

Въ январѣ 1832 года 88 крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщику Сабанскому селъ Осоты, Головковки, Мельниковъ и м. Медвѣдовки (Чигир. уѣзда) подали кіевскому генералъ-губернатору жалобу на угнетеніе ихъ чрезмѣрными налогами, необыкновенными работами, панщиной, жестокими побоями, отнятіемъ собственности и пр. Прошеніе было по порядку передано для дознанія чигиринскому предводителю дворянства поручику Нечаю. Какъ и слѣдовало ожидать, жалобы оказались явно неосновательными, положеніе жалобщиковъ, превосходнымъ, обиженными не крестьяне, а экономія. Правда, сверхъ панщины взимались какіе-то чинши по домашнимъ инвентарямъ. Но эти инвентари упомянуты въ статистической вѣдомости 1822 г. и, слѣдовательно, правительству извѣстны. Посему Нечай сдѣлалъ крестьянамъ внушеніе, а экономіи поручивъ ничего излишняго не вымогать и крестьянъ не стѣснять, сверхъ положенія издревле по инвентарямъ существующаго. Но самый фактъ обращенія крестьянъ прямо къ государеву намѣстнику и характеръ жалобы привели поручика Нечая къ печальнымъ размышленіямъ. Предъ намѣстникомъ, какъ высокимъ своимъ начальникомъ, Нечай не могъ скрыть своихъ сомнѣній, что крестьяне, „подстрекаемые и руководимые неблагонамѣренными внушеніями, пользуясь бывшими потрясеніями политическими, едва-ли не помышляютъ не о сохраненіи себя отъ притѣсненій владѣльца, но, какъ кажется, о совершенной даже свободѣ. Я помню и изъ дѣлъ предмѣстника моего вижу, что при несчастныхъ событіяхъ, случившихся въ нашемъ государствѣ въ исходѣ 1825 года, хотя и противополож-

ныхъ вовся нынѣшнимъ обстоятельствамъ, злонамѣренные однакожъ поборники нововведеній, искатели мнимаго своего счастія, къ гибели общей и ниспроверженію существующаго порядка вещей, возмечтали и тогда воспользоваться слабыми умами простолюдиновъ и сильно даже подѣйствовали-бы на ихъ воображеніе", если-бы манифестъ 12 мая 1826 г. не положилъ предѣла разглашеніямъ о свободѣ крестьянъ. Хотя времена измѣнились, но духъ крестьянъ почти тотъ-же, т. е. чтобы подъ какими бы то ни было предлогами достигнуть худо понимаемой ими свободы: „полагать затѣмъ безошибочно можно, что и въ нихъ дѣйствуетъ хотя свойственный имъ, но несчастный и гибельный духъ времени". Безпристрастно изслѣдуя періодъ времени съ 1818 г., поручикъ Нечай нашелъ, что до изданія въ томъ году правилъ о прекращеніи злоупотребленій помѣщичьей власти, жалобъ крестьянъ па притѣсненія, по крайней мѣрѣ въ Кіевской губ., почти вовсе не было, хотя власть помѣщиковъ гораздо обширнѣйшіе имѣла предѣлы. Послѣ закона 1818 г. помѣщики, видя заботы правительства о крестьянахъ и по влеченію собственныхъ чувствъ своихъ, стали время отъ времени уступать изъ прежнихъ выгодъ своихъ и облегчать крестьянъ. Однако, ропотъ крестьянъ на притѣсненія сдѣлался почти общій и жалобы правительству часъ отъ часу увеличивались,— вѣроятно, по внушеніямъ неблагонамѣренныхъ людей. Суровыя мѣры власти все таки не привели къ искоренію въ черномъ народѣ духа ложно понимаемой имъ свободы, крестьяне нерадивы къ работѣ, потеряли охоту къ заботамъ о землѣ и скотѣ, большею частью упражняются въ пьянствѣ и бродяжествѣ, не могутъ поэтому платить податей и впадаютъ даже въ нищету, а помѣщики должны за это отвѣтствовать предъ начальствомъ; частыя между крестьянами преступленія, невоздержность, воровство, раздоры въ семействахъ и пр. значительно уже ослабили въ нихъ благочестіе, первую нравственность, поддерживающую благоденствіе народовъ, и тѣмъ доказываютъ въ значительной степени развращеніе нравовъ". Отсюда ясно, что къ жалобамъ побуждаютъ крестьянъ не одни только, часто мнимыя, притѣ-

сненія, „но едва-ли не общій умыселъ подъ симъ предлогомъ искать не облегченія, а совершеннаго избавленія себя отъ власти помѣщиковъ“. Во всякомъ случаѣ, поручикъ Нечай обѣщалъ генералъ-губернатору исполнять свой долгъ „слѣдуя волѣ Е. И. В., изъявленной въ манифестѣ изданномъ въ 12 день маія 1826 года“.

По обычаю, этимъ удовлетворились, и дѣло послѣдствій не имѣло. Но, увлеченный гражданской скорбью надъ бѣдственнымъ духомъ времени, не могъ уже успокоиться поручикъ Нечай. Какъ дворянинъ и сынъ отечества, онъ сталъ изыскивать способы исправить усмотрѣнныя имъ язвы и написалъ проектъ объ ихъ уравниваніи, который внесъ затѣмъ въ уѣздное чигиринское дворянское собраніе и получилъ одобреніе большинства своихъ дворянъ. Предварительно внесенія проекта въ губернское собраніе, Нечай представилъ его генералъ-губернатору Левашеву въ іюлѣ 1832 г. и получилъ согласіе на внесеніе. При этомъ, по поводу жалобъ Нечая на пристанодержательство бѣглыхъ крестьянъ новороссійскими помѣщиками, Левашовъ предложилъ автору проекта представить факты, для надлежащаго содѣйствія. Въ губернскомъ собраніи помѣщики Осташевскій, Мазаракій и радомысльскій предводитель Тшецакъ представили возраженія на проектъ, къ сожалѣнію, не сохранившіяся въ нашихъ бумагахъ.

Таковы вкратцѣ обстоятельства, вызвавшія появленіе нижеслѣдующаго проекта.

Проектъ къ поднесенію Государю Императору отъ имени дворянства всеподдайнѣйшаго прошенія о нуждахъ дворянства съ изложеніемъ причинъ. Учиненъ предводителемъ дворянства Чигиринскаго уѣзда г. Нечаемъ.

Августѣйшему Государю нашему благоугодно было при дарованіи новыхъ правъ и преимуществъ для дворянскаго сословія, изложенныхъ въ постановленіи о дворянскихъ выборахъ въ 6-й день декабря 1831 года высочайше утвержденныхъ, все-

милостивѣйше позволить вѣрному россійскому дворянству подносить къ подножію престола и всеподданнѣйшія о нуждахъ дворянства прошенія.

По поводу сего, имѣя честь быть предводителемъ дворянства здѣшняго уѣзда и какъ по обязанности званія моего, такъ и по собственнымъ моимъ замѣчаніямъ, по совѣщанію съ нѣкоторыми почтенными нашими согражданами, извлекъ важнѣйшіе предметы таковыхъ нуждъ, которыя честь имѣю предложить почтеннѣйшему дворянству для общаго сужденія.

Благодѣтельное правительство наше при дарованіи россійскому дворянству многоразличныхъ правъ и преимуществъ, коими оно подъ кровомъ самодержавной власти наслаждается, обращало при томъ всегда большое вниманіе свое и на улучшеніе состоянія крестьянъ, выгоды которыхъ всегда не только съ выгодами помѣщиковъ, но и всего государства суть столь тѣсно сопряжены, что и въ сей цѣли правительства, дворянское сословіе ясно видитъ лишь одно только продолженіе тѣхъ неисчерпаемыхъ милостей и благодѣяній со стороны правительства, которыя оно щедро изливало на вѣрное себѣ дворянство.

Не говоря о прежнихъ по сему предмету постановленіяхъ правительства, а обращаясь къ весьма незначительному въ нашей уже памяти періоду времени съ 1818 года, сколько является передъ глазами нашими благодѣтельнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ со стороны правительства къ улучшенію участи нашихъ крестьянъ (на чемъ основано собственное наше благо), и къ упроченію добрыхъ взаимныхъ отношеній владѣльцевъ къ ихъ крестьянамъ, съ сею всегда священною цѣлью августѣйшихъ нашихъ государей, чтобы крестьяне не уклонялись отъ законной власти своихъ помѣщиковъ, а помѣщики не употребляли во зло власти своей надъ крестьянами.

При всѣхъ однако-же мѣрахъ, принимаемыхъ до сего правительствомъ по сему предмету, при всѣхъ мудрыхъ распоряженіяхъ со стороны начальствъ къ удержанію взаимныхъ отношеній помѣщиковъ съ крестьянами, на вышеизложенномъ основаніи и при самой даже готовности дворянства содѣйствовать

сей благой цѣли правительства и священной волѣ августѣйшаго нашего Монарха, видимъ мы, и видитъ правительство, что состояніе крестьянъ нашихъ ни мало не улучшается; что они къ земледѣлію и приличнымъ званію своему занятіямъ совершенно потеряли охоту, что ропотъ и нареканія на притѣсненія дѣлается почти общій и что уже во многихъ мѣстахъ крестьяне, подъ предлогомъ таковыхъ притѣсненій и подъ другими различными видами, сами собою уклоняются уже отъ власти помѣщиковъ, затрудняютъ правительство своими жалобами и мѣрами, которыя оно должно принимать къ возстановленію тишины и порядка, а помѣщиковъ своихъ поставляютъ съ одной стороны въ сомнительное положеніе на счетъ удержанія прежнихъ съ ними отношеній, а съ другой подвергаютъ оныхъ весьма невыгодному мнѣнію правительства, на счетъ обращенія своего съ крестьянами.

Таковое положеніе обстоятельствъ должно заставить насъ, во первыхъ: разсмотрѣть зрѣло и безъ всякаго пристрастія главнѣйшія причины сихъ непріятныхъ событій, а во вторыхъ: изыскать сколько можно вѣрныя средства къ улучшенію участи нашихъ крестьянъ и къ отклоненію на будущее время подобнаго рода недоумѣній.

По совѣсти и по долгу благородной откровенности, свойственной дворянскому сословію, мы не можемъ не сознаться, чтобы вообще ропотъ крестьянъ на притѣсненія былъ совершенно неоснователенъ;—нѣтъ правилъ безъ исключенія, и должны быть причины къ жалобамъ, когда бываютъ оныя; но при томъ и сіе замѣтить должно, что если-бы таковыя нареканія были противу нѣсколькихъ только владѣльцевъ и въ нѣсколькихъ только мѣстахъ, сіе могло-бы быть болѣе или менѣе вѣроятнымъ; но какъ событія, случившіяся до сего времени и являющіяся чаще и постоянно, убѣждаютъ насъ, что жалобы и неудовольствія крестьянъ не относятся только къ частнымъ лицамъ, а ко всему почти сословію владѣльцевъ, тогда не излишне будетъ изслѣдовать ближе тому причины.

Мы видимъ, что по большей части крестьяне наши отстали отъ первыхъ правилъ, поддерживающихъ нравственность

и благосостояніе народовъ, т. е. отъ религіи и благочестія въ значительной степени; въ цѣлыхъ селеніяхъ находимъ едва-ли малую часть крестьянъ обоего пола, умѣющихъ молиться Богу и знающихъ заповѣди Божія! большая-же часть оныхъ всего того почти не знаютъ совершенно.

Мы видимъ, что въ праздничные дни церкви у насъ въ половину почти пусты, а корчмы полны; что къ слушанію заутрени и св. литургіи поощрять крестьянъ даже и приходскіе священники имѣютъ затрудненіе; бываютъ-же случаи, что нѣкоторыхъ изъ нихъ и къ исповѣди заставлять должно, а къ подаяніямъ ихъ, принесенію пожертвованій на украшеніе церквей и другія благоугодныя дѣла, крестьяне наши не имѣютъ ни какой по части наклонности, тогда какъ на роскошь, на горячіе напитки и тому подобное, истощаютъ нерѣдко послѣднее свое достояніе.

Мы видимъ вообще, что лѣность, пьянство, воровство, прелюбодѣяніе, раздоры въ семействахъ, ложныя показанія и равнодушіе къ присягѣ сдѣлались почти общими пороками нашихъ крестьянъ; случаются даже и самыя смертоубійства и являются уже примѣры, что законныя супружества ими самыми разрываются и послѣ того они вступаютъ подложно въ другія незаконные браки.

Мы видимъ наконецъ, что вообще крестьяне не только не имѣютъ ни привязанности, ни должнаго уваженія къ своимъ владѣльцамъ и мѣстнымъ властямъ, но даже довѣренности и и должнаго почтенія къ приходскимъ священникамъ и затѣмъ мы совершенно убѣждаемся, что развращеніе нравственности есть уже въ большей степени между нашими крестьянами; коль скоро-же ни религія, ни нравы не обуздываютъ достаточно страстей человѣческихъ, тогда уже физическая сила власти и законовъ должна замѣнить мѣсто совѣсти, а какъ физическія дѣйствія власти признаются многими, преимущественно-же простолюдинами, всегда отяготительными и непріятными, то отъ сего происходятъ по большей части и неудовольствія крестьянъ противу ихъ владѣльцевъ.

Для собственнаго затѣмъ ихъ счастія и нашего спокойствія и дабы соотвѣтствовать благодѣтельной цѣли правительства, мы должны стараться впредь объ исправленіи всего того столько, сколько сіе отъ насъ зависитъ и сколько намъ отъ правительства дозволено будетъ.

Мѣры къ сему представляются слѣдующія:

а) чтобы улучшить состояніе приходскихъ священниковъ и тѣмъ дать имъ болѣе возможности и времени заняться образованіемъ совѣсти, а затѣмъ и нравственности своихъ прихожанъ.

б) чтобы помѣщики собственнымъ примѣромъ, съ дозволенія правительства, могли-бы содѣйствовать къ благочестію крестьянъ.

в) и чтобы несчастную склонность къ пьянству чернаго народа мѣрами, испрошенными отъ правительства, ограничить такъ, дабы горячіе напитки могли служить только для поддержанія силъ и здоровья, но отнюдь не для развращенія нравственности въ простомъ народѣ и не для разоренія семейственнаго счастья и достоянія крестьянъ.

Къ сему кажется достигнуть можно слѣдующими мѣрами:

1) Извѣстно намъ, что всѣ приходскіе священники пользуются до сего надѣленіемъ имъ по 33 десятины земли, которую они сами обрабатывать должны, для поддержанія себя и своего семейства; не говоря о скудности таковаго содержанія, а вникая единственно въ обширность святыхъ ихъ занятій,— мы видимъ, что при такомъ нынѣшнемъ ихъ положеніи, весьма мало достаетъ имъ времени заняться съ пользою духовнымъ образованіемъ своихъ прихожанъ: для столь великаго предмета недостаточно однихъ праздничныхъ и воскресныхъ дней; должно бы еще посвящать ежедневно часы досуга для ученія крестьянъ первыхъ правилъ религіи, а самымъ примѣрнымъ и усерднымъ священникамъ, при всемъ ихъ даже желаніи, за собственнымъ ихъ хозяйствомъ и полевыми работами—не достаетъ нужнаго къ тому времени. Самое затѣмъ удобнѣйшее средство къ отклоненію сего неудобства открывается то, чтобы во мѣсто пре-

доставленной до сего въ пользу священниковъ одной только земли назначить имъ приличное и соразмѣрное числу прихожанъ и затѣмъ ихъ трудамъ содержаніе въ наличныхъ деньгахъ и въ пропорціи готоваго разнаго рода хлѣба, по усмотрѣнію и опредѣленію всего того правительствомъ, и таковое ежегодное содержаніе отнести не только на однихъ крестьянъ, но и на самыхъ помѣщиковъ, въ пользу которыхъ и земля, надѣленная священникамъ, уже оставаться-бы могла. Такимъ образомъ приходскіе священники, не озабочиваясь болѣе землedѣліемъ, могутъ и должны заняться ученіемъ дѣтей и молодыхъ крестьянъ обоего пола—молиться Богу и первыхъ началъ религіи, входить со всѣмъ вниманіемъ пастырей въ нравственность и поведеніе своихъ прихожанъ, внушать и толковать имъ ихъ обязанности и поощрять къ душевному благочестію, отъ котораго единственно происходятъ всѣ добродѣтели и самое благо рода человѣческаго, при наставленіяхъ и дополнительныхъ затѣмъ по сему предмету распоряженіяхъ со стороны верховной духовной власти; средство сіе могло-бы весьма надежно подѣйствовать на исправленіе нравственности въ видѣ религіи.

2) Къ тому ежели-бы помѣщикамъ христіанскихъ исповѣданій позволено было собственно въ ихъ имѣніяхъ принять почетное званіе церковныхъ старостъ на правилахъ правительствомъ предписанныхъ, сіе съ одной стороны сколько послужило-бы къ поощренію крестьянъ къ благочестію собственнымъ примѣромъ помѣщиковъ, столько съ другой стороны подѣйствовало-бы еще къ поддержанію въ лучшемъ видѣ и устройствѣ самыхъ приходскихъ церквей; почтенное при томъ званіе сіе, не нарушая исповѣданій помѣщиковъ, сближало-бы ихъ болѣе съ ихъ крестьянами и давало-бы имъ право не только въ общихъ нуждахъ церквей совѣщаться съ приходскими священниками, но и съ самыми прихожанами; въ случаяхъ-же важныхъ, относящихся къ пользамъ церквей и образованію прихожанъ въ религіи, испрашивать наставленій и разрѣшеній отъ вышняго духовнаго начальства, которое распоряженіями своими по сему

предмету болѣе и болѣе еще содѣйствовало-бы къ введенію повсемѣстно нравственности и благочестія.

3) Наконецъ, къ воздержанію крестьянъ отъ развращающаго нравы и добродѣтели ихъ пьянства было-бы самымъ надежнѣйшимъ средствомъ, ежели-бы правительству угодно было: *во первыхъ*, всѣ шинки на проселочныхъ дорогамъ лишніе, безъ видимой надобности устроенные, преимущественно же тѣ, которые отдалены отъ большихъ дорогъ, приказать знять (sic) и уничтожить такъ, дабы таковые шинки на большихъ только комуникаціонныхъ дорогахъ въ видѣ постоялыхъ дворовъ прилично устроенные остались и не ближе 10-ти верстъ отъ селенія: *второе*, чтобы на чарочную продажу вина во всѣхъ владѣльческихъ и старостинскихъ имѣніяхъ распространить тѣ самыя цѣны и правила, какія существуютъ нынѣ и существовать будутъ впредь по казеннымъ откупамъ, и поставить притомъ правиломъ, чтобы доброта продаваемаго вина въ помѣщичьихъ шинкахъ не была выше полугару, а равно чтобы вино въ оныхъ непродавалось иначе, какъ на наличныя деньги. Неисполняющіе затѣмъ таковаго постановленія шинкари мимо вѣдома и позволенія владѣльцевъ предаваемы бы были строжайшему сужденію по законамъ, а буде сіе допущено бы было самыми помѣщиками, таковые помѣщики лишались бы уже на всегда въ имѣніяхъ своихъ права производить чарочную продажу и *третье*, наконецъ, чтобы право винокуренія и свободной изъ онаго оптовой продажи вина сохранена была для помѣщиковъ на прежнемъ основаніи.

Таковыми предварительными предположеніями на первый разъ можно бы много содѣйствовать не только къ исправленію нравовъ крестьянъ, но даже и къ улучшенію ихъ состоянія, безъ чего всѣ физическія мѣры не будутъ никогда достаточными и удовлетворительными.

Изслѣдовавъ нравственныя причины бѣднаго состоянія нашихъ крестьянъ и происходящія по большей части отъ сего ихъ къ намъ неудовольствія и обращаясь теперь къ физическимъ, т. е. общему почти съ стороны ропоту и нареканію на

дѣлаемыя имъ будто владѣльцами разнаго рода притѣсненія, какъ то: непомѣрными работами, чрезвычайными налогами, жестокими наказаніями и проч. Хотя не легко, мы позволимъ убѣдить себя, чтобы для временной только нашей прибыли въ доходахъ, притѣсняя крестьянъ нашихъ безъ всякаго впрочемъ здраваго расчета, мы искали тѣмъ истощать на всегда достоянія наши и нашихъ поколѣній, зная при томъ еще, что таковое разореніе крестьянъ, за которое мы отвѣчаемъ предъ закономъ, разорило-бы насъ самихъ и подвергало-бы даже отвѣтственности собственныя наши имѣнія, и чтобы при благодѣтельномъ вліяніи правительства на состояніе крестьянъ нашихъ и при принятіи оныхъ всякій разъ мѣръ къ огражденію ихъ отъ не позволенныхъ притѣсненій, мы могли сами собою къ угнетенію ихъ прежніе инвентари или обыкновенія перемѣнять произвольно мимо вѣдома начальства. Напротивъ того, мы бы могли оправдываться всегда, что у насъ не было ни цѣли, ни желаній, ни даже возможности разорять и тѣснить нашихъ крестьянъ, отъ которыхъ добраго бытія весьма естественно и собственное наше благо зависитъ, и что мы, наконецъ, къ отягощенію ихъ хотя ничего новаго не вводили, однакожъ они и отъ давнихъ ихъ обязанностей часъ отъ часу болѣе уклоняются и насъ разоряютъ; но при всемъ томъ однакожъ не можно не согласиться, что въ нынѣшнемъ положеніи обстоятельствъ, прежніе наши инвентари, или введенныя обыкновенія, требованія повинности отъ души, хотя и не вновь и не нами выдуманныя, но какъ первый предлогъ, находимый нынѣ нашими крестьянами въ ихъ угнетенію, оказываются теперь уже неудовлетворительными, а потому для прекращенія дальнѣйшихъ по сему предмету недоумѣній, для облегченія крестьянъ противу нынѣшняго ихъ положенія и затѣмъ для улучшенія ихъ состоянія, а съ тѣмъ вмѣстѣ для собственнаго нашего спокойствія и для исполненія цѣли правительства, должно и слѣдуетъ намъ сдѣлать такое облегченіе и уравненіе въ нынѣшнихъ повинностяхъ, которыя бы въ общемъ и единообразномъ имѣли-бы уже законную силу, охраняющую права и преимущества обоихъ тѣхъ сословій.

Къ исполненію сего предположенія, какъ совершенно новаго, въ своемъ родѣ, мы не имѣемъ другого примѣра и руководства въ имперіи правительствомъ нашимъ одобреннаго, какъ положеніе о крестьянахъ Курляндской губерніи въ 25 день августа 1817 года высочайше утвержденнаго; но какъ съ одной стороны крестьяне наши въ здѣшней губерніи по мѣрѣ степени нынѣшняго ихъ просвѣщенія не приготовлены еще къ принятію всѣхъ тѣхъ пожертвованій, которыя курляндскимъ дворянствомъ дарованы тамошнимъ крестьянамъ, съ утвержденія правительства, съ такими при томъ мѣстными и обоюдными выгодами, каковыя тамъ были, въ нашей губерніи еще не представляются, а съ другой, что по существующему до сего порядку вещей въ западныхъ губерніяхъ, владѣльцы земель, пользуясь милостью правительства, по нуждамъ своимъ совершали займы въ государственныхъ банкахъ по большей части на 37 лѣтъ, съ обезпеченіемъ таковыхъ не только на количествѣ земель и угодій, но и на числѣ самаго народонаселенія въ ихъ имѣніяхъ числящагося, то по случаю сего при нынѣшнемъ предположеніи о новыхъ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, не предвидится еще возможности къ облегченію сихъ послѣднихъ, ни совершенно измѣнить, ни даже значительно уменьшить вдругъ настоящія ихъ повинности, но можно-бы сдѣлать предварительное нынѣ къ облегченію ихъ предположеніе на 37 лѣтъ, въ видѣ опыта, по слѣдующимъ главнымъ условіямъ:

1) Испросить высочайшее соизволеніе на составленіе въ здѣшней губерніи комитета изъ депутатовъ отъ дворянства, для сего единственно избранныхъ, который бы, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, составилъ бы правила для новыхъ инвентарей о повинностяхъ крестьянъ къ ихъ облегченію.

2) По собраніи мѣстныхъ свѣдѣній о всякаго рода повинностяхъ и окладахъ крестьянъ до сего въ владѣльческихъ имѣніяхъ въ сей губерніи существующихъ, составивъ общія на всю губернію, или же порознь на всякій уѣздъ къ облегченію крестьянъ правила, согласно онымъ допустить сдѣлать инвентари во всѣхъ безъ изъятія владѣльческихъ имѣніяхъ предвари-

тельно на 37 лѣтъ, которые должны быть однообразны, если не на всю губернію, то по крайней мѣрѣ на всякій уѣздъ; правила же при составленіи оныхъ дабы были такъ ясны и опредѣлительны, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ могли служить взаимною порукою, что сверхъ положенія по онымъ, ни владѣльцы отъ крестьянъ, ни крестьяне отъ владѣльцевъ не могутъ требовать ничего лишняго.

Для всѣхъ разрядовъ крестьянъ хозяевъ, обложенныхъ повинностью по сему новому предположенію, опредѣлить для каждаго изъ нихъ порознь количество земли и угодій сообразно ихъ нуждамъ, соразмѣрное положеннымъ отъ нихъ повинностямъ въ работахъ и окладахъ.

4) Поставить непоколебимымъ правиломъ, что владѣлецъ и крестьянинъ, выполнявшій свои обязанности по сему новому положенію, не могутъ уже взаимно стѣсняться никакими лишними другъ отъ друга вымогательствами и требованіями, развѣ по добровольному согласію и по взаимному за сіе другъ другу вознагражденію.

5) По предмету наказаній крестьянъ за ихъ вины противъ власти помѣщика, а равно что относится до внутренняго порядка и устройства между самыми крестьянами, сблизиться сколько можно будетъ съ правилами для курляндскихъ крестьянъ, высочайше утвержденными, столько, сколько сіе принаровить можно къ сему краю; въ чемъ-же таковыя правила признаются неудобными, замѣнить оныя другими, согласно мѣстнымъ нуждамъ и обстоятельствамъ и при томъ соотвѣтственно обыкновенію и степени просвѣщенія здѣшнихъ крестьянъ.

6) При составленіи вышеозначенныхъ правилъ предоставить комитету вникнуть во всѣ подробности предполагаемыхъ отношеній помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ на семъ главномъ основаніи: чтобы никакіе случаи и никакія взаимныя обязанности не ускользнули изъ вида и не требовали уже дальнѣйшихъ поясненій, тѣмъ болѣе не замѣнялись взаимно однимъ только произволомъ, и чтобы при семъ новомъ предположеніи повинности владѣльческихъ крестьянъ противъ существующихъ

до сего столько облегчены и упрочены были, сколько сіе на первый разъ безъ большого стѣсненія владѣльцевъ въ ихъ отношеніяхъ съ государственными банками и собственными нуждами сдѣлать можно.

7) Затѣмъ на таковыхъ главныхъ условіяхъ, упрочивъ сіи предварительныя взаимныя обязанности и отношенія крестьянъ съ владѣльцами и по облегченію оныхъ законною силою и по объявленіи о семъ владѣльцамъ и крестьянамъ, исполненіе взаимныхъ тѣхъ отношеній принять подъ покровительство не столько мѣстныхъ властей, но и самаго высшаго начальства.

Но какъ тѣ всѣ предположенія къ улучшенію участи и состоянія нашихъ крестьянъ самыми только съ нашей стороны вышесказанными пожертвованіями не будутъ еще совершенно удовлетворительны, безъ содѣйствія къ тому и благодѣтельнаго нашего правительства, то на основаніи всемилостивѣйше дарованнаго права дворянству въ положеніи о дворянскихъ выборахъ въ 6 день декабря 1831 года высочайше утвержденныхъ §§ 7, 8, 9 и 62 изложеннаго и позволяющаго приносить къ высочайшему престолу всеподданнѣйшія объ нуждахъ дворянства прошенія, слѣдуетъ намъ еще повергнуть къ священнымъ стопамъ августѣйшаго нашего Государя выше изложенныя предположенія съ присовокупленіемъ къ онымъ и слѣдующихъ всеподданнѣйшихъ просьбъ нашихъ:

а) „Смежные съ нашею губерніею новороссійскихъ губерній помѣщики, съ давняго времени, принимая и давая въ помѣстьяхъ своихъ пристанодержательство крестьянамъ нашимъ, такимъ образомъ перевели много сихъ послѣднихъ въ свои имѣнія, съ ущербомъ нашимъ, ибо мы лишились собственности нашей и къ большей обидѣ еще и самыхъ крестьянъ, которые имѣя случай избавиться отъ домашнихъ своихъ занятій и семейственныхъ обязанностей, привыкаютъ къ бродяжеству, разоряютъ себя и оставшіяся здѣсь семейства и тѣмъ наносятъ большое опустошеніе въ здѣшнемъ краѣ, безъ большихъ при томъ выгодъ и для помѣщиковъ Новороссійскаго края, ибо таковые бродяги, оставивъ здѣсь свои семейства и у нихъ жить постоянно

не могутъ, а влекомые праздностію, уходятъ часто въ Бессарабскую область, а оттуда иногда и въ другія смежныя съ нашимъ государства; для прекращенія сего хотя Государю Императору благоугодно было таковыхъ бѣглыхъ здѣшнихъ крестьянъ высочайше соизволить водворить постоянно на новыхъ ихъ жилищахъ, съ уплатою намъ за всякую душу назначенной цѣны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы уже дальнѣйшее бродяжество и пристанодержательство въ томъ Новороссійскомъ краѣ совершенно было искоренено; но не говоря уже о томъ, что никто почти изъ насъ не получилъ означеннаго за крестьянъ своихъ денежнаго возмездія, начальство Новороссійскаго края не приняло еще до сего удовлетворительныхъ мѣръ къ исполненію высочайшей воли къ пресѣченію бродяжества, ибо число таковыхъ бродягъ у насъ часъ отъ часу увеличивается. Мы и крестьяне наши, какъ за тѣхъ бѣглецовъ, которые приписаны уже въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и за тѣхъ, которые и послѣ туда ушли и безпрерывно уходятъ, уплачиваемъ до сего государственныя подати, отъ чего мы и крестьяне наши къ крайнему приходимъ разоренію, то чтобы таковое бродяжество впредь остановлено и искоренено быть могло, и бѣглые и неприписанные въ Новороссійскомъ краѣ крестьяне наши обращены-бы были въ свои мѣста.

Дабы-же учиненныя по сему предмету со стороны правительства распоряженія и впредь еще издаваться могущія о семъ постановленія съ большимъ до сего успѣхомъ воспріяли свое дѣйствіе,—мы могли-бы испрашивать всемилостивѣйшаго нашего Государя соизволенія, чтобы дворянству смежныхъ съ Новороссійскимъ краемъ губерній позволено было посредствомъ особо избранныхъ отъ себя депутатовъ, въ родѣ уполномоченныхъ, ходатайствовать у новороссійскаго начальства о принятіи удовлетворительныхъ мѣръ къ рѣшительному остановленію дальнѣйшаго пристанодержательства здѣшнихъ крестьянъ въ означенномъ краѣ и тѣмъ самымъ при исполненіи высочайшей воли къ огражденію смежныхъ уѣздовъ съ Новороссійскимъ краемъ отъ дальнѣйшаго разоренія и тѣхъ бѣдствій,

которыя, согласно высочайшему велѣнію, дальнѣйшее бродяжество сильными и рѣшительными мѣрами начальства прекращаемо было.

Назначеніе означенныхъ депутатовъ въ родѣ уполномоченныхъ могло бы быть то, что они, бывъ облечены общею довѣренностью здѣшнихъ помѣщиковъ, могли бы и имѣли бы на то полное право къ отысканію всѣхъ бѣглецовъ, не приписанныхъ въ Новороссійскомъ краѣ отыскивать не только при содѣйствіи мѣстныхъ полицій, но и вышняго тамошняго начальства и возвращать ихъ на прежнее жилище и о взысканіи съ пристанодержателей, противящихся высочайшей волѣ и разоряющихъ насъ и крестьянъ нашихъ просить по порядку, съ такимъ притомъ высочайшимъ соизволеніемъ, чтобы требованія тѣхъ депутатовъ къ отысканію бродягъ, основанныя на доказательствахъ, удовлетворялись мѣстными полиціями и высшимъ начальствомъ безъ послабленія и чтобы въ случаѣ уклоненія мѣстныхъ властей отъ исполненія ихъ долга и обязанностей, можно было таковымъ депутатамъ прибѣгнуть со всеподданнѣйшими прошеніями къ подножію престола, ибо безъ таковыхъ средствъ побѣгъ людей нашихъ въ Новороссійскій край, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дальнѣйшее разореніе имѣній нашихъ и состоянія нашихъ крестьянъ, остановлено быть не можетъ, ибо въ весьма короткомъ времени цѣлыя селенія наши останутся пустыми, потому что намъ принимать и водворять бѣглыхъ людей изъ внутреннихъ губерній государства запрещено.

б) Что какъ отъ таковыхъ бродяжествъ и свирѣпствовавшей здѣсь болѣзни холеры—морбусъ въ здѣшней губерніи послѣдовала значительная убыль въ народонаселеніи, а всѣ однакожъ налоги по государству исполняются постоянно по ревизіи 1816 года, то чтобы къ облегченію насъ и къ улучшенію состоянія крестьянъ нашихъ дозволена была-бы новая перепись народа".

4.

Какъ видимъ, въ проэктѣ Нечая есть все: и исторія, и психологія, и соціальная философія, вплоть до вожделѣній къ

освобожденію крестьянъ отъ земли, по примѣру Остзейскаго края. Что до составленія инвентарныхъ коммиссій, то въ этомъ отношеніи Нечай можетъ быть названъ духовнымъ предшественникомъ Бибикова! Но конечно центръ всего проекта—это вопль о новороссійскихъ пристанодержателяхъ. Практическихъ послѣдствій проектъ не имѣлъ,—„производства по оному никакого не было", какъ доносилъ кіевскій губернаторъ въ 1837 г.

Но ген.-губернаторъ В. В. Левашовъ счелъ долгомъ запросить заключеніе кіевскаго митрополита Евгенія по статьямъ проекта, относящимся къ духовной части. Отвѣтъ данъ въ августѣ 1832 г. Замѣчанія просвѣщеннаго духовнаго сановника не лишены интереса.

По поводу жалобъ Нечая на то, что крестьяне отступили отъ религіи и благочестія, рѣдкій умѣетъ молиться Богу и знаетъ заповѣди, митр. Евгеній писалъ: „Слышать о семъ духовному начальству весьма прискорбно, но причина сему есть не иная, какъ что крестьяне, заняты будучи всегда отъ помѣщиковъ и отъ поссесоровъ работами, не имѣютъ времени не только учить дѣтей своихъ молиться Богу и ходить въ церковь, поучаться заповѣдямъ Божіимъ, но и приготовить даже себя, по надлежащему, къ исповѣди и причастію св. таинъ въ великій постъ чрезъ церковныя молитвы, какъ сіе по дѣламъ извѣстно духовному начальству". Злу можетъ помочь примѣненіе манифеста 5 апрѣля 1797 г. о предоставленіи въ пользу крестьянъ трехъ дней недѣли [1]).

Отобрать отъ священниковъ церковную землю нельзя по закону. О продовольствіи священниковъ хлѣбнымъ содержаніемъ изданъ законъ 11 января 1797 г., но остался безъ примѣненія до 1801 г., когда повелѣно удвоить денежное положеніе за исправленіе мірскихъ требъ, а земли все же остались церковнымъ удѣломъ. Духовенство проповѣдуетъ и поучаетъ неупустительно, но прихожане не имѣютъ времени слушать поученія.

---

[1]) Въ манифестѣ 3 дня указаны въ видѣ добраго совѣта. См. Семевскій, Крест. вопр. въ Россіи, I, 232

Проектъ назначенія помѣщиковъ церковными старостами встрѣтилъ рѣзкій отпоръ со стороны митрополита: „Имѣя въ виду безпрерывныя дѣла и переписки съ гражданскимъ правительствомъ объ угнетеніи помѣщиками церковныхъ старостъ и недопущеніи ихъ чрезъ то къ исправному отправленію на пользу церкви ихъ должностей и къ пользованію дарованными имъ преимуществами, ясно усматривается цѣль помѣщиковъ взять на себя обязанности церковнаго старосты,—та только, дабы не допустить къ тому на службу церкви своего крестьянина,—какъ сіе неоднократно уже испытано". При томъ же, по старостинской инструкціи 17 апрѣля 1808 г. староста, какъ повѣренный прихожанъ, избирается изъ ихъ же числа, довѣрія достойный человѣкъ. „Въ здѣшней же епархіи состоятъ помѣщики большею частію не нашего исповѣданія, а слѣдовательно и не прихожане православныя греко-россійскія церкви, и едва ли бы кто поручился за нихъ въ исправномъ и съ пользою церкви исправленіи ими старостинской должности тогда, когда они, не будучи сынами оныя, не имѣютъ и надлежащей къ ней приверженности. По дѣламъ даже имѣющимся въ консисторіи извѣстно, что одинъ изъ помѣщиковъ Сквирскаго уѣзда, овладѣвъ должностію церковнаго старосты села Татариновки, забралъ и затратилъ на себя и церковныя деньги, и вещи, о взысканіи коихъ происходила немалая переписка".

Н. М.

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ.[1]

Одновременно съ помѣщеніемъ въ Кіевской Старинѣ (1899 г. №№ 2 и 4) воспоминаній Ѳедора Матвѣевича Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ, въ апрѣльской книгѣ „Русскаго Архива“ за этотъ годъ появились воспоминанія о Шевченкѣ ближайшаго пріятеля покойнаго поэта, брата перваго автора—Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, доставленныя въ редакцію названнаго журнала тѣмъ же Тереховымъ, который сообщилъ ей интересное письмо К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому [2]).

Воспоминанія эти начинаются слѣдующими строчками: „Шевченко умеръ. Теперь онъ уже принадлежитъ потомству, и какъ всякое объ немъ свѣдѣніе дорого для Малороссіи, то я и рѣшился записать все, что знаю объ немъ лично, или изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“. Судя по этому вступленію, надо думать, что М. М. Лазаревскій приступилъ къ изложенію своихъ воспоминаній вслѣдъ за смертью Т. Г. Шевченка. И можетъ быть, подъ вліяніемъ принятаго рѣшенія—записать все извѣстное лично и „изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“, онъ, чтобъ имѣть подъ рукою одинъ изъ такихъ источниковъ, и обратился къ К. И. Герну съ тою просьбою, въ отвѣтъ на которую было написано вышеупомянутое письмо послѣдняго.

---

[1]) Напечатанныхъ въ Русск. Архивѣ за наст. г., № 4.

[2]) См. Кіевскую Старину 1899 г. № 2.

Воспоминанія Михаила Матвѣевича изложены кратко и, къ сожалѣнію, не окончены, обнимая время отъ прибытія Шевченка въ Оренбургъ въ іюнѣ 1847 г. до осени 1850 года.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ воспоминаніяхъ Ѳедора М-ча, воспоминанія Михаила М-ча даютъ нѣкоторыя подробности о первыхъ дняхъ пребыванія Шевченка въ Оренбургѣ, заключающіяся въ слѣдующемъ разсказѣ: „Жандармъ [1]) привезъ его (т. е. Шевченка) въ Оренбургъ въ іюнѣ 1847 года ночью, прямо въ ордонансъ-гаусъ, гдѣ Шевченко въ передней проспалъ ночь на голомъ полу. Утромъ его принялъ комендантъ Лифляндъ и отправилъ его въ казармы 3-го оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ тотъ же день разнеслась въ Оренбургѣ молва о пріѣздѣ Ш-ка. Земляки его тотчасъ отправились въ казармы и выпросили его къ себѣ на квартиру. Встрѣча съ Ш. была замѣчательная: и онъ, и окружавшіе его плакали, не знаю—отъ горя ли или отъ радости, что увидѣли своего роднаго поэта. Цѣлый день онъ провелъ въ кругу земляковъ, пѣлъ народныя пѣсни, читалъ кое-что изъ своихъ стихотвореній, былъ повидимому не особенно грустенъ; но замѣтно было, что онъ многое скрывалъ въ душѣ и хотѣлъ, на зло судьбѣ, быть выше ея. Въ дорогѣ отъ Петербурга до Оренбурга онъ былъ всего 9 дней [2]), и отъ этой непривычной для него дороги, отъ безсонницы и перемѣны климата, чувствовалъ слабые признаки лихорадки. На другой день сдѣлалось уже извѣстно, что его предназначаютъ въ Орскую крѣпость. Земляки совѣтывали ему, какъ больному, отправиться въ лазаретъ недѣли на двѣ и въ это время надѣялись выхлопотать, чтобы его оставили въ оренбургскомъ баталіонѣ, гдѣ жизнь

[1]) Фельдъегерь Виддеръ, какъ сообщали мы въ статьѣ: „Къ біографіи Т. Г. Шевченка“, Кіев. Старина 1896 г. № 2. Н. Ш.

[2]) Въ книгѣ М. К. Чалаго („Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“. стр. 66), равно какъ и въ его предисловія къ помѣщеннымъ въ февральской книгѣ Кіев. Старины воспоминаніямъ Ѳ. М. Лазаревскаго, говорилось, что этотъ переѣздъ былъ совершенъ въ семь дней; сообщеніе Михаила М-ча о продолжительности переѣзда болѣе согласуется съ тѣми документальными данными, которыя приведены нами въ вышеупомянутой статьѣ.—Н. Ш.

для Ш. была бы сколько-нибудь сноснѣе. Но онъ отказался отъ этого, какъ изъ отвращенія къ лазаретамъ, такъ и потому, какъ онъ говорилъ, что никогда еще никого не обманывалъ, а поступленіе въ лазаретъ онъ считалъ обманомъ начальства, такъ какъ можетъ обойтись безъ помощи доктора. Просить же за себя онъ не позволилъ, не желая при такихъ обстоятельствахъ унизить себя просьбою. Дня черезъ три его одѣли въ солдатское платье. Когда онъ примѣрялъ брюки, мундиръ и шинель, тогда ему представилось все его будущее, и у него хотѣла выкатиться слеза; но онъ съумѣлъ удержать свои чувства въ казармѣ. Онъ до того не былъ знакомъ съ жизнію и особенно съ жизнію солдата, что, не подозрѣвая, что ему принесли платье сшитое на счетъ казны, спросилъ унтеръ-офицера, что стоитъ платье; тотъ безъ запинки отвѣчалъ 40 р. (тогда въ Оренбургѣ счетъ былъ на ассигнаціи), и Ш. сейчасъ же заплатилъ деньги. Но какой-то офицеръ, узнавши объ этомъ, отнялъ у унтеръ-офицера деньги и возвратилъ Ш.“

О пребываніи Шевченка въ Орской крѣпости и въ частности объ обращеніи съ нимъ маіора Мѣшкова существуютъ, какъ извѣстно, противорѣчія въ біографическихъ матеріалахъ, изъ которыхъ по однимъ Шевченку жилось въ Орской крѣпости недурно, а по другимъ—жизнь его тамъ была очень тяжелая. Въ виду такихъ противорѣчій голосъ Михаила М-ча по этому предмету представляетъ большой интересъ, ибо, на сколько для оренбургской жизни Ш-ка цѣнны воспоминанія Ѳедора М-ча, какъ очевидца, на столько важенъ для біографовъ Ш-ка разсказъ Михаила М-ча о жизни Ш-ка въ Орской крѣпости, такъ какъ, служа въ то время попечителемъ прилинейныхъ киргизовъ, Михаилъ М-чъ часто бывалъ въ Орской крѣпости, видѣлся тамъ съ Ш-мъ и лично наблюдалъ тѣ факты, о которыхъ другіе говорили лишь на основаніи слышаннаго (не исключая и Ѳедора М-ча, который близко зналъ Ш-ка въ Оренбургѣ, но не видѣлъ его въ Орской крѣпости).

Разсказъ Михаила М-ча не только подтверждаетъ свѣдѣнія, сообщенныя въ письмѣ К. И. Герна, но и рисуетъ дѣянія

Мѣшкова въ болѣе некрасивомъ видѣ: Гернъ приписывалъ строгости Мѣшкова тому, что по своему понятію объ обязанностяхъ службы Мѣшковъ добросовѣстно старался образовать изъ Ш-ка хорошаго фронтовика, тогда какъ Михаилъ М-чъ, подтверждая эти строгости, объясняетъ ихъ худшими мотивами, какъ читатель можетъ видѣть изъ слѣдующей выписки, которую мы дѣлаемъ, придавая по вышеобъясненной причинѣ важность отзыву Михаила М-ча:

„Шевченка отправили", разсказываетъ Михаилъ М-чъ, „въ Орскую крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ тогда генералъ-маіоръ Исаевъ[1]), человѣкъ старый и довольно добрый. Въ Орской Ш. скоро познакомился съ сосланными туда поляками, и одинъ изъ нихъ, Фишеръ, бывшій учителемъ дѣтей Исаева, сошелся ближе другихъ съ Ш. Чрезъ него Ш. былъ принятъ въ домѣ Исаева и получилъ позволеніе жить въ наемной квартирѣ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Ш. я былъ въ Орской и провелъ нѣсколько дней съ нимъ. Жизнь его, при участіи Исаева, была довольно сносная; онъ большею частію время проводилъ или въ чтеніи книгъ, или въ разговорахъ съ поляками. Но въ 1847 году умеръ Исаевъ, и тогда-то наступило для Шевченка тяжелое время. Баталіонный командиръ маіоръ Мѣшковъ (изъ солдатъ) показалъ надъ нимъ всю силу своей власти. Онъ перевелъ его въ казармы, гдѣ Ш. спалъ и проводилъ цѣлые дни на грязной своей кровати, бывшей въ казармѣ въ числѣ другихъ 50. Пріѣзжая довольно часто въ Орскую по дѣламъ службы, я всегда навѣщалъ Ш. и видѣлъ тогдашнюю его жизнь въ казармахъ. Общество пьяныхъ и развратныхъ солдатъ, невыносимый воздухъ, грязь, постоянный крикъ—все это сильно возмущало Ш.; но онъ не рѣшался просить Мѣшкова объ облегченіи его участи. Впрочемъ, этого солдата-маіора многіе просили о дозволеніи Ш. жить на особой квартирѣ; но онъ не любилъ Ш. за его непреклонность характера, за то,

---

[1]) Однофамилецъ того Исаева (прапорщика), о которомъ разсказывалось въ воспоминаніяхъ Ѳ. М. Лазаревскаго.—Н. Ш.

что онъ не умѣлъ и не хотѣлъ никому кланяться, и водилъ его каждый день вмѣстѣ съ другими на ученье, гдѣ Ш. учился шагистикѣ и ружейнымъ пріемамъ. Ш. нѣсколько разъ сидѣлъ, по милости Мѣшкова, на гауптвахтѣ, и вотъ за что: одинъ разъ онъ просидѣлъ сутки за то, что надѣлъ бѣлыя замшевыя перчатки на улицѣ, а въ другой за то, что, при встрѣчѣ на улицѣ съ Мѣшковымъ, снялъ предъ нимъ фуражку *правою* рукою. При этомъ Мѣшковъ подозвалъ его къ себѣ и, сказавъ: „Вы еще благороднымъ человѣкомъ называетесь, а не знаете, какою рукою нужно снимать фуражку предъ начальствомъ“, отправилъ его на сутки на гауптвахту. И въ казармахъ Ш. большею частію читалъ, доставая книги у знакомыхъ. Въ видѣ особой милости дозволялось Ш. иногда навѣщать знакомыхъ на часъ и на два; но эти его отлучки рѣдко обходились ему безъ приключеній. Солдаты-товарищи Ш. въ отсутствіе его украдутъ, бывало, изъ его шкафика книгу и заложатъ въ кабакѣ. Возвратясь и не найдя какой-либо книги, онъ уже зналъ, гдѣ она, и спрашивалъ товарищей только, въ какомъ кабакѣ и за сколько книга заложена, откуда и выкупалъ ее самъ. Лѣтомъ онъ часто уходилъ на берегъ р. Ори и тамъ между кустами лежалъ по нѣсколько часовъ и мечталъ о родинѣ, о прошедшемъ но боялся, какъ говорилъ, заглядывать въ будущее. Тамъ въ уединеніи онъ вынималъ изъ за голенища кусочекъ бумаги и карандашъ и записывалъ свои поэтическія вдохновенія, которыя скрывалъ не только отъ начальства, но и отъ иныхъ знакомыхъ. Такъ Ш. жилъ до лѣта 1848 года“.

О позднѣйшемъ періодѣ жизни Шевченка въ Орской крѣпости, послѣ того эпизода, о которомъ мы разсказывали въ статьѣ „Къ біографіи Т. Г. Шевченка“[1]), М. М. Лазаревскій сообщаетъ слѣдующее: „Первый періодъ пребыванія Ш. въ Орской крѣпости хотя былъ и слишкомъ тяжелъ для него, но онъ кое-какъ переносилъ свое несчастіе; когда же его привезли опять туда въ маѣ 1850 г. *подъ строгій надзоръ*, и онъ былъ

[1]) Кіевская Старина 1896 г. № 2.

помѣщенъ въ крѣпости вмѣстѣ съ арестантами, съ которыми исполнялъ всѣ положенныя для нихъ работы, тогда Ш. понялъ вполнѣ положеніе арестанта. Объ этомъ слишкомъ тяжеломъ для него времени Ш. не любилъ вспоминать и говорить, и подробности его жизни за эти пять мѣсяцевъ, вѣроятно, никому неизвѣстны. По прибытіи его осенью 1850 г.“... На этой полуфразѣ рукопись воспоминаній М. М. Лазаревскаго обрывается.

Изъ разсказа М. М. Лазаревскаго видно, что условія жизни Шевченка въ Орской крѣпости имѣли три періода, весьма отличные одинъ отъ другаго: первый, при комендантѣ Исаевѣ, когда Шевченко жилъ на отдѣльной квартирѣ и былъ принятъ у Исаева; второй, послѣ смерти Исаева, когда онъ жилъ вмѣстѣ съ другими солдатами въ казармахъ, изъ которыхъ могъ отлучаться только на короткое время, и третій, въ 1850 году, когда Шевченко былъ помѣщенъ съ арестантами, не смѣлъ никуда отлучаться и вмѣстѣ съ арестантами долженъ былъ исполнять всѣ положенныя для нихъ работы. Это измѣненіе условій жизни, вѣроятно, было причиною противорѣчій, о которыхъ мы упомянули, и которыя объясняются тѣмъ, что лица, имѣвшія свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, относившихся только къ одному изъ трехъ періодовъ жизни Шевченка въ Орской крѣпости, на основаніи этихъ свѣдѣній высказывали отзывы о всей его тамошней жизни, какъ будто бы вся она протекла для него однообразно. Повидимому, это дѣлаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и Ѳедоръ М. Лазаревскій, который, разсказывая о жизни Ш-ка въ Орской крѣпости и называя „нелѣпыми“ разсказы о томъ, что Ш-ко въ Орской крѣпости испилъ горькую чашу, вовсе не упоминаетъ о какомъ либо измѣненіи въ условіяхъ Орской жизни Ш-ка; изъ чего и можно заключать, что, получивъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ одномъ изъ трехъ періодовъ жизни Ш-ка въ Орской крѣпости (вѣроятно—первомъ), онъ распространилъ ихъ на всѣ періоды, не смотря на рѣзкое различіе ихъ.

Оканчивая нашу замѣтку о воспоминаніяхъ Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, отмѣтимъ кстати ошибку, которая вкралась въ изданную въ прошломъ году книгу А. Я. Конисскаго „Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка" и не была указана въ двухъ рецензіяхъ труда г. Конисскаго, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ (1898 г. №№ 4 и 9): на страницѣ 266 этой книги авторъ ея смѣшалъ двухъ братьевъ Лазаревскихъ въ подписи подъ портретомъ, которая гласитъ: „Ф. М. Лазаревскій", между тѣмъ какъ въ дѣйствительности помѣщенный надъ нею портретъ изображаетъ автора воспоминаній, о которыхъ мы вели рѣчь,—Михаила Матвѣевича Лазаревскаго. Такимъ мы знали его въ началѣ 60-хъ годовъ.

Н. Ш.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

I. Письма Н. А. Ригельмана[1]).

(1846—1853 гг.)

8.

Сто разъ цѣлую тебя, милый, за твое покаяніе, такъ искренно и полно принесенное въ послѣднемъ письмѣ. Съ твоей точки зрѣнія ты имѣешь право быть мною недовольнымъ, но рѣшительно я не участвовалъ въ этомъ урокѣ, какъ ты называешь, а его устроили сами обстоятельства. Впрочемъ онъ и не такъ жестокъ, какъ ты думаешъ: Максимовичъ все-таки не знаетъ, кому я предлагалъ участіе, а Судіенко самъ сказалъ, наконецъ, что причиною твоего отказа должно быть неимѣніе денегъ. Впрочемъ, ты всегда будешь имѣть возможность, когда захочешь, оправдаться передъ самимъ собою, о другихъ я не говорю, потому что въ такомъ дѣлѣ постороннее обвиненіе ничто въ сравненіи съ собственнымъ убѣжденіемъ. Ты имѣешь право винить меня въ одномъ: въ холодномъ тонѣ предложенія,—сознаюсь,съ моей стороны это былъ умыселъ—испытать насколько твое убѣжденіе имѣетъ силы воплотиться во внѣшности и перейти въ самое дѣло; а потомъ еще по моей непривычкѣ ставить что либо на ходули, особенно посягая на чьи

---

1) См. Кіевск. Стар., май, 181.

нибудь деньги. Повторяю, если исполненіе покажется удачнымъ, и если издатель не ослабнетъ (что надо сказать не невозможно по его усталой природѣ), то ты успѣешь всегда принести жертву свою.

Ваше заграничное путешествіе, къ сожалѣнію для васъ и къ эгоистическому удовольствію моему, не можетъ состояться по переворотамъ мятежнаго запада, возстающаго противъ законныхъ властей, какъ говоритъ манифестъ. Мы уже получили указъ о невыдачѣ русскимъ подданнымъ заграничныхъ паспортовъ, кромѣ особенныхъ случаевъ, и то съ разрѣшенія высочайшаго. А удивительныя дѣла дѣлаются въ Европѣ: точно рѣка послѣ зимнихъ морозовъ, пригрѣтая весеннимъ солнцемъ, рветъ свои ледяныя оковы, разливается широко вдоль, уничтожаетъ мосты, плотины и сноситъ иныя обиталища. Вопросъ— какимъ русломъ потечетъ она, когда спадетъ вода, и удобритъ-ли почву береговъ, или мѣстами занесетъ ее иломъ и пескомъ? Благодаря этому разливу, снова возникаетъ надежда видѣть тебя въ Кіевѣ, когда уменьшится разливъ нашего Днѣпра. Впрочемъ онъ такой мирный, что не помѣшаетъ тебѣ насъ навѣстить, лишь была-бы охота. Өед. Вас. Чижовъ еще здѣсь, т. е. находится въ лаврѣ для говѣнья; надо сказать, что онъ сдѣлался, или дѣлается очень богомоленъ. Счастливъ, въ комъ возникаетъ это убѣжденіе; это такой пріютъ и пристань, которую ничто не замѣнитъ. У насъ все по прежнему, Кіевъ съ весною очень опустѣлъ; и я считаю себя совершенно въ деревнѣ, что имѣетъ свою привлекательную сторону. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души и цѣлую ручки твоихъ дамъ.

Н. Р.

Кіевъ. 26 марта, 1848 г.

9.

Спѣшу отвѣчать на твое письмо изъ Чернигова, любезный дружище, и предупредить, что я дѣйствительно имѣю намѣреніе осчастливить вашъ знаменитый градъ своимъ посѣщеніемъ,

и въ непродолжительномъ времени, а именно: около второй половины будущаго мѣсяца, не смотря на всѣ опасности, грозящія мнѣ въ этомъ эльдорадо, и на всѣ сѣти раскинутыя на мое уловленіе милою сестрицею, явно или лучше сказать тайно замысляющею мою пагубу. Но (о великое *но!*) я такъ закаленъ противъ соблазновъ подобнаго рода, такъ закованъ въ непроницаемую броню сомнѣній, что могу уподобиться въ этомъ случаѣ человѣку, снабженному новоизобрѣтеннымъ пожарнымъ платьемъ, который въ своей скорлупѣ можетъ свободно входить въ самое пламя, обращаться съ огнемъ совершенно запросто, тушить или раздувать его по произволу и потому выходить изъ него, какъ ни въ чемъ не бывало. Опыты моего искусства и обязываюсь показать въ Черниговѣ для удовольствія моей сестрицы, милѣйшей и добрѣйшей сестрицы, какую когда либо создавалъ свѣтъ! Хотя мое прибытіе зависитъ отъ нѣсколькихъ *если*, которые подобно паутинѣ опутываютъ меня постоянно, но я надѣюсь порвать эту паутину, когда-бы только хоть природа поблагопріятствовала и подложила сколько нибудь снѣгу, потому что на колесахъ ѣхать зѣло не благонадежно: у васъ вѣрно ѣздятъ на саняхъ, а у насъ ни то ни сё; а потому присоедини мои мольбы къ небу, чтобы оно послало снѣгу (это вольная рифма). Ты меня потревожилъ извѣстіемъ о нездоровьи маменьки; надѣюсь однако, что нѣтъ ничего важнаго. На праздникахъ я дѣйствительно имѣлъ также намѣреніе ѣхать въ Андреевку, но мы ожидали Норова, который явился 6-го числа и осматривалъ заведенія, коими какъ говорятъ остался доволенъ. Сдѣлай же одолженіе, *не стрибай* изъ Чернигова никуда въ будущемъ мѣсяцѣ; если я тебя тамъ не застану, то разозлюсь до крайности. Теперь все мое помышленіе сосредоточено на снѣгѣ и хотя по прежнему я чуждаюсь термометровъ, но каждое утро смотрю умильно на небо, и готовъ прибѣгнуть къ заклинаніямъ, чтобы оно покрыло землю обычною бѣлой пеленой.

Увѣдоми меня съ первою почтою, въ какомъ состояніи здоровья ты нашелъ маменьку. Теперь мнѣ нельзя пріѣхать по разнымъ очень уважительнымъ причинамъ.

Ты мнѣ ничего не пишешь (по обыкновенію) о дѣлѣ, т. е. о пѣсняхъ; между тѣмъ здѣсь ко мнѣ сильно пристаетъ Амвросій (т. е. Метлинскій) на счетъ ихъ изданія; здѣсь еще набралось ихъ нѣсколько. Я отдѣлываюсь кое какъ; и прошу тебя окончательно рѣшить—намѣренъ-ли ты ихъ издавать или нѣтъ.

Если будетъ санная дорога, и князь отпустить, непремѣнно пріѣду; въ противномъ случаѣ надо будетъ отложить до маслянницы; а между тѣмъ обнимаю тебя крѣпко и цѣлую ручки милой сестры.

Твой Н. Р.

Напиши мнѣ подробно и такъ обстоятельно, какъ ты только способенъ, намѣренъ ли ты уѣзжать изъ Чернигова, когда, насколько времени и къ какому числу воротишься.

Кіевъ. 25 генваря, 1853.

10.

Ты врядъ-ли можешь себѣ представить, милѣйшій мой побратиме, какъ мнѣ грустно, что обстоятельства уничтожили мою надежду видѣться съ тобой этою зимой; что дѣлать, не пеняй на меня и вѣрь, что были причины, поважнѣе непроѣздимыхъ дорогъ, которыя помѣшали мнѣ удовлетворить этой потребности моей души. Но къ свѣтлому празднику я надѣюсь посѣтить Андреевку, и исполню это *непремѣнно,* если буду здоровъ и Богу будетъ угодно; не смѣю ожидать отъ тебя жертвы, чтобы ты остался въ Черниговѣ проводить праздникъ, но ты можешь или могъ-бы кажется дотянуть твое пребываніе въ немъ до страстной недѣли. Я же въ такомъ случаѣ выѣхалъ бы въ субботу, или даже въ пятницу на шестой, такимъ образомъ, что могъ-бы провести съ тобой дня два или три, а затѣмъ вы бы отправились въ Сокиринцы, а я домой, гдѣ могъ бы еще отговѣться до воскресенья. Вотъ тебѣ мой проектъ; уговаривать тебя не имѣю духу, зная, какъ тебѣ скучно въ Черниговѣ и главное въ разлукѣ съ тётушкой; я никогда не былъ на столько

эгоистомъ, чтобы требовать чьихъ нибудь жертвъ для себя,—но не нужно тебѣ говорить, если-бы ты нашелъ возможнымъ осуществить это—я несказанно былъ-бы тебѣ благодаренъ. Одно что можно сказать, что дорбги и Десна къ тому времени сдѣлаются получше. Прошу тебя во всякомъ случаѣ съ первою почтою меня увѣдомить можешь-ли ты остаться въ Черниговѣ до страстной недѣли, чтобы я сообразно тому могъ расположить свои дѣла. А есть о чемъ намъ потолковать, и даже о вещахъ не терпящихъ отлагательства. Я бы привезъ тебѣ образцы изъ сборника украинскихъ пѣсень, приготовленнаго къ изданію Метлинскимъ (то есть *слова*); онъ сильно надѣется на твое содѣйствіе и я также. Пѣсень будетъ всѣхъ до 300 и между ними много очень хорошихъ; вообще если изданіе состоится, то оно будетъ первое въ отношеніи систематическаго расположенія,—такъ, что всѣ стороны жизни народа какъ внѣшней, такъ и внутренней, отразятся въ собственномъ ихъ зеркалѣ, разумѣется съ большею или меньшею полнотою, смотря потому, какъ богатъ каждый отдѣлъ. Еще я велѣлъ переписать для тебя одну комедію изъ черноморскаго быта, не безъ достоинства, по юмору и также множеству народныхъ пѣсенъ, въ нее вставленныхъ. Касательно нотъ не знаю еще твоихъ плановъ; но кажется ты ихъ затѣиваешь слишкомъ на аристократическую ногу; между тѣмъ какъ отъ этого кромѣ убытка не будетъ ни какой пользы, ни для аристократовъ, которые давно оглохли ко всему живому, да и не стоятъ они того, чтобы объ нихъ заботиться,—экая большая честь высокимъ изліяніямъ народной чистой души, что они заваляются гдѣ нибудь въ гостинной нарядной куклы,—ни для издателей, а главный вредъ для людей средней руки, которые и захотѣли-бы купить, да не будутъ въ состояніи, потому что покажется дорого. Впрочемъ ты издаешь, а потому твоя и воля. Ты кажется писалъ, чтобы купить какія то книги; уже теперь не помню,—а потому если хочешь что имѣть, то повтори свои требованія. Въ собраніи приготовленномъ Метлинскимъ нѣкоторые отдѣлы очень богаты, а другіе тощи, а именно мало пѣсенъ 1) купальскихъ, 2) троицкихъ или русальныхъ, 3)

косовичныхъ и гребецкихъ, 4) зажнивныхъ, 5) осеннихъ, въ которыхъ говорится, что улицы перемѣняются на вечерницы и приглашаются сватать дивчатъ, 6) колыбельныхъ, 7) поминальныхъ, 8) относящихся къ сельскимъ промысламъ. Не можешь-ли ты найти у кого либо изъ своихъ знакомыхъ для пополненія этихъ отдѣловъ, напримѣръ у Лизогубовъ; если у нихъ есть, то попроси—это будетъ большое одолженіе. Да и тебѣ непремѣнно слѣдуетъ поручить нѣсколькимъ изъ своихъ подчиненныхъ, болѣе способныхъ, собирать постоянно пѣсни и думы.

Въ свободныя и покойныя минуты, которыхъ немного, я стараюсь сосредоточить свое чтеніе на нашей старинной духовной литературѣ и открываю обширнѣйшее поприще, на которомъ были дѣятелями наши предки, люди замѣчательные и достойные всякаго уваженія, большею частью воспитанные въ кіевской академіи. Вслѣдствіе этого началъ собирать старыя книги XVII и XVIII стол., вышедшія въ южномъ и южно-западномъ краѣ, на славянскомъ и мѣстномъ языкѣ. Если-бы ты встрѣтилъ въ Черниговѣ или гдѣ бы то ни было, что нибудь въ этомъ родѣ, то сдѣлай одолженіе увѣдомляй, или даже просто покупай для меня.—Между прочимъ, при Лазарѣ Барановичѣ былъ нѣкто Крщановичъ, архимандритомъ въ черниговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ, строитель большой церкви; онъ оставилъ послѣ себя записки, которыя могутъ быть очень любопытны и о нихъ можно узнать у эконома черниговскаго архіерейскаго дома архимандрита Иларіона (если онъ еще тамъ существуетъ) [1]. Такъ какъ я думаю, что у тебя довольно свободнаго времени, то доберись какъ нибудь до вышеупомянутаго лица, и нельзя-ли ихъ получить для прочёта, или для списанія, или тамъ дать списать. Во всякомъ случаѣ увѣдоми (хотя впослѣдствіи) узнаешь ли ты что нибудь.

Но главное хотѣлось-бы видѣться съ тобой, чтобы поговорить о себѣ; право не знаю, что съ собой дѣлать; хотѣлось бы поболтать въ горшкѣ (?) своей жизни, авось не вышло-ли бы

---

1) Едва ли эти *записки* существовали. Нѣтъ сомнѣнія, что архіеп. Филаретъ Гумилевскій ихъ нашелъ бы. *Ред.*

что нибудь лучшее, нежели было доселѣ. А то ужъ скучновато дѣлается; и Кіевъ скученъ и пустъ, и занятія мои часто непріятны и пусты; да и толку въ нихъ я не вижу; хотѣлось-бы перемѣнить мѣсто, хоть-бы перелечь на другой бокъ; но рѣшительно по одной лѣни и апатіи не хочется двинутся, а чувствую, что глупо и оставаться въ такомъ положеніи. Авось изъ разговора нашего вышелъ-бы какой нибудь толчекъ, который-бы ударилъ меня въ спину.

Поцѣлуй за меня мою дорогую сестрицу и скажи, что за свое письмо я ожидаю отъ нея описанія всѣхъ интересныхъ дѣвушекъ и женъ мужатыхъ черниговскаго общества, купно съ бывшими увеселеніями. Вѣроятно первая статья не такъ многочисленна, чтобы могла ее утомить. Обнимаю тебя крѣпчайшимъ образомъ, милый другъ мой, до скораго или нескораго свиданія.

Извѣстно ли тебѣ важное событіе, что я уже давно надворный совѣтникъ, небось завидно вамъ титулярнымъ?

Кіевъ. 25 марта, 1853

---

11. [1])

Итакъ, мой вселюбезнѣйшій Григорій, на дняхъ я воротился изъ моего маленькаго объѣзда и принимаюсь за перо (какъ говорили древніе новыхъ временъ), чтобы поблагодарить тебя за твое обязательное посланіе и перекинуться словомъ. Былъ въ Васильковѣ, Бѣлой-Церкви, Сквирѣ, Махновкѣ, Житомірѣ и Радомыслѣ. Мои путевыя впечатлѣнія принадлежатъ больше училищному вѣдомству, а потому для тебя не интересны; впрочемъ, надо сказать, что эта поѣздка походила на объѣздъ доктора, навѣщающаго своихъ больныхъ; мои больные большею частью самаго безнадежнаго свойства и потому мнѣ оставалось расточать имъ совѣты, въ которыхъ самъ врачъ имѣлъ мало вѣры, а бо-

[1]) Настоящее письмо получено нами, когда первыя десять были уже набраны. Относится оно къ тому времени, когда Р—нъ былъ директоромъ 2-й Кіевской гимназіи, т. е. къ шестидесятымъ годамъ.

лѣе ограничиваться утѣшеніями и успокоивать себя надеждою на милосердіе Божіе.—Замѣчательно, также, что евреи не только одолѣваютъ въ этомъ краю христіанъ на торжищахъ, въ мѣстечкахъ и корчмахъ, но теперь уже и въ училищахъ, и грозятъ заткнуть насъ за поясъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Мы несравненно лучше содержимъ еврейскія училища, чѣмъ наши собственныя, и изъ благодарности воспитывающееся въ нихъ еврейское юношество несравненно лучше учится, лучше держитъ себя, нежели наши, имѣющіе совершенно видъ пролетаріевъ. Въ Бердичевѣ я даже примирился съ еврейскимъ племенемъ, удивляясь его дѣятельности, оборотливости, любуясь оживленною картиною города, составляющаго какой-то оазисъ между нашими пустынными, какъ бы вымершими городами, любуясь тѣсными улицами, небѣлёными высокими домами, которыхъ основанія не видно за разнообразными, характерными группами торгующихъ, до того, что это все напомнило мнѣ итальянскіе города, живописные своею грязью и безпорядкомъ, а также красотою женщинъ.

Послѣ Бердичева интересна была для меня Александрія: [1]) въ домахъ много мраморовъ и античныхъ (вещей?), перенесшихъ меня, благодаря крылатому воображенію, въ лучшія времена заграничнаго странствованія; въ паркѣ есть мѣста превосходныя; не знаю былъ ли ты возлѣ турецкой бесѣдки, передъ которою струится Рось, видная версты на двѣ по теченію—истинно ландшафтное мѣсто, особенно даль превосходна. Есть и другія партіи (перев. съ нѣмецк.), но въ цѣломъ, разумѣется, не выдержитъ критики. Еще интересны были мнѣ по пути скирды хлѣба, окружающія почти во всѣхъ селахъ крестьянскія хаты; но хаты вообще плоховаты: еще, я думаю, не разжились, а индѣ и нѣтъ лѣсу. По скорости путешествія я къ сожалѣнію не могъ сдѣлать подробнѣйшихъ наблюденій; общіе отзывы говорятъ, что народъ разлѣнился, избаловался, что теперь только за хорошую (по ихъ мнѣнію—неумѣренную) плату можно заставить работать.—Поляч(ч)ина стирается видимо съ этой земли, и по всему

---

[1]) Усадьба гр. Браницкихъ въ Бѣлой Церкви.

замѣтно, что приходитъ ей здѣсь послѣднее время: ея вѣра, языкъ, обычаи, дожившіе до старости, должны уступить мѣсто новому, еще не развитому. Для меня эта мысль сдѣлалась наглядною при осмотрѣ костела бердичевскаго бернардинскаго монастыря и нашего православнаго собора. Одинъ расписанный, обставленный статуями и облѣпленный горельефами, полусумрачный, обремененный украшеніями, не смотря на ихъ барокко, очень живописный и эффектный; нѣсколько монаховъ доживающихъ въ немъ вѣкъ, огромный органъ разстроенный, свой оркестръ играющій каждый день, но ужасно фальшиво;—нашъ соборъ— очень видный, сухой, обыкновенный, но свѣтлой и молодой архитектуры, внутри голыя стѣны бѣлыя, къ одному мѣсту прилѣпленъ—безъ всякой гармоніи съ цѣлымъ—иконостасъ съ неизмѣнными класическами колонами, голо, безвкусно; но за то видно начинающихъ, молодыхъ ребятъ, хоть и немножко безтолковыхъ, но предъ которыми много дороги впереди.

Воротившись изъ пресловутаго путешествія, когда я предавался мирнымъ занятіямъ воспитанія юношества, разнеслась вѣсть о пріѣздѣ въ Кіевъ генер. Ростовцова, а затѣмъ вскорѣ директоръ узналъ о сильной опасности, даже неотвратимо угрожающей его гимназіи. Генер. Ростовцовъ въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ объявилъ высочайшее повелѣніе о преобразованіи 2-й кіевской гимназіи въ неранжированныя роты кіевск. кад. корпуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ о неукоснительномъ очищеніи зданія, которымъ 2-ая гимназія столько поносилася.—Когда упомянутый директоръ призванъ былъ для совѣщанія объ этомъ, то узналъ въ утѣшеніе, что генер. Ростовцовъ будетъ ходатайствовать передъ высшею властію объ оставленіи гимназіи въ живыхъ и сверхъ того, на слезное представленіе директора о разныхъ затрудненіяхъ, обѣщалъ также ходатайствовать объ оставленіи классовъ въ зданіи до 15 іюня, а пансіона только до 15 декабря. Но въ какой степени эти обѣщанія осуществятся— покрыто непроницаемою завѣсою неизвѣстности. Такъ что я уже для себя пріискиваю квартиру, а гимназія, какъ понятіе отвлеченное, то вѣроятно обойдется и безъ нея.

Обнимаю тебя и всѣхъ вашихъ; любезной тетенькѣ цѣлую ручки. Ригельманъ.

12 октября. Кіевъ.

Пояснененіе къ 4-письму Ригельмана. Какъ видно изъ этого письма, небольшой кружокъ тогдашней кіевской молодежи, интересовался жизнью народа и признавая неотложную необходимость его просвѣщенія, задался мыслію печатать книжки на малорусскомъ языкѣ преимущественно для народа. При этомъ рѣшено было, на первый разъ перевести на малорусскій языкъ нѣкоторыя книжки *Сельскаго Чтенія* кн. Одоевскаго. Поясняя въ своемъ письмѣ, почему кружокъ остановился на *Сельскомъ Чтеніи*, Ригельманъ прибавляетъ: „нашлись младики усердно принявшіеся за дѣло, такъ что оно разомъ вскипѣло и *уже готово*". Кто были эти „младики"—объ этомъ находимъ свѣдѣніе въ тѣхъ же отрывочныхъ копіяхъ разныхъ бумагъ, изъ которыхъ заимствованы свѣдѣнія *о кіевскихъ славянистахъ,* напечатанныя въ К. Ст. за 1897 г. (январь). Къ числу этихъ *славянистовъ* какъ видно изъ напечатанныхъ уже свѣдѣній, принадлежалъ и Аф. Вас. Маркевичъ (1822 † 1867), причемъ изъ указанныхъ выше рукописныхъ отрывковъ видно, что онъ же, А. В. Марковичъ, былъ однимъ изъ числа „младиковъ", переводившихъ книжки *Сельскаго Чтенія* кн. Одоевскаго. Какимъ образомъ родилась мысль у *кіевскихъ славянистовъ* объ изданіи для народа популярнаго чтенія, это между прочимъ отчасти видно, изъ имѣющихся копій „отвѣтовъ" Марковича на предложенный вопросъ—почему *славянисты* находили нужнымъ изданіе книгъ для народа и какія книги при этомъ имѣлись въ виду издавать? На этотъ вопросъ Марковичъ отвѣчалъ: „Родившись въ Малороссіи и воспитываясь первоначально въ деревнѣ, а потомъ часто бывая въ Малороссіи у родныхъ, я бывалъ неоднократно свидѣтелемъ того развращенія и нравственнаго упадка простаго народа, которое производится, въ немъ пьянствомъ, сопровождаемымъ самымъ отвратительнымъ безобразіемъ... Невольно, послѣ этихъ грустныхъ тягостныхъ впечатлѣній, являлась въ душѣ мысль,

какимъ образомъ избавить этотъ добрый народъ отъ бѣдствій, въ какія ввергаютъ его непомѣрное употребленіе водки... Мы знали по слухамъ, что само благодѣтельное правительство удостоило на предметъ сей обратить свое вниманіе... Сколько по этому, столько же и по собственному убѣжденію, что ничто такъ не можетъ прекратить въ простомъ народѣ пьянство, какъ наставительное чтеніе, я полагалъ, что изданіемъ подобнаго чтенія можно помочь самому правительству въ исполненіи святыхъ его намѣреній. Другой цѣли я никакой не имѣлъ и имѣть не могъ, это доказывается тѣмъ, что мы хотѣли переводить именно для него простонародный языкъ *Сельское Чтеніе* князя Одоевскаго. Если оно издается для великороссіянъ, то тѣмъ болѣе нужно для малороссіянъ, ибо у первыхъ по существованіи откуповъ, пьянство не доходитъ до такого огромнаго размѣра, въ которомъ оно является въ Малороссіи".—Поэтому, говоритъ далѣе Марковичъ, имѣлось въ виду издавать для народа „такое точно чтеніе, какое издаетъ кн. Одоевскій, съ нѣкоторымъ приспособленіемъ къ мѣстности, какъ все сіе можно видѣть изъ сдѣланныхъ мною нѣкоторыхъ переводовъ означеннаго чтенія". Далѣе, въ тѣхъ же отвѣтахъ Марковичъ говоритъ, что „для изданія чтеній не для одного простого народа, но и вообще для публики, мы рѣшились сдѣлать между собою небольшой денежный сборъ. Деньги эти кажется долженъ былъ собирать Костомаровъ посредствомъ добровольныхъ пожертвованій. Предположено было собирать по десяти рублей, каковое количество я отдалъ Костомарову въ генварѣ или февралѣ нынѣшняго (1847) году. Сколько мнѣ извѣстно деньги должны были храниться у Костомарова, но сколько ихъ было собрано я не знаю."

---

2. Два письма А. Л. Метлинскаго.

(*1852—1853 г.*)

Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій (р. 1814 † 1870), уроженецъ Гадяцкаго уѣзда, Полтавской губерніи, извѣстенъ, какъ

одинъ изъ ревностныхъ воздѣлывателей языка своей родины; также ревностно трудился онъ и надъ собраніемъ памятниковъ пѣсеннаго украинскаго творчества. Литературные свои труды М—ій помѣщалъ въ имъ же изданныхъ двухъ сборникахъ: „Думки и пѣсни та шче де щчо“ (1839 [1]) и „Южномъ русскомъ сборникѣ“ (1848). Собранныя пѣсни М—ій напечаталъ въ извѣстной своей книгѣ—Народныя южнорусскія пѣсни, въ 1854 г. М—ій былъ идеалистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и біографъ его вполнѣ правъ, говоря, что этотъ человѣкъ „былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по-истинѣ рѣдкаго“ [2]). А. Л. М—ій, какъ извѣстно, былъ профессоромъ русской словесности, сначала въ кіевскомъ университетѣ (до 1854 г. включительно), а затѣмъ—въ харьковскомъ, до отставки въ 1858 г.

—

1.

М. г., Григорій Павловичъ. Выбачайте, будьте ласкави, колы може? дуже часто турбую васъ своимы пысульками. Бажаеться мыни показаты вамъ форматъ, печать и орѳографію усякыхъ кныжокъ, яки у мене йе, въ натури, то чы не можна буде панови завернуты на часынку до мене? А колы николы, то я скажу хлопцеви прынесты за мною кныжки, та и подывымось на ныхъ укупи, або у вечери у Н. А. Ригельмана, колы панъ тамъ буде, або у яке друге время, колы завгодно. Та чы не будыте у историка Маркевича? Хотилось бы мыни побачыть гораздъ свого чоловика, бо такыхъ не дуже багато на свити. Думаю все про ъ и ы, що колы прынять сыхъ пузатыхъ трутнивъ, то або форматъ буде шырокый, ломани строкы, що негарно. Вашъ покирный слуга А. Метлинскій.

9 февраля 1852.

—

[1]) См. Кіевск. Стар. наст. г., мартъ, отд. 2-й, стр. 141.

[2]) Такимъ же человѣкомъ былъ и братъ Амвр. Л—ча — Федоръ Лукьяновичъ Метлинскій, бывшій учитель новгородсѣверской гимназіи. См. о немъ Кіевск. Стар., 1894, августъ, 144.

2.

М. г., почтеннѣйшій добродію, Григорій Павловичъ! На счастя, на здоровья, на нове лито! Роды, Боже, жыто, пшеныцю, и всяку пашныцю! Поздоровляю васъ изъ новымъ годомъ! Дай вамъ, Боже, изъ усима вашымы родычамы и пріятелямы и добрыми людьмы, всёго доброго на сей годъ на многи лита! А засымъ, перевернувшы мову на иншый ладъ, поговорымо про дило!

Съ годъ тому назадъ, помнится, въ прошлогодніе контракты, вспоминали мы съ вами о предполагаемомъ и отчасти подготовленномъ у васъ изданіи пѣсенъ съ голосами и музыкой, и я обѣщалъ вамъ постараться, при помощи г. Голого (Holy), умножить ваше собраніе пѣсень съ голосами. Въ прошедшемъже году, 1852-мъ, лѣтомъ, въ концѣ іюля, видѣвшись въ Пескахъ[1]), также говорили мы объ этомъ предпріятіи, подвигавшемся, хотя и медленно, къ своему исполненію. Тогда высказали вы надежду, что, быть можетъ, зимою удастся издать если не всѣ пѣсни, то, по крайней мѣрѣ, часть ихъ. Поэтому, зная вашу любовь къ этому благому дѣлу, вмѣняю себѣ въ обязанность извѣстить васъ о ходѣ его и просить вашего совѣта, распоряженія и содѣйствія для дальнѣйшаго его выполненія и окончанія. У васъ собрано, кажется, 50 (или 100?) пѣсенъ съ голосами. Ноты ихъ есть у Н. А. Ригельмана, а словъ нѣтъ. Такъ ежели не откладывать изданія до будущаго неизвѣстнаго времени, то надобно поспѣшить вамъ выслать слова пѣсенъ для передачи въ цензуру. Если пришлете въ генварѣ, то въ мартѣ и апрѣлѣ можно будетъ печатать (въ маѣ быть можетъ, я уѣду изъ Кіева). Кромѣ вашего собранія, Голый записалъ (т. е. положилъ на ноты) 100 голосовъ отъ одного студента, необыкновенно памятливаго на мотивы пѣсенъ, знающаго ихъ до двухсотъ, со словами, и болѣе[2]). Студентъ этотъ никогда не занимался музыкою, а только съ дѣтства поетъ пѣсни, часто бывая между простымъ народомъ и потому

[1]) Имѣніе Галагановъ, Лохвицк. у.

[2]) Можетъ быть, рѣчь идетъ о Ст. Дан. Носѣ. *Ред.*

мотивы его безъ всякой примѣси искусственной музыки; поетъ онъ ихъ всегда одинаково, помнитъ твердо. По мнѣнію г. Голого, голоса эти должно быть совершенно народны. Впрочемъ, въ голосахъ пѣсенъ, какъ и въ словахъ есть множество варіантовъ, и ежели ожидать, пока отыщется самый лучшій варіантъ, то никогда ничего нельзя издать, потому что пѣсни безпрестанно видоизмѣняются въ словахъ и пѣніи различными лицами безъ конца, до безконечности, Желая совершенства возможнаго предполагаемому изданію, я боюсь только, какъ бы оно черезъ это и не уничтожилось, потому, что будущее не во власти нашей. Почти для полусотни у г. Голого написана и музыка; слова, т. е. текстъ, дописываются набѣло, исправляются и скоро будутъ готовы для отдачи въ цензуру. Николай Аркадьевичъ (Ригельманъ) сказывалъ мнѣ, что общій знакомый вашъ Лизогубъ (Андрей Ивановичъ), большой знатокъ музыки, также занимается народными мотивами. Раздѣляя мнѣніе Н. А. что, быть можетъ, у простолюдиновъ голоса лучше списать-бы и что, быть можетъ, и аккомпаниманъ Голого не вполнѣ въ народномъ духѣ, я думалъ-бы издать приличнымъ образомъ, не слишкомъ изящно и дорого, но и чистенько и подешевле, сотни полторы пѣсенъ съ голосами. Это распространило бы, кромѣ сохраненія мотивовъ, и самую любовь къ народной поэзіи и музыкѣ и лучше всего содѣйствовало- бы и къ образованію людей для подобнаго дѣла. Подробности сообщаю вамъ на широкихъ поляхъ письма.

Всегда душевно любящій и уважающій васъ Амвросій Лукьяновъ Метлинскій.

Здѣсь, въ Кіевѣ, можно литографировать ноты и можно ихъ печатать, не такъ впрочемъ какъ печатаются книги, но особеннымъ образомъ. Послѣдній способъ здѣсь самый употребительный: онъ дешевъ и удобенъ для корректуры. Первый красивѣе, но гораздо дороже. За печатную большую страницу нотъ, на которой помѣстится до 3 пѣсень съ аккомпаниманомъ, Брифъ возьметъ рубля два серебромъ (для небольшихъ изданій онъ беретъ по три) съ бумагою. Слѣд., примѣрно ноты для 150

пѣсенъ стоятъ 100 р. сереб. и т. д. Текстъ, полагая по 2 стр. на пѣсню (но часто выйдетъ и меньше), для 150 пѣсень составитъ около 20 листовъ. Но вѣрнѣе положить по 1-й стр. на пѣсню, тогда 10 печ. листовъ около 150 руб. сереб. Печатать, кажется, нужно экз. 300 нотъ и экз. 600 текста. Можно издать сначала 100 или 50 пѣсень. Текстъ особо, въ особой книжкѣ, сколько я могъ узнать отъ музыкантовъ, не затруднитъ играющихъ и поющихъ, а изданіе удешевитъ, уменьшитъ его издержки. Г. Голого можно будетъ отблагодарить полусотнею или сотнею экзем., которые онъ распуститъ между учениками своими, а выручку за остальные обратить на новое изданіе. У меня есть опера-водевиль, въ 2-хъ частяхъ, на м. я. (малор. язык.) *Чорноморськый побытъ*, сочиненіе одного черноморськаго полковника (Я. Г. Кухаренка). Надѣюсь доставить вамъ копію черезъ Н-я А-ча, предполагающаго побывать у васъ, если ко времени поѣздки его успѣютъ переписать. Сегодня отдамъ писцу (листовъ 20, думаю); Если, любезнѣйшій Григорій Павловичъ, разсудите за благо ускорить изданіе пѣсень съ нотами, то напишите обо всемъ, какъ можно подробнѣе и обстоятельнѣе, чтобы могли мы сдѣлать угодное вамъ, а на счетъ издержекъ, обозначивъ ихъ nec plus ultra или—*итогъ*; можете уполномочить Николая Аркадьевича. Этотъ почетный уголъ [1]) письма кстати для извѣстія о посѣщеніи насъ товарищемъ министра Норовымъ. Третьяго дня М. В. Юзефовичъ представлялъ ему профессоровъ, почти каждаго поименно, потомъ студентовъ, и наконецъ осмотрѣли нѣсколько кабинетовъ; вчера предполагали осмотрѣть остальное въ университетѣ и гимназіи. Онъ здѣсь дня на два, проѣздомъ. Чрезвычайно ласковъ и вѣжливъ въ обращеніи. Со всякимъ почти изъ профессоровъ сказалъ нѣсколько словъ. Меня нѣсколько удивило даже, когда я услышалъ отъ него: я знаю васъ по вашимъ прекраснымъ трудамъ,—и потомъ: вы трудитесь для академіи. Я точно послалъ изданія свои во 2-е отд. академіи, по требованію его. Стоитъ вамъ выписать извѣстія 2-го отд. академіи [2]).

8 января. 1853. Кіевъ.

---

[1]) Писано сбоку письма.

[2]) Въ настоящемъ письмѣ рѣчь идетъ, повидимому, объ изданномъ Г. П. Галаганомъ въ 1857 г. Сборникѣ *Южно-руськ. писни зъ голосами.*

Документы, извѣстія и замѣтки.

Украинская дума въ польской литературѣ [1]. Г. Іосифъ Третякъ въ библіотекѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ нашелъ рукопись, озаглавленную *Silva Rerum z XVII wieku* (по каталогу № 377) и въ ней стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Duma ukraínna*. Въ точномъ переводѣ дума эта гласитъ такъ: «Скажи, звучная моя кобза, какую-то думу можемъ мы выспѣвать? Разскажите, звонкія струны, жизнь пристойную, возлюбленную. Одинъ проводитъ вѣкъ въ торговлѣ, другой добываетъ прибыль умомъ, иной привыкъ нудиться надъ хозяйствомъ и доживаетъ до большихъ денегъ. Только тотъ кругомъ должаетъ, кто служитъ отечеству дланью, теряетъ здоровье въ невѣрномъ бою; Богъ и слава награждаютъ его. Напрасно онъ ожидаетъ заботы о немъ или хоть слабаго къ нему вниманія. Однако пусть другой что хочетъ предпринимаетъ, свободный выборъ тутъ нуженъ. Разсчетъ уступаетъ разсчету. Скажи, кто знаетъ что-нибудь лучше военнаго ремесла? Что можетъ быть красивѣе рыцарскаго молодца? Онъ видитъ необозримыя поля, одѣтыя молодой травой, развившіяся дубровы, видитъ различныхъ птицъ, неисчислимыя стаи звѣрей, воды, переполненныя рыбами. Тамъ или селянинъ мочитъ свои сѣти въ погонѣ за рыбою, или опытный стрѣлецъ добываетъ звѣря. Тамъ убогій днѣпровскій козакъ не безъ трепета переплываетъ въ челнѣ черезъ каменные пороги, плохо питаясь саламахой. Тамъ жолнеръ стоитъ укрѣпленнымъ лагеремъ, закованный

[1] Ateneum 1899 г., февраль, 317—327.

въ желѣзо; холодное небо укрываетъ его, дождь и роса огрѣваютъ его. Онъ или ѣдетъ держать стражу, или послѣ плохаго обѣда въ кругу пріятелей объѣзжаетъ коней, или стремится перстень надѣть на копье. Или, легко вооруженный, онъ стремглавъ бросается на непріятельскія стѣны, бѣжитъ, наклонившись, черезъ лѣсъ, въ поискахъ славы, а иногда и прибыли. Если забьютъ тревогу, онъ съ трескомъ выходитъ изъ лагеря; хоругви развѣваются, бубны и трубы гремятъ. Молодежь заводитъ легкіе герцы, потомъ бродитъ на лошадяхъ по крови. Иному острый окровавленный палашъ выцѣживаетъ кровь, наполняя ею рукава. Иному кривая сабля снесла голову съ плечъ, палъ пронзенный пулею, третьяго сразила стальная пика. Иному мѣткая стрѣла застряла посреди бока, другой, хотя и упалъ нераненнымъ, но былъ растоптанъ лошадьми. Одна сторона остается сломленною и безстыдно удираетъ; безпощадный побѣдитель продолжаетъ наноситъ тяжкіе удары. Боже, заботящійся о судьбахъ рыцарскаго народа, убогій жолнеръ проситъ Тебя: вознагради его на небесахъ за испытанныя страданія».

Изучая эту думу съ разныхъ сторонъ, г. Третякъ приходитъ къ заключенію, что она не есть произведеніе народнаго творчества, такъ какъ на ней замѣтны вліянія на ея автора поэзіи Кохановскаго, а главнымъ образомъ его поэмы «*Sobótki*». Но въ тоже время нѣкоторыя строфы ея напоминаютъ и чисто народныя пѣсни. Такимъ образомъ она занимаетъ среднее мѣсто между искусственной и народной поэзіей.

Когда и гдѣ сочинена эта дума? спрашиваетъ авторъ и останавливается на томъ, что она написана между 1585 и 1632 гг. и притомъ на Украинѣ.

Кто-же былъ авторомъ думы? опять спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: «.... По всей вѣроятности, одинъ изъ той горсти кварцяныхъ жолнеровъ, которая, начиная со времени Сигизмунда-Августа, охраняла обширныя южныя границы Рѣчи-Посполитой отъ нападеній враговъ; можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ, которые одерживали блестящія побѣды въ Волощинѣ подъ командою Замойскаго или съ Жолкевскимъ клали свои головы на поляхъ цецорскихъ. Такой гетманъ, какъ Жолкевскій, могъ не одного изъ своихъ подчиненныхъ вдохновить мыслью о высокомъ призваніи христіанскаго воина и о томъ, что наградятъ такого воина только Богъ да слава».

Жолнеръ-поэтъ назвалъ свою пѣсню *украинскою думою*. Она не похожа на думы по формѣ стиховъ, но предназначалась для пѣнія подъ акомпаниментъ кобзы, которыя въ XVI вѣкѣ была уже музыкальнымъ инструментомъ, очень распространеннымъ по всей Польшѣ. Вотъ почему жолнеръ, который долго прожилъ на Украинѣ и слышалъ, какъ тамъ пѣли думы въ сопровожденіи звуковъ кобзы, назвалъ и свою пѣсню думою, не заботясь о томъ, что въ свою пѣсню онъ ввелъ и строфы, и правильный размѣръ съ рифмою, которыхъ никогда не употребляли слагатели настоящихъ украинскихъ думъ.

А. С.

Старинная коляда. Давно миновали тѣ времена, когда студенты Кіевской духовной академіи, единственнаго въ свое время разсадника просвѣщенія въ Малороссіи, снискивали себѣ пропитаніе отъ доброхотныхъ подаяній. Надо думать, что особенно обильную дань собирали они въ праздникъ Рождества Христова. Воспоминаніе о великомъ событіи давало богатыя и самыя разнообразныя темы для сочиненія торжественныхъ виршей, трогательныхъ колядъ, побожныхъ кантовъ и т. п. Даровитые студіозы имѣли возможность блеснуть всѣми тонкостями усвоенной ими схоластической премудростью. Изумленные слушатели поневолѣ дѣлались щедрѣе, а это-то и было конечною цѣлью странствованій кіевскихъ бурсаковъ. Похожденія ихъ, опоэтизированныя творческою рукою Гоголя, будутъ вѣчно жить въ его безсмертныхъ твореніяхъ.

Современная дѣйствительность мало сохранила слѣдовъ объ этихъ похожденіяхъ. Живыя воспоминанія давно изгладились; лишь въ ветхихъ пожелтѣвшихъ «шпаргалахъ» старика—священника, гдѣ-нибудь въ далекой сельской глуши, можно случайно наткнуться на какое-нибудь поздравительное стихотвореніе, «виршованіе» съ новымъ годомъ, или коладу, носящія на себѣ явный отпечатокъ семинарскаго сочинительства.

Къ числу такихъ произведеній бурсацкаго пера относится нижеприводимая коляда. Она списана съ тетрадки, принадлежавшей нынѣ покойному уже священнику м. Волочиска, Староконстантиновскаго у., Волынской губ., о. Стефану Каролинскому. Находящіеся въ

концѣ этой коляды два латинскіе стиха вполнѣ выдаютъ ея автора. Извѣстно, какое господствующее значеніе имѣла въ прежнее время, латынь въ нашихъ семинаріяхъ. Безъ латыни семинаристъ шагу ступить не могъ. Всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ. Неудивительно, что семинаристы получали вкусъ къ латыни, переводили малороссійскія пѣсни на латинскій языкъ и при всякомъ удобномъ случаѣ щеголяли знаніемъ этого языка. Нѣтъ сомнѣнія, что и наша коляда сочинена какимъ-то невѣдомымъ семинаристомъ.

Коляда.

Надъ вертепомъ зирныця
Тамъ-то свитыть ясно;
Надъ шопою блыщыця
Кобы сонце красно.
Выйды зъ буды, Иване,
Глянь на небо, Степане,
Що жъ тамъ такого.
Звезды бачать короля
Далеко отъ шопы;
Бьють поклоны монархове,
Яко прости хлопы;
На колинка впадають,
Подарунки отдають,
Бога вытають.
Злото, мыро, кадыло
А все зъ нумерамы;
Трыста коней козакивъ,
А все зъ бандурками,
Утишають дытятко,
Надобное панятко,
Весело грають!
Ой пиду ще и я тамъ,
Буду помогаты,
Чи не дасть Богъ счаслыво
Спасиння дождаты.
На кобзоньку заграю,
Бо цымбаливъ не маю,
И на фуяру.

Не забуду ще й дримбли
Для тои дитыны,
Виршуваты не вмію,
Тилько по латыни:
Centoria aremus,
Saeculorum bembemus,
Бильше не знаю.

Считаю не лишнимъ дать объясненіе двухъ малоупотребительныхъ словъ, встрѣчающихся въ этой колядѣ. Фуяра—слово, болѣе употребительное въ польскомъ языкѣ,—*дудка*. Дримбли—такъ называется *губная гармоника*, которую покупають для дѣтей въ качествѣ игрушки. Что касается до находящихся здѣсь латинскихъ виршей, то предоставляемъ латинянамъ разобраться въ нихъ.

В. Храневичъ.

Пирятинская „городовая армата" въ 1691 году. Въ той же пирятинской протокольной книгѣ, отрывокъ изъ которой приведенъ въ майской книгѣ К. Старины (II, 76) находится и настоящій списокъ пирятинскихъ городовыхъ (мѣйскихъ) пушекъ и гаковницъ. [1]) Любопытенъ онъ уже и потому, что указываетъ на степень вооруженія сотенныхъ городковъ, которые, какъ видно, сами должны были заботиться объ этомъ вооруженіи.

«*Ресетръ для памяти намъ, старшинѣ городовой пирятинской, много знайдуется арматъ мѣйскихъ. Уписано року 1690, мѣс. септеврия 5 дня.* Першая армата—безгубая, що була у войску.—Другая армата гладкая, тожъ мѣская.—Третая армата—подъ змнею.—Четвертая, великая новая.—Пятая армата,—подъ волкомъ.—Шестая армата, подъ стрѣлою.—Двѣ арматы подъ орлами, новие.—Знову двѣ армати, тилко з лиштвами, новихъ.—Една гармата без гербу, полская, за мѣскіе гроши купленая.—Чинитъ всѣхъ арматъ мѣскихъ пирятинскихъ личбы одинадесять; а особливе арматокъ три малихъ его мати п. Леонтиевихъ Свѣччиныхъ, полковника лубенского, которые тутже зостаютъ в городѣ Пирятинѣ.—А гаковницъ мѣскихъ всѣхъ знайдуется штукъ одинадцать.»

---

1) Гаковницы=пищали. Линде гаворитъ, что гаковницы (rodzay strzelby długiéy) dawniéy po fortecach w mocnym były używaniu.

Народный взглядъ на „нечистую" женщину. Къ остатку такъ называемыхъ культурныхъ переживаній относится и понятіе простого народа о женщинѣ, какъ о существѣ «нечистомъ» въ извѣстное время (во время регулъ и послѣ родовъ). Такое понятіе не есть исключительная особенность вѣрованій только нашего народа, это отголосокъ общераспространеннаго понятія о женщинѣ всѣхъ народовъ и всѣхъ странъ. Н. Ѳ. Сумцовъ, между прочимъ, говоритъ, что „понятія о нечистотѣ женщины распространены у различныхъ народовъ востока и запада" («Кіев. Стар.» 89 г. октябрь стр. 36 «Культурныя переживанія», гл. 83 «розмывки»). Извѣстный знатокъ этого предмета д-ръ Плоссъ также утверждаетъ неопровержимый фактъ, что на всемъ земномъ шарѣ женщина во время регулъ считается нечистою» («Женщина» стр. 27, изд. Щепанскаго).

Еще у иранцевъ, затѣмъ мидянъ, бактрянъ, персовъ, въ древности у евреевъ, грековъ, у магометанъ, у всѣхъ дикихъ первобытныхъ народовъ существовали понятія о женщинѣ, какъ о существѣ нечистомъ въ извѣстное время и вредномъ. Плиній такъ именно отзывается о женщинахъ: Моисей относительно «нечистыхъ женщинъ» предписалъ особые законы и правила; Магометъ въ своемъ коранѣ также предписываетъ правовѣрнымъ особыя правила относительно «нечистыхъ» женщинъ. Въ Аравіи, Египтѣ, восточной и западной Африкѣ, Японіи, Китаѣ,—вездѣ на этотъ счетъ существовали издавна и существуютъ нынѣ о женщинѣ подобныя понятія и воззрѣнія [1]).

У всѣхъ дикихъ народовъ Африки, Америки и Австраліи женщинъ, когда онѣ дѣлаются нечистыми, даже изолируютъ отъ остальныхъ людей, удаляютъ изъ селъ въ лѣса, или въ особыя, спеціально для этого построенныя зданія, воспрещали и воспрещаютъ подъ угрозою кары всякое сношеніе и соприкосновеніе съ «нечистыми» женщинами, пока онѣ опять не сдѣлаются «чистыми», существовала и существуетъ нынѣ масса всевозможныхъ обрядовъ, примѣняемыхъ во время нечистоты и очищенія женщины [2]).

У нашего простаго народа, никакихъ подобныхъ обрядовъ, кромѣ описаннаго Н. Ѳ. Сумцовымъ обряда „розмывóкъ" («Культ. Переж.»), не практикуется, но тѣмъ не менѣе понятіе о женщинѣ, какъ о существѣ въ извѣстное время нечистомъ и вредномъ, вкоре-

---

[1]) Плоссъ, „Женщина".

[2]) Ibid.

нилось глубоко, и народъ держится этого взгляда и понатія слѣпо. На Волыни народъ повсемѣстно о женщинахъ во время регулъ и послѣ родовъ иначе не скажетъ (и даже женщины о самихъ себѣ), какъ «нечыста». Впрочемъ, по словамъ Н. Ѳ. Сумцова, понятіе о женщинѣ, какъ о существѣ нечистомъ, существуетъ и распространено не только въ Малороссіи, но и у великороссовъ въ Томской губерніи, Нижегородской, Тульской, въ сѣверныхъ и сѣверо восточныхъ губерніяхъ.

По понятіямъ волынскаго простолюдина (наблюденія сдѣланы въ Староконстант. и Заславскомъ уѣздахъ, Волынской губ.) «нечистая» женщина не должна ничего предпринимать или начинать въ работѣ, ибо работа или предпріятіе ей не удастся, не будетъ спориться; не должна печь хлѣба, солить огурцы или капусту, пахтать масло, варить варенье, т. к. все это испортится, скиснетъ или сгніетъ. Подобное же повѣрье, по словамъ Вислоцкаго, существуетъ у цыганъ [1]).

«Нечистая» женщина не должна ни доить коровъ, ни даже прикасаться къ молочнымъ продуктамъ, не должна ходить или прикасаться къ кадкамъ съ огурцами, капустою, банкамъ съ вареньемъ, бочкамъ съ пивомъ, медомъ и квасомъ, т. к. капуста, огурцы, варенье медъ, пиво, квасъ отъ прикосновенія такой женщины скисаетъ. Повѣрье это сходно съ подобнымъ же вѣрованіемъ, издавна существующимъ у германскихъ народовъ, о такомъ же вѣрованіи народа сообщаетъ и Плиній [2]).

Если «нечистая» женщина взлѣзетъ на фруктовое дерево, то фрукты послѣ этого съ дерева осыплются, ихъ поточатъ черви и они быстро погніютъ, самое дерево усохнетъ; «нечистой» женщинѣ нельзя рвать фрукты, овощи, растенія а равно нельзя садить растенія, цвѣты, овощи; вырванное—сгніетъ, а посаженное и посѣянное не будетъ рости и посохнетъ. Съ подобными же вѣрованіями, существовавшими въ древности, знакомитъ насъ все тотъ же Плиній, который разсказываетъ слѣдующее о бѣдахъ, причиняемыхъ «нечистой» женщиною: «Если женщина близко подходитъ къ виноградному суслу, то вино скисаетъ; полевые плоды отъ ея прикосновенія становятся безплодными, привитые побѣги умираютъ; ростки въ садахъ погибаютъ, плоды спадаютъ съ дерева, подъ которымъ она сядетъ»; почти то же пишетъ

---

[1]) Плоссъ „Женщина".

[2]) Ibid.

св. Гильдельгарда... Такое же повѣрье существуетъ среди германскихъ народовъ, народовъ Силезіи, Швабіи, Италіи, на Рейнѣ, и т. п. [1])

По вѣрованію нашего народа, если человѣку идущему на охоту, рыбную ловлю или по дѣлу, дорогу перейдетъ нечистая женщина,— то онъ будетъ имѣть полную неудачу въ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Такая женщина легко можетъ сглазить дитя или больного, который отъ ея глаза будетъ еще дольше и сильнѣе болѣть; такой женщинѣ нельзя показывать язвъ и ранъ, которыя отъ ея глаза не скоро заживутъ, долго и сильно будутъ болѣть.

Повѣрье о дурномъ, вредномъ глазѣ «нечистой» женщины несомнѣнно отголосокъ такого же повѣрья, сильно распространеннаго у индѣйцевъ племена сонки, малайцевъ и многихъ другихъ дикихъ народовъ, а также у французовъ, германцевъ, и у жителей Кипра и Кандіи [2]).

Если человѣкъ нечаянно вступитъ въ кровь «нечистой» женщины, то заболѣетъ. Точно такъ же вѣрятъ на этотъ счетъ индѣйцы, малайцы, гванкуры и друг. дикія племена [3]).

«Нечистая» женщина, по понятіямъ нашего народа, иногда бываетъ очень тяжела, такъ что иногда пара лошадей съ трудомъ везутъ ее. Такое же повѣрье существуетъ въ Италіи, въ провинціи Бари [4]).

Если мужчина будетъ имѣть сношеніе съ «нечистою» женщиною, то онъ обязательно отъ этого заболѣетъ. Послѣднее вѣрованіе, какъ то утверждаетъ Плоссъ, [5]) распространено положительно по всему земному шару, у всѣхъ азіатскихъ, африканскихъ племенъ и народовъ и вездѣ въ Европѣ, у магометанъ, итальянцевъ, германцевъ, и т. д. и имѣетъ корнемъ своимъ глубочайшую древность. У Авесты, Зороастра, Магомета, Моисея, можно найти строгія запрещенія и относительно сношенія мужчинъ съ «нечистыми» женщинами, причемъ у евреевъ мужчина за сношеніе съ «нечистою» женщиною подвергался вмѣстѣ съ нею смертной казни. У насъ въ Россіи, въ юго-западной части Тульской губерніи мужчина, имѣвшій сношеніе съ «нечистою» женщиною, самъ дѣлается «нечистымъ» и считается таковымъ до тѣхъ поръ, пока не обольется водой, или не сходитъ въ баню. [6])

---

[1]) Плоссъ, „Женщина".
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) „Кіев. Стар." 89 г. октябрь, стр. 36. „Культур. Переж." Н. Ѳ. Сумцова

Въ одной старинной нѣмецкой книгѣ, напечатанной еще въ 1610 году, заключается масса совѣтовъ относительно «нечистыхъ» женщинъ и, между прочимъ, что такая женщина не должна ни цѣловать, ни даже трогать дѣтей, въ кухнѣ ей не слѣдуетъ прикасаться къ кушаньямъ, нельзя ходить въ погребъ, дотрогиваться до бочекъ съ виномъ «въ саду не слѣдуетъ останавливаться возлѣ молодыхъ деревьевъ», и проч.. и проч. [1])

Въ Персіи съ древнихъ временъ существуетъ воззрѣніе, что «нечистая» женщина однимъ взглядомъ своимъ оскверняетъ огонь, воду, растенія, животныхъ и людей [2]); такое-же воззрѣніе существуетъ и у разныхъ дикихъ народовъ [3]).

По глубокому вѣрованію нашего народа, «нечистая» женщина не должна ходить въ церковь, цѣловать иконъ, ходить за крестнымъ ходомъ, а тѣмъ паче, пріобщаться или вѣнчаться, — т. к. это тяжкій, непростительный грѣхъ. Нѣкоторыя дикія индѣйскія племена, а также японцы и турки тоже воспрещаютъ, подъ угрозою кары, своимъ женщинамъ во время регулъ приносить жертвы своимъ богамъ [4]) посѣщать храмы молиться и совершать религіозные обряды. «Нечистая» женщина не должна ни съ кѣмъ цѣловаться, т. к. отъ ея поцѣлуевъ на лицѣ и губахъ того, кого поцѣлуетъ, появятся прыщи или особаго рода сыпь — «вогныкъ». Это воззрѣніе — есть отголосокъ такого же воззрѣнія, существующаго у германцевъ, французовъ и многихъ др. народовъ. Бѣлье «нечистыхъ» женщинъ нельзя мыть съ бѣльемъ другихъ людей. Если въ одномъ домѣ есть сразу двѣ «нечистыя» женщины, то бѣлье ихъ нельзя мыть вмѣстѣ, а каждая должна мыть свое отдѣльно. Это повѣрье находитъ соотвѣтствіе у другихъ народовъ, напр., въ провинціяхъ Беллуно и Тривизо [5]). Изъ всего вышесказаннаго становится очевиднымъ, что понятіе и вѣрованіе народа о женщинѣ, какъ о существѣ въ извѣстное время нечистомъ и вредномъ, есть не болѣе, какъ отголосокъ понятій и воззрѣній, издавна существовавшихъ у древнихъ и нынѣ существующихъ, у многихъ первобытныхъ и культурныхъ народовъ.

Ив. Бѣньковскій.

---

[1]) Плоссъ „Женщина".

[2]) Дилленъ. Дуал. въ Авестѣ, и Плоссъ, „Женщина".

[3]) Плоссъ, „Женщина".

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

Къ исторіи цеховъ. Исторія ремесленныхъ цеховъ въ Малороссіи еще не написана, хотя напечатано уже достаточное количество разныхъ гетманскихъ универсаловъ и полковничьихъ «листовъ», утверждающихъ «новоухваленные» цехи. Какъ извѣстно, ремесленные цехи въ старой Малороссіи обязаны были поддерживать благолѣпіе приходскихъ церквей; это обстоятельство было причиною почему, какъ гетманы, такъ и полковники, очень заботились объ устроеніи и поддержкѣ цеховъ. Какое значеніе цехи имѣли па развитіе ремесленой промышленности въ старой Малороссіи—объ этомъ раскажетъ будущій ихъ историкъ, а пока приводимъ здѣсь два полковничьихъ «листа» съ подтвержденіемъ новоустановленныхъ цеховъ въ мѣстечкѣ Рѣпкахъ, Городницкаго уѣзда, Черниговской губерніи.

I. Василій Бурковскій, полковникъ Войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского чернѣговскій.

Вамъ, гончаромъ буянскимъ, приказую властию моею полковницкою, абысте Сави Руденьку, цехмистру гончарскому рѣпицкому, были послушными и в цеху его могли зоставать завъше, яко и иные гончари зостаютъ и послушенство отдають, абысте и вы подъ цехомъ были и належное з себе отдавали (конечне), в чемъ колвехъ по васъ помочи будетъ потребоватъ, не были спречными, и повторе о томъ пилно приказую. З Чернигова, 21 дня июля, 1676 року. (М .П.) Звышъменованый полковникъ черниговскій. (*Съ подлинника* [1]).

II. Его імператорского пресвѣтлого величества Войска Запорожского полковникъ черниговскій Павелъ Полуботокъ.

Всѣмъ обще, кому бы колвекъ о томъ вѣдати належало, а особливе дозорцѣ нашому рѣпицкому и кождому жителеви тамошнему ознаймуемъ, ижъ будучи тутъ въ Чернѣговѣ Александеръ Шиманскій, цехмистръ ремесныковъ рѣпицкихъ, доносилъ намъ, что зъ ухвалы общой ихъ новый учиненъ зосталъ цехъ и канунъ отъ ремесныцкого ихъ дѣла заведенъ на вспоможене церквѣ божественной; толко нѣ-

[1]) Подпись писана тѣмъ же писаремъ, который писалъ и весь полковничій „листъ", хотя, какъ извѣстно, Василій Борковскій былъ хорошо грамотный человѣкъ. Отсюда видно, что приложеніе печати на актахъ не только вполнѣ замѣняло подпись, но имѣло и бóльшее значеніе—въ виду рѣдкой въ то время грамотности среди властныхъ лицъ. Интересно, что на печати Борковскаго гербъ изображаетъ не *лебедя* (гербъ Борковскимъ), а—саблю и крестъ. Значитъ, въ это время козацкая старшина еще не заглядывала въ польскіе *гербаржи*, а довольствовалась козацкими эмблемами, употребляя: *кресты*, *сабли*, *луны*, *звѣзды*...

которые ремесники отъ оного укриваючися, едны подъ паномъ Яковомъ Бакуринскымъ, сотныкомъ роискымъ, другіе подъ паномъ Захаріемъ Ліеговичомъ, третіе подъ панею Петровою, сотныковою, бывшню роискою, не хотятъ до цеху належати и оному вспоможеня ку хвалѣ Божой стягаючогося чиныты; того рады просилъ насъ о тое, жебысмо той іхъ новоухваленный цехъ нашымъ ствердиля универсаломъ и повелѣли всякому ремесному человѣкови въ селѣ Рѣпкахъ жиючому, чіею бы колвекъ оны мѣли щититися протекціею (кромѣ гончаровъ, у которыхъ особливый здавна естъ цехъ) належати до помянутого цеху и обиклое по пропорціи ремесла чинити до оного вспоможене. Мы прето тое его, цехмистра, прошеніе принавши за слушное, а барзѣй желаючи росширеня хвалѣ Божой, яко вѣдаемъ, же тотъ новоухваленный цехъ не для якихъ иншихъ безпотребныхъ прибытковъ, толко для удоволеня нуждъ церковныхъ естъ учиненъ, такъ ствержаючи оный симъ нашымъ унѣверсаломъ, приказуемъ, абы всякий ремесныкъ, кромѣ вышъназмененныхъ гончаровъ отъ того новоухваленнего цеху не ухилялся и належитое зъ ремесла, по мѣри заробутку, чинылъ оному вспоможене. А если бы хто зъ речоныхъ ремесныковъ оказался сему быти противнымъ, то такого всякого позволяемъ ему цехмистру до тоей повинности нахиляти, въ чомъ и дозорца нашъ рѣпицкій повиненъ всякое чиныть ему вспоможене приказуемъ. Данъ въ Чернѣговѣ, февр. 19, року 1722. Вышъменованный полковникъ чернѣговскій рукою власною. (М. п.). (*Съ подлинника*).

Старинныя пригласительныя на свадьбу письма *(1729—1735 г.)*. «Весельные акты» справлялись у козацкой старшины также публично и съ соблюденіемъ того же ритуала, какъ справляется теперь «весилля» у крестьянъ и мѣщанъ въ Малороссіи. При этомъ на такой „актъ" приглашались повозможности всѣ родичи и сосѣди, чтобы «приоздобити» брачный пиръ, т. е. совершить его въ возможномъ многолюдствѣ и съ возможнымъ торжествомъ. Приводимъ здѣсь три пригласительныя письма на такіе «весельные акты», посланныя стародубскому богачу, сначала полков. писарю, а потомъ бунчук товарищу Григорію Скорупѣ [1]).

---

[1]) О немъ см. Сулим. Архивъ, стр. XI.

I. Мосцѣ пане Григорій Скорупа, мнѣ велце мосцѣ пане и зичливий племѣннику. Судбами непостижимыми всемогій Богъ дожизотного его милость пана Петра Чорнолуского въ домъ мой дочерѣ моей Аннѣ послалъ приятеля, которихъ то я хотѣнію соизволяя, сего на атѣ 26 числа означенний терминъ веселного предлежитъ акту; того ради въ скутость хотя ихъ привести малженства, велце вм. пана со его ж милою панею на предложенный термѣнъ акту веселного прибыть прошу, которихъ в домъ свой благополучного всеусерднимъ хотѣніемъ ожидаю прибитія, будучи вш. м. пану и жичливому племеннѣкови доброжелателний дядко Андрей Миклашевскій.

Октовр. 18 д. 1729. Стародубъ.

Надпись. Моему велце мосцѣвому пану и жичливому племеннѣкови, его милости пану Григорію Скорупѣ, знатному товаришови бунчуковому вручить.

—

II. Мосцѣ пане Григорий Шкорупа, мнѣ велце зичливий приятелю. Вседѣйствующимъ ізволеніемъ божіимъ и нашимъ родителскимъ благословеніемъ засватали мы милую дщерь нашу Елену за пана Іоана Пѣковця и намѣрюваемъ оныхъ милыхъ дѣтей своихъ законному сочетати браку, при обычномъ актѣ веселномъ, слѣдуючого 24 числа, на которий то актъ веселний велце прошу вашмосцѣ пана з милою панею прибыти и своею поважною порсоною оный приоздобити приятелно жадаемъ. Вашмосцѣ пану зичливому приятелеви всѣхъ добръ желатель и служить готовъ. Андрей Лизотубъ.

1731. Іюля 20 дня. Конотопъ.

Надпись. Его милости пану Григорію Шкорупѣ, знатному товаришу бунчуковому, моему велце зичливому приятелеви.

—

III. Мосцѣ пане Григорій Скорупа, мой сердечно коханій племяннику. Понеже всеустроевающими судбами божіими дочеръ моя Анастасія сговорена в дожпвотное сожитіе пану Івану Бороздиѣ, которой скуткомъ назначенъ терминъ быть акту веселному сего октовріа 26 д., того ради покорне прошу вм. м. пана з наймилшою панею его на показанній терминъ дочери моей акту веселному в домъ мой прибыть и тамъ вожделѣнною презенціею своею актъ веселній приоздобити, за что вм. м. пану в таковыхъ же случаючихся оккаазіяхъ с охотою моею отслужить обдолжаюсь, яко и нынѣ есмъ

вм. м. пана и сердечнекоханого племянника всего добра желателнії дядко и служить готовий Андрей Миклашевскій.

1735 году. Октовр. 16 д. Стародубъ.

Надпись. Его милости пану Григорію Скоруппѣ, знатному бунчуковому товаришу, моему велце мосцѣ пану и сердечне коханому племяннику вручить.

—

Къ этимъ письмамъ добавимъ, что Андрей Миклашевскій, женатый на княжнѣ Маринѣ Четвертинской, былъ старшимъ сыномъ стародубскаго полковника Михайла Миклашевскаго (о немъ см. Кіев. Стар. 1882 г., августъ, стр. 249), а Андрей Лизогубъ былъ тоже старшимъ сыномъ черниговскаго полковника Ефима Яковлевича Лизогуба. О Лизогубѣ см. Опис. Стар. Малороссіи, II, 203, а о зятѣ его, Иванѣ Пиковцѣ—Чтен. въ Ист. Общ. Нестора-лѣтоп., XI, 108.

А. Л.

Письмо Василія Ивановича Григоровича, 1824 года. Въ первой тетради новаго журнала „Искусство и Художеств. Промышленность“ (№№ 1 и 2, 1898 г.) помѣщенъ, между прочимъ, портретъ извѣстнаго секретаря академіи художествъ В. И. Григоровича, по поводу упоминанія объ издававшемся имъ (1823—1825) «Журналѣ изящныхъ искусствъ». Этому В. И. Григоровичу Шевченко, какъ извѣстно, посвятилъ своихъ Гайдамаковъ, «въ память 22 апрѣля 1838 года». Указанный здѣсь день былъ днемъ освобожденія Шевченка отъ крѣпости; отсюда слѣдуетъ думать, что Григоровичъ тоже принималъ участіе въ освобожденіи нашего „Кобзаря“, хотя объ этомъ фактѣ у позднѣйшаго біографа его нѣтъ упоминанія. О Григоровичѣ (р. 1786 † 1865) печатныхъ свѣдѣній такъ мало, что считаемъ нелишнимъ привести здѣсь одно его письмо, дающее кое какія о немъ свѣдѣнія. В. И. Григоровичъ былъ женатъ на одной изъ дочерей извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса, который въ письмѣ своемъ къ Ив. Р. Мартосу говоритъ о немъ: «Софьюшка, ваша крестница, замужемъ за Василіемъ Ивановичемъ Григоровичемъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Батюшка его Иванъ Никитичъ и матушка Прасковія Дмитріева *живутъ въ Пирятинѣ*...“ Отсюда видно, что Г—чъ былъ пиратинецъ, а слѣдовательно землякъ Шевченка. По своей близости къ

семьѣ И. П. Мартоса, Григоровичъ былъ знакомъ и съ Ив. Роман. Мартосомъ, къ которому Мартосъ-скульпторъ питалъ теплое чувство [1]). Какъ видно, и Григоровичъ изрѣдка переписывался съ этимъ родственникомъ и крестнымъ отцомъ своей жены. Одно изъ этихъ писемъ мы и приводимъ здѣсь. «М. г. Иванъ Романовичъ! У меня словъ не достаетъ для извиненій въ долгомъ моемъ молчаніи и если-бы я не увѣренъ въ вашемъ къ намъ благорасположеніи, то конечно не смѣлъ бы уже отозваться. Такимъ образомъ приложивъ вину къ винѣ, еще болѣе былъ бы виноватъ предъ вами. Но я знаю, что вы несмотря ни на что, всегда неизмѣнный въ чувствахъ къ роднымъ вашимъ и потому-то осмѣливаюсь писать къ вамъ.

Мы слава Богу здоровы, т. е. я, Софья моя и три сына: Василій, Николай и Константинъ. Всѣ они радуютъ насъ и утѣшаютъ своего дорогого дѣдушку, который забавляется съ ними въ часы весьма немногихъ досуговъ своихъ. Вы знаете, какъ Иванъ Петровичъ любитъ дѣтей и какъ подвиженъ, несмотря на свои лѣта. Объ васъ мы всегда бесѣдуемъ съ нимъ, помнимъ ваши ласки къ намъ и Софья никогда не забудетъ, что вы были для нея и сестеръ. Хлопоты мои, занятія и труды слишкомъ меня обременяющіе, только и были причиною того, что я не писалъ вамъ. Вѣрьте, что другой причины тому не было.

Служба же идетъ впередъ, но изданіе журнала („Изящныхъ Искусствъ") хотя и не принесло выгодъ значущихъ, но доставило мнѣ нѣкоторое вниманіе людей почтенныхъ и извѣстность. На нихъ, при помощи Божіей, я имѣю надежды и быть можетъ служба моя улучшится. Впрочемъ, чтобы ни было, я покоренъ провидѣнію; имъ былъ я ведомъ доселѣ,—оно управитъ пути мои и въ будущемъ.

Государь императоръ повелѣть соизволилъ продолжать изданіе журнала моего и въ пособіе пожаловало мнѣ девять тысячъ рублей. Такая милость ободряетъ меня къ дальнѣйшему труду и съ января мѣсяца начнется второе годовое изданіе, которое буду имѣть удовольствіе доставлять къ вамъ съ условіемъ неплатить мнѣ за него. Я желаю имѣть позволеніе ваше сдѣлать вамъ сіе малозначущее приношеніе и надѣюсь, что вы мнѣ въ томъ не откажете. Съ симъ же намѣреніемъ я доставлялъ вамъ и первое мое изданіе, но вы не получивъ вѣроятно письма моего, прислали мнѣ деньги, отъ которыхъ признаюсь вамъ я краснѣлъ.

---

[1]) Кіевск. Стар. 1895 г., іюнь, 345 и слѣд.

7-го пришедшаго ноября бывшее здѣсь наводненіе причинило ужасныя бѣдствія; болѣе тысячи человѣкъ потонуло, чрезвычайное множество скота погибло, домики деревянные разрушены; потери частныя и казенныя неисчислимыя. Въ окрестностяхъ тоже. Въ Кронштатѣ весь флотъ потерпѣлъ, укрѣпленія смыты, но тамъ потеря въ людяхъ простирается до ста человѣкъ не болѣе, а изъ морскихъ ни одинъ не погибъ.

Мы видѣли несчастіе, но Богу угодно было спасти насъ. Изъ нашего семейства никто не потерпѣлъ. Одна только Вѣра Ивановна напугана наводненіемъ до чрезвычайности и такъ какъ она беременна, то мы на счетъ ея имѣемъ опасеніе.

Съ наступающимъ новымъ годомъ и праздникомъ Рождества Христова поздравляемъ васъ, всепочтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, и желаемъ вамъ всѣхъ благъ возможныхъ въ семъ мірѣ.

Мнѣ остается присовокупить еще просьбу: въ новомъ году непомнить старой вины моей и любить такъ, какъ любили насъ прежде.

Съ чувствами глубочайшаго почтенія и преданности неограниченной имѣемъ честь быть вашъ, м. г., покорнѣйшіе и преданнѣйшіе слуги Василій Григоровичъ. Софья Григоровичева.

Вручитель сего письма Александръ Ивановичъ г. Родиславскій хорошій мой пріятель.

19 декабря. 1824. С.-Петербургъ.

Дневникъ Я. И. Костенецкаго. Въ 1885 г. умеръ въ Конотопскомъ уѣздѣ, на 76-мъ году отъ роду, одинъ изъ замѣтныхъ его обывателей—Яковъ Ивановичъ Костенецкій, оставившій послѣ себя замѣчательный дневникъ, по поводу котораго мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Въ воспоминаніяхъ Герцена («Былое и Думы») объ университетской его жизни, послѣ упоминанія объ арестѣ въ 1832 г. студентовъ Костенецкаго и Антоновича, говорится, что «Костенецкій отличился рядовымъ на Кавказѣ и былъ произведенъ въ офицеры. Антоновичъ тоже». Это значитъ, что, послѣ ареста, Костенецкій и Антоновичъ были разжалованы въ солдаты въ кавказскія войска.—И Костенецкій, и Антоновичъ оба были черниговцы, одинъ—конотопецъ, а другой кролевчанинъ (изъ хутора *Курячаго*). Платонъ Александровичъ Ан-

тоновичъ тоже былъ произведенъ въ офицеры и кончилъ свою общественною дѣятельность—попечителемъ кіевскаго округа. Доля Як. Ив. Костенецкаго была скромнѣе. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ случилось намъ встрѣтить И. А. Антоновича въ Москвѣ, въ одномъ знакомомъ домѣ. Если не ошибаемся, А—чъ тогда былъ керченскимъ градоначальникомъ. Разговорившись о родинѣ, Антоновичъ спросилъ насъ: а что́ подѣлываетъ Яковъ Ивановичъ?—Ничего не зная о прежнихъ отношеніяхъ А—ча и К—аго, мы неосторожно отвѣтили, что Я. И. К—ій, занимая въ Конотопскомъ уѣздѣ должность исправника, почему-то *долженъ былъ оставить* службу и живетъ теперь на покоѣ, хозяйствуя. Упоминаніе о томъ, что К—ій *долженъ былъ оставить службу* видимо взволновало А—ча, который послѣ нѣкоторой паузы, пояснилъ, что онъ былъ разжалованъ въ солдаты вмѣстѣ съ Костенецкимъ и первое время, находясь въ какомъ то полку, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Тамани или около, однимъ словомъ, на берегу Чернаго моря. «Здѣсь бывало, сказалъ затѣмъ А—чъ, пойдемъ мы съ К—мъ на берегъ моря,—онъ начнетъ играть на скрипкѣ, а я пла́чу, пла̀чу...»

Я. И. К—ій былъ очень умный и очень практическій человѣкъ. По выходѣ въ отставку, у Я. И. было небольшое имѣніе въ родовомъ селѣ Костенецкихъ Веревкѣ; онъ его продалъ и купилъ взамѣнъ у Н. Н. Константинова, въ с. Подлинномъ, имѣніе по тогдашнему счету *въ сто душъ*, а по теперешнему—около тысячи десятинъ. Н. Н. К—въ былъ холостой и больной чехоткой человѣкъ; собираясь умирать, онъ желалъ передать свое имѣніе нѣжно любимой незамужней сестрѣ Татьянѣ Николаевнѣ († 1885 г.). Узнавъ объ этомъ К—ій убѣдилъ К—ва, что дѣвушкѣ гораздо лучше получить деньги, чѣмъ имѣніе, съ которымъ ей трудно справляться, и предложилъ К—ву купить его имѣніе; К—въ согласился, но такъ какъ Я. И. не желалъ покупать гласно, то имъ придуманъ былъ способъ негласный—покупка не по купчей, а по *улиточной записи*. Такъ и сдѣлали: К—въ выдалъ К—му на свое имѣніе этотъ актъ, который *впослѣдствіи* могъ быть обращенъ въ актъ крѣпостной. Послѣ смерти Н. Н. К—ва, его наслѣдники признавая эту сдѣлку съ Я. И. К—мъ для себя невыгодною и въ тоже время незаконною, начали противъ Кост—аго судебный процессъ, доказывая, что по улиточной записи можно уступать только «открывшееся» наслѣдство, а не полученное ужé. При тогдашней судебной практикѣ вопросъ объ улиточныхъ

записяхъ былъ такъ мало выясненъ, что лишь рѣдкіе юристы-практики кое-какъ понимали смыслъ этого института, заимствованнаго изъ литовскаго статута. Когда споръ этотъ съ К—выми перенесенъ былъ въ сенатъ, то Я. И. К—ій лично отправился въ Петербургъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ и желая пояснить смыслъ улиточной записи въ благопріятномъ для себя смыслѣ, напечаталъ о ней статью въ Журн. Мин. Юст. (кажется, въ 1861 г.). Въ сенатѣ дѣло было рѣшено въ пользу Костенецкаго, при чемъ, очень можетъ быть, что его статья объ улиточной записи оказала тутъ немалую помощь.—Послѣ этого наслѣдники К—выхъ обратились къ высочайшей власти и по любопытному разсказу самого же Я. И. К—аго, императоръ Николай I обратилъ было на это дѣло особое свое вниманіе [1]); но государь вслѣдъ затѣмъ умеръ, К—вымъ еще разъ было отказано и Костенецкій сталъ безспорнымъ владѣльцемъ кругленькаго имѣнія.

Чувствуя приближеніе смерти К—ій въ 1884 г. написалъ завѣщаніе, по которому все свое имѣніе (въ томъ числѣ и «рукописи») завѣщалъ своей дочери (по мужу Глинка); Въ 1885 г. Я. И. К—ій умеръ, а вслѣдъ затѣмъ племянники его начали противъ Пр. Як. Глинки споръ, доказывая недѣйствительность дядинаго завѣщанія, потому что во время написанія завѣщанія К—ій былъ «въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей». Дочь Я. И. К—аго испугалась этого иска и пригласила для защиты знаменитаго адвоката, а судъ (Нѣжинскій), гдѣ производилось дѣло, вызвалъ изъ Кіева не менѣе извѣстнаго психіатра для экспертизы относительно умственныхъ способностей завѣщателя. Но вся эта обстановка была излишнею, такъ какъ никакого не было сомнѣнія ни въ нормальности психики завѣщателя, ни въ личности указанной имъ наслѣдницы. Племянники искъ свой проиграли, но этотъ процессъ былъ поводомъ къ представленію въ судъ *дневника* Я. И. К—аго, какъ матеріала для экспертизы. Дневникъ этотъ представленъ былъ сюда въ *тринадцати томахъ*, причемъ оказалось, что веденъ онъ былъ «почти ежедневно съ 1851 г. по день смерти», т. е. въ продолженіи *тридцати четырехъ лѣтъ* [2]).

---

[1]) См. Разсказы объ императорѣ Николаѣ I, Я. И. Костенецкаго. Историч. Вѣстн. 1883 г., № 6.

[2]) См. Кіевлянинъ, 1888 г., № 29.

Въ дневникѣ этомъ Я. И. К—ій оставилъ замѣчательный памятникъ для исторіи провинціальной жизни второй половины настоящаго вѣка. Это было время *великихъ реформъ*, въ томъ числѣ и освобожденія крестьянъ. Почти во всѣхъ этихъ реформахъ Я. И. К—ій принималъ непосредственное участіе, какъ бывшій владѣлецъ освобожденныхъ крестьянъ, какъ земскій гласный, какъ почетный мировой судья... Всѣ эти реформы, какъ они проявлялись въ глухой провинціи, всѣ они должны были отразиться въ его дневникѣ!—Незаурядною записью долженъ быть этотъ дневникъ умнаго и наблюдательнаго человѣка, обладавшаго къ тому же и литературною жилкою, [1]) а—памятникомъ интересныхъ событій, а потому о сохраненіи этого дневника нельзя не позаботиться. Слѣдуетъ думать, что дневникъ, Я. И. К—аго сохраняется въ семьѣ умершей въ этомъ году его дочери, которая незадолго передъ тѣмъ, продавъ имѣніе свое Н. А. Терещенку, совсѣмъ оставила Конотопскій уѣздъ. Можно пожелать, чтобы дневникъ Я. И. К—го, касаясь главнымъ образомъ Черниговщины, былъ положенъ на сохраненіе въ одну изъ кіевскихъ библіотекъ, публичную или университетскую, такъ какъ во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ можетъ не возбудить должнаго къ себѣ интереса.

А. Л.

Текущія извѣстія.

Постройка зданія музея древностей и искусствъ въ Кіевѣ быстро подвигается впередъ. Согласно съ проектомъ, фасадъ музея будетъ имѣть слѣдующія скульптурныя украшенія: въ трехъугольномъ фронтонѣ, вѣнчающемъ портикъ зданія, будетъ помѣщена большая лѣпная аллегорическая группа, изображающая «Торжество искусства». Эскизъ, составленный скульпторомъ на эту тему, представляетъ въ центральной части богатую, выдержанную въ классическомъ стилѣ

---

[1]) Я. И. К—ій любилъ литературу и самъ въ ней упражнялся. Самою раннею литературною его работою были *Записки объ аварской экспедиціи на Кавказѣ 1837 года*, напечатан. въ *Современникѣ* 1850 г., окт. и ноябрь. Затѣмъ извѣстны его *Письма о Пчеловодствѣ*, въ Основѣ 1862 г., и разные мелкіе разсказы, которые К—ій печаталъ въ Историч. Вѣстникѣ.

колесницу, на которой возсѣдаетъ женщина, олицетворяющая искусство. Выѣздъ богини искуства окружаетъ цѣлый сонмъ амуровъ, вооруженныхъ трубами, которыми они и провозглашаютъ искусства. Затѣмъ, на самомъ верху зданія, подъ парапетомъ будетъ поставлена другая аллегорическая группа, состоящая изъ трехъ статуй. Одна изъ статуй изображаетъ живопись, другая—скульптуру, а посрединѣ между ними помѣщается покровитель искусствъ, богъ Фебъ-Аполлонъ, возлагающій руки на головы первыхъ двухъ статуй. На высокихъ выступахъ, по бокамъ громадной лѣстницы, ведущей къ портику музея, будутъ установлены гигантскія изображенія царственныхъ львовъ, помѣщенныхъ на мощныхъ пьедесталахъ. О громадныхъ размѣрахъ этихъ львовъ можно судить по тому, что длина каждаго изъ нихъ будетъ равняться $7^1/_2$ аршинамъ, а вышина составитъ около 4 аршинъ. Вся скульптура будетъ сдѣлана изъ такъ называемаго искусственнаго камня, представляющаго весьма прочный, хорошо противостоящій вліянію атмосферныхъ осадковъ матеріалъ для лѣпныхъ работъ. Недавно также возобновились работы по окончанію постройки музея, которыя рѣшено вести съ такимъ расчетомъ, чтобы къ августу настоящаго года часть зданія была совершенно готова и сюда могли быть переведены назначенныя для музея коллекціи мѣстнаго общества древностей и искусствъ. («Кіевлянинъ»).

Кіевскій отдѣлъ императорскаго географическаго общества. Въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ открытіи отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества въ Кіевѣ, временно закрытаго еще въ царствованіе Императора Александра II. Соотвѣтствующее ходатайство разсмотрѣно въ совѣтѣ географическаго общества и будетъ послано на заключеніе кіевскаго генералъ-губернатора. Лишь послѣ благопріятнаго заключенія вопросъ этотъ можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. (Русск. Вѣд. 1899 г., № 119).

Предполагаемое открытіе въ Екатеринославѣ архивной коммиссіи. По сообщенію газеты «Приднѣпровскій край» (30 апр., № 471) въ

Екатеринославѣ предполагается открытіе ученой архивной коммиссіи. Какъ извѣстно, мысль объ учрежденіи архивныхъ коммиссій, по преимуществу въ губернскихъ городахъ, принадлежитъ покойному Н. В. Калачеву, который представилъ свои соображенія объ учрежденіи ученыхъ коммиссій и историческихъ при нихъ архивовъ съ музеями, тогдашнему президенту академіи наукъ—графу Д. А. Толстому. По разсмотрѣніи этихъ соображеній академіей наукъ, они были внесены въ комитетъ министровъ, и 13 апрѣля 1884 года высочайше соизволено на учрежденіе ученыхъ архивныхъ коммиссій и историческихъ архивовъ, на предложенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ основаніяхъ, заключающихся въ слѣдующемъ: 1) Для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, нетребующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные историческіе архивы. 2) Собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ возлагается на учреждаемую для сего въ губерніи ученую архивную коммиссію. 3) Ученыя губернскія архивныя коммиссіи составляются по взаимному соглашенію директора археологическаго института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ, какъ изъ служащихъ, такъ и не состоящихъ на службѣ въ губерніи лицъ, могущихъ быть полезными коммиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Губернаторъ есть непремѣнный попечитель такой комиссіи. 4) Предсѣдатель и правитель дѣлъ ученой коммиссіи, а въ случаѣ надобности, и помощникъ предсѣдателя, избираются самою коммиссіею, въ первое ея засѣданіе. 5) На обязанности ученой коммиссіи лежитъ: а) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ, б) составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ описей и указателей и в) расположеніе ихъ въ таковомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій. 6) Копіи съ упомянутыхъ выше описей и указателей и годовые отчеты о своихъ занятіяхъ ученыя коммиссіи представляютъ въ концѣ года директору археологическаго института, который доводитъ о нихъ до свѣдѣнія академіи наукъ, въ видѣ отчета о трудахъ за истекшій годъ по архивному дѣлу въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ учреждены такія коммиссіи. 7) Ученыя ком-

миссіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ памятниковъ старины. 8) Расходы, необходимые на содержаніе и занятія ученыхъ губернскихъ архивныхъ коммиссій, покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора археологическаго института и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки. Изъ приведеннаго законоположенія видно—какъ много пользы могутъ сдѣлать архивныя коммиссіи для сохраненія разнаго рода письменныхъ памятниковъ.

Сообщая о предполагаемомъ открытіи архивной коммиссіи въ Екатеринославѣ, газета говоритъ, что этотъ городъ и его губернія представляютъ для трудовъ архивной коммиссіи очень широкое и благодарное поле дѣятельности, какъ во всемъ касающемся славнаго царствованія императрицы Екатерины II, такъ и по богатству памятниковъ «дней славныхъ» Запорожской Сѣчи. Къ этому добавимъ, что главное условіе для успѣшной дѣятельности архивныхъ коммиссій заключается въ наличности *преданнаго* дѣлу «правителя дѣлъ», безъ котораго эти «ученыя коммиссіи» влачатъ жалкое существованіе... Полагаемъ, что одною изъ первыхъ заботъ екатеринославской архивной коммиссіи, если она будетъ открыта, будетъ—возвращеніе въ Екатеринославъ того *запорожскаго архива*, который оттуда былъ вывезенъ А. А. Скальковскимъ. (См. Кіевск. Стар. с. г., февр. 85—87).

Работы по реставрированію Великой лаврской церкви. По сообщенію мѣстной газеты («Кіевлян.», № 118) недавно въ Великой лаврской церкви возобновлены работы по реставрированію этого величественнаго храма. Главныя работы въ настоящее время сосредоточены на изготовленіи разныхъ моделей. Такъ, теперь одновременно изготовляются помощниками академика архитектуры Фартусова модели двухъ мраморныхъ сѣней надъ мощами князя Владиміра и митрополита Михаила, помѣщающимися въ нишахъ на концахъ солеи, мраморныхъ папертныхъ иконостасовъ и такихъ же иконостасовъ на хорахъ, мраморныхъ стѣнныхъ кіотовъ, мраморныхъ клиросовъ главнаго квадрата и, кромѣ того, изготовляется модель желѣзной баллюстрады на солеѣ. Что-же касается главнаго иконостаса, который также будетъ сдѣланъ изъ мрамора, то модель правой его половины

въ настоящее время совершенно готова. Судя по этой модели, сдѣланной въ натуральную величину, иконостасъ обѣщаетъ быть чрезвычайно красивымъ и изящнымъ. Вышина его составляетъ 4 сажени, а въ средней части, надъ царскими вратами, болѣе 5 саженей. Онъ будетъ украшенъ многими колоннами и полуколоннами, сдѣланными изъ мрамора различныхъ цвѣтовъ. По сторонамъ царскихъ вратъ проектированы 2 довольно большихъ малахитовыхъ колонны. Надъ царскими вратами оставлено мѣсто для чудотворной иконы Успенія Божіей Матери. Мѣстныя иконы для проектируемаго иконостаса предложено взять изъ стараго иконостаса. Одновременно съ изготовленіемъ моделей теперь производятся работы по постройкѣ мраморной баллюстрады для хоръ, взятыя съ подряда Фартусовымъ. Необходимый для этого мраморъ получается изъ Италіи, черезъ Одессу, и уже здѣсь надъ нимъ производится теска, рѣзьба, полировка и пр. Живописныя работы также возобновлены, пока, впрочемъ, только г. Поповымъ, главнымъ помощникомъ В. П. Верещагина».

Какъ ни великолѣпны будутъ эти дорогіе мраморы, прибавимъ мы, но сильно жаль уходящей при этомъ изъ достопамятнаго храма еще *болѣе дорогой—старины*...

О сохраненіи памятниковъ народнаго творчества. Мы уже упоминали (февраль II, 88) объ изготовленномъ черниговской губ. земской управой докладѣ—«о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества.» Предполагавшееся разсмотрѣніе этого доклада въ прошлую серію губ. земскаго собранія несостоялось (недошла очередь), но о важности этого доклада мы встрѣтили на страницахъ Спб. Вѣд. (№ 115) слѣдующую интересную замѣтку. Сказавъ о значеніи памятниковъ народнаго творчества вообще, авторъ замѣтки продолжаетъ:

«Вотъ почему заслуживаетъ симпатіи каждый новый шагъ, направленный къ возможно большему сохраненію этихъ остатковъ.

Такой шагъ, между прочимъ, сдѣлало недавно черниговское земство, обратившее вниманіе на одинъ существенный пробѣлъ въ этой области и поспѣшившее его восполнить. Прошедшее Черниговской губерніи,—говорится по этому поводу въ докладѣ черниговской губ. земской управы послѣднему очередному собранію,—яркими красками отразилось въ быту ея населенія. Доисторическая Русь, удѣль-

ный періодъ, войны съ половцами, поляками и татарами, козачество...—все это, пока, еще выдѣляется на общемъ фонѣ народнаго быта. Но не подлежитъ сомнѣнію, что все это, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, переработается и исчезнетъ. Можно предвидѣть что уже не далеко время, когда только въ музеяхъ и на сценѣ будетъ показываться національный женскій костюмъ, какъ пережитокъ. Древнія сказки, обрядовыя пѣсни и думы быстро выходятъ изъ народнаго обихода. А, между тѣмъ, произведенія малороссійской народной литературы, по многочисленности, художественному достоинству и силѣ выраженія, занимаютъ едва-ли не первое мѣсто среди славянскихъ народныхъ литературъ, которыя, въ свою очередь, изъ всѣхъ европейскихъ литературъ наиболѣе богаты образцами устнаго народнаго творчества...

Историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ народной пѣсни. Малорусская мелодія имѣетъ своеобразныя художественныя достоинства. Она, ближе къ природѣ, выражаетъ энергію массъ, умѣреннѣе эксплуатируетъ голосовыя средства; нѣтъ той роскоши регистра, но болѣе теплоты и естественности; если она и стремится къ тѣмъ же художественнымъ результатамъ, какъ итальянская и нѣмецкая, то, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свое содержаніе и выражаетъ его иными способами. Открывая самостоятельные пути для творчества, наряду съ мѣстнымъ національнымъ, малороссійская мелодія, очевидно имѣетъ художественное общечеловѣческое достоинство. Одного этого достаточно, чтобы обратить на нее вниманіе художника и сохранить для будущаго. Но всѣмъ извѣстно, насколько, въ настоящее время, наши народные мотивы,—въ томъ числѣ и малороссійскіе,—портятся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ фабричной и солдатской жизни, съ другой—потому, что въ самомъ народѣ теряется художественное чутье,—потому что и сами интеллигентные исполнители, не имѣя хорошихъ образцовъ, теряютъ способность художественнаго выполненія. Если такъ будетъ продолжаться, то скоро въ Малороссіи нельзя будетъ услышать хорошаго исполненія малороссійскихъ мотивовъ, и какъ теперь археологамъ приходится возстановлять древнегреческіе гимны, такъ, можетъ быть, со временемъ, придется возстановлять, напримѣръ козацкую пѣснь о Морозенкѣ и далеко ѣздить, чтобы услышать ея хорошее исполненіе. Съ этой точки зрѣнія, допустить уничтоженіе старинныхъ мотивовъ было бы не только нашимъ нерадѣніемъ, но чѣмъ то болѣе ошибочнымъ. Это былъ бы художе-

ственный вандализмъ,—новое потопленіе корабля съ произведеніями античнаго искусства. Управа справедливо полагаетъ поэтому, что эти мотивы, какъ художественно-національные, въ видахъ, какъ настоящаго мѣстнаго, такъ и будущаго общечеловѣческаго развитія, должны быть не только по возможности сохранены, но и разработаны для будущаго. Подобно тому, какъ теперь, по Высочайшему повелѣнію при «императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ» особая коммиссія заботится о гармонизаціи собранныхъ пѣсенъ и о распространеніи ихъ въ народѣ, надо позаботиться объ этомъ и для другого остатка славянской старины—мотивовъ малорусскихъ. Подобно тому, какъ «Этнографическій отдѣлъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи» разыскиваетъ великорусскія пѣсни и возстановляетъ ихъ исполненіе,—желательно то же сдѣлать и для малорусскихъ. Для достиженія этой цѣли является безусловно необходимымъ основаніе мѣстныхъ хоровъ и пѣвческихъ обществъ, подобно существующимъ обществамъ финскимъ, шведскимъ (въ Финляндіи), эстскимъ и латышскимъ. Засимъ замѣтка Спб. Вѣд. приводитъ уже напечатанные нами «пункты» доклада губ. земской управы.

Крестьянскій театръ. Въ апрѣльской книгѣ К. С. мы сообщили о томъ спектаклѣ, который былъ данъ въ с. Процовкѣ, (подъ Ромномъ), актерами-крестьянами. Теперь корреспондентъ Полтавск. губ. вѣд. сообщаетъ (№ 97), что въ томъ же селѣ Процовкѣ, въ апрѣлѣ, мѣстными любителями-крестьянами было дано еще два спектакля. Шли оперетки: одна, «Пошылысь у дурни», а другая—«Чорноморци». Корреспондентъ говоритъ: «Обѣ оперетки были сыграны крестьянами села Процовки. Составъ любителей-крестьянъ, выступавшихъ въ первыхъ народныхъ спектакляхъ, пополнился новыми силами, изъ которыхъ особенно выдавались двѣ молодыя крестьянки.—«Пошылысь у дурни»,—живая и остроумная комедія оперетка, была сыграна вполнѣ удовлетворительно. Исполнители заглавныхъ ролей Гарасько (Кукса) и Павлюкъ (Дранко) довольно ярко изобразили два діаметрально противоположные типа, не рѣдко встрѣчающіеся въ глухихъ захолустьяхъ нашихъ хуторовъ, во всей своей первобытной простотѣ и безыскусственности. Малороссійскій юморъ, искращійся почти въ каждой фразѣ «мирошника» и «коваля», часто вызывалъ въ слушателяхъ

громкій смѣхъ и восторженные аплодисменты. Осмысленная игра Гараська и Павлюка воочію убѣдила зрителей, въ значительномъ количествѣ собравшихся на спектакль, какъ простой «неученый» крестьянинъ не только правдиво понимаетъ характеръ изображаемаго лица, но и выдерживаетъ этотъ характеръ въ своей игрѣ отъ начала до конца. «Черноморцы» прошли менѣе удачно. Видно, что исполнители оперетки не совсѣмъ твердо знали свои роли.—Большая часть зрителей на обоихъ спектакляхъ состояла изъ крестьянской молодежи, которая съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за игрой своихъ собратовъ. Во время антрактовъ на лицахъ крестьянъ было замѣтно особенное оживленіе; многіе съ увлеченіемъ дѣлились впечатлѣніями по поводу видѣнной сцены, перекидываясь фразами выхваченными изъ пьесы. По всему видно, что эти спектакли доставляютъ зрителямъ, крестьянамъ великое удовольствіе, особенно при небогатой разнообразіемъ ихъ жизни. Поэтому отмѣчая живое участіе и энергію иниціатора нашихъ народныхъ спектаклей В. И. Камнева, равно какъ и лицъ, способствовавшихъ постановкѣ ихъ, нельзя не пожелать, чтобы эти спектакли, имѣющіе столь важное воспитательное значеніе среди полезныхъ народныхъ развлеченій, сдѣлались для крестьянъ болѣе доступными. Сборъ съ обоихъ спектаклей поступилъ въ число суммъ роменскаго попечительства о народной трезвости на народныя развлеченія».

Эмиграція въ восточной Галиціи. Если и у насъ, въ Россіи, переселенческое движеніе, благодаря темнотѣ народной, сплошь и рядомъ ведетъ крестьянъ къ напрасному разоренію, то во сколько разъ гибельнѣе для народа оказывается это движеніе въ восточной Галиціи, гдѣ крестьяне такъ же темны, какъ и у насъ, но гдѣ они не пользуются правительственною опекою, путемъ исключительныхъ мѣръ и узаконеній, оберегающею ихъ интересы! Тамъ народъ срывается съ мѣста и бредетъ въ невѣдомыя страны не потому только, что «тамъ, говорятъ, земли сколько хошь» и щедро раздаютъ лѣсъ, скотъ и деньги поселенцамъ; нѣтъ, въ Галиціи сверхъ того открыто оперируютъ легіоны спеціальныхъ агентовъ, которые безсовѣстнымъ образомъ мутятъ крестьянъ, подбивая ихъ къ выселенію то въ Россію, то въ Бразилію или въ Канаду, а евреи пользуются случаемъ и за-

безнѣвокъ скупаютъ ихъ земли и усадьбы. Недавно въ газетѣ «Kraj» (№ 19) помѣщена корреспонденція К. Солтана-Абгаровича, ярко рисующая, съ одной стороны, народное легковѣріе, а съ другой—еврейскую эксплуатацію. Еще въ то время, когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, галицкіе крестьяне со слѣпа устремились въ Россію, г. Солтанъ, по порученію Бучацкой повѣтовой рады, ѣздилъ по селамъ и старался отговорить народъ отъ необдуманной эмиграціи. Крестьяне отнеслись съ полнымъ недовѣріемъ къ его убѣжденіямъ и даже не хотѣли вступать съ нимъ въ разговоръ. Лишь одинъ, лично хорошо его знавшій, крестьянинъ, въ интимной бесѣдѣ объяснилъ, что именно побуждаетъ крестьянъ переселиться въ Россію. Съ таинственнымъ видомъ показалъ онъ новый желѣзный ключъ и сказалъ: «Видишь, пане, этотъ ключъ? Его продалъ мнѣ жидъ за тридцать гульденовъ, а я не отдамъ его и за тысячу. Съ этимъ ключемъ я поѣду къ царскому губернатору въ Каменецъ и какъ только покажу его, губернаторъ немедленно дастъ мнѣ «бумагу» и безплатный билетъ на проѣздъ въ „Амурскую губернію“, которая находится тотчасъ за Подольскою, близъ Одессы. Бумагу эту я покажу амурскому губернатору, и мнѣ немедленно дадутъ подводу и отвезутъ на мѣсто, гдѣ меня ожидаетъ полное хозяйство: дворъ, хата, стайни, стодолы и всякія постройки. Все ограждено каменною стѣною, съ дубовыми кованными воротами. Этотъ ключъ и есть отъ тѣхъ именно воротъ». Нужно замѣтить, что эту нелѣпицу говорилъ не какой-нибудь пропойца, а солидный крестьянинъ, владѣлецъ 12-ти морговъ земли, перешедшей затѣмъ въ еврейскія руки, и сколько его ни старались убѣдить въ томъ, что это глупая сказка, выдуманная евреями себѣ на корысть, а крестьянину на погибель, онъ не повѣрилъ, не назвалъ и имени еврея, продавшаго ему волшебный ключъ, а все твердилъ: «То вѣрно, что ни попы, ни паны не отдали бы намъ этихъ ключей, а послали бы туда своихъ людей». А вслѣдъ затѣмъ толпы галицкихъ эмигрантовъ прибыли въ Каменецъ и таборомъ расположились за городомъ. Мѣстная администрація не знала, что дѣлать съ ними: кормиться имъ было нечѣмъ, а наниматься на работы они не хотѣли и настойчиво требовали, чтобъ ихъ отправили въ «Амурскую губернію» для водворенія на пожалованные имъ, по царской милости, участки. Впослѣдствіи они, голые и босые, вернулись домой и, кормясь милостыней, все искали «адвоката», который написалъ бы въ Петербургъ жалобу на губернатора, что онъ-де продалъ ихъ участки другимъ.

Съ тѣхъ поръ галицкіе крестьяне не стремятся въ Россію, но эмиграція въ Америку нисколько не ослабѣваетъ. Нынѣшнею весною тотъ-же корреспондентъ встрѣчалъ на каждой почти станціи жел. дороги многочисленныя толпы переселенцевъ, отправлявшихся въ Канаду. Изъ разспросовъ выяснилось, что каждая семья везла съ собою около тысячи гульденовъ, вырученныхъ отъ продажи земельныхъ участковъ и имущества. Покупателями были, конечно, евреи. Они же провожали переселенцевъ на станціи, всаживали въ вагоны и при этомъ безжалостно издѣвались надъ своими кліентами, со смѣхомъ увѣряя ихъ, что они берутъ съ собою малыхъ дѣтей только затѣмъ, чтобы кормить ими акулъ въ океанѣ.

Вообще, по словамъ корреспондента, современная эмиграція въ восточной Галиціи болѣе всего вызывается и поддерживается систематическимъ обманомъ и безсовѣстной еврейской эксплуатаціей народной темноты. Агентами являются чаще всего евреи-спекулянты, но есть между ними и гминные писаря, и дьячки, и даже будто бы народные учителя. Мѣстная администрація не преслѣдуетъ ихъ, такъ какъ въ австрійскихъ законахъ нѣтъ постановленія, въ силу котораго подговоръ къ переселенію считался бы наказуемымъ проступкомъ. Галицкій сеймъ легко могъ бы провести такой законъ, но польскую шляхту будто бы удерживаетъ отъ этого опасеніе, какъ бы ее не заподозрили, что она стремится стѣснить народную свободу въ видахъ пониженія заработной платы.

Князь Н. Д. Долгоруковъ. (*Некрологъ*). 8-го мая умеръ въ Черниговѣ тамошній губернскій предводитель дворянства князь Николай Дмитріевичъ Долгоруковъ. Рѣдки общественные дѣятели, смерть которыхъ порождаетъ общую и единодушную скорбь всѣхъ ихъ знавшихъ. Къ числу этихъ рѣдкихъ дѣятелей несомнѣнно принадлежитъ князь Н. Д. Долгоруковъ. Всѣ черниговцы, всей губерніи, всѣхъ сословій и всѣхъ состояній, знавшіе кн. Н. Д. Д—ва, *всѣ*,—выражаютъ горячую скорбь объ этомъ безвременно умершемъ человѣкѣ. Въ чемъ же причина этого общаго сожалѣнія? Въ томъ только, что умершій былъ честный, прямой и любвеобильный человѣкъ. Онъ шелъ на помощь всякому общественному дѣлу и всякой частной нуждѣ, лишь бы это дѣло было живое и чистое и лишь бы нужда становилась ему извѣстною.

Князь Н. Д. Д—въ умеръ безвременно: ему было всего сорокъ лѣтъ. Окончивъ московскій университетъ въ 1881 году кандидатомъ словесныхъ наукъ, ученикъ Буслаева и Тихонравова близкій человѣкъ П. Н. Милюкова и Ф. Д. Самарина, кн. Долгоруковъ, явился общественнымъ дѣятелемъ въ Черниговщинѣ случайно: онъ женился на княжнѣ М. П. Голицыной, единственной дочери кн. П. П. Голицына, [1]) которому, при раздѣлѣ съ братьями наслѣдственными румянцевскими имѣніями, досталось въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Топальское имѣніе. Эта женитьба повела къ тому, что кн. Н. Д. былъ выбранъ новозыбковскимъ уѣзднымъ представителемъ дворянства. Не смотря на молодость, кн. Г—въ какъ-то необыкновенно скоро пріобрѣлъ въ уѣздѣ общую любовь и общее уваженіе не только мѣстнаго дворянства и чиновничества, но и мѣстнаго своеобразнаго раскольничьяго мірка. [2]) Эта любовь, это уваженіе къ прямотѣ и добротѣ кн. Д—ва сдѣлали имя его извѣстнымъ во всей губерніи. Степень этой ранней извѣстности лучше всего видна изъ слѣдующаго обстоятельства: когда вслѣдъ за смертью губ. предводителя Неплюева, черниговскому дворянству на выборахъ 1890 года предстояло избрать новаго предводителя, то уже тогда *общій голосъ всѣхъ партій* съѣхавшихся на выборы дворянъ—назвалъ кандидатомъ на эту должность тринадцатилѣтняго кн. Н. Д. Д—ва, не смотря на наличность другихъ кандидатовъ. Но кн. Д—ву тогда мѣшали его домашнія дѣла (какъ онъ самъ говорилъ) отвѣчать согласіемъ на общій призывъ и онъ на выборы 1890-го года не поѣхалъ. На выборахъ 1893-го года кн. Н. Д. Д—въ тоже не баллотировался, и согласился на избраніе лишь въ 1896-мъ году, съ котораго времени и занялъ должность губ. предводителя.

Не долго кн. Н. Д. несъ *трудныя* обязанности этой должности, но несомнѣнно, что за эти три года онъ пріобрѣлъ прочное уваженіе и теплую любовь всей губерніи. Въ своей общественной дѣятельности кн. Н. Д. неуклонно шелъ по тому пути, на которомъ и для дворянства и для земства—одинаково—онъ сталъ желаннымъ представите-

---

[1]) Кн. П. П. Голицынъ, младшій братъ черниговскаго губернатора кн. С. П. Голицына (1861—1870), былъ между прочимъ членомъ черниг. губ. земской управы въ первое ея трехлѣтіе (1865 –1868).

[2]) Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ раскольники составляютъ замѣтную часть населенія.

лемъ: и дворянство, и земство—увидѣло въ немъ человѣка, на помощь котораго, и на помощь энергическую, всегда можно было твердо разсчитывать. Безконечно заботливъ былъ умершій о всякихъ нуждахъ, которыя онъ встрѣчалъ въ сферѣ своей дѣятельности. До какой степени кн. Д—въ не упускалъ изъ виду общественныхъ нуждъ, указываетъ незначительный, повидимому, но близкій задачамъ нашего журнала слѣдующій случай: видя заминку въ дѣятельности новооткрытой черниговской архивной коммиссіи, кн. Д—въ усердно искалъ еще и въ послѣднее время человѣка, который сталъ бы у ея руля съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ нему, и велъ переписку объ этомъ съ людьмы вовсе ему чужими.

Помвная съ болью въ сердце безвременно умершаго кн. Н. Д. Д—ва, мы не сомнѣваемся, что память о немъ также долго будетъ жить въ Черниговщинѣ, какъ живетъ память объ одномъ изъ его предшественниковъ—Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ (1832—1838 [1]), который былъ такимъ же прямымъ, отзывчивымъ и любвеобильнымъ дѣятелемъ, какъ и князь Н. Д. Долгоруковъ.

---

1) См. о немъ Кіевск. Стар. 1897 г., январь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Черниговская памятка. *Справочная книжка на $189^8/_9$ годъ. Съ рисунками, таблицами въ текстѣ, календаремъ, адресъ-календаремъ, картою губерніи и двумя планами г. Чернигова. Черниговъ 1898. 16°, 268+428+92+24+517+32 стр.*

Подъ приведеннымъ заглавіемъ издана толстая книжка, объемомъ почти въ три раза больше «Черниговской памятки» на $189^6/_7$ годъ, о которой былъ данъ отзывъ въ Кіевской Старинѣ 1897 года (№ 4). Это увеличеніе объема отчасти обусловивается тѣмъ, что въ книгѣ помѣщено много такого, что не имѣетъ никакого отношенія къ Черниговской губерніи, причемъ помѣщены напр. рѣчи, произнесенныя разными высокопоставленными лицами и не имѣющія повидимому никакого отношенія къ Черниговской губерніи, какъ то: рѣчи министровъ, финляндскаго генералъ-губернатора, товарища оберъ-прокурора святѣйшаго синода и проч.

Но независимо отъ этого, не идущаго къ памятной книжкѣ Черниговской губерніи материала, книга, кромѣ календарныхъ и справочныхъ свѣдѣній, даетъ значительное количество статистическихъ и историческихъ свѣдѣній о Черниговской губерніи. Опуская изъ нихъ мелкія свѣдѣнія и замѣтки, укажемъ болѣе крупныя статьи и матеріалы историческаго характера.

1. *Былое Черниговской земли*, очеркъ А. К. Ярыгина. Статья представляетъ пересказъ извѣстныхъ событій, написанный по довольно случайно составленному собранію пособій. Такъ изъ списка источниковъ, которыми авторъ пользовался, видно, что онъ руковод-

ствовался «Исторіей Государства Россійскаго» Карамзина, а въ «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьева не заглядывалъ; изъ историческихъ трудовъ Костомарова авторъ пользовался только одними «Лекціями по русской исторіи»; незнакомъ онъ со многими сочиненіями, спеціально посвященными мѣстной исторіи, какъ „Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи“ Филарета, «Исторія Сѣверной земли» Голубовскаго и Багалѣя, и другія. Очеркъ посвященъ преимущественно исторіи удѣльныхъ князей; о козачествѣ и гетманщинѣ авторъ говоритъ всего на двухъ страницахъ, причемъ незнакомство его съ этимъ предметомъ видно изъ слѣдующихъ строкъ, въ которыхъ авторъ характеризуетъ время, предшествовавшее Богдану Хмельницкому: оно (т. е. козачество) иногда возводило въ гетманы людей честолюбивыхъ, наивно мечтавшихъ о возможности самостоятельнаго, среди все болѣе и болѣе усиливавшихся государствъ Европы, существованія Украины; лица эти глубоко не вникали въ послѣдствія удѣльно-вѣчеваго періода старой Руси и не замѣчали новаго міроваго закона—племенной *борьбы за существованіе*, который выдвигался историческими событіями Европы». Авторъ какъ будто не подозрѣваетъ того, что законъ борьбы за существованіе, теоретически обоснованный Дарвиномъ и Іоллесомъ, которые и ввели этотъ терминъ въ біологію и съ трудами которыхъ гетманы не только до Богдана Хмельницкаго, но и послѣ него, не могли быть знакомы, не былъ созданъ какими либо историческими событіями Европы, а существовалъ всегда и всюду, гдѣ есть органическая жизнь, и что между племенами борьба за существованіе началась также не со временъ козачества.—2. *Краткій историческій очеркъ Черниговской епархіи*, на основаніи изслѣдованій Діева и архіеп. Филарета Гумилевскаго—составленъ А. Л. Ковалевскимъ по сочиненію «Черниговская епархія послѣ Батыя, именуемая Брянскою», Москва 1892. Извлеченіе это сдѣлано слишкомъ торопливо, и потому мѣстами отличается не совсѣмъ удобопонятнымъ изложеніемъ [1]).

---

[1]) Какъ видно напр. изъ слѣд. строкъ. „Указомъ 1 сентября 1797 г.“, говоритъ авторъ, „Новгородсѣверская епархія *была закрыта* и опять соединена съ Черниговскою, а Кондратовскій (Илларіонъ, бывшій епископъ новгородсѣверскій) перемѣщенъ въ Могилевъ. *При этомъ открытіи* Новгородсѣверскою каѳедрою былъ учиненъ Новгородсѣверскій Спасо-Преображенскій монастырь, гдѣ ранѣе жили Лазарь Барановичъ и Арсеній Могилянскій“. Послѣднею фразою авторъ хотѣлъ сказать, что, когда Новгородсѣверская епархія была открыта, то существо-

Въ статьѣ приведенъ интересный указъ 10 апрѣля 1786 г., которымъ между прочимъ повелѣно было обратить Троицкій-Ильинскій монастырь «для помѣщенія университета, въ семъ городѣ учреждаемаго.» 3. *Краткое повѣствованіе о Михаилѣ князѣ Черниговскомъ* и бояринѣ его Өеодорѣ—извлечено изъ брошюры, изданной черниговскимъ братствомъ св. Михаила. 4. *Описаніе хранящагося въ Черниговскомъ историческомъ музеѣ стариннаго серебрянаго барельефа* (пожертвованнаго А. В. Гудимъ-Левковичемъ), изображающаго казнь черниговскаго князя Михаила и боярина его Өеодора [1]). 5. *Грамота св. Өеодосія*, данная мельнику Пархому Ивановичу на устройство гребли и водяной мельницы на рѣчкѣ Смолинкѣ,—съ объясненіемъ къ ней П. М. Добровольскаго. Въ грамотѣ говорится, что «господари монастыря Елецкаго черниговскаго умыслили на рѣчкѣ Смолинцѣ, въ грунтахъ монастырскихъ, межъ селомъ Надиновкою и Копачевымъ, гдѣ обыдва береги монастырскіи, греблю засыпаты и млынъ на ней построити,—до котораго построеня приняли собѣ за ремесленика и мелника Пархома Івановича», и далѣе приведены условія соглашенія съ Пархомомъ Ивановичемъ. Села Надиновки и Копачевъ находятся въ Остерскомъ уѣздѣ, но въ настоящее время, какъ удостовѣряетъ г. Добровольскій, между ними нѣтъ ни мельницы, ни рѣчки Смолинки, а также нѣтъ въ этой мѣстности и никакихъ владѣній Елецкаго монастыря. 6. *Нѣкоторыя подробности, касающіяся учрежденія Малороссійской (Черниговской) губерніи* въ 1796—1797 г. (по неизданнымъ архивнымъ документамъ). А. Л. Ковалевскаго. 7. *Посѣщеніе Чернигова и Черниговской губерніи Высочайшими особами* въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Составилъ А. Л. Ковалевскій. 8. *Извлеченіе изъ сборника А. Л. Ковалевскаго*: «Освободительная реформа императора Александра II и осуществленіе ея въ предѣлахъ Черниговской губерніи». Сборникъ этотъ былъ составленъ, по порученію черниговскаго губернатора, ко дню откры-

---

вавшій тамъ Спасо-Преображенскій монастырь сдѣлался новгородсѣверскою каѳедрою, но онъ выразилъ это въ такой формѣ, что несвѣдущій читатель можетъ задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ Новгородсѣверская каѳедра могла „учинить“ Спасо-Преображенскій монастырь, когда этотъ монастырь существовалъ и раньше; притомъ писавши послѣднюю фразу, авторъ забылъ, что передъ нею онъ говорилъ не объ открытіи, а о закрытіи Новгородсѣверской епархіи...

[1]) Не кіевская ли это подделка, которыхъ теперь можно много встрѣтить на Подолѣ, въ родѣ барельефа—„Пиръ Петра В. послѣ полтавскаго сраженія“? *Ред.*

тія въ Черниговѣ 30 августа 1897 г. памятника императору Александру II. Напечатанное въ «Черниговской памяткѣ» извлеченіе изъ сборника заключаетъ въ себѣ слѣдующіе матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ въ Черниговской губерніи: адресъ черниговскаго дворянства на имя министра внутр. дѣлъ, 8 мая 1858 г. со всеподданнѣйшею просьбою о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на открытіе комитета для составленія проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Черниговской губерніи,—Высочайшій рескриптъ на имя начальника Черниговской губерніи 18 мая 1858 г.,—отношеніе министра внутр. дѣлъ къ тому же начальнику отъ 20 мая 1858 г.,—описаніе открытія черниговскаго комитета для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ (изъ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей 1858 г.),—постановленіе перваго засѣданія означеннаго комитета 22 іюля 1858 г.,—краткія свѣдѣнія о дѣятельности того же комитета и закрытіе его засѣданій (изъ тѣхъ же Вѣдомостей),—рѣчи, сказанныя на прощальномъ обѣдѣ членами того же комитета: А. И. Покорскимъ-Жоравко, Н. П. Бороздною, В. И. Лизогубомъ, А. И. Ханенкомъ, В. О. Подвысоцкимъ, Г. П. Галагановъ, П. А. Васильчиковымъ, А. И. Лизогубомъ, и В. Д. Дунинъ-Борковскимъ,—депеша и донесеніе управляющаго Черниговской губерніей объ обнародованіи въ Черниговѣ манифеста 19 февраля 1861 г. 9. *О возникновеніи черниговской ученой архивной коммиссіи*—перепечатано изъ 1 го выпуска трудовъ этой коммиссіи. 10. *Черниговскій театръ* (1854—1897). И. Н. Лагоды. Небольшая статья, которая между прочимъ даетъ не безъинтересныя для исторіи театральнаго дѣла свѣдѣнія о томъ, какъ въ Черниговѣ оперетка была насаждаема губернаторомъ С. П. Голицынымъ, благодаря поддержкѣ котораго «Прекрасная Елена» была поставлена въ Черниговѣ раньше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Изъ помѣщенныхъ въ «Памяткѣ» статистическихъ данныхъ любопытны свѣдѣнія въ замѣткѣ: «Что читаютъ въ Черниговѣ». (Изъ отчета черниговской общественной библіотеки). Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что любимѣйшимъ въ Черниговѣ писателемъ является Д. Л. Мордовцевъ, сочиненія котораго въ теченіе года были взяты для чтенія 859 разъ, тогда какъ сочиненія Л. Толстаго требовались 645 разъ, Тургенева—557, Гоголя—271, Щедрина—270, Гончарова—216, Достоевскаго—214, Пушкина—91, Лермонтова—57. Изъ другихъ малорусскихъ авторовъ чаще требовались сочиненія Квитки,

Левицкаго и Карпенка-Карого. Изъ историковъ наибольшимъ успѣхомъ пользовался Костомаровъ.

Къ «Памяткѣ» приложены: а) изображеніе святителя св. Ѳеодосія, —б) факсимиле вышеупомянутой грамоты его,—в) видъ черниговскихъ соборовъ,—г) видъ Троицкаго монастыря,—д) видъ дома Мазепы на черниговскомъ валу,—е) снимокъ съ барельефа, изображающаго казнь черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора,—ж) изображеніе памятниковъ, воздвигнутыхъ въ Черниговѣ императорамъ Александру II и Александру III,—з) два плана Чернигова—конца XVIII вѣка и современный и и) карта Черниговской губерніи.

Н. Ш.

Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Н. И. Теодоровича.* Томъ IV. Староконстантиновскій уѣздъ. Почаевъ, 1899 г., 928+IV стр.

Губерніи Юго-Западнаго края принадлежатъ къ числу наименѣе изслѣдованныхъ; они не имѣютъ ни списковъ населенныхъ мѣстъ, какія составлены обществами генеральнаго штаба для восточныхъ губерній, ни такого описанія, какому подвергнуты земскія губерніи; существованіе въ началѣ 70-хъ годовъ Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества давало надежду на такое всестороннее изслѣдованіе, но этой надеждѣ не суждено было сбыться вслѣдствіе закрытія Отдѣленія. Эта задача, хотя и входитъ въ кругъ обязанностей губернскихъ статистическихъ и историко-статистическихъ епархіальныхъ комитетовъ, но она разрѣшается ими или односторонне, или слишкомъ поверхностно, и причина этому лежитъ въ неудовлетворительности постановки изученія матеріала и въ ограниченіи его. Тѣмъ болѣе эта задача изученія края тяжела для единичныхъ силъ; не смотря, однако, на трудности, отдѣльныя лица берутъ на себя исполненіе этой задачи и дѣлаютъ возможное для нихъ; благодаря имъ, мы имѣемъ, хотя и устарѣвшее уже, описаніе Кіевской губерніи («Списки населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи»); такое же описаніе Подольской губерніи начато уже печатаніемъ («Описаніе церквей и приходовъ Каменецкаго уѣзда» о. Е. Сѣцин-

скаго). Описаніе Волынской губерніи ведется теперь преподавателемъ Волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичемъ; въ настоящемъ году имъ изданъ уже IV-й томъ, I-й же томъ вышелъ въ 1888 году; онъ обнимаетъ собой уѣзды: Житомирскій, Новгородъ-Волынскій и Овручскій; II й томъ, вышедшій въ 1889 г., обнимаетъ уѣзды: Ровенскій, Острожскій и Дубенскій; III-й томъ, вышедшій въ 1893 г., обнимаетъ уѣзды: Кременецкій и Заславскій; наконецъ, IV-й томъ посвященъ Староконстантиновскому. Такимъ образомъ въ теченіе 10—12 лѣтъ г. Теодоровичемъ описано девять уѣздовъ. По мѣрѣ описанія, программа автора значительно расширяется; въ I-мъ томѣ, излагая свѣдѣнія о какомъ-либо селѣ, онъ располагаетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: мѣстоположеніе села и разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и станцій почтовыхъ и желѣзно-дорожныхъ; время основанія храма, престольный праздникъ; состояніе построекъ и священническихъ домовъ, количество населенія, количество церковной земли, жалованье причту, время метричныхъ книгъ и исповѣдныхъ вѣдомостей; свѣдѣнія о школѣ и число учениковъ; имена священниковъ и причетниковъ. При случаѣ имъ перечисляются заслуживающія вниманія и хранящіяся въ церкви: иконы, рукописи и старопечатныя книги; въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приведены указанія древнихъ актовъ касающіяся исторіи селъ и на переходы его отъ одного владѣльца къ другому. Исторія городовъ изложена г. Теодоровичемъ столь же подробно, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ исторической литературѣ, а о владѣльцахъ ихъ сообщаются біографическія свѣдѣнія и генеалогія; когда у автора имѣется въ рукахъ неизданный матеріалъ, онъ приводитъ его въ переводѣ на современный русскій языкъ, чѣмъ, конечно, придаетъ еще большую цѣну описанію. Во II-мъ томѣ эти же свѣдѣнія излагаются большими подробностями, а съ III-го тома описаніе становится уже обильнѣе новыми фактами: авторъ старается обрисовать и народную жизнь, сообщая описаніе обычаевъ, народныхъ вѣрованій и преданій, записывая пѣсни, пословицы и проч. Какъ постепенно расширяется описаніе, видно между прочимъ и изъ того, что авторъ въ I-мъ томѣ каждому уѣзду отводитъ среднимъ числомъ около 145 страницъ; во II-мъ—около 230, въ III-мъ—около 345, а въ IV-мъ одинъ уѣздъ описывается уже на 790 страницахъ; вводимыя въ него авторомъ подробности касаются описанія зданія храма, живописи, церковной утвари, одеждъ, книгъ богослужебныхъ, духовно-нравственнаго содержанія, а метри-

ческихъ, изъ которыхъ г. Теодоровичъ извлекаетъ цифровыя данныя о ростѣ населенія села или города съ половины прошлаго вѣка и до послѣднихъ годовъ, давая, такимъ образомъ, матеріалъ и для статистическихъ работъ при перечисленіи именъ настоятелей церквей онъ сообщаетъ и біографическія данныя и перечисляетъ литературные труды, если таковые печатались священниками; но особенно обиленъ IV-й томъ этнографическими подробностями. Кромѣ особенностей, касающихся народныхъ вѣрованій и повѣрій, авторъ отмѣчаетъ народные религіозные и бытовые обычаи, пѣсни, пословицы и поговорки, народную медицину, представляетъ по мѣстамъ экономическое положеніе села, его промыслы, торговлю и проч. Отсюда мы видимъ, какъ широко старается авторъ поставить дѣло описанія Волыни, съ каждымъ новымъ томомъ и какъ цѣнны сообщаемые имъ факты, если же мы примемъ во вниманіе, что оно ведется однимъ человѣкомъ, вдали отъ центровъ, гдѣ можно имѣть подъ руками нужныя пособія и совѣты опытныхъ людей, то къ труду г. Теодоровича должно отнестись съ глубокимъ уваженіемъ и полной снисходительностью къ слабымъ сторонамъ; и это не наше только личное мнѣніе; гораздо раньше труды г. Теодоровича оцѣнены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и рекомендованы для библіотекъ средне-учебныхъ заведеній кіевскаго и виленскаго учебныхъ округовъ. Такое же распоряженіе сдѣлано и свят. синодомъ.

Ив. Каманинъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Описаніе Черниговской губерніи.* Составлено по порученію губернскаго земства А. А. Русовымъ. Изд. ред. «Земск. Черниг. губ.» Черниговъ. 1898. 8 д. л. Томъ I. XI+97+437+123 стр. Прилож. 19 картъ въ текстѣ и особо—почвенная карта Черниговской губерніи, на 2-хъ больш. л. л. *Содержаніе:* предисловіе, территорія губерніи, оро-гидрографическій очеркъ, климатъ, геологическій очеркъ, почвы губерніи, распредѣленіе площади по угодьямъ, землевладѣніе, лѣса и запасная площадь, кормовая площадь, пищевая площадь и—полеводство и скотоводство, и приложенія.—Книга г. Русова, печатавшаяся первоначально въ «Земск. сборникѣ Черниг. губ.», представляетъ собою результатъ громаднаго труда, и нѣтъ сомнѣнія, что въ

русской статистической литературѣ оно займетъ выдающееся мѣсто. Второй томъ «Описанія» начатъ печатаніемъ въ апрѣльск. книги «Земск. сборника».

— *Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. А. А. Шахматова.* Журнал. М. Нар. Пр., апрѣль, 325—374. По обилію затронутыхъ вопросовъ статья академ. Шахматова въ высшей степени любопытна. Между прочимъ здѣсь мы читаемъ: «Мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Приднѣпровье лишь въ историческое время; мы должны признать ихъ такими же первоначальными поселенцами Россіи, какъ признали кривичей или вятичей. Но малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Черного моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ...» «Изученіе современныхъ малорусскихъ говоровъ приводитъ насъ къ заключенію объ исконномъ дѣленіи малорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное поднарѣчіе; существованіе цѣлаго рода смѣшанныхъ говоровъ между обоими этими поднарѣчіями ясно указываетъ на продолжительныя столкновенія между южными и сѣверными малоруссами; столкновенія эти имѣли слѣдствіемъ появленіе южно-малорусскихъ говоровъ на сѣверно-малорусской территоріи, что особенно убѣдительно доказываютъ угро-русскіе и галицкіе говоры, сохранившіе свои сѣверно-малорусскія черты тамъ, гдѣ не такъ скоро могла ихъ ассимилировать южно-малорусская волна... Въ сторонѣ отъ этихъ столкновеній оставались наиболѣе южныя племена малорусскія, которыя, какъ видно изъ событій XIII вѣка не вполнѣ втянулись и въ общую политическую жизнь прочихъ племенъ, послѣ колонизаціоннаго движенія, охватившаго сѣверныхъ ихъ сосѣдей, которые заняли южную часть Черниговской и сѣверную Полтавской губерній, наступила очередь и для этихъ южныхъ племенъ, жителей древняго Понизовья, сидѣвшихъ между Бугомъ и Днѣстромъ: они заняли Слободскую Украину и южныя степи, перенеся туда свой древній языкъ, малопотерпѣвшій отъ столкновеній съ родственными племенами. Оставленныя ими въ Заднѣпровьѣ мѣста были заняты сѣверными сосѣдями, сидѣвшими между ними и сѣверными малороссами — полѣхами".

— *Dr. Alfred Halban. Zur Geschichte des deutschen Rechtes in der gebieten von Tschernigow und Poltawa.* 1898. 8 д. л. 15 стр. Отдѣльн. оттискъ изъ «Zeitschrift der Savigny Stiftung» (t. XIX).

Рѣчь идетъ повидимому о «магдебурскомъ правѣ», практиковавшемся, по словамъ автора, въ «судахъ козацкихъ». (Kraj, № 19).

— *Mar. Dubiecki. Obrazy i studia historyczne.* Serya II. Warszawa. 1899. 8 д. л. Въ этомъ выпускѣ отмѣчаемъ двѣ статьи: „Zawiązki dziejów Siczy Zaporozkiey" и „Zarysy institucyi Zaporoża".

— *Къ исторіи народнаго орнамента.* Художника Е. М. Марковскаго. «Искусство и Художественная Промышленность», апрѣль, 540—5. Рѣчь идетъ объ узорахъ *писанокъ* на Волыни, причемъ помѣщены рисунки 25-ти писанокъ.

— *Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в).* Историческая справка. А. Панкова. Съ февраля мѣсяца печатаются въ Русск. Вѣстн. статьи подъ этимъ заглавіемъ, причемъ здѣсь упоминается и Малороссія. Для общаго очерка прихода въ старой Малороссіи авторъ пользуется извѣстною статью Еф. Крыжановскаго «О малорусск. церковномъ приходѣ», помѣщенною въ «Руководствѣ для сельскихъ пастыр.» за 1861 г., а для времени, относящемся къ царствованію императрицы Екатерины II. (Р. В., май, 20—38) руководящимъ источникомъ г. Панкову служитъ извѣстная рукопись— *Пункты сочиненныи по указу 1 сент. 1767 г. изъ святѣйш. правит. синода о принадлежащихъ духовенству, епархіи Кіевскія какъ о владѣніи грунтовъ, такъ и о прочихъ ихъ выгодностяхъ.* [1]) Здѣсь, между прочимъ, авторъ говоритъ, что при Екатеринѣ II былъ «разрушенъ институтъ свободныхъ церковныхъ ктиторовъ и вольнаго дьячества", вслѣдствіе чего послѣдовало «полное растройство въ сложныхъ церковныхъ дѣлахъ и хозяйствѣ, причемъ уходъ дьячковъ и пономарей, обучавшихъ въ школахъ, которыми тогда была усѣяна Малороссія, повлекъ за собою ихъ полный упадокъ... «Послѣднее заключеніе автора никакими данными не подкрѣплено и едва ли вѣрно. Румянцовская Опись застаетъ *приходскія* церковныя школы въ прежнемъ ихъ видѣ и количествѣ. Исчезли приходскія школы въ Малороссіи, повидимому, въ нач. XIX вѣка, [2]) причемъ причину ихъ исчезновенія нужно искать отчасти въ утвердившемся въ это время крѣпостномъ правѣ, а отчасти въ томъ бюрократическомъ гнетѣ, которому подвергся общественный бытъ малороссійскихъ козаковъ и государственныхъ крестьянъ послѣ отдачи ихъ въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ...

---

[1]) О ней см. Кіевск. Стар. 1896 г., іюнь, II, 88.

[2]) См. Кіевск. Стар. 1896 г., апрѣль, II, 8.

— *Двадцатипятилѣтіе историческаго общества Нестора-лѣтописца.* Историческая записка, составленая поч. чл. Н. П. Дашкевичемъ. Кіевъ. 1899. 8. д. л. 98 стр. и три потрета: М. А. Максимовича, М. А. Тулова и А. А. Котляревскаго. Портретъ М. А. Тулова изданъ впервые. Желательно, чтобы кто нибудь изъ близко знавшихъ этого человѣка людей написалъ о немъ воспоминанія и такимъ образомъ обрисовалъ личность М. А. Т—ва, который не долженъ быть забытъ за его горячее отношеніе къ мѣстнымъ общественнымъ интересамъ.

— *Святый благовѣрный князь Домонтъ псковскій.* Въ память 600-лѣтія со дня его кончины. 1299—1899. Спб. 1899. 8 д. л. 24 стр. (Безплатное народное изданіе Е. В. Богдановича). - Отмѣчаемъ эту брошюру потому, что въ ней помѣщенъ портретъ генеральнаго судьи Ивана Домонтовича [1]) († 1683 г.) и рисунокъ иконостаса главнаго храма батуринскаго Крупицкаго монастыря, котораго ген. судья Домонтовичъ былъ «фундаторомъ» (т. е. строителемъ). Портретъ ген. судьи Д—ча помѣщенъ здѣсь потому, что авторъ брошюры въ черниговскихъ Домонтовичахъ видитъ «потомковъ свят. благовѣрнаго князя Домонта» (стр. 22). Никакихъ впрочемъ доказательствъ этого происхожденія въ брошюрѣ не указано, да и найти ихъ, замѣтимъ мы, невозможно. Если черниговскіе Домонтовичи, (потомки генер. судьи) и производятъ себя отъ псковскаго князя Домонта, то разумѣется безъ всякихъ къ тому документальныхъ основаній, а лишь потому, что Домонтовичи могутъ происходитъ отъ *Домонта.* Но въ такомъ случаѣ случаѣ Домонтовичамъ вѣроятнѣе было бы вести свой родъ отъ ихъ земляка—черкасскаго земянина князя Василія Домонта, о которомъ вспоминаетъ черкасская люстрація 1552 г. (Арх. Юг.-Зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 89). Но и съ этимъ княземъ нѣтъ у нихъ ничего общаго... Первымъ извѣстнымъ Домонтовичемъ былъ Иванъ (будущій ген. судья) котораго впервые встрѣчаемъ на урядѣ Слабинскаго сотника въ 1659 г., когда гетманъ Выговскій далъ ему универсалъ на два черниговскія села—Смолинъ и Максимъ. [2]) Можно думать, что

---

[1]) Оригиналъ этого портрета хранится въ батуринскомъ Крупицкомъ монастырѣ и давно заслуживалъ изданія.

[2]) „. . . Маючи особливый взглядъ на значніе въ Войску Запорозкомъ пана Ивана Домонтовича, сотника Слабинского, заслуги которій во всякихъ при случающихся военнихъ оказѣяхъ отважне ставаючи, иннимъ до неустрашоного былъ поводомъ статку наданія оному и симъ унѣверсаломъ надаемъ двѣ села смолинъ и Максимъ названіе, лежачіе во воеводствѣ и полку Чернѣговскомъ"...

Иванъ Домонтовичъ былъ выходцемъ изъ золотоношскаго мѣстечка Домонтова и отсюда получилъ свое названіе; а также можетъ быть, что этотъ Иванъ былъ сыномъ какого нибудь слабинскаго козака по имени Домонта, родившагося 20 мая, а потому и получившаго имя князя-святителя псковскаго, память котораго церковь празднуетъ въ этотъ день. Вотъ здѣсь связь Домонтовичей съ псковскимъ святымъ Домонтомъ возможна, если только впрочемъ память святителя Домонта была уже отмѣчена въ южно-русскихъ святцахъ первой полов. XVII в.

— *Pamiętniki Sadyka-Paszy Michała Czaikowskiego. Tłomaczył na polskie A. P. Lwów. 1898.* Переводъ этотъ сдѣланъ съ русскаго перевода, печатающагося съ 1895 г. въ «Русской Старинѣ». Насъ нѣсколько удивило, что изданъ переводъ съ перевода при существованіи польскаго оригинала. Правда, ред. «Русск. Старины», какъ сообщаетъ г. Равита-Гавронскій въ львовскомъ Przewodnik'ѣ, обезпечила непоявленіе въ печати оригинала раньше напечатанія перевода — неустойкой въ 2000 р. Во всякомъ случаѣ изданіе польскаго перевода показываетъ, что польское общество интересуется мемуарами Чайковскаго. Польскій переводъ этихъ мемуаровъ вызвалъ замѣтки въ Przewodnik'ѣ naukow'омъ i literack'омъ (1898 г., 942—946 стр.) г. Гавронскаго и въ «Газетѣ Львовской» (№№ 43 и 45), Мих. Ролле, при чемъ здѣсь указываются слабыя стороны воспоминаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчается и интересъ ихъ, какъ матеріала для характеристики виднаго въ свое время дѣятеля. Ред. «Кіевск. Старины» уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось высказать свое мнѣніе о мемуарахъ Чайковскаго. Печатая въ переводѣ тѣ части изъ находившагося въ распоряженіи редакціи объемистаго оригинала, которыя имѣли отношеніе къ Малороссіи, т. е. воспоминанія о молодыхъ годахъ автора, редакція замѣчала: «воспоминанія изъ дней юности, повидимому, утратили въ умѣ покойнаго свою первоначальную свѣжесть, и пробѣлы памяти иногда пополняются поэтому нѣсколько поспѣшно, но самыя ошибки эти представляютъ нѣкоторый интересъ для характеристики настроенія писателя, жизнь котораго сложилась столь необычнымъ образомъ». (Кіевск. Старина 1891, № 1, стр. 44—45).

— *Борьба Польши съ козачествомъ во втор. пол. XVII и нач. XVIII вѣка. В. В. Волка-Карачевскаго. Кіевъ. 1899. 8 д. л. 359 стр.* Книга эта заключаетъ въ себѣ работу студента, писанную на медаль. Къ этого рода работамъ требованія должны быть особыя, между

прочимъ и потому, что темы ихъ принадлежатъ не авторамъ. Но во всякомъ случаѣ, отъ *медальныхъ сочиненій* необходимо требовать *подробнаго обслѣдованія фактовъ по первоисточникамъ*. Такъ, повидимому, смотрѣлъ на свою работу и самъ авторъ названной книги, предпославшій ей длинный списокъ источниковъ съ ихъ краткою, но не всегда точною и ясною характеристикою [1]). Кромѣ первоисточниковъ, авторъ называетъ и «сочиненія уже обработанныя», и между ними на первомъ мѣстѣ ставитъ труды Костомарова, замѣчая что въ критику этихъ трудовъ онъ не станетъ пускаться, потому что „они достаточто извѣстны". Дѣйствительно, въ *медальномъ* сочиненіи можно не пускаться въ критику указанныхъ здѣсь трудовъ Костомарова по исторіи Малороссіи, но *фактическую ихъ сторону* провѣрять было необходимо. Извѣстно, что ссылки на источники у Костомарова иногда приводятъ читателя въ недоумѣніе. Да притомъ же Костомаровъ не пользовался всѣми источниками, еще и при жизни его обнародованными. Приводимъ примѣръ, почему факты Костомарова провѣрять слѣдуетъ. Говоря объ осадѣ Глухова королемъ Яномъ Казиміромъ въ 1664 г., г. В. Карачевскій замѣчаетъ: «мы не станемъ останавливаться на этой осадѣ; она оч. подробно и *обстоятельно* описана у Костомарова», а затѣмъ сказавъ, что осада Глухова была снята въ виду приближенія Брюховецкаго съ Ромодановскимъ,—авторъ продолжаетъ: „Рѣшили оставить осаду Глухова и готовиться къ бою. Бой этотъ произошелъ, по свидѣтельству Величка, 30 января и окончился полнымъ пораженіемъ поляковъ... Польское войско отступило къ Н.-

---

[1]) Вотъ примѣры: „*Матеріалы Судьенка* (разумѣется „Матер. для отечеств. истор.") заключаютъ въ себѣ переписку съ Мазепой разныхъ лицъ, стоявшихъ близко къ Петру I и сообщаютъ свѣдѣнія о событіяхъ въ правобер. Украинѣ въ нач. XVII ст." Если XVII-й вѣкъ здѣсь и опечатка, то во всякомъ случаѣ *никакой переписки съ Мазепою въ указанной книгѣ—нѣтъ*.—Называя томы III и IV Исторіи Малороссіи Маркевича, авторъ говоритъ: „здѣсь сведены всѣ документы (?), начиная съ гетманства Хмельницкаго до конца гетманства".—Непонятно.—*Климактеры*—Коховскаго—„*все сочиненіе написано по латыни, исключая* IV-го тома, *переведеннаго* на польскій". На какомъ же языкѣ написанъ IV-й томъ? спроситъ читатель и отвѣтитъ: тоже по латыни.—Свѣдѣніе о написаніи сочиненія Коховскаго на латинскомъ языкѣ—заключается въ самомъ его заглавіи (Annalium Poloniae Climacteres), а для читателя интереснѣе было бы заключеніе автора—о степени достовѣрности этого источника... „Przezdiecki—Podole, Wołyn y Ukraina—описаніе въ беллетристической формѣ упомянутыхъ въ заглавіи мѣстностей .." Никакой беллетристики здѣсь нѣтъ, а есть описаніе археографическаго путешествія.

Сѣверску. На пути къ этому городу, при переправѣ черезъ Десну, у с. Пироговки, Брюховецкій съ Ромодановскимъ догнали отступавшее польское войско и сильно побили его". (Стр. 118). Такъ и у Костомарова (XV, 33) но съ оговоркою, что онъ не рѣшается принять за «достовѣрную историческую правду» описаніе битвы 30-го января, п. ч. источникъ передающій подробности этой битвы нерѣдко является не вѣрнымъ, а «другихъ описаній этой битвы, говоритъ Костомаровъ, ни въ русскихъ, ни въ польскихъ источникахъ онъ не нашелъ». Дѣйствительно, указаніе на битву 30-го января подъ Глуховомъ—не вѣрно, п. ч. *этой битвы вовсе не было*. Была только одна «битва» (короля съ Ромодановскимъ и Брюховецкимъ)—около Пироговки. Это видно изъ короткаго, но точнаго описанія «Самовидца» («кн. Ромодановскій рушилъ просто къ табору королевскому (подъ Глуховъ) и король собою стриножившн, *въ-подъ Глухова вступилъ на Н.-Сѣверскій*, зъ которымъ (королемъ) кн. Ромодановскій и гетм. Брюховецкій *мѣлъ потребу въ Пероговци....*»), а еще яснѣе это видно изъ мемуаровъ участника въ королевскомъ походѣ—шляхтича Почобута, напечатанныхъ въ Варшавѣ, въ 3-мъ томѣ Bibliotek'и ordynacyi Krasinskich, (въ 1877 году, т. е. болѣе 20-ти лѣтъ назадъ). Несомнѣнно, что описаніе осады Глухова, сдѣланное Костомаровымъ требовало провѣрки. Провѣрка эта требовалась и отъ медальнаго сочиненія.... Если автору послѣдняго былъ неизвѣстенъ Почобутъ, то съ *Самовидцемъ* нужно было познакомиться обстоятельнѣе.

— ***Каталогъ книгъ кіевской городской публичной библіотеки отдѣла имени Вл. М. Юзефовича.*** Кіевъ. 1899. 8 д. л. 303 стр. Какъ извѣстно, собраніе книгъ (13887 том.) умершаго лѣтъ шесть назадъ Вл. М. Юзефовича подарено братомъ его—кіевск. гор. публичной библіотекѣ. Покойный владѣлецъ этого собранія, говорятъ, былъ большой книголюбъ и потому въ его библіотекѣ можно было предполагать какой нибудь систематическій подборъ, но такого подбора нѣтъ: это собраніе самое разнообразное, въ которомъ старое и цѣнное соединено съ новѣйшими произведеніями московскаго рынка, въ родѣ: «Два кинжала или черное домино» (1866 г.) «Чертово раздолье или месть жидовки» (1861 г.) и т. под. Наиболѣе важенъ тутъ отдѣлъ періодическихъ изданій. Здѣсь есть очень рѣдкія вещи изъ старинныхъ русскихъ журналовъ, напр. Аглая Шаликова, Адская Почта, Атеней 30-хъ годовъ, Благонамѣренный Измайлова, Всякая Вся-

чина 1764 г., Галатея Раича, Геній Временъ 1807—8 г. г., Духъ Журналовъ 1815—19 гг., Европеецъ 1832 г. Живописецъ, Зеркало Свѣта, Зритель, Инокрена, Иртышъ, Муза 1796 г., Невинное Упражненіе 1763 г. и друг. Обращаетъ на себя вниманіе въ б—кѣ Юзефовича *множество* дефектныхъ экземпляровъ среди новыхъ журналовъ, напр. Вѣстника Евр. Стасюлевича—имѣется всего четыре непослѣдовательныхъ года и изъ нихъ одинъ только годъ полный, а то—лишь по нѣсколько номеровъ; тоже самое и въ другихъ новѣйшихъ журналахъ... Количество книгъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи въ собраніи Юз—ча очень невелико и ничего замѣтнаго между ними нѣтъ. Описаніе книгъ въ каталогѣ сдѣлано не всегда точно и не по установившейся уже формѣ, а произвольно, напр., число страницъ указывается въ срединѣ заглавія, а не въ концѣ его, а иногда и вовсе не указывается.—Собраніе В. М. Ю—ча во всякомъ случаѣ пополнило кіевскую публичную б—ку значительнымъ количествомъ цѣнныхъ книгъ, при чемъ на первомъ мѣстѣ стоятъ старинные русскіе журналы, между которыми не мало есть «рѣдкостей». Думается, что г. Кіеву слѣдовало бы почтить память покойнаго В. М. Ю—ча помѣщеніемъ, напр., его портрета въ библіотекѣ.

— *O bazylianach w Humaniu* przez *Wyłyniaka*. (Дунинъ-Карвицкій?) Przew. nauk. i lit., май, 456—464. Начало статьи.

— Gazeta Lwówska (№ 125) извѣщаетъ о выходѣ въ свѣтъ двухтомнаго сочиненія г. Гавронскаго—„Historya ruchów haidamackich», «основаннаго на обширномъ рукописномъ матеріалѣ».

Присланы въ редакцію для отзыва:

1. *Памятная книжка г. Смоленска*. Истор.—соврем. очеркъ, указатель и путеводитель. С. П. Писарева. Смоленскъ. 1898. 8 д. л. 202 стр. и планъ.

2. *Письмо перваго самозванца* къ папѣ Клименту VIII. С. Л. Пташицкаго. Спб. 1899. 8 д. л. 48 стр. и 8-мъ снимковъ.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Кіевѣ.

Засѣданіе Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда. 17-го мая состоялось въ присутствіи большого числа членовъ засѣданіе Отдѣленія подъ предсѣдательствомъ пріѣхавшей въ Кіевъ по дѣламъ съѣзда гр. П. С. Уваровой. Между нѣкоторыми другими вопросами, говорить о которыхъ, до ихъ рѣшенія, мы считаемъ пока преждевременнымъ, разсматривался вопросъ о выставкѣ при съѣздѣ. Дѣло это рѣшено поставить слѣдующимъ образомъ. Въ университетѣ, гдѣ будутъ происходить засѣданія съѣзда, устраивается выставка, состоящая изъ отдѣловъ: 1) первобытныхъ древностей, 2) картъ и историческихъ портретовъ и 3) рукописей и старопечатныхъ книгъ. Въ отдѣлъ первобытныхъ древностей вошла богатая каллекція университетскаго музея, приведенная уже въ порядокъ, и поступаютъ частныя каллекція и отдѣльные предметы; для этой части выставки изготовленъ каталогъ, котораго напечатано уже 11 листовъ. Организацію отдѣла географическихъ картъ взялъ на на себя В. А. Кордтъ, благодаря энергіи послѣдняго и этотъ отдѣлъ составленъ довольно полно. Затѣмъ, Кіевское общество древностей и искусствъ устраиваетъ самостоятельную выставку въ одной изъ залъ строющагося музея, гдѣ идутъ спѣшныя работы по отдѣлкѣ ко времени съѣзда хотя одной части этого большого зданія; на эту выставку поступятъ каллекціи, принадлежащія Обществу и нѣкоторыя частныя, какъ напр. коллекція первобытныхъ древностей г. Хвойки. Кромѣ того, для членовъ съѣзда будутъ открыты другія собранія,

находящіяся въ Кіевѣ: Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи, собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго, собраніе древностей и предметовъ искусства Б. И. Ханенка и собраніе I. А. Хойновскаго Для завѣдыванія хозяйственной частью съѣзда въ этомъ засѣданіи были произведены выборы членовъ хозяйственнаго комитета, куда рѣшено пригласить и представителей городского самоуправленія; въ виду ожидаемаго пріѣзда многочисленныхъ ученыхъ, м. п. и изъ заграницы, очень желательно, что бы эта сторона дѣла съѣзда встрѣтила поддержку со стороны кіевской думы, т. к. средства предварительнаго комитета ограничены, да и личный составъ его очень не великъ, хлопотъ-же чисто хозяйственнаго характера будетъ не мало. Тотъ-же недостатокъ средствъ имѣлъ вліяніе и на вопросъ объ экскурсіяхъ настоящимъ лѣтомъ, поднятый въ концѣ засѣданія; такихъ эксурсій предвидится всего три: г. Василенко—въ гг. Полтаву и Черниговъ для осмотра архивовъ, г. Истомина—въ г. Холмъ и г. Бѣляшевскаго—въ Кіевскую губернію для производства археологическихъ изслѣдованій и въ частности для раскопокъ на мѣстѣ Зарубскаго монастыря, разрушеннаго въ XIII вѣкѣ.

Сообщаемъ кстати свѣдѣнія о картахъ, изготовляемыхъ къ съѣзду: археологическія карты Волынской губ.—проф. Антоновича и Подольской губ.—св. Сѣцинскаго—уже готовы, ко времени-же открытія съѣзда будетъ готова историческая карта лѣвобережной Малороссіи, составленіемъ которой занято въ настоящее время нѣсколько лицъ.

Изслѣдованія и раскопки.

Полеолитическая стоянка на Черноморьѣ. Давно уже посѣщающему Россію французскому путешественнику барону де Бай (de Baye) удалось во время его прошлогодняго пребыванія на Кавказѣ открыть очень интересную въ теоретическомъ отношеніи палеолитическую стоянку *въ станицѣ Ильской*, къ югу отъ Новороссійска. [1]) Никогда не пропуская случая воспользоваться обнаженіями или выемками древ-

[1]) Первыя свѣдѣнія объ этой раскопкѣ были сообщены уже въ „*Материялах до українсько-руськоі этнольогіи*“ издав. Науковим Товар. Ім. Шевченка во Львовѣ (т. 1. стр. 221)

нихъ слоевъ почвы для ихъ археологическаго обслѣдованія и остановившись съ этой цѣлью возлѣ буровыхъ скважинъ, пробиваемыхъ въ тамошнихъ мѣстонахожденіяхъ нефти, г. де Бай обратилъ вниманіе на осколки кремня и обломки костей въ получившихся при копаніи нефтяныхъ колодцевъ отбросахъ глины. Сдѣланныя тутъ-же раскопки обнаружили въ пластѣ глины съ голубоватыми прожилками, залегающемъ подъ нѣсколькими слоями наноснаго песка и гравія, несомнѣнное присутствіе костей мамонта и умышленно-расколотыхъ по длинѣ костей нѣкоторыхъ другихъ животныхъ (гл. обр. *Bos primigenius*), вмѣстѣ съ которыми было найдено и нѣсколько каменныхъ орудій съ довольно большимъ количествомъ осколковъ. Орудія эти (изъ кремня и кажется кварцита), между которыми особенно обращаютъ на себя вниманіе очень хорошее скребло (racloir) и довольно хорактерное остріе, позволяютъ съ извѣстной вѣроятностью отнести эту находку къ ***мустьерской*** эпохѣ, одной изъ тѣхъ древнѣйшихъ эпохъ древне-каменнаго вѣка, которыя до сихъ поръ еще ниразу не были найдены въ Европейск. Россіи. Всѣ добытые бар. де Баемъ предметы находятся въ настоящее время на выставкѣ всѣхъ его коллекцій, вывезенныхъ изъ прошлогодняго путешествія по Россіи, въ одной изъ залъ музея Guiemet въ Парижѣ, а затѣмъ поступятъ вѣроятно въ антропологическую галлерею парижскаго «музеума», куда уже переданы предметы добытые тѣмъ же путешественникомъ въ палеолитической стоянкѣ той же мустьерской эпохи возлѣ Красноярска, описанной впрочемъ ранѣе г. Савенковымъ. Открытіе бар. де Бая въ Ильской ст. показываетъ намъ еще разъ необходимость серьезныхъ наблюденій и раскопокъ мѣстными силами, при чемъ и добытыя древности не будутъ по крайней-мѣрѣ уходить отъ насъ за границу. Въ особенности-же слѣдовало-бы обратить на это вниманіе кіевскихъ геологовъ, которые въ концѣ концовъ не имѣютъ ни малѣйшихъ научныхъ основаній чуждаться свѣдѣній о постпліоценовомъ человѣкѣ.

Ѳ. Волковъ.

Раскопки на Верхней Юрковицѣ въ г. Кіевѣ. Нагорная площадь, занятая Верхней Юрковицей, раздѣлена со стороны Кирилловской улицы нѣсколькими оврагами очень давняго происхожденія, образованными стокомъ атмосферныхъ и подпочвенныхъ водъ; на планѣ этотъ край площади имѣетъ видъ нѣсколькихъ мысовъ, вдающихся въ долину Днѣпра. Одинъ изъ такихъ мысовъ, раздѣленный

оврагомъ отъ другого, на которомъ расположено кладбище Іорданской церкви, и былъ мѣстомъ раскопокъ. На этомъ мѣстѣ съ весны начаты работы по устройству кирпичнаго завода (Лурье и Левина); въ концѣ апрѣля приступлено было къ спланировкѣ площади и уже при началѣ работъ обнаружены нѣкоторые признаки, указывающіе на то, что мѣстность эта представляетъ интересъ въ археологическомъ отношеніи. На нихъ было обращено вниманіе живущей по близости г-жей Скриленко, интересующейся мѣстными древностями,— не будь этого обстоятельства, очень возможно, что и эта мѣстность, какъ и многія другія въ чертѣ Кіева, осталась-бы не обслѣдованной въ научномъ отношеніи. А. А. Скриленко любезно подѣлилась съ нами своими наблюденіями и въ теченіи всего истекшаго мая принимала живое участіе въ раскопкахъ, ближайшее наблюденіе надъ которымы взялъ на себя составитель настоящей «Лѣтописи».

Мысъ, о которомъ мы говоримъ, занимаетъ площадь приблизительно въ сто квадратныхъ метровъ; на сѣверо-восточномъ краю его находятся 3 кургана—одни изъ послѣднихъ, уцѣлѣвшихъ на территоріи Кіева. Съемка земли производилась на всемъ пространствѣ этого мыса, съемка шла глубоко, захватила собой не только поверхностный слой чернозема но и довольно большой слой материка; приходилось только внимательно слѣдить за работами, въ нужныхъ случаяхъ пріостанавливать ихъ и самимъ изслѣдовать тотъ или другой пунктъ.

Раскопки показали, что весь этотъ мысъ былъ заселенъ въ неолитическую эпоху каменнаго вѣка. Слѣды первобытной жизни сосредоточивались главнымъ образомъ по краямъ мыса; здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнаружены т. н. сорныя кучи, имѣвшія видъ углубленій и ямъ, наполненныхъ рѣчными раковинами, костями различныхъ животныхъ и рыбъ, углями и черепками отъ сосудовъ ручной лѣпки.

На сѣверо-зап. откосѣ встрѣтились также остатки очага, состоявшіе изъ пережженной глины; другой очагъ, съ массой лежавшихъ возлѣ него костей животныхъ, открытъ въ центральной части мыса.

Собранная здѣсь коллекція этой эпохи является довольно разнообразной и полной. Мы имѣетъ тутъ нѣсколько представителей каменныхъ орудій: кремневый топорикъ—клинъ съ шлифованнымъ лезвеемъ, кремневое остріе со вторичной подправкой, части отбивныхъ ножиковъ; нѣсколько издѣлій изъ рога и кости: 2 роговыхъ топорика, костяное долотцо и шило. Особенно-же богатъ отдѣлъ ке-

рамики: кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ сосудовъ, добытыхъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ, коллекція заключаетъ въ себѣ нѣсколько сотъ черепковъ отъ сосудовъ разной величины, формы и толщины стѣнокъ, безъ орнамента и покрытыхъ разнообразнымъ орнаментомъ изъ углубленій, шишекъ, нарѣзовъ, бороздокъ и т. д.; у многихъ изъ черепковъ сохранились ушки, у болѣе тонкихъ изъ нихъ обжигъ прошелъ насквозь, болѣе-же толстые имѣютъ въ срединѣ плохо обожженную прослойку. Что сосуды служили для приготовленія пищи, на это указываетъ найденная часть одного сосуда, на днѣ котораго сохранился слой рыбьихъ костей. Изъ другихъ глиняныхъ предметовъ найдено нѣсколько пряслицъ, пока еще не объясненные предметы въ видѣ четыреугольныхъ съ вытянутыми углами пластинокъ съ утолщеніемъ посрединѣ и часть грубо вылѣпленной человѣческой фигурки.

Культура, открытая въ данной мѣстности, не представляетъ изъ себя ничего новаго: подобнаго-же рода находки были сдѣланы въ другихъ мѣстахъ, по той-же нагорной сторонѣ Кирилловской улицы; впервые она обнаружена въ 1876 г. проф. Антоновичемъ, изслѣдовавшимъ здѣсь пещеры въ лессѣ, относящіяся къ тому-же времени. Послѣдующія недавнія раскопки г. Хвойки дали новый обильный матеріалъ, такъ что наши находки прибавляютъ къ нему сравнительно немного, и только слѣдуетъ пожелать, чтобы добытыя раньше данныя были обработаны и стали полнымъ достояніемъ науки, пока-же онѣ извѣстны лишь по отрывочнымъ свѣдѣніямъ.

Изъ трехъ, находящихся здѣсь, кургановъ вполнѣ раскопанъ пока лишь одинъ—самый большій, расположенный ближе всего къ краю мыса. Окружность его у основанія—болѣе 40 метровъ, высота-же около 2-хъ метр. Въ первоначальномъ видѣ курганъ былъ несомнѣнно выше, испортили его кладоискательскія раскопки, отъ которыхъ остались слѣды въ видѣ довольно глубокаго колодца въ вершинѣ кургана. Изслѣдованіе этого кургана дало слѣдующіе результаты. Подъ насыпью оказалась четыреугольная могильная яма, длиной по направленію съ сѣв.-вост. на юго-зап. $4^1/_2$ метр., шириной 3 м. 15 стм., ко дну ямы, лежавшему приблизительно на $1^1/_2$ м. ниже горизонта, бока ея немного суживались; яма выкопана въ желтой глинѣ, дно-же ея составлялъ слѣдующій подъ желтой слой бѣлой, очень твердой глины. Нетронутой оказалась юго-зап. часть могилы; здѣсь, почти у самой стѣнки ямы, лежалъ въ вытянутомъ положеніи ске-

летъ человѣка, головой на юго-востокъ; при верхней части скелета не оказалось почти никакихъ предметовъ, если не считать найденнаго въ области груди небольшого плоскаго камушка — голыша, жилки котораго, перекрещиваясь, образуютъ какъ-бы крестъ, присутствіе его скорѣе всего можно считать случайнымъ. У лѣвой руки скелета найдены 3 стекляныя бусы, изъ которыхъ двѣ изъ разноцвѣтной стекляной массы, и бронзовая круглая пуговка. Большинство-же находокъ сосредоточивалось у нижнихъ конечностей: у ступни правой ноги лежала желѣзная шпора, состоящая изъ дужки съ острымъ стержнемъ у вершины, бронзовое литое кольцо и части какого-то желѣзнаго предмета, почти совсѣмъ уничтоженнаго ржавчиной. Подъ правой ступней, почти совсѣмъ на бѣлой глинѣ, найденъ предметъ изъ распиленной вдоль широкой части лосьяго рога, 19½ стм. длиной, съ выемкой съ одной стороны, украшенный рѣзной звѣриной головкой и снабженный сквозными дырочками—б. м. часть налучья; рядомъ съ этимъ предметомъ лежали кости какого-то мелкаго животнаго. Между нижними частями ногъ найдена желѣзная пряжка, здѣсь-же стоялъ деревянный точеный сосудъ въ видѣ чашки, совершенно конечно истлѣвшій, сохранилась лишь въ нетронутомъ видѣ серебряная оковка чаши, состоявшая изъ тонкой полоски серебра, прикрѣпленной къ чашѣ серебряными-же гвоздиками; у чаши повидимому была и ручка, т. к. и для нея имѣется широкая, частью вызолоченная, оковка; кромѣ того, тутъ-же находились 3 небольшія четыреугольныя серебряныя пластинки съ гвоздиками для прикрѣпленія, изъ нихъ одна прорѣзная; діаметръ верхней части чаши—14 стм. Какъ скелетъ, такъ и всѣ найденные возлѣ него предметы добыты изъ твердой, плотно слежавшейся земли. Характеръ почвы остальной части могильной ямы былъ иной—сюда повидимому проникли кладоискатели, земля здѣсь рыхлая и содержимое ямы представляетъ полный безпорядокъ. На разной глубинѣ тутъ найдены остатки повидимому трехъ скелетовъ; кромѣ костей, встрѣтились и нѣкоторые предметы: въ сѣверномъ углу ямы, подъ находившимся здѣсь черепомъ, лежала желѣзная шпора, подобная предыдущей, и возлѣ нея желѣзный окислившійся предметъ—б. м. подковка отъ сапога; въ этой-же части ямы, найдена бронзовая прорѣзная ручка отъ кресала, въ видѣ двухъ птицъ, соединившихъ клювы надъ помѣщенной въ срединѣ человѣческой фигуркой; въ центральной части могилы, на самомъ днѣ, найдена маленькая слез-

ничка изъ зеленаго стекла—благодаря плотности почвы и тонкости сосудика, его не удалось добыть въ цѣломъ видѣ. Таково содержаніе кургана. Характеръ предметовъ и отчасти способъ погребенія указываютъ на славянскую языческую эпоху, такъ что могилу эту можно отнесть къ IX—X в. Очень интересными представляются нѣкоторыя детали погребальнаго ритуала, служащія дополненіемъ какъ къ письменнымъ, такъ и археологиченнымъ даннымъ по этому вопросу, въ частности, раскопки этого кургана приносятъ свою долю и въ исторію древняго Кіева.

Раскопки двухъ остальныхъ кургановъ еще не закончены, но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, они не обѣщаютъ того, что далъ первый курганъ, и даже могутъ оказаться не могильными насыпями, такъ какъ, не смотря на произведенную уже сравнительно большую съемку земли, признаковъ могильныхъ ямъ пока не обнаружено.

Съ юго-западной стороны кургановъ встрѣчено 3 погребенія безъ наружныхъ признаковъ, но относящихся къ той-же эпохѣ, что и курганъ. Скелеты помѣщались въ ямахъ, глубиной въ 1—1$^1/_2$ м., головой на западъ, съ вытянутыми ногами и съ руками, скрещенными на груди; погребенія здѣсь совершались въ гробахъ, такъ какъ при каждомъ изъ скелетовъ найдены желѣзные гвозди и порошокъ отъ истлѣвшихъ досокъ гроба; находки предметовъ незначительны: на правой рукѣ одного скелета находилось серебряное кольцо, украшенное чернью, у другого на рукѣ найдено подобное-же кольцо, а у головы стеклянная и серебряная бусинки, у третьяго костяка возлѣ правой ноги стоялъ небольшой сосудъ съ волнообразнымъ орнаментомъ; погребенія такого рода встрѣчались и раньше по близъ лежащимъ возвышенностямъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о цѣломъ рядѣ открытыхъ здѣсь-же могилъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ снабженныхъ склепами изъ кирпича-сырца; по сохранности могилъ, характеру кирпича и нѣкоторымъ находкамъ, ихъ можно отнесть къ новѣйшему времени—къ XVII—XVIII в.

Ограничиваемся пока этимъ бѣглымъ отчетомъ, который будетъ еще дополненъ по окончаніи раскопокъ.

Предметы, добытые раскопками, требуютъ еще болѣе детальнаго изученія и опредѣленія (какъ напр. масса костей животныхъ изъ сорныхъ кучъ каменнаго вѣка); предназначены они для будущаго кіевскаго музея.

Раскопки въ с. Ромашкахъ, Васильковск. у. Кіевской губ. Весной текущаго года В. В. Хвойкой было вскрыто нѣсколько кургановъ, расположенныхъ у с. Ромашекъ. Встрѣченныя въ курганахъ погребенія относятся къ двумъ эпохамъ, раздѣленнымъ очень большимъ промежуткомъ времени. Погребенія двухъ кургановъ можно отнесть къ II—III вѣк. по Р. Х. Въ первомъ курганѣ, въ могильной ямѣ, глубиной около 2-хъ метровъ, лежалъ костякъ, головой на юго-западъ; при лѣвомъ плечѣ его находилась бронзовая фибула римскаго типа и стояла глиняная миска, приготовленная на гончарномъ кругѣ. Во второмъ курганѣ при костякѣ найдена подобная-же фибула, часть другой фибулы, бронзовая шпилька и также плоская глиняная миска. Курганы этого типа еще очень мало обслѣдованы, не выяснено еще и ихъ географическое распространеніе, поэтому важенъ каждый новый фактъ; въ виду этого мы считаемъ умѣстнымъ собощить, что три миски, подобныя вышеуказаннымъ, найдены при распахиваніи кургановъ у с. Иржавца, Каневскаго у., и находятся въ нашемъ собраніи. Очень цѣнной, въ смыслѣ даты, является находка еще одной такой миски—въ с. Ольшанкѣ, Васильковскаго у., миска эта заключала въ себѣ кладъ римскихъ монетъ II—III в. по Р. Х., находится она въ собраніи г. Хвойки.

Остальныя открытыя погребенія, находившіяся подъ небольшими насыпями, гораздо болѣе поздняго происхожденія; судя по найденнымъ при скелетахъ предметамъ, ихъ можно пріурочить къ XIII—XIV вв. Предметы эти типичны для древностей юга Россіи княжескаго періода; это серебряныя височныя кольца, ручныя кольца изъ витой проволоки, пряжки, бусы съ зернью и т. п. Особенно интересными оказались раскопки одной могилы, выдававшейся среди другихъ по своимъ размѣрамъ. Въ насыпи могилы встрѣчено нѣсколько погребеній; изъ нихъ, при мужскомъ скелетѣ найденъ желѣзный ножикъ, остатки сафьяновыхъ сапогъ, съ двумя желѣзными подковками и куски шелковой матеріи отъ платья съ очень оригинальной бахромой, состоящей изъ плетенаго шнурка съ подвѣшенными плетеными-же шариками; у женскаго скелета на груди найденъ бронзовый крестикъ-тѣльникъ, у висковъ-же—серьга съ привѣской въ видѣ небольшой лунницы и повидимому другая серьга, плохо сохранившаяся, состоящая изъ нанизанныхъ на проволоку буссъ.

Очень желательно, чтобы г. Хвойка опубликовалъ болѣе подробное описаніе произведенныхъ имъ раскопокъ.

Съ начала настоящаго іюня Б. И. Ханенко и В. В. Хвойка предполагаютъ производить раскопки кургановъ *у с. Райгорода, Черкасскаго у. Кіевск. губ.*

—

Дача Кіево-Братскаго монастыря Церковщина. Проф. П. А. Лашкаревъ въ № 3 «Трудовъ Кіевск. Духовн. Академіи» помѣстилъ подъ вышеприведеннымъ названіемъ небольшую статью, вышедшую въ настоящее время и отдѣльно, гдѣ обращаетъ вниманіе на одну изъ ближайшихъ къ Кіеву мѣстностей, очень мало извѣстную кіевлянамъ, но отличающуюся красивымъ мѣстоположеніемъ и имѣющую за собой цѣлый рядъ историческихъ преданій. Мѣстность эта лежитъ верстахъ въ двадцати отъ Подола, ниже Китаевской пустыни, у с. Лѣсники; окрестное населеніе называетъ ее Церковище или Церковщина. Имѣющаяся здѣсь пещера, частью уже обрушившаяся, по преданіямъ связана съ именемъ св. Ѳеодосія Печерскаго; затѣмъ, въ печерскомъ патерикѣ урочище это—«село монастырское» или «село Богородици» упоминается двукратно по поводу впечатлѣнія, какое оно произвело на покушавшихся разорить его «злодѣевъ» и половцевъ. Но ни въ лѣтописяхъ, ни въ патерикѣ печерскомъ, говоритъ проф. Лашкаревъ, нѣтъ указанія, когда въ этомъ селѣ святой Богородицы устроился монастырь. Нѣтъ даже намековъ на существованіе тамъ монастыря въ періодъ до-татарскій и татарскій. Съ первой половины XVI столѣтія мѣстность эта является въ актахъ, какъ мѣстность бывшаго монастыря «святое Пречистое Гнилецкаго», запустѣвшаго послѣ нашествія татаръ». Прослѣдивъ затѣмъ дальнѣйшую исторію этого урочища до перехода во владѣніе Братскаго монастыря, авторъ замѣчаетъ: «При отсутствіи указаній на существованіе Гнилецкаго монастыря лѣтописныхъ, естественно предположеніе, что въ періодъ расцвѣта монастыря святой Богородицы Печерскаго «село святое Богородици», сдѣлалось центромъ загороднаго монастырскаго хозяйства, вызвало постройку тамъ церкви съ образованіемъ при ней, для занятой хозяйственными работами братіи, монастырскаго общежитія въ видѣ отдѣленія «монастыря святое Пречистое», т. е. самого Печерскаго монастыря». Это предположеніе подтверждается и археологическими данными, указывающими на существованіе здѣсь церкви въ до-татарскій періодъ. Хотя, по словамъ пр Лашкарева, въ настоящее время разрушеніе древней церкви нужно признать, повидимому, полнымъ. «Мѣсто, на которомъ стояла она, представляется по

всѣмъ направленіямъ изрытымъ и выдѣляется изъ остального, бывшаго подъ монастыремъ, пространства только кучами строительнаго щебня, которыми покрыто. Дѣланныя нами одно время попытки наслѣдить по крайней мѣрѣ фундаментъ древняго зданія оказались безуспѣшными. Кромѣ перерытаго кладоискателями изъ окрестныхъ деревень кирпичнаго лома и перемѣшанныхъ съ землею цемента и костей, мы не встрѣтили ничего. Но по болѣе значительнымъ кускамъ кирпича, которые намъ удавалось находить, видно, что первоначальною своею постройкою церковь относилась къ періоду великокняжескому. Преобладающая масса кирпича имѣла обычную въ древнихъ кіевскихъ сооруженіяхъ форму плитъ отъ 6 до 7 или 8 вершковъ въ длину и ширину и до вершка въ толщину. Но вмѣстѣ съ кирпичемъ этой древнѣйшей формы въ довольно значительномъ количествѣ встрѣчался кирпичъ и формы тождественной съ тѣмъ, который мы находили въ развалинахъ древней церкви на Кудрявцѣ, употребленнымъ несомнѣнно въ болѣе позднее время для необходимыхъ поправокъ древняго зданія, и который употребленъ также въ перестройку южнаго абсида Великой лаврской церкви. Кирпичъ этотъ имѣетъ 6 вершковъ длины на $2^2/_3$ вершка ширины и $1^2/_3$ верш. толщины и желабчатыя, съ одной стороны широкой поверхности, полосы. Присутствіе кирпича такой формы, по нашему мнѣнію, служитъ указаніемъ, что построенная еще до нашествія татаръ церковь поддерживалась и поправлялась и послѣ разгрома Кіева Батыемъ, и если запустѣла окончательно «отъ татаръ», то уже послѣ нашествія на Кіевъ Едигея въ 1416 году, или Менгли-Гирея въ 1480 г.»

Случайныя находки.

За истекшій мѣсяцъ *городище Княжа гора* дало сравнительно немного находокъ. Объясняется это тѣмъ, что значительная часть площади городища занята посѣвами, и кладоискательскій пылъ завзятыхъ «копачей» очень энергично умѣряется владѣльцами засѣянныхъ участковъ. Хотя, все таки, за это время были доставлены въ Кіевъ три небольшія партіи древностей, заключавшія въ себѣ по большей части предметы, уже раньше извѣстные. Какъ на интересную новинку укажемъ на привѣску или скорѣе амулетъ, состоящій изъ зуба ископаемой акулы, вдѣланнаго въ серебряную оправу съ

ушкомъ для привѣшиванія. (Почти всѣ предметы этихъ партій поступили въ Университетскій музей).

—

Настоящей весной, при рытьѣ канавы *въ окрестностяхъ г. Канева, Кіевск. г.*, сдѣлана находка, представляющая оченъ интересный типъ погребенія съ сожженіемъ. Именно, здѣсь найденъ сосудъ довольно большихъ размѣровъ, грубой ручной лѣпки, наполненный золой и пережженными человѣческими костями, между которыми находились 2 мѣдныя и 7 желѣзныхъ круглыхъ бляшекъ, 5 стм. діам., украшенныхъ орнаментомъ изъ штампованныхъ точекъ; бляхи эти повидимому служили наборомъ для пояса. Вмѣстѣ съ сосудомъ найденъ и узкій обоюдоострый желѣзный мечъ, 61 стм. длиной; перекрестья у меча нѣтъ, его замѣняютъ расположенныя наискось 2 миндалевидныхъ утолщенія, напоминающія таковыя-же скифскихъ кинжаловъ; желѣзная рукоятка меча, составляющая одно цѣлое съ клинкомъ, заканчивается двумя отогнутыми рожками. (Находка эта также поступила въ Университетскій музей).

Музеи и собранія древностей.

Для будущаго *Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ* переданы на дняхъ изъ Археологической Комиссіи слѣдующіе предметы и коллекціи. Четыре бронзовые топора—клина и 6 бронзовыхъ слитковъ, найденные у с. Сосновки, Чигиринскаго у. Кіевск. г.; бронзовая бляха въ видѣ головки козла, мѣдный топорикъ и каменный молотокъ, найденные въ предѣлахъ Кіев. губ. Затѣмъ коллекція предметовъ изъ раскопокъ въ бассейнѣ р. Случи, возлѣ м. Мирополя, Новоградъ-Волынск. у., произведенныхъ въ 1896 г. С. С. Гамченко; коллекція эта характеризуетъ поразительную бѣдность волынскихъ кургановъ; раскопано ихъ было 32 и почти всѣ находки, встрѣченныя у костяковъ, исчерпываются небольшими сосудиками, черепками отъ сосудовъ, на днищахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены клейма, желѣзными гвоздями отъ гробовъ, желѣзными ножиками, серебряными колечками и серебраными и стеклянными бусами. Однако, какъ ни незначительны эти предметы сами по себѣ, они все таки даютъ представленіе о культурѣ языческаго славянскаго населенія данной мѣстности и заслуживаютъ сохраненія наряду съ цѣнными въ мате-

ріальномъ и художественномъ отношеніи предметами, коковые несомнѣнно найдутъ себѣ мѣсто въ Кіевскомъ музеѣ; для науки важенъ каждый черепокъ и зачастую послѣдній гораздо интереснѣе какого-нибудь предмета изъ золота или серебра.

Кромѣ этой коллекціи, для музея передана также коллекція изъ раскопокъ проф. Кулаковскаго въ Таврической губерніи; область эта выходитъ за раіонъ, которому посвящена наша «Лѣтопись», и потому мы подробно говорить объ этой коллекціи не будемъ, замѣтить лишь что она состоитъ изъ нѣсколькихъ сосудовъ и черепковъ, добытыхъ въ курганахъ.

—

Собраніе Н. П. Чернева въ Кіевѣ. Въ дѣлѣ научнаго собранія предметовъ древности большое значеніе имѣютъ коллекціи, строго спеціализированныя; если даже такія коллекціи и не отличаются большимъ количествомъ предметовъ, то за то строгій подборъ предметовъ, ихъ несомнѣнная подлинность и точно установленное мѣсто происхожденія дѣлаютъ такія коллекціи очень интересными какъ для любителя, такъ и въ особенности для ученаго, могущаго всегда найти въ нихъ новый матеріалъ. Къ числу такихъ собраній и относится коллекція Н. П. Чернева. Коллекція началась составляться лишь съ конца осени прошлаго года; эпоха, которой она касается— княжескій періодъ; раіонъ, который обнимаетъ—Кіевская земля. Но не всѣ предметы великокняжеской эпохи поступаютъ въ коллекцію,— она спеціализирована на металлическихъ, каменныхъ и глиняныхъ образкахъ, крестикахъ—тѣльникахъ, привѣскахъ и перстняхъ. Большинство предметовъ происходитъ изъ городища на Княжей Горѣ. Въ прежнихъ выпускахъ нашей «Лѣтописи», въ отдѣлѣ случайныхъ находокъ, мы упоминали о болѣе выдающихся предметахъ, поступившихъ въ собраніе Н. П. Чернева, поэтому мы не будемъ здѣсь перечислять содержанія собранія, скажемъ лишь, что подборы иконокъ и крестиковъ-тѣльниковъ, а также отчасти и привѣсокъ, представляютъ единственныя въ своемъ родѣ собранія. Часть коллекціи Н. П. Чернева будетъ выставлена на предстоящемъ съѣздѣ, снимки же съ нѣкоторыхъ предметовъ будутъ помѣщены въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ нашей «Лѣтописи».

———

Разныя извѣстія.

Археологическіе институты въ Москвѣ и Кіевѣ. Въ послѣднемъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества обсуждался проектъ объ открытіи въ Москвѣ и Кіевѣ археологическихъ институтовъ. Вотъ сущность этого проекта. Археологическіе институты имѣютъ своею цѣлью приготовить ученныхъ архивистовъ для архивовъ, завѣдывающихъ библіотеками и хранителей общественныхъ и правительственныхъ музеевъ. Курсъ обученія въ институтахъ двухгодичный. Въ слушатели археологическаго иститута принимаются, безъ всякихъ пріемныхъ испытаній, лица, окончившія полный курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи. Во время пребыванія въ институтѣ слушатели обязаны посѣщать институтскія лекціи и, подъ руководствомъ профессоровъ, совершать обоарѣніе государственныхъ архивовъ, музеевъ и библіотекъ и предпринимать другія археологическія экскурсіи. По удовлетворительномъ выдержаніи выпускныхъ экзаменовъ по предметамъ институтскаго курса, слушатели получаютъ дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена института и права государственной службы въ архивахъ, музеяхъ и библіотекахъ. Во главѣ управленія институтомъ стоятъ директоръ и совѣтъ профессоровъ. Директоръ назначается Высочайшимъ приказомъ и состоитъ въ IV классѣ по должности, предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и слѣдитъ за правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла въ институтѣ. Профессоровъ избираетъ совѣтъ изъ лицъ, заявившихъ себя учеными трудами по той или иной отрасли археологическаго знанія. Экзаменаціонная коммиссія для производства выпускныхъ испытаній слушателямъ ежегодно назначается совѣтомъ изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ директора. Въ московскомъ археологическомъ институтѣ преподаются: архивовѣдѣніе, дипломатика и сфрагистика, славяно-русская палеографія и, кромѣ того, исторія и хронологія. Въ кіевскомъ археологическомъ институтѣ читаются тѣ же науки, что и въ московскомъ, и сверхъ того польско-литовскія древности. При каждомъ археологическомъ институтѣ издается свой историко-археологическій журналъ и имѣются свои: канцелярія, музей древностей и библіотека, для завѣдыванія которыми состоятъ секретарь совѣта, хранитель музея и библіотекарь, пользующіеся правами учебной службы и соотвѣтствующимъ классомъ по должности. На содержаніе московскаго археологическаго института,

если его учредить при архивѣ министерства юстиціи, гдѣ для него есть свободное помѣщеніе, потребуется въ годъ до 15,000 р., а на содержаніе кіевскаго до 17—18 т. рублей ежегодно.

Какъ бы ни былъ еще далекъ этотъ проектъ отъ осуществленія, но хорошо и то, что мысль объ упорядоченіи дѣла архивовъ и о сохраненіи и изученіи памятниковъ старины, путемъ подготовки въ болѣе широкихъ размѣрахъ спеціалистовъ, уже поднята. Существующій въ Петербургѣ Археологическій институтъ, только недавно ставшій на твердыя ноги, является недостаточнымъ, сама-же жизнь настоятельно показываетъ, какъ назрѣли у насъ эти вопросы и какъ далеки еще мы отъ той постановки этого дѣла, какая давно уже существуетъ на Западѣ.

вишни срывать очеретяными *лйпками,*—все это было вполнѣ къ моимъ услугамъ.

Но боль всего, по крайнѣй мѣрѣ осязательнѣе всего, было для меня полезно—знакомство, можно сказать, даже дружба, съ самимъ Ивасемъ. Это былъ не разлучный спутникъ во всѣхъ моихъ забавахъ, шалостяхъ и похожденіяхъ, а прежде всего—онъ первый ввелъ меня въ кругъ моего товарищества, защищалъ меня тамъ, и если не примирилъ, можетъ быть, вполнѣ моей души съ этою школьною жизнію,—по крайней мѣрѣ по возможности сдѣлалъ сноснымъ ея бремя.

Но безкористна, впрочемъ, была ко мнѣ дружба Ивася! Играемъ, бывало, съ нимъ гдѣ-нибудь *у булки,* или шляемся по горамъ и выслѣживаемъ зайцовъ,—просто, только бы найти, спугнуть и потомъ *потюкать,*—вдругъ: „Стой!... Будемо, Васютко, на кулачки быться!" Такая ужъ проклятая у него страсть была! Отнѣкиваюсь, бывало, отговариваюсь;—нечего дѣлать, умолитъ! и „братику", и „голубчику!". И такъ согласишься, бывало, такъ и разгорятся глазки! прыснетъ въ сторону, надвинетъ шапку на носъ, подскочитъ, упрется головою тебѣ въ животъ,—и начнетъ какъ мельница работать руками... и по головѣ тебя, и по плечамъ, а иногда и въ носъ или въ зубы... Самъ, бывало, плачетъ, какъ увидитъ, что изъ носа у тебя или изъ зубовъ кровь, но что будешь дѣлать!.. И на другой день—опять тоже... Я: впрочемъ, скоро умудрился, какъ съ нимъ быть. Какъ обуяетъ, бывало, его демонъ кулачокъ: „Добре!" говорю, „согласенъ; тильки дай свій кожушокъ!.." А надобно вамъ знать, что кожушокъ у него былъ сдѣланъ изъ кожуха его отца, въ которомъ тотъ работалъ бывало въ олійницѣ,—замасленный, затужавѣлый,—словомъ, какъ желѣзный, да еще и покрытъ толстою пестрядью, закутаюсь хорошенько, и, сколько душѣ угодно, пусть колотитъ. И что жъ бы вы думали? Какой бы ни былъ морозъ, сниметъ съ себя и дастъ! Такая ужъ, говорю, проклятая была страсть!..

Кромѣ Ивася, въ классѣ явился у меня скоро и другой защитникъ, съ которымъ хоть я и не былъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какъ съ Ивасемъ, но заступничество его было для

меня гораздо дѣйствительнѣе заступничества Ивася. Другой этотъ заступникъ прозывался Денисенкомъ, былъ выше меня классомъ, дубина почти въ сажень ростомъ и съ усами,—да, съ усами! Тогда и въ приходскомъ классѣ важивались школяры съ усами!

У меня съ Денисенкомъ не было никакой пріязни, да ея и не могло быть между школярами такихъ различныхъ возрастовъ; мы даже не знали одинъ о другомъ, гдѣ квартируемъ: съ одной стороны, это было своего рода патронатство, а съ другой—своего рода кліентство, водившіяйся въ школахъ и тогда, какъ водятся они теперь,—только въ то время они не имѣли такихъ гадкихъ и гнустныхъ побужденій, какъ это часто бываетъ въ настоящее время. Просто, каждому сильному нужна была своя партія, которую бы онъ могъ защищать отъ другихъ сильныхъ, покровительствовать ей, и въ вознагражденіе считаться отъ нея и отъ другихъ ея главою, и такимъ образомъ удовлетворять своему тщеславію и самолюбію, а при случаѣ и получать отъ кліентовъ разные подарочки и пользоваться разными ихъ послугами,—какъ напримѣръ, сбѣгать на базаръ и купить *бубликивъ*, сбѣгать на квартиру и принести забытую книгу, подать воды, сказать, по наущенію его, какому нибудь другому сильному „дурня“ и т. п.

По какому поводу я попалъ въ кліенты Денисенка, рѣшительно не помню; но помню хорошо, чѣмъ я ему платилъ за его патронатство.

Я сказалъ, что онъ былъ почти въ сажень ростомъ, и сказалъ это не въ фигуральномъ смыслѣ. И Денисенко это очень зналъ, и ему очень нравилось показывать всѣмъ, что онъ почти въ сажень ростомъ; а чтобы было это всѣмъ очевиднѣе, придумалъ такое средство. Станетъ бывало, посреди класса, подберетъ фалды своего сюртука, раздвинетъ ноги:—„А ну“, говоритъ, „Билокопытенко!.. Дивитця, дивитця!“ И всѣ школяры *дывлятця*, а я сложивши руки на груди, тихо, тихо, не нагиная головы, прохожу межъ его ногами, какъ, во времена оны, проходилъ греческій корабль на всѣхъ парусахъ межъ ногъ колосса родосскаго... И если я бывало пройду между Денисен-

ковыхъ ногъ, не задѣвши ихъ ни головою, ни плечами, восторгу его не бывало конца! и я могъ послѣ этого напустить его на цѣлую толпу другихъ сильныхъ, съ увѣренностью, что онъ загонитъ ихъ всѣхъ подъ скамьи, и что ребрамъ и плечамъ ихъ сильно, сильно достанется....

Не правда ли, странныя были прихоти у Денисенка? Ну, подите жъ вы съ нимъ! Ужъ на роду, вѣрно, написано всѣмъ сильнымъ имѣть странныя прихоти!... Заступничествомъ, впрочемъ, Денисенка, я не долго пользовался—да оно, впрочемъ, не слишкомъ-то послѣ и нужно мнѣ было, потому что съ Денисенкомъ исчезли какъ-то у насъ почти всѣ сильные.... Напроказили ли они сильно, или, можетъ быть, кому не понравилось, что люди вздумали поучиться уму-разуму хоть послѣ, коли прежде, въ свое время, этого не успѣли сдѣлать,—не знаю; но только они какъ-то всѣ, говорю, у насъ исчезли,—скоро послѣ поступленія моего въ школу. Ну, а всякому извѣстно:—сильныхъ въ школѣ нѣтъ, безсильные въ покровительствѣ не нуждаются.

Но я слишкомъ хватилъ впередъ! Воротимся снова назадъ

Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія моего въ училище, снова явился ко мнѣ отецъ. Пріѣхалъ онъ очень рано, еще передъ разсвѣтомъ,—изъ чего, зная его обычаи, я тотчасъ догадался, что дома случилось что-то необыкновенное. Дѣйствительно, тамъ случилось важное событіе: въ мое отсутствіе помовлена старшая изъ незамужнихъ сестеръ,—отецъ пріѣхалъ въ городъ за покупками,—свадьба должна быть чрезъ недѣлю.

Дождавшись разсвѣта, отецъ велѣлъ мнѣ одѣться и взять книги, нужныя для классныхъ уроковъ, и поѣхалъ со мною въ лавки. Что онъ тамъ покупалъ и какъ,—не буду разсказывать, потому что не намѣренъ разсказывать про свадьбу сестры. Не могу, однако не передать сцены, бывшей при покупкѣ лентъ, или, лучше сказать, не могу не указать на черты въ характерахъ отца, какъ покупщика, и купца, какъ продавца, черты обнаружившіяся по поводу этой покупки. Подобныя черты у нашихъ покупщиковъ и продавцовъ и теперь еще не рѣдкость.

Надобно, впрочемъ, сказать вамъ напередъ, что отецъ мой очень не любилъ дѣлать покупки и особенно не терпѣлъ разнаго мѣрянья, прицѣнки и прочихъ подобныхъ принадлежностей купли. Словомъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ человѣкъ такого рода: нужно ему, бывало, чего-нибудь непремѣнно, напримѣръ ситцу, что ли; и нужно, положимъ, десять аршинъ. „Дайте", говоритъ, „такого и такого ситцю! Та небагато: мени треба десять аршинъ!" и какъ подастъ купецъ цѣлую штуку, и понравится ситецъ: „Гарный [1])! говоритъ: а скильки тутъ аршинъ?... Та годи мирить— такъ кажить!

— Тридцять!

„Тридцять! А стôитця що?

— Симнадцять!

„Симнадцять!... Не симнадцать, а пятнадцать?

Словомъ, почнется торгъ на глазомѣръ, за цѣлую штуку, или, говоря точнѣе не торгъ, а съ одной стороны; *пятнадцять, пятнадцять*; а съ другой: „Ну, безъ золотого!... Ну, безъ копи (безъ 20 коп., безъ 50 коп.)..." Потому что, надобно знать если старикъ сказалъ цѣну,—не сдвинется съ нея, хоть бы изъ-за этого пришлось въ три-дорога заплатить въ другой лавкѣ. Развѣ бы сказалъ свою цѣну такъ себѣ, чтобы *довидаться ума у молодого крамаря* [2]), или чтобы обмѣняться шутками съ старымъ знакомымъ....

— И то гроши!—скажетъ купецъ....

„Чомъ же не гроши? хороши гроши! карбованци—не жидивски обризанци, а повни [3]),—бумажки зъ свитомъ!"

И купилъ старикъ такимъ образомъ ситцу цѣлую штуку, купитъ, раззадорившись, еще штукъ нѣсколько; купитъ и другихъ разныхъ разностей! Найметъ потомъ *тригубого* жида Гершка, съ бродячею его труппою, на нѣсколько недѣль, и обошьетъ всѣхъ лѣтъ на нѣсколько! И сдѣлаетъ въ заключенiе старикъ генеральную ревизiю: „Глядить же мени, бережить, шкодуйте [4])

---

[1]) Хорошiй. [2]) Купца.—[3]) Полные, т. е. необрѣзанные.—[4]) Жалѣйте.

бо це вже", говоритъ, „годи [1])! годи гроши марно [2]) тратить на проклятi ганчирки [3])! Всѣ улыбнутся, выслушавъ такую рѣчь:—есть новые наряды... а вмѣстѣ и вздохнутъ, потому что если старикъ сказалъ, то года два быть всѣмъ навѣрное безъ обновокъ.... И обратитъ потомъ старикъ рѣчь къ Гершку: А ты, „говоритъ", Гершку, и въ двиръ бильше не заглядуй; бо далеби [4]), саломъ нагодую"! Усмихнется Гершко своею добродушною *тригубою* улыбкою, приподниметъ правою рукою съ правой стороны яломокъ, поскребетъ надъ правымъ *песикомъ* „Гм, ню!. А къ великодню робота буде?" Проведетъ послѣ этого старикъ ладонью крѣпко у себя по лицу, отъ самаго лба до самой бороды: „Проноза, молъ, ти жидивська!"—„Буде жъ", говоритъ, „буде робота, якъ саломъ тебе нагодую!" И закончитъ онъ свои похожденія, по нелюбимымъ имъ *палестинамъ* покупокъ и приготовленія для семьи нарядовъ, приказаніемъ подать графинчикъ, *покропить* съ Гершкомъ новое платье, что̀ тамъ еще покроено и пошито...

Таковъ былъ покойникъ старикъ въ этого рода дѣлахъ! не любилъ, крѣпко не любилъ нарядовъ, возни съ купцами, прицѣниванья къ товарамъ, и такъ далѣе и т. д. И если ужъ онъ былъ въ необходимости покупать, то покупалъ разомъ много, поскорѣе.

Такъ онъ хотѣлъ поступить и при покупкѣ свадебныхъ лентъ. Но не тутъ-то было! Купецъ, у котораго старикъ дѣлалъ закупки, былъ изъ тѣхъ украинцевъ-купцовъ, которые, увы! начинаютъ уже переводиться. Это былъ человѣкъ аккуратный въ высшей степени, даже въ мелочахъ; любилъ все дѣлать отчетливо, не спѣша. Онъ любилъ *добрáть* свой процентъ и твердо на этомъ стоялъ, но никогда ни позволялъ ни себѣ, ни своимъ прикащикамъ, никакихъ *недомиривъ*, *недовискивъ*, не позволялъ *загонять* и *завертать* цѣны, брать съ покупателя *лишню копiйку*... Потому-что ему хотѣлось *одному* отправиться на тотъ свѣтъ, а не

---

[1]) Полно!—[2]) На пустяки, напрасно. [3])—Тряпки.—[4]) Божба «Ей!»

въ сопровожденіи этихъ *недомиркивъ, недовискивъ, лишнихъ копіекъ*, и чтобы эти *недомирки, недовіски и лишни копійки* не выступили впередъ на страшномъ судѣ и не засвидѣтельствовали предъ лицемъ Бога и святыхъ ангеловъ его, что, молъ, „мы вонъ какіе и вонъ какіе; что, молъ, я къ тому-то долженъ бы пойти, а я у того-то остаться, но что человѣкъ сей, на томъ, человѣческомъ, свѣтѣ, купцомъ Рудею звавшійся, не довѣсилъ насъ, не домѣрилъ, сорвалъ...“ И чтобы, выслушавъ эти свидѣтельства, Богъ не велѣлъ итти ему въ геенну огненную... не схватили бы его нечистыя силы и не начали бы вѣчно руки мѣрить раскаленными аршинами, а несытую *пельку* [1]) набивать раскаленными копейками и горящими недомирками и недовисками.

— Покажить ще мени,—говоритъ отецъ, накупивъ у купца разныхъ разностей:—стричокъ весильнихъ [2]), стёжокъ!

Купецъ досталъ огромный пукъ пунцовыхъ и розовыхъ лентъ всевозможныхъ оттѣнковъ и ширины; между ними путались ленты и другихъ цвѣтовъ, отецъ взялъ, повертѣлъ въ рукахъ: „Та тутъ“, говоритъ, „есть и невесильни... Однакъ дарма [3]), въ хозяйстви пригодятся! А що стоитця [4]) сей жмутъ [5])? та скорише, будьте ласкови, бо николы!

Купецъ, уступавшій до-сихъ-поръ отцу въ другихъ покупкахъ, зная болѣе или менѣе на память мѣру своихъ товаровъ, тутъ рѣшительно воспротивился продажѣ глазомѣромъ.

— Якъ можна—скорише!—говоритъ:—тутъ треба помирить: не напамятуесся [6]) всёго!

И пошли спорить! Отецъ говоритъ, что тутъ на полдня будетъ мѣрить, безъ мѣры дѣло пойдетъ скорѣе; а тотъ—что безъ мѣры не продаетъ, своего напрасно потерять не хочетъ и чужимъ воспользоваться не желаетъ. Спорили, спорили, и дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ предоставилъ отцу взять ленты,—тамъ ихъ, дома у него, помѣряютъ, а поторгуются и разсчи-

---

[1]) Глотку. [2]) Свадебныхъ. [3]) Но ничего! [4]) Стоитъ. [5]) Пукъ. [6]) Нельзя помнить.

таются, когда отецъ пріѣдетъ на маслянскую ярмарку... А купцу отецъ былъ не то, что называется знакомый покупщикъ,—это я положительно знаю!

Отецъ согласился на сдѣлку, но заставилъ купца взять, въ обезпеченіе уплаты, *билу бумажку* (25 р. асс.)... И отцу купецъ тоже былъ не то, что называется знакомый купецъ, и это я положительно знаю!..

Этотъ случай, котораго я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, не знаю почему, привелъ мнѣ на память обычай, бывшій, конечно въ низшихъ слояхъ общества, у насъ повсемѣстнымъ въ старину, какъ разсказываютъ наши старожилы,—именно обычай, въ слѣдствіе котораго тяжущіеся обыкновенно ѣздили *въ судъ* вмѣстѣ и на одной повозкѣ, то-есть, на одной повозкѣ и истецъ и отвѣтчикъ, пожалуй и съ свидѣтелями обѣихъ сторонъ.... Ѣдучи вмѣстѣ, ѣли и пили водку, толковали о своей тяжбѣ, высказывая свои шансы и ожиданія.... Разсказывавшіе мнѣ про этотъ стародавній обычай, старожилы наши всегда присовокупляли, что, въ слѣдствіе такого обычая, тяжба не изгоняла между тяжущимися всякихъ другихъ отношеній, не поглощала между ними всего и не поселяла той ненависти, какую обыкновенно поселяетъ тяжба между нами въ настоящее время. Сверхъ того, по замѣчанію старожиловъ, часто случалось, и особенно, при участіи въ поѣздкѣ и свидѣтелей, что, доѣхавъ до какого нибудь хутора или села, остановившись въ немъ кормить лошадей, и выпивъ за *полуднемъ* или за *сниданнямъ* по двѣ, по три чарки, веселящей сердце человѣческое, *тіеи гаспидьскои, розгуторятия*, объяснятся, обнимутся, поцѣлуются и воротятся домой, плюнувши туда, назадъ, на свой слѣдъ: „Нехай, мовъ, западутця вони, тіи позви, зъ судами ему и со всимъ!...

Покончивъ съ купцомъ, отецъ взялъ пукъ лентъ и распорядился съ нимъ, какъ распорядился съ пукомъ засаленныхъ ассигнацій Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло, врученныхъ ему заѣзжимъ кулакомъ въ сибиркѣ, т. е., не глядя на него прехладнокровно сунулъ въ карманъ,—только не въ задній карманъ

и не своего *сюртука*, а въ находившійся съ боку карманъ синяго *каптана*....

Послѣ этого, отецъ отвезъ меня въ училище и, высаживая тамъ изъ саней, сказалъ, что онъ еще увидится со мною. Дѣйствительно, чрезъ часъ пріѣхалъ онъ проститься и, прощаясь, объявилъ мнѣ, что въ пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, пришлетъ за мною лошадей, взять домой на свадьбу, что смотритель уже согласился на это...

Можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой пятницы!.. А вечеръ наканунѣ!... Случалось ли вамъ самимъ, помните ли?

Какъ въ чаду какомъ-то вы: укладываете вещи, прислушиваетесь,—авось сегодня еще пріѣдутъ!... А тутъ и урокъ еще назавтра: „Что есть покаяніе?... Покаяніе есть. А жилетикъ!" вскрикиваете, вспомнивъ, что̀ его-то и не уложили...

И такъ вы отъ связки съ вещами къ книгѣ, отъ книги къ связкѣ.... а тамъ къ дверямъ: кажись въ сѣняхъ что-то стукнуло...

А эти томительныя ночи наканунѣ, помните ли? Сонъ не идетъ, думаете, что̀ тамъ дома будетъ,—мать....

— А ну, забудутъ или прислать лошадей?... вдругъ приходитъ вамъ на мысль:—или лошади захворали?... „Нѣтъ", отвѣчаете рѣшительно: не забудутъ „не захромали?..."

— Однако? и переворачиваетесь на другой бокъ.—Или смотритель скажетъ... Ну, что же онъ скажетъ: Ну скажетъ не ѣзди, да и полно!..." Или--*Арапъ билый прыйде*?..

Переворачиваетесь снова.

— Нѣтъ, *загаддю*! наконецъ рѣшаете вы—надо же этимъ несноснымъ предположеніямъ положить конецъ!...

„И поднявшись на постелькѣ, вертите указательными пальцами и потомъ ихъ сводите,—со всею силою желанія, какъ-бы они столкнулись.

Мимо!..

Да вѣдь нужно три раза загадать!...

Снова вертите, снова сводите, зажмуривъ глаза,—какъ будто въ темнотѣ можно что увидѣть... Попали!

„Я такъ и думалъ!

Гадаете въ третій разъ, и какъ въ третій разъ вышло мимо, гадаете *трижды-три*, на томъ основаніи, что вы не думали, о чемъ гадаете... а думать непремѣнно надо...

И такъ волнуется и волнуется ваша дѣтская душа—долго, долго!... И долго мечетесь вы съ боку на бокъ въ постелькѣ, пока сонъ не налетитъ какъ-нибудь нечаянно-нежданно, какъ нибудь съ-размаха, въ промежутокъ двухъ душевныхъ ощущеній, когда одно не успѣло смѣниться другимъ... не налетитъ и какимъ-то тяжелымъ угаромъ не прикуетъ къ подушкѣ накалившуюся отъ безсонницы и тревожныхъ мыслей вашу голову, а раскаленную вашу фантазію не пуститъ на свободу: пусть молъ, пока! И во снѣ ему разные *Бѣлые Арапы* пальцами вертятъ подъ носомъ: „не пришлютъ по тебѣ лошадей,—отецъ забылъ,—захромали, и ты—въ школу, въ школу“!.. И такъ—долго, долго, пока мало-по-малу угаръ не испарится, фантазія не уляжется, и вашего существа не начнетъ обвивать сонъ легкими покровами....

А какъ легко просыпаться послѣ такого сна!.. Остался только день, только одинъ день!.. И сколько хитростей вы употребляете потомъ съ этимъ днемъ, чтобъ онъ ушелъ себѣ поскорѣе... Вы ужъ обзавелись на квартирѣ собственнаго изобрѣтенія солнечными часами: дойдетъ тѣнь отъ коморы до этого мѣста—*такая* пора дня, дойдетъ сюда—*такая*; а знаете навѣрное—не смотрѣть на тѣнь, день уходитъ скорѣе....

„Ну“, говорите, „не буду смотрѣть! Сначала насчитаю тысячу, потомъ палецъ возлѣ оборочу тысячу разъ, ну, потомъ... и посмотрю!

И считаете тысячу, вертите палецъ вокругъ пальца тысячу разъ... стараетесь дѣлать это какъ можно медленнѣе, а между тѣмъ, несносная тѣнь—ну, какъ нарочно!...

Впрочемъ, на этотъ разъ судьба была благосклонна... Дѣло вотъ какъ случилось:

Просыпаюсь въ пятницу (я спалъ на лавкѣ у *покуття*). Хома—за *верстаттю*, свѣча подъ *начйннямъ*,—словно мальчишка на веревочной качелѣ,—ярко освѣщаетъ заднюю стѣну, нагнувшуюся надъ *роботою* [1]) соломенную Хомину покрышку.

Хома тчетъ: човникъ [2]) играетъ, *начиння* танцуетъ, *шайда* въ ладоши похлопываетъ... Хома работаетъ руками, Хома работаетъ плечами,—носомъ, губами, соломенною покрышкою... работаетъ, противъ воды будто плыветъ, болтая ногами тамъ, подъ верстатью, въ полумракѣ, словно въ темной влагѣ рѣчныхъ зыбей...

Возлѣ Хомы, у печки на лавкѣ, лысиною въ хатѣ,—такъ знаете, по домашнему,—съ необутыми ногами, сидитъ мужъ браней первой четверти настоящаго столѣтія,—цивки сўче... Забывъ про свое военное и унтеръ-офицерское званіе, и отложивъ, такъ сказать въ сторону и свой, никуда негодный, тесакъ, и свое, никуда негодное, ружье, мужъ браней предается занятіямъ мирнаго гражданина,—предается со всею любовью преданой души, проведшей, можетъ быть, цѣлую половину своей жизни въ бездѣльи, и со всею внимательностью души, малоопытной въ подобномъ занятіи и при томъ имѣющей предъ собою такого знатока-судью, каковъ Хома... Носъ его, губы, подбородокъ, бакенбарды,—все его добродушное лицо, вытянулось впередъ, съуживается... превратилось въ какое-то мышиное рыльце, быстро и пугливо обнюхивающее подвернувшееся лакомство... или какъ-будто, вмѣсто головы у героя браней, рука съ пятью пальцами, и эти пять пальцевъ протянулись къ станку, *пучечкою* [3])... что-

---

[1]) *Робота*—работа; но въ ткацкомъ дѣлѣ, *робота*—основа на верстати,—словомъ, то, что тутъ. Напомню при этомъ читателю, для лучшаго уразумѣнія картины, что верстать у насъ помѣщается обыкновенно за печкою, гдѣ бываетъ *пила*, переднею частію къ хатѣ.—

[2]) Челнокъ.

[3]) *Пўчки*—оконечности пальцевъ. Взять *пўчкою*, *пучками*.—взять оконечностями пальцевъ, и большею частью—взять осторожно; взять *пучечкою*, *пучечками*—очень осторожно нѣжно.

то снять съ него хотятъ... но что-то сзади мѣшаетъ, толкаетъ подъ локоть... Станокъ гудетъ, клубокъ въ *обичайци* [2]), словно двадцать чертей гонятъ его кнутами,—мечется какъ угорѣлый, скачетъ, кувыркается...

За спиною у героя торчатъ съ печки ноги Усти, а надъ лысиною—рыжій котъ свѣсилъ съ *комина* [3]) голову, и внимательно слѣдилъ за работою...

Въ сторонѣ отъ героя, предъ истопленною жарко печью,—хозяйка, съ лицомъ, тоже какъ-будто жарко истопленнымъ и накаленнымъ докрасна: сидитъ на скамейкѣ, беретъ одинъ за другимъ лежащіе возлѣ, на столѣ, на чистыхъ подушкахъ *буханци* [4]), и посылаетъ одинъ за другимъ въ печку...

Всторонѣ отъ хозяйки, въ темномъ углу *кто-то* изъ деревни вѣрно... вѣрно, дрова хозяйкѣ привезъ, муку... или, можетъ кто изъ родичей хозяина заѣхалъ... должно быть дремлетъ,—то и дѣло, кланяется хозяйкѣ и печкѣ...

Я зѣвнулъ—о-хо-хо-хъ! славно, молъ, выспался!.. поотянулся и поднялся на постели... При моемъ зѣвкѣ все въ хатѣ притихло, а рыжій насторошилъ уши... и удостовѣрившись, что они его не обманули, перекинулся на спину и протянулъ ко мнѣ свои лапы...

„А що,—говоритъ Хома, отводя въ сторону свѣчку съ качелею и выставилъ свое добродушное лицо:—А що,—говоритъ,—тоби снилось?...

— Ничого!

„Якъ—ничого? Може, снилось, що прислали?...

— Ну,—подхватилъ герой браней, выпуская съ руки *сучо́къ* [3]), насупливаясь и какъ-будто чего ища вокругъ себя,—знакъ, что былъ въ очень сильномъ юмористическомъ настрое-

---

[1]) *Обичайка*—обручъ у сита или у *рѣшета*. Въ *обичайку* кладутъ клубокъ, чтобы не закатывался далеко.

[2]) *Ко́минъ*—верхняя часть печки.— [4]) Булки.

[3]) Ручка, которою приводится въ движеніе сукальный станокъ.

ній:—Ни,—говоритъ,—ему снилось, що не буде зъ нами обидать!... безъ обиду буде!..

„Безъ обиду не буде!“ перебиваетъ хозяйка: „я ему буханець дамъ...“

Рыжій, тѣмъ временемъ—съ *комина,* на печку... царапнулъ мимоходомъ Устю по ногѣ, и на плечо къ герою—„Брысь! тьфу!“—на верстать, на лаву, и ко мнѣ на колѣни... тернулся разъ головою и бокомъ мнѣ о грудь, въ другой разъ махнулъ сюда-туда хвостомъ, задѣвая меня по лицу и по носу, и опрокинулся вверхъ ногами...

„Довго-жъ ти спишъ Васильку!—отозвался наконецъ и тотъ, изъ угла.

— Грицько!..

И я—съ постели, на полъ, къ Грицьку на колѣни и принялся цѣловать его въ усъ, въ *чуприну,* въ щоки...

И всегда такъ случалось со мною въ дѣтствѣ: Радости и печали приходили ко мнѣ какъ-то нечаянно, не оттуда, откуда я могъ ихъ ожидать, или не тогда, когда онѣ должны бы, по моему разсчету, прійти. Расчеты мои, въ этомъ отношеніи, всегда какъ-то оказывались невѣрными. Въ одномъ только расчетъ мой всегда былъ вѣренъ: если я предполагалъ, что радость мнѣ не пройдетъ даромъ, что позже или раньше я долженъ порядочно за нее поплатиться. Впрочемъ, у меня оказывался вѣрнымъ еще слѣдудощій расчетъ: если, бывало, мнѣ приснятся ночью вьюны, и на самомъ этованіи я разсчитывалъ на *пáли* [1])—непремѣнно сбывалось!..

[2]) Нацѣловавшись вдоволь съ Грицькомъ, я принялся распрашивать, кàкъ и чтó. Онъ мнѣ, между прочимъ, разсказалъ, что его послали купить бочку водки, взять меня и сейчасъ назадъ, чтобы поспѣть домой сегодня же, хоть поздно; что ради этого онъ пріѣхалъ съ *шинкаремъ* и двумя саньми—нашими *глáбцями* и шинкаревыми *дренджолятами;* что шинкарь пріѣхалъ между прочимъ и для того, чтобы выбрать водку: „тильки де ёму! го-

---

[1]) Удары линейкою по рукѣ.

[2]) Основа 1861 г., іюнь, 1—18.

ворить:—въ сему дили, здаетця, ничого не тямить“ [1])! При этомъ Грицько разсказалъ, что это шинкарь не тотъ, что прежде былъ, а другой, новый. „Винъ“, говоритъ „такий, отъ якъ бы й вони, мýндырь (унтеръ-офицеръ)! и показалъ головою на хозяина:—тильно зъ оставнúхъ... И такий же то бидовий и кумедний,—самъ побачишъ!...“ Въ заключеніе онъ сказалъ, что сани и лошади съ шинкаремъ тамъ, на площади, гдѣ стоятъ бочки съ водкою, и что намъ надо сейчасъ туда отправляться.

Я наскоро умылся, одѣлся, простился съ Хомой и съ хозяевами, отдалъ Грицьку свой узелокъ, и мы пошли. Хозяева оставляли позавтракать; хозяйка особенно настаивала обождать, пока *буханци* спекутся, чтобы взять на дорогу, но я и слышать не хотѣлъ.

Приходимъ на площадь,—лошади выпряжены, возлѣ *рéптуха* [2]), а Мýндырь, въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и *капелюхахъ* изъ собачьяго мѣха, сидитъ на *дренджолятахъ* и, отъ нечего дѣлать, по видимому, упражняется въ искусствѣ смотрѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть... Грицько пошелъ дальше, къ *глабцямъ*, къ лошадямъ, а я къ Мýндыру, „здоровъ бувъ“ сказать и посмотрѣть, что это за *бидовий* и *кумедный чоловикъ*. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть *бидовий* и *кумедный чоловикъ!..*

Это былъ тоже герой браней первой четверти нашего столѣтія, но это была уже одна изъ тѣхъ унтеръ-офицерскихъ личностей, которыя болѣе совершенное развитіе получили нѣсколько позднѣе, и которыя теперь, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ перевелись. Какова внутренняя физіономія такихъ личностей—не берусь разсказывать, мудрено! Скажу только, что такъ-какъ лицо есть зеркало души, то зеркало тутъ надобно бы было завѣшивать, что ли... Физіономіи такихъ личностей—т. е. наружныя физіономіи—какъ-будто не раждались на свѣтъ Божій, какъ

---

[1]) Не смыслитъ.

[2]) Родъ мѣшка, очень широкаго и очень не глубокаго; его натягиваютъ на оглобли и всыпаютъ въ него овесъ для корма лошадей въ дорогѣ.

раждались всѣ остальныя физіономіи Божьяго міра, а какъ-будто тачались по заказу полковыхъ командировъ, въ полковыхъ швальняхъ, изъ полковыхъ средствъ, полковыми сапожниками... Ременная коробка, пакли въ середку (да потуже:—тогда любили мордашей), сверху—кожею изъ стараго ранца, въ лобъ—пару оловяшекъ, подъ носъ—два пучка щетины, къ вискамъ—по сапожной щоткѣ,—и физіономія готова... А на счетъ рта—хватилъ отъ уха до уха ножемъ—будетъ чѣмъ рявкнуть! „Уши бы", думаетъ тамъ Нефедьевъ или Анисимовъ: — но изъ-за *бракенбаровъ* не тово, *авось* сбредетъ!. „А брови, мошенникъ!"—„Виноватъ, ваше благородіе! на счетъ бровей не приказывали!"

Туловища же, руки и ноги для такихъ личностей какъ-будто рубили топорами, на рабочихъ дворахъ, изъ дерева крѣпкаго-раскрѣпкаго... изъ такого дерева, которое двѣнадцать лѣтъ лежало и вялилось въ запасныхъ магазинахъ... А кожа для туловища, рукъ и ногъ какъ-будто приготовлялась изъ тѣхъ старыхъ солдатскихъ шинелей, качество которыхъ мои земляки, для своего домашняго обихода, опредѣлили слѣдующей пословицей: „ти, москáлю, и добрый чоловичъ, та шенелія твоя злодій [1])!"

И какъ выведутъ бывало такого мýндыра и пустятъ его въ свѣтъ—и Боже, какъ умѣли его ручища подбираться къ казеннымъ и неказеннымъ физіономіямъ, къ казенной и неказенной движимости! Какими страшными казались всѣмъ его дубовые кулаки! Кáкъ мýндыръ кричалъ и молчалъ!.. А всё какъ-будто чего-то не доставало!.. Отмѣнены поэтому, говорятъ, какіе мýндиры....

Мундыръ сидѣлъ, говорю, на саняхъ и упражнялся въ искусствѣ глядѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть. Я подошелъ поближе, снялъ шапку...

— Здоровъ бувъ! говорю.

Мундыръ очнулся.

— Что тѣ надо?

---

[1]) Воръ.

— Здоровъ бувъ, кажу!

— Къ чорту убирайся съ своимъ „зда-ровъ-бувъ!..“ Спрашиваю что надо?

— Та мени жъ и нада „здоровъ бувъ!“

— Шутишъ ты, чертеновъ, что ли?—выпрямился, ощетинился, какъ разъярный бульдогъ.

Я расхохотался...

— Ахъ ты-жъ такой и этакой!... Вотъ я тѣ!—заревѣлъ и, схвативъ лежавшій возлѣ него кнутъ, ко мнѣ...

Чѣмъ бы кончилась эта первая встрѣча съ Мундыромъ еслибъ Грицько не послышалъ и не поспѣлъ ко мнѣ на помощь,—не знаю (занятый чѣмъ-то возлѣ лошадей и съ шапкою крѣпко натянутою на уши, онъ сначала ничего не слыхалъ); вѣрно, моему кожушку, а можетъ быть и чему другому, крѣпко бы досталось! Къ счастью, говорю, какъ-то услышалъ... поднимаетъ голову: я лечу къ нему, сколько ногъ хватитъ, а за мною тотъ съ поднятымъ кнутомъ...

— Що ты, що ты!—крыкнулъ Грицько, бросаясь между насъ:—чи не сказывся ты!?

Мундыръ оторопѣлъ, увидавъ Грицька—онъ теперь только его замѣтилъ.—А!—говоритъ:—ты ужъ здѣсь!.. А привелъ!—и проворно окинулъ взглядомъ кругомъ:—не привелъ развѣ?..

Очевидно, въ паклѣ Мундырѣ никакъ не могло помѣститься, чтобы сынъ его хозяина, и притомъ городской школьникъ, могъ носить нагольный тулубчикъ и имѣть видъ обыкновеннаго сельськаго „хохленка“...

Хрицько растолховалъ ему въ чемъ дѣло,—и какое превращеніе!—Виноватъ!—говоритъ и вытянулся предо мною въ струнку:—виноватъ!—даже *благородіемъ* меня назвалъ...

— Та перестань!—перебилъ его Грицько:—тамъ зъ батагомъ, а се зъ „благородіями!“ Бачъ, якъ засоромывъ [1])!..

Дѣйствительно, Грицько былъ правъ... Ни въ какомъ отношеніи непринадлежавшее мнѣ „благородіе“ это такъ меня сму-

---

[1]) Сконфузилъ

тило и сконфузило, что я не зналъ, что съ собою и дѣлать куда дѣваться... Я подошелъ къ вороно́му и, наклонивъ голову къ персямъ, принялся гладить его однимъ пальцемъ по шеѣ... Доброе животное узнало меня и, нагнувъ морду къ моей головѣ, принялось тихо тормошить шапку зубами... Но и его ласки не могли разогнать смущенія, нагнавшаго на меня неловкимъ „благородіемъ". Я поднялъ голову, принялся его ласкать, тормошить за гриву, за ноги, и сталъ добывать изъ саней лучшаго сѣна и кормить только тогда, когда Мундыръ съ Грицькомъ пошли себѣ къ бочкамъ выбирать, какая тамъ погодится...

Ка́къ они выбирали водку, я ужъ не видалъ: все мое вниманіе поглощено было воронымъ. Знаю только, что и Грицько, и Мундыръ, *нализались* тамъ порядочно, и что и тутъ не обошлось безъ разныхъ проказъ со стороны послѣдняго. Такъ, напр., онъ хотѣлъ поколотить одного продавца бочекъ съ водкою, за что́—я не понялъ тогда. Видѣлъ только, что поднялась суматоха, и что продавецъ, прижавъ правою рукою *волочо́къ* (пузырекъ, которымъ достаютъ водку изъ бочекъ для пробы) къ, груди, лѣвою, указательнымъ пальцемъ, тыкалъ все въ воздухъ, по направленію къ землѣ—вонъ-оно, дескать, вонъ, вонъ! и каждый тычокъ сопровождалъ восклицаніемъ—*вкравъ*: „вкравъ", говоритъ, „вкравъ, вкравъ!" а Мундыръ вырывался изъ рукъ Грицька и другихъ, и на каждое *вкравъ* отвѣчалъ:—„врешь, врешь, спряталъ!"

Наконецъ бочка *коропскои* [1]) куплена и скочена на *глабци* куплены также и другія, какія нужны были покупки (въ томъ числѣ и двѣ огромныя вязки бубликовъ—*сущикивъ* для гостинца домой), лошади запряжены, и мы поѣхали,—Грицько съ бочкою позади, а я, съ Мундыромъ, впереди, закутанный въ нагольные кожухи, присланные изъ дому собственно ради этой одной надобности. Мундыръ больше уже не говорилъ мнѣ „благородіе"...

---

[2]) Коропъ—заштатный городъ Черниговской губерніи, славившійся нѣкогда своею водкою. Водка эта въ большомъ количествѣ продавалась и въ Полтавской губерніи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVI.

1899 г.

ІЮЛЬ.

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. **Е. К.** . . . . 1—23

II. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 3. Письма О. М. Бодянскаго, 1848—56 гг. . . . . 24—32

III. СУДЬБА. Разказъ **Влад. К—ча** . . . . 33—69

IV. ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ въ Староконстантиновскомъ у., Волынской губ. Сообщ. **Л. Ленчевскій** . . 70—78

V. КЪ ВОПРОСУ О КОЛОНИЗАЦІИ ПОСУЛЬЯ ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ. **В Милорадовича** . . . . 79—89

VI. ПОПОКЪ. (*Окончаніе*). **Б. Познанскаго**. . . . . . . 90—130

VII. ПАМЯТИ В. В. ТАРНОВСКАГО. **Н. Ш.** . . . . 131—133

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) О стихотвореніи «Славянамъ», приписанномъ Т. Г. Шевченку. **В. Науменка**; б) Малорусская пѣсня въ изданіи 1794 года. **В. Н.**; в) Письмо П. А. Кулиша къ М. А. Максимовичу; г) Къ XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ . . . . . . 1—11

Текущія извѣстія. . . . . 11—16

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) «Материяли до украиньско-руськоі етнольогіі», выданне етнографичноі коммісиі за редакциею Хв. Вовка, т. I. **А. Малинки**; б) Д. Марковычъ. По степамъ и хуторамъ. **С. Н.**; в) Я. Жарко. Байки. Спб. 1889 г. **И.**; г) Этнографическое обозрѣніе 1895 года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . . . 17—31

Археологическая лѣтопись. . . . . 32—44

III. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 7-й и 8-й.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 6 іюля 1899 года.

Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія.

(Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. По неизданнымъ матеріаламъ. Томъ 1. 1802—1815 г. Харьковъ. 1893—1898).

(Продолженіе).

Перейдемъ теперь къ обзору научной и преподавательской дѣятельности харьковскихъ профессоровъ перваго десятилѣтія.

Мы говорили уже, что подобрать профессорскую коллегію въ полномъ составѣ изъ русскихъ было дѣломъ немыслимымъ въ началѣ столѣтія. Пришлось обратиться заграницу и, главнымъ образомъ, въ разсадникъ учености того времени—въ нѣмецкіе университеты. Большая часть приглашенныхъ профессоровъ и были нѣмцы (изъ 29 иностранцевъ ихъ было 18). За ними слѣдовали западные славяне, которые съ западно-европейскимъ образованіемъ соединяли то преимущество, что могли сравнительно легко овладѣть русскимъ языкомъ, такихъ профессоровъ—славянъ въ Харьковѣ на первыхъ порахъ было 7. Менѣе значительно было число французовъ—ихъ было всего четверо.

Не всегда, конечно, выборъ приглашаемыхъ профессоровъ былъ удаченъ, но все таки въ общемъ профессора-иностранцы, особенно нѣмцы, и по своей научной подготовкѣ, и по ученой продуктивности стояли выше своихъ русскихъ коллегъ. Въ Харьковъ ѣхали не только тѣ ученые, которымъ не удалось до-

биться каѳедры дома, но иногда пріѣзжали и такіе профессора, которые занимали уже каѳедры и даже составили себѣ имя въ ученомъ мірѣ.

Мы остановимся на біографіяхъ нѣкоторыхъ харьковскихъ профессоровъ.

Среди нѣмцевъ особенно выдѣлялись Роммель, Шадъ, Якобъ, Гутъ и Гизе.

Христофоръ Роммель родился въ семьѣ протестантскаго пастора въ Касселѣ (въ Гессенѣ) и первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ отца, потомъ учился въ Кассельскомъ лицеѣ и Марбургскомъ и Геттингенскомъ университетахъ. Здѣсь онъ почувствовалъ влеченіе къ филологіи. Уже первые ученые труды его по арабской словесности обратили на него вниманіе даже иностранныхъ ученыхъ. Еще въ 1803 году ему предложена была каѳедра въ Харьковѣ, но Роммель предпочелъ остаться въ Геттингенѣ и, получивъ степень доктора, началъ читать здѣсь курсъ о Гомерѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Скоро его пригласили профессоромъ въ Марбургъ. Роммель не былъ узкимъ спеціалистомъ—на ряду съ филологіей онъ интересовался географіей, этнографіей, статистикой и политическими науками. На каѳедрѣ онъ явился горячимъ послѣдователемъ Винкельмана и Гейне—сторонникомъ эстетическаго изученія древняго міра. Въ Марбургѣ сначала Роммель имѣлъ успѣхъ, но мало по малу у него начались столкновенія съ товарищами, болѣе склонными къ сухому буквоѣдству, чѣмъ къ глубокому и живому изученію древности; разочаровали молодого профессора и слушатели, которые отдавали предпочтеніе хлѣбнымъ юридическимъ и богословскимъ наукамъ передъ находившеюся тогда въ загонѣ филологіей. Появленіе въ Германіи французовъ переполнило чашу. Стали носиться слухи о закрытіи университетовъ. Въ отчаяніи Роммель рѣшился покинуть родину и въ 1810 г. принялъ предложенную ему вторично каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ. Но и въ Харьковѣ Роммель оставался недолго. Менѣе чѣмъ черезъ 4 года онъ выѣхалъ опять заграницу.

Гораздо богаче драматическими эпизодами жизнь другого ученаго нѣмца—Шада.

Іоганнъ-Баптистъ Шадъ былъ крестьянскій сынъ, родился онъ въ 1758 г. и 10 лѣтъ отъ роду отданъ былъ отцомъ въ Банцскій бенедиктинскій монастырь для обученія пѣнію (Шадъ былъ католикъ). Здѣсь монахи обучили его музыкѣ и латинскому языку. Черезъ нѣсколько лѣтъ его перевели въ Бамбергскую іезуитскую семинарію, гдѣ онъ и пробылъ 6 лѣтъ. Въ этой семинаріи изучались древніе языки, но исключительно съ грамматической стороны, авторовъ читали только въ отрывкахъ—для упражненія въ синтаксисѣ и заботливо внушали питомцамъ, что все, написанное языческими писателями, есть сплошное заблужденіе; учебникъ исторіи зазубривался наизустъ; преподаваніе нѣмецкаго языка было въ самомъ жалкомъ состояніи. Надо всѣмъ царила схоластическая логика и діалектика. Шадъ вынесъ изъ школы знакомство съ классическими авторами, но этимъ знакомствомъ онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ. Возвратившись въ Банцскій монастырь, Шадъ принялъ монашество. Но скоро въ немъ начался внутренній разладъ; семь лѣтъ провелъ онъ въ тяжеломъ душевномъ состояніи, былъ даже близокъ къ самоубійству. Подъ вліяніемъ сочиненій Канта въ немъ понемногу произошелъ переворотъ—изъ ортодоксальнаго католическаго монаха онъ сдѣлался свободнымъ мыслителемъ-гуманистомъ. Шадъ рѣшается, не выходя изъ монастыря, дѣйствовать на умы путемъ литературы. Онъ издаетъ рядъ богословскихъ и философскихъ сочиненій, шедшихъ въ разрѣзъ съ католическимъ богословіемъ. Положеніе его въ монастырѣ сдѣлалось щекотливымъ—монахи не разъ уже выступали печатно противъ его сочиненій. Наконецъ Шадъ тяжко заболѣлъ и докторъ предупредилъ его, что жить ему осталось не болѣе полугода. Тогда Шадъ написалъ ѣдкую сатиру на монашество подъ заглавіемъ „Судьба почтеннаго отца Синцеруса“ и отдалъ ее въ печать съ такимъ разсчетомъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ его смерти. Но врачъ ошибся, Шадъ выздоровѣлъ. Между тѣмъ книга вышла. Шаду грозила опасность быть отправленнымъ въ одинъ изъ

испанскихъ монастырей въ заточеніе. Тогда онъ рѣшился бѣжать изъ монастыря. Ночью выпрыгнулъ онъ въ окно, перелѣзъ черезъ стѣну и скрылся. Чтобы обезопасить себя отъ преслѣдованія монаховъ, Шадъ принялъ протестантство. Въ Іенѣ онъ получилъ степень доктора философіи и сдѣлался приватъ-доцентомъ. Знаменитый Фихте, оставляя каѳедру, рекомендовалъ студентамъ Шада, какъ своего преемника. Въ Іенѣ Шадъ издалъ цѣлый рядъ философскихъ сочиненій. Въ 1804 г. онъ перешелъ въ Харьковъ ординарнымъ профессоромъ философіи. Приглашенъ онъ былъ сюда попечителемъ Потоцкимъ по рекомендаціи Шиллера и Гете. Кипучая натура Шада сказалась и въ Харьковѣ. Онъ принималъ горячее участіе въ университетской жизни, издалъ здѣсь много сочиненій, оставилъ учениковъ. Намъ еще придется упоминать о немъ дальше, скажемъ теперь только, что и въ Россіи Шаду не посчастливилось. Во вторую половину царствованія Александра I, когда началась реакція, Шадъ былъ высланъ изъ Россіи, какъ человѣкъ и ученый крайне вреднаго направленія.

Извѣстностью въ ученомъ мірѣ пользовался и Людвигъ Кондратьевичъ Якобъ. Онъ учился въ Галле и здѣсь же былъ профессоромъ, читая лекціи сначала по филологическимъ наукамъ, а потомъ по исторіи и политикѣ. Три года сряду онъ былъ ректоромъ Галльскаго университета. Его учебники были въ ходу не только въ Германіи, но и въ Даніи и Венгріи, а сочиненіе „Общая религія“ разошлось въ нѣсколько дней въ количествѣ 2500 экземпляровъ. Имъ было издано 35 ученыхъ сочиненій. По закрытіи университета въ Галле Якобъ перешелъ въ 1807 г. въ Харьковъ на каѳедру дипломатики и политической экономіи. Впрочемъ здѣсь онъ пробылъ недолго, такъ какъ въ 1809 г., по приглашенію Сперанскаго, перешелъ на службу въ министерство финансовъ.

Не менѣе извѣстенъ былъ и Иванъ Ивановичъ Гутъ, профессоръ математики и физики во Франкфуртскомъ университетѣ, пріобрѣвшій ученую репутацію твоими работами по астрономіи. И Гутъ недолго пробылъ въ Харьковѣ: съ 1808 по 1811 г.

Профессоръ химіи и фармаціи Фердинандъ Ивановичъ Гизе родомъ изъ Пруссіи, занялъ каѳедру въ Харьковѣ очень молодымъ и его ученая репутація создана была уже въ Россіи.

Среди французовъ не было ученыхъ съ громкимъ именемъ, за исключеніемъ развѣ А. А. Дюгура, превратившагося впослѣдствіи въ Дегурова и пріобрѣвшаго извѣстность во вторую половину Александровскаго царствованія, но только вовсе не учеными трудами.

Изъ профессоровъ—славянъ самымъ выдающимся былъ уже извѣстный намъ Стойковичъ, но онъ болѣе славился какъ лекторъ, а ученые труды его, хотя и довольно многочисленные, не отличались оригинальностью.

Изъ русскихъ профессоровъ на первомъ мѣстѣ надо поставить Тимковскаго, Рижскаго и Осиповскаго.

Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, сынъ переяславскаго полкового есаула, учился въ Переяславской семинаріи, затѣмъ въ Кіевской академіи и Московскомъ университетѣ. Благодаря своей книгѣ „Систематическое расположеніе законовъ россійскихъ", онъ пользовался репутаціей знатока русскаго законовѣдѣнія. Подобно Рижскому и Осиповскому, Тимковскій не имѣлъ ученой степени и только впослѣдствіи получилъ докторство honoris causa.

Другой извѣстный русскій профессоръ Иванъ Степановичъ Рижскій происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ Псковской и Троицкой семинаріяхъ, былъ въ послѣдней преподавателемъ, оттуда перешелъ учителемъ въ горный кадетскій корпусъ и занималъ въ Петербургѣ нѣсколько другихъ должностей. Его учебники логики и реторики пользовались большимъ распространеніемъ и за нихъ онъ былъ избранъ членомъ Россійской академіи. Въ 1803 г. Рижскій былъ назначенъ въ Харьковъ профессоромъ россійской словесности и краснорѣчія.

Профессоръ математики Тимоѳей Ѳедоровичъ Осиповскій былъ воспитанникомъ Владимірской семинаріи и Петербургской учительской гимназіи, служилъ учителемъ въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, и затѣмъ профессоромъ въ Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ.

Каѳедра русской исторіи была предложена Н. М. Карамзину, а послѣ его отказа назначенъ былъ адъюнктомъ учитель Воронежскаго народнаго училища Гавр. Петр. Успенскій, не имѣвшій никакихъ трудовъ по русской исторіи, но извѣстный какъ талантливый преподаватель и переводчикъ. Въ Воронежѣ Успенскій принадлежалъ къ кружку прот. Болховитинова, впослѣдствіи извѣстнаго митр. Евгенія.

Изъ остальныхъ русскихъ профессоровъ назовемъ только Ивана Евсеевича Срезневскаго, отца знаменитаго Измаила Ив—ча. Ив. Ев—чъ, воспитанникъ Рязанской семинаріи и Московскаго университета, былъ профессоромъ русскаго языка и краснорѣчія въ Демидовскомъ училищѣ высшихъ наукъ въ Ярославлѣ и въ 1812 г. занялъ каѳедру умершаго Рижскаго.

Уже въ первое десятилѣтіе существованія Харьковскаго университета въ немъ являются преподаватели изъ его же воспитанниковъ. Ихъ было четверо. Яковъ Никитичъ Громовъ поступилъ изъ Харьковскаго коллегіума въ университетъ въ день его открытія. По окончаніи курса преподавалъ латинскій языкъ и логику, а затѣмъ пріобрѣлъ степень магистра естественной исторіи. Командированный въ Москву, онъ занимался тамъ зоологіей и минералогіей подъ руководствомъ Фишера, а по возвращеніи въ 1813 г. въ Харьковъ получилъ степень доктора и былъ избранъ въ адъюнкты. Другой питомецъ Харьковскаго университета Ник. Мих. Архангельскій, изъ курскихъ семинаристовъ, окончилъ университетъ въ 1808 году, былъ учителемъ Харьковской и Черниговской гимназій, затѣмъ читалъ математику въ университетѣ и, получивъ уже степень магистра, былъ прикомандированъ на годъ къ академіи наукъ, а въ 1813 г. опредѣленъ адъюнктомъ прикладной математики. Вас. Серг. Комлишинскій, изъ Харьковскаго главнаго нар. училища, окончивъ университетъ, преподавалъ студентамъ математику и физику, былъ учителемъ Черниговской гимназіи и, получивъ степени магистра и доктора физики, въ томъ же 1813 г. избранъ адъюнктомъ по этому предмету. Моложе ихъ былъ Дем. Гер. Адамовичъ, окончившій курсъ въ 1811 г. и въ слѣдующемъ году назначенный

и. д. адъюнкта всеобщей исторіи. Изъ харьковскихъ же студентовъ было еще два лектора—Андрей Павловскій и Дм. Борзенковъ, читавшіе первый математику, а второй русскую словесность.

Такимъ образомъ уже къ концу перваго десятилѣтія Харьковскій университетъ обезпечилъ себя до нѣкоторой степени преподавателями изъ своихъ же воспитанниковъ, что при начавшемся въ это время бѣгствѣ изъ Харькова профессоровъ-иностранцевъ и при недостаткѣ научныхъ силъ въ Россіи вообще имѣло большое значеніе. Отмѣтимъ еще, что многіе изъ молодыхъ профессоровъ прошли черезъ учительство въ гимназіяхъ, а такъ какъ среднія и низшія учебныя заведенія были связаны тогда съ университетомъ въ административномъ отношеніи и совѣтъ ун—та игралъ немаловажную роль въ дѣлѣ средняго и низшаго образованія, то и было очень важно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ членовъ совѣта были знакомы съ жизнью подчиненныхъ ему заведеній не изъ прекраснаго далека, а на практикѣ.

Несмотря на то, что встрѣчались затрудненія въ пріискиваніи преподавателей и на то, что въ преподаваніи бывали, за неимѣніемъ профессора, перерывы, ученье на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, шло болѣе или менѣе правильно. Да и на этомъ факультетѣ дѣло тормозилось вслѣдствіе недостатка слушателей. Въ январѣ 1809 г. ректоръ донесъ совѣту, что на медицинскомъ факультетѣ всего 3 студента, изъ нихъ одинъ боленъ, а другой въ отпуску и потому лекціи прекратились. Въ 1811 г. на медицинскомъ факультетѣ также не было слушателей и профессора его получилъ отъ совѣта порученія заняться чѣмъ нибудь постороннимъ. Въ виду такого положенія дѣлъ попечитель предложилъ было вовсе упразднить медицинскій факультетъ, но съ этимъ мнѣніемъ не согласились ни совѣтъ, ни министръ нар. просв. гр. Разумовскій. Приняты были мѣры къ увеличенію числа студентовъ и къ устройству вспомогательныхъ учрежденій и къ концу десятилѣтія медицинскій факультетъ функціонировалъ болѣе или менѣе правильно.

Мы познакомились съ тѣмъ каковы были крупнѣйшія силы, которыми располагалъ Харьковскій университетъ. Но у насъ есть еще возможность судить до извѣстной степени о томъ, какое впечатлѣніе производили харьковскіе профессора на своихъ современникомъ—товарищей и слушателей. Проф. Роммель и двое харьковскихъ студентовъ того времени—Селивановъ и Розальонъ—Сошальскій оставили свои записки, въ которыхъ описываютъ харьковскую университетскую жизнь.

Изъ словесниковъ всѣ они на первомъ мѣстѣ ставятъ Рижскаго. Роммель называетъ его человѣкомъ замѣчательнаго дарованія. По словамъ Розальонъ-Сошальскаго, „Рижскій пользовался глубочайшимъ уваженіемъ студентовъ и всего общества, какъ профессоръ и какъ человѣкъ; преподавалъ онъ превосходно". Селивановъ, говоря о Рижскомъ, отмѣчаетъ характерную черточку. Рижскій принадлежалъ къ славянофиламъ, не любилъ, когда употреблено было иностранное слово тамъ, гдѣ ту же мысль можно было выразить словами русскими и часто на лекціи говорилъ: „Можно ли выразить на французскомъ щебетникѣ то, что выражается сильнымъ, точнымъ, мѣткимъ, благозвучнымъ, славянскимъ языкомъ". Намъ придется еще говорить о Рижскомъ, какъ о типичномъ представителѣ тогдашней науки. Объ Успенскомъ отзывались, какъ о знатокѣ русскихъ законовъ. Съ большимъ уваженіемъ говорятъ современники о трудолюбіи и свѣдѣніяхъ Осиповскаго. Интересны отзывы объ адъюнктѣ архитектуры Васильевѣ. Селивановъ говоритъ: „Васильевъ имѣлъ большія природныя способности и хорошія свѣдѣнія по многимъ частямъ. Онъ, кромѣ архитектуры, читалъ алгебру, знакомъ былъ съ физикой и химіей, но былъ безпеченъ, часто не бывалъ на лекціяхъ и архитектуру свою часто облекалъ въ забавныя формы". Розальонъ-Сошальскій отзывается въ немъ такъ: „архитектуру преподавалъ адъюнктъ Васильевъ, человѣкъ остраго ума, бонмотистъ, но—употреблю современный терминъ—человѣкъ довольно легкомысленный". Хорошіе отзывы слушатели давали и о математикѣ Павловскомъ, о Комлишинскомъ, о Крюгерѣ. Относительно Тимковскаго Селивановъ гово-

ритъ: „Все у него было изысканное, говорилъ всегда фразами, и фразы его были обдуманы, выработаны, какъ-бы выточены, вышлифованы, выполированы. Примѣрный, неподражаемый педантъ! Такимъ слогомъ были написаны его рѣчи и его лекціи. Но Т. съ каѳедры читалъ рѣчи очень хорошо, декламировалъ превосходно. Впрочемъ онъ зналъ языки и имѣлъ многостороннія свѣдѣнія и вообще своимъ тономъ, своимъ оригинальнымъ взглядомъ на вещи и вычурнымъ краснорѣчіемъ всякаго на первый разъ могъ озадачивать". Тотъ же Селивановъ приводитъ слѣдующій анекдотъ о Тимковскомъ: „Однажды поздно вечеромъ, посѣщая студенческія камеры, ректоръ Рижскій зашелъ къ студенту Сазонову, который зубрилъ права И. Ѳ. Т—го и, не замѣчая, что сзади его стоялъ Рижскій, читалъ громко; наконецъ, оглянувшись, увидѣлъ ректора и ректоръ говоритъ: „Что, понимаете вы?" Сазоновъ отвѣчалъ: „Понимаю". „А я, сказалъ Рижскій, ничего не понимаю, ей Богу, ничего не понимаю". Впрочемъ, такой же анекдотъ могъ случиться и съ самимъ Рижскимъ, у котораго красивыя фразы часто прикрывали весьма туманное содержаніе. Роммель высоко цѣнилъ дарованіе Тимковскаго.

Большого роста, толстый, осанистый и порядочно облѣнившійся деканъ медицинскаго факультета Шумянскій, по разсказамъ современниковъ, очень любилъ острить и часто прибѣгалъ къ родному малорусскому языку. Однажды онъ прочелъ наэтомъ языкѣ даже цѣлую вступительную лекцію въ юмористическомъ духѣ въ курсъ діэтетики. О профессорахъ-иностранцахъ сохранилось немного отзывовъ, быть можетъ потому, что ихъ лекціи были менѣе понятны русскимъ слушателямъ. Ничего не говорятъ современники о преподаваніи Шада, Якоба, Роммеля. О Швейкардтѣ Роммель пишетъ: „занимаясь въ Германіи воспитаніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, онъ усвоилъ себѣ изящное свѣтское обращеніе; въ памяти своей онъ хранилъ множество анекдотовъ и отличался увлекательнымъ даромъ разсказа". Сохранились отзывы слушателей о Стойковичѣ (который, впрочемъ, читалъ большею частью по русски) и о химикѣ Гизе. О первомъ Селивановъ говоритъ: „Аѳанасій Ива-

новичъ роста былъ высокаго, сухощавъ, носъ имѣлъ продолговатый, прямой, говорилъ довольно скоро, съ жаромъ, выразительно; употреблялъ довольно много славянскихъ словъ, обладалъ свѣтлой логикой, которая выражалась особенно на лекціяхъ, при изложеніи многосложныхъ предметовъ и разныхъ теорій, былъ находчивъ, гибокъ, смѣлъ, рѣшителенъ, нетерпѣливъ и не всегда ровенъ". И Роммель, и Розальонъ-Сошальскій отзываются о Стойковичѣ, какъ о рѣдкомъ ораторѣ. Съ большимъ уваженіемъ говорятъ современники о трудолюбіи Гизе. Замѣчательно, что онъ умѣлъ привлечь студентовъ къ самостоятельнымъ занятіямъ и имѣлъ учениковъ. Краснорѣчіемъ отличался профессоръ греческой и французской словесности Белленъ-де-Беллю. Хорошій практическій врачъ Дрейсигъ не обладалъ даромъ слова. Агрономъ Нельдехенъ, по словамъ Роммеля, „пріѣхалъ изъ Берлина и, не вѣдая ничего о жирной почвѣ Украины, съ первыхъ же лекцій возбудилъ смѣхъ студентовъ своимъ ученіемъ объ удобреніи навозомъ". Какъ о полномъ ничтожествѣ отзываются о Паки-де-Совиньи.

Профессора—нѣмцы читали лекціи обыкновенно по латыни, только немногіе изъ нихъ читали по нѣмецки. Умѣнье говорить на латинскомъ языкѣ они усвоили себѣ еще въ Германіи. Нѣкоторые изъ профессоровъ славились, какъ отличные латинисты, особенно извѣстны были въ этомъ отношеніи Шадъ и Стойковичъ, послѣдній даже устроивалъ у себя латинскіе вечера, на которыхъ говорили по латыни, а иногда по гречески. Французы читали большею частію на своемъ родномъ языкѣ. Русскіе профессора, хотя обыкновенно читали лекціи по русски, были довольно сильны въ латыни. Знаніе латинскаго языка было необходимо для университетскаго обихода, такъ какъ на немъ производились экзамены, велись дебаты въ совѣтѣ и въ факультетахъ, составлялись протоколы. Конечно, чтеніе на разныхъ языкахъ дурно отзывалось на ходѣ университетскаго преподаванія. Студентъ долженъ былъ для слушанія лекцій, понимать и по латыни, и по нѣмецки и по французски. Такимъ знаніемъ языковъ большинство студентовъ не обладало. Студенты семина-

ристы были привычны къ разговорному латинскому языку, но обыкновенно не знали французскаго и нѣмецкаго; дворянскія дѣти, поступавшіе въ университетъ изъ главныхъ народныхъ училищъ или послѣ домашней подготовки, были слабѣе въ латыни, но зато большею частью владѣли новыми языками, особенно французскимъ.

Переходя къ обзору ученой дѣятельности профессоровъ, нужно замѣтить, что они рѣдко являлись изслѣдователями,—они были главнымъ образомъ популяризаторами научныхъ истинъ среди широкой публики. Это явленіе обусловливалось разными причинами. Прежде всего многіе изъ профессоровъ, особенно русскихъ, не были подготовлены къ самостоятельнымъ научнымъ изысканіямъ—они были до извѣстной степени самоучками и если и успѣвали пріобрѣсть значительный запасъ свѣдѣній по своей спеціальности, то имъ не хватало знакомства съ научнымъ методомъ изслѣдованія. Да и русское общество того времени предъявляло къ профессорамъ иные запросы. Требовалось главнымъ образомъ краснорѣчивое изложеніе, и часто формѣ отдавалось предпочтеніе передъ содержаніемъ. Сами университетскіе слушатели раздѣляли вкусы публики и мало склонны были слушать чтенія, требовавшія большого умственнаго напряженія и извѣстной подготовки отъ аудиторіи. Наконецъ нужно прибавить, что отсутствіе въ Харьковѣ необходимыхъ пособій крайне неблагопріятно отзывалось на научной продуктивности даже тѣхъ профессоровъ, которые до перехода въ Харьковъ работали много и создали серьезные научные труды.

Вслѣдствіе всѣхъ помянутыхъ выше условій въ Харьковѣ особенное значеніе получили академическія рѣчи. За первыя 10 лѣтъ существованія университета ихъ было произнесено на актахъ 40 (ежегодно было по два акта и на каждомъ произносилось по двѣ и даже болѣе рѣчей). Публика, повидимому, охотно посѣщала эти акты и хорошіе ораторы пользовались большою популярностью. Темы для рѣчей выбирались такія, которыя могли заинтересовать большинство слушателей.

Съ другой стороны харьковскіе профессора посвящали не мало времени и труда на составленіе учебниковъ. При недостаткѣ учебныхъ руководствъ составленіе ихъ являлось дѣломъ крайней необходимости. Связь университета со средними и низшими учебными заведеніями заставляла профессоровъ взяться за составленіе учебниковъ и для этихъ заведеній. И дѣйствительно многіе изъ учебниковъ, составленныхъ профессорами Харьковскаго университета, пріобрѣли широкое распространеніе. Профессора-естественники занимались еще изученіемъ природныхъ богатствъ края.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было и ожидать, чтобы харьковскіе ученые внесли много цѣнныхъ вкладовъ въ науку. Но все таки нѣкоторыми изъ нихъ были изданы замѣчательныя для своего времени работы. Двое изъ профессоровъ посвятили свои труды русской исторіи. Успенскій издалъ „Опытъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ"—первый трудъ на русскомъ языкѣ, посвященный систематическому обзору бытовой исторіи Россіи. Рейтъ издалъ въ 1811 году „Specimen historiae Rossorum"—опытъ политической исторіи до-монгольской Руси на основаніи иностранныхъ источниковъ. Очень интересны труды Якоба. Онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе, въ которомъ вооружался противъ крѣпостного права (онъ предлагалъ освободить крестьянъ безъ земли), за другое сочиненіе о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда Якобъ получилъ отъ Вольнаго Экономическаго Общества золотую медаль. Направленіе Якоба выразилось и въ его актовой рѣчи „О вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа", въ которой онъ настаиваетъ на томъ, что образованіе, даже высшее, должно быть доступно всѣмъ сословіямъ государства. Въ то же время Якобъ не пренебрегалъ составленіемъ учебниковъ—онъ написалъ всеобщую грамматику для учащихся и логику. Спеціальныя изслѣдованія по химіи и технологіи, несмотря ни отсутствіе сколько нибудь сносной лабораторіи, производилъ Гизе, ему же принадлежитъ капитальная „Всеобщая химія для учащихъ и учащихся" въ 5 томахъ на нѣмецкомъ

языкѣ; это сочиненіе было переведено и на русскій языкъ адъюнктомъ Комлишинскимъ. Много писалъ и Шадъ.

Намъ остается упомянуть объ обязательныхъ ученыхъ сочиненіяхъ—диссертаціяхъ на ученыя степени. Но предварительно необходимо сказать нѣсколько словъ о порядкѣ полученія этихъ степеней.

Учоныхъ степеней на всѣхъ факультетахъ (не исключая и медицинскаго) было три: кандидата, магистра и доктора. Магистерскіе и докторскіе экзамены происходили въ факультетахъ въ присутствіи двухъ членовъ совѣта, избранныхъ по жребію. Аспиранты подвергались предварительному испытанію въ коммиссіи изъ декана и двухъ профессоровъ и лица, признанныя неудовлетворяющими требованіямъ, не допускались къ испытанію въ факультетѣ. Послѣ экзаменовъ читали пробныя лекціи—магистранты одну, докторанты три. Защита диссертаціи происходила на латинскомъ языкѣ, но, съ согласія факультета, могла происходить и на русскомъ. Факультеты возводили въ доктора и безъ экзамена и защиты диссертаціи—honoris causa. Въ Харьковѣ такимъ путемъ получили высшія ученыя степени Рижскій, Осиповскій, Тимковскій, Белленъ-де-Баллю и Срезневскій. Можно было добиваться и прямо докторской степени, минуя магистерскую.

Охотниковъ попасть въ магистры и доктора въ Харьковѣ было много и притомъ только меньшинство аспирантовъ имѣло въ виду посвятить себя ученой дѣятельности, большинство же добивалось высшихъ ученыхъ степеней потому, что онѣ давали право на полученіе сразу чиновъ титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора, что при господствовавшей въ то время страсти къ чинамъ являлось весьма заманчивымъ для молодыхъ людей. Это стремленіе къ пріобрѣтенію дипломовъ имѣло послѣдствіемъ деморализацію профессоровъ—за дипломы стали брать взятки. Роммель разсказываетъ о двухъ попыткахъ подкупить его. Побочный сынъ бывшаго херсонскаго губернатора и богатаго помѣщика Хорвата Дегай передъ своимъ докторскимъ экзаменомъ явился къ Роммелю и сказалъ: „Я слышалъ, что вы

изъявили желаніе купить у меня дрожки и лошадей". (А дрожки и лошади были великолѣпныя). „Вовсе и не думалъ", отвѣтилъ Роммель. Вскорѣ Роммель увидѣлъ и дрожки и лошадей у одного изъ своихъ русскихъ коллегъ, а потомъ узналъ, что надъ его честностью много подсмѣивались. Въ другомъ случаѣ сынъ директора Екатеринославской гимназіи явился къ Роммелю посломъ отъ своего отца, желавшаго получить высшій чинъ путемъ экзамена, и привезъ carte blanche на 500 р. при письмѣ, „къ которомъ глупый его батюшка съ настойчивостью и самоувѣренностью говорилъ о своихъ правахъ на чинъ, ссылаясь на орденъ, недавно ему пожалованный". Розальонъ-Сошальскій также подтверждаетъ разсказы о подкупахъ при выдачѣ дипломовъ. Впрочемъ онъ оговаривается, что нѣкоторые получали докторство вполнѣ заслуженно и роскошные обѣды, которыми родители ихъ угощали экзаменаторовъ, были лишними. Въ числѣ такихъ докторантовъ онъ называетъ и фигурирующаго въ разсказѣ Роммеля Дегая. Нѣкоторые получали дипломы и безъ помощи обѣдовъ и взятокъ, но было достаточно и такихъ докторовъ, которые съ наукою ничего общаго не имѣли. Повидимому, на угощеніе обѣдами смотрѣли довольно снисходительно, а приватные уроки были въ большомъ ходу, самъ Роммель давалъ такіе уроки тому же Дегаю.

Присужденіе дипломовъ на ученыя степени было часто поводомъ къ ожесточеннымъ столкновеніямъ между профессорами въ факультетскихъ и совѣтскихъ засѣданіяхъ.

Особенное ожесточеніе борющихся партій вызвало дѣло о докторизаціи Хлапонина. Молодой курскій купецъ Григорій Хлапонинъ приступилъ въ 1813 г. къ экзамену на степень доктора философіи. Готовился къ экзамену онъ, состоя вольнослушателемъ университета. Экзаменовался Хлапонинъ не только по философіи у проф. Шада, но и по другимъ предметамъ—естественному праву, латинской и русской словесности, физикѣ, математикѣ, исторіи, географіи и статистикѣ. Результаты экзаменовъ признаны были удовлетворительными всѣми экзаменаторами, за исключеніемъ проф. Швейкардта, который экзамено-

валъ Хлапонина по естественному праву и находилъ возможнымъ дать ему только степень магистра. Послѣ экзаменовъ пошли пререканія. Хлапонину покровительствовалъ Шадъ. Врагъ Шада ректоръ Стойковичъ выступилъ противъ удостоенія Хлапонина степени доктора. Къ Стойковичу присоединились проф. Швейкардтъ и секретарь совѣта проф. Лангъ, который полагалъ, что Хлапонинъ долженъ былъ экзаменоваться по всѣмъ предметамъ этико-политическаго факультета. Хлапонинъ съумѣлъ какъ то заручиться покровительствомъ русскаго посла въ Парижѣ кн. Куракина, который рекомендовалъ его министру нар. просв. гр. Разумовскому. Сохранилось нѣсколько просительныхъ писемъ Хлапонина къ министру, въ которыхъ онъ униженно умоляетъ о защитѣ. Съ своей стороны Стойковичъ также писалъ министру и даже послалъ ему доносъ адъюнкта Болгаревскаго; въ этомъ доносѣ Болгаревскій разсказывалъ, что у Хлапонина бывали на „пирахъ" нѣкоторые профессора, названные имъ поименно, „даже съ женами". Въ концѣ концовъ Хлапонинъ получилъ желаемый дипломъ. Надо сказать, что диссертація Хлапонина была одной изъ самыхъ серьезныхъ по содержанію и самой объемистой среди харьковскихъ диссертацій того времени.

Не менѣе страстную борьбу вызвалъ и докторскій экзаменъ упоминавшагося выше Дегая. Только здѣсь роли перемѣнились— во главѣ оппозиціи стоялъ уже Шадъ.

Харьковскія диссертаціи того времени писались, по обычаю, на латинскомъ языкѣ и за рѣдкими исключеніями представляли тоненькія брошюры въ 20—30, а иногда даже въ 12 страницъ. Больше всего писалось диссертацій по философіи (у Шада)— ихъ было 2 докторскихъ и 2 магистерскихъ. Прочихъ диссертацій было 5 докторскихъ и 1 магистерская.

Выслушавшіе трехлѣтній курсъ студенты могли заявлять декану о своемъ желаніи подвергнуться кандидатскому экзамену. Экзаменъ этотъ производился письменно и устно. Къ нему допускались также лица, не бывшія въ университетѣ.

По указу 6 августа 1809 г. для полученія чина коллеж-

скаго ассесора и статскаго совѣтника надо было или имѣть университетскій дипломъ, или выдержать экзаменъ при университетѣ. Для подготовки къ этому экзамену и для производства его былъ учрежденъ такъ называемый Институтъ гражданскихъ чиновниковъ. При открытіи его въ 1810 г. записалось въ слушатели 27 человѣкъ, въ 1811 г. слушателей было только 19 и на экзаменъ не явился никто; въ 1812 г. записался одинъ слушатель и потому чтеній не открывали, а единственному слушателю разрѣшили посѣщать нѣкоторыя университетскія лекціи вмѣстѣ со студентами и брать приватные уроки; экзаменовался въ этомъ году одинъ чиновникъ, вовсе на курсахъ не бывшій.

Съ 1811 г. при университетѣ существовалъ еще Педагогическій Институтъ, для приготовленія учителей гимназій, но и этотъ институтъ, видимо, не процвѣталъ.

Связь университета съ мѣстнымъ обществомъ должно было поддерживать состоящее при университетѣ ученое общество. Хотя объ этомъ обществѣ и говорилось въ уставѣ 1804 г., но только въ 1812 г. учреждено было Харьковское общество наукъ, распадавшееся на два отдѣленія: естественно-историческое и словесное, да и то дѣятельность этого общества на первыхъ порахъ была вялая.

Болѣе значенія имѣли сношенія, которыя поддерживалъ университетъ со своими почетными членами, среди которыхъ особенно выдѣлялись проживавшіе въ Слободской Украинѣ В. Н. Каразинъ, ученый ботаникъ бар. Биберштейнъ и переводчикъ и поэтъ А. А. Палицынъ. Всѣ эти лица пользовались содѣйствіемъ университета.

Не безъ участія университета издавалась и первая харьковская газета „Еженедѣльникъ“, основанная въ 1812 г. университетскимъ книгопродавцемъ Лангнеромъ, но просуществовавшая очень недолго—вышло всего 12 №№ размѣромъ въ $^1/_2$—1 печ. листъ каждый. По программѣ газета должна была заниматься главнымъ образомъ промышленностью и торговлей, но промышленность и торговля въ Харьковѣ тогда не процвѣтала и основной отдѣлъ газеты наполнялся статьями объ очисткѣ

прогорклаго масла, о студени изъ костей, о способѣ полированія стали и стекла и т. п., бывали иногда статьи по исторіи и эстетикѣ, а также стихи. Печатался „Еженедѣльникъ“ въ количествѣ 600 экз., но постоянныхъ „пренумерантовъ“ было всего 25.

Теперь посмотримъ, какъ и кѣмъ пополнялся составъ учащихся. Окончившіе гимназіи принимались въ университетъ безъ экзамена, прочіе экзаменовались въ особыхъ комитетахъ. Но прежде зачисленія на то или другое отдѣленіе (факультетъ), каждый студентъ долженъ былъ прослушать курсъ общеобразовательныхъ наукъ и получить аттестатъ въ знаніи этого курса.

Студенты дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первыхъ полагалось 40 чел., и на содержаніе каждаго изъ нихъ отпускалось 200 руб. въ годъ. Казеннокоштныхъ принимали только разъ въ году, передъ началомъ новаго учебнаго года. Ежегодно они должны были держать экзамены, и лучшіе изъ нихъ награждались медалями. Окончившіе трехлѣтній курсъ могли оставаться для продолженія ученія при какомъ нибудь отдѣленіи въ званіи кандидатовъ (такихъ кандидатовъ полагалось 12 и на каждаго отпускалось по 300 р. въ годъ), а затѣмъ, послѣ испытанія, занять должность „повторителя“. За казеннокоштными наблюдали инспекторъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ и два его помощника изъ кандидатовъ или магистровъ; помощники и жили вмѣстѣ со студентами. Намъ уже приходилось упоминать, что въ виду недостатка удовлетворительно подготовленныхъ лицъ, желавшихъ поступить въ студенты, въ 1804 г. было принято на казенный счетъ 30 семинаристовъ. Кромѣ того, поступили въ казеннокоштные двое учителей и одинъ воспитанникъ Харьковскаго гл. народнаго училища. При пріемѣ бывали и казусы. Одинъ дворянинъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о принятіи въ университетъ на казенный счетъ двухъ его сыновей, но оказалось, что эти молодые люди умѣли только читать и писать по русски и больше никакихъ наукъ не знали. Университетское начальство помѣстило ихъ въ число воспитанниковъ главнаго народнаго училища, но все[illegible], во ис-

полненіе Высочайшаго повелѣнія, должно было имъ дать студенческій окладъ по 200 р. въ годъ.

Для привлеченія своекоштныхъ попечитель обращался за содѣйствіемъ къ губернаторамъ и директорамъ училищъ. Въ первомъ году заявило желаніе поступить въ своекоштные 41 чел., и изъ нихъ было зачислено въ студенты 21, большею частію ученики Харьковскаго главнаго народнаго училища. Въ виду малой подготовки многихъ кандидатовъ въ студенты, устроены были особые курсы, скоро преобразованные въ приготовительный классъ, гдѣ преподавали адъюнкты.

Сверхъ студентовъ, въ первые же годы бывали въ университетѣ и посторонніе слушатели. Такъ, по желанію харьковскаго епископа Христофора Сулимы, воспитанники философскаго и богословскаго классовъ коллегіума слушали въ университетѣ лекціи ботаники, физики и медицины.

Общее число студентовъ въ первомъ году дошло до 57 (33 казеннокоштныхъ и 24 своекоштныхъ). Это были по большей части уроженцы Харьковской и Курской губ. изъ дѣтей духовенства и дворянъ. Возрастъ ихъ колебался между 16 и 34 годами, но въ большинствѣ это были молодые люди 18—20 лѣтъ. Приготовительный классъ былъ составленъ почти исключительно изъ учениковъ Харьковскаго гл. нар. училища, откуда переведены были въ этотъ классъ наиболѣе успѣвавшіе. Всего въ приготовительный классъ поступило 31 чел. Число студентовъ возрастало довольно слабо (въ 1806 г.—79, въ 1807—65, 1808—61, 1809—72, 1810—82, 1811—86, 1812—118).

Заботы университетскаго начальства о пріисканіи студентовъ не всегда встрѣчали содѣйствіе со стороны другихъ вѣдомствъ, особенно духовнаго. Хотя архіереи харьковскій и курскій охотно отпускали въ университетъ семинаристовъ, но другіе іерархи смотрѣли на это дѣло иначе. Такъ, епископъ екатеринославскій прямо приказалъ не допускать къ нему никого изъ семинаристовъ съ просьбами объ увольненіи изъ духовнаго званія ради поступленія въ университетъ. Одинъ изъ екатеринославскихъ семинаристовъ въ прошеніи, поданномъ совѣту Харь-

ковскаго универтитета, говоритъ, что онъ и его товарищи „по занесеннымъ нынѣ отъ нихъ прошеніямъ надѣются невинно претерпѣть сугубое угнетеніе“.

Болѣе сочувствія встрѣтилъ университетъ на Дону. Для поступленія въ университетъ донцовъ требовалось тоже разрѣшеніе мѣстнаго начальства, которое такія разрѣшенія однако давало охотно. Атаманъ Платовъ писалъ даже директору училищъ Донской области: „Усмотрѣвъ изъ рапорта вашего, что изъ выпущенныхъ изъ гимназіи учениковъ *урядники* Кондратовъ, Рубашкинъ и Гречановскій для усовершенствованія своего въ высшихъ наукахъ приняты по испытаніи въ пріобрѣтенномъ ими знаніи въ Императорскій Харьковскій университетъ, я крайне доволенъ, что наши донскіе изъ усердія своего пріобрѣтаютъ добрыми науками не только помѣщеніе въ высшемъ мѣстѣ, но даже и особливое отъ ректора и членовъ университета обращаютъ на себя вниманіе казеннымъ содержаніемъ и ношеніемъ безъ перемѣны своего донского войска положеннаго мундира“.

Поступленіе въ студенты молодыхъ людей изъ податныхъ сословій не встрѣчало сочувствія въ высшемъ начальствѣ. Попечитель Потоцкій, видимо, не симпатизировалъ этому, а министръ пошелъ еще далѣе. Въ 1810 г. изданъ былъ Высочайшій указъ о томъ, чтобы студенты изъ податныхъ сословій исключались изъ оклада только по окончаніи ими полнаго курса. Тогда правленіе Харьковскаго университета запросило министерство, какъ ему смотрѣть на такихъ молодыхъ людей. Всѣмъ поступающимъ въ студенты давались шпаги, которыя могли носить только дворяне, между тѣмъ по новому указу студенты изъ податныхъ классовъ числились еще въ рядахъ этихъ послѣднихъ, поэтому правленіе и недоумѣвало, можно ли называть ихъ дѣйствительными студентами. Министръ отвѣтилъ, что молодыхъ людей изъ податныхъ сословій слѣдуетъ принимать не въ студенты, а вольными слушателями, шпагъ имъ не носить и казеннаго содержанія имъ не давать. Такимъ образомъ прямо преграждался доступъ въ университетъ лицамъ изъ податныхъ классовъ.

Подготовка студентовъ, какъ намъ приходилось уже упоминать, была очень разнообразна. Принимали воспитанниковъ и изъ гимназій, и изъ главныхъ народныхъ училищъ, и изъ семинарій, и наконецъ лицъ съ домашней подготовкой. Даже въ гимназіяхъ того времени не было однообразныхъ программъ; въ одной гимназіи (Черкасской) преподавались одни предметы, напр. философія, естественное и народное право, политическая экономія, сельское и лѣсное хозяйство, въ другой (Харьковской) эти предметы не преподавались, а взамѣнъ ихъ преподавались фортификація и артиллерія. Въ главныхъ народныхъ училищахъ не преподавался латинскій языкъ. Принимая въ университетъ молодыхъ людей, получившихъ домашнее образованіе, экзаменаторы должны были снисходительно относиться къ ихъ слабымъ познаніямъ въ латинскомъ языкѣ. Въ университетъ попадали и воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, даже заграничныхъ; поступали иногда въ студенты и люди, бывшіе уже на службѣ и имѣвшіе чины.

Въ виду разницы въ степени подготовки студентовъ, университету постоянно приходилось заботиться о пополненіи пробѣловъ въ студенческихъ знаніяхъ, и хотя приготовительный классъ въ 1807 г. былъ закрытъ, но уже въ слѣдующемъ году пришлось открыть особый классъ низшей математики, а затѣмъ и латинскій классъ.

Въ 1809 г. было постановлено, чтобы студенты слушали общій курсъ два года: (на этомъ курсѣ читались: философія, математика, физика, естественная исторія, русская литература, латинская словесность, эстетика, французскій или нѣмецкій языкъ, всеобщая исторія и географія), а въ 1811 г. было установлено, чтобы студенты по выслушаніи общаго двухлѣтняго курса оставались въ университетѣ три года для изученія спеціальныхъ факультетскихъ предметовъ, а на медицинскомъ факультетѣ для спеціальныхъ курсовъ назначено было четыре года. Такимъ образомъ весь университетскій курсъ продолжался пять, а для медиковъ шесть лѣтъ.

Оканчивали университетскій курсъ сравнительно немногіе. Значительная часть студентовъ выходила изъ университета до окончанія курса и шла или въ учителя уѣздныхъ училищъ (преимуществено казеннокоштные), или въ военную и гражданскую службу. Да и изъ прослушавшихъ полный курсъ далеко не всѣ получали степень кандидата. Съ 1808 по 1812 года по всѣмъ факультетамъ выпущено было 37 кандидатовъ. Оканчивающіе курсъ получали мѣста учителей гимназій или тоже опредѣлялись на военную или гражданскую службу. Но даже и неокончившіе курса студенты значительно повышали образовательный уровень той среды, въ которой имъ приходилось дѣйствовать, такъ что и въ этомъ отношеніи вліяніе университета было очень замѣтно.

Современники много говорятъ объ утилитарномъ направленіи, господствовавшемъ среди тогдашняго студенчества. Поступали въ университетъ и даже пріобрѣтали высшія ученыя степени ради служебныхъ преимуществъ. Роммель пишетъ о своихъ слушателяхъ: „Вообще вездѣ высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, въ особенности къ математикѣ, въ которой они оказывали изумительные успѣхи. За то пониманіе высшей философіи и филологіи было почти недоступно имъ". Впрочемъ тотъ же Роммель въ другомъ мѣстѣ самъ говоритъ, что сѣмена классической древности были брошены имъ не на совсѣмъ безплодную почву и филологія открыла нѣсколькимъ лицамъ путь къ дальнѣйшему образованію. Что же касается философіи, то уже одно то обстоятельство, что у Шада было большое число учениковъ, указываютъ, что интересъ къ этой наукѣ былъ. Но въ общемъ, конечно, только меньшинство студентовъ руководилось безкорыстной любовью къ наукѣ, большинство же смотрѣло на своё ученье съ практической точки зрѣнія.

Студенты того времени охотно занимались изящной литературой;—объясняется это частью вкусами современнаго общества, частью вліяніемъ профессора русской словесности Рижскаго. Рижскій былъ типичнымъ словесникомъ своего времени.

По словамъ акад. М. И. Сухомлинова: „Въ филологическихъ понятіяхъ вообще Рижскій держался механической теоріи Бросса, господствовавшей у насъ до весьма недавняго времени и имѣвшей многихъ послѣдователей, отъ Шишкова до Павскаго, не вполнѣ освободившагося отъ нея. Къ мыслямъ Шишкова о русскомъ слогѣ Рижскій питалъ большое сочувствіе, не вдаваясь впрочемъ во всѣ его крайности. Въ лекціяхъ по теоріи словесности Рижскій пользовался отчасти сочиненіями Эштенбурга, Блера, Зульцера. Но главными его руководителями оставались французскіе теоретики, сквозь призму которыхъ онъ смотрѣлъ и на древнихъ писателей. Онъ любилъ ссылаться на Вольтера и на энциклопедистовъ вообще, мнѣнія которыхъ были тогда въ ходу въ нашемъ литературномъ мірѣ. Любимымъ его русскимъ писателемъ былъ Дмитріевъ: въ литературѣ онъ былъ для него такимъ же авторитетомъ, какимъ Шишковъ въ филологіи и статистикѣ". Краснорѣчіе Рижскаго, котораго Роммель называетъ ein berühmter Rhetoricker, привлекало не только студентовъ, но и постороннюю публику. Преподаваніе его сводилось главнымъ образомъ къ изученію реторики. Теоретическія чтенія сопровождались практическими занятіями, въ видѣ разбора литературныхъ образцовъ, а также студенческихъ сочиненій. По словамъ современниковъ, онъ превосходно разбиралъ нѣкоторые псалмы и ирмосы Іоанна Дамаскина. Студенты нерѣдко пробовали свои силы въ области изящной литературы и критики. Въ „Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія" напечатано было нѣсколько работъ харьковскихъ студентовъ, а именно: „эстетическія замѣчанія на псаломъ 17" Ив. Розальонъ-Сошальскаго, „Гостомыслъ, преклоняющій новгородцевъ на избраніе Рюрика" Н. Архангельскаго, будущаго профессора математики, „Объ искусствѣ краснорѣчія" Н. Токарева и три басни Ак. Нахимова. Нахимовъ пріобрѣлъ даже извѣстность въ литературѣ, преимущественно какъ баснописецъ; другимъ весьма популярнымъ въ то время въ Харьковѣ баснописцемъ былъ Масловичъ. Отечественная война вызвала нѣсколько произведеній въ патріотическомъ духѣ. Студен-

ческія сочиненія и переводы издавались и въ Харьковѣ. Здѣсь вышелъ даже цѣлый сборничекъ прозаическихъ и стихотворныхъ опытовъ студентовъ-донцовъ.

Не чуждались поэзіи и профессора. Преемникъ Рижскаго по кафедрѣ И. Е. Срезневскій сочинялъ стихи, большею частью на различные случаи; стихи эти, правда, не отличались художественными достоинствами, но были довольно гладки.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

3. Письма О. М. Бодянскаго.

(1848—1856 гг.).

Для характеристики О. М. Бодянскаго (р. 1808†1876) беремъ изъ новѣйшей біографіи его, написанной г. Сумцовымъ [1]), слѣдующія строки: „Въ характерѣ и въ симпатіяхъ Бодянскаго, во многихъ его научныхъ предпріятіяхъ, въ частныхъ его письмахъ красной нитью проходитъ его украинское происхожденіе. Въ характерѣ выдается малорусская настойчивость и юморъ, въ дѣятельности—наклонность къ малорусской поэзіи и исторіи. Въ письмахъ Бодянскій охотно называетъ себя малороссомъ и вставляетъ часто малорусскія пословицы и поговорки, даже въ письма къ Погодину, которому малорусскія симпатіи Бодянскаго были совсѣмъ чужды. Эти симпатіи, какъ вообще своеобразныя черты характера Бодянскаго, обусловлены были не только малорусскимъ его происхожденіемъ, но и пройденной имъ малорусской семинарской школой....“

Бодянскій не любилъ „копить долговъ письменныхъ“ и въ перепискѣ съ знакомыми и пріятелями былъ аккуратнымъ корреспондентомъ, на что указываютъ уже напечатанныя его письма

[1]) Критико-біографич. словарь русскихъ писат. и ученыхъ, С. Венгерова, V, 51—75. Тутъ же приведенъ и полнѣйшій списокъ всего, что написано Бодянскимъ и о Бодянскомъ.

къ разнымъ ученымъ. Писемъ Бодянскаго къ пріятелямъ и землякамъ до сихъ поръ напечатано очень мало, а между тѣмъ онъ ихъ писалъ много, какъ то указываетъ, напр., количество напечатанныхъ (отвѣтныхъ и вызывавшихъ отвѣты) писемъ Кулиша къ Бодянскому. Къ числу писемъ Бодянскаго, писанныхъ къ землякамъ, принадлежатъ и печатаемыя здѣсь четыре его письма къ земляку и сосѣду Г. П. Г—ну [1]). Письма эти указываютъ на извѣстную близость скромнаго поповича Бодянскаго къ этому богатому *пану*. Мы не знаемъ,—гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ происходило сближеніе Бодянскаго съ Галаганомъ, но несомнѣнно, что главнымъ мотивомъ этого сближенія была любовь обоихъ къ родинѣ, которая и выравнивала ихъ отношенія до обращеній московскаго *бенедектинца* къ полтавскому *помѣщику* въ формѣ „ пане-добродію Грицьку". Къ этому слѣдуетъ прибавить что Бодянскій пользовался большимъ уваженіемъ среди образованныхъ земляковъ, интересовавшихся былыми судьбами своей родины. Одинъ изъ такихъ земляковъ М. И. Ханенко (между прочимъ большой пріятель Г. П. Г—на) писалъ о Бодянскомъ въ 1850 г.: „этотъ ученый выше всѣхъ много и несравненно; онъ трудится, терпитъ, страдаетъ [2]) для нашей родины и дѣлаетъ это съ величайшимъ самоотверженіемъ, въ высокой степени безъинтересно" [3]). Интересно, что переписка Галагана съ Бодянскимъ дальше 1856 года не продолжалась; по крайней мѣрѣ на этомъ годѣ оканчиваются сохранившіяся письма, а сохранялъ письма изъ своей корреспонденціи Г. П. Г—нъ, повидимому, *всѣ*.

1.

Вчера получилъ я ваше письмо, а сегодня ужъ и отвѣчаю вамъ, пане добродію, Грыцьку! Усе жъ то воно лучче, якъ скы-

---

[1]) Бодянскій былъ родомъ изъ лохвицк. мѣстче. Варвы, находящейся верстахъ въ 30-ти отъ с. Сокиренецъ гдѣ жилъ Г. П. Галаганъ.

[2]) Разумѣется, конечно, исторія съ записками Флетчера. *Ред.*

[3]) Кіевск. Стар. 1891 г., апр., 110.

нешъ зъ шыи, що на ій высне. Отвѣчалъ бы вамъ и вчера, да было засѣданіе въ *Обществѣ историческомъ*, а въ засѣданіи насылу хватыло часу прослебезоваты вашъ лыстъ. Сёгодня одлынуло трошкы отъ души, хоча тежъ строчу оце вамъ не въ своій хати, а въ друкарни, куды забрався, не глядячы на недилю, ще трохы не въ-досвита, а выйду—хиба якъ дивчата вже полягають спаты на вечерныцяхъ. Благодарю васъ отъ всего сердца козацкого за ваши старанія о моемъ бѣдномъ братѣ [1]). Что дѣлать? Протывъ горы не зсыпать пискомъ, а канчукомъ обуха не перебыты. Подождемъ и теперь у бережечку, чы не повіе витерець и на наши парусы. Буде можно, прошу дѣйствовать, при случаѣ, на родственника своего Василія Петровича Тарновскаго. Я бы самъ обратился къ нему съ просьбой, но рѣшительно не знакомъ съ нимъ и не знаю, что онъ такое за человѣкъ. На кіевскихъ не имѣю никакой надежды: тамъ сыдять, якъ бачу, усе брехуны, та дурысвиты, нехай здорови будуть! Тоже самое вижу и въ Полтавѣ: вередують, нибы козакъ чернобрывою. Щобъ воны не дождалы, щобъ я колы ще коло ихъ панькавъ!...

Вы спрашиваете, буду-ли я нынѣшнимъ лѣтомъ дома. Богъ вѣсть, пане Грыцьку. Бажалось бы дуже, але, якъ кажуть то, е въ глеку молоко, та голова не влизе. И николы, и ни съ чымъ, хочъ и було-бы для чого, а найпаче за для свого здоровья, которому не вадыло-бъ звесты духъ пидъ своею ѳилею, дома и на господи; але кажу жъ: рада-бъ душа у рай, да грихы не пускають, або: рада бъ мама за пана, дакъ панъ не бере.. ..

Отъ Мих. Ив. Ханенко получилъ вмѣстѣ съ вашимъ письмо отъ 21 прошлаго мѣсяца. Онъ извѣщаетъ меня и о вашемъ у него пребываніи. Даже Н. А. Маркевичъ, случившійся на ту пору у него, настрочилъ мнѣ отъ себя, извиняясь въ несдержаніи доселѣ своего слова. Авось, когда нибудь и онъ удосу-

---

[1]) Въ б—кѣ А. М. Л—ого есть экз. диссертаціи О. М. Бодянскаго—*О народной поэзіи славянскихъ племенъ* съ такою подписью: „любезному брату Ѳедору Максимовичу г. Бодянскому—сочинитель. 4-го іюня, 1837. Москва". Вѣроятно объ этомъ братѣ тутъ и говорится.

жится. При случаѣ дѣйствуйте на него для общей пользы. Онъ ужъ, кажется, слишкомъ огречкосѣился; видно однако же, что человѣкъ добрый и умный, и хочъ куды козакъ. Ханенкижъ, вижу, молодцы, особливо Мих. Ивановичъ [1]). Честь и слава ему нынѣ и въ будущемъ, отъ насъ и послѣ насъ! Будетъ чѣмъ его землякамъ за такое радушное содѣйствіе историческому обществу помянуть.

Прошу поклониться отъ меня всѣмъ своимъ роднымъ и всѣмъ, кто только помнитъ меня и не поминаетъ лихомъ.

Будьте живенькы, здоровенькы, та не забувайте вашего найщыршого земляка Иська Бодянского.

1 февраля 1848 г. Москва. Университетская типографія.

2.

Вчера получилъ я ваше письмо и, чтобъ не копить долговъ письменныхъ къ другимъ, отвѣчаю вамъ сегодня на него. Якось легче чоловикови, якъ зкыне якый грихъ зъ шыи.

Деньги 10 р. сер. получены и переданы уже мною сегодня актуарію Общества Ив. Алексѣевичу Дмитріеву, живущему въ самой университетской типографіи, чтобы онъ немедленно же отправилъ на нихъ просимыя вами книжки нашихъ „Чтеній". Судя по тому, что вы уже имѣете, вамъ слѣдуетъ выслать 2-го года 11-ть №№ включительно, т. е. 1846 г. 4, 1847 г. 6, 7, 8, 9 и 3-го года: 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й, вышедшія доселѣ, кои всѣ стоятъ безъ пересылки 13 р. 40 к. сер., какъ это увидите изъ счета актуарія. Къ нему-же лучше всего можете всякій разъ обращаться и впередъ, по адресу, находящемуся на каждой оберткѣ книжки „Чтеній". Вѣрнѣе и покойнѣе будетъ поручить ему, однажды навсегда, высылать каждый № „Чтеній" тотчасъ по выходѣ къ вамъ, въ Прилуку, а слѣдующее за то либо взнести за годъ впередъ, либо же послѣ полученія всѣхъ книжекъ (9-ти), стало быть въ іюнѣ мѣсяцѣ, потому что съ

---

[1]) О Мих. Ив. Ханенкѣ см. Кіевск. Стар. 1891 г., апрѣль, 102.

іюня по сентябрь не бываетъ засѣданій въ обществѣ по случаю вакацій, и маемъ всегда заключается годъ, какъ сентябремъ открывается. Книжки *Чтеній* являются каждый разъ послѣ засѣданій, безъ коихъ не можетъ быть и ихъ самыхъ, или же, въ противномъ случаѣ, должны-бы перемѣнить свое названіе („Чтеній") и тогда выходить, по примѣру прочихъ журналовъ, съ 1-го генваря, но за то онѣ не были-бы отраженіемъ общества. Я потому совѣтую вамъ обратиться къ актуарію, что онъ человѣкъ у меня самый отчетливѣйшій и удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи довольно многихъ. Если-бы вамъ вздумалось выслать ему впередъ деньги, то вотъ мѣрило, которому можно приблизительно слѣдовать: каждая книжка, по большей части, продается по рублю серебромъ, вѣсовыхъ за 3 ф., всѣхъ книжекъ въ годъ (съ сентября по іюнь) 9-ть, слѣдоват.—недостающее можете по истеченіи года дослать, возобновляя выписку „Чтеній". За цѣной всегда можно слѣдить по самымъ книжкамъ, на коихъ (на обверткѣ) выставляется каждой цѣна. Иная книжка, въ случаѣ толщины ея, дороже рубля серебромъ, но это бываетъ рѣдко, очень рѣдко, но ни одна не ниже рубля серебромъ. Кажется, я все высказалъ вамъ по этому обстоятельству и считаю только нужнымъ извиниться въ томъ, что, при всемъ моемъ горячемъ желаніи взять это дѣло прямо на себя, никакъ не могу, боясь денежныхъ счетовъ, съ кѣмъ бы то ни было, пуще огня и смерти. Я плохой математикъ и вообще цифирщикъ; при томъ могу, при другихъ хлопотахъ, нечаянно забыть, а это въ дѣлѣ журнальномъ особливо въ деревнѣ не слѣдуетъ допускать: „дорого яичко къ Великому дню". Я даже отправленіе къ роднымъ своимъ поручилъ актуарію по той-же самой причинѣ.

Извѣстіе ваше о Носенкѣ-Бѣлецкомъ поразило меня. Пожалуйста, не выпускайте изъ виду его трудовъ [1]). Охотнѣйше

[1]) Говорится о Павлѣ Павловичѣ Бѣлецкомъ-Носенкѣ, какъ видно, въ это время умершемъ, авторѣ многочисленныхъ сочиненій, большею частью оставшихся, въ рукописи. Перечень этихъ писаній см. у Петрова, Очерки истор. Укр. лит. 36—56. Сынъ П. П. Б.—Н—ка Петръ П—чъ предлагаетъ въ 1857 г. Кулишу издать

предложу, во всякое время, свои услуги къ изданію ихъ, буде г. Маркевичъ не позаботится о томъ самъ. Подобныя дѣла не слѣдуетъ скрывать подъ спудомъ, а тѣмъ болѣе долго.

Вообще просилъ и прошу дѣйствовать на г. Маркевича. Говорятъ, что онъ благонамѣреннѣйшій изъ благонамѣреннѣйшихъ, но Богъ вѣсть почему чрезвычайно тяжелъ на подъемъ. У него надо брать, за что самъ же, де, послѣ благодаритъ, а дать своею рукою—не въ состояніи отъ лѣнила, или отъ чего другого. Рукопись, въ которой описывается нашъ край (Прилуцкій и смежные), мнѣ по сю пору неизвѣстна; весьма любопытенъ же знать, будучи самъ оттуда, и тиснуть, хоть-бы она и не заключала особенной исторической важности, уже по этому одному обстоятельству.

Бувайте жывенькы, здоровенькы, та не забувайте вашого нанщыршого земляка І. Бодяньского.

[6]/ш, *48. Москва. Университетская типографія.*

3.

Пане землякъ Грыцьку! Щожъ оце ты замовкъ, да ще такъ довго? Хочъ бы въ хату, якъ кажуть то, черезъ поригъ наплювавъ! Чы, може, завозывся дуже зъ тымы панамы та паненятамы, що воны тебе тамъ поставылы головою соби? Бувай здоровъ и зъ симъ панствомъ, а зъ ёго да ще въ бильше, хочь и въ самый верхъ! Але тилькы, паноньку, не треба и насъ забувать не дуже, правда, велыкыхъ и страшныхъ, а все такы не зъ килочка и може инколы, якъ тая мышка львови, и мы якому пану знадобымося, на прыгоди будемо. Одже то я зусимъ не

сочиненія своего отца, но К—шъ отвѣчалъ отказомъ по той причинѣ, что „всѣ вообще малороссійскія книги идутъ очень тупо, по ограниченному числу любителей родной литературы“. А когда П. П. В. Н—ко спросилъ мнѣніе Кулиша объ изданіи сочиненій отца на свой счетъ, то Кулишъ отвѣчалъ: „Разсмотрѣвъ сочиненія вашего отца, я, по моему крайнему разумѣнію, думаю, что они, будучи напечатаны, заинтересуютъ немногихъ. Поэтому считаю долгомъ предупредить васъ, что отъ распродажи книгъ едва ли выручится сумма, которую вы употребите на изданіе“. (Изъ рукописи. писемъ К—ша, присланныхъ въ редакцію г. Б.-Носенкомъ).

объ тимъ налагодывся говорыты зъ тобою, а звивъ на проповидь попа въ церкви, що знай парахвіянамъ товмачыть, якъ то негарно и гришно величаться чоловикови, що не треба плюваты въ колодезь и тому подобны святіи.... мыслонькы и правдонькы. Я хотивъ тилькы зпытать тебе просто и безъусёго, чы жывъ та здоровъ, що не промовышъ ни словечка до нашого брата на Московщыни? Колы не хочешь самъ говорыты, такъ мы до тебе де-що промовымо. Ось слухай же, добродію!

Пышуть мыни, що отамъ десь пидъ Ромномъ, у насъ, жыве якыйсь Полетыка, унукъ чы що таки жъ того Полетыкы, що владыка Георгій пысавъ для его свою „Исторію Русовъ", якъ самъ здоровъ знаешъ. Одже, буцимъ, той унукъ, чы якъ тамъ, мае у себе самую лучшую копію того ёго спысу. Чы не маешъ, паноньку, якои дорогы до того Полетыкы, щобъ у ёго позычыты мисяцивъ на тры ёго копіи мыни? Бачъ я и доси ще не выпускаю одъ того Кониського, що все мавъ надію достаты якъ небудь оцю копію [1]). Якъ бы я іи мавъ, заразъ-бы зривнявъ и що треба перепечатавъ, а колы багацько не похожого—и на нове-бъ напечатавъ. Не забувай, земляче, що говорять наши люды: куй зализо, покы горяче, и деры лыко, покы дерется. Аминь!

Друге слово до тебе: чытаю, що учытель у Прылуци руського языка Деда выйшовъ на покойный жывитъ. А мій братяга-небижъ рокивъ зо тры якъ добывается цёго миста, але не можна було, покы Деда на ёму сыдивъ. Теперь воно порожне, и братяга мій подавъ уже просьбу, щобъ его перевелы у Прылуку. Чы не може ть тутъ ииддать якого пылу почетный смотритель, котрый, якъ ты пысавъ тамъ мыни колысь, родычъ, чы якыйсь тамъ знакомый тоби? Колы може—прызнайся до ёго, голубоньку, за мого нетягу брата! Воно, бачышъ, дуже було-бъ

---

[1]) На выходномъ листѣ Исторіи Русовъ значится 1846 г., а это письмо писано въ 1848 году... Слѣдуетъ думать, что Бодянскій говоритъ о „невыпускѣ" отдѣльныхъ книгъ „Исторіи Русовъ", такъ какъ напечатанная въ „Чтеніяхъ", она вышла въ свѣтъ въ 1846 г., какъ то видно и изъ письма Ригельмана 1816 г. (К. Ст. с. г., май, 185).

для его се на руку, бо черезъ тее бъ винъ жывъ подъ бокомъ у своеи и маты-неньки старенькои, що, якъ самъ поздоровъ тебе Боже знаешъ, неплёване дило для матусенькы и іи мизерного збижжя. Будь ласкавъ, колы можна! Посылаю тоби ти кныжкы „Чтеній", которыхъ у тебе немае писля послиднёи засылкы. Гроши за ихъ не мыни, а пану актуаріеви слидують, которому у свій часъ и вышлы; а скилькы—подывыся на балятуркы кныжокъ, да и злычы!

Бувай здоровъ, пануй самъ зъ собою и зъ своимы ридными и кривными, та не забувай щырого твого земляка Иська Бодянського. Кланяйся усимъ, хто тамъ мене ще не забувъ, а найбильше и найныжше своій старенькій неньци пани-матьци

Року 1848, юня 24 дня. Москва.

4.

Изъ прилагаемаго при семъ письма ко мнѣ одного изъ цензоровъ нашего цензурнаго комитета, вы увидите, что отыскиваемыя вами „Малороссійскія пѣсни съ напѣвами" находятся теперь у жены князя Львова, умершаго еще великимъ постомъ, 22 марта. Къ сожалѣнію, я не могу обратиться къ этой послѣдней, будучи съ ней вовсе незнакомъ; по на дняхъ, увидѣвшись съ лицами, которыя по моему предположенію, извѣстны ей сколько нибудь, попрошу ихъ похлопотать объ отправленіи въ цензурный комитетъ и этого, тѣмъ болѣе, что прочія книги и рукописи, бывшія у супруга ея, отосланы имъ самимъ, говорятъ, недѣли за двѣ до кончины, попринадлежности. Вѣроятно, ваша посылка пришла въ цензуру, а изъ нея передана ему, въ то время, когда онъ находился уже при послѣднихъ дняхъ, и передана не какъ принадлежащая цензурѣ, но какъ вещь совершенно посторонняя; жена же, не зная ничего объ этомъ, разумѣется, оставила ее у себя. Мнѣ кажется, дѣйствительнѣе всего въ этомъ случаѣ было бы попросить вамъ С. А. Маслова, съ которымъ, кажется, вы близки, или-же графа П. Е. (Комаровскій), который съ покойникомъ въ послѣднее время находился въ найлучшихъ отношеніяхъ по Обществу сельскаго хозяйства, чтобы онъ съѣздилъ за ними къ женѣ его и потомъ

передалъ бы мнѣ, а я бы уже внесъ ихъ лично въ цензуру и попросилъ бы просмотрѣть того изъ цензоровъ, кого знаю за лучшаго для подобнаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что они будутъ пропущены безъ всякаго изуродованія и въ самое короткое время [1]). Мнѣ странно, почему вы съ самаго начала не поручили мнѣ этого. Путь, избранный вами, какъ видите, оказался несостоятельнымъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда бы тутъ не замѣшалась беззубая съ своей косой, едва-ли бы это дѣло обошлось, какъ вы желали и какъ бы ему слѣдовало быть, потому, что князь послѣ той передѣлки, къ которую попалъ было по случаю „Записокъ охотника" (Тургенева), сдѣлался чрезвычайно мнительнымъ и придирчивымъ. Но у насъ есть теперь одинъ цензоръ [2]), который чуждъ того и другаго, такой, какого только можетъ желать каждый благонамѣренный писатель въ копіи. Ему-то я поручу ваше добро, буде вамъ угодно это: если ужъ онъ не сдѣлаетъ желаемаго вами и нами, то навѣрное въ нынѣшнее время никто другой не сдѣлаетъ того. Вообще, и разъ навсегда, прошу васъ въ подобномъ случаѣ всегда располагать мною на всей своей волѣ, пане земляче! Въ противномъ случаѣ, при неудачѣ,—не пеняйте ни на кого, а на одного самого себя. Намъ, столичанамъ, письменство и всѣ его мытарства знакомѣе, чѣмъ вамъ, жителямъ отдаленной, но благословенной Малороссіи, къ которой каждый годъ, въ теченіе десятилѣтія, собираюсь и каждый годъ что нибудь непреодолимое задержитъ меня. Ну хоть-бы и теперь: совсѣмъ было порѣшилъ,—анъ какъ на зло, вѣнчальная процессія въ Кремлѣ нагонитъ въ Бѣлокаменную со всѣхъ сторонъ тучи люду, а съ нимъ и такого, который те не те, а знай буде тягаты нашого брата по всимъ усюдамъ.

Бувайте-жъ жывеньки, здоровеньки, благополучны зъ усіею своею родыною, котрій ныженько кланяюсь, та и не забувайте вашого щырого земляка, О. Бодянскаго.

Москва. Апрѣля 27 дня, 1856 г.

---

[1]) Говорится объ изданномъ Галагановъ *сборникѣ малороссійскихъ пѣсенъ съ голосами.*

[2]) Несомнѣнно, что рѣчь идетъ о популярнѣйшемъ тогда цензорѣ Н. Ф. фонъ-Крузе. *Ред.*

„СУДЬБА".

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ". *Грибоѣдовъ.*

I.

О. Петръ Преполовенскій только что пробудился отъ послѣобѣденнаго сна. Было около четырехъ часовъ: въ это время обыкновенно у о. Петра пили чай. Онъ прошелъ въ столовую—самовара еще нѣтъ. Въ домѣ тишина, какъ будто все вымерло.

— Гдѣ-же это матушка моя? И дѣтей что-то не видно! Должно быть въ садъ ушли—рѣшилъ о. Петръ и подошелъ къ окну. На дворѣ стоялъ октябрь. Листья на деревьяхъ частью пожелтѣли, частью осыпались. Природа, сбросивши съ себя зеленый покровъ, какъ будто умирала; только кое-гдѣ, подъ частоколами, зеленѣла еще крапива. Голубое небо озарилось красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца; на дворѣ возлѣ колодца поили лошадей.—О. Петръ надѣлъ шляпу и вышелъ въ садъ. При входѣ въ садъ, возлѣ заваленки, стояла кухарка Мавра и крошила „гарбузы" для коровъ.

— „Ты, Мавро, не дуже-но поспишайся зъ гарбузамы, теперъ ще й кропывкы можна було бъ потроху, по-пидъ частоколамы, назбираты. Прыйде зима, чымъ тоди коривъ будемо годуваты?.. А чы не бачыла ты, куды матушка зъ барышнямы пишлы?"—обратился о. Петръ къ Маврѣ.

— Въ саду матушка и барышни зъ нымы! Отъ и йдуть воны,—отвѣтила Мавра, и ножъ еще быстрѣе заработалъ въ ея рукахъ. На встрѣчу о. Петру шла матушка и съ нею три дѣвушки, дочери о. Петра.

— Ты давно уже всталъ, о. Петръ?—обратилась матушка. Небось чаю уже захотѣлъ?

— Только что всталъ, вышелъ въ столовую—самовара нѣтъ. Думалъ, и вы всѣ, послѣ обѣда, въ объятіяхъ Морфея..

— Ахъ, папа! Развѣ можно спать въ такой чудный день. Прійдетъ зима—выспимся еще... сказала, меньшая дочь о. Петра, Соня.

— Пользуйтесь, пользуйтесь, дѣтки, погодой: пойдутъ дожди—сидѣть въ комнатахъ будете, да романы читать!—И о. Петръ, посмотрѣвъ на старшую дочь Анну, улыбнулся.

— Что вы, папа! Развѣ я только одни романы читаю?

— Я не въ укоръ тебѣ Аня!—развѣ въ романахъ худое что? Во всякой книжкѣ можно найти и худое, и хорошее. Да и дѣлать-то что вамъ, какъ не читать? Хозяйки вы у меня не большія, да и нахозяйничаетесь еще: выйдете замужъ, надоѣстъ еще хозяйство это.

— А вотъ я и не выйду замужъ! заговорила Соня.—Развѣ непремѣнно нужно замужъ идти? Въ самомъ дѣлѣ большое счастье замужемъ! Вотъ Оля Колесницкаго вышла въ прошломъ году,—что съ нея сдѣлалось?

— Не всѣмъ же судьба такая, какъ Олѣ!—заговорилъ о. Петръ. Испытаніе Божіе ей! Его святая воля—вѣсть бо, что творитъ. Во спасеніе то эта жизнь ей, можетъ быть, будетъ.. А отъ замужества, Соня, не зарекайся! Далъ бы Господь хорошаго человѣка. Ну, да тебѣ и пообождать еще можно,—далъ бы Всевышній Аню намъ пристроить! Охъ-хо-хо-охъ! Трудно теперь на свѣтѣ жить!

Аня вся закраснѣлась. Ей уже давно перевалило за двадцать пять. Лѣтъ семь ее уже выдаютъ замужъ. Были и женихи, да все неподходящіе: тотъ безъ прихода, тотъ и получилъ приходъ—да приходъ очень бѣдный; а то и совсѣмъ неокончившіе

семинаріи; были чиновники, писцы—за этихъ о. Петръ и самъ ни за что не отдалъ бы.

Матушка посмотрѣла на Аню и, любовно потрепавъ ее по щекѣ, поцѣловала:

— Голубка ты моя! Послалъ бы уже Господь судьбу тебѣ!

Много разъ Аня слышала про эту „судьбу". И каждый разъ ей казалось, что ее хотятъ, какъ-нибудь, поскорѣе сбыть: „съ рукъ бы только". Она и сама сознавала, что ей бы слѣдовало выйти замужъ: двѣ младшія сестры—невѣсты уже; старшая—помѣха только! Можетъ быть кто-нибудь и посватался бы къ одной изъ меньшихъ,—не отдадутъ! Самолюбіе родительское пострадаетъ. Одинъ было посватался къ Сонѣ, но о. Петръ и руками и ногами: „бери старшую, развѣ Аня чѣмъ тебѣ не жена! Поискать такой: и собой хороша̀, и небезприданница какая, и хозяйка... А младшей, раньше Ани, не выдамъ!" Такъ женихъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. О. Петръ, сохраняя старыя традиціи, хотѣлъ дочерей по старшинству отдавать.

Нервы Ани не выдержали: сегодня ей чего-то особенно грустно было; и такою одинокою почувствовала она себя въ этотъ осенній, тихій вечеръ. Долго она смотрѣла на заходившее солнце, ей казалось, что и ея жизнь скоро зайдетъ... Еще годъ-два—и она старая дѣва! Пока родители живы—еще ничего, а не дай Богъ несчастья... Въ приживалки тогда къ сестрамъ идти, или же въ просфорницы... И слезы показались у нея на глазахъ.

— Полно, голубка моя! Полно, успокойся! уговаривала ее матушка.—Успокойся, да пойдемъ чай пить! Папа давно уже хочетъ чаю, а ему никто такъ не приготовитъ, какъ ты. Пойдемъ, моя ясочка!

Всѣ отправились въ столовую. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и Аня, утирая слезы, принялась приготовлять чай.

Только что усѣлись за чай, какъ послышался стукъ подъѣзжающаго экипажа. О. Петръ поднялся изъ-за стола и подошелъ къ окну.

— Лошади что-то незнакомые,—заговорилъ онъ: кто-бы это могъ быть? Экипажъ городской...

— Да ты вышелъ-бы, дверь отворилъ, о. Петръ!—сказала матушка, подходя къ окну.

О. Петръ пошелъ отворять дверь. Изъ экипажа вышелъ молодой человѣкъ и направился къ крыльцу.

— Чиновникъ какой-нибудь, должно быть,—заговорила матушка,—а можетъ быть и „окончившій"! Вы бы пріодѣлись немножко,—придется къ чаю попросить!

— А можетъ быть ему въ залу чай подать? А то такъ не хочется одѣваться.—сказала вставая Соня.

За нею поднялись и Аня съ Сашей.

— Ты, Аня, розовое надѣнь, оно тебѣ къ лицу! сказала матушка, провожая дочерей глазами.

— Это, Аня, „судьба" къ тебѣ пріѣхала!—смѣялась, одѣваясь, Соня.—Ты же смотри, не очень раскисай отъ медовыхъ рѣчей. Если не понравится, то скажи только мнѣ—а я ужъ устрою такъ, что онъ не посватается къ тебѣ!

Анна Петровна укоризненно посмотрѣла на сестру, и слезы выступили у нея на глазахъ:

— Хоть бы ты, Соня, пощадила! Вѣдь такъ можно жизнь человѣку отравить: судьба, да судьба! Какъ будто мы и созданы лишь для того, чтобы „судьбу" свою выжидать.

— „Отъ судьбы не уйдешь"—и пословица говоритъ. А ты не хнычь, Аня; не понравится—не пойдешь. А можетъ быть онъ какъ разъ красивый, умный... Понравится—выйдешь замужъ и будешь счастлива... Право, такая тутъ скука, что отъ скуки одной можно выйти замужъ; хоть перемѣна мѣста будетъ! Будетъ тебѣ, Аня, грустить, приколи мнѣ лучше бантикъ!

— Соня, ты съ ума сошла!—заговорила Саша.—Развѣ можно къ голубому платью пунцовый бантъ?

— Ничего, Саша,—это аллегорія! Этотъ бантъ будетъ изображать изъ себя пылающее сердце и навѣрное обратитъ „его" вниманіе, и „онъ" начнетъ за мной ухаживать. Все Аню избавлю отъ лишнихъ объясненій. Если же онъ окажется интереснымъ и понравится Анѣ,—тогда я сниму свое оружіе.

— Ахъ, стрекоза ты, стрекоза! И Аня принялась пришпиливать бантъ.

Пунцовый бантъ былъ приколотъ, и сестры вышли въ столовую. На встрѣчу имъ поднялся молодой человѣкъ.

— Имѣю честь рекомендоваться: Яковъ Осиповичъ Смарагдовъ!—проговорилъ онъ и галантно раскланялся, пожимая дѣвицамъ руки.

— Окончившій курсъ семинаріи,—добавилъ о. Петръ.— Племянникъ о. Исидора Миклашевскаго!

Соня быстро переглянулась съ Анной Петровной: дескать „женихъ"! И всѣ усѣлись за столъ.

Ты уже, Аничка, чаемъ займись! Она у меня, Яковъ Осиповичъ, хозяйка! Никто такъ по хозяйству не справится, какъ Аня,—проговорила матушка и любовно посмотрѣла на дочь.

Аня подошла къ самовару и начала разливать чай.

II.

Яковъ Осиповичъ Смарагдовъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти: средняго роста, съ правильными чертами лица, слегка вьющимися, каштановыми волосами и вздернутымъ, красноватымъ носомъ. Если-бы не красноватый носъ,—видъ его былъ-бы довольно приличенъ.

— Такъ вы, Яковъ Осиповичъ, вчера только отъ о. Исидора?—обратился о. Петръ къ Смарагдову.

— Вчера. Получилъ извѣстіе изъ консисторіи, что освободился приходъ с. Клитище,—чтобы поспѣшить. Я вчера чуть свѣтъ и выѣхалъ. Знаете, о. Петръ, какъ теперь трудно получить приходъ: особенно, если приходъ хорошій,—отвѣтилъ Яковъ Осиповичъ.

— Трудно! О—охъ какъ трудно! Клитище-то, кажется, и приходъ не дурной,—пятаго класса?

— Пятаго. Приходъ хорошій! Покойный о. Стефанъ тысячъ пятнадцать послѣ себя оставилъ.

— Ска—ажите! Ну, а надежда у васъ на Клитище есть? Дадутъ?

— Былъ вчера у Преосвященнаго,—обнадежилъ. Невѣсту только, сказалъ, искать, а приходъ за мной остается. И разрѣшеніе выдали на вступленіе въ законный бракъ.

— Приходъ хорошій—заговорилъ, задумчиво, о. Петръ. Трудно теперь молодому человѣку приходъ такой сразу получить! На старость и то трудно перевестись на лучшій приходъ.—Народа много,—всюду тѣснота! Вамъ, значитъ, за невѣстой только и остановка теперь?—Радъ буду услужить о. Исидору; погостите у насъ—поѣдемъ кое-куда. У насъ, слава Богу, дѣвицъ много въ окрестности: у о. Симеона двѣ взрослыхъ дочери, у о. Филарета одна, у о. Мельхиседека...

— Охъ, гляди о. Петръ: „свату первая чарка—первая же и палка!“ какъ говорится въ пословицѣ,—погрозила ему матушка пальцемъ.

— Я и не берусь въ сваты—только повезти да показать. Почему и не повезти человѣка? У самого глаза есть: по душѣ будетъ дѣвица—возьметъ, а нѣтъ—такъ губернія не малая: и въ другомъ мѣстѣ найдетъ!—возражалъ о. Петръ, благодушно улыбаясь.

Нѣтъ, о. Петръ, я уже на васъ надѣюсь: человѣкъ я неопытный въ этихъ дѣлахъ! О. Исидоръ такъ и говорилъ: „поѣдешь къ о. Петру, онъ тебѣ невѣсту найдетъ, не откажетъ мнѣ, старинному пріятелю“. На васъ у меня вся надежда, о. Петръ!

— Что-же? Я радъ! Душевно радъ помочь вамъ въ добромъ дѣлѣ. Повезти-повезу; посмотрите, можетъ быть и найдется по душѣ дѣвица.

Соня все время кусала губы, еле сдерживаясь: давно уже ей хотѣлось расхохотаться; она то и дѣло посматривала на Анну Петровну и наконецъ не выдержала и разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Чего ты стрекоза? Смѣшно тебѣ, что человѣкъ собирается жениться? Придетъ и твоя пора,—не будешь тогда смѣяться!—обратился наставительно о. Петръ къ Сонѣ.

— Фи, Соня! Какъ тебѣ не стыдно! Какъ маленькая!— заговорила шепотомъ матушка.

Соня перестала смѣяться и, немножко посидѣвъ, вышла въ другую комнату, куда черезъ минуту позвала къ себѣ Анну Петровну.

— Ну, какъ Аня? Нравится тебѣ „судьба“ эта? Чего ты смѣешься? Онъ, право, довольно красивъ; носъ только немножко красный, но это, должно быть, отъ вѣтра.

— Онъ же не къ намъ пріѣхалъ: его папа повезетъ сватать, развѣ ты не слышала!

— Это только отговорки однѣ,—не скажетъ-же онъ: „къ вамъ пріѣхалъ свататься“. Вотъ увидишь, что въ концѣ концовъ онъ непремѣнно сдѣлаетъ кому нибудь изъ насъ предложеніе.— Ты посмотри, если понравится, то я свое оружіе сниму!—И Соня показала на свой бантъ.

— Будетъ тебѣ, Соня! А то вы мнѣ такъ всѣ надоѣли, что я право разсержусь и за перваго встрѣчнаго, кто сдѣлаетъ предложеніе, выйду...

— Нѣтъ, я не шучу—онъ посватается у насъ.. Выходи Аня—онъ красивъ, приходъ хорошій... А тамъ и Саша выйдетъ и я... Надоѣло это сидѣнье на одномъ мѣстѣ! Только скучно будетъ безъ тебя, Аничка!—грустно проговорила Соня, припавъ къ Аннѣ Петровнѣ, и начала ее цѣловать. Слезы закапали изъ ея глазъ.

— Что-ты, Сонечка? Полно тебѣ! какая ты странная: то хохочешь, то плачешь. Какъ будто уже дѣло рѣшенное, что ты меня оплакиваешь. Онъ, можетъ быть, совсѣмъ не съ тѣмъ и пріѣхалъ къ намъ...

— Съ тѣмъ! съ тѣмъ, Аничка—я знаю. Будь-же счастлива!—И Соня крѣпко прижала къ себѣ сестру, поцѣловала ее и, вытеревъ слезы, сказала:

— А теперь идемъ, а то мама сердиться будетъ!

Сестры вошли въ столовую. За самоваромъ сидѣла матушка съ Сашей. О. Петръ и Яковъ Осиповичъ ушли въ залъ.

— Ты, Соня, никакъ не можешь воздержаться отъ своихъ глупостей!—напустилась на Соню матушка.—Новый человѣкъ, въ первый разъ только пріѣхалъ въ домъ,—что онъ можетъ подумать? Стыдись! Пора бросить эти дѣтскія шалости, не маленькая уже!

— Я, мамочка, не могла удержаться: какъ вспомнила про „судьбу“, такъ и расхохоталась.

— А ты не смѣйся! Нечего смѣяться. Судьба?—Что-же такое, что судьба! Послалъ-бы Господь такого человѣка,—лучше и желать нечего: изъ себя видный, приходъ пятаго класса, окончилъ студентомъ, племянникъ о. Исидора... Днемъ съ огнемъ не съискать такого человѣка!

— Я, мама, ничего... Но только мнѣ смѣшно очень сдѣлалось...

— А ты вотъ, чѣмъ смѣяться, пошла-бы лучше въ залу, да разговоры поддерживала; а то и на фортепьянахъ поиграла-бы! Идите въ залу, а то подумаетъ, что и людей вы никогда не видали, что прячетесь.

Дѣвицы вышли въ залъ. О. Петръ сидѣлъ молча,—тема, должно быть, истощилась. Онъ сразу повеселѣлъ, когда вошли дочки.

— Ты бы, Соня, на фортепьянахъ намъ что нибудь изобразила!—обратился онъ къ Сонѣ.—Сыграй-ка „Москву!“

— А вы играете? Сыграйте! Я такъ люблю музыку, сыграйте!—упрашивалъ Соню Смарагдовъ.

Соня долго отговаривалась, наконецъ сѣла за старый разстроенный клавесинъ и заиграла „Москву“. О. Петръ вышелъ въ столовую. Соня какъ-то наскоро отбарабанила „Москву“ и, вся красная, вернулась къ сестрамъ.

— Какъ-же вы чудно играете,—заговорилъ Смарагдовъ—съиграйте еще что нибудь!—просилъ онъ.

Но Соня отказалась.

— Скажите пожалуйста, въ вашихъ краяхъ очень весело проводятъ время?—Мнѣ о. Исидоръ говорилъ, что у васъ тутъ всегда весело; часто вечера бываютъ, танцы—обратился Смарагдовъ къ дѣвицамъ.

— Нѣтъ, чтобы очень весело—нельзя сказать. Осенью, когда храмовые праздники, тогда весело бываетъ; а остальное время скучно—сказала Анна Петровна.

Барышень у васъ много—не можетъ быть скучно! А вотъ у насъ такъ скука! Я цѣлое лѣто прожилъ у о. Исидора, а за все время и потанцовать нигдѣ не удалось!

— А вы любите танцовать?—спросила Соня.

— Кто-же не любитъ танцовать!—усмѣхнулся Смарагдовъ.—Что вы, Софья Петровна, такъ удивленно на меня смотрите?

— Такъ... Я ничего... Семинаристы вообще рѣдко танцуютъ... Я потому...—смѣшалась Соня.

— Я не принадлежу къ таковымъ: я люблю и музыку, и танцы. Вѣдь въ этомъ ничего дурного нѣтъ? Правда?

— Конечно нѣтъ, развѣ грѣшно веселиться!—сказала Соня и засмѣялась.

— И Давидъ „скакаше играя"—проговорилъ о Петръ, входя съ матушкой.—Что-же это ты, Соня, не поиграешь? Сыграй-ка „Лучинушку", или „Персидскій маршъ!"

— Ахъ, папа, эта уже такъ надоѣло!

— А ты съиграй и спой, все веселѣе будетъ!

Соня сѣла играть. Къ ней подошелъ Смарагдовъ и, когда она окончила „Лучинушку", попросилъ ее съиграть „Не брани меня, родная".

— А вы пѣть будете?—спросила Соня.

— Буду. Хотя я и плохо пою, но я люблю пѣніе.

Соня играла „Не брани меня, родная", Смарагдовъ пѣлъ. Голосъ у него былъ небольшой, но довольно пріятный. Послѣ „Не брани" онъ спѣлъ еще „Москву". Къ концу вечера всѣ почувствовали, какъ будто они давно знакомы съ Смарагдовымъ. Играли въ разныя игры, пѣли—всѣмъ было весело.

О. Петръ тоже разошелся и къ ужину принесъ графинъ старой вишневки. Развеселившись отъ выпитой въ значительномъ количествѣ вишневки за ужиномъ, разговорились о знакомыхъ, о родственникахъ; оказалось, что Смарагдовъ почти всѣхъ знаетъ. Когда разошлись спать, было далеко за полночь.

О. Петръ, раздѣваясь, говорилъ матушкѣ:

— Хорошій видно человѣкъ Смарагдовъ! Да и не прислалъ-бы о. Исидоръ кого-нибудь непутёваго...

— Можетъ Господь и устроитъ судьбу Ани! Далъ-бы то Милосердный!—вздыхала матушка.

— На все Господня воля,—будемъ надѣяться!

— А я тебѣ скажу, о. Петръ, не вези ты его никуда! Хочетъ—пусть самъ себѣ ѣдетъ! Повезешь въ Сокоринцы—Оля его скоро окрутитъ. Бой-дѣвка! Не то, что наши тихони. Да и о. Филаретъ, знаешь какъ онъ жениховъ ловитъ; какъ узнаетъ про такой приходъ—не выпуститъ его...

— Ну, ты всегда что нибудь выдумаешь! Нельзя же его держать у себя все время: пусть поѣдетъ, посмотритъ,—а то что люди скажутъ? Скажутъ: „Поймали и окрутили человѣка—оглянуться не дали!“ Лучше пусть самъ посмотритъ. На все Божья воля!

— Какъ знаешь, а только по моему не рука тебѣ возить его: у самого три невѣсты...

— Я завтра повезу его къ о. Филарету—пусть посмотритъ. Парень онъ не такой, чтобы окрутить его можно было—тертый видно, хоть и семинаристъ! Только я тебѣ скажу, большая у меня надежда на него есть: такъ онъ посмотрѣлъ на Аню... Далъ бы то Господь! И о. Петръ перекрестился. — Будемъ спать!

— Жито у насъ не перемолочено,—въ случаѣ чего придется и въ казначейство ѣхать...,

— Это ты на счетъ чего-же?

— А если Господь устроитъ...—начала матушка.

— Объ этомъ думать нечего... Далъ-бы только Господь, чтобы устроилось, а на первое время у меня кое-что найдется...

Сестры тоже долго не спали: все говорили о. Смарагдовѣ. Всѣмъ онъ очень понравился; Аня рѣшила, если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе,—выходить за него.

— Выходи, Аня! Онъ, кажется, славный... Только не раскисай очень. А то ты сейчасъ и раскиснешь и дѣлай съ тобою что хочешь!—наставляла сестру Соня.

— Если онъ хорошій человѣкъ, то не будетъ пользоваться тѣмъ, что я слаба характеромъ!

— Такъ-то оно, такъ! Всѣ они хорошіе, а все-же лучше, чтобы онъ видѣлъ, что ты человѣкъ съ характеромъ, самостоятельный человѣкъ, а не кваша!

Долго еще говорили сестры на тему о замужествѣ и уснули,—когда утренній свѣтъ забрезжилъ въ окно.

III.

На другой день, послѣ обѣда, о. Петръ съ Смарагдовымъ уѣхали къ о. Филарету.—О. Филаретъ былъ дома. Когда о. Петръ отрекомендовалъ ему Смарагдова—„окончившимъ", тотъ принялъ ихъ очень любезно. Онъ понялъ въ чемъ дѣло: о. Петръ привезъ „окончившаго",—значитъ жениха.—О. Филаретъ пригласилъ гостей въ залъ, усадилъ ихъ, а самъ прошелъ къ женѣ и предупредилъ ее, что о. Петръ привезъ жениха,—чтобы Оля пріодѣлась.—Когда появилась Оленька, Смарагдовъ былъ совершенно пораженъ... Она была въ дорогихъ сережкахъ, съ браслетами, кольцами на рукахъ, и въ новомъ, лиловомъ, шелковомъ платьѣ. За чаемъ Смарагдовъ разговорился съ нею, и когда окончивъ чай они ушли въ залъ, то бесѣдовали уже совершенно непринужденно, какъ давно знакомые. О. Филаретъ, оставшійся съ о. Петромъ въ столовой, распрашивалъ послѣдняго о Смарагдовѣ:

— Вы говорите, онъ студентомъ окончилъ?

— Студентомъ. Да иначе какъ-бы и приходъ ему такой дали?—Пятаго класса приходъ!

— Ну, приходъ-то еще ничего не доказываетъ: о. Исидоръ имѣетъ большія связи.... А человѣкъ онъ по вашему—какой?

—Какъ вамъ сказать, о. Филаретъ! Говорятъ—пудъ соли съ че-

ловѣкомъ съѣшь и то не узнаешь его! Какъ-же я его за одинъ день узналъ-бы? На мой взглядъ человѣкъ онъ добропорядочный: и обходительный, и разумный, и веселый....

— Какъ-же это вы, о. Петръ, маху такого дали? Ко мнѣ привезли! У меня-же дочка—а ну какъ понравится? И глаза о. Филарета такъ и запрыгали.

— Богъ съ тобой, о. Филаретъ! И не грѣхъ тебѣ!—Я же къ тебѣ потоварищески привезъ... Понравится—дай Богъ совѣтъ да любовь! Я тебѣ по совѣсти скажу,—я и самъ-бы не прочь отъ такого зятя, да не хочу, чтобы люди говорили что дурное... Пускай поѣдетъ, посмотритъ; понравится гдѣ дѣвица—пусть женится: зла ни ему, ни ей не пожелаю!

— Спасибо, о. Петръ! Я знаю человѣкъ вы безкорыстный, безъ всякихъ заднихъ мыслей;—а на вашемъ мѣстѣ я бы такъ не сдѣлалъ,—не выпустилъ бы! Приходъ-то какой—Клитище! О. Стефана покойнаго я зналъ—богато жилъ! И скажите вы, счастье людямъ: не успѣлъ окончить—такой приходъ получилъ! Да это золотое дно, а не приходъ! Мнѣ бы такой приходъ, и до смерти ничего больше не желалъ-бы. Нѣтъ, о. Петръ, большого вы маху дали; я бы его не выпустилъ! Я бы его скоро скрутилъ—черезъ день-два весь-бы мой съ потрохами былъ!

И о. Филаретъ сжалъ кулакъ, какъ будто держалъ уже всего Смарагдова съ потрохами. Глаза у него разгорѣлись, какъ у страстнаго охотника, который видитъ ускользающую отъ него дичь. Все есть: и заряды, и умѣнье стрѣлять,—да звѣрь не на ловца бѣжитъ... Не долго просидѣлъ о. Филаретъ въ такомъ лихорадочномъ состояніи: на лицѣ его вскорѣ появилась увѣренность, дескать „будетъ мой!—и не такіе еще дѣла обдѣлывали! Не спасовать-же передъ мизернымъ семинаромъ“. У о. Филарета зародился цѣлый планъ правильной облавы на Смарагдова: и ужинъ съ достодолжными возліяніями—„стомаха ради“, и посулы большого приданнаго и т. под. Конечно, въ концѣ концовъ кукишъ ему можно показать вмѣсто приданнаго, а отъ посуловъ въ убыткѣ не будешь! Три „дочки“ уже выдалъ о. Филаретъ и каждый разъ безъ убытка себѣ. Сулить онъ

всегда сулилъ приданное:—на имя каждой изъ дочерей у него, по его словамъ, лежало неприкосновенныхъ по двѣ тысячи рублей; когда-же приходилось выплачивать приданное, то о. Филаретъ всегда ограничивался двумя-тремя сотнями рублей наличными, остальную-же сумму пополнялъ натурой: всегда у него находился какой нибудь, особенно замѣчательный, заграничный плужокъ, который, по мнѣнію о. Филарета, былъ положительно необходимъ „молодымъ“ (плужокъ такой обыкновенно представлялъ изъ себя лишь остовъ одинъ), или бричка на „шитовскихъ рессорахъ“ совершенно новая (выслужившая 25-ти лѣтній юбилей), и пара (хромыхъ, или слѣпыхъ отъ старости) чистокровныхъ англо-арабовъ „отъ извѣстныхъ родителей“.

Кромѣ ужина съ возліяніями и посуловъ, большую также надежду возлагалъ о. Филаретъ и на драгоцѣнности, которыми себя увѣшала Оленька: „какъ-никакъ, а семинару такихъ видовъ не приходилось видывать—однѣхъ драгоцѣнностей на дѣвицѣ, въ обыкновенный будній день, рублей на шестьсотъ“.—Драгоцѣнности эти были завѣтныя, и, до выхода замужъ, ими пользовалась каждая изъ дочерей о. Филарета. Когда старшая выходила замужъ, драгоцѣнности переходили къ слѣдующей невѣстѣ. „Тебѣ теперь некого привлекать; мужа имѣешь,—говорилъ о. Филаретъ выходившей замужъ дочери,—пусть остаются для Вареньки“. Отъ Вареньки драгоцѣнности переходили къ слѣдующей и т. д. Съ характеромъ человѣкъ былъ о. Филаретъ! Что пожелаетъ, то уже непремѣнно и сдѣлаетъ! А желаній у него много было... Часто глаза его разбѣгались... У мѣстныхъ мужиковъ онъ даже въ пословицу вошелъ; если кто хотѣлъ упрекнуть кого нибудь въ зависти, то обыкновенно говорилъ: „Ото-жъ и заздристный—якъ Сокоринській пипъ“! Дочери у о. Филарета въ дѣвицахъ не засиживались;—всегда, какъ только дѣвица приходила въ возрастъ, являлся женихъ.

Много кое-чего темнаго говорили про свадьбы дочерей о. Филарета, говорили, напримѣръ, что иногда случалось—жениха вели къ вѣнцу прямо изъ кабинета о. Филарета—вели! такъ какъ женихъ былъ, что называется, „еле можаху“. Разсказывали,

что иногда на другой день, проснувшись, женихъ спрашивалъ, что съ нимъ такое произошло; ему говорили, что онъ женился; болѣе борзые, новоиспеченные зятья рвали и метали, болѣе же робкіе молчали,—а въ концѣ, въ силу необходимости, всѣ примирялись со своимъ положеніемъ и, получивши „нетычанку", пару „англо-арабовъ" и „плужокъ", уѣзжали на свою „парахвію". Но всего не переговоришь, что болтаютъ „злые языки". Пусть себѣ болтаютъ,—„а Васька котъ слушаетъ да ѣстъ", и о. Филаретъ не обращалъ никакого вниманія на „злые языки", а какъ только подростала дочь, онъ въ тотъ же годъ выдавалъ ее замужъ.

Порѣшивъ, что Смарагдовъ не выскользнетъ изъ опытныхъ и цѣпкихъ рукъ, о. Филаретъ, потирая руки, поднялся и обратился къ о. Петру:

— Пойдемъ-ка и мы, о. Петръ, въ залу: поговорю я съ нимъ, что за человѣкъ онъ такой, посмотрю!

— Человѣкъ онъ тертый! И неглупый человѣкъ, весьма не глупый!—глубокомысленно замѣтилъ о. Петръ.

Они вошли въ залъ: за большимъ, круглымъ столомъ на диванѣ сидѣла Оленька и жена о. Филарета; противъ нихъ на стулѣ помѣщался Смарагдовъ и оживленно разсказывалъ о томъ, какъ онъ хлопоталъ о приходѣ.

— Приходъ, значитъ, есть,—остановка за невѣстой? Это мы скоро обдѣлаемъ! началъ о. Филаретъ.—Вотъ у о. Петра три дѣвицы: любую выбирайте!

— Не очень-то и любую! О. Петръ, пока Анну Петровну не выдастъ, меньшую не выдастъ,—заговорила жена о. Филарета.

— Выдастъ! Правда, о. Петръ, выдали-бы меньшую, если-бы человѣкъ хорошій случился?

— Для меня дочки всѣ хороши: что меньшая, что старшая—все едино. А меньшей раньше не выдамъ! Отъ отцовъ нашихъ такъ шло и у меня такъ будетъ! А что касается Якова Осиповича, то ему свѣтъ не клиномъ сошелся—дѣвицу любую себѣ выберетъ. По нашимъ мѣстамъ дѣвицъ есть достаточно...

— О. Стефанъ, должно быть, и деньжонки послѣ себя оставилъ, не безъ того, я думаю?—обратился о. Филаретъ къ Смарагдову, прерывая о. Петра.

— Оставилъ, какъ-же! Тысячъ пятнадцать оставилъ. Приходъ Клитище хорошій и земли много, да и хозяинъ онъ хорошій былъ.

— А вы какъ на счетъ хозяйства: сами думаете заниматься, или съ половины отдавать—по новому?

— Нѣтъ, я думаю самъ хозяйничать. Люблю я хозяйство и привыкъ къ нему: каждое лѣто—какъ пріѣзжаю бывало на каникулы—все время на полѣ провожу. Да по моему, оно и скучно было-бы священнику безъ земли и хозяйства. А на плохенькомъ приходѣ,—самъ не хозяйничай, то и ѣсть нечего будетъ.

— Какой-же вы практикъ!—заговорила Оленька.—Такой молодой и такъ практично уже разсуждаете!

— Что-же вы подѣлаете: жизнь человѣческая такъ обставлена, что однѣми идеями не проживешь; нужно и о хлѣбѣ думать. Конечно, предаваться совсѣмъ хозяйству—священнику неподходящая статья; ему о духовномъ слѣдуетъ больше думать; но я думаю, что умѣренное хозяйство не помѣшаетъ быть хорошимъ священникомъ.

— Дѣло! дѣло, молодой человѣкъ! Что дѣло,—то дѣло! Все хорошо въ мѣру—энергично заговорила жена о. Филарета.

— А лошадей вы любите?—спросила Оленька.

— Лошадей? Очень люблю! На своемъ хозяйствѣ думаю хорошихъ лошадей завести.

— И я лошадей люблю. Папа такой любитель—вотъ посмотрите, какія у насъ есть лошади! Если пробудете здѣсь долго, то заѣзжайте къ намъ,—поѣдемъ кататься...—говорила Оленька, томно подкатывая глазки.

— Съ удовольствіемъ! Буду очень радъ!

— Мнѣ уже и домой пора—заговорилъ о. Петръ.—Крестины у меня сегодня! Вы, Яковъ Осиповичъ, оставайтесь,—я за вами пришлю лошадей.

— Что вы, что вы! Мы его своими отошлемъ, лошади у меня хорошіе!—воскликнулъ о. Филаретъ.—Только чего-же вамъ-то, о. Петръ, спѣшить такъ? Посидѣли бы еще... Поговорили...

— Благодарствуйте! Крестины ждутъ. Другимъ разомъ съ удовольствіемъ.

О. Петръ простился и уѣхалъ къ большой радости о. Филарета, который свободно могъ теперь приступить къ выполненію созрѣвшаго уже въ его головѣ плана относительно Смарагдова.

IV.

По отъѣздѣ о. Петра, жена о. Филарета засуетилась съ закусками.

— „Скажы-но, серце, щобъ тамъ съ пару курей зловыла Горпына та спекла-бъ. А ты сама пишла-бъ въ комору, та пошукала-бъ тамъ марынованныхъ грыбочкивъ, огирочкивъ; сардынки и икра, здается, ще позоставалысь одъ празныку. Та й Оли скажы, щобъ вона добре до „него“ бралась! Дарма що о. Петръ каже, що „винъ“ дуже розумный,—а ты подывысь, винъ вже и роставъ, якъ побачывъ уборы Оленькины. У мене на ныхъ велыка надія; ну, та такы й Оленька наша,—нема чого казаты,—дивчина ничого соби, якъ сдобна булка! Въ тебе, серце, вдалась, така жъ сама и ты була—якъ я за тебе сватався“.

И о. Филаретъ, вспомнивши молодость, подмигнулъ матушкѣ и „ущипнулъ“ ее.

— „Филаретъ, Филаретъ! Стыдайся, старый,—що це зъ тобою зробылось?“ сконфузилась матушка.

— „Ты ще, серце, и теперь ничого соби! По правди. Не те що матушка о. Петра—якъ шпычка!“ И о. Филаретъ, взявши „ливера“, пошелъ тянуть наливку.

На дворѣ раздался пискъ и кудахтанье курей: „Горпына“ прилагала всѣ свои усилія, чтобы поймать „пивныка“,—каж-

дый же разъ, какъ на зло, попадалась „курочка“. Послѣ долгой бѣготни, съ большимъ усиліемъ, наконецъ два „пивныка“ были пойманы. Въ кухнѣ поднялась суматоха—приготовляли „угощеніе“.

О. Филаретъ все время былъ въ очень игривомъ настроеніи духа и часто забѣгалъ въ кухню къ матушкѣ:

— „А наша Оля молодець! Я й не ждавъ, щобъ вона така спрытна була—зразу въ рукы забрала! Ну, та такы вона и зъ себе не погана... За цею не буде стильки роботы, якъ за Сашою було, що все самому прыходылось розрыватысь,—ця сама за себе постоить. Вже и кони ему показала, и на фортепьяни грала, и спивала....“ И о. Филаретъ веселый и довольный уходилъ опять, то разливать въ бутылки наливку, то заглядывать въ дверную щелочку, что подѣлываютъ молодые люди. Надъ двумя загрязненными бутылками онъ долго думалъ—то была „старка“; не хотѣлось ему начинать её, но о. Филаретъ вспомнилъ магическое слово „Клитище“ и порѣшилъ, что „Клитище“ стоитъ этихъ двухъ бутылокъ.

Оленька, между тѣмъ, выказывала Смарагдову всѣ свои таланты: она] уже успѣла и спѣть ему: „Отъ чего такъ грустно мнѣ“ и съиграть какую то раздирательную піесу: „На смерть Канарскаго“, при чемъ, во время игры, поясняла: „это его ведутъ на казнь“ и лицо ея принимало ровное, задумчивое, слегка величавое выраженіе;—„это прощаніе съ родными“, и Оленька сильнѣе надавливала клавиши, какъ будто пожимала на прощанье его руку;—„это плачъ родныхъ“, и лицо ея принимало слезливое выраженіе;—„растрѣляніе“, и съ этимъ словомъ изъ инструмента вырвался какой-то неистовый хрипъ, казалось, что инструменту уже пришелъ конецъ и отъ него остались лишь щепки однѣ.

Смарагдовъ закрылъ глаза съ испугу, и когда открылъ ихъ, то очень удивился, что фортепьяно оказалось въ цѣлости. Онъ все таки сомнѣвался и, подойдя къ инструменту, началъ осматривать его со всѣхъ сторонъ.

— Ничего, ничего, только струна одна лопнула—заговорила Оленька.—Я, знаете, въ этомъ мѣстѣ (разстрѣлянія) всегда прихожу въ сильный экстазъ! Говорятъ, что это даже вредно такъ увлекаться, но что-же подѣлаете — темпераментъ ужъ такой...

Смарагдовъ былъ ослѣпленъ драгоцѣнностями, которыми увѣшала себя Оленька. Но больше всего привлекало его одно изъ колецъ, которыхъ было на Оленькѣ до десяти. Это было кольцо съ небольшимъ бриллiантомъ, но довольно хорошей работы; „рублей, пожалуй до ста стоитъ"—порѣшилъ Смарагдовъ и все время умильно посматривалъ на него.—Оленька конфузилась; она думала, что Смарагдовъ смотритъ на ея руки, которыя она, впопыхахъ, не успѣла привести въ должный порядокъ.

Смарагдовъ много говорилъ ей о себѣ, о томъ, какъ онъ думаетъ устроить свою будущую семейную жизнь, какъ будетъ любить свою жену и какими удобствами обставитъ ее.

— Счастливая будетъ жена ваша! — вздыхала Оленька и подкатывала глазки.

Смарагдовъ съ увлеченiемъ, разсказывалъ Оленькѣ какъ иногда бываетъ, что встрѣтишь человѣка—и въ одинъ день полюбишь его; какое тогда бываетъ чувство: „сердце какъ будто остановится, на душѣ такъ легко, голова кружится—чувствуешь, какъ будто, уносишься, въ „поднебесную даль". Оленька слушала и тоже уносилась въ „поднебесную даль", но только не сама, а съ Смарагдовымъ. Въ ея воображенiи уже рисовалась картина будущей счастливой жизни ея съ Смарагдовымъ.

Смарагдовъ намекнулъ ей, что ему именно такiя дѣвицы, какъ она—Оленька, и нравятся.

Столъ былъ покрытъ и весь уставленъ всевозможною „снѣдью". Тамъ были: и соленья, и маринады, и икра, и сардины, и съ такимъ трудомъ пойманные „Горпыной" „пивныкы" изъ которыхъ въ концѣ концовъ все таки одинъ оказался „курочкой". Наливокъ же и настоекъ—и не перечесть! Тутъ были: и сливянка, и вишневка, и грушевка, и смородинная, и полыновка и др.

За ужиномъ о. Филаретъ, лукаво улыбаясь, говорилъ Смарагдову.

— Гм..., о. Исидоръ „знае, де раки зимуютъ!“ Прямо къ о. Петру и направилъ васъ. А у него дѣвицы ничего...

— Тебѣ, о. Филаретъ, все ничего! Меньшая-то еще ничего-бы, но меньшой не выдастъ о. Петръ; ну, а старшей-то уже, пожалуй, и за тридцать будетъ! съехидничала матушка.

— Мама! Это Соня-то ничего?—Ну, уже по моему Аня лучше... у Сони вѣдь правый глазъ коситъ и...

— Ну, какая-же пара Аня—Якову Осиповичу? Она ему, въ маменьки годится! перебила матушка рѣчь дочери.

— А золотая середина-то? За золотую середину и забыли, за Сашу—какъ разъ и подойдетъ! заговорилъ о. Филаретъ.

— Ну, Саша уже совсѣмъ невозможная: во первыхъ, какъ она танцуетъ!—это что-то ужасное! Ступить не умѣетъ... захлебывалась Оленька.

— Саша то скорѣе въ монастырь пойдетъ, чѣмъ замужъ—объяснила матушка: тихоня она такая!

— Въ тихомъ омутѣ черти водятся! заключилъ о. Филаретъ, наливая Смарагдову пятую рюмку.

Смарагдовъ выслушивалъ всѣхъ очень внимательно, но интересовался больше маринованными грибками и сливянкой, хотя и очень часто поглядывалъ на Оленьку.

Когда бутылки опустѣли въ достаточной степени, о. Филаретъ обратился прямо, безо всякихъ обиняковъ, къ Смарагдову:

— Эй панычу, панычу! Чого се вамъ йиздыты, та людей дурыты? За нашои памяти такъ не робылы—прыйихавъ, сподобалась дивчина и окрутывся зразу! Аже отъ—чымъ не дивчына? указалъ о. Филаретъ рукою на Оленьку.

Оленька покраснѣла и потупилась. Матушка начала дергать о. Филарета за полы:

— Филаретъ! Филаретъ!

Но о. Филаретъ не унимался:

— Чы може не вподобалась?

— Филаретъ! Що се ты?—шептала матушка, еще энергичнѣе дергая за полы о. Филарета.

Смарагдовъ, не ожидавшій такой легкой побѣды, отъ радости не зналъ, что и говорить:

— Это, о. Филаретъ, не отъ меня зависитъ... Можетъ быть, я противенъ Ольгѣ Филаретовнѣ... Я съ своей стороны, со всѣмъ-бы моимъ удовольствіемъ.

Но тутъ его выручилъ о. Филаретъ:

— Ну, матушко, давай образы! Чого тутъ довго перелываты зъ пустого въ порожне...

Моментально появились „образы", и черезъ пять минутъ „молодые" сидѣли уже рядышкомъ, обмѣнявшись кольцами. На лѣвой рукѣ у Смарагдова красовалось колечко съ бриллiантомъ, которое ему такъ нравилось.

О. Филаретъ сидѣлъ возлѣ молодыхъ и разсказывалъ Смарагдову, что онъ ему даетъ въ приданое: тутъ были и двѣ тысячи, и „плужокъ", и „нетычанка", и рысаки, и всякое обзаведеніе, на которое такъ щедръ на словахъ былъ о. Филаретъ.

О. Филаретъ посовѣтовалъ Смарагдову ѣхать ночевать къ о. Петру „чтобы не подавать повода злымъ языкамъ", но о томъ, что засватался, ничего не говорить. Было рѣшено, что завтра же онъ уѣдетъ въ городъ и, вернувшись дня черезъ три—сообща обсудятъ болѣе подробно о свадьбѣ.

Когда Смарагдовъ собрался уѣзжать, то пообѣщалъ заѣхать завтра по дорогѣ на вокзалъ.

— А денька черезъ три-четыре и совсѣмъ къ вамъ пріѣду, говорилъ онъ, прощаясь съ невѣстой.

О. Филаретъ проводилъ „зятя" до повозки и, увѣренный, что теперь Смарагдовъ въ его рукахъ, долго еще цѣловался съ нимъ на прощанье.

— Прыйизжай-же, сынку, завтра, а то Оля скучаты буде! А про те, що засватався, покы що—мовчы; и такъ зліи языкы багато про мене говорятъ.

„А все такы шкода старкы,—колыбъ було таке знаття, що такъ скоро окручу его—можна було бъ и простою обійтысь"—думалъ о. Филаретъ, возвращаясь въ комнаты.

V.

— Я такъ и говорила, что Оленька его окрутитъ! Остался?— взволнованно заговорила матушка, встрѣчая о. Петра.

— Остался, вечеромъ пришлютъ. А что, крестинъ еще не было?—спросилъ о. Петръ, желая замять непріятный разговоръ.

— Ожидаютъ,—уже и воду приготовили.

О. Петръ ушелъ крестить.—Матука прошла къ дочкамъ.

— А нашъ-то Яковъ Осиповичъ въ плѣну Оленьки остался. Учитесь у людей, какъ нужно жить: она не то, что вы тихони! Судьбу свою скоро составитъ!—говорила она недовольнымъ голосомъ.

— Мама! Что-же намъ было дѣлать съ нимъ? Не держать же его за полы, да говорить: „не ѣздите, голубчикъ Яковъ Осиповичъ, туда,—вы лучше у насъ оставайтесь!“ Вы же видѣли, что я всѣ свои старанія употребила, чтобы не выпустить его: надѣла красный бантъ и „Москву“ играла.—Насильно милъ не будешь!—И Соня расхохоталась.

— Егоза—егоза! Когда-то ты остепенишься?

— „Женится—перемѣниться“, говоритъ пословица; такъ и я, какъ выйду замужъ, можетъ быть, и перемѣнюсь. Вотъ Оля Колесницкая—скоро перемѣнилась!

— Ну, не дай Богъ никому такой перемѣны!—проговорила матушка и задумалась. Дѣвицы тоже пріуныли.

Всѣ они помнили Олю Колесницкую дѣвушкой: такая веселая была красавица, а какъ вышла замужъ—за годъ на пять лѣтъ постарѣла; не то что смѣха—улыбки никогда на лицѣ ея теперь не видно. Не всегда сладка „судьба“ бываетъ.

— Это человѣкъ, кажется, не такой!—продолжала матушка.—Не всѣ же такіе, какъ мужъ Олинъ.

— Издали-то всѣ они не такіе, всѣ хорошіе.... начала Соня, но въ это время вошелъ о. Петръ и началъ разсказывать про свою поѣздку къ Филарету.

Наступалъ вечеръ, отпили уже и чай, а жданный гость не являлся. Неудовольствіе матушки все болѣе и болѣе разгоралось; изъ боязни поссориться съ о. Петромъ, во время разговора, она съ нимъ не разговаривала, а свое неудовольствіе сгоняла на прислугѣ,—досталось всѣмъ: и Маврѣ, и бабѣ-прядкѣ, и кучеру...

Послѣ десяти, наконецъ, пріѣхалъ Яковъ Осиповичъ. Вечерняя поѣздка освѣжила его, никакихъ слѣдовъ отъ выпитой наливки въ головѣ его не осталось. Не въ первый разъ пришлось ему выпить такое значительное количество, не одинъ разъ онъ и на пари ходилъ по части выпивки и всегда оставался побѣдителемъ, а приходилось выпивать чуть не по четверти... У о. Филарета, хотя онъ и много выпилъ, но до этого было еще далеко, и голова у Смарагдова была совершенно свѣжая.

По пріѣздѣ Смарагдова подали ужинъ; не смотря на то, что по-деревенски часъ былъ уже довольно поздній,—его ожидали съ ужиномъ.

— Какъ-же, весело вамъ было у о. Филарета?—спрашивала его за ужиномъ Соня.

— Нельзя сказать, чтобы очень весело,—у васъ веселѣе, лучше; какъ то свободнѣе себя чувствуешь.

— Говорите уже, говорите, что веселѣе у насъ! Было-бы веселѣе, не сидѣли-бы такъ долго, говорила повеселѣвшая матушка.

— Нѣтъ, я не изъ вѣжливости говорю, а мнѣ, право, у васъ лучше. У васъ я себя чувствую, какъ дома, какъ у родныхъ, а тамъ—въ гостяхъ. А знаете, что и пословица такая есть: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше".

Послѣ ужина всѣ пошли въ залу. Соня играла на „клавесинѣ", послѣ того всѣ пѣли хоромъ. Къ концу вечера всѣ развеселились.

— Я бы всегда у васъ хотѣлъ быть, Анна Петровна, говорилъ Анѣ Смарагдовъ, т. е. хотѣлъ-бы, чтобы всегда такъ весело и хорошо было, какъ мнѣ теперь хорошо!—и онъ многозначительно посмотрѣлъ на Аню.

Когда дѣвицы ушли спать, Смарагдовъ обратился къ о. Петру:

— О. Петръ, простите, что я такъ, можно сказать, скоропостижно приступаю къ дѣлу; вы знаете, что мое дѣло, дѣло моей женитьбы, не терпитъ отлагательства, а потому я прямо обращаюсь къ вамъ; второй день я у васъ живу—видѣлъ вашу семью, вашу жизнь; все это такъ меня привлекло къ вамъ, что я желалъ-бы сдѣлаться членомъ вашего уважаемаго семейства.— Я осмѣливаюсь просить у васъ руки вашей дочери, Анны Петровны!

— Благодарю за честь. Не скрою отъ васъ, мнѣ пріятно видѣть васъ своимъ зятемъ! Человѣкъ вы, кажется, хорошій,— да и дядю вашего я знаю; друзья даже, можно сказать, были мы съ нимъ. Съ своей стороны я ничего противъ этого не имѣю, но поговорите прежде съ Аней: вамъ съ нею всю жизнь жить, и я думаю, вамъ интересно будетъ знать, какъ она на это посмотритъ.—Предупреждаю только васъ, что люди мы не богатые, много дать за нею я не могу.....

— Объ этомъ, о. Петръ, можно и не говорить; я жену у васъ беру, а не деньги!

— Спасибо! Мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что человѣкъ вы безкорыстный, но я дитяти своего не обижу... Завтра обо всемъ поговоримъ. Вы, я знаю, сирота—теперь передъ свадьбой копѣйка вамъ нужна будетъ; вы не стѣсняйтесь, на расходы я дамъ—остальные въ день брака. А теперь покойной ночи. „Утро вечера мудренѣе", какъ говорится.—И о. Петръ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ нареченнаго зятя.

Простившись съ Смарагдовымъ, о. Петръ пошелъ спать, но долго еще не могъ заснуть онъ. Долго еще толковали они съ матушкой по поводу предстоящей свадьбы и рѣшили дать Анѣ въ приданое: пятьсотъ рублей деньгами, одну корову, пару лошадей, десять штукъ овецъ и всякое обзаведеніе. А пока что,—жениху на расходы о. Петръ рѣшилъ дать, не въ счетъ приданнаго, сто рублей.

VI.

Не разсвѣтало еще, какъ матушка уже была на ногахъ. Она одѣлась и тихонько прошла въ спальню дочерей. Остановившись возлѣ кровати Ани, она долго и пристально глядѣла на нее.—Аня, вся разметавшись, спала сладкимъ предутреннимъ сномъ; на лицѣ ея блуждала счастливая улыбка: видѣла-ли она жизнь свою будущую—счастливую? Грезилось-ли ей дѣтство ея?—Впечатлѣнія-ли вечера оставили по себѣ пріятныя воспоминанія, которыя перешли и въ сонъ?..

— „Старшая, старшая... Какая она старшая?—она еще ребенокъ! А красавица какая! А этотъ еще противный Шавловичъ, что сватался къ Сонѣ, говорилъ, что Аня по лѣтамъ ему не пара—старше его... Рожа его противная, а тоже о лѣтахъ разсуждаетъ! Понимаютъ они красоту!" И матушка задумалась. Она сама въ первый разъ обратила вниманіе на Аню; никогда она не думала, что Аня такая красавица.

— „Какія тонкія черты: лобъ, носъ—точно выточенные; а волоса какіе пышные: черные какъ смоль, такъ и извиваются змѣей... красавица!" Никогда она не всматривалась такъ внимательно въ дочь свою. Аню она всегда любила, но наступающая разлука пробудила въ душѣ ея грустныя мысли, и какая-то тоска сжала сердце матери; ревность закралась въ ея душу.

„Моей Аней, моей голубкой, вотъ скоро-скоро будетъ обладать кто-то..."

Ей хотѣлось забрать Аню сонную и уйти; уйти далеко-далеко, гдѣ бы не было людей, которые заберутъ ея Аню; можетъ быть, исковеркаютъ, изломаютъ жизнь ея; опошлятъ ее,—и черезъ годъ-два отъ красоты Ани останется лишь воспоминаніе.

— „Черезъ годъ-два Аня—старуха: съ разбитою жизнью и истерзанной душой—какъ Оля Колесницкая!" Матушка не выдержала; она зарыдала и бросилась къ дочери, которая въ это время проснулась... Матушка рыдала и покрывала поцѣлуями Аню.

— Аня! Заберутъ тебя отъ меня... Я тебя не отдамъ... Голубка моя....

— Что съ вами, мама! Несчастье какое случилось?—спрашивала испуганная Аня.

Матушка опомнилась и начала успокаивать Аню.

— Это я отъ радости, Аня! Отъ радости, голубка моя! Онъ посватался за тебя вчера... Ты теперь невѣста!

Разбуженныя шумомъ, повскакивали со своихъ постелей Саша и Соня и, узнавъ въ чемъ дѣло, начали поздравлять Аню.

Черезъ часъ всѣ уже были въ столовой и пили чай. Аня сидѣла вся красная. Смарагдовъ уже объяснился съ нею, и они были объявлены женихомъ и невѣстой.—До поры до времени рѣшили скрыть это, чтобы не было очень рѣзко: сегодня женихъ посватался—сегодня и слово дали. Рѣшено было такъ сдѣлать: женихъ сегодня вечеромъ уѣзжаетъ въ губернію по кое-какимъ дѣламъ относительно прихода, черезъ недѣлю онъ возвратится, и тогда будетъ объявлено оффиціально. Даже о. Филарету рѣшили ничего не говорить, а для отвода глазъ женихъ заѣдетъ къ нему по дорогѣ, ѣдучи на ж. д. станцію. Послѣ чаю женихъ и невѣста остались одни. Соня и Саша ходили грустныя,—онѣ сознавали, что скоро прійдется разстаться съ сестрой. Матушка все время суетилась, приготовляя обѣдъ и съѣстные припасы на дорогу жениху.—О. Петръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ открылъ письменный столъ и вынималъ оттуда засаленныя кредитныя бумажки. Насчитавъ сто рублей, о. Петръ прошелъ въ залъ, гдѣ сидѣли „молодые", и позвалъ Смарагдова за собой въ кабинетъ.

— Вотъ вамъ на первые расходы сто рублей,—а ко времени посвященія, дастъ Богъ, еще немного соберу.

— Что вы, о. Петръ! Что вы,—зачѣмъ это?—говорилъ Смарагдовъ дрогнувшимъ отъ радости голосомъ.

— Возьмите, Яковъ Осиповичъ,—стыдиться тутъ нечего. Я самъ сиротою женился, и потому знаю, какъ горько въ такія минуты безъ своей копѣйки... Самъ какъ пріѣхалъ женихомъ, то покойный тесть и за балагулу три рубля заплатилъ... и того

не было! А Аню берегите... храните ее... она славная дѣвушка! Не потому говорю, что дочь она мнѣ...—И старикъ вытеръ рукавомъ подрясника навернувшіяся слезы.

Лицо Смарагдова какъ-то конвульсивно передернулось, но онъ пересилилъ себя и, сдерживая улыбку, началъ успокаивать о. Петра.

— О. Петръ! Надѣюсь, что я буду любить свою жену не меньше, чѣмъ вы любите свою дочь!—и еще разъ поцѣловавъ руку о. Петра, Смарагдовъ пошелъ къ Анѣ.

Обѣдъ подали пораньше. Вставъ изъ-за стола, Смарагдовъ началъ прощаться.

— Не засиживайтесь-же, Яковъ Осиповичъ, у о. Филарета, а то на поѣздъ опоздаете, говорилъ ему Петръ. А часы у васъ съ собою есть?

Смарагдовъ смѣшался:

— Я свои часы у о. Исидора забылъ... Да я не опоздаю, я только на минутку къ о. Филарету.

— Нѣтъ, вы ужъ лучше возьмите мои часы! Сказалъ о. Петръ и пошелъ въ кабинетъ за часами.

За нимъ вышла и Аня.

— Папа! А сами вы какъ-же безъ часовъ останетесь?

Ужъ лучше я ему свои дамъ!

— Неподходящіе будутъ твои: маленькіе очень, еще потеряетъ гдѣ.

Но Аня настояла на своемъ и отдала свои часы Смарагдову. Смарагдовъ, прощаясь съ невѣстой, долго пожималъ ей руку и говорилъ: скоро увидимся, можетъ быть, и раньше, чѣмъ черезъ недѣлю пріѣду!

Долго еще провожавшіе стояли у крыльца. Когда бричка уже совсѣмъ скрылась за селомъ, пошли въ комнаты. Анна Петровна смотрѣла грустно,—не походила на счастливую невѣсту.

— Не грусти, Аня! Скоро пріѣдетъ. Неужто тебѣ скучно за нимъ? Онъ-же тебѣ совсѣмъ чужой. Два дня какъ познакомились, а уже грустишь по немъ,—говорила Соня.

— Будетъ тебѣ, егоза, будетъ! Какой-же Яковъ Осиповичъ чужой Анѣ—женихъ! А черезъ мѣсяцъ и мужъ.—Энергично протестовала матушка.

— Нѣтъ, Соня, я не потому, что скучно мнѣ... Все это такъ скоро, такъ неожиданно произошло... Что-то недоброе чуется мнѣ...—тихо отвѣтила Аня.

Поздно вечеромъ вернулись лошади, отвозившія Смарагдова на вокзалъ.

— „Ну, якъ-же Иване, добре дойихалы съ панычемъ? Ниде не перекинулысь?“ спрашивалъ о. Петръ кучера.

— „Ничого, батюшко, добре! Тилькы щось винъ мени проше батюшкы, небезпечный здается“...

— „Отто дурный! Чого-жъ винъ тоби небезпечнымъ показався?“

— „Може я-й дурный, проше батюшкы, але-жъ небезпечный винъ, панычъ цей... все мени дорогою, якъ тилькы станемо, все прыстайе до мене: „злизь, та злизь, подывысь—щось тамъ такее тре ззаду коло брычкы“.

— „Ну то-й треба було злизты! Чому-жъ не злизъ? Може якъ разъ, яка шруба одкрутылась? Ще може й згубывъ дорогою“?

— „Але хибажъ-то я глухый, чы що... Чувъ-бы, якъ бы що терло, або бразкало. Ни, ему выдно не того хотилось“....

— „Отто дурный! Що-жъ ты думавъ, що винъ коней вкраде? га?“

И о. Петръ, засмѣявшись, пошелъ въ комнаты.

— „Вже чы кажить, чы ни, що дурный,—але-жъ про те винъ небезпечный чоловикъ, цей панычъ!“ продолжалъ разсуждать Иванъ съ Маврой.

— Де-жъ це ты бачывъ, Иване, щобъ такы панычъ та позаздрывся на кони!

— Всяки воны теперь и панычи бувають! Побачыла-бъ ты въ гôроди; такый йде що куды тоби—и не прыступайсь: шуба на ёму, калошы, часы... А дывы, и ведуть его до холодной за те, що хусточку зъ чужои кышени въ церкви хотивъ вытягты...

— То въ городи! Чого тамъ не бува; а це жъ свій чоловикъ выдно имъ, и прыйихавъ такъ гарно—въ хваитони... Отстаивала „паныча“ Мавра.

— Колы бъ ты побачыла, якій винъ гарный бувъ въ Сокорыницяхъ, якъ одъ попа выходывъ, ажъ брыдко дывыться було; слипы позалывавъ, ледве всадывъ его пипъ на брычку, та ще й цюлуе его и прыпрошáе, щобъ скорище прыйиздывъ... Уже бъ я не поцилувавсь зъ нымъ,—такый винъ брыдкый мени здавався: очы посоловилы, зъ рота слына такъ и котыть...—И Иванъ энергично сплюнулъ.

Въ это время отозвалась „баба Параска“, сидѣвшая „за кужелемъ“: Ой паскудо, паскудо! Ще й винъ буде пересужуваты; подывывсь бы на себе, якый хорошый бувъ, писля празныку, на Воздвыження!—Мовчавъ-бы лучче! Иди-но лучче, та дровъ на ранокъ внесы, якъ маешъ хайло свое роспускаты; не дай Боже, почують матушка—всимъ достанется!

— Чого се вы, бабуню! Хиба-жъ мени не можна побалакаты,—аже-жъ и въ мене языкъ есть!

— Хто тоби каже, що не можна балакаты? Балакай соби на здоровье! Але жъ треба знаты, про що можна говорыты, а про що й зась!

Иванъ понялъ, что больше ему не удастся почесать свой языкъ съ Маврой, взялъ со стола фуражку и пошелъ по дрова.

VII.

Прошла условленная недѣля, а отъ жениха никакихъ вѣстей. Самъ не пріѣзжаетъ и не пишетъ ничего. Всѣхъ это очень безпокоило.

— Ужъ не случилось-ли чего съ нимъ въ дорогѣ?—говорила, вздыхая, матушка.—Ты бы, о. Петръ, въ газету посмотрѣлъ, не дай Богъ поѣздъ съ рельсовъ сошелъ...

— Ты всегда что-нибудь придумаешь. Должно быть, задержался за какими нибудь хлопотами. Не пріѣхалъ сегодня—

завтра пріѣдетъ: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, —утѣшалъ о. Петръ матушку.

— Далъ бы то Господь, чтобы только это...—грустно качала головой матушка.—Чуетъ душа моя бѣду какую-то...

За это время пріѣзжалъ раза два о. Филаретъ, спрашивалъ, нѣтъ ли какихъ вѣстей о Смарагдовѣ. Пріѣзжала разъ Оленька; все какъ-то загадочно говорила, что, можетъ быть, скоро уѣдетъ отсюда.—Говорила, что Смарагдовъ ей очень понравился: „красивый такой, разговорчивый... на семинара совсѣмъ и не похожъ—свѣтскій человѣкъ“. О. Филаретъ освѣдомлялся, въ какомъ году окончилъ Смарагдовъ.

— Смотрѣлъ я въ Епархіальныя Вѣдомости за послѣднія пять лѣтъ—говорилъ онъ — нигдѣ Смарагдова въ выпускахъ нѣтъ!

О. Петръ, послѣ этихъ разговоровъ, тоже смотрѣлъ въ „Епархіальныя Вѣдомости“, но тоже Смарагдова тамъ не нашелъ и рѣшилъ, что Смарагдовъ вѣдь могъ окончить и не „нашу“ семинарію,—а въ другой губерніи. Получилъ о. Петръ на дняхъ и письмо отъ о. Исидора Миклашевскаго, но въ немъ ничего о племянникѣ не говорилось. Упоминалъ о. Исидоръ о какомъ-то „женихѣ“, который, выдавая себя за окончившаго, надулъ нѣсколькихъ священниковъ въ „ихнихъ краяхъ“; забралъ у нихъ понемногу денегъ, въ счетъ приданнаго, и исчезъ.—Какія-то смутныя подозрѣнія начали овладѣвать о. Петромъ, но онъ не довѣрялъ имъ. Да и не могъ-же быть Смарагдовъ тѣмъ женихомъ, о которомъ пишетъ о. Исидоръ. Смарагдовъ—племянникъ о. Исидора, и знаетъ многихъ знакомыхъ и родственниковъ, въ чемъ о. Петръ убѣдился изъ его разговоровъ. Да и документы у Смарагдова были, было разрѣшеніе изъ Консисторіи на вступленіе его въ законный бракъ...

VIII.

Прошло еще нѣсколько дней. Осень уже вступила въ свои права; на дворѣ уже третій день льетъ дождь, осенній вѣтеръ

свободно разгуливаетъ по опустѣвшему саду и обнаженнымъ деревьямъ. Семья о. Петра въ полномъ сборѣ сидѣла за вечернимъ чаемъ, когда во дворъ въѣхала старинная бричка, одна изъ тѣхъ бричекъ, которыя носятъ названіе Ноева Ковчега. Такія брички дѣлались въ старину; въ нихъ свободно помѣщалось человѣкъ восемь людей и пудовъ до двадцати громоздкаго багажа. Въ старину, когда не существовало желѣзныхъ дорогъ, въ такихъ бричкахъ „возили въ семинарію".—Теперь онѣ уже выводятся изъ употреблннія, но у нѣкоторыхъ стариковъ-священниковъ еще существуютъ такіе „ковчеги", полученные ими въ приданное.

— Пошла-бы ты, Соня, посмотрѣла, кто это пріѣхалъ.—обратилась къ Сонѣ матушка.

Соня подошла къ окну.

— Это о. Иванъ изъ Погорѣлова.

— О. Иванъ? Въ такую погоду!—чтобы это значило?—И всѣ тревожно переглянулись.

— Должно быть, изъ города ѣдетъ,—по дорогѣ...—успокаивалъ о. Петръ и вышелъ встрѣтить о. Ивана, который уже раздѣвался въ передней. Бурка и ряса на о. Иванѣ были совершенно мокрыя.

— Здравствуйте, о. Иванъ! какъ Богъ милуетъ?—говорилъ о. Петръ, здороваясь съ о. Иваномъ.

— Помаленьку, о. Петръ! Помаленьку! Кабы не люди, злые, жить-бы еще можно...—проговорилъ, вздыхая, о. Иванъ.

— Да вы совсѣмъ промокли! Сбросьте свой подрясникъ, я вамъ свой дамъ, пока вашъ пообсохнетъ.

О. Иванъ сбросилъ свой мокрый подрясникъ—переодѣлся и пошелъ въ столовую пить чай.—За чаемъ разговоръ какъ-то не клеился; видно было, что у старика есть что-то важное, о чемъ онъ желаетъ переговорить наединѣ съ о. Петромъ; и мысли его вертятся на одномъ какомъ-то предметѣ. Отвѣчалъ онъ часто невпопадъ и задумывался.

О. Петръ понялъ, что старику нужно о чемъ-то переговорить съ нимъ, и поспѣшилъ выслать дѣтей и жену въ другую комнату.

— Вы бы по хозяйству пошли, да закусить намъ что-нибудь приготовили, а мы съ о. Иваномъ тутъ побесѣдуемъ кое-о чемъ.

Когда всѣ вышли, о. Петръ обратился къ о. Ивану.

— Разсказывайте, о. Иванъ, что у васъ новенькаго.

— Охъ, новенькое-то, о. Петръ, то, что на старость мы подурѣли:—захотѣлъ на старость дочку замужъ выдать

— Какую дочку?—Настю?

— Кромѣ нея и нѣтъ у меня больше,—остальныя всѣ за мужемъ. Охъ! И говорить-то стыдно!.. Ну, да затѣмъ я и пріѣхалъ,—разскажу уже.—И о. Иванъ началъ свой разсказъ.

— Недѣли двѣ тому назадъ, ночью, пріѣзжаетъ ко мнѣ молодой человѣкъ. Просится на ночь: „сбился, говоритъ, съ дороги,—примите переночевать!“ Спрашиваю, кто такой? — говоритъ: окончившій курсъ семинаріи, ѣздилъ за приходомъ, а теперь невѣсту ищу. Васъ, говоритъ, знаетъ; о. Филарета знаетъ. Вы его, будто, и сватать возили, но пока ни на чемъ, говоритъ, не остановился и ѣду къ дядѣ о. Исидору Миклашевскому. Свой человѣкъ, будущій собратъ,—какъ тутъ не принять!—Переночевалъ онъ у меня, цѣлый день просидѣлъ, а къ вечеру на вокзалъ; только грустный такой,—прощается со мной и говоритъ: „кабы“—говоритъ—зналъ, что камень такой на душѣ отъ васъ вынесу, и не заѣзжалъ-бы; поистинѣ „не знаешь, гдѣ найдешь“. Такъ мнѣ это странно показалось, я ему и говорю: кажется, мы тебя не обидѣли ничѣмъ, чего-же ты съ тяжестью такою изъ дома нашего выходишь?“ „Дочку—говоритъ—вашу, о. Иванъ, полюбилъ! выдайте ее за меня замужъ. Лучшей жены и не съискать мнѣ!“ да на колѣни бацъ передо-мною!—Меня такъ и взорвало: „въ умѣ-ли ты?—говорю—да ей подъ сорокъ скоро, она старуха, а ты вѣдь вьюношъ! Какая она тебѣ пара!“ Ну, лѣта тамъ-бы еще Богъ съ нимъ, бываютъ и въ лѣтахъ женщины изъ себя видныя;—но вы же знаете, о. Петръ, какая красота у моей Насти?—„Не въ красотѣ—говоритъ—дѣло, не въ видѣ наружномъ,—наружный видъ —гробъ повапленный! Мнѣ душа ея нужна—душа у нея ангельская!“ „Какая-такая осо-

бенная душа?—говорю—я лучше тебя знаю:—она и тебѣ и себѣ жизнь отравить"... А онъ все свое: „душа—говоритъ—смиреніе... кротость"... Какъ началъ, какъ началъ юлить... Что-же, думаю, коли самъ такъ хочешь—что-же я съ тобою подѣлаю? А тутъ и Настя еще, какъ будто діаволъ вселился въ нее, плачетъ, рѣкой разливается: „Не отдадите за него—руки на себя наложу, я его люблю! Разъ судьба пришла, и то родной отецъ завязываетъ свѣтъ... Грѣхъ вамъ, папа, будетъ, что дочку загубили... я тоже человѣкъ, тоже жить хочу!"..—Такъ они меня одурманили... Благословилъ.

О. Петръ, во время разсказа старика, все больше и больше блѣднѣлъ.—Сердце его болѣзненно сжалось. Наконецъ голова закружилась, и онъ склонился на столъ.

О. Иванъ перепугался, подалъ ему воды; позвалъ матушку.—Долго отецъ Петръ молчалъ, но нервы его не выдержали, и онъ зарыдалъ.—Матушка принесла „валеріановыхъ капель", напоила ими о. Петра и уложила его въ постель.

О. Петръ объяснилъ свое нездоровье тѣмъ, что послѣдніе дни очень мало спалъ.

Когда въ домѣ все успокоилось, о. Петръ попросилъ о. Ивана окончить начатую исторію.

— А конецъ вотъ какой,—началъ о. Иванъ.—Вечеромъ онъ уѣхалъ; къ свадьбѣ, говорилъ, приготовиться нужно. Я далъ ему на дорогу послѣдніе тридцать рублей;—думаю: человѣкъ въ дорогѣ, пригодятся. Да и человѣкъ то уже, почитай, что свой! Настя тоже все, что сберегла, отдала. Да и сама еще хотѣла ѣхать съ нимъ—насилу удержалъ! Одурѣла совсѣмъ на старость....

Третьяго дни пріѣзжаетъ ко мнѣ о. Филимонъ. Я ему и разсказываю, что Настя просватана... А онъ какъ расхохочется: „Ужъ не за Смарагдова-ли?" — говоритъ. — За Смарагдова,—говорю.—„Ну,—говоритъ— хорошо еще,—дешево отдѣлались; другіе подороже поплатились". Да и разсказываетъ, что этотъ Смарагдовъ уже не у одного іерея засватался, не одинъ и денегъ ему далъ; а онъ женихомъ и разъѣзжаетъ! Недавно онъ

встрѣтился съ однимъ изъ обманутыхъ имъ діакономъ—тотъ и предоставилъ его въ полицію.—Теперь въ кутузкѣ сидитъ... Вотъ тебѣ и женихъ!—Позоръ-то какой на старость!.. Настя-то, на радостяхъ, про жениха уже всѣмъ знакомымъ похвасталась...

Думалъ я думалъ, и порѣшилъ съѣздить къ вамъ, о Петръ. Думаю, храни Богъ, и у васъ тутъ онъ чего натворилъ,—въ тишинѣ бы сохранили это дѣло... На эту мысль навело меня то, что онъ все о васъ да объ о. Филаретѣ говорилъ... Былъ я, по дорогѣ къ вамъ, у о. Филарета. Разсказалъ ему о моемъ дѣлѣ: мое-то все едино уже всѣмъ извѣстно! Пораженъ сильно былъ о. Филаретъ. „Ну, коли такъ,—сказалъ онъ—коли ты отъ меня ничего не скрылъ, то и я тебѣ покаюсь"!—„Какъ выѣхалъ это онъ отъ о. Петра, разсказывалъ о. Филаретъ, заѣхалъ ко мнѣ. Долгонько мы посидѣли; а на прощанье онъ и говоритъ: „дѣло къ вамъ, о. Филаретъ, имѣю"! Провелъ я его въ кабинетъ—онъ предложеніе Оленькѣ сдѣлалъ. Видѣлъ я его и раньше, понравился онъ мнѣ. Честь—честью: благословилъ. Обмѣнялись они съ Оленькой кольцами. Онъ и уѣхалъ. А пока что, рѣшили дѣло въ секретѣ держать. Даже о. Петру не говорить.—„Сколько же денегъ ты далъ ему"?—спрашиваю. „Денегъ говоритъ—не давалъ, а кольцо цѣнное Оля дала. Кольцо съ брилліантомъ, рублей на восемьдесятъ; а онъ въ обмѣнъ ей мѣдненькую, грошевую „каблучку" приподнесъ. Тогда не разсмотрѣли, а какъ разглядѣли—сомнѣніе меня взяло. Справлялся въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: нѣту его въ выпускныхъ! Я къ о. Исидору написалъ, спрашивалъ: не знаетъ-ли онъ, гдѣ въ настоящее время находится его племянникъ Яковъ Осиповъ Смарагдовъ? Получилъ отвѣтъ: пишетъ о. Исидоръ, что никакого племянника у него нѣтъ, и чтобы всяческихъ проѣзжихъ, именующихъ себя окончившими, опасаться, такъ какъ подъ именемъ таковаго ѣздитъ нѣкій самозванецъ, который фамилію свою часто мѣняетъ; поэтому, дабы не было соблазна, лучше всего требовать документы у неизвѣстныхъ, именующихъ себя окончившими". „Теперь, говорилъ о. Филаретъ, если-бы и знакомый какой пріѣхалъ въ качествѣ жениха, до тѣхъ поръ не дамъ слова, пока не отберу документа".—

Сердитъ былъ о. Филаретъ, очень сердитъ! Кольца жаль, что пропало; да еще и старку лѣтъ двадцать держалъ, чтобы мошеннику такому досталась.—Такіе-то грѣхи, о. Петръ! Даже о. Филарета надули; должно быть, первый разъ въ жизни далъ одурачить себя. Нашелся, значить, человѣкъ и похитрѣе о. Филарета.—Если у васъ, сохрани Богъ, что случилось—держите въ тайнѣ.

— Охъ, былъ грѣхъ! былъ...—простоналъ о. Петръ и разсказалъ о. Ивану все, что у нихъ произошло со Смарагдовымъ.

— А скажите, кто бы могъ подумать что либо подобное? Никогда у насъ этого не было!.. И человѣкъ онъ по виду такой приличный! Всѣхъ почти священниковъ знаетъ, многихъ и привычки даже знаетъ... Какъ началъ я съ нимъ говорить: оказалось, что онъ моихъ родственниковъ лучше знаетъ, чѣмъ я самъ. Ну какъ-же тутъ было не повѣрить! Говоритъ: „прислалъ о. Исидоръ какъ къ своему другу"... Какъ же тутъ не повѣрить!—закончилъ свой разсказъ о. Петръ.

— Тонкая бестія, что и говорить! А что знаетъ онъ всѣхъ, то и неудивительно: у кого онъ не былъ только, гдѣ не сватался? Въ нашихъ мѣстахъ у четырехъ „отцовъ" былъ: у о. Прокофія, у о. Леонида, у о. Виссаріона, у о. Дезидерія...

— У о. Дезидерія?—спросилъ о. Петръ.—У него вѣдь и дочекъ, кажется, еще подходящихъ нѣтъ! Манѣ сколько? Я думаю, не болѣе четырнадцати!

— Нѣтъ четырнадцати. У о. Дезидерія онъ не сватался, а такъ проѣздомъ только... Освѣдомленъ, должно быть, плохо былъ: сказали, что дочка есть, а о лѣтахъ и не справился... Пріѣхалъ, посмотрѣлъ—и дальше.

— Что же это я съ Аней теперь дѣлать буду? Какъ ей сообщить?—сокрушался о. Петръ.—

— Какъ нибудь съ Божьей помощью сдѣлаемъ ужъ это, о. Петръ! Долго еще не спали „отцы", долго говорили о „самозванцѣ". На Анну Петровну порѣшили дѣйствовать посредствомъ Сони.

На другой день утромъ позвали Соню и разсказали ей, въ чемъ дѣло.—Соня сперва возмущалась, а послѣ рѣшила, что это

еще счастливая „судьба“ была, коли обошла: хуже было-бы, если-бы прицѣпилась.

Соня уладила все дѣло хорошо: шуточками, да разными обходами она представила Аннѣ Петровнѣ все въ такомъ смѣшномъ видѣ, что та въ концѣ-концовъ расхохоталась. Пожалѣла только о часахъ немного; за свои кровныя деньги она ихъ купила: была два года учительницей и какъ-то умудрилась собрать шестьдесятъ рублей на часы.

— Ну, да Богъ съ ними! Слава Богу, что хоть огласки не было,—люди не будутъ знать!—порѣшила Анна Петровна.—

— А скажи, Аня, по правдѣ, „онъ“ очень тебѣ нравился?— приставала Соня.

— Конечно, очень! Жить безъ него не могу! Развѣ за два дня нельзя полюбить человѣка „по гропъ жисти“?—смѣялась Аня.

Послѣ обѣда о. Иванъ уѣхалъ, пообѣщавъ сообщить письменно всѣ новости, какія услышитъ о „самозванцѣ“.

IX.

Въ Филипповъ постъ о. Петръ получилъ отъ о. Ивана письмо слѣдующаго содержанія:

„Высокопочтенный о. Петръ!“

„Твердо памятуя свое обѣщаніе, извѣстить Васъ о предерзостномъ „самозванцѣ“, пишу вамъ сіе письмо, въ коемъ и излагаю все, что мнѣ удалось узнать о Яковѣ Смарагдовѣ, изъ достовѣрныхъ источниковъ. Яковъ Осиповичъ Смарагдовъ изъ духовныхъ, обучался въ N-ой бурсѣ и, бывъ оттуда изгнанъ, поступилъ въ полицію писцомъ, откудова также былъ изгнанъ за какія-то продерзости. Снискивая себѣ пропитаніе, онъ напалъ на благую мысль, по образу „Гоголевскаго Ревизора“ дурачить людей и изображать изъ себя жениха изъ окончившихъ, зная, съ каковымъ почетомъ оные у насъ, въ духовенствѣ, принимаются. Въ семъ выгодномъ занятіи провелъ онъ болѣе года, разъѣзжая по обширной нашей губерніи, и подвелъ

не одинъ десятокъ нашихъ о. іереевъ, пока не былъ пойманъ какимъ-то о. діакономъ, у котораго тоже авансомъ получилъ десять рублей серебромъ. Діакономъ симъ онъ и былъ предоставленъ въ кутузку, откуда и выпущенъ теперь на свободу, за неимѣніемъ уликъ въ его мошенствахъ; брачныя же сдѣлки и авансы, которые онъ получалъ, были совершаемы съ обоюднаго согласія, безо всякаго съ его, Смарагдова, стороны насилія. Подложныхъ же документовъ, какъ равно и разрѣшенія консисторіи на вступленіе его, Смарагдова, въ законный бракъ не оказалось: все сіе онъ продерзостно лгалъ.—Въ настоящее время Смарагдовъ выпущенъ на свободу, подъ страхомъ наказанія, ежели будетъ впредъ изображать изъ себя не то лицо, каковое его мизерная особа изъ себя представляетъ. Потерпѣвшихъ насчитываютъ болѣе тридцати; много неизвѣстныхъ, въ коемъ числѣ и вы съ о. Филаретомъ. За симъ пожелавъ вамъ и почтенному вашему семейству всякаго благополучія и огражденія отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, остаюсь уважающій васъ Іоаннъ Козельскій".

„P. S. Говорятъ, что когда сидѣлъ „самозванецъ" въ кутузкѣ, то уѣздныя барыни большое ему сочувствіе оказывали: навѣщали его и кормили всяческими лигуминами. Много еще кой чего разсказываютъ, но писать опасаюсь: въ случаѣ, кто перехватитъ письмо (что, какъ вамъ извѣстно, у насъ не рѣдко случается), не было-бы много разговору... Все остальное при личномъ свиданіи". „Idem".

„С. Погорѣлово 189... года ноября 24 дня".

Послѣ описанныхъ событій, жизнь въ семьѣ о. Петра потекла по прежнему: тихо, мирно, благополучно. О женихѣ иначе какъ со смѣхомъ сестры и не вспоминали; только матушка всегда сердилась, когда заходила рѣчь о Смарагдовѣ:

— И охота вамъ говорить о немъ!—Ни дна-бъ ему, ни покрышки! Попадетъ онъ либо въ сумасшедшій, либо въ острогъ....

Когда матушка, спустя долгое время, напоминала Сонѣ, что пора-бы уже и ей о себѣ подумать,—такъ какъ Аня и Саша уже давно пристроены, Соня говорила:

— Жениха, маменька, нѣтъ,—развѣ опять какая „судьба" явится.

Владиміръ К—чъ.

Похоронные обряды и повѣрья въ Староконстан. у. Волынской губ.

Несмотря на многовѣковое господство христіанства въ землѣ Волынянъ, еще и до сихъ поръ язычество не изгладилось здѣсь изъ памяти народа, проглядывая во всѣхъ его религіозно-нравственныхъ и общественно-бытовыхъ воззрѣніяхъ. Правда, представленія, носящія язычески-суевѣрный характеръ, теперь встрѣчаются какъ будто ненарокомъ, нерѣдко скрываясь подъ обликомъ православнаго обряда. И можно, пожалуй, даже сказать, что этого рода представленія начинаютъ отходить въ область воспоминаній и «баекъ» у большинства крестьянъ; только консервативность женщины даетъ имъ возможность царить въ фантастически настроенныхъ умахъ. Таковы, напримѣръ, воззрѣнія народа на смерть. Слѣды олицетворенія смерти видны въ способѣ умерщвленія ею людей. Люди умираютъ отъ различныхъ болѣзней—это значитъ, по мнѣнію крестьянъ, что смерть умерщвляетъ различными способами. Извѣстно, что смерть является въ образѣ старухи съ косой, которою она убиваетъ людей. Отъ этого, можно сказать, общечеловѣческаго олицетворенія смерти у нашихъ крестьянъ осталось представленіе о томъ, что смерть „косою одрубуе головы“. Когда же человѣкъ умираетъ отъ болѣзни, характеризуемой колотьемъ, то смерть представляется колющей шиломъ человѣка; а если умирающій че-

ловѣкъ страдалъ головными болями, то, говорятъ, что смерть убила человѣка ударомъ молотка въ голову.

Одновременно съ этимъ суевѣрно-языческимъ воззрѣніемъ на смерть встрѣчаются воззрѣнія, отличающіяся другою крайностію—раціонализмомъ. Крестьяне съ такимъ раціоналистическимъ направленіемъ (а такіе уже встрѣчаются) высказываютъ мнѣніе, что смертію оканчивается все. Впрочемъ, люди съ такими взглядами еще рѣдки, и они находятъ себѣ противовѣсъ въ суевѣрно-настроенныхъ женщинахъ.

У крестьянъ сохранилась пословица: „круты, не верты, а треба умерты“, выражающая собою мысль о неизбѣжности для каждаго смерти. Эта пословица легла въ основу слѣдующаго разсказа:

У одного бѣднаго крестьянина было много дѣтей: „двадцять и йеденъ сынъ“. Послѣ долгихъ соображеній бѣднякъ рѣшилъ пойти къ царю и выпросить вспомоществованія для себя и для своихъ многочисленныхъ сыновей, которые со временемъ должны сдѣлаться царскими слугами—солдатами. Царь далъ ему „грошей, хлиба, щей ковбасу на дорогу“. На возвратномъ пути, утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, мужичекъ присѣлъ отдохнуть, да и перекусить. Глядитъ—„йде баба, така стара, и така суха“! Поровнявшись съ нашимъ мужичкомъ, пришептывая отъ старости, баба попросила у него хлѣба: „Дай мини шынку, хлиба“—„А вы хто-жъ, бабуню?“ освѣдомился мужичекъ.—„Я шмерть“—Мужикъ испугался и отдалъ непрошенной гостьѣ не только хлѣбъ, но и всю колбасу. Смерть сожрала всю колбасу, не оставивъ даже ниточки, которой перевязываются концы колбасы. Въ благодарность за угощеніе смерть научила мужичка „дохтуроваты“: „Якъ прыйдешъ до слабого, дывысь, де я сыжу: въ ногахъ, чы въ головахъ. Якъ въ ногахъ, то выздоровіе слабый, а якъ-же въ головахъ, то вмре; тоди ты вже не берысь личыты. А ничымъ не личы, тилько водою“. Мужичекъ воспользовался наукой, и слава о его медицинскихъ способностяхъ дошла до самого царя. Заболѣваетъ царь: „зжовкъ, геть зовсимъ вмирае“. Доктора безсильны ока-

зать ему помощь. По совѣту своихъ приближенныхъ, онъ приглашаетъ умудреннаго смертью мужика, который „веихъ выличуе йидною тилько водою". Такъ какъ смерть стояла у ногъ царя, то мужичекъ-лѣкарь побѣдоносно заявилъ, что вылѣчитъ царя. И дѣйствительно, вылѣчилъ, за что былъ щедро вознагражденъ. „Отъ винъ вже и багатый"... Но жадность обуяла мужика-лѣкаря: „захотивъ винъ ще багатшимъ буты". Що-то я тилько водою та водою личу: нехай-но я зроблю свого ликарства, то стану выличуваты, якъ смерть буде и въ головахъ". Съ этою цѣлью онъ приготовилъ такое лѣкарство: „взявъ кориння зъ кропывы, буркуну, будякивъ, накалапуцявъ, та ще додатку вкынувъ здохлу кыцьку"... И пошелъ мужикъ лѣчить всѣхъ недужныхъ. За дерзость смерть наказала его тѣмъ, что лишила способности видѣть её: „Якъ ты такый, то бильше жъ не будешъ мене бачыты. Нехтивъ личиты водою!" Съ тѣхъ поръ мужикъ-лѣкарь сталъ терпѣть неудачи. Не зная, гдѣ стоитъ смерть, въ изголовьи или въ ногахъ, онъ не могъ опредѣлить, смертельна болѣзнь, или нѣтъ. И затѣмъ потерялъ практику. Наконецъ, „прыйшовъ и ёму часъ вмираты". Передъ смертью мужикъ сильно занемогъ. „Глянувъ винъ въ головы, ажъ бачыть—въ головахъ смерть... Каже винъ до дитей: дитоньки, переставте мое лижко туды ногами, а сюды головамы. Обернулы... Дывыця... смерть такы въ головахъ стоить". Онъ опять попросилъ дѣтей переставить кровать. „Смерть знов перейшла въ головы тай каже ёму: круты, не верты, а треба умерты"...

О приближеніи кончины человѣка можно узнать по тѣмъ или инымъ примѣтамъ. Если, напримѣръ, на домѣ прокричитъ „путькало" (филинъ): „поховавъ",—это предвѣщаетъ смерть кому-либо изъ его обитателей; наоборотъ, отнюдь нечего опасаться смерти, когда филинъ кричитъ: „пу-уть". Примѣтами, предвѣщающими смерть, служатъ: ревъ скотины, а также вой собаки [1]). Но при этомъ нужно наблюдать, поднимаетъ ли собака морду вверхъ или внизъ опускаетъ. Въ послѣднемъ слу-

[1]) А въ с. Радовлѣ, Овручскаго у., примѣтой, предвѣщающей смерть, считается кукованіе кукушки на воротахъ.

чаѣ завываніе собаки грозитъ смертію кому-либо изъ людей, въ первомъ—изъ скотины[1]). Самая болѣзнь, если только она угрожаетъ смертью человѣку, является ему въ видѣ плачущей женщины или дѣвушки. Иногда болѣзнь принимаетъ видъ клубка, который „качается по сели". Въ томъ, что этотъ клубокъ—„лыхе", удостовѣряетъ тотъ фактъ, что собаки никакъ не могутъ его „взяты, а ни прыступыты".

Среди крестьянъ с. Карабіевки утвердился хорошій обычай посѣщать больныхъ. Естественно было бы ожидать, что пришедшіе кумовья и родственники станутъ утѣшать больного и его родныхъ, увѣряя, что болѣзнь не такъ опасна, какъ кажется, и т. п. Къ немалому удивленію было наблюдаемо, что посѣщенія кумовьями больныхъ не только не приносятъ этимъ послѣднимъ утѣшенія, но, напротивъ, еще больше могутъ разстроить ихъ. Сострадательные кумовья считаютъ какъ-бы своимъ долгомъ увѣрить больного, что смерть уже наложила на него свою печать. Со слезами на глазахъ, со вздохами, печально покачивая головами, трогательно-сочувственнымъ голосомъ они начинаютъ говорить больному: „ахъ, якъ-же-жъ вы, кумо, счорнилы; вамъ-бо вже й очи позападалы... э-э!! вы такы вмрете". Понятно, настроенный такими разговорами, больной и самъ начинаетъ убѣждаться, что ему не жить на свѣтѣ. И вотъ онъ, чувствуя близкую кончину, проситъ всѣхъ идти къ нему прощаться. На прощаніе съ умирающимъ приходятъ вся родня, сосѣди и кумовья. Въ рѣдкихъ случаяхъ священнику удается прочесть молитву на исходъ души. Это бываетъ лишь тогда, если больной умираетъ во время или послѣ совершенія надъ нимъ таинства елеосвященія; въ большинствѣ же случаевъ священника не увѣдомляютъ о приближеніи кончины человѣка.

Какъ только человѣкъ умретъ, сейчасъ хозяева просятъ кого-либо изъ сосѣдей „нарядыты" его. Наряжать можетъ вся-

[1]) Въ с. Колкахъ, Староконстантиновскаго у. иначе толкуютъ это явленіе. Именно, когда воющая собака держитъ морду кверху,—это предвѣщаетъ пожаръ, а когда опускаетъ ее внизъ,—смерть хозяину или кому-либо изъ членовъ его семьи.

кій, только не родственникъ: близкому родственнику „не годится“ наряжать тѣло усопшаго. Обыкновенно наряжаютъ усопшихъ старики и старухи. Обмывши тѣло теплой водой, одѣваютъ умершаго въ лучшее платье. Дѣтей одѣваютъ въ „сорочечки“ и, если хозяинъ изъ зажиточныхъ, въ „сукеночкы“ (платьица). Дѣвушку одѣваютъ въ ситцевую юбку синяго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ, которые считаются траурными. Въ юбку краснаго цвѣта нельзя наряжать, въ противномъ случаѣ въ этомъ роду будутъ умирать все въ молодыхъ лѣтахъ. Кромѣ юбки, на усопшую надѣваютъ „спенцеръ“ [1]) или „кафтаникъ“ [2]); на голову накладываютъ вѣнокъ изъ живыхъ или бумажныхъ цвѣтовъ, „бынды“; волосы расплетаютъ, какъ невѣстѣ, а на палецъ надѣваютъ мѣдное колечко. „Молодыцю“ почти такъ-же наряжаютъ, какъ и дѣвушку, съ тою только разницею, что голову украшаютъ не вѣнкомъ, а поверхъ платка повязываютъ „рантухомъ“ [3]).

Мужчинъ одѣваютъ въ бѣлые штаны и „спенцеръ“, а съ правой стороны, возлѣ головы, кладутъ барашковую шапку [4]). Парубкамъ къ шапкѣ пришиваютъ вѣнокъ изъ барвинку и цвѣтовъ, и ленточку; на палецъ надѣваютъ перстень. Впрочемъ, перстень даютъ каждому усопшему. У кого же не сохранилось брачнаго кольца, для тѣхъ дѣлаютъ его изъ воску. Ноги усопшимъ обматываютъ кускомъ бѣлаго каленкору. Каленкоромъ же

---

[1]) *Спенцеръ*—верхнее платье женщины, въ родѣ современнаго жакета Отличается отъ мужскаго спенцера тѣмъ, что шьется съ перехватомъ въ таліи, отдѣлывается тесьмой, а карманы нашиваются бархатомъ. Въ другихъ мѣстахъ Староконстантиновскаго у. ихъ навываютъ „лейбыками“ и „курманами“ (въ с. Гальчинцахъ).

[2]) *Кафтаникъ*—родъ лѣтняго пальто изъ такъ называемой „дымы“, притомъ дыма употребляется либо полосатая (въ синія и бѣлыя полоски), либо въ цвѣтахъ по коричневому полю. Къ воротнику пришивается небольшихъ размѣровъ пелеринка. Кафтаниковъ теперь почти не видно: изъ моды вышли въ Карабіевкѣ.

[3]) *Рантухъ*—четырехаршинный кусокъ бѣлой ткани, которымъ въ недавнія еще времена замужнія женщины повязывали головы вмѣсто или поверхъ платка.

[4]) Въ Радовлѣ, Овручскаго у., шапку кладутъ подъ лѣвую руку.

покрываютъ и все тѣло умершаго, отъ рукъ до пальцевъ на ногахъ. Въ руки даютъ иконку или изъ воску сдѣланный крестикъ. Кромѣ того, считаютъ обязательнымъ соблюсти слѣдующій обычай старины: въ тряпицу завязываютъ „два гроши" (1 коп.) и затыкаютъ усопшему за поясъ. Наряженное тѣло покойника кладутъ на „лавѣ" [1]) головой къ образамъ, а ногами къ порогу. Ту часть „лавы", гдѣ имѣетъ лежать тѣло покойника, закрываютъ „рядномъ", а остальное—бѣлымъ полотномъ. Подъ голову покойнику кладутъ подушку, а на столѣ ставятъ крестъ и свѣчи, полученныя изъ церкви. Чтобы умершій не отражался въ зеркалѣ (у кого оно есть), зеркало заклеиваютъ бумагой или оборачиваютъ досками напередъ.

Послѣ этого начинаются хлопоты и приготовленія къ похоронамъ. На похороны дѣвушки пекутъ „коровай", „убираютъ" его совершенно такъ-же, какъ и на свадьбу, съ тою только разницею, что при этомъ не поютъ пѣсенъ.—Первымъ долгомъ приглашаютъ кого-нибудь изъ столяровъ сдѣлать „трумно" (гробъ). Мѣру для гроба чаще всего берутъ очеретинкой. Отсюда и проклятіе: „бодай тебе очеретомъ змиряно". Гробъ дѣлаютъ изъ сосновыхъ досокъ, оббиваютъ внутри бѣлымъ каленкоромъ или, просто, тряпицами. За работу гроба не полагается брать денегъ, но за то нужно угостить гробовщика водкой. Щепки съ гроба сжигаютъ и высыпаютъ въ укромное мѣсто, что бы ихъ не попирали ногами; впрочемъ, не всегда предпринимаются такія мѣры. Люди благоразумные и набожные, при видѣ пепелка или щепокъ съ гроба, читаютъ молитву за упокой души покойнаго. Приглашается также гробокопатель, которому за его работу „полагается" булка хлѣба. Затѣмъ, хозяинъ или кто-либо изъ родни идетъ къ псаломщику, вручаетъ ему 5 коп. и проситъ позвонить „по души". Староста же, съ вѣдома священника, выдаетъ изъ церкви свѣчи, крестъ, вѣнчикъ и, если нужно, разрѣшительную молитву.

На ночь приглашаются сосѣди для того, чтобы хозяевамъ возможно было немного отдохнуть; спятъ по очереди. Для при-

---

[1]) Лава—скамья.

глашенныхъ готовятъ ужинъ и обѣдъ, если погребаютъ въ послѣобѣденное время. Но и здѣсь нельзя обойтись безъ водки. Въ иныхъ случаяхъ можно угостить рюмкой, двумя, каждаго, а въ данномъ—сколько кто пожелаетъ.

Во все время, пока тѣло умершаго лежитъ на „лавѣ“, люди приходятъ помолиться. Но и здѣсь не обходится безъ своеобразныхъ заключеній. Бабы приходятъ, между прочимъ, убѣдиться, „скрепло“-ли (окостенѣло-ли) тѣло, закрыты ли глаза у мертвеца? А потомъ дѣлаютъ такіе или иные выводы. Если тѣло покойника не скоро костенѣетъ, то это значитъ, что въ этомъ домѣ опять, и при томъ не въ продолжительномъ времени, будетъ мертвецъ. То же самое означаетъ, когда у мертвеца открытъ глазъ: „выглядае кого-сь“, говорятъ.

Самое погребеніе начинается угощеніемъ хоругвеносцевъ. Родственники и близкіе умершаго выходятъ къ нимъ на „подвирья“, одинъ даетъ по рюмкѣ водки каждому, а другой—по краюхѣ хлѣба. Послѣ панихиды и литіи, покойнаго укладываютъ въ гробъ, который сразу покрываютъ „викомъ“ (крышкой), накрываютъ „покрываломъ“ (кусокъ полотна) и на верхъ гроба кладутъ хлѣбъ. А при погребеніи дѣвушки на крышку гроба, вмѣсто хлѣба, кладутъ разубранный коровай, а священнику, псаломщику, хоругвеносцамъ и тѣмъ, кто будетъ нести гробъ, къ боку цѣпляютъ бѣлый платокъ. При выносѣ тѣла хозяина изъ хаты, на каждомъ порогѣ срединой гроба троекратно постукиваютъ, чѣмъ выражается послѣднее прощаніе хозяина съ домомъ. Распространенный едва ли не во всемъ Староконстантиновскомъ у. обычай перевязывать ворота краснымъ поясомъ, во время выноса тѣла изъ дома, въ с. Карабіевкѣ не сохранился. Гробъ укладываютъ либо на „мары“ (носилки), либо прямо на возъ. Отсюда получаетъ начало и смыслъ проклятіе: „нехъ тебе на мары положать“.

Смерть близкаго человѣка естественно вызываетъ скорбь родственниковъ его. У крестьянъ эта скорбь увеличивается еще тѣмъ, что смерть хозяина или хозяйки—лишеніе рабочей силы, подчасъ влекущее за собой весьма печальныя послѣдствія.

Остается, напр., послѣ смерти мужа баба, уже неспособная къ замужеству, со множествомъ дѣтей, да еще женскаго пола. Какъ же не плакать ей, горемычной! Но помимо такого рода соображеній, прямо считается неприличнымъ не плакать по умершемъ. Наоборотъ, хорошо оплакиваемаго считаютъ счастливымъ: „отто счаслывый! такъ гарно плакалы по нему“. Изъ пѣсни о „Семенѣ“, видно, что когда-то бились головой „о стовпъ“, выражая этимъ сильную скорбь. И теперь, впрочемъ очень рѣдко, можно видѣть, что оплакивающіе своихъ умершихъ родныхъ бьются „о земь“ или „о коминъ“ головою. Но сами крестьяне смѣются надъ такими „пассіонами“, какъ они называютъ такихъ, и „хамынаютъ“ (уговариваютъ) ихъ. За то рѣшительно осуждаютъ тѣхъ, кто не умѣетъ причитывать по покойникѣ, „якъ провадятъ“. Чаще всего причитыванія сводятся къ перечисленію работъ, которыя исполнялись покойнымъ, и жалобамъ, кто теперь ихъ будетъ дѣлать. Вотъ примѣры причитанія: (къ сыну)—„Ой, сыну мій, ой голубчыку мій, звидкы жъ я тебе буду выглядаты: чы зъ горы, чы зъ долыны, чы зъ высокои могылы?... Сонечко мое, зирко моя, квитко моя, мисяцю, пріятелю мій! и т. под.; (къ мужу): господару мій, порядныку! а хто жъ буде порядкуваты, а хто буде за плугомъ ходыты? и т. п.. Утихо моя, а якъ я буду безъ тебе жыты?!; (дѣти къ отцу или матери): „А хто жъ намъ буде послуговуватысь?! Хто буде порядкуваты, хто буде змываты, росчисуваты?“ и т. п.

Печальный обрядъ заканчивается на кладбищѣ. Послѣ возглашенія „вѣчной памяти“, гробъ опускаютъ въ могилу на шнурахъ. Обычай—бросать горсть земли въ могилу, теперь мало-по-малу начинаетъ замѣняться такимъ: возьметъ каждый комокъ земли, перебросить съ ладони на ладонь, да и бросить куда попало. Когда священникъ „запечатаетъ гробъ“, на землѣ, не вдалекѣ отъ могилы, стелютъ „радно“, „краютъ“ хлѣбъ и „частують“ водкой. Продолженіе этой, такъ сказать, тризны бываетъ еще на дому. Бѣдные приглашаютъ только гробокопателей, гробовщика и людей, чѣмъ либо помогавшихъ при погребеніи. Богатые же приглашаютъ, кромѣ того, родственниковъ и сосѣ-

дей. Для гостей готовится обѣдъ, состоящій чаще всего изъ трехъ блюдъ: борща, каши съ молокомъ, съ саломъ или юшкой, и варениковъ съ сыромъ. Чарка тоже играетъ весьма видную роль. За обѣдомъ про покойника стараются не вспоминать; а уже подаютъ совѣты по устройству хозяйства. Если умерла, напримѣръ, хозяйка, то мужу совѣтуютъ поскорѣе жениться, доказывая, какъ худо живется безъ хозяйки.

Въ теченіе девяти дней послѣ смерти душа человѣка витаетъ на землѣ, именно въ своей хатѣ. Вотъ почему, по вѣрованію крестьянъ, до истеченія девяти дней со дня смерти кого-либо изъ членовъ семьи нельзя бѣлить хаты: это непріятно душѣ умершаго, еще обитающей на землѣ. Впрочемъ, душа получаетъ отъ Бога позволеніе ходить по землѣ до 40-го дня, но только тамъ, гдѣ человѣкъ бывалъ при жизни, напримѣръ, въ своемъ селѣ, на отпустъ и т. п.

Поминовеніе по усопшемъ бываетъ въ 40-й день; обязательно служится панихида, а зажиточные просятъ отслужить и заупокойную утреню съ литургіей. То же самое бываетъ и въ годовщину смерти. Богатые даютъ деньги на 40 или 20 литургій по умершемъ, что называется сорокоустомъ.

Сообщ. *Л. Ленчевскій.*

Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI-мъ и XVII вѣкахъ.

Въ статьѣ „Лубенщина и Вишневецкіе“, помѣщенной въ 1-ой книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1896-й г., А. М. Лазаревскій, задаваясь вопросомъ о происхожденіи колонистовъ, поселенныхъ Вишневецкими въ концѣ XVI-го вѣка по Сулѣ и ея притокамъ въ опустошенной татарами лѣвобережной Украйнѣ, и предположивъ, что родиной этихъ поселенцевъ была Галиція, совѣтуетъ, за недостаткомъ письменнаго матеріала, выяснить данный вопросъ путемъ этнографическимъ, сличеніемъ пѣсенъ и обрядовъ Полтавской губ. съ червонорусскими. Находя мысль о широкомъ примѣненіи этнографіи къ исторіи вообще плодотворной и, въ частности, предложенную задачу весьма интересной, я позволю себѣ воспользоватася этой мыслью для сравненія произведеній лѣвобережнаго народнаго творчества, но не съ червонорусскимъ, для чего нѣтъ подъ рукой необходимыхъ матеріаловъ по галицкой этнографіи, а съ бѣлорусскимъ—по сборникамъ Е. Р. Романова и др. Сравненіе это будетъ сдѣлано мною не въ томъ объемѣ, какой указанъ почтеннымъ малорусскимъ историкомъ, такъ какъ сличеніе данныхъ изъ всего Посулья встрѣтило-бы значительныя затрудненія въ томъ обстоятельствѣ, что въ печати не только нѣтъ отдѣльныхъ мѣстныхъ этнографическихъ описаній среднихъ уѣздовъ Полтавской губ., расположенныхъ по Сулѣ и ея притокамъ, но даже и въ

общихъ сборникахъ мѣстность эта представлена крайне слабо; напримѣръ, изъ 5200 пѣсень III, IV и V-го т. „Трудовъ экспед. въ юго-зап. край“ Чубинскаго приходится на долю Роменскаго уѣзда 21 пѣсня, Прилукскаго—8 и Лохвицкаго—ни одной. Возможно, впрочемъ, что въ „Трудахъ“ есть и еще пѣсни изъ названныхъ уѣздовъ, но въ виду того, что этнографы не всегда отличали мѣсто записи пѣсенъ, нельзя относить послѣднія къ какой нибудь опредѣленной части Малороссіи. Во всякомъ случаѣ, ни во время составленія сборника Чубинскаго, ни послѣ того, никто не позаботился записать даже главнѣйшихъ ритуаловъ въ этихъ уѣздахъ: родиннаго, весильнаго, погребальнаго. Только по Лубенскому у. такой недостатокъ этнографическихъ матеріаловъ былъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, пополненъ мною, почему въ настоящей замѣткѣ сличеніе ограничится только бѣлорусскими и лубенскими данными. Самое сличеніе представляется болѣе удобнымъ начать со сказокъ [1]).

---

[1]) Кромѣ приводимыхъ въ текстѣ, нѣкоторые менѣе значительные элементы сравненія отнесены мною въ примѣчаніе для того, чтобы не утомлять читателя. Такъ, бѣлорусская сказка „Божжая цяпло“ (сб. Ром. IV. № 28, 40), о займѣ бѣднякомъ и богатымъ огня у старика подъ свѣтлый праздникъ, гораздо ближе къ записанной мною въ Лукомьи, чѣмъ варіантъ, приводимый въ „народн. разсказахъ о долѣ“ Иванова, въ Сбор. Истор.-Филол. Харьк. Общества. IV., 1892 г., стр. 79. Повѣрья о томъ, что кожа на первыхъ людяхъ въ раю была такая же, какъ ногти (Ром. IV, № 1), и о томъ, что медвѣдь (у насъ волкъ) произошелъ отъ человѣка, хотѣвшаго испугать крикомъ Бога (№ 17, 22 и 168)—общія обѣимъ мѣстностямъ. Точно также общи бѣлоруссамъ и лубенцамъ почитаніе пятницы, выражающееся въ заговорахъ и молитвахъ ей (Бѣлор. Сб. Ром. V., 1891 г., 265, 366, 411, 167. Свадеб. пѣсни Луб. у. въ Кіев. Стар, 1890 г., IX, № пѣсни 241, 189), въ запрещеніи скоромной пищи и нѣкоторыхъ работъ: золенія, пряжи по пятницамъ, при несоблюденіи какого запрещенія пятница накидываетъ виноватымъ непосильныя работы (Зап. Импер. Рус. Геогр. Общ. V., 1873., 709). Но значеніе подобныхъ фактовъ ослабляется въ виду изслѣдованія А. Н. Веселовскаго. „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“ IV. Сказаніе о 12 пятн. въ журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г., VI, 327—367, гдѣ доказано, что означенное почитаніе пятницы встрѣчается во всемъ христіанскомъ мірѣ. Также и общее обѣимъ мѣстностямъ торговое значеніе пятницъ—базары въ Бѣлоруссіи (Зап. Рус. Геогр. Общ. V, 13), базары и ярмарки въ Луб. у. по этимъ днямъ—не особенно важно для заключенія о сходствѣ изслѣдуемыхъ мѣстностей, потому что въ древней Руси пятницы были повсемѣстно днями торговъ, суда, расправы и казни (соч. Кавелина. IV. Москва 1859 г.,

Во II т. сборника сказокъ Рудченка приведена сказка, перепечатанная изъ „Черниговскаго Листка“, издававшагося Глѣбовымъ, записанная въ шестидесятыхъ годахъ М. Т. Симоновымъ, о запродажѣ змѣю отцомъ своего сына, о побѣгѣ послѣдняго съ дочерью змѣя, о временной измѣнѣ этой дочери и женитьбѣ на ней. Лѣтъ 30 спустя, мнѣ пришлось записать ту же сказку въ окрестностяхъ Яблонова, но уже въ болѣе слабой редакціи. Въ Яблоновскомъ варіантѣ есть однако любопытная подробность, не встрѣчающаяся у Симонова, но весьма пригодная для интересующей насъ цѣли сличенія малорусскихъ и бѣлорусскихъ матеріаловъ, такъ какъ точно такая же подробность встрѣчается въ варіантахъ сборника Романова (т. III. Сынъ продадзённый, № 21, 164—181), въ которыхъ человѣкъ приноситъ къ себѣ домой воробья, сражавшагося съ мышью, теряетъ все свое добро для прокормленія птицы и вознаграждается за то волшебнымъ мѣшкомъ. Мотивъ этотъ передается Яблоновскою сказкой такъ: Бувъ соби критъ и горобець; побраталысь воны. Найшовъ горобець волотокъ проса, а критъ накротывъ и посіялы те просо. Критъ пойшовъ до дому, а горобцеви прыказавъ: „гляды, покы я прыйду; выжнемъ и подилымось копамы.“ Критъ прыйихавъ того проса жать, а горобецъ постаравсь тай выпывъ його. Просо то пожалы, у копы поклалы, потимъ сказавъ критъ до горобця: „иды, брате, попрощаемся“. Прыйшовъ прощаться. Критъ поймавъ горобця, оскубъ и на пивкопы посадывъ. Йиде чоловикъ дорогою, горобець и гукае: „слухай, добрый чоловиче, заберы отсе просо и мене выгодуешъ симъ просомъ“. Чоловикъ забравъ те просо, прывизъ до дому, помолотывъ и годуе того горобця, покы пирьячко на ёму поросте. Пойивъ горобець те просо: „теперъ, каже, давай и свое“.

---

193). Общіе свадебные обряды: умываніе новобрачныхъ у колодца водой, посыпаніе молодою поля и жилья молодого (Зап. Геогр. Общ. V, 605 и 642, мои Свад. пѣсни Луб. у., Кіев. Ст. 1890 г., IX, 189), и одинаковые народно-акушерскіе пріемы обращенія къ водѣ (Романовъ сб., 54 146, 148, 167, 168 и мои Нар. Обр. Луб. у., 16—19., 24, 25)—также сами по себѣ еще не могутъ рѣшить разсматриваемаго вопроса, потому что встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ.

Пойивъ и його просо, потимъ каже: „порижъ мени волы". Чоловикъ и волы поризавъ. „Ну, теперъ, каже горобець, иды въ лисъ и вырубай тры бычи, позапарюй и сидай на мене". Винъ тоди сивъ на того горобця и пойихавъ. Йиде, йиде, колы стоить хатка на курячій нижци. „Ну, оттутъ, каже горобець, бый мене проты сей хаты бычемъ". Выйшла жинка, каже: „не бый, добрый чоловиче, що скажешъ, те тоби й дамъ". Чоловикъ, наученый горобцемъ, и каже: „дай ту подушечку, що въ тебе въ головахъ". А вона и каже: „Якъ ту подушечку давать, що въ мене въ головахъ, такъ ты його хочъ и вбый". А чоловикъ каже: „та я його не вбью, та тильки бычъ до рукъ побью". Тоди пойихавъ дали. Йиде, колы вньять стоить хатка на курячій нижци. Знову чоловикъ ставъ быть горобця. Выходыть жинка, каже: не бый, чоловиче, що скажешъ, те я тоби й дамъ. —„Дай ту подушечку, що тебе въ головахъ".—Хочъ ты його и убый, то не дамъ. Чоловикъ и каже: „я не вбью, а тилькы бычъ до рукъ побью". Тоди пойихавъ ще дали. Стоить хатка на курячій нижци. Знову бье горобця. Выйшла жинка: „не бый, добрый чоловиче, се нашъ братъ, що скажешъ, те й дамъ".— „Дай ту подушечку, що въ тебе въ головахъ.»—«Постій, матери спытаюсь". Спыталась, вынесла ту подушечку. Чоловикъ узявъ ту подушечку, пишовъ. Иде соби и самъ гомоныть: „килькы у мене добра перевивъ и волы пойивъ, а мени давъ подушечку зъ пирьями". Тоди зійшовъ на такый степъ, якъ дымъ, сивъ на могыли, розшморгнувъ ту подушечку и подывывся, що въ тій подушечци. Зъ тіи подушечкы выйшлы вивци и увесь скотъ, що горобець у його пойивъ, и така сыла, що закрывъ увесь той степъ. „Затѣмъ разсказывается, что человѣкъ не могъ собрать скота безъ помощи змѣя, которому вынужденъ былъ запродать сына за эту помощь, и въ дальнѣйшемъ ходѣ сказки о приключеніяхъ сына оба названные выше варіанта почти тождественны. Еще ближе къ бѣлорусскому варіанту мѣстная сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ. Сказка эта очень любима въ Малороссіи и распространена здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Великорусскіе варіанты незначительны, иногда носятъ на себѣ

явные слѣды малорусской редакціи (Аѳанасьевъ, Нар. Рус. Сказки. Примѣч. стр. 96); славянскія же сказки о рыцарѣ лебедя, сближаемыя Буслаевымъ (Отечественныя Записки 1860 г., IX, 646—652) съ нашей сказкой, очень далеки отъ нея. Впервые она появилась въ печати въ извѣстномъ сборникѣ Аѳанасьева, (изд. 3., т. I, 91—94). Затѣмъ почти одновременно въ „Зап. о Южной Руси“ Кулиша (т. II, 17) и въ „Литературномъ Сборникѣ“ Мордовцева (Саратовъ 1859 г., 366—370). Есть она и у Рудченка (т. II, № 15).

Во всѣхъ перечисленныхъ варіантахъ Ивась является обыкновеннымъ сыномъ своихъ родителей, только въ образчикахъ, записанныхъ въ Погарѣ, Черниговской губ. (Аѳан., стр. 93), въ Гродненской губ. (Чуб. Тр. Эксп. II., № 116, 406—409) и въ „Бѣлор. Сб.“ Романова (т. Ш., № 42, 268—270) происхожденіе Ивася сверхъ-естественно. Дѣдъ идетъ въ лѣсъ по приказу бабы, дѣлаетъ изъ пня люльку и кладетъ въ нее палочку. Скоро при неусыпныхъ материнскихъ заботахъ палочка облекается тѣломъ, одухотворяется и начинаетъ жить въ видѣ мальчика. Съ этими послѣдними варіантами сходна и слѣдующая Снѣтинская сказка. „Якъ бувъ соби чоловикъ та жинка, та не було въ ихъ дитей зроду. Жинци скушно, шо немае въ ихъ дитей. Дидъ пиде, то рыбы ловыть, то що, а баба у хати сыдыть, ни съ кимъ балакать. Досадувала вона, досадувала, лягла-заснула. И прыснылось ій, щобъ вона заставыла свого дида зробыть колыску и затесать палычку, а вона щобъ ту палычку сповыла и колыхала. Давай вона людямъ хвалытся, якый ій сонъ прыснывся. Люды сказалы: зробы такъ, може выколышешъ дытыну. Стала вона дидови казать, а дидъ давай лаять бабу: „якъ такы таке робыть? люды зъ насъ сміятымутся, скажуть: стари, а дурни“. Баба съ тимъ: „хай сміются—не сміются, а ты вже зробы мени такъ“. Дидъ заходывся, посукавъ вервечкы, зробывъ и колыску и застругавъ палычку. Баба набрала пелюшокъ, сповыла, положыла въ люльку, колыше и спива, а дидъ плете ситку, та все бабу лае. Поколыхала баба тыждень, чы дви недили; колы дидъ пишовъ десь рыбы ловыты, а вона сама въ

хати зосталась тай каже: а розъяжу подывлюсь. Взяла, розвязала,—колы воно вже до половыны дытя. Вона його мерщій зъязала, та колыше-колыше, а дидъ якъ увійде, якъ потурне колыску; вона лае дида, а не хвалытся. Поколыхала ище дви недили, колы подывылысь, ажъ дытына—хлопья циле. Тоди вона выняла съ колысочкы та диду:—„бачъ, стара собако, ось есть у насъ сыночокъ!" А дидъ якъ побачывъ, що дытына, тай соби зрадивъ, уже й самъ поколыхуе. Колышуть, колышуть. Далы йому имя Ивась. Пидвився той Ивась, каже: „годи мене, мамо, колыхать, я вже велыкый". Выняла баба Ивася зъ колыскы, а винъ пытае дида: „що вы, тату, робыте?"—Ситку плету, рыбку ловыть.—„Годи плесты! зробить мени човныкъ та весельце, то я буду рыбку ловыть. Зробывъ дидъ. Пишовъ Ивась рыбкы ловыть, а матирь просывъ прынесты снидать. Маты наготовыла йому снидать, понесла тай гука: сынку Ивашку!

Чи по морю йиздышъ?
Чи рыбоньку ловышъ?
Блыжай човныку,
Блыжай веселечко.
Прыйизжай, Ивасю,
Прыйизжай, сердечко!....

Затѣмъ въ Сборникѣ Романова (II, №: 67, 210) приведена шутливая пѣсня объ умирающемъ дѣдѣ, котораго баба разспрашиваетъ: какъ ей быть, чѣмъ поминать? какъ защищаться отъ собакъ?

— А кіями, бабка, а кіями, любка,
А кіями, сизая голубка.
— Дзядуля ты мой! іздѣ жъ кія брацъ?
— А у лѣси бабка и т. д.
На вопросы: чѣмъ рубить? гдѣ взять топоровъ?
— А у коваля бабка и т. д.

Соответствующая этой пѣснѣ Спѣтинская приказка разсказывается на распѣвъ такимъ образомъ. Бувъ соби дидъ Пархимъ и баба Любка. Якъ винъ померъ, вона його убрала и положыла на лави, плакала и пытала: якъ ій жыты, кусокъ хлиба

йисты? Винъ одвича: бабко Любко, сывая голубко! изшый соби кастрыкъ (торбу) и иды по людямъ просыть соби хлиба. Диду Пархоме! пишла бъ дакъ собакы порвуть.—Зъ костуркою, бабко, зъ костуркою Любко, зъ костуркою, сывая голубко!—Ой, диду Пархоме, дежъ тіи костуркы взять?—Ай у лиси, бабко, ай у лиси, Любко, ай у лиси, Пархомыхо, сывая голубко!—Ой диду мій, Пархоме, чимъ же я зрубаю?—Ой до коваля, бабко, до коваля, Любко, до коваля, Пархомыхо, сывая голубко!—Ой, диду Пархоме, чымъ же я заплачу?—Деньгамы бабко, деньгамы Любко, деньгамы Пархомыхо, сывая голубко! Ой, диду мій, Пархоме, собаки порвутъ.—Оборонысь, бабко, оборонысь Любко.—Ой, диду мій, Пархоме, куды жъ я пиду зъ тымъ костуркомъ изъ тымы шматочками? — У женышатку (хатку), бабко, у женышатку Любко.—Ой, диду мій, Пархоме, що я буду сама въ женышатци робыть?—Кужелю бабко прясты, кужелю, Любко, прясты.—Ой, диду мій, Пархоме, дежъ я буду ту пряжу дивать?

— А до ткача, бабко, а до ткача, Любко, а до ткача, Пархомыхо, сывая голубко!

Вообще различныя категоріи бѣлорусскихъ и лубенскихъ пѣсенъ [1]) еще болѣе схожи между собою, чѣмъ сказки! Напри-

---

[1]) Менѣе значительные элементы сравненія бѣлор. и лубенскихъ пѣсенъ слѣдующіе: бѣлорусская волочебная пѣсня о построеніи церкви волохами: (Сб. Рус. Геогр. Общ. № 164, 400, Сб. Ром.: № 2, 450), и наша колядка: Волохы поють и т. д. (Рожд. св. 11). № 106, 145, Сб. Ром.: Пора маты жыто жаты. Наша весн. Ой, жаль маты вечирочка (мои Народ. Обр. и пѣсни Луб. у. Хар. 1897 г. № 61, 74 и вар. во II т. Сб. Лысенка. Укр. писни. 41 Сб. Ром. № 13, 266: А въ бору. бору воду беру. У насъ и дощъ иде, роса пада. (Нар. Обр. № 5, 64).—Сб. Ром. № 12, 265. На мори вутка купалась. У насъ: Купалась сира утонька купалась (Нар. Обр. № 5, 86). Сбор. Ром. № 152, 242: Тетяна, Тетяна, чорноброва, кохана—одинакова съ записанною мною мѣстною. Также почти одинаковы въ Сборникѣ Романова и въ моемъ рукописномъ: пѣсни о поѣздкѣ козака за зельемъ для Маруси, объ измѣнѣ и казни ея (Сб. Ром. № 135, 138, вар. Чуб., V, №№ 244, 718, 754, стр. 112, 366, 387). Также о дѣвицѣ, предпочитающей лучше утонуть, чѣмъ быть спасенной „нелюбомъ“ (Ром. № 13, 158, и о загадываніи загадокъ дѣвицѣ Н. № 163, 420. Чуб. V, №№ 6, 208, стр. 1073 и 1190). Еще слѣд. пѣсня Сб. Романова (№ 54, 12) сходна съ Берестoчской изъ моего рукописнаго сборника: „Надъ яворомъ надъ водой“ въ обѣихъ проклятія любовнику: „Бодай тебе, мій Ивасю, перва куля не мы-

мѣръ, въ пѣсняхъ подъ №№ 152—154, на 392—393 стр., V т. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. орелъ проситъ молодца не стрѣлять, обѣщая быть за то въ пригодѣ:

Будзишъ ты жанитца,
А я табѣ, братець, перевезу
Дружку твою на сизомъ хвосту,
Дзѣвоньку твою на лѣвомъ крылу,
Табѣ молойца на правомъ крылу.

Въ Литвяковской, Лубенскаго у., щедривкѣ поется между прочимъ:

. . . . Орелъ промовляе:
Не стрѣляй мене, пане Ивашку,
Стану тоби въ велыкій прыгоди.
Якъ будешъ ты женыться,
Роспущу я свои сызи крыльця
Тай покрыю свашкы й свитылкы (2)
И коня вороного и тебе молодого...

(мои Рожд. Святки сѣв. части Луб. у. 18).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что эта рождественская пѣснь есть и въ Галиціи, но въ болѣе отдаленномъ варіантѣ (Потебня. Объясн. Малор. и сход. пѣсенъ. II. Воронежъ. 1887 г. стр. 267—269). Затѣмъ, толочная пѣсня:

Господыня цецеря
Чы готова вечеря?
(Сб. Ром. II, № 4 и 19, 270, 275)

тождественна съ нашей;

Ой, тетеря, тетеря,
Чы готова вечеря?

(Рабоч. пѣсни Луб. у. въ Кіев. Стар. 1895 г., X, № 30, 12).

Въ Сб. Романова (№ 97, 49) находится слѣдующая пѣсня:

У недѣлю подъ понедѣлокъ
Звала невѣхна зовицю на ночь

нула". — Въ Бѣлор. пѣснѣ: „Чи чи магера" поютъ: „А у Кіеви казалы, што магеру скакалы" у насъ: „А въ Кыеви заказалы, щобъ шенгери не скакалы". Рекрутскія, духовныя и многія др. пѣсни также схожи.

Въ м. Снѣтинѣ поютъ:

Малая ничка петривочка
Та кличе зовыцю невисточка
(Нар. Обр. и пѣсни Луб. у. № 1, 84).

Въ обѣихъ приведенныхъ пѣсняхъ изображается почти въ тожественныхъ выраженіяхъ похищеніе дѣвицы, только въ бѣлорусской пѣснѣ подробнѣе: послѣ похищенія дѣвицы татарами къ ней приходитъ ея мать, чего въ снѣтинской петривкѣ нѣтъ.

Затѣмъ аналогичны пѣсни: бѣлорусская „Еще куры не пѣли, люды кажуть день бѣлый". (Сб. Ром. № 96, 140) съ нашей:

Ище й пивни не спивалы,
Кажуть люды блызько свитъ
(Нар. обр. № 22, 99).

Въ обѣихъ пѣсняхъ совершенно тождественно парень вызываетъ дѣвицу на свиданье, а она обѣщаетъ выйти послѣ ужина.

Въ заключеніе предпринятаго сравненія бѣлорусскихъ и мѣстныхъ пѣсенъ приведу еще двѣ параллельныхъ:

Шумить-гудить сосоночка,
Тужа-плача молодочка.
Яна плаче и рыдае
На битый шляхъ поглядае.
Битымъ шляхомъ жандары йдуть...

Молодка спрашиваетъ: гдѣ ея милый? На что жандармы отвѣчаютъ:

Десь твой милый да убитъ лежить
У правой руцѣ шаблю держить,
Лѣвой рукой воду ноcя
На серденьку поливае.
(Сб. Ром. № 25, 79).

Такъ поютъ эту пѣсню бѣлоруссы, почти также поютъ ее и въ Снѣтинѣ:

Плаче, рыда удивонька,
Вона плаче и рыдае

На бытый шляхъ поглядае;
Бытымъ шляхомъ жандары идуть,

которые на вопросъ о мужѣ отвѣчаютъ:

Ой, твій мужъ убытый лежыть,
Въ правій руци саблю держыть,
Ливой рукой воду бере
На серденько полывае и т. д. (изъ рукописи).

Въ томъ же Сборникѣ Романова приведена на 10 стр., № 21, пѣсня о дѣтоубійствѣ, которую составитель сборника считаетъ одною изъ наиболѣе распространенныхъ и замѣчательныхъ пѣсенъ Могилевской губ. Пѣсня эта начинается такъ:

Поѣхали да рыбалочки рыбочки ловить,
Не поймали наши рыбалочки щуки—вокуня,
Да поймали наши рыбалочки большого линя.
Розглядились, разсмотрились—ажъ мале дитя.

Въ Лубенскомъ у. эта пѣсня начинается такъ:

Ой пошлы наши та рыбалочкы рыбкы ловыты,
Не піймалы щукы рыбы, піймалы лына.
Роздывылысь, розсмотрилысь—ажъ мале дытя.
(Нар. обр. и пѣсни Луб. у. № 24, вар. 1, 120).

Затѣмъ и дальнѣйшее развитіе пѣсни доказываетъ, что бѣлорусская и малорусская пѣсни совершенно одинаковы. Въ обѣихъ пѣсняхъ дѣвицу ведутъ „на казенный дворъ", кладутъ „на тесовый столъ", наказываютъ, а матери совѣтуютъ не пускать дочерей на досвитки. И здѣсь повторяется тотъ-же любопытный фактъ, что лубенскій варіантъ пѣсни ближе къ бѣлорусскому, чѣмъ къ другимъ малорусскимъ, приведеннымъ въ „Труд. экспед. Чуб. V, № 9, 1191" [1]).

Ближайшій выводъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ будетъ тотъ, что въ Лубенскомъ у. встрѣчается много обрядовъ, повѣрій и сказокъ, общихъ бѣлоруссамъ и лубенцамъ, и особенно много пѣсенъ, не только по содержанію и формѣ, но

---

[1]) Недавно приведенъ г. Хатемкинымъ въ Кіевской Стар. 1897 г., IX № 69, 205, новый варіантъ этой пѣсни, близкій къ нашему.

иногда и по отдѣльнымъ выраженіямъ, а то и всецѣло, тожественныхъ съ бѣлорусскими, причемъ въ лубенскихъ пѣсняхъ изрѣдка попадаются бѣлоруссизмы [1]). Все это, конечно, могло бы быть объяснено по отношенію къ обрядамъ общими пережитыми ступенями развитія и культурными вліяніями, а въ отношеніи пѣсенъ и сказокъ—взаимными литературными воздѣйствіями и заимствованіями, безъ всякой кровной племенной связи, еслибы указанное обиліе общихъ мотивовъ не соединялось въ Лубенскомъ у. съ фактами другого порядка: названіями цѣлыхъ селеній, кутовъ и урочищъ—Литвяки, Литва; фамиліями жителей—Литвины, Литовченки, Поцяпуны, Ковнеры; также отчасти типомъ, обувью населенія, носящаго въ с. Хитцахъ лапти, кустарнымъ производствомъ ложекъ тамъ-же. Совокупность всѣхъ приведенныхъ фактовъ позволяетъ допустить мысль, что въ составъ населенія сѣверо-восточной части Лубенскаго у. вошелъ отдѣльными вкрапинами между другими элементами и бѣлорусскій. Другой вопросъ—откуда и когда именно прибыли бѣлорусскіе колонисты въ Лубенщину? Вышеприведенныя фольклорныя данныя взяты преимущественно изъ Гомельскаго у., Могилевской губ., но выселились ли бѣлоруссы въ Лубенщину послѣ побѣдъ Радзивилла и Гонсѣвскаго надъ сподвижниками Богдана Хмельницкаго (Костомаровъ Б. Хмел. 1859 г. I, 193, 451 и слѣд.), или при запустѣніи Гомеля во времена Самойловича (Костомар. Руина. Вѣст. Евр. 1879 г. IX, 42), или наконецъ раньше переселены Вишневецкими изъ ихъ литовскихъ имѣній, о которыхъ свѣдѣнія есть между прочимъ у Кулиша (Истор. возсоед. Руси. I, 26—28)—опредѣлить невозможно за отсутствіемъ мѣстныхъ преданій о переселеніи.

В. Милорадовичъ.

---

[1]) Напримѣръ, начало пѣсни изъ моего рукописнаго сборника: „Сыне море засынилося, сиры гусы *зашарилыся*. Послѣднее слово здѣсь бѣлорусское: прилагательное *шэрый*, особенно часто прилагаемое къ гусю: — пице, людзи, горѣлицу, *шэры* гуси воду. Плавуюць *шэры* гуси на водзѣ. Гусочка *шэранька*" (Сб. Ром., стр 361, 380, 391).

„ПОПОКЪ“.

(*Окончаніе* *).

XLVIII.

На другой день, чуть стало свѣтать, въ хатѣ Сохвы и Самченковыхъ все было на ногахъ: нужно было приготовиться къ „весильному дню“. Пока шли всѣ эти приготовленія, пока „молода“ прибралась къ вѣнцу, день вступилъ уже въ свои права. Во всѣхъ этихъ хлопотахъ никто и не замѣтилъ, какъ приблизилось время появленія свадебнаго поѣзда жениха, подъѣхавшаго на бойкихъ тройкахъ ко двору Самченковыхъ. Въ хатѣ совершался ритуалъ снаряженія молодыхъ въ путь, а около хаты въ тоже время собиралась уже толпа сосѣдей, поглазѣть на отъѣзжающій свадебный поѣздъ. Тутъ были по преимуществу дѣти. Одного изъ этой молодой компаніи, очевидно, прямо съ постели прибѣжавшаго на зрѣлище въ короткой рубахѣ, безъ „оныхъ“ даже, мальчугана прихватила за руку прибѣжавшая мать и съ подшлепниками потащила домой.

Всѣ провожавшіе вышли за ворота и смотрѣли вслѣдъ, пока тройки не скрылись за поворотомъ.

Слышенъ былъ благовѣстъ къ обѣднѣ. „Дядько Иванъ“ что-то нашептывалъ титкѣ Горпинѣ, на что она досадливо отвѣтила:

*) См. Кіевск. Стар., май.

— Ото, чуешъ ще тилькы заблаговистылы, а ты, бачъ...

— Идить въ хату, тамъ поправытесь; на те й весилля— разрѣшила вопросъ Сохва, догадавшаяся, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы опохмѣлиться.

Хведько понурился. И Машку стало ему жалко, и одиночество его какъ-то особенно отчетливо пришло ему на память. Онъ стоялъ около вереи воротъ, опустивъ голову на грудь. Сохва взглянула на него и сердцемъ поняла его настроеніе. Жаль ей стало парня. Когда „дядько Иванъ" вслѣдъ за „титкою Горпыною" скрылись въ „синешни двери", она подошла къ нему и задушевно-ласково сказала, пожавъ его рукою за плечо: „Не думай, Хведю! Не журысь—Богъ не безъ мылости", и пошла въ хату.

— А воротъ не запирай—крыкнула она уже съ крыльца— ажъ поки молоди одъ винця вернутся.—Такъ годытся.

Молодыхъ повезли „одкланяты батькови-матери" на Удильщыну въ домъ Тесливъ. Тамъ проведена была та же церемонія благословенія, только первымъ благословлявшимъ былъ отецъ, между тѣмъ какъ въ домѣ Самченковыхъ первою благословляла мать, какъ ридная тетка и крестная мать молодои.

И отъ Тесливъ молодые поѣхали все также порознь. Въ церковь явились они уже, когда прозвонили „на достойну" и простояли не долго подъ любопытными взорами прихожанъ: при пѣніи причастнаго стиха ихъ вывели, и всѣ поѣзжане съ ними отошли въ сторону отъ паперти. Здѣсь въ ожиданіи богослуженія Полька заботливо осмотрѣла и оправила костюмъ молодой и приготовила все потребное для обряда вѣнчанія: „рушныкъ„. на котормъ должны стоять „молоди", платокъ, которымъ руки повьяжуть, и кольца (перстни).

Какъ ни отслонялись молодые отъ выходившихъ изъ церкви людей, а все таки около нихъ собралась мѣстная молодежь, особенно дивчата, весьма обстоятельно оглядѣвшія „молоду и іи убрання". Но уже не было къ молодымъ того насмѣшливо-задорнаго отношенія, какое видно было при „сватаньи". Всѣ какъ будто сознавали торжественность минуты: дивчата съ жа-

лостію въ глазахъ, какъ бы съ задумчивостію смотрѣли на молоду; стари бабуси, на мигъ останавливаясь и шепотомъ дознавшись „чыи це молоди", не преминули изречь слова добрыхъ пожеланій: Дай же имъ Господы викъ довгый, розумъ добрый.— Да поможы имъ, Боже и т. п. Даже во взорахъ бойкой дѣтворы, неизбѣжной, какъ и вездѣ при сборищахъ, сквозило кромѣ любопытства расположеніе къ молодымъ. Мужчины проходили не останавливаясь, только парубки мѣстные кучкою столпились около колокольни, готовые и себѣ пойти „подывыться на винчання" вслѣдъ за дивчатами въ церковь.

„Молода" не подымала глазъ. Задумчивость и серьезность много скрадывали красоты ея молодого лица: оно было блѣдное и усталое. „Молодой тоже былъ серьезенъ и ни на кого не смотрѣлъ. Вообще въ фигурахъ молодыхъ видна была какая то пассивность и безсознательность.

Но вотъ высокій сутуловатый, сѣдой „дидъ"—церковный сторожъ—съ паперти хрипло позвалъ:

— Идить! чого жъ тамъ стоите...

И молодые со своими поѣзжанами, а за ними и вся любопытствующая молодежь пошли въ церковь.

Отупѣлые, въ какомъ то гипнозѣ, вызываемомъ, быть можетъ, зрительнымъ токомъ столькихъ устремленныхъ на нихъ глазъ, стояли молодые во все время вѣнчанія; они дѣлали то, что имъ приказывали, да и приказанія эти приходилось повторять раза по два, по три. Такъ, они по приказу ступили на разостланный грубаго тканья „рушныкъ": такъ же повторяли они подсказываемыя слова, держали свѣчи, мѣнялись кольцами, подали руки для связыванія ихъ платкомъ, ходили вокругъ аналоя, цѣловали, крестъ и, наконецъ, такъ-же безсознательно, по приказу поцѣловались.

Опомнились они только тогда, когда вышли изъ церкви и пѣшкомъ пошли въ домъ Тесливъ, такъ какъ лошади были отосланы: молодымъ полагалось идти „парою пишкы".

Шествіе ихъ сопровождали наличные свадебные чины: дружко, бояринъ, Полька, въ роли свашки, и дружки—двѣ Орышки. По пути, разумѣется, къ шествію присоединялась уличная дѣтвора, провожавшая ихъ на извѣстномъ разстояніи, забѣгавшая съ боковъ „подывыться на князя и княгыню“, а послѣ отстававшая и замѣнявшаяся другими.

Около двора Тесливъ, не смотря на то, что это была пора, когда всѣ послѣ „службы Божои“ обѣдали, собралось не мало сосѣдей. Всѣмъ любопытно было повидать молодыхъ. Въ числѣ собравшихся былъ и мужъ Польки, Максымъ, побывавшій уже у себя дома и теперь явившійся, чтобы примкнуть къ своимъ поѣзжанамъ.

По уговору обѣдъ послѣ вѣнчанья долженъ былъ быть у Тесливъ. Это не былъ обрядовый столъ; тѣмъ не менѣе молодые, вошедши въ хату и помолившись, по приказу дружка, въ поясъ поклонились отцу и матери, а за тѣмъ всѣмъ присутствующимъ на обѣ стороны, направо и налѣво.

Сейчасъ же послѣ обѣда подали тройку лошадей, и молодая съ дружками, Полькою и примостившимся на передкѣ около кучера Максимомъ поѣхали домой въ Андреевку на Красноселовку.

XLIX.

Во дворѣ Самченковыхъ уже ожидали „молоду княгыню“. Вчерашнія ея дружки были всѣ въ сборѣ, и какъ только заслышаны были колокольчики, онѣ вышли встрѣтить „молоду“ и пропѣли:

Ой Марьечка на одходи
Посадыла оришыну на городи...
Росты, росты, оришыно, розвывайся,
Ты, батенько, та за мною не вбывайся...
Чужи батько й маты не бьютъ, такъ болытъ.
Слеза слезу побывае—
Серденько щемыть.

Со всѣми дружками Машка перецѣловалась. Вошедши въ хату, она перекрестилась на образа и по подсказу поклонилась въ поясъ на всѣ четыре стороны со словами: кланяюся Господу Богови, отцю-матери, усьому роду-родини.

Всѣ отвѣтили ей привѣтствіемъ, кто какъ могъ, а Хведьку такъ хотѣлось ее обнять и пожалѣть. Онъ даже приблизился къ ней, но, увидѣвъ на глазахъ ея слезы, заморгалъ вѣками и повернулся и вышелъ въ сѣни, стыдясь своего смущенія и навернувшихся слезъ.

Когда онъ вошелъ опять въ хату, то Машка уже сидѣла около стола; всѣ участливо ее разспрашивали про вѣнчаніе и про обѣдъ у „свекра". Хотя вопросы относились къ ней, но за нее отвѣчали или Полька, или старшая дружка Орышка. Кромѣ дружекъ, чужихъ въ хатѣ не было. Предлагаемыми вопросами вопрошающимъ хотѣлось выяснить, какъ происходило вѣнчаніе, не случилось ли чего либо, служащаго предзнаменованіемъ того или другого въ жизни супружеской, кто первый ступилъ ногою „на подостланный рушныкъ", какъ горѣли свѣчи, какъ отнеслись къ „молодой" свекры ея, какъ угощали, много ли было родычей, кто намѣченъ въ „свитилкы" при молодомъ.

— Ну, вже якъ було, то було, а теперъ, дай Господы, щобъ усе гараздъ та добре йшло—закончила Сохва, выслушавъ всѣ отвѣты на ея и другихъ разспросы.

— Теперъ отъ що, наша „князыне", иды пообходь свое дворыще, садокъ, та й по улыци проходысь, попрощайся—добавила тоже Сохва.

„Князыня" вышла съ дружками на крыльцо, осмотрѣлась и, взявшись за руку со старшею дружкою, пошла въ садъ.

Полька не пустила разогнавшуюся было за ними дѣтвору.

— Гетьте, гетьте! Нехай сама походыть. Отъ-туды на улыцю йдить; отъ скоро молодый прыйиде—спроваживала она ихъ со двора.

Къ вышедшимъ изъ садка „княгинѣ и старшей дружкѣ" присоединились ожидавшія ихъ около крыльца остальныя ея дружки, и онѣ всѣ пошли по улицѣ, зашедши предварительно къ Сохвѣ.

Княгиня шла, такъ сказать, прощаться со своею улицею, со своими сосѣдями уличанами. Встрѣчая кого нибудь, „княгыня" кланялась, наклоняя голову; ей отвѣчали всѣ ласковымъ привѣтомъ, сторонясь, давая ей и ея дружкамъ дорогу.

Дружки теперь уже не „верещали, а складно пѣли на печальный мотивъ".

Мынулося дивованьячко,
Твоій краси красуваньячко.
Лугы берегы вода пойняла
Та вже жъ мое серденько тоска обняла.
Не такъ тоска, не такъ тоска, якъ тая печаль,
Свого роду родыноньки дуже мени жаль.
Ой я жъ свою тоску печаль на бомази спышу
На бомази спышу, на Дунай ричку пущу.
Плыве Дунай-ричка помежъ берегамы,—
Ой розносыть тоску печаль помежъ ворогамы.

Такъ онѣ прошли по Красноселовкѣ до Богатыревой мельницы, сопровождаемыя дѣтьми со всей улицы. Задумали они еще пройти въ другую сторону Андреевки, но около завода ихъ встрѣтилъ „поѣздъ молодого".

Молодой князь ѣхалъ на тройкѣ лошадей и съ нимъ были бояринъ и еще двое какихъ то мужчинъ, очевидно свадебнаго чина. При встрѣчѣ „князь" слѣзъ съ тарантаса и предложилъ „княгинѣ" покататься. Въ тарантасъ сѣли „князь съ княгинею и двѣ дружки, прочіе всѣ пѣшкомъ отправились ко двору Самченковыхъ. „Молодые" проѣхали сначала по Красноселовкѣ, а послѣ вернувшись отправились мимо завода по Андреевкѣ. Около церкви тройку остановили, и молодые „князь и княгыня", прошли на паперть, сдѣлали два поклона и поцѣловали церковныя двери, опять сѣли на тарантасъ и поѣхали дальше. Такъ они прокатились по Андреевкѣ и по дальнимъ „куткамъ" ея, Кукулевщинѣ и Бугаевкѣ.

Когда они вернулись опять на Красносёловку, то около двора Сохвы стояли еще двѣ тройки, на которыхъ пріѣхали остальные поѣзжане князя.

„Княгыня“ съ дружкою сошли около своихъ воротъ, а „князь“ еще прокатился два раза по Красноселовкѣ. Каждый разъ, когда онъ проѣзжалъ около двора Самченковыхъ, „дружко“, показывалъ видъ, что хочетъ остановить тройку, становился на дорогѣ и разставлялъ руки, уступая только тогда, когда на него наѣзжали лошади. Этимъ притворнымъ задерживаніемъ и непослушаніемъ выражалось нежеланіе „князя“ разставаться со своею парубоцкою жизнью. Но за третьимъ разомъ дружко не уступилъ и „зупынывъ“ молодого князя окончательно, чѣмъ и заставилъ его слѣзть съ тарантаса и пойти къ своимъ поѣзжанамъ, сгруппировавшимся около двора Сохвы.

L.

Пока „князь“ катался и тѣшилъ себя быстрою ѣздою на тройкѣ, въ хатѣ „княгыню на посадъ садовылы“.

Засвѣтили свѣчи около иконъ, опять „закрасылы коровай“ четырмя свѣчками, посадили на приставленной впереди стола лавкѣ „титку“ Горпыну съ мужемъ, особо на лавкѣ сѣли Максымъ съ сосѣдомъ Хряпкою, временно замѣнившіе собою „старосту и пидстаросту“, а затѣмъ Полька и Сохва, до сихъ поръ прибиравшіе въ коморѣ приданое, ввели „княгыню“. За ними вошли и всѣ дружки.

Прежде всего всѣ помолились. Кто то изъ женщинъ передъ „титкою Горпыною“ и „дядькомъ Иваномъ“ разбросилъ на полу вывернутый вверхъ шерстью кожухъ. Машкѣ указали стать на этотъ кожухъ и до земли поклониться „титци Горпыни“, которая благословила ее поданнымъ хлѣбомъ, а послѣ, когда она передала хлѣбъ мужу, взятою у него иконою. Отъ „титкы Горпыны“ Машка перешла къ „дядьку Ивану“, отъ котораго тоже получила благословеніе хлѣбомъ и иконою. Послѣ благословенія Машка поцѣловалась со своими посаженными отцомъ и матерью. Полька выдвинула Хведька, подала ему платокъ, за конецъ котораго держалась Машка, и продиктовала ему формулу испрошенія благословенія. По подсказу Хведько сказалъ:

— Старосто, пане пидстаросто!

— А мы ради слухать,—громко отвѣтили тѣ.

— Благословить молоду княгыню за стилъ завесты, на посадъ усадовыть.

— Богъ благословыть и мы благословляемо.

— И вдруге и втретте благословить.

— Богъ благословыть! Богъ благословыть!

Тогда, по указаніямъ Польки, Сохвы и другихъ, Хведько повелъ „молоду княгыню“ за столъ. Какъ разъ противъ середины стола ее остановили, посадили на лавку, застланную кожухомъ; Хведько выпустилъ конецъ платка и сконфуженный вышелъ изъ-за стола. Еще больше смѣшался онъ, когда, пробираясь межъ дружками къ порогу, уткнулся глазами въ стоявшую у дверей Мелашку.

Во время благословенія дружки три раза пропѣли:

— Кланяйся, Марьечко,
Богови святому,
Батькови ридному,
Батькови-матери нызенько,
А до серденька блызенько,
У ниженькы ще нижче,
А до серденька ще блыжче.

Задержанный дружкомъ, молодой прошелъ къ своимъ, окруженнымъ сошедшимися уличанами Красносёловки. Дружко подалъ молодому „ципокъ“, снялъ шапку и, перекрестившись, что сдѣлали и другіе поѣзжане, обратился къ „старостамъ“, перевязавшимся добытыми изъ-за пазухъ рушниками.

— Старосто, пане пидстаросто, благословить молодому князеви йты соби княгыню добувать.

Послѣ обычныхъ „Богъ благословыть“! — и вдруге, и втретте,—дружко со словами: ходимъ за Божимъ благословеннямъ, родытельскымъ дозволеннямъ—хотѣлъ идти во главѣ всѣхъ поѣзжанъ, но столпившіеся около нихъ уличане не трогались съ мѣста. Впереди выступали парубки, затѣмъ дѣтвора, а по-

зади уже всѣхъ видны были бороды взрослыхъ и очипки и платки „жинокъ“.

— Розступиться, будьте ласкови, дайте дорогу нашому молодому князеви—обратился дружко къ окружавшимъ ихъ.

— А хто вы таки зъ вашымъ княземъ, щобъ мы вамъ дорогу давалы?—послышалось изъ заднихъ рядовъ.

— А вже жъ—заговорили парубки—хто вы таки?

— Може яки волоцюгы, бродягы?

— Бачъ, щей й—розступиться...

— Такъ и пропустылы! Дарма!

Выкрикивали уличане.

— А може, буде ваша ласка, мы зъ вамы помырымося,—отъ вамъ весильный хлибъ и бочка горилкы и гроши—сказалъ дружко, подавая одному изъ парубковъ кувшинъ, чѣмъ то нанаполненный, прикрытый „шишкою“, межъ лепестками коей воткнута была большая мѣдная гривна.

Толпа разступилась, и поѣзжане прошли къ двору Самченковыхъ—впереди дружко, слѣдомъ за нимъ молодой князь съ старшимъ бояриномъ съ одной стороны и „свитилкою“ съ другой; затѣмъ шли еще два парубка, бояре и въ хвостѣ шествія два старосты съ рушниками черезъ правыя плечи.

Уже около воротъ двора Самченковыхъ поѣзжанъ догнали парубки съ заявленіемъ, что ихъ „одурылы“: вмѣсто водки въ кувшинѣ оказался квасъ. Одинъ изъ бояръ по приказанію дружка досталъ изъ кармана бутылку водки и подалъ парнямъ. Они тогда „глечыкъ кынулы на впакы;“ и онъ, обливая водою сопутствующихъ парнямъ дѣтей и чуть не попавъ кому то въ голову, разбился въ черепья среди толпы.

Около крыльца поставлена была табуретка, застланная скатертью, а на ней тоже кувшинъ съ квасомъ, прикрытый шишкою.

„Титка Горпына“ вышла на крыльцо въ вывороченномъ шерстью вверхъ кожухѣ, за нею виднѣлись Сохва, Полька и еще другіе вышедшіе изъ хаты. Сохва шепнула Хведьку, чтобы

онъ выдернулъ у молодого князя изъ рукъ палку и поставилъ ее подъ повиткою.—Такъ треба—добавила она.

Дружко со старостою и подстаростою подошли къ табуреткѣ и по очереди каждый изъ нихъ бралъ въ руки шишку и цѣловалъ, а затѣмъ каждый пробовалъ содержимое въ глечикѣ, послѣ чего они этимъ квасомъ помыли и приподняли вверхъ руки, чѣмъ бы ихъ обтереть.

Вышедшая изъ-за „титкы Горпыны" Полька на деревянной тарелкѣ поднесла имъ три рушныка со словами:—Наша молода княгыня рушныкамы васъ шануе, дары прыйняты просыть...

— Благодарымо молодій княгыни, сватови и сваси и тоби, молода свашка, за вашу ласку, за подарокъ.

Они этими рушниками повязались—дружко черезъ правое плечо, а старосты черезъ лѣвое „навхрестъ" съ повязанными на нихъ уже рушниками.

Дружко подалъ конецъ платка молодому и обвелъ его три раза кругомъ табуретки посолонь.

Когда они проходили мимо „тещи", которою въ данномъ разѣ была „титка Горпына", то она обсыпала молодого овсомъ съ подмѣсью хмѣлевыхъ шишекъ. Когда она подымала руку съ овсомъ, молодой мимовольно какъ бы отъ испуга съеживался. Это называется „теща зятя лякае". Какъ ни смѣшна была фигура „титки Горпыны" въ вывороченномъ кожухѣ, тѣмъ не менѣе никто изъ присутствующихъ, до успѣвшей вернуться во дворъ дѣтворы включительно, не улыбнулся даже. Никто не засмѣялся даже и тогда, когда три раза обведенный кругомъ „стильця" молодой, поданную ему „титкою Горпыною" рюмку водки по подсказу выплеснулъ за себя черезъ лѣвое плечо прямо въ физіономію одного изъ стоявшихъ за нихъ боярына.

Когда поѣзжане съ дружкомъ во главѣ вошли въ хату, всѣ, кромѣ молодой, припавшей головою къ столу, встали.

— Здравствуйте! Днювалы соби у добримъ здоровьи—отчетливо произнесъ дружко, помолившись на образа.—Кланяется сватъ сватови, сваха сваси, молодый князь княгыни, а мы усимъ вамъ,—докончилъ онъ привѣтствіе.

На лавкѣ очистили мѣсто старостамъ, которые и сѣли рядомъ.

— Старосто, пане пидстаросто! Благословить молодого князя за стилъ завесты, на посадъ посадовыть.

— Богъ благословыть и мы благословляемъ.

— И вдруге и втретте

— Богъ благословыть, Богъ благословыть!

Дружко подалъ конецъ платка молодому и повелъ его къ столу. На лавкѣ стоялъ чей-то мальчикъ съ соломеннымъ кнутомъ, въ концѣ котораго была ввязана тряпка съ мукою. Онъ по подсказу молодицъ замахнулся этимъ кнутомъ на дружка и нерѣшительно опустилъ.

— Бый, бый, не пускай за стилъ! послышались голоса, а дружки пропѣли:

Братику споружайся;
Риднесенькый не лякайся!
Не продавай сестры едыныци
Чужій чуженыци
За пивъ-золотого—
Просы червоного
Щей коня вороного.

— Бый! бый! Не пускай—науськивали мальчика, и онъ на самомъ дѣлѣ два или три раза ударилъ дружка, при чемъ обсыпалъ его мукою. Дружко отступилъ и со словами:—Це вже не що, якъ треба видкуплятьcя!—досталъ изъ кармана двѣ копѣйки и подалъ хлопчику. Тотъ уступилъ, и дружко пропустилъ впередъ себя молодого князя, который и пролѣзъ за столомъ къ невѣстѣ, хотѣлъ было сѣсть, но послѣдовавшая за нимъ свѣтилка сказала ему.

— Пиднимы ій голову и поцилуй!

Молодой неловко какъ то продѣлалъ это: подложилъ руку подъ мокрое отъ слезъ лицо Машки, потянулъ къ себѣ и поцѣловалъ вмѣсто устъ въ ухо.

— Хиба жъ такъ?... сказала свашка—Ты пиднимы ій пыку, тай любенько поцилуй въ губы, та трычи...

Молодой все это продѣлалъ.—Приподнятое лицо Машки было красно, мокро отъ слезъ, вылѣзшіе изъ-подъ повязки волоса поприлипали ко лбу и щекамъ.

Дружко сѣлъ около свитилкы, молодой пригожей молодицы, а бояръ посадили на приставленной къ столу лавкѣ. Молодой и бояре, усѣвшись за столомъ, надѣли шапки. Сидѣвшая около „княгыни" старшая дружка сорвала съ молодого шапку и передала дружкамъ.—Старшій боярынъ сейчасъ же подалъ свою шапку свитилкѣ, а та надѣла ее на голову молодому, старшаго боярина накрылъ своею шапкою слѣдующій бояринъ, а того послѣдній. Съ молодого сорвали и другую шапку,—и опять ему подала свитилка шапку боярина. Дружки къ сорваннымъ шапкамъ наскоро пришивали кусочки красной ленты—„квитку", при чемъ пѣли:

Изъ Кыива швачка
Мищаночка
По ярмаркахъ ийзжала,
Красный шовкъ скуповала;
У пучечкы въязала,
Квиткы прышывала,
По талиру брала
Одъ князя молодого
И одъ бояръ його.

Шапку молодого надѣла себѣ на голову старшая дружка, и опять пропѣли:

Подывыся, князю—затю на мене,
Яка я свисть у тебе
На мени шлычокъ—ковпачокъ,
Готуй зятеньку шостачокъ,
Бо якъ не буде шостачка,
То пойдешъ ты безъ шлычка.
Хоть на мене не позырай
И хоть лай, хоть не лай...

Къ шапкѣ князя пришили цѣлый пучокъ лентъ, а къ шапкамъ бояръ по кусочку ленты. На тарелкѣ поднесла стар-

шая дружка молодому шапку, онъ снялъ съ головы чужую, взялъ и надѣлъ свою, а на тарелку положилъ три копѣйки. Бояре тоже, получая свои шапки, клали по копѣйкѣ на тарелку.

На столъ поставили закуску—порѣзанную кусочками вареную баранину и свинину, и „титка Горпына“ стала подчивать гостей водкою. Первая рюмка была поднесена „молодому князю“, но онъ ее даже и въ руки не взялъ, а свитилка пропѣла:

Стане теща тебе частуваты,
Не смій зятю чарку въ рукы браты...
А хоть визьмешъ, то не пый,
Коныкови на грывку злый.
Стане грывка колосцемъ,
А ты передъ тещею молодцемъ.

Подчивала „теща“ дружка, свитилку, бояръ и старостъ. Послѣдніе такъ и не присаживались къ столу, а имъ подали на особой тарелкѣ закуску. Каждый изъ подчиваемыхъ, передъ тѣмъ какъ выпить, высказывалъ пожеланія: „щастя-здоровья молодымъ, князю и княгинѣ, а дружко прибавилъ: „сватамъ и свахамъ...

Староста, выпивши рюмку, сказалъ:

— Оце спасыби за першу...

„Титка Горпына“ налила и подала ему и другую рюмку, но онъ не выпилъ ее, а со словами:—Це вже я пиднесу товарышови, а то винъ обижатыметься, заздруватыме, а я вже писля ёго выпью другу, щобъ було, якъ то кажуть, на обыдви ногы, щобъ не спотыкатыся.

Всѣ поняли и оцѣнили эту шутку. Обоимъ старостамъ было поднесено по двѣ рюмки водки.

— Чого жъ це вы, дружечкы, запышалыся... сыдыте, ничого не спиваете?..—сказала Сохва.

Онѣ переглянулись и затянули печальную пѣсню:

Даешъ мене, мій батенько, и самъ бачышъ...
Не разъ не два, ты за̀ мною тай заплачешъ...

Якъ по весни цвиты стануть цвисты,
А дивочкы стануть винкы плесты,
Мымо твій дворъ воритечка будуть несты,
Тай не будуть вже до хаты прывертаты,
И не будуть тай вже мене выклываты,
Щобъ я пишла на юлыцю погуляты.

Молодая стала всхлипывать.

LI.

Когда поѣзжане закусили, Полька шепнула старшей дружкѣ, чтобы она расплела косу молодой, а сама затянула подхваченную дружками пѣсню.

Руса косонька мае,
Чого жъ вона соби жалае...
Ой глянь, Марьечко, скривь калачъ
Карымы очыма, тай заплачъ.
Ой не братъ, не братъ—татаринъ.
Продавъ сестрыцю за таляръ,
Русую косыньку оддавъ за пьятакъ,
А билее лыченько оддавъ такъ.

Дружко вышелъ изъ-за стола, поблагодарилъ за угощеніе и, обратясь къ старостамъ, спросилъ обычною формулою: „благословить молоду покрываты“.

Изъ валькира ему подали на крышкѣ «дижи» новый шитый шелками и золотомъ очипокъ, а подъ нимъ большой платокъ.

Дружки запѣли:

Ой глянь Марьечко скризь калачъ
Карымы очыма, тай заплачъ

Къ хору дружекъ присоединились свашка и свитилка.

Ой подывыся, диво!
Несуть твое дило
Якъ биль билесенько,
Якъ тинь тонесенько.

Воно дивчатъ лякае
А само не лыняе...

Затѣмъ свашка со свитилкою сами пропѣли:

Станьте дружечкы та на лавочкы,
Пропустить насъ до вашои паняночкы...

Дружки въ отвѣтъ на это «проверещалы»

Свашка нетипашка.
Шышокъ не липыла,
Одну тилькы злипыла
Изъ трухлявого сина
Тай ту сама зъила.

Но въ отвѣтъ на этотъ упрекъ свашка со свитилкою пропѣли:

Ой брешете дружкы—
Я липыла шышкы
Изъ гречанои половы,
Шобъ вы заревлы, якъ коровы,
Изъ просяпои лузгы,
Шобъ подавылыся дружкы.

Но тѣмъ не менѣе, какъ бы выкупая право доступа къ молодой, свашка подала дружкѣ шишку.

Старшая дружка положила руку на голову молодой и провела ею по волосамъ расплетенной косы, въ концѣ которой еще оставалась невывязанная лента. Она дернула эту ленту, и волоса разсыпались по спинѣ молодой. Лента по обычаю доставалась старшей дружкѣ.

Полька протиснулась къ молодой, сняла съ головы ея вѣнокъ и повязку, передала ихъ дружкамъ и, свернувъ жгутомъ волоса, надѣла ей очипокъ. Молодая сопротивлялась, досадливо вертѣла головой, отстраняла руками руки сестры, но въ концѣ концовъ присмирѣла и уже не склонялась къ столу, но только не подымала рѣсницъ и не смотрѣла ни на кого.

Покрыванка плаче...
Покрываться хоче...
Не такъ покрываться
Якъ поцилуваться—верещали дружкы.

Полька и «свитилка» вскочили ногами на лавку, развернули поданный дружкомъ большой платокъ и при пѣніи дружекъ:

Покрыванка плаче
Покрываться хоче...
Не такъ покрываться.
Якъ поциловаться...

растянули его надъ „князыней" и держали за четыре угла его, три раза взмахнули имъ и затѣмъ, соскочивъ съ лавки, повязали его на головѣ молодой, опять припавшей къ столу съ рыданіями.

Все это сдѣлано было быстро, съ особо проявляемою настойчивостію, какъ будто преодолѣвалось особое упорное сопротивленіе.

Свашка—Полька и „свитилка" надъ поникшею молодою три раза поцѣловались, а дружко заставилъ молодого приподнять отъ стола заплаканную молодую и поцѣловать ее.

Отъ таке зробылы,
Якъ самы схотилы,
Зъ кныша палянныцю,
Зъ дивкы молодыцю!..

торжественно прокричали покрывальщицы и добавили

А за цюю вить
Намъ чарокъ по шисть,
А хоть по одній
Такъ по повній!..
Якъ бы мы схотилы,
То мы бъ іи розвертилы,
Ковпачокъ бы знялы,
Въ виночокъ убралы,
Изъ руты та изъ мьяты
Вамъ бы іи не познаты—

проверещали задорно дружки, но на эту ихъ угрозу уже не обращали вниманія, и дружко громкимъ голосомъ попросилъ у старостъ благословенія „коровай—честный хлибъ мырови хрещеному роздилыты." Послѣ обычныхъ повторенныхъ три раза

„Богъ благословыть и мы благословляемо“—онъ залѣзъ за приставленную скамью, на которой сидѣли бояре, и сталъ рѣзать ножомъ каравай, не приподымая его отъ стола, а прямо сверху. Прежде всего онъ вырѣзалъ верхнюю шишку и, положивъ ее на тарелку, приподнялъ вверхъ и сказалъ:—Батькови-матери нашои княгыни молодой,—а затѣмъ подозвалъ въ сторонѣ стоявшаго Максыма и передалъ ему для поднесенія по адресу. Первую изъ меньшихъ шишекъ каравая онъ черезъ того же Максима, назвавъ его «пидпружымъ», а также уже по подсказу выкрикивая имя, передалъ «дядыни Катри», послѣ сестрѣ княгыни—сваси Польци, послѣ брату—Хведору Андріевычу.

Какъ бы раззадоренныя тѣмъ, что на нихъ не обращаютъ вниманія, дружки «верещали»:

Дружко каравай крае,
Та въ нёго хысту не мае:
По-пидъ рукы бояре лазять,
Тай у нёго коровай крадуть.
Дружко пелехатый
Бигае коло хаты
Зъ дрючкомъ ломакою,
А на ёму каптанъ
Соломою напханъ;
Очи у нёго у клоччи,
А нисъ у ременю,
Нихто ёго не перемине.
Чи бачышъ ты, дружко,
Якъ бояре коровай крадуть?
Хто въ михъ, хто въ кишеню
Батькови на вечерю...
Хто въ михъ, хто въ рукавыци,
Дивчатамъ на вечерныци.

Дружко не переставалъ рѣзать по кускамъ коровай и раздавать его, именуя присутствующихъ лицъ по подсказу. Бояре, шутя, изъ-подъ рукъ ворують кусочки коровая. Дружки закончили свое обращеніе къ дружку просьбою-угрозою:

Дружбонько жъ нашъ любенькый,
Якъ голубъ сызенькый,
Дай же намъ хоть одну шышку,
Бо якъ не дасы, у воротяхъ переймемъ,
Коныкивъ однимемъ.

Дружко, высоко приподнявъ тарелку съ одной изъ маленькихъ боковыхъ шишекъ коровая, отчетливо прокричалъ:

— Нашій старшій дружци, батьковій дочци, за те, що хороше спивала, свое дило сповняла—и подалъ ей шишку, а затѣмъ поднесъ нѣсколько нарѣзанныхъ кусочковъ и прочимъ дружкамъ.

Онѣ оказались побѣжденными его вѣжливостію, но еще у нихъ не отлегло отъ сердца чувство оскорбленія и раздраженія за отобраніе у нихъ подруги; онѣ сгоняютъ зло на боярахъ:

Нащо тіи дары?...
Прекрасни бояре!
Сыдять за столомъ,
Якъ пугачи кругомъ,
Якъ пугачи у лиси,
Якъ горобци у стриси...
Утоптана стежечка
Одъ стола та до прыпечка—
То жъ іи бояре топталы,
Все у пичъ заглядалы,
Чи велыкый горщокъ каши
Чи найидятся бояре наши.
Одъ стола та до лавочкы
Утоптана стежечка:
То бояре топталы
Вси помыи выхлесталы.

Этимъ онѣ и закончили свою ругань, излили досаду, и пока дружко кончилъ раздачу коровая, передавъ остатки его „усимъ гостямъ и запорожцямъ“ (тѣмъ, кто стоялъ въ сѣняхъ за порогомъ), дружки обратились къ молодой:

Ой якъ же тоби, Марьечко, здается,
Що теперъ тоби гуляньячко мынется?
— Ой такъ мени, дружечкы, здавается,
Що на серденьку кровъ зкипается...
Зкыпается горяча кровъ клубочками,
А вже жъ мени не гуляты зъ дивочкамы.
— Ой уже жъ тоби не ходыты тай по полуныци,
Ой вже жъ тоби мынулыся юлыци и вечорныци.

Дружки все это пѣли, стоя. Онѣ не садились съ того времени, когда молодую покрывали, а теперь наступилъ моментъ прощанія.

Свитилка, а за нею свашка, затянули:

— Чого жъ це вы, дружкы, сидыте.
Чомъ вы геть зъ хаты не йдете!
Мынулося вашій Марьечки гуляньячко,
Веселее дивуваньячко.
Трипатыме Марьечка лёнъ, лёнъ,
Идить соби дружкы вонъ, вонъ.

Дружки обидѣлись и въ отвѣтъ пѣли:

На щожъ насъ було звàты,
Колы думалы выганяты...
На щожъ насъ було сюды весты,
Колы не буде намъ честы.
Не сиды ты, Марьечко, зъ бабамы,
Ходимо лучше зъ намы;
Мы тебе въ зеленый садъ проводымо
Усю тоби правдоньку роскажымо...

И пробовали потянуть молодую съ собою, но молодой по подсказу обнялъ ее и не пустилъ. Дружки тогда стали цѣловаться съ молодой и окончательно прощаться. Молодая, очевидно, уже измученная всѣми этими церемоніями, какъ то вяло прощалась, цѣловалась съ подходящими къ ней дружками, опять запѣвшими:

Прощай же ты, Марьечко,
Сестрыце наша!

Ужъ жъ мы тоби не подруженькы
И ты не наша.
Прощай, прощай Марьечко,
Бо вже мы йдемо,
Уже жъ твое гуляньячко
Соби беремо,
А молодого Ивашечка
Тоби дарымо...

И онѣ одна за другою вышли, старшая дружка впереди съ вѣнкомъ и шишкою. Но, вышедши на улицю, онѣ протиснулись къ окну и, постучавъ въ шибку такъ, что обратили вниманіе, прокричали:

— Марьечко! А выходь до насъ на юлыцю, пійдемо прогуляться, писень поспиваться!..

При стукѣ въ окно Машка вздрогнула и оглянулась, а послышавъ приглашеніе, опять припала къ столу и заплакала.

LII.

Уже смеркало. Въ хатѣ, окна у которой заслонены были зазирающими безцеремонно въ нихъ зрителями, совсѣмъ темнѣло. Зажгли свѣчи; двѣ поставили на столѣ, одну на выступѣ печки, одну около посуднаго угольнаго шкафчика (мысныка).

Усадили отбывшаго свою службу дружка за столъ рядомъ со свитилкою, передвинули, какъ бы для охраны молодой, чтобы не сбѣжала, бояръ на мѣсто ушедшихъ дружекъ; на мѣстѣ бояръ усадили старостъ и разложили ложки. Молодымъ подали двѣ ложки, связанныя красною ниткою, наломали кусками паляныцъ и разложили передъ гостями.

На столъ подали въ двухъ мискахъ „капусту“, и „дядько Иванъ“ сталъ подчивать гостей, со всѣми поздоровавшись и выпивъ полную рюмку самъ. Когда онъ протянулъ вновь налитую рюмку дружку, то тотъ отстранилъ ее и предложилъ поднесть прежде „сваси“, т. е. „титкѣ Горпынѣ“. Она взяла рюмку,

перекрестилась и со всякими причитываніями степенно надпила до половины, но больше пить не захотѣла. Рюмку долили и поднесли дружку, который поздоровался, пожелалъ всего хорошаго „молодымъ, князеви и княгыни, сватови й сваси и всій чесній компаніи“, съ пожеланіемъ „нехай легенько згадается далекому сватови и сваси“ надпилъ рюмку, поморщился и остановился пить, замотавъ головою.

— Що це, сваточокъ? Чого це вона така гирка? Чы нема чымъ іи здобрыты? А то я й пыть не хочу.

Всѣ поняли, что этимъ маперомъ онъ добивался, чтобы молодые поцѣловались, „засластылы гирку горилку“. Не поняли этого только сами молодые, прижавшись другъ къ другу плечами и колѣнами. Да они и не слушали всей этой рацеи: находились въ какомъ то отупѣломъ состояніи. Но свитилка дернула за рукавъ молодого и шепнула ему, чтобы онъ поцѣловалъ молоду. Онъ исполнилъ это, неловко подлѣзая съ выпяченными для поцѣлуя губами подъ топырящійся навѣсомъ платокъ на лицо молодой, такъ что чуть не сбилъ съ себя шапку. Молодые эти послѣдующія требованія исполняли уже болѣе умѣло. На замѣчаніе «дадька Ивана»:—буде вже за ныхъ, бачъ соромлятся!— пидстароста отвѣтилъ шуткою:—нехай прывчаются.

Гостей „дядько Иванъ“ и „титка Горпына“ просили „кушать, зволяться у добримъ здоровьи...

Все время стоявшій у порога Хведько вышелъ въ сѣни, гдѣ уже никого не было, такъ какъ обѣдъ не представлялъ ничего любопытнаго для зрителей. По деревенскому этикету не подобаетъ и смотрѣть чужимъ, какъ ѣдятъ гости, какъ будто и себѣ напрашиваться на угощеніе. Они вышли, кто на крыльцо, кто и вовсе пошелъ за ворота. Хведько сѣлъ на стоявшей у коморной перегородкѣ кадушкѣ и задумался. Онъ не зналъ ритуала свадебнаго, не зналъ, что́ еще будутъ и какъ долго дѣлать здѣсь гости, когда они поѣдутъ, забравъ съ собою Машку. Вспомнилъ онъ это, и такъ ему ее жалко стало,—такая хорошая, красивая, печальная, заплаканная припомнилась она ему. Онъ глянулъ въ освѣщенную хату, но сидящую за столомъ Машку

заслоняли подчивающіе гостей „дядько Иванъ" и „титка Горпына". Доносились оттуда, изъ хаты, ихъ упрашиванія гостей: „годуйтеся, кушайте, сваты люби та мыли"... Но вотъ онъ обратилъ вниманіе на какой то шорохъ и топотъ въ коморѣ, на хатней стѣнѣ отбивался лучъ свѣта сквозь щель стѣны коморы. Онъ распознавалъ голоса Сохвы и Польки. Онѣ очевидно что-то укладывали.

— Отъ тутъ зверху на кожуси й положы рушныкы—воны жъ ій понадоблятся... И сорочку тутъ же положы, а то тоди, якъ переодягать, шукатыметь—говорила Сохва.

— Тоди вже писля дила ій и ключъ оддасы—добавила она.

— Ой дило, дило! Боюсь я, сестрыце, такъ боюсь... Я іи пытала, такъ ни въ чому не прызнается—сказала Полька.

— А тоби ничого й боятся: вона не така, тай винъ парень тыхый, звычайный—шептала Сохва.

— Та дай то Господы! А то теперъ воны бачъ, диткы, диткы, та й скоять лыхо... Ото тоди, памьятаешъ, якъ Мырошныкы свою Вольгу оддавалы на пучыну... Сорома того, стыдовыща, що було и батькови и матери, усёму родови... Ярына, розсказувала, що трохы, трохы не былы... А мени жъ тамъ на Удильщини на всякъ день выдаться зъ нымы... Не доводь Господы!—говорила Полька.

— То Вольга, а це Машка. Ни капелыночкы не бійся. Іи и зъ лыця выдно. Я бо-зна чымъ ручаюся за неи. Ты цього и не думай!—успокаивала Сохва.

— Ну, ну! Такъ ты вже, сестрычко, пойидешъ, спасыби тоби, зо скрынею; Максымъ и Хведько іи вынесуть, а подушкы у старе рядно завьяжемо, а нови рядна туды жъ до подушокъ... говорила Полька успокоившимся голосомъ.

— Я жъ пійду туды до гостей—добавила она и изъ коморы прошла въ хату... Хведько всталъ и хотѣлъ выйти на крыльцо, но изъ коморы показалась Сохва, съ огаркомъ свѣчки, воткнутымъ въ бутылку, и, увидавъ его, остановила.

— На, лышень подержы, а то я тутъ не знаю, якъ запирать замокъ.

Заперши коморю на замокъ и увидавъ при свѣтѣ свѣчи, что никого нѣтъ въ сѣняхъ, Сохва шепнула Хведьку:

— Ты жъ ночуй у мене въ хати, а то я пойиду зъ молодою, повезу іи постиль и скрыню; я тоби й ключъ одъ хаты оддамъ.

Угощеніе между тѣмъ уже кончилось. Послѣ порѣзанной кусками баранины и свинины, сопровождавшейся поднесеніемъ водки, подана была локшына, и „титка Горпына" поподчивала гостей „вареною".

Гости встали, поблагодарили за „хлибъ за силь", за трапезу Хрыстову, за гостыну..." За столомъ оставались только молодые князь и княгиня; ложки ихъ такъ и остались неразвязанными—они ничего не ѣли.

Двухъ бояръ послали къ лошадямъ, за ними выходили дружко и старосты. Порядокъ отъѣзда, очевидно, уже раньше былъ установленъ. Со двора послышались позвякиванья колокольчиковъ, громыханіе бубенчиковъ. Это приготовляли лошадей къ отъѣзду.

Двое бояръ такъ и не входили уже въ хату. Вошедшіе старосты заняли свое мѣсто на лавкѣ, въ сторонѣ отъ стола; на лавкѣ передъ столомъ усѣлись „титка Горпына" съ „дядькомъ Иваномъ". Молодыхъ дружко, подавъ князю конецъ платка, сталъ выводить изъ-за стола, но не вывелъ совсѣмъ, а сѣлъ самъ и заставилъ всѣхъ сѣсть.

— Сядьте, сядьте вси, щобъ усе добре садовылось...

Всѣ присѣли, гдѣ кто могъ

— Старосто, пане пидстаросто! благословить молодого князя й княгыню Богу святому, батькови-матери одклоняты,— отчетливо произнесъ дружко, вставая съ мѣста.

— Богъ благословыть и мы благословляемо.

— И вдруге и втретте.

— Богъ благословыть. Богъ благословыть—въ одинъ голосъ отвѣтили старосты.

Дружко окончательно вывелъ молодыхъ изъ за стола, и они стали по очереди—сперва она, а потомъ онъ—кланяться земными

поклонами передъ посажеными отцомъ и матерью, благословлявшими ихъ иконою и хлѣбомъ. Молодые цѣловали икону, хлѣбъ и руки отца и матери и затѣмъ цѣловались съ ними. Машка плакала и прощалась, цѣловалась съ „дядыною Катрею,“ съ Полькою, Хведькомъ и съ Сохвою, а также со всѣми, кто успѣлъ уже войти въ хату. Въ числѣ вошедшихъ была и Мелашка. Когда заплаканная Машка обняла Хведька, онъ еле сдерживался отъ плача, слезы готовы были брызнуть изъ-подъ насупленныхъ бровей, но онъ выдержалъ—только губы закусилъ. Онъ поцѣловался и съ молодымъ.

— Старосто, пане пидстаросто, благословить молодымъ князеви и княгыни съ чесного отцевського дому въ путь-дороженьку выступаты,—прервалъ дружко тяжелую для всѣхъ сцену прощанія.

— Богъ благословыть, и мы благословляемо.—Послѣ троекратнаго благословенія въ руки молодому подали хлѣбъ, а молодой икону, дружко же самъ взялъ со стола лежень и молодые вышли изъ хаты, сопровождаемые неизмѣнными пожеланіями счастливаго пути и согласія въ жизни. Посвѣтить въ сѣняхъ вынесли свѣчку, всѣ разступились передъ молодыми. Отъ усѣвшагося на тарантасъ молодого староста отобралъ хлѣбъ, а молодая сѣла, не выпуская изъ рукъ икону. Съ молодыми сѣли свашка Полька и „свитилка“, а на козлахъ умостился дружко.

— Зъ богомъ. Въ добрый часъ-годыну!—произнесъ дружко, снявъ шапку и перекрестившись... И тройка, звеня колокольчиками и погромками, тронулась со двора.

Вслѣдъ за молодыми тронулась тройка съ приданнымъ молодой, которое сопровождали мужъ Польки и Сохва, успѣвшая сунуть Хведьку ключъ отъ своей хаты со словами.

— Ты жъ и не свиты—такъ прямо лягай.

LIII.

Когда все поѣзжане съѣхали со двора, „титка Горпына“ собрала повечерять своимъ, а ихъ было очень немного: „дядына

Катря", Хведько, двѣ сосѣдки молодицы, мужъ одной изъ нихъ Хряпко, дядько Иванъ да еще вторая Орышка—подростокъ, дочь титкы Горпыны.

Тихо, молчаливо прошла эта вечеря, и хотя водка и была приподнесена гостямъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ при обрядовой трапезѣ, тѣмъ не менѣе разговоръ не вязался: всѣ какъ бы думали о выбывшей изъ дому Машкѣ, а Хведько и совсѣмъ насупился.

Стали расходиться. Хведько заявилъ о томъ, что пойдетъ ночевать въ домъ Сохвы, такъ какъ она просила не бросать хаты. Изъ воротъ сейчасъ же повернули направо Хряпки, а Хведько съ другою молодицею налѣво.

— Отъ ты мене й проведешъ, а то бачъ уже пиздно—самій боязько, та ще й темно, захмарило—почти шепотомъ говорила спутница

На дворѣ на самомъ дѣлѣ было темно—зги не видно, тучи заволокли небо...

— Та ты йды блызче, руку дай—сказала молодица и схватила Хведька за руку, крѣпко пожала ее и, какъ бы пошатнувшись, прижалась къ нему.

— Охъ, Боже мій! це жъ я пьяна.—Бачъ спотыкаюся... Якъ одмовлялася—такы прыневолылы выпыть... Ой!—спотыкнулась она... Ты мене пиддержы, а то й зовсимъ звалюся—и обняла рукою парня.

— Та такъ и держысь за мене—тутъ ривно. Отъ вже не далечко й до вашого двора—поддерживая молодицу, сказалъ Хведько.

Но темная ноченька, свадебный загулъ и выпитыя три рюмки водки „пидневидылы" молодую женщину. Она все больше льнула къ парню и уже не одной, а двумя руками обняла его и не держалась, а его къ себѣ прижимала.

Тѣмъ не менѣе они продолжали подвигаться впередъ и взбудоражили сосѣднихъ собакъ, которые было залаяли, но, узнавъ своихъ уличанъ, замолкли. Хведько, принимая эти объятія и прижиманія за шутку подвыпившей молодой бабенки, не

отвѣчалъ ничѣмъ похожимъ на нихъ: ему хотѣлось поскорѣе добраться до мѣста и спать.

— Ну, отъ и твоя хата!—сказалъ онъ молодицѣ, но она не освобождала его изъ своихъ объятій, а только повернулась къ нему фронтомъ и вдругъ, нагнувъ къ себѣ его лицо, впилась въ него устами, стала цѣловать его.

Хведько вырвался изъ объятій молодицы и почти бѣгомъ добѣжалъ до недалекой—всего только черезъ два двора—хаты Сохвы.

Противна ему показалась эта навязчивость, принятая имъ сначала за шутку и понятая только въ послѣднемъ ея пріемѣ, особенно въ настоящее время, когда ему было какъ то грустно, не по себѣ. Жалко ему было Машку, отданную чужимъ людямъ, всецѣло на ихъ волю; мимовольно припоминался подслушанный разговоръ Польки съ Сохвою въ коморѣ, мимовольно чувствовалась какая то тревога, какъ бы боязнь возможнаго въ этомъ случаѣ глумленія надъ беззащитною среди чужихъ людей сестрою его; испытывалъ онъ чувство сиротливости, одиночества, оставленный теперь одинъ-однимъ въ своемъ домѣ...

Онъ поспѣшно отперъ замокъ и вошелъ въ хату. Тамъ было еще темнѣе, но, помня приказъ Сохвы, онъ и не пробовалъ зажигать огонь, тѣмъ болѣе, что и спичекъ у него не было.

Въ той же задумчивости онъ прошелъ прямо въ валькиръ и хотѣлъ было разуваться, чтобы улечься спать, какъ вдругъ ему показалось противу окна какая то тѣнь и затѣмъ послышались чьи то шаги. Его взяла оторопь.

— Хто се?—глухо спросилъ онъ.

— Це жъ я; хиба тоби Сохва не казала?—услышалъ онъ въ отвѣтъ голосъ Мелашки, шедшей къ нему.

Что то досадливое почувствовалъ онъ. Чѣмъ то несовмѣстимымъ показалось ему это свиданіе съ тѣмъ родственно-жалобливымъ настроеніемъ, какое охватило его при мысли о сестрѣ. Въ первый разъ онъ почувствовалъ грѣховность своихъ отношеній къ Мелашкѣ. Появленіе ея въ ту минуту, когда онъ одержимъ былъ

тревожнымъ чувствомъ о Машкѣ, было неумѣстно. Наслаждаться самому въ то время, когда тамъ въ чужихъ людяхъ—его сестра, беззащитная... быть можетъ...

Онъ сидѣлъ на кровати, не обнимая прильнувшую къ нему молодицу, и молча слушалъ ея шепотъ о томъ, какъ она отпросилась на деревнѣ у своихъ на свадьбу, совравъ, что Машка приходится ей родычкою, какъ она здѣсь у своихъ сказала, что пойдетъ домой и какъ успѣла со свадьбы ускользнуть сюда съ ключомъ, даннымъ ей Сохвою; какъ упросила она Сохву, не хотѣвшую ей давать ключъ, хоть этотъ послѣднiй разъ дать ей возможность „повыдаться", а то ужъ не прійдется побывать „до Риздва".

Все это шептала Мелашка, обнимая его одною рукою и нервно перебирала другою пальцы его руки. Всѣмъ этимъ разсказомъ, этими повѣствованіями объ обманѣ своихъ, и тамъ въ деревнѣ, и здѣсь на Красноселовкѣ, объ отказѣ Сохвы, сдавшейся только на усиленныя просьбы, все больше и больше укрѣплялось въ немъ сознаніе грѣховности этого свиданія въ это именно время свадьбы Машки и заботы о ея дальнѣйшей судьбѣ.

Чутьемъ любящей женщины Мелашка почуяла какую-то необычайную холодность его, неотзывчивость на ея ласки...

— Шо це зъ тобою таке? Чого се такый чудный?—спросила она, когда послѣ окончанія разсказа онъ все-таки сидѣлъ такъ же спокойно, опустилъ руки, не поднятыя даже для отвѣтныхъ объятій, и молчалъ.

— Кажы, чого мовчышъ?—тормоша его, пристала она—Кажы!

— Та такъ, бачъ яке йде... За чимъ ты саме у таке времья навернулася?..

— Якъ зачимъ? Яке времья? Хиба що? Колы жъ мени й способнійше було бъ? Я вся извелася за тобою скучаючы... Бачъ яка стала одъ тебе, вже всимъ прымитно... „Винъ"—нащо вже—тай то бачъ прымичае... и она опять еще плотнѣе прижалась къ нему...

Но онъ всетаки оставался такимъ неотзывчивымъ, равнодушнымъ. Ласкавшаяся къ нему, обнимавшая его молодица вспыхнула, отвернулась отъ него и зарыдала, припавъ къ подушкѣ. Онъ всталъ съ „полу“ [1]) и подошелъ къ ней съ желаніемъ успокоить ее, но вдругъ послышалъ слабый стукъ въ оконную шибку, а затѣмъ черезъ мгновеніе лязгъ „клямки“ наружныхъ дверей. Хведько пошелъ въ сѣни и съ вопросомъ „кто тамъ?“—отсунулъ засовъ. Передъ нимъ показалась фигура женщины.

— Хто се?—спросилъ онъ громко.

— Та це я—отвѣтила ему шепотомъ женщина, въ которой онъ узналъ пристававшую къ нему сосѣдку.

— Ты самъ ночуешь?—спросила она.—Мій ночуе зъ коньмы на пастивныку, а я оце шукала, шукала—ни-якъ не знайду, чимъ засвитыть; такъ оце надумалася пійты до тебе сирныкивъ попрохать, або хоть жарынку яку зъ печи... Та ты самъ тутъ одынъ—повторила она вопросъ, наступая на него и хватаясь за него руками.

— Ни, не самъ, чоловикъ ще ночуе зо мною.

— Хто?

— Та тутъ одынъ знакимець...

Молодица промолчала и, отнявъ руки, сказала:

— Ну, мабуть, вже такъ по-ночи й раздягатымусь—Еще разъ обѣими руками пожала его около локтей и пошла, оставивъ парня въ недоумѣніи.

— Хто се прыходывъ?—спросила шепотомъ Мелашка, когда Хведько, засунувъ двери, вошелъ въ валькиръ.

— Та прыбигала сябрыха...

— Яка сябрыха? За чымъ?—тревожно спросила она его.

— Та та, якъ... ихъ прозываютъ—замялся Хведько, не желая выдавать шуструю бабенку.

— Яка? Бачъ забувъ, не згадаешъ... Теперъ я зрозумила, поняла, чого ты такый, самъ не свій.... Помишала, не въ пору заявылася... и она съ рыданіями упала опять на подушкы.

---

[1]) Полъ—примостка изъ досокъ, замѣняющая кровать.

Хведько стоялъ, ошеломленный этими словами, этимъ взрывомъ ревности. Онъ не зналъ что сказать, чѣмъ успокоить молодицу, навзрыдъ плачущую, и въ то же время ему стала противна эта сцена. Но тѣмъ не менѣе нужно же было унять расходившуюся Мелашку, рыдавшую такъ, что не будь это ночь, кто-нибудь могъ бы слышать съ улицы эти рыданія.

— Тю! божевильна! Схаменыся! Чого ты? Выдумае!.. Не голосы, а то ще хто почуе—шепотомъ успокоивалъ онъ ее.

— А що мени, що почуе?!.. Нехай уси чують, уси нехай знають... Мени одно хоть заразъ усе выясныты на люде... съ плачемъ, въ экстазѣ говорила Мелашка... Я никого не боюся. Якъ оддавалы мене, уси зналы, що мене прысылувалы... Нехай теперъ уси, и батько и маты, знають и бачуть... Мени все ривно, хоть нехай заразъ же мене тутъ зъ тобою закопають, нехай хоть роздягнуту по вулыци водять..., не унималась она... Я смерть соби заподію—и она судорожно забилась на постели.

Растерянный совсѣмъ, не зная, что дѣлать, стоялъ надъ нею парень.

LIV.

Пока у Самченковыхъ въ домѣ ужинали „свои", пока Хведько возился съ молодицами, еле отдѣлавшись отъ одной и, не зная какъ унять расходившуюся другую, во дворѣ Тесливъ продолжалась процедура свадебнаго ритуала.

Во дворъ сквозь столпившихся любопытныхъ съ звяканьемъ поддужныхъ колокольчиковъ съ переливчатымъ громыханьемъ бубенчиковъ въѣхала тройка, везшая „молодыхъ князя и княгыню", а сейчасъ же за ними и всѣ поѣзжане. Когда молодые сквозь разступившуюся публику—молодая съ иконою—проходили въ хату, шедшія за ними „свитилка" и свашка Полька пропѣли:

Прывезлы вамъ скрыню й перыну
Ше й молоду княгыню.
Княгыню на здачу
А скрыню на прыдачу.—

Шедшій впереди молодыхъ дружко указалъ имъ поклониться въ ноги отцу-матери, старымъ Теслямъ, ожидавшимъ ихъ на лавкѣ, приставленной впереди стола съ хлѣбомъ и иконою. Пока молодые откланивались, икону молодой держала Полька, а послѣ подала ее Машкѣ, а та уже подала свекрухѣ, которая и умостила ее на „покути" рядомъ съ небольшою иконою, которою благословляли молодыхъ здѣсь. Князь отдалъ отцу поданный старостою хлѣбъ, а дружко на столъ положилъ лежень.

Послѣ этого, также какъ и въ домѣ Самченковыхъ, дружко завелъ „за столъ" и посадилъ рядомъ молодыхъ, также „поручъ" съ княземъ сѣла „свитилка", а около княгыни „свашка" и противу молодыхъ бояре, а въ сторонѣ стола старосты, также подавали почти тѣже кушанья, такъ же молодые ничего не ѣли, а съ ними и свашка Полька; такъ же молодой и бояре были въ шапкахъ; такое же шло подчиваніе всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ съ тѣми же требованіями отъ молодыхъ услажденія горькой водки поцѣлуями; такъ же молодые пребывали въ какомъ то гипнозѣ и, наконецъ такъ же они жались одно къ другому плечами и колѣнками ногъ; такъ же, но только безъ пѣнія, подѣлили лежень.

Пока въ хатѣ шло угощеніе, Сохва съ Максымомъ сидѣли на галерейкѣ особо отъ хаты стоящей коморы, куда были снесены по указанію кого-то „скрыня" и „подушкы". Долго имъ показалось такъ сидѣть.

Но вотъ засуетились зазирающіе въ окна, понатолпились къ крыльцу, показался свѣтъ въ сѣняхъ, а послѣ и на крыльцѣ: шла свитилка съ зажженною, торчащею изъ букета сухихъ „васильковъ и мьяты" восковою свѣчкою, а за нею дружко, ведущій молодыхъ. Онъ держалъ рукою конецъ платка, за другой конецъ котораго держался молодой, другою рукою державшій руку своей княгини. За ними слѣдомъ шла свашка Полька. Сохва и Максымъ отошли отъ дверей, которыя отперъ дружко и впустилъ въ нихъ молодыхъ и вслѣдъ за ними вошелъ самъ со свитилкою и свашкою. Когда совершенъ былъ обрядъ раздѣванія, Полька поцѣловала и перекрестила сестру, дружко, шеп-

нувъ что то молодому, потушилъ свѣчку, взялъ за руку свашку и со словами „заложить двери“—вывелъ ее изъ коморы.

Молодые остались сами.

Томительно долгомъ показалось всѣмъ время ожиданія, пока наконецъ послышалась пѣсня Польки, подхваченная Сохвой:

Ой спасыби та морозоньку
Шо не побывъ та колыноньки...
Не посмутывъ родыноньки,
Блызенькои и далекои,
Матинкы та ридненькои,
Батенька ридненького...

Осмѣлившіяся молодицы тихимъ шагомъ въ сопровожденіи дружка и слѣдующаго за ними Максыма шли къ хатѣ и все громче и громче оглашали ночь пѣніемъ:

Не бійся, матенько, не бійся!
У червони чоботы озуйся.
Топчы ворогы пидъ ногы
А супостаты пидъ пьяты,
Шобъ ажъ пидкивкы бряжчалы
И вороженькы мовчалы.
Темнаго лугу калына,
Чесного роду дытына:
Яку іи маты зродыла,
Така вона й доси ходыла;
Яка була у пелюшечкахъ
Така жъ и на подушечкахъ.

Въ какомъ то изступленіи все громче и громче кричали Полька и Сохва:

Червона въ лузи калына,
Чесного батька дытына,
По юлыцямъ ничью ходыла,
Та усе гараздъ чынила,
По вечерныцямъ гуляла,
Чести своей не стеряла:

Купци куповалы—
Не продала;
Хлопци прохали—
Не дала;
Шовкомъ ниженькы звязала
За для свого Иваночка держала.
Ой выйды сванечко проты насъ,
Прывитай невистоньку ты гараздъ.
Та зовы жъ ты насъ въ кимнату,
Почынай частуваты.
Та зовы жъ ты насъ въ горныцю,
Та за нашу сызую горлыцю.

Теслиха, распорядившаяся, какъ только послышалось пѣніе свашки, завѣсить иконы платками, вышла и ожидала въ сѣняхъ дорогихъ вѣстницъ.

— Сидайте жъ наши сваты люби да мыли. Спасыби жъ вамъ за вашу дытыну хорошу, честного роду, честного батька-матери!—и она въ поясъ поклонилась всѣмъ троимъ сватамъ.

— Иды й ты старый, прывитай сватывъ, подякуй за ихъ дочку, нашу невисточку.

— Спасыби, спасыби! Сидайте въ насъ, гости дороги будете—сказалъ молча по сю пору стоявшій „старый Тесля".

Подана была закуска и началось подчиванье водкою, при чемъ не допускалось отказа. По первой полной чаркѣ выпили всѣ отъ свата, послѣ отъ свахи—по второй. Молодымъ свитилка и боярынъ старшій понесли „вечерять", съ ними пошла и Сохва.

Не долго тамъ они были. Молодые чуть чуть дотронулись до „вечери", а подносимой водки не стали вовсе пить.

— Що жъ ходимте! Нехай соби почываютъ, воны помо-рылыся—сказала Сохва и, поцѣловавъ Машку, пошла первая изъ коморы.

Порѣшено было, что Сохва отправится „звистыты батька-матирь, для чего ее снабдили шишкою, лепестки коей перепутаны были красными нитками.

LV.

А въ хатѣ Сохвы Мелашка не унималась. Никакіе уговоры не пронимали ее: ни напоминанія о томъ, что съ улицы можетъ кто нибудь послышать, ни увѣренія Хведька въ томъ, что онъ даже и не разсмотрѣлъ въ темнотѣ, кто такая приходила именно за спичками. Каждое слово его еще больше раздражало разсвирѣпѣвшую молодицу, вызывало все болѣе рѣзкіе упреки и болѣе громкія рыданія. Такъ дѣло тянулось долго, и онъ положительно не зналъ что дѣлать; боялся, чтобы кто нибудь не подслушалъ этого рыданія, этихъ докоровъ. Онъ ушелъ изъ валькира и сѣлъ около окна въ хатѣ. Въ антрактахъ плача и рыданій, ухо его настораживалось въ сторону улицы. Вдругъ онъ услыхалъ топотъ ногъ на улицѣ, пріостановившійся у окна валькира, а затѣмъ уже отчетливо послышались чьи-то шаги, брякнула калитка и раздался стукъ въ двери. Въ отсунутыя Хведькомъ двери вошла Сохва, отъ которой пахло водкою.

— Ну, справылыся! Чесна наша Машка. Усе гараздъ! Мене оце прывезлы звистыты—скороговоркою одушевленно проговорила она, входя въ хату.

— А у васъ тутъ що таке? Хто се плаче, що ажъ на вулыци чуть?—Ой, що це я, якъ напылася, ажъ въ голови заходыть... Засвиты; отъ-тутъ у печурци сирныкы... Це вона? Чого це вона?—понизивъ голосъ, добавила, она; пошла прямо въ валькиръ и, дотронувшись до плеча Мелашки, сказала ей.

— Та хиба жъ такъ можна? Це й сябры почують; це ты й себе й мене острамышъ. Угомоныся, схаменыся... Отъ я заразъ, роспытаемося...

И она пошла къ сундуку, изъ котораго достала кусокъ краснаго кумача и, подавая его Хведьку, сказала:

— Иды до дому, тамъ визьмешъ жердку и выставышъ зъ цимъ... Титка Горпына покаже, якъ зробыть. Иды...

Когда онъ вышелъ, Сохва опять пошла въ валькиръ къ Мелашкѣ и, сѣвъ около нея, спросила.

— Ну, теперъ кажы, що и якъ у васъ тутъ выйшло? Кажы а то вже й до свиту не далеко, и тоби вже йты буде треба...

— Никуды я не пійду... куды мени йты?.

— Якъ це не пійдешъ?—спросила озадаченная этимъ отвѣтомъ Сохва... Шо се ты?

— Такъ и не пійду. Нехай уси знають... Никому ёго не попущу... Ни ій, ни тоби... Никому.

— Мени? Ій? Кому це?... изумлялась Сохва.

— Сама знаешъ, кому... Уси вы однакови. Теперъ винъ вамъ всимъ прыгодный. Теперъ я сама чула, бачыла... Зрозумила, чомъ ты такъ не хотила ключа мени давать одъ хаты. Уговорювала, що не годытся. Мени не годытся, а вамъ усимъ— и тоби, и тій годытся; все розибрала, все пойняла...

Мелашка говорила все громче и громче и все больше воодушевлялась... Не пьяна ли она? Не пили ли они тутъ съ Хведькомъ ради свадьбы?—пришло ей въ голову, но отъ нея водкою не пахло, а тѣмъ не менѣе нужно же было разобраться въ этомъ, понять въ чемъ дѣло, устранить скандалъ, компрометирующій ее самое, и себя и еще въ такое время, во время свадьбы, при чужихъ людяхъ.—Все это моментально промелькнуло въ мысляхъ Сохвы, въ ея немного охмѣлѣвшей головѣ.

А та не унималась.

— Я вже давно запрымитыла, що ты не такъ стала й прывичаты мене, якъ бы зъ нехотя. А воно бачъ що... Нехай же теперъ вси знають, яка я, та яки й вы вси... Мени теперъ одно зосталося.. А я безъ нёго й жыты не хочу... Уси вы за одно! У васъ ни совисти, ни сорома нема... Бачъ, ключа не хотила даваты... Соби ёго прыберегала, чы подрузи якій.

— Хто прыберегавъ? Якій подрузи? Схаменыся! Шо ты? Збожеволила?

— А тій, що тутъ до нёго прыходыла... За вогнемъ... Знаю, якого вогня ій треба... Хозяйкы! Чесно поводытесь. Така й ты, якъ й вси воны потаскухы!—въ иступленіи почти кричала Мелашка.

— Ты вже бачъ, и сама не знаешъ, що папляешъ... На себе бъ оглянулася: чоловика покынула й пишла по чужимъ

хатамъ ночувать, полюбовнычаты... не выдержала разобиженная Сохва... Ты лучше йды соби одъ мене; тутъ е твои батько й маты, до ныхъ иды, и тамъ що хочъ вытивай, а мене ты тутъ у моёму доми не страмы. Иды соби, а то отъ-отъ уже скоро й свитъ. Иды...

— Пійду, Пійду!.. Не выганяй!—Та тилькы не туды пійду, куды ты думаешъ.

— Куды знаешъ... це дило твое.

Мелашка схватила съ лавки свой головной уборъ и, не прощаясь, кинулась изъ хаты, оставивъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи Сохву. Она такъ и стояла среди хаты, грозная разсерженная, не зная, что дѣлать.

— Прыходыла за вогнемъ... Ничого не розумію; треба буде у нёго роспытать. Въ это время вошелъ Хведько.

— Що жъ зустривъ?

— Кого?

— Та іи жъ. До своихъ пишла.

— Ни, не стривавъ и на вулыци никого не выдно.

— Ну, такъ це вона пишла городамы. Тилькы ни: я чула якъ хвирткою брязнула.

Це й я чувъ—саме зъ своихъ воритъ выходывъ.

— Такъ це вона подалася ажъ на деревню—вже не що. Отъ божевильна! Чы це въ неи одъ того, ще вагітна ходыть... Ніякъ не вговорышъ. Якъ воно тутъ у васъ вышло?—говорила Сохва, немного успокоившаяся и сѣвшая около стола противъ Хведька.

— Хто його знае—якъ воно вышло, чого вона такъ росходылася—отвѣчалъ онъ.

— А хто же се прыходывъ за вогнемъ?

— Галька... Каже ничымъ ніякъ засвитыть.

— Ну, а вона й побачыла.

— Ни, вона іи не бачыла, бо я іи и въ хату не пустывъ; вона й сама не пишла, якъ дозналася, що я не самъ въ хати.

— Що жъ вона пьяна була? Пыла у васъ?

— Хто?

— Та ця жъ Галька...

— А! Було дило; мы зъ нею умисти ишлы до дому, такъ все спотыкалася, хваталася за мене... пиддержъ, каже, а то я пьяна—упаду.

— Ну?

— Та що жъ „ну“.

— А Мелашка й почула.

— Почула, тай почала прыставать. Це вона, каже, до тебе прыходыла, а я помишала; тимъ то, каже, Сохва й ключъ не хотила давать. Тимъ то, каже, ты такый...

— Якый?

— Та хто його знае, якый... Ни! тоби не слидъ було ключъ давать у таке время.

— У яке время?

— Та саме тоди, якъ свадьба йде—Машку повезлы.

— Хиба жъ вы зъ нею не змовлялыся повыдатыся сю ничъ у мене въ хати?

— Я й не говорывъ зъ нею, тилькы й того, що побачывъ іи на весилли.

— Гмъ!—что то соображала Сохва, не совсѣмъ уразумѣвшая, какъ это и что вышло.

— Ну, ничого! Обійдется, та така жъ и буде.—Сама розчовпе, що занапрасно озорылася... Иды ты; а я хоть трохы засну; дывысь ото вже й свитае...

LVI.

— Вставай! буде тоби спать! Отъ вже й молоди скоро прыйидуть, расталкивала Сохва заспавшагося въ коморѣ Хведька.

— Вже къ обидамъ берется....

Еле онъ успѣлъ сполоснуть заспанную физіономію, какъ дѣйствительно съ улицы донесся смѣшанный звукъ колокольчиковъ, пѣнія и музыки.

Къ воротамъ подъѣхали двѣ изукрашенныя тройки: дуги перевиты были красными поясами; коренныя лошади прикрывались большими кусками розоваго каленкора, пристебнутаго концами къ дугамъ и ремнямъ шлей; у пристяжныхъ на уздахъ около ушей бантики изъ красныхъ лентъ. Тарантасы были переполнены свадебными гостями, такъ что молодыхъ почти не видно было. Кромѣ ихъ, князя и княгини, пріѣхали Полька съ Максимомъ, дружко, свитилка, оба старосты и цѣлый оркестръ, состоящій изъ скрипки, цымбалъ и бубна. Къ воротамъ сбѣжались всѣ свободные отъ работы уличане и, разумѣется, дѣти.

Всѣ поѣзжане были сильно на-веселѣ.

Шествіе въ ворота открывалъ дружко съ большою перевитою красными нитками и украшенною кисточками „червоной“ калины шишкою. Въ другой рукѣ у него была бутылка, горлышко которой тоже было обвязано красною лентою, и заткнута пучкомъ калины. Слѣдомъ за дружкомъ шли молодые, блѣдные, усталые, конфузливые, но тѣмъ не менѣе обое очень красивые. Очипокъ съ головнымъ „вывъязаннымъ“ платкомъ былъ очень къ лицу Машкѣ; томный, усталый взглядъ ея дѣлалъ ее очень интересною. Съ еле засѣявшимся на верхней губѣ пушкомъ молодой мужъ ея, стройный, высокій—былъ какъ разъ ей подъ пару.

„Титка Горпына“ сама безъ мужа встрѣтила гостей впереди крыльца и, выслушавъ привѣтствіе дружка, поклонъ отъ свата и свахи и „подяку“ ихъ „за невисточку“, приняла шишку и бутылку. Затѣмъ дружко взялъ у старосты завязанные въ ситцевый платокъ новые башмаки и подалъ „титци Горпыни“ отъ зятя.

„Титка Горпына“ тутъ же, не отходя,—выподчивала данную ей бутылку водки и попросила гостей въ хату.

Взошли молодые, посаженные сейчасъ же на „покутѣ“ за столъ, дружко и одинъ изъ старостъ. Остальную компанію не скоро зазвали въ хату, такъ какъ они выплясывали около крыльца. Пришли еще сосѣдки молодицы и тоже плясали. При этомъ, кто какъ могъ, подпѣвали.

Послѣ недолгаго угощенія водкою и закускою гостей, вся компанія забрала съ собою „титку Горпыну“, „дядька Ивана“ и Хведька и пѣшкомъ отправились ажъ на Удильщину къ свекру. Дома осталась только Сохва на два двора.

Она наскоро поприбрала въ хатѣ Самченковыхъ, заперла двери и пошла къ себѣ. Выходя изъ воротъ, она встрѣтила бондаря.

— О! це жъ у насъ весилля,—такъ вже поводытся.

— Знаю, не первый годъ живу межъ хохлами! Здравствуй! Я вотъ зашелъ сказать, что на этой недѣлѣ должны пріѣхать наши, такъ чтобы знали. Что они скоро кончатъ эту гульню?.

— Та воны вже й кончылы. Теперь отъ сёгодня здаровуватымуть, тай усе. Зазовивъ, казалы, не буде: бо, бачъ, саме копка буракивъ настае...—объяснила Сохва.

— Ну, что жъ! Тѣмъ лучше. Наши до Козлова по чучунгѣ, а оттоль ужъ на лошадяхъ. Должно уже въ пути. Такъ вотъ и скажи имъ да—бишъ, ему, вѣдь онъ одинъ теперь остался...

—

Оцежъ тіи чоботы, що зять давъ;
А за ціи чоботы дочку взявъ.
Чоботы, чоботы вы мои
Чи будете жъ робыть дило вы мени?!
Оце жъ тіи чоботы зъ шкапыны,
Ой що далы за ридную дытыну...
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?..
Оце жъ тіи чоботы изъ бычка.....

Чи будете жъ робыть дило, якъ дочка?
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?.

Такъ пѣли Полька со „свитилкою“ подъ музыку и притопывали при каждомъ припѣвѣ, подвигаясь впереди всей „перезвы“ черезъ Бемовскій уже опустѣвшій базаръ и далѣе по улицѣ. Чѣмъ то печальнымъ звучалъ этотъ будто бы и плясовой мотивъ. Обыкновенно въ этой пѣснѣ изображаются сожалѣнія матери, отдавшей замужъ дочь и лишенной въ домѣ, въ хозяйствѣ ея помощи. Въ данномъ случаѣ не было такой матери, но тѣмъ не менѣе въ соблюденіе ритуала пѣсня пѣлась, музыканты вторили ей, и разумѣется—словъ изъ пѣсни не выкидывалось.

На ричку йшла—чоботы скрыпилы
А зъ ричкы йшла—чоботы хлюпалы.....
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?

Хведько шелъ понурившись и задумавшись. Мотивъ пѣсни грустно настроилъ его, слова напомнили ему объ его одиночествѣ. Посмотрѣлъ онъ на сестру, сидѣвшую со своимъ молодымъ мужемъ въ одномъ изъ двухъ, слѣдовавшихъ за „перезвою“, тарантасѣ. Жаль ему ее, но она, очевидно и не думала о немъ. Они, молодые, такъ плотно прижались другъ къ другу, они только и нужны были другъ другу,—все остальное для нихъ не существовало. Она даже ни разу и не глянула на него.

Но вотъ уже не далеко. Уже виднѣлся большой красный флагъ на высокомъ шестѣ, воткнутомъ около трубы дома Тесливъ; дѣтвора повысыпала навстрѣчу „перезвѣ“.

Ой прыйду я въ вечери до дому,
Не наношена за для печи солома...
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?

Ой прыйду жъ я до дому у ночи,
Нема жъ въ мене й жарыночкы у печи.....
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени—

продолжали молодицы, воспѣвая безпомощность матери...

Ой війшла жъ я въ нетоплену хату,
Тай лягла жъ я, не свитывшы спаты.....
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?..—

окончательно дорисовали онѣ безотрадное положеніе гдѣ то, очевидно, по старой привычкѣ загулявшейся матери, понадѣявшейся на дочь, забывъ, что ея уже нѣтъ, что она отдана за „чоботы зъ шкапыны", не замѣнившіе ей „риднои дытыны"...

У Тесливъ шелъ пиръ горой. Иконы были обвѣшаны „рушныкамы" молодой. Столъ былъ полный. Дружко обносилъ гостей подарками — ситцевыми платочкамы, при чемъ одаряемые „здаровувалы молодыхъ, кто чѣмъ могъ, кто „яловку" [1]) кто „ярку" [2]) а кто деньгами, разумѣется, мѣдными; „дядько Иванъ зъ титкою Горпыною"—колодку пчелъ. Хведько на тарелку положилъ ткнутую ему въ руку при отъѣздѣ изъ дому Сохвою трехрублевую бумажку. О всѣхъ дареніяхъ приставленный къ дружку въ качествѣ „пиддружаго" Максымъ по подсказу громко выкрикивалъ преувеличивая стоимость дара. „Яловку" называлъ коровою, ярку „отарою овецъ", колодку пчелъ—„пасикою" и т. д.

До поздняго вечера шло пированіе: пилила скрипка, брязгали цимбалы и гудѣлъ бубенъ; танцовали всѣ, а особенно молодицы, приплескивавшія въ ладоши и припѣвавшія иногда и не совсѣмъ скромныя пѣсни.

Хведько, какъ ни отказывался, долженъ былъ все таки выпить, и окончательно пьяный еле къ полночи очутился на

---

[1]) Яловка—корова безъ телка. Иногда такъ называютъ курицу, когда она перестала несть яйца.

[2]) Ярка—некотившаяся еще молодая овца.

крыльцѣ дома Сохвы и постучался въ двери; но едва переступилъ порогъ хаты, какъ совершенно безчувственный свалился на полъ и мертвецки заснулъ на подсунутомъ Сохвою подъ голову ему кожухѣ.

Б. Познанскій.

Памяти В. В. Тарновскаго.

13 іюня скончался въ Кіевѣ Василій Васильевичъ Тарновскій, одинъ изъ самыхъ страстныхъ любителей малорусской старины. Василій Васильевичъ родился 20 марта 1837 года въ имѣніи Антоновкѣ, полтав. губ., пирятинскаго уѣзда. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Москвѣ, потомъ учился въ инженерномъ училищѣ въ Петербургѣ, а высшее—въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ слушалъ лекціи по историко-филологическому факультету. По окончаніи университета, онъ служилъ сначала мировымъ посредникомъ, а потомъ былъ избираемъ предводителемъ дворянства борзенскаго и нѣжинскаго уѣздовъ. На этомъ посту онъ былъ безсмѣнно въ теченіе 18 лѣтъ. Умеръ онъ на 63 году жизни, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни.

Тяжкую утрату понесли украинцы со смертью Василія Васильевича Тарновскаго. Хотя въ литературѣ отъ него не осталось слѣдовъ, кромѣ изданныхъ имъ двухъ каталоговъ, но всѣмъ интересующимся изученіемъ южно-русскаго края, онъ былъ извѣстенъ, какъ собиратель предметовъ малорусской старины. И едва-ли кто-нибудь отдавался этому дѣлу съ такимъ усердіемъ, съ такой готовностью приносить жертвы и съ такимъ постоянствомъ, какъ покойный Вас. В—чъ. Занимаясь этимъ съ 18-лѣтняго возраста до момента смерти, онъ составилъ замѣчательное собраніе, которое въ появившихся послѣ его смерти некрологахъ оцѣниваютъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, но

которое для любителей малорусской старины безцѣнно, такъ какъ ни за какія деньги въ настоящее время уже невозможно составить другое подобное собраніе. Незадолго до своей смерти онъ издалъ каталогъ своего собранія, но не совсѣмъ полный. Именно, въ немъ отсутствуетъ Шевченковскій отдѣлъ, и хотя каталогъ этого отдѣла былъ изданъ отдѣльно нѣсколькими годами раньше, но тогда въ немъ были сдѣланы пропуски, которые мы своевременно указывали въ Кіевской Старинѣ, а кромѣ того онъ не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній о позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ по этому отдѣлу, а ихъ было не мало, ибо послѣ изданія означеннаго каталога В. В. Т—скій пріобрѣлъ большое количество рисунковъ Т. Г. Шевченка. Равнымъ образомъ, въ изданныхъ каталогахъ недостаетъ свѣдѣній о картинахъ, принадлежащихъ другимъ художникамъ, какъ напр., Штернбергъ, К. Маковскій, Рѣпинъ, Башиловъ, Де-Бальменъ и друг. Наконецъ, не были составлены и изданы каталоги отдѣла рукописей и библіотеки. Насколько намъ извѣстно, каталоги этихъ отдѣловъ, не вошедшихъ въ недавно изданный каталогъ, онъ собирался издать впослѣдствіи.

В. В. Тарновскій не принадлежалъ къ тѣмъ коллекціонерамъ, которые, собравъ сокровища, хранятъ ихъ подъ спудомъ и неохотно допускаютъ другихъ до пользованія ими. Напротивъ, онъ всегда былъ радъ предоставить каждому возможность пользоваться тѣмъ, что онъ собралъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ озабоченъ мыслью сдѣлать свой музей общественнымъ достояніемъ, доступнымъ для всеобщаго пользованія. Съ этой цѣлью онъ, еще много лѣтъ тому назадъ, дѣлалъ неоднократныя попытки (къ сожалѣнію—безуспѣшныя) убѣдить знакомыхъ ему богатыхъ людей къ пожертвованіямъ на устройство въ Кіевѣ музея. И если въ послѣднее время, когда въ Кіевѣ было приступлено къ постройкѣ зданія музея, онъ колебался между Кіевомъ и Черниговомъ въ рѣшеніи вопроса о томъ, куда отдать свое собраніе, то происходило это вслѣдствіе того, что, желая, чтобъ это собраніе навсегда сохранилось въ неприкосновенной цѣлости, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, гдѣ лучше это можетъ быть достигнуто. Въ концѣ концовъ музей свой покойный завѣщалъ губерн-

скому Черниговскому земству. Дай Богъ, чтобъ его желанія въ этомъ отношеніи исполнились и чтобъ его музей принесъ въ будущемъ наибольшую пользу, служа для изученія родного края, который онъ такъ любилъ.

Мы, близко знавшіе Василія Васильевича, въ особенности чувствуемъ тяжесть утраты, такъ какъ потеряли въ немъ не только собирателя интересной и дорогой для насъ коллекціи, но и милаго, симпатичнаго человѣка, дружелюбно встрѣчавшаго и объединявшаго у себя всѣхъ, кто раздѣлялъ его симпатіи къ родинѣ. Всѣ они находили у него радушный пріемъ, всѣ легко и хорошо чувствовали себя, собираясь у его огонька, и быть можетъ не одинъ изъ нихъ теперь задаетъ себѣ вопросъ: соберемся ли мы еще гдѣ нибудь такъ, какъ у него собирались?

Миръ праху твоему, вѣрный сынъ своей родины, добрый и симпатичный человѣкъ!

Н. Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О стихотвореніи „Славянамъ", приписанномъ Т. Г. Шевченку. Въ № 10-мъ 1897 года было напечатано у насъ проф. Н. И. Стороженкомъ стихотвореніе «Славянамъ», которое уважаемый нашъ сотрудникъ считаетъ принадлежащимъ перу Шевченка и находитъ, что мысли, выраженныя въ немъ, служатъ отраженіемъ взгляда кіевскаго кружка панславистовъ, и что такія-же мысли раздѣлялъ и Шевченко. По поводу этого стихотворенія въ галицкой газетѣ «Зоря» (1898 г. № 22 и 23) появились замѣтки гг. Коваленка и Франка, въ которыхъ авторы доказываютъ, что, по самому существу взглядовъ, высказанныхъ въ стихотвореніи «Славянамъ», оно не можетъ принадлежать Шевченку, и кромѣ того, характеръ рѣчи и стиха въ многихъ мѣстахъ совсѣмъ не шевченковскій. Оба названныя лица не сомнѣваются въ томъ, что авторомъ стихотв. «Славянамъ» былъ Н. И. Костомаровъ, который это стихотвореніе въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ напечаталъ впервые въ журналѣ «Основа» (1861 г. № 2) подъ псевдонимомъ «Іеремія Галка» и подъ заглавіемъ «На добра-ничъ», а затѣмъ внесъ въ «Збирныкъ творивъ», изд. въ 1875 г., откуда оно было перепечатано въ альманахъ «Чайка» 1876 г.

Въ виду возникшаго сомнѣнія, было-бы желательно прежде всего узнать, на какихъ данныхъ проф. Н. И. Стороженко, нашедшій стихотвореніе «Славянамъ» въ бумагахъ Н. И. Костомарова, хранящихся въ Архивѣ Департамента Полиціи, основалъ принадлежность его перу Шевченка, чтобы можно было съ большей опре-

дѣленностью рѣшать, кто-же дѣйствительный авторъ его. Но пока этихъ данныхъ мы не имѣемъ, мы считаемъ только обязательнымъ для себя подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя случайно оказались въ нашихъ рукахъ.

Прежде всего нѣсколько словъ о самыхъ стихотвореніяхъ «Славянамъ» и «На добра-ничъ»; въ чемъ ихъ сходство и различіе? По содержанію стих. «Славянамъ» всецѣло носитъ на себѣ отпечатокъ славянофильской идеи съ надеждой на оживленіе и обновленіе въ славянствѣ, а въ стих. «На добра-ничъ» высказывается мысль о человѣчествѣ вообще, съ надеждою, что настанетъ время обновленія его. Не смотря на это различіе въ содержаніи, отдѣльныя строчки и даже цѣлые куплеты оказываются почти тождественными, что и даетъ основаніе считать оба эти стихотворенія принадлежащими одному автору—и въ такомъ случаѣ, конечно, Н. И. Костомарову, подписавшему свой псевдонимъ (Іеремія Галка) подъ однимъ изъ нихъ. Но въ какое-же время написано одно стихотвореніе и другое? Проф. Н. И. Стороженко относитъ стих. «Славянамъ» или къ концу 1846, или къ началу 1847 года, а г. Франко не безъ основанія полагаетъ, что «На добра-ничъ» было написано впослѣдствіи, и въ немъ, по словамъ Франка, «позамазувано вси слиды славянофильства, а лышено тилько религійну мистику. Попикшися на гарячимъ, знаменитый историкъ готовъ бувъ и на холодне дуты». (Зоря 1893 г. № 23). По поводу этихъ соображеній уважаемаго галицкаго ученаго, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Начало стих. «На добра-ничъ» ясно указываетъ, что написано оно въ какую-то тяжелую минуту въ личной жизни автора, т. к. трудно предполагать только поэтическій пріемъ въ слѣдующихъ двухъ начальныхъ куплетахъ этого стихотворенія:

На добра-ничъ усимъ на ничъ—
Годи вже блукаты;
Одынокый, безталанный,
Ляжу спочываты.

—

Холодная постилонька
У темній дыброви:
Буду ждаты, сподиватысь
Любои обновы.

Въ какую именно минуту было написано это стихотвореніе, мы случайно имѣемъ возможность указать съ полной точностью. Въ нашихъ рукахъ находится экземпляръ «Збирныка творивъ Іереміи Галки» изд. 1875 г. съ автографомъ Н. И. Костомарова. Въ этомъ экземплярѣ единственно при стих. «На добра-ничъ» рукою Костомарова сдѣлана помѣтка: *«31 мая 1847 г. въ первый день заключенія въ крѣпость»*. Оказывается, такимъ образомъ, что промежутокъ между написаніемъ этихъ двухъ стихотвореній самый незначительный, и если они оба принадлежатъ перу Н. И. Костомарова, то, конечно, стих. «Славянамъ», какъ написанное раньше и уже арестованное у поэта, дало ему только отдѣльныя выраженія для творчества, возникшаго въ иныя минуты, въ иной обстановкѣ и на иную тему, и слѣдовательно — едва-ли можно сказать, что тутъ авторъ хотѣлъ умышленно *замазать всѣ слѣды своего славянофильства.*

Но вѣдь бываетъ и иначе: произведеніе чужое, но близкое сердцу, можетъ породить творчество подъ такимъ сильнымъ своимъ давленіемъ, что отдѣльныя фразы и даже куплеты окажутся общими. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ авторствѣ стих. «Славянамъ» мы считаемъ открытымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока проф. Н. И. Стороженко не укажетъ тѣхъ мотивовъ, которые заставили его признать здѣсь авторство Т. Г. Шевченка.

Еще два слова. Въ стихотвореніи «Славянамъ» одинъ куплетъ въ печати пропущенъ, какъ это и показано въ примѣчаніи къ нему; этотъ же куплетъ отсутствуетъ и въ печатномъ изданіи стих. «На добра-ничъ», но въ нашемъ экземплярѣ онъ приписанъ рукою Н. И. Костомарова точь въ точь такъ, какъ и въ стих. «Славянамъ». Послѣ куплета «Горе, горе богатому» стоитъ приписка:

Горе тимъ, котри говорять
Наша власть одъ Бога,
И безъ страху надъ собою
Не знають никого.

В. Науменко.

Малорусская пѣсня въ изданіи 1794 года. Какъ извѣстно, на знаменитомъ Потемкинскомъ праздникѣ, устроенномъ въ Таврическомъ дворцѣ 28 апр. 1791 года въ присутствіи императрицы Ека-

терины 2-ой *), въ ряду другихъ развлеченій, была исполнена малорусская хоровая пѣсня «На бережку у ставка», очень распространенная и въ настоящее время, какъ народная пѣсня, положенная на ноты для хора нашимъ талантливымъ композиторомъ Н. В. Лисенкомъ. Но кто-же и когда эту пѣсню положилъ на ноты въ прошломъ столѣтіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, и то не вполнѣ точный, мы можемъ дать, благодаря тому, что случайно въ Императорской Публичн. Библіотекѣ мы натолкнулись на печатное изданіе этой пѣсни въ Москвѣ 1794 года подъ такимъ заглавіемъ: «Малороссійская пѣсня *На бережку у ставка* съ полнымъ хоромъ и со всею вокальною и инструментальною музыкою. Москва 1794 г.» На обложкѣ виньетка съ рисункомъ играющихъ музъ. Не будучи специалистомъ въ музыкѣ, мы не можемъ судить о степени достоинства этой музыкальной обработки народнаго мотива, но насколько позволили намъ сдѣлать выводъ наши кое-какія музыкальныя свѣдѣнія, мы считаемъ, что какъ основной мотивъ, такъ и многія частности вполнѣ сходятся съ современной разработкой этой пѣсни у Н. В. Лисенка. Что-же касается текста словъ, то въ этомъ изданіи 1794 года онъ искаженъ иногда до утраты всякаго смысла. Одно только несомнѣнно, что въ теперешнемъ исполненіи текстъ этой пѣсни далеко не полонъ, почему мы и считаемъ нужнымъ воспроизвести его въ старой записи конца прошлаго вѣка, всѣ ошибки исправляя и показывая ихъ только въ выноскахъ.

На бережку у ставка,
На *дощечци* [1]) у млынка
Хвартухъ прала дивчына [2]),
Плескалась якъ рыбчина [3]),
Тай упала *въ ставъ небога* [4]).
Гей, *немае* [5]) тутъ никого,
Ой никому подбигты,
Щобъ дивчыну вытягты.
Крычыть *проби іи маты* [6]),
Щобъ дивчыну ратуваты,
Каже, що за працю тую

---

*) См. описаніе его въ сочин. Г. Р. Державина, изд. Акад. Наукъ, т. I СПБ. 1864 г., стр. 413.

[1]) На *дощечьнѣ;* [2]) дивчино; [3]) рыбчино; [4]) *вставъ ни мого*; [5]) нимае; [6]) пробе *чей и* маты.

И дивчыну подарую.
Гей дивчына уродлыва,
Румяная, чорнобрива,
Оченьки, якъ *ясоньки* [7]),
Губоньки, якъ розоньки,
Рученьки *манесеньки* [8]),
Ноженьки *билесеньки* [9]),
Гарная, якъ квиточка,
Любая, якъ рыбочка,
Тай уміе танцювать,
Зъ козакамы *жартувать* [10]).
Ажъ козакъ тутъ и вродывся,
Заразъ въ ставокъ опустывся,
Знайшовъ швыдко винъ дивчыну,
Та и вытягъ якъ рыбчыну.
Гей козаче уродлывый,
Молоденькый тай жартлывый [11]),
Усоньки чорнявыи,
Зубоньки перловыи,
Чубчыкъ твій круглесенькій,
Тай жупанъ сынесенькій,
Червоная шапочка,
Тая *огулярочка*, (?)
Сафьянови чобитци,
Тай шабелька *пры боци* [12]).
Стережыся дивчыно,
Моя люба рыбчыно,
Одна къ млынку не ходы,
Тай въ ставочокъ [13]) не впады,
Вжежъ въ ставочку не згребешся,
Къ бережечку не збредешся [14]).
Ой та дуже працювавъ,
Якъ я тебе [15]) вытягавъ,

---

[7]) ясонъки; [8]) мянесеньки; [9]) конечно, въ этихъ двухъ стихахъ—наоборотъ; [10]) ж*и*ртовать; [11]) жиртливый; [12]) при бо*тци*; [13]) въ ставо*чихъ*; [14]) этого стиха издатель совсѣмъ не понялъ, почему поставилъ только „*къ берслечку.....*“; [15]) *чи якъ тоби.*

Для гарного *твого* [16]) стану
Чы я *тебе не* [17]) достану.
Я-жъ въ вечиръ буду блызенько,
Прыйды до мене серденько;
Ты-жъ дивчына уродлыва,
Румяная чорнобрива:
Оченьки якъ ясоньки и т. д. [18])
Гей козаче любесенькій,
Мій голубе сызесенькій,
Потанцюй зо мной, якъ можешъ,
Пожартуй соби [19]), якъ хочешъ,
За твою я працю тую
Все [20]), що маешъ, *поцилую* [21]):
Усоньки чорнявыи и т. д. [22])
Колыжъ доля то моя,
Нехай буду я твоя.

В. Н.

Письмо П. А. Кулиша къ М. А. Максимовичу. П. А. Кулишъ, дружба котораго съ М. А. Максимовичемъ была довольно тѣсная въ началѣ 50-хъ годовъ, но къ концу ихъ значительно ослабѣвшая, а затѣмъ и совсѣмъ прекратившаяся, познакомился съ нимъ въ Кіевѣ, во время профессорства Максимовича въ Кіевскомъ университетѣ. Къ этимъ первымъ годамъ знакомства относится и печатаемое ниже письмо его къ Максимовичу въ 1841 году, когда Кулишъ былъ учителемъ въ Луцкомъ училищѣ, а Максимовичъ, отказавшись отъ ректорства, оставался профессоромъ русской словесности. Какъ къ человѣку вліятельному, Кулишъ и обращается между прочимъ въ этомъ письмѣ къ нему за содѣйствіемъ въ дѣлѣ устроенія ему возможности пользоваться библіотекой Олезара, переданной Луцкому училищу.

«М. Г. Михаилъ Александровичъ! Марта 15 я прислалъ Вамъ письмо, и намѣренъ былъ писать къ Вамъ не прежде какъ по полученіи «дражайшихъ Вашихъ Кіевлянинова», *) но вдругъ одинъ

---

[16]) *твиго*; [17]) *тоби ни*; [18]) повторяется 8 стиховъ; [19]) пожиртуй *саби*; [20]) *всіо*; [21]) поцалую; [22]) повторяется 6 стиховъ.

*) Изданы Максимовичемъ въ 1840 г. и 1841 году.

случай заставилъ меня, не дождавшись Вашего отвѣта, за первымъ Луцкимъ письмомъ моимъ послать въ догонку это письмо въ видѣ прибавленія. Узналъ я, что у смотрителя хранится библіотека, принадлежавшая Олезару и заключающая въ себѣ до двухъ тысячъ книгъ, большею частію на Польскомъ и Французскомъ языкахъ. Каталогъ этихъ книгъ отосланъ къ «высшему начальству», и уже два года смотритель ожидаетъ резолюціи—куда дѣвать ихъ. Между тѣми книгами (говорилъ мнѣ учитель исторіи: самъ я не имѣлъ счастья даже видѣть эту библіотеку) есть всѣ польскіе историки и хроникары, много рукописей и—что всего важнѣе—рукописное подробное описаніе Польскихъ сеймовъ; сверхъ того много историческихъ книгъ разнаго рода, есть романы Вальтеръ-Скотта и пр. Я просилъ смотрителя позволить мнѣ порыться въ этой библіотекѣ, но онъ, не взирая на всѣ мои мольбы, не далъ мнѣ ни одной книги, отговариваясь единственно тѣмъ, что онъ давалъ въ прошломъ году на вакаціяхъ книгъ три учителю исторіи, который, повезши ихъ въ деревню, продержалъ у себя цѣлую недѣлю долѣе положеннаго срокъ, что онъ, смотритель, очень этимъ встревожился, думая, что онѣ пропадутъ, и съ того времени поклялся не давать никому ни подъ какимъ видомъ. Вотъ и выходитъ на дѣлѣ, что собака лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другому не даетъ! Это глупое упрямство очень меня огорчаетъ, лишая меня рѣдкаго случая—читать въ уѣздномъ городѣ превосходныя книги; и я рѣшился безпокоить Васъ моею просьбою—устроить дѣло какъ нибудь такъ, чтобъ—или Михайло Владиміровичъ [1]) написалъ смотрителю о свободномъ пропускѣ меня въ Олезаровскую библіотеку, или что нибудь иное Вы придумайте, только покорнѣйше прошу Васъ доставить мнѣ право безпрепятственно рыться въ тѣхъ книгахъ, сколько моей душѣ будетъ угодно.

Можетъ быть отыщу въ польскихъ рукописяхъ что нибудь и для Вашего Кіевлянина.

Я за 6 р. серебромъ въ мѣсяцъ имѣю квартиру прекрасную со столомъ: три комнаты на второмъ этажѣ; съ балкона видны лавки и базаръ, какъ на ладонѣ. Спокойствіе всевозможное, потому что нижній этажъ со сводами, сквозь которые ничего не слышно. Въ одной комнатѣ мнѣ спальня и кабинетъ, въ другой я принимаю гостей, а въ третьей спальня для моего слуги и кладовая. Слуга мой хотя

---

1) М. В Юзефовичъ.

полякъ, но не такъ глупъ, какъ Вашъ Доминикъ, жалованья же ему всего—2 руб. въ мѣсяцъ на его платьи. Обзавелся я также, по Вашему наказу, самоваромъ, чашками (хотя здѣсь во всѣхъ домахъ, кромѣ Данилова, пьютъ чай мужчины и дамы стаканами!), обзавелся ложечками, сахарницею и пр.,—словомъ, устроилъ чай точно такъ, какъ у Васъ, не достаетъ только еще Васьки.—Впрочемъ, бываетъ иногда грустно: здѣсь всѣ меня любятъ и ласкаютъ, но какъ то ни къ кому сердце не лежитъ, и не отраду, а какую-то усталость чувствуешь, отвѣчая этимъ людямъ на знаки дружества.

На безрыбьи и ракъ рыба, а на безлюдьи и Хома человѣкъ; такъ и я здѣсь, въ Луцкѣ, занимаю видное мѣсто и пользуюсь едвали не такимъ уваженіемъ, какъ напримѣръ... нѣтъ примѣра на этотъ мигъ. Особенно Ваше письмо къ Зѣновичу подняло меня въ общемъ мнѣніи цѣлымъ аршиномъ выше. Даже самъ смотритель сталъ ко мнѣ почтительнѣе, такъ что даетъ мнѣ руку, чего ни одинъ подчиненный отъ него еще не удостоялся. Ксензы же, между которыми Зѣновичъ стоитъ какъ-бы главою и съ которыми онъ меня познакомилъ, принимаютъ меня съ знаками величайшаго уваженія.

Но меня больше всего этого радуетъ то, что я передъ учениками съумѣлъ повести себя такъ, что безъ всякихъ наказаній заставилъ ихъ повиноваться мнѣ безусловно: уроки выучиваютъ отлично, а въ классѣ во время моей лекціи такъ тихо, какъ въ университетской аудиторіи, чего другіе учители не могутъ добиться никакими строгостями.

Ожидая съ нетерпѣніемъ рѣшенія моей просьбы, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Пантелеймонъ Кулѣшъ».

1841 года, марта 25 Луцкъ.

Къ XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ. Въ газетѣ «Волынь» (№ 41) напечатана статья проф. В. Б. Антоновича о предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, которую мы позволяемъ себѣ перепечатать цѣликомъ, въ интересахъ сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, идущихъ отъ лица, такъ близко стоящаго къ тому дѣлу.
«1 августа текущаго года откроетъ свои засѣданія въ Кіевѣ одинадцатый русскій археологическій съѣздъ. Русскіе археологиескіе съѣзды

организованы были по иниціативѣ покойнаго графа А. С. Уварова; первый изъ нихъ собрался въ Москвѣ въ 1868 г. и съ того времени регулярно черезъ каждые три года собирались съѣзды каждый разъ въ иномъ городѣ; въ двухъ только городахъ съѣзды назначены были по 2 раза: въ Москвѣ (1 и 8-ой) и въ Кіевѣ (3 и 11-ый). Излишне было-бы говорить о той пользѣ, какую принесли археологическіе съѣзды русской наукѣ: археологіи и исторіи и вообще русскому самопознанію. Возможность обмѣняться мыслями съ знатоками русскихъ древностей и русской исторической старины, возможность въ кругу спеціалистовъ выдвинуть новые, нерѣшенные въ наукѣ или неясные вопросы, наконецъ побужденіе изготовить къ съѣзду извѣстное количество докладовъ, которые безъ этого побужденія залежались-бы въ портфеляхъ и, можетъ быть, никогда не были-бы изданы—вотъ тѣ стимулы, которые, благодаря съѣздамъ, сообщаютъ болѣе живой ходъ научнымъ изслѣдованіямъ. Интеллигентная русская публика оцѣнила это значеніе съѣздовъ, и сочувствіе ея выразилось постояннымъ приростомъ количества членовъ съѣзда (цифра которыхъ съ 200 возрасло до 1200), значительнымъ увеличеніемъ количества рефератовъ, представляемыхъ для доклада, и оживленностью происходящихъ на засѣданіяхъ дебатовъ.

Мѣняя каждый разъ мѣсто своихъ засѣданій, бюро съѣзда поставляетъ своею цѣлью сосредоточить вниманіе своихъ членовъ на изслѣдованіи древностей области, въ которой съѣздъ намѣренъ собраться. На послѣднемъ съѣздѣ, состоявшемся въ Ригѣ въ 1896 г., большинствомъ членовъ ученаго комитета съѣзда высказано было желаніе посвятить занятія слѣдующаго съѣзда по преимуществу изслѣдованію Волыни; если мѣстомъ засѣданій съѣзда и рѣшено было избрать Кіевъ, то лишь потому, что техническія условія собранія съѣзда въ любомъ волынскомъ городѣ, сохранившемъ памятники старины (Владиміръ, Луцкъ, Кременецъ, Дубно), представляли непреоборимыя препятствія, главное-же изъ нихъ состояло въ невозможности помѣстить многочисленныхъ гостей въ названныхъ городахъ.—Тѣмъ не менѣе, не смотря на мѣсто, избранное для засѣданій, съѣздъ сохранитъ преимущественно волынскій характеръ. Въ программѣ занятій съѣзда, изданной предварительнымъ комитетомъ, количество темъ для рефератовъ, посвященныхъ Волыни, составляетъ большую половину всѣхъ поставленныхъ вопросовъ; въ теченіе двухъ лѣтъ комитетъ давалъ командировки многимъ своимъ

членамъ для изслѣдованія волынскихъ памятниковъ старины. Лицами этими раскопано было нѣсколько сотъ кургановъ, сняты планы многихъ городищъ, осмотрѣны памятники церковнаго зодчества и живописи, изучены мѣстныя коллекціи древностей, мѣстные архивы, библіотеки и т. п.; результаты этихъ экскурсій будутъ доложены на съѣздѣ. Конечно, всѣ заботы предварительнаго комитета не были бы въ состояніи сколько-нибудь удовлетворительно выполнить предложенную задачу изслѣдованія волынскихъ древностей безъ поддержки мѣстныхъ представителей интеллигенціи, на которую комитетъ вполнѣ разсчитывалъ, руководясь опытомъ предъидущаго археологическаго съѣзда, собиравшагося въ Кіевѣ въ 1874 году; хотя въ то время волынскія древности и не были поставлены на первомъ планѣ, тѣмъ не менѣе многіе интеллигентные жители Волыни приняли въ немъ дѣятельное участіе. Въ трудахъ III съѣзда помѣщены были рефераты, относящіеся къ исторіи и археологіи Волыни, изъ которыхъ нѣкоторые привнесли весьма цѣнный вкладъ въ науку; таковы: капитальная статья Н. П. Дашкевича «о Болоховской землѣ», изслѣдованія по первобытной исторіи Волыни гг. Оссовскаго, Волошинскаго, Рогге, изслѣдованіе г. Романовскаго о Константинѣ Острожскомъ и т. п.—На этотъ разъ надежды комитета также вполнѣ оправдались: помимо полнаго сочувствія и помощи, которыя оказаны были интеллигентными людьми Волыни лицамъ, предпринимавшимъ экскурсіи, многіе любители и знатоки мѣстной исторіи и археологіи заявили уже о своемъ желаніи представить на съѣздъ рефераты, касающіеся различныхъ вопросовъ мѣстной археологіи и исторіи; владѣльцы коллекцій древностей волынскихъ предложили обязательно выслать свои коллекціи на выставку, устраиваемую при съѣздѣ; многіе изъ нихъ исполнили уже свое обѣщаніе. Комитетомъ выставки получены уже собранія древностей волынскихъ отъ волынскаго церковно-археологическаго общества, отъ гг. П. И. Тиховскаго, Л. Житинскаго, Ф. К. Пулавскаго; другія коллекціи вскорѣ ожидаются. Засѣданія съѣзда будутъ происходить по секціямъ, которыхъ по программѣ предварительнаго комитета предполагается 11: 1) древности первобытныя, 2) историческая географія и этнографія, 3) памятники искусствъ и художествъ, 4) бытъ домашній, юридическій и общественный, 5) памятники языка и письма, 6) древности церковныя, 7) древности классическія и византійскія, 8) древности западныхъ и южныхъ славянъ, 9) древности восточныя, 10) нумизматика и сфра-

гистика, 11) археографія. Ученый комитетъ съѣзда обыкновенно старается распредѣлить засѣданія такимъ образомъ, чтобы предоставить членамъ съѣзда возможность присутствовать на засѣданіяхъ всѣхъ секцій; только, въ случаѣ слишкомъ большого скопленія представленныхъ рефератовъ двѣ секціи засѣдаютъ параллельно въ одно и тоже время.

При съѣздѣ будетъ устроена въ зданіи университета выставка предметовъ древности, которая будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) древности первобытныя 2) древности историческія, 3) древности церковныя, 4) старопечатныя книги и рукописи, 5) историческія карты. Сверхъ того, учрежденія и лица, владѣющія обширными коллекціями древностей въ Кіевѣ, откроютъ свои музеи для членовъ съѣзда. Обѣщанія въ этомъ отношеніи даны: церковно-археологическимъ обществомъ, городскимъ музеемъ древностей и искусствъ, и гг. Ханенко, Тарновскимъ и Хойновскимъ.

Во время съѣзда предполагается совершить рядъ экскурсій какъ для осмотра древнихъ памятниковъ Кіева, такъ и для раскопокъ на одномъ изъ ближайшихъ къ городу могильниковъ, а также экскурсія по Днѣпру съ цѣлью посѣтить: Триполье, Переяславъ и Каневъ.

Текущія извѣстія.

Часы Т. Г. Шевченка. Лица, чтущія память нашего *Кобзаря*, бережно сохраняютъ всѣ предметы, связанные съ его жизнью, очевидно имѣя въ виду, что въ будущемъ создастся полная Шевченковская коллекція, или въ формѣ спеціальнаго отдѣла въ какомъ-либо музеѣ, или даже въ видѣ особеннаго Шевченковскаго музея. Извѣстно, что до сихъ поръ наиболѣе обширное собраніе такихъ предметовъ находилось въ частномъ музеѣ скончавшагося на дняхъ В. В. Тарновскаго, но многое остается еще на рукахъ у отдѣльныхъ лицъ. Такъ, недавно намъ переданы стѣнные часы Т. Г. Шевченка, бывшіе свидѣтелемъ его послѣднихъ дней и даже минутъ жизни. Часы эти, сейчасъ-же послѣ похоронъ поэта, были переданы редактору «Основы» В. М. Бѣлозерскому съ тѣмъ, чтобы они были повѣшены въ школѣ

имени Шевченка, которую почитатели памяти его предполагали устроить на родинѣ поэта, въ Малороссіи; но такъ-какъ школа эта тогда не осуществилась, то В. М. Бѣлозерскій вручилъ эти часы А. Ф. Кистяковскому, состоявшему въ то время помощникомъ редактора «Основы» и въ началѣ 60 хъ годовъ переѣзжавшему изъ Петербурга въ Кіевъ для продолженія своихъ научныхъ работъ. Хранились они у покойнаго проф. А. Ф. Кистяковскаго до самой его смерти въ 1885 году, а затѣмъ съ такой же заботливостью сберегались и женой его. На дняхъ вдова проф. А. Ф. Кистяковскаго передала эти часы въ нашу редакцію съ тѣмъ, чтобы они хранились у насъ впредь до устроенія какого-нибудь опредѣленно установленнаго Шевченковскаго собранія предметовъ, связанныхъ съ его именемъ.

Принося глубокую благодарность А. И. Кистяковской за сбереженіе этой памятки нашего *Кобзаря* и за предоставленіе ея въ общественную собственность, мы вмѣстѣ съ тѣмъ обращаемся ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя какіе-либо предметы, связанные съ именемъ Т. Г. Шевченка, съ просьбою или дать о нихъ извѣстіе путемъ печатнаго слова, или сдѣлать ихъ общественною собственностью.

Памятникъ Т. Шевченку въ Стрыѣ. Галичане, преклоняющіеся предъ памятью великаго поэта Т. Г. Шевченка, положительно перещеголяютъ насъ въ дѣлѣ сооруженія ему памятниковъ въ разныхъ мѣстахъ Галичины. Такъ, нами сообщено было (см. № 1-ый), что Михайло Маковей Маховичъ, гражданинъ Львова, предполагаетъ соорудить памятникъ Шевченку во Львовѣ на свои средства; затѣмъ, «Товариство имени Шевченка» ходатайствовало о наименованіи одной площади во Львовѣ «площадью Тараса Шевченка», разсчитывая тамъ поставить ему памятникъ (см. № 3—й). Теперь мы читаемъ въ галицкихъ газетахъ извѣстіе, что въ Стрыѣ 7 мая устроенъ былъ обществомъ «Мищанська бесида» вечеръ въ память Т. Шевченка, сборъ съ котораго предназначенъ на сооруженіе памятника поэту въ Стрыѣ. (Русланъ, № 89).

Народный праздникъ во Львовѣ въ честь Т. Шевченка. Ежегодно устраиваютъ въ Галичинѣ въ разныхъ мѣстахъ поминки по Т. Шев-

ченкѣ, но всѣ эти торжества предназначаются обыкновенно для интеллигентной публики; простой же людъ совершенно на нихъ не присутствуетъ. Въ текущемъ году «Товарыство Просвита» порѣшило восполнить этотъ недостатокъ и устроило во Львовѣ 14-го мая концертъ въ память 38-й годовщины смерти поэта, составивъ программу, приноровленную къ потребностямъ и пониманію простого народа. Наиболѣе выдающимися номерами были бесѣды Романчука, популярно изложившаго политическую исторію Руси, и Лэвицкаго, сумѣвшаго сыграть на нервахъ слушателей и тѣмъ произвесть эффектъ. Къ со жалѣнію, содержанія его бесѣдъ газета «Русланъ», изъ которой мы заимствуемъ это извѣстіе, не приводитъ. (Русланъ, № 98).

Литературно-драматическое общество въ Бродахъ. Мысль учрежденія *народныхъ домовъ*, получившая въ послѣднее время такое широкое распространеніе у насъ въ Россіи, была давнишнею мечтою и у нашихъ собратовъ—галичанъ, но недостатокъ средствъ былъ тамъ всегда причиною довольно слабаго осуществленія этой мечты. Поэтому съ большимъ удовольствіемъ прочитали мы извѣстіе, что въ Бродахъ русины устраиваютъ теперь «литературно-драматычне товарыство», которое будетъ называться «Русскій театръ въ Бродахъ»; уставъ его уже посланъ на утвержденіе. Одной изъ задачъ этого «товарыства» будетъ созданіе въ Бродахъ народнаго дома съ зрительной залой средства для чего предполагается собирать съ любительскихъ спектаклей и концертовъ, а также и изъ пожертвованій. (Русланъ, № 84).

Воззваніе «Першого руського литературно-драматичного общества въ Коломыи». Немногимъ, можетъ быть, теперь извѣстно существующее еще съ 1880 года въ Коломыѣ общество литературно-драматическое, ставящее своей задачей распространеніе драматическаго искусства, матеріальную поддержку разныхъ народныхъ учрежденій и основаніе въ Коломыѣ «Руського Народного Дому». Довольно много сдѣлано было этимъ Обществомъ, особенно въ первые годы его существованія; такъ, оно поддерживало любительскую труппу въ Коломыѣ, собирало средства, на которыя пріобрѣло мѣсто для постройки народнаго дома, и основало довольно значительный капиталъ на

сооруженіе его; въ настоящее время уже выводятся даже стѣны этой въ будущемъ величественной постройки. Новое правленіе этого общества, рѣшившись поднять упавшую было въ послѣднее время дѣятельность общества, между прочимъ обращается съ воззваніемъ къ публикѣ помочь ему создать «першу провинціальну библіотеку на Галицькій Руси», цѣль которой дать возможность галицкой интеллигенціи читать побольше книгъ вообще, а особенно своихъ. Благодаря пожертвованіямъ, такая библіотека въ нѣсколько сотъ книжекъ уже составилась и открыла свои дѣйствія 1 мая текущаго года, пока только для членовъ «Общества». Для расширенія дѣятельности этой библіотеки, правленіе Общества обращается ко всѣмъ писателямъ, редакторамъ и издателямъ съ просьбою о присылкѣ въ библіотеку книгъ, брошюръ и журналовъ «безъ огляду на ихъ змистъ и языкъ, въ якимъ воны написани, въ першій линіи само собою розуміются руськи выдання». Газета «Русланъ», привѣтствуя этотъ починъ Общества, высказываетъ однако желаніе, чтобы новый духъ въ немъ уничтожилъ старыя традиціи, выражавшіяся въ смѣшеніи языковъ. (Русланъ, № 83).

Вопросъ о языкѣ рефератовъ галицкихъ ученыхъ на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Предсѣдатель «Товариства имени Шевченка» во Львовѣ, проф. Грушевскій обратился въ предварительный кіевскій комитетъ по устройству съѣзда съ запросомъ отъ имени членовъ «Товариства», могутъ-ли они разсчитывать на допущеніе чтенія рефератовъ своихъ на галицко-украинскомъ языкѣ, т. к. въ противномъ случаѣ они лишены будутъ возможности принять участіе въ съѣздѣ. Предварительный кіевскій комитетъ, считая себя некомпетентнымъ рѣшить этотъ вопросъ, обратился въ Императорское Московское археологич. Общество, откуда послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. По этому поводу нѣкоторыя русскія газеты заговорили тономъ негодованія, считая фактъ чтенія ученыхъ рефератовъ на галицко-украинской рѣчи чѣмъ-то немыслимымъ, а иныя попробовали сфиглярничать, какъ напр. «Русское Слово», остроумничающее на ту тему, что археологи пустятся, чего добраго, танцовать «гопака», и заканчивающее свои остроумія словами: «И этакій инцидентъ происходитъ въ ученомъ обществѣ! Бѣдная наука!». «Южный Край» (№ 6323), приведши этотъ своеобразный пріемъ рѣшенія вопрса,

совершенно основательно замѣчаетъ: «Авторъ жалѣетъ о наукѣ совершенно напрасно. На съѣздѣ «гопака» навѣрное танцовать не будутъ; малорусскіе доклады, столь сильно смущающіе автора, будутъ читать не «хохломаны», а галицкіе ученые, и будутъ читать по-малорусски потому, что по-русски не знаютъ; касательно-же пониманія докладовъ на малорусскомъ языкѣ тоже безпокоиться нечего: русскіе ученые давно знакомы съ галиційскими изданіями, къ тому-же далеко не всѣмъ малорусская рѣчь кажется такой тарабарской грамотой, какой представляется она автору замѣтки».

Мы слышали, что вопросъ этотъ, такъ научно-объективно рѣшенный Императ. Московск. археологич. обществомъ, понявшимъ, конечно, что въ область науки грѣшно вводить политиканство, опять вошелъ въ новую фазу затрудненій, благодаря тому, что представитель университета, въ зданіи котораго будутъ происходить засѣданія съѣзда, усомнился въ томъ, вправѣ-ли *онъ разрѣшить чтенія для галицкихъ ученыхъ на ихъ книжномъ языкѣ въ университетскихъ стѣнахъ* (sic!).

Въ № 5-мъ нами сообщено было со словъ «Сына Отечества», что въ главное управленіе по дѣламъ печати поданъ сборникъ произведеній Пушкина въ переводѣ на украинскій языкъ. Теперь изъ «*С.-Петербургск. Вѣдом*». (№ 140) узнаемъ, что сборникъ этотъ не разрѣшенъ къ напечатанію на томъ основаніи, что цензурнымъ вѣдомствомъ понимается указъ 1876 г., кажется, не совсѣмъ вѣрно, т. к. въ немъ сказано, что воспрещается въ Россіи печатаніе и изданіе оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малороссійскомъ нарѣчіи, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности. С.-Петерб. Вѣдом., съ прискорбіемъ отмѣчая фактъ запрещенія переводовъ произведеній Пушкина на малороссійскую рѣчь, заканчиваетъ замѣтку такими словами: «Наканунѣ всероссійскихъ торжествъ, связанныхъ съ именемъ Пушкина, авторы инкриминированныхъ переводовъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ почитатели красивой и выразительной малорусской рѣчи, вправѣ поставить вопросъ: могъ-ли бы у русскаго народа развиться поэтъ такой необычайной силы, какъ Пушкинъ, еслибы употребленіе живого великорусскаго языка подвергалось такому же гнету, какимъ сдавлена теперь малорусская литература?»

Къ памятнику И. П. Котляревскому. Комиссія по постановкѣ памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ въ послѣднемъ своемъ засѣданіи остановила вниманіе на площадкѣ за соборомъ, вблизи бывшаго домика писателя, гдѣ теперь городская бесѣдка, и рѣшила здѣсь поставить памятникъ. Для этой цѣли предположено также пріобрѣсти смежную съ площадкой усадьбу Кальченка и устроить тамъ паркъ. (Извѣст. книж. маг. тов. М. О. Вольфа, № 7—8).

Поправка. Въ іюньской книжкѣ журнала, въ некрологѣ кн. Долгорукова, оказалась крупная опечатка, а именно: вмѣсто *тридцатилѣтній* напечатано *тринадцатилѣтній*.

Библіографія.

«Материяли до украиньско-руської етнольогії», *выданне етнографичної коммісиї за редакциею Хв. Вовка, т. І* (Наукове Товарпство ім. Шевченка у Львови). XIX+228+22+11.

Малорусская этнографія обогатилась вышедшимъ недавно во Львовѣ новымъ, очень интереснымъ по своему содержанію сборникомъ: «Материяли до украинсько-руської етнольогії». Въ предувѣдомленіи «Від Редакциі» Хв. В. разсматриваетъ «теперішний стан і задання української етнольогії».—Антропологія, какъ наука, появилась недавно; гораздо раньше ея существовали геологія, палеонтологія и біологія. Около половины нынѣшняго столѣтія стали интересоваться разными видами антропологіи: спеціальной антропологіей («наука про чоловіка і ріжні його породи або раси з погляду морфольогично-біольогичного»), палеоэтнологіей («про найдавнїйших людей і їхне життє у передісторичні часи») и соціологіей, наукой «про громадське життє людей». Позже другихъ видовъ антропологія явилась этнологія съ этнографіей («про окрімні народи, їх расовий склад і побит»). Своей задачей этнографы поставили собрать побольше матеріала, привести его въ систему и подвергнуть потомъ научной обработкѣ. Первой по времени появленія и по степени развитія дѣла является этнологія въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ; но и здѣсь, и въ Западной Европѣ главное вниманіе изслѣдователей почти исключительно обращено на изученіе «малокультурних позаевропейських людських пород». Нѣсколько иначе сложилось это дѣло среди славянскихъ народовъ, гдѣ «політичні обставини і боротьба за

свої національні права повернули їх (этнологовъ) перш усього на свою людність і на рідні племена».—Среди славянъ этнологія лучше всего поставлена у чеховъ; мало чѣмъ отстали отъ нихъ въ этомъ отношеніи поляки и южные славяне.—Въ русскихъ спеціально-этнографическихъ изданіяхъ („Этногр. Обозрѣніе", „Живая Старина", изданія Императ. Русск. Геогр. Общества) помѣщается больше матеріаловъ относительно разныхъ инородческихъ племенъ, чѣмъ относительно самихъ великороссовъ. «На Україні» существуетъ не мало работъ, посвященныхъ антропологіи; такъ, по анатомической антропологіи здѣсь появились труды гг. Коперницкаго, Эмме, Вейсбаха, Дибольдта, Краснова, Икова, Талько-Гринцевича, Гильченка; по палеонтологіи—проф. В. Б. Антоновича, пр. Самоквасова, гр. Бобринскаго, Ч. В. Хвойки; не мало матеріаловъ по малорусской этнографіи собрано гг. Антоновичемъ, Драгомановымъ, Рудченкомъ, Номисомъ, Чубинскимъ, Кольбергомъ, Головацкимъ, Манжурой, Ястребовымъ и мн. др. лицами; научной обработкой этого матеріала занимались Потебня, Драгомановъ, Сумцовъ, Франко; по изслѣдованію языка можно отмѣтить труды Максимовича, Боданскаго, П. Лавровскаго, Потебни, Житецкаго, Михальчука, Науменка.—Но все это—труды не столько по этнографіи, сколько по фольклору и лингвистикѣ. Работъ же чисто-этнографическаго матереріала у насъ еще мало. Интересно поэтому заняться собираніемъ этнографическаго матеріала. Недавно при Львовскомъ «Науковому Товаристві імени Шевченка» открыта этнографическая коммисія, въ которую, надѣется редакція, и будетъ присылаться разнообразный матеріалъ по малорусской этнографіи.

Не имѣя возможности подробно остановиться на передачѣ содержанія помѣщенныхъ въ сборникѣ статей, мы ограничимся простымъ перечисленіемъ ихъ заглавій; и это, сухое даже, перечисленіе статей, думаемъ, можетъ привлечь вниманіе читателя къ этому сборнику.

I. Статья Хв. Вовка: «Передісторичні знахідки на Кирил. ул. у Київі»; добытый въ этой мѣстности г. Хвойкой матеріалъ дѣлится на двѣ большія группы: а) знахідки палеолітичні и б) «знах. неолітични».

2) Его же: Українське рибальство у Добруджі;»

3) М. Могильченка: «Гончарство в с. Олешні у Чернигівщині»; 4) В. Гнатюка: «Кушнирство у Галичині;» 5) М. Могильченка: «будівля на Чернигівщині, Глухівського повіту у с. Полошкахъ»;

6) В. Гнатюка: «Народня пожива; спосіб її приправи у східній Галичині» (потрави рослинні, потр. змішані, м'ясні, губи (грибы), хліб, набіл, коріньня і закришка, садовина, напитки).—7) О. Гриши: «Весільля у Гадяцькому повіті, у Полтавщині» представляетъ очень подробное описаніе свадебнаго ритуала: 1) парубоцькі і дївчачі товарыства, 2) сватаньне, 3) розглядини, 4) заручини, 5) весільля, съ приложеніемъ 67 свадебныхъ пѣсенъ. Какъ бы дополненіемъ къ названной статьѣ являются—8) «Сороміцькі весільні пісні, записані М. О. Максимовичомъ» (32 №) 9) Мирона Кордубы: «Писанки на галицкій Волыні»: 1) загальна частина, 2) чинність писаня, 3) часъ писаня, 4) уживане писанок, 5) про початок звичаю закрашувати яйця, 6) орнамент (авторъ различаетъ 3 орнамента: «геометричний, рослинний і зьвіринний.»)—10) ст. Хв. Вовка: «Палеолїтичні знахідки на Кир. ул. у Київі» является пополненіемъ къ 1-ой статьѣ того же автора.

Дальше идутъ «звістки и листи» про «Археологичний з'їздъ у Київі», «з'їзд природознавців і лікарів у Київі», про палеолітичну знахідку по Чорномор'ї», про новыя находки г.г. Хвойки, Мазараки, про раскопку проф. Антоновича въ с. Липовомъ-Рогѣ (возлѣ Нѣжина) «Козацькой» могилы. Некрологъ Габріеля де Мортилье. Затѣмъ, въ «спеціальній программі до науково-етногр. розвідок» редакція проситъ, доставляя ей этногр. матеріалы, не стѣсняться количествомъ присылаемаго матеріала, «не вважати на сором у де якихъ звісткахъ» и «на незручність планів, малюнків і т. п.»; важно только, чтобы рисунокъ былъ сдѣланъ вѣрно и понятно; необходимо точно обозначать мѣстность, гдѣ собирался матеріалъ. Присылать же собранное проситъ редакція или «до Наук. Товариства ім. Шевченка, 26, ул. Чарнецького у Львові», или же прямо «Хв. Вовкові до Антропольог. Товариства у Парижі» (M. Th. Volkov, Société d'Anthropologie, 15 rue de l'Ecole de Medicine, Paris, France).

Затѣмъ, въ программѣ, сост. г. Волковымъ, «до збірання відомостей дотичних народньої побутової техники», помѣщенъ рядъ вопросовъ, подробно затрогивающихъ 1) «Первістні механічні пристрої у нар. побуті; 2) вогонь, його здобуванне і переховуванне; 3) влови; 4) рибальство; 5) скотарство; 6) пчільництво; 7) лїси, садки, поставні і сїнокоси; 8) хлїборобство; 9) мирошництво; 10) копанне землї; 11) оброблюванне дерева; 12) обр. шкури; 13) рогу й кости; 14) волокнуватих річей; 15) металів, и 16) переміщуваньне».

Многія статьи снабжены планами и рисунками; особенно интересны 6 таблицъ писанокъ. Въ концѣ каждой статьи помѣщено на франц. яз. краткое „sommaire“, а гдѣ есть рисунки, то и „Explication des figures“. Въ концѣ книги — „покажчик“, index.

Слѣдующій томъ этого изданія появится въ іюлѣ или августѣ.

А. Малинка.

Д. Марковычъ. По степамъ и хуторамъ. *Москва 1899.*

Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ пять разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Оповидання слидователя» и комедію въ 4 дѣйствіяхъ «Не зрозумилы». Изъ помѣщенныхъ разсказовъ два не представляютъ новинки: одинъ изъ нихъ («У наймы») былъ изданъ отдѣльной брошюрой, а другой („На Вовчому хутори“) въ переводѣ на общерусскій языкъ помѣщенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русской Мысли“. Остальные три разсказа и комедія, если память намъ не измѣняетъ, появляются въ печати впервые.—Всѣ разсказы производятъ весьма благопріятное впечатлѣніе: въ каждомъ изъ нихъ автору удается выдвинуть впередъ новыя, еще незатронутыя стороны сельской жизни и дать нѣсколько типичныхъ фигуръ. Наиболѣе сильно написанъ разсказъ „У наймы“: безъ эффектовъ и излишняго сгущенія красокъ авторъ рисуетъ голодающее село и семью бѣдной вдовы Ганны, вынужденной, чтобы не умереть съ голоду, отдать свою маленькую дочь „у наймы“ въ другое село; такъ же просто и безыскусственно описано ихъ путешествіе по безлюдной степи въ зимнюю стужу и отчаяніе Ганны при видѣ замерзшей дочери. Другой разсказъ („На Вовчому хутори“) теперь появляется не въ переводѣ, а въ подлинникѣ, благодаря чему дѣйствующія лица становятся еще болѣе типичными. Очень интересенъ, напр., старшина хутора—Старый Волкъ, повидимому суровый и безпощадный, но все же таящій въ глубинѣ души теплыя чувства. Какъ съ натуры, списана сцена самосуда надъ конокрадомъ, окончившаяся, благодаря неожиданному вмѣшательству маленькой дѣвочки, напомнившей судьямъ о чувствѣ состраданія, благополучно для подсудимаго. Такими же достоинствами

отличаются и остальные три разсказа. Наиболѣе изъ нихъ намъ нравится «Невдалыця», въ которомъ авторъ подробно останавливается на психологіи бѣдняка Панаса, преисполненнаго самыхъ благихъ начинаній, но не умѣющаго, благодаря своей непрактичности, добиться какихъ-либо положительныхъ результатовъ. И въ этомъ разсказѣ авторъ совершенно спокойно, нигдѣ не повышая тона, повѣствуетъ о неудачахъ, постигающихъ Панаса и приводящихъ его сначала къ мысли о преступленіи, а затѣмъ и смерти въ больницѣ отъ увѣчій подъ поѣздомъ. Въ разсказѣ „Винъ прысягавъ" центральная фигура, деревенскій ростовщикъ, Трохымъ Мусіенко, крайне своеобразенъ: онъ безпощаденъ къ своимъ кліентамъ, но эта безпощадность объясняется не жестокостью и алчностью, а скорѣе сознаніемъ цѣны трудно добытыхъ денегъ и своего права требовать отъ другихъ исполненія ихъ обязательствъ,—однимъ словомъ, это деревенскій Шейлокъ нашего времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, строгій къ другимъ, Трохымъ такъ-же строгъ и къ себѣ и потому свято выполняетъ свое обѣщаніе, данное подъ насильно взятой присягой, не выдавать ограбившихъ и изувѣчившихъ его односельчанъ. Всѣ разсказы проникнуты не то, что пессимизмомъ, а скорѣе какою-то тихою грустью, и читатель ясно видитъ, что невесело живется у насъ „по степамъ и хуторамъ": съ одной стороны полная матеріальная необезпеченность, а съ другой—дикость нравовъ, темнота безпросвѣтная и полное неумѣніе оградить себя отъ эксплоататоровъ.

Менѣе удалась автору комедія „Не зрозумивъ", по сюжету напоминающая послѣднюю драму г. Карпенка-Карого «По-надъ Днипромъ»; по крайней мѣрѣ центральная фигура ея—ученый агрономъ и помѣщикъ Богунъ—является какъ бы alter-ego Мирона Серпокрыла въ драмѣ г. Карпенка. Оба они, получивъ высшее образованіе, пренебрегаютъ чиновничьей карьерой, возвращаются въ родное село, рѣшаясь посвятить всѣ свои силы облегченію участи своихъ земляковъ, и принимаются за организованіе земледѣльческихъ артелей. Но съ этого момента въ отношеніи обоихъ авторовъ къ данному вопросу замѣтна рѣзкая разница: Г. Карпенко-Карый видимо сочувствуетъ идеѣ артелей и въ своей драмѣ желаетъ показать, что онѣ, при умѣ и талантѣ организаторовъ вполнѣ осуществимы; по крайней мѣрѣ Мирону Серпокрылу послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ крестьянами все удается, польза артелей сознана крестьянами, и только ранняя смерть не позволяетъ ему увидѣть окончательные результаты

своихъ трудовъ. Напротивъ, герой комедіи г. Марковичъ всюду терпитъ неудачи и въ концѣ концовъ, потерявъ вѣру въ себя, рѣшаетъ ликвидировать свои дѣла. Однако изъ самой комедіи нельзя заключить, вообще ли считаетъ авторъ идею артелей и сближенія интеллигента съ крестьянами неосуществимой затѣей, или же намѣренъ показать, что причина неудачъ лежитъ въ самомъ Богунѣ, пылкомъ идеалистѣ, но, къ сожалѣнію, благодаря слабости своего характера неспособнаго довести это дѣло до конца. Въ этой неясности первый недостатокъ комедіи. Впрочемъ, такая неясность взгляда автора объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что типъ Богуна безусловно не удался и вышелъ крайне блѣднымъ и безжизненнымъ, и потому, хотя авторъ желаетъ видѣть въ Богунѣ положительный типъ, но зритель при всякой неудачѣ, постигающей героя, невольно во всемъ готовъ обвинить его самого. Особенно такое отношеніе зрителя должно проявиться во время діалоговъ Богуна съ женой, взятой имъ изъ простой крестьянской семьи и остающейся, несмотря на всѣ попытки просвѣтить ее, тѣмъ же темнымъ человѣкомъ, что и раньше, но уже съ нѣкоторыми непохвальными претензіями на „панство“. Невыгодны эти сцены для Богуна еще и потому, что Оксана безусловно удалась автору и все время является живымъ лицомъ.—Другой недостатокъ заключается въ неравномѣрной распланировкѣ комедіи, такъ что два послѣдніе акта являются черезчуръ короткими, а финалъ совершенно скомканнымъ, благодаря чему позднее раскаяніе крестьянъ и ихъ повинная предъ Богуномъ представляются неожиданными и ничѣмъ необъяснимыми.—Не смотря на эти недостатки, мы готовы привѣтствовать комедію г. Марковича, какъ пополняющую, небольшой пока что, репертуаръ малорусскихъ пьесъ съ идейнымъ содержаніемъ. Кромѣ того, вопросъ о земледѣльческихъ артеляхъ настолько въ настоящее время заинтересовалъ и общество, и ученыхъ экономистовъ, столько вызвалъ споровъ и разногласій что то или иное освѣщеніе его, хотя бы и неполное, должно заслуживать одобренія.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что авторъ мастерски владѣетъ малорусскимъ языкомъ: не только простую народную рѣчь но даже отвлеченныя идеи автору удается изложить легко, образно и понятно.

Издана книжка московскимъ товариществомъ Сытина въ общемъ опрятно; опечатки, хотя и нерѣдко встрѣчающіяся, настолько очевидны, что затруднить чтенія не могутъ. Къ сожалѣнію, издатели

не позаботились обозначить на обложкѣ цѣну книги, что даетъ возможность книгопродавцамъ, какъ въ томъ мы могли лично убѣдиться, назначать произвольныя цѣны.

С. Н.

Я. Жарко. *Байки. Петербургъ, 1899-го г. ц. 5 коп.*

Басня—этотъ видъ «эзоповской литературы»—принадлежитъ къ наиболѣе любимымъ народомъ и дѣтьми видамъ поэтическаго творчества, хотя съ точки зрѣнія общественной морали сомнительно, чтобы она заслуживала такого вниманія. Едвали необходимо внушать особенныя симпатіи къ муравью, противопоставляя его стрекозѣ, рекомендовать нахальство зайца, получившаго кусокъ медвѣжьяго ушка, или обезкураживать лягушекъ, выпрашивающихъ себѣ у Юпитеря царя по своему нраву и т. под. Но о вкусахъ не спорятъ. Эгоистическая мораль человѣка золотой середины очевидно подъ стать обыкновенной читающей публикѣ: не даромъ имя Крылова пользуется такою популярностью. Въ малорусской литературѣ существуетъ не мало болѣе или менѣе удачныхъ сборниковъ басенъ (лучшіе—Глѣбова, Руданскаго, Старицкаго). Какъ и басни Крылова, онѣ не отличаются, въ большинствѣ случаевъ, оригинальностью сюжета. Послѣдній сборничекъ г. Жарка (27 басенъ) между подобными изданіями можетъ занять, если не выдающееся, то не послѣднее мѣсто. Среди слабоватыхъ по формѣ встрѣчаются въ указываемой книжечкѣ, изданной не лубочнымъ способомъ, и хорошія по языку басни. Изъ нѣсколькихъ приводимъ для примѣра одну:

Черепаха та Орелъ.

Не разъ прохала черепаха,
Задрипанка, та нетпнаха,
Що у калюжи викъ жила,
Ширококрылого орла,
Щобъ той навчывъ іи литаты:
«Свитъ, каже, хочу повыдаты!»
«Чы то-жъ тоби воно прыстало?»

Почавъ орелъ ій такъ казать:
Не по щерсты... И дежъ бувало,
Щобъ черепаси та литать?
Такъ де тоби! Одно: «навчи!»
«Ну добре, тильки не кричи»....
Та й взявъ іи у лапы дужи,
Пиднявъ у гору видъ калюжи,
Понисъ за хмары.... «Ну дывысь,
По свиту божому несысь!»
Та й выпустывъ.... Вона объ каминь—
Такъ черепокъ и розлетивсь.

И.

Этнографическое обозрѣніе 1895 г. [1])

№ 1.

1) *Сумцовъ Н. Ѳ. Замѣтки о малорусскихъ думахъ и духовныхъ виршахъ.* По поводу соч. П. И. Житецкаго «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ». Приведя похвальные отзывы проф. Ягича и Потебни о сочиненіи Житецкаго, авторъ разбираетъ его по главамъ и находитъ, что въ I главѣ г. Ж. «мало обслѣдовалъ архаизмы думъ», что отъ него «какъ отъ спеціалиста филолога, мы могли бы ожидать обширнаго и цѣннаго изслѣдованія о языкѣ думъ», но «онъ ничего другого не хочетъ знать, кромѣ основного своего положенія—о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное». Во II-й и III главахъ г. Ж. говоритъ «о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ»; «эти двѣ главы занимаютъ 100 страницъ; онѣ сравнительно съ другими богаче внутреннимъ фактическимъ содержаніемъ и, что въ особенности цѣнно, содержаніе это большею частью извлечено изъ неизданныхъ рукописей Кіево-Михайл. мон., Церковно-археол. музея и изъ рукоп. сборника Кибальчича. Слабыми сторонами этой части изслѣдованія Сумцовъ считаетъ то,

---

[1]) Въ виду важнаго значенія этого научнаго изданія, мы считаемъ нелишнимъ отмѣтить для нашихъ читателей всѣ болѣе выдающіяся статьи въ немъ за послѣдніе годы.

что г. Ж., выдвигая на первый планъ положеніе о вліяніи, на думы школьной литературы, преимущественно виршъ, раннія явленія народной словесности объясняетъ сравнительно съ ними, поздними книжными памятниками», и что «книжное вліяніе опредѣляетъ нѣсколько односторонне, усматривая его лишь въ виршахъ, вообще въ школьныхъ издѣліяхъ стараго времени», и оставляетъ совершенно въ сторонѣ «другія литературныя вліянія, напр.: вліяніе зап-европейск. и малорусской легендарной литературы». Глава IV—отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ», по мнѣнію г. Сумцова, носитъ нѣсколько странное заглавіе, п. ч. «нельзя говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ». Въ V главѣ „о творцахъ думъ“, которыми считаетъ г. Ж. „старцивъ“, т. е. нищихъ, г. Сумцовъ находитъ, что „трудно признать эту гипотезу, потому что старци, т. е. люди такого „убогаго чина“, не могли создать такія сильныя художественныя произведенія, какъ думы“.

Заключеніе г. Сумцова таково: г. Ж. открылъ новое обширное поле для научныхъ изслѣдованій, обнаружилъ большую любовь къ избранному предмету изслѣдованія и постарался дать ему освѣщеніе съ усвоенной имъ оригинальной точки зрѣнія. «Все это—заключаетъ г. Сумцовъ—въ совокупности придаетъ книгѣ г. Житецкаго крупное научное значеніе».

2) *М. Дикаревъ. Толки народа.* Народные разсказы объ антихристѣ, который произойдетъ изъ земскихъ начальниковъ; о множествѣ мышей и просьбѣ жителей слободы Бутурлимовки къ Іоанну Кронштадскому, чтобы онъ помолился объ избавленіи отъ мышей и о «гадюкахъ, що за Киевомъ».

№ 2.

1) *Ястребовъ В. Н. Изъ народныхъ устъ.* Приведены четыре разсказа (о холерѣ, про св. пятницу, блудъ и якъ нечысты литають до людей), записанные въ Херсонск. губ., и Йиродъ—въ Черниг. губ.

№ 3.

1) *Житецкій П. Замѣтки о разныхъ методахъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ.* Авторъ отвѣчаетъ г. Сумцову на его «Замѣтки», помѣщенныя въ № 1 Этн. Обозрѣнія, и находитъ, что «всестороннее изслѣдованіе языка думъ дало бы не одно,

а два сочиненія», что конечно не входило въ задачу автора По вопросу о странствующихъ школьникахъ и объ упрекѣ г. Сумцова, что авторъ оставилъ въ сторонѣ «зап.-европейское вліяніе и вліяніе мал. легенд. литературы», г. Ж. отвѣчаетъ, что любопытно отмѣтить эти пути со всѣми передаточными пунктами, съ документальными слѣдами существованія этихъ пунктовъ, но это не входило въ планъ его сочиненія, тѣмъ болѣе, что не все въ виршахъ можно объяснить теоріей заимствованія, помимо бытовыхъ условій жизни, которыя служили поводомъ къ самымъ заимствованіямъ. Хотя г. Сумцовъ и находитъ, что «пѣсенный» репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ и потому нельзя говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, но г. Ж. приводитъ по этому поводу слѣдующее мнѣніе Потебни: «думаю, что такого рода пѣсни (о рубаныхъ козакахъ) *предполагаются* думами «о смерти трехъ братьевъ» и «о смерти Θедора Безроднаго», которому родъ замѣняетъ джура и сѣчевое товариство», и на основаніи ея признаетъ свои обобщенія не неправильными.

По вопросу о «творцахъ думъ» г. Ж. никакъ не можетъ согласиться съ тѣми, предположеніями г. Сумцова, въ которыхъ онъ говоритъ: «*возможно*, что «старцы» были творцами думъ,—но не такіе убогіе, а *предположительно* такіе, какъ богатыри великорусской былины», и приходитъ къ выводу, что «для такихъ обобщеній можно написать цѣлый рядъ параллелей и сближеній, висящихъ на воздухѣ, но такое построеніе будетъ имѣть всѣ признаки эрудиціи, а не науки»

2) *М. И. Васильевъ.* Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ святыхъ. Приведены легенды и вѣрованія о св. Ильѣ, Власіѣ, Евстафіи, Иванѣ-Воинѣ, св. Антонидѣ, записанныя въ с. Соточихѣ, Бѣлгород. у., Курской губ.

3) *А. Крымскій.* Некрологъ *М. П. Драгоманова.*

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Кубанская Область въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ юбилейномъ Пушкинскомъ номерѣ «Кубанскихъ Областн. Вѣдомостей» (№ 108) статья Н. Канивецкаго, въ ко-

торой авторъ указываетъ немногія свѣдѣнія, имѣющіяся о Кубанской области въ сочиненіяхъ и перепискѣ А. С. Пушкина.

А. С. Пушкинъ два раза проѣзжалъ черезъ Кубанскую область. Первый разъ въ 1820 году, второй—въ 1829 году. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о пребываніи поэта въ Кубанской области крайне скудны: они ограничиваются лишь нѣсколькими строками въ двухъ-трехъ письмахъ А. С. Пушкина къ брату и. Н. И. Гнѣдичу и немногими, весьма неопредѣленными указаніями, имѣющимися въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Послѣ первой поѣздки своей на Кавказъ, въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу изъ Кишинева, отъ 24 сентября 1820 г. А. С. Пушкинъ пишетъ: «Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы,—любовался нашими козаками: вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности. Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 козаковъ; за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго русскаго писателя. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. И потомъ поэтъ добавляетъ: «Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія о *черноморскихъ* и донскихъ козакахъ,—теперь не скажу ни слова»... «Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь».

Къ сожалѣнію, обѣщаннымъ «замѣчаніямъ» о козакахъ не удалось увидѣть свѣтъ: Пушкинъ о нихъ ничего не написалъ.

Что касается поэтическихъ твореній А. С. Пушкина, то поэма «Кавказскій плѣнникъ» можетъ быть отнесена къ произведеніямъ, дѣйствіе которыхъ развивалось на Сѣверномъ Кавказѣ и отчасти въ Кубанской области. Подтвержденіемъ послѣдняго можетъ служить то обстоятельство, что Пушкинъ говоритъ въ этой поэмѣ о *черкесахъ*. Черкесы же, какъ извѣстно, жили и живутъ въ той части сѣвернаго склона Кавказскихъ горъ, которая вошла въ составъ нынѣшней Кубанской области.

Въ «эпилогѣ», обращаясь къ музѣ, поэтъ говоритъ, что она

Любила бранныя *станицы*,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,

Курганы, тихія гробницы
И шумъ и ржанье табуновъ.
Быть можетъ,—пишетъ Пушкинъ,—что муза,
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ.
Мстислава древній поединокъ..

Дѣйствіе этой повѣсти, очевидно, должно было происходить въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области, потому что Мстиславъ, сынъ святого Владиміра, прозванный Удалымъ, былъ удѣльный князь Тмутаракани (нынѣшняя Тамань), которую посѣтилъ поэтъ и откуда какъ мы уже знаемъ, онъ на кораблѣ прибылъ въ Керчь. Мстиславъ воевалъ съ коссогами, по всей вѣроятности, нынѣшними черкесами и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю.

Самъ Пушкинъ въ письмѣ къ Н. Гнѣдичу, отъ 24 марта 1821 года, по поводу «Кавказскаго плѣнника», пишетъ: Сцена моей поэмы *должна-бы* находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущельяхъ Кавказа. На самомъ же дѣлѣ поэтъ «*поставилъ своего героя въ однообразныхъ равнинахъ*, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа». Эти «однообразныя равнины», характерныя для Сѣвернаго Кавказа, въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе всей вышеприведенныя соображенія, по всѣ вѣроятности, находились въ предѣлахъ теперешней Кубанской области.

Въ поэмѣ «Галубъ» также упоминается Кубанская область.

Въ «Могилевск. Вѣдом.» (№ 42) Е. Романовъ напечаталъ текстъ грамоты Стефана Баторія 1 марта 1581 года, данный Василію Немирѣ въ подтвержденіе правъ его на владѣніе сельцами Головенчицы, Теплое и Любаны. Документъ писанъ по-русски, хотя писался въ Варшавѣ. Почеркъ обыкновенный для XVI вѣка, скорописный, смѣшанный съ славянскимъ полууставомъ, очень разборчивый. Весь документъ написанъ на западно-русскомъ актовомъ языкѣ того времени; подпись Сапеги (писаря) тоже русская. Король подписался по-латыни.

Изъ особенностей языка документа авторъ указываетъ на смѣшеніе твердаго *р* съ мягкимъ, напр. господ*ара*, поп*еродъ*, зве*ры*нъными и—теп*ерь*, господа*рь*ское и т. п. Шипящіе большею частью также твердые: ра*чы*лъ, на*шы*, у*жы*вати и т. п., хотя есть нѣсколько случаевъ

употребленія мягкихъ: лежа*чіе*, на*ши*мъ. Послѣдовательно выдержано на письмѣ употребленіе ѡ въ началѣ словъ; звукъ *я* вездѣ изображается буквою ѩ. Очень развито употребленіе сокращеній не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ, въ видѣ буквенныхъ титлъ. Слово «оршанскій» въ двухъ случаяхъ написано съ мягкимъ *н*—«оршаньскій», также и «виленьскій».

Черта эта въ настоящее время свойственна только центральному бѣлорусскому говору. Въ документѣ мы склонны видѣть въ ней вліяніе языка польскаго, собственно, вліяніе на писца Варшавы.

Подобные документы въ настоящее время, по словамъ Е. Романова, рѣдки.

Въ «*Сынъ Отечества*» (№ 148) помѣщена статья «Къ открытію въ Кіевѣ отдѣла географическаго общества», въ которой разсказана исторія возникновенія этого вопроса на бывшемъ въ Кіевѣ въ августѣ 1898 г. съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, гдѣ, послѣ доклада Л. Личкова «о нуждахъ статистики въ юго-западномъ краѣ» (напеч. въ нашемъ журналѣ въ 1898 г. № 11), рѣшено было возбудить ходатайство объ открытіи въ Кіевѣ южнаго отдѣла географич. общества, взамѣнъ закрытаго еще въ 1876 году «юго-западнаго отдѣла», просуществовавшаго 3 года и успѣвшаго въ этотъ короткій срокъ очень много сдѣлать для изученія народной жизни въ Малороссіи.

Въ «*Южномъ Обозрѣніи*» (№ 835) напечатанъ переводъ одного стих. Т. Шевченка на русскій языкъ. Переводъ принадлежитъ *Ивану Бѣлоусову*, извѣстному уже своимъ изданіемъ переводовъ изъ Шевченка подъ заглавіемъ «Изъ Кобзаря» (Кіевъ 1887 г.). Переводъ сдѣланъ недурно, а чтобы не быть голословнымъ, приведу начало стихотворенія:

Мнѣ снилось: снова я ребенокъ
Пасу ягнятокъ за селомъ,
На небѣ солнышко сіяетъ,
Тепло и весело кругомъ,
И мнѣ такъ радостно, что словно
Не на землѣ я, а въ раю.

Наши двѣ статьи о галицкомъ книжномъ языкѣ (см. №№ 1 и 3) вызвали рядъ статей въ *«Кіевлянинѣ»*, по поводу которыхъ мы разсчитываемъ подробно поговорить въ ближайшемъ номерѣ; теперь-же отмѣтимъ только, что на одинъ изъ пунктовъ этихъ статей, именно-гдѣ говорится объ искусственной ковкѣ словъ современными малорусскими писателями, въ газетѣ «Волынь» (№ 38) данъ очень обстоятельный отвѣтъ г. Степенкомъ, указывающимъ, на основаніи авторитетныхъ источниковъ, всю неосновательность нападковъ «Кіевлянина».

Музей имени Дзѣдушицкихъ во Львовѣ издалъ брошюру подъ заглавіемъ «Huculszczyzna», въ которой находится 37 прекрасно исполненныхъ таблицъ, дающихъ полное представленіе о жизни, обычаяхъ и одеждѣ гуцуловъ. Изданіе снабжено предисловіемъ гр. Влад. Дзѣдушицкаго и объясненіями Влад. Шухевича. (Gazeta Lwowska, № 137).

Сербскій иллюстриров. литературно-научный журналъ *«Нада»* (Надежда), выходящій въ Сараевѣ, помѣстилъ въ № 9 (1 мая), сего года три «Думкы» Шевченка: 1) Тече вода въ сыне море, та не вытикае, 2) Витре буйный, витре буйный! Ты зъ моремъ говорышъ, 3) На що мени чорни бровы, на що кари очы,—въ переводѣ д-ра Августа Гарамбашича. Такихъ переводовъ у него есть еще нѣсколько, и онъ ихъ намѣренъ напечатать въ дальнѣйшихъ номерахъ «Нады». Въ примѣчаніи къ переводамъ онъ говоритъ: Тарасъ Григорьевичъ Шевченко самый крупный малорусскій поэтъ, а какъ народный поэтъ онъ найбольшій среди поэтовъ всѣхъ славянъ. И вотъ эти «Думкы» показываютъ, съ какимъ совершенствомъ умѣлъ онъ ударять въ народную струну. Такъ какъ малорусскій украинскій народъ ближе всѣхъ къ нашему, то я думаю, что удовлетворяю читателей «Нады» переводомъ этихъ стихотвореній. Шевченко умеръ въ 1861 въ г. Петербургѣ. Его прекрасныя «Пјесничке приповијести» издала въ моемъ переводѣ «Matica Hrvatska».

Для образца приведемъ отрывокъ перевода 3-й думки:

На што мени црне очи,
Обрвице црне,
На што младе годинице,

Кад ми срце трне?
Моје младе годинице
У таман се губе,
Очи плачу, обрвице
Семо вјетри љубе.
Срце вене и тим свјетом
Попут птице љечье,
На што ли ми сва льепота
Када немам сречье
Тешко мне сиротици
На том св'јету бити,
Маји људи — као туджьи,
Ни с ким говорити!

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Кіевѣ.

Старый планъ г. Кіева. По распоряженію кіевскаго городского головы С. М. Сольскаго городской землемѣръ И. Д. Таировъ изготовляетъ къ предстоящему XI археологическому съѣзду нѣсколько плановъ г. Кіева, какъ частныхъ, такъ и общихъ. Самымъ интереснымъ изъ нихъ является копія съ хранящагося въ городскомъ управленіи плана, помѣченнаго 1806 годомъ. Этотъ планъ представляетъ собой копію съ болѣе стараго плана г. Кіева. На немъ вырисованы всѣ существовавшія въ то время въ Кіевѣ укрѣпленія. Послѣднія распадаются на Печерскія и Старокіевскія и отстоятъ другъ отъ друга на довольно значительномъ разстояніи, будучи соединены между собой длиннымъ валомъ, названнымъ на планѣ «ретраншементомъ». Старокіевскія укрѣпленія состоятъ, собственно, изъ цѣлой группы отдѣльныхъ укрѣпленій. Такъ, вокругъ нынѣшнихъ Десятинной и Трехсвятительской церквей идутъ валы города Владиміра Святого; Михайловскій монастырь обнесенъ стѣнами города князя Святополка; далѣе, обширное пространство земли, съ Софійскимъ соборомъ посрединѣ, окружено стѣнами Ярославова города. Въ укрѣпленіяхъ послѣдняго, подлѣ Золотыхъ воротъ, выступаютъ наружу саженей на 50 два лежащихъ другъ подлѣ друга форта, направляющіеся къ нынѣшнему зданію управленія Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и къ городскому театру. Отъ укрѣпленія города Ярослава Мудраго идетъ по направленію къ Лукьяновкѣ новое, довольно обширное, укрѣпленіе, вѣроятно возведенное фельдмаршаломъ Минихомъ. Валы этого укрѣ-

пленія, направляясь по нынѣшней Бульварно-Кудрявской улицѣ, заворачиваютъ потомъ вправо и идутъ на Кудрявецъ, соединяясь на Львовской площади. Наконецъ, отъ того-же Ярославова города, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ начинается Мало-Подвальная улица, идутъ стѣны пятаго укрѣпленія, вѣроятно, также новѣйшей постройки. Направляясь къ нынѣшней Думской площади (въ усадьбѣ Фабриціуса и теперь есть остатки этого вала), гдѣ были устроены ворота, называвшіяся Печерскими, онѣ поворачивали влѣво и, поднявшись вверхъ, шли на соединеніе съ укрѣпленіями Святополкова города. Почти вездѣ за стѣнами съ наружной стороны лежатъ рвы и овраги. Одинъ изъ такихъ овраговъ, начинаясь отъ нынѣшнихъ Прорѣзной и Большой Владимірской улицъ, идетъ съ наружной стороны укрѣпленій, прилегающихъ къ Золотымъ воротамъ, и соеденяется съ тѣмъ оврагомъ, по которому нынѣ проводится Святославская улица. Кромѣ всѣхъ описанныхъ укрѣпленій, на склонѣ горъ, спускающихся къ Подолу, по плану 1806 г. шли еще остатки какихъ-то укрѣпленій. Изъ отдѣльныхъ частей города въ началѣ нынѣшняго вѣка болѣе всего былъ заселенъ Печерскъ. За нимъ слѣдовалъ по густотѣ заселенія Подолъ. Кромѣ того, была отчасти заселена средина Стараго города и незначительная часть Липокъ. Интересно, между прочимъ, что въ то время на пространствѣ между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ вовсе не было площади, и мѣсто этого было довольно густо застроено. Небезынтересно также и то обстоятельство, что весь Подолъ отъ прилегающихъ къ нему луговъ отдѣленъ деревянными укрѣпленіями, «палисадами». На описываемомъ планѣ еще видны слѣды р. Почайны, впадавшей въ Днѣпръ противъ нынѣшнихъ пароходныхъ пристаней. Главное-же теченіе Днѣпра въ то время шло еще по Старику, и у Кіева былъ лишь небольшой рукавъ. (Кіевлян. № 157).

По словамъ «*Новороссійк. телегр*». (№ 7827) на предстоящій въ августѣ текущаго года въ Кіевѣ археологическій съѣздъ посланы собранные трудами ученыхъ архивныхъ комиссій рисунки съ наиболѣе интересныхъ древностей, разсѣянныхъ по старинныхъ церквамъ Россіи и хранящихся въ нѣкоторыхъ археологическихъ музеяхъ.

Предсѣдатель кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству XI-го археологическаго съѣзда В. Б. Антоновичъ со-

общилъ городскому головѣ, что предварительный комитетъ въ засѣданіи своемъ 11-го мая постановилъ обратиться въ Кіевскую думу съ предложеніемъ назначить депутатовъ для участія въ засѣданіяхъ распорядительнаго комитета съѣзда. На комитетъ этотъ возложены работы о пріемѣ ожидаемыхъ на съѣздъ иностранныхъ гостей и сношенія съ лицами и учрежденіями при устройствѣ экскурсій для участниковъ съѣзда. Предсѣдатель предварительнаго комитета графиня Уварова, съ своей стороны, обратилась съ такой-же просьбой къ городскому головѣ.

Засѣданія обществъ.

27 мая состоялось общее собраніе членовъ *Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ*. Въ засѣданіи вице-предсѣдателемъ Общества Б. И. Ханенко былъ прочтенъ отчетъ о дѣятельности Общества за прошлый годъ, утверждены смѣты расходовъ за прошлый годъ и на предстоящій, и произведены выборы новыхъ членовъ правленія вмѣсто выбывшихъ и новыхъ членовъ Общества. Въ заключеніе предсѣдательствующимъ сообщено о новыхъ поступленіяхъ для Музея Общества,—болѣе крупныя изъ нихъ—коллекція покойнаго Е. А. Зноско-Боровскаго и коллекціи, переданныя Имп. Археологической Комиссіей. Дѣятельность Общества за прошлый годъ была сосредоточена главнымъ образомъ на устройствѣ зданія Музея Древностей и Искусствъ, окончаніе котораго близится уже къ концу.

Настоящее общее собраніе, назначенное уже вторично за неприбытіемъ въ первый разъ достаточнаго числа членовъ, не отличалось многолюдствомъ: членовъ общества собралось немногимъ болѣе 10-ти! Между тѣмъ, членами Общества состоитъ если не ошибаемся около 200 лицъ. Такое безучастное отношеніе большинства членовъ къ дѣятельности Общества представляется намъ страннымъ и необъяснимымъ.

Цѣль Общества—собираніе памятниковъ старины и искусствъ какъ въ интересахъ науки, такъ и въ видахъ развитія эстетическаго вкуса и художественнаго образованія. Цѣли эти настолько симпатичны, широки и доступны, что равнодушіе къ нимъ кіевской публики въ лицѣ членовъ Общества является для насъ, повторяемъ, необъяснимымъ фактомъ. Вся тяжесть веденія дѣлъ Общества поне-

волѣ пала на нѣсколькихъ членовъ правленія, занятаго сложнымъ дѣломъ постройки Музея. Нѣсколько членовъ Общества по мѣрѣ силъ выполняютъ задачи Общества, собирая памятники старины. Что-же касается памятниковъ искусствъ и вообще задачъ, имѣющихъ отношеніе къ развитію въ публикѣ художественнаго вкуса, объединенію имѣющихся въ Кіевѣ художественныхъ силъ и къ образованію хотя какого-ниб. художественнаго центра, то здѣсь въ дѣятельности Общества за послѣднее время мы замѣчаемъ очень мало энергіи. А вѣдь среди членовъ Общества есть не мало профессіональныхъ художниковъ—на ихъ совѣсти лежитъ отвѣтственность за ту позорную кличку, которая все тверже и тверже устанавливается за Кіевомъ, какъ за *мертвымъ городомъ* для развитія искусства, не смотря на то, что у Кіева, центра юга, должны быть всѣ данныя для того, что бы искусство свило въ немъ прочное гнѣздо. Пора бы наконецъ сбросить апатію, забыть личные счеты, спрятать мелкія самолюбія и начать дружную работу для общаго дѣла!

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки кургановъ при селахъ Райгородъ и Пруссы, Черкасскаго у., Кіевской губ. Въ теченіи истекшаго іюня Б. И. Ханенко и В. В. Хвойкой были произведены у выше названныхъ селъ раскопки около 20-ти кургановъ, оказавшихся въ большинствѣ случаевъ принадлежащими къ типу скифскихъ кургановъ. Курганы разной величины, но почти всѣ довольно большихъ размѣровъ—отъ 65 до 110 шаговъ окружностью. Раскопки показали, что всѣ курганы были уже разграблены въ прежнее время; не смотря однако на это, благодаря раскопкамъ, можно было установить родъ погребеній и найти нѣкоторые предметы, оставленные въ могилахъ грабителями. Могилы встрѣчены какъ ниже горизонта, такъ и выше его, въ могильной насыпи, причемъ могилы устраивались изъ толстыхъ бревенъ; цѣлыхъ скелетовъ въ могилахъ не сохранилось, они оказались разбросанными въ безпорядкѣ. Въ мужскихъ погребеніяхъ найдены панцыри изъ желѣзныхъ пластинокъ или части этихъ панцырей, а также при нѣкоторыхъ погребеніяхъ желѣзные наконечники копій и дротиковъ, части желѣзныхъ мечей, кинжаловъ, ножей и желѣзныя удила съ усиками. Изъ бронзовыхъ предметовъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить пластинку отъ

колчана греческой работы, съ изображенной на ней мифологической сценой; затѣмъ идутъ бляшки отъ уздечекъ разныхъ формъ, между которыми двѣ съ орнаментомъ въ видѣ пѣтушковъ, бронзовыя трубочки съ остатками продѣтыхъ ремней, налобникъ отъ уздечки въ видѣ трехъ лошадиныхъ головокъ, булавки разныхъ формъ и стрѣлы разныхъ типовъ; встрѣчались также и костяныя конусообразныя стрѣлы. Золотыхъ предметовъ найдено немного: нѣсколько пластинокъ, нашивавшихся на платье, перстень и три бляхи отъ уздечекъ; эти послѣднія, изготовленныя собственно изъ электрона, заслуживаютъ особеннаго интереса; онѣ прорѣзныя и представляютъ сплетеніе мифическихъ животныхъ; подобнаго рода бляхи встрѣчаются довольно часто въ скифскихъ могилахъ,—скифы вообще любили наряжать лошадь, довольно разнообразны и украшенія этихъ бляхъ, начиная отъ простыхъ узоровъ и кончая изображеніями греческихъ божествъ, но повидимому бляхи, найденныя при настоящихъ раскопкахъ, являются неизвѣстнымъ еще типомъ. Кромѣ этихъ предметовъ найдены еще глиняные сосуды мѣстнаго производства и части греческихъ амфоръ и расписныхъ вазъ.

Среди раскопанныхъ кургановъ не всѣ относились къ типу скифскихъ—было вскрыто также 4 кургана съ крашеными скелетами, относящіеся къ каменному вѣку и одинъ, который предположительно можно отнесть къ бронзовому вѣку.

—

Въ Чигиринскомъ у. Кіевск. г., вблизи Мотроненскаго монастыря, тѣми-же лицами были произведены изслѣдованія городища и раскопано нѣсколько кургановъ. Городище круглой формы, окружено нѣсколькими валами; пробныя раскопки площади городища даютъ возможность отнести его къ типу скифскихъ. Помимо нахожденія разныхъ предметовъ, раскопки имѣли результатомъ открытіе очень интереснаго предмета; это возвышеніе или столбъ изъ пережженной глины діаметромъ приблизительно въ метръ, на верхушкѣ котораго проведено нѣсколько концентрическихъ желобковъ; почва вблизи этого столба состояла изъ массы перегнившихъ органическихъ остатковъ, среди которыхъ встрѣчались кости лошади и дикаго кабана, а также зола и угли; не имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ примитивнаго устройства жертвенникомъ?

—

Раскопки кургановъ у д. Самбросовки, Александрійскаго у., Херсонской губ. Въ первой половинѣ іюня составителемъ настоящей лѣтописи произведены пробныя раскопки 3-хъ кургановъ могильника, находящагося вблизи хутора Александровки, у д. Самбросовки. Раскопки начаты по иниціативѣ владѣльца Самбросовки Е. М. Мержанова, принимавшаго вмѣстѣ съ Н. Е. Мержановымъ живое участіе въ раскопкахъ. Могильникъ расположенъ на небольшой покатости, спускающейся къ рѣчкѣ Ирклею; всѣхъ кургановъ немногимъ болѣе 15-ти, лежатъ курганы на разстояніи 1—20 метровъ другъ отъ друга; могильникъ давно распахивается, благодаря этому насыпи не сохранили первоначальной формы; нѣкоторыя изъ нихъ почти совсѣмъ сравнены съ землей, другія слегка возвышаются надъ поверхностью, но въ общемъ, высота ихъ лишь въ немногихъ случаяхъ достигаетъ 2-хъ метровъ; благодаря распашкѣ трудно дать точныя размѣры и окружностей кургановъ—въ теперешнемъ видѣ онѣ достигаютъ 30—35 метровъ, но несомнѣнно, что въ нетронутомъ видѣ окружности были меньше.

Раскопки кургановъ производились колодцами діаметромъ въ 5 метровъ. Въ каждомъ изъ нихъ, подъ слоемъ чернозема встрѣчены могильныя ямы, вырытыя въ желтой глинѣ; двѣ изъ нихъ были четыреугольной формы, размѣрами 2,28×1,22 м. и 2,1×1,1 м., третья-же яма, размѣрами 2,02×1,62 м., имѣла одну изъ узкихъ сторонъ не прямую, а закругленную; положеніе ямъ на з. з. с. Содержаніе двухъ могилъ ограничивалось лишь нѣсколькими разбросанными въ безпорядкѣ человѣческими костями, найденными на разной глубинѣ—могилы повидимому были разграблены или окончательно испорчены грызунами. Лучше сохранилась могила 3-ьяго кургана, хотя и здѣсь большая часть костей находилась въ безпорядкѣ; но по положенію нѣкоторыхъ изъ нихъ, не сдвинутыхъ съ мѣста, можно судить, что скелетъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами, головой на з. з. с. Скелетъ помѣщался въ срубѣ изъ дубовыхъ брусьевъ (въ другой могилѣ сохранилась часть берестоваго сруба), которые были уложены вдоль боковъ ямы; деревянная настилка обнаружена также надъ скелетомъ и подъ нимъ. Съ лѣвой стороны черепа, у лѣваго плеча, лежали два довольно большихъ наконечника желѣзныхъ копій съ сохранившимися въ втулкахъ частями дерева; въ разныхъ мѣстахъ у разбросанныхъ костей скелета найдена 21 бронзовая стрѣла и нѣсколько стеклянныхъ бусъ; съ правой стороны скелета, въ средней

его части, находился небольшой глиняный сосудецъ ручной лѣпки. Этимъ почти и исчерпываются всѣ находки. Характеръ найденныхъ предметовъ не оставляетъ сомнѣнія, что курганы даннаго могильника относятся къ разряду скифскихъ.

Все, добытое изъ кургановъ, предназначено для Херсонскаго Археологическаго Музея.

—

Раскопки на Верхней Юрковицѣ въ г. Кіевѣ продолжались въ послѣднее время съ большими перерывами, обусловливаемыми ходомъ земляныхъ работъ. Новаго найдено немного; вскрыты лишь двѣ могилы безъ наружныхъ признаковъ, у скелета одной изъ нихъ никакихъ предметовъ не оказалось, у лѣваго-же бока скелета другой могилы находился небольшой желѣзный топоръ, типа хорошаго извѣстнаго по находкамъ въ славянскихъ могилахъ. Въ коллекціи предметовъ неолитической эпохи прибавленія имѣются лишь по части керамики: глиняная буса, пряслица и довольно много черепковъ сосудовъ.

—

Палеолитическая стоянка на Кирилловской улицѣ въ г. Кіевѣ, гдѣ изслѣдованія продолжались все это время, дала новый любопытный фактъ: въ верхнемъ слоѣ стоянки найденъ черепъ ископаемаго льва; къ сожалѣнію, благодаря невѣжеству рабочихъ, черепъ не удалось сохранить въ цѣломъ видѣ.

Случайныя находки.

Раскапываніе мѣстными крестьянами *городища на Княжей Горѣ* почти совсѣмъ прекратилось, вслѣдствіе этого и привозъ древностей на кіевскій рынокъ за истекшій мѣсяцъ былъ незначителенъ; однимъ изъ кіевскихъ собирателей была пріобрѣтена всего лишь небольшая партія, заключавшая въ себѣ мало интереснаго; можно указать лишь на половинку креста—энколпіона съ перегородчатой эмалью, но крестъ этотъ побывалъ въ огнѣ и эмаль расплавилась.

—

Духъ кладоискательства охватываетъ все большій и большій раіонъ въ сѣверномъ углѣ Черкасскаго у. Кіевской губ. на побережьи

р. Роси; эксплоатація Княжей горы крестьянами с. Пекарей послужила примѣромъ и для с. *Конончи, у котораго также имѣется городище.* Предметы этого городища совершенно аналогичны съ находимыми на Княжей Горѣ; за послѣдніе 2—3 мѣсяца ихъ добыто сравнительно много; особенность городища представляетъ изобиліе предметовъ, изготовленныхъ изъ роговъ оленей, лосей, козъ и т. п.; всѣ эти издѣлія приготовлены острыми металлическими инструментами и относятся къ той же княжеской эпохѣ, что и другіе предметы. (Всѣ предметы съ Конончскаго городища поступили въ наше собраніе).

—

Городище у с. Сахновки, Черкасскаго у., лежащей выше с. Конончи по Роси, также подверглось участи своихъ сосѣдей. Крестьяне здѣсь копаютъ болѣе энергично, чѣмъ въ Кононче, и добываютъ болѣе цѣнные предметы. Въ Кіевъ уже доставлено нѣсколько партій изъ Сахновки; всѣ предметы относятся къ княжеской эпохѣ; здѣсь есть много желѣзныхъ и мѣдныхъ предметовъ, складные кресты, серебряныя украшенія—кольца, ожерелья, браслеты, серебряныя монетныя гривны и т. п. Среди находокъ послѣдняго времени заслуживаетъ вниманія одна вещь, имѣющая видъ кіотца, по формѣ весьма сходнаго съ кіотцами, изъ которыхъ состоитъ знаменитая діадема изъ клада, найденнаго въ усадьбѣ Гребеновскаго, въ Кіевѣ; сдѣланъ кіотецъ изъ тонкихъ листиковъ красной мѣди и полный внутри, весь онъ былъ густо вызолоченъ, но позолота мѣстами пострадала отъ окиси; съ лѣвой стороны къ нему придѣланы два шарнира, а съ правой есть небольшая прорѣзь, очевидно для запора. Вся лицевая сторона кіотца богато отдѣлана тонкой перегородчатой эмалью синяго, краснаго, бѣлаго и зеленаго цвѣтовъ; эмалью изображена розетка въ видѣ креста, составленнаго изъ четырехъ миндалевидныхъ орнаментовъ; изображеніе это увѣнчано полукругомъ, заполняющимъ верхнюю часть кіотца и исполненнымъ также эмалью. Хотя поверхность эмали и пострадала нѣсколько отъ времени и окиси, но тѣмъ не менѣе цвѣта ея вполнѣ чисты и ярки, что указываетъ на ея высокое достоинство. Судя по формѣ, вещь эта скорѣе всего могла служить застежкою къ головному убору, подобному выше-упомянутой діадемѣ. (Кіотецъ и нѣсколько другихъ предметовъ поступили въ собраніе Н. П. Чернева, остальные-же—въ наше).

—

Изъ Черкасскаго у. Кіевской г. (мѣстности болѣе точно пока не удалось установить) доставлено въ Кіевъ крестьянами очень интересное ожерелье, состоящее изъ 8-ми крупныхъ серебряныхъ бусъ ажурной филигранной работы, бусъ изъ стекла, сердолика, янтаря и раковинъ Cyprea moneta, двухъ привѣсокъ въ видѣ бронзовыхъ выточенныхъ кружковъ, покрытыхъ орнаментомъ, и привѣсокъ изъ просверленнаго зуба и, повидимому, кусочка черепной кости. Ожерелье найдено вмѣстѣ съ серебряными височными кольцами оригинальнаго типа и выкопано по всей вѣроятности въ какомъ ниб. курганѣ языческой славянской эпохи — фактъ очень прискорбный, такъ какъ, если раскопки крестьянами городищъ, не желательныя вообще, приносятъ сравнительно небольшой вредъ, то раскопки кургановъ ведутъ за собой гибель послѣднихъ для науки. (Ожерелье поступило въ собраніе Б. И. Ханенко).

Музеи и собранія древностей.

Отдѣлка *Кіевскаго музея древностей и искусствъ*, уже вчернѣ оконченнаго, подвигается быстрыми шагами. Въ настоящее время зданіе штукатурится снаружи и извнутри. Верхнія залы уже почти закончены и тамъ приступлено къ настилкѣ паркетовъ; на дняхъ начато устройство главной лѣстницы; спѣшно идутъ работы по изготовленію фигуръ, которыя будутъ вѣнчать зданіе. Нерѣшенными остаются пока вопросы объ украшеніи портика, гдѣ предполагалось помѣстить сцену изъ нѣсколькихъ фигуръ, изображающихъ торжество мира, и объ устройствѣ впереди музея площадки съ лѣстницей и рѣшеткой; отъ устройства этой площадки зданіе музея много бы выиграло, но устройство площадки и главнымъ образомъ возведеніе упорныхъ стѣнъ требуетъ довольно солидныхъ расходовъ, средства-же, имѣвшіяся на постройку зданія, уже изсякли. Неужели кіевляне не отозвутся и не дадутъ возможности довести до конца постройку зданія, долженствующаго служить украшеніемъ города?

Какъ-бы тамъ ни было, но во всякомъ случаѣ къ 1 му августа — дню открытія археологическаго съѣзда, нѣсколько залъ музея будетъ готово и тамъ размѣстится выставка, устраиваемая Обществомъ древностей и искусствъ.

Въ теченіи 1897—98 г. *въ Холмскій церковно-археологическій музей*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «Краткій годичный отчетъ по братскому церковно-археологическому музею и библіотекѣ при немъ за 1897—98 братскій годъ» (Холмъ, 1899 г.), были слѣдующія поступленія: 1) Предметовъ церковной живописи и скульптуры—11, 2) Церковной утвари и вообще предметовъ богослужебнаго ритуала—10, 3) Рукописей—17, 4) Книгъ старинной церковно-славянской печати—27, 5) Монетъ—2, 6) Печать—1. Среди этихъ поступленій заслуживаютъ вниманія иконы стариннаго иконостаса Яблочинскаго мужского монастыря; описанію и объясненію ихъ хронитель музея Ѳ. Кoралловъ и посвящаетъ большую часть отчета.

Въ общемъ нельзя сказать, чтобы поступленія были обильны; всѣ онѣ являются пожертвованіями музею; но, по нашему мнѣнію, если ждать только пожертвованій, то трудно разсчитывать на успѣшное развитіе музея. Холмская Русь богата памятниками старины, говоримъ это на основаніи личныхъ наблюденій во время экскурсій по краю; нужно лишь побольше энергіи, побольше любви къ дѣлу лицъ, близко стоящихъ къ музею. Нужно искать предметовъ старины на мѣстѣ, нужно завести сношенія съ мѣстными людьми и въ данномъ случаѣ—съ сельскимъ духовенствомъ, нужно слѣдить за находками предметовъ древности—только тогда дѣло музея можетъ двигаться впередъ, только тогда музей будетъ выполнять миссію, на него возложенную; при теперешнемъ-же положеніи дѣла Холмскій музей, просуществовавъ уже 16 лѣтъ, все еще не вышелъ изъ зачаточной стадіи своего развитія.

Въ концѣ отчета составитель его Ѳ. Коралловъ упоминаетъ о предполагаемомъ къ открытію *Холмскомъ археологическомъ обществѣ* и выражаетъ увѣренность, «что съ открытіемъ общества въ рукахъ новыхъ ученыхъ силъ—членовъ этого общества—музей найдетъ себѣ активное приложеніе и самооправданіе»,—вполнѣ присоединяясь къ этому мнѣнію, будемъ надѣяться, что новое общество, мысль устройства котораго возникла уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, перейдетъ изъ области проектовъ къ дѣйствительному осуществленію.

—

Въ майскомъ номерѣ нашей «Лѣтописи» мы помѣстили бѣглую замѣтку *о музеѣ І. А. Хойновскаго въ г. Кіевѣ*. Въ замѣтку эту попали нѣкоторыя неточности, которыя мы и спѣшимъ исправить, заявляя при этомъ, что вышеуказанная замѣтка никоимъ образомъ

не имѣла цѣлью умалить достоинство предметовъ собранія или возбудить подозрѣнія въ научныхъ познаніяхъ владѣльца музея. Мы хотѣли лишь обратить вниманіе на нѣкоторыя недостатки въ веденіи музея, имѣя въ виду, что отъ этого дѣло только можетъ выиграть. Что-же касается дѣятельности I. А. Хойновскаго, то мы должны отдать полную справедливость его безкорыстному служенію искусству и наукѣ, продолжающемуся уже болѣе 20-ти лѣтъ и выразившемуся въ устройствѣ въ Кіевѣ первой доступной для публики постоянной выставки разнообразныхъ предметовъ искусства и присоединеніемъ впослѣдствіи къ художественному отдѣлу отдѣла памятниковъ мѣстной старины, на что въ теченіе долгихъ лѣтъ было потрачено не мало силъ и матеріальныхъ средствъ. Обращаясь теперь къ сути, мы должны указать, что описанію предметовъ древности собранія посвященъ каталогъ, носящій заглавіе «Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси и опись древностей собранныхъ мною, съ объясненіями и XX таблицами рисунковъ». Вып. 1, Кіевъ, 1896 г., гдѣ указано и происхожденіе предметовъ; нѣкоторая-же несистематичность въ распредѣленіи коллекцій объясняется тѣснотой и неудобствами частной квартиры, въ которой помѣщается музей.

—

Въ Херсонскій археологическій музей пожертвована учителемъ с. М. Копаней, Днѣпровскаго у., небольшая коллекція предметовъ, собранная на пескахъ у этого села, именно: 12 небольшихъ орудій изъ кремня, стеклянныя и сердоликовая бусы, свинцовое грузило, 19 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовая пряжка и мѣдная золотоордынская монета.

Разныя извѣстія.

На дняхъ вышло новое роскошное изданіе: *„Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Каменный и бронзовый вѣка. Вып. I. Кіевъ. 1899. 4°"*. Выпускъ состоитъ изъ 1) краткаго введенія, гдѣ говорится о задачахъ археологіи и періодахъ доисторической жизни человѣка, 2) небольшой статьи — «Каменный и бронзовый вѣка въ Приднѣпровьѣ», гдѣ дается характеристика этихъ эпохъ по находкамъ въ данномъ раіонѣ и 3) описанія предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣка, снабженнаго 12-ю таблицами фототипій, гдѣ изображены болѣе характерные предметы собранія.

Вышелъ 2-ой выпускъ „*Véstnik'a slovanskych starožitnosti*" (Praha, 1899), издаваемаго подъ редакціей Dr. Lubor'a Niederle. Книга заключаетъ массу данныхъ о новыхъ работахъ, касающихся этнологіи и исторіи славянства вообще и въ частности южно-русскаго народа

—

Подъ довольно громкимъ заглавіемъ «*Исторіи русскаго искусства*» *А. П. Новицкимъ* выпущено пока 3 выпуска его работы (Москва, 1899 г.). Изданіе съ внѣшней стороны производитъ очень хорошее впечатлѣніе, каковое еще усиливается довольно многочисленными рисунками, черными и въ краскахъ. Нельзя однако того-же сказать о внутреннемъ содержаніи работы: прежде всего бросается въ глаза непослѣдовательность въ изложеніи—выработанный планъ работы повидимому совершенно отсутствуетъ и она представляется составленной изъ кусочковъ съ очень слабой связью. Что касается отдѣльныхъ главъ сочиненія, то онѣ разработаны не одинаково, зачастую вопросамъ второстепеннымъ, имѣющимъ самое слабое отношеніе къ темѣ, удѣляется гораздо больше мѣста, чѣмъ нѣкоторымъ основнымъ вопромъ исторіи искусства.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго остановимся на нѣсколькихъ главахъ 1-го выпуска, имѣющаго прямое отношеніе къ южно-русской старинѣ. 1-ая глава—«доисторическій періодъ»—это нѣсколько отрывочныхъ фактовъ на 10-ти страничкахъ, съ переходами отъ каменныхъ орудій къ каменнымъ бабамъ, съ огульнымъ заявленіемъ, что археологія еще очень слаба въ опредѣленіи признаковъ разныхъ періодовъ, почему и самъ авторъ считаетъ лишнимъ слѣдить за ними— и это говорится послѣ работъ Уварова, Антоновича, Толстого и Кондакова и многихъ другихъ! Слѣдующая глава—«языческіе храмы»— нѣсколько домысловъ автора, безъ фактической основы, имѣющихъ самое проблематическое отношеніе къ предмету.

Затѣмъ идетъ «жилище»—глава, трактующая (по работѣ И. Забѣлина) о предметахъ болѣе поздняго времени русской исторіи; здѣсь, между прочимъ, авторъ открываетъ новый «законъ» русской архитектуры—«балансъ отдѣльныхъ частей» въ противовѣсъ западно-европейской симметріи! Изъ остальныхъ главъ этого выпуска отмѣтимъ «церкви кіевской области» и «прикладное искуство»—описаніе памятниковъ съ очень слабой обработкой фактическаго матеріала.

—

Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ подъ редакціею Д. Н. Анучина и А. И. Кирпичникова. 1898 г. Въ теченіе прошлаго года въ этомъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи, касающіяся южно-русской старины: № 5—6. *Н. Петровъ,* «О нѣкоторыхъ змѣевикахъ, энколпіонахъ и образкахъ, найденныхъ въ Кіевской губерніи и вообще на югѣ Россіи»; № 7 — 8. *Ю. Кулаковскій,* «Къ вопросу о каменныхъ бабахъ»; № 9 — 10. *Гр. Уварова,* «Нѣсколько интересныхъ образцовъ древне-русскаго искусства» (описываются нѣкоторыя болѣе замѣчательныя древности кіевскихъ собраній); № 11—12. *Н. Янчукъ,* «Курганы Сѣдлецкой губерніи». Кромѣ того, въ отдѣлѣ хроники помѣщено нѣсколько мелкихъ замѣтокъ.

Не смотря однакожъ на это, не смотря на всѣ его пьяныя заботы, чтобъ я не озябъ,—если бы только Грицько согласился, я бы охотнѣе предпочелъ перебраться къ нему и помѣститься съ нимъ верхомъ на бочкѣ, чѣмъ ѣхать на мягкомъ сѣнѣ, закутаннымъ въ теплые кожухи, *въ тепли, та добри*, но вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ. Начать съ того, что какъ я ни уговаривалъ его сѣсть со мною рядомъ, когда еще собирались выѣзжать изъ города, онъ никакъ не согласился! На всѣ мои доводы онъ только отвѣчалъ:—„какъ можно-съ!", и ременное его лицо всякій разъ раскващивалось и морщилось отъ тяжести и сырости фронтоваго деликатеса, какъ раскващивается и морщится голенище солдатскаго сапога отъ воды, набранной въ него въ первой дорожной лужѣ... Конечно, теперь, когда горькій опытъ, скорбные примѣры, испытанные на себѣ самомъ и видѣнные на другихъ, научили меня, что ремень, пакля и дубъ, такъ и есть ремень, пакля и дубъ, а не что-либо другое... и что горе тѣмъ, которые принимаютъ ихъ за что-нибудь другое, а не за ремень, паклю и дубъ, (да часто горе изъ-за нихъ и многимъ другимъ),—встрѣтить подобный деликатесъ въ какомъ-нибудь Мундырѣ если и не было бы для меня особенною пріятностію, то не было бы и особеннымъ горемъ. „Что, молъ, дѣлать!" обыкновенная нота въ симфоніи, которую повторяетъ теперь утратившее свой слухъ и свой вкусъ человѣчество!... Но въ тѣ блаженные годы моей жизни, такой деликатесъ передо мною былъ просто диссонансомъ, глубоко оскорблявшимъ мой духовный слухъ. Выросши въ понятіяхъ и нравахъ среды, къ которой я принадлежалъ по происхожденію, и выросши по ея примѣрамъ, я думалъ въ своей дѣтской головѣ: „какъ же это? я—мальчишка, а онъ—старикъ... притомъ и сани, и лошадь его!... Вѣдь увидятъ въ хуторѣ, пожалуй, и обо мнѣ скажутъ, какъ говорятъ о засѣдателѣ, когда тотъ ѣдетъ на обывательской подводѣ: „що вже чортъ, якъ йиде на чоловикови, то тилькы на його шыи"...

Разсказы М. Т. Симонова.

Потомъ этотъ человѣкъ оттолкнулъ меня отъ себя еще болѣе—чѣмъ? Теперь я могу разсказать—чѣмъ; но тогда я и самъ не зналъ... Чувствовалъ только, сначала, что мнѣ, кажется, не слѣдуетъ его слушать.. Теперь бы я чувство такое такъ окрестилъ: тутъ, молъ, дубомъ, паклею, казеннымъ подошвеннымъ товаромъ пахнетъ... А тогда подъ конецъ почувствовалъ, что хоть бы и съ саней мнѣ соскочить—уйти отъ этого человѣка!

Виною всему была страсть моя къ сказкамъ и вообще къ разсказамъ,—страсть, которую я старался удовлетворить при всякомъ удобномъ случаѣ, и которая получала въ послѣднее время особенный оттѣнокъ подъ вліяніемъ разсказовъ того мундыра, моего городскаго хозяина,—разсказовъ, полныхъ какого-то благодушія и наивности, но вмѣстѣ и полныхъ какой-то особенной прелести, повѣявшихъ на меня воздухомъ изъ какого-то другого міра, мнѣ въ ту пору еще невѣдомаго,—изъ міра быта воинскаго и военныхъ разгромовъ начала настоящаго столѣтія. Желая и теперь на досугѣ удовлетворить себя въ сласть этимъ лакомствомъ, когда ужъ мы проѣхали версты три-четыре (мы ѣхали сначала медленно) и когда нѣсколько поразговорились съ Мундыромъ, я обратился съ просьбою къ нему разсказать что-нибудь изъ своей военной жизни. Тотъ сначала: „чтò, молъ, вамъ, людямъ грамотнымъ!"; а послѣ расколыхался-таки и пошелъ писать—конечно, съ точки зрѣнія скроеннаго извѣстнымъ образомъ унтеръ-офицера, и о предметахъ, только доступныхъ воззрѣнію оловяшекъ, разумѣнію пакли и вкусу челюстей отъ уха до уха... И говорить нечего, что мнѣ хотѣлось бы послушать разсказовъ о чемъ другомъ; но, за неимѣніемъ этого другого, я слушалъ и то, чтò мнѣ предлагали, хоть предложенное, употребляя приведенное выше выраженіе, отдавало дубомъ, паклею и казеннымъ подошвеннымъ товаромъ. Но когда мой Мундыръ расколыхался уже совсѣмъ, и когда водка, выпитая имъ въ городѣ и въ шинкахъ (шиночковъ, которые намъ встрѣчались, онъ не пропускалъ ни одного), пробрала его поглубже,—сюжетомъ для своихъ разсказовъ онъ на-

чалъ выбирать предметы, которые въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кружкахъ называются предметами, принадлежащими къ области унтеръ-офицерскаго амура....

Можете вообразить, что должно было испытывать дитя нашей тогдашней стыдливой и цѣломудренной Украины, слушая подобные разсказы!... Повторяю, хоть бы и съ саней соскочить и уйти отъ этого человѣка, я былъ не прочь!.. Но куда уйти?.. Лучшее, что, я придумалъ для своего спасенія,—погрузиться въ кожухи и притвориться спящимъ...

Но что рѣшительно меня вооружило противъ него и даже поселило ненависть—такъ это слдуѣющіе поступки.

Когда Мундыръ замѣтилъ, что я будто заснулъ,—притихъ и принялся звать меня по имени, очевидно съ намѣреніемъ удостовѣриться, крѣпко ли я сплю,—сначала звать тихо, а потомъ громче и громче: „Васйлька! Васйлька а Васйлька!“. И такъ какъ я не отвѣтилъ на его зовъ,—счелъ меня дѣйствительно спящимъ. „Эка, говоритъ, и заснулъ!...“ и при этомъ употребилъ побранку, которая на Руси употребляется въ разговорѣ такъ же часто, какъ, напр., часто употребляется воздухъ для дыханія.... но которой въ печати еще никто, никогда и нигдѣ не употреблялъ... Стыдно и обидно было мнѣ услышать такую побранку, но что дѣлать, надо было молчать... притворился спящимъ, притворяйся и неслышащимъ!... не у всякаго хватитъ совѣсти признаться, что, дескать сонъ мой былъ ложь, притворство....

Убѣдившись, что я сплю, Мундыръ остановилъ лошадь, слѣзъ съ саней и началъ поджидать ѣхавшаго ровною ѣздою и на этотъ разъ отставшаго Грицька.

— А чогó ты стоишъ?—спросилъ послѣдній, приблизившись и тоже останавливаясь.

— Тише, тише! Вѣдь чертенокъ-то спитъ!

Новая побранка!... И сколько бы, можетъ быть, и еще новыхъ услышалъ я потомъ, въ своей жизни, если бы имѣлъ хоть сколько-нибудь поползновенія врываться воровскимъ образомъ

въ дѣла, не для моего вѣдѣнія творимыя, и въ рѣчи, не для моего слуха произносимыя!

За новою побранкою послѣдовалъ у Мундыра съ Грицькомъ разговоръ, содержаніе котораго было такое: со стороны Мундыра—что, дескать, „подъ тобою бочка, въ ногахъ у тебя топоръ, а у меня въ карманѣ *волочбкъ*—я таки подтибрилъ у того бездѣльника!... топоромъ откупоримъ бочку, а волочкомъ достанемъ, и все будетъ ладно!" а со стороны Грыцька—„Оцé, на тебé все зле лыхè!... Хиба ще ты не насмоктàвся!"

Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился, если бы я далъ время ему развиться,—не знаю; но я не могъ долѣе выдержать и началъ ворочаться на саняхъ... Замѣтивъ мое движеніе, Мундыръ тихонько на сани... и мы тронулись далѣе.

Тяжелое, очень тяжелое впечатлѣніе произвели на меня всѣ эти продѣлки Мундыра! Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть вещи въ такой возмутительной наготѣ... Я еще болѣе закутался въ кожухи и еще болѣе старался казаться спящимъ, чтобы не видѣть этого человѣка и ужъ не говорить съ нимъ.

Но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня другой его поступокъ, бывшій тоже по поводу водки въ бочкѣ, но уже направленный прямо на меня. Сценою дѣйствія на этотъ разъ была теплая хата одного добраго человѣка, къ которому мы заѣхали обогрѣться и, вмѣсто обѣда, поѣсть чтó тамъ наготовлено моею доброю матерью для путниковъ.

Обогрѣлись немного, а Грыцько сталъ доставать, изъ мѣшка и ящика, съѣстное.

— Чтò жъ,—говоритъ Мундыръ, которому хмѣль и бесѣда въ саняхъ, очевидно, придавали теперь развязности больше, чѣмъ при выѣздѣ изъ города, и онъ не церемонился уже выступить и развернуться во всей своей красѣ.—что жъ, къ обѣду надо таво!... и щолкнулъ себя извѣстнымъ способомъ по галстуху....

Я не зналъ, куда и глядѣть; Грыцьку тоже, повидимому, хотѣлось спрятаться въ мѣшокъ, а хозяинъ только улыбнулся тихо:—„всякови, мовъ, на свити люде бувàють!"

— Что-жъ вы молчите, словно глухіе! таво бы, говорю!... Ну, ты (ужъ и ты!), Василька! отпусти-ка намъ къ обѣду таво!...

— Дежъ я тоби визьму?... Въ мѐне грóшей немà!—пролепеталъ я, совершенно уже растерявшійся, не смѣя ни на кого взглянуть.

— И не надо *грошей*!... ты только молчи, а мы ужъ найдемъ!... Бочку, знаешь, таво, съ Григоріемъ?...

У меня покатились слезы по лицу.

— Чи ты дóвго ще бýдешъ, проклятый!... закричалъ наконецъ Грыцько, въ бѣшенствѣ вскакивая съ мѣста:—оцé! се наваждéніе, а не чоловикъ!... и ударилъ себя о полы руками.

— Чýешь, москáлю!—отозвался наконецъ и хозяинъ хаты спокойнымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:—въ мои хати нихто ще такихъ ричей не чувъ, якъ оцѐ ты балàкаешъ—щобъ пидмовлять незмыслéнихъ дитéй на крадúжку [1])!... Ты выбачàй [2]), будь лáскавъ, що я тоби, старòму, таке, та ще въ свои хати... Мы хоть и бидны люде, и пáнськи, тильки, кажý, въ насъ никóлы ще сёго не було, та ще сýпротивъ влàсныхъ родытеливъ... Такъ колú хóчешъ бýты тутъ, въ мои хàти, не балáкай такòго! а хóчешъ балàкать—зъ Бóгомъ зъ моѐи хàти! отò тоби Богъ, а отó порóгъ!...

И онъ указалъ ему рукою сначала на *покуття* съ образами, а потомъ на дверь...

Мýндыръ, впрочемъ, не нуждался уже въ такой апострофѣ. Какъ ни глупъ онъ былъ, но изъ моихъ слезъ и бѣшенства Грыцька онъ понялъ, что почва на которой ему, вслѣдствіе какой-то безсмысленной судьбы, суждено теперь дѣлать разные житейскіе марши, не изъ тѣхъ, по которымъ онъ до сихъ поръ хаживалъ своими ножищами, и гдѣ все такъ ужъ и прилажено болѣе и менѣе, чтобы руки, подобныя его рукамъ, могли находить свое должное примѣненіе. Онъ замолчалъ, и во все время нашего обѣда, и пока мы снова не поѣхали далѣе,

---

[1]) На воровство.

[2]) Извини.

не проговорилъ ни слова. Только когда выѣхали за село, онъ открылъ свой огромный ротъ, и первыя его слова были—просьба ничего неговорить отцу о случившимся:—„Я,“ говоритъ, „предъ вами буду, Васйлька,—енералъ бы остался доволенъ!..“ Чтобы отвязаться отъ него, я обѣщалъ молчать—и онъ послѣ этого обратилъ все свое вниманіе, что бы дѣлать такое, чѣмъ, по его выраженію, и генералъ бы остался довсленъ, т. е., немилосердно меня терзать цѣлый день...

Первое, чѣмъ бы, по его мнѣнію, остался генералъ доволенъ, было—скорая ѣзда...

И я любилъ скорую ѣзду, очень любилъ! Любилъ пуститься въ обгонъ за степнымъ вѣтромъ на выстоявшихся скакунахъ, на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ верстъ! Но въ болѣе далекой ѣздѣ, или на усталыхъ лошадяхъ—развѣ бы непремѣнно нужно, иначе нельзя... (и по твоей ласкѣ, по особенному уходу, бѣдныя животныя чувствуютъ, что иначе нельзя... и какъ-то веселѣе они несутъ свою горькую долю, не такъ болитъ у тебя сердце, глядя, какія впадины у нихъ подъ глазами отъ истомы, какъ поджимаютъ ноги отъ устали!...) Безъ нужды же гнать въ далекой ѣздѣ измученныхъ животныхъ,—нѣтъ, не по моему вкусу такое удовольствіе!..

Мўндыръ о моемъ вкусѣ не справлялся, и безъ всякаго милосердія стегалъ кнутомъ Сѣраго... А когда ужъ не въ-мочь мнѣ это стало, и я рѣшился сказать, что не за-чѣмъ гнать лошадь, когда она спотыкается даже,—истолковалъ мое неудовольствіе по своему... „Проклятая!“ ревѣлъ:—„уши повѣсила!... голову держать смѣло, смотрѣть веселѣй!...“, и неистово передергивалъ возжами!...

И разинувъ ротъ... съ окровавленными зубами, съ струйками поту на ноздряхъ, бѣдное животное сѣменило ногами, держало голову смѣло и смотрѣло веселѣе... какъ сѣменитъ бывало, во времена давно минувшія, и держитъ голову смѣло и смотритъ веселѣе какого-нибудь полка запѣвало... Офицерикъ словно пляску выплясываетъ впереди, словно камешки—мечетъ рѣчи назадъ, чрезъ эполетъ: „веселѣй, ребята, веселѣй!

такъ и такъ вамъ и всѣмъ вашимъ родственникамъ!...“, справа и Груня, и Дуня, и Саша, и Наташа... у окошечка стоятъ, на офицерика глядятъ, улыбочками браваго-молодца манятъ... а запѣвало—на глаза каска, лицо горитъ-почернѣло, губы запеклись, а онъ—веселѣе и веселѣе! а за нимъ веселѣе и веселѣе и весь хоръ пѣсельниковъ:

Чтó веселая-то наша жисть солдатская!..

или:

Какъ во тысяча семсотъ такомъ-то году!...

Второе, чѣмъ по мнѣнію Мýндыра, остался бы и генералъ доволенъ, было... Впрочемъ, вы сами сейчасъ увидите, чтò это такое было; а пока—разскажу, какого маршрута держался нашъ Мýндыръ во время нашего путешествія и куда онъ завезъ меня.

Надо вамъ сказать, что изъ города въ нашъ хуторъ есть два пути, лѣтній и зимній. Каковъ лѣтній путь, нѣтъ необходимости теперь вамъ говорить; зимній же путь—пролегаетъ сначала по толокамъ и полямъ, а потомъ, вплоть до самаго хутора, по рѣкѣ, т. е. подъ горою вдоль рѣки, по окаймляющимъ ее лозамъ и очеретамъ. Путь этотъ довольно прямой, или, лучше сказать, совершающему путешествіе по немъ, если только онъ человѣкъ расторопный и внимательный, довольно трудно сбиться, потому что, какъ я сказалъ сейчасъ, путь идетъ вдоль рѣки подъ горою, и, слѣдовательно, стóитъ не только отдалятъся особенно отъ горы—и всегда можно попасть, куда слѣдуетъ. Но на пути этомъ встрѣчается много перекрестковъ и поворотовъ къ рѣкѣ. Все это большею частію дорожки, ведущія къ скирдамъ и стогамъ сѣна, разбросаннымъ по обѣимъ ея сторонамъ и на островахъ, къ купамъ накошеннаго очерету и нарубленной лозы, къ лѣсамъ, поросшимъ кое-гдѣ вдоль рѣки, къ рыболовнымъ тонямъ и т. п.; остальныя же дорожки идутъ къ разнымъ зарѣчнымъ селамъ, болѣе или менѣе отъ рѣки отдаленнымъ. Слѣдовательно, при всей трудности сбиться съ этого пути путешественнико расторопному или внимательному, онъ, путь этотъ, именно изъ такихъ путей, на которомъ путеше-

ственнику нерасторопному или невнимательному легче всего попасть не туда, куда бы слѣдовало. Онъ можетъ тутъ побывать и на рыбныхъ тоняхъ и посмотрѣть, какъ рыбаки тащатъ неводъ изъ-подъ льда; можетъ попасть и въ какой далекій лугъ и покончить эту прогулку тѣмъ, что наконецъ ни дороги, ни слѣду нѣтъ, и только впереди, передъ лошадьми, мѣсто виднѣется, на которомъ стоялъ стогъ сѣна... а пожалуй, онъ можетъ забраться такимъ способомъ и Богъ вѣсть куда!

Мýндыръ, какъ вы и сами, можетъ быть, догадываетесь, не обладалъ расторопностью и внимательностью, необходимыми для случаевъ, подобныхъ нашей поѣздкѣ. Въ другомъ чемъ, можетъ быть, и такъ; но тутъ—не ладно, да и полно! Ему никакъ не пришло въ голову пріобщить къ своему свѣдѣнію разъ навсегда, какъ и совѣтовалъ ему Грицько сдѣлать это нѣсколько разъ, что такъ какъ хуторъ нашъ на той же горѣ, вдоль которой мы ѣдемъ, то отдаляться отъ нея никакъ не слѣдуетъ. Да и какъ, впрочемъ, это могло прійти ему въ голову! Вѣдь это значило бы послушаться умнаго совѣта и потомъ разсуждать,—а какъ, ему признать чей-нибудь совѣтъ умнѣе своего собственнаго—и, конечно, еще командирскаго! Да еще и разсуждать!.. Онъ, которому столько разъ доставалось, чтобы не разсуждалъ, который самъ вооружался противъ разсужденій, онъ разсуждать!.. Тьфу! маршъ впередъ, да и баста! эта дорога протореная—катай-валяй! Вѣдь куда-то да доведетъ!...

И каталъ-валялъ мой Мýндыръ!...

Пока дорога шла по полямъ и толокамъ,—полбѣды еще было; полбѣды было первое время, когда мы спустились и къ рѣкѣ: Мýндыръ хоть и рвался впередъ и часто оставлялъ Грицька, но все-таки болѣе или менѣе держался у него на виду, и тотъ или останавливалъ его крикомъ, если былъ недалеко, или поджидалъ гдѣ, пока мы понавѣдаемся тамъ къ тонямъ, съѣздимъ въ лѣсъ; словомъ, до обѣда дѣло шло болѣе или менѣе сносно. Но послѣ сцены за обѣдомъ, Мундыръ поѣхалъ по такому маршруту, какого, вѣроятно, не держался еще никто и никогда...

Грицька потеряли совершенно изъ виду и рѣшительно не знаемъ, гдѣ онъ и какъ... гонимъ только Сѣраго—куда? Богъ знаетъ! должно быть впередъ!... Вѣдь держимся же *линіи*!.. Выскочимъ за рѣку, съ поля: „Э, нѣтъ“, говоритъ: „*линію* потеряли!“, и назадъ... Можетъ быть, это не наша рѣка, притокъ, не наша линія—что́ намъ за дѣло!.. намъ лишь бы линія...

А когда стемнѣло,--потеряли и линію.... гонимъ Сѣраго гдѣ-то ужъ степью... Селъ и хуторовъ нѣтъ, лѣсковъ и байраковъ тоже... Какъ-будто все это издали заслышало мундырскій духъ и посторонилось съ пути, какъ сторонятся гуси, утки и разная домашняя птица, когда быкомъ овладѣетъ бычачья прыть, и, поднявши штандартомъ хвостъ, мчится на нихъ, словно бѣшенный, и—то лягнетъ, то ревнетъ, то воздухъ рогами боднетъ..·

И пригнали мы такимъ образомъ наконецъ Сѣраго—хуторъ, село ли, Богъ его вѣдаетъ! живутъ видно люди... Можетъ быть это и нашъ хуторъ...

Мундыръ остановилъ Сѣраго у первой хаты, въ которой свѣтился огонекъ въ окошечкѣ, соскочилъ проворно съ саней и стучать!..

— Хто тамъ?—отозвался, должно быть, хозяинъ хаты, открывая *кватирочку* (форточку).

— Х-т-о-т-амъ!—передразнилъ Мундыръ, вѣроятно въ видахъ внушенія страха, деморализованія, такъ сказать непріятеля:—Глаза есть—смотри, кто!.. Какъ деревня зоветця!

— Та се не деревня, а хуторъ... Проваллямъ звется!

— Что за Проваль?... А повѣта какого?

— На́шого таки, Ського...

Господи, какъ разсвирѣпѣлъ Мундыръ, узнавши, что мы въ чужомъ уѣздѣ! Досталось тутъ и *проклятой сторонѣ*, и *проклятымъ дорогамъ*! а ужъ *Сѣрому проклятому* досталось—и говорить нечего! Кончилось тѣмъ, что велѣлъ разговаривавшему чрезъ окошечко земляку проводить насъ до *ота́мана*.

— На що-жъ тоби,—говорю,—отаманъ!..

— Да ужъ надо!

— Та на що нада?

Да ужъ молчите! Сказалъ, генералъ—такъ генералъ!

Я замолчалъ... Я догадался, что Мундыръ снова какъ-то собирается угодить мнѣ, по своему; но что дѣлать!.. Вбить что-нибудь ему въ голову было выше моихъ силъ, а къ угрозѣ обратиться—что разскажу отцу,—не въ моемъ характерѣ было. Я могъ въ подобномъ случай или молчать и, затаивъ свои чувства, какъ говорится, кипѣть... или же вспыхнуть на мгновеніе и выбросить наружу вспышку чѣмъ-нибудь въ родѣ „плюю на твою дурну голову", чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ, я никоимъ образомъ не могъ допустить, потому что въ рыжей щетинѣ Мундыра уже водилась сѣдина, а старшіе возрастомъ у насъ пользуются такимъ уваженіемъ, что даже рѣдкое панское дитя позволитъ себѣ неуважительно обойтись съ старшимъ по возрасту, и не только съ постороннимъ, но даже и съ крѣпостнымъ своего отца.

Наконецъ отаманъ былъ отысканъ, и Мудныръ велѣлъ ему одѣться и сейчасъ выйти на дворъ. „Да жива". кричалъ онъ.

..... Мундыръ досталъ изъ кармана плоскій деревянный ящичекъ, въ родѣ тоненькаго томика въ малую осьмушку, открылъ боковую его сторонку и вытащилъ изъ него какую-то бумагу, *отставку*, какъ я узналъ послѣ; сунулъ отставку въ въ руки атаману и велѣлъ „сейчасъ жива", давать квартиру—да хорошую квартиру! Отаманъ возразилъ, что надо сначала прочитать бумагу, а потомъ давать квартиру; но Мундыръ такъ раскричался, такого далъ ему подзатыльника, что отаману не оставалось ничего другого, какъ поскорѣе вести насъ къ какому-нибудь богатому козаку... Конечно, ему оставалось и кое-что другое еще, но... но... но что объ этомъ толковать?!...

Повелъ насъ отаманъ, и, уходя, бросилъ лаконическое приказаніе прежнему нашему провожатому:—А ты,—говоритъ,—до писаря... Якъ що не тамъ *тée*,—до Деркача!..

Привелъ насъ до Деркача отаманъ... Мундыръ принялся тотчасъ распоряжаться—и то прочь, и то подавай!.. Тѣмъ временемъ въ хату ввалилась опившаяся, взъерошенная, крѣпко

подержаная фигура писаря... Фигура была и очень *тéе*, а все-таки, по приказанію отамана, принялась за отставку и начала *слебезовать* [1]). Какъ ужъ она слебезовала, и какъ отаманъ и всѣ присутствовавшіе слушали, ровно ничего не понимая—ничего и разсказывать! Довольно, что тотъ слебезовалъ, а тѣ слушали... И быть можетъ, онъ прослебезовалъ бы всю отставку хоть къ полуночи, такъ случилось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство—подвернулось названіе полка, въ которомъ служилъ когда-то Мундыръ, премудреное, непреоборимое названіе!..

Видали вы, какъ пьяный, склоняясь по улицѣ, наткнется на бревно?

„Вишь," говоритъ, „и бревно!"... плечами вздвигиваетъ, грустно покачиваетъ головою... „Да," говоритъ, „бревно". Вдругъ овладѣваетъ имъ рѣшимость: „Что," говоритъ, „бревно! эка невидаль!" распахнулъ полы и поднимаетъ ногу—будто тяжесть какая на ней! еще усиліе и... Но нога покачнулась, хватила въ сторону, и бѣднякъ шлепнулся!.. Въ третій разъ, въ четвертый—какъ-будто на бревнѣ невидимая сила безплотная издѣвается надъ добрымъ человѣкомъ, чтобы не перешагнулъ, а валился бы и валился, на посмѣяніе образа и подобія Божія, на соблазнъ всѣмъ другимъ добрымъ людямъ!..

Что-то подобное творилось и съ бѣднымъ писаремъ, когда онъ вступилъ въ борьбу съ тѣмъ непреоборимымъ полкомъ. Вотъ два слога ужъ подвернулъ подъ себя, на третій началъ карабкаться,—вдругъ какъ оборвется, какъ *штрпр!*

— Эхъ ты чучело хохлацкое!—воскликнулъ наконецъ Мундыръ, очевидно оскорбленный такимъ, по его мнѣнію, обиднымъ коверканьемъ полка:—и полка-то нашего не знаетъ, а тута же рыло суётъ!.. Бумагу только мою опорочишь!.. Проваливай!—крикнулъ онъ въ заключеніе, и, вырвавъ у него изъ рукъ отставку, засунулъ ее снова въ свой деревянный бумажникъ и спряталъ его въ карманъ.

1) Дурно читать, читать какъ бы по складамъ.

— Такъ якъ же?...—возразилъ-было отаманъ; но Мундыръ такъ принялся браниться и кричать, что отаманъ счелъ за лучшее „удалиться отъ зла и сотворить благо", махнулъ рукою и пошелъ изъ хаты:—„нехай, мовъ, на тебе все зле-лыхе, манія ты гаспидьска (вѣроятно отъ греческаго μανία)!" За отаманомъ выползъ молча изъ-хаты и писарь: сконфузилъ его крѣпко-крѣпко этотъ мудреный полкъ!

Зная изъ прежнихъ моихъ разсказовъ [1]), въ какой степени развито было во мнѣ чутье смѣшнаго и комическаго во всемъ, что ни встрѣчалось мнѣ, и въ какой степени развита была во мнѣ смѣшливость, вы, можетъ быть, думаете, друзья мои, что я смѣялся, глядя на всю эту сцену? Нѣтъ, не до смѣху мнѣ было тогда! Не имѣй эта сцена для меня своего предыдущаго, не понимай я значенія ея, какъ извѣстнаго явленія въ ряду другихъ явленій,—словомъ, будь я тогда только случайнымъ зрителемъ, а не участникомъ, по необходимости разумѣвшимъ мотивы, которыхъ она была послѣдствіемъ, и весь печальный ихъ смыслъ, и т. д. и т. д., я бы смѣялся, какъ смѣюсь теперь, забывъ все и все, а только глядя въ воображеніи на это всеобщее глубокое вниманіе къ тому, чего никто не понималъ—„А ну, ну! мовъ!.. эге! бачъ!..." на это слебезованіе писаря, на штурмъ, который онъ нѣсколько разъ предпринималъ противъ полка, на ярость Мундыра—„какъ де не знать его полка!..," „еще опорочатъ отставку!.." Но зная, какъ и что, понимая, что вѣдь то, что мы дѣлаемъ, почти воровство и грабежъ,—я, какъ дитя своей родины, какъ членъ сословія, которое такимъ глубокимъ уваженіемъ окружило въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ право *господаря въ его господи* и которое право пользованія чужимъ хлѣбомъ и солью понимаетъ только въ формѣ гостепріимства... и наконецъ, я, какъ членъ семьи, которой самой, хоть можетъ быть и въ другомъ видѣ, приходилось не разъ испытывать на себѣ то, что мы съ Мундыромъ дѣлали теперь другимъ,—могъ

[1]) Это указаніе Василія Петровича относится главнымъ образомъ къ неизданнымъ еще разсказамъ.

ли я смѣяться, глядя на эту сцену! Даже теперь у меня исчезаетъ охота смѣяться, когда я, оставляя простое созерцаніе въ воображеніи, начинаю думать обо всемъ... Мнѣ даже совѣстно, становится за свой смѣхъ!.. Но тогда—для меня было что-то глубоко возмутительное въ нахальствѣ, съ которымъ Мундыръ добывалъ ночлегъ и которымъ поставилъ меня въ такое несносное, непривычное для меня положеніе! „Что", думаю, „если объ этомъ да узнаютъ въ хуторѣ!.."—и не знаю, на что бы я не рѣшился тогда, лишь бы всего этого не было... чтобы такъ, сказать, вычеркнуть этотъ вечеръ изъ моей жизни, быть гдѣ-угодно, хоть даже въ училищѣ, только бы не здѣсь, не въ этой хатѣ, предъ этими людьми, какими-то унылыми, будто истомленными какимъ-то горемъ!.. Но возстать противъ Мундыра открыть его тутъ же, всенародно,—нѣтъ! Чтобы люди такой духовной комплекціи, какъ мы, могли возставать противъ такого нахальства, какъ мундырово, надо, чтобъ они прошли сначала сквозь многія-многія испытанія, потеряли въ нихъ, испытаніяхъ этихъ, много-много дѣтской наивности и непорочности души, а вмѣсто ихъ запаслись бы многимъ-многимъ... А до того,—они умѣютъ только страдать, страдать и страдать....

Но главное мое горе было еще впереди... Когда отаманъ ушелъ, и Мундыръ почувствовалъ себя вполнѣ на свободѣ,—удаль и прыть его развернулись совершенно...

— Ужинъ готовить—крикнулъ онъ хозяину:—да жива!..

— Колы-жъ [1]) уже?—осмѣлился было возразить тотъ:—пизно!...

Пѣз-но!.. и такъ толкнулъ его въ спину, что тотъ едва не свалился:—говорятъ „готовить"! такъ не разсуждать!..

— Та у насъ же,—отозвался я,—и свое есть...

— Вы ужъ молчите,—говоритъ,—Василька молчите!—и, какъ бы вдохновленный новою идеею, выпрямился и указывая на меня пальцемъ—видишь,—говоритъ хозяину,—енеральское дитя везу!....

---

[1]) Когда-же.

Я снова не выдержвлъ, какъ и передъ обѣдомъ, и снова заплакалъ...

Всѣ смутились. Мундыръ, конечно, подумалъ, что выходитъ, онъ что-то лишнее брякнулъ...а хозяевамъ, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ: „генеральское, молъ, дитя!.. боится, голодно будетъ!..“ По крайней мѣрѣ что-то подобное, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ старухи, матери хозяина, сидѣвшей на печкѣ и до сихъ поръ непринимавшей никакого участія во семъ происходившемъ; потому что, замѣтно встревоженная, обратилась съ такими словами къ своей невѣстѣ. „Ты бъ, дочко, вареныкивъ пшеничнихъ имъ, и ще бъ чого!.. А поки що,—оришкивъ, медяныкивъ [1]) що зъ города Иванъ прывизъ! .

— Спасыби,—прервалъ я сквозь слезы:—я вечерять не хочу... и не зная, что больше сказать:—пустить мене,—говорю,—туды, до себе на пичъ... — — — —

. . . Пока выѣхали мы изъ Проваллл, солнце и совсѣмъ взошло... Ѣхать, однако, было все-таки холодно: рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, а морозъ пронималъ все крѣпче и крѣпче. Я старался, по этому, закутаться въ тулупы получше, зарыться въ сани поглубже. Но послѣднее оказалось дѣломъ очень труднымъ: сани полны были сѣна, и я или долженъ былъ торчать сверху, или, если мнѣ захотѣлось бы непремѣнно опуститься пониже, долженъ былъ сбросить часть сѣна.

— Нащо,—говорю Мундыру,—ти накупывъ стилькы сина? Татусь буде сердыться!

— Да я, Васылька, не покупалъ!

— Якъ не куповавъ?

— Да такъ! у бездѣльника много... въ ефтомъ *Проваль* деньги цѣлы, всѣ сдадимъ старику! Только ужъ божескую милость, Василька, на счетъ, то есть, бочки... и тово... то есть вечеромъ....

. . . Уже солнце собиралось опуститься за горизонтъ, когда мы приблизились къ горѣ... Я не могъ долѣе удержаться и, соскочивши съ саней, кратчайшимъ путемъ на гору!..

---

[1]) Пряникивъ

Вонъ телята навстрѣчу—къ рѣкѣ, бѣгутъ... мурое, рябое, *кривенькe*!... „Здравствуй, здравствуй, мое бѣдненькое!... Ахъ, здоровъ бувъ, Оксентію!..

И овечки... „бырю, бырю"!.. И Антонъ, и рябко, и *билка*... „Здравствуйте, здравствуйте, вамъ, вси дорогіе мои!.. а мама здоровенька?"...

И не дождавшись отвѣта стрѣлой на гору...

Въ *прихожи* народу много, много—гости!... Вонъ, въ спальнѣ, сестра старшая... братья старшіе,—въ *пекарню*...

— Матусю!

— Ахъ!..

Все и всѣхъ забыла!.. обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ:—Дитыночко моя!.. сыночку мій!...

— Старà!.. старà!—старикъ оттуда изъ свѣтлицы.

— Заразъ, заразъ!.. Голубоньку мій, чи живъ ти, чи здоровъ?

— Панотець васъ кличуть!

— Заразъ!.. А матери не забувъ?

И не скоро она, можетъ быть, оторвалась-бы отъ меня, несмотря и на зовъ отца, несмотря на то, что по его голосу она, можетъ быть, и изъ могилы бы встала, еслибы только надъ ея могилою могъ когда-нибудь раздаться этотъ голосъ.... Но дверь кухни скрипнула, и изъ-за нея выглянулъ самъ мой сѣдоволосый...

— Эге,—говоритъ:—не въ чимъ не реве, ажъ дома нема!.. Дывытця!—и отворилъ двери настежъ.—Може вы,—говоритъ,—не бачилы, якъ корова теля облызуе, то подывитця!...

Во все время моего пребыванія дома, я почти не входилъ въ остальныя комнаты, а все сидѣлъ въ кухнѣ и все плакалъ— и вечеромъ въ субботу, и весь день въ воскресенье, и въ понедѣльникъ! Сколько не утѣшали меня, сколько не доставляли мнѣ разныхъ развлеченій,—я плакалъ и плакалъ, сидя въ кухнѣ за столомъ и опершись на него локтями!.. Какая была причина этихъ слезъ—для меня и теперь загадка! Была ли это тоска о томъ, что сестра выходитъ замужъ и что, слѣдовательно, мы

теряемъ одного члена семьи,—или шумное и многолюдное веселіе и тогда уже производили на мою душу тяжелое впечатлѣніе,— рѣшительно не знаю!...

Во время пребыванія моего дома, я очень мало видѣлся съ матерью: гостей толпа, пированье день и ночь, некогда! Прибѣжитъ бывало ко мнѣ, начнетъ меня утѣшать, обливаясь и сама слезами,—зовутъ!... обнимаетъ, поцѣлуетъ, дастъ какое лакомство,—и снова убѣжитъ:—„Не плачь же", говоритъ, „моя дитыночко, не круши мене!..." Чрезъ нѣсколько времени опять то же...

Только во время сна она была со мной неразлучна, если только сномъ можно назвать какое-нибудь двухъ-трехчасовое затишье въ ночномъ пированьи... Когда бывало въ домѣ шумъ нѣсколько стихнетъ, попроситъ кого изъ знакомыхъ или родныхъ за всѣмъ присмотрѣть, возьметъ сонняго гдѣ тамъ я заснулъ, отыщетъ мѣсто и приютится: „Хоть полежу коло ёго... хоть рука моя буде на ему!..."

Это ли, что во время гостеванья я не могъ часто видѣться съ матерью, или что вообще мнѣ было тяжело быть на этой свадьбѣ... а можетъ быть, что чрезъ недѣлю я снова долженъ былъ пріѣхать домой, на масляную,—выѣзжать изъ дому я собрался безъ особеннаго горя, и сколько помню, не плакалъ во время сборовъ нисколько...

[1]) ... Наконецъ, я совсѣмъ собрался, *Била* готова, и въ прихожую вошелъ *Козелъ* за моими вещами.

— Гляди жъ, будь ласковъ,—говоритъ ему отецъ:—бережи хлопця, щобъ не змерзъ!...

— Та вже жъ, извисно! *Береженого и Богъ береже!* и Козелъ погладилъ рукою по своей высоко-подбритой чупринѣ.

— И кобылу тежъ! *Пошануй скотыну—вона тебе тричи пошанує!* и снова погладилъ рукою Козелъ по своей высоко-подбритой чупринѣ...

И будь ласковъ,—знаешъ, яка Била!.. Поидете болотами,— на дорогу направляй, навпростець (прямо) не идьте нигде!..

[1]) Основа 1861 г., № 7, 34—43.

— Та вже жъ, звисно!.. *Поидь кругомъ, то сёгодня поспіеть, а поидь навпростéць—дай Боже, щобъ пислязавтрёго!* и высоко-подбритая чуприна была поглажена въ третій разъ.

— Выпый же!..

Выпилъ Козелъ одну чайную чашку водки—большую чашку!—выпилъ другую, выпилъ и третью!.. Конечно, дать Козлу выпить такую порцію, значило сдѣлать его совершенно неспособнымъ шанувать скотину; но отецъ все-таки далъ выпить... почему? Богъ его знаетъ! Можетъ быть, угаръ трехсуточной погулянки заставилъ сѣдоволосаго упустить изъ виду и то, и другое, а можетъ-быть, онъ поддался обычаю нагружать все выѣзжающее изъ свадебнаго двора какъ-можно поплотнѣе.

Наконецъ Козелъ былъ нагруженъ, я простился со всѣми домашними и *Била* пустилась со двора... Пусть же она мчится себѣ, сначала черезъ дворъ, потомъ вдоль хутора, потомъ съ горы на рѣку, а я тѣмъ временемъ кое съ кѣмъ и кое съ чѣмъ васъ познакомлю.

Во-первыхъ, познакомлю васъ съ содержаніемъ праваго кармана моего полосатаго нанковаго жилета. Тамъ, въ этомъ правомъ карманѣ, было ниболѣе нименѣе, какъ шестьдесятъ копѣекъ ассигнаціями—сумма огромная въ то время для мальчика моихъ лѣтъ, а въ особенности—ѣдущаго въ городъ всего на одну недѣлю! На эту сумму можно было у насъ тогда купить по крайней мѣрѣ два пуда муки, или шестьдесятъ огромнѣйшихъ бубликовъ,—просто, можно было кормиться цѣлую недѣлю. Но, что для насъ гораздо важнѣе,—на эту сумму можно было пріобрѣсть тогда въ какомъ угодно шиночкѣ, кромѣ, разумѣется, городскихъ, квартъ пять водки, и это можно было сдѣлать тѣмъ легче, что всѣ шестьдесятъ копѣекъ, бывшія у меня въ карманѣ, были мѣдною монетою, пользовавшеюся въ то время, вмѣстѣ съ ассигнаціями, такимъ важнымъ предпочтеніемъ въ Малороссіи предъ монетою серебряною.

Не мѣшаетъ познакомить васъ нѣсколько и съ *Билою*... Самка эта принадлежала къ породѣ тѣхъ лошадиныхъ самокъ, которыя и на старость сохраняютъ юношескій жаръ и юношескую

прыть,.. и принадлежала къ ней, къ этой породѣ—если только можно такъ выразиться—безусловно и беззавѣтно, со всѣмъ своимъ лошадинымъ существомъ, покрытымъ бѣлою шерстью.

Какъ, напримѣръ, она ни была стара, и сколько разъ она ни была въ необходимости испытывать на себѣ всѣ варварства лошадиной акушеріи хуторскаго изобрѣтенія,—знать ничего не хочетъ, да и только!.. и—что годъ, то и лошонокъ!.. Годы даже какъ-будто только увеличивали въ ней юношескій пылъ,—и она дошла, наконецъ, до того, что даже забыла про свою материнскую гордость и про свою бѣлую шерсть: иная въ ея лѣтахъ, если ужъ нельзя одѣть дѣтище въ бѣлую рубашечку, какъ и у себя,—хоть звѣздочку бѣлую на лобъ прилѣпить или копытокъ побѣлить, а она и отъ этого отказалась, и просто до шестинки одноцвѣтные лошонки, гнѣдые тамъ или рыжіе, смотря по обстоятельствамъ... И опять: сколько она на долгомъ вѣку своемъ ни избѣгала пространства и по дорогамъ и безъ дорогъ, *навпростець*... и какъ ни стары были ея бѣлыя ноги, но поручите бывало ей что—„пожалуйста-молъ, *Била*, такъ и такъ.... вотъ тамъ далеко село, или *байрачокъ*, или—вонъ у тебя изъ-подъ переднихъ ногъ побѣжала впередъ дорожка...“—и, съ сѣдокомъ на спинѣ, или съ саньми, или съ повозкою назади, пустится она какъ стрѣла рысью (и именно рысью, а не *скокомъ* или *навздводи*; *скокомъ* или *навзгоди* бѣгать—было не по ея части), пустится со всѣмъ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ, и именно туда, куда вы ее направили: по дорогѣ направили—пустится по дорогѣ, и будетъ бѣжать, пока дороги у нея не станетъ подъ ногами; на село или байрачокъ направили, полетитъ на село или на байрачокъ, не спуская съ нихъ глазъ и не обращая вниманія ни на засѣянныя поля, ни на рытвины, ни на что... и будетъ лететь такъ (если, конечно, не попадетъ гдѣ въ канаву) до тѣхъ поръ, пока не влетитъ въ байрачокъ и не запутается въ немъ межъ деревъ и кустарниковъ, повозкою, что-ли... или пока не влетитъ въ село и не хватитъ носомъ, или оглоблями, въ плетень или въ избу, или во что другое, что очутится ей тамъ на перепутьи... Остановится потомъ, искры, можетъ быть, отъ толчка посыпались изъ глазъ, паръ изъ ней столбомъ, бока крутые

ходоромъ ходять, а она только уздечкою весело побрякиваетъ, да ушами самодовольно поводитъ: „Сполнила", молъ, „свой долгъ!"...

Любили за это *Билу,* за эти полезныя, пріятныя и веселыя качества, любили всѣ очень, очень! А ужъ возницы и особенно всадники—и говорить нечего! Да и какъ было имъ не любить ея? вѣдь имѣть дѣло съ лошадью, которая такъ „сполняетъ свой долгъ",—просто—кладъ!.. укажи только ей дорогу, да и заваливайся смѣло спать въ повозку или сани, или дремли, ухватясь покрѣпче за сѣдельную луку!.. потому-что надобно и то еще сказать, что рысь у *Билой* была необыкновенно легкая, и ѣхать было на ней—*якъ на подушци*, какъ у насъ выражаются въ подобномъ случаѣ. Любилъ ее за эти качества и покойникъ отецъ, и если предстоялъ путь, который долженъ быть совершенъ быстрою и скромною и послушною лошадью,—«Билу запрягайте!»,—въ особенности, если возница былъ не вѣтрогонъ, а человѣкъ солидный.

Позвольте жъ еще въ заключеніе познакомить васъ и съ Козломъ,—возницею, который долженъ былъ управлять *Билою* во время обратнаго моего путешествія въ городъ.

Козелъ—это типъ довольно распространенный въ Малороссіи. Онъ изъ дѣда и прадѣда былъ украинецъ, но въ немъ была еще примѣсь какой-то восточной крови, этакъ турецкой, что-ли: можетъ быть чрезъ какую бабку-*бранку*, или чрезъ какого прапрадѣда-*бранця*, или какого *побро́* изъ Черной-Горы, любителя бранныхъ тревогъ и привольной разгульной жизни Запорожья временъ оныхъ... Это присутствіе какой-то захожей крови, изобличалось во всемъ его существѣ.... Былъ онъ высокаго роста и довольно строенъ; шея длинная, съ кадыкомъ на горлѣ, носъ тоже длинный, лицо и голова тоже длинныя, даже черезъ-чуръ ужъ длинныя... Прибавьте къ этому еще крѣпкую смуглоту лица и шеи, какой-то тупой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, черный покляпый усъ, черныя густыя брови и черную высоко-подбритую чуприну—и вотъ вамъ Козелъ!

Еще бы внутреннюю сторону его описать вамъ, но это статья чрезвычайно-трудная... Богъ съ нею! Скажу только, что

мысль у Козла, должно быть, постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, потому что выраженіе лица его было всегда серьёзное и глубокомысленное. Это выраженіе лица было у него до того постояннымъ, что, сколько мнѣ извѣстно, онъ всего одинъ только разъ въ жизни засмѣялся, именно, когда ему сказали, что ужъ пора ему жениться...—такъ по-крайней мѣрѣ гласитъ хроника замѣчательнѣйшихъ событій въ нашемъ хуторѣ! Пожалуй, еще скажу вамъ, что хоть мысль у Козла должно быть и постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, но результатовъ этой работы онъ никогда и никому не сообщалъ... да и вообще онъ говорилъ очень-мало, и если говорилъ, то всегда кратко, серьезно и догматически, заканчивая всегда пословицею, болѣе или менѣе идущею къ дѣлу,—что подало одному мѣстному остряку поводъ остриться надъ Козломъ,—впрочемъ, въ его отсутствіи,—якобы въ своихъ ясляхъ у Козла всегда пусто, и онъ, при нуждѣ, воруетъ изъ чужихъ... да иной-разъ хватитъ и сѣнца, а иной, соломки просто или и бурьяну...

Пожалуй, еще и то скажу, что Козелъ, если только погода позволяла, всегда ходилъ безъ шапки,—и когда, въ ясный лѣтній день, шагалъ онъ вдоль хутора, въ бѣлой сорочкѣ и бѣлыхъ штанахъ, безъ сапогъ и безъ шапки,—держался всегда важно и прямо, съ закинутою назадъ головою,—вслѣдствіе чего чуприна всегда качалась на затылкѣ, какъ черный султанъ у марширующаго солдата...

Скажу еще, что Козелъ былъ добрѣйшее въ мірѣ существо... пилъ очень рѣдко, но если пилъ,—пилъ очень много и всегда молча... и когда напивался крѣпко, любилъ плакать... и когда падалъ, напившись крѣпко, падалъ не какъ другіе добрые мои земляки падаютъ въ подобныхъ случаяхъ, на-бокъ тамъ или *сторчъ*, а всегда назадъ, навзничь, и такъ, что шапка отлетала Богъ вѣсть куда, чуприна разстилалась по землѣ, а ноги задирались вверхъ высоко-высоко.

Первое время, когда выѣхали мы со двора, я молчалъ; хоть и безъ особеннаго горя выѣзжалъ я изъ дому, а все-таки нѣко-

торая тяжесть была на душѣ. Но когда спустились внизъ на рѣку, и когда *Била* весело и густо зазвенѣла своими подковами по гладкому льду, мало покрытому снѣгомъ... а по сторонамъ зарябили кусты курчавой лозы и стѣны золотистаго очерету, облитаго солнечнымъ свѣтомъ,—на душѣ у меня повеселѣло, и я началъ заговаривать съ Козломъ. Впрочемъ, мои усилія, завязать съ нимъ бесѣду, остались безъ успѣха. Выпитая имъ водка, очевидно, всё болѣе и болѣе пробиралась къ центру его мыслительныхъ способностей, и все болѣе и болѣе располагала его душу къ состоянію, за которымъ необходимо должны были у него послѣдовать слёзы. Онъ упорно молчалъ, разсуждая о чемъ-то важно и глубокомысленно, и упорно глядѣлъ въ *передокъ*, изрѣдка похлопывая своими черными и посоловѣвшими глазами. На всѣ мои вопросы, онъ отвѣчалъ мнѣ однимъ тихимъ: „у!“ или тихо и какимъ-то особеннымъ способомъ, извѣстнымъ однимъ только порядочно нализавшимся людямъ, шевелилъ своими усами, да еще раза два-три муркнулъ мнѣ, что называется, „ни къ селу, ни къ городу“, пословицами серьезно-моральнаго содержанія, въ томъ числѣ и изреченіемъ „суета суетъ“, не вѣсть какимъ путемъ попавшимъ въ этотъ ходячій сборникъ народныхъ пословицъ и поговорокъ. О, Козелъ! о мой премудрый Соломонъ!.. Видя, что Козелъ плохой для меня собесѣдникъ, я началъ перебирать въ головѣ своей, какое бы придумать тутъ развлеченіе, какъ бы убить время. Ужъ я думалъ и о томъ и сёмъ,—нѣтъ! Наконецъ придумалъ-таки: досталъ изъ жилета двѣ мѣдныя монеты, и сдѣлавъ подъ верхнимъ кожухомъ, въ который я былъ закутанъ, *будку*, началъ самъ съ собою играть на колѣняхъ *въ решётки*.

— Э?!—вопросительно *экнулъ* Козелъ, заслышавъ у меня подъ кожухомъ звонъ монетъ—и ткнулъ носомъ ко мнѣ въ *будку*: —багато?

— Ось скилькы!—отвѣтилъ я, довольный, что наконецъ, онъ заговорилъ-таки,—и вытащилъ наверхъ одну за другою всѣ мѣдныя монеты, бывшія въ жилетномъ карманѣ.

— И-ги!!.. на чвертку, на чвертку!... *багатому чортъ диты колыше...*"—и онъ снова предался глубокомысленному размышленію, упорному молчанію и похлопыванію чорными и посоловѣвшими глазами съ созерцаніемъ *передка*,—такъ-что я думалъ, что все дѣло о деньгахъ, возбужденное его любопытствомъ, на этомъ и кончится.

Но не кончилось на этомъ дѣло о моихъ деньгахъ, какъ и никогда такъ не оканчиваются дѣла о деньгахъ! Высшими судьбами разъ навсегда опредѣлено, чтобы всѣ дѣла о деньгахъ, какого бы они рода, вида, качества, номера и т. д. ни были, до тѣхъ поръ не оканчивались, пока всѣ деньги, или по крайней мѣрѣ какая-либо часть ихъ, не перейдутъ въ другіе карманы... Въ первомъ селѣ, которое попалось намъ на пути, часть моихъ денегъ перешла въ руки какого-то пана, конечно чрезъ руки его шинкаря,—и Козелъ выпилъ чвертку.... „На чвертку, на чвертку!" говорилъ онъ: „багатому чортъ диты колыше!.. Всякое даяніе благо!..." и я далъ на чвертку.. Что мнѣ было дѣлать? какъ не дать?... не мнѣ же, мальчишкѣ, учить Козла, что, молъ, лишнее будетъ, когда я вездѣ и всѣхъ вижу, что пьютъ лишнее, и когда и шинки Богъ создалъ на то, чтобъ люди пили побольше.

Въ слѣдующемъ затѣмъ селѣ повторилась та же самая исторія, съ тою только разницею, что изъ шинку Козелъ вышелъ уже плачущій, а на сани садился уже не одинъ разъ, а два раза, т. е. собственно говоря, онъ уже теперь не сѣлъ въ сани, а ввалился, и не въ *задокъ*—рядомъ со мною, а въ передокъ, поперегъ саней, что именно и было причиною, что помѣщеніе Козломъ своей особы на сани произведено было имъ въ два пріема, такъ какъ первый пріемъ оказался неудачнымъ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго размаха туда, навзничь, съ летаніемъ, по описанному мною выше способу, шапки подальше, на снѣгъ, со взмахомъ чуприны по воздушному пространству и съ поднятіемъ ногъ вверхъ, высоко-высоко.... „Суета", молъ, все суетъ!...".

Можетъ быть, и въ третьемъ селѣ пришлось бы мнѣ дать Козлу на чвертку, но... чего не можетъ случиться между двумя селами, находящимися одно отъ другого въ разстояніи семи-восьми верстъ и отдѣленными одно отъ другого только болотами и рѣками—замерзшими, правда, но все-таки болотами и рѣками!... а тѣмъ болѣе—чего не можетъ случиться съ путниками, ѣдущими на такой *Билой*, какова была наша *Била*, и помѣщенными на саняхъ такъ, какъ мы были помѣщены съ Козломъ!

Когда мы выѣхали изъ втораго села и когда Козелъ, проливая слезы, указалъ Билой на виднѣвшуюся впереди церковь „туда, молъ, Била, въ *Сидѣцьку!*,“ Бѣлая только головою кивнула („смекаю, дескать“) и стрѣлой пустилась навпростець, по кочкамъ, болотнымъ купамъ и по всему, что ей ни попадалось подъ заднія и переднія ноги.

— Що ты,—говорю,—робышъ!.. въ *опарь* вскочымо де-небудь!...

Но Козелъ только слезы проливалъ, да усами шевелилъ извѣстнымъ образомъ...

И неслася Бѣлая стрѣлой до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не вскочила въ опарь, да еще не какъ-нибудь вскочила, а со всѣхъ четырехъ ногъ и, что называется, по самыя уши.. Не знаю, какъ и мы туда съ саньми не попали!..

— У!...—мычитъ Козелъ на бѣдную Бѣлую:—у!.. (ужъ и *ну*! не въ состояніи выговорить)... но Бѣлая... только болтается, бѣдная, межъ кусками обломавшагося льда, да копытами взбалтываетъ со дна цѣлую массу тины...

Что мы тутъ дѣлали съ Козломъ, чтобы вытащить на ледъ Бѣлую, или, лучше сказать, что я дѣлалъ для этого, (потому-что Козелъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, способенъ былъ только проливать слезы да *укать*), не буду тутъ разсказывать: но не могу пройти молчаніемъ одной операціи, которой подвергалась несчастная, и не могу пройти молчаніемъ именно потому, что мнѣ хочется показать, на какія остроумныя концепціи бываютъ горазды люди, похожіе на Козла, и въ состояніи, въ какомъ онъ былъ тогда.

Измученный безуспѣшною возней съ Бѣлою, я сѣлъ наконецъ на сани и рѣшился ждать: авось либо-кто близко проѣдетъ и поможетъ намъ, а пока—плакалъ и плакалъ, слезами облегчая свое горе... Сижу я на саняхъ и плачу, а Козелъ стоитъ передъ Бѣлою и покачивается во всѣ стороны. И стоялъ—стоялъ онъ такъ, потомъ вдругъ:—у!—и шапку съ головы, рукавицы съ рукъ, прочь все!... самъ передъ Бѣлою на колѣни и наклоняется ртомъ къ ея уху... и чуть-чуть не бултыхнулъ въ воду!..

— Що ты,—говорю,—хочешъ робыть?... Ще и самъ въ воду...

— У!—промычалъ Козелъ:—*якъ припече, то втече!*... и доставъ зубами за ухо Бѣлую, началъ его кусать немилосердно! Больно станетъ, моль, такъ выскочитъ!...

Я едва могъ оторвать его отъ уха!... И хорошую, должно быть, представляли мы группу: я, всѣми силами тянущій сзади Козла за свиту,—колѣнопреклоненный на снѣгу и безъ шапки и рукавицъ, Козелъ, вцѣпившійся зубами за ухо несчастному животному... оно, визгливо ржущее отъ боли, и болтающееся въ *опарѣ*, а позади его на льду оттащенныя подальше сани съ протянутыми впередъ оглоблями... „Прійди, молъ, Бѣлая, въ мои объятія...“ Забылъ сказать, что я-таки умудрился распречь Бѣлую, возясь съ нею.

Такъ мы провозились здѣсь безуспѣшно часа два, пока не увидѣли въ полуверстѣ отъ насъ какихъ то проѣзжихъ. Я началъ звать, тѣ услышали, пріѣхали къ намъ и вытащили Бѣлую... Шея, грудь и бока изрѣзаны льдомъ и обливаются кровью: ноги окоченѣли отъ холода; дрожитъ и едва держится на ногахъ.... Но она едва почувствовала, что ступать уже можетъ, ступила одною ногою, потомъ ступила другою, опять, опять—и къ санямъ, и стала въ оглобли: запрягай, молъ, меня, буду свой долгъ исполнять!.. Запрегъ я ее съ помощью проѣзжихъ, свалился Козелъ въ передокъ, вывелъ я Бѣлую за поводъ на дорогу, и она пошла исполнять свой долгъ, сначала дрожа и дрябло какъ-то тыкая ногами въ ледъ, а потомъ съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ,—и снова юношескій жаръ, и снова юношеская прыть!...

Въ третьемъ и четвертомъ селахъ, Козелъ уже не говорилъ мнѣ: „*Багатому чортъ диты колыше*!“ зато въ пятомъ селѣ, гдѣ мы остановились покормить Бѣлую и пообѣдать, онъ столько разъ говорилъ, мнѣ это что когда мы поѣхали дальше, онъ даже и *укать* былъ не въ состояніи, а только плакалъ и плакалъ... прерывая по временамъ свой плачъ лишь для того чтобы дернуть за ту или другую возжу, такъ, по какому-то вдохновенію, и такимъ образомъ перевести, такъ сказать, Бѣлую съ одного вѣтра на другой, направить ее, куда намъ прійдется, направо или налѣво,—куда укажетъ вдохновеніе...

Путались мы съ Козломъ по лѣсамъ, лозамъ и очеретамъ до самого вечера, какъ и тогда, съ Мундыромъ, съ тою только разницею, что съ Мундыромъ ѣздили мы все по протореннымъ дорогамъ, а теперь,—всего случалось: иногда путались и не по протореннымъ дорогамъ, иногда и просто безъ дорогъ... Случалось и въ лозу запутываться, случалось перебираться и черезъ поваленныя деревья въ лѣсахъ, барахтаться въ кустахъ очерету, всего, говорю, случалось! И долго мы, можетъ быть, еще путались бы по лѣсамъ, лозамъ и очеретамъ, можетъ проплутались-бы всю ночь, еслибъ не случилось одного обстоятельства, которое легко можно было предвидѣть всякому, кромѣ, разумѣется, плачущаго и дергающаго за возжи, по вдохновенію, Козла.

Какъ теперь вижу эту сцену! какъ-будто она вонъ-тамъ, вонъ прямо предо мною!.. Вечерѣетъ; морозъ крѣпчаетъ; по обѣимъ сторонамъ нашей дороги стѣны лозы и очерета... Но вотъ стѣны эти справа и слѣва распахнулись и побѣжали куда-то въ сторону, и Бѣлая уже летитъ по какому-то открытому мѣсту...

Вдругъ Бѣлая тише-тише... тукъ-тукъ-тукъ подковами—и стала!.. Козелъ дернулъ за одну возжу, за другую:—стоитъ и дрожитъ...

Я высунулъ голову изъ кожуха и взглянулъ впередъ... Боже! въ четырехъ шагахъ передъ Бѣлою рѣка размытая на нѣсколько саженей!.. а Козелъ Бѣлую погоняетъ и погоняетъ!..

„Стій!“ крикнулъ я, сколько было у меня крику въ груди, и, во мгновеніе ока, выпрыгнулъ изъ саней на ледъ...

Козелъ и себѣ глянулъ впередъ—и слезы его исчезли!.. Да, это фактъ! въ одно мгновеніе слезы исчезли, когда онъ увидѣлъ, что у Бѣлой передъ самымъ носомъ!.. глаза его были какъ-будто ему сегодня мой отецъ не подносилъ ни одной чашки, какъ-будто онъ ни одного разу не сказалъ мнѣ: *„багатому чортъ диты колыше“*, а если все это и случилось съ Козломъ то какъ-будто онъ спалъ послѣ того три дня и три ночи, и всталъ настолько съ свѣжею головою, насколько могла помѣщать подъ собой свѣжести его высокоподбритая чуприна!..

И какими умницами всѣ мы оказались въ эту критическую минуту!... и Козелъ, который послушавшись меня—тихонько полѣзъ вдоль саней и, спустившись чрезъ ихъ спинку на ледъ прицѣпилъ къ нимъ возжи, мною отстегнутыя у Бѣлой.... и началъ тянуть сани назадъ, впрочемъ, для большей вразумительности, я-таки долженъ былъ поддѣлываться подъ его смыслъ и сказать ему поговорку: *(послухай мене, дурня, то будешъ розумнымъ)*; и Бѣлая, которая вся какъ листъ дрожала, втягивая въ себя воздухъ, чтобы быть легче, и не проломиться на льду, промытомъ водою до того, что фонтаны прыскали сквозь дыры, когда даже я ступалъ по льду,—поумнѣлъ и я, слѣдуя примѣру Бѣлой, и не позволяя Козлу приближаться къ ней, чтобъ подать ее назадъ, а сдѣлалъ это самъ... Страхъ погибели умудряетъ и скотовъ безсловесныхъ и дѣтей несмысленныхъ!...

Когда мы были внѣ опасности, и когда нѣсколько прошло во мнѣ—(не знаю какъ назвать состояніе въ которое впадаютъ извѣстнаго сорта натуры во время большихъ опасностей?... назовемъ его, пожалуй—экзальтированнымъ состояніемъ!)—когда прошло во мнѣ такое экзальтированное состояніе, я бросился къ Бѣлой, и схвативъ ея морду обѣими руками, началъ горячо цѣловать ее и въ носъ и въ губы и въ подбородокъ:—Билочко моя, утонько моя!.. якъ вернесся, скажи нени, щобъ сама вона тебе нагодувала!.. А Козелъ только:—*якъ Божа воля, то вѝрнышъ зъ моря!...*

Перебравшись на другую сторону рѣки, Козелъ рѣшилъ ни за что больше къ нейне приближаться, а держаться степи,—

и пустилъ Бѣлую... И Бѣлая полетѣла и полетѣла снова!... И долго, почти до полуночи, она летѣла... а я, и на обратномъ пути въ городъ, ночевалъ въ чужомъ уѣздѣ.

Хорошо, или худо? [1])

.... Правда, друзья мои, не хорошо? Да, не хорошо, очень не хорошо! Впрочемъ... будемъ ко всему этому снисходительнѣе! Объ одной сторонѣ предмета, покойникъ Гоголь такъ выразился въ старосвѣтскихъ помѣщикахъ: „По нимъ (Афанасіи Ивановичѣ и Пульхеріи Ивановнѣ) можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную спокойную жизнь, которую вели старыя національныя простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ какъ саранчи, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, нажываютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти призрѣнныя и жалкія творенія *такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи.*" Повторяю, будемъ снисходительнѣе! Поэту, глядѣвшему на поэтическій образъ, построенный изъ извѣстныхъ матеріаловъ

---

[1]) Черниг. Листокъ, 1863 г., № 12.—Отрывокъ этотъ составляетъ часть другого отрывка, помѣщеннаго въ 3 номерѣ Основы 1861 г. Издатель сознаетъ, что предлагаемый отрывокъ болѣе чѣмъ не выясняетъ своего предмета: при всемъ томъ печатаетъ его: въ отрывкѣ затрогиваются нѣкоторыя стороны нашего XVIII в., а все, что относится къ этому темному XVIII нашему вѣку, хоть бы въ видѣ возбужденія о немъ какого-либо вопроса, не можетъ считаться не стоящимъ никакого вниманія. Кто знаетъ, можетъ быть разсужденіе Василія Петровича наведетъ на мысль кого нибудь изъ нашей дорогой молодежи—заняться предметомъ посерьезнѣе, изучить его и потомъ научить и насъ стариковъ уму-разуму—sine ira et studio... *Авторъ.*

дѣйствительности, простительно было завлечься и забыть, что всего бываетъ и бывало на бѣломъ малороссійскомъ свѣтѣ; но намъ, желающимъ видѣть дѣйствительность въ истинномъ ея свѣтѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду всѣхъ ея сторонъ.

Начать съ того, что не всѣ старинныя и коренныя украинскія фамиліи вели и ведутъ такую ясную и спокойную жизнь, какую вели старосвѣтскіе помѣщики: жизнь многихъ и очень многихъ совершенно была похожа на жизнь выдравшихся изъ дегтярей и торгашей и наводившихъ палаты и присутственныя мѣста человѣковъ, а жизнь нѣкоторыхъ была такова, что устроить себѣ подобную, можетъ быть, ни одному индивидууму изъ породы палатской саранчи не приходило въ голову. На памяти нашихъ дѣдовъ и даже отцовъ бывали еще примѣры грабежей, вооруженною рукою, среди бѣла дня, членами старинныхъ фамилій въ домахъ зажиточныхъ козаковъ... примѣры убійствъ *кыями*, если смѣливались сопротивляться при грабежахъ или мстить за нихъ... На памяти дѣдовъ и даже отцовъ бывали примѣры, что какой-нибудь членъ богатой и старинной фамиліи вывезетъ въ какое-нибудь село или хуторъ нѣсколько бочекъ водки, перепоитъ всю *громаду* и убѣдитъ подписать съ-пьяна дарственный актъ, по которому нѣсколько сотъ, а иногда и нѣсколько тысячъ десятинъ общественной козачьей земли переходило въ собственность старинной фамиліи. На памяти дѣдовъ и отцовъ и, увы, на нашей собственной памяти бывали примѣры жизни членовъ старинныхъ фамилій: съ сомнищами доморощенныхъ одаликъ и баядерокъ, съ оргіями, предъ которыми поблѣднѣли бы оргіи членовъ старинныхъ богатыхъ фамилій XVIII в. остальнаго божьяго міра, съ затѣями и прихотями, куда затѣйливыми и прихотливыми! И все это тѣмъ болѣе было выпукло и обращало на себя вниманіе, что происходило среди народа, въ числѣ нравственныхъ качествъ котораго дѣвическое цѣломудріе, супружеская вѣрность, порядочность въ домоводствѣ и т. д. были неотъемлемыми добродѣтелями и доведены его жизнію до высоты идеальной; что все это нисколько не заботилось ни скрывать, ни облекать въ формы сколько нибудь помягче. На

памяти нашей—*да що й казать*!... А между тѣмъ, съ другой стороны, и между выдравшихся изъ торгашей и дегтярей встрѣчались и встрѣчаются люди, которые хотя и не похожи на Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, но которые выдержали столько невѣдомыхъ міру битвъ съ жизнью, представили столько образцовъ высокихъ добродѣтелей гражданскахъ, общественныхъ и домашнихъ, такъ чистыми и не запятнанными отправились или собираются отправляться на вѣчное успокоеніе, что если бы они сами или кто-либо другой позаботился все это извлечь изъ мрака неизвѣстности и показать людямъ, вѣрно бы у кого, хоть будь онъ потомокъ Афанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной, не поворотился языкъ обвинить ихъ за то, что они—выдравшіеся изъ торгашей и дегтярей.

Далѣе, отчего бы отцамъ дѣтей, имѣющихъ наводнить палаты и присутственныя мѣста, не разсуждать и не дѣлать такъ, какъ разсуждали и дѣлали отцы тѣхъ дѣтей, отъ которыхъ произошли коренныя старинныя богатыя фамиліи? Желалъ бы я встрѣтить человѣка, который бы доказалъ мнѣ, почему имъ нельзя было того же дѣлать, что дѣлалось двѣсти или тысячу лѣтъ назадъ по этому предмету. Сказать откровенно, я даже думаю, что время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, болѣе благопріятствовало порожденію такихъ явленій, чѣмъ то, въ которое живали родонадальники старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Описываемая эпоха была продолженіемъ (или, если хотите, послѣдствіемъ) той эпохи, въ которую произошелъ большой переворотъ въ понятіяхъ о сословной нравственности украинскаго народа, о сословныхъ его обязанностяхъ и добродѣтеляхъ. Прежнія понятія по этому предмету, выработанныя исторіею, потеряли возможность быть примѣняемыми на дѣлѣ; явились новыя, обладавшія такою возможностію, понятія, къ распространенію которыхъ дѣлаемо было много, въ томъ числѣ, замѣчу мимоходомъ, и многими изъ старинныхъ фамилій. Естественно, что при этомъ въ народѣ нашлись такіе, которые попятились назадъ, и такіе, которые оторопѣли и выпучивъ глаза, смотрѣли на новизну, *якъ теля на нови двери*, но естественно также, что нашлись и та-

кіе, которые бросились за новизною,—а итти за новизною въ этомъ случаѣ значило, между прочимъ, выдираться изъ торгашей и дегтярей и наводнять палаты и присутственныя мѣста.

И теперь еще на нѣкоторыхъ пунктахъ, занимаемыхъ народомъ украинскаго происхожденія, украинскій козакъ называется *шляхетне-урожденнымъ*, или *дворяниномъ*; лѣтъ двѣсти назадъ—и кольми паче! Почему же пятьдесятъ, сто лѣтъ назадъ нельзя было ему считать себя шляхетне-урожонымъ, имѣющимъ право попасть въ число наводнителей палатъ и присутственныхъ мѣстъ, добывать документы о шляхетствѣ, дворянствѣ, и особенно, если кто изъ предковъ бывалъ старшиною? *добывать документы*, т. е. отправиться, куда слѣдуетъ, сказать, что онъ козакъ, слѣдовательно шляхетне-урожоный, дворянинъ, что ему нужны такіе *шляхетныя паперы*, и при этомъ, какъ всегда унасъ водилось то и теперь еще водится иногда, дать извѣстное количество *того дыва, грошей, пидмазать?* „Уже воно звисно, безъ грошей ничого не зроблять!“.

То была эпоха перваго полнаго водворенія—подушной и земской повинности съ ихъ послѣдствіями, рекрутской повинности съ ея послѣдствіями и т. д. и т. д.,—а у кого мои друзья, поворотится языкъ строго осудить человѣка, который старается освободить свое дитя отъ исполненія такихъ гражданскихъ обязанностей и втиснуть его, какимъ бы то ни было образомъ, въ число наводнителей палатъ и присутственныхъ мѣстъ! Вспомните, мои друзья, что въ тѣ времена, если какой нибудь шляхетне-урожоный или неимѣющій такого урожденія не платитъ бывало почему-либо денежныхъ повинностей, часто случалось, что зимою выводили его на ледъ, ставили возлѣ проруби, раздѣвали до нага и обливали холодною водою до тѣхъ поръ, пока не вносимы были деньги,—имъ самимъ или кѣмъ-либо другимъ... Вамъ друзья мои, не случалось можетъ быть, видать подобнаго, а я видѣлъ... Или, друзья мои, принадлежащіе къ стариннымъ фамиліямъ, знаете ли какъ ваши батюшки и дѣдушки, въ качествѣ коммиссаровъ, воинскихъ чиновниковъ и т. д. обходились съ *чубами?* Но что огорчать васъ разсказами о дѣлахъ, о которыхъ,

навѣрное, вамъ никогда не хотѣлось бы вспоминать. Или, помните ли вы послѣдствія, которыя вели за собою во времена оны, несеніе рекрутской повинности? эти длинныя вереницы парней, закованныхъ попарно въ кандалы? эти потрясающія душу сцены на дворахъ рекрутскихъ присутствій? служебные *обычаи друзей* фельдфебелей и *отцовъ* командировъ? эти двадцатисемилѣтніе и болѣе еще продолжительные сроки службы? Послѣ этого, нечего удивляться, что многіе сами собою, или по приказанію родителей, скрывались и часто исчезали, Богъ вѣсть куда, навсегда; что сбывали земли, грунта, все свое имущество, лишь бы откупиться отъ рекрутства, подрѣзывали себѣ жилы, отрубывали пальцы, дѣлали другія разныя членовреждения; что одинъ парень, въ одномъ рекрутскомъ присутствіи, до того пораженъ былъ радостію, когда ему крикнули *затылокъ*! что подскочилъ къ окну, вышибъ его, спрыгнулъ со втораго этажа внизъ и, не смотря на снѣгъ и морозъ, пустился въ одной рубахѣ и безъ сапоговъ, черезъ весь городъ, а тамъ по направленію къ своей деревнѣ... Только на лошадяхъ и то за семь верстъ отъ города родные могли догнать бѣдняка!.. Не диво, значитъ, если отцы старались помѣстить своихъ дѣтей въ палаты и присутственныя мѣста!

То была у насъ эпоха повсемѣстнаго—*спасайся, кто можетъ, хватай что хочешь*. Даже не слишкомъ заботились придавать дѣйствіямъ обмана и произвола видъ законности. Можетъ быть, друзья мои, слова эти покажутся вамъ странными; но вдумайтесь хорошенько въ смыслъ и характеръ того времени, и вы согласитесь, что я правъ. А если такъ, то не порицайте же строго людей, выдравшихся изъ торгашей и дегтярей, и тѣмъ болѣе глядя, какъ ребра чубовъ трещатъ отъ потасовокъ, задаваемыхъ иногда членами старинныхъ фамиліи собственноручно или чрезъ своихъ клевретовъ [1])... Сколько пинковъ и подзатыльниковъ достается торгашамъ и дегтярямъ отъ всякой власти, сколько-нибудь чувствующей къ таковымъ поползновеніе, хоть будь эта власть, напр. объѣзчикъ отъ откупа, лакей судьи, ку-

[1]) Писано, какъ видитъ читатель давно.

черъ городничаго... Какъ съ *государственными могуществами* (какъ называютъ себя козаки, держа офиціальную рѣчь предъ начальствомъ) обходятся сельскіе и волосные писаря, головы, и другія власти, близкія и далекія, когда гнѣвъ власти, возбужденный *горилкою,* неисполненнымъ желаніемъ и т. п., разражается надъ *могуществомъ государственнымъ*.... Глядя, говорю, на все это, вамъ можетъ быть, не разъ приходило въ голову, что здѣсь не мѣшало бы у насъ произвести всѣхъ въ четырнадцатый классъ, какъ выразился кто-то и когда-то.

Ужъ если стоятъ брани люди, выдравшіеся изъ торгашей и дегтярей, такъ будемъ ихъ бранить, мои друзья, за то, что они выбившись изъ своего сословія слишкомъ скоро перенимаютъ иныя правила.... Да и то мои друзья, какъ поразмыслишь хорошенько...

РИЗДВЯННИ СВЯТКИ.[1])

Письмо 1-е.

Вмѣсто предисловія.

Считаю нужнымъ предъувѣдомить читателя моихъ писемъ о „Риздвяннихъ Святкахъ“, что подъ словомъ „святки“, праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что празднуетъ, или чествуетъ какимъ-нибудь украинскій народъ, и что имѣетъ своимъ основаніемъ его вѣрованія, будутъ ли эти вѣрованія остатки до-христіанскаго періода, или плодъ религіи христіанской, или же осадка исторической его жизни.

Въ кругъ рождественскихъ праздниковъ, народъ украинскій включаетъ: *Багату Кутю, Святый Вечиръ, Святки* вообще, *Щѐдрый Вечиръ, Посыпання, Голодну Кутю, Ордань.*—Я буду говорить обо всѣхъ этихъ праздникахъ, и въ томъ порядкѣ въ какомъ они тутъ обозначены. Но такъ-какъ всѣмъ имъ предшествуютъ приготовленія, то я начну съ этихъ приготовленій.

---

[1]) Основа 1861 г., № 3

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVI.

АВГУСТЪ.

1899 г.

Редакція журнала „Кіев. Старина“ съ 1-го августа переведена на Тарасовскую ул. д. № 15.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ТРЕТІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ Г. КІЕВѢ 1874 г.: 1) Отъ Редакціи; 2) Вопросы по археологіи и исторіи, обсуждавшіеся на 3-мъ Археолог. съѣздѣ. **В. Антоновича**; 3) Вопросы по ю. р. этнографіи и литературѣ, обсуждавшіеся на 3-мъ археологич съѣздѣ. **В. Науменка**. I—XIV

II. ЧТО ТАКОЕ МАЛОРУССКАЯ (ЮЖНОРУССКАЯ) РѢЧЬ? **К. Михальчука**. . . . . 135—195

III. ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКОЙ ДЕМОНОЛОГІИ. **В. Милорадовича**. . . . . 196—209

IV. САВА ЧАЛЫЙ. Трагедія въ 5-ти діяхъ и 7 ми картынахъ. **И. Карпенко-Карого**. . . . . 210—264

V. ПОДВЕДЕМЪ ИТОГИ. (Отвѣтъ на статьи въ „Кіевлянинѣ:“ Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ Галиціи). **В Науменка**. 265—276

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Неизданное стихотвореніе гр. Ал. Толстого. Съ пред. **А. Степовича**; б) Актъ признательности митрополиту Евгенію отъ дворянъ Кіевской губерніи. Сообщ. протоіерей **П. Орловскій**; в) Историческія вирши по рукописи начала XVIII в. Сообщ. **В. Перетцъ**; г) Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного. **И. Савченка**; д) Харьковскія художники первой половины нынѣшняго столѣтія; е) Кн. А. В. Дабижа; (Некрологъ). **В. Г**. 45—63

Текущія извѣстія . . . . 63—99

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ **В. Саввы**; б) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. II-й **Н. Т.**; в) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 70—90

Археологическая лѣтопись . . . . 91—97

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) **Разсказы** М. Т. Симонова. (Номис?). **Листъ 9-й и 2) Руководств**[illegible] **ленное для малорусских**[illegible] **ней; стр. 1—15.**

Третій археологическій съѣздъ въ Кіевѣ 1874 г.

I. Отъ редакціи.

Когда выйдетъ въ свѣтъ настоящая книга нашего журнала, въ Кіевѣ откроетъ свои засѣданія *одиннадцатый археологическій съѣздъ,* вторично собирающійся въ Кіевѣ послѣ 25-тилѣтняго промежутка. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что, по обычаю всѣхъ бывшихъ съѣздовъ, труды настоящаго съѣзда будутъ въ значительной долѣ посвящены вопросамъ, близко стоящимъ къ протекшей жизни нашего родного юга, а слѣдовательно къ вопросамъ, составляющимъ прямую задачу и нашего изданія. Какъ органъ археологическій, историческій и литературный, нашъ журналъ позаботится о томъ, чтобы въ ближайшихъ книжкахъ познакомить читателей со всѣми тѣми докладами, которые на предстоящемъ съѣздѣ затронутъ интересующіе насъ сюжеты; но какъ органъ, носящій названіе „Кіевская Старина", нашъ журналъ считаетъ себя обязаннымъ теперь дать историческую справку о томъ, что происходило на такомъ-же съѣздѣ 25 лѣтъ назадъ, и потому рѣшаетъ помѣстить на своихъ страницахъ, въ видѣ воспоминанія, перечень всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ изъ области археологіи, исторіи, этнографіи, литературы и языка южной Россіи, затронутыхъ на бывшемъ въ 1874 году археологическомъ съѣздѣ. Сверхъ того, напоминаемъ и облики тѣхъ

участниковъ прошлаго кіевскаго съѣзда, которые пожелали тогда сняться группой, теперь представляющей уже сравнительную рѣдкость. При взглядѣ на эту группу, невольно вспомнишь стихъ: „Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“; а объ иныхъ намъ не удалось собрать свѣдѣній, и потому въ прилагаемомъ спискѣ членовъ группы мы отмѣчаемъ крестикомъ всѣхъ лицъ, о смерти которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ даже съ указаніемъ года. Номера въ прилагаемомъ спискѣ соотвѣтствуютъ номерамъ на самой группѣ.

II. Списокъ членовъ съѣзда, помѣщенныхъ на группѣ.

Всѣхъ членовъ 3-го археологическаго съѣзда было 204, но на группѣ снялись только 90 человѣкъ.

1. Амфилогій, архимандр. † 1893
2. Антоновичъ, В. Б., секретарь съѣзда.
3. Беренштамъ В. Л.
4. Бранденбургъ, полковникъ.
5. Борисовъ В. В. †
7. Брикнеръ А. Г. † 1896.
7. Бунге Н. К., ректоръ унив. св. Владиміра † 1895.
8. Волковъ Ѳ. К.
9. Воскресенскій, протоіерей.
10. Вороновъ, проф. Кіев. духов. академіи † 1883.
11. Голдава-Тышинскій †
12. Голубевъ С. Т.
13. Давидовичъ И. Н.
14. Демидовъ, князь Санъ-Донато П. П., предсѣдатель распорядительнаго комитета † 1885.
15. Дашкевичъ, Н. П.
16. Драгомановъ М. П. † 1895.
17. Д-ръ Дудинъ-Беда † 1880.
18. Дундуковъ-Корсаковъ кн. В. М.
19. Ефименко П. С.
20. Житецкій П. И.
21. Забѣлинъ И. Е.
22. Ивановскій Л. К. † 1892.
23. Иващенко П. С. †
24. Иверсенъ Н. Б.
25. Иконниковъ В. С.
26. Иловайскій Д. И.
27. Ильницкій Л. В. †
28. Калужнянцкій Е. І.
29. Кибальчичъ Т. В.
30. Ключевскій В. О.
31. Комороцинъ М., протоіерей.
32. Кондаковъ Н. М.
33. Константиновичъ Н. А. †
34. Константиновъ Гедеонъ, архимандритъ †

35. Копфъ А. А.
36. Костомаровъ Н. И. † 1885.
37. Лашкаревъ П. А.
38. Лебединцевъ П. Г. † 1896.
39. Левченко М. М. †
40. Леже Луи.
41. Лучицкій И. В.
42. Малышевскій И. П. † 1896.
43. Маркевичъ А. И.
44. Масловъ В. П. †
45. Миллеръ О. Ѳ. † 1889.
46. Миссевскій А. П.
47. Мищенко Ѳ. Г.
48. Модестовъ В. И.
49. Мѣржинскій А. И.
50. Новаковичъ Стоянъ.
51. Оссовскій Г. О. †
52. Петровъ Н. И.
53. Пильчиковъ Д. П. †
54. Площанскій В. М.
55. Поповскій Б. Ю.
56. Поповъ Н. А. † 1888.
57. Прохоровъ В. А. † 1882.
58. Пухальскій С. И.
59. Рамбо Альфредъ.
60. Рогге В. Н.
61. Роговичъ А. С. † 1878.
62. Романовскій Л. М. †
63. Руликовскій Э. О.
64. Румянцевъ В. Е.
65. Савваитовъ П. И. †
66. Самоквасовъ Д. Я.
67. Самоновъ Н. П.
68. Синицкій Д. А.
69. Сребницкій И. А.
70. Срезневскій И. И. † 1880.
71. Струковъ Д. М.
72. Стрѣльчевскій В. Е. †
73. Сычуговъ В. И.
74. Терлецкій О. И.
75. Тарновскій Ф. І., казначей съѣзда. † 1884.
76. Толстой графъ М. В. †
77. Трегубовъ Е. К.
78. Троцкій П. А.
79. Тумасовъ Н. С. † 1897.
80. Уваровъ графъ А. С. предсѣдатель съѣзда. † 1884.
81. Хойнацкій А. Ѳ. †
82. Хрущовъ И. П.
83. Цвѣтковскій Е. Е.
84. Шмитъ А. О.
85. Щербаковъ М. Г. †
86. Юзефовичъ М. В. † 1889.
87. Ягичъ В.
88. Яковенко А. П. †
89. Яковлевъ В. И. †
90. Янчевецкій Г. А.

III. Вопросы по археологіи и исторіи южной Руси, обсуждавшіеся на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

Двадцать пять лѣтъ прошло съ того времени, какъ въ 1874 году состоялся въ Кіевѣ III археологическій съѣздъ. Плодотворное его вліяніе на развитіе археологической науки вообще

и на изученіе мѣстныхъ памятниковъ древности въ частности ясно можетъ быть отмѣчено при сличеніи трудовъ этого съѣзда съ дальнѣйшимъ движеніемъ археологической науки за истекшія 25 лѣтъ. Всѣ вопросы, поставленные на третьемъ съѣздѣ, продолжали развиваться по намѣченному пути, и многіе изъ нихъ замѣчательно обогатились тщательною научною ихъ разработкою и многочисленными изслѣдованіями пямятниковъ древности.

Если обратимъ вниманіе на важнѣйшіе въ научномъ отношеніи доклады, сдѣланные на третьемъ съѣздѣ, и на дальнѣйшее развитіе затронутыхъ ими вопросовъ, то убѣдимся въ несомнѣнной пользѣ того живого импульса, которымъ наука обязана археологическимъ съѣздамъ:

По отдѣлу первобытной археологіи на III археологическомъ съѣздѣ сдѣланъ былъ докладъ *гг. Каменскимъ и Феофилактовымъ* о первой открытой въ Россіи стоянкѣ каменнаго палеолитическаго вѣка въ селѣ Гонцахъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Констатировка этого факта вызвала впослѣдствіи цѣлый рядъ поисковъ и аналогическихъ открытій. Въ настоящее время извѣстно уже около 10 стоянокъ палеолитической эпохи въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: близъ Мурома (изслѣдов. гр. Уварова), въ губ. Воронежской, Подольской, Томской и т. д. и наконецъ новѣйшая находка, обслѣдованная г. г. Армашевскимъ и Хвойко въ Кіевѣ по Кирилловской улицѣ, которая, судя по геологическому пласту, въ которомъ залегаетъ стоянка, представляетъ древнѣйшій слѣдъ человѣческой жизни, найденный понынѣ на территоріи Россіи.

Къ изслѣдованіямъ неолитическаго періода каменнаго вѣка относились доклады: *Оссовскаго*,—о находкахъ предметовъ каменнаго вѣка на Волыни, и *Волошинскаго*:—перечень предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ губерніи Кіевской и смежныхъ съ нею. Оссовскій указалъ на неолитическія стоянки въ Васьковичахъ, Большой и Малой Мощаницѣ, и на существованіе въ Овручскомъ уѣздѣ ясныхъ признаковъ мастерскихъ, на которыхъ приготовлялись шифферныя пряслицы, а также представилъ отчетъ о первомъ научно-изслѣдованномъ имъ курганѣ камен-

наго вѣка въ селѣ Залужьи Острожскаго уѣзда; Волошинскій-же представилъ перечень предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ до того времени и приведенныхъ въ извѣстность въ губерніяхъ Кіевской и Волынской. Конечно, съ этого времени разработка свѣдѣній о каменномъ вѣкѣ сдѣлала громадные успѣхи; помимо капитальнаго труда гр. Уварова о каменномъ вѣкѣ въ Россіи, множество изслѣдователей обогатили научную литературу даннаго періода. Мастерскія и стоянки каменнаго вѣка въ одномъ югозападномъ краѣ теперь насчитываются десятками; между тѣмъ какъ Волошинскій въ свое время могъ катологировать только 257 каменныхъ орудій, въ настоящее время, благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ и богатымъ коллекціямъ древностей, собраннымъ какъ общественными учрежденіями, такъ и частными лицами, количество предметовъ неолитическаго періода, поднятыхъ на площади юго-западнаго края, достигаетъ вѣроятно цыфры нѣсколькихъ десятковъ тысячъ.

На третьемъ съѣздѣ *г. Самоквасовымъ* представлено было обстоятельное изслѣдованіе о курганахъ и городищахъ Сѣверянской земли; авторъ примѣнилъ впервые къ изслѣдованію славянскихъ кургановъ методъ, установленный гр. Уваровымъ, предложившимъ поставить цѣлью курганныхъ раскопокъ установленіе отличительныхъ признаковъ быта племенъ и народностей, погребавшихъ въ нихъ своихъ покойниковъ; методъ этотъ гр. Уваровъ блестящимъ образомъ осуществилъ въ своемъ изслѣдованіи о Мерянскихъ курганахъ (въ трудахъ 1-го съѣзда); на Кіевскомъ съѣздѣ такой-же интересный очеркъ быта Сѣверянъ былъ представленъ г. Самоквасовымъ; впослѣдстіи методъ этотъ былъ примѣненъ не безъ успѣха другими изслѣдователями, описавшими погребальные типы Древлянъ, Дреговичей, Радимичей, Кривичей; на предстоящемъ съѣздѣ ожидаются рефераты, посвященные Волынскому погребальному типу.

На третьемъ съѣздѣ былъ сдѣланъ опытъ, правда скромный, составить археологическую карту: *г. Константиновичъ* представилъ карту распредѣленія кургановъ въ Черниговскомъ уѣздѣ. Впослѣдствіи попытка г. Константиновича получила примѣненіе

въ болѣе широкихъ размѣрахъ: изданы были археологическія карты нѣсколькихъ губерній, на которыхъ составители старались помѣстить не только курганы, но вообще всѣ памятники древности; изъ числа этихъ картъ къ южнорусскому краю относятся: карты Кіевской губерніи и опыты археологическихъ картъ губерній Харьковской и Херсонской; для предстоящаго съѣзда уже изготовлены археологическія карты губерній Волынской и Подольской; приходится лишь сожалѣть, что, послѣ смерти г. Константиновича, мысль его не получила дальнѣйшаго развитія въ землѣ Черниговской.

Относительно раскопокъ кургановъ на третьемъ съѣздѣ было представлено нѣсколько весьма интересныхъ докладовъ *г.г. Оссовскимъ*, *Витковскимъ*, *Люцеко* и т. д., а также во время самаго съѣзда вскрыта была весьма интересная въ научномъ отношеніи группа кургановъ у с. Гатное, представлявшая переходной типъ отъ похоронъ каменнаго вѣка къ скиѳскому похоронному типу; но количество произведенныхъ до того времени раскопокъ было столь незначительно, что факты являлись разрозненными, одиноко стоявшими, не поддавались сколько нибудь точной научной группировкѣ и не могли служить матеріаломъ для широкихъ археологическихъ обобщеній. Съ того времени въ теченіе 25 лѣтъ многими учеными произведено было въ южной Руси множество раскопокъ. Въ губерніяхъ Кіевской, Волынской, Полтавской, Подольской, и Черниговской гр. Бобринскій, г. г. Бранденбургъ, Мазараки, Антоновичъ, Гамченко, г-жа Мельникъ г-жа Абаза, Радзиминскій, Хвойко, Житинскій, Бѣляшевскій и многіе другіе раскопали около 4000 кургановъ, что позволяетъ въ настоящее время не только сдѣлать попытку установить похоронные типы различныхъ племенъ, населявшихъ южнорусскій край въ доисторическое время, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и провести точныя границы разселенія различныхъ племенъ въ доисторическую эпоху жизни даннаго края.—Изслѣдованія раскопанныхъ кургановъ представляютъ рядъ отдѣльныхъ сочиненій и статей, помѣщавшихся въ разныхъ археологическихъ и историческихъ сборникахъ и журналахъ; не останавливаясь на

ихъ перечнѣ, укажемъ лишь такой выдающійся и капитальный трудъ, какъ сочиненіе графа Бобринскаго: „Раскопки и случайныя находки въ окрестности Смѣлы“.—Рядъ отчетовъ о раскопкахъ, уже не разрозненныхъ и случайныхъ, а предпринятыхъ по систематическому, впередъ составленному плану, предполагается представить на предстоящемъ съѣздѣ.

На третьемъ археологическомъ съѣздѣ сдѣлано было много докладовъ, касающихся древней исторической жизни Руси вообще и древней исторіи г. Кіева въ частности. Нѣкоторые изъ этихъ докладовъ представляли капитальныя статьи, частью рѣшавшіе спорные вопросы въ русской исторической наукѣ, частью представлявшіе спеціальныя весьма интересныя изслѣдованія, посвященныя разработкѣ частныхъ вопросовъ древняго періода русской исторіи.—Въ числѣ ихъ мы отмѣтимъ выдающіяся по научнымъ достоинствамъ статьи: *Н. П. Дашкевича* —о Болоховской землѣ; прот. *П. Г. Лебединцева*—Описаніе Кіево-Софійскаго собора; *П. А. Лашкарева*—о Кіевской архитектурѣ X—XII столѣтій, а также нѣсколько рефератовъ, относящихся спеціально къ древностямъ города Кіева: *проф Брунна* —о древнихъ названіяхъ Кіева, *проф. Гаркави*—о древнѣйшихъ арабскихъ свѣдѣніяхъ о Кіевѣ; *г. Юрченка*—о Лядскихъ воротахъ въ Кіевѣ; *г. Толстого*—о Золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ, и *свящ. Антонова*—о Кіевской Кирилловской церкви. Судя по программѣ съѣзда и по обѣщаннымъ рефератамъ, мы имѣемъ полную надежду на то, что на предстоящемъ съѣздѣ будутъ употреблены такія-же усилія для разъясненія Волынскихъ древностей, какія на III-мъ съѣздѣ были посвящены изслѣдованіямъ древностей Кіевской земли.

В. Антоновичъ.

IV. Вопросы по южно-русской этнографіи и древней литературѣ, обсуждавшіеся на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

3-ій археологическій съѣздъ, бывшій въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года, естественно, долженъ былъ затронуть рядъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ мѣстной южно-русской *этнографіи*, для чего между прочимъ послужило богатымъ матеріаломъ прекрасное изданіе историческихъ малорусскихъ пѣсенъ, первый томъ котораго былъ выпущенъ въ свѣтъ какъ разъ ко времени открытія съѣзда. („Историч. пѣсни малорус. народа, подъ редакц. В. Антоновича и М. Драгоманова“ т. I. Кіевъ 1874 г.). Самымъ интереснымъ вопросомъ въ этой области явился рефератъ *О. Θ. Миллера* „Великорусскія былины и Малорусскія думы“ (напечат. въ „Трудахъ Съѣзда“ т. II, стр. 285—306), въ которомъ почтенный изслѣдователь русскаго былевого эпоса хотѣлъ намѣтить остатки слѣдовъ этого эпоса въ какой-нибудь формѣ. Сличеніе нѣкоторыхъ думъ, напечатанныхъ и объясненныхъ въ вышеуказанномъ изданіи, а равно и невошедшихъ въ него, съ богатырскими сказаніями наводило референта на мысль, что богатырскіе образы сквозятъ въ иныхъ очертаніяхъ героевъ малорусскихъ думъ, какъ напр.: въ образѣ Байды, Алексѣя Поповича Пирятинскаго (дума про бурю на Черномъ морѣ), Журилѣ и др. Не находя, впрочемъ, полнаго соотвѣтствія между первыми и послѣдними, О. Θ. Миллеръ приходилъ только по выводу, что былины и думы—это двѣ вѣтви, выросшія не одновременно и не въ одинаковый срокъ на одномъ и томъ-же деревѣ, т. к. главныя точки соприкосновенія тѣхъ и другихъ—общинно-земскія начала и семейно-родственныя воззрѣнія и чувства, которыми проникнутъ какъ великорусскій, такъ и малорусскій эпосъ.

Рефератъ О. Θ. Миллера тутъ-же на съѣздѣ вызвалъ другой докладъ по этому-же вопросу—*П. И. Житецкаго*, который признавалъ, что связь малорусскихъ думъ съ пѣснопѣніями кіевской эпохи существуетъ, но только не въ былевой поэзіи,

а въ дружинной; что между этой послѣдней и малорусскими думами существуютъ отношенія потомка къ своему отдаленному предку. Поэтому, нельзя искать въ думахъ тѣхъ слѣдовъ, которые указывали-бы, что онѣ вмѣстѣ съ былинами составляютъ два момента одной и той-же поэзіи. По мнѣнію П. И. Житецкаго, надо начинать съ изслѣдованія самихъ думъ въ связи съ исторической обстановкой, среди которой онѣ появились, и тогда только можно будетъ видѣть, есть-ли одинъ общій источникъ для думъ и былинъ. (Напечат. въ Протокол. Съѣзда см. „Труды" т. I, стр. LXVI). Эту работу изслѣдованія думъ въ ихъ происхожденіи и исполнилъ референтъ впослѣдствіи, напечатавши прекрасный свой трудъ „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ", Кіевъ. 1893 г. Послѣ этой работы П. И. Житецкаго, едва-ли могъ-бы возникнуть теперь тотъ-же вопросъ, который 25 лѣтъ тому назадъ былъ предметомъ спора.

Другой вопросъ въ области южно-русской этнографіи, вопросъ гораздо болѣе частнаго характера, затронутъ былъ рефератомъ *М. П. Драгоманова*, разсмотрѣвшаго *малорусскія пѣсни о кровосмѣшеніи* въ связи съ сказаніями у разныхъ европейскихъ народовъ. Этотъ частный вопросъ представлялъ интересъ въ томъ отношеніи, что къ рѣшенію его былъ примѣненъ тотъ методъ фолклора, который въ то время у насъ въ Россіи совсѣмъ еще почти отсутствовалъ и которымъ впослѣдствіи пользовался съ такимъ успѣхомъ референтъ во многихъ своихъ работахъ, произведенныхъ имъ въ длинный періодъ заграничной его жизни. Данный вопросъ рѣшался М. П. Драгомановымъ не въ пользу мнѣнія о миѳическомъ туземномъ происхожденіи малорусскихъ пѣсенъ о кровосмѣшеніи, т. к. часть изъ нихъ зашла къ намъ отъ южныхъ славянъ, другая—отъ западныхъ, и наконецъ—нѣкоторыя пѣсни являются переработкой рукописныхъ легендъ, ходившихъ на Руси.

Третій вопросъ этнографическаго характера разработанъ былъ въ рефератѣ *П. С. Ивашенка*. „Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептаньяхъ". (Напечат. въ „Трудахъ

Съѣзда" Т. I, стр. 313—326, а самый текстъ шептаній—въ Приложеніяхъ къ Трудамъ, стр. 171—183). Референтъ дѣлаетъ попытку дать научную обработку тѣмъ небольшимъ матеріаламъ (всего 41 шептанье), которые добыты изъ народныхъ устъ и изъ рукописныхъ сборниковъ. Слишкомъ малый объемъ матеріала, которымъ пользовался авторъ, былъ причиной того, что тема, сама по себѣ очень интересная, оказалась дающей мало оригинальнаго въ смыслѣ новизны.

Имѣетъ отношеніе къ малорусской этнографіи и четвертый вопросъ, затронутый въ рефератѣ *Ѳ. К. Волкова*, а именно: „Отличительныя черты южно-русской орнаментики" (Напеч. въ Трудахъ Съѣзда, Т. II, стр. 316—326, а образцы орнаментовъ въ Атласѣ къ Трудамъ Съѣзда). Южно-русская народная орнаментика, въ противоположность сѣверно-русской, ко времени съѣзда совсѣмъ почти еще не была изслѣдована не только путемъ научныхъ изысканій во области ея, но даже и простымъ собираніемъ и изданіемъ матеріаловъ. Рефератъ Ѳ. К. Волкова имѣлъ цѣлію поставить нѣсколько бѣглыхъ вопросовъ и замѣчаній, вытекающихъ изъ того незначительнаго матеріала, который давался коллекціей, собранной Юго-западнымъ отдѣломъ Географическаго Общества, а также доставленъ былъ ему отдѣльными лицами. Вскорѣ послѣ съѣзда начали выходить изданія орнаментовъ Южной Руси, благодаря стараніямъ отдѣльныхъ собирателей, изъ которыхъ упомянемъ, какъ давнее, болѣе выдающееся изданіе г-жи *О. Косачъ*, а въ послѣднее время роскошное изданіе Лубенскаго музея *г-жи Скаржинской*.

Сверхъ вышеуказанныхъ, затронутъ былъ еще цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, относящихся къ этнографическому изученію Южной Руси, какъ напр.: г. *П. С. Иващенко* далъ краткія указанія на значеніе для археологіи народныхъ преданій и суевѣрныхъ сказаній о кладахъ, иллюстрируя это фактами, относящимися къ преданіямъ Гадячскаго уѣзда, Полтав. губ. (Напечат. во 2-мъ томѣ „Трудовъ Съѣзда", стр. 65—68); проф. *И. В. Лучицкій* прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ „Сравненіе малорусской и великорусской демонологіи и колдовства съ

западно-европейскими"; *Я. Ѳ. Головацкій* познакомилъ членовъ съѣзда съ историко-этнографическимъ очеркомъ Галичины и Угорской Руси (Напечат. въ журн. Мин. Нар. Пр. 1875 г.).

Значительно менѣе, чѣмъ въ области южно-русской этнографіи, удѣлено было мѣста на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ *вопросамъ, касающимся древней южной письменности и языка*, но и здѣсь можно отмѣтить нѣсколько очень интересныхъ сообщеній.

Какъ и слѣдовало ожидать, тотъ памятникъ нашей древне-русской письменности, который останется вѣчнымъ украшеніямъ ея — слово о полку Игоревѣ—дало матеріалъ для нѣскольких сообщеній. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ рефератъ *В. И. Григоровича*. „Что значитъ слово *толковинъ* или *толковникъ* въ русскихъ лѣтописяхъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ"? (Напечат. въ извлеченіи въ I томѣ „Трудовъ съѣзда", стр. LII—LIII). Хотя это вопросъ и чисто филологическій, но референтъ связываетъ его съ нашими старинными бытовыми отношеніями и указываетъ на толкованіе словъ Александръ и Алексѣй въ старыхъ азбуковникахъ словами *пособникъ, толковникъ*, что даетъ ему основаніе слово *толковины* сопоставить съ малорусскимъ современнымъ *толока* (помощь въ сельской работѣ путемъ цѣлой сходки). Затѣмъ, извѣстный изслѣдователь „Слова" *Е. В. Барсовъ*, значительно позже выпустившій въ свѣтъ свой капитальный трудъ о Словѣ о полку Игоревѣ, на съѣздѣ познакомилъ членовъ съ характеромъ сгорѣвшей рукописи этого памятника, основывая свои выводы на бумагахъ А. Малиновскаго, работавшаго по ней, а также представилъ цѣлый рядъ толкованій темныхъ мѣстъ и выраженій въ „Словѣ". Рефератъ этотъ вызвалъ возраженія тутъ-же на съѣздѣ со стороны *П. Е. Ваденюка*, который приготовилъ цѣлый докладъ, за недостаткомъ времени, впрочемъ, на съѣздѣ не прочитанный. Другой рефератъ, г. Ваденюка, коснулся вопроса о томъ, гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 5 мая 1185 года былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородсѣверскій и которая названа Каялой. (Напеч. во 2-мъ томѣ „Трудовъ Съѣзда",

стр. 51—58). Заключеніе референта такое, что рѣки съ собственнымъ именемъ *Каялы* не было, но что пѣвецъ Слова изобрѣлъ это имя, вѣроятно означающее „рѣка осужденія, суда" (отъ *каяти*).

Другой очень важный вопросъ, касающійся южно-русской письменности, затронутъ былъ въ прекрасномъ рефератѣ *П. И. Житецкаго* „О Пересопницкой рукописи". (Напечат. въ 2-мъ томѣ „Трудовъ Съѣзда", стр. 221—230 и фототипическіе снимки, а въ „Приложеніяхъ къ Трудамъ" помѣщенъ текстъ Евангелія Луки, стр. 43—111, съ вводными замѣчаніями къ нему). Референтъ обстоятельно изслѣдуетъ мотивы этого перевода евангелія на малорусскій языкъ въ XVI в., а также устанавливаетъ характерныя черты рѣчи того времени, а самый текстъ снабжаетъ всѣми необходимыми библіографическими поясненіями. Текстъ евангелія отъ Луки, какъ болѣе характерный по языку, напечатанъ цѣликомъ, а изъ другихъ евангелистовъ даны только образцы рѣчи.

Третій очень серьезный вопросъ, имѣющій значеніе для характеристики не только даннаго лица, но и всей эпохи, выясненъ былъ *С. Т. Голубевымъ* въ рефератѣ „О составѣ библіотеки Петра Могилы" (Напечат. во 2 т. „Трудовъ Съѣзда", стр. 257—268). На основаніи книгъ, или принадлежавшихъ Петру Могилѣ, насколько это можно установить въ данное время, или покупавшихся имъ для Кіево-Могилянской Коллегіи, или, наконецъ, цитируемыхъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ, референтъ желаетъ показать, какіе вопросы жизни и науки составляли тогда центръ умственныхъ стремленій такой общественной единицы, какъ Петръ Могила, а также и всѣхъ лицъ, связанныхъ съ его дѣятельностью и направленіемъ ея. Какъ видимъ, 25 лѣтъ тому назадъ С. Т. Голубевъ только-что приступалъ еще къ той работѣ, которую теперь онъ возвелъ въ стройное цѣлое, издавши уже два тома (послѣдній вышелъ въ 1898 году) своего капитальнаго изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ.

Вопросу о южно-русской палеографіи посвящено было сообщеніе *Е. І. Калужняцкаго* „Обзоръ славяно-русскихъ памят-

никовъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ" (Напечат. въ „Приложеніяхъ къ Трудамъ", стр. 213—321). Трудъ этотъ представляетъ очень цѣнный матеріалъ для знакомства съ древними рукописями, хранящимися въ университетской и свято-онуфріевской библіотекахъ, а также въ библіотекѣ имени Оссолинскихъ. Благодаря этому сообщенію, можно въ подробностяхъ знать, какіе именно матеріалы рукописные (литургическія книги, творенія отцовъ церкви, сборники разнаго содержанія, біографическія статьи—разнообразныя житія, апокрифическія сочиненія, каноническія статьи и сочиненія, историческіе памятники и сочиненія) могутъ служить пособіемъ для изученія нашей старины. За послѣдніе 25 лѣтъ изученіе этихъ памятниковъ значительно подвинулось впередъ, особенно благодаря учредившемуся въ этотъ періодъ „Науковому Товариству имени Шевченка", издающему, кромѣ періодически выходящихъ „Записокъ", еще и отдѣльные томы, посвященные опубликованію разныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Львовскихъ библіотекахъ.

Остается упомянуть еще объ одномъ сообщеніи *М. Г. Щербака* подъ заглавіемъ „Какія бытовыя археологическія черты сохранились въ народномъ южнорусскомъ языкѣ". Къ сожалѣнію, рефератъ этотъ не напечатанъ, а въ протоколахъ засѣданій съѣзда обозначенъ только общимъ положеніемъ автора, вслѣдствіе чего трудно судить о степени содержательности его; но судя по тому, что референтъ пытался дать рядъ наблюденій, въ силу которыхъ многія слова южнорусской рѣчи сохранили слѣды понятій давно уже исчезнувшихъ, нужно думать, что вопросъ, затронутый имъ, представлялъ большой научный интересъ.

Вотъ все существенное, что дано было 3-мъ археологическимъ съѣздомъ, состоявшимся въ Кіевѣ впервые 25 лѣтъ тому назадъ, по вопросамъ, такъ близко соприкасающимся со всѣмъ

тѣмъ, чему посвященъ и нашъ органъ, въ то время еще не существовавшій и возникшій лишь 8 лѣтъ спустя. Отмѣчая все это, какъ воспоминаніе въ виду предстоящаго 11-го археологическаго съѣзда, вторично собирающагося въ нашемъ исконномъ центрѣ южнорусской культурной жизни, пишущія эти строки, свидѣтель всего происходившаго на съѣздѣ въ 1874 году, проникнутъ до сихъ поръ живыми впечатлѣніями того общаго подъема духа, той энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ того истинно-академическаго тона, какихъ исполнены были тогдашніе участники съѣзда. Не смотря на то, что тогдашняя мѣстная пресса пыталась было внести неподобающій академическимъ задачамъ тонъ въ своихъ статьяхъ по поводу съѣзда, вполнѣ былъ правъ покойный предсѣдатель съѣзда, графъ А. С. Уваровъ, въ заключительной рѣчи сказавшій: „если взглянемъ на характеръ собственныхъ нашихъ занятій, то увидимъ, что они были посвящены главной нашей цѣли—изученію памятниковъ древности нашего отечественнаго быта и не выходили изъ предѣловъ этой задачи.“ Можно пожелать и XI археологическому съѣзду, внося въ жизнь свѣтъ науки и истины, остаться вѣрнымъ основному положенію въ наукѣ—быть объективно спокойнымъ и терпимымъ по отношенію къ мнѣніямъ другихъ.

В. Науменко.

Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь?

Въ послѣднее время по разнымъ поводамъ малорусскій языкъ и малорусская литература сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія со стороны нѣкоторыхъ нашихъ извѣстныхъ филологовъ. Сужденія эти нерѣдко представляютъ особый интересъ, главнымъ образомъ, съ своей теоретической стороны, касаясь нѣкоторыхъ лингвистическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ, остающихся пока мало выясненными и далеко еще не порѣшенными. Съ этой преимущественно стороны мы и попробуемъ разсмотрѣть сказанныя сужденія, въ виду извѣстной ихъ поучительности. Въ общій обзоръ таковыхъ мы не намѣрены впрочемъ вдаваться, а позволимъ себѣ только заняться здѣсь сужденіями о малорусскомъ языкѣ и литературѣ двухъ почтенныхъ ученыхъ нашихъ, профессоровъ С. К. Булича и Т. Д. Флоринскаго, сужденіями, изложенными въ статьѣ перваго „Малорусское нарѣчіе“ (въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XVIII, Спб. 1896 г., стр. 486, 487) и въ извѣстной уже читателямъ „Кіевской Старины“ [1]) критической замѣткѣ послѣдняго на чешскую статью др. Франка „Literatura ukrajinsko-ruská (maloruská)“ (въ ноябрьской кн. Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій за 1898 г., стр. 209—219).

Взгляды названныхъ ученыхъ на малорусскій языкъ и литературу раздѣляются въ той или иной степени и нѣкоторыми другими нашими филологами; но у авторовъ упомянутыхъ статей они выражены такъ догматически и безапелляціонно, что этимъ невольно

---

[1]) См. январьскую кн. 1899 г., стр. 134, ст. В. П. Науменка „Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ“.

обращаютъ на себя вниманіе, почему мы главнымъ образомъ и рѣшили остановиться на нихъ. Такъ какъ при этомъ оба названные ученые исходятъ одинаково изъ отрицанія взгляда на малорусскій языкъ, установленнаго въ сравнительномъ славянскомъ языкознаніи покойнымъ Миклошичемъ, и такъ-какъ сужденія ихъ объ этомъ языкѣ и литературѣ въ основныхъ положеніяхъ своихъ совпадаютъ, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ какъ-бы восполняютъ даже другъ друга, то мы сочли умѣстнымъ разсмотрѣть эти сужденія сообща, во взаимной связи ихъ между собою.

Извѣстно, что въ филологической литературѣ часто употребляются термины *языкъ*, *нарѣчіе* (*діалектъ*) и *говоръ* (не считая другихъ менѣе употребительныхъ частныхъ варіантовъ ихъ, каковы: *подъязыкъ*, *поднарѣчіе* и даже *подговоръ*). Нельзя однако сказать, чтобы эти термины имѣли въ ней свое строго опредѣленное значеніе; напротивъ того,—они часто употребляются въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ, и напрасно любознательный изслѣдователь доискивался бы въ современной наукѣ спеціальнаго ихъ опредѣленія и точнаго разграниченія по существу обозначаемыхъ ими понятій. Первые два термина (*языкъ* и *нарѣчіе*) существуютъ издавна, являясь наслѣдіемъ еще схоластической филологіи, со свойственными ей понятіями о языкахъ; но современная лингвистика сдѣлала изъ нихъ особое употребленіе. Она пользуется этими терминами преимущественно при естественной классификаціи всякаго даннаго лингвистическаго семейства, употребляя ихъ въ чисто *условномъ значеніи* для обозначенія лишь взаимныхъ генетическихъ *соотношеній* между его разностепенными (родовыми, видовыми и подвидовыми) языковыми величинами, каковы бы онѣ ни были по *существу*, въ отношеніи своей количественной и качественной природы. Поэтому въ данномъ случаѣ одна и та-же языковая величина можетъ называться и *языкомъ*, и *нарѣчіемъ*, смотря по тому, съ какими изъ другихъ языковыхъ величинъ она сравнивается въ каждый данный моментъ. Если данная величина принимается какъ нѣчто общее, обнимающее собою по даннымъ качественнымъ признакамъ извѣстную группу другихъ языковыхъ величинъ, то по отношенію къ послѣднимъ она называется *языкомъ* ихъ; а если та же величина разсматривается, по такого же рода признакамъ, какъ составная часть другой, еще болѣе ея общей языковой величины, то по отношенію къ послѣдней она называется ея *нарѣчіемъ*; вслѣдствіе чего ни тотъ, ни другой терминъ не мо-

гутъ быть пріурочиваемы исключительно къ одной какой либо данной языковой величинѣ, въ качествѣ постояннаго и неотъемлемаго ея эпитета и опредѣлителя. Такъ напр., „славянская рѣчь", какъ таковая, можетъ быть названа однимъ изъ *нарѣчій* общаго „аріоевропейскаго языка", понимаемаго въ его цѣломъ; но въ то же время означенная рѣчь является также и въ качествѣ *языка* по отношенію къ входящимъ въ общій составъ ея такимъ, напр., отдѣльнымъ ея рѣчамъ, какъ „восточно-славянская" (или „обще-русская"), „южно-славянская" и „западно-славянская", которыя въ данномъ случаѣ считаются главнѣйшими ея *нарѣчіями*; затѣмъ въ свою очередь, напр., „восточно-славянское" или „обще-русское" *нарѣчіе* становится *языкомъ* по отношенію къ своимъ составнымъ *нарѣчіямъ*: „великорусскому", „бѣлорусскому" и „малорусскому"; далѣе—*нарѣчіе* „великорусское" является въ роли *языка* по отношенію къ его *нарѣчіямъ*—„южновеликорусскому" и „сѣверновеликорусскому"; наконецъ—„южновеликорусское" *нарѣчіе* можетъ быть названо также *языкомъ* по отношенію къ еще болѣе дробнымъ діалектическимъ дѣленіямъ его, и т. д., вплоть до какихъ нибудь конкретныхъ и недѣлимыхъ уже болѣе *нарѣчій* даннаго *языка*, называемыхъ обыкновенно *говорами*, напр. „московскаго" *нарѣчія* и въ то же время *говора* „южно-великорусскаго" *языка*, а также и другихъ ему подобныхъ *нарѣчій—говоровъ* [1]).

Но проф. Буличъ и проф. Флоринскій придаютъ очевидно терминамъ *языкъ* и *нарѣчіе* совсѣмъ особое значеніе, понимая ихъ, повидимому, въ извѣстномъ безотносительномъ смыслѣ и связывая съ ними представленія о двухъ какихъ-то безусловно неравныхъ языковыхъ величинахъ по самому существу ихъ внутренней природы.

---

[1]) На мѣсто подвижныхъ терминовъ *языкъ* и *нарѣчіе* разныхъ градацій, въ нисходящемъ порядкѣ пробуютъ часто подставлять болѣе устройчивые термины: *подъязыкъ*, *поднарѣчіе*, *разнорѣчіе* и т. п.. Но такъ какъ для полной номенклатуры въ данномъ порядкѣ всѣхъ степеней подраздѣленія какого либо „общаго языка", въ родѣ напр. аріоевропейскаго, вплоть до его существующихъ живыхъ „говоровъ", понадобились бы тысячи подобныхъ терминовъ, и даже для спеціальнаго обозначенія подобными терминами послѣдовательныхъ подраздѣленій одного какого либо „нарѣчія", въ родѣ, напр., великорусскаго, ихъ также понадобились бы цѣлые десятки, при чемъ въ результатѣ все таки трудно было бы ожидать полученія полной и точной картины классификаціи данной рѣчи по такому безконечно сложному методу, а цѣль въ сущности достигалась бы та же, что и при употребленіи въ ней двухъ указанныхъ главныхъ терминовъ,—то дробленіе ихъ на нѣсколько частныхъ варіантовъ не можетъ имѣть серьезнаго научнаго значенія и можетъ быть допускаемо только условно, ad hoc, ради нѣкоторыхъ лишь практическихъ удобствъ.

По крайней мѣрѣ они требуютъ строгаго различенія этихъ терминовъ въ случаѣ примѣненія ихъ къ той или иной языковой величинѣ. Въ особенности они категорически настаиваютъ на возможности примѣненія одного лишь изъ этихъ терминовъ, именно термина *нарѣчіе*, къ малорусской рѣчи, считая и ненаучнымъ, и незаконнымъ присвоеніе ей термина *языкъ*. Однако чрезвычайно трудно понять, на какихъ именно принципіальныхъ основаніяхъ построено у нихъ подобное требованіе и чѣмъ собственно (въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ) отличается, по ихъ мнѣнію, языковая величина въ качествѣ *языка* отъ языковой величины въ качествѣ *нарѣчія*. Изъ всего, что говорится ими по сему поводу, наиболѣе опредѣленно выступаетъ лишь одно утвержденіе, что *языкъ* есть величина „самостоятельная", а *нарѣчіе* „несамостоятельная", какъ по существу, такъ и по положенію своему среди другихъ языковыхъ величинъ; почему, разумѣется, послѣдняя не имѣетъ права претендовать на то званіе и значеніе, какое исключительно принадлежитъ первой. Малорусская рѣчь, по ихъ мнѣнію, есть не болѣе, какъ „несамостоятельное" *нарѣчіе*, слѣдовательно она не вправѣ притязать на присвоеніе себѣ несвойственнаго-де ей титула и ранга „самостоятельнаго" *языка*. Такъ, проф. Буличъ заявляетъ категорически, что на строго научной почвѣ (!) нельзя не отнестись отрицательно къ теоріи, провозглашающей (!) малорусское *нарѣчіе* „самостоятельнымъ" *языкомъ* [1]) Профессоръ Флоринскій, съ своей стороны, также утверждаетъ, что „старое мнѣніе Миклошича, отводившее малорусскому языку *самостоятельное мѣсто* въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, въ настоящее время не выдерживаетъ критики" (?), и что малорусскій языкъ (sic) есть *не болѣе* какъ одно изъ *нарѣчій* русскаго языка" [2]).

Очевидное дѣло, что „самостоятельность" или „несамостоятельность" суть тѣ существенные признаки, по которымъ названные ученые опредѣляютъ данную лингвистическую величину какъ *языкъ*, или какъ *нарѣчіе*. Въ чемъ-же, однако, состоитъ „самостоятельность" той или иной лингвистической величины, дающая ей неоспоримое право на званіе *языка*? Есть ли это извѣстное состояніе ея качественное, или количественное, или же данная совокупность обоихъ этихъ состояній?

Но говорить о данномъ качественномъ состояніи какого либо предмета или явленія, не установивъ количественнаго состоянія его,

---

1) Курсивъ въ текстѣ—автора, кавычки—наши.

2) Курсивы наши.

какъ таковаго, это значило бы говорить собственно неизвѣстно о чемъ: о лѣсѣ, о деревѣ, о березѣ и т. д. Поэтому, прежде чѣмъ говорить объ извѣстныхъ признакахъ, представляющихъ данный предметъ или явленіе „самостоятельнымъ" или „несамостоятельнымъ" въ качественномъ отношеніи (подъ которыми, между прочимъ, можно подразумѣвать, напр., большую или меньшую степень оригинальности или однородности даннаго явленія, сравнительно съ другими явленіями того-же рода), необходимо установить извѣстные признаки, дающіе ему въ нашемъ представленіи видъ „самостоятельнаго" или несамостоятельнаго" въ количественномъ отношеніи (подъ которыми слѣдуетъ понимать конкретную отдѣльность, цѣлость и единичность, или же извѣстную частичность, либо множественность даннаго явленія, какъ таковаго).

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, признакомъ „самостоятельности" извѣстной языковой величины признается нашими учеными лишь рядъ *качественныхъ особенностей* ея, не взирая на тѣ или иныя *количественныя особенности* ея, какъ таковой въ функціональномъ смыслѣ. Однако, если устанавливаемый ими такимъ образомъ какой нибудь „самостоятельный языкъ „является цѣлою совокупностію нѣсколькихъ, хотя бы даже, по ихъ понятіямъ, и „несамостоятельныхъ нарѣчій", то онъ, очевидно, не есть въ то же время единое конкретное и недѣлимое цѣлое живой рѣчи, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить развѣ, что входящія въ составъ его „несамостоятельныя нарѣчія" представляютъ собою не что иное, какъ какіе-то отдѣльные фрагменты органическаго цѣлаго языка, состоящіе каждый изъ извѣстныхъ частей общаго словаря, грамматики и фонетики послѣдняго, что было бы очевидной нелѣпостью. Вѣдь каждое „нарѣчіе", какъ таковое, по необходимости должно имѣть какой-бы то ни было свой полный словарь, свою полную грамматику и въ особенности свою полную особую фонетику. А если на дѣлѣ таковы и есть всѣ составныя „нарѣчія" каждаго даннаго „языка", то что же затѣмъ остается на собственную долю послѣдняго, какъ предполагаемой реальной лингвистической особи? Ровно ничего; да по настоящему, такой реальной особи и представить себѣ нельзя.

Вообще, изъ всѣхъ лингвистическихъ величинъ, устанавливаемыхъ генетической классификаціей рѣчи, начиная отъ самыхъ общихъ и кончая простѣйшими и недѣлимыми, реальное существованіе имѣютъ лишь послѣднія величины, являющіяся въ видѣ живыхъ конкретныхъ *говоровъ*, такъ какъ на нихъ только и говорятъ фактически въ каждой данной человѣческой средѣ; всѣ же собиратель-

ныя языковыя величины,—не только въ видѣ разговорныхъ общихъ *языковъ* высшихъ и низшихъ градацій, слагающихся изъ группъ разныхъ *нарѣчій*, но и единичныя *нарѣчія*, непосредственно состоящія изъ однородныхъ *говоровъ*,—реальнаго существованія не имѣютъ, такъ какъ на нихъ, какъ таковыхъ, никто не говоритъ, да и говорить не можетъ, между прочимъ, по той простой причинѣ, что нѣтъ физической возможности произносить за-ра̀зъ, въ одинъ моментъ, слова и фразы въ ихъ полныхъ звуковыхъ формахъ хотя бы даже на двухъ ближайшихъ другъ къ другу, но не тождественныхъ абсолютно говорахъ [1]). Поэтому всѣ такъ называемые „самостоятельные языки", какъ и „несамостоятельныя нарѣчія", суть въ дѣйствительности величины отвлеченныя, являющіяся въ качествѣ извѣстныхъ языковыхъ фикцій, создаваемыхъ въ представленіи путемъ послѣдовательной теоретической генерификаціи и общенія данныхъ группъ живыхъ конкретныхъ „говоровъ".—Слѣдуетъ, однако, при этомъ замѣтить, что между такими отвлеченными (собирательными) единицами рѣчи, какъ такъ называемые „языки" разныхъ градацій, составляющіе продуктъ обобщенія разныхъ группъ такъ называемыхъ „нарѣчій", и такими отвлеченными (собирательными) единицами рѣчи, какъ тѣ простѣйшія „нарѣчія", которыя представляютъ лишь органическую совокупность однородныхъ „говоровъ",—есть на самомъ дѣлѣ весьма существенныя разницы, въ отношеніи качественной и количественной „самостоятельности" ихъ. Несомнѣнно, что степень *качественной самостоятельности* языковыхъ величинъ, основанная на большей или меньшей оригинальности даннаго числа качественныхъ особенностей ихъ, обратно пропорціональна степени *количественной самостоятельности* или *индивидуальной цѣлостности* таковыхъ, опредѣляемой сравнительной способностью ихъ къ живому функціонированію въ рѣчи. Поэтому изъ всѣхъ общихъ и отвлеченныхъ языковыхъ величинъ наибольшей „самостоятельностью" въ первомъ смыслѣ отличается наиболѣе общая величина въ ряду другихъ соизмѣримыхъ съ нею величинъ, напр., „аріоевропейскій языкъ" въ его цѣломъ, сравнительно съ ближайшимъ къ нему „семитическимъ языкомъ"; но въ то же время подобныя величины наименѣе „самостоятельны" въ послѣднемъ смыслѣ.—Затѣмъ постепенно меньшей относительной „самостоятельностію" въ первомъ смыслѣ и большей въ послѣднемъ

[1]) Нельзя, напр., произнести *за-разъ* слѣдующія одинаковыя слова на полѣшскомъ и украинскомъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, въ родѣ: *нус* и *нъіс*, *нюс* и *ньіс*, *рабый* и *рябый*, *пейте* и *ныйте*, *ходьемо* и *ходьімо* и т. п.

отличаются по сравненію другъ съ другомъ и съ предыдущими величинами,—тѣ параллельныя языковыя величины, на которыя последовательно подраздѣляется „наиболѣе общій языкъ", напр.,—въ области „аріоевропейскаго языка" какой-нибудь „общеславянскій языкъ" на ряду съ „общелитовскимъ языкомъ"; далѣе—„восточнославянскій" или „общерусскій языкъ" на ряду съ общимъ „западнославянскимъ языкомъ" и т. д. Наконецъ, наименьшей степенью „самостоятельности" въ качественномъ смыслѣ, по сопоставленію другъ съ другомъ, но наибольшей въ количественномъ смыслѣ, по сравненію съ предыдущими величинами, отличаются тѣ наименѣе общія лингвистическія величины, которыя входятъ непосредственно въ составъ даннаго наименѣе сложнаго „общаго языка" въ качествѣ интегральныхъ его „нарѣчій", и которыя, какъ таковыя, слагаются уже исключительно изъ группы органическихъ однородныхъ „говоровъ".

Таковыя внутреннія свойства означенныхъ языковыхъ величинъ разныхъ категорій находятъ себѣ также практическое выраженіе въ разныхъ степеняхъ доступности ихъ, какъ таковыхъ, простому наблюденію; причемъ, вообще, даже наименѣе общіе „языки" очень мало еще ему доступны, между тѣмъ какъ отдѣльныя „нарѣчія" становятся уже до такой степени доступными въ своемъ цѣломъ непосредственному наблюденію, что они принимаются даже иногда за простыя и недѣлимыя единицы рѣчи. Такимъ образомъ, напр., литовцы и славяне не замѣчаютъ еще ничего общаго въ своихъ рѣчахъ; но уже всѣ народности славянскія способны болѣе или менѣе замѣчать, что ихъ рѣчи сходны и составляютъ въ своей совокупности нѣчто общее и отдѣльное отъ рѣчи, напр., литовцевъ, нѣмцевъ и т. д. Далѣе, чехъ и полякъ легко наблюдаютъ, что ихъ рѣчи ближе другъ къ другу, чѣмъ къ рѣчи болгарина, серба и др.; то же видятъ малороссы и великоруссы по отношенію къ своимъ рѣчамъ и т. д. Но затѣмъ, однако, наблюденіе данной близости, роднящей, преимущественно передъ другими, рѣчи чешскую и польскую, съ одной стороны, малорусскую и великорусскую—съ другой, отнюдь не затемняетъ и не ослабляетъ собою у любого чеха, поляка, малоросса и великоросса, употребляющихъ свою родную рѣчь, болѣе живого и интереснаго сознанія особой органичной отдѣльности и цѣлостности этихъ ихъ собственныхъ рѣчей, не смотря на то, что въ народной массѣ отдѣльные чехи, поляки, малороссы и великороссы употребляютъ собственно не какія либо единыя въ конкретномъ смыслѣ слова своей рѣчи, а разные отдѣльные говоры, на которые таковыя ихъ рѣчи распадаются, составляя лишь въ сово-

купности своей ту или иную наиболѣе однородную по своему составу языковую величину, называемую обыкновенно „нарѣчіемъ", въ безотносительномъ смыслѣ этого слова.—Такъ напр., любой малорусскій простолюдинъ—украинецъ, полѣшукъ, галицкій русинъ—необинуясь признаетъ несравненно бо́льшую близость своихъ говоровъ другъ къ другу, чѣмъ къ какому угодно великорусскому говору и ко всей совокупности ихъ; точно также и всякій простой великороссъ—москвичъ, новгородецъ, рязанецъ—всегда найдутъ, что у нихъ живая рѣчь все та-же рѣчь „рассейская", равно какъ и культурная рѣчь русскаго образованнаго общества,—и въ то же время они никакъ не согласятся признать за таковую же рѣчь „хахлацкую", какъ живую, такъ равно и письменную, рѣзко отличая ее отъ своей общей „рассейской" рѣчи.—Чѣмъ же объясняется то явленіе, что „нарѣчія", входящія въ составъ какого нибудь „языка",—напр., чешское и польское нарѣчія въ составѣ „западно-славянскаго языка", малорусское и великорусское нарѣчія въ составѣ „общерусскаго языка",—строго различаются другъ отъ друга, а отдѣльные „говоры", изъ которыхъ слагаются означенныя „нарѣчія", различаются уже въ меньшей сравнительно степени, чѣмъ первыя, и существующее различеніе ихъ не мѣшаетъ даннымъ народамъ признавать органическое единство своихъ общихъ „нарѣчій" при сопоставленіи ихъ съ другими „нарѣчіями"? Фактъ этотъ находитъ себѣ объясненіе не только въ неодинаковыхъ степеняхъ, но и въ неодинаковомъ характерѣ сходства между отдѣльными „нарѣчіями", какъ составными элементами „языка", и между отдѣльными „говорами", какъ составными элементами „нарѣчія". Сходства „нарѣчій" даннаго „языка" ограничиваются обыкновенно какими либо общими у нихъ, въ самой лишь основѣ своей, родовыми и видовыми особенност'ми въ словарѣ, грамматикѣ и фонетикѣ, унаслѣдованными, по теоріи генетической классификаціи языковъ, отъ ихъ общаго языковагоі предка—извѣстнаго „праязыка" или, точнѣе, „праговора"; но такія наслѣдственныя сходства сродныхъ „нарѣчій" всегда значительно перевѣшиваются живыми индивидуальными отличіями ихъ, образовавшимися въ теченіе ихъ многовѣковой самостоятельной жизни.—Сказанныя отличія, обнимающія собой всю совокупность живыхъ „говоровъ" каждаго изъ „нарѣчій", являются вмѣстѣ съ тѣмъ и основными признаками внутренняго сходства между составляющими ихъ „говорами". Таковыя общія отличія „нарѣчій" и сходства „говоровъ" каждаго отдѣльнаго „нарѣчія" состоятъ также отчасти въ нѣкоторыхъ родовыхъ или видовыхъ особенностяхъ рѣчи, сохраненныхъ отъ старины спеціально однимъ „нарѣчіемъ" и утра-

ченныхъ другими родственными ему; но главнымъ образомъ онѣ заключаются въ индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго изъ этихъ „нарѣчій“, одинаково свойственныхъ всѣмъ его „говорамъ“, а именно: во 1-хъ, въ особомъ подборѣ каждымъ „нарѣчіемъ“ необходимыхъ для него словъ и формъ изъ унаслѣдованнаго имъ отъ своихъ языковыхъ предковъ лексическаго матеріала и грамматическаго строя, и въ обработкѣ таковыхъ по своему въ формальномъ и смысловомъ отношеніяхъ; во 2-хъ, въ своеобразномъ видоизмѣненіи каждымъ „нарѣчіемъ“ общаго физіологическо-акустическаго (антропофоническаго) характера своей звуковой системы и въ заложеніи имъ въ свою статическую и динамическую фонетику новыхъ спеціальныхъ принциповъ, объединяющихъ собою все разнообразіе частныхъ звуковыхъ явленій по его отдѣльнымъ „говорамъ“; въ 3-хъ, въ рядѣ самостоятельно созданныхъ каждымъ „нарѣчіемъ“ (органически и по случайнымъ аналогіямъ) новообразованій въ словарѣ, грамматикѣ и фонетикѣ, а также въ его спеціальныхъ заимствованіяхъ и переработкахъ примѣнительно къ своему органическому цѣлому чужихъ словъ и формъ, и наконецъ, въ 4-хъ, въ тѣхъ особыхъ субъективныхъ оттѣнкахъ, неизбѣжно сопровождающихъ объективный смыслъ живой рѣчи, и, вообще, въ тѣхъ специфическихъ особенностяхъ характера и стиля послѣдней, которыя создаются природой и жизнью говорящаго на данномъ „нарѣчіи“ народа, являясь непосредственнымъ продуктомъ его исторической жизнедѣятельности и запечатлѣвая въ себѣ спеціальныя черты его индивидуальнаго характера и темперамента. Какъ сказано уже, всѣ эти особенности, въ той или иной мѣрѣ, бываютъ одинаково свойственны всѣмъ живымъ „говорамъ“ даннаго „нарѣчія“, и потому они связываютъ ихъ органически въ одно общее и индивидуальное цѣлое, существеннымъ образомъ отличающееся отъ всякаго другого такого же діалектическаго цѣлаго рѣчи.

Тѣмъ не менѣе, подобная органическая связь всѣхъ „говоровъ“ одного даннаго „нарѣчія“ отнюдь не ограничиваетъ и не парализуетъ самостоятельнаго существованія и развитія каждаго отдѣльнаго „говора“, съ его частными особенностями, какъ единственно живой, конкретной и абсолютно индивидуальной единицы рѣчи. Ибо, что такое въ сущности „говоръ“, какъ таковой? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вникнуть въ то, что собственно требуется отъ живой рѣчи, дабы она удовлетворяла своему естественному назначенію служить въ данной человѣческой средѣ соотвѣтствующимъ ея природѣ и психикѣ, простѣйшимъ и возможно цѣлесообразнымъ орудіемъ для нормальнаго и характернаго выраженія опредѣленныхъ

мыслей субъектомъ говорящимъ и для постоянно точнаго пониманія ихъ субъектомъ слушающимъ. Не трудно, думаемъ, понять, что для удовлетворенія этому требованію необходимо, чтобы рѣчь, употребляемая въ данное время въ данной средѣ, отличалась возможной конкретной однородностію и органическою согласованностію всего ея лексическаго матеріала, грамматическаго строя и звуковаго характера, съ одной стороны, и правильнымъ постоянствомъ употребленія въ ней въ каждый данный моментъ, для выраженія данныхъ опредѣленныхъ понятій и мыслей, однихъ и тѣхъ же общепринятыхъ словъ и фразъ въ одной и той же специфической звуковой формѣ—съ другой стороны. Въ противномъ случаѣ, при малѣйшемъ уклоненіи рѣчи отъ таковаго ея характера и употребленія, она искажается въ самомъ существѣ своемъ, становится неясной, сбивчивой и неудобопонятной, переставая, такимъ образомъ, удовлетворять въ должной мѣрѣ своему прямому назначенію. Отсюда становится понятной также та естественная (сознательная и безсознательная) забота о ея такъ называемой чистотѣ и правильности, какая прилагается обыкновенно говорящими данной рѣчью, т. е. забота о сохраненіи въ полной неприкосновенности свойственнаго ей индивидуальнаго характера въ ея организаціи и функціяхъ. Реальнымъ же представителемъ рѣчи, въ таковомъ именно ея видѣ, является лишь простѣйшая и недѣлимая языковая единица ея, называемая „говоромъ". Неудивительно поэтому, что взаимодѣйствіе „говоровъ" даннаго „нарѣчія" можетъ вызывать лишь среди нихъ образованіе новыхъ „говоровъ", а слѣдовательно размноженіе лишь послѣднихъ, но не сліяніе таковыхъ въ нѣчто цѣлое, представляющее живую совокупность конкретныхъ индивидуальностей означенныхъ „говоровъ" со всѣмъ разнообразіемъ ихъ звуковъ, а отчасти также формъ, словъ и смысловыхъ значеній послѣднихъ, что, очевидно, являлось-бы чѣмъ-то логически несообразнымъ и практически неосуществимымъ какъ со стороны физіологической, такъ и со стороны психологической, ибо, какъ уже было замѣчено выше, неестественно и нецѣлесообразно было-бы даже стремиться выражать въ рѣчи опредѣленныя мысли въ такой неорганической, сложной и пестрой формѣ, тѣмъ болѣе, что это могло бы только затруднять легкое и точное пониманіе ихъ.

Такимъ образомъ, по естественнымъ психо-физіологическимъ условіямъ функціи рѣчи, какъ даннаго живого и цѣлесообразнаго орудія для выраженія и обмѣна мыслей въ данной человѣческой средѣ, появленію такихъ даже наименѣе сложныхъ коллективныхъ единицъ рѣчи, какъ „нарѣчіе", неизбѣжно предшествовало появленіе такой первичной, конкретной и недѣлимой единицы ея, какъ

„говоръ". „Нарѣчіе"—явленіе вторичное: оно есть только естественный продуктъ эволюціоннаго развитія, постепенной дифференціаціи и распаденія одного даннаго „говора" на цѣлую группу новыхъ отдѣльныхъ „говоровъ", все болѣе и болѣе затѣмъ спеціализирующихся въ своей организаціи и усиливающихъ въ себѣ элементъ живой индивидуальности, а не какая либо интеграція цѣлой группы одновременно появившихся разнородныхъ „говоровъ" въ одно данное цѣлое и однородное „нарѣчіе", стремящееся затѣмъ превратиться въ совершенно „конкретный языкъ" или „говоръ". Исторія естественнаго развитія языковъ знаетъ только первый процессъ, но не знаетъ ни одного случая послѣдняго процесса. И таковъ дѣйствительно устанавливаемый наукой общій ходъ фактическаго возникновенія, образованія и развитія всѣхъ отдѣльныхъ конкретныхъ рѣчей. Все, напр., безчисленное множество *конкретныхъ языковъ* или *живыхъ говоровъ* „аріоевропейской рѣчи" развилось изъ одного предполагаемаго *конкретнаго праязыка* или, все равно,—*праговора* ея, и продолжаетъ нынѣ развиваться и пріумножаться еще все болѣе и болѣе.

Въ силу означеннаго закона и всѣ „культурные языки", возникшіе и вновь въ изобиліи возникающіе на почвѣ того или иного „нарѣчія", образуются также не иначе, какъ полагая въ свое основаніе какой-либо изъ живыхъ „говоровъ" послѣдняго, съ особой цѣльной фонетикой и грамматикой этого „говора", а затѣмъ уже приспособляя къ таковой своей основѣ и ассимиллируя ей всѣ свои новообразованія и заимствованія изъ другихъ сродныхъ ему „говоровъ" того же „нарѣчія", а также ближайшихъ къ нему „нарѣчій" и чужихъ даже рѣчей.—Такимъ образомъ всѣ существующіе нынѣ такъ называемые „литературные языки", по своему происхожденію и консистенціи, являются въ сущности только культурными разновидностями извѣстныхъ живыхъ „говоровъ", о чемъ свидѣтельствуетъ фактическая исторія всякаго „литературнаго языка". При этомъ не рѣдко случается, впрочемъ, такое явленіе, что возникшій означеннымъ способомъ на данной этнографической и діалектической почвѣ какой-нибудь „культурный языкъ" пересаживается затѣмъ на другія сродныя ему, или даже чужія, этнографическія почвы и усваивается послѣдними. Въ такихъ случаяхъ онъ неизбѣжно подвергается преобразованіямъ на этихъ почвахъ и распадается такимъ образомъ на цѣлый рядъ отдѣльныхъ діалектическихъ варіантовъ своихъ; при чемъ происходитъ обыкновенно одинъ изъ двухъ процессовъ: или эти его варіанты вытѣсняются цѣликомъ и замѣщаютъ собою живую рѣчь данной этнографической почвы, становясь уже

въ такомъ случаѣ языкомъ, рѣзко отличающимся отъ своего прототипа, и изъ какого нибудь его говора возникаетъ новый „литературный языкъ",—что случилось, напр., съ латынью на почвѣ кельтскихъ и иберійскихъ племенъ; или же означенные варіанты вышесказаннаго „культурнаго языка" подчиняются подавляющему вліянію мѣстныхъ рѣчей до такой степени, что въ концѣ концовъ совершенно ими поглощаются и перерабатываются на свой ладъ,—примѣръ чего можно видѣть на „церковно-славянскомъ языкѣ", болгарскаго, повидимому, происхожденія, заимствованномъ всѣми южными и восточными славянами, изъ котораго выработались сперва разные мѣстные „изводы" его; затѣмъ послѣдніе въ смѣси съ живыми элементами народной рѣчи послужили образованію болѣе или менѣе искусственныхъ книжныхъ языковъ: „средне-болгарскаго", „славяно-русско-сербскаго", [1]) „западно-русскаго" (распавшагося потомъ на варіанты: „бѣлорусскій" и „южно-русскій") и „восточно-русскаго", и, наконецъ, эти неорганическіе языки уступили мѣсто современнымъ органическимъ народнымъ „литературнымъ языкамъ"—*болгарскому, сербскому, украинско-русскому* (или *малорусскому*) и *великорусскому* (или просто *русскому*)—являющимся по существу извѣстными народными „говорами", воспользовавшимися только въ той или иной мѣрѣ нѣкоторыми элементами прежнихъ книжныхъ языковъ, существовавшихъ на ихъ этническихъ почвахъ, но переработавшими ихъ каждый на свой ладъ.

До какой степени каждый отдѣльный живой „говоръ" и каждый отдѣльный „литературный языкъ" проникнуты чутьемъ внутренней цѣльности и индивидуальности своей и исполнены стихійнаго стремленія оберегать и сохранять послѣднія, можно видѣть изъ того, во 1-хъ, что, напр., каждое данное населеніе, говорящее на своемъ особомъ „говорѣ", не только не обнаруживаетъ наклонности заимствовать механически спеціальныя особенности другого, даже ближайшаго къ нему „говора", а напротивъ того, считаетъ отличительныя особенности послѣдняго какъ-бы искаженіемъ и уродованіемъ своей собственной рѣчи, и во 2-хъ, что каждое культурное общество, употребляющее свой „литературный языкъ," какъ мы уже замѣтили выше, всячески заботится о такъ называемой чистотѣ и правильности его, тщательно приспособляя къ его индивидуальнымъ особенностямъ всѣ новообразованія въ немъ и заимствованія не только изъ чужихъ языковъ, но даже изъ наиболѣе близкихъ и сродныхъ ему живыхъ говоровъ.

---

[1]) Такой книжный языкъ выработался въ Сербіи въ началѣ XVIII ст. подъ вліяніемъ малорусскихъ учителей, вызванныхъ изъ Кіева.

При всемъ томъ, однако, ближайшая органическая связь, существующая между однородными „говорами" одного „нарѣчія", какъ таковаго, обусловливаетъ собою одно въ высшей степени важное въ культурной жизни языковъ и народностей обстоятельство, состоящее, съ одной стороны, въ томъ, что какой нибудь одинъ „говоръ" даннаго „нарѣчія", сдѣлавшись „культурнымъ языкомъ," можетъ стать по своимъ природнымъ свойствамъ, помимо продолжающихъ свое естественное существованіе другихъ „говоровъ" и на ряду съ ними, болѣе или менѣе господствующимъ органомъ рѣчи для всей народной массы, употребляющей разные „говоры" даннаго „нарѣчія", какъ бы взамѣнъ послѣдняго, которое само по себѣ, въ качествѣ собирательной единицы рѣчи, не можетъ быть въ живомъ употребленіи; съ другой стороны—въ томъ, что каждый изъ таковыхъ „культурныхъ языковъ" имѣетъ наиболѣе природныхъ шансовъ на правильное органическое развитіе и быстрое распространеніе лишь въ области своего „нарѣчія," т. е. въ той именно народной средѣ, которая употребляетъ ближайшіе и однородные съ нимъ „говоры", принадлежащіе къ означенному „нарѣчію". И чѣмъ типичнѣе для всей группы „говоровъ" послѣдняго тотъ „говоръ", который послужилъ основаніемъ для таковаго „языка", тѣмъ съ большимъ правомъ этотъ „языкъ" можетъ разсчитывать на сказанную роль въ области всего „нарѣчія;" между тѣмъ какъ, будучи искусственно пересаженъ въ почву другого „нарѣчія," онъ чрезвычайно плохо прививается тамъ въ народной массѣ; а если прививка его, поддержанная какими либо энергическими мѣрами, и достигаетъ своей цѣли, то, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, въ результатѣ получается лишь видоизмѣненіе этого „языка" подъ вліяніемъ мѣстной рѣчи иногда до неузнаваемости, и затѣмъ вырожденіе его въ совсѣмъ уже особый языкъ.

Таковы по существу данныя о дѣйствительной природѣ, значеніи и роли устанавливаемыхъ лингвистикой разныхъ отдѣльныхъ единицъ организованной рѣчи. Какія бы ни давались имъ опредѣленія и наименованія, но если имѣется въ виду реальная, дѣйствительно существующая въ жизни единица рѣчи, то ею можетъ быть только каждый *живой органическій говоръ*, или культурный эквивалентъ его—*народный литературный языкъ*. Поэтому и вопросъ о „самостоятельности" языковъ, находящихся въ живомъ употребленіи, можетъ относиться только къ послѣднимъ. Чѣмъ болѣе они однородны и органичны, тѣмъ болѣе „самостоятельны" въ количественномъ и функціональномъ отношеніяхъ. Что же касается спеціально качественной „самостоятельности," то таковая зависитъ въ сущности

не столько отъ большей или меньшей оригинальности внѣшнихъ примѣтъ рѣчи, сколько отъ внутреннихъ особенностей ея индивидуальнаго характера. Такъ называемые *общіе языки* одного даннаго семейства могутъ сильно отличаться другъ отъ друга съ внѣшней стороны (напр.—языки *общегерманскій* и *общероманскій*, или даже *общій южно-славянскій* и *общій западно-славянскій* и т. д.), но внутреннее отличіе ихъ, какъ данныхъ психологическихъ органовъ, не поддается вовсе конкретному опредѣленію, такъ какъ въ этомъ отношеніи они почти безличны (т. е. крайне разнохарактерны сами по себѣ). Наоборотъ, сродныя *нарѣчія* одного общаго языка несравненно менѣе отличаются другъ отъ друга съ внѣшней стороны, чѣмъ со стороны внутренней, которая представляетъ уже опредѣленныя очертанія психической индивидуальности каждаго изъ нихъ. Наконецъ, *говоры* одного нарѣчія, и съ той и съ другой стороны, могутъ отличаться лишь по стольку, по скольку вообще отличаются другъ отъ друга живыя конкретныя особи, принадлежащія къ одной общей разновидности даннаго біологическаго явленія; но вся сила ихъ именно въ этой органической обособленности и конкретной индивидуальности.—За то, если сравнивать *общіе языки*, *нарѣчія* и *говоры*, принадлежащіе къ одному данному лингвистическому семейству, съ *языками*, *нарѣчіями* и *говорами*, принадлежащими къ другому отдѣльному семейству, то окажется, что и съ внутренней стороны наибольшая степень качественныхъ отличій прійдется именно на долю сравниваемыхъ *отдѣльныхъ говоровъ* разныхъ семействъ, такъ какъ въ нихъ сосредоточиваются результаты всѣхъ пройденныхъ въ жизни языковъ общихъ и частныхъ дифференціацій и специализацій рѣчи; и съ этой точки зрѣнія каждый *говоръ* есть наиболѣе „самостоятельная" единица рѣчи также и въ специально качественномъ отношеніи.

Чѣмъ руководится природа въ общемъ своемъ стремленіи къ подобной дифференціаціи и специализаціи своихъ органическихъ явленій—это составляетъ глубокую біологическую загадку. Несомнѣнно лишь одно, что сказанный фактъ существуетъ въ природѣ и что онъ, очевидно, обусловливаетъ собою поступательное движеніе жизни.... Все необъятное разнообразіе формъ существующихъ явленій развилось изъ какого-то общаго и безразличнаго единства матеріи и силъ и продолжаетъ развиваться законосообразно далѣе въ томъ же направленіи до безконечности. И высшая задача жизненнаго процесса можетъ состоять лишь въ установленіи возможной гармоніи въ безконечномъ разнообразіи его проявленій, а не въ стремленіи обезцвѣчивать послѣднія и направлять ихъ къ неопредѣленному единообразію.

Въ жизни языковъ возможны, правда, переходные моменты, вызываемые вмѣшательствомъ въ нее какого либо объединительнаго фактора. Это случается, во 1-хъ, съ живыми говорами, расположенными, напр., на рубежѣ какихъ либо отдѣльныхъ нарѣчій. При невозможности быстраго перерожденія и сліянія ихъ въ новое органическое цѣлое, вслѣдствіе взаимодѣйствія между этими говорами образуются на болѣе или менѣе продолжительное время промежуточныя языковыя аномаліи, состоящія изъ механической смѣси разнородныхъ особенностей скрещивающихся говоровъ, въ видѣ такъ называемыхъ *жаргоновъ* переходнаго характера. Изъ послѣднихъ или вырабатывается со временемъ новый самостоятельный органическій говоръ, или же онъ исчезаетъ, оставивъ лишь извѣстные слѣды на приходившихъ въ соприкосновеніе говорахъ. Во 2-хъ, нѣчто подобное случается также въ жизни всѣхъ *культурныхъ языковъ*, изъ коихъ каждый, раньше или позже, долженъ пережить переходной (критическій для себя) періодъ искусственности и неорганическихъ наслоеній, прежде чѣмъ переварить, ассимиллировать, приспособить все это къ своему природному ядру, и достигнуть полнаго органическаго упорядоченія своего цѣлаго, согласовавъ высшія формы своей индивидуальности съ естественными формами индивидуальности заложеннаго въ его основаніе *живого говора*. Если послѣдняго результата *культурный языкъ* не достигаетъ почему либо, то онъ также исчезаетъ изъ употребленія и уступаетъ мѣсто болѣе удачному сопернику своему, заложенному на другомъ *говорѣ* того же *нарѣчія*, обладающемъ большей типичностію для послѣдняго, большей жизнеспособностію и творческою энергіею.

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ найболѣе существенныя явленія въ области рѣчи, которыя необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи характера и значенія той или иной отдѣльной языковой особи. Посмотримъ теперь, какъ относятся къ этимъ явленіямъ названные нами ученые при опредѣленіи ими понятій о „малорусскомъ нарѣчіи“, какъ таковомъ.

Проф. Т. Д. Флоринскій въ своихъ „Лекціяхъ по славянскому языкознанію“, коснувшись вопроса о классификаціи славянскихъ языковъ, пришелъ къ заключенію, что „ни одна изъ существующихъ теорій не разъясняетъ темнаго и сложнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ“, и что „не меньше трудностей представляется и при рѣшеніи многочисленныхъ частныхъ вопросовъ объ отношеніяхъ нарѣчій и говоровъ въ области каждаго славянскаго языка“. „Отсюда—говоритъ онъ—понятно, что

славянскіе филологи нерѣдко совсѣмъ отказываются отъ какой-бы то ни было классифакаціи славянскихъ языковъ", почему, между прочимъ, такъ „поступилъ знаменитый авторъ первой и единственной сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Фр. Миклошичъ. Въ своемъ монументальномъ трудѣ онъ не даетъ никакой классификаціи славянскихъ языковъ и разсматриваетъ ихъ въ порядкѣ предполагаемой ихъ близости" („Лекціи". Т. I, стр. 28). Затѣмъ, общіе выводы свои относительно классифакаціи славянскихъ языковъ и нарѣчій нашъ авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: „1) Научная классификація славянскихъ языковъ въ настоящее время невозможна. Она можетъ удаться только, какъ послѣднее слово, послѣдній выводъ всесторонняго, тщательнаго и подробнаго изученія всѣхъ славянскихъ языковъ съ ихъ нарѣчіями и говорами. Такое изученіе уже предпринято, но до полноты и обстоятельности его еще далеко. 2) Всѣ сдѣланныя доселѣ попытки выяснить генетическую связь между слав. языками, при всей ихъ малоуспѣшности, не остались однако совершенно безплодными; онѣ привели къ открытію цѣлаго ряда исконныхъ звуковыхъ особенностей или признаковъ, которые, представляя собою общую принадлежность нѣсколькихъ отдѣльныхъ языковъ, могутъ служить нѣкоторымъ основаніемъ для *условной* классифакаціи, и 3) Въ значеніи такой условной классификаціи, въ интересахъ практическихъ, удобнѣе всего можетъ быть принято старое раздѣленіе слав. языковъ на три основныя группы (восточную, сѣверо-западную и юго-западную), вполнѣ соотвѣтствующее географическому распредѣленію языковъ". Приведя затѣмъ извѣстныя особенности, характеризующія каждую изъ означенныхъ трехъ группъ: восточную (или общерусскую), сѣверо-западную (или польско-чешско-лужицкую), и юго-западную (или болгаро-сербо-словинскую), нашъ авторъ замѣчаетъ: „при этомъ не слѣдуетъ забывать, что ни одна изъ этихъ особенностей, вообще захватывающихъ большое количество фактовъ, не выдерживается строго ни въ одной группѣ, а потому не имѣетъ безусловнаго значенія характеристическаго признака". („Лекціи" Т. I, стр. 28, 29). Впрочемъ, трудность установленія болѣе точной научной классификаціи слав. языковъ почтенный авторъ „Лекцій" видитъ не столько въ самомъ предметѣ ея, сколько еще, съ одной стороны, въ томъ, что „изученіе живыхъ слав. языковъ, какъ въ историческомъ ихъ развитіи, такъ и въ современномъ состояніи съ ихъ нарѣчіями и говорами, представляется далеко еще неполнымъ и незаконченнымъ; напротивъ, для многихъ изъ нихъ, напр. для болгарскихъ, словацкихъ, многихъ русскихъ говоровъ, оно только начинается", и, съ другой стороны, въ томъ, что „филологическія

изслѣдованія, затрагивающія подобные общіе вопросы, не всегда отличаются должною объективностію, отражая въ себѣ ложно-патріотическія и узко-національныя симпатіи ученыхъ авторовъ". („Лекціи". Т. I, стр, 16, 17).

Можно ли было ожидать, что, относясь съ такою строго-научною осторожностію и объективностію къ существующимъ теоріямъ и схемамъ классифакаціи слав. языковъ и нарѣчій, нашъ почтенный ученый рѣшится въ то же время заговорить по одному частному вопросу, касающемуся означенной классификаціи, въ такомъ догматическомъ и нелишенномъ пристрастія тонѣ, въ какомъ онъ высказался въ упомянутой нами въ началѣ сей статьи критической замѣткѣ своей на статью др. Франка? „Трудно допустить, говоритъ онъ въ означенной замѣткѣ,—чтобы др. Франку не было извѣстно современное положеніе въ наукѣ вопроса о малорусскомъ языкѣ. Старое мнѣніе Миклошича, котораго, повидимому, держится нашъ авторъ, отводившее малорусскому языку самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, въ настоящее время не выдерживаетъ критики (sic!). Новѣйшіе русскіе и западно-славянскіе филологи занимавшіеся наиболѣе глубокимъ изученіемъ вопроса на почвѣ сравнительнаго славянскаго языкознанія, считаютъ безспорнымъ положеніе, что малорусскій языкъ есть не болѣе какъ одно изъ нарѣчій русскаго языка, или, другими словами, что онъ составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчіями". Въ подтвержденіе же таковаго мнѣнія сказанныхъ ученыхъ о малорусскомъ языкѣ, нашъ профессоръ ограничивается ссылкой на новѣйшее сужденіе о послѣднемъ академика И. В. Ягича, который, однако, буквально говоритъ лишь слѣдующее: „что всѣ русскія нарѣчія сравнительно съ остальными славянскими нарѣчіями,—если не нравится слово нарѣчіе, можно употреблять вмѣсто него слово языкъ, это для науки дѣло постороннее,—многими замѣтными чертами своими образуютъ въ цѣломъ одно внутреннее единство, это не составляетъ спорнаго вопроса въ языкознаніи" [1]).

Положимъ, мнѣніе ак. Ягича о данномъ предметѣ дѣйствительно выражено въ этой цитатѣ съ недостаточной ясностію и даже

---

[1]) „Dass alle russischen Dialecte gegenüber den übrigen Slavischen Dialecten—wem der Ausdruck Dialect nicht gefällt, kann dafür Sprache sagen, in der Wissenschaft ist das Nebensache—ein ganzes bilden, mit vielen merkwürdigen Zügen einer inneren Einheit ausgestattet, das bildet unter Sprachforschern keine Streitfrage". Archiv für Slavische Philologie, 1898, XX, 33 (Einige Streitfragen). Университетскія Извѣстія. № 11. 1898. Кіевъ, стр. 215).

съ нѣкоторымъ замѣтнымъ увлеченіемъ идеей единства русскихъ нарѣчій, что можетъ дать поводъ къ различнымъ толкованіямъ означеннаго его мнѣнія; но, при всемъ томъ, достаточно видно, что послѣднее отнюдь не имѣетъ того смысла, какой прямо приписывается ему нашимъ ученымъ. Вѣдь очевидное дѣло, что въ приведенныхъ словахъ Ягича русскія „нарѣчія“ [1]) приравниваются непосредственно къ такимъ собственно изъ остальныхъ славянскихъ „нарѣчій“ (или „языковъ“), какъ напр. „нарѣчіе“ чешское, польское и лужицкое, или болгарское, сербское и словинское, а не къ какимъ либо частнымъ діалектическимъ подраздѣленіямъ этихъ „нарѣчій“ (въ родѣ, напр., моравскаго и собственно-чешскаго „нарѣчій“ въ области чешскаго „языка“); почему и заключеніе его о большей близости или единствѣ русскихъ нарѣчій можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что вообще *нарѣчія восточной или русской группы* (малорусское, бѣлорусское и великорусское) ***представляютъ больше единства, чѣмъ нарѣчія остальныхъ двухъ группъ—сѣверо-западной*** (чешское, польское, лужицкое) *и юго-западной* (болгарское, сербское, словинское). Но нѣсколько большая близость, между прочимъ, малорусскаго нарѣчія къ остальнымъ нарѣчіямъ русской діалектической группы, чѣмъ, напр., чешскаго нарѣчія къ польскому и другимъ нарѣчіямъ сѣверо-западной группы и т. д., далеко не значитъ еще, что малорусское нарѣчіе „составляетъ съ другими русскими нарѣчіями“ такое уже „одно цѣлое“, какимъ оно, повидимому, представляется проф. Флоринскому, въ родѣ, напр., того единства и той цѣлости, какія представляютъ собою отдѣльныя „поднарѣчія“ или „говоры“ какого нибудь нарѣчія чешскаго, польскаго и т. п. Что же касается собственно высказанной Ягичемъ мысли объ особенной близости русскихъ нарѣчій, сравнительно съ соотвѣтственной близостію между собою нарѣчій остальныхъ славянскихъ діалектическихъ группъ, то, во 1-хъ, эта мысль не представляетъ собою ничего новаго, а во 2-хъ, она вовсе не исключаетъ собой понятія объ индивидуальной отдѣльности другъ отъ друга русскихъ нарѣчій, какъ таковыхъ.

Извѣстно, что распаденіе славянской рѣчи на три главныя діалектическія группы совершилось еще въ незапамятныя доисторическія времена и что уже въ IX—X вв. существовали также и

---

[1]) Онъ ихъ называетъ „russischen Sprachen oder Dialecte“ какъ и другіе славянскіе языки (Einige Streitfragen, стр. 24). Въ своемъ Bibliographische Übersicht der slav. Zeitschriffen etc, онъ ставитъ также малорусскую литературу на ряду съ другими слав. литературами, обозрѣвая отдѣльно каждую въ слѣд. порядкѣ: Русская, Малорусская, Польская, Чешская (вмѣстѣ съ словацкой), Словинская, Сербо-хорватская и Болгарская (Archiv, XX, стр. 624.

всѣ главнѣйшіе нынѣшніе славянскіе языки или нарѣчія, хотя взаимная близость ихъ была еще настолько велика, что, безъ сомнѣнія, говорившій на одномъ изъ нихъ могъ свободно понимать говорившаго на другомъ [1]). При этомъ, обособленіе главнѣйшихъ нарѣчій русской діалектической группы произошло должно быть также въ не менѣе отдаленное время, чѣмъ и обособленіе нарѣчій остальныхъ славянскихъ діалектическихъ группъ, такъ какъ отличительныя особенности ихъ замѣтно сказываются уже въ письменныхъ памятникахъ XI вѣка. Фактъ этотъ наблюденъ также въ числѣ прочихъ ученыхъ и акад. Ягичемъ, который по сему поводу замѣчаетъ: какъ не допускать для XI вѣка полнаго развитія главныхъ русскихъ нарѣчій, когда уже разныя мелочи ихъ ясно проглядываютъ изъ памятниковъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, если по теоріи нѣкоторыхъ извѣстнѣйшихъ филологовъ нашихъ, ближе изслѣдовавшихъ взаимныя отношенія русскихъ нарѣчій, необходимо допустить нѣсколько стадій или эпохъ въ исторіи діалектическаго развитія русской рѣчи, а именно—сперва эпоху распаденія ея на нарѣчія южно-русское и обще-сѣверно-русское; потомъ, эпоху распаденія послѣдняго нарѣчія на сѣверно-великоруское и бѣлорусско-южно-великорусское, и наконецъ, эпоху образованія изъ послѣдняго нарѣчій бѣлорусскаго и южновеликорусскаго [3]), то можно себѣ представить уже apriori, въ какую глубокую древность прійдется отодвинуть по крайней мѣрѣ зачатки распаденія русскаго праязыка собственно на первоначальныя два главнѣйшія нарѣчія его—южное и сѣверное. Вѣдь уже въ паматникахъ XI в. явно выступаютъ нѣкоторыя характернѣйшія сѣверно-русскія особенности, а что касается спеціальныхъ южно-русскихъ особенностей, то проф. Соболевскій документально доказалъ присутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ памятникахъ XII в. [4]).

И такъ, не подлежитъ уже спору, что современныя русскія нарѣчія очень давняго происхожденія и что въ особенности южно-

---

[1]) См. Флоринскій. Лекціи по сл. яз. Т. I, стр. 3; Соболевскій: Древній церковно-слав. языкъ. Фонетика. М. 1891 г. стр. 7.

[2]) Четыре критико-палеографическія статьи Спб. 1884 г. стр. 89, 90.

[3]) Мы нѣсколько иначе понимаемъ ходъ постепеннаго развитія русскихъ нарѣчій; но совершенно раздѣляемъ мнѣніе о первоначальномъ дѣленіи русской рѣчи на южную и сѣверную діалектическія отрасли.

[4]) По мнѣнію названнаго ученаго, всѣ наиболѣе типичныя особенности нынѣшняго малорусскаго нарѣчія, обособляющія его отъ обоихъ сѣверно-русскихъ нарѣчій (бѣлорус. и в.-рус.), окончательно установились въ настоящемъ своемъ видѣ еще до XIV в, въ которомъ затѣмъ на сѣверѣ получило начало характерное явленіе (аканье), рельефно отличающее бѣлорусско-южно-великорусскіе говоры отъ сѣверно-великорусскихъ, и наконецъ приблизительно въ XVI в. появились черты (дзеканье), отличающія нынѣшнее бѣлорусское нарѣчіе отъ южно-великорусскаго. (Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. стр. 251).

русское (или малорусское) нарѣчіе получило начало своего самостоятельнаго развитія, можетъ быть, немногимъ только позже иныхъ главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій. Чѣмъ же, однако, объясняется тотъ дѣйствительно существующій и давно уже замѣченный фактъ, что и по сіе время между русскими нарѣчіями вообще и въ частности между такими даже изъ нихъ, какъ южно-русское и великорусское, наблюдается по нѣкоторымъ общимъ признакамъ значительно большая сравнительно близость, чѣмъ, напр., между польскимъ и чешскимъ нарѣчіями, съ одной стороны, и даже польскимъ и лужицкими нарѣчіями—съ другой? При чемъ, если сопоставить раскинутую на огромномъ пространствѣ восточную или русскую діалектическую группу (съ ея 73 милліоннымъ населеніемъ), при небольшомъ числѣ ея главныхъ нарѣчій и особыхъ группъ говоровъ въ каждомъ, не представляющихъ притомъ очень многихъ и особенно рѣзкихъ внѣшнихъ отличій другъ отъ друга, если сопоставить, говоримъ, съ маленькими по занимаемому ими пространству двумя остальными славянскими діалектическими группами—сѣверо-западной (съ 18½ мил. населеніемъ) и юго-западной (съ 11½ мил. населеніемъ), распадающихся на гораздо большее число очень рѣзко иногда отличающихся другъ отъ друга нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ,—то дѣйствительно получается, впечатлѣніе того особеннаго внутренняго единства русскихъ нарѣчій, сравнительно съ таковымъ единствомъ славянскихъ нарѣчій остальныхъ группъ, какимъ оно, повидимому, и представилось акад. Ягичу, судя по его выраженію о немъ въ приведенной выше цитатѣ. Конечно, такое общее впечатлѣніе, съ явнымъ оттѣнкомъ субъективности въ данномъ случаѣ, далеко не соотвѣтствуетъ степени дѣйствительной близости другъ къ другу русскихъ нарѣчій; тѣмъ не менѣе таковая, особенно въ отношеніи нѣкоторыхъ коренныхъ признаковъ внѣшняго характера, настолько замѣтна сама по себѣ, что, принимая въ соображеніе глубокую древность главнѣйшихъ изъ этихъ нарѣчій, разбросанность ихъ на обширныхъ пространствахъ разнообразнаго топографическаго характера и многочисленность населенія, говорящаго на нихъ [1]), прійдется по необходимости допустить объясненіе сказаннаго явленія только тѣмъ общимъ предположеніемъ, что, очевидно, процессъ внѣшней діалектической дифференціаціи въ области всей славянской рѣчи вообще развивался, по какимъ-то неизслѣдованнымъ еще причинамъ, несравненно быстрѣе и интенсивнѣе на югѣ, и въ особенности на западѣ ея, чѣмъ на востокѣ. Во всякомъ случаѣ, указанныя разницы между

[1]) Представляющаго при томъ, по даннымъ исторіи и антропологіи, разнообразную племенную помѣсь—не менѣе населенія иныхъ славянскихъ народностей.

русской и остальными діалектическими группами славянской рѣчи заслуживаютъ особеннаго вниманія и составляютъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ славистики, ожидающій еще своей правильной постановки и надлежащаго научнаго рѣшенія. Послѣднее же возможно будетъ лишь тогда, когда будетъ произведено тщательное обслѣдованіе всѣхъ существующихъ говоровъ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и затѣмъ будетъ изученъ надлежащимъ образомъ не только внѣшній, но и внутренній характеръ послѣднихъ нарѣчій, въ связи съ историческими условіями и особымъ ходомъ развитія каждаго изъ нихъ, чего, какъ извѣстно, делеко не достаетъ еще въ должной мѣрѣ нашей наукѣ. Такъ какъ отдѣльный языкъ или отдѣльное нарѣчіе, по ученію новѣйшей школы лингвистовъ, есть не столько естественный объективный организмъ, сколько данный органическій выразитель внутренняго міра человѣка, и „исторія языка, по словамъ Пауля, есть исторія психическихъ организмовъ“ [1]), то очень быть можетъ, что внутренняя дифференціація языковъ и внѣшняя идутъотчасти независимо другъ отъ друга, не обусловливая непремѣнно вполнѣ параллельнаго своего развитія [2]), и что, пожалуй, при ближайшемъ изслѣдованіи вопроса о сравнительной близости русскихъ нарѣчій, окажется, что они, сходясь болѣе другихъ сродныхъ славянскихъ нарѣчій по своему внѣшнему (матеріальному и формальному) характеру, въ то же время сильнѣе послѣднихъ разошлись по своему внутреннему (семазіологическому, стилистическому и вообще психологическому) характеру; а въ особенности, что такимъ именно образомъ разошлись далеко наиболѣе разнящіяся другъ отъ друга и съ внѣшней стороны—южнорусское и великорусское нарѣчія, языковыя предки коихъ возникли еще на почвѣ первоначальнаго распаденія общаго русскаго праязыка; при чемъ сами они являются столь различными по своему возрасту и пережили столь несходныя судьбы и внѣшнія вліянія въ своемъ историческомъ развитіи... Но какъ бы ни былъ рѣшенъ въ будущемъ этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ самъ по себѣ фактъ большей близости другъ къ другу русскихъ, чѣмъ инославянскихъ, нарѣчій вовсе, повторяемъ, не исключаетъ собою другаго не менѣе общеизвѣстнаго факта—болѣе или менѣе древней и характерной отдѣльности другъ отъ друга

[1]) См. „Лекціи“ проф. Флоринскаго. Т. I, стр. 33.

[2]) Извѣстно, что внутренняя дифференціація и индивидуализація рѣчи проявляется даже у отдѣльныхъ лицъ, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, типическимъ примѣромъ чего можетъ служить то обстоятельство, что у каждаго изъ выдающихся писателей на какомъ либо языкѣ наблюдается его „особый языкъ“, изученію котораго и посвящаются особыя монографіи въ каждой литературѣ.

всѣхъ современныхъ русскихъ нарѣчій, отдѣльнаго существованія коихъ, какъ таковыхъ, очевидно, не отрицаетъ и акад. Ягичъ.

Между тѣмъ, проф. Флоринскій, говоря въ назиданіе д-ру Франку, что будто бы новѣйшіе филологи, а главнымъ образомъ ак. Ягичъ „считаютъ безспорнымъ положеніе, что малорусскій языкъ..... составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчіями", понимаетъ, если не ошибаемся, данное положеніе въ томъ смыслѣ, что всѣ русскія нарѣчія представляютъ чуть-ли не полное конкретное и индивидуальное тождество. Повторяемъ,—положенія о данномъ единствѣ и цѣлости русскихъ нарѣчій никто не отрицаетъ, какъ никто, кажется, не отрицаетъ также и того, что извѣстное единое и цѣлое, хотя и гораздо болѣе пестрое по внѣшнему виду, составляютъ также и южныя и западныя славянскія нарѣчія. Изъ-за чего же собственно хлопочетъ нашъ почтенный ученый? Очевидно, все недоразумѣніе состоитъ лишь въ томъ, что проф. Флоринскій, какъ мы сказали, подъ общей цѣлостью всѣхъ русскихъ нарѣчій разумѣетъ нѣчто совсѣмъ иное, только недостаточно опредѣленно выраженное имъ. Иначе, зачѣмъ бы ему понадобилось такъ настойчиво убѣждать др. Франка, что отдѣльность и самостоятельность малорусскаго нарѣчія совсѣмъ не то, что отдѣльность и самостоятельность другихъ славянскихъ нарѣчій. Впрочемъ, мы должны сознаться, что представленія почтеннаго профессора объ общей цѣлости русскихъ нарѣчій, въ качествѣ единаго русскаго языка, мы не въ состояніи понять надлежащимъ образомъ. Это представленіе, по скольку оно выражено далѣе въ слѣдующей формулѣ, является чѣмъ-то въ высшей степени своеобразнымъ съ логической точки зрѣнія. Проф. Флоринскій говоритъ, напр.: „не лишнее будетъ напомнить галицко-русскимъ филологамъ и литераторамъ, что понятіе русскаго языка обнимаетъ: 1) великорусскіе народные говоры, 2) малорусскіе народные говоры, 3) бѣлорусскіе народные говоры и 4) общерусскій литературный языкъ,—т. е. языкъ русской литературы, науки, общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ русскихъ образованныхъ классовъ общества". Въ этомъ любопытномъ наставленіи галицкимъ филологамъ соединены и общеизвѣстная азбука, и какой-то таинственный смыслъ въ ея сочетаніи... Если проф. Флоринскій считаетъ вообще русскій языкъ единымъ и недѣлимымъ цѣлымъ, то въ этой формулѣ его прежде всего является загадочнымъ съ логической точки зрѣнія совмѣщеніе таковаго понятія объ этомъ языкѣ съ представленіемъ о немъ, какъ о чрезвычайно сложномъ діалектическомъ комплексѣ, слагающемся изъ цѣлыхъ трехъ отдѣльныхъ группъ говоровъ, съ прибавкой къ нимъ одного конкретнаго литературнаго языка, какъ категоріи будто бы

равной каждой изъ этихъ группъ порознь и всѣмъ имъ—въ общей совокупности.—Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такой же функціей единства всего русскаго „языка", какая приписывается лишь отдѣльнымъ „нарѣчіямъ" славянскимъ, въ родѣ, напр., чешскаго, польскаго и проч. Но и въ такомъ случаѣ, для уравненія съ послѣдними русскаго языка по всему его внутреннему составу, слѣдовало бы сперва доказать, что и отношенія между группами русскихъ говоровъ, т. е. собственно между отдѣльными русскими нарѣчіями, обнимающими эти говоры, отнюдь не разнятся ничѣмъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны отъ таковыхъ же отношеній между группами говоровъ какого-нибудь спеціально чешскаго или польскаго нарѣчія. Но этого, очевидно, доказать нельзя, такъ какъ и сами русскія нарѣчія, напр., великорусское и малорусское, дѣлятся опять также на отдѣльныя группы говоровъ, не уступающихъ иногда въ отличіяхъ своихъ другъ отъ друга, даже съ чисто внѣшней стороны, отличіямъ между говорами чешскаго, польскаго и другихъ нарѣчій.

Далѣе, въ формулѣ проф. Флоринскаго, какъ мы уже замѣтили, бросается въ глаза непонятное также съ логической точки зрѣнія сопоставленіе, а затѣмъ и полное уравненіе въ одномъ общемъ понятіи о единомъ русскомъ языкѣ такихъ явно несоизмѣримыхъ языковыхъ величинъ, какъ три группы народныхъ говоровъ и одинъ недѣлимый литературный языкъ, хотя бы даже съ именемъ „общерусскаго языка", а также—исключеніе изъ опредѣляемаго такимъ образомъ общаго объема русской рѣчи другого фактически существующаго русскаго литературнаго языка, хотя бы онъ назывался только „малорусскимъ нарѣчіемъ", что случилось, очевидно, не по невѣдѣнію нашего ученаго о его существованіи.

Наконецъ, на нашъ взглядъ, наименѣе понятнымъ является, и съ логической, и съ спеціально лингвистической точки зрѣнія, присваиваніе въ этой формулѣ такъ называемому авторомъ „общерусскому литературному языку тѣхъ свойствъ, какихъ онъ рѣшительно имѣть не можетъ по своей органической и индивидуальной природѣ, какъ конкретный языкъ, образовавшійся на почвѣ даннаго живого говора и не только не стремящійся къ превращенію въ какой либо разнородный языковый конгломератъ, а напротивъ того, со временъ Пушкина все болѣе и болѣе успѣшно пріобрѣтающій живую и цѣльную народно-великорусскую окраску.—Конечно, въ обществѣ, въ силу ошибочной ассоціаціи разнородныхъ понятій, могутъ возникать ложныя представленія о природѣ отдѣльныхъ языковъ, и, напр., въ виду господствующаго положенія въ Россіи и въ русскихъ образованныхъ классахъ общерусскаго литературнаго языка", таковой мо-

жетъ представиться „общерусскимъ" и по своей природѣ (т. е. по своей фонетикѣ, грамматикѣ, словарю), точно такъ же, какъ и французскій языкъ по своей доминирующей роли въ Европѣ, въ ея дипломатіи и во всѣхъ кругахъ высшаго европейскаго общества, можетъ признаваться также въ аналогическомъ смыслѣ языкомъ общеевропейскимъ. Но подобныя иллюзіи, простительныя умамъ съ недостаточно дисциплинированнымъ мышленіемъ и мало свѣдущимъ въ языкознаніи, не могутъ находить себѣ оправданія въ сужденіяхъ ученыхъ филологовъ. А между тѣмъ проф. Флоринскій всячески настаиваетъ на реальномъ значеніи подобной иллюзіи и старается убѣдить д-ра Франка, что русскій литературный языкъ есть безусловно „общерусскій" по самому существу своему. Означенное положеніе свое онъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ. Исходя отъ факта, не отрицаемаго и др. Франкомъ, что русскій литературный языкъ вырабатывался общими усиліями всѣхъ вѣтвей русскаго народа, въ томъ числѣ и малороссами [1]), проф. Флоринскій находитъ только, что др. Франко ошибается и даже будто-бы противорѣчитъ себѣ, когда именуетъ при этомъ „общерусскую" литературу „великорусской". Въ дѣйствительности,—говоритъ далѣе проф. Флоринскій —нашъ литературный языкъ отнюдь не есть языкъ спеціально великорусскій. (sic!) Нельзя указать ни одного села въ Великороссіи, гдѣ бы простой народъ говорилъ такимъ языкомъ, какимъ пишутся наши книги и какимъ говорятъ высшіе образованные классы русскаго населенія, разсѣянные по всей Россіи". Неужто, въ самомъ дѣлѣ, русскій литературный языкъ безпочвенный? [2]) Но не можетъ быть, чтобы проф. Флоринскому не было извѣстно то, что давнымъ-давно вошло даже въ гимназическіе учебники наши [3]), а именно, что весь зву-

[1]) Въ выработкѣ его, какъ извѣстно, участвовали также писатели польскаго, южнославянскаго, нѣмецкаго, татарскаго и разнаго другого происхожденія. Но если подъ участіемъ малороссовъ подразумѣвать то особенное участіе, какое принимали вызванные изъ Кіева малорусскіе ученые въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв., то не слѣдуетъ забывать, что созданный тогда при ихъ содѣйстіи книжный русскій языкъ такъ-же исчезъ и замѣнился болѣе чистымъ великорусскимъ языкомъ, какъ погибъ скомпонованный въ то же приблизительно время другими малорусскими учеными искусственный сербскій языкъ, замѣненный также потомъ чисто народнымъ сербскимъ языкомъ.

[2]) Если извѣстнымъ разницамъ, неизбѣжнымъ вездѣ между языкомъ образованнаго общества и простонародья проф. Флоринскій придаетъ такое существенное значеніе съ спеціально лингвистической точки зрѣнія, то, изслѣдуя языкъ въ данномъ направленіи, можно было бы доказать, что въ Великороссіи (какъ и вездѣ) не только простой людъ говоритъ нѣсколько иначе, чѣмъ образованные люди, но что и подростки, въ свою очередь, говорятъ не совсѣмъ такъ, какъ люди взрослые и бывалые, сельчане—не совсѣмъ такъ, какъ горожане и т. д.

[3]) См., напр., хотя бы старую „Историч. грам. рус. яз." Ѳ. Буслаева. (Изд. 3-е. М. 1868 г. Ч. I, стр. 6).

ковой строй и характеръ русскаго литературнаго языка все таки основанъ цѣликомъ на одномъ лишь *московскомъ говорѣ* великорусскаго нарѣчія; что основныя грамматическія (этимологическо-морфологическія и синтаксическія) его особенности—чисто великорусскія, и что, наконецъ, основной словарный фэндъ этого языка (въ его матеріальномъ обликѣ и смысловомъ значеніи) почерпнутъ преимущественно изъ общаго лексическаго матеріала великорусскихъ нарѣчій и говоровъ. Если, однако, почему либо относящіяся къ сему положенія и правила, изложенныя въ учебникахъ, кажутся нашему ученому несостоятельными и неотвѣчающими дѣйствительности, то. мы полагаемъ, онъ не признаетъ таковымъ же авторитетнаго мнѣнія по этому предмету такого ученаго спеціалиста по русскому языкознанію, какъ проф. А. И. Соболевскій, который въ своемъ „Очеркѣ Русской Діалектологіи" [1]), характеризуя южновеликорусское или акающее поднарѣчіе, между прочимъ говоритъ слѣдующее: „передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ *литературнымъ* или *общерусскимъ* языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ". „Московскій простонародный и *подмосковный* говоръ никакихъ звуковыхъ особенностей не имѣетъ и главное отличіе его отъ литературнаго говора—въ формахъ и словарномъ матеріалѣ, которыя хотя и извѣстны образованнымъ людямъ, но считаются вульгаризмами [2]). Но

---

[1]) „Живая Старина". Вып. I, годъ II, 1892 г.; стр. 9, 12, 13.

[2]) Не мѣшаетъ привести при этомъ отмѣченный тамъ-же проф. Соболевскимъ тотъ любопытный фактъ, что русскій литературный языкъ, благодаря своей распространенности въ разныхъ областяхъ Россіи, начинаетъ обнаруживать уже признаки діалектической дифференціаціи на иныхъ (не великорусскихъ) этнографическихъ почвахъ. Почтенный авторъ говоритъ, напр., что „въ другихъ городахъ къ нему (русскому литерат. языку) иногда примѣшиваются мѣстныя черты (изъ ближайшихъ говоровъ); такъ въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать *h* вм. *g*: *h*ылка, *h*орохъ, и неслоговое *у* вм. *в* и *л*: любо*у*, да*у*, пи*у*; въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или значительная твердость *р* въ словахъ въ родѣ бу*ра* (буря)". Понятно, что эти звуковые варваризмы не могутъ быть признаны имѣющими право гражданства въ русскомъ литературномъ языкѣ со стороны блюстителей его чистоты и правильности. Но замѣчательно, что наблюденныя проф. Соболевскимъ явленія оправдываютъ, повидимому, мысль, высказанную нѣкогда Потебней, что „нынѣшній русскій литературный языкъ можетъ сохранить свое относительное

проф. Флоринскій мотивируетъ свой взглядъ на „общерусскую" будто-бы природу русскаго литературнаго языка тѣмъ, что онъ, какъ и всѣ литературные языки, болѣе или менѣе языкъ искусственный. Этотъ нѣсколько неожиданный аргументъ въ пользу „общерусскаго характера" русскаго литературнаго языка нашъ ученый излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Подобно другимъ литературнымъ языкамъ, и русскій литературный языкъ въ извѣстной степени есть языкъ искусственный: онъ не представляетъ собою копіи какого-либо простонароднаго нарѣчія или говора, а совмѣщаетъ въ себѣ элементъ разныхъ нарѣчій (sic!). Великорусская стихія занимаетъ въ немъ первенствующее, но не исключительное мѣсто; рядомъ съ ней присутствуютъ значительные малорусскіе и бѣлорусскіе элементы, а также церковно-славянскіе; кое-что вошло въ него и изъ неславянскихъ, западныхъ и восточныхъ языковъ (sic). Въ этомъ отношеніи исторія русскаго литературнаго языка, къ сожалѣнію, еще не выяснена въ подробностяхъ, представляетъ много сходнаго съ исторіей другихъ литературныхъ языковъ, напр., чешскаго и польскаго", и т. д. Если такимъ образомъ квалифицировать природу языковъ, то не только всѣ литературные, но и всѣ народные языки не будутъ собственно тѣмъ, чѣмъ ихъ принято считать въ лингвистикѣ, такъ какъ и въ тѣхъ и въ другихъ можно найти не мало разнородныхъ элементовъ, заимствованныхъ ими изъ другихъ языковъ и только приспособленныхъ каждымъ изъ нихъ извѣстнымъ образомъ къ своей органической основѣ, въ каковомъ приспособленіи заимствованныхъ элементовъ нельзя отказать, полагаемъ, и русскому литературному языку, ибо въ противномъ случаѣ это былъ бы какой-то пестрый неорганическій жаргонъ, а не живая, индивидуальная и характерная рѣчь. На такомъ основаніи русскій литературный языкъ пришлось бы считать, впрочемъ, уже „не общерусскимъ", а чѣмъ-то инымъ—болѣе общимъ. Если ужъ квалифицировать его спеціально по преобладающимъ въ немъ стихіямъ, то вѣрнѣе всего это будетъ языкъ „великорусско-церковно-славянскій", такъ какъ стихія церковно-славянской рѣчи во всякомъ случаѣ несравненно значительнѣе въ немъ спеціальныхъ стихій другихъ русскихъ нарѣчій (малорусскаго и бѣлорусскаго); при чемъ даже участію въ немъ послѣднихъ стихій

единство лишь до тѣхъ поръ, пока онъ есть органъ незначительнаго меньшинства. Становясь дѣйствительно обще-русскимъ, а тѣмъ болѣе обще-славянскимъ, онъ въ то же время распался бы на нарѣчія". (Академич. рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго, стр. 34).

едва-ли уступитъ участіе стихіи нѣмецкой, проникшей не только въ словарь и синтаксисъ этого языка, но даже отчасти и въ этимологію его (срав., напр., образованіе цѣлаго разряда словъ съ суффиксомъ —*ир*-овать: маскировать и т. п.).

Вообще, опредѣляя такимъ образомъ качество русскаго литературнаго языка по всѣмъ тѣмъ элементамъ, какіе, по словамъ проф. Флоринскаго, вошли въ той или иной мѣрѣ въ его составъ, пришлось-бы признать его не „общеславянскимъ" даже языкомъ, а смѣсью разныхъ славянскихъ языковъ съ западными и восточными языками. Но такими-же конгломератами по качеству своему оказались бы на сказанномъ основаніи и всѣ прочіе славянскіе литературные языки: польскій, чешскій, сербскій, болгарскій и другіе, а также и современный малорусскій литературный языкъ. Причемъ, если принять, напр., во вниманіе, что польскій литературный языкъ основался на „малопольскомъ" говорѣ, ближайшемъ къ западнымъ говорамъ малорусскаго нарѣчія, и вслѣдствіе многовѣковой совмѣстной культурной жизни поляковъ съ малороссами, а также участія въ польской литературѣ многихъ писателей малорусскаго происхожденія, этотъ языкъ заимствовалъ изъ малорусскаго нарѣчія сравнительно болѣе даже элементовъ, чѣмъ русскій литературный языкъ,—то по теоріи проф. Флоринскаго нужно было бы польскій литературный языкъ считать скорѣе „польско-малорусскимъ", чѣмъ чисто польскимъ языкомъ. Далѣе, на томъ же основаніи надо было-бы признать также литературные языки венгерскій и румынскій не таковыми въ дѣйствительности, а первый собственно—„венгерско-славянскимъ" и послѣдній „румынско-славянскимъ" и т. д.

Но не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ сужденіяхъ нашего автора объ „общерусскомъ" и „малорусскомъ" литературныхъ языкахъ, которыя всѣ въ томъ же родѣ и спеціально клонятся лишь къ тому, чтобы такимъ образомъ доказать, что собственно „великорусскій литературный языкъ" по своей природѣ покрываетъ всѣ русскія нарѣчія и говоры и тѣмъ самимъ дѣлаетъ совсѣмъ почти излишнимъ существованіе „малорусскаго литературнаго языка". Мы полагаемъ, что великое культурное, общественное и государственное значеніе русскаго языка настолько упрочено, что, для признанія за нимъ права на широкое распространеніе не только среди русскихъ и другихъ славянскихъ народностей, но и между иными народами, онъ вовсе не нуждается въ какой-бы то ни было маскировкѣ своего настоящаго индивидуальнаго великорусскаго характера. И, по нашему мнѣнію, подобный пріемъ едва ли можетъ прибавить что либо къ достоинству этого языка, заставляя однако тѣхъ, кто при-

бѣгаетъ къ подобнымъ пріемамъ, высказывать мысли, несоотвѣтствующія дѣйствительному уровню ихъ научныхъ познаній.

Посмотримъ теперь, что думаетъ о малорусскомъ языкѣ проф. Буличъ, который, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, настоятельно требуемъ, чтобы онъ оставался въ званіи *нарѣчія* и не позволялъ себѣ претендовать на званіе *языка.*

„Всѣ,—говоритъ онъ,—фонетическія особенности (а онѣ-то и являются единственными существенными признаками языковъ, нарѣчій и говоровъ, въ противоположность малохарактеристичнымъ морфологическимъ и лексическимъ особенностямъ), которыя отдѣляютъ русскій языкъ (?) отъ польскаго или старославянскаго (?) и т. д., имѣются и у малорусскаго нарѣчія". Какъ тутъ понять, что въ данномъ случаѣ означаетъ собою слово *языкъ* и что—*нарѣчіе*? Какой это *русскій языкъ* сопоставляется съ другими языками? Что такое эти послѣдніе *языки*,—въ видѣ *языка польскаго* и рядомъ съ нимъ поставленнаго *языка старославянскаго*? Что такое, наконецъ, само по себѣ *малорусское нарѣчіе* и въ какое положеніе ставится оно, какъ таковое, по отношенію къ упомянутому *русскому языку*? Когда авторъ перечисляетъ въ скобкахъ лингвистическія величины, признаками коихъ, по его мнѣнію, служатъ данныя фонетическія особенности (какъ единственно существенныя), въ видѣ *языковъ*, *нарѣчій* и *говоровъ*, то можно думать, что подъ этими терминами онъ разумѣетъ разностепенныя по своему объему величины, послѣдовательно включающія въ себя одна другую, т. е., что подъ *языкомъ* подразумѣвается болѣе общая величина, обнимающая собой *нарѣчія* и *говоры*, а подъ *нарѣчіемъ*—менѣе общая величина, слагающаяся лишь изъ *говоровъ*, и, наконецъ, подъ послѣдними—простыя конкретныя языковыя величины. Но если такъ, то какую же величину обозначаетъ у него *русскій языкъ*, помимо сравниваемаго съ нимъ *малорусскаго нарѣчія*: совокупность ли остальныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскихъ и бѣлорусскаго), или нѣчто другое; но что именно? Ужъ не конкретный ли *русскій литературный языкъ*? Но послѣдній не есть уже величина соизмѣримая съ цѣлымъ *малорусскимъ нарѣчіемъ* и можетъ быть сравниваемъ развѣ только съ соотвѣтствующимъ ему въ количественномъ смыслѣ *малорусскимъ литературнымъ языкомъ*. Точно также неизвѣстно, въ какомъ объемѣ понимается сопоставляемый съ *русскимъ языкомъ польскій языкъ*. Судя по уравненію послѣдняго съ *старославянскимъ языкомъ*,—это не цѣлое польское нарѣчіе западно-славянскаго языка во всемъ его объемѣ, а такой же конкретный *польскій*

языкъ литературный, очевидно, какъ и книжный *старославянскій языкъ*. Впрочемъ, всѣ эти догадки разрушаются дальнѣйшимъ изложеніемъ предмета, и намъ приходится такъ и остаться въ невѣдѣніи, о чемъ собственно у автора идетъ рѣчь. Наиболѣе яснымъ для насъ представляется лишь слѣдующее положеніе проф. Булича, въ которомъ устанавливается извѣстная общность признаковъ малорусскаго нарѣчія съ остальными русскими нарѣчіями

„Такъ,—говоритъ онъ,—малорусское раздѣляетъ съ другими русскими нарѣчіями, бѣлорусскимъ и великорусскимъ, слѣдующія общія черты: 1) полногласіе.... 2) начальное *о* вм. ј*е* другихъ слав. языковъ... 3) раннее изчезновеніе носовыхъ гласныхъ, вм. которыхъ находимъ *у* и *а*... 4) переходъ сочетаній *д*ј въ *ж*, *т*ј и *кт*, *чт*, *хт* передъ небными гласными въ *ч*... 5) отсутствіе *д* передъ *л* и *н* (упа*л*ъ, вя*н*уть) и 6) развитіе *л* послѣ губныхъ согласныхъ (люб*л*ю)". Это такъ, конечно. Но только мы никоимъ образомъ не можетъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, будто „во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ въ указанныхъ категоріяхъ мы находимъ тѣ или другія отличія отъ общихъ русскихъ (в.рус., млрус. и б.рус.) звуковыхъ особенностей", или, другими словами, что будто всѣ эти особенности спеціально свойственны однимъ русскимъ нарѣчіямъ. Вѣдь проф. Буличу самому прекрасно извѣстно, что изъ перечисленныхъ имъ особенностей спеціальной и наиболѣе характерной для всѣхъ русскихъ нарѣчій является только *полногласіе* (бо*ро*да, го*ло*ва и т. п.). Затѣмъ къ ней можно причислить еще двѣ. менѣе уже характерныя особенности, каковы: начальное *о* (*о*зеро и т. п.) и переходъ *д*ј въ *ж*.

Изъ этихъ послѣднихъ начальное *о* нѣкоторые слависты не считаютъ особенно характернымъ для русскихъ нарѣчій, потому что, во 1-хъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ *е* сохранилось и въ самихъ русскихъ нарѣчіяхъ (в. рус. и б. рус), въ словахъ: *э*то, һ*э*то, *э*во, *э*дакъ (=малорус. *о*то, *о*так), *е*жевика (млр. *о*жина)[1]; во 2-хъ, есть даже въ русскихъ нарѣчіяхъ слова съ *е* при *о* въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ: общерус. *е*ще при срб. ј*о*ш, болг. *о*ште; великорус. *е*два при словинскомъ *о*dvaј и т. п.; наконецъ, въ 3-хъ, нерѣдко въ другихъ слав. нарѣчіяхъ на ряду съ *е* встрѣчается и *о* тамъ же, гдѣ и въ рус. нарѣчіяхъ: польск. *о*lcha, *о*lsza,, чешск *о*lše, лужицк. w*о*lša, словинск. *о*lša, сербск. ј*о*ха (при ј*е*лша); болг. *о*дин (при *е*дин) чешск. *о*seň (при ј*е*seň) и т. п. Въ виду чего проф. Соболевскій считаетъ эту особенность даже

1) Малорус. *е*дыний, *е*денъ едва-ли мѣстнаго происхожденія.

„мнимою особенностію" рус. языка. (Лекціи по истор. рус. яз. Изд. 2, стр. 32, 33). Что касается перехода *dj* въ *ж*, то онъ существенно разнится только отъ западно-славянскихъ переходовъ его въ *z*, *dz*; но въ сербскомъ, а также въ болгарскомъ нарѣчіяхъ общерусскому *ж* (нѣкогда мягкому и нынѣ еще смягчаемому въ нѣкоторыхъ говорахъ) соотвѣтствуютъ также шипящіе звуки (а не свистящіе), хотя и съ иными оттѣнками: сравн. общерус. ме*ж*а, пря*ж*а и сербск. међа, пређа (произносится почти какъ ме*дъжя*, пре*дъжя*), болг. ме*жд*а, пре*жд*а. При чемъ въ говорахъ болгарскихъ спорадически встрѣчаются также и *ж*, и *дж*: чу*ж*ина, гра*ж*ане; ме*дж*а, ро*дж*ена и т. п. Во многихъ малорусскихъ говорахъ также часто слышится *дж* вм. *ж*: ме*дж*а, пря*дж*а, са*дж*а, ро*дж*ений, хо*дж*у; а также *dj* (въ 1-мъ лицѣ наст. вр. глаг.): хо*д*ю, во*д*ю и т. п. Наконецъ, въ одномъ случаѣ, именно при замѣнѣ древн. сочетанія *зdj*, переходъ *dj* въ *дж* (или *ч*), съ ассимиляціей предыдущаго *з* въ *ж* (или *ш*) свойственъ малорусскому нарѣчію наравнѣ съ польскимъ: млрус. до*шч* (при до*ждж*), дрі*ждж*і (при дрі*жч*і и дрі*шч*і), ї*ждж*у (при ї*зд*ю) и т. п., соотв. польскимъ: de*szcz*, dro*żdż*e, je*żdż*e (великорус. до*жд*ь, до*жж*ь, до*ш*ш; дро*жж*и; ѣ*жж*у).

Относительно же всѣхъ остальныхъ особенностей можно прямо сказать, что ихъ спеціально русскими совсѣмъ считать нельзя: а) Носовые гласные такъ-же рано исчезли въ сербскомъ, чешскомъ и многихъ другихъ слав. нарѣчіяхъ, какъ и въ русскихъ; при чемъ *у* замѣнило собою ѫ цѣликомъ въ сербскомъ, словацкомъ, чешскомъ и лужицкихъ нарѣчіяхъ, а также спорадически и въ болгарскихъ говорахъ (сравн. македонск. р*у*ка, нес*у*, мож*у*; шопско-търнское ск*у*п, п*у*т, врб*у*, сед*ý*, нес*у*т, н*ю* (вин. пад. ед. ч.); скопско-кратовск. м*у*ка, м*у*ж, бер*у*; угро-болгарск. r*u*k*u*, nog*u* и т. п.); равнымъ образомъ *а* замѣнило собою ѧ вообще въ словацкомъ, чешскомъ и лужицкихъ нарѣчіяхъ, а спорадически также въ говорахъ сербскихъ (чакавск. j*a*zik, poč*a*ti, ž*a*tva), словинскихъ (резьянск., горицк. и нѣкоторыхъ хорутанскхъ: j*a*zik, zač*a*ti, m*a*so, zat, и частью въ восточныхъ: prij*a*ti zač*a*o и проч.), а также въ нѣкоторыхъ восточныхъ и западныхъ болгарскихъ (п*я*т, р*я*д, *я*чмен, *я*зик, нач*а*ток, ж*а*тва, нос*а*т, вид*а*т, и т. п.). б) Переходъ *тj* и *кт*, *гт*, *хт* въ *ч* [1]) столь же обыченъ въ словинскомъ нарѣчіи, какъ и въ русскихъ: sveča, hočem или hočo, noč, peči (печь), leč (лечь)

---

[1]) Малорусскія пра*ц*я, хо*ц*ь, мі*ц*ь, мі*ц*ний и т. п. весьма стары; но въ нихъ *ць* и *ц* вм. *ч*, очевидно, заимствованы изъ польскаго, вѣроятно въ то еще время, когда *ч* въ соотвѣтственныхъ чисто ю.-рус. словахъ было мягко.

и т. п. Кромѣ того *ч* встрѣчается также въ переходныхъ сербско-болгарскихъ говорахъ (но*ч*и, све*ч*у) и въ нѣкоторыхъ чисто-болгарскихъ (*ч*ужина, *ч*е—хочешь; шопско-търнскія: свѣ*ч*а, но*ч* и проч.). в) Отсутствіе *д* передъ *л* и *н* свойственно всѣмъ южнославянскимъ нарѣчіямъ, за исключеніемъ спорадическихъ случаевъ въ словинскомъ, и г) Развитіе *л* послѣ губныхъ согласн. составляетъ также общую черту всѣхъ южно-славянскихъ нарѣчій, кромѣ болгарскаго, въ которомъ оно утрачено, также какъ утрачивается оно отчасти и нѣкоторыми западными говорами малорус. нарѣчія.

Такимъ образомъ, повторяемъ, изъ приведенныхъ проф Буличемъ отличительныхъ чертъ, общихъ всѣмъ нарѣчіямъ русской діалектической группы, спеціально русской чертой остается одно ***полногласіе*** и затѣмъ являются еще по преимуществу русскими чертами, начальное *о* вм. *е* и *ж* вм. *дј*. Но этого, очевидно, недостаточно для доказательства сильно преобладающаго единства между нарѣчіями русской діалектической группы, сравнительно съ единствомъ нарѣчій другихъ славянскихъ діалектическихъ группъ и подгруппъ, такъ какъ и нарѣчія послѣднихъ обладаютъ не меньшимъ числомъ общихъ и спеціально имъ однимъ принадлежащихъ особенностей. Такъ. напр., всѣмъ нарѣчіямъ западно-славянской діалектической группы одинаково свойственны такія спеціальныя и характерныя для всѣхъ ихъ особенности, какъ переходы древн. dj въ свистящіе dz, z и древняго tj и kt, gt, cht въ *c*; полное, или только въ извѣстныхъ случаяхъ (за исключеніемъ словацкаго нарѣчія) измѣненіе *ŕ* въ оригинальные шепелявыя звуки ř (рж), rz (ж), sz (ш); звукосочетанія dł, dl, dn (польск. padła, więdnę и т. п.), не считая другихъ болѣе мелкихъ особенностей. Точно также нарѣчія ляшской подгруппы (польское съ кашубскимъ и оба лужицкія—нижнее и верхнее) имѣютъ свои общія и не менѣе характерные черты, каковы: го и ło, параллельные рус. ***оро***, ***оло*** (broda, strona, słoma, słóma, głowa, hłowa и проч.) и затѣмъ довольно древнія и характерныя измѣненія d' въ dź, ź; t' въ ć, ś (dzień, dźeń, źeń, ciemny, ćěmny, śemny и проч.), кромѣ другихъ менѣе спеціальныхъ чертъ. Не меньшее число такого же рода общихъ отличительныхъ чертъ можно указать и въ нарѣчіяхъ остальныхъ славянскихъ группъ и подгруппъ, напр., въ нарѣчіяхъ всей юго-славянской группы, въ нарѣчіяхъ иллирійской или сербо-словинской подгруппы и т. д. Русская діалектическая группа тоже подраздѣляется на подгруппы и, напр., нарѣчія ея ***сѣверной*** подгруппы (бѣлорусское и оба великорусскія) имѣютъ также свои общія особенности, которыми не менѣе отличаются отъ ***южнорус-***

скаго нарѣчія, чѣмъ, напр., нарѣчія *иллирійской* подгруппы отъ нарѣчія *болгарскаго*. Но изъ всего сказаннаго возможенъ тотъ лишь прямой выводъ, что существуютъ отдѣльныя группы и подгруппы славянскихъ нарѣчій, отличающіяся другъ отъ друга свойственными имъ однимъ звуковыми особенностями, причемъ взаимныя отношенія нарѣчій одной группы или подгруппы болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ взаимнымъ отношеніямъ нарѣчій другихъ группъ или подгруппъ; другими словами,—что существуютъ діалектическія группы: восточная или русская, западнославянская, южнославянская; подгруппы: сѣвернорусская, ляшская, иллирійская и другія, и что, напр., нарѣчія русской группы (в.-рус., б.-рус. и м. рус.) относятся другъ къ другу почти такъ-же, какъ и нарѣчія западно-славянской группы (польско-кашубск., чешско-словац., лужицкія) или нарѣчія южнославянской группы (сербо-хорватск., словинское, болгарское) и т. д. Между тѣмъ проф. Буличъ, упуская все это изъ виду, на основаніи перечисленныхъ имъ общихъ особенностей русской рѣчи приходитъ къ слѣдующему неожиданному заключенію: „Очевидно, стало быть, —говоритъ онъ,—что въ ту эпоху, когда рѣчь поляка, чеха, серба, болгарина, словинца и т. д. представляла въ перечисленныхъ отношеніяхъ большія или меньшія отличія отъ русской рѣчи (?), рѣчь великоросса, малоросса и бѣлорусса ихъ не имѣла, т. е. представляла одинъ русскій языкъ. Всѣ фонетическія особенности, отличающія въ настоящее время малорус. нарѣчіе отъ прочихъ русскихъ нарѣчій, возникли уже послѣ отдѣленія общерусскаго языка отъ праславянскаго и „стало быть, являются признаками языковой разновидности болѣе новаго происхожденія, называемой обыкновенно *нарѣчіемъ*“. Да, въ наукѣ принято считать установленнымъ, что не только въ общерусскомъ, но и въ общезападнославянскомъ и въ общеюжнославянскомъ языкахъ діалектическія разновидности появились лишь послѣ отдѣленія этихъ общихъ языковъ отъ праславянскаго языка. Къ сожалѣнію только, мысль автора въ приведенной цитатѣ выражена неясно. Можно думать, что онъ предполагаетъ здѣсь такой моментъ въ жизни славянскихъ языковъ, когда существовали рядомъ двѣ только рѣчи, отличавшіяся другъ отъ друга въ извѣстныхъ отношеніяхъ: общая рѣчь всѣхъ нерусскихъ славянъ и общая рѣчь всѣхъ русскихъ славянъ. Но тогда пришлось бы допустить, что распаденіе первой на два главные общіе языка (западный и южный) послѣдовало чуть ли не одновременно съ распаденіемъ общерусской рѣчи на свои нарѣчія, что рѣшительно противорѣчило бы основному взгляду автора на послѣднія. Остается, поэтому, очевидно, понимать его мысль совсѣмъ наоборотъ, а именно,

что въ указываемую авторомъ эпоху существовали уже отдѣльныя рѣчи всѣхъ перечисленныхъ имъ славянскихъ народовъ, представлявшія каждая извѣстныя отличія отъ единой еще тогда общерусской рѣчи. Но откуда же извѣстно почтенному автору, что въ то время, когда въ области западной и южной славянской рѣчи полякъ, чехъ, болгаринъ, сербъ, словинецъ и т. д. говорили уже каждый на своихъ языкахъ, въ области восточной и русской рѣчи малороссъ, бѣлорусъ и великороссъ говорили еще на *одномъ* русскомъ языкѣ? Вѣдь автору, конечно, хорошо извѣстно, что за эпохой „отдѣленія" отъ *славянскаго праязыка* языковъ *общевосточнославянскаго* (или общерусскаго), *общезападнославянскаго* и *общеюжнославянскаго* наступили продолжительныя эпохи послѣдовательныхъ распаденій каждаго изъ этихъ языковъ: *общерусскаго* на отрасли *южную* и *сѣверныя* и т. д., *общезападнославянскаго* на отрасли *ляшскую* и *чехословацкую* и т. д., *общеюжнославянскаго* на отрасли *болгарскую* и *иллирійскую* и т. д. По теоріи проф. Булича выходитъ, что эпоха „отдѣленія" *общерусскаго* языка отъ *праславянскаго* наступила несравненно позже отдѣленія отъ него другихъ *общихъ* славянскихъ языковъ (западнаго и южнаго), а именно тогда уже, когда послѣдніе прошли всѣ эпохи или стадіи своего діалектическаго развитія и превратились уже въ нарѣчія польское, чешское и т. д., такъ какъ въ этотъ моментъ общерусскій языкъ былъ еще, по мнѣнію автора, единымъ языкомъ и только послѣ сего сталъ распадаться на нарѣчія. Значитъ,—пока другіе два общеславянскіе языка не доразвились до всѣхъ главнѣйшихъ (и понынѣ существующихъ) своихъ „нарѣчій" или „языковъ", общерусскій языкъ не отдѣлялся еще отъ праславянскаго. Чѣмъ же онъ былъ въ такомъ случаѣ до этого момента? Неужели онъ все это время оставался „праславянскимъ" языкомъ? Или, можетъ быть, проф. Буличъ думаетъ, что *общій языкъ русскій* отдѣлился отъ праславянскаго въ одно время съ другими *общими славянскими языками* (западнымъ и южнымъ), но что все то время, пока у послѣднихъ совершался полный кругъ діалектической дифференціаціи, онъ оставался неподвижнымъ въ этомъ отношеніи и просуществовалъ таковымъ до момента окончательнаго развитія всѣхъ главныхъ нарѣчій въ послѣднихъ языкахъ? Все это до крайности невѣроятно. Мы уже указывали выше, что по историко-филологическимъ изслѣдованіямъ еще въ IX—X вв. всѣ вообще главнѣйшія славянскія нарѣчія очень близки были другъ къ другу; несомнѣнно, что и русскія нарѣчія также были тогда очень близки между собою, но что и они тогда уже суще-

ствовали, это доказывается тѣмъ, что къ XI в. обнаруживаются уже ихъ особенности даже въ мелочахъ. Даже проф. А. И. Соболевскій, который также склоненъ утверждать, что „русскій языкъ древнѣйшей (sic) эпохи былъ *одинъ* языкъ въ полномъ смыслѣ этого слова", тутъ же, однако, добавляетъ къ этому, что „онъ дѣлился на говоры" и притомъ такимъ образомъ, что эти говоры составляли уже изъ себя особыя діалектическія группы, ибо, по его словамъ „новгородскій, псковскій, смоленско-полоцкій—выдѣлились въ отдѣльную группу", а „прочіе говоры—говоры южной, западной и сѣверо-восточной части Руси—были почти (sic) тожественны" [1]). Но само собою разумѣется, что разъ этотъ „*одинъ* языкъ" распадался на цѣлыя группы отдѣльныхъ говоровъ, то, очевидно, онъ не могъ въ то же время представлять конкретнаго единства „въ полномъ смыслѣ этого слова". Да и мудрено было бы предполагать такое его единство даже въ то отдаленное время, когда, по свидѣтельству начальной лѣтописи, не было уже на Руси полнаго племеннаго единства, а напротивъ того, представляли тогда „словѣнескъ языкъ на Руси: Поляне, Деревляне, Новъгородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане" и проч., при чемъ всѣ эти племена „имяху бо обычай свой, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ".—Очевидно поэтому, что по меньшей мѣрѣ особая рѣчь южноруса и сѣвернорусса возникли, можетъ быть, немногимъ лишь позже, если даже не одновременно съ рѣчью поляка, чеха и т. д., и по своему возрасту не уступаютъ послѣднимъ [2]), и только, какъ мы замѣтили уже выше, эти рѣчи нѣсколько менѣе видоизмѣнились и дифференцировались.

---

[1]) Лекція по Ист. рус. яз. Изд. 2-е, стр. 250. Конечно, подъ „сѣверо-восточной частью Руси" древнѣйшей эпохи надо разумѣть коренныя русскія области того времени, простиравшіяся на сѣверо-востокъ не далѣе „сѣверщины", такъ какъ по Нестору въ IX—X вв. нынѣшній южновеликорусскій Сѣверо-востокъ занятъ былъ еще сплошь финскими племенами, куда первыми двинулись Вятичи. Неизвѣстно, впрочемъ, можетъ быть проф. Соболевскій къ говорамъ „сѣверо-восточной части Руси" того отдаленнаго времени причисляетъ также говоры Вятичей, Радимичей и даже отчасти Кривичей, но на это не имѣется никакихъ основаній. Если же онъ имѣетъ здѣсь въ виду говоры Дреговичей и Сѣверянъ, то съ этимъ можно отчасти согласиться, такъ какъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ исторіи, послѣдніе, до подпаденія своего особенному вліянію сѣверныхъ племенъ, по своимъ племеннымъ особенностямъ представляли переходной типъ отъ южнорусскихъ племенъ (Полянъ, Древлянъ и Дулебовъ) къ сосѣднимъ съ ними сѣверно-русскимъ племенамъ (Кривичамъ, Радимичамъ и Вятичамъ); причемъ они не только подчинялись непосредственному вліянію высшей культуры первыхъ, но и въ характерѣ своемъ были, повидимому, ближе къ нимъ, чѣмъ къ послѣднимъ.

[2]) Напомнимъ сказанное выше, что нѣкоторыя специальныя особенности южнорусскаго нарѣчія явно обнаруживаются уже въ памятникахъ XII в., а къ началу

Далѣе, относительно той или иной давности рѣчей, дающей имъ право на имя *нарѣчія* или *языка*, проф. Буличъ замѣчаетъ еще слѣдующее: „не слѣдуетъ забывать,—говоритъ онъ,—что и теперешнія различія славянскихъ *языковъ* между собою нѣкогда (въ общеславянскомъ періодѣ) были различіями *діалектическими* и лишь впослѣдствіи выросли въ различія *языковыя*. Отдѣльные индоевропейскіе языки также нѣкогда были лишь нарѣчіями, а еще раньше—говорами индоевропейскаго праязыка. Разница между *языкомъ* и *нарѣчіемъ* сводится, главнымъ образомъ, къ большей или меньшей древности ихъ отличительныхъ признаковъ, т. е. въ сущности является вопросомъ времери. До извѣстнаго времени языковая разновидность носитъ названіе *нарѣчія*, а послѣ—*языка* (sic!). Въ теоріи малорусское *нарѣчіе* имѣетъ возможность сдѣлаться современемъ *языкомъ*: весь вопросъ въ томъ, наступилъ ли для него предѣльный возрастъ нарѣчія или нѣтъ (sic). На этотъ вопросъ покуда можно дать лишь отрицательный отвѣтъ: различія между прочими русскими нарѣчіями и малорусскимъ не настолько еще велики и многочисленны (довольно многія изъ нихъ свойственны и великорусскимъ говорамъ), чтобы сильно затруднять (sic.) взаимное пониманіе ихъ представителей". Вотъ къ чему сводится, такимъ образомъ, вопросъ о малорусскомъ нарѣчіи, какъ отдѣльной единицѣ рѣчи. Жаль только, что въ этомъ историческомъ ходѣ превращеній *говоровъ* въ *нарѣчія*, а послѣднихъ въ *языки*, остается совершенно неяснымъ, о какихъ собственно языковыхъ величинахъ идетъ рѣчь и какого рода различія превращали ихъ изъ одного состоянія въ другое. Изъ словъ автора можно заключить, что подъ всѣми этими наименованіями онъ подразумѣваетъ все однѣ и тѣ же данныя конкретныя языковыя единицы или особи, являющіяся сначала съ различіями, дающими имъ основаніе называться только *говорами*; потомъ въ извѣстномъ возрастѣ онѣ наживали себѣ такія еще различія, которыя давали имъ уже право на имя *нарѣчій* и, наконецъ, съ теченіемъ времени, пріобрѣвъ еще новыя различія, свидѣтельствующія уже о полномъ ихъ совершеннолѣтіи, онѣ удостоивались званія *языковъ*, оставаясь, однако, при всѣхъ сказанныхъ превращеніяхъ своихъ постоянно однѣми и тѣми же по существу недѣлимыми особями рѣчи, находящимися и въ качествѣ *языка* въ такомъ же живомъ употребленіи, въ какомъ онѣ находились и тогда, когда были еще *говорами*. Допустимъ на время, что все это именно такъ

XIV или къ концу XIII в., по даннымъ памятниковъ, устанавливаются уже и всѣ прочіе главнѣйшіе признаки, отличающіе современное малорусское нарѣчіе отъ обоихъ сѣвернорусскихъ.

случилось съ разными первоначальными *говорами* индоевропейскаго *праязыка.* А чѣмъ же былъ самъ-то этотъ „праязыкъ“ до раздѣленія своего на сказанные „говоры“, когда онъ былъ еще недѣлимымъ языкомъ, находившимся въ живомъ употребленіи у всѣхъ первоначальныхъ индоевропейцевъ? Чѣмъ онъ собственно сталъ затѣмъ, когда распался уже на эти свои „говоры?“ И, наконецъ, во что онъ превращался постепенно, когда его „говоры“ сами становились сперва „нарѣчіями,“ а потомъ уже и „языками?“ Можетъ быть, слѣдуетъ думать, что этотъ первоначальный индоевропейскій „праязыкъ“ и теперь еще существуетъ въ качествѣ конкретной языковой единицы, на которой, какъ таковой, продолжаетъ еще кто-либо говорить?... Всѣ эти вопросы далеко не праздны, такъ такъ они вытекаютъ прямо изъ формулированныхъ авторомъ понятій о языковыхъ единицахъ въ разныхъ періодахъ ихъ индивидуальнаго развитія. И мы вправѣ совершенно тѣ же вопросы предложить автору также и по отношенію къ первоначальнымъ „говорамъ“ индоевропейскаго праязыка, превратившимся постепенно въ „языки“. Говоритъ ли кто либо въ дѣйствительности и теперь на этихъ „говорахъ,“ когда они превратились уже въ „языки,“ совершенно такъ же, какъ говорили на нихъ тогда еще, когда они были только простыми „говорами?“ Если же теперь, въ дѣйствительности, никто не говоритъ ни на первоначальномъ индоевропейскомъ „праязыкѣ“, ни на тѣхъ первичныхъ его „говорахъ,“ которые постепенно превратились въ „языки,“ а говорятъ лишь на многочисленныхъ новѣйшихъ „говорахъ,“ возникшихъ изъ цѣлаго рода генерацій подобныхъ „языковъ,“ то какъ же быть съ званіями „нарѣчій“ и „языковъ,“ предназначенными для всѣхъ этихъ языковыхъ особей по достиженіи ими извѣстныхъ возрастовъ? Къ какой изъ существующихъ нынѣ и находящихся дѣйствительно въ живомъ употребленіи единицъ рѣчи примѣнить означенныя названія, когда всѣ прежніе конкретные „говоры,“ достигнувъ уже возраста „нарѣчія“, исчезли, распавшись на новые „говоры,“ и вмѣсто тѣхъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ единицъ рѣчи, какими они были нѣкогда, получились только все большія и большія группы таковыхъ единицъ, представляющія лишь извѣстныя фиктивныя собирательныя единицы рѣчи, связываемыя воедино и обособляемыя другъ отъ друга извѣстными общими признаками, присущими всѣмъ говорамъ данныхъ группъ? Очевидно, названія „нарѣчій“ и „языковъ“ придется примѣнить къ цѣлымъ означеннымъ языковымъ группамъ, происшедшимъ изъ тѣхъ первоначальныхъ конкретныхъ языковыхъ особей, о которыхъ говоритъ авторъ, а не къ нимъ самимъ, за упраздненіемъ таковыхъ. Если затѣмъ квали-

фицировать эти группы какъ „нарѣчія“ и какъ „языки,“ по мѣрѣ наростанія въ нихъ различій, или, другими словами, по мѣрѣ осложненія ихъ въ своемъ діалектическомъ составѣ, то и въ такомъ случаѣ малорусская рѣчь пережила уже то состояніе, когда она слагалась изъ группы совершенно однородныхъ и очень мало отличающихся другъ отъ друга говоровъ, ибо, по словамъ самого автора, въ ней уже образовались разныя внутреннія діалектическія различія, изъ коихъ „рѣзче всего выдѣляются два поднарѣчія: сѣверномалорусское и южномалорусское (украинско-галицкое).“—Окажется такимъ образомъ, что и съ этой стороны малорусская рѣчь стоитъ на уровнѣ съ такими общепризнанными „языками“, какъ чешскій, польскій и т. п., внутреннія разницы діалектическаго состава коихъ не превосходятъ особенно діалектическихъ разницъ малорусской рѣчи.

Остается вопросъ о самомъ качествѣ общихъ отличій малорусской рѣчи отъ другихъ русскихъ рѣчей, какъ ближайшихъ къ ней. Этотъ вопросъ рѣшается авторомъ до перечисленія характеристическихъ признаковъ малорусской рѣчи и, какъ мы видѣли, рѣшается имъ просто довольно оригинальнымъ способомъ: различія между малорусской рѣчью и другими русскими рѣчами не настолько-де еще велики и многочисленны, чтобы они *сильно затрудняли взаимное пониманіе* ихъ представителей, ergo—малорусская рѣчь есть только „нарѣчіе“. Но если по мнѣнію проф. Булича это именно обстоятельство имѣетъ въ самомъ дѣлѣ такое рѣшающее значеніе въ вопросѣ о томъ, есть ли малорусская рѣчъ „нарѣчіе“ или „языкъ,“ то незачѣмъ было привлекать къ нему филологію и исторію языковъ, и въ особенности утверждать, что этотъ вопросъ рѣшается главнымъ образомъ на основаніи однихъ фонетическихъ признаковъ, какъ наиболѣе будто-бы характерныхъ для отдѣльныхъ языковыхъ единицъ рѣчи, какъ таковыхъ. Однако степень взаимнаго пониманія людей, говорящихъ на разныхъ языкахъ или нарѣчіяхъ, вещь очень условная и опредѣлять ее можно различно, смотря по тому или иному субъективному впечатлѣнію. Какое же она можетъ имѣть отношеніе въ такомъ случаѣ къ положительному опредѣленію той или иной природы даннаго языка или нарѣчія, какъ таковаго по существу? Вѣдь можно сказать съ увѣренностью, что, напр., всякій простой сербъ и словинецъ, полякъ и лужичанинъ отнюдь не затрудняются болѣе во взаимномъ пониманіи другъ друга, чѣмъ простой малороссъ и великороссъ, въ особенности когда они впервые услышатъ рѣчи другъ друга. А на основаніи собственныхъ нашихъ наблюденій можемъ завѣрить почтеннаго автора, что, напр., галицкій или холмскій русинъ гораздо лучше пойметъ поляка, чѣмъ великоросса. Но дѣло не въ

томъ только, на сколько затруднительнѣе кому кого понимать, а и въ томъ еще, что если кто кого и пойметъ сколько нибудь, то *какъ* именно пойметъ...

Вообще, сходства и различія между отдѣльными конкретными рѣчами, принадлежащими къ области того или иного „нарѣчія“ или „языка“, нельзя опредѣлять какими то неясными степенями ихъ понятности. Эти сходства и различія нельзя сводить даже къ однимъ лишь какимъ либо внѣшнимъ признакамъ, облегчающимъ или затрудняющимъ въ той или иной степени взаимное пониманіе таковыхъ рѣчей ихъ представителями;—такого рода признаки сами по себѣ могутъ быть достаточными для опредѣленія извѣстныхъ существенныхъ сходствъ или отличій только между какими нибудь безжизненными предметами или явленіями, но они совершенно недостаточны для опредѣленія существенныхъ сходствъ или отличій между отдѣльными функціонирующими рѣчами, или все одно—отдѣльными недѣлимыми языками. Каждый такой языкъ есть живой, одухотворенный символъ народной мысли, и сходствуя въ той или иной степени съ другимъ родственнымъ ему языкомъ по внѣшнимъ признакамъ своимъ, онъ въ то-же время можетъ сильно расходиться съ нимъ по индивидуальнымъ особенностямъ своего внутренняго характера и значенія. Эта внутренняя или собственно психическая сторона языковъ получила себѣ отчасти подобающую оцѣнку только въ послѣднее время,—въ ученіи новограмматиковъ; но они коснулись вообще пока только отдѣльныхъ явленій ея въ рѣчи, не связавъ ихъ органически съ внѣшними явленіями діалектическаго развитія послѣдней и не пріурочивъ еще надлежащимъ образомъ своего ученія къ объясненію внутренней природы отдѣльныхъ лингвистическихъ индивидуальностей. Въ этомъ отношеніи филологической наукѣ предстоитъ еще много работы, для которой, однако, не выработана еще даже надлежащая научная программа. Между тѣмъ, одна, напр. сравнительная семазіологія омонимовъ лексическихъ синтаксическихъ, морфологическихъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ звуковыхъ (когда они имѣютъ извѣстное функціональное значеніе) могла бы дать богатый матеріалъ для обнаруженія, между прочимъ, тѣхъ глубокихъ иногда внутреннихъ отличій, какія скрываются подъ внѣшнимъ сходствомъ ближайшихъ другъ къ другу нарѣчій. Неизбѣжная во многихъ случаяхъ, большая или меньшая дифференціація по отдѣльнымъ нарѣчіямъ основныхъ значеній, связанныхъ съ данными одинаковыми словами и формами рѣчи, иной разъ затрудняетъ правильное пониманіе другъ друга людей, говорящихъ на ближайшихъ между собою нарѣчіяхъ,—не менѣе самыхъ сильныхъ внѣшнихъ разницъ въ тѣхъ же словахъ и формахъ,

затрудняющихъ взаимное пониманіе говорящихъ на болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга родственныхъ нарѣчіяхъ. О случаяхъ разныхъ недоразумѣній и забавныхъ qui pro quo по этому поводу между великороссами и малороссами существуетъ не мало характерныхъ анекдотовъ [1]). Но наши филологи, такъ легко рѣшающіе вопросъ о степени взаимнаго пониманія малороссовъ и великороссовъ, знаютъ, очевидно, обо всемъ этомъ не особенно хорошо. Гораздо болѣе ихъ ознакомлены съ подобнаго рода явленіями лучшіе наши педагоги, изучившіе данный вопросъ практически на живомъ дѣлѣ преподаванія русскаго языка малорусскому юношеству. Если проф. Буличу угодно знать, какъ именно смотрятъ на этотъ вопросъ наиболѣе компетентные изъ нашихъ педагоговъ, то пусть онъ полюбопытствуетъ познакомиться съ разсужденіемъ на данную тему такого авторитетнаго педагога, какимъ безспорно былъ покойный К. Д. Ушинскій, помѣщеннымъ въ собраніи его сочиненій, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1875 г., на стр. 379—380. Сверхъ того, можемъ порекомендовать также нашему автору ознакомиться со взглядомъ на тотъ же предметъ такого глубокаго мыслителя и авторитетнаго филолога, до тонкостей изучившаго взаимныя отношенія малорусскаго и великорусскаго нарѣчій, какъ покойный А. Потебня, высказаннымъ имъ въ академи-

---

[1]) Приведемъ для примѣра нѣсколько пришедшихъ намъ на память одинаковыхъ малорусскихъ и великорусскихъ выраженій, имѣющихъ свои особыя значенія:

Малорусскія:	*Великорусскія:*
пилъ (родъ кровати)	полъ (помист)
качка (утка)	качка (хитання)
задирка (заусеница)	задирка (зачинка)
злодій (воръ)	злодѣй (лиходій, злочинець)
дурный (глупый)	дурной (недобрый, поганый)
слабый (больной)	слабый (слабкий)
урод*л*ивый (красивый)	уродливый (брыдкий, каликий)
дурыты (обманывать)	дурить (пустовать)
богатійший (богаче)	богатѣйшій (найбогатшій)
глупа ничъ (глухая ночь)	глупая ночь (дурна ничъ)
плохий чоловикъ (слабохарактерный)	плохой человѣкъ (недобрый, поганый чоловік) и т. п.

Подобныхъ омонимовъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, съ иными значеніями въ каждомъ, можно набрать сколько угодно. Такого рода семазіологическія разницы, въ связи съ общими индивидуальными отличіями родственныхъ нарѣчій, оказываютъ между прочимъ сильное вліяніе на одно любопытное явленіе, давно уже замѣченное Бодуэномъ-де-Куртенэ: „извѣстно, говоритъ онъ, что съ практическимъ изученіемъ одного прежде практически неизвѣстнаго славянскаго языка... теряется отчасти бѣглость во владѣніи извѣстными до сихъ поръ языками (явленіе, свойственное изученію не только славянскихъ, но и всѣхъ въ такой же степени родственныхъ языковъ)". (Отчеты о занятіяхъ по языковѣдѣнію. Вып. I. Казань 1876, стр. 21).

ческой рецензіи на изданіе галицкихъ пѣсенъ Я. Головацкаго, на стр. 33.

Вообще проф. Буличъ находитъ, что „отношеніе малорусскаго нарѣчія къ русскому языку (?) можетъ быть приравнено къ отношенію между словацкимъ нарѣчіемъ и чешскимъ языкомъ (?), кашубскимъ нарѣчіемъ и польскимъ языкомъ(?) и т. д., но не къ отношенію между языками польскимъ, чешскимъ, сербскимъ и т. п. съ одной стороны, и русскимъ—съ другой (?)". Сознаемся, что въ этихъ выраженіяхъ мы ровно ничего не понимаемъ. Что слѣдуетъ понимать подъ словами русскій языкъ, чешскій языкъ, польскій языкъ, сербскій языкъ и т. п.—съ одной стороны, и малорусское нарѣчіе, словацкое нарѣчіе, кашубское—съ другой? Нужно ли понимать подъ упомянутыми „языками" цѣлыя діалектическія группы: общерусскую, чехословацкую, польско-кашубскую, сербо-хорватскую и т. п., или только части этихъ группъ: собственно-великорусскую часть, собственно-чешскую, собственно-польскую, собственно-сербскую и т. п., или, наконецъ,—конкретные литературные языки этихъ частей: русскій, чешскій, польскій, сербскій и т. п.? А подъ названными „нарѣчіями" понимать ли также другія извѣстныя части тѣхъ-же діалектическихъ группъ: малорусское нарѣчіе, какъ часть общерусской группы, словацкое—чехословацкой, кашубское—польско-кашубской, или подразумѣвать подъ ними только конкретные литературные языки означенныхъ частей: малорусскій, словацкій, кашубскій?

Если подъ русскимъ, чешскимъ, польскимъ „языками" разумѣть цѣлыя названныя выше діалектическія группы или подгруппы, то понятно, что по отношенію къ нимъ малорусское, словацкое, кашубское нарѣчія, въ качествѣ ихъ составныхъ элементовъ, будутъ только ихъ „нарѣчіями", и приравнивать послѣднія къ первымъ (т. е. каждую данную часть къ ея цѣлому) было бы дѣйствительно логической ошибкой. Но если подъ сказанными „языками" проф. Буличъ понимаетъ другія такія же составные элементы означенныхъ группъ и подгруппъ, т. е. собственно нарѣчія великорусское, чешское, польское, то приравниваніе къ нимъ „нарѣчій" малорусскаго, словацкаго, кашубскаго вполнѣ логично, такъ какъ эти величины совершенно соизмѣримы другъ съ другомъ. Наконецъ, если подъ таковыми „языками" подразумѣваются одни лишь конкретные литературные языки—русскій, чешскій и польскій, то само собою разумѣется, что приравнивать къ нимъ цѣлыя нарѣчія малорусское, словацкое, кашубское совсѣмъ было бы нелогично также вслѣдствіе несоизмѣримости тѣхъ и другихъ, но уже такой, что послѣднія язы-

ковыя величины, какъ собирательныя, по своему объему болѣе первыхъ какъ единичныхъ; равными же имъ могутъ быть только такія же, какъ и они, конкретныя величины—литературные языки этихъ „нарѣчій:" малорусскій, словацкій, кашубскій.

Вотъ все, что можно сказать по вопросу объ отношеніяхъ между названными „языками" и „нарѣчіями". Впрочемъ, въ обществѣ можно встрѣтиться еще и съ такого рода взглядами на отношенія между означенными языковыми величинами, которыхъ мы не принимали здѣсь въ счетъ, въ виду чрезмѣрной ихъ наивности и невозможности допустить, чтобы ихъ склоненъ былъ раздѣлять также и нашъ ученый авторъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы проф. Буличъ могъ представлять себѣ, напр., какъ это бываетъ въ обществѣ, малорусское „нарѣчіе" (съ его литературнымъ языкомъ) чѣмъ то въ родѣ діалектическаго отростка или просто искаженнаго отрывка великорусскаго нарѣчія или „языка", равно какъ и словацкое „нарѣчіе" въ видѣ таковаго же отростка чешскаго „языка", а кашубское—польскаго. Мало того, мы не допускаемъ даже, чтобы почтенный профессоръ считалъ *великорусское* нарѣчіе непремѣнно старше малорусскаго или *южно-русскаго* нарѣчія, какъ и чешское старше словацкаго, а польское—кашубскаго.

Съ своей стороны должны замѣтить, что если приравнивать отношенія между нарѣчіями всей восточнославянской или общерусской діалектической группы къ отношеніямъ между нарѣчіями всей западнославянской діалектической группы, то правильнѣе было бы сопоставлять съ русскими нарѣчіями, въ видѣ великорусскаго съ бѣлорусскимъ и южно-русскаго или малорусскаго, цѣлыя діалектическія подгруппы западно-славянскія, въ видѣ ляшской (польско-кашубскаго нарѣчія съ лужицкими) и чехо-словацкой, чѣмъ отдѣльныя нарѣчія этихъ подгруппъ, въ видѣ напр., нарѣчія польскаго или чешскаго и т. д.

При этомъ, правда, можетъ явиться сомнѣніе, соизмѣримы ли на самомъ дѣлѣ такія, напр., величины, какъ малорусское нарѣчіе и чехо-словацкая діалектическая подгруппа, или можетъ быть первая по своему *внутреннему діалектическому составу* меньше послѣдней. Со стороны собственно количественной это сомнѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній, но со стороны качественной, въ виду отмѣченной уже нами выше гораздо болѣе глубокой діалектической дифференціаціи всей вообще западно-славянской группы сравнительно съ восточно-славянской, такое сомнѣніе дѣйствительно имѣетъ подъ собой довольно твердыя основанія. Въ

виду этого мы полагаемъ, что не составитъ, повидимому, большой погрѣшности приравниваніе въ данномъ случаѣ малорусскаго нарѣчія ко всей чехо-словацкой подгруппѣ, отчасти къ отдѣльнымъ нарѣчіямъ ея, чешскому и словацкому, такъ какъ въ качественномъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ собою нѣчто среднее между названной подгруппой и ея главными нарѣчіями.

Впрочемъ, есть слависты, не принимающіе въ счетъ дѣленія западно-славянской діалектической группы на ея особыя діалектическія подгруппы и устанавливающіе прямо дѣленіе ея на отдѣльные языки, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ словацкій языкъ ставится наравнѣ съ чешскимъ, а кашубскій наравнѣ съ польскимъ, какъ языки, очевидно, по ихъ мнѣнію вполнѣ самостоятельные и непосредственно выдѣлившіеся изъ общаго западно-славянскаго праязыка. На таковой непосредственной самостоятельности словацкаго и кашубскаго языковъ, наравнѣ съ чешскимъ и польскимъ языками, настаиваетъ между прочимъ и проф. Флоринскій [1]). Поэтому, если проф. Буличъ находитъ невозможнымъ признать за малорусскимъ „нарѣчіемъ" званіе „языка", совершенно на томъ же основаніи, какъ и за „нарѣчіями" словацкимъ и кашубскимъ, а проф. Флоринскій, вполнѣ раздѣляя резоны проф. Булича относительно названія малорусскаго „нарѣчія" именно таковымъ только, въ то же время рѣшительно расходится съ нимъ во взглядахъ на нарѣчія словацкое и кашубское, то отсюда уже можно видѣть, какъ вообще жалки тѣ основанія, на которыхъ нашими учеными филологами строятся заключенія объ извѣстныхъ языковыхъ величинахъ, какъ о „нарѣчіяхъ" или „языкахъ".

Остается сказать еще нѣсколько словъ собственно объ особенностяхъ, отличающихъ малорусское нарѣчіе отъ великорусскаго. Къ таковымъ проф. Буличъ, кромѣ фонетическихъ особенностей, причисляетъ также и нѣкоторыя формальныя и лексическія. Такъ какъ онъ, однако, считаетъ существенными признаками языковъ и нарѣчій только первыя особенности, то мы на нихъ однихъ и остановимся здѣсь немного. Главнѣйшихъ фонетическихъ особеннестей, свойственныхъ малорусскому нарѣчію и чуждыхъ велукорусскому, проф. Буличъ насчитываетъ 5 и кромѣ того еще 1 не чуждую и великорусскому. Къ таковымъ особенностямъ онъ совершенно правильно относитъ: 1) Переходъ древняго *о* въ извѣстныхъ случаяхъ въ другіе гласные (к*уо*нь, к*у*нь, к*и*нь, к*і*нь и т. п.); 2) Отраженіе по говорамъ древняго *ѣ* въ видѣ *іе*, *ɛ*, *і*, смягчающихъ пред-

[1]) См. его Лекціи по слав. языкознанію. Т. II. Кіевъ 1897 г. стр. 220, 548.

шествующіе согласные (*ліе*то, л*ѣ*то, л*ї*то); 3) Переходъ въ извѣстныхъ случаяхъ древняго *е* то въ тѣ же звуки, что и *о*, то въ тѣ же звуки, что и *ѣ* (т*юо*тка, т*ю*тка, т*ї*тка; *сіе*м, с*ѣ*м, *сї*м); 4) Совпаденіе древнихъ *ы* и *і* въ общемъ звукѣ *и* (*ы*), но смягчающемъ предшествующихъ согласныхъ (л*и*с*и*й; л*и*хо); 5) Утрата мягкости согласныхъ передъ всякимъ *е* (д*е*р*е*во, д*е*сять, д*е*нь) и 6) сохраненіе звонкихъ согласныхъ на концѣ словъ и передъ глухими согласными (д*ї**д*, ві*з*; ні*ж*ка, ве*з*ти). Изъ этихъ особенностей видоизмѣненіе древняго *ѣ* въ *їе*, *ѣ*, *ї* авторъ не считаетъ вполнѣ отличительной чертой отъ великорусскаго нарѣчія. Это напрасно: во 1-хъ, въ малорусскомъ нарѣчіи вообще преобладаетъ элементъ *ї*, а въ великорусскомъ *ѣ* и въ послѣднемъ нѣтъ дифтонга *їе*; во 2-хъ, звуковые рефлексы *ѣ* въ малорус. нарѣчіи строго отличаются, какъ и въ древности, отъ *е*, а въ великорусскомъ оба эти звука во многихъ случаяхъ сливаются уже, что составляетъ характерное отличіе категоріи звуковъ малорусскаго *ѣ* отъ категоріи звуковъ великорусскаго *ѣ*. Не касаясь второстепенныхъ звуковыхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, приведенныхъ у автора, и не входя вообще въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, исчерпываются ли указанными особенностями звуковыя отличія этого нарѣчія отъ великорусскаго, мы дополнимъ только перечисленныя авторомъ главныя отличія тѣми еще, которыя непосредственно связаны съ ними, а именно: 1) Различеніе *о* и *е* въ качествѣ рефлексовъ древнихъ *ъ* и *ь* отъ *о* и *е* основныхъ, которое выражается въ неизмѣняемости первыхъ, подобно послѣднимъ, и въ томъ ихъ свойствѣ, что закрывая собой слогъ съ основнымъ *о* и *е* они не мѣшаютъ ихъ измѣненіямъ (л*о*б, л*ё*н, д*е*нь; дзв*ї*н*о*к, к*ї*н*е*ць, ж*ї*н*о*къ и т. п.) и 2) Переходъ и непереходъ *е* въ *ё* независимо отъ ударенія (с*ё*г*о́*дня, л*ё*д*о́*вня, п*а́*тёки, ч*о*г*о́* и т. п. и л*е́*гкий, т*е́*плий, плеч*е́* и т. п.). Всѣ приведенныя особенности малорусскаго нарѣчія очень древни и ими оно отличается не только отъ великорусскаго, но и отъ бѣлорусскаго нарѣчія, сближаясь при этомъ болѣе или менѣе съ другими славянскимими нарѣчіями. А именно: а) особаго рода переходами древняго *о*, а отчасти также и *е*, въ другіе звуки малорусское нарѣчіе сближается съ нарѣчіями западнославянской группы, въ особенности съ ляшскими (лужицкими и польско-кашубскими); въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ западнославянскихъ, такія измѣненія *о*, а также и *е* (послѣдняго почти только въ польскомъ и малорусскомъ) вызваны долготой; только малорусскія измѣненія этого рода, какъ *о*, такъ и *е*, а въ особенности послѣдняго, получили гораздо болѣе широкое и совершенно своеобразное развитіе; б) Усло-

віями перехода *е* въ *о* (*ё*) малорусское нарѣчіе болѣе сближается съ польско-кашубскимъ и лужицкимъ нарѣчіями, чѣмъ съ бѣлорусскимъ и великорусскимъ; в) Совпаденіемъ *ы* и *і* въ одномъ звукѣ и „отвердѣніемъ“ *е* малорусское нарѣчіе сходится съ нарѣчіями южнославянской группы и отчасти съ чехо-словацкими и г) Звуковыми отраженіями по говорамъ древняго *ѣ* малорусское нарѣчіе болѣе всего приближается къ сербскому и отчасти къ словинскому; точно также какъ и малорусское сохраненіе звонкихъ согласныхъ болѣе всего находитъ себѣ аналогій въ сербскихъ говорахъ. Конечно, различіе всѣхъ этихъ звуковыхъ особенностей въ малорусскомъ нарѣчіи совершилось самостоятельно и во многомъ шло, несомнѣнно, иными путями, чѣмъ въ другихъ указанныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; но въ данномъ случаѣ является весьма характернымъ самый фактъ бо́льшаго сближенія въ этомъ отношеніи малорусскаго нарѣчія съ иными славянскими нарѣчіями, чѣмъ съ двумя другими русскими. Итакъ изъ сказаннаго о звуковыхъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія видно, что онѣ не уступаютъ въ характерности своей особенностямъ общимъ у него съ остальными русскими нарѣчіями (хотя, конечно, послѣднія древнѣе первыхъ), а численностію своею онѣ замѣтно превосходятъ даже послѣднія. Поэтому, если проф. Буличъ видитъ единственные существенные признаки языковъ и нарѣчій въ извѣстной характерности ихъ звуковыхъ особенностей и въ данномъ количествѣ таковыхъ, то для насъ является совершенно загадочныхъ, какъ это нашъ почтенный авторъ, приводя вышеуказанные общіе и частные признаки малорусской рѣчи и понимая, конечно, ихъ сравнительное значеніе, счелъ возможнымъ при этомъ такъ упорно настаивать на признаніи этой рѣчи, какъ таковой, непремѣнно только „нарѣчіемъ“, преслѣдуя даже язвительной ироніей тѣхъ, кто осмѣливается „провозглашать“ ее „языкомъ“. Существуетъ ли какой либо критерій для правильнаго разграниченія „нарѣчій“ и „языковъ“, если подъ таковыми одинаково разумѣется живая конкретная рѣчь, и какія имѣются нормы фонетическихъ признаковъ (въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ), по которымъ означенная рѣчь опредѣляется какъ „нарѣчіе“ или какъ „языкъ“? Если такой критерій существуетъ въ наукѣ, то какъ же это по одному и тому же критерію выходитъ у проф. Булича, что и малорусская, и словацкая, и кашубская рѣчь суть только „нарѣчія“, а у проф. Флоринскаго, что первая— „нарѣчіе“, а обѣ послѣднія „языки“? Очевидно, такого критерія нѣтъ, и данный вопросъ рѣшается каждымъ ученымъ по собственному усмотрѣнію. Но зачѣмъ же тогда ссылаться на науку, совсѣмъ не повинную въ подобныхъ усмотрѣніяхъ?

Къ такого же рода личнымъ усмотрѣніямъ слѣдуетъ отнести, несомнѣнно, также и все то, что говоритъ съ своей стороны проф. Флоринскій объ этнографическихъ отношеніяхъ между малороссами и великороссами, въ связи съ ихъ отношеніями языковыми и литературными. „Малоруссы въ этнографическомъ отношеніи,—поучаетъ онъ д-ра Франка,—представляютъ не самостоятельную славянскую особь (въ противоположность, напр., чехамъ, полякамъ, болгарамъ или сербо-хорватамъ), но лишь разновидность той обширной особи (?), которая именуется русскимъ народомъ. Въ составѣ ея на ряду съ малоруссами входятъ великоруссы и бѣлоруссы. Въ частныхъ сторонахъ и явленіяхъ своей жизни, напр., въ языкѣ бытѣ, народномъ характерѣ и исторической судьбѣ малоруссы представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей обстоятельное и всестороннее изучечіе которыхъ весьма желательно, но въ общемъ (?) они всегда были и остаются частью одною цѣлаго—русскаго народа. Чтобы увѣриться въ справедливости этого положенія, автору (Франку) достаточно было справиться съ общеизвѣстными сочиненіями Н. И. Костомарова (?!) и А. Н. Пыпина“. Читая это, можно подумать, что мы имѣемъ дѣло съ возродившимся въ наукѣ номинализмомъ, постоянно мѣшающимъ опять видѣть явленія дѣйствительности въ ихъ надлежащемъ свѣтѣ. *Малоруссы*, по ученію проф. Флоринскаго, не представляютъ самостоятельной славянской особи въ этнографическомъ отношеніи, на подобіе чеховъ, поляковъ, болгаръ, сербо-хорватовъ, потому только, что они являются частью или разновидностію той болѣе обширной особи, которая называлась и называется *русскимъ* „народомъ“, хотя въ то же время они (малороссы) представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей въ языкѣ, бытѣ, народномъ характерѣ и исторической судьбѣ своей. Вѣдь на подобномъ основаніи можно было бы, пожалуй, утверждать такимъ же образомъ, что и нынѣшніе *сербы* шумадійскіе или подунайскіе и *сербы* лужицкіе или полабскіе, какъ носящіе общее имя древней обширной *сербской* отрасли славянскаго племени, тоже были и остаются только разновидностями *одного этнографическаго цѣлаго*, хотя и разрозненнаго теперь географически. Что *малоруссы* или точнѣе *южноруссы* принадлежатъ къ *русской*, а не къ какой либо иной изъ главныхъ отраслей славянскаго племени, и что они даже представляютъ собою прямыхъ потомковъ коренной *Руси*,—это факты слишкомъ хорошо извѣстные, и непонятно, зачѣмъ понадобилось почтенному профессору нашему совѣтовать др. Франку обращаться за справками объ этомъ къ сочиненіямъ Костомарова. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, не извѣ-

стно, что съ нашего *Русскаго Юга* собственно и „есть пошьла руськая земля", по выраженію лѣтописца, и что на протяженіи еще нѣсколькихъ вѣковъ отъ начала исторической жизни Южной Руси остальныя, подчиненныя ей тогда въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ славяно-русскія племена и земли продолжали отличать себя отъ нея, присваивая ей одной спеціальное имя *Руси* [1]. Только на русскомъ югѣ, а именно въ западной части южно-русскаго племени сохранилась еще и понынѣ древняя форма національнаго имени *русинъ*, для обозначенія отдѣльнаго лица русскаго племени [2], вмѣсто котораго на сѣверѣ выработалась впослѣдствіи форма *русскій*, представляющая, очевидно, сокращеніе выраженія *русскій человѣкъ*, которымъ, должно быть, обозначалась первоначально принадлежность людей сѣверныхъ племенъ къ вѣрѣ, гражданственности и государственному устройству Русскаго Юга.

Но дѣло не въ имени, когда рѣчь идетъ собственно о той или иной народной индивидуальности по существу. Основателями поли-

---

[1]) Такъ, напр., приднѣпровскій Переяславль назывался *русскимъ* въ отличіе отъ Переяславля Разянскаго и Залѣсскаго. Что Южная Русь, и въ частности Кіевщина, сама себя считала собственной Русью, въ отличіе отъ другихъ русскихъ земель и племенъ, это видно изъ слѣдующихъ, напр., мѣстъ Волынской (Ипатской) лѣтописи. „Иде Володимиръ (984 г.) на Радимичи. И бѣ у него воевода Волчий Хвостъ... и срете Радимичи... и побѣди....; тѣмъ же и *Русь* корятся (докоряютъ) Радимичемъ,.. быша же Радимичи отъ рода Ляховъ, и пришедше ту ся вселиша, и платять дань въ *Руси*". (Стр. 55, 56). Изяславъ Кіевскій, идя на Юрія Суздальскаго въ 1150 г., говоритъ своей дружинѣ: „вы есте по мнѣ изъ *Рускые земли* вышли, своихъ селъ и своихъ жизней лишився". Подъ 1200 (6709) годомъ та же лѣтопись отмѣчаетъ „начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша *всей русской земли*, князя галичкаго" (здѣсь, конечно, рѣчь идетъ спеціально о всей *южной руси*, бывшей тогда во владѣніи Романа). Съ другой стороны, что собственной Русью считалась Южная Русь остальными русскими племенами, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ сѣверныхъ лѣтописей. Въ Воскресенской Лѣтописи (составленной въ Новгородѣ въ XV ст.) крещеніе Руси передано въ такой редакціи: „Владиміръ крестися и всѣ земли наши крести: *Русскую* и нашу Словенскую и Мерску и Кривичьску, Весь,.. и Муромъ и Вятичи и прочаа" (Полн. Соб. Л. VIII, 160). Суздальскій лѣтописецъ, описывая подъ 1154 г. походъ Юрія Долгорукаго на Кіевщину, выражается такъ: „поиде Гюрги съ Ростовци и съ Суждальци и со всѣми дѣтьми въ *Русь*... Пришедшю же ему въ Вятичѣ и ста, не дошедъ Козельска (нынѣ уѣздн. гор. Калужской губ.).... воротися опять Суждалю". (П. С. Л. I, 146).

[2]) См. эту форму въ „Русской Правдѣ" (1016 г.); въ лѣтописи подъ 1050 г. (6559): „постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ *русина* въ святѣй Софьи"; въ договорныхъ грамотахъ Смоленскаго кн. Мстислава съ Рагою и готскимъ берегомъ 1229 и 1250 гг. и проч.

тической жизни Руси было племя, носившее имя *полянъ*, и основателями политической жизни ляховъ было также племя съ тѣмъ же именемъ *полянъ*; но вѣдь тѣ и другіе поляне не были однимъ и тѣмъ же племенемъ. Имя *Руси* считается, какъ извѣстно, заимствованнымъ славяно-русскими племенами, какъ и имя *болгаръ* заимствованнымъ балканскими славянами. Такихъ примѣровъ заимствованія чужихъ именъ разными племенами и народностями не мало въ исторіи. Характернымъ образчикомъ того, какъ мало значенія имѣютъ сами по себѣ имена при опредѣленіи народной индивидуальности, можетъ служуть французская народность. Имя этой народности, какъ извѣстно, *германскаго* происхожденія (отъ племени Франковъ); но племенная основа ея *кельтская* (Галлы); а языкъ *романскаго* происхожденія (потомокъ солдатской вульгарной латыни). И вотъ изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ путемъ культурно-историческаго процесса выработалось нѣчто особое и самостоятельное въ общественно-бытовомъ, расовомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ, составляющее одно органическое цѣлое, называемое *французскою народностію*. По одному имени этой народности никто, конечно, не причислитъ ее къ германскимъ народностямъ; но антропологи могутъ находить въ ней черты, особенно роднящія ее, напр., съ народностію ирландскою, а лингвисты станутъ относить ее прямо къ семьѣ романскихъ народностей. Между тѣмъ она, въ дѣйствительности, ни та, ни другая, ни третья, а совершенно отличная отъ всѣхъ ихъ и вполнѣ самостоятельная *народная индивидуальность*, придавшая, какъ таковая, и случайно пріобрѣтенному ею въ исторіи имени свое особое спеціальное значеніе.

Такимъ образомъ *народность* есть совершенно особое общественно-этническое явленіе, составляющее *продуктъ культурно-исторической жизни* данныхъ племенныхъ элементовъ человѣчества, и его нельзя смѣшивать съ явленіями чисто бытовой и естественной жизни первичныхъ расъ и племенъ. Въ виду этого и распредѣленіе человѣчества по народностямъ не можетъ совпадать съ распредѣленіемъ его по спеціально расовымъ и племеннымъ группаммъ, такъ какъ признаки послѣднихъ могутъ сильно перекрещиваться въ разныхъ народностяхъ.—Каждая *народность* или *національность*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, есть высшая форма развитія племенныхъ типовъ человѣчества,—это своего рода особая производная *культурная раса*, представляющая собой органическое сочетаніе въ одно цѣлое разнообразныхъ иногда племенныхъ свойствъ природы человѣческой, образующихъ изъ данной

группы населенія ту или иную общественно-этническую индивидуальность, отличающуюся отъ другихъ такихъ же индивидуальностей совокупностію свойственныхъ ей одной особенностей физической природы, языка, характера, темперамента, быта, понятій, нравовъ и разнообразныхъ произведеній ея умственнаго, нравственннаго и практическаго творчества. Всѣ сказанные признаки народностей, какъ таковыхъ, необходимо имѣть въ виду, когда дѣлается сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ. Проф. Флоринскій совѣтуетъ др. Франку справиться у Костомарова относительно этнографическаго единства Малороссовъ и Великороссовъ; но др. Франко, въ свою очередь, можетъ предложить своему оппоненту также ознакомиться ближе со взглядами Костомарова на этотъ предметъ и просмотрѣть для этого извѣстную статью его, спеціально посвященную данному предмету, „Двѣ русскія народности". Вѣдь въ этой статьѣ своей покойный историкъ устанавливаетъ столь глубокія разницы въ историческомъ, бытовомъ и психологическомъ отношеніяхъ между сказанными двумя русскими народностями, что онѣ доходятъ почти до полнаго контраста между ними, и едва ли въ такой степени встрѣчаются между народностями другихъ отраслей славянскаго племени. Впрочемъ значительныя отличія въ разныхъ отношеніяхъ между этими двумя родственными народностями давно уже замѣчены многими нашими историками и этнографами, и мнѣніе о таковыхъ отличіяхъ между ними стало даже, до извѣстной степени, общимъ мѣстомъ въ русской литературѣ и наукѣ. Напомнимъ хотя бы то, что писали о данномъ предметѣ, напр., Венелинъ (О спорѣ между Южанами и Сѣверянами" и „Объ источникахъ въ народной поэзіи вообще и южнорусской въ особенности". М. 1834), Бодянскій („О народной поэзіи славянскихъ племенъ"), Максимовичъ („Начатки русской филологіи"), Кавелинъ („Мысли и замѣтки о русской исторіи"), Корсаковъ („Меря и Ростовское княжество"), Н. П. Дашкевичъ (Критическій разборъ исторіи украинской литературы Петрова) и другіе. Съ строго научной, спеціально антропологической точки зрѣнія физическія и психологическія особенности южнорусской народности, отличающія ее отъ великорусской (а также и отъ польской), твердо установлены въ трудахъ Коперницкаго, Н. Гильченко и другихъ антропологовъ и прекрасно резюмированы въ общихъ положеніяхъ и выводахъ такимъ высоко-авторитетнымъ ученымъ и спеціалистомъ въ этой области знанія, какъ проф. Д. Н. Анучинъ. Желающіе ближе ознакомиться съ чисто-физическими и этнографическими особенностями, отличающими малоруссовъ отъ великороссовъ, могутъ обратиться къ статьямъ этого ученаго,

помѣщеннымъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, подъ заглавіями „Великоруссы" (Т. V-а) и „Малороссы" (Т. XIII-а). Мы же ограничимся здѣсь приведеніемъ вкратцѣ тѣхъ лишь мѣстъ изъ названныхъ статей, въ коихъ отмѣчены этимъ ученымъ общія отличія малорусской народности. Въ ст. „Малороссы" проф. Д. Н. Анучинъ говоритъ: „антропологическое различіе (между малороссами и великороссами) проявляется, отчасти, и въ темпераментѣ, и въ характерѣ, на которые, впрочемъ, могли еще имѣть вліяніе окружающая природа и весь ходъ исторіи, иной, чѣмъ на сѣверѣ. Какъ бы то ни было, малороссы отличаются отъ великороссовъ многими чертами своего умственнаго и нравственнаго склада, своимъ отношеніемъ къ религіи, къ женщинѣ, къ семьѣ, къ собственности и т. д... ихъ „громада" не то, что в.-русс. „міръ", ихъ пѣсни, думы, поговорки, сказки проникнуты иными чувствами, мыслями, воспоминаніями" (стр. 484). Въ ст. „Великоруссы" говорится почти то же самое: „всѣ подобныя (психологич., бытовыя и этнографическія) различія (между великорусскою и малорусскою народностями) обусловливаются отчасти вліяніемъ природы и климата,... отчасти различными для обѣихъ народностей культурными вліяніями, отчасти, наконецъ, различіемъ темперамента, характера, чувствъ, вкусовъ, унаслѣдованныхъ отъ дальнихъ предковъ и развившихся при различныхъ условіяхъ. Это различіе духовнаго склада выражается и въ характерѣ пѣсенъ и музыки, и въ отношеніи къ природѣ и къ религіи, и въ семейномъ и общественномъ быту, и въ развитіи промышленности и торговли, и въ народныхъ типахъ и идеалахъ". (Стр. 838).

Достойно вниманія при этомъ еще и то, что всѣ перечисленныя выше особенности южнорусской народности представляютъ въ общемъ въ высокой степени оригинальную и рѣзко очерченную индивидуальность народную, типическія черты которой (положительныя и отрицательныя) сказываются въ событіяхъ всей исторической жизни южнорусскаго народа, отъ самаго ея начала и до настоящаго времени, равно какъ и въ характерахъ и дѣяніяхъ отдѣльныхъ представителей этого народа во всѣ періоды его исторіи на поприщѣ политики, общественности, религіи, культуры, въ лицѣ напр., его владѣтельныхъ князей, въ родѣ Святослава, Владиміра Св., Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха, Данила Галицкаго и др.; въ лицѣ гетмановъ козацкихъ и атамановъ запорожскихъ, въ родѣ Конашевича—Сагайдачнаго, Байды Вишневецкаго, Богдана Хмельницкаго, Петра Дорошенка, Сірка, Палія, Калнышевскаго и др.; іерарховъ церковныхъ козацкаго періода, въ родѣ Іова Борецкаго, Сильвестра

Коссова, Іосифа Тукальскаго, Іоасафа Кроковскаго; землянъ и вельможъ, выступавшихъ въ роли общественныхъ и политическихъ дѣятелей, въ родѣ Константина Острожскаго, Адама Киселя, Юрія Немирича, Данила Братковскаго и друг.; писателей духовныхъ, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, Зизанія Тустановскаго, Кирилла Ставровецкаго и др.; наконецъ, народнаго философа, въ родѣ Сковороды, и т. п.; равно какъ и разныхъ другихъ, менѣе извѣстныхъ историческихъ дѣятелей этого народа, вплоть до современныхъ тружениковъ его на поприщѣ общественности, литературы и искусства. Психическая индивидуальность южнорусскаго народа особенно выпуклыми чертами обрисовалась въ характерѣ его думъ, пѣсенъ и вообще въ произведеніяхъ народнаго поэтическаго творчества, а въ частности также въ выдающихся произведеніяхъ южнорусской письменности и литературы, въ родѣ, напр., поученій Мономаха, Слова о полку Игоревомъ, Волынской лѣтописи, хронографовъ временъ козаччины и т. п., наконецъ въ художественныхъ произведеніяхъ Котляревскаго, Квітки, Шевченка, Марка-Вовчка, Нечуя-Левицкаго, Федьковича, Франка и другихъ современныхъ малорусскихъ писатей. Разные моменты бытовой и исторической жизни южнорусскаго народа, благодаря ихъ особой колоритности и оригинальности, привлекали къ себѣ также вниманіе нѣкоторыхъ крупныхъ талантовъ въ области литературы другихъ народовъ, черпавшихъ иногда сюжетъ для своихъ поэтическихъ произведеній изъ этого источника, какъ, напр., Байрона, Пушкина, Словацкаго, Захеръ-Мазоха и друг. До какой степени южнорусская натура отличается вообще своеобразіемъ, жизненностію и интенсивностію своихъ психическихъ свойствъ, можно судить по тому характерному факту, что участіе писателей украинскаго происхожденія въ сосѣднихъ литературахъ выразилось въ созданіи ими въ нихъ даже особой литературной манеры, особаго стиля и жанра съ специфической украинской окраской разныхъ оттѣновъ, каковы, напр., гоголевскій жанръ въ русской литературѣ; жанръ Богдана Залѣсскаго и Михаила Чайковскаго въ польской литературѣ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти характерныя черты малорусской народной психики отразились также и на языкѣ малорусскаго народа. Если безспорна истина извѣстнаго изреченія, что le style c'est l'homme, то еще безспорнѣе она въ приложеніи къ языку каждаго отдѣльнаго народа; ибо языкъ служитъ непосредственнымъ отраженіемъ не только физіологическихъ особенностей произношенія, выражающихся въ такъ называемомъ особомъ „акцентѣ", свойственномъ рѣчи каждаго даннаго народа, но и всего душевнаго склада послѣдняго.

Въ словарѣ, фразеологіи, въ такъ называемыхъ идіотизмахъ языка каждаго отдѣльнаго народа запечатлѣны нерѣдко интимнѣйшія и характернѣйшія черты его фантазіи, чувствъ и мыслей, не поддающіяся иногда передачѣ на языкѣ другаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родной языкъ даннаго народа является носителемъ многовѣковыхъ пріобрѣтеній его умственной и нравственной культуры и традиціоннымъ памятникомъ бытовыхъ, общественныхъ и политическихъ судебъ и впечатлѣній, пережитыхъ многими поколѣніями этого народа на протяженіи всей его исторіи. Наконецъ, съ роднымъ языкомъ даннаго народа органически связываются вѣками накопленные продукты его художественнаго—словеснаго и пѣсеннаго творчества, съ которыми тѣсно соединены также и разныя интимныя подробности его современнаго житейскаго и бытового обихода. Однимъ словомъ, родной языкъ каждаго народа—это живой символъ его собирательной личности, его душевной жизни и его творческаго генія.—Поэтому, для многихъ людей съ цѣльной и впечатлительной натурой, требованіе отрѣчься отъ своего родного языка равносильно требованію отрѣченія ихъ отъ значительной части своего личнаго *я*. И дѣйствительно, послѣдствіями такого отрѣченія, какъ это давно уже замѣчено многими выдающимися психологами и педагогами (напр., Фихте, Дистервегомъ и др.), является нѣкоторое искаженіе душевной природы человѣка, выражающееся нерѣдко, съ одной стороны, извѣстнымъ обезцвѣченіемъ у подобныхъ людей ихъ мыслей, чувствъ и воли, влекущимъ иногда за собой даже порчу ихъ личнаго характера и нрава; съ другой стороны,—неизбѣжнымъ охлажденіемъ у нихъ живыхъ привязанностей къ своей родной средѣ, къ своему народу и краю, порождающимъ затѣмъ нерѣдко или полный индифферентизмъ ко всему общественному, или общее реакціонное настроеніе, исполненное мизантропіи и антипатіи преимущественно по всему родному. „Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно,—говоритъ А. А. Потебня,—оно было бы гибелью для человѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности—другія народности. Послѣдовательный національнзмъ есть интернаціонализмъ.“ (Рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго. стр. брошюры 30.).—Вотъ этими-то глубоко жизненными внутренними свойствами языка каждаго отдѣльнаго народа и обусловливается естественное право его на неприкосновенное существованіе, а также нравственная обязанность и необходимость развивать и культивировать его, разъ этотъ языкъ выказалъ живое стремленіе стать литератур-

нымъ языкомъ и всестороннимъ выразителемъ мысли и духа данной народности.

Ни проф. Буличъ, ни проф. Флоринскій не отрицаютъ, правда, права малорусскаго языка на употребленіе его въ литературѣ; но это право допускается ими, а въ особенности послѣднимъ, съ такими оговорками и ограниченіями, при которыхъ оно теряетъ въ значительной мѣрѣ свое реальное значеніе.

„Само собою разумѣется,—говоритъ проф. Буличъ,—что изъ признанія малорусскаго (нарѣчія) *нарѣчіемъ*, а не *языкомъ* отнюдь не вытекаетъ отрицаніе его права на независимое употребленіе въ роли языка литературнаго, научнаго, школьнаго и т. д.". Одно лишь смущаетъ почтеннаго автора, а именно то, что для малорусскаго *нарѣчія* не наступилъ-де еще тотъ предѣльный возрастъ, въ которомъ оно имѣло бы право назваться *языкомъ*. Но мы уже знаемъ, какую цѣну имѣетъ это соображеніе. Впрочемъ авторъ не ограничивается имъ, а указываетъ еще и на то обстоятельство, что, дескать, не сложились еще вполнѣ и нормы малорусскаго литературнаго языка. Въ этой области,—по его замѣчанію,—до сихъ поръ наблюдается броженіе, объясняющееся разрозненностію и малочисленностію попытокъ создать такой языкъ и отсутствіемъ культурныхъ и политическихъ центровъ, гдѣ онъ могъ бы окрѣпнуть и развиться. Въ послѣднемъ замѣчаніи есть, несомнѣнно, значительная доля истины, но вѣдь всякій литературный языкъ по необходимости долженъ пережить эпоху броженія.—Ее пережилъ не такъ давно еще и русскій литературный языкъ, ее переживаетъ какъ разъ теперь же наравнѣ съ малорусскимъ и нынѣшній болгарскій литературный языкъ, не имѣющій при томъ тѣхъ задатковъ художественной стилистической обработки, какими въ значительной степени владѣетъ уже первый. Опредѣляются уже и тѣ центры, въ которыхъ культурное развитіе малорусскаго языка замѣтно растетъ и крѣпнетъ. Приходится пожалѣть только, что такіе же центры не нашли себѣ мѣста и на той діалектической почвѣ малорусской рѣчи, на которой впервые зародилась и пышно расцвѣла малорусская народная литература; ибо упроченіе ихъ на послѣдней безъ сомнѣнія послужило бы на вящшую пользу всего славянорусскаго міра, представляющаго, на ряду со многими внутренними различіями, доходящими до контрастовъ, столь же многія, общія и крѣпкія традиціонныя связи. Во всякомъ случаѣ, проф. Булигъ признаетъ, что „самое существованіе этихъ попытокъ (создать малорусскій литературный языкъ) указываетъ, однако, на

извѣстную живую потребность, на природное стремленіе малорусскаго нарѣчія стать самостоятельной языковой единицей, превратиться въ независимый *языкъ*". Къ этому онъ добавляетъ еще слѣдующее, совершенно вѣрное и справедливое замѣчаніе: „видѣть въ этомъ стремленіи злонамѣренное порожденіе малорусскаго сепаратизма слишкомъ наивно и возможно лишь при глубокомъ невѣжествѣ въ вопросахъ языка. Стремленія малорусскихъ писателей создать свой самостоятельный литературный языкъ не будутъ успѣшны, если они дѣйствительно безпочвенны — и, наоборотъ, попытки затормозить его самостоятельное развитіе либо излишни, либо безполезны".

Совсѣмъ въ иномъ тонѣ говоритъ о правахъ малорусскаго литературнаго языка проф. Флоринскій, который въ данномъ вопросѣ расходится даже съ проф. А. С. Будиловичемъ, сильно настаивающимъ, какъ извѣстно, на широкой гегемоніи русскаго литературнаго языка. Послѣдній, раздѣливъ литературные языки на „общіе" и „частные", нисколько не боится полнаго процвѣтанія всѣхъ вообще существующихъ „частныхъ" литературныхъ языковъ, на ряду съ „общими" литературными языками, и разсуждаетъ по этому поводу, въ примѣненіи къ русскому литературному языку, такъ: „все болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что русскій языкъ не недругъ прочихъ славянскихъ, не соперникъ ихъ въ борьбѣ за жизнь, а наоборотъ, могущественный и надежный союзникъ". „Одинъ лишь предразсудокъ стоитъ на пути къ признанію этой истины: непониманіе нормальныхъ отношеній между діалектами, языками частными и языками общими. Многіе думаютъ, что существованіе первыхъ несовмѣстимо съ существованіемъ послѣднихъ, что слѣдовательно между ними идетъ борьба не за преобладаніе, а за существованіе". „Частные языки не только не гибнутъ съ появленіемъ общихъ, но нерѣдко еще успѣшнѣе развиваются". „Подтвержденіе этому находимъ и въ нынѣшнихъ язычныхъ отношеніяхъ Россіи. Мы видимъ въ ней, при господствѣ языка общерусскаго, существованіе и успѣшное развитіе цѣлаго ряда частныхъ языковъ и діалектическихъ литературъ, напр., финской, эстонской, ...малорусской, польской". „Высокое значеніе школъ Мицкевича и Залѣсскаго въ польской словесности, а Шевченка въ малорусской, служитъ еще однимъ доказательствомъ, что параллельное существованіе съ ними общерусскихъ школъ Пушкина и Гоголя было не помѣхою, а скорѣе поддержкою для развитія областныхъ литературъ" [1]). Такая постановка вопроса, гдѣ по отношенію къ русскому литературному языку ставятся на одну ногу и

[1]) Общеславянскій языкъ. Т. II. Стр. 364, 365, 366.

малорусскій, и польскій литературные языки, въ всякомъ случаѣ гораздо проще и понятнѣй той, гдѣ, какъ у проф. Флоринскаго, малорусскій литературный языкъ исключается даже, какъ мы видѣли, изъ общаго объема русской рѣчи, потому-де, что его цѣликомъ будто-бы замѣняетъ по самой природѣ своей „общерусскій" литературный языкъ. Вообще, проф. Флоринскій, на подобіе средневѣковыхъ латинистовъ и французскихъ культурниковъ временъ великой революціи, признаетъ (за нѣкоторыми исключеніями) вреднымъ развитіе особыхъ діалектическихъ литературъ, называя это явленіе „литературнымъ партикуляризмомъ". И тотъ основной мотивъ, какой приводился въ оныя времена латинистами противъ развитія народныхъ литературъ—итальянской, нѣмецкой, венгерской, славянскихъ, а французскими культурниками противъ развитія провансальской, гасконской и проч. литературъ, теперь въ нѣсколько иной лишь редакціи повторяется и проф. Флоринскимъ: „понятно,—говоритъ онъ,—что при такомъ литературномъ партикуляризмѣ утратила бы всякое значеніе, сдѣлалась бы неосуществимой самая идея литературнаго языка (?!), какъ могущественнаго органа духовнаго общенія между всѣми частями одного народа" (?) [1]).—При всемъ томъ, по отношенію къ малорусской литературѣ проф. Флоринскій все же является довольно снисходительнымъ. „Приведенныя соображенія,—говоритъ онъ,—конечно, не даютъ основаній заключать, что малорусская литература совсѣмъ не имѣетъ права на существованіе. Такое право ею пріобрѣтено какъ давностью бытія, такъ особенно высокими достоинствами нѣкоторыхъ ея произведеній, напр., прекрасныхъ поэтическихъ созданій Шевченка или новѣйшихъ повѣстей самого Ив. Франка". Итакъ, повидимому, авторъ нисколько не отрицаетъ права малорусской литературы на существованіе; но затѣмъ у него „вопросъ сводится лишь къ тому, въ какомъ отношеніи должна находиться малорусская литература къ общерусской литературѣ? Въ чемъ ея главная функція? Какія цѣли и задачи она можетъ и должна преслѣдовать?". И вотъ на эти то вопросы, предъявленные къ малорусской литературѣ, проф. Флоринскій даетъ такіе отвѣты, которые по отношенію къ любой живой и развивающейся литературѣ равносильны обреченію ея на обязательное наси-

---

[1]) Напомнимъ, однако, что проф. Флоринскій, вопреки означенному своему принципу, все таки признаетъ широкое право за литературнымъ партикуляризмомъ въ нѣкоторыхъ общенаціональныхъ сферахъ, предоставляя, напр., полную свободу развитія словацкому и кашубскому литературнымъ языкамъ, въ чемъ также несомнѣнно идетъ въ разрѣзъ съ нѣкоторыми единомышленниками своими по данному вопросу—чехами и поляками.

лованіе себя, неизбѣжное худосочіе и гибель.—„Изъ того,—говоритъ онъ, — что сказано выше, вполнѣ ясно, что если малорусская литература возникла и существуетъ, то она можетъ играть роль лишь второстепенной, побочной литературы, служащей какъ бы додополненіемъ литературы общерусской. Она можетъ имѣть значеніе лишь какъ одно изъ проявленій племенной индивидуальности данной вѣтви русскаго народа на ряду съ малорусскимъ театромъ, малорусской народной пѣсней и пляской, малорусскимъ народнымъ одѣяніемъ (sic!), но не можетъ и не должна (?!) брать на себя выполненіе всѣхъ тѣхъ функцій, какія выполняютъ общерусскій языкъ и общерусская литература". Неизвѣстно, на какомъ основаніи авторъ утверждаетъ затѣмъ, что будто-бы въ данномъ именно направленіи „лучше всего опредѣлили характеръ и основныя задачи малорусской литературы лучшіе преставители ея, какъ Котляревскій, Квитка-Основьяненко, Шевченко и др., ограничившіе свою литературную дѣятельность областью беллетристики".—Выходитъ такимъ образомъ, что если найдутся въ какой-либо литературѣ, особенно на первыхъ порахъ ея развитія, лучшіе представители ея, ограничившіе по свойству своего таланта литературную дѣятельность свою одной беллетристикой, то отсюда слѣдуетъ заключить, что они тѣмъ самимъ уже *опредѣлили* впередъ и таковой ея спеціальный характеръ и даже таковыя ея односторонпія основныя задачи на все будущее время. Не странно ли такое заключеніе со стороны профессора языкознанія и литературы?

Вообще свои понятія о спеціальныхъ задачахъ и функціяхъ малорусской литературы проф. Флоринскій формулируетъ слѣдующимъ образомъ. „По моему мнѣнію,—говоритъ онъ,—малорусская литература прежде всего должна быть *органомъ непосредственнаго поэтическаго творчества, вытекающаго изъ глубины малорусскаго народнаго духа* и, сверхъ того, можетъ служиль средствомъ распространенія элементарнаго знанія среди простаго крестьянскаго люда. Содержаніе ея *должно исчерпываться*[1]) художественными поэтическими произведеніями, рисующими народную жизнь малороссовъ, изданіями памятниковъ малорусскаго народнаго творчества и простонародными книгами, имѣющими цѣлью распространеніе просвѣщенія въ малорусской деревнѣ. Подобныя книги для народа на малорусскомъ нарѣчіи должны служить переходною ступенью къ общерусской книгѣ". Допускать право данной литературы стать органомъ непосредственнаго поэтиче-

[1]) Всѣ курсивы наши.

скаго творчества, вытекающаго изъ глубины народнаго духа, и въ тоже время требовать ограниченія этого творчества художественными произведеніями, рисующими лишь одну простонародную жизнь,—значитъ не знать совсѣмъ природы человѣческаго духа вообще и естественныхъ условій развитія художественнаго творчества въ частности. Подобное ограниченіе рѣшительно несовмѣстимо съ требованіями глубокой *искренности* отъ творческаго таланта и полной *свободы* въ выборѣ имъ сюжетовъ для своихъ художественныхъ созданій, такъ какъ оно неизбѣжно должно парализовать и ту, и другую. Вмѣнить въ обязанность серьезнымъ литературнымъ талантамъ сказанное ограниченіе ихъ творчества—значитъ упразднить и эти таланты и ихъ творчество, а допустить лишь появленіе на ихъ мѣсто литературныхъ диллетантовъ, готовыхъ побаловаться между дѣломъ какими-либо поэтическими пустяками, которымъ и они сами не станутъ придавать особенно серьезнаго значенія. Квитка и Шевченко, какъ извѣстно, пробовали, между прочимъ, писать также и на русскомъ языкѣ; но могутъ-ли писанія ихъ на этомъ языкѣ идти въ сравненіе съ высоко-художественными созданіями ихъ на языкѣ малорусскомъ, творить на которомъ было ихъ истиннымъ призваніемъ? А одними ли сюжетами изъ простонародной жизни исчерпывались поэтическія произведенія музы Шевченка?...

Что же касается ограниченія научной литературы на малорусскомъ языкѣ книгами, имѣющими цѣлью распространеніе элементарнаго просвѣщенія въ простомъ народѣ, то кто же изъ опытныхъ и преданныхъ своему дѣлу педагоговъ не сочувствовалъ бы этой здравой идеѣ, посколько она касается собственно необходимости подобныхъ книгъ для малорусскаго народа? Но почтенному профессору небезъизвѣстно, конечно, что хорошее популярное изложеніе хотя бы самыхъ элементарныхъ знаній, на какомъ бы то ни было языкѣ, труднѣе бываетъ иногда сухого, строго научнаго изложенія ихъ на томъ же языкѣ и что, во всякомъ случаѣ, чѣмъ развитѣе на данномъ языкѣ строго научная литература, тѣмъ легче и популяризировать на немъ разныя элементарныя знанія. Поэтому допускать научную литературу на малорусскомъ языкѣ, но ограничивать ее при этомъ одними лишь популярными книгами для народа, по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательно и нераціонально.

Однако изъ всего сказаннаго проф. Флоринскимъ о малорусскомъ языкѣ и литературѣ наиболѣе неожиданнымъ является слѣдующее его положеніе. „Стремленіе современныхъ галицко-русскихъ дѣятелей,—говоритъ онъ, —возвести малорусское нарѣчіе на степень языка преподавательскаго (въ среднихъ и высшихъ школахъ), научнаго,

публицистическаго и общественнаго не оправдывается ни логическими основаніями (?), ни практическими соображеніями (?!). Это стремленіе слѣдуетъ признать явленіемъ отрицательнымъ (?!), которое можетъ принесть русскому народу, и въ частности малоруссамъ, скорѣе вредъ, чѣмъ пользу" (?). По истинѣ, тайна основной мысли, заключающейся въ этомъ положеніи, для насъ непостижима. По какимъ это *логическимъ основаніямъ* и *практическимъ соображеніямъ* представляется отрицательнымъ и вреднымъ стремленіемъ то, что въ дѣйствительности является уже не только стремленіемъ къ извѣстной цѣли, сколько признаніемъ достиженія ея, какъ естественно и законносовершившагося факта? Вѣдь малорусскій языкъ въ Галичинѣ искони является языкомъ общественнымъ въ культурныхъ слояхъ [1]), наравнѣ съ языкомъ польскимъ; только въ послѣднее время онъ отвоевалъ у послѣдняго болѣе обширный кругъ мѣстной русской интеллигенціи, и только извѣстная часть ея, воспитанная въ старошляхетскомъ духѣ, изъ традиціоннаго отвращенія по всему, что напоминаетъ собой мѣстнаго русина—хлопа, продолжаетъ говорить по польски. При чемъ изъ сказанныхъ побужденій говорятъ здѣсь по польски въ семьѣ и въ обществѣ не только тѣ, что и пишутъ по польски, но и тѣ, что стараются писать будто-бы по великорусски. Это фактъ общеизвѣстный въ Галичинѣ.—Затѣмъ проф. Флоринскому должно быть извѣстно, что и Наумовичъ, напр., вынужденъ былъ прибѣгать въ публицистикѣ къ мѣстному народному языку. Не мѣшало бы также точно освѣдомиться нашему автору, какое ничтожное число платныхъ подписчиковъ имѣютъ въ Галичинѣ газеты, издающіяся тамъ будто-бы на нашемъ русскомъ литературномъ языкѣ. Да въ Галичинѣ и невозможна серьезная публицистика на иномъ языкѣ, кромѣ малорусскаго (или польскаго), если она преслѣдуетъ живые мѣстные интересы и цѣли и желаетъ послужить для нихъ съ пользой. Наконецъ, какъ не быть малорусскому языку въ Галичинѣ и общественнымъ, и публицистическимъ, и преподавательскимъ, и научнымъ, когда спеціальное употребленіе его узаконено оффиціально и въ церковной проповѣди, и въ сеймѣ, и въ судѣ, и въ администраціи, и въ школѣ, и въ разныхъ ученыхъ и дѣловыхъ обществахъ, и когда многія уже генераціи мѣстной русской интеллигенціи прошли образованіе свое на этомъ именно языкѣ въ гимна-

---

[1]) См. любопытное письмо объ этомъ Ѳ. Г. Лебединцева къ своему брату кіевск. каѳедральному протоіерею П. Г. Лебединцеву въ 1865 г., въ которомъ съ удивительною наивностью разсказывается о томъ, какъ пораженъ былъ авторъ письма этимъ неожиданнымъ для него явленіемъ. (Кіевская Старина 1898 года, Мартъ. Стр. 360, 361).

зіяхъ (которыхъ теперь 4) и въ университетахъ (по нѣсколькимъ каѳедрамъ—въ Львовѣ и Черновцахъ).—Вообще, въ Галичинѣ съ малорусскимъ литературнымъ языкомъ дѣло стоитъ уже такъ, что если бы здѣсь почему либо въ самомъ дѣлѣ явилось вдругъ серьезное стремленіе образованнаго малорусскаго общества отказаться отъ своего родного языка и замѣнить его другимъ, то это неминуемо повело бы лишь къ замѣнѣ его языкомъ польскимъ, такъ какъ въ этомъ только направленіи и возможно здѣсь практическое осуществленіе подобнаго стремленія —Этого ли добивается проф, Флоринскій? Или ему плохо извѣстны галицкія общественныя, культурныя и политическія отношенія? ,.

Мы разсмотрѣли посильно со всѣхъ сторонъ сужденія двухъ извѣстныхъ филологовъ нашихъ о малорусскомъ языкѣ и литературѣ на немъ и остаемся въ недоумѣніи: чѣмъ объяснить приведенные взгляды ихъ на этотъ языкъ и литературу, въ виду солидности знаній обоихъ этихъ ученыхъ въ спеціальной области своего вѣдѣнія. Ужъ не подверглись ли и они, какъ и другіе изъ такихъ ученыхъ филологовъ, невольному вліянію традиціонныхъ понятій о малорусскомъ языкѣ, какъ о какомъ то лингвистическомъ паріи,—понятій, сложившихся у насъ по извѣстнымъ фатальнымъ общественно-политическимъ условіямъ еще во времена польско-шляхетнаго режима въ средѣ тогдашнихъ отщепенцемъ малорусскаго народа и дошедшихъ преемственно и до нашего времени? Но могуть ли имѣть какое либо мѣсто и цѣну въ современной наукѣ эти понятія?

Или же нашимъ ученымъ, по какимъ-либо особымъ соображеніямъ, показалось несовмѣстимымъ существованіе малорусскаго литературнаго языка съ фактически установившейся у насъ гегемоніей русскаго литературнаго языка,—гегемоніей, основанной не только на высокихъ культурныхъ достоинствахъ послѣдняго, но и на незыблемыхъ прерогативахъ его, какъ языка государственнаго;—и это, можетъ быть, привило ихъ къ описаннымъ взглядамъ на самую природу малорусскаго языка, какъ не представляющаго будто-бы достаточныхъ данныхъ для его культурнаго развитія? Но мы уже видѣли, что даже проф. Будиловичъ, такъ ревниво оберегающій привилегію безраздѣльной гегемоніи у насъ русскаго литературнаго языка и столь настойчиво хлопочущій о распространеніи таковой гегемоніи его далеко даже за предѣлы Россіи, все же, благодаря своей проницательности и опытности въ вопросахъ подобнаго рода, считаетъ сказанное

совмѣщеніе съ нею существованія и развитія разныхъ иныхъ литературныхъ языковъ, а въ ихъ числѣ и малорусскаго, дѣломъ совершенно естественнымъ и законнымъ.—И въ самомъ дѣлѣ, развѣ самое широкое и всестороннее развитіе малорусскаго литературнаго языка можетъ въ чемъ либо помѣшать той господствующей роли, какая принадлежитъ русскому литературному языку по завоеванному имъ на нее праву?

Существуетъ, впрочемъ, и еще одно обстоятельство, заставляющее иногда недовѣрчиво и неблагосклонно относиться къ малорусскому языку:—это предположеніе о тѣхъ фантастическихъ стремленіяхъ и цѣляхъ, на которыя намекаетъ проф. Буличъ, находя справедливо мысль о нихъ нелѣпою, но которыя, однако, многіе связываютъ съ естественной преданностью малороссовъ къ своей народности и къ своему родному слову,—въ родѣ стремленія ихъ къ узкой національной замкнутости, культурному отчужденію даже отъ ближайшей культурной народности и т. п. Но всѣмъ ближе ознакомленнымъ съ сущностью дѣла смѣшно и думать о подобныхъ стремленіяхъ, приписываемыхъ преимущественно усерднымъ заботамъ малороссовъ о культурномъ развитіи своей рѣчи. Вѣдь это общеизвѣстный фактъ, что всѣ образованные малороссы въ Россіи хорошо знаютъ и охотно употребляютъ русскій литературный языкъ, а для тѣхъ изъ нихъ, коимъ особенно дорогъ свой собственный языкъ и которые употребляютъ его и въ семьѣ, и въ обществѣ, первый все таки является почти тѣмъ же, чѣмъ для большинства всероссійской знати давно уже сталъ языкъ французскій. По примѣру ихъ и галицкіе малороссы охотно также изучаютъ русскій литературный языкъ по лучшимъ его образцамъ и, что особенно знаменательно, многіе изъ тамошнихъ народниковъ овладѣваютъ имъ гораздо основательнѣе своихъ противниковъ, такъ называемыхъ „москалефиловъ". Такое употребленіе образованными малороссами двухъ русскихъ литературныхъ языковъ, и своего родного, и государственнаго, не составляетъ какого-либо исключительнаго явленія. Укажемъ хотя бы на примѣръ Италіи, гдѣ всѣ отрасли итальянскаго народа, съ такимъ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ проливавшія кровь за свое государственное объединеніе, нынѣ, по достиженіи этого національно-государственнаго единства, такъ охотно усваиваютъ себѣ общій италіанскій литературный языкъ тосканскаго происхожденія, но въ тоже время и не думаютъ отказываться отъ своихъ родныхъ діалектовъ, а напротивъ того, и піемонтецъ, и венеціанецъ, и другіе продолжаютъ по прежнему говорить каждый на своемъ языкѣ и развивать его въ литературѣ, журналистикѣ и наукѣ, а въ Миланѣ

употребленіе мѣстнаго діалекта въ такъ называемомъ „высшемъ обществѣ“ составляетъ даже одно изъ требованій хорошаго тона.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ сказать еще слѣдующее. Проф. Буличъ высказалъ сомнѣніе въ возможности успѣшнаго развитія малорусскаго языка и литературы. Не станемъ спорить, что творчество малороссовъ съ трудомъ, быть можетъ, могло-бы состязаться съ творчествомъ другихъ народовъ на поприщѣ чистопрактической дѣятельности; но судя по тѣмъ результатамъ, какіе принесло участіе людей малорусскаго происхожденія въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ другихъ народностей, можно надѣяться, что творчество малорусскаго народнаго генія не оскудѣетъ также и на нивѣ собственной литературы, науки и искусства, ручательствомъ чего могутъ служить отчасти также и тѣ успѣхи, какіе достигнуты уже въ этомъ направленіи, при самыхъ неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ.—Проф. Флоринскій, съ своей стороны, выступая противъ правъ малоруссыаго языка и литературы на широкое культурное развитіе, счелъ нужнымъ въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ сослаться на авторитетное мнѣніе акад. Ягича объ этомъ вопросѣ Въ виду этого, и мы, въ свою очередь, закончимъ настоящую статью приведеніемъ собственныхъ словъ акад. Ягича, прямо относящихся къ данному вопросу. Въ своемъ „Bibliographische Übersicht der slavischen Zeitschriften philologischen, leteraturgeschichtlichen und ethnographischen Inhalts“, помѣщенномъ въ Archiv für slav. Phil., XX, с. 624—638, акад. Ягичъ относительно малорусской литературы пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „für die Erforschung der *kleinrussischen* Sprache, Literatur uue Ethnographie ist in Russland selbst der Boden unter gegenwärtigen Verhältnissen nicht günstig. Man perhorrescirt jede Manifestation in diesen Richtungen als einen angeblich nicht ungefährlichen Separatismus, wobei man ausser Acht lässt, dass gerade durch die gewaltsame Unterdrückung jeder freien Regung der kleinruss. Volksthums, das nun einmal nicht weggeleugnet werden kann, zunächst Unzufriedenheit und dann auch Separatismus gross gezogen wird“. (Стр. 628). Упомянувъ затѣмъ, что въ Галичинѣ энергично ведется изученіе малорусской народности въ культурно-историческомъ, этнографическомъ и филологическомъ отношеніяхъ въ „Ученомъ обществѣ имени Шевченка“, которое подаетъ надежды развиться современемъ въ академію наукъ, Ягичъ замѣчаетъ: „jeder echte Freund des culturellen Fortschrittes kann sich darüber freuen; ich habe nie begreifen können, wie manche Slavisten z. B. über die Fortschritte der Slovaken ordentlich in Entzückung gerathen, den Ruthenen

dagegen nicht das geringste gönnen. Wer da glaubt, dass diese locale Rührigkeit, die ja auch sprachlich ihre enge Begrenzung hat, der grossruss. Literatur und Wissenschaft Abbruch thun kann, der unterschätzt selbst die Bedeutung und die Kraft der russischen Literatur" (стр. 629).

К. Михальчукъ.

Апрѣль 1899 г.

Замѣтки о малорусской демонологіи.

I.

Мертвецы.

Общеніе умершихъ съ дѣйствительнымъ міромъ. Ограниченіе этого общенія извѣстнымъ временемъ и извѣстнымъ кругомъ лицъ. Боязнь мертвецовъ, обереги отъ нихъ. Вредъ, ими приносимый. Питаніе мертвецовъ, отношеніе ихъ къ семьѣ и имуществу.

На зарѣ человѣческихъ обществъ, человѣкъ, не понимая значенія смерти и не различая ее отъ временныхъ безчувственныхъ состояній: обморока, сна, столбняка, старается пробудить мертвое тѣло уколами, побоями, упреками, усиленными призываніями, откуда впослѣдствіи развивается похоронная причеть (Спенсеръ. Основ. соціологіи. СПБ. 1876. т. 1., 163, 164, 249, 290), также предложеніемъ трупу пищи или даже насильственнымъ введеніемъ ея въ ротъ, откуда получаетъ начало общечеловѣческій обычай оставленія пищи и напитковъ въ гробахъ мертвецовъ, пиры и жертвоприношенія съ предполагаемымъ ихъ участіемъ (Ib. 171, 174). Кромѣ пищи, человѣкъ окружаетъ еще своихъ покойниковъ и другими предметами ихъ жизненной обстановки, зарывая вмѣстѣ съ ними ихъ одежды, оружія, животныхъ, женщинъ и рабовъ (Тейлоръ. Первоб. культура, т. II, стр. 40, 43, 51, 52, 63, 70, 105, 106). Такимъ образомъ, по народнымъ вѣрованіямъ, мертвецы, продолжая существовать въ матеріальномъ, болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, находятся

въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ своими близкими и вообще съ міромъ дѣйствительности. Только впослѣдствіи посѣщеніе мертвецовъ ограничивается извѣстнымъ временемъ года и извѣстными категоріями лицъ.

По малорусскимъ народнымъ представленіямъ, мертвецы сходятся въ церковь въ чистый понедѣльникъ (мертвецькый велык-день), какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго народнаго разсказа, записаннаго мною въ с. Литвякахъ, Лубенскаго у., отъ Наталіи Кедевой. „Чоловикъ йивъ вареныкы зъ вечора на масляне пущання и задержавъ сыра у роти до дванацяты часивъ. Выйшовъ зъ хаты, свитыцця у церкви. Пиду, подывлюсь шо таке? Пишовъ, колы собралысь мертвякы у церкви и просять его: удилы намъ того, шо въ тебе йе. Винъ острахнувсь, каже: „туть я вамъ не дамъ. Пойдемъ на кладовыще, я васъ тамъ роздилю". Повивъ йихъ на кладовыще, каже: „сидайте у лавы, мали до малихъ, велыки до велыкихъ". Покы винъ йихъ сажавъ, пивень заспивавъ, воны по мистахъ пишлы".

Затѣмъ мертвецы появляются и на самый свѣтлый праздникъ. „На одіяніи (дѣяніяхъ), якъ дочытаюцця до Хреста, задзвонять на утреню, обходятъ у досвита изъ процесіею. Идуть тричи и церкву замкнуть замкомъ. Тоди мертвякы въ церкви, а якъ батюшка чыта на рундуци, або дзвиници молытву, тоди воны выходять изъ церквы, отдаляютця". (Отъ козачки с. Литвяковъ Маріи Кривоносовой)". Вообще по народнымъ вѣрованіямъ всѣ мертвецы воскресаютъ на свѣтлый праздникъ, бываютъ въ церкви и, невидимо, въ хатахъ родныхъ до проводного понедѣльника, который потому и называется проводнымъ (Чернявская. Обряды и пѣсни С. Бѣлозерки. Харьк. 1893 г., 14). Въ Лубенскомъ у. имъ оставляютъ пасху (мои „Народ. Обр. и пѣсни Луб. у." Харьковъ 1897 г., 171.) Мертвецы присутствуютъ у родныхъ также наканунѣ Рождества. (Чуб. Труды эксп., т. III, 264.; мои „Рожд. святки въ Луб. у." Полтава 1893 г., 3.) и на поминкахъ (Народ. обр. Луб. у. 171). Къ числу мертвецовъ, посѣщающихъ этотъ свѣтъ независимо отъ праздничныхъ и поминальныхъ дней, принадлежатъ: упыри, т. е. отвергнутые цер-

ковью колдуны, еретики, богоотступники, вовкулаки (Кіев. Стар. 1890, II, 338—340), самоубійцы (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1890 г., I, 63, 64). Такъ, дѣвица, измѣнившая вѣру, вставала по ночамъ изъ могилы и горько плакала. (Очеркъ демонол. Малор. въ „Москвит.“ 1842 г., XII, 120). Не находятъ покоя въ могилѣ и дѣти, проклятыя родителями: дѣвушка, проклятая ими, останавливала по ночамъ прохожихъ (Кравченко въ Кіев. Стар. 1889 г., IX, 773), а запорожцы должны были всю зиму кормить мертваго поповича, проклятаго еще до рожденія матерью (Манжура въ Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ., II, 141). „Родытели, що проклялы дитей, ходять до свыней изъ дитьмы и лыжуть корыто. Ходять и ти, которыхъ не помынають“ (Н. Кедева). По народному разсказу[1]), записанному мною въ Лубенскомъ у., мертвая дѣвка служила по смерти наймычкою годъ для того, чтобы заслужить поминальный обѣдъ, какой разсказъ сходенъ съ сообщеніемъ извѣстнаго гуманиста Меланхтона о дѣвицѣ, прибывавшей по смерти два года въ обществѣ людей, бывавшей и въ гостяхъ, ѣвшей мало (Буслаевъ въ Библіот. для чтенія 1864 г., III., 6). Отдѣльная вѣтвь сказокъ о блуждающихъ мертвецхъ—параллели Гоголевскому "Вію„ изображающія столкновеніе мертвой вѣдьми съ отчитывающимъ ее парнемъ въ церкви. Онѣ встрѣчаются какъ во всѣхъ значительныхъ сборникахъ: Аѳанасьева (Нар. Рус. сказки. II., изд. 3-е, 326) Манжуры (Сб. 137). Иванова (Раз. о вѣд. 200—205), Гринченка (Этн. мат. I., 67—71, 209), такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ, напр. въ моей: Къ вопросу объ источникахъ „Вія“ въ Кіев. Стар. 96 г., IX, 46—48. Сводъ и анализъ этихъ популярныхъ сказокъ въ ст. профессора Н. Ѳ. Сумцова „Парал. къ повѣсти Гоголя „Вій“ въ Кіев. Стар. 1892 г. III, 472.

Вѣроятно нежелательность посѣщеній именно этой категоріи вредныхъ мертвецовъ и вызвала обереги отъ нихъ. Съ цѣлью узнать, не посѣщаетъ ли мертвецъ извѣстное жилище, Перу-

---

[1]) Разсказъ этотъ, какъ и прочіе, на которые приводятся ссылки въ настоящихъ замѣткахъ, представленъ въ числѣ другихъ собранныхъ мною 300 разсказовъ и сказокъ въ Императорское Русское Географическое Общество.

анцы посыпаютъ полъ мукой (Спенсеръ 187), а племя Го, жители Филиппинскихъ островов и малороссіяне—золой (Тейлоръ, 255. Демонол. Малор. 120). Затѣмъ домъ, посѣщаемый мертвецомъ, осыпаютъ и окуриваютъ зернами снопа, поставленнаго на покути наканунѣ рождества (Бѣньковскій въ Кіев. Стар. 1896 г., I, Докум. 8). На окно кладутъ кусочекъ желѣза (Чуб. т. 1, вып. 1, 205). Сѣвероамериканскіе индѣйцы разставляютъ вокругъ жилища сѣти, чтобы поймать душу покойника. (Обр. и пѣсни Луб. у. 177, со ссылками на Спенс. и Тэйлора), а въ Харьковской губ., въ предупрежденіе появленія мертвецовъ, хату обматываютъ валомъ, который спряла двѣнадцатилѣтняя дѣвочка (Ивановъ. Разск. о вѣдьм., 218). Негры не допускаютъ въ деревню злыя души, преграждая путь колючими вѣтками (Обр. и пѣсни Луб. у., 177); въ Малороссіи же набрасываютъ вѣтки на могилы самоубійцъ изъ боязни духовъ (Nowosielski. Lud Ukr. Wilno 1857 г., T. I, 42). Анторы приваливаютъ душу камнемъ, черемисы прибиваютъ ее гвоздями или коломъ (Обр. и пѣсни Луб. у. 177). Въ Черниговской губ. во время холеры одного покойника положили ницъ, для того, чтобъ онъ не возвратился, другому хотѣли сковать руки (Гринченко. Этнограф. матер. I, стр. 25).

Самое вѣрное средство—пробитіе мертвеца осиновымъ коломъ—употреблялось прежде между прочимъ и въ Англіи (Сумцовъ. Культ. пережив. Кіев. Стар. 90 г., I, 64). Въ Волынской губ. крышку гроба дѣлаютъ изъ осины (Бѣньковскій въ Кіев. Стар. 1898 г. VII—VIII. Изв. и зам., 6).

Во многихъ разсказахъ Лубенскаго у. мѣры укрощенія еще непохороненныхъ мертвецовъ весьма реальны: ихъ привязываютъ къ скамьѣ канатами или веревками, а гробъ оковываютъ стальными обручами. Вотъ кратчайшій разсказъ въ такомъ родѣ, представляющійся какъ бы основой другихъ подобныхъ. „Стоить хатка и свитыцця въ ій. Два чоловика йихало, воны опизнылысь, зайихалы, колы никого нема, тилько одынъ мертвякъ на лави. На столи водка и хлибъ лежыть. Силы воны, повечерялы. Одынъ каже: „я боюсь“, другый:—„а я ни! Я знаю що ро-

быть“. Узявъ ременны вяжкы, привьязавъ ёго мертвого до лавы. Опивночи мертвякъ якъ узявъ трощыцця, лаву потрощывъ, упавъ зъ лавою додолу, такъ не розвязавсь“ (отъ Агриппины Кириченковой, с. Литвяковъ). Изложенныя мѣры предосторожности отъ мертвецовъ принимаются вслѣдствіе разнообразнаго вреда, приносимаго послѣдними, главнымъ образомъ высасыванія ими крови у спящихъ, по общечеловѣческому вѣрованію. Полинезійцы, напримѣръ, вѣрятъ, что души умершихъ (tii) пожираютъ ночью сердце и внутренности людей; Ментиры также вѣрятъ, что мертвецы выходятъ изъ могилъ и сосутъ кровь людей (Тейлоръ. II. 250—252). Тоже вѣрованіе въ Малороссіи (Чуб., т. 1, в. 1, 205. Шейковскій, Бытъ подолянъ. II, 16). Мертвыя вѣдьмы пьютъ кровь изъ дѣтей (Ивановъ. Разск. о вѣдьм. 217, 219). „Котора жинка не перехрестыть дитей, виконъ, дверей, колыскы, то мертвякъ ходыть по хатахъ, изъ мызинця кровъ ссе. Отъ того дытына нежыва“ (Н. Кедева). Кромѣ сосанія крови, упыри, по народнымъ разсказамъ и преданіямъ, производятъ и другія насилія надъ людьми. Бетсротъ, какъ повѣтствуетъ Эйбриджская сага, выходилъ изъ могилы, избивалъ стада и пастуховъ и выгонялъ жителей изъ кантона, почему труппѣ его сожженъ. (Спенс., 466). Мертвецы нападаютъ цѣлыми толпами на село, какъ въ Полоцкѣ въ 1092 г. (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 90 г., I, 65, 66), и сражаются. (Гринченко. Мат. I, № 83, стр. 100).

Во многихъ народныхъ разсказахъ, записанныхъ въ Лубенскомъ у., мертвецы стараются уничтожить стерегущихъ ихъ. Такъ, женщина спаслась отъ смерти только тѣмъ, что развлекала мертвеца, разсказывая ему, какъ приготовляютъ конопли для рубашки. По другому варіанту, такимъ же образомъ спасается женщина отъ своей мертвой сестры. Кума, стерегшая умершую куму, также едва спаслась отъ покойной (Манжура. II, 131. Чуб. II, № 114, 403). Племянникъ три ночи подрядъ принужденъ былъ бороться съ умершимъ дядей. Парень, котораго могила не была запечатана, ночью гонялся за дѣвками; падая, онѣ ломали себѣ руки и ноги. Въ 1700 г. духъ крестья-

нина на островѣ Миконѣ, выходя изъ могилы, производилъ въ домахъ безпорядки и задувалъ огни (Тэйл. II, 250—253), а по народному разсказу Лубенскаго у., мертвая женщина разбрасывала мебель, утварь и посуду. Затѣмъ, по народнымъ вѣрованіямъ упырь можетъ накликать чуму на село (Кіев. Стар. 1890 г. II, 339, 340) и вызвать засуху. Въ 1898 г. въ с. Варваровкѣ, Константиноградскаго у., общество крестьянъ, состоявшее изъ мужчины и нѣсколькихъ женщинъ, въ возрастѣ 22—47 л., во время засухи ночью обливали могилу повѣсившагося крестьянина, вынувъ крестъ для того, чтобы вода скорѣе дошла до самоубійцы и вызвала дождь. (Полт. Губ. Вѣд. 1898 г. № 137, 3). Вышеупомянутое народное вѣрованіе о матеріальномъ загробномъ существованіи мертвыхъ, создавъ обычай оставлять для нихъ пищу и напитки въ гробахъ, создало и разсказы о появленіи мертвецовъ по ночамъ за пищей. Для угощенія ихъ нуженъ обильный столъ, такъ какъ они обладаютъ сверхъестественнымъ аппетитомъ. Напр., въ одномъ разсказѣ Лубенскаго у. мертвецъ выпиваетъ 2 ведра водки и съѣдаетъ 8 ведеръ пищи. Таковъ же аппетитъ мертвецовъ въ сказкахъ у Аѳанасьева (т. II, 316, 317) и Манжуры (стр. 130, 131). Но не всегда безопасно угощать мертвецовъ. Въ французской сказкѣ Le soupé du Fantôme (P. Sébillot. Contes des provinces de France. Paris. 1884, № 49), мертвецъ, поужинавъ у крестьянина, пригласилъ его къ себѣ на ужинъ; въ малорусской—тянулъ послѣ ужина собесѣдника въ могилу (Ивановъ. Разск. о вѣд. 224). Парень, зайдя по такому приглашенію въ могилу мертваго товарища и выпивъ съ нимъ водки, провелъ въ этой могилѣ 300 лѣтъ. (Аѳанасьевъ, II, 319. Гринченко, Мат. II, № 210, 287). Изъ древняго же общечеловѣческаго обыкновенія хоронить женъ съ умершими мужьями,—о чемъ и до сихъ поръ вспоминаетъ малороссіянка, оплакивая мужа: Ой, прыймы жъ мене до себе у сыру землю (Чуб. Труды эксп. IV, 704). Ой, прыймай, прыгортай мене до себе! Иды попидъ горою, тай беры мене съ собою! (мои Народ. обр. и пѣсни Луб. у., 175)—вытекаютъ многочисленныя сказки и разсказы о посѣщеніи покойными мужьями

своихъ вдовъ, особенно, если послѣднія по нимъ тоскуютъ. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ. „Бабынъ зять пишовъ у москали и тамъ умеръ. Дочка не бачыла чоловика и якъ ёго ховалы. Вона каже: якъ бы я, мамо, побачыла якый вынъ москаль? Отъ винъ у ночи прыходыть до неи, а маты кудысь пишла. Одчынывъ хату и пыта: „чы хочешъ мене побачыть коло себе?" Вона злякалась; а въ неи дытына маленька була, отъ вона ту дытынку схопыла тай сила. Винъ дойшовъ тилькы до половыны хаты, до сволока, и каже: „ну, спасена твоя душа, шо ангола взяла у рукы, а тобъ ты знала якъ хотить, щобъ я прыйшовъ до тебе!" Пишовъ витромъ зъ хаты, поодчинявъ двери й сины" (отъ коз. Катерины Норовой, м. Лукомье). По бѣлорусскимъ повѣрьямъ мертвецы приходятъ къ вдовамъ помогать въ работѣ, но при этомъ убиваютъ ихъ (Романовъ. Бѣлор. сборникъ 1891 г., Витебскъ, IV, 125, 126, 137). Неудивительно поэтому, что въ разсказѣ, приведенномъ во II т. Этногр. Мат. Гринченка (№ 83, 100), жена, чтобъ избавиться отъ посѣщеній и ухаживанья мертваго мужа, накинула на него узду и сказала: тпру!—Эти загробныя посѣщенія тѣмъ опаснѣе, что нерѣдко дьяволы, пользуясь печалью вдовъ, являются къ нимъ по ночамъ въ образѣ покойнаго мужа. (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1890 г., I, 71. Аѳанасьевъ, II, 331. Ивановъ, Разск. о вѣд. 225). Подобно тому, какъ женатыхъ хоронили съ женами для удовлетворенія инстинкта прокреаціи, холостыхъ женили за гробомъ для той же цѣли. Такъ комментировалъ по крайней мѣрѣ Котляревскій извѣстіе арабскаго путешественника Ибнъ-Фоцлана о похоронахъ русскаго купца, котораго сожгли съ дѣвушкой, предъ тѣмъ удавленной. (Собр. соч. т. III, 227). Быть можетъ, отдаленнымъ отголоскомъ этого обыкновенія является извѣстная народная пѣсня о дѣвицѣ, просящей похоронить ее съ умершимъ любимымъ козакомъ (Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, 239—240. Чуб. V. № 727, 372 и мои Нар. обр. и пѣсни Луб. у. 176). Изъ того же источника произошли и народныя сказки о мертвецѣ, разъѣзжающемъ на конѣ съ живой невѣстой, при сіяніи мѣсяца, какъ въ Бюргеровой Ленорѣ, встрѣчающіяся у Чуб.

(т. II, № 120, 121, стр. 411—416) и у Sébillot (Contes, № 52, Les deux fiancés[1]). И материнскій инстинктъ также по народному мнѣнію переживаетъ смерть, и разсказы о матери, приходящей къ оставленнымъ дѣтямъ, многочисленны и повсемѣстны. Напримѣръ, въ гасконской сказкѣ: L'innocent (Sébillot. Contes. № 51, p. 257) мертвая мать приходитъ каждую ночь кормить, чесать, мѣнять бѣлье своему дитяти. Такого же содержанія сказки у Чуб. (т. II, № 115, 405) и Аѳан. (т. II, 320). Не такъ благосклонна мать къ взрослымъ дѣтямъ, часто въ раздраженіи она гонится за дочерью и готова ее растерзать (Чуб. II, № 122, 416, 417. Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, стр. 43).

Гораздо рѣже встрѣчаются разсказы о загробныхъ сношеніяхъ отца съ дочерью, притомъ только по дѣламъ имущества и хозяйства, которыми хозяева продолжаютъ интересоваться и за гробомъ; они даютъ совѣты и распоряжаются. Мертвый хозяинъ навѣщаетъ пасѣку. Мертвецы—строгіе заимодавцы. Одинъ мертвецъ 30 лѣтъ посѣщалъ должника, покуда тотъ не положилъ на могилу должныхъ денегъ (Очеркъ демон. Малор. 120). Нашедшій кладъ долженъ былъ отнесть обратно деньги, такъ какъ мертвый дидъ того требовалъ (Ивановъ. Народ. разск. о кладахъ въ Харьк. Сборникѣ 1890 г., IV, 33, 34). Не менѣе строго преслѣдуютъ мертвецы и за взятыя у нихъ вещи. Покойникъ ударилъ сторожа за то, что послѣдній укрылся сукномъ для мертвыхъ. Другой требовалъ отъ солдата вездѣ свои сапоги, пока тотъ ему не отдалъ (Аѳанас. 318). Въ разсказѣ подъ заглавіемъ: Кубукъ, записанномъ мною въ Луб. у., дѣвка сорвала съ мертвеца клобукъ, потомъ должна была отдать его мертвецу, который тутъ же растерзалъ ее. Подобныя сказки съ замѣной клобука саваномъ и рубашкой встрѣчаются у Аѳанасьева (т. II, 314) и у Чуб. (II, 422) съ замѣной кубука—„ковпачкомъ". Чуткость мертвецовъ къ праву собственности доходитъ до мелочности. „Мертвякъ умеръ, копалы яму на его, а баба пишла, набрала глыны та змазала дилъ. Мертвяка заховалы.

[1]) Посѣщеніе женами вдовцовъ, особо отъ дѣтей, и мертвыми невѣстами жениховъ встрѣчается только у Иванова (Народ. разск. о вѣд. 217, 225).

Прыйшовъ винъ у ночи пидъ викно, каже: подай мою землю! „Такъ не мае, я вымазала всю на дилъ".—Де хочъ беры, а давай. То не тоби дано земли, а мени, такъ не займай.—У йеи осталось трохы глыны, вона однесла и высыпала ёму на грибъ. Винъ опять прыходыть у вечори: „подавай мою землю, ты не всю іи однесла". Вона взяла на другый день позстругувала и однесла, и винъ бильшъ не прыходывъ до неи" (отъ козачки сел. Мойсеевки, Хорольскаго у., М. Руденковой). Что такой интересъ къ собственности покойниковъ встрѣчается не въ однихъ только малорусскихъ народныхъ разсказахъ, доказываетъ между прочимъ французская сказка: La jambe d'or, о королевѣ, похороненной съ искусственной золотой ногой. Когда слуга укралъ изъ гроба эту ногу, то мертвая королева кричала до тѣхъ поръ пока воръ не пришелъ и она его не съѣла.

Такимъ образомъ, приведенное краткое изложеніе содержанія малорусскихъ народныхъ сказокъ и разсказовъ доказываетъ, что въ нихъ, какъ и въ погребальныхъ обрядахъ, сохранились древнѣйшія общечеловѣческія представленія и вѣрованія о загробномъ существованіи, подобномъ почти во всемъ дѣйствительной жизни. Мертвецы въ нихъ живутъ и дѣйствуютъ, какъ живые люди, съ тѣми же силами, желаніями, чувствами и потребностями, что и при жизни, лишь нѣсколько видоизмѣненными и преувеличенными. Эти представленія особенно важны при изученіи демонологіи, такъ какъ блуждающій мертвецъ есть основной, первоначальный типъ сверхъестественнаго демоническаго существа, по которому народное воображеніе построило и всѣ остальныя.

II.

Русалки.

Отличіе русалокъ отъ классическихъ и романскихъ сиренъ. Преданіе о Мелюзинѣ и сказки о женахъ-змѣяхъ. Единство природы русалки. Русалки утопленницы. Русалки некрещенныя дѣти, ихъ загробное существованіе и наружность.

Изучая разсказы и повѣрья о малорусскихъ русалкахъ, необходимо отдѣлить отъ нихъ классическія и романскія преданія

о сходныхъ женскихъ существахъ, сиренахъ, полуженщинахъ, полурыбахъ, привлекавшихъ и губившихъ путниковъ очаровательнымъ пѣніемъ, такъ какъ эти повѣрья отразились на Украйнѣ весьма слабо, только въ замѣчаніи, что пѣсни слагаютъ морскіе люди (Кулишъ, Зап. о Юж. Руси., II., 36 и Чуб. Тр. эксп. т. I., в. 1., 211). Кромѣ этого краткаго указанія, не существуетъ ни въ этнографическихъ сборникахъ, ни, повидимому, въ устахъ народа ни одной сказки, въ которой встрѣчалось бы существо со всѣми перечисленными особенностями сиренъ, взятыми вмѣстѣ, а встрѣчаются лишь изрѣдка нѣкоторые отдѣльные ихъ признаки. Напримѣръ, въ одной сказкѣ, записанной на дняхъ въ лубенскомъ у., дѣвица, заточенная въ стѣну, покрыта рыбьей чешуей, что̀ составляетъ особенность сиренъ („des sirènes écailleuses" по Флоберу). Но этимъ наружнымъ признакомъ и оканчивается сходство заточенной дѣвицы съ сиреной. Такъ и бретанская сирена (P. Sébillot. Contes des prov. de France. Paris. 1884, № 29, La sirène de la Fresnaye), бѣлая, съ золотистыми волосами и рыбьимъ хвостомъ, напоминаетъ малорускихъ русалокъ развѣ своимъ дѣтскимъ возрастомъ и больше ничѣмъ. Почти тоже слѣдуетъ сказать о романѣ французской феи Мелюзины, полуженщинѣ, полузмѣѣ, вышедшей замужъ за графа Раймунда де Пуатье, давшей ему десять сыновей, но исчезнувшей по обнаруженіи двойственности ея природы; разсказъ этотъ черезъ Германію и земли западныхъ славянъ прошелъ въ правобережную Украину (Сумцовъ. Культ. переж. Кіев. Стар. 1889 г., III., 668), и отразился здѣсь только въ названіи мелюзинами пѣвицъ, полуженщинъ, полурыбъ (Чуб, т. I., в. 1., 209). Но если романъ о Мелюзинѣ не имѣетъ ничего общаго съ повѣрьями о русалкахъ, то по своему основному мотиву онъ представляетъ нѣкоторое сходство со сказками о дѣвицѣ и женѣ змѣяхъ, являющихся, какъ и Мелюзина, до поры до времени, т. е. до указанія на ихъ змѣиную природу, существами благодѣтельными. Такъ, въ сказкѣ, записанной мною въ Лубенскомъ у., вокругъ шеи соннаго мальчика обвилась змѣя, превратившаяся въ царевну изъ окаменѣлаго царства. Она помогала потомъ всю жизнь своему любимцу,

между прочимъ, подаривъ рубашку изъ змѣиной силы. Болѣе подробный и лучшій варіантъ этой сказки приведенъ у Чубинскаго (т. II, № 135, стр. 432—445). Въ сборникѣ же Аѳанасьева „Рус. нар. сказки" змѣя—дѣвица входитъ лишь эпизодически въ двѣ сказки о волшебномъ кольцѣ. Въ первомъ варіантѣ дѣвица, окруженная огнемъ и спасенная крестьяниномъ, обращается въ змѣю (т. I, стр. 319)., во второмъ (стр. 324) наоборотъ—змѣя на кострѣ послѣ спасенія обращается въ дѣвицу. Еще ближе къ главному мотиву преданій о Мелюзинѣ другая сказка, также записанная въ Лубенскомъ у. Въ ней парень поджегъ копну, гдѣ скрывалась змѣя. Змѣя, вылѣзши, обратилась въ дѣвицу, вышла замужъ за парня и жила съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не назвалъ ее гадиной. Съ этой минуты она удаляется навсегда, дѣти обращаются: сынъ въ соловья, дочь—въ жабу. Первая половина сказки у Чуб. (т. II., № 2, 12) такая же: змѣя обращается подъ вѣнцомъ въ женщину, живетъ съ мужемъ и удаляется отъ него навсегда послѣ упоминанія о ея змѣиной природѣ.—Такимъ образомъ, русалки отличаются отъ всѣхъ перечисленныхъ фантастическихъ существъ тѣмъ, что въ природѣ ихъ нѣтъ ничего двойственнаго. Онѣ, по Соловьеву, Аѳанасьеву и Кавелину, души умершихъ молодыхъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей (Кавелинъ. Сочиненія. Москва. 1859 г., IV, 205). Русалки—утонувшія дѣвицы (Арендаренко. Зап. о Полт. Губ. II., 215. Чуб. т. I, 207), или дѣвицы, умершія на зеленыхъ праздникахъ (Nowos. Lud. Ukraińs., I, 78, 79). Русалки, дѣвушки и женщины утопленницы дѣлаются женами водяныхъ (Ивановъ. Народн. разск. о домов., лѣш., водян. и русалкахъ. Хар. 1893 г., 48). По бѣлорусскимъ повѣрьямъ, русалки—также утопленицы женщины; онѣ щекочутъ людей, поймавшись служатъ человѣку до года и выполняютъ разныя работы; питаются паромъ (Романовъ. Бѣлор. Сб. Витебскъ 1891 г., IV., 139, 140, 216). Но такое представленіе о русалкахъ, какъ о взрослыхъ дѣвушкахъ и женщинахъ, встрѣчается только въ искусственной поэзіи, въ литературѣ и живописи, народу же, по крайней мѣрѣ въ центральной Малороссіи, оно совершенно чуждо. Здѣсь нѣтъ никакихъ ска-

зокъ, пѣсенъ, повѣрій или обрядовъ о такихъ русалкахъ. Народъ знаетъ только русалокъ дѣтей. Онѣ мертворожденныя, присланныя матерями, вообще некрещенныя дѣти. (Бантышъ-Каменскій. Истор. Малор. III. 197, 198., Арендаренко. Зап. о Полт. Губ. II, 215, Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1873 г. V., 410, 411. Ивановъ. Нар. разск. о домов. 45). Къ русалкамъ принадлежатъ и дѣти, убитыя матерями при рожденіи (Шевченко. Кобзарь. 1883. Русалка. 225). По повѣрьямъ Подольской губ., потерча или поторочa превращается только по прошествіи семи лѣтъ въ русалку-мавку или малку (Шейковскій. Бытъ под., в. II, 6).

Пребываніе русалокъ за гробомъ изображается народомъ въ такихъ краскахъ: Русавкамъ на тимъ свити темно. Іи душечка такъ лита, якъ птыця по дереву, ій прыстановыща нема. И плачется вона на свою матирь, шо маты іи не зберегла. У четверъ на клечальныхъ святкахъ Богъ избира до миста, тоди имъ трошкы выдненько, а то имъ усе темно. Такимъ образомъ, русалки появляются на свѣтъ только на зеленыхъ святкахъ, что подтверждается и печатными матеріалами. Недѣля до Троицына дня называлась въ Россіи XII в. русальною. Русалки могутъ являться на свѣтъ только въ день св. Духа и Троицынъ. Дѣвки и женщины запасаются зорей или любысткомъ, чтобы ихъ не защекотали русалки [1]). (Бантышъ-Каменскій. III, 197, 198). Русальчынъ, мавскій велыкдень бываетъ въ четвергъ на зеленой недѣлѣ. Въ этотъ день не работаютъ, чтобы не обидѣть русалокъ, и всю недѣлю не купаются въ одиночку (Богдановичъ. Свѣдѣнія о Полт. губ. 195, 234. Чернявская. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. 17). На русальчынъ велыкдень женщины, терявшія некрещенныхъ дѣтей, собираютъ дѣтей съ околодка, или какихъ попадется, и угощаютъ ихъ варениками, паляницами, пирожками, бубликами (мои Обр. и пѣсни Луб. у. 171). На русальной недѣлѣ въ Бѣлоруссіи дѣвки, качаясь на вѣтвяхъ, зазываютъ русалокъ. Дѣтей не пускаютъ купаться. (Зап. Рус. Геогр. Общ.

[1]) Lychnis chalcedonia. L., Levisticum officinale. L. Особенно предохраняетъ полынь, Artemisia Absinthium.

V. 410, 411). Русальчынъ велыкдень называютъ еще „сухый четверъ, такъ якъ тоди тилько росавкы просыхають, ато усе имъ мокро". Въ эти только дни и можно сдѣлать наблюденія надъ управленіемъ русалками, мѣстами ихъ пребыванія, наружностью, ихъ превращеніями. Управляетъ русалками особая старшая или игуменья, а по другимъ повѣрьямъ—дидъ или святой. Подъ такимъ надзоромъ, или и безъ него, русалки пасутся, какъ гуси, на островахъ, болотахъ, поляхъ и лѣсахъ. Они встрѣчаются въ копцахъ, но не могутъ переходить межъ. (Романовъ. IV, 216). Чаще всего онѣ бываютъ у воды; здѣсь онѣ купаются, бѣгаютъ, кричать, какъ кошки. (Б. Каменскій. III, 197, 198). Любятъ больше стоячую воду и мелкія, не быстрыя рѣчки, „шобъ не занесла вода". Русалки представляются смѣющимися, хлопающими въ ладоши дѣтьми, кричащими: „гупъ! а де вы?", а также поющими. Тѣло у нихъ голубоватое, синеватое или темное. „Голи скризь, зъ осокы косы" (Шевченко, 27 стр.). Часто одѣты въ красномъ. Изрѣдка появляются онѣ въ видѣ кошекъ (Зап. Юго-Зап. Отд. Геогр. Общ. 1874 г., II, 357), лягушекъ (Ивановъ. Нар. разск. о дом., 45) или мелкими животными изъ породы грызуновъ. „Родъ крысы, полове, хвистъ длынный, уха въ гору, на лапахъ по пьяты пальчыкивъ, йе нёхти. Собака не займала" (отъ Николая Ивахненка, м. Снѣтина). Къ русальчыному велыкодню относятся и слѣдующіе разсказы: „Йшовъ дидъ на охоту, переходывъ болото. Русалкы угналысь за дидомъ. Винъ добигъ до дуба, ализъ, а воны й соби дерутся та хихочуть. Дидъ выстрелывъ, воны тоди одбиглы одъ дуба у копанку, тай купаются; и купалысь до дванацяты часивъ. Плыгають и кажуть: ухъ, ухъ! соломьяный духъ. Маленьки диты, швыдки, сыненьки, або голубеньки (отъ Д. Бугаевой, с. Литвяковъ).

Спиваютъ и такои:

Не бый нога объ ногу,
Не сій борошна на дижу,
Ухъ, ухъ! мене маты нехрещену вродыла,
На камени садыла.

(отъ А. Гетмановой, м. Снѣтина).

Пишлы дивчата на поле рвать квитокъ на русальчынъ велыкдень. Прыйшла одна до балкы, колы плыгають диткы манюни. А вона помахала на другу нышкомъ. Якъ прыбигла та друга та въ крыкъ, та въ голосъ, та давай тикать. Прыбиглы додому, заболилы и вмерлы (отъ Е. Павликовой, с. Литвяковъ).

Ишла жинка у село, колы выходять чотыри росалки, маленьки, у червонихъ сорочкахъ, въ лодони плещуть:

Мене маты вродыла
Та въ хрестъ не вводыла.

Узяла жинка соломыну и усихъ перехрестыла (отъ Н. Кедевой, с. Литвяковъ).

Подобный случай передается въ Оверной сказкѣ. На разсвѣтѣ дѣти въ бѣломъ окружили проѣзжаго и требовали у него крещенія (P. Sébillot. Contes. № 32. Les enfants des limbes).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что русалки, не имѣя въ природѣ своей ничего стихійнаго и двойственнаго, составляютъ лишь разновидность мертвецовъ.

В. Милорадовичъ.

САВА ЧАЛЫЙ.

Трагедія въ 5 діяхъ и 7-ми картынахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Потоцькій, коронный гетманъ

Шмигельскій, Жезницкій, Яворскій, Качинска, Кася, іи дочка — шляхта.

Зося Курчинска, потимъ жона Чалого

Сава Чалый

Гнатъ Голый, его побратымъ

1, 2, 3 — запорожци.

Медвидь, Грыва — спершу селяне, потимъ гайдамакы.

1, 2, 3 — чоловикы.

Гайдамака

1 2	бабы.
Нянька, биля дытыны Чалого	
Кульбаба **Кравчына** **Яквъ** **Молочай** **Мыкыта**	гайдамакы.

ДІЯ І.

Середына пусткы. Лавы. Стилъ на трехъ ногахъ. Пичь наполовыну розвалена. На стини высыть жыдивськый халатъ. На сцени нема никого.

Ява 1.

Медвидь и Грыва (*входять*).

Грыва (*Зъ косою направець въ рукахъ. Зъ дверей*). А хто тутъ е, оовыся!

Медвидь. Нема ще никого—рано!

Грыва. А тутъ бевпечно, справди.

Медвидь. Эге! Нихто зъ сипакъ дворовыхъ не загляне; а на сели, то такъ скризь и зорять, щобъ не збиралыся на раду.

Грыва. Сюда нихто и носа не наверне! Одно—далеко видъ двора, та ще й въ яру глыбокимъ, а друге—пустка, то побоятся, щобъ часомъ бува, не здыбавъ тутъ ихъ Сава Чалый.

Медвидь. Паны тутъ вси навколо лышъ Савы Чалого бояться, а нашъ братъ ихъ ни крапли не страшыть—такъ вже прывыклы всихъ вважать за быдло! А ты жъ куды прямуешъ?

Грыва. У лисъ до Савы.

Медвидь. Винъ буде тутъ сегодня. Обищавъ прыйты на раду.

Грыва. Отъ и гараздъ. А Сава мытець!

Медвидь. Запорожець, та й запорожець бра не кожный зъ нымъ зривняется. Винъ вченый сыльно; учывся, кажуть въ

Кыиви, у братстви. Его й на сичи поважають, тамъ и батько его старый, въ повази бувъ.

Грыва. Выгодувавъ Чалый сына Саву, козакамъ на славу.

Медвидь. Кошовымъ хотилы Саву обибрать, такъ щось не тее... Старшына знать противъ него.

Грыва. Кажуть, Сава не згожуется зъ тымъ, що завелось теперъ на сичи. Винъ хоче людей и виру бороныть, а старшына бильшъ тягне за панивъ.

Медвидь. Такъ отъ винъ и кынувъ сичъ! Побратавсь зъ Гнатомъ Голымъ и скризь по Украини панивъ лякають въ двохъ.

Грыва. У двохъ? Ото сказавъ! У двохъ никого не злякаешъ. У ныхъ ватага е велыка, та все таки завзятци, що й чортъ имъ самъ не братъ!

Медвидь. Якъ бы такихъ побильше, то лекше-бъ намъ жылось... Глянь!

Грыва. А що ты тутъ побачывъ?

Медвидь. Тилько лапцардакъ зостався.

Грыва. Жыдивськый?!

Медвидь. Эге... У цій корчми жыдъ арендарь сыдивъ немылосердный. Тилько хто пысне бувало противъ него, заразъ у двиръ; а у двори за жыдомъ тягнуть, якъ за братомъ, бо винъ вси переправы, вси попасы державъ и мыто бравъ... Обдыравъ людей на панську и свою корысть. Дознавсь про цее Сава и прыстращавъ орендаря. Орендарь сторожею корчму обставывъ, и ще гирше почавъ грабуваты. Тоди Гнатъ Голый сторожу розигнавъ и всихъ жыдивъ поризавъ.

Грыва. И це давно було?

Медвидь. Та на тимъ тыжни.

Грыва. Дыво.

Медвидь. Яке?

Грыва. Та таке, що новихъ жыдивъ орендаривъ и доси тутъ нема.

Медвидь. Боятся.

Грыва. Нищо ихъ не страшыть, колы пожыву чують! Не вспіе кровъ засохнуть тымъ, що вчора вбыто, дывы—вже нови орендари въ корчми сыдять!

Медвидь. Вирни панськы слугы.

Грыма. А людськи пьявкы.

Медвидь. Якъ бы не орендари, зъ панами лекше-бъ було жыты.

Грыва. Якъ бы не паны, то й орендаривъ-бы не було.

Медвидь. И то правда. И скажы на мылость: ну будемъ казать панъ; хочъ винъ и католыкъ, такъ хрестъ же въ насъ одынъ; а жыдъ—невира... Чому-жъ не зъ намы, а зъ жыдамы паны жывуть такъ, якъ браты? И звидкиля воно це взялося? Невже такъ съ поконъ вику?

Грыва. Ни. Дидъ мій сто двадцать литъ прожывъ на свити, такъ винъ казавъ, що межъ людомъ и панамы була братерська згода и всимъ тоди жылося якъ въ раю.

Медвидь. А зъ чого сталося усе?

Грыва. Якъ зачепылы попы ихъ нашу виру, а паны имъ сталы потурать, такъ прогнивылы Бога—и пишло и пишло! Такъ отъ звидкиль та ненависть иде; а теперъ вже до жывого допекло! Чуешъ?... Гупотыть?! (*Бере косу въ рукы*).

Медвидь. Це певно наши. (*Прыслухается*). А якъ сипакы панськи—козакы прымитылы, то заберуть оттутъ якъ тихъ курей на сидали.

Грыва. (*Трясе косою.*) Я не здамся.

Медвидь. (*Показуе кинець палыци, на которій спысъ*). Та й въ мене е; але що-жъ мы зробымъ протывъ сылы?

На двори голосъ. Гей, а хто тутъ е—озовыся!

Другый голосъ. Певно ще нема никого; а може й не прыйдуть, побоятся!

Медвидь. Наши!

Грыва. Ще не вчени. И якого бисоваго батька гомонять. Що за необачный народъ—тилько зибралысь въ купу, такъ и гвалтъ.

Медвидь. Заходьте въ хату—не крычить!

Ява II.

Ти-жъ и багато людей.

Медвидь. Та тутъ и половыны ще нема громады.

Гаврыло. Такъ змовылысь: щобъ не прымитывъ двиръ, не всимъ збиратыся на раду.

Медвидь. И це дило.

Гаврыло. А хто-жъ оце чужый межъ намы?

Грыва. Чужый я тилько на облычча, а бида у насъ одна. Тикаю зъ слободы у лисъ.

Гаврыло. Щаслывый, що не піймалы; а въ насъ зъ собакамы вышукують и ловлять всихъ утикачивъ. Здается й не въ тюрми, а скризь сторожа панськая чатуе.

Медвидь. Иды, Мыкыто, на двиръ и стань лышь ты на варти. Тилько чатуй добре.

Мыкыта. Очи вытрищу, якъ сова, а вуха наставлю, якъ лысыця. (*Выйшовъ*).

Медвидь. Ну, що-жъ паны братья: чи будемъ панщыну робыть, чи будемо тикаты?

Гаврыло. Куды-жъ его втичешъ видъ панськихъ козакивъ?

Медвидь. Сава обищавъ видъ погони оборонять.

1 Чоловикъ. А де-жъ Сава? Колы-бъ видъ него раду намъ почуть!

Медвидь. Сегодня буде тутъ. Казавъ, що въ двиръ загляне, бо хлиба и пшона въ нихъ обмаль, а брать зъ людей харчи его товарышъ Гнатъ не хоче.

Гаврыло. То пидождемъ Саву.

Медвидь. А покы Сава прыйде, треба намъ обмиркувать. Не одынъ же чоловикъ, а цила, мовлявъ, громада. Треба, що-бъ змовытысь, що-бъ думка була одна у всихъ, а то якъ прыйде Сава, то въ насъ тоди почнется суперечка.

Вси. Такъ такъ!

Гаврыло. Треба погодытысь.

Медвидь. И знайте вси, що тры дни тому пазадъ, ото якъ мы чыншу платыть не захотилы, лыстъ пишовъ до Канева, що мы бунтуемъ! То глядить, що самъ Потоцькый наскочыть на село зъ волохамы своимы и шкуру спустыть зъ насъ.

Гаврыло. Трекляте жыття! Зъ кожнымъ днемъ росте и чыншъ, и панщына, й податкы—не сыла намъ ихъ одбувать.

1 Чоловикъ. Насъ заманылы всихъ на слободы и якъ селылысь тутъ, то обищалы намъ, що по два злоты въ рикъ чыншу мы будемо платыть у панськую казну на вичнисть, а теперъ...

Гаврыло. По-малу, по-малу набавлялы, та вже дійшло до никуды.

Медвидь. Звидкиль ты визьмешъ заплатыть у панськую казну видъ кожного тягла 46 злотыхъ и 68 грошей?

1 чоловикъ. Та щей й десятыну дай: видъ пасыны, выходыть очкового, 2 куркы, 20 яець, двадцять пасомъ прядыва.

Грыва. А осепъ жыта, та вивса; чи може у васъ того нема?

Медвидь. Йе. А подорожчына? Всего й не злычышъ, бо кожный день выгадують нове: то шарваркы, то за аркы, то оборкы, закоскы, обкоскы, зажынкы, загрибкы, огребкы....

Грыва. А у насъ ще не въ зачетъ скилько: садыть капусту, мочыть лёнъ, готовыть его до пряжи, полоть просо, пшеныцю, давать по черзи варту: и на тикъ, и въ двиръ, и въ корчму!

Медвидь. Такъ, якъ и у насъ! Скризь однаково.

Вси. Хочъ здыхай!

1 Чоловикъ. Або тикай, або здыхай, або роды що дня на панську казну.

Медвидь. А оце вчора загадалы нову панщыну.

Гаврыло. Яку? Я ще не чувъ!

Медвидь. Одынъ день за березову кору, одынъ день за рыжыкы, одынъ день за опенькы; и ще—це вже прямо на смихъ—одынъ день панщыны за ти квитки биленьки, круглі, якъ горохъ, що на провесни ростуть у лиси.

Грыва. За просеренкы бъ то?

Медвидь. Може ще й за просеренкы загадають, а то квиточкы таки пахучи весняни, забувъ якъ ихъ называлы, лыбонь-чы ландышы, чы що?

Грыва. Пахучи, кажешъ?

Медвидь. Эге, таки биленьки.

Грыва. Ага! Що-бъ и квитокъ не нюхалы даремно. Ну въ насъ до цего ще не додумалысь.

Медвидь. Додумаются! Одынъ у другого повчаются! Я певенъ, що ще за сонце и за мисяць будемо панщыну робыть, бо воны-жъ свитять даремно тилько панамъ (*вси сміются*).

Гаврыло. Отъ и розсмишывъ насъ Медвидь.

1 чоловикъ. Що-жъ его робыть?

Вси. Тикать!

Гаврыло. Куды?

Грыва. Тикають люде звидсиль: одни до гайдамакивъ прыстають, други —шукають новихъ слобидъ.

1 чоловикъ. Та йты самому въ лисъ не штука, а отъ якъ жинку, дитокъ безпомошныхъ покынуть тутъ,—на ныхъ же упаде и помста й кара.

Гаврыло. Нема кому дать всимъ пораду добру.

Медвидь. Такъ отъ-же Сава обищавъ усихъ насъ вывесты звидсиль.

Вси. Такъ будемо тикать!

Ява III.

Тижъ и Мыкыта вбига.

Мыкыта. Видъ лису йде велыкый гоминъ, багато десь людей зибралось. Брязкъ такый, неначе військо.

Грыва. Може це Чалый зибравсь обчыстыть панськи коморы.

Медвидь. А ну лышъ, цытьте! (*Прыслухае биля викна; тыша*). Эге, чутно вже клекитъ. Колы йдуть гучно, гомонять, то це не гайдамакы, а певне панське військо! Треба намъ выйты звид-

силя, бо якъ прыйде охота освитыть шляхъ, то корчму цю заразъ запалять. Перше я выйду. Сыдить тыхо. Та слухать: що звелю—робыть всимъ мытью! (*выйшовъ.*)

Ява IV.

Ти-жъ безъ Медведя.

Грыва. Зъ Медведя добрый бувъ бы ватажокъ.

1 Чоловикъ. Эге.

Гаврыло. Якъ скаже що, то заразъ и послухаешъ.

Грыва. Добре слухаемъ, звеливъ же сыдить тыхо, а мы гомонымо. (*Мовчать. Тыша якый часъ. Хтось кашлянувъ*). Не кашляй! (*Легкый смихъ*).

Ява V.

Ти-жъ и Медвидь.

Медвидь. Корчму мынулы. Та не мене насъ, братци, лыха годына! Це Потоцькый зъ волохамы своимы прыйшовъ провчыты насъ за те, що мы не хочемо платыты чыншъ.

Вси. Отъ и диждалы.

1 Чоловикъ. Пропащи мы!

Гаврыло. Закатуе.

Мыкыта. Я пиду назырци за нымы, колы що трапытся—дамъ звистку, а вы тутъ Саву дожыдайте!

Ява VI.

(*Ти-жъ и Сава Чалый, одягненый по запорожському, а зъ нымъ дви бабы одягнени бидно, замучени*).

Медвидь. И ждаты не прыйшлось.

Вси (*одынъ другому тыхо*). Сава, Сава, Сава!

Сава. Я, паны братья! (*Мыкыта выйшовъ*). Чи поховалыся сюды, якъ видъ шулики горобци, а чи на раду вси зибралысь?

Медвидь. Зибралыся на раду, пане атамане, а тымъ часомъ и шулика въ село прылетила.

Чалый. Сюды прылетила, а звидциля може не полетыть. Теперъ тамъ биля двору мій побратымъ Гнатъ Голый зъ десяткомъ добрыхъ молодцивъ Потоцького чатуе, а завтра вже пошмалымъ крыла.

Медвидь. Колы-бъ же то!.. А це що за молодыци?

Чалый. Не знаю. Я тилько що зустривъ ихъ—ховалысь тутъ въ яру, и вспивъ дознатысь лышъ, що въ Лебедынъ зъ Немырова тикають. Ну розскажить, що робытся въ Немырови у васъ?

1 молодыця. Охъ, лебедыкы, бодай и не казать: нема у насъ въ Немырови ни права, ни суда, нема кому и пожалитысь: до пана вельможного, до самого гетмана Потоцького—не можна доступытысь, а шляхта урядова, особлыво панъ Жезницкый, робыть те, що самъ захочыть. Не буду вже розсказувать за другихъ, а лышъ скажу про себе: сына мого едынычку Гаврыла Гуску—це таке прозвыще у насъ—панъ Жезницкій повисывъ.

Вси Иродъ!

Чалый. Що-жъ сынъ твій зробывъ лыхого, що такъ покарано его?

1 молодыця. Винъ швець, сынъ мій Гаврыло, швець, лебедыку. Гарный швець, швець на весь Немыривъ; такого шевця нема нигде... Вже якъ пошые кому чоботы, то и скыдаючы, и надиваючы дякують. Эге. А панъ Жезницкій прызнавъ его за гайдамаку! Ты, каже, чоботы шыешъ гайдамакамъ! Чы винъ же знае, кому шые? Чы ксендзъ, мои лебедыкы, чы гайдамака, чы панъ, чы свынарь—ему усе одно: шые! Побый мене Богъ шые—и гарно шые: чи свынарь, чи панъ—шые однаково!

Чалый. Та якъ же такъ, ни зъ сего, ни зъ того—гайдамака!

1 молодыця. Ни, лебедыку, ни, мій голубчыку—и зъ сего и зъ того! Правду кажу, якъ передъ Богомъ—и зъ сего и зъ того! Панъ Жезницкій звеливъ пошыть соби чоботы, хороши чоботы, козлови. И пошывъ мій сынъ ему чоботы, настоящи козлови, хочъ бы й гетманови, таки гарни. И запросывъ мій сынъ

пьять злотыхъ за ти чоботы—козелъ и весь наборъ панивъ, а тилько дратва та ще пидковы, гвозди и шытво—и за все пьять злотыхъ. А панъ Жезницкій розгнивався, каже: ты за честь повыненъ мать, що мени чоботы пошывъ, а ты пьять злотыхъ, гайдамако, правышъ?—У тюрму его! Було-бъ уже виддать ему ти чоботы, а Гаврыло розгнивався, чобитъ не давъ и въ тюрму йты не захотивъ. Прыслалы козакивъ и взялы его. Я вже и чоботы носыла панови Жезницкому, и оддавала такъ, безъ грошей. Не взявъ. И Гаврыла повисывъ (*плаче*).

Медвидь. Такъ отъ яке жыття...

Чалый. И на очахъ у гетьмана самого. Куды жъ вы идете?

1 молодыця. Тикаемо у Лебедынскій манастырь.

Чалый. Вы мабуть сестры?

1 Молодыця. Одна бида людей една! Я, мій соколыку, перекупка. Торгувала въ Немырови такы, выбачайте, яйцямы, курьмы, молоко продавала и тымъ сама жыла и шестеро дитей годувала, бо чоловикъ давно подався десь въ свита, то я одпымъ одна зосталась. И такъ соби торгую, и такъ соби бидую, и такъ соби дитокъ годую!.. Що-жъ бы вы думалы, мои соколыкы? Той самый панъ Жезницкій та ще Яворскій панъ беруть та й беруть у мене въ боргъ: и яйця, выбачайте, и всяку жывнисть, выбачайте, а грошей не дають: имъ все дурнычкою. Воны попрывыкалы такъ: жыды дають имъ все дурнычкою. Такъ же жыды мають и видъ ныхъ корысть: чы поскаржытся тамъ на хрыстіянына, чи кого одурыть, то за него заступлятся. А за що жъ я ихъ буду дурно годувать. Я въ казну чиншъ платю. И почала я зъ ныхъ гроши правыть и пры инчихъ панахъ, и такъ, де зустрину... Такъ панъ Жезницкій веливъ мени, щобъ я зъ своеи батькивскои хаты выбиралась. Твій чоловикъ, каже, гайдамака, и его хата пиде въ казну. Я не хотила, сперечалася... Тоди панъ Жезницкій вытягъ мене и дитей изъ хаты, а хату запалывъ, и вона згорила. Отъ я и зосталася зъ торбамы. Трое дитей померло, а старшеньки пишли у наймы, а я зъ кумою иду у Лебедынъ—може хочъ помремо спокійно.

Вси (*тяжко зитхаючы*). Горе въ свити, горе въ свити!

Чалый. Одведить ихъ хто у першу хату, нехай дадуть прытулокъ, а завтра я спровадю ихъ у Лебедынъ,—нехай тамъ молятся за насъ.

Медвидь. Проведы ихъ, Панько, до мене.

Панько. Ходимъ.

1 и 2 молодыци. Спасыби, добри люде, за ласку (*выходять*).

Ява VII.

Ти-жъ безъ Панька и молодыць.

Медвидь. Ну, пане Саво, будь нашымъ атаманомъ. Порадь, порятуй, покы ще й насъ не повишалы, та не попалылы.

Вси. Заступысь!

Чалый. Абы слухалы.

Медвидь. Що ты звелышъ, все зробымо.

Вси. Все, прыказуй!

Чалый. Гараздъ. Тилько перше всего вы знать повынни й наши думы, и наши сылы, щобъ зважыть все, на що йдете, та щобъ не ремствувалы потимъ, колы намъ буде неудача—бо ждаты всего треба...

Вси. Слухаемъ, слухаемъ!

Чалый. У Чорнимъ лиси, въ яру глыбокимъ, въ гущавыни такій, що тилько вужъ пролизе, мы кошемъ оташувалысь. Позадъ коша глыбокее проваллл, а спереду и зъ двохъ боkивъ ровы глыбоки покопалы и, порубавшы столитнiи дубы, одынъ на другого звалылы. Війська маемъ мы всего двисти чоловикъ и одну гармату. Це наши сылы, це нашъ замокъ, куды въ прыгоди мы можемъ заховатысь! У цёму мисти, не то що панъ Потоцькій, а вси украинськи паны нехай зберутся, насъ не добудуть, абы харчи булы.

Грыва. Я прыстаю до вашого коша! И покы смерть мене не скосыть, косыты буду самъ!

Медвидь. И я прыстану.

Чалый. Теперъ, колы вы знаете, яки въ насъ сылы, послухайте и наши думы.

Вси. Слухаемъ, слухаемъ (*слухають вытягнувшы головы*).

Чалый. Я всю Украину объиздывъ и серцемъ всимъ переконався, що жыты тутъ немае сылы: отакъ, якъ вамъ, отакъ, якъ цимъ немыровськымъ бабамъ, отакъ усюды-всимъ! Паны зъ жыдами, вирными своими слугамы, у-купи знущаются надъ всимъ посполыльствомъ и знову зневажають виру православну, заводячы скризь унію свою. Немае инчого рятунку: стару Украину покынуть треба всимъ и заснуваты нову на вильныхъ козацькыхъ степахъ: биля Лугу Велыкого, за порогамы по-надъ Днипромъ. Нехай зостанутся мостывіи паны самы въ своихъ маетностяхъ велыкыхъ и нюхають ти весняни квиткы, за котри панщыну робыты заставляють! Скажить же вси: чи згодни вы зо мною?

Вси. Згода, згода!

Медвидь. Веды насъ, Саво, куды знаешъ.

Вси. Вси пидемо.

Грыва. Зъ тобою, Саво, и на смерть не страшно.

Гаврыло. Якъ умирать, то й умирать.

1 чоловикъ. Таке треклятее жыття, що жалкувать его не вартъ.

Медвидь. Мы вси наважылысь уже тикать; та тилько якъ же воно буде, колы не пустять, колы зъ пути зновъ за чупрыны всихъ насъ прыведуть назадъ?...

Вси. Эге... якъ же воно буде?

Чалый. Завтра вси будьте готови покынуты село. Улягома, колы въ двори погасять свитло, мы запалымъ оцю хату. Це буде гасло. Рушайте вси тоди зъ худобою, жинкамы и дитьмы до нашого коша, дорогу вамъ покажуть; мы-жъ нападемъ на двиръ и разомъ зъ тымъ пидпалымъ всю оселю. Ночна доба, пожежа, пальба зъ мушкетивъ и гарматы перелякае такъ усихъ панивъ и слугъ ихъ вирныхъ, що воны мовъ вивци очмаріють и вси розбижатся въ ростичъ!.

Ява VIII.

Вбигае Мыкыта. Ти-жъ и Мыкыта.

Мыкыта. Ой паны братья, страшно и розсказувать не то дывытыся, що заразъ робытся въ двори...

Вси. А що тамъ?

Мыкыта. Зигналы все село до двору.

Чалый. Ну?

Мыкыта. Все дворыще освичено смоляными бочкамы. Волохы сталы у дви лавы, а помежъ лавъ стоить народъ. Позадъ людей волохы кинни, и нахылывшы гостри спысы до людей, на ныхъ вси наступають. Народъ иде по лави, а тутъ волохы зъ двохъ бокивъ бьють всихъ, по чимъ попало, батогамы! Колы дійдуть вси до кинця лавы, то зновъ женуть людей въ другый кинець и знову бьють всихъ батогамы... Гвалтъ стоить страшенный. Старый Харько лежыть вже мертвый!

Медвидь. Прокляти! Прокляти! Батька вбылы!.. (*хватае себе за волося*).

Вси. О—о—о!

Мыкыта. На ганку самъ сыдыть Потоцькій, и на его очахъ волохы роблять осудовысько зъ жинкамы и дивкамы!

Вси. Веды насъ, Саво!

Медвидь. Зъ дрючкамы, зъ косамы—мы будемъ бороныты ридныхъ!

Вси. Помремо вси разомъ!

Медвидь. Запалымъ заразъ все село и двиръ.

Вси. Запалымо! Саво, веды насъ!

Чалый. Не можу я на страту всихъ весты васъ безоружныхъ! Я самъ тремтю увесь видъ злобы, а мушу здержаты себе!.. Онъ якъ озвирюють наши сердця! Та краще жыть зъ вовкамы въ лиси, а нижъ зъ мостывымы панамы на слободахъ!

Ява IX.

Ти-жъ и Гнатъ

Гнатъ (*на нему куртка и штаны зъ телячои шкуры, на ногахъ постолы, сорочка обмочена въ деготь; пры боци шабля, въ рукахъ мушкетъ*). Сава тутъ?

Чалый. Тутъ! Все знаю, брате, я—и стою, якъ левъ прыкованый на ланцюзи; безсылля гнитыть душу, а злисть и помста палять серце!

Гнатъ. И злисть, и помсту мы заразъ вдовольнымъ! Отъ слухай. Якъ тилько запалылы смоляни бочкы и почалы знущатысь надъ людьмы волохы, мы въ мыть одну уси бочкы кыреямы накрылы и воны погаслы. На двори темно стало такъ, мовъ хусткою всимъ очи завъязало. Волохы очмарилы и вси стоялы нерухомо; а мы тымъ часомъ конямъ ихъ, що у коновьязи стоялы, розпорювалы жывоты. Не вспилы ще до розуму прыйты волохы, якъ крыкнулы страшенно мы: Сава Чалый! Волохы кынулысь тоди до коней. Мы плюнулы имъ въ вичи зъ десяты мушкетивъ и понеслысь на своихъ коняхъ въ степъ!

Чалый. Орле мій, брате мій (*обнима Гната*).

Гнатъ. Теперъ же отъ що: тикайте вси до хатъ своихъ.

Вси. Ведить насъ на волохивъ!

Чалый. Идить, прывчайтесь слухать! (*выходять*).

Медвидь (*на выходи*). Ой, горыть душа! (*выйшовъ*).

Грыва. Эхъ жаль, що тутъ немае хочъ поганенькои якои шкапы, вже-бъ я видъ васъ тежъ не видставъ, а коса у мене добра й довга (*выйшовъ*).

Ява X.

Сава и Гнатъ.

Гнатъ. Колы погоня буде, воны роздилятся на тры шматкы. Своихъ поставывъ я въ засаду. Мы кынемось на ныхъ зъ обохъ бокивъ и зъ заду, пальнувшы перше изъ мушкетивъ; прочыстымо ряды шаблямы—а потимъ вси у ростичъ!

Чалый. А кони наши де?

Гнатъ. Тутъ биля дуба у яру (*вбига Медвидь*).

Медвидь. Летять волохы мовъ скажени и шляхъ освичують верхови смолянымы лыхтарямы.

Гнатъ. Видъ такого свитла далеко не побачышъ! Ходимъ! Покы воны пиднимутся на гору, мы яромъ будемъ биля нашихъ!

Чалый. О, колы-бъ я мавъ теперъ сто рукъ и въ кожній змигъ трыматы десять шабель, щобъ заплатыть гордыни и по-

карать іи пыху, то и тоди-бъ, здается, ще не вдовольнывсь. Ну, брате, або дома не буты, або славы добуты!

Зависа.

ДІЯ II.

Палацъ. По пиднаттю зависы на сцени пусто.

Ява I.

Входыть Шмигельскій, за нымъ Жезницкій.

Жезницкій. Ха! То пану такъ здается; я-жъ запевняю, що новый цей ватажокъ—есть справжній Сава Чалый.

Шмигельскій. Панъ Жезницкій готовъ всимъ посполитымъ дать одно имя „Сава Чалый“ и разомъ всихъ на палю посадыть!

Жезницкій. Панъ Янъ щось протывъ мене мае, бо скилько разъ траплялось, що панъ мени все робыть и говорыть навпакы!

Шмигельскій. Не по души мени кривава праця! А панъ Чеславъ купается що дня зъ хлопській крови и кожный день шукае новыхъ жертвъ для того лышъ, щобъ вдовольныть свою жадобу крови.

Жезницкій. Помылка то велыка! Я хлопивъ непокирныхъ на корысть краеви караю..... Важкый це обовьязокъ, правда; тымъ бильша честь тому, хто его выповняе.

Шмигельскій. Честь?! Фи! Мучыть беззоружныхъ хлопивъ, втынать имъ головы, садыть на палю—це не шляхетське дило: для того е волохъ, татарынъ, нимець...

Жезницкій. Я-бъ пана Яна зъ охотою на палю посадывъ за таки речи.

Шмигельскій. Нехай панъ Чеславъ стережется, щобъ часомъ справжній Сава его не злапавъ и не утнувъ ему языкъ.

Жезницкій. Сава сыдыть у мене тутъ въ тюрми—а пана Яна жде тюрма и кара за те, що винъ спріяе хлопамъ!

Я в а II.

Ти-жъ и Потоцькій зъ гайдукамы и козачкамы.

Жезницкій и Шмигельскій кланяются.

Потоцькій (*до Жезницкого*). Ну, що твій Сава?

Жезницкій. Мовчыть.

Потоцькій. Допытувать не вміешъ!

Жезницкій. Кисткы вси потрощывъ; діяволъ-бы, здается, вже забалакавъ, а винъ—немовъ глузуе: знай, усмихаючысь, мовчыть. Я певенъ въ тимъ, що цей шакалъ не хто другый, якъ Сава Чалый!

Потоцькій. Мы двохъ вже Савъ на палю посадылы—одного вслидъ за другымъ; а черезъ день піймався третій гайдамака, и Савою себе винъ тежъ назвавъ! Теперъ мовчыть, якъ кажешъ, и мы не знаемъ—хто винъ?!

Жезницкій. Сава Чалый, прысягаю! Перши два—то булы прости хлопы, бо не выдержувавъ тортуръ зъ нихъ ни одынъ—прынаймни хочъ крычалы, а цей діяволъ очыма тилько свитыть и мовчыть—це Сава, прысягаю!

Шмигельскій. Такый самый Сава, я чувъ, сыдыть въ тюрми у Билій церкви, за те, що ограбывъ московськыхъ крамаривъ... Савъ теперъ багато по Украини...

Потоцькій. Повись его, то меньше буде Савъ.

Жезницкій. Щобъ страху хлопамъ бильшъ нагнать и заспокоить шляхту, его жывымъ розризать на шматкы и розислать на ярмаркы; а голову на майдани, въ Немырови, поставыть, щобъ зналы вси, що Саву вже піймалы й тяжко покаралы!

Потоцькій. Такъ и зробы.

Жезницкій. Може панъ Янъ прыйде подывыться на операцію?

Шмигельскій. Колы панъ Чеславъ зъ людського мяса буде йисты бигусъ, тоди прыйду и я на звиря подывытысь!

Потоцькій (*встае*). Що за речи?.. Жезницкій выповняе мои наказы, то й я выходыть звирь такый же, якъ и винъ?

Прошу думать перше, а потимъ говорыть. (*Жезницкій, потыраючи рукы, выйшовъ*). Якъ бы я не любывъ пана Шмигельского за его розумъ оригинальный, то за слова таки Жезницкому я давъ бы право побалакать зъ паномъ Яномъ за стиною!

Шмигельскій. Ничого дывного у тимъ бы не було! Тыгры и шакалы теперъ бильшъ въ цини, нижъ люде зъ серцемъ и характеромъ шляхетнымъ!

Потоцькій (*сидае*). Панъ Янъ, побувшы при двори Щенсного, набрався хымерныхъ поглядивъ на хлопа; соціянство збыло пана зъ пантелыку, и тимъ самымъ винъ зопсувавъ рыцарскій характеръ—ставъ баба!.. Щенсный есть ворогъ Украины, винъ мылосердіемъ своимъ надъ хлопомъ помигъ тому, що купы гайдамацьки скризь росплодылысь и все псують и ныщать край, що ледве змигъ ожыть писля руины.

Шмигельскій. Ясновельможный пане! Навищо-жъ такъ багато мукъ и крови? Кары кровави й мукы зроблять хлопа нашого шакаломъ; шакалови-жъ лышъ мясо пахне всюду!

Потоцькій (*гнивно*). Хлопъ бувъ шакаломъ, есть и буде! Паля и шыбеныця—отъ мій девизъ!

Шмигельскій. Ясновельможный пане, прошу ласкаво звернуть увагу на мои речи. Прошу не гниватысь и дать вельможне слово, що я ричамы своимы не одверну видъ себе ласку панську.

Потоцькій. Тилько для того, що панъ Шмигельскій оригиналъ—я буду слухать.

Шмигельскій. Бида у тимъ, що вельможне панство не зна и знать не хоче, якъ хлопъ жыве! А хлопови далеко гиршь жывется, нижъ панськымъ конямъ та собакамъ!

Потоцькій. Ну, що-жъ бы ты хотивъ? Щобъ я поставывъ усихъ хлопивъ замисць коней на стани, дававъ вивса имъ, нигти имъ обтынавъ, чесавъ ихъ кудлы—чи якъ? Або щобъ въ палаци моимъ, замисть собакъ, лежалы на дыванахъ хлопы? Ха—ха, тоди прыйшось-бы викна вси повыбывать, бо й

самъ бы чортъ не высыдивъ у кимнати, колы зъ десятокъ хлопивъ тамъ покласты!

Шмигельскій. Я не для того просывъ дозволу говорыть и ласкы панськои мене послухать, щобъ панъ вельможный пожартувавъ надъ тымъ, що я давно хотивъ сказать, видъ чого въ мене серце кровью окыпае.

Потоцькій. Чого-жъ ты хочешъ? Щобъ я бувъ хлопамъ хлопъ?

Шмигельскій. Ни. Ясновельможный панъ, монархъ народови своему, пидъ власною рукою винъ мае двисти тысячъ— винъ мусыть знать народъ свій, и якъ народъ его жыве, а винъ того не знае...

Потоцькій. А сто діяволивъ! Ты гнивъ ворушышъ въ серцеви моему! Видкиль же хлопа знаешъ ты?

Шмигельскій. Я жывъ середъ народа, я братавсь зъ нымъ, зъ однои мыскы йивъ и рядомъ спавъ!

Потоцькій. Фи! мени здается, що у пана Шмигельского и теперъ въ сорочци кузкы лазять!

Шмигельскій. Але то не заважае мени знать, що скризь велыки податкы ныщать хлопа, и хлопъ не мае права пыснуть, бо караты его мае право усякый челядынець панській. Николыбъ смутъ цихъ не було, и мы-бъ про гайдамакъ не чулы, якъбы въ видносыны до хлопивъ заложени булы: справедлывисть, любовъ вселюдська, бо хлопъ украинскій зъ прыроды добрый...

Потоцькій. Розбещеный и злый зъ прыроды! Не знае самъ, чого винъ хоче, и радъ бы свитъ весь запалыть и самому згорить въ тому вогни! Кыдае працю, иде въ лиса, жыве грабункомъ, а за помичью такихъ харцызивъ, якъ Сава Чалый збирается у купы и напада не тилько на дворы, але й на замкы, и лье ричкамы кровъ шляхетську! Такъ що-жъ: чы не звелыть намъ панъ сыдить згорнувшы рукы и ждать, покы усихъ насъ не порижуть хлопы?

Шмигельскій. Ясновельможный пане, прошу не гниватысь, я ще своихъ думокъ не высловывъ цилкомъ! Я не кажу, щобъ намъ сыдить згорнувшы рукы.... И судъ, и кара мусять

робыты свое дило; я лышъ хотивъ, щобъ панъ вельможный зауважывъ прычыны ти, зъ якыхъ пиднявся гайдамацькій рухъ, щобъ власною рукою й правомъ вельможный панъ, якъ монархъ, прычыны ти на викы знисъ зо всеи Украины; щобъ справжній судъ, и лышъ по кодексу, судывъ и всихъ однаково каравъ! Тоди не буде миста для шыбеныцъ, тортуръ и паль, бо кровъ, колы іи якъ воду точуть, ту мае сылу, що не страшыть и не прыдержуе учинкы, за котри, ниби, льется; але, якъ масло те въ огонь, ще бильше пидлыва въ запекли людськи души жадобы крови! Покы-жъ на Украини будуть крывды протывъ посполыльства, якымы-бъ мукамы народъ мы не каралы, не диждутся спокою не тилько наши диты, але й онукы наши! Я скинчывъ!

Потоцькій. Ха-ха-ха! Оригиналъ! Панъ Шмигельскій есть знаменитый оригиналъ! Винъ протывъ всіеи шляхты йде, протывъ законивъ Речи Посполитой, заступается за бунты, що хочуть потоптать пидъ ногы навить власть короны! Оригиналъ! За все, що панъ сказавъ, звеливъ бы заразъ я его повисыть, але тоди не буде во всій Речи Посполитой ни одного оригинала!.. Твою оригинальнисть я циню й прощаю тоби твои безъумни речи! Я не сердюся на пана такъ само, якъ ни одынъ король не сердывсь на шута за его прыкри речи!

Шмигельскій. То есть образа, ясновельможный пане; я...

Потоцькій (*схопывся*). Ну! Оригиналы сердыться не мають права, колы до ихъ хымеръ прыхыльни и слухають ихъ короли! Воны повынни мать соби за честь таке поваження за пани-брата! (*Пауза. Сида. Козачокъ подае ему люльку. Говоре спокійно*) Бунты вси кровію пидплывалы зъ поконъ вику, и гайдамацькій бунтъ потоне, а чи погасне у хлопскій крови. Це законъ... Пане Яворскій!

Яворскій (*пидбига*). Слухаю пана!

Потоцькій. Пиды заразъ....

Яворскій. Слухаю пана (*бижыть до дверей*).

Потоцькій. Пане Яворскій.

Яворскій (*вертается*). Слухаю пана!

Потоцькій. Куды-жъ панъ? я-жъ ще ничого не сказавъ.

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій (*курыть и мовчыть. Яворскій не встоить на мисти*). Въ великій сали зибралась шляхта околычна.

Яворскій. Такъ.

Потоцькій. Нехай панъ пиде и запросыть....

Яворскій. Слухаю пана (*бижыть*).

Потоцькій. Пане Яворскій.

Яворскій (*хутко вертается*). Слухаю пана.

Потоцькій. Потапъ! Дай кухоль воды! (*Потапъ дае*). Прошу пана напытысь!

Яворскій. Бардзо дзинькую! Я ничого не ивъ.

Потоцкій. Прошу, прошу выпыть. (*Яворскій пье*). Теперъ панъ спокійнище мене буде слухаты до краю.

Яворскій. Слухаю пана!

Потоцкій. Запросы шляхту сюда, тилько не всихъ разомъ—перше двохъ-трехъ.

Яворскій. Слухаю пана. (*Бижыть, але одъ дверей хутко вертается такъ, нибы его зновъ Потоцькій клыкавъ*). Слухаю пана!

Потоцкій. Панъ все вже выслухавъ. Прошу иты тыхо до сали, бо панъ такъ прудко литае, що забува мои прыказы часто.

Яворскій. Слухаю пана (*пишовъ тыхо. Потоцькій сміется. Входе Жезницкій*).

Ява III.

Ти-жъ и Жезницкій.

Жезницкій. Четвертувавъ и розиславъ скризь шматкы видъ падла Савы Чалого.

Потоцкій. Колы-бъ той Сава та не воскресъ. Ты рижешь ихъ, якъ тихъ курчатъ, а воны плодятся, якъ пацюкы.

Жезницкій. То мени соромъ. Я ще никого не зarизавъ, а смерти предаю харцызивъ по закону,

Потоцькій. Що е нового?

Жезницкій. Колы мы голову Савы, настромывшы на палю, ставылы на майдани, я запрымитывъ двадцять запорожцивъ.

Потоцькій. Ну?!

Шмигельскій (*про себе*). Нови жертвы.

Жезницкій. Або-жъ воны хотилы Саву вызволыть, або розглядають замокъ, щобъ зненацька напасты.

Шмигельскій. Ясновельможный! Запорожци ци тутъ третій день—воны купують кони для коша.

Жезницкій. То хытристь козацька; це гайдамакы; я ихъ добре знаю: пыкы страшни, замурзани, очи якъ у вовкивъ, и ни одынъ не уклонывся мени, и ни одынъ, побачывшы, якъ мы стромляемъ палю, не сказавъ—Боже поможы!

Потоцькій. Чого ты захотивъ! Велы ихъ всихъ захопыть, допытайся—звидкиля, чого?

Шмигельскій. Коней купують—запевняю!

Потоцькій. Обережнисть не вадыть!

Жезницкій. То я ихъ заразъ захоплю и посадю въ тюрму (*выйшовъ*).

Ява IV.

Яворскій, пани Качинска зъ дочкою; воны кланяются, Потоцькій сыдыть, чуть кывнувшы головою.

Качинска (*держыть молоденьку дочку за руку*). Качинска; а це моя дорога едына цурка, едына утиха! (*до дочкы*) Кланяйся! (*дочка прысидае*). Яка я рада и щаслыва есть, що можу бачыть ясновельможного пана (*до дочкы*). Кланяйся! (*дочка прысидае*). Я третій день чекаю щастя бачыты нашого заступныка, добродія нашого (*до дочкы*). Кланяйся! (*дочка присыдае*).

Потоцькій. То я паню добре знаю. Чого-жъ хоче пани?

Качинска. Коханый мій мужъ, царство ему небесне бувъ вирнымъ слугою панськимъ. Кохала я его, якъ свою душу, але панъ Бугъ розлучывъ насъ, и я зосталася вдовою зъ доночкою своею сыриткою—Касею звуть (*до дочкы*). Кланяйся! (*Кася*

прысида.) Зъ панськои ласкы маю пьять хлопивъ зъ хлопкамы и ти не слухають: яець не несуть, курей не дають, сунычокъ и ориxивъ не збирають въ лиси, прядива сами не мають, та ще и Чалымъ Савою лякають. Одынъ бестія утикъ. Я сама мушу соби йисты варыть, а Кася моя — (*до дочкы*) кланяйся! — сама, выбачайте, сорочкы стырае. Воны мене въ гробъ вженуть своею непокирностью, а Касю мою (*до неи*) кланяйся! такъ настращалы, що бидне дытя не спыть, та цилу ничъ зитхае (*до дочки*) кланяйся! Нема у насъ заступныка, нема мого коханого малжонка Яся; за другого-жъ выйты не можу, бо такъ кохаю свого покійнычка, якъ свою душу!...

Потоцькій. Пани мени вже обрыдла своимы скаргамы на хлопивъ! Пане Яворскій! (*Яворскій пидбига*).

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій. Я бъ хотивъ...

Яворскій. Слухаю пана. (*хоче иты*).

Потоцькій. Прошу-жъ слухать до кинця, а ни, то може пану дать воды?

Яворскій. Ни, бардзо дзинькую, я сегодня ничого солоного не йивъ.

Потоцькій. Зробы мени велыку ласку.

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій. Женыся, я буду твоимъ сватомъ....

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій. Пани Качинска! отъ я даю пьять тысячъ злотыхъ прыданого панни Каси и хочу, щобъ вона заразъ повинчалась зъ паномъ Яворскимъ; тоди буде у васъ заступныкъ, и вы мене зоставыте въ спокои!

Качинска. Ясновельможный пане! Доня моя... (*до Каси*) Кланяйся! (*Кася прысида*) Доня моя занадто молода, вона про шлюбъ зовсимъ не дума, ій ще треба пидождаты пары; а колы вже ласка панськая для биднои вдовы—то краще я повинчаюся зъ паномъ Яворскимъ.

Потоцькій. Пане Яворскій!

Яворскій. Слухаю пана!

Потоцькій. (*Показуе на стару Качинску*). Отъ пану наречена. Сегодня хочу и весилля справыть.

Яворскій. Слухаю пана!

Потоцькій. Пане Яворскій—поцилуй свою наречену!

Яворскій. Слухаю пана. (*Иде до Качинскои*).

Качинска. Пры людяхъ соромно. Нехай уже по шлюби, ясновельможный пане!

Потоцькій. Пане Яворскій! Прошу до шлюбу заразъ. (*Яворскій подае руку Качинскій. Кася прысида Потоцькому. Зъ дороги Качинска повертается*).

Качинска. А колы-жъ ясновельможный панъ дозволыть взять пьять тысячъ злотыхъ.

Потоцькій. По шлюби.

Яворскій. Слухаю пана! (*Выйшлы*).

Ява V.

Ти-жъ безъ Яворскаго, Качинскои и Каси, а потимъ Жезницкій и Гайдукъ.

Потоцькій. Ха-ха! Середъ такыхъ тяжкыхъ обставынъ, для розвагы, прыятна комбинація! Потапъ! Писля шлюбу заклыкать Яворскаго до мене—я его не пустю до Качинскои, буде зъ неи пьять тысячъ злотыхъ! Ха-ха! (*входе Гайдукъ зъ лыстомъ, за нымъ Жезницкій*).

Гайдукъ. (*Подае лыстъ*). Видъ хорунжого, пана Ревы лыстъ.

Жезницкій. (*Потырае рукы*). А пры нему скованого гайдамаку прывелы.

Потоцькій. (*Чытае*). „Вчора, биля Очеретного, я наскочывъ на гайдамацькую ватагу, роспудывъ хлопивъ, порубавъ, а ватажка іи—Саву Чалого на судъ ясновельможнаго пана посылаю!“ (*говоре.*) Знову Сава! Четвертый Сава! Подле имя, колы его почуешъ, або въ слухъ вымовышъ, то мовъ гадюка въ пазуси ворушытся й сычыть! (*чытае*) „Теперъ околыця вся наша видъ страху спочыне, бо цей харцызъ Сава такъ настращавъ усихъ, що ридко хто не схоплюется въ сни и не крычыть це подле имя! Уси зъизжалысь до мене, колы почулы що гайда-

мака Сава Чалый—у мене въ рукахъ. Вже вся шляхетна околыця знай радіе, що Саву піймалы, а хлопы похнюпылы носы и посмырнилы. Теперъ мы будемъ спать спокійно". (*Говоре*). Напрасно! (*до Жезницкого*). А прыведы сюда харцыза; побачымъ, що за птыця!

Жезницкій. А може-бъ перше пидпекты?

Потоцькій. Поспіешъ ще—давай сырого.

Жезницкій. Слухаю. Запорожци вси въ тюрми, а одынъ утикъ; колы-бъ не гайдамакы—чого ему тикать? Теперъ я прыдумавъ новый способъ допытуваты харцызивъ... (*пишовъ*).

Ява VI.

Ти-жъ безъ Жезницкого

Шмигельскій. Ясновельможный пане! Колы вже я оригиналъ, то дозволяю соби все, що думаю, говорыты прямо.

Потоцькій. Черезъ шлюбъ Яворского я въ гуморе. Говоры.

Шмигельскій. Нехай Жезницкій не спишыть допытуваты запорожцивъ; можна-жъ певни видомосты мать видъ коша.

Потоцькій. Покрыють, гадюкы.

Шмигельскій. Не треба звиря дратувать! видомо пану, колы украинська партія въ Лысянци безъ всякого суда 40 запорожцивъ смертію скарала, якимы мукамы жыдамъ и шляхти заплатылы ихъ товарыши?

Потоцькій. А мы поквытаемось!

Ява VII.

Ти-жъ и Гайдамака скованый и звязаный, биля него козакы зъ спысамы.

Потоцькій (*довго дывытся на гайдамаку*). Ты знаешъ, хто я?

Гайдамака. (*довго дывытся на Потоцького*). Може знаю, а може й ни!

Потоцькій. И смерть твоя й жытя—у моихъ рукахъ!

Гайдамака. Може въ твоихъ, а може й ни!

Жезницкій. Гадюко! Зъ тобою панъ Потоцькій розмовляе!

Гайдамака. Може Потоцькій, а може й ни.

Жезницкій. Я зъ тебе жывого здеру шкуру за таки слова!

Гайдамака. Може здерешъ, а може й ни.

Потоцькій. Стривай! Хто ты? Скажы по правди—я тебе заразъ одпустю.

Гайдамака. Може одпустышъ, а може й ни.

Потоцькій. Прызнайся, я тоби сто злотыхъ дамъ, ты Сава Чалый?

Гайдамака. Може Сава, а може й ни.

Потоцькій (*выхопляе пистоль и цилыть въ гайдамаку*). Убью, якъ собаку! Говоры: ты Чалый?

Гайдамака. Може убьешъ, а може й ни. (*Потоцькій стриляе; осикается пистоль*). А бачъ не вбывъ!

Потоцькій. На палю его заразъ!

Гайдамака. (*На выходи*). Це той Потоцькій, що розумъ въ него жиноцькій.

Потоцькій. Посады его въ бочку и задавы дымомъ видъ сиркы. (*Гайдамаку выводять*). Ну, пане Шмигельскій, що зъ такымъ народомъ зробышъ?

Шмигельскій. Зъ такымъ народомъ можно весь свитъ покорыть!

Потоцькій. Ты мене дратуешъ не меншъ, нижъ цей діяволъ; стережысь!

Шмигельскій. Я шутъ—оригиналъ; мени ясновельможный панъ дозволывъ говорыты все, а въ пана слово королевське, и я зновъ смило говорю. Велы, ясновельможный пане, замисць мукъ и кары—роскувать его, нагодувать его гарненько, дай ему добрый кухоль горилкы, и винъ тоби роскаже все, а мукамы и страхомъ ничого ты видъ него не добудешъ!

Потоцькій. Ха-ха-ха! Гайдамаку витать, якъ дорогого гостя!? Оригинально! Гукны Жезницкаго!

Шмыгельскій. (*Въ дверы*). Поклычъ пана Жезницкого.

Потоцькій. Чудово, чудово!.. Почнемъ харцызивъ частуваты: музыка будеграты имъ, нехай танцюють пьяни бестіи, а писля танцивъ и на палю!.. Нехай оригинально умираютъ... Ха-ха-ха! (*Входе Жезницкій*). Роскувать гайдамаку, дать ему добре йисты, поить горилкою три дни, щобъ кожный день бувъ пьяный, якъ на весилли, а Лейба нехай грае ему на цымбалахъ веселу—до танцивъ! Ха-ха-ха! Нова кара! Ну, чого стоишъ? Ты мяса хочешъ? Буде мясо! На третій день, колы ничого намъ харцызъ не скаже, посады его на палю; Лейба буде грать ему веселу, а винъ нехай канае бестія пидъ танець.

Ява VIII.

Ти-жъ и Гайдукъ зъ лыстомъ.

Гайдукъ. Ясновельможному видъ хорунжого Ревы лыстъ (*выйшовъ*).

Потоцькій. (*Читае*) Сава Чалый!.. (*говоре*) Діяволъ! Знову це гадюче имя!.. (*Читае.*) Сава Чалый насъ обманывъ. Навмысне винъ пославъ малый загонъ, его посиклы мы и ватажка піймалы, а той сказавъ, що нибы Чалый винъ. Его пославъ я вашій мости. Тымъ часомъ, справжній Сава, на другу ничь, зъ загономъ чоловикъ у двисти, напавъ на Очеретну, забравъ зъ коморъ пшоно, сало, весь хлибъ, всихъ коней, 40 паръ воливъ, дочку пидстаросты Курчинского, прекрасну Зосю, взявъ и счезъ, якъ дымъ въ повитри! (*Говоре*) Діяволъ! Діяволъ! Діяволъ! (*Чытае*). Въ погоню пишла хоругвъ Ружицкого. (*Говоре*). О, колы-бъ его піймалы, я мисяць-бы его горилкою поивъ, покы-бъ збожеволивъ винъ, а потимъ на цепу водывъ бы по всій Украини. Ни, це не чоловикъ, це певно чортъ назвався Чалымъ!

Шмигельскій. Це мифъ ясновельможный пане. Певно кожный ватажокъ навмысне Чалымъ себе зве.

Потоцькій. Ни, ни!... Це надзвычайный чоловикъ, це не мифъ; а тилько такъ его вси фыгли цинять гайдамакы, що кожному-бъ изъ ныхъ хотилось Чалымъ буть!... Але то все мизерія!.. Сава спражній бувъ въ Карапышахъ. Винъ, на очахъ

Мыколы Потоцького и трехъ-сотъ его волохивъ, погасывъ бочкы смоляни такъ легко, якъ свичкы; пальнувъ у вичи всимъ зъ мушкетивъ, счезъ якъ витеръ, потимъ побывъ погоню, и братъ Мыкыта зъ волохамы своимы мусывъ свитомъ рушыть; бо думавъ винъ, що сыла Савы переважыть его сылу; а Сава въ той самый день спалывъ всю слободу и вывивъ хлопивъ всихъ въ степы далеки! Га?... Це страшный, це надзвычайный, це цикавый чоловикъ! Пане Шмигельскій! Ты говорывъ, що знаешъ народъ, що жывъ ты довго середъ него, тоби видоми всяки фыгли, бо ты й вояка добрый... Йидь, иды, що хочъ робы, найды и прыведы мени ты Чалого! Винъ не дае мени спокою, не буду йисты й спать, покы его я не побачу! Я его помылую, я его хочу побачыть... Пообищай ему маентности велыки, сто тысячъ злотыхъ, видъ короля шляхетство, и все то я, клянусь—добуду, дамъ—тилько нехай прыстане на мою руку и поможе мени гайдамакивъ всихъ переловыть!... Це имя—Чалый—сыла! Це та сыла, що прыворожуе людей до себе! Рады краю, рады спокою одшукай и прыведы мени Чалого, бо колы до себе мы его не переманымъ, то гайдамаччына хмельныщыною стане! Тоби жъ я обищаю усе зробыты—чого захочешъ!

Шмигельскій. Я згоденъ и пиду шукаты Чалого, хочъ заразъ и жывъ не буду, а знайду его, колы винъ справди е! И колы мене до себе винъ не переманыть, то я переманю его сюды. Але для поспиху у такимъ дили прошу ясновельможного я пана: напысать до Савы лыстъ и прыложыть свою печать гербову, бо Сава певно такъ не ввирытся мени, а въ тимъ лысти пообищай ему вильготы для поспильства, про яки я говорывъ вже его мосци!

Потоцькій. Умовы зъ хлопомъ? Хлопови лыстъ? Багато хочешъ ты!

Шмигельскій. Исторія складается зъ помылокъ и колы ти, що на чоли стоять народу, свои помылкы поправляють бажаннямъ стать на певный шляхъ—воны достойныи сыны отчизны!

Потоцькій (*писля паузы*). Ходимъ! Я дамъ тоби до Савы лыстъ. И колы справди Сава йе и гайдамакивъ прыпыныть поможе, тоди я все зроблю и для посполитства, абы надали вже жыття спокійне забезпечыть Украини.

Шмигельскій. А колы ця думка золота та стане диломъ, вона всю Посполиту Ричъ и заспокоить, и прославыть!

Зависа.

ДІЯ III.

Картына I.

Лисъ. Въ глыбыни насыпано дви купы грошей; купы покрыти воловымы шкурамы. Биля купъ вартовый зъ спысомъ у руци.

Ява I.

Вартовый (*пройшовшысь*). Нема ще варты; а часъ бы вже й переминыть мене! (*Входыть пъять чоловикъ козакивъ. Чотыри одягнени въ чорныхъ свыткахъ при шабляхъ зъ мушкетамы за плечыма и спысамы въ рукахъ, а пъятый у запорожскому жупани*). А отъ и нова варта—даремно ремствувавъ. Пыльнуе добре старшына!

Запорожецъ. Панько! Ты будешъ на варти биля грошей.

1 Вартовый. Прыймай! Тутъ дви купы грошей: одна—срибни, друга—мидни! Нехай скарае того Богъ, хто визьме шагъ изъ грошей кошовыхъ.

2 Вартовый. Щобъ сонця я не вздривъ, колы я самъ визьму, або кому дозволю взять хочъ шагъ одынъ изъ грошей кошовыхъ.

Запорожецъ. Теперъ ходимо дали—зминяты вартовыхъ.

1 Вартовый. Я тутъ васъ пидожду.

Запорожецъ. Гараздъ (*зныкають*).

Ява II.

Ти-жъ безъ запорожця и варты.

1 Вартовый (*набывае люльку*) .Добре все заведено у насъ. Кожный чоловикъ знае свое дило. А все то Сава!

2 Вартовый. Кажуть, що колы-бъ Саву нашого та кошовымъ на сичи обибралы, то винъ бы объявывъ війну ляхамъ.

1 Вартовый. Пидожды, винъ и такъ выйде бытысь въ чысте поле; адже скризь розсыла лысты: прысоглаша до себе мали купы, збирае хлибъ, пшоно и сало. Вже и теперъ надбалы стилько, що стане намъ на цилый рикъ.

2 Вартовый. Гарматъ нема.

1 Вартовый. Сава достане... Розумно правыть и справедлыво!.. А за ту дивку, що въ Очеретній Клымъ захопывъ, якого всимъ нагнавъ и сорому, и страху! Що вы, каже, хочете, щобъ мене розбійныкомъ личылы и щобъ видъ мене одвернулысь люде наши? Хиба на те зибралысь мы, щобъ дивчатъ захоплювать въ полонъ? Смерти предамъ, хто таке вчыныть другый разъ!

2 Вартовый. И правда, хиба мы татары... А ты не чувъ, де ту дивку дилы?

1 Вартовый. Вызвавсь якыйсь митець, зъ новыхъ, и повизъ іи до дому.

2 Вартовый. То правда, що митець. Одвезты дивку назадъ до дому важче, нижъ выхопыть було іи изъ дому, бо то гуртомъ, а це одынъ. Не довезе іи винъ до Очеретного. Колы пидъизды панськіи піймають, то повисять, бо дивка ця—дочка значного въ тій околыци якогось пана... пидстаросты, здается!

Ява III.

Ти-жъ и запорожець зъ вартовымы.

Запорожець. Заразъ прыбуло изъ сичи 20 братчикивъ.

2 Вартовый. Ростемъ на сылахъ.

Запорожець. Лыста отъ кошового прывезлы.

1 Вартовый. Може й сичь до Савы нашого прыстане. Колы-бъ Богъ давъ, та щобъ мерщій у поле—помирятыся зъ ворогомъ, а то безъ дила сумно тутъ сыдить!

Запорожецъ. Голота сичова порывается до насъ, такъ старшына прыдержуе: вона поспильству не спріяе, бо и сама бъ по панськи жыть хотила.

1 Вартовый. Дарма! Голота нышкомъ такы тика до насъ изъ сичи. Теперъ у насъ въ коши народу сыла.

Запорожецъ. Та й ще зъ поспильства прыбуваютъ. Для того-жъ то й харчамы такъ запасается нашъ Сава.

1 Вартовый. Харчивъ нема куды й дивать: сто горловыхъ ямъ повнисеньки зерна. Вже потомылыся на жорнахъ хлибъ молоть.

Запорожецъ. Хлибъ перве дило. Звидциль насъ не добуде цило військо, абы харчи.

1 Вартовый. Та Сава зна, що ро́быть.

Запорожецъ. Розумный.

1 Вартовый. Та й побратымъ его Гнатъ Голый, бра, не згирше.

Запорожецъ. Запальный дуже.

1 Вартовый. Колы-бъ воны не посварылысь, бо Гнатъ частенько зъ гарячу на Саву гниватыся ставъ.

Запорожецъ. Воны браты, хрестамы обминялысь, то хочъ и скаже зъ гарячу що Гнатъ, ему всякъ часъ, якъ я прымитывъ, Сава выбачае.

1 Вартовый. Дай Боже, щобъ усе було гараздъ!

Запорожецъ. Ходимъ—почуемъ, що тамъ нового намъ братчыкы изъ сичи прывезлы.

2 Вартовый. Цикаво дуже! Шкода, що я не буду зъ зъ вамы.

Ява IV.

Ти-жъ Сава и Шмигельскій.

Чалый. Здорови паны-братья!

Запорожецъ, а за нымъ и други. Зъ поворотомъ, пане атамане!

Ч а л ы й. Спасыби! Що нового?

З а п о р о ж е ц ь. Двадцять братчыкивъ прыйихало изъ сичи и прывезлы лыста якогось.

Ч а л ы й. Цикаво, що за лыстъ! А мы горилкы десять бочонкивъ прывезлы, сушенои рыбы добулы и десять паръ воливъ... Нехай горилку Грыва на замокъ запре и варту тамъ поставыть—ричъ лакома... Рыбу нехай складуть у тому курени, де сало й силь, воливъ поризать на обидъ, а що зостанется, то посолыть и ти бочкы докласты, котри не повни ще. Оце й уси хозяйськи справы. Теперъ за військови прыймемся. Клычъ старшыну и запорожцивъ тихъ, що лыстъ изъ сичи прывезлы, нехай идуть и инчи, хто ма охоту слухать новыны. (*Запорожець и вся варта пишлы. 2 вартовый стоить въ глыбыни биля грошей нерухомо, спершысь на спысъ*).

Я в а V.

Сава Чалый и Шмигельскій на передъ-кону.

Ч а л ы й. Теперъ зъ тобою побалакаемъ на самоти. Цикаво дуже знать, якъ ты довизъ до Очеретного панну Зосю? Тебе пославъ навмысне я, щобъ спробовать твою козацьку вдачу перше, а потимъ вже прыняты до коша. Ну, розсказуй, побачымо твій хыстъ.

Ш м и г е л ь с к і й. Прекрасна панна Зося—дочка пидстаросты Курчинского, изъ Очеретного. Исторію іи давно вже знае вся околыця. Такъ я и скорыстувався цымъ. До першого села Потоцького прывизъ насъ рудый орендарь. А тамъ, умовывшысь зъ панянкою, мы розсказалы цикаву байку, що нибы панну Зосю я видъ тебе выкравъ. Вси радилы и прыймалы насъ, якъ дорогыхъ гостей! А потимъ у кочи панськимъ, до самого Курчинского у Очеретне одвезлы. И я батькамъ виддавъ дочку, воны-жъ мени за те коня далы, якъ сокола прудкого.

Ч а л ы й. Розумно й хытро! Митець зъ тебе не послидній, и я тебе охоче прыймаю до коша.

Шмигельскій. Я онъ якый радый, що такъ сталось, що въ часъ короткый заслужывъ видъ тебе, пане атамане, щире слово и хвалу!

Чалый. Скажы-жъ мени тепера, хто ты?

Шмигельскій. Шляхтычъ Иванъ Шмигельскій.

Чалый. И католыкъ?

Шмигельскій. Ни, соціяныпъ.

Чалый. Чувъ, що е й таки.

Шмигельскій. Служывъ пры панськихъ я дворахъ, але не змигъ дывытыся на тяжки людськи биды, такъ отъ и втикъ сюды.

Чалый. А ты правду кажешъ?

Шмигельскій. Хиба у васъ тутъ солодко жыты, хиба не смерть тутъ кожного чека що дня: чи въ поли, чи на пали? То за яки бъ же ласощи хотивъ брехать тоби, мій батьку?

Чалый. Та й то правда. Видъ роскошивъ до гайдамацького коша не пидешъ!... Яки-жъ ты крывды таки бачывъ, що утикаты видъ панивъ тебе прымусылы воны.

Шмигельскій. Крывды? О, та хиба ихъ переличышъ? Найбильша-жъ крывда въ тимъ, що не однаковый для всихъ законъ, а справжнёго суда зовсимъ нема, и той, хто дужчый, чужее право зневажа..

Чалый. О, то ты розумный, бачу, въ батька сынъ, та й вченый не абы-якъ. А що-жъ бы ты хотивъ зробыть, щобъ крывды теи не було?

Шмигельскій. Занадто вже велыкую цину даешъ ты розуму моему.... Я-жъ самъ не знаю що робыть, а тилько те скажу: що не хотивъ бы бачыть крывды! Ты-жъ, пане атамане, народну волю чынышъ, ты на чоли стоишъ коша значного, обмиркувавъ усе давно и знаешъ певно, чого хочешъ и що робыты будешъ?... И отъ себе всёго я виддаю на твою волю, бо самъ лышъ знаю те, що жыты, такъ якъ мы теперъ жывемъ,—не сыла, що все скинчытся зновъ руиною, спокою жъ въ тимъ не буде.

Чалый. Ты наче серце й мозокъ маешъ мій и языкомъ моимъ говорышъ! Не маю я охоты кровъ безоружныхъ пролывать и плюндрuваты край!... На бой чесный, на груды—груды, поклыкать хочу я панивъ. Для того сылы я сюды збираю. Або поляжемъ вси въ бою, або заставымо панивъ зменьшиты панщыну й податкы и ривный судъ всимъ дать! А тихъ, хто чуже право зневажае, караты смертію, хочъ бы то бувъ и панъ значный.

Шмигельскій. Зъ тобою поручъ я готовъ рубаты ворогивъ твоихъ думокъ, а за одну краплыну твоей крови, готовъ я выточыть усю свою!

Чалый. Я чую щыристь въ твоій мови; до тебе я душею лыну и дуже радъ тому, що шляхтычъ ты освиченый и поручъ станешъ зъ намы, щобъ бороныть народъ!... Будь моимъ прыятелемъ, а колы що, то и пораду добру дай.

Шмигельскій. За щастя, за велыке, я те маю, що ты мене прыятелемъ назвавъ, и всимъ жыттямъ своимъ тоби я дружбу докажу.

Чалый. Вирю. (*Помовчавъ*). Слухай, скажи мени: що Зося рада, щаслыва тымъ, що до батькивъ вернулась?

Шмигельскій. Ни.

Чалый. Дывно! Чого-жъ бы то?

Шмигельскій. Дивоче серце ты запалывъ коханнямъ!.. На тоби ось видъ панны перстень. Прощаючись зо мною, панна Зося дала цей перстень и сказала: виддай Сави и скажы ему, що я его кохаю й кохаты буду все жыття, и рада-бъ бильшъ була зостатысь зъ нымъ, анижъ вертатыся до дому.

Чалый (*зитхнувши*). Жалкую й я, що сталось такъ. Ця дивчына межъ гарнымы була-бъ найкраща! Сказать по правди, іи краса опанувала мною те-жъ, а очи ясніи, якъ небо, вже другу ничъ мни спаты не дають! Прызнаюся тоби, що я хотивъ женытысь зъ нею, бо и вона на тее була згодна. На превелыку сылу я роздавывъ свое кохання, щобъ не пошкодыло воно моій мети й повстанню! И отъ теперъ одвизъ іи до дому ты, а я що дня зитхаю и думаю про Зосю; хочъ не прыстало це мени, та

що-жъ робыть, колыніякъ не можу серця вгамувать.... Але... забудется, пусте!

Я в а V.

Ти-жъ и Гнатъ.

Ч а л ы й. Здоровъ, мій брате! А це той козарлюга вже вернувся, спровадывшы дивча, що я тоби розсказувавъ про него.... Але я бачу, брате, що ты сумный изнову? Що сталось?

Г н а т ъ. Нудно тутъ сыдить, згорнувшы рукы. Що дня мы чуемо, якъ въ Тульчыни, Немырови, Лысянци стынаютъ головы братамъ, що смилыво боронять право, а мы тутъ мовчкы ждемъ случного часу, хочъ насъ набралось стилько, що всю Брацлавщыну поставыты у верхъ ногамы можна! Пора и намъ почать зненацька нападать и ризать и палыть напасныкивъ!

Ч а л ы й. Брате! ты тилько мстыты хочешъ, а я прогнать вси крывды хочу зъ Украины, щобъ не було потимъ прычыны намъ кровъ братерську знову й знову пролывать! Про це не разъ уже тоби казавъ я... И отъ прыйдуть до насъ вси ти ватагы, якимъ лысты я розиславъ: и на Подоль, и на Волынь—и выступымъ тоди у поле справжнёю войною! Буде ще часъ и сылу, брате, и завзятисть показать!

Г н а т ъ. Покы тамъ що, а мы теперъ страху нагналы имъ и сала залылы за шкуру!

Ч а л ы й. Поспіемъ ще, пожды, щобъ згарячу не зопсуваты дила—я жду людей, я жду гарматъ... А отъ почуемъ, що кошовый намъ пыше.

Я в а VI.

Ти-жъ, запорожци и гайдамакы одягнени, якъ посполыти въ свыткахъ, пры шабляхъ. Де-яки въ однихъ сорочкахъ пры зброи.

1 З а п о р о ж е ц ь. Ось тоби лыстъ видъ кошового.

2 З а п о р о ж е ц ь. А насъ отъ двадцять, не вважаючи на те, що тамъ напысано въ лысти, прыйшлы тоби на помичь, батьку атамане!

В с и з а п о р о ж ц и. Наши головы батькови Сави!

Чалый. Спасыби лыцари преславни! Що жъ тутъ въ лысти цикавого, побачымо. А ну лышъ, пане Иване, прочитай, будь намъ за пысаря, бо пысаря у насъ нема.

Шмигельскій. (*Чытае*). Ричъ посполыта. (*Вси загулы*). О-о-о!

Чалый. Слухайте паны братья, тыхо!

Шмигельскій. Ричь посполыта жалобу Московському урядови вчыняе, що запорожци, зъявляючись на Украини, пиднимають усе поспильство протывъ панивъ; що хлопы кыдають грунты й оселю, йдуть въ лисы й степы, и тамъ, при помочи сичовыкивъ, складаются въ загоны и мовъ татары нападають скризь на шляхту, на жыдивъ, навить на замкы; що край не мае спокою, що все кругомъ плюндрують гайдамакы, пожежою й грабункомъ ныщать Украину! А въ поводу цёго урядъ Московській прыказуе караты смертію тихъ сичовикивъ, котори до гайдамакъ прыстануть. Прыказъ цей объявляю и самъ наказую видъ себе всимъ: хто на Украини—вернутысь въ Сичъ, справляты службу військову, оберегать граныци, не потураты гайдамакамъ, розгонять ихъ, ловыть утикачивъ и виддавать на судъ військовый, щобъ смертію караты непокирныхъ. (*Вси мовчать*).

Чалый. Чулы, панове?

Гнатъ. Це такъ! Отъ и досыдилысь! (*Почынается гвалтъ; говорять вси разомъ. Середъ гвалту повынни скилько можна выдилятысь Гнатови слова*).

—

1 купа.

Гнатъ. Паны ляхы сами всему выною, воны знущаются надъ всимъ посполитствомъ, що оселылося на слободахъ, вважаючы на прывелеи!

Вси. Такъ, такъ...

Гнатъ. Зъ жыдамы, вирнымы своимы слугамы, у купи зневажають виру православну, заводять унію. А паны, замисць того щобъ прыпыныть себе и свою челядь, лютують на народъ.

Боятся, щобъ не повсталы вси та зъ страху самы себе розпалюють.

Вси. Правда, правда.

Гнатъ. Ощады не дають никому, и вишають, и на килкы садовлять всихъ, и вынуватыхъ и невынниxъ (*переходе въ третю купу*).

—

2 купа.

Гаврыло (*почына на реплику: „Отъ и досыдилысь“*). Хочъ не жывы на свити!

Медвидь. Хто-жъ за насъ заступытся, колы видъ насъ и запорожжя видсахнется.

Грыва. А запорожцивъ хиба мылують?

Медвидь. Де зустрилы—на палю!

1 Запорожець. Попустылы себе такъ. Перше не посмивъ бы нихто зъ братчыкамы росправляться!

Гаврыло. Вси жылы вильно на Вкраини.

—

3 купа.

2 чоловикъ. Якъ же его выдержышъ, колы таки податкы, що цилый рикъ треба робыть, щобъ хочъ видкупытысь.

Мыкыта. И на панщыну, и на варту, ще й грошы платы.

2 чоловикъ. Колы жъ робыть на себе?

Мыкыта. Теперъ вже ти й померлы, що йшлы на слободы и малы прывелеи, а мы за ныхъ робы!

2 Чоловикъ. А тилько пыснувъ хто, заразъ на ланцюгъ, яке-жъ це жыття? Хто его втерпыть?

Мыкыта. Не то на ланцюгъ, а й смерти вильно предать.

2 Чоловикъ. (*До запорожцивъ*). Просымо васъ, братчыкы, не кыдайте насъ!

Вси. Не покынемо!

Гнатъ. Послухайте мене!

Вси. Тыхо, тыхо! слухайте сюды. (*Все стыхае*).

Гнатъ. Колы покынуть насъ вси запорожци, то мы й сами! Паны атаманы и вся чесна громада! Не мы гвалтуемо протывъ ляхивъ, але воны гвалтують протывъ насъ! Воны сами людей усихъ безъ мылосердя смерти предають, абы попався, хочъ и невынуватый, а потимъ щей крычать на увесь свитъ, що мы харцызы, що мы плюндруемъ край. Теперъ у Сичъ онъ заклыкають всихъ за тымъ мабуть, щобъ бенькеты заводыть, садыты гопака, напывшись въ смакъ горилкы; або щобъ въ купи зъ кошовымъ мы посидалы надъ Днипромъ и удылы удкамы рыбу, тоди якъ тутъ неправда скрозь пануе и льется братня кровъ ричкамы!... По лыцарськи—пичого сказать! Чого жъ мовчышъ ты, Саво? Ты кошовый, ты намъ усимъ старшый, ты голова, скажы свое ты слово: що будемо робыть?

Вси. Кажы, батьку атамане!

Чалый. Треба покорытыся наказови.

Гнатъ. Якъ? Покынуть все и въ сичъ вернутысь, а посполитымъ панщыну почать?!

Чалый. Слухай.

Медвидь. Мовчы, Гнате! Слухаемъ!

Вси. Слухаемъ, слухаемъ!

Чалый. Посыдымо до часу случного мы тутъ, у цему мисти тыхо; зберемъ до себе вси ватагы; за гроши ти, що маемъ, прыдбаемо гарматъ, якъ можна бильше; тымъ часомъ затыхнуть трохы гвалтовніи лысты магнативъ, ослабне обережнисть въ замкахъ, у роскошахъ почнуть купатысь знову ворогы, московська варта видъ спокою засне, и вже тоди росправымъ крыла, та не загонамы малымы, а військомъ дужымъ, якъ батько нашъ Богданъ колысь, на замки ихъ безпечни нападемъ! Въ бою на груды—груды мы визьмемъ верхъ: я певенъ въ тимъ, бо наберется війско десять тысячъ—тоди усихъ панивъ заставымъ, поважаты нашу виру, дать судъ и пильгы посполытимъ!

Гнатъ. Покы сонце зійде, роса очи выйисть! Навколо скризь народъ катують безоружный, а мы тутъ будемо—мовчать и ждать?

Ч а л ы й. Готовъ и заразъ я виддаты голову свою за скрывженый нашъ людъ, але що-жъ выграе видъ того людъ той самый, колы я, якъ необачнее хлопья, у поле выскочу зъ малымы сыламы, а тамъ побьють запевне насъ и всихъ потроху переловлять! Не хочу я такъ умырать, якъ той баранъ, що у ризню его ввелы и тамъ звязавшы ему ногы, ножемъ блыскучимъ вже биля горла повелы, а винъ лежыть, та блымае очыма! Я хочу вмерты такъ, якъ лыцарь: зъ шаблею въ руци, въ бою чеснимъ, помирявшысь на сылахъ зъ ворогамы! Пождемо, панове! И ты, мій брате, не будь на цей часъ тымъ воломъ, що хочъ печы его, а винъ не встане колы ляже—и послухай мою раду!

М е д в и д ь. Пождемо?

Д е - х т о. Пождемо...

З а п о р о ж ц и. (*Не охотно*). Якъ такъ, то й такъ...

Я в а VII.

Ти-жъ; варта, зъ нею запорожецъ.

3 З а п о р о ж е ц ь. Ажъ ось де кишъ вы заснувалы? Ну й безпечно жъ тутъ! Далеко безпечнище, нижъ тамъ у насъ на Сичи... Колы-бъ мене Яквівъ, що варту розводывъ, не пизнавъ и не гукнувъ на мене, то въ викъ бы вичный не догадався, що тутъ е кишъ такый велыкый и на Запорижжи славный своимы ватажкамы и фыглямы зъ панамы! Тутъ такъ усе—нибы у шапци невыдымци!

1 З а п о р о ж е ц ь. А ты звидкиль? Здается, ты на Украину пойихавъ коней купуваты для коша?

3 З а п о р о ж е ц ь. Пойихало насъ девьятнадцять, а тилько я одынъ утикъ.

1 З а п о р о ж е ц ь. А други-жъ де?

3 З а п о р о ж е ц ь. Повисылы, въ Немырови.

Г р ы в а. За вищо?

3 З а п о р о ж е ц ь. За шыю!

Чалый. Та ты братъ не пустуй, а дило намъ скажы.

3 З а п о р о ж е ц ь. А що жъ тутъ говорыть? За гайдамакивъ всихъ ихъ полічылы, и якъ воны не одмовлялысь—не

помогло! Скарать же булы ради, бо зналы ще, що й гроши е,— то й гроши вси досталыся сипакамъ! А я не бувъ на той часъ зъ нымы, такъ заховався у своихъ людей и думавъ я, що ихъ одпустять, а ихъ усихъ на пьятый день повисылы. Тоди я сивъ на свого коня, та такъ ушкварывъ, що й кинь здохъ черезъ суткы. Теперъ пишкомъ до Сичи прямувавъ, щобъ сповистыть прынаймни кошового, де дилысь братчыкы сичовыкы.

Вси запорожци. Гей, до помсты! Нападемъ на Немыривъ! Спалымъ!

Чалый. Пидождить, панове, до случного часу, не псуйте вы моихъ замиривъ, а тоди разомъ заплатымо за все; теперъ же мы ще не готови!

Гнатъ. А—а!.. Згынь все, що такъ вагается, якъ Сава! Не треба намъ такого кошового!

Запорожци. Не треба!!

Гнатъ. Згынь и вся пузата старшына на сичи, колы вона боится смерти глянуть въ вичи и насъ мовчать прымусюе у такый часъ, колы очыма й ухамы своимы мы бачымо и чуемо, яки страшенни крывды роблять намъ! Не хочу я такъ жыть, якъ тхиръ; не хочу я паскудыть свитъ! На вищо те життя мени здалося, колы що дня безчестямъ покрывають головы козачи? Краще смерть, нижъ тутъ сыдить намъ по кущахъ, покы не вытягнуть та не наткнуть усихъ на палю! Не треба мени моеи головы! Колы іи у поли я за правду не складу—нехай за правду катъ рубае! Хто-жъ смерты зъ васъ боится, кому жыття мылище честы, той на пичъ нехай иде и тамъ сыдыть зъ дидамы! Гей, товарыши! Хто до помсты, той за мною!

Вси. Вси, до одного уси.

Запорожець. Не треба Чалого!

Вси. Не треба!

Запорожци. Винъ вагается!

2 запорожець. Нехай Гнатъ Голый буде нашымъ атаманомъ.

Вси. (*Гвалтовно.*) Гнатъ атаманомъ! (*чуть голоса „Чалый“, имя Гната переважно, потимъ Чалого не чуть.*) Гнатъ, Гнатъ, Чалый! Гнатъ атаманомъ!

Запорожцы (*роблять биля Гната коло*). Веды насъ, Гнате, ты!

Гнатъ. На Тульчынъ, на Немыривъ, заплатымо за кровъ своихъ братывъ!

Вси. О—о! Заплатымо!

Зависа.

ДІЯ III.

Картына 2.

Середына куриня. Выдъ конуса; дерева пидрызани и верхы ихъ зведени до купы, потимъ завьязани. Зверху навалено хворосту, травы, лыстя; замисть стола велыкый круглый пенёкъ, замисць стильцивъ, мали пенькы навколо. Въ глыбыни лижко зъ дровенякъ, заслано воловою шкурою, въ головахъ сидло.

Ява I.

Чалый и Шмигельскій.

Чалый. (*Сыдыть биля стола схылывши голову на рукы, Шмигельскій стоить. Мовчать*). Все пропало!.. Не мае згоды, не мае одностайносты межъ намы. Одна бида повынна-бъ всихъ еднать до купы, а мы йдемо у ростичъ!.. Ничому лыхо насъ не научыло!...

Шмигельскій. Бида, що кожный хоче старшымъ буты и керувать, а черезъ те одынъ—будуе, другый—руйнуе!

Чалый. И отъ усе зруйновано, усе пропало.

Шмигельскій. Ни, ще не все пропало, Саво!

Чалый. Все, все, все! (*встае*). Жалоба помсты въ ныхъ така велыка, що сдержаты іи, якъ здержать воду ту, що рынула кризь прорванную греблю—нема у чоловика сылы! И понесуть воны теперъ на Украину и смуту, и пожежу, и кровъ проллють рикамы, безъ жаднои корысты для народа, а потимъ и сами на паляхъ вси сконають.

Шмигельскій. Такъ будемъ рятувать Украину видъ гайдамацькои руины!

Чалый. Якъ же ты іи сердешну порятуешъ?

Шмигельскій. Пойидемо до гетмана Потоцького въ Немыривъ; винъ дасть усю мылыцію свою пидъ твою руку, и мы поможемо ему прогнаты гайдамацьки купы, що лышъ озвирюють панивъ противъ людей, а людъ противъ панивъ. Колыжъ настане мырнее жыття—тоди лышъ процвите нашъ край! Споглянь: пидъ панською рукою, за часъ короткый пустыня стала ожывать, жыття на ній въ громадськый станъ складатысь почало; не руйнувать же его намъ, а и самимъ спріять такій будивли треба.

Чалый. Це ты прыдумавъ гарну ричь: рятувать народъ видъ нёго самого и помогать ляхамъ для себе лышъ жыття спокійне будуваты зъ кистокъ и людськой крови! Що то шляхтычъ! Заговорыла лядська кистка, проспувсь мостывый панъ и зубы показавъ.

Шмигельскій. Ни, Саво! Ты помыляешься! Я ляхъ лышъ черезъ те, що нымъ родывся; а серце, розумъ и душа—ведуть мене не тымъ шляхомъ, якымъ идуть уси ляхы, бо я бажаю: ривносты, спокою, щастя и добра—не шляхти лышъ одній, але усимъ людямъ!

Чалый. Ты солодко говорышъ такъ, що вирыть хочется тоби и боязко стае, щобъ ты медовымы ричамы не отруивъ души.

Шмигельскій. Колы ты выслухаешъ все, що я тоби повидаю, и колы въ чимъ побачышъ мою крывду, предай мене на судъ громади, спалы жывого на вогни, на палю посады, якъ схочешъ такъ и покарай: въ твоихъ рукахъ и смерть моя й мое жыття, тоби его безпечно довиряю; та й страху я не знавъ николы и не знаю, бо разъ-у разъ робывъ и говорывъ лышъ те, що правдою вважаю!

Чалый. Говоры, послухаю, що хочешъ ты сказать—цикаво.

Шмигельскій. Послидній часъ я у Потоцького, у гетмана, въ Немырови служывъ и винъ пославъ мене шукаты Саву

Чалого, щобъ прывернуть его на панську руку, якъ лыцаря, для помочи, щобъ ладъ дать на Вкраини и вгамуваты гайдамацькій рухъ!

Ч а л ы й. Такъ ты прыставъ до мене, зробывсь прыятелемъ моимъ, ализъ у саму душу для того, щобъ струить іи?

Ш м и г е л ь с к і й. Свидчусь Богомъ, ничого я не мавъ лыхого на мети; а щиро те робывъ, що за добро личывъ! Ты не дытя, тебе не поведешъ туды, куды ты самъ не схочешъ; переконання-жъ ричъ свята! Слухай! Я бачывъ, якъ бачу и теперъ, що гайдамацькій рухъ лышь край руйнуе, безъ жодной корысты для народа—це й самъ ты заразъ тутъ сказавъ,—и взявъ на себе я порученнисть Потоцького въ надіи тій, що чесно я тебе умовлю: покынуть гайдамакивъ, щобъ рятувать край нашъ видъ руины! Колы-жъ я зрозумивъ твій лыцарскій замиръ добуть народови права справжнею війною, и самъ побачывъ власными очима, що ты готуешъ певнее повстання, що ты непростый ватажокъ, якихъ чимало, а лыцарь, воевода,—я серцемъ и душею ставъ певнымъ другомъ твого дила, бо видаю, що сылою лышъ те одняты можна, що сылою у тебе однялы! Я залышывъ Потоцькаго замиръ и, все жыття свое зламавшы, въ думкахъ я вже съ магнатствомъ воювавъ и ждавъ тіи хвылыны, колы на дили змигъ бы показать, що вирный сынъ я Украины! И що-жъ? Замиръ велыкый твій, якъ дымъ въ повитри розлетився! Замисць війны—безладный рухъ пиднявся знову; биля стерна ставъ Гнатъ Голый, чоловикъ безъ жодной освиты, и поведе бративъ на страту, а край на певну гыбель! Теперъ зосталося одно: прыстать до гетмана Потоцького, и я тоби це прямо говорю!

Ч а л ы й. Ты щыро кажешъ—чую серцемъ! И правда те, що все пропало; для мене жъ шляхъ другый зостався: подамсь въ Гетманщыну, на той бикъ Украины, и тамъ пожду случного часу! Жалкую я, що бранну Зосю одпустывъ... Теперъ бы одружывся зъ нею и вси вояцькіи замиры кынувъ. Іи хороша врода, іи станъ гнучкый, и чорни бровы и русая до пояса коса, и очи мовъ неба чыстого блакитъ—стоять и день и ничь передо

мною. Вона-бъ теперъ своимъ коханнямъ мои вси раны заличила и повернувъ бы я свое жыття на мырне, тыхе господарство.

Шмигельскій. Тамъ, биля Немырова, жыве й вона...

Чалый. Теперъ не пара мы. Тутъ мы булы вильни й ривни; а тамъ насъ роздиля глыбокее проваллля: шляхтянка— й гайдамака-хлопъ!

Шмигельскій. Гетманъ самъ вельможный посватае за тебе Зосю и не посміють іи батькы на тее не згодыться, колы вона тебе кохае! Тамъ заведемъ мы господарство и заживемъ, якъ слидъ людямъ; годи намъ хыжымы вовкамы тынятысь по лисахъ!

Чалый. Думка хороша и прынадна, але діявольска спокуса въ ній сыдыть! За вси оци прынады повыненъ буду я товарышивъ своихъ ловыть и виддаваты ихъ на пали!

Шмигельскій. Чого-жъ на пали? Це й видъ тебе й видъ умовъ залежыть.

Чалый. Умовы?! Ха-ха! Яки зъ панамы тамъ умовы? Я знаю добре ти умовы й самъ! Прыставшы до панивъ, я мушу й серцемъ и душею такымъ же паномъ буть, якъ и уси. Безъ мылосердія и жалю до хлопа, повыненъ зрадыть вири й уніи спріять зо всеи сылы!

Шмигельскій. Нехай тебе боронить Богъ видъ цего! Я самъ зъ прызырствомъ одвернусь тоди видъ тебе! Зостанься вирнымъ ты народови своему; нихто тебе не сылуе ему зражать, а лышъ корысты его рады, мыръ и спокій насады, прогнавшы гайдамацьки купы! А потимъ, ставшы ривнымъ шляхтычамъ усимъ на Украини, ты гнатымешъ и унію й злочынну шляхту такъ само, якъ гайдамакивъ зъ Украины и тымъ народни биды поменьшышъ. Тай самъ зъ коханою дружыною ты заснуешъ свое гниздо и поведешъ свій ридъ на щастя и добро усёго краю.

Чалый. Думкы твои летять, мовъ ластивка: легенько й прудко, немовъ бы й справди легко такъ все те зробыть, про що такъ гарно ты говорышъ!.. О колы-бъ я певнисть мавъ, що

полегчу народни биды и що умовыны мои паны додержать, то не вагаючысь прыставъ бы до Потоцького я заразъ.

Шмигельскій. Скажы, яки твои умовы?

Чалый. Щобъ грецька вира благочесна на Украини лышъ цвила, а унія щобъ и не пахла; щобъ замисть панщыны, платылы люде чыншъ такый, якый умовылысь платыть на слободы идучи, и судъ щобъ ривный бувъ для всихъ!

Шмигельскій. Таки умовыны я самъ Потоцькому поставывъ, колы згодывсь тебе до нёго клыкать. И ось ты маешъ лыстъ видъ гетмана самого, въ котримъ умовы ци винъ власною скрипля рукою. А кримъ того сто тысячъ злотыхъ винъ тоби дае, маенткамы значнымы надиляе и обища шляхетство видъ короля. На̀ лыстъ—чытай!

Чалый (*чытае*). Такъ... лыстъ зъ печатію гербовою.... Правда, лыстъ обищае те, що кажешъ ты!... Що-жъ це зо мною? Мени здается, що я на матиръ руку пиднимаю! страшно мени стало, а лыстъ цей пече мою руку!.. На́—визьмы его назадъ!

Шмигельскій (*бере лыстъ*). Тоби дають таки умовы, якихъ-бы ты й війною певно не добувъ, и ты вагаешся? Не хочешъ край обороныты видъ руины, не хочешъ самъ зъ коханою дружыною своею извыть гниздо, не хочешъ ридъ свій повесты на щастя и добро усему краю?!... Ну, такъ скажы-жъ, чого ты хочешъ? Я твій, куды мене ты поведешъ,—я за тобою скризь пиду; и тутъ и тамъ—я вирный твій слуга! Веды мене ты самъ, куды ты хочешъ!

Чалый. Не знаю, не знаю, не знаю! И тамъ, и тамъ проваля! Немае ривно шляху, якымъ прывыкъ ходыть я!... О, ненько, моя ридна Украино! Невже-жъ тоби судылося весь викъ топыть своихъ сынивъ у братній крови, палыть и ныщыть все вогнемъ за тымъ, щобъ, утопывшысь и потерявшы дитокъ славныхъ, ты надивала зновъ ярмо и тяжко зновъ пидъ нымъ щобъ ты стогнала?... Чы я-жъ того хотивъ, що сталось?... Я керувавъ стерномъ, до певнои меты мій човенъ плывъ, а хвыля нависна стерно те выркала изъ рукъ моихъ и понесла на скели гостри човенъ мій, розибье на трискы его и всихъ братывъ потопыть!..

Що-жъ мени теперъ робыть?... Чи и мени сыдить на човни, щобъ разомъ зъ другымы втопытысь, а чы боротысь зъ хвылею и власнымы рукамы достаты берега другого?... Боротысь! Боротысь!... Колы стерно изъ рукъ моихъ однято и другому до рукъ оддано и бачу я, що човенъ поведуть на немынучу гыбель—я кыдаю свій човенъ и выплыву на другый берегъ самъ! Такъ, такъ! На берегъ, на другый берегъ! И тамъ мы будемъ рятуваты: виру, народъ и край видъ новои руины! Давай сюда Потоцького умовы! Я... иду! (*бере лыстъ*). Тамъ кохання, тамъ слава мене жде!.. Просты мене, моя Украино, колы я помыляюсь, а помыляючысь тоби печаль и горе нове прынесу! Що хочу я народови бездольному послужыты—я въ тимъ клянусь; колы-жъ помылку самъ свою побачу, до тебе, нене, я вернуся такымъ-же щирымъ сыномъ, якъ и бувъ, и вси грихы спокутую я кровію своею!..

Зависа.

ДІЯ Ш.

Картына 3.

Палацъ. Жезницкій и Яворскій.

Жезницкій. Ну, якъ же панъ жыве въ малжонстви? Шлюбъ е прысмака, кажуть, до жыття?

Яворскій. Не вирь, мій пане! Шлюбъ е така прысмака, писля котрои потеряешъ смакъ до самого жыття!

Жезницкій. О, колы-бъ панови досталась Кася въ жоны, то певно винъ не те бъ сказавъ?

Яворскій. Нехай бороныть Богъ! Видъ старои Качинскои—я тикаю въ двиръ, а молода—сама-бъ сюды тикала, бо тутъ кавалеривъ, якъ горобцивъ у старій стрихи.

Жезницкій. То панъ кобитъ зна дуже добре.

Яворскій. О, пане! Надывывся пры дворахъ, бо я тутъ зъ молодощивъ.

Жезницкій. То на що-жъ панъ женывся?

Яворскій. А, пане, я женывся въ розсчотомъ: пани Качинська кобита литня, іи кавалеры вже обмынають, якъ хлопъ порожню корчму, то я соби маю святый спокій, бо моя пани упада тилько за мною.

Жезницкій. Але то нудно!

Яворскій. За те безпечно.

Жезницкій. То въ кавалерскимъ стани, якъ я бачу, найбезпечнійше.

Яворскій. Такъ... Кобиты люблять вси мужчинъ лышъ у кавалерскимъ стани, бо для кобиты кожный кавалеръ е, пане, сырота, котрого треба жалить и ласкаво ему у вичи заглядать.

Жезницкій. А писля шлюбу що?

Яворскій. Кобиты зновъ шукають сыроту.

Жезницкій. Ха-ха-ха! То краще я зостанусь сыротою.

Яворскій. А хиба панъ шлюбъ хотивъ узяты?

Жезницкій. Хотивъ було...

Яворскій. А зъ кымъ, цикаво?

Жезницкій. Зъ прекрасною Зосею, изъ Очеретной, колы панъ зна, та на мое щастя, гайдамака Чалый іи вкравъ,

Яворскій. То щастя панське вже мынуло, бо Чалый Зосю ту назадъ вернувъ до дому.

Жезницкій. Невже?

Яворскій. То панъ не зна? Вона тепера тутъ у замку прыйихала сегодня, гостюе у своихъ и всимъ розсказуе немале дыво; колы почуе панъ, то певенъ я—чупрына стане догоры!

Жезницкій. Що, що таке? Панъ наважывся стращать мене!...

Яворскій. Зосю прывизъ до дому нашъ панъ Шмигельскій.

Жезницкій. Що?! Шмигельскій видъ Чалого прывизъ Зосю?

Яворскій. Такъ, такъ, пане, я самъ чувъ!

Жезницкій. Ага, ага! Такъ бачъ, де панъ Шмигельскій опынывся? До гайдамакивъ бестія прыставъ! Стривай же, попадешся ты мени. Насамперѣдъ обрижу языка, якъ швайку, якъ

жало, нехай замисть речей, зрадлыво-солодкихъ, сычыть мовъ гадюка!

Я в а II.

Ти-жъ и Потоцькій зъ гайдукамы и козачкамы. Вси ему кланяются ныэько, винъ иде до кресла и сида.

Потоцькій. (*Дывытся на Жезницкого*). Ну, ну—говоры. Я бачу вже по очахъ, що панъ Жезницкій зна якусь цикаву новыну.

Жезницкій. Ясновельможный пане, е така новына, що боязко про неи говорыть

Потоцькій. Ото! Зъ гайдамакамы панъ смилыво росправы чыныть, а новына якась его лякае... Що тамъ?

Жезницкій. Панъ Шмигельскій....

Потоцькій. Ну?

Жезницкій. До гайдамакъ прыставъ.

Потоцькій. О-о?!

Жезницкій. Винъ теперъ у Чалого въ коши.

Потоцькій. А-а?! Такъ Чалый ще жывый?

Жезницкій. Певно.

Потоцькій. Може певно, а може й ни!... Звидкиль же панъ то знае?

Жезницкій. Курчинська Зося...

Потоцькій. Втикла видъ гайдамакивъ?

Жезницкій. Ни. Іи видъ Чалого прывизъ до дому панъ Шмигельскій.

Потоцькій. Цикава, справди, новына. Щожъ дали?

Жезницкій. Ничого бильшъ не знаю.

Потоцькій. Це не цикаво... А хто-жъ знае?

Жезницкій. Панъ Яворскій.

Потоцкій. Пане Яворскій!

Яворскій. (*Пидбига*) Слухаю пана.

Потоцкій. Я слухаю, а панъ нехай говорыть, що винъ зна?

Яворскій. То моя жона мени казала...

Потоцькій. Ага!.. Ну, то поклычъ сюда...

Яворскій. (*Побигъ*) Слухаю пана.

Потоцькій. Пане Яворскій!

Яворскій. (*Вернувшысь*) Слухаю пана.

Потоцькій. Кого жъ панъ буде клыкать?

Яворскій. Жону.

Потоцькій. Такъ! На цей разъ угадавъ! А якъ я бачу, панъ Яворскій дуже щаслывый въ малжонстви и хотивъ бы щохвыли бачыть тутъ свою жону?

Яворскій. Такъ, ясновельможный пане, кожна хвылына безъ моеи жоны мени здается викомъ!

Потоцькій. Выходыть пани Качинська теперъ щаслыва, бо я бачывъ іи заразъ въ прыемному покои, то певно що нудытся дома за малжонкомъ и тутъ его чекае.... Поклычъ, почуемо, що зна вона про цю цикаву справу.

Яворскій. Слухаю пана! (*пишовъ*).

Жезницкій. Найкраще ясновельможный пане поклыкаты сюда саму панну Зосю!

Потоцькій. То довго ждать, покы вона прыбуде зъ Очеретного.

Жезницкій. Ни, ясновельможный пане, вона тутъ у насъ у замку, заразъ прыйихала й гостюе у своихъ.

Потоцькій. То чомъ же ты цего не скажешъ? Клычъ заразъ панну Зосю! (*Жезныцькій пишовъ*). Це есть найкращій свидокъ гайдамацького жыття и певно знае Чалого, якъ себе саму.

Ява III.

Ти-жъ, Яворскій и Качинська.

Качинська (*черезъ слезы*). Падамъ до ногъ!

Потоцькій. Чого-жъ то пани такъ стревожена?

Качинська. Мій пане ясный, мій батыку, заступысь за мене бидну.

Потоцькій. У пани е теперъ заступныкъ.

Качинська. Охъ, ясновельможный пане, заступысь за мене и обороны мене видъ мого заступныка.

Потоцкій. Це инша новына, нижъ та, яку я ждавъ! Панъ Яворскій кохае паню такъ, що и хвылына безъ неи ему викомъ здается! На вищо-жъ пани скаржытся?

Качинська. Ясновельможный пане! Мій покійный мужъ, царство ему небесне, любывъ мене и я его кохала, души въ соби не чула и плакалы тры дни якъ винъ померъ.... Жылы мы соби якъ голубивъ пара! Колы-жъ бувало въ чимъ и провынюся передъ нымъ, покійнычокъ, нехай надъ нымъ земля перомъ, бывъ мене легенько—трійчаткою тонкою, бо й винъ мене кохавъ, души не чувъ, то и жаливъ, якъ свое тило; а панъ Яворскій бье канчукомъ! Змылуйся, ясновельможный пане, звелы ему, щобъ винъ трійчатку завивъ тоненьку.

Потоцькій. Пане Яворскій.

Яворскій (*пидходе*). Слухаю пана.

Потоцькій. Ай, ай-ай! Якъ пану не соромъ жону свою быть канчукомъ?

Яворскій. Ей, ей, ясновельможный пане, не канчукомъ, а канчучкомъ.... тонюсенькый: зъ серыци вчетверо сплетеный.

Качинська. Я не прывыкла, ясновельможный, мій покійный мужъ...

Потоцькій. Пане Яворскій, прошу завесты для домашнего обихода одностеблыкъ.

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій. Пани задовольнена?

Качинска. Дзинькую.

Потоцькій. Ну, а теперъ повидай намъ, що знаешъ ты про панну Зосю? (*Входе Зося и Жезницкій*) А отъ певно й сама панна (*до Качинскои*). То пани бильше мени не потрибна!

Качинська (*до Яворского*). Мій дорогый Ясю, я вже не буду ревнувать—не зачипай ты тилько Касю (*бере его пидъ руку*).

Яворскій. Слухаю паню! (*выйшлы*).

Ява IV.

Зося, Жезницкій и Потоцькій.

Потоцькій. О, яка панна прехороша. Подлый хлопъ—смакъ добрый ма! (*встае*). Панна есть Зося Курчинська?

Зося. Такъ, ясновельможный пане.

Потоцькій. Була въ полони и изъ полону повернулась? Хто-жъ панну выкупывъ зъ неволи? Прошу повидать все мени, бо Чалымъ я й гисторіею панны занадто цикавлюсь.

Зося. Якъ мене зъ дому выхопылы ясновельможному пану певно бильшъ видомо нижъ мени, бо я зъ страху зомлила. Тилько въ поли у ночи прыйшла до памьяты видъ боли гострои, яку я чула у всимъ тили, бо ременемъ прывьязана була спыною до спыны гайдамакы. Я чула, якъ гайдамакы жартувалы надъ тымъ, що визъ мене, и раилы ему покынуты мене у поли, покы атаманъ не дизнавсь... Ничь була темна и я не бачыла въ лыце никого, а боль така була въ боку, що ледве я могла здержуваты плачъ! Колы це раптомъ сталы и я почула гоминъ: атаманъ, атаманъ!.. Въ цей ментъ ременння розвязалось и я себе почула на земли. Атаманъ крыкнувъ гризно: хто дивку захопывъ? Уси мовчалы. Винъ гнивну ричь до всихъ державъ, корывъ и смертію стращавъ того, хто цей зробывъ учынокъ! Але уси мовчалы. Потимъ звеливъ двомъ козакамъ, що ихалы пры нему, мене у корчму одвезты и гайдамакы рушылы въ одынъ бикъ, а мене на сплетенныхъ верёвкахъ, мовъ у колысци, межъ двома киньмы—помчалы въ другый бикъ! Мы ихалы лисамы, ярамы глыбокымы ще цилый день! Гайдамакы мене годувалы хлибомъ сухымъ и такъ поводылысь, якъ зъ панною то слидъ. У вечери мене до корчмы прывезлы и, наказавшы жыдови рудому видъ атамана свого Савы, щобъ винъ беригъ мене, якъ ока, тамъ покынулы, и сами вернулысь.

Потоцькій. Бидна бранка! Ну и що-жъ потимъ, панно моя хороша?

Зося. Жыды, що вечера мени казалы: сегодня буде певно Сава! И я тры ночи видъ страху не спала, бо кожный стукъ,

маленькій трискъ, чи шумъ одъ витру, будывъ мене и я тремтила, сыдячы на лижку.

Потоцькій. Ну, ну?

Зося. Жыды мени служылы й догождалы, а байкамы про Саву такъ зацикавылы мене, що я нарешти вже сама его безъ стражу ждала и бачыты хотила страшного всимъ на Украини гайдамаку.

Потоцькій. И щожъ такы диждалась?

Зося (*зитхнула*). Диждалась....

Потоцькій. И гайдамака скрывдывъ панну!!

Зося. О, ни, ясновельможный пане. Сава чесный лыцарь!

Потоцкій. Чого жъ панянка такъ зитнула?

Зося. Такъ.

Потоцкій. Ну-ну-дали!...

Зося. Разъ у ночи, мы тилько що ляглы и погасылы свитло—жыдивка у ванкирекъ, де я мешкання мала... мени прошептала: прыихавъ!... Я одяглась мершій и выйшла на зустричь! Передо мною стоявъ лыцарь: кращого й межъ шляхтою не бачыла николы и, усьмихаючысь, и лагидно и мыло промовывъ: не бійся мене, панно, я тоби лыха не зроблю! Дозволь посыдиты зъ тобою, побалакать и тымъ розважыты мое суворе гайдамацьке жыття!.. И мы балакалы всю ничъ: про скрывдженный народъ винъ говорывъ, про панськіи неправды, потимъ спивавъ мени чаривни писни и зворушывъ мене до слизъ... Два разы ще я бачыла его, а потимъ одвезлы мене до дому.

Потоцькій. Якый же дурынь Сава! Таке золото одипхнувъ видъ себе. А хто-жъ панну прывизъ до дому?

Зося. Панъ Шмигельскій.

Потоцькій. Такъ пань Шмигельскій гайдамакою вже ставъ?

Зося. Певно. Винъ называвъ себе Иваномъ Найдою. Колы жъ до него я прызналась, веливъ мени про це мовчать и у дорози скризь звать Найдою.

Потоцькій (*до Жезницкого*). Га? Пане Жезницкій! А що колы и справди нашъ Шмигельскій до Чалого прыставъ?

Жезницкій. То найпевнища ричь, ясновельможный пане! У бестія! Колы-бъ винъ мени теперъ достався въ рукы!

Ява V.

Ти-жъ и Гайдукъ подае лыстъ. А потимъ Шмигельскіи и Чалый.

Потоцькій (*прочытавшы вставъ и заходывъ по хати, потимъ сивъ*). Стань коло мене, панно! Клычь! Ну, пане Жезницкій готуй найтяжчіи туртуры (*входе Шмигельскій и Чалый*). Що ты на цее скажышъ?

Жезницкій. Я ни жывый, ни мертвый! Дозволь мени, ясновельможный пане, на самый передъ одризать языка Шмигельскому, бо языкомъ своимъ брехлывымъ винъ обморочыть всихъ и выправдытся передъ ясновельможнымъ!

Шмигельскій. Саво, глянь!

Чалый. Зося!

Зося (*до Потоцького*). Це винъ, ясновельможный пане! Глянь, якый орелъ. Не вже его скараешъ? Ясновельможный пане, пожалій его рады того, що пожаливъ мене винъ, молю, бо смерть его—и моя смерть!

Потоцькій. Що-жъ це, пане Шмигельскій, ты до гайдамакъ прыставъ?

Шмигельскій. Согришывъ, але покаявся и отъ моя покута: мы въ двохъ прыйихалы служыть тоби, ясновельможный пане! Це—Сава Чалый!

Жезницкій (*до Потоцького*). На шыбеныцю ихъ обохъ мерщій, ясновельможный пане! Воны задумалы якусь нову зраду; а панъ Шмигельскій обморочыть—не слухай его.

Потоцькій. (*До Чалого*). Ты хто?

Чалый. Сава Чалый!

Жезницкій. (*Про себе скризь зубы*) Падло, падло!

Потоцькій. Гайдамацкій атаманъ?

Чалый. Бувъ кошовымъ. Ныни слуга ясновельможнаго пана!

Потоцькій. Може слуга, а може й ни!.. Якъ вовка не прыдержышъ, винъ въ лисъ втиче пры першій нагоди...

Чалый. Колы добре та ласково поводытыся зъ нымъ, то не покыне винъ двора.

Потоцькій. А все жъ такы на ланцюгу его держать не вадыть...

Чалый. Безпечнище! Тилько ланцюгъ такый треба прыдумать, щобъ шыи винъ не мулявъ, а черезъ те, щобъ вовче серце не злобою, але прыхильностью до пана все бильше й бильше налывалось!

Жезницкій. И въ цего бестіи языкъ медовый!

Потоцькій. Та е у мене и ланцюгъ такый и певенъ я, що той ланцюгъ надине Сава охоче.

Чалый. Не знаю.

Потоцькій. Ты панну Зосю пизнаешъ?

Чалый. О, ясновельможный пане! хто сонця не пизнае, колы воно зъ-за хмаръ проминнямъ яснымъ и тепломъ освитыть и огріе бидну душу? Ця панна мое сонце й проминня іи очей мене сюды маныло бильше, нижъ ти умовы, яки вельможный панъ черезъ Шмигельского мени прыславъ.

Потоцкій. Хочь рижныця межъ панною й тобою такажъ велыка, якъ межъ небомъ и землею, але я рижныцю ту згодомъ зглажу. Теперь же для корысты краю цымъ блыскучымъ ланцюгомъ я прыкую тебе до Речи Посполытій!

Чалый. О, якъ бы усихъ невольныкивъ такымъ кувалы ланцюгомъ, тоди-бъ неволи не було на свити, а лышь рай!

Жезницкій. Ясновельможный пане! Чымъ же я заслужывъ таку образу? Панну Зосю я хотивъ сватать и вельможный панъ давъ мени слово, що буде моимъ сватомъ, а теперъ свата панну за гайдамаку.

Потоцькій. Правда, правда. Добре, що ты згадавъ! Але я сылувать не буду панну красну... Панно Зосю! За кого хочешъ замижъ выйты: чы за шляхтыча пана Чеслава Жезницкаго, чы за оцего гайдамаку—Саву Чалого?

Зося. За гайдамаку!

Потоцькій. Ну, то що жъ я можу зробыть, колы пану пиднеслы гарбуза?

Жезницкій. Трыста діяволивъ!

Потоцькій. Панно Зосю! стань рядомъ зъ Савою.

Зося. (*Пидходячи до Савы, тыхо*). Орле мій!

Сава. (*Бере іи за руку*). Доле моя, зоре моя!

Потоцькій. Ни, пане Жезницкій, ты не пидійдешъ такъ пидъ пару панни Зоси, якъ отъ Сава. Глянь! Замисть батькивъ, я васъ благословляю!

Сава и Зося стають передъ Потоцькымъ навколюшки и цилують его въ руки.

Потоцкій. Такъ завтра й шлюбъ. Въ прыдане маете видъ мене: села Рубань и Степашки, а на обиходъ завтра визьмешъ изъ коморы—сто тысячъ злотыхъ. Чуешъ Саво? Я все зробывъ; теперъ, пане Саво, покажы мени, що зробышъ ты для мене и для краю.

Чалый. Черезъ два дни зруйнную найстрашнійшій кишъ свій, що въ чорнимъ лиси самъ я заснувавъ. Розжену бильшъ двохъ тысячъ гайдамакивъ, що тамъ зибралысь и думають ударыты на Тульчынъ и Немыривъ. Очыстю всю Украину видъ менчыхъ я загонивъ и лышь одно прошу: полекшыть долю посполитыхъ, якъ то ясновельможный панъ въ лысти своимъ пысавъ!

Потоцькій. Обищаю!

Зависа.

И. Карпенко-Карый.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОДВЕДЕМЪ ИТОГИ!

(*Отвѣтъ на статьи въ „Кіевлянинѣ": Вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галиціи*).

Наши двѣ статьи по вопросу о литературномъ языкѣ въ Малороссіи и Галичинѣ [1]) вызвали рядъ статей на ту-же тему въ газетѣ „Кіевлянинъ" (№№ 137, 141, 148 и 168-й), въ которыхъ авторъ, возражая противъ нѣкоторыхъ нашихъ положеній, высказываетъ мысль не только о возможности, но и о необходимости въ Галиціи бросить стремленія создать свой книжный языкъ, а цѣликомъ примкнуть къ богатому обще-русскому литературному языку. Мы очень благодарны автору этихъ статей какъ за то вниманіе, съ которымъ онъ отнесся къ нашимъ замѣткамъ, такъ еще болѣе за то, что онъ желалъ разсмотрѣть этотъ жгучій вопросъ въ галицкой жизни серьезно, а не исключительно методомъ вышучиванія, какъ это часто дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ. Въ виду этого, мы охотно беремся за перо, чтобы продолжить нашъ споръ, надѣясь, что спокойное обсужденіе подобныхъ вопросовъ въ текущей прессѣ можетъ повести и къ болѣе благимъ результатамъ въ самой жизни. Кромѣ указанныхъ статей въ „Кіевлянинѣ", отозвался по поводу

---

[1]) Кіев. Стар. 1899 г. № 1 „Книжная рѣчь у Малороссовъ и Русиновъ"; Кіевск. Стар. 1899 г. № 3 „Ревнители русскаго языка въ Галиціи."

нашихъ замѣтокъ нѣкто *Л. Т.* въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 100), но отвѣчать на подобныя писанія мы не считаемъ достойнымъ научнаго спора.

Основныя положенія въ нашихъ статьяхъ слѣдующія:

1) Рѣшать вопросъ о книжномъ языкѣ въ данной народности, опираясь только на то, *языкомъ* или *нарѣчіемъ*, съ точки зрѣнія филологической, признается та рѣчь, на которой говоритъ эта народность,—едва-ли основательно, такъ какъ въ этомъ случаѣ играютъ значительно большую роль соображенія *политическія, соціальныя*, а не исключительно *научно-филологическія*.

2) Мы рѣзко разграничиваемъ вопросъ о значеніи книжнаго языка въ той или иной формѣ для Малороссовъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, и для Малороссовъ, находящихся въ другихъ государствахъ, по преимуществу въ Австріи.

3) Для Галицкой Руси нѣтъ другого болѣе благопріятнаго исхода, какъ созданіе своего малорусскаго книжнаго языка, при отсутствіи котораго, ей пришлось-бы пользоваться чужими книжными языками, такъ какъ условія галицкой жизни пока что не позволяютъ сдѣлать, подобно тому какъ у насъ, *русскій книжный языкъ* достояніемъ всѣхъ культурныхъ классовъ общества, не говоря уже о простомъ народѣ, даже и у насъ далекомъ отъ обладанія книжной русской рѣчью.

4) Попытки нѣкоторыхъ галицкихъ кружковъ изъ культурнаго класса распространить путемъ литературы (но не школы, т. к. въ Австріи этого не позволятъ) русскій книжный языкъ и сдѣлать его языкомъ своей книжности—мы считаемъ, во 1-хъ, никогда неудававшимися, неудающимися и теперь, а во 2-хъ, не только *не полезными*, но *прямо вредящими ходу развитія малорусскаго національнаго дѣла въ Австріи*.

5) Изученіе русскаго книжнаго языка въ Галиціи необходимо, не только потому, что это ближайшій родственный языкъ, но и потому, что такое изученіе поможетъ галичанамъ поставить свою культурную рѣчь на надлежащую высоту, опираясь

на двухвѣковую работу русскихъ писателей, много потрудившихся для усовершенствованія своего литературнаго языка.

Въ статьяхъ „Кіевлянина“ первое наше положеніе совсѣмъ не затрогивается, и мы готовы думать, что автору статей чужды мысли, такъ часто служащія исходной точкой въ этомъ спорѣ, будто книжнаго малорусскаго языка не должно быть, потому-де, что это не *языкъ*, а *нарѣчіе*. Въ виду этого мы тоже оставимъ въ сторонѣ вопросъ о значеніи языковъ и нарѣчій, тѣмъ болѣе, что въ этой-же книжкѣ журнала читатели прочтутъ обширную статью К. Михальчука, рѣшающаго съ филологической точки зрѣнія, какъ надо смотрѣть на малорусскую рѣчь. Что-же касается остальныхъ нашихъ положеній, то, кромѣ послѣдняго, съ которымъ, конечно, „Кіевлянинъ“ не можетъ не согласиться, они авторомъ статей рѣшительно никакими доводами не опровергаются, а только указывается имъ на одинъ фактъ, что *руссофильская* партія въ Галиціи можетъ указать галичанамъ богатую русскую литературу, а *украинофильская*—бѣдную малорусскую; что языкъ первой вполнѣ разработанъ, а языкъ второй—очень еще слабо культивированъ, и при томъ культивируется неудачно современными писателями. Изъ этого видно, что намъ предстоитъ отвѣчать по поводу 2-го, 3-го и 4-го нашего положенія, при чемъ вопросъ о степени достоинства малорусской литературы и языка мы откладываемъ подъ конецъ, а теперь хотимъ выяснить сначала существо дѣла.

Авторъ статей въ „Кіевлянинѣ“ очевидно считаетъ, что положеніе культурныхъ классовъ въ Галиціи совершенно однородно съ положеніемъ ихъ въ Малороссіи, и слѣдовательно—видя фактъ распространенія книжной русской рѣчи у насъ среди культурныхъ малороссіянъ по происхожденію, онъ находитъ возможнымъ такое-же распространеніе этой рѣчи и тамъ. Думаемъ, что авторъ самъ малороссъ (по крайней мѣрѣ онъ берется судить о малорусскомъ языкѣ, какъ знатокъ его; насколько основательно

—увидимъ ниже), а если такъ, то мы напомнимъ ему общую для насъ всѣхъ картинку нашей жизни съ дѣтства. Выростали мы въ семьяхъ, гдѣ очень часто русская книжная рѣчь была обиходной, гдѣ изъ устъ родителей и знакомыхъ ихъ намъ постоянно приходилось слышать эту рѣчь и самимъ воспитываться на ней; правда, въ переднихъ, на кухняхъ, на дворѣ мы слыхали отъ прислуги рѣчь малорусскую, но относились къ ней, какъ къ рѣчи мужицкой, и дальше сотни-другой словъ, самыхъ заурядныхъ, обыденныхъ, мы не шли, а между тѣмъ это впослѣдствіи давало намъ право считать себя *знатоками* малорусскаго языка. Далѣе пошло наше книжное ученіе—въ низшей, средней и высшей школѣ, гдѣ о малорусской рѣчи даже не упоминалось. Въ этотъ весь періодъ и устанавливается у насъ окончательно то чутье книжной рѣчи, безъ котораго никакими иными изученіями нельзя сдѣлать языкъ полной своей собственностью. Спрашивается теперь, находятся-ли въ такихъ же условіяхъ галичане? Могутъ-ли они слышать въ семьѣ, въ обществѣ русскую книжную рѣчь? А главное—могутъ-ли они, при теперешнемъ своемъ политическомъ строѣ, пройти школу—низшую, среднюю и высшую, построенную на основѣ книжной русской рѣчи? Опять повторимъ то-же, что сказали мы и въ первой нашей статьѣ: за отвѣтомъ на эти вопросы надо обратиться къ австрійскому правительству. Намъ могутъ возразить, что было время и въ Малороссіи, когда русскаго книжнаго языка въ обиходѣ культурныхъ малороссовъ не существовало, а между тѣмъ постепенно вошелъ онъ въ употребленіе,—такъ будетъ и въ Галиціи. Мы отвѣтимъ на это, что это дѣло дѣлала, съ одной стороны, школа, а съ другой —государственное начало съ государственнымъ языкомъ. Вѣдь очень хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, какъ языкъ государственный, языкъ высшихъ слоевъ его, манитъ къ себѣ всѣ сословія, а особенно высшія. Не далеко то время, когда въ югозападной Руси такимъ манящимъ къ себѣ началомъ была польская культура, и польскій языкъ былъ обиходнымъ среди малорусской интеллигенціи, даже среди духовенства; не далеко то время, когда въ Чехіи стыдно было говорить на своемъ

языкѣ, т. к. языкомъ государственнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурнымъ, считался языкъ нѣмецкій. Вотъ теперь и рѣшайте вопросъ, что естественнѣе было галичанамъ, сознавшимъ свое національное *я*: обратиться-ли къ русскому книжному языку, для котораго—повторяемъ—въ государствѣ ихъ почвы нѣтъ, или приступить къ созданію своего книжнаго языка, которымъ можно установить тѣсную связь между народомъ и высшими классами общества и на которомъ и простой народъ будетъ читать доступныя его разумѣнію книги? Правъ-ли послѣ этого авторъ статей въ «Кіевлянинѣ», говоря съ упрекомъ, что галичане „принялись создавать своеобразный литературный языкъ, весьма далекій не только отъ литературнаго русскаго, но и отъ малорусскаго языка, и настолько успѣли въ его культивированіи, что образованный малороссъ, уроженецъ Полтавской или Кіевской губерніи, вполнѣ владѣющій малорусской народной рѣчью и языкомъ Шевченка, долженъ спеціально обучаться галицкому литературному языку?" Повторяю опять: о степени достоинства вырабатываемаго книжнаго малорусскаго языка я буду говорить ниже; что-же касается того, что языкъ литературный галичанъ не понятенъ образованному малороссу, уроженцу Полтавской или Кіевской губерніи, то прежде всего надо условиться въ томъ, какого образованнаго малоросса мы имѣемъ въ виду. Если такого, который даже имѣетъ докторскую степень, но никогда спеціально не занимался сюжетами малорусскаго книжнаго языка и литературы, то, конечно, онъ многаго не пойметъ, какъ не пойметъ онъ и многихъ чисто народныхъ и вполнѣ употребительныхъ словъ малорусскихъ, перечитывая этнографическіе сборники, потому-что онъ не обладаетъ ни знаніемъ, ни еще болѣе—чутьемъ языка. Но всѣ галичане, а равно и многіе изъ насъ малороссовъ, слѣдящіе за галицкой письменностью, поймутъ все,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Можно много, можетъ быть, указать недостатковъ въ этомъ языкѣ, но отрицать необходимость его—это, по меньшей мѣрѣ, неосмотрительный шагъ. Допустимъ на минуту, что всѣ культурные галичане, идя по стопамъ г. Мончаловскаго и К°, рѣшили-бы

употреблять въ литературѣ книжную русскую рѣчь; получилибы мы фактъ извращенія и коверканья этой рѣчи на письмѣ, въ школѣ появилась-бы опять исключительно польская и нѣмецкая рѣчь, а въ жизненномъ обиходѣ національное русское начало постепенно стало-бы ослабѣвать, и простой народъ оказался бы оторваннымъ отъ культурныхъ классовъ, благодаря чему общая культуроспособность націи значительно понизилась бы. О такой-ли перспективѣ для страны мечтаетъ авторъ статей въ „Кіевлянинѣ?“.

Главный пунктъ возраженій автора сводится къ тому, что самими галичанами вырабатывается очень плохой литературный языкъ, а въ помощь имъ идутъ и многіе изъ нашихъ малорусскихъ авторовъ, такъ-же плохо культивирующихъ свою книжную рѣчь. Если бы этимъ все дѣло ограничивалось, если-бы авторъ только указывалъ фактъ недостатковъ въ разрабатываемомъ языкѣ,—мы, пожалуй, и не возражали-бы, потому-что всякая критика полезна для критикуемаго; но «Кіевлянинъ» дѣлаетъ изъ этого факта тотъ выводъ, что если авторы пишутъ плохо, то не нуженъ совсѣмъ и тотъ языкъ, на которомъ они пишутъ. Наше-же положеніе такое: если авторы разрабатываютъ свою книжную рѣчь плохо, то надо критиковать ихъ серьезно и тѣмъ помогать имъ совершенствоваться. Посмотримъ-же теперь, въ чемъ „Кіевлянинъ“ усматриваетъ недостатки галицкихъ и малорусскихъ писателей. Но прежде нѣсколько словъ о методѣ критики, особенно что касается языка.

Въ обыкновенныхъ гимназическихъ учебникахъ, когда идетъ рѣчь о *критикѣ*, какъ объ особомъ отдѣлѣ сочиненій, ставится такое основное положеніе: критика въ собственномъ смыслѣ этого слова очень трудна, т. к. критикъ долженъ быть знакомъ съ предметомъ, если не больше, то во всякомъ случаѣ не меньше того, кого онъ критикуетъ. Что-же касается критики языка, то кромѣ знанія его, нужно обладать еще и значительнымъ чутьемъ, такъ какъ живой языкъ не есть нѣчто неподвижное, а напротивъ того—постоянно находящееся въ процессѣ своего созданія; вотъ этотъ-то творческій процессъ въ языкѣ и постигается при помощи

развитого чутья языка. Между тѣмъ, очень часто приходится и читать, и еще болѣе слышать отзывы о языкѣ, опирающіеся исключительно на субъективныя ощущенія, основаніемъ для которыхъ служатъ слуховыя впечатлѣнія, получаемыя отъ языка, непривычнаго для уха. Каждый языкъ имѣетъ свою звуковую гармонію, усваиваемую нами совершенно незамѣтно, и если мы, слыша рѣчь чью нибудь на этомъ языкѣ, находимъ ее хорошей, то значитъ—гармонія въ ней не идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, къ чему приспособился нашъ слухъ. Но въ томъ-то и дѣло, что весьма часто, слыша рѣчь, чуждую намъ, мы прилагаемъ къ ней мѣрку той-же гармоніи, которая существуетъ для языка нашего. Не разъ приходилось слышать отзывъ о польской, чешской рѣчи, какъ о чемъ-то негармоничномъ, на томъ основаніи, что мѣрка гармоніи польской и чешской рѣчи не сходятся съ нашей. Особенно характеренъ въ этомъ случаѣ отзывъ нашего украинскаго простолюдина, который, услышавъ чуждую ему рѣчь, всегда скажетъ: „та винъ чудно якось лопоче". Но что прилично простолюдину, то не должно быть удѣломъ литературнаго критика. Вотъ почему, говоря о языкѣ книжномъ малорусскомъ, мы постараемся для оцѣнки его примѣнить не обычную ежедневную мѣрку, а научно-критическую.

Въ первой нашей статьѣ мы сказали, что насъ далеко не удовлетворяетъ качество современной малорусской книжной рѣчи, а особенно у галичанъ. Мы не будемъ теперь останавливаться на подробномъ выясненіи этого вопроса, т. к. данный случай нашего отвѣта автору статей въ „Кіевлянинѣ" не требуетъ того, а надѣемся въ скоромъ времени поговорить объ этомъ спеціально. Скажемъ пока, что недостатокъ этой рѣчи обнаруживается по нашему мнѣнію, не столько въ неудачной ковкѣ словъ, сколько въ отсутствіи у авторовъ поэтическаго языковаго чутья въ примѣненіи готовыхъ уже словъ, иногда чисто народныхъ. Между тѣмъ авторъ статей въ „Кіевлянинѣ" всю силу своихъ доказательствъ негодности малорусской книжной рѣчи основалъ на цѣломъ рядѣ словъ и выраженій, взятыхъ имъ изъ одной драматической піесы М. П. Старицкаго, и, называя ихъ

кованными, сопровождаетъ справками отъ себя, что онъ *не можетъ ихъ понять*. Въ томъ, что авторъ ихъ не понимаетъ, я нисколько не сомнѣваюсь и даже нимало этому не удивляюсь, т. к. много-ли у насъ малороссовъ по происхожденію, которые знаютъ свой языкъ? Меня больше удивляетъ то, какъ авторъ, желающій, повидимому, серьезно трактовать о малорусскомъ языкѣ, рискнулъ съ такими слабыми познаніями аргументировать въ литературномъ спорѣ свои положенія, не сдѣлавши предварительныхъ справокъ. По этому поводу была уже помѣщена въ газетѣ „Волынь" (№ 38) замѣтка г. *Ив. Стешенка*, гдѣ были указаны и промахи автора; мы-же, повторяя отчасти указанія г. Стешенка, прослѣдимъ наиболѣе важныя изъ инкриминируемыхъ авторомъ мѣстъ и укажемъ первоисточникъ ихъ.

„Кіевлянинъ" считаетъ слово *вдача* выдуманнымъ, а не народнымъ, и только какъ-бы догадывается, что выраженіе „зализнои вдачи" значитъ *жельзный характеръ*. Мы дадимъ слѣдующую справку: 1) въ сборникѣ народныхъ пословицъ *Номиса* (очень извѣстное изданіе)—„Лучше пъятакъ передачи, абы до *вдачи*"; „така вже *вдача* собача"; 2) слово это употреблялось уже давно малорусскими писателями—„чы таку *вдачу* ёму Богъ давъ" (Марко-Вовчокъ).

Лытъ сотныка „Кіевлянинъ" поясняетъ: вѣроятно—*типъ* сотника; должны мы сказать по этому поводу, что едва-ли годится въ серьезныхъ статьяхъ допускать фальсификаціи, т. к. это слово напечатано въ „Кіевской Старинѣ" *литъ* сотныка, т. е. возраста такого-же, какъ и сотникъ.

Слова *бадёрый* (баба бадера) „Кіевлянинъ" говоритъ, что не понимаетъ, а между тѣмъ слово это, съ развѣтвленіями его, извѣстно въ словарѣ Шейковскаго, въ формѣ *бадёрыстый*—у Стороженка: „самъ бувъ такый *бадёрыстый*, а въ видѣ глагола *бадёрытыся*—у Шевченка: „мовъ та чапля мижъ птахамы скаче, *бадёрытся*". Истинный малороссъ сразу скажетъ, что это слово значитъ бойкій, лихой, молодецкій.

Слова *кволый* тоже „Кіевлянинъ“ не понимаетъ, а между тѣмъ оно употребляется въ видѣ глагола *кволиты*, напр.: въ сборн. Метлинскаго.

„Буде росты не болиты,
На серденько не *кволиты*;

см. о немъ также въ словарѣ Левченка.

Слово *гедзъ* тоже оказывается непонятнымъ, а между тѣмъ оно въ устахъ народа на каждомъ шагу, чаще всего съ произношеніемъ *ǵедзъ* (*кґедзъ*), и означаетъ прежде всего особаго рода муху, отъ укушенія которой скотъ бѣснуется, откуда и глаголъ *гедзатысь* или *гедзгатысь*, встрѣчающійся и въ „Энеидѣ“ Котляревскаго. Выраженіе-же „гедзъ напавъ“ въ смыслѣ „капризы одолѣли“ есть слишкомъ обиходная форма нашей рѣчи.

Но если указанныя до сихъ поръ слова свидѣтельствуютъ о незнакомствѣ автора съ народной малорусской рѣчью, то слова *сурмачъ*, *сурмы засурмлять* показываютъ, что онъ не бо́льшій знатокъ и въ малорусской исторіи. Вотъ для образца дума про Серпягу:

А вси дзвоны задзвоныли,
А вси *сурмы засурмылы*,
Якъ Серпягу молодого
Та у Каневи положылы.

Слово *сурмачъ* употребляется у Стороженка; трубы *сурмлять*—у Котляревскаго.

Слова *бовваниты* тоже авторъ не понимаетъ, а между тѣмъ оно въ значеніи *виднѣться* употребляется и въ слѣдующемъ стихѣ, не помню откуда мною взятомъ:

Тильки сокоръ *бовваніе*
Побиля крыныци,

и у Гребенки (Полтава): мовъ хмары, косы *бовваніють*. Есть оно и въ формѣ *бовванячыты*: дывысь щось *бовванячыть* пидъ селомъ.

Слово *цвянуе* неправильно приведено авторомъ: у насъ напечатано *цвяхуе* отъ чисто народнаго глагола *цвяховаты* (см. Думу о Самійлѣ Кошкѣ: галера *цвяхована*), а не выдуманнаго какъ увѣряетъ „Кіевлянинъ“.

Слово *проклёны* тоже авторъ считаетъ выдуманнымъ, а между тѣмъ оно въ имен. пад. ед. ч. употребляется въ пословицѣ: „батькова та матчына молытва изъ моря выймае, а *проклинъ* у калюжи топыть (Номисъ).

Слово *помста* авторъ считаетъ польскимъ и. конечно, въ этомъ не ошибается, но надо принять во вниманіе, что корень этотъ, и въ такомъ именно образованіи изъ него слова, есть и въ малорусскомъ языкѣ, напр.: глаголъ *помстытыся*: „винъ за те *помстывся*“ (Труды этногр.-стат. экспедиціи); существ. *помстныкъ*: рука Господня *помстныкивъ* карае (Снипъ—Корсуна), а сущ. *помста* употр., напримѣръ, Нечуй-Левицкимъ.

Лементъ тоже оказывается подъ сомнѣніемъ, и авторъ глубокомысленно догадывается, что это взято отъ lamentation. Къ чему эти догадки, когда у Номиса можно прочесть народную пословицу: „*лементъ* такый, що хочъ тура гоны“, а какъ это слово попало въ народный обиходъ, не думаемъ, чтобы нужно было его сопоставлять съ французскимъ.

Бентежутся, *бентежный*—излюбленныя выраженія г. Старицкаго, говоритъ авторъ и, значитъ, сомнѣвается въ народности ихъ, прибавляя, что, *кажется*, они должны обозначать: волноваться, взволнованный. Нѣтъ ни времени, ни охоты рыться повсюду для приведенія примѣровъ употребленія каждаго слова; укажу только, что у Гребенки есть выраженіе: „на що мени *бентежыть* славу“; у Котляревскаго: „*збентежыла* ся ричъ Латына“.

Глаголъ *басуваты* въ выраженіи *коныки забасують*, заставилъ даже автора въ нетерпѣніи вскрикнуть: ничего не понимаемъ! Вхожу въ положеніе автора, которому приходится, ничего не понимая, не только читать, но еще и что-то написать; но для успокоенія его нервовъ долженъ сказать, что слово это употребляется въ народной рѣчи постоянно (*баскый кинь*), а

также у Котляревскаго (пойихала *баскимы* конямы, якъ звиръ) и у Шевченка (кинь *басуе*... отъ-отъ ричку, отъ-отъ перескочыть).

По поводу слова *гасають* „Кіевлянинъ" дѣлаетъ замѣтку: должно быть съ татарскаго. Не вдаваясь въ исторію происхожденія этого слова, напомнимъ только, что оно употреблялось еще Котляревскимъ, котораго авторъ ставитъ въ образецъ невыдуманнаго и истинно-малорусскаго языка (*гаса*, фынтыть своимъ зикратымъ).

До сихъ поръ мы перебирали по порядку всѣ слова, отмѣченныя „Кіевляниномъ," какъ выдуманныя, и находимъ, что совершенно излишне будетъ утомлять читателя продолженіемъ нашихъ справокъ; но смѣемъ увѣрить, что все заподозрѣнное авторомъ статей мы беремся опровергнуть цѣлымъ рядомъ фактовъ, заимствованныхъ изъ народной рѣчи и изъ писателей, въ авторитетѣ которыхъ до сихъ подъ не высказывалось никакихъ сомнѣній. Ограничимся теперь бѣглымъ указаніемъ на нѣсколько словъ, которыя подтверждаются исключительно народнымъ матеріаломъ.

Охвировала: царю й Богу тее *охвирують*. (Труды этн.-стат. экспед.).

Нехтують: вона грошима *нехтуе*. (Борз. у., Черн. губ.).

Занышкнуты: гомонилы, гомонилы, а дали й *занышклы* (Черк. у., Кіев. губ.).

Велетень: *велетень* у громади, якъ правда въ поради (Номисъ).

Левенець: ой казаченьку-*левенче*, не скажу я тоби, серце (Труды этн.-стат. экспед.).

Навантажыты: хура *навантажена* бочкамы зъ дегтемъ (Балт. у.).

Керуваты: чоловикъ мыслыть, а Богъ *керуе* (Номисъ).

Вырій: зажурылась перепелочка; бидна моя та головочка, що я рано изъ *вырія* вылетила (Народн. пѣсни, Метлинск.). Это же слово употреблено было еще въ поученіи Владиміра Мономаха.

Итакъ, теперь мы имѣемъ право прежде всего спросить автора статей въ „Кіевлянинѣ“: считаетъ-ли онъ, послѣ приведенныхъ нами фактовъ, что языкъ книжный малорусскій выдумывается, не будучи ни на чемъ основанъ? Думаемъ, что добросовѣстность его подскажетъ ему отвѣтъ. А если такъ, то является и второй нашъ вопросъ: считаетъ-ли онъ, что этотъ книжный языкъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, при нормальномъ ходѣ событій, можетъ вполнѣ сослужить свою національную службу, а въ особенности для галичанъ, которые безъ него очутятся въ Австріи въ положеніи забитой и забытой русской народности, охранить которую должно быть заботой всякаго истиннаго, а не оффиціальнаго только, славянскаго патріота? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, думаемъ, готовъ у каждаго безпристрастнаго читателя.

В. Науменко

Документы, извѣстія и замѣтки.

Неизданное стихотвореніе гр. Ал. Толстого. Помѣщаемое въ настоящей книгѣ «Кіевской Старины» не изданное еще стихотвореніе гр. Алексѣя Константиновича Толстого написано, какъ видно изъ подлинника, въ м. Погорѣльцахъ, Черниговской губ., Сосницкаго уѣзда, имѣніи его дяди Алексѣя Алексѣевича Перовскаго-Погорѣльскаго, у котораго жилъ и воспитанъ былъ поэтъ. (См. «Кіевскую Старину» 1888 г. кн. 4, ст. г. В. Горленка «А. А. Перовскій») Когда написано стихотвореніе, неизвѣстно, но, вѣроятно, вскорѣ послѣ воспѣтаго въ немъ событія, т. е. восшествія на престолъ покойнаго государя (Императора) Александра II Николаевича. Имя государя не названо въ стихотвореніи ни разу, но сомнѣнія въ этомъ не можетъ быть никакого, судя по даннымъ содержанія пьесы.

Подлинникъ переписанъ, повидимому, писарской рукою; почеркомъ А. К. Толстого написана лишь его подпись и названіе села Погорѣльцы. Подлинникъ этотъ полученъ нами отъ г. З. И. Коноплы, завѣдывающаго Иченскимъ 2-хъ класснымъ училищемъ М. Н. Просвѣщенія, а имъ въ свою очередь отъ тестя его Кореняки, которому досталась бумага отъ г. Лавренцова, б. управляющимъ въ с. Погорѣльцахъ.

А. Степовичъ.

Свершилось!... Вновь блеститъ корона!
Въ сіяньи радостномъ алтарь;
На бархатѣ прадѣдова трона,
Подъ гулъ торжественнаго звона,
Восходитъ новый Русскій Царь!

И гулъ по всей землѣ несется.
Шумя, народъ ликуетъ вновь;
Повсюду радость, счастье льется,
Съ ступеней трона раздается
Прощенье милость и любовь...
Въ страну снѣговъ и запустѣнья,
Въ страну изгнанья и скорбей
Достигло слово всепрощенья,
Звучитъ залогомъ избавленія
Отъ мукъ, страданій и цѣпей.
И всюду кликъ благодаренья,
Все блещетъ, движется, живетъ,
И въ храмъ молиться съ умиленьемъ
За жизнь царя, въ живомъ волненьи,
Стремится радостный народъ.

***

И мы съ душою преклоненной
Къ тебѣ, Богъ истины и силъ,
Несемъ слова мольбы усердной,
Чтобъ Ты хранилъ защитой вѣрной
Того, кто правду возлюбилъ,
Кто міру миръ далъ и свободу,
Кто свѣтъ науки оживилъ.

. . . .

И вновь объятія народу
Съ любовью отческой открылъ.
О пусть цвѣтетъ страна родная!
Храни царя! храни народъ!
Пусть слава чистая святая
Пройдетъ отъ края и до края,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ!

Гр. Ал. Толстой.

Погорѣльцы.

Актъ признательности митрополиту Евгенію отъ дворянъ кіевской губ. Въ половинѣ октября 1823 г. помѣщики и дворяне кіевской губерніи, по приглашенію тогдашняго кіевскаго губернскаго

предводителя дворянства графа Густава Филипповича Олизара, съѣхались въ Кіевъ для выбора изъ своей среды должностныхъ лицъ въ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста. Выборамъ ихъ предшествовала присяга и молебствіе, совершенное 19 числа тогоже октября въ Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ. По случаю столь важнаго событія митрополитъ Евгеній, по окончаніи молебствія, сказалъ помѣщикамъ и дворянамъ весьма назидательное слово на текстъ св. писанія: *изберите себѣ мужи мудры и умѣтельны и смысленны въ племенѣхъ вашихъ, и поставлю ихъ надъ вами старѣйшины вамъ* (Второз. гл. 1, ст. 13).

Въ словѣ своемъ, первоначально указавши на причину выбора старѣйшинъ Израильскихъ, во времена пророка Моисея, и за тѣмъ на особенное благоволеніе и довѣріе Государя Императора къ дворянамъ въ предоставленіи имъ права избирать изъ своей среды должностныхъ лицъ въ присутственныя учрежденія, архипастырь остановилъ вниманіе своихъ слушателей на тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, которыми должны отличаться избираемыя ими лица. «*Изберите себѣ*, говорилъ святитель дворянамъ, *мужей мудрыхъ*, то-есть просвѣщенныхъ познаніями судейской должности, *мужей умѣтельныхъ*, то-есть имѣющихъ при познаніяхъ своихъ еще опытное искусство; *мужей смысленыхъ въ племенѣхъ*, то-есть извѣстныхъ добрымъ поведеніемъ и знающимъ дѣла и нужды тѣхъ, кого они судить должны». Необходимость избранія лицъ съ такими качествами онъ основывалъ не только на священномъ писаніи, но и на требованіяхъ житейской практики. И святительское слово его оказало столь благотворное дѣйствіе на дворянъ, что они, по возвращеніи изъ храма въ залъ дворянскаго собранія, уполномочили уѣздныхъ предводителей дворянства составить и чрезъ графа Олизара приподнести митрополиту Евгенію нижеслѣдующій актъ признательности и всеобщаго безпредѣльнаго почтенія къ нему.

«Его сіятельству, кіевскому губернскому предводителю дворянства графу Густаву Олизару».

«Помѣщики и дворяне подвѣдомственныхъ намъ уѣздовъ возложили на насъ обязанность предложить Вашему Сіятельству, чтобы вы изволили, отъ имени цѣлой губерніи, изъявить Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Евгенію: 1) признательность и особенное почтеніе, къ которымъ побудили насъ всѣхъ его необыкновенныя дарованія и высокія Архипастырскія достоинства, а въ 2-хъ, чтобы, отдавъ

ему эту дань всеобщаго безпредѣльнаго почтенія, просили его о дозволеніи помѣстить въ дворянскихъ актахъ, для вѣчной памяти, рѣчь, которою этотъ достойный архипастырь привѣтствовалъ собравшихся на дворянскіе выборы. Если, съ одной стороны, онъ возвысилъ наши души, припомнивши намъ священныя обязанности нашей спасительной религіи, то съ другой—мы бы желали, чтобы настоящій актъ признательности дворянскаго сословія былъ вознагражденіемъ трудовъ и пастырскаго сердца его».

Сей актъ подписали уѣздные предводители: кіевскій—Шимановскій; радомысльскій—Глембоцкій: васильковскій—Проскура; сквирскій—Рыльскій; махновскій—Абрамовичъ; исправляющій должность липовецкаго—подкоморій таращанскаго и липовецкаго уѣздовъ Ипполитъ Рогозинскій; таращанскій—Флоріанъ Егерскій; уманскій—Янъ Марковскій; звенигородскій—Росцишевскій; богуславскій—Ячевскій; чигиринскій—Давидовъ. 20 октября 1823 г. Кіевъ». [1])

Копія этого акта хранится въ архивѣ канцеляріи кіевскаго губернскаго предводителя дворянства въ связкѣ дѣла № 36 за 1823 г., а подлинникъ его препровожденъ митрополиту Евгенію графомъ Олизаромъ 20 октября того же года за № 359 при слѣдующемъ письмѣ:

«Высокопреосвященнѣйшему Евгенію, митрополиту кіевскому и галицкому, члену Святѣйшаго Синода, архимандриту Кіево-Печерской Лавры и разныхъ орденовъ кавалеру. Представляя Вашему Высокопреосвященству въ подлинникѣ отзывъ гг. уѣздныхъ предводителей дворянства, доставленный ко мнѣ отъ имени всѣхъ помѣщиковъ и дворянъ, считаю себя счастливѣйшимъ, что, при исполненіи обязанностей моей должности, я уполномоченъ дворянствомъ заявить Вамъ нашу всеобщую признательность и уваженіе; а присовокупляя къ просьбѣ всѣхъ помѣщиковъ и дворянъ и личную свою просьбу, съ крайнимъ нетерпѣніемъ буду ожидать исполненій оной. Дворянскій губернскій предводитель графъ Олизаръ».

Графу Олизару, а въ лицѣ его и всѣмъ помѣщикамъ и дворянамъ, митрополитъ Евгеній отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь, графъ Густавъ Филиповичъ»!

«Почтенное отношеніе Вашего Сіятельства отъ 20 октября имѣлъ я честь получить 21 числа съ чувствомъ искреннѣйшей бла-

---

[1]) И подлинникъ, и копія сего акта написаны на польскомъ языкѣ.

годарности Вашему Сіятельству и всему почтенному кіевскому дворянству за благорасположительное ко мнѣ вниманіе, изъясненное въ сообщенномъ мнѣ отъ Васъ письменномъ ихъ актѣ. Посему покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство объявить имъ и мою чувствительнѣйшую признательность; а въ удовлетвореніе ихъ желаній, при семъ препровождая списокъ моего поученія, говореннаго 19 октября въ Кіево-Софійскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Евгеній Митрополитъ Кіевскій и Галицкій».

Переданное графу Олизару Слово, по переводѣ на польскій языкъ, напечатано отдѣльными брошюрами и вручено каждому изъ помѣщиковъ Кіевской губерніи, а подлинникъ его хранится въ архивѣ Канцеляріи Кіевскаго Губернскаго Предводителя дворянства.

Протоіерей **Петръ Орловскій.**

Историческія вирши по рукописи начала XVIII в. Въ старинныхъ сборникахъ виршъ и кантовъ, наряду съ покаянными, праздничными встрѣчаются и такія, которыя болѣе или менѣе имѣютъ историческій характеръ. Нѣкоторые изъ виршъ историческаго содержанія изданы во второй части «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова (Кіевъ, 1875, стр. 127—141), въ «Исторіи Кіевской Духовной Академіи» С. Голубева (Кіевъ, 1886) и др. Но кое что еще остается въ рукописяхъ, которыми, къ слову сказать, богаты почти всѣ библіотеки: это сборники виршъ, составленные любителями поэзіи и пѣнія. Многія изъ виршъ въ этихъ сборникахъ, даже писанныхъ въ Великой Россіи и великоруссами—ведутъ происхожденіе изъ Малороссіи, на что указываютъ порой проскользывающія особенности малорусскаго нарѣчія и полонизмы.

Ниже предлагаю нѣсколько виршъ, извлеченныхъ мною изъ рукописнаго сборника Императ. Публ. Библ. въ СПБ., Q, XIV, № 25, писаннаго полууставомъ начала XVIII в. (по каталогу—XVII - XVIII в.) Всѣ вирши, помѣщенныя здѣсь, имѣютъ и напѣвы: вверху страницы двѣ строки нотъ, ниже—текстъ.

Судя по содержанію, ниже предлагаемыя вниманію читателя вирши относятся къ эпохѣ польско-русскихъ войнъ XVII и XVIII в.

Правописанія не сохраняемъ, раскрывая титла и опуская подстрочные знаки.

—

I.

Первая вирша изъ интересующихъ насъ находится на л. 16 об.—17 названнаго сборника. Заглавіе вирши, писанное на полѣ л. 16 об. слѣдующее:

„Плѣтъ Полщи о бывшей храбрости и пленеиіи своемъ и о покореніи ко благоуестивейшему царю и великому князю Алексію Михайловичю“.

Въ жалости днесь зѣло обомираю,
Слезы точащи чадъ моихъ рыдаю.
Азъ мати, лютѣ опечаленная
И всѣхъ радостей изовлеченная.
Бѣхъ бо нѣкогда тако украшенна,
Яко надъ страны славно вознесенна;
Копіе мое на вразѣхъ бывало
И сердца силныхъ въ бранѣхъ ужасало.
Но нынѣ мечи и щиты державны
Во мнѣ крѣпчайшихъ чадъ всѣхъ надсмѣявный; [1])
Вои велики худыми бываютъ,
От скиѳскихъ языкъ на земли падаютъ,
Сами бо въ себѣ мечь свой угразиша
И мене матерь свою уязвиша.
Юношъ прекрасныхъ и дѣвицъ удобренныхъ
Полны всѣ страны нынѣ суть плененныхъ.
Азъ плачю Полща, плачю неутѣшно,
Рыдаю въ слезахъ и кровію смѣсно.
Чада во мнѣ вси вкупѣ пребывали,
Всюду страхъ лютъ, гдѣ ся обращали.
Вѣнецъ мой златый въ Полщѣ положенный
Въ тріехъ ми чадѣхъ словно уплѣшенный:
Ляхи, Русь, Литва—то суть чада моя;
Два возгордѣша, взяша мечи своя,
Юнаго брата убить совѣщаша,
А мене матерь зѣло обругаша.

---

[1]) Рукоп. подсмѣянный.

Юный языковъ себѣ умоляетъ
    И гордыню ихъ низложь покоряетъ.
Азъ мати молихъ симъ паки згодити,
    Но не хотѣша съ собою смирити.
Смиряше юныи (они) не хотяху
    Мя матерь свою зѣло умерщвляху.
Красоту мою лютѣ увядиша,
    И до срачицы даже обнажиша.
На брата щиты съ мечи наступаютъ,
    Низложить его вскорѣ усиляютъ;
Юный такожде на ихъ ополчися [1])
    Въ мужествѣ своемъ в нихъ возвеличися,
Положиша трупы горъ превысочае
    И, низложивъ ихъ, самъ паки смиряе.
Много нань тыя, много наступаху,
    В руцѣ его вси крѣпцы падаху
Градове, села въ конецъ раскопаша,
    Мужіе, жены скифомъ вси предаша.
Азъ же мати зѣло возрыдала,
    Златыя власы исторгала
И молихъ [2]) сына моего малаго
    Ужалитися отечества своего.
Послуша мене мой не единою,
    Показа милость надъ родителною.
Но паки тые братія восташа
    И мене матерь свою обругаша.
Азъ же повелѣхъ тому уступити,
    Благовѣрному царю покорити,
Но паки самъ вскорѣ сіе сотвори
    И великому цареви покори.
Сама же его рада ожидати
    И власти его хощу дати
Гряди о царю чадъ моихъ смиряя
    Ни единому бо есть мнѣ ся покаряя.
Да паки мою наготу покрыешь (2)
    Когда моихъ чадъ ярость всю сокрыешь. (2)

---

[1]) Рукоп. ополчиша; [2]) Рукоп. молишъ.

Польша изображается здѣсь въ видѣ матери, терзаемой, обижаемой своими же дѣтьми. Сравнимъ тотъ же пріемъ въ знаменитомъ Θρήνος'ѣ Мелетія Смотрицкаго (Θеофила Ортолога) [1]). Но, конечно, „плачь" православной церкви—матери о своемъ паденіи и обнищаніи и поступкахъ бывшихъ чадъ ея—гораздо поэтичнѣе и богаче образами, чѣмъ „плачь Польши" въ нашихъ виршахъ.

II.

На л. 73 об.—74 того же сборника находится вирша, также съ нотами.

Ѡ горды и гнѣвливы лаха, како гордостїю хотѣша Росїєю обладати и православїє въ єресь низложити.

Кто хощетъ пріиди и узри,
Очима своима возри,
  Что въ мирѣ ся дѣетъ,
  Что въ насъ самыхъ спѣетъ.
Брани днесь умножишася
И мечи изострішася,
  Братъ брата убиваетъ,
  Кровь отца проливаетъ.
Ненависть междусобная
Изрещи неудобная,
  Точитъ кровемъ токи,
  Падаютъ отроки,
Юноши млады и дѣвы,
Матери бываютъ вдовы.
  Охъ, охъ вездѣ се слышимъ,
  Пріидите сія внушимъ:
Нѣкогда страна славная
И врагомъ всѣмъ ужасная,
  Паде, паде мечемъ,
  Междусобнымъ сѣчемъ.
Окрестъ вси врази ликуютъ,
Веселятъ и торжествуютъ,
  Зря сію обнаженну
  И в конецъ спустошенну.

---

[1]) Ср. л. 1—2 об. Lamenta. О немъ см. выписки у *Голубева* Петръ Могила т. I, прилож. стр. 187 и слѣд.

Силніи вси и княжата
Ведутъ, яко отрочата,
По рукахъ связанны
Во скиоскія страны.
Подолье стонетъ рыдаетъ,
Волынь плачетъ воздыхая
Чадъ своихъ заколенныхъ
И вездѣ избіенныхъ.
Тысящи и тмы падоша,
Враны во плѣнъ отвѣдоша,
Земля стала пуста,
Пред тымъ сущи густа.
Грады бо вси суть сожжени,
Живущеи внутрь сотрени.
Горе горе оставшимъ,
Блюдутъ ихъ къ бѣдамъ вящшимъ.
О гордость, что твое дѣло,
Иже отечество не цѣло:
Се тя богъ смиряетъ,
Гордыхъ низлагаетъ.
Господьствомъ бо вознесосте,
Къ смиреннымъ лукъ налякосте (?)
Рѣсте бо: ихъ погубимъ,
И радостно вострубимъ.
На Бога брань поднесосте,
В хулахъ уста отверзосте.
Ересь умножисте,
Вѣрныхъ оскорбисте.
На вѣру ополчистеся,
Клятвами утвердистеся:
Погубимъ православныхъ
Всегда намъ сопротивныхъ.
Но Богъ совѣтъ вашъ преврати
И гордыхъ нынѣ укроти.
Ровъ бо ископасте—
Сами в онь впадосте.
Но вѣрныхъ Богъ сохраняетъ
Въ едино ихъ сочетаетъ.

Не къ тому ихъ имѣйте,
Едини погибайте.
О ляхи гордѣливыя,
Ярыя и гнѣвливыя,
Русь васъ не боится:
Вѣрою щитится.
Есть бо въ нихъ царь православный,
Благій, кроткій и смиренный:
Той ваши главы сотретъ
И вѣру вашу потретъ.
Помози, господи, царю
Великому государю
Враговъ низложити,
Силныхъ покорити,
Его же самъ избралъ еси,
Того рогъ славно вознеси,
Да вси тя восхваляемъ
И въ пѣснехъ величаемъ.

III.

Л. 148 об. 149.

О велицѣй Россіи и о сопротивіи съ ляхи
и о градѣ *Кіевѣ.*

Слышите люди и внушите,
Господа Бога благодарите
И пойте пѣснями славословяще его;
Елико творитъ чюдесъ преславныхъ
В царствіяхъ, земляхъ многодержавныхъ,
Силою крѣпости своею премногою
Силніи въ мирѣ вси имъ храбруютъ,
Царіе князи мирно мируютъ,
Его же бо и моря, земля же и небо.
Россія древле сущіи преславна,
Въ храбрыхъ воинѣхъ слыне издавна
Славою многою, тезоименитою.
От Рюрика князя великаго
И Игоря всенарочитаго
До нынѣ въ Украйнѣ Россійской непремѣнне

Плодъ прорастаетъ боголюбивый,
Во вѣрѣ его непозыблемый,
Изящный, премощный и всеблагомощный
Владимеръ вѣры есть насадитель,
Врагомъ окрестнымъ преборитель,
Богови угодилъ, сугубыхъ врагъ побѣдилъ.
По немъ Ярославль въ Кіевѣ градѣ
По отцѣ своемъ на столцѣ сѣде,
Софію сотворили и во славѣ разширили.
По семъ въ Россіи грѣхъ умножился,
Гнѣвъ отъ Господа нань изліяся:
От скиѳовъ плененна и зѣло опустѣнна.
Оттолѣ ляхи на ня восташа,
Государство свое распространиша
Кіевъ градъ премогли и надъ ними возмогли;
И Русь на двое злѣ раздѣлиша,
Многое время въ ней воцариша,
И яко своими овластвовами всѣми.
Великая Русь отъ низу вземше,
Милость Господню паки пріемше
И крѣпко распростре, даже до моря простре.
Цари вѣрніи въ ней восіяша,
Ляхомъ и Литвѣ сопротивиша,
Но мало успѣху, несогласни бо бяху.
Но Богъ гордыню мудрѣ укроти,
Мечь междусобный на Литву пусти.
Малыми смиряетъ и ляхи покорнетъ.
Россь бо малая обиждаема,
Отъ ляха въ лютыхъ утѣсняема,
Ко Богу возопи, въ крови мечь свой утопи.
На ляховъ гордыхъ ихъ Богъ возстави
В крѣпости своей зѣло прослави:
Силніи и князи в сѣни [1]) смертней угрязли.
Россія паки совокупляется
И всѣхъ ужасна врагомъ бываетъ:
Царь бо въ ней царствуетъ, иже въ вѣрѣ красуетъ

[1]) Позже *н* переправленъ на *т*.

Но Кіевъ градъ многожды плененный,
Отъ враговъ окрестныхъ опустошенный,
Радостно ликуетъ и поя торжествуетъ,
Помози Боже нашему царю,
Благовѣрному днесь государю,
Противныхъ смирити и славно воцарити.

IV.

Слѣдующіе стихи того же сборника являются образцомъ классическаго направленія, имѣющаго начало въ польско-малорусской литературѣ XVI вѣка.

Л. 145 об.—146.

Радосны слузи (?) при густой купинѣ
Гдѣ Днепръ распростертыи плыветъ въ ширинѣ.
Зрю нѣчто ходитъ и козу внимаю.
Зближи—госпожу оружную знаю.
Азъ же помысли, да то есть белена (Bellona)
Въ крови оружіе, сама окровавленна,
Знать, яко въ малѣ часѣ з Марсомъ
Щитъ и мечь острый въ бранѣ держала.
И азъ стекохся зѣлнѣ расмотряя,
Въ густой купинѣ ближе приступая
И вижу лучши нѣкая царице
Въ слезъ кровосмѣсныхъ глава, гласяи сице.
Кровными слезы чадъ моихъ рыдаю
Яко Гепупа, [1]) Рахиль вздыхаю,
Яко лагата придицкой шедше
ѡ адо и иде плачь твой проповѣдшѣ
И яко мати свое си Перпины [2])
Плакася вземше въ темныя глубины.
И моя вѣжда такъ неусыхаетъ
Преиди летейскихъ слезы проливаетъ.
Згубы моея обредить не могу
Жаль о господствіи радостей дорогу
Азъ сыновъ моихъ отечество воспитахъ
Прославихся въ нихъ и мати имъ прозвахъ.

Сообщ. **В. Н. Перетцъ.**

---

[1]) Гекуба; [2]) Прозерпина.

Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного. Отецъ мой простой крестьянинъ—маляръ. Малярному ремеслу онъ былъ обученъ по приказанію помѣщика М. который и держалъ его при своемъ дворѣ для исполненія различныхъ малярныхъ работъ. Находясь при малярахъ изъ интеллигентовъ, отецъ мой самоучкою выучился читать, а также началъ и писать «по друкованому», (т. е. по печатному) не скорописью, а вязью. Онъ былъ единственнымъ грамотѣемъ изъ мужиковъ въ своемъ родномъ селѣ С., и когда крѣпостное иго миновалось, то отецъ въ свои записки внесъ много памятныхъ эпизодовъ изъ временъ крѣпостничества, которыхъ онъ былъ очевидцемъ; къ сожалѣнію, записки эти сгорѣли, и я не могу припомнить всего, что въ нихъ заключалось; помню только отдѣльные эпизоды, одинъ изъ которыхъ и постараюсь воспроизвести въ такомъ-же видѣ, въ какомъ я находилъ ихъ въ запискахъ отца...

«Былъ у насъ Соловьевкѣ коммисаръ» (управляющій) панъ Мутусевичъ, который *о невозможномъ* всегда высказывался съ ироніею, говоря простымъ хохлацкимъ языкомъ: «ну, лышень, скажы мени, що то таке за *«не можна»*?.. Хотивъ бы я знаты, якее воно тее «не можна»?.. Колыбъ мени ёго побачыты»!.. Чтобы испытать *возможность невозможнаго*, панъ Мутусевичъ заставляетъ «осавулу» [1]) чтобы сѣкъ «хлопа» розгами за то, что не вышелъ на барщину еще до восхода солнца (это лѣтомъ то, когда солнце восходитъ въ 4 часа); причемъ отдаетъ приказъ, чтобы сѣченный самъ считалъ удары розокъ и не выкатывался изъ черты, проведенной паномъ Мутусевичемъ по песку вокругъ его несчастнаго тѣла.

— Ой панычыку! Та це жъ такъ не можна! взмолится бѣдный «хлопъ», напередъ зная, что если его не попридержатъ, такъ онъ не вынесетъ адской боли и выкатится изъ проклятой черты такъ-же, какъ выкатывались изъ таковой Игнатъ, Семенъ, Терешко и многіе другіе. А выкатится онъ изъ черты, то и позабудетъ счетъ ударовъ розгами, которыхъ назначено ему цѣлыхъ сто; а коли позабудетъ счетъ или же выкатится изъ черты, то полученные имъ удары не пойдутъ въ счетъ, а вновь начнется сѣченье и пойдетъ новый счетъ ударовъ.

— Не можна,—кажешъ ты?... А ну, ну, побачымъ, що то за не можна?!... замѣчаетъ панъ Мутусевичъ съ ироніею на мольбы «хлопа» и велитъ «осавулѣ» начинать сѣченіе.

---

[1]) Осавула—досмотрщикъ при экономическихъ работахъ. *Авт.*

Боясь, какъ бы не потерять счета ударовъ и не выкатиться изъ черты, бѣдный «хлопъ» грызетъ зубами землю и дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы не пошелохнуться подъ ударами розогъ. Тѣло «хлопа» только судорожно вздрагиваетъ, но не движется, сдерживаемое крѣпкою волею страдальца; подъ мученикомъ образовывается лужа его собственной крови, которая заливаетъ даже проклятую черту, сдѣланную суковатою палкою пана Мутусевича, но истязуемый лежитъ безмолвно: ни криковъ, ни вздоховъ не услышитъ палачъ изъ устъ этого *мученика барства*; удары розогъ несчастный считаетъ мысленно, съ невыразимою твердостію и терпѣніемъ перенося жестокую пытку сквозь свистъ розогъ. Вдругъ до слуха страдальца долетаетъ возгласъ пана Мутусевича, обращенный къ «осавули»: а ну-но зачекай трошечкы! Истязаніе прерывается.

— А ну, лышень, скажы: скилькы вже разъ осавула махнувъ ризкою?—спрашиваетъ панъ Мутусевичъ у своей жертвы.

—Девятдесятъ ще й симъ!—слѣдуетъ хладнокровный отвѣтъ сѣченнаго.

— Вгадавъ!... Вирно!...

— Ну, Терешку, дай ёму ще тры ризкы, да й годи...,—приказываетъ панъ Мутусевичъ «осавули», закуривая «гаванскую цыгару».

Получивъ остальные три удара, «хлопъ» встаетъ, приводитъ себя въ порядокъ, и затѣмъ кланяется пану Мутусевичу до земли и благодаритъ «за науку».

— Выбачай, мій голубе, мало за що!...—слѣдуетъ отвѣтъ пана Мутусевича; при чемъ онъ не забываетъ сказать: «А бачъ, ты жъ казавъ що «не можна», а отъ же й можна!... Я не знаю що то таке за «не можна», яке то воно? Колы бъ мени ёго побачыты»...

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ подобной звѣрской расправы пана Мутусевича; раздался наконецъ вожделѣнный для крестьянъ голосъ царскаго манифеста: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ»... Для крестьянъ настали дни радостей, миновалъ страхъ передъ панами. Въ былое время крѣпостничества крестьянинъ далеко еще снималъ шапку передъ всякимъ паномъ и шляхтичемъ, съ чувствомъ страха и уваженія снималъ онъ таковую и долго держалъ ее въ рукахъ, пока не удалится отъ него панъ или шляхтичъ; съ наступленіемъ же дней свободы, онъ пересталъ снимать шапку передъ паномъ, пересталъ ему кланяться, началъ даже при немъ

курить свою глиняную трубку. При видѣ такой перемѣны въ отношеніяхъ крестьянъ къ своимъ бывшимъ властелинамъ, панъ Мутусевичъ воскликнулъ:

— Ну, ажъ теперъ я знаю що то за «не можна»!... Колы вже й передо мною не скыдають шапкы, то значыть: «не можна»!...

И сказавши это, панъ Матусевичъ поникъ головою и прошепталъ: Przepadla Polska!... Причемъ въ умѣ у него отразился отзвукъ «хлопской пѣсни», въ которой поется про то, какъ мужикъ сталъ учить чванливую шляхту тому, что нужно уважать въ человѣкѣ человѣка, кто бы онъ ни былъ...

Йихавъ ляшокъ изъ Варшàвы,
Надúвъ сыни шаровары
И шабéльку у бока,
Не боиться мужика.
Йихавъ ляшокъ по-надъ лугомъ,
Ажъ тамъ оре мужикъ плугомъ;
Ляшокъ шапкы не здыймавъ,
«Помогай-Богъ» не сказавъ.
Мужыкъ ёго прывитавъ,
За чупрыну похытавъ.
— Та беры ты, хлопче, пýгу,
Та научы ляшугу,
Якъ шапочку здыйматы
Помогай Богъ казаты...
Йиде ляшохъ дорогою,
Ажъ такъ плыве гусь водою—
— «Помогай Богъ», била гусь!
Навчыла мя здѣшня Русь
Якъ шапочку здыйматы,
«Помогай Богъ» казаты...

И. Савченко.

Харьковскіе художники первой половины нынѣшняго столѣтія. В. П. Карповъ печатаетъ въ газ. «Южный Край» свои замѣтки «Изъ воспоминаній старожила». Воспоминанія эти захватываютъ между прочимъ 40-ые года нынѣшняго столѣтія и даютъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ позабытыхъ теперь художникахъ харьковскихъ того времени.

Въ Харьковѣ въ тѣ годы, говоритъ авторъ, былъ иконописецъ, малороссіянинъ Хмара. Все свободное отъ занятій иконописью время онъ употреблялъ на то, чтобы съ натуры изображать природу Малороссіи и семейный бытъ ея обитателей:

«И ставокъ,
И млынокъ,
И вышневый садокъ».

И его картины, небольшихъ размѣровъ, раскупались за недорогую цѣну охотно.

Среди харьковскихъ художниковъ находился въ то время живописецъ вывѣсокъ и гербовъ, Иванъ Козьмичъ Хамло-Сокира. Въ юношескіе годы Сокира пользовался расположеніемъ извѣстнаго писателя Г. Ѳ. (Грицько Основьяненко), который любилъ Хамла-Сокиру за его несомнѣнный и выдающійся талантъ. Поддерживая его матеріальными пособіями, какъ человѣка совсѣмъ бѣднаго, Квитка готовилъ его въ академію и давалъ ему средства на пріобрѣтеніе средняго образованія. И казалось, у Халма-Сокиры все шло хорошо. Онъ былъ нелѣнивъ и послѣ трехлѣтнихъ занятій съ двумя студентами сдѣлался неузнаваемъ въ манерахъ, въ обращеніи и въ своихъ сужденіяхъ. Но неожиданно его благодѣтель умеръ. Это такъ поразило Ивана Козьмича, что онъ на семнадцатомъ году, почти готовый къ поступленію въ академію, началъ пить, опустился и скоро умеръ.

Онъ съ большой любовью иллюстрировалъ масляными красками повѣсти и разсказы Григорія Квитки. Я видѣлъ двѣ его картины: «Козырь-Дивка» и «Солдатскій Патретъ». По композиціи и силѣ экспрессіи онѣ были полны задатковъ крупнаго таланта. Однажды, возвращаясь въ морозный вечеръ съ Журавлевки со своими художественными принадлежностями, Халмо-Сокира настолько увлекся закатомъ солнца, превратившаго снѣжную долину въ перламутровую сплошную пластину (что нерѣдко бываетъ), что, недолго думая, нашелъ у какого то безконечнаго плетня безлюдный тихій уголокъ и усѣлся набрасывать съ натуры эскизъ. А чтобы морозъ не мѣшалъ ему, онъ поставилъ возлѣ себя бутылку «дешевки». Долго ли рисовалъ онъ, неизвѣстно. Его нашли замерзшимъ въ сидячемъ положеніи. На колѣняхъ его стояла шкатулка съ картономъ и красками, а о бокъ его — пустая бутылка изъ подъ «дешевки».

Былъ еще въ Харьковѣ иконописецъ Павелъ Кудряшевъ, который долгое время жилъ мастеромъ у иконописца Куликовскаго. Онъ

имѣлъ страсть писать картинки юмористическаго характера, преимущественно изъ еврейскаго быта. Копія одной изъ такихъ картинъ долгое время циркулировала въ Харьковѣ среди публики. Картина изображала «Какъ свинья съѣла жида».

Князь А. В. Дабижа. (*Некрологъ*). Шестнадцатаго іюня скончался въ Царскомъ Селѣ, близь Петербурга, князь Александръ Васильевичъ Дабижа, принимавшій участіе въ «Кіевской Старинѣ» нѣсколькими статьями и замѣтками по исторіи Лѣвобережья и Петровской эпохи. Упорная, не поддававшаяся никакому лѣченію чахотка свела въ могилу молодую жизнь, представлявшую всѣ задатки для полезной дѣятельности и будущаго. Ал. Вас. воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ, по выходѣ изъ котораго поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Пробывъ нѣсколько времени въ канцеляріи министерства, онъ назначенъ былъ былъ младшимъ секретаремъ нашей миссіи въ Мадридѣ, гдѣ прожилъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего перешелъ, также секретаремъ посольства, въ Каиръ. Въ это время обнаружились признаки роковой болѣзни. Онъ долженъ былъ оставить Египетъ, климатъ котораго былъ ему невыносимъ и, въ ожиданіи возстановленія силъ, состоялъ причисленнымъ къ министерству. Болѣзнь шла однако своимъ путемъ, больше и больше лишая его возможности работать. Онъ жилъ въ санаторіяхъ, то въ Германіи, близъ Франкфурта, то въ Швейцаріи, въ Давосѣ и другихъ, пока наконецъ, потерявъ надежду на выздоровленіе, не вернулся въ Россію съ ужаснымъ сознаніемъ скорой кончины.

Въ недолгіе годы по выходѣ изъ лицея и жизни въ Петербургѣ, А. В. съ великимъ интересомъ занялся изученіемъ Исторіи Южной Россіи, съ которой наши высшія школы знакомятъ питомцевъ своихъ такъ поверхностно. Фамилія князей Дабижъ—юго-славянскаго происхожденія. Они потомки царственной линіи Котроманичей Боснійскихъ (См. Annuaire de ga noblesse russe» Petersb. 1898), перешедшіе въ русское подданство въ началѣ этого вѣка. Но по матери своей (рожденной Горленко), покойный А. В. считалъ себя принадлежащимъ Малороссіи, гдѣ, въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи находится родовое имѣніе семьи и гдѣ онъ провелъ много времени. Первыми его письменными опытами были поэтому

очерки фамильнаго характера, относящіеся къ Малороссіи: «Роспись рода Горленковъ» (К. Ст. 1886 г. № 6) и этюдъ о современникѣ Хмельницкаго, Прилуцкомъ Полковникѣ Лазарѣ Горленкѣ (К. Ст 1887 г. № 2 и 10). Для послѣдняго очерка А. В. извлекъ документы изъ московскихъ хранилищъ: Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Юстиціи и Румянцевскаго музея (Маркевичевскія бумаги, взятыя историкомъ у Горленковъ и имъ не возвращенныя). Обильный запасъ такихъ документовъ вошелъ въ особенности во второй очеркъ кн. Дабижи о полковникѣ Дмитріи Горленкѣ, оставшійся въ рукописи. Здѣсь приведены очень любопытные универсалы и письма, оставленные въ сторонѣ Н. И. Костомаровымъ въ изслѣдованіи его о мазепинцахъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Дм. Горленко. Для этихъ работъ Кн. Дабижѣ переданы были также всѣ фамильныя бумаги, какъ пишущимъ эти строки, такъ и княгиней А. С. Абашидзе-Горленко. Полагая, что въ наукѣ не существуетъ мелочей, А. В., въ числѣ немногихъ у насъ, занимался и геральдикой, какъ свидѣтельствуетъ его любопытная справка «Мазепа-Князь и его шляхетскій и княжескій гербы» («К. Ст.», 1885, № 12, съ цвѣтными снимками по рисункамъ автора). Во время службы своей при посольствахъ, равно какъ и во время невольнаго своего отдыха, кн. А. В. Дабижа очень много путешествовалъ. Онъ посѣтилъ, помимо главныхъ европейскихъ государствъ, Сирію, Египетъ, Марокко и долго странствовалъ по Босніи и Герцеговинѣ. Послѣднія страны были предметомъ его особеннаго, всесторонняго изслѣдованія, какъ древнія владѣнія его предковъ. Здѣсь онъ осматривалъ архивы монастырей, развалины, виды мѣстностей, посѣтилъ главные города и ихъ научныя учрежденія и сблизился съ лучшими учеными тѣхъ странъ: Рачки, епископомъ Штросмайеромъ и другими. Въ бытность на Аѳонѣ и въ Палестинѣ, онъ нашелъ и описалъ два памятника южно-русскаго происхожденія: Аѳонскій Скитъ св. Иліи («Малороссійская обитель на Аѳонѣ» К. Ст. 1893 г. № 1) и Даръ Гетмана Мазепы гробу Господню (К. Ст. 1893 г. № 11). При замѣткѣ о послѣднемъ имъ сообщена была, снятая съ особаго разрѣшенія Іерусалимскаго патріарха, фотографія съ этого «дара» —серебряной доски — горельефа, пожертвованной Мазепой на Господень Гробъ. Послѣдняя подписанная кн. А. В. Дабижей замѣтка въ «Кіевской Старинѣ» сообщала историческій эпизодъ о саблѣ Карла XII, поступившей недавно въ одинъ изъ петербургскихъ музеевъ. Замѣтка эта напечатана была имъ по-

французски въ „Journal de-Petersbourg“, и въ «Кіевск. Ст.» помѣщена въ переводѣ.

Покойный А. В. Дабижа былъ прекраснымъ художникомъ—акварелистомъ, удостоивавшимся наградъ на акварельныхъ выставкахъ и избраннымъ вслѣдствіи того вольнымъ общникомъ Импер. Академіи Художествъ. Онъ былъ ученикомъ извѣстнаго профессора Премацци. Виды и типы Востока, юго-славянскихъ земель и Малороссіи служили мотивами его работъ.

Въ этой замѣткѣ мы не имѣли права распространяться о высокихъ личныхъ качествахъ покойнаго кн. А. В. Дабижи, его добротѣ, разностороннемъ образованіи, остроуміи и интересѣ его бесѣды. Здѣсь отмѣчено только то немногое, чѣмъ онъ умѣлъ послужить нашему журналу за свою недолгую жизнь. По желанію, выраженному покойнымъ, онъ погребенъ въ Ялтѣ. Законченная рукопись его изслѣдованія о Дм. Горленкѣ безъ сомнѣнія будетъ напечатана.

В. Г.

Текущія извѣстія.

Спектакли малорусской трупы М. Л. Кропивницкаго въ Кіевѣ [1]. Со 2-го Мая въ Кіевѣ въ лѣтнемъ театрѣ Купеческаго Собранія подвизается малорусская труппа М. Л. Кропивницкаго и, не смотря на не вполнѣ благосклонное отношеніе къ ней мѣстной ежедневной прессы, впрочемъ большею частію ограничивающейся только замалчиваніемъ спектаклей, пользуется весьма солиднымъ успѣхомъ у оставшихся на лѣто въ городѣ кіевлянъ: по крайней мѣрѣ, даже въ дождливые и холодные вечера, которыми такъ обильна была минувшая весна, театръ пустымъ не бывалъ.

Что касается репертуара, то онъ за истекшіе два мѣсяца не могъ похвалиться особой новизной: преобладали произведенія самого г. Кропивницкаго («Олеся», «Невольникъ», «Дай сердцеви волю», «Пошылысь у дурни», «По ревизіи», «Зайды голова», «Дви семьи» «Джигунъ», «Вій», «Вусы»); затѣмъ слѣдовали драмы и комедіи г. Старицкаго. По нѣскольку разъ даны были «Наталка-Полтавка» и «Запорожець за Дунаемъ»—пьесы, которыя, вѣроятно, очень не скоро а можетъ быть и никогда не сойдутъ со сцены, т. к. обѣ онѣ, не-

---

[1]) Настоящій отзывъ составленъ только за май и іюнь мѣсяцы.

смотря на наивность и даже нѣкоторую несуразность сюжета (конечно разумѣемъ оперу г. Гулака-Артемовскаго), содержатъ столько неподдѣльнаго комизма и юмора, что публика, при мало-мальски сносномъ исполненіи, можетъ съ удовольствіемъ ихъ смотрѣть безконечное число разъ. За то сравнительно очень мало мѣста дирекціей было отведено произведеніямъ г. Карпенка-Караго, изъ пьесъ котораго были поставлены, да и то по одному разу, только двѣ— «Безталанна» и «Наймычка». Такое отношеніе къ произведеніямъ талантливаго драматурга намъ представляется совершенно непонятнымъ, ибо безусловно имъ внесена въ малорусскую драму новая свѣжая струя, окончательно повернувшая ее на путь трезваго реализма, затронувшая массу новыхъ, еще неизвѣстныхъ обыкновенной городской публикѣ, сторонъ сельской жизни и перенесшая центръ тяжести въ драмѣ со «спивовъ» и «кохання» на выясненіе общественныхъ явленій и психологіи героевъ. Именно на такихъ серьезныхъ пьесахъ должно воспитывать молодыхъ артистовъ, а такой могучій талантъ, какъ М. Л. Кропивницкій, могъ бы ими воспользоваться для созданія цѣлой галлереи новыхъ типовъ.—Чтобы покончить съ вопросомъ о репертуарѣ гостящей въ Кіевѣ труппы, упомянемъ еще, что изъ пьесъ историческихъ была поставлена драма г. Писанецкаго «Тарасъ Бульба пидъ Дубномъ», да готовится къ постановкѣ «Богданъ-Хмельницкій» Старицкаго. Новинкой сезона явилась только трехъактная опера г. Ар—са «Катерына» на сюжетъ поэмы Шевченка. Предоставляя судить о музыкѣ новой оперы людямъ, болѣе насъ компетентнымъ, отмѣтимъ только, что она разработана композиторомъ самостоятельно и не представляетъ, подобно большинству прежнихъ малорусскихъ оперъ, одного только попурри изъ народныхъ пѣсенъ. Наиболѣе намъ понравился второй актъ (уходъ Катерыны изъ дома отца), производящій очень сильное впечатлѣніе; здѣсь особенно удачно написана партія старухи-матери, въ которой борются любовь къ провинившейся дочери съ боязнью передъ суровымъ и безпощаднымъ мужемъ. Что касается постановки оперы, то, не смотря на образцовое исполненіе женскихъ ролей г-жами Ратмировой (Катерына) и Шевченко-Гамалія (мать), приходится сознаться, что постановка большихъ оперъ не подъ силу драматической труппѣ, въ которой при наличности большого прекраснаго хора тѣмъ не менѣе не нашлось для ролей отца и Ивана подходящихъ исполнителей: въ первой роли выступилъ самъ г. Кропивницкій вѣроятно, только вслѣдствіе невозможности пору-

чить ее кому-либо другому; хотя артистъ и обладаетъ достаточно звучнымъ для своихъ лѣтъ голосомъ, но для оперного пѣнія безусловно уже устарѣлъ. Сплошнымъ недоразумѣніемъ представляется намъ появленіе въ роли Ивана г. Разсудова-Кулябко—артиста съ голосомъ глухимъ, хриплымъ и слабымъ, не хватающимъ даже для передачи наиболѣе сильныхъ мѣстъ въ обыкновенныхъ драмахъ. Не смотря на эти недочеты, все-же приходится быть признательнымъ труппѣ г. Кропивницкаго, т. к. безъ нея публика, вѣроятно, не скоро бы увидѣла на сценѣ малорусскую оперу.

Но, если въ постановкѣ оперы и можно было указать на существенные недочеты, то относительно драматическихъ спектаклей мы съ особымъ удовольствіемъ можемъ заявить, что общее впечатлѣніе отъ нихъ остается вполнѣ благопріятное: во всемъ—и въ ансаблѣ, и въ исполненіи отдѣльныхъ ролей—чувствуется опытная рука талантливаго дирижера, что особенно проявляется въ пьесахъ самого г. Кропивницкаго; хоры не изображаютъ изъ себя какую-то поющую машину, а все время живутъ на сценѣ, отдѣльные исполнители относятся къ своимъ ролямъ старательно и вдумчиво, а участіе почти въ каждомъ спектаклѣ самаго М. Л. Кропивницкаго придаетъ имъ особый интересъ: дѣйствительно, этотъ удивительный талантъ, за какую-бы роль ни взялся, умѣетъ создать изъ нея въ нѣкоторомъ родѣ шедевръ, то смѣша зрителя до слезъ своимъ высокохудожественнымъ, никогда не переходящимъ въ грубый шаржъ комизмомъ, то потрясая его до глубины души въ сильно драматическихъ мѣстахъ (покаяніе сотника въ «Назарѣ Стодолѣ»).

Въ труппѣ имѣется другой видный артистъ—г. Рафальскій, обладающій уже болѣе спеціальнымъ талантомъ—чисто комическимъ. Въ этой сферѣ онъ создаетъ цѣлую галлерею типовъ, внося въ каждый изъ нихъ много своеобразнаго и индивидуальнаго... Свидокъ Гарасько («По ревызіи»), Табунецъ-Буланенькій («Вусы»), семинаристъ (Сорочинскій ярмарокъ), Возный (роли не комическія, которыя иногда поручаются этому артисту, ему не удаются, напр. Кнуръ въ «Лымеривнѣ»: артистъ очень слабъ во 2 дѣйствіи во время объясненія съ Васылемъ, въ 3-мъ же дѣйствіи, въ гостяхъ у Наталки, онъ попадаетъ во свою сферу и проводитъ всѣ сцены болѣе, чѣмъ удовлетворительно), все это живыя, высоко-комичныя лица [1]). Къ сожалѣнію, артистъ еще не

[1]) Вознаго артистъ играетъ по принятому шаблону, придавая ему исключительно комическую окраску. Между тѣмъ существуетъ взглядъ, высказанный въ

умѣетъ соблюсти въ игрѣ должную мѣру и часто впадаетъ въ шаржъ. Впрочемъ въ этомъ много виновата наша публика, систематически портящая молодыхъ артистовъ своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ такого рода выходкамъ. Третій комикъ труппы—г. Загорскій—артистъ, безусловно талантливый, но, видимо, мало надъ собой работающій: онъ очень однообразенъ и неумѣренно предается шаржу.

Слѣдующій, безусловно талантливый артистъ—г. Карпенко. Собственно говоря, репертуаръ его крайне ограниченный: типы глуповатыхъ, забитахъ и слабохарактерныхъ людей—вотъ его сфера, въ которой онъ, пожалуй, не имѣетъ соперниковъ; во всѣхъ же другихъ роляхъ артистъ повторяется и не можетъ найти подходящаго тона. Поэтому лучшими въ его репертуарѣ должны быть признаны: Шкандыбенко («Лымеривна»), Васыль («Зайдыголова»), и Левко («Цыганка Аза»). Не дуренъ онъ, пожалуй, еще въ роли Ивана Непокрытаго («Дай сердцеви волю»), но здѣсь артисту сильно вредитъ полное отсутствіе голоса.

Роли героевъ и jeun premier въ труппѣ поручены г. Разсудову-Кулябко. Существенный недостатокъ этого артиста заключается въ томъ, что во всѣхъ роляхъ онъ съ перваго же выхода на сцену значительно повышаетъ тонъ и скоро впадаетъ въ мелодраму, благодаря чему роль становится тягучей и однообразной. Къ тому же и голосъ артиста, какъ уже выше нами было замѣчено, мало пригоденъ для ролей его амплуа. Среди женскаго персонала на роляхъ ingenue и героинь подвизаются г-жи Ратмирова, Величко и Шевченко-Гамалій. Первая изъ названныхъ артистокъ хорошо знакома Кіеву: раньше она выступала преимущественно въ роляхъ, въ которыхъ значительное мѣсто удѣлено пѣнію—у артистки могучее, звучное mezzo-soprano, которымъ она пользуется съ полнымъ умѣніемъ. Въ настоящее время г-жа Ратмирова прибавила къ своему репертуару роли героинь и въ нихъ обнаружила наличность значительнаго темперамента. Артисткѣ слѣдуетъ только позаботиться о мимической игрѣ въ тѣ моменты,

---

послѣднее время, кажется, извѣстнымъ литераторомъ Лесевичемъ, что Возный вовсе не такъ былъ задуманъ И. П. Котляревскимъ. По этой версіи, Возный—еще не старый человѣкъ—воспитанъ на ученіи Сковороды, былъ не чуждъ нѣкогда идеальныхъ порывовъ, но, попавъ въ неподходящую среду, значительно опошлился. Хотя такое толкованіе этого типа мало согласуется со всѣмъ первымъ дѣйствіемъ, однако безусловно при немъ заключительный монологъ Вознаго явится менѣе неожиданнымъ и болѣе понятнымъ.

когда она на сценѣ является просто зрителемъ.—Дарованіе г-жи Величко можно назвать лирическимъ: она даетъ поразительно живые и трогательные образы молодыхъ дивчатъ, нѣжныхъ, любящихъ, еще незнающихъ житейской прозы и, пожалуй, нѣсколько наивныхъ (Галя въ «Назарѣ Стодолѣ»). Особенно шумный успѣхъ выпалъ на ея долю въ «Безталанной» г. Карпенка-Караго.

Третья артистка — г-жа Шевченко-Гамалій — талантъ весьма разносторонній: роли съ пѣніемъ (у артистки сильное, правда, нѣсколько уже тронутое soprano), роли ingenue и драматическихъ старухъ. Она одинаково хороша и въ роли Наталки-Полтавки, и въ роли Шкандыбыхи (Лымеривна) и старухи-матери («Катерына»). Къ сожалѣнію артисткѣ сильно вредитъ природный дефектъ рѣчи—весьма замѣтное пришепетываніе.—Г-жа Борисоглѣбская, хотя и уступаетъ единственной въ своемъ родѣ г-жѣ Затыркевичъ, тѣмъ не менѣе прекрасная комическая старуха. Особенно хороша она въ роляхъ Рындычки («По ревизіи), Лымерыхи и жены Бразолія («Вусы»). Въ послѣдней она буквально воскрешаетъ типъ старосвѣтской помѣщицы въ жанрѣ Гоголя. Очень недурна еще г-жа Смирнова, мастерски имитирующая малорусскій бабскій говоръ. Она выступаетъ и въ роляхъ старухъ, и въ роляхъ молодицъ. Особенно типична она въ роли старой дѣвы Маріи Уласовны («Вусы»).

Таковы главныя силы труппы г. Кропивницкаго. Въ заключеніе отмѣтимъ, что постановка пьесъ, несмотря на миніатюрные размѣры лѣтней сцены, всегда вполнѣ удовлетворительна.

С. Н.

Товарыство имени Ив. Котляревскаго во Львовѣ. Столѣтіе Энеиды Котляревскаго дало поводъ львовянамъ основать новое общество его имени, которое для усиленія своихъ средствъ приступило къ организаціи разныхъ любительскихъ представленій. Между прочимъ 21-го іюня общество устроило концертъ, въ составъ котораго вошли хоровыя пьесы — «Обжинкы» Ф. Коллессы и «Веснянки» М. Лисенка,—а также сыграна была одноактная пьеса И. Франка «Майстеръ Чирнякъ». По словамъ газ. «Русланъ» (№ 139), концертъ удался вполнѣ, какъ со стороны эстетической, такъ и матеріальной.

Вечеръ въ память М. П. Драгоманова во Львовѣ. 26 іюня состоялся во Львовѣ вечеръ, устроенный академической молодежью въ память четвертой годовщины смерти М. П. Драгоманова. Въ рѣчахъ, произнесеныхъ здѣсь Е. Косевичемъ, Л. Цегильскимъ, М. Павликомъ и Т. Меленемъ, указывались громадныя заслуги для умственной жизни Украины-Руси, оказанныя М. Драгомановымъ въ теченіе его 30-лѣтней дѣятельности; данъ также былъ обзоръ его работъ, по фольклору исторіи и публицистикѣ, а равно охарактеризованы были основные взгляды его на общественную жизнь. Рѣчи перемежались хоровыми пьесами и игрою на фортепіано (Буковина, № 71).

Новое изданіе во Львовѣ. Недавно сталъ выходить во Львовѣ новый двухнедѣльный періодическій органъ «Будучнисть», подъ редакціей д-ра Охримовича. Задача издателей—«перетворыты несвидому своихъ задачъ этнографичну массу руского народу въ политычну націю». Достигнуть этой задачи «Будучнисть» думаетъ тѣмъ, что покажетъ народу національно-политическій идеалъ, во имя котораго масса должна трудиться для своего блага. До сихъ поръ—говоритъ редакція—Русины жили безъ всякихъ принциповъ, безъ руководящей общественной идеи, въ полной анархіи взглядовъ и стремленій, и не выработали у себя опредѣленнаго политическаго характера. Давая такой печальный историческій очеркъ галицко-русской общественности, редакція пока не указываетъ въ первомъ номерѣ своего опредѣленнаго идеала, но обѣщаетъ высказать его въ послѣдующихъ числахъ (Русланъ, № 126).

Въ 7846 № «Новорос. Телеграфъ» напечатана замѣтка подъ слѣд. заглавіемъ: **„Атласъ рѣки Днѣпра 1786 года.“** Предварительный комитетъ по устройству XI археол. съѣзда въ Кіевѣ сообщилъ одес. гор. публичной библіотекѣ, что во время имѣющаго быть съ 1 по 20-е августа текущаго года археологическаго съѣзда предположено устроить выставку географическихъ картъ, плановъ и атласовъ, касающихся Россіи, для того, чтобы предоставить членамъ возможность вынести цѣльное впечатлѣніе объ исторіи развитія картографическихъ представленій о русской землѣ до середины XVIII вѣка. Въ виду осуществленія этой задачи предварительный комитетъ по устройству

съѣзда обратился въ гор. публичную библіотеку съ просьбой выслать имѣющійся въ ней атласъ рѣки Днѣпра 1786 г. для помѣщенія его на выставкѣ при съѣздѣ. И. д. библіотекаря Л. М. де-Рибасъ сообщилъ объ этомъ гор. управѣ и съ своей стороны проситъ разрѣшенія на высылку атласа. Послѣдній представляетъ собой очень интересную и рѣдкую рукопись, состоящую изъ 75 отдѣльныхъ картъ. Заглавіе атласа слѣдующее: «Атласъ река Днѣпра. Сочиненный окуратный описи 1784 г. По именному Ея Императорскаго Величества указу отъ города Смоленска внизъ по теченію до впаденія въ лиманъ съ присоединеніемъ онаго и до Чернаго моря. При адмиралтейской кольлегіи ея чертежной 1786».

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ“. *4 выпуска (Москва, 1896—98 г).*

Въ изданія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ «Чтенія» съ 1896 г. печатается въ переводѣ съ арабскаго языка описаніе путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. Путешествіе это, описанное сыномъ Макарія архидіакономъ Павломъ на арабскомъ яз., переводится на русскій яз. проф. Лазаревскаго Института Муркосомъ. Арабскій текстъ описанія архидіакона Павла до сихъ поръ не изданъ, и проф. Муркосъ печатаетъ свой переводъ по тремъ рукописямъ, которыя находятся въ Россіи.

Переводъ проф. Муркоса является первымъ полнымъ переводомъ описанія путешествія патріарха Макарія на европейскій яз. Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія «Описаніе» Павла было переведено на англійскій яз. оріенталистомъ Бельфуромъ, но переводъ этотъ, по отзыву проф. Муркоса, не вездѣ точенъ и полонъ, хотя въ рукописи, которою пользовался Бельфуръ, «Описаніе» изложено въ нѣкоторыхъ частяхъ полнѣе, чѣмъ въ тѣхъ спискахъ, которые находятся въ распоряженіи проф. Муркоса. Переводъ Бельфура, точнѣе вольная передача «Описанія», не прошелъ незамѣченнымъ въ Россіи. Въ 1836 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» появились статьи Савельева, посвященныя преимущественно пересказу части англійскаго перевода «Описанія». Эти статьи были отмѣчены Ал.

Лазаревскимъ въ его «Указателѣ источниковъ для изученія Малороссійскаго края» съ характеристикою «Описанія», какъ источника, представляющаго довольно полную картину Малороссіи въ половинѣ XVII в. (вып. 1, стр. 40, № 173). Болѣе подробно, сравнительно съ статьями Савельева, изложено было содержаніе «Описанія» по переводу Бельфура Аболенскимъ въ «Трудахъ Кіевск. Дух. Акад.» (1876 г. №№ 4, 7, 8 и 12). Статьи Савельева и Аболенскаго знакомили съ тѣми частями «Описанія», которыя представлялись имъ найболѣе важными, и не могли, конечно, замѣнить текста «Описанія». Первая попытка перевести «Описаніе» на русскій языкъ съ англійскаго принадлежитъ свящ. Благово, но онъ далеко не довелъ до конца начатый переводъ. Проф. Муркосъ, который, по словамъ его, уже давно занимается и интересуется «Описаніемъ» архидіакона Павла, въ 1895 году напечаталъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» переводъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ этого описанія, а съ 1896 г. началъ печатать полный переводъ его въ «Чтен. Моск. Об. Истор. и Древн.» (Московское Общество издаетъ «Описаніе» и отдѣльно; вышли пока 4 выпуска).

«Описаніе» архидіакона Павла, теперь впервые появившееся въ переводѣ на русскій яз., поражаетъ читателя богатствомъ своего содержанія. Извѣстія иностранцевъ о Россіи занимаютъ видное мѣсто среди источниковъ русской исторіи, въ нихъ заключается много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о русской жизни, записанныхъ перомъ сторонняго наблюдателя; но свѣдѣнія эти не всегда отличаются полнотою и достовѣрностью, ибо иностранцамъ трудно было наблюдать русскую жизнь, потому что отъ нихъ или по возможности скрывали нѣкоторыя стороны ея, или представляли не въ дѣйствительномъ видѣ. Только какой либо случай могъ дать иностранцу возможность увидѣть не только то, что ему показывали, говорить не съ тѣми лицами, которыхъ къ нему приставили. Иноземецъ архидіаконъ Павелъ находился въ иномъ положеніи: его наблюденіямъ была доступна не только улица, не только тѣ лица, которыхъ онъ видѣлъ на ней или съ которыми имѣлъ дѣло. Павелъ наблюдалъ русскую жизнь и въ царскомъ дворцѣ, и въ патріаршихъ палатахъ, и въ боярскихъ домахъ, и въ церкви, и въ монастырѣ: — всюду онъ со своимъ патріархомъ были желанными гостями, на нихъ не смотрѣли, какъ на соглядатаевъ. Такое исключительное положеніе архидіакона Павла, дававшее ему возможность наблюдать русскую жизнь такъ широко, какъ то не

удавалось ни одному изъ иноземцевъ—иновѣрцевъ, отразилось на содержаніи его «Описанія»: по богатству, полнотѣ и занимательности своего содержанія оно едва-ли не выше всѣхъ записокъ иностранцевъ о Россіи. «Описаніе» архид. Павла въ этомъ отношеніи превосходитъ мемуары архіепископа Елассонскаго Арсенія, прибывшаго въ Россію въ 1586 г. и оставшагося въ Москвѣ съ титуломъ архіепископа архангельскаго, обнимающіе собою время отъ вступленія на царство Ѳеодора Іоанновича до восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. (Мемуары эти открыты въ одномъ изъ греческихъ трапезунтскихъ монастырей проф. Дмитріевскимъ. Содержаніе ихъ изложено имъ же въ «Труд. Кіевск. Дух. Ак.» 1898 г. № 1 и слѣд.).

Авторъ Описанія путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію—архидіаконъ Павелъ, сынъ Макарія, дважды посѣтившаго Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ первый разъ Макарій выѣхалъ въ Россію для сбора пожертвованій въ 1652 г., сопутствуемый сыномъ своимъ архидіакономъ Павломъ, который описалъ это путешествіе. Во второй разъ Макарій пріѣзжалъ въ Москву по приглашенію Алексѣя Михайловича для суда надъ патріархомъ Никономъ. Архидіаконъ Павелъ описалъ свое и отца своего путешествіе, побуждаемый къ тому, по его словамъ, однимъ изъ друзей, который еще предъ началомъ путешествія неоднократно убѣждалъ его вести дневникъ своего странствованія по чужимъ землямъ съ подробнымъ описаніемъ ихъ. Такъ какъ Павелъ, по его признанію, въ дѣтствѣ любилъ историческое чтеніе, то и желаніе его друга нашло въ немъ откликъ: онъ «особенно углубился въ свою работу, прилагая къ ней всѣ старанія по мѣрѣ силъ своихъ, собирая, что только могъ собирать». (Вып. I, стр. 2 и 3. М. 1896).

Личность Павла не остается темною для читающаго его «Описаніе». Отличительныя черты нашего автора—правдивость и любознательность. Читатель не рискуетъ быть обманутымъ Павломъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повѣря ему, онъ только обманется вмѣстѣ съ нимъ. Правдивый въ сообщеніяхъ о другихъ, Павелъ не заботится о томъ, чтобы выставить патріарха своего и себя съ спутниками въ лучшемъ видѣ. Московское благочестіе его и спутниковъ его одолѣло, и онъ откровенно сознается, что продолжительныя стоянія въ церквахъ, особенно зимою, и строгіе посты были для него и спутниковъ его непривычными и крайне тяжелыми. «Богъ Свидѣтель», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего «Описанія», «что мы вели

себя среди нихъ (въ Коломнѣ) какъ святые, какъ умершіе (для міра), отказавшись отъ всякихъ радостей, веселья и шутокъ, въ совершеннѣйшей нравственности, *хотя по нуждѣ, а не добровольно»* (Вып. II, стр. 188). Описывая сильную смертность отъ моровой язвы въ Коломнѣ, говоря о томъ страхѣ, въ которомъ находился онъ и его спутники, ежечасно ожидая смерти, Павелъ жалуется, что у нихъ не было «даже вина, чтобы прогнать отъ себя грусть и великій страхъ» (ibid. стр. 172). Повѣствуя о пораженіи молдавскаго господаря Василія Лупула, изгнаннаго изъ Яссъ, Павелъ откровенно скорбитъ о тѣхъ подаркахъ, которые были даны его отцомъ Василію, въ бытность послѣдняго господаремъ, въ чаяніи получить за то немалую пользу. „Подарки, говоритъ онъ, взятые нами для нихъ (Василія и его вельможъ) и стоившіе намъ нѣсколько сотъ піастровъ, теперь были брошены напрасно и безцѣльно. Василій обѣщалъ нашему владыкѣ патріарху уплатить всѣ его долги и издержки.... Также и отъ вельможъ мы ожидали большихъ суммъ, но теперь все было въ конецъ потеряно» (I, 101).

Павелъ записываетъ то, что видѣлъ и узнавалъ путемъ разспросовъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія онъ добылъ чрезъ своего отца, который по его порученію разспрашивалъ патріарха Никона, нѣкоторыя чрезъ своихъ знакомыхъ. Проникъ онъ даже въ посольскій приказъ, благодаря случаю (его пригласили для перевода грамоты къ царю отъ персидскаго шаха, которую онъ тайкомъ скопировалъ для себя, по его выраженію, «какъ воръ»), и, пользуясь тѣмъ, что переводчикъ турецкаго языка, служившій въ приказѣ, былъ его пріятелемъ, тайно досталъ дѣла съ грамотами отъ турецкаго султана Мурада къ Михаилу Ѳеодоровичу, ознакомился съ ихъ содержаніемъ и обратилъ вниманіе на то, что султанъ вопреки обычаю мусульманскихъ государей не величать христіанскихъ государей такими титулами, какіе они приписываютъ себѣ, называлъ Михаила Ѳеодоровича царемъ (IV, стр. 144 и 145).

Изъ «Описанія» видно, что Павелъ былъ умный и любознательный наблюдатель, умѣвшій живо и интересно изложить плодъ своихъ наблюдателей.

Первый выпускъ «Описанія» Павла посвященъ изложенію видѣннаго и слышаннаго имъ въ Константинополѣ, Молдавіи и Валахіи. Время пребыванія Павла и патріарха Макарія въ Молдавіи—1653 годъ—совпадало съ походами туда Тимоѳея Хмельницкаго, женатаго

на дочери господаря Молдавіи Василія Лупула, который былъ лишенъ господарства великимъ логоѳетомъ своимъ Стефаномъ и бѣжалъ изъ Молдавіи. На помощь тестю противъ узурпатора явился Тимоѳей съ казаками и нанесъ войскамъ Стефана пораженіе подъ Яссами. Павелъ былъ свидѣтелемъ этой битвы: онъ наблюдалъ за нею съ вершины колокольни, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ, привѣтствовалъ Тимоѳея, побѣдителемъ вступившаго въ Яссы. Казаки, которыхъ тутъ впервые увидѣлъ Павелъ, заинтересовали его на столько, что онъ собралъ свѣдѣнія о способахъ веденія ими войнъ, объ ихъ образѣ жизни во время походовъ (92 стр.).

Возвративъ господарство своему тестю, Тимоѳей отправился на завоеваніе Валахіи, куда вскорѣ двинулся и тесть его. Павелъ былъ свидѣтелемъ отправленія въ походъ Тимоѳея и возвращенія его послѣ пораженія въ Валахіи. Этотъ походъ Тимоѳея разсказанъ Павломъ по тѣмъ слухамъ, которые доходили до него (стр. 95 и слѣд.).

Также по слухамъ говоритъ Павелъ объ оборонѣ крѣпости Сочавы, гдѣ заперлась теща Тимоѳея, о смерти послѣдняго во время защиты Сочавы. При этомъ Павелъ описываетъ доблесть и ловкость Тимоѳея, проявленныя имъ при отраженіи враговъ отъ Сочавы (стр. 106 и слѣд.). Изъ этого мѣста «Описанія» Павла заимствовалъ Костомаровъ нѣкоторыя черты мужества Тимоѳея Хмельницкаго («Богданъ Хмельницкій», изд. 4-я т. I. стр. 106).

Своимъ разсказомъ о смерти Тимоѳея, происшедшей отъ раны въ голень, Павелъ подтверждаетъ то изъ разнообразныхъ извѣстій объ обстоятельствахъ кончины его, по которому онъ былъ смертельно раненъ въ то время, когда сидѣлъ въ своей палаткѣ и пилъ вино (стр. 107). Высказывая сожалѣніе о смерти Тимоѳея, Павелъ передаетъ слѣд. его слова, сказанныя имъ во время перваго похода въ Яссы: «я пришелъ, говорилъ Тимоѳей патріарху Макарію, не только для того, чтобы отвоевать тронъ моего тестя, но чтобы избавить Великую Церковь отъ рукъ враговъ. Читатель пойметъ его слова», заключаетъ Павелъ (стр. 108).

Значительная часть 2-го выпуска «Описанія» посвящена описанію Малороссіи. Въ этомъ выпускѣ находится подробное описаніе великой церкви Кіево-Печерской Лавры, представляющее большую важность потому, что она является единственнымъ описаніемъ этой церкви до 1718 г., когда пожаръ уничтожилъ её и погибли тѣ остатки древности, которые видѣлъ и описалъ Павелъ. Это описаніе

Печерскаго монастыря, опущенное Бельфуромъ въ его англійскомъ переводѣ, дѣлается теперь только извѣстнымъ, благодаря полному переводу проф. Муркоса (стр. 46 и слѣд).—Впервые также переводъ проф. Муркоса представилъ подробное описаніе знаменитыхъ мозаикъ Софійскаго собора, сдѣланное Павломъ и опущенное въ переводѣ Бельфура (стр. 69 и слѣд.).

Благочестіе жителей Украины поразило Павла и спутниковъ его въ первомъ пограничномъ городѣ Рашковѣ. «Представь себѣ, обращается Павелъ къ читателю, они (малорусcы) стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни, безпрестанно кладутъ земные поклоны и всѣ вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы; и всего удивительнѣе, что во всемъ этомъ принимаютъ участіе и маленькія дѣти. Усердіе ихъ къ вѣрѣ приводило насъ въ изумленіе. О Боже, Боже!» восклицаетъ представитель монашествующаго православнаго Востока, служившаго для Россіи образцомъ благочестія и подвижничества, «какъ долго тянутся у нихъ молитвы, пѣніе и литургія!» (стр. 2-я).

Не только на храмы, убранство ихъ, службы въ нихъ, благочестіе населенія обращалъ вниманіе Павелъ. Уже на первыхъ страницахъ своего описанія Украины Павелъ говоритъ о распространеніи грамотности въ населеніи. «Начиная съ этого города (Рашкова), повѣствуетъ Павелъ, и по всей землѣ русскихъ, то-есть казаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большенство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами» (ibid.).

И въ другомъ мѣстѣ своего «Описанія» Павелъ отмѣчаетъ, что въ землѣ казаковъ, какъ называетъ онъ Малороссію, всѣ дѣти умѣютъ читать, даже сироты» (стр. 15).

Помѣщались сироты, вмѣстѣ съ бѣдняками, въ устроенныхъ для нихъ жилищахъ, которыя, по словамъ Павла, были по всей странѣ казаковъ въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ..., «при концѣ мостовъ или внутри города»... (стр. 94). Средства къ своему существованію сироты получали отъ щедротъ имущихъ слѣдующимъ образомъ: «въ теченіе всего года, говоритъ Павелъ, по вечерамъ, начиная съ заката солнца, эти сироты ходятъ по всѣмъ домамъ просить милостыню, поя хоромъ гимны Пресвятой Дѣвѣ пріятнымъ,

восхищающимъ душу напѣвомъ; ихъ громкое пѣніе слышно на большомъ разстояніи. Окончивъ пѣніе, они получаютъ изъ того дома (гдѣ пѣли) милостыню деньгами, хлѣбомъ, кушаньемъ или инымъ подобнымъ, годнымъ для поддержанія ихъ существованія, пока они не кончатъ ученья. Вотъ причина, почему большинство изъ нихъ грамотно» (стр. 2). Посѣщая малороссійскіе монастыри, Павелъ обращалъ вниманіе не только на церковное благолѣпіе: его интересовала степень образованія монашествующихъ. Восторгаясь напѣвомъ и голосами монахинь Вознесенскаго монастыря, Павелъ отмѣчаетъ, что большинство монахинь этого монастыря происходило изъ богатыхъ и знатныхъ фамилій, и находившіяся тамъ дѣвицы умѣли не только читать, но были знакомы съ философіей, логикой и занимались сочиненіями» (стр. 58). Дѣвицы эти, по словамъ Павла, воспитывались для монашества (стр. 59).

Относительно настоятелей кіевскихъ монастырей Павелъ говоритъ, что среди нихъ были «люди ученые, законовѣды, ораторы, знавшіе логику и философію и занимавшіеся глубокими вопросами» (стр. 65).

Былъ Павелъ и въ типографіи кіевскаго Печерскаго монастыря. Вотъ что сообщаетъ онъ въ своемъ «Описаніи» объ этой типографіи и объ ея дѣятельности: «близь великой церкви есть превосходный, знаменитный печатный домъ, служащій для этой страны. Изъ него выходятъ всѣ ихъ церковныя книги удивительной печатью разнаго вида и цвѣта, а также рисунки на большихъ листахъ, примѣчательности странъ, иконы святыхъ, ученыя изслѣдованія и пр.» (стр. 59).

Въ этой типографіи, говоритъ Павелъ, «мы напечатали, по обычаю патріарховъ, множество разрѣшительныхъ грамотъ съ именемъ нашего патріарха на ихъ языкѣ красными буквами и съ изображеніемъ св. ап. Петра. Грамоты были трехъ родовъ: въ цѣлый листъ для вельможъ. средніе—для народа и маленькія—для женщинъ» (ibid). О раздачѣ этихъ грамотъ въ Кіевѣ Павелъ говоритъ въ описаніи обратнаго пути чрезъ Кіевъ изъ Москвы. «При звонѣ всѣхъ колоколовъ, повѣствуетъ онъ, нашъ владыка («патріархъ Макарій) отправился въ своей каретѣ въ соборъ (Софійскій), помолиться въ немъ на прощанье. Сюда стеклись всѣ жители города (Кіева), и онъ прочелъ надъ ними разрѣшительныя молитвы и благословилъ ихъ, ибо всѣ здѣсь имѣютъ великую вѣру къ патріархамъ и ихъ разрѣ-

шительнымъ грамотамъ, и никто изъ нихъ, ни вельможи, ни священники мірскіе и монашествующіе, ни молодыя и старыя женщины, ни дѣвицы, ни даже маленькіе мальчики, никто не преминулъ придти, съ его общаго разрѣшенія, къ нашему владыкѣ патріарху, чтобы онъ помолился надъ ними и благословилъ ихъ, и чтобы получить отъ него разрѣшительную грамоту, такъ что мы дивились на ихъ набожность, почтеніе и смиреніе. Нѣкоторыя женщины, у коихъ мужья были пьяницы и маловѣры, обнаруживали заботу объ ихъ душѣ, беря разрѣшительныя грамоты не только для себя, но и для своихъ мужей, ибо считали такой даръ величайшимъ и драгоцѣннѣйшимъ. Что можетъ превзойти столь прекрасныя религіозныя чувства, заключаетъ чаетъ Павелъ, которыя свойственны не только кіевскимъ жителямъ, но, по истинѣ, преобладаютъ во всякомъ городѣ и селеніи, обитаемомъ казаками?» (IV вып., стр. 186). Павелъ объясняетъ, почему въ Малороссіи придавали такое значеніе разрѣшительнымъ грамотамъ патріарха Макарія: «вся эта страна до Московіи (Малороссія) твердо вѣруетъ, что патріархъ Антіохійскій есть обладатель власти вязать и рѣшить, что онъ—наслѣдникъ апостола Петра, коему одному поручилъ Господь Христосъ вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ, и что онъ древнѣйшій изъ патріарховъ. Отъ него они брали листы отпущенія грѣховъ съ великою вѣрою и съ полнымъ упованіемъ“ (вып. II, стр. 65). Такіе же листы отпущенія грѣховъ раздавались и въ Москвѣ. «При прощаніи царь, говоритъ Павелъ, попросилъ у нашего владыки патріарха разрѣшительныхъ грамотъ изъ тѣхъ, которыя мы напечатали въ Кіевѣ по-русски, и велѣлъ ему раздавать ихъ государственнымъ сановникамъ, что и было сдѣлано. Что касается царя, то я отправился (къ нему), взявъ для него девять грамотъ, на которыхъ написалъ золотомъ имена его, царицы, ихъ сына, дочерей и сестеръ его; а что касается вельможъ, то, по приказанію царя, я обошелъ ихъ дома, въ сопровожденіи переводчика, и всѣмъ имъ роздалъ грамоты» (вып. IV, стр. 158).

Церковное пѣніе въ Малороссіи очень понравилось Павлу; о немъ онъ вспоминаетъ въ Коломнѣ, сравнивая его съ московскимъ пѣніемъ. «Пѣніе казаковъ, передаетъ Павелъ свое впечатлѣніе, радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца и исполняется какъ-бы изъ однихъ устъ; они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (московитовъ) пѣніе идетъ безъ обученія, какое случится,

все равно: они этимъ не стѣсняются. Лучшій голосъ у нихъ—грубый, густой, басистый, который не доставляетъ удовольствія слушателю. Какъ у насъ онъ считается недостаткомъ, такъ у нихъ нашъ высокій напѣвъ считается неприличнымъ. Они насмѣхаются надъ казаками за ихъ напѣвы, говоря, что это напѣвы франковъ и ляховъ, которые имъ извѣстны» (вып. II, стр. 165). Павелъ, такъ много мѣста въ своемъ «Описаніи» удѣляющій изображенію церковнаго благолѣпія въ Россіи, говоритъ и о церковной живописи. Восторгаясь изображеніемъ Богоматери, которые онъ видѣлъ въ церкви во имя свв. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ въ Васильковѣ, Павелъ сообщаетъ слѣдующее о малорусскихъ живописцахъ: «казацкіе живописцы заимствовали красоты живописи лицъ и цвѣта одеждъ отъ франкскихъ и ляшскихъ живописцевъ-художниковъ и теперь пишутъ православные образа, будучи обученными и искусными. Они обладаютъ большою ловкостью въ изображеніи человѣческихъ лицъ съ совершеннымъ сходствомъ, какъ мы видѣли это на портретахъ Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго и другихъ» (ibid. стр. 41). Въ другомъ мѣстѣ своего труда, въ описаніи Кіева, Павелъ говоритъ, что въ этомъ городѣ «среди изображеній казацкихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладаютъ большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они естя» (ibid. стр. 76) Павелъ, подробно описывающій церкви въ Украйнѣ, отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ онъ видѣлъ органы (ibid. стр. 22 и 27).

Сообщая много любопытнаго для бытовой исторіи Украины, Павелъ передаетъ слышанное имъ о борьбѣ ея съ поляками, говоритъ о Богданѣ Хмельницкомъ, котораго онъ называетъ «Хмель», и котораго видѣлъ нѣсколько разъ, присутствуя при свиданіяхъ его съ патріархомъ Макаріемъ. Павелъ записалъ слышанное имъ объясненіе фамиліи Хмельницкаго отъ слова хмель. «Сами ляхи назвали его Хмелемъ, а слово «Хмель» у нихъ значитъ: ловкій. Такъ его назвалъ край. Они примѣнили къ нему прозвище «Хмель», по имени растенія, которое у нихъ произростаетъ; оно похоже на фасоль цвѣтами и листьями, но вьется по деревьямъ подобно *лсфляфэ*» (названіе вьющаго растенія) (вып. II, стр. 20 и 6). Павелъ дѣлиться съ читателемъ впечатлѣніемъ, которое на него произвелъ Богданъ Хмельницкій: «этотъ Хмель, говоритъ онъ, мужъ преклонныхъ лѣтъ, но въ изобиліи надѣленъ дарами счастія: безхитростный, спокойный, молчаливый, не отстраняющійся отъ людей, всѣми дѣлами занимается

лично, умѣренъ въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ, подражая въ образѣ жизни великому изъ царей, Василію Македонянину, какъ о немъ повѣствуетъ исторія. Всякій, кто увидитъ его, подивится на него и скажетъ: «такъ вотъ онъ, этотъ Хмель, коего слава и имя разнеслись по всему міру». Какъ намъ передавали, во франкскихъ земляхъ сочиняли въ похвалу ему поэмы и оды на его походы, войны съ врагами вѣры и завоеванія. Пусть его наружность невзрачна, но съ нимъ Богъ—а это великая вещь» (ibid., стр. 34).

Любознательный и наблюдательный Павелъ, собиравшій свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ Украйны, обратившій вниманіе на занятія жителей этой страны, ихъ благосостояніе, внѣшній видъ, въ одномъ мѣстѣ своего описанія Украйны счелъ необходимымъ увѣрить читателя въ своей добросовѣстности: «эти свѣдѣнія о Хмелѣ и казакахъ, говоритъ онъ, кои мы передали подробно, старательно и въ точномъ изложеніи, послѣ многихъ распросовъ и провѣрки, я собралъ съ трудомъ и утомленіемъ, удостовѣряясь въ ихъ правдивости. Сколько ночей я просиживалъ надъ записываніемъ, не заботясь объ отдыхѣ!» (ibid. стр. 36).

Украйна не была конечною цѣлью путешествія патріарха Макарія, онъ стремился въ Москву. Описывая вступленіе своего патріарха въ предѣлы Московскаго государства чрезъ Путивль, Павелъ обращается къ читателю съ слѣд. словами: «мы вступили во вторыя врата борьбы, пота, трудовъ и пощенія, ибо всѣ въ этой странѣ, отъ мірянъ до монаховъ, ѣдятъ только разъ въ день, хотя бы это было лѣтомъ, и выходятъ отъ церковныхъ службъ всегда не ранѣе, какъ около восьмого часа (около 2 ч. пополудни), иногда получасомъ раньше или позже. Во всѣхъ церквахъ ихъ совершенно нѣтъ сидѣній. Послѣ обѣдни читаютъ девятый часъ, причемъ всѣ міряне стоятъ, какъ статуи, молча, тихо, дѣлая безпрерывно земные поклоны, ибо они привычны къ тому, не скучаютъ и не ропщутъ. Находясь среди нихъ, мы приходили въ изумленіе. Мы выходили изъ церкви, едва волоча ноги отъ усталости и безпрерывнаго стоянія безъ отдыха и покоя.... Что касается насъ, то, какъ намъ совѣтовали, учили и предостерегали насъ друзья, которые уже бывали въ этой странѣ и знали, каковъ нравъ у жителей, мы волей-неволей къ нимъ приноравливались и что они дѣлали, тому подражали и мы. Свѣдущіе люди намъ говорили, что если кто желаетъ сократить свою жизнь на пятнадцать лѣтъ, пусть ѣдетъ въ страну московитовъ

и живетъ среди нихъ, какъ подвижникъ [illegible]дая постоянное воздержаніе и пощеніе, занимаясь чтеніемъ (молитвъ) и [illegible]авая въ полночь. Онъ долженъ упразднить шутки, смѣхъ и развязность (и отказаться отъ употребленія опіума), ибо московиты ставятъ надсмотрщиковъ при архіереяхъ и при монастыряхъ и подсматриваютъ за всѣми, сюда пріѣзжающими, нощно и денно, сквозь дверныя щели, наблюдая, упражняются ли они непрестанно въ смиреніи молчаніи, постѣ и молитвѣ, или же пьянствуютъ, забавляются игрой, шутятъ, насмѣхаются или бранятся» (ibid. стр. 100 и 101). Такіе разсказы друзей Павла и спутниковъ его объ отношеніи въ предѣлахъ Московскаго государства къ преставителямъ православнаго Востока, устрашили свиту патріарха Макарія:... «и мы были въ страхѣ», говоритъ Павелъ. Но мы непрестанно испрашиваемъ у Бога нашего помощи и терпѣнія до конца, успокоенія и исполненія того, чего мы ищемъ на пути его, да не погибнутъ втунѣ наши труды и злополучія, да даруетъ онъ намъ возможность уплатить наши долги съ процентами, да не введетъ Онъ въ бѣды и долги и не дастъ ему испытать тѣ страхи и и ужасы, коихъ мы были свидѣтелями, да не удалитъ Онъ никого на чужбину отъ его города, семейства и племени, гдѣ и черствый хлѣбъ съ водой кажется ему всего слаще!» (ibid. стр. 102).

Въ Коломнѣ патріархъ Макарій былъ задержанъ вслѣдствіе моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Этою остановкою воспользовался Павелъ для своихъ наблюденій надъ жизнью русскихъ. Все имъ видѣнное и слышанное, что казалось ему интереснымъ, внесъ онъ въ свое «Описаніе»: тутъ мы читаемъ о недовѣрчивомъ отношеніи въ предѣлахъ московскаго государства къ представителямъ православнаго Востока и о причинахъ такого отношенія, и о холодахъ зимнихъ, и о базарахъ, о ловлѣ рыбы, о способѣ хранить продукты, о тульскихъ желѣзныхъ заводахъ и т. д.

Въ началѣ февраля 1655 г. патріархъ Макарій, получивъ приглашеніе отъ царя, отправился въ Москву. Тутъ-то, восклицаетъ Павелъ, вступили мы на путь усилій для перенесенія трудовъ, стояній и бдѣній, на путь самообузданія, совершенства и благонравія, почтительнаго страха и молчанія. Что касается шутокъ и смѣха, то мы стали имъ совершенно чужды, ибо коварные московиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всемъ, что замѣчали у насъ хорошаго или дурного, доносили царю и патріарху. Поэтому мы строго слѣдили за собой, не по доброй волѣ, а по нуждѣ, и про-

тивъ желанія вели себя по образу жизни святыхъ. Богъ да избавитъ и освободитъ насъ отъ нихъ! (вып. III, стр. 3). Такое желаніе Павла и спутниковъ его, возникшее у нихъ лишь только они испробовали тотъ образъ жизни въ Москвѣ, который должны были вести, исполнилось не скоро. Болѣе года патріархъ Макарій и пріѣхавшіе съ нимъ прожили въ Москвѣ, благодаря чему изъ подъ пера Павла вышло прекрасное описаніе Москвы, ея храмовъ, монастырей, богослуженій и религіозныхъ обрядовъ, отношенія патріарха Никона къ иновѣрцамъ, пріемовъ царемъ иноземныхъ пословъ, торговли въ Москвѣ и т. д. Драгоцѣнныя данныя для русскаго религіознаго быта, въ обиліи находящіеся въ «Описаніи» Павла, были оцѣнены по достоинству Л. П. Рущанскимъ, который воспользовался ими въ своемъ трудѣ: и «Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв.». (Чтеніе Моск. Об. Ис. и Др., 1871 г. кн. 3-я и отдѣльно).

Чрезвычайно цѣнныя извѣстія для характеристики царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона находимъ въ трудѣ Павла. Преосв. Макарій въ XII т. своей «Исторіи Русской Церкви» дѣлалъ цѣлыя выписки изъ англійскаго перевода Павлова описанія, говоря о патріархѣ Никонѣ, объ исправленіи имъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ при содѣйствіи антіохійскаго патріарха Макарія, объ отношеніяхъ царя къ Никону и Никона къ царю, объ отношеніи Никона къ духовенству, къ боярамъ. Власный характеръ патріарха Никона превосходно обрисовывается Павломъ; читающему тѣ многочисленныя страницы «Описанія», гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Никона къ царю, вельможамъ, яснымъ становится, что столкновеніе патріарха съ царемъ было неизбѣжно (вып. III и IV passim), Въ «Описаніи» Павла находится одна черта вліянія Никона не только на царя, но и на царицу. «Именно этотъ патріархъ, говоритъ Павелъ о Никонѣ, убѣдилъ царицу сходить въ Соборъ (Успенскій въ Кремлѣ) и устроилъ для нея особый тронъ; въ прежне же время царицы не имѣли обыкновенія приходить въ Соборъ днемъ, а только ночью. Когда царица сошла изъ своего дворца, стрѣльцы разогнали народъ съ двухъ сторонъ. Впереди нея шли всѣ жены бояръ попарно..... За боярынями вошла царица, которую вела за правую руку ея мать, а за лѣвую сестра..... Прочія служанки и дѣвушки шли позади нея... Пѣвчіе пропѣли царицѣ многолѣтіе. Помолившись, она стала на своемъ тронѣ, и съ правой стороны отъ нея опустили занавѣсъ, что-

бы народъ не могъ ее видѣть. Отецъ и дядя царицы стали по близости, а всѣ жены бояръ и служанки стали слѣва, подлѣ сѣверныхъ дверей церкви, и опустили за собою шелковую занавѣску отъ колонны до стѣны, чтобы никто ихъ не видѣлъ.... (вып. IV, стр. 103).

Сообщаемое Павломъ о патріархѣ Никонѣ извѣстно было до появленія труда проф. Муркова изъ перевода Бельфура, но нѣкоторыя данныя, характеризующія царя Алексѣя Михайловича, дѣлаются извѣстными, благодаря переводу проф. Муркова. Таково, напр., сообщаемое Павломъ о царѣ въ роли уставщика въ подмосковномъ Саввиномъ монастырѣ. «Кончили службу, говоритъ Павелъ, и чтецъ началъ первое чтеніе изъ житія святого, сказавъ по обычному началѣ: «благослови, отче» какъ обыкновенно говорятъ настоятелю. Въ это время царь сидѣлъ на креслѣ, а нашъ учитель на другомъ. Вдругъ царь вскакиваетъ на ноги и съ бранью говоритъ чтецу: *«што кафори, мужикъ бл...нъ с...* (въ этой странѣ у патріарха, царя и вельможъ главное ругательство, обыкновенно: «мужикъ, бл...нъ сынъ», т. е. крестьянинъ, безумный, а слова *што кафори* значитъ «что ты говоришь»): *благослофи, отче? и тутъ есть батріархъ; скажи, благослофи фладыко»*, т. е. «зачѣмъ ты говоришь: благослови, отче? тутъ патріархъ; скажи благослови владыко».. Когда началось чтеніе, царь велѣлъ всѣмъ присутствующимъ сѣсть. Отъ начала до конца службы онъ училъ монаховъ обрядамъ и говорилъ, обходя ихъ: «читайте то-то, пойте такой-то канонъ, такой-то ирмосъ, такой-то тропарь, такимъ-то гласомъ». Если они ошибались, онъ поправлялъ ихъ съ бранью, не желая, чтобы они ошибались въ присутствіи нашего владыки патріарха. Словомъ, онъ былъ какъ бы типикаріемъ, т. е. учителемъ типикона (уставщикомъ), обходя и уча монаховъ. Онъ зажигалъ и тушилъ свѣчи и снималъ съ нихъ нагаръ» (вып. IV, стр. 126).

Интересенъ разсказъ Павла о посѣщеніи царемъ, патріархомъ Макаріемъ и нѣкоторыми изъ его свиты больницы въ этомъ монастырѣ, гдѣ находились больные и разслабленные монахи. «Войдя (въ больницу), передаетъ Павелъ, мы отъ сильнаго, отвратительнаго и зловоннаго запаха не могли оставаться въ этомъ помѣщеніи, ни смотрѣть на больныхъ; царь же просилъ нашего учителя прочесть надъ ними молитвы, дабы они исцѣлились, а по прочтеніи молитвы благословить ихъ. Всякій разъ какъ нашъ владыка благословлялъ одного изъ нихъ, царь вслѣдъ за владыкой, подходилъ къ нему и—о удивле-

ніе! — цѣловалъ его въ голову, уста и руки, и такъ до послѣдняго. Мы были поражены изумленіемъ при видѣ такой святости и смиренія, тогда какъ намъ хотѣлось убѣжать отсюда» (ibid. Стр. 133 и слѣд.). Имѣютъ значеніе для характеристики Алексѣя Михайловича разсказы о вспыльчивости его, слышанные и записанные Павломъ. (Вып. Ш. стр. 95 и слѣд.). Любопытно сообщаемое Павломъ желаніе царя изгнать турокъ изъ порабощенныхъ ими православныхъ странъ (вып. VI, стр. 170 и слѣд.).

Стѣсненными чувствовали себя въ Москвѣ Павелъ и его спутники, нѣсколько разъ порывался патріархъ Макарій пуститься въ обратный путь изъ Москвы, но только послѣ почти двухлѣтняго пребыванія въ предѣлахъ Московскаго Государства отпущенъ былъ онъ царемъ. Велика была радость Павла и его спутниковъ, когда они выѣхали за предѣлы Московской Руси!... «Съ той минуты, говоритъ Павелъ какъ мы увидѣли Печерскій монастырь, блестѣвшій въ отдаленіи своими куполами, и какъ только коснулось насъ благоуханіе этихъ цвѣтущихъ земель, наши души вострепетали отъ радости и ликованія, сердца наши раскрылись и мы изливались въ благодареніяхъ Господу Богу. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ въ Московіи, замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ, а умъ былъ до крайности стѣсненъ и подавленъ, ибо въ той странѣ никто не можетъ чувствовать себя сколько нибудь свободнымъ или довольнымъ, кромѣ развѣ коренныхъ жителей..... Напротивъ, страна казаковъ была для насъ какъ бы наша собственная страна, а ея обитатели были намъ добрыми пріятелями и людьми въ родѣ насъ самыхъ». (ibid. стр. 185).

Въ концѣ IV-го выпуска «Путешествія патріарха Макарія» Павелъ описываетъ обратный путь чрезъ Украину (гл. XVII—XVIII). Въ V-мъ выпускѣ «путешествія» будетъ описано окончаніе путешествія патріарха Макарія.

«Описаніе» Павла и при поверхностномъ пересмотрѣ представляется драгоцѣннымъ источниковъ для русской исторіи, безъ него не обойдется ни одинъ изслѣдователь русской жизни въ XVII в., и вспомянетъ онъ неоднократно трудолюбиваго и любознательнаго Павла, вспомянетъ вмѣстѣ съ нимъ и проф. Муркова, благодаря которому «Описаніе» Павла стало извѣстно въ полномъ видѣ на русскомъ яз.

Савва.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Томъ 11-й.
Харьковъ 1899. Стр. XXXV+24+360.

Большая часть этого того тома Сборника посвящена фольклору. Одна работа Н. Ѳ. Сумцова «Розысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ» занимаетъ половину тома. Авторъ собралъ значительный матеріалъ, разгруппировалъ его по мотивамъ и постарался установить связь между различными мотивами. Къ труду г. Сумцова примыкаетъ потомъ и статья г. Пельтцера «Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности», въ которой авторъ опредѣляетъ понятіе анекдота и его отношеніе къ сказкѣ, повѣсти и баснѣ, говоритъ о вліяніи западно-европейскихъ литературныхъ памятниковъ и разсматриваетъ нѣкоторые русскіе анекдоты сравнительно съ аналогичными разсказами у другихъ народовъ. Весьма интересна основанная на архивномъ матеріалѣ небольшая статья проф Лебедева «Въѣздъ бѣлогородскихъ архіереевъ въ епархію и ѣздъ ихъ по епархіи». Какъ только получалось извѣстіе о назначеніи новаго архіерея, управители архіерейскаго дома или консисторія спѣшила послать новоназначенному владыкѣ привѣтствіе, съ выраженіемъ радости по поводу его назначенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинался «подъемный» денежный сборъ для снаряженія поѣзда. Сборъ этотъ достигалъ значительныхъ размѣровъ. Въ 1722 г. собрано было на подводы для пріѣзда преосв. Епифанія изъ Москвы въ епархію съ монастырей 116 р., съ податныхъ Черкасъ 40 р., да съ церквей по 25 к. съ каждой. Съѣстныхъ припасовъ и питій заготовлено было по этому случаю громадное количество, напримѣръ, одной муки ржаной ситной 20 четвертей, ветчины 42 полтня, вина простого 8 бочекъ по 20 ведеръ, да двойного 2 бочки по 20 ведеръ, и т. д. Въ другихъ случаяхъ размѣръ сборовъ достигалъ еще большихъ размѣровъ. Еще тягостнѣе были поѣздки архіереевъ для обозрѣнія епархіи. При такихъ поѣздкахъ, кромѣ сѣна и овса для лошадей и харча для людей, приходилось подносить архіерею и его многочисленной свитѣ подарки. 1732 г. по случаю пріѣзда архіерея въ Харьковъ издержано было: «поклонъ его пр-ву, когда братія приходила 15 р., вина волошскаго ведерко и три кварты—2 р. 95 к., осетрины 1 пудъ—70 к., отцу судіи 2 р., да вина 6 квартъ на 90 к., келейникамъ о. Андрею рубль, да Ивану рубль, келейнику Димитрію полтина, діакону полтина, духовнику Иларіону рубль, пѣвчимъ 1 р.,

подділаконамъ двумъ 1 р., конюшему—50 к., дѣтямъ боярскимъ 60 к., возницамъ 2 гривны, конюхамъ 10 алтынъ, поворамъ 70 к., архимандричьимъ діаконамъ 50 коп., келейникамъ по 20 к., кухарямъ гривна, поддіакону Василію 50 к., куплено во дворъ архіерейскій для пѣвчихъ и дѣтей боярскихъ мяса и гусей на 1 р. 91 к., за подкованіе лошадей архіерейскихъ 35 к., калачей и бубликовъ 30 к., о. архидіакону поклону 2 р. да вина боченокъ 1 р. 15 к., келейникамъ его 20 алтынъ и боярскому сыну 5 к. Итого 33 р. 40 к.» Но иногда пріемы архіерея обходились еще дороже. Такъ, въ 1743 г. г. Изюмъ посѣтилъ занимавшій тогда бѣлгородскую каѳедру молдавскій митрополитъ Антоній Черновскій, которѣй «особенно любилъ лакомиться на счетъ епархіи», и это посѣщеніе обошлось мѣстному духовенству въ 114 р. 48. Деньги по тому времени громадныя. Немудрено, если духовенство смотрѣло на эти наѣзды, какъ «на нашествія татаръ, устремлявшихся на похищеніе».

Кромѣ указаныхъ статей въ разбираемомъ томѣ напечатана рѣчь проф. Е. К. Рѣдина, посвѣщенная памяти Ѳ. И. Буслаева и содержащая обзоръ трудовъ его по исторіи искусства и «Экстрактъ объ изнеможеніи слободскихъ полковъ», впрочемъ не законченный печатаньемъ.

Н. Т.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ послѣднемъ выпускѣ (XX) извѣстнаго нѣмецкаго журнала Archiv fur Slavische Philologie проф. Ягичъ, дѣлая обзоръ научнаго движенія Славянства преимущественно въ сферѣ лингвистики, исторіи литературы и этнографіи (Bibliograhfsche Ubersicht der slavischen Zeitschriftenphilologischen literaturglechichlichen und ethnodraphischen Jnhalts. B. XX, с. 624—638). далъ краткій образъ настоящаго пoлoположенія украинско-русской науки. Вотъ его подлинные слова (ст. 628—629).

„Для разработки малорусскаго языка, литературы и этнографіи въ Россіи въ настоящее время почва не благодарная. Здѣсь страшатся малѣйшаго проявленія въ этомъ направленіи, какъ какого то опаснаго сепаратизма, забывая при этомъ, что насильное задавливаніе свободнаго развитія украинско-русской народности, существованія

которой вѣдь нельзя не признать, можетъ развить сначала неудовольствіе, а далѣе сепаратизмъ. Что возможно сдѣлать при данныхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ для разработки малорусской народной индивидуальности, дѣлается въ журналѣ «Кіевская Старина», основанномъ въ 1882 году. Большая часть статей въ немъ этнографическаго, или литературно и культурно-историческаго содержанія; филологія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова мало фигурируетъ.

Въ то время, какъ этотъ журналъ издается на великорусскомъ языкѣ, въ Галиціи тѣ же работы печатаются на малорусскомъ, или, какъ обыкновенно говорятъ въ Австріи—русинскомъ языкѣ въ Научномъ Обществѣ «імени Шевченка», которое, благодаря энергичной работѣ галицкихъ Русиновъ и той моральной помощи, что понемного идетъ къ нимъ изъ Россіи,—обѣщаетъ со временемъ развиться въ русинскую академію наукъ. Всякій истинный другъ культурнаго развитія долженъ радоваться этому; я никогда не могъ понять, почему нѣкоторые слависты съ энтузіазмомъ слѣдятъ за прогрессомъ словаковъ, а, наоборотъ, Русинамъ не сочувствуютъ нисколько. Кто думаетъ, что эта мѣстная работа, тѣсно обмежованная границами языка, можетъ нанести вредъ великорусской литературѣ и наукѣ, тотъ понижаетъ значеніе и силу великорусской литературы. Выше упомянутое общество издаетъ начиная съ 1892 года во Львовѣ «Записки наукового товариства імени Шевченка». До 1896 года на обложкѣ писалось: «видавництво присьвячене науцї й письменству україньско-руского народу». Редакторъ I тома былъ Др. Юл. Целевичъ, II—IV проф. Барвинскій, отъ V—и далѣ (до XXV)—проф. М. Грушевскій. Этотъ журналъ по своему содержанію преимущественно историческій и историко литературный, филологія по большей части стоитъ на второмъ планѣ. Изъ исторіи литературы слѣдуетъ упомянуть статьи Кониссскаго (о Шевченкѣ), д-ра Франка (о Варлаамѣ и Іоасафѣ) и д—ра Колессы (сравнительныя польско-русинскія изслѣдованія). Исторіей отдаленнѣйшихъ временъ занимается проф. Грушевскій, а недавно—также Кордуба. Библіографія составляется старательно. Собственно филологія и здѣсь отходитъ на второй планъ.

Въ этомъ году общество расширило свою научную дѣятельность еще одной вновь начатой серіей: «збірник фільольогічноі секциі На-

укового товариства імени Шевченка» [1]). Первый томъ посвященъ біографіи Шевченка Ал. Кониссшаго. Надѣюсь, что слѣдующіе томы дадутъ матеріалъ по грамматикѣ, лексикѣ или деалектологіи. Изданій древнихъ памятниковъ языка и литературы Общество также не упускаетъ изъ виду. Въ 1896 г. оно начало серію подъ латинскимъ заглавіемъ: Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarim (ruthenicarum). 1-ый томъ содержитъ богатое собраніе апокрифовъ ветхаго завѣта, составленъ трудами д-ра Ив. Франка. Съ точки зрѣнія языка не всѣ тексты могутъ быть отнесены къ ukraino-russica но это никому ничего не мѣшаетъ. Этнографія также входитъ въ кругъ занятій общества имени Шевченка; съ 1895 года издается посвященный ей «Етнографічный Збірник»,—уже вышло V томовъ. I томъ содержитъ преимущественно галицко-украинскія сказки, II лирнпцкїя пѣсни и преданія черноморскихъ козаковъ, а также этнографическіе матеріалы изъ жизни угорскихъ Русиновъ; III и IV наполнены матеріаламы изъ Угорской Руси».

Нѣмецк. иллюстрир. журналъ „Moderne Kunst“ помѣстилъ въ № 17 снимокъ съ новой картины извѣстнаго художника Іосифа Брандта подъ назв. «Ukrainiseher Kosaken-Hochzeitszug». (Свадьба украинскихъ козаковъ). Для большей удобопонятности приложена краткая замѣтка Георга Буссе. Здѣсь онъ объясняетъ территоріальное названіе Украины, упоминаетъ о Мазепѣ и его намѣреніи освободиться отъ Россіи, объ окончательномъ уничтоженіи автономіи Украины Екатериною II. Поясняетъ также вкратцѣ самый свадебный обрядъ. Хотя замѣтка и небольшая, однако она не лишена ошибокъ, такихъ напр. какъ: «Мазепа хотѣлъ избавиться отъ Россіи и присоединить Украину къ Польшѣ», или «послѣ Полтавской битвы Мазепа бѣжалъ въ Швецію, гдѣ погибъ, вѣроятно, отъ отравленія».

Въ «Подольск. Губ. Вѣд.» (№ 132 и 133) помѣщена статья, посвященная памяти Іоанна Гутенберга по поводу пятисотлѣтія книгопечатанія. Здѣсь между прочимъ въ № 133 удѣлено мѣсто истори-

[1]) Проф. Ягичъ писалъ это до полученія имъ еще двухъ вновь открытыхъ серій: 1 т. Збірника історично-фильософічної секциі и I т. Етнольогічних матеріялов,—помѣченныхъ 1898 годомъ.

ческому очерку послѣдовательнаго развитія книгопечатанія и типографскаго искусства у славянъ: въ Польшѣ въ Чехіи, въ Черногоріи; но наиболѣе останавливается авторъ на книгопечатномъ дѣлѣ въ юго-западной Руси и въ Московскомъ государствѣ.

Въ Львовской газетѣ «Русланъ» въ цѣломъ рядѣ статей (№ 137—139; 141—143) ведется горячая полемика съ партіей москвофильской, поводомъ для чего послужила извѣстная брошюра О. Мончановскаго «Литературное и политическое украинофильство» [1]. Опровергая основное положеніе въ этой брошюрѣ, будто галичане не въ правѣ считать появленіе Энеиды Котляревскаго началомъ ихъ національнаго возрожденія, т. к. до 50-хъ годовъ никто въ Галичинѣ не зналъ о существованіи Энеиды,—авторъ статей въ Русланѣ очень обстоятельно показываетъ цѣлый рядъ невѣрностей фактическихъ, то умышленно, то неумышленно допущенныхъ г. Мончановскимъ.

Въ газ. «Югъ» (№ 377) напечатана статья *К. Колцуна* «Основаніе мѣстечка Новаго-Буга (Семеновка, Ново-Павловка, Куцая Балка) херсонскаго уѣзда». Мѣстечко это, въ настоящее время считающее до 15 т. душъ населенія, съ тремя церквами, съ почтово-телеграфной и нотаріальной конторами, со сберегательной кассой, съ агентствомъ орловскаго банка, съ учительской семинаріей,—ровно сто лѣтъ назадъ состояло изъ нѣсколькихъ хуторовъ, принадлежавшихъ зажиточнымъ малороссамъ и выходцамъ изъ Молдавіи. Названная статья г. Колцуна и даетъ краткій историческій очеркъ такого быстраго роста этого, теперь крупнаго, мѣстечка въ Новороссіи.

Въ виду предстоящей въ Кіевѣ торжественной закладки второго католическаго костела, газ. «Жизнь и Искусство» помѣстила довольно большую историческую справку (№№ 174 и 176) *В. Цѣховскаго* о католическихъ костелахъ въ Кіевѣ съ древнѣйшихъ временъ. Указавъ на постоянныя сношенія древняго Кіева и Польшей, авторъ говоритъ, что первыя извѣстія о построеніи католическаго костела въ Кіевѣ относятся къ началу XIII, о чемъ подробно разсказано у

---

[1]) См. объ этой брошюрѣ Кіевск. Стар. 1899 г. № 4.

извѣстнаго польскаго писателя XVI в. іезуита Скарги. По словамъ его, основателемъ этого костела былъ святой Яцекъ, принадлежавшій къ ордену доминиканцевъ. Прибылъ онъ въ Кіевъ около 1230 года и вскорѣ построилъ на Оболони церковь во имя дѣвы Маріи. Вскорѣ послѣдовавшее татарское разореніе Кіева положило конецъ и этому первому костелу. Нескоро послѣ подчиненія юго-западн. Руси Литовскому княжеству, а именно черезъ 100 лѣтъ, доминиканцы опять появляются въ Кіевѣ и устраиваютъ, тоже на Оболони, деревянный костелъ. Только въ концѣ XVI вѣка создается каменный костелъ у подножія Фроловской горы; зданіе этого костела существуетъ и понынѣ, служа церковію духовной семинаріи. Затѣмъ, въ первой четверти 17 вѣка появляются въ Кіевѣ бернардины, которые основываютъ свой монастырь подъ горою, но точныхъ свѣдѣній, гдѣ именно существовалъ ихъ кляшторъ, не имѣется, равно какъ неизвѣстно гдѣ существовалъ костелъ іезуитовъ, появившихся въ Кіевѣ въ 1620 году. Извѣстно только, что во время войнъ Хмельницкаго они были разрушены, равно какъ и старый доминиканскій костелъ, развалины котораго въ 1691 году переданы были, по ходатайству митроп. Варлаама Ясинскаго, для устройства въ немъ церкви св. Петра и Павла. Въ теченіе болѣе столѣтія въ Кіевѣ костела не было, т. к. опять построенъ былъ новый костелъ уже въ царствованіе Екатерины 2-ой, когда, вслѣдствіе наплыва въ Кіевъ польскихъ торговыхъ людей и помѣщиковъ, разрѣшено было ксендзу Станиславу Стецкому собирать пожертвованія на постройку костела въ Кіевѣ, который и былъ построенъ въ 1798 г. на Печерскѣ. Этотъ деревянный костелъ не могъ удовлетворить нуждамъ обширнаго польскаго населенія города, вслѣдствіе чего въ 1814 году дворянство кіевской губерніи, желая ознаменовать водвореніе мира въ Европѣ, рѣшило производить сборы по 25 коп. съ каждой ревизской души на учрежденіе въ Кіевѣ новаго костела, для котораго и было отведено мѣсто подлѣ Михойловскаго монастыря. Но постройка его, по недостатку средствъ, затянулась надолго, такъ-что, благодаря только пожертвованіямъ помѣщика кіевской губ. Антона Савицкаго, костелъ этотъ былъ законченъ и освященъ 30-го августа 1842 года. Костелъ этотъ существуетъ и до сихъ поръ.

Въ «Петерб. Вѣдом.» № 172 (27 іюня 1899 г.) Д. Л. Мордавцевъ въ ст. «Не угашайте духа» даетъ отвѣтъ на коррреспонденцію изъ Кіева въ «Нов. Врем.» (№ 8343) по поводу разрѣшенія Импер. москов. археологическихъ обществомъ кіевскому археологическому съѣзду чтеній и докладовъ и преній, между прочимъ, и на «галицко-украинскомъ языкѣ».

1

2

3

4

5

7

6

8

9

Археологическая лѣтопись.

Въ настоящемъ номерѣ «Лѣтописи» мы ограничиваемся исполненіемъ обѣщанія, даннаго раньше, и помѣщаемъ снимки съ каменныхъ и глиняныхъ иконокъ княжеской эпохи, найденныхъ въ послѣднее время. Для полноты мы присоединили къ нимъ снимки съ нѣкоторыхъ другихъ иконокъ, раньше найденныхъ, но еще не изданныхъ. Текстъ къ таблицѣ составленъ однимъ изъ кіевскихъ собирателей древностей, которому мы и приносимъ нашу искреннюю благодарность.

Н. Б.

Каменныя и глиняныя иконки княжеской эпохи.

Къ числу весьма любопытныхъ и важныхъ въ научномъ отношеніи памятниковъ нашей великокняжеской старины слѣдуетъ отнести каменныя и глиняныя иконки, находимыя, хотя и очень рѣдко, на югѣ Россіи (до сихъ поръ пока лишь въ Кіевской губерніи). Чрезвычайная рѣдкость этихъ памятниковъ и отсутствіе ихъ даже въ наиболѣе обширныхъ и богатыхъ собраніяхъ дѣлали ихъ до сихъ поръ мало доступными для всесторонняго научнаго изслѣдованія, котораго они вполнѣ заслуживаютъ, являясь яркими выразителями религіозныхъ вѣрованій, искусства и письменности южнорусскаго люда XII—XIII вв. и представляя собою богатый матеріалъ для иконографическихъ, художественныхъ и палеографическихъ изысканій.

Каменныя и глиняныя иконки представляютъ каждая свой особый интересъ. Каменныя иконки выдѣлывались, каждая въ отдѣльности, мастерами спеціалистами, между которыми встрѣчались иногда (срв. на нашей таблицѣ №№ 1 и 3) истинные художники, и такимъ образомъ иконки эти являются уникатами, единичными произведеніями искусства. По свойству матеріала и по характеру работы онѣ и въ свое время должны были представлять значительную цѣнность и были доступны лишь для людей болѣе или менѣе зажиточныхъ. Иконки же глиняныя изготовлялись способомъ болѣе близкимъ къ фабричному, путемъ оттискиванія на сырой глинѣ заранѣе приготовленныхъ формъ, и были, очевидно, разсчитаны на болѣе обширный кругъ покупателей. A priori можно думать, что глиняныхъ иконокъ выдѣлывалось гораздо болѣе чѣмъ каменныхъ, но въ настоящее время онѣ встрѣчаются гораздо рѣже послѣднихъ. Въ то время какъ до насъ дошло нѣсколько прекрасно сохраненныхъ каменныхъ иконокъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ *ни одного* безукоризненно сохранившагося экземпляра глиняной иконки. Довольно значительные, сравнительно съ каменными иконками, размѣры и крайняя непрочность матеріала дѣлали ихъ очень неустойчивыми въ борьбѣ съ временемъ. Вообще до сихъ поръ извѣстна была только одна глиняная иконка, принадлежащая Кіевскому Церковно-Археологическому Музею и упоминаемая нами ниже. Хотя въ общемъ глиняныя иконки весьма значительно уступаютъ каменнымъ въ смыслѣ художественности, но за то являются чрезвычайно интересными въ бытовомъ отношеніи, какъ памятники чисто національнаго творчества.

Нѣкоторое число каменныхъ и одна глиняная иконка были изданы въ различныхъ археологическихъ трудахъ (см. ниже), но это далеко не исчерпываетъ всего матеріала, находящагося въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ г. Кіева. Это и побудило насъ издать на прилагаемой таблицѣ всѣ извѣстныя намъ каменныя и глиняныя иконки, остававшіяся или вовсе неизданными или изданными не вполнѣ, чтобы, такимъ образомъ, сдѣлать ихъ болѣе доступными для всесторонняго изученія.

Не вдаваясь засимъ въ дальнѣйшія подробности, мы переходимъ къ краткому описанію издаваемыхъ иконокъ.

№ 1. Небольшая (вышина 3, 6, ширина 2, 6 стм.) иконка изъ свѣтло-зеленаго сланца, изображающая «Невѣріе Ѳомы». Она представляетъ большой интересъ, потому что изображенія второстепен-

ныхъ евангельскихъ событій на нашихъ памятникахъ XII—XIII в. крайне рѣдки. Она подробно описана І. А. Хойновскимъ въ его трудѣ «Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси». (Кіевъ. 1896 г., стр. 182—3), а потому мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на то, что на ней слово «агіосъ» изображено съ твердымъ знакомъ (ъ) на концѣ, что несомнѣнно доказываетъ ея русское а не византійское происхожденіе, и слѣдовательно дѣлаетъ ее весьма цѣнною для исторіи древняго русскаго искусства. Найдена на городищѣ «Княжа Гора» у с. Пекарей, Черкасскаго уѣзда. (Находится въ собраніи І. А. Хойновскаго).

№ 2. Небольшая иконка изъ темно-сѣраго сланца, покрытая отъ времени бѣловатымъ налетомъ. Верхъ полукруглый. Вышина 3, ширина 2, 5 стм. На верхней части очевидно было ушко, отломанное еще въ глубокой древности и замѣненное тогда же двумя отверстіями, просверленными въ верхней части иконки. На лицевой сторонѣ находится изображеніе святителя съ приложенными къ груди руками (по всей вѣроятности св. Николая), обведенное по краю выпуклою рамкою. На оборотной сторонѣ, въ такой-же рамкѣ, изображенъ выпуклый равноконечный крестъ. Найдена осенью 1898 г. на городищѣ «Замковыще», близь с. Конончи, Черкасскаго уѣзда. (Въ собраніи Н. П. Чернева).

№ 3. Иконка изъ темно-сѣраго, почти чернаго сланца, изображающая «Распятіе съ предстоящими». Она описана съ достаточною подробностью въ «Археологической лѣтописи» за май, почему мы и ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на то, что она найдена въ мартѣ с. г. на городищѣ «Княжа Гора». (Находится въ собраніи Н. П Чернева).

№ 4. Верхняя часть каменной иконки, тонкой работы. На лицевой сторонѣ сохранилась голова ангела въ нимбѣ, верхняя часть праваго крыла и конецъ жезла. По всей вѣроятности на этой сторонѣ изображенъ былъ «Ангелъ Хранитель». На оборотной сторонѣ изображенъ крестъ, отъ котораго сохранилась только верхняя часть. Описаніе ея въ «Каталогѣ украин. древ.» В. В. Тарновскаго, стр. 8. Найдена на «Княжей Горѣ». (Находится въ собраніи В. В. Тарновскаго).

№ 5. Фрагментъ довольно большой каменной иконки, отличающейся замѣчательно высокимъ рельефомъ и тонкостью работы. На одной сторонѣ ея изображенъ былъ во весь ростъ святой, пови-

димому въ одеждѣ ветхозавѣтныхъ священниковъ (св. Захарія?), а на другой—святой съ атрибутами архидіакона, т. е. съ кадиломъ и ладанницей въ рукахъ (св. Стефанъ или св. Лаврентій). Отстутствіе верхней части иконки, на которой находились головы святыхъ, а можетъ быть и надписи, не позволяетъ сдѣлать болѣе точное опредѣленіе. Описанъ въ «Каталогѣ украин. древностей» В. В. Тарновскаго на стр. 7. Найденъ на «Княжей Горѣ». (Находится въ собраніи В. В. Тарновскаго).

№ 6. Верхняя половина средней величины (вышина сохранившейся части, безъ ушка, 3, 5, а ширина 3, 7 стм.) глиняной иконки, изображавшей святителя en face, отъ котораго сохранилась голова въ нимбѣ и плечи. По обѣимъ сторонамъ головы находится вдавленная вертикальная надпись, въ началѣ которой помѣщена буква A въ кругѣ (сокращеніе слова О АГІОС), а изъ остальныхъ буквъ съ трудомъ можно разобрать NH..ЛА... Очевидно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ изображеніемъ св. Николая Чудотворца. Найдена весною с. г. на городищѣ «Княжа Гора». (Находится въ собраніи Н. П. Чернева).

№ 7. Небольшая (вышина 5, ширина 3, 5 стм.) иконка изъ сѣро-пепельнаго сланца съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Николая, а на другой—св. Сисинія (та сторона этой любопытной и превосходно сохранившейся иконки, на которой изображенъ св. Николай, была уже издана (Н. Ѳ. Бѣляшевскій, «Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.» Таб. II фиг. 13 и В. В. Тарновскій, «Каталогъ украинскихъ древностей», Кіевъ, 1898, таб. I, фиг. 28, а описаніе ibid. стр. 7). Та-же сторона, гдѣ изображенъ св. Сисиній издается здѣсь впервые. Найдена на «Княжей Горѣ». (Находится въ собраніи В. В. Тарновскаго).

№ 8. Довольно большая (вышина 7, ширина 6 стм.) глиняная иконка съ полукруглымъ верхомъ. Иконка эта сильно пострадала отъ времени и правый нижній конецъ ея отбитъ. На ней изображенъ св. Георгій Побѣдоносецъ вправо, на конѣ, поражающій копьемъ змія. Передъ фигурою святого находятся двѣ выпуклыя буквы ГЕ-(оргій), а надъ ними, повидимому О (о АГІОС). Работа весьма посредственная. Иконка эта найдена зимою с. г. на городищѣ «Княжа Гора». На снимкѣ она нѣсколько уменьшена. (Находится въ собраніи Н. П. Чернева).

№ 9. Верхняя часть большой глиняной иконы съ закругленнымъ верхомъ, изображавшей «Распятіе съ предстоящими». Вышина сохранившейся части 7, а ширина 8,5 стм. Работа грубоватая, но детальная и весьма характерная для XII—XIII в. На дошедшей до насъ части иконы сохранилась верхняя часть креста и головы Спасителя въ крестчатомъ нимбѣ, а также лѣвая рука его, пригвожденная ко кресту. На верхней перекладинѣ креста—обычная монограмма IC—XC. По сторонамъ этой перекладины находятся прекрасно сохранившіяся полуфигуры скорбящихъ Архангеловъ. За крыломъ лѣвой полуфигуры находится вертикальная сокращенная надпись «Михаилъ», а передъ правою полуфигурою—«такая-же надпись «Гавріилъ». Надписи эти, сдѣланныя вглубь (en creux), представляютъ значительный интересъ въ палеографическомъ отношеніи. Въ общемъ композиція этой иконы представляетъ собою большое сходство съ композиціею издаваемой здѣсь каменной иконки съ тѣмъ же сюжетомъ. Этотъ интереснѣйшій фрагментъ найденъ весною с. г. на городищѣ «Княжа Гора». На снимкѣ онъ нѣсколько уменьшенъ. (Находится въ собраніи Н. П. Чернева).

Независимо отъ вышеперечисленныхъ, въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ г. Кіева имѣются еще слѣдующія каменныя и глиняныя иконки: въ собраніи *В. В. Тарновскаго*: 1) Иконка изъ сѣраго сланца, изображающая св. Николая (Катал. Укр. древ., стр. 7, таб. I, фиг. 29); 2) Иконка изъ сѣраго сланца (неполная) съ изображеніемъ св. Георгія (Ibid. стр. 7, таб. I, фиг. 30);—обѣ съ «Княжей Горы»; въ собраніи *I. А. Хойновскаго*: 3) весьма небольшая иконка изъ сѣраго сланца, изображающая Спасителя; описана собственникомъ въ его «Крат. Арх. свѣд. о предкахъ Славянъ и Руси» на стр. 182; рисунокъ ея увеличенный и, къ сожалѣнію, весьма не точный, находится въ трудѣ того-же автора «Раскопки великокняжескаго двора древняго г. Кіева». Кіевъ. 1893 г. Таб. XIX, фиг. 80; наконецъ, *въ Церковно-Археологическомъ музеѣ* при Кіев. Дух. Академіи, находится довольно большая каменная иконка съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ св. Николая и съ надписью «святый (а не «агіосъ», что заставляетъ отнести ее къ нѣсколько болѣе позднему времени) Никола», а на оборотной съ начатымъ и неоконченнымъ изображеніемъ св. Георгія на конѣ. Иконка эта подробно описана проф. Н. И. Петровымъ въ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности» Н. А. Леопардова. Серія II, вып. 1-й, стр.

11; тамъ-же находятся и снимки съ нея—таб. III—IV, ф. 9. По слухамъ есть еще одна интересная каменная иконка въ собраніи В. Е. Гезе, но, къ сожалѣнію, мы не могли получить снимка съ нея для описанія и воспроизведенія. Изъ глиняныхъ иконокъ, за исключеніемъ издаваемыхъ нынѣ, существуетъ только одна съ изображеніемъ Богоматери, сильно поврежденная, и хранится въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіев. Дух. Академіи. Она подробно описана проф. Н. И. Петровымъ въ упомянутомъ выше выпускѣ «Сборника» Н. А. Леонардова и изображена тамъ-же на таб. III, фиг. 1.

Не смотря на крайне ограниченное число дошедшихъ до насъ каменныхъ и глиняныхъ иконокъ, въ нихъ, при внимательномъ изученіи, можно ясно различить четыре пошиба, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого, а именно:

а) Пошибъ чисто *византійскій* (см. №№ 1 и 5 нашей таблицы), отличающійся нѣкоторою сухостью рисунка, вычурностью, даже манерностью въ позахъ отдѣльныхъ фигуръ и обиліемъ мелкихъ складокъ на одеждахъ. Всѣ иконки этого пошиба замѣчательно тонкой работы и, если-бы не русскія надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ, смѣло могли быть приняты за произведенія византійскаго искусства.

б) Пошибъ *византійско-славянскій* (примѣръ: № 3 нашей таблицы и фрагментъ, изданный въ «Каталогѣ Украин. древн.» В. В. Тарновскаго, таб. I, фиг. 32), отличающійся тою-же, если не большею, тонкостью работы и суховатостью рисунка, но позы отдѣльныхъ фигуръ являются уже болѣе спокойными и естественными. Складокъ на одеждахъ сравнительно мало, но за то какъ эти одежды, такъ и другіе аксессуары (нимбы, кресты и пр.) почти сплошь отдѣланы тончайшимъ орнаментомъ, состоящимъ изъ кружковъ, квадратиковъ и линій, весьма характернымъ для славянскихъ издѣлій, особенно изъ кости и янтаря.

в) Пошибъ *средній* (примѣры: №№ 2 и 8 нашей таблицы и въ «Каталогѣ украин. древностей» В. В. Тарновскаго, таб. I, фиг. 29 и 30). На иконкахъ этого пошиба рисунокъ болѣе простой и естественный, фигуры короче и шире, но нѣтъ той тонкости въ отдѣлкѣ деталей, которую мы видимъ въ первыхъ двухъ пошибахъ. Работа, въ художественномъ смыслѣ, болѣе посредственная.

г) Пошибъ *Грубый* (примѣры: №№ 6 и 9 нашей таблицы), отличающійся какою-то характерною грубостью и условностью, что съ особенною ясностью обнаруживается въ отдѣлкѣ волосъ, глазъ и

деталей одеждъ. Пошибъ этотъ даже въ типѣ лицъ носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то въ высшей степени своеобразнаго и національнаго.

Указанные нами четыре пошиба въ своей послѣдовательности даютъ намъ полную картину того, какъ традиціи византійскаго искусства, первоначально всецѣло господствовавшія въ русскомъ искусствѣ, постепенно изчезаютъ изъ него и даютъ мѣсто произведеніямъ, хотя на первыхъ порахъ и грубаго, но весьма характернаго и самобытнаго народнаго творчества.

Н. Ч.

Приготовленія къ Риздвяннимъ святкамъ.

Чистота и убранство хаты.—Хозяйки-украинки вообще любятъ держать хату свою и свою семью въ чистомъ и опрятномъ видѣ, а предъ наступленіемъ такого большого праздника, какъ Риздвянни святки, онѣ прилагаютъ особенное попеченіе, чтобы *охаятьця и прычепурытьця* [1]).

Къ этому празднику хозяйка непремѣнно вынесетъ изъ хаты все, что безъ особеннаго затрудненія можетъ быть вынесено и что болѣе или менѣе напоминаетъ о вседневномъ трудѣ: она вынесетъ, или по крайней мѣрѣ припрячетъ, всѣ снаряды для пряденія и самую пряжу (*гребени, дныщà мотовѝла, гребинкѝ, веретéна, мычкы, почѝнкы, клубкы* и т. д.); она разберетъ, и вынесетъ *верстàть* [2]), если таковая имѣется въ хатѣ и если новая установка ея можетъ быть произведена домашними средствами; она уберетъ лишнюю *одежу*, и т. д., и т. д. Все это исполняется по преимуществу женскими руками, и мущины принимаютъ участіе въ подобныхъ заботахъ только въ такомъ случаѣ, если трудъ оказывается выше женскихъ силъ.

Рядомъ съ этимъ, идетъ и *мазання* хаты. Разумѣется, наружная сторона ея оставляется въ покоѣ: морозы, холодъ—какъ возлѣ нея *пичкатьця.* Притомъ, снаружи, хата у рѣдкой изъ хозяекъ-украинокъ не мажется предъ наступленіемъ зимы. За то внутренняя ея сторона должна извѣдать на себѣ всю силу заботъ хозяйки-*чепурýхы*: тутъ и *черинь набывàють* (перекладываютъ пòдъ печи), если онъ *выбывся*; *шпарують* [3]) и *билять*, мѣломъ или бѣлою глиною, стѣны, *стéлю* (потолокъ), *пичъ, кòминъ, чéлюсти, пидпичча, прыпечкы* (все это части печки); если гдѣ окажется нужнымъ—*валькýють* (замазываютъ вывалившіяся или готовыя вываиться, мѣста большими комьями замѣшанной глины, *вальками*); выводятъ красною или желтою глиною узоры

[1]) Привести все въ чистый и опрятный видъ.

[2]) Ткацкій станокъ.

[3]) Замазываютъ глиною трещины (*шпары*).

возлѣ оконъ, дверей, отверстія печи, возлѣ образовъ, а иногда и надъ *лавамы* (лавками), *полйцямы* (полки подъ потолкомъ) и вокругъ *мйсныкывъ* и *сýдникывъ* (посудниковъ),—что все дѣлается особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть или *невистка* молодая, или дочка щеголиха, *вистругують дилъ* (ровняютъ заступомъ земляной полъ) и вымазываютъ *рудóю* глиною, а гдѣ нужно и *накладáють* (выбившіяся мѣста выравниваютъ вальками). У людей болѣе зажиточныхъ, напримѣръ у городскаго мѣщанства и козачества, у мелкопомѣстныхъ дворянъ и у богатыхъ хуторскихъ или сельскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ *мàзанкою свитлыць, кимнатъ. пекàрень* (кухонь) и т. д., идетъ и чистка печныхъ трубъ *(верхы трýсять)*.

За мазаньемъ слѣдуетъ *вымывання, перемывання, вичищàння, шарувàння* и т. д. Тутъ чистится и моется все, что только можетъ подлежать чищенію и омовенію, не подвергаясь опасности испортиться; тутъ моятся и чистятся столы, лавы, *ослòны* (скамьи), а гдѣ есть *помòсти* (деревянные полы), и не какъ-нибудь, а горячею водою и *хвощàнкамы* (пучками соломы, преимущественно пучками растенія, называемаго *хвощемъ*, а также пучками *очерету)*; тутъ моются *вихтыками* (изъ соломы, сѣна, и въ особенности изъ тряпокъ) *образи́, помòсты, полйци, судныкы, мйсныкы стильчыкы* (маленькія скамейки), *кочèрги, ухвàты* (или *хваткы*), а гдѣ есть—коммоды, шкапы, кровати и другая мебель; если при этомъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ кровати окажется какой-нибудь иностранецъ:—„На двиръ, на двиръ іи! кипячывъ, кипячывъ!“ (прочь, прочь изъ хаты! кипятку, кипятку!) и кровать обваривается три-четыре раза кипяткомъ, „Щобъ и духу блощычого [1]) не було!“; тутъ моются и *вышаровуются* выхтыкамы горшки, *золинныкы, шырокàнчыкы* (виды горшковъ), *мыскы, полýмыскы, макитри́, рыночки́*, ложки, и т. д и т. д.; перемывается, у кого есть, чайная и прочая посуда, чистятся у кого есть, самовары, вилки, ножи, подсвѣчники и т. п. Словомъ, съ горячею или теплою водою въ одной рукѣ, съ хвощанкою, или вихтикомъ или

---

[1]) Блощыця—клопъ.

полотенцемъ въ другой, съ разгорѣвшимся лицемъ, съ выбившимися изъ-подъ *очипка* и нависшими на лобъ пасмами волосъ, *пидтыкавшись, пидсмыкавшись,* хозяйка-украинка пройдетъ въ это время, съ своею любовью къ чистотѣ, по всему, заглянетъ во всѣ закоулки, покорпаетъ въ малѣйшихъ скважинахъ. О, мой читатель, вы еще не знаете, что такое любовь хозяйки-украинки къ чистотѣ, на полномъ ея ходу!

Когда начнется у насъ въ хатахъ, передъ Риздвяными святками, всеобщее мазання, вымывання, перемывання, шарування, земляки мои бываютъ, повидимому, очень недовольны, ворчатъ, бранятся даже: „Оце, чѐпурка!" говорятъ они женѣ, невѣсткѣ, или кто правитъ за хозяйку: „Проби—*зъ хаты*!.. не можна бачь, було пидождать до Велы́кодня!" и т. п. Если вамъ придется услышать отъ нихъ подобныя слова—не вѣрьте имъ: это или просто *брехня* (внутренняго смѣху ради, они очень любятъ иногда говорить не то, что думаютъ), или же минутная досада, вызванная необходимостью разстаться съ вѣчно-дорогимъ намъ лежаніемъ въ просѣ на печкѣ, и переспективою слоняться по двору и огороду, *на хо̀лоди та на лыхый годы̀ни*, за неимѣніемъ по близости, кума или свата, у котораго въ хатѣ не происходило бы то же самое, что и въ ихъ собственной. Повторяю еще разъ, не вѣрьте имъ въ подобныхъ случаяхъ; потому что и сами они очень-очень любятъ, когда уберутъ ихъ хаты *чѐпурно*, и они бы не такую пѣсню запѣли женѣ или невѣсткѣ, еслибъ она послушалась ихъ и оставила хату къ святкамъ неубранною. Жены ихъ и невѣстки очень хорошо это понимаютъ, и потому онѣ, обыкновенно *знающія строй*, и рѣдко осмѣливающіяся поднимать предъ ними голосъ,—на этотъ разъ когда услышатъ брань за чистоту,—о, какъ возвышаютъ его! „Ничого вже вамъ, татусю, мабуть, оце балакать! Идить же, идить, кажу, зъ хаты!" говорятъ онѣ; а мужу или брату: „Иды жъ, мени, кажу, зъ хаты! за добра̀ ума! Ато онъ ба̀чъ—кочерга?" И татусь, или мужъ или братъ, идутъ изъ хаты, насовывая на глаза шапку поглубже и будто сердито ворча: „Ну-ну-ну! ты мени, зна̀ешь?... не тее!" или: „Кочерга!!.. Гмъ, та въ кочергы̀ два киньци!" А какъ вый-

дутъ на дворъ или огородъ, и увидятъ кума или сосѣда, тоже на дворѣ или огородѣ: „Оце“, говорятъ: „хоть зъ двору тикай! Маруся таке мáзання пиднялa, що й виконъ не выдно!“, а кумъ или сватъ, съ своего двора или огорода: „та й моя Гàнна, теежъ—и шапкы нигде положыть!..“ И одинъ кумъ смотритъ въ воздушное пространство, а другой кумъ смотритъ въ пространство не воздушное, будто это они такъ себѣ, только подѣлились другъ съ другомъ ощущеніями, пожаловались другъ передъ другомъ на свою горькую долю, а не прихвастнули одинъ передъ другимъ, что, молъ, у меня невѣстка вонъ-какая, а у меня жена вонъ-что!... Какъ видите, тутъ всѣ настроены на одинъ тонъ: мои земляки понимаютъ своихъ женъ и невѣстокъ, жены ихъ и невѣстки понимаютъ своихъ мужей и свёкровъ, Ганна понимаетъ кума, кумъ понимаетъ Ганну—словомъ, всѣ понимаютъ другъ друга отлично [1]).

Рядомъ съ мàзаннямъ идетъ и *práття* (мытье бѣлья...)

Вы, мой, много видѣвшій и много путешествовавшій, читатель, ужъ вѣрно подумали: „Славное, молъ, должно быть мытье бѣлья у нихъ, у этихъ выпачканныхъ дёгтемъ чумаковъ! вотъ что встрѣчаешь по дорогѣ въ Крымъ или Одессу!“—правда подумали?... Но не такъ слѣдуетъ вамъ думать.... Дѣйствительно, тонкое бѣлье селянки-землячки мои вымыли бы скверно, а съ

---

[1]) Къ числу приготовленій хозяйки-украинки для убранства хаты къ Рождвяннымъ святкамъ, относится и приготовленіе или закупка *теремкúвъ*, бумажныхъ цвѣтовъ, для украшенія образовъ, и, вообще, для украшенія *пóкуття*. Но какъ обычай украшать теремками хаты долженъ быть признанъ обычаемъ по преимуществу *городскимъ* и обычаемъ селъ и и хуторовъ подгороднихъ, и какъ теремками, и вообще украшеніями изъ бумаги, хаты убираются чаще на *Велúкдень* (Свѣтлый праздникъ), чѣмъ на Рождвяни святки, то я здѣсь и оставляю ихъ въ сторонѣ. Придется говорить о Великодни—пожалуй разскажу тогда о теремкахъ. Равнымъ образомъ, оставляю пока въ сторонѣ и окончательныя приготовленія къ убранству хаты: разсказывать о нихъ я буду тогда, когда буду разсказывать о вечерѣ на Богàту кутю.

воротничками и манишками вашими онѣ и совсѣмъ не умѣли бы справиться. Впрочемъ, откуда имъ теперь и научиться этому! *Швабськи* полотна теперь туда не попадаютъ, а если и попадаютъ—не на что купить... Землячкамъ моимъ, остались для мытья только *десяткы, дванадцяткы*, а много-много *чотырнадцятки* (холстъ въ десять, двѣнадцать и четырнадцать пасомъ)! Затожъ онѣ моютъ ихъ усердно, очень усердно, и съ полнымъ знаніемъ дѣла!... И если бы вамъ, мой читатель, удалось увидѣть четырнадцятку такую хоть на рубахѣ, у какой-нибудь старушки, въ лѣтній праздникъ сидящей возлѣ хаты и грѣющейся на тепломъ солнцѣ, или у какого нибудь *отецького* сына, въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, безъ *каптанка* и въ широкихъ шараварахъ, выглянувшаго изъ коморы, посмотрѣть, отчего лаютъ собаки,—или же на цѣломъ роѣ дивчатъ, щебечущихъ и съ *граблямы* на плечахъ спѣшащихъ утромъ въ іюньскій понедѣльникъ, на гребовицу,—вы бы сказали—„батистъ!... снѣгъ!...“

Можете же себѣ представить послѣ этого, что за *працтя* бываетъ у насъ предъ Риздвянными святкамы, особенно если у хозяйки одна-двѣ *дочкы* на *выданню* (невѣсты), или два-три неженатые *сыны соколы́*!... Тутъ пускаются въ ходъ всѣ пріемы украинской стирки; тутъ моются и сорочки, и шаравары холщевые или пестрядевые, и *напирныкы* съ подушекъ (наволоки), и *ря́дна*, и *рушныкы*, и *намі́ткы*, гдѣ онѣ водятся (головной уборъ, въ настоящее время начинающій выходить изъ всеобщаго употребленія), и *очі́пкы*, и *хусткі́*, и т. д.,—словомъ, все, что́ только слѣдуетъ мыть, до послѣдней тряпки включительно, до послѣдняго *вііхтыка*, которымъ обтираютъ горшки, и остается къ празднику немытымъ только бѣлье, которое на ту пору бываетъ въ носкѣ, да и то только самонужнѣйшее, *абы якъ-небудь переходыть до свято́къ*.—Замѣчу еще, что въ основаніи всѣхъ этихъ хлопотъ о приведеніи въ чистоту бѣлья семьи лежитъ не то разсужденіе, что, дескать, „придутъ праздники, надобно запастись чистымъ бѣльемъ побольше; а мыть его праздниками и нельзя и некогда“,—нѣтъ! Во первыхъ, стирка бѣлья, по понятію украинцевъ, не изъ такихъ работъ, которыми нельзя было бы

заняться, напримѣръ, на второй день послѣ Новаго года, или даже и на четвертый день праздниковъ,—и, въ случаѣ надобности, они и занимаются въ эти дни. Во-вторыхъ, каждая хозяйка-украинка, если только средства и время ей позволяютъ, непремѣнно увеличитъ къ такому празднику, какъ Риздвяпни святкы, всѣ статьи бѣлья и для всѣхъ членовъ семьи, по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ, чтобъ къ празднику, каждому *булá новá сорóчка* и т. д. Всѣ эти хлопоты о приведенiи бѣлья въ чистоту, это всеобщее омовенiе, у насъ имѣетъ своимъ побужденiемъ одно: чтобы въ хатѣ было какъ можно менѣе грязи во время праздниковъ.

Наряды.—Вы, мои земляки и землячки, читающiе мое писанiе, вѣрно улыбнулись грустно, увидѣвъ выставленное тутъ *наряды?*... Понимаю, отчего у васъ грустная улыбка! Правда ваша!... какiе у насъ наряды! гдѣ намъ ихъ взять!... Мы бѣдны, очень бѣдны, совсѣмъ бѣдны! даже богатѣйшiе между нами,—мелкопомѣстное дворянство, городское козачество, мѣщанство и проч.—и тѣ бѣдны! Хлѣба у насъ много—не лѣнимся мы его пахать; и скотъ водится—отчего ему у насъ и не водиться? Но что въ этомъ проку! Земля наша велика и обильна, но *грóшей* въ ней нѣтъ, да и много кое-чего нѣтъ въ ней!

Я, напримѣлъ, козакъ, хозяинъ средней руки; у меня жена, сынъ двадцати лѣтъ, записанный въ ревизiю, и двое меньшихъ дѣтей. Въ этомъ году отъ кормовъ у меня останется пудовъ сто разнаго хлѣба—могу его продать. Цѣна, слава Богу, теперь не $4^1/_4$ коп. ср. за пудъ ржи, какъ было вотъ лѣтъ нѣсколько назадъ, а 10 коп. ср.; значитъ я выручу 10 р. ср. Ну, сапоговъ три пары, для меня, жены и сына, 1 р. 15 к. ср., пара,—3 р. 45 к.; пуда полтора соли—1 р. 80 к. ср.; дегтю ведро—1 р. ср.; водки и рыбы для косарей:—кто поможетъ мнѣ косовицу отбыть безъ водки и рыбы!—1 р. 25 к. ср. Много ли еще осталось? *Два рубля пятьдесятъ коп!!!*. А подушное за двѣ души, рекрутскiя и еще разныя тамъ!... *А присйпаетця чого* Старшина, Писарь, Голова, Окружный и проч. и проч!... А серпы *зуби́ть*, *соки́ру* новую купить, попамъ дать, желѣзо въ плугѣ порвется

и т. д. и т. д.. Ну, и „наша-жъ душа не зъ лопуцька [1]) и хоче того, що й людська“,—можетъ быть, хоть праздникомъ когда-нибудь, захочется выпить чарку водки!... Нѣтъ, жена моя, нѣтъ, мой сынъ, не будетъ вамъ зъ этомъ году обновки къ Риздвяннымъ сваткамъ! Можетъ быть, въ слѣдующемъ году удастся тебѣ, сынъ мой, больше принести денегъ съ заработковъ... можетъ быть, смогу продать одну другую овечку, продать *телйчку*, а можетъ быть и свинью: будемъ всѣ здоровы, и не придется откупать тебя, сынъ мой, отъ рекрутсва, или не случится что подобное—куплю вамъ тогда обновки, а теперь *дасби! выбачайте!...* [2])

Мы бѣдны и знаемъ, что „такъ горнуться, якъ одягнугьця“, но въ то же время любимъ, чтобы одёжка была по нашимъ ножкамъ, чтобы мы могли быть вездѣ *нами*, чтобы *свято* (праздникъ) могли мы чтить и въ одежѣ тѣмъ, что такъ дорого нашей душѣ—*звычайностю, охайностю.* И потому: во-первыхъ, мы завели у себя обычай,—если только средства сколько нибудь позволяютъ, имѣть двѣ перемѣны одёжи, старенькую—*про буден*, а новенькую—*про свято.* Вслѣдствіе такого обычая, мы носимъ платье не такъ, какъ носите его вы, господа и госпожи! Вы, господа, когда сошьете себѣ новое платье, новый корсетъ подъ жилетъ или подъ мундиръ, или вы, госпожи, какъ сдѣлаете себѣ новенькій бурнусъ или новый кринолинъ,—тотчасъ на себя, и на Невскій, и таскаете ихъ ежедневно до новаго корсета, до новаго кринолина, не разбирая ни *будня*, ни *свята*; мы же, какъ пошьемъ себѣ *керею* (свита), или сдѣлаемъ себѣ *нови запаскй*—тотчасъ ихъ въ *скрйню* (сундукъ) или въ *хужу* (чуланъ), и не прежде надѣваемъ ихъ, какъ наступитъ свято, къ которому они сдѣланы, и потомъ носимъ ихъ только въ свято, или же при событіяхъ нашей жизни, равняющихся, по нашему понятію, святу. Если средства намъ позволяютъ, мы даже такъ поступаемъ

---

[1]) *Лопуцёкъ*—очищенный, *облупленный* стволъ растеній, употребляемыхъ въ пищу, напримѣръ *козёльцивъ*.

[2]) Богъ дастъ! Извините!

съ одёжею: вмѣсто двухъ ея перемѣнъ, мы имѣемъ три (богачи-козаки имѣютъ иногда и гораздо больше, особенно по нѣкоторымъ статьямъ; напримѣръ, кожуховъ у иного наберется пять-шесть и даже больше; но мы говоримъ о массѣ населенія украинскаго): старенькую перемѣну для будня,—которая поновѣе—для обыкновенныхъ праздниковъ, а совершенно новая—для такихъ праздниковъ, какъ Риздвó или Велы́кдень, или для случаевъ, которые, по нашему понятію, равняются большому свя́ту.

Во вторыхъ, у насъ въ обычаѣ шить себѣ платье не сейчасъ, когда мы *спромогли́сь*, или когда намъ прійдетъ охота, а къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Риздвяннымъ праздникамъ или къ Велыкодню. До праздниковъ мы стараемся какъ-нибудь *проходыть*, обойтись старенькимъ. Если я еще весною *спромигся на лынтвари* (овечьи кожи) для женскаго кожуха и еще весною *почыни́въ* ихъ, кожуха женѣ я все-таки не сдѣлаю къ зимѣ, хоть ей и *на плечи ничого наки́нуть*, а сдѣлаю къ Риздвяннымъ святкамъ, а до того пусть *якъ-небудь проходыть*,—въ моемъ кожухѣ, въ дочкиномъ, что-ли. Такъ поступлю я и со всякаго рода одежою, и для всякаго члена моей семьи. Благодатный нашъ климатъ не будетъ особенною помѣхою, чтобъ, напримѣръ, сынъ мой Иванъ *прохóдывъ* осень и первые морозы зимы въ *шкарбана́хъ* (старыхъ и изорванныхъ сапогахъ); не будетъ помѣхою и мѣстное общественное мнѣніе, что, дескать, я хожу въ женином кожухѣ, или пятилѣтній мой Петрусь катаетъ бабы изъ снѣгу въ материныхъ сапогахъ, или на женѣ моей *кожуша́нка*—что называется „ла́та на ла́ти": мѣстное общественное мнѣніе посмѣялось бы надо мною тогда, когда бы я носилъ нищенскую одежу изъ скряжничества, посмѣялось бы какимъ-нибудь прозвищемъ, или чѣмъ либо подобнымъ, убійственнѣе, чѣмъ оно обыкновенно смѣется, такъ что хохотъ его послышался бы моимъ и внукамъ и правнукамъ. Но надъ тѣмъ, что я по нуждѣ хожу въ жениномъ кожухѣ, или что Ивану не шьются новые сапоги въ ожиданіи Риздвянныхъ святокъ, никто не посмѣется—мы всѣ хорошо знаемъ другъ друга, и

знаемъ, *що въ Хиври нема очіпка...* [1]) Притомъ, въ отвѣтъ нескромному и *незвычайному* зубоскалу, въ арсеналѣ нашей памяти, найдется много метательныхъ снарядовъ, придуманныхъ для подобныхъ случаевъ опытомъ вѣковъ: „скачы, враже, якъ панъ каже“, „нужда законъ зминя“, „сёго не знимуть, кращого не дадуть“ и т. п.

Обычай шить платье къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Ризду и къ Великодню, вполнѣ согласуется съ условіями нашего быта, теперь почти исключительно земледѣльческаго. Послѣ праздниковъ Рождества, у насъ главная молотьба, главная доставка хлѣба въ виннокуренные заводы и въ города; мы въ это время рубимъ и вывозимъ лѣсъ, хворостъ, лозу, запасаемся, гдѣ можно, очеретомъ, возимъ масло, сыръ, *дробину* въ такіе пункты продажи, какъ Кіевъ, Нѣжинъ, Черкассы, Кременчугъ, Харьковъ, и т. д. и т. д.,—словомъ, это не такое время, чтобы возиться съ *кравцямы* и *шевцямы*, тѣмъ болѣе, что наши *кравци* и *шевци* такіе же хлѣборобы, какъ и мы сами, и въ рабочую пору ни платья шить, ни сапоговъ тачать не захотятъ. Вотъ какъ *пустыть* снѣгъ и попортитъ дороги и *токы*, когда ни молотить, ни ѣздить нельзя, а плетни плести и сѣять еще не пришла пора,—тогда другое дѣло! тогда можно приняться и за *черевыкы*, и за *каптанкй*, и за *корсèты*, а кто спроможется—и за жупани и за шаравары, пестрядевые или китайчатые!... Послѣ Христова воскресенья снова работы на всю весну (за исключеніемъ короткаго промежутка времени около Духова дня)! на все лѣто и на всю осень—опять съ платьемъ возится некогда. А вотъ, какъ ужъ хлѣбъ на гумнѣ, и мы часть его помолотили для домашняго обихода и для первой продажи,—тогда можно приняться и за платье—этакъ къ Ризду, около средины *Пылипивкы* (Филиппова поста).

Къ Риздвяннымъ сваткамъ преимущественно приготовляются кожухи, *керèи*, свыты женскія и мужскія, *кожушàнкы*, *чòботы*,

---

[1]) «У Февроньи нѣтъ повойника». Поговорка эта имѣетъ значеніе, противоположное значенію поговоркѣ: «Знаю, що въ Кузьми е грошн, та... и т. д.» Знаю, что у Кузьмы есть деньги, но...

кажанкй (кожанокъ—баранья куртка; называется также и тужурбкъ) и такъ далѣе, словомъ, то, что носятъ по преимуществу, не лѣтомъ.

Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи, покупаетъ въ это время женѣ очипокъ или на очипокъ и т. п., а кто побогаче (читатель помнитъ вѣроятно, кого мы богатыми здѣсь разумѣемъ) кожухъ кроетъ новымъ сукномъ, шьетъ дочкѣ новую шубу на заячьемъ мѣху, покупаетъ новую шапку изъ сѣрыхъ смушкомъ.

Безъ сомнѣнія также, что слова: „Есть такой товаръ, противъ котораго не устоитъ никакая украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-*змѣйки* и серьги-*польки*... за которыя малороссійская крестьянка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіи года щетину, и птичье перо палое и щипаное, и многіе другіе предметы ея хозяйства, ей ничего не стоящіе“,—слова́, сказанныя авторомъ «Изслѣдованія о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ» вообще, больше всего оправдываются при наступленіи такихъ праздниковъ, какъ Риздвянны святки (по крайней мѣрѣ что касается до щетины, собираемой за вторую половину щетиннаго періода, т. е. съ начала лѣта до праздника Рождества): предстоитъ столько праздниковъ, а послѣ праздниковъ столько будетъ свадьбъ,—столько, значитъ, случаевъ показаться! *а мдже, й винъ прышле сватывъ!...* А влодѣи-*щетынныкы* и *коробейныкы*, то и дѣло, снуютъ, одинъ со двора, а другой въ дворъ! и *дукачи* у нихъ такіе, и *намыстà* (мониста), и кольца-змѣйки, и серьги-польки!

Пища и питье. Изъ съѣстныхъ припасовъ, которыми хозяйка-украинка старается запастись еще до наступленія Багатой кути, самые важные безъ всякаго сомнѣнія, припасы для приготовленія *кути* и *узвáра*. Какъ и когда они готовятся и ѣдятся, объ этомъ будетъ разсказано мною въ свое время; здѣсь я укажу только на матеріалы, нужные хозяйкѣ для ихъ приготовленія.

Для кути ей нужна непремѣнно крупа изъ пшеницы, приготовленная какъ перловая крупа изъ ячменя. Для этого берется хозяйкою самая лучшая пшеница, какая только у нея есть,

очищенная отъ *кукилю* и всякаго сору, перемытая, обыкновенно *тогордчня*, (т. е. нажатая въ томъ же самомъ году), и толчется въ *ножаній ступи* (не въ мельничной ступѣ, а въ такой, которая приводится въ движеніе человѣческими ногами), чтобы зерно не дробилось, какъ это иногда случается въ мельничныхъ ступахъ, и выходило бы круглое и чистое, что называется, какъ слеза. Приготовленную такимъ образомъ пшеничную крупу, называемую обыкновенно у насъ кутею, очищаютъ черезъ решето, и потомъ хранятъ, гдѣ слѣдуетъ, впредь до востребованія.

Впрочемъ, отъ этого общаго правила бываютъ отступленія! Какъ ни твердо держимся мы стародавнихъ обычаевъ, и какъ ни повсемѣстно у насъ вѣрованіе, что кутя должна быть непремѣнно изъ пшеничной крупы,—между горожанами такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Кіевъ и даже между *панкáмы* и *полýпанкамы* сельскими (сельскимъ мѣлкопомѣстнымъ дворянствомъ), встрѣчаются въ этомъ случаѣ прозелиты, которые, по примѣру иныхъ пановъ, готовятъ для себя кутю уже не изъ пшеничной крупы, а изъ рису. Далѣе, *биддóта*, у которой нѣтъ ни *жмѐни* (горсти) пшеницы, и которую очень-очень часто можно встрѣтить у насъ между крѣпостнымъ сословіемъ,—въ крайности, когда ужъ нѣтъ никакой возможности достать себѣ настоящей *кути*, приготовляетъ себѣ кутю изъ перловой крупы, называемой у насъ тоже *кутею*. Такого же обычая,—приготовлять кутю не изъ крупы пшеничной, а изъ перловой, держатся и иные панки и полупанки относительно своей дворни, подражая, конечно, и въ этомъ случаѣ примѣру иныхъ пановъ.

Приготовляя крупу для кути, хозяйка у насъ заботится еще и о медѣ. По стародавнему обычаю, мёдъ для кути, непремѣнно долженъ быть въ *сцильныкáхъ* (сотахъ), какъ можно, менѣе помятыхъ и, если возможно, приготовленныхъ пчелами изъ липоваго цвѣту, слѣдовательно бѣлыхъ, душистыхъ. Такими сотами запасаются, обыкновенно еще осенью, когда кладутъ ульи въ *бджоляныкы* [1]), а иногда и нарочито вынимаютъ оттуда пе-

[1]) Бджоляникъ—погребъ, въ которомъ ульи складываются на зиму.—Буквы *дж.* произносятся въ этомъ словѣ какъ италіянское *g* предъ мягкими гласными.

.редъ Багатою кутей намѣченный прежде улей и добываютъ изъ него сотовъ. Впрочемъ, обычай употреблять непремѣнно соты для кути, начинаетъ мало по малу у насъ исчезать.... Замѣтное уменьшеніе у насъ пчеловодства и повсемѣстное распространеніе бѣдности, заставили насъ обращаться къ медовой патокѣ—покупать ее въ городахъ, или у мѣстныхъ пасѣчниковъ, а чаще всего—доставать способомъ, о которомъ я скажу ниже.—Впрочемъ... если иной изъ моихъ бѣдныхъ земляковъ не въ состояніи себѣ добыть пшеничной крупы, то гдѣ же ему взять мёду!.. Ѣдятъ въ такомъ случаѣ и одну кутю, или съ маковымъ молокомъ, съ жижицею изъ узвару, а иногда ѣдятъ.... Я вамъ разскажу, какъ иногда ѣдятъ мои бѣдные земляки кутю при нуждѣ!

Ѣхалъ я однажды на Богату кутю изъ школъ домой. Въ дорогѣ захватила насъ сильная вьюга, и загнала въ одинъ степной шинокъ. Вхожу—цѣлая толпа народу, тоже путники. Сё, то, другое, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ начало темнѣть, скоро бы и за кутю пора. Принялись толковать и о кутѣ: что нельзя же намъ остаться безъ нея, надобно во что бы то ни стало достать,—толковали-толковали, и порѣшили обратиться къ хозяину, продай-молъ! «Святощивъ не продають (того, что свято, не продаютъ)!" лаконически отвѣчалъ намъ сѣдоволосый хозяинъ шинка.—„Такъ такъ дай, спасыби тоби!"—„Такъ—можна!" и, поворотившись къ своей старухѣ,—„Дасы имъ, стара, якъ будемо исты, на брата, по грудоцци [1]), та й по пивложкы сыты, и по ложци узвару!..." Съѣлъ старикъ съ своею семьею кутю, съѣли и мы каждый свою порцію, благодаримъ хозяина,—въ ворота стукъ! Цѣлый транспортъ привалилъ, и все таки наши земляки.—Обогрѣлись новопріѣзжіе, и какъ мы: „Будь ласковъ, дидусю!"—Нѣтъ кути!—Жалко было смотрѣть, въ какое бѣдные пришли уныніе! „Вотъ," „говорятъ, „какъ привелъ Богъ! хоть бы чужой, хоть бы по кусочку!"—Слушалъ-слушалъ ихъ старикъ: „Ну, говоритъ, коли ужъ вы люди такіе богобоязливые... обождите! Дай

---

1) По кусочку.

мнѣ, старуха, *лыхтарню* (фонарь), да не вымывай, миски, что ѣли кутю!" И взялъ фонарь и, поставивъ въ него *каганѐць* (особаго рода свѣтильнв), вышелъ изъ хаты. Чрезъ четверть часа онъ воротился съ кружкою яблочнаго квасу... вылилъ его въ миску, и поставилъ на столъ: „Поижте", говоритъ, „хоть оцёго замисць узвару,—стари люды тàкъ насъ вчылы, пры нужди (поѣжьте хоть этого вмѣсто узвару,—старые люди такъ насъ учили помогать себѣ въ нуждѣ)!" И новопріѣзжіе ѣли ложками квасъ, и благодарили Бога и старика, что и они, бѣдные путешественники, могли *встрѣтить* кутю!...

Хозяйки, собирающіяся готовить у себя кутю изъ пшеничной или перловой крупы, кромѣ крупы и мёду больше ничѣмъ не запасаются; но хозяйки, которыя *попаня̀чылысь, панàмы помàзались*, или (какъ выражаютъ еще иногда мои земляки подобный прозелитизмъ) *почортилы, забулы Бога, перевернулысь изъ людей въ чòрзнащо*, и т. п., т. е. такія хозяйки, которыя забыли *предковски звычаи,* и собираются сдѣлать у себя кутю изъ *рижу* (рису), тѣ, кромѣ рису, запасаются иногда и *родзы̀нкамы* (изюмомъ).

Второе мѣсто, послѣ запасовъ для кути и узвара, занимаетъ приготовленіе *мясы̀ва* (мясъ) для праздниковъ. Тутъ—кто во что гораздъ! Кто позажиточнѣе, *бьетъ* вола, корову, *телыцю*, (обыкновенно такихъ, которые оказываются почему либо неспособными для работы, для приплода, для продажи,—отъ которыхъ нельзя ждать *корысти*), и, если семья небольшая, часть мяса продается, а другая, замороженная, остается для домашняго обихода, и ею кормятся до великаго поста, а иногда еще солятъ и оставляютъ до Великодня. У кого много птицы, часть, назначаемую для домашняго употребленія (для продажи обыкновенно рѣжутъ послѣ праздниковъ, если, конечно, не продадутъ на мѣстѣ живьемъ), рѣжутъ всю передъ праздниками, и иногда даже за нѣсколько недѣль, если морозы хорошіе и постоянные, даже иногда предъ филипповымъ постомъ, чтобы заговѣть *дробыною*, а потомъ порѣзанную замораживаютъ и поступаютъ, какъ и съ замороженною говядиною. При этомъ (что впрочемъ

случается большею частью съ людьми менѣе зажиточными и нуждающимися въ деньгахъ для праздниковъ и текущихъ расходовъ), часть рѣзанной дробины, особенно гусей, и даже часть нерѣзанныхъ гусей, продается на *красныхъ торгахъ* въ городахъ. Кто же побѣднѣе—довольствуется одною-другою *гу́скою,* или *ку́ркою,* а кто и совсѣмъ бѣденъ, ничего не имѣетъ.... Ну, да вы, мой читатель, и сами хорошо знаете, что можно сдѣлать изъ ничего....

Но бѣденъ ли мой землякъ или нѣтъ, въ состояніи ли онъ что-нибудь зарѣзать въ это время изъ дробины, или не въ сосостояніи, но ужъ кабанъ, или свинья, или *пидсвынокъ,* или хоть *порося,* непремѣнно у него будутъ откормлены и заколоты къ *Риздву́.* Обычай этотъ до того повсемѣстенъ у насъ и до того намъ по сердцу, что даже жители уѣздныхъ нашихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, панства, держатся его почти всѣ безъ исключенія. А ужъ дѣтямъ-то дѣтямъ—куда какъ онъ по сердцу!.. въ переспективѣ, сало, колбасы, *кендюхъ* [1]), начиненный *грудни́ною,* кишки гречневыя или пшонныя, печонка и запекшаяся кровь, поджаренныя съ саломъ и т. п., а пока—пузырь, вымятый въ гречневой золѣ и наполненнныя горохомъ: и *торохта́ть* можно, и къ хвосту рудому коту привязать!... „Глядить же, мамо, розбудить мене завтра, якъ будуть кабана смалыть!... Чи розбудете га?.. Розбудыть же...“—«И мене, и мене!..»—«Добре, добре, спить вже!» и дѣти, малъ-мала меньше, сладко засыпаютъ, убаюкиваемыя радостною мыслію, что ихъ разбудятъ, и что они будутъ смотрѣть, какъ кабана будутъ смалить... И вотъ завтра, еще до разсвѣта, уже вся семья на огородѣ, или въ саду, или на берегу у рѣки, и смалятъ *кова́ного* или *билого....* На кованомъ или бѣломъ куча пылающей соломы; глава семьи расхаживаетъ и поправляетъ шестомъ огонь, дѣти какъ грибы вокругъ, а въ сторонкѣ мать.... А тамъ, подальше, тоже огонь и семья... на право—опять огонь и семья.... за рѣкой слышенъ лай собакъ.... на селѣ заблаговѣстили.... востокъ начинаетъ алѣть...

---

[1]) Брющцикъ.

Къ этимъ предметамъ заботливости хозяевъ-украинцевъ, готовящихси къ Риздвяннымъ святкамъ, надобно отнести и заботы о *горилци.*—Большое раздолье у насъ въ это время винокурнямъ и шинкамъ!.. берутъ горилку и бочками, и боченками и ведрами, и *пиввидрамы* или *пятырыкамы*, и квартами, и, можетъ быть только одна косовица въ состояніи потягаться въ этомъ отношеніи съ Риздвянными святками!.. И не удивительно! столько праздниковъ скопилось разомъ, притомъ между ними—есть нѣсколько такихъ праздниковъ, въ которые каждый украинецъ, даже не пьющій въ обыкновенное время водки, считаетъ своею непремѣнною, можно сказать, священною обязанностію, пить хоть по немногу. Сверхъ того, вслѣдъ за праздниками наступаютъ свадьбы и неразлучныя съ инми *добрйдни* (визиты жениха и невѣсты роднымъ и знакомымъ, послѣ свадьбы) и т. п.

Купленная горилка употребляется во время праздниковъ большею частію въ натуральномъ ея видѣ; тѣмъ не менѣе хозяйка у насъ, особенно зажиточная, непремѣнно постарается запастись ка Риздвяннымъ святкамъ разными настойками и *запиканками*, т. е. водкою, настоянною на какихъ-нибудь колоніальныхъ кореньяхъ, на печкѣ, въ горячемъ мѣстѣ, въ закупоренномъ или даже замазанномъ штофѣ, *бутели* и—постарается запастись любимыми нами *перчыкивкамы*, на струковатомъ или кругломъ перцѣ, *калганйвкамы*, *бодянивкамы* и т. д. и т д.

Мелкопомѣстное дворянство, знакомое съ *шпўнтамы* или *шпўнтушамы*, какъ называются у насъ пунши записными любителями этой заморщины, запаются въ это время и *двойною.*

Били васылькы, ладонъ и воскъ. Для чего намъ нужны во время праздниковъ Рождества бѣлые пахучіе васильки, ладонъ и воскъ—читатель узнаетъ въ свое время, здѣсь же мы должны только показать, какъ мы ихъ себѣ достаемъ, или лучше сказать, какъ мы достаемъ себѣ воскъ, потому что ладану, на грошъ, на два, мы очевидно должны купить у *крамаривъ*, или городскихъ, на *красныхъ торгахъ*, или же на какой-нибудь ярмаркѣ, а васильки ростутъ на нашихъ же огородахъ; еслижъ у насъ не наросли, то навѣрное наросли у *сусиды*, у кумы, или у свахи: *сёго дыва у насъ—абы хить*!

Пчеловодство у насъ, какъ я и выше сказалъ, падаетъ, число пасѣкъ годъ отъ году уменьшается; поэтому всей почти массѣ хозяекъ-украинокъ воскъ и мёдъ приходится доставать у другихъ. Конечно, въ города онѣ за этимъ рѣдко обращаются: зачѣмъ обращаться въ городъ, когда тутъ же на селѣ, или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ хуторѣ, есть, можетъ быть, у кого пасѣка! Притомъ, въ городѣ воскъ и мёдъ пріобрѣтаются на деньги, а мы готовы лучше въ три-дорога пріобрѣтать все, лишь бы только пріобрѣтать не на деньги, потому что, какъ, я уже сказалъ, земля наша велика и обильна но *грошей* у насъ нѣтъ!.. Хозяйки, у насъ, поэтому, мёдъ и воскъ вымѣниваютъ у мѣстныхъ владѣтелей пасѣкъ: на куръ, куриныя яйца и тому подобныя статьи женскаго хозяйства; но чаще всего вымѣниваютъ ихъ на свой трудъ, или, употребляя присвоенные этому акту мѣны мѣстные термины, объясняющіе и самое качество промѣниваемаго труда, *берутъ* воскъ и мёдъ, и особенно воскъ, на *пивмйтка,* на *мóтокъ,* на *сорочку,* т. е. обязываются пошить кому-нибудь рубаху или напрясть пивмитка или мотокъ пряжи (конечно изъ матеріаловъ дающаго мёдъ или воскъ), и берутъ за это извѣстное количество кусочковъ воску, или извѣстную мѣру мёду. Даже самую сдѣлку предлагаютъ въ такихъ терминахъ... „Дай“, говорятъ, „мнѣ воску, или мёду, на пивмитка или на сорочку!“ Къ распространенію обычая обмѣнивать, въ такой формѣ, трудъ на медъ и воскъ, немало, вѣроятно, способствовалъ другой обычай, существующій у моихъ дорогихъ земляковъ, именно обычай—въ трудныя и скорбныя минуты жизни давать обѣты ставить *Бóжи Матери, Спасйтелеви,* угодникамъ святымъ, свѣчи, собственноручно сдѣланныя, и изъ воску, *собственноручно заработаннаго,* и данные обѣты исполнять строго и буквально, хоть будь своего воску—куры не клюютъ, хоть пусть *гадюкы тутъ сычять* и не позволяютъ исполнить даннаго обѣта... потому что вѣруютъ мои дорогіе земляки и мои дорогія землячки—„хто ламає слово, той виру ламає, той душу ламає, той Бога ламає!...“

Такъ достаютъ себѣ медъ и воскъ мои землячки вообще, и такъ онѣ достаютъ ихъ предъ Рождественными святками по-преиму-

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Руководство къ обученію грамотѣ, составленное для малорусскихъ воскресныхъ школъ А. А. Потебней.

Въ нашу редакцію на дняхъ доставлена однимъ изъ давнихъ учениковъ покойнаго профессора А. А. Потебни интересная рукопись его, сохранившаяся въ автографѣ. Хотя рукопись имѣетъ спеціальный педагогическій характеръ, но мы считаемъ долгомъ помѣстить ее въ нашемъ журналѣ въ приложеніяхъ, такъ-какъ находимъ, что, помимо значенія ея для современной намъ жизни, она представляетъ большой интересъ, какъ матеріалъ, такъ сказать, историческій, свидѣтельствующій о томъ народническомъ настроеніи, которое и въ молодые годы было удѣломъ тогда только что начинавшаго свою ученую карьеру адъюнкта Харьковскаго Университета А. А. Потебни. Конечно, въ методахъ обученія грамотѣ за послѣднія 40 лѣтъ сдѣлано много шаговъ впередъ, но они относятся главнымъ образомъ къ обученію дѣтей, а не взрослыхъ: вѣдь у насъ и по сей день нѣтъ хорошо составленнаго руководства для учащихся въ воскресныхъ школахъ, особенно же въ примѣненіи къ разнымъ этнографическимъ единицамъ. Вотъ почему мы считаемъ, что особенную цѣну можетъ имѣть печатаемая нами рукопись, дающая богатый матеріалъ современнымъ составителямъ учебниковъ въ подборѣ чисто народныхъ поговорокъ, загадокъ и изреченій, пріуроченныхъ къ изучаемому новому звуку, а также дающихъ поводъ учащему сдѣлать самое обученіе не сухимъ, безжизненнымъ, а исполненнымъ тѣхъ осмы-

сляющихъ началъ, безъ которыхъ немыслима школа ни высшая, ни средняя, ни низшая.

Рукопись доставлена намъ при слѣдующемъ письмѣ владѣльца ея:

Въ редакцію „Кіевской Старины“.

Въ 186⁴/₅ г. покойнымъ Ал. Аѳ. Потебней подаренъ былъ мнѣ, въ рукописи его, малорусскій букварь, составленный по звуковому методу, съ конца 50-хъ годовъ входившему въ обиходъ при обученіи грамотѣ въ возникавшихъ въ Россіи воскресныхъ школахъ.

Какъ молодой ученый, идеально честный и правдивый человѣкъ, Ал. Аѳ. не могъ не принимать живаго участія въ мѣстныхъ воскресныхъ школахъ и личнымъ опытомъ убѣдился, что для большинства „воскресниковъ“, въ особенности изъ окраинъ Харькова, въ начальномъ обученіи настоятельно необходима родная рѣчь, чѣмъ и объясняется составленіе покойнымъ настоящаго букваря. Букварь этотъ, съ одобрительной помѣтой профессора Зернина, не былъ своевременно напечатанъ, вѣроятно, по причинамъ, отъ автора независѣвшимъ: то были тревожныя времена, когда даже массы цѣннаго этнографическаго матеріала сотлѣли въ нѣдрахъ земли совершенно безслѣдно и навсегда.

Передавая мнѣ свой букварь, будущій знаменитый философъ-филологъ, между прочимъ, какъ теперь помню, сказалъ: „возьмите себѣ этотъ набросокъ, быть можетъ онъ когда нибудь пригодится!“ Я тогда переписывалъ для печати знаменитое изслѣдованіе покойнаго „О полногласіи“.

Прошло 35 лѣтъ съ того времени. Дорогая рукопись, къ счастію, отыскалась въ моемъ книжномъ скарбѣ, и я теперь передаю ее въ распоряженіе редакціи „Кіев. Старины“, съ признательной памятью о незабвенномъ профессорѣ—другѣ.

В. Гаврышъ.

25 іюня 99 г. Каневъ.

Бай-ка, лайка, бі-йка, ря-бый, о-буй-ся. Объ Мы-ко-лы, тай ни-ко-лы. Грыбъ, лобъ, лубъ, зубъ, дубъ, го-лубъ, не-любъ, то-ди де-ры лубъ-я, якъ де-руть-ся. На без-рыбь-и и ракъ ры-ба. Ти-кай го-лый, бо об-де-руть. Об-ла-ва, бла-гос-ло-вить, об-ли-за, блы-ны, блызь-ко, об-лигъ об-ляг-ты, гре-бля, люб-лю, об-лу-да, блу-дыть, об-ру-бать, брусъ, об-ры-вать, брыль, брысь. Не влывъ, а вбрыз-кавъ, братъ, брать. До-бре ро-бы, доб-ре й бу-де. Доб-ре ис-ты, та вы-со-ко лиз-ты, грыб-кы, луб-кы, дуб-кы, го-луб-ка, дриб-но, буб-ны, довб-ня, довб-ты, куль-ба-ба, стриль-ба, юр-ба, вер-ба. Гор-ба-то-го до стины (пры-тулывъ). Горбъ, свадь-ба, дба-ю, и-зба, зба-влять.

П. Па-ра. Ни си-ло ни па-ло, дай, ба-бо, са-ло. Якый панъ, та-кый е-го крамъ. Ба-га-то па-нивъ, а на гре-блю й ни-ко-му. Ту-манъ по-ле по-кры-вае. Свое золото и въ по-пе-ли выд-но. Безъ Бо-га не до по-ро-га. По бо-ро-ди тек-ло, а въ ро-ти не бу-ло. Ка-ту-зи по за-слу-зи. По-са-ды дур-ня за стилъ, а винъ и но-гы на стилъ. Пе-ре-ме-лыть-ся, му-ка бу-де. Не бу-де ды-ва зъ се-го пы-ва. Якъ е бать-ко, то бывъ бы, а якъ не-ма, то ку-пывъ бы, та ни-де. Пы-сарь пы-савъ. Пу-га, пу-то, пъя-те-е ко-ле-со, пья-но-му мо-ре по ко-ли-на, Якъ бы знат-тя, де у-па-ду, пи-до-славъ бы со-ло-мы. *Заг.* Хо-ро-шій то-варъ зпидъ зем-ли йде.

Ко-пай яму, пый воду, на-пій коня, рыпъ у две-ри, сыпъ ме-ду, крупъ, рыба, по-рогъ, снипъ, со-ло-ма, сто-кипъ. Коли не пипъ, той не вби-рай-ся у ры-зы. Теп-ло, дупло, пла-кать, пла-вать, плести, плугъ, рып-лять две-ри. Скры-плять во-ро-та. Не плюй у ко-ло-дезь, сплю. Правъ, якъ ду-га. Не все ко-ту мас-ны-ця: прый-де се-ре-да й пьят-ны-ця. На-няв-ся—про-дав-ся. *Заг.* Ля-гла Га-ся, про-стя-гла-ся, а якъ у-ста-не, то не-ба до-ста-не. По-га-на спра-ва ко-ло дядь-ко-во-го воза. Ко-луп-ны гли-ны, на-пны свы-ту, на пни про-дать, лап-ка, лыпка, Не все зъ ры-бко-ю: ин-ко-лы зъ рипкою. *Заг.* Биглы

два псы, по-за-ды-ра-лы но-сы (по-лозь-я) Сто-ять сто-впы, ні-якъ не до-тов-плюсь. Не-ма впы-ну вдо-вы-ному сы-ну. Стовпъ до не-ба. Гор-пы-на, тер-плю го-ре, терп-кый, пи-сля Спа-са, ля-гай спа-ты, нумъ спи-вать.

Х. Ха-та, ха-ля-ва, До-ма-ха, му-ха, пря-ха. Ты-ха во-да гре-бли рве. Изъ-за го-ры ви-тэръ віе, бе-ре-зонь-ку хы-лыть. Хи-ма, му-хы, Хо-ма та Яре-ма, хортъ. По-ва-дыв-ся ку-холь по во-ду хо-ди-ты, по-кы ему у-хо зло-млять. По-на-ды-лась со-ба-ка за во-зомъ хо-ды-ты, тай за саньми не вы-тер-пыть. За дур-но-ю го-ло-во-ю та но-гамъ лы-хо. Го-во-ры Клы-ме: хай тво-е не гы-не. Мовъ о-ро-хомъ объ сти-ну, бу-ло хо-дымъ, ху-ру го-нымъ, ли-ха хур-то-вы-на.

Хай е-му ле-гень-ко зга-да-ет-ся. Лю-дей слу-хай, а свій ро-зумъ май. Хоть го-лый, такъ у пид-вьяз-кахъ. На сло-вахъ, якъ на вир-га-нахъ. Свій, не свій, а у го-рохъ не лизь. О-бухъ на ляхъ, михъ, лёхъ, нюхъ. Го-лод-ній ку-ми хлибъ на у-ми, хло-сту дать, сы-за хма-ра, я-рый хмиль, за-ва-ле-на до-ро-га хмы-зомъ, хра-мать, хрестъ, кистќы хру-стять. По-кы хваль-ко на-хва-лыть-ся, будь-ко на-бу-дет-ся. Хве-диръ, хво-ро-ба, хвистъ. Зъ брех-ни лю-де не мруть, та у дру-ге имъ ви-ры не ймутъ. Хны-кать. Хто не слу-ха-е та-та, той по-слу-ха-е ка-та. Хто ро-быть, той ма-е, хто ра-но вста-е, то-му й Богъ да-е. Пры-мха, верхъ, вильха.

Ж. О-са жа-лыть, ме-жа, ро-жа. Не мо-ре то-пыть,— калю-жа. У-же. Заг. Од-но ка-же: „сви-тай Бо-же", друге каже: „не дай Бо-же", тре-те ка-же: „ме-ни все од-на-ково (чи въ день чи въ но-чи)" (вик-но, две-ри, сво-локъ). Бе-ре-же-но-го й Богъ бе-ре-же. Ро-бы, не-бо-же, то-й Богъ по-мо-же. Чу-же пе-ре-сту-пы, та не беры. За мо-е жы-то, та ме-не и бы-то. Со-ба-ка на си-ни ле-жыть, са-ма си-на не исть, и дру-гымъ не да-е. *Заг.* За-га-да-ю за-гад-ку, за-кы-ну за грядку, не-хай мо-я за-гад-ка годъ до го-ду ле-жыть (жы-то по-сія-не). По-га-но-му жы-во-ту

й пы-ро-гы ва-дя-ть, жов-та мидь, жо-лудь. По не-во-ли па-ни ходыть у жу-па-ни: бо свы-ты кат-ма. До Свя-того Ду-ха не кы-дай ко-жу-ха, а по свя-тимъ ду-си у тимъ же ко-жу-си. Ка-завъ панъ: „ко-жухъ, дамъ", тай сло-во его те-пле. Зна-ты свое до-бро и въ ка-лю-жи.

Не вва-жай на вро-жай: сій жы-то, хлибъ бу-де. На чу-жый трудъ ла-сый не будь. Хлибъ—силь ижъ, а правду рижъ *Заг.* Межъ тре-мя ду-ба-мы за-вья-зло те-ля зубамы (со-ки-ра). Збиж-жя, за-миж-жя, важ-но, мож-но, жны-во, иж-мо; мок-рый—хоть вы-жмы, жре, а не исть, тыж-день. Не знавъ ко-закъ ни го-ря, ни нуж-ды. Два тре-тё-го не ждуть. За-пы-сав-ся, о-хо-то-ю въ служ-бу. Ко-лы медъ, то и лож-ко-ю. Колы до Ивана просо въ ложку, то буде и въ ложку. До-ро-га лож-ка до о-би-да, до-ро-гый, якъ за де-неж-ку пи-сто-леть. На дво-ри имъ жыть. Изъ нымъ дру-жы а ка-мень за па-зу-хою дер-жы. Ой кинь и-рже, тра-ва вьяне, вже пиз-но. Безъ пид-жо-гы и дро-ва не го-ря-ть, о-же-ре-ло, ожиг-нуты. Бджо-ла каже: „кор-мы ме-ни до Йва-на, а я те-бе о-дягну, якъ па-на".

Ш. Ша-нуй го-ры й мо-сты. На зло-дію шап-ка горытъ. До-брав-ся якъ вовкъ до ко-ша-ры, про вовка помовка, а вовкъ у кошари. Въ ре-ше-ти во-ду но-сыть. *Заг.* Ле-тивъ птахъ о ше-сты но-гахъ, тай сивъ на мо-гы-ли: „Боже ты мій мы-лый от-туть, моя сыла огнемъ погорила" (бджола, церква й воскова свичка). „Хто до каши?"—я!.— А товк-ти? Озы-вай-тесь (*ще*) хто. Знай, ля-ше, по-кы на-ше (по Случъ наше). У ба-за-ри два дур-ня: одинъ де-ше-во дае, дру-гый до-ро-го про-сыть. Шы-ты, би-лыты: зав-тра Ве-лыкдень. Про-па-лы, якъ ру-ди мы-ши. Добро пушыть лыхо сушыть. Дай Бо-же на-шо-му те-ля-ти вов-ка пій-ма-ты. Ой не шу-мы, лу-же, ты зе-ле-ный га-ю.

Не ми-шай-ся межъ чу-жи лы-ка. Ку-пывъ бы се-ло, та гро-шей го-ло. Въ яр-ма-рокъ безъ гро-шей—до до-му по-ро-жній. Брех-не-ю свитъ прой-дешъ, та на-за-дъ не

вер-нес-ся. Не вжа-лу-ешъ бать-ка въ най-махъ. Вид-ри-за-на скы-ба видъ хли-ба, то вже не пры-ту-лышъ. У хли-ба ниж-кы ко-ро-тень-ки, а якъ по-би-жыть (якъ упу-стымъ), то й дов-гы-мы не пе-ре-же-нешъ. Дер-жыт-ся, якъ вошъ ко-жу-ха. Де-ше-ва рыб-ка, по-га-на юш-ка. Ку-пывъ ко-та въ миш-ку. Бод-рыт-ся мовъ шку-ратъ на вог-ни. Зъ од-но-го во-ла по дви шку-ры не де-руть. Такъ радъ, якъ то-риш-не-му сни-го-ви. На-ля-кавъ михъ, то й тор-бы страш-но. *Заг.* За ли-сомъ, за про-ли-сомъ шнуръ плят-тя вы-сыть (у-си зу-бы). Доб-ре изъ гриш-мы. Гриш-ва. Прот-вы. Вы-ми-нявъ шы-ло за швай-ку. Про-павъ якъ Шведъ пидъ Полтавою. Пош-лы дур-но-го, а за нымъ дру-го-го. Не взяв-шысь за со-кы-ру, ха-ты не зро-бышь. Бильшъ ковша лы-ха не бу-де. Пер-шо-го тор-гу не кы-дай-ся. Хоть гир-ше, та ин-ше. На-смі-я-ла-ся вер-ша бо-ло-ту, о-гля-ну-лась, — и са-ма въ бо-ло-ти. Крип-ше. Лап-ша. И ду-рень ка-ши на-ва-рыть, абы пшо-но та са-ло. Ба-ба зъ во-за, ко-бы-ли лех-ше.

Ч. Ча-сомъ зъ ква-сомъ, по-ро-ю зъ во-до-ю, не и-ла ду-ша ча-сны-ку, не бу-де й во-ня-ты. Че-резъ пень ко-ло-ду ва-лыть. Ко-лыбъ Богъ слу-хавъ че-ред-ны-ка, то за ли-то-бъ у-ся че-ре-да вы-дох-ла. По-ло-вы-на сви-та пла-че, по-ло-вы-на ска-че. Швыд-кый, якъ че-ре-па-ха. Безъ ха-зя-ина и то-варъ пла-че, а безъ ха-зяй-кы ха-та. На ли-че-ній ко-бы-ли не да-ле-ко по-и-дешъ. На чы-имъ во-зи сы-дышъ, то-го й во-лю во-лышъ. Чымъ ха-та ба-га-та, тымъ и ра-да. Не вга-да-ешъ по-ло-вы-ны зъ ду-ба ле-тя-чы. На-ско-чы-ла ко-са на ка-мень. Правда (письмо) очи ко-ле. Думка за мо-ремъ, а смерть за пле-чы-ма. Дви-чи лы-ха не бу-вае. Тры-чи зми-ряй, а разъ вид-рижъ. Гро-мада ве-лы-кій чо-ло-викъ *Заг.* Би-ла-рил-ля, чо-рне на-син-ня (бу-ма-га та пись-мо).

Вов-ка въ плугъ, а винъ къ чор-ту въ лугъ. Бо-дай

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 30. 40. 50. 60. 70. 80. 90. 100.

а, е, и, о, у,
я, є, ї, ё, ю.

М. Мо-я, ма-ма. Ма-ю ма-му. Мое-ю ма-мо-ю. Я-ма, и-мо, ё-му, мы-мо, у-мі-е-мо, умі-ю, у-мы-ю.

Аи, ай, ой, ей, май, мый, у-мый, мій, умій. Умъ, имъ, у-мі-емъ.

Л. Ла-ю, ла-ма-ю, ма-ла-я, ма-ло, мы-ло, ло-мы ло́-ю, а-лы-лу-я. Ля-ля, мы-ля, ме-лю, лю-ля, мо-лю, ма-лю-ю, мы-лу-ю, о-лі-я, ма-лю-е-мо, мы-лу-е-мо,

Лай, лый, ма-лый, мы-лый, лій, у-лій, мы-луй, ма-люй.

Мыль, мыль, миль, ме-лемъ, мо-лымъ, ломъ, ло-млю, млі-ю, уль-ли, мы-ля.

Р. Ра-ломъ, о-ра-лы, ма-ра, ми-ра, ли-ра, ми-ро-ю, ры-ю, гри-ло, о-ры, я-ры, о-ре, мо-ре, о-рю, рю-ма-е, Ма-рі-я.

Рай, рый, Ю-рій, рій, ми-ряй, яръ, еръ (ъ), ерь (ь), мыръ, мирь, (ми-ряй), ма-ляръ, ри-марь, яр-мо, Ер-мо-лай.

В. Ва-ва, ва-рю, ва-лю, мо-ва, ла-ва, о-лы-ва, ве-лю, вы-ю. вы-лы, вы-рій, ло-вы, во-ва, во-лы, во-ля, о-лы-во, ва-ры-во, ві-ю, ви-ру-ю, вилъ, ре-ку.

Вы-ли-вай, вый, ли-вый, вій, вій-я, ивъ, ве-ливъ, ва-рывъ, мавъ, левъ, вы-мывъ, ривъ, рывъ, ма-лю-вавъ.

Вар-ва-ра, и-рва-ла, вы-рва-ла, въ мыру, въ міру, вмеръ, въ ли-во, ло-влю, мо-влявъ,

Н. На мо-ри, во-на, ма-лы-на, во-ро-на, но-вы-на, не-ма-е въ ме-не ны-вы, ла-ны, ны-ю, ли-ны-вій, по-ра,

ра-но, во-но, вы-но, ну-мо, ни, ни-ма-я, ме-ни, лы-ні-я, лы-ні-ю, ня-ня, ня-ню, во-ня-е.

Мы-най, Ной, ми-няй, ни-мый, ланъ, ро-менъ, лынъ, а-минь, винъ, ре-минь, лёнъ, ре-мин-ный, ви-рно, мир-но мар-но, ум-но, мно-ю, мня-ло, рив-но, имен-ня, и-льня-ный,

З. За мно-ю, ло-за, за-но-за, ры-за, зе-мля, зе-ле-но, о-зе-ро, зо-ря, ли-зу, а-ни ра-зу, зи-ма, зиль-ля ва-ры-ла.

Вы-ли-зай-мо зъ ямы, за-ймы во-лы, не-ймы ви-ры, азъ, разъ, мо-розъ, за-мо-розь. Я лизъ, ты лизъ, заразъ, визъ. Изъ-за ло-зы, возь-ми, из-ме-лы, зме-лы, зми-ряй, змі-я, роз-мо-ва, роз-ва-лы, зва-лы, во-на зва-ла, зва-рю, зво-ню, вы-зво-лю, зла-мавъ, роз-ла-мавъ, злый, риз-но, зна-ю, роз-ри-за-лы, зрісъ.

С. Са-мо, са-ло, са-ны не визъ, о-са, ро-са змы-е, ла-са, се-ло не се-ло, Се-менъ оре, сыны мои, сызый, сы-ва-я зозуля, сы-не мо-ре, у-си, не-сы, ми-сы, и-сы, еси, со-ва, не до со-лы, сы-ла со-ло-му ло-ме, со-ромъ, Су-ла, су-лі-я, Су-мы, не-су, си-но, се-му, во-лу.

Сей, сеймъ, лысый, вилъ, ла-сый, сій си-мья, у насъ, о-весъ, у-весь, у васъ, ось, зла-ма-лось, во-лосъ, лисъ, вы-рись, а у-ма не вы-нисъ, усъ, насъ ловлятъ, ма-сло, ве-сло, не-сло, сло-во, сла-ва, о-слинъ, слы-ва, вес-на, яс-на, ряс-но, о-сно-ва, сны-лось, сну-ю, лисъ, ма-лый, сма-лы, смо-ла, сми-лый, возь-мы у лисъ волы, сво-и, свини, о-весъ, вив-са. Не ивъ зо-мливъ, на-ив-ся—зва-лывся, изъ села, зъ села.

Г. Га-ля, га-манъ, га-лунъ, мы-га-е, но-гы, гы-ря. Лы-са го-ра, ма-ло го-ря, га-сы о-гонь, го-во-рю, го-ві-ю, го-ло-ва, го-минъ, у се-ли, гы-ля гу-сы, гу-ля-ю.

Зе-ле-ный гай, ля-гай рано, гей волы, мыгъ, лугъ, лигъ, мигъ, мыгну, гну, гній, гны-лый, лугъ, ла-ма-е, глазъ, глы-на, глумъ, не глу-зуй зъ е-го, глянь, лягла, гра-ю, гры-ву, за-грузъ, гриз-ный, гримъ, грязь, Ив-га, не вга-вае, ор-ганъ, мор-га-ю.

К. Ка-лы-на, ка-ли-ка, ка-зна, ру-ка, му-ка, на-у-ка со-ро-ка, о-сы-на, кы-ва-е го-ло-во-ю, ки-силъ, Кы-ивъ, гу-кы, ра-кы, со-кы-ра, ко-са, ко-ра, ко-за, ко-за-кы, ко-ле-со, ко-мо-ра. Я-ке ко-рин-ня, (таке) на-сін-ня, о-ко, в-ико, лы-ко, мо-ло-ко, ни-ко-лы, ку-ры, ма-ку, ру-ка ру-ку мы-е. На ру-ку ко-винь-ка. Е въ глеку мо-ло-ко, (та) го-ло-ва не вли-зе. Голою рукою не займай. Гу-кай на во-лы. Кый, я-кый, куй за-лизо. Якъ, ка-юкъ, макъ, ракъ, гу-сакъ, ма-слакъ, ко-закъ, ви-нykъ, яр-лыкъ. Ко-лы не ко-валь, и рукъ не ка-ляй. Лукъ, сукъ, со-рокъ, ки-локъ, рикъ, викъ, ликъ. Сире сукно ли-зе въ вик-но (ра-нокъ, свитъ). Кныга, князь, ракъ ли-зе, клюй. Во-ронъ во-ро-ну о-ка не вы-клю-е, кля-ну, якъ ракъ, кра-ю, край, и къ Рыму, у Крымъ, кры-ло, прі-ю, кри-во, кре-минь, кре-са-ло, и-кра, ис-кра, скры-ня, скризь, мыс-ка, ска-мья, скиль-ко, Ро-меньськый, Рим-ськый, и къ вамъ, квасъ, про-ква, верёвска, ныв-ка. На вов-ка (по-мовка), вовкъ, мам-ка, рын-ка, скрынь-ка. Гал-ка, гил-ка, Галь-ка, люль-ка, гулькъ, гир-ка, гир-ко, ны-зько склызь-ко.

Д. Да-ю, да-ле-ко, зе-ле-на ро-са-да, ве-лы-ка ко-ло-да [1]). Коляда, вы-со-ке де-ре-во, ко-закъ и-де, зе-мля гу-де, де-ру ку-де-лю. Я-зыкъ до Кы-е-ва до-ве-де, и до кы-я, до-ю ко-ро-ву, гир-ка до-ля, до-лы-на, до-ло-ня, ве-лы-ка до-ро-га, до-мо-вы-на, дов-го, се-ре-ди-на, га-ды-на, го-ды-на, си-рый дымъ, ду-ля, ду-ма. Дур-но-му го-ря не-мае. И-ду, и-ду, ни ко-лисъ, ни слиду (чо-венъ). Дя-ку-ю лю-дямъ, у не-ди-лю ни до ди-ла,

Дай Боже!—Робы небоже. Лю-дей, мо-ло-дый, го-дуй, ра-дуй-ся, ко-ло-дій. Садъ, ладъ, ве-редъ, выдъ, на-родъ, годъ, го-родъ, судъ, рядъ, ридъ, глидъ, мидь, суд-дя. Надъ моремъ, подъ ме-не, на дме, на-дму, видь-ма, идь-мо, рид-на ро-ды-на, ряд-но, выд-но, од-но, зло, вид-ри-завъ. надъ ри-ко-ю. дри-ма-ю, ви-дро, дрань, другый, дрюкъ,

[1]) Дарма Ярма, абы волы булы.

над-ло-млю, си-дло, надъ во-до-ю, дво-е, два, дви-ръ, глад-ко, со-лод-ко, рид-ко, дядь-ко, редь-ка, роз-даю, здо-ровъ, звиз-да, гни-здо, глуздъ, гараздъ. ор-да, вда-рю.

Т. Та-та-рынъ, та-ланъ, Та-расъ, во-ро-та, ро-кы-та, зе-ле-на ру-та, кру-та мья-та, я-ки са-ны, та-ки й са-мы. Де-ся-та во-да на ки-се-ли. Е са-ло, та не для ко-та, те-ля-та, те-не-та, те-ре-за. Ку-ля мы-не, а ме-те-ры-не сло во не мы-не, на-те, ну-те, ма-ты, мы-ле вов-ку те-ля, та де е-го взя-ты? то-ло-ка, ли-то, зо-ло-то, ту-та, ту-да. *Загадка.* Ме-ту, ме-ту, не вы-ме-ту; не су, не-су, не вы-не-су, тям-лю, би-ле ти-ло, ти-мья, тю-тюнъ.

Сви-тай, ди-тей, зо-ло-тый, катъ, гарь. Во-ро-на ма-лень-ка, та ротъ ве-ли-кій, мо-лотъ, мо-лоть. *У* во-ди не то-не, у вог-ни не го-рыть. Сви-тыть, та не грі-е (мисяць). Кумъ, китъ, вор-китъ, де-вьять, де-сять, сим-де-сятъ. Вов-ка но-гы го-ду-ють, смит-тя, золот-тя. Сви-тло, ко-тлы, метла, тра-ва, тры, тро-е, тре-тій. Ку-ды гол-ка, ту-ды й ныт-ка. Лыт-ва. Ма-те-рын-ська мо-лы-тва зо дна мо-ря вы-йма-е, тво-я во-ля, вес-ты, нес-лы, тіе-то, сто, якъ вы-ро-сте на до-ло-ни во-лос-ся, *Загадка.* Сто-ить стри-ла се редъ дво-ра, а въ тій стри-ли, сим-сотъ и дви. До-ма й сти-ны по-ма-га-ють. За симъ верстъ ки-си-ля і-сты, тяг-ты мог-ты, ковтать, ви-второкъ, вер-тать, за-мер-ты.

Б. Сер-ды-ла ся ба-ба на торгъ, а торгъ (про те) и не зна. Ве-лы-ка до не-ба, та дур-на, якъ тре-ба. Ни ры-ба, ни мъя-со. *Заг.* У Кы-е-ви дрова рубають, а на у-весь мыръ трис-кы летять (дзвинъ и луна). Не-во-ле ю тиль-ко та-та-ры бе-руть, гу-бы, зу-бы, лю-бы, бо-ло-то, бо-ро-на. Су-бо-та не ро-бо-та. За сы-ро-то-ю Богъ зъ ка-лы-тою. То-варъ у во-зи, а на ді-я у Бо-зи *Заг.* Сто-ить дидъ надъ во-до ю, ко-лыва е бо-ро-до-ю (очеретъ). Не бу-де Га-ля, бу-де дру-га-я, зъ ду-ру якъ зъ ду-бу. Симъ рикъ ма-ку не ро-ды-ло, та го-ло-ду не бу-ло. Не ра-зомъ Кра-кивъ збу-до-ва-ный, але сла-венъ. Тре-ба, якъ биль-мо у во-ко.

Бай-ка, лайка, бі-йка, ря-бый, о-буй-ся. Объ Мыко-лы, тай ни-ко-лы. Грыбъ, лобъ, лубъ, зубъ, дубъ, голубъ, не-любъ, то-ди де-ры лубъ-я, якъ де-руть-ся. На без-рыбь-и и ракъ ры-ба. Ти-кай го-лый, бо об-де-руть. Об-ла-ва, бла-гос-ло-вить, об-ли-за, блы-ны, блызь-ко, облигъ об-ляг-ты, гре-бля, люб-лю, об-лу-да, блу-дыть, об-рубать, брусъ, об-ры-вать, брыль, брысь. Не влывъ, а вбрызкавъ, братъ, брать. До-бре ро-бы, доб-ре й бу-де. Доб-ре ис-ты, та вы-со-ко лиз-ты, грыб-кы, луб-кы, дуб-кы, голуб-ка, дриб-но, буб-ны, довб-ня, довб-ты, куль-ба-ба, стриль-ба, юр-ба, вер-ба. Гор-ба-то-го до стины (прытулывъ). Горбъ, свадь-ба, дба-ю, и-зба, зба-влять.

П. Па-ра. Ни си-ло ни па-ло, дай, ба-бо, са-ло. Якый панъ, та-кый е-го крамъ. Ба-га-то па-нивъ, а на гре-блю й ни-ко-му. Ту-манъ по-ле по-кры-вае. Свое золото и въ по-пе-ли выд-но. Безъ Бо-га не до по-ро-га. По бо-ро-ди тек-ло, а въ ро-ти не бу-ло. Ка-ту-зи по за-слу-зи. По-са-ды дур-ня за стилъ, а винъ и но-гы на стилъ. Пе-ре-ме-лыть-ся, му-ка бу-де. Не бу-де ды-ва зъ се-го пы-ва. Якъ е бать-ко, то бывъ бы, а якъ не-ма, то ку-пывъ бы, та ни-де. Пы-сарь пы-савъ. Пу-га, пу-то, пъя-те-е ко-ле-со, пья-но-му мо-ре по ко-ли-на, Якъ бы знат-тя, де у-па-ду, пи-до-славъ бы со-ло-мы. *Заг.* Хо-ро-шій то-варъ зпидъ зем-ли йде.

Ко-пай яму, пый воду, на-пій коня, рыпъ у две-ри, сыпъ ме-ду, крупъ, рыба, по-рогъ, снипъ, со-ло-ма, сто-кипъ. Коли не пипъ, той не вби-рай-ся у ры-зы. Теп-ло, дупло, пла-кать, пла-вать, плести, плугъ, рып-лять две-ри. Скры-плять во-ро-та. Не плюй у ко-ло-дезь, сплю. Правъ, якъ ду-га. Не все ко-ту мас-ны-ця: прый-де се-ре-да й пьят-ны-ця. На-няв-ся—про-дав-ся. *Заг.* Ля-гла Га-ся, про-стя-гла-ся, а якъ у-ста-не, то не-ба до-ста-не. По-га-на спра-ва ко-ло дядь-ко-во-го воза. Ко-луп-ны гли-ны, на-пны свы-ту, на пни про-дать, лап-ка, лыпка, Не все зъ ры-бко-ю: ин-ко-лы зъ рипкою. *Заг.* Биглы

два псы, по-за-ды-ра-лы но-сы (по-лозь-я) Сто-ять сто-впы, ні-якъ не до-тов-плюсь. Не-ма впы-ну вдо-вы-ному сы-ну. Стовпъ до не-ба. Гор-пы-на, тер-плю го-ре, терп-кый, пи-сля Спа-са, ля-гай спа-ты, нумъ спи-вать.

Х. Ха-та, ха-ля-ва, До-ма-ха, му-ха, пря-ха. Ты-ха во-да гре-бли рве. Изъ-за го-ры ви-тэръ віе, бе-ре-зонь-ку хы-лыть. Хи-ма, му-хы, Хо-ма та Яре-ма, хортъ. По-ва-дыв-ся ку-холь по во-ду хо-ди-ты, по-кы ему у-хо зло-млять. По-на-ды-лась со-ба-ка за во-зомъ хо-ды-ты, тай за саньми не вы-тер-пыть. За дур-но-ю го-ло-во-ю та но-гамъ лы-хо. Го-во-ры Клы-ме: хай тво-е не гы-не. Мовъ о-ро-хомъ объ сти-ну, бу-ло хо-дымъ, ху-ру го-нымъ, ли-ха хур-то-вы-на.

Хай е-му ле-гень-ко зга-да-ет-ся. Лю-дей слу-хай, а свій ро-зумъ май. Хоть го-лый, такъ у пид-вьяз-кахъ. На сло-вахъ, якъ на вир-га-нахъ. Свій, не свій, а у го-рохъ не лизь. О-бухъ на ляхъ, михъ, лёхъ, нюхъ. Го-лод-ній ку-ми хлибъ на у-ми, хло-сту дать, сы-за хма-ра, я-рый хмиль, за-ва-ле-на до-ро-га хмы-зомъ, хра-мать, хрестъ, кисткы хру-стять. По-кы хваль-ко на-хва-лыть-ся, будь-ко на-бу-дет-ся. Хве-диръ, хво-ро-ба, хвистъ. Зъ брех-ни лю-де не мруть, та у дру-ге имъ ви-ры не ймутъ. Хны-кать. Хто не слу-ха-е та-та, той по-слу-ха-е ка-та. Хто ро-быть, той ма-е, хто ра-но вста-е, то-му й Богъ да-е. Пры-мха, верхъ, вильха.

Ж. О-са жа-лыть, ме-жа, ро-жа. Не мо-ре то-пыть,— калю-жа. У-же. Заг. Од-но ка-же: „сви-тай Бо-же“, друге каже: „не дай Бо-же“, тре-те ка-же: „ме-ни все од-на-ково (чи въ день чи въ но-чи)“ (вик-но, две-ри, сво-локъ). Бе-ре-же-но-го й Богъ бе-ре-же. Ро-бы, не-бо-же, то-й Богъ по-мо-же. Чу-же пе-ре-сту-пы, та не беры. За мо-е жы-то, та ме-не и бы-то. Со-ба-ка на си-ни ле-жыть, са-ма си-на не исть, и дру-гымъ не да-е. *Заг.* За-га-да-ю за-гад-ку, за-кы-ну за грядку, не-хай мо-я за-гад-ка годъ до го-ду ле-жыть (жы-то по-сія-не). По-га-но-му жы-во-ту

й пы-ро-гы ва-дя-ть, жов-та мидь, жо-лудь. По не-во-ли па-ни хо-дыть у жу-па-ни: бо свы-ты кат-ма. До Свя-то-го Ду-ха не кы-дай ко-жу-ха, а по свя-тимъ ду-си у тимъ же ко-жу-си. Ка-завъ панъ: „ко-жухъ, дамъ", тай сло-во его те-пле. Зна-ты свое до-бро и въ ка-лю-жи.

Не вва-жай на вро-жай: сій жы-то, хлибъ бу-де. На чу-жый трудъ ла-сый не будь. Хлибъ—силь ижъ, а прав-ду рижъ *Заг.* Межъ тре-мя ду-ба-мы за-вья-зло те-ля зубамы (со-ки-ра). Збиж-жя, за-миж-жя, важ-но, мож-но, жны-во, иж-мо, мок-рый—хоть вы-жмы, жре, а не исть, тыж-день. Не знавъ ко-закъ ни го-ря, ни нуж-ды. Два тре-тё-го не ждуть. За-пы-сав-ся, о-хо-то-ю въ служ-бу. Ко-лы медъ, то и лож-ко-ю. Колы до Ивана просо въ ложку, то буде и въ ложку. До-ро-га лож-ка до о-би-да, до-ро-гый, якъ за де-неж-ку пи-сто-леть. На дво-ри имъ жыть. Изъ нымъ дру-жы а ка-мень за па-зу-хою дер-жы. Ой кинь и-рже, тра-ва вьяне, вже пиз-но. Безъ пид-жо-гы и дро-ва не го-ря-ть, о-же-ре-ло, ожиг-нуты. Бджо-ла каже: „кор-мы ме-ни до Йва-на, а я те-бе о-дяг-ну, якъ па-на".

Ш. Ша-нуй го-ры й мо-сты. На зло-дію шап-ка го-рытъ. До-брав-ся якъ вовкъ до ко-ша-ры, про вовка по-мовка, а вовкъ у кошари. Въ ре-ше-ти во-ду но-сыть. *Заг.* Ле-тивъ птахъ о ше-сты но-гахъ, тай сивъ на мо-гы-ли: „Бо-же ты мій мы-лый от-туть, моя сыла огнемъ погорила" (бджола, церква й воскова свичка). „Хто до каши?" —я!.— А товк-ти? Озы-вай-тесь (*ще*) хто. Знай, ля-ше, по-кы на-ше (по Случъ наше). У ба-за-ри два дур-ня: одинъ де-ше-во дае, дру-гый до-ро-го про-сыть. Шы-ты, би-лыты: зав-тра Ве-лык-день. Про-па-лы, якъ ру-ди мы-ши. Добро пушыть лыхо сушыть. Дай Бо-же на-шо-му те-ля-ти вов-ка пій-ма-ты. Ой не шу-мы, лу-же, ты зе-ле-ный га-ю.

Не ми-шай-ся межъ чу-жи лы-ка. Ку-пывъ бы се-ло, та гро-шей го-ло. Въ яр-ма-рокъ безъ гро-шей—до до-му по-ро-жній. Брех-не-ю свитъ прой-дешъ, та на-за-дъ не

вер-нес-ся. Не вжа-лу-ешъ бать-ка въ най-махъ. Вид-ри-за-на скы-ба видъ хли-ба, то вже не пры-ту-лышъ. У хли-ба ниж-кы ко-ро-тень-ки, а якъ по-би-жыть (якъ упу-стымъ), то й дов-гы-мы не пе-ре-же-нешъ. Дер-жыт-ся, якъ вошъ ко-жу-ха. Де-ше-ва рыб-ка, по-га-на юш-ка. Ку-пывъ ко-та въ миш-ку. Бод-рыт-ся мовъ шку-ратъ на вог-ни. Зъ од-но-го во-ла по дви шку-ры не де-руть. Такъ радъ, якъ то-риш-не-му сни-го-ви. На-ля-кавъ михъ, то й тор-бы страш-но. *Заг.* За ли-сомъ, за про-ли-сомъ шнуръ плят-тя вы-сыть (у-си зу-бы). Доб-ре изъ гриш-мы. Гриш-ва. Прот-вы. Вы-ми-нявъ шы-ло за швай-ку. Про-павъ якъ Шведъ пидъ Полтавою. Пош-лы дур-но-го, а за нымъ дру-го-го. Не взяв-шысь за со-кы-ру, ха-ты не зро-бышъ. Бильшъ ковша лы-ха не бу-де. Пер-шо-го тор-гу не кы-дай-ся. Хоть гир-ше, та ин-ше. На-смі-я-ла-ся вер-ша бо-ло-ту, о-гля-ну-лась, —и са-ма въ бо-ло-ти. Крип-ше. Лап-ша. И ду-рень ка-ши на-ва-рыть, абы пшо-но та са-ло. Ба-ба зъ во-за, ко-бы-ли лех-ше.

Ч. Ча-сомъ зъ ква-сомъ, по-ро-ю зъ во-до-ю, не и-ла ду-ша ча-сны-ку, не бу-де й во-ня-ты. Че-резъ пень ко-ло-ду ва-лыть. Ко-лыбъ Богъ слу-хавъ че-ред-ны-ка, то за ли-то-бъ у-ся че-ре-да вы-дох-ла. По-ло-вы-на сви-та пла-че, по-ло-вы-на ска-че. Швыд-кый, якъ че-ре-па-ха. Безъ ха-зя-ина и то-варъ пла-че, а безъ ха-зяй-кы ха-та. На ли-че-ній ко-бы-ли не да-ле-ко по-и-дешъ. На чы-имъ во-зи сы-дышъ, то-го й во-лю во-лышъ. Чымъ ха-та ба-га-та, тымъ и ра-да. Не вга-да-ешъ по-ло-вы-ны зъ ду-ба ле-тя-чы. На-ско-чы-ла ко-са на ка-мень. Правда (письмо) очи ко-ле. Думка за мо-ремъ, а смерть за пле-чы-ма. Дви-чи лы-ха не бу-вае. Тры-чи зми-ряй, а разъ вид-рижъ. Гро-мада ве-лы-кій чо-ло-викъ *Заг.* Би-ла-рил-ля, чо-рне на-син-ня (бу-ма-га та пись-мо).

Вов-ка въ плугъ, а винъ къ чор-ту въ лугъ. Бо-дай

е-го лы-ха го-ды-на у дядь-ка слу-жы-ла: вы-мов-лявъ по-сто-лы, а винъ ку-пывъ чо-бо-ты. А-бы не ле-жа-чо-го Та-та-ры взя-лы. Мо-я ха-та зъ краю, я ни-чо-го не зна-ю. Не за-ми-тай чу-жо-и хы-жи: ды-вись, чи сво-я за-ме-те-на. Чу-жа ха-та ги-рше ка-та. Ды-ты-на не пла-че, ма-ты не ро-зу-мі-е. Зъ чужого коня хочь посередъ калу ставай. Кинь зъ ко-немъ, вилъ зъ воломъ, а сви-ня объ тынъ, ко-лы ни зъ кымъ. На по-хы-ле-е де-ре-во й ко-зы ска-чуть. *Заг.* Крык-нувъ вилъ на сто гиръ на ты-ся-чу го-ро-дивъ (гримъ). *Заг.* Крык-ну-ла ут-ка, на мо-ри чут-ка; збиг-лы-ся дитки не од-ны-и мат-кы (дзвинъ и пры-хо-жа-не). Пидъ лежачій ка-мень во-да не те-че. Ни грачъ, ни по-ма-гачъ. На-дув-ся якъ сычъ. Хоть блызь-ко, та слызь-ко, хочъ да-ле-ко та лег-ко. Луч-че сво-е ла-та-не, нижъ чу-же-е ха-па-не; луч-че сво-е лох-мат-не нижъ чу-же про-хат-не. Клоч-чя, струч-чя, яч-мень. Боч-ка ме-ду, лож-ка дег-тю. За-хо-ти-лось гы-ри про-тывъ ночи кис-нычка. *Заг.* Ма-ты гла-ду-ха, доч-ка кра-су-ха, а сынъ ку-че-ря-вый (пичъ во-го-нь та дымъ). Мов-чы та дышъ. Помовчъ я-зыч-ку: кашкы дамъ. Глу-хый не вчу-е, та вы-ду-ма. Слав-ни буб-ны за го-ра-мы, ажъ при-йти ближ-че—со-ба-ча шку-ра.

Ц. *Заг.* Чор-нень-ке, ма-лень-ке, у-весь свитъ про-ви-да-ло, въ ца-ря оби-да-ло (перецъ). *Заг.* Ни ви-конъ, ни две-рей, повна цер-ква лю-дей (огирокъ). Дур-ня й у цер-кви бьють. Мед-видь ду-жый, та киль-це въ носи. По-павъ паль-цемъ въ небо. Здав-ся цы-ганъ на сво-и ди-ты. Да-ле-ко ку-цо-му да зай-ця. Ганяютъ якъ соло-ного зайця. Бре-ха-ти не ци-помъ ма-ха-ты. За-че-пыв-ся за пень тай сто-явъ ци-лый день.

Заг. Пов-на пичь па-ля-ныць, по-се-ре-ды-ни кнышъ (зо-ри та мисяць). Якъ по-и-дешъ въ объ-издъ, то бу-дешъ на о-бидъ, а якъ на про-стець, то у ве-черъ. Пе-ре-кы-дай-мо, ди-ду, хли-вець, чи не до-бу-де-мо дри-вець. По-кы сон-це зій-де, ро-са о-чи вы-исть. *Заг.* Лы-сый

вилъ кризъ во-ро-та ды-выт-ся (мисяць). Вов-ка боят-ся у лисъ не хо-дыть. Не плюй у ко-ло-дезь, до-ве-дет-ся во-ды напытыся. На ла-сый ку-сокъ знай-дет-ся ку-токъ. *Заг.* Ши-ло мо-то-вы-ло по пидъ не-бе-са-мы хо-дило, по-ни-мець-ки го-во-ры-ло,поту-рець-ки за-кы-да-ло(ластивка)

Щ. Ран-ня пташ-ка но-сокъ про-чы-ща, а пиз-ня о-чы-ци про-ты-ра. Богъ не безъ мы-ло-сты, ко-закъ не безъ ща-стя. Де ще те те-ля, а винъ зъ довб-не-ю но-сит-ся. *Заг.* Ле-жыть ко-ло-да се-редь бо-ло-та, та ще й не гны-е (языкъ). Ой не пи-де до-щыкъ безъ ту-чи, безъ гро-му; ой не пи-де див-ка за-мижъ та безъ по-го-во-ру *Загад*. А-що въ ха-ти на по-хва-ти (ки-локъ у две-рей). *Заг.* А що въ ха-ти не-те-са-не? (па-ву-ты-на). *Заг.* А що въ ха-ти безь до-щу росте? (сажа). Ба-чы-лы о-чи, що ку-по-ва-лы, иж-тежъ, хоть по-вы-лазь-те. — На-що про-да-ешъ? — тре-ба-—На-що ку-пуе-шъ? — тре-ба. До-бри зу-бы, що й ки-силь идять. Не въ тимъ сы-ла, що ко-бы-ла сы-ва, а якъ во-на ве-зе. Не те, що ме-те, а те, що зъ вер-ху йде. Не все-те пе-рей-мать, що на во-ди плы-ве. Не тиль-ко сви-та, що въ вик-ни. До-бра та ричъ, що е въ ха-ти пичъ. Не бiй-ся тiи со-ба-кы, що бре-ше. Дар-ма вер-ба, що грушъ не-ма: не-хай и не ро-дыть. На те ко-валь кли-щи дер-жыть, щобъ рукъ не пек-ты. На до-гадъ бу-ря-кивъ, щобъ да-лы ка-пу-сты. На те щу-ка въ мо-ри, щобъ ка-рась не дри-мавъ. *Заг.* Плы-ве щу-ка зъ Кре-мен-чу-ка: ку-ды гля-не, тра-ва вья-не (ко-са). Ве-лы-ка хма-ра, та ма-лый дощъ. Не спы-тав-шысь броду, та мер-щiй у во-ду.

Нахожу весьма полезнымъ и сообразнымъ съ цѣлію
профессоръ *Зернинъ*.

Составилъ Адъюнтъ Харк. Унив. *А. Потебня.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVI.

СЕНТЯБРЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ І-й.

I. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА. (*Продолженіе*). **А. Крымскаго** . . . . 277—311

II. САВА ЧАЛЫЙ. Трагедія въ 5 діяхъ и 7-мы картынахъ. (*Окончаніе*). **И. Карпенка-Карого** . . . . 312—340

III. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 3) Письма П. А. Кулиша (1856—1858 гг.) . . . . 341—355

IV. У МОГИЛЪ П. А. КУЛИША И В. М. БѢЛОЗЕРСКАГО. Съ прилож. двухъ рисунковъ въ текстѣ. **Н. Ш—ова** . . 356—378

V. ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКОЙ ДЕМОНОЛОГІИ. (*Окончаніе*). **В. Милорадовича** . . . . 379—400

VI. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАДЪ ГРАФ. П. С. УВАРОВОЙ НА XI АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ СЪѢЗДѢ . . . . 401—418

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Къ Шевченковской коллекціи. (Письмо въ редакцію). **О. Ю. Сластіона**; б) Легенды о проф. Боткинѣ. Сообщ. **М. К. Васильевъ**; в) Майноскіе козаки и ихъ земля; г) Канадскіе русины; д) Поправка . . . . 99—112

Текущія извѣстія . . . . 112—119

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. Верзиловъ. Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569 гг. **Н. В.**; б) П. А. Кулишъ. Воспоминанія дѣтства. (Повѣсти); в) Этнографическое обозрѣніе 1896—1897 гг.; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 119—130

Археологическая лѣтопись . . . . 131—142

III. ПРИЛОЖЕНІЯ 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 10-й и 11-й.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 3 сентября 1899 годà.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи всѣхъ малоруссовъ?

(Продолженіе [1]).

Кіевскіе и мнимокіевскіе памятники XI—XV вѣка.

б) Послѣмонгольскіе.

Г. Соболевскій останавливается на пяти памятникахъ [2]):

1) Кіевская псалтирь 1397-го года. Исторія отношеній г. Соболевскаго къ этой псалтири довольно поучительна, потому что особенно наглядно показываетъ, до какихъ печальныхъ послѣдствій доводитъ тенденціозность. Псалтирь эта полна довольно явственныхъ великорусскихъ чертъ [3]) и повидимому она-то, собственно, и послужила г. Соболевскому первой основою для

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1899, іюнь, стр. 307—316.

[2]) См. Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца II, 215, 219, 224; Лекціи, 1-ое изд., 199—200; 2-ое изд., 254—256.

[3]) Срв. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго языка и письма 2-ое изд., стр. 283, и выписки—во второй части 1-го изданія; также въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ X, 690—691.

его утвержденія о великорусскости старыхъ кіевлянъ, въ 1883-мъ году [1]). Когда кіевскіе оппоненты возражали, г. Соболевскому, что Псалтирь 1397 г. написалъ какой-нибудь великоруссъ, пріѣзжавшій въ Кіевъ вмѣстѣ съ Московскимъ митрополитомъ, г. Соболевскій заявилъ, что „палеографическія особенности рукописи 1397-го года *совершенно* отличны отъ особенностей рукописей московскихъ и новгородскихъ,—Спиридонъ (переписчикъ Псалтири) былъ не сѣверный, а кіевскій великороссіянинъ“ [2]). И что же! Спустя немного времени выяснилось, что Псалтирь 1397-го года писана тѣмъ же московскимъ великороссомъ, діакономъ Спиридономъ, который „**блг҃веньѥмь Кипрıана, митрополита всеа Роуси, повеленьѥмь блг҃овѣрнаго кнѧѕѧ Володімера Андрѣѥвнѵ**(а)“, написалъ московское евангеліе „въ лѣто ҂ѕ. ц҃а индик(та) а҃ (6901,—т. е. 1393 г. [3]).“ Другими словами, оказалось, что Псалтирь 1397-го года, которая, по увѣренію г. Соболевскаго (въ 1883 г.), *совершенно* отличается отъ рукописей московскихъ, есть какъ-разъ рукопись московская!... Г. Соболевскій не сразу исключилъ ее изъ числа памятниковъ кіевской рѣчи. Въ 1889-мъ году, въ первомъ изданіи своихъ „Лекцій,“ онъ еще выразился уклончиво: „Кіевская Псалтырь 1397-го года написана *едва-ли* (курсивъ нашъ) не пришлымъ великоруссомъ [4]).“ Только въ 1892 г. онъ ее рѣшительно вычеркнулъ изъ числа источниковъ для изученія старокіевской рѣчи [5]).

---

2) Евангеліе 1411 года. Сдѣлавши общее замѣчаніе, что всѣ пять кіевскихъ послѣмонгольскихъ памятниковъ не даютъ ясныхъ діалектологическихъ указаній, г. Соболевскій говоритъ въ частности о евангеліи 1411-го года, что „оно представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ *малымъ* количествомъ

---

[1]) См. указанное мѣсто II тома „Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца.“

[2]) Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца 1883 г., т. II, стр. 224.

[3]) Срезневскій: Древн. пам. 274; Лекціи Соболевскаго, 2-ое изд. 16; Воскресенскій: Евангеліе отъ Марка, 57; Серг. Пос. 1894.

[4]) Стр. 199-ая 1-го изданія.

[5]) 2-ое изд., стр. 254.

руссизмовъ,"—слѣдовательно, по этой причинѣ для русской діалектологіи мало пригодно. Но надо кромѣ того добавить, что и тѣ немногія русскія черты, какія проскальзываютъ въ Евангеліи 1411-го года, говорятъ о некіевскомъ происхожденіи переписчика. Писано это евангеліе по заказу какого-то, должно-быть, великоросса (инока Іоны Балакирева), писцомъ-великороссомъ или бѣлоруссомъ, который говорилъ нарѣчіемъ акающимъ и фамилію своего патрона написалъ съ О („Болакиревъ [1]);" онъ не писалъ *ѣ* въ „гд*ѣ*" 144 об. и „нигдѣ" 260 [2]), а эту черту самъ г. Соболевскій призналъ за антикіевскую [3]).

---

3) *Вкладная запись князя Домголдата Домголдатовича 1427-го года.* Никакихъ великоруссизмовъ г. Соболевскій указать въ ней не можетъ, но, не желая признать ее за малорусскую, называетъ языкъ „оффиціальнымъ западно-русскимъ". Чтобы читатель яснѣе могъ судить о языкѣ этой записи, приведемъ ее цѣликомъ [4]): „Се яз кн[я]зь Долголд[атъ Долгол]датовичъ м[и]л[ос]тью б[о]жьєю, што єсми выслужил оу Б[о]га и оу великог[о] кн[я]зя Витовта, г[осу]д[а]ря своєго,—даю ѿ своєе выслуги вѣрноє по своєи д[у]ши и сь своєю гн[я]гинею с[вя]т[о]му Николе-пустыньскому Иѡнину монастырю тую землю на имя Толстолѣсьског[о] Конона. А идет[ь] с нег[о] колода меду. И съ всеми пошлинами з бобры и с куницами и с полюд[ь]ємь. А хто ся имет[ь] оуступат[и] оу моє придане, што я дал с[вя]т[о]му Николе, любо моих детин, любо хто имѣет[ь] держат[и] по моєм животѣ, судится со мною перед Б[о]гомъ. Псан[о]и дан[о] при

---

[1]) См. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ," СПБ. 1876, т. II, стр. 392. Запись издана и въ особомъ литографическомъ снимкѣ. (Я нашелъ одинъ экземпляръ въ бумагахъ покойнаго Бѣлозерскаго).

[2]) Отмѣчено у Соболевскаго въ Лекціяхъ, стр. 254.

[3]) Лекціи, 1-ое изд. 37; 2-ое изд. 64; Изслѣдованія 2.

[4]) По изданію Срезневскаго: Свѣд. и зам., II, 392, б. Ради типографскаго удобства надстрочныя буквы перенесены въ строку. Въ скобкахъ поставлены буквы и слоги, подразумѣваемые подъ титлою.

державе г[о]с[у]д[а]ря великого кн[я]зя Витовта въ лѣт[о] ꙃ ц ке, м[ѣ]с[я]ца марта ке д[е]нь, индикта є." Читатель видитъ, что языкъ этой вкладной чрезвычайно близокъ къ современному малорусскому. Конечно, малорусскій колоритъ былъ бы особенно явственъ, если бы у писца гдѣ нибудь вмѣсто є или о проскользнуло ю или ү (предвѣстники современнаго ї); но во-первыхъ такія описки, считаясь вульгаризмами, ни въ какомъ старинномъ малорусскомъ памятникѣ не часты, а во-вторыхъ—краткая вкладная Долголдата Долголдатовича представляла бы для нихъ только два случая (своєи и моєм) и то въ такихъ словахъ, въ которыхъ удареніе бываетъ и на первомъ слогѣ (въ силу чего качество неударной гласной второго слова скрадывается); притомъ же сосѣдство словъ „ѿ своєе," „съ своєю," въ которыхъ звукъ є остается неизмѣннымъ, могло содѣйствовать сохраненію буквы є въ начертаніяхъ „своєи" и „моєм". Кто знакомъ съ языкомъ галицкихъ и волынскихъ грамотъ, малорусскости которыхъ г. Соболевскій не оспариваетъ, тотъ замѣтитъ, что вкладная кн. Долголдата Долголдатовича отъ нихъ почти не отличается [1]).

---

4) *Духовная князя Андрея Владиміровича 1446 г.* (Ольгердова внука, пріѣзжавшаго въ Кіевъ на поклоненіе въ 1446 г.) Великоруссизмовъ г. Соболевскій въ ней не находитъ, но говоритъ, что „она не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ." Г. Соболевскій забылъ

[1]) По поводу буквы є во «всєми» и вообще по поводу частаго написанія малороссами буквы є вмѣсто ѣ позволю себѣ мимоходомъ высказать достовѣрное предположеніе (отчасти уже прежде мотивированное г. Шахматовымъ), что въ старину книжная буква ѣ читалась иначе, чѣмъ выговаривался живой звукъ ѣ. По моимъ наблюденіямъ, у малороссовъ только въ періодъ отъ второй четверти 17-го вѣка приблизительно до второй четверти нын. столѣтія буква ѣ читалась какъ ї; раньше же, подъ книжнымъ вліяніемъ бѣлорусскимъ, и позже, подъ вліяніемъ великорусскимъ, буква эта читалась какъ є, и потому малорусскіе писцы въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они въ живой рѣчи произносили и произносятъ звукъ ї, писали и пишутъ подъ книжнымъ вліяніемъ букву є.

прибавить, что писецъ (старецъ Кіево-Печерской лавры) былъ большой руки книжникъ, который старался писать по церковно-славянски и потому не могъ не заботиться объ устраненіи свѣтскихъ и простонародныхъ элементовъ изъ своего писанія. Въ значительной степени ему таки удалось свою рѣчь ославянить [1]), такъ-что сквозь этотъ чужой, напущенный на себя для большей важности, языкъ пробились лишь нѣкоторыя, малохарактерныя черты родной рѣчи писца. Написавши род. падежъ „Богородицы" съ ы, онъ по недосмотру написалъ рядомъ же: „одъ Владычици", гдѣ и вмѣсто ѣ, подобно тому какъ онъ еще разъ написалъ и вмѣсто ѣ въ выраженіи: „у господи". Проскользнули у писца и кое-какія другія особенности его родного языка: „одъ," „зъ своею", „были есмо", «прѣшоѥ,» „Каменне" (=Каменное) и др., и самое свое имя онъ написалъ съ х: „Пахнутій" вм. „Пафнутій." Если мы не можемъ рѣшить, малоруссъ или бѣлоруссъ писалъ эту духовную, то во всякомъ случаѣ можемъ съ увѣренностью сказать, что писалъ ее не великоруссъ.

Г. Соболевскій сперва хотѣлъ было ограничить изученіе кіевскаго говора XV вѣка только названными четырьмя документами [2]), но П. И. Житецкій указалъ ему еще на одинъ, въ ко-

[1]) Попадаются въ этой духовной даже аористы: поклонихомся, размыслихъ (при чемъ и предлогъ „раз" написанъ по церковно-славянски вм. русскаго „роз"; такъ и дальше: „разсудится". Род. пад. прил. ж. рода имѣетъ окончаніе *я*: пречистыя Богородицы нашея, святыя, ея. Вмѣсто „я" или „язъ" пишется „азъ". Множ. число прил. ср. рода на *я* (вся тая) и род. падежъ безъ „овъ" (дѣдъ своихъ, отецъ своихъ, всѣхъ мученикъ, пророкъ, апостолъ) также являются скорѣе церковнославянизмами, чѣмъ фактами русской рѣчи XV вѣка.—Духовная эта издана въ „грамотахъ великихъ князей литовскихъ" Антоновича и Козловскаго, стр. 10—11 (Кіевъ, 1868, оттискъ, изъ „Универс. Извѣстій"). Вѣроятно, это—наиболѣе точное изданіе ея, хоть тоже оставляетъ многаго желать. Въ изданіи Я. Головацкаго есть много отличій отъ изданія Антоновича и Козловскаго, и возникаетъ вопросъ, гдѣ же печатный текстъ ближе къ оригиналу. Я. Головацкій, который въ „областныхъ разнорѣчіяхъ" видѣлъ нарушеніе „чистоты общого русского языка," позволялъ себѣ въ своихъ изданіяхъ дѣлать исправленія на „настоящо-русскій" ладъ (что отмѣчено уже г. Соболевскимъ. „Очерки", стр. 60), такъ-что его изданіе, вѣроятно, гораздо менѣе заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ изданіе Антоновича и Козловскаго, хотя послѣднее сдѣлано вовсе не въ филологическихъ цѣляхъ. А желательно было имѣть хорошее филологическое изданіе.

[2]) Чтенія въ Ист. Общ. Нест. Лѣт. 1883, II, 215.

торомъ малорусскіе элементы не робко прокрадываются (какъ въ двухъ предыдущихъ), а бьютъ живымъ ключемъ изъ каждой строчки [1]). Эго—

---

5) *Грамота кіевскаго князя Семена Олельковича*, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ *1459-мъ г.* Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для „зоставленья" его „при всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его", „которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и заживали" [2]). Приведемъ отзывъ г. Соболевскаго объ этомъ памятникѣ: „Грамота кіевскаго князя Семена Александровича, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и писанная на оффиціальномъ западно-русскомъ языкѣ, имѣетъ нѣкоторое количество малоруссизмовъ: вс*ю*и отчизнѣ, д*и*дизинѣ, при томъ вс*ю*мъ, *у*нъ (=онъ), прит*и*съненьемъ, зав*и*шенъемъ [3]), но ихъ присутствіе вполнѣ можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человѣкъ, волынскій уроженецъ" [4]). Странно дѣлать такое голословное предположеніе, основанное исключительно на нежеланіи признать старыхъ кіевлянъ за малоруссовъ [5]).

---

[1]) П. И. Житецкій прислалъ мнѣ для ознакомленія текста тѣхъ двухъ рефератовъ, которыми онъ въ засѣданіяхъ Общ. Нест. Лѣт. возражалъ г. Соболевскому на его рефераты о Кіевскихъ памятникахъ XV в. Нѣкоторыя сообщенныя мною подробности о диспутѣ П. И. Житецкаго съ г. Соболевскимъ я заимствовалъ именно оттуда; впрочемъ существенныя черты этого диспута всѣ, вкратцѣ, сообщены въ „Чтен. Общ. Нест. Лѣт.".

[2]) П. И. Житецкій пользовался прозрачнымъ снимкомъ, хранящимся въ архивѣ Кіевской Археографической Коммисіи. Мнѣ же было доступно только печатное изданіе этой грамоты, сдѣланное В. Б. Антоновичемъ и г. Козловскимъ въ „Грамотахъ великихъ князей литовскихъ" (оттискъ изъ „Унив. Изв."), К. 1868, стр. 19—20.

[3]) Малоруссизмовъ есть въ этой грамотѣ и больше,—въ ней смѣшивается *ы* съ *и*: он*и*ми, мал*и*ми, дидизн*и*. Менѣе характерны: боудетъ хот*ѣвъ*, *у*падаеть (вмѣсто *в*падаетъ), *изъ* лѣсомъ, *изъ* головою, *изъ* стѣнъкамы, ознаймуем*о*, дали есм*о*, съ обудвухъ.

[4]) Лекціи, 2-ое изд., стр. 255.

[5]) Ниже мы увидимъ еще нѣсколько случаевъ, когда г. Соболевскій прибѣгаетъ къ тому же пріему. Такъ, о Рязанской Кормчей 1284-го года, списанной съ

Что же показываетъ обзоръ этихъ пяти памятниковъ? Первые два, писанные не кіевлянами, для сужденія о кіевской рѣчи не годятся, а въ остальныхъ трехъ г. Соболевскій не можетъ указать ни единой черты великорусской; наоборотъ, въ нихъ проскальзываетъ то слабѣе, то сильнѣе малорусская рѣчь, присутствія которой, наконецъ, не рѣшается отрицать и самъ г. Соболевскій.

Сверхъ перечисленныхъ памятниковъ XV-го вѣка, къ Кіевщинѣ имѣютъ отношеніе и другіе. Одинъ изъ нихъ—*Грамота Стародубскаго князя 1400 года* Александра Патрикѣевича, данная польскому королю Владиславу и написанная „увъ Озера у Круды, межи Городна и Мmerечь, по Розствѣ Христовѣ у пятокъ, у канунъ святого Обрѣзанія Христова, по нароженьи Сына Божьего тисяча лѣтъ и чотыриста лѣтъ“ [1]). Написана она, слѣдовательно, гдѣ-то въ Виленшинѣ [2]), а такъ-какъ тамъ малоруссы не жили, то естественно приходится заключить, что княжескій писарь пріѣхалъ съ княземъ изъ Стародуба [3]). Достаточно взглянуть только на приведенную мной запись, чтобы увидѣть въ ней, сверхъ многихъ менѣе характерныхъ малорусскихъ чертъ, одну очень характерную—смѣшеніе ы и и: „тисяча“ и, вѣроятно, „у Круды“ (=въ Крудѣ, въ

кіевскаго оригинала и полной „галицко-волынскихъ“ ятей, г. Соболевскій заявляетъ, что писецъ кіевской рукописи былъ галицко-волынскій уроженецъ. Про надпись на крестѣ св. Евфросиніи Полоцкой, также служащую опроверженіемъ „галицко-волынскаго“ ѣ, г. Соболевскій тоже заявляетъ, что она писана галицко-волынскимъ уроженцемъ.

[1]) Издана у Головацкаго въ „Памятникахъ дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго“ (Львовъ 1867, стр. 20). Можно подозрѣвать, что по своему обычаю г. Головацкій исправилъ многіе малоруссизмы и что въ подлинникѣ ихъ есть гораздо больше.

[2]) У меня нѣтъ подъ рукою подробной карты, гдѣ была бы обозначена Круда. Меречь лежитъ на рѣкѣ Меречанкѣ при впаденіи ея въ Нѣманъ, въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской г. П. И. Житецкій, изъ реферата котораго я почерпнулъ указаніе на Стародубскую грамоту, повидимому предполагалъ, что дата грамоты говоритъ о Городнѣ Черниговской, находящейся недалеко отъ Стародуба. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли въ Черниговщинѣ Меречь.

[3]) Да едва ли князь отправиться въ дѣловое путешествіе, не захвативши съ собою своего писаря изъ Стародуба.

Круди); такое же смѣшеніе ы и и проявилось еще въ „слюбилъ есмы“ рядомъ съ „цѣловалъ есми“ (1-ое л. ед. ч.). Ѣ вмѣсто и написано въ „нѣкоторымъ (nullo)“. Характерно въ грамотѣ еще окончаніе мо (есмо). Важна Стародубская грамота 1400 года въ томъ отношеніи, что указываетъ на присутствіе малоруссовъ къ сѣверо-востоку отъ Кіева, на *лѣвой* сторонѣ Днѣпра. Другой памятникъ—„*Повчѣнье Зарубьскаго Черноризца*“ (Зарубская обитель—въ Кіевщинѣ, у Днѣпра); объ этомъ памятникѣ, изобилующемъ многими „галицко-волынскими“ ятями, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ при № 15.—Кіевскихъ памятниковъ XVI вѣка дошло до насъ достаточно, но такъ-какъ ихъ малорусскости, болѣе чѣмъ очевидной, г. Соболевскій не отвергаетъ, то мы о нихъ говорить здѣсь не будемъ.

Я показалъ читателю, до чего шатки и неосновательны всѣ соображенія г. Соболевскаго о великорусскости старыхъ кіевлянъ. Нужно замѣтить, что шаткость всѣхъ этихъ аргументовъ сдѣлалась за послѣднее время очевидною и для самого г. Соболевскаго. Совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ „Очерки“ и „Лекціи“, написаны имъ послѣдующія статьи [1]): въ нихъ постепенно онъ отказался отъ своей гипотезы о великорусскости кіевлянъ. Значительное вліяніе въ дѣлѣ перемѣны его взглядовъ имѣли предпринятыя имъ занятія въ области малорусской діалектологіи.

Въ той классификаціи малорусскихъ нарѣчій на три группы, которой мы придерживаемся въ практическомъ обиходѣ, много значитъ безсознательный принципъ большей или меньшей удобопонятности какого-нибудь малорусскаго нарѣчія для людей, говорящихъ другимъ нарѣчіемъ: чѣмъ легче малороссъ понимаетъ какое-нибудь малорусское нарѣчіе или говоръ, тѣмъ болѣе роднымъ оно ему представляется. Въ малой степени принимаются при этомъ въ соображеніе черты фонетическія: такъ,

[1]) Начиная печатать свое изслѣдованіе, я еще не успѣлъ прочитать тѣхъ статей; поэтому въ 1-ой главѣ я и не упомянулъ о нихъ.

рѣчь „литваковъ“ дышетъ для украинца чѣмъ-то чуждымъ не только за нѣкоторыя ея слова, близкія къ рѣчи великорусской, но еще больше за ея странное, неудобопонятное произношеніе. Однако главное вниманіе при обиходной классификаціи малорусскихъ нарѣчій обращаютъ (безсознательно, конечно) не на произношеніе (фонетику), а на словарный матеріалъ (лексику), на формы склоненій и спряженій (морфологію). Если объ одномъ и томъ же скажутъ а) галичанинъ: „пишлы-смо зъ тетовъ дъ ватри“, б) галицкій горецъ: „пушлы-смо зъ тетовъ дъ ватри“, в) полтавецъ: „мы пишлы зъ титкою до вогня“ и г) черниговецъ: „мы пуышлы зъ тюиткою до вогня“,—то нефилологу никогда не придетъ въ голову мысль о близости рѣчи б) и г); наоборотъ, онъ рѣчь галичанъ и галицкихъ горцевъ объединитъ въ одно цѣлое, а рѣчь полтавцевъ и черниговцевъ—въ другое цѣлое. Такимъ образомъ, практически, преимущественно на основаніи большей или меньшей удобопонятности для себя то въ одномъ, то въ другомъ отношеніи, малоруссъ[1]) отличаетъ въ малорусскомъ языкѣ три нарѣчія: 1) западное (рѣчь и галичанъ и галицкихъ *горцевъ*, *угрорусскую*, *подлясскую*, подольскую, волынскую), 2) восточное (рѣчь *всей* Кіевщины, всю безъ разбора рѣчь южно-*черниговскую*, полтавскую, харьковскую и т. д.) и 3) сѣверное (рѣчь „литвацкую“, безъ рѣчи тѣхъ черниговцевъ, которыхъ легко понимаетъ полтавецъ). Въ сущности, такая утилитарная группировка малорусскихъ нарѣчій небезосновательна. Даже апріорно нельзя осудить принципъ: „та рѣчь мнѣ наиболѣе близка, которую я наилегче понимаю“, потому

[1]) Я имѣю въ виду только тѣхъ малороссовъ, которые, не будучи филологами, все же пытаются относиться къ діалектологическимъ вопросамъ осмысленно. А то вѣдь приходится встрѣчаться съ совершенно непонятной классификаціей: «малорусская рѣчь дѣлится на рѣчь Украины Австрійской и рѣчь Украины Россійской, причемъ въ послѣдней надо отличать рѣчь чисто-украинскую отъ рѣчи литвацкой». Къ сожалѣнію, подобное классификаторство завоевало себѣ извѣстныя права гражданства въ печати, и иногда ему подчиняются даже ученые. Такъ проф. Колесса (Archiv für slav. Phil. XVIII, 220) видитъ въ рѣчи *подолянина* Руданскаго нарѣчіе «украинское», противоположное «нарѣчію галицкому и буковинскому». Между тѣмъ языкъ Руданскаго чрезвычайно близокъ къ галицкому, а отъ кіевскаго и полтавскаго имѣетъ важныя отличія.

что понятность обусловливаться можетъ только близостью строя языка. И филологъ, сознавая, что дѣленіе малорусскихъ нарѣчій на три группы дѣйствительно не лишено филологическихъ основаній (то со стороны морфологіи и лексики, то со стороны фонетики), легко можетъ примириться съ такимъ дѣленіемъ; только, принявши въ разсчетъ тонкія черты фонетическія, значенія которыхъ не спеціалистъ не можетъ понять [1]), онъ произведетъ подлежащія модификаціи и перетасовки, перенесетъ извѣстные говоры изъ одной группы въ другую, а о нѣкоторыхъ сдѣлаетъ соотвѣтствующія оговорки; прекрасная, всѣмъ извѣстная статья К. П. Михальчука (Чуб., VII) представляетъ собою образецъ филологическаго отношенія къ малорусскимъ говорамъ при группировкѣ ихъ на три вѣтви. Но гораздо удобнѣе для филолога, разъ онъ желаетъ изучать *исторію* малорусскаго языка, положить въ основу классификаціи не лексическіе и не морфологическіе признаки [2]), а фонетическіе, и прежде всего—произношеніе звуковъ ô и ê. Въ старыя времена эти звуки во всѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ произносились какъ двугласныя или какъ ү, ю; затѣмъ изъ нихъ образовался звукъ ї, въ однихъ говорахъ раньше, въ другихъ—позже; а въ иныхъ и теперь еще нѣтъ ї. Современныя нарѣчія малорусскаго языка, если не принимать въ соображеніе ихъ словарнаго запаса и морфологическаго и основываться только на произношеніи, распадаются на двѣ группы: 1) такія, въ которыхъ ô и ê звучатъ еще по-архаичному, т. е. или какъ двугласныя **үо, юо, їэ** съ ихъ варіаціями, или какъ ү, ю, и 2) такія, въ которыхъ ô и ê произносятся ї; параллельно съ этимъ обѣ группы обладаютъ нѣкоторыми другими фонетическими особенностями, отличающими одну группу отъ другой. (Между той и другой группой

---

[1]) Напримѣръ, большую или меньшую мягкость звука *ї*, происходящаго изъ *ô*.

[2]) Особенно неустойчивый критерій—запасъ лексическій, потому-что подъ вліяніемъ политическихъ и культурныхъ обстоятельствъ онъ сравнительно легко поддается перемѣнамъ: старыя слова забываются, а усвоиваются многія слова той чужой культуры, которая въ данный моментъ имѣетъ перевѣсъ. Поэтому филологъ, не игнорируя, конечно, лексическихъ показаній, все таки не имъ отводитъ первое мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи языка.

есть и промежуточныя стадіи). Языкъ первой группы можно назвать нарѣчіемъ сѣверно-малорусскимъ, языкъ второй группы — нарѣчіемъ южно-малорусскимъ. Въ Россіи первымъ нарѣчіемъ, архаичнымъ, говорятъ малоруссы сѣверные (и въ томъ числѣ жители Черниговщины), жители кіевскаго и волынскаго Полѣсья, жители сѣверной части Кіевщины. Кіевъ теперь граница этого нарѣчія; средняя Кіевщина говоритъ ужъ рѣчью болѣе новоразвившеюся (съ ї), но ясно еще сохраняющею многіе слѣды своей близости къ рѣчи сѣверной. Вторымъ нарѣчіемъ, гораздо болѣе освободившимся въ фонетическомъ отношеніи, говоритъ Австрійская Малорусь (безъ нѣкоторыхъ горныхъ частей), Волынь въ собственномъ смыслѣ, Подолія [1]); но наиболѣе типичный представитель этой группы есть рѣчь т. н. украинская, т. е. рѣчь южной окраины Кіевщины, большей части Полтавщины, Слобожанщины,—словомъ, тѣхъ мѣстностей, въ которыя, по свидѣтельству исторіи, была направлена колонизація съ запада (изъ Подоліи, Волыни, кажется—отчасти и Галичины). Такимъ образомъ, діалектологическія данныя служатъ подтвержденіемъ данныхъ историческихъ. При этомъ отдаленность украинской морфологіи и лексики отъ галицко-подольско-волынской и ея близость къ фактамъ рѣчи собственной Кіевщины, Черниговщины и Полѣсья ясно напоминаютъ, что сѣверно-малорусскіе элементы играли въ образованіи украинскаго населенія также немаловажную роль, будучи его основой.

Въ 1893 году, ужъ послѣ своихъ занятій въ области малорусской діалектологіи [2]), г. Соболевскій написалъ рецензію [3])

---

[1]) Я здѣсь указываю только приблизительныя границы нарѣчій, только главнѣйшія группы.

[2]) Въ 1892-мъ году, въ „Живой Старинѣ“ (вып. IV, стр. 1—61) г. Соболевскій помѣстилъ статью о малорусской діалектологіи. Несмотря на порядочное количество неточностей, проистекающихъ отъ незнакомства съ какимъ-нибудь малорусскимъ нарѣчіемъ практически, статья эта въ высшей степени важна какъ сводъ свѣдѣній, разбросанныхъ во множествѣ мелкихъ статеекъ, изъ которыхъ большинство—библіографическая рѣдкость. Статья эта свидѣтельствуетъ, что г. Соболевскій позанялся малорусской діалектологіей очень основательно, хотя самой то рѣчью малоруссовъ не вполнѣ овладѣлъ.

[3]) Живая Старина 1893, вып. III, ст. 396—399.

на сочиненія Яблоновскаго: „Kolonizacya Ukrainy za ostatnich Jagellonów“ [1]) и „Etnicka postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną“ [2]). Воспользовавшись показаніями малорусской діалектологіи и письменными данными памятниковъ XVI в., г. Соболевскій высказалъ въ упомянутой рецензіи слѣдующее заключеніе, съ которымъ мы можемъ не соглашаться только въ мелочахъ: „Несомнѣнно, что въ 16-мъ столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ Волынскомъ Полѣсьи съ частями нынѣшней Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерній и на сѣверѣ старой Кіевщины,—тамъ, гдѣ слышатся теперь; но, вѣроятно, ихъ территорія тогда простиралась *дальше на югъ*, чѣмъ въ наши дни, такъ-что на мѣстѣ переходныхъ говоровъ, занимающихъ теперь среднюю часть Кіевской губерніи и юго-восточную окраину Волынскаго Полѣсья (въ Житомирскомъ уѣздѣ), въ то время звучали говоры вполнѣ сѣверно-малорусскіе. Южно-малорусскимъ говорамъ принадлежали Подолье и Галиція съ прилегающей къ нимъ частью Волынской губерніи (собственно Волынью). А въ какую группу входилъ говоръ обитателей Украйны [3]) 16-го вѣка? Особенности украинскаго говора—вмѣстѣ особенности подольско-галицко-волынскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое [4]). *Главная* масса украинцевъ въ XVI вѣкѣ вышла въ Украину изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волынской губерніи,—масса, въ

---

[1]) Kwartalnik Historyzcny 1893, вып. I.

[2]) Тамъ же, вып. IV.

[3]) Въ настоящее время, благодаря развитію малорусскаго націонализма, слово „Украина“ примѣняется ко всякой малорусской области: сплошь да рядомъ мы слышимъ, что и Черниговщина—Украина, и Кіевщина—Украина, и Волынь—Украина, и Галичина-Украина или Русь-Украина. Поэтому считаю нелишнимъ напомнить читателю, что г. Соболевскій, подобно историкамъ, подъ Украиною разумѣетъ далеко не всю область малорусскаго племени, а только степное пространство, къ которому старая Кіевщина не относится и къ которому изъ территоріи современной кіевской губерніи принадлежитъ только южная окраина, къ югу отъ р. Роси.

[4]) Г. Соболевскій имѣетъ въ виду, конечно, только особенности фонетическія, но, какъ мы увидимъ дальше, при изложеніи новѣйшей статьи г. Шахматова, даже въ фонетическомъ отношеніи рѣчь названныхъ западныхъ областей отличается кое въ чемъ существенномъ отъ рѣчи Украины. Есть основанія не отождествлять старой подольской рѣчи съ современною.

которой исчезло безслѣдно то *сравнительно* ничтожное количество колонистовъ, которое дали Украинѣ Полѣсье, Кіевщина и Бѣлоруссія[1]). Полѣшуки направлялись не столько въ Украйну, сколько на востокъ въ Заднѣпровье, въ древнюю Сѣверщину, гдѣ было населеніе, конечно, великорусское". Послѣднее утвержденіе г. Соболевскаго (о великорусскости *Черниговщины*), вполнѣ бездоказательное, не можетъ быть принято безъ значительныхъ оговорокъ[2]), но оно не существенно для того вопроса, кото-

[1]) Едва ли оно было ничтожнымъ даже сравнительно. Документальныя данныя, которыя собраны, между прочимъ, и у г. Яблоновскаго, говорятъ, что приливъ колонистовъ съ сѣверо-запада былъ порядочный; морфологія и лексика украинскаго нарѣчія, какъ это было нами отмѣчено выше, устраняютъ мысль о чрезвычайномъ преобладаніи колонистовъ волынскихъ и подольскихъ, а тѣмъ болѣе—галицкихъ. Да и фонетической близости рѣчи украинской съ рѣчью галицко-волынско-подольскою нельзя придавать *чрезмѣрнаго* значенія, потому-что произношеніе ô и ê за і могло бы развиться на Украинѣ даже вполнѣ органически (такъ же, какъ оно развилось и въ Галичинѣ, гдѣ сперва также слышались двугласныя, или у, ю), при минимальномъ вліяніи рѣчи выходцевъ западныхъ.

[2]) Одну часть Черниговщины, вѣроятно, исключаетъ и г. Соболевскій: онъ употребляетъ терминъ „Сѣверщина", а не „Черниговщина",—слѣдовательно ничего не говоритъ о жителяхъ той приднѣпровской полосы современной черниговской губерніи, которая входила въ составъ древней Кіевщины и имѣла, очевидно, однородное съ кіевскимъ населеніе, т. е. полянское, или сѣверно-малорусское. Но великорусскимъ ли, зато, было населеніе прочей части Черниговщины и—что интереснѣе всего—населеніе города Чернигова? Пока не будутъ представлены серьезныя доказательства, мы принуждены думать, что старинные черниговцы были предки тѣхъ малоруссовъ, рѣчь которыхъ проявилась, напримѣръ, въ стародубской грамотѣ 1400-го года, и тѣхъ, которые живутъ тамъ теперь. Г. Соболевскій въ пользу своего мнѣнія ссылается на тотъ фактъ, что „названіе сѣверной столицы звучитъ у малороссовъ по-великорусски: Черн**И**говъ, а чисто малорусская форма должна была бы звучать Черн**Ы**говъ" (съ огорченіемъ отмѣтимъ въ скобкахъ, что и занятія малорусской діалектологіей не научили г. Соболевскаго малорусскому нарѣчію: вѣдь по-малорусски окончаніе **ОВЪ** переходитъ въ **И**въ, и фонема Черныговъ никакъ не была бы „чисто малорусской"). Очевидно, г. Соболевскій не знаетъ, что у малоруссовъ существуютъ параллельно двѣ равноправныя фонемы: Черн**И**гивъ и Черн**Ы**гивъ; чередованіе **Ы** и **И** (т. е. старинныхъ **И** и **Ѣ**) объясняется тѣмъ, что малоруссъ вообще любитъ двоякую огласовку суффикса (и окончанія) **ИГА**,—напримѣръ: чепыга и чепига (рукоять у плуга), суцыга и суцига (пройдоха), цапига и цапыга (козлище), кацапыга и кацапига, сопыга и сопига (въ этомъ словѣ **Ѣ** очень употребительно, срв. фамилію князей Сопѣгъ), кустерыга и кустерига (Festuca ovina), драпыга-

рымъ мы заняты сейчасъ, т. е. для вопроса объ этнографическомъ составѣ *кіевлянъ* княжескаго періода. Намъ интересно только отмѣтить, что въ 1893-мъ году г. Соболевскій усматривалъ галицко-волынско-подольскихъ пришельцевъ уже только въ Украйнѣ; Кіевщину, наоборотъ, онъ дѣлаетъ не колоніей, а одною изъ метрополій колонизаціи.

Въ январѣ 1897 года г. Соболевскій рецензировалъ [1]) статью А. М. Лазаревскаго объ украинской южно-лѣвобережной колонизаціи: „Лубенщина и князья Вишневецкіе“ [2]). А. М. Лазаревскій въ началѣ своей статьи указываетъ, что Посулье (южная или точнѣе средняя Полтавщина) въ XVI вѣкѣ было почти пустынею, и кіевская Украина (т. е. южная окраина Кіевской губерніи, не входившая въ составъ древняго Кіевскаго княжества) была въ XVII вѣкѣ тоже почти пустынею. Ни одинъ изъ историковъ Малороссіи не забывалъ сообщить объ этомъ [3]),

---

облунига и дряпига-облуныга (обирало), острыга и острига, кочадига (папоротникъ) при кочадыжныкъ,—слѣдовательно, **чьрнига** и **чьрнѣга** (д. б., увеличительное отъ **чьрнь**). Произношеніе Чер**н**игивъ (съ **и**, не **ы**) преобладаетъ именно въ самой Черниговщинѣ, гдѣ неизвѣстно твердое **ы**, такъ-что **и** и **ѣ** смѣшиваются тамъ и во многихъ другихъ словахъ.

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1897, Январь, 175—176.

[2]) Перепечатка изъ „Кіевской Старины 1896 г. январь, февраль, мартъ.

[3]) Ограничимся выписками изъ монографіи „Кіевъ“ В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, январь). „Звенигородскій и переяславскій повѣты были въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами замки разорены, и князья перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшія области“ (стр. 31). „Между ногайскими кочевьями (расположенными Менгли-Гиреемъ) и между заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, пролегавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизанская война между удальцами татарскими и русскими, и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южно-русская колонизація изъ Кіевской области. Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена“ (стр. 27). „Въ XVI вѣкѣ новые выходцы изъ кіевскаго Полѣсья занимаютъ новыя мѣста: съ одной стороны вновь заселяется поднѣпровская часть бывшаго Переяславскаго княжества, съ другой стороны заселяются „грунты уманскій и звенигородскій“, въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство оффиціально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII в. назначаетъ коммиссію для осмотра края и опредѣленія его пространства“ (стр. 34).

хотя г. Соболевскій въ своей рецензіи и говоритъ, будто кіевская школа историковъ это отрицаетъ[1]); но г. Лазаревскій отличается отъ нихъ постановкой вопроса о метрополіи украинской колонизаціи, послѣ уніи 1569 года. Предыдущіе изслѣдователи приходили къ заключенію, что въ XVI и XVII вѣкѣ Украина колонизовалась, съ одной стороны, по прежнему сѣверными элементами, съ другой стороны—изъ Волыни и Подоліи, особенно въ эпоху Руины. Г. Лазаревскій, пользуясь „помощью однѣхъ догадокъ, хотя, повидимому, и вѣроятныхъ“ [2]), рѣшаетъ, что въ степной Украинѣ не могли бы селиться выходцы изъ Черниговщины, Полѣсья и Волыни, привыкшіе къ лѣсной природѣ, а такъ-какъ Украина Кіевская сама тогда еще заселялась, то „двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра повидимому изъ Подоліи“ [3]); но такъ-какъ и въ Подоліи разгаръ колонизаціонной дѣятельности приходится именно на вторую половину XVI и самое начало XVII вѣка (другими словами: такъ какъ сама Подолія была въ то время далеко не вся заселена), то г. Лазаревскій считаетъ возможнымъ—метрополію украинской колонизаціи предположитъ въ Руси Галицкой[4]). Не трудно

---

[1]) Названная рецензія, стр. 175.

[2]) „Лубенщина“, Кіев. Стар. 1896, янв., стр. 123.

[3]) Тамъ же, стр. 125.

[4]) Стр. 126. Позволю себѣ мимоходомъ высказать многоуважаемому А. М. Лазаревскому свое мнѣніе о его гипотезѣ. Что среди прочихъ выходцевъ съ запада могло прійти на Украину въ XVI—XVIII в. извѣстное количество колонистовъ изъ Галичины, противъ этой догадки спорить незачѣмъ; но счесть Галичину за *метрополію* украинской колонизаціи и вовсе не признать въ Украинѣ притока (и притомъ большого) колонистовъ изъ сѣверно-малорусскихъ областей не позволяетъ филологическое изслѣдованіе украинскаго нарѣчія: оно сходно съ галицкимъ нарѣчіемъ только въ главнѣйшихъ фонетическихъ чертахъ (и то въ такихъ, которыя, какъ извѣстно изъ исторіи развитія малорусскаго языка, могли бы развиться въ украинскомъ нарѣчіи органически, самостоятельно, безъ малѣйшаго воздѣйствія не только галицкаго, но, пожалуй вообще всякаго западно-малорусскаго), а другими фонетическими чертами, морфологіей и лексикой украинское нарѣчіе стоитъ чрезвычайно близко, напримѣръ, къ рѣчи черниговской и сѣверно-кіевской. Галицкое нарѣчіе, вмѣстѣ съ другими нарѣчіями западно-малорусскими, могло только *участвовать* въ образованіи нарѣчія украинскаго, но *украинское нарѣчіе не можетъ быть произведено изъ галицкаго.* Для филолога это должна быть аксіома: такъ и Максимовичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ указалъ на это обстоятельство Погодину;

замѣтить, насколько гипотеза А. М. Лазаревскаго о галицкой колонизаціи Украины (а не Кіевщины) въ XVI—XVII в. (а не послѣ Батыя) отличается отъ прежней гипотезы г. Соболевскаго. Тѣмъ не менѣе г. Соболевссій написалъ въ рецензіи вотъ что: „Таково мнѣніе г. Лазаревскаго. Оно, вообще говоря, не ново, и между прочимъ мы сами говорили то же, что и авторъ, пользуясь отчасти историческими, отчасти лингвистическими данными (послѣднія г. Лазаревскому, повидимому, не доступны). Слишкомъ десять лѣтъ назадъ мы говорили о слабости населенія

такъ и акад. Ягичъ въ 1884 году повторилъ то же г. Соболевскому; такъ и ак. Шахматовъ въ тѣ времена, когда еще держался мнѣнія о безслѣдномъ исчезновеніи старыхъ кіевлянъ, не рѣшился населить Украину галичанами и хотѣлъ выводить ея нарѣчіе изъ Волыни (Русск. Фил. Вѣстн. 1894, кн. IV, стр. 1—12; теперь ак. Шахмаровъ счелъ и это немыслимымъ); да и самъ г. Соболевскій называетъ сѣверную примѣсь въ Украинѣ не просто ничтожной, а „*сравнительно* ничтожной". Соображеніе г. Лазаревскаго, будто въ степной Украинѣ не могъ бы поселиться выходецъ изъ лѣсной мѣстности, совершенно неубѣдительно. На нашихъ глазахъ переселенцы сплошь да рядомъ идутъ въ мѣста съ иной природой, чѣмъ на ихъ родинѣ; плодородная степь, не лишенная притомъ лѣса въ балкахъ, могла быть сѣверцамъ даже привлекательнѣе, чѣмъ ихъ родная страна. А если бы было правильно мнѣніе г. Лазаревскаго, что степь могла заселиться не иначе, какъ выходцами изъ *однохарактерныхъ* мѣстъ, то все равно пришлось бы и Галичину исключить изъ числа украинскихъ метрополій, потому что ея природа тоже не однохарактерна съ украинской. Что общаго было у горной, лѣсистой Коломыи съ южной Полтавщиной? а между тѣмъ г. Лазаревскій какъ-разъ изъ Коломыи хотѣлъ бы видѣть колонистовъ въ южной Полтавщинѣ. Онъ находитъ, что о колонизаціи, направлявшейся изъ Коломыйщины, свидѣтельствуетъ прозвище „Коломыець", которое часто встрѣчается въ южной лѣвобережной Украинѣ. Но вѣдь слово „коломыець" значитъ по-малорусски просто „солеваръ", „соляпопромышленникъ" и можетъ указывать (если дѣйствительно имѣетъ связь съ именемъ города Коломыи) на старинную общеизвѣстность Коломыйскихъ пріисковъ (уже у чернеца Климентія, т. е. при Мазепѣ, слово „Коломыець" является нарицательнымъ), а вовсе не на колонизацію Украины Галичиною. По-малорусски, впрочемъ, и слово „коломыя" оказывается не только именемъ собственнымъ (города въ Галичинѣ и рѣки, впадающей въ Прутъ), но прежде всего именемъ нарицательнымъ, съ разнообразными значеніями: такъ называется и особое растеніе, и родъ сумки, и колдобина, откуда, вѣроятно, также соляная яма; значитъ, слово „коломыець" могло возникнуть на Украинѣ даже безъ всякаго отношенія къ г. Коломыѣ. Вообще же въ вопросѣ объ украинской колонизаціи строить какія-либо догадки на прозвищѣ „коломыець"—совсѣмъ не позволительно. Далѣе, г. Лазаревскій говоритъ: „По недостатку историческаго матеріала изслѣдованіе вопроса о происхожденіи колонистовъ южной лѣвобережной Малорос-

кіевской области въ XVI и въ началѣ XVII вѣка и о движеніи населенія въ приднѣпровскія степи съ запада, изъ галицко-волынской земли. Три года назадъ, по поводу статей г. Яблоновскаго, мы повторили свое мнѣніе, указавъ на рѣшающія вопросъ лингвистическія данныя". Итакъ, въ 1897-мъ году у г. Соболевскаго настолько ослабѣла его прежняя погодинская гипотеза, что ему самому она начала представляться не въ видѣ гипотезы объ истребленіи кіевскаго великорусскаго населенія Батыемъ, а просто въ видѣ утвержденія „о *слабости* населенія кіевской области въ XVI—XVII в. и о движеніи галицко-волынскаго населенія въ приднѣпровскія *степи*".

Вполнѣ ясно высказалъ г. Соболевскій свои новыя воззрѣнія на этотъ предметъ въ маѣ 1897-го года въ статьѣ: „Изъ исторіи русскаго языка" (Ж. М. Н. Пр.). Въ ней ужъ не

сіи можетъ быть произведено съ помощью этнографическаго матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсенъ и разныхъ житейскихъ обрядовъ съ пѣснями и такими же обрядами жителей преимущественно Полтавской губ." (Кіев. Стар. 1896, янв., 126). Такого сличенія г. Лазаревскій еще не произвелъ, но оно и не подтвердитъ его догадки о Галичинѣ, какъ единой метрополіи. Что въ пѣсенномъ репертуарѣ украинскомъ есть близость къ галицкому, это вѣрно; но такая же близость существуетъ у него къ репертуару Подоліи, Волыни, сѣверной Малоруссіи и даже Бѣлоруссіи; при этомъ между пѣснями украинскими и сѣверно-малорусскими нѣтъ той разницы въ формахъ, словахъ и оборотахъ языка, которая такъ ощутительна при сравненіи пѣсенъ украинскихъ съ галицкими. (Сопоставленіе пѣсеннаго малорусскаго матеріала отчасти уже произведено: г. Довнаръ-Запольскій въ „Пѣсняхъ Пинчуковъ" (К. 1895) и г. Гринченко въ III томѣ своихъ „Этнографическихъ матеріаловъ, записанныхъ въ Черниговщинѣ и сосѣднихъ губерніяхъ" (Ч. 1899) указываютъ параллели изъ всѣхъ прочихъ мѣстъ Малороссіи. Слышалъ я, что г. Лазаревскій обращается также къ географической номенклатурѣ Украины. Онъ указываетъ, что многія села Полтавщины носятъ такія же названія, какія имѣются въ Галичинѣ. Но вѣдь въ Полтавщинѣ есть также много другихъ селъ, съ названіями восходящими не къ Галичинѣ, а къ другимъ мѣстностямъ; поэтому только тѣ одноименныя съ галицкими украинскія села могутъ считаться колоніями Галичины, имена которыхъ повторяются исключительно въ Галичинѣ и не существуютъ ни въ Подоліи, ни на Волыни, ни въ сѣверной Малоруси, ни въ Бѣлоруссіи,—словомъ, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. Если такія села окажутся (а нельзя ранѣе предугадывать, что не окажутся), то хоть невозможенъ будетъ выводъ, будто одна Галичина была метрополіей украинской колонизаціи, но за то возможна будетъ увѣренность, что *кромѣ* подолянъ, волынянъ, бѣлорусовъ и сѣверныхъ малоруссовъ шли на Украину *и* галичане.

только ничего не говорится объ исчезновеніи старокіевскаго населенія отъ Батыева погрома и приходѣ галичанъ или волынянъ въ Кіевъ, но, напротивъ, кіевскій говоръ XI—XVI вѣка разсматривается какъ одно преемственно развивающееся цѣлое, и только для XV—XVI вѣка предполагается (на основаніи, понятно, документальномъ) нѣкоторая чужая примѣсь, но ужъ не галицкая и не волынская, а сѣверная: бѣлорусская или великорусская. Вотъ заключительныя слова г. Соболевскаго: „Старый кіевскій говоръ былъ изъ нынѣшнихъ (великорусскихъ) говоровъ особенно близокъ къ говорамъ Орловской и Курской губерній [1]), которыя, по всей вѣроятности [2]), до движенія въ Сѣверщину малоруссовъ, занимали всю ея территорію, но онъ едва ли былъ чистымъ великорусскимъ говоромъ. Трудно сказать, былъ ли онъ переходнымъ говоромъ отъ великорусскаго нарѣчія къ малорусскому (въ родѣ тѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи), или (для XV—XVI вѣковъ) говоромъ смѣшаннымъ" [3]). Зная уже предыдущую рецензію г. Соболевскаго (по поводу Яблоновскаго) и его діалектологическія характеристики „тѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи" [4]), мы видимъ, что г. Соболевскій относитъ старый кіевскій говоръ къ числу сѣверно-малорусскихъ. Противъ такого мнѣнія не рѣшится по существу спорить, вѣроятно, ни одинъ историкъ малорусскаго нарѣчія [5]); спорить можно только о томъ, былъ

---

[1]) Въ этихъ говорахъ смѣшиваются Е и Ү, спорадически Ы и И, Ѣ и И; слышится h, а не Г; произносится ХВ вм. Ф; удваивается согласная передъ Ь (замиренья); смягчаются гортанные (на дарозѣ, на руцѣ); образуется 3-ье л. ед. ч. безъ „тъ" (онъ знае), и т. п. По замѣчанію акад. Шахматова (Ж. М. Н. Пр. 1899, апр., 369) рѣчь орловцевъ настолько своеобразна, что у изслѣдователей являлось желаніе считать орловцевъ не великоруссами, а чистѣйшими бѣлоруссами.

[2]) Это нужно доказать чѣмъ-нибудь.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1897, май, стр. 50.

[4]) См. „Очерки русской діалектологіи". Живая Старина 1892, вып. III, стр. 3—4; вып. IV, стр. 12.

[5]) У Потебни, Житецкаго, Огоновскаго, Ягича и др. можно встрѣтить болѣе или менѣе прямое заключеніе, что старокіевское нарѣчіе принадлежало къ типу

ли старый кіевскій говоръ изъ числа такихъ, каковъ, напримѣръ, современный говоръ пинскій[1]), или это былъ тотъ же говоръ, который и теперь господствуетъ въ сѣверной Кіевщинѣ. Первое предположеніе маловѣроятно.

Эти строки были уже написаны, когда въ апрѣльской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" появилась замѣчательная статья акад. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей"[2]). Научной неподкупности г. Шахматова мы не смѣли заподозривать даже тогда, когда онъ держался прежней, ярко невѣроятной гипотезы г. Соболевскаго[3]). Теперь, на основаніи внимательнаго изученія древнерусской исторіи и современной діалектологіи[4]), г. Шахматовъ съ истинно академическимъ безпристрастіемъ рѣшительно отказался отъ той гипотезы и заявилъ объ исконной малорусскости жителей Кіевской области. Приведемъ извлеченія изъ его статьи.

архаическому, сѣверно-малорусскому. Вполнѣ ясно высказано это у того лица, которое наиболѣе компетентно въ вопросахъ малорусской діалектологіи,—у К. П. Михальчука. Онъ, говоря объ исконномъ дѣленіи южно-руссовъ на группу сѣверовосточную и юго-западную, въ первой группѣ относитъ древлянъ и полянъ кіевскихъ и переяславскихъ (Кіев. Стар. 1893, сент., стр. 460). „Современное полѣшское, или сѣверно-малорусское поднарѣчіе является лишь незначительнымъ осколкомъ прежней обширной отрасли южно-русской рѣчи сѣверо-восточнаго (полянско-древлянскаго) типа... Украинское же поднарѣчіе образовалось на почвѣ древней полянско-древлянской рѣчи подъ продолжительнымъ вліяніемъ на нее рѣчи волынянъ и подолянъ, а можетъ быть, отчасти и галичанъ" (Тамъ же, стр. 460). Ѳ. Я. Коршъ, необыкновенная филологическая проницательность котораго общеизвѣстна, сообщилъ мнѣ, что, по его изслѣдованію, старая кіевская рѣчь была полѣшская. То же на дняхъ высказалъ акад. Шахматовъ въ своей статьѣ (Ж. М. Н. Пр., апр.). Такимъ образомъ, говоря, что никакой филологъ не будетъ причислять старый кіевскій говоръ къ южно-малорусскимъ, я руковожусь вовсе не субъективнымъ предположеніемъ.

[1]) Г. Соболевскій склоняется именно къ этому, но вѣроятно, не долго будетъ настаивать на своемъ предположеніи.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1899, апрѣль, 324—384.

[3]) Срв. Кіев. Стар. 1898, іюль, 355.

[4]) А съ показаніями памятниковъ онъ ужъ раньше былъ прекрасно знакомъ.

Для современныхъ малорусскихъ нарѣчій г. Шахматовъ принимаетъ сперва дѣленіе на три группы[1]). Эти три группы: сѣверно-малорусская, восточно-украинская, западно-украинская[2]). Изъ нихъ наиболѣе противоположны другъ другу въ фонетическомъ отношеніи — нарѣчіе восточно-украинское и нарѣчіе сѣверно-малорусское. Западно-украинское занимаетъ средину между ними: хоть оно, подобно восточно-украинскому (полтавско-харьковскому), не имѣетъ двугласныхъ, все таки оно произноситъ звукъ і (изъ ô) болѣе твердымъ, болѣе архаичнымъ способомъ, чѣмъ восточно-украинское; что касается другихъ фонетическихъ чертъ западно-украинскаго нарѣчія, то во многихъ оно приближается, пожалуй, къ восточно-украинскому, но одновременно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя черты сѣверно-малорусскаго нарѣчія, несвойственныя восточно-украинскому[3]). Характеръ западно-украинскаго нарѣчія говоритъ филологу о томъ, что оно возникло отъ воздѣйствія сѣверно-малорусскаго нарѣчія на восточно-украинское. При *нынѣшней* географической группировкѣ малорусскихъ племенъ такое происхожденіе западно-украинскаго нарѣчія казалось бы физически невозможнымъ. Но вѣдь мы знаемъ изъ исторіи народа, что восточные украинцы (напримѣръ, харьковцы и полтавцы) не всегда жили въ Харьковщинѣ и Полтавщинѣ, а пришли туда

---

[1]) Онъ, какъ и г. Соболевскій, руководится въ своей классификація исключительно фонетическими чертами, однако для него служитъ критеріемъ (и совершенно основательно) не только произношеніе ô за і, но также степень твердости или мягкости этого і. Кромѣ того онъ считается съ большей или меньшей твердостью **Ы** (кулишевскаго **N**), мягкостью или твердостью **ρ** (прямо и прамо), отвердѣніемъ или неотвердѣніемъ **ТЬ** (винъ ходы**ТЪ**, винъ ходы**ТЬ**), съуженіемъ я въ е (взѣеты, взяты) и т. д.

[1]) Отдѣльной діалектической особи червонорусской г. Шахматовъ не признаетъ, а относитъ одни галицкіе говоры къ сѣверно-малорусскому нарѣчію, другіе—къ западно-украинскому. Такимъ образомъ, терминъ „Украина“ у него имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ принято у историковъ. См. назв. статью стр. 328, 344.

[2]) Отвердѣніе, хотя и спорадическое, мягкаго **ρ**; отвердѣніе, хотя и не постоянное, окончанія **Т** въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ; произношеніе **Ы** вмѣсто восточно-украинскаго средняго **N**; съуженіе я въ е, и т. д.—Стр. 328 и 344.

съ запада, изъ-за Днѣпра, гдѣ географическое положеніе трехъ малорусскихъ группъ могло быть иное. Изъ какого же Правобережнаго мѣста пришли они на востокъ Днѣпра? Особенности современнаго восточно-украинскаго нарѣчія, сложившагося (это ясно филологу) непремѣнно такъ же давно, какъ и другія малорусскія нарѣчія[1]), показываютъ, что лѣвобережные колонисты (полтавцы, харьковцы) въ тѣ времена, когда они жили еще на Правобережьи, жили тамъ не иначе, какъ въ *самой южной* его части. Скажемъ то же иными словами: больша́я противоположность восточно-украинскаго нарѣчія сѣверно-малорусскому и смѣшанный, посредствующій характеръ западно-украинскаго нарѣчія показываютъ, что на первоначальной родинѣ малорусскаго языка, въ Правобережьи, передъ началомъ движенія малоруссовъ за Днѣпръ, область сѣверно-малорусскаго и область восточно-украинскаго нарѣчія не примыкали другъ къ другу непосредственно, но были разъединены областью нарѣчія западно-украинскаго; слѣдовательно, къ югу отъ области сѣверно-малорусскаго нарѣчія лежала сперва область нарѣчія западно-украинскаго, а ужъ къ югу отъ послѣдняго—область восточно-украинскаго нарѣчія (предка нынѣшней харьково-полтавской рѣчи). Но такъ-какъ въ этой группировкѣ срединное (по нынѣшнему „западно-украинское“) нарѣчіе можно считать не самостоятельно возникшимъ нарѣчіемъ, а просто переходной стадіей между двумя остальными малорусскими нарѣчіями (между самымъ сѣвернымъ и самымъ южнымъ), то формулировать результаты всего предыдущаго филологическаго анализа можно такъ: „На пространствѣ, лежащемъ по правую сторону Днѣпра, малорусское нарѣчіе, въ самую древную свою эпоху, гораздо раньше начала колонизаціоннаго движенія на лѣвый берегъ Днѣпра, дѣлилось только на двѣ вѣтви—сѣверную и южную; но отъ продолжительнаго сближенія сѣверной вѣтви съ южною получился еще рядъ смѣшанныхъ говоровъ, какъ въ современной Украйнѣ, такъ и въ Галиціи[2]). Позже произошло выселеніе

---

[1]) Стр. 328.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ г. Шахматовъ Галичину уже противопоставляетъ Украинѣ.

той части южной вѣтви, которая сохранилась въ чистотѣ и не смѣшалась съ сѣверной, на востокъ—въ Полтавщину и Слободскую Украйну" [1]).

Эта картина лишена еще отчетливости: она какъ бы не ретуширована и набросана только въ общихъ контурахъ. Сопоставивши показанія языка съ показаніями исторіи народа, г. Шахматовъ устанавливаетъ ужъ болѣе подробныя, болѣе опредѣленныя свѣдѣнія по вопросу объ образованіи малорусскихъ народностей. Восточною границею южнорусской (иначе—малорусской) вѣтви русскаго народа былъ Днѣпръ, который южноруссы перешли, повидимому, не ранѣе XIV вѣка [2]); сѣверною границею была приблизительно Припеть, которую южноруссы, впрочемъ, перешли еще въ доисторическую эпоху; южная и западная границы часто колебались и измѣнялись. Эта территорія, ограниченная съ востока Днѣпромъ, была занята малоруссами въ эпоху доисторическую: мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Приднѣпровье лишь въ историческое время [3]). Лѣтописецъ называетъ на этой территоріи не одно, а нѣсколько южнорусскихъ племенъ: полянъ, древлянъ, волынянъ, бужанъ, тиверцевъ, дулѣбовъ, хорватовъ, уличей. Но такъ-какъ потомки южно-руссовъ современные малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Чернаго моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ, то мы должны признать единоплеменность тѣхъ южныхъ племенъ,

---

[1]) Стр. 329.—Рискуя надоѣсть читателю многократнымъ повтореніемъ того, что уже было сказано выше, я все таки сдѣлаю нѣсколько замѣчаній къ выводамъ г. Шахматова. Невозможность производить, напримѣръ, полтавцевъ отъ галичанъ у него основана только на фонетическихъ чертахъ восточно-украинскаго нарѣчія. Напоминаю, что о той же невозможности вопіютъ черты морфологическія и лексическія. Эти же черты указываютъ, что засельниками лѣвобережной Украины были колонисты не только изъ самаго южнаго Правобережья, но также изъ области сѣвернаго малорусскаго нарѣчія.

[2]) Стр. 338. Исключеніе г. Шахматовъ дѣлаетъ для той узкой береговой полосы Приднѣпровскаго лѣвобережья, которая еще прежде XIV вѣка принадлежала южноруссамъ кіевскимъ. (Стр. 344).

[3]) Стр. 339.

о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ. Южноруссы издавна дѣлились на лѣсныхъ и степныхъ; такое дѣленіе обусловливалось природою занятой ими страны. Лѣсныя пространства лежали къ сѣверу, степныя къ югу. Вотъ почему г. Шахматовъ принимаетъ *исконное* дѣленіе южно-руссовъ (иначе—малоруссовъ) на вѣтви—сѣверную и южную [1]). Къ сѣверной вѣтви южно-руссовъ принадлежали хорваты, бужане (жившіе по Западному Бугу), дулѣбы (жившіе нѣкогда по южному Бугу), древляне и, наконецъ, поляне; къ южной вѣтви южно-русской группы относились тиверцы, уличи и волыняне [2]). Но въ историческую эпоху удары степняковъ (печенѣговъ и половцевъ,—съ конца X в.) повліяли на южныя малорусскія племена: они должны были двинуться къ сѣверу и потѣснить племена сѣверныя [3]): сначала, на востокѣ малорусской территоріи, волыняне потѣснили древлянъ и дулѣбовъ [4]); не покидая излюбленнаго юга, уличи, сидѣвшіе внизъ по Днѣпру (очевидно, до самаго моря), удаляются къ западу и поселяются между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ [5]); а на самомъ западѣ малорусской территоріи, южно-малорусское племя тиверцевъ, оттѣсненное отъ Дуная и отъ моря, двинулось въ область сѣверно-малорусскаго племени хорватовъ, въ бассейнъ Днѣстра, и частью оба племени сливаются, а частью хорваты оставляютъ свои прежнія жительства и углубляются въ Карпаты [6]). По поводу культурнаго полянскаго центра—Кіева—г. Шахматовъ замѣчаетъ, что его общерусское значеніе создано не одними мирными земледѣльцами—полянами, но и военно-торговымъ движеніемъ по Днѣпру. Кіевъ былъ центромъ, объединявшимъ нѣкоторыя изъ

[1]) Стр. 344.

[2]) Стр. 339.

[3]) Стр. 341.

[4]) Стр. 348. На уличей читателю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, такъ какъ (это мы увидимъ ниже) именно отъ нихъ г. Шахматовъ выводитъ современное восточно-украинское нарѣчіе.

[5]) Стр. 344 и 350. И теперь мы находимъ въ Карпатахъ такіе говоры, которые несомнѣнно должно относить къ сѣверно-малорусской группѣ (срв. переходъ ô въ у), а галицкое, или червоно-русское нарѣчіе представляетъ на южно-малорусской основѣ рядъ сѣверно-малорусскихъ особенностей.

[6]) Стр. 351.

русскихъ племенъ и всего вѣроятнѣе—полянъ съ сѣверянами [1]. „Вотъ почему нѣкоторые древніе памятники, писанные въ Кіевѣ, не содержатъ тѣхъ рѣзкихъ діалектическихъ особенностей, которыми отличаются памятники новгородскіе или даже сосѣднихъ съ Кіевомъ городовъ деревской, волынской, можетъ быть, даже самой полянской земли: очевидно, въ общерусскомъ городѣ создалось такое нарѣчіе, которое утратило или сгладило наиболѣе рѣзкія діалектическія черты... А. И. Соболевскій сначала допустилъ въ Кіевѣ присутствіе великоруссовъ, а впослѣдствіи—одного изъ тѣхъ племенъ, которыя со временемъ образовали великорусское племя [2]. Конечно, предположеніе о смѣшанномъ характерѣ Кіевскаго (городскаго) населенія дѣлаетъ совершенно излишней гипотезу Соболевскаго, въ значительной степени вызванную теоріей Погодина, признававшаго возможнымъ переселеніе русскаго племени изъ Приднѣпровья въ при-окскую область послѣ татарскаго нашествія. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія не признать кіевскаго населенія южно-русскимъ, хотя оно было въ самомъ городѣ значительно разрѣжено другими русскими племенами и всего вѣроятнѣе сѣверянами“ [3]).

---

[1]) Стр. 351.

[2]) Я въ этой же главѣ, выше показалъ читателю, что тѣ „нѣкоторые“ кіевскіе памятники, на какихъ г. Соболевскій строилъ свою гипотезу о великорусскости Кіева, писаны или вовсе не въ Кіевѣ, или не кіевлянами. Наоборотъ, памятники, писанные кіевлянами, проявили въ себѣ тѣ малорусскія особенности, какія существовали въ малорусскомъ языкѣ стараго времени.

[3]) Стр. 345—346.—Въ выноскѣ (на стр. 345) г. Шахматовъ замѣчаетъ, что «говоръ князей и дружины имѣлъ, несомнѣнно, общерусскій характеръ, благодаря ихъ постояннымъ передвиженіямъ». Навѣрное, и среди купечества, думается намъ, бывали часто некіевляне, пріѣзжавшіе нажиться въ такой торговый городъ, какъ Кіевъ. Кіевъ привлекалъ къ себѣ немалоруссовъ еще и потому, что сдѣлался общерусской религіозной святыней, разсадникомъ христіанства въ областяхъ къ сѣверу отъ него. Кіево-печерское монашество, этотъ питомникъ просвѣщенія, несомнѣнно заключало въ своей средѣ и некіевскіе элементы, такъ-какъ нельзя же предположить, чтобы никто—ну, хоть, изъ вятичей—не послѣдовалъ примѣру своего апостола Кукши Кіево-печерскаго и не поступалъ въ монахи Лавры. Впрочемъ, это и безъ предположеній извѣстно,—по Патерику; то же видно изъ записей на кіево-печерскихъ рукописяхъ (вспомнимъ хоть вышеупомянутую Псалтырь Спиридона (Москвича) 1397 года; заказанное Іоной Балакиревымъ Евангеліе 1411-го г.; хранящійся въ Московской Духовной Академіи, но писанный въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ Златоструй

Переходя къ нашествію татаръ, г. Шахматовъ говоритъ: южно-руссы въ Заднѣпровьи подверглись жестокимъ и страшнымъ ударамъ со стороны татаръ: ихъ орды заходили такъ далеко, куда половцы могли проникнуть только въ качествѣ союзниковъ русскихъ царей. Всѣ историки согласны въ томъ, что Кіевская земля была совершенно опустошена татарами: конечно, невѣроятно, чтобы они превратили ее въ безлюдную пустыню, но во всякомъ случаѣ значительная часть населенія должна была искать болѣе безопасныхъ поселеній и, конечно, двигалась при этомъ къ сѣверу и западу. Вмѣстѣ съ тѣмъ остатки кіевскаго (сѣверно-малорусскаго) населенія должны были принять совершенно иной харак-

---

Ондрея Тферитина 1474 года). Дѣлая эти указанія, я тѣмъ самымъ потверждаю мысль о чужой примѣси въ рядахъ (sit venia verbo) „интеллигенція" стараго города Кіева. Однако, ничто намъ не указываетъ, чтобы рѣчь пришлецовъ не подвергалась вліянію рѣчи кіевскаго простонародья. Если и теперь, при строгой системѣ обрусенія, простой народъ Кіева не теряетъ своего малорусскаго языка и даже оказываетъ извѣстное вліяніе на рѣчь кіевской общерусской интеллигенціи, (Соболевскій: Діалектологія—Жив. Стар. 1892, I, 9), то во сколько же разъ сильнѣе было это вліяніе встарину, когда о принудительной системѣ денаціонализаціи никто и понятія не имѣлъ! Примѣры у насъ на лицо: дьякъ Іоаннъ, великокняжескій переписчикъ Изборниковъ 1073-го и 1076-го года, принадлежалъ къ кіевской интеллигенціи, вращался въ великокняжеской сферѣ; однако его невольныя описки показываютъ намъ, что говорилъ онъ не по-общерусски, а по кіевски.—Г. Шахматовъ говоритъ еще: «Отмѣчу, что словарный составъ нашихъ кіевскихъ лѣтописей также доказываетъ смѣшанный характеръ кіевскаго говора: лѣтописецъ употребляетъ слово истьба, неизвѣстное южно-русскому племени; онъ влагаетъ въ уста Мономаха слово лошадь, описывая Долобскій съѣздъ: въ этой формѣ оно не извѣстно въ малорусскихъ говорахъ (стр. 345)». Слово «истьба» (теперь произносятъ и „ïздьба", и Ізба") не извѣстно только въ нѣкоторыхъ говорахъ Малороссіи (тамъ говорятъ „хата"), а въ архаическихъ вполнѣ извѣстно (см. Желеховскаго I, 327; Kolberg I, 102). То же скажемъ и о словѣ „лошадь". Для обозначенія понятія „добрый конь" оно въ нашей козацкой странѣ не употребляется (какъ не употреблялось и въ древней Руси; Владиміръ Мономахъ говорилъ о лошади смерда—пахаря); но обыкновенныя лошади до сихъ поръ помалорусски называются „лошицями", „лошичками", „лошунами" (послѣднее сообщено И. Франкомъ Желеховскому, s. v.), а жеребята—„лошатами" „лошатками", „лошуками" и т. д. Вообще же словарный матеріалъ кіевской лѣтописи отличается поразительной близостью къ современному малорусскому, и когда будетъ изданъ историческій словарь малорусской рѣчи (надъ которымъ много лѣтъ потрудился П. И. Житецкій и надъ которымъ продолжаю теперь работать я), то преемственная близость малорусской рѣчи къ древней южно-русской не будетъ ни въ комъ вызывать малѣйшихъ сомнѣній.

теръ, сравнительно съ прежнимъ временемъ: рубежъ русской земли съ лѣвой стороны Днѣпра переносится на правый, и Кіевская земля, постоянно угрожаемая съ востока и юга, становится новою украйною земли русской; порубежники быстро мѣняютъ прежній образъ жизни и привычки, такъ какъ имъ уже не приходится предаваться мирнымъ занятіямъ земледѣльцевъ и торговцевъ. Весьма вѣроятно при этомъ, что населеніе Кіевской земли (т. е. сѣверно-малорусское) ассимилируется[1]) тому южно-малорусскому населенію, которое издавна сосѣдило на югъ со степью,—жителямъ Поросья и Побужья; въ Побужьѣ жили потомки уличей, которымъ событія на югѣ открыли новую историческую роль. Въ XIII вѣкѣ уличи, пользуясь слабостью южныхъ князей, стремятся къ самостоятельности; у нихъ появляются самостоятельные князья, а территорія ихъ выдѣляется изъ сосѣднихъ княженій подъ именемъ Болоховской земли. Нашествіе татаръ, съ которыми они вошли въ особое соглашеніе, еще болѣе отдѣлило ихъ отъ остальной Руси, при чемъ упорное сопротивленіе Даніилу Галицкому показываетъ многолюдство и могущество Болоховской земли. Такимъ образомъ, на юго-западѣ Руси нашествіе татаръ вызываетъ явленіе сходное съ тѣмъ, которое послѣдовало (два съ половиною вѣка тому назадъ) за вторженіемъ печенѣговъ въ наши южныя степи: южное населеніе вступаетъ въ борьбу съ сѣвернымъ. Подобно тому какъ древляне и дулѣбы отступили тогда въ результатѣ этой борьбы къ сѣверу, такъ точно, послѣ вторженія татаръ, населеніе Кіевской земли и, вѣроятно, также Волынской отлило въ Полѣсье[2]),

---

[1]) Выраженіе „ассимилируется" употреблено здѣсь г. Шахматовымъ крайне сбивчиво. Если онъ хочетъ сказать, что рѣчь Кіевщины приняла *многіе* южно-малорусскіе признаки, то съ этимъ согласиться можно; но о *безусловной* ассимиляціи не можетъ быть и рѣчи: рукописные (отчасти и печатные) памятники обнаруживаютъ присутствіе сѣверно-малорусскихъ чертъ къ югу отъ Кіева вплоть до 18-го вѣка; да и теперь говоръ средней Кіевщины не вполнѣ южно-малорусскій.

[2]) Сѣверная Кіевщина сама есть ужъ Полѣсье, да и изъ средней Кіевщины (по причинамъ, указаннымъ выше) нельзя предположить уходъ сѣверно-малорусскаго населенія. Уличи могли занять только Поросье и мѣста къ югу отъ Роси. Требуется, чтобы г. Шахматовъ выразился здѣсь точнѣе.

оставляя просторъ для сидѣвшихъ южнѣе жителей Понизовья (мѣстность между Богомъ и Днѣстромъ)[1]).

Съ XIV вѣка,—продолжаетъ г. Шахматовъ сопоставлять показанія языка съ показаніями исторіи народа,—южно-руссамъ, страна которыхъ, кажется, не ранѣе XIII вѣка получаетъ названіе Малой Руси, открывается новая задача—колонизовать югъ и юго-востокъ Россіи. Подъ охраной литовскихъ князей и кіевскихъ Олельковичей, малоруссы двигаются въ Полтавщину[2]), что можетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ противъ предположенія о слишкомъ сильной разрѣженности южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія. Кіевское княжество уже въ XV вѣкѣ нашло возможность расширить свои предѣлы до Чернаго моря и Донца; ясно, что собственно Кіевщина не могла въ то время нуждаться въ колонистахъ изъ Галиціи или Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи новыя событія на востокѣ и въ особенности образованіе крымскаго ханства привели Кіевъ ко вторичному упадку: „широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, говоритъ Антоновичъ, исчезли черезъ полвѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды". Прочное колонизаціонное движеніе малоруссовъ въ Полтавщину и Черниговщину возобновляется не раньше XVI вѣка; впослѣдствіи, уже подъ охраною московскаго государства, заселяются южныя степи бѣжавшимъ отъ польскихъ порядковъ малорусскимъ крестьянствомъ. Во второй половинѣ XVII вѣка малоруссы занимаютъ современную Харьковскую, западную часть Воронежской и южную часть Курской губерній. Колонизаціонное движеніе съ праваго берега Днѣпра шло, кажется, преимущественно изъ южной Украйны, изъ Побережья, т. е. мѣстности между Бугомъ и Днѣстромъ: населеніе этой части южной Руси, захвативъ сначала, какъ мы видѣли выше, Кіевщину[3]), двигалось затѣмъ большими волнами въ заднѣпровскія степи[4]).

---

[1]) Стр. 357—358.

[2]) Сперва въ сѣверную.

[3]) Конечно, только Кіевщину южную.

[4]) Стр. 367—368.

Резюмируя свою обширную статью, г. Шахматовъ по поводу группы малорусскихъ современныхъ нарѣчій говоритъ: Малорусская группа цѣльнѣе, чѣмъ всѣ остальныя (т. е. чѣмъ бѣлорусская и великорусская), сохранила свою связь съ древней группой соотвѣтствующихъ ей говоровъ: южно-русская группа X—XI вѣка вполнѣ представлена современной группой—малорусской[1]), и подобно тому какъ древняя южно-русская племенная группа дѣлилась на племена сѣверныя и южныя, малорусское нарѣчіе можно раздѣлить на сѣверное и южное поднарѣчіе[2]); смѣшеніе древнихъ племенъ сѣверныхъ и южныхъ на ихъ пограничныхъ полосахъ отразилось въ нынѣшнемъ малорусскомъ нарѣчіи говорами переходными. Какъ ни цѣнны всѣ дальнѣйшія частныя замѣчанія г. Шахматова по поводу каждой группы: сѣверно-малорусской, южно-малорусской и переходной, я ограничусь сообщеніемъ лишь самаго необходимаго[3]).

Въ старину (и даже лѣтъ двѣсти-триста тому назадъ) на Правобережьи, т. е. въ западномъ бассейнѣ Днѣпра, въ бассейнѣ Бужскомъ и въ бассейнѣ Днѣстровскомъ, слышались всѣ три малорусскихъ нарѣчія, или поднарѣчія:—на югѣ чистое южнорусское, въ центральной полосѣ—южномалорусское смѣшанное, на сѣверѣ—сѣверномалорусское. Теперь ихъ группировка иная.

1) *Чистаго* южномалорусскаго нарѣчія теперь на правомъ берегу Днѣпра уже нѣтъ. Этимъ чистымъ южномалорусскимъ нарѣчіемъ говорили жители Понизовья (между Бугомъ и Днѣстромъ) и, подъ конецъ, жители южной Кіевщины. Отъ сѣверныхъ малоруссовъ эти чистые южномалоруссы были отдѣлены широкой полосой смѣшанныхъ говоровъ и, какъ видно изъ событій XIII вѣка, не вполнѣ втянулись въ общую политическую малорусскую жизнь. Эти чистые южномалоруссы уже выселились изъ Правобережья и занимаютъ теперь Полтавскую губернію (кромѣ сѣверной полосы), Харьковскую (безъ сѣверозападной полосы),

---

[1]) Стр, 368.

[2]) Стр. 369.

[3]) Изъ стр. 369—377.

южную часть Курской, юго-западную часть Воронежской,—вообще Слободскую Украину и южныя степи; поэтому, основываясь на ихъ нынѣшнемъ географическомъ положеніи, ихъ чистую южномалорусскую рѣчь приходится теперь называть восточноукраинскимъ нарѣчіемъ. Мѣста, оставленныя ими въ Правобережьи, были послѣ ихъ ухода заняты ихъ сосѣдями съ сѣвера, т. е. южномалоруссами смѣшанными [1]).

2) Южномалорусское нарѣчіе *смѣшанное*, усвоившее нѣкоторыя немаловажныя черты сѣверныя, уже не есть теперь по своему географическому положенію нарѣчіе срединное, а просто—западно-украинское, или западно-малорусское. Имъ говорятъ въ Галичинѣ, въ Подоліи (откуда чистые южномалоруссы уже выселились на Лѣвобережье), въ западной Волыни, въ южной и отчасти средней Кіевщинѣ (откуда чистые южномалоруссы тоже выселились); путемъ колонизаціи (начавшейся раньше, чѣмъ у чистыхъ южномалоруссовъ) это смѣшанное южно-малорусское нарѣчіе распространилось въ южной Черниговщинѣ и сопредѣльной сѣверной Полтавщинѣ, въ сѣверозападной полосѣ Харьковской губерніи и въ западномъ углѣ Курской губерніи [2]).

3) Сѣверно-малорусское нарѣчіе занимаетъ сѣверъ малорусской территоріи, отступая отъ юга то больше, то меньше; самый западный пунктъ—Русь Угорская, самый восточный—Черниговской

[1]) Т. е. типа галицкаго, западно-волынскаго, среднекіевскаго. Если какое-ниб. количество чистыхъ южномалоруссовъ не выселилось, а осталось въ Правобережьи, то ихъ рѣчь должна была ассимилироваться съ рѣчью новопришедшихъ срединныхъ (смѣшанныхъ) южномалоруссовъ. Точное изслѣдованіе современнаго языка тѣхъ правобережныхъ мѣстностей, которыя покинуты чистыми южномалоруссами, быть можетъ, позволитъ уловить тамъ какіе-нибудь пережитки отъ прежней южномалорусской рѣчи. Къ изслѣдованію должны быть привлечены глагольныя образованія типа *носю*, *возю*, *летю*, *ходю* (подчеркнутыя еще К. П. Михальчукомъ), мѣстоименіе *цей*, *ця*, (=сей, ся) и т. д.

[2]) Всестороннее изслѣдованіе языка перечисленныхъ частей Лѣвобережья показываетъ, что въ образованіи ихъ населенія участвовали также чистые сѣверномалоруссы и, быть можетъ, даже бѣлоруссы. Съ другой стороны, то же изслѣдованіе не указываетъ, чтобы изъ числа смѣшанныхъ южномалоруссовъ приходили въ названныя мѣста Лѣвобережья колонисты изъ Галичины и смежной Западной Волыни; если-жъ они и приходили, то слѣда въ языкѣ не оставили,—значитъ, ихъ и не могло быть много.

щина. Говоры сѣверномалорусскаго нарѣчія отразили на себѣ судьбы сѣверномалорусскихъ племенъ: тѣснимые съ юга южномалоруссами (волынянамы и уличами), древляне, дулѣбы и бужане переходятъ на территорію дреговичей (бѣлоруссовъ) и смѣшиваются съ ними; но южныя племена продолжаютъ уступать къ сѣверу при всякомъ усиленіи степныхъ кочевниковъ, татарское нашествіе даетъ послѣдній ударъ въ этомъ направленіи,—ясно, почему южные малоруссы преслѣдуютъ сѣверныхъ и въ новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, и тамъ, гдѣ они успѣли смѣшаться съ дреговичами. Такимъ образомъ, самые сѣверные изъ сѣверномалорусскихъ говоровъ имѣютъ примѣсь бѣлорусскихъ особенностей: здѣсь сѣверные малоруссы сблизились съ бѣлоруссами, которыхъ они вытѣсняли. Наиболѣе устойчиво сѣверномалорусское племя сохранило свои поселенія на востокѣ, хотя и уступило южнымъ малоруссамъ въ болѣе раннюю эпоху южную часть древлянской земли, а въ болѣе позднюю—территорію полянъ; отступая къ сѣверу, древляне смѣшивались съ дреговичами; вотъ почему на сѣверѣ восточныхъ поселеній сѣверныхъ малоруссовъ мы найдемъ бѣлорусскія, а на югѣ—южномалорусскія особенности. Изъ числа сѣверно-малорусскихъ поселеній особенно для насъ интересенъ Радомысльскій уѣздъ Кіевской губ., Овручскій, Житомирскій, Новоградъ-Волынскій и Ровенскій уѣзды Волынской губ. Въ ихъ говорѣ сѣверномалорусскія черты смѣшиваются съ южномалорусскими, но бѣлорусскихъ особенностей нѣтъ,—слѣдовательно полѣхи сѣверной части Кіевской и указанныхъ уѣздовъ Волынской губерніи продвинулись сюда не съ сѣвера [1]). Иными словами: типъ старыхъ домонгольскихъ кіевлянъ наиболѣе чисто представленъ теперь жителями Радомысльскаго уѣзда и названныхъ сосѣднихъ уѣздовъ Волыни.

Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я привелъ такія обширныя извлеченія изъ статьи г. Шахматова [2]):

---

[1]) Стр. 370.

[2]) Она мною приведена преимущественно въ видѣ буквальныхъ извлеченій изъ наиболѣе существенныхъ мѣстъ, а кое-гдѣ желая сдѣлать ее вразумительной для средняго читателя—неспеціалиста, я постарался изложить ее даже популярно, за что многауважаемый академикъ не будетъ, надѣюсь, на меня въ

она вполнѣ этого заслуживаетъ. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ г. Шахматовъ произведетъ въ ней еще немало улучшеній: и со стороны чисто исторической—спеціальная разработка отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ не разъ внесетъ въ эту статью многія полезныя дополненія и болѣе точную формулировку нѣкоторыхъ положеній; и со стороны филологической—дальнѣйшія работы въ области изученія современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ также придадутъ иную формулировку нѣкоторымъ выводамъ и обобщеніямъ [1]); но главнѣйшія, существенныя идеи работы г. Шахматова останутся непоколебленными, потому-что онѣ не легкомысленно схвачены съ воздуха, а представляютъ собою продуманное, необходимое логическое заключеніе изъ тѣхъ данныхъ, которыя были приготовлены г. Шахматову многими серіозными трудами многихъ серіозныхъ ученыхъ, предшественниковъ нашего талантливаго академика.

Итакъ, гипотеза о великорусскости старыхъ кіевлянъ уже погребена: отъ нея отказались и г. Соболевскій, и г. Шахматовъ. Тѣмъ не менѣе я считаю вовсе небезполезнымъ для исторіи малорусскаго нарѣчія оканчивать печатаніе своего изслѣдованія: очень важно выяснить, дѣйствительно-ли въ Галичинѣ и на Волыни писаны тѣ памятники, которые г. Соболевскій назвалъ галицко-волынскими. А не то исторія малорусскаго языка будетъ изучаться по немалорусскимъ памятникамъ, и произойдутъ ошибочные выводы.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

претензіи. Съ цѣнными изслѣдованіями г. Шахматова очень полезно знакомиться широкой публикѣ, между тѣмъ стиль его иногда бываетъ тяжеловатъ. (Даже спеціалистъ филологъ проф. Р. Ѳ. Брандтъ говорилъ о сочиненіи г. Шахматова: „Изслѣдованія въ области русской фонетики“, что оно изложено „*чрезвычайно тяжело*“;—„чтеніе разбираемой книги настолько затруднительно, что рекомендовать ее можно лишь заввятымъ грамматистамъ“. Этн. Обозрѣніе 1895, кн. XXIV, стр. 143).

[1]) Такъ, рѣчь малоруссовъ Черниговщины и выясненіе вопроса объ отношеніи полянъ къ сѣверянамъ еще требуетъ очень долгихъ изслѣдованій. Говоры Воронежчины крайне мало анализированы. Нѣкоторыя замѣчанія на статью г. Шахматова сдѣланы мною теперь же, попутно, при изложеніи статьи.

Прошу читателей сдѣлать слѣдующія дополненія къ предыдущимъ статьямъ, равно какъ и исправленія опечатокъ:

Въ іюньской книгѣ „Кіевской Старины“ 1898 г.

Стр. 355. Добавить къ примѣчанію 1-му (кромѣ того, что добавлено въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 27): Такъ и Ягичъ въ своихъ «Einige Streitfragen», заявивши, что по отношенію къ остальнымъ славянскимъ языкамъ русскія нарѣчія составляютъ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе употребляетъ выраженія: die russischen *Sprachen*.

Въ сентябрьской книгѣ 1898 г.

Стр. 245, строка 7-ая. Добавить: Въ Полтавской губерніи, въ Гадяцкомъ уѣздѣ—Грыша (Онысько Грыша, сильськый хлопець--см. «Матерьялы до украиньсько-руськои этнольогіи, за редакціею Хв. Вовка», Львовъ,1899, т. I, стр. 111.

Стр. 247, строка 17-ая. Добавить: Въ пѣснѣ 1789-го года фигурируетъ Марьянуша (Гринченко: Этнографич. Матеріалы, т. III, стр. 605).

Стр. 248, строка 3-я. Добавить: Отъ Иванъ—Иванюша (встрѣчается въ пѣсняхъ о козакѣ, записанныхъ въ Новоушицкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи. Гринченко: Этнограф. Матеріалы, III, 271—272). Это же имя «Иванюша» встрѣчается на Волыни въ Острожскомъ уѣздѣ. (Гринченко: Этнограф. Мат. III, 369). Въ Проскуровскомъ уѣздѣ, Подольской губ. — Петруша (Биберштейнъ: Народныя преданія въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ, 1881, стр. 38, 39).

Стр. 253, строка 2-я снизу: Добавимъ еще, что очень интересные примѣры малорусскихъ словъ на *ша* подмѣтилъ И. Верхратскій въ архаическомъ говорѣ угорскихъ малоруссовъ,—напр., голубеша= голуба вивця, Namen eines blaugrauen Schafes, сыньоша=корова сыня, сира, Namen einer blaugrauen Kuh. См. «Знадобы до пизнання угорсько-руськыхъ говоривъ», стр. 49. «Записки Наукового Товарыства имени Шевченка», т. XXVII).

Стр. 254, добавить къ строкѣ 6-й: Угро-малорусскія клички коровъ и овецъ «голубеша» и «сыньоша» (подобно великорусскому „буренушка“) съ одной стороны выражаютъ ласку, а съ другой стороны подчеркиваютъ изобиліе сивой масти въ данныхъ животныхъ.

Стр. 256, добавить къ строкѣ 10-й (кромѣ того, что сказано въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 28): „Мамуся"—въ великорусскомъ разсказѣ П. М. Невѣжина («Новости Дня", 1898 г., № 5595, стр. 2, столбецъ 4). Въ Петербургскомъ разсказѣ П. Боборыкина: „Отслужила" („Русск. Вѣдомости", 1898, № 295) героиня называется „Катуся" (великорусская уменьшительная форма отъ „Катерина", соотвѣтствующая малорусской формѣ „Катруся").

Стр. 262, примѣчаніе 1-е, строка 9-я. Добавить: Существительное „буцъ" иногда просто означаетъ быстрый и ловкій ударъ (Ястребовъ: Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Одесса, 1894, стр. 95).

Стр. 262, строка 15-я (срв. добавленіе въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 29, по поводу Руликовскаго). Въ рѣдкой малорусской брошюрѣ „Сплiотни" Михалка Семенюка (Житомиръ, 1872), сознающагося, что и онъ отчасти буцъ, я нашелъ обстоятельныя разъясненія по поводу прозвища „буцъ", которыя показываютъ, что правильно было только мое первое объясненіе, извѣстное мнѣ изъ Кіевской губерніи (Кіев. Стар. 1898, сент., 262), а второе объясненіе, предположенное на основаніи недомолвки Руликовскаго, не вѣрно (Кіев. Стар. 1899, янв., 29). Приводя выписки изъ брошюры Семенюка, я по необходимости буду измѣнять его правописаніе на общепредписанное. „Я по своему научывся помыжъ крестянамы и Буцамы (хочъ-то кажуть: буцы не люде). Для того найдете у мене ударенія и выраженія, противны малороссійскому заднипровскому языку, потому-що въ мистностяхъ отъ Буга до Тетерева и ещо немного дальше къ Кіеву змишано и поплутано, якъ въ испорченномъ ткацькимъ варстати (стр. 6). Прыходыться теперь объяснить, що то значыть „Буцъ"? Есть то чоловикъ [1]), але чоловикъ, похожъ на литовскихъ изъ багенъ [2]) людей, котрого колы спросышъ: «звитки, чоловикъ?» отвитыть: «я не чоловикъ, *я пинчукъ*».—Буцъ получывъ свое названіе отъ того, що якъ то диты забавляються и одынъ другого бье лобомъ и промовляють: «баранъ, буцъ!»—такъ понеже сіи люде безпрестанно

[1]) Читателю—немалоруссу я долженъ напомнить, что термины «чоловикъ» и «люды» употребляются малоруссами для обозначенія понятія «малоруссъ». Въ то же время терминъ «люды» можетъ быть равносиленъ съ терминомъ «крестьяне» (въ противоположность другимъ сословіямъ),—вотъ почему у г. Семенюка «крестьянскій» значитъ и «малорусскій (чистый)».

[2]) Болотъ.

напываються и деруться, отъ того названо ихъ Буцамы.—Але Буцовъ есть два сорта: одынъ—«Буцъ-васпанъ», а другій — «Буцъ-мужыкъ». Буцъ-васпанъ хуже мужыка, потому що твердшы(й) невыжа [1]) и безпрымирно ленывъ. И Буцъ-воспанъ дорожыть своимъ васпаньствомъ, бо пры соотвитственномъ случаи обзываетьця: «я до васпана», «васпанъ! васпанъ, а, васпанъ! до мене ты?» Буцъ же мужыкъ не мае въ соби тои амбиціи и бувае совистнійшій, але воны вси плуты, пьяныци и злодіи на лисъ. Така въ ныхъ въ симъ отношеніи закостнила безсовистность, що не считають соби въ выну красты лисъ и при случаи обясняються: «Той, що лизе до коморы, то той—злодій. А зъ лиса якъ що соби зробышъ та продасы, то нема гриха. Изъ чого жъ будешъ жыты? вшакъ, лисъ Богъ сотворывъ для всихъ». Сіи Буцы—есть то люде захожи изъ разныхъ сторонъ: изъ-за Буга, изъ-за Дзвины и изъ-за Днистра (стр. 11—13). Тамъ (=помыжъ слободамы, населенными самымы Буцамы), по лисамъ есть села, населенны крестянамы въ смиси зъ Буцамы, и есть села населенны самымы лышъ крестьянамы безъ ніякои прымиси. Але, же крестьянѣ сообщаютьця съ Буцамы, оттого що и входятъ въ бракосочитанія съ собою, то и у крестьянъ есть искажены(й) языкъ Буцовскі(й) (стр. 13). Слишкомъ очевидно, что «лицьвинки изъ-за Дзвины» ничего общаго не имѣютъ съ галицкими бойками.

Стр. 263, строка 12. Добавить: Въ статьѣ М. Левченка: «Мѣстныя названія русиновъ» (Основа, 1861, янв., 264) читаемъ: «Гуцулъ значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унію. Впослѣдствіи, когда со словомъ «Гуцулъ» стало нераздѣлимо понятіе о храбромъ человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ» (подобно греческимъ клефтамъ). Что названіе гуцулъ возникло гораздо позже эпохи татарскаго разоренья, это вполнѣ было ясно; сообщеніе же Левченка указываетъ и время и причину появленія этого имени.

Въ январьской книгѣ 1899 года.

Стр. 11, снизу строка 7-ая: Чередованіе *е* и *я* прежде всего замѣчается наблюдателемъ въ окончаніяхъ, восходящихъ къ старинному **нѥ**: жыття, насиння, провалля и т. д.

---

[1]) Невѣжда.

Стр. 14, строка 6. Лятычивъ—имя города Летичева по подольскому произношенію («Ныва», 1885, Одесса, стр. 164).

Въ іюньской книгѣ 1899 года.

Стр. 308-ая, стр. 16-ая. Вм. «могли» надо «могли бы».

Стр. 312, снизу 11-ая строка въ выноскѣ. Пропущено: Новгородецъ, побывавшій въ Кіевѣ и возвратившійся опять въ Новгородъ, могъ быть названъ кіяниномъ, подобно тому, какъ и теперь въ русской деревнѣ зовутъ «питерщикомъ» крестьянина, прожившаго зиму въ Петербургѣ на заработкахъ.

Стр. 314, строка 15-ая. Вм. «о(ть)цьн*ими*» надо «о(ть)цьн*ями*».

Стр. 315, строка 21-ая. Вм. «Кіевъ» надо «кіевскую рѣчь».

САВА ЧАЛЫЙ.

Трагедія въ 5 діяхъ и 7-ми картынахъ.

(*Окончаніе* *).

ДІЯ IV.

Пуща. Печера въ скели.

Ява I.

Медвидь и Грыва. Перше Грыва; вылазыть зъ печеры.

Грыва. Якове! А ты на дереви?

Голосъ. Сыдю въ гнизди й чатую.

Грыва. Чатуй, чатуй! Ты хочъ и крывый, а ухомъ своимъ та окомъ насъ оберигаешь бильшъ, нижъ шаблею.

Голосъ. Я чую десь далеко идуть верхови, але не выдко ще.

Грыва. И дасть же Богъ такее око й ухо!

Голосъ. Эге. Отъ же й не вглядивъ! Якъ зъ пидъ земли вынырнувъ якыйсь чоловикъ и сюды прямуе.

Грыва. Одынъ?

Голосъ. Одынъ.

*) См. Кіевск. Стар., августъ.

Грыва. Одынъ, то байдуже! Це певне не ворогъ (*зъ-за кущивъ вытыкается голова*). Хто тамъ?

Медвидь. (*выходе*). Я!

Грыва. Медвидь! Здоровъ брате! (*Обiймаются*). А мы вже думалы, що ты десь згынувъ.

Медвидь. Мало не згынувъ.

Грыва. Пивъ году мы тебе не бачылы. Де-жъ ты пробувавъ?

Медвидь. Пысля того, якъ Сава кишъ нашъ зруйнувавъ, я зъ купою малою скризь хазяйнувавъ, покы той иродъ Сава не наскочывъ.

Грыва. Харцызъ!.. Зрадныкъ!.. падло! Унадывся до ляшенькивъ въ Польщу паномъ жыты...

Медвидь. Та й ловыть гайдамакивъ по степахъ... та ще Иродивъ сынъ що выгадавъ: скризь универсалы розиславъ и клыче гайдамакъ до себе, даруючи имъ земли и вильготы.

Грыва. Знаемо мы ти вильготы! Ляхамъ выходыть на корысть, щобъ працювалы!

Медвидь. А такъ. Половына мого загону пишла до него, та й показалы схованку нашу, а винъ наскочывъ и всихъ половывъ. Здается, я одынъ тилько и втикъ.

Грыва. Немае гирше якъ свiй: зна вси фыгли; никуды не сховаешся видъ него.

Медвидь. Винъ носомъ чуе гайдамакивъ.

Грыва. Ну, знаешъ, ловыть вовкъ, ловыть, але жъ и вовка пiймають.

Медвидь. Охъ винъ, братъ, характерныкъ. Нихто Савы не пiймае, хиба самъ Гнатъ.

Грыва. Мабудь що такъ. Отъ же вызвався Кульбаба, пишовъ, щобъ стратыть Саву, и чутка пропала. Потимъ знову Горыцвитъ, пишовъ—и того нема. А мисяць тому, пославъ Гнатъ Дороша Кравчыну; цей, кажуть, зъ чортамы наклада: одначе щось и Кравчыны нема довго.

Голосъ. Наши пидъиздять. А далеко ще одынъ чоловикъ манячыть. Темнiе, не бачу.

Медвидь. Покы дизнаемось, де Сава, гляды, щобъ не дизнавсь винъ, де мы.

Грыва. Ни, у пущу цю винъ не питкнется, хытрый лысъ; бильшъ на засидкахъ, та зненацька, а тутъ прыйдется въ ручкы. Межъ цимы скелямы, та въ норахъ цихъ, якъ свитъ стоить, то певно ще нихто не жывъ, а тилько звирь водывсь и тутъ ховався. Мы тутъ убылы ажъ двохъ медведивъ и однялы у ныхъ цю хату для Медведя.

Медвидь. Для мене-бъ то?

Грыва. Эге! (*Сміются*).

Медвидь. Сава у насъ однявъ, а вы у медведивъ?.. Безпечне мисто; а жаль, братъ, старого коша у Чорнимъ лиси!

Грыва. И теперь ще така кыпыть у грудяхъ злисть, колы згадаю Саву, що самъ себе здается бъ удавывъ.

Медвидь. И якъ то сталось такъ, що Сава зруйнувавъ у ничь одну такый значный и сыльный кишъ?

Грыва. Зрада, якъ гадюка пидкрадается и вкусыть! Вы ото пишлы зъ Гнатомъ на Немыривъ, а я зостався наказнымъ.. Не ждалы мы не видалы и не гадалы ничого того, що сталось! Мы жъ вси тоди думалы, що Сава, зъ тіеи образы, що Гната Кошовымъ настановылы, подався зъ пысаремъ своимъ у сичъ— и байдуже! Якъ по всякъ часъ, такъ и тоди—скризь варта... А сами безпечно спалы. Тилько діяволъ Сава тоди не спавъ. Поризавъ всихъ вартовыхъ, обмотавъ прядывомъ, намоченымъ у смолу, навколо дерева, поклавъ пидъ курини смоляніи клубкы, и запалывъ!.. Прокынулысь... Кругомъ огонь—якъ пекло лисъ палае, а зъ чого воно сталось—не знаемо, и кынулысь ратувать скарбы, та утикать... Багато тоди нашихъ Сава половывъ... (*Голосъ*). Наши недалеко.

Медвидь. Бусурманъ! Поки винъ поравсь зъ вамы тутъ, а тамъ пріятель его Иванъ, що Найдою прозвалы, засившы въ лиси, ждавъ насъ зъ велыкою арматою. Блызько пидпустывъ та те-жъ зненацька й шарахнувъ зъ герматъ! Видъ несподиванкы мы вскочылы въ болото. Покы высипалысь, воны насъ обигнулы и сталы збоку—мусилы мы тикать, та у дорози знову

наскочылы на ирода Саву, що повертавсь уже назадъ! Багато й тамъ людей пропало, и розвіялыся хто куды. Отъ и доси не зберутся зновъ до купы.

Ява II.

Тижъ, Гнатъ, зъ нымъ гайдамакы и козакы. Килько чоловикъ несуть прямо у печеру мишкы.

Гнатъ. А, медвидь!

Вси. Здоровъ брате!

Гнатъ. Якъ ся маешь?

Медвидь. Ледви утикъ оце зъ рукъ Савы.

Вси. У—у зрадныкъ!

Гнатъ. Стривайте, попадется винъ и намъ у рукы... Паюйте все товарыши по-межъ собою, а мени ничого не треба; тютюнъ е, свынець и порохъ е, то зъ мене й доволи!

1 Запорожець. Та ще жъ немае всихъ.

Гнатъ. А й справди, бильшь половыны тутъ товарышивъ нема; я соби замыслывся и не прымитывъ, де видсталы.

1 Запорожець. По дорози е корчма, то певно що тамъ застрялы.

Гнатъ. Ото вже не гараздъ, що купы не держатся, ще попадутся, колы погоня буде.

1 Запорожець. Пидъ самисенькымъ носомъ у Немыривського пана въ костёли похозяиновалы, то треба ждать погони видъ самого Савы. Тилько жъ тамъ межъ нымы Молочай, Верныгора и Вовкъ, то не дадуть у кашу наплювать.

Грыва. Та такъ. А що тамъ здобулы?..

1 Запорожець. Грошей до биса и утварь всяка.

Голосъ. Якыйсь чоловикъ спустывся въ балку... А десь далеко гупотыть. Пыльнуйте, братци, бо такъ потемнило, що я не бачу.

Гнатъ. Скоро мисяць зійде. *(До Медведя)* Якивъ такъ бачыть, якъ нихто.

Грыва. Такого вартового, немае въ свити.

Гнатъ. (*До Грывы*). А выйды, брате, подывысь, що тамъ за чоловикъ (*Грыва выйшовъ*).

1 Запорожецъ. А що, пане атамане, нема вистей про Кульбабу?

Гнатъ. Нема, якъ въ воду канулы й Кульбаба, й Горыцвитъ! Колы не вернется й Кравчына, то самъ тоди пиду я Саву добувать, щобъ выконать прысудъ громадській и смерти ирода предать! А я складу, якъ инчи, голову свою—идить други его шукаты, бо покы Савы смертью не скараемъ, не буде намъ жыття: винъ переловыть насъ усихъ! Не меньше Савы лыха робыть Иванъ Найда, що винъ прыйнявъ бувъ до коша и разомъ зъ нымъ прыставъ до ляха, та и цёго пійматы и смертью покараты треба!

Ява Ш.

Тижъ, Грыва и Кравчына.

Кравчына. Здорови паны-братья! Якъ ся маешъ Гнате!

Вси. Кравчына!

Гнатъ. Насылу мы тебе дождалысь! Ну що? Яки прынисъ ты висты?

Кравчына. Саву не бачывъ—трудно прыступыть. Винъ женывся на тій дивци, що колысь-то въ Очеретній хтось зъ нашыхъ захопывъ. Жыве биля Немырова въ с. Степашкахъ, котри подарувавъ ему Потоцькій, и заселяе свои земли тымы гайдамакамы, котри піймавшись каются и прысягаютъ жыты тыхо. Кульбаба й Горыцвитъ попалысь на замири вбыты Саву. Кульбаба покаявся и жыве теперъ въ Степашкахъ, у тимъ сели, де Сава; а Горыцвита Сава повисывъ, бо той покаятыся не схотивъ.

Голосъ. Гей батьку, Гнате! Ляскъ чуть такый, нибы бьются на шабляхъ. Але не бачу я ничого, бо мисяць ще не выйшовъ зъ лису.

Гнатъ. Певно за нашымы погоня! Тикаючы сюды, воны покажуть шляхъ до нашого коша... А ну, товарыши, станемо у

щилыни, черезъ яку бильшъ трехъ не пройде... Мушкеты заряжени?

1. Запорожецъ. На готови.

Ява IV.

Тижъ и Мыкыта.

Мыкыта. Паны братья!.. Погоня велыка... Чалый Сава!..

Гнатъ. Де?

Мыкыта. Отутъ вже блызько, наши бьются, щобъ не пустыть сюды... Охъ, дай воды!...

1. Запорожець. Вода въ печери (*Мыкыта пишовъ у печеру*).

Гнатъ. Даремно куль зъ мушкетивъ не пускать, палыть тоди, колы пальнуты можна прямо въ пыку, щобъ ни одна куля не пропала, а потимъ рубай! Першый, хто побачыть Саву, гукай на мене, я хочу самъ заглянуть зрадныкови въ вичи! Мыкыто! де жъ Мыкыта?

1 Запорожець. Въ печери. (*Полизъ у печеру*). Мыкыто!

Гнатъ. Спытай, де саме винъ своихъ покынувъ.

1 Запорожець (*зъ печери*). Та винъ увесь въ крови. Доходыть! (*вылазыть зъ печери*). Кровью зійшовъ, умира.

Голосъ зъ дерева. У бальци бьются. А на гори выдко кинни.

Гнатъ. О, колы ще на гори и въ бальци бьются, то мы ихъ не допустымо сюды. Зостаньсь, Медведю, ты одынъ тутъ пры скарбахъ, колы поляжемъ мы, ты заснуешъ нову ватагу. Прощай, може бильше не побачымось. Ходимъ, панове, яромъ, а потимъ выскочымъ на гору. Воны не сподиваются, бо думають, що тамъ уся ватага, и мы имъ раптомъ, зненацька, вдарымъ въ спыну! Ну, панове: або дома не буты, або славы добуты!

Вси. Смерть усимъ! (*Выйшлы*).

Ява V.

Медвидь на кону, голосъ на дереви.

Медвидь. Якове! А що тамъ тоби выдко?

Голосъ. Мисяць выплывъ зза деревъ и гарно гору освитывъ... Ой, ой, ой! Багато кинныхъ выскочыло зъ балкы... Всю гору вкрылы—такого ихъ.

Медвидь. Выходыть, наши засилы въ бальци, а тамъ скели й болото—туды на коняхъ йихать годи.

Голосъ. Позлазылы зъ коней (*Пауза*). Пиши виддилылысь видъ кинныхъ.

Медвидь. Ой, поможы-жъ Боже нашимъ мерщій добратысь до горы. Не выдко нашихъ ще?

Голосъ. Не выдко.

Медвидь. Ото якъ довго! А Боже мій!

Голосъ. Пиши кынулысь бигомъ у балку! И наши вылизлы уже на гору.

Медвидь. Ага!

Голосъ. Наши щезлы за деревамы.

Медвидь. Перебигаютъ прыкрываючысь... Ну, що?

Голосъ. Наши кынулысь бигомъ до коней. Блызько вже... Блыснулы шабли. Ай, що тамъ робытся!.. кони стаютъ на дыбы... розбигаются.

Медвидь. То колють коней шаблямы въ морды и пидъ бокы, щобъ розъярыть...

Голосъ. Кони вже розбиглысь въ ростычь, а де-яки на земли лежать и бьются...

Медвидь. Переризалы вожатыхъ и покаличылы, выходыть, коней, щобъ решта ворогивъ зосталась пиша...

Голосъ. Наши кынулысь бигомъ у балку... Ничого не выдко, тилько гурготыть!

Медвидь. О, теперъ пиши на пишыхъ, воны цего не ждуть! Отъ де пекло буде! Певно, Якове, зостанемось мы вдвохъ зъ тобою, бо вси поляжуть.

Голосъ. У бальци ажъ клекотыть!

Ява VI.

Тижъ и Молочай раненный.

Медвидь. Молочай! А що тамъ якъ?

Молочай. Я тебе одъ разу й пизнавъ... дай воды напытысь... Умираю!..

Медвидь (*Подае воду*). Давай перевьяжу тоби я раны.

Молочай. Де тамъ ихъ перевьязать! Весь покарбованый и у диркахъ якъ решето! Подумай брате: тилько що выйихалы мы за корчму, наскочыла ихъ цила сотня пры гармати, а насъ лышь трыдцять. Одначе выстрилыть зъ гарматы мы имъ ни разу не далы... Тры разы, на скоку мы коней повертaлы вкруть и кыдалысь имъ въ бикъ—проризувалы наскризь и зновъ тикалы. Верныгора, я и Вовкъ передъ велы и въ пергаый же наскокъ полигъ Верныгора пидъ шаблею Ивана Найды, того, що съ Савою утикъ. Винъ певно старшый тутъ, бо Саву я не бачывъ. Такъ одбываючысь, добралысь мы до лису, коней покыдалы и на болоти вси засилы. Воны вернулыся на гору, бо киньмы у болото не полизешъ. Отутъ своихъ покынувъ я и ледви жывъ болото перелизъ, и отъ такы добрався до коша, а наши тамъ зосталысь, щобъ не показаты сюды шляху, и певно вси поляжуть, бо ихъ зосталось меньшъ десятка!

Медвидь. На помичъ имъ уси пишлы и тамъ у бальци вже щепылысь въ ручкы.

Молочай. Не подоліють, бо ихъ багато.... Охъ, чую, що сыла мене кыда.

Ява VII.

Тижъ и дидъ знахарь.

Знахарь. Що тутъ робытся? Лыбонь весилля десь кривавее справляють? Лежу въ своій нори, и щось мени не спытся, а все здается, що въ лиси клыкотыть и брязкотыть. Такъ я й пишовъ сюды.

Медвидь. Батава страшна йде. Ось обдывиться лышъ Молочая.

Знахарь (*Полапавъ Молочая за рукы, за голову*). Ты, сыну, заразъ помрешъ, бо кривью стикъ.

Молочай. Одведы мене, мій брате, у печеру. Прощай! Прощайте диду!

Знахарь. Поклонысь тамъ нашымъ всимъ лыцарямъ, що полягли за виру православну.

Молочай (*До Медведя*). Може доведется тоби, якъ що жывъ будешъ, побувать у Медведивци. Спытай тамъ про Марыну Жытню, то маты моя... Поклонысь ій и виддай ци гроши (*дае*). Та розскажы старій въ утиху все те, що знаешъ самъ про мене; а колы матери не знайдешъ, то на громадське дило гроши поверны. Веды мене мерщій—я смерть вже чую. (*Медвидь повивъ его въ печеру*).

Голосъ. Наши повертаются, тилько щось мало ихъ.

Знахарь. Косыть кирпата завзятыхъ, а воны знову наростають... Колы цій ризни буде край?

Медвидь (*Выходе зъ печеры*). Померъ. Ще одного велетня не стало...

Ява VIII.

Тижъ, Гнатъ, Шмигельскій и решта.

Гнатъ. А скилько насъ зосталось?

1 Запорожецъ. Лышь пьятнадцять батьку, тай ти калики вси.

Гнатъ. Дорого жъ мы заплатылы! Сорокъ пьять лягло! (*Гайдамакы вси пьють воду. Дидъ роздывляется, перевьязуе, шепче, дае пыть зилля*). Дай и мени воды, мовъ у пропасныця увесь горю. (*Пье*). Сорокъ пьять такыхъ лыцаривъ... Охъ! Нема Верныгоры, Молочая... Вовка.

Медвидь. Молочай дійшовъ сюды и тамъ зъ Мыкытою рядомъ померъ.

3. Запорожецъ. Верныгору оцей (*показуе на Шмигельского*) проткнувъ!

Гнатъ. О, цей багатёхъ поклавъ; винъ Вовкови у мене на очахъ голову розвалывъ. Я думавъ Сава, а кынувшысь на него—звалывъ на землю, але и тутъ мы довго ще боролысь, покы ему я рота не заткнувъ своимъ кесетомъ зъ тютюномъ!

3 Запорожецъ. Це старшый! Чого ты куняешъ?

Медвидь. Винъ кровью пидплыва.

Гнатъ. Дайте ему воды. (*Дають*). А я й не бачу, що тутъ нашъ ликарь нагодывся.

Медвидь. (*Дае Шмигельскому воду*). Напывся?

Шмигельскій. (*Напывшысь*). Спасыби.

Гнатъ. Ну, диду, першъ усёго, до цёго прыступы, бо винъ вже виша голову, а мени бъ хотилося зъ нымъ побалакать, а потимъ повисыть его.

Знахарь. *(Огляда Шмигельского)*. Винъ увесь рана. Тилько въ однимъ ось мисти зъ правои рукы найбильшъ юшыть, а то скризь зашкорубло. (*Шепче*). Ковтны. (*Дае склянку*). Тры разы... (*Шмигельскій пье*).

Гнатъ. А теперъ дай и мени доброго чого напытысь, бо всёго пече.

Знахарь. Стривай, давай руку. О, тутъ ще багато крови. А не чуешъ, нигде тепленька не тече?

Гнатъ. Не чую. Певно, раны не велыки й зашкорублы. Обдывымось завтра.

Знахарь. На, пый. Це зилля тебе заразъ пидтримае и сонъ добрый дасть.

Гнатъ. (*Пье*). Ну, пане ляше, давай побалакаемъ, бо скоро тоби стане лекше—я тебе повисю.

Шмигельскій. Я не собака, щобъ мене вишать! Хиба немае инчихъ каръ? Посады на палю, або шкуру здеры зъ жывого.

Гнатъ. Знаемый голосъ и балачка чысто запорожська. Хто ты?

Шмигельскій. Иванъ Шмигельскій, прыятель твого найпершого друга и побратыма.

Гнатъ. Савы??! Пизнавъ! О, чомъ же ты не Сава? Я бъ тебе не вишавъ, а на цепу водывъ бы за собою, а потимъ вымотавъ бы жылы зъ тебе.

Шмигельскій. Мотай и зъ мене жылы. Робы зо мною все, що зъ Савою бъ робывъ, и заспокой свою ты наболилу душу. Ни ты, ни я, ни Сава въ тимъ не вынуваты, що йшлы мы риз-

нымы шляхамы... А якъ бы Савы слухавъ ты, не такъ бы склалося, якъ заразъ е.

Гнатъ. Найшовся бъ инчый Сава! Багато зрадныкивъ настало, що за панськи ласощи й прынады свій кыдають народъ и виру, до инчого чужого люду прыстають, тай ворогують тамъ противъ братывъ своихъ далеко гирше й бильше, нижъ самъ ворогъ!.. Скажы мени: що Сава, якъ жыве? Чы простымъ козакомъ, якимъ и бувъ, чы паномъ ставъ, якъ и уси паны?

Шмигельскій. Для всякого створиння назначено, де и якъ ему слидъ жыты!.. Рыба жыве у чыстій води, птыця въ повитри, звирь въ норахъ; а чоловикъ повыненъ жыты такъ, якъ ему здается краще! Сава жыве, якъ Сава; Гнатъ жыве, якъ Гнатъ; Потоцькій, якъ Потоцькій.

Гнатъ. Въ роскошахъ одынъ, а тысячи безъ хлиба? На палю бъ васъ усихъ!

Шмигельскій. И тебе на палю треба посадыть за те, що ты не знаешъ, чого хочешъ!

Гнатъ. Ривносты!

Шмигельскій. Однаковыхъ лыстивъ на дереви нема.

Гнатъ. Будь соби хочъ семы пьядей у лоби, носы на плечахъ скели, але на мене и на мое рукы не пиднимай!

Шмигельскій. Одначе ты пиднимаешъ руку на мое жыття, а хто жъ тоби на це давъ право?

Гнатъ. Ты, зрадныкъ! А покы душа моя жыве у моимъ тили; нихто не спыныть мои рукы. Воны не перастануть тыхъ караты, що зрадылы народови своему и одсахнулыся видъ нёго за панськи ласощи й прынады.

Шмигельскій. И ты зрадныкъ! Зрадывъ ты законамъ Речи Посполытои! Ты пролываешъ кровъ и вынуватыхъ и невыннихъ: мы жъ вынни лышъ у тимъ, що думалы не такъ якъ ты, а все жъ такы служылы краю.

Гнатъ. Ляхамъ!

Шмигельскій. Тоби здается такъ, а намъ инакше. За крывды панськи ты хочешъ помстою платыть, шукаючы у тимъ

для ранъ народнихъ ликлвъ; а мы личить хотилы тымъ народне лыхо, щобъ гайдамацство знищыть и даты спокій Украини!

Гнатъ. Ляхамъ!!

Шмигельскій. Насъ Богъ розсудыть тамъ, а покы що, суды мене якъ хочешъ самъ!

Гнатъ (*мовчыть*). Жаль твого розуму. Я бъ тебе не покаравъ, якъ бы бувъ певенъ въ тимъ, що до моихъ думокъ прыстанешъ—и Саву покарать мени поможешъ!

Шмигельскій. Ни, Гнате! Якъ сонце й мисяць николы не зійдутся на своимъ пути, такъ мы не зійдемось думкамы.

Гнатъ. Правда! Насъ поривня лышь домовына. Паны братья, выведить пана Ивана за кинъ и тамъ прострельте ему лоба. Та выкопайте яму для Мыкыты, Молочая и для пана Ивана; винъ вартъ того, щобъ поховать его зъ сичовыкамы въ купи.

Шмигельскій. Спасыби пане атамане за честь! Ще ласкы я прошу, звелы, щобъ по мени стрилялы разомъ тры, або чотыри—певнища смерть, бо колы одынъ добре не влучыть, прыйдется знову добываты якъ собаку.

1 Запорожецъ. Я въ ухо тоби стрельну и зъ разу смерть.

Шмигельскій. Ну, гараздъ. Прощай Гнате! Ходимъ, паны братья, не гайте часу, бо вамъ ще й выспатысь треба. (*Пишлы*).

Ява IV.

Ти-жъ безъ Шмигельского.

Гнатъ. Ты знаешъ диду, що громада прысудыла предаты смерти Саву. Послалы двохъ на цее дило: одынъ—Кульбаба, зрадывъ; другый—Горыцвитъ, самъ смерть прынявъ! Порай мени: кого теперъ послаты, щобъ Саву смерти винъ предавъ?

Знахарь. Савы нихто не визьме, нихто не страте. Тилько ты визьмешъ, тилько ты стратышъ, Гнате! Ему прызначено,

щобъ згынувъ винъ видъ братнёи рукы за грихъ велыкій свій! Та ще визьмы Кравчыну—пры нему смерть до васъ не доторкнется!

Гнатъ. Колы прызначено—то й станется! Визьму Медведя и Кравчыну, тай заразъ же пиду.

Знахарь. Ище моя вамъ рада: покладить у чоботы своеи вы земли, щобъ нихто не знавъ вашои пидмовы. (*Выстрилъ*).

Гнатъ. Пропавъ зрадныкъ! Такъ пропаде и Сава безъ путя, безъ славы, такъ пропадуть вси зрадныкы свого народу!.. Готуйтеся, товарыши, пидемъ въ дорогу... Лисамы, ярамы я прыведу васъ въ палацъ Савы и самъ своею власною рукою его скараю!

Зависа.

ДІЯ V.

Свитлыця Савы гарно убрана кылымамы. На стинахъ зброя. Пидъ стинамы турецьки канапы; напереди стилъ. Въ глыбыни колыска.

Ява I.

Зося колыше дытыну, биля неи стоить баба.

Зося. Заснуло. Идить бабусю видпочыньте. Колы дытя прокынется, я васъ поклычу.

Баба. А колы жъ, серце, будемо хрестыты, бо вже жъ пора: чотыри недили мынуло, якъ дытя родылось, а щей доси въ хрестъ не ввелы.

Зося. Завтра, бабусю... Ждемо пана Шмигельского. Винъ буде кумомъ!

Баба. А якый пипъ, пани, буде хрестыть; чы нашъ, чы уніятській, чы ксендзъ.

Зося. Отець Иванъ.

Баба. Оце добре. Диты повынни йты по батькови... А де жъ панъ Шмигельскій? его вже третій день не бачу, а винъ же въ насъ що-дня?

Зося. Панъ Иванъ позавчора погнався за гайдамакамы, що кажуть десь мистечко и костелъ гетъ обибралы... А Господы, колы-бъ уже тихъ гайдамакивъ не стало! Ловыть ихъ Сава, ловыть, а воны есть и есть. Та ще похваляются на Саву... Мени такы боязко за него, а особлыво, якъ пана Ивана немае дома.

Баба. О, моя кохана пани, хто осмилытся до такого лыцаря, якъ Сава, доступыты? Кругомъ насъ мылиція, и вся у пана Савы пидъ рукою.

Зося. Ото бо мене й страшыть, бабусю, що Сава дуже смилый, а черезъ те въ двори у насъ бува частенько зовсимъ немае ковакивъ. Та отъ хочъ бы й сегодня—всихъ розиславъ.

Баба. А двирня въ насъ хиба мала?

Ява II.

Ти-жъ и Сава. Баба уклоныўшысь выходе. Зося обнима Саву, а потимъ бере его за руку и веде до колыскы, одводыть частыну полога. Сава довгенько дывытся на дытыну, а Зося, обнявшы Саву за станъ, стоить, схылывшы ему голову на плече. Сава по хвыли спуска пологъ, цилуе Зосю и одходыть видъ колыскы.

Сава. Мицно спыть козарлюга!.. Такъ що жъ Зосю: чы згодна ты, щобъ сынови дать имя Гнатъ?

Зося. Ни, ни! Мени той Гнатъ страшный, и я не хочу, щобъ сына нашого такъ звалы. Назвемъ его Сава. Це имя для мене мыле, а колы тебе не буде дома, я, розмовляючы до сына, буду всякый часъ говорыть: Сава! мій мылый, мій коханый,—и такъ мени здаватысь буде, що я зъ тобою розмовляю.

Сава. Ну, то нехай буде Сава! Може малый Сава, якъ выросте, кращый буде, нижъ его батько!

Зося. Кращымъ видъ тебе не буде! (*Сава зитхае*). Чого ты, Саво, такъ зитхаешъ тяжко?

Сава (*то нервово, то запальчыво*). Охъ Зосю, такъ мене ксендзы й паны неправдою своею до виры нашои грецькои и

до люду ображають, що каюсь иноди за те, що до Потоцького прыставъ и навить... мучусь! Я кожный день все бильше й бильшъ помылку свою бачу... Кругомъ вовкы, що йисты лышъ овець хотять, а пасты ихъ и стерегты—не мають навить въ думци, и крывда черезъ те, якъ панувала скризь, такъ и пануе, и не мени, я бачу, іи на Украини поборoты!

Зося. Що жъ тамъ сталось знову, Саво, що ты стрывожывъ такъ себе?

Сава. Бувъ я у попа! И такъ наскаржывся мени отець Иванъ на пробоща, що я хотивъ пойихать заразъ у Немыривъ и власными рукамы розбыты голову лукавому ксендзу.

Зося. Та що жъ таке зробывъ ксендзъ пробощъ?

Чалый. Що!? Винъ навпакы моимъ наказамъ дозволывъ уніятському попови Антонію выгнать отця Ивана зъ церквы! Такъ я оце однявъ въ Антонія ключи видъ церквы, оддавъ отцю Ивану; Антонія жъ такъ настращавъ, що винъ утикъ въ Немыривъ!

Зося. Той заспокойся, колы поставывъ по своему.

Чалый. Не можна, серденько!... Я вже не разъ ксендзамъ и шляхти говорывъ, що покы я жывый, тутъ уніи не буде! А воны на тее не вважають и, змовывшысь, навмысне йдуть вси противъ мене, знаючы, що я лышъ въ тимъ утиху маю, що можу заступатыся за людъ свій и за виру.

Зося. А ты все такы заступайся и бороны.

Чалый. Иноди я, навитъ, забуваю про те, що сотныкомъ у гетмана служу, и хочется росправытыся зъ нымы по гайдамацьки, бо то едыне страхъ на ныхъ наводыть!

Зося. Ты зробышъ все по своему, бо панъ ясновельможный тебе любе й слуха!

Чалый. Та воно нибы й такъ, а тилько ставъ я помичать, що тамъ на дни, у его панській души, жыве ненавысть и до хлопа, й до его виры и часто винъ почавъ крывытыся на мене!... А що жъ бы то було, колы-бъ такого друга, якъ отъ Шмигельскій я не мавъ? Винъ одынъ боротысь противъ крывды помогае. О, якъ бы тутъ хороше жылося, колы бъ народъ лю-

была шляхта, якъ братывъ!... (*глянувъ у викно*). Що це за люде? (*у двери*). Джуро!

Зося (*пидбига до викна*). Цила юрба! (*входе джура*).

Джура. Люде хотять бачыть пана.

Чалый. Звидкиль воны?

Джура. Не знаю. Мижъ ными одынъ Кульбаба зъ слободы панськои, а то чужи.

Чалый (*бере шапку, хоче йты*).

Зося (*бере у него шапку*). Любый мій, будь обережный, не довиряй себе такъ смилыво юрби!

Чалый. Богъ зъ тобою! Чого жъ я буду боятыся? Межъ ными е Кульбаба зъ нашои слободы. Певно скаргы мають, а може оселытысь хочуть тутъ у слободахъ моихъ.

Зося. Ты ихъ не знаешъ, мій коханый, а я боюся посполытыхъ зъ того часу, якъ памьятаешъ два гайдамакы, одягнени мовъ кмети, вмишалысь у юрбу посполытихъ, и вбыть тебе хотилы... Межъ ными жъ бувъ, здается, и Кульбаба...

Чалый. Такъ же-жъ не вбылы! Горыцвита—повисывъ я, а Кульбаба—ставъ першымъ межъ хазяинамы у Степашкахъ!

Зося. Твое жыття, коханый мій, дорожче видъ мого—храны его для сына нашого.

Чалый. Заспокойся моя любко! Що зъ тобою?

Зося. У тебе такъ багато ворогивъ: и гайдамакы, и паны, и ксендзы, а хиба не можна пидкупыть кого... Не йды до ныхъ, прошу тебе, уважъ мою ты прозьбу. Поклычь сюда Кульбабу одного и самъ до бока шаблю прычепы.

Чалый (*въ двери*). Джуро, скажы, щобъ Кульбаба прыйшовъ сюда въ свитлыцю!.. Ну, що жъ, теперъ ты спокійнища?

Зося. Надинь же шаблю.

Чалый. Зосю! И не соромъ? Гайдамацька жинка боится посполытихъ.

Зося. Бо я свого гайдамаку безъ миры кохаю; а писля того, якъ давъ намъ Господь сына, я стала занадто полохлыва, и все мене страшни думкы гнитять... Може черезъ те, що я ще хвора... Прошу тебе: покы я выдужаю и вернется до мене

прежній спокій, поставъ ты варту у двори, бо въ насъ частенько, отъ якъ и сегодня, нема ни одного озброеного чоловика.

Чалый. Зъ завтришнёго дня цилый десятокъ добрыхъ козакивъ будуть сыдить у насъ въ двори и оберегатымуть дорогый для мене спокій моеи любои жоны. Тилько не тривожъ себе даремно, будь спокійна, моя голубко, бо тривогою своею и въ мою душу смутокъ налываешъ и—невидомый перше страхъ—мене тривожыть почынае.

Зося. Я вже не буду.

Ява III.

Ти жъ и джура.

Чалый. Ну?.. Чомъ же Кульбаба не йде?

Джура. Гости прыйихалы до насъ, паны зъ Немырова. Такъ Кульбаба пытае: чи пидождать, чи прыйти завтра?

Зося. Чи не Шмигельскій? (*Глянувши у викно*) Ни, Жезницкій панъ, а зъ нымъ Яворскій.

Чалый. Чортъ имъ радъ! (*До джуры*). Скажы, щобъ завтра Кульбаба прыйшовъ въ людямы. А заразъ велы накрыть столы, та прынесы горилкы зъ лёху: нехай вси люде выпьютъ за здоровье пани и мого сына. (*Джура выйшовъ*).

Ява IV.

Ти-жъ безъ джуры.

Зося. (*Биля викна*). Зъ нымы мало не цила хоругвъ надворныхъ козакивъ... Чого-бъ то?

Чалый. То такъ боятся: Жезницкому ввыжаются скризь гайдамакы. Винъ хоробрый тилько въ замку, а за стинамы замка тремтыть якъ заець. Я его терпить не можу. И чого це воны прытыслысь?

Зося. Це першый разъ... Ты жъ, Саво, не показуй выду, що гости не въ пору.

Ява V.

Ти-жъ, Яворскій и Жезницкій.

Яворскій и Жезницкій. Пану полковныку чоломъ бьемо.

Чалый. Прошу васъ такъ не жартувать панове! Я сотныкъ лышь, на вищо жъ величаете полковныкомъ мене?

Яворскій. Слухаю пана.

Жезницкій. (*Подае лыстъ, Сава чыта*). Це не жартъ, мы бъ жартувать такъ не посмилы! Панъ Сава справди е полковныкъ! Полковныка жъ доставъ за те, що у походъ послидній розвалывъ гардъ запорожській на ричци Бугови и розигнавъ видтиль ватагу запорожцивъ —гайдамакъ, спалывшы церкву ихъ!.. Витаемо ще разъ полковныка!..

Зося. Саво! Ты церкву спалывъ?

Чалый. Въ запали, моя голубко, въ кривавимъ бою, не розибралы: чи то церква, чи просто будынокъ—и спалылы!... Це грихъ велыкый на моій души... Я каюсь и жалкую... але не вернешъ!... Багато де чого не вернешь! Ну, що про це... За те, якъ бачышъ, теперъ полковныкъ я и справди! Выбачайте, панове, що зразу не повирывъ.

Жезницкій. И не тилько полковныкъ, а видъ-нына, Сава Чалый благородный шляхтычъ Речи Посполитои! А отъ и грамота видъ короля! (*Кланяется, за нымъ Яворскій*).

Чалый. (*Развернувшы грамоту, поцилувавъ*). Спасыби вамъ панове за добри висти! Прошу сидаты. (*Сидають*). Теперя Зосю не будуть родычи тебе цуратысь.

Зося. Байдуже. Шляхтычивъ—багато, а Сава—одынъ!

Жезницкій. Ясновельможный Гетманъ тежъ вита полковныка свого зъ королывською милостью и просыть прыбуть до него завтра на обидъ и разомъ зъ тымъ прынять ще подарунокъ (*Подае ще лыстъ и кланяется. Яворскій те-жъ кланяется*).

Зося. Що тамъ ще?

Чалый. (*Чыта*). Ясновельможный гетманъ даруе сынови нашому сто тысячъ злотыхъ и просыть... щобъ я сына свого... хрестывъ у католыцьку виру!..

Зося. Для чого жъ то?

Сава. Объ цимъ мы побалакаемъ зъ тобою описля... Стилько панове разомъ наградъ, що я не знаю що й сказать! Завтра прыйиду самъ въ Немыривъ и тамъ подякую ясновельможного гетмана за его ласку до мене! Джуро, меду!

Жезницкій. Теперъ пану полковныку и шляхтычу не выпада стоять, якъ перше, за хлопськи интересы, повыненъ винъ оберегать лышь интересы панськи. (*Джура вносыть медъ*).

Чалый. (*Налыва кубкы*). Холопскій и панскій интересъ одынъ: спокій и добробытъ! Але краще мы не будемо про це балакать, бо панъ Жезницкій занадто росходытся зо мною у поглядахъ и выйде суперечка, а у таки щаслывыи хвылыны— я бъ не хотивъ сварытыся зъ гостямы дорогымы. Прошу панове.

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана!

Жезницкій. За здоровья прекраснои пани полковныковои и ін сына. (*Пьють*).

Чалый. (*Знову налываe*). А панъ Шмигельскій ще невертався?

Жезницкій. Нема ще й доси и ясновельможный гетманъ тривожытся.

Чалый. Я й самъ въ тривози не малій, бо маю видомосты, що тутъ десь недалеко Гнатъ Голый и завтра я самъ хочу йты шукать его ватагу... Прошу панове!

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана!

Жезницкій. (*Бере кубокъ*). Панъ Шмигельскій заздрыть пану полковныку и, не пораявшись, пишовъ самъ у погоню, щобъ самостайно лавры взять.

Чалый. (*Налываe*). Панъ Шмигельскій лыцарь. Велыку мае честь и славу пры всихъ дворахъ панськихъ и никому не завыдуе! Панове, прошу. (*Бере кубокъ*)!

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана

Жезницкій. Ну, тай слухняный же панъ Яворскій, колы прыходытся пыть медъ!

Чалый. Зосю! Почастуй насъ, рыбко!

Зося. (*Налывае*). Прошу выпыть за здоровья мого гайдамакы!

Жезницкій. Шляхтыча!

Яврскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю паню!

Жезницкій. Прекрасну пани Зофію панъ Яворскій слуха, а свою пани не слуха!

Яворскій. Ба слухаю! Прысягаю. Мы такъ кохаемось, що жыть одно безъ другого не можемъ. Отъ я вже занудывся за моею панею, бо хвылына безъ неи мени викомъ здается!

Жезницкій. (*Чалому*). Бреше! Що дня бье канчукомъ! Ну, пане Яворскій, йидемо до Немырова.

Яворскій. Слухаю пана.

Жезницкій. А якъ же бъ панъ не послухавъ, колы вже сонце надъ заходъ, и треба засвитла добратыся до замку, щобъ часомъ де не злапавъ насъ бестія Голый!

Чалый. Пры васъ мало не цила хоругвъ козакивъ—и панъ боится?

Яворскій. Я? Ни крапелыны, прысягаю! Що я имъ зробывъ?..

Чалый. И правда. А панъ Жезницкій?

Жезнцкій. У—у! Протывни морды! Але и я ихъ не боюся, колы воны сыдять у мене въ тюрми. (*Сміется*). Прощайте! (*Иде до дверей*)

Яворскій. Завтра побачымось!

Чалый. Якъ будемъ жыви!

Жезницкій. А чого жъ намъ помирать?.. Певно панъ полковныкъ дума, що мы піймаемось и справди Гнатови у лапы? Не піймае! у насъ кони добри... (*Выйшлы. Чалый за ными*).

Ява V.

Зося (*одна, иде до дверей*). Бабуню! А йдить сюды! (*Иде до колыскы тыхо замыслывшысь. Здригнула*). Сава сказавъ, що Гнатъ тутъ блызько десь, и въ мене ногы затремтилы... И разъ-у разъ такъ страшно робытся мени, колы я чую имя Гната!.. Сава его такъ любытъ, а винъ на Саву ножа гострыть.

Цуръ ему, нехай винъ згыне... (*Входе баба*). Перенесемъ, бабуню, дытя въ опочивальню (*Здіймають колыску*).

Ява VI.

Ти жъ и Чалый.

Чалый. Вже выносыте мого козака видъ мене? Ну, прощай сыну, росты здоровъ!

Баба. Я сама, пани, однесу. (*Выносыть*).

Чалый. Га? Зосю, чула?

Зося. Що Саво? Що?

Чалый. Мало имъ, бачъ, того, що я роблю для ныхъ, воны жъ обманюють мене, не выповняють слова, та щей хотять купыть мою дытыну, хотять, щобъ сына я свого хрестывъ не въ грецькую, а въ католыцьку виру?.. Яка образа, яка зневага!

Зося. Хиба жъ воны тебе прымусыть можуть? Теперъ ты шляхтычъ, ривный гетману самому, то й король заступытся за тебе!

Чалый. Я й самъ за себе заступлюсь! Але не въ тому ричь! Ты тилько подумай! Чого хотять? И хотять, знаючы, що я за виру грецьку заступаюсь. Выходыть, псомъ мене вси личать, що я за гроши й почести и виру проминяю и стану людъ свій до уніи прымушувать!.. Помыляются! Гайдамакы—одно, а вира — друге!.. Не видъ гетмана ця думка йде, а видъ ксендзивъ!

Зося. А колы такъ, то не тилько сынъ твій не буде кателыкомъ, але и я, жона твоя, прыстаю до грецькои виры, и не посміе насъ нихто за те судыть: бо жона и мужъ—тило одно, а въ однимъ тили—и духъ повыненъ буть одынъ!

Чалый. О, горлыце моя! Я родыну покынувъ, по ній тужывъ бы я безмирно, колы-бъ краса души твоеи мени боротысь зъ нымы не помогала всякій разъ,—якъ отъ хочъ бы й теперъ! Ты родына моя, ты—все для мене!... Охъ якъ жалкую я, що тоди, колы ты бранкою була, въ корчми сыдила, не одружывсь зъ тобою и не покынувъ все, щобъ тыхе, мырнее почать жыття

тамъ далеко, далеко—десь надъ Днипромъ!.. Навищо слава, почотъ, маенткы? А тамъ, зъ тобою бувъ бы рай!

Зося. Такъ що жъ, тикаймо звидциля... Я тутъ боюся усего, а особлыво Гната Голого! Бо ти гайдамакы казалы, що ихъ пославъ убыть тебе Гнатъ Голый! Тикаймо! Мени такъ хочется десь жыть далеко видъ людей, зъ тобою що хвылыны въ купи, а тутъ: ты ходышъ у походы и кыдаешъ мене, и разъ-у разъ я повна страху, що вже не вернешся зъ походу!

Чалый. Прыйдется утикать... (*Пиднимается и слуха*).

Зося. Чого ты? наче що побачывъ, слухаешъ?

Чалый. Ты ничого не чула?

Зося. Ни.

Чалый. Мени здалося, наче хто пидъ викномъ, сказавъ: „добрывечиръ!“

Зося. Ой!..

Чалый. (*Ласкаво*) Богъ зъ тобою. А може жъ и справди хто сказавъ добрывечиръ (*Входе джура и ставыть свичку на стилъ*). А подывыся, чи нема кого тамъ на подвирьи? (*Джура выйшовъ. Чалый бсре Зосю за станъ и садовыть биля себе*). Сядь коло мене, та прыгорнысь до мене, моя бранко!

Зося. (*Сида и прыгортается*) Бранка! Охъ, якъ гарно тоди було, колы я тебе що вечера у корчми ждала, ажъ радисно згадать! Сыдю, въ викно дывлюся и вся тремтю.. Та тилько то не страхъ бувъ, якъ теперъ, то була тривога, що серце наповняла и прудко гнала кровъ, малюючы у мріяхъ чаривну постать страшного всимъ и славного на Украини Саву, которого я такъ покохала, такъ (*дывытся на Саву*), що батька, матирь, все для него забувала и рада бъ зъ нымъ була въ корчми весь викъ сыдить—отакъ! (*Обгортае его шыю и цилуе*).

Чалый. Чого жъ ты вся тремтышъ?

Зося. Видъ щастя мылый, биля твоихъ грудей—страху нема! Я заразъ смилыва така, я справжній гайдамака и ничогисенько вже не боюсь: зъ твоихъ грудей въ мои перелылася смилость и одвага (*Входе джура*).

Джура. Невыдко нигде никого: ни биля свитлыци, ни на подвирьи (*Выйшовъ*).

Чалый. Отакъ, колы стривожышся чого, тоди и вбачается, и вчувается.

Зося. А, пусте (*Входе баба*).

Баба. Идить пани, погодуйте сына.

Зося. Плаче?

Баба. Ни, тилько мурчыть.

Чалый. А нихто не прыходывъ у двиръ?

Баба. Ни, никого не було!

Чалый. Почулось!.. Иды-жъ, голубко, тай спатоньки лягай, а я лысты ще напышу и самъ прыйду до тебе.

Зося Може бъ я ще прыйшла сюда?

Чалый. Краще спы! Нехай тебе храныть Господь!

Зося. (*Иде, и одъ дверей*). А може бъ ты завтра лысты напысавъ, бо вже не рано...

Чалый. Не будь же дытыною, моя люба, у мене дило е.

Зося. Ну, то я вже пиду... (*Постоявшы*) Слухай, Саво, и я въ тобою пойиду завтра въ Немыривъ и сына визьмемо. Добре?

Чалый. Гараздъ.

Зося. Мерщій же пышы лысты, бо я однаково не буду спаты (*Пишла*).

Ява IX.

Сава (*Одынъ сида до столу*). Въ Немыривъ завтра не пойиду, а напышу ясновельможному лыста, що повертать свій ридъ у католыцьку виру я не згоденъ, бо це бъ зневажыло мене передъ очыма всихъ панивъ, яко одступныка видъ предкивськои виры, за котру вчора ще боровся зъ нымы! (*Пыше, потимъ перестае, пиднимается и слуха*) Проклятый пугачъ, якъ засміявся погано! . (*Сида и пыше*). И де винъ взявся? Учора двохъ убывъ и бильшъ здается тутъ ихъ не було (*Пыше, по хвыли здригнувъ, пиднявъ очи на викно и слуха*). Що це? Здалося, наче знову хто сказавъ „добрывечиръ“! А, дуристь! Ну, добрывечиръ, то й добри-

вечиръ... Колы-бъ мерщій вертавсь Шмигельскій. Я цилый день сегодня жду его и тымъ себе такъ розтрывожывъ, що ніякъ не виджену тяжкыхъ думокъ: все бильше и бильшъ нагничують воны мій мозокъ... Дывна ричъ... Колы я жывъ въ степу, въ нори, у лиси—не знавъ тоди такои я тривогы... А теперъ, отъ якъ не сылкуюсь—ничого не зроблю зъ собою!.. Особлыво сегодня. Оци награды мовъ ранылы чымъ гострымъ и отруилы мою душу... Отъ чую—наче хто шепче мени й заразъ: що праця та, яку я у своихъ думкахъ личывъ корыстною народови, була и есть на корысть лышъ панамъ! И чую я, що есть тутъ правда—страшна, страшна правда!... За те, що гайдамакъ, своихъ братывъ, ловывъ и смерты прыдававъ, найкращыхъ оборонцивъ правъ народныхъ, за те, що церкву Божую спалывъ—полковныкъ я и шляхтычъ!.. Шляхтычъ? Ридня выходыть всимъ панамъ!.. Охъ, якъ мени нудно и на серци трудно! Здается, заразъ бы вернувся до своихъ, у лисъ, у норы... Зося пиде скризь за мною... А тамъ я выгодую сына своего Саву козакамъ на славу!—И винъ закрые батькови грихы!.. Охъ, ни!... Зарослы мои шляхы тернамы—немае повороту... Нема! Нема! (*Бье кулакомъ объ стилъ*) И не треба! Дытячый страхъ напавъ на мене, и я себе мордую. Щобъ край утыхомырыть, то треба прыпыныты дыку волю гайдамацьку, покы не захопывъ цей рухъ увесь народъ!... Такъ... Такъ!.. Якъ море зрадлыве сегодня на лони своимъ гойдае тыхо байдакъ и мовъ прысыпляе пловця, а завтра, въ ментъ одынъ скаженіе и бье на трискы той самый байдакъ и топыть у хвыляхъ своихъ нависныхъ необачного плавця—отакъ и народъ: колы розирве ланцюгъ покоры—подибенъ морю нависному! Покирный ще сегодня й тыхый—винъ въ ментъ одынъ, страшну пидниме бурю и Посполиту Речь потопе въ крови, и все оберне у руину! Причъ же сумни думкы—причъ! Не противъ народа я воюю, а противъ гайдамакъ; народови жъ бажаю мыру и спокою, щобъ винъ пидъ панською рукою добувъ шырокои освиты и правъ на вильне и корысне жыття для всего краю. (*Здригнувъ и прыслухается*). Знову хтось сказавъ „добрывечиръ“! (*Иде до викна и заглянувшы, одскакуе*). Що це? Ввыжается мени!

чый справди то Шмигельскій?!! (*Пидходе до викна*) Панъ Шмигельскій, блидный и зъ уха кровъ дзюрчыть! Пане Иване! Чого жъ ты... Щезъ!... Це мана... Це такъ мени здалося...

Ява XI.

Чалый и Джура.

Чалый. Це ты въ викно заглядавъ?

Джура. Ни.

Чалый. И нема никого?

Джуга. Ба прыйихавъ заразъ козакъ зъ хоругвы пана Шмигельского.

Чалый. Де винъ? (*Хутко, не дождавшысь одповиди, выйшовъ. Зъ другихъ дверей выходыть Зося*).

Зося. Джуро, що тамъ сталось, що панъ такъ прутко выйшовъ? Мени здалось, що панъ Шмигельскій прыйихавъ?

Джура. Ни пани, козакъ зъ его хоругвы.

Зося. То певно винъ вернувся?

Джура. Не знаю.

Зося. Здается йдуть! Ты не кажы, що я выходыла, щобъ панъ не гнивавсь.

Джура. Слухаю пани. (*Зося зныкае за двери*)

Ява XII.

Чалый и надворный козакъ. У козака голова перевьязана.

Чалый. Отъ черезъ що я такъ тривожусь цилый день—душа нещастя чула! Тяжке нещастя... Ну, ну—дали розсказуй...

Козакъ. Я певенъ, що вси тамъ поляглы, до одного уси. И ихъ тамъ полягло багато, колы у ранци писля бою до мене зновъ вернулося жыття, то я побачывъ, що балка вся завалена була козачымъ трупомъ—не мовъ бы хто позвозывъ ихъ багато такъ навмысне. Шукавъ межъ трупомъ я сотныка пана Шмигельского, але его тамъ не було. Колы на гору выйшовъ, то на гори зъ десятокъ нашихъ коней уже здыхало, бо въ ныхъ

роспорони булы ихъ жывоты, а дали паслось скилько коней, такъ я піймавъ одного и отъ до тебе прыскакавъ зъ ціею звисткою лыхою!

Чалый. О, Боже мій, яка потеря! Це Гнатъ —его робота, бачу... Ты знаешъ мисто добре?

Козакъ. Знаю.

Чалый. Такъ ты насъ проведешъ туды. Иды тымъ часомъ спочывай, обмый и перевьяжы свои раны. Джуро, дай ему добрый кухоль меду, скажы, щобъ заразъ коней трехъ сидлалы и самъ вертайсь сюды. (*Джура и козакъ вышлы. Сава сидае и пыше лыстъ, а напысавшы*). Сто душъ лягло на поли и зъ ными кращый другъ! Другъ, котрый пидтрымувавъ всякъ часъ мій духъ, другъ, що вмивъ розгоныты найтяжчи хмары жытеви, яки гнитылы часто мозокъ мій и душу й серце!.. О, теперъ я попалю уси лисы, я выверну все гайдамацьке гниздо, я заплатю за смерть Шмигельского вамъ всимъ сторыцею, страшно, страшно заплатю!!... (*Входе Джура*)

Ява XIII.

Чалый и Джура.

Чалый. Отъ тры лысты: одынъ—що згорнутый у двое—въ Немыривъ; другый—що край одынъ заломаный—у Тульчынъ; а третій—одкрытый—въ Рубань! Птыцямы нехай летять вси тры!

Джура. Тоди у насъ никого не останется въ двори, бо Харько й Трохымъ пишлы на слободу и доси не вернулысь.

Чалый. Такъ ты на слободу йды заразъ и въ двиръ до мене поклычъ Кульбабу; скажы ему, щобъ винъ узявъ зъ собою всихъ своихъ товарышивъ, що колысь булы у гайдамакахъ. Воны мени потрибни и за послугу будуть маты добру плату. Иды жъ мерщій! А не забувъ, куды якый послаты лыстъ?

Джура. Цей—въ Немыривъ, цей—у Тульчынъ, а цей—въ Рубань.

Чалый. Такъ. (*Джура пишовъ*) Годи вагатысь, годи! (*Входе Зося*) И ты не спышъ ще на лыхо?

Зося Яке тамъ лыхо? Я чую тривогу—скажы, що сталось: я ни жыва ни мертва!

Чалый. Молю тебе, не заважай мени! Сотня Шмигельского пропала, и я пиду шукать іи. Скоро сберется сюда вся блызька мылиція, и я выступлю заразъ, по дорози захоплю рєшту—и въ походъ!

Зося. То нехай коней заразъ запрягають, и я поиду у Немыривъ зъ сыномъ, бо тутъ безъ тебе я не зостанусь.

Чалый. Я вже пославъ на слободу и заразъ сюда прыйде Кульбаба, а зъ нымъ пьятнадцать такыхъ молодцивъ, що и на сотню пидуть. Для всихъ роздамъ я спысы, порохъ, кули и мушкеты. Це буде твоя варта. Колы-жъ захочешь йихать, то завтра вже пойидешъ у Немыривъ; а варта всежъ такы нехай стоить въ двори... Иды-жъ, моя голубко, и спы спокійно—тебе одну я не покыну! Знай, що у двори у тебе буде пьятнадцять добрыхъ молодцивъ! Иды и спы спокійно. Мени немае часу, треба ще напысать ясновельможному, бо все якъ бачышъ раптомъ переминылось.

Зося. Я слухаю тебе, и спокій мовъ росте въ моій души. Прощай, мій сокилъ ясный! Боже, якъ не хочется зъ тобою розлучатысь... Згадуй свою Зосю, а я що хвылыны буду зъ тобою розмовлять, бо биля мене малый Сава! Прощай!

Сава. Будь здорова, моя зоре (*цилуе іи*).

Зося. Зайдешъ же сына перехрестышъ (*выйшла*).

Ява. XVI.

Сава одынъ. (*Пыше*) Увесь тремтю видъ злосты... Колы-бъ мерщій мылиція... (*Пыше*) Кыпыть моя душа!.. Я не такъ до васъ прыймуся... Колы-бъ піймавсь мени теперъ самъ Гнатъ—я и его безъ жалю на палю посадю! (*Пыше. По хвыли входять тыхо Гнатъ, Медвидь и Кравчына*).

Ява XV.

Чалый, Гнатъ, Медвидь и Кравчына.

Гнатъ. Добрывечиръ!

Чалый. (*Повертается и схоплюется зъ крисла*).

Гнатъ. Здоровъ, здоровъ пане Саво! здалека ты нежданіи гости маешъ, чымъ будешъ витаты?

Чалый. (*Шука очыма броню*). А чымъ же я такыхъ гостей прывитаю... Пославъ мени Господь сына, буду въ кумы звaты.

Гнатъ. Не кумовать тоби, Саво, зъ намы; не пыть горилкы та медивъ зъ прыславнымъ товарыствомъ, а заплатыты перше треба за сукни, та за адамашкы, що ты нажывъ, пане Саво, зъ козацкои ласкы...

Чалый. (*Хоче взять шаблю—Медвидь ему дорогу заступае. Сава хоче взять рушныцю, що въ другимъ кинци стоить—Кравчына заступа ему дорогу. Сава, нахылывшы голову, хвылю мовчыть*) Чого-жъ браты мои хотять? Чи бытысь, чи мырытысь?

Гнатъ. Прыйшовъ часъ, Саво, росплатытысь за крывды ти, яки ты намъ и людямъ всимъ своимъ зробывъ?

Чалый. Я лышъ оборонявъ видъ крывды вашои ввесь край. Одынъ противъ другого мы у поле выступалы, озброени, мовъ лыцари на герцъ! Теперъ же вы у трехъ на мене безоружного напалы,—цего не дозволя честь лыцаря такого, якъ ты, Гнате! Колы вже воля Божа е на те, щобъ зъ вамы росплатывся я, дозволь же и мени мою ты шаблю взяты: тоди одынъ я противъ трехъ кривавый бой прыйму, а Богъ нехай ришыть, и мертвый той нехай поляже, хто крывды бильше наробывъ!

Гнатъ. На поедынокъ ты не маешъ права зъ намы, бо потерявъ козацьку честь! За те, що кишъ у Чорнимъ Лиси нашъ спалывъ, напавшы зрадою на него; за те, що ты ловывъ товарышивъ своихъ и въ рукы паньски виддававъ; за те, що церкву ты спалывъ—тебе громада наша смерты прысудыла и выповныть прысудъ громадській мы взялысь... Противъ громадського суда оборонятысь шкода!.. Колысь хрестамы поминявшысь, мы передъ

образомъ далы прысягу оборонять людей своихъ видъ ляшской крывды и напасты; прысягу ту зламавъ ты, брате, теперъ вона тебе вбывае! (*Вси тры обступають Чалого и проколюють его шаблямы, проколовшы одступають*).

Чалый. (*Падае*) Простить... Я смерть прынявъ за ридный край... Я кровью змывъ свою вину... Прощайте. (*Умирае*).

Гнатъ. Прощай!.. Краще, брате, гныть тоби въ земли, а нижъ зъ ляхамы въ купи на наши головы козачи меча здіймать и на безчестя козачеству всему свій лядскій ридъ тутъ розмножаты.

Зависа.

И. Карпенко-Карый.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

3. Письма П. А. Кулиша.

(1856—1858 г. г.)

1.

Спасыби вамъ, добродію Грыгорые Павловычу, що сами обизвалысь до мене, бо дуже тяжко жыты на чужыни, знавшы, що землякамъ про тебе байдуже. Спасыби й за гроши, що шлете мени за кныжкы. Добре бъ вы вчынылы, якъ бы наставылы Вашого Ребиндера[1]) узять 80 экземпляривъ *Запысокъ о жизни Гоголя*, да разослать по библіотекахъ, якъ то мавъ учыныты Мыхайло Владымеровичъ (Юзефовичъ). Кныжкы сіи лежять у чиновника Гессовськои канцеляріи Даныла Семеновича Каменецького. Не вконтентовала мене Москва цензурою, а не чымъ иншымъ, бо пройиздомъ ни съ кымъ я не бачывсь—ище никого не було въ городи, а проживалы вси на отшиби, зложывшы свое дило на пидпомошныкивъ. *Руськая Бесида* завсегда буде стоять бильше иншого журнала; шкода тилько, що въ собеситныкахъ московськыхъ часомъ бувають не вси дома. Де-що я

[1]) Тогдашній попечитель Кіевскаго Округа и въ тоже время своякъ Галагана.

вже казавъ вамъ у „Лебединському будынку“ про ихъ хымеры. Теперъ розводыть про се не годытся, а колысь напышу здорово, колы не скрутять рукъ. Бо вже, добродію, начынають велыкыи паны крутыть рукы розумнымъ людямъ. *Чорнои Рады* не пропущено й доси, однакъ не втерявъ я надіи, бо й межъ велыкымы не безъ добрыхъ людей. На биду плюгавыи вирши плюгавого Некрасова розсердылы князя Довгорукого, а той давай тушковаты мыныстра, а мыныстръ цензоривъ, а цензоры насъ, а намъ уже й никого.

Пани моя дякуе вамъ за памятку и кланяется щырымъ серцемъ вамъ и вашому шановному подружжю. Зъ правдывымъ ушанованнемъ, до послуги готовый П. Кулишъ 1856, лыпня 20 С.-Петербургъ.

2.

Прошу и благаю васъ, добродію Грыгорые Павловычу, потурбоватысь для мене и вчыныти такъ, щобъ у *губернскихъ кіевскихъ вѣдомостяхъ* опублыковалы „Малороссійскія проповиди“ такъ: „Вышли въ свѣтъ проповѣди на малороссійскомъ языкѣ, протоіерея Василія Гречулевича. Изданіе второе, исправленное. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер. Гг. иногородные благоволять адресоваться за полученіемъ этой книги на имя Александра Александровича Навроцкаго, служащаго въ Министерствѣ Путей Сообщенія, въ С.-Петербургѣ“. Да ще колыбъ и перепечаталы одну проповидь, котору самы вподобаете и дещо изъ предисловія. Тутъ же нехай публикують и про Черную Раду сице: „Печатается въ С.-Петербургѣ историческій романъ на малороссійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Чорна Рада*, сочиненіе П. А. Кулиша. Желающіе получить эту книгу тотчасъ по выходѣ, безъ платы за пересылку, благоволятъ адресоваться къ автору такъ: Пантелеймону Александровичу Кулишу. Въ С.-Петербургъ, у Литовскаго рынка, въ домѣ Вагенгейма, кв. № 8. Со вложеніемъ 3 рублей серебромъ. Сію публикацію треба зро-

быть и для грошей и для того, щобъ усюды кныжка пишла у огласку, бо инши объ ій и не чувалы. Разивъ тры або й бильше треба публыковаты. Оттакъ я до васъ прысипавсь! Уже не здывуйте добродію. На те мы землякы, щобъ одынъ одному помогаты. Щыро прыхильный и до послугы готовый П. Кулишъ. 1856, листопада 26.

3.

Отъ же, добродію Грыгорые Павловычу, чого бажалы мы, те й пославъ намъ Господь. Печатаю *Чорну Раду*; да якъ грошей у мене не товсто, то збираю билетамы. Посылаю й до васъ 20 штукъ. Потурбуйтесь пидпысатысь на кожному, щобъ знаты було, объ кого получыть кныжку той, хто заплатыть гроши. А я вже вамъ вышлю стилько экземпляривъ, скилько былетивъ роздасте. Кныжка выйде у феврали. Хто теперъ пидпышется на неи, взявшы былетъ, той не платытыме за пересылку. Посылаю вамъ и ящыкъ *Проповидей*. Роскыдайте ихъ, якъ самы знаете, по рублю за кныжку. Теперъ, мабуть, нема вже въ Кыеви Васыля Васылевыча [1]), такъ я вамъ посылаю. У ящыку 160 экземплярывъ Проповидей. Колы мало, пышить скорійшъ, — я ще прышлю. Каменецькому пославъ я 240 экз. *Запысокъ о Южной Руси*. Добре бъ вы вчынылы, якъ бы помоглы ему роскыдать ихъ помижъ добрымы людьмы; бо винъ соби чоловикъ не значный, то его не всяке послухае. Другого тому *Запысокъ о Ю. Р.* набрано 224 страныци, да зупынывъ я ихъ для *Чорнои Рады*. Воны выйдуть навпосли. Остаюсь съ ушанованнемъ щыро прыхыльный и до послугы готовый землякъ П. Кулишъ. 1856, дек. 2. С.-Петербургъ.

---

[1]) Тарновскаго, умершаго въ 1866 г.

4.

Р. Б. 1857, лютого 9. Изъ С.-Петербурга.

Радуюсь серцемъ, що вы мене назвалы другомъ, высокоповажный пане Грыгорые Павловычь! Дай Боже намъ друговаты на добро нашій Украини! Можна бъ, можна бъ воздвыгнуть іи одъ недбалости, взявшысь мицнымъ да щырымъ людямъ за рукы. Оце тилько й буде наше, що мы на корысть мырови вчынымъ а наши достаткы и наши гражданськыи права одъ людей намъ надани. Не тратьте жъ часу, дорогый друже, покы есть у васъ добрая хить у серци: бо дніе лукави суть. А на Васыля Васылёвыча не оглядуйтесь: сей панъ свое дило знае и одынъ за пятёхъ робыть..... Не дывуйтесь словамъ моимъ про велыки надіи на народъ украинській. Погляньте на его исторію: чого не перебувъ винъ, яки недолюдкы зъ его не згнущалысь! а въ его бильше людськосты осталось, нижъ у москаля й ляха. Колы не ймете виры серцю, то поймить виры самымъ ляхамъ и москалямъ, котори оддають ему зверхность надъ своимъ племямъ що до натуры доброи, що до духовного розуму. А втручаючысь у повсядневныи справы своихъ подданныхъ, вамъ трудно доглядитысь чистого и святого добра мижъ вашымъ мыромъ, бо добро тыхо сыне въ своій краси, а тилько саме зло гомоныть и тыснется передъ пана. Погляньте жъ и на словесность обохъ руськыхъ народивъ; уважте, що наша словесность южная тилько що прокыдается посли довгого сна; у насъ нема такого ряду пысателивъ, якъ у москаливъ одъ Ломоносова до Пушкына, а духъ нашого племя, духъ людськосты, духъ богочоловичносты, выявывъ уже себе поважнымы и праведнымы художественными лыцямы, якъ отъ батько й маты Марусыны у Квитки, якъ отъ Катерыныны батько й маты у Шевченка, якъ отъ Кырыло Туръ и „Божый чоловикъ“ у мене. И не тилько сіи, да й багато иншыхъ праведно-чоловическькыхъ художественныхъ истотъ выставылы нашы пысатели у своихъ созданіяхъ. Не говорить же мени, що се идеальность нашыхъ пысателивъ вынована. Ни,

мій голубе! Есть нерушимый законъ правды въ души у всякого поэта; не здолае поэтъ самохить пидняться вгору душею: пиднимае его духъ его ридного племя; а не буде ридне племя оправданіемъ его лыць художественныхъ, не прыпадуть воны й до души мырови. Нѣсть льсти во языцѣ моемъ—отъ вамъ девызъ усякого велыкого поэта. Обернемо жъ теперъ увагу на велыкоруськую словесность. Великыи поэты тамъ булы тако жъ само, якъ и въ насъ, и правду щырую про свій народъ проглаголалы. Скажить мени, де отъ хоть-бы въ Пушкына выступывъ руськый чоловикъ у повази и велычыни своихъ доблестей або страданій, такъ щобъ и старе й мале восхытылось его благымъ образомъ? „Борисъ Годуновъ" повенъ ледари, и тилько одынъ Пименъ чернець сыяе святостью, да й то святость пещерная, мертва для мыру. Велыкоруськый чоловикъ, не знайшовшы добра въ своему народи, одвертается одъ его лыцемъ своимъ и простягае, якъ изъ пекла, рукы на небо. Отсе Пушкынській Пименъ!

„Не помня зла, за благо воздадимъ......" А чымъ винъ воздае? молытвамы! Нашъ русинъ не такъ робыть у своій печали по Бози, тилько що сего нихто зъ велыкыхъ крытыкивъ не знае, а нашы пысьменныкы, набравшысь туману одъ россійскыхъ профессоривъ и журналыстивъ, забулы, що жывуть мижъ людьмы и вытягують шыи по-гусячы туды, де людей не дуже густо. Нашъ русинъ, возложывшы печаль на Бога, ище бильшъ пыльнуе свого дила (якъ отъ батько Марусынъ, который, бувшы праведныкомъ, скорбыть душею, що Васыль одбигъ мыру, пійшовшы въ монастырь). Наше добро—дило, а не слово; наша печаль--велыкодушые, а не похылость. Тымъ-то не выдумка, мій друже, що Петро, зъ великои туги, хоче робыть власнымъ коштомъ човны и велыкымъ рыцаремъ, слобонытелемъ невольныка учынытысь. Не мысль холодна наукова, а душа внушае пысателю такый порывъ для его художественнои особы; а посли вже, не скоро, выйшовшы зъ свого творчеського мыру, постерегае поэтъ тайну свого наитія. Поривнялы мы Пимена зъ нашымы поэтычнымы творамы; поривняемо жъ мы и московське

благочестые зъ нашымъ. Чи бачыте, що таке булы въ старій Московщыни манастыри?

Иванъ Мучитель утикае туда отъ своеи душевнои тревоги....

„Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный..." Стари люде идуть туды на спокои вмирати; сажають туди, якъ у темныцю, жинокъ и дивчатъ... Манастирь—тажъ могыла. У насъ винъ бувъ тежъ саме, що до втикання одъ мыру и ёго напастей, да втикшы туди, чоловикъ заразъ брався за дило: винъ бувъ друкарь, винъ бувъ учитель, винъ выходывъ на *миссію* и одъ села до села, рббомъ хрыстовымъ и апостольскымъ, благовиствовавъ божую правду. Не могилою бувъ манастырь южноруській: козацьке отаманне выходило зъ манастыривъ и слово черечои науки въ дило претворяло. А братства жъ наши? Се тіи жъ манастыри, тилько тутъ робылы дило христове, не надивавшы рясы, такъ робылы, якъ Марусынъ панотець у своему сели и въ своій господи. На великій высоти стоявъ нашъ русинъ, колы пидгорнувъ пидъ свій надзоръ и опеку не то всякого *брата* въ братствахъ—чи пана, чи посполытого, да й самихъ попивъ своихъ! Такъ якъ же съ такого кореня не выросте доброго дерева! А що дерево выросло, то *по плодамъ его познаете его.* Колы бъ не правда була тому, що создають наши поэты, то не трепетало бъ наше серце сочувствіемъ. А колы сёму правда и колы плоды добри, то добре й дерево. Отъ погляньте на нашого Гоголя: якъ винъ сылкувавсь выявыть художественнымъ способомъ щось велыке зъ велыкои Руси! Покы спысувавъ те, що въ ій есть, то бувъ страшеннои сылы майстромъ. Чи болото зійме своимъ искушеннымъ окомъ, то й ожыве воно въ его зъ усима своимы гадамы; чи погляне орловымъ поглядомъ на зустричъ далекымъ викамъ грядущымъ—и зъ далекыхъ викивъ озываются до его якыись велыколюды (бо лежыть ще въ сповитку бородатый русинъ, и бодай, чи не мы его роспеленаемъ). Отъ же, якъ прыйшлось до „благородныхъ личностей", якъ довелось изображать велыкыи подвыгы духа, до которыхъ не дорисъ бородатый братъ нашъ, то измучывъ себе Гоголь, роспынаючысь за

грихы миру велыкоруського, а благородной личности не создавъ ни однои! Не кажыть мени нихто, що не той бувъ талантъ у Гоголя. Давъ винъ пробу свого таланту ще замолоду—на Тараси Бульби. Ще бувъ тогди школяремъ Гоголь и не багато умивъ своеи риднои исторыи и этнографыи; тымъ то й наробывъ велыкихъ помылокъ у Тараси Бульби; отъ же зъ усима помылкамы, Тарасъ Бульба (яко лыце, а не повисть) прыпадае бильшъ до души, а нижъ оттой откупщыкъ, оттой велыкый хозяинъ, оттой доблестный князь, що зонсовалы собою „Мертвыи Душы.“ Що бильшъ Гоголь уходывъ у московську жизнь, то трундійшъ ёму було создать велыкія доблестямы характеры, бо есть нерушымый законъ правды въ души у всякого поэта; не здолае поэтъ самохить пидняться вгору душею: пиднимае его духъ его ридне племя, а не буде его племя оправданіемъ его лыць художественныхъ, не прыпадуть воны й до душы мырови. Була сыла въ Гоголя преобразытысь у москаля, бо не глубоко пустывъ корень у ридну землю, а не було сылы надать москалеви характеръ, которого не выробквъ народъ московськый. Тутъ ище есть одна велыка тайна творчества, которои нихто ище не доторкався. Есть мижъ московськымы людьмы велыкыи чоловиколюбци; есть герои; есть Кодры, а ни въ одного поэта не знайдете доблестного лыця, которе-бъ не було идеаломъ, а правдою. Нехай бы Гоголь узявъ старого Аксакова и возсоздавъ у художественному образи; нехай бы Пушкинъ себе самого олыцетворывъ у тому мызерному блазню Евгенію Онѣгину; то й булы бъ тыи чары для душы чытателя, которыми чаруе насъ, малюючы благость душевну, Квитка або Шевченко. Отъ же ни! Снагы на се не стало! Бо немае въ народи, у его души всеобщій, тои красоты божественнои, котора идеаламъ поэта надае правду, сердець владычыцю. Тимъ то поэтъ буде святъ и благъ душею, якъ бувъ Гоголь, и перо его спыше всеобщыи типы, хоть бы воны булы пакость пакости; *нѣсть бо лъсти въ языку его.* Хоть бы й покрывывъ душею одъ благости своего серця, то его твореніе изобличыть ёго. Поэзія—голосъ народа, а не „любителей словесности;“ все ненародне зныкае зъ часомъ и пійде въ

непамять.—Тилько слово всего народу, проглаголанне викамъ и племенамъ черезъ его вищателей, останется поты, покы любо буде брату спомынаты брата. Тымъ то, мій друже, нехай не слабіе ваша надія на народъ южноруськый: одъ плодовъ его познаемо его: не можеть бо древо никчемне прыносыть доброго плоду.

Оце жъ вы ввелы мене въ довгу розмову, да колы бъ за нею и поточныхъ справъ не позабуваты. Колы робыть що для Мыколы (Бѣлозерскаго?), то робите хутко, часу марно не гайте, и зъ гришмы не збирайтесь, бо то все прахъ земный, тилько дило и слово наше праведне останется на викы. А до Бодянського я напышу заразъ, а вы мене не зневажте, якъ прыйдется до дила. Колы жъ я не гожусь на сю справу, то не ждавшы моеи до васъ одпыски, самы зъ нымъ ставайте въ ради, а я одсунусь геть. Робить дило такъ, якъ я роблю: просто, щиро, негайно. У васъ воля, у васъ и сыла, а въ мене часто воля есть да немае сылы, и викъ мій у марныхъ сподиванняхъ проходыть. „А посли насъ не буде насъ: будуть люде, да не мы, якъ говорыть добре нашъ непысьменный людъ. За 60 карб. на *Чорну Раду* спасыби. Сповистить мене, чи получылы вы первый ящикъ изъ *проповидьмы?* Се два ящыкы послани посли того, якъ прысламы вы мени 160 р. *Чорна Рада* напечатана вже вся, а предысловые цензура ще прыдержуе. И хочетця, и маты не велила—оттакъ и тій цензури!

За поклонъ пану Маркевичу зъ ушанованнемъ кланяюсь, и всимъ вашимъ семянамъ покланяюсь щырою и прыхыльною душою Вашъ П. Кулишъ.

Пану Ригельману одпышу зъ другою почтою. Теперъ не поспію.

5.

Оце жъ, я думаю, вы вже получылы *Чорну Раду*, коханый земляче и друже Грыгорые Павловычу! Слидомъ за *Радою* пославъ

я вамъ по кнызци и другого тому *Запысокъ*. Тамъ есть легенда про попа унита. Хоть іи цензоръ и пропустывъ, а для продажы я выризавъ изъ экземпляривъ, щобъ не взъилысь на мене попы, бо на злодію горыть шапка. Вамъ же послав такъ, якъ пропущено цензоромъ. Боже вамъ поможы на добре дило, которе вы задумалы; тилько моея рады не ждите. Маете коло себе инщихъ громадськихъ мужив, райтесь изъ ными. Колы бъ вы зналы, якъ мени треба скорійшъ йихаты у чужи земли, то вы бъ не тилько мене не зазывалы на Вкраину, а самы бъ выйихалы...

Напышить же мени, якъ вамъ здается другый томъ *Запысокъ*, и чы треба выдавать третій и дали? У мене така думка, що намъ бы не вадыло завесты свій журналъ, щобъ дать южноруському слову гражданство. Мы збогатылы московську ричъ словамы, которыхъ, пры ихъ темноти науковій, у москаливъ не було. Теперъ треба взять свое назадъ съ лыхвою, не вважаючы на те, що хозяйствовавъ на нашому добри Пушкинъ и инши. Оце я, оддыхаючы, переложывъ по нашому перву писню *Чайльда Гарольда* такъ, мовъ и на свити нема моськовскои речи, а есть тилько англійска да наша. Переложу жъ и тры останни, и побачыте, колы не буде добре. Такъ же само треба переложыты *Гамлета*, *Вильгельма Теля*, *Геца-фонъ-Берлихингена* и *Ламермурську Молоду*, щобъ выробыть формы змужычалои нашои речи на послугу мысли всечоловичвій. Шкода, що мени николы коло того гаятысь, бо треба свое блыжше дило робыты. А якъ бы бувъ журналъ, сыричъ грошии на его, то можно бъ и знайты ручихъ хлопятъ, котори зрозумилы бъ, що намъ треба, и сотворылы бъ свій языкъ не згиршъ одъ чехивъ и сербивъ. Тоди бъ то явылась словесность, котора свій крытерыумъ мала бъ не въ знимечаныхъ паньскихъ головахъ, а въ щирыхъ мужычихъ, навпакы Московській. Одно, два популярныхъ созданій—и словесность пустыла бъ глыбоко коринне у свій ридный грунтъ. Думайте про се и наготовте матерыяльного двыгателя для журнала; а я вернусь не съ порожнимы рукамы и надбаю добра словесного. 24 кныжкы въ годъ преобразылы бъ нашу публику,

и смихъ бувъ бы згадувать про те, ще теперъ городять про нашу ридну словесность. Спасеніе нашего краю—въ нашому слови. Слово земляка укаже землякови, и явытся сыла общественна, которои теперъ немае, явытся воля й дума едына! Бувайте жъ здорови тиломъ и духомъ! Щырымъ сердцемъ васъ обіймаю.

П. Кулишъ.

Теперъ и на мое имя можно пересылать гроши: на почти завелысь прыятели, котори выдають и черезъ посланця. А що жъ кныгопродавци, що торговалысь черезъ телеграфъ?

1857, берез. 30. С.-Петербургъ.

6.

1857, стычня 12.

Пышу до васъ изъ Москвы, любый добродію Грыгорые Павловычу. Прыйихавъ сюды, провожаючы свою пани, котора, недугуючи, хоче зустриты весну на Вкраини и для того пойихала до своеи крестнои матери у Новгородъ-Сиверській повитъ. Медыцына сказала, що ій не годытся оставаться на провесни у Блатенску, сыричъ на столыци. Посылаю вамъ билетъ изъ транспортной конторы. Багато въ Москви лытературного гомону—ажъ голова кругомъ иде. Що москали краще говорять, анижъ пышуть, то се вже всяке знае, бо нимота прыбыла ихъ изъ-за угла лопатою да й накрыла мокрымъ рядномъ, которого воны и доси зъ себе не скынулы; тымъ и туманіють, хотивши буть людьмы розумнымы и красноглаголивымы. Де-яки зъ ныхъ—да не багато—пышуть здорово, а все не зможутся на велыке творчество. Старый Аксаковъ чытавъ намъ нову свою хронику, почавши одъ самого малечку. Дуже гарна и свижа штука. Поможе вона русській словесности, тилько сама собою словесности ище не становыть. Спысокъ зъ натуры найдокладнійшый не бильше того значить, що въ жывопысця этюды для картыны. Есть у чоловика въ души сыла, котора съ тыхъ дрибностокъ творыть

самовладный мыръ, такъ, щобъ усяка частына дыхала одныть велыкымъ помысломъ—душею того мыра. Такои сылы нема въ московськихъ розумныхъ людей, и довго ще воны на неи не спроможутся. Не спроможутся воны поты, покы пысатель и народъ стануть нероздилымымъ тиломъ. Годи вже, бо всего не спысаты, що проходыть черезъ голову. Бувайте здорови, да не забувайте свого щиро прыхыльного земляка.

7.

Якъ сказалы вы мени, коханый друже, про тыи литеры, я заразъ напысавъ, щобъ ихъ не печаталы, бо початокъ другого тому друковавсь безъ мене (изъ Москвы, взявши одъ цензора, я пославъ его свойму корректору), и якъ бы не Остряныця, то выйшовъ бы зымою. Ажъ пизно вже! Що робыты? Вызволяйте, якъ самы знаете, мене да и себе зъ биды, и дуже на мене не гнивайтесь за се; бо сказано: ему же честь—честь, и ему же урокъ—урокъ! Воно не гарно, дай не зовсимъ. Колысь же настане таке время, що громадській голосъ росходытыметcя по всій Украини.... Колы я выберусь изъ Петербурга, Богъ знае. Може, швыдко прочытаете публыкацію про Гоголя. То зроблено, щобъ налякаты кныжныкивъ, що вси до мене кынутся, и щобъ скорій кныжныкы куповалы всю эдицію; якъ же не куплять, то не знаю, на чыи рукы й покынуть таке дило, которе треба робыть съ толкомъ и порядкомъ. Хиба надпродавшы часть, бо по частямъ дуже кваплятся, якъ небудь помиркуюсь изъ Макаровымъ, авторомъ моихъ давнихъ кныжокъ, да й то не знаю, чы скоро буде, бо ще доволи осталось друковання. Тоди зновъ публыковатыму, щобъ иногородныи пысалы до кныгопродавцивъ, а которому небудь дамъ довиренность на почту.

„Не честь, не подоба мени по рилли спотыкаты...." да що робыть, колы въ насъ инше грошей не заробышъ? а безъ грошей сыдитымешъ, якъ Игнатъ пры земли.

Про журналъ, здается, я такъ и пысавъ, щобъ изготовыться за си два годы, котори я проживу въ чужихъ земляхъ. Багато де-чого треба понапысувать, такъ, щобъ не було *шыты, билыты— завтра Велыкдень*, а готове пидкриплять свижымы розмовамы про дила поточныи. Отъ бы вы свою росправу напысалы про росплывъ украинськои мовы и звычаивъ; добре бъ запомоглы насъ симъ диломъ. А що найнужнійше, то отъ про що помиркуваты: якымъ коштомъ пиднять журналъ? Колы и московськыи убыточаются на первыхъ порахъ, то про нашъ ничого й казаты. Не окупытся й пьята часть того кошту, що на его положымо. Якъ же тутъ справытысь? Намъ треба создать сотрудныкивъ и чытателивъ. Плата за гарныи піесы буде премыею, и всяке буде сылкуватысь, якъ-бы ту мову зрозумити, за котору гроши платять. Теперъ викъ такый, коханый друже! А дило того стоить, бо языкъ нашъ выведе на-явъ багато де-чого такого, що по московськи зроду не розскажешъ, и сама московська словесность зацвите повымъ цвитомъ. Отъ я теперъ морочусь надъ *Чорною Радою* для Руськои Бесиды. Розскажы москалеви по московськи, що се въ насъ слово нижне, малевныче, голосне якъ писня! Хочешъ повіять запашною садовыною, а ему несе квашенною капустою,—и самъ бачышъ, що воно зовсимъ не те, да не знаешъ, якъ до его заговорыты, щобъ зрозумивъ винъ тебе! Ну, вибачайте, дуже николы! Да всего у лыстъ и не вберешъ, що хотилось бы сказаты. Душею Вашъ П. Кулишъ.

1857, квитня 28.

8.

Страсбургъ. 1868, мая 1, н. ст.

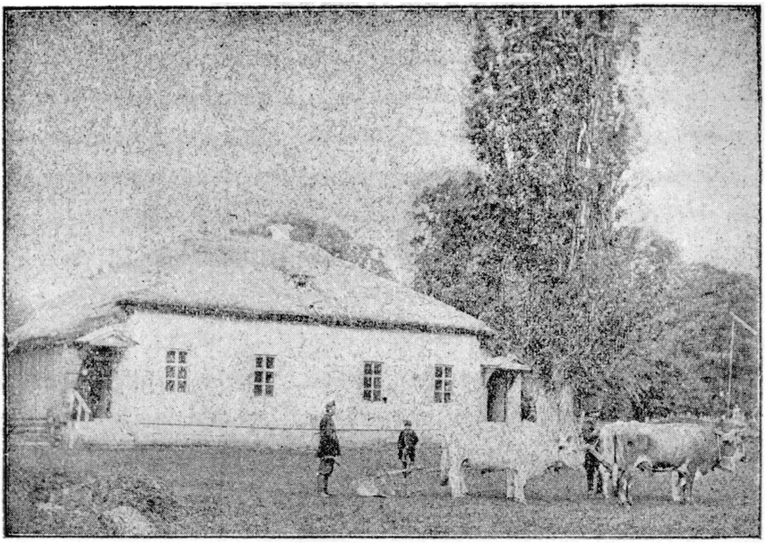
Здравствуйте, любезнѣйшій другъ Григорій Павловичъ! Не удалось мнѣ повидаться съ вами въ Москвѣ, которая до того мнѣ опротивѣла своими глупостями, что я, не заѣзжая въ гостин-

ницу, прямо съ желѣзной дороги—на почтовую станцію, и поскакалъ въ Малороссію. Въ Москвѣ есть однакожъ и умѣренная партія литераторовъ, съ которыми я остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ это, можетъ быть, вы видите по Русскому Вѣстнику. Я говорю *можетъ быть* потому, что не знаю, усидѣлъ ли Крузе на своемъ мѣстѣ, т. е. не повернула ли цензура назадъ. У Крузе лежали три мои статьи, которыя онъ не рѣшался подписать, пока не пройдетъ мимо скопившаяся надъ нимъ туча обвиненій. Вы мнѣ совѣтовали достигать цѣли путемъ мирнымъ. Это невозможное дѣло. Всякое новое убѣжденіе принималось обществомъ не иначе, какъ произведя сперва бурю споровъ, а часто и ожесточенную борьбу. Случалось, что начинатели провозглашенія дѣлались жертвами людскихъ предубѣжденій. Я самъ много страдалъ и страдаю отъ моихъ противниковъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы истину высказывать въ полъ-слова? За нашимъ поколѣніемъ идетъ другое. Оно чуждо вбитыхъ въ наши головы понятій, мѣшающихъ намъ прійти къ ясному самосознанію. Оно ведется духомъ иного вѣка; оно оправдаетъ или окончательно опровергнетъ новую мысль о литературѣ и народности. Дѣло еще только начинается, и какъ ни малозначительны наши начинанія, но идея самобытности нашей въ области мысли и чувства можетъ принять размѣры широкіе и воплотиться въ самую жизнь. На основаніи этой идеи могутъ возникнуть новыя гражданскія отношенія, и это произойдетъ мимо вѣдома людей, посѣдѣвшихъ въ постоянномъ чтеніи политическихъ газетъ. Я вѣрю въ будущность нашего края и въ невозможность остановить рождающееся самосознаніе въ свѣжихъ умахъ малороссійскихъ. Что даетъ намъ великорусская жизнь и великорусская словесность, того слишкомъ для насъ недостаточно. Этимъ могутъ довольствоваться только люди, получившіе иноземное воспитаніе и несжившіеся съ нашимъ народомъ. Сами великороссіяне, знающіе жизнь своихъ простолюдиновъ, чего то отъ насъ ожидаютъ, чуя душою, что богата здѣсь человѣческая природа. Одни мы, прибитые долговременными неудачами, притѣсненіями, нахальствомъ сильныхъ и удач-

ливыхъ, сомнѣваемся въ себѣ, не довѣряемъ ни своему слову, ни своему чувству и вѣруемъ въ ученіе людей, которые у насъ не жили и насъ не знаютъ. Я съ глубокой горестью и презрѣніемъ смотрю на современное малороссійское общество и успокаиваюсь душою только въ будущихъ поколѣніяхъ, которыя призваны къ самосознанію и къ самодѣятельности на родной своей почвѣ, какъ это показываетъ уже и теперь слѣпое пристрастіе ко всему родному многихъ молодыхъ людей. Все это пишу къ вамъ изъ единственныхъ побужденій говорить съ вами, что мнѣ удавалось рѣдко, такъ какъ вы живете посреди людей, которыхъ я не знаю. Тяжело жить на свѣтѣ молчаливымъ странникомъ, который многое видитъ, чувствуетъ и подразумѣваетъ, но ограничивается бесѣдою о прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ и тому подобныхъ пустякахъ. И то сказать, что жизнь, самая удобная для дружеской откровенной бесѣды, рѣдко располагаетъ насъ къ откровенности. Иногда молчишь именно потому, что въ это время душа полна чувствъ, а выраженіе ихъ еще не настало. Вспомните полушутливый стихъ Пушкина: „Но я любя былъ глухъ и нѣмъ“; и далѣе: „Прошла любовь—явилась муза...“ Это почти всегда такъ бываетъ у людей, одаренныхъ болѣе или менѣе способностью выражать словомъ то, что дѣлается въ душѣ. А такъ какъ я провелъ всю жизнь затворникомъ, то и привыкъ думать и чувствовать втихомолку. Вотъ почему въ письмѣ иногда больше скажется, нежели сказалось бы на словахъ. Но какъ бы то ни было, примите это мое посланіе вмѣсто дружескаго пожатія руки и отвѣчайте мнѣ нѣсколькими строками въ Женеву, на мое имя, *poste restante*, только немедленно. Увѣдомьте меня, получили ли вы *Граматку* и каково она принята? Если и худо, все равно увѣдомьте: ибо *Граматка* не послѣднее мое дѣло и не послѣдняя жертва. Василій Васильевичъ (Тарновскій), какъ я вижу, совершенно охладѣлъ ко мнѣ и оставилъ меня. Это очень грустно, тѣмъ болѣе, что я ему много обязанъ и до сихъ поръ не успѣлъ возблагодарить его. Мнѣ таки въ жизни много приходится испытывать разочарованій и ошибаться жесточайшимъ образомъ. Иногда мнѣ кажется, что я ужъ со-

вершенно уничтожился и ни на что больше не годенъ. Но невидимая сила подкрѣпляетъ и обновляетъ мою душу во время величайшихъ ея огорченій, такъ что на самыя огорченія я началъ смотрѣть, какъ на необходимый элементъ моей жизни. Но довольно. До свиданья. Александра Михайловна вмѣстѣ со мною кланяется вамъ и вашимъ добрымъ и почтеннымъ дамамъ. Вашъ душою П. Кулишъ.

У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго.



Домъ П. А. Кулиша въ х. Мотроновкѣ.

Случай доставилъ мнѣ въ началѣ мая и въ іюнѣ этого года возможность два раза побывать въ томъ хуторѣ Борзенскаго уѣзда, въ которомъ провели свои послѣдніе дни и затѣмъ одинъ за другимъ умерли два главныхъ дѣятеля „Основы“. Одинъ изъ нихъ—самый дѣятельный сотрудникъ этого журнала, Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, когда-то въ высшей степени подвижный и предпріимчивый, а потомъ замкнувшійся у себя въ этомъ хуторѣ—послѣдніе годы своей жизни провелъ въ немъ безвыѣздно; другой—редакторъ издатель названнаго

журнала—Василій Михайловичъ Бѣлозерскій былъ уроженцемъ этого хутора, жилъ потомъ въ разныхъ мѣстахъ, а затѣмъ, уже послѣ смерти П. А. Кулиша, послѣдовавшей 2 февраля 1897 г., въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ этотъ хуторъ, гдѣ и скончался въ томъ же мѣсяцѣ—20 февраля 1899 г.

Сошлись они когда-то, въ молодости, въ Кіевѣ, откуда П. А. Кулишъ ѣздилъ вмѣстѣ съ В. М. Бѣлозерскимъ гостить въ его родной хуторъ, гдѣ 24 января 1844 г. и женился на сестрѣ его Александрѣ Михайловнѣ (въ литературѣ—Ганна Барвинокъ), о чемъ извѣщалъ своего земляка П. Е. Чуйкевича [1]) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Да, я счастливъ своею жинкою: такая украинка, что просто восхищеніе! Шевченка наизустъ знаетъ, а въ исторіи заткнетъ за поясъ инного и студента; женщина разумная, твердая въ намѣреніяхъ, чувствительная къ бѣдствіямъ человѣчества, однимъ словомъ достойная самой высокой ступени въ обществѣ“.

Въ то время Кулишъ и Вас. Бѣлозерскій были близкими пріятелями. Такъ, въ одномъ письмѣ къ Аф. Вас. Марковичу 40-хъ годовъ (ненапечатанномъ, также какъ и вышеприведенное письмо къ Чуйкевичу) К—шъ такимъ образомъ отзывался о Б—скомъ: „Вася былъ для меня избраннымъ сосудомъ, въ который я полагалъ самыя дорогія и тайныя свои чувства“. Въ другомъ письмѣ (тоже ненапечатанномъ), къ Гулаку, убѣждая послѣдняго переселиться, вмѣсто Дерпта, въ Петербургъ, К—шъ въ концѣ своихъ доводовъ, которыми надѣялся подѣйствовать на Гулака, употребилъ такой аргументъ: „Нужно вамъ сказать, что Василій Михайловичъ, можетъ быть, также сюда переѣдетъ, а въ Дерптѣ что вы найдете ему подобное? не правда-ли?“—Съ другой стороны, В. М. Б—скій въ одной запискѣ 1897 года сдѣлалъ такой отзывъ о К—шѣ: „Кулѣшъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые своимъ благородствомъ, честностью, великодушіемъ и благоразуміемъ заставляютъ уважать его каждаго, кто имѣетъ съ нимъ дѣло. Онъ человѣкъ практическій и

[1]) Кулишъ, также какъ и Чуйкевичъ, былъ уроженцемъ мѣст. Воронежа, Глуховскаго уѣзда.

дѣятельный и не любитъ бросаться то на то, то на другое и особенно не жалуетъ того, что не одобрено спокойнымъ разсудкомъ. Дѣятельность его наиболѣе сосредоточилась на литературѣ и на совершенствованіи жизни, которое онъ преимущественно полагаетъ въ дѣлѣ и только дѣло считаетъ существенностью. Всякое увлеченіе, не имѣющее опредѣленной полезной цѣли, на которую тотчасъ же указать можно, для него противно. Жизнь свою онъ проводилъ, занимаясь литературою и живописью; дѣлать добро безъ отлагательства тамъ, гдѣ представляется случай,—онъ считаетъ главной обязанностью".

Покинувъ Кіевъ, В. Бѣлозерскій служилъ учителемъ кадетскаго корпуса въ Полтавѣ, а Кулишъ, послѣ учительства въ Луцкѣ, Ровно и Кіевѣ, занялъ должность учителя гимназіи въ Петербургѣ (откуда и писалъ вышеупомянутое письмо Гулаку). Получивъ затѣмъ командировку на два съ половиною года за границу для изученія славянскихъ нарѣчій и желая имѣть своимъ спутникомъ В. Б—скаго, К—шъ очень старался сдѣлать возможнымъ для Б—скаго заграничное путешествіе. Ему удалось устроить это, и, выѣхавъ вмѣстѣ изъ Черниговской губерніи въ февралѣ 1847 года, они побывали въ Кіевѣ и затѣмъ направили свой путь на Варшаву. Уже они были недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ стремились, но, остановившись въ Варшавѣ, были задержаны по дѣлу о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ и доставлены въ Петербургъ; а по окончаніи этого дѣла, вмѣсто заграничнаго путешествія должны были отправиться въ ссылку (К—шъ въ Тулу, а Б—скій въ Петрозаводскъ).

Получивъ снова возможность жить въ Петербургѣ, они въ 1861—1862 годахъ вмѣстѣ работали въ „Основѣ", причемъ характеръ отношеній ихъ другъ къ другу измѣнился. Прежде Бѣлозерскій подчинялся вліянію Кулиша, какъ человѣка болѣе даровитаго и сильнаго характера. Можетъ быть, привыкши къ этому, К—шъ, когда Б—скій сталъ во главѣ предпріятія, не хотѣлъ признавать его авторитета и сдѣлался строгимъ критикомъ его дѣйствій. Б—скій же, сдѣлавшись редакторомъ, какъ выражался

К—шъ въ письмѣ къ О. М. Бодянскому отъ 24 апрѣля 1861 г., „возмнилъ себя быти мудрѣйше паче всѣхъ земнородныхъ“ [1]). Между ними стали возникать разныя недоразумѣнія и несогласія.

Послѣ прекращенія изданія „Основы“ Кулишъ и Бѣлозерскій еще разъ дѣйствовали на одномъ поприщѣ, служа въ учредительномъ комитетѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ, послѣ чего дороги ихъ разошлись: Бѣлозерскій перешелъ на службу по судебному вѣдомству, занявъ должность члена варшавской судебной палаты, а по выходѣ въ отставку поселился въ Петербургѣ; Кулишъ же, оставивъ службу въ Варшавѣ, совершилъ нѣсколько заграничныхъ поѣздокъ (въ 1869—1873 годахъ), затѣмъ снова пытался служить въ Петербургѣ (съ конца 1873 до половины 1875 года), послѣ чего жилъ нѣкоторое время въ Галиціи, откуда уже навсегда прощался съ своей родиной, говоря въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„И тебе вже оце не побачу до вику, мій краю коханый,
Не побачу степивъ тыхъ роскишныхъ, гаивъ тыхъ спивучыхъ,
И поляжу безъ славы въ могыли нимій и никому незнаній...“

Но, вопреки этихъ ожиданій, въ 80-хъ годахъ онъ возвратился на родину и осѣлся въ томъ хуторѣ, въ которомъ и упокоился.

Хуторъ этотъ принадлежалъ прежде Михаилу Васильевичу Бѣлозерскому (отцу Василія Михайловича), который служилъ Борзенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и, построивъ здѣсь домъ, назвалъ хуторъ, по имени своей жены Матрены Васильевны (урожденной Силевичъ), *Мотроновкою.* Женившись на одной изъ его дочерей, Кулишъ, послѣ разныхъ попытокъ устроиться въ другихъ мѣстахъ, построилъ, въ недальнемъ разстояніи отъ дома Бѣлозерскихъ, для себя домикъ и далъ этому своему хутору названіе „*Пиддубень*“. Впослѣдствіи онъ продалъ этотъ домъ и, пріобрѣтя для своей супруги отъ ея братьевъ часть принадлежавшихъ имъ земелъ, переселился въ старый

[1]) Кіевская Старина 1897 г. № 12, стр. 470.

домъ Бѣлозерскихъ. Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, этотъ домъ съ другими надворными постройками сгорѣлъ, послѣ чего Кулишъ переименовалъ хуторъ въ *„Ганнину Пустынь“* [1]), а послѣ его смерти Александра Михайловна стала называть хуторъ *„Кулишивкою“*. Однако новыя названія не вошли во всеобщее употребленіе, и въ народѣ по прежнему называютъ хуторъ Мотроновкою. Въ настоящее время часть Мотроновскихъ земель, въ количествѣ 45-ти десятинъ, составляетъ собственность вдовы Кулиша, а другая часть, получившая, вслѣдствіе произведенной на ней въ давнее время вырубки лѣса, названіе *„Срубъ“*, принадлежитъ вдовѣ Николая Михайловича Бѣлозерскаго, Варварѣ Ивановнѣ.

Послѣ упомянутаго пожара, истребившаго прежнія постройки, Кулишъ съ своею супругою долгое время жилъ въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара амбарѣ, кое-какъ приспособивши его для жилья, а затѣмъ построилъ небольшой домикъ, въ которомъ прожилъ всего около четырехъ лѣтъ и который мнѣ пришлось теперь навѣстить.

Хуторъ отстоитъ отъ Борзны въ разстояніи 4-хъ или 5-ти верстъ, и къ нему можно проѣхать изъ этого города двумя дорогами: одна ведетъ старымъ Нѣжинскикъ трактомъ, который прежде былъ почтовымъ и съ котораго, не доѣзжая села Оленовки, нужно своротить недалеко влѣво; рядомъ съ этою, есть другая болѣе прямая дорога. Обѣ дороги пролегаютъ по ровной мѣстности; по сторонамъ ихъ стелются поля, а черезъ нѣкоторое разстояніе виднѣются лѣса, къ которымъ и примыкаетъ хуторъ.

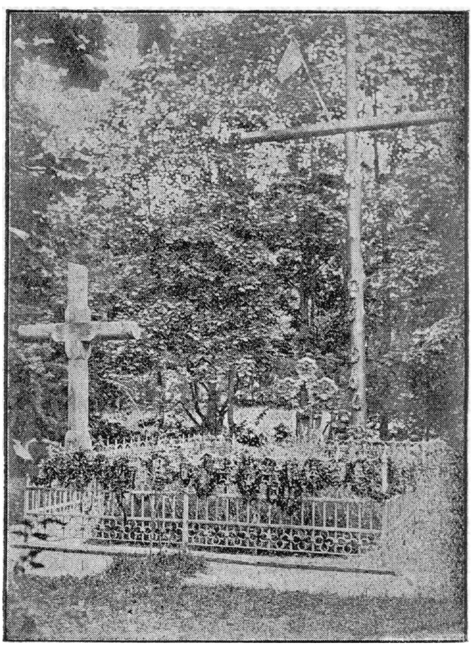
Подъѣхавъ къ усадьбѣ вмѣстѣ съ однимъ обитателемъ Борзны, я увидѣлъ прямо передъ воротами скромный деревянный домикъ подъ соломенною крышею, съ двумя крылечками, между которыми на дворъ выходятъ четыре окна. По обѣимъ сторонамъ двора расположены надворныя постройки, и кромѣ

---

[1]) Въ объясненіе этого, въ письмѣ къ С. Д. Носу отъ 1 мая 1888 г., помѣченномъ: „Хуторъ Ганнина Пустынь, що бувъ Мотроновка“, Кулишъ говоритъ: „Ганнина Пустынь—писля пожежи стала“ (Кіевская Старина 1899 г. № 4).

того съ правой стороны дома находится колодецъ съ журавлемъ, а съ лѣвой выглядитъ изъ сада группа красивыхъ каштановъ; прямо же передъ домомъ, посреди двора, возвышается стройный тополь.

Поднявшись по ступенькамъ лѣваго крылечка и пройдя черезъ маленькую переднюю, мы вошли въ комнату, въ которой стоитъ столярный верстакъ съ разными лежащими на немъ инструментами. Здѣсь Кулишъ занимался столярнымъ мастерствомъ. Въ этой комнатѣ насъ привѣтливо и радушно встрѣтила хозяйка хутора Александра Михайловна, не смотря на преклонный возрастъ—бодрая и подвижная, сохранившая въ себѣ много жизни, энергіи и сердечной теплоты. Вмѣстѣ съ нею мы прошли въ слѣдующую комнату, которая служила кабинетомъ и гостинной и имѣетъ выходъ въ садъ черезъ балконъ.



Послѣ первыхъ привѣтствій, еще не осмотрѣвшись хорошенько въ домѣ, мы вышли въ садъ и направились по обсаженной кустами піоновъ и розъ дорожкѣ, которая прямо противъ балконной двери идетъ прямою линіей и приводитъ къ круглой полянѣ, обсаженной высокими кленами. Посреди этой поляны мы увидѣли высокую могилу, покрытую сухими вѣнками и расцвѣтшими барвинками и осѣняемую тремя крестами: одинъ изъ нихъ, маленькій, въ аршинъ надъ землею, былъ поставленъ временно, до сооруженія большого креста, но остался на могилѣ и до настоящаго времени; около него воз-

вышается устроенный иждивеніемъ В. В. Тарновскаго чугунный крестъ, выкрашенный подъ цвѣтъ дуба, вышиною около сажени; а нѣсколько въ сторонѣ отъ могилы, на востокъ отъ нея, поставленъ воздвигнутый вдовою Кулиша и ея родственниками огромной вышины дубовый крестъ, къ перекладинѣ котораго, по старинному козацкому обычаю, прикрѣплена пика съ развѣвающеюся на немъ хусткою. Къ чугунному кресту прибита мѣдная доска съ слѣдующею надписью: „Се спочывае украинськый писатель, перекладарь святого пысьма на украинськый языкъ Пантелеймонъ Александровычъ Кулишъ. Родывся року Божого 1819-го, переставывся року Божого 1897-го, другого дня мисяця Лютого, на Стритеньня, проживши на свити 77 литъ. Въ руци Господни власть земли и человѣка потребного воздвигнетъ во время на ней (кн. Сираха 10, 4). „У досвити вставъ я... темно ще на двбри, де-не-де по хатахъ ясно свитло сяе... (зъ Досвитокъ). Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ (2. Тимоф. 4, 7). Послеши Духа Твоего и созиждутся, и обновиши лице земли (Псал. 103, 30). Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святыни. Не отъидетъ память его, и имя его поживетъ въ роды родовъ (кн. Сироха 14, 21—39, 12). Упокой Боже душу раба Твоего Пантелеймона въ раи презирая вся согрѣшенія его!“

Могилу окружаетъ устроенная В. В. Тарновскимъ чугунная рѣшетка, вся обвѣшенная засохшими вѣнками. Рядомъ съ этой могилой, примыкая къ рѣшеткѣ съ сѣверной ея стороны, находится могила Вас. М. Бѣлозерскаго, надъ которою возвышается массивный дубовый крестъ безъ всякихъ надписей. Такъ судьба, которая когда-то свела этихъ двухъ дѣятелей въ Кіевѣ, потомъ готовила для нихъ совмѣстное, но по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ несостоявшееся путешествіе за границу, вмѣсто котораго послала ихъ въ ссылку, затѣмъ дала имъ возможность работать вмѣстѣ въ „Основѣ“, далѣе устроила ихъ положеніе въ Варшавѣ,—и здѣсь соединила ихъ вмѣстѣ; и одни и тѣ же клены, обступивъ эти двѣ могилы правильнымъ и тѣс-

нымъ кругомъ, тихо вѣютъ надъ ними своими густыми вѣтвями.

Долго простоявъ у этихъ могилъ въ разговорахъ съ Александрою Михайловною и ея родственниками о почившихъ и узнавши между прочимъ, что это мѣсто было избрано для погребенія самимъ Кулишемъ,—мы возвратились въ домъ и внимательнѣе осмотрѣлись въ немъ. Онъ состоитъ всего изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, бѣдно меблированныхъ. Вся обстановка сохраняется въ томъ же видѣ, какой имѣла при жизни Кулиша. Въ кабинетѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе приставленный лѣвой стороной къ окну, выходящему въ садъ, письменный столъ, весь уложенный книгами, которыя, какъ объяснила А. М., остались на столѣ съ того времени, когда Кулишъ работалъ надъ нимъ. Заглянувъ въ тѣ книги, которыя лежали развернутыми, я увидѣлъ изданія Библіи на разныхъ языкахъ: англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ. Здѣсь же находятся толкованія Священнаго Писанія—Рейса, Каутча и Верне, а также „Толковый словарь живаго великорусскаго языка“ Даля и другія справочныя изданія.—Съ задней стороны письменнаго стола, за рабочимъ кресломъ, стоитъ гардеробный шкафъ, хранящій въ себѣ платье, которое носилъ Кулишъ; а рядомъ съ упомянутымъ окномъ, выходящимъ въ садъ, помѣщаются: съ одной стороны полки съ книгами, а съ другой—небольшой шкафъ, также наполненный книгами, къ которымъ приставлены фотографическіе портреты Вас. М. Бѣлозерскаго, П. А. Плетнева, С. Т. Аксакова, Н. Я. Макарова, В. И. Шенрока, М. Грабовскаго и Пулюя съ его семействомъ. Собраніе книгъ не велико и, за исключеніемъ книгъ, относящихся до Священнаго Писанія, и справочныхъ изданій, имѣетъ довольно случайный, или вѣрнѣе—несистематичный характеръ; по объясненію А. М., значительная часть библіотеки Кулиша погибла при вышеупомянутомъ пожарѣ.—Противоположная означенному окну и балконной двери сторона комнаты занята: въ одномъ углу—печью съ пустымъ каминомъ, къ которой приставлена конторка съ ящиками, а въ другомъ—диваномъ, надъ

которымъ висятъ фотографическій портретъ Кулиша и два давнихъ портрета А. М., одинъ фотографическій, а другой—рисованный карандашемъ Гороновичемъ; передъ диваномъ стоятъ овальный столъ и два кресла.

Противъ письменнаго стола, у двери, выходящей на балконъ, помѣщается старинное бюро, на которомъ я увидѣлъ больше десятка книгъ „Кіевской Старины", и потому пожелалъ освѣдомиться, получалъ ли Кулишъ этотъ журналъ. А. М. отвѣтила на этотъ вопросъ утвердительно, а одинъ сосѣдъ ея, котораго я засталъ въ хуторѣ, по этому поводу, сообщивъ мнѣ, что, не получая самъ Кіевской Старины, онъ пользовался ею отъ Кулиша, разсказалъ затѣмъ, что, когда одинъ разъ онъ слишкомъ долго задержалъ двѣ книжки Кіевской Старины, то получилъ отъ Кулиша такое посланіе:

„Дви кныжкы „Старыны"
Давно у васъ гуляють,
Про мене жъ нависни
Не думають, не дбають;
Гоните заволокъ
До-дому у тры вырвы,
Щобъ не було въ дивокъ [1])
У запаскахъ ще й прирвы".

Послѣдніе годы своей жизни Кулишъ былъ занятъ переводомъ Библіи на малорусскій языкъ. Когда-то, въ письмѣ А. В. Марковичу 40-хъ годовъ, онъ говорилъ: „Украина и украинскій языкъ сдѣлались теперь моею истинною святынею". Круто измѣнивъ съ изданіемъ „Исторіи возсоединенія Руси" свои убѣжденія и отрекаясь отъ прежнихъ взглядовъ и разсужденій, которыя въ стихотвореніи своемъ „Прежній" онъ назвалъ „порожними" [2]), Кулишъ всегда оставался неизмѣнно вѣрнымъ любви къ родному малорусскому слову, надъ которымъ много въ теченіе своей жизни поработалъ. Переводъ священнаго писанія на мало-

---

[1]) Т. е. въ упоминаемыхъ книжкахъ Кіевской Старины.

[2]) „*Я прежній* (курсивъ въ подлинникѣ) вамъ догоджувавъ словами порожними, якъ розумъ вашъ козацькій" (См. „Дзвинъ")

русскій языкъ занималъ его съ давняго времени и уже былъ приведенъ къ концу. Нѣкоторыя части этого перевода были изданы за границею [1]), рукописи же прочихъ переведенныхъ частей Библіи погибли въ Мотроновкѣ при пожарѣ, о которомъ говорилось выше. Перенесши эту утрату, Кулишъ нашелъ въ себѣ достаточно силъ вновь выполнить огромный трудъ перевода всей Библіи и приступилъ къ этому, причемъ всѣ тѣ части Библіи, которыя въ подлинникѣ изложены въ стихотворной формѣ, счелъ нужнымъ перевесть стихами, что затрудняло и замедляло работу. Онъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобъ довесть этотъ трудъ до конца, и потому въ послѣднее время не хотѣлъ отрываться отъ него ни для чего другаго.—„Пока не окончу предпринятый переводъ", писалъ онъ Н. Шаховскому,—„чувствую себя неспособнымъ къ другимъ занятіямъ и удовольствіямъ" [2]). Въ другомъ письмѣ, къ С. Д. Носу, онъ говорилъ: „Ледве маю снаги й часу на коротисеньку телеграмму. Никого не пускаю до себе, та й самъ ни до кого ни-же! Ще тилько четверту кныгу Моисееву допысавъ до гл. XXIII, то й пе знаю, чи побачу колы Апокалипсового аминя" [3]). Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ окончить свой трудъ: приблизительно около трехъ четвертей Библіи имъ переведено вновь, перевода же прочихъ частей ея не имѣется. Мы слышали, что переводъ этихъ послѣднихъ частей взялъ на себя одинъ извѣстный украинскій писатель, и есть надежда на то, что современемъ появится въ печати полный переводъ Библіи.

Въ настоящее время собственноручно написанныя Кулишемъ рукописи упомянутаго перевода Библіи, а также другихъ

---

[1]) Пятикнижіе Моисеево было напечатано въ приложеніи къ журналу „Правда" за 1869 годъ; въ томъ же году, въ Лейпцигѣ, былъ изданъ съ псевдонимомъ Павла Ратая переводъ книги Іова; затѣмъ вышли въ свѣтъ: въ 1871 г. въ Львовѣ, съ тѣмъ же псевдонимомъ „Псалтирь, або кныга хвалы Божои" и 1872 г. въ Вѣнѣ переводъ четырехъ евангелистовъ, которые въ 1880 г. вновь изданы въ Львовѣ съ прибавленіемъ другихъ частей Новаго завѣта, переведенныхъ Пулюемъ, подъ заглавіемъ: „Святе письмо Нового Завиту".

[1]) Русское Обозрѣніе 1897 г. № 3.

[2]) Кіевская Старина 1899 г. № 4.

его сочиненій, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, находятся въ музеѣ В. В. Тарновскаго, которому Кулишъ за четыре мѣсяца до своей смерти прислалъ одну часть своихъ рукописей при письмѣ отъ 4 го октября 1896 года, гдѣ, извѣщая о своей болѣзни, вслѣдъ затѣмъ писалъ: „Тымъ часомъ надумавсь я прыховаты въ вашому музеи мое рукопысне добро про мои наслидныкы (а ихъ буде не одынъ та й не два, сподиваюсь). Слово наше невмыруще. Нехай же воны бачять, якъ працювавъ предокъ ихъ, та й сами его робомъ працюють".—Затѣмъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ прислалъ другую часть рукописей, мотивируя эту присылку въ письмѣ отъ 16 ноября такимъ образомъ: „На ознаку того, якъ я поважаю ваше порання коло здобуткивъ риднои намъ давныны, посылаю вамъ ще вязку шпаргаливъ. Себе вже выпроводжаю въ ынший, не такый, якъ сей, сьвитъ, маковъ цвитъ, що вранци цвите, ввечери опаде, а ваша дбайлыва збиранына попережывае й непарожденныхъ ище." Остальныя рукописи были переданы В. В. Тарновскому уже послѣ смерти К—ша вдовою его, согласно волѣ покойнаго.

Видѣвши у В. В. Тарновскаго первую присылку означенныхъ рукописей въ то время, когда онѣ были получены въ Кіевѣ, и читая вышеупомянутое письмо, я подумалъ тогда, что Кулишъ прислалъ для храненія въ музеѣ рукописи своихъ неизданныхъ трудовъ только въ качествѣ автографовъ своихъ, оставивъ у себя списки или копіи ихъ; но оказывается, что въ Мотроновкѣ не осталось списковъ. Такимъ образомъ, представляется очевиднымъ, что, потерявъ въ послѣднее время надежду издать свои труды, К—шъ, при мысли о возможности близкой кончины, нашелъ, что оставшіеся неизданными труды его наилучшимъ образомъ сохранятся въ собраніи рукописей В. В. Тарновскаго, почему и рѣшилъ передать ихъ туда.

Не касаясь автографовъ тѣхъ сочиненій, которыя уже были издаваемы, считаемъ нужнымъ указать тѣ оставшіеся послѣ смерти Кулиша рукописные труды его, которыхъ мы не видѣли въ печати, а именно:

1) Вышеупомянутый переводъ *Библіи.*

2) „*Шекспировы творы*, зъ мовы брытаньскои мовою украиньскою поперекладавъ П. А. Кулишъ.“—Г. Лободовскій въ той статьѣ, о которой сообщалось въ майской книгѣ Кіевской Старины за этотъ годъ, [1]) говоритъ, что Кулишемъ былъ переведенъ „*весь* Шекспиръ“. Сообщеніе это не вѣрно: К—шъ перевелъ всего тринадцать драмъ Шекспира. Изъ нихъ въ 1882 г. были изданы во Львовѣ три драмы: а) „Отелло“,—б) „Троилъ та Крессида“ и в) «Комедія пômылокъ; въ рукописяхъ же имѣются слѣдующіе переводы: а) „Гамлетъ“, б) „Король Лиръ“, в) „Макбетъ“, г) Коріоланъ“, д) „Антоній и Клеопатра“, е) „Юлій Цезарь“, ж) „Ромео та Джульета“, з) „Мира за миру и) „Прыборкана Гоструха“, и і) „Багацько галасу зъ нечевля)“.

3) *Донъ Жуанъ*. Поэма лорда Байрона. Староруській переспивъ Панька Олельковича Кулиша“ Посвященъ Вас. М Бѣлозерскому.

4) „*Чайльдъ-Гарольдова мандривка*. Переспивъ украиноруській П. Кулиша.“ Съ посвященіемъ слѣдующаго содержанія: „Ся тыха хуторна праця прысвячена тыхій голубци сестри Надежди Мыхайловни Билозерській на спомынъ про Чорну ричку“.

5) „*Вильгельмъ Тель*. Шиллерова драма. Переложивъ староруськοю мовою Панько Олельковичъ Кулишъ.

6) „*Позычена кобза*. Переспивы чужомовныхъ сьпививъ, переспивавъ же ихъ Кулишъ Олельковичъ Панько“. Тетрадь представляетъ собою сборникъ мелкихъ переводныхъ стихотвореній. Въ 1896 году К—шъ приготовлялъ къ изданію первый выпускъ этого сборника, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ В. В. Тарновскому [2]): „Готовлю печататы кныжку завбильшкы зъ Дзвона“, пидъ назвою „Позычена кобза, переспивъ чужомовныхъ сьпививъ“ (покы що Кгете, Шиллера, Байрона, Гейне), выступцемъ первымъ (бо хочется сьпиватыще й по-итальянскій, по-кгрецькій, по-латынській)...“, и по словамъ А. М—вны и другимъ указаніямъ, книга эта издана въ Львовѣ; второй же предположенный К—шемъ выпускъ не выходилъ въ свѣтъ.

[1]) Южный край, 1899 г. № 6261.

[2]) Кіевская Старина, 1899 г. № 1 стр. 90.

7) „*Царь Налывай.* Старорусько драма (1596)“.

8) „*Петро Сагайдачный.* Драма (1621)“.

9) „*Хмиль Хмельницкій.* Старорусько исторична драма (накыдкы).“ Тетрадь заключаетъ въ себѣ только начало перваго акта.

10) „*Грыцько Сковорода.* Поэма“ Съ посвященіемъ: „Переважниковѣ въ разумѣнью слова о полку Игоревѣ, профессоровѣ Львовского университета Омеляновѣ Огоновському прысвячуе́ шановныкъ его высоко заслуженого имени Панько Олельковичъ Кулешъ.

11) „*Маруся Богуславка.* Поэма. Половына перва“.

12) „*Кулишъ у пекли.* Старорусько поэма Панька Небрехи“. На первой половинѣ поэмы, заключающей въ себѣ 20 пѣсенъ, имѣется посвященіе: „пренепорочному нашому поэтови Леонидови Ивановичови Глибову, въ юбилейному его роци, достойно и праведно заслуженый ралець несе первый Панько Олельковичъ Кулишъ вкупи съ пидпомощныцею своею Ганною Барвинокъ. Р. Б. 1891, мисяца Лютого“ [1]) Вторая половина поэмы не окончена; въ концѣ ея рукою К—ша сдѣлана замѣтка: „Поэму не окончено. У другій (т. е. половинѣ) мусыть буты также двадцять писенъ“.

13) „*Около полустолѣтія назадъ.* Литературныя воспоминанія“. Небольшая тетрадь, раздѣленная на шесть главъ. О поводѣ къ составленію этихъ воспоминаній авторъ въ своемъ вступленіи къ нимъ даетъ слѣдующія разъясненія: „Въ одномъ журналѣ прочиталъ я библіографическое извѣстіе о моей „невышедшей книгѣ“, напечатанной въ 1847 году въ Москвѣ подъ заглавіемъ „Украинскія народныя преданія“. Почтенный библіографъ, означившій себя буквою *W*, сообщаетъ, что книгу эту, какъ единствен-

---

[1]) Это юбилейное подношеніе представляетъ особый интересъ въ виду того, что 50-тилѣтній юбилей литературной дѣятельности самого Кулиша, по времени появленія въ „Кіевлянинѣ“ Максимовича 1840 года, его перваго печатнаго произведенія—„Малороссійскихъ разсказовъ“, приходился годомъ раньше, въ 1890 г. и прошелъ у насъ вовсе незамѣченнымъ. Сколько горечи вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ испытывать!

ный уцѣлѣвшій экземпляръ, пріобрѣла у антикварской фирмы Шибанова Императорская Публичная Библіотека, и заключаетъ свое сообщеніе словами: „желательно было бы узнать исторію выхода и погибели перваго собранія драгоцѣнныхъ преданій, и всего интереснѣе были-бы въ этомъ случаѣ разъясненія самого собирателя“. Охотно я исполнилъ-бы желаніе господина W, но письма О. М. Бодянскаго, касавшіяся этого предмета, у меня погибли во время пожара, а свидѣлись мы съ нимъ нескоро послѣ событія, и новые интересы нашей жизни отодвинули старые въ область забвенія. Вмѣсто воспоминаній библіографическихъ, представляю здѣсь обстоятельства, которыя привели меня къ собранію драгоцѣнныхъ народныхъ преданій и которыя сопровождали это собираніе.“

14. „*Начало русскаго возсоединенія*“. Небольшая неоконченная тетрадь.

15. „*Набросокъ начальнаго романа безъ заглавія*“. Семь листовъ.

16. „*Замѣтки по алфавиту*“. Писаны на отдѣльныхъ листкахъ, очевидно для памяти и справокъ, и представляютъ собою своего рода маленькую энциклопедію разныхъ свѣдѣній, въ большинствѣ случаевъ касающихся Малороссіи.

17. Еще гораздо раньше Кулишемъ была передана В. В. Тарновскому рукописная повѣсть въ 12-ти главахъ „*Искатели счастья*“, съ такою надписью: „Василію Васильевичу Тарновскому въ день его ангела отъ автора. 1856. Января 1. Кіевъ.“ Объ этой передачѣ К—шъ, повидимому, скоро забылъ, такъ какъ въ письмѣ отъ 28 ноября того же 1856 года освѣдомлялся у О. М. Бодянскаго, не у него ли эта рукопись [1]).

18. Кромѣ того, по словамъ А. М—вны, у В. В. Тарновскаго еще долженъ находиться рукописный романъ „*Послѣдній изъ рода Борецкихъ*“; но, обозрѣвая у него рукописи, я не видѣлъ между ними этой рукописи: вѣроятно, въ то время она была у кого нибудь на рукахъ.

---

[1]) См. Кіевскую Старину 1898 г. № 2, стр. 308.

19. Затѣмъ, изъ статьи Н. Шаховскаго „Памяти Кулиша“ [1]) видно, что Кулишемъ была написана повѣсть, названная въ первой редакціи „*Искра любви*“, а во второй, болѣе пространной, „*Владимірія*“, главныя дѣйствія которой происходятъ въ Галиціи,—и послана издателю „Гражданина“ Мещерскому. Послѣ того, какъ эта рукопись пропала у Мещерскаго, К—шъ вторично написалъ повѣсть, и эту послѣднюю рукопись передалъ г. Шаховскому, у котораго она и должна находиться.

Еще я видѣлъ собственноручныя рукописи сочиненій Кулиша у П. Я. Дорошенка, которому въ 1890 году К—шъ прислалъ три своихъ рукописи: а) вышеупомянутую драму „Петръ Сагайдачный“, б) сборникъ стихотвореній „Дзвинъ“ и в) Дополненіе къ представленному въ цензурное вѣдомство сборнику „Дзвинъ“. Въ чемъ именно этотъ списокъ драмы разнится отъ списка, имѣющагося у В. В. Тарновскаго—не могу сказать, такъ какъ не сличалъ ихъ; думаю же, что списокъ Т—скаго, какъ остававшійся у Кулиша до послѣднихъ дней, представляетъ позднѣйшую редакцію. Характернымъ для К—ша представляется то, что онъ прислалъ Д—ку означенныя рукописи, будучи вовсе незнакомымъ съ нимъ и никогда его не видѣвши, а только слышавши объ немъ отъ Вас. М. Бѣлозерскаго, который передъ тѣмъ познакомился съ Д—комъ и провелъ у него нѣсколько дней въ Глуховѣ. Подъ впечатлѣніемъ разсказа Б—ского, К—шъ и послалъ немедленно рукописи, сдѣлавъ на драмѣ „Петръ Сагайдачный“ такую надпись: „Незнакому ще въ вичи, а вже сердечно любому по гарній поголосьци, тезкови Петра Сагайдачного, Дорошенкови, зъ Ганнынои Пустыни гостынчыкъ и благословеньне обохъ пустынножытеливъ“.

Псевдонимы Кулиша были раскрыты въ „Очеркахъ исторіи украинской литературы“ Н. И. Петрова, причемъ ему былъ приписанъ (стр. 268 и 270) псевдонимъ В. П. Бѣлокопытенка, который въ дѣйствительности, какъ видно изъ печатающагося въ этомъ году приложенія къ Кіевской Старинѣ, принадлежитъ

---

[1]) Русское Обозрѣніе 1897 г. № 3.

не К—шу, а М. Т. Симонову, что подтвердила и А. М. К—шъ. Напротивъ того, къ псевдонимамъ, указаннымъ Петровымъ, по словалъ А. М—вны, надо добавить псевдонимъ Забоцня. Такимъ образомъ, съ прибавленіемъ подписей, которыя К—шъ употреблялъ послѣ изданія книги Петрова, слѣдуетъ признать принадлежащими К—шу слѣдующіе десять псевдонимовъ: 1) Николай М., 2) Иродчукъ (въ „Хатѣ"), 3) Ломусъ, 4) Хуторянинъ, 5) Панько Казюка, 6) П. Необачный, 7) Петро Забоцень, Д. П. Хоречко (въ „Основѣ"), 9) Павелъ Ратай и 10) Панько Небреха (въ рукописи поэмы „Кулишъ у пекли").

Кромѣ перечисленныхъ выше рукописей, въ Мотроновкѣ, сохранился дневникъ Кулиша, веденный имъ (по словамъ А. М—вны довольно подробно) въ теченіе двухъ лѣтъ (1845 и 1846). Отрывки изъ этого дневника войдутъ въ приготовляемую В. И. Шенрокомъ біографію К—ша; но желательно, чтобъ и другія части его, могущія представить общій интересъ, были когда нибудь опубликованы.

Послѣ Вас. М. Бѣлозерскаго не осталось никакихъ рукописей, кромѣ воспоминаній о Кулишѣ, которыя по просьбѣ Шенрока, были написаны въ Мотроновкѣ для вышеупомянутой біографіи; при чемъ, не могши уже въ то время писать собственноручно, Б—скій диктовалъ ихъ А. М—внѣ. Воспоминанія эти переданы Шенроку, какъ матеріалъ для біографіи К—ша.

Вмѣстѣ съ рукописями Кулиша у В. В. Тарновскаго хранится аттестатъ о службѣ его, выданный изъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія 20 августа 1875 года. Въ виду того, что документъ этотъ, устанавливающій самымъ точнымъ образомъ факты служебнаго движенія К—ша, имѣетъ существенное значеніе для біографіи его, считаю нужнымъ, въ приложеніи къ настоящей статьѣ, привесть этотъ документъ въ сокращеніи (опуская подробности о производствѣ въ чины, наградахъ и т. п.).

Помня, что въ одномъ изъ читанныхъ мною писемъ Кулиша онъ говорилъ, что имѣетъ обыкновеніе сохранять всѣ получаемыя имъ письма, я интересовался тѣмъ, какихъ именно

лицъ письма къ нему сохранились. Оказалось, что письма за все время, предшествовавшее пожару въ Мотроновкѣ, которыми былъ наполненъ цѣлый сундукъ и между которыми, по словамъ А. М—вны, было много интересныхъ писемъ (въ числѣ ихъ А. М—вна назвала письма О. М. Бодянскаго), погибли при пожарѣ; письма же за послѣдующее время переданы Шенроку для извлеченія изъ нихъ свѣдѣній при составленіи біографіи.

Зная, что было время, когда Кулишъ увлекался рисованіемъ, я просилъ А. М—вну показать оставшіеся послѣ него рисунки, между которыми есть маленькій портретъ Т. Г. Шевченка (до ссылки), рисованный перомъ, и нѣсколько альбомовъ. Въ одномъ изъ нихъ рисунки (въ томъ числѣ—семь изъ малорусскаго быта) чередуются стихотвореніями и народными пѣснями. Въ другой тетради, названной: „Тульскій альбомъ", для біографа К—ша могутъ представить интересъ рисунки и чертежи, озаглавленные: „Мечты о домикѣ 1848", —свидѣтельствующіе, что К—шъ съ давняго времени мечталъ объ устройствѣ себѣ домика. Третья маленькая тетрадь заключаетъ въ себѣ три рисунка къ „Черной Радѣ". Въ четвертой тетради интересенъ рисунокъ, на которомъ изображены А. И. Марковичъ и Н. Я Макаровъ. Въ пятой тетрадкѣ очень маленькаго формата К—шъ въ шуточной формѣ описалъ свое путешествіе, иллюстрировавъ это описаніе каррикатурными рисунками.

Кромѣ рисунковъ Кулиша, А. М. показала намъ пачку рисунковъ (числомъ десять) Де-Бальмена къ предполагавшемуся иллюстрированному изданію „Ориси"; нѣкоторые изъ нихъ довольно изящны. По словамъ А. М., въ этой коллекціи былъ еще одинъ рисунокъ, и притомъ наилучшій: онъ остался у М. О. Вольфа, которому рисунки передавались для приготовлявшагося изданія, при чемъ самый лучшій рисунокъ не былъ имъ возвращенъ.

Въ томъ вышеупомянутомъ альбомѣ, въ которомъ рисунки Кулиша помѣщены вмѣстѣ съ пѣснями и стихотвореніями, я нашелъ одно стихотвореніе Т. Г. Шевченка, вписанное имъ

собственноручно,—именно то, которое въ изданіи „Кобзаря" 1894 г. напечатано на стр. 540, подъ заглавіемъ „Антонію Сови", съ отмѣткою внизу: „19 ноября 1859 р. Петербургъ". Между тѣмъ въ альбомѣ К—ша подъ стихотвореніемъ рукою Шевченка написано: „29 ноября 1858," изъ чего видно, что въ Кулишевскій альбомъ оно было вписано цѣлымъ годомъ раньше, и слѣдовательно относится во всякомъ случаѣ не къ 1859 году. Въ самомъ текстѣ стихотворенія я нашелъ нѣкоторыя, хотя и незначительныя, разницы сравнительно съ печатнымъ текстомъ, вслѣдствіе чего считаю нужнымъ для счисленія варіантовъ, привесть текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ вписанъ Шевченкомъ въ альбомъ К—ша:

Посажу коло хатыны
На вспомынъ дружыни
И яблуньку, и грушечку,
На вспомынъ едыній.

—

Богъ дасть диточокъ [1]); дружына
Пидъ древамы тымы
Сяде соби въ холодочку
Зъ диткамы малымы.

—

А я буду груши рваты,
Диточкамъ даваты,
Зъ дружыною едыною
Тыхо розмовляты.

—

[1]) Въ печатномъ текстѣ стихотворенія, вмѣсто слова „диточокъ," поставлено: „выростуть" (т. е. „яблуньки и грушечки.") Приводимая нами редакція кажется намъ болѣе соотвѣтствующею какъ содержанію стихотворенія, такъ и обычной формѣ разговорной рѣчи, въ которой выраженія: „Богъ дастъ" или „пошлетъ"—чаще употребляются въ примѣненіи къ ожидаемымъ дѣтямъ, чѣмъ къ ожидаемымъ фруктамъ, почему изъ двухъ ожидаемыхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ стихотвореніи, естественнѣе было употребить это выраженіе въ отношеніи къ дѣтямъ.

— Отоди ще, якъ бралыся,
Си древа садывъ я...
Я щаслывый....—„И я друже,
Зъ тобою щаслыва [1]).“

—

Слушая разсказы Александры Михайловны о Кулишѣ, Шевченкѣ и другихъ людяхъ, съ которыми въ разное время сходился К—шъ, я долго не хотѣлъ уѣзжать изъ хутора. Я убѣждалъ А. М. написать свои воспоминанія, но повидимому—безуспѣшно, о чемъ не могу не пожалѣть, такъ какъ, обладая литературнымъ талантомъ и сохранивъ живую память лицъ и событій, она могла бы разсказать много интереснаго.

Когда-то, незадолго до смерти И. С. Тургенева, мнѣ случилось побывать въ его усадьбѣ въ с. Спасскомъ-Лутовиновѣ. Много времени спустя, послѣ смерти Ѳ. М. Достоевскаго, я былъ въ его скромномъ домикѣ въ Старой Руссѣ и, осматривая этотъ бѣдный домикъ съ тѣсными и низкими комнатами, съ невеселыми видами изъ оконъ, и крошечный садикъ,—невольно вспомнилъ барскую усадьбу Тургенева. Теперь, когда я сидѣлъ въ хуторѣ Кулиша, мнѣ вспомнились видѣнныя мною усадьбы тѣхъ двухъ писателей, и я замѣтилъ за собою, что чувства, которыя возбуждаетъ во мнѣ окружающее, были живѣе и острѣе, чѣмъ тѣ, которыя я испытывалъ тамъ. Хотя Тургеневъ былъ еще живъ въ то время, когда я былъ въ Спасскомъ-Лутовиновѣ, усадьба его производила впечатлѣніе забытой и заброшенной самимъ хозяиномъ ея. Ко времени осмотра мною усадьбы Достоевскаго, обстановка дома была уже вывезена изъ него, за исключеніемъ нѣсколькихъ, случайно оставленныхъ предметовъ; домъ опустѣлъ, а садикъ былъ запущенъ и заглохъ; все казалось покрытымъ прахомъ

[1]) Это стихотвореніе имѣется у насъ, тоже въ автографѣ, въ рукописной книжкѣ произведеній Шевченка, изъ которыхъ большая часть писана его рукою. Данное стихотвореніе здѣсь озаглавлено „подражаніе Эдуарду Сови“ и помѣчено, какъ и въ печатныхъ изданіяхъ, „19 ноября СПетербургъ“, и находится въ ряду стихотвореній 1859 года. Текстъ такой-же, какъ въ печатныхъ изданіяхъ. *Ред.*

забвенья. Здѣсь же этотъ устроенный самимъ Кулишемъ домъ, этотъ письменный столъ съ книгами, которыя остались раскрытыми съ того времени, когда онъ занимался надъ ними,—его платье, которое онъ повѣсилъ тутъ же на вѣшалкахъ, многіе слѣды его разнообразныхъ занятій и вообще вся окружающая обстановка—все это такъ живо говорило о томъ, кто работалъ среди этой обстановки, что могло бы показаться, что, оторвавшись отъ своей работы и оставивъ на столѣ раскрытыми книги, онъ только на время вышелъ изъ комнаты; говорю—могло бы показаться, если-бъ виднѣющаяся изъ этой-же комнаты вдали могила не напоминала постоянно и ежеминутно, что онъ уже больше не воротится...

Въ усадьбѣ Тургенева мнѣ было жаль того, зачѣмъ далекія небеса и чужіе люди на столько привлекли къ себѣ его симпатію, что заставили его забросить свое гнѣздо и покинуть родину, лишивъ его возможности живыхъ и постоянныхъ наблюденій надъ той жизнью, которую онъ изображалъ въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ. Въ усадьбѣ Достоевскаго, вспоминая прожитую имъ жизнь, я сожалѣлъ о томъ, зачѣмъ судьба послала ему тяжкія испытанія, придавъ мрачный и болѣзненный оттѣнокъ его могучему таланту. Здѣсь приходилось пожалѣть о томъ, зачѣмъ этотъ талантъ съ его изумительной энергіей не остался вѣрнымъ себѣ до конца, зачѣмъ сожигалось то, что служило предметомъ поклоненія и чего вовсе не нужно было сожигать... И однако, не смотря на это отступничество послѣднихъ лѣтъ Кулиша, когда по выраженію М. Номиса [1]), онъ „понесъ скарбы своихъ талантовъ не въ родную скарбню и даже относился иногда къ намъ съ жесткимъ и несправедливымъ словомъ,“—теперь надъ могилою его, перебирая въ памяти все то, что имъ сдѣлано, и вспоминая, какую громадную массу труда положилъ онъ въ разнообразныя литературныя работы для своей родины и затѣмъ, замкнувшись въ этихъ комнаткахъ по образу тѣхъ запорожцевъ, которые оканчивали жизнь въ отшельни-

1) Кіевская Старина 1897 г. № 3.

чествѣ, продолжалъ, уже безъ надежды увидѣть свои труды въ печати, работать для нея до послѣдняго издыханія своего,— вспомнивъ все это, я долженъ былъ согласиться съ Номисомъ въ томъ, что онъ—„нашъ, и трижды нашъ“. Я не могъ не признать, что и самъ Кулишъ былъ правъ, сказавши въ упомянутомъ выше стихотвореніи своемъ:

„Не забудь мене, покы вику твого, моя нене Вкраино,
Покы мова твоя голосна у писняхъ, якъ срибло чысто дзвоныть;
На що глянешъ, усюды згадаешъ свого бидолашного сына“...

Н. Ш—ровъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Свѣдѣнія о П. А. Кулишѣ, извлеченныя изъ аттестата о службѣ его, выданнаго изъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія 20 августа 1875 г.

„Надворный совѣтникъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, 53 лѣтъ, обучался въ Новогородсѣверской гимназіи съ 1833 по 1837 г., потомъ слушалъ лекціи по отдѣленіямъ философическаго и юридическаго факультетовъ въ университетѣ Св. Владиміра, но выбылъ изъ оного до окончанія курса 1840 г. декабря 31.—Въ службу вступилъ исправляющимъ должность учителя русскаго языка въ Луцкое дворянское училище 1841 г. февраля 10; перемѣщенъ на таковую жъ должность въ Кіево-Печерское дворянское училище въ томъ же году декабря 20; утвержденъ въ должности учителя русскаго языка и словесности 1842 г. сентября 15; командированъ для осмотра въ Кіевской губерніи всѣхъ архивовъ, находящихся при правительственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ, 1843 г. іюля 5; назначенъ учителемъ исторіи и географіи при томъ же Кіево-Подольскомъ дворянскомъ училищѣ того же года октября 23; назначенъ членомъ сотруд-

никомъ при временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ 1844 г. января 18; командированъ для собранія свѣдѣній о предметахъ древности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской губерніи того же года іюля 13; перемѣщенъ къ исправленію должности старшаго учителя исторіи въ Ровенскую гимназію 1845 г. августа 31; перемѣщенъ старшимъ учителемъ русской словесности въ 5-ую С.-Петербургскую гимназію того же года декабря 15; Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1 и 15 сентября 1846 г. положено: отправить Кулиша для изученія славянскихъ нарѣчій въ Пруссію, Саксонію и Австрію на два съ половиною года, съ производствомъ на содержаніе и путевыя издержки по 1143 р. 68 к. въ годъ и съ увольненіемъ отъ должности учителя 5 гимназіи 1846 г. октября 22; означенное путешествіе почислено конченнымъ 1847 г. іюня 2; опредѣленъ въ канцелярію начальника Тульской губерніи 1847 года сентября 17; назначенъ исправляющимъ должность корректора Тульской губернской типографіи 1849 г. октября 24; перемѣщенъ въ департаментъ сельскаго хозяйства въ число чиновниковъ, положенныхъ на усиленіе 1851 г. іюня 24; исправлялъ должность редактора статистическаго отдѣленія съ 1 іюня 1851 г. по 22 октября 1852 г.; согласно прошенію уволенъ отъ службы 1854 г. февраля 11.—Министромъ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе опредѣленія археологической коммиссіи, утвержденъ въ званіи корреспондента сей коммиссіи 1861 г. февраля 6; избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества 1861 г. декабря 15; опредѣленъ въ учредительный комитетъ въ Царствѣ Польскомъ съ назначеніемъ состоящимъ при комитетѣ 1864 г. декабря 23. По всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго объ отличной-усердной службѣ, засвидѣтельствованной министромъ государственныхъ имуществъ и намѣстникомъ въ царствѣ, 10 іюня 1865 г. Высочайше повелѣно: виновность Кулиша по дѣлу объ украйнославянскомъ обществѣ, за которую онъ былъ выдержанъ въ крѣпости и потомъ высланъ на службу въ Тулу съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго полицейскаго надзора,—

не считать препятствіемъ къ производству его въ слѣдующіе чины, равно къ предоставленію ему всѣхъ прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ, кромѣ ордена Св. Владиміра 4 степ. за выслугу лѣтъ и знака отличія за безпорочную службу. Назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса 1865 г. декабря 8; назначенъ исправляющимъ должность директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ 1866 г. іюня 28;—17 января 1867 года уволенъ отъ сей должности съ назначеніемъ состоять при учредительномъ комитетѣ, при чемъ разрѣшено производить содержаніе по 4500 р. въ годъ; уволенъ отъ службы по болѣзни того-же года октября 30.—Указомъ Правит. Сената отъ 8 декабря 1869 г. утвержденъ въ должности почетнаго мироваго судьи Борзенскго судебно-мироваго округа; приказомъ по министерству путей сообщенія опредѣленъ на службу въ сіе министерство съ причисленіемъ къ оному съ октября 1873 г.; таковымъ же приказомъ назначенъ въ временный статистическій отдѣлъ редакторомъ по изданію Журнала Министерства съ 1 мая 1874.; отчисленъ отъ должности старшаго редактора съ оставленіемъ по министерству чиновникомъ сверхъ штата 1875 г. января 1; уволенъ отъ службы согласно прошенію того же года іюля 31“.

Замѣтки о малорусской демонологіи.

III.

Черти[1]).

Первоначальное происхожденіе, дальнѣйшее размноженіе, наружность, превращенія. Умственныя способности, изобрѣтенія и договоры, жилища и собственность, охрана кладовъ. Разновидности чертей: домовые, лѣшіе, водяные и огненные змѣи.

Хотя произнесеніе имени *чорта* считается неприличнымъ въ Малороссіи и произносится крестьянами всегда съ предварительнымъ извиненіемъ, тѣмъ не менѣе, какъ въ печатныхъ этнографическихъ матеріалахъ, такъ и въ устахъ народа, у чорта очень много названій. Въ первыхъ его называютъ, между прочимъ, сатана, бисъ, той, рябый (Иващенко. Религіоз. культъ ю. рус. народа въ записк. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., II, 1874 г., 81). Во-вторыхъ онъ извѣстенъ еще подъ именами: сатанаила, сатанюка, идола, извира, фіона, ирода, змія, демона, дявола, дябела, чорта, чортяки, чорного, проклятого, лукавого, нечыстого, нечыстои сылы, несвидомого духа, куцого. Первоначальное происхожденіе фантастическаго существа, извѣстнаго подъ такими названіями, можно прослѣдить въ наше время, принявъ въ соображеніе слѣдующія данныя. У австралійскихъ дикарей души умершихъ, лишенныхъ погребенія, обращаются въ инговъ, духовъ, похожихъ на людей, но съ длинными острыми ушами и

[1]) См. Кіев. Ст. 1899 г. № 8.

хвостами. По новозеландскимъ понятіямъ, души умершихъ идутъ въ лѣса, становятся злыми духами и вредятъ даже своимъ близкимъ. Китайцы, индокитайцы и индійцы боятся душъ непогребенныхъ, прокаженныхъ, чумныхъ, умершихъ насильственною смертью и отъ родовъ. Бывали случаи самоубійствъ и убійствъ съ цѣлью мстить врагамъ по смерти въ качествѣ злого духа. (Тэйлоръ. Перв. культура 105, 106, 180—187). У классическихъ народовъ также души, лишенныя погребенія, дѣлались злыми духами—лаврами (Фюстель-де-Куланжъ. Древн. Общ. С.-Петерб. 1867 г., 35). У малороссіянъ утопленники, тѣла которыхъ не преданы землѣ, обращаются въ водяныхъ. (Ивановъ. Нар. разск. о домов., лѣш., вод. и русалкахъ. Харьковъ. 1893 г., 41). Въ чертей же обращаются и дѣти, убитыя матерями при рожденіи. (Чуб. Тр. Этногр. эксп. II, 379, 380). Подобные факты дали основаніе утверждать спеціалистамъ, что тѣнь умершаго—первичный типъ сверхъестественнаго существа, духи—души, генеалогія которыхъ современемъ утратилась (Спенсеръ. Основ. Соц. 304, 305, 314, 315 и 317), и что понятіе о человѣческой душѣ послужило типомъ, по которому складывались понятія и о прочихъ духовныхъ существахъ (Тейлоръ. 180—187).

Впослѣдствіи размноженіе нечистыхъ происходитъ троякимъ путемъ: захватомъ дѣтей, бракомъ съ женщинами и между собой. Черти захватываютъ проклятыхъ матерью дѣтей. (Чуб. Труды. I, в, I, 89. Рудченко. Нар. Ю. Рус. сказки. I, 79. Аѳан. Рус. нар. сказки. изд. 3., т. II, 81—84); могутъ они хватать и не проклятыхъ въ видѣ вихря, какъ видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа, записаннаго въ с. Литвякахъ отъ Н. Кедевой. „На поли жалы чоловикъ та жинка, а выхорь схватывсь, подолу котывся, якъ ухопыть дытыну—та въ гору. Бижять ти люды, крычять:“ рятуйте, рятуйте! выхоръ дытыну вхопывъ.“ Давай воны пашнею махать навхрестъ. Нечыстый той якъ зъ пивверсты нисъ дытыну, потимъ ныже, ныже. Спустывъ. У тыждень померло“. Черти подмѣниваютъ также дѣтей на своихъ подкидышей (одминкивъ), которыми признаются дѣти, страдающія англійской болѣзнью (Чубин. т. 1, 193, 194 и т. II,

№ 97, 360—362). Лютеръ, признавъ мальчика въ Дессау такимъ подкидышемъ, совѣтовалъ его бросить въ рѣку (Буслаевъ. Судьба женщ. въ народныхъ книгахъ въ Библ. для чтен. 1864 г., III, 4). Въ предупрежденіе подобныхъ подмѣновъ почти повсемѣстно возлѣ роженицы ставятъ горящую свѣчу (мои Нар. обр. и пѣсни въ Лубен. у. со ссылкой на Тэйл. Перв. Культ. 258). Что касается до сношеній съ женщинами, то черти являются къ дѣвицамъ въ видѣ парней, между прочимъ и для того, чтобы жениться. Въ народномъ разсказѣ, записанномъ мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, дѣвка, только споткнувшись и упавши, замѣтила, что женихъ ея чортъ, и отказала ему. Во многихъ народныхъ разсказахъ Лубенскаго уѣзда чортъ также является къ неутѣшной вдовѣ подъ видомъ покойнаго мужа. Напримѣръ: „Чоловикъ зъ жинкою жылы хороше, потимъ винъ умеръ. Скучала вона за нымъ, каже: колыбъ же винъ прыйшовъ до мене! Наварыла вечерять и сила, та знову: колыбъ мени, Господы, Васыль прыйшовъ. Колы гука: Марія одчыны!“ Одчыныла вона,—колы Васыль. Посидалы воны вдвохъ вечерять. Буду я, каже, до тебе ходыть, буду й тишыть, и буду тебе любыть. Послалы постиль и полягалы спать. И винъ до неи ходывъ такъ, шо недиль до двохъ, и вона зробылась гладка,—такъ винъ іи втишывъ. Стала вона куми своій хвалыться: кумо! до мене чоловикъ ходыть. Кума пыта: якый?—Мій Васыль.—Э, ни, кумо, то не Васыль.—А шожъ воно таке?—А ты зъ нымъ удвохъ вечеряешъ?—Вечеряю. Навары вечерять и врижъ ему скибку хлиба и солы, а ложкы не вмочай въ страву. Та впусты ложку додолу пидъ стилъ и тоди побачышъ яки въ ёго ногы. Зробыла вона такъ, та якъ глянула, а въ ёго ногы у вовни. Вона злякалась, а винъ пыта: „чого ты мене лякаешся? Теперъ холодно, я грошей ниде не зароблю; то я полизъ на хату, та узявъ кожухъ, та пошывъ соби кожушани чоботы,—того въ мене и ногы такы страшни тоби, а ты не бійся мене, стелы постиль та лягай спать зо мною. Такъ воны ту ничъ переспалы. Вона наутро пишла до кумы опять, каже: эге, кумасю, правда ваша, бо, каже, ногы въ вовни, щей хвистъ ззаду. А кума каже: теперъ ты, кумо, вечерять не вары, а возьмы свое благословенье.

та якъ прыйде, то ты его перехрестышъ та швыдко тикатымешъ до мене. Прыйшовъ винъ до неи, щей сонце не зайшло. Вона й перехрестыла его своимъ благословеніемъ тай тикае прямо до кумы. Винъ за нею въ погонь. А кума вже одчынила двери синешни и хатни. Вона мерщій въ сины вскочыла, а кума зачынила двери. (Отъ кр. с. Литвяковъ Е. Пулькиной).

Подобные разсказы встрѣчаются еще въ сборникахъ: Аѳанасьева (Нар. рус. сказки изд. 3., II, 331), Иванова (Народ. сказки о вѣдьм. и упыряхъ., 225). Наши народные разсказы не даютъ никакихъ подробностей о связи дьяволовъ съ женщинами, по согласнымъ же показаніямъ вѣдьмъ всѣхъ странъ западной Европы проявленія нѣжности дьявола холодныя, ледяныя (Гейне. О Германіи III, 64). Тѣмъ не менѣе отъ дьявола рождаются дѣти. Такъ, въ 1743 г. въ Кіевѣ была убита бабами несчастная новорожденная дѣвочка, какъ „бѣсище". (Кіев. Ст. 1896 г., V. Докум. 39). Что въ народѣ существуетъ и представленіе о размноженіи чертей посредствомъ браковъ въ ихъ средѣ, доказывается повѣрьями о томъ, что мятель и вихорь—бѣсовскія свадьбы (Чуб. Тр. т. 1., в. 1., 30, 34, 35), и о рожденіи чертенятъ (ib. 190.), о принятіи послѣднихъ сельскою повитухою, получающею за то полотно, которое не убываетъ, покуда не будетъ развернутъ весь кусокъ. (Чуб. Труды, т. 1., в. 1, 193, 194, и II. № 97, 360—362); также многими варіантами сказки о чертовой матери, изображаемой обыкновенной малорусской бабусей, чуждой, какъ вообще вся женская половина нечистой силы, какихъ бы то ни было демоническихъ свойствъ. Вотъ какъ рисуетъ, напримѣръ, Пятигорская, Лубенскаго у., сказка чортову матирь: когда женщина, посланная сыномъ къ нечистой матери, вошла въ хату, „тамъ у горныци сыдила баба, хозяйка и спытала: „зачимъ ты прыйшла?" Та поздоровкалась, дае ій гостынець, паляныцю, и каже: „пославъ мене сынъ до чортовои матери, такъ я й прыйшла"; хозяйка іи прыгостыла добре, якъ слидуе, и выпровадыла іи и дала булку." Въ Литвяковской, Лубенскаго у., сказкѣ свиданіе съ нечистою матерью изображается почти такъ-же. Посланный къ ней „пидійшовъ пидъ викно и каже:

Хозяйка! пустить на ничъ. Выйшла баба, одчынила двери и каже: куды тебе Богъ несе?—Пославъ мене братъ къ нечыстій матери. Увійшовъ въ хату, перехрестывсь. Баба каже: „Хай Богъ помогае". Другого посланнаго чортова маты ласково называетъ „сынку" и даетъ ему хорошіе совѣты. У нѣмецкаго чорта есть еще бабушка (Гейне. О Германіи. III., 70); о таковой малоросcамъ ничего неизвѣстно. Черти не только раждаются и живутъ, но и умираютъ. Ихъ ѣдятъ волки, стрѣляютъ охотники, въ томъ числѣ знаменитый Семенъ Палій застрѣлилъ однажды чорта. Ихъ убиваетъ молнія и сжигаетъ солнце (Рудченко. Ю. Русск. сказки. I, 71—73. Чубинскій. Тр. т. 1., в. 1., 4, 19, 20, 34, 52. Кіевск. Стар. 1888 г., V., Док. 48). Не одной только слабостью своей природы схожъ украинскій чортъ съ древнимъ пастушескимъ и сельскимъ богомъ *паномъ*, а и наружностью: рогами, козлиными ногами въ шерсти, хвостомъ (Ящуржинскій „Превращ. въ малор. сказкахъ въ Кіев. Стар. 1891 г., III и IV, 83 и 450). Пальцы у чорта кривые (Аѳан. Рус. Нар. Сказки. I, 210). Эта наружность часто измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, изъ прихоти и по необходимости. Часто является онъ въ видѣ барашка, бѣлаго барашка, овцы, барана (Гринченко. Этн. мат. II, 55. Ивановъ. Разсказы о домов., лѣш. 41. Чуб. т. 1, в. 1, 183, 193). У французскихъ крестьянъ чортъ также появляется бѣлымъ ягненкомъ, который можетъ опрокинуть въ воду подошедшаго неосторожно, или чорнымъ, хромымъ. Сжалившись, крестьянинъ беретъ послѣдняго на плечо и несетъ. Ягненокъ дѣлается тяжелѣе и тяжелѣе, вдругъ съ хохотомъ объявляетъ, что онъ дьяволъ, и убѣгаетъ (Journal des voyages 1896. № 972, p. 195 [1]). Кромѣ того, чортъ превращается еще въ козленка и коня [2]) (Ящуржинскій, о превр. въ Кіев. Стар. 1891 г., III, 450), въ какомъ видѣ представляли его и малорусскіе писатели: Гоголь и Стороженко, а также въ бѣлую собаку, чернаго пѣтуха. (Ящуржинскій. Ib. V., 85), бѣлаго пѣтуха (Гринченко II., 76), ворона (Чуб. I, в. I, 22).

---

[1]) Сравни также „Бѣжинъ Лугъ" Тургенева

[2]) По народному повѣрію, встрѣчающемуся у Чуб. (Труды т. 1., вып. 1. 49), лошадь—разъ навсегда превратившійся чортъ.

Чортъ превращается во всевозможные человѣческіе образы: груднаго ребенка, какъ видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа. Сыдила жинка зъ дытыною зъ вечора, а чоловикъ спавъ. Колы чуе, щось шумыть, гуде, мовъ йиде. Пидйихавъ тай гука: „одчыны, молодыце!“ А вона злякалась, впустыла дытыну зъ рукъ тай мовчыть, побилила. А воно за викномъ: „одчыны намъ, хочъ дытыну переповыть.“ Колы це дытына за викномъ не своимъ гласомъ: кова, кова! Молодыця тоди на чоловика: Демыде, Демыде! Схватывсь винъ до викна, а воно якъ загуло, а дытына: кова, кова! (отъ кр. м. Снѣтина Харитины Олійныковой). Въ народныхъ же разсказахъ Лубенскаго уѣзда чортъ часто является въ видѣ мальчика съ большими сверкающими глазами, также „хлопця такого, якъ орапъ“. Въ такомъ же видѣ встрѣчается онъ въ сборникахъ сказокъ: Рудченка и Аѳанасьева (т. 1. 201). Часто встрѣчается дьяволъ и въ видѣ парня, ухаживающаго за дивчатами, напр., въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ. 1, До однієи дивкы чотыри годы ходывъ парубокъ. Потимъ винъ пойихавъ на поле, а вона не знала, що винъ пойихавъ. Выйшла вечеромъ гулять и догуляла до пивночи. Нема женыха. Пишла у клуню спать. Лягла, лежыть и дума: чы прыйде, чы ни? Прыходыть, сило на полу, насиння луза изъ запилу. Потимъ якъ поросне лушпыны, ажъ луна по клуни пишла. Вона говорыть: „се ты?“—Мовчыть. Лежыть вона ни жыва, ни мертва. Потимъ схватылося, въ долони заплескало и хто й зна, дей дилось. 2. Ходылы на досвиткы дивкы и въ одніи женыхъ бувъ. Полягалы спать, не диждалы того женыха, и такъ, шо вже вси поснулы. Прыходыть щось пидъ викно и стукае. Дивка почула, думала, шо то іи женыхъ, пишла одчынять. Дойшла до викна, колы стоить щось чорне выще викна. Вона дума: чы винъ, чы не винъ? Пишла двери одчыныла и пустыла ёго. И думае: оце жъ винъ увійде у хату. Жде, жде—немае. Що-жъ се, думае, мовъ пидъ викномъ не винъ стоявъ? Острахъ іи взявъ, давай будыть дивчатъ: „ходимъ шукать, шо воно таке? И передывылысь—и нема ничого. (Отъ кр. м. Снѣтина Пелагеи Одокіенковой).

Прикидывается нечистый и сосѣдомъ крестьянина, какъ въ слѣдующемъ разсказѣ. Покійный Савка йихавъ зъ ярмолку ниччю. Стрича ёго мужыкъ и каже: здрастуйте! пидвезить мене. Савци показуется мовъ сусида: „сидайте, каже, пидвезу." Сивъ той на визъ. Такъ важко стало коняци везты, що й не пидвезе. Прыйихалы додому; вставъ Савка, товариша нема,—дився, хто й зна де. Шукае Савка, каже: я съ товарышомъ йихавъ.—Да Богъ съ тобою, де той товарышъ? каже жинка.—Поклыкать товариша вечерять! Шукалы, шукалы, не нашлы. Повечерявъ Савка, лигъ спать—на вози шось пыщыть, потимъ стогне. Иззыва винъ посемейство—не чуть. Та мабуть такъ изъ тыждень Савци було: все прысоглаша: сидайте коло мене, вечеряйте! А то забувается, бижыть. Покы не освятылы хаты; ажъ тоди нечыстый годи, одсахнувсь. Нечыстый подарывъ Савци накожни (отъ Н. Кедевой, с. Литвяковъ). Въ другомъ народномъ разсказѣ Лубенскаго у., чортъ въ видѣ товарища крестьянина, шедшаго жать очеретъ, завелъ того далеко въ болото. Чортъ, служащій работникомъ у хозяевъ, любимая тема народныхъ разсказовъ. Здѣсь производитъ онъ чудеса: въ одно мгновеніе скашиваетъ цѣлыя поля пшеницы, перевозитъ и вымолачиваетъ заразомъ скирды. Въ сказкахъ Аѳанасьева онъ служитъ рабочимъ у горшечника (т. II, 331). Онъ отслуживаетъ у бѣдняка за похищенный послѣдній кусокъ хлѣба (Манжура. Сказки во II т. Сб. Хар. И. Ф. Общества, 127). Таже тема переработана Манжурой въ соч. „Якъ чортъ шматочокъ хлиба одслужувавъ." Она же введена въ нравоучительную комедію графа Л. Н. Толстого: „Первый винокуръ."

Иногда чортъ появляется еще въ сказкахъ священникомъ, паничемъ, паномъ, сходно съ западноевропейскими представленіями—кавалеромъ съ огненнымъ перомъ (Чуб. Тр. эксп. 1, в. 1, 183—186. Гейне. Герм. III, 64).

Таковы внѣшнія особенности малорусскаго дьявола; качества же его ума представляются народному воображенію въ слѣдующихъ чертахъ. Въ большинствѣ разсказовъ чортъ изображается глупцомъ (Гринченко. Этн. Мат. II. 60); его прово-

дитъ наймитъ (79), бьетъ мирошникъ (61), бьетъ и обманываетъ баба (85. Рудченко I, № 29). Чортъ въ состояніи отгадать, на чемъ ѣдетъ крестьянинъ, въѣзжающій на поле верхомъ на женѣ (Чуб. Труды II, № 100, 365, Рудченко. I, № 30, 54—56). Чортъ вообще подчиняется бабѣ. Она мучитъ, бьетъ, щипаетъ чертей (Аѳанасьевъ. Сказки. II, 391—393), стрижетъ, обваривъ голову кипяткомъ, больно брѣетъ (Сумцовъ. Малор. Сказки изъ XXII кн. Этн. Обозр., 128). Сказки о недогадливости чорта извѣстны въ славянскомъ, нѣмецкомъ фольклорѣ (Аѳан. I, 201—204) и у валлоцовъ, (E. Monseur. Le Folklore Wallon. 56, 58), гдѣ чортъ получаетъ при испольной работѣ на свою долю листья моркови, солому, какъ и въ сказкахъ Рудченка. На основаніи такихъ данныхъ, и малорусскіе писатели сдѣлали невыгодное заключеніе оoъ умственныхъ способностяхъ чертей: Иващенко говоритъ, что чортъ вообще не очень страшенъ, является простакомъ и попадаетъ въ сѣти (Религ. Культъ ю. р. народа въ Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 82, 83). В. П. Горленко также объясняетъ, что черти въ малорусскихъ сказкахъ изображаются въ видѣ куцыхъ въ комическомъ видѣ (Завѣты деревни. 217). Чубинскій замѣчаетъ, что чортъ скорѣе комическое, чѣмъ грозное существо (в. II). Богдановичъ въ „Замѣткахъ о Полтавской губ.“ называетъ его шутомъ. Почти такого же мнѣнія былъ и покойный Костомаровъ. Чортъ сомнительный изобрѣтатель и техникъ. Его изобрѣтенія какъ то незакончены. Онъ сдѣлалъ возъ, но не могъ догадаться, какъ его вывезть изъ мастерской. Онъ же изобрѣлъ мельницу, но не могъ ее достроить. (Чуб. Труды. I, в. I, 104, 106). Въ другомъ видѣ, впрочемъ, представляетъ послѣднее изобрѣтеніе народный разсказъ, записанный въ с. Хитцахъ, Лубенскаго у. Зробывъ хозяинъ млынъ зовсимъ и молоть ставъ, такъ тилькы сыдыть, изъ миркы жменею насыпа пидъ камень. Прыходыть до ёго чортъ: „Здоровъ!“—Здоровъ.—Шо ты робышъ?—Мелю, насыпаю зерно.—Шо ты мени дасы, якъ я такъ зроблю, шо само зерно бигтыме?—Шо ты схочешъ?—Я схочу, шо якъ насыпать у мирку, та шо розсыплется, то мое.—Ни, я такъ не обищаю,

а то ты нарошне пидчепышъ; а то, шо хазяинъ украде, або мирошныкъ. И такъ винъ зробывъ ёму кишъ и корычче, и стало падать зерно пидъ каминь (отъ И. Нагорянскаго).

Этотъ разсказъ вводитъ насъ въ малоразработанную народнымъ воображеніемъ сферу договоровъ съ дьяволомъ. Извѣстно только, что условіе заключается на перекресткѣ кровью изъ мизинца контрагента (Чуб. I, в. I., 184, 187, 189). Такой пріемъ употреблялся обвиняемыми: Ильей Човпилой, „записавшимся кровью своею князю бѣсовскому и всѣмъ бѣсомъ на службу съ душею и тѣломъ на тридесять лѣтъ", и Иваномъ Роботой, отступившимъ отъ Бога и предавшимъ себя демону. (Кіев. Стар. 1882: II, 430 и VII, 183—186). При всей краткости малорусскихъ свѣдѣній о договорѣ съ чертями, замѣтно однако, что здѣсь дьяволъ представляется далеко не тѣмъ блестящимъ юристомъ, знатокомъ теоріи договоровъ, увлекшимъ нѣкогда папу Сильвестра въ адъ съ хвастливымъ восклицаніемъ: „tu non pensavi gu'io loico fossi!" (Гейне. Герм. III, 67), какимъ онъ является на западѣ. Напротивъ, у насъ юридическія способности дьявола признаются посредственными, что видно, между прочимъ, изъ граціознаго разсказа, записаннаго отъ Н. Кедевой, сел. Литвяковъ. Жыве чоловикъ бидненько, надумавъ: „пиду десь грошей чы не розжывусь". Иде лисомъ, а проты ёго диdъ: „здоровъ, чоловиче!—Здоровъ.—Куды ты идешъ"? Пиду, чы не дасть хто грошей.—Еге! Иды й я дамъ. Въ тебе жинка хороша?—Хороша.—И диты йе?—Йе.—Я тоби дамъ грошей, а ты жъ мени 'ддасы матирь изъ дитьмы?—Оддамъ. У вивторокъ прыйдешъ за грышьмы. Пишовъ той чоловикъ у вивторокъ за гришьмы. Выходыть до ёго иродъ: „ну, иды, каже, мишокъ наставляй. Узявъ насыпавъ: „ну, каже, несы; а я прыйду до тебе у середу ввечери за матирью и за дитьмы". Чоловикъ прынисъ гроши до дому и не хвалытся жинци, шо буде. Просятся до ёго у середу два старци на ничъ. Винъ и каже: „я бъ пустывъ васъ, люды добри, такъ не пущу.—Чому не пустышъ"?—Я такъ бидно жывъ и ходывъ грошей шукать, та давъ мени иродъ, а я пообищавъ матиръ зъ дитьмы оддать, такъ сёгодня прыйде у ве-

чери. Старци кажуть: ничого, хоть и прыйде, мы не боимось. Колы се такъ якъ часивъ у дванадцять иде и пидъ викно каже: „здоровъ бувъ одынъ“! А старець и каже: „у двохъ добре говорыть, а въ трёхъ молотыть, а четверо колисъ—то буде визъ, а пьятого колеса не треба до воза“,—а тоди чоловикови: „йе въ тебе квочка зъ курчятамы? Возьмы вловы та выкынь ёму“. Чоловикъ той узявъ, уловывъ и выкынувъ ему квочку—матирь зъ дитьмы. А иродъ и зговорывъ: „ну, щастя твое, що такъ изробывъ: и деньгы пожывъ, и жинка дома зосталась“.

Болѣе изобрѣтательности обнаруживаетъ дьяволъ въ распространеніи зла, какъ видно изъ слѣдующихъ устныхъ и печатныхъ источниковъ: чортъ, научивъ человѣка музыкѣ, при этомъ калѣчитъ его (Чуб. Труды. II. № 99, 364—365); крадетъ деньги у скупца, который вѣшается. (Чуб. II, № 107, 381); сжигаетъ пасѣчника въ куренѣ; отуманиваетъ человѣка такъ, что тотъ рѣжетъ жену вмѣсто овцы. Черти, явясь на досвитки подъ видомъ парней, отрѣзываютъ головы дѣвушкамъ и вѣшаютъ за косы на колья (Такой же разсказъ у Иванова, Домов., лѣш., 30).

Особенно замысловата сказка, записанная въ с. Хитцахъ отъ И. Нагорянскаго. Бувъ бидный парень и зачавъ свататься. Не посватавсь; иде дорогою, зострича ёго нечыстый духъ: „де ты бувъ“?—пытае.— Свататься ходывъ и давно сватаюсь и ніякъ не посватаюсь черезъ то, що я бидный, нема у мене ничого. Нечыстый каже: „я тоби совитъ дамъ, тильки послухай мене. Пиды ты въ городъ и наймы соби хату и до тебе щобъ нихто не ходывъ, опрочи я ходытыму; и симъ годъ не стрыжысь, симъ годъ не вмывайся, симъ годъ нихти не зризуй, а я буду до тебе ходыть, деньгы износыть. И зажывешъ соби грошей много. Будешъ ты людей рятувать тимы грошьмы—позычать. Прыйде до тебе генералъ позычать гроши по несчастю, що винъ вызычывъ зъ казны денегъ и казна ёго хоче цинувать, и ты ёму зговорышъ: вызычыть вызычу, а ты мени дочку оддашъ замижъ. А въ генерала тры дочкы и винъ скаже не могу такъ, треба роспытаться дочкы. Такъ и було, якъ казавъ нечыстый.

Пишовъ генералъ, спытавъ старшои дочкы: желаешъ замижъ за такого то выйты?—Не хочу!—Сейчасъ голову долой! Середульша сказала: „я пиду, хочъ винъ некрасывый, я васъ пожалію". Пишовъ генералъ, говорыть: „оддамъ дочку, тилько не старшу; середульша охотытся.—Для мене все ривно, хочъ и найменьшу", каже парень. И вызычивъ грошей. „Ну, голубчыкъ, каже генералъ, прыбувай, когда ты схочешъ, оддамъ дочку." Явывся до того парня чортъ: „ну, теперъ я тоби дамъ друге наставленіе: иды до цюрюльныка, хай тоби бороду побрые, хай тоби волоса подстрыже, хай нихти позризуе. Пиды у лавкы и купы соби саму найдорогшу одежу и надинь на себе усе убрання. Прybрався винъ, тоди пишовъ до генерала дочкы сватать и на середульшій батько благословывъ винчаться. И тоди уже старша изъ своеи досады пишла та повисылася. Прыходять воны зъ винчання и нихто не бачывъ, а молодому ввыдився той самый, шо наставленіе дававъ.—Наставывъ, каже, тебе хазяиномъ и хорошу жену тоби давъ, а соби другую узявъ, старшую дочку генеральску. И съ тимъ розійдимося!

Чертямъ приписывается изобрѣтеніе водки и табака (Чуб. I, в. I. 109. Манжура въ Сб. Харьк. И. Ф. Общества II, 145).

Мѣстная легенда передаетъ слѣдующее о происхожденіи табака. Нечыстый хоть кого искушае, и въ церкви, якъ служеніе йде, такъ и винъ йе. Винъ тилькы тоди выходыть, якъ херувымъ поють. Батюшкы сказалы понавишувать на всихъ викнахъ во имя Господне, шобъ винъ не могъ никуды выскочыть изъ Божого храма. Такъ винъ, якъ сталы херувымъ спивать хотивъ выскочыть, такъ не могъ. До дверей прыбигъ—не можна, у викно плыгнувъ—упавъ, заревивъ и убывсь. „Хай лежытъ, кажуть батюшкы, покы служеніе отойде". Тоди ёго взялы, вынеслы и думають: шо ёму робыть: закопать? Спалыть ёго, шобъ не було ёго й памяты. Насходылысь туды паны дывыться. Спалылы ёго, и нема зъ ёго попелу, а тилькы, де винъ перегоривъ, симена сталы. Паны радятся: що жъ воно за симена? Одынъ помищыкъ забравъ и посіявъ дома, шобъ подывытысь, що буде изъ тихъ сименовъ. Выоралы велыку грядку таку, засеменылы,

посіялы. Поросла трава, изйихалысь паны уси до миста, дывлятся—поросла якась травка, а хто ёго зна, къ чому вона прыходытся? Ось йиде чужый панъ до йихъ: „здрастуйте господа, шо вы тутъ ходыте?—Удывляемось, шо вона за травка.—Вона очень хороша, людямъ пользуе. Ии курыть кажному чоловику хороше, робытся полегкисть. Розсказавъ той чужый панъ, що коло табаку робыть, якъ и пасынкувать. И тоди попрощавсь и каже своему кучерови:“ не журысь, брате, наша фамылія не пропала, не пишла нивощо, скризь будуть потреблять. То бувъ нечыстый (отъ коз. с. Литвяковъ Д. Бугаевой). По другому мѣстному разсказу, черти отвлекаютъ шедшаго въ церковь крестьянина въ лѣсъ и здѣсь дарятъ ему трубку и научаютъ курить. Чортъ поднесъ также табакъ пустыннику (Кіев. Стар. 1888 г., IV, 22); захватилъ и унесъ дитя, понюхавшее табакъ (ib., V; 55). Чортъ развелъ и сорныя травы: осотъ, папоротникъ, кукиль [1]) и др. (Чуб. Тр. I, в. I, 81. Номисъ. Укр. прыказкы. 198).

Излюбленными жилищами чертей, кромѣ ада, признаются: болото, камышъ, бузинный кустъ, сухая верба (Чуб. т. I, в. I, 76, 77, 70. Иващенко. Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 82), вода, входя въ которую приговариваютъ: чортокъ, чортокъ, не ламай кистокъ, ты зъ воды, а я въ воду (ibid. 83). Здѣсь онъ, однако, не можетъ находиться постоянно. Якъ на голодный святъ-вечиръ на іордани святять воду, чорты выходять изъ воды. Маты казалы, шобъ ни валу, ни ганчирокъ, ничого не було тоди на двори. Кажуть, нибы то винъ ховается у валъ, або въ ганчирку (отъ кр. с. Литвяковъ Е. Павликовой). Лубенская веснянка также признаетъ болото жилищемъ дьявола... А сей буде у болоти межъ чортамы старшый (мои Обр. и пѣсни Луб. у. 81). Чортъ пребываетъ еще въ глубокихъ оврагахъ, корчмахъ, сараяхъ, пустыхъ полуразрушенныхъ зданіяхъ, мельницахъ (Чуб. Тр. I, в. I, 104, 109, 185, 187 и 189). По Лубенскому повѣрью: на всякому млыни йе чортъ. Витеръ маленькый и вси млыны стоять, а одынъ росходытся такъ, шо ничого не можна зробыть. И

[1]) Cirsium arvense, L. Aspidium Filix mas L., Agrostemma Githago. L.

крыло одибье и пальци повыбывае, покы чортъ не награется" (отъ И. Нагорянскаго, с. Хитцовъ). Кромѣ такихъ излюбленныхъ жилищъ, черти удерживаютъ еще иногда право собственности надъ извѣстными мѣстами, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ, записанныхъ отъ коз. с. Литвяковъ Даріи и Лукеріи Бугаевыхъ. Старый оравъ по весни писля велыкодня, а я зъ дытыною дома була, да зовыця. Богу помолылысь, викна похрестылы и полягалы. Лежымо, я поколыхую дытыну въ колысочци ногою, колы якъ загурчыть на хати двичи, такъ просто такъ, якъ що возомъ пройихало, а на полу и глына одъ стели пооднадала... и не чуть. Колы слухаемъ—у хижи стука, мовъ майструе сокырою. Та дивчына лежыть та каже: „що намъ теперь робыть: чы тикать, чы крычать? Бильшъ часа мы лежалы, а воно майструе. Трошки одійшлы, повставалы, посидалы, ну тикать у двери—що Богъ дасть! Колы воно якъ трисне у двери, я думала, що смерть; а мы за дытыну, та на пилъ у викно. Выскочыла попереду дивчына у викно, подала я ій дытыну, колы якъ упаде горщыкъ изъ полыци до долу, и мы упять полякалысь, тамъ и попадалы биля викна. Господы, се злодій, намъ хоть бы зъ душамы утекты! Побиглы у сарайчыкъ, тамъ у гори покладени дошкы, изсадыла я туды дивчычу и дытыну подала, а сама не злизу—высоко. Выйшла зъ сарайчыка, подывлюся пиду, що воны забралы. Не можна до хаты дійты—страшно. „Сыды-жъ ты, Марье, а я буду тикать". Утекла до дядыны, черезъ тыны плыгала, гукаю: „дядынко, одчынить! Вона одчынила, помитыла, пыта: „чого ты, Богъ зъ тобою? иды въ хату". Увійшла я въ хату, засунула дядына двери, засвитыла. Стала я розсказувать. „Боюсь, каже дядына, и я". Сыдила я часивъ два.—„Ходимъ, обдывымось". Финарь засвитылы. Обійшлы кругомъ хату, нема ниде ничого. Одсунулы двери, війшлы въ сины, драбына въ синяхъ стояла. Колы воно взяло драбыну ту поставыло пидъ двери пидъ шпугу и пидперло такъ, що нема средства вырвать драбыны: такъ поставыло мицно. Очепылысь у трёхъ, не вырвемъ. Сказалы батьку, а винъ и каже: то васъ лякавъ домовыкъ". А дядына и каже: „навады

ладономъ у хати".—„Половына нашои старои хаты була не на хорошому мисти. Було якъ не скинь колыскы до долу, то вона по всій хати гайдаса, а то на хати щось гуркоче, двери пидпира драбыною. Маты сталы казать, шобъ нову строилы хату, бо не можна жыть: боятся. Батько выстроилы другу хату и перешлы жыть, а ту стару панявъ чоловикъ. Отъ лигъ винъ на печи спать, колы воны на полу танцюють и грають. Дывытся—люды, тилько чорни и хвосты ззаду. Одни танцюють, а други грають. На другу ничъ чоловикъ той лигъ на полу. Пишовъ винъ на двиръ; иде зъ-на-двору, не найде дверей,—усе вовна. Пиднявъ рукы у гору, не найшовъ стины, а лапнувъ за пыку за страшну, бородату. Такъ воно кынуло того чоловика объ землю, выбыло руку и ногу". Для избѣжанія подобныхъ столкновеній вездѣ въ Малороссіи при выборѣ мѣста подъ избу насыпаютъ рожь въ четырехъ углахъ предположенной постройки, и если рожь тронута, лучше не строиться:" будуть чорты товктысь" (Чуб. Тр. I, в, I, 101, Nowos. Lud. Ukr., 163). Изрѣдка, впрочемъ, удается крестьянину и уживаться съ чортомъ въ одной хатѣ (Чуб. I, в. I, 4).

Черти, по народнымъ повѣріямъ, владѣютъ не только обозначенными частями земной поверхности, но и ея нѣдрами, гдѣ оберегаютъ заклятые клады (Ивановъ. Нар. разск. о клад. въ Харьк. Сбор. 1890 г., в. IV, 31, Чуб. Тр. I, в, I, 96).

Близкая связь чертей съ кладами видна между прочимъ изъ того факта, что какъ тѣ, такъ и другіе превращаются въ одинаковыхъ животныхъ. Такъ, въ народныхъ разсказахъ Лубенскаго у. кладъ открылся запряженнымъ экипажемъ, „кони ротамы зивалы, гралы", а въ ночь подъ Рождество вороной конь переходилъ дорогу дѣтямъ, шедшимъ въ церковь. Тоже и въ двухъ слѣдующихъ Снѣтинскихъ преданіяхъ: 1, У Снитына на велыкдень ишовъ чоловикъ и бачывъ лёхъ у гори одчыненный, и свитло горыть, и у лёху билый кинь стоить коло дверей. Пиднявсь витеръ, щось хряпъ, хряпъ—и все засунулось зъ горы, не знать и дверей. И теперъ за горою есть мовъ ривець (отъ Н. Ивахненка). 2, У Снитыни одкрывався лёхъ. У тому лёху

бувъ дидъ, сывый кинь и собака. Туды ходылы съ процесіею, такъ не війдуть: свичи тухлы". Кладъ въ видѣ коня встрѣчается и въ печатныхъ источникахъ: у Иванова (Харьк. Сб. IV, 12, 25, 26, 32), Гринченка (Этн. мат. II, 142), Арендаренка (Зап. о Полт. Губ. II, 219). Затѣмъ кладъ появляется въ видѣ: быка (Ив. 27), бѣлаго барана (ib. 28), козла (ib. 14), козы [1]) (Чуб. I, в. I, 98), свиньи (у Иван. 29), собаки (ib. 12, 27. Аренд. 219), кошки (Чуб. I, в. I, 99), пѣтуха и курицы (у нихъ же). Кладъ часто появляется и въ видѣ старика (Иван. 22, 23, Аренд. 219)— у бѣлоруссовъ бѣлуна, живущаго во ржи. Кто утретъ ему носъ, получаетъ золото изъ торбы (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общества. V, 54).

Въ народную демонологію входятъ также: домовые, лѣшіе, водяные и огненные змѣи. О первыхъ въ срединѣ Малороссіи не сохранилось никакихъ повѣрій, за исключеніемъ только того, что домовой показывается въ страстной четвергъ на чердакѣ. Въ Харьковской же губерніи довомой бываетъ видимымъ еще подъ Рождество, Новый годъ, Свѣтлый праздникъ, иногда и въ другое время. Появляется онъ то человѣкомъ въ шерсти или старикомъ, то бараномъ, собакой, козломъ (Ивановъ. Нар. раз. о домов., лѣшихъ и т. д. 9—11, 21, 22, 24, 25). Характеръ домового двойственъ: въ глуши онъ хранитъ еще черты предка,— принимаетъ участіе въ дѣлахъ и работѣ хозяина, даетъ ему совѣты, хранитъ обычаи и благопристойность, не позволяетъ, напр., женщинамъ спать нагими (Ивановъ. 2—4, 13—18), обрываетъ волосы женщинамъ, ходящимъ съ непокрытой головой (Скубакъ. Харьк. Сб. 1890 г. IV, 55), но не входитъ въ связь съ ними (Иван. 5). Въ другихъ случаяхъ домовой ничѣмъ не отличается отъ дьявола. Въ сборникѣ Манжуры (Сб. Хар. Ист.-Фил. Общ. II, 129) домовой любезничаетъ на чердакѣ съ бабой и лазитъ въ окно къ дивчинѣ подъ видомъ парня. Затѣмъ и повѣрья о лѣшемъ въ Малороссіи не могли достичь того развитія, что на сѣверѣ, уже по недостатку лѣса. Здѣсь онъ сохраняетъ еще иногда наружные признаки сильвана и сатира

[1]) Въ этомъ же видѣ у валлоновъ (Monseur Le Folk. Wallon., 5).

(Ивановъ. Разск. о домов., лѣшихъ и т. д. 32. 38), но большею частью ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго дьявола, превращаясь въ тѣхъ же животныхъ (ib. 33., 37) и занимаясь тѣмъ-же: кражей новорожденныхъ и проклятыхъ дѣтей, покупкой душъ, похищеніемъ женщинъ и связью съ ними (33, 35). Въ Малороссіи сбившійся съ дороги путникъ вѣритъ, что надъ нимъ шутилъ лѣшій (ib. 37, и въ моемъ очеркѣ: Этногр. элем. въ повѣсти Гоголя „Заколд. Мѣсто“, въ Кіев. Стар. 1897 г., IX, стр. 57—59). Водяной также признается въ настоящее время обыкновеннымъ демономъ, живущимъ въ водѣ. (Ивановъ. Нар. разск. о домов., лѣш., вод., 38). Чаще всего онъ превращается въ рыбу и человѣка, хотя можетъ появляться по временамъ и тѣми же животными, что и другіе черти. Въ народныхъ разсказахъ Иванова водяного вытягиваютъ изъ воды на крючкахъ. Въ народномъ же разсказѣ Лубенскаго у., водяной, пойманный сѣтью, ударилъ по лицу рыбака хвостомъ и убѣжалъ потомъ изъ хаты съ большимъ шумомъ. Водяной, превратившись въ человѣка, сначала мирно бесѣдуетъ съ рыбакомъ, куритъ трубку, потомъ вдругъ опрокидываетъ и выбрасываетъ на берегъ челнокъ, пытаясь утопить собесѣдника. Въ разсказахъ Иванова (38, 43) водяной также опрокидываетъ лодки, портитъ мельницы и рветъ плотины.

Повсемѣстно въ Малороссіи сохранились еще воспоминанія о жертвахъ водянымъ. Въ Харьковской губ. для умилостивленія водяныхъ имъ подносятъ соль, хлѣбъ, вареную рыбу, павшихъ лошадей и мертворожденныхъ дѣтей (ib. 39, 44). Пчеловоды, для успѣха пасѣки, топили первый рой въ жертву водяному или домовому (Потебня“ Объясненіе малор. и сродн. пѣсенъ. II., 237). По Снѣтинскому повѣрью, „якъ водяни чорты гребли рвуть, то воны сердются, шо нема имъ прыходу ніякого, такъ треба имъ коня вкынуты въ воду въ зброи, або хочъ и изъ возомъ“ (отъ К. Приходькиной).

О жертвахъ же говорятъ и слѣдующіе разсказы Лубенскаго уѣзда. Бувъ соби чоловикъ и въ ёго була дивка. Йиздывъ рыбы ловыть, и хто не пойиде, нема, а въ ёго повенъ човенъ.

Ну, до того дійшлося, шо явылыся нечысти ёму на лыцо и кажуть: „ты не самъ ловышъ, а мы тоби наганяемъ. Шо ты намъ за те дасы?“ А винъ каже: „шо жъ я вамъ дамъ, якъ у мене ничого нема?“ И винъ саме насередъ ямы. Воны кажуть: „якъ ты намъ ничого не обищаешъ, мы тебе утопымъ.“ Такъ винъ сказавъ: „есть у мене дочка Марына, берить іи. Ось прыйихавъ додому й хвалытся:“ Баба каже; „хай тебе самого возьмуть, якъ Марыну оддавать!“ Черезъ время пойихавъ винъ зъ Марыною по дрова. Ось йидуть зъ дровамы, винъ сивъ на саны наверхъ дровъ. И де взялося тры квака и кажуть: „ты намъ пообищавъ Марыну, а баба твоя не повелила.“ Ось покы прывезла додому та дивка, а ёго й духу нема (отъ Г. Нагорянскаго, Хитцовъ).—Найшла маты соби дытыну, и стало воно плакать, а маты каже: „шобъ тебе чорты взялы!“ Стала та дивчына росты. Росте, росте, якъ зъ воды иде. И стала вже дивка така, шо сталы люды сватать. Посваталы іи люды и то вже таке до винця иты. Пишлы воны; идуть одъ винця и сталы черезъ греблю иты и молода въ жовтихъ чоботихъ. И вмазала молода чобитъ, каже: „теперъ же вы идить помаленьку, а я чобитъ обмыю.“ Вона тилькы стала чобитъ обмывать, взяла въ воду упала. Тутъ зробылы крыкъ, шо втопылась молода. Сталы люды іи шукать, вытягать. Потимъ іи не нашлы. А той молодый оставсь вдовцемъ. Такъ іи почалы помынать, шо вона умерша. И такъ може й годъ, може й два не було звисткы ніякои. Потимъ у сусиды найшлася дытына у жинкы. Прыйшовъ винъ просыть тіи молодои маты: „ходимъ, бабусю, до насъ.“ Вона пишла, побула, свое дило зробыла, вернулась до дому и лягла спать. Колы шось пидъ викно стука и гука: „бабусю одчынить! Ходимте до насъ.“— Я у васъ вже була.—Ходимъ пожалуста ще. Вона вбралась, пишла. Винъ іи вивъ, вивъ, узявъ та вкынувъ у воду. Колы тамъ у води такый домъ хорошый и дочка іи ридна, та, що втопылась, тамъ сыдыть, каже: „спасыби вамъ, мамусю, шо прыйшлы до мене, мене одвидалы. „Бабувала стара у своій дочкы, потимъ пыта:“ колыжъ вы мене, диты, одведете до дому?“ А винъ каже: „колы прывивъ, тоди й одведу“. Диждалы вечера,

винъ іи взявъ и понисъ до дому. „Ну, каже, стара, прыходьте прошу покорно и до мене въ гости.—Спасыби, шо клычете, прыйдемъ. Диждалы велыкоднихъ святъ, посходылыся до матери уси тры дочкы и уси тры зяти. Гостювалы воны въ день якъ слидуе буть, а то вже вечиръ, и допылыся воны до того, шо той нечыстый пишовъ поверхъ столу танцювать. А ти старши сестры зробылы зъ соломыны хрестыкъ та ёму ззаду встромылы за комиръ. Такъ винъ тамъ такъ и лопнувъ. Его молода плаче: „нащо вы мене осыротылы? Теперъ же мени ни до васъ, ни до ихъ. Лучче бъ мене не клыкалы [1]) (Отъ кр. с. Литвяковъ Е. Пулькиной).

Въ Малороссіи сохранилось гораздо болѣе повѣрій и разсказовъ объ огненныхъ змѣяхъ, чѣмъ о другихъ фантастическихъ существахъ, кромѣ, конечно, чертей, что объясняется постоянной поддержкой этихъ повѣрій свѣтовыми явленіями, о которыхъ очевидцы передаютъ слѣдующее. „Я ще дивкою бачыла змія. Идемо зъ подругамы зъ улыци додому, то винъ летыть зъ-за Сулы, такый мовъ жменя конопель. (Литвяки). Летивъ винъ, якъ вязка соломы, я упала ныцъ. (Пѣски). Я на вику чотыри раза бачывъ змія: первый разъ стояло насъ на юлыци шисть парубкивъ. Колы, де й винъ узявсь, летивъ клубкомъ и обсыпавъ насъ искрамы. Полетивъ на проваля. Другый разъ ишовъ я самъ на юлыци, спиваю. Винъ мовъ зъ Чумакова двора на Марьинъ садъ полетивъ. Летивъ нызько, такый якъ михъ ковальскій. Третій разъ пасъ двое и дви дивчатъ гулялы. Летивъ винъ высоко зъ Якымовои левады. Родъ дныща, роспарусывсь и искры мали. Четвертый разъ я волы пасъ. Летивъ винъ тоди найвыще зъ Снитына на Стинку. Мовъ угору та внызъ якъ горобець (Снѣтинъ). Бачывъ змія; якъ сорока, и стать якъ сорока. Носъ довгый. Искрыть дуже напередъ и назадъ. Зайшовъ за хмару (Лазирки). Двичи бачыла змія: голова—клубокъ, а дали мотовыло. Згынается, якъ гадына. Нызько летивъ, искрывъ. (Пяти-

---

[1]) Настоящая утопленница, ставъ женой водяного, не пріобрѣтаетъ никакихъ демоническихъ свойствъ русалки и русалкою народомъ не признается и не называется.

горцы). Летило таке якъ заступъ. Упало мовъ дижа (Войниха). Сыдила я на поли и позъ мене загуло, неначе човенъ, такъ якъ сонце зійшло. Винъ не вглядивъ (Пѣски). Дивкою двичи бачыла змія. Голова велыка якъ дижа. Довге, страшне, сидало на выгони (Литвяки). Змій летивъ такый, якъ коромысло, и вгору и внызъ огонь розсыпа, сажня чотыри вышыны, и полетивъ вдовшъ села. Пидъ жыботомъ мовъ червоне, крыламы маше, огонь сыпле (Хитцы). Летыть коромысло довге, родъ чоловика, пыкы не выдно, такъ и осяе (Хитцы). Летыть, такъ и осяе оселю. Довгый, такъ якъ чоловикъ, роспарусытся, такъ зъ ёго огонь и крепе (Литвянки). Посидалы мы на юлыци, колы змій летыть та ажъ прызирается. Бильшъ аршына удовшъ. Парусы таки мовъ у коня хвистъ (Снѣтинъ). Йихавъ я у Снитынъ на Мызиновку. Змій сивъ на ярмо. Голова и все у ёго ажъ осіяло, булы миста по ёму и чорни. Быкы жахнулысь бигты, я вдержавъ ихъ, перехрестывсь, а винъ знявсь и полетивъ (Литвянки).“ Такія и подобныя указанія давно уже дали основаніе наукѣ предположить, что въ огненномъ змѣѣ олицетворяются народомъ блудящіе огни, воздушные метеоры, падающія звѣзды и молнія (Аѳанасьевъ. Зооморфич. божества. III., 1, 98, 110). Огненный змѣй представляется идущей дѣвушкѣ, изрѣдка молодицѣ, какимъ нибудь яркимъ, заманчивымъ или цѣннымъ предметомъ, лежащимъ на дорогѣ: иголкой, моткомъ красной заполочи, лентой, кораллами, шолковымъ платкомъ, краснымъ женскимъ поясомъ, червоной запаской, серебряными или золотыми перстнями, червонцами, весьма рѣдко рыбкой, какъ въ слѣдующемъ поэтическомъ разсказѣ, записанномъ отъ коз. с. Литвяковъ, Д. Бугаевой. „Заспивавъ вечиришній пивень, а дивци здалось, що вже досвичаный. Схопылась вона, убралась: „пиду вже я, мамо“. Маты спыня: „не иды, бо ще рано.“—Проведить мене хоть тришечкы; я пиду у строкъ. Маты іи вывела зъ улечкы: „иды, дочко, не бійся, тилькы хрестысь.“ Вона соби иде, иде; увійшла такъ якъ верстъ дви, колы це передъ нею якъ посыплются зори, такъ іи стане ажъ у вичи жовто, не выдко куды йты. Вона злякалась; пидійшла такъ изъ гоны, колы лежыть плитка се-

ребряна, велыка, побильше ложкы. Стане дивка переходыть колію, той плитка перескочыть и впаде. То дивка та перейде впять у ту колію, и плитка впять перескоче и ляпне. А дивка вже такъ злякалась, сама соби каже: „Господы мылостывый! мени маты казала хрестысь, а я й забулась.“ Стала хрестыться. Такъ винъ тоди огнемъ якъ засыпавъ передъ нею, якъ заискрывсь. Якъ заступъ зробывсь изъ тіи плиткы, рванувъ бурею, каже: „догадлыва!“ А вона впала и лежала до свита; прыйшла утромъ, уже робочи спидалы. Лежала тыждень, схвачувалась. Вылывалы переполохъ: вылывалась така рыба изъ парусамы, якъ винъ пидкыдавсь та искрывъ передъ нею“.

Дѣвушка, взявшая предметъ, въ который превращался змѣй, должна ожидать ночью посѣщенія послѣдняго. Афанасьевъ такимъ образомъ рисуетъ это посѣщеніе: змѣй, пролетѣвъ по небу пламенной полосой, разсыпается искрами надъ знакомой избой и черезъ трубу является къ дѣвицѣ или одинокой молодицѣ неотразимымъ красавцемъ. Послѣ него дѣвица сохнетъ (Зооморф. божества 109, 110). Новосельскій даже называетъ змѣя „plugawy zwodziciel kobiet“ (Lud Ukr. I, 251). Но, занимаясь почти исключительно преслѣдованіемъ женщинъ, змѣй не вступаетъ съ ними въ связь, а только кохается и сосетъ у нихъ грудь. (Ивановъ. Разск. о Вѣдьм. 216). Отдѣлаться отъ него трудно. Въ одной изъ сказокъ, собранныхъ Манжурой, мужъ взялъ крылья змѣя, летавшаго къ женѣ (Сборн. Хар. И. Ф. Общ. 1890 г., II, 9), но средство это опасное; по устному разсказу въ подобномъ случаѣ змѣй, принужденный бѣжать, зажегъ избу. Даже испытанный способъ возбудить отвращеніе въ змѣѣ не всегда спасителенъ, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.—Йшла дивка зъ ярмарку, платокъ лежыть червоный шовковый поперегъ дорогы. Дивка зрадила, вхопыла въ пазуху, не перехрестыла зъ радосты. Прынесла до дому та въ скрыню положыла, а ввечери прыйшла маты, дивка та й вздумала: покажу я матери ту найду, шо найшла. Одчыныла скрыню, колы лежыть панычъ на всю скрыню. А вона тоди дума: „чы мени сказать, чы мовчать? Покыну я скрыню, то винъ пиде“. И мов-

чыть до вечора. Ввечери посыдилы, полягалы спать. Такъ якъ опивночи иде той панычъ до неи и ляга коло неи. Дивка пыта: „Що ты таке?“—Панычъ.—Чого жъ ты ноччю ходышъ?—Я тебе люблю, и буду я до тебе ходыть и багато грошей дамъ. Бере ливу грудь и ссе. И такъ винъ долежыть, покы ёму треба, и пиде. Нихто ёго не чуе. Подывылась вона въ день у скрыню—нема.—„Ну, може винъ вже й не буде ходыть. Мовчыть, никому не каже. На другый вечиръ упять винъ иде. Вона ёму каже: „Чого такы ты до мене ходышъ? Хыба панычеви просту любыть?“ —„Я тоби цилый мишокъ грошей прынесу.“ Мовчыть вона—ничого. Ляга винъ, бере ливу грудь и ссе. Два мисяця ходывъ и прынисъ ій мишокъ грошей и поставывъ у скрыню. Іи маты пыта: „Чого ты така жовта стала?“. Вона й дума: чы мени матери прызнаться, чы ни?—Кажы, прызнавайсь, чого ты жовта, ты чымсь больна?—Ни, мамуся, я ничымъ не больна, а до мене панычъ ходыть.—Шо винъ тоби робыть?—Груды ссе, мамо. Узяла маты прыдавыла іи груды, колы кровъ.—А, дочко, винъ кровъ твою ссе. Я вже догадалась, шо се за панычъ до тебе ходыть. Чомъ ты давно не кажешъ?—А що-жъ ёму теперъ, мамо, зробыть?—Якось прыдумаемъ, щось робыть. Возьмы, дочко, наробы куколъ велыкыхъ багато, повбирай у плахты, платкамы позавьязуй и поставляй ихъ по лавахъ и на викнахъ посажай, и на столы наставъ пляшокъ, чарокъ и хлиба наклады, въ печи пидпалы; сядь на порози, двери одчыны и чешысь, а въ пелену насыпъ симья—и косу чешы, и симья йижъ. Якъ прылетыть винъ и буде тебе пытать, то ты скажешъ, шо въ хати весилля, шо ты замижъ идешъ; а якъ спыта: шо йисы? скажешъ: нужу. Такъ та дивка зробыла. Ось винъ бижыть: „здрастуй! шо въ тебе въ хати?—Весилля.—Оце й ты чешешся.—Эге.—А йисы що?—Нужу.—Хиба жъ такы можно нужу йисты?—А хиба можно сатани до хрыстіянына ходыть?—Такъ винъ бурею пишовъ и крышу зирвавъ и бильшъ ёго не було (отъ Д. Бугаевой).—Ишлы дивкы на велыкодниxъ праздныкахъ, и одна наглядила срибный перстень на дорози и сховала ёго у пазуху. Прыйшла додому, стала шукать у пазуси—нема. Вечоромъ прылита до неи змій, вона й говорыть: „Чого ты до мене?

Я зовсимъ не знаю, шо ты таке". А винъ одвича: „а якъ ты мене знайшла, зрадила и прыголубыла".—Я найшла не тебе, а перстень.—„Ни, то бувъ я". Ніякъ вона одъ ёго не одкараскалась, ставъ винъ до неи литать; начавъ ін грудь ссать, и вона пислятого похудла и така зробылась, шо неспособна по свиту ходыть. Ін парубокъ ставъ говорыть: „чого ты така худа стала?"—Найшла лыхо, перстень, а то не перстень, то я найшла соби змія.—Сядь ты коло викна, якъ мисяцно буде, и чешы соби волосъ, а у пелену симя насыпъ и йижъ. Ось змій прылита до неи; якъ побачывъ, шо вона нужу йисть, якъ здвынувся, осмалывъ ій волосъ и сказавъ: „ты не моя, а я не твій (Отъ кр. с. Хатцовъ И. Нагорянскаго).—Жылы чоловикъ та жинка и въ ихъ була дивка красыва. Тай иде вона до воды изъ видрамы, колы лежыть намысто справжне, вона взяла ёго й не перехрестыла. Ночуе вона на двори въ клуни, колы летыть таке якъ коромысло тай спустылося. Вона дывытся у дирочку, колы воно спустылося, мовъ зиркы скакають. Перекынувсь, ставъ такый красывый панъ; якъ струсвувъ за двери, такъ вопы й одчынылысь. Винъ до неи, тай давай груды ссать. Та все до неи лита та доссавъ, шо вона вже якъ соломына стала жовта. Сталы батько й маты казать: „шо ій таке?" Вона не прызнается. А то стала въ хати спать, а винъ прылетыть та въ верхъ, та все кровъ ссе. И прысовитувалы люды: наберы симья у черепочкы и на тимъ плечи поставъ черепочокъ и на тимъ. И роспусты свои волоса и чешысь и йижъ симья. Ну, вона такъ и зробыла. Прылетивъ змій, перекынувсь паномъ, каже: шо ты робышъ?—Чешуся.—А йисы шо?—Нужу.—Хыба жъ такы хрыстіянська вира нужу йисть?—Хыба жъ такы нечыста сыла хрыстіяньску кровъ пье? Такъ винъ перекынувся та крыламы якъ ударывъ ін, такъ вона злякалась тай умерла (Отъ Харытыны Олійныковой, м. Снѣтина).

Приведенныя данныя о чертяхъ и ихъ разновидностяхъ приводятъ къ убѣжденію, что въ основаніи всѣхъ демоническихъ существъ, созданныхъ народной фантазіей, заключается человѣкъ съ его инстинктами, страстями и дѣятельностью. Главная особенность этихъ существъ—способность къ превращеніямъ—доступна также и людямъ: вѣдьмамъ и вовкулакамъ.

В. Милорадовичъ.

Заключительный докладъ граф. П. С. Уваровой на XI археологическомъ съѣздѣ.

Благодаря любезному согласію предсѣдателя XI археологическаго съѣзда, графини П. С. Уваровой, мы имѣемъ возможность въ настоящей книгѣ помѣстить заключительный докладъ ея, читанный 19-го августа въ послѣднемъ общемъ засѣданіи съѣзда. Докладъ этотъ представляетъ для насъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что онъ даетъ краткіе итоги всей работы, совершенной въ теченіе этого съѣзда. Поэтому считаемъ себя обязанными принести самую глубокую благодарность графинѣ П. С. Уваровой за предоставленіе намъ права напечатать этотъ ея отчетъ объ XI археологическомъ съѣздѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ вниманію публики.

Ред.

Всякій ученый съѣздъ слагается изъ двухъ частей, раздѣльныхъ и самостоятельныхъ—съ одной стороны, и тѣсно связанныхъ—съ другой. *Первая* и *главная* изъ этихъ сторонъ съѣзда—его внутренняя или ученая часть, *вторая*—внѣшняя сторона, или та обстановка, которой съумѣли, или захотѣли, обставить этотъ съѣздъ.

Внутренняя жизнь съѣзда съ своей стороны распадается также на отдѣлы:

а) доклады и работы, представленные съѣзду на основаніи тѣхъ поѣздокъ и командировокъ, которыя были предприняты по порученію Предварительнаго Комитета, подготовлявшаго съѣздъ;

б) отвѣты, данные на запросы, предъявленные съѣзду;

в) отвѣты на вопросы, подвергнутые особой разработкѣ во время съѣзда;

г) ученые рефераты и изслѣдованія, доложенные на засѣданіяхъ съѣзда;

д) пожеланія, высказанныя референтами на основаніи этихъ рефератовъ;

е) собраніе древностей и иныхъ предметовъ, собранныхъ на время съѣзда для научнаго обозрѣнія и изученія.

ж) и наконецъ, изданія, пріуроченныя или посвященныя съѣзду.

Позволяю себѣ, или скорѣй *считаю своею обязанностью*, хотя бы вкратцѣ, указать съѣзду на достигнутые результаты по всѣмъ этимъ пунктамъ.

а) Доклады по первому пункту, т. е. доклады, вызванные подготовительными работами къ съѣзду, представлены:

Вл. Бон. Антоновичемъ: Раскопки въ западной Волыни, и О каменномъ вѣкѣ на Волыни.

Ек. Н. Мельникъ. Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уѣз. Волынской губ.

Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ. Результаты археологической экскурсіи въ бассейнѣ Западнаго Буга.

Вас. Гр. Ляскоронскимъ. О городищахъ, зміевыхъ валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы.

Алекс. Мих. Покровскимъ. Антропологическія данныя о типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ.

Мих. Павл. Истоминымъ. Фрески XVII и XVIII в. храмовъ и костеловъ юго-западной Россіи. Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII в.

Священникомъ Сѣцинскимъ. О древнѣйшихъ церквахъ Подоліи.

Проф. Лашкаревымъ. Объясненіе церковныхъ древностей гор. Чернигова.

Ив. Мих. Каманинымъ. Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII в.. О волынскихъ архивахъ.

Кромѣ того, представлены и готовы къ печати: *Археологическая карта Волынской губ.*, составленная Вл. Бон. Антоновичемъ, *Археологическая карта Подоліи*—свящ. Сѣцинскимъ, *Историческая карта черниговской губ. до XVI ст.*—П. В. Голубовскимъ и Е. А. Кивлицкимъ, и подготовляется историческая карта остальной Лѣвобережной Украины, которая не *была* готова къ съѣзду, но составители (Ал. Мат. Лазаревскій, О. Ив. Левицкій и А. В. Стороженко) обѣщаютъ ее для трудовъ Съѣзда. Къ этому отдѣлу слѣдуетъ также прибавить докладъ Митр. Викт. Довнаръ-Запольскаго о дѣятельности Архивныхъ Коммиссій за послѣдніе 3 года, докладъ, составленный на основаніи пожеланій, высказанныхъ Рижскимъ Съѣздомъ.

б) На запросы, поставленные съѣзду, отвѣтили:

Н. И. Троицкій въ рефератѣ „Древній городъ Лопасня Черниг. губ.,"

Бунинъ—въ рефератахъ: Гдѣ находились города Липецкъ и Вороглъ, упоминаемые въ лѣтописяхъ подъ 1283 и 84 годами? и „Гдѣ находились Ворота, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1286 г.?"

Свящ. Титовъ—„Что было въ древности на мѣстѣ Андреевской церкви" и „О заграничныхъ монастыряхъ Кіевской митрополіи".

в) Особой разработкѣ во время съѣзда подвергся вопросъ объ *организаціи архивнаго дѣла въ Россіи,* вопросъ, назрѣвшій уже давно, не разъ обсуждавшійся въ спеціально посвященныхъ ему засѣданіяхъ Моск. Археол. Общества и предшествующихъ съѣздовъ, и который нынѣ рѣшено повергнуть на милостивое разсмотрѣніе Его Императорскаго Величества Государя Императора. Объяснительными работами къ этому вопросу могутъ считаться: *Д. И. Цвѣтаева* (О Варшавскихъ архивахъ), *Львова* (Русское законодательство по устройству архивовъ), *Воронова*

(Департаментскіе архивы Франціи), *Каманина* (Экспертиза древнихъ подложныхъ документовъ), *Савелова* (Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній), *Шмелева* (Теорія и практика архивныхъ описей), *Левицкаго* (О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи Юго-Западнаго края и Малороссіи) и наконецъ, *Дм. Як. Самоквасова*, представившаго въ своемъ докладѣ *„Централизація Государственныхъ архивовъ въ Западной Европѣ въ связи съ архивной реформой въ Россіи“* полную картину того, что сдѣлано по архивному дѣлу въ Европѣ, равно какъ и проектъ архивнаго переустройства въ Россіи. Проектъ этотъ, затрогивающій своею новизною и предположеніями не мало интересовъ въ области, къ которой привыкли относиться съ особенною косностью, вызвалъ въ Кіевъ не мало членовъ съ самой отдаленной окраины, подвергся всестороннему обсужденію и принятъ *въ принципѣ*, съ цѣлью доведенія его до высшихъ правительственныхъ сферъ съ выраженіемъ надежды, что проектъ будетъ осуществленъ и разработанъ высшею властью при помощи всѣхъ тѣхъ, которымъ дѣло архивовъ знакомо и дорого. Какой бы будущности ни ожидало осуществленіе проекта, во всякомъ случаѣ Дм. Як. Самоквасовъ заслуживаетъ, мнѣ думается, глубокой благодарности за то, что, не смотря на ожесточенную борьбу, которую вызвало *съ самаго начала* намѣреніе его продолжать реформу или скорѣй проектъ реформы архивнаго дѣла, онъ, при условіяхъ, совершенно не выгодныхъ для здоровья, съѣздилъ за границу, изучилъ архивное дѣло въ Германіи, Бельгіи, Франціи и Италіи, собралъ и издалъ документы по этому вопросу и предложилъ проектъ Русскаго Архивнаго Законодательства, многими оспариваемаго—это правда (какъ впрочемъ всякое новое дѣло въ нашей Славянской средѣ), нѣсколько разъ измѣненнаго самимъ авторомъ, но съ пользою и съ необходимостью введенія котораго все таки невозможно не согласиться, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ высказывались только одни благія пожеланія, которыя безъ проекта Дм. Як. такъ бы и продолжали витать въ области прекрасныхъ пожеланій и несбыточныхъ надеждъ.

г. Всѣхъ рефератовъ, въ число которыхъ входятъ и вышеупомянутые, представлено съѣзду 135. Дѣлятся они слѣдующимъ образомъ: по общимъ вопросамъ 5 рефератовъ, доложенныхъ на 2-хъ засѣданіяхъ; по отдѣленіямъ:

1-ое—Древности пoрвобытныя—9 засѣданій съ 26 рефератами.

2-ое—Древн. историко-геогр. и этнографическія—6 засѣд. съ 25 рефeрат.

3-ье—Памятники искусствъ и художествъ — 3 засѣданія съ 8-ью рефер.

4-ое—Бытъ домашній, юридическій, обществен. и военный—4 засѣд. съ 10-ью реф.

5-ое—Древности церковныя—6 засѣданій съ 19 рефер.

6-ое—Памятники языка и письма—4 засѣданія съ 12-ью рефератами.

7-ое—Древности классическія—2 засѣданія съ 6-ью рефер.

8-ое—Древности южныхъ славянъ—2 засѣданія съ 5-ью рефер.

9-ое—Древности восточныя—1 засѣданіе съ 4 реферат.

11-ое.—Памятники археографическія—7 засѣданій съ 13 рефератами.

Отдѣленіе 10-е—Нумизматика и Сфрагистика было соединено Ученымъ Совѣтомъ съ отд. III—искусствъ и художествъ.

Нѣкоторые изъ предложенныхъ рефератовъ затрогиваютъ болѣе общіе вопросы, или знакомя насъ съ результатами изслѣдованій и теченіями иноземной культуры, какъ рефератъ *проф. Бузескула*—Объ успѣхахъ и главныхъ направленіяхъ въ области греческой исторіи, или резюмируя положенія, признаніе необходимости которыхъ желательно для русской науки, какъ сообщенія *Дм. Ив. Багалѣя*—О значеніи историческихъ матеріаловъ для археологіи, и *Штерна*—Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи Черноморской колонизаціи. Имѣются доклады, носящіе характеръ простого сообщенія о произведенныхъ работахъ, такъ напр.: сообщеніе *Д. И. Эварницкаго*—Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ, *проф. Лилеева*—

Раскопки кургановъ близъ Нѣжина, *Пуласкаго*—Арлеологическія развѣдки въ Подольской губ., *проф Кнауера*—Раскопки въ Аккерман. у. Бессараб. губ., *Черепнина*—О раскопкахъ Рязанскихъ кургановъ, *Четыркина*—О нѣкоторыхъ предметахъ старины, попавшихъ съ юга въ Калужскую губ., и О крестахъ Калужскихъ старообрядцевъ.

Многіе же другіе, носящіе наименованіе отчетовъ произведенныхъ раскопокъ, являются въ видѣ научныхъ изслѣдованій, представляющихъ попытку систематизаціи собраннаго матеріала и научныхъ изъ него выводовъ. Въ числѣ подобныхъ сообщеній назовемъ: *Раскопки кургановъ у мѣстечка Мирополья на Случѣ*, въ которомъ г. Гамченко пытается опредѣлить западныя границы древлянскаго типа погребеній; *Длинные курганы въ Смоленской губ.*—Вл. Ильича Сизова, изслѣдованіе, стоящее въ связи съ прежними работами почтеннаго референта по обслѣдованію могилъ славянскихъ племенъ въ Смоленской губ.; *О черепахъ изъ могилъ кочевниковъ*—Ал. Мих. Покровскаго; *О слѣдахъ расовыхъ примѣсей въ населеніи*—проф. Сикорскаго; *Необходимость выработки системы и номенклатуры для доисторической керамики*—Вас. Алекс. Городцева—почтенная попытка молодого ученаго разобраться въ матеріалѣ, надъ которымъ онъ работаетъ не первый годъ и на которую, должно надѣяться, отзовутся всѣ тѣ, кто работаетъ въ томъ-же направленіи; *Къ вопросу о крашенныхъ костякахъ* и *Къ исторіи Босфора*—Юл. Андр. Кулаковскаго, старающагося освѣтить строго научными данными страницы нашей глубокой древности.

Къ подобному же роду докладовъ принадлежатъ: доклады *Вл. Вас. Суслова*—„О возстановленіи наружныхъ первобытныхъ формъ новгор. Софійск. собора“ и „Періодъ упадка русскаго зодчества“, а также въ высшей степени серьезный и научный трудъ *Вяч. Ник. Щепкина*—„Рисунокъ въ Новгородской иконописной школѣ“.

Большое количество рефератовъ посвящено юго-западному краю, козачеству, Украинѣ, ея быту и исторіи; многіе изъ нихъ упомянуты въ первыхъ отдѣлахъ нашего отчета, но нельзя не вспомнить еще разъ съ удовольствіемъ объ из-

слѣдованіяхъ: *Демченка* — Притомные люди; *Голубовскаго*—Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Россіи способъ защиты таборомъ; *Щербины*—Украинскіе староства по люстраціямъ XVIII в., и—Послѣдніе слѣды козачества въ право-бережной Украйнѣ; *Николайчика*—Начало и ростъ Полтавской Вишневетчины по даннымъ Литовской Метрики; *проф. Дашкевича*—О происхожденіи южно-русскаго козачества, и—Къ вопросу о личности Ильи Муромца; *Вл. Бон. Антоновича*—О мѣстонахожденіи лѣтописныхъ гор. Пересопницы и Шумска; *Родаковой*—Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.; *Левицкаго*—Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII в., и др. Къ этому же циклу изученія мѣстныхъ древностей слѣдуетъ причислить рефераты: *Н. Е. Бранденбурга*—Объ аборигенахъ Кіевскаго края, *Черепнина*—О кіевскихъ денежныхъ гривнахъ, *Житинскаго*—Находка каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыри, *Армашевскаго* — Геологическое обозрѣніе стоянки каменнаго вѣка на Кирилловской улицѣ, и въ высшей степени интересное сообщеніе *Хвойка* и *Ал. Мих. Покровскаго* о единственныхъ пока въ своемъ родѣ находкахъ г. Хвойка въ Кіевской губ. и уѣздѣ стоянокъ каменнаго вѣка.

Поработали съ нами и гости наши; такъ, директ. Вѣнскаго музея *докторъ Хегеръ* представилъ свои соображенія *объ инородномъ вліяніи на формы доисторической культуры на Кавказѣ*—вопросъ въ высшей степени интересный для нашихъ кавказскихъ изслѣдователей; дирек. Сараевскаго музея *докторъ Хорманъ* и кустосъ того-же музея *Трухелко*—ознакомили насъ съ *средневѣковыми памятниками Босніи и Герцеговины*, съ *первобытными поселеніями этихъ странъ*, равно какъ и съ послѣдними раскопками, произведенными въ Римскомъ Castrum'ѣ, и иллюстрировали свои сообщенія великолѣпными таблицами, которымъ можно позавидовать; *предст. Краковской академіи наукъ Копера* ознакомилъ насъ съ богатѣйшимъ матеріаломъ, собраннымъ имъ для исторіи Польскаго искусства въ сокровищницахъ Петербурга и Москвы; *Златарскій* указалъ „*Гдѣ надо*

искать первую болгарскую столицу"; а *докторъ Нидерле* изложилъ свою теорію о *времени распространенія славянъ на югъ черезъ Карпаты.*

Наши русскіе ученые не захотѣли отстать отъ своихъ славянскихъ собратій и представили по части славяновѣдѣнія слѣдующія изслѣдованія: *А .А. Соболевскій*—Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія; *Вяч. Ник. Щепкинъ*—Діалектическое дѣленіе языковъ старо-славянскаго и болгарскаго; *Мих. Наз. Сперанскій*—Славяно-русскій переводъ Пчелы; *Тим. Дм. Флоринскій*—О моравскихъ Влахахъ, и *А. Н. Ясинскій*—Средневѣковой аграрный строй въ Чехіи.

Работы Русскаго археологическаго Института въ Константинополѣ, этого дѣтища нашихъ Археологическихъ съѣздовъ, съ которыми институтъ продолжаетъ столь желательное научное общеніе, представлены тремя рефератами, изъ которыхъ первый—ученаго секретаря института *Фармаковскаго*—представляетъ подробный и въ высшей степени интересный отчетъ о *послѣднихъ научныхъ предпріятіяхъ института*, второй—*Павл. Ник. Милюкова* переноситъ наше воображеніе ко временамъ Гальштадской эпохи, возстановляя съ присущимъ ему талантомъ и логикой культуру эпохи по находкамъ въ могильникѣ Патели въ Македоніи, и наконецъ третій, также *Фармаковскаго*—обстоятельное изслѣдованіе Византійской рукописи съ миніатюрами XII в., вновь пріобрѣтенной Археол. институтомъ.

Два реферата—*арх. В. Н. Николаева*—О сохраненіи стѣны внутренней Великой церкви Кіево-Печерской лавры—и *А. И. Маркевича*—О сохраненіи древнихъ памятниковъ—переносятъ насъ къ вопросу, давно наболѣвшему и самому постыдному въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства. Насколько первый изъ этихъ рефератовъ указываетъ намъ на то положеніе, въ которомъ находится нынѣ вопросъ о возстановленіи древнихъ храмовъ, положеніе, позволяющее узаконивать и оправдывать подобные факты, какъ уродованіе Великой Лаврской церкви и Софіи Новгородской,—настолько второй рефератъ—многоуважаемаго Алек. Ив.—старается найти выходъ изъ того лабиринта невѣжества, который насъ окружаетъ.

Остались недоложенными 9 рефератовъ: *Вл. Ник. Поливанова*—Археологическая карта Симбирской губ.; *Ушакова*—Раскопки въ Псковской губ.; *Лебедева* (преподавателя Вологодской дух. Семинаріи)—Иконописные труды преп. Діонисія Глушицкаго; *А. А. Матвѣева*—Топографія Берестечской битвы, и нѣсколько другихъ.

Кромѣ того, остались недоложенными всѣ рефераты галицкихъ ученыхъ, которые, *по извѣстнымъ съѣзду причинамъ*, были лишены возможности принимать участіе въ работахъ съѣзда. Рефераты эти, числомъ 23, весьма разнообразнаго содержанія; такъ напр.: трактуется о *находкахъ въ с. Чехахъ*, гдѣ вскрыто до 400 могилъ, одного типа съ находками по Среднему Дунаю, и представляющихъ интересный и послѣдовательный переходъ отъ каменнаго до начала желѣзнаго вѣка; представляется сборникъ письменныхъ свѣдѣній *объ Антахъ*, какъ доказательство древнѣйшей славянской колонизаціи южно-русскаго края; разбираются *свѣдѣнія о Хорватахъ* у Константина Порфиророднаго; опредѣляется мѣстоположеніе галицкаго *лѣтописнаго Звенигорода*, и указывается на послѣдовательность слоевъ, свидѣтельствующихъ, что мѣстность эта была заселена со времени каменнаго вѣка и до великокняжеской эпохи; то же сродство съ великокняжеской эпохой имѣется и въ *Молотовскомъ* кладѣ; представляется разработка археологическихъ вопросовъ, одинаково интересныхъ нашимъ сосѣдямъ, какъ и намъ лично; представляются соображенія о времени составленія Слова о полку Игоревѣ; поднимаются, наконецъ, бытовые и историческіе вопросы, какъ напр.: *Русское духовенство въ Галиціи*, *Галицкое боярство XII—XIII в.*, *Первыя времена козачества*, *Украинскіе козаки 1625—1630 г.*, *Наказъ вел. кн. Казимира Ягайловича князю кіевскому Олельку Владиміровичу*, и много другихъ, характеризующихъ общую для всѣхъ насъ эпоху.

д. Пожеланія высказаны докладами: *проф. Шмурло*—объ учрежденіи русской Археографической коммиссіи при Ватиканскомъ архивѣ; *докт. Кадлеца*—объ изданіи Россіей извѣстій

о славянахъ у византійскихъ писателей; *проф. Штерна*—объ отпускѣ денежныхъ средствъ на раскопки въ Ольвіи, необходимыя по случаю совершеннаго разграбленія, которому подвергается нынѣ эта колонія со стороны крестьянъ и кладоискателей; *В. М. Виттыга*—объ организаціи археол. общества въ Варшавѣ; *Дм. Ив. Багалѣя*—объ учрежденіи центральнаго историческаго Архива въ Харьковѣ; *проф. Лаврова* и *Сперанскаго*—объ изданіи Вуканова Евангелія; *моимъ*—о введеніи кафедры по археологіи въ нашихъ университетахъ; *Дм. Як. Самоквасова*—объ организаціи архивнаго дѣла въ Россіи; *А. И. Маркевича*—объ упорядоченіи вопроса о сохраненіи древнихъ памятниковъ; *XI отд. Съѣзда*—объ организаціи экспертизы подложныхъ документовъ; о распоряженіи касательно уничтоженія архивныхъ документовъ; объ усиленіи денежныхъ средствъ архивныхъ коммиссій; объ устраненіи существующаго нынѣ порядка высылки въ отдаленныя архивныя коммиссіи списковъ старыхъ дѣлъ для опредѣленія ихъ важности и неважности; о представленіи и на будущихъ археол. съѣздахъ сводного доклада о дѣятельности архивныхъ коммиссій за время истекшее между тѣмъ и другимъ съѣздами.

Были высказаны и другія пожеланія, напр. многоуважаемымъ *Дм. Ив. Багалѣемъ*—О составленіи библіографическаго указателя всѣмъ историческимъ даннымъ, относящимся до археологіи, которыя имѣются въ архивахъ Ученыхъ обществъ, Оружейной Палаты, Межевомъ Архивѣ, Публичной Библіотеки, Румянцевскаго Музея и пр. и пр.; или *Дм. Ив. Цвѣтаевымъ*—О составленіи и изданіи сборника отрывковъ изъ существующихъ архивныхъ описей и правилъ ихъ веденія. Но такъ какъ работы эти предполагается, *вѣроятно на основаніи* поговорки: „*большому кораблю, большое и плаваніе*“, взвалить на Моск. Археол. Общество—то я думаю, что прежде чѣмъ о нихъ говорить, слѣдуетъ узнать мнѣніе того-же Общества.

Имѣется также и предложеніе *проф. Филевича* касательно ученой экспедиціи для изученія Покарпатья, но у насъ такъ много дѣла дома, что мечтанія о подобной экспедиціи прій-

дется, вѣроятно, отложить до того времени, когда профессора Варшавскаго университета сочтутъ возможнымъ и полезнымъ серьезно и безъ политиканства заняться подготовленіемъ Археол. съѣзда въ Варшавѣ.

Заканчивая обзоръ рефератовъ, доложенныхъ или представленныхъ съѣзду, не могу не посѣтовать на то, что нѣкоторые изъ нихъ не были достойны вниманія съѣзда—*но дѣло сдѣлано*, и потому о нихъ рѣчь впереди, на засѣданіяхъ будущаго Предварительнаго Комитета. Впрочемъ, имѣемъ и здѣсь утѣшеніе: если г-да предсѣдатели отдѣленій не всегда критически относились къ допускаемымъ ими къ докладу рефератамъ, то въ отмщеніе за это еще никогда иа съѣздахъ не раздавались такъ часто замѣчанія о необходимости методологіи въ примѣненіи къ историческимъ изслѣдованіямъ, къ фольклору, къ изученію иконописныхъ школъ и пр. и пр.

е. Выставки, собранныя на время съѣзда, не говоря о частныхъ коллекціяхъ, любезно предоставленныхъ владѣльцами нашему изученію, состоятъ, какъ извѣстно господамъ членамъ, изъ *отдѣленія археологическаго*, размѣщеннаго какъ въ университетѣ, такъ и въ ново-устроенномъ музеѣ, *отдѣленія картографическаго*, расположеннаго въ библіотечныхъ залахъ университета, *отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ*, помѣщеннаго въ архивѣ, и *отдѣла иконографическаго*, занимающаго XIII аудиторію университета. Отдѣлъ иконографіи послужилъ иллюстраціей къ докладамъ Мих. Павл. Истомина; отдѣлъ картографій—составилъ 17-го числа предметъ доклада Вен. Ал. Кордта; по остальнымъ же отдѣламъ доклады представлены вамъ нынѣ Вл. Бон. Антоновичемъ и Ив. Мих. Камонинымъ, что и позволяетъ мнѣ не распространяться больше о выставкахъ.

ж. Что-же касается до изданій, пріуроченныхъ и посвященныхъ съѣзду, то большее число изъ нихъ, помимо серьезнаго научнаго достоинства, являются въ такомъ роскошномъ видѣ, что не заставляютъ желать ничего лучшаго, даже со стороны бумаги и типографскаго дѣла, что, какъ намъ всѣмъ из-

вѣстно, не всегда досягаемо въ Россіи. Такъ, *Карта Европейской Сарматіи по Птоломею*, изданная и поясненная Юл. Андр. Кулаковскимъ, подтверждая отдаленную древность Приднѣпровья и его столицы, составляетъ настоящій *привѣтъ Кіевскому* съѣзду; *Первый выпускъ палеографическаго Изборника*, изданный кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ трудами неутомимаго труженика и глубокаго знатока русской палеографіи, Ив. Мих. Каманина, будетъ по всему вѣроятію съ благодарностью принятъ въ руководство нашими архивистами. *Первый выпускъ матеріаловъ по исторіи русской картографіи*, изданный также кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ трудами неутомимаго составителя картографической выставки при съѣздѣ, Веніам. Алексанрд. Кордта, составитъ неоцѣненный вкладъ въ столь юную у насъ еще географическую науку; *Каталогъ собранія Вас. Вас. Тарновскаго*, которому къ несчастію не пришлось представить его съѣзду, и наконецъ два выпуска *Каталога собранія Богдана Ив. и Варв. Николовны Ханенко*—каменный вѣкъ и эпоха, предшествовавшая великому переселенію народовъ, съ великолѣпными таблицами и пояснительнымъ текстомъ—драгоцѣнный вкладъ въ исторію Приднѣпровья и достойное изданіе просвѣщенныхъ людей, которымъ члены Кіевскаго съѣзда не мало обязаны, какъ сердечнымъ отношеніемъ ихъ къ съѣзду, доставленіемъ научнаго удовольствія при осмотрѣ собранныхъ ими коллекцій, такъ и трудами по постройкѣ и устройству городского музея со всѣми его драгоцѣнными коллекціями.

Но, не забудемъ и болѣе скромныхъ трудовъ, преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли привѣта съѣзду и поясненія намъ историческихъ и археологическихъ данныхъ занимавшаго насъ на съѣздѣ края. Къ этимъ трудамъ принадлежатъ: *Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты*, изданные въ разное время, но собранные въ одинъ томъ и розданные членамъ съѣзда много потрудившимся надъ изученіемъ церковныхъ древностей, проф. Лашкаревымъ; *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Староконстантиновскаго у., Волынской*

епархіи—инспект. нар. училищъ Калишской губ. Н. Ив. Теодоровича, трудъ, которому онъ посвятилъ свою жизнь и который составляетъ 4-й томъ описанія всей Волынской епархіи; *Воспоминанія о третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ*, помѣщенныя проф. Антоновичемъ и г. Науменко въ журналѣ „Кіевская Старина" за августъ мѣсяцъ, иллюстрированныя группою дѣятелей перваго Кіевскаго съѣзда, и *Археологическая лѣтопись южной Россіи*, выходящая подъ редакціей Ник. Ѳед. Бѣляшевскаго, въ видѣ приложенія къ той-же „Кіев. Старинѣ".

Вторая или *внѣшняя* сторона съѣзда—извѣстна болѣе или менѣе всѣмъ намъ, и потому не буду о ней распространяться.

Членовъ съѣзда со всѣми пріѣзжими состояло въ Кіевѣ 500 человѣкъ. Между ними, съ сердечною глубокою тоскою, насчитываемъ только немногое число представителей *перваго* Кіевскаго съѣзда: многоуважаемаго В. Б. Антоновича—секретаря съѣзда въ 1874 г.—нынѣ предсѣдателя Предварит. Кіев. Комитета, устроителя съѣзда и выставокъ и предсѣд. Ученаго Комитета; Влад. Степ. Иконникова, Ник. Пав. Дашкевича, П. А. Лашкарева, Влад. Влад. Вельяминова-Зернова, Ник. Ив. Петрова, Дм. И. Иловайскаго, Ник. Еф. Бранденбурга, П. И. Житецкаго, А. И. Маркевича, Ѳ. Г. Мищенко, и Дм. Як. Самоквасова; къ числу этихъ немногихъ позволю себѣ причислить себя лично и Вл. Ив. Ламанскаго, не присутствовавшаго случайно на Кіевскомъ съѣздѣ 1874 г., но дѣятельнаго работника всѣхъ первыхъ съѣздовъ.

Но если стариковъ мало, за то прибыло *молодежи*, и приростъ значительный, такъ какъ, не считая двухъ новыхъ именъ въ должности предсѣдателей отдѣленій (Юл. Андр. Кулаковскаго и проф. Н. В. Голубовскаго), мы находимъ рядъ новыхъ лицъ въ числѣ секретарей съѣзда и отдѣленій (Бороздина, Богоявленскаго, Вязигина, Глокке, Довнаръ-Запольскаго, Златарскаго, Левицкаго, Ляскоронскаго, Николаева, Парландъ, Халкина, Фармаковскаго, Фотинскаго и Ясинскаго, изъ которыхъ многіе имѣютъ ученую степень. Выражаю надежду, что эти новыя

силы, новые работники останутся вѣрны археологіи, какъ остались ей вѣрны секретари прежнихъ съѣздовъ.

На съѣздъ пріѣхали и иностранцы въ числѣ 24 человѣкъ. Пріѣхало бы и больше, если бы неожиданно поднятый вопросъ объ опасности, представляемой галицкимъ языкомъ, не помѣшалъ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ-славянамъ принять участіе въ нашихъ работахъ.

Засѣданія съѣзда и его выставки нашли себѣ помѣщеніе въ залахъ университета св. Владиміра.

Во время съѣзда, трудами Богд. Ив. Ханенко, Викентія Вячесл. Хвойко и ихъ сотрудниками былъ открытъ новый музей, который представилъ высокій интересъ всѣмъ занимающимся разработкой археологическихъ вопросовъ.

Осмотру членовъ съѣзда были предоставлены кромѣ того музей, принадлежащій Кіевской Духовной Академіи, и частные музеи: Богдана Ив. и Варвары Николовны Ханенко, Іосифа Адам. Хойновскаго и ризницы мѣстныхъ храмовъ и монастырей.

Были устроены обходы и осмотры города, при обязательномъ руководствѣ Вл. Бон. Антоновича и Ник. Ив. Петрова; была совершена поѣздка въ Лавру и Выдубицкій монастырь, подъ руководствомъ Вл. Зен. Завитневича и при любезномъ содѣйствіи г-на Марголина, архимандрита Лавры Антонія и архимандрита Выдубицкаго монастыря Евлогія; городскимъ управленіемъ былъ устроенъ завтракъ и поѣздка въ Китаевскую пустынь, при чемъ г-ами Хвойко, Бѣляшевскимъ и Городцевымъ были предложены осмотры нѣскольких курганов, вскрытыхъ ими близъ Китаева. Была устроена Богд. Ив. Ханенко для 40 членовъ съѣзда экскурсія по Днѣпру до Гребени, откуда на лошадяхъ пріѣхали для осмотра кургановъ и селищъ, вскрытыхъ для съѣзда Вик. Вячеслав. Хвойко, съ цѣлью болѣе нагляднаго ознакомленія съ его интересными раскопками. Поѣздка эта удалась вполнѣ и оставила во всѣхъ наилучшія восноминанія, благодаря чудной погодѣ и особому радушію какъ хозяина экспедиціи, такъ и мѣстнаго помѣщика Байковскаго, любезно принявшаго экскурсантовъ въ своей усадьбѣ и доставившаго, совмѣстно съ г. Розенбергомъ

и сосѣдними помѣщиками, экипажи и лошедей для перевозки членовъ съѣзда отъ Днѣпра до раскопокъ и обратно.

Для большаго удобства членовъ съѣзда, Кіевскій Предварительный Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими гостинницами города, предоставившими членамъ уступку въ 25%

Кромѣ того, г-мъ попечителемъ учебнаго округа, нашимъ многоуважаемымъ сочленомъ Вл. Вл. Вельяминовымъ-Зерновымъ, сдѣлано распоряженіе о предоставленіи дароваго помѣщенія 25-ти членамъ въ Коллегіи Галагана и 10—въ 1-ой мужской гимназіи, за что приносимъ г-ну попечителю съ директорами заведеній нашу сердечную признательность.

Совѣтъ съѣзда, состоявшійся сегодня утромъ, обсудивъ всѣ ходатайства и заявленія, представленныя съѣзду, принялъ слѣдующія рѣшенія.

1. Съѣздъ, въ виду хищеній, которымъ подвергается за послѣднее время Ольвія, ходатайствуетъ предъ правительствомъ о выдачѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ для производства въ Ольвіи правильныхъ и систематическихъ раскопокъ и проситъ гр. Уварову войти въ соглашеніе по этому поводу съ мѣстною землевладѣлицею гр. Мусиной-Пушкиной.

2. Съѣздъ, принимая въ принципѣ проектъ Дм. Як. Самоквасова объ организаціи архивнаго дѣла въ Россіи, повергаетъ къ Державнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора всеподданнѣйшее ходатайство объ осуществленіи организаціи архивнаго дѣла въ ближайшемъ будущемъ и о дозволеніи, чтобы проектъ этой огранизаціи былъ разработанъ при содѣйствіи лицъ, которымъ дѣло устройства архивовъ знакомо и дорого.

3. Въ виду того, что реорганизація архивовъ потребуетъ не мало времени, съѣздъ ходатайствуетъ, чтобы, не ожидая разрѣшенія общаго объ архивахъ вопроса, было немедленно приступлено къ преобразованію Харьковскаго Историч. Архива въ Центральный Историческій Архивъ.

4. Съѣздъ ходатайствуетъ объ изданіи немедленно циркулярнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учрежденій.

5. Съѣздъ ходатайствуетъ предъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ архивнымъ коммиссіямъ пособія въ размѣрѣ до 1500 р. въ годъ.

6. Въ виду желательности и необходимости болѣе научной разработки древностей Привислянскаго края, съѣздъ проситъ Имп. Моск. археол. общество возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Варшавѣ отдѣленія этого общества.

7. Съѣздъ ходатайствуетъ объ учрежденіи въ университетахъ кафедры доисторической археологіи и о расширеніи преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра.

8. Съѣздъ постановилъ довести до свѣдѣнія Импер. академіи наукъ, что на съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о желательности а) изданія серій классическихъ и византійскихъ писателей (съ русскимъ переводомъ), имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи и б) изданій въ оригиналѣ и переводахъ отрывковъ арабскихъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи.

9. По поводу предложенія проф. Шмурло объ учрежденіи Русской археологической коммиссіи при Ватиканскомъ архивѣ, проситъ Импер. Моск. археол. Общество снестись съ русскимъ посломъ при итальян. дворѣ, Алекс. Иван. Нелидовымъ.

10. По поводу предложенія проф. Ал. Ив. Маркевича о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ старины, проситъ Имп. Моск. археол. общество принять на себя трудъ осуществленія про-

ектируемыхъ имъ мѣръ и доложить о сдѣланномъ Предвар. Комит. будущ. XII съѣзда.

11. Будущій съѣздъ созвать въ Харьковѣ въ 1902 г. и просить Имп. Моск. арх. общество обратиться къ г-ну министру народнаго просвѣщенія съ просьбою о разрѣшеніи созыва предварительнаго комитета въ Москвѣ въ 1900 г. съ 4 по 8 января.

12. Просить Импер. Моск. арх. общество принять на себя изданіе трудовъ настоящаго XI съѣзда.

Заканчивая отчетъ о трудахъ и занятіяхъ XI съѣзда, позволяю себѣ высказать пожеланія, чтобы городъ и общество озаботились о дальнѣйшемъ развитіи ново-открытаго музея и закрѣпленіи за нимъ симпатіи и поддержки мѣстныхъ властей и всѣхъ просвѣщенныхъ людей края, съ цѣлью выработки устава музея, признанія за нимъ права гражданства и закрѣпленія за нимъ собраній древностей, добытыхъ Вик. Вячес. Хвойко въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.

Выражаю также пожеланія, чтобы Коммиссія по изданію Древнихъ Актовъ продолжала свои роскошныя и въ высшей степени полезныя изданія, начатыя для съѣзда; я подразумѣваю Палеографическій Сборникъ и Матеріалы по исторіи картографіи въ Россіи.

Желаю также отъ души, чтобы Моск. Археол. Обществу, которому поручается изданіе трудовъ нынѣ заканчиваемаго съѣзда, была дана возможность изданія отдѣльнымъ томомъ тѣхъ древностей и памятниковъ Украйны, церквей, замковъ, частныхъ домовъ, надгробныхъ памятниковъ, портретовъ, иконъ, церковныхъ вкладовъ (какъ напр.—царскихъ вратъ съ гербомъ Мазепы), архивныхъ матеріаловъ, касающихся Малороссіи и пр.— то есть того археологическаго и историческаго матеріала, о которомъ такъ много говорилось на съѣздѣ и который, какъ мы видѣли изъ докладовъ и заявленій, такъ успѣшно и дѣятельно уничтожается, частью по невѣжеству и небрежности, частью по

неспособности насъ всѣхъ къ послѣдовательному, устойчивому труду, частью по нежеланію нести тотъ трудъ и отвѣтственность, которые возлагаются на насъ *разъ* принятыми обязательствами.

Но для успѣшнаго исполненія этой задачи Моск. Археол. Обществу нужна помощь, и *помощь дружная*, всѣхъ мѣстныхъ людей, знающихъ и любящихъ свой край, свою исторію, и потому заканчиваю тѣмъ же окликомъ древняго богатыря, которымъ открывали съѣздъ: „Кто въ полѣ живъ, человѣкъ, отзовися!".

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ Шевченковской коллекціи. (*Письмо въ редакцію*). Милостивый государь, г. редакторъ! Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины», въ замѣткѣ — «Часы Т. Г. Шевченка» Вы, между прочимъ, обращаетесь ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя какіе либо предметы, связанные съ именемъ Т. Г. Шевченка, съ просьбой—или дать о нихъ извѣстіе путемъ печатнаго слова, или сдѣлать ихъ общественной собственностью. Совершенно соглашаясь съ Вашимъ предложеніемъ, я сообщаю, что̀ у меня имѣется изъ вещей, принадлежавшихъ Т. Гр., или имѣющихъ къ нему отношеніе.

Двадцать три года тому назадъ мною пріобрѣтена въ Петербургѣ, на такъ называемыхъ «Вербахъ», книга, несомнѣнно, принадлежавшая Тарасу Григорьевичу Шевченку, это — «Народні Оповіданния Марка Вовчка», изданія Куліша 1858 г. Книга переплетена вмѣстѣ съ переводомъ ея на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ и съ его предисловіемъ къ переводу. Переплетъ книги хорошій, съ выбитыми на корешкѣ словами «Марко Вовчокъ» и внизу буквами Т. Ш. Передній форзицъ вырѣзанъ ножницами; вѣроятно тамъ была какая либо надпись самого Шевченка, иначе кому и для чего потребовалось вырѣзывать этотъ форзицъ? На первой страницѣ, вверху, написано № 15; на пятой, передъ предисловіемъ, довольно бойкимъ тонкимъ почеркомъ написано—«Пану Шевченкові отъ автора». Познакомившись впослѣдствіи съ покойными нынѣ Д. С. Каменецкимъ и Г. Н. Честаховскимъ, я показывалъ имъ купленную книгу Шевченка, и оба они, близко знавшіе его домашнюю обстановку, сейчасъ

же признали, что книга дѣйствительно изъ собранія Шевченка, ко-корый, по словамъ Честаховскаго, «кохався въ кныжкахъ» и тщательно ихъ переплеталъ. Кромѣ книги, принадлежавшей Шевченку, есть у меня небольшая собственноручная его записка къ Г. С. Каменецкому, который и подарилъ мнѣ ее, какъ почитателю памяти поэта. Записокъ и пѣсенъ Шевченка было у него много, были и кое-какія вещи, между которыми, особенно помнится мнѣ большой, старинной формы, диванъ, на которомъ всегда и спалъ поэтъ. Диванъ этотъ, съ котораго я снялъ акварельный рисунокъ, послѣ смерти Д. С. Каменецкаго, былъ купленъ, на память о Шевченкѣ, однимъ моимъ товарищемъ Н. Я. Б—ымъ, но удержался у него не болѣе года. При исключительныхъ обстоятельствахъ, даже не владѣльцемъ, онъ былъ проданъ неизвѣстно кому. Изъ вещей, не принадлежавшихъ лично поэту, но имѣющихъ къ нему прямое отношеніе, и которымъ мѣсто въ музеѣ его имени, есть у меня еще любопытный и единственный въ этомъ видѣ фотографическій портретъ Шевченка, снявшагося вмѣстѣ съ Г. Н. Честаховскимъ, отъ котораго я и получилъ эту группу; другая группа, гдѣ Шевченко снялся въ числѣ пяти своихъ знакомыхъ, между которыми находится и Честаховскій, была у меня нѣкоторое время, а потомъ была отправлена въ Лейпцигъ, къ Брокгаузу для изготовленія на стали портрета Тараса Григорьевича; но Брокгаузъ, съ прекрасной фотографіи, награвировалъ Богъ знаетъ что, и въ такомъ видѣ теперь этотъ портретъ прилагается ко всѣмъ кобзарямъ. Оригиналъ группы находится, кажется, въ шевченковской коллекціи В. В. Тарновскаго, а фотографическую копію я тогда снялъ для себя и для двухъ-трехъ знакомыхъ. Все имѣющееся у меня я современемъ вышлю вамъ и, разумѣется, на такихъ же условіяхъ, на какихъ передала вамъ часы Шевченка А. И. Кистяковская. Кромѣ вышеизложеннаго, считаю необходимымъ сообщить, что здѣсь въ Петербургѣ, у художника Н. Т. Малышева, сына знаменитаго въ свое время натурщика Тараса, хранится большой, старательно законченный классный этюдъ работы Шевченка, писаный имъ съ Тараса и подаренный, какъ это часто бываетъ, ему же. Видѣлъ я еще, да вѣроятно и многіе изъ Петербургскихъ земляковъ, у покойнаго А. Г. Тишинскаго солдатскую, съ казеннымъ клеймомъ, сорочку Шевченка, но куда попала она послѣ смерти Тишинскаго, мнѣ не удалось узнать.

Въ заключеніе сообщу Вамъ новость, имѣющую прямое отношеніе къ памяти Шевченка. Мой старый товарищъ по Академіи Художествъ, нынѣ профессоръ скульптуры, В. А. Беклемишевъ окончилъ, наконецъ, начатую имъ еще два года назадъ фигуру, вѣрнѣе полъ-фигуры, въ натуральную величину, изображающую Т. Г. Шевченка. Незабутній Кобзарь стоитъ, слегка наклонивъ голову и устремивъ свой грустный взоръ куда-то вдаль. Въ одной рукѣ онъ держитъ книгу (Кобзарь), а другой придерживаетъ живописно накинутую на плечи кирею.—Это тема на слова поэта: «Думы мои, думы мои, лыхо менп зъ вамы»; по крайней мѣрѣ, В. А. хотѣлъ вначалѣ даже подписать внизу фигуры эти слова. Не даромъ трудился и дважды, впродолженіе двухъ лѣтъ, совершенно передѣлывалъ свою работу талантливый профессоръ. Теперь есть у насъ истинно-художественное и прекрасное изображеніе всѣмъ намъ дорогого батька-Тараса. Профессоръ В. А. Беклемишевъ уполномочилъ меня сообщить землякамъ, что свою работу онъ началъ и окончилъ съ цѣлью передать ее или въ будущій Шевченковскій музей, или въ хату на могилѣ Шевченка, или, наконецъ, въ Товаришество его имени; короче—сдѣлать его общественнымъ достояніемъ. Разумѣется, нельзя не пожелать, чтобы прекрасный трудъ В. А. былъ отлитъ изъ бронзы и такимъ образомъ сохранился бы навсегда. Когда работа почти оканчивалась, о ней случайно узналъ одинъ изъ видныхъ харьковскихъ дѣятелей, г. А—скій, и, увидѣвъ ее, просилъ В. А. Беклемишева повторить для себя фигуру поэта изъ мрамора. На дняхъ фигура перевозится въ Италію, гдѣ спеціальными мастерами будетъ подготовлена для окончательной отдѣлки ея профессоромъ Беклемишевымъ. На будущей же Академической выставкѣ она предстанетъ уже во всей своей красѣ и сверкающей бѣлизнѣ мрамора на судъ публики. Кромѣ этой работы, есть еще у В. А. Беклемишева небольшая фигура Шевченка съ кобзой въ рукахъ—это эскизъ предполагавшейся большой фигуры, но со смертью заказчика, В. В. Тарновскаго, исполненіе фигуры въ предполагавшемся размѣрѣ, вѣроятно, не состоится.

Вы, конечно, уже видѣли превосходно выполненные небольшіе бюстики Т. Г. Шевченка, работы молодого и талантливаго художника Балавенскаго; въ настоящее время онъ оканчиваетъ второй подобный бюстъ, но нѣсколько большихъ размѣровъ; въ этомъ последнемъ размѣрѣ онъ приступаетъ къ большому художественному труду—изготовленію цѣлой коллекціи бюстовъ украинскихъ писате-

лей, начиная со Сковороды. Искренно привѣтствуя симпатичную задачу художника, пожелаемъ ему полнаго успѣха въ его почтенномъ трудѣ и поможемъ ему указаніями и присылкой рѣдкихъ портретовъ, масокъ, снятыхъ съ умершихъ писателей, фотографій и гравюръ, въ которыхъ теперь г. Балавенскій такъ серьезно нуждается.

Другой землякъ нашъ, не менѣе талантливый скульпторъ, Андріолети, оканчивающій въ этомъ году Академію, началъ небольшой, но интересный по задачѣ, барельефъ Шевченка. Зная изящную технику г. Андріолети, можно напередъ быть увѣреннымъ, что его барельефъ будетъ образцово выполненъ.

О. Ю. Сластіонъ.

Легенды о проф. Боткинѣ. Прилагаемыя при этомъ двѣ легенды о проф. Боткинѣ, принадлежащія къ типу бродячихъ произведеній, записаны мною въ 1890 году въ с. Шебекинѣ, Курск. губ., Бѣлогород. уѣзда верстахъ въ пяти отъ имѣнія Боткиныхъ—Новая Таволжанка. Запись сдѣлана отъ крестьянки Соточихи—довольно древней старухи, многія сообщенія которой были помѣщены мною своевременно на страницахъ «Этнографическаго обозрѣнія.»

I.

Боткынъ старыхъ на молодыхъ перевертавъ. Якъ зробывъ девушку зъ цвитивъ—девушка ходе по хоромахъ; жинка у серце прыняла—дума, що «така» ходе, схватыла за плаття, а вона такъ и розсыпалась.

Якъ зачавъ... благый ставъ, тай каже своему помошныкови: «возьми мене порубай на мілкы часты, у простыню билу склады, выкопай яму»; сказавъ чымъ полыть; очеретомъ заславъ; «покрый гречаною соломою, а зверху гноемъ завалы; буду я лежать дванадцять день и никому не кажы, де я.»

День, два, тры проходе—«Де твій дохторъ?» «Пойихавъ!...»—одмагается.—Може ты его стребывъ, не прызнаешся?... Винъ уже и не спыть, и сказать боится: «пидождить, братія, якъ выйде дванадцять день, а трынадцятый наступе, я вамъ скажу».

Стоить надъ тіею ямою, чуе: «братъ мій розлюбезный, роскрый мои уста; я вже, слава Богу...» Винъ солому пиднявъ, очеретъ.... а

винъ (Боткинъ) уже молодый, неначе и не винъ—то порубаный, а то цилый...

Це я чула въ Таволжанци, якъ ще панщыну робыла.

II.

Далѣе Соточиха привела еще разсказъ ея односельчанина относительно того, какъ Боткинъ помолодилъ его старуху-мать.

— Що мени, паноченьку, робыты съ своею матирью—чы мени вже іи добыты?

«О, хохолъ, на що іи добывать—вона ще тоби робыть буде.»

— О куды, паноченьку, ій робыть; ій гробъ зробыть тай закопать.

«Ни, постой не закопуй—я іи стару перероблю на молоду.»

— О, де іи, паночку, переробыть, що у неи уже кисткы трищать, якъ вона стане вставать. «Поганяй же ты, каже, на дви недили до дому, а матирь брось мени, а я іи выличу—вона буде тоби робыть.»

— Якъ бы то ты, паночку, вылычывъ—це у мене одна кобыла, ябъ тоби и цю отдавъ.

«Та не йидь до мене дви недили—дня два тры спусты, тоди прыйизды.»

. . . . .—На що я бросывъ?... якъ бы вона дома умерла, то я бъ іи заховавъ добре, а то винъ іи захова хто-его-зна и якъ, ни обиду не буде справлять...

Пройшло дви недили—дай, думае, навидаюсь. Прыйихавъ. А винъ—дохторъ—на матиръ дывытся, а вона порается, дижу мисе.

— Сынъ иде на довидкы, заховайся—я скажу, що ты вмерла, и я тебе заховавъ.

Вона ту руку обмыла и скрылася.

Я увійшовъ у хату, поздоровався: «якъ моя маты?»

— Вже недиля якъ я іи поховавъ.

«Чомъ же вы мени, паночку, не далы звисткы, якъ вы іи тутъ ховалы?» та давай плакаты.

А винъ одчынывъ двери у комнату:

— А йды сюды—каже до старои.

Вона выйшла—поздоровалась: «здрастуйте!»

«Здрастуйте!»—тай дывытся (сынъ).

А винъ (дохторъ) дывытся у кныгу, тай каже: — «Взнавай, Ильно, чы твоя матирь, чы ни?»

Це, паночку, не моя маты; моя маты стара була, це вы обманюете мене.

Вона якъ заплаче: «худо тоби безъ матери, а мени ще хуже було, якъ ты мене прывизъ та бросывъ на дви недили.»

— «Беры жъ, Ильно, матирь та везы до дому.»

— Я жъ вамъ, паночку, поступався виддаты кобылу, абы матиръ вылечылы.

— Не треба мени твоеи кобылы, беры матирь та йидь!»

Вы думаете, що я брешу; ей-Богу я свою матирь возывъ переробляти на молоду.

А теперъ таки дохтора... що...

М. К. Васильевъ.

Майноскіе козаки и ихъ земля. Въ газетѣ «Буковина» (№№ 14 и 15) М. Ганькомъ сообщены очень интересныя свѣдѣнія о небольшой группѣ козаковъ, называемыхъ *майноскими*. *Майносъ*—село, стоящее надъ озеромъ того-же названія, неподалеку отъ Пандермы (городъ на южномъ берегу Мраморнаго моря). Исторія этихъ козаковъ слѣдующая. Въ 1708 г., приверженный Булавину атаманъ Игнатъ Некрасовъ, избѣгая казни за свою измѣну, съ 500—600 Донскихъ семействъ раскольниковъ, бѣжалъ съ Дону и передался крымскому хану, получивъ отъ него землю на Кубани, между Таманью и Копылемъ. Но въ 1784 г. некрасовцы должны были уйти оттуда и поселились въ Болгаріи, въ Мачинскомъ и Бабадагскомъ округахъ, надъ озеромъ Разинъ, гдѣ имѣли 6 селеній. Рядомъ съ ними, отдѣленные только р. Дунавцемъ, поселились послѣ разоренія Сѣчи запорожцы, въ количествѣ 5000, подъ предводительствомъ атамана Ляха.—Питая къ сосѣдямъ вражду, запорожцы, какъ сильнѣйшіе (некрасовцевъ было всего лишь 1400 душъ об. пола), вытѣснили некрасовцевъ и вооруженною рукою завладѣли ихъ жилищами и тамъ укрѣпились. [1]) Тогда-то некрасовцы выбрались на побережье Мраморнаго моря; часть ихъ поселилась на р. Марицѣ, поблизу ея устья, надъ оз. Сыральджа, а часть переправилась въ Азію и посе-

---

[1]) Скальковскій, Истор. Новой Сѣчи, ч. III, 235—236.

лилась надъ озеромъ Manios. [1]) Некрасовцы, оставшіеся въ Европейской Турціи, въ 1827 году принимали участіе въ русско-турецкой войнѣ, и по окончаніи послѣдней—тоже перебрались въ Азію, къ землякамъ, что надъ оз. Майносъ. Любопытно то, что судьба чуть было снова не свела некрасовцевъ съ запорожцами. Послѣ измѣны Гладкаго, 2000 запорожцевъ, оставшихся въ Турціи, были заключены въ темницу и когда ихъ выпустили на волю, то предлагали, между прочимъ, поселиться въ М. Азіи, рядомъ съ некрасовцами. [2]) Въ настоящее время этихъ майноскихъ козаковъ не много; всего лишь 157 дворовъ, но всѣ они сохранили свой козацкій типъ и своенародный костюмъ, а также въ значительной степени удерживаютъ въ языкѣ особенности малорусской рѣчи: лексика по большей части малорусская, хотя есть слова и русскія, а фонетика довольно своеобразная; такъ, напр.: *ѣ* выговариваютъ какъ *і*, *о* безъ ударенія—какъ *а*, а *ı* какъ *g*. Вотъ образчикъ ихъ пѣсни:

Якъ по степу по шырокому,
А по морю по глыбокому
Залегала тамъ дороженька простисинька,
Та нихто тою дороженькою
Та не хажувалъ, та не йизджувалъ.
Якъ прохожалъ, якъ пройизджалъ да Игнатъ козакъ—
Онъ не самъ пройизджалъ, козаковъ привожалъ.
Та не мало, не багато, опричъ старого, опричъ малого
У Игната козаковъ сорокъ тысячивъ на коня то систь...

Или вотъ другая:

Ты зойды, зойды, ясне сонечко,
Надъ горой, зойды, надъ высокою,
Надъ дибровою, надъ зеленою,
Обогрій ты насъ, людей бидненькыхъ,
Добрыхъ молодцивъ, людей бигленькыхъ.
Оны ставылы церкву—знамюшку,
Церкву знамюшку—семиглавую,
На восьмой глави хрестъ посрибленый,
На хрести сыдыть чорна галочка,

---

[1]) Kozaczyzna w Turcyi, X. K. O. (Paris, 1857), стр. 82.

[2]) Тамъ-же, стр. 22.

Чорна галочка, мала пташечка.
Высоко сыдыть, далеко глядыть,
А глядыть вона, та все дывытся
Да на сынее море и т. д.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ разговорѣ лексика больше малорусская, чѣмъ въ пѣсняхъ. Хата (а не изба), нема (нѣтъ), кутокъ, шматъ, и т. п. Живутъ козаки очень хорошо; хаты просторныя, большей частью двухъ-половинныя, крытыя черепицею, стѣны пообвѣшаны «кылымамы» и позаставлены въ огромномъ количествѣ иконами—и это не только въ хатахъ, но и въ сѣняхъ: понятно, что въ этомъ благодатномъ краѣ, въ сѣняхъ приходится чаще сидѣть, чѣмъ въ хатѣ. Козаки въ праздничный день облачаются въ одежду, къ которой на груди нацѣплены въ два ряда 16 огромныхъ турецкихъ «срибнякивъ», а дивчата еще вплетаютъ въ косы по-нѣскольку турецкихъ «золотыхъ», или англійскихъ лиръ (около 8 руб.). Козаки носятъ «гешметы» (наши полтавскія «чумарки», только немного длиннѣе) изъ полосатой красной или желтой матеріи. Сверхъ того, иногда надѣваютъ «чекмени» (изящно сшитая «сирачына», обшитая позументомъ), а къ этому, на случай какого-нибудь парада, имѣютъ еще кожухи, крытые краснымъ сукномъ.

Ежегодно козаки выбираютъ «атамана и осаула». Конечно, съ тѣхъ поръ, какъ казаки перестали служить въ турецкомъ войскѣ, а платятъ выкупную отъ военщины подать (какъ и всѣ другіе христіане подъ турецкимъ владычествомъ), эти должностныя лица не имѣютъ того значенія, что прежде, но все же всѣ стародавніе «звычаи» сохранились и до сихъ поръ. Когда надо собрать «раду», то осаулъ ходитъ по селу съ «палыцею», обитой серебромъ, и протяжно выкрикиваетъ: «Гей, господа козакы, велыкее військо кубанськее, ходить у кругъ *вйстыя* слухать; кто не пійдеть,—на тимъ військовый прыговоръ 20 левивъ (около 1 р. 60 к.)». Когда же разбирается какое нибудь болѣе важное дѣло, штрафъ поднимается до лиры (около 8-ми рублей).

Какъ только соберутся козаки, то отаманъ и осаулъ сводятъ палки концами вмѣстѣ, и тогда осаулъ спрашиваетъ отамана: «Чы почынаты раду?»; «тотъ отвѣчаетъ: «пытайся козакивъ»... Получивъ отъ козаковъ разрѣшеніе, осаулъ и отаманъ разъединяютъ концы своихъ «палыць», и рада начинается. А когда происходитъ рада, то

если кто-нибудь начнетъ говорить,—остальные молчатъ,—а если кто-нибудь станетъ перебивать, то заплатить штрафъ. Кричатъ же «гуртомъ» только тогда, когда требуется постановленіе рѣшенія,—«якъ иде голосованне»...

Въ прежнее время власть рады была гораздо больше, чѣмъ теперь, такъ какъ турки теперь вмѣшиваются въ козацкія несогласія между собою, и много уже среди козаковъ есть такихъ, которые не довольствуются козацкимъ судомъ.

Надо сказать, что въ Майносѣ есть двѣ партіи: рыболовы и хлѣбопашцы. Во времена оны султанъ имъ подарилъ огромное пространство плодородной земли, которую они тотчасъ же раздѣлили на 200 частей, по числу козаковъ. Но болѣе лѣнивый элементъ, избѣгающій тяжелой работы, занимаясь однимъ рыболовствомъ, переуступилъ свои надѣлы землепашцамъ, которые, прикупивъ земли еще у сосѣднихъ турецкихъ крестьянъ, оказываются весьма зажиточными хозяевами.

Полевое хозяйство у майносцевъ представляетъ очень много интересныхъ особенностей. Пашутъ одни (скорѣе ралютъ) плугами—сабанами, которые кладутъ разрыхленную почву по обѣ стороны, при чемъ начинаютъ пахать еще въ постъ. Такой паръ лежитъ нетронутый все лѣто, осенью засѣвается и перепахивается уже послѣ посѣва тѣмъ же самымъ сабаномъ, но не заволакивается. Весь хлѣбъ здѣсь, кромѣ одной кукурузы, озимый: озимый овесъ, ячмень, конскій бобъ и кунжутъ (турецкое просо, сорго), а болѣе всего сѣется пшеница. Когда путешественникъ спросилъ о ржи, то получилъ отвѣтъ: «хиба й то ще хлибъ?» Что касается домашнихъ животныхъ, то майносцы имѣютъ лошадей, воловъ, коровъ; много свиней. Вообще существованіе ихъ здѣсь является вполнѣ обезпеченнымъ.

Канадскіе русины. Когда русины впервые явились въ Канаду, они произвели весьма дурное впечатлѣніе на англичанъ. Они явились въ своихъ «полотнянкахъ, кожухахъ, чоботахъ, высокихъ шапкахъ, сердакахъ, опанчахъ, постолахъ, опинкахъ, кацавейкахъ, хусткахъ, дымкахъ, душкахъ, запаскахъ, перемиткахъ, коралахъ, застяжкахъ». Когда всю эту красоту увидѣли чужіе люди,—они испугались, и стали писать въ газетахъ, что—«Ру-

сины—это народъ дикій». Но не только малорусскихъ уборовъ испугались чужіе люди, испугались они также запуганныхъ физіономій, медленной походки, громкихъ разговоровъ на улицѣ, торга въ магазинахъ, и чужіе люди стали между собой совѣщаться, что русиновъ нельзя вмѣстѣ селить, а лучше всего размѣстить по широкимъ степямъ. Это мнѣніе англичанъ подтвердилъ въ мартѣ прошлаго 1898 года канадскій парламентъ, говоря что русиновъ надо разбросать по всей Канадѣ. Правда, канадское правительство придерживалось этой политики по отношенію къ русинамъ и въ прежніе года, но постановленіе парламента утвердило эту политику и на будущее время.

Въ силу этого въ этомъ году пріѣзжихъ Русиновъ будутъ размѣщать въ провинціяхъ Саскачеванъ и Асинобои. А въ прежніе года, т. е. 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898, правительство селило русиновъ въ Манитобѣ, Альбертѣ, а отчасти и въ Асинобои и Саскачеванѣ. Въ данное время имѣются слѣдующія колоніи:

а) въ Манитобѣ: 1) Stuartburn, 2) Dauphin, 3) Pleasant Home, 4) Broken, Head, 5) st. Norbert, 6) Gonor

б) въ Асинобои: Iorkton,

в) въ Саскачеванѣ: Saskatoon,

г) въ Альбертѣ: 1) Edna, 2) Rabbit Hills.

Болѣе всего нашихъ единоплеменниковъ находится въ Манитобѣ. Здѣсь наиболѣе многочисленныхъ двѣ колоніи: Stuartburn и Daupnin, въ которыхъ можно считать до 800 семействъ. Въ Pleasant Home—180, въ Brokenhead - 30, въ St. Norbert—30,—въ Gonor тоже—30.

Въ Iorkton'ѣ, въ Асинобои, насчитываютъ до 300 семействъ, Saskatoon въ Саскачеванѣ также имѣетъ достаточно людей, Edna въ Альбертѣ—400, Rabbit Hills—60 семействъ. Всего до 2000 семействъ около 10000 душъ.

Всѣ эти колоніи находятся на значительномъ одна отъ другой разстояніи,—наименѣе 2 дня быстрой ѣзды. При томъ въ самыхъ колоніяхъ способы передвиженія бываютъ самые неожиданные. Иногда приходится ѣхать и волами, черезъ прерію, по которой едва начинаетъ прокладываться дорога, или по кочкамъ («корчамъ»), буграмъ и т. д. Помимо правительства, наши земляки разсѣеваются еще въ силу и другихъ условій; необъятный просторъ притягиваетъ нашего человѣка, который стремится занять какъ можно лучшую землю.

Хотя родственное чувство или знакомство и удерживаютъ часто нашихъ эмигрантовъ по сосѣдству, однако погоня за хорошей землей пересиливаетъ первыя.

Вотъ среди такихъ обстоятельствъ должна соотвѣтственно имъ слагаться также жизнь.

Первое, что утеривается—это тѣ сложные обряды, которые такъ сильно вкоренились въ наше сельское население. Здѣсь немыслимы тѣ длинные свадебные обряды, тѣ крестьбины, тѣ обжинки, тѣ праздники, вообще вся та сѣть обрядовъ, что обвиваетъ всю жизнь нашего бѣднаго крестьянина.

Немалозначительной причиной упадка обрядовъ служитъ также и то обстоятельство, что нашъ человѣкъ въ Канадѣ не достанетъ такъ легко «горилки». Иногда онъ принужденъ бываетъ потерять нѣсколько дней, пока вернется съ нею изъ города. Также и то имѣетъ вліяніе на утрату давнихъ товарищескихъ обычаевъ, что наши земляки не имѣютъ давнихъ своихъ знакомыхъ поблизу, а живутъ недалеко какіе-то люди, которые хотя и говорятъ «по-русски», но все какъ-то иначе (всегда смѣшнѣе), которые хотя и не одѣваются по-пански, но все какъ-то иначе, чѣмъ люди его села,—думаетъ каждый.

Иногда случится, что нѣсколько человѣкъ изъ одного села, или изъ одного уѣзда, или съ одинаковой одеждой или языкомъ поселятся по-сосѣдству. Тогда только они чувствуютъ себя отраднѣе. Они не смотрятъ уже на себя, какъ «на чужынцивъ», но какъ на близкихъ другъ другу.

Иногда случается, что немного людей съ одинаковымъ чувствомъ, какое бываетъ обыкновенно у нашего селянина, съ чувствомъ русской вѣры, соберется вмѣстѣ, чтобы воздвигнуть святыню. Но тогда уже происходятъ споры, потому что не каждый одинаково понимаетъ русскую вѣру.

Другого рода связи между нашими людьми рѣдко случаются; напр., связей хозяйственныхъ и просвѣтительныхъ, какъ будто и не видно. Движеніе въ этихъ двухъ направленіяхъ едва лишь начинается. Движеніе это будетъ имѣть различныя препятствія со стороны своихъ же людей, но этому будетъ виною само воспитанье народное (Svoboda, № 47, 1898 г.).

«Vaterland», по словамъ «*Wiek*» (№ 296), помѣстилъ письмо Канадскаго архіепископа Adelard'a (въ st. Boniface), заключающее въ себѣ довольно интересныя подробности о галицкихъ эмигрантахъ.

«Въ моемъ округѣ (діэцезіи) есть около 600 семействъ; изъ нихъ 500 католическихъ (надо полагать, греко-католическ.). Говорятъ или по-польски, или по-русски (русински). Другія 600 семействъ находятся къ сѣверу отъ Канады въ діэцезіи Edmonton. Народъ этотъ убогій, но работящій и бережливый; несомнѣнно, многіе изъ нихъ пріобрѣтутъ значительное состояніе. Прежде всего они занялись тѣмъ, что на небольшія деньги пріобрѣли въ собственность огромныя пространства. Къ главѣ государства относятся съ великимъ почтеніемъ, любовью и уваженіемъ. Имѣю одного священника, который говоритъ по-польски, и другого, который учится этому языку, но этихъ не достаетъ для исполненія духовныхъ потребъ паствы.....» Затѣмъ архіепископъ разсказываетъ, что онъ уже строитъ «каплицу» и школу надъ озеромъ Dauphin, потому что тамъ опять «пресвитеріане» агитируютъ среди эмигрантовъ.

О школьномъ вопросѣ у канадійскихъ русиновъ интересныя свѣдѣнія даетъ нѣкто г. Правдолюбъ (Свобода, ч. 2). Русины колоніи Фокъ Риверъ (85 миль отъ Daupnin) рѣшили построить школу. Какъ только объ этомъ узнали французскіе патеры, сейчасъ же дали знать лат. архіепископу (Adelard'у, о которомъ мы выше упоминали) въ Виннипеѣ, а этотъ уже прислалъ миссіонера въ русинскую колонію. Переходя отъ хаты до хаты, онъ каждаго спрашивалъ: католикъ ли онъ? Разумѣется, каждый отвѣчалъ, что католикъ, разумѣя при этомъ:— греко-католическое исповѣданье. Но хитрый миссіонеръ заявилъ послѣ этого высшимъ духовнымъ властямъ, что русины католики *римскаго* обряда и испытываютъ нужду въ католической школѣ. Только черезъ нѣсколько дней поняли колонисты, съ какой цѣлью пріѣзжалъ ихъ опрашивать миссіонеръ. Собравшись 3 января на совѣтъ, рѣшили послать протестъ въ Министерство Просвѣщенія въ Отавѣ. Народъ сильно возмущенъ, и если въ скоромъ времени не пріѣдетъ уніатскій священникъ (русинъ), то намѣрены обратиться къ православному епископу съ просьбой прислать имъ священника. Такимъ образомъ, даже въ новомъ свѣтѣ несчастные русины не избавились отъ тѣхъ насилій надъ совѣстью, отъ которыхъ, между прочимъ, бѣжали изъ Галиціи.

Поправка. Въ ст. К. Михальчука «Что такое малорусская рѣчь?», помѣщенной въ августовской кн. «Кіев. Стар.» сего 1899 г., замѣчены слѣдующія *важнѣйшія* опечатки:

СТРАН.	СТРОКА. св.:	сн.:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
140	1	—	разговорныхъ	разнородныхъ
—	—	1	*рабый*, *пейте*	*рабы*, *пйете*
141	14	—	органическихъ	органически
—	—	6	интереснаго	интенсивнаго
—	—	2	своей	свои
142	—	13	особенностми	особенностями
—	—	12	теоріи	теоріи
—	—	11	языковагоі	языковаго
145	—	2	вытѣсняются	вытѣсняютъ
154	19	—	распадающихся	распадающимися.
157	2—3	—	функціей	фикціей.
160	—	11	«не общерусскимъ»	не «общерусскимъ»
162	—	10	нѣчто другое; но что именно?	нѣчто другое? Но что именно?
163	13	—	*чт*	*ıт*
164	8	—	меħа, преħа	међа, пређа.
—	19	—	ježdźe	ježdżę
—	24	—	ж	ж
165	—	17	ř	ŕ (rj)
170	17	—	рода	ряда
176	2—3	—	нарѣчія ко всей	нарѣчія отчасти ко всей
—	24	—	жалки	шатки
178	2	—	лужицкимъ	лужицкими
—	9—10	—	конечно, различіе	конечно, развитіе
179	9	—	Въ составѣ	Въ составъ
184	22	—	сюжеть	сюжеты
185	—	13	по всему	ко всему
—	—	10	гибелью	гибельно
187	14	—	гегомоніи	гегемоніи
189	14	—	преоставители	представители
—	21	—	впепедъ	впередъ
190	—	18	посколько	поскольку

191	9	—	не только	не столько
192	—	22	изъ такихъ	изъ нашихъ
—	—	18	польско-шляхетнаго	польско-шляхетскаго
—	—	17	отщепенцемъ	отщепенцевъ
—	—	8	привило	привело
194	7	—	творчествомъ другихъ	творчествомъ нѣкоторыхъ другихъ

Текущія извѣстія.

Украинско-рускій университетъ во Львовѣ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія императ. Іосифъ II ввелъ въ львовскомъ университетѣ чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ. Въ 1808 г. чтеніе на этомъ языкѣ было уничтожено и замѣнено языкомъ сначала латинскимъ, затѣмъ нѣмецкимъ, и наконецъ—польскимъ. Правда, львовскій университетъ теперь именуется утраквистическимъ, т. е. русско-польскимъ, въ которомъ должны существовать каѳедры съ чтеніемъ на «рускомъ» (галицкомъ) и польскомъ языкахъ—параллельно. Но, къ сожалѣнію, этотъ утраквизмъ существуетъ лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительности Русины имѣютъ лишь нѣсколько каѳедръ съ чтеніемъ на «рускомъ» языкѣ. Сколько Русины ни прилагали усилій къ увеличенью числа каѳедръ,—труды ихъ не увѣнчивались успѣхомъ: поляки не только были противъ основанія новыхъ «рускихъ» каѳедръ, но и существующія не замѣщали годами. Профессоровъ-русиновъ игнорировали, не выбирали ихъ никогда ректорами—развѣ такихъ, что именуются gente Rutheni, natione Poloni, и ставили всевозможныя препятствія къ докторской степени.

Въ виду такого ненормальнаго и противозаконнаго въ сущности порядка вещей, украинско-русская университетская молодежь рѣшила поднять свой голосъ, чтобы подвинуть нѣсколько вопросъ объ основаніи русско-украинскаго университета во Львовѣ; съ этой цѣлью состоялось во Львовѣ 1-го іюля сего года собраніе студентовъ Львовскаго университета и делегатовъ другихъ городовъ и корпорацій около 500 душъ, кромѣ слушателей богословскаго факультета, которымъ было запрещено являться въ собраніе.

Резолюція собранія выражена была въ слѣдующихъ 3-хъ desiderata:

1. Украинско-русскіе студенты всѣхъ австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, сообразно съ налогами, вносимыми «руськимъ» народомъ въ пользу австрійскаго правительства, и согласно тому, что конституція обезпечиваетъ свободное развитіе всѣхъ народностей, а также, что утраквизмъ въ пренебреженьи, а число украинско-русскихъ студентовъ велико, обращаются къ правительству съ петиціей объ основаніи украинско-русскаго университета во Львовѣ.

2. Въ силу потребности въ украинско-русскомъ университетѣ, который обезпечитъ развитіе культуры, постановили послать меморіалъ по этому поводу въ министерство вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія.

9. Обращаются съ призывомъ къ украинско-русскому обществу — поддерживать ихъ дѣло на каждомъ шагу.

Въ концѣ былъ прочитанъ и подписанъ меморіалъ и прочитано 120 привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ къ этому времени отъ свѣтскихъ русиновъ, духовенства, женскихъ клубовъ, крестьянъ, мѣщанъ и читаленъ.

Польская заграничная пресса, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслась къ справедливымъ требованіямъ русинскаго студенчества крайне недоброжелательно. «Dziennik polski» назвалъ эти требованія «śmieszną i dziką pretensyą», а «Czas» съ насмѣшками заявилъ, что въ скоромъ времени и студенты «жиды» станутъ добиваться отдѣльнаго университета и признанія особой «жидовской» національности.

Будемъ надѣяться, что австрійское правительство отнесется къ требованіямъ русинской молодежи съ достойной справедливостью. (Литерат.-Науков. Вістник, т. XII, кн. VIII).

Памяти Афанасія Марковича. 16 мая, въ Черниговѣ отправлена была панихида по Афанасіѣ Марковичѣ по причинѣ постановки на его могилѣ надгробнаго памятника. До сихъ поръ могила Марковича находилась въ запустѣньи, не было даже деревяннаго креста на ней. Въ этомъ году кое-кому изъ черниговцевъ пришла благая мысль поставить на могилѣ небольшой памятникъ съ надписью: «Опанас Маркович — український письменник, родився р. 1822, почивъ 1867». 16 мая этотъ памятникъ и былъ поставленъ.

Потребность въ популярныхъ малорусскихъ брошюрахъ. Извѣстный публицистъ и философъ Владиміръ Лесевичъ, въ письмѣ въ редакцію «Сына Отечества» (№ 153), обращаетъ вниманіе на то, какое огромное значеніе имѣетъ для крестьянина-малорусса популяризація на народномъ языкѣ земледѣльческихъ интенсивныхъ системъ, и для примѣра указываетъ на извѣстную брошюру Е. Чикаленка «Розмова про сельске хазяйство». Въ своемъ письмѣ г. Лесевичъ высказываетъ между прочимъ ту мысль, что только тогда народное благосостояніе достигнетъ болѣе высокой степени, когда на пути развитія и культурнаго движенія его перестанутъ стоять всевозможныя помѣхи, когда бытъ народа, какъ и дѣятельность талантовъ, работающихъ для народа, обставлены будутъ соотвѣтственными и нормальными условіями.

Шевченковская улица въ Черниговѣ. 12 мая черниговская городская дума обсуждала вопросъ о чествованіи юбилея Пушкина. Вспомнили, что Пушкинъ былъ однажды въ Черниговѣ и, какъ говорятъ, останавливался въ гостинницѣ «Царьградъ», существующей и понынѣ. При случаѣ вспомнили, что въ той же гостинницѣ въ 1847 году, во время великаго поста, проживалъ и Т. Г. Шевченко. Гостинница стоитъ на лучшей въ городѣ улицѣ—«Шоссейной». На собраніи предложили: назвать улицею «Шевченка» ту часть Шоссейной улицы, которая идетъ мимо упомянутой гостинницы и далѣе, возлѣ бульваровъ, каѳедральнаго собора, въ направленіи къ р. Деснѣ; другую же половину, отъ поворота ея въ центрѣ города и губернской богадѣльни, назвать Пушкинской. Дума приняла предложеніе; остановка за утвержденіемъ...

Новонайденныя произведенія Шевченка. А. Я. Конисскому доставлены изъ библіотеки одного изъ живыхъ еще пріятелей Шевченка три большія тетради поэтическихъ произведеній послѣдняго, написанныхъ собственною его, Шевченка, рукою. Большая часть произведеній въ этихъ рукописяхъ—варіанты уже напечатанныхъ, но есть среди нихъ и нѣсколько никому неизвѣстныхъ доселѣ, какъ напр. поэма «Юродывый» и др. Кромѣ того, эта рукопись имѣетъ большое значеніе еще потому, что, кромѣ новыхъ произведеній, даетъ возможность установить съ точностью хронологичныя даты не-

извѣстныхъ или находящихся подъ сомнѣніемъ, даетъ много варіантовъ, гораздо лучшихъ, нежели извѣстные до сихъ поръ въ разныхъ изданіяхъ Кобзаря. (Літерат.-Науков. Вістн., № 8).

Будемъ надѣяться, что объ этой находкѣ мы получимъ въ скоромъ времени и болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Домъ Ивана Мазепы. Г. Мукаловъ въ кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» (№ 115) обращаетъ вниманіе на домъ гетмана Мазепы въ Кіевѣ. Домъ этотъ стоитъ на Печерскѣ, на углу улицъ Эспланадной и Никольской и своей давней архитектурой сильно выдѣляется между сосѣдними домами. Построенъ онъ въ два этажа: нижній—кирпичный, верхній—деревянный; фронтонъ украшенъ колоннами; подъ домомъ большой погребъ. Матеріалъ и архитектура наводятъ на мысль, что ему не меньше 200 лѣтъ. Давнихъ домовъ въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше,—поэтому желательно было бы, чтобы этотъ памятникъ старины былъ сохраненъ на далѣе.

Искъ по поводу Бакотскихъ пещеръ. Еще въ началѣ текущаго года владѣльцемъ части с. Бакоты былъ предъявленъ къ Подольской духовной консисторіи интересный искъ о признаніи за нимъ права собственности на состоящія нынѣ въ вѣдѣніи духовенства извѣстныя Бакотскія пещеры. [1]) Въ двухъ происходившихъ уже 30 мая и 26 августа судебныхъ засѣданіяхъ по этому дѣлу повѣренный истца доказывалъ захватъ косогора, гдѣ находятся пещеры, и требовалъ осмотра на мѣстѣ при участіи эксперта-землемѣра, а повѣренный отвѣтчика, исходя изъ того положенія, что Бакотскія пещеры представляютъ собою древнее монастырище съ православнымъ храмомъ и не могутъ составлять частной собственности, въ данномъ случаѣ, иновѣрца, тоже просилъ осмотра на мѣстѣ при участіи спеціалистовъ по исторической археологіи, причемъ указалъ на профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновича и свящ. Е. І. Сѣцинскаго. Судъ отложилъ объявленіе резолюціи на 2-е сентября. Можно думать, что это дѣло, выдѣляющееся изъ ряда шаблонныхъ исковъ, потребуетъ еще не одного засѣданія, да и не преминетъ пройти всѣ инстанціи. (Подол. Губ. Вѣд. № 184).

---

[1]) См. о нихъ въ Кіев. Стар. 1891 г. № 10.

Портреты дѣятелей временъ Коліевщины. Въ «Приднѣпровск. Краѣ» помѣщена статья г. Шульгина, въ которой онъ описываетъ свое путешествіе по мѣстамъ Малороссіи, связаннымъ съ кровавой драмой коліевщины. Между прочимъ посѣтилъ онъ Матренинскій монастырь и нашелъ тамъ нѣкоторые портреты дѣятелей той эпохи. Здѣсь — говоритъ г. Шульгинъ — среди спокойно-строгихъ ликовъ православныхъ іерарховъ позднѣйшаго времени (митрополитовъ Платона, Иннокентія и друг.), глядятъ на васъ со стѣнъ усатыя лица гайдамацкихъ и запорожскихъ «батьківъ», съ лихими чупринами, исполненныя какой то сосредоточенной страстности. Особенно приковываютъ ваше вниманіе два портрета масляными красками, на которыхъ изображены «лыцари» коліивщины (1768 г.) — Максимъ Желѣзнякъ и Иванъ Гонта.

Желѣзнякъ изображенъ въ темной одеждѣ послушника, съ которой плохо гармонируетъ лихо закрученная чуприна, серга въ правомъ ухѣ и рукоять козацкой сабли, на которой покоится лѣвая рука «лыцаря». Какъ извѣстно, онъ на время покинулъ веселое Запорожье и скрылся въ тиши Матренинскаго монастыря, пока не пробилъ часъ призвать народъ къ борьбѣ за вѣру и народность.

Гонта изображенъ на портетѣ въ обычномъ козацкомъ костюмѣ. съ характерными усами запорожца и чуприною... А вотъ еще благообразное лицо, подъ митрополичьимъ клобукомъ, не безъ суровости во взглядѣ черныхъ глазъ. То добрый страдалецъ за вѣру православную, матренинскій архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, освятившій возы съ ножами и бывшій вдохновителемъ народа на борьбу съ игомъ польскихъ и малорусскихъ пановъ.

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Авторъ бюста, предназначеннаго для памятника Котляревскому, скульпторъ Л. В. Позенъ, третьяго дня осматривалъ зданіе для просвѣтительныхъ цѣлей и попутно высказался передъ присутствовавшими при этомъ представителями городского управленія по поводу постановки памятника вблизи упомянутаго зданія. Г. Позенъ противъ постановки памятника въ этомъ мѣстѣ; онъ находитъ, что впереди просвѣтительнаго зданія умѣстнѣе было-бы поставить небольшой бюстъ Гоголя. Г. Позенъ, какъ мы слышали, предполагаетъ представить къ октябрьскому засѣданію думы свое заключеніе по поводу выбора мѣста для

постановки памятника и присутствовать лично при обсужденіи этого вопроса. (Полт. губ. Вѣд. № 173).

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. На могилѣ малорусскаго поэта И. П. Котляревскаго, на старомъ городскомъ кладбищѣ, вотъ уже два года установленъ мраморный надгробный памятникъ. До настоящаго времени памятникъ этотъ стоитъ безъ креста и ограды, которые, однако, уже почти цѣлый годъ какъ изготовлены въ мастерской ремесленнаго училища. Почему ограда и крестъ не переносятся на могилу, гдѣ имъ быть надлежитъ, а хранятся въ ремесленномъ училищѣ, неизвѣстно. Врядъ-ли только такое отношеніе къ памяти Котляревскаго вяжется съ тѣмъ воодушевленіемъ, которое мѣстное общество проявило въ дѣлѣ составленія фонда для открытія памятника первому малорусскому поэту. (Полт. Губ. Вѣд. № 180).

Съѣздъ славянскихъ филологовъ. Въ чешской Прагѣ предположенъ въ 1901 или 1902 году первый съѣздъ славянскихъ филологовъ. Между прочимъ предполагается обсудить на съѣздѣ вопросъ о составленіи общаго руководства для изученія славянской филологіи, о введеніи однороднаго алфавита для всѣхъ славянскихъ языковъ, о составленіи полнаго древне-славянскаго словаря и словарей всѣхъ славянскихъ языковъ и др. Съѣздъ будетъ раздѣленъ на 4 секціи: языкознаніе, литература, народовѣдѣніе и древности. Рефераты могутъ читаться на всѣхъ славянскихъ языкахъ, а также на французскомъ и нѣмецкомъ. Оффиціальнымъ языкомъ будетъ чешскій.

Вопросъ объ этомъ съѣздѣ обсуждался въ частномъ собраніи славистовъ, съѣхавшихся въ Кіевъ на XI археологическій съѣздъ.

Археологическая карта. На выставкѣ во время бывшаго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ находилась, между прочимъ, замѣчательная карта Волыни, составленная профессоромъ В. Б. Антоновичемъ. Карта эта стоила почтенному профессору слишкомъ $1^1/_2$ годичнаго усидчиваго кропотливаго труда. Въ этой картѣ довольно рельефно выступаютъ условія заселенія Волынскаго края въ доисторическія эпохи. Въ картѣ В. Б. Антоновича обозначены археологическіе памятники въ 1,105 мѣст.; городищъ помѣщено 363, кургановъ—15,125 и раскопокъ—714.

Церковно-археологическіе комитеты. По отдѣльнымъ епархіямъ проектированы къ учрежденію особые церковно-археологическіе комитеты. Этимъ комитетамъ предполагается поручить предварительное изученіе и разсмотрѣніе всѣхъ ходатайствъ и дѣлъ, возникающихъ въ епархіи по постройкамъ и реставраціямъ древнихъ храмовъ, иконописи, стѣнописи и проч. Заключенія комитетовъ по этимъ вопросамъ, съ тою или иною мотивировкою, основанною на непосредственномъ ихъ знакомствѣ со всѣми однородными памятниками епархіи, должны явиться матеріаломъ для правильнаго сужденія подлежащихъ административныхъ учрежденій, которыя въ настоящее время поставлены въ необходимость разрѣшать эти вопросы большею частью на основаніи заключеній случайныхъ представителей археологіи, иногда совсѣмъ незнакомыхъ съ мѣстными памятниками и мѣстными условіями и потребностями церковно-религіозной жизни. (Новороссійск. Телегр. № 7891).

П. А. Лашкаревъ. (*Некрологъ*). Въ ночь съ 27 на 28-е августа скоропостижно скончался на 66-мъ году жизни заслуженный профессоръ Кіевской духовной академіи *Петръ Александровичъ Лашкаревъ*, 40 лѣтъ поработавшій въ академіи въ качествѣ преподавателя по каѳедрѣ церковной археологіи и каноническаго права, по которому онъ также читалъ лекціи въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ и въ Университетѣ св. Владиміра. Извѣстный въ наукѣ своими печатными трудами по своей спеціальности, покойный не мало поработалъ и надъ вопросами, связанными съ церковной археологіей нашего юга, и въ особенности Кіева; укажемъ, наприм., его статьи въ «Трудахъ Кіевск. Духовн. Акад.» —О кіевскихъ древнихъ церквахъ Спаса на Берестовѣ (1867 г., № 7) и св. Симеона (1879 г., № 5). Принималъ покойный участіе и въ Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ», и въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», и въ «Трудахъ археологическихъ съѣздовъ» —Московскаго и Кіевскаго; даже въ только - что закончившемся XI археологическомъ съѣздѣ имъ былъ читанъ докладъ «Объясненіе церковныхъ древностей г. Чернигова».

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Верзиловъ. Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569. *Изданіе редакціи «Земскаго Сборника Черниговской губ.» Черниговъ 1898 81 стр.*

Работа г. Верзилова печаталась въ Земскомъ Сборникѣ Черниговской губ.—оттого она и остается даже среди ученой публики малоизвѣстной; между тѣмъ работа эта заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по новизнѣ темы, такъ и по собраннымъ въ ней очень кропотливо фактамъ. „Очерки южно-русской торговли, по словамъ самого автора ихъ, являются результатомъ занятій южно-русской исторіей у проф. В. Б. Антоновича въ бытность автора студентомъ кіевскаго университета. Въ то время, говоритъ г. Верзиловъ, работа была намѣчена нѣсколько шире; предполагалось составить очерки промышленности; былъ собранъ и матеріалъ въ такомъ объемѣ, но по окончаніи университета обстоятельства измѣнились, работа едва-ли будетъ продолжена, поэтому печатается первая часть ея въ томъ видѣ, въ какомъ она была закончена въ 1893 году". Можно искренно пожалѣть, что авторъ не надѣется окончить своей работы: съ его добросовѣстнымъ и кропотливымъ изученіемъ матеріала, умѣньемъ группировать и критически относиться къ нему, мы, безъ сомнѣнія, получили-бы отъ г. Верзилова цѣнный вкладъ въ науку. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ является работа нашего автора, она даетъ не мало цѣннаго въ области, которой до г. Верзилова едва касалась рука изслѣдователя, а если и касалась, то только случайно, мимоходомъ.

Г. Верзиловъ разсматриваетъ исторію южно-русской торговли въ 1480 по 1569-й годъ. «Нами, говоритъ онъ, избранъ періодъ конца XV и первой половины XVI в. потому, что этотъ періодъ въ экономической жизни страны представляетъ законченную эпоху. Въ концѣ XV вѣка, съ развитіемъ могущества крымскихъ татаръ, Менгли-Гирей разрушаетъ Черноморскіе порты, что ведетъ къ упадку торговыхъ сношеній съ побережьемъ Чернаго моря. Далѣе открытіе Америки и пути вокругъ м. Доброй Надежды въ Индію кореннымъ образомъ измѣнило направленіе европейской торговли. Указанныя причины отразились на данномъ районѣ (т. е. на Украинѣ): упадкомъ торговли съ Востокомъ и, въ зависимости отъ этого, усиленіемъ торговыхъ сношеній съ Западомъ, упадкомъ земледѣлія въ Поднѣпровьѣ, вслѣдствіе прекращенія сбыта въ Черноморскіе порты и безпрерывныхъ татарскихъ набѣговъ. Половина же XVI в., по мнѣнію изслѣдователей литовско-русской исторіи, представляетъ собою переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Съ этимъ временемъ, какъ извѣстно, совпадаетъ политическая унія Литвы съ Польшею, повлекшая за собою перемѣну въ сословно—экономическихъ отношеніяхъ. Между этими двумя историческими гранями—концомъ XV и половиной XVI в.в.—господствуетъ одна финансовая политика, выражавшаяся въ системѣ откуповъ, и преобладаетъ извѣстное направленіе правительства, стремившееся сблизить двѣ стороны къ принятію политической уніи. Надо также принять во вниманіе, что для данной территоріи только съ конца XV в. имѣются сколько-нибудь обстоятельные историческіе матеріалы, количество которыхъ возрастаетъ, по мѣрѣ приближенія къ 1569 г., такъ что отодвинуть изслѣдованіе въ XV в. было бы крайне затруднительно (стр. 2—3).

Изслѣдованіе г. Верзилова въ томъ видѣ, какъ оно напечатано, распадается на двѣ части: въ 1-ой—авторъ собралъ данныя о торговлѣ внѣшней, во 2-ой—о торговлѣ внутренней въ южной Руси. Торговля внѣшняя шла съ юго-востока, съ запада и сѣвера Европы. Съ юго-востока привозили соль, лошадей, разные пряности турки и татары; съ юго-запада—молдавы и валахи. Внѣшняя торговля въ этомъ направленіи шла тремя путями: 1) по Днѣпру на Кіевъ; 2) на Каменецъ и Львовъ и 3) на Волынь, главнымъ образомъ, на Кременецъ и Луцкъ. Съ запада въ южную Русь товары шли изъ Венгріи, Чехіи и Молдавіи, странъ Итальянскихъ, Франціи. Доставлялись они или моремъ чрезъ черноморскіе и молдаво-валашскіе порты, или на Краковъ и

Львовъ: самыя же обширныя торговыя сношенія шли чрезъ Люблинъ и польскіе города: Познань, Гнѣзно и Варшаву. Не менѣе обширны торговыя сношенія Украины были съ Гданскомъ (Данцигомъ), Торномъ и Королевцемъ (Кенигсбергомъ), по рѣчному пути Бугомъ и Вислой; а также и по сушѣ. Былъ на Украину привозъ и изъ московскаго государства. Московскихъ купцовъ мы встрѣчаемъ на Волыни, въ Крыму, въ Луцкѣ, Люблинѣ и Вильнѣ. Для иностранныхъ товаровъ въ нѣкоторыхъ польскихъ городахъ устраивались склады и гостинные дворы. Говоря о внутренней торговлѣ, г. Верзиловъ очень внимательно старается собрать данныя о ярмаркахъ и торгахъ, о предметахъ торговли на нихъ, о торговлѣ напитками. Право торговать послѣдними въ Польшѣ отличалось нѣкоторыми характерными и своеобразными чертами. Заканчиваетъ свой очеркъ г. Верзиловъ сообщеніемъ собранныхъ имъ свѣдѣній о вывозной торговлѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что г. Верзиловъ старается только установить предметы торговли, пути, которыми она шла и производилась, и вовсе не касается техники торговли, юридическаго положенія торговцевъ, размѣровъ торговли и торговыхъ оборотовъ и т. п. Но и въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какія поставилъ свою работу г. Верзиловъ, она заслуживаетъ, повторнемъ, полнаго вниманія какъ изслѣдователей, такъ и обыкновеннаго читателя. Написана она живымъ, яснымъ языкомъ; читается, поэтому, очень легко.

Н. В.

П. А. Кулишъ. Воспоминанія дѣтства (Повѣсти). Съ портретомъ автора и предисловіемъ В. И. Шенрока. *Бахмутъ 1899 г. I—II; 490 in. 16 Ц. 1 р. 25 к.*

П. А. Кулишъ, такъ много поработавшій для русской науки и литературы, а въ особенности стяжавшій себѣ славу въ области малорусской словесности, исторіи и языка,—конечно заслуживаетъ того, чтобы изданы были въ свѣтъ его сочиненія, въ многихъ случаяхъ или совсѣмъ еще не бывшія въ печати, или издававшіяся заграницей, или, наконецъ, сдѣлавшіяся теперь библіографической рѣдкостью. Въ виду этого, мы съ удовольствіемъ слышимъ вѣсти о томъ, что приготовляется въ настоящее время изданіе переводовъ Шекспира, сдѣланныхъ Кулишемъ уже давно, но обнародованныхъ только въ

одномъ томѣ, въ который вошло всего три піесы (см. въ этой-же книжкѣ «Кіевск. Стар.», стр. 367); еще съ большимъ удовольствіемъ услышали-бы извѣстіе о томъ, что его переводъ Библіи возможно будетъ увидѣть въ печати, равно какъ и цѣлый рядъ его рукописныхъ произведеній, о которыхъ см. выше, въ статьѣ «У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго» (стр. 367—370). Но нельзя сказать, чтобы мы испытали особенное удовольствіе, посмотрѣвши на вновь вышедшую книгу, названіе которой стоитъ въ заголовкѣ нашей рецензіи.

Дѣло въ томъ, что эти повѣсти первоначально напечатаны были въ 1853—58 годахъ; двѣ изъ нихъ (Яковъ Яковлевичъ; Ульяна Терентьевна)—въ Современникѣ 1853 года, а третья (Ѳеклуша)—въ Русской Бесѣдѣ 1858 г., подъ извѣстнымъ псевдонимомъ *«Николай М»*. Если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія художественной, то признаемся, что самый способъ разсказа въ нихъ далеко не удовлетворитъ современнаго читателя, такъ-какъ, вопреки увѣренію г. Шенрока, мы не видимъ въ нихъ «живого и правдиваго изображенія стариннаго быта, а именно—во всемъ замѣчаемъ то, что отрицаетъ въ этихъ повѣстяхъ г. Шенрокъ, т. е. преувеличенія и аффектацію, дѣлающія, напр., Якова Яковлевича и Ульяну Терентьевну,—въ особенности послѣднюю со всѣмъ персонажемъ, окружающимъ ее,—далеко не типичными личностями, а какими-то воплощеніями добродѣтели, съ большой примѣсью сантиментально-романтическихъ прикрасъ. Что-же касается автобіографическаго значенія этихъ піесъ, то, во 1-хъ, данныхъ для біографіи Кулиша здѣсь слишкомъ мало, а во 2-хъ, если и придется пользоваться ими будущему біографу, то для него не представится затрудненій разыскать ихъ въ вышеупомянутыхъ журналахъ, или въ отдѣльномъ изданіи 1853 года (СПБ.), или даже въ изданіи повѣстей Кулиша (СПБ. 1860 года 3-й томъ). Однимъ словомъ, мы думаемъ, что особенной надобности въ изданіи разсматриваемой нами книги не было, и что средства, затраченныя на него, гораздо съ большей пользой могли-бы пойти на другія изданія сочиненій П. А. Кулиша, болѣе достойныя его памяти.

Этнографическое обозрѣніе 1896 г.

№ 1.

1) *М. Дикаревъ. Толки народа въ 1895 г.* Въ этой замѣткѣ передаются разные народные разсказы, напр: объ исчезновеніи мышей по той при-

чинѣ, что «мышачій царь погнавъ ихъ за Уралъ», о происхожденіи антихриста изъ земскихъ начальниковъ. Сильные дожди въ Кубанской обл. объясняются николаевскимъ солдатомъ такъ: «цежъ воно проты войны». Про постановку въ Екатеринодарѣ оперы «Демонъ» народъ говоритъ, «що въ Катерынодари зпиймалы такого чорта, що на половыну чоловикъ, а на половыну чортъ». Его показываютъ въ театрѣ, «а винъ все бига, все бига, та идно въ долони плеще, та все спива, все спива». Отсюда и неизбѣжное заключеніе: «чырызъ тры годы страшный судъ буде».

2) *Довнаръ-Запольскій М. Письмо въ редакцію* по поводу рецензіи его книги «Бѣлорусское Полѣсье», помѣщенной г. Крымскимъ въ янв. кн. 1896 г. «Кіев. Ст.»

№ 2—3.

1) Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщена замѣтка А. Крымскаго на ст. В. Н. Ястребова—Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи. Одесса. 1894 г.

№ 4.

1) *М. Дикаревъ. О царскихъ загадкахъ.* Здѣсь сообщаются народные разсказы, въ которыхъ играютъ роль загадки. Сводятся онѣ къ тому слуху, что земли Кубанскихъ козаковъ нынѣ царствующій Государь отниметъ и отдастъ инородцамъ. Наиболѣе интересна 2-ая глава, въ которой идетъ повѣствованіе о солдатѣ, прослужившемъ 25 лѣтъ и не видѣвшемъ царя. Спустя нѣсколько времени, когда солдатъ встрѣтился съ царемъ, послѣдній предлагаетъ ему отгадать: «высоко-ли до неба, глубоко-ли въ землю и шибко-ли солнце ходитъ?» Солдатъ отгадываетъ, получаетъ отъ царя 1000 р. и приказъ никому загадокъ не разсказывать. Между тѣмъ царь созываетъ своихъ генераловъ и предлагаетъ имъ отгадать ту-же загадку съ наградою въ 200 т. р., «а якъ не отгада, такъ у темныцю на 3 годы». Конечно, генералы не отгадали, но 3 изъ нихъ догнали солдата и за 3 т. р. узнали разгадку. Царь не повѣрилъ генераламъ и приказалъ жандармамъ догнать и допросить солдата. Жандармы донесли царю, что солдатъ на допросѣ сказалъ: «встрѣчалъ 3 соколовъ и по перышку съ каждаго хвоста выдернулъ». Генералы были наказаны, а солдатъ сталъ «жыть-пожыватъ та добра нажывать». Въ остальныхъ главахъ, по поводу сказки П. С. Плуга-

тыря о женитьбѣ «Наслидныка», приводятся загадки объ испытаніи ума жениха или невѣсты.

Ястребовъ В. Н. Изъ народныхъ устъ. О превращеніяхъ. Одинъ разсказъ передаетъ, какъ дочь вѣдьмы хотѣла «причаруваты» паробка съ помощію своей матери и какъ эти чары разрушилъ дядько паробка «упыряка». Другой разсказъ идетъ о матери-вѣдьмѣ, которую сынъ подковалъ, потому что она становилась ему на дорогѣ въ видѣ собаки, свиньи, или лошади, когда онъ шелъ съ вечерницъ. Превращеніе «дивкою» паробка въ вовкулаку за то, что онъ пересталъ ее любить,—составляетъ содержаніе 3-го разсказа *о зміяхъ.* Если плакать по покойникѣ, то «прыклычешь» змія, который каждую ночь приходитъ къ плачущему, хотя и ведетъ себя спокойно до тѣхъ поръ, пока о томъ не узнаютъ «люды»; когда же о его посѣщеніяхъ заговорятъ, онъ «тоди начне кровъ пыть и мучыть». Избавиться отъ этихъ посѣщеній можно молитвою да еще «пипъ велявъ осычый клынъ пробыты и роскопать могылу» и «забыть ему колъ въ спыну», потому что мертвецъ въ «труни» лежить «ныць».

О кладахъ. Клады бываютъ «благополушни», т. е. такіе, что ихъ можно выкопать во всякое время; «закладени», т. е. положенные на опредѣленное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ ихъ тоже можно взять, и «закляти»—тѣ, которыхъ взять нельзя никогда и которые пугаютъ копающихъ. При откапываніи клада не годится поминать чорта, иначе кладъ уйдетъ. Однажды человѣкъ копалъ кладъ при помощи своего знакомаго; «докопалысь до плыты; а вона була дуже важка; а винъ каже: чортъ батька зна, яка важка; а воно й зашумило». Помѣщенъ разсказъ старика о закопанныхъ въ м. Глодоссахъ, Елисавет. у., кладахъ.

Въ разсказѣ—*Что видѣлъ человѣкъ когда «замиралъ»?*—Ефремъ Бабенко, замиравшій на 5 дней, былъ въ раю и видѣлъ все. „Оце, чоловиче, говорилъ ему старецъ-путеводитель, ото, що великій стилъ, то то великій обидъ бувъ, богачъ велыкый померъ; а це другый—то такъ соби чоловикъ померъ, що отказавъ трохы всимъ; а це вже третій, що кусочкы—то бидни старци одъ себе давалы другымъ». Повелъ онъ Ефрема въ роскошный садъ и отсюда приказалъ возвратиться на землю, чтобы разсказать людямъ, что онъ видѣлъ и „щобъ воны каялысь и людямъ все давалы, що мають". Изъ сада пошли на высокую гору, и здѣсь старецъ сказалъ: „дывысь, яка гора велыка! от-ти, котри ничого не дають, тамъ, у тимъ провальи погыбають".

1897 годъ.

№ 1.

1, *Мендельсонъ Н. М. Къ повѣрьямъ о св. Касьянѣ.* Въ с. Денисовкѣ, Лубен. у., записано Г. П. Потанинымъ слѣдующее повѣрье: Касьянъ сидѣлъ на стулѣ неподвижно, съ опущенными рѣсницами, которыя у него столь длинны, что достигаютъ до колѣнъ; изъ-за этихъ рѣсницъ онъ не видитъ Божьяго свѣта. Только 29 февраля, въ високосный годъ, поутру поднимаетъ рѣсницы и оглядываетъ міръ; на что онъ тогда глянетъ, то погибаетъ; поэтому не совѣтуютъ выходить въ этотъ день рано утромъ изъ хаты на огородъ.

2, *Ивановъ П. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губ.* Въ статьѣ этой изложены всѣ примѣты и повѣрья, относящіяся къ беременности женщинъ, рожденію ребенка, роли повивальной бабки, крещенію ребенка. Къ статьѣ приложены мѣстныя (Купянскаго и Старобѣльскаго уѣзда) колыбельныя и дѣтскія пѣсни, приговорки, а также прикладки къ именамъ и клички.

№ 2.

П. И. Кое что изъ народныхъ примѣтъ, касающихся погоды и урожая. (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія и быта крестьянъ Купянскаго уѣзда). Въ предисловіи къ матеріаламъ авторъ приводитъ то мнѣніе ученыхъ, что повѣрья, обычаи и обряды малороссовъ носятъ на себѣ слѣды вліянія древняго классическаго греко-римскаго міра на славянъ, перешедшаго въ Малороссію чрезъ Польшу вмѣстѣ съ календарями и распространившагося черезъ книжниковъ и въ народную массу. Въ календари эти грамотѣи включаютъ чтимые народомъ апокрифы (напр. Сонъ Богородицы), а вмѣстѣ съ ними и таблицу „несчастныхъ дней“, объ одной изъ которыхъ сказано такъ: «таблица эта составлена славнымъ европейскимъ астрологомъ Цибульскимъ, военнаго монастыря въ Каменной стѣнѣ найдена была 165 года.» Къ этой таблицѣ помѣщено 32 дня, въ которыхъ «кто родится, тотъ бываетъ небогатъ; а кто заболѣетъ, не такъ скоро выздоровѣетъ; или если перейдетъ со двора во дворъ, или съ службы на службу, или изъ деревни въ деревню,—вездѣ за нимъ послѣдуетъ несчастіе». Земледѣліе тѣсно связано съ явленіями природы, а потому эти явленія не только вызываютъ вниманіе хлѣбопашца и запечатлѣваются

въ его памяти, но и передаются поколѣніямъ. Въ приложеніи—народныя примѣты аграрнаго характера сгруппированы въ два отдѣла: 1) предсказаніе погоды и 2) предсказаніе урожая.

2) *Васильевъ М. К. Къ вопросу о новыхъ мотивахъ въ малорусской народной поэзіи.* (Изъ украинскихъ сахарозаводскихъ пѣсенъ) Авторъ высказываетъ мнѣніе, что народное малорусское творчество, послѣ героическаго періода жизни малорусскаго народа, не остановилось и не ослабѣло, а идетъ своимъ чередомъ: послѣ освобожденія крестьянъ, народныя пѣсни останавливаются на «волѣ», безземельи, бурлачествѣ, на экономической зависимости отъ пановъ, евреевъ, на работахъ на сахарныхъ заводахъ и пр.; всѣ эти факты сдѣлались предметомъ народныхъ поэтическихъ размышленій. Въ статьѣ приводятся сахаро-заводскія пѣсни, въ которыхъ разсказывается о дурныхъ условіяхъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

3) Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ разборъ: Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. V, гр. И. Толстаго и Н. Кондакова; здѣсь между прочимъ читаемъ: «теперь легко доказать, что самыя утонченныя производства существовали въ Кіевѣ, что ими занимались русскіе мастера, и при томъ въ широкихъ размѣрахъ, что мастера эти распространили свои производства въ Рязань, Суздаль, а слѣдовательно находка византійскаго стиля вовсе не представляетъ собою греческаго эпоса, но напротивъ—памятникъ мѣстной работы».

4) Въ извѣстіяхъ и замѣткахъ перепечатано «о Волынскомъ областномъ музеѣ въ Городкѣ, Ровен. у., въ имѣніи Бар. Штейнгеля и напечатанъ краткій некрологъ П. А. Кулиша.

№ 3.

1) *Маминка А. Н. Малорусское весильля.* (Свадебные обряды и пѣсни, записанные въ м. Мринѣ, Нѣжин. у. Черн. г.). Описаніе малорусской свадьбы сдѣлано по слѣдующимъ рубрикамъ: время свадьбы, сватанье, розглядыны, змовыны, здача молодецтва, приготовленіе коровая и вилець, здаваньне молодецтва и пришитіе квиткы, вѣнчаніе, клыканьне на весильля, собираніе поѣзда, отыскиваніе молодой, продажа молодой братомъ, раздача подарковъ и коровая, игра въ колоколъ, ужинъ, сдача молодецтва, прощаніе дружокъ съ молодою, отъѣздъ ея и встрѣча новобрачныхъ въ домѣ молодого. Въ приложеніи помѣщена молитва первобрачной невѣстѣ изъ рукописи первой половины нынѣшняго вѣка, находящейся въ Успенск. церкви м. Мрина.

2) Въ отдѣлѣ библіографіи: *А. Васильевъ.* Обычное право крестьянъ Харьк. губ. В. I, подъ редакціею В. В. Иванова. Выпускъ состоитъ изъ 2-хъ частей: въ 1, помѣщены сообщенія 29 волостныхъ судовъ, а во 2, вошли отдѣльныя записи по обычному праву, накопившіяся въ дѣлахъ уголовныхъ судовъ.

№ 4.

1) *Малинка А. Н.* Къ исторіи народнаго театра I. Живой вертепъ (записано въ Нѣжинѣ). Содержаніе I дѣйствія: Иродъ приказываетъ Спекулятору привести Рахиль, а Донскому козаку убить ея ребенка, п. ч. «младенецъ сей родился для погибели моей», но является смерть съ косою и убиваетъ Ирода. Дѣйствіе II: между горбатымъ старымъ мужикомъ въ лохмотьяхъ и Наполеономъ происходитъ комическая сцена, основанная на томъ, что мужикъ не пон-имаетъ вопросовъ Наполеона и даетъ отвѣты, которые его сердятъ. Въ III дѣйствіи Донской козакъ выпиваетъ «шабашкову горілку» жида и засыпаетъ; когда же жидъ хочетъ у спящаго вытащить деньги, Д. коз. бьетъ его. Въ IV дѣйствіи лыцарь убиваетъ дѣвушку за то, что она отказывается любить его; въ V-мъ же, и послѣднемъ, цыганка ходитъ съ тарелочкою и проситъ у зрителей вознагражденія, а цыганъ подгоняетъ ее плетью. Живой Вертепъ, записанный въ Нѣжинѣ по показанію николаевскаго солдата Александра Збронскаго, составленъ солдатомъ м. Носовки Котляревскимъ; онъ рѣзко отличается отъ другихъ вертеповъ.

2) *М. Дикаревъ. Народные толки 1897 г.* Разсказывается, что „у насъ у Моловатци (село Богучар. у.) есть жинка, що торгуе безъ свидѣтельства на половину дешевле лавочниковъ"; она мать антихриста и за свой дешевый товаръ начнетъ прикладывать всѣмъ своимъ покупателямъ печати; въ 99 году солнце „заховается, царь утиче у чужу землю, люды змишаются, и царь одынъ буде на весь свитъ. Являтся пророки, «но царь прикажетъ ихъ убивать; когда же кровь ихъ попадетъ на землю, „займытся уся земля, съ того буде страшный судъ".

Другое сообщеніе разсказываетъ, что въ селѣ Петривьи (Богуч. у., Воронеж. губ.) „чоловикъ солдатъ" заковалъ себя 11 лѣтъ назадъ желѣзомъ, въ которомъ и ходитъ; и у роти у него пьятакъ; винъ носе на те, щобъ не балакати». Нихто его не дозна, чы винъ святый, чи якый винъ есть".

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ газ. «Русланъ» (№ 165) напечатана статья «Историчный музей Василя Тарновського», въ которой авторъ (*О. Я. К—ій*), по поводу смерти В. В. Тарновскаго, передаетъ кратко исторію рода Тарновскихъ, начиная съ Григорія Степановича Тарновскаго, владѣвшаго въ Черниг. губ. селами Качановкой и Парафіевкой въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, продолжая затѣмъ его родственникомъ и наслѣдникомъ всѣхъ богатствъ, Василіемъ Васильевичемъ Тарновскимъ, и заканчивая сыномъ послѣдняго Вас. Васильевичемъ, недавно скончавшимся въ Кіевѣ. Въ этой-же статьѣ далѣе разсказывается о знаменитомъ музеѣ Тарновскаго, пожертвованномъ Черниговскому губернскому земству, и о томъ инцидентѣ, благодаря которому, по почину губернскаго гласнаго Ф. Лизогуба, вопросъ о музеѣ въ Черниговскомъ земствѣ нѣсколько затянулся, т. к. Черниговскій губернаторъ не утвердилъ постановленія земскаго собранія, ассигновавшаго 20 т. р. на постройку зданія для этого музея.

Въ газ. «Wien. Tageblatt» помѣщена передовая статья, присланная изъ Петербурга, о національныхъ вопросахъ въ Россіи, и между прочимъ о малорусскомъ вопросѣ. Авторъ статьи, представивъ коротенькій очеркъ исторіи Украины, съ большимъ сочувствіемъ относится къ Украинѣ въ ея прошломъ и съ грустью видитъ, что въ современномъ ея положеніи есть больныя мѣста (*Дѣло*, *№ 144*).

Въ Кіевѣ приготовляется изданіе полнаго собранія сочиненій *Ив. Левицкаго* (*Нечуя*). Первый томъ уже вышелъ изъ печати въ Петербургѣ, а сверхъ того будетъ выпущено еще два тома.

Переводъ произведеній Шевченка на сербскій языкъ. Въ № 7, мы упоминали уже о переводѣ Авг. Гарамбашичемъ произведеній

Шевченка на сербскій языкъ, въ сербскомъ журналѣ «Нада». Теперь въ № 10 того-же журнала встрѣчаемъ переводы еще слѣдующихъ стихотв.:

I. Тешко е на свјету живјетъ
Сироти безъ рода
(Тяжко, важко въ свити жыты
Сыроти безъ роду)

II. Мисао за мишљуројемъ излетава
(За думою дума роемъ вылитае)

III. Што је мени тешко, што ли тако тужно
(Чого мени тяжко, чого мени нудно)

Въ № 11-омъ:

IV. Пролазе дни, пролазе ночьи
(Мынають дни, мынають ночи)

V. Вјетар в гаї нагинае
Лозу і тополю
(Витеръ въ гаи нагынае
Лозу и тополю)

VI. Ја баш нечьу да се женим,
Вечь се од тог браним
(Не хочу я женытыся,
Не хочу я братысь

Въ № 12-омъ:

VII. За баракомъ барак,
А ту степа и могила
(За байракомъ байракъ,
А тамъ степъ, та могила)

VIII. «Не пуштај матери»! казали
А ти си пустила, утекла
(«Не кыдай матери»! казалы,
А ты покынула, втекла).

IX. И сад снивям;
Испид горе,
Меджь врбама поврх воде
Колиба ся біели...

(И доси снытся: пидъ горою
Мижъ вербамы та надъ водою
Биленька хаточка).

Всѣ переводы, какъ видимъ, очень близки къ оригиналу.
(Літерат.-Науков. Вістник, т. VII, кн. VIII).

—

Только-что упомянутый сербскій писатель *Гарамбашичъ* началъ печатать на хорватскомъ языкѣ въ «Matica Hrvatska u Zagrebu» переводъ разсказовъ Марка-Вовчка. (Ibid).

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

1) Матеріалы для климатологіи юго-запада Россіи *А. Клоссовскаго.* Одесса, 1899 г. Текстъ: I—XL; 1—336; I—CIV стр. Карты—числомъ 9.

2) *Herbarz Polski* Tom I, zeszyt 5 и 6.

3) *П. Тутковскій.* Къ вопросу о способѣ образованія лесса. (Оттискъ изъ «Землевѣдѣнія» 1899 г.). Моск. 1899 г., стр. 1—99

4) *И. В. Посадскій.* Среднія учебныя заведенія Кіевскаго учебнаго округа за десятилѣтіе 1889—1898 г. г. Кіевъ, 1899 г., стр. 1—19; 1—51 и 17 таблицъ.

5) *Я. Жарко.* Оповидання. Полтава, 1899 г., стр. 1—66.

Къ минувшему Археографич. Съѣзду Кіевская Археологическая Коммиссія выпустила два изданія:

1) *Палеографическій Изборникъ.* Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII ст. Въ немъ заключается вводная статья И. М. Каманина подъ заглавіемъ: «Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII ст.» и 81 фототипическихъ снимковъ изъ подлинныхъ южно-русскихъ рукописей тѣхъ же вѣковъ. Цѣна книги 5 рублей.

2) *Матеріалы по исторіи русской картографіи.* Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII ст. Здѣсь фототипически воспроизведены 32 карты съ 1474 по 1650 гг. Въ числѣ ихъ имѣются весьма рѣдкія карты Николая Кузана, Баттисты Агнезе, Вида, Мюнстера, Герберштейна, Гастальдо, Дженкинсона, Массы, Боплана и др. картографовъ. Въ предисловіи, составленномъ редакторомъ изданія В. А. Кордтомъ, даны обстоятельныя библіографическія поясненія къ снимкамъ. Цѣна книги 5 рублей...

Археологическая лѣтопись.

1-го числа прошлаго августа въ Кіевѣ открылся XI Археологическій съѣздъ, продолжавшійся по 20-ое августа. Въ виду того, что съѣздъ былъ устроенъ въ Кіевѣ, что областью, изслѣдованію которой главнымъ образомъ посвящались подготовительныя работы къ съѣзду, была Волынь,—древности нашего юга играли первенствующую роль на съѣздѣ: ихъ касалось большинство рефератовъ, исключительно ими были заполнены выставки, устроенныя при съѣздѣ. Предсѣдатель съѣзда граф. П. С. Уварова любезно предоставила въ распоряженіе редакціи Кіевской Старины помѣщенный выше докладъ, гдѣ дается общая характеристика съѣзда и подводятся итоги его. Желая болѣе подробно познакомить нашихъ читателей съ тѣми рефератами, которые спеціально касаются Южной Россіи, мы, за краткостью времени, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, откладываемъ это до слѣдующаго номера.

Н. Б.

Изслѣдованія и раскопки.

Н. Е. Бранденбургомъ, уже много лѣтъ производящимъ раскопки у насъ на югѣ, главнымъ образомъ въ Кіевской губ., въ послѣднее время были сдѣланы раскопки также въ Полтавской и Подольской губ.,—о нихъ мы сообщаемъ краткія свѣдѣнія.

Раскопки близъ с. Кулешовки, Золотоношскаго у. Полтавской губ. Изъ раскопанныхъ здѣсь кургановъ, очень интереснымъ оказался одинъ, давшій нѣсколько погребеній. Въ насыпи кургана встрѣчены три могилы, изъ которыхъ двѣ заключали погребенія съ скелетами въ скорченномъ положеніи и одна, нѣсколько болѣе поздняя, представляла могилу происхожденія скифо-сарматскаго. Въ послѣдней найдены слѣды двухъ совершенно истлѣвшихъ скелетовъ, лежавшихъ

въ вытянутомъ положеніи, почти рядомъ, головами на сѣверъ и при нихъ: глиняная амфора и два простыхъ горшка, короткій желѣзный мечъ, копье, остатки желѣзнаго чешуйчатаго панцыря, удила, нѣсколько наборныхъ бронзовыхъ бляшекъ и бронзовыхъ же наконечниковъ стрѣлъ. Въ материкѣ—четыре могилы, расположенныя рядомъ, въ которыхъ были погребены 9 скелетовъ: а) въ первой—4, въ вытянутомъ положеніи, головами на востокъ и на западъ, при которыхъ найденъ лишь обломокъ бронзоваго колечка; б) во второй—одинъ, и при немъ бронзовый и кремневый наконечники стрѣлъ и глиняный горшечекъ; в) въ третьей—два скелета въ такомъ же положеніи, головами на востокъ и на западъ, и при нихъ два горшечка, кремневый наконечникъ стрѣлы и обломки бронзы; г) въ четвертой—два скелета, оба головами на западъ; одинъ въ вытянутомъ положеніи, другой на спинѣ-же, но съ ногами, поджатыми и раскинутыми въ колѣняхъ въ разныя стороны; при первомъ находился глиняный горшокъ, а при послѣднемъ найденъ кремневый наконечникъ стрѣлы.

Раскопки близъ м. Каменки, Ольгопольскаго у. Подольской губ. Здѣсь, на берегу рѣки Днѣстра, встрѣчено любопытное курганное кладбище, въ которомъ обнаружены погребенія съ конями. Могилы находились въ материкѣ, подъ небольшими курганными насыпями, состоявшими изъ груды плитообразныхъ кусковъ мѣстнаго известняка, перемѣшанныхъ съ черноземомъ, причемъ нѣкоторые куски были въ 10 пуд. вѣсомъ. Въ каждой могилѣ заключался скелетъ въ вытянутомъ положеніи, выше котораго была бревенчатая настилка и сбоку лежалъ остовъ коня, иногда-же послѣдній былъ помѣщенъ выше, а могила съ человѣческимъ скелетомъ находилась рядомъ, но глубже. Ямы для конскихъ остововъ очень тѣсныя, такъ что черепъ коня оказывался по большей части внѣ ямы, какъ-бы лежащимъ на приступкѣ, а туловище на брюхѣ, съ подогнутыми ногами. Въ могилахъ были находимы конскія удила, стремена, желѣзные наконечники стрѣлъ, ножи, огнива, костяныя пластинки, небольшіе бронзовые сосуды, глиняныя пряслицы, остакки ткани и проч., а въ одной повидимому остатки колчана, покрытаго берестой.

Въ составѣ того-же кладбища оказалось нѣсколько кургановъ подобныхъ же, но безъ конскихъ остововъ; въ нихъ были находимы небольшія бронзовыя круглыя зеркала, оселки, желѣзныя шила, ножи, конскія удила, бронзовыя шпильки, немного бусъ и нѣсколько экземпляровъ желѣзныхъ ножницъ нынѣшней современной формы.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ могилахъ постоянно повторялись находки кости ноги животнаго средней величины (въ родѣ барана или теленка), очевидно имѣвшей ритуальное значеніе.

Черепа вообще всѣ короткоголовые, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сохранность ихъ допускала сдѣлать наблюденія.

Въ общемъ описанное кладбище очень аналогично съ типомъ подобныхъ же могилъ въ Каневскомъ у. Кіевск. губ., о которыхъ было сдѣлано сообщеніе Н. Е. Бранденбургомъ на Рижскомъ Археолог. съѣздѣ, уже напечатаное въ Трудахъ того-же съѣзда; по утвержденію автора, мотивированному разными соображеніями археологическаго и историческаго характера, типъ могилъ съ конями долженъ представлять собой могилы тюркскихъ кочевниковъ—Печенѣговъ.

Раскопки кургановъ у с. Волковцы, Роменск. у. Полтавской губ. Въ теченіе лѣта *С. А. Мазараки* продолжалъ раскопки у с. Волковцы, гдѣ уже производились имъ раскопки въ 1897 и 1898 гг. Сообщаемъ свѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ двухъ кургановъ, расположенныхъ *въ дачѣ Коровинцы.*

Первый курганъ, высотой 27 арш. и окружностью 375 шаговъ, имѣлъ острую форму, окруженъ рвомъ и валомъ, насыпанъ изъ чернозема. Ниже горизонта, подъ насыпью, открыта могильная яма, выкопанная въ желтой глинѣ, величиной 7 на 6 арш. и глубиной 6 арш.; сверху яма была закрыта толстыми дубовыми бревнами. Въ сѣв.-зап. углу ямы найденъ разбитый сосудъ мѣстной работы, вмѣстимостью до 25-ти ведеръ, на стѣнкахъ его видны слѣды какого-то осадка. По всей могилѣ были разбросаны кости животныхъ—собаки, свиньи и какого-то травояднаго. У сѣв.-зап. угла могилы открытъ грабительскій ходъ, 2 арш. высотой и $1^1/_2$ арш. шириной, у входа въ который находились кости человѣка, желѣзный топоръ и копье. Такимъ образомъ могила оказалась ограбленной.

Второй курганъ, высотой 26 арш. и окружностью 410 шаговъ, имѣлъ форму, приближающуюся къ полушаровидной, также окруженъ валомъ и рвомъ и насыпанъ изъ чернозема. Могила подъ насыпью выкопана въ бѣломъ грунтѣ, размѣръ ея 8 на 6 арш., глубина 5 арш. Яма обложена дубовыми брусьями и изъ такихъ же брусьевъ была сдѣлана верхняя настилка; дно ямы, какъ кажется, было посыпано известью. Въ сѣв.-вост. углу ямы найденъ большой сосудъ, подобный предыдущему; посреди могилы—костякъ, судя по сохранившимся не-

тронутыми костямъ ногъ и таза, лежавшій головой на югъ; съ правой стороны костяка, у пояса,—желѣзный мечъ съ золотой рукояткой, украшенной звѣринымъ орнаментомъ и съ ножнами, обложенными золотой пластинкой; возлѣ меча—золотой массивный осликъ, какъ служившій украшеніемъ уздечки. Отъ скелета сохранилась, уже упомянуто, только нижняя его часть, тамъ-же, гдѣ должны быть туловище и голова, обнаруженъ подкопъ, шедшій снизу. Въ юго-вост. углу могилы найдено около 18-ти желѣзныхъ удилъ съ костяными рѣзными псаліями, костяной наборъ отъ уздечки въ формѣ лошадиныхъ головокъ и бронзовыя псаліи, подобныя костянымъ. Въ восточной сторонѣ, у самыхъ стѣнокъ, стояли остродонная амфора, небольшой горшокъ мѣстной работы и два маленькихъ горшечка; на стѣнкахъ склепа обнаружены также остатки матеріи. Тѣ немногочисленные предметы, которые уцѣлѣли, даютъ основаніе думать, что погребеніе было очень богатымъ, но и эту могилу постигла участь почти общая для всѣхъ скифскихъ могилъ—она была ограблена и ограблена въ близкое къ погребенію время.

—

Въ теченіи исходящаго лѣта *В. Н. Доманицкимъ* были произведены пробныя раскопки кургановъ въ слѣдующихъ мѣстахъ Кіевской губерніи.

Близъ с. Павловки, Уманскаго у., на фермѣ «Ольгино» раскопанъ небольшой курганъ, одинъ изъ 6-ти, тянущихся цѣпью на разстояніи нѣсколькихъ саженъ одинъ отъ другого. Раскопанный курганъ имѣлъ 87 шаговъ въ окружности и ½ арш. высоты. Въ материкѣ обнаружена могильная яма, глубиной 2 арш. 2 вер. и діаметромъ 2 арш. 10 вер. Въ ямѣ, на глубинѣ 1 арш. 14 в., находился сильно истлѣвшій скелетъ, направленіемъ ю. ю. з.—с. с. в.; ноги скелета въ согнутомъ положеніи, кости въ сильной степени окрашены охрой. Нѣсколько ниже (3—4 в.), въ направленіи з. з. ю.—в. в. с., лежалъ другой скелетъ, повидимому ребенка, почти совершенно истлѣвшій. На той-же глубинѣ, въ направленіи с. с. з.—ю. ю. в.,—еще одинъ скелетъ, отъ котораго сохранились только берцовыя кости. Два послѣднихъ скелета лежали прямо на подпочвѣ—желтой глинѣ. Надъ верхнимъ скелетомъ обнаружена настилка изъ дубовыхъ бревенъ. Возлѣ нѣкоторыхъ костей скелетовъ находились остатки должно быть матеріи—свѣтло-желтыя шелковыя волокна. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ находиться тазъ верхняго скелета, немного правѣе, лежалъ слой пепла, толщиной и шириной вершка 3.

Близъ с. Кривое-Колѣно, Уманскаго-же у. раскопанъ курганъ, находящійся на вершинѣ склона къ р. Горскому-Тикичу. Курганъ, называемый «Попова могила», имѣлъ 140 шаговъ окружности и $2^1/_2$ арш. высоты. Къ юго-вост. отъ него шаговъ на 150 возвышается огромный курганъ, сообщающійся съ предыдущимъ дорожкой, выложенной изъ довольно значительныхъ глыбъ булыжника. При раскопкѣ перваго кургана, въ насыпи его, на глубинѣ $^1/_4$ арш., въ сѣв.-вост. части найденъ скелетъ, направленіемъ ю.-с., головой на югъ, скелетъ сильно испорченъ. Ниже вершка 4—другой скелетъ, въ такомъ положеніи, что голова его приходилась подъ головой перваго, направленіе его—с.-в.; оба скелета окрашены. У головы этого второго скелета оказался небольшой глиняный горшокъ, ручной выдѣлки, здѣсь-же, возлѣ горшка, найденъ кусокъ кремневаго ножа и кусочки охры. На томъ-же уровнѣ въ южной части насыпи открытъ 3 ій скелетъ, а въ восточной--4-ый. У всѣхъ ихъ кости разбросаны, такъ что нельзя опредѣлить положенія отдѣльныхъ частей; нужно кромѣ того замѣтить, что нѣкоторыя кости, особенно конечностей, до того пропитались известковыми солями, что обратились какъ-бы въ окаменѣлости.

Еще ниже, на глубинѣ 1 арш. и 13 в. отъ верхушки кургана, оказались параллельно лежащія, на разстояніи 1—3 верш. одно отъ другого, дубовыя бревна, длиной 1,95—2 метра. Подъ бревнами четырехугольная яма, направленіемъ з.-в., 2 арш. 7 в. длины, 1 арш. 10 в. ширины и 1 арш. 10 в. глубины. Въ восточной части, въ обоихъ углахъ ямы, стояли столбы; такіе-же столбы стояли очевидно и въ западной части, но впослѣдствіи упали и оказались лежащими на днѣ ямы по сторонамъ находившагося тамъ скелета. Скелетъ лежитъ на подпочвѣ (желтой глинѣ), ноги первоначально были въ согнутомъ положеніи, кости сильно окрашены. Возлѣ головы скелета найдены куски костей какого-то животнаго, на двухъ изъ нихъ находятся косые нарѣзы. Кромѣ того, подъ срубомъ найденъ скелетъ (безъ головы) собаки.

На полѣ, близъ с. Колодистаго, Звенигородскаго у., въ разстояніи одной версты отъ села, находится 2 большихъ кургана и болѣе десятка мелкихъ, едва замѣтныхъ и распаханныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ и былъ разрытъ.

Окружность кургана—50 шаговъ, высота—$1^1/_2$ арш. Курганъ былъ покрытъ гранитными плитками, которыя изрѣдка попадались

сверху и теперь. На глубинѣ одного арш., на насыпи лежали дубовыя бревна; на $^1/_2$ арш. глубже въ юго-зап. части кургана оказалась яма, въ формѣ продолговатаго четыреугольника, размѣрами 2 на 4 арш. и направленіемъ в.-з.; бревна были расположены не подъ самой ямой, а немного въ сторонѣ. Глубина ямы 1 ар. 10 в., дно ея посрединѣ устлано березовой корой, по длинѣ ямы, шириной около $^1/_2$ арш. Отъ скелета, лежавшаго на этой подстилкѣ, уцѣлѣли только берцовыя кости; колѣни въ согнутомъ положеніи. Подъ костями и далѣе на подстилкѣ найдено 22 бронзовыхъ трехранныхъ стрѣлы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились остатки древка, а у одной и цѣлое древко. У ногъ скелета найденъ затѣмъ небольшой бронзовый колокольчикъ. Въ южной и юго-зап. части ямы, упираясь въ бокъ ея, обнаружены кости повидимому лошади, между костей которой проходилъ дубовый колъ, тутъ-же найдены еще двѣ бронзовыя стрѣлки и, между костями человѣка и животнаго—желѣзное копье, 47 стм. длиной. Въ сѣв.-зап. части ямы найдено до 40 кусковъ желѣза и небольшой желѣзный предметъ неопредѣленнаго назначенія. Содержимое могилы очень испорчено грызунами, скелеты которыхъ встрѣчались тутъ-же на разной глубинѣ.

Случайныя находки.

«Дѣвичья гора» у с. Сахновки, Черкасск. у., начинаетъ серьезно соперничать со своей богатой сосѣдкой—«Княжей горой». Повидимому послѣднее городище начинаетъ истощаться, что и неудивительно, такъ какъ эксплуатируется оно чуть-ли не 30 лѣтъ и эксплуатируется довольно энергично. Сахновское городище начато разработкой недавно и хотя оно несомнѣнно уступаетъ по количеству, разнообразію и богатству предметовъ Княжей горѣ, но уже и теперь дало довольно много интересныхъ предметовъ.

Въ теченіе двухъ прошедшихъ мѣсяцевъ привозимыя въ Кіевъ древности шли главнымъ образомъ съ Дѣвичьей горы. Среди обычныхъ предметовъ заслуживаетъ особаго вниманія найденное тамъ бронзовое паникадило. Состоитъ оно изъ ажурного круга, 40 стм. діаметромъ, въ срединѣ котораго находится широкое отверстіе съ придѣланнымъ снизу помѣщеніемъ для лампады, также ажурнымъ. По борту круга идетъ невысокій ободокъ изъ прорѣзной пластинки, къ

которому придѣланы въ четырехъ противоположныхъ мѣстахъ типичные для княжеской эпохи стержни для свѣчей съ украшеніями въ видѣ пѣтушковъ. Четырьмя цѣпочками эта нижняя часть прикрѣплена къ ажурному полушарію, изъ центра котораго идетъ вверхъ составная цѣпь, заканчивающаяся бронзовымъ накиднымъ крючкомъ; отъ крючка спускаются внизъ на тонкихъ цѣпочкахъ 4 небольшія прорѣзныя бляшки. Не смотря на то, что работа паникадила не отличается особенной тонкостью отдѣлки, не смотря также на простоту композиціи, паникадило производитъ впечатлѣніе изящнаго и художественнаго произведенія. Замѣчательно и то обстоятельство, что паникадило сохранилось почти въ цѣломъ видѣ, хотя составлено оно изъ довольно тонкихъ частей—это первый случай такого рода находки въ горищахъ на побережьи Роси; много разъ, особенно на Княжей горѣ, находились отдѣльные части лампадъ, но это были скорѣе обломки, не дававшіе никакого представленія о цѣломъ. (Паникадило поступило въ собраніе Б. И. Ханенко).

Изъ болѣе мелкихъ находокъ отмѣтимъ овальную серебряную иконку съ рубчатымъ ушкомъ, на которой тонкой чернью исполнено погрудное изображеніе Іоанна Крестителя; по сторонамъ головы надпись † і8ванъ. Изображеніе обращено влѣво, и эта поза ясно указываетъ, что иконка представляетъ часть Деисуса, остальныя части котораго не сохранились. Насколько намъ извѣстно, это первый случай нахожденія части такого рода Деисуса, до сихъ поръ они встрѣчались лишь въ золотѣ съ эмалью. (Иконка поступила въ собраніе Н. П. Чернева).

—

На „Марьиной горѣ“, смежной съ Княжей, въ той части ея, гдѣ гора переходитъ въ поле, недавно открыты слѣды жилища по-видимому мастера костяныхъ и роговыхъ издѣлій. Въ прежнее время, да зачастую и теперь, по урочищамъ, расположеннымъ вблизи Княжей горы, во время земляныхъ работъ нерѣдко открывались слѣды землянокъ, относимыхъ къ тому-же времени, что и городище на Княжей горѣ, т. е. XII—XIII в. Такъ напр., нѣсколько землянокъ обнаружено настоящимъ лѣтомъ при спланировкѣ земли на усадьбѣ у подошвы «Малаго Городища», встрѣчались здѣсь и находки кое-какихъ предметовъ. На вышеупомянутомъ мѣстѣ слѣдовъ собственно жилища еще пока не обнаружено, но открытъ слой, состоящій изъ массы костей и главнымъ образомъ роговъ оленя, лося, козы и т. п.

Это почти все отбросы, оставшіеся отъ выдѣлки предметовъ; на многихъ изъ нихъ видны слѣды отпиловъ, нарѣзовъ, сглаживаній. Тутъ же встрѣтились и нѣкоторые изъ инструментовъ: желѣзныя долотца нѣчто въ родѣ ножа, небольшая наковальня. (Все найденное поступило въ наше собраніе).

Музеи и собранія древностей.

Херсонскій Археологическій Музей. Еще не такъ давно, именно 31 мая прошлаго года, послѣдовало открытіе Херсонской губернской архивной комиссіи и археологическаго музея при ней. Незадолго передъ этимъ херсонскій губернаторъ обратился съ циркуляромъ къ различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, въ которомъ довольно ярко очерчено положеніе, въ какомъ находились мѣстныя древности и приведены нѣкоторые факты, касающіеся исторіи учрежденія музея и комиссіи. Считаемъ не лишнимъ привести выдержки изъ этого циркуляра.

«Херсонская губернія изобилуетъ древностями всѣхъ эпохъ, начиная отъ каменнаго вѣка и до послѣднихъ временъ иноземнаго здѣсь владычества. Тысячи могильныхъ насыпей, которыми усѣяны южныя степи, охраняютъ останки прежнихъ насельниковъ здѣшняго края вмѣстѣ съ ихъ утварью и нехитрыми орудіями.

«Это драгоцѣнное наслѣдіе старины расхищается невѣжественными кладоискателями, мечтающими о зарытыхъ въ землѣ несмѣтныхъ сокровищахъ. Не находя въ курганахъ желанныхъ денегъ, хищники безжалостно истребляютъ обстановку древняго погребенія вмѣстѣ со скелетами ея обладателей. Привольныя степи херсонскія скрываютъ хищниковъ отъ глазъ полиціи: не подъ-силу администраціи борьба съ грабителями могилъ,—и гибнетъ безслѣдно въ варварскихъ рукахъ достояніе науки.

«Еще задолго до Рождества Христова по морскому побережью въ предѣлахъ нынѣшней Херсонской губерніи процвѣтали греческія колоніи: Никоній, Фиска, Пристань Исіаковъ, Пристань Истріанъ, Скопули, Одессъ и Алекторъ; цѣлые ряды неизвѣстныхъ намъ по имени древне-греческихъ поселеній гирляндами окружали устья большихъ и малыхъ рѣкъ; а во главѣ всѣхъ этихъ классическихъ горо-

довъ, поселковъ и факторій стояла богатая Ольвія. Почва этихъ старыхъ пепелищъ переполнена античными древностями.

«Ольвійское кладбище въ конецъ расхищается мѣстными крестьянами, къ которымъ приспособилась группа антикваровъ-промышленниковъ, снабжающихъ ольвійскими находками преимущественно заграничные музеи: румынскій, британскій и берлинскій. Въ послѣднее время подвергся разграбленію морской островокъ Березань, въ могилахъ котораго сокрыты памятники древнѣйшаго періода греческой культуры.

«Беззащитное положеніе памятниковъ мѣстной старины обратило вниманіе мѣстнаго статистическаго комитета, секретарю котораго, В. И. Гошкевичу, удалось въ послѣдніе годы организовать дѣло собиранія мѣстныхъ древностей, при содѣйствіи сельскихъ учителей, священниковъ и другихъ образованныхъ людей. Раскопки кургановъ, предпринятыя тѣмъ-же лицомъ въ различныхъ частяхъ губерніи, доставили не мало интересныхъ предметовъ древности. Добытыя этими раскопками коллекціи поступили, по распоряженію Императорской археологической комиссіи, частью въ Императорскій эрмитажъ, частью въ Московскій историческій музей; въ свою-же очередь Императорская археологическая комиссія снабдила музей статистическаго комитета интересными вещами изъ случайныхъ находокъ въ Херсонской губерніи. Произведенныя тѣмъ же лицомъ систематическія разысканія древностей по дюнамъ лѣваго побережья Днѣпровскаго устья, въ мѣстности геродотовой Гюлеи, дали въ результатѣ обильную коллекцію предметовъ каменнаго вѣка, греко-скиѳскаго періода, такъ называемаго готскаго стиля и временъ послѣдующихъ кочевниковъ, населявшихъ нашу окраину. Въ послѣдніе два года, подъ руководствомъ названнаго лица производятся смотрителемъ тираспольской земской больницы І. Я. Стемпковскимъ систематическія раскопки кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя; до сихъ поръ вскрыто уже болѣе 150 кургановъ и всѣ добытыя изъ нихъ вещи, съ согласія Императорской комиссіи, поступили въ тотъ-же музей— при статистическомъ комитетѣ.

«Съ другой стороны, имѣющіеся въ губерніи архивы разныхъ учрежденій до сихъ поръ не разработаны систематически съ научною цѣлью, спеціальное же изслѣдованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, произведенное еще въ 1835 году А. А. Скальковскимъ, хотя и привело къ открытію цѣнныхъ историческихъ документовъ, но при этомъ

остались вовсе неразысканными цѣлые архивы, въ которыхъ когда то хранились дѣла первоначальныхъ дней Новороссіи.

«Лично убѣдившись въ крупномъ научномъ интересѣ коллекцій юнаго херсонскаго музея, я съ удовольствіемъ узналъ, что херсонское городское управленіе отнеслось весьма сочувственно къ мысли объ устройствѣ губернскаго археологическаго музея, и для этого предложило безплатно помѣстить собранныя при статистическомъ комитетѣ коллекціи въ прекрасномъ зданіи городской библіотеки, спеціально приспособивъ въ немъ для музея три комнаты; нѣкоторыя частныя лица предложили въ даръ музею собранныя ими коллекціи древностей; на средства-же города нынѣ устраиваются витрины и шкафы для вещей.

«Видя въ такомъ всеобщемъ сочувствіи къ этому полезному учрежденію залогъ прочнаго его развитія, я призналъ своевременнымъ предложить статистическому комитету выдѣлить изъ его вѣдѣнія археологическій музей и передать таковой въ полное распоряженіе херсонской ученой архивной комиссіи.

«Въ силу Высочайше утвержденнаго 13 апрѣля 1884 года положенія комитета г.г. министровъ о губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ, это учрежденіе имѣетъ цѣлью собраніе, изученіе и изданіе какъ историческихъ документовъ, извлекаемыхъ ею изъ мѣстныхъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ, такъ и всякихъ другихъ памятниковъ старины. Широкія полномочія въ распоряженіи архивами дадутъ херсонской ученой коммиссіи полную возможность обогатить мѣстную исторію забытыми фактами изъ прежней жизни этого края, хотя и недавней, но весьма интересной».

Начатое такимъ образомъ дѣло продолжаетъ крѣпнуть, музей пополняется все новыми и новыми пожертвованіями, о чемъ не разъ упоминалось и въ нашей «Лѣтописи», и городъ Херсонъ можетъ гордиться, что обладаетъ такимъ, хотя и скромнымъ, но устроеннымъ съ знаніемъ дѣла учрежденіемъ, не бьющимъ на внѣшній эффектъ, а преслѣдующимъ строго научныя цѣли разработки и сохраненія мѣстной старины.

Музей занимаетъ три комнаты въ новомъ зданіи общественной библіотеки; помѣщеніе вполнѣ приспособлено для музея: высокія окна съ желѣзными рѣшетчатыми ставнями, несгораемыя стѣны, полы и потолки, желѣзныя двери, отопленіе грѣтымъ воздухомъ. Предметы

систематически размѣщены въ удобныхъ 6-ти шкафахъ и 13-ти витринахъ.

Въ первой комнатѣ хранятся древности черодотовой Гилеи: коллекція каменныхъ орудій, керамическихъ фрагментовъ, грузилъ и пряслицъ, издѣлій изъ бронзы и желѣза, бусъ и т. п. Тутъ-же помѣщено небольшое собраніе предметовъ козацкой старины: перначъ, сабля, рушныця, двѣ картины и др. и коллекція монетъ.

Вторую комнату наполняютъ: коллекція вещей изъ раскопокъ I. Я. Стемпковскаго въ окрестностяхъ г. Тирасполя (кургановъ различныхъ эпохъ разрыто до послѣдняго времени болѣе 400), предметы изъ случайныхъ находокъ и отобранныя у кладоискателей вещи изъ кургановъ Александрійскаго, Елисаветградскаго и Херсонскаго уѣздовъ, коллекція ольвійскихъ ручекъ съ штемпелями, каменная баба оригинальнаго типа (съ ребенкомъ) изъ Тираспольск. у., мраморная гробница съ геометрическимъ и растительнымъ орнаментомъ—оттуда-же, мраморное надгробіе Генуэзской эпохи—изъ Херсонск. у. Здѣсь-же, на хорахъ, размѣщены планы и карты различныхъ мѣстностей Херсонской губерніи.

Въ третьей комнатѣ—древности Ольвіи (между ними мраморное надгробіе Калеподота, V—IV в. до Р. Х., глиняная лампа съ головками скифовъ и др.), а также случайныя находки и вырытыя кладоискателями вещи изъ Одесскаго и Ананьевскаго уѣздовъ.

Инициаторомъ и душой Херсонскаго музея является В. И. Гошкевичъ, начавшій занятія древностями здѣсь, въ Кіевѣ, и вотъ уже цѣлый рядъ лѣтъ работающій на этомъ поприщѣ въ Херсонѣ; мѣстное общество, да и вообще всѣ, кому дорога разработка областной археологіи, должны сказать г. Гошкевичу большое спасибо за безкорыстное служеніе дѣлу.

Разныя извѣстія.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ передаваемое газетами извѣстіе, что полтавскимъ губернаторомъ представленъ на утвержденіе Министерства внутреннихъ дѣлъ проектъ устава *Общества любителей изученія Полтавской губерніи.* Цѣлью этого общества, учредителями котораго являются мѣстные жители Полтавы, поставлено: научное изученіе, изслѣдованіе и описаніе губерніи въ отношеніяхъ естественно-

историческомъ, *археологическомъ*, историческомъ, этнографическомъ, экономическомъ и т. п. Очень будетъ жаль, если этотъ проектъ постигнетъ судьба аналогичнаго проекта общества изслѣдователей Волынской губерніи, поданнаго уже болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ и все еще не получающаго движенія.

Намъ приходится еще разъ (и вѣроятно не послѣдній) указать на тотъ печальный фактъ, что даже въ Кіевѣ памятники старины очень мало интересуютъ тѣхъ, кому-бы слѣдовало ими интересоваться. Имѣемъ въ виду мѣсто на Вознесенскомъ спускѣ, гдѣ строится новое зданіе духовной семинаріи. Здѣсь были произведены довольно глубокія выемки для фундаментовъ, причемъ встрѣчались различные культурные остатки. Въ виду того, что лицу, приставленному наблюдать за постройкой, не было дано никакихъ инструкцій, все, что находилось, безжалостно уничтожалось; мы знаемъ, что такимъ образомъ была разбита найденная тамъ большая амфора, разбиты и брошены части шиферной плиты и т. п.

Въ іюньскомъ номерѣ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи помѣщена очень интересная статья проф. Н. И. Петрова—«*Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-печерской лавры*», гдѣ подробно указаны обстоятельства находки, перечислены документы, лежавшіе въ сосудахъ съ монетами, и описаны нѣкоторые болѣе замѣчательные экземпляры найденныхъ монетъ и медалей. Статья снабжена 5-ью отлично исполненными фототипіей таблицами снимковъ; здѣсь, между прочимъ, помѣщена и медаль кн. Константина Константиновича Острожскаго.

ществу.... говорю *по-преимуществу,* такъ-какъ предъ этимъ праздникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣютъ свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раздается* воскъ на *пивмиткы и на сорочкы* владѣльцами пасѣкъ и зажиточнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготовляясь къ *Риздвяннымъ святкамъ!* Въ слѣдрющемъ письмѣ побесѣдую съ вами *о Богатой кутьѣ.*

Письмо 2-е. [1]

БАГАТА КУТЯ.

Пойдемте-ка сегодня, друзья мои, на рѣку... да пойдемъ пораньше, очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые пѣтухи пропоютъ... Сегодня Бага́та кутя́, сегодня день та̀мъ, на рѣкѣ, начинается,—такъ чтобы чего не прозѣвать! И не на большую какую рѣку пойдемъ, на Днѣпръ, что ли,—нѣтъ! для дѣла, конечно, все равно; но на большихъ рѣкахъ зимою только гладь да гладь снѣжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночью—ничего нѣтъ возлѣ, жизни никакой, движенія никакого. Пойдемте лучше на Сулу или Псёлъ, или еще лучше, пойдемте на Удай или на Оржицу какую: тутъ тоже иногда между берегами версты двѣ-три; но посрединѣ не рѣдко виднѣется большой островъ, а на острову—большой лѣсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трехверстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очерета́ да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложемъ рѣки посрединѣ, да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, *ровйвъ ривчакйвъ* (каналовъ, канальчиковъ), *бакайвъ, ковбо́тъ* (ямъ въ болотѣ) и т. д., на остальномъ пространствѣ...

---

[1]) Основа 1861 г., май, 49—72.

Вотъ мы спустились съ горы, вотъ мы уже углубились въ этотъ лабиринтъ перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тѣсныхъ проходовъ... Тутъ вотъ очеретъ выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной стѣною, а тутъ нависла цѣлая трущоба кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихся, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ, какъ угорѣлый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людямъ и толку нельзя было добраться!.. вотъ *вéрша* темнѣется вдали на снѣговой кучѣ, словно изъ чернаго мрамора памятникъ на бѣломъ пьедесталѣ... а вотъ озябшей бабой скорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ: заяцъ развѣ, испуганный ходьбою, пырснетъ изъ болотной купы и промчится гдѣ-то мимо... будто легкій вѣтерекъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго *оситнягý*... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... послышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затѣмъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тявканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезился волкъ... А вокругъ васъ воздухъ чистый-чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая ноша жизни счастливца... а надъ головами звѣзды надувшіяся [1]), словно красавицы мои землячки, когда отъ Іордани разсыплются домой... Боже, какъ тутъ и въ зимнюю ночь хорошо!...

Но вотъ мы и на рѣкѣ!... Бѣлая, снѣжная полоса вьется въ темнотѣ по-межъ лозъ и очеретовъ, изрѣдка перерѣзываемая поперегъ торчащими, словно зубья гребня, кольями *изкйвъ*, да покрытая продольными рядами снѣговыхъ купъ, *духивъ* [2])...

Тихо; еще никого нѣтъ на рѣчкѣ! Неужели еще спятъ до сихъ поръ *рыбалки*? А посмотримъ туда, на гору, на село!... Нѣтъ, вы не туда смотрите: это темнѣетъ Никонова *стинка* [3]),

---

[1]) О звѣздахъ, если онѣ не свѣтятъ ярко, украинцы говорятъ, что онѣ *понадувалысь*, *понапухалы*.

[2]) *Ізокъ*—запруда рѣки для ловли рыбы; *духъ*—прорубь, тоже для ловли рыбы. Духъ закрывается обыкновенно конусообразною кучею снѣга.

[3]) Роща, расположенная по отлогости горы.

тамъ ничего не увидите... Смотрите туда, дальше: вонъ ровная полоса, это—*водопiйло* (спускъ къ водопою)... дальше, вонъ что-то *буванiе*, это живутъ Коржи... а вотъ, дальше, блеститъ, словно волкъ въ темнотѣ очами *свитытъ*,—это въ Калѐниковой хатѣ *свитытця*... Но—тише!...

Слышится вдали мѣрный скрыпъ чьихъ-то шаговъ по снѣгу, тамъ, по направленiю къ селу,—и отъ времени до времени раздаются мѣрные удары чѣмъ-то металлическимъ въ ледъ... О, это, *рыбалка*, непремѣнно рыбалка!... твердый, мѣрный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами *плешни*—только рыбалка въ ночную пору будетъ такъ смѣло ступать по льду этихъ болотъ и только рыбалка бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ плешнею напередъ, *не вымерзла* ли гдѣ вода, не *пидпáрыло?* [1]) ли гдѣ, нѣтъ ли гдѣ *óпаря*, или брошеннаго и незамерзшаго *дýха*?...

Да, это рыбалка, дѣйствительно рыбалка! Слышите—собака у него только теперь залаяла? Собака такъ-себѣ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дѣло, что лаяла бы, — на снѣгу много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слѣдовъ и ей бы вездѣ видѣлись зайцы, лисицы и волки; притомъ, *посмиттюшокъ* (птички) выгоняла бы изъ болотныхъ купъ, а можетъ, гдѣ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выскочилъ бы заяцъ. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убѣдилась, что лаять на болотѣ на всякiй заячiй, лисiй или волчiй слѣдъ, бѣгать и кричать при видѣ посмиттюшки или зайца,—это значило бы напрасно только надрывать себѣ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дѣйствительно почуетъ близко звѣря, или чужого человѣка...

---

[1]) Т. е., не подогрѣло ли гдѣ снизу льду. Подогрѣванiе такое бываетъ особенно на такъ-называемыхъ *прогнояхъ*. Если ледъ подогрѣтъ уже до такой степени, что въ немъ образовывается промоина, болѣе или менѣе замѣтная, то является *опаръ*.

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отѣ насъ, изъ за ближайшаго куста лозы, вырѣзались, наконецъ, на фонѣ рѣчной полосы, сперва лающая собака а потомъ высокая человѣческая фигура, вся въ сѣромъ въ *шáпци-магырци*, въ коротенькой *свытци* поверхъ коротенькой *кожушáнки*, въ суконныхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ, съ *сокырою* за поясомъ, съ *торбóю* черезъ плечо, съ лопатою въ лѣвой рукѣ и съ длинною плѣшнею въ правой... Завидѣвши насъ, человѣческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: „мовчы, Мýшка, свои“! и по кличкѣ собаки, и по голосу владѣльца, мы узнаемъ Нестора всѣхъ рыбалокъ села Рижкивъ, семидесятилѣтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Перегрáя.

— Добрыдень, чы добрыдосвитокъ!—привѣтствовалъ насъ старикъ.

„Здорòви булы, Даныловичу“!

— Бýдьте здорòвы зъ Багáтою Кутèю!

„Спасыби, бýдьте й вы здорóви“!

— А що, порà вже прыймàтьця за дило!

„Порà, порà, Даныловичу! порá“!...

— Порà, порá!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ обѣ руки лопату, Даниловичъ принялся за дѣло, и своими семидесятилѣтними руками открылъ на Рожинскихъ болотахъ святой день Багатой Кути—и для села Рожкивъ, и для села Хвощивъ, и для хутора стараго и веселаго Череваня́, и для всхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности...

Но оставимъ Коленика, а съ нимъ и всѣхъ земляковъ моихъ рыбалокъ! пусть они открываютъ лопатами *духú*, вытаскиваютъ изъ воды *кóбзы* и *верши* (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрушиваютъ изъ нихъ вьюновъ, карасей, щукъ и т. д.: все это болѣе или менѣе обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотрѣть, какъ и кѣмъ начинается у насъ день Багатой Кути: увидѣли,—домой пойдемъ теперь и соснемъ немного, потому что

начнетъ разсвѣтать еще нескоро, да и всѣ еще спятъ. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній *дóсвитокъ* не вчерашній: вчера всѣ обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подолѣе... А пока дойдемъ,—такъ сказать, на сонъ грядущій, я вамъ разскажу вотъ-что...

Въ обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляютъ свой рыболовный *пóсудъ* почти всегда на рѣкѣ, тамъ же у *изкйвъ* и *духивъ*: „У насъ щобъ тѐе... щобъ хто йноди чужый соби... крый Бигъ"! развѣ иногда, какъ говорится, „панщынá затѐшетця" (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники—кто же станетъ ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени—можно, чтò нужно, въ снастяхъ починить, передѣлать; ну, да и то сказать, праздниками по *лёдáхъ* столько шляется парубковъ, дивчатъ и такъ всякаго веселаго народу—*кóвзаются*, *зъ колядками хóдять* и т. д., обуяетъ шаль кого, натащитъ вершу на голову, или нацѣпитъ кобзу черезъ плечо,—офицеръ-де онъ въ киверѣ, и къ дивчатамъ, дескать, пришолъ погулять; или бандуристъ или *рйльныкъ* онъ съ бандурою или *рéлею* (лирою), компанію пришолъ потѣшить, и—гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по всѣмъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверѣ или за бандуристомъ съ бандурою! и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Разскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, оцѣниваютъ достоинства улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по качеству ея и по величинѣ; но въ день Багатой Кути для оцѣнки его принимается ими другая мѣрка. Чтобы лучше вы могли понять значеніе ея, этой мѣрки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатой Кути, во всей почти Украйнѣ, употребляется въ пищу почти исключительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина, я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а здѣсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычий, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбѣ вообще

и къ рыбѣ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случаѣ стараемся запастись любимымъ нашимъ лакомствомъ, а тѣмъ болѣе для дорогихъ намъ почему-либо дней, не смотря, говорю, на все это, даже тѣ изъ насъ, которые побогаче и имѣли бы полную возможность достать, напримѣръ, хоть свѣжаго осетра, даже и тѣ, у которыхъ стародавніе обычаи начали ужъ понемногу ослабѣвать, все мы ѣдимъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ѣдимъ больше всего щуку и карася, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кутя бываетъ у насъ *гырява* (остриженная, окарнанная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескѣ своего умѣнья снаряжать для Багатой Кути *вечéрю*. Послѣ щуки и карася больше всего годится у насъ для Багатой Кути—*лынъ*, за линомъ слѣдуютъ окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудитъ моего земляка обратиться къ другимъ породамъ, или же крайняя его бѣдность заставитъ его ограничиться одними вьюнами. Послѣ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мѣркою оцѣниваютъ мои земляки-рыбалки свой уловъ!—„А що, Даныловичу, спрашиваетъ Каленика Перегрuя Федоръ Ополóнка, когда рыбалки возвращаются домой послѣ своей ловли:—яковó (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мои вообше не любятъ разглагольствовать широковѣщательно, любятъ выражаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)?“—„Та слàва Бóгу! ничóго! *сёгóднишнёи* такы впàло чымàло (сегоднешней, т. е. нужной для сегоднешняго дня, поймалось таки довольно).“—„А въ мéне—замѣчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополонка:—тилькы пáра щупеля́тъ, а то все одинъ уюнъ наголо“!

Скажу еще вамъ въ заключенье, что рыбаки наши, возвращаются въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончитъ, не поджидая другъ друга,—въ день Багатой Кути отступаютъ отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдями, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно погуторить, можно разспросить, кому и сколько *впало сёгóднишнёи*. Это и ин-

тересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, какъ распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Тутъ же пересказываютъ рыбалки другъ другу разныя свои рыболовныя *прыведѣнціи*, тутъ же преподаются, молодымъ и неопытнымъ, испытанные долголѣтнею практикою разные пріемы рыбной ловли, и разсказываются несвѣдущимъ такія *прыведѣнціи*, слухи о которыхъ разносятся молвою, также стоустою и у насъ какъ и вездѣ, иногда на далекія-далекія пространства, и память о которыхъ сохраняется иногда мѣстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Разсказывается, напримѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ появилось зимою чтǒ-то; что это *чтó-то* черное и живетъ въ рѣкѣ; что рыбалкамъ не разъ случалось видѣть издали, какъ оно вынырнетъ изъ ополонки и ѣстъ на льду рыбу, а приблизится рыбалка—*чтó-то* въ воду..... Къ этимъ дѣйствительнымъ происшествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазіи: что, дескать, и посудъ рыболовный оно воруетъ, и дѣлаетъ добрымъ людямъ разныя пакости, что и перекидáется оно въ рыбалку и заводитъ заблудившихся путниковъ въ промоины и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чортъ, изъ чертей чортъ, „мáбудь чы не самъ чǒртивъ бáтько", потому что и холоду не боится и для зимовли выбралъ, *бйсивъ сынъ*, мѣсто подъ льдомъ, тогда какъ всякому доброму человѣку извѣстно, что черти,—обыкновенные, т. е. черти, вотъ чтǒ вездѣ водятся у крещенаго люду,—тѣ холоду боятся и на зиму изъ рѣкъ и болотъ выбираются [1].... словомъ, въ болотѣ черти *литують* только (слово *литують*, въ переводѣ на петербургскій языкъ, значитъ, что для чертей болото только—дача).... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ началъ бояться этого *чтó-то*, и рыбалки порѣшили, во что бы то не стало изгнать его изъ своихъ владѣній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жинокъ и дивчатъ,—изгнать

---

[1]) Какъ гражданинъ *пекла* (ада), по понятіямъ народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не сидитъ онъ зимою въ рѣкахъ и болотахъ еще и по другой причинѣ,—о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь объ *Ордáни*.

хоть бы ради этого нужно было *нанять* молебенъ и отслужить надъ ополонкою водосвятіе, если только на это согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбалки рàдились и обдумывали средства, кàкъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какой-то охотникъ, въ одно прекрасное до-разсвѣта, засѣлъ на *что́-то*, выждалъ его и... застрѣлилъ!... Оказалось, *что́-то* была невиданная теперь въ нашихъ мѣстахъ куница.—Или же разсказывается, напримѣръ, при такомъ возвращеніи рыбалокъ домой на Багату Кутю,—кàкъ надъ Днѣпромъ, у Переяславля, появился какой-то невиданный у насъ звѣрь: роговъ у него какъ на *перекотыполи* колѣньевъ, быстрый—лошади быстрѣе, зовется—олень; что кто-то погнался за этимъ звѣремъ, онъ птицей понесся, рѣки незамѣтилъ передъ собою и полетѣлъ по Днѣпру, какъ по *степу*... что на срединѣ Днѣпра онъ ослабилъ свой бѣгъ, и началъ *грузнуть* въ воду... что олень только тогда замѣтилъ подъ собою воду, и хотѣлъ снова полетѣть, но поздно! что́ разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непремѣнно... что потонулъ бы олень, если бы не бросился къ нему на своей *душогу́бци* (легенькая лодка изъ липы), краса всѣхъ придніпровскихъ рыбалокъ окрестностей Переяславля, преславный, рыбалка Бо́ва... что налетѣлъ Бо́ва на оленя, схватилъ его рогатого за рога и такъ его на берегъ, а оттуда домой... что олень достался Бо̀вѣ, а рога его принесены Бо́вою въ даръ какой-то церквѣ, чтобы, на концахъ и излучинахъ ихъ, люди могли много-много прилѣплять восковыхъ свѣчей Богу и поминать добрымъ словомъ память Бо̀вы, когда дерзкая его отвага сложитъ наконецъ легкія его кости на вѣчно волнующемся днѣ Днѣпровскомъ.

— — —

Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ окнахъ, сперва у *дида* Опàнаса, потомъ у старой Мо́три, и затѣмъ и въ другихъ хатахъ. Вотъ и народъ началъ *ворушыться* по дворамъ и огородамъ: выпускаютъ изъ хлѣвовъ овецъ въ кошары и даютъ имъ болотнаго или лугового сѣна, носятъ *гулящому* (нерабочему) скоту и гулящимъ лошадямъ

яшныцю, пшенышныцю, просяныцю, овсяныцю (ячменную или пшеничную и т. д. солому), подкладывают рабочимъ воламъ, дойнымъ коровамъ и *изжáлымъ* лошадямъ сѣна степного, а послѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ.

Но вотъ и разсвѣтать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, и тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль гладкая зимняя дорога, и подобравшіяся къ ней, справа, отъ восхода солнца, хаты селенія Рижкивъ съ обсѣвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами и торчащими кое-гдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавлями... а слѣва, поворотившимися къ дорогѣ вѣтряными мельницами... Вотъ и солнце взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей справа, и крылья вѣтряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши лбы и разметавъ позолоченныя крылья во всѣ стороны,—словно какіе *шляхетно-урожоные* на Іордань, а крещенскій зефиръ, продѣлавши прорубы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право и на лѣво, внизъ и на затылокъ. А за ними, за млинами этими, гладь и гладь бѣлая съ золотымъ отливомъ, снѣжная степь, съ темнѣющими кое-гдѣ скирдами и стогами сѣна, съ степными *грушкáмы* (грушевыми деревьями), съ степными хаткàми и *хливчикамы*, и съ вырѣзающимися на горизонтѣ бѣлыми, блестящими на солнцѣ, могилами, сѣрыми гаями и какими-то движущимися черными точками,—обитателями степныхъ сосѣднихъ селеній и хуторовъ, поспѣшающими за чѣмъ-то въ селеніе Рижки и другія сосѣднія селенія и хутора приpѣчные....

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это такъ пустились наши степняки? Да и *рижкивци* (жители селенія Рижкивъ)—что это они засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а иные запрягли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится ни гдѣ!... Вчера въ эту пору надъ всѣми хатами стояли уже столбы дыма, а теперь хоть бы одна пыхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробовать, куда вѣтеръ дуетъ и не будетъ ли назавтра оттепели!....

Де всё по той же причинѣ, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя,—такъ хозяйка-украинка утромъ сегодня топить и варить ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами обыденной сельской жизни, и, приводя въ порядокъ то, что приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ и жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаха—выкатаетъ ее; если есть у нея *запика́нка*, она наполнитъ ею *пляшку*, чтобъ была готова, а за неимѣніемъ *запика́нки*, наточитъ изъ бочонка или *барыльця*, или нальетъ изъ *тыквы*, просто *биле́нькои*; она пришьетъ къ новому *очипку* ленты, поможетъ дочкѣ нанизать новое монисто, она *насуче* восковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и ѣсть варить она начнетъ только около пулудня; потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или лучше сказать, у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *идя́ть* кутю и *стрича́ють* или *идять вечё́рю*, а въ обѣденную пору только немного закусываютъ, кому что Богъ послалъ, но большею частію—пироги съ капустою и жаренную рыбу.

По той причинѣ, что сегодня Багата Кутя, спѣшатъ такъ въ Рижки и въ другія селенія и хутора прирѣчные жители нашихъ селъ и хуторовъ степныхъ, и по той же причинѣ суетятся такъ, бѣгаютъ изъ хаты въ хату и тоже куда-то ѣдутъ и сами *рижкивци*: всѣмъ нужна сегодня свѣжая *сёгоднишня* рыба, и всѣ потому стараются достать ее во что бы то ни стало. Степняки поэтому спѣшатъ въ Рижки; рижкивци, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамъ рыболовствомъ, или же, хотя и занимающіеся имъ, но имѣвшіе сегодня неудачный уловъ, спѣшатъ къ своимъ сосѣдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегодняшняго дня мы даже вотъ-что придумали! Въ селеніяхъ, которыя покрупнѣе и порыболовнѣе, мы открыли у себя на Багату Кутю, помимо вѣдѣнія предержащихъ становыхъ приставовъ и помимо вѣдѣнія всякаго рода статистическихъ таблицъ, базары для продажи и

покупки *сегдниинёи*: сбѣгутся со всѣхъ сторонъ на легенькихъ *саночкáхъ*, купятъ, продадутъ и разбѣгутся... остается только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на снѣгу немного сору отъ соломы, и нѣсколько конскихъ слѣдовъ! добывай тутъ становой приставъ изъ такихъ данныхъ статистическія свѣдѣнія, какъ знаешь! по неволѣ добрый человѣкъ напишетъ, что таковыхъ, во ввѣренномъ ему станѣ не оказалось... А между тѣмъ, *сегоднешней* мы себѣ припасли!... а пожалуй, припасли и еще кой-чего, что намъ нужно и чѣмъ мы не успѣли запастись почему-либо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, напр. купили на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его и „иноди, знаете, тее, въ чарку... жывитъ заболыть, або що!“ а пожалуй, на три на четыре гроша, купили, по порученію любимой дочки, серьги-польки...

Закончу сказаніе свое о заготовленіи у насъ рыбы для Багатой кути замѣчаніемъ: что всѣ мы запасаемся главнымъ образомъ въ день Багатой же Кути, и способомъ, о которомъ я сейчасъ разсказалъ. Только жители степныхъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ рѣкъ, а равно жители мѣстностей, страдающихъ *безрúбьямъ*, только тѣ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, въ рыболовныхъ селахъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбьи и ракъ становится рыбою.

Но вотъ мы рыбою уже запаслись—и домой!... „Ну жена“, говоритъ хозяинъ дома, входя въ хату: „а я рыбы досталъ!“—„А щука есть?“—„Есть!“—„Ну слава тебѣ, Господи!“ и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ *прыпичка*, кто съ *полу*,—побросали и очеретяныя трубы, и кота *рудого*, которому собирались было привязать къ хвосту *куныцю* вмѣсто кисти,—и всѣ *до-долу* къ мѣшку съ рыбою: выпотрошили его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормошатъ красноглазаго караса... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленькій Петрусь высунулся изъ высящей надъ поломъ люльки, и вцѣпившись своими ручонками за *бильця*, хохочетъ и дергаетъ ее, будто собирается выскочить и себѣ туда, въ общую кучу, къ щукѣ и карасямъ, къ общей семейной радости...

Погрѣвшись въ хатѣ, *хозяинъ* уходитъ и возвращается къ семьѣ не прежде, какъ около полудня, да и то на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатѣ сейчасъ поднимается на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободнаго не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ, на дворѣ. Во первыхъ, ему надобно напоить скотъ, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличнѣе; далѣе надо осмотрѣть сани и упряжь, можетъ что надо починить, не изорвалось бы что, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и топлива женѣ на праздники нужно припасти, чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть—дровъ наколоть и сложить подъ коморою или въ *повитци* (навѣсъ), не то—очерету натаскать съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски хозяинъ идетъ къ какому-нибудь куму или свату, у котораго есть хата *черезъ сіны*,—вообще, у котораго есть свободный уголъ,—идетъ бриться *(голытця)*,—*голить бороду* и *пидголювать чуба*.... Туда же приходятъ еще человѣкъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинаетси зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мои земляки принимаются бриться... зрѣлище грустное и вмѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустно видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати *хазяинйвъ*, имѣющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся теперь *причипурытьця*, ни у одного не имѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбривая свой подбородокъ и свой чубъ... и что замѣнять его имъ приходится *зеркальною поверхностію* чистой воды, налитой въ миску (вода вѣдь у насъ даровая, и на зеркальцо нужны деньги!...).

Грустно видѣть, что у этихъ десяти-пятнадцати *хазяинйвъ* ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ,—мыльницъ, кистей, бритвъ,—а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла величиною въ грецкій орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *косй*—отрубку старой косы, наостренному и оправленному въ доморощенный черенокъ!... Грустно и даже тяжело видѣть, какъ эти десять-пятнадцать хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдаютъ въ распоряженіе свои лица, исполненныя ума и сердечной теплоты, какому-нибудь мѣстному докѣ въ бритвенномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими *косарями!...* и тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаешь бытъ этихъ бѣдняковъ, и какъ ни осязательно чувствуется, если не разумность, то по крайней мѣрѣ печальная необходимость и связь всѣхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаешь, что изъ милліоновъ, вносимыхъ ими куда слѣдуетъ, за винныя акцизныя статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдѣлять извѣстную долю серебрянныхъ рублей для покупки, на первый разъ, хоть пятикопѣечныхъ кистей и мыльницъ и тридцатикопѣечныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотрѣть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время не приходили, но если только у васъ осталась какая-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрѣнія и придвигаться сердцемъ къ точкѣ зрѣнія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имѣется способность видѣть всю глубину внутренняго смѣха за этими серьезно-произносимыми соболѣзнованіями къ участи брѣемаго, за этими, на половину притворными, болѣзненными его стонами, за этими восклицаніями его: *мотузка́, мотузка́* (снурка, снурка т. е. дайте)!... и т. п. восклицаніями, по-видимому не имѣющими никакого смысла, но тѣмъ не менѣе имъ всѣмъ понятными, и—вы будете хохотать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритья, до вечера, употребляется моими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.; но главнымъ образомъ, на приготовленіе для нихъ корма къ зав-

трешнему дню, чтобы завтра ни о чемъ уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣлу конецъ!

Но оставимъ *хазяинивъ*! воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что тамъ у нихъ дѣлается! и чтобы не помѣшать имъ *лѣпить* пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ онѣ уже покончили и переносятъ кутю... а еще лучше—послушаемъ, что разсказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокопытенко.

„Надобно вамъ сказать", говоритъ Василій Петровичъ, „что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *ста́вляння* кути на *пóкуття*: самъ я кути на покуття еще никогда не ставилъ, а какъ ставили ее другіе мои братья, — никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствованія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины, за исключеніемъ конечно участвующаго въ немъ, были устраняемы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на покуття,—зналъ, что ставленіе это окружаютъ какою-то таинственностію,—слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вмѣстѣ какое-то многозначительное: „что мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мнѣ подобные) еще нѣтъ!" видѣлъ, что допущеніемъ къ ставлянню кути на покуття дается дитяти какой-то патентъ на извѣстную возрастность, и вмѣстѣ на извѣстное право гражданства въ томъ очаровательномъ для насъ мірѣ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и вѣрованій, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвѣтами увиваютъ тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ волчцовъ и терній и горечи заботъ о хлѣбѣ насущномъ... Все это я зналъ, слышалъ и видѣлъ; но болѣе—не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего! Дѣтскому моему сердцу и дѣтской моей фантазіи представлялось поэтому обширное поприще окружать актъ ставляння кути на покуття чудесами:—фантазія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то таинственною многозначительностію,

какимъ-то неуловимымъ въ формы величіемъ, а сердцу—какою-то трепетно-благоговѣйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвѣстному, таинственному, великому, святому...

— — — — — —

— —„ну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчиками, моими сверстниками, у коморы, снаряжая *дренджоблята* (извѣстнаго устройства маленькіе сани) и *грымакй* (куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на *рундуци* (крыльцѣ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвѣтилъ ей, что мнѣ некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнѣе, намѣкая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ... Я пошелъ...

„На порогѣ *пекáрни* встрѣтила меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемѣна! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ—легкій румянецъ, въ вѣчно-грустномъ взглядѣ—счастіе. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лицо!.. Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтятъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

„— Ну, Васюню, постáвъ намъ кутю на пóкуття! говоритъ... и улыбнулась....

„— Кутю на покуття?!.. и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья.

„Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ... потомъ поворотилась и пошла въ пекарню...

„Молча, съ сильно-бьющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все вокругъ, вошолъ я робкими шагами въ святилище....

„Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился тутъ какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучною

ёго развязкою, переводитъ дыханіе, учащенное прежде мучительнымъ ожиданіемъ, и радостно улыбается предстоящему будущему... Дивчата и молодыци стоятъ вокругъ хаты у лавокъ; скрестивъ на груди руки... смотрятъ на меня и тихо улыбаются, у печки сидитъ на лавкѣ *куховàрка* Оришка, тоже скрестивъ на груди руки... смотритъ на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея, на припечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ,—пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтаря, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ старого до малого, сѣдоволосая баба Миниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое—чистое....

„Я остановился по срединѣ пекарни, не зная, чтó мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться....

„— Сюда, сюда йды, Васыльку!—вывела меня изъ недоумѣнія баба Миниха.

„Я подошолъ къ покуттю.

— Ну, перекрестысь и ударь тры поклоны!

„Я машинально исполнилъ приказаніе.

„— Теперъ ходимъ зо мнóю!.. и натянувъ сапоги и надѣвъ кожухъ, пошла изъ хаты.

„Я послѣдовалъ за нею.... Привела меня баба Миниха къ скирдѣ степного сѣна и начала отыскивать такое въ пей мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жесткихъ травъ, *бадѝлля*, и гдѣ бы нога человѣческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала, наконецъ, она такое мѣсто, обдергала верхнее сѣно прочь и велѣла мнѣ *смы́кать* изъ средины.... Я насмыкалъ порядочную кучу.

„— Ну, возьмы-жъ и несы его за мною.

„Я забралъ сѣно и пошолъ за бабою Минихою.

„— Положы-жъ его на пóкутти! сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ.

„Я положилъ.

„— Розстелы ёгó гарнéнько.

„Я разостлалъ.... Затѣмъ, баба Миниха заставила меня,

собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покуття горшки съ кутею и узваромъ, уставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно[1]), чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже уставить на покутти: баба Миниха только командовала мнѣ и въ сѣромъ полу свѣтѣ тихо ходила предо мною, какъ какой-то таинственный церемоніймейстеръ въ какой-то таинственной церемоніи....

„Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ итти прочь, къ моимъ гренжолятамъ и тигримакамъ.... Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дивчатъ и молодыць, я пошелъ изъ хаты, съ поникшею головою, полною какихъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полу-мракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошелъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарнѣ, я чтó-то забылъ, или чего-то не разглядѣлъ, или чего-то не разслышалъ...“.

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покуття въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непремѣнно мальчикъ? Не берусь разъяснять вамъ этого, потому что хотѣлось бы мнѣ, чтобы разъясненіемъ такимъ, а равно и разъясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразъясненнымъ, за-

[1]) Мальчикъ, неся кутю на покуття, долженъ при этомъ *квоктáть*, какъ *квóкчетъ квóчка*, насѣдка, когда созываегъ своихъ дѣтей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дивчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействѣ Василія Петровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ.

нялся кто-нибудь болѣе свѣдущій меня въ объясненіи внутренняго смысла нашихъ вѣрованій, или по крайней мѣрѣ, значенія обрядовой оболочки, въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ,—ставить кутю на покуття руками неженатаго мужчины, и именно—невозрастнаго дитяти, у насъ повсемѣстный.

Время послѣ ставляння кути на покуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрешнему дню (т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою глиною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бѣленія, а равно и на бѣленіе припечковъ, на мазаніе *рудо́ю* глиною челюстей и *за́пичкивъ*), на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы покупать и вымыть дѣтей, если только эти послѣднія должны къ кому-нибудь нести или везти *вечéрю*.

Но послушаемъ снова Василія Петровича, его разсказъ о томъ, какъ садятся у насъ за *вечéрю* на Багату Кутю, или ка́къ у насъ *встрѣчаютъ кутю*.

„....Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эти невыразимая прелесть какого-то таинственнаго смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, буднишней; торжественное выраженіе лицъ и движеній —и, повидимому, обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьи—и вмѣстѣ какой-то жрецъ; хата—и вмѣстѣ храмъ; семья—и вмѣстѣ общество вѣрующихъ....

„Въ пекарнѣ два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ сторонѣ, уставленные приборами [1]), съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, и къ

[1]) Во время Багатой Кути болѣе чѣмъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборъ для нежданнаго гостя.

гвоздю прилѣплена зажженая восковая свѣчка—больше свѣту въ хатѣ нѣтъ... предъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облакѣ, сѣдой какъ лунь старикъ, мой отецъ, въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лѣвой рукѣ у него курильница, онъ поднялъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы всѣ, кучею: домочадцы, наймиты и наймычки, душъ двѣнадцать, и вся семья—мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца....

„Стали всѣ, стихли....

„Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!... Богородице Диво, радуйся, благодатная Маріе!“

„За отцомъ крестились и мы, и мысленно произносили за нимъ слова молитвы....

„Послѣ „Богородице“ старикъ прочиталъ „Отче нашъ“, и когда закончилъ словомъ „отъ лукаваго“ [1]), перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всѣ перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы—у другого стола.

„Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ хатѣ....

„Отецъ взялъ графинчикъ съ любимою своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ—„Нехáй же легèнько згадáетця сынови моѐму Ивáнови, де винъ здорȍвъ повертáетця!...“ и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, что было въ хатѣ, за обоими столами, отъ моей доброй матери, до сѣдоусаго и твердаго, какъ загартованная сталь, стараго *дида* Мины....

---

[1]) Обращаю вниманіе читателя, что молитва здѣсь читается не до конца, а только до слова *отъ лукаваго*.

„А отецъ сквозь слезы продолжалъ:—„Нехай легенько згадаетця й дочци мои Гáли, де вонà здорðвенька повертаетця!“ „Мать, сестры и всѣ женщины за обоими столами повзрыдъ заплакали....—„Нехай легенько згадаетця й моему нàймытови Петрðви, де винъ здоровъ повертаетця!“... и старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лицо обѣими руками... а сирота Федóра, сестра наймыта Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую...“.

Вы, можетъ быть, думаете, мой читатель, что представленная здѣсь Василіемъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадцовъ, при воспоминаніи объ отсутствующихъ за первою чаркою, есть какое-нибудь явленіе случайное, или что для большаго эффекта Василій Петровичъ употребилъ тутъ краски слишкомъ яркія... Нѣтъ, нисколько: тутъ все вѣрно съ дѣйствительностію до самой малѣйшей черты, и всѣ это наша общая и постоянная принадлежность. Все, чтó онъ тутъ сказалъ, вы и теперь можете встрѣтить во всѣхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первою чаркою на Багату Кутю, непремѣнно прольетъ слезы въ память тѣхъ членовъ своихъ, которые живы и которые почему-либо не могли насладиться счастіемъ встрѣтить кутю у себя, въ семьѣ, за общимъ семейнымъ столомъ. Украинцы, особенно женщины, любятъ всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ—не плачутъ, а если и плачутъ, то или вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ случайностей, или потому, что ужъ, кáкъ у насъ говорится, они *пидъ чáрочкою*; но на Богату Кутю плачутъ они непремѣнно, и всѣ, и просто только потому, что отсутствующіе —въ отсутствіи, а не у себя, не съ ними. По понятію украинцевъ, большое для человѣка несчастіе жить вдали отъ семьи, большое несчастіе не быть или не поспѣть вð-время на такую семейную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастіе— не быть или не поспѣть вó-время на Багату Кутю; и вслѣдствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачетъ вся ваша

семья, заплачутъ домочадцы, заплачетъ и вашъ сѣдоволосый отецъ, хоть будь у него не одинъ, а десять желѣзныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо,—нѣтъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто своего сердца: у него, по преимуществу семьянина, въ праздникъ *семьи*, отнятъ одинъ членъ семьи....

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василія Петровича.

Во первыхъ, членами семьи, съ точки зрѣнія Багатоѣ Кути, считаются у насъ всѣ тѣ, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, покрайней мѣрѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, зятья, живущіе въ *прыймахъ*, съ семействами, и наконецъ домочадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно *домочадцы, челядь*. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багатой Кути и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ еще дѣтей,—вообще, если у нихъ нѣтъ своей семьи,—и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Имѣющіе же свои семейства сыновья и дочери—хорошо если бы были, а нельзя имъ—они покрайней мѣрѣ должны послать своихъ дѣтей сегодня, или послѣ, *съ вечерею*, къ дѣду и бабкѣ, и къ болѣе чтимымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдѣленіе у Василія Петровича домочадцевъ за особый столъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги,—нѣтъ! Если бы у Василія Петровича смотрѣли такъ на домочадцевъ въ день Багатой Кути, то вѣрно бы не сѣли встрѣчать ее въ пекарнѣ, а помѣстились бы въ свѣтлицѣ, что̀ ли, какъ и дѣлаютъ иные между моими земля-

ками: но тутъ на нихъ смотрѣли такъ, какъ смотритъ во время Багатой Кути, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населенія, т. е. какъ на членовъ же семьи, и ихъ не посадили за общій столъ только потому, что тамъ негдѣ было имъ помѣститься, и отдѣлили ихъ за особый столъ, какъ отдѣляютъ у насъ иногда за особый столъ молодежъ или дѣтей, когда количество обѣдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василія Петровича видно, что отецъ его былъ то, что̀ называется *старосвицькый чоловикъ*, а старосвѣтскій человѣкъ почелъ бы съ своей стороны большою неделикатностію, даже дѣломъ богопротивнымъ—не посадить на Багату Кутю своихъ домочадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ, скажу еще, что если у семьи выберется такая счастливая Кутя, что всѣ члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: „Ца̀рство жъ небе́сне на̀шимъ батька̀мъ и матеря̀мъ“ (или „нашимъ родытелямъ“. Нашимъ—т. е. его самого и его жены), нашому Ива́севи“ и т. д.

Но будемъ слѣдить далѣе за ходомъ Багатой Кути!

Отдавши должную дань сожалѣнія объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отираетъ себѣ слезы.... Но онъ долженъ отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи;—и вотъ онъ съ сердитымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ) въ хатѣ и не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что всѣ плачутъ—восклицаетъ:—„Э-ге-ге!.. та оцѐ вы бачу̀ пла́чете?!.. А та дурна̀ якъ розрюмалась!... Го̀ди жъ уже́, кажу́, го̀ди!... Иды сюды, Федо́рко!..“, и семья вся сквозь слезы улыбается, а Федо̀рка входитъ въ пекарню, отирая очи рукавомъ, и садится за столъ.—„Ну, продолжаетъ хозяинъ дома, когда всѣ стихли:—нехай же легенько згадаетця всимъ!.. помершимъ царство небесне, а намъ всимъ на здоро́вья!...“, выпиваетъ чарку и дѣлаетъ извѣстное возліяніе, быстро брызгая изъ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождая иногда еще словами: „Щобъ выбрыку́валы!“ За главою семьи пьетъ водку хозяйка дома, за хозяйкою дома—старшій сынъ

и т. д. по старшинству семейной іерархіи, до послѣдней наймычки, до самаго малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте всѣ—*такъ годытия* [1]).

Обратимся теперь къ яствамъ...

Прежде всего подаются на столъ пироги. Главную роль играютъ тутъ пироги печеные и именно пироги съ макомъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхъ—пироги съ вареньмъ и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою *квасблею*, помазанные сверху *смдженымъ* съ лукомъ, конопляныъ, или льнянымъ масломъ. Второе мѣсто занимаютъ пироги, жареные на сковородѣ въ постномъ маслѣ, съ поджареною *шаткованою* капустою, съ вареньмъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые подостаточнѣе и которые начали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствованіями,— и съ гречневою крупою, перемѣшанною съ вязигою.—Пирогами закусываютъ водку и, кому нравится, съ пирогами же ѣдятъ и слѣдующія блюда.

За пирогами слѣдуетъ приготовленный на постномъ маслѣ, съ рыбою, борщъ. Борщъ для Багатой Кути приготовляютъ у насъ различный; но большею частію въ это время является у насъ на столѣ любимый нами жидкій, въ который входятъ. квасъ изъ квашеныхъ *бурякивъ* (свеклы), одна-двѣ луковицы луку, нѣсколько зеренъ нетертаго круглаго перцу, конечно—соль, и неподжаренные свѣжіе караси, пожалуй съ прибавкою нѣсколькихъ линовъ.

За борщемъ слѣдуютъ наши *товчѐныкы*, уха изъ щуки, приготовляемая на постномъ маслѣ. Щука въ товченыкахъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клёцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщѣ.—Товче-

---

[1]) Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему, по крайней мѣрѣ, намочатъ ею немного темя.

ныки, составляя одно изъ лакомѣйшихъ блюдъ украинской кухни[1]), въ то же время составляетъ необходимую принадлежность *вечéри* на Багату Кутю особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины, такъ-что нѣтъ товчениковъ—кутя выходитъ *гырява.* По этой-то причинѣ у меня выше украинская семья и радуется такъ щукѣ.

Послѣ товчениковъ подаютъ жареную на постномъ маслѣ рыбу,—главнымъ образомъ щуку и карася.

Тамъ является на столъ героиня вечери, *кутя́*: круто сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмѣ сортовъ крупы, каша.... Хозяйка дома беретъ тутъ же, съ покуття, миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, кладетъ въ послѣднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготовляетъ такимъ образомъ *сыту́.* За тѣмъ, выбравши изъ ситы ложкою всю вощину, накладываетъ въ нее кути.... Кути обыкновенно ѣдятъ мои земляки и землячки, немного, впрочемъ, всего случается!... Народу это не понравилось, и онъ опозорилъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто разсказываетъ, и въ которомъ объѣвшійся глава семьи, метаясь на *полу́*, взываетъ къ женѣ и дѣтямъ: „Жинко моя́, диты мои, кутя́ менѐ зъ свита зженѐ!“ Есть еще и другіе анекдоты на ту же тему, но отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ ничего, что̀ хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него похоже, а нашелъ представленными такія послѣдствія обжорства кутею, какихъ онъ за собою не чувствуетъ. Анекдоты, поэтому, остались только средствомъ для услажденія бесѣдъ пановъ и семинаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узва́ръ*—отваръ изъ сушеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ

---

[1]) Въ сѣверныхъ губерніяхъ товченики вкусно приговлены быть не могутъ, потому что мясо сѣверной щуки жестко и безвкусно.

письмѣ. Его наливаетъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечери водки пьютъ мало: рюмку, а много-много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше *никто* не пьетъ *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ*: *не годытця*, *не звычайно*, *грихъ*! Тѣмъ не менѣе, хоть за вечерею этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело тутъ бываетъ очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Тутъ забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все... и все, что тутъ есть, отдается прелести настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счатья... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выраженій радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задушевности: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды... Но въ этомъ тихомъ смѣхѣ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ и взглядахъ, столько истинной веселости или, лучше сказать, столько истиннаго, по истинѣ, счастливаго счастья, столько теплоты и сердечности, что заброшенный на чужую сторону,—только вспомнитъ—улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронитъ... Старикъ—глава семьи—оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутливъ... женщины и дѣти спѣшатъ къ нему съ роемъ своихъ поэтическихъ грезъ и замысловъ. Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей чихнетъ за вечерею--корову, теленка, ягненка... и хитрости дѣтскія—нюхать перецъ, чтобы чихать... Отецъ понялъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягненка, даритъ рудóго кота Брýньку, или рябýю кошку Мáшку... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ сознáлъ хорошо, что такое для него Кутя, и сознаніе свое выразилъ въ любимомъ своемъ тонѣ, въ тонѣ, что называется „на догáдъ бурякивъ, щобъ далы капýсты“ и „знай догадáйсь!“,—выразилъ насмѣшкою надъ цыганомъ, который разсуждаетъ, что хорошія, дескать, вещи Велыкдень и Риздвó: сегодня кормятъ хорошо и завтра не дурно; но нѣтъ въ

мірѣ ничего лучше Богатой Кути—сегодня хорошо, а завтра еще лучше!... „А что ужъ заговѣнье", заключаетъ цыганъ: „то хоть бы его и никогда не было: сегодня ѣшь хоть тресни, а завтра—*зъ хриномъ борщъ, зъ хриномъ борщъ!*" [1]).

Послѣ вечери тотчасъ и отправляютъ дѣтей съ *вечéрею* къ дѣду, бабкѣ, любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Кáкъ ихъ снаряжаютъ и кáкъ отправляютъ,—предоставлю объ этомъ разсказать послѣ, болѣе опытному разсказчику, Василію Петровичу; а я буду продолжать свое, замѣтивъ напередъ, что если лица, къ коимъ слѣдуетъ везти кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на второй день праздника,—что кутю привозятъ такъ и замужнія дочери и женатые сыновья, пріѣзжаютъ ли они къ *вечéри*, или послѣ, во время праздниковъ—и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ.

Выпроводивъ съ вечерею дѣтей, хозяйка тѣхъ изъ нихъ, которыя остались дома (что впрочемъ бываетъ только въ случаѣ ихъ болѣзни), вымоетъ имъ всѣмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бѣлье и тотчасъ уложитъ всѣхъ спать. Въ это время моютъ себѣ головы и ноги и все мужское населеніе семьи. Очистившись такимъ образомъ и надѣвъ чистое бѣлье, *тотчасъ ложатся спать всѣ безъ исключенія*, и никто изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинъ, послѣ вечери на Багату Кутю, не пойдетъ никуда ни подъ какимъ видомъ, на *дóсвиткы*, на *улыцю*, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всякаго приличія, такимъ безстыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нра-

---

1) Въ первый день поста, какъ извѣстно, звонятъ въ маленькіе колокола. На Украинѣ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно посредствомъ извѣстнаго рычага, *коромысла*, и издаютъ мѣрные звуки въ три темпа. Въ этомъ трехтемпномъ звукѣ постового звона моимъ землякамъ послышались слова *зъ хриномъ борщъ*, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слѣдуетъ питаться, во время первой недѣли поста, благочестивымъ христіанамъ.

вамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сросшими съ нашею плотью и кровію, обычаямъ, что окаяннаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всѣ мужчины и дѣти улеглись спать, женщины проворно приносятъ изъ погреба и изъ *хыжъ* и коморъ все, что имъ нужно для завтрешняго стола и убранства, перемываютъ посуду, мажутъ *дилъ* рудою глиною снова, моютъ себѣ головы и ноги, надѣваютъ чистое бѣлье, убираютъ все изъ хаты прочь, что̀ только есть въ ней грязнаго, и—кто ложится спать, а кто ждетъ возвращенія дѣтей, повезшихъ или понесшихъ вечерю. Воротились дѣти,—поджидавшая уложитъ и ихъ спать, подмететъ на ночь вѣникомъ еще разъ полъ... потому что мы вѣруемъ, что предъ каждымъ праздникомъ по нашимъ хатамъ ходитъ ангелъ, и мы боимся, чтобы онъ не задѣлъ своею святою ножкою за какую-нибудь соломинку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожитель... Послѣ этого, поджидавшая дѣтей и сама ложится спать, зажегши напередъ цѣлую свѣчу или подложивъ побольше масла или сала въ каганецъ, потому что мы вѣруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горѣть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари... И онъ дѣйствительно горитъ у насъ во всѣхъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій нашихъ обычаевъ и вѣрованій, если бы ему случилось проѣзжать чрезъ село наше или нашъ хутовъ *въ ночь предъ Рождествомъ*, могъ бы подумать, что мы пьянствуемъ въ это время или что̀ непотребное дѣлаемъ, или что всѣ наши хаты, „Духъ Святый при нихъ и при нашихъ осе́ляхъ!“ населены вѣдьмами, да колдунами, и тамъ врагъ добрыхъ людей, чортъ, строитъ съ ними какія-то бѣсовскія проказы...

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ откроетъ ее на рижкивскихъ болотахъ, съ своею лопатою и плешнею семидесятилѣтній рыбалка, Каленикъ, по отечеству Даниловичъ, по прозванію Переграй, до того момента, какъ закончитъ ее, всыпавъ въ каганецъ масла или сала поджидавшая дѣтей, возившихъ вечерю, хозяйка нашей хаты, или хозяйкина невѣстка! Иной кути, быть можетъ гдѣ нибудь въ ка-

кой-нибудь повѣсти, кѣмъ-нибудь описанной, вѣрьте, у насъ нѣтъ! Можетъ, я нескладно спѣлъ, но сказалъ правду,—не вкусно, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацію нашей Богатой Кути, какіе элементы вы ни желали бы видѣть въ ея основаніи, до полнаго уразумѣнія ея внутренняго смысла, мнѣ кажется, вы никакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и при томъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца идущаго чествованія *своему близкому, родному*. Я говорю это потому, что своимъ, *риднымъ*, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начиная отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первою чаркою и развозки *кути* по *роднымъ, близкимъ*!... Какія именно стороны нашего прошлаго были мотивомъ для такого чествованія,—не берусь разсуждать; „хто його знáе! про те письмѐнни люди знàють—ихъ роспытáйте!“.

Въ заключеніе послушаемъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о сборахъ въ поѣздкѣ съ вечерею и о самомъ выѣздѣ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромѣ кути и узвару, дѣйствительно посылаютъ и еще разныя разности, какъ говоритъ и Василій Петровичъ; но въ семействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дѣда, бабки, отца, матери и т. д., ограничиваются, первые,—только узваромъ и кутею, а вторые—одною кутею.

„...Вотъ“, говоритъ Василій Петровичъ, „мать моя уже хлопочетъ около вечери! Горщечки, баночки, *макитерки*, тарелки,—съ кутею, узваромъ и разными разностями—уставлены въ безмѣрной величины бѣлую миску, въ которой обыкновенно святятъ паску... Вотъ миска эта завязана въ безмѣрной величины скатерти снѣжной бѣлизны; терпѣливо поджидаетъ насъ и обливается отъ варёного, какъ обливается пòтомъ, красавица-невѣстка, въ бѣломъ съ усами новенькомъ нагольномъ тулупѣ, уже собравшаяся въ Рождество ѣхать къ матери, но еще поджидающая своего мѣшкотнаго сибарита-мужа.

„Вотъ на насъ, дѣтяхъ, уже *билéньки сорочечки*, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ всѣхъ

лентами... На насъ верхняя теплая одежда; на мнѣ шубка на бѣломъ кроличьемъ мѣху, предметъ зависти моихъ сестеръ и разныхъ ихъ женскихъ ухищреній!...

„Вотъ уже и нянька моя собралась—смотрѣть за дѣтьми въ дорогѣ; и сѣдоволосая баба Миниха явилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотрѣть за *вечёрею* во время пути, представить такой же сѣдоволосой, какъ и она сама, бабушкѣ нашей ея внуковъ, поздравленіе ихъ съ святъ-вечеромъ и самую вечерю; по мнѣнію всѣхъ только одна Миниха могла занять мѣсто моей матери въ такомъ торжественномъ случаѣ!

„Вотъ, лучшія сани, устланныя лучшими коврами изъ материныхъ сундуковъ и запряженные лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули мимо оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца,—а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидитъ самъ дидъ Мина, никогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, но на этотъ разъ взявшійся за прочносдѣланныя возжи, какъ болѣе достойный править такими крутошеими жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерею!...

„Вотъ дивчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуповъ и великана-миску съ вечерею, а за ними и мы на крыльцо!... Огромный тулупъ растянулся поперегъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулупъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатыя объятія... Нанька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны, баба Миниха съ другой...

„—Зъ Богомъ!—говоритъ мать и осѣняетъ крестомъ весь нашъ поѣздъ.

„Дидъ Мина тряхнулъ возжами, Павло, державшій лошадей подъ уздцы, отскочилъ въ сторону, и сани скрипнули и понеслись стрѣлою, свистя полозьями и изрѣдка подпрыгивая на попадавшихся кочкахъ.

„Вотъ мы уже за дворомъ, вотъ несемся вдоль хутора, поворотили на *взвизъ*, уже мы на рѣкѣ... Поворачиваемъ головки:—

на горѣ, на крыльцѣ, виднѣются всѣ насъ провожавшіе: вотъ и Павло, вѣроятно любуется лоснящеюся на лунномъ свѣтѣ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ *миро́шникъ* стоитъ, конечно разсуждая, что кониковъ-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька *килимниция* должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жмурится быстроокая, не разглядитъ ли яркихъ цвѣтовъ на коврахъ; а вотъ и добрая моя мать!... и безъ сомнѣнія, думаетъ она не о крутошеихъ жоребцахъ, и не о надежныхъ кониковъ, и не о яркихъ цвѣтахъ на коврѣ...".

20 декабря 1858.

ПИСЬМО 3-е.[1]

СВЯТЫЙ ВЕЧИРЪ.[2]

Теперь, мой читатель, не на *Рижкивски* болота, не къ *Рижкивскимъ духа́мъ и изкамъ*, а въ самую глубь села *Рижкивъ*, на площадь передъ рижкивскою церковью, а пожалуй и на самую рижкивскую колокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые пѣтухи запоютъ, а рижковскому *паламаре́ви* (пономарю) не то, что Нестору рижкивскихъ рибалокъ[3]). Примется Кале̇никъ Даниловичъ за свое дѣло немножко раньше, или немножко позже,—ни чьи интересы не потерпятъ, никто за это не осудитъ; но рижкивскій пономарь—зазвони слишкомъ рано—„якѐ вже тамъ и молиння такъ рано!“ —слишкомъ поздно—„и вжѐ! якъ такъ и паламарюва́ть!“ Конечно, иному прочему на эти *су́ды и пересу́ды* можно и вниманія не обратить,

---

[1]) Основа, 1861 г,, іюнь, 21—38.

[2]) Первый день Рождества народъ большею частію называетъ *Риздво́мъ*, *Риздво*. Но какъ *Риздво́мъ* называются и вообще Рождественскіе праздники, то мною и избрано *Святый вечиръ*, какъ названіе съ болѣе тѣснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послѣднее названіе не вездѣ одинаково употребляется, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующаго въ моемъ разсказѣ.

[3]) См. 2-е Письмо.

и какая-нибудь отчисленная изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство *фáра* или *инфыма*[1]),—словомъ, какая-нибудь вольная птица, которая сегодня здѣсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случаѣ, и поступила; но теперешній рижкивскій пономарь, *Гарáсько Трохымовичъ*, лицо громáдское и избранное судомъ громàдскимъ, а чтò всего важнѣе, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюденій:—такъ случилось;—а въ подобномъ случаѣ—„Э, ни! оцюды слýхай!" Какъ только избрали Гараська Трохымовича въ пономари: „А якá бýде рáда?" тотчасъ обратился онъ съ рѣчью къ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ. *Рáда була—дрýги пивни*,—и съ того времени, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, а рижкивскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясали над-рижкивскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пѣтуховъ, ни позже, каковы бы ни были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы иной разъ ни хотѣлось рижкивскимъ колоколамъ подремать, хоть немножко, хоть *чýточку*, хоть *пивчýточки* (существительное, которому въ великорусскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго,—отъ *чуть*).

Какъ тихо вездѣ! Не будь огоньковъ въ окнахъ—видите, въ той вонъ сторонѣ, какъ весело—два окна? Это у Гаврилèнкивъ,—есть кому и есть изъ чего... А бѣднякъ Лéбедь—*тилькы-тилькы*!.. А какая погода теплая! Не будетъ ли снѣгъ къ утру? Сколько я замѣтилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдѣ-то пѣтухъ—крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дорошыхи, удивительныхъ держитъ пѣтуховъ! А вотъ и другой, третій...

---

[1]) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались Фàра, Инфима, Грамматика, Синтаксисъ, Риторика или Поэзія (послѣднее названіе можно теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), Философія и Богословія. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: фарыстъ или фарыста, инфымыстъ, граммàтикъ, синтàктикъ, рéторъ, философъ и богословъ, но иногда какъ и у меня: фàра, инфима и т. д.

Вторые пѣтухи на полномъ ходу! Вотъ гдѣ-то, далеко-далеко, на томъ концѣ села, какъ-будто на томъ свѣтѣ... вотъ здѣсь, тамъ, снова здѣсь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбились.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гара́сько Трохимовичъ! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ будто колышется: это *зъ лыхтарнею* (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить *ба́тюшку*... Нѣтъ, остановился у Гавриленкивъ, стучитъ... Понимаю!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—большіе охотники звонить въ колокола. Нужно, напримѣръ, прозвонить по *вмиру́щому*: „А ну! Пѐтре или Ива́не", и Петро̀ или Иванъ, навѣрное, не откажутся, хоть дождь на дворѣ будетъ, грязь, *лиха́ годына*. Случится, прійдетъ, мѣста заняты—ничего! по-крайней мѣрѣ послушаетъ, какъ оно тамъ—*якъ въ котли кыпыть*. Я знавалъ любителей, что въ дни, когда обыкновенно цѣлый день бываетъ трезвонъ, съ колокольни и не сходили. Придите, въ воскресенье или въ какой праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ обѣдни,—паробковъ на колокольню *нашёвкалось* (налѣзло), какъ говорится, и *ку́рци но́сомъ нигде клюнуть*! Конечно, не послѣднее въ этомъ случаѣ и то:—будутъ итти дивчата,—*кахыкнуть*, перевѣсившись изъ окна... затарабанить пальцами по *шалёвци*, а пожалуй и *жа́ртомъ* перекинуться, если стариковъ близко нѣтъ (старики близко—*не го́же, незвыча́йно*): но главное—какъ я сказалъ.

На такой склонности, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвиглось убѣжденіе—и не только въ паробкахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ извѣстной степени и въ тѣхъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:—чѣмъ въ большій колоколъ и чѣмъ въ большій праздникъ прозвонить, тѣмъ лучше, *величнише* (тѣмъ больше чести), а прозвонить въ самый большой колоколъ и въ одинъ изъ самыхъ большихъ годовыхъ праздниковъ,—напр. на Рождество, на *великдень, на храмъ*,—это ужь такъ хорошо и *велично*, что просто и сказать нельзя!... А на семъ, и тоже какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвигся обычай—*гривни, гривня*—де-

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 66-го:

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ. 1899.

Книга первая—іюль.

ОТДѢЛЪ I.

I. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. **Е. К.** . . . . 1—23

II. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 3. Письма О. М. Бодянскаго, 1848—56 гг. . . . . 24—32

III. СУДЬБА. Разказъ **Влад. К—ча** . . . . 33—69

IV. ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ въ Староконстантиновскомъ у., Волынской губ. Сообщ. **Л. Ленчевскій** . . 70—78

V. КЪ ВОПРОСУ О КОЛОНИЗАЦІИ ПОСУЛЬЯ ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ. **В Милорадовича** . . . . 79—89

VI. ПОПОКЪ. (*Окончаніе*). **Б. Познанскаго** . . . . 90—130

VII. ПАМЯТИ В. В. ТАРНОВСКАГО. **Н. Ш.** . . . . 131—133

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) О стихотвореніи «Славянамъ», приписанномъ Т. Г. Шевченку. **В. Науменка**; б) Малорусская пѣсня въ изданіи 1794 года.

В Н.; в) Письмо П. А. Кулиша къ М. А. Максимовичу; г) Къ XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ . . . . . . 1—11
Текущія извѣстія . . . . 11—16

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) «Материяли до украиньско-руськоі етнольогіі», выданне етнографичноі коммісиі за редакциею Хв. Вовка, т. I. **А. Малинки**; б) Д. Марковычъ. По степамъ и хуторамъ. **С. Н.**; в) Я. Жарко. Байки. Спб. 1889 г. **И.**; г) Этнографическое обозрѣніе 1895 года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . . . 17—31
Археологическая лѣтопись . . . . 32—44

III. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 7-й и 8-й.

Книга вторая—августъ.

ОТДѢЛЪ I

I. ТРЕТІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ Г. КІЕВѢ 1874 г.: 1) Отъ Редакціи; 2) Вопросы по археологіи и исторіи, обсуждавшіеся на 3-мъ Археолог. съѣздѣ. **В. Антоновича**; 3) Вопросы по ю. р. этнографіи и литературѣ, обсуждавшіеся на 3-мъ археологич. съѣздѣ. **В. Науменка.** I—XIV

II. ЧТО ТАКОЕ МАЛОРУССКАЯ (ЮЖНОРУССКАЯ) РѢЧЬ? **К. Михальчука.** . . . . 135—195

III. ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКОЙ ДЕМОНОЛОГІИ. **В. Милорадовича.** . . . . 196—209

IV. САВА ЧАЛЫЙ. Трагедія въ 5-ти діяхъ и 7-ми картынахъ. **И. Карпенко-Карого** . . . . 210—264

V. ПОДВЕДЕМЪ ИТОГИ. (Отвѣтъ на статьи въ „Кіевлянинѣ:“ Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ Галиціи). **В. Науменка.** 265—276

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Неизданное стихотвореніе гр. Ал. Толстого. Съ пред. **А. Степовича**; б) Актъ признательности митрополиту Евгенію отъ дворянъ

Кіевской губерніи. Сообщ. протоіерей **П. Орловскій;** в) Историческія вирши по рукописи начала XVIII в. Сообщ. **В. Перетцъ;** г) Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного. **И. Савченка;** д) Харьковскія художники первой половины нынѣшняго столѣтія; е) Кн. А. В. Дабижа. (Некрологъ). **В. Г.** 45—63

Текущія извѣстія . . . . 63—69

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ **В. Саввы;** б) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 11-й **Н. Т.**; в) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 70—90

Археологическая лѣтопись . . . . 91—97

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Разсказы М. Т. Симонова. (Номиса). Листъ 9-й и 2) Руководство къ обученію грамотѣ, составленное для малорусскихъ воскресныхъ школъ **А. А.** Потебней; стр. 1—15.

Книга третья—сентябрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА. (*Продолженіе*). **А. Крымскаго**. . . . . 277—311

II. САВА ЧАЛЫЙ. Трагедія въ 5 діяхъ и 7-мы картынахъ. (*Окончаніе*). **И. Карпенка-Карого**. . . . . 312—340

III. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 3) Письма П. А. Кулиша (1856—1858 гг.) . . . . 341—355

IV. У МОГИЛЪ П. А. КУЛИША И В. М. БѢЛОЗЕРСКАГО. Съ прилож. двухъ рисунковъ въ текстѣ. **Н. Ш—ова**. . . 356—378

V. ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКОЙ ДЕМОНОЛОГІИ. (*Окончаніе*). **В. Милорадовича**. . . . . 379—400

VI. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАДЪ ГРАФ. П. С. УВАРОВОЙ НА XI АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ СЪѢЗДѢ . . . . 401—418

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Къ Шевченковской коллекціи. (Письмо въ редакцію). **О. Ю. Сластіона**; б) Легенды о проф. Боткинѣ. Сообщ. **М. К. Васильевъ**; в) Майноскіе козаки и ихъ земля; г) Канадскіе русины; д) Поправка . . . . 99—112

Текущія извѣстія . . . . 112—119

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. Верзиловъ. Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569 гг. **Н. В.**; б) П. А. Кулишъ. Воспоминанія дѣтства. (Повѣсти); в) Этнографическое обозрѣніе 1896—1897 гг.; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 119—130

Археологическая лѣтопись . . . . 131—142

III. ПРИЛОЖЕНІЯ 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 10-й и 11-й.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1900 году

(19-ый годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той-же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ — *8 руб. 50 коп.*; заграницу — *12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина" (Тарасовская, № 15), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина" (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины".

Издатель **К. М. Гамалѣй.** Редакторъ **В. П. Науменко.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 октября 1899 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVII.

ОКТЯБРЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. **П. Житецкаго.** . . . . 1—30

II. МАЛОРУССКОЕ СЛОВО „ПАЛЯНЫЦЯ" И ГРЕЧЕСКОЕ ПЕ́ΛΑΝΟΞ **М. Дикарева.** . . . . 31—49

III. „ОСТАННЯ НИЧЪ". Историчяя драма въ двохъ картынахъ. **М. Старицкаго** . . . . 50—92

IV. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. *(Окончаніе).* **Е. К.** . . . 93—106

V. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. **Н. Бѣляшевскаго** . . . . 107—120

VI. ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЯСТРЕБОВЪ. *(Некрологъ).* 121—126

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Замѣчательный кладъ. **В. Антоновича;** б) Замыслъ на попа по рукописи 1798 г. Сообщ. **В. Науменко;** в) Письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу. **В. Науменка;** г) Порфирій Кореницкій—забытый малорусскій писатель. Сообщ. **В. Науменко;** д) Истребленіе древняго замка на Подоліи. **Ор. Левицкаго;** е) Богданъ Залѣскій и Гоголь; ж) Н. И. Гулакъ *(некрологъ).* з) Объ изданіи перепечатки И. И. Срезневскаго; и) Поправка . . . . 1—19

Текущія извѣстія. . . . . 19—28

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв. **В. Щербины;** б) К. Болсуновскій. 1) Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Запад. края. 2) Свинцовыя пластинки (пломбы) съ условными знаками церковныхъ праздниковъ, 3) Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владиміра во время XI-го русскаго археолог. съѣзда въ Кіевѣ. **И. Каманина;** в) С. Л. Пташицкій. Князья Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы. **И. Каманина;** г) Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 29—42

Археологическая лѣтопись. . . . . 43—58

III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 12-й и 13-й.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО
и
ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

I.

Внѣшній видъ списка. Старинные любители малорусскаго чтенія. Корни Энеиды въ прошломъ.

Предъ нами рукописная книжечка, напоминающая форматомъ своимъ старинныя тетрадки странствующихъ дьяковъ и пиворѣзовъ. На лицевой сторонѣ ея написано: „Энеида—сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ“. Почеркъ этой надписи не древній и, во всякомъ случаѣ, не тотъ, которымъ написана вся рукопись. Состоитъ она изъ 72 листовъ синей бумаги въ восьмую долю. Листки всѣ сохранились въ цѣлости, благодаря бумажному переплету съ кожанымъ корешкомъ и кожаными углами. Пагинація—не по страницамъ, а по листкамъ. Послѣдній не отмѣченъ цифрою, потому что текстъ рукописи оканчивается на первой страницѣ 71 листка. На 46 листкѣ есть водяные знаки, указывающіе на 1798 годъ: ясно, что рукопись не могла появиться раньше этого времени. Но если это обстоятельство убавляетъ цѣнность ея, то отмѣтка на заглавномъ сѣромъ листѣ возстановляетъ право ея на наше вниманіе. Отмѣтка эта сдѣлана рукою первоначальнаго владѣльца рукописи: «сія книга принадлежитъ протодіакону Николаю Заградскому, 1799 г.“ На внутренней сторонѣ переплета читаемъ слѣдующее: „сія книга подарена кіевскимъ протодіакономъ Николаемъ Заградскимъ въ 1828-мъ годѣ отцу моему Андрею Даниловичу Левченку, которая досталась мнѣ по наслѣдству Николаю Андреевичу Левченку».

Затѣмъ—съ новой строки: «отецъ мой Андрей Левченко умеръ 1845-го года декабря 26 дня въ 12 часовъ утра отъ водяной болѣзни въ мѣстечкѣ Лѣплявомъ, полтавской губерніи, золотоношскаго уѣзда, гдѣ и погребенъ священникомъ Даніиломъ Юркевичемъ».

Кто были эти Левченки—отецъ и сынъ, мы не знаемъ, но у насъ есть любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ владѣльцѣ рукописи Заградскомъ. Родился онъ въ 1767 году въ Переяславѣ, учился тамъ же въ семинаріи, но курса не окончилъ и въ 1786 году изъ пѣвчихъ митрополичьяго хора рукоположенъ былъ въ діакона при Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Въ этой скромной должности онъ прослужилъ весь свой долгій вѣкъ при шести митрополитахъ, которые дорожили имъ, какъ отличнымъ пѣвцемъ и опытнымъ уставщикомъ на соборномъ клиросѣ. Тѣ же самыя качества привлекали къ нему и симпатіи кіевлянъ, которые въ воскресные и праздничные дни переполняли Софійскій храмъ, чтобы послушать прекрасное пѣніе хора подъ управленіемъ о. Заградскаго. Слава о немъ дошла и до Петербурга, куда онъ вызванъ былъ въ 1810 году на открывшееся протодіаконское мѣсто въ придворной церкви. Приказано было ему ѣхать немедленно, для чего и получилъ онъ 250 р. на путевыя издержки. Но о. Заградскій, слѣдуя патріархальнымъ обычаямъ своего времени, двинулся въ путь хозяйскимъ образомъ—одною лошадью и на собственномъ возкѣ, нагруженномъ домашнею провизіей. Ѣхалъ онъ въ Петербургъ полтора мѣсяца и прибылъ уже послѣ того, какъ мѣсто его было занято. Къ утѣшенію своему онъ имѣлъ случай участвовать въ священнослуженіи въ присутствіи Государя и получилъ отъ него одобреніе за благозвучное исполненіе церковной службы, а въ награду за понесенные имъ труды ему пожалована была бархатная ряса и 300 р. на обратный путь. Обрадовались кіевляне возвращенію своего любимаго пѣвца, который послѣ этого не разлучался уже съ ними до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1841 году [1]).

---

[1]) Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1893 г, № 23.

Такова была несложная жизнь одного изъ почитателей Котляревскаго. Для насъ понятно теперь, почему онъ увлекался Энеидой. Очевидно, это былъ человѣкъ съ эстетическими наклонностями, которыя выражались не въ одномъ церковномъ пѣніи. Здѣсь онъ былъ мастеромъ своего дѣла, потому-то ему доступна была и область поэзіи. Изъ общественнаго положенія своего онъ извлекалъ все то, что окрыляло мысль и фантазію его. Такъ, онъ любилъ объяснять богомольцамъ мозаическія изображенія въ алтарѣ Софійскаго храма и разсказывать имъ исторію святынь его. Въ общеніи съ народомъ онъ находилъ, повидимому, нравственное удовлетвореніе. По всей вѣроятности, и тотъ Левченко, которому онъ подарилъ Энеиду, былъ человѣкъ того же типа, т. е. принадлежалъ къ мелкой интеллигенціи малорусской, въ составъ которой входили низшіе ряды духовенства, а также хуторскіе панки и полупанки, не потерявшіе симпатій къ народному языку и къ народной пѣснѣ. Для такихъ людей Котляревскій былъ выразителемъ поэтическихъ настроеній родной старины, тѣхъ настроеній, которыя созданы были южнорусской школой XVII и XVIII в. путемъ бытовыхъ соприкосновеній ея съ народной жизнью [1]).

Такимъ образомъ корни Энеиды—въ прошломъ. Къ нему мы и должны обратиться для того, чтобы понять генезисъ этого произведенія, отъ котораго ведетъ начало свое новая малорусская литература.

II.

Церковная регламентація въ богослужебныхъ книгахъ малорусской печати. Исходныя точки въ обзорѣ памятниковъ малорусской литературы XVIII в.

Нѣкогда Лазарь Барановичъ назвалъ Кіевъ «гнѣздомъ православія» и „русскимъ Парижемъ“ [2]). Конечно, это послѣднее

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ въ книгѣ нашей «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ» 39—59.

[2]) Письма Лазаря Барановича, Черниговъ, 1865 г., стр. 61, 117.

названіе есть ничто иное, какъ патріотическая гипербола, но въ первомъ ничего нѣтъ преувеличеннаго. Въ 1686 году это гнѣздо православія окончательно присоединено было къ московскому государству. Событіе это навсегда рѣшило участь южной Руси, которая чрезъ Кіевъ вступала не только въ политическое, но и въ культурное общеніе съ сѣверной Русью, гдѣ тоже было свое старинное «гнѣздо православія»—Москва.

Нужно сказать, впрочемъ, что въ Москвѣ съ большимъ недовѣріемъ смотрѣли на представителей южнорусскаго православія, особенно послѣ смерти Θеодора Алексѣевича, когда все малорусское духовенство заподозрѣно было „въ единоуміи съ папою и съ римскимъ костеломъ". Извѣстно, что при патріархѣ Іоакимѣ запрещены были сочиненія лучшихъ писателей малорусскихъ, не мало потрудившихся для защиты православія [1]). Ревнители московскаго православія опирались на грековъ, которые бросали невыгодную тѣнь на кіевскихъ ученыхъ. Такъ, уже при Петрѣ Великомъ патріархъ іерусалимскій Досифей убѣждалъ царя, чтобы „на Москвѣ не было игумена и архимандрита отъ козацкаго рода", чтобы „Москвитяне (были) и въ козацкой землѣ", такъ какъ они „хранятъ отеческую вѣру непремѣнную сущіи не любопытательные и не лукавніи человѣцы" [2]). Причиной нерасположенности Патріарха къ духовенству „изъ козацкаго рода" была увѣренность, что южнорусскіе іерархи заведутъ и въ Великой Руси порядки, неблагопріятные греческому вліянію. Въ письмѣ къ Стефану Яворскому (отъ 15 ноября 1703 г.) тотъ же Досифей прямо говоритъ: „нынѣ, находясь въ православномъ градѣ (Москвѣ), въ конецъ эллинское ученіе стерлъ еси и токмо о латинскихъ школахъ стараешися" [3]). Па-

---

[1]) «Большой Требникъ и Служебникъ» Петра Могилы, «Катихизисъ» и «Экзегезисъ» Сильвестра Коссова, «Выкладъ о церкви» Θеодосія Сафоновича, «Миръ съ Богомъ» Иннокентія Гизеля, «Мечъ» и «Трубы словесъ» Лазаря Барановича, «Ключъ разумѣнія» и „Мессія Праведный" Іоанникія Галятовскаго, «Огородокъ» Антонія Радивиловскаго.

[2]) Труды кіевской академіи, 1854 г., к. III, стр. 249

[3]) Ib.

тріархъ упрекалъ также Стефана Яворскаго за то, что онъ не подражалъ патріарху Іоакиму въ изобличеніи тѣхъ людей, которые приносятъ смущеніе къ царствующій градъ, т. е. иностранцевъ [1]). Очевидно, латинская школа, процвѣтавшая въ южной Руси, при всѣхъ ея несовершенствахъ, не была склонна поддерживать отчужденіе отъ Европы, которое вело къ національному самомнѣнію и невѣжеству. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ появленія своего въ Москвѣ, Стефанъ Яворскій выступилъ съ полемическимъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ приверженцевъ старины, которые утверждали, что Москва, начавшая перенимать иностранные обычаи, сдѣлалась новымъ Вавилономъ, что она, подобно Вавилону, погибнетъ отъ развращенія нравовъ [2]). Съ талантомъ замѣчательнаго проповѣдника Стефанъ Яворскій отзывался на всѣ текущія явленія жизни, оправдывая и защищая усилія правительства, направленныя къ сближенію Россіи съ Западной Европой. Въ проповѣдяхъ своихъ онъ доказывалъ необходимость построенія Петербурга, толковалъ о пользѣ флота, о преимуществахъ морской торговли предъ караванною и т. п. Понятно послѣ этого, что отзывы іерусалимскаго патріарха о неблагонадежности Стефана Яворскаго имѣли въ глазахъ Петра Великаго совсѣмъ противоположное значеніе...

Тѣмъ не менѣе этнографическая рознь между сѣверянами и южанами постоянно примѣшивалась къ вопросу о чистомъ православіи и при Петрѣ Великомъ, и послѣ него, поэтому на сѣверѣ всегда относились съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ къ церковнымъ книгамъ кіевской печати. Вотъ факты.

Въ 1709 году изданы были въ Москвѣ „Бесѣды Іоанна Златоустаго на четырнадцать посланій Ап. Павла". Въ предисловіи къ этому изданію сказано, что Бесѣды перепечатаны съ кіевскаго изданія, при чемъ издатели старались сохранить „ореографію, сирѣчь правописаніе и правовѣріе *великороссійское* правильное по ученію грамматистовъ и любомудрецовъ, въ учили-

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. XV, 115.

[2]) Знаменіе пришествія Антихриста и кончины вѣка. 1703 г.

щахъ издревле и донынѣ обдержимому... А малороссійская примрачная рѣченія изъяснихомъ обыкновенными [1])."

Въ 1720 году по поводу изданнаго въ Кіевѣ Минологіона на 1718 годъ, гдѣ на заглавномъ листѣ кіево-печерская лавра названа была ставропигіей константинопольскаго патріарха, издано было распоряженіе, чтобы впредь этого не было, и чтобы „вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать. А и оныя церковныя старыя книги съ такими же церковными книгами справливать, прежде печати, съ тѣми *великороссійскими* печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія не было" [2]).

Въ 1721 году первоначальная типографія въ Москвѣ, а также типографіи петербургская, кіевская и черниговская были подчинены св. Синоду. Наблюденіе за всѣми типографіями было возложено на члена св. Синода Гавріила Бужинскаго съ титуломъ протектора типографій. Обязанность этого протектора по отношенію къ малорусскимъ изданіямъ заключалась въ сличеніи ихъ съ великорусскими. Такъ, въ книгѣ Дѣяній и Посланій Апостоловъ, изданной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1722 году, значится: „сія книга Апостолъ повелѣніемъ святѣйшаго правительствующаго Синода всероссійскаго въ конторѣ типографской противъ Апостола всероссійскаго зводу изслѣдованна, и по изслѣдованіи обрѣтеся во всемъ съ *великороссійскимъ* сходна. Того ради печати предати и въ народъ отпущати св. правительствующій синодъ всероссійскій благословляетъ". Слѣдуетъ далѣе подпись Бужинскаго. [3]) Такія же отмѣтки встрѣчаются и на другихъ кіевскихъ и черниговскихъ изданіяхъ. [4]) Требованія этого рода были иногда редактируемы въ самой рѣшительной формѣ. Такъ, въ 1726 году настоятель кіевскаго Златоверхо-Михай-

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. II, стр. 193.

[2]) Ibid. т. II. 669—670.

[3]) Ibidem, т. II, 556.

[4]) Подробности объ этомъ, особенно любопытныя по отношенію къ черниговской типографіи, см. ibid., т. II, 672—673.

ловскаго монастыря ходатайствовалъ предъ синодомъ о дозволеніи напечатать акафистъ великомученицѣ Варварѣ, составленный, какъ извѣстно, въ Кіевѣ митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ, когда онъ былъ еще архимандритомъ. Получено было разрѣшеніе, но съ тѣмъ, чтобы изданіе вышло „на *великороссійскомъ* нарѣчіи“ [1]).

При Аннѣ Іоанновнѣ архіепископу кіевскому Рафаилу Заборовскому повелѣно было отобрать отъ всѣхъ малороссійскихъ церквей книги прежней южнорусской печати, замѣнивъ ихъ книгами московскаго изданія. Но такъ какъ московская типографія не могла удовлетворить всѣ заказы, то книги прежней печати не выходили изъ употребленія. При Елисаветѣ Петровнѣ снова потребовали уничтоженія этихъ книгъ, разрѣшивъ митрополиту Тимофею Щербацкому завести при Софійской каѳедрѣ особую типографію съ тѣмъ, чтобы „противно печатаемыхъ въ московской типографіи книгъ несогласія отнюдь не было“ [2]). Но типографія эта не была открыта. Кіево-печерская типографія продолжала печатать книги по старинѣ. Тогда указами 1766 и 1772 годовъ рѣшительно приказано было ей перепечатывать слово въ слово московскія изданія. Въ 1769 году архимандритъ кіево-печерскій Зосима просилъ у Синода позволенія печатать, по крайней мѣрѣ, буквари не московскіе, ссылаясь на то обстоятельство, что народъ не хотѣлъ покупать этихъ послѣднихъ. Въ этомъ было ему отказано [3]). Митрополитъ кіевскій Гавріилъ Кременецкій вмѣнилъ въ обязанность священникамъ выписывать церковныя книги только чрезъ консисторію, которая обращалась за этими книгами въ московскую типографію [4]).

Что же происходило въ самой Малороссіи, на почвѣ собственно литературной, болѣе независимой отъ церковной регламентаціи?

На этотъ вопросъ мы будемъ отвѣчать обзоромъ литературныхъ произведеній, созданныхъ малорусскими писателями въ

---

[1]) Ibidem, т. II, 8—9.

[2]) Описаніе кіево-софійскаго собора, стр. 206.

[3]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1862 г. № 32, стр. 495.

[4]) Ibidem.

XVIII вѣкѣ подъ впечатлѣніями мѣстной жизни, по вызову мѣстныхъ потребностей.

Предъ нами матеріалъ громадный, но мы должны выбрать изъ него только то, что уясняетъ такъ или иначе связь и преемственность умственныхъ теченій, предшествовавшихъ появленію Энеиды Котляревскаго.

Для этихъ теченій еще въ XVII вѣкѣ выработаны были два типа литературной рѣчи—рѣчь славянорусская и книжная малорусская. Анализъ той и другой рѣчи мы сдѣлали въ отдѣльномъ изслѣдованіи [1]). Опираясь на этотъ анализъ, мы будемъ слѣдить за видоизмѣненіями каждой изъ нихъ въ XVIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ новыхъ условій религіозной и политической жизни, наступившихъ для южной Руси послѣ соединенія ея съ сѣверной Русью.

Въ связи съ этими видоизмѣненіями мы будемъ отмѣчать характерныя черты самихъ писателей, насколько онѣ отразились въ содержаніи и стилѣ ихъ произведеній.

III.

Черты славяно-малорусской рѣчи въ раннихъ произведеніяхъ Өеофана Прокоповича, въ лѣтописи Грабянки и въ „Странствованіяхъ" Василія Григоровича-Барскаго.

Извѣстно, что церковнославянскій языкъ, разработанный въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, сближенъ былъ съ такими свойствами русскихъ нарѣчій, которыя составляютъ общее достояніе ихъ (отсутствіе глухихъ гласныхъ, полногласіе и т. п.), поэтому его можно назвать не столько церковнославянскимъ, сколько славянорусскимъ въ самомъ общемъ значеніи этого слова [2]). Вотъ этотъ славянорусскій языкъ въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка почти свободенъ былъ отъ

---

[1]) Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., 1883 г.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. ibidem, стр. 1—36.

мѣстной малорусской примѣси. Не то мы видимъ въ XVIII вѣкѣ. По прежнему онъ пользовался уваженіемъ въ средѣ малорусскихъ писателей, но въ немъ замѣтны уже значительныя отклоненія въ пользу народныхъ элементовъ рѣчи.

Черты этого языка явственно замѣтны уже въ раннихъ сочиненіяхъ Ѳеофана Прокоповича, написанныхъ въ Кіевѣ.

Такъ, въ Похвальномъ словѣ Прокоповича (Панегурикос) „о преславной надъ войсками свѣйскими побѣдѣ“ постоянно смѣшиваются *и* и *ы*, тогда какъ въ славянорусскихъ произведеніяхъ XVII вѣка эта звуковая особенность малорусскаго нарѣчія встрѣчается очень рѣдко: *веселій* вм. *веселый*, *вѣри*, *сили* (род. п. един.), *подобнимъ* и проч. [1]). Въ трагедокомедіи его же „Владиміръ:“ *вына* вм. *вина*, *обыди* вм. *обиды*, *страни* вм. *страны*, *ти* вм. *ты*, *на ви* вм. *на вы*, *златій*, *слишахъ*. [2]) Въ тѣхъ же произведеніяхъ Ѳеофана Прокоповича не менѣе часто употребленіе *ѣ*, какъ *и*. Рифмуются, напримѣръ, слова: *тѣлу* и *силу*, *бѣдный* и *сильный*, *находити* и *навѣты*, *входити* и *зрѣти* (Панегирикосъ), *до моей волѣ*, *царевѣ* (дат. ед.), *держѣмъ*, *потерпѣмо*, *творѣте* (трагедокомедія „Владиміръ“). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ произведеній Ѳеофана Прокоповича въ спискахъ, современныхъ самимъ произведеніямъ. Въ библіотекѣ кіевской Духовной академіи есть списокъ проповѣдей его, относящійся къ 1751 году: нѣкоторыя изъ этихъ проповѣдей сказаны были

---

[1]) Мы пользовались изданіемъ Панегирикоса изъ библіотеки кіевской Духовной семинаріи подъ № 188), которое тождественно съ описаннымъ у Пекарскаго (Наука и Литература при Петрѣ Великомъ подъ № 142). Другое изданіе, описанное подъ № 148, отличается московскимъ выговоромъ и правописаніемъ, хотя оба изданія относятся къ одному и тому же году (1709). Понегирикосъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей—предисловія, довольно объемистаго Похвальнаго слова и стихотворенія подъ заглавіемъ: *Епінікіон*. Все это напечатано было въ кіево-печерской лаврѣ 10 іюля 1709 года, слѣдовательно, для составленія Панегирикоса и напечатанія его потребовалось менѣе двухъ недѣль.

[2]) Рукопись кіевск. Дух. академіи не позже первой половины прошлаго вѣка, № J. т. 92. 13.

въ Кіевѣ. Судя по этому списку, Θеофанъ Прокоповичъ наклонялъ въ нихъ славянорусскую рѣчь къ малорусскому типу. Но еслибы эти привычки и не принадлежали ему лично, то, во всякомъ случаѣ, это не ослабляетъ силу фактовъ, характеризующихъ литературное употребленіе славянорусской рѣчи въ XVIII вѣкѣ. Замѣчательно при этомъ въ проповѣдяхъ его 1) крайне ограниченное употребленіе славянскихъ глагольныхъ формъ; 2) незначительное количество польскихъ союзовъ и полное отсутствіе польскихъ глагольныхъ формъ; 3) смѣшанное употребленіе славянскихъ звуковъ и формъ вмѣстѣ съ малорусскими: *кто, что, яко* и *хто, що, якъ; бывъ, было* и *бувъ, було*; *упалъ, осквернилъ* и *учинивъ, отвѣвъ* [1]).

Въ 1710 году написана была въ г. Гадячѣ лѣтопись Грабянки тою же славянорусскою рѣчью съ сильнымъ малорусскимъ пошибомъ [2]).

„Соболѣзновахъ не мало", говоритъ Грабянка въ предисловіи къ читателю, „яко нашего отечества, ничимъ же отъ иныхъ въ воинскихъ трудахъ разнствующаго, въ толикой забвенія пучинѣ дѣлъ видя погруженна; сего ради не коею-либо любострастною славицею, но общою возбужденій ползою судилъ и сего вѣрнѣйшаго Россійскаго сина благоразумнаго вожда Богдана Хмельницкаго... немолчная дѣйствія не оставляю въ пепелѣ погребенихъ повѣстми свѣту явити" [3]). Грабянка одушевленъ славою

---

1) Рукопись кіевской Духовной академіи, О. 4°. 8.

2) Издана Временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ въ 1854 году. Принявъ во вниманіе одинъ изъ списковъ лѣтописи Грабянки, относящійся къ первой половинѣ прошлаго вѣка, коммиссія, къ сожалѣнію, не отмѣтила разночтеній по другимъ спискамъ, которые были у нея подъ руками. Въ особенности пожалѣть можно, что она допустила нѣкоторыя перемѣны въ правописаніи (вывела буквы изъ-подъ титлъ, поставила *і* предъ гласными, ъ и ь въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ), а также и о томъ, что до сихъ поръ не изданъ одинъ изъ списковъ конца прошлаго вѣка, который, по мнѣнію коммиссіи, «есть ничто иное, какъ позднѣйшее переложеніе лѣтописи Грабянки на языкъ народный. (Предисл. XXVII).

3) Предисл. т. IV.

своего отечества, идеальнымъ лицемъ котораго онъ считаетъ Богдана Хмельницкаго. Онъ жалѣетъ объ участи Сомка и Ивана Поповича, который промѣнялъ чинъ полковника на рясу священника, а потомъ сбросилъ ее и снова сдѣлался полковникомъ, чтобы умереть геройскою смертію. Разсказавъ о смерти Поповича, Грабянка замѣчаетъ: „аще би сіи два союзніе мужи Поповичъ и Сомко далѣе пожили, то могли би старого Хмелницкого дѣлемъ слѣдствовати" (183—184). Онъ вѣрноподданный русскихъ царей, но это не мѣшало ему любить родину и стоять за ея интересы. Лучше всего это настроеніе его выразилось въ разсказѣ о взятіи Азова, гдѣ малороссіяне въ присутствіи царя Петра показали чудеса храбрости „царскому Величеству на прислугу, а матерѣ своей малой Россіи, на лонѣ своемъ ихъ воспитавшей, на славу". (248).

Мы коснулись личности писателя для того, чтобы объяснить пристрастіе его къ славянской рѣчи, которая вполнѣ соотвѣтствовала его возвышенному настроенію, его серьезному взгляду на важность изображаемыхъ имъ лицъ и событій. Пристрастіе это было такъ велико, что даже обычныя, бытовыя слова Грабянка облекаетъ въ славянскіе звуки и формы. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ *есень* вм. *осень* (158), *нань* вм. *на него* (ib), *двадесяти* (ib.), *сожещи* (173), *посѣщи* (181).

Онъ предпочитаетъ славянскіе союзы малорусскимъ: *абіе*, *аки*, (155), *аще*, *обаче* (165), *убо* (159).

Прошедшія простыя предпочитаетъ прошедшему на *лъ*.

Онъ не чуждается не только полныхъ причастій дѣйств. зал., но даже краткихъ, и употребляетъ эти послѣднія въ склоняемой формѣ: „изведоша не хотяща Хмелницкого къ себѣ на совѣтъ" (156).

Онъ любитъ дательный самостоятельный: „симъ тако на Москвѣ и на Украинѣ биваемимъ, въ Полщи тимъ временемъ собрали Поляки сеймъ, на которомъ президующему найвишему Маршалку коронному Гнѣнскому начаша размишляти" (160).

Само собою разумѣется, что употребленіе причастій, особенно краткихъ, не поддержанное живымъ чувствомъ этихъ формъ, не

отличается правильностію: „войско запорожское пораженно сущи стояше недоумѣющи (155); епископъ Меѳодій, завистливъ сый сущи, болѣе чести желалъ Васютѣ, неже Сомковѣ“ (177).

Не могъ, однако же, Грабянка, при всей доброй волѣ своей устранить изъ своей „Презѣльной брани“ народной рѣчи. Она является у него, какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ.

Основное *и* постоянно смѣшивается у него съ *ы*, съ малорусскимъ преобладаніемъ *и* надъ *ы*.

Изрѣдка *и* стоитъ вмѣсто *о*: *пидъ горою* (228), *одійти* (220).

Гораздо чаще *и* стоитъ вмѣсто *ѣ*: *разстриляти* (186), *высикли* (230), *плиниша* (237), *за крипкимъ* (190), *укрипился* (199).

Еще чаще *ѣ* употребляется по малорусски, для выраженія звука *і*, какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ словъ: *собѣрати* (155), *тогдѣ*, (187), *Сомковѣ* (дат. ед. 176), *хуторѣ* (вин. мн.), *монастирѣ*, *запорожцѣ* (им. мн. 191, 161, 181), *землѣ* (им. мн. 171), *мельницѣ* (вин. мн. 191).

Нерѣдко встрѣчаемъ малорусское *у* вмѣсто *ы* въ глаголахъ отъ корня *бы*, а также въ глаголахъ съ суффиксомъ *ова*: *добувати* (202), *добувши* (168), *забувши* (240), *здобувшися* (177), *попустошували* (232), *повимучувавши* (219), *зазимувалъ* (252), *хожували* (237).

Такъ же нерѣдки удвоенные согласные: *сповѣданне* (169), *Запорожжа* (189), *на Запорожжу* (192).

Большею частію употребляются мягкіе свистящіе: *столицѣ* (180), *танцями* (236) и т. п. То же нужно сказать и о свистящихъ, которые образовались путемъ переходнаго смягченія изъ гортанныхъ: *повазѣ* (161), *присязѣ* (218), *Мурашцѣ* (216), *Монарсѣ* (158).

Звучные согласные выдерживаются предъ отзвучными, а отзвучные превращаются въ звучные: *прикажчики* (190), *Запорожци* (192), *одъ того времени* (189) и проч.

Отмѣтимъ, наконецъ, глагольныя формы малорусскія: *запобѣгти* (159), *вымогти* (269), *плисти*, (178), *изрекнутись* (158), *предлежатиметь* (156), *дамо* (253), *змѣнивъ* (257), *памятаючи* (169), *хотячи* (ib.) и т. п.

Тѣ же малорусскія наслоенія встрѣчаются и въ описательной прозѣ на славянорусскомъ языкѣ, напримѣръ, въ извѣстныхъ „Странствованіяхъ Григоровича-Барскаго" по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ [1]).

Уроженецъ г. Кіева, Барскій учился въ кіевской академіи, но, не окончивъ ученія, ушелъ во Львовъ по нуждѣ для излѣченія какой-то раны на ногѣ, а по выздоровленіи отправился въ г. Баръ (въ Италіи), чтобы поклониться мощамъ св. Николая Чудотворца. Возвращаясь на родину, онъ зазимовалъ въ Венеціи и отсюда весною пустился моремъ на Востокъ — въ Египетъ, Сирію и Палестину. Глубоко поразила его судьба христіанъ на Востокѣ: „здѣ мнѣ пишущу", говоритъ онъ, „слезы изліяшася отъ очесъ, воспомянувшу, яко многихъ убогихъ случися мнѣ видѣти, не стерпѣвшихъ даній и мученій турецкихъ и отвергшихся Христа" [2]). Не одно религіозное чувство влекло Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока, но и любознательность. Онъ изучаетъ не только религіозную святыню, но и всѣ памятники старины, которые попадались ему на пути. Онъ всматривается въ порядки жизни, въ привычки и нравы жителей, вдумывается въ причины тѣхъ явленій, которыя поразили его своею новостію. Онъ изучаетъ языки арабскій и греческій и въ то же время пишетъ свои записки правдивыя и искреннія, снабжая ихъ массою рисунковъ, чтобы дать наглядное понятіе о предметахъ, которые онъ видѣлъ. Съ посохомъ странника, безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ переходитъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы изучить что-нибудь новое. Въ разныхъ греческихъ школахъ онъ проживаетъ по нѣскольку лѣтъ, учитъ и учится среди нужды и тяжелыхъ лишеній. „Сице убо азъ учащи и учащися", говоритъ онъ, „въ Патмѣ пребыхъ лѣтъ шесть, многая препятія къ поученію имѣяй, найпаче же нищету, и пройдохъ грамматическое изученіе, логику и полфизики; риторику же оставыхъ слабой ради моей памяти, и не могущи понести великихъ трудовъ

[1]) Сочиненіе это издано православно-палестинскимъ обществомъ по подлинной рукописи подъ редакціей Н. Барсукова, СПБ. 1884 г.

[2]) Вып. XXVI, стр. 324.

ради прискорбнаго житія"[1]). Предъ нами растетъ человѣкъ, его умственное и нравственное содержаніе. Съ каждой новой страницей его записокъ расширяется кругъ его умственныхъ интересовъ, въ который вовлекаемся мы съ невольнымъ любопытствомъ, раскрывается полнѣе и яснѣе его кроткая и гуманная личность, къ которой привязываемся мы всею душею. Обаяніе личности Барскаго облегчаетъ для читателя тяжеловѣсный составъ рѣчи въ его „Странствованіяхъ". Чтобы избѣжать повтореній, мы не приводимъ примѣровъ для грамматической характеристики ея. Она та же, что и у Грабянки, съ тѣмъ же причудливымъ сочетаніемъ славянскихъ элементовъ съ малорусскими.

Вообще же сказать можно, что въ XVIII вѣкѣ въ составъ славянорусской рѣчи входили, какъ и въ XVII вѣкѣ, многія фонетическія и морфологическія особенности церковнославянскаго нарѣчія: изъ фонетическихъ—преимущественно отсутствіе полногласія и церковнославянское смягченіе зубныхъ и гортанныхъ; изъ морфологическихъ—простыя прошедшія и краткія формы причастій. Но эту славянскую рѣчь малороссіяне произносили по малорусски, да сверхъ того, въ литературныхъ произведеніяхъ XVIII вѣка примѣшивали къ ней не малое количество словъ и формъ малорусскихъ, которыя даютъ основаніе назвать ее рѣчью славяно-малорусскою.

IV.

Лучшія драмы XVIII в., написанныя славяно-малорусскою рѣчью.

Отъ прозы мы перейдемъ къ поэзіи XVIII вѣка, или лучше сказать, къ стихотвореніямъ, написаннымъ славяно-малорусскою рѣчью.

Не будемъ мы касаться стихотвореній хвалебнаго содержанія, написанныхъ въ честь сильныхъ міра сего. Кіевская академія издавна славилась искусствомъ слагать эти стихотворенія, не имѣвшія ничего общаго съ поэзіей. „Спудеи" знали, что это

---

[1]) Вып. XXVII, стр. 350.

искусство не безполезно было въ практической жизни. Услужливый стихъ выручалъ изъ разныхъ злоключеній ея, а иногда доставлялъ и выгодную карьеру. Къ нему обращались для утоленія гнѣва *потентатовъ*, для испрошенія отъ нихъ всякихъ милостей, вообще же для манифестаціи такихъ чувствъ и мыслей, на которыя былъ спросъ въ данную минуту. Одинъ наивный составитель „Малороссійской пѣсни объ измѣнѣ Мазепы" въ концѣ своего стихотворенія говоритъ о себѣ, что онъ можетъ „всѣхъ измѣнниковъ *овършописати* по имени на вѣчную ихъ отъ всего народа злую память и пагубу"[1]). Очевидно, всѣ эти стихотворныя издѣлія не возвышались надъ уровнемъ низменныхъ житейскихъ интересовъ, не возводили мысль читателя въ область чистыхъ идеаловъ.

Совсѣмъ иное мы должны сказать о малорусской драмѣ, которая тоже имѣла стихотворную форму. Не входя въ подробный анализъ всѣхъ малорусскихъ драмъ, мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя не потеряли историко-литературнаго значенія до настоящаго времени. Если и нѣтъ въ нихъ живой струи поэтическаго творчества, то есть, по крайней мѣрѣ, общественная мысль, высказанная съ искреннимъ убѣжденіемъ и литературнымъ талантомъ.

Къ лучшимъ драмамъ изъ первой половины XVIII вѣка, написаннымъ славяно-малорусскою рѣчью, относятся слѣдующія:

„Владиміръ, славенороссійскихъ странъ князь и повелитель", трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича (1705 г.)[2]).

---

[1]) Чтенія въ императ. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1859, № 1, стр. 241.

[2]) Тихонравовъ, «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», т. II». Есть нѣсколько списковъ: 1) въ библіотекѣ, бывшей Толстова, от. IV, 4, нынѣ въ императорской публичной библіотекѣ; 2) въ московской Духовной академіи подъ № 169/580, л. 207—230; 3) въ Румянцевскомъ музеѣ копія съ этого списка CCCXVIII; 4) въ одномъ изъ сборниковъ кіевской Духовной академіи подъ № J. Ш. 92, 13.

„Милость Божія... Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ неизвѣстнаго автора [1]).

„Трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная Варлаамомъ Лащевскимъ и репрезентованная въ академіи кіевской“—приблизительно въ 1742 году, когда авторъ былъ въ академіи учителемъ піитики [2]).

„Воскресеніе мертвыхъ“, драма Георгія Конисскаго (1746 г.) [3])

Во всѣхъ этихъ драмахъ есть нѣчто общее. Видно, что онѣ написаны лицами духовными, для которыхъсохраняютъ всю свою обязательную силу религіозные мотивы жизни. Съ этой стороны онѣ напоминаютъ старинныя драмы средневѣковаго типа. Различаются же онѣ отъ этихъ послѣднихъ своимъ построеніемъ, на которомъ отразилось вліяніе гуманизма и позднѣйшихъ псевдоклассическихъ понятій о драмѣ. На это вліяніе указываетъ уже одно названіе приведенной нами выше первой драмы. Не отрываясь отъ богословской почвы, авторъ трагедокомедіи „Владиміръ“ изображаетъ величайшее событіе отечественной исторіи—принятіе Владиміромъ христіанской вѣры. Собственно говоря, это есть апотеоза Владиміра, въ которой существуютъ только слабые намеки на драматическое движеніе страстей въ лицѣ представителей старой вѣры, языческихъ жрецовъ.

Начинается драма появленіемъ тѣни Ярополка, который предупреждаетъ жреца Жеривола, что Владиміръ задумалъ при-

---

[1]) Драма эта издана въ «Чтеніяхъ москов. общества истор. и древн.» 1858 г. кн. I, а также въ «Собраніи сочиненій» Максимовича т. I и въ «Историческихъ пѣсняхъ» Антоновича и Драгоманова, т. II. Самый древній списокъ ея въ рукописной риторикѣ 1727-1728 годовъ, преподанной въ кіевской Дух. академіи Стефаномъ Калиновскимъ,—рукопись въ библіотекѣ кіев. Дух. семинаріи № 608.

[2]) Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевск. Дух. акад. № β. 58. Есть и другіе списки. Напечатана Тихонравовымъ въ Лѣтописяхъ рус. литературы 1859 г., т. I, отд. III.

[3]) Драма напечатана въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова, кн. VI, по рукописи Императорской публичной библіотеки, № XIV, О. 2. Время появленія пьесы обозначено 1747 годомъ, въ рукописи же кіевской Духовной академіи (№ β. 58) пьеса помѣчена 1746 годомъ.

нять христіанскую вѣру. Жериволъ и самъ замѣтилъ уже охлажденіе Владиміра къ богамъ языческимъ, такъ какъ съ нѣкотораго времени князь не приноситъ имъ изобильныхъ жертвъ.

„Даде“, говоритъ жрецъ, „вчера единаго козла тако худа,
Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,
Тако изнуреннаго, изсохша, безчестна,
Тонка, лиха, немощна, безкровна, безплотна,
Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его“. (Дѣйс. I, явл. 2) [1])

Ярополкъ разсказываетъ затѣмъ, какъ Владиміръ убилъ его. Жериволъ клянется отомстить братоубійцѣ.

Между тѣмъ, жрецъ Куроядъ громкими возгласами собираетъ людей на праздникъ Перуна, но товарищъ его Пѣяръ совѣтуетъ ему не горячиться, такъ какъ Жериволъ въ этотъ день не будетъ приносить жертвы. Куроядъ сомнѣвается въ этомъ.

„Ты этому, вѣруешь, друже“, говоритъ онъ Пѣяру,
„Азъ же ни, но чаю, что уже
Онъ бы хотѣлъ, дабы былъ праздникъ непрестанный.
Дивну вещь реку: видѣхъ, когда напитанный
Многими онъ жертвами лежаше въ хладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное,—обаче въ ситости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой—
Скрежеташе зубами на мнозѣ, безъ мѣри,
Движа уста и гортань: а достойно вѣри
Слово твое, Пѣяре? И во снѣ жретъ Жериволъ“...
(Дѣйс. II, явл. 2) [2])

Является Жериволъ и извѣщаетъ своихъ собратьевъ о намѣреніи Владиміра перемѣнить вѣру. Силою волшебства онъ даетъ идоламъ душу, и они скачутъ со жрецами, поющими хвалебныя пѣсни богамъ. Но свѣтъ истинной вѣры побѣждаетъ

[1]) Рукопись кіев. Дух. акад. № J, Ш. 92. 13.
[2]) Ibidem.

тьму язычества. Въ присутствіи Владиміра происходитъ преніе о вѣрѣ между Жериволомъ и христіанскимъ философомъ. Жрецъ наивно высказываетъ свои чувственныя представленія о богахъ. „Престани“, говоритъ ему Владиміръ, „стыждуся красномовства твоего“. (Дѣйс. III, яв. 3). [1]) Послѣ этого философъ излагаетъ истины христіанской вѣры предъ Владиміромъ и сыновьями его Борисомъ и Глѣбомъ. Владиміръ глубоко потрясенъ проповѣдью философа и, къ ужасу жрецовъ, приказываетъ разрушать кумиры. По словамъ Куроляда, Жериволъ, услыхавъ о погромѣ боговъ, заболѣлъ и потерялъ вкусъ къ ѣдѣ:

„Третій день“, говоритъ Курояд, „минаетъ,
Якъ онъ единого только пожираетъ
Быка на день“. (Дѣйс. IV, явл. 1). [2])

Является вѣстникъ и, разсказавъ, какъ очевидецъ, о крещеніи Владиміра, читаетъ посланіе отъ князя, повелѣвающаго всему народу креститься.

Нельзя не замѣтить въ этой драмѣ преувеличеній и натяжекъ, но нельзя отрицать въ ней также нѣкотораго чутья живой дѣйствительности. Фигуры жрецовъ обрисованы прямолинейно и рѣзко. Они представители грубой чувственности и того ложнаго религіознаго настроенія, въ которомъ сознательная ложь не разграничена отъ суевѣрія. Но не безъ основанія думаютъ, что въ лицѣ трехъ жрецовъ авторъ представилъ современные ему пороки католическаго духовенства. [3]) Зная католическія антипатіи Ѳеофана Прокоповича, не трудно понять, почему онъ направилъ жало сатиры своей противъ враговъ *благочестивой* вѣры, полученной Владиміромъ отъ грековъ по предсказанію ап. Андрея, который появляется въ заключительной сценѣ драмы. Но авторъ не указалъ болѣе конкретныхъ признаковъ тѣхъ лицъ, на которыя мѣтилъ. Забавныя рѣчи жрецовъ, играющихъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., Н. Петрова, стр. 38. См. также статью Тихонравова «Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., май, стр. 92.

въ трагедокомедіи роль невѣжественныхъ и суевѣрныхъ шутовъ, изобилуютъ церковнославянскими словами такъ же, какъ и рѣчь философа, убѣждающаго Владиміра принять христіанскую вѣру, а также и другихъ лицъ, стоящихъ на ея сторонѣ. Такимъ образомъ, слыша изъ устъ тѣхъ и другихъ одни и тѣ же слова, мы получаемъ невольно сбивчивое представленіе о томъ, кого авторъ разумѣетъ подъ жрецами.

Того же Өеофана Прокоповича Максимовичъ считалъ авторомъ драмы „Милость Божія", тогда какъ г. Петровъ предполагаетъ, что авторомъ ея былъ Өеофанъ Трофимовичъ, преподаватель піитики въ кіевской Духовной академіи въ 1729 г. Какъ то, такъ и другое мнѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній, особенно мнѣніе Максимовича. „Въ 1728 году, говоритъ онъ, Өеофанъ больше полугода проводилъ въ обществѣ малороссіянъ, находившихся тогда въ Москвѣ по случаю коронаціи Петра II. Въ ту свѣтло блеснувшую для него пору пылкій душою Өеофанъ, вдохновясь первенствующимъ героемъ своей родины Богданомъ, написалъ драму „Милость Божія". [1]) Все это голословно, а главное—именно въ ту пору не до того было Өеофану Прокоповичу, чтобы писать драму. Не безъ драмы было и въ его личной жизни. Хотя послѣ ссылки Меншикова ему сдѣлалось легче, но все же и при Петрѣ II онъ долженъ былъ напрягать всѣ силы своего изворотливаго ума, чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ многочисленными врагами, во главѣ которыхъ стоялъ энергическій архіерей изъ великороссіянъ Георгій Ростовскій (Дашковъ). Несомнѣнно только то, что драма „Милость Божія" написана была при Петрѣ II, когда оживились патріотическія надежды малороссіянъ, вызванныя благосклонностію къ ихъ родинѣ молодого государя. „Не бойся", говоритъ Смотрѣніе Божіе, обращаясь къ Украинѣ:

„Петръ не дастъ ти упасти,
Не дастъ и славѣ твоей всячески пропасти,

---

[1]) Собраніе сочиненій Максимовича, III, 734.

Подастъ ти Даніила (рѣчь идетъ о гетм. Апостолѣ), который
Супостатомъ твоимъ Хмелницкій будетъ вторый".

Въ этомъ мы видимъ новое доказательство, что драма была написана не Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который, какъ извѣстно, не былъ охотникомъ до малорусскаго патріотизма.

Какъ показываетъ заглавіе драмы, въ ней прославляется милость Божія за освобожденіе Украины отъ обидъ лядскихъ. Герой драмы—тотъ же Богданъ Хмельницкій, котораго мы видѣли главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ лѣтописи Грабянки. Онъ—носитель идеи освобожденія, потому что глубже другихъ чувствуетъ, до чего „докозаковались" козаки подъ ляхами. Авторъ дѣлаетъ зрителя свидѣтелемъ того момента, когда эта идея только что возникла въ умѣ Хмельницкаго. Вождь козацкій „оплакуетъ козацкую долю и новые совѣты въ умъ пріемлетъ", заканчивая свои размышленія восклицаніемъ:

„Живъ Богъ и не умерла козацкая мати!"

Затѣмъ мы видимъ Хмельницкаго въ толпѣ запорожскихъ козаковъ, къ которымъ онъ обращается съ энергическою рѣчью. Онъ изображаетъ бѣдствія Украины, и каждое слово его потрясаетъ сердца слушателей. Мы видимъ это изъ отвѣта кошевого:

„Поки силы нашея, поки духа стане,
Будемъ себе боронить, вельможный гетмане...
Вѣдаемъ, яко всѣмъ намъ Украина мати:
Кто же не похощетъ руку помощи́ подати
Погибающей матцѣ, былъ бы той твердѣйшій
Надъ камень"...

Послѣ дружеской встрѣчи съ передовымъ отрядомъ козаковъ, посланныхъ поляками противъ Хмельницкаго, онъ отправляется въ походъ. Горюетъ Украина, томимая неизвѣстностію объ исходѣ рискованнаго дѣла. Она молитъ Бога объ успѣхѣ оружія Богданова. Между тѣмъ появляется Вѣсть съ словами „утѣшенія о побѣдѣ Хмельницкаго, а вслѣдъ за нею и самъ Хмельницкій, котораго привѣтствуютъ „дѣти украинскіи, въ училищахъ кіевскихъ учащіися", а отъ лица козаковъ—войсковой писарь:

„Будутъ“, говоритъ онъ, „вѣтіи вездѣ тя славити,
Будутъ и ритмотворцы дѣла твоя пѣти
Зъ гисторіографами“.

На эти привѣтствія Хмельницкій отвѣчаетъ рѣчью, въ которой выражаетъ задушевныя свои желанія, чтобы козаки жили „въ друголюбіи и згодѣ“, чтобы сильные не обижали слабыхъ

„Кто лѣсокъ добрый или хуторецъ порядный,
Кто ставъ, кто луку, кто садъ имѣетъ изрядный,
Болѣть или завидовать тому не хотите,
Якъ бы его привлащать къ себѣ не ищите“.

Онъ умоляетъ ихъ, чтобы они предпочитали желѣзо золоту:

„Зъ сребныхъ полумисъ отцы наши не ѣдали
И зъ золотыхъ пучаровъ они не пивали,
О желѣзѣ старались, желѣзо любили
И велику тѣмъ себѣ славу породили.
Онихъ путемъ идите, онимъ подражайте.
Славы ища, богатство вы за ничто майте.
Сами не купчуйте,
Лука, стрѣлки, мушкета и шабли пильнуйте!
И дѣтей своихъ, скоро отправлятъ науки,
До сей же обучайте козацкои штуки“.

Драма заканчивается пророческими словами „Смотрѣнія Божія“, обращенными къ Украинѣ: „врази твои,

Оружьемъ не можа острымъ воевати,
Языкомъ много начнутъ на тебе щекати,
Аки грубу въ народѣ тебе поносяще,
Аки наукъ чуждую тебе обносяще,
Но Богъ, тя въ воинской наукѣ и штуцѣ
Прославивый, прославитъ той же и въ науцѣ.
И сіе Коллегіумъ чрезъ Петра Могилу
Основавъ, произведетъ въ толикую силу,
Что отъ него вѣтіи красноглаголивы,
Тонкіе философы, благоглаголивы
Богословы
И ини изрядніе мужіе изыйдутъ“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе драмы. Проникнута она сословно-козацкими воззрѣніями, которыя, впрочемъ, умѣряются симпатіями автора къ массѣ козацкой, а не къ привилегированнымъ козакамъ. Во всякомъ случаѣ, это одно изъ выдающихся драматическихъ произведеній XVIII вѣка, какъ по реализму въ изображеніи бѣдствій, пережитыхъ малорусскимъ народомъ подъ властію пановъ польскихъ, такъ и по созвучію тона съ тономъ народныхъ малорусскихъ думъ, въ которыхъ можно указать на цѣлыя картины, сжатыя въ краткихъ, энергическихъ выраженіяхъ драмы.

Трагедокомедія Лащевскаго состоитъ изъ пяти явленій, въ которыхъ изображаются пороки современнаго ему общества. Источникомъ этихъ пороковъ было, по мнѣнію автора, оскудѣніе вѣры, которое произошло отъ того, что сперва

„Папа возбѣсися,
Отъ папы Лютръ, отъ Лютра Калвинъ уродися".

Вотъ это тлетворное дыханіе Запада проникло и въ православную церковь, которая въ первомъ явленіи трагедокомедіи сѣтуетъ, что

„Вси пойшли во слѣдъ міра, вси за суетою...
Нинѣ", говоритъ она,
„Живутъ въ мірѣ семъ, аки посредѣ пустинѣ".

Во второмъ явленіи міръ съ торжествомъ указываетъ на свои побѣды. „Я", говоритъ онъ, „аки Богъ, обладаю свѣтомъ", ибо люди поклоняются не Богу, а моимъ кумирамъ—сребролюбію, властолюбію, обжорству и пьянству.

Въ третьемъ явленіи „благодать Божая въ потѣшеніе Церкви и въ укореніе міра будущая воздаянія праведнимъ и грѣшнимъ припоминаетъ". И дѣйствительно, въ четвертомъ явленіи „виходятъ два лица женскаго полу, едина отъ благодати, другая отъ муки, благочестива и злочестива". Оказывается, что это двѣ родныя сестры, изъ коихъ одна въ раю, а другая въ

аду. И вотъ злочестивая разсказываетъ благочестивой, за что она мучится. За то, говоритъ она, что

„по игрищахъ всюду,
По улицахъ, по валахъ разхождахъ повсюду“,

за то, что „искусна бѣхъ лстити,
И самима очима умѣхъ говорити“,—

что „на умѣ у нея были только „танци да пляси,
Музики, студни лики, бяху по вся часи“,—

что „въ перезвахъ, безъ всякаго срама,
Срамословихъ, и воплихъ, и плескахъ рукама...
Вимивахся по всякъ часъ, не ступихъ безъ мила,—
Благовонніе краски, драгіе бѣлила
Устраивахъ на тварѣ, очерня все цвѣти,
Прилѣпляхъ зловонніе мушки на ланиты...
А нинѣ, яко зриши: тварь оная бѣла,
Какъ жупелемъ геенскимъ, вовся очернѣла“.

Въ пятомъ явленіи выступаютъ два юноши, которые были свидѣтелями предыдущаго разговора. „О, если бы“, говорятъ они, „сей страшній позоръ всѣмъ былъ видимій!“ Тогда пастыри церкви „свято блюли бы свое стадо“, судьи не снѣдали бы вдовичого дому“, дѣвицы „дѣвство свое не теряли, въ супружествѣ оное бъ чисто сохраняли“. Но, замѣчаетъ другой юноша, все это извѣстно уже людямъ изъ писанія.—„Правда“, отвѣчаетъ ему собесѣдникъ его, что „въ писаніяхъ (Богъ) открылъ вся пространно“, но бѣда въ томъ, что

„Инніи писанія священна и знать не желаютъ,
Да не когда услышать, уши затыкаютъ“,—

другіе кое-что разумѣютъ, но толкуютъ писаніе въ угоду своимъ „похотямъ растлѣннымъ“, третьи

„Букварь только виучатъ единій,
Да когда еще знаютъ что и отъ латини:
Запроси отъ писаній, вездѣ сочиняютъ,
Аки бы всѣхъ мудрѣйши били, притворяютъ,
А спросишъ къ спасенію нужнѣйшаго слова,
Безотвѣтна увидишъ того суеслова“.

Въ нынѣшній вѣкъ

„Кощунствуютъ кощуни безстудни,
Гдѣ канти, комплименти слагаются блудни,
Матерія съ писаній кощуномъ готова:
Въ кантахъ студнихъ начало отъ Божія слова,
Въ крайной и тѣ имѣютъ оное огидѣ,
Кои слишаще слово у другихъ въ бесѣдѣ,
Называютъ коею-жъ то пиворѣзнею"...

Итакъ, главный порокъ времени, по мнѣнію автора, заключается въ умственной распущенности его современниковъ, изъ которой произошла распущенность нравственная. Очевидно, рисуетъ онъ картину городскихъ нравовъ, затронутыхъ новыми вѣяніями жизни, которыя проникали въ малорусское общество, по видимому, не прямо съ запада, но съ сѣвера, гдѣ подражаніе французскимъ модамъ при Елисаветѣ Петровнѣ становилось весьма замѣтнымъ явленіемъ общественной жизни. Пренебрежительный тонъ свѣтскости по отношенію къ духовенству, смѣшеніе кіево-могилянской науки съ болтовнею пиворѣзовъ, все это было только началомъ того порядка вещей, который долженъ былъ водвориться въ Малороссіи послѣ того, какъ вопросъ о вѣрѣ сдѣлался только вопросомъ нравственнаго чувства, не зависимымъ отъ историческихъ преданій мѣстной народной жизни. Замѣчательно, что авторъ приписываетъ тому же вліянію моды и шутливыя пародіи пиворѣзовъ, начинавшіяся обыкновенно отъ „Божія слова". Конечно, это было увлеченіе моралиста, привыкшаго сваливать въ одну кучу всякій соръ жизни, но важно то, что говоритъ онъ подъ впечатлѣніемъ современной ему дѣйствительности, которую, по его словамъ, „видѣть безъ слезъ не мощно".

Драма Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ" находится во внутреннемъ родствѣ съ трагедокомедіей Лащевскаго. И тамъ, и здѣсь настойчиво развивается мысль о возмездіи въ будущей жизни. Представители церкви, видимо, были озабочены въ то время

появленіемъ въ малорусскомъ обществѣ матеріалистическихъ воззрѣній, которыя, конечно, имѣли болѣе характеръ легкомыслія, чѣмъ какой бы то ни было серьезной доктрины. Георгій Конисскій во многихъ своихъ произведеніяхъ касается вопроса о безсмертіи души человѣческой: это была, можно сказать, любимая тема его поученій и стихотвореній. Въ одномъ изъ поученій въ день Воскресенія Христова (1787 г.) онъ говоритъ: „воскресеніе Христово есть воскресеніе наше, о чемъ хотя я уже не однажды говорилъ въ радостнѣйшій праздникъ сей, однако и теперь хлѣбъ сей вамъ предложу“ [1]). Пересматривая сборникъ поученій Конисскаго, писанныхъ его собственною рукою, мы нашли, что не въ одинъ „радостнѣйшій праздникъ“ Воскресенія Христова онъ являлся предъ слушателями своими съ хлѣбомъ этимъ—„не скучливымъ на всякій день ядущему“. Такъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ день Новаго года (1788 г.), онъ снова возвращается къ развитію мысли о вѣчности, „числа лѣтъ не имѣющей“. Это одно изъ прекрасныхъ поученій, въ которомъ высказаны тѣ самыя мысли, что и въ драмѣ „Воскресеніе Христово“. „Къ вѣчности“, говоритъ проповѣдникъ, „я рожденъ. Какъ же стану имѣнія собирать, домы огромные безъ потребы созидать, владѣнія распространять, не имѣя въ томъ нужды убѣдителной, особливо, естли тіе домы создаю на развалинахъ хижинъ нищихъ и сиротъ, естли владѣнія моя тягость неудобоносная и разореніе подданнымъ моимъ: принуждаю ихъ мякинами давитися, дабы самъ, продавши хлѣбъ ихъ, пресыщался и упивался въ шумныхъ на всякій день компаніяхъ: пятъ сотъ у мене собакъ гончихъ, да пятъ сотъ и крестьянъ моихъ отъ глада померло. И се ли приуготовленіе къ вѣчности?.. Не помышляю о томъ, что въ вѣчности мнѣ будетъ дѣло не съ собаками, но съ подданными моими, и что они будутъ мнѣ и судіи, и мстители“ [2]). Даже поэтическіе символы вѣчности, какъ въ драмѣ, такъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ Конисскаго, одни

---

1) Рукопись кіевской академіи № J, I, 31.

2) Ibidem.

и тѣ же. Въ одномъ стихотвореніи, написанномъ еще въ молодые годы, онъ говоритъ:

„Пойди на поле, что можешъ узрѣти?
Всѣ сѣмена суть землею покриты,
Влажной и теплой ради перемѣны
Лежатъ разтлѣнни.
Смотри жъ весною, когда солнце блеснетъ,
Все тое аки отъ гроба воскреснетъ—
Стеблъ, листъ, цвѣтъ и духъ явится повсюду
Не вѣсть откуду.
А какъ будуща вѣка весна станетъ,
Все наше племя отъ гроба встанетъ,
Не вѣсть откуду и въ плоть превратится
И духъ вселится.
И единъ убо вознесется въ славу,
Другій на многихъ воспріимлетъ державу...
Будетъ и Лазаръ, лежавій во гною,
Лежать на ложи вѣчного покою,
Обступятъ его ангели поющи,
Не пси грызущи.
Являтся тогда и грѣшници скверни,
Смрадни, безлични, какъ головня, черни,
Являтся токмо и тотъ часъ исчезнутъ
Въ адову бездну“ [1]).

Въ этомъ стихотвореніи обрисованъ, можно сказать, весь планъ драмы Кониссскаго. Начинается она размышленіемъ земледѣльца, который выходитъ на свое поле осматривать весенніе всходы:

„Слава Богу, не дармо весну праціовали
И долини, и горби пашнѣ поровняли:
Не умерло, знать, въ земли зерно а нѣ мало,
Ба умерло все, да все жъ и пооживало“.

Возвращаясь домой, онъ вспоминаетъ слова священника, сказанныя въ церкви, что

[1]) Рукопись кіевской Дух. академіи, № J. III, 32, 3.

„И тѣло наше, хочай гноемъ станетъ,
Но по смерти, якъ зерно, на страшній судъ встанетъ“.

Онъ только затрудняется понять,

„Где бы тое тѣло
Взялося, которое на порохъ истлѣло“.

Встрѣчаетъ онъ на дорогѣ священника и высказываетъ ему свое сомнѣніе. Священникъ поучаетъ его о праведномъ воздаяніи Божіемъ въ будущей жизни добрымъ и злымъ. Дѣйствіе заканчивается кантомъ, въ которомъ выражается увѣренность, что

„Настанетъ часъ,
Когда всякъ отъ насъ
Восприиметъ въ награду
Муки чи отраду“.

Во второмъ дѣйствіи выступаетъ на сцену нѣкій Гипоменъ, ограбленный Діоктитомъ. Жалуясь въ судѣ на Діоктита, Гипоменъ не нашелъ тамъ правды. Въ отчаяніи отъ преслѣдованій Діоктита, онъ не знаетъ, гдѣ ему „подѣтись“. Діоктитъ приказываетъ слугамъ своимъ бросить Гипомена въ темницу.

„ Гвалтъ, панове“, кричитъ Гипоменъ, „люде!
Виноватъ ли въ чемъ тебѣ, судъ на тое буде!“

На это Діоктитъ ему отвѣчаетъ,

что „на судѣ и самъ онъ засѣдаетъ“,
что будетъ онъ отъ должности „отрѣшенній,
Да будутъ судить его единомысленни,
А буде бы сталъ на мене апелліовать вишше,
И въ вишшемъ судѣ маю патроновъ излишше.
Нехай толко кто схощетъ правду защищати,
А сей мой Юда малой (при этомъ Діоктитъ „капшукомъ трусить“) можетъ доказати:
Ослѣплю очи дармы, руцѣ плѣню мздою“.

Не желая, однако же, съ „харпакомъ“ судиться, Діоктитъ рѣшается избрать простѣйшій путь для уничтоженія своего безсильнаго противника:

„Лучше“, говоритъ онъ, „прибю его въ смерть, а тое самое
За голову заплачу, а хочай и вдвое“.

Въ третьемъ дѣйствіи „Терпѣніе" проситъ Бога Гипомену „отъ бѣдъ освобожденія", „Діоктиту же отмщенія", а „Отрада" обѣщаетъ, что то и другое наступитъ для нихъ въ будущей жизни. Тамъ, говоритъ она, Богъ

„За лѣсокъ воздастъ прекрасній рай цѣлый,
За млинокъ превиспренная круги со свѣтили,
За пляцикъ узкій, за домокъ убогій
Отведетъ въ небеснія жилища чертоги".

Въ четвертомъ дѣйствіи избитый и измученный Гипоменъ умираетъ. Хоронятъ его нищіе и, въ благодарность за его щедролюбіе, когда онъ былъ въ счастіи и въ довольствѣ, „высыпаютъ" надъ нимъ „большую могилу". Между тѣмъ, и дни Діоктита уже сочтены. Зиболѣлъ онъ отъ пьянства, при чемъ ему кажется, что онъ

„Не лишнее выпилъ—по гавсту въ началѣ
Водки сердечной съ другомъ испили, а далѣ
Вина, може, съ полу вѣдра, наконецъ—сливянки
Росхожои не болшъ было, какъ по чтири склянки.
Да се же не первина пить, и поболшъ пивалось,
Теперь мнѣ не вѣдаю, что такое сталось.
Дайте мнѣ толко водки и мякое ложе,
Какъ випю (sic), а ось мнѣ поможе".

Не помогла водка и мягкое ложе. Умеръ Діоктитъ въ страшныхъ мукахъ.

Въ пятомъ дѣйствіи оба противника, подобно евангельскому богачу и убогому Лазарю, встрѣчаются на томъ свѣтѣ. Горько жалуется Діоктитъ на свою печальную участь:

„Попливутъ лѣта, аки краткіи годинн,
А грѣшникамъ не будетъ въ мукахъ перемѣни.
Протекутъ тисящами и тмами темъ вѣки,
А грѣшніи пребудутъ въ адѣ человѣки,
Не станетъ числа далѣй, забудетъ начатку,
А и тогда не дождемъ мученій остатку".

Въ рукописи, напечатанной Тихонравовымъ, есть *прологъ* и *эпилогъ*. Въ этомъ послѣднемъ авторъ утверждаетъ „свободно", что произведеніе его съ священнымъ писаніемъ „сходно", и проситъ „прощенія" за „прегрѣшенія". Можно утверждать также, что не менѣе сходно оно съ малорусскою дѣйствительностью того времени, когда на всемъ пространствѣ Малороссіи сильные люди, безъ всякаго суда и права, съ *гвалтовнымъ* нападеніемъ, захватывали у слабыхъ поля, луга, лѣса, млины и всякое добро. Такимъ образомъ, драма Кониссваго по реализму содержанія, взятаго изъ мѣстной жизни и воспроизведеннаго талантливо и правдиво, можетъ стать рядомъ съ драмой „Милость Божія". Кониссвій достигъ своей цѣли, о которой говоритъ въ прологѣ:

„Комѣковъ свойственная должность сицевая —
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя."

И дѣйствительно, во всѣхъ этихъ драмахъ есть нѣчто поучительное не только въ смыслѣ общей христіанской морали, но и въ національно-общественномъ смыслѣ. Въ трагедокомедіи Ѳеофана Прокоповича мы видимъ усиліе связать въ одну цѣльную картину современную жизнь Кіева съ его отдаленнымъ прошлымъ. Драма заканчивается появленіемъ въ ангельскомъ хорѣ апостола Андрея, который въ пророческомъ видѣніи разсказываетъ о судьбѣ „любимаго" имъ „града Кіева", о „вѣтвяхъ корене святаго" Борисѣ и Глѣбѣ, о двухъ „свѣтлыхъ мужахъ", которые „въ горахъ себѣ глубокія ями копаютъ изсохшими отъ поста руками", о Батыѣ, въ рукахъ котораго „мечъ огненный", отъ коего будетъ Кіевъ „исѣченный", о мужахъ „премудрихъ, учительныхъ, къ тому и храбрихъ, въ брани многодѣльныхъ", которые возстановятъ славу Кіева,—наконецъ, о современныхъ автору представителяхъ могущества и силы русскаго государства Петрѣ Великомъ и Мазепѣ. Апостолъ заканчиваетъ свою рѣчь молитвой къ Богу, чтобы Онъ подалъ

„Брань всегда побѣдну,
Здравіе, державу, тишину безбѣдну

Царю Петру, отъ Бога вѣнчанну,
И его вѣрнѣйшему вожду Іоанну [1]".

То же историческое самосознаніе, на почвѣ уже малорусскихъ преданій, болѣе близкихъ къ моменту появленія драмы, проходитъ и чрезъ всю драму „Милость Божія", въ которой прославляется Богданъ Хмельницкій за то, что онъ былъ

„Дѣлъ предковъ своихъ теплый подражатель,
Древней козацкой славы соблюдатель",—поэтому
„Ляховъ викторъ преславный явися,
Побѣдамъ же его весь міръ удивися".

Наконецъ, въ драмахъ Варлаама Лащевскаго и Георгія Конисскаго мы видимъ уже современную авторамъ малорусскую жизнь, къ которой оба относятся съ трезвымъ и честнымъ реализмомъ. Въ этой смѣнѣ одной темы другою мы видимъ въ лучшихъ представителяхъ малорусской драмы стремленіе внести ясный свѣтъ мысли въ общественное самосознаніе.

П. Житецкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Трагедокомедія написана была еще до измѣны Мазепы. Послѣ полтавской битвы имя Мазепы замѣнено было словами: *Христовъ рабъ* (См. Тихонравова «Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича» въ Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія 1879 г., Май, стр. 58).

Малорусское слово „паляныця“ и греческое „ΠΈΛΑΝΟΣ“.

Указывая на чередованіе въ малорусскомъ языкѣ звуковъ *е* и *я*, г. Крымскій въ числѣ другихъ словъ, въ которыхъ наблюдается такое чередованіе, помѣстилъ и слово *паляныця* [1]. Отъ какого корня производитъ авторъ это слово, неизвѣстно; поэтому и не видно основаній, почему онъ находитъ въ этомъ словѣ чередованіе звуковъ *е* и *я*.

Съ своей стороны, я нахожу, что въ словѣ *паляныця* звукъ *я* коренной, а не альтернація звука *е*, и въ доказательство такого заключенія могу привести слѣдующіе доводы. У великороссовъ Воронежской губ. это слово звучитъ чаще всего, какъ *пеляница*, и рѣже—какъ *паленица* или *пеленица*. Послѣдняя форма замѣчена В. И. Далемъ и въ Тамбовской губ. Рядомъ съ этимъ, *пеляница* у великороссовъ Воронежской губ. называется *пирогомъ* или *пирожкомъ*. Отъ обыкновеннаго ржаного хлѣба этотъ пирожокъ отличается тѣмъ, что его пекутъ изъ просѣянной, чаще ржаной, муки и небольшого размѣра, тогда какъ обыкновенный хлѣбъ, *коврега* или *корвега*, печется большой и изъ муки совсѣмъ непросѣянной.

У малороссовъ же Воронежской губ. *паляныця* печется изъ пшеничной муки или изъ пшеничной въ смѣси съ ячменной или ржаной, или изъ одной ячменной и гречневой. Въ послѣднемъ случаѣ она называется *яшныкомъ* или *грычаныкомъ*. Въ прежнее

---

[1]) *Крымскій А.*, Филологія и Погодинская гипотеза; «Кіевская Старина», т. LXIV, стр. 11.

время приготовляли, преимущественно на поминки и на *Голодну* и *Багату Кутю*, еще особую паляницу подъ названіемъ *кнышъ* [1]) представляющую собою розанъ, т. е. лепешку съ загнутыми вверхъ и придавленными почти къ центру краями. Кнышъ, точно такъ же какъ и поминальная паляница, обыкновенно намазывался сверху масломъ, медомъ, сырымъ яйцомъ, которое, конечно, запекалось, и, наконецъ, истолченнымъ, просѣяннымъ и разведеннымъ водою *конопляным симнямъ*, преимущественно въ постные дни, при отсутствіи меда и масла.

Къ кнышу по формѣ нѣсколько подходитъ великорусская вотрушка съ тѣмъ различіемъ, что она значительно меньше кныша, и сверхъ того въ ней загнутые вверхъ края пригибаются возможно далѣе отъ центра, предохраняя такимъ образомъ полагаемый на лепешку сыръ отъ скатыванія. У великороссовъ лепешка сгибается и просто вдвое, представляя собой полукругъ или сегментъ, внутри котораго кладется лукъ, пережаренный въ постномъ маслѣ. Такое печеніе, приготовляемое обыкновенно въ постные дни, по-великорусски называется также *пирогомъ*, а по-малорусски это *стулень*. У малороссовъ по своей формѣ стульню соотвѣтствуетъ вареникъ, хотя послѣдній значительно меньше стульня, и не печется подобно ему, а варится преимущественно съ сыромъ [2]).

Такимъ образомъ, почти всѣ роды приведенныхъ печеній восходятъ къ лепешкѣ, которой придается та или другая форма.

Обращаясь къ греческой терминологіи, мы тамъ находимъ слово πέλανος, подъ которымъ разумѣлись жертвенные пирожки, лепешки и вообще жертвенное печенье или возліяніе. У насъ съ греческими πέλανος имѣетъ созвучіе еще и слово *блины*. У спартанцевъ хлѣбъ былъ обыкновенно ячменный и плоскій въ видѣ нашихъ блиновъ.

---

[1]) Отъ глагола *гнуты*. Ср. *кныга* вм. *гныга*.

[2]) Объ обрядовомъ значеніи вареника, какъ символа луны, подробнѣе сказано мною въ предисловіи къ программѣ для собиранія свѣдѣній объ улицѣ, вечерницахъ и складкахъ, помѣщенной въ т. I «Етнольокгичныхъ Матерыяливъ».

II.

Подобно греческимъ πέλανοι, и наши паляницы, или замѣняющія ихъ лепешки (перепичкы) и блины имѣютъ обрядовое значеніе. У грековъ ежемѣсячно выставлялись на перекресткахъ трехъ дорогъ, гдѣ порхала богиня луны Геката въ сообществѣ съ Эриніями и душами умершихъ, а также передъ домами и въ домахъ, *Гекатина вечеря*, δεῖπνον Ἑκάτης. При этомъ существовало такое чередованіе: три послѣднихъ дня каждаго мѣсяца посвящены были душамъ умершихъ и подземнымъ богамъ, къ числу которыхъ принадлежала и Геката, а первое число каждаго мѣсяца—богу солнца Аполлону. Такимъ образомъ дни, посвященные душамъ умершихъ, всегда предшествовали днямъ, посвященнымъ богу солнца.

У насъ этому чередованію соотвѣтствуетъ поминовеніе умершихъ обыкновенно въ субботу [1]), т. е. въ день, предшествующій Воскресенію Христа, на котораго народная мысль перенесла повѣрья, относящіяся къ Аполлону, какъ это видно, напр., изъ многихъ нашихъ заговоровъ.

Въ жертвоприношеніяхъ, какъ и въ самой греческой миѳологіи, наблюдаются пережитки того періода, когда мущины, съ одной стороны, и женщины съ дѣтьми—съ другой представляли особые союзы и когда женщины питались продуктами

[1]) Изъ *родительскихъ* субботъ у насъ наиболѣе извѣстна *Дмитріевская*. Для выясненія смысла этого имени достаточно слѣдующихъ словъ А. А. Потебни: «О связи Деметры съ подземельнымъ міромъ говоритъ ея эпитетъ χθονία и первоначальное тождество съ дочерью Персефоны, царицею подземнаго міра, и Эриніями. Ей приносились жертвы при похоронахъ. Въ Аѳинахъ умершія назывались Δημήτριοι, что указываетъ на пребываніе ихъ у Деметры». (*Потебня*, о миѳич. знач. нѣкот. обряд. и повѣр., стр. 197—8). Слово Δημήτηρ обыкновенно принимается за альтернацію первоначальнаго Γῆ-μήτηρ= «Мать Земля»; я же полагаю, что Деметра, отождествлявшаяся съ Персефоной, какъ «Небесной Матерью», и сама могла приниматься за «Небесную Мать», Δία Μήτηρ въ параллель къ «Небесному Отцу», Ζεύς (v. Δήν) Πατήρ.

домашняго хозяйства, земледѣлія и рыбной ловли, а мущины— продуктами охоты. И въ самой греческой жизни еще въ историческое время существовали пережитки этого періода, заключавшіеся въ спартанскихъ и критскихъ общественныхъ обѣдахъ, или сисситіяхъ, въ которыхъ принимали участіе только мущины, тогда какъ женщины, каждая порознь, обѣдали у себя дома. Естественно поэтому, что хтоническія божества, преимущественно женскаго пола, получали въ жертву то, что могла дать женщина, а ураническія божества, преимущественно мужскаго пола, получали мясную жертву.

Въ частности же родъ жертвъ у грековъ опредѣлялся тѣми или другими свойствами боговъ и богинь, ихъ именами и прозвищами. Такъ, Гермесъ и Діонисъ назывались *Подземными* Ἐρεμβεῖς, а вслѣдствіе смѣшенія словъ Ἔρεβος=„Подземное царство" съ ἐρέβινθος и ὄροβος=„горохъ", прозвище Діониса Ερεμβεύς превратилось въ Ἐρεβίνθιος или Ἐρεβίνθινος, а также въ *Царя-Гороха,* Ὄροβος, русскихъ сказокъ и въ *Торопа*, слугу Александра Поповича въ Никоновской лѣтописи подъ 1216 г. [1]).

---

[1]) Къ Александру Поповичу въ этомъ случаѣ пріурочена миѳологія, относящаяся къ Гермесу, сыну *Папы* (=«Великой Матери»), имѣвшему прозвище ἀκάκιτα, ἀλεξίκακος=«отвратитель зла». По великорусскимъ же былинамъ слуга Алексѣя Поповича называется *Якимомъ Паробкомъ*, Ἴακχος Κόρος, т. е. именемъ того же Діониса.

Въ малорусскихъ колядкахъ, разсказывающихъ объ отгадываніи дѣвицею загадокъ, предлагаемыхъ молодцомъ, Гермесъ называется по имени матери то *Поповичемъ*, т. е. сыномъ Папы (*Голов.* IV 171), то *Маемъ* или *Майномъ* (*Купчанко*, пѣсни № 331), т. е. сыномъ Маи (Μαιαδεύς), и, конечно, потому что имена Πάπα и Μαία первоначально были нарицательными и имѣли одно и то же значеніе „Великой Матери". На тождество Папы и Маи указываютъ и великорус. былины, гдѣ подъ этими двумя именами извѣстно одно лицо: *Бабища-Мамаишина.* Повтореніе корня въ словѣ *Мамаишна* представляетъ первобытный способъ усиленія качества, и слово *Мамаишна* поэтому означаетъ «Весьма Великую Мать». Ср. малорус. бранное названіе великороса *кацапъ* (вм. *какапъ*)=„козлище" и рядомъ *цапъ* въ томъ же значеніи (напр. въ разсказахъ М. Т. Симонова о Бѣлокопытенкѣ) отъ латин. caper=«козелъ». Въ Воронежѣ въ 80-хъ годахъ длиннаго и въ то же время тонкаго актера по имени Тихона шуня называли *Титиша*, вм. *Тиша.*

Такое искаженіе прозвища послужило къ тому, что на третій день установленнаго въ честь Діониса праздника Анөестеріи, извѣстнаго подъ названіемъ *Горшечнаго* праздника (Χύτροι), приносились въ жертву подземному Гермесу и душамъ умершихъ вареныя стручья. Повидимому здѣсь было принято во вниманіе и другое созвучіе: Ἐρεμβεύς=„Эребецъ" и Κεραμεύς=„Горшечникъ" [1]).

А такъ какъ жертвы хтоническимъ божествамъ Греціи приносились обыкновенно вечеромъ, то отсюда и у насъ пережитокъ этого обычая, заключающійся въ требованіи на *Святъвечиръ*, подъ Рождество, употреблять горохъ, фасолю и чечевицу, какъ въ видѣ особыхъ *стравъ*, такъ и въ видѣ *начынкы* въ пирожкахъ, и воздерживаться отъ ѣды *до звизды* [2]).

Что касается Гекаты, богини луны и ночи, то ей приносили въ жертву особенно любимыя ею яства: лукъ, яйца, проскурнякъ (malva), плохой сортъ рыбы, именно: бѣшакъ (μαινίδες) и краснобородокъ (τριγλίδες), а также собакъ (κύων) и медъ (μέλι).

Употребленіе въ жертву Гекатѣ лука, яицъ и проскурняка, очевидно, обусловлено ихъ круглой формой, какъ симво-

---

1) Въ Аөинахъ былъ извѣстенъ герой по имени Κέραμος, сынъ Діониса и Аріадны.

2) Ср.: Hic sunt ludi Romani communes in Kalendis Ianuarii. In vigilia Kalendarum in sero surgunt pueri et portant scutum. Quidam eorum est larvatus cum maza in collo; sibilando sonant timpanum, eunt per domos, circumdant scutum, timpanum sonat, larva sibilat. Quo ludo finito, accipiunt munus a domino domus, secundum quod placet eï. Sic faciunt per unamquamque domum. *Eo die de omnibus legumïnibus comedunt.* (*Ducange,* Glossarium med. et inf. latinitatis, a. v. *Kalendae januariae*).

Перев. «Здѣсь въ Январьскія Календы происходятъ общія Римскія игры. Наканунѣ Календъ мальчики встаютъ рано утромъ и носятъ щитъ. Одинъ изъ нихъ замаскированъ, съ лепешкой на шеѣ. Со свистомъ бьютъ они въ барабанъ и, переходя изъ дома въ домъ, становятся вокругъ щита. Барабанъ гремитъ, маска свиститъ. По окончаніи этой игры, они получаютъ отъ хозяина дома въ подарокъ, что тотъ соблаговолитъ дать. *Въ этотъ день ѣдятъ всякіе стручковые плоды*».

ломъ луны и звѣздъ, пожираемыхъ луною; приношеніе же въ жертву бѣшакъ, краснобородокъ, меду и собакъ—прозвищами Гекаты: Κύων (вм. Κύμνη', Κεκύμνη', Κεκαυμένη=„Огненная")= „Собака", Μανία=„Бѣшеная", [1]). Τρίγλινος, Τριγλανθίνη и Μελαινίς=„Темная" [2]).

Такимъ образомъ всѣ приведенныя выше составныя части нашего обрядоваго хлѣба уже въ древней Греціи составляли предметы жертвоприношеній въ честь хтоническихъ божествъ.

Паляница и кнышъ, какъ я уже сказалъ, въ видѣ обрядового хлѣба употребляются на поминкахъ; въ слоб. Борисовкѣ Валуйскаго у., какъ и въ другихъ мѣстахъ, во время совершенія панихиды на кладбищѣ, паляницы, вмѣстѣ съ кутьею, ставятъ на могилу умершаго [3]). Всякая панихида вообще, и на кладбищѣ въ особенности, народомъ и до настоящаго времени понимается въ смыслѣ матеріальнаго кормленія душъ умершихъ, о которыхъ разсказывалъ еще Гомеръ въ Одиссеѣ. По этому поводу одинъ изъ моихъ корреспондентовъ говоритъ слѣдующее:

„На просвити и въ аду, якъ *Хрыстосъ Воскресъ* заспиваютъ, такъ царство растворяется, ажъ ув адъ свища, а вси чорты ныць лежать. Теперъ хто умре на святкахъ, такъ щасливый, пиде прямо у царство того, що на дорози до царства ныма чортивъ: уси попадалы, лыжать ныць, царство ны зачыныто, такъ прямо душа иде у царство.—А що поминаютъ на проводы, такъ та мылостыня доходы ажъ ув адъ, іи никому

---

[1]) Такое прозвище представляетъ искаженіе первоначальнаго Μᾶ Νηίς=«Молодая Мать». Это объясненіе можно приложить и къ латин. Mania, имени матери Ларовъ. Въ такомъ случаѣ и прозвища Эриній: Μανίαι и Εὐμενίδες (вм. *Ἐωμηνηΐδες), равно какъ латин. Manes (sc. dii), первоначально должны были означать «дочерей Молодой Матери», или «Молодой Матери Зори».

[2]) Ср. м.-рус. названія звѣздъ: «зори», «зирныци»=«дочери зори»?

[3]) Лѣтомъ 1898 г. на екатеринодарскомъ кладбищѣ я видѣлъ оставленными на могильной плитѣ пирожки съ вареньемъ.

ыспынять, цыю тилко и жывуть увесь годъ того мертви родычи, хто прáвы панафыду та дайе мылостыну. У кого ны багато родычывъ, такъ такы довшъ йидять, подúлять: а якъ у кого багато, то уфатять по кусочку, та такъ ото и жывуть увесь годъ голодни: отъ воны и мучатся. Такъ треба побилшъ давать мылостыны, опроче яець: у яйци дванадцять мылостынь [1]". (1899. Сл. Попасная Богучарскаго уѣзда. Рукопись кр. А. А. Суботы).

Тотъ же смыслъ имѣетъ и оставленіе въ мискѣ съ ложками кутьи, накрытой паляницей или кнышомъ „на покути" и въ рождественскую ночь.

Сюда же относится обычай носить подъ Рождество кутью, пирожки и двѣ паляницы „хрещеному батькови", „хрещени матери" и „баби". Обычай этотъ въ сущности представляетъ видоизмѣненіе жертвы, извѣстной подъ именемъ „Гекатиной вечери", обусловленное тѣмъ, что слово „хрещеный" произведено не отъ слова „перекрестокъ", σταυροδρόμος, а отъ глагола „крестить".

Обычай, аналогичный ношенію вечери „хрещеному батькови" и „хрещени матери", хотя по другому поводу, наблюдается у бѣлоруссовъ. Тамъ для излѣченія человѣка отъ болѣзни, приписываемой дѣйствію нечистой силы, употребляется слѣдующій заговоръ:

„Прошу я васъ, Адамя (=Адаме) съ отцами, зъ дзицями, кабъ вы ласкавы былú, мою хлѣбъ-соль принялú и молитву принялú и рабу божаму етому помочи дáли. Выговарюю я раба божаго при ясныхъ зоряхъ, при цёмныхъ лѣсахъ, при быстрыхъ рѣкахъ, при торныхъ шляхахъ". Все это надъ *хлѣбомъ* и солью, сложа руки, „три разы по дзевяць переказать", затѣмъ отнести *Доброхоту* „на ростаньки" (σταυρόδρόμος). Стать тамъ, заложить руки на спину, „кабъ не пeряксгитца", и по три раза на переднюю и боковыя дороги поклониться до земли и сказать три раза: „Святъ Доброхотъ, хлѣбъ-соль прими и раба божаго про-

[1]) Припомнимъ, что яйца приносились въ жертву и Гекатѣ, царицѣ двѣнадцати годовыхъ мѣсяцевъ.

сьци". И на переднюю дорогу хлѣбъ положить въ чистой тряпочкѣ. (*Романовъ*, Бѣлорус. Сборн. V, 39 № 8).

Подъ *Адамомъ* здѣсь разумѣется „Неумолимый Гадесъ", Ἀδάμας (v. Ἀδάμαστος) Ἀΐδης (Theocr. 2, 34; Hom. Il. 9, 158), Доброхотъ—Πλούτων Εὐβουλεύς, т. е. онъ же; отцы и дѣти—очевидно обитатели Эреба.

Малорусскій „хрещеный батько", которому носятъ кутью съ паляницами, соотвѣтствуетъ бѣлорусскому Доброхоту, имѣющему право на названіе „хрещеного" въ томъ отношеніи, что, по мысли заклинателя, онъ долженъ явиться за принятіемъ приносимой жертвы на перекрестокъ, на *крестовую* дорогу.

Въ великорусскихъ былинахъ о Василіѣ Буслаевичѣ крестнымъ отцомъ обыкновенно является новгородскій „Старичищо Андронищо" (*Гильферд.* №№ 44, 141), въ нѣкоторыхъ варіантахъ называемый „Старцемъ Приугрюмищемъ", или „Пилигримищемъ" (*Тихонр.*, *Миллеръ*, II, №№ 61, 64), а въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ—„Отцомъ" или „Владыкой Черниговскимъ" (*Гильф.* №№ 9, 52). Кромѣ того, имя Андроника, какъ родного отца богатыря, упоминается въ одной изъ греческихъ былинъ (*Дестунисъ*, Разысканія о греч. богат. былин. № 14).

Для объясненія приведенныхъ именъ слѣдуетъ исходить изъ того, что великорусскія былины заимствованы у грековъ, и что на греческой почвѣ они возникли еще въ періодъ матріархата, когда родословная велась по женской линіи, и богатыри поэтому должны носить родовыя имена не отцовъ, а матерей.

Съ этой точки зрѣнія Василій Буслаевичъ является сыномъ Буславки, которая въ малорусской думѣ называется *Поповной Марусей Богуславкой* (Πάπα, Μᾶ Ῥέα, Θεὰ Σελάνα), подъ именемъ которой слѣдуетъ разумѣть отождествлявшуюся съ Реей-Богородицей „Великую Мать" Селену, богиню луны [1]).

Имя *Василій* въ данномъ случаѣ—передѣлка нарицательнаго βασιλεύς=„царь". Изъ Ипатьевской лѣтописи мы знаемъ,

[1]) Въ вульгарномъ говорѣ Воронежской губ. слово «богословы» произносится какъ «буслай». Отсюда семинарская шутка:

— Мужичекъ, каво везешъ?—Буслаёфъ!—А што ета за буслай?—Цырковнайи вешши!

что этимъ именемъ называется Царь-Солнце, сынъ С(а)вароговъ. Въ былинахъ же мать Василія Буслаевича называется Омельѳой Тимоѳеевной. Слѣдовательно, помимо имени Богуславки, мы должны считаться еще съ двумя: Омельѳой и Саварогомъ.

Имя *Омельфа* (по др. былинамъ, *Мамельѳа*, *Памельѳа*, *Намерѳа*, *Наперпа* и т. д.) есть искаженіе греч. прозвища богини Аѳины Μαμέρσα или Μαμέρθα [1]), имя же самой Аѳины, Ἀθαναία, первоначально должно было представлять только сложное имя „Молодой Богини Зори", Αὔ' (Αὔως) Θᾶ (Θεά) Ναΐς (Νεανίς) [2]). Съ такимъ заключеніемъ согласуется и имя *Сварогъ*.

Обыкновенно это имя понимается въ смыслѣ неба, по производству отъ санскритскаго svarga=„небо". Однако же сопоставленіе в.-рус. былинъ съ сказками и м.-рус. колядочными припѣвами приводитъ насъ къ тому заключенію, что имя Сварогъ въ данномъ случаѣ восходитъ къ греч. имени: Ἄνασσα Αὔωρ (дорич. формѣ отъ Αὔως)=„Царица Зоря", которое смѣшано съ созвучными: Ἄνα' Σαῦα=„Царица Небесная", Ἀνα' Σοφά=„Премудрая Царевна" и т. д. Отъ формы Αὔωρ произошло и имя *Сварогъ*, какъ имя отца Царя-Солнца, представляющее передѣлку на русскій ладъ греческаго Σαυώροχος (Σιὰ Αὐώροχος) =„Богиня Владычица Зори".

Однако же никогда не слѣдуетъ забывать, что богиня Зори, будемъ ли мы за нее принимать Афродиту, Розоперстую Киприду, богиню утренней и вечерней звѣзды, или же Эосъ, отождествляясь съ богиней Реей и называясь Наядой Ναΐς, Νέη, въ то же время носила имя *Матери*, понимавшееся въ этомъ случаѣ какъ ея прозвище, независимо отъ ея родства съ тѣмъ или другимъ богомъ. Съ забвеніемъ же первоначальныхъ семейныхъ отношеній, возникшихъ въ періодъ матріархата, родовое имя стали принимать не за имя матери, а за имя отца [3]).

---

[1]) Mamersa Laphria, Lycophr. 1417.

[2]) Ср.: м.-рус. колядочный припѣвъ: «Авъ Ней (v. Нейи), Авъ Молоденькый, Авъ Ней», Αὔ Νέη, Αὔ Ναΐς, Αὔ 'Νέη, т. е. «Молода Зоря, молоденька Зоря, молода Зоря» (*Голов.* II, 76, 77, 81 et pass.).

[3]) Впрочемъ, есть основаніе думать, что въ переходный періодъ ломки матріархальнаго общественнаго строя, подъ вліяніемъ возни

Эти общія положенія одинаково примѣнимы и къ былинѣ о Василіѣ Буслаевичѣ: его „Крестный Отецъ Старичищо Андронищо“, внѣ всякаго сомнѣнія, первоначально назывался не „Крестнымъ Отцомъ“, а „Крестною (!) Матерью“, *Σταυρόπαπα (вм. *Σαυρόπαπα) по имени Ἄνα' Τ'ρώ [Ἄνασσα Τειρώ] Νηΐς= „Молодая Звѣздная Царица [1])“, причемъ смѣшаны слова Πάπα= „Великая Мать“ и πάππος—„Старичищо“.

Чередованіе имени Андронища съ именами: *Пригрюмище* и *Пилигримище* не только не противорѣчитъ сказанному, а наоборотъ подкрѣпляетъ его. Изъ этихъ двухъ альтернацій одного и того-же имени первоначальнымъ слѣдуетъ признать альтернацію *Пилигримище*, представляющую переводъ греч. Ὀδαία или Ὀδαλίσκη; послѣднее же имя есть искаженіе первоначальнаго прозвища, пріурочиваемаго подземнымъ божествамъ: Ἀϊδωνεὺς Οὐδαῖος (или Οὐδαία)=„Подземный слѣпецъ“ или „Подземный Гадесецъ“ („Подземная Гадесянка“). Въ великорусскихъ былинахъ это двойное прозвище отразилось въ двойныхъ же или одиночныхъ име-

---

кавшаго патріархальнаго, и самая греч. миѳологія была передѣлана, при чемъ подвиги древнихъ богинь были приписаны богамъ: этимъ санкціонировались вновь возникавшія общественныя и семейныя отношенія. (Къ такой тактикѣ впослѣдствіи прибѣгали еретики, сочиняя апокрифы для подтвержденія своихъ ученій). Этимъ объясняется и отразившееся въ в.-рус. былинахъ превращеніе греческихъ богинь въ богатырей. Такъ, богиня Аѳина въ Одиссеѣ является только покровительницей героя, а въ былинахъ она оказывается уже матерью тождественнаго съ Одиссеемъ Добрыни (Ὀβριμόθυμος), называясь то Омельѳой Тимоѳеевной, Μαμέρθα Τίμια Θεά, то Никитой Романовичемъ, Νίκη Ῥωμαθέα, т. е. Сильной Побѣдительницей. (Сила и разумъ—отличительныя черты Аѳины). Точно также Царица Аѳина, Ἀθαναΐς Ἄνα', въ былинахъ превращается то въ Дона (Τάναϊς), то въ Дуная (id.!) Ивановича; Аѳина-Ключница, Ἀθαναΐς Κληδοῦχος,—въ Дуная-Ключника, Τάναϊς (!) Κληδοῦχος; Аѳина-Амазонка, Ἀθ. Ἱππία,—въ Дуная-Конюха, Τάν. Ἵππιος; Сильная Аѳина, Ἀθ. Κραταιά,—въ Дуная-Чашника, по смѣшенію словъ: κράτορ (дорич. форма)=«сила» и κρατήρ= «чаша».

[1]) Самыя звѣзды въ великорусскихъ былинахъ носятъ названіе камней—*тиронов*ъ.

нахъ; *Соловей Разбойникъ* ('Αηδὼν 'Οδαῖος), [1]). *Соловей Будимировичъ* („Αηδών Οὐδεμία, вм. Οὐδινηῖς=„Подземная Наяда“), [2]) *Одолище* или *Идолище* ('Οδαιΐσχη=„Пилигримище“), *Чевъжа* (по производству слова Αἰδωνεύς не отъ корня ειδ-=„видѣть“, а отъ корня οιδ-=„вѣдать“); въ в.-рус. сказкѣ—въ имени *Невидимаго „Никто“* (Αἰδωνεύς Οὐδεμία; *Аѳан.* № 122); въ малорусскомъ же варіантѣ этой сказки (*Чуб.* II, № 74)—въ имени *Юрзы—Мурзы* (Μαυρὰ Σιά=„Темной Богини“), изображающей *Падло*, Οὐδεμία [3]).

Выраженіе: *Владыка Черниговскій* въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, повидимому, есть переводъ греческаго Δεσπότις Μαυρά, имени Персефоны, а имя *Отецъ Черниговскій*—переводъ греческаго Πάπα (=„Великая Мать“) Μαυρά.

---

[1]) Ср. былинное выраженіе: «разбойнички-придорожнички».

[2]) Подобно этому слово νηΐς=«наяда» искажено въ μοῖα=«муха» въ прозвищѣ Аѳины и Афродиты Κυνάμυια=«Песья Муха», первоначально Κυμένη (=καομένη), Νηΐς=«Огненая Наяда». Такая этимологія подкрѣпляется другимъ прозвищемъ Аѳины 'Αλαλκομενηΐς, отъ ἄλια=«свѣтлая», κωμένη, или καομένη=«горящая», «огненная» и νηΐς=«наяда».

Прозвище Гекаты Σκύλλα=«Сука», очевидно, также представляетъ искаженіе слова, произведеннаго отъ σιά=«богиня», κυ—, καυ=«огненная» и ἄλια=«свѣтлая». Имена в. рус. Костромы (*Καυστρομᾶ) и латышской *Kuhta* или *Kohta* (Κωμᾶ, Κυμᾶ), какъ извѣстно, также связаны съ обрядами, въ которыхъ употребляется огонь. Кромѣ того, Геката въ в.-рус. сказкахъ носитъ имя: «Баба Яга, Костяная Нога», Πάπα 'Εκά', Κωστὴ (Καυστὴ) Βάσις, т. е. «Великая Мать Геката, Горючее подножіе (Луна)».

Чередованіе слоговъ *nV* и *mV*, *nVmV* и *mVnV* (V.=Vocalis) наблюдается въ словахъ Οὐδεμία и Κυνάμυια, вм. Οὐδινηΐς, Κυμενηΐς, принадлежитъ къ явленіямъ общечеловѣческой фонетики. Ср. испан. *Adán* вм. *Adam*, франц. *nappe*, *nèfle*, изъ лат. *mappam*, *mespilum* (*Passy*, Étude sur les changm. phonet., § 335); м.-рус.: *намысто*, *намастырь*, *окомонъ*, вм. *монысто*, *манастырь*, *икономъ*; греч. падежн. окончанія: —ον, —ην, —αν при лат.: —*um*, —*am*.

[3]) Ср. греч. выраженіе: οὐδεμία εἰμί=«быть мертвой», «буты падломъ».

Изъ сказаннаго можно заключить, что многія греческія нарицательныя имена, употребляясь въ смыслѣ собственныхъ, послужили къ тому, что богини, ихъ носящія, принимались за отдѣльныя личности, и изъ одной богини такимъ образомъ дѣлалось нѣсколько. Тотъ-же процессъ наблюдается и у насъ, гдѣ Марія, мать Іисуса, называется не собственнымъ, а исключительно нарицательными именами: „Богородыця", „Божа Маты" и пр. По этому поводу одинъ изъ моихъ корреспондентовъ говоритъ: „Богородыцивъ багато, ны одна: Казанська, Неопалыма, Смоленська, Иверська; Богородыця Тройця—це все Маты Божа". (VI. 1893. Сл. Попасная Богучарск. у. сообщ. кр. А. Субота). [1])

Въ своей статьѣ „о царскихъ загадкахъ" (Этногр. обозр. кн. XXXI, стр. 57), я указывалъ на то, что, по словамъ Лактанція, древними поэтами богиня луны изображалась стоящей на планетѣ луны съ любимымъ младенцемъ, который отъ стыда

[1]) Этимъ объясняется и смѣшеніе личностей греч. богинь Артемиды и Афродиты. Ср. у. Гомоля:». Utraque dea vim naturae exprimit, qua res gignuntur, et crescunt, pereuntque; utraque ex asiatico fonte manavit, sive Assyrii numinis Anat, seu Phoenicae Astartes germana creditur; utraque cum sole et luna, luce et tenebris necessitudinem obtinet, ac triplex imperium occupat superioris mundi, et huius nostri, et inferioris etiam; utraque triplicem induit formam, ac triplici nomine vocata est. Itaque fit interdum utrius assimilatio ac quasi confusio quaedam, et nomen, personamque invicem, ut ita dicam, mutant Venus et Diana. (*Homelle*, *Th*, De antiquissimis Dianae Simulacris Deliis [Paris, 1885], p. 55—56).

Перев. «И та, и другая богиня олицетворяетъ собою силу природы, благодаря которой все происходитъ, растетъ и погибаетъ; и та и другая своимъ просхожденіемъ имѣетъ азіатскій источникъ все равно, считаютъ-ли ее родной сестрой Ассирійскаго божества «Анатъ», или Финикійской Астарты; и та и другая имѣетъ связь съ солнцемъ и луной, свѣтомъ и тьмой и обладаетъ тройною властью,—надъ вышнимъ міромъ, нашимъ земнымъ и подземнымъ; та и другая является въ трехъ видахъ и называется тройнымъ именемъ. Итакъ происходитъ порою уподобленіе и какъ-бы нѣкоторое смѣшеніе того и другого божества, а потому Венера и Діана, такъ сказать, взаимно мѣняются своимъ именемъ и своимъ обликомъ.

скрылъ свое лицо. Это изображеніе послужило образцомъ для христіанской иконографіи. На самомъ дѣлѣ на иконахъ византійскаго происхожденія бросается въ глаза изображеніе младенца Іисуса, какъ будто прячущаго свое лицо. Кромѣ того, особенность византійской иконографіи, по сравненію съ западноевропейской, составляетъ изображеніе звѣзды на головномъ покровѣ, а иногда и на плечахъ Богоматери.

На лубочныхъ изображеніяхъ внутренняго состоянія сердца грѣшнаго и потомъ раскаявшагося человѣка „всевидящее око" является символомъ „Всевидящаго Гелія", бога солнца (πανόπτης κύκλος ἡλίου; Prom. 91 [1]) а подъ нимъ большая звѣзда, какъ символъ луны.

Все это указываетъ на то, что названіе Персефоны, богини луны, „звѣздной Царицей" было очень популярно.

Съ другой стороны, на перенесеніе еретиками первыхъ вѣковъ христіанства чертъ богини луны на Богородицу указываетъ апокрифъ о раздѣлѣ земли и природы между святыми (представляющій аналогію къ языческому раздѣлу природы между Зевсомъ и другими богами), гдѣ Божіей Матери отводятся страны, названныя именами лунныхъ богинь, именно: 1, Проклятый городъ Троянъ; 2, Индія проклятая; 3, земля Легенская; 4, земля Палавонская (*Веселовскій*, Опыты по истор. развит. христіан. легенды, II, 189, 190 въ Ж. М. Н. Пр. ч. 189): названіямъ этихъ странъ соотвѣтствуютъ имена лунныхъ богинь 1) Τ'ρώ (или Θ'ρώ) Ἄν'α Ἀρά=„звѣздная Царица (*или*: Царица Поляница), богиня проклятія"; 2) Ἀΐδης Ἀρά=„Гадесская (*или*: Слѣпая) Ара" (богиня проклятія); 3) Λέαινα (прозвище Гекаты)=„Львица"; 4) Πολύβοια—сестра Гіакинфа, взятая на небо и принимавшаяся за Артемиду и Кору—Персефону.

III.

Выраженіе былинъ: „Крестный Отецъ" точно также, какъ и малорусскія: хрещеный батько", „хрещена маты" рождествен-

[1]) По Гезіоду—πάντα ἰδὼν Διός ὀφθαλμός=«Всевидящее око Зевса»; по Макробію (Saturn. I, 21, 13): τί ἥλιος οὐράνιος ὀφθαλμός.

скаго обряда, возникли еще въ языческій періодъ, только христіанскій смыслъ приданъ имъ уже впослѣдствіи. Причина этому заключается въ слѣдующемъ.

Обычнымъ эпитетомъ греческихъ боговъ было слово *небесный*, выражавшееся различнымъ образомъ: если рѣчь шла о богахъ, связанныхъ съ дневнымъ свѣтомъ, то они назывались олимпійскими или ураническими (отъ словъ Ὀλύμπος, *οὐρανός*= „небо"); если же рѣчь шла о подземныхъ, то къ нимъ прилагались эпитеты, произведенные отъ словъ, имѣющихъ нѣкоторое созвучіе съ санскритскимъ svarga=„небо", а именно: *σαῦρα, σῶρα, σοῦρα* [1]), *σοῦσα, σῦβα, σαῦα, σάβα, σάβος*, откуда *ταῦρος, σταυρός, σταῦρα*. Такимъ образомъ хтоническій или эребскій Діонисъ, богъ заходящаго солнца, имѣлъ прозвище: Σάβος, Ταῦρος, Σάτυρος (=Σαυρόταυρος=„Небесный Туръ"; ср. сканд. имя *Суртуръ*). Въ апокрифахъ и греч. былинахъ слово *σαῦρα* смѣшано съ именемъ Сиріи, а въ великорусскихъ былинахъ—съ городомъ Суражемъ или Суздалемъ, и въ малорусскихъ пѣсняхъ съ *лисомъ* ξύλα, возникшимъ изъ *σύλα*, шепелеватой формы отъ *σῦβα*. Отсюда же ведутъ свое происхожденіе и былинныя имена: *Ставръ Годиновичъ*, Σταυρός Ἀΐσωνεύς (=„Невидимое [т. е. ночное] Небо"), *Попъ Ростовскій Левонтій* Πάπα τοῦ σταυροῦ Λέων (=„Великая Небесная Мать Львица", т. е. Персефона), и обратно σταυρός Λέοντος=„Крестъ Леванидовъ" великорусскихъ былинъ (собственно: „Небо Львицы", т. е. ночное небо, подвластное Львицѣ-Персефонѣ).

Еще на греческой почвѣ имя „Небесной Матери", *Σαυρομᾶ было смѣшано съ названіемъ страны Сарматіи, Σαυρομάτις, чѣмъ и объясняется мифическая исторія этой страны. Въ свою очередь, названіе Σχορομάτις въ великорусскихъ былинахъ переведено двумя словами: *Литва* и *Ляхетія*. Обыкновенно два незнакомыхъ богатыря встрѣчаясь предлагаютъ вопросъ о родствѣ не такъ, какъ мы: „Чей ты сынъ? Какова фамилія твоего отца"? а: „Какой ты Литвы?" или: „Какой ты Орды?"—т. е.

---

[1]) Но также и Ἀπόλλων Σοῦριος.

„Какой ты Небесной Матери?" Слово *Орда* въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ греческому *'Αωρθᾶ, Ἄως θεά=„Богиня Зоря". Такимъ образомъ вопросъ: „Какой ты Орды?" означаетъ: когда ты восходишь на небосклонъ: при утренней, или же при вечерней зорѣ? Такой вопросъ тѣмъ болѣе былъ умѣстенъ, что богиня Зори вообще называлась Матерью, Μᾶ.

Слово Σαῦρα утвердилось за ночнымъ небомъ, очевидно по созвучію съ упомянутымъ ранѣе Ἄνασσα Αὔωρ=„Царица Зоря", смѣшаннымъ съ Ἄνα' Σαῦρα, или Σαυα=„Царица Савская", т. е. небесная. Затѣмъ это названіе получило народное осмысленіе при помощи слова σταυρός=„колъ", „частоколъ", „острогъ", „тынъ" [1]).

Наконецъ по введеніи въ Греціи христіанства слово σταυρός получило значеніе креста, откуда и выраженіе: „Небесная Мать"; Μασταυρα (прозвище Реи), Σταυρομᾶ, превратилась въ малорусское: „Хрещена Маты". А такъ какъ, „Небесная Мать" носила еще имя Πάπα, понимавшееся въ смыслѣ „отца" и въ смыслѣ „бабы", то до „Хрещеной Матери" были еще присоединены: „хрещеный батько", „крестный отецъ" и „баба", какъ мать родителей и какъ повитуха [2]).

---

[1]) Въ заговорахъ, былинахъ и колядкахъ слово σταυρός, въ сочетаніи съ эпитетами, имѣетъ значеніе желѣзнаго или серебрянаго тына. (Потебня, Объясненіе м.-рус. и сродн. нар. пѣс. II, 608 sq); *Романовъ*, Б-рус. Сборн. V, 41 № 150; 45 № 167 et pass.).

[2]) Обозначеніе неба словами: ξύλα (=σῦρα)=«лѣсъ» и σταυρός=«крестъ» послужило мотивомъ съ созданію апокрифа о «крестномъ древѣ», которое поэтому также означаетъ небо.

Въ западно-европейской иконографіи слово σταυρός понималось въ томъ же смыслѣ, что видно изъ слѣдующаго. На имѣющейся у меня олеографической картинѣ, изображающей Франциска Ассизскаго, этотъ святой стоитъ одной ногой на землѣ, а другой на темно-голубомъ шарикѣ, очевидно, изображающемъ вечернее небо, и снимаетъ съ креста распятаго Іисуса. Фонъ картины темный съ небольшой полосой желтоватаго зарева на горизонтѣ. Іисусъ представленъ живымъ, съ открытыми глазами и обнимающимъ одной рукой св. Франциска (другая прибита на крестѣ). Очевидно, картина изображаетъ въ лицахъ заходъ солнца и восходъ луны. Святой Францискъ

Кромѣ того, въ греческой былинѣ имя „Великой Небесной Матери“ передается при помощи слова Παπαδιά [1]).

Такимъ образомъ выраженіе „хрещена маты“ есть передѣлка первоначальнаго: „Небесна Маты“.

Послѣ этого становится совершенно понятнымъ, что ношеніе кутьи съ паляницами или пирожками къ бабѣ возникло вслѣдствіе пониманія слова Πάπα не въ смыслѣ „Великой Матери“, а въ смыслѣ „бабы“, т. е. старой женщины“.

Такое же пониманіе слова Πάπα отразилось еще и на другомъ малорусскомъ обрядѣ. Въ слободѣ Борисовкѣ Валуйскаго уѣзда на второй день Рождества, Пасхи и Пятидесятницы, называемый „Богородыця“, молодыци носятъ паляницы, пирожки и проч. „до бабы, що бабуйе в йихъ“, а баба въ свою очередь, устраиваетъ пришедшимъ обѣдъ. Въ эти же дни служатъ панихиды въ церкви, устраиваютъ поминальные обѣды, раздаютъ нищимъ милостыню.

Въ мѣстечкѣ же Полонномъ, Новоградъ-Волынскаго уѣзда, существуетъ обычай на второй день Рождества, 26-го декабря, „ходыть до Богородыци“, т. е. приносить хлѣбъ и поздравлять

несомнѣнно привлеченъ сюда, несмотря на анахронизмъ, потому, что французское слово francisque означаетъ бердышъ, а бердышъ, какъ извѣстно, имѣетъ форму луннаго серпа. И прозвище святого *Ассизскій*, по созвучію съ латинскимъ assidere=«сидѣть», соотвѣтствуетъ греческому *Καθεός=«Сидяка», превратившемуся у насъ въ «Костія», или «Кащея Безсмертнаго» (Ἀθάνατος Καθεός) и въ апокрифическихъ Касьяна Сидящаго и Аѳанасія Сидящаго (Ἀθανάσιος Καθεός).

[1]) Рядомъ съ нею упоминаются *вдовы* χῆραι, несомнѣнно появившіяся въ былинѣ по смѣшенію съ Κῆρες=«Керы», «Эриніи». Въ бѣлорусскихъ же заговорахъ слово χῆρ смѣшалось χείρ=«рука»: «одна рука Дамида» (χῆρ Δημήτηρ), а другая Соломида (χῆρ Σαυλομᾶ (Σαυρομᾶ) θεά), а третья Маланка (χῆρ Μελαινίς, или Μέλαινα), а оттуда уже искаженіе на бѣлорусской почвѣ: «одна рака (=рѣка) Дамида», и т. д. (*Романовъ*, Б.-рус. Зборн. V, 17 № 45, 46). Проф. Дестунисъ выраженіе Παπασιά понялъ въ смыслѣ «попадьи». (Розысканія, стр. 81, прим. 158).

„добродзійку" (жену священника) послѣ службы. (Чуб. III, 436)[1]) Говоря иначе, выраженіе Παπαδιά=„Небесная Мать" понято въ смыслѣ „попадьи".

Такимъ образомъ въ одномъ случаѣ имя лунной богини Πάπα перенесено на „бабу пупоризну", а въ другомъ—на попадью.

Въ западной Европѣ, вмѣсто нашего ношенія кутьи съ паляницами и пирожками „хрещеному батькови, матери и баби", существуетъ обычай въ повечеріе Богоявленія[2]) ставить въ сѣняхъ вечерю, состоящую изъ *хлѣба*, молока[3]) и проч. Бертѣ (Bertha, Berthe, Perchtel), которая представляется древней старухой, женой Пилата, осужденной блуждать до страшнаго суда. Иногда вмѣсто нея является Богородица съ младенцемъ. (*Веселовскій*, Опыты II, 279 въ Ж.-М. Н. Пр. ч. 183).

Берта здѣсь—Πέρϑα (первоначально Κέρϑα)=„Рогатая Богиня", т. е. богиня роговидной луны, Персефона, въ великорусской сказкѣ превратившаяся въ „Лису Перикеевну" (*Потебня*, О миѳологич. значен. нѣкот. обр. и повѣр., стр. 136), Κερδὼ Περιγαία (=собственно: „Рогатая Богиня, вѣчно блуждающая около земли"); *Пилатъ*, Ἀιδης Πυλάρτης=„Гадесъ, крѣпко запирающій свои ворота", т. е. никого не выпускающій изъ подземнаго царства.

Безъ сомнѣнія, повѣрье, относящееся къ Бертѣ, какъ женѣ Пилата, восходитъ къ греческой поговоркѣ: Ἄρτεμις Περγαία (вм. первоначальнаго Περιγαία)=„Вѣчный Жидъ". По малорусскому

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что терминъ «Богородыця» былъ извѣстенъ языческой Греціи еще до Рож. Христ.: этимъ именемъ (ϑεητόχος) называлась отождествлявшаяся съ лунными богинями «Небесная Мать» (*Μάσταυρα*) Рея.

[2]) Отнесеніе обряда къ Богоявленію, а не къ Рождеству, какъ у насъ, объясняется тѣмъ, что до половины IV вѣка Богоявленіе праздновалось въ одинъ день съ Рождествомъ; а послѣ отнесенія послѣдняго праздника на двѣнадцать дней назадъ, первоначальные обряды распредѣлены между этими двумя праздниками.

[3]) Γάλα=«молоко» имѣетъ созвучіе съ эпитетами: Зори—Ἅλια=«Свѣтлая», и Эриній—Ἀρά въ шепелеватой формѣ.

же повѣрью, до страшнаго суда обречены не умирать жиды, которые распяли Спасителя и стоятъ на стражѣ у гроба Господня въ Іерусалимѣ. Въ теченіе четырехъ недѣль луна перерождается, а вмѣстѣ съ нею перерождаются и эти жиды. (Чуб. I, 10—11). Не трудно догадаться, что названіе *жиды* и выраженіе „Вѣчный Жидъ“ представляютъ истолкованіе прозвища Персефоны, какъ богини луны, Οὐδαία, не въ смыслѣ „Подземной“ богини, какъ бы слѣдовало, а въ смыслѣ „Жидовки“ (Ἰουδαία).

По сицилійской сказкѣ „Вѣчнымъ Жидомъ“ оказывается прикованный къ столбу „Отчаивающійся Маркъ“ (собст. Малхъ), по пути къ Пилату давшій Іисусу желѣзной рукавицей пощечину. Онъ, въ наказаніе, долженъ ходить вокругъ столба до *суднаго дня*. Самое имя его: Marcu disparatu является переводомъ греческаго выраженія Μαργὴ Ἄνελπις, какъ контаминированной шепелеватой формы, восходящей къ первоначальной Καργὴ Ἄνα (=Ἄνασσα) Ἐρεβίς=„Бѣшеная Эребская Царица [2]),“ т. е. Геката. Въ греческихъ былинахъ она превратилась въ „Яни Отчаяннаго“ (разум.: Ἀνά Ἄνελπις) съ тавтологическимъ именемъ. (*Дестунисъ*, Разысканія № 18).

По румынской колядкѣ (*Веселовскій*, Разысканія, VII, 264). вмѣсто Марка въ адѣ къ столбу прикованъ цѣпью Іуда, похититель солнца, луны, утренней звѣзды и проч., а по малорусской сказкѣ, чортъ, замѣняющій „рогатую богиню“, Κερϑᾶ.

(Рукопись кр. слоб. Россоши Острогожск. у. Пант. Яковл. Череватенка) [1]).

Повидимому, во всѣхъ этихъ случаяхъ слово *столпъ* должно соотвѣтствовать греческому σταυρός (=σαῦρα)= „небо“; въ такомъ случаѣ Геката, въ качествѣ „Вѣчнаго Жида, соотвѣт-

---

[1]) Сюда же относятся малорусскія миѳическія имена: «Марко Проклятый», Μαργὴ Ἀρά, и «Безкостний Марко, що въ погребці замурувався». (*Драгомановъ*, М.-рус. пар. пред., 38—39), Ἀναχωστὴ (=Ἀνά Καυστὴ) Μαργὴ «Бѣшеная (Страстная?) Огненная Царица».

[2]) Варіантъ этой сказки, недосказанный, см. въ «Этногр. Мат.», Б. Д. Гринченко т. I, № 97.

ствовала бы вѣчно ходящей около земли Артемидѣ: (Ἄρτεμίς Περγαία).

Кромѣ того, какъ остатокъ „Гекатиной вечери", слѣдуетъ отмѣтить обычай дивчатъ слободы Борисовки, Валуйскаго уѣзда, съ паляницей, приготовленной для печенія прежде другихъ, выходить вечеромъ подъ Рождество на дорогу для гаданія по лаю собакъ и мычанію коровъ о замужествѣ. Этотъ обычай безъ сомнѣнія стоитъ въ связи съ греческими вѣрованіями, относящимися къ Гекатѣ, какъ богинѣ колдовства, носившей прозвища: „Собака", Κύων, и «Корова», Ταῦρος (первоначально Σταῦρα, Σαῦρα=«небесная»").

Приведенныхъ данныхъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, я полагаю достаточно для того, чтобы признать тождество, между обрядовой паляницей и греческимъ πέλανος.

Остается сказать нѣсколько словъ о фонетической сторонѣ слова *паляныця*. Звукъ *а* въ первомъ слогѣ малорусской формы появился подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: 1, по ассимиляціи, обусловленной гласнымъ *а* второго слога, и 2, по воздѣйствію звука *л*, который, произносясь по-малорусски при помощи языка, установленнаго желобкомъ болѣе къ концу, чѣмъ къ срединѣ, требуетъ соотвѣтственнаго раскрытія рта. Подобно слову *паляныця*, образовалось и малорусское имя *Палáга* отъ греч. Πελαγία [1])

Во избѣжаніе нареканій, считаю необходимымъ заявить, что, давая новую этимологію словъ 'Αθηναία' Αλαλκομενηΐς и проч., я оставилъ безъ критики мнѣнія по этимъ же вопросамъ Макса Мюллера, Курціуса, Велькера и Преллера единственно потому, чтобы не уклоняться слишкомъ въ сторону.

М. Дикаревъ.

Екатеринодаръ. 15 іюня 1899 г.

[1]) Ср. *Passy P.*, Études sur les changements phonétiques etc. Paris, 1891), p. 177. *oliva* изъ ἐλαία, *olifantus*, вм. *elephantus*, *modus* (вм. *molos*) изъ μέλος, *Siculus* изъ Σικελός.

„ОСТАННЯ НИЧЪ“.

Историчня [1]) драма въ двохъ картынахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

1) Степанъ Братковськый —подчашый Львовськый; молодый ще, але жовтый, худый и знеможеный; оброслый бородою, посывившою зтроха. Въ рештаньскимъ халати; вьязень.

2) Инстигаторъ — тодишній осуднывъ; остаркуватый, сывенькый; жовчна и злобна фигура. Полякъ.

---

[1]) Сюжетомъ для ціеи драмы послужыла дійсна историчня подія. Въ кинци XVII в. бувъ соби шляхтычъ-руськый Братковськый; мавъ винъ маетокъ на Волынщыни, а прожывавъ часто у Львови; Братковськый бувъ чоловикъ освиченый, талановытый, напрямку социніанського, але руськои виры, велыкый патріота и на дыво велыкый народовець. Въ ти часы шляхта уже була вкоренылася и дбала про заневоленння селянъ; а Братковськый навпакы пишовъ проты шляхты за голоту; винъ знався и зъ гуртомъ правобережныхъ лыцаривъ—Паліемъ, Самусемъ, Искрою,—яки тяглы до Ливобережнои Украины и хотилы одбытысь одъ Польши и злучытысь зъ Правобережною Украиною. Братковськый хотивъ пиднять на Волыни повстання крестьянъ; ёго пiймалы зъ маныфестаціямы и покаралы на горло въ Луцьку, 1702 року.—Жону и едыного сына не допустылы навить до побачення.

Авторъ.

3) Сторожъ — добрячый, сердешный дидъ, зъ сывымы навыслымы бровамы, а видъ того й зъ суворымъ выразомъ.

4) Бургграбя — замковый и тюремный комендантъ, середнихъ литъ; полякъ.

5) Ксёнзъ—худый и блидый.

6) Остапъ—товарышъ Степана; молодый.

7) Тася Братковська—жинка Степанова; у сни вона удае—и панну, и молодычку. У сни тильки вона жыва, румьяна, а такъ—змарнила, блида.

8) Маты Степана—тинь старои покiйныци.

Голосы: хлопьячи, чоловичи и жиночи.

Вартови.

Дiется въ мисти Луцьку, въ 1702 роци; за панування Польшы.

КАРТЫНА ПЕРША.

Середына тюремного покою. Направо видъ актёра лижко, соломою вкрыте; наливо—шыроке и высоке викно зъ дрибнымы кгратамы, яки стылу, а сами шыбкы викна чымъ-сь замазани,—прозоры лышь верхни; просто—зализни двери, зъ кругленькимъ викномъ посередыни. Стины въ покои чорни, облупани; паутыння [торочкамы высыть по стели. Зъ мебели—стилъ за лижкомъ и табуретъ пидъ викномъ. На столи—кухоль воды и окраець хлиба. Вечиръ. Сонце грае ще на верхнихъ шыбкахъ у викни и по стели; внызу сутинь.

Выхидъ I.

Въязень самъ.

Степанъ Братковськый. (*Сыдыть на лижку; лива рука прыкута ёму до стины ланцюгомъ; у правій винъ держыть якыйсь аркушъ. Чыта поволи*).

Належыть винъ, увьязанный пры зброи,
Якъ зрадныкъ злый, якъ бунтаривъ ватагъ,
Тяжкій выни, а ще найтяжчій кари...
(*Говорыть*) Обрѐхы й лжа! Не бунтари мы, ни,
А вирни лышъ сыны свого народа!
Напастныкъ—ты, нашъ вороже лыхый!
Ты гвалтомъ край осуджуешъ въ неволю
И нападомъ катуешъ ридный людъ,
Ламаючы и право наше, й волю...
„Пры зброи бувъ!“ Та соннаго взялы,
А Тасю ще... мою дружыну любу...

Охъ, и згадать... холоне въ жылахъ кровъ...
Де-жъ, де вона? Невже закатувалы? (*Пауза*).
И хыжый гвалтъ зовуть ище судомъ?!
О моцари, о двоязычни зміи,
Вы мыръ кильцемъ гадючымъ обвелы...
Де-жъ правда, де?! (*Сипа рукою; зализо вйидается ще бильше, до крови*) Зализо вйилось въ рану,—
Такъ рвы-жъ, шматуй нездатню руку сю,
Що й видплатыть не зважылась катюзи!
Ай! А!! (*Пауза*) Ну, й кровъ... Колыжъ останній часъ,
Колы кинецъ? Колы-бъ вже швыдче кара!
«Найтяжча»? Ха! Тортуры прыганя,
Щобъ чулы мы и смакувалы смертю!
(*Пауза*). Все въ голови змишалось, и думкы
У цимъ лёху вильготнимъ розлетилысь,
А серце—геть одубло... Тило все
Скандзюбылось и нечувственнымъ стало...
Мынають дни и ночи у питьми,
И скилькы ихъ пырнуло у безодню—
Не розберу: лыстъ жовкъ, зрывався зъ витъ,
Ихъ пáморозь вберала въ срибни шаты,
И знову на ныхъ пышавъ роскишный цвитъ...
А я сыжу... прыкутый, стражду тиломъ...
А въ серци—гадъ... и душу рве нудьга...
Хоть-бы зырнуть на жинку, на дытыну!
Що зъ нымы тамъ? Де друзи, де браты? (*Пауза*).
Але надъ все—людське поспильне горе,—
Ярмо и бычъ голоты!.. Тяжко! Охъ,
Якъ боляче! Якъ душу шарпа туга!
Знать, видаты, що море слизъ, крови
Геть поняло нашъ гордый духъ и волю,
Прыныжену до рабства,—й не здолать
Видпомстыты, а гныть на ланцюзи тутъ!
(*Сипа*) Шматуй, кривавъ!... Колы-бъ вже правый судъ...
Ха, ха, ха, ха! (*Брязкитъ*). Идуть?... Сюды... До мене?!..

Ява 2-а.

Ти-жъ и Инстигаторъ, Комендантъ Замковый та Сторожъ, та ще одна людына, яка ховается по-за плечи).

Сторожъ (*одсовуе на середыну столыкъ, подае инстигатору табуретъ и видходыть до дверей; въ рукахъ у ёго ключи*).

Инстигаторъ (*озыра вьязня, що вставъ; розклада на столи паперы; по паузи*).
Панъ одибравъ осудный лыстъ?

Братковськый (*погляда спокійно, трохы горда*). Давно.

Инстигаторъ У вьязня кровъ... Для чого ця жорстокисть?
(*до Коменданта*). Знять кайданы́! (*Сторожъ кыдается, здійма*).

Братковськый (*мовг бы до себе*). Якъ, знять? Щó то за знакъ?

Инстигаторъ. Сподиванка на мылосердя зверхне.
И я прыйшовъ ёго оповистыть:
А колы панъ, по щырости, одповидь
На зàпыты мои подасть, то вмыть
Зъ ціи тюрьмы на свитъ винъ выйде вильнымъ,
Въ обіймыща коханои симьи,
До огныща....

Братковськый (*зрушеный*). До кревныхъ? Боже мылый!
А чы жыви-жъ жонà и немовля?

Инстигаторъ. Жыви, жыви! Я выпустывъ на волю.

Братковськый. Жона... дытя... и воля! Ахъ, яка
Спокуса то!.. Мій пане... Богъ видплате!
Тоби я все... Не скрывджу словомъ...

Инстигаторъ. Такъ,
Я виры йму; мы будемо друзьямы...

Братковськый. Друзьямы? Эхъ!... що хоче панъ?

Инстигаторъ. А ось:
Учынкы зли, на котрыхъ пана взято,
Ты вызнаешъ: не сыла ихъ зректысь!

Братковськый. И такъ и ни! Помылкы суть чи-мáли:
(*показуе на папиръ*). Тутъ зрадныкомъ зовусь я, бунтаремъ...
Хиба-жъ любыть отчызну свою—зрада?
Хиба-жъ стоять за кревныхъ—вчынъ лыхый?
Та все-жъ мене учылы навить въ школи,
Щобъ не щадывъ за ридный людъ жыття!
Та самъ Хрыстосъ, розипьятый катамы,
Прорикъ, що несть любови бильшъ надъ ту,
Яка виддасть за друзи свою душу...

Инстигаторъ. А друзи хто?

Братковсьсый (*гордовыто*). Ти, що й булы... Чого-жъ
Любыть своихъ—тепера лыходійство?

Инстигаторъ. Де влада й мицьтамъ мусыть буты й ридъ
За намы мыць, такъ мы тепера й друзи.
(*дражлыво*). Нашъ станъ и мечъ—отчызна вамъ!

Братковськый (*усмихается гирко*). Ха, ха!
Такъ знать кулакъ—едыный батько въ свити,
Тяжке ярмо—едына благодать,
(*зъ бильшымъ запаломъ*). Ризкый канчукъ—едыная святыня?!
И сыли тій слипій лышень молысь?
А людъ, братівъ, отчызну, навить Бога
Ваалу кынь пидъ ногы?

Инстигаторъ (*розлютовано тупа ногою*). Цыть! Мовчы!!
Ты гордый зухъ! запеклый суповстанець!
У! Я тебе!

Братковськый (*спокійно*). Що-жъ панська воля! Хтивъ,
По щырости, чого бажавъ добродій...

Инстигаторъ. По щырости? Ты бувъ за ватажка?

Братковськый. Велыка честь; ще мы не шыкувалысь...

Инстигаторъ. Ще ни? А хто-жъ тамъ керувавъ?

Братковськый. Уси!

Инстигаторъ (*нетерпляче*). Ну, хто-жъ, та хто?

Братковськый. Товарышíвъ не выдамъ.

Инстигаторъ. Але-жъ у тимъ рятунокъ твій!

Братковськый (*гирко*) Невже?
Въ продайности, у клятьболомстви, зради?
Якъ его мосць мене не поважа!
Іудою не бувъ: за жодну цину—
Ни вирности, ни чести не продамъ.

Инстигаторъ. Колы жыття, и смерть, и вси тортуры
У тій цини?

Братковськый. Хочъ пекло навить все!

Инстигаторъ. Чого-чого, а пекла ты скуштуешъ!
Намъ видомо, що въ звязку бувъ
Изъ Искрою и зъ Паліемъ-псявиромъ,
Зъ Мазепою, зъ Москвою злытысь хтивъ,
Пидбурювавъ все быдло...

Братковськый (*усмихается*). Колы звисно усее вамъ, то
ничого й пытать.

Инстигаторъ (*скажено*). Ну ,почекай! На кутни засміешся,
Не те спивать на дыби станешъ ты,
Чи на жару...

Братковськый (*зъ прызырствомъ*) Вельможный панъ осуднысъ
Шануе-жъ честь, и гоноръ, и повынъ...

Инстигаторъ. У шляхты-но!

Братковськый. То нà-що вамъ мерзота?
Хто здатенъ пакъ своихъ братив продать,
То той и васъ....

Инстигаторъ. О, певенъ я!... Одначе,
Намъ треба знать, хто наши ворогы?..
(*По паузи*) Щобъ прымырыть зъ новымъ ихъ берломъ...

Братковськый. Пане!
И довгый часъ тыхъ ранъ не зажывыть!

Инстигаторъ. Такъ думаешъ? (*Вставъ и пройшовся. Дали пидійшовъ и щось тыхо шепоче коменданту, одвившы его въ бикъ*). Упартый песъ, звирюка!

Комендантъ. Схызматъ лыхый.

Инстигаторъ. Хочъ-бы въ однимъ попавсь!
(*хутко сида; до вьязня*). Намъ хтилося-бъ, щобъ всякъ пиддане́ць нашъ

Прыпавъ чоломъ до стопъ святого Папы;
Не для того, що кращый нашъ костёлъ,
Бо Богъ едынъ и виры вси хороши,
А для того, що религiйна ризнь
Лышъ появля злобу, та свару въ панстви,
И певнисть есть лышъ въ одновирцяхъ....

Братковськый. Ни,
У гвалти-пакъ надъ вирою розрада....
И я прошу про виру залышыть:
Колы братывъ, родыны и отчызны
Не зражу я, то виры вже-й повикъ!

Инстигаторъ. Ну й овшемъ (*тыхо*). Этъ тварюка безнадiйна!
Ты бунтувавъ наридъ, озбройно бывсь,
Колы взялы?

Братковськый. Чы не въ однiй сорочци...

Инстигаторъ. Есть свидокъ тутъ, що вьязневи ствердыть.

Братковськый. Запроданець?

Инстигаторъ. Ни, прыятель найпершый!

Братковськый. Не може буть?

Инстигаторъ. Але напевно такъ!
(*До свидка*). Одкрыйся, панъ, и выявы!

(*Свидокъ выступывъ и заразъ змишався*).

Братковськый (*сплеснувъ рукамы, глянувшы*). Мiй Боже!
Остапъ? Мiй другъ? Надiя наша вся?
Орелъ-козакъ? Пылке, завзяте серце,
Велычнiй умъ... незрȁдлыва душа...
И ты, и ты запродався? Чы зрикся
Святыхъ думокъ?

(*Свидокъ за кожнымъ словомъ проймается мукою*).

Инстигаторъ (*бье по столу кулакомъ*). Ни слова!... Ну, свидкуй!

Братковськый (*зъ несамовытымъ паломъ; чуты въ голоси слёзы*).
Свидкуй скоришъ!... Лобзай!... А вы, катове,

Рвить серце се!... О, мукы ваши вси—
Нищо, нищо, передъ такымъ страждáннямъ!
Для чóго я дожывъ сёго часу?
Що станется зъ тобою, Украино,
Колы тебе найкращіи сыны —
Рады страху, рады мамоны —зрадять?
Надъ всимъ святымъ то регитъ, глумъ...

Инстигаторъ (*ажъ посыниві, затупавъ ногамы*). Мовчы!
(*До свидка*). Чекаю я!

Свидокъ (*ламае рукы*). Не можу!... Винъ безвынный!
Карай мене!

Инстигаторъ (*скажено*). Въ зализа взять!

Сторожъ (*бере свидка за руку*) Въ ту жъ мыть!

(*Разомъ выходять*).

Ява 3.

Инстигаторъ, Братковськый и комендантъ.

Инстигаторъ. Упертый ты!.. Завзятый, але щырый...
Одно лышъ жаль, що впертисть нависна...
(*Пауза. Змиия тонъ на мъягкый*).
Куе намъ зло... Ну, може мылосердя
Розтопыть лидъ ворожои души
Й тепло іи огріе насъ. (*Коменданту*) Якъ вьязень
Себе трымавъ? не гвалтувавъ?

Комендантъ. Ни, ни!
Бувъ мовчазный та тыхый...

Инстигаторъ. Отъ и любо!
(*Двузначно*). До завтрёго лышъ тутъ винъ... Певенъ я,
Що ранкомъ жде ёго шырока воля.
Якъ вильному—и страву, й все...

Комендантъ (*зитха*). Гараздъ!

Инстигаторъ. За ласку цю, сподіюсь, панъ оддячыть?
(*Пидкреслюе*). Бажалося-бъ намъ другомъ
пана мать,—
То е ще часъ...

Братковськый (*зрушено й радисно*). Панъ инстигаторъ бачыть
Всёго мене: не крыюсь я ни въ чимъ
И не минюсь... а за добро я вдяченъ.

Инстигаторъ. Подумай ще! зважъ ро-зу-момъ!

Комендантъ (*выразно, значно*). Зми-ркуй!!

(*Инстигаторъ зъ паперамы, а комендантъ за нымъ выходять. Чуты, якъ замыкають засовомъ двери*).

Ява 4.

Братковськый самъ.

Братковськый. Надію давъ... Пророчыть мылосердя...
Все обиця́—и волю, й втиху, й рай,
Щобъ спокусыть.... Запроданцивъ чы-мало...
Всихъ знажуе и золото, и страхъ!
Напастныкъ нашъ гнитыть и душу, й розумъ,
Зневагою отруе борцивъ,
И множатся перевертни... Що-жъ, дума
Й мене купыть?.. (*Пауза. Показуе на двери*).
Не зложышъ ты цины,
И вси твои спокусы розпадутся!
(*Пройшовся*). Я имъ на щось потрибенъ...
и менѐ
Хотять вонн пустыть на волю... Може,
Щобъ бильшъ піймать зи мною? Байдуже!
Поборемось, абы тилькы слобода!
Охъ, солодко якъ слово це дзвеныть!
Знову вильный рухъ... окрылени надіи...
Симья моя... браты мои, народъ...

Я в а 5.

Братковськый и сторожъ.

С т о р о ж ъ (*прыносыть страву и малу шклянку вына*).
Вечеря ось! (*Видходыть и журно поглядa*).
Б р а т к о в с ь к ы й (*оглянувшы*). Ой, ой, яки роскоши!
И каша, й борщъ, и печень, и выно!
Пивъ-року бувъ на хлиби и цыбули,
То й боязно цю страву пожывать...
Щò вызнача ця ласка?
С т о р о ж ъ (*одвертается зъ зитханнямъ*). Мылосердя...
Тутъ звычай е: хто покыда тюрьму,—
Въ останню ничъ того витають гбйно...
Б р а т к о в с ь к ы й (*хутко*). Такъ въ склепи цимъ моя остання ничъ?
С т о р о ж ъ. Лыбонь, що такъ... (*змахуе рукою щось зъ вій*).
Але я пану раджу,—
Не гребаты бажаннямъ ихъ...
Б р а т к о в с ь к ы й (*почына вечеряты*) О, ни!
Бажання ихъ—шельмовство! зроду-вику
Не зражу я Украины!... Ты самъ,
Здается, нашъ, по крови и по вири?
С т о р о ж ъ. Зъ Подоліи.
Б р а т к о в с ь к ы й. Я й думавъ, що землякъ...
А тутъ давно?
С т о р о ж ъ. Та може литъ за двадцять.
Прыставылы... не сыла...
Б р а т к о в с ь к ы й. Але все жъ
Ты не забувъ ни мовы, ни родыны?
И ридный край ты любышъ?
С т о р о ж ъ. О, ще й якъ!
Одно тильки мени и снытся завжды:
Веселый край—степы, гаи, садкы,
Билесеньки та чепурни хатыны,

Нывъ золотыхъ хвылясти кылымы́,
Ясни ричкы, окутани лугамы,
Братерськый людъ и мова голосна,
И чаривна та чула наша писня...
Охъ, любый край, дорожчый ты за все!

Братковськый. Дидуню мій, коханый, та хорошій!
(*Обнима*). Охъ, цей вищунъ (*на серце*) давно тебе пизнавъ,
Бо души въ насъ коханнямъ и прыхыломъ
Однымъ горять... И якъ же радывъ ты—
Продаты рай, видъ ненькы одцуратысь?

Сторожъ (*замишаный*). Охъ, боляче... Але жыття... Хто зна...
Прыкынутысь... а потимъ... вже на воли
Ихъ одурыть... Бо вирыть тымъ катамъ
Не можно, ни!

Братковськый. Але-жъ оци вси пильгы
Вищують...

Сторожъ. Эхъ! Не можу... Такъ, добро;
Але проте вирнише збутысь ласкы,
Прыспать злодюгъ и въ Кыивъ утекты...
Я бъ самъ помигъ.

Братковськый (*кыдается, обнима*). Мій голубе, спасыби!
Я й не гадавъ, щобъ пыльный вартовый
Мавъ золоте, прыхыльне, щыре серце:
Ты все мовчавъ, на слово не вважавъ
И лышъ проймавъ зпидъ сывыхъ бривъ очыма.

Сторожъ. Хотивъ усихъ злобою ошукать,
Щобъ выждать часъ, дать способы на втекы...
Ще не пора... Эхъ, лыхо нависне...
Такъ зразу!... Охъ, якъ жалко тебе, пане!
Прыкынься, молю—и вызволю... О дай
Лышъ часъ мени, видсунь пекельну хвылю...
Прыкынься, згодысь!

Братковський. Але того не вартъ...
Паскудытысь не хочется и словомъ...
Проте, невже у ныхъ на думци смерть?

Сторожъ. Крый Господы... може й слобода...

Братковський (*Кладе ёму на плечи руку*) Бачышь,
Якъ выпустять, то я имъ натякну,
Що ихъ думкы змиркую на дозвилли...
(*Пье выно*). Охъ, и выно жъ! Ажъ стукнуло въ чоло.
Ну, та й обидъ! По голоду—се учта
Крулевська,—ни, пышниша!

Сторожъ. (*Хыта головою*). Краще всежъ...
На свій таланъ покластысь...

Братковський. Друже любый.
Якъ вызволюсь, и ты до насъ спишы—
До плесъ ясныхъ, до зорь яскраво-тыхыхъ...
Моя симья тебе полюбыть...

Сторожъ. Охъ,
Прыкынься покы...

Братковський (*сміется*). Ты все свое, мій диду?

Сторожъ. Якъ прыйде хто, то нибы здайсь... А то
Спочынь, засны й свою страждениу душу
На Божый зволъ, на мылость ёго зважъ...
(*Богобійно зложывши рукы*) Дай, Господы, явы незмирну ласку,
Ховай ёго видъ лыха!
(*Забира хутко и хаплыво посуду, щобъ заховать свою слёзу*).

Братковський (*лыша соби шклянку зъ выномъ*). Диду, стій!
Викно мени це видчыны, благаю:
Я-жъ кгратъ отыхъ зубамы не вгрызу,
А лышъ напьюсь повитря...

Сторожъ. (*одхылывшы выдъ*). Можно, заразъ!

(*Одсовуе чи одчыня викно, и хутко выходыть*).

Ява 6.

Братковськый самъ.

Братковськый (*прыныкъ до викна, не надыхается*).
Якъ хороше! Мняке повитря... духъ...
Жыття струмкомъ гарячымъ лыне въ перса,
Ихъ втихою колышнею сповня.
Охъ, дыхаю и не натхнусь... мовъ пьяный...
Весна, весна! Якъ красенъ Божый свитъ,
Якъ сонечко видрадисно мыгоче
И проминемъ надію окрыля!
Генъ квиточка, и ластивка якъ жваво
Купается въ повитри, то зныка:
Охъ, вильно ій и весело въ простори!
Жыття и рухъ!... А тутъ могыльный склепъ...
Онъ—чорно якъ: яскраве пасмо свиту
Не подола тутъ мороку... Труна!
Колы-бъ на свитъ! Хочъ-бы поглянуть зверху
На вулыцю, на бидолашный людъ,
Що видъ нужды, видъ праци ажъ зигнувся...
А бьется все-жъ за зныщене жыття...
(*Хоче пиднятысь на ґратахъ вгору, але зрываеться—рука скаличена; пробуе прысунуты стилъ, але чуе писню, и знову прыпадае до ґратъ*).
(*Хоръ за лаштункамы зблыжается, дужча, и по воли стыха*).

Хоръ. Ой, у поли два яворы,
Третій зелененькый:
Та занедужавъ у дорози
Козакъ молоденькый.

Лежыть козакъ пидъ яворомъ
Зъ сылонькы знемигся;
Надъ нымъ коныкъ вороненькый,
Тяжко засмутывся...

Одынъ соби, безъ дружыны,
Безъ отця, безъ неньки...
Тилькы степъ ёго вкрывае,
Та крюкы чорненьки.

Братковськый (*схыля голову на кґраты и слуха*).
Натомлени, намучени зъ надсады,
А все такы спиваютъ: горе й скрутъ
Дзвынятъ, гучатъ у звукахъ тыхъ чудовыхъ...
Охъ якъ давно вже чувъ я ридный спивъ,—
Ще въ матери покійнои моеи...
Вси спбгады, вси бблещи души
Прокынулысь у серци и йидкбю
Грызотою выдавлюютъ слёзу... (*Втера очи. Пауза*).

Риднесенька моя матусе! Сына
Лышыла ты несты тяженный хрестъ,—
Сама-жъ давно спокоилась въ могыли...
Устань, поглянь, на що винъ перевивсь!
Чи схожый винъ на те хлопья веселе,
Якому ты спивала все писень
Палкыхъ, сумныхъ? якому ты змывала
Не разъ, не два дрибными шовкъ волосъ,
Якого ты учыла мужне бытысь
Зъ напастныкомъ, зъ гвалтовныкомъ лыхымъ
За ридный людъ, за правду и за волю...
Ну, отъ и бывсь, добывся... (*гирко*) Ха, ха ха!!
Меткый борець у путахъ, у темныци,
Знесыленый, скаличеный зовсимъ!
(*Пидходыть до столу, сида и схыля голову на сперти на стилъ рукъ*). (*Пауза*).

Хоръ (*Спива pianissimo*). Умеръ козакъ безъ дружыны,
Безъ сестры, безъ брата,
Лышъ зосталысь на помынкы степови орлята.
А надъ трупомъ буйный витеръ
Застогнавъ помалу,

Заплакавъ дощъ, та хыжый звирь
Збигся на поталу...

Братковськый (*За першымъ куплетомъ пидводе голову, а за другымъ зновъ пидходыть до викна и прыныка до кгратъ*).

Умеръ... Одынъ... безъ брата, безъ дружыны;
На похоронъ злетилыся—орлы;
Заголосывъ надъ трупомъ буйный витеръ,
Та дрибенъ дощъ зросывъ его слизьмы́...
И зныкло все, чымъ трудне серце былось!
Такъ и мени... якеесь пречуття
Гадюкою ворушытся у персахъ...
И любый дидъ щось натяка, зитха...
Ой, якъ-бы ще хотилося пожыты!
Я радощивъ лышъ краплю скуштувавъ...
Прыкынутысь?... Благае навить сторожъ (*почына ходыты*).
Малы́зною имъ поступытысь?... Такъ—
И одурыть... Але це все-жъ шельмовство? (*стае*).
Ну, въ боротьби... (*вагается, зновъ иде*) и розумъ дозволя...
Безъ хытрощивъ и сичи не бувае... (*зупынывсь*).
(*Глянувъ у викно*) Якъ пышно тамъ: радіе всяка тварь,
Все радистю втишается... Ой, знада!
Ну, щожъ? Подамсь?... Жона и сынъ жыви,—
Для ныхъ я тежъ потрибенъ... Мамо, мамо!
Зъясуй мени, чи не збрудню я стягъ,
Чи не куплю утихы я за зраду?
А ты, а ты що скажешъ, сыну мій?
Що ты мени порадышъ, зирко Тасе?
Охъ, тяжко якъ! Та я-бъ же хтивъ пожыть
Не для своихъ потихъ, а за-для мыру:

Хочъ трудъ якый лышыты для слипыхъ,
Чи имъ виддать жыття мызерне въ сичи,
Стынаючи гартовани мечи,
А не въ лёху, якъ тутъ... Ой, Боже правый,
Якъ я ослабъ, знемигся и зомливъ!

(*Прыпада головою на стилъ; выдко, що рыдае*).

Ява 7.

Голосъ за викномъ и на дворыщи.

Голосъ 1 (*виддаля*). Гей! Клыкнить тамъ хто пана коменданта!

Голосъ 2 (*пидъ викномъ*). А на що?

Голосъ 1. Поклычь, колы кажуть, та й цыть!

Голосъ 2. Чы ба! Парсона! Панъ комендантъ спочыва, не велывъ турбуваты.

Голосъ 1. А ты потурбуй, бо прыбула якась пани зъ пропускнымъ лыстомъ видъ пана старосты.

Голосъ 2. Ось ця мени скаже, де панъ? Гапко, куды бо ты?

Голосъ жиноч. Геть къ бису!

Голосъ 1. Держы іи!

Голосъ жиноч. Одже ляпаса дамъ!

Голосъ 2. Та не пручайся!

Голосъ жиноч. На-жъ тоби! (*Чуты ляскъ*).

Голосъ 1. Ловко!

(*Регитъ. Дали жиночый пыскъ. Выгукы*).

Голосъ жиноч. Ей богу, заразъ до пана!

Голосъ 1 (*крычыть*). Збуды, збуды пана коменданта: треба! (*Регитъ и гоминъ стыхлы, чуты брязкитъ рушныцъ*).

Голосъ 3 (*блыжче*). Слово?

Голосъ 4 (*дали*). Луцкъ!

Голосъ 3. Гасло?

Голосъ 4. Звытяга!

Голосъ 3. Тутъ вартовать до свита; а, по змини, дви лавы милиціи на майданъ!

Голосъ 4. Чого?

Голосъ 3. По потреби гродського суду.

(*Голосы стыхлы. Брязкитъ помалу зныка. Вьязень ничого мовъ и не чувъ; на решти пидводыть байдуже голову и потыра чоло рукою*).

(*За викномъ, чуты, наблыжается весильна музыка и спивы*)

Братковськый (*до викна*). Весилля? Такъ: и князь, и пойизджане.

Хоръ (*чоловичый*). Хвала, хвала матуси,
Що встерегла Марусю;
Добру іи учыла,
Красою надилыла!

Хоръ (*жиночый*). Ой казалы вориженькы-люде,
Що Маруся недобрая буде,
А вона добра, добрисенька,
Якъ рожа повнисенька!

Хоръ (*спильный зъ музыкою*). Ой гопъ, та по малу,
Лизе батько до прычалу,
А матуся не пуска
Бо човнына, бачъ, хыстка...
Ой, гопъ, такы такъ!.. (и т. д.).

(*Чуты: музыку—бубонъ, танци, выгукы, гоминъ*).

Голосы (*блызько*). Чы ба! Зъ червоною корогвою! Въ червоныхъ квиткахъ! А садыть якъ козакъ! Гля! гля!...

Голосъ жиноч. А вже-жъ краще, нижъ вы, лежни!

Голосъ 2. А, й ты тутъ?

Голосъ жиноч. Не лизь! Помырымось! Ставай до танцивъ! (*смихъ*).

Голосъ 2. А що-жъ? Давай!

Голосы (*блызько*). Ловко! Прысяй-би! Ажъ матнею мете! А Горпына? Такъ и дрижыть все, ажъ намысто пидскакуе!

Голосы жиноч. А ну ще котора! Даромъ музыка!

Голосы чолов. Сады! Рижъ!! (*регить и крыкъ*)... Го-го-го! (*Музыка стыха помалу*).

Братковськый (*якъ стыхъ на дворыщи гоминъ, а музыка оддалыкы ледве луна*).

Солодка мыть людського щастя-чаду,—
Мижъ хмаръ нудьгы, мижъ моря слизъ гиркыхъ,
Крыкъ радисный видъ пьяной отруты,—
Мижъ лементу зпидъ канчукивъ, бычивъ...
А що-жъ, и мыть утихы—намъ за щастя,
Іи ловы,—не вернется назадъ!

Голосъ коменд. (*пидъ викномъ*). Яка тамъ наглисть?

Голосъ 1. Ось пани зъ декретомъ.

Голосъ коменд. (*видходючи дали*). Яка тамъ ще пани? Уже пробылы восьму годыну.

Голосъ пани (*дальше*). На мылосердя, пане!

Братковськый (*стрипонувся, вхопывшысь рукамы за голову*). Голосъ, голосъ, знаёмый... Вогнемъ пронявъ серце... Хто-то? (*Пидниматся на граты, але не вдержуется*).

Голосъ коменд. Сёгодня не можлыво... законъ: писля восьмои годыны вьязнивъ не выпускають... а завтра; тилькы рано... на свитанни.

Голосъ пани. Я цилу ничъ тутъ простою. Мене все не пускалы зи Львова... На сылу вырвалась...

Голосъ коменд. Кохана моя пани... прошу до мене.

Голосъ пани (*блызько*). Господь оддячыть пану! Я такъ намучылась! (*стыхають ступни*).

Я в а 8.

Братковськый самъ.

Братковськый. Вона! вона! моя едына Тася!
Охъ, серце се розирвется въ шматкы,
Не вытрыма такого щастя-втихы!

У досвита мени настане рай...
А я, слипець, ще ремствувавъ на Бога!
(*Зiорта рукы*). Пробачъ, просты!... (*пауза*).
Ни, смутокъ геть теперъ,
И пречуття пидъ ногы! Зновъ надія!
Зновъ сыла гра, шыріе зновъ душа!
Теперъ уже напевно вызволення! (*Ходыть*)
Охъ, закыпыть робота жъ! Ще знайду
Товарышйвъ и велетнивъ по духу...
Не вмеръ ище ты, краю мій! О, ни!! (*пауза*).
Почувъ іи, мою голубку тыху,—
И ожыло у мене все, и зновъ
Ключемъ кыпыть моя юнацька сыла,
И сяе свитъ... Онъ—проминь той упавъ,—
И золотомъ взялася павутына,
А зныкне винъ—и сумно стане вразъ,
Жалобою укрыется вся стеля... (*пауза*).
Зловыть бы ще прощальный проминь той...

(*Пробуе пиднятысь на кратахъ, але марно; пидносыть стилъ, злазыть на ёго и спынается на найвыщи краты*).

Ахъ, ось де винъ, червоный та яскравый,
И сонця край... мовъ крапля кривьяна...
Прощай, прощай до завтрёго, до ранку!
Устань же зновъ и прывитай мене,
Озолоты хвылыну вызволення!

Голосъ (*пидъ викномъ*). Гей, вьязне, гей! Назадъ мени зъ викна!

Братковськый. На хвылыноньку, покы онъ сонце зайде!

Голосъ. Назадъ, кажу! Не то убью!

Братковськый (*зскакуе*). О звирь!
Чого гарчышъ и выщыряешъ зубы?
У, наймыты, запроданци! Свои жъ,
А зъ ворогомъ знущатысь навить ради
Надъ браттямы!

Ява 9.

Ти-жъ и комендантъ зъ сторожомъ.

Комендантъ. Не вильно на викно
Спынатысь тутъ! (*Сторожу*). Вмыть зачыны на-глухо!

Сторожъ (*зачыня; видносыть стиль. Зразу—тыша и теминь*).

Комендантъ. Вже почекай до ранку!

Братковськый. Тутъ жона?

Комендантъ. Побачышъ самъ... Ты помолысь, спокайся...
Осъ кныжку я прынисъ...

Братковськый (*хутко бере*). Святе письмо?! (*цилуе іи*).

Комендантъ. Такъ. Сподивайсь на ласку... Ну, до ранку!
(*Выходыть зъ сторожемъ*).

Ява 10.

Братковськый самъ.

Братковськый (*стоить якый часъ, прытулывшы кныжку до лона*).

Ты подасы зъ небесъ, моя матусе,
Свій гласъ мени оцымъ святымъ пысьмомъ.

(*Почынается за лаштункамы тыхый молытовный хоръ. Винъ тягнется впродовжъ монолога*).

Братковськый (*переходыть зъ кныжкою до столу, що стоить биля лижка на передкону*).

(*Чыта тыхо. По паузи*). Святи слова... наказъ мени... зъ-за зорь...
Такъ, въ стражданни за правду е звытяга
И часомъ смерть сыльнища за жыття...

(*Чыта тыхо. По паузи*). Высокый стягъ за ридный людъ, за правду,
Пидняты слидъ на очи й ворогамъ,
А не ховать ёго видъ мыру пôтай.
Борысь за людъ, погынь за людъ и тымъ
Звытяжъ другыхъ и засмуты деспотивъ!

И я вагавсь? Ще мыть була бориння?
Жыття мене спокусою взяло
И чарамы спьяныла свитня втиха...
О, знады причь! Щобъ тутъ ни осталось, ни,
Не поступлюсь ни крокомъ, а ни пьядью
(*Пада на колина*). Пробачъ мени, благый,
всесыльный Боже,
Пробачъ выну лукавому рабу:
Душею я знемигся; довги мукы
Знесылылы и волю мою й мицъ...

(*Прыпада головою до столу*).

З а в и с а.

КАРТЫНА ДРУГА.

(*Декорація та-жъ, тилькы на кону темно, а свитытся лыше одно круглесеньке у дверяхъ викно, мовъ око совы. Столыкъ по сей бикъ лижка*).

Я в а I.

Братковськый самъ.

Б р а т к о в с ь к ы й (*лежыть на лижку головою до зрытеливъ; повертается, прыйма найпрыдобнишу позу*).
Спокійный я... зневирья геть пройшло,
Я свій повынъ святый не занехаю
И донесу на ра́менахъ свій хрестъ...
Якъ тыхо скризь!... За муромъ тилькы мирно

Побрязкуе безсонный вартовый...
На серци тежъ—и лагода, и тыша...
(*Пауза*). Пивъ-року я все скорчывшысь лежавъ,
Та й то ланцюгъ и тило рвавъ, и мулывъ;
А отъ теперъ ажъ чудно, що безъ путъ;
Такъ солодко на лижку простягтыся,
Мовъ на царськiй перыни... О, за пухъ—
Солома ця! И вси турботы... вси... (*Засыпа*).

(*Останни слова говорыть сонно. Ледве скинчывъ ихъ, почынается тыха мелодична музыка на народнихъ мотивахъ, тилькы прокыдаются у iй и збуряни порывання; на самимъ прыкинци знову тыха музыка, мовъ тыша передъ бурею,—вводыть въ нову картыну:*

На заднiй стини, що протывъ зрытеля, зъявляются хмары; за нымы стина зныка. Колы росходятся хмары, то уявляется така картына: байракъ глыбокый, окрытый зъ усихъ бокивъ скелямы и навыслымы деревамы; въ глыбыни выдко—чорнiе якась печеря. Ясна мисячна ничъ).

(*Дiя дiется и въ байраци, и въ кимнати, ажъ до лижка*).

Ява 2.

Тася сама.

Тася (*вбига*). Я перша... Ще никого нема!... Попередыла й Остапа... А чи тутъ же зибрання?...

Ява 3.

Панна Тася и Степанъ Братковськый.

Степанъ (*той же вьязень, тилькы молодый, безъ бороды, зъ маненькымы усамы*). И ты тутъ Тасю? Сама прыйшла у таку пущу въ ночи? То шаленисть!

П. Тася. Я не сама; я зъ Остапомъ.

Степанъ. Я де-жъ винъ?

П. Тася. Пишовъ дозоромъ.

Степанъ Але все-жъ необачно, моя люба: тутъ спилка мужнихъ, боёвыхъ сылъ, а для тындитныхъ створинь вона небезпешна; жондти тутъ не мисце!

П. Тася. Колы ричь иде про долю народа, про зборону отчызны, то й тындитни створиння мусять виддаты свои сылы... тутъ не може буты ни пань, ни панянокъ; тутъ вси ривни! И вси понесемо мы жыття за родыну! А колы ще на те поклыкае Степанъ, то й пекло мени—не забара!

Степанъ. Едына моя! (*стыска ій руку*).

Ява V.

Тижъ и Остапъ, та други бунтари.

(*Зъ усихъ бокивъ тыхо зъявляются ризни люде—и молоди, й стари; бильше мищане, прости люде, де-не-де выдко й козакивъ*).

Степанъ. Що, вси зибралысь, братове?

Голосы. Вси, вси!

Степанъ. И вси свои, вирни? Іуды якого нема?

Голосы (*передни*). Здается.

Голосы (*дальни*). А хто ёго зна!

(*Десь оддали чуты смихъ*).

Степанъ. А вартовыхъ поставлено?

Остапъ. Стоять. Я самъ обходывъ.

Хто-сь (*здалеку*). Стоять. Ха, ха!! (*Вси переглянулысь. Пауза*).

Степанъ. Ну, братове, вы видаете, чого мы зибралысь?
Останній скрутъ: знемогае народъ въ тяжкій
праци, затягло рабське ярмо ваши шыи, пидъ
кормыгою гине отчызна!

Голосы. Гыне!

(*Луна смутно*: „гыне". *Сова десь загоготала. Вси здригнулысь*).

Степанъ. Напастныкъ въ насъ пограбувавъ цилкомъ
Добро, права, вси вольности и працю;

Запригъ въ ярмо, якъ быдло, и дере
Зъ рабивъ своихъ никчемныхъ по тры шкуры...
И то не все: ще душу видбера,
Напáстуе, щобъ мы зреклысь родыны,
Мынулого всеславного, батькивъ
Могылъ честныхъ, и предкивськои виры;
Гвалтуе вразъ, шобъ зацуралы мы
И мову, й ридъ, звычаи й обычáи,
Щобъ сталы вси безправнымы, якъ псы,
Й пошылыся въ ворожу, хыжу шкуру.

Селяне (*бильшына*). Такъ, правда: скризь напасть, сваволя, гвалтъ!

Мищане (*меньшина*). Охъ, тилькы якъ поборышъ оту сылу?

Остапъ. Проты ножа пидняты треба нижъ!

Козакы. Нижъ! нижъ! Ого!

Селяне (*одни*). На нижъ пакъ треба й сылы,
Бо вырвуть зъ рукъ...

Селяне (*други*). Та насъ и полоснуть!

Селяне (*трети*). А де іи ты визьмешъ?

Мищане (*одни*). Яку горстку
Роздавлють вразъ, а хмары не зберешъ...

Мищане (*други*). Писля такыхъ-отъ жартивъ и збывалы
Въ кинець права...

Луна (*здалека*). „Въ кинець! Въ кинець! Въ кинець!"

Остапъ. Про те то й ричъ, що мы робылы опиръ
Загонамы малымы—тамъ, та сямъ,
А не збывалы ихъ въ велыку сылу!
Намъ треба всимъ злучытысь у одно!

Козакы. „Го—го"!

(*Сова зъ лису*):

Селяне. Згромадытысь... такъ, такъ!

Мищане. А може-бъ тее...
Имъ попустыть тамъ що-не-що... и тымъ
У ворога щось выторгувать...

Степанъ (*сплеснувъ рукамы*). Боже!
Та чымъ же намъ ще поступытысь, чымъ?

Здается вже усимъ мы поступылысь:
И батькивське наслиддя виддалы,
И землі въ насъ одибрани панамы,
И надбане мозолямы добро,
И вильности, и сыла наша, й праця,—
Такъ чымъ же ще вклонытыся чоломъ?
Виддать дитей собакамъ на поталу?
Чи пхнуть жинокъ и сéстеръ псамъ на глумъ?
Чи вырваты на пôквилъ имъ и душу?
Та хочь бы й все на ласку виддалы,
Хочъ-бы ляглы й кисткамы имъ пидъ ногы,
Надъ немищнымъ не змылуется катъ:
Лышъ сылою видбыты можно волю,
Прыдбать права, завоювать буття...
Такъ скризь велось и буде такъ до вику!

Голосы (*спочатку поодыночни, а дали гуртомъ*)!...
Такъ! Правда! Такъ!... Дрючкомъ лышъ одъ вовкивъ...
Лежачого й татары бьютъ... Всимъ встаты!!
(*Кинъ темнища, чуты виддали глухый гуркитъ грому*).

Степанъ. Суть, братіе, загальни нужды всимъ—
И людови, й немовлючому звирю,—
Потребы то и шкуры, и нутра:
Не мыли всимъ и канчукы, й неволя,
И холодъ злый, и голодъ, и вогонь,
Та на кативъ тяжка, невпынна праця...
Те чуе всякъ и пидъяремный вилъ;
А суть права ще выщи за ти нужды—
Права души—даръ Божый всихъ людей
И кожного ще племени надання,—
То якъ-же намъ души не бороныть,
Колы у іи едыный образъ Божій?
Збрудныть ёго—то значыть звиремъ стать,
Ни, гирше ще... того-то й прагне ворогъ!

Гуртъ. Не буть цёму! Души не продамо!
Поляжемо кистками за святыню!

Де-хто зъ мищанъ. Поляжемо, а не добудемъ правъ,
Бо въ ворога не переможни сылы!

Селяне (*бильшына*). Вамъ страшно, а? Запроданци лыхи!
Вы за жывитъ, за ласощи—до зрады?
Якъ гынуты, то гынуты гуртомъ!

Останъ. Або добуть права соби и волю,
Або всимъ смерть!

Степанъ. Ганеба гиршъ за все!
Яке життя—пидъ канчукомъ, въ кормызи?

Гуртъ. Всимъ за ножи! Степанъ за ватажка.

Вси. Степанъ! Степанъ!! (*Щось завыло*).

(*Блыскавка. Гримъ. По лису пролунавъ регитъ*).

Степанъ. Клянусь, браты, що ни скарбы численни,
Ни любощивъ ненасытымый палъ,
А ни прыхылъ до кревныхъ и до друзивъ,
А ни погрозъ, ни мукъ смертельныхъ жахъ
Мене зъ шляху думокъ моихъ не звернуть
И зрадою души не забруднять!
Клянусь виддать усе жыття за благо
Окрывдженыхъ и знышеныхъ людей!

Вси. Степанови во викы слава, слава!

Степанъ. Кляниться й вы!

Вси (*выймають ножи*). На гострыхъ сыхъ ножахъ!
Або намъ смерть, або загыне ворогъ!
Хай зрадныку нижъ горло перетне!
Вси клянемось!

Степанъ (*выймае нижъ*). За волю, за слободу!

(*Страшный выбухъ грому, блыскавыця. Вси жахнулысь*).

Голосы (*зъ лису*). Насъ обійшлы: рятуйся, хто здолае!

(*Вси кынулысь, зныклы. Степанъ зъ Тасею тежъ бигли за всима; але скели й дерева заступають имъ выхидъ. Ихъ роспачлыви рухы. Теминь страшна; тилькы рижуть іи блыскавыци, та чорна печеря почынае свитытысь*).

Степанъ. У пастци! А! Насъ злапають!

Тася. Байдуже!

Укупи вдвохъ вмираты охвитнишъ!

Степанъ. Дай руку!

Тася. Ось! И на жыття, й на страту!

(*Страшенный гримъ, блыскавыця; зъ глыбыни печери выбуха полумья, и въ ёму зъявляется якесь страшыдло*).

Ява IV.

(*Музыка проводыть появу страшыдла: за нымъ спива хоръ басивъ, мовъ бы вые страшыдло*).

Страшыдло. Я—злото;
Вся цнота
У дзвони моимъ;
И волю,
И долю,
И мыць куплю нымъ!

—

Я—сыла,
Могыла
И воли, й жыття;
Едыный
Людыни
Законъ на буття!

—

Я—влада;
Все пада
Владарству до нигъ;
Клейноты
Мыцноты—
Ярмо та батигъ!

—

Вси ваши
Натхнення

Й добуткы наукъ
Мени—на змицнення,
А вамъ—за-для мукъ!

(*Примъ—и все зныкло; зновъ муръ и двери. Останній куплетъ спивается ще разъ и по зныкненню картыны*).

Ява XII.

Братковськый самъ.

Братковськый. А, що се? Сонъ? Чи на яву все бачывъ?
Мынуле зновъ вернулось?.. Ни, тюрьма...
И ничъ, и тьма... и генъ совыне око...
Охъ, и якый-же лыховистный сонъ!
Страшыдло! Бррр!! Князь свиту—темна сыла
И все трощыть... Невже-жъ знаття и свитъ
Невже любовъ, братерське поеднання
Не перетнуть ту сылу нависну,
Що гвалтомъ скризь гнитыть и волю, й розумъ,
Грабуючы въ труждённыхъ щастя?... Ни,
Не може буть, не може того статысь!
Есть правда тамъ! (*на небо*)! Творцеви вирю я!
Господь сей свитъ створывъ не на знущання,
Не на корысть зажерлывыхъ катывъ,—
А на добро, на щастя всёму люду...
Колысь же Ты бездольцивъ захыстышъ
И выметешъ озвирену мерзоту,—
Пріиде бо и царствіе Твое!
(*Замся богобысвы,лійно*).
Ахъ, и вона, моя зоря едына,
Мовъ тутъ була; немовъ бы ще луна
Мижъ сыхъ мурывъ іи сриблыстый голосъ,
Мовъ чую ще стысъ теплои рукы.—
Ой, тутъ ты, тутъ! И ранкомъ я побачу

Тебе, мою незривняну красу...
Якъ по тоби я занудывсь пекельно!
Колыбъ ся ничъ пролынула мерщій!

Ява 8.

Братковськый, ксёнзъ и сторожъ.

(*Сторожъ входыть зъ свичкою, ставыть іи на стилъ; за нымъ ксёнзъ.*

Сторожъ (*на бикъ*). Нещасный, охъ! (*пишовъ за двери*)
Ксёнзъ. Благословення й мыръ!
Чуваешъ все? Не спышъ?
Братковськый. Велебный ксёнже,
Чымъ заслужывъ...
Ксёнзъ. Що я сюды прыйшовъ?
Тымъ, що и ты, нещасный вьязень...
Братковськый. Але
Я жъ вамъ схызматъ?
Ксёнзъ. Передъ святымъ Отцемъ
Вси ривни мы—и вирни, и заблудли.
Братковськый. Такъ я-жъ себе й заблудлымъ не личу,
И его-мосць даремне часъ прогаить,
Колы мене задума навертать
На праведну велыкопанську виру.
Ксёнзъ. Я знаю, ты освиченыхъ думокъ
И Соція науку поважаешъ:
Вона-жъ жене ненатлый фанатызмъ,
А лагоду провадыть мижъ народивъ...
Братковськый. Такъ, нашъ псаломъ—вси виры поважать,
Не запрягать въ ярмо души жывои,
Не гвалтувать надъ розумомъ чужымъ,
Не ныщыты у люду ёго воли
И не творыть зъ братывъ соби рабивъ...
Ксёнзъ. Що-жъ, сыну мій, колы вси виры цинышъ,
То ту прыймы, яка сыльнишъ за вси,

Яка тебе зрятуе видъ напасты
И владу дасть творыты всимъ добро,
Выховувать свои пытыми мріи,
Кохатыся въ улюбленій симьи,
Радиты, жыть...

Братковськый. Спокушуешъ, панъ-отче...
Латынство йде проты моихъ засадъ,
И зроду ихъ провадыть не попустыть;
Але чымъ бильшъ прынады наддасы,
Тымъ бильшъ вона въ души огыду зирве;
Якъ у чужыхъ шаную я думкы,
Такъ и свои шаную непохыбно:
Не торгувавъ я ными й не продамъ
Своихъ святынь за жодни блага въ свити!

Ксёнзъ. Не продажъ то, колы за-для другыхъ
Малызною поступышся, мій друже!
У боротьби зъ напасныкомъ не честь,
А розумъ всимъ керуе...

Братковськый. Розумію:
Для друзивъ все—и серце, и жыття!
Для другыхъ я виддамъ себе въ охвиру,—
Для себе-жъ—ни, не поступлюсь на крокъ!

Ксёнзъ. Стій, выслухай мою пораду, сыне.
Я знавъ тебе ранише и циню
Въ твоій души добрòты незлічыми;
Ты вируешъ у правду пресвяту,
А правдою самою не посунешъ
Мижъ крывдою у панстви гвалту й лжи,—
Боротысь зъ зломъ тра хытро, мудро, потай,
Не гребаты середкомъ ніякымъ,
Абы меты своеи досягнуты:
Въ тимъ розумъ есть звытягы въ боротьби!
Я кателыкъ и зверху—рабъ покирный,
Але тіи деспотіи не чту:
Я прагнувъ бы що-бильше правъ и воли

Для розуму, для серця, для души;
Проте крычать по стогнысщахъ не стану,
Бо и мене, й думкы мои урядъ
Задавыть вразъ,—ёго ще перевага!
Я вирнымъ лышъ прызнаюсь крадькома,
Щобъ шырыты мои думкы по-тыху...
Ты галасъ знявъ зарано, сыну мій,
И хыбу ту тоби поправыть треба.
(*Пауза*).
Хочъ и пославъ мене сюды урядъ,
Але прыйшовъ я зъ щырымъ, теплымъ серцемъ,
Клянуся всимъ,—хочъ вирь, а хочъ не вирь!
Не для себе поступышся, для другыхъ:
Безъ пастыря жъ погынуть вивци вси...
Себе зрятуй, то тымъ и ихъ зрятуешъ!

Братковськый. Для чого-жъ имъ той зраднықъ? Ище гиршъ
Розпудытся зневажена громада,
Якъ гетьманъ самъ збрудныть, злама свій стягъ.
Але скажы, по правди, отче любый:
За зраду лышъ мени дають жыття,
За вирнисть-же мене жде смерть?

Ксёнзъ. Не знаю...
Воны лыбонь тебе пустыты хтять,
Але на ихъ я не звиряюсь слово,
Бо въ боротьби сливъ гонору нема,
А есть одна омана й ошуканство.
Тутъ—хто кого? Одна мета у всихъ—
Противця вбыть и роздавыть пьятою!
Тоби хотять пожаловать жыття,
Щобъ ласкою тебе цилкомъ купыты,
Вважаючы, що ты лышень одынъ
Посполъство вразъ здолаешъ угнобыты:

Я певенъ въ тимъ, що за тобою вслидъ
Товарышивъ всихъ выпустять на волю;
Урядъ бажа схылыть васъ на свій бикъ,
А не карать на голову, бо страта
Часамы ще пидбурюе думкы...
А виру ты... на часъ...

Братковськый. Велебный ксёнже,
Прорикъ есы ты правду пресвяту,
Що кара, смерть пидбурюе повстання.

Ксёнзъ. Але й зныща найкращи сылы тежъ.
Зъ тобою я отвертый, любый сыну,
И лышъ любовъ та лагидный прыхылъ
Прымусылы мене питы до тебе...
Не въ вири ричъ: для влады байдуже,
Якымъ хрестомъ ты славышъ свого Бога;
Для неи лышъ покора дорога,
Вона циныть твое слухъянство...

Братковськый. Мало:
Вона бажа прынызыты мене,
Зламать въ-нивець мои переконання,
Оганьбыты велычній нашъ псаломъ,
Оплямыты, на очи, нашу правду!

Ксёнзъ. Але за те—жыття и пильга всимъ,
А цымъ добромъ зкорыстуваты можно...
Я бъ видплатывъ ветъ-за-ветъ влади тій:
Колы вона прымусомъ вымагае,—
Піймавъ бы я на гакъ іи саму...

Братковськый. И ты-бъ мени, найпревелебный отче,
Порадывъ що?

Ксёнзъ. Прыкынутысь, а потимъ ...вильный шляхъ.

Братковськый (*зъ ухмылкою*). Прыкынутысь? Це й сторожъ
мени радывъ...

Ксёнзъ. Воны тоби все, все дадуть,—клянусь!
Подумай! Этъ, абы зъ тюрьмы за двери!
Чекае тамъ подружжя дороге

Зъ малымъ сынкомъ... По кари—й имъ покута...

Братковськый. Жона! Дытя!... Зновъ запеклося тутъ!

(*Вхопывся за серце, вставъ и почавъ ходыты*).

Якъ боляче... якъ шкода серцю любыхъ!
Що станется безъ мене зъ нымы! Охъ,
Въ моихъ рукахъ и мій, и ихъ рятунокъ...

(*Зупыняется збоку*). Якъ порыва прывабамы жыття!..

(*Ламае рукы*). Видъ полумья у мене сохне мозокъ...
И вьяне мицъ.

(*Пауза. Выдко страждання. Осмилывся и пидходыть швыдко до ксёнза*).

Ни, краще нагла смерть,
А нижъ жыття, зганоблене шельмовствомъ:
Я радощивъ безчестямъ не куплю!
Неправдою не оборонышъ правды,
Оманою тилько послужышъ лжи,
А лжа—есть князь ненавысты и гвалту,
Якый весь людъ опригъ въ тяжке ярмо,
Кайданамы скувавъ и рукы, й розумъ,
И вильный духъ прынызывъ...

Ксёнзъ. Сыну мій!
Ясна душа у тебе й серце чысте;
Святый вогонь любови гріе ихъ,—
Высоке то надання Бога славы...
Побережы жъ посудыну драгу,
Въ якій лежать Предвичнёго клейноты.
О, ворогы, ненатли и слипи,
Воны іи не пошанують!

Братковськый. Отче!
За правду смерть—се правды торжество,
Святыхъ думокъ надъ темнистью звытяга!

Ксёнзъ. О, сыну мій! Ты перемигъ мене,
Твоій души велычній я вклоняюсь...
Лукавыты не можу: такъ, Борець

За грішный мыръ, Навчытель найсвятишый,
Понисъ на хрестъ, за насъ, свою любовъ!

Братковськый. Твои слова мастять елеемъ раны
И серце се воложуть...

Ксензъ (*палко*). Ни, не вмрешъ!
Иду благать... Надіюся на Бога!
Ты все святе порушывъ въ серци симъ....
Якъ жаль тебе!.. Якъ я... моя дытыно,
Тебе люблю!.. Повирь,—бажавъ добра!..

Братковськый. О, вирю я! (*Кыдается, цилуе ёму руку*).

Ксёнзъ (*обнима*). Мій друже, мій коханый!
За тебе хай заступытся Господь
И рызою небесною окрые!
Охъ, що за мицъ—незмиряна любовъ!
Колы-бъ вона опанувала мыромъ,
То виры вси собою бъ поняла
Й посіяла бъ на цилимъ свити щастя...
Благословы жъ бездольця, Всеблагый!
(*Вьязенъ стае на-вколинкы*).
Скрепы ёму и серце, й волю; душу-жъ
Прыймы въ свои оселыща ясни!
Мужайсь,—иду... и вызволю... Сподійся!

Братковськый (*обнима*). Мій батьку... мій едыный...

Ксёнзъ (*зрушеный до слизъ, показуе на небо*) Богъ едынъ! (*выходыть*).

(*Сторожъ бере свичку и хутко зачыня двери*).

Ява 9.

Братковськый самъ.

Братковськый (*по паузи*). Кинець всёму: вже вороття немае,
Що сужено, те й збудется... Я радъ,
Що перемигъ себе й палку спокусу...
Ахъ, дали все!.. (*пауза*). Жде кара й смерть...
Нехай!

Лукавлять ти, що волю обицяють...
(*Пройшовся, хытаючысь, и сивъ коло столу, де й склянка зъ выномъ*)
Мовъ сылу хто у мене одибравъ
И голова, мовъ туманомъ, повыта...
А! Ось выно... Допью и пидкреплюсь,
Та ляжу ще, щобъ ничъ сю перебуты...
(*Ляга*) Ахъ, ксёнзъ якый... про волю мою дба...
Такыхъ ксёнзивъ не бачывъ... Я спокійно
На ёго здамсь... Охъ, ногы, рукы й все
Мовъ олывомъ налыте... Годи-жъ, годи
Бентежытысь... абы ця ничъ пройшла,
А доля ще намъ поспрія... Я певенъ...

(*Тыхо засыпа. Почынается провидна музыка*).

Я в а 10.

(*Знову зъявляются на тюремній стини хмары; стина пидъ ными зныка и замисть неи вынака друга картына: небагата, але чыста кимната, мовъ спальяя; лижко, коло ёго колыска, багато кныжокъ, жиночи роботы; все охайлыво, прывитно вбрато*).

Пани Тася сама.

Т а с я м а т ы (*що була въ першій картыни панною, колыше свою дытыну й спива*).

Люли, люли, люли!
Спы, мій сынку любый,
Покы немавъ згубы,
Покы лыха не зазнавъ
И бездольцивъ не вбачавъ!
Люли, люли, дытыно!
Моя зирко едыно!
Пройдуть хутко дни ясни
У рожевимъ тыхимъ сни
И настануть нудни,
Повни праци будни;

Станешъ, сынку, пидростать—
Будешъ долю проклынать...
Люли, люли, дытыно,
Моя зирко едыно!
Якъ зростешъ, мій сыну,
Полюбы Вкраину,
Быйся за голоту,
Що несе скорботу:
Покы пекло скризь, не дбай
Про свій власный, тыхый рай!
Люли, люли, дытыно,
Моя зирко едыно!

Ява 11.

Ти-жъ и Степанъ.

Степанъ (*входыть*). Голубонько, воркота моя тыха!
Втомывся я: все квапывсь покинчыть,
(*обнима іи*) Щобъ тутъ уже, въ раю своимъ спочыты...
Тася (*обнима*). Ты трудышся надъ миру, любый мій,
Тра обачнишъ: надирвешъ швыдко сылы.
(*Лащытся*).
Степанъ. Ще молоди, хай постаткують...
Тася. Ой,
А якъ впадуть, то лыхо насъ осяде...
Степанъ. Хай спыть воно, до насъ не зазыра,
Покы въ моій господи сяе сонце...
А що сынокъ?
Тася. Всмихается уже,—
Лыбонь ёму райськи садочкы снятся,
Степанъ. Всмихается? Э, знаты вже юнакъ!...
Дай, я визьму на рукы... (*До колыскы*)
Тася (*поперэжа*) Жаль, розбудышъ...
Не выспалось; хай краще спочыва,
Та набера красы, здоровья, сылы...

Степанъ. Нехай, нехай; я полюбую й такъ. (*Зазыра*)
Любесенькый!.. Ой, трудно утрыматысь,—
Не чмокнуты въ рожеви вустонькы,
Не ущыпнуть пампушечокъ биленькыхъ,
Не погойдать...

Тася (*цилуе Степана*). Коханый, любый мій!
А прыдывысь,—та тожъ твое *облычча:*
И нисъ такый, и бровы, й вустонькы,
И весь окладъ... та навить и ухмылка
Твоя, твоя! Я тымъ ёго люблю
Ще запальнишъ; бо якъ тебе немае,
То на свое дывлюся немовля,
И въ рысахъ тыхъ вбачаю ёго батька,
Едыную дружыноньку мою! (*Обнима*).

Степанъ. Едынее ты щастя!

Тася (*похопывшысь*). Добре щастя!
Базикаю, а въ думку й не визьму,
Що чоловикъ спрацёваный, голодный,—
Вечеряты-бъ...

Степанъ. Та не турбуйсь: мени
Не хочется и йисты,—все бъ дывывся
На васъ обохъ...

Тася (*пораетсья*). Ха, ха! Обрыдлы-бъ такъ!...
Ты не вважай, що я-бъ-то не хазяйка:
У мене все готово,—я сама
Вже пораюсь безъ наймычо́къ и служокъ.—
Ты тымъ здывуй...

Степанъ (*скыда жупанъ*). О, серце дороге!
Але на жаль змозолышъ рученята...

Тася. Ни, не на жаль: такъ треба, бо ними
Безъ дилъ слова; а мы повынни зъ людомъ
Зривнятыся у праци... Прыкладъ той
Пидниме насъ и нашу думку братства
Пошырыть вразъ...

Степанъ. Голивко золота!
Дывуюся й вклоняюсь твоій сыли:
Перемогла й надання родове!

Тася. Ой не хвалы, ще перехвалышъ...

Степанъ. Зроду!

Тася (*жартлыво*). А все-жъ такы ты гребаешъ... Не йимешъ
Моимъ рукамъ, смаку моему виры...
А я и медъ зварыла...

Степанъ. Ну, давай,
Скуштуемо!...

Тася (*подае на таци*). Талькы не грымай дуже,
Колы не въ ладъ!

Степанъ (*сміется*). Я невпросымый...

Тася (*налыва въ кубокъ*). Ой?!
Ну, пый... Куштуй! (*Ставыть кубокъ*).

Степанъ (*пье*). Чудовый! Нектаръ зъ неба!
Зъ тобою—рай!

Тася (*весело*). Якъ рада я!

Степанъ. А я,
Не знаю й якъ! Безъ миры! (*Раптомъ обнима жинку*).

Тася. Ой, по-малу,
Ажъ налякавъ! (*Цилуе его*). Ось и тоби-жъ!
(*пидлыва*). Ну-жъ, пый!
Намъ Богъ пославъ таке надмирне щастя,
Що ажъ боюсь...

Степанъ. Не зламлется!

Тася (*любуе на его*). (*Пауза*). А справа наша якъ?

Степанъ. Росте, росте й перемагае теминь.
Прокынулась гордота у рабивъ:
Хай намъ Палій подасть лышъ гасло—разомъ
Мы почнемо святую боротьбу.

Тася. Колы-бъ скоришъ!

Степанъ. Ще зачекаты треба,
Покы на свитъ розвыдныться.

Тася. Хиба-жъ
Напастныкы дадуть диждатысь дныны?
Степанъ. Э, сплять воны, вважаючы всихъ нась
За немошне, якесь мизерне быдло...
Я маю вже палкыхъ товарышивъ,
Яки думкы громады росповсюдять
И сылы всимъ бездольцямъ насталять.
Тася. О, ты всёму и голова и серце,
Моя пыхо, моя гордото! Якъ
Тебе люблю, кохаю и молюся
Твоій святій, проясненній души!
Степанъ (*обнима*). Ты—мій клейнотъ, твоя пидмога—сыла!
Тася. Трывай, лыбонь прокынулось дытя. (*Пидбига*).
Степанъ (*за нею*). Сміется? Гей, сюды давай хлопчыну!...
Посадымо на ногу верхы...
Тася (*нахылылась надъ колыскою*). Стій!
Впорядымось... О, потягуси-гуси!

Ява 12.

Ти жъ и Остапъ.

Остапъ (*вбига*). Тамъ гвалтъ вчынывсь; накрылы вже кильkoxъ...
Вси ждуть тебе... твоеи хочуть рады:
Чи утикать, ховатысь по кутках,
Чи выступать проты кативъ?
Степанъ (*стоить хвылыну, остовпившы*). Якъ зразу
Затемрывся мій ясный день; знялась
Негадано розсатанила буря
И все знесе!
Остапъ. Такъ краще почекать,—
Не побороть намъ ворога тепера!
Степанъ. А тыхъ, що вже узято до тюрьмы,
Лышыты тамъ на згубу?
Остапъ. Що-жъ мы вчынымъ?

Степанъ. А справу якъ? Втоптаты у багно?

Остапъ. На часъ... покы своихъ и семьи...

Степанъ (*пылко*). Сôромъ

Про себе дбать, колы братывъ-борцивъ
На терезы положена вже доля!

Тася. Такъ, мылый мій! Не буде щастя намъ,
Колы нашъ братъ конатыме въ неволи...
Ты всихъ будывъ, такъ будь-же на чоли:
Иды туды, куды повыннисть клыче!

Степанъ. Въ твоихъ очахъ горыть огонь святый,
Въ твоихъ устахъ пророче слово чую...
Иду! Прощай!... Але якъ вы сами
Зостанетесь середъ лыхои бури?
Холоне кровъ... и серце замира...
Хто захыстыть?

Тася. Той, хто керуе свитомъ!
Ему дытя я доручу свое,
Сама-жъ пиду, зъ тобою попличъ стану...

Степанъ. Едыная!

Остапъ. Орлыце наша!

Степанъ. Ты
Росправыла крыло мени; зновъ чую
Одвагу й мыць...

Тася. На Бога уповай
И не тужы за намы: вси тепера
Одна симья, зневажена симья!

Остапъ. Сюды идуть... Я чую брязкитъ шабель...
То ворогы!

Степанъ. Впередъ! не подавайсь!!..

(Зразу темрява; картына зныка, музыка, що трошкы ранишъ почалась, проводыть тривогу, бій барабана, гвалтъ, и лементъ, а дали проводыть, въ тимъ-же настрои, монологъ Степана; а винъ уже устыгъ непрымитно лягты зновъ на лижко).

Ява 13.

Братковськый самъ.

Братковськый (*схоплюется зъ лижка, не прокыдаючысь, а нибы въ забутти, въ кошмари*). Держы!... Трымай двери!.. Ламають... Ой, упалы!.. Стійте! (*Кыдается по хати*). Тамъ дытя!... Гей собакы, бузувиры! На одного?... Іи-жъ за що?.. На Бога! Не руште!... Мене... я выненъ... Ай! За косу тягнуть!... Про-би!.. Объ одвирокъ голова іи вдарылась... Звири.. Кровъ... несыла... Охъ, смерть! (*При кинци монологи, натыкается на лижко, пада головою уже до актёривъ и стогне; потимъ помалу затыха; музыка тежъ зъ бурнои переходыть въ небесну гармонію и проводыть монологъ матери Степана до появы коменданта*).

Ява 14.

(*Зъявляется нибы на хмарахъ постать матери въязня. Вона сходыть зъ хмаръ и наблыжается до сына, кладе ему руку на чоло и промовля пидъ музыку*).

Матирь.

Наставъ твій часъ, мій сыну дорогый,
И разомъ ты забудешъ уси мукы;
Натерпився до 'станнёи снагы
И натрудывъ свои мозольни рукы...
Такъ одпочынь, голивку прыхылы
До матери незрадлывого лона:
Тоби воно и тамъ буде заслона,
Де Богови складаются хвалы...
Засны-жъ, засны, позбудься того лыха,
Прысплю тебе и прыголублю зтыха.

—

Не нарикай, що ламлется життя,
Що мало втихъ зажывъ на цёму свити,—
Ты выпьешъ кившъ завчасный забуття,
Не сплямывшы ясного щастя й мыти.
Не нарикай, що марно твои дни

Яскравою стягою промайнулы:
Твоя любовъ розбуркала знебулыхъ,
А смерть твоя скрепыть ряды рясни,
Й замае стягъ братерства, правды, воли...
Засны-жъ, спочынь,—ты потрудывсь доволи.

(Хмары розходятся и уявляется райська, чудова глыбинь).

Дытя мое, коханый раю мій!
Все, що здолавъ, ты учынывъ, мій сыну;
Тебе я въ край надзоряный, ясный
На хмарахъ цыхъ знесу до одпочыну...
Звидтиль, зъ ясныхъ незмиряныхъ глыбинь
На землю мы зоритымемъ що-хвыли,
Болитымемъ за нашыхъ друзивъ мылыхъ,
Благатымемъ и щастя, й доли имъ...
Засны-жъ, спочынь на матеренимъ лони,—
Настраждавсь ты въ братерній обороні!

(Барабанъ—и все зныка; зновъ тюремна стина. У викно раньше ще свитало, а теперъ занявсь першый проминь).

Я в а 15.

Ти-жъ и комендантъ, ксёнзъ, сторожъ та два вартовыхъ.

С т о р о ж ъ (*увійшовъ*). Спыть тыхо якъ! (*Одвертается зъ плачемъ*).

(Комендантъ зупынывсь неришуче; два вартовыхъ сталы на двеРихъ; за дверыма дали выдко двохъ кативъ. Раптовый гримъ барабанивъ).

Б р а т к о в с ь к ы й (*схоплюется*). Що се? Зоря и ранокъ?!

К с ё н з ъ. Мужайся! (*показуе на небо*). Тамъ есть мылосердный судъ,
А тутъ лыхыхъ не ублагаешъ, сыну!

К о м е н д а н т ъ. Готовсь! Прощайсь! Каты ждуть...

Б р а т к о в с ь к ы й (*прытыскуе святе пысьмо до лона*). Боже мій! (*скамьянивъ*).

(Въ двери зъ нелюдьскымъ лементомъ врывается п. Тася и прыпада до нигъ вьязня).

(*З а в и с а*).

М. Старицкій.

Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія.

(Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. По неизданнымъ матеріаламъ. Томъ 1. 1802—1815 г. Харьковъ. 1893—1898).

(*Окончаніе* *).

Положеніе профессоровъ въ чиновничьей іерархіи начала XIX ст. было почетное. Хотя ихъ и не баловали чинами и орденами—даже ректоры Харьковскаго университета того времени не шли дальше статскаго совѣтника и кавалера Анны 2-ой степ.,—но нужно принять во вниманіе, что чины и ордена цѣнились тогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь, а профессора сразу получали довольно большой чинъ. Широкая внутренняя автономія, право суда надъ членами университета, цензура книгъ, управленіе училищами и особенно право раздачи ученыхъ степеней, связанныхъ съ чинами,—все это возвышало профессорскую коллегію въ глазахъ прочаго чиновнаго люда. Матеріальное положеніе профессоровъ въ началѣ столѣтія также вызывало зависть. Оклады ординарнаго профессора (2000 р. ас. въ годъ) и даже адъюнкта (800 р. ас.) казались огромными людямъ, привыкшимъ къ ничтожнымъ жалованьямъ. Пенсіи давались во многихъ случаяхъ даже легче, чѣмъ теперь. Наконецъ профессора получали и добавочныя жалованья за исправленіе различныхъ

*) См. Кіевск. Стар., іюль.

должностей при университетѣ и вознагражденіе за командировки. Статьями дохода были для профессоровъ также частные уроки и содержаніе пансіонеровъ, а для медиковъ и врачебная практика, которая, повидимому, оплачивалась недурно, по крайней мѣрѣ проф. Пильгеръ за поѣздку въ деревню, что требовало два дня, желалъ получить 50 р., деньги по тому времени не малыя. Необходимо еще прибавить, что жилища профессоровъ были свободны отъ военнаго постоя, а этотъ постой тяжелымъ бременемъ ложился на всѣхъ харьковскихъ обывателей.

Но матеріальное благосостояніе профессоровъ сильно пошатнулось, когда, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, упалъ курсъ русскихъ ассигнацій. Въ 1810 г. харьковскіе профессора подали даже на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ писали, что мѣстные предметы потребленія утроились въ цѣнѣ, а цѣны на иностранные товары даже учетверились и упятерились за послѣдніе 4 года, притомъ надо было еще платить за размѣнъ ассигнацій на мѣдную монету,—и такимъ образомъ они получали собственно $^1/_4$ прежняго жалованья. Попечитель поддержалъ ходатайство профессоровъ объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія, но министръ, какъ кажется, не далъ ихъ прошенію дальнѣйшаго хода и отвѣчалъ, что „въ семъ случаѣ находятся они въ одинаковомъ положеніи со всѣми вообще чиновниками въ государствѣ, имѣющими содержаніе свое изъ получаемаго ими жалованья, что несправедливо было бы прибавить жалованье однимъ профессорамъ и адъюнктамъ, имѣющимъ несравненно высшіе предъ прочими чиновниками оклады, и оставить сихъ послѣднихъ при прежнемъ жалованьѣ, что теперь меньше чѣмъ когда либо находится возможность сдѣлать просителямъ отъ казны пособіе и что хозяйственная при университетѣ сумма, имѣя свое предназначеніе, не можетъ быть для сего употреблена. Впрочемъ, при мѣрахъ, правительствомъ принимаемыхъ, можно надѣяться, что временное пониженіе курса на ассигнаціи вскорѣ перемѣнится“.

Положеніе профессоровъ было тѣмъ тяжелѣе, что почти всѣ они жили только жалованьемъ. Для пополненія бюджета

пришлось обратиться къ стороннимъ источникамъ. Иные стали даже прибѣгать къ незаконнымъ способамъ добыванія денегъ. Въ это время развилось среди харьковскихъ профессоровъ взяточничество и стала процвѣтать торговля дипломами.

Почтенный историкъ Харьковскаго университета заботливо собралъ скудныя данныя, которыя могутъ обрисовать бытъ профессоровъ того времени. Особенно мало свѣдѣній объ обстановкѣ русскихъ профессоровъ. Только воспоминанія сына проф. Успенскаго рисуютъ картину домашней жизни этого ученаго. Жизнь эта была очень монотонной, что объясняется отчасти характеромъ Успенскаго, отчасти его несчастливо сложившейся семейной жизнью. Бѣднякъ, съ молодыхъ лѣтъ испытавшій житейскія невзгоды, онъ, еще будучи учителемъ, женился на вдовѣ изъ купеческаго сословія, не принесшей ему никакого состоянія, да еще имѣвшей дѣтей отъ перваго брака. Потомъ семья все увеличивалась. Съ полученіемъ профессуры матеріальное положеніе Успенскаго улучшилось: онъ успѣлъ обзавестить въ Харьковѣ домикомъ и даже расширилъ его, но „безпрерывная припадочная болѣзнь жены, доводившая ее до большихъ странностей и доведшая наконецъ до отчужденія отъ семейства", дѣлала жизнь Успенскаго очень нерадостной. Большая семья требовала и бо́льшихъ заработковъ. Успенскій долженъ былъ брать на себя обязанность то синдика, то декана, то инспектора студентовъ. По этимъ должностямъ Успенскій часто долженъ былъ отлучаться изъ дому. Дома же большую часть времени онъ проводилъ въ кабинетѣ за занятіями. При такихъ условіяхъ Успенскому было, конечно, не до развлеченій. „Не помню", говоритъ его сынъ, „чтобы хотя однажды кто обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ; даже наши квартиранты имѣли свой собственный столъ, помѣщаясь особо во флигелѣ. Къ вечернему чаю изрѣдка бывалъ кто нибудь изъ корифеевъ харьковской науки; элегическое настроеніе ихъ бесѣдъ гармонировало нашему духу. Одинъ только профессоръ Д. С. Борзенковъ своею вѣчною веселостью освѣжалъ иногда нашу печальную обитель и вызывалъ принужденную улыбку на лицо отца. Но и эта непривычная улыбка

на лицѣ страдальца, походила болѣе на болѣзненную гримасу. Самъ же отецъ мой, кажется, ни къ кому въ гости не ѣздилъ, и только два-три раза въ годъ не обѣдывалъ дома". Мучительная болѣзнь (геморой) дѣлала жизнь Успенскаго еще болѣе тяжелою. Усилившаяся дороговизна заставила и его удѣлять значительную часть времени приватнымъ урокамъ. Удивительно, какъ при такой обстановкѣ могъ еще Успенскій разрабатывать научные вопросы.

Кабинетную уединенную жизнь велъ и другой ученый профессоръ изъ русскихъ, Осиповскій. По крайней мѣрѣ о немъ современники разсказывали такой анекдотъ. Длинными осенними и зимними вечерами сидѣлъ онъ обыкновенно въ кабинетѣ за математическими выкладками. Его молодой и красивой женѣ, недавно тогда вышедшей за него замужъ, наскучило сидѣть одной, и она, не долго думая, вошла въ кабинетъ мужа, схватила приготовленныя для печати рукописи и бросила ихъ въ огонь.

Не всѣ, конечно, профессора вели такой замкнутый образъ жизни. Даже не мало работавшій Рижскій устраивалъ иногда у себя веселыя вечеринки. А адъюнктъ Васильевъ даже оставилъ въ Харьковѣ о себѣ воспоминаніе, какъ о „душѣ общества".

Гораздо болѣе, чѣмъ о русскихъ профессорахъ, сохранилось данныхъ о жизни въ Харьковѣ профессоровъ-иностранцевъ.

Большимъ оригиналомъ былъ французъ Белленъ-де-Баллю, славившійся своимъ краснорѣчіемъ. По словамъ Роммеля, это былъ „забавный фантазеръ, поэтъ, неутомимый говорунъ, онъ пѣлъ, декламировалъ; въ обществѣ былъ вѣчно любезенъ и вѣчно разсѣянъ; дома страдалъ отъ безтолковаго хозяйства своей супруги, неудачно выбранной въ Парижѣ... Его непринужденность не знала границъ. Съ русскимъ словаремъ въ рукахъ шелъ онъ на базаръ и своимъ неправильнымъ акцентомъ, двусмысленными, полупонятными словами возбуждалъ смѣхъ торговокъ; сосѣдскую свинью, ворвавшуюся къ нему въ садъ, представилъ онъ на саняхъ въ уголовную палату, какъ очевидную

улику и обратился къ судьямъ съ такой рѣчью: „господа свиньи" вмѣсто „господа! эта свинья... и пр." Розальонъ-Сошальскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „по тучности своей Баллю долженъ былъ всегда ѣздить въ университетъ и это путешествіе совершалось на одной лошадкѣ, зимой запряженной въ санки, которой онъ самъ правилъ. Почти всегда онъ засыпалъ, закутавшись въ шубу. Лошадь шла шагомъ, профессоръ пробуждался, кричалъ: „allons"! и махалъ кнутомъ; лошадь пускалась рысцой, останавливалась вновь, и опять, и опять. Противъ дома Грановскихъ было единственное въ Харьковѣ сборное мѣсто биржевыхъ извозчиковъ, и бывало, коль увидятъ ѣдущаго въ гору шагомъ, дремлющаго Баллю, то хохочутъ, говоря между собою: „вонъ уже опять плетется Алена"!

Интересныя бытовыя подробности сообщаетъ Роммель въ своей автобіографіи, и мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя выписки, касающіяся его самого. „Въ память о покинутой родинѣ, говоритъ онъ, я, по пріѣздѣ въ Харьковъ, вступилъ въ знакомство съ нѣсколькими семействами честныхъ ремесленниковъ нѣмцевъ. Посредникомъ служилъ мнѣ добрый другъ мой, землякъ Шмерфельдъ, женатый на дочери одного механика. Разъ въ недѣлю собирались у меня и весело ужинали. Неженатые профессоры составили также клубъ, въ которомъ принимали участіе одни нѣмцы, за исключеніемъ Стойковича и Калькау (обрусѣвшій нѣмецъ). Но скоро украинское гостепріимство открыло мнѣ болѣе обширный кругъ знакомыхъ". Роммель сталъ посѣщать губернатора и мѣстныхъ помѣщиковъ. Супруга тогдашняго губернатора Бахтина была къ нему очень любезна, „съ очаровательной улыбкой поправляла его ошибки въ русскомъ языкѣ и давала дружескій совѣтъ жениться на русской". И онъ, дѣйствительно, женился на русской молодой дѣвушкѣ. „Еще въ первый годъ моего пріѣзда, разсказываетъ онъ далѣе, судьба привела меня въ общество доктора Кальве, ученика Моцарта, женатаго на богатой русской, въ деревню Водолагу (отъ Харькова верстъ 40), гдѣ жилъ графъ Парма, инспекторъ шелковичныхъ плантацій, зять его шведъ Литандеръ и гостепріимное малороссійское семейство Черновыхъ.

Старуха Чернова, богатая вдова маіора, дочь русскаго священника и сестра генерала Ковалинскаго, приняла меня съ особенною ласкою. Суевѣрная ханжа, жестокая въ обращеніи съ своими дѣтьми и крестьянами, какъ я впослѣдствіи узналъ, эта женщина любила нѣмцевъ. Изъ четырехъ дочерей она выдала замужъ одну за молодого и разгульнаго русскаго ротмистра; три остальныя были дѣвицы. Старшая, уже не молодыхъ лѣтъ, имѣла философское направленіе, съ свѣтлымъ отгѣнкомъ, который заняла она у любимаго своего писателя Виланда; самая младшая, очень веселаго и живого характера, мастерица пѣть украинскія пѣсни, была не старѣе 15 лѣтъ. На одной вечеринкѣ, на которую было приглашено также нѣсколько знатныхъ турокъ (плѣнныхъ), я, танцуя и играя въ фанты, влюбился въ третью, самую красивую, по имени Маргариту Ивановну. Гордая, очаровательная манера (особенно, когда она разливала чай для гостей), гибкая, тонкая талія, черные, прорѣзанные миндалиной глаза отличали мою красавицу. Недостатокъ знанія иностранныхъ языковъ—она не говорила ни по-французски, ни по-нѣмецки—вознаграждался въ моихъ глазахъ неподражаемымъ ея говоромъ и мастерскимъ знаніемъ родного ея языка. Въ то время я еще не понималъ, какъ важно различіе религіи, національности, темперамента (въ чемъ убѣдилъ меня впослѣдствіи горькій опытъ), и беззаботно, какъ ребенокъ, выбралъ своимъ сватомъ ген. Ковалинскаго. Онъ пригласилъ семейство Черновыхъ въ Харьковъ на нѣсколько времени, и когда однажды моя 17-лѣтняя, порою меланхолическая, украинка вздумала серьезно увѣрять, что бракъ нашъ не можетъ быть счастливъ, я принялъ это за минутный капризъ. Напрасно г-жа Бахтина и Стойковичъ приглашали меня нѣсколько разъ на дачу, предлагая познакомить съ одною русской дамой, знатною и свѣтскою, которая могла быть мнѣ прекрасною партіею. Я такъ сжился въ мечтахъ съ малорусскою Аркадіею, что не хотѣлъ слышать ни о чемъ. Посаженнымъ отцомъ моей невѣсты былъ ген. Маршаль-Биберштейнъ; свадьбу отпраздновали въ Водолагахъ, въ февралѣ 1811 г., со всѣми церемоніями и обрядами греко-русской церкви; мѣстный протопопъ

былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ вопросъ о согласіи по-русски и по-латыни (за что и получилъ въ награду 50 р.). Танцовали до упаду, много пили, много шумѣли, провозглашали многолѣтія, меня и ген. Ковалинскаго поднимали на воздухъ. На другое утро теща моя, крѣпко державшаяся старыхъ украинскихъ обычаевъ, разсердилась на меня за то, что я не догадался поблагодарить ее по древне-еврейскому обычаю, брачный смыслъ котораго объяснили мнѣ уже впослѣдствіи. Затѣмъ пошли обычные круговые визиты ко всѣмъ сосѣдямъ и родичамъ". Семейная жизнь Роммеля сложилась неудачно. Общаго съ женой оказалось у него очень мало. Молодая женщина стала ѣздить по богомольямъ, родственники ея надоѣдали Роммелю своими частыми посѣщеніями, наконецъ появился кузенъ, возбудившій чувство ревности въ ученомъ профессорѣ. Все это, въ связи съ непріязненнымъ отношеніемъ русскихъ къ иностранцамъ послѣ 1812 года, побудило Роммеля взять годовой отпускъ и уѣхать съ женой въ Петербургъ. Пристроиться тамъ ему не удалось, и онъ задумалъ ѣхать обратно въ Германію. Жена отказалась слѣдовать за нимъ заграницу, и они разстались навсегда. Впослѣдствіи г-жа Роммель окончила свою жизнь въ одномъ изъ монастырей.

Философъ Шадъ въ житейскихъ столкновеніяхъ былъ, повидимому, такъ же необузданъ, какъ и въ борьбѣ съ университетскими врагами, притомъ же онъ любилъ выпить; по крайней мѣрѣ ему пришлось выступить въ качествѣ отвѣтчика передъ судомъ правленія по дѣлу объ избіеніи слуги проф. Дрейсига, и самаго факта не отрицалъ и Шадъ. Въ другой разъ онъ фигурировалъ передъ судомъ уже въ качествѣ потерпѣвшаго. Возвращаясь изъ-за города, Шадъ былъ остановленъ на заставѣ служителями питейной конторы, обысканъ ими и избитъ. Дѣло объ этомъ тянулось долго, несмотря на дѣятельное участіе уполномоченнаго университета синдика Успенскаго, и неизвѣстно чѣмъ окончилось. Наконецъ, университету же пришлось принять участіе и въ дѣлѣ о разводѣ Шада съ женой.

На счетъ ручной расправы повиненъ былъ изъ иностранцевъ не одинъ только Шадъ. Такія же дѣла о побояхъ разсматрива-

лись по обвиненію и проф. Пильгера и проф. Коритари. Гораздо трагичнѣе былъ случай съ проф. Дюгуромъ. Онъ содержалъ женскій пансіонъ, и въ качествѣ горничныхъ при этомъ пансіонѣ было нѣсколько крѣпостныхъ дѣвушекъ разныхъ помѣщиковъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ совершила проступокъ противъ нравственности, и Дюгуръ, не удовольствовавшись тѣмъ, что оттрепалъ ее собственноручно по щекамъ, еще отрѣзалъ ей косу. Дѣвушка покончила съ собой самоубійствомъ. Но судъ не призналъ Дюгура виновнымъ въ ея смерти, и даже ея помѣщикъ, кн. Барятинскій, продолжалъ отдавать своихъ крѣпостныхъ ему въ услуженіе.

Кляузничество и доносничество не были чужды харьковскимъ профессорамъ. Въ университетскомъ архивѣ сохранилась цѣлая полемика между адъюнктомъ Болгаревскимъ и докторантомъ Хлапонинымъ, жившимъ у Болгаревскаго. Сожители не поладили между собой, разъѣхались и начали бомбардировать правленіе жалобами другъ на друга, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобы только очернить противника. Правленію надоѣли эти препирательства, и оно рѣшило оставить дѣло безъ послѣдствій. Серьезнѣе окончилось дѣло по доносамъ адъюнкта Гамперле на проф. Дюгура. Въ концѣ 1806 г. Гамперле подалъ на Дюгура одинъ доносъ въ томъ, что онъ не способенъ къ должности профессора, а другой, обвинявшій его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Франціей. Послѣдній, въ виду политическихъ обстоятельствъ, повлекъ строжайшее слѣдствіе, произведенное секретно губернаторомъ. Дюгуръ былъ оправданъ, а Гамперле и участникъ въ его доносѣ, учитель фехтованья Сивоктъ, были удалены отъ должностей, причемъ замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ профессорамъ и даже одной профессоршѣ былъ объявленъ въ засѣданіи правленія выговоръ.

Характерна долгая и упорная борьба, которую велъ проф. Пильгеръ съ медицинскимъ факультетомъ. Пильгеръ окончилъ медицинскій факультетъ въ Германіи, но почему-то не имѣлъ диплома. Онъ былъ преподавателемъ ветеринаріи въ Гиссенскомъ университетѣ и пользовался извѣстностью за свои ученые труды,

когда былъ приглашенъ профессоромъ ветеринарныхъ наукъ въ Харьковскій университетъ. Въ Харьковѣ онъ пріобрѣлъ репутацію искуснаго врача и имѣлъ большую практику. Эта то практика, видимо, возбудила зависть его коллегъ по факультету, и они стали добиваться запрещенія Пильгеру лѣчить людей. Долго доказывалъ Пильгеръ свои права и наконецъ обратился въ Дерптскій университетъ, который далъ ему за ученые труды honoris causa степень доктора медицины и хирургіи. Но харьковскіе врачи черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ успѣли добиться постановленія особаго комитета, получившаго Высочайшее утвержденіе, о недѣйствительности выданнаго Пильгеру диплома. Напрасно Дерптскій университетъ настаивалъ на своемъ правѣ давать степень доктора безъ экзамена, напрасно подавали прошенія харьковскіе обыватели о разрѣшеніи Пильгеру медицинской практики, причемъ за него ходатайствовалъ и губернаторъ Бахтинъ,—практика эта все таки не была ему разрѣшена. Противники Пильгера доносили о случаяхъ неблагопріятнаго исхода его лѣченія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда якобы потерпѣвшіе сами свидѣтельствовали о пользѣ для нихъ этого лѣченія. Такова была вражда изъ-за гонорара.

Харьковское студенчество дѣлилось на студентовъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. На содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ отпускалось по 200 р. въ годъ на каждаго. На эти деньги ихъ снабжали достаточнымъ количествомъ одежды, столомъ и проч., и даже выдавали по 1½ руб. въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ. На продовольствіе каждаго студента пищей полагалось по 70 р. въ годъ. На эту сумму давался завтракъ, обѣдъ изъ 3, а по праздникамъ изъ 4 блюдъ, и ужинъ также изъ 3 блюдъ. За то лицо, взявшееся кормить студентовъ, имѣло право въ чистыхъ комнатахъ университетскаго флигеля завести ресторанъ со столомъ и напитками, кофе и биліардомъ, но безъ картъ, и сюда могли являться и чиновники университета, и другія лица съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ. Своекоштные студенты могли получать столъ вмѣстѣ съ казеннокоштными, уплачивая 70 р. въ годъ. Но черезъ два года оказа-

лось, что контрагентъ кормилъ скверно, допускалъ въ ресторанъ всѣхъ и къ тому же вошелъ въ неоплатные долги. Поэтому правленіе университета рѣшило выдавать деньги студентамъ на руки, дабы они вели хозяйство сами черезъ выборныхъ. У студентовъ дѣло пошло, повидимому, лучше, но финансовый кризисъ, о которомъ мы говорили выше, отразился и на студенческомъ хозяйствѣ. Съ 1809 г. начинаются жалобы, что 70 р. на столъ не хватаетъ, и правленіе не разъ выдавало субсидіи студентамъ для покрытія дефицита. Впрочемъ, суммы эти были ничтожны, и надо думать, что студенты умѣли вести дѣло экономно.

Казеннокоштные студенты должны были подчиняться правиламъ, которыя регулировали ихъ бытъ. Правила эти создавали довольно строгую дисциплину, напоминающую гимназическую. Но есть основанія думать, что въ приложеніи къ жизни эти правила оказывались не такими уже неудобными для студентовъ. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, университетское начальство весьма снисходительно относилось къ студенческимъ проступкамъ и исключало виновныхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда не было уже никакой надежды на ихъ исправленіе.

Своекоштные студенты пользовались значительной свободой сравнительно со своими казеннокоштными товарищами. Они были большею частью изъ дѣтей мѣстныхъ помѣщиковъ. Жили они или на частныхъ квартирахъ, или, болѣе состоятельные, у профессоровъ и преподавателей университета. Жизнь въ Харьковѣ, по крайней мѣрѣ въ первые годы существованія университета, была дешева, да притомъ же за содержаніе студентовъ родители уплачивали обыкновенно натурой—хозяйственными продуктами, прислуга тоже была своя крѣпостная. Обращались съ этими крѣпостными слугами студенты, видимо, не лучше, чѣмъ и ихъ отцы. Въ университетскомъ архивѣ сохранилось дѣло о студентѣ Липко-Парафіевскомъ, напоминающее дѣло проф. Дегурова. Липко-Парафіевскій наказалъ розгами своего крѣпостного мальчика, а тотъ послѣ этого повѣсился. Судъ призналъ и Парафіевскаго неповиннымъ въ смерти слуги.

Уже въ первые годы существованія Харьковскаго университета возникъ вопросъ о перенесеніи его въ другой городъ. При-

чиной этому было анти-гигіеническое состояніе города. Грязь весною и осенью, пыль лѣтомъ, загрязненіе города навозомъ и зловонныя рѣчки Харьковъ и Лопань—дѣлали жизнь въ Харьковѣ не только непріятною, но и опасною для здоровья. Шесть профессоровъ университета умерло въ теченіе 7 лѣтъ отъ заразныхъ болѣзней, другіе разстроили свое здоровье и должны были выѣхать изъ Харькова. Грязь создала даже особые грязные каникулы (feriae luti), утвержденные совѣтскимъ постановленіемъ. Такъ, въ протоколѣ 24 марта 1811 г. читаемъ „cum studiosi ob lutum profundum adire nequeant universitatem decretum est interrumpere praelectiones usque dum viae sint minus lutosae", т. е. такъ какъ студенты по причинѣ глубокой грязи не могутъ добраться до университета, то рѣшено прервать лекціи до тѣхъ поръ, пока улицы станутъ менѣе грязными.

Уже въ 1807 г. проф. Якобъ обратилъ вниманіе совѣта на ужасное въ санитарномъ отношеніи состояніе Харькова, и совѣтъ рѣшилъ просить губернатора принять надлежащія мѣры къ оздоровленію города. Въ 1811 г. этотъ вопросъ поднимается снова. Въ 1813 г. ректоръ Осиповскій въ письмѣ къ губернатору говоритъ, что «Харьковъ нашъ представляетъ теперь совершенное болото и притомъ болото чрезвычайно вонючее отъ гніенія въ немъ навоза, смѣшаннаго пополамъ съ топкою грязью". И дѣйствительно, въ этомъ году почти весь ноябрь не было лекцій по причинѣ глубокой грязи. Въ слѣдующемъ году министръ нар. просвѣщенія въ виду неоднократныхъ представленій о нездоровомъ климатѣ Харькова и чрезвычайной въ немъ грязи, запросилъ совѣтъ, не найдетъ ли онъ выгоднымъ и удобнымъ перемѣщеніе университета въ другой городъ. Медицинскій факультетъ, которому поручено было сдѣлать по этому поводу докладъ, пришелъ къ неутѣшительнымъ для города выводамъ: Въ 1810 г. на 12,915 жителей родилось 781, а умерло 799, въ 1811 г. родилось 820, умерло 849. Такимъ образомъ на 16 чел. умиралъ 1, и смертность превышала рождаемость. Причины такого печальнаго положенія города факультетъ усматривалъ въ загрязненіи рѣкъ, множествѣ временныхъ и постоянныхъ болотъ и въ „безпрерыв-

номъ засореніи издавна сильно унавоженнаго города". Въ совѣтѣ при разсмотрѣніи вопроса о перенесеніи университета, голоса раздѣлились поровну: половина была за оставленіе его въ Харьковѣ, другая за перенесеніе. Одни изъ стоявшихъ за перенесеніе указывали на Курскъ или на Кіевъ, другіе стояли за Кіевъ. Приведемъ мнѣніе на этотъ счетъ проф. Швейкардта. „Университетъ должно перевести въ древнее мѣстопребываніе наукъ и источникъ культуры малороссійской, т. е. въ Кіевъ. Этого требуютъ слава города, многочисленность жителей всѣхъ сословій, большая торговля, производящаяся тамъ, и вытекающія отсюда удобства жизни, а въ особенности близость такихъ мѣстъ, въ которыхъ процвѣтаютъ науки. Иностранные ученые, которыхъ будутъ приглашать изъ-за границы, конечно охотнѣе поѣдутъ въ Кіевъ, чѣмъ въ Харьковъ. Изъ очертанія округа нашего университета нельзя извлечь аргумента противъ такого перехода. Вѣдь Харьковъ выбранъ не потому, что расположенъ въ центрѣ округа, но округъ былъ созданъ послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ. По избраніи другого мѣста, надо образовать и другой округъ. Въ самомъ дѣлѣ, если къ Казанскому университету присоединить Воронежскую губ. и двѣ козачьихъ области, а на ихъ мѣсто поставить Кіевскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую и Подольскую губ., то получится округъ почти такого же пространства, въ центрѣ котораго будетъ лежать г. Кіевъ; онъ какимъ-то чудомъ находится на равномъ разстояніи отъ крайнихъ городовъ, въ которыхъ существуютъ гимназіи, т. е. отъ Минска, Могилева, Орла, Курска, Харькова, Екатеринослава, Херсона и Одессы. Сверхъ того, я прошу, чтобы университетъ былъ переведенъ не раньше, чѣмъ въ Кіевѣ будутъ выстроены необходимые дома (и при томъ на горѣ, въ Дворцовой части) и будутъ замощены улицы". Въ такомъ-же родѣ было мнѣніе Дрейсига и Гизе. За переводъ или въ Кіевъ, или въ Курскъ были Роммель, Книгинъ, Пильгеръ, Шумлянскій и Каменскій.

Слухъ о возможности перехода университета въ другой городъ взволновалъ мѣстное дворянство. Виновникъ основанія

университета въ Харьковѣ В. Н. Каразинъ прочиталъ въ собраніи дворянъ свою записку, въ которой обвинялъ профессоровъ университета въ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ ректорство Стойковича, и въ желаніи перевода университета въ другой городъ. Дворянство рѣшило подать прошеніе на Высочайшее имя объ оставленіи университета въ Харьковѣ. Прошеніе это было представлено министромъ народнаго просвѣщенія Государю вмѣстѣ съ объясненіемъ, что профессорская коллегія нисколько неповинна въ безпорядкахъ, единственнымъ виновникомъ которыхъ былъ уже удаленный отъ должности Стойковичъ, и что вопросъ о перемѣщеніи университета разсматривался по его, министра, предложенію. Но мысль о переводѣ изъ Харькова университета не получила, вѣроятно, одобренія Императора и была оставлена.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о роли, которую игралъ Харьковскій университетъ въ развитіи средняго и низшаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.

По уставу 1804 г., университеты были поставлены во главѣ управленія учебными заведеніями округа. Имъ принадлежала забота объ открытіи новыхъ училищъ, надзоръ за училищами, снабженіе ихъ пособіями и, наконецъ, замѣщеніе должностей по учебному вѣдомству. Для завѣдыванія училищами при университетахъ состоялъ училищный комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора изъ 6 ежегодно избираемыхъ изъ ординарныхъ профессоровъ членовъ. Сверхъ того, совѣтъ ежегодно назначалъ для осмотра училищъ „визитаторовъ" изъ профессоровъ же.

На долю Харьковскаго университета выпало не мало работы по устройству училищъ. Уже обширность округа, обнимавшаго 9 губерній и земли Донскихъ и Черноморскихъ козаковъ, осложняла въ значительной степени задачу университета. Сверхъ того, нужно было вводить новую систему среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній—преобразовывать главныя народныя училища въ гимназіи, а малыя училища—въ уѣздныя а также устраивать училища приходскія. И нужно от-

дать справедливость Харьковскому училищному комитету, онъ проявилъ сразу-же большую энергію. Разосланные имъ по губерніямъ визитаторы, среди которыхъ особенною дѣятельностью выдавался проф. Тимковскій, оказали огромныя услуги дѣлу распространенія просвѣщенія на югѣ Россіи. Рядъ учебниковъ, составленныхъ профессорами и изданныхъ университетомъ, обогатилъ скудную учебную литературу того времени; наконецъ, университетъ же давалъ, въ лицѣ своихъ воспитанниковъ, среднимъ и даже низшимъ школамъ учителей.

Заканчивая наше изложеніе, не можемъ не отмѣтить, что мы далеко не исчерпали богатаго и въ высшей степени любопытнаго матеріала, заключающагося въ трудѣ проф. Багалѣя; интересующіеся судьбами просвѣщенія въ южной Руси найдутъ въ этой книгѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній не только по исторіи Харьковскаго университета, но и вообще по культурной исторіи края. Не можемъ не выразить еще разъ сожалѣнія, что какъ по объему, такъ и по цѣнѣ, книга эта не доступна широкому кругу читателей и, желая скорѣйшаго появленія слѣдующихъ томовъ, не можемъ не пожелать, чтобы почтенный авторъ, хотя бы къ предстоящему юбилею Харьковскаго университета, выпустилъ болѣе короткій и популярный очеркъ его исторіи.

Е. К.

Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

Тотъ, кто присутствовалъ на первыхъ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета XI археол. съѣзда въ Москвѣ, въ январѣ 1897 г., кто наблюдалъ то оживленіе, какое замѣчалось среди съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи депутатовъ, кто слышалъ заявляемые вопросы и запросы, долженствовавшіе трактоваться на будущемъ съѣздѣ, юбилейномъ для Кіева, несомнѣнно былъ немного обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, побывавъ на самомъ съѣздѣ. Всѣ признаки указывали, что съѣздъ будетъ выдающимся среди другихъ; въ дѣйствительности же выдающимся его назвать нельзя, и прошелъ онъ довольно вяло, несмотря на всѣ усилія, какія употребляла графиня П. С. Уварова—предсѣдатель Предварительнаго Комитета и Съѣзда, чтобы оживить его. Трудно указать всѣ причины, вызвавшіе такое положеніе дѣла: имѣло тутъ вліяніе и отсутствіе нѣкоторыхъ членовъ: по числу членовъ кіевскій археол. съѣздъ уступалъ, напр., предшествующему, рижскому; затѣмъ, многіе изъ видныхъ представителей науки хотя и присутствовали на съѣздѣ, но не сдѣлали никакихъ сообщеній; какъ на довольно серьезную причину, можно указать на обнаруженный нѣкоторыми членами Кіевскаго Предварительнаго Комитета страхъ предъ малорусскимъ языкомъ; страхъ этотъ оказался довольно заразительнымъ, и въ результатѣ, цѣлая группа ученыхъ, именно галицкихъ, за-

готовившая довольно много интересныхъ рефератовъ, лишена была возможности присутствовать на съѣздѣ; не принимали въ немъ активнаго участія и нѣкоторые изъ мѣстныхъ ученыхъ.

Но несмотря на эти отрицательныя стороны, съѣздъ далъ много интереснаго и поучительнаго, и если его нельзя сравнивать по одушевленію и безкорыстному увлеченію наукой, какіе давали тонъ первому кіевскому съѣзду 25 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ не тѣ времена, не тѣ и люди, то, во всякомъ случаѣ, онъ прошелъ не безслѣдно, какъ въ научномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ возбужденія интереса къ памятникамъ старины среди мѣстнаго общества.

Благодаря продолжительному сроку, въ теченіе котораго имѣли мѣсто засѣданія съѣзда, рефератовъ на немъ было доложено сравнительно много—135. Не всѣ они, конечно, отличались одинаковыми научными достоинствами; къ сожалѣнію и на этомъ съѣздѣ повторилось прежнее явленіе — къ прочтенію допускались и рефераты, не дававшіе ничего новаго или обобщающаго; такого рода рефераты, касаясь частныхъ вопросовъ или предсталяя изъ себя результаты изслѣдованій незначительной группы тѣхъ или другихъ памятниковъ, являются лишь балластомъ для съѣзда: мѣсто имъ въ спеціальныхъ изданіяхъ, а не на засѣданіяхъ съѣзда, гдѣ дорога каждая минута.

Какъ извѣстно, настоящій съѣздъ рѣшено было въ принципѣ посвятить, главнымъ образомъ, древностямъ Волыни. На дѣлѣ, Волынь не играла первенствующей роли на съѣздѣ: болѣе полно были представлены на немъ лишь языческія славянскія древности, благодаря изслѣдованію волынскихъ кургановъ, слабѣе—каменный вѣкъ; только отчасти былъ затронутъ вопросъ о волынскихъ городищахъ, памятники же болѣе поздняго періода, какъ напр. остатки древняго зодчества, которыми Волынь багата болѣе, чѣмъ какая-либо другая область, были пройдены молчаніемъ.

Гвоздь всякихъ съѣздовъ, а въ томъ числѣ и археологическихъ, составляютъ тѣ общіе вопросы, которые поднимаются на нихъ. На кіевскомъ археол. съѣздѣ такихъ вопросовъ было

очень немного. На первомъ мѣстѣ мы должны поставить сообщеніе предсѣдателя съѣзда, *гр. П. С. Уваровой*—„*О преподаваніи археологіи въ русскихъ университетахъ*". Указавъ вкратцѣ исторію этого вопроса, вопроса не новаго, а поднимавшагося уже нѣсколько разъ на предшествующихъ съѣздахъ по тому или другому поводу, причемъ ставили ихъ такіе ученые, какъ гр. Уваровъ, Забѣлинъ, Буслаевъ, Срезневскій, Погодинъ и др., и развивъ свою мысль о необходимости возможно скораго разрѣшенія этого вопроса, гр. П. С. Уварова предложила съѣзду сдѣлать слѣдующія постановленія: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи въ университетахъ каѳедръ по археологіи, не только русской, но и всѣхъ народностей, которыя могли имѣть вліяніе на развитіе русскаго искусства, и 2) ходатайствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы немедленно была составлена комиссія для обсужденія и выработки необходимыхъ для преподаванія археологіи программъ и изданія руководствъ по разнымъ отраслямъ археологіи, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу ученыхъ обществъ, имѣющихся въ Россіи. Это предложеніе гр. Уваровой, коснувшееся одного изъ больныхъ мѣстъ, вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній. Указывалось, между прочимъ, что въ университетахъ существуетъ каѳедра, которая могла-бы хотя отчасти восполнить существующій недостатокъ въ программѣ университетскаго образованія, именно—каѳедра исторіи искусствъ; но каѳедра эта въ послѣднее время выродилась почти исключительно въ исторію классическаго искусства, а потому въ окончательной редакціи ходатайство съѣзда было направлено на расширеніе преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра. Что же касается главнаго предложенія гр. Уваровой, то, послѣ замѣчаній проф. Милюкова о томъ значеніи, какое пріобрѣла въ настоящее время доисторическая археологія, открывшая исторіи цѣлые новые горизонты, рѣшено ходатайствовать объ учрежденіи въ университетахъ самостоятельной каѳедры доисторической археологіи. Если это послѣднее ходатайство получитъ осуществленіе, то несомнѣнно каѳедра эта само собой превратится въ каѳедру исторіи первобытной

культуры вообще, а обширность предмета, богатство имѣющагося уже научнаго матеріала въ данной области, сдѣлаетъ эту каѳедру одной изъ самыхъ интересныхъ; необходимость же ея ощущается уже очень настоятельно.

Въ связи съ предыдущимъ вопросомъ находится и другой, также общаго характера, выдвинутый *проф. А. И. Марковичемъ*—„*О сохраненіи старинныхъ памятниковъ*". Связь между ними очевидна: серьезное отношеніе къ памятникамъ нашей старины можетъ быть достигнуто распространеніемъ знанія ихъ. Гр. Уварова въ своемъ докладѣ привела слова проф. Казанскаго—„любовь къ древностямъ и знаніе ихъ суть лучшіе хранители древностей; пока не распространится въ большинствѣ общества любовь къ древностямъ и знаніе, никакія правительственныя мѣры не оградятъ вполнѣ древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія". Масса фактовъ ясно показываетъ, что мы еще очень далеки отъ такой любви и знанія, между тѣмъ невозможно и оставить дѣло въ такомъ положеніи, какъ оно есть. Проф. Маркевичъ, ставя свое предложеніе, сознаетъ тѣ трудности, съ какими приходится считаться; онъ между прочимъ говоритъ: „вѣдь самый ярый поклонникъ археологіи не пойдетъ такъ далеко, чтобы требовать назначенія исправниковъ или становыхъ изъ числа археологовъ", и замѣчаетъ далѣе: „Врагъ широкихъ, а потому трудно исполнимыхъ на дѣлѣ плановъ, я потому и рѣшаюсь выступить съ своимъ предложеніемъ, что, какъ мнѣ кажется, возможно уже сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ для его практическаго осуществленія, то-есть,—позаботиться объ охранѣ хотя-бы нѣкоторыхъ памятниковъ древности, и именно тамъ, гдѣ таковая охрана возможна". Проектъ проф. Маркевича сводится къ слѣдующему: одно изъ ученыхъ археологическихъ обществъ обращается къ другимъ археологическимъ обществамъ или такимъ, которыя могли-бы заняться охраною древностей, съ запросомъ: охрану какихъ памятниковъ они могли-бы взять на себя, въ зависимости отъ удобства надзора и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ? Съѣздъ постановилъ обратиться съ просьбою къ Московскому Археологическому

Обществу взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, при чемъ такого рода свѣдѣнія могутъ быть доставлены лицами, которыя будутъ пріѣзжать на засѣданія предварительнаго комитета будущаго съѣзда. Конечно, сообщенія свѣдѣній одно, а принятіе мѣръ охраны—другое, но несомнѣнно будетъ имѣть значеніе и собраніе свѣдѣній о памятникахъ, требующихъ охраны: съ такимъ спискомъ въ рукахъ легче будетъ оріентироваться, легче будетъ выборъ, и, быть можетъ, удастся что нибудь сдѣлать.

Заговоривъ объ охранѣ памятниковъ, упомянемъ кстати объ одномъ частномъ фактѣ, уже нѣсколько разъ трактовавшемся на предыдущихъ съѣздахъ, именно объ охранѣ отъ окончательнаго разрушенія Юрьевской Божницы въ с. Старогородкѣ, близъ г. Остра. Остерское земство обратилось въ съѣздъ съ ходатайствомъ о поддержаніи этого памятника древне-русскаго зодчества, при чемъ съ своей стороны ассигновало на это дѣло извѣстную сумму; ходатайство это съѣздъ постановилъ передать въ церковно-археологическое общество при Кіевской Духовной Академіи съ просьбой принять возможно скорѣе необходимыя для того мѣры. Мы знаемъ, что само „Общество" очень заинтересовано въ этомъ вопросѣ, и можно надѣяться, что онъ будетъ наконецъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Несомнѣнно, къ общимъ вопросамъ нужно отнести и вопросъ о субсидіи губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Не смотря на названіе „архивныхъ", комиссіи все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ областныхъ органовъ, въ которыхъ сосредоточивается изученіе прошлаго даннаго края въ различныхъ отношеніяхъ. Безъ такихъ органовъ, работающихъ на мѣстѣ, имѣющихъ (въ принципѣ) возможность детально разрабатывать тѣ или другіе вопросы областной исторіи, не мыслимы обобщенія, своды данныхъ, общіе выводы. На съѣздѣ М. В. Довнаръ-Запольскимъ былъ сдѣланъ обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ комиссій за послѣдніе три года; изъ этого обзора видно, насколько разносторонне и неослабно велись занятія комиссіями; дѣятельность ихъ состояла: а) въ осмотрѣ и разборѣ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ, б) въ археологическихъ раскоп-

кахъ и пополненіи мѣстныхъ музеевъ, в) въ охранѣ памятниковъ старины, г) въ изданіи ученыхъ изслѣдованій и историческихъ матеріаловъ, и наконецъ—д) въ устройствѣ нѣкоторыми комиссіями публичныхъ чтеній. Но въ большинствѣ случаевъ всѣ благія начинанія комиссій разбивались о непреоборимое для мѣстныхъ силъ препятствіе—отсутствіе средствъ. На Рижскомъ съѣздѣ было постановлено хлопотать о субсидіи; хлопоты не привели ни къ чему: былъ полученъ отказъ. На кіевскомъ съѣздѣ, съ похвальной настойчивостью, снова выдвинутъ тотъ-же вопросъ, и совѣтъ съѣзда рѣшилъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ оказаніи всѣмъ комиссіямъ ежегоднаго пособія въ размѣрѣ 1500 рублей. Если принять во вниманіе ту громадную пользу, какую могутъ оказать наукѣ губернскія комиссіи, имѣя мало-мальски матеріальную возможность развивать свою дѣятельность, то будетъ совершенно необъяснимымъ, если и на этотъ разъ ходатайство съѣзда не будетъ удовлетворено, да и просимая сумма представляется намъ болѣе чѣмъ скромной.

Вслѣдъ за вопросами общаго характера, имѣющими громадное значеніе для общей постановки дѣла, цѣннымъ результатомъ съѣздовъ являются своды имѣющагося археологическаго матеріала, безъ которыхъ трудно разобраться въ массѣ все болѣе и болѣе накопляющихся раскопокъ, находокъ и т. п. Такого рода своды, въ видѣ-ли археологическихъ картъ, въ видѣ ли обзоровъ или всѣхъ вообще древностей даннаго раіона, или извѣстнаго вида ихъ, составляютъ дѣйствительное пріобрѣтеніе съѣздовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и науки.

На кіевскій съѣздъ подобнаго характера работъ было представлено нѣсколько. Во главѣ ихъ стоитъ *Археологическая карта Волынской губерніи, составленная проф. В. Б. Антоновичемъ.* Карта въ масштабѣ 10 верстъ въ англ. дюймѣ; она потребовала отъ проф. Антоновича продолжительнаго и кропотливаго труда; свѣдѣнія приходилось черпать изъ разныхъ источниковъ, и только благодаря эрудиціи составителя, такъ давно начавшаго собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ, возможно

было составленіе карты. Интересныхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностей на ней отмѣчено 1105, при чемъ городищъ нанесено 363, кургановъ 15,125, изъ нихъ раскопанныхъ 714. Карта сопровождается текстомъ, въ которомъ древности распредѣлены по уѣздамъ.

По плану раньше изданной археологической карты Кіевской губ., составленной тѣмъ-же проф. Антоновичемъ, *свящ. Е. Сѣцинскимъ* составлена и представлена на съѣздъ *Археологическая карта Подольской губерніи.* Изъ объясненій къ этой картѣ, доложенныхъ на съѣздѣ св. Сѣцинскимъ, мы узнаемъ, что кромѣ печатныхъ, авторъ пользовался нѣкоторыми рукописными источниками, какъ сообщенія священниковъ, представленныя въ 1868—73 и 1890— 91 гг. подольскому епархіальному статистическому комитету, и донесенія волостныхъ правленій, собранныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1873 г.; кромѣ того, авторъ пользовался сообщеніями частныхъ лицъ и личными наблюденіями и развѣдками. На карту нанесено около 300 кургановъ, 316 городищъ, около 60 селищъ и т. п. Изъ вышеупомянутыхъ объясненій автора мы узнаемъ, что кургановъ больше всего на юго-востокѣ губерніи, въ мѣстностяхъ степныхъ; городищъ, напротивъ, въ той мѣстности меньше, и болѣе всего въ Литинскомъ, Винницкомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ, по рѣкѣ Бугу; много также городищъ въ юго-зап. углу Подоліи, въ уѣздахъ Каменецкомъ и Ушицкомъ. Мѣстностей, гдѣ находятся пещеры со слѣдами пребыванія въ нихъ человѣка, отмѣчено на картѣ 50, въ томъ числѣ 7 такихъ, гдѣ есть слѣды бывшихъ тамъ церквей и монастырей. Валовъ, значительныхъ по длинѣ, нанесено на карту 3. Мѣстностей, гдѣ находятся предметы каменнаго вѣка, обозначено 100; болѣе всего ихъ въ юго-зап. части Подоліи, въ Каменецкомъ и Ушицкомъ уѣздахъ. Между находками каменнаго вѣка отмѣчена одна, относящаяся къ палеолитическому періоду каменнаго вѣка. Находокъ предметовъ бронзоваго вѣка отмѣчено сравнительно немного, именно на сѣверѣ Каменецкаго у. и на югѣ Ушицкаго и Ямпольскаго.

Съ составленіемъ этихъ двухъ картъ, древности всего юго-западнаго края являются зарегистрированными и распредѣленными по группамъ; теперь остается лишь добавлять новыя свѣдѣнія. Желая немного расширить районъ, охваченный означенными картами, мы, съ своей стороны, предполагали составить *археологическую карту Сѣдлецкой и Люблинской губерній*, или по крайней мѣрѣ части ихъ, составляющей Холмскую Русь. Но, собравъ весь имѣвшійся по данному предмету матеріалъ, пришлось отказаться отъ намѣренія—матеріала оказалось настолько мало, что до поры до времени нечего и думать о составленіи карты.

Кромѣ двухъ археологическихъ картъ, на съѣздѣ была демонстрирована *проф. П. В. Голубовскимъ и Е. А. Кивлицкимъ Историческая карта Черниговской губерніи до XVI в.* Данная карта представляетъ только часть работы, такъ какъ имѣется въ виду составить историческую карту Черниговской и Полтавской губерній до 1654 года. Пока закончена лишь Черниговская губернія. Для удобства, карта разбита на двѣ самостоятельныя карты: одна обнимаетъ собой древнѣйшій періодъ—до 1300 года, другая отъ 1300 г. до начала XVI в. На нихъ нанесены населенные пункты, свѣдѣнія о которыхъ имѣлись какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ болѣе позднихъ матеріалахъ разнороднаго характера. Отмѣтимъ любопытное наблюденіе составителей по отношенію къ картѣ древнѣйшаго періода: сличая ее съ картой городищъ Черниговской губ. проф. Самоквасова, въ большинствѣ случаевъ можно найти замѣчательное совпаденіе; этотъ фактъ еще разъ убѣдительно доказываетъ, что исторія и археологія должны идти рука объ руку.

Археологическія карты, какъ своды добытаго матеріала, возможны только послѣ тщательныхъ изслѣдованій на мѣстѣ: чѣмъ больше такихъ изслѣдованій, чѣмъ большій районъ они охватываютъ, тѣмъ полнѣе будетъ и карта. Нельзя отрицать того, что существующія уже карты зачастую даютъ свѣдѣнія случайныя, не провѣренныя на мѣстѣ спеціалистами. Вотъ почему мы уже нѣсколько разъ поднимали вопросъ объ экскур-

сіяхъ спеціалистовъ для развѣдокъ и осмотровъ въ извѣстномъ районѣ, причемъ изслѣдованія не должны ограничиваться однимъ какимъ нибудь видомъ памятниковъ старины, а распространяться на всѣ вообще виды ихъ. Результатомъ такихъ обслѣдованій всегда будетъ масса новыхъ фактовъ, среди которыхъ легко уже будетъ оріентироваться и вести впослѣдствіи детальную разработку. Только такимъ путемъ мало по малу можно будетъ оттѣснить тотъ элементъ *случайности*, какой, нужно въ этомъ сознаться, господствуетъ еще въ довольно сильной степени среди нашихъ археологическихъ изслѣдованій и въ частности раскопокъ.

На съѣздѣ было представлено два такихъ обзора различнаго рода древностей извѣстныхъ районовъ, явившихся результатомъ развѣдокъ на мѣстѣ. *В. Г. Ляскоронскимъ*, по порученію предварительнаго комитета, была совершена экскурсія въ область Посулья [1]). Районъ его обслѣдованій охватилъ собственно область Посулья и нѣсколькихъ притоковъ р. Сулы: рр. Ромна, Терна, Удая, Слѣпорода, Оржицы и др. На основаніи своихъ обслѣдованій г. Ляскоронскій, въ рефератѣ *„О городищахъ, длинныхъ (зміевыхъ) валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы“*, далъ характеристику встрѣченныхъ имъ памятниковъ. Городища референтъ раздѣляетъ на нѣсколько категорій. Первую изъ нихъ составляютъ круглыя болотныя городища, устроенныя въ низменныхъ мѣстахъ, на природныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ. Ко второй группѣ относятся нагорныя круглыя городища; отъ предъидущихъ они отличаются своимъ мѣстоположеніемъ, а иногда еще и тѣмъ, что съ той стороны ихъ, которая обращена къ плато, бываетъ нѣсколько защитительныхъ валовъ. Третью группу городищъ составляютъ укрѣпленія, отличающіяся отъ предъидущихъ типовъ какъ формою, такъ и системою защиты. Онѣ видоизмѣняютъ свои формы сообразно съ контурами возвышенностей, на которыхъ расположены, по размѣрамъ гораздо больше круглыхъ городищъ, и имѣютъ иногда цѣлый рядъ концентрическихъ ва-

---

[1]) Объ этой экскурсіи краткія свѣдѣнія помѣщены въ Кіевской Старинѣ, мартъ 1899 г., Археологич. лѣтопись.

ловъ. Къ четвертой и послѣдней группѣ относятся тѣ городища, которыя представляютъ собой остатки городовъ, упоминаемыхъ лѣтописью. Что касается т. н. зміевыхъ валовъ, то ихъ въ Полтавской губ. находится довольно много; самый большой изъ нихъ тянется по краю нагорнаго плато, оканчивающагося обрывомъ къ правому берегу р. Сулы.

По порученію того-же Предварительнаго Комитета мы обслѣдовали берега р. Западнаго Буга отъ г. Влодавы до г. Брестъ-Литовска. Встрѣченныя здѣсь древности очень однородны; относятся онѣ главнымъ образомъ къ каменному вѣку, и потому о нихъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Кромѣ обзоровъ, основанныхъ на личныхъ наблюденіяхъ, немаловажное значеніе, какъ матеріалъ для картъ, имѣютъ и такіе обзоры, гдѣ свѣдѣнія для извѣстнаго, сравнительно небольшого района берутся изъ разныхъ источниковъ. Сюда относятся доложенныя съѣзду обзоры: *г. Житынскаго*—*„Находки каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыря“*—о немъ ниже, и г. *Копфа*—*„О древностяхъ Лебедянскаго уѣзда Харьковской губерніи“*, гдѣ дополняются показанія преосв. Филарета о древностяхъ Харьковской губерніи и указываются курганы, городища и другіе памятники старины въ Лебедянскомъ уѣздѣ. Была представлена на съѣздѣ, но не доложена за недостаткомъ времени, еще третья работа подобнаго рода — *„Обзоръ древностей Грубешовскаго уѣзда, Люблинской губерніи“*, составленный *г. Крашкевичемъ.*

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ тѣхъ рефератовъ, которые докладывались въ различныхъ секціяхъ съѣзда, удѣлимъ немного мѣста *археологическимъ выставкамъ,* устроеннымъ спеціально для съѣзда; говоримъ спеціально, такъ какъ для членовъ съѣзда были открыты всѣ имѣющіяся въ Кіевѣ общественныя и частныя собранія, какъ напр. Церковно-археологическій музей дух. академіи, собранія Б. И. Ханенка, І. А. Хойновскаго. Такихъ спеціальныхъ выставокъ было устроено двѣ: одна, открывшаяся ко времени съѣзда, помѣщалась въ университетѣ; другая, открывшаяся немного спустя послѣ начала

съѣзда, была размѣщена въ нѣсколькихъ залахъ заканчивающагося постройкой Музея древностей и искусствъ.

Выставка въ университетѣ распадалась на нѣсколько отдѣловъ, въ устройствѣ которыхъ принимали участіе разныя лица. Наиболѣе полно здѣсь былъ представленъ *отдѣлъ первобытныхъ древностей*, въ свою очередь распадавшійся на подъ-отдѣлы: каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ, скифскія древности, древности времени переселенія народовъ и славянскія древности; послѣднія относятся какъ къ дохристіанскому времени, такъ и къ княжескому періоду. Предметы распредѣлены въ каждомъ изъ этихъ подъ-отдѣловъ по губерніямъ, почти исключительно южнымъ. Главную массу первобытныхъ древностей далъ университетскій музей, именно 6574 номера. За этой коллекціей слѣдуетъ довольно обширное собраніе проф. В. Б. Антоновича изъ разныхъ мѣстъ юга, небольшая коллекція г. Червинскаго изъ Подольской и Кіевской губ., коллекція г. Тиховскаго изъ Кременецкаго у. Волынской губ., немного предметовъ, доставленныхъ проф. Лашкаревымъ, коллекція каменнаго вѣка въ 920 экземпляровъ г-жи К. Мельникъ изъ Кіевской, Подольской, Волынской и Екатеринославской губ., коллекція Ф. К. Пулавскаго изъ Подольской губ., заключающая въ себѣ много цѣнныхъ предметовъ въ области каменнаго и бронзоваго вѣковъ, коллекція болѣе чѣмъ въ 1000 экземпляровъ, собранная нами на бужскихъ стоянкахъ каменнаго вѣка, предметы изъ стоянки въ с. Городкѣ, выставленные Городецкимъ музеемъ Волынской губ. барона Штейнгеля, и небольшія коллекціи гг. Житынскаго, Волянскаго и Любы-Радзиминскаго—изъ Волынской губ., наконецъ, коллекція г. Добровольскаго—первобытныя древности изъ Овручскаго у. Волынской губ.

Гораздо меньше по числу было выставлено предметовъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ—*церковныхъ древностей*. И здѣсь не мало предметовъ принадлежало университетскому музею, какъ напр.: образцы строительнаго матеріала изъ древнихъ сооруженій и остатки орнаментики, остатки церковной утвари и церковныхъ принадлежностей изъ раскопокъ на мѣстахъ древнихъ церквей,

древніе кресты, образки, медальоны и т. п. Очень многіе изъ этихъ предметовъ относятся къ княжескому періоду. Сюда-же вошла и небольшая, но цѣнная коллекція проф. Антоновича. Самостоятельное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимали иконы, плащаницы и части иконостасовъ; доставлены онѣ главнымъ образомъ Волынскимъ Епархіальнымъ Древлехранилищемъ и Каменецъ-Подольскимъ музеемъ. Помимо иконографическаго интереса, нѣкоторыя изъ иконъ интересны и для исторіи быта; укажемъ, напр., на икону 1745 г. съ изображеніемъ Богоматери съ Спасителемъ и колѣнопреклоненныхъ соорудителей иконы въ національныхъ костюмахъ; на другой иконѣ XVII—XVIII в.—Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи: Иродіада и палачъ одѣты поукраински.

Кромѣ этихъ двухъ, находились на выставкѣ еще два незначительные отдѣла *предметовъ классическаго искусства и историческихъ древностей*. Они главнымъ образомъ состояли изъ университетскихъ коллекцій, хотя были и частные экспоненты, какъ гг. Болсуновскій и Божко. Въ этотъ отдѣлъ вошло и нѣсколько очень цѣнныхъ, оригинальныхъ портретовъ, какъ напр.: Выговской, Мазепиной, Шираевъ, Полетикъ.

Въ университетѣ-же, въ помѣщеніи Центральнаго Архива, И. М. Каманинымъ была устроена *выставка рукописей и старопечатныхъ книгъ*. Рукописей выставлено 190; при подборѣ ихъ, главное вниманіе обращалось на палеографію; распредѣляются онѣ на кіевскія и волынскія, содержанія преимущественно богослужебнаго, обнимаютъ собой XV—XIX вв. Старопечатныя книги подобраны съ той цѣлью, чтобы дать образцы печати всѣхъ южно-русскихъ типографій до начала истекающаго вѣка. Обстоятельный обзоръ этой выставки былъ доложенъ И. М. Каманинымъ на заключительномъ собраніи съѣзда.

Въ библіотекѣ университета, библіотекаремъ *В. А. Кордтомъ*, была устроена *картографическая выставка*. По словамъ

устроителя, цѣлью ея было собрать по возможности матеріалы по исторіи картографіи, чтобы представить наглядно развитіе картографическихъ представленій о Русской землѣ, начиная съ конца XV в. до первой половины XVIII в. Благодаря знаніямъ и энергіи устроителя, выставка поражала обширностью и полнотой матеріала; достаточно упомянуть, что карты, кромѣ имѣвшихся въ библіотекѣ университета св. Владиміра, доставлены на выставку отъ 32-хъ учрежденій и лицъ, какъ русскихъ такъ отчасти и заграничныхъ, а количество всѣхъ экспонатовъ выражается цыфрой 1127. Собранный матеріалъ распредѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: Московское государство, западная и южная Россія и Азіятская Россія. В. А. Кордтъ посвятилъ этой выставкѣ обзоръ, гдѣ между прочимъ коснулся и исторіи русской картографіи.

Большинство изъ перечисленныхъ коллекцій подробно описано въ *„Каталогъ выставки XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. (Въ зданіи Университета св. Владиміра)“. Кіевъ, 1899 г.*, причемъ описаніе первобытныхъ древностей составила Е. Н. Мельникъ, церковныхъ—проф. Ѳ. Титовъ, иконъ—М. П. Истоминъ, классическихъ древностей—проф. Кулаковскій, историческихъ древностей—проф. Завитневичъ и В. И. Щербина, картъ—В. А. Кордтъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ—И. М. Каманинъ.

Въ новомъ зданіи музея Кіевскимъ обществомъ древностей и искусствъ спѣшно была устроена *другая археологическая выставка*. Ее составили: незначительныя пока еще коллекціи Общества, коллекція г. Хвойки—изъ палеолитической стоянки на Кирилловской ул. и изъ раскопокъ площадокъ у м. Триполья, а также изъ случайныхъ находокъ; коллекція Б. И. Ханенко—древности Приднѣпровья, съ богатыми отдѣлами скифскихъ и славянскихъ древностей; коллекція предметовъ княжеской эпохи Н. П. Чернева; небольшая разнородная коллек-

ція Ѳ. Ѳ. Кундеревича, и наконецъ, роскошное собраніе украинскихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго.

Хотя это разъединеніе выставокъ и вызывало иногда неудобства, но они выкупались той массой интереснаго матеріала, какой давали посѣтителямъ означенныя выставки.

Н. Бѣляшевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Владиміръ Николаевичъ Ястребовъ.

(*Некрологъ*).

21 декабря 1898 года скончался Влад. Никол. Ястребовъ, одинъ изъ довольно дѣятельныхъ сотрудниковъ „Кіевской Старины“. Мы только теперь помѣщаемъ некрологъ его, такъ какъ только теперь получили матеріалы для его краткой біографіи [1]).

Владиміръ Николаевичъ родился въ 1855 г. 6 іюля въ с. Кривая-Луна, Самарской губерніи. Онъ былъ сынъ священника, человѣка прекраснаго, но вѣчно задумывавшагося и кончившаго жизнь свою помѣшательствомъ. Влад. Никол. окончилъ саратовскую гимназію и послѣ окончанія курса былъ въ нѣкоторомъ раздумьи, куда ему поступать; но послѣ переговоровъ съ родными онъ рѣшилъ ѣхать въ Одесскій университетъ. Вѣсть о такомъ рѣшеніи своемъ онъ пришелъ сообщить учителямъ своимъ въ гимназіи по исторіи и по словесности. „Тамъ, въ Одессѣ, Григоровичъ!“ воскликнули они. Вѣсть о В. И. Григоровичѣ гремѣла всюду, и не удивительно, что учителя Самарской гимназіи знали о немъ, какъ бывшіе ученики его по Казанскому университету. Съ полнымъ довѣріемъ вручали они теперь дальнѣйшее духовное просвѣщеніе своего бывшаго питомца такому опытному и хорошо вліяющему на своихъ учениковъ человѣку, какъ В. И. Григоровичъ. В. Н. Ястребовъ поступилъ

[1]) Извѣстіе о смерти В. Н. Ястребова было помѣщено въ № 3 текущ. года

на историко-филологическій факультетъ Одесскаго университета. Много бѣдъ онъ тамъ пережилъ: терпѣлъ и голодъ, и холодъ, такъ какъ слишкомъ ничтожныя средства могъ ему доставлять его отецъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и много извлекъ онъ изъ преподаванія тогдашнихъ профессоровъ. Особенно увлекался В. Н. лекціями профессора философіи Орбинскаго. Слушалъ онъ также В. И. Григоровича, хотя на первыхъ порахъ подчасъ и посмѣивался надъ нимъ, надъ его дикціей и манерой. Но впослѣдствіи онъ сталъ далеко иначе относиться къ лекціямъ Виктора Ивановича. Онъ усвоилъ отъ В. И. вниманіе и уваженіе къ различнымъ національнымъ типамъ и съ большою любовью относился къ мѣстной южно-русской народности—малорусскому племени, чему не мало трудовъ удѣлялъ покойный Викторъ Ивановичъ. Въ дальнѣйшей своей научной дѣятельности Ястребовъ это выказалъ своими работами.

В. Н. Ястребовъ окончилъ въ 1876 г. университетъ и сразу съ университетской скамьи попалъ въ учителя исторіи въ Елисаветградское земское реальное училище. Означенное училище было тогда внѣ зависимости отъ М. Народн. Просв., и преподаваніе исторіи, какъ и другихъ предметовъ, вполнѣ было подчинено желаніямъ преподавателя. При такихъ условіяхъ Ястребовъ велъ преподаваніе на основаніи новѣйшихъ данныхъ въ наукѣ, и его уроки были образцовыми. Но впослѣдствіи училище было подчинено казеннымъ правиламъ, такъ какъ оно стало подлежать вѣдѣнію М. Н. П. Инициіативѣ преподавателя стали удѣлять тогда менѣе мѣста: онъ обязанъ былъ держаться при преподаваніи строго учебника и не заходить въ своихъ объясненіяхъ за предѣлы, въ немъ обмежеванныя. Ястребовъ почувствовалъ тогда, что не въ учительствѣ должны проявляться его силы и, оставаясь учителемъ исторіи, сталъ заниматься мѣстной археологіей, этнографіей и скоро сталъ печатать по этимъ вопросамъ статьи и изслѣдованія. Работы его обратили на него вниманіе Императорскаго Московскаго археологическаго общества, и онъ 30 апрѣля 1885 года былъ избранъ въ число членовъ корреспондентовъ означеннаго общества. Затѣмъ

въ 1889 г. онъ былъ избранъ членомъ историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ, съ 1892 г.—дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Общества исторіи и древностей, а съ 1894 г.—членомъ корреспондентомъ Церковно-Археологич. Общества при Кіевской Духовной Академіи.

Отмѣтимъ изъ археологическихъ работъ покойнаго прежде всего обширное и очень цѣнное изслѣдованіе *о лядинскомъ и томниковскомъ могильникахъ Тамбовской губерніи*, изданное Петербургской археологической коммиссіей въ 1893 году съ 15-ю таблицами рисунковъ и съ 51 политипажемъ въ текстѣ. Далѣе, не менѣе цѣненъ „*Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи*, напечатанный въ XVII т. Записокъ Одесскаго общества Исторіи и Древностей 1894 года. Собранныя здѣсь свѣдѣнія расположены въ систематическомъ порядкѣ. Небольшія статьи по археологіи напечатаны въ „Кіев. Старинѣ“ и въ „Археолог. Изв. и Замѣткахъ“. Особенно интересны: статья о *Херсонесѣ Таврическомъ* въ Кіев. Стар. 1883 г. № 4 и статья „*Поѣздка на о-въ Каменеватый*“ (на Днѣпрѣ) въ Археолог. Изв. и Зам. 1894 г. № 5. Наконецъ, очень цѣнна его критика монументальнаго изданія Бобринскаго „Курганы м. Смѣлы“ (Записки Наук. Товар. имени Шевченка т. VII).

По этнографіи также имѣется нѣсколько замѣчательныхъ работъ Ястребова. Этнографич. матеріалъ собранъ имъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи въ теченіе десяти лѣтъ. Херсонская губернія, какъ видно изъ описаній ея уѣздовъ, отдѣльныхъ селеній и волостей, отличается разнообразіемъ этнографическаго состава населенія, большинство котораго составляютъ малороссы; здѣсь рядомъ съ послѣдними живутъ и бѣлоруссы, и великоруссы, и молдаване, и нѣмцы, и поляки, и евреи, и греки, и болгаре. Переселившись изъ разныхъ концовъ Россіи и Европы, въ теченіе послѣдняго столѣтія они сжились одни съ другими и вошли въ болѣе или менѣе близкія отношенія, смотря по большей или меньшей общественности народнаго характера. Одни изъ народовъ обнаруживаютъ склонность къ усвоенію особенностей малоруссовъ (напр. молдаване, болгаре, от-

части поляки изъ Галичины и Юго-Зап. края), другіе (какъ нѣмцы, евреи) удерживаютъ извѣстныя черты своей національности; но всѣ уже почти умѣютъ говорить по малорусски, и языкъ малорусскій сталъ для нихъ какъ бы международнымъ, въ родѣ того какъ на Кавказѣ такимъ языкомъ для сношеній между собою разныхъ народностей сталъ языкъ татарскій. Смѣшанный характеръ населенія отразился въ языкѣ и содержаніи малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ въ смыслѣ привнесенія новыхъ элементовъ и порчи старыхъ.

Изъ книжекъ по этнографіи изданы имъ въ 1893 г. „*Малорусскія прозвища Херсонской губерніи*". Здѣсь приведено 400 прозвищъ съ объясненіями; расположены они по внутренней ихъ связи съ разными проявленіями крестьянской жизни, личной и общественной. Затѣмъ, въ 1894 г. издалъ онъ „*Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края*", гдѣ приведены имъ суевѣрія и обряды, а также легенды, сказки и разсказы. „Изъ того сырья, говоритъ Ястребовъ въ предисловіи, которое накопилось у насъ за десять лѣтъ, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варіанты, разнящіеся въ подробностяхъ". Отъ такой осторожности, по мнѣнію г. Сумцова, сборникъ только выигралъ. Всѣхъ сказокъ, легендъ и анекдотовъ 41.

Изъ небольшихъ этнографическихъ замѣтокъ Ястребова, разбросанныхъ въ „Кіевской Старинѣ", заслуживаютъ вниманія пѣсня о сербѣ (Кіевская Стар. 1884, XII), гайдамацкая пѣсня о лѣсѣ Чутѣ (Кіев. Ст. 1885 XII), варіанты сказки о невѣрной женѣ (Кіев. Ст. 1884, IV), народныя пѣсни Херсонскаго края (Кіев. Ст. 1894, III), святочныя пѣсни (ibidem (1894, II), о союзахъ неженатой молодежи (Ibid. 1896, 8). Наконецъ „Pains de noces rituels en Ukraine" въ „Revue des Traditions populaires".

Во всѣхъ этихъ работахъ Ястребовъ является вѣрнымъ послѣдователемъ Григоровича; вездѣ сквозитъ вниманіе къ національнымъ особенностямъ народа, произведенія котораго приводятся; постоянно чувствуется симпатія къ малорусскому пле-

мени, изъ среды котораго заимствованы большею частью приводимыя легенды, сказки, обряды.

Ястребовъ не только изучалъ народъ, но и училъ его. Онъ принималъ ревностное участіе въ организованныхъ отчасти имъ же народныхъ чтеніяхъ въ Елисаветградѣ. Не задолго до смерти имъ написано для народнаго чтенія „Воспитаніе Петра I“. Имъ же приготовленъ къ экзамену на званіе сельскаго учителя г. Морозъ, не мало помогавшій ему въ собраніи этнографическихъ матеріаловъ. Объ этомъ Морозѣ Вл. Ник. всегда очень тепло отзывался. Да и самъ г. Морозъ не остался у него въ долгу. По смерти Ястребова онъ въ такихъ выраженіяхъ вспоминаетъ о немъ. „Нравилась мнѣ въ немъ больше всего его великая, почти геніальная доброта. Въ немъ гармонически сочетался высокій умъ, опытность наблюдательнаго человѣка, юная довѣрчивость, свидѣтельствующая о его честности, и дѣтская простота. До сей поры я не встрѣчалъ человѣка съ такою широкою душой, такъ умѣющаго воспринять чужое состояніе, чужое лишеніе или же радость, съ такою горечью отзывающагося о всемъ низкомъ и подломъ и такъ восторгающагося высокимъ, идеальнымъ“. Въ этихъ строкахъ народнаго учителя высшая похвала Ястребову въ его стремленіи помочь образованію народа.

Ѣздилъ Ястребовъ за границу—въ Константинополь, въ Италію, въ Римъ, всходилъ на Везувій и оставилъ объ этомъ описаніе, помѣщенное въ свое время въ „Семьѣ и Школѣ“. Былъ онъ также въ Крыму, на Кавказѣ. Слѣдъ этихъ путешествій Ястребова остался въ естественно-историческомъ музеѣ елисаветградскаго реальнаго училища: онъ пожертвовалъ въ этотъ музей интересные образцы минераловъ съ Везувія и другихъ мѣстъ. Оставилъ онъ еще въ этомъ естественно-историческомъ музеѣ коллекцію писанокъ и дѣтскихъ игрушекъ простого люда; коллекціями этими интересовался графъ Бобринскій, и по поводу ихъ Ястребовъ готовилъ особое изслѣдованіе.

Отзывы о Ястребовѣ, какъ товарищѣ, учителѣ, всѣ одинаково восторженны. „Онъ былъ совершеннѣйшимъ джентльме-

номъ, неспособнымъ даже на малѣйшую тѣнь подвоха или зложелательства; онъ по истинѣ не желалъ ничего, елика суть ближняго его"—таковъ, напримѣръ, отзывъ о немъ одного изъ бывшихъ его начальниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ глубоко преданъ своему дѣлу и былъ преподавателемъ, любящимъ свою науку. „Такого учителя не скоро найдетъ себѣ реальное елисаветградское училище"—замѣчаетъ тотъ-же начальникъ.

Любя свою науку, высоко цѣня товарищескія отношенія, онъ съ душевною болью переносилъ тяжелые слухи о взяточничествѣ, въ которомъ одно время упрекали многихъ учителей реальнаго елисаветградскаго училища. Нерѣдко со слезами на глазахъ возвращался онъ въ періодъ этихъ упрековъ домой изъ училища. Къ этому же времени относится начало его задумчивости, его безпредѣльной грусти, разражавшейся нерѣдко слезами. Вскорѣ затѣмъ у него явно обнаружилось психическое разстройство. Сперва отвезли его въ Харьковскую психіатрич. лѣчебницу, а затѣмъ, когда послѣ нѣкотораго временнаго улучшенія ему стало окончательно худо, онъ былъ помѣщенъ въ Херсонѣ, въ тамошней психіатрической больницѣ, гдѣ и окончилъ жизнь 21 декабря 1898 г. на 43 году отъ роду... Миръ праху честнѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка!

Документы, извѣстія и замѣтки.

Замѣчательный кладъ. 28 августа, въ усадьбѣ Льва Израил. Бродскаго (по Екатерининской ул.), при закладкѣ фундаментовъ для постройки оранжереи, на полуаршинной глубинѣ въ культурной почвѣ рабочіе нашли кладъ, состоявшій изъ золотыхъ предметовъ. Правдоподобно, что кладъ хранился въ низкогорлой амфорѣ изъ красной глины, часть которой (одно ухо и обломокъ горлышка) сохранилась. Значительную часть клада владѣльцу удалось собрать; нѣсколько предметовъ были захвачены рабочими и, вѣроятно, были ими проданы въ ломъ.

Л. И. Бродскій предоставилъ мнѣ возможность осмотрѣть находящуюся въ его владѣніи часть клада; она состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

1) Два золотые слитка, продолговатые, неправильной цилиндрической формы, вѣроятно, золотыя монетныя гривны; онѣ внѣшнимъ видомъ напоминаютъ т. назыв. серебряные новгородскіе рубли, имѣвшіе видъ металлическихъ палочекъ; одна изъ нихъ отмѣчена на одной сторонѣ тремя зарубинками, и одинъ конецъ палочки (приблизительно около $^1/_4$ ея) отрубленъ еще до сокрытія клада; вѣсъ этой гривны—141 граммъ (33 золотника).—Другой, меньшій, цилиндрикъ, безъ зарубинъ, совершенно цѣлый, вѣситъ 95 граммъ ($22^1/_4$ золот.).

2) Три золотые браслета; два изъ нихъ сдѣланы изъ толстой золотой кованной проволоки, съ концами свободными, не спаянными; одинъ изъ нихъ гораздо свѣтлѣе, что заставляетъ предполагать значительную примѣсь серебра.

Третій браслетъ сдѣланъ изъ болѣе тонкой золотой проволоки, скрученной спиралью и перевитой по направленію спирали золотою, очень изящною плетеною цѣпочкою; концы браслета отломаны, но, судя по сохранившемуся одному обломку, они были связаны узломъ.

3) Двѣнадцать византійскихъ золотыхъ монетъ и одна восточная; монеты прекрасной сохранности, надписи на нихъ вполнѣ уцѣлѣли и могутъ быть совершенно свободно прочитаны. Степень сохранности ихъ, можетъ быть, свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ весьма недолго находились въ обращеніи. Византійскія монеты, съ одной стороны, представляютъ изображенія императоровъ, съ другой—бюстъ Спасителя въ нимбѣ и съ виднѣющимся за головою крестомъ. Онѣ распредѣляются въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

Никифоръ II Фока 963—969 г. . . . . 1 экз.
Василій II и Константинъ XI 976—1025 г. . . . 5 »
Константинъ XI Багрянородный 1025—1028 г. . 1 »
Романъ III 1028—1034 г. . . . . 2 »
Константинъ XII Мономахъ 1042—1055 г. . . . 1 »
Исаакъ I Комненъ 1057—1059 г. . . . . 2 » [1])

Такимъ образомъ, всѣ византійскія монеты были чеканены во второй половинѣ X и въ первой половинѣ XI столѣтій и, судя по ихъ сохранности, можно полагать, что кладъ былъ спрятанъ въ землю не позже второй половины или конца XI столѣтія, можетъ быть, во время занятія Кіева Болеславомъ II, въ 1077 г., или въ одинъ изъ набѣговъ половецкихъ.

Въ числѣ предметовъ, входящихъ въ составъ клада, несомнѣнно по рѣдкости и историческому значенію главный интересъ представляютъ золотыя монетныя гривны. О существованіи этихъ гривенъ упоминаетъ лѣтопись; намъ случалось встрѣчать на Волыни раза два извѣстія о томъ, что гривны такія были найдены, но не было возможности точно установить дальнѣйшую судьбу найденныхъ экземпляровъ, и только въ кладѣ г. Бродскаго я имѣлъ возможность первый разъ видѣть и взвѣсить эти древнѣйшія на Руси золотыя монетныя единицы.

В. Антоновичъ.

---

[1]) Sabattier т. II, стр. 137, № 3; стр. 147, №№: 1, 4 и 5; стр. 150, № 1; стр. 152, № 1; стр. 157, № 2 и стр. 163, № 1.

Замыслъ на попа по рукописи 1798 года. Въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г. въ № 3 напечатанъ былъ текстъ стариннаго произведенія нашей малорусской поэзіи «Суплика, або замыслъ на попа» (стр. 543—550). Текстъ этой интермедіи былъ тогда установленъ по двумъ рукописямъ, изъ которыхъ одна, переписанная первоначально въ Бессарабіи, а потомъ циркулировавшая въ Галиціи, а потому и пріобрѣтшая тамъ особенности галицкаго правописанія, не отмѣчена датой времени переписки и мѣстами искажена переписчиками, а другая, записанная въ Черниг. г., въ м. Новомъ Ропскѣ (Новозыбковск. у.), подъ диктовку 73-лѣтняго старика Алексѣя Лисовскаго, человѣка совершенно неграмотнаго, представляетъ многія неточности, какъ результатъ ослабѣвшей памяти старца. По этимъ-то двумъ рукописямъ, одна другую дополнявшимъ, и былъ составленъ сводный текстъ, иногда возстановлявшійся по догадкамъ и по памяти составителя замѣтки, несомнѣнно самого покойнаго редактора журнала Ѳ. Г. Лебединцева, въ дѣтствѣ слышавшаго эту пьесу въ звенигородскомъ уѣздѣ, кіевской губ. Намъ удалось теперь пріобрѣсть рукопись этого-же произведенія, озаглавленную «Замыслъ на попа», съ лѣдующей датой: «сей замислъ переписалъ Священникъ Салогубовскій Іоаннъ Матвѣевичъ Скитскій 1798 года априля 15». Въ виду почти совершенной исправности даннаго текста, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляющаго дополненія къ прежнему тексту, а также въ виду записи, сдѣланной болѣе ста лѣтъ тому назадъ, мы считаемъ нужнымъ напечатать его цѣликомъ, сохраняя и всѣ особенности правописанія рукописи. Нѣкоторыя объясненія къ этой интермедіи даны въ упомянутой выше статьѣ въ нашемъ журналѣ, а потому, не повторяя ихъ, отсылаемъ читателя къ ней.

Замыслъ на попа.

А що свату Охрѣме! Нумо лишенъ гадати,
Якъ-бы то намъ свого попа въ шоры вбрати.
Гетъ вѣнъ силомѣццю влѣзъ у нашу парофѣю,
Та пѣди-жъ ты, якъ надъ нами крутитъ веремѣю.
Чого наши батьки и дѣды не чували,
То щобъ мы ему те на сповѣди слебезовали.
Та ще жъ то выдумавъ яку затѣю,
Щобъ мы давали дѣтей у ванацію.

Охрѣмъ. Геть я жъ вамъ казавъ: не дуже лишь вы на ту оковитку.
Свиридъ. Хрѣнъ-же его вгадае, що добрымъ казався здѣтку.
Харко. Нема и на свѣтѣ, якъ нашъ пѣпъ бувъ старый,
Що и досѣ згадуе великій и малый.
Хвилѣнъ Тай будемо, Харку, довго споминати,
Бо вже не будемо такого попа мати.
Пархѣмъ. Умѣвъ-же, Филоне, съ людьми обходиться,
Тай було тодѣ де горѣлки напиться.
Уже небѣжчикъ хоть добре за вѣнчаня дравъ,
Такъ добре-жъ и людей у хатѣ напувавъ.
Попили, голубчику, тіи оковитки,
Та ще не тѣльки мы, але й наши дѣтки.
А до сіого-жъ бо нѣякъ и приступиться,
Не тѣлки щобъ коли горѣлки напиться.
Хоть за дѣломъ прійдешъ, то все рило дуе,
А якъ чого просишъ, то мовъ и не чуе.
Тарасъ. Нехай-же то насъ уже не шануе,
А то й Ничипора, що ще й титаруе.
Панасъ. Вѣнъ и отамана нѣ ввѣщо не ставитъ;
Якъ той що скаже, то вѣнъ свое правитъ.
Хвесько. Ходѣмо лишень до дяка, та все роскажимо,
Та хорошенько лишень попа уплетѣмо.
Свиридъ. Здоровъ будь, пандяче; якъ собѣ маешъ?
Геть за чимъ пришли, чому не питаешъ?
Дякъ. Панове парофіяне, просимо сѣдати;
Когда въ гости пришли, то будемъ витати.
Охрѣмъ. Та сполать, пандяче, за твою ласку!
Послухай лишъ насъ, яку скажемъ казку.
Возьми лышъ каламаръ, та напиши круто,
Щобъ на попа желѣзне путо.
Дякъ. Почтенные міряне! звольте казати;
Чернилниця готова, что будемъ писати?
Феськo. Пиши, пандяче, що пѣпъ намъ не велить играти въ карти
И що вѣднявъ у дѣтей усѣ дѣтскѣ жарти.
Дѣвкамъ не велить ходить на вечорницѣ,
Хиба-жъ имъ небогамъ постригтися у черницѣ.
Парубкамъ не велить съ дѣвками гуляти,
По чѣмъ-же имъ буде молодость згадати?

Наказавъ праздникѣвъ, що зъ пѣвкопы буде,
И щобъ жодне свято до церкви ходили люде.

Пархѣмъ. А коли-жъ, пане свату, будемо робити,
Якъ будемо що-свята до церкви ходити?
Уже хоть старый пѣпъ небѣжчикъ не вмѣвъ ванаціи,
Тай не було тогдѣ такои затѣи.
До церкви ходили не жодной недѣли,
Говѣли тѣлько тѣ, которѣ хотѣли,
А сей-же бо велить и дѣтямъ говѣти,
И щобъ конче дѣтей «вѣрую» учити,
Хто оченаша не вмѣе, то й не причащае.

Луцько. Хоть е за що, хоть нема, то й сажае въ куну,
Ось якъ посадивъ и Хѣврю, мою куму,
За те тѣлки, выбачте, що угрѣшилась, якъ дѣжу мѣсила,
Отожъ бо цѣлый день у кунѣ сидѣла.
А Левка старого за те тѣлки въ кунѣ державъ,
Що тѣлки неборакъ съ кумою жартовавъ.

Артемъ. Тай мене самого въ куну пригрунцювавъ,
Що тѣлко смѣявся, якъ вѣнъ казань казавъ.
Харченка Терешка вѣддавъ на покаянье,
Що тѣлько угрѣшивсь на Андреево стояня,
А Стецьковѣ Хамурѣ и паски не святивъ,
Що тѣлки неборакъ сѣмь рѣчкѣвъ не говѣвъ.

Омелько. Тай Петра Батыря въ куну посадивъ,
Що тѣлки до церкви пять рокѣвъ не ходивъ.
Педоря передъ причастямъ тѣлко квашѣ покоштувала
Стѣижебо (sic) и за те въ кунѣ стояла.

Сергѣй. Тай Хомѣ нетязѣ причастя не давъ,
Що идучи до службы горѣлку кештувавъ.
Солоха Федкѣвна дитину приспала,
Говѣла цѣлый пѣстъ и въ кунѣ стояла.
А Иско у пятницю скорому наѣвся,
Та и за те въ кунѣ добре насидѣвся.
А Кирикъ Левченко не втѣкъ того сорома,
Що женився на Стеси, а вона іому кума.

Яцько. Тай Левко Хутепа три днѣ въ кунѣ сидѣвъ,
Що люльку тягъ тогдѣ, якъ говѣвъ.

Грицько. Тай же и Кулины Покрова не вкрила,
Що безъ человѣка дитину родила.
А Процько за куму хотя у кунѣ не сидѣвъ,
Та на саме-жъ Рѣздо увесь день поклоны бывъ.
Зѣнець зъ родичкою тѣлки женыхався,
Тай за те небоґакъ у куну попався.

Педько. Пиши ще й се, пандяче, що не велить челядѣ колядовати
На улицю ходити и на купалахъ скакати.
Дѣвкамъ не велить вѣнка робити,
Щобъ не грати въ карти, а въ шинкъ не ходити.
А чому-жъ небѣжчикъ не тѣлки на купала ходивъ,
Але й навкулачки, що не одинъ було отъ іого лѣзе рачки.
Отижъ бо (sic!) сей не йде и насъ не пускае,
Тѣлко въ церквѣ зъ дякомъ що день галасае.
А старый небѣжчикъ не разъ въ шинку и христивъ
Дитину, на купалахъ скакавъ и колядовати ходивъ,
По весѣляхъ було не тѣлки старостуе,
Хоть у приданахъ ще було и дружкуе.
А вѣнчавъ небѣжчикъ не тѣлко съ кумою,
Хоть бы хто десь прійшовъ изъ рѣдною сестрою.
Да вжежъ вѣнъ покѣйникъ не менше грѣхѣвъ знавъ,
Та парафѣянъ своихъ такъ не мурдовавъ.
Вѣлно тодѣ було що хотѣть робити,
Не принуждавъ, царство іому небесне, до церкви ходити.
И лихословищъ тодѣ мы не вмѣли,
Отижъ бо (sic!) насущный хлѣбъ ѣли.

Охрѣмъ. Тодѣ, пане Педьку, и Бѣгъ лучше годивъ,
Геть сѣлкись що народъ до церкви не ходивъ,
А при сіому-жъ бо и Бѣгъ не ставъ годити.

Тишко. Бо стали дѣтей ванацѣи учити.

Лаврѣнъ. Геть правду казала небѣжчиця Настя,
Що не буде народъ бѣлше мати щастя.

Супрунъ. Бо вона бачила, якъ замѣрала,
Що пятѣнка святая Пречистои прохала:
Перестали-ке, Пречиста Мати, мене шановати,
Не дай же мірянамъ щастя и долѣ мати.

Ярема. Бо вже швидко мусить кѣнець вѣку мати,
Коли вакацѣйники стали попувати,
Черезъ ихъ нѣколи мірянамъ и погуляти,

Такъ коли-жъ пятѣнку святую шанувати?
Та вже такъ прійдется ходить безъ сорочокъ,
А ще-жъ то треба и вѣддавати дочокъ.
Гетъ якъ бодня порожня, то нихто не загляне,
Той дѣвоцтво ихъ якъ трава завяне.
Чи любо дивиця на вѣрну Стецѣвну,
Що волосъ посѣдѣвъ, тай не знайде собѣ рѣвню,
Бо теперъ безъ вѣна вже й нѣ до порога,
Ось якъ дѣвуе и вѣцна (sic!) небога,
Що й на свѣтѣ до неи нихто не загляне
Гетъ тимъ, що въ боднѣ ничого немае.

Луцько. Прійдется и нашимъ дочкамъ дѣвовати,
Коли буде довго сей пѣпъ попувати.

Ничипъръ. Не бѣся, пане Луцьку, не буде довго попомъ,
Якъ пѣдемъ до хурхурея вси гуртомъ,
Та якъ роскажемъ, якъ вѣнъ нами крутитъ,
То заразъ и іого до себе прицупитъ,
Або й суплѣку оцю якъ розбере,
То й може самого попа до рукъ прибере;
Та якъ крутопопы попросимъ старого,
То не бѣсь, заразъ намъ дадуть другого.
Та якъ роскажемъ, годѣ іому міpянамъ
За шкуру сала лити, вивчимъ іого, якъ попувати,
Буде вѣнъ знати, якъ шановати
Мірянъ, якъ одвѣдае хурхурейскихъ барбаръ.

Антънъ. Колибъ, Ничипоре, хоть по шостаку зложили,
Та пѣдсунули хурхуреевѣ, щобъ іого *доступили* (неразборчиво написано).

Панасъ. Тай крутопопѣ треба щось дати,
Бо правду казала небѣжчиця мати,
Що безъ грошей нѣ до пана,
Якъ безъ сукна до Гатьмана (sic!)

Іовтухъ. Правду оце ты, пане куме, кажешъ,
Бо ѣхать легко, якъ вѣзъ пѣдмажешъ.

Онисько. Пѣдѣть лишень, кликнѣть мого кума,
Та попросѣть сюды Безпалка Наума;
Вони люде старѣйши и всюди бували,
То може-бъ щось таке и воны сказали;

Чогось вони и сами сюди чимчикують.
А читай лишъ, пандяче, нехай и вони почують.

Дякъ читае. Въ Бозѣ преосвященнѣйшему, надъ владыками владычествующему, Божіей церквѣ, яко Христовой невѣсты, украсителю, Божіихъ велѣній истолкователю, пресвитеровъ премудрѣйшему учителю, всѣхъ бѣдныхъ защитителю всякой доброй надежды, Епископствующему епархіи новоглядинской (sic!) архипастырю, цару (sic) Своевольскому отъ православныхъ села Нерушмена парафѣянъ, пресвитеру Планенной (sic!) церкви премного грѣшныхъ рабовъ твоихъ.

Демко. А що-жъ оце вы пописали,
Адже-жъ вы сами себе звязали!
Геть вѣнъ не самъ се крутить,
А все іого панъ сотникъ нашъ учитъ.

Супрунъ. Да вѣнъ же іого сюды и втоптавъ,
Дай за іого свою годованку вѣддавъ.

Терешко. Та вже-жъ таки хоть ґрунты позбуваемъ,
А таки іого зъ попѣвства зопхаемъ.

Демко. Та гляди лишъ ты, Терешку, не дуже лишъ тупай,
Та перше старыхъ людей послухай,
Треба перше сотника схвасовати,
Та тодѣ будемъ и на попа прохати.

Наумъ. Уже, Терешку, не сыпати противъ сыли пѣскомъ,
А черезъ позовъ будемо ходити пѣшкомъ.

Тимѣшъ. У ихъ грошей багато, та вони розумнѣ люде,
Куди пѣди, то ѣхъ право буде.

Педько. Нехай-же іого недобре опануе,
Коли намъ на лихо пѣшло, нехай коверзуе.

Наумъ. Ходѣмъ лучше могоричу пити,
Чѣмъ маемо чортъ знае що робити.
Та кликнѣте пандяка, нехай випье чарку.

Пархѣмъ. Иди за нами, пандяче Марку!

Дякъ. Благодарю покорно за вашу ласку, за ваши привѣты,
Иде панамаръ до церкви звонити.

Сообщ. **В. Науменко.**

Письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу. Печатаемое ниже письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу, конференцъ-секретарю Академіи Художествъ, доставлено намъ въ подлинникѣ родственникомъ послѣдняго, Конст. Конст. Григоровичемъ, жительствующимъ въ г. Пирятинѣ, полтав. губ., которому этотъ подлинникъ въ настоящее время и принадлежитъ. За предоставленіе намъ права напечатать это письмо приносимъ К. К. Григоровичу нашу глубочайшую благодарность.

Къ сожалѣнію, дата года въ этомъ письмѣ оторвана; но опредѣляется она самимъ содержаніемъ письма и извѣстными въ печати фактами изъ жизни поэта. Письма изъ Яготина Шевченко могъ писать или въ 1843 или въ 1844 году, т. к. въ эти два года онъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Украину и проживалъ у кн. Репнина въ м. Яготинѣ, пирятин. у., полтав. губ. *28 декабря 1843 года*, если вѣрить даннымъ, сообщаемымъ въ книгѣ А. Я. Кониссκаго, онъ не могъ быть въ Яготинѣ, т. к. письмо его къ Кухаренку, съ просьбой прислать оперетку «Чорноморськый побытъ» для постановки въ Медицинской академіи спектакля *на праздникахъ Рождества* [1]), свидѣтельствуетъ о томъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ этого года онъ былъ въ Петербургѣ. *28 декабря 1844 года* онъ тоже не могъ быть въ Яготинѣ, т. к. князь Н. В. Репнинъ умеръ 7 января 1845 года, и сосохранилось письмо къ Шевченку княжны В. Н. Репниной отъ 7 янв. и 22 февр. 1845 года, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой смерти и ясно свидѣтельствующее о томъ, что его давно уже не было въ Яготинѣ. Такъ какъ послѣднее обстоятельство несомнѣнно, то остается предположить, что фактъ, сообщаемый въ книгѣ г. Кониссκаго, не вѣренъ, т. е. что въ декабрѣ 1843 года Шевченко былъ не въ Петербургѣ, а въ Малороссіи, какъ это и утверждаетъ другой біографъ поэта, М. К. Чалый, выразившійся, къ сожалѣнію, не совсѣмъ точно: «поэтъ здѣсь провелъ всю зиму 1844 года», тогда какъ слѣдовало сказать «зиму 184³/₄ года», что, впрочемъ, совершенно ясно видно изъ всего изложенія въ его книгѣ. Что письмо настоящее писано въ 1843 году, подтверждается еще и содержаніемъ его: Шевченко говоритъ о своемъ предположеніи поѣхать заграницу, а если это не удастся, то вернуться въ Академію, «бо ій-богу хочиця вчиця». Оба эти

[1]) См. А. Я. Кониссκій. Жизнь украин. поэта Т. Г. Шевченка. Одесса. 1898 г., стр. 168.

обстоятельства всецѣло могутъ относиться къ началу 1844 года, но никакъ не къ 1845, такъ какъ 25 марта 1845 года ему уже былъ выданъ аттестатъ на званіе свободнаго художника, послѣ выдержаннаго имъ испытанія, а въ этомъ письмѣ онъ только проситъ В. И. Григоровича прислать ему отпускъ на два мѣсяца, или безсрочный аттестатъ, если ему *«не треба вертаця въ Академію»*. Нужно думать, что отпускъ этотъ на два мѣсяца и былъ полученъ Шевченкомъ, т. к. въ февралѣ 1844 года мы видимъ его въ Москвѣ, конечно проѣздомъ изъ Украины, а не нарочно совершившимъ туда поѣздку, какъ думаетъ г. Кониссхій, а 22 февраля онъ былъ уже въ Петербургѣ [1]).

В. Науменко.

—

28 декабря Яготынъ.

Батьку мій ридный, порай мыни, якъ сынови, що мыни робыть? чи оставаця до якои поры, чи ѣхать до васъ. Я щось не дуже ударяю на Академію, а въ чужеземщини хочеця буты. Я теперъ заробляю гроши (ажъ дывно, шо вони мыни йдуть въ рукы!), а заробывшы, думаю чкурнуть, якъ Аполонъ Ныколаевычъ [2]). Думаю, що такъ лучше, а може и помыляюсь. Порайте, будьте ласкавы! Якъ разъ на святвечиръ бувъ я у Пырятыни у старои матери вашои, батьку мій. Рада, дуже рада була старенька, спасыби ій. Трычи заставыла мене прочытать въ слухъ письмо, шо вы пысалы о Ваничкѣ. Ей-богу и я заплакавъ, хочъ я и не дуже слёзоточывый. Батечку мій! пышить до старои частенько, бо вона чыта всяке ваше пысьмо, ажъ поки не получыть другого. И це вся іи радисть. Зъ плачемъ нарикае на меншого сына, що винъ до неи не иде. Перехрестыла мене, поблагословыла, и я пишовъ до брата вашого черезъ улыцю снидать, взявшы у стареньков цвиты оци. Навдывовыжу и на радисть вамъ посылаю, батьку мій!

Одъ сентября я не бачывся зъ Григоріемъ Степановичемъ [3]), а побачуся швыдко. Я тойди просывъ у васъ *выда*, и якъ вы его прысланы, то я его ще й не бачивъ. А теперъ ось чого прошу. Колы побачите, що мыни треба вернуця до васъ, то будьте ласкави, прышлить ще на два мисяця; а колы мыни не треба вертаця въ Акаде-

---

[1]) См. Кониссхій, стр. 171.

[2]) О комъ говорится, опредѣлить не можемъ.

[3]) Гр. Ст. Тарновскій.

мію, хочъ мыни й дуже хочиця, то прышлить, батьку мій, *безсрочный атестатъ* на имя Григорія Степановича. Страшно дывиця мыни на грядущее, бо воно погане. А теперъ мыни добре, дуже добре. Порайте, що мыни робыть. Колы не зберу грошей, щобъ поихать заграныцю, то сберу такъ, щобъ прыихать въ Академію, бо ей-богу хочиця вчиця.

Багато, багато треба бъ мыни напысать до васъ, та николы, бо вже сидають, а я допысую. Нехай вамъ Богъ пошле того, чого вы сами соби просыте.

Щырый сынъ вашъ Т. Шевченко.

На оборотѣ:

Въ Яготинъ мѣстечко, Пирятин. уѣзда, Варварѣ Николаевнѣ Княжнѣ Репниной писать мнѣ.

Порфирій Кореницкій—забытый малорусскій писатель. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія имя Порфирія Кореницкаго, какъ писателя малорусскаго, начало было выдвигаться, т. к. произведенія его попали въ два очень видныхъ въ то время альманаха—«Снопъ» Корсуна и «Ластивка» Гребинки; въ первомъ была помѣщена сатирическая поэма «Вечерныци», а во второмъ—басня «Панько та верства». Больше, насколько намъ извѣстно, въ печати не было ни одного изъ его произведеній, хотя приходилось не разъ слышать, что онъ писалъ и поэмы, и басни, и пѣсни; такъ напримѣръ, извѣстно, со словъ его сотоварищей по семинаріи, что онъ тамъ еще пробовалъ свои силы въ писательствѣ и между прочимъ написалъ свою первую поэму «Куряжъ», въ которой смѣло и остроумно описалъ жизнь монаховъ въ Куряжскомъ монастырѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова). Поэма эта, по цензурнымъ условіямъ, не могла, конечно, появиться въ печати, и какая судьба постигла ее—остается неизвѣстнымъ. Не болѣе того знаемъ мы и о самой жизни Порфирія Кореницкаго; въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы» Н. Петрова никакихъ біографическихъ данныхъ не приведено и даже только по догадкамъ сказано, что онъ былъ воспитанникомъ одной изъ бурсъ и, вѣроятно, харьковской семинаріи.

Нѣсколько времени тому назадъ мы получили отъ проф. Н. И. Петрова списокъ одного стихотворенія Порфирія Кореницкаго оза-

главленнаго „Нехай“, съ слѣдующей замѣткой къ нему уважаемаго профессора:

«Недавно [1]) я получилъ изъ Харькова черновой автографъ небезъизвѣстнаго въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія малорусскаго писателя Порфирія Кореницкаго, заключающій въ себѣ его стихотвореніе «Нехай». Прежнія стихотворенія П. Кореницкаго, помѣщенныя въ альманахъ «Снипъ» и «Ластивка», отличались подражательностію и посредственностію. Вновь найденное теперь стихотвореніе «Нехай», по нашему мнѣнію, болѣе заключаетъ сердечности и оригинальности и, вѣроятно, вызвано обстоятельствами жизни самого автора. Порфирій Кореницкій учился въ харьковской духовной семинаріи, но, вѣроятно, не доучился въ ней, потому-что достигъ въ своей жизни только діаконскаго сана. Свою неудачливость въ жизни Кореницкій и изображаетъ въ данномъ стихотвореніи «Нехай».

Раньше чѣмъ печатать это стихотвореніе, мы попытались добыть хоть кое-какія данныя о жизни П. Кореницкаго, что и удалось намъ получить отъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, сообщающаго свѣдѣнія о немъ со словъ свящ. Мартыновича, бывшаго сотоварища П. Кореницкаго по харьковской семинаріи.

Порфирій Кореницкій—сынъ священника Харьковской губерніи; воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи въ концѣ 30-хъ годовъ. Это былъ выдающійся человѣкъ, прекрасный товарищъ, душа общества, остроумный собесѣдникъ. Пилъ онъ до положенія ризъ въ товарищеской компаніи, воевалъ съ семинарскимъ начальствомъ изъ-за господствовавшихъ въ то время порядковъ и не терпѣлъ схоластической мертвечины въ преподаваніи. Не ошибаясь, можно сказать, что семинарской науки онъ не ставилъ высоко, а потому за учебныя книги почти не брался.

Однимъ изъ первыхъ его произведеній была, по словамъ тогоже свящ. Мартыновича, сатирическая поэма «Куряжъ». Поэма эта ходила въ рукописяхъ среди семинаристовъ и духовенства и, очевидно, погибла въ то время, когда начались розыски со стороны духовныхъ властей, возмущенныхъ ея содержаніемъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые узнавали себя въ поэтическомъ изображеніи, у другихъ шапки загорались, третьи понимали намеки,—однимъ словомъ, всѣ узнавали непригладную картину дѣйствительности, нарисованную сатириче-

[1]) Писано въ ноябрѣ 1895 года.

экимъ взмахомъ невѣдомаго смѣльчака. Тѣ, кому желательно было-бы вѣдать, очевидно не вѣдали, что такимъ смѣльчакомъ былъ Кореницкій,—и онъ оставался въ семинаріи, продолжая попрежнему упражняться въ сочинительствѣ и потѣшая устроумными экспромптами товарищей. Наконецъ чаша переполнилась—и П. Кореницкій былъ исключенъ изъ семинаріи, будучи на 4-мъ или на 5-мъ курсѣ. Разсказываютъ, что когда онъ въ послѣдній разъ, получивъ уже увольнительное свидѣтельство, шелъ по корридорамъ семинарскимъ и увидѣлъ передъ собой дверь ректорской квартиры, у него мелькнуло въ головѣ: «треба виддячыты»! Нащупавъ въ карманѣ кусокъ мѣла, онъ написалъ на дверяхъ квартиры слѣдующій экспромптъ:

«Оттутъ цилисенька симья—
Сирко, рябко та цуцыня».

А въ квартирѣ этой жили: самъ ректоръ, его секретарь—рябой, весь изрытый оспой человѣкъ, и мальчуганъ-келейникъ, находившійся у нихъ на послугахъ. При встрѣчѣ съ товарищами, самъ Кореницкій потомъ разсказалъ, что это онъ оставилъ «невелычку дяку, бо бильшои николы було».

По выходѣ изъ семинаріи, Кореницкій влачилъ горькое существованіе безпріютнаго бурлака, но какъ долго—неизвѣстно; знаемъ только, что онъ женился потомъ и получилъ діаконское мѣсто въ одномъ изъ харьковскихъ городскихъ приходовъ. Вообще, жизнь его была во всѣхъ отношеніяхъ тяжела; иначе чѣмъ объяснить его дальнѣйшее поведеніе: онъ запилъ мертвую, запилъ безъ просыпу. Эта несчастная страсть и свела его преждевременно въ могилу. Однажды, въ жестокіе крещенскіе морозы отправился онъ въ харьковскій пригородокъ Сокольники, гдѣ продавалась «дешева горилка»; напился тамъ и на возвратномъ пути замерзъ. Вотъ эта-то жизнь неудачника и сказалась въ его стихотвореніи «Нехай».

Нехай мене Господь карае,
Нехай мене не пусте въ рай,
Нехай не дасть, що обищае,
Нехай я буду выбрытай. [1])

—

[1]) Отверженный.

Нехай уси карають гублять,
Нехай сміются до гриху,
Нехай корять мене и глумлять,
Нехай и плачуть до смиху:

—

Я не заплачу—засміюся.
Дивчына е—такъ що казать?
Сміюсь, никого не боюся.
Дивчына йе—такъ буду цилувать!

—

О, знаю! плакаты я буду цилый викъ,
Бо я вродывсь соби несчастный чоловикъ,
Такый, якого ще не бачывъ свитъ на свити,
Якого горе ще не бачыло въ прымити,

—

Якого зъ вашой мылости не бачывъ въ свити всякъ;
Бо я що-день, що ничъ все плачу такъ,
И викъ свій коротаты-изнываты
И слёзы сыроты безвынно пролыватьт.

—

О, гирко мни на свити жыты!
О гирко викъ мій коротать!
О, гирко жызнь свою нудыты!
О, гирко зло мни спомынать!

П. Кореницкій.

Орхатовъ.

—

Признаться надо, что стихотвореніе это очень слабенькое, и мы никакъ не можемъ согласиться со словами проф. Н. И. Петрова, что оно выше „Вечерныць" и особенно басни «Панько та верства». Если и стоило его напечатать, то исключительно какъ страничку изъ жизни неудачника-человѣка, свои культурныя способности внесшаго отчасти въ нашу, небогатую еще въ тѣ годы, сокровищницу малорусской музы.

В. Науменко.

Истребленіе древняго замка въ Подоліи. Когда на недавнемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ шла рѣчь о невѣжественномъ истребленіи памятниковъ старины въ нашемъ краѣ, то, въ числѣ другихъ жертвъ подобнаго вандализма, былъ названъ и замокъ въ м. Зиньковѣ, летич. у. подольск. губ. Болѣе 400 лѣтъ нерушимо стояла эта подольская твердыня, видѣвшая не разъ подъ своими стѣнами и татаръ, и турокъ, и козаковъ, и еще такъ недавно гордо высились ея вѣковѣчныя башни, а теперь отъ нихъ не осталось и камня на камнѣ. Да будетъ же почтенъ этотъ многовѣковой свидѣтель минувшаго хотя краткимъ некрологомъ!

Зиньковъ принадлежитъ безспорно къ древнѣйшимъ поселеніямъ нашего Подолья; его происхожденіе теряется во мракѣ вѣковъ. Достовѣрная исторія Зинькова начинается лишь со 2-й четверти XV ст., когда онъ былъ пожалованъ королемъ Владиславомъ II, въ награду за военныя заслуги, Петру Одровонжу, первому подольскому воеводѣ. Онъ-то и построилъ здѣсь на высокой горѣ каменный замокъ, окружилъ его рвами, снабдилъ значительнымъ гарнизономъ, а у подножія горы, подъ его защитой, построилъ каменный костелъ и такую же церковь (св. Троицы), существующіе и до настоящаго времени. Съ тѣхъ поръ Зиньковскій замокъ становится грозой для татаръ. Въ 1453 г. Зиньковскій староста Лащъ, вмѣстѣ съ Межибожскимъ и Летичевскимъ старостами, разгромили татарскую орду подъ Теребовлемъ и отбили у нея около 9,000 плѣнниковъ. Въ 1516 г. другой Зиньковскій староста Якубъ Сецыгнёвскій поразилъ татаръ подъ стѣнами своего замка, а въ 1524 г. турки, въ числѣ 12,000, сожгли Зиньковъ и околицы, но овладѣть замкомъ не были въ силахъ. Въ концѣ XVI ст. Зиньковъ по наслѣдству переходитъ въ родъ Сѣнявскихъ, которые много сдѣлали для укрѣпленія здѣшняго замка. Въ эпоху турецкаго господства въ Подоліи Зиньковскій замокъ недолгое время побывалъ въ рукахъ Турокъ, которые его обновили и укрѣпили, почему онъ до послѣднихъ временъ своего существованія извѣстенъ былъ въ устахъ народа подъ именемъ „турецкаго" замка. Въ XVIII ст., за прекращеніемъ рода Сѣнявскихъ, Зиньковъ достается князьямъ Чарторыйскимъ и затѣмъ Виртембергскимъ, а въ 1831 году путемъ конфискаціи переходитъ въ казну.

По присоединеніи Подолья къ Россіи, замокъ Зиньковскій потерялъ, конечно, военное значеніе; но онъ былъ построенъ изъ такого прочнаго матеріала (мѣстнаго камня) и такъ солидно, что могъ

бы еще долгіе вѣка, безъ ремонта, противостоять разрушительному вліянію времени и стихій. Еще въ 1870-хъ годахъ были совершенно цѣлы въ немъ два величественныхъ бастіона, съ окружающими ихъ массивными каменными стѣнами, а на въѣздной башнѣ красовался гербъ Сѣнявскихъ. Но въ эпоху введенія уставныхъ грамотъ мѣстность, гдѣ стоялъ замокъ, отошла въ надѣлъ крестьянамъ,—и это послужило началомъ его гибели. Крестьяне первымъ дѣломъ истребили окружавшій его вѣковой лѣсъ, а затѣмъ принялись понемногу разрушать и замокъ. Въ прошломъ году намъ пришлось побывать въ Зиньковѣ, и мы были свидѣтелями такой картины: на верхней площади горнаго мыса, гдѣ стоялъ замокъ, рабочіе раскапывали его фундаменты и добывали оттуда каменныя глыбы, которыя складывали затѣмъ въ правильные ярусы. Вся надземная часть замка была такимъ образомъ уже уничтожена, оставались только подземные подвалы главнаго бастіона, выходившіе въ сторону обрыва нѣсколькими ярусами. Изъ расспросовъ выяснилось, что эту вандальскую работу предпринялъ одинъ мѣщанинъ, пріобрѣтшій на то право отъ крестьянскаго общества; добытый же такимъ способомъ камень онъ продаетъ, какъ строительный матеріалъ, изъ котораго въ мѣстечкѣ уже построено нѣсколько домовъ. Все это дѣлается вполнѣ открыто, на глазахъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ властей,—и никому не приходитъ въ голову, что здѣсь совершается вопіющее преступленіе не только противъ интересовъ науки археологіи, но и въ юридическомъ смыслѣ преступленіе государственныхъ законовъ, принимающихъ подъ свою охрану монументальные памятники древности.

Въ нашемъ краѣ еще сохранилось нѣсколько древнихъ замковъ. Нѣкоторые изъ нихъ (наприм., въ с. Сутковцахъ, летич. у.) стоятъ на крестьянскихъ земляхъ, слѣдовательно, находятся въ столь же опасномъ положеніи, какъ и бывшій Зиньковскій замокъ. Пока что, крестьяне ихъ оставляютъ въ покоѣ; но явится нужда въ строительномъ матеріалѣ—и они моментально обратятся въ каменоломни. Пусть же печальная участь Зиньковскаго замка послужитъ урокомъ и предостереженіемъ для тѣхъ, кто имѣетъ власть и силу не допустить повторенія подобнаго вандализма.

Ор. Левицкій.

Богданъ Залѣскій и Гоголь. Въ «Gaz. Lwow.» (№ 218) находимъ слѣд. замѣтку. Богданъ Залѣскій познакомился съ Гоголемъ въ Парижѣ весною 1833 или 1834 года. Богданъ Залѣскій жилъ въ Севре и оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гоголемъ все время своего пребыванія тамъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Потомъ они встрѣтились еще разъ въ Римѣ, когда Гоголь былъ уже подъ вліяніемъ Василія Жуковскаго. Въ свое путешествіе въ Іерусалимъ Богданъ Залѣскій разминулся съ нимъ въ Либани. Много подробностей о Гоголѣ сообщили Залѣскому его племянникъ Галаганъ (?) и профессоръ Погодинъ, но эти подробности, хотя и интересныя, не были утѣшительны, какъ сообщаетъ Залѣскій.

Однажды, не заставши Залѣскаго въ Севре, Гоголь оставилъ ему слѣдующую записочку.

«Дуже-дуже було жалко, що не заставъ пана земляка дома. Чувавъ, що на пана щось напало—не то *сояшныця*, не то *завійныця* (хай ій прыснытся лысый дидько), та теперъ спасибо Богови кажуть начей то панъ зовсимъ здоровъ. Дай же Боже, щобъ на довго, на славу усій козацкій земли дававъ бы чернецького хлиба усякій болизни и злыднямъ. Та й насъ бы не забувавъ, пысульки въ Рымъ славъ. Добре бъ було, колы бъ и самъ туды колы небудь прымандрувавъ. Дуже, дуже блызькый землякъ, а по серцю ще блыжчый чимъ по земли». Мыкола Гоголь.

Н. И. Гулакъ. (*Некрологъ*). Въ нынѣшнемъ году, 26-го мая, скончался въ гор. Елисаветполѣ, въ возрастѣ 77 лѣтъ, статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Гулакъ, бывшій учитель тифлисской 1-ой гимназіи. Судьба Николая Ивановича замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Окончивъ курсъ дерптскаго (нынѣ юрьевскаго) университета, со степенью кандидата, и поступивъ, какъ уроженецъ юга Россіи (Херс. губ.), на службу въ 1845 г. въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, онъ принялъ участіе въ извѣстномъ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ. Тогда усмотрѣли въ стремленіяхъ общества много предосудительнаго, и Н. И. былъ заключенъ въ шлиссельбургскую крѣпость на 3 года. Отбывъ наказаніе, Николай Ивановичъ былъ отправленъ въ гор. Пермь,

подъ надзоръ полиціи, но черезъ годъ ему было разрѣшено поступить на службу въ пермскій статистическій комитетъ, а черезъ 8 лѣтъ онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, къ которой чувствовалъ внутреннее влеченіе.

Николай Ивановичъ былъ человѣкъ широкаго европейскаго образованія и, можно сказать, большой учености. Онъ владѣлъ нѣсколькими языками, древними и новыми, и хотя по образованію былъ математикъ, но по спеціальнымъ своимъ занятіямъ обнаруживалъ наклонность къ лингвистикѣ. Въ своей молодости Н. И. Гулакъ отличался общительностью, экспансивностью своей натуры, но въ пожиломъ возрастѣ сталъ искать уединенія, замкнулся въ самомъ себѣ и велъ чисто кабинетную жизнь, посвящая время чтенію или ученымъ занятіямъ. Благороднымъ своимъ характеромъ, вѣрностью данному слову, а также отзывчивостью на чужое горе онъ снискалъ себѣ любовь товарищей и привязанность своихъ учениковъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые умѣли цѣнить глубину его знаній и соединенную съ ней широту взглядовъ. (Кавк.)

Объ изданіи переписки И. И. Срезневскаго. Въ виду предполагаемаго Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ изданія переписки академика И. И. Срезневскаго, чрезвычайно желательно получить свѣдѣнія о бумагахъ нѣкоторыхъ изъ его корреспондентовъ, письма къ которымъ не имѣются въ распоряженіи редакціи. Стремясь къ наибольшей полнотѣ изданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ включенію въ него только самаго цѣннаго по строгому выбору, Академія Наукъ обращается съ усердною просьбой о содѣйствіи ко всѣмъ, имѣющимъ возможность сообщить какія бы то ни было свѣдѣнія относительно бумагъ слѣдующихъ лицъ:

В. Г. Анастасевича, В. П. Андросова, А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго, Н. В. Берга, И. Вагилевича, И. Ѳ. Головацкаго, С. И. Гуляева, В. И. Даля, П. П. Дубровскаго, К. В. Запа (K. Zap), Іордана (J. Jordan), Н. В. Калачова, В. С. Караджича, М. Т. Каченовскаго, К. Кузмани (K.Kuzmany), П. А. Лавровскаго, арх. Леонида, М. А. Максимовича, В. В. Макушева, И. М. Мартынова, В. Мацѣевскаго, А. Л. Метлинскаго, Ф. Миклошича (F. Miklošič), С. П. Микуцкаго, И. И. Носовича, Ѳ. Павловича, Д. В. Полѣнова, Я.

Пуркини (J. Purkyně), П. Н. Рыбникова, В. Станка (V. Stanek), П Тирола, архіеп. Филарета (Черниговскаго), Ф. Челяковскаго (Fr. L Čelakovsky), Л. Штура (L. Štur), П. Шафарика (P. J. Šafarik).

Матеріалы просятъ доставлять въ 1-ое отдѣленіе библіотеки Императорской Академіи Наукъ Всеволоду Измаиловичу Срезневскому.

Поправка. Въ сентябрьской книгѣ «Кіевской Старины», въ статьѣ *Н. Ш—рова* «У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго» слѣдуетъ исправить слѣдующія опечатки:

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
357	7 сн.	1897	1847
—	6 сн.	принадлежалъ	принадлежитъ
359	2 св.	мудрѣйше	мудрѣйша
363	2 сн.	пустымъ	простымъ
368	19 св.	окончено	скинчено
369	16 св.	начальнаго	начатаго
370	10 сн.	незнакому	незнаному
375	15 св.	симпатію	симпатіи
376	7 св.	не забудь	не забудуть.

Текущія извѣстія.

Дневникъ А. А. Скальковскаго. По сообщенію «Одесск. Листка» (№ 222), послѣ смерти А. А. Скальковскаго, скончавшагося въ Одессѣ въ концѣ прошлаго года на 92-мъ году жизни, остался интересный дневникъ его за 60 лѣтъ, весьма важный документъ для исторіи общественной жизни въ Одессѣ и вообще въ Южной Россіи. Въ настоящее время сынъ покойнаго, К. А. Скальковскій, какъ сообщаетъ «Петерб. Газ»., занятъ составленіемъ біографіи своего отца и изданіемъ его переписки.

Цѣнные архивы. При нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ Харьковской губерніи имѣются архивы, въ которыхъ, какъ говорятъ, при тщательномъ изслѣдованіи, можно найти весьма рѣдкіе и цѣнные документы глубокой старины. Между прочимъ, въ архивѣ Бурлуцкаго волостного правленія, Волчанскаго уѣзда, хранится не мало всякаго рода дѣлъ и бумагъ, относящихся къ устройству бывшихъ военныхъ поселеній въ харьковской губерніи. Прочіе цѣнные документы можно встрѣтить въ архивахъ волостныхъ правленій Змiевскаго, Изюмскаго и Ахтырскаго уѣздовъ. Было бы желательно, чтобы изслѣдованіе всѣхъ этихъ интересныхъ архивовъ было поручено людямъ болѣе или менѣе компетентнымъ. (Южн. Край, № 6381).

Цѣнные архивные документы. Въ архивѣ полтавской губернской земской управы на дняхъ найдены любопытныя въ историческомъ отношеніи грамоты, выданныя на имя малороссійскаго бунчуковаго Антона Жайворонка и подписанныя частью Императрицей Екатериной и частью малороссійскимъ гетманомъ графомъ К. Разумовскимъ. Грамоты эти относятся къ 1754, 1762 и 1774 г. г. Всѣ подписи и печати на грамотахъ сохранились отчетливо и ясно. Найденные документы переданы въ архивъ губ. зем. управы послѣ упраздненія существовавшаго нѣкогда въ Полтавѣ приказа общественнаго призрѣнія.

Весьма возможно, что въ архивѣ полтав. губ. земства имѣются и другіе еще болѣе цѣнные историческіе документы, поэтому было бы желательно, чтобы изслѣдователи малорусской старины и малорусскаго края обратили на упомянутый архивъ свое вниманіе. (Полт. Губ. Вѣд. № 162).

Интересные документы. При приведеніи въ порядокъ архива кіевскаго городского общественнаго управленія, архиваріусъ Татаровъ нашелъ нѣкоторые интересные историческіе документы, перечисленные въ описи бумагъ городского архива. Въ числѣ этихъ документовъ находятся: грамота патріарха московскаго Адріана, помѣченная 26 апрѣля 1699 года, грамоты польскихъ королей: Стефана—отъ 1576 года, Владислава—1641 г., Сигизмунда III—1576 г.; подлинные универсалы: гетмана запорожскихъ войскъ Богдана Хмельницкаго съ

1652 по 1657 годъ, гетмана Юрія Хмельницкаго съ 1657 года по 1660 годъ и Ивана Мазепы съ 1687 по 1709 годъ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ сохранились въ подлинникахъ и снабжены гетманскою и другими печатями, другіе документы представляютъ копіи. По словамъ архиваріуса, въ архивѣ имѣется еще нѣсколько пачекъ неразобранныхъ имъ разныхъ историческихъ документовъ. Почти всѣ грамоты сохранились прекрасно. («Кіевл.»)

«Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». Объ этомъ обществѣ мы упоминали въ № 1, стр. 26, № 2, стр. 89—90, № 4, стр. 26—27. Правленіе разсылаетъ теперь печатныя извѣщенія объ открытіи общества, въ которыхъ говоритъ о работѣ, наиболѣе необходимой вначалѣ: популяризація научныхъ и утилитарныхъ свѣдѣній на народномъ языкѣ; изданіе книжекъ религіозно-нравственнаго содержанія; изданіе книжекъ о законахъ и распоряженіяхъ правительства въ доступномъ малорусскому народу изложеніи; необходимость изданія своего печатнаго органа. Въ концѣ правленіе приглашаетъ всѣхъ, «кому дороги интересы родного края, его культурное движеніе», помогать обществу, какъ работой, такъ и деньгами. Деньги надо посылать Виктору Вл. Игнатовичу, въ Петербургъ, Государств. банкъ, въ центральную бухгалтерію, а рукописи на имя предсѣдателя (ген. Федоровскій) или секретаря (Е. Гребенюкъ).

На дняхъ вышло изданіе «Благотворительнаго общества»—брошюра «Мале зернятко»; въ скоромъ времени выйдетъ и вторая—«Про городыну».

Столѣтіе Кіевской губернской типографіи. 27 іюля Кіевская губернская типографія праздновала столѣтіе со дня своего открытія. Иниціатива открытія при кіевскомъ губернскомъ правленіи казенной типографіи принадлежитъ кіевскому губернатору генералъ-маіору В. И. Красно-Милешевичу (1795—1799 гг.), съ какою цѣлью въ гор. Махновкѣ (нынѣ мѣстечко, Бердичевскаго уѣзда) была куплена у шляхтича Тадеуша Дерига небольшая типографія; первый печатный оттискъ этой типографіи былъ выпущенъ 27 іюля 1799 г. Цензуру изданій, выходившихъ въ то время изъ губернской типографіи, вѣдалъ, главнымъ образомъ, виленскій университетъ. Въ срединѣ 30-хъ

годовъ Кіевъ значительно выросъ. Будучи всегда центромъ религіознымъ, онъ къ тому времени сдѣлался и центромъ просвѣщенія Юго-Западнаго края, сосредоточивъ въ себѣ въ то же время и главныя торговыя нити послѣдняго, благодаря перенесенію въ Кіевъ контрактовой ярмарки изъ города Дубно. Все это мало-по-малу создало потребность въ мѣстномъ періодическомъ изданіи. И вотъ, идя навстрѣчу требованіямъ жизни, губернское правленіе задумало издавать при своей типографіи газету. Соотвѣтственное разрѣшеніе послѣдовало со стороны генералъ-губернатора 27 декабря 1835 года, при чемъ изданію было дано заглавіе «Кіевскія Объявленія». Подписная цѣна на газету установлена была въ размѣрѣ 2 руб. въ годъ. Съ возникновеніемъ газеты начинается и рядъ улучшеній въ губернской типографіи. Съ 1 января 1838 г. существованіе «Кіевскихъ Объявленій» прекратилось, и вмѣсто нихъ стали выходить въ свѣтъ «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», заключая въ неоффиціальной части свѣдѣнія о базарныхъ цѣнахъ, объ ярмаркахъ, о прибывшихъ и выбывшихъ изъ Кіева, о происшествіяхъ и т. д. Въ сороковыхъ годахъ, въ бытность кіевскимъ губернаторомъ И. И. Фундуклея, губернская типографія была значительно расширена и улучшена. Съ 1862 года въ типографіи печатались кіевскія періодическія изданія «Кіевскій Телеграфъ», «Воскресное Чтеніе» и «Труды кіевской духовной академіи».

Въ послѣднее время, благодаря заботамъ кіевскаго губерн. Ѳ. Ѳ. Трепова, въ помѣщеніи типографіи, путемъ ряда перестроекъ, сдѣланы значительныя улучшенія. Введено въ ней и электрическое освѣщеніе. Для учениковъ-же типографіи во дворѣ построена гимнастика. Улучшено также и положеніе служащихъ въ типографіи, гдѣ ежедневно работаетъ въ среднемъ около 60 человѣкъ. (Кіевлян.).

Крупный и рѣдкій даръ. Изъ Бучача сообщаютъ въ газ. «Дило», что умершій тамъ отставной капитанъ мѣстной охраны (obrony krajowej) *Янъ Оберцъ* завѣщалъ все свое имущество, до 40.000 злот. ренс. (32.000 руб.), на пособія недостаточнымъ ученикамъ *обѣихъ народностей* христіанскаго вѣроисповѣданія (т. е. русиновъ и поляковъ), посѣщающимъ народныя школы и гимназію въ Бучачѣ. (Gazeta Lwowska, 182).

Казенная поставка розогъ. Одному изъ сотрудниковъ «Кіевл» удалось видѣть интересный документъ, относящійся къ эпохѣ процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній. Это—постановленіе кіевскаго губернскаго правленія отъ 8 апрѣля 1849 года. Въ постановленіи говорится слѣдующее.

«Присутствіе губернскаго правленія слушало два отношенія губернскихъ правленій: одно таврическаго, отъ 5 февраля, а другое херсонскаго, отъ 25 февраля, въ коихъ, изъяснивъ, что въ Таврической и Херсонской губерніяхъ нѣтъ березовыхъ рощъ, изъ которыхъ бы можно заготовлять розги для наказанія преступниковъ, просятъ сіе правленіе увѣдомить, могутъ ли быть заготовляемы въ Кіевской губерніи ежегодно для таврической, до 9.000, и для Херсонской до 20,000 пучковъ березовыхъ розгъ и во что обойдется поставка первыхъ въ Симферополь, а послѣднихъ въ Херсонъ; приказали предписать всѣмъ градскимъ и земскимъ полиціямъ Кіевской губерніи, а также уѣзднымъ стряпчимъ, по собраніи изъ-подъ руки нужныхъ свѣдѣній и сообразясь съ мѣстными удобствами, донести губернскому правленію, можетъ ли быть заготовлено ежегодно прописанное количество розгъ для Таврической и Херсонской губерній, какимъ порядкомъ удобнѣе производить такое заготовленіе и доставку оныхъ и во что обойдется какъ заготовленіе, такъ и доставка оныхъ».

Водяныя мельницы—виновницы быстраго теченія Днѣпра. Въ «Кіевл.» разсказывается про интересный историческій документъ, найденный въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія. Какъ сообщаетъ газета, всякій, кому приходилось ѣхать на пароходѣ по Днѣпру, могъ видѣть у обоихъ береговъ его множество наплавныхъ мельницъ и сукноваленъ. Мельницы эти, основаніемъ которыхъ всегда служатъ двѣ грубо сколоченныя барки, ставятся обыкновенно у прижимистаго берега, т. е. у того берега, у котораго проходитъ главная струя меженныхъ водъ, такъ какъ чѣмъ сильнѣе теченіе, тѣмъ быстрѣе ворочаются и мельничныя колеса. Мельницы такія существуютъ на Днѣпрѣ очень давно. Существовали онѣ, между прочимъ, и въ Кіевѣ въ срединѣ прошлаго вѣка. Стояли онѣ въ то время у праваго берега рѣки, подъ горой, на которой возвышается монастырь Кіево-Печерской лавры, такъ какъ именно здѣсь тогда было очень силь-

ное теченіе. Происходило-же послѣднее вслѣдствіе того, что въ то время главное теченіе Днѣпра, выходя изъ устья Чертороя, противъ Аскольдовой могилы, направлялось къ правому вогнутому берегу рѣки. И вотъ къ этому именно времени относится слѣдующій интересный документъ, извлеченный изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, хорошо характеризующій нашихъ гидротехниковъ того времени. Въ бытность въ 1744 году Императрицы Елисаветы Петровны въ Кіевѣ, Государынѣ приходилось выслушивать много жалобъ на сердитое теченіе Днѣпра подъ Кіевомъ. Между прочимъ, монахи Кіево-Печерской лавры, въ виду того, что гора, на которой стоитъ монастырь, изъ года въ годъ все усиливающимся теченіемъ подмывалась, опасались за цѣлость восточной монастырской стѣны. На вопросъ Императрицы о причинѣ этого явленія, тѣ, кому это вѣдать надлежало, ничтоже сумняшеся, объяснили ей, что всему виной здѣсь наплавныя мельницы, причаленныя къ правому берегу, которыя и создаютъ сильное теченіе. Довѣрившись этимъ объясненіямъ, Елисавета Петровна въ 1745 году издала слѣдующій указъ кіевскому генералъ-губернатору, который мы и приведемъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ орѳографіи.

«Указъ нашему генералу и генералъ-губернатору, Леонтьеву.

«Въ бытность нашу въ Кіевѣ усмотрѣно: рѣка Днѣпръ теченіе свое взяла подъ самыми Кіевскими горами и отъ великаго стремленія тѣ горы, а паче гдѣ угодники Божіи въ пещерахъ преопочиваютъ, вредитъ и осыпаетъ. А какъ извѣстно оная склонность воды отъ большой части учинилась со времени того, когда мельницы отъ здѣшней стороны къ нагорной переведены и употребляютця; того ради повелѣваемъ вамъ, по полученіи сего Нашего указу, тотчасъ всѣ тѣ мельницы, которые по Кіевскому берегу поставлены, съ тѣхъ мѣстъ свесть по прежнему на здѣшнюю сторону, дабы ни одной на томъ берегу не осталось».

«Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Елисаветъ». 10-го мая 1745 года в. Сантъ-Петербурхе».

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. Какъ видно, Полтавцы и понынѣ не пришли къ окончательному рѣшенію, гдѣ поставить памятникъ И. П. Котляревскому. Такъ, въ № 160 «Полтав-

скихъ Губ. Вѣд.» сообщается, что артисты гостящаго малорусскаго товарищества, гг. Карпенко-Карый, Садовскій и Саксаганскій, по приглашенію городского головы В. П. Трегубова, совмѣстно съ послѣднимъ и нѣкоторыми гласными городской думы, осматривали мѣста, намѣченныя для памятника Котляревскому. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ мѣстъ малорусскіе артисты признали наиболѣе подходящимъ для памятника площадку у строющагося зданія народной аудиторіи, исходя изъ того соображенія, что въ этомъ мѣстѣ памятникъ будетъ находиться на глазахъ публики чаще, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Въ городскую управу недавно поступило заявленіе И. А. Зарѣцкаго о сдачѣ ему сооруженія пьедестала для памятника И. П. Котляревскому по проекту архитектора А. И. Ширшова. Пьедесталъ этотъ г. Зарѣцкій берется изготовить изъ приготовляемаго по его указанію. Опошнянскими гончарами твердаго кирпича. Кирпичъ этотъ, по словамъ автора заявленія, выдерживая необходимыя техническія испытанія, допускаетъ какую угодно раскраску и воспроизведеніе самыхъ тонкихъ, рельефныхъ украшеній. За работу по сооруженію пьедестала, съ матеріаломъ и сборкою, г. Зарѣцкій назначаетъ себѣ вознагражденіе въ 3 т. руб. Если проектъ этотъ будетъ принятъ думою, то для испытанія и оцѣнки качества кирпича г. Зарѣцкимъ будутъ представлены надлежащіе образцы. (Полт. Губ. Вѣд. № 163).

Къ исторіи послѣдней любви Тараса Шевченка. Въ тифлисской газетѣ «Кавказъ» г. Н. Макаровъ разсказываетъ извѣстную исторію послѣдней любви Тараса Шевченка къ простой крестьянкѣ Лукерьѣ.

Въ письмѣ къ Макарову, отъ 2 августа 1860 г., сохранившемся въ семейномъ архивѣ, дается очень рѣзкая характеристика Лукерьи.

«Милый другъ мой, Николай Яковлевичъ, говорится въ письмѣ. Желалъ бы, чтобы первое письмо, которое вы прочитаете, было мое, а не другія. Вы сами угадаете—почему. Неожиданность предложенія нашего бѣднаго поэта поразитъ ваши нервы,—въ этомъ я не сомнѣваюсь. Дѣйствительно, для Тараса Григорьевича нѣтъ другого выхода, какъ жениться на простой дѣвушкѣ и поселиться у себя на хуторѣ, но выборъ его едва ли можетъ принести счастье имъ обоимъ. Лукерья—умна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: но она видитъ въ Тарасѣ Григорьевичѣ не болѣе, какъ будущаго стараго мужа, который заве-

зетъ ее куда то, куда ей вовсе не хочется, и она такъ мало надѣется быть довольной и счастливой, что не чувствуетъ къ нему даже признательности. Она—натура эгоистическая, которая никогда не оцѣнитъ того, что въ Тарасѣ Григорьевичѣ есть хорошаго, и вполнѣ пойметъ всѣ недостатки его, какъ мужа. Ей хочется пожить, погулять, и если ужъ выходить замужъ за стараго Тараса, то развѣ съ тѣмъ, чтобъ жить паніей. А ему вовсе не то представляется, не того хочется! Когда онъ мнѣ впервые сказалъ о своемъ предложеніи, я одобрилъ его намѣреніе—жениться на простой селянкѣ, но въ отношеніи къ Лукерьѣ я высказалъ ему свои сомнѣнія».

Къ возстановленію владиміро-волынскаго Мстиславова храма. Лѣтомъ нынѣшняго года работы по возстановленію этого храма вчернѣ окончены, т. е. выведены стѣны, и кровли покрыты желѣзомъ. Къ сожалѣнію, древнія формы храма подверглись при этомъ существенному измѣненію: вмѣсто пятиглаваго, какимъ несомнѣнно былъ древній Мстиславовъ храмъ, теперь воздвигнутъ одноглавый; въ формѣ купола, въ разрѣзахъ оконъ, въ разныхъ архитектурныхъ украшеніяхъ намѣренно допущено подражаніе стилю сѣвернорусскому, суздальскому, вмѣсто болѣе естественнаго—кіевскаго. По частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что, во время производства работъ, въ одной стѣнѣ нашли замурованную руку, но въ печать свѣдѣніе объ этой находкѣ почему-то не проникло.

За израсходованіемъ суммъ, отпущенныхъ на возстановленіе храма, работы прекращены; по смѣтѣ же на внутреннюю отдѣлку требуется еще до 40.000 р., въ виду чего св. Синодъ постановилъ 15-го минувшаго августа произвести повсемѣстно по церквамъ кружечный сборъ на окончательныя работы по возстановленію означеннаго храма.

Освѣщеніе памятника на могилѣ Л. Глѣбова. Вечеромъ, 30-го іюня, въ оградѣ Черниговскаго Троицкаго монастыря собралась группа людей, явившаяся присутствовать при освященіи надгробнаго памятника на могилѣ извѣстнаго украинскаго баснописца Леонида Глѣбова. Все это были почитатели таланта покойнаго и его привлекательной личности. Скромный мраморный бѣлый памятникъ съ крестомъ

вверху исполненъ Риццолатти въ Кіевѣ. На лицевой сторонѣ памятника помѣщенъ прекрасно исполненный на фарфорѣ, изготовленный въ Вѣнѣ, портретъ поэта и подъ нимъ надпись: «Леонид Глібов, поет-байкарь. Народився 19 лютого 1827. Умеръ 29 жовтня 1893». Съ противоположной стороны отрывокъ изъ стихотворенія г. В. Самійленка, прочитаннаго на похоронахъ Глѣбова.

200-лѣтіе освобожденія Подоліи отъ турецкаго владычества. Въ воскресенье, 12-го сентября, исполнилось ровно 200 лѣтъ съ того времени какъ Каменецъ-Подольскій, а вмѣстѣ съ нимъ и вся Подолія, освободились отъ владычества турокъ и перешли во власть Польши.

Въ этотъ день въ 1699 году выступали изъ города послѣдніе отряды турецкаго войска и чрезъ Турецкій мостъ и Подзамче направились къ Жванцу, а въ городъ вошло польское войско. Въ этотъ день состоялось освѣщеніе Каменецкаго каѳедральнаго костела, оскверненнаго басурманами, и совершено было первое благодарственное моленіе по случаю избавленія отъ ига турецкаго.

27 лѣтъ (1672—1699) въ Каменцѣ хозяйничали турки и за это время опустошили городъ до неузнаваемости. Желая какъ можно прочнѣе утвердиться въ Подоліи, они обратили все свое вниманіе на укрѣпленіе Каменца, какъ важнѣйшаго въ то время стратегическаго пункта, вовсе не заботясь о населеніи города. Для этой цѣли не щадили ни рабочихъ силъ, ни строевого матеріала. Разрушая городскіе дома, зданія и святыни, они исправляли поврежденныя во время штурма старыя башни и воздвигали новыя укрѣпленія. За время владѣнія Подоліей турки привели въ полный порядокъ каменецкій замокъ, въ которомъ въ настоящее время помѣщается исправительное арестантское отдѣленіе; построили массивный каменный такъ называемый Турецкій мостъ, который соединяетъ старый городъ съ Подзамчемъ; оградили городъ укрѣпленными стѣнами; нѣкоторые городскіе бастіоны до сихъ поръ еще угрюмо стоятъ подъ Смотричемъ, напоминая современникамъ о давно минувшихъ судьбахъ стараго города Коріатовичей. Городскія укрѣпленія доведены были турками, можно сказать, до совершенства. Но городъ за это время опустѣлъ. Христіанское населеніе принуждено было бѣжать изъ города, такъ

что къ концу турецкаго владычества на улицахъ Каменца съ трудомъ можно было встрѣтить христіанина.

Возвратившіеся послѣ ухода турокъ прежніе обыватели съ трудомъ отыскивали въ Каменцѣ свои старыя гнѣзда. Въ городѣ многое измѣнилось: дома были разрушены, многія усадьбы представляли изъ себя пепелища или руины. Въ томъ же видѣ въ 1699 году Каменецъ возвращенъ былъ Польшѣ. (Подол. Губ. Вѣд. № 194).

Библіографія.

Палеографическій изборникъ. *Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв., изданные Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Выпускъ I. Кіевъ 1899.*

Новое изданіе кіевской археографической коммиссіи, выходъ котораго былъ пріуроченъ къ XI археологическому съѣзду, представляетъ большой интересъ для всякаго занимающагося архивнымъ дѣломъ. Это изданіе заключаетъ богатое собраніе фототипическихъ снимковъ съ южно-русскихъ рукописей (всего 81 снимокъ на 20 таблицахъ большого формата—in folio) и даетъ возможность прослѣдить послѣдовательныя измѣненія южно-русскихъ почерковъ, начиная отъ послѣднихъ образчиковъ полууставного письма и оканчивая скорописными почерками XVIII в.

Интересъ книги увеличивается предисловіемъ редактора изданія, извѣстнаго знатока архивнаго дѣла И. М. Каманина. Предисловіе это представляетъ цѣлую монографію по исторіи южно-русскаго письма и, сколько намъ извѣстно, составляетъ результатъ двадцатипятилѣтней работы автора въ состоящемъ подъ его завѣдываніемъ Кіевскомъ центральномъ архивѣ.

Указавъ на важное значеніе палеографіи въ научномъ и практическомъ отношеніи, г. К. довольно мрачными красками рисуетъ состояніе палеографическихъ знаній въ Россіи: «Разработка палеографіи, говоритъ онъ, только что началась; сколько-нибудь изучены лишь болѣе отдаленные вѣка русской письменности; но и тамъ это изученіе не идетъ далѣе собиранія и описанія сырого матеріала, и

при томъ безъ ясно и точно выработанной системы. Собираніе и описаніе палеографическаго матеріала доведено лишь до XIV—XV в., т. е. до времени образованія скорописи».

Задача настоящаго изслѣдованія—до нѣкоторой степени пополнить этотъ пробѣлъ изученіемъ южно-русской скорописи XV—XVIII в., «на небольшой территоріи юго-западнаго края и ближайшихъ мѣстъ на лѣвомъ берегу Днѣпра» (районъ, къ которому относятся изслѣдованные авторомъ документы кіевскаго центральнаго архива). Въ настоящемъ, первомъ, выпускѣ г. К. разсматриваетъ одни только русскіе почерки, не касаясь почерковъ польскихъ и латинскихъ, встрѣчающихся въ актовыхъ книгахъ центральнаго архива.

Основная мысль изслѣдованія г. К. заключается въ томъ, что исторія южно-русскаго письма служитъ отраженіемъ политической исторіи южной Россіи. «Южно-русское письмо, говоритъ онъ, пережило нѣсколько чуждыхъ вліяній вмѣстѣ съ населеніемъ, при измѣнявшихся политическихъ условіяхъ и отношеніяхъ». Поэтому исторія южно-русскаго письма можетъ быть раздѣлена на четыре періода, совпадающіе съ главными періодами политической и культурной жизни южно-русскаго племени. Первый періодъ совпадаетъ съ эпохой культурной самостоятельности южно-русскаго населенія подъ властью великихъ князей литовскихъ (до люблинской уніи); господствующимъ почеркомъ этого періода является «уставная скоропись, представляющая значительное сходство съ стариннымъ русскимъ полууставомъ. Второй періодъ обнимаетъ вторую половину XVI в., т. е. время особенно интенсивнаго вліянія польской культуры; почерки этого періода утрачиваютъ свой національный характеръ и принимаютъ особенности готическаго (латинскаго) письма. Третій періодъ совпадаетъ съ возникновеніемъ и развитіемъ школъ, основанныхъ церковными братствами; почерки этого періода представляютъ сходство съ латинскимъ письмомъ, но различаются по мѣстностямъ въ зависимости отъ вліянія той или другой школы (такъ г. К. различаетъ почерки: острожскій, кіевскій, луцкій, кременецкій, владимірскій, овручскій, житомірскій, чигиринскій). Наконецъ, четвертый и послѣдній періодъ совпадаетъ съ подчиненіемъ Южной Руси сѣвернорусской культурѣ, начинаясьв ъ лѣвобережной Украинѣ съ половины, а въ правобережной—съ конца XVIII в.; почерки этого времени принимаютъ постепенно особенности сѣверно-русскаго письма.

Трудъ г. К., возбудившій интересъ специалистовъ на археологическомъ съѣздѣ, помимо своего научнаго значенія, имѣетъ также и значеніе педагогическое. Настоящее изданіе можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для занимающихся изученіемъ архивнаго матеріала, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые приступаютъ къ этому дѣлу безъ опытнаго руководителя. Можно пожалѣть только, что спѣшность печатанія выпуска не дала возможности приложить къ нему, какъ это предполагалось, нѣсколькихъ таблицъ сводныхъ азбукъ; впрочемъ, г. К. надѣется пополнить этотъ пробѣлъ въ недалекомъ будущемъ.

Внѣшность изданія безукоризненна. Кромѣ прекрасно исполненныхъ фототипическимъ заведеніемъ С. В. Кульженка снимковъ съ рукописей, изданіе украшено четырьмя виньетками, изображающими двѣ группы актовыхъ книгъ и рукописей кіевскаго центральнаго архива и двѣ заставки изъ рукописей XVI и XVIII вв.

В. Щербина.

---

1) **К. Болсуновскій:** *Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края. Кіевъ, 1899 г.*

2) **Его-же:** *Свинцовыя пластинки (пломбы) съ условными знаками церковныхъ праздниковъ. Москва, 1899 г.*

3) **Его-же:** *Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владиміра во время XI-го русскаго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Витрина А: привѣсныя печати и пломбы. Витрина В: жетоны религіозныхъ, благотворительныхъ и ремесленныхъ корпорацій. Кіевъ, 1899 годъ.*

Перечисленными изданіями неутомимый собиратель и изслѣдователь геральдическихъ и нумизматическихъ памятниковъ К. В. Болсуновскій привѣтствовалъ открытіе XI-го археологическаго съѣзда. И первое, и второе изданіе его снабжены каждое двумя таблицами снимковъ печатей и пломбъ. Въ первомъ своемъ трудѣ авторъ, давъ описаніе печатей, представленныхъ на снимкахъ, указываетъ ихъ значеніе, какъ сфрагистическаго матеріала древнихъ родовыхъ знаковъ, возникшихъ изъ мѣтокъ и знаковъ собственности, и какъ геральдическаго матеріала, перешедшаго въ геральдику XVI—XVIII вв., а также какъ памятниковъ забытой иконографіи и граверпаго искусства.

Разсматривая, на основаніи собраннаго матеріала, процессъ образованія гербовъ, авторъ приходитъ къ выводу, что большая часть изъ нихъ, исключая гербовъ князей, духовныхъ лицъ и учрежденій, имѣютъ въ своемъ основаніи инициалы владѣльцевъ или монаграммы ихъ. Это положеніе свое авторъ иллюстрируетъ нѣсколькими примѣрами на приложенныхъ таблицахъ.

Во второмъ своемъ трудѣ К. В. Болсуновскій, изучая знаки на принадлежащихъ ему дрогиченскихъ пломбахъ, приходитъ къ заключенію, что многіе изъ нихъ тождественны съ условными знаками, какія встрѣчаются въ сѣверныхъ рѣзныхъ календаряхъ (зырянскомъ и древне-литовскомъ), и служатъ для обозначенія великихъ и малыхъ праздниковъ въ году, хотя не касается вопроса, не перешли-ли нѣкоторые календарные знаки изъ языческой эпохи. Вообще, пломбы со знаками праздниковъ авторъ считаетъ имѣющими календарный характеръ и усматриваетъ въ нихъ множество прототиповъ древнихъ родовыхъ знаковъ Руси, Литвы и Польши.

Въ третьемъ трудѣ своемъ г. Болсуновскій даетъ каталогъ предметовъ, выставленныхъ имъ въ университетѣ во время археологическаго съѣзда въ двухъ витринахъ; въ одной—выставлены были привѣсныя пломбы и печати, а рядомъ съ ними и другіе предметы, добытые вмѣстѣ съ пломбами и принадлежащіе автору каталога. Для насъ бóльшій интересъ представляетъ вторая витрина, въ которой выставлены цеховые жетоны, жетоны богатыхъ и жетоны бѣдняковъ на право собиранія милостыни и мног. другіе; такимъ образомъ современное обиліе разнаго рода жетоновъ имѣетъ для себя примѣръ, въ прошедшемъ; одинъ же изъ старыхъ жетоновъ—на право прошенія милостыни—слѣдовало бы возстановить и въ наше время.

Въ той же витринѣ г. Болсуновскій выставилъ древнія гири и вѣсы, съ изслѣдованіемъ о которыхъ своевременно были освѣдомлены читатели «Кіевской Старины».

Изъ сказаннаго мы видимъ, что г. Болсуновскій является не только собирателемъ древностей, но и изслѣдователемъ ихъ, что предметы для своей коллекціи онъ подбираетъ и располагаетъ по строго научной системѣ, а это уже одно достаточно обезпечиваетъ какъ важность самой коллекціи, такъ и прочность выводовъ, сдѣланныхъ авторомъ на основаніи изученія принадлежащаго ему научнаго матеріала.

И. Каманинъ

С. Л. Пташицкій. *Князья Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы. Спб. 1899 г.*

Изученіе исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ въ послѣднее время сдѣлало значительные успѣхи; какъ подспорье при обширныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, исторія родовъ имѣетъ, конечно, значеніе, особенно же тѣхъ родовъ, изъ среды которыхъ выходили общественные и государственные дѣятели. По нашему мнѣнію, такая исторія родовъ должна представить, и при томъ подробно, степень и характеръ участія рода и его отдѣльныхъ членовъ въ общественной или политической жизни, дать оцѣнку этого участія и обрисовать каждую личность, имѣвшую историческое значеніе. Такая исторія родовъ не легка и появляется на свѣтъ весьма рѣдко. По большей части къ исторіи родовъ относятъ ихъ генеалогію, которая служитъ не больше, какъ основой для дѣйствительной исторіи. Съ этой точки зрѣнія представляютъ интересъ и работы, подобныя той, заглавіе которой мы выписали выше. Она принадлежитъ лицу, много потрудившемуся въ изслѣдованіи различныхъ историческихъ вопросовъ, и вполнѣ точно имъ квалифицирована, какъ историко-генеалогическій матеріалъ. Родъ князей Пузынъ принадлежитъ къ числу значительныхъ родовъ старой Польши. Происхожденіе этихъ князей, несомнѣнно, западнорусское, но въ настоящее время не можетъ быть съ точностью установлено. Съ конца XVI в. окрѣпло мнѣніе о происхожденіи этого рода отъ князей Козельскихъ и отъ одного родоначальника съ князьями Огинскими. Они владѣли имѣніями въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, и занимали различныя общественныя должности: старостъ, каштеляновъ, стольниковъ, подкоморіевъ, судей и пр., и нерѣдко участвовали въ посольствахъ къ московскимъ государямъ. Они назывались сначала Глазынами; въ концѣ XV в. одинъ изъ рода Глазынъ, Иванъ, бѣжалъ въ Москву; за нимъ укрѣпилось прозвище Пузыны, которое и перешло къ потомству. Отъ этого произошелъ родъ князей Огинскихъ и волынская вѣтвь дворянъ Пузынъ; авторъ разсматриваемаго труда не касается этой вѣтви. Къ генеалогіи Пузынъ приложено 49 актовъ, послужившихъ для ея составленія, и гербъ Огинецъ по Кояловичу и Нѣсецкому.

Вообще, трудъ г. Пташицкаго представляетъ собой строго научное и съ внѣшней стороны весьма изящное изданіе.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года.

Русскій Архивъ №№ 1—6.

Воспоминанія и дневники Адріана Моисеевича Грибовскаго (№ I, стр. 1—2, 1—166). Въ этихъ любопытныхъ запискахъ и дневникахъ, напечатанныхъ теперь гораздо полнѣе, чѣмъ въ 1847 г. въ «Москвитянинѣ», находимъ много мелкихъ, но очень иногда интересныхъ извѣстій о разныхъ лицахъ высокопоставленнаго круга, уроженцевъ Малороссіи, каковымъ былъ и самъ авторъ записокъ, впрочемъ очень недружелюбно относившійся къ своимъ землякамъ, чѣмъ и объясняется характеръ его отзывовъ о нихъ. Такъ, въ «Запискахъ» есть характеристика личностей гр. *Безбородка* (стр. 6—9) и *Д. П. Трощинскаго* (стр. 14), очень субъективная, т. к. она касается лицъ, принадлежавшихъ къ другой партіи при дворѣ; есть тутъ краткія свѣдѣнія о дѣлахъ *польскихъ* въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія (стр. 36—38), о *Новороссіи* (стр. 41—43), объ основаніи Одессы (стр. 43). Среди мелкихъ замѣтокъ отмѣтимъ упоминаніе о «Запискѣ гр. Безбородка о Малороссіи» (стр. 60). Въ «Дневникѣ» есть интересное извѣстіе объ отцѣ гр. Паскевича, поставлявшемъ для казны соль изъ Крыма вмѣстѣ съ своими земляками — полтавцами, при чемъ, благодаря Грибовскому, онъ освобожденъ былъ отъ посылки на каторгу (стр. 75). По этому поводу въ № 2-мъ (стр. 367) кн. А. Щербатовъ, біографъ фельдмаршала Паскевича, дѣлаетъ поправку, считая, что Грибовскій смѣшалъ мѣщанскую фамилію Пасковича съ отцемъ фельдмаршала.

Воспоминанія Н. Д. Богатинова (№ 2, 3, 4, 5, 6). Имя Н. Д. Богатинова хорошо было извѣстно въ Кіевѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, когда онъ былъ здѣсь учителемъ. Воспоминанія этого старожила кіевскаго, казалось-бы, должны для насъ, южанъ, имѣть особенный интересъ, но читатель горько ошибется, разсчитывая найти въ нихъ что-нибудь занимательное: болѣе безсодержательныхъ воспоминаній намъ не приходилось еще встрѣчать въ печати. Нѣкоторыя болѣе интересныя мѣста изъ этихъ воспоминаній были уже перепечатаны въ нашемъ журналѣ (№ 5-й, стр. 66—68, «Кіевъ въ 40 годахъ»). Теперь укажемъ еще на тѣ страницы, гдѣ говорится объ ученіи автора воспоминаній въ гимназіи и университетѣ (№ 6), такъ-какъ тутъ встрѣчается хоть какая-нибудь характеристика лицъ съ

общественнымъ положеніемъ: все-же прочее, можетъ быть, и интересно для ближайшаго семейнаго круга Богатиновыхъ, но не имѣетъ никакого общественнаго значенія.

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. (№ 4). Объ этихъ воспоминаніяхъ см. въ нашемъ журналѣ статью *Н. Ш.* въ № 6-мъ.

Универсалъ князя А. Д. Меншикова (№ 4). О немъ было упомянуто уже у насъ въ № 5-мъ, въ отд. «Библіографія», стр. 103).

Русская Старина №№ 1—6.

Тимощукъ В. В. Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ (№ 1, 2, 3, 4, 5). Это есть подробный пересказъ книги *А. Гиршберга* «Dymitr Samozwaniec. We Lwowie 1898», въ которой разработана исторія этой загадочной личности по новымъ матеріаламъ въ заграничныхъ государственныхъ и частныхъ польскихъ архивахъ. Такъ-какъ въ жизни перваго Самозванца много было моментовъ, связанныхъ съ Малороссіей и въ частности съ Кіевомъ, то естественно, что и данная статья заключаетъ въ себѣ матеріалы, относящіеся къ нашему югу Россіи, главнымъ образомъ въ №№ 1 и 3.

Исаевичъ П. Императоръ Николай 1-й въ Черниговѣ въ 1845 г. (№ 2). Объ этой небольшой статьѣ была уже въ нашемъ журналѣ маленькая замѣтка (см. № 3, отд. «Библіографія», стр. 175). Въ началѣ статьи авторъ рисуетъ краткую картинку неблагоустроеннаго Кіева въ 40-хъ годахъ, а тѣмъ болѣе Чернигова, черезъ который тогда проходилъ почтовый путь изъ Петербурга на Кіевъ. По пути въ Кіевъ, имп. Николай 1-й и долженъ былъ проѣхать черезъ Черниговъ и переправиться черезъ разлившуюся на большое разстояніе Десну. Отецъ автора статьи, П. Исаевичъ, завѣдывалъ переправой, о чемъ и разсказываетъ теперь сынъ его нѣсколько эпизодовъ, связанныхъ съ проѣздомъ имп. Николая 1-го черезъ Черниговъ въ 1845 г., а также въ 1846 г.

Въ статьѣ *Н. Дубровина „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“* (№ 1, 2, 3, 4 и 6) встрѣчаются эпизоды, касающіеся дворянскихъ нравовъ на выборахъ. Такъ, въ Подольской губерніи въ 1808 г. произошли на выборахъ такіе безпорядки, что пришлось призвать полицію, арестовать нѣсколько дворянъ, а губернскаго маршала и вице-

губернатора уволить отъ должности; въ Виленской-же губерніи, въ Тельшевскомъ повѣтѣ, безпорядокъ былъ доведенъ до того, что сорваны были печати съ баллотировочнаго ящика, погашены свѣчи, и списокъ наличныхъ дворянъ унесенъ. Все это было причиной появившихся въ 1805 году дополнительныхъ правилъ для выборовъ въ польскихъ губерніяхъ, при чемъ право избиранія предоставлялось только лицамъ, имѣющимъ извѣстную опредѣленную собственность (№ 3-й, стр. 559—561).

Рескриптъ имп. Александра I новороссійск. губернат. Миклашевскому—о памятникѣ князю Потемкину въ Херсонѣ (№ 4).

В. И. Дурасовъ. «Графъ Мечиславъ Потоцкій въ Саратовѣ» (№ 4). Одинъ изъ польскихъ магнатовъ въ Подольской губерніи, гр. Мечиславъ Потоцкій, за безнравственные и жестокіе поступки былъ въ 1845 году по Высочайшему повелѣнію высланъ на безвыѣздное жительство въ Саратовъ. Нѣсколько очень интересныхъ страничекъ изъ жизни его тамъ и передается въ этой статьѣ.

Историческій Вѣстникъ (№№ 1—6).

С. Адріановъ. Графиня Софія Потоцкая. (№ 2, стр. 426—439). Статья эта составлена не по новымъ матеріаламъ, а исключительно по напечатаннымъ уже, при чемъ въ значительной долѣ въ нее вошли данныя изъ біографіи Потоцкой доктора Антонія (Ролле), въ русскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ «Кіевской Старинѣ» (1887 г. № 1) подъ заглавіемъ «Судьба Красавицы». Разсказъ самъ по себѣ очень интересенъ и читается съ удовольствіемъ.

В. Батуринскій. Черты изъ жизни И. С. Тургенева (№ 3, стр. 887—900). Въ этой статьѣ есть извлеченія изъ любопытныхъ воспоминаній о Тургеневѣ покойнаго проф. М. П. Драгоманова, помѣщенныхъ въ 1885 г. въ итальянскомъ журналѣ «Rivista Politica et Letteraria». Здѣсь передано нѣсколько встрѣчъ автора воспоминаній съ Тургеневымъ, изъ которыхъ болѣе другихъ интересна встрѣча на литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ (въ 1878 году), когда между прочимъ Тургеневъ прочелъ докладъ, составленный М. П. Д—ымъ, о положеніи украинской литературы. Въ одно изъ свиданій разговоръ зашелъ и объ Украинѣ; объ этомъ была уже въ нашемъ журналѣ замѣтка (см. № 5, отд. II, стр. 103).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Объ языкахъ русскомъ и малорусскомъ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ «Одесск. Листкѣ» (№ 234) статья *В. Модестова*, разсматривающаго все тотъ-же старый вопросъ о правѣ малорусскаго языка быть языкомъ науки и литературы. Вопросъ этотъ затронутъ г. Модестовымъ по поводу извѣстнаго инцидента, возникшаго передъ XI археологическимъ съѣздомъ въ Кіевѣ. Зная издавна взглядъ г. Модестова на малорусскій вопросъ, мы нисколько не удивились, встрѣтивъ въ его статьѣ отрицательное рѣшеніе его. Насъ удивляетъ только, что авторъ, къ сожалѣнію, вмѣсто прямого разсужденія на данную тему, пошелъ совсѣмъ по нежелательному для безпристрастнаго ученаго пути, сведши все къ тому, что кіевскіе украинофилы хотѣли воспользоваться моментомъ, чтобы выиграть косвеннымъ образомъ точку опоры для расширенія правъ малороссійскаго нарѣчія въ самой Россіи". Намъ кажется, что слѣдуетъ предоставить право такимъ образомъ поворачивать вопросъ инымъ людямъ, а не ученому съ такой репутаціей, какъ проф. В. И. Модестовъ. Если-бы г. Модестовъ доказалъ, что галицкіе ученые, которыми и поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи имъ права читать рефераты на своемъ галицко-украинскомъ языкѣ, какимъ они привыкли и писать, и говорить, и излагать свои научные доклады, свободно могутъ говорить и на общерусскомъ языкѣ,—то онъ былъ-бы отчасти правъ; но мы думаемъ, что почтенный профессоръ, изъѣздившій всю Европу и теперь даже пишущій свою статью изъ заграницы, вѣроятно знаетъ, насколько громадному большинству галицкихъ ученыхъ трудно,—не скажу понимать,—но объясняться на русскомъ языкѣ. А потому, имъ оставалось на археологическомъ съѣздѣ или отсутствовать, какъ они и сдѣлали, или доклады свои читать на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ получилась-бы картина, едва-ли утѣшительная въ смыслѣ торжества русской народности.

Въ газ. «Русланъ», начиная съ № 169 текущаго года, печатаются поэмы *М. Макаровскаго*, болѣе 50 лѣтъ назадъ впервые помѣщенныя А. Метлинскимъ въ «Южномъ русскомъ сборникѣ» и, по словамъ Б. Вильхивського (см. Зоря 1887 г. № 5), теперь совсѣмъ позабытыя. Кромѣ двухъ поэмъ, «Наталя, або дви доли разомъ» и «Гараськo», писалъ М. Макаровскій и мелкія поэтическія произведенія, которыя

въ 1864 году вошли въ сборникъ, изданный въ Полтавѣ подъ заглавіемъ «Мова зъ Украины» и составляющій теперь библіографическую рѣдкость. Ввиду того, что всѣ произведенія Макаровскаго, отличаясь достоинствами, мало кому доступны въ настоящее время, редакція газ. «Руслан» рѣшила напечатать ихъ на своихъ страницахъ, разсчитывая, вѣроятно, выпустить въ свѣтъ и отдѣльные оттиски.

Во Львовѣ Вышла въ свѣтъ и быстро распродана была интересная книга «*Украинсько-руськый университетъ у Львови, памяткова кныга першого академичного вича студентивъ всихъ высшыхъ австрійськыхъ шкилъ*» (см. объ этомъ вѣчѣ въ Кіев. Ст., № 9, текущія изв. стр. 112—113). Цѣна книги 50 крейц. Чистый доходъ предназначается для фонда на основаніе во Львовѣ *людового университета*. Основной рефератъ на этомъ съѣздѣ академической молодежи, М. Галущинського, въ которомъ указаны историческія и фактическія данныя для желанія галичанъ имѣть свой университетъ, напечатанъ въ газ. «Руслан». №№ 173—175.

Въ «Историч. Вѣстн.» № 9 напечатано «*Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ*» его бывшаго ученика *А. С—аго* (стр. 815—832). Воспоминанія эти даютъ очень мало фактическаго матеріала о личности нашего писателя, но отличаются теплотою и задушевностью. Заканчиваются воспоминанія пожеланіемъ, чтобы «оставшіеся родные или близкіе Евгенія Павловича описали состояніе его могилы въ настоящее время [1]); «мы, уже немногіе изъ оставшихся учениковъ его, говоритъ А. С—ій, охотно приняли-бы участіе въ поддержкѣ, украшеніи и приведеніи въ надлежащій порядокъ этой всегда дорогой для насъ могилы».

«Рускій» (русинскій) псалтырь. Епископъ станиславовскій Шептицкій пожертвовалъ 200 зл. р. на изданіе болѣе полнаго и обработаннаго, на основаніи лучшихъ изводовъ, псалтыря. Авторомъ труда является Слюсарчукъ, священникъ изъ Ключева, а изданіе взялъ на себя посолъ свящ. Танячкевичъ (Gazeta Lwowska, 166).

---

[1]) Е. П. Гребенка похороненъ въ хуторѣ *Убѣжище*, пирятинскаго уѣзда, полтавской губ.

Въ «Przegląd-Polski», за августъ мѣсяцъ, извѣстный ученый польскій Александръ Брикнеръ, профессоръ берлинскаго университета, опубликовалъ интересный историческій эскизъ («szkic.») подъ заглавіемъ „Taniec Rzeczy pospolitei Polskiej“. Въ библіотекѣ гр. Тарновскаго въ Дзиковѣ хранится рукопись XVII в. подъ заглавіемъ: „Taniec Rzeczypospolitej Polskiej, albo raczej rozmowa dwojga ludzi, Terrygeny z Peregrynem, o wojnie szwedzkiej i potym nastąpionej od węgrow, *kozakow*, multanów i woloszy, a przytem i moskiewskiej“. Произведеніе это интересно, помимо художественныхъ сторонъ, еще и потому, что является отраженіемъ современныхъ политическихъ настроеній, а иногда является прямо хроникой происходившаго. (Gazeta Lwowska, № 189).

Въ «*Одесскомъ Листкѣ*» (№ 229) напечатана статья «Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ», въ которой разсказывается о положеніи канадскихъ русиновъ и объ отношеніяхъ ихъ къ полякамъ.

Въ фельетонѣ газеты «*Русскій Туркестанъ*» (№ 97) напечатанъ разсказъ неизвѣстнаго автора о поѣздкѣ его въ Ново-Петровское укрѣпленіе, при чемъ сообщаются почти все общеизвѣстные факты о пребываніи тамъ Т. Г. Шевченка, а попутно и кое-что о Н. И. Костомаровѣ. Наиболѣе любопытными могли-бы быть свѣдѣнія о «садѣ Шевченка», но ихъ такъ мало сообщено, что и въ этомъ нѣтъ особеннаго интереса. Въ портфелѣ редакціи «Кіевск. Стар.» имѣются гораздо болѣе точныя данныя объ этомъ, и мы разсчитываемъ въ ближайшемъ будущемъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

По поводу съѣзда галицко-русскаго студенчества во Львовѣ съ цѣлью учрежденія «украинско-русскаго университета» во Львовѣ, въ № 879 «Южнаго Обозрѣнія» помѣщена обширная корреспонденція I Личко «Изъ Галиціи», въ которой послѣдній, отчасти на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ во время пребыванія въ Галиціи, отчасти на основаніи сообщенія въ «Буковыни», разсказываетъ подробно о постановленіяхъ съѣзда, о рѣчахъ, произнесенныхъ на немъ и т. п. Небезынтересно будетъ отмѣтить отношеніе редакціи газеты «Южное Обозр.» къ данному вопросу. Въ примѣчаніи къ корреспон-

денціи редакція прибавляетъ: «Редакція съ удовольствіемъ помѣщаетъ эту корреспонденцію, свидѣтельствующую о столь успѣшномъ просвѣтительномъ движеніи среди галиційскаго народа».

«Новороссійскій Телеграфъ» (№ 7859), отмѣтивъ въ нѣскольких строчкахъ фактъ съѣзда, прибавляетъ:

Въ Галиціи два польскихъ университета, въ Краковѣ и Львовѣ а для трехъ съ лишнимъ милліоновъ русскаго населенія не имѣется ни одного высшаго учебнаго заведенія. Одновременно-же въ Черновицахъ для 50, повторяю прописью, во избѣжаніе недоразумѣній, для пятидесяти нѣмцевъ правительство тратитъ громадныя деньги на содержаніе нѣмецкаго университета! Вотъ такъ равноправность!».

Очень подробную замѣтку о съѣздѣ помѣстила также «Днѣпровская Молва», № 31.

«Сборникъ статей о Пушкинѣ по поводу 100-лѣтняго юбилея. Кіевъ, 1899, I—III+164+287, in 8». Для насъ особенный интересъ представляетъ статья Н, Петрова „Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи" (стр. 153—168), проникнутая той тенденціей, что украинская поэзія создалась подъ огромнымъ вліяніемъ русской литературы, а въ особенности Пушкина. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, читая, что произведеніе Шевченка «Варнакъ» —переработка «Братьевъ разбойниковъ», «У тіеи Катерыны» — «Египетскихъ ночей(!)», «Посланіе Шафарикови» и «Славянамъ» — «Клеветникамъ Россіи и «Бородинск. битва». Что-же касается «Наймычки», то само собой разумѣется,—это вліяніе извѣстнаго романса «Подъ вечеръ осенью ненастной». Подобныя «вліянія» подысканы и для другихъ украинскихъ писателей; такъ напр: Боровиковскій напис. стихотв. «Волохъ», гдѣ описывается привольная жизнь цыганъ,—отсюда вытекаетъ, что Боровиковскій слѣдуетъ за Пушкинымъ.

Поступили въ продажу: «Творы О. Я. Кониського—Перебенди». Т. I. Содержаніе: Дидъ Евменъ, Непремыренна, Баба Явдоха, Хвора душа. Т. II. У тисной бабы, Млынъ, За крыгою, Отакъ булы вскочылы! Завертка, Народня педагогія, Не любы двохъ, Конокрадъ, Музыка Драптусъ, Надіи, Марта Перепычка, Бабуся Харитына. Цѣна каждаго тома—50 к.

Готовятся къ печати слѣдующіе томы сочиненій того-же автора. Кромѣ того, отдѣльно печатается «Грошолюбка» О. Я. Кониccкого.

«*Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild.* Недавно вышло два выпуска этого крупнаго изданія—328 и 329. Первый посвященъ описанію Буковины. Изъ статей можно отмѣтить слѣдующія: A. Romstorfera»: Orts'anlagen und Wohnungen, E. Kolbenheyera «Die Hausindustrie», Исидора Воробкевича—„Musik" и Яна Сборы Die rumänische Literatur und Sprache (Gazeta Lwowska, 177).

Черная рада. Хроника 1663 года. Сочин. *П. А Кулиша*, ц. 60 коп. (на русскомъ языкѣ). Разрѣшена къ печатанью и на малорусскомъ.

«*Доввиля*» 1888—1898, Н. А. Кузьменко. Екатеринославъ, 1899. Сборникъ стихотворныхъ произведеній.

И. М. Стешенко. Хуторни сонеты. Кіевъ, 1899, 1—32, in 32°. Цина 10 коп.

Huculszczyzna (Museum imienia Dzieduszyckich we Iwowie. Dział VII, etnograficzny). Lwo'w. Nakładem Mus. im. Dzied. 1899, 1+44, in 8°.

Иллюстрированный каталогъ предметовъ, собранныхъ въ Гуцульщинѣ. Всѣхъ таблицъ 37. На нихъ помѣщены снимки самыхъ разнообразныхъ предметовъ: писанокъ, орудій домашняго обихода, образцовъ вышивокъ, глиняныхъ и деревянныхъ издѣлій и т. п. Фотографическіе снимки исполнены прекрасно, съ замѣчательной отчетливостью; къ рисункамъ приложены объясненія.

И. Левицкій. Прыятели. Изданіе третье. Черкассы, 1899 р., 1—46, in 32°. Цѣна 5 коп.

Повне выданья творивъ Пантелеймона Олександровича Кулиша. Досвитки, думы та поэмы. Тыпомъ другымъ, зуповненымъ. Харькивъ, 1899, 1—254, in 32°. Цѣна 75 коп. Это уже третье изданіе (1-е

въ 1862, 2-е въ 1878 въ Кіевѣ); добавлено—новое предисловіе и «прыпысы» (поясненія и примѣчанія къ стихотвореньямъ,—всѣхъ 8). Совершенно новое стихотвореніе—«Присьвята оправленого въ золото прымирныка"—очевидно предыдущаго изданья, подареннаго женѣ.

—

П. Мырный. Лыхый попутавъ. Оповиданья. Стр. 38 in 8°. Полтава, 1899.

—

Д. В. Кулида. Козаче слово. Оповиданья съ переказивъ про козацтво. Кременчугъ, 1899, 1—22, in 16°. Брошюрка, слабая и по языку, и по содержанію.

Археологическая лѣтопись.

Засѣданія обществъ.

9-го сентября состоялось засѣданіе *Церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи.* Между прочимъ, постановлено ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ, о передачѣ стараго архива кіевской духовной консисторіи (за XVIII вѣкъ) въ вѣдѣніе Церковно-археологическаго общества. Членъ общества, профессоръ Н. И. Петровъ сдѣлалъ сообщеніе «*Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры.* Анализируя два рукописныхъ описанія этой стѣнописи 1720—1730 годовъ и сопоставляя съ описаніемъ лавры 1653 г. у архидіакона Павла Алеппскаго и съ другими данными, референтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) О первоначальномъ росписаніи великой лаврской церкви извѣстно только то, что на алтарной стѣнѣ было мозаическое изображеніе Богородицы, а въ главномъ куполѣ—такое-же изображеніе Спасителя, а внизу на стѣнахъ церкви—изображенія, вѣроятно фресковыя, тѣхъ мучениковъ, частицы мощей коихъ, положены въ основаніе церкви. Вѣроятно, нѣкоторыя изъ этихъ изображеній пострадали во время бывшаго въ 1230 году землетрясенія, отъ котораго по свидѣтельству лѣтописи, великая печерская церковь разступилась на 4 части, т. е. дала 4 большія трещины. Въ 1240 году, при разореніи Кіева Батыемъ, великая лаврская церковь была разрушена по окна и по перси иконы Богоматери въ главномъ алтарѣ.

2) Въ 1470 году кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ возстановилъ великую лаврскую церковь, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ

надпись на современныхъ барельефахъ съ изображеніями Богородицы и преподобн. Антонія и Θеодосія: «основана бысть церковь на старомъ основаніи при великомъ королѣ Казимірѣ благовѣрнымъ кн. Симеономъ Александровичемъ, отчичи Кіевскомъ, и прі архимандритѣ Іоаннѣ». Къ этому «Синопсисъ» прибавляетъ, что князь Симеонъ Олельковичъ, обновивъ великую лаврскую церковь, «украси ю всякою красотою и различными шаты выписа». Но работа этого князя въ 1482 году уничтожена была крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, который, неожиданно напавъ въ этомъ году на Кіевъ, опустошилъ какъ городъ Кіевъ, такъ и Печерскую обитель.

3) Новыми благотворителями и реставраторами лавры были князья Острожскіе, Константинъ Ивановичъ († 1530 г.) и сынъ его Константинъ Константиновичъ († 1608 г.), изъ коихъ первый и погребенъ былъ въ лаврѣ. Объ участіи этихъ князей въ украшеніи великой лаврской церкви свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который въ 1653 году видѣлъ на правой или южной сторонѣ этой церкви каменное надгробіе князю К. И. Острожскому, съ изображеніями на аркѣ воинскихъ подвиговъ сего князя, а на лѣвой или сѣверной сторонѣ—портретъ сына его К. К Острожскаго. Ко временамъ князей Острожскихъ должно отнести и тогдашній иконостасъ главнаго алтаря великой лаврской церкви, по всѣмъ признакамъ одно-ярусной, о которомъ Павелъ Алеппскій говорилъ, что «онъ великолѣпенъ, но старъ».

4) Петръ Могила, сдѣлавшись печерскимъ архимандритомъ, придалъ великой лаврской церкви болѣе нарядный видъ, снабдивъ ее новыми 4-мя куполами, изъ коихъ одинъ былъ надъ главнымъ входомъ, два—на южной сторонѣ и одинъ, въ соотвѣтствіе съ куполомъ Предтеченской придѣльной церкви,—на сѣверной сторонѣ, что не могло не отразиться и на лаврской стѣнописи. Есть извѣстіе о томъ, что Петръ Могила украсилъ великую лаврскую церковь прекрасною греческой живописью и вызывалъ мастеровъ изъ Москвы. Но что въ украшеніи великой лаврской церкви относилось къ этой эпохѣ—сказать трудно.

5) Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в., при гетманѣ Мазепѣ, великая лаврская церковь получила значительныя измѣненія во внѣшнемъ своемъ видѣ. Въ это время съ сѣверной и западной сторонъ великой лаврской церкви пристроены были боковые придѣлы архидіакона Стефана и Іоанна Богослова, вмѣсто прежнихъ часовень,

посвященныхъ этимъ святымъ, а Предтеченская церковь вошла, въ качествѣ придѣльной, въ составъ общаго плана великой церкви. Часовни, бывшія у западной стѣны великой церкви, были замѣнены длинною, во всю ея ширину, и низкою наружною папертью, съ четырьмя входными дверьми и шестью надъ ними овальными окнами. Несомнѣнно, эти наружныя измѣненія великой лаврской церкви должны были отразиться на ея стѣнописи.

6) Пожаръ великой лаврской церкви въ 1718 году насильственно прервалъ нить художественныхъ преданій въ ея росписаніи стѣнописью и иконами. Пожаромъ этимъ и послѣ пожара уничтожена была даже внутренняя штукатурка великой лаврской церкви, а слѣдовательно не только иконопись (за немногими исключеніями), но и стѣнопись. Традиція могла сохраниться, при реставраціи церкви, только въ выборѣ сюжетовъ для живописи и распредѣленіи ея по извѣстнымъ частямъ храма. Да и эта послѣдняя традиція въ значительной мѣрѣ нарушена была, при возстановленіи церкви, какъ новыми надстройками, напр. Преображенскаго и Андреевскаго придѣловъ, вообще измѣненіями въ этой церкви, такъ и художественными вкусами реставраторовъ. Описаніе реставрированной стѣнописи и иконописи великой лаврской церкви послѣ пожара 1718 года сохранилось въ двухъ лаврскихъ рукописяхъ за №№ 204 и 183, которыя представляютъ изъ себя *исполнительные*, послѣдовательно осуществлявшіеся проекты росписи великой лаврской церкви въ 1720—30 гг. и никакъ не могутъ быть считаемы за копіи древняго описанія росписи великой лаврской церкви въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка. Изъ сличенія этихъ проектовъ съ первоначальнымъ росписаніемъ великой лаврской церкви въ XI вѣкѣ и съ описаніемъ живописи у Павла Алеппскаго въ 1653 году видно, что реставраторы 1720—1730 гг., удержавъ немногое изъ прежнихъ сюжетовъ росписи особенно въ иконостасѣ, во многихъ случаяхъ прежніе сюжеты замѣнили и дополнили новыми сюжетами, соотвѣтственно измѣненіямъ въ самой церкви и художественнымъ вкусамъ того времени.

7) Въ 1772—1777 годахъ іеромонахъ Захарія Голубовскій, со своими «молодиками»—учениками, переписалъ заново обветшалую стѣнопись великой лаврской церкви 1720—30 гг., исключивъ нѣкоторые прежніе сюжеты и прибавивъ много новыхъ.

8) Работа Голубовскаго поновлена была въ 1824 и 1840—42 гг. въ послѣдній разъ самоучкой іеромонахомъ Иринархомъ и лаврскими

послушниками и исправлена по указаніямъ академика Солнцева. Эта то стѣнопись и уничтожена была недавно съ надлежащаго разрѣшенія, при чемъ сняты были со стѣнописи, прежде ея очистки, фотографическіе снимки. (Кіевск. Сл., № 4195).

Изслѣдованія и раскопки.

Поѣздки гр. П. С. Уваровой въ Черниговскую губ. и на Волынь. Неутомимый предсѣдатель археологическаго съѣзда гр. П. С. Уварова, почти тотчасъ-же по окончаніи съѣзда, совершила рядъ поѣздокъ для осмотра и изслѣдованія памятниковъ мѣстной старины. Поѣздки эти не останутся безъ результатовъ: авторитетъ графини, ея горячее отношеніе къ дѣлу охраны памятниковъ прошлаго, неослабѣвающій интересъ къ изученію этихъ памятниковъ, способность привлекать вниманіе къ нимъ мѣстныхъ людей, могутъ служить ручательствомъ, что многое будетъ сдѣлано какъ для охраны, такъ и для изученія и изданія тѣхъ или другихъ остатковъ старины.

Первая поѣздка была совершена въ г. Козелецъ Черн. губ. Цѣль ея—осмотръ находящагося здѣсь собора. Въ Козельцѣ, въ срединѣ прошлаго столѣтія, на средства графа К. Разумовскаго, по плану знаменитаго въ свое время художника строителя Растрелли и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, построенъ величественный соборный храмъ въ честь Рождества Божіей Матери. Вслѣдствіе скорой смртеи строителя и его матери Н. Д. Разумовской, соборный храмъ, не обезпеченный вкладомъ на его ремонтъ и содержаніе, а также благодаря бѣдности и малочисленности не только соборнаго прихода, но и всего города, пришелъ въ полный упадокъ. Въ настоящее время нѣтъ средствъ не только на подновленіе великолѣпнаго италіанской живописи иконостаса, но даже на оштукатурку внутреннихъ и наружныхъ стѣнъ храма. Года четыре тому назадъ открытъ комитетъ по возобновленію собора, который, черезъ архитектора, подробно осматривавшаго соборъ, установилъ, что для приведенія соборнаго храма и иконостаса въ надлежащій величественный видъ нужна сумма не менѣе 50 тысячъ руб.; въ комитетѣ по возобновленію собора имѣется всего лишь около 3 тысячъ руб. Узнавши, что въ августѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ будетъ археологическій съѣздъ, комитетъ

письмомъ просилъ предсѣдательницу Императорскаго Московскаго Археологическаго общества графиню П. С. Уварову, не найдетъ-ли она возможнымъ по пути въ Кіевъ или обратно посѣтить г. Козелецъ и осмотрѣть соборный храмъ. Графиня увѣдомила комитетъ, что она можетъ пріѣхать въ г. Козелецъ, а затѣмъ, при личномъ свиданіи въ Кіевѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. А. Раковичемъ, назначила и день своего пріѣзда—22 августа. Въ воскресенье, 22 августа, графиня П. С. Уварова прибыла въ Козелецъ и на другой день подробно осматривала какъ иконостасъ, такъ и ризницу собора. Ею сдѣлано обѣщаніе способствовать цѣлямъ комитета, почетнымъ членомъ котораго она избрана единогласно въ концѣ іюля, обѣщала хлопотать, чрезъ оберъ прокурора св. Синода, о разрѣшеніи всероссійской подписки на возобновленіе собора, а также объ отпускѣ средствъ изъ строительныхъ суммъ Синода на дѣло возобновленія храма. Затѣмъ графиня, въ сопровожденіи А. А. Раковича, ѣздила въ отстоящее въ 8 верстахъ отъ города с. Лемеши, мѣсто родины графовъ Разумовскихъ, гдѣ осматривала церковь, построенную немного раньше козелецкой соборной на средства Н. Д. Разумовской; ѣздила также въ отстоящій отъ города въ 5 верстахъ Георгіевскій монастырь. [1])

Вернувшись въ Кіевъ и пробывъ въ немъ всего лишь одинъ день, гр. Уварова, вечеромъ 24-го августа, отправилась въ болѣе продолжительную поѣздку по Волыни.

Первая остановка состоялась въ с. Городкѣ, Ровенскаго уѣзда, имѣніи бар. Ѳ. Р. Штейнгель, гдѣ владѣльцемъ имѣнія, два съ небольшимъ года тому назадъ, положено основаніе областному музею Волынской губ. Осмотрѣвъ музей, гр. Уварова обратила главное вниманіе на отдѣлъ «сборниковъ историко-географическихъ матеріаловъ», гдѣ между прочимъ собранъ довольно большой подборъ фотографій видовъ Волыни и снимковъ съ различныхъ памятниковъ старины. Кромѣ занятій въ музеѣ, гр. Уварова принимала дѣятельное участіе въ раскопкахъ кургановъ, подготовленныхъ къ ея пріѣзду бар. Штейнгелемъ вблизи Городка, у д. Рогачева. Здѣсь графиня наглядно познакомилась съ характеромъ погребеній въ волынскихъ курганахъ.

Дальнѣйшій маршрутъ лежалъ на Луцкъ и Владиміръ-Волынскъ. [2])

---

[1]) Свѣдѣнія о посѣщеніи г. Козельца заимствованы нами изъ корреспонденціи, помѣщенной въ газетѣ „Кіевлянинъ“ (№ 238).

[2]) Объ этой части экскурсіи свѣдѣнія помѣщены въ газетѣ „Волынь“, № 106.

Вечеромъ 26-го августа гр. Уварова, вмѣстѣ съ дочерьми прибыла въ Луцкъ. Утро 27 августа было посвящено обозрѣнію древностей г. Луцка. Въ сопровожденіи предсѣдателя владиміръ-волынскаго братства Е. Н. Дверницкаго графиня Уварова посѣтила православные храмы, музей и богадѣльню Кресто-воздвиженскаго братства, мѣста построенія древнихъ храмовъ и окольнаго замка, Любартовъ верхній замокъ, римско-католическій каѳедральный костелъ и еврейскую синагогу. Сохранившіяся стѣны и 3 башни верхняго замка, построеннаго въ XIV вѣкѣ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ и его ближайшими пріемниками, поражаютъ своимъ величіемъ и крѣпостью каменной кладки. Еврейская синагога состоитъ изъ двухъ частей: башни, построенной, по преданію, въ XIV вѣкѣ Витовтомъ, и пристроеннаго къ ней молитвеннаго зала. Въ ней особенное вниманіе обращаютъ на себя стѣнные старинные свѣтильники; въ ризницѣ ея сохранились старинныя парчевыя и шитыя золотомъ покрывала. Въ ризницѣ каѳедральнаго римско-католическаго костела, кромѣ цѣнныхъ старинныхъ дарохранительницъ, чашъ, блюдъ и другихъ священныхъ предметовъ, хранится около 200 роскошныхъ священническихъ и епископскихъ облаченій, парчевыхъ и шелковыхъ, шитыхъ серебромъ, золотомъ и шелками и украшенныхъ золотымъ венеціанскимъ кружевомъ. Облаченія эти и другіе старинные предметы обновлены старательно и умѣло и хранятся въ образцовомъ порядкѣ, дѣлающемъ честь ихъ хранителю.

Въ тотъ же день графиня Уварова выѣхала въ г. Владиміръ. 28 августа осмотрѣны древности г. Владиміра и его окрестностей, начиная съ Святогорскаго, нынѣ женскаго монастыря въ с. Зимно, гдѣ въ настоящее время реставрируется церковь и колокольня, построенныя, равно какъ и окружающія ихъ стѣны и башни, судя по надписи на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ, въ XV вѣкѣ князьями Чарторійскими. При осмотрѣ производящихся работъ гр. Уваровой обращено вниманіе на полное несоотвѣтствіе формъ новыхъ пристроекъ и надстроекъ въ церкви и колокольнѣ остальнымъ древнимъ частямъ этихъ зданій и высказано пожеланіе о сохраненіи нынѣшняго въ церкви иконостаса, построеннаго въ стилѣ временъ Елизаветы Петровны, вполнѣ гармонирующаго съ внутренностью храма. Послѣ Святогорскаго монастыря осмотрѣны развалины древняго храма вблизи г. Владиміра въ урочищѣ «Старая Каѳедра», открытыя въ 1886 г. и лежавшія до того времени въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій подъ

землею. Кирпичъ этихъ развалинъ такъ обветшалъ, что имъ грозитъ въ близкомъ будущемъ полное разрушеніе, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя братствомъ къ ихъ сохраненію. Въ самомъ городѣ осмотрѣны церкви—древняя свято-Васильевская братская церковь, построенная не позже XIV в. и реставрируемая въ настоящее время, и соборная свято-Николаевская, построенная въ концѣ XVIII в. уніатскимъ архимандритомъ Важинскимъ, въ честь Іосифа Кунцевича, на мѣстѣ его бывшей усадьбы. Въ этой церкви хранится древній запрестольный крестъ Пятницкой церкви, покрытый серебраною ризой въ половинѣ XVIII в. уніатскимъ митрополитомъ Володковичомъ, и старинная серебряная риза съ образа Божіей Матери Мстиславова храма. Въ Христорождественскомъ монастырѣ особенное вниманіе графини Уваровой обращено на древній омофоръ XV в., найденный въ гробницѣ уніатскаго митрополита Володковича. Посѣтивъ затѣмъ древнехранилище свято-Владимірскаго братства, братскую народную читальню съ библіотекой и великокняжеское городище, гр. Уварова закончила обозрѣніе мѣстныхъ древностей осмотромъ величественнаго памятника XII в., каѳедральнаго собора владиміръ-волынскихъ епископовъ, построеннаго во честь успенія Божіей Матери в. к. Мстиславомъ Изяславичемъ, обновленіе котораго, съ сохраненіемъ его древнихъ формъ, близится къ концу. Въ этотъ храмъ, съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Модеста, архіепископа волынскаго и житомірскаго, состоялось переложеніе останковъ в. к. Владиміра Васильковича, почившаго въ 1289 г., въ новый гробъ, помѣщенный подъ однимъ изъ аркасолій храма. Послѣ осмотра древностей г. Владиміра, гр. Уварова съ дочерьми выѣхала въ с. Будятичи, имѣніе Е. Н. Дверницкаго, съ тѣмъ, что-бы на другой день—29 августа предпринять двѣ экскурсіи: въ с. Низкиничи для обозрѣнія храма, построеннаго въ 1653 г. Адамомъ Киселемъ, и въ урочище «Старгородъ» на р. Бугѣ, для осмотра городища и вала, остаковъ, какъ можно полагать, города «Волыня». Вторая экскурсія не состоялась вслѣдстіе проливного дождя. Въ с. Низкиничи гр. Уварова прибыла 29 августа къ обѣднѣ, послѣ которой осматривала церковное зданіе прекрасной архитектуры, мраморное надгробіе Адама Киселя, помѣщенное въ одномъ изъ пилоновъ храма, его гробъ въ склепѣ подъ храмомъ и священническія облаченія, современныя постройкѣ храма. Къ сожалѣнію, замѣчательный въ художественномъ отношеніи металлическій гробъ, въ которомъ покоятся останки Адама Киселя и его брата Николая,

весь покрытый лѣпными украшеніями, сильно пострадалъ въ последнее время, благодаря крайней небрежности каменьщиковъ, ремонтировавшихъ церковь: они, какъ говорятъ, положили на крышку гроба нѣсколько пудовъ заготовленныхъ для ремонта гипса и алебастра, подъ тяжестью которыхъ расплюснулась крышка гроба и въ одномъ изъ его угловъ разошлись стѣнки.

Утромъ 30 августа гр. Уварова выѣхала изъ с. Будятичъ, черезъ Владиміръ и Ковель, въ обратный путь.

Случайныя находки.

На городищѣ у с. Конончи, Черкасск. у. сдѣлана очень интересная находка. Это небольшая свинцовая вислая печать, хорошей сохранности. На одной сторонѣ ея помѣщено изображеніе святого во весь ростъ; изображеніе настолько хорошо сохранилось, что видны глаза и волосы; слѣва и справа изображенія идутъ сверху внизъ надписи, къ сожалѣнію почти совсѣмъ стершіяся, на одной изъ нихъ можно различить лишь букву **Д**. На другой сторонѣ помѣщена, типичными для княжеской эпохи буквами, надпись въ трехъ строкахъ: **ДѢ | НЬСЛ | ОКО**. Это уже второй случай находки вислой печати съ такой надписью. Десять лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ подобная по размѣрамъ и надписи печать найдена въ г. Переяславѣ, Полтавск. г.; она хранится въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, описаніе и снимокъ ея мы помѣстили въ свое время въ Кіевской Старинѣ[1]). Отличается эта печать отъ настоящей лишь тѣмъ, что на ней святой изображенъ не во весь ростъ, а по грудь. На музейномъ экземплярѣ слѣва изображенія ясно читается надпись —**о давъ** (сокращенное Давидъ?); быть можетъ и въ данномъ случаѣ была такая-же надпись, на это намекаетъ и сохранившаяся буква **Д**. Въ вышеуказанной замѣткѣ мы сдѣлали предположеніе о принадлежности печати черниговскому князю Давиду Святославовичу (1097—1123 гг.); это предположеніе можетъ быть отнесено и къ настоящей печати; не противорѣчатъ этому и находки другихъ предметовъ на

---

[1]) См. 1888 г., іюнь, нашу замѣтку „Два замѣчательные предмета Кіевскаго Церковно-археологическаго музея".

городищѣ у с. Конончи,—всѣ они относятся къ концу великокняжеской эпохи. (Печать поступила въ собраніе Б. И. Ханенко).

Музеи и собранія древностей.

Постройка Кіевскаго музея древностей и искусствъ подходитъ къ концу. Въ настоящее время идутъ работы по устройству упорныхъ стѣнъ для площадки передъ музеемъ и производятся нѣкоторыя передѣлки. Освященіе зданія музея предполагается въ настоящемъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, одна часть дѣла будетъ закончена. Затѣмъ, предстоитъ еще внутрненяя сторона дѣла: выработка положенія музея, связанная съ изысканіемъ средствъ на содержаніе зданія, служащихъ, на пріобрѣтеніе предметовъ—этимъ теперь и занято правленіе Кіевскаго общества древностей и искусствъ, завѣдывающее постройкой музея.

Въ Музей древностей университета св. Владиміра, кромѣ переданныхъ постановленіемъ XI-го съѣзда коллекцій, добытыхъ экскурсіями по порученію Предварительнаго комитета съѣзда (коллекціи изъ раскопокъ В. Б. Антоновича и Е. Н. Мельникъ въ Волынской губ. и наша, собранная при обслѣдованіи береговъ р. Западнаго Буга), пожертвованны также нѣкоторыя коллекціи частныхъ лицъ изъ бывшихъ на археологической выставкѣ при съѣздѣ. Среди пожертвованныхъ выдѣляется по количеству экземпляровъ коллекція каменныхъ орудій г. Тиховскаго, происходящая изъ стоянокъ въ урочищахъ Песчанка и Новоселки близъ с. Сапанова, Кременецкаго у. Волынской губ. (Часть этой коллекціи поступаетъ также въ Волынское Епархіальное Древлехранилище).

Въ Церковно-археологическій музей при Кіевской дух. академіи переданъ недавно о. казначеемъ Кіево-Печерской лавры замѣчательный крестъ. Это именно тотъ крестъ, который былъ случайно открытъ въ стѣнѣ церкви на лаврскихъ воротахъ. Крестъ украшенъ эмалью, и въ виду того, что его можно отнесть къ предметамъ датированнымъ, представляетъ рѣдкій экземпляръ произведеній нашей княжеской эпохи. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Лѣтописи» мы постараемся дать какъ подробное описаніе креста, такъ и рисунокъ съ него. Вмѣстѣ съ крестомъ поступилъ также изъ лавры кусокъ

штукатурки, найденный внутри великой церкви, съ вырѣзаннымъ крестомъ и буквами, относящійся ко времени построенія церкви.[1]) Однимъ изъ цѣнныхъ пожертвованій въ музей является также бронзовый змѣевикъ съ греческими надписями и изображеніями, исполненными чернью; онъ интересенъ для сравненія съ змѣевиками, находимыми въ Россіи.

Городецкимъ музеемъ Волынской губ. барона Ѳ. Р. Штейнгель пріобрѣтена довольно большая партія каменныхъ орудій изъ Кременецкаго и Дубенскаго уѣздовъ. Между пріобрѣтенными предметами есть нѣсколько очень интересныхъ по формѣ и отдѣлкѣ.

Въ собраніе древностей Б. И. Ханенко въ Кіевѣ поступили предметы изъ послѣднихъ раскопокъ г. Мазараки въ Полтавской губ., о которыхъ мы сообщали въ прошломъ номерѣ. Пользуясь случаемъ приводимъ болѣе подробное описаніе скифского меча, найденнаго въ одномъ изъ кургановъ. Собственно отъ меча, имѣющаго 50 снтм. длины, сохранилась желѣзная рукоятка и нижняя часть желѣзного клинка; но длину меча можно возстановить по сохранившейся одной половинѣ ноженъ. Рукоятка и насаженная на нее сверху перекладинка обтянуты золотой пластинкой, орнаментированной полукольцами и городками изъ бисера. Большой художественный интересъ представляютъ ножны; они сплошные золотые, въ верхней части расширяются ($7^1/_2$ снтм.) и здѣсь помѣщено штампованное изображеніе двухъ лошадей, въ изогнутыхъ позахъ, соединенныхъ другъ съ другомъ головами. Среднюю часть занимаютъ 7 барсовъ(?), размѣщенныхъ одинъ подъ другимъ. Конецъ ноженъ гладкій, съ тремя рядами городковъ изъ бисера.

Пріемъ собранія украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго законченъ въ концѣ прошлаго мѣсяца уполномоченнымъ Черниговскаго земства Б. Д. Гринченкомъ, проработавшимъ надъ нимъ около двухъ недѣль. Собраніе сдано по описи Обществу древностей и искусствъ и будетъ храниться въ помѣщеніи новаго музея до 1901-го года.

---

[1]) Описанія этихъ двухъ памятниковъ помѣщены въ статьѣ П. А. Лашкарева—„Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской лавры“, Труды Кіевск. дух. Академія 1883 г. январь; см. также его-же „Церковно-археологич. очерки, изслѣдованія и рефераты“, стр. 215 и слѣд.

Разныя извѣстія.

Въ теченіе съѣзда выходили *«Извѣстія XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ»*. Извѣстій вышло 14 номеровъ, составляющихъ томъ, in. 8⁰, въ 231 стр. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ съѣзда, экскурсіяхъ и сжатыя резюме доложенныхъ рефератовъ; въ концѣ помѣщенъ списокъ членовъ съѣзда.

—

Ко времени открытія съѣзда *Б. И. Ханенко* выпущено новое роскошное изданіе—*«Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности приднѣпровья. Эпоха предшествующая великому переселенію народовъ». Выпускъ II. Кіевъ, 1899. 4⁰. 41 стр.+37 таблицъ.* Настоящій выпускъ посвященъ т. н. скифскимъ древностямъ, сравнительно хорошій подборъ которыхъ составляетъ часть собранія Б. И. и В. Н. Ханенко. Коллекція эта составилась изъ раскопокъ С. А. Мазараки въ бассейнѣ р. Сулы, изъ раскопокъ В. В. Хвойко въ разныхъ уѣздахъ Кіевской губ., изъ коллекціи покойнаго Н. Я. Тарновскаго, производившаго раскопки въ Каневскомъ у., и наконецъ, изъ случайныхъ находокъ въ Кіевской, Полтавской и Екатеринославской губ. Въ небольшомъ введеніи къ этому изданію дается краткій очеркъ Скифіи; затѣмъ помѣщены свѣдѣнія о раскопкахъ кургановъ по р. Сулѣ, въ урочищѣ «Галущино» у с. Пастырскаго Чигиринскаго у., при м. Трипольѣ, Кіевск. у. и при селахъ Райгородѣ и Прусахъ, Черкасскаго у., сообщаются также свѣдѣнія о находкахъ въ Матроньевскомъ городищѣ, Чигиринскаго у. Остальную часть текста занимаетъ описаніе предметовъ собранія. Въ этомъ послѣднемъ отдѣльныя главы обнимаютъ собой: 1) предметы изъ желѣза 2) бронзовые предметы, 3) предметы изъ золота, серебра и электрона, 4) предметы изъ кости, 5) предметы изъ камня, янтаря, стекла и разные, а 6) глиняныя издѣлія; всего предметовъ описано 814. Иллюстрирующія текстъ таблицы исполнены роскошно и даже черезчуръ роскошно, такъ какъ намъ представляется излишнимъ издавать въ многочисленныхъ экземплярахъ совершенно одинаковые предметы (см., напр., тт. VI, XII, XXIV, XXV и др.). Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко обладаетъ еще нѣсколькими отдѣлами древностей, не вошедшихъ въ изданія владѣльцевъ,—будемъ надѣяться, что и они, путемъ изданія, сдѣлаются достояніемъ большаго круга ученыхъ и любителей.

—

Какъ «привѣтствіе XI Археологическому Съѣзду» *Юліаномъ Кулаковскимъ* издана *„Карта Европейской Сарматіи по Птолемею". Кіевъ, 1899*, 4⁰. *31 стр.+карта.* Текстъ состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой помѣщенъ обзоръ общихъ свѣдѣній о географіи Птолемея и выясненіе основныхъ принциповъ его карты земли; во второй— комментарій къ одной изъ десяти таблицъ Европы Птоломея—«Европейская Сарматія", гдѣ, на основѣ свѣдѣній Птолемея, въ связи съ другими фактами, въ томъ числѣ и археологическими, авторъ старается найти соотношенія между древней и современной топографіей; здѣсь, между прочимъ, авторъ высказываетъ предположеніе, что въ городѣ Метрополѣ Птолемея можно признать нашъ Кіевъ, что поддерживаютъ и находки монетъ, сдѣланныя на территоріи Кіева.

—

XI-му Археологическому Съѣзду посвященъ составленный нами *«Отчетъ Городецкаго музея Волынской губерніи барона Ѳ. Р. Штейнгель за второй годъ, съ 25 ноября 1897 г. по 25 ноября 1898 г.» Кіевъ, 1899.* 8⁰. *59 стр.* Здѣсь, на ряду съ поступленіями по другимъ отдѣламъ музея, подробно описаны и предметы, поступившіе въ теченіе отчетнаго года въ археологическій отдѣлъ. (О нихъ см. «Лѣтопись», февраль.)

—

К. Болсуновскимъ изданы *«Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края". Кіевъ. 1899.* 4⁰. *9 стр.+2 таблицы.* Здѣсь помѣщено изображеніе 52-хъ печатей, какъ частныхъ лицъ, такъ и различныхъ учрежденій, XVI, XVII и XVIII вв. Текстъ къ таблицамъ не безъ опечатокъ. Желательно продолженіе этого изданія,—матеріалъ, трактуемый имъ, еще очень мало затронутъ и обработанъ.

—

Въ № 3, 4 и 5 (въ одной тетради) *«Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ»* за настоящій годъ, издаваемыхъ Имп. Московск. Археолог. Обществомъ подъ редакцію Д. Н. Анучина и А. И. Кирпичникова, перепечатано изъ апрѣльскаго номера нашей «Лѣтописи» сообщеніе о находкахъ различныхъ предметовъ на городищѣ Княжа Гора. Перепечатка эта снабжена слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Всѣ эти сообщенія лишь укрѣпляютъ наше недовѣріе къ «древностямъ великокняжеской эпохи», привозимымъ въ такомъ изобиліи на Кіевскій рынокъ». Надѣемся, что у почтенныхъ редакторовъ, побывавшихъ на

съѣздѣ и имѣвшихъ возможность видѣть всѣ предметы, о которыхъ шла рѣчь, «недовѣріе» теперь немного разсѣется. Мы однако недоумѣваемъ, откуда могло возникнуть такое недовѣріе? Вѣдь Княжа Гора давно извѣстна массой находокъ, если-же здѣсь имѣлась въ виду поддѣлка поставщиками-крестьянами древностей, то можемъ завѣрить почтенныхъ редакторовъ, что и въ Кіевѣ есть люди, способные отличить поддѣлку.

—

Въ журналѣ *„Искусство и художественная промышленность"*, въ выпускѣ за іюнь-іюль, *Е. М. Кузьминымъ* помѣщена прочувствованная замѣтка о музеѣ В. В. Тарновскаго. Къ замѣткѣ приложенъ портретъ покойнаго.

—

Археологическіе труды П. А. Лашкарева. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о недавно скончавшемся проф. Лашкаревѣ, помѣщеннымъ въ предыдущей книжкѣ Кіевской Старины, приводимъ болѣе подробный списокъ его ученыхъ работъ въ области археологіи.

1) Религіозная монументальность (напечатано въ Трудахъ Кіевской дух. Академіи, 1866 г. № 1 и 2).

2) Что осталось отъ древней кіевской церкви Спаса на Берестовѣ (тамъ-же, 1867 г. № 7).

3) По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ (въ Трудахъ I археологич. Съѣзда въ Москвѣ, т. 1).

4) Кіевская архитектура X—XII в. (въ Трудахъ III археолог. Съѣзда).

5) Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева (въ Трудахъ Кіев. дух. Академіи, 1879 г. № 5).

6) Киворій, какъ отличительная архитектурная принадлежность алтаря въ древнихъ церквахъ (Труды Кіевской дух. Академіи, 1883 г.).

7) Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской Лавры (Труды Кіев. дух. Ак. 1883 г. № 1).

8) Остатки древней церкви въ Переяславѣ (Кіевская Старина, 1889 г. № 1).

9) Соборная Успенская церковь въ г. Каневѣ.

Всѣ эти статьи вошли въ особый сборникъ, изданный покойнымъ подъ заглавіемъ: «Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты». Кіевъ 1898 г. Статья подъ № 9 впервые напечатана только въ этомъ сборникѣ.

10) Въ Сборникъ не вошла еще слѣдующая статья—«Дача Кіево-Братскаго монастыря—Церковщина» (напеч. въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., 1899 г. № 3).

П. А. Лашкаревъ уроженецъ Курской губерніи; сначала обучался въ Бѣлградской дух. семинаріи, а потомъ въ Кіевской дух. Академіи, въ которой окончилъ курсъ (въ 1859 г.) первымъ магистромъ, почему и оставленъ баккалавромъ по кафедрѣ каноническаго права и церковной археологіи. Послѣднюю онъ преподавалъ только до 1869 г. (до новаго академическаго устава), а съ этого времени преподавалъ каноническое право, по которому и издалъ свои академическія лекціи (Кіевъ 1889 г., 2-ое изд.). Хотя покойный преподавалъ въ Академіи церковную археологію только 10 лѣтъ, но онъ до конца жизни интересовался церковными древностями; участвовалъ въ раскопкахъ древнихъ памятниковъ, часто осматривалъ старинныя церкви (послѣдняя его экскурсія была въ Черниговъ и описана въ Извѣстіяхъ XI археологич. Съѣзда); на съѣздахъ археологическихъ бывалъ депутатомъ и читалъ рефераты. Живое участіе онъ принималъ въ Церковно-археолог. Обществѣ при Кіев. дух. Академіи, въ которомъ нѣсколько лѣтъ былъ товарищемъ предсѣдателя. Скончался на 66 году отъ роду.

І. К.

Мѣдный поясъ кавказскаго типа, найденный въ Кіевской губ. [1]).

(Къ рисунку).

Въ 1889 г., въ с. Подгорцахъ, находящихся въ 25 в. ниже Кіева, на возвышенномъ берегу днѣпровской долины, найденъ былъ горшокъ изъ грубой красной глины съ прямымъ дномъ и довольно толстыми стѣнками, въ которомъ оказался хорошо сохранившійся

---

¹) Издаваемый поясъ представляетъ очень рѣдкій экземпляръ заносной культуры на нашемъ Приднѣпровьи. Въ низовьяхъ Днѣпра еще можно указать на нѣкоторыя находки съ несомнѣнно выраженнымъ вліяніемъ кавказской культуры, въ среднемъ-же Приднѣпровьи настоящій поясъ является пока единичной находкой, указывающей на нѣкоторыя связи, существовавшія въ глубокой древности съ отдаленнымъ Закавказьемъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что поясъ среди другихъ, извѣстныхъ предметовъ этой культуры, можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ, побудило насъ издать его въ видѣ приложенія къ настоящей „Лѣтописи“. Текстъ къ изображенію любезно согласился составить членъ Импер. Археологической Комиссіи А. А. Спицынъ.

мѣдный поясъ, мѣдная бляха, такая же спираль и кусочки заржавѣвшаго желѣза. Чрезъ мѣстнаго священника Каминскаго рѣдкая находка эта попала въ Музей Кіевской духовной Академіи, гдѣ и сохраняется въ настоящее время [1]).

Поясъ характернаго закавказскаго типа [2]). Онъ представляетъ собою тонкую, широкую, гладкую ленту, длиною 84,4 сант., шириною 10 сант., покрытую орнаментомъ и изображеніями животныхъ. Орнаментъ заполняетъ концы пояса и $^2/_3$ остальной поверхности, такъ что фигуры животныхъ занимаютъ лишь $^1/_3$ ея. Онъ состоитъ изъ тщательно выработанныхъ чешуйчатыхъ, шнуровыхъ и пунктирныхъ линій; концы пояса украшены оригинальными спиралями, свернутыми изъ двухъ сложенныхъ вдвое линій (такъ что на край спирали выступаютъ 4 конца), двойнымъ шнуровымъ орнаментомъ, пунктирными линіями и зубцами. Изображенія животныхъ занимаютъ узкую и длинную полосу. По содержанію онѣ соединяются въ 3 отдѣльныя группы. Посрединѣ представлены олень и двѣ собаки, влѣво—обращенные другъ къ другу головами два буйвола(?), справа—два грифа, въ томъ же положеніи, и утка. Всѣ животныя изображены съ совершенно одинаковыми туловищами, но съ разными головами. Имъ придана поза, наиболѣе выгодная для заполненія узкаго поля: передняя часть опущена и положена на далеко вытянутыя ноги, а задняя приподнята, при чемъ для соблюденія симметріи одна изъ заднихъ ногъ положена на землю. Нельзя не сознаться, что поза придумана очень хитроумно. Туловище животныхъ по необходимости длинное и тонкое. Кругомъ всего туловища, за исключеніемъ головы, проходитъ кайма изъ друхъ линій съ насѣчкою внутри. Такими-же полосками орнаментирована задняя часть туловища, а вся передняя покрыта своеобразнымъ (ассирійскимъ?) чешуйчатымъ или лепестковымъ орнаментомъ. Олень изображенъ съ огромными рогами, длинною, тонкою шеей и короткимъ хвостомъ. Собаки представлены лающими; головы ихъ опущены, пасти широко раскрыты. Нижнія челюсти собакъ характерно изогнуты, уши малыя, лбы выпуклые, у одной загнутый хвостъ. Предполагаемые буйволы представлены также съ тон-

---

[1]) Кіевское Слово 1893, 930.—Указатель Музея Кіев. дух. Акад., стр. 14.

[2]) Virchow, Über die culturgeschichtl. Stellung des Kaukasus, unter besonderer Berücksicht'g der ornamentirt. Bronzegürtel aus transkaukasichen gräbern. Berlin, 1895.—Morgande, Mission scientifique au Caucase. T. I, стр. 114, 115, 141, 162-164.

кою изогнутой шеей и низко опущенною головой; рога ихъ образованы почти круглыми концентрическими линіями, съ тремя перехватами, ноги непомѣрно вытянуты для наполненія мѣста подъ рогами. У грифоновъ сравнительно короткая шея, голова хищной птицы съ широко раскрытою, круглою пастью, большіе круглые глаза, на лбу орнаментированный выступъ, представляющій въ сущности глазъ (см. описанный у Вирхова поясъ № III); лапы съ длинными ногтями, хвостовъ, повидимому, нѣтъ. Птица помѣщена очевидно лишь для наполненія пустого мѣста, образовавшагося оттого, что у грифовъ нѣтъ роговъ, имѣющихся у симметрично расположенной пары буйволовъ У птицы тонкая изогнутая шея, широкій хвостъ и протянутыя впередъ тонкія ноги; туловище ея покрыто чешуеобразнымъ орнаментомъ, здѣсь совершенно кстати имитирующимъ перья. Всѣ фигуры и орнаментъ исполнены на поясѣ вдавленными линіями съ наружной стороны. Хорошая сохранность пояса объясняется какъ сухостью почвы, въ которой онъ сохранялся, такъ и сравнительно большою толщиною его (0,5 мм.). Совершенно аналогичнаго по рисунку пояса въ закавказскихъ древностяхъ намъ неизвѣстно. По изображеніямъ, ближайшія аналогіи онъ имѣетъ въ поясахъ, описанныхъ у Вирхова подъ № II и III.

Найденная вмѣстѣ съ поясомъ бляха, вѣроятно принадлежитъ къ нему же. Она круглая, выпуклая, снабжена съ внутренней стороны петлею для прикрѣпленія и украшена вдоль края двумя линіями слабаго пунктира и 4 кружками. Такъ какъ діаметръ бляхи 10,7 сант., то длина всего пояса не менѣе 95 сант. Вмѣстѣ съ бляхою найдена еще мѣдная спираль, свернутая изъ четырегранной крупной проволоки. Предполагаемъ, что это часть извѣстной подвѣски, состоящей изъ двухъ такихъ спиралей, соединенныхъ дужкою.

Пояса, подобные описанному, встрѣчены уже въ довольно значительномъ количествѣ въ раскопкахъ де-Моргана, Белька Ресслера и Марра, произведенныхъ въ предѣлахъ Арменіи. Они попадаются въ могильникахъ, при мужскихъ костякахъ. Наиболѣе старые изъ нихъ вовсе не заключаютъ вещей изъ желѣза. Пояса встрѣчаются, повидимому, не въ этихъ могильникахъ, а въ болѣе позднихъ, гдѣ уже не рѣдки желѣзные кинжалы, ножи и другія подѣлки.

А. Спицынъ.

сять копѣекъ), съ одной стороны, вынимать изъ *кешéни* (изъ кармана), а съ другой принимать и прятать, лишь бы въ такой или въ такой праздникъ, къ заутренѣ или къ обѣднѣ, въ большой колоколъ звонилъ я, а не кто-либо иной... Переходъ *гривéнь* въ этомъ случаѣ дѣлается не сокровенно, но во всенародное свѣдѣніе, и никто этимъ у насъ не скандализируется, и не огорчается: такъ принято, такъ ведется, сложился обычай... Ну, да чтобъ гусей не раздразнить! Довольно, что Гарасько Трохимовичъ стучитъ въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большого зазвонитъ колокола не кто-либо, а чернобровый Гарасимéнченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всѣмъ и каждой будетъ извѣстно, что такъ и такъ—кромѣ, конечно, одной, которая и не знаетъ ничего, и не вѣдаетъ... „Га? Чогó? Щó, сестри́ці, кàжете“?

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоитъ— пусть онъ *повáжно* совершаетъ свое повáжное теченіе! Прійдетъ *до бáтюшкы*, до *пекàрни*, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ *наймичка*, да не встаетъ,—посылаетъ *нàймита*; наймитъ тоже слышитъ—посылаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свѣчи зажигать и т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь,—да вотъ хоть къ старому Тýркуту: „хàта тéпла, люде дóбри [1])“, да кстати и въ Гриньки́, съ женою и съ *кутею* [2]), къ тестю и тещѣ, семья большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Тýркута: старуха-жива; три женатыхъ сына—одного только осенью женилъ; двѣ замужнихъ дочери—одну выдалъ замужъ тоже только осенью; неженатый сынъ *женúло* (котораго пора женить; употребляется въ смыслѣ болѣе или менѣе шуточномъ, иногда даже насмѣшливомъ); двѣ незамужнихъ дочери

---

[1]) Сокращеніе извѣстной прибаутки: „Хáта-тéпла, люде-дóбри, кáбаки-довóли“. Въ такомъ сокращенномъ видѣ прибаутка эта употребляется въ болѣе *деликатной* бесѣдѣ.

[2]) См. 2-е письмо.

навыда́нню (невѣсты), невѣстки, куча *ону́кивъ* и *ону́чокъ*. Туркутъ не изъ богачей—*молодожо́нъ* (недавно женившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замужняя дочь вчера не пріѣхала изъ Вишнякі́въ; вся семья, поэтому, на лицо, пріѣзжихъ не имѣется.

Изъ экономіи, въ *ти ха́ти*, въ чистой, *черезъ сины*, огня нѣтъ, а тутъ, на по́лочкѣ, у *ко́мына кага́нчыкъ*, *е́ле-е́ле*, нагорѣлъ *инитъ* (свѣтильня). Спятъ—на *полу́* старикъ съ *дидовымъ ону́комъ*; на печкѣ—старуха съ *ба́быными* ону́ками и ону́чками; на *ла́ви*—женыло: „таке зилля, якъ па́рубокъ, трёба мать на о́ці—не то, щобъ... про те у насъ крый Бигъ! а такъ—дурный ро́зумъ, разъ бы въ разъ на у́лыцю, ще нашурубу́рыть!“ (на землѣ) *до́ли, по́котомъ*, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онуки и онучки, которые поспокойнѣе, *дидови* не будутъ мѣшать спать. А тамъ *черезъ сины*, остальная семья: незамужнія дочери на печкѣ: „у насъ, кажу́, про те крый Бигъ, а дивоти якось незвычайно при старыхъ, хоть ба́тько й ма́ты“; на полу́—невѣстка, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—*молодожо́ны съ дрибязкомъ* (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое *по ла́вахъ*.

Тихо, крѣпко спятъ, даже старикъ крѣпко спитъ; только изрѣдка одинъ изъ ону́ковъ: „переймай, переймай!“ вскрикиваетъ, или: „на свій бикъ! на свій, на свій!“—*бу́лка* [1]), должно быть, ему грезится... да отъ времени до времени, *пидъ пиччю*, вздыхаетъ малый теленокъ—передъ самою *куте́ю* Богъ далъ! то́-то праздниками полакомится *дитвора моло́зывомъ* [2])!

Но вотъ *бе́вкнуло* (ударили въ колоколъ)—не громко, еще хорошенько *се́рця* не *росколыха́лы*... въ другой разъ—громче—старикъ притихъ... еще громче—услышалъ. „Сла́ва тоби“, говорить, „Го́споды!“ *заворушы́вся*, крестится, поднимается...

---

[1]) *Булки*, или *ковинька*—игра. Подробное объ этой игрѣ объясненіе можно найти въ одномъ изъ примѣчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка. См. выше.

[2]) *Моло́зыво*—извѣстнымъ образомъ приготовленное блюдо, изъ молока только-что родившей коровы. Самое молоко тоже называется молозывомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ обѣихъ хатахъ у Туркута—яркій огонь, бѣготня, *умывання*, *одягання*, кромѣ самыхъ малыхъ дѣтей, которыхъ и не трогали. А Гарасименченко Степанъ звонитъ и звонитъ, стараго и малаго зоветъ послушать великую вѣсть: „Дѣва днесь Пресущественного рождàе!“

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и мальчикамъ: бѣлье чистое надѣто съ вечера, все убранство вынуто изъ скринь и принесено изъ *хижи* (изъ чулана въ сѣняхъ), *комиръ*, тоже съ вечера. Вотъ развѣ дивчата съ своими *стричкàмы*, да пожалуй еще молодая невѣстка—*выймостыть рижéчкы* у платка, у новой плахты *грывы*, *червóный* поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлался!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешептываются, посматриваютъ на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ *пидперезàвъ каптанóкъ*, надѣлъ новый нагольный кожухъ.

— А ну, старá, достàнь тепéръ гроши!—говоритъ, окончивъ *одягання* и поправляя что-то за *комиромъ* (за воротникомъ),—должно быть что-то жметъ.

Старуха достаетъ изъ скрыни мѣдныя деньги, завязанныя въ *хустыну*—беретъ, садится возлѣ стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвѣчивая къ каганьцю: „шагъ вонó (грошъ ли это), чы копійка“. „Ну“, говоритъ, „уже деньги теперь настали! просто *кинци зъ нымы погубышъ!* На, лышéнь, старà, подывысь ты!“ или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дѣтей, кто случится ближе...

Окончивъ разсчеты, старикъ подзываетъ старшаго онука: „Оце“, говоритъ, тоби шажóкъ (грошикъ), свичку обминышъ (не купишь, а вымѣняешь, или поставишь) Бóжи Матери... А оцé, Петрýсю, тоби“! Получившіе совершенно счастливы!... „А вы, объявляетъ остальнымъ:—вы на слýжби (на обѣднѣ т. е., *обминыте*)... На, старá, дасы имъ тоди, а то погýблять (потеряютъ).“ Неполучившіе немножко опечалены:—имъ бы хотѣлось сейчасъ имѣть шажки въ рукахъ;—*дидивъ* онукъ дѣлаетъ даже возраженіе, баба хочетъ замолвить слово за *своихъ*: „Ни, ни“!

говоритъ тихо:—идить"!—онъ знаетъ, что́ дѣлаетъ, онъ разсчиталъ крѣпко!..

Двери скрипнули, *чо́боты* (сапоги́) застучали, и чрезъ нѣсколько секундъ хата отъ *дитво́ры* опросталась.

Потомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставилъ по свѣчѣ всѣмъ намѣстнымъ иконамъ, на утренѣ и на обѣднѣ, по нѣскольку шажковъ дочерямъ и невѣсткамъ... *Женйло* проситъ и себѣ!. „Ще й тоби"! говоритъ старикъ:—„я, якъ бувъ такы́мъ, нико́лы у ба̀тька не просы́въ!.. Ну, на; та йды́ соби геть!.. Архыстраты́хови жъ Мыхаилови поставъ"!.. уже вслѣдъ, а тотъ только усмѣхается;—„а на службi Іва̀нови Во̀ину"!.. чы не оду́чять хоть воны́ тебе одъ кула́чокъ [1])!.. „На жъ и тоби, стара̀"! заключаетъ старикъ, обдѣливъ всю семью и отложивъ и себѣ нѣсколько шажковъ. Старуха отказывается: „гдѣ ужъ! мнѣ-ли *протдвпытьця* (протолкаться т. е. къ свѣчамъ и къ иконамъ)"! Вотъ, говоритъ, на службу пораньше пойду и Матери *Бо̀жи* свою, *самодилкову* (домашняго, своего приготовленія).

Уходитъ въ церковь старикъ, а за нимъ и другіе: сыновья, невѣстки, дочери... Какіе *дукачи* (въ родѣ медальоновъ—мѣдные, серебряные, иногда и золотые) у нихъ, *намыста́, стричкы́*! Какія свиты бѣлыя:—еще ни разу не надѣвали!... Послѣднею

---

[1]) Старикъ намекаетъ на предстоящіе, во время праздниковъ кулачки. Вообще, парубокъ въ многочисленной семьѣ у насъ какъ, будто чужой: воно таке зилля—задыракувате, гулливое, въ лѣсъ смотритъ, а не въ семью, пока не женится, т. е., не то чтобы въ лѣсъ, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болѣе наружное, чѣмъ внутреннее, болѣе ворчаніе, чѣмъ дѣйствительно гнѣвъ: «Ще й тоби» говоритъ старикъ Туркутъ:—«ну, на, та йды соби геть»! Скажу даже больше: я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не было чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго насупленному виду, сердитому голосу,—также крѣпко сомнѣваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велѣлъ поставить свѣчи Архистратигу Михаилу и Ивану Воину, именно для того, чтобы они отучили повѣсу отъ кулаковъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь Тарановскый кутъ (уголъ, т. е. часть села, гдѣ живутъ Тараны) гонять праздниками на кулачкахъ, какъ череду. Не даромъ же повѣса, уходя, усмѣхался!

собирается старуха... останавливается еще разъ, оглядываетъ себя и все кругомъ, какъ бы еще чего не забыть. Ушла—и чрезъ нѣсколько секундъ снова назадъ, стучитъ въ окошечко: „Глядить же мени“, говоритъ: „не забýдьте телятý нагодувать“!

Остаются дома: только невѣстка съ груднымъ ребенкомъ, всѣ *дивчáтка*-онучки!—гдѣ имъ толкаться ночью!—да онуки-мальчики, которымъ въ церкви пришлось бы только носы утирать. Къ обѣднѣ, пожалуй, кое-кого и изъ нихъ заберутъ, кто покрупнѣе—старуха возьметъ,—*матери*; а теперь:—„вонò ще зовсимъ малè,—якúй ще у йёго грихъ“!

Главная забота остающейся дома невѣстки—убрать хаты, накормить теленка и затопить *пéчи*.

Уборка хаты въ настоящемъ случаѣ состоитъ уже не въ подбѣливаньи и вымываньи: все, чтó нужно было вымыть и вымазать, вымыто и вымазано вчéра послѣ вечéри, или,—какъ объ этомъ сказано мною въ своемъ мѣстѣ—и раньше. Не займется теперь невѣстка и украшеніемъ хаты. То ли, что для народа, говоря вообще, праздникъ становится осязательнѣе, ближе его сердцу, теплѣе, только съ того момента, когда въ празднованіе начнутъ привходить предметы, болѣе доступные его пониманію и ему близкіе—напр., на Свѣтлый Праздникъ, когда, на заутрени, „обнимемъ другъ друга“, еще болѣе, когда вокругъ церкви станутъ рядами *паскú*, и еще болѣе, когда хата, все и всѣ въ праздничномъ, всѣ цѣлуются, христосуются, а на столѣ—паски, то, другое,—другими словами, то ли, что праздникъ у народа, по крайней мѣрѣ у нашего народа, сосредоточивается главнымъ образомъ въ обѣденное и послѣдующее за тѣмъ время, или же тутъ имѣютъ значеніе какія-либо другія причины, напр., просто разсчетъ, заняться украшеніемъ, когда вытоплено, подметено, пыль не подымется и не сядетъ ни на чемъ—тó ли, или это; но сколько я замѣтилъ, украшеніе хаты на Рождество дѣлается у насъ всегда, когда вотъ-вотъ уже изъ обѣдни!... подразумѣвается, если кто нибудь изъ женщинъ во время обѣдни дóма; если же всѣ уходятъ въ церковь—чтò, скажу мимоходомъ,

бываетъ только въ семействахъ слишкомъ немногочисленныхъ, да и то̀ не всегда,—украшеніе—во всякомъ случаѣ—послѣдняя вещь, чѣмъ займется хозяйка, или кто тамъ вмѣсто нея, такъ что приди изъ церкви, поклонись образамъ... погляди кругомъ— свѣженькое все, чистенькое, хата какъ съ иголочки... Невѣстка Туркутишина, потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время обѣдни наименьшая невѣстка:—кстати, она такая *джыджулу̀ха* [1])! она уберетъ постели, одежу, которую поразбрасывали спѣшившіе въ церковь; меньшія дѣти станутъ подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чѣмъ Богъ послалъ: дѣвочкамъ—*наму̀стечка* по *разо̀чку* (по ниткѣ) или по два, а, пожалуй и какую-нибудь ленточку на головку... мальчикамъ— копѣечной тесемки по кусочку, *въ за̀стижкы*; а встанутъ всѣ— солому подобрать, гдѣ спали, *пидъ пичь*, хаты подмести, повынимать *рушныкы* для убранства хаты и т. д.

Кормленіе теленка,—не на Рождество, а во всякое другое время,—занятіе не изъ такихъ, которыя особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество,—для нихъ, а слѣдовательно и для насъ, ведущихъ рѣчь объ ихъ *Риздвя̀нныхъ святка̀хъ*, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ,—коровы, во время *Риздвя̀нныхъ святокъ*—Риздвянныхъ свято̀къ въ тѣснѣйшемъ значеніи, т. е. первыхъ трехъ дней: на *са̀ме Риздво̀*, или на *Святый Вѐчиръ*, какъ у меня названъ тотъ день, на *Богоро̀дыцю* и на *Тро̀йцю*—должны быть неразлучно съ своими телятами, и телята должны *въ пры̀пустъ* (сколько хотятъ) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убѣжище Матери, рождающей Бога, или что-либо другое послужило тутъ основаніемъ—не берусь разсуждать. А что дѣло ограничивается однѣми коровами—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рождаютъ; но послѣднія—въ

[1]) Любящая, чтобы все было на ней и гдѣ она живетъ, изящно, чисто, принаряжено. О мужчинѣ не говорится джыджулунъ, хотя и говорится прыджыджулывся.

такомъ снисхожденіи не нуждаются:—онѣ и безъ тогo не разлучны съ дѣтенышами. Притомъ, животныя эти, занимая столь почетное мѣсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ празднествъ, занимаютъ слишкомъ непочетное мѣсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, относительно коровъ и телятъ, мои земляки и землячки такихъ-именно убѣжденій, а потому, тотчасъ послѣ вечери на Багату Кутю, телятъ впускаютъ къ матерямъ,—въ кошары, или гдѣ тамъ онѣ есть,—и оставляютъ вмѣстѣ до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долѣе. Если же теленокъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворѣ, или пожалуй въ темнотѣ наступитъ *товаря́ка*,—держатъ въ хатѣ, по крайней мѣрѣ ночью, но за то носятъ, какъ можно чаще, кормить. „А що“, спрашиваетъ молодой *хáзяинъ* у своей молодой *хазя́йки*:—мóже бъ порà до корóвы теля́?—„Та тилькы що носы́ла“!—„Ну, и що жъ“?—„Такъ цмолы́ть (съ охотою, съ аппетитомъ сосетъ, *ажъ цмокае*), такъ цмолы́ть“!—„А та?“—„Та?... скáзано, мàты—ажъ пидтюпцемъ [1]), якъ побачыла!... и такъ лы́же ёгó, лы́же“! И молодой *хáзяинъ* поворачивается къ окошечку съ улыбкою, которая даетъ разумѣющему разумѣти, что благодать Божія на домѣ семъ: „Ну“, говоритъ, „полыжы́ жъ и ты своè“!

Самая главная забота остающейся невѣстки—топить *пéчи* и *прыймáтьця пóратьця*. Печка въ той хатѣ, *черезъ сины*, топится сейчасъ же, по уходѣ всѣхъ въ церковь, или, смотря по заведенному въ семействѣ порядку, немножно позже; но въ печкѣ здѣсь, гдѣ и ѣсть будутъ варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы *топинка* окончилась непремѣнно до окончанія обѣдни—а обѣдня на Рождество бываетъ у насъ по деревнямъ довольно рано—и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось немножко времени и *прыджыджу-*

---

[1]) Этому слову нѣтъ соотвѣтственнаго въ великорусскомъ языкѣ. *Тюпать*—бѣжать рысцею, *пидтюпцемъ*—идти такъ быстро, что вотъ-вотъ побѣжитъ, и даже сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ.

лыть хату. Въ семействахъ немногочисленныхъ,—вообще, гдѣ на обѣдню всѣ уйдутъ и печки *дотóплювать* некому будетъ—разводится огонь и еще раньше, чтобы покончить совсѣмъ по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда *задзвóнять у веси.*

Впрочемъ, хлопоты тутъ *зъ топинкою* не бываютъ такъ многосложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣтлаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ *бýдденъ*. Блюдъ, въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, приготовляется немного; все, чтó нужно для *варинкы*, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. принесены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А чтó вчера сало накрошено, мясо нарублено—объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ понятіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество' вообще грѣшно работать: напр., грѣшно доставать *вáрыво* изъ погреба, мыть лаву, даже топить грѣшно, и если топимъ, то дѣлаемъ это по самой необходимой необходимости [1]); но крошить, рубить—вообще, *рѣзать*—изъ работъ это у насъ самая грѣшная! Откуда это, въ силу какихъ причинъ, подъ какими вліяніями сложилось у насъ такое вѣрованіе? Замѣчу однако, что рубить, дѣлая *домовúну* (гробъ)—не грѣхъ, какъ не грѣхъ дѣлать это ни въ одинъ день въ году, конечно, если настоитъ въ томъ крайняя надобность. И еще замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины рѣзать на Новый Годъ и еще грѣшнѣе. Это еще непонятнѣе. Хотѣлось бы очень знать, въ какой степени повсемѣстно это вѣрованіе у украинскаго народа, не выключая галичанъ и потомковъ запорожцевъ. Нашъ Новый Годъ, къ сожалѣнію, я имѣлъ случай наблюдать только въ Полтавской губерніи и, главнымъ образомъ, только по рѣкѣ Оржицѣ.

Время отъ заутрени до обѣдни употребляется, мужскою частію семьи, на тó, чтобы овцамъ, лошадямъ и проч. дать

[1]) Ужинать, поэтому, на Рождество у насъ почти никогда не готовятъ, какъ объ этомъ будетъ и ниже.

досвитча́ну и *вра́нишину* порцію корму, погнать до *ополо́нкы* и проч., и чтобы немножко *прыкорхну́ть*, *замiну́ть* по крайней мѣрѣ, т. е. дать *досвитчану* порцію сейчасъ, пришедши отъ заутрени, потомъ заснуть, а потомъ, уже предъ самою обѣднею, дать и *вранишню* порцію.—Кормленіе и напованіе скота въ этомъ случаѣ дѣлается не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще—не по заведенному порядку, а *гурто́мъ*, общими силами, чтобы поскорѣе. „А нуте, диты, кы́ньтесь!" говоритъ старикъ Туркутъ—и тотъ по *осоку́*, тотъ солому *смы́кать*, тотъ ополонку пробивать—не прорубливать, а пробивать—а *мале́ча* ужъ конечно возлѣ овецъ. Такъ же точно употребляется это время и женщинами: кормятъ птицу, свиней и *щобъ хоть о́чи полама́ть*[1]), —съ тою только разницею, что какъ птица и свиньи, *вдо́свита* никогда не кормятся, то не кормятся и теперь.

Но вотъ снова зазвонили *до це́рквы*,—(конечно, у *велы́кого дзво́на* другой кто звонитъ, а не Герасиме́нченко)—снова опросталась хата, да ужъ такъ, что только наименьшая невѣстка дотапливаетъ печку, да двое, трое дѣтей, *хво́ренькыхъ* или совсѣмъ *не́змыслнивъ*, дома,—даже груднаго ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, *джыджулу́ха* принимается, наконецъ, хату *джыджулы́ть*...

Но нѣтъ! не стану объ этомъ разсказывать! Интересно наблюдать, какъ обломокъ мрамора, подъ рѣзцомъ искуснаго ваятеля, мало-по-малу превращается во что-то образъ имѣющее; но гораздо выше интересъ—взглянуть, когда этому мрамору данъ, такъ-сказать, послѣдній ударъ, и произведеніе явится во всеоружіи соотвѣтственныхъ идеѣ формъ...

Случалось мнѣ на Рождество входить къ моимъ землякамъ и въ хаты... и въ мѣщанскія и въ панскія *го́рнычкы*, и въ велико-панскія и купеческія горницы. Войдешь къ купцу, мѣщанину и даже къ подгородному доброму моему земляку—панское и великопанское въ сторону—такъ и рѣзнетъ сейчасъ тебѣ въ

1) Непереводимое выраженіе: «Не засну́ла, а тилькы о́чи пола-ма̀ла», говорятъ преимущественно женщины.

глазъ: какая-нибудь яркаго цвѣта занавѣска у кіота—у купца; шпалеръ, теремокъ—у мѣщанина, у подгородняго земляка. А рѣзнуло въ глаза,—дѣло извѣстное—и вниманіе тамъ остановится, недоумѣваешь или усмѣхаешься, а дальше не пойдешь, а пойдешь,—не скоро, или такъ пойдешь, что̀ и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входилъ къ моимъ добрымъ землякамъ, хуторскимъ или сельскимъ захолустникамъ,—бѣденъ ли онъ, достаточенъ,—сначала, отъ порога, только чистота—не та, какою-то терпкостію дышащая чистота, которая обдаетъ васъ, когда входите въ нѣмецкій домъ, а чистота теплая, улыбающаяся... отъ *пéчи*, зъ пидпіччя, отъ *мы́сныка*, лавы, *полы́ць*... потомъ, на *колóчкахъ*, постепенно: *рушнычкы́*, рушники, шитые рушники, разшитые... и наконецъ, въ преразшитомъ рушникѣ, на бѣленькомъ *божныкý*, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими изъ *божныкá* обильными колосьями жита... какъ средоточіе міра этого, какъ его послѣднее слово... *мовъ въ гниздéчку*,—маленькій, потемнѣвшій... ликъ какъ и наши, изможденный, какъ и мы... благословляетъ!.. голова долу преклоняется, рука поднимается крестъ сотворить... А подъ нимъ, поистинѣ *Вочеловѣчившимся*[1]), на *пóкутти*,—ясли, гдѣ Онъ когда то...

Обѣдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свѣча. А все не то, что Багата Кутя,—нѣтъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чѣмъ такъ проникнута *вечéря*.

Если и весело бываетъ на Рождество за обѣдомъ—веселость выходитъ какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ разрумяненными подъ вліяніемъ чарки, послѣ холода, щеками..

За первою чаркою вспоминаютъ и отсутствующихъ—„нехáй же, мовъ, легéнько и имъ згадáетця!“—но вспоминаютъ какъ-то вскользь, безъ особеннаго значенія; а ужъ заплакать—очень, очень рѣдко!

---

1) Едва ли иной народъ, съ очертаніями своего лица, отразилъ себя въ иконописи, больше, чѣмъ народъ украинскій—конечно въ иконописи своей, а не заимствованной, или привозной.

Предложатъ дѣтямъ *горилкы*—если еще и предложатъ: пьютъ—пусть пьютъ, а не пьютъ—„дурни, такóго дыва та не хóчуть!“

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непремѣнно замѣтитъ, что того, чтó было вчера, ужъ нѣтъ!

Первымъ блюдомъ на столѣ непремѣнно является что-нибудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные *товчéныкы*, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто чтó хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго—даютъ немножко кути или узвáру; но только, говорю, начать обѣдъ непремѣнно нужно вчерашнимъ.

За этимъ слѣдуетъ сейчасъ колбаса—смотри, *джыджолýхо*, чтобъ была она горячая, шкварчащая! Ужъ не даромъ же шесть недѣль „и въ вúчи не бáчылы, якá вонá!“

Колбаса—„не та чóрзна-яка, а хорóша ковбасá, нáська“—вообще говоря, для насъ желанный гость на столѣ, и появленіе ея мы всегда привѣтствуемъ извѣстнымъ осклабленіемъ въ лицѣ и ковтаніемъ слюнокъ; чтóжъ и говорить, если еще шесть недѣль!.. шутка ли—шесть недѣль! А вѣдь есть несчастные, которые и по шести мѣсяцевъ и даже по шести лѣтъ въ глаза ея не видали!.. Запѣвалы, конечно, тутъ *малéча*: чуть *джыджолýха зашамотила* у печки, послала *хвáткы* доставать сковороду—позаворачивали *головкú*, повытягивали шеи... А старшіе —„оцé бъ такú й вонú!“

Но вотъ сковорода визжитъ, тянутъ по черени... вытянули, *сычúть*—мысли и сердца дѣтскія, áможе шествіе ея! А! поставили на столъ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дѣтскій восторгъ, удивленіе—только изъ дѣтскаго желудка! Дѣло въ томъ, что эта самая колбаса, и не дальше какъ сегодня утромъ, была въ лѣсѣ, въ *садкý*, или просто гдѣ-нибудь въ *гайкý*, на деревѣ, и особенно на вербѣ, вмѣстѣ съ саломъ и тому подобнымъ скоромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаніемъ обѣдни, спустилась—въ село, въ печку, и прямо на сковородку! Поне-

волѣ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, да вздумаетъ снова!.. Въ какой степени распространенъ у насъ обычай говорить подобное дѣтямъ—не знаю; но знаю навѣрное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктѣ лѣвой стороны Днѣпра... Нижеподписавшійся самъ испытывалъ ощущенія, которыя сейчасъ описалъ, и живо помнитъ, ка̀къ во времена оны, ѣдешь бывало съ старикомъ къ заутрени—переѣзжать надобно было черезъ лѣсъ:—„А что́“, спрашиваешь, „колбаса вѣрно ужъ спускается съ дерева“?—„Какъ можно! отвѣчаетъ серьезно:—еще рано“!—„Да гдѣ жъ она?—невидно“! „Въ *гущыни*, ночь“! Случалось, что къ заутренѣ не ѣздили, а поѣхали къ обѣднѣ: „Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! вѣрно ужъ на *пивдéрева* спустилась“! А возвращались изъ церкви: „Вонъ-вонъ“! говоритъ:—видишь, какъ *чхурну́ла*“!—„Гдѣ, гдѣ“?—„Да вонъ же, впереди“!—„Да гдѣ же“?—„Эхъ, якы́й же ты дурень! говорю—впереди“! Вы напрягаете все вниманіе, *зпына́етесь* (поднимаетесь) на саняхъ—нѣтъ!—„Схова̀лась ужé“, говоритъ, „за ригъ повернула“!

Въ семействахъ, познакомившихся съ разными, идущими въ снѣдь, прибавками, къ колбасѣ подаютъ соленые огурцы. „Щó то вонó за птыця була̀ бъ, та ковба́са, якъ бы ій крыла“!

За ковбасою слѣдуетъ иногда борщъ, но большею частію, можно сказать почти всегда, *капу́ста*, что-то въ родѣ великорусскихъ щей, только гораздо гуще—почти розмазнею: приготовляется изъ сѣченой капусты, немножко пшена, *съ свини́ною.* Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества *капустѣ* отдается преимущество предъ борщомъ—не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется ничего рѣзать, а для капусты не нужно ни *пелюсто̀къ* рѣзать, ни *бурякивъ крыши́ть*? Притомъ, приготовленіе *капусты* легче и не столько *коло̀ нѐи захо́ду и забобоновъ*, какъ возлѣ борща.

Капустою и оканчивается обѣдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдѣ до колбасы не ѣли кути, послѣ капусты ѣдятъ еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ;

но какъ избранныхъ такихъ не слишкомъ много, то и считаю себя вправѣ заканчивать на Рождество обѣдъ капустою.

Послѣ обѣда, *джыджулу́ха* съ мужемъ собирается къ своимъ, въ Гринькú—да чтобы все новое да лучше надѣть! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивляются—„вотъ“, молъ, „у *Ивиены*: кóмиръ у нèи на кожу́си бабакóмъ оббы́тый, платокъ—съ золотыми цвѣтами“! Джыджулу́ха бѣгаетъ, суетится, а старикъ наказываетъ и поклонъ передать *сватáмъ*, и просить въ гости *прыбувáть*. И непремѣнно добавитъ: „Та скажы́, що мовъ свекоръ щодня бьé“!—„А свекру́ха“, подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонѣ: „щодня́ исты не даè“!.. Тѣ собираются, а остальная семья—вся спать, даже дѣти: надо вознаградить за ночное бдѣніе, да и время свободное. А выспавшись хорошенько...

Но прежде, чѣмъ Туркутова семья выспится хорошенько считаю нужнымъ прервать на время свой разсказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, разсказывая про *праздникъ*, прошелъ молчаніемъ то, что̀ считается самымъ важнымъ въ праздникѣ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или обѣднѣ, или даже не повелъ васъ въ церковь? Вмѣсто всякаго объясненія, выписываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо. Подъ словомъ „святки“, праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что́ празднуетъ или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ украинскій народъ“ и т. д.—Рождественскія заутреня и обѣдня не заключаютъ въ себѣ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какимъ-нибудь особеннымъ трепетаніемъ, какъ, напр., приведенныя выше свѣтловоскресенскія „обнимемъ другъ друга“ и паски вокругъ церкви, или же *Ордáнь*, процессія по полямъ на Юрія, освященіе воды на *Маковія* особенно если еще освященіе бываетъ на паромѣ... Паромъ отчаливаютъ, выѣзжаютъ на средину рѣки—и тамъ святятъ воду... Рождественская заутреня и обѣдня для моихъ земляковъ,—да, сколько успѣлъ я замѣтить, и для великорусскихъ простолюдиновъ—какъ заутреня и обѣдня послѣдняго воскресенья, воскре-

севья предпослѣдняго и т. д. Вся разница въ томъ, „що то булà недиля, а то велы́ке свя́то, *Риздвó*, рòзговины"—а это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго церковнаго празднованія, да и то—одной только обѣдни, составляетъ особенность для моего земляка, именно то, что на Рождество „слу́жба ду́же дóвга"; но эта особенность не такого характера, чтобы могла занимать мѣсто въ моемъ изложеніи. Двѣнадцатый годъ и по груди Украины прошелъ нелегкимъ колесомъ; но наскочило это колесо не на томъ пунктѣ, гдѣ у нея сердце, а тамъ, гдѣ карманъ... да помяло немножко шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, чтó это правилось на Рождество послѣ обѣдни: „та то", говоритъ, „про Фрàнцуза... Фрàнцузъ, кáжуть, колы́сь... рàтныкивъ брáлы", и разскажетъ вамъ многое на тему „постачàлы—постачàлы"!.. да въ добавокъ, пожалую, укажетъ на свой *каптàнъ фабры́цького* сукна, сшитый отцомъ или дѣдомъ въ тѣ поры: „Бáчыте", говоритъ, „якè дермó (дрянь), а по пятнáдцять рублывъ, якъ однá копійка"!

Считаю нужнымъ, „за одны́мъ зàходомъ", сказать тутъ и слѣдующее. Украинскій рождественскій праздникъ, поставленный подъ уголъ зрѣнія, подъ какимъ у меня онъ поставленъ, кажется, есть не чтó иное, какъ продолженіе праздника, начавшагося вечерею на Багату Кутю,—продолженіе съ помарками и пробѣлами,—и заканчивающагося на Святый Вечеръ колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояніи народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а тѣмъ болѣе—мнѣ; потому и не осмѣливаюсь доказывать свое предположеніе, а только высказываю: можетъ быть, на чтò-нибудь пригодится. Скажу только, что основаніемъ для него у меня—главнымъ образомъ—вѣяніе и отъ Рождества тѣмъ близкимъ, *риднымъ*, о которомъ я упомянулъ во 2-мъ Письмѣ, говоря о Багатой Кутѣ, и которое я сильно чувствую всякій разъ, когда опускаюсь поглубже въ трактуемый предметъ. Вѣроятно, между двумя, видными на нашемъ горизонтѣ *озеря́вынамы* и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; вѣроятно, во времена оны, протекала тутъ какая-то рѣка, да мѣстами высохла

или берега обвалились, мѣстами ее засыпали или запрудили, и на лицѣ земномъ, послѣ многихъ столѣтій, является что-то, что разгадать въ состояніи только зондированіе почвы, сравненіе, соображеніе, трудъ долгій, терпѣніе великое. Болѣе же осязательными для меня признаками: 1) употребленіе на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго *домашняго* свойства; 2) въ извѣстной степени сходство—обѣда на Рождество съ вечерею на Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (*иттй* или *ихать* съ кутею), отправляясь къ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рождество; 4) другой обычай—проводить всею семьею день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непремѣнно дома, въ хатѣ, до наступленія колядокъ,—такъ-что, на дворѣ вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ—„диты до бáтька идуть, онýкы до дида и бáбы"; и 5) безразличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія *Святъ вечиръ*, *Святый вѐчиръ*: въ однихъ мѣстахъ Свя́тъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ—вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ—оба дня,—различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія *Святъ вечиръ*, а для послѣдняго—*Святый вечиръ*.

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ *си хàти*, тутъ же и пріѣзжая дочь съ своимъ мужемъ—сейчасъ послѣ сна пріѣхали—бесѣдуютъ, взаимно передаютъ новости, *забавляются* разными *зàбавкамы; малѐча*—въ той хатѣ тоже забавляются разными зáбавками, играютъ въ разныя *хàтни* игры.

Самыя употребительныя въ это время *зàбавкы*: *сòяшныкове* и *гарбузòве насиння* (сѣмена подсолнечника и тыквы), а при недостаткѣ сòяшныковагò и гарбузòваго—*дûняче* и *кавундòве*; орѣхи, гдѣ водятся близко лѣса; *кыслûци зъ квáсу*, гдѣ водится много садовъ; яблоки *зъ писпы* (особый родъ квашенья яблокъ) и *зъ капусты*, кто позажиточнѣе и познакомился съ подобными

прймхамы (выдумками, капризами); *медяни коржи* и т. п. У горожанъ, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ панству, появляются сверхъ-того иногда: *вергуні* или *бáнты*, *оришкы*, *шышечкй* и тому подобные продукты мѣстнаго кондитерскаго искусства, *маковныкй* и т. д. Разумѣется, старикамъ, какъ Туркутъ, всѣ подобныя *дурнйци* большею частью не по зубамъ, и они ихъ и называютъ тáкъ: „дурныця»! говорятъ. А вотъ груши и яблоки изъ *узвáру*—это другое дѣло! „Ке-лышѐнь мени горщóкъ зъ узвàромъ (Дай-ка, и проч.)“! Возставши отъ сна, онъ выпилъ наваръ, а теперь: тѣ—орѣхи, сѣмена, а онъ—свое, *зобá та й зобá* [1])!

Изъ игръ самая употребительная въ это время—любимая наша *цицибáба* [2]). Кому-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведутъ до порога и заставляютъ взяться руками за колышекъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: „А ну“! скажетъ какой-нибудь *цвиркýнъ* (сверчокъ), изъ-подъ *пдкуття*, или просто стоя посреди хаты,—увернется, надѣется на свою ловкость:—„уже“! говоритъ, и цицибаба, повернувшись и разставивъ руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда игра въ разгарѣ, такую возню подымутъ, такой *гвалтъ* и крикъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всѣхъ сторонъ шмыгаютъ, хохочутъ, дергаютъ, *сипають*, а бѣдная цицйбаба, какъ вьюнъ на огнѣ: и сюда, и туда!... Пойманный въ свою очередь, становится цицйбабою.—Въ большомъ ходу въ это время и *чмыхъ*. Садятся въ кружокъ—посрединѣ хаты или на *полý*, гдѣ лучше, и одинъ объявляетъ, что „запирается чмыхъ“, т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже *чмйхнуть*. Игра

---

1) Зобать—клевать, говорится о птицѣ, клюющей зерно, по преимуществу съ вылущиваніемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобающихъ насиння, ѣдящихъ что-нибудь мелкое, напр. груши, потихоньку, зъ разстановкою,—словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ посмотритъ, поворотивъ головку—другимъ, и клюнетъ. Вылущила—и снова.

2) Въ иныхъ мѣстахъ куци-баба.

состоитъ въ томъ, что одинъ старается разсмѣшить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказывается условленнымъ числомъ ударовъ *джгутомъ* (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чмихъ. Иногда выходятъ очень смѣшныя сцены! Для *дитвдры* довольно одной мысли,—и чмихнуть нельзя—ужасно какъ смѣшно! а тутъ еще кривляется, дѣлаетъ рожицы... Иной, чтобы вѣрнѣе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядѣть, особенно на *тогб*... но нечаянно взглянулъ, за носъ себя!.. движеніе его замѣчено—и другіе за носъ... Нѣсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ взрывомъ, посинѣли даже—и вдругъ чмихъ, чмихъ, чмихъ, неудержимый хохотъ! Но иногда выходятъ сцены и другого рода: дѣло доходитъ до слезъ и до разбирательства старшихъ...

Но вотъ уже въ хатѣ темнѣть начало,—пора засвѣтить *каганéць*—на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не топятъ, *вечéряють* то, чтò осталось отъ обѣда,—почему утромъ и готовятъ побольше; вотъ *зашамотила дитвдра*: кто постарше, одѣлись, куда-то ушли; немного спустя каганець засвѣтили—дивчатъ ужъ нѣтъ, куда-то исчезли, паробокъ *шмыгнýвъ*, нѣтъ даже одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидѣла, какъ-будто ничего и не случилось, продолжаютъ *гýторыть*, забавляются *зáбавкамы*, ведутъ тихую бесѣду...

Стукъ въ сѣняхъ отъ многихъ *чобитъ*; отворилась хата—*дитвдра*—*колядныкы*, первая *бýрта* (первый отдѣлъ).

Охъ, дѣтство мое невозвратное!..

Пишущему строки сіи воспоминается его дѣтство, когда и онъ еще былъ малымъ-премалымъ *пахòлкомъ*!..

Семья, какъ и Туркутова: старикъ, *старèсенькая* моя—не *старèсенькою* тогда была! всѣ, и я возлѣ *старèсенькои*, *прытулывшысь*...

Воспоминается, какъ одни за другими колядники: *дитвóра* дивчата, парубки, женатые... просятъ благословенія;—благословятъ, колядуютъ...

Вспоминается, какъ дивчата—(подъ крылышкомъ у матери, любимое дитя)—*прыспивувалы* мнѣ...

Ой рàно кýры запилы,
Святы́й вѐчиръ!

А ще ранише панъ Матвійко вставъ...
какъ я прятался подъ рукавъ матери....

Панъ Матвійко вставъ, коня́ осидлàвъ,
Коня осидлàвъ, въ пôле выижжавъ...

Но всего памятнѣе, когда два брата Лёдовéнки—какіе колядники были!.. высокіе, длинноусые, строгія лица!..

Нѣтъ, не вспомнить мнѣ тѣхъ колядокъ! Про какихъ-то *орливъ* пѣли, гдѣ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто... какъ-будто теперь осень скучная и холодная... а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вѣтеръ хлопьями доноситъ—что-то больно, больно щемящее сердце... какъ будто:

Вылитàлы орлы́
Зза крутôи горы́,
Вылитáлы, буркутàлы,
Рôскоши шукàлы...

„*Вернитеся*", говорятъ, „*литà мои*"!—„Нѣтъ,—отвѣчаютъ, *не вéрнемось, не вéрнемось*"!..

13 февраля 1861 г. С.-Петербургъ.

Дидъ Мына и баба Мыныха. [1]

I.

Сусидами тутъ звутця, хто биля кого жыве... Вонѐ и въ нашій сторони такъ же само: хто биля кого жыве, и сусиды соби. Тилькы въ нашій сторони и ти ще, хто въ чужій хати не наймомъ. Буде оцѐ въ чоловика хата порожня, и винъ пустыть въ іи когѐ жыть, той вже и *сусида* ёго, хоть бы та хата була геть де-нѐбудь одъ ёго, хоть бы за селомъ, або и въ другому сели. Сихъ сусидивъ ще йноди й пидсусидками звуть у насъ; тилькы то вже по-письменному такъ, паны такъ звуть, а народъ—просто: „Сей чоловикъ,“ каже, „сусида мій!“ або: „йде до мене въ сусиды.“

Въ такыхъ сусидахъ колысь у насъ багато народу жыло, и у панивъ, и у заможнёго козацтва. Охочо було йдуть въ сусидство; навѐтъ було йдуть, хто и пользѐ своѐ мавъ. Прыйде було до хазяина: „А що“, мовъ, „пане Петре!“ або тамъ: „пане Семене! прыймай въ сусиды!“—„Прошу“, каже, „покорно прошу!“ Заыскувалы, знаете, хазяины народъ: просторнише було. „А заложыть же за тебе“, каже, „багато треба?“ Се бъ то заплатыть першому хазяинови довгъ, або подушне тамъ и рекрутчыну. „Пять тамъ, чы десять рублив.“—„Добре“, каже. И заложыть,

---

1) «Хата», сборникъ изд. П. Кулиша. Спб. 1859. 8°.

и той перехо̂дыть. Та чомъ було́ и не йты? Хазяинъ заложывъ довгъ, або̂ подушнѐ и рекрутчыну,—звисно, не да̀ромъ, а вывертà за робо́ту. Одбу́ткивъ сусида не зна: хазя́инъ всимъ дворо̂мъ одбува́ одбу́ткы, а не ко̂жна душà самà по соби. Воно̀, здае́тця, те та на те й выхо́дыть, тилькы въ хазя́йстви воно̂ не выхо̂дыть те та на те, ни для хазя́ина, ни для сусидивъ. По̂тимъ, для худо̂бы сусиды да́ромъ хазя́йська толо́ка и хазя́йськый пасту́хъ: де хазя́йське пасѐтця, тамъ и ёго̂; огоро́дъ, пидметъ для конопе́ль—тежъ да́ромъ, а иноди—й для сина по̂ле, або́ боло́то; жне за снипъ, моло́тыть за коро̂бку, ко̂сыть, гребе́, ривъ копà, скотъ пасе́, наймытуе—за гро́ши, або̂ одверта́. Всяка робо̂та гуртова́,—прымиромъ сказàть, орàть, тыны плесты, хàты вкрывàть, хазя́йськи и сусидськи,—гурто̀мъ зъ хазя́иномъ и за хазя́йською харчю. Та що̂ й казáть? Якъ тилькы сусида не зо̂всимъ бувъ ледàчый, зкончытця рикъ—подушне́ й рекрутчына одро̂блени, зъ симъею выгодувався, зодигся и зобу́вся, худо̂ба и вся рухо́мость пры ёму́, та ще й прыдба́: прыплидокъ тамъ одъ скотынкы, хлибець не поила симъя́—прода́сть, гро́ши бу́дуть. А якъ ще сусида якѐ ремесло̂ мàе въ рукàхъ,—прымиромъ сказать, музыка винъ, або́ швець, або̂ кушниръ—ще бильше грошеня́тъ заро̂быть, и одъ людей, и одъ хазя́ина. Иноди було̂ самъ такы хазяинъ навчыть и ремеслу́.

Покійныкъ тату́сь—нехàй надъ нымъ земля перомъ!.. Вже було́ ледàчи цурàютця ёго̂, якъ *той* ла́дону; затѐ роботящи люде—все було́ до ёго въ сусиды. Бо такъ було̂ покійныкъ: побáчыть, що тамъ у котро̂го хло̂пець, або́ дивчя до чо́го вда́чу ма́е: „Э“, ка́же, „та твій, бачу́, Петру́сь, або́ твоя Мотру́ся—о́нъ-що зъ ихъ бу́де!“ и зàразъ же и одда́сть въ нау́ку, або́ тутъ такы, до котро̂го зъ сусидивъ, або́ куды выше. Соби, зна́ете, була́ корысть: якȯго пу́жно, и есть, не трѐба ни спытувать, ни йиздыть; ну, и сусида ёго́ бу́де чоловикомъ замо̂жнымъ. Такъ що, въ яку́ було̂ ха́ту ни зайды у ёго до сусиды: бàтько оцѐ тамъ—на скрыпци, або́ шыломъ ро̂быть, жинка—ткàля, дочка́—кылымныця; а якъ що чоловикъ було̂ росторо̂пный и невсыпу́щый, то й ра́зомъ на всяке дило. Та що́ й ка-

зàть? У покійныка мижъ сусидами всёгó булó знáйдешъ, чогó тильки въ хазяйстви трèба: трóе на скрыпкàхъ грàлы, та ще якъ грàлы! и въ панивъ булó весилля грàють! трóе шèвствомъ зароблялы, чынбари, воскобійныкы, кравци, пòвсти былы, кылымныци, ткàли—всёгò-всёгò, кажу, булó.

II.

И такымы-то сусидамы у насъ булы и дидъ Мына зъ своèю бáбою. Тамъ хàтка булà у насъ надъ дорóгою, якъ-разъ проты нàшыхъ хатъ,—воны й жылы тамъ. И булö—ненàче тепéръ іи бàчу! зимою зàвжды очерéтомъ—викóнця тилькы блыщять, мовъ у тыи сидухы очыци; а литомъ—билèнька-билéнька, сказáвъ бы въ новій сорóчечци! и въ стрихы зъ усихъ бòкивъ—вылà, граблыщá, штыли: [1]) згорбылась, мовлявъ, старèнька бабуся, та й пàльци розстáвыла... И булò, якъ почнé вже вечорить,—по толòци каплоухи до хутора, тилькы трюхъ-трюхъ однà за 'дныéю, ажъ уха телипàютця; дали—вивци, а тамъ и товàръ, и котрè жъ пòпаскы, а кордвы—такъ попèреду, и ажъ гòловами выхытують! А баба Мыныха вже й колò порòга, высивокъ тамъ заколотыла, лушпаёкъ въ пидсытокъ: гарнéньке у старыхъ булò хазяйствечко. И якъ наблызятця—тому сёгò, тому тогò... а ыноди й по шматкý ще хлиба, та й силлю зверху... Погладыть, почуха, лàскаве слòво скàже,—не такъ якъ у ыншыхъ, що тилькы й чуешъ—проклынàють, абò й ломáкою. А котрé, въ репъяхы тамъ, въ колючкы вбрáлось, абò въ багни валялось, зашкарубло: „Ай-яй!" кàже, „якъ же оце ты, ледащыце! абò тамъ—бродяжко!" и повыбирá, обчуха, а ыноди, то ще й гребиночкою розчèше. Стоитъ скотына, абò овечка, пъе тамъ, або хрума, и знай хвостòмъ... любыть. А ыноди й бáбу пыкою, по спыни тамъ, абò по руци: „И тебé", мовъ, „почухаю!"

И предывніи булы покійныкы обòе, дуже дывни! Тепèръ такыхъ людéй вже й немá! Трудящи булы, невсыпущи, а тилькы такъ якось...

---

[1]) Що солóму нóсять, якъ молóтять.

Прымиромъ, жне було Мына, або косыть,—якъ и други робыть; а дали—кынувъ серпъ, або косу: „Годи вже!“ каже, та ще й шапку-кожушанку свою зверху, долонею,—завжды було іи ажъ на нисъ, и завжды вона въ его, якъ у тій писни спивають:

Зверху дирка,
Витромъ пидбыта.

„Пиду ще“, каже, „до-дому!“ и повіявся геть помижъ жытамы, тилькы шапка та поверхъ колосся, мовъ той будякъ, що репнувъ и пухъ розлитаетця. Або оце возовыця було почнетця сусидська, дидови свое бъ треба перевезты: „Вже жъ“, каже, „паноче, нехай и мое разомъ перевезуть!“ и пишовъ, не дожыдаючы одвиту.

И не подумайте, щобъ хто на его зъ сусидъ за те поремствувавъ колы. „Не тилькы“, мовъ, „въ хазяйській роботи ввылюе, а й ему ще робы“,—ни! Равъ те, що то вже такый чоловикъ бувъ, такъ уже й зналы, що винъ такый, що его вже не переробышъ; а друге—вси зналы, що хоть иноди й за его прыходытця, такъ винъ же за тебе во-стократъ. Винъ покынувъ отто жныва, або косовыцю,—вже то винъ щось та нагледивъ, або щось та надумавъ, и нехай бы котре пишло, то або цимрыну лагодыть коло колодязя,—обвалылась, недобре воду тягать,—або заплишуе и прыправляе дверци коло якои сусидськои кошаркы,—недоглядъ, або никольство господареви. И то вже певно знайте, що винъ тамъ обныкае и по сусидськыхъ хатахъ, и по огородахъ и скризь,—и де що не такъ, заразъ направыть, якъ треба; и на дитей посварытця, щобъ не пустувалы безъ матерокъ, або не робылы казна-чого, а котре голодне, и нагодуе; що попры сирнювано, а дощъ накрапа,—попрыбыра, якъ слидуе.

И якъ у малому було дили покійныкъ, такъ було и въ велыкому. Чоловыкъ оце на тикъ багато насадывъ, а тутъ хуртовына насуваетея,—кыне свое, що бъ тамъ ни робывъ, и заципъ: „А ну!“ каже, „молоты, небоже, скорише! бачъ яке суне!“ и стане у грядкы, и вже такъ було почне вымахувать ципомъ, и такъ ухекае того, що мусыть и шапку геть, дарма що морозъ

буде зъ очыма, якъ то ка́жуть. (Хоть и бильше шестыдесяты було, кремьязный ще дидъ бувъ! невелычкый такый, шырокоплечый и за́вжды пра́ве негдо̀леный, а волдо̀сся пра́ве й сывить ще не почына́ло.) Або̀ зно̀ву: оце́ буде бидный чоловикъ котрый зъ сусидивъ, и въ того̀ чоловика симъя велыка буде, ничымъ гара́здъ заплатыть кравцямъ, щобъ тамъ свытыну, або́ кожухъ зложылы,—прыйде до ёго: „А ну, лыше́нь“, ка́же, „свои лынтвари [1]), або̀ тамъ сукно̀“ (винъ и краве́цьке дило вмивъ), и зшпорта. Той тамъ, звисно: „Будь ла́скавъ, диду!“ або̀: „Спасыби, мовъ, тоби“, а дидъ и байдуже соби, мовъ и не чуе. И спра́вди було такы иноди не чуе: все, зна́ете, тамъ у ёго въ голови що-нѐбудь. Оце́ було̀ й дывытця винъ на тѐбе и дриботыть тоби (дриботунъ бувъ старый), а дума пѐвно о чимсь другимъ: „а якъ“, мовъ, „на-за́втре оттѐ и отте?“ Тымъ було̀ ча́сто: оце́ дриботыть-дриботыть, та й стане, або скаже тоби таке́, що ни къ селу, ни къ го̀роду. Хто не зна́въ ёго, було̀ пытаютця: „Та сей дидъ“, ка́жуть, „ма́буть, у васъ прыдуркуватый, або̀-що?“ То наши було̀ и шуткують: „Та ни“, ка́жутъ, „винъ не прыдуркуватый, а тильки однымъ днемъ за́вжды старшый одъ се́бе!“ Та́къ-то винъ було́. А якъ що вже було́ и почу́е, що тамъ той,—зведе́ бро̀ви (густи таки и велыки булы, и го̀лову и о̀чы за́вжды внызъ), и такъ и ба́чышъ, що „Що це“, мовъ, „винъ?“ и дывытця-дывытця; тильки вже выдно—щось друге прышло̀ на мысль, за ша́пку и повіявся.

А вже кисся́ було́, обручи, выла́, ключкы́, штыли—для усёго́ дво̀ру постача́ було̀: лисны̀чыть любывъ, й того́ було̀ понадбавуе! Якъ тилькы було́ выберетця у ёго̀ слободна годына,—деревяни постолы, магырку свою, черезъ плечѐ то̀рбу, за по̀ясъ сокыру,—и пишо́въ ча́вкать и брёхатьця, осо̀кою та очерета́мы, до лизъ и до лисивъ! И цилиси́ньвый було̀ день выходыть ыноди тамъ. И де вже було ожына есть, груши, те́ренъ, гусы дыки де на яйцяхъ, журавли,—все зна́йде, до всёго добудетця. А вже що гориxивъ-гориxивъ було́ но̀сыть! та ще все одынъ въ одынъ

1) Лынтва̀рь—ове́ча шкура.

чорнобрывци, що вже спіе-спіе, та й вывалытця зъ гнизда! знайды та роскусы, то ядрd ажъ хрумтыть! Зъ мышыныхъ ниръ достае́ булd ихъ, й видтиля булd выдере! Зъ инои норы, якъ роскопа, ыноди булd въ дdброи пивъ-корбdбкы выгорне!

Мы, диты, якъ булd знаемо, що винъ въ лисъ пишdвъ, тилькы вѐчиръ—надъ гору, и вже й очѐй не зведемd; то гляды лышень, и гойдаетця де-небудь повѐрхъ очерѐту гаёкъ... Оттd вже Мына начухрàвъ тамъ всячыны, и такъ, зъ гиллямъ и лыстомъ, и лdмытця! И якъ выйде на бѐрегъ,—по пdясъ прàве въ грязюци (а тdрба и пàзуха dнъ-якъ надулысь!), брёхнувъ оберёмокъ dбъ-землю: „А нуте лышёнь!“ кàже.... Якъ зайци кынемось булd до ёго, и винъ: тому ожыны, тому горихивъ, а вже мени булd (дужче всихъ дитѐй любылы менѐ покійныкы обdе) яке-нѐбудь журавлыне яйцѐ, абd тамъ яструбенятъ, шуличенятъ.... И якъ пидемо булd выбрыкомъ на гdру, тылькы“: „Хи-хи-хи“! Скрыпъ-скрыпъ! (мовъ скрыпыть, сміётця булd). Та ще и въ бокы визьметця,—вовсимъ баштàнный дидъ, якъ витеръ, и лозына пидъ нымъ скрыпыть!...

III.

Якый дидъ Мына бувъ, тàкже сàмо и бàба Мыныха булà у всякій робdти! Де вже по іи сылахъ вàжко булd, абd де пичкання багàто—глыну тамъ мисыть, хàты валькувàть, конdпли мочыть и тягàть, за тѐрныцею—вонà не бувàла никdлы. А отъ—та й то хибà самà, бо іи вже и не клыкалы—пирья тамъ драть, вdвну скубты, помогты тамъ щd матуси. А и на нѐи нихтd булd не порёмствуетця, бо и вонà.... Щdбъ тамъ бабувàть булd, якъ у насъ стари жинкы прàве зàвжды, абd тамъ ликамы, абd знàхарствомъ,—никdли булd вонà; затѐ всяку хазяйственну чàсть нихтd булd такъ не знà. Прымиромъ, на корdву булd подывытця: „Ни“, мовъ, „зъ сыёи корdвы корысти не мàтымешъ“, то вже такъ вонd и буде, не мàтымешъ. Абd оцѐ на огорdдъ до тѐбе прыйде и пороскàзуе, що: „Оттутъ“, мовъ, „капустку, оттутъ картdпельку, а оттутъ для тютюну вгиддя“, то такъ и

робы, якъ каже; а зробышъ ынаково—все погано выйде! И такъ було вона у всякому надвирнёму дили. А вже що въ хатнёму дили—коло дійва тамъ, коло пёчы, коло тиста, коло варыва... Видкиля вона всёму тому навчылась, Богъ іи святый знáе... Káже було, що й маты іи була така баба. И тымъ всяке було до неи за порадою. Оце напалы скотыну перелогы, чоловикъ купуе телыцю або вивцю, тисто не зходыть, а тутъ такый случай: шышкы тамъ трéба липыть, коровáй бгать, кныши тулыть на гробкы,—зáразъ до бабы Мыныхы!... И вже хочъ яка тамъ нéпогодь, назустричъ іи витеръ, дощъ въ вичи сичé; а вона; зогнулась невелычкая, обгорнулась въ сиреньку юпчыну, на голови билый платокъ—и ажъ тюпотыть! Лéдви поспишáется той.

А вже якъ котрé захворяе було въ хутори, а особлыве дуже: „Бáбу Мыныху“, просыть було, „поклычте!“ Не знáла, кажу, вона ніякыхъ ликивъ, а тилькы буде коло хворого, вже ёму и лéгше! бо нихто було не зъумие такъ перевернуть, такъ голову вмостыть, вкрыть доладу. И вже було якъ поклычуть, не одпустыть винъ іи. Жинку й дитéй ыноди не пидпуска до себе чоловикъ, важко сердéшнему; а бáба Мыныха нехай тутъ буде... И якъ почне вже було вона ёму тыхою и неспишною мовою своéю, и се, и те... и такъ було тепленько тоби нею, ажъ до самого сéрця, та ще й усмихъ такый, (святи, мабуть, Божи тилькы усмихáютця такъ),—и чоловикъ заслухаетця, розважытця, лéгше ёму стане на тили и на души...

IV.

А на таку людыну хто жъ такы стáне рéистввувать, колы вона мáе Бога въ жывоти! А щобъ хазяинъ тамъ,—та вона однымъ пасишныкуваннямъ одплачувала хазяинови за все! Бо и тутъ вона, якъ и у всякій хазяйственній части,—и пасика наша зовсимъ була на іи рукахъ. Та ще того мало сказать, була на іи рукахъ: вона—не знаю, якъ сказать вамъ... Оце було тилькы прыйде Теплого Олéксы и сонечко гараздéнько обытріе, вже вона й йде.

„Добрыдень“, каже, „вамъ,—и вамъ, панбче, и вамъ, панимàтко, и вамъ, дитоньки!“ Було якось поважнише вона въ сей день.

„Добрыденъ и тоби, бабусю!“ кàжуть.

„Будьте здорови зъ прàзныкомъ святымъ, зъ Теплымъ Олексою!“

И почне. Іи просять садовытьця, одпочыть.—„Ни“ каже, „я прышла за диломъ, пора за Божу птàшку прыйматьця“.

„Та ще холодно!“ каже татусь:—«може бъ, ще пидождать.»

«Ни», каже, «пора: Тèплого Олèксы!.. хоть одынъ-другый улыкъ погритьця!“

И такъ уже було по іи й буде: поснидаемо, поклычуть двохъ-трёхъ чоловика зъ сусидъ, поблагословылысь (а горилки нихто було ни капли: не любыть бжола й духу горильчàного), и пидуть вси до бжоляныка!

И такъ було вонà цилисиньке лито, покы й знову пàсику на зимивлю въ погребъ: всюды прывидъ даè, а татусь тилькы за нèю, хоть и не дуже-то покійныкъ любывъ за чужымъ прыводомъ ходыть и хоть самъ знàвся на пàсици добре. И вже було, якъ одвезуть пасику въ поле, самà тамъ и рои збирà, и, чы трèба въ гречкы перевезты, одшукàе такè мисце; за всимъ, кажу, самà. И якъ було вонà, якъ прыйдемо туды до нèи!..

Тамъ у насъ степокъ—верстовъ зо дви одъ хутора, або й бильше—хорошый такый степокъ! И тепèръ винъ хорошый, а тоди ще луччый бувъ: травà зàвжды було въ поясъ, а ыноди и пидъ-плечи; а вже що квитокъ-квитокъ!... А на степку садочокъ въ прыдолынку: по краяхъ густо, мовъ зàгорода, а по серèдыни—чысте мисце, тилькы десь-нè-десь порозтыцювани вышенькы та квиткы... ще лучче, нижъ по степу: горбшокъ пахучый купами, матерынка, смилка, зàяча кривця... Тутъ-то й пàсика булà, хливèць велычèнькый для пасичныка и для улыкивъ..·

И оцè було, якъ кончымо писля обида вчèння, и братъ татусèви—братъ насъ тоди вчывъ—що, мовъ, добре вчылысь, татусь и одпустыть до Мыныхы: «Колы добре», кàже, «то нехàй и йдуть!» Вже знавъ покійныкъ, що якъ туды, то ничòго й

луччого намъ не треба! И запряжуть було визъ, або и просто пихо́тою, та ще и всякои всячыны матуся надае̂: тому глѐчычокъ зъ молоко́мъ, тому бо́рошно въ торби, тому са̀ло,—и мы мовъ ти комашкы, що несуть свои подушкы...

А та вже й выгляда̀ насъ! И якъ тилькы заглѐдыть,—назустричъ намъ: «Голубъяточка мои», ка̀же, „якъ потомылысь!“ И въ одну руку сало, въ другу глѐчыкъ, торбу зъ борошномъ перекыне черезъ плече́,—и вона̀ по-серѐдыни, а мы—круго́мъ, мовъ ти каченята плутаемось по трави... И скилькы роивъ піймала, роска̀зуе, якъ будка проихала отта̀мъ шестырыко́мъ, якъ ко́ни басува́лы, и лакызка зза́ду кунявъ.

А якъ прыйдемо, робо́ту геть (пыть було́ любыть стара́ и жать: тамъ за-для нѐи за̀вжды було́ сіють, такъ було́ й ка́жуть „за для ба́бы Мынихы“), и вже все було́ коло́ насъ: се́стеръ позаквитчуе, винкы поплетѐ, брата́мъ тежъ що-нѐбудь; а вже що мени—мете́лыкивъ!... Тамъ на́ветъ у нѐи изъ пирію така́ клитка була́ для метѐлыкивъ: коша́ркою було́ звуть іи, а метѐлыкивъ—худибчыною моѐю: „Васюнына“, кажуть, „худибчына“!

А якъ ужѐ ста́не було́ со́нечко на вза́ходы—вечѐрю варыть гурто́мъ! Вона́ жъ порядкуе, а мы по́раемось: хло́пци ого́нь розво́дять, се́стры, за іи прыводомъ, мисять галушкы, ва́рять.... И любо було́, и корысть була́: залюбкы навча́лысь, чому прымусомъ и не навчылысь бы, мо́же, и що по̀тимъ де́-кому зъ насъ було́, якъ нахидка! Я зна́ю, якъ скипо́къ наколо́ть, якъ розвесты ого́нь, скилькы со́лы и пшона́ въ ка́шу,—я тутъ навчывся, и по́тимъ, якъ пидбильшавъ и ставъ валаса́тьця по свита́хъ, прыгодылось мени и куды тоби! Ко́ней попа́сувать було́ ста́немо въ степу, або де надъ стовбо̀вымъ шляхомъ ночува́ть, що за тые́ю дорожне́тою ничо́го не добудесся,—поганяйло жъ коло ко́ней, а я назбыра́въ тамъ труску яко́го, або що, прыпра́вывъ казано̀къ до оглобли або на сишка́хъ, розвивъ ого́нь, и таку ка́шу було́ втну, що тилькы на́ та покоштуй!

А якъ було́ повече́ряемо,—поперемыва́емо мысочкы, похова́ Мыныха хлибъ и все, въ стриси въ хливци, щобъ соба́кы не добулысь (нихто́ було́ коло па́сикы не ночуе,—ни для чого), та

й до-дому!... Покы й вику могó, думаю, не забуду, якъ булó тоди! Хброше такъ, прохолóда; зóри тилько що почалы показуватьця; кругóмъ пахъ одъ травы и квитóкъ, а тутъ пéрепелы питьпидёмкають, у дзвóны мовъ бьють... деркачи, дыки утята десь свыстять крыламы, журавли десь курлюкають на тырлахъ, вивчàрыкъ вертáетця, въ лисъ, посвыстуе: хоть бы й до вику вишнего здаётця, зостався бъ такъ... А мы купцемъ коло Мыныхы, и вонá тыхо такъ, мовъ по зóрямъ чытáе: „Оци квитонькы такъ“, кáже, „звутця, а оця травыця такъ... оцé берéзка, оцé чебрéць, оцé дрикъ... на такыхъ и такыхъ ростуть воны поляхъ, оттаки й таки бувають, на те й на тé прыгóдни“... Абó про зóри булó роскáзуе: „Отто“, кáже, „дорóга...—для невóльныкивъ та дорóга! Зъ невóли“, кáже, „хто втикáе, на іи трéба дывытьця, чы зъ Турéцькои невóли, чы зъ Татáрскои: якъ-рáзъ вонá черезъ нàшу стóрону! Богъ колысь“ кáже, „дужче любывъ нàшу стóрону—й дорóгу ту зробывъ для нáшыхъ невóльныкивъ“

V.

И вже де трéба булó замистыть татуся абó матусю, особлыве въ повáжному дили: хрестъ одвезты на ныву, що печуть на Хрестци, покропыть въ кошáрахъ и въ бжоляныку на Голóдну Кутю, одвезты въ Дмытрову Субóту мыску на гробкы и все тамъ, якъ слидъ велыть,—дида Мыну; зажóнъ зробыть, на чáсточку попóви дать, кáшу зварыть, якъ котрé грамáтку абó часлóвець зкóнчыть,—старá! А ыноди и обóе рáзомъ, де треба бъ татусéви и матуси обóмъ. Нáймычка-сиротá зáмижъ одъ насъ выхóдыть, абó сыротá-нáймытъ жéнытця, батькувáть и матерювáть треба бъ, а татусеви и матуси куды ихать, у рóдычивъ весилля, абó-що,—воны! И вже на той разъ стари, якъ-бы и спрáвжни хазяинъ и хазяйка, и въ весильному дили, и у всёму. А якъ дило урочысте йде, то и татусь и матуся будуть дóма, а зкруту багáто, абó трéба литнёи людыны, то си самó по соби, а то й воны такы. И вже въ такимъ рáзи, а найпàче де трéба, якъ звычай укàзуе, ти бильше булó рóблягь, особлыве

матуся—молода́ людына ще була́, а стари—такъ порядкують. Отъ, прымиромъ, якъ и за паскы було́ прыймутця!

У насъ ихъ, зна́ете, бага́то було́ печуть, дуже бага́то: ввесь Билый тыждень тилькы й дила було́, що жа́рять въ пе́чахъ! Бо въ нашій сторони такый звычай, що якъ прыйде Велыко́дна Субо́та, то вже ста́рцеви не дадуть хлиба тамъ шматка́, або́ пажка́, а па́сочку невелычку, та й до па́сочкы ще: крашано́къ, са̀ла, со́ли дрибо́къ, паляныччку для попа̀—всёго́. Та й не тилькы старцямъ такъ: бидный хто буде въ сели, вдове́ць, сыроты, и имъ пошлють. „Хто, мовъ, имъ тамъ, або́ зъ чо́го?“ Та ще й такъ у нашій сторони: скилькы вже ни буде у хазяина сусидивъ, то имъ, и паскы, и всячыны посвятыть. Наветъ и панкы своимъ хрестянамъ такъ, котри биднише и ще не зовсимъ забулы стародавни звычаи. Ну, котра̀ хазяиновыта хазяйка, и для се́бе тежъ, и пасо́къ, и всякои всячены: панійкы—па̀пушныкы тамъ, бабы, пундыкы ра̀зни, прыщи прыщять, а котри та̀къ соби, люде та й го́ди, тежъ що-небуть; такъ що ыноди недиль зо́ три або́ й зъ чотыри контытуютця тымъ. Одъ то́го-то, кажу, у насъ було́ ввесь Билый тыждень зъ паска̀мы.

И якъ печуть було́, то вже порядкуе було́ бильше ба̀ба Мыныха. А де вже, якъ звычай велыть, прымиромъ сказа̀ть, замисять дижу, хрестъ зробыть на тисти па̀льцемъ, перехрестыть іи, закрыть и цмокнуть, щобъ до́бре зхо́дыла,—хоть въ другимъ ра̀зи и аби-хто бъ се, а для па̀скы вже вона̀: якось воно́ поважнише, зна̀ете, якъ така̀ людына. Або́ оце́ напалилы пичъ для пасо́къ, вымелы, свяченои вербы тре́ба туды прутыкъ, щобъ згоривъ, такъ годытця, або́ бо́рошна жмииьку, чы въ-миру пичъ напа̀лена,—тежъ завжды було́ стара̀. А вже въ Велыкодну Субо́ту, паскы було́ дилыть въ комо́ри и розсыла̀ть ихъ...

На-двори оце́ такъ со́яшно, зе́лено!... сусиды, выдно въ две́ры, метуть двиръ, ого́роды, наймыты и наймычкы на прысинкахъ, а вона—натупалась старе́нька!—на скрыни: „Отту“, ка̀же, „до́чко (дочко́ю вона̀ матусю зове́ було́ въ такимъ случаи) Головане́ви“, ка̀же, „о́тъ що винчыкъ зарумянывся, а отту ведыку—Грыцыси: зъ дитками малеْ́нькымы бидна!... та й са̀ла ій биль-

шый кусо́къ!“ то матуся вже, якъ вона̀ ка̀же, а наймыты и наймычкы въ рушныкы и въ скатерти, и розно́сять.

Сама̀ було́ зъ дидомъ на̀веть и святыть повезе, и для насъ и для сусидивъ. Зъ ве́чора було́ ще налаштують, воло́вый визъ, найлуччый, и поскладаютъ. А якъ тилькы пора̀: новый кожухъ або́ нову свыту, дидъ—новый кобенякъ, на̀ветъ батигъ новый и нову магырку, и зъ Бо́гомъ!... Летымо́ було̀ до службы, ясно такъ, ве́село, зе́лено!... наганяемо: старе́нька куко́блытця, то до тые́и па̀скы, то до другои!... а той зпереду, ша̀пку ажъ на нисъ, и въ правій налыгачъ, а въ ливій батигъ. Не до́бре бъ и держа̀ть налыгачъ, а ще незручнише батигъ: рукава̀—до́вги, сукно́—цупке́, лѐдви закавра̀ши зла́мує. Та не дуже бъ то нужно й держа̀ть ихъ: сири смырни, дружни. А держыть: паскы на во́зи! „Береженого“, мовъ, „Богъ береже́!“ — „Хрысто́съ воскрѐсъ, Хрысто́съ воскрѐсъ!“ зацвириньча̀ла дитво́ра. Та̀—тилькы голово́ю, усмихнулась... а той мовъ и не чуе: „Со́бъ-со́бъ, сири!“ ка̀же: не ска̀жуть воны: „Во-ыстыну воскре́съ!“ покы не почують „Хрысто́съ воскрѐсъ!“ одъ попа̀.

И дитво́ри ще веселише—хотилы старенькыхъ пидневидыть: гамъ, ле́минъ! Те—якъ ба̀ба усмихнулась; друге, „що и дидъ“, ка̀же, „усомъ моргнувъ“...

VI.

И вже що щыри булы покійныкы до насъ до всихъ, прыхылени, до хазяйського добра̀ копа̀тельни! Кожне було́ скорише свое́ перепустыть, нижъ попустыть зъ хазяйского! Я нико́лы не забуду, якъ разъ дидъ Мына!... Тепе́ръ, смихъ мене́ бере́, якъ згада̀ю, а тоди не до смиху було́ мени, та и всимъ було не до смиху!

Тоди, зна̀ете, тилькы що появывся Засо́рынъ... Засо́рынъ, зна̀ете, колысь бувъ тамъ; або́ мо́же, его́ й не було́ нико́лы мо́же, чы й бувъ винъ колы на свити, а тилькы чутка така̀ пишла̀, що про́би, мовъ, издыть! Було́ оцѐ се́го́дня, що, мовъ, у тако́го-то стягу шкуры зъ спыны, а за̀втра, що допомигъ тамъ...

И багàто було́ всякои всячыны. И було́, кàжуть, такый винъ, що якъ хо́че вже кого́ пидобрàть, то ще й оповистыть попе́рѐду—готуйся, мовъ!... И вже й готуйся, кàжуть було́, колы оповистывъ, и не думай якъ-нѐбудь тамъ; бо ничо́го не докажешъ, ще гирше буде: знавъ винъ, лыбо́нь, щось, чы що́. Рàзъ, кàжуть, одынъ панъ въ Мыргоро̀дському повыти (се я до̀бре помятую, що въ Мыргоро́дському) здумавъ бувъ, що́бъне пустыть, мовлявъ („вечѐрять буду“, сказàвъ той), и скризь зъ лыхтарнямы и зъ каганцямы постàвывъ,—знавъ же винъ лыхтàрни и каганци!.. Ти, кàжуть, и стережуть, а Засо́рынъ сусиль въ хату!... „А що́“, кàже, „встеригся, вражый сыну!“ и канчукивъ тому пàнови повече́рявшы (а такы повече́рявъ, и пàна и пàнію посадовывъ зъ собою)!.. И якъ давъ канчукивъ, бувъ такый, та й немà! шукàй витра въ по́ли!... Тилькы, кàжуть, сторожи, що тамъ геть стоялы зъ лыхтàрнямы, икъ царыни: „Чого́“, мовъ, „вы бàйдыкы бьетѐ! Идить соби и къ сучій мàтери до-до́му, я вже побувàвъ у вàшого пàна!“

Такый-то бувъ, кàжуть, той Засо́рынъ! И багàто, кажу, було́ объ ёму всякои всячыны! Якъ уже́ перестàлы объ ёму чуткы ходыть, кàжуть було́ люде, що его́ й не було́ нико́лы що то певно десь дзвинъ велыкый лылы и пустылы таку поголо́ску, що́бъ голосnишый бувъ; а тоди—багàто одъ его страху було́! И було́ якъ побàчять, що до ко́го замо́жнёго проижжи паны, въ кàрети або́ въ коляси, перестоя́ть и ко́ней попàсты, або́ тамъ переночувàть: „Охъ“, кàжуть було́, „та то́ жъ пѐвно Засо́рынъ!“ (бо той все було́, кàжуть, въ карѐти або́ въ коляси) и такый о́страхъ піде по селу, що и крый Бо́же!... И по́тимъ по всёму повиту рознесѐтця, що, мовъ, у онъ-того́ Засо́рынъ бувъ,—а той и въ вичи его́ нико́лы не бàчывъ, и якый винъ!...

Такъ лучылось разъ и у насъ. Тилькы що повече́рялы, и матуся насъ постàвыла молытьця Бо́гу (а татуся не було́ тоди до́ма), колы въ хàту вивчарь Якивъ и ажъ блидный! „Пайматко!“ кàже... „Якыйсь панъ“, кàже, „въ коляси за толо́шнымы воритьмы!“

Матуся такъ и затрусылась, а мы й соби, на нéи дывлячысь... „Ой лышечко жъ“, кàже, „мени!... Чогó жъ ёму трêба?“

„Переночувàть, кàже, просытця... „Я“, кàже Якивъ, „що, мовъ, и немà панотця дома“, „прóби!... Попросы“, каже, такъ хазяйку“.

— Що ёгò въ свитоньку Бòжому робыть!... „Бижы“, кàже, „що мовъ, диткы малèньки, спать не дадуть“. А насъ такы ховàть, въ стинку, въ кущи.... А пòтимъ назàдъ, и зъ переляку не знàла вже, що, та скрыньку зъ мидякàмы, и въ пекàрню підъ верстàть!... Сміèтця булò пòтимъ зъ нèи чàсто покійникъ татусь.

Колы Якивъ знòву, и ще блиднишый: „Вже“, кàже, „въ горòди“!

Та що вамъ и роскàзувать! Якъ почула матуся, що мовъ и въ горòди вже, и до насъ!... и забрàвшы, стинкамы, левàдою, и до Мынивъ: „Рятуйте, мовъ, ховàйте насъ, Засòрынъ прыихавъ!“ И тутъ то дидъ Мына!... Зпèршу и Гòсподы, якъ передякàвся: тилькы—„эгè!... эгè!... эгè!...“, и то въ той кутòкъ, то въ другый! А дàли, якъ вхòпыть ципъ, и туды!... Смихъ кажу, менé тепèръ берè.

Якъ вбигъ, знàете, въ прыхожу, а той сàме роспытуе у чèляди. „Немà хазяйкы дòма!“ одчеркнувъ не дòвго думаючы!... А ципъ такъ и держыть напоготòви: колы, мовъ, щò, щобъ такъ и лулуснуть посерéдъ лòба....

И такъ покы той спать лигъ, все зъ ципомъ. И якъ той ничòго соби, вечèрявъ тамъ тò-що (бо такы матуся осмилылась пидъ викнò до пекàрни: „Давàйте“, мовъ, „чогò хòче“, то и Мына ничòго; стоить соби въ кутòчку и на ципъ зхылывся; а якъ той стàне наблыжатьця, абò до свитлыци,—зàразъ и пиднимà ципъ: „Не мòжна“, кàже, „не мòжна!“ Роскàзувавъ пòтимъ татусèви самъ панъ той (бо татусь незабàромъ вернувся до-дому, и вòны справди одынъ однòго знàлы. А матуся вжè й не выхòдыла до тогò пàна): „По òчамъ“, кàже, „у вразького дида выдно булò—такъ бы й почàвъ молотыть!“

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVII.

1899 г.

НОЯБРЬ

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Продолженіе*). **П. Житецкаго** . . . . 127—166

II. ВОСПОМИНАНІЯ О ПРИВОРОТСКОМЪ ДУХОВН. УЧИЛИЩѢ 50-ХЪ ГОДОВЪ. **М. Трублаевича** . . . . . . 167—184

III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово историчня драма въ 2-хъ картынахъ **М. Старицкаго** . . . . 185—227

IV. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА Г. П. ГАЛАГАНА за 1845 годъ. . . . . 228—242

V. ПАМЯТИ А. С. ЛАШКЕВИЧА. (Къ 10-лѣтію со дня его кончины). **Е. Кивлицкаго**. . . . . 243—248

VI. ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА. **В. Беренштама** . . . . 249—269

VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (*Продолженіе*). **Н. Бѣляшевскаго**. . . . . 270—286

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. **А. Танкова**; б) Письмо Ѳеофана Прокоповича къ Кіево-Печерскому архимандриту Іоаннпкію Сенютовичу. Сообщ. **О. Л**; в) Эпитафіонъ вознаго Андрея Чечеля, 1765 г. Сообщ **А. Л.**; г) Сатирическія вирши 1786 года. Сообщ. **О. Сластіонъ**; д) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. . . . . 59—74

Текущія извѣстія . . . . 75—79

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Иванъ Левицкій. Повисти и оповидання. Т. I. **J. S.**; б) Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. I, подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. **Е. К.**; в) Щорсовская библіотека графа Литовра-Хребтовича. Краткія свѣдѣнія о собраніи рукописей. Сообщ. С. Л Пташицкій **И. Каманина**; г) Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ. Древніе памятники искусства: Кіево-Софійскій, Златоверхо-Михайловскій и Кирилловскій монастыри. **В. Щербины**; д) Корыстни звирятка. Кажанъ, йижакъ и зиньске щеня (критъ). Напысавъ О. Степовыкъ. **С. Н.** е) Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 80—102

Археологическая лѣтопись . . . . 103—120

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 14-й, 15-й и 1/4 16-аго.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 2 ноября 1899 года.

Вышла въ свѣтъ книга «Повисти и оповидання Ивана Левицкого, т. I». Складъ изданія находится въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина» (Безаковская, № 14) и въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича (Спб,. Вас. остр., 5 лин., д. № 28). Цѣна 1 р. 50 к. Книгопродавцамъ обычная уступка.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

и

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Продолженіе [1]*).*

V.

Новыя литературныя вѣянія въ кіевской академіи. Паденіе славяно-малорусской рѣчи.

Послѣ 1743 года, когда написана была Георгіемъ Щербацкимъ „трагедокомедія, нарицаемая Фотій“, не появлялось уже ни одной новой драмы въ стѣнахъ кіевской академіи.

Что же было причиной паденія малорусской драмы?

Отвѣчать не трудно: прежде всего—паденіе самихъ формъ малорусской общественной жизни.

Есть указанія на это послѣднее явленіе въ самихъ драмахъ.

Такъ, въ драмѣ „Милость Божія“ Хмельницкій, какъ мы видѣли, говоритъ длинную рѣчь, въ которой изображаетъ идеальныя черты козака. По его мнѣнію, козакъ долженъ искать не бо-

[1]) См. Кіевск. Стар., 1899 г., октябрь.

гатства, а славы, долженъ вести жизнь умѣренную и простую, долженъ любить свою же младшую братію, не отнимая у нея хуторовъ, млиновъ, лѣсовъ, и т. п. Безъ сомнѣнія, автору драмы были очень хорошо извѣстны всѣ эти уклоненія отъ идеала, и онъ хотѣлъ бы удалить ихъ изъ дѣйствительной жизни авторитетнымъ именемъ Богдана Хмельницкаго. Но вотъ—чрезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія этой драмы тѣ же черты жизни, и уже не въ видѣ намековъ, изображаются въ драмѣ Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ". Старшина козацкая всѣми правдами или, лучше сказать, неправдами „выдирала" земли у посполитыхъ и козаковъ. Посредствомъ ограниченія вольнаго перехода посполитыхъ отъ одного державца къ другому она добивалась закрѣпощенія не только посполитыхъ, но и низшихъ рядовъ козачества. Сидя на своихъ „урядахъ", т. е. занимая извѣстныя должности, она имѣла въ своихъ рукахъ всѣ средства производить на эти слои рѣшительное давленіе, которое часто доводило болѣе бѣдныхъ козаковъ до того, что они отказывались отъ своихъ козачьихъ правъ, предпочитая имъ положеніе *подданныхъ*. Съ другой стороны, еще со временъ Петра Великаго козацкое сословіе обременено было всякаго рода тягостями: козаковъ отправляли тысячами на *канальскія* работы, употребляли ихъ для постройки крѣпостей, для проведенія линій, при чемъ они должны были своимъ порядкомъ нести военную службу. Не удивительно, что въ средѣ самихъ козаковъ явилось охлажденіе къ военной службѣ, бывали даже случаи уклоненія отъ нея посредствомъ продажи грунтовъ и приписки въ подданство къ державцамъ. Все это указывало на близость того момента, который неизбѣжно долженъ былъ наступить, т. е. полнаго закрѣпощенія посполитыхъ и безземельныхъ козаковъ при Екатеринѣ II (1783 г.). Такъ мало по малу перестраивалась жизнь малорусскаго народа на новый ладъ. Старые идеалы ея, которые связаны были съ именемъ козака, борца за народную свободу, утрачивали свою притягательную силу, становились просто непонятными для новыхъ поколѣній. Въ такую эпоху личные интересы обыкновенно выдвигаются на первый планъ, и погоня за матеріальнымъ

благосостоянiемъ предпочитается всякимъ общественнымъ стремленiямъ.

Теперь перенесемся въ положенiе писателей малорусскихъ драмъ. Произведенiя ихъ предназначались не столько для чтенiя, сколько для представленiя, а здѣсь уже неизбѣжно должны были выступать живыя лица, съ живымъ словомъ и дѣломъ, и всѣ эти Гипомены и Дiоктиты въ сценическомъ исполненiи должны были недвусмысленно указывать на щекотливую дѣйствительность. Можно ли было безъ вреда для школы вносить въ драму, предназначенную для исполненiя въ школѣ, изображенiе общественныхъ пороковъ того времени? Не нужно забывать при этомъ, что самые пороки эти не были случайнымъ отступленiемъ отъ закона,—напротивъ того, они сами готовы были превратиться въ законъ... Понятно послѣ этого, почему малорусскiя драмы общественнаго содержанiя должны были замолкнуть.

Отчего, однако же, во второй половинѣ XVIII вѣка мы не видимъ и такихъ драмъ, какiя обыкновенно писались раньше на отвлеченныя церковно-богословскiя темы—въ родѣ „Мудрость предвѣчная“ (1703) или же „Брань честныхъ добродѣтелей“ (1737)?

Вопросъ этотъ находится въ связи съ исторiей славяно-малорусской рѣчи въ кiевской академiи.

Въ 1733 году одинъ изъ питомцевъ ея, епископъ смоленскiй Гедеонъ, писалъ о своей alma mater, что она „изобиловала всегда учеными людьми и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея‘ аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россiя источникъ премудрости почерпала и вся своя новозаведенныя училищныя колонiи напоила и израстила“ [1]). И это не было преувеличенiемъ. Одинъ изъ историковъ кiевской академiи справедливо называетъ ее „разсадникомъ россiйскихъ iерарховъ XVIII вѣка“ [2]). Всюду они заводили училища при епископскихъ каѳедрахъ, учителей

---

[1]) Исторiя кiевской академiи Макарiя, 191.

[2]) Ibidem 173.

въ эти училища выписывали изъ той же академіи, въ которой сами учились.

Но tempora mutantur.

Въ 1765 году гр. Румянцевъ составилъ записку „о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ и неустройствахъ". Проникнута она идеей единообразія административныхъ органовъ и учрежденій, которыя предназначались для Малороссіи, безотносительно къ ея этнографическому составу, къ ея историческимъ преданіямъ. Въ этой запискѣ вотъ что говорится о кіевской академіи: „къ обученію юности здѣсь хотя и есть школы и такъ называемая въ Кіевѣ академія, однако же онѣ отнюдь не на тѣхъ правилахъ основаны, каковыя Ея Императорскому Величеству угодно подавать къ исправленію народа" [1]). Само малороссійское шляхетство, которое образовалось изъ той же козацкой старшины съ присоединеніемъ инородцевъ всякаго происхожденія, было равнодушно къ историческимъ заслугамъ академіи. Еще недавно, въ 1729 году, гетманъ Апостолъ, подтверждая Братскому монастырю права на владѣніе угодьями, называлъ академію „всему обществу нашому благопотребною, гдѣ малороссійскіи сини въ наукахъ свободныхъ имѣютъ наставленіе" [2]). Не то мы читаемъ въ прошеніи малороссійскаго шляхетства о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, которое подано было Екатеринѣ II въ 1764 г. Въ параграфѣ 13 проситъ шляхетство объ учрежденіи въ Кіевѣ университета, который долженъ состоять изъ четырехъ факультетовъ: одинъ изъ нихъ— богословскій долженъ быть учрежденъ вмѣсто существующей въ Кіевѣ академіи, при чемъ монастырь, какъ ненужное учрежденіе, можно было, по мнѣнію просителей, уничтожить [3]). Это уже голосъ новыхъ людей, вкусившихъ нѣчто отъ благъ европейской цивилизаціи и усвоившихъ новые вкусы и свѣтскія привычки, которыя не согласовались съ патріархальнымъ міровоз-

---

1) Прибавленіе къ статьѣ Авсѣенка «Малороссія въ 1767 г». Кіевъ, 1864 г.

2) Матеріалы для отечественной исторіи Судіенка, I, 50.

3) Кіевская Старина 1883 г. Іюнь. 344.

зрѣніемъ старинной школы съ ея церковно-религіознымъ характеромъ, съ ея монашескимъ режимомъ. Но, помимо суетности, навѣянной модными теченіями жизни, въ просьбѣ малороссійскаго шляхетства было и серьезное основаніе. Оно чувствовало потребность въ положительныхъ, реальныхъ знаніяхъ, которыхъ не могла доставить ему академія. Не удивительно поэтому, что съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія она начала клониться къ упадку. „Ей предстояла", говоритъ Аскоченскій, „слишкомъ неравная борьба съ заведеніями, снабженными и лучшимъ методомъ преподаванія, и отличными профессорами, и одобрительнымъ вниманіемъ правительства, и внѣшними выгодами" [1]). По прежнему, воспитанники цѣлыми толпами направлялись на сѣверъ, но уже не столько для того, чтобы учить, какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, сколько для того, чтобы учиться. По заявленію Арсенія Могилянскаго, митрополита кіевскаго, съ 1754 по 1768 годъ болѣе трехсотъ студентовъ поступили въ медикохирургическія училища, въ петербургскую академію наукъ, въ московскій университетъ, въ кадетскіе корпуса, во всѣ семинаріи россійскія, въ письмоводители и переводчики военныхъ и гражданскихъ начальствъ [2]). Особенно увеличился отливъ молодыхъ людей изъ академіи послѣ изданія положенія о губерніяхъ, когда появилось множество новыхъ присутственныхъ мѣстъ. Теперь уже немногимъ изъ искателей счастія, получившимъ образованіе въ академіи, удавалось добиться виднаго положенія въ церковной іерархіи. Еще императрица Елисавета приказала въ 1754 году, чтобы св. Синодъ представлялъ въ архіереи и архимандриты не однихъ малороссіянъ, но и изъ природныхъ великороссіянъ [3]). Императрица Екатерина II не любила малороссійскихъ архіереевъ, поэтому спросъ на нихъ сильно упалъ [4]).

---

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ училищемъ его академіей, II, 316.

[2]) Описаніе кіево-софійскаго собора, II, 225.

[3]) Очеркъ исторіи западно-русской церкви Чистовича, II, 341.

[4]) См. Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I, Знаменскаго, стр. 39. Въ 1764 г. дана была новому правителю Малороссіи, графу П. А. Румянцеву, инструкція, въ которой

Тѣмъ не менѣе во все продолженіе XVIII вѣка не останавливалось переселеніе кіевскихъ воспитанниковъ на сѣверъ. Большинство изъ нихъ терялось въ массѣ рабочаго люда, добывавшаго себѣ средства къ существованію службой. Изъ этой массы выдѣлялись немногіе счастливцы, которые прокладывали себѣ дорогу къ высокимъ постамъ въ государствѣ[1]). Наконецъ, многіе изъ нихъ вошли въ общую колею литературнаго движенія, подвизаясь въ Петербургѣ и Москвѣ на литературномъ поприщѣ и оказывая въ свою очередь воздѣйствіе на школу, ихъ воспитавшую[2]).

вмѣнено было ему въ обязанность «искуснымъ образомъ присматривать за архіереями, дабы они не выступали изъ надлежащихъ сана своего предѣловъ, разсѣевая въ народѣ простомъ предосудительные плевелы» (Исторія Россіи, Соловьева, т. XXVI. 46). Не могли, конечно, не сознавать этихъ неудобствъ своего положенія и сами малорусскіе архіереи. «Бѣда да горе»! писалъ Іоасафъ, бѣлгородскій епископъ, къ Гервасію, епископу переяславскому. «Самые честные люди остаются съ нашыхъ, а въ Тферь, а въ Владиміръ промованы, которые еще и недавно монахами, съ русскихъ, однакъ добріи люде и достойные. Сіе по прочетѣ прошу сожечъ, а я, разсуждая теперь пребѣдное отечества состояніе, плачу и воздыхаю: Господи помилуй»! (Кіевская Старина, 1882, февраль, 322. Руководство для сельскихъ пастырей, 1880 г., т. II, стр. 344).

1) Таковы были: Завадовскій (Петръ Васильевичъ, въ послѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія при Александрѣ Павловичѣ), Безбородко (Александръ Андреевичъ, въ послѣдствіи князь и государственный канцлеръ при Павлѣ Петровичѣ), Трощинскій (Дмитрій Прокофьевичъ, сынъ козака, въ послѣдствіи министръ юстиціи ири Александрѣ Павловичѣ).

2) Назовемъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставили болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ наукѣ и литературѣ XVIII вѣка:

Кондратовичъ Киріакъ, переводчикъ при академіи наукъ. Триста стихотвореній Кондратовича напечатаны въ трехъ книгахъ подъ заглавіемъ: «Старикъ молодый доброхотному и недоброхотному читателю». Изъ переводовъ его самый капитальный трудъ «Россійскій ботаническій словарь, изданный въ 1780 г.

Максимовичъ Несторъ, извѣстный подъ псевдонимомъ *Амбодикъ*, докторъ медицины. Онъ первый началъ писать порусски о медицинскихъ предметахъ.

Особенно сильно было это воздѣйствіе при митрополитѣ кіевскомъ Самуилѣ Миславскомъ (1783—1796). Желая поставить кіевскую академію въ такое положеніе, чтобы она могла удовлетворять общимъ требованіямъ просвѣщенія, обязательнымъ для всего государства, онъ всѣми мѣрами старался уравнять ее съ великорусскими учебными заведеніями и со стороны языка. Самъ онъ былъ членомъ Россійской академіи, которая, какъ извѣстно, учреждена была для разработки русскаго языка. Новиковъ считалъ его писателемъ „изобильнымъ въ знаніи россійскаго

Бантышъ-Каменскій Николай (началъ образованіе въ кіевской академіи, продолжалъ въ московской академіи, а окончилъ въ московскомъ университетѣ), членъ многихъ ученыхъ обществъ, извѣстный своими историческими изслѣдованіями, между прочимъ «Исторіей объ уніи». Онъ началъ издавать поэзію Аполлосову, Реторику Бургія и Философію Баумейстера—учебники, принятые и въ кіевской академіи, гдѣ до этого времени, по замѣчанію митрополита Евгенія, «отъ Поэзіи до Богословія продолжались письменныя системы» (Описаніе кіево-софійскаго собора, П, 218).

Козицкій Григорій (окончилъ образованіе за границей), лекторъ философіи и словесныхъ наукъ при академіи наукъ, издатель сатирическаго журнала «Всякая всячина». Даже злорѣчивый Сумароковъ хвалитъ его за знаніе русскаго языка. Онъ написалъ сочиненіе о русской орѳографіи, оставшееся неизданнымъ (Филологическія разысканія Грота, П, 196).

Эминъ Ѳедоръ, издатель «Адской почты» (1769), авторъ Россійской Исторіи, которая доведена имъ до 1213 г.

Рубанъ Василій (окончилъ образованіе въ московскомъ университетѣ), издатель журналовъ: «Ни то, ни се» (1769), «Трудолюбивый муравей» (1771), «Старина и Новизна» (1772—1773), авторъ «Краткой лѣтописи Малой Россіи съ 1506 по 1775 г.» и разныхъ другихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ.

Симоновскій Петръ (окончилъ образованіе за границей), авторъ «Краткаго описанія малороссійскаго козацкаго народа съ начала происхожденія его и разнообразнаго по временамъ состоянія по 1761 годъ».

Сичькаревъ Лука (началъ образованіе въ кіев. акад., окончилъ въ петербургской акад. наукъ). Извѣстенъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, не столько сочиненіями, какъ весьма многими переводами съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, англійскаго, французскаго, ита-

слова" [1]). Не удивительно поэтому, что Самуилъ обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе въ академіи русскаго языка. Онъ требовалъ отъ воспитанниковъ ея, чтобы они учили оды Ломоносова наизусть, при чемъ сами они должны были упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая „остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи" [2]). Въ 1784 году онъ приказалъ студенту богословія Дмитрію Сигиревичу, уроженцу московской губерніи,„ быть учителемъ россійской поэзіи и элоквенціи по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторіи же по правиламъ господина Ломоносова" [3]). „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ Аскоченскій, на счетъ академіи отправлены были три студента (Никита Соколовскій, Павелъ Логиновскій и Даніилъ Домонтовичъ) въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобы они какъ можно старались изучить великорусскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса наукъ они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей. Наличные учителя также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе наблюдать, сколько возможно, чтобы въ ихъ урокахъ не страдалъ

ліанскаго и польскаго языковъ. (Словарь свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, т. II, 165).

Хмельницкій Иванъ (обучался сперва въ кіевской академіи, а потомъ въ кенигсберскомъ университетѣ), докторъ философіи. Ему принадлежитъ редакція Проекта новаго уложенія, а также нѣсколько философскихъ разсужденій (Ibidem, т. II, 240).

Сохацкій Павелъ, профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ греческой и римской словесности, издатель журналовъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1793—1798), «Ипокрена или успѣхи любословія» (1739—1800), «Новости русской литературы» (1802).

[1]) Исторія Россійской академіи, Сухомлинова, 186.

[2]) Ibidem, 189.

[3]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академіей, Аскоченскаго, т. II, 342.

русскій языкъ. Іеродіакону Анатолію, назначенному преподавателемъ исторіи и географіи, строго указано было изъяснять оныя на россійскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи" [1]). Такой же приказъ получилъ учитель французскаго языка Лапкевичъ. „Самыя дѣти не оставлены были безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (бурсѣ) для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ россійской грамотѣ, подтвердивъ и ему, какъ можно, стараться о правильномъ выговорѣ. Настойчивость Самуила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись къ нему съ представленіемъ о неспособности строго исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора" [2]).

Дѣло, однако же, заключалось не въ одномъ устраненіи малорусскаго выговора, но и въ усвоеніи великорусскаго, т. е. въ произношеніи славянскихъ и общерусскихъ словъ по великорусскому выговору, а также въ устномъ и письменномъ употребленіи лексическаго состава и грамматическихъ особенностей литературной русской рѣчи, установленныхъ въ грамматикѣ Ломоносова. Все это представляло не мало трудностей для тѣхъ преподавателей академіи, которые не оставляли своей родины, а потому не могли путемъ бытовыхъ отношеній войти въ общеніе съ общественной и литературной средой сѣверной Руси. Понятно, почему они не могли составлять драмъ своихъ на славяно-малорусскомъ языкѣ, чѣмъ занимались съ большимъ усердіемъ прежде.

VI.

Григорій Саввичъ Сковорода и философское міровоззрѣніе его. Отчужденіе отъ современныхъ ему теченій общественной жизни и литературный стиль его.

Итакъ, славянорусская рѣчь, развивавшаяся на югѣ Россіи въ народномъ малорусскомъ направленіи, встрѣтилась въ по-

---

1) Ibidem.

2) Ibidem, 343.

ловинѣ XVIII вѣка съ литературной русской рѣчью, развивавшеюся на сѣверѣ Россіи въ народномъ великорусскомъ направленіи. Послѣдняя была гораздо сильнѣе первой, поэтому во второй половинѣ XVIII вѣка мы уже не видимъ въ кіевской академіи сколько-нибудь значительныхъ литературныхъ произведеній, написанныхъ славяно-малорусской рѣчью.

Тѣмъ не менѣе внѣ академіи эта рѣчь не скоро еще вышла изъ употребленія. Во второй половинѣ XVIII вѣка она даже имѣла сильнаго представителя въ лицѣ извѣстнаго философа Григорія Саввича Сковороды.

Много было написано о Сковородѣ всякаго рода замѣтокъ, воспоминаній, очерковъ его жизни и дѣятельности, а недавно, по поводу столѣтней годовщины послѣ его смерти, явился цѣлый рядъ изслѣдованій философскихъ воззрѣній Сковороды, высказанныхъ имъ въ загадочныхъ произведеніяхъ его. Но и послѣ этихъ изслѣдованій вопросы о томъ, былъ ли Сковорода философъ съ системой или безъ системы, былъ ли онъ пантеистъ, монистъ или дуалистъ, повидимому, не рѣшены окончательно. Не удовлетворяетъ насъ и то мнѣніе, недавно высказанное на страницахъ Кіевской Старины, что Сковорода былъ эклектикъ[1]). Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ его можно найти отзвуки разныхъ философскихъ ученій, но мы не думаемъ, чтобы въ этихъ отзвукахъ не было основнаго тона, который связываетъ философскія размышленія Сковороды съ умственными теченіями его времени, чтобы не было въ нихъ основной идеи, которая есть зерно всякой системы. Для насъ же собственно самое важное—знать эту идею, чтобы не казался намъ Сковорода случайнымъ явленіемъ въ украинскомъ обществѣ прошлаго вѣка.

Учился онъ въ кіевской академіи въ эпоху ея процвѣтанія—въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Товарищемъ его по школѣ былъ Самуилъ Миславскій, котораго онъ превосходилъ успѣхами въ наукахъ. Отличаясь прекраснымъ голосомъ, онъ попалъ при Елисаветѣ Петровнѣ въ придворные пѣвчіе и прожилъ въ Пе-

---

[1]) Кіевская Старина, 1898 г., февраль, 272.

тербургѣ болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1744 г. Сковорода возвратился въ Кіевъ, чтобы продолжать ученіе въ кіевской академіи, но, не довольствуясь наукой того времени, воспользовался случаемъ побывать за границей, гдѣ изучилъ нѣмецкій языкъ. Хотя мы и не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, чему еще учился Сковорода за границей, но, принимая во вниманіе пытливый умъ его, мы не можемъ представить себѣ, чтобы онъ не воспользовался знаніемъ нѣмецкаго языка для расширенія своихъ познаній. Позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что именно за границей онъ нашелъ точки опоры для своихъ смѣлыхъ богословскихъ построеній, которыя не совпадали съ кіевской наукой. По возвращеніи на родину онъ занялъ было скромное мѣсто учителя піитики въ переяславской семинаріи, но его „Руководство о поэзіи“ не понравилось мѣстному епископу, который предпочиталъ старинныя силлабическія вирши стихамъ Ломоносова, поэтому Сковорода долженъ былъ оставить это мѣсто, сдѣлавшись домашнимъ учителемъ въ семействѣ мѣстнаго помѣщика Томары. Рѣзкій тонъ учителя съ ученикомъ былъ причиною удаленія Сковороды изъ дома Томары, куда онъ снова поступилъ послѣ кратковременнаго путешествія въ Москву. Въ 1759 году ему предоставлено было мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ въ Харьковѣ, но и здѣсь, какъ въ Переяславѣ, вышли у него недоразумѣнія съ властями. Въ 1766 году ему поручено было преподавать благородному юношеству „правила благонравія“. Въ руководство ученикамъ онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства харьковской губерніи“. Это сочиненіе вызвало гоненіе на Сковороду, и онъ долженъ былъ удалиться изъ Харькова. Съ этого времени до самой смерти своей (1794 г.) Сковорода оставался бездомнымъ странникомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ одного помѣщика къ другому, между которыми онъ имѣлъ не мало искренныхъ друзей и почитателей. Въ убогой сѣрой свиткѣ, съ палкой въ рукахъ и съ флейтой за поясомъ, съ котомкой за плечами, въ которой хранилось все его имущество—библія и нѣсколько свит-

ковъ его сочиненій, появлялся онъ часто въ толпѣ народа—на городскихъ улицахъ, на сельскихъ ярмаркахъ, предлагая ученіе свое, то въ видѣ импровизированной проповѣди, то въ видѣ любимой народомъ стихотворной псальмы.

Чему же училъ Сковорода?

По нашему мнѣнію, все ученіе его сводится къ вопросу о томъ, въ чемъ заключается истинное благо человѣка, иными словами—къ вопросу о нравственныхъ задачахъ его жизни. Къ разрѣшенію этого вопроса нашъ философъ шелъ отчасти богословскимъ, отчасти философскимъ путемъ. Не отрицая вѣры, которая „видитъ свѣтъ, въ тьмѣ стихійной свѣтящійся, видитъ, любитъ и благовѣститъ его“ [1]), онъ, однако же, искалъ этого свѣта и въ философствующемъ разумѣ: „жизнь“, говоритъ онъ, „живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“ [2]). Въ этой двойственности метода заключается главная причина отчасти неясныхъ и смутныхъ, отчасти рискованныхъ положеній въ сочиненіяхъ Сковороды, возбуждавшихъ у современниковъ его не только недоумѣнія, но и порицанія. Даже близкіе и преданные ему люди, преклоняясь предъ нравственнымъ авторитетомъ его, боялись его мнѣній. Таковъ былъ одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ его Ковалинскій, который говоритъ о себѣ, что онъ „будучи воспитанъ полуучеными и школьными учителями, частію монахами, въ рукахъ коихъ тогда святилища наукъ находились, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія“ [3]). По словамъ Ковалинскаго, онъ испытывалъ „возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ рѣшить оную“, въ виду того, что многіе „внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговоры его и даже ви-

---

[1]) Мы будемъ приводить выдержки изъ произведеній Сковороды по юбилейному изданію сочиненій его, Харьковъ, 1894 г.

«Разглаголъ о древнемъ мырѣ», отд. II, 55.

[2]) Письмо къ Тевяшову, отд. II. 258.

[3]) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 12—13.

дѣться съ нимъ“ [1]). Это обычная участь пророка, провозглашающаго „любви и правды чистыя ученья“, хотя нужно сказать, что Сковорода имѣлъ не однихъ хулителей, но и страстныхъ почитателей. Любопытно знать, что возмущало однихъ и восхищало другихъ въ ученіи его?

Тотъ же Ковалинскій даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ свою очередь мы дополнимъ этотъ отвѣтъ нѣкоторыми выдержками изъ сочиненій самого Сковороды.

„Я не добиваюсь знать“, говорилъ Сковорода Ковалинскому, „какъ и когда Мойсей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи, а поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочныя и растлѣнныя и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ во свое время *свободу мыслей*, т. е. веселіе духа или, такъ называемое, счастіе“ [2]). Въ этой формулѣ заключается весь Сковорода, вся его нравственная сущность, отрицавшая все то, что нарушало „свободу мыслей“. По его мнѣнію, есть три міра, въ которыхъ Богъ открываетъ себя людямъ: космосъ—великій міръ, микрокосмосъ—человѣкъ и Библія—міръ символическій [3]). Сковорода называлъ себя „любителемъ священныя Библіи“, но думалъ, что язычники, черпавшіе познаніе Бога не изъ Библіи, не достойны за это осужденія, ибо они знали истину, „и если Богъ есть истина, то они были вѣрные служители его“ [4]),—думалъ также, что буквальное пониманіе библейскихъ символовъ есть путь, ведущій къ заблужденіямъ. Являются эти заблужденія въ двухъ видахъ: или въ видѣ „буйнаго безбожія“, которое ничего не видитъ въ Библіи, кромѣ всякаго рода несообразностей, или въ видѣ „рабострастнаго суевѣрія“, которое, опираясь на библейскіе символы, требуетъ чудесъ, т. е. нарушенія законовъ природы. Сковорода называетъ это требованіе „исполинскою дерзостію“. „Какъ мо-

---

1) Ibidem, 14.

2) Ibidem, 35.

3) «Потопъ зміинъ», отд. I, стр. XCIII.

4) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 13.

жеть", говоритъ онъ, „возстать сама на свой законъ блаженная натура?" [1]) Особенно вооружается онъ противъ фанатизма, присущаго суевѣрію. „Нѣтъ", говоритъ онъ, „желчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія. Онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, оно гонитъ своего брата, дыша убійствомъ". Отъ него „вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и протчее" [2]). Сковорода называетъ суевѣріе „листвіемъ лицемѣровъ", которые „непрестанно въ псалтырь барабанятъ, бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ, цѣлуютъ всякій день заповѣди Господни и за алтынъ продаютъ оныя" [3]). Для нихъ вся сущность религіи заключается въ церемоніяхъ и обрядахъ: „одинъ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится; иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣснуется, что обливаютъ крещаемаго" [4]). Нѣтъ, „не въ вѣдѣніи таинствъ и не въ исполненіи обрядовъ тайноводства", по мнѣнію Сковороды, заключается совершенство и высокость человѣка, а въ дѣланіи истинной пользы ближнему" [5]). Поэтому онъ совѣтовалъ стремиться „къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія" [6]). Очевидно, безъ этого, по его разумѣнію, не возможна была истинная свобода мыслей, слѣдовательно—и счастіе.

Приведенныя нами мнѣнія Сковороды объ „историческомъ богопочитаніи" достаточно поясняютъ намъ, почему „оглагольники" его видѣли въ немъ „развратителя нравовъ и душегубителя, т. е. еретика" [7]). Не даромъ этотъ „еретикъ" не любилъ Кіева, который жилъ еще историческими преданіями. Ничего не видѣлъ онъ въ этихъ преданіяхъ, кромѣ „вражды междоусобной", сопровождаемой „ручными и словесными войнами", поэтому онъ

[1]) Письмо къ Тевяшову, отд. II, 253.

[2]) Ibidem.

[3]) «Брань Архистратига Михаила съ Сатаною», отд. II, 205.

[4]) Письмо къ Тевяшову, отд. II, 254.

[5]) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 13—14.

[6]) Ibidem, 35.

[7]) Ibidem, 26.

былъ совершенно равнодушенъ къ прошлому своей родины. Конечно, онъ зналъ это прошлое. Ковалинскій разсказываетъ, что въ 1764 году „при обозрѣніи древностей кіевскихъ Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ“ [1]), но замѣчательно, что въ сочиненіяхъ своихъ онъ обнаруживаетъ полное отсутствіе всякаго историческаго чутья. Въ одномъ только стихотвореніи его мы встрѣтили легкій намекъ на прошлое:

„О когда бы же мнѣ въ дурни не пошитись,
Дабы волности не могъ какъ лишитись.
Будь славенъ во вѣкъ, о муже избранне,
Волности отче, герою Богдане“ [2]).

И при этомъ—ни слова о томъ, что Хмельницкій былъ героемъ не только личной, но и народной вольности, которая, по видимому, ничего не говорила ни уму, ни сердцу Сковороды. „Малороссію“, говоритъ Ковалинскій, „онъ обыкновенно называлъ матерью, потому что родился тамъ, а Украину теткой по жительству его въ оной и по любви его къ ней“ [3]). Любилъ онъ ее за широкій просторъ ея полей, которыя въ его время заселялись выходцами изъ старой Украины,—за отсутствіе въ ней политическихъ и церковно-религіозныхъ страстей, которыя чужды были душевному складу украинскаго философа. На дѣвственной почвѣ новой Украины онъ выработывалъ въ себѣ, по словамъ Ковалинскаго, „сердце гражданина всемірнаго“ [4]). И много было въ томъ краѣ людей, утомленныхъ національной борьбой и искавшихъ свободы и покоя въ чувствѣ всемірнаго гражданства. Большинство изъ нихъ ни о чемъ больше не думало, какъ только о матеріальномъ благосостояніи, но были между ними и такіе, которые задумывались о высшихъ задачахъ жизни. Въ средѣ этихъ послѣднихъ

---

[1]) Ibidem, 21.

[2]) «De libertate», II, 291.

[3]) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. II, 21—22.

[4]) Ibidem, 5.

Сковорода и находилъ благожелательныя чувства. Они смотрѣли на него, какъ на мужа мудраго и праведнаго [1]).

Разсуждая о другихъ источникахъ богопознанія, Сковорода не даетъ большой цѣны изученію космоса. „Мы“, говоритъ онъ, „измѣрили море, землю, воздухъ, небеса, размежевали планеты, доискались на лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, но то горе, что при всемъ томъ, кажется, чегось великаго недостаетъ,—нѣтъ того, чего и сказать не умѣемъ: одно только знаемъ, что недостаетъ чегось“ [2]). „Я наукъ не хулю“, продолжаетъ онъ, „одно то хулы достойно, что, на нихъ надѣясь, пренебрегаемъ верховную науку“, которая, имѣя предметомъ самого человѣка, „насъ потерянныхъ находитъ и намъ же самымъ насъ возвращаетъ: и сіе-то есть быть щастливымъ—узнать, найтить себе самого“ [3]). Мысль эта невольно заставляетъ насъ вспомнить Сократа и его знаменитое: γνῶθι σεαυτόν. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, хотѣлъ ли Сковорода быть русскимъ Сократомъ, мы замѣтимъ только, что въ трактатахъ своихъ онъ нерѣдко упоминаетъ о Сократѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Но есть и внутреннія точки соприкосновенія въ міровоззрѣніи Сковороды и Сократа. Какъ тотъ, такъ и другой, искали критерія истины не во внѣшнемъ мірѣ, а внутри человѣка. „Я знаю то, что ничего не знаю“, говорилъ Сократъ. Выходя изъ этого убѣжденія, онъ рѣшился подвергнуть пересмотру и переоцѣнкѣ ходячія понятія и мнѣнія съ тѣмъ, чтобы найти вѣрный путь къ полученію достовѣрнаго знанія. Чтобы установить этотъ путь, онъ долженъ былъ въ самомъ человѣкѣ указать на положительную силу, которая устраняетъ всякій произволъ въ распознаніи того, что истинно, отъ того, что ложно. Сила эта есть ничто иное, какъ добродѣтель или же то, что мы называемъ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Открыть эту силу можно не иначе, какъ посредствомъ самопознанія или же посредствомъ мудрости, которая и есть предметъ

[1]) Ibidem, 2.

[2]) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 92.

[3]) Ibidem, 95—96.

философіи. Нѣчто подобное мы уже видѣли у Сковороды въ его критическихъ замѣчаніяхъ о Библіи. Подобно Сократу, онъ тоже стоитъ на почвѣ самосознанія и думаетъ, что оно-то и есть истинная мудрость. Къ чему же ведетъ эта мудрость? По мнѣнію Сковороды, она разъясняетъ человѣку, въ чемъ заключается его счастіе [1]). Здѣсь уже мы не видимъ Сократа. Сковорода думалъ, что философія не есть изслѣдованіе о мудрости, т. е. о методахъ самопознанія, а есть возвышенное настроеніе духа, равносильное понятію о счастіи. Ковалинскій сообщаетъ, что на вопросъ одного ученаго: „что есть философія"? Сковорода отвѣчалъ: „когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно: сіе есть философія" [2]). Что касается добродѣтели, то она есть ничто иное, какъ самый трудъ, направленный, по указаніямъ мудрости, къ достиженію счастія [3]). Переходя къ разъясненію понятія о счастіи, Сковорода устанавливаетъ примѣты его: оно должно быть благо, для всѣхъ доступное и прочное. Не далеко оно отъ насъ. Царство Божіе внутрь васъ есть. Чтобы быть счастливымъ, нужно только предаться волѣ Божьей: „чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ", говоритъ Сковорода, „тѣмъ мирнѣе и счастливѣе. Сіе то значитъ: жить по натурѣ" [4]). Подъ натурою онъ разумѣетъ не скотскіе и слѣпые инстинкты человѣка, а „царственное естество" его, которое онъ называетъ „святымъ духомъ", живущимъ внутри человѣка и зовущимъ его къ исполненію „той должности, для которой онъ въ мірѣ родился, самимъ Вышнимъ къ тому предопредѣленъ" [5]). Всѣ несчастія человѣческой жизни онъ объясняетъ тѣмъ, что люди, не познавъ себя, „входятъ въ несродную имъ стать" и берутся за дѣло, которое не соотвѣтствуетъ ихъ „сродности" [6]). Происходитъ въ этомъ случаѣ нарушеніе законовъ природы, ибо

[1]) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 83.

[2]) «Житіе Сковороды» Ковалинскаго, отд. I, 30.

[3]) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 83.

[4]) «Алфавитъ мира», отд. II, 116.

[5]) Ibidem 117—118.

[6]) Ibidem 116.

„природа и сродность—значитъ врожденное Божіе благоволеніе и тайный его законъ, всю тварь управляющій“ [1]).

Мы дошли до той границы въ философскихъ размышленіяхъ Сковороды, за которою начинаются туманныя и смутныя созерцанія его съ пантеистическимъ оттѣнкомъ. „Въ Библіи“, говоритъ онъ, „Богъ именуется огнемъ, водою, вѣтромъ, желѣзомъ, и протчими безчисленными именами: для чего же его не назвать натурой?.. Симъ словомъ называется все—на-все, что только родится во всей міра сего машинѣ“ [2]). „А понеже сія мати, раждая, ни отъ кого не принимаетъ, но сама собою раждаетъ, для того называется и отцемъ, и началомъ, ни начала, ни конца не имущимъ, ни отъ мѣста, ни отъ времени независящимъ... Сіе повсемственныя и премудрыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, правленіемъ, по всему матеріалу разлитымъ безъ конечно и безъ времени“ [3]). „А какъ въ Богѣ раздѣленія нѣсть, то онъ есть простирающееся ко всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ свойство, убо Богъ, и мыръ его, и человѣкъ его—есть то едино“ [4]). Судя по выпискамъ, нами сдѣланнымъ, можно было бы думать, что это пантеизмъ матеріалистическій, но, говоря объ эволюціи мірозданія, Сковорода всегда даетъ перевѣсъ духовному началу и даже противополагаетъ иногда природу Богу. Бесѣдуя съ Ковалинскимъ о вѣчности, онъ говоритъ, что „воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы. Назначено поприще или кругъ каждому существу по образу вѣчнаго явить силы свои, т. е. изліяніе невидимаго по временной видимости и паки вступить въ свое начало, т. е. въ свое

---

1) Ibidem 132.

2) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 85.

3) Ibidem 86.

4) «Разглаголъ о древнемъ мырѣ», отд. II, 5.

ничто. Край первый и край послѣдній есть единъ, и сіе едино есть Богъ"[1]).

Такимъ образомъ самопознаніе или же мудрость въ союзѣ съ добродѣтелью приводитъ человѣка къ сознанію присущаго ему божественнаго начала, въ чемъ и заключается истинное человѣческое счастіе.

Въ общежитіи выражается это счастіе дѣлами любви къ ближнему, которая есть „законъ природы, самонуждн҄ѣйшій для блага человѣческаго, всеобщій, напечатанный въ сердцѣ каждаго, данный каждому существу, даже послѣдней песчинкѣ"[2]). Въ сущности весь вопросъ о счастіи, не только личномъ, но и всеобщемъ, сводится къ исполненію этого закона, ясняго и простого, потому и нетруднаго. Итакъ, говорилъ Сковорода, „благодареніе Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное нетруднымъ"[3]). Выходя изъ этого положенія, заимствованнаго у Епикура, Сковорода наложилъ на себя подвигъ самоотреченія. Онъ отказался отъ всѣхъ приманокъ міра, отъ увлеченій суетой жизни. Ему предлагали „монашеское состояніе, обѣщая на семъ поприщѣ честь, славу, изобиліе всего, почтеніе и счастливую жизнь". Сковорода отказался отъ этого предложенія, „полагая монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, въ лишеніи всего ненужнаго, въ отверженіи всѣхъ прихотей, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему"[4]). Свобода отъ всѣхъ мірскихъ желаній—въ этомъ, по его мнѣнію, заключался весь смыслъ жизни. „Мнози", писалъ онъ другу своему Ковалинскому, „глаголютъ: что дѣлаетъ Сковорода? чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческія жизни"[5]). Но этого „радованія" можно было достигнуть только цѣною убоже-

---

1) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. II, 19—20.

2) Ibidem, 34.

3) Ibidem и во многихъ другихъ сочиненіяхъ.

4) Ibidem, 10.

5) Ibidem, 26—27.

ства. „Кто не любитъ хлопотъ, тотъ долженъ научиться просто и убого жить“ [1]). Такъ онъ говорилъ, такъ и жилъ, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ однихъ добрыхъ людей къ другимъ,— „непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцемъ на земли во всемъ разумѣ сего слова“ [2]). Но внѣшняя форма этой жизни была не выдумана самимъ Сковородой. Онъ былъ представителемъ того типа людей, которые извѣстны подъ именемъ странствующихъ дьяковъ, съ тою разницею, что не имѣлъ многихъ ихъ слабостей. И въ самомъ дѣлѣ, по своему, такъ сказать, іерархическому положенію онъ былъ дьякомъ, сдѣлавшись таковымъ послѣ того, какъ получилъ увольненіе изъ придворныхъ пѣвчихъ съ званіемъ придворнаго уставщика.

Могли ли быть доступны идеи Сковороды простому народу?

Многія—да, напримѣръ, мысли о счастіи; но метафизическія основы этихъ мыслей едва ли ясны были и для многихъ образованныхъ слушателей его. Сковорода далекъ былъ отъ методическихъ пріемовъ Сократа—индукціи и опредѣленій, и не столько доказывалъ свои мысли, какъ діалектикъ, сколько внушалъ ихъ, какъ проповѣдникъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ рукописяхъ проповѣдей его, обращенныхъ къ народу. Даже теоретическія воззрѣнія его на народъ намъ извѣстны только по выпискамъ изъ такихъ сочиненій Сковороды, которыя не дошли до насъ въ полномъ своемъ составѣ [3]). Нѣкоторые скептически относятся къ этимъ выпискамъ [4]), хотя въ нихъ нѣтъ ничего такого, что не соотвѣтствовало бы духу и стилю другихъ сочиненій Сковороды. Можно сказать только, что учителемъ народнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова Сковорода не былъ. Безъ сомнѣнія, глубокая и, такъ сказать, учительная сила его личности заключалась въ томъ, что слово его не расходилось съ дѣломъ.

---

[1]) Басня Чижъ и щигликъ, отд. II, 155.

[2]) «Житіе Сковороды» Ковалинскаго, отд. II, 29.

[3]) См. въ статьяхъ Хиждеу: «Григорій Варсава Сковорода», Телескопъ за 1835 г., XXVI.

[4]) См. юбилейное изданіе сочиненій Сковороды, отд. I, XVII—XXV.

Сковорода жилъ такъ, какъ училъ, и училъ тому, что самъ исполнялъ въ жизни. Въ этомъ—вся тайна его вліянія на современниковъ. И однако же не видно изъ его жизни, чтобы онъ свилъ себѣ гнѣздо въ средѣ простого народа. Онъ искалъ пріюта и находилъ его въ средѣ украинской интеллигенціи, съ которой состоялъ въ постоянномъ умственномъ общеніи, какъ мѣстный ораторъ, писатель и учитель. Не безъ основанія утверждаютъ, что расположеніе къ просвѣщенію въ дворянствѣ харьковской губерніи посѣялъ Сковорода: по крайней мѣрѣ, въ числѣ первыхъ помѣщиковъ, подписавшихся на 612 тысячъ для основанія харьковскаго университета, были или ученики, или короткіе знакомые и друзья Сковороды. Но на дворянское сословіе смотрѣлъ онъ далеко не съ точки зрѣнія простонароднаго философа. Когда, по порученію мѣстнаго епископа, спросили его, зачѣмъ онъ въ сочиненіи своемъ, изъ-за котораго оставилъ онъ харьковскій коллегіумъ, отступилъ отъ обыкновенныхъ мнѣній о христіанскомъ благонравіи, то Сковорода отвѣчалъ: „дворянство различествуетъ знаніемъ (вѣроятно, званіемъ) и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣть оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такія ли прилично ему мысли имѣть о верховномъ существѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ“ [1])? Въ этомъ сословномъ консерватизмѣ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія съ его собственнымъ убѣжденіемъ, что истина для всѣхъ одна и счастіе—тоже одно. Ни однимъ словомъ онъ не отозвался на жгучіе вопросы своего времени, которые рѣшались не въ пользу народа. Равнодушными глазами смотрѣлъ онъ на закрѣпощеніе его, которое на его глазахъ происходило. Оптимистъ по своему міровоззрѣнію, онъ совѣтовалъ каждому довольствоваться своимъ положеніемъ, „оставаться въ природномъ своемъ званіи, сколько оно ни подлое“ [2]). Въ баснѣ своей „Голова и Тулубъ“ онъ дѣлаетъ такое нравоученіе простому народу: „на-

---

[1]) «Житіе Сковороды», Коваливскаго, отд. I, 24.

[2]) «Алфавитъ мира», отд. II, 121.

родъ долженъ обладателямъ своимъ служить и кормить ихъ“ [1]). Очевидно, отрицая „историческое богопочитаніе“, онъ отрицалъ вмѣстѣ съ нимъ и уроки родной своей исторіи, и это не прошло ему даромъ. При всемъ нравственномъ достоинствѣ его личности, было въ ней что-то самодовлѣющее и жосткое... Самое убожество его, которое, повидимому, приближало его къ простому народу, имѣло отчасти декоративный характеръ. Сковорода отлично понималъ силу впечатлѣнія, производимаго контрастомъ между его убогимъ видомъ полунищаго и ученою, иногда загадочною его рѣчью. Самолюбію его всегда льстило это впечатлѣніе, которое доставляло ему исключительную роль въ свѣтѣ. Не разъ онъ высказывалъ мнѣніе, что свѣтъ подобенъ театру. „Когда Богъ“, говорилъ онъ въ одномъ собраніи, опредѣлилъ мнѣ „въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ нарядѣ, въ одѣяніи, въ поступкахъ и въ обращеніи съ степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе и всегда помнить мою ничтожность предъ ними“ [2]). Это именно то смиреніе, о которомъ справедливо говорятъ, что оно „паче гордости“. Не могъ Сковорода не сознавать своихъ умственныхъ силъ, своего умственнаго превосходства надъ массою людей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни. Посылая то или другое сочиненіе свое, по обыкновенію въ рукописи, тому или другому пріятелю, онъ нерѣдко высказывается со всею наивностію авторскаго тщеславія [3]). Одинъ изъ современниковъ его говоритъ, что „своенравіе, излишнее самолюбіе, не терпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его—magister dixit—затмѣвали дарованія его“ [4]). Слова эти заслуживаютъ довѣрія въ виду того, что они сказаны были простодушнымъ человѣкомъ, который наивно сознается въ слабостяхъ своихъ, подавшихъ Сковородѣ поводъ назвать его

---

[1]) Отд. II, 155.

[2]) «Житіе Сковороды» Коваливскаго, отд. II, 26.

[3]) «Украинская старина» Данилевскаго, 62—63.

[4]) Ibidem, 41.

„мужчиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ“ [1]). Не такъ безразлично относился самъ Сковорода къ „оглагольникамъ“ своимъ, уязвлявшимъ его самолюбіе. Это было именно самолюбіе людей, которые избрали себѣ въ жизни путь мысли и остались въ сторонѣ отъ заманчивыхъ положеній, доставляемыхъ почестями и богатствомъ. Такое самолюбіе нерѣдко одѣвается въ одежду смиренія. Въ такой одеждѣ и являлся Сковорода въ современномъ ему обществѣ.

Еще менѣе можно назвать Сковороду народнымъ писателемъ, хотя нельзя отрицать въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ его мотивовъ народныхъ. Охотно вводилъ онъ въ свою рѣчь церковно-славянскія слова и формы, кромѣ прошедшихъ простыхъ, которыя встрѣчаются у него рѣдко. Даже въ письмахъ своихъ не могъ онъ отрѣшиться отъ высокорѣчія церковно-славянскаго, употребляя такія слова, какъ *аще*, *негли*, *обаче*, иногда даже заканчивая письма свои словомъ *аминь* [2]). Нужно замѣтить при этомъ, что, по свидѣтельству Ковалинскаго, Сковорода на письмѣ „употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой“ [3]). По всей вѣроятности, въ устныхъ бесѣдахъ своихъ онъ предпочиталъ рѣчь малорусскую. Есть и въ письменныхъ произведеніяхъ его значительная доля словъ и формъ малорусскихъ. Но рядомъ съ этими послѣдними мы встрѣчаемъ слова и формы великорусскія, напримѣръ: *давича* (отд. II, 241), *возлѣ* (293), *вѣть* (ib.), *братецъ* (84), *лоточка* (270), *не безъ чинишка* (238), *нечево* (151), *всіо* (293), *въ серіодкѣ* (151), *живіошь*, *поіошь*, *вріошь* (293), *войдіотъ* (ib.) и т. п. Не легко иногда разобраться въ этомъ хаосѣ словъ, то различныхъ по значенію и по происхожденію, то сходныхъ по значенію, но различныхъ по происхожденію. Безсознательно для самого себя писатель дѣлаетъ все, чтобы выразить мысль свою самымъ не-

---

1) Ibidem.

2) Ibidem, 56.

3) «Житіе Сковороды», отд. II, 40.

естественнымъ образомъ, употребляя слова то церковно-славянскія, то малорусскія, то великорусскія. Насилія надъ языкомъ въ произведеніяхъ Сковороды доходятъ до того, что онъ импровизируетъ особенныя формы, не то малорусскія, не то великорусскія, напримѣръ: *взглянь* (отд. II, 241), *обиходься* (288), *спѣвая* (262), *не спрятаешся* (305), *сдѣлався* (363), *неколи* (238), *дуракови* (239) и проч. Подчиняясь разнообразнымъ вліяніямъ рѣчи, то книжной, то разговорной, то городской, то сельской, онъ какъ бы утратилъ самое чувство ея. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить то обстоятельство, что Сковорода называетъ малороссійскими пѣснями тяжелыя силлабическія вирши? Такъ, въ одномъ изъ трактатовъ „Брань архистратига Михаила съ сатаною“ помѣщены слѣдующія вирши, подъ которыми сдѣлана выноска самимъ авторомъ: „сія пѣснь есть изъ древнихъ малороссійскихъ и есть милая икона, образующая весну: она пространна“:

„Зима прейде. Солнце ясно
Мыру откры красно.
Изъ подземной клѣти явишася цвѣты,
Мразомъ прежде побіенны.
Уже всѣ райскія птицы
Испущенны изъ темницы,
Повсюду лѣтаютъ, сладко воспѣваютъ,
Веселія исполненны.
Зеленыи поля въ травы,
Шумящіи въ листъ дубравы
Встаютъ одѣваясь, смотря возсмѣваясь,
Ахъ, коль сладко тамъ взирати!“ [1])

Можно было бы подумать, что названа эта „милая икона“ малороссійскою не въ смыслѣ языка, а въ смыслѣ происхожденія. Но вотъ отрывокъ изъ оды Горація, перетолкованной *малороссійскимъ діалектомъ*, какъ говоритъ самъ Сковорода въ заглавіи къ своему произведенію:

---

[1]) Отд. II, 215.

„Ахъ, ничемъ мы не довольны: се источникъ всѣхъ скорбей!
Разныхъ умъ затѣевъ полный—вотъ источникъ мятежей!
Поудержмо духъ несытый! Полно мучить краткій вѣкъ!
Что ль намъ дасть край знаменитый? Будешъ тоже человѣкъ.
Вить печаль вездѣ летаетъ, по землѣ и по водѣ,
Сей бѣсъ молній всѣхъ быстряе, можетъ насъ сыскать вездѣ.
Будьмо тѣмъ, что Богъ далъ, рады, разбиваймо скорбь шутя.
Полно насъ червямъ снѣдати: вить есть чаша всѣмъ людямъ.
Славны, напримѣръ, герои, но побиты на поляхъ.
Долго кто живетъ въ покоѣ, страждетъ въ старыхъ тотъ лѣтахъ.
Васъ Богъ одарилъ грунтами, но вдругъ можетъ то пропасть,
А мой жребій съ голяками, но Богъ мудрости далъ часть“ [1]).

Называя языкъ этого перевода малороссійскимъ, Сковорода, очевидно, не имѣлъ отчетливаго представленія о той рѣчи, на которой писалъ стихами и прозой. Не удивительно поэтому, что сочиненія его, особенно прозаическія, были недоступны для простого народа не только по содержанію, но и по языку. Ближе къ пониманію народному стояли стихотворенія Сковороды, но прежде чѣмъ перейти въ народное обращеніе, они должны были потерпѣть значительныя измѣненія въ языкѣ. Къ числу такихъ стихотвореній относится, между прочимъ, извѣстная сатирическая пѣсня, начинающаяся словами: „Всякому городу нравъ и права“ и распространенная во многихъ редакціяхъ книжныхъ, полународныхъ и народныхъ [1]). Любопытно, что

[1]) Отд. II, 278—279.

[2]) См. Альманахъ 1835 г. «Утренняя звѣзда», гдѣ помѣщены для сличенія двѣ редакціи этой пѣсни. См. также Данилевскаго «Украинская старина», стр. 84, «Воронежскій литературный сборникъ»,

Сковорода слагалъ иногда свои вирши подъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ, заимствуя изъ нихъ не столько поэтическіе образы, сколько общія идеи, болѣе или менѣе подходившія подъ его философское міровоззрѣніе. Симпатіи его къ народной пѣснѣ и къ народному слову, повидимому, наталкивали его на путь народнаго писателя. Къ тому же располагалъ и народный складъ его сатирическаго ума, склоннаго къ рефлексіи. Но Сковородѣ не доставало серьезныхъ увлеченій судьбою того самаго народа, въ средѣ котораго онъ родился. Идеалистъ по натурѣ, онъ не могъ пойти вслѣдъ за тѣми земляками своими, которые въ новыхъ порядкахъ жизни искали личнаго счастія,—не могъ также увлекаться и старыми идеалами, которые въ его время теряли свое обаяніе. Поэтому онъ создалъ для себя особенную сферу отвлеченныхъ положеній, въ которыхъ не было и слѣда общественнаго самосознанія. Всѣ силы души своей онъ обратилъ на то, чтобы приладить эти положенія къ личной жизни своей. Всякая другая работа внѣ этой субъективной сферы самоусовершенствованія казалась ему ниже его достоинства. Онъ гордо отвернулся отъ современной ему общественности, не интересуясь вопросомъ, откуда она произошла и куда она ведетъ. Отсюда — противорѣчія и натяжки въ его убѣжденіяхъ и симпатіяхъ, отсюда же и безсознательность его въ самомъ способѣ литературнаго изложенія.

Такимъ образомъ славяно-малорусская рѣчь, постепенно воспринимая великорусскіе элементы, должна была выйти изъ литературнаго употребленія, уступивъ свое мѣсто литературной русской рѣчи, которою вполнѣ уже владѣли ученики Сковороды. Въ этомъ мы отчасти могли убѣдиться по выдержкамъ изъ сочиненія одного изъ нихъ—Ковалинскаго.

Теперь обратимся къ судьбѣ книжной малорусской рѣчи въ XVIII вѣкѣ.

1861 г. вып. I, стр. 254, «Сочиненія Сковороды», Спб. 1861, №№ VIII, IX, стр. 11—12, наконецъ, юбилейное изданіе сочиненій Сковороды, 1894 г., отд. II, стр. 266—267.

VII.

Произведенія уніатской печати, написанныя книжной малорусской рѣчью въ XVIII в.

Замѣтимъ прежде всего, что въ XVIII в. писатели малорусскіе какъ будто бы охладѣли къ печатанію своихъ сочиненій. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что ни одно изъ произведеній, о которыхъ говорили мы выше, за исключеніемъ „Панегирикоса" Ѳеофана Прокоповича, не было напечатано. Можетъ быть, одною изъ причинъ этого явленія было сознаніе, что славяно-малорусская рѣчь со всѣми особенностями ея правописанія не годится для всероссійскаго употребленія. И въ самомъ дѣлѣ, она не соотвѣтствовала гражданской печати, заведенной Петромъ Великимъ.

То же самое, и еще въ большей степени, мы должны сказать о книжной малорусской рѣчи. По своимъ особенностямъ лексическимъ и грамматическимъ она еще дальше стояла отъ литературной русской рѣчи, поэтому писавшіе этой рѣчью еще менѣе могли разсчитывать въ XVIII в. на распространеніе ея путемъ печати.

Въ прежнее время сама Украина собственными своими силами должна была отстаивать свою умственную и нравственную независимость, противъ которой направлены были всѣ усилія католической Польши, манившей къ себѣ верхніе слои малорусскаго народа всѣми соблазнами политической и религіозной уніи. Не поддался народъ этимъ соблазнамъ и выдвинулъ для защиты своего національнаго существованія, какъ боевыя, такъ и культурныя средства. Къ послѣднимъ относились литературныя произведенія, въ которыхъ объяснялось и защищалось ученіе „благочестивой" вѣры, съ ея догматами и обрядами, съ ея общественно-народными институціями, которыя давали возможность всѣмъ слоямъ малорусскаго народонаселенія подавать свой голосъ въ дѣлахъ вѣры. Печатались эти произведенія въ мѣстныхъ типографіяхъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей народа, поэтому не считалось дѣломъ страннымъ или необычнымъ упо-

требленіе въ этихъ произведеніяхъ такой рѣчи, которая была болѣе доступна народному пониманію, т. е. рѣчи книжной малорусской.

Въ XVIII вѣкѣ политическая обстановка лѣвобережной Украины существенно измѣнилась. Вмѣсто польскаго государственнаго строя, страдавшаго слабостію центральной власти, явилась власть твердая и энергическая. На лѣвой сторонѣ Днѣпра уже невозможны были религіозныя преслѣдованія. Напротивъ того, „благочестивая" вѣра нашла въ единовѣрномъ государствѣ поддержку и защиту. Самыя средства религіознаго просвѣщенія должны были измѣниться. Это уже были не мѣстныя средства, вызванныя опасеніями за свободу религіозной совѣсти, за самое бытіе праотеческой вѣры. Это были общегосударственныя средства, предназначенныя не для одной Малороссіи, но для всей Россіи. Вотъ почему въ XVIII вѣкѣ, особенно во второй половинѣ его, въ лѣвобережной Украинѣ казалось уже страннымъ писать богословскія сочиненія книжною малорусскою рѣчью. Тѣмъ болѣе показалось бы страннымъ печатать тѣ изъ нихъ, которыя написаны были языкомъ Голятовскаго и Радивиловскаго.

Не то было въ правобережной Украинѣ. Она оставалась еще подъ властію Польши, которая съ неодолимою силой роковыхъ страстей и предубѣжденій выдвигала религіозный вопросъ какъ будто бы для того, чтобы ускорить свое паденіе. Со времени андрусовскаго мира (1667 г.) она не переставала стремиться къ завѣтной мечтѣ, подсказанной іезуитами, провести чрезъ унію на лоно католической церкви ту часть малорусскаго народа, которая входила въ составъ Рѣчи Посполитой. Теперь уже ревнители католичества могли разсчитывать на осуществленіе этой мечты: козачество не могло прійти на защиту православія, а духовенство, мѣщанѐ и крестьяне, лишенные политическихъ правъ, не могли, повидимому, выдержать дружнаго натиска католической пропаганды. Мы не станемъ слѣдить за этой пропагандой. Скажемъ только, что она шла тѣми же путями, какъ и въ XVII вѣкѣ—путемъ угнетенія православнаго духовенства и привлеченія его въ унію матеріальными выгодами.

До самаго конца XVII в. православныя епархіи оставались православными, благодаря двусмысленному поведенію нѣкоторыхъ епископовъ, тайно принявшихъ унію, но не заявлявшихъ объ этомъ своей паствѣ. Когда же сняли они маску, то оказалось, что изъ пяти православныхъ епархій въ Польшѣ сохранила вѣрность православію одна только бѣлорусская. Послѣ этого унія признана была въ Польшѣ единственною законною церковью греческаго обряда, и политика двуличія смѣнилась политикой открытаго насилія. Памятникомъ этого насилія была уніатская литература XVIII в. Она хотѣла регламентировать народную совѣсть, ввести ее въ тотъ кругъ религіозныхъ представленій, источникомъ которыхъ было не религіозное одушевленіе, а политическій оппортунизмъ, сводившій весь вопросъ о народномъ просвѣщеніи къ спасенію души подъ условіемъ соединенія съ римскою церковью:

„Кто хощетъ душу вѣчне спасти свою,
Нехъ той примаетъ вѣрою живою
Съ Церквою Рима соединеніе,
Бо на томъ виситъ всѣхъ насъ спасеніе". [1])

Книга, изъ которой выписали мы эти стихи, издана была въ 1778 г. базиліанами—монахами почаевской лавры. Учрежденъ былъ этотъ орденъ еще въ XVII в. при уніатскомъ митрополитѣ Іосифѣ Рутскомъ (1613—1637), но особенное значеніе пріобрѣлъ онъ послѣ того, какъ православныя епархіи, остававшіяся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, перешли въ унію. Состоя въ зависимости отъ одного папы, базиліане почти не признавали власти мѣстныхъ епископовъ. Они завладѣли управленіемъ уніатской церкви, присвоили себѣ болѣе значительные монастыри съ ихъ земельными угодьями и доходами, отняли у бѣлаго духовенства лучшіе приходы. Какъ ученики іезуитовъ, они старались распространять унію посредствомъ школы: съ этою цѣлью они завладѣли, какъ низшими, такъ и высшими школами. [2]) Но, конечно, смотрѣли они на унію, какъ

---

1) «Пѣснь катихизмова» изъ книги «Народовѣщаніе».

2) Historia szkól Lukaszewicza, 1849 г., т. I, 354, т. II, 263—277.

на переходную стадію, поэтому они далеки были отъ тѣхъ религіозныхъ настроеній, которыми руководились нѣкогда создатели православныхъ школъ. Обученіе въ базиліанскихъ школахъ происходило на языкѣ польскомъ, изученіе же церковно-славянскаго языка совсѣмъ было запущено. Случалось иногда, что воспитанники базиліанъ, поступивъ на приходы, отправляли богослуженіе по тетрадкамъ, на которыхъ церковныя службы написаны были латинскими буквами. Вообще же къ образованію низшаго духовенства базиліане относились съ пренебреженіемъ, поэтому епископы нерѣдко вынуждены были рукополагать въ священники людей полуграмотныхъ. На этихъ священниковъ базиліане смотрѣли глазами католическаго духовенства, сочинившаго извѣстную пословицу: Pan Bóg stworzył popa dla chłopa, a plebana dla pana.

Но такъ или иначе, а съ этимъ хлопомъ нужно было считаться. Привыкъ онъ къ обрядамъ своей церкви и къ богослужебному языку ея, поэтому нужно было сочинить такія книжки, которыя могли бы служить руководствомъ для сельскихъ пастырей, чтобы они могли „простимъ языкомъ русскимъ простѣйшій народъ поучати", воспитывая его „въ единеніи съ церквію Рима". [1]) Въ изданіи такихъ книжекъ больше всего потрудились базиліане—особенно послѣ того, какъ овладѣли они почаевскимъ монастыремъ и возобновили его типографію (1720—1725 г.). Не входя въ подробный разборъ этихъ изданій, мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ только лишь для того, чтобы познакомиться съ педагогическими пріемами уніатскихъ просвѣтителей.

Въ 1722 г. напечатано было въ монастырѣ супрасльскомъ „чину святаго Василія Великаго" „Собраніе припадковъ краткое и духовнымъ особамъ потребное". Книга эта заключаетъ въ себѣ ученіе о таинствахъ, о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, изъясненіе символа вѣры и молитвы „Отче нашъ" и „Богородице дѣво", „такожде науку, како подобаетъ наставляти малыхъ

---

[2]) «Народовѣщаніе», 1778 г.

или невѣжовъ". Издана она была, какъ говорится въ предисловіи, по распоряженію замойскаго собора, состоявшагося въ 1720 г. при уніатскомъ митрополитѣ Леонѣ Кишкѣ. Это тотъ самый соборъ, отъ котораго ведетъ начало свое цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ слiянiю унiи съ католичествомъ. Душей этого собора были базиліане, добившіеся на немъ постановленія, чтобы епископами назначались монашествующіе, какъ надежные слуги папской власти, непосредственно ей подчиненные. Изъ окружнаго посланія Аѳанасія Шептицкаго, преемника Кишки по званію митрополита, мы узнаемъ, что замойскій соборъ созванъ былъ главнымъ образомъ для исправленія „росскихъ книгъ, аще въ нихъ поползновенія и преткновенія обрящутся", несогласныя съ ученіемъ римской церкви. И дѣйствительно, не мало въ нихъ оказалось „поползновеній и преткновеній", которыя митрополитъ предлагаетъ устранить. Въ Тріоди постной 1717 г. вмѣсто словъ: „да вѣчнаго огня избавитъ" положи тіе: „да милостивно мукъ чистителныхъ избавитъ". Въ молитвословѣ 1720 г. вмѣсто словъ: „спаси, Господи, и помилуй святѣйшихъ архіепископовъ, вселенскихъ патріарховъ", положи тіе: „святѣйшаго архіерея вселенскаго, имя рекъ, папу римскаго". Въ Трифолоѣ 1694 г. слова: „Духъ святый отъ Отца единаго исходитъ" вымажъ „единаго", а положи такъ: „отъ Отца и Сына исходяща". Что касается до „Собранія припадковъ", то основная задача этой книги—сообщить мало подготовленнымъ пастырямъ церкви minimum богословскихъ знаній, необходимыхъ въ церковно-религіозной практикѣ,—при чемъ въ самомъ началѣ книги дѣлается предостереженіе, что каждый годъ четыре раза епископъ будетъ посылать нарочитыхъ мужей для испытанія въ познаніи ея. Въ текстъ книги введены три языка: до 137 листа—церковно-славянскій въ славяно-русской редакціи, отъ 137—книжный малорусскій и параллельно на соотвѣтствующихъ страницахъ—польскій. Къ концу книги приложенъ „Лексиконъ сирѣчь словесникъ славенскій, имѣющъ въ себѣ словеса первѣе славенскія азбучныя, по семъ же полскія". Словарь этотъ изданъ въ виду того, что едва сотый іерей зналъ

пославянски, въ чемъ убѣдился самъ епископъ „съ неисчетною болѣстію сердца". Невольно эти польскія объясненія славянскихъ словъ заставляютъ насъ вспомнить о „Лексиконѣ словеноросскомъ" Памвы Берынды, который для объясненія славянскихъ словъ обращался къ книжной малорусской рѣчи, или же объ изданной нами рукописи: „Синонима славенороссская", гдѣ замѣтно стремленіе вытѣснить изъ самой книжной малорусской рѣчи польскія слова [1]). Приходится намъ повторить здѣсь общеизвѣстную истину, что унія опиралась на культуру польскую и на языкъ польскій.

Въ 1751 г. напечатано было въ монастырѣ почаевскомъ тоже монахами „чину святаго Василія Великаго" „Богословіе нравоучительное". Это ничто иное, какъ распространенное и улучшенное „Собраніе припадковъ"—съ тѣмъ же порядкомъ въ распредѣленіи статей, съ тѣмъ же двойнымъ текстомъ малорусскимъ и польскимъ, начиная съ листа 105, и съ славяно-польскимъ лексикономъ въ концѣ. Упоминаемъ объ этой книгѣ, потому что она была настольною книгой уніатскаго священства, замѣняя для него школьную науку, и не разъ издавалась въ послѣдствіи [2]).

Но какъ учить народъ? На какомъ языкѣ проповѣдывать ему? И объ этомъ позаботились базиліане. Они издавали въ томъ же почаевскомъ монастырѣ сборники поученій подъ разными наименованіями: „Сѣмя слова Божія" 1781 г., „Бесѣды парохіальныя" 1789 г., „Науки парохіалнія" 1794 г. Особенно любопытенъ этотъ послѣдній. Въ предисловіи переводчикъ объясняетъ

---

[1]) См. объ этомъ нашъ «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.».

[2]) Отъ этой книги нужно отличать «Богословіе нравоучительное изъ богословія Антоіне... римскимъ діалектомъ писаннаго... на русскій діалектъ вкратцѣ переведенное». Это тоже почаевское изданіе. Первое, по Ундольскому, относится къ 1776 г. Въ библіотекѣ кіевской Духовной академіи мы видѣли изданіе 1779 г. Составъ книги не тотъ, что въ «Богословіи нравоучительной» 1751 г. Всѣ статьи строго согласованы съ порядкомъ таинствъ, нѣтъ особыхъ отдѣловъ о Символѣ вѣры, о заповѣдяхъ Божіихъ, нѣтъ лексикона. Во всей книгѣ языкъ церковно-славянскій, нѣтъ книжнаго малорусскаго.

происхожденіе „наукъ парохіалныхъ“, которыя первоначально переведены были съ италіанскаго языка на польскій, съ польскаго на „славенско-русскій“, а потомъ уже „простымъ и звычайнымъ русскаго языка, бесѣды посполитымъ способомъ преложены для латвѣйшаго простыхъ людей и неуковъ вирозумленія и спасеннаго оних пожитку“. Онъ думаетъ, что „въ преложеніи сихъ наукъ“ многія слова и выраженія покажутся разнымъ читателямъ „неуживаными и неугодными“, но причина этого, по его мнѣнію, заключается въ самихъ свойствахъ русскаго языка. „Вѣдомо бо есть тебѣ, благоговѣйный читателю“, говоритъ онъ, „же въ русской сей простой, въ Полщы звычайной и посполитой бесѣдѣ, слова и способи ихъ вираженія суть рожніи и не всѣмъ еднаковіи: на Волыню иншіи, на Подолю и на Украинѣ иншіи, въ Полѣсю иншіи. Для того въ едномъ томъ наукъ преложеніи, не могохъ всѣмъ тако не согласующымся и разнствующымъ въ рожномъ ихъ бесѣдъ несогласіи подлугъ моего угодити желанія. Но ты, всечестный и благоговѣйный читателю, поневажъ всегда зъ людми твоей паствѣ вручеными живеши и съ ними всегда бесѣдуеши и добре способъ ихъ бесѣды и словъ вираженія знаеши, для того латво можеши сія краткія науки читаючи, такъ имъ слова виражати, якъ они между собою бесѣдовати обыкоша и якъ имъ пріятнѣйше“. Въ выписанныхъ нами строкахъ мы встрѣчаемъ тѣ самыя выраженія, которыя, начиная со второй половины XVI вѣка, употребляли защитники „благочестивой“ вѣры въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось укрѣплять ее въ сознаніи „простыхъ“ людей. И они обращались тогда къ „простой мовѣ“, къ „русской мовѣ“, къ „языку русскому“, разумѣя подъ нимъ народный малорусскій языкъ. Нельзя сказать, чтобы они твердо и неуклонно стояли на почвѣ этого языка: и для нихъ, какъ для монаховъ „чину Василія Великаго“ народный языкъ былъ только орудіемъ религіозной борьбы. Но большая разница въ томъ, что вели они борьбу для самозащиты—оборонительную, а не наступательную. Такъ или иначе, они сознавали, что православіе съ его соборнымъ началомъ церковно-религіозной жизни болѣе соотвѣтствуетъ народному міровоззрѣнію, чѣмъ унія

съ ея подавляющимъ авторитетомъ церковной іерархіи. Такимъ образомъ, прибѣгая къ народному языку для защиты православія, они не видѣли противорѣчія между средствомъ и цѣлію, и можно было бы пожелать имъ только большей послѣдовательности и настойчивости въ употребленіи этого средства. Совсѣмъ иное мы видимъ, когда въ народномъ языкѣ ищутъ опоры для того, чтобы привить къ народу понятія, чуждыя его духовной сущности. Тутъ уже нѣтъ сочувственнаго уваженія къ народу и языку его, нѣтъ и вѣры въ народъ, въ его творческія силы. Тутъ господствуетъ одна мысль, одно стремленіе—привести народъ къ послушанію святѣйшему папѣ римскому, стремленіе, возникшее не изъ религіозныхъ потребностей народа, а изъ клерикальныхъ разсчетовъ и соображеній, осложненныхъ вліяніемъ страстей, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ. Это методъ педагогическаго приспособленія къ народу, вовсе не разсчитанный на то, чтобы вызвать въ немъ самодѣятельность мысли и чувства.

Такого же метода держались и составители Богогласника—книги, весьма распространенной въ уніатскомъ мірѣ [1]). Въ составъ ея вошли, между прочимъ, пѣсни духовнаго содержанія, небезъизвѣстныя народу. Есть между ними и такія, которыя встрѣчаются нерѣдко въ рукописныхъ сборникахъ прошлаго вѣка, предшествовавшихъ появленію Богогласника: сюда относятся нѣкоторыя „умилительныя“ пѣсни, помѣщенныя въ четвертой части Богогласника, а также рождественскіе канты, вошедшіе въ дополнительный отдѣлъ первой части. Любопытно заглавіе этого отдѣла: „иныя пѣсни на Рождество Христово вмѣсто не богоугодныхъ обычныхъ колядъ простымъ пѣвцемъ служащія“. Такимъ образомъ Богогласникъ дѣлаетъ уступки „простымъ пѣвцемъ“, но только тѣ, которыя согласны съ его религіозно-поучительными цѣлями. Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, онъ критически относится къ своему матеріалу, заимствуя его исключительно изъ письменныхъ источниковъ. Изъ предисловія

---

[1]) Головацкій относитъ первое изданіе Богогласника къ 1790, а второе сокращенное къ 1805 году. Мы пользовались позднѣйшимъ изданіемъ 1825 г. Всѣ изданія почаевскія.

узнаемъ мы, что не вошли въ него пѣсни, „худо и неискусно составленныя“, не вошли также тѣ пѣсни, которыхъ „не возможно увѣдати приличнаго имъ гласа“. Что касается пѣсенъ, „добрѣ сочиненныхъ и по своему гласованію увѣданныхъ“, но неискусными писцами испорченныхъ, то онѣ исправлены и переработаны, и въ такомъ видѣ пѣвцамъ и слушателямъ предложены, „аки снѣдь, иными смаки утворенная, аки потемненное сребро, седмирицею очищенное“. Къ этому мы должны прибавить, что многія пѣсни заново сочинены разными авторами на славяно-малорусскомъ и польскомъ языкахъ. Большею частію сочиняли пѣсни сами же базиліане, но въ числѣ авторовъ, и именно польскихъ пѣсенъ, были и законники „towarzystwa Iezusowego“, были и свѣтскіе люди. Такъ сложилась книга, предназначенная, какъ для церковнаго, такъ и для домашняго употребленія, въ кругу людей духовныхъ и мірскихъ, старыхъ и молодыхъ. Въ ней, говорятъ составители ея, обращаясь къ любителямъ душеспасительнаго пѣнія,

„Ветхія и новыя (пѣсни) обрящешь себѣ,
И старѣйшымъ, и юнѣйшымъ угодити требѣ“.

Но слабость уніи и заключалась именно въ томъ, что она, всѣмъ угождая, никого не удовлетворяла. Напрасно она усиливалась найти поддержку въ народѣ, отказываясь въ то же время отъ его историческихъ преданій. Напрасно также ожидала она помощи отъ католичества, которое не могло уважать ее, какъ сильнаго противника, сознающаго свое нравственное достоинство. Она была ему нужна для борьбы съ православіемъ; тамъ же, гдѣ эта борьба оканчивалась торжествомъ уніи, католики не могли ужиться съ нею. Въ каждой попыткѣ ея къ самозащитѣ они видѣли доказательство того, что она снова готова была возвратиться въ православіе. Чтобы отрѣзать ей всѣ пути къ отступленію, торопились какъ можно скорѣе покончить съ нею. Такъ начались гоненія на самую унію въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она не нужна была, какъ противовѣсъ православію. Вообще же можно сказать, что едва ли бы она уцѣлѣла въ польскомъ го-

сударствѣ, если бы не наступилъ первый раздѣлъ его, послѣ котораго Червоная Русь отошла къ Австріи, гдѣ унія нашла защиту и покровительство въ новомъ правительствѣ, которое не имѣло надобности сводить съ нею личные счеты.

Что сказали мы объ уніи, то же должны сказать и объ уніатской литературѣ XVIII в. Не было въ ней ни выдающихся произведеній, ни такихъ значительныхъ именъ, какъ имена Ѳ. Прокоповича, Конисскаго, Сковороды. Она имѣла церковно-оффиціальный характеръ, не выходя за границы того, что удовлетворяло потребностямъ религіозной мысли. Безъ сомнѣнія, и въ этой области возможна игра фантазіи, свободные порывы чувства, возможно отраженіе народной психологіи, народныхъ настроеній, не исключая даже юмористическихъ, что и видимъ мы въ народныхъ малорусскихъ виршахъ, созданныхъ подъ режимомъ старинной „благочестивой" вѣры, отличавшейся терпимостью. Такого рода творчество не могло найти поддержки тамъ, куда проникла уніатская регламентація, руководимая духомъ партіи, убѣжденной, что народъ есть масса, изъ которой можно лѣпить, что угодно. Въ этихъ условіяхъ чисто нравственнаго свойства заключается причина, почему книжная малорусская рѣчь, преобладавшая въ уніатскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка, не могла развиться дальше того предѣла, до котораго она дошла въ XVII вѣкѣ.

Но, можетъ быть, унія, угнетаемая католическими творцами ея въ польскихъ областяхъ, могла вызвать болѣе сильную литературную производительность въ Австріи, гдѣ предоставлено ей было болѣе прочное существованіе.

Не видно этого изъ фактовъ.

Извѣстно, что Іосифъ II, какъ убѣжденный поклонникъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ реформъ, направленныхъ къ уничтоженію рабства, унижающаго человѣческое достоинство. Нигдѣ эти реформы не были такъ своевременны, какъ въ галицкой Руси, гдѣ крестьяне томились въ панской неволѣ, гдѣ дворяне были не только привилегированнымъ сословіемъ, но и своего рода государствомъ въ

государствѣ. Не забудемъ, что до 1768 г. польскій панъ могъ распоряжаться не только имуществомъ, но и жизнію своихъ „подданныхъ". Въ 1782 г. сдѣлана была законодательная попытка положить конецъ этому безправію. Крестьяне освобождены были отъ крѣпостной зависимости, но безъ земли. Оставляя землю своего пана, они могли переселяться, куда имъ было угодно, заниматься ремесломъ, какимъ имъ было угодно. Продолжая жить на землѣ пана, они исполняли разныя повинности, но строго ограниченныя инвентарями. Это слабая сторона реформы, та полуоткрытая дверь, чрезъ которую крѣпостные порядки снова могли проникнуть въ послѣдствіи. Какъ бы то ни было, но и то, что получили галицкіе крестьяне, было нѣчто невиданное и неслыханное въ старинной Польшѣ. Этого мало. Такъ какъ крестьяне были малороссіяне, а не поляки, то правительство вынуждено было поднять умственный уровень ихъ для того, чтобы они могли защищать свои права, однимъ словомъ— позаботиться о народномъ образованіи. Кому же было заняться этимъ дѣломъ, какъ не пастырямъ церкви? Но мы уже знаемъ, что и эти послѣдніе большею частію были люди необразованные. Отсюда явилась необходимость учредить въ самомъ Львовѣ русскую семинарію (1783 г.), въ которой богословскіе и философскіе предметы должны были преподаваться на русскомъ языкѣ. По мысли учредителя, будущіе просвѣтители народа должны были знать языкъ его, поэтому и сами должны были учиться на языкѣ прихожанъ своихъ. Въ 1784 г. основанъ былъ въ Львовѣ университетъ, а въ 1787 г. разрѣшено было и въ университетѣ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, для чего назначены были два профессора — Петръ Лодій на философскую каѳедру и Андрей Павловичъ на математическую. Такъ изъ соціальнаго вопроса самъ собою возникъ вопросъ національный, а изъ этого послѣдняго вопросъ о просвѣщеніи, и притомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Какъ же воспользовалась галицкая Русь этими благопріятными условіями для своего развитія?

Нечего и говорить, что поляки отнеслись крайне неблагожелательно къ лекціямъ въ университетѣ на русскомъ языкѣ: они называли ихъ „Winkelschulen", а русскихъ воспитанниковъ „алилуйками". Но и сами русины галицкіе, какъ говоритъ одинъ старинный ученый ихъ, „не оцѣнили вниманія къ нимъ правительства: вмѣсто того, чтобы положить материнскій языкъ въ основу своего образованія, они видѣли пониженіе своего достоинства въ томъ, что богословскія и философскія науки преподавались имъ не на латинскомъ языкѣ, какъ нѣмцамъ и полякамъ, и потому просили объ отмѣнѣ постановленія о лекціяхъ на русскомъ языкѣ" [1]). То же самое говорятъ и позднѣйшіе ученые галицкіе Я. Головацкій и О. Огоновскій [2]). Очевидно, реформа застала убогую Русь, одичавшую подъ тяжестью духовнаго и матеріальнаго рабства, какъ говорится, въ-расплохъ. Выходя изъ того убѣжденія, что не устный, а книжный языкъ служитъ признакомъ образованности народной, галицкіе ученые начали преподавать въ университетѣ на церковно-славянскомъ языкѣ, называя его россійскимъ языкомъ. Чтобы составить понятіе о томъ, что разумѣлъ Лодій подъ россійскимъ языкомъ, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ предисловія его къ переводу „нравственной философіи" Баумейстера. „Во исполненіе всемилостивѣйшаго намѣренія императорскаго", говоритъ переводчикъ, „Высочайшее Виденское наукъ правительство при возбужденіи сихъ училищъ 1787 года опредѣлило, да дѣло Христіана Баумейстера въ любомудріи умозрителномъ и дѣйствителномъ преподается, и не по мнозѣ повелѣно бяше, да на россійскій языкъ преложится, что понеже трудовъ моихъ касашеся, немедленно дѣлу руцѣ приложихъ, и по мѣрѣ силъ, аще и въ недостатку нуждныхъ къ переведенію средствій сый единою для пользы учащагося юно-

---

[1]) Grammatik der ruthenischen oder Kleinrussichen Sprache in Galizien von I. Levicki, 1834 г.

[2]) Науковый сборникъ, 1865 г., ст. Я. Головацкаго: «о первомъ литературно-умственномъ движеніи русиновъ въ Галиціи». Історія литературы рускои, О. Огоновскаго, 1889 г., ч. II, від. I.

шества галиційскаго преложихъ. Сея ради причины да не почудится простымъ иногда выраженіямъ благосклонный читатель! но паче трудившемуся благоутробно да проститъ при новонасажденномъ благополучія древѣ о новопроизрастшемъ радуяся плодѣ" [1]). Повидимому, въ этой книгѣ „благоутробно" прощать нечего... Были и другія попытки передать высшую науку на такомъ же „россійскомъ" языкѣ, съ такими же извиненіями за употребленіе „простыхъ выраженій". Въ 1790 г. появился переводъ церковной исторіи Даннемайра съ предисловіемъ отъ переводчика, который говоритъ: „еже касается перевода, зане часть выраженій простыхъ употребихъ, сего да не кто мнѣ отъ иностранныхъ въ зло вмѣняетъ. Сей бо трудъ мой едино токмо намѣряетъ къ ползѣ юношества русскаго галиціанскаго въ сѣятелищы лвовскомъ рускомъ богословію учащихся и прочіихъ въ тойжде области свойственнымъ образомъ глаголющихъ" [2]). И здѣсь, какъ въ трудѣ Лодія, никакого „свойственнаго глаголанія" не было,—не было даже книжной малорусской рѣчи, которую, безъ сомнѣнія, допускали преподаватели въ устныхъ бесѣдахъ съ учащимся юношествомъ, не отвергая ее и въ сочиненіяхъ церковно-богословскаго содержанія.

Такимъ образомъ благопріятная минута для возрожденія галицкой Руси была упущена. Послѣ смерти Іосифа II (1790) положеніе галицкихъ уніатовъ становится все хуже и хуже. Французская революція охладила прогрессивное настроеніе въ правящихъ кругахъ всей Европы. Наступила и въ Австріи реакція. Она выразилась въ сближеніи правительства съ польскимъ дворянствомъ. Были и мѣстныя причины этого сближенія. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, въ Украинѣ, въ Подоліи и на Волыни все уніатское духовенство съ своими прихожанами перешло въ православіе. Поляки не замедлили объяснить правительству, что они не могутъ разсчитывать на вѣрность уніатовъ, которые тянутъ къ Россіи, и что единственная опора его есть

[1]) Исторія литературы русской, О. Огоновскаго, ч. II, від. I, стр. 52.

[2]) Ibidem, 55.

шляхта въ союзѣ съ католичествомъ. Отсюда возникла мысль объ учрежденіи митрополіи въ самой Галиціи, чтобы уніаты не смотрѣли по сторонамъ и не помышляли о связи своей съ Кіевомъ. Въ 1808 г. поставленъ былъ въ Львовѣ митрополитомъ перемышльскій епископъ Антоній Ангеловичъ. Но „блескъ митрополіи Галицкой", говоритъ Я. Головацкій, „не поднесъ русскаго языка, не огрѣлъ и не просвѣтилъ русскаго народа" [1]). Въ 1806 г. перенесенъ былъ университетъ изъ Львова въ Краковъ. Русскія каѳедры одна за другою закрывались. То, что дано было прежде, мало по малу отбиралось отъ русиновъ. Въ декретахъ Іосифа II отъ 1786 и 1787 годовъ русскій языкъ признавался „краевымъ, народнымъ, національнымъ" (Landes-Volks und National-Sprache), но уже въ 1805 г. тривіальныя (трехклассныя) школы отданы были подъ надзоръ латинской консисторіи, а въ 1813 г. русскій языкъ совсѣмъ былъ устраненъ изъ нормальныхъ (четырехклассныхъ) школъ. Что касается до приходскихъ школъ, то въ силу реформы 1817—1818 годовъ онъ допускался лишь въ школахъ уніатскихъ не смѣшанныхъ, а въ школахъ смѣшанныхъ предпочтеніе отдавалось языку польскому. Предоставлялось громадамъ право заводить русскія школы въ мѣстностяхъ, гдѣ есть смѣшанныя школы, но эти школы не должны были разсчитывать на поддержку школьнаго фонда. Слѣдствіемъ всего этого было признаніе за польскимъ языкомъ господствующаго положенія въ томъ краѣ, гдѣ само правительство нѣкогда называло русскій языкъ „краевымъ, народнымъ, національнымъ".

П. Житецкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Науковый сборникъ 1865 г.: «О первомъ умственно-литературномъ движеніи русиновъ въ Галиціи».

Воспоминанія о Приворотскомъ духовномъ училищѣ 50-хъ годовъ.

Въ 30 верстахъ отъ губернскаго города Каменца-Подольскаго въ глухомъ мѣстѣ находится село Приворотье, Ушицкаго уѣзда. Послѣ учрежденія православной епископской каѳедры въ Подольской губерніи, Подольскому архіерейскому дому надѣлена была казной ферма въ этомъ селѣ. Часто проживая тамъ и облюбовавъ этотъ уголокъ, первый православный епископъ Подоліи Іоанникій выхлопоталъ учрежденіе здѣсь духовнаго училища, которое было открыто во второмъ десятилѣтіи текущаго столѣтія по типу тогдашнихъ духовныхъ училищъ. Въ 40-хъ годахъ оно изъ уѣзднаго духовнаго училища, состоявшаго изъ 4-хъ классовъ, преобразовано было въ приходское духовное училище, но въ 50-хъ годахъ вновь преобразовано въ уѣздное духовное училище съ тремя отдѣленіями: высшимъ, среднимъ и низшимъ, съ шестилѣтнимъ курсомъ. Въ срединѣ 50-хъ годовъ мнѣ пришлось поступить въ это училище въ низшее отдѣленіе. Припоминая теперь впечатлѣнія, вынесенныя изъ училища, я не могу не замѣтить, что тогдашній строй училища и жизни учениковъ его, по сравненію съ нынѣшнимъ строемъ такихъ училищъ, представляется настолько отличнымъ, почти легендарнымъ, что считаю умѣстнымъ воспроизвести эти впечатлѣнія, хотя-бы для того, чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ воспитывались тогда люди, готовившіеся быть пастырями православнаго народа. Не претендуя на стройность изложенія, я желаю разсказать только то, что приходилось видѣть и слышать лично.

При поставленіи моемъ въ училище, учительскій персоналъ состоялъ изъ смотрителя, инспектора (священники) и трехъ учителей; учениковъ же было около 250, которые распредѣлялись по классамъ неравномѣрно: въ низшемъ отдѣленіи, гдѣ большинство предметовъ преподавалъ одинъ учитель, учениковъ было около 120, въ среднемъ около 70, а въ высшемъ около 60. Большинство учениковъ состояло изъ казеннокоштныхъ. Это были большей частью сироты священниковъ и причетниковъ. Небольшая часть состояла изъ дѣтей священниковъ ближайшихъ уѣздовъ и, наконецъ, самая меньшая часть учениковъ—изъ дѣтей лицъ, не принадлежавшихъ къ духовному сословію, которые въ спискахъ учениковъ числились подъ рубрикой „свѣтскаго званія". Большей частью это были дѣти крестьянъ сосѣднихъ селъ и отчасти мелкихъ дворянъ, состоявшихъ на службѣ въ качествѣ „официалистовъ". Въ числѣ такихъ учениковъ были и католики. Кромѣ того, въ спискахъ учениковъ числились еще „архіерейскіе пѣвчіе", которые никогда не посѣщали училища и жили въ архіерейскомъ домѣ въ губернскомъ городѣ, но переводились по спискамъ безостановочно изъ класса въ классъ. Ученики „свѣтскаго званія" не обязаны были изучать нотное пѣніе, обязательное для остальныхъ учениковъ. Доступъ въ училище открытъ былъ для учениковъ не только изъ жителей Подольской губерніи, но и сосѣдней Бессарабіи. Этихъ послѣднихъ учениковъ въ мое время было около 10. Смотрителемъ училища былъ священникъ В. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, по окончаніи духовной академіи прослужившій на учебномъ поприщѣ уже около 20 лѣтъ, но по своему характеру меньше всего пригодный для педагогической дѣятельности, а тѣмъ болѣе для того, чтобы стоять во главѣ учебнаго заведенія, которымъ онъ управлялъ единолично, такъ какъ остальные учащіе, за исключеніемъ инспектора, не несли административныхъ обязанностей. По природѣ добрый и безхарактерный, онъ часто и сильно раздражался и въ это время способенъ былъ запороть провинившагося ученика, не задумываясь надъ степенью его вины. Напримѣръ, преподавая латинскій языкъ, онъ всегда раздражался, когда уче-

никъ произнесетъ слово „ego“ съ удареніемъ не на первомъ слогѣ, а на послѣднемъ, что соотвѣтствовало произношенію этого слова на греческомъ языкѣ. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ смотритель кричалъ, что „по-гречески ты знаешъ, а по-латински не знаешь,—лозъ!“. Послѣднее слово наводило ужасъ, такъ какъ обозначало, что ученика немедленно будутъ сѣчь розгами. При этомъ число ударовъ розгами не считалось, но обыкновенно рѣдко бывало меньше 10. Мольбы наказываемаго о пощадѣ еще больше раздражали смотрителя и удлиняли экзекуцію.—Инспекторъ училища представлялъ собой иной типъ. Онъ хотя видимо былъ больной, но никогда не кричалъ, за то съ невозмутимымъ спокойствіемъ приказывалъ пороть розгами и смотрѣлъ на эту экзекуцію спокойно. Правда, онъ наказывалъ гораздо рѣже, нежели смотритель, но за то былъ неумолимъ и, повидимому, совершенно не обращалъ вниманія на мольбы ученика, а иногда посмѣивался. Злость его проявлялась только тѣмъ, что онъ въ минуты раздраженія грызъ свою священническую косу зубами. Третій по старшинству—учитель ариѳметики О.... Это былъ толстый не по лѣтамъ человѣкъ, основательно преподававшій свой предметъ, никогда не раздражавшійся, говорившій всегда по-малороссійски, съ улыбкой, наказывающій розгами за всякое незнаніе обыкновенно не болѣе 5 или 6 ударами, но всегда очень чувствительными, за чѣмъ онъ строго наблюдалъ. Свою систему ученія онъ примѣнялъ одинаково строго ко всѣмъ ученикамъ безъ различія разрядовъ и не щадилъ даже своего родного племянника—сироту, воспитывавшагося на его счетъ и принадлежавшаго не къ числу лучшихъ учениковъ. Учитель русскаго языка В. былъ какой-то сонный человѣкъ. Все его поведеніе въ классѣ, отличавшееся медлительностью и сонливостью, наводило на учениковъ сонъ до тѣхъ поръ, пока не начиналась порка, къ которой онъ также прибѣгалъ, хотя и рѣже, чѣмъ предыдущіе коллеги. Правда, экзекуція эта, благодаря его сонливости, рѣдко бывала мучительной, и случалось, что наказывавшій билъ розгой по полу, а лежавшій на полу ученикъ для виду кричалъ. Но этотъ сонливый учитель, исполняя обя-

занность помощника инспектора, любилъ жаловаться на учениковъ смотрителю, а послѣдній, при своей раздражительности, всегда наказывалъ тяжко того, на кого приносилась жалоба. Защитникомъ учениковъ въ такихъ случаяхъ являлась жена смотрителя, которая, зная вспыльчивый нравъ своего супруга и склонность къ доносамъ, всегда старалась не допускать послѣдняго въ квартиру мужа подъ разными предлогами, если замѣчала, что онъ пришелъ съ жалобой. Однажды случилось, что жена смотрителя не успѣла удалить этого учителя отъ своего мужа, и послѣдній, выслушавъ доносъ, произвелъ жестокую экзекуцію надъ 4-мя учениками высшаго отдѣленія, и это повлекло за собой для смотрителя печальныя послѣдствія, о чемъ будетъ подробно разсказано ниже. Послѣдній по старшинству учитель К., по національности молдаванъ, также представлялъ собой особый типъ. Это былъ недалекій, мелочной и придирчивый человѣкъ, злобно и презрительно относившійся къ ученикамъ и часто любившій прибѣгать къ розгѣ, линейкѣ и другимъ орудіямъ, въ родѣ ключа. Правда, онъ не любилъ назначать много ударовъ, но всегда старался потѣшиться надъ своей жертвой. Наказывая линейкой по рукамъ, онъ обыкновенно кричалъ „давай лапу“ и, нанося самолично удары, на стоны и мольбы своей жертвы отвѣчалъ улыбками и насмѣшками. Во время урока „нотнаго пѣнія“ этотъ учитель расправлялся съ учениками большей частью при помощи ключа. Наблюдая за тѣмъ, чтобы всѣ ученики отбивали тактъ рукой, онъ обыкновенно наносилъ удары ключемъ по рукѣ, неисправно отбивавшей тактъ. Поврежденія, наносимыя такими „отбиваніями такта“, часто не заживали долгое время.

Чрезъ годъ послѣ моего поступленія въ училище, когда я перешелъ въ среднее отдѣленіе, учитель русскаго языка В. перешелъ на должность учителя ариѳметики вмѣсто выбывшаго въ священники О. Учителемъ же русскаго языка былъ назначенъ только что окончившій духовную семинарію С. Это былъ новый, очень симпатичный типъ учителя, который никогда не прибѣгалъ къ розгамъ, относился къ ученикамъ съ любовью и

толково преподавалъ свой предметъ. Симпатіи учениковъ сразу оказались на его сторонѣ. Онъ служитъ до сихъ поръ въ санѣ протоіерея въ деревенскомъ приходѣ, и, встрѣтившись съ нимъ нѣсколько разъ въ послѣдніе годы, я убѣдился, что этотъ человѣкъ дѣйствительно имѣлъ право на тѣ симпатіи, которыя онъ заронилъ въ сердца Приворотскихъ учениковъ.

При такомъ учительскомъ персоналѣ, уровень преподаванія не могъ быть удовлетворительнымъ. Все ученіе сводилось обыкновенно къ зубренію уроковъ по печатнымъ руководствамъ, которое примѣнялось ко всѣмъ предметамъ, не исключая языковъ и ариѳметики; всякая запинка въ отвѣтѣ ученика или отступленіе отъ текста разсматривалась какъ незнаніе, послѣдствіемъ котораго были: наказаніе розгой, линейкой и стояніе на колѣняхъ. Для ближайшаго контроля надъ занятіями учениковъ существовали такъ наз. „аудиторы», которые, до прихода въ классъ учителя, обязаны были провѣрить, знаютъ-ли ученики урокъ. „Аудиторы" эти были изъ лучшихъ учениковъ того-же класса, въ которомъ учились сами, и каждому изъ нихъ назначались обыкновенно по четыре ученика. Для контроля надъ „аудиторами" заведены были такъ наз. „нотаты", т. е. классные журналы, въ которыхъ „аудиторы" должны были ежедневно отмѣчать знаніе или незнаніе уроковъ ввѣренными имъ учениками по каждому уроку отдѣльно. Большинство преподавателей, приходя въ классъ, начинали свою дѣятельность съ просматриванія отмѣтокъ въ „нотатѣ" и подвергали экзекуціи въ той или иной формѣ всѣхъ отмѣченныхъ „нез." (не знаетъ). Чаще всего ихъ цѣлой гурьбой ставили на колѣни. Это учрежденіе „аудиторовъ" оказывало деморализующее вліяніе на учениковъ въ особенности низшаго отдѣленія, такъ какъ вызывало подкупы „аудиторовъ" и заискиваніе однихъ учениковъ предъ другими. Больше всего подкупу были доступны казеннокоштные ученики, которые, имѣя плохой столъ, всегда рады были получить въ видѣ подарка кусокъ хлѣба. Такой подарокъ, называвшійся по мѣстному выраженію „бардой", подносился обыкновенно своекоштными учениками, жившими на частныхъ квартирахъ и имѣвшими возмож-

ность захватывать съ собой въ училище запасы хлѣба. „Барда“ эта служила, кромѣ того, мѣновой единицей, которую можно было обмѣнять на пуговицу, перо или другіе предметы скромнаго обихода казеннокоштныхъ учениковъ. Благодаря заискиваніямъ и подкупамъ, „нотаты“ не всегда выражали дѣйствительное знаніе или незнаніе уроковъ учениками. Случалось, что „аудиторы“ платились за неправильную отмѣтку ученика „знающимъ“ урокъ, если учитель находилъ его незнающимъ. Ихъ также наказывали тогда въ той или иной формѣ. Наказаніе розгами совершалось обыкновенно особо избранными для этого по каждому классу учениками, называвшимися „цензорами“, которые обязаны были всегда имѣть въ запасѣ готовыя розги или получать ихъ отъ сторожей. Въ случаяхъ, когда наказанію придавалось особо важное значеніе, его производили сторожа, что обыкновенно дѣлалось по распоряженію смотрителя.—О библіотекѣ, изъ которой ученики могли-бы получать книги для чтенія, не было и помину, и если очень рѣдко попадались между учениками другія книги, кромѣ учебниковъ, то они или доставались отъ учителей чрезъ учениковъ, жившихъ у нихъ на квартирѣ, или привозились учениками изъ дому. Послѣдняя категорія чаще всего состояла изъ лубочныхъ изданій въ родѣ „Бовы Королевича» и „Еруслана Лазаревича“. Разъ только на квартиру, въ которой я жилъ, попалась прекрасная книга: „Проповѣди священника Гречулевича“ на малороссійскомъ языкѣ, которая привлекала вниманіе всѣхъ жившихъ со мной учениковъ и даже хозяина нашей квартиры, крестьянина, и всей его семьи. Они очень охотно слушали чтеніе этихъ проповѣдей учениками и часто сами просили почитать имъ „розумну кныжку“.

Домашній бытъ учениковъ находился въ условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ. Въ особенности печально было положеніе казеннокоштныхъ, т. е. бурсаковъ. На полное содержаніе бурсака, т. е. на столъ, пищу, обувь, одежду и учебныя пособія, отпускалось тогда, если не ошибаюсь, 18 р. въ годъ. Такая ничтожная даже и для того времени сумма не давала возможности сколько нибудь сносно содержать учениковъ. Обуви,

напримѣръ, отпускалось настолько недостаточно, что нѣкоторые ученики, въ особенности низшихъ классовъ, не имѣвшіе собственныхъ средствъ, ходили босыми во все лѣтнее время. Правда, и между своекоштными учениками низшихъ классовъ нерѣдко попадались такіе, которые ходили лѣтомъ босые. Послѣднее дѣлалось не только по бѣдности, но и для удобства, и не порицалось начальствомъ. Въ ежедневныхъ журналахъ, которые велись по каждой квартирѣ и каждой отдѣльной комнатѣ казеннаго общежитія, очень часто встрѣчались отмѣтки, что такіе то ученики не были въ классѣ „за неимѣніемъ обуви". Наибольшей скудостью отличался столъ бурсаковъ. Обѣдъ каждый день состоялъ только изъ борща и каши въ самомъ грубомъ видѣ, а хлѣба никогда не давали въ достаточномъ количествѣ. Для устраненія постоянной голодовки казеннокоштные ученики совершали лѣтомъ тайные, а иногда и открытые набѣги на крестьянскія поля, сады и огороды. На поляхъ наиболѣе излюбленнымъ объектомъ набѣговъ былъ „горохъ", представлявшій большое лакомство. Тайные набѣги совершались съ такой виртуозностью, что хозяева полей, тщательно охранявшіе ихъ отъ „бурсаковъ", очень рѣдко изловляли хищниковъ, а если это и удавалось, то по дорогѣ въ училище, куда препровождали пойманныхъ послѣдніе часто ухитрялись уйти, а иногда освобождались открытой силой товарищей, „бурсаковъ". Но случалось иногда, что пойманнаго приводили къ смотрителю, и тогда неизбѣжно совершалась самая жестокая экзекуція. Открытыя нападенія на поля и сады совершались обыкновенно среди бѣлаго дня, большой толпой бурсаковъ, подъ предводительствомъ извѣстныхъ силачей. По училищному преданію, среди „бурсаковъ" во всѣ времена водились силачи, внушавшіе страхъ окрестнымъ крестьянамъ. Въ мое время такимъ сильнымъ былъ Павелъ Г., извѣстный подъ именемъ „Павко". Онъ отличался сравнительно огромной силой и смѣлостью, которыя пріобрѣли ему славу непобѣдимаго между крестьянами с. Приворотья. Сначала крестьяне пробовали было задержать „Павка", но послѣ неудачныхъ попытокъ, окончившихся избіеніемъ крестьянъ, онъ совершалъ свои на-

бѣги съ толпой бурсаковъ, почти открыто и безнаказанно. Къ такимъ открытымъ набѣгамъ прибѣгали только въ крайности, когда тайные оказывались неудачными и награбленные запасы истощались. Тайные набѣги совершались большей частью въ одиночку. Наиболѣе частымъ нападеніямъ подвергался садъ церковнаго старосты, извѣстнаго подъ именемъ „Казько“. Его усадьба находилась недалеко отъ училища и прилегала одной стороной къ полямъ, а другой къ церковному погосту, такъ что представляла много удобствъ для побѣга въ случаѣ опасности. „Казько» служилъ церковнымъ старостой много лѣтъ и былъ очень популяренъ между бурсаками, но это не спасало его сливоваго сада отъ хищничества голодныхъ бурсаковъ. При мнѣ еще ходило много легендъ о томъ, какъ бурсаки, застигнутые „Казькомъ“ на деревьяхъ, засыпали ему глаза пескомъ, или нюхательнымъ табакомъ и уходили, но въ мое время бурсаки, не прибѣгая къ этимъ легендарнымъ средствамъ, умудрялись однако таскать фрукты и овощи изъ его сада и огорода. Случалось иногда, что „Казько“ ловилъ хищниковъ и представлялъ ихъ своему настоятелю, инспектору училища, который всегда наказывалъ виновныхъ розгами, но это не спасало имущества Казька отъ дальнѣйшихъ хищеній. Независимо того, бурсаки прибѣгали и къ другимъ способамъ для добычи пищи. Вблизи училищнаго зданія обыкновенно крестьянки продавали разныя яства, въ родѣ хлѣба, пирожковъ, вареников, кнышей, „колотухи“ и т. п. Изголодавшіеся бурсаки, не имѣя денегъ для покупки, иногда обступали торговку цѣлой толпой, забирали весь ея товаръ и моментально убѣгали въ училище. Такія нападенія обыкновенно вызывали жалобы начальству и обыски въ бурсацкихъ номерахъ (комнатахъ), но обыски никогда не обнаруживалы виновныхъ, такъ какъ бурсаки, дѣйствуя сообща, всегда успѣвали во-время спрятать концы въ воду. Существовали еще и другіе способы добыванія пищи. Нерѣдко бурсаки устраивали открытыя нападенія на своекоштныхъ учениковъ въ то время, когда послѣдніе являлись въ училище на уроки, и силой отнимали „барду“, т. е. куски хлѣба или другія

яства, принесенныя своекоштными для завтрака. Пишущему эти строки не разъ приходилось испытывать на себѣ такія насилія и лишаться, казалось, хорошо спрятанной „барды" или пирога. Наконецъ, пища добывалась бурсаками также и путемъ добровольнаго обмѣна своекоштными учениками „барды" на пуговицы, перья и т. п. Этотъ обмѣнъ носилъ спеціальное названіе „замохать". Въ этихъ случаяхъ „барда" играла роль мѣновой единицы. На нее можно было получить не только предметы нищенскаго обихода бурсаковъ, но также книжку, „переводъ" урока съ латинскаго или греческаго языка, практическій урокъ нотнаго пѣнія, подкупить аудитора и т. п.

Внутренній бытъ бурсы также былъ безотраденъ. Въ каждой жилой комнатѣ, или такъ называемомъ номерѣ, былъ особый старшій изъ числа учениковъ высшаго отдѣленія, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся для бурсаковъ низшихъ классовъ болѣе жестокимъ начальствомъ, нежели настоящее начальство. По установившемуся порядку всѣ ученики низшихъ классовъ обязаны были говорить ученикамъ высшихъ классовъ „вы" и оказывать имъ полное повиновеніе. Это повиновеніе выражалось тѣмъ, что младшіе должны были исполнять всѣ черныя работы по уборкѣ комнатъ и чисткѣ одежи и обуви старшихъ и исполнять всѣ вообще приказанія послѣднихъ. Младшимъ приходилось, кромѣ того, таскать воду изъ бочки, стоявшей среди училищнаго двора. Прислуги въ училищѣ было мало, и ей приходилось только топить печи и изрѣдка мыть полы, вся же остальная черная работа лежала на ученикахъ низшаго отдѣленія по дежурству. Въ особенности тягостно было положеніе учениковъ низшаго отдѣленія въ отношеніи къ старшимъ. За небольшими исключеніями, старшіе эти, прошедшіе въ свою очередь низшее отдѣленіе, со всѣми его тягостями, отличались полнѣйшимъ произволомъ, самодурствомъ и требовательностью и нерѣдко били учениковъ низшаго отдѣленія, которыхъ называли не иначе какъ „тхуръ" [1]). Настоящее начальство какъ будто не замѣчало этихъ

[1]) Т. е. хорекъ.

ненормальныхъ отношеній, и жалобы „тхуровъ“ на старшихъ не облегчали положенія жалобщиковъ. Правда, жалобы поступали слишкомъ рѣдко, такъ какъ обозлившійся старшій всегда имѣлъ возможность отомстить „тхуру“ очень чувствительно и безнаказанно. Только тѣ ученики низшаго отдѣленія, которые имѣли братьевъ среди учениковъ высшаго отдѣленія, чувствовали гнетъ не такъ сильно, такъ какъ за нихъ было кому вступиться. Кромѣ „старшихъ“, бурсакамъ такъ-же, какъ и своекоштнымъ ученикамъ, доставалось еще и отъ такъ называемыхъ „гомашей“. „Гомашами“ назывались болѣе сильные, смѣлые и назойливые ученики, которые попадались во всѣхъ классахъ и нерѣдко побивали болѣе слабыхъ и скромныхъ товарищей, придираясь за какой-нибудь пустякъ и вмѣшиваясь въ ссоры товарищей. Жалобы на „гомашей“ также были рѣдки, такъ какъ вызывали месть. Вліяніе „гомашей“ проявлялось главнымъ образомъ въ классахъ въ учебные часы.—Такія тяжелыя условія жизни иногда вызывали побѣги бурсаковъ изъ училища, обыкновенно изъ числа худшихъ учениковъ, которымъ жилось хуже другихъ. Иногда бѣглецы уже не возвращались въ училище, а иногда ихъ возвращали родители или родственники, или крестьяне, поймавшіе бѣглеца въ пути. Горе было возвращенному! Онъ обыкновенно подвергался самому жестокому и немилосердному сѣченію. На моей памяти было два случая невольнаго возвращенія въ училище. Оба бѣглеца были тяжко наказаны и по окончаніи учебнаго года исключены изъ училища.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ громадное большинство бурсаковъ отправлялись по домамъ и возвращались въ училище пѣшкомъ, нерѣдко за 200 и за 300 верстъ. Путь изъ училища домой они совершали большей частью безъ всякихъ запасовъ и денегъ и пробавлялись въ пути то даровымъ угощеніемъ, то похищеніемъ разной снѣди. Изъ разсказовъ этихъ путешественниковъ по возвращеніи въ училище приходилось убѣждаться, что путешествія эти мало чѣмъ отличались отъ путешествій гоголевскихъ бурсаковъ, за исключеніемъ, конечно, фантастическихъ приключеній, введенныхъ Гоголемъ въ „Віѣ“. Разсказы эти слу-

жили обильнымъ матеріаломъ для товарищескихъ разговоровъ и свидѣтельствовали о той-же изобрѣтательности и изворотливости бурсаковъ, какія они проявляли и въ училищѣ.

Жизнь своекоштныхъ учениковъ была нѣсколько лучше. Всѣ они жили на частныхъ квартирахъ и имѣли лучшій столъ, если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Гнетъ старшихъ смягчался тѣмъ, что почти всѣ работы по уборкѣ помѣщенія лежали на хозяевахъ квартиръ, которые въ то же время ограничивали власть „старшихъ“. Кромѣ того, своекоштные ученики низшаго отдѣленія имѣли родителей, которые въ крайнемъ случаѣ могли вступиться за свое дѣтище и оградить отъ произвола „старшихъ“. Но гнетъ старшихъ все таки давалъ себя чувствовать, такъ какъ и здѣсь ученики низшаго отдѣленія должны были исполнять всѣ приказанія старшихъ, также не чуждыхъ самодурства. Имъ приходилось подавать воду, ходить на другія квартиры по порученіямъ старшихъ, будить всѣхъ учениковъ къ заутрени. Мнѣ до сихъ поръ памятно, какъ тяжко и непріятно было вставать зимней ночью, задолго до разсвѣта, и караулить на морозѣ, чтобы не пропустить благовѣста къ заутренѣ, несмотря на страхъ, вызываемый ночной обстановкой въ мальчикѣ 8—11 лѣтъ. Квартировали своекоштные ученики большей частью у крестьянъ, даже въ одной комнатѣ съ семьей хозяина. Такая квартира была, въ числѣ прочихъ, у упомянутаго выше „козака“, гдѣ мнѣ приходилось жить. Благодаря такой обстановкѣ и простотѣ нравовъ, ученики низшаго отдѣленія иногда помогали семьѣ хозяина въ домашнемъ быту, напримѣръ, укачивали маленькихъ дѣтей въ люлькѣ и т. п. Только квартиры съ болѣе значительнымъ числомъ учениковъ помѣщались въ комнатѣ, отдѣльной отъ семьи хозяина. Были также квартиры, содержимыя въ видѣ промысла вдовами священниковъ, дьячковъ и т. п. Квартиры у крестьянъ больше привлекали учениковъ, чѣмъ у профессіональныхъ квартиросодержательницъ, такъ какъ отношенія хозяевъ-крестьянъ къ своимъ жильцамъ были проще и лучше и почти никогда не вызывали

жалобъ начальству на учениковъ, а напротивъ здѣсь проявлялось заступничество, тогда какъ профессіональные квартиросодержатели, желая устранить неудовольствія за плохой столъ, жаловались на поведеніе учениковъ начальству. Достоинство квартиръ оцѣнивалось по тому, сколько разъ можно было ученикамъ требовать прибавки кушанья и сала. Обязанность требовать отъ хозяевъ такую прибавку или сала лежала обыкновенно на ученикахъ низшаго отдѣленія, которые, по требованію „старшихъ" и учениковъ высшихъ классовъ, должны были отправляться съ посудой къ хозяйкѣ. Нѣкоторые хозяева и хозяйки-крестьяне сами настаивали на томъ, чтобы ученики за столомъ ѣли побольше, чтобы въ часы, не назначенные для ѣды, ихъ не безпокоили требованіями хлѣба в вообще ѣды. Иногда эти настаиванія вызывались и другими соображеніями. Напримѣръ, наканунѣ постовъ, въ такъ называемые „запусты", ученикамъ подавались скоромныя кушанья, главнымъ образомъ „вареники" въ обильномъ количествѣ, и когда ученики не успѣвали съѣсть до сна всего приготовляемаго, то хозяева будили ихъ ночью для ѣды, чтобы не выбрасывать ея, какъ скоромную, на другой день, когда начинался постъ. Жизнь въ непосредственномъ общеніи съ крестьянами оказывала на учениковъ крайне неблагопріятное вліяніе. Жизнь крестьянина, въ особенности тогдашняго времени, вся построена была на предразсудкахъ и суевѣріяхъ, которые регулировали всю его жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Благодаря ничтожному просвѣтительному вліянію школы, ученики невольно поддавались вліянію окружающей среды и усваивали ея понятія. Ученики, напримѣръ, со словъ своихъ хозяевъ глубоко вѣрили, что дождь, который необходимъ былъ по случаю засухи, задержалъ кто-то въ сосѣднемъ селѣ, что такая-то вѣдьма отняла молоко у коровы хозяина, что когда обрѣзываютъ ногти, то обрѣзки нужно обязательно прятать за пазуху, что когда ночью воютъ собаки, то будетъ моръ и т. п.

Благодаря всей этой обстановкѣ, ученики Приворотскаго училища, даже послѣ перехода ихъ въ семинарію, отличались грубостью и невоспитанностью сравнительно съ учениками, по-

ступавшими въ семинарію изъ другихъ училищъ, и кличка „Приворотскій ученикъ“ оставалась за ними и въ семинаріи. Всѣ прочія духовныя училища Подольской губерніи расположены были въ мѣстечкахъ, т. е. болѣе культурныхъ центрахъ, и оказывали менѣе вредное вліяніе на воспитаніе учениковъ. Дѣйствительно, Приворотскіе ученики отличались самыми нежелательными качествами. Здѣсь проявлялись, напримѣръ, противоестественные пороки. На одной изъ квартиръ у крестьянина въ мое время такой случай былъ ясно обнаруженъ и заявленъ инспектору, но, сверхъ ожиданія учениковъ, не вызвалъ никакихъ мѣропріятій, и обвиняемый ученикъ высшаго класса Х. былъ переведенъ въ семинарію въ числѣ другихъ учениковъ. Дальнѣйшая судьба этого ученика была печальна. Онъ попался въ кражѣ у посторонняго лица и сосланъ въ Сибирь. Жертвой этого порока былъ только что поступившій въ училище ученикъ низшаго отдѣленія изъ молдаванъ, плохо понимавшій русскій языкъ и разсказавшій товарищамъ по простотѣ непонятный ему поступокъ Х. Были и другія проявленія печальныхъ нравовъ. Ученики, жившіе на квартирахъ, также не чуждались набѣговъ на чужіе сады и огороды. На квартирѣ у крестьянина Ивана Ат. съ нами жило нѣсколько человѣкъ изъ молдаванъ и между ними Г. Однажды осенней ночью, предъ разсвѣтомъ, мнѣ пришлось проснуться отъ какого-то шума. Оказалось, что ночью Г. съ другими моими сожителями отправился за яблоками въ садъ при архіерейской дачѣ, гдѣ ихъ настигъ сторожъ сада, и хищники стали уходить чрезъ сарай, гдѣ Г. такъ сильно ударился головой о что-то твердое, что облился кровью и въ полусознательномъ состояніи доставленъ на квартиру его спутниками. Бѣдный Г. нѣсколько дней пролежалъ дома больнымъ, но начальство не обратило вниманія на причину болѣзни, и Г. благополучно прошелъ курсъ училища. Былъ еще случай такого рода. Въ церкви, во время всенощной, ученикъ высшаго отдѣленія Ф. разсердившись на товарища К., хватилъ его ножемъ въ икру такъ сильно, что К. свалился съ ногъ. Въ церкви произошелъ шумъ, и К. вынесли на рукахъ изъ церкви.

Ф. былъ жестоко наказанъ розгами, но не былъ исключенъ изъ училища.

Печальныя условія жизни учениковъ нѣсколько смягчались съ наступленіемъ теплыхъ лѣтнихъ дней, когда открывалась возможность свободно гулять по окрестнымъ полямъ, лугамъ и лѣсамъ, такъ какъ начальство не стѣсняло учениковъ. Училище находится на краю деревни, за которой расположены поля, а невдалекѣ и лѣсъ, манившіе къ себѣ дѣтей. Уроки тогда дѣлились на утренніе и послѣобѣденные. Утромъ было 2 урока, оканчивавшіеся въ 12 часовъ дня, и ученики, выйдя изъ классовъ, спѣшили скоро пообѣдать и затѣмъ въ хорошую погоду отправлялись гулять, куда кто хотѣлъ. Въ три часа начинался послѣобѣденный урокъ, на который стекались ученики изъ полей и лѣсовъ. Въ 4 часа урокъ этотъ оканчивался, и ученики опять спѣшили перекусить чѣмъ попало и снова разбѣгались на просторъ, иногда за 3—5 верстъ. Во время этихъ прогулокъ собирали землянику, клубнику, черешни, полевыя овощи и грибы. Продукты эти служили подспорьемъ для питанія, а самыя путешествія, нерѣдко сопровождавшіяся побѣгами, видимо укрѣпляли учениковъ физически и морально. Они вырабатывали силу и ловкость и вѣроятно спасали дѣтей отъ тѣхъ болѣзней и слабосилія, которыя казались неизбѣжными при томъ плохомъ питаніи и тѣхъ печальныхъ гигіеническихъ условіяхъ, какія переживали бурсаки. Кромѣ того, въ теченіе мая бывало нѣсколько прогулокъ, такъ называемыхъ „рекреацій“, отбывавшихся всѣми учащими и учащимися сообща. Обыкновенно съ наступленіемъ мая въ первый ясный день ученики высшаго отдѣленія на первомъ урокѣ объявляли по всѣмъ классамъ, что нужно итти къ смотрителю и просить разрѣшенія устроить рекреацію. На этотъ кличъ толпы учениковъ всѣхъ классовъ устремлялись къ квартирѣ смотрителя и располагались на ступенькахъ, на крыльцѣ и въ корридорѣ, а пѣвчіе впереди затягивали спеціально назначенную для этого пѣсню: „Привѣтствуемъ прекраснымъ маемъ тебя, начальникъ нашъ, отецъ“, оканчивающуюся самодѣльной латинской цитатой: „reverendissime

pater, rogamus recreationem". Иногда пѣніе этой пѣсни повторялось нѣсколько разъ, пока появится смотритель. Выйдя къ поющимъ, смотритель, по природѣ добрый человѣкъ, всегда напускалъ на себя строгій видъ и долго отказывалъ, но усиленныя просьбы дѣтей, сопровождавшіяся цѣлованіемъ рукъ и одеждъ, и радостныя физіономіи дѣтей, надѣявшихся на прогулку, скоро заставляли смотрителя сдаться—и рекреація разрѣшалась. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда смотритель появлялся дѣйствительно сердитымъ, пріемы просителей-дѣтей смягчали его отъ природы доброе сердце, и рекреація всегда разрѣшалась. За три года ученія въ Приворотьѣ я не помню случая отказа въ рекреаціи; такихъ рекреацій въ теченіе мая, смотря по погодѣ, бывало отъ 3 до 5. Нужно было видѣть, какой радостью сіяли дѣтскія лица, когда наконецъ смотритель соглашался на рекреацію. Крики радости долго раздавались по всему училищу. На другой день послѣ рекреаціи также не было уроковъ, и такимъ образомъ каждая рекреація давала два дня отдыха.

Бывали развлеченія и зимой. На масляницѣ обыкновенно устраивался драматическій спектакль „—Заблудшій сынъ королевичъ", приготовленіе къ которому доставляло много радостей. Въ послѣдній день масляницы, вечеромъ, всѣ актеры, въ сценическихъ самодѣльныхъ костюмахъ, съ пѣвчими, „чортомъ" и толпой зрителей, являлись въ квартиру смотрителя, и тамъ отбывался спектакль, сопровождавшійся угощеніемъ актеровъ. Роль „чорта" въ мое время исполнялъ ученикъ П,—молдаванинъ. Онъ отличался замѣчательной ловкостью движеній и любовью къ искусству. Въ теченіе всей масляницы онъ единолично выступалъ въ своей роли, бѣгалъ по всѣмъ номерамъ бурсы и тѣшилъ учениковъ. Нерѣдко случалось, что въ костюмѣ „чорта" П. выбѣгалъ на улицу, бросался на перваго прохожаго мужичка и своимъ видомъ заставлялъ его удирать безъ оглядки. Больше всего бывало потѣхъ, когда П. встрѣчалъ крестьянъ другихъ деревень, случайно проѣзжавшихъ мимо училища. Онъ вскакивалъ къ нимъ въ сани или повозку, моталъ рогами, заглядывалъ въ глаза, обнималъ ихъ и нерѣдко приводилъ крестьянъ въ трепетъ.

За исключеніемъ этихъ радостныхъ моментовъ, жизнь учениковъ протекала очень грустно. Въ селѣ Приворотьѣ не было ни базара, ни почты, ни лавокъ, ни рѣки, ни порядочнаго огорода или сада. Хотя при училищѣ былъ чахлый садъ, но онъ принадлежалъ къ квартирѣ смотрителя, а потому былъ недоступнымъ для учениковъ. При училищѣ былъ также большой прудъ, въ которомъ купались ученики, но пригодное для купанія мѣсто было такъ незначительно, что если купалось одновременно больше 20 человѣкъ, то становилось очень тѣсно. Была также при училищѣ довольно примитивная баня, но она не оказывала вліянія на гигіеническія условія жизни учениковъ, въ особенности бурсаковъ. Жилыя комнаты бурсаковъ бѣлились только на каникулахъ, но и то не каждый годъ; вентиляція была плохая, и накоплявшаяся грязь въ комнатахъ замѣтна была даже для бурсаковъ. Благодаря этому, „чесотка" въ самой разнообразной формѣ никогда не переводилась въ училищѣ. Были ученики, у которыхъ руки такъ сильно были усѣяны гнойливыми прыщами, что они не могли свободно разгибать пальцевъ. Чесотка водилась главнымъ образомъ у учениковъ низшихъ классовъ, какъ бурсаковъ такъ и своекоштныхъ, благодаря постоянному общенію, но на нее не смотрѣли, какъ на болѣзнь, и не лѣчили. Правда, доктора не полагалось при училищѣ, а только фельдшеръ, но видимо чесотку онъ не считалъ болѣзнью, а начальство не обращало на это вниманія.

Отсутствіе лавокъ и почты ставило учениковъ въ крайне затруднительное положеніе. Всѣ запасы письменныхъ принадлежностей и другихъ предметовъ домашняго обихода дѣлались дома на всю учебную треть года, и пополненіе необходимыхъ предметовъ совершалось при помощи мѣновой торговли между учениками. Интересы учебной жизни совершенно не были замѣтны у учениковъ, и жизнь протекала монотонно. Только выдающіяся наказанія волновали на нѣкоторое время умы. Въ моей памяти сохранилось воспоминаніе объ одномъ изъ такихъ выдающихся наказаній. Наканунѣ какого-то праздника четверо учениковъ высшаго отдѣленія, будучи у все-

нощной въ училищной церкви, не пошли цѣловать евангелія, какъ потомъ оказалось, вслѣдстіе неисправности заднихъ частей штановъ. Объ этомъ учитель В., по окончаніи всенощной, донесъ смотрителю, и послѣдній распорядился немедленно наказать виновныхъ. Двое изъ этихъ несчастныхъ жили въ одной квартирѣ со мной и другими учениками, и когда за ними впопыхахъ прибѣжалъ сторожъ и увелъ въ училище, всѣ мы поняли, что будетъ бѣда. Квартира наша расположена была на пригоркѣ, съ котораго видно было училище и крыльцо квартиры смотрителя. Выйдя на дворъ, мы со страхомъ стали слѣдить за уведенными въ училище товарищами. На нашихъ глазахъ они поднялись на высокое крыльцо квартиры смотрителя, гдѣ уже стояли другіе ученики. Скоро на крыльцѣ появилась хорошо знакомая намъ фигура смотрителя, а затѣмъ мы видѣли, какъ въ воздухѣ что-то стало мелькать и послышались стоны. Экзекуція тянулась около часа. Когда затѣмъ ученики стали спускаться съ крыльца, а чрезъ нѣсколько минутъ появились и на квартиру, то помню, что никто изъ насъ не рѣшился разспрашивать, и мы молча пошли въ комнату. Къ этому времени хозяйка подала намъ ужинъ, и мы сѣли за столъ вмѣстѣ съ пришедшими, но никто не прикасался къ пищѣ. Всѣмъ было не по себѣ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Вдругъ одинъ изъ наказанныхъ Г. заплакалъ навзрыдъ и привелъ всѣхъ насъ въ оцѣпенѣніе. Никто не рѣшился разспрашивать, и всѣ немедленно молча легли спать. Только на другой день послѣ обѣдни мы узнали, что ученику В. дано было 200 розгъ, Б. 180, Г. 120 и Ш. 100, причемъ удары наносились двумя сторожами со всей силой, такъ какъ смотритель, замѣтивъ, что одинъ изъ сторожей наносилъ слабые удары, выхватилъ у него розгу и сильно ударилъ его. Тогда сторожа, изъ страха побоевъ, стали сѣчь немилосердно. Послѣ этого случая между учениками стали ходить слухи, что смотритель будетъ уволенъ. Вскорѣ къ намъ на квартиру пріѣхалъ отецъ одного изъ наказанныхъ, священникъ Ш., и отъ него мы узнали, что онъ подалъ жалобу на смотрителя и надѣется, что онъ будетъ уволенъ. Вскорѣ послѣ этого въ училищѣ произошелъ пожаръ:

сгорѣло два училищныхъ зданія, изъ которыхъ въ одномъ помѣщалась больница, а въ другомъ классы и три жилыхъ комнаты. Дѣло было осенью, и бурсаковъ пришлось размѣстить въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданіяхъ и приспособить для жилья подвальное помѣщеніе, гдѣ раньше помѣщались птицы и разныя вещи. По случаю пожара пріѣхалъ въ училище ректоръ семинаріи, обходилъ всѣ классы и видимо не щадилъ смотрителя. Послѣ отъѣзда ректора, слухи объ увольненіи смотрителя еще болѣе усилились, но тѣмъ не менѣе прошелъ учебный годъ, и мы разъѣхались по домамъ при томъ-же смотрителѣ. Послѣ каникулъ я перешелъ въ другое училище и только здѣсь узналъ, что смотритель Приворотскаго училища В. уволенъ и назначенъ священникомъ въ сосѣдній городъ. Какъ оказалось, все дѣло двинулъ отецъ высѣченнаго Ш., который добился назначенія формальнаго слѣдствія, давшаго неблагопріятные результаты для смотрителя и рѣшившаго его судьбу.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ, и училище по прежнему остается въ томъ же селѣ Приворотьѣ. Хотя Синодъ, вслѣдствіе ревизіи одного изъ ревизоровъ учебнаго комитета, предписалъ перевести это училище въ другую мѣстность но, по представленію мѣстнаго начальства, исполненіе этого указа отмѣнено

Правда, теперь всѣ своекоштные ученики живутъ въ общежитіи и училищный строй принаровленъ къ современнымъ требованіямъ, но тѣмъ не менѣе условія глухой деревни, лишенной самыхъ примитивныхъ удобствъ, необходимыхъ для воспитательнаго учрежденія, неизбѣжно сказываются и теперь.

М. Трублаевичъ.

МАРУСЯ БОГУСЛАВКА.

Побытово-историчня драма въ пяты одминахъ.

Прологъ —*„Продавъ братъ сестру“!*
I дія—*„Зирваный рай“*
II дія—*„Потурчылась, побусурманылась“*.
III дія—*„Матерынъ прысудъ“*
IV дія—*„Едына порада—смертъ“*!

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

Ганна зъ Богуслава—паниматка, вдова. Хочъ и литня женщына, але энергична, ще пры здоровьи.

Маруся Богуславка—іи дочка; молода, мнякои, нижнои вдачи.

Степанъ—братъ іи; завзятый, запальный козарлюга.

Охримъ Колій—осавулъ наказного; поштывый, пидтоптаный.

Сохронъ Малёваный—атаманъ куринный; Марусынъ женыхъ.

Леся Кушниривна—подруга Маруси.

Катря—наймычка у паниматкы Ганны.

Андрій Лобань, Иванъ Карпенко — зъ козачои старшыны, середнихъ литъ.

Запорожецъ 1. } невольныкы.
Запорожецъ 2.

Гирей—мурза, а потимъ паша; Марусынъ чоловикъ. Красывый, палкый, поэтычный.

Ахметъ—старый евнухъ.

Исламъ-бей—назорця надъ невольныкамы; молодый.

Хаимъ—корчмаръ, жыдъ.

Шляхтычъ 1 и 2—богати полякы-паны.

Панна 1-ша и 2-га — вильни панянкы, мешкають пры корчми.

Дидъ
Баба Варька
Парубокъ } челядь у Ганны, вдовы.
Дивчына

Шляхта, музыкы, дивчата, козакы, запорожци, татаре янычары, муэзины, одалискы Гирея, арапчата, черкесы, прыслужныци, Марусыны диты.

Діется въ XVII вику.

(Мижъ першою и другымы діямы мынае шисть литъ).

ПРОЛОГЪ.

Середына велыкои корчмы, на граныци Буджацького степу зъ Польщою. На авансцени справа и злива по столу, пидъ стинамы лавы. Въ глыбыни въ кутку 2 бочкы здоровыхъ, пры ныхъ стильчыкъ зъ посудою, ливеръ и т. п.; въ другимъ кутку тежъ стилъ. Блыжче—характерна, высока груба зъ велыкымъ коминкомъ. По стинахъ и надъ дверыма картыны (козакъ верхы на бочци, козакъ Мамай и др.). Зправа видъ актёривъ ванкиръ. Ничъ. Свитло—стари шандалы на столахъ, а коло стойкы каганець.

Шляхтычъ 1 (*товстелезный*). Шляхтычъ 2 (*якъ бычъ*). Охримъ и други *сыдять за столомъ направо* (*видъ акт.*), *пьють и въ кости грають*; *наливо на шырокій лави*, *на кылыми сыдыть Мурза* (*красывый, молодый*), *коло ёго крутытся корчмарь—жыдъ* (*въ стародавній ярмулци, пейсахъ и лапсардакахъ*), *дивчата, прыслужныци, поубырани въ польськи, украинськи и навить турецьки уборы—розносють кубкы, пидлывають выно.— Музыка стоить коло бочокъ, блызь вхидныхъ дверей.*

Хоръ.

Нема въ свити краще втихы,
Надъ выно й дивочи сми́хы,
Зъ ными рай и день и ничъ,
Зъ ными смутокъ лыне причъ.

Гей, красуни—любкы,
Намъ сповняйте кубкы,
Щобъ по винця грало,
Щобъ насъ все кохало!

Гей, понури и оспàли,
Не цурайтесь пляшкы·й крали,
Бо безъ цыхъ прысмакъ лыбонь,
Въ серци згасне вамъ вогонь.
Гей, красуни-любкы и т. д.

Шляхтычъ 1. Гей, кохаймося! (*обнима панну*)

Шляхтычъ 2. Гуляй душа безъ кунтуша!

Вси. Гуляй! (*Пьютъ*).

Жыдъ. (*Одскакуе одъ Мурзы*). Ой, веселе панство! Ой, сличне панство! А вы, панянкы красни,налывайте всимъ меду, щобъ келехы не вакувалы, щобъ черезъ винця лылось... тай розважайте пышныхъ гостей... Ой, щобъ у мене антыкъ, щобъ корчму Хаима вси зналы!

Панна 1. Не турбуйсь, господаре! Не занудытся панство зъ намы!

Панна 2. Абы мы зъ нымъ не занудылысь!

Шляхтычъ 2. Ухъ, де тамъ, моя кохана? (*крутыть вуса*)

Панна 1. (*Зпирается на плече 1-го шляхтыча*). А ну, мій ясный пане, на мое щастя!

Шляхтычъ 1. На сыни оченята? Гайда шисть дукативъ!

Голосы. Панъ мае! Выгравъ!!

Панна 1. Половына жъ моя, бо мое щастя? (*обнима ёго*)

Шляхтычь 1. Все твое, моя цяцяна... (*оддае гроши*) и серце и все... Эй, ажъ горыть... треба залыть... сыпъ меду!!

Панны. Кому, пышне панство, меду, кому венгжыны?

Паны. Просымо краще цилункивъ! (*смихъ*)

Други. Гей, панове, ставте, часу не гайте—золото сличне кышеню тысне! (*Почынаютъ граты*; *панны обсидаютъ*).

Дивчына (*въ турецькимъ убори пидносыть Мурзи пытво*). Найпышнишому проминю сонця! (*кланяется*).

Мурза. Спасыби, квитко зъ Ай-Петри!! И ранишній схидный витрець бувъ бы щастлывый обняты тебе.

Голосы. Два пецы! Пьять!

Охримъ. Десять талярывъ бытыхъ! Ставте! Щаслыви! якъ потягъ жыда за паса, такъ и душа побигла до ляса! (*смихъ*).

Мурза (*до жыда*). Маешъ троянду зъ очыма и въ розумомъ.

Жыдъ. Ой, вей! Слово свитозорого пана мене дурманыть... У насъ выборни красуни...

Мурза. Красунь мое око не бачыть писля тіеи зори, що проминемъ своихъ чаръ осяяла мое серце и отруила... Такои красы не бачыло сонце, хиба-но велыкый пророкъ може вбачаты іи пидъ наметомъ эдемськихъ садкивъ.

Жыдъ. Ой, ой, ой.!! А дежъ пробувае те чудо?

Мурза. Въ Богуслави... дочка ихнёго муэзина... (*прыкладa руку до чола и грудей*). Клянусь бородою Пророка, нема такои перлыны въ сынёму мори, нема такои на неби зори!

Жыдъ. Цц-цц-цц!! (*чуха за пейсомъ*). То свитлый панъ для того и коней тамъ хоче куповаты... ай вей, вей!! хе хе!! Але я сонцю красному раджу подывытысь и у нашого панства кони... Ой, кони, ой слични кони!! Вогонь... Пекло!

(*Прыслужныци потроху розходятся; за ными оддали два шляхтычи*).

Мурза. Можна подывытысь и тутъ, колы твій языкъ бувъ хочъ на часъ у прыязни зъ правдою?

Жыдъ. Ой вей, не то, що въ прыязни, а у шлюби!

Мурза. Слова твои долитають до мого вуха...

Выхидъ 2-й.

(*Два шляхтычи, змовляючысь, выходять*).

Голосы. Гей, жыде!

Жыдъ. Заразъ, до послугы! (*бижыть*).

Мурза. О, Аллахъ!.. О, Магометъ! Видберы у мене десять гурій на неби, та дай мени цю джаурку!!

Шляхт. 2. А що-жъ ты, шельмо, не бавышъ насъ?

Жыдъ. Служу, панству! чымъ можу...

Охримъ. То спивай и танцюй!!

Жыдъ. Якый у мене, вельможный пане, спивъ? Мій тателе мавъ голосъ товстый, а моя мамеле тандытный, а якъ зложылы до купы, то выйшло таке, що не вартъ ёго й слухаты... (*смихъ*)

таке, що нехай ему абы-що, тай уже! А танцюваты моя мамеле разъ зпробувала, такъ патынкамы такъ ударыла тателе, що винъ, жвыняйте, прысивъ и довго не мигъ встаты.

(*Вси реґочутся*).

Охримъ. Тай мудра жъ твоя мама!

Жыдъ. А чымъ я вcase ненъ? Хай краще панны заспивають и потанцюють...

Шляхт. 2. Ни, ни! Ты, жыде! Не-то канчукамы!

(*Встае видъ столу*).

Жыдъ (*скорчывся*). Заразъ, заразъ! Не турбуйтесь, пануню! (*Спива и прытанцёвуе, музыка прыграе*).

Я жыдочокъ зеръ хорошый,
Тилькы-бъ треба бильше грошей:
До послугы я панамъ...
За дукаты все виддамъ!

Ой вей! Лапсердомъ!!
Скачы, враже, якъ панъ каже
И задкомъ, и передкомъ
Передъ паномъ Федиркомъ!
Ой, гепъ, гопъ!! (*Танцюе*).

Маю Хайку балабусту
И перынъ до лыха.
Охъ и вей, на шабашъ зъ нею
Що за мыла втиха!
Ой, вей! Лапсердомъ и т. д.

Маю диты слични, дывни,
Чесни, якъ у Лота:
Дамъ котрому въ руку грывню
Вышахруе злота,
Ой, вей! Лапсердомъ и т. д.

Паны. Ха, ха, ха! Виватъ Хаиму! За ёго кошты венгжыны!

Жыдъ. Охъ, сповняйте кубкы!
Паны (*чокаются*). Кохаймося!!

Вси (*спивають*). Покы кровъ не прохолола,
Кохаймося, пыймо згола,
Щобъ позбутысь всякихъ хмаръ,
Засыпаймо, середъ чаръ.

Гей красуни любкы,
Намъ сповняйте кубкы,
Щобъ по винця грало,
Щобъ насъ все кохало!
Виватъ!!

Други (*пидспивують*). Гей, панове, ставте,
Часу-но не гайте,
Золото пресличне
Ажъ кышени тысне...
Виватъ!!

Жыдъ. Уфъ! Уфъ! Ледве ходыть духъ! Трохы не вскочывъ у лыхо, ажъ по никуды... по самый гугель... (*до Мурзы*). Отой товстый панъ, програвся... а мае слични кони... ой! зміи! Ходы, мій ясный свите, до тіеи кимнаты, а я туды запроважу пана...

Мурза (*встае*). Ходимъ.

Жыдъ (*проводючы*). Ой, ой, ой!! (*Зитха и до пана*) Вельможный пане, ясный Мурза чекае...

Шляхт. 1. А? Заразъ! (*Пишовъ*).

Выхидъ 3.

Тижъ и Сохронъ зъ Степаномъ.

Степанъ. Ну, ну весна!.. Отъ спирищывъ дощъ... Якъ хлюща! (*отрушуе кобенякъ*).
Сохронъ. А ты й розкысъ? (*жыдъ вертается*)
Степанъ. Не бійсь, не медяныкъ.
А все жъ охлявъ и дрыжакивъ найився,
Бо въ жывоти сухисенько. (*До жыда*) Гершъ ду!

Мерщій усыпъ скаженои два кухли,
Та доброи!

Жыдъ (*пидбига*) Вельможный пане, вмыть! (*маха на дивчатъ и опоряжа стилъ, де сыдивъ Мурза*).

Сохронъ. Найпершъ бижы, та конямъ дай оброку,
Опоряды й поставъ пидъ накрыття!

Жыдъ. Вмыть, пане!.. Гей! (*до прыслужныка*) ясновельможнымъ корецъ
Горилкы дать изъ бочкы, що въ кутку
И прывитать! (*выбига въ сины*)

Панна 1. (*Гостро усмихнулась и побигла*).
Гостей мы пышныхъ ради
Вдовольныть.

Степанъ (*росправляется и весело оглядаючись*),
Ну Богови хвала,
Що зъ степу насъ накерувавъ до корчмы.
И тепло тутъ и весело,—люблю! (*сида*).

Сохронъ. Та що й сказать! де гра, пытво й жонота,
Ты бъ и днювавъ...

Степанъ. И ночувавъ-бы навить,
Якъ ось и тутъ!

Сохронъ. Ну: брате, не звыкай:
Пробудемо малу-мы тутъ годыну,
Покы оброкъ...

Степанъ (*збентежено*). То-що ты? Схаменысь!
У глупу ничъ... у хлющу въ степъ рушаты?
У-день надбаемо мы нашъ прогай!

Сохронъ. Та зроду ни! Й хвылыны не прогаю
И въ корчму сю не завернувъ-бы я,
Колы-бъ, на грихъ, не пидупалы кони...

Степанъ. Та не шалій! чы-жъ Богуславъ за моремъ?
Достанемось безъ похапу на шлюбъ:
За день и Бугъ, за нымъ Ятранъ, Сынюха,
А тамъ и Рось и славный Богуславъ,
Де мешкае сестра моя Маруся.

Сохронъ. Де сяе мій едыный въ свити рай!

Жыдъ (*до себе*). Ага! Воны!! На руку, мовъ ковинька.
(*пидходыть до Мурзы*).

Степанъ. Якый тамъ рай дивоча красота?
Ударывъ дощъ, обвіявъ гострый витеръ—
И по краси, по втиси.

Панна 1 Панству ось
Горилкы жбанъ... (*лукаво*) Ще може чого треба?

Степанъ. Надумаюсь и шепитну...

Панна 1. Я вмыть
До панськои послугы. (*Выходыть кокетуючи*)

Степанъ (*налыва оковыту*). Отъ де рай,
Такъ на души видъ ёго проминь грае,
И проминь той не зрадыть...

Сохронъ. Годи, цыть!
Ты пидсушысь... лыбонь намокъ занадто? (*одпыва трохы*).
А про сестру недбало не верзы.
Іи душа прозора, якъ крышталь,
А серденько добротъ высокыхъ повне,
Воно весь свитъ скрасыты може...

Степанъ (*сміючись*) Ой,
Та не смишы, а то ажъ страхъ ..

Сохронъ (*гостро*) Степане!
Вона мени жоною мае буть.

Степанъ. Этъ, байдуже! Уси воны красуни,
Изъ одніи, мовлявъ, зійшлы дижи,
И серце въ ныхъ минлыве, якъ весна ця,—
То сонечко, то слёта, то крупа:

(*Панна 1, знову проходячы повузъ, наблызылась*)

Сохронъ. Ха! Ты лыбонь зъ такымъ товаромъ знався,
Що на торгахъ купуется всима (*Панна худко видходыть*)
То й чесныхъ всихъ заводышъ въ одну миру,
Але сестру...

Степанъ. Та слухай, не гнивысь,
Хиба тебе образыты я хочу?
Сестра моя видъ тебе не втече...
Тилькы чого-жъ хапатысь такъ до бабы?
Сохронъ (*сердыто*). Ухъ, ричъ яка! Колы до бруду звыкъ (*пье*).
То не каляй нымъ мѐння найяснише...

(*Степанъ усмихается*).

Чы-жъ знать тоби хвылыны неземни,
Що душу намъ до неба порывають
И пахощивъ ій надають райськыхъ?
Чы-жъ зрозумить тоби те свитле щастя,
Яке скраша веселкою жыття
И проминемъ жывыть задубле серце?
Степанъ. Ха, ха, ха, ха! Неначе Ювеналъ
Виршуешъ ты жиночи теревени...
А я забувъ ти дурощи давно
И потопывъ зитхання у горилци,
Та лыцарю й не до лыця воны!
Сохронъ. Не до лыця? Свята любовъ, кохання?
Хиба-жъ воно прыныжуе нашъ духъ?
Хиба зныща завзяття и одвагу?
Степанъ. Фу, пышно якъ!... Змагатыся дасть-би...
Але чого твій порожнюе кухоль?
(*Налыва*). Ну-жъ хыльнемо за твій щаслывый шлюбъ
И за сестру, на втиху й на здоровье!
Сохронъ. За неи радъ! (*Пье до дна*).
Степанъ. Отъ це хыльнувъ гараздъ...
Ну, я пиду на коней ще погляну.

Выхид4 ъ.

Ти-жъ безъ Степана.

Шляхтычъ 2. А дежъ сусидъ?
Охримъ. Кышени спорожнывъ,
То певно вже шука порады въ жыда.

Шляхтыч 2. Порады? Этъ! За пейсы стрипонувъ,
Той знайдутся, посыплются дукаты.

Голосы. Ну, кыдай кость! Сто-злотыхъ! Двисти!

Охримъ. Ой,
Панъ певно тежъ до жыда мае вдатысь?

(*Смихъ, а дали тыха гра*).

Софронъ. (*Встае и по паузи*). Моя красо, мій кроне золотый!
О, якъ тебе незмирно я кохаю,
Немовъ злылысь вси почуття мои
У це одно велычне, свитле слово;
Воно яскрыть у серци крышталемъ,
Воно мене до тебе порыва,
Зозулечко, моя щаслыва доле...
О, якъ я рвусь душею въ Богуславъ!
Стрилою-бъ я черезъ степы полынувъ,
Щобъ взять тебе за рученьку мерщій
Та й на рушныкъ поставыть передъ Богомъ,
Але лежыть мижъ намы далыня
И побороть іи одразу годи;
То жъ кожна мыть, що барыть зустричъ намъ,
Е ворогъ мій запеклый, ненавысный,
А ворогу не ражу я теперъ
Стать на шляху, спыныть мене въ дорози!

(*Выходыть у сины*).

Выхидъ. 5.

Ти-жъ и Степанъ зъ двома шляхтычамы, безъ Сохрона (Степанъ стривсся зъ Сохрономъ, щось ёму сказавъ, той одійшовъ; шляхтычи, непевно зырнувшы на ныхъ, пишлы до столу).

Жыдъ. (*пидходе до Степана*). Панъ-лыцаръ мій прямуе въ Богуславъ?

Степанъ. Такъ, жыде, такъ... въ свое кубельце ридне.

Жыдъ. Ой вей, яке-жъ те мисце, знаю й я!

Степанъ. Бувавъ?
Жыдъ. Авже-жъ не разъ... и въ панській хати...
Ридъ знаю...
Степанъ. Якъ?
Жыдъ. Хлибъ купувавъ...
Степанъ. Ага!
Жыдъ. Адже вашъ димъ у мисти...
Степанъ. Пальцемъ въ небо!
На хутори, за мистомъ...
Жыдъ. Ой! Такъ, такъ!
За ричкою, бикъ шляху що у Лукы...
Степанъ. Ха, ха! Брехня! Ну й жыдюга!..
Жыдъ. Вей миръ!
Степанъ. Пидъ дубнякомъ, по другый бикъ одъ ричкы.
Жыдъ. Ай, копфъ якый порожній въ мене... шлехтъ!
Сестра була у пана?
Степанъ. Эге-жъ, едына...
Жыдъ (*радо*). Те-те-те-те! Ой слична, ой краса!
Маненькою ще бачывъ... Отъ такою (*показуе*).
И сяла вже, якъ сонечко ясне́...
Вси клыкалы Марусею здается?
Степанъ. Такъ, такъ!
Жыдъ. Браты, здается, тежъ булы?
Степанъ. Ни жодного причъ мене...
Жыдъ. Батько й маты?
Степанъ. Вмеръ панъ-отець... сама соби вдова...
Жыдъ. Охъ, охъ, вей миръ!... (*Пауза*). А сивъ-бы панъ до столу!

Выхидъ 6-й.

Ти-жъ и Мурза та шляхтычъ 1-й.

Мурза (*до шляхтыча 1-го*) Такъ завтра я оглежу весь табунъ
И решту дамъ... (*сида знову на свое мисце*)
Шляхт. 1-й. Пресличнo, свитлый Мурзо!

(*Весело до жыда*). Що-жъ тыхо въ насъ? Гуляй! Спивай!
Танцюй!
Музыкъ сюды! мазура!!

Вси. (*Коло столу*). Гей, мазура!!

Жыдъ. (*У синѣ*). Гершъ-ду, музыкъ! И вси панны сюды.

Панны. (*Зибравшысь*) До панськои услугы!

Шляхт. 1. Пыйте, грайте,
Спивайте! (*заграе*)

Шляхт. 2. О, якъ панъ нашъ затына!!

Хоръ жиночый. Уланы, уланы,
Малёвани диты,
Кожна панна рада
За вамы летиты;
Не одна паньенка,
Не одна и вдова,
За вамы, уланы,
Полетить готова!

Хоръ спильный. Не одна паньенка,
Не одна и вдова,
За намы, панове,
Полетить готова!

Хоръ хлопьячый. Ой кобиты пышни,
Малёвани пани!
Не одынъ зъ насъ гришныхъ,
Лыхомъ васъ спомьяне,
Не одынъ піяка, не одынъ гульвиса,
Васъ, красуни пышни,
Помьяне у биса!

Вси, Не одынъ піяка, не одынъ и т. д.

а жонота. Не одынъ піака, не одынъ гульвиса
Одъ барылъ и пляшокъ
Пиде геть до биса!!

Хоръ спильн. Гынь нудота й смутокъ,
Лый венгжыну въ кубокъ;

Веселысь-но душа,
Гуляй безъ кунтуша!
Кохаймося, браття,
Цилуймось, кобиты...
Покы кровъ въ насъ грае,
Покы й втихы въ свити!

(Пидъ цей хоръ и музыку танцюють мазура де-яки пары, а решта пидгукують, прыспивують, прытупують).

Степанъ. (*або хто другый; не вытерпивъ*). Гей, шкварь козака!

(Закинчуются танци або козакомъ, або краковякомъ, колы це можлыво).

Шляхт. 1. Ну, досыть! Гей!! До столу зновъ, панове!
До бою я всихъ клычу!!

Шляхт. 2. Ой, бида!!

Выходъ. 7.

Ти-жъ, безъ музыкъ и панянокъ; на кону зостаются тилькы дви, и зъ ихъ одна въ украинськимъ убори. (Жыдъ пидходыть до Мурзы, той показуе на одну танцюрыстку; прыклыкають, Мурза гладыть по щоци, а потимъ розмовля тыхо зъ жыдомъ).

Охримъ (*зуздрившы Панаса*). Хи, зновъ землякъ! Степанъ лыбонь... Попенко?

Степанъ. Степанъ, Степанъ... якъ панъ добродій зна?

Охримъ. Ще зъ пуньянку... Я самъ зъ Велыкихъ Луќивъ
И панъ-отця, покійнаго зазнавъ...
То зъ сыномъ вже й чоломкатыся можно?

Степанъ. Авже-жъ! (*обнима*) Авже-жъ! Не то, що можно слидъ!

Охримъ. А що, мовлявъ,—до гурту може хочешъ?
Зъ фортуною погратыся?

Степанъ. Чомъ ни?
Вже-жъ не така вона велыка пани,
Щобъ сичовыкъ не змигъ іи чипать!

Охримъ. Повія, бра! (*До гурту*). Вельможне добродійство,
Ось земляка до столу вамъ прывивъ,
Бидкуется, що у кышеняхъ мулыть.

Шляхт. 1. Такъ мы ёму ихъ вмыть спорожнымо...

Степанъ. Тамъ хто кому?

Шляхт. 1. Ого, завзятый въ ката!

Шляхт. 2. Держить теперъ мицнише чересы!

Шляхт. 1. Такъ бій на смерть! Пьять сотень злотыхъ ставлю.
Хто кыда кость?

Голосы. Занадто дуже!

Степанъ. Я!

Шляхт. 1. Хвалю! Люблю!... Дванадцять!

Степанъ. Двадцять двое!

Шляхт. 1. Панъ мае, ось...

Голосы. Ну й ловко! И не зблидъ...
Мовъ тры шагы поставывъ...

Шляхт. 2. Двисти злотыхъ...
Хто йде?

Охримъ. Я!

Голосъ 1. Я!

Степанъ. На ныхъ ще ставлю сто!

Шляхт. 1. А я на все, додавшы зверху двисти!

Панна 1. (*до Степана*) Охъ, пане мій! Якый огонь въ очахъ,
Яка краса въ завзятти необоримъ!
На мене панъ хай ставыть...

Степанъ. Що-жъ за те?

Панна 1. Подяка... що-жъ?

Степанъ. И тилькы? Мало, мало!

Шляхт. 1. Взяла слипа... Берунъ іи забый!
А ну ще разъ...

Голосы. Зновъ выгравъ панъ, отъ штука!!

Выхидъ 8.

Ти-жъ и Сохронъ.

(*Мурза встае и бье въ долони. Вбига два татарчаты. Мурза показуе очыма, одынъ бере подушку, другый кальянъ*).

Жыдъ (*Мурзи*). Тутъ братъ іи, пресвитлый володарю,
И запалывсь, якъ порохъ у тій гри...
Ой, вей, ферфалъ! Впаде напевно въ пастку
Все намъ спрія.

Мурза. (*Идучы до кимнаты*). Ля илляга Аллахъ,
У-могомедъ расуль Аллахъ... Алейкумъ!!
Я золота не пошкодую...

Жыдъ. (*маха на прыслужныцъ*) Гитъ.

(*Прыслужныци несуть за нымъ кумысъ*).

Сохронъ. Гей, слухай-но... не знаю, якъ дражныты (*Жыдъ пидбига*).
Чы можна-бъ тутъ мени купыть коня?
Щобъ взять пидъ верхъ, а зтомленыхъ на повидъ...
Товарышъ мій другого визьме ще...

Жыдъ. Ой лыцарю вельможпый, якъ не можна?
И румака, и огыря зъ Карпатъ,
И турського гонывитра Арапа,
Я панови всихъ ранкомъ покажу
И выбраты напевно буде зъ чого...

Сохронъ. До ранку? Ни! рушаю заразъ я!..

Жыдъ. У глупу ничъ?

Сохронъ. У глупу, такъ... Отъ заразъ
Бахметыкивъ мени ты покажы.
Я й пбмацькы коня пизнаю...

Жыдъ. Добре...
А липше-бъ тутъ пидночувать...

Сохронъ (*нетерпляче*). Отъ, жыдъ!

Кажу-жъ що ни, що не зостанусь зроду,
А винъ свое...

Жыдъ. Я падаю до нигъ...
Вмыть до послугъ... (*Повернувся йты*).

Софронъ (*за нымъ*). Клады-жъ цину помирну...

Выхидъ 9.

Ти-жъ безъ жыда й Сохрона.

Степанъ. Моя черга... шисть сотень злотыхъ кипъ!
Шляхт. 1. Накрывъ горбомъ... а ну, скачы пся матиръ!
Голосъ 1. Ну й гра, якъ чортъ...
Голосъ 2. А програе, якъ хлопъ.
Шляхт. 2. Паленый грачъ!
Охримъ. Процвындрывъ сылу пецивъ!
Голосы. Дванадцять! Симъ!!
Шляхт. А въ мене двадцять!
Голосы. Взявъ!
Степанъ. (*блидный, тремтыть, бье кулакомъ*).
А! пекло! гынь!!
Панна 1. (*Заграе*). На мене ставъ, но, пане!
Степанъ. Эй, къ бису! Геть! (*одпыха)*.
Панна 1. (*на бикъ одходячы*). У, быдло!
Охримъ. Ставъ ривнишъ!
Дивч. (*въ укр. убори*) Хай панъ не гра... тутъ выграты не можна...
Степанъ. (*дыко сміется*) Ага! Метци?
Дивч. Не знаю... я мовчу...
Тилькы не грай, онъ прыслухають...
Степанъ. Пизно!..
Остатни ось дукаты... тилько тры!
Голосы. Чы-жъ панъ умеръ?... Чы ставыть що до кону?
Степанъ. Ось тутъ въ руци! (*кыда кости*).
Голосы. Ажъ двадцять тры!
Шляхт. 1. Панъ ма!
Шляхт. 2. Ха, ха, ха, ха! На це чысло й тры пеца!

Охримъ. Э, брате, зле! Якъ разъ наставъ твій пасъ,
А ты спустывъ...

Степанъ На посьмихъ! Глумъ тай годи!
(*до себе*) Що тутъ чыныть? Фортуна надійшла,
Немае чымъ за хвистъ іи вхопыты...
Ни шеляга... кримъ жовтякивъ шосты...
Въ Сохрона-бъ то позычыты? Такъ зроду
На гру не дасть... тай мало зъ нымъ... А жыдъ?
Кый бисъ!

Голосы Що-жъ панъ? здоровый кинъ на столи!!

Степанъ. А! пропадай! До пецивъ ще й коня!

Шляхт. 2. Чы добрый кинь?

Шляхт. 1. (*реготе*). Зъ горы бижыть за витромъ?

Степанъ. Та, пане, тутъ такого скризь нема...
Взявъ зпидъ паши...—дукативъ зъ сотню вартъ!

Охримъ. Степану я повирю...

Шляхт. 2. Ну, то йде!

Голосы. Симнадцять! О!?

Степанъ (*несамовыто*). У мене двадцять двое!!

Шляхт. 1. Ось двадцять тры!

Охримъ. Пропавъ турецькый кинь!

Степанъ. Шельмовство! (*схоплюется*).

Шляхт. 1. Цо-о?

Охримъ. Та то проклинъ до лыха...

Степанъ (*чуло*). Охъ, коню мій! товарышъ дорогый!
Не выручывъ... а выручавъ повсюды,
И я тебе незрадного продавъ
За мыть одну пекельного завзяття!
А, сатано! На хвылоньку едыну
Ихъ одурыть... И може все верну?
Щось серце рве и бье въ выскы.. Панове!
Позвольте ще поставыть ставокъ зъ пьять.
Мое добро зашыто въ саквахъ...
Не хочется перерывать...

Шляхт. 1. А хто
Поручытся за пана?
Степанъ (*запальчыво*). Честь и гоноръ!
Охримъ. Та ще и я!
Степанъ. Ой, доле выручай! (*Грають тыхо*).

Выхидъ 10.

Ти-жъ и Сохронъ зъ жыдомъ.

Сохронъ. Такъ, колы хочъ—пьять сотень польскихъ золотыхъ.
За другого-жъ не бильшъ, якъ сотень тры...
Жыдъ. Вельможный панъ... ласкавый, дуже мало.
Той кинь гнидый—пидъ гетмана... антыкъ,
Цины нема! Ой, вей, якъ лыцарь сяде,
То закрасыть Украину цилкомъ!
Сохронъ. Ты язykомъ не ляпай тутъ багато
И не бары часу мени... не дамъ;
И шелега тоби я бильше... Хочешъ
Беры мерщій... Ось золото! (*Высыпа на руку*).
Жыдъ. Ой, ой!
Хочъ дешево... а пану маю скынуть,
Бо лыцаря такого скризь нема!
Сохронъ. Ну, ну, не гай! Ось маешъ всеньки грошi
За два коня...
Жыдъ (*личыть*) Такъ вирно!
Сохронъ. А теперъ
Скажы мерщій, сидлаты ихъ, бо йиду...
Жыдъ. Та можебъ панъ спочывъ...
Софронъ (*гризно*). Убью, якъ пса!
Жыдъ. Бижу! (*на бикъ*). Нехай ёго мудруе маму!
Сохронъ. Отакъ гараздъ! Теперъ безпешно намъ.
И дощъ ущухъ—за тры дни будемъ дома!
Колы-бъ воны перелетилы сномъ,
Чы маревомъ розвіялысь по степу...

Якъ занудывсь я, зирочко моя,
Жду й не дождусь хвылыны раювання...
Ну, та теперъ не зъимъ и не досплю
А буду знай летить до Богуслава...
Де жъ мій Степанъ? Чы-ба! Такы устрявъ!!
Э, годи жартъ! (*пидходыть*) Степане, гей, Степане!
Покынь, вставай! Вже кони пидъ сидломъ!

Шляхт. 2. Ни, перше панъ насъ поквитуе...

Шляхт. 1. Правда!

Степанъ (*злостно*). Я не встаю... Панове... Килька сливъ....
(*до Сохрона*). Не можу я рушаты звидсиль заразъ...
Ты постривай...

Сохронъ. Я? тутъ, тривать? шкода!
На чорзна-що, щобъ я хвылыну тратывъ!
Та завалысь земля!..

Степанъ. Що-жъ... бачышъ,,. такъ
Ніяково...

Сохронъ. Этъ, лыхо? Кынь дукаты,
Що тамъ програвъ, що выненъ имъ—и квитъ!
Рушаты часъ! Купывъ я двое коней!

Степанъ (*зъ жаромъ*). Истратывъ все?

Сохронъ. Ни, злотыхъ зъ двисти е!
А що?

Степанъ. Та такъ (*на бикъ*). Я въ десятеро выненъ.
Годыны зъ дви пожды... найбильше тры...

Сохронъ. Прогайнувать на тры годыны щастя?
Я не здуривъ... та и для чого це?
Щобъ затягтысь въ запали до нестяму...
Розсатаныть себе въ пекельній гри.

Степанъ. Прошу найбильшъ, що на годыны дви...

Сохронъ. Не можу...

Степанъ. А! Уважъ хочъ на годыну!

Сохронъ. Не можу, ни!

Степанъ. Бабій!

Сохронъ. А ты пакъ хто?
Сестра чека въ слезахъ, въ тривози, въ тузи,
А братъ затявсь зъ паскудствомъ у корчми...
Степанъ. Сестра, сестра! Що зъ нею статысь може?
Пряде, спива спокійно и безъ слизъ...
Сохронъ. Ты по соби, розбещенный...
Степанъ. Э, брате,
Опекы я не потрибую... й самъ
Повчыты-бъ змигъ...
Сохронъ. Кого? мене? Ну, спробуй!
Жыдъ (*входытъ*). Готово все!
Шляхт. 1. Щожъ панъ?
Степанъ. Я вмыть (*до Сохрона*).
Пожды...
Сохронъ. Ни хвыли!
Степанъ. Звирь!!
Сохронъ. А ты-жъ то хто, друзяка?
Для капосты...
Степанъ. Та не для бабы, ни!
Сохронъ (*за шаблю*). Колыбъ не братъ ты бувъ Маруси.
Степанъ. Къ бису
Изъ нею йды!...

(*Жыдъ полохлыво пидходытъ до мурзы и щось горяче ему розсказуе.*

Сохронъ (*выхопывъ до половыны шаблю*).
Эй, слово ще! (*опомятовавшысь*).
Шляхт. 2. Що-жъ панъ?
Степанъ (*до шляхтыча*) Я зостаюсь!
Сохронъ. Такъ я безъ тебе йиду...
Степанъ. Пидъ тры чорты!..
Сохронъ. А, гынь ты у багни! (*выбига*).

Выхидъ 11.

Ти-жъ безъ Сохрона.

Шляхт. 1. Панъ забарывсь... ждемо... остатня ставка..
Шляхт. 2. А потимъ вже панъ прынесе саквы...

Голосъ. Колы важки, мы лыцарю пидсобымъ...
Степанъ. У мене е, панове, сылы вкрай...
Безъ жартивъ—но! Я ставлю трыдцять пецивъ.
Шляхт. 1. Ого, махнувъ!
Шляхт. 2. Зъ одчаю!
Охримъ. Що-жъ иде!
Голосы. Програвъ козакъ!..
Степанъ (*осатанило*) Будь проклятъ я и вси вы!
Шляхт. 1. Ха, ха! Пече!
Шляхт. 2. Пора й саквы!
Вси. Пора!
Степанъ (*до жыда*). Гей слухай-но... на хвылю... тыжъ пакъ знаешъ.
И хутиръ нашъ... и коней косякы...
И пасикы... Спытай у Богуслави—
Заможни мы... та й въ Сичи въ мене есть
И золото, и многоцинна зброя...

Позычъ мени на коротенькый часъ...
Хочъ сотни тры дукативъ... слово, клятьбу
Тоби даю... верну зъ лыхвою все.
Зъ якою хочъ—тилькы рятуй у скрути!
Жыдъ. Охъ, лыцарю... я вирю... певенъ я...
Та тилькы, де таки у мене гроши?
Щобъ я дитей не бачывъ... вей-зе миръ!
Ой, ой!
Степанъ. Нема?
Жыдъ. А щобъ я пейсы стратывъ!
Степанъ. Ну, такъ и край! (*выйма пистоль*).
Шляхт. 1. Ждемо на пана мы!
Шляхт. 2. Цикави намъ дукаты гонерови!

Выхидъ 12.

Ти-жъ и мурза, йде тыхо, зупыняется серрдъ кону.

Жыдъ. (*удержуе Степана що хотивъ кынутысь*)
На Бога!.. Ой, якый палкый... ще есть

Рятунокъ намъ... у Мурзы сыла грошей...
(*Степана мало не тягне*).
Пресвитлый панъ такее серце ма,
Якого вже на цилимъ свити годи...
Ось лыцарь мій до ласкы поклыка:
Ему на часъ потрибни, вей миръ, гроши...
На малый часъ: зъ бакшышомъ верне... Я
Ручаюся, на балабусту й дити!

Мурза. У позыку? Аллахъ! Я не лыхварь!
Але я радъ запомогты въ прыгоди,
Колы юнакъ споможе и мени...

Степанъ. Не все гараздъ я розумію...

Мурза. Пане,
Я закохавсь въ твою сестру, и отъ
Колы мени споможешъ іи маты,
То заплачу ажъ двадцять сотень лиръ.

Жыдъ. Ой, скарбъ!

Степанъ (*зъ жаху*). Що? Якъ? Сестру продать въ неволю?

Мурза. О, твій языкъ не ти слова вжыва...
Твоя сестра—моя неволя й згуба,
Для неи дамъ чудово-пышный рай....
Вона моимъ подружжамъ первымъ буде,
Владыкою незличенныхъ скарбивъ;
Скризь панувать—іи це буде воля.

Жыдъ. И панъ мовчыть?.. И про сестру не дба?

Степанъ. Сестра, сестра! Охъ и яка-жъ спокуса!
Але продать?.. Невири дать въ ясыръ?
Пекельный грихъ, безче́стіе довичне!

Голосы (*промижъ себе*). Що-жъ це за жартъ? На гоноръ гравъ!
Отъ зухъ!

Шляхт. 2. Провчыть ёго!

Шляхт. 1. Мени Охримъ заплатыть!

Мурза. Зъ горы я дамъ... отъ заразъ десять сотъ,
А решту вже, колы до рукъ визьму я
Мою зорю...

Ж ы д ъ. Ой, що-жъ то за гешефтъ!
Царыцею сестра... и стильки грошей...
Ажъ крутыть копфъ...

С т е п а н ъ. Туманъ стоить въ очахъ...
А тутъ пече... Товарыша израдыть...
Сестра... тамъ—рай... а тутъ—публика, смерть...
А винъ пыха... чернець...

В с и. Що-жъ панъ заплатыть?
Чы, якъ шахрай...

С т е п а н ъ. А! Кляти!.. Згоденъ я!
(*Перебыва Мурзи руку*)
На гоноръ мій!!

М у р з а. Я вирю... Маешъ гроши (*дае*).
Умовымось.

Ж ы д ъ. Ой, дали-бугъ гешефтъ!

С т е п а н ъ (*кыда на стилъ частыну*).
Давиться! Ось! Але теперъ хто пысне,
Такъ гоноръ я на шкури покажу! (*Выйма шаблю*)
(*Вси накынулысь мовчкы на дукаты*).

М у р з а (*згорта рукы*). О, раю мій! Ля-илляга Алейкумъ!

З а в и с а.

ДІЯ I.

Зправа видъ актёривъ, на першимъ пляни, фасадъ будынка старолавнёго, зъ рундукомъ, ганкомъ. Пидъ рундукомъ на передкони стоить шырока лава. За будынкомъ выдко други будування: клуню, амбаръ то-що. Злива левада. Въ глыбыни килька проризныхъ деревъ: черезъ прогалыны выдко осяяный сонцемъ Богуславъ. Надъ вечиръ.

В ы х и д ъ 1.

Ганна, Маруся, Сохронъ и Леся.

(*Настя сыдыть на лави зъ Лесею, шось передывляются, шыють, готують. Леся часто черезъ рундукъ бига въ будынокъ и выно-*

сыть нови убрання. Сохронъ зъ Марусею выходять изъ-за будынку, прямуючы на передкинъ).

Сохронъ. Якъ пышно скризь, якый чудовый день!
Така-жъ весна теперъ въ моёму серци:
И соловей щебече чаривно,
И цилый мыръ красуе закоханнямъ...
Охъ, зиронько, мій раю неземный!
Твоя краса уси дыва створыла:
И перса ци, гартовани въ бояхъ,
Застужени у сичовыхъ негодахъ,
Твій взиръ палкый, яскравый розтопывъ
Для радощивъ, для втихъ, для раювання!

Маруся. Твои слова, мій соколе ясный,
Спаляють выдъ... Не знаюсь я у чарахъ!
Росла я тутъ у скрытій гущыни,
Пидъ ласкавымъ дозоромъ батька й ненькы,
Въ захованнимъ кубельци й розцвила,
Не знаючы ни чаривныхъ роскошивъ,
Ни бенькетивъ, ни ласощивъ чадныхъ,
Ни жоднои спьянилои прынады;
Про чудеса на свити чула я,
Хиба въ казкахъ, видъ нашои бабуси,
И скарбъ отой въ моій души будывъ
Хымерный стрій и злотосяйни мріи;
А серденько у мене розцвило
Пидъ дзвономъ кобзъ, пидъ плачемъ думъ журлывыхъ;
Прокынулась у-перве и любовъ...

Сохронъ. Любовъ? Кому-жъ дисталося те щастя
У чысти сны пидкынуты вогонь?

Маруся. И кобзарямъ, и неньци моій ридній,
И дидови,—що надыхнулы палъ
До ридного, до доли Украины...

Сохронъ. О, квите мій зъ ясныхъ райськыхъ садкивъ!
Въ твоій краси, въ твоій души прозорій,

Въ твоимъ чутти и серци неземнимъ
Така буя необорыма сыла,
Що ій усе схыляется до нигъ—
И сталь, и мидь, и жала стрилъ, и лéза,
И пôгукы неперможныхъ бурь.

Маруся. Слипуешъ ты, мій орле сызокрылый,
И наддаешъ мени таку вагу,
Якои я, нескрыляна, не маю.
Зневирышся—и выкохаешъ жаль,
А потимъ жаль проймé морозомъ душу...

Сохронъ. Зневирюсь я? Та швыдче небо це
Свою ясну завису розпанаха
И жмутомъ вныхъ на землю упаде;
Скоришъ земля, ця нездвыжна твердыня,
Розійдется на скрепахъ и впаде
У прорвыща пекельнои безодни,
Нижъ вкрадется зневирря у мій рай
И холодомъ обвіе мою душу!

Маруся. Не вмію я, мій любый, розсказать,
Якъ серденько веселкою трипоче,
Голубкою до тебе прыпада...
Одно тоби лышъ шепитну, що чую
У серци я щаслывый, дывный спивъ,
Якый дзвеныть и зàхватомъ, и ладомъ,
И въ тыхый рай всю душу порыва.

Сохронъ. Моя, моя! На викы и за викы! (*Обнима*).

Маруся. Клянусь тоби подружжамъ вирнымъ буть!

(*Прыпада тыхо, по паузи заходють вливо*).

(*Чуты ледве-ледве здаля веснянку. Спивъ разъ-у-разъ то стыха, то знову выныка*).

Выхидъ 2.

Ти-жъ безъ Сохрона и Маруси.

Леся (*ныже намысто и мовъ-бы пидъ прыспивъ хора и соби пидтяга*).

„А-вже-жъ весна, а-вже-жъ красна—изъ стрихъ вода капле"...

Скинчыла вже остатни намыстà:
Ось зъ янтарю, ось зъ перливъ, ось зъ кораливъ;
И дукачи добрала золоти...
Погляньте-бо, якъ сяють, пани-матко!

Ганна. Гараздъ, гараздъ... ты маешъ доню смакъ...
У тры разкы?... и дукачи?... чудесно!
Серпанкы ще прыстроить треба...

Леся. Ось
Я прынесла изъ били и шовкови,
Прычепурю кораблыкъ.

Ганна. А ну, ну;
Я-жъ ще оци спидныци поскладаю.
Здается вже, усе въ насъ до ладу,
Не голою выдаемò Марусю.

Леся. Не голою? Та ахне Богуславъ
Видъ заздросты! Ажъ тры здорови скрыни
Набыто вже добра того зъ верхомъ,
А це ище й четверта буде повна,
Кримъ кылымивъ...

Ганна. А зъ усёго добра
Братъ сплатыть iй не менше, якъ третыну.

Леся. Э, що й казать! Та наша молода
Забье усихъ заможнистью й красою...
За подругу пышатыму и я!
Ну, ось убиръ... прыкыну я до чола (*встае*).
Чы до лыця?

Ганна. Чудово!

Леся. Люстра-бъ! Ой,
Якъ хочется поглянуты на себе...
Я побижу...

Ганна. Стiй, козо! Онъ вода:
Въ видро й дывысь!

Леся. Ага, ага! (*Дывытся*). Ой чудо!

(*Чуты, якъ оддаля спиваютъ веснянку*).

Ой матинко, якъ гарно, далеби!
Колы-бъ мерщій мени до шлюбу статы...
Я побижу до подружокъ—генъ, генъ!
Хай глянуть, якъ въ малжонскимъ мени строи!
Ажъ завыдкы ихъ вхоплють... Ха, ха, ха!!
(*Побигла*).

Ганна. Та стій! Куды? Отъ дзыга ще, тай годи!
По хутору собакъ дражныть, чы що?
Щобъ обнеслы серпанокъ и спидныцю?
Зъ веснянкою дійдутъ воны й сюды,
А покы-що тутъ поможы прыбраты...
(*Озыраеться*). Де-жъ наши це, обручени диткы?

Леся. Туды пишлы... генъ ходять по левади...
Поклыкаты?

Ганна. Нехай соби гудуть,
Якъ голубкы... Колы-жъ и буркотаты,
Якъ не теперъ!.. За сыротою Богъ:
Малжонка давъ хорошого Маруси,
Поштывую дытыну давъ мени:
Не піяка, не лодаря-гульвису,
А лыцаря вже славного.

Леся. Охъ, охъ!
А спиваќа якого на бандури!!

Ганна. Тоби одно!

Леся. А такъ, колы козакъ,
Та хорошунъ, та на бандури грае,
Та ще й спива... то Боже, Спасе мій,
Не встояты ни зáщо, а ни-зáщо!

Ганна (*сміеться*). Охъ, дивко, охъ! Яка-жъ бо ты слаба!
Невильный винъ, обрученный...

Леся. Дарма!
Хиба отбыть ёго на думци маю?
Мени абы послухаты писень...
Ато-бъ такы у подругы, посестры,
Колы й сама...

Ганна (*обнима и голубыть*). Та знаю, знаю я
И таину твого серденька..

Леся. Мамо!

Ганна... Такъ, мамою и буду...

Леся (*змишалась зчервонила*). Боже мій!
Не знаю й якъ! (*Цилуе рукы*). Такъ я увесь цей мотлохъ
Перенесу въ середню... и видро
Геть прыберу и ночвы... а намысто
И дукачи у скрыньку положу...
А може ще що пани-матци треба?
Вертаются генъ наши молоди... (*побигла въ будынокъ*).

Выхидъ 3.

Ганна сама.

Не дочекавсь мій панъ-отець до втихы,
Побачыты зъ дружыною дочку,
Укохану едыную Марусю...
То-бъ радувавсь небижчыкъ дорогый!..
Теперъ тоби, моя сыритко люба,
Благословення дасть чужа рука,
А ридная лежыть въ глыбокій ями
Пидъ тяжою чавунною плыты... (*утера слёзы*)
Але вона за щастя твое, доню,
Пиднимется на тимъ свити въ мольби
Передъ яснымъ винцемъ Святои Дивы...
О, Господы! Ты—мылосердя скарбъ,
Твоихъ щедротъ не пересохне море...
Поглянься-же зъ райськи́хъ Своихъ осель
На доленьку рабивъ твоихъ сумырныхъ,
Сохрона та Маріи, и пошлы
Имъ лагоду, та тыхе, довге щастя! (*Пишла*).

Выхидъ 4.

Леся зъ Степаномъ.

Леся (*знову выходыть на рундукъ и, глянувшы за мистокъ, зупынылась, прыложывшы до очей руку*).
Здается винъ, мій сокилъ, мій орелъ...
Не даромъ же затёхкало серденько...
Такъ, винъ и есть...

Степанъ (*зъ-за мистка наблыжается*).
Вже Мурза тутъ... провивъ
Яругамы цю татарву въ диброву...

Леся (*пидбига*). Мій голубе!.. На мене й не зырне,
Встромывъ чогось у землю свои очи
Чы-жъ сердышся?

Степанъ. Ни, не того...

Леся (*заграе*). А що-жъ?
Може знайшовъ соби дивчы́ну другу?
Ну, прызнавайсь! (*Крутыть ёго*)

Степанъ. Ото-ще!

Леся. Э, щось е...
Непевне щось, непевне... Не оманышъ...
Мовъ вареный... и голосу не чуть...
Щось на души нечысте... Щось зрадлыве...

Степанъ (*дрижыть*). Та що ты? Цыть!

Леся. Зъ лыця ты навить зблидъ...
Ховаешся одъ мыру, наче злодій...
И глянуты у вичи...

Степанъ. Лесе, цыть!
Охъ, не вражай!..

Леся. Колы гриха не маешъ,
То усмихнысь и прыголубъ мене,
Якъ першъ було, хочъ тыхымы словамы...
Чы може я тоби обрыдла вже
И хочешъ ты видкынутысь?

Степанъ (*на бикъ*). Не можу...
Горыть, пече...

Леся. Та що ты! Схаменысь!
Скажы мени... прызнайся... що тамъ сталось?
Чы зновъ бида... чы втрата... чы похидъ?..
Що жъ ты мовчышъ? Я далеби заплачу...

Степанъ. Не сыла... этъ!

Леся. Та що за таина?
Промовъ мени, безъ жартивъ—це обра́за...
Не хочешъ, ни?

Степанъ. Охъ!

Леся (*розсердылась*). То бувай здоровъ...
Козаче мій!.. (*Пишла на рундукъ*).

Степанъ. Будь проклятый, скорище!

Выхидъ 5.

Степанъ одынъ.

Степанъ. Прокляття! А! Ударь хочъ зъ неба гримъ,
Убый мене, зрадлывого Іуду!
Іуду... такъ! Я ридную сестру
Продавъ въ ясыръ, въ неволю бузувиру...
За золото зневажывъ свою кровъ,
Зламавъ кильце, якымъ Богъ ридъ еднае,
Втоптавъ въ багно зъ викивъ святый законъ
И на загынъ давъ хрыстіянську душу!
Іуда! Гиршъ! Той хочъ одвагу мавъ
Порваты вмыть свое жыття гыдлыве...
А я?... Я—тхиръ! Тремтыть оця рука,
Не зводытся до лыцарського вчынку...
Не вже-жъ то ни? (*Хапается за кинджалъ*)
Э, пизно! часъ мынувъ:
Тепера смерть ще бильшъ накоить лыха...
Ихъ тутъ загинъ... Зборонцивъ въ насъ нема...
Все выпалють и вырижуть невиры,

Колы зламать имъ слово... О, я звирь,
Я выбрудокъ всесвитнёи гыдоты! (*Забига*).

Выхидъ 6.

Ганна, Маруся, Сохронъ, а потимъ и Леся.
(*Впродовжъ цiи сцены чуты оддаля хоръ*).

Сохронъ. Тры дни—и рай... Але якъ тыхо часъ
Сей точытся... Неначе дидъ зъ похмилля...

Маруся. Зъедналы насъ святи вже молытвы:
Я и теперъ твоя, мій орле сызый,
И прысяглась цымъ серцемъ не зражать,—
Чого-жъ тоби бентежытысь?

Сохронъ. Не знаю,
Але тоди тривога одлетыть,
Колы нашъ шлюбъ жаданый завершытся,
И я ёго, якъ сонця-правды, жду.

Маруся. И диждемось, колы въ тимъ Божа воля;
Але чого намъ прыспишаты часъ,
Колы дае и радисть винъ, и щастя,
И втихою намъ душу напува...
Хиба, тоби, мій орле, мало раю?
Хиба тебе и винъ не вдовольня?
Чого-жъ жадать прыйдешнёи хвылыны,
Колы оця сучасна чаривна?
Колы-бъ моя була надъ часомъ воля,—
Я-бъ крыкнула цій мыти: „зупынысь
Въ своимъ прудкимъ полёти; ты прекрасна,
Ты радистью мени сповняешъ свитъ“!

Сохронъ. Твій голосокъ бреныть чудовымъ спивомъ,
Въ твоихъ очахъ и любощи, и рай...
Въ твоій краси небесна перемога:
То-жъ и боюсь, щобъ скарбъ мій неземный
Прыгода зла не вырвала! Ще тры дни!

Маруся. Твои страхы бентежуть и мій духъ,
Щось за тяжкѐ прокралось въ мое серце...
Глянь—сонце гра, ни хмароньки, ни млы
На бани цій блакитній та прозорій,
Чого-жъ намъ ждать тыхъ лыховистныхъ бурь?
Вже й день ясный скинчытся незабаромъ,
И тилькы два зостанется намъ дни...

Сохронъ. А все жъ то два. (*Цилуе іи*).

Маруся. Охъ, не смуты серденька,
Воно й само щось ные и тремтыть...

Сохронъ. Нема чого полохатысь зи мною:
Хоть-бы вся тьма нечыстыхъ вражыхъ сылъ
Изъ-пидъ земли, изъ прорвыщъ злосмердючыхъ
Повстала вразъ, то перса ци й рука
Тебе, зорю, одъ неи заборонють;
Край нигъ твоихъ кистками ляжу я,
И навить ихъ не переступыть ворогъ!

Маруся. Такъ, вирю я! Ты лыцаремъ, орломъ
Мени запавъ найперше въ серце... Дужыхъ,
Побидныкивъ, звытяжцивъ запальныхъ
Воно любыть, кохаты тилькы й може...
И марытся, що по Вкраини ты
Скризь досягнешъ и славы, и почоту,
И схылытся до нигъ твоихъ чоломъ
Уся пыха, мизеріею вкрыта...

Сохронъ (*Усмихается*).
Дытячи сны. Насъ пани-матка жде...

Маруся. Матусенька? Ходимъ, тамъ поручъ сядемъ...
Про славу ты розскажешъ, про бои—
Матуся тежъ послуха...

Сохронъ (*обнима*). О, мій раю!! (*Пишлы до рундука*).

(*Ганна ще ранишъ выйшла и зъ рундука выгляда ихъ*).

Выхидъ 7.

Ганна, Сохронъ, Маруся, а потимъ и челядь.

Ганна. А я усе васъ вызыраю тутъ,
Бо чую вже самотыну старечу,
То й нудъ бере...

Маруся. Ой, мамо, не тужить:
Я васъ самыхъ не кыну... такъ, Сохроне?

Сохронъ. Конешне, такъ... Побудемъ вкупи часъ,
А то—до насъ...

Ганна. Э, теща, любый зятю,
Залышня ричъ въ кубельци молодыхъ...

Сохронъ. Крый Боже!

Ганна. И! То такъ воно здается,
А потимъ зять щось ынше заспива...

Маруся. Ой, зроду ни! Та то була-бъ образа
Мени така, що и не знаю...

Ганна. Бачъ,
Уже й пишла за мене суперека...
Якъ Богъ судывъ, то такъ и буде! Ну,
Сидайте-жъ тутъ, бикъ мене, голубъята!
Дывылась-бы, не зводючы очей,
Та слухала-бъ все ваши буркотання...

Маруся. Ось, ненечко, Сохронъ розскаже намъ
Про сичови прыгоды...

Сохронъ. Щожъ-бы саме?
А, отъ хиба про гемонськый походъ,
Що насъ завивъ за Тендеръ на погыбель.
Зладналы мы чаёкъ десяткивъ зъ пьять,
Щобъ понестысь по морю до Сынопа,
Та погулять на славу у невиръ,—
Добра добуть и вызволыть зъ кайданивъ
Невольныкивъ,—товарышивъ, братывъ,
Що гынуть тамъ по тюрмахъ та галерахъ...

Маруся. Ой, лелечко! Спивають кобзари,
Яка тяжка робота имъ и мука!
Ганна. Такъ, доню...
Сохронъ. Ну, прокралысь мы Днипромъ,
Тай выплылы до свита въ Чорне море...
Отъ вырнуло и сонечко изъ млы—
Осяяло хыстке й ясне роздолля:
Воно кругомъ яскрыло, якъ сафыръ,
За край небесъ розкынувшыся лономъ;
Здавалося, що баня незмирнà
Зъ хмарынами хытается пидъ намы,
А мы немовъ въ блакити несемось
Надъ прорвою, безоднею страшною:
То здіймутся вси весла, то пирнуть,
Блыснувшы вразъ—срибломъ чы адамантомъ,
А хвыля гра пидъ проминемъ яснымъ,
Гойдае насъ, пестуючысь, ласкаво:
Чайкы летять поломанымъ ключемъ,
По сынёму витрыламы биліють...
А на чайкахъ, неначе макъ, шапкы,
Ажъ мріють скризь червонымы рядкамы,
А серденько-жъ и мліе, и тремтыть!..
Маруся. Ой, гарно-жъ якъ, ой пышно! Боже мылый,
Колы-бъ мени побачыть дыво те!...
Здается, я пташыною-бъ отъ заразъ
Полынула... Та де узять крылець?
Ганна. Хто видае: жыття, що довга нива,—
На ій якъ разъ спиткаты можно все!
Сохронъ. Наврядъ тилькы, щобъ моря досягнула;
Та ничого й нудытыся за нымъ—
Ему не вирь,—воно знадне́ й зрадлыве...

(*Леся выходыть зъ бандурою и зупыняется*)

Отъ плывемо, спиваемъ и люлькы
На вильному мы, вильни, запалылы...

Про лыхо въ насъ а-ни гадокъ нема,
А вже воно чатуе за плечыма!
Старезный дидъ на чайци въ насъ сыдивъ,
Що зъ моремъ знавсь, якъ зъ шаблею своею;
Отъ, глянувъ винъ у далыню й прорикъ,
Що зъ билои хмарынкы встане туча.
Не вирылось... а хмаронька проте
Росла й росла, темрявылася млою
И морокомъ все небо поняла...
Насупылось, ажъ почорнило море,
Зшкарубылось, мовъ груба та рилля,
И зайкомъ скризь заплыгавъ билый гребинь...
Дыхнувъ Борунъ, витрыламы шарпнувъ
И знову стыхъ. А наказный гукае:
„На дно чаёкъ покласты щоглы вмыть,
За весла вси! Пыльнуй, стерничый, гостро!
Насупроты бурхлывыхъ хвыль керуй!"

Маруся. Ухъ, страшно якъ!

Ганна. Ховай ихъ Маты Божа!

Леся. А я-бъ отамъ хотила буты, страхъ,
Посмакувать, яка то смерть на очи!

Сохронъ. Розпатлана, скажена й нависна!
Завыла вразъ, немовъ видёмъ тыхъ зграя,
И заревла, немовъ страшенный звирь...
Запинылось и застогнало море;
Хыстка гора на гору пиднялась,
Помежы ныхъ розкрылысь чорни прорвы,
И темрява зловисна налягла...
Мовъ трисочка злитала чайка вгору
И падала въ роззявлену глыбинь...
А навкругы рослы тремтячи скели,
Схылялыся розтрипанымъ чоломъ
И поглынуть ярылысь шкарлупыну...
У нелади розсатапилыхъ сылъ

Вбачалося вже свита преставлення
И гризный часъ остатнёго Суда.

Маруся. Охъ, матинко! Погынуть запорожци...
Якъ жалко ихъ, ажъ серце замира! (*Тремтыть*)

Ганна. То-жъ, донечко, борци святи за виру,
За воленьку и за пытымый край...

Маруся. О, Боже, дай, щобъ лыцарство буяло!
Щобъ славою вкрывало намъ жыття!

Леся. Ну що-жъ, якъ тамъ?

Сохронъ. Погыбель навысала,
И сталы вси чытаты молытвы́...
Пиднявсь тоди старезный дидъ на лави,
У билому и билый самъ, якъ лунь,
Ажъ мыготивъ сриблом на витри волосъ,
И голосно промовывъ до братывъ:
„Розжеврилось напастью Чорне море
И лютистью на всихъ насъ зазиха,
Жадаючы видъ братчыкивъ охвиры...
Вси гришни мы предъ Господомъ Святымъ;
Та юнакамъ ще довга въ свити ныва,—
Имъ треба ще покутувать грихы
Та послужыть и Богови й роды́ни;
А я, лыбонь, другый вже викъ жыву,
И потрудывсь для мыру й для покуты,
То й слидъ мени ще браттямъ спомогты
И вызволыть зъ тяжкыхъ обіймыцъ смерти.
Простить мени, колы я вынен чымъ
И словомъ злымъ мене не спомьяните"!
Промовывъ те и, першъ нижъ стямывсь гуртъ,
Мелькнувъ унызъ и счезъ у чорній прорви...

Маруся. Ой, Боженьку!! (*Упала до матери зъ рыданнямъ*).

Ганна (*упада*). Марусю! Годи!! Цыть!

Сохронъ. И на що я розсказувавъ? Просыла-жъ,
А отъ теперъ серденько надрыва!
Зозулечко риднесенька! (*Пестыть іи*)

Ганна. Вгамуйся!

Леся. Напыйся ось водыци... (*подае*) хочъ ковтокъ!
И чымъ іи-бъ розважыты? Сохроне,
Бандура ось... заграй и заспивай! (*Подае*)

Сохронъ. Раднишій я, абы просохлы слезы! (*Прыграе*)
(*Спива*) Вылиталы орлы,
Зъ-за крутои горы,
Вылиталы, буркоталы—
Роскоши шукалы... и т. д.

(*Потимъ переходыть въ танцюрысту*)

Колыбъ мени хочъ запаска
Й понерeдныця,
То побигла-бъ до млына я,
Покы мелется;
Ой чукъ, чы не чукъ
Мій мырошнычокъ:
Назбираемо въ долыни
Та волошечокъ!
Ой волошкы сынесеньки,
Жыто съ колосомъ,
Утомывся мылесенькый,
Лежыть покотомъ...
Ой любъ, чы не любъ—
Годи вже казытысь,
Треба статы на шлюбъ,
Нема де подитысь... и т. д.

—

И шумыть, и гуде,
Дрибенъ дощыкъ иде,
А хто-жъ мене, молодую,
Тай до дому проведе?
Обизвався козакъ
На солодкимъ меду:
Гуляй, гуляй, дивчынонько—
Я до дому проведу!

Ой дивчына горлыця
До козака горнется,
А козакъ, якъ орелъ,
Якъ побачывъ, тай умеръ!

Выхидъ 8.

Тижъ и килька зъ челяди: бабуся, дивчына, парубокъ и дидъ. (Выйшлы воны, хто зъ ганку, хто зъ-за будынку, ранише на спивъ и зупынылысь на ходу).

Дидъ (*пiсля першои писни Сохрона, покы той прыграе на бандури*)
Ну, тай спива!

Баба. Чудово, якъ и ты
Колысь спивавъ...

Дидъ (*хыта головою*) Згадала!

Дивчына (*до парубка*). Охъ, якъ гарно!
(*Писля першого куплета 2-ои писни*)
Ой, ця така, що ажъ дрижать жыжкы...
И пидкивкы ажъ цокають!...

Парубокъ (*локтемъ пидъ бикъ*). А спробуй!

Леся. (*Почала за першымъ куплетомъ прытанцёвувать и тягты у танець Марусю, а та упирается*)
Марусенько, та ну-бо, усмихнысь,
Та окрутнысь зи мною...

Маруся Охъ, не сылуй!
Не те теперъ у мене на души...

Леся. Та слухай-бо, якъ грае и спивае,
Я-бъ кынулась на шыю... (*Все прытанцёвуе*).

Маруся (*усмихнулась*). Хто-жъ миша?

Дидъ (*парубку*). Отъ ще глухый! Бандура гра, ажъ дзвонить,
А винъ стоить та тилькы мне ханькы;
Та я бъ майнувъ зъ дивчыною, якъ буря,
Щобъ ажъ земля здвыгнулась... Этъ, сопій!
Та йды-жъ, иды!

Парубокъ (*опынается*). У будень?
Дивчина (*заграе до ёго*). Ну-бо, Грыцю!
Дидъ. Покынь его! А говъ, стара, хочъ мы
Покажемо, (*окручуе бабу*) якъ вовну треба мьяты!
Баба. Чы не сказывсь? Ой лыхо!
Сохронъ (*зрыва остатній аккордъ*). Ну, кинець!
Не подолавъ Марусыного жалю!
Маруся. Ни, рада я... спасыби!
Ганна (*цилуе его въ голову*). Зятю мій,
Задовольнывъ стару ты, ажъ слёзою
Умылася, а отъ уже й сміюсь...
Ходимъ въ покой, я покажу ще посагъ,
Якый даю...
Сохронъ. Та на що, мамо, винъ?
И безъ ёго Маруся скарбъ...
Ганна. Ни, зятю,
Ходимъ, поглянь!... Кримъ того маю я
Зъ тобою ще перебалакать...
Сохронъ. Заразъ:
Послухаты мою матусю радъ...
(*Выходють; челядь тежъ розійшлась*).

Выхидъ 9-й.

Маруся и Леся.

Леся. „Такъ хто-жъ миша?" И ты-бъ не ревнувала?
Маруся. Я? Байдуже!
Леся. Колыбъ отъ на очахъ
Я кынулась Сохронови на шыю?
Маруся. Ни гадонькы!
Леся. Ты рыба, а чы що?
Та я бъ за те повыдерала очы!
Маруся, Ой, лышенько! Та ты якась чудна,
Тебе гараздъ и зрозумить не можу:
То хочется тоби всихъ цилувать...

Леся. Не всихъ, не всихъ... а мылого...

Маруся Не знаю,
Мени таке и въ думку не спада:
Я-бъ слухала чудови розповидкы
И день, и ничъ—про славу козакивъ,
Втишалась-бы лыцарськымы писнямы,
Не зводячы зъ коханого очей,
Колы воны горять святымъ завзяттямъ...
А лащытысь мене и не кортыть...

Леся. То ты така холодна, наче крыга?
Не видаешъ, якый у серци палъ,
Колы ёго огорне закохання?
Прытыснутысь до мылого-бъ щильнишъ,
Въ обіймыщахъ солодкыхъ занимиты,
Въ цилункахъ злыть, стопыть свои уста
И вчадиты одъ любощивъ: то-жъ щастя,
То-жъ втихонька, то невымовный рай!!
Для ёго все—себе и мыръ забудешъ!

Маруся. Цыть, ясочко! Та ты таке верзешъ,
Що ажъ морозъ по шкури йде и пломинь
Видъ сорому у выдъ мени пашыть...
Кохаю-жъ я, але того...

Леся (*палко*). Ты крыга!

Маруся. Вже й лается...

Леся. Не вирю я... брехня!
Щобъ ни жагы, ни палу? Ты не любышъ!

Маруся. Ба ни, люблю...

Леся. Якъ песъ хорошый кій!

Маруся. Не ображай!

Леся (*обнима*). Пробачъ мени, лебидко...
А серденько твое ще мицно спыть.
Та цуръ ёму!.. Зъ горы идуть дивчата
Зъ веснянкою... А ну, на чоли стань,
Та звелычай и вѐсну, й любе щастя,

Яке вона несе тоби й мени! (*Поспишають обыдви до гурту*).

Выхидъ 10-й.

Тижъ и дивчата въ винкахъ.

Дивчата. Зъ весною васъ, бувайте-но здорови,
Марусенько и Лесе!

Леся и Маруся. Дяка вамъ!
Бувайте й вы!

Леся. А ну, Марусю, въ коло,
Чы на чоли!

Дивчата (*беруть за рукы іи*). Голубко, почынай!!

Маруся (*спива и за нею й хоръ*).
А вже-жъ весна, а вже-жъ красна,
2) Изъ стрихъ вода капле;
Козаченьку молодому
2) Мандривочка пахне! и т. д.

Водють кола зъ розмаитымы фигурамы.

Выхидъ 11.

Ти-жъ и Мурза зъ татарамы.

Мурза (*выскакуе*). Аллахъ керымъ!! Моя, моя!!

Дивчата (*шарахнулы*). Татаре!

Мурза (*хапа Марусю*). Моя ханымъ! (*до татаръ*)
Хапай и вмыть назадъ!

Дивчата. Рятуйте! Ой! (*татаре похопылы де-кого й счезлы*).

Степанъ (*выскакуе*). Справдывъ козаче слово...
Але теперъ ты ворогъ, и сестру
Одибье братъ! (*Добува шаблю*).

Выхидъ 12.

Ти-жъ и Сохронъ та Ганна и челядь.

Сохронъ (*несамовыто*). Розбій! Пекельни сылы
Пограбылы и щастя, и мій рай!

Де ворогы? На кони! (*Выйма шаблю*).

Ганна (*лама рукы*). Маты Божа!

Поглянсь, закрый!

Сохронъ До зброи!

Дидъ. Въ мисто дать

Тра звистку!

Ганна. Ой, рятуйте мою доню!

Сохронъ. За мною хто?

Степанъ. Я—на жывитъ и смерть!

Сохронъ. Въ погоню-жъ гей!

Вси. Хай гыне ворогъ лютый!!

Зависа.

М. Старицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана за 1845 г.

Въ № 9-мъ 1898 года были напечатаны „Отрывки изъ юношескаго дневника Г. П. Галагана“ за 1836—41 годы. Характеристика этому дневнику была дана слѣдующая: „Отличительною чертою дневника Галагана является *искренность* автора и *правда* событій; такіе дневники пишутся только для себя. Дневникъ Галагана заключаетъ въ себѣ исторію мятущагося духа юноши, который ищетъ *прямой дороги* въ жизни и никакъ не можетъ ее найти, сбиваясь въ жизненныхъ противорѣчіяхъ“. Ту же самую характеристику придется повторить и по отношенію къ печатаемому теперь новому отрывку изъ его дневника за 1845-й годъ, когда Г. П. Галаганъ записывалъ разные факты, а главное—свои настроенія и впечатлѣнія, будучи уже не юношей, а совершенно зрѣлымъ по лѣтамъ человѣкомъ, т. к. ему тогда было уже 26 лѣтъ. Тутъ мы встрѣчаемся уже съ размышленіями его на болѣе глубокія темы, какъ напримѣръ—вопросы о народной нравственности, которую ему хочется исправлять, и вопросы объ экономическомъ положеніи своихъ крестьянъ, которое ему хочется улучшить. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ постоянно колеблется, такъ какъ власть помѣщика, распоряжающагося судьбами своихъ рабовъ, на каждомъ шагу сталкивается у него съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ, и онъ въ одномъ мѣстѣ дневника записалъ слѣдующія характерныя строки,

говоря о томъ, что онъ *велѣлъ дать хлосту писарю*: „надобно напоминать этимъ людямъ для примѣру, но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ быть и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ,—высѣчь легче“. Или—въ другомъ мѣстѣ, говоря о видѣнной имъ бѣдности крестьянъ въ Ичнѣ,—онъ замѣчаетъ: „Сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету, и надобно быть закоснѣлымъ такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда-нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ“.

Книга для разныхъ замѣтокъ, въ томъ числѣ и о получаемыхъ и посылаемыхъ мною письмахъ 1845 года.

Генварь. 10. Выѣхалъ въ этотъ день изъ Сокиринецъ съ матушкой въ Яготинъ, гдѣ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ скончался 9-го числа, оплакиваемый многими своими крестьянами и посторонними. 11-го мы пріѣхали въ Яготинъ, а 12-го я пріѣхалъ въ Мосѣевку къ Татьянѣ Евстафьевнѣ Вальковской (Волховской), гдѣ засталъ много гостей, но не такъ много, какъ обыкновенно. Много танцовалъ и пріятно провелъ время. 14-го поѣхалъ съ Лаврентіемъ Николаевичемъ въ Милютинцы на обѣдъ (къ Селецкимъ?) и тамъ мнѣ было пріятно. Ночевалъ въ Яблоновкѣ.

15.—Пріѣхалъ въ Сокиринцы, благодаря милосердаго Бога, благополучно и у воротъ встрѣтилъ всѣхъ нашихъ, которые поѣхали къ Михайлѣ Петровичу (Милорадовичу?) въ Калюжинцы. Онъ привезъ молодую жену къ цѣлой кучѣ дѣтей.

16.—Утромъ приходилъ крестьянинъ Игнатъ Гаевый съ своимъ зятемъ Гайдаемъ, и я далъ послѣднему на покупку вола 30 руб. асс. въ позыку; обѣщался отдать черезъ годъ и можетъ быть и раньше; впрочемъ онъ прибавилъ, что можетъ быть и „вы пане пидождете, якъ не розгадаю съ гришмы“. На это я ничего не отвѣчалъ, а они ушли съ благодареніями.

Приходилъ каретникъ просить позволенія жениться на дочери Демьяна Гнатка. Но его просьба не будетъ удовлетворена, потому что у Гнатка одна дочь и онъ мастеровой и притомъ графскій. Справедливо это или нѣтъ? Для этого надобно-бы потрудиться узнать, есть ли точно между молодыми людьми любовь, что при теперешнемъ развратѣ, который вкоренился въ селѣ, трудно предположить.

Приходилъ слѣпой солдатъ изъ Прилуки, изъ Кустовецъ, по прозванію Краснощека, просить помощи.

18.—Хотѣли сегодня ѣхать съ маменькою въ Прилуку и Густыню на похороны князя Репнина, но сдѣлалась страшная метель, и мы должны были остаться. Я хотѣлъ изъ Прилуки ѣхать прямо въ Гнилицу, а оттуда въ Мостище и въ Кіевъ.

Вчера я призывалъ Демьяна Гнатка и объявилъ ему, что каретникъ принадлежитъ графинѣ (Комаровской, сестрѣ Галагана), потому дочь его отойдетъ въ Пѣски. Онъ отвѣчалъ, что если такъ, то нехай останется дочка, може и другій найдется, а вона ще молода. Онъ хотѣлъ ее отдать замужъ съ тѣмъ, чтобы имѣть помощника. Приходилъ еще Ильченко просить позволенія женить сына; ему позволено. Приходилъ Матвѣй Карпецъ, что живетъ въ Свинячемъ яру возлѣ Матюшенка; хочетъ женить сына на дочери Федора Сенчука; позволено.

Вечеромъ приходилъ Кутовій изъ Ични просить позволенія выдать дочь за козака. Ему отказано отъ маменьки; тогда онъ пошелъ ко мнѣ, кланялся въ ноги, увѣрялъ, что его дочь полюбила козака; я ему отвѣчалъ, нисколько нетронутый его просьбами: что мы теперь ни за что не будемъ выдавать дѣвокъ въ Ичнѣ за козаковъ, потому что лучшія выходятъ, а наши парубки остаются безъ невѣстъ; и притомъ, что это переводня; что я знаю давно, что дѣлается въ Ичнѣ, что тамъ богатые всѣмъ пользуются, а бѣдные нищи, что я примусь за Ичню и тогда все переверну тамъ. Сколько ни просилъ Кутовій, но ему отказано. Сегодня утромъ пріѣхали изъ Ични: Михайло десятникъ и тотъ козакъ, котораго сынъ хочетъ жениться на Кутовой дочери; пришли ко мнѣ, просили о томъ же и имъ съ

тою же жестокостью отказалъ, и говорилъ еще о злоупотребленіяхъ, которыя происходятъ отъ этого; они начали меня увѣрять, что тутъ любовь. Михайло, которому я уже давно далъ право быть фамильярнымъ, прибавилъ, что „подумайте! они за васъ будутъ Бога молить, и вы можете быть въ ихъ положеніи". Признаюсь, что я колебался съ минуту, думалъ, что если въ самомъ дѣлѣ тутъ любовь, она такъ рѣдко случается между мужиками, неужели и тутъ уничтожить ее? Но какъ подумалъ объ Ичнѣ и теперешнемъ ея положеніи, отвѣчалъ рѣшительно: *нѣтъ!* Какъ легко тамъ показать твердость воли, гдѣ неограниченная власть! Но благородно ли—вотъ вопросъ. Вообще Ичня теперь (кстати о ней) очень меня занимаетъ и огорчаетъ. Вслѣдствіе нерадѣнія управляющихъ и насъ самихъ, эта Ичня такъ запущена, что дошла до крайности. Монополія богатыхъ въ сильнѣйшей степени, бѣдность въ шестидесяти четырехъ семействахъ, неимущихъ земли, ужасна. Притомъ у остальныхъ земля вся заложена у разныхъ людей, у нашихъ и дядиньkиныхъ, и у козаковъ. Народъ избалованъ въ сильной степени, доходитъ даже до непослушанія. Я полагаю, что тамъ дворяне и козаки всему причиною: они научаютъ нашъ народъ дурному и сами же надъ нами смѣются. Я думаю, что тамъ надобно повернуть крутыми мѣрами: 1) Отобрать даромъ всѣ заложенныя земли и отдать ихъ владѣльцамъ,—это лучшій урокъ, чтобы они не закладывали впередъ; Войцеховскій совѣтуетъ, чтобы отобрать съ посѣяннымъ житомъ, и я съ нимъ согласенъ по жестокосердію моему. 2) Отобрать у козаковъ всѣхъ наймитовъ и наймичекъ и подать на нихъ бумагу, какъ на передержателей бѣглыхъ, потому что они не имѣли никакого позволенія отъ экономіи. Не знаю почему, но всѣхъ козаковъ, особенно Сокиринскихъ, мнѣ жалко, но Иченскихъ, хотя и жалко, но они такъ богаты и такое зло дѣлаютъ нашимъ крестьянамъ, что ихъ надобно поучить и попугать добре. Разумѣется, что мы сами виноваты гораздо больше, нежели козаки, но чтобы прекратить весь этотъ ералашъ, надобно повернуть круто; это послужитъ нашимъ же людямъ въ пользу. Что! Вотъ тебѣ благодарное поприще показать

деспотическую власть, заставить себя бояться слабѣйшихъ тебя людей, быть жестокимъ, неумолимымъ. До сихъ поръ я былъ ничто; начну же съ того, что буду притѣснять слабѣйшихъ! Какое начало! Впрочемъ извиню себя тѣмъ, что все это я бы могъ по прежнему возложить на другого, а самому послѣ явиться милостивцемъ; и то достойно только слабаго, и въ томъ нѣтъ благородства. Не скрою, что въ этихъ предполагаемыхъ реформахъ въ Ичнѣ играетъ (роль?) мое самолюбіе; хочется, чтобы обо мнѣ говорили, чтобы меня боялись тѣ, которые было даже забыли, что они мои рабы,—теперь они будутъ трепетать: какой признакъ ничтожества! Это должно прибавить новый укоръ моей почти замершей совѣсти.—

24. *Мостище.*—21-го числа я выѣхалъ изъ Сокиринецъ въ Кіевъ съ грустью въ сердцѣ; и не одна разлука съ матушкой и съ другими и наконецъ съ Сокиринцами были причиною грусти; нѣтъ! убѣжденіе, что я ѣду безъ цѣли, безъ желанія,—это и много кое чего было причиною грусти. Пріѣхавши въ Прилуку, я почелъ нужнымъ сдѣлать расправу въ экономіи за безпорядки писаря. Для того я призвалъ ихъ обоихъ, разругалъ и велѣлъ писарю бить приказчика по щекамъ, послѣ чего велѣлъ приказчику, который плакалъ и извинялся, дать *хлосту* писарю; тотъ прибѣжалъ, говорилъ, что онъ не перенесетъ этого, но я его прогналъ, и ему дали тридцать розогъ. Онъ точно пьетъ и не исполняетъ своей обязанности, а приказчикъ вовсе не смотрѣлъ за нимъ. Надобно напоминать этимъ людямъ для примѣру, но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ быть и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ: высѣчь легче. Въ Гнилицѣ я провелъ сутки, и все время была метель, но не смотря на то я все объѣздилъ; здоровы слава Богу, переносимъ все. Въ Гнилицѣ безпорядокъ страшный, который если описывать, то надобно наполнить всю книгу; скажу одно, что ко мнѣ приходила свадьба и бояре, изъ которыхъ одинъ, Могила, такіе молодцы (sic), что у меня сердце развеселилось. Въ конномъ заводѣ все въ порядкѣ; тамъ нѣмецъ Гофманъ, славный нѣмецъ. Въ Мостищѣ также все въ безпорядкѣ. Чтобы узнавать,

есть ли у крестьянъ хлѣбъ, я ходилъ по хатамъ; нашелъ, что нищеты слава Богу нѣтъ. Во многихъ хатахъ меня не узнавали и принимали за какого-нибудь должностного. Характеръ мужиковъ здѣсь какъ то разнится отъ сокиринскихъ и гнилицкихъ; кажется, что здѣсь народъ не такъ хитеръ. Женщины очень красивы; выговоръ разнится во многомъ отъ степного. Многіе изъ мужиковъ имѣютъ очень хорошенькія хаты и весьма живописныя.— Если маменька рѣшится отказать Николаю Фомичу, то пока найдемъ другого, я самъ хочу заняться управленіемъ Гнилицы, Прилуки и Мостища. Боюсь за успѣхъ: оно съ виду кажется гораздо легче, нежели на самомъ дѣлѣ; я боюсь за себя во 1-хъ, потому что я вовсе не пріучилъ свою голову къ постоянному серьезному думанію и къ разсчету, и потому меня очень легко обмануть въ вѣдомостяхъ, а во 2-хъ, что я слишкомъ занимаюсь мелочами, которыя хороши въ созерцательной жизни, которую я теперь веду, а не въ положительной жизни хозяина; меня занимаетъ физіономія мужика, его костюмъ, манера говорить и т. п. и потому я очень могу легко пропустить вещи серьозныя за мелочами. Впрочемъ что будетъ—то будетъ, и во всякомъ случаѣ я съ большою жадностью ожидаю этихъ занятій, которыя послужатъ лучшимъ мѣриломъ моихъ силъ. Сначала надобно будетъ употребить строгость, которую я даже теперь начинаю уже показывать, строгость...... *Засимъ въ тетради вырѣзано нѣсколько листковъ.*

. . . у козака волъ, да еще у двухъ или трехъ мужиковъ по мелкой штукѣ, но впрочемъ по большей части скотъ болѣетъ и выздоравливаетъ; такъ у Ященка заболѣло 6 штукъ и выздоровѣли, у Василія Чарныша 3 штуки и также выздоровѣли. Не знаю, какъ продолжится, но до сихъ поръ остается только благодарить Бога, если сравнить съ опустошеніемъ произведеннымъ въ другихъ селахъ; овцы также падутъ (падаютъ?) отъ *метелицы*. Кромѣ того отъ необыкновенно долговременной зимы, которая началась съ первыхъ чиселъ ноября, и не дальше какъ вчера было еще 12 градусовъ морозу, у крестьянъ истощился запасъ паши для скота, и многіе уже закладывали платье, чтобы ку-

пить соломы. Видя это, я предложилъ маменькѣ подарить имъ скирду или двѣ Лебединскаго сѣна, съ тѣмъ, чтобы прежде осмотрѣть запасы каждаго и потомъ каждому выдать по запискѣ, кому на сани, а кому на грынджолы; мое предложеніе было принято съ радостью, и вышло по справкѣ приказчика и моей до 35 хозяевъ нуждающихся. Первые поѣхали *горяне*, а на другую недѣлю *бочане*; они остались очень довольны этимъ распоряженіемъ, и многіе благодарили, какъ за благодѣяніе. Слѣдовательно этому горю мы помогли. Но другое несчастье вмѣстѣ съ падежомъ посѣтило Сокиринцы: сильная оспа на дѣтей отняла отъ 30 до 40 ихъ у несчастныхъ родителей; это горе все равно для меня, что ножъ въ сердце, потому что мы виною этого. Экономія не обращала на оспу вниманія и она въ послѣдніе 4 года не была привита. Это вѣчно останется на моей совѣсти, потому что я долженъ былъ на это обратить вниманіе; но это ошибка неисправимая. Особенно жалко людей такихъ, какъ Ѳома Митрошенко и Михайло Павловъ Горбачъ, которые имѣли каждый по двое дѣтей и всѣхъ лишились; такихъ примѣровъ нѣсколько. Кромѣ того здоровье людей не хорошо, вѣроятно отъ продолжительныхъ холодовъ: около 8-го числа сего мѣсяца умерли скоропостижно Могилка, оставивши въ нищетѣ свое семейство, и вдова Горбачева, которая оставила двухъ сыновей, очень молодыхъ; вслѣдъ за ними умеръ Волкъ послѣ недолговременной болѣзни и, не знаю почему, онъ не былъ отправленъ въ больницу. Потомъ умерла почти скоропостижно Деріева, молодая женщина, жена садовника Аникѣя. Наконецъ, на дняхъ, мы лишились одного изъ лучшихъ нашихъ крестьянъ—Лукьяна Горбача, который умеръ въ нѣсколько часовъ отъ застуженной рожи. Это былъ человѣкъ, котораго я ставилъ въ примѣръ другимъ; онъ оставилъ жену, сына Созонтія, котораго недавно женилъ на одной дегтяревской, молодецъ собою, сына Якова еще малого и четырехъ дочерей, изъ коихъ старшей 15 лѣтъ. Но за нихъ можно быть покойну, по крайней мѣрѣ пока жива ихъ мать. Вотъ главные факты довольно несчастливые, которые случились за это время. Теперь вотъ факты особенные: кажется, что

крестьяне остались нами довольны за помощь, оказанную имъ въ пашѣ; кромѣ того, что больше 35 человѣкъ ѣздило по реестру приказчика въ Лебединцы за сѣномъ, еще многіе, т. е. человѣкъ 10, приходили ко мнѣ за записками, которыя я имъ выдавалъ; это загладило маленькое неудовольствіе происшедшее отъ нововведеній Войцеховскаго. Онъ жалуется, что сокиринчане худо работаютъ и, разумѣется, что на эти его жалобы je fais la sourde oreille; для успѣшнѣйшей работы онъ заставляетъ работать по урокамъ, которые иногда довольно сильны. Кромѣ того, онъ нашелъ у здѣшняго приказчика маленькія плутовства, которыя однако не мѣшаютъ ему быть отличнымъ приказчикомъ; онъ его погонялъ, а лебединскаго приказчика также погонялъ за что-то и, не знавши хорошо человѣка, велѣлъ ему при людяхъ, чтобы онъ ихъ билъ за неисправныя работы. Оба брата взбѣленились на народъ, первый изъ досады, а второй получивъ на это позволеніе, будучи сердитъ на лебединскій народъ. О первомъ, т. е. о Михайлѣ, я тотчасъ узналъ отъ сокиринчанъ и изъ наивныхъ разсказовъ П. О второмъ же я узналъ непріятнымъ образомъ. Онъ написалъ рапортъ управляющему, въ которомъ доноситъ, что лебединскіе мужики, въ числѣ 6 человѣкъ, на него бросились и пр., и скоро послѣ того явились ко мнѣ 4 изъ лебединскихъ мужиковъ: Куликъ, Хоменко, Тихенко и Килонширенко, бросились въ ноги и начали на приказчика жаловаться самыми убѣдительными рѣчами, говорили, что они всѣ пропадутъ, если я не заступлюсь за нихъ и т. п. Будучи въ Лебединцѣ на возвратномъ пути изъ Пѣсокъ, я бранилъ очень приказчика и, кажется, что онъ меня понялъ. Лебединскіе крестьяне, точно, разбалованы и жестокіе воры по большей части, но мнѣ жаль сокиринчанъ. Въ Лебединцѣ есть гнѣздо, изъ котораго выходитъ все зло,—это Андрусенко и Колонширенко: первый—человѣкъ, который только по непростительной ошибкѣ Николая Фокича не сосланъ въ Сибирь за насиліе дѣвокъ, а второй по своему обрусѣвшему виду не понравился мнѣ съ перваго взгляда, да и вышелъ бездѣльникъ. Нужно будетъ рѣшиться на строгую мѣру, а именно: пересе-

лить ихъ обоихъ изъ Лебединца; такихъ людей и не жалко. Я ѣздилъ въ Пѣски, гдѣ, кажется, народъ доволенъ и нами, и Лизогубомъ; тамъ мужики: Бликъ, Жвинка, Свяченскій—молодцы, стоющіе добрыхъ козаковъ. Въ хуторѣ Литви молотило 40 человѣкъ; я имъ, по ихъ просьбѣ, позволилъ молотить за пашу, и велѣлъ дать въ позыку сѣмянъ на посѣвъ неимущимъ. Въ Сокиринцахъ, ходивши спрашивать о пашѣ, я прошелъ всю Сакаливку и былъ у Сакаловъ, которые мнѣ сказали, что не нуждаются; они порядочно живутъ; былъ у Данилы сапожника, который нуждается, и потомъ, проминувши многихъ, пошелъ къ Степаненкамъ, у которыхъ я ни разу не былъ: они живутъ очень уютно и съ большими удобствами; у Биленковастика я былъ у того, который имѣетъ двухъ женатыхъ сыновъ; онъ, кажется, очень порядочный человѣкъ и сыновья также. Былъ я также у Остапа Жилы, котораго приказчикъ было обидѣлъ панщиною. Его жена хочетъ сдѣлать завѣщаніе, въ которомъ отпишетъ все свое имѣніе сынамъ, чтобы послѣ ея смерти не безпокоили бы зяти ея любимаго Іосифа. Я еще былъ у многихъ крестьянъ, но теперь не припомню, и мое записываніе будетъ безполезно или я не буду записывать каждый день, что я видѣлъ или слышалъ по этой части; но вотъ что припомню. Былъ у Андріяна Фесенка; какъ я люблю это семейство! Когда я вошелъ къ нимъ, то дома были только одни дѣти: Катерина, Иванъ и Ларіонъ; они сидѣли и выбирали пшеницу; Андріяна не было дома, а Александръ пошелъ за теткою. Между тѣмъ, какъ я ожидалъ ихъ прихода, дѣти говорили мнѣ на мой вопросъ разныя молитвы, прекрасно ими выученныя. Потомъ пришли Андріянъ и его тетка. Я завелъ разговоръ о томъ, что надобно бы Андріяну жениться. Онъ очень покраснѣлъ и сказалъ, что уже сватался, и назвалъ на комъ, но не знаетъ позволятъ ли: я обѣщалъ ему похлопотать за него; разумѣется, въ этомъ дѣлѣ между нами не чистая (sic) вещь, но что же дѣлать,—теперь такъ часто выходятъ дѣвки замужъ не честны, что въ этомъ случаѣ можно его въ томъ отношеніи извинить, что онъ можетъ быть увѣренъ, что эта дѣвка не отъявленная потаскушка, и такъ какъ не по своей волѣ по-

теряла невинность, то можно даже сказать, что хорошаго поведенія. Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось устроить судьбу ихъ обоихъ! Былъ еще нѣсколько разъ у Савуленковой или Евусевой, которая очень больна чахоткой. Ея дочь Анна прехорошенькая, и такъ какъ еще молода, то я надѣюсь, что она сохранится честно. Я имѣю теперь на примѣтѣ четырехъ дѣвочекъ 14 лѣтъ, о которыхъ буду стараться, сколько позволяетъ приличіе, чтобы они сохранились въ хорошей нравственности и вышли бы замужъ честными, это: 1) Савуленкова, о которой будетъ стараться мать, 2) Марта Фесенкова, на которой нравственность я надѣюсь, но все-таки надобно, чтобы за нею смотрѣли и защищали бы ее тетка, Андріянъ и будущая жена его, 3) меньшая дочь Жилы Остапа, хорошенькая дѣвка, за которою по моему требованію строго смотрятъ отецъ и мать и 4) дочь Демьяна Гнашки, за которой хотя и ухаживалъ каретникъ, но увѣряетъ отецъ и другіе, что дурного ничего не было, и какъ единственную дочь онъ ее сохранитъ, я надѣюсь. Вотъ пока четыре дѣвки, надъ которыми я буду наблюдать и увижу результатъ, который скажется послѣ ихъ замужества. Недавно я зазвалъ къ себѣ Степаниду, нашу добрую хозяйку, на которой рѣшительно опирается весь порядокъ въ домѣ, и мы долго проговорили съ нею о нравственности женщинъ на селѣ. Много интересныхъ фактовъ слышалъ я отъ нея, интересныхъ, но вмѣстѣ очень неутѣшительныхъ,—напротивъ, приводящихъ въ отчаяніе; не хочу, да и слишкомъ много ихъ, всѣхъ пересказывать; скажу только, что въ ея словахъ даже я нашелъ слабый лучъ надежды, способы поправить несчастье; надобно надѣяться на Бога, на его помощь и покровительство въ этомъ случаѣ и работать неусыпно и не смотря на кучу препятствій. Степанида женщина опытная, съ которою можно посовѣтоваться.

На первый случай я взялъ вотъ какія мѣры: строгій приказъ родителямъ смотрѣть за дочерьми и обѣщанія награжденія дѣвки, напр.—телицу и т. п. Я объ этомъ говорилъ маменькѣ. Разумѣется, что это дѣло приличнѣе для нея, нежели для меня: надобно такъ, чтобы наблюденія дѣлалъ я, а награды будутъ отъ маменьки. Въ

это время также я разсудилъ предлинный и безтолковый процессъ между Павломъ поваромъ и его зятемъ Игнатомъ Горбачемъ. 15 числа и 16 я былъ въ Ичнѣ и ходилъ съ Войцеховскимъ и приказчикомъ по мѣстечку, по правой сторонѣ рѣки; насъ водилъ войтъ Дорошенко и указывалъ хаты. Сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету, и надобно быть закоснѣлымъ такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ, ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

28 марта. Отъ 23 по сіе число опять не записывалъ, трудно мнѣ привыкнуть разомъ къ постоянному порядку. Съ сегодняшняго дня началась рѣшительная весна.

31 марта. Погода чудная, сегодня 12 град. тепла въ тѣни, и снѣгъ быстро таетъ, вездѣ потоки, но черезъ ледъ еще ѣздятъ. Какія были особенности въ это время, не знаю, не могу припомнить;—что то въ родѣ тоски, напитанной досадою тяготитъ у меня на груди. Какъ всегда, моя мысль не оставляетъ меня и къ счастью теперь довольно часто приходитъ меня мучить. Но впрочемъ я такъ созданъ, что если все около меня очень пріятно, то я почти забываю то, что должно помнить лучше всего для спасенія души; но за то малѣйшее непріятное обстоятельство достаточно, чтобы я опять обратился внутрь себя и чтобы вся моя грусть и тяжесть воротились. Сегодня утромъ я былъ на Пашковкѣ у Антона Коваленка, котораго засталъ одного съ женою и въ гостяхъ у нихъ козака. Онъ бѣденъ и живетъ въ землянкѣ, т. е. въ хатѣ, которая по окна устроена въ землѣ. Онъ очень обрадовался, увидя меня и нѣсколько разъ цѣловалъ; я спрашивалъ, отчего у него такая хата, онъ отвѣчалъ что никакъ не разстарается, но что, хотя у него и нѣтъ земли, онъ завелся скотиною, имѣетъ корову и быка. Жена его ослѣпла на одинъ глазъ вслѣдствіе долговременной болѣзни; я спросилъ у него, зачѣмъ его сынъ былъ приведенъ въ больницу весь оборванный до ужаснѣйшей степени, на что онъ отвѣчалъ, что его взяли неожиданно, но у него есть лучшее платье. У этого му-

жика еще двѣ дочери, обѣ взрослыя, одна ходила по наймамъ, но теперь взята домой для помощи матери, часто больной. Объ Антонѣ Коваленкѣ ничего дурного не слышно, надобно будетъ ему помочь. Теперь почти на половинѣ нашихъ хатъ прибиты досточки желтыя, съ надписью имени, прозванія и номера; по крайней мѣрѣ видно своихъ.

1 апрѣля. Сильная вода хлынула съ поля и со всѣхъ мѣстъ и по недосмотрительности приказчика нашу большую греблю вырвало подъ лотоками. Я почти весь день провелъ тамъ и, не смотря на воскресенье, люди проработали день и ночь, и почти тщетно. Работники въ числѣ отъ 40 до 50 были всѣ *бочане* [1]). Я сжалившись, видя ихъ стоящихъ въ водѣ выше колѣнъ, велѣлъ имъ всѣмъ дать по чаркѣ горѣлки, исключая двухъ или трехъ отъявленныхъ пьяницъ, въ числѣ ихъ Грыцько Яковенко (братъ Павла повара) и Павло Ширникъ.

2 апрѣля. Опять былъ на плотинѣ, которая мало подаетъ надежды; три четверти воды изъ пруда вытекло, и собаки начинаютъ таскать мертвую рыбу. Сегодня работаютъ *горяне*. Въ нихъ, точно, есть больше украинскаго въ физіономіяхъ,—отчего не знаю, можетъ быть близость къ дворовымъ изгладило физіономію у бочанъ. О нѣкоторыхъ крестьянахъ, которыхъ я еще не зналъ, я разспрашивалъ у приказчика. Былъ также и на Магеровщинѣ, гдѣ вода шла всю ночь черезъ плотину и прорыла себѣ путь подъ грунтомъ козака Полковниченка. Артемъ Чорнышъ мельникъ и Михайло Горбачъ, старикъ, показывали мнѣ опустошенія, произведенныя водою.

3 апрѣля. Около половины марта я, будучи у Антона Ивченка, узналъ, что жена его брата Петра, который очень меня интересуетъ по своей благородной наружности, *на тыжни* [2]) у Петра Никитича; мнѣ пришла мысль, испугавшая меня, я подумалъ: и вотъ мы требуемъ доброй нравственности отъ людей, когда мы посылаемъ отъ молодого мужа жену, которая вышла

---

[1]) Вѣроятно жители той или другой части с. Сокиринецъ.

[2]) Т. е. на недѣльной работѣ.

за него шесть мѣсяцевъ тому назадъ, на тыждень въ такое мѣсто, гдѣ множество холостой молодежи. Какихъ послѣдствій можно ожидать отъ этого? Мое сердце облилось кровью и взбунтовалось противъ самого себя; почему я объ этомъ не подумалъ прежде? Возвратившись домой, я тотчасъ передалъ маменькѣ мою мысль, и вслѣдствіе этого въ тотъ же вечеръ былъ строгій данъ приказъ: отнюдь не брать на тыжни не только дѣвокъ, о чемъ былъ еще и прежде приказъ, но и молодыхъ женщинъ и вообще хозяекъ, а брать: бездомныхъ вдовъ, накритокъ и старыхъ дѣвокъ.

4 апрѣля. Приходилъ ко мнѣ утромъ Иванъ Туденъ, мужъ красильщицы Авдотьи, просить въ позыки грошей на вола. Я ему далъ отвѣтъ тотъ же, что и Степаненку и Спиридону, т. е., что у меня нѣтъ денегъ, а когда будутъ, то я дамъ. Теперь время подумать о той мысли, которая еще осенью родилась во мнѣ: т. е. объ оборотной помощи людямъ. У насъ многіе мужики брали въ позыку деньги на воловъ, но весьма немногіе отдали деньги. Иные въ самомъ дѣлѣ не могутъ, по причинѣ дешевизны всего того, что онъ продаетъ, и дороговизны того, что покупаетъ, но все-таки отдаютъ по частямъ; другіе же, отчасти по безпечности, а отчасти надѣясь на милость, и не думаютъ отдавать; между тѣмъ необходимо съ нихъ взыскивать, потому что, даривши эту сумму одному, отымаешь ее отъ другого. А такъ какъ деньгами съ нихъ взыскивать въ теперешніе годы очень затруднительно и для нихъ, и для насъ, то нельзя ли взыскивать съ нихъ работою, обращая ихъ трудъ въ пользу другимъ крестьянамъ. Подумавши, вотъ какое я нашелъ средство: у насъ много такихъ крестьянъ, которые нуждаются въ починкѣ старыхъ хатъ, а иные въ постройкѣ новыхъ. Купивши для нихъ лѣсъ, можно его вывезти и даже построить хату, виплести и т. п.—трудами должниковъ-крестьянъ, оцѣнивши трудъ на деньги, и столько выключать изъ должной суммы.

12 апрѣля. Въ это время я очень много обращался съ народомъ, безпрестанно будучи на дворѣ, много ѣздивши верхомъ по селу и видя много крестьянъ на работахъ; между тѣмъ, что

нужнѣе всего записать,—это, что у меня еще три человѣка просили грошей въ позыку на вола: старикъ Афанасій Коваленко, Петро Грышко, сынъ вдовы, молодой человѣкъ, и сегодня Федоръ Горбачъ, братъ покойнаго Лукіяна; какъ я съ ними раздѣлаюсь,—не знаю. Сему послѣднему можно дать деньги въ руки; что же касается до тѣхъ, то лучше поручить Чернышу, когда онъ поѣдетъ въ Прилуку на ярмарку покупать воловъ, чтобы онъ и имъ купилъ, продавши тотъ скотъ, который они хотятъ продавать. Я говорилъ съ приказчикомъ о моей мысли на счетъ способа получать съ крестьянъ обратно занятыя ими деньги посредствомъ взаимной помощи крестьянъ; онъ говоритъ, что это можно будетъ сдѣлать. Старикъ Иванъ Сенчукъ взялъ у маменьки въ позыку 10 рублей на покупку лѣса для хаты. Ѣздивши на моемъ Жарондѣ на жита, которые слава Богу подаютъ надежду, я останавливался у его хаты и говорилъ съ нимъ. Этотъ человѣкъ похоронилъ 16 душъ въ свою жизнь, изъ коихъ 4 души были его дѣти, по большей части взрослыя; двѣ дочери взрослыя, а сынъ женатый, который умеръ вслѣдствіе побоевъ Коваленка во время его приказчицтва. Вотъ уже 5 дней, какъ люди сѣютъ. Я былъ вчера въ хуторѣ и отпустилъ иченцевъ домой; они пошли съ большой радостью, потому что Пасха приближается. Теперь метутъ у насъ садъ дѣти, хлопци и дивчата, и имъ даютъ обѣдъ; поколѣніе это довольно порядочное, только что мальчики обѣщаютъ изъ себя мелкихъ людей; что касается до теперешнихъ мужчинъ, то во время работъ не плошаютъ; я имѣлъ время разсмотрѣть ихъ: это славный народъ, большей частью здоровый и притомъ имѣющій отпечатокъ патріархальной доброты на лицѣ; во время работъ на плотинахъ они вообще были веселы, часто слышны были между ними шутки, смѣхъ, и они работали отъ души. Не знаю только, почему они такъ мало усердны къ церкви, что и теперь на плащаницѣ было ихъ очень мало и вчера на Страстяхъ также. Сегодня хотѣли мыть полъ въ домѣ, внизу, въ корридорахъ, дѣвками, пригнанными изъ села, я увидѣлъ въ окно, какъ онѣ входили, пошелъ на нихъ посмотрѣть, вообразилъ себѣ, что ихъ родителямъ очень должно быть горько посылать свою

дытыну во дворъ мыть полы; это унизительно; это противъ моей совѣсти, противъ моего желанія поставить крестьянина-земледѣльца какъ можно на благороднѣйшую ногу, и особенно его женъ и дочерей. Я пошелъ къ матушкѣ и сказалъ ей объ этомъ, представивши ей, что это даже непристойно, заставить дѣвокъ мыть тамъ, гдѣ таскаются безпрестанно мужчины; она сейчасъ велѣла ихъ отпустить и дать мыть полъ мальчикамъ, не смотря на всю досаду Ивана Кузьменки. Сторожа вытерли полъ, который остался почти такимъ же грязнымъ, но за то въ другой разъ не позовутъ дѣвокъ изъ села. (*На этихъ словахъ запись 1845 г. кончается*).

ПАМЯТИ А. С. ЛАШКЕВИЧА.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Десять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ дня смерти Александра Степановича Лашкевича, а десять лѣтъ это промежутокъ времени, въ который, съ одной стороны, сглаживается чувство горечи, вызванное недавней утратой и часто заставляющее насъ рисовать отошедшаго отъ насъ человѣка въ идеальномъ видѣ, съ другой—сглаживаются тѣ мелкіе недостатки и слабости покойнаго, которые играютъ такую важную роль въ нашихъ житейскихъ отношеніяхъ. Черезъ десять лѣтъ можно уже отнестись къ человѣку объективно, можно дать болѣе или менѣе безпристрастную оцѣнку его дѣятельности.

Пишущій эти строки познакомился съ А. С. всего за полтора года до его кончины, но эти послѣдніе полтора года жизни покойнаго были временемъ его дѣятельности, какъ редактора-издателя „Кіевской Старины", дѣятельности, которая дала ему право на благодарное воспоминаніе со стороны всѣхъ тѣхъ, кто любитъ прошлое своей родины и дорожитъ имъ. Притомъ положеніе секретаря редакціи сразу поставило автора этой замѣтки въ близкія отношенія къ покойному и дало ему возможность узнать многія интимныя стороны въ прошломъ нашего журнала и оцѣнить, какъ матеріальныя жертвы, такъ и тотъ незамѣтный для посторонняго глаза трудъ, которые были вложены покойнымъ А. С. въ дѣло изданія „Кіевской Старины".

Прежде всего я позволю себѣ остановиться нѣсколько надъ выясненіемъ вопроса, что побудило А. С., не историка по профессіи и даже человѣка мало писавшаго, отдаться съ такимъ жаромъ дѣлу изданія историческаго журнала. Воспоминанія товарищей покойнаго по гимназіи и университету даютъ картину обстановки, среди которой учился А. С., подъ вліяніемъ которой складывались его симпатіи и антипатіи, его міровоззрѣніе. Я отмѣчу только нѣсколько фактовъ. А. С. родился и выросъ въ культурной семьѣ. Его отецъ—С. И. Лашкевичъ интересовался и литературой, и исторіей вообще, и исторіей Малороссіи въ частности. Памятникомъ этого интереса остались его библіотека, значительно пополненная потомъ А. С-мъ, и собраніе документовъ, а также рукописный трудъ его по исторіи раскольничьихъ слободъ Черниговской губ., не имѣющій теперь научнаго значенія, но свидѣтельствующій о вкусахъ автора. Годы ученья А. С. совпадаютъ съ знаменательной эпохой русской жизни—эпохой подготовленія и осуществленія величайшей реформы Императора Александра II; для юго-западной Руси эти годы были еще и временемъ пробужденія національнаго самосознанія, усиленнаго борьбой съ господствовавшей въ краѣ, если не въ политическомъ, то въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, чуждой національностью, дѣлавшей послѣднія попытки удержать за собою свое господствующее положеніе. Университетская молодежь того времени не оставалась безучастною къ совершавшимся событіямъ. Студенческіе кружки, въ которыхъ вращался А. С. и которые вмѣщали въ себѣ все, что было даровитаго и честнаго среди студенчества, живо интересовались происходившимъ вокругъ нихъ, и члены этихъ кружковъ уже со школьной скамьи готовились къ работѣ на пользу народа. Быть можетъ, никогда Кіевскій университетъ не далъ столько полезныхъ родинѣ людей, какъ въ тѣ годы. Захваченный общимъ теченіемъ, А. С. по окончаніи университета отдаетъ свои силы крестьянскому дѣлу. Но медовый мѣсяцъ крестьянской реформы, длившійся въ юго-западномъ краѣ, въ силу особыхъ условій, дольше, чѣмъ въ остальной Россіи, миновалъ, измѣнились и

условія личной жизни А. С. Онъ поселяется въ своемъ имѣніи въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. И здѣсь онъ находитъ для себя подходящую сферу дѣятельности — онъ посвящаетъ свое время земству и судебно-мировымъ учрежденіямъ.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ А. С. переѣхалъ на постоянное житье въ Кіевъ. Возобновились старыя товарищескія связи, завязались новыя отношенія, но дѣла, опредѣленнаго, живого дѣла, не было. Въ это время А. С. начинаетъ принимать участіе въ издававшейся уже Ѳ. Г. Лебединцевымъ „Кіевской Старинѣ", помѣстивъ въ ней нѣсколько статей и замѣтокъ и сообщая время отъ времени документы изъ своего собранія. 1887 годъ былъ критическимъ годомъ для нашего журнала. Непосильный трудъ и матеріальные убытки вынудили Ѳ. Г. Лебединцева заявить о прекращеніи изданія. Какъ ни прискорбно было это обстоятельство и для успѣвшаго уже сформироваться кружка сотрудниковъ, и для хотя немногочисленныхъ, но сердечно расположенныхъ къ журналу читателей, но выхода не было,—никто не хотѣлъ, да и не могъ взяться за продолженіе такого хлопотливаго и явно убыточнаго дѣла. У одного только А. С. явилась мысль взять на себя эту тяготу. Не берусь сказать, явилась ли эта мысль у А. С. совершенно самостоятельно, или была ему кѣмъ-нибудь подсказана, во всякомъ случаѣ онъ горячо ухватился за нее, хотя ему и былъ представленъ рядъ возраженій противъ его плана. Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей А. С. настойчиво указывалъ на тѣ матеріальныя жертвы и душевныя безпокойства, которыя ожидали его на тернистомъ пути редактора-издателя не ходкаго журнала. Рѣшеніе А. С. было принято безповоротно. Въ началѣ 1888 г. заключена была сдѣлка съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ, по которой за 2000 рублей къ А. С. переходило право на изданіе и оставшіеся неразошедшимися экземпляры „Кіевской Старины". Это было началомъ цѣлаго ряда хлопотъ и огорченій. Положеніе изданія было самое плачевное. Уже въ 1887 г. подписка сильно упала, а теперь, къ тому же, прошло время подписки на новый годъ и даже неизвѣстно было, когда можно будетъ открыть пріемъ ея. Надо было одновре-

менно и хлопотать объ утвержденіи А. С. редакторомъ, и подготовлять матеріалъ для изданія, и начинать печатаніе первой книжки. Случайныя мелочныя обстоятельства задерживали утвержденіе; портфель рекакціи былъ пустъ, а въ довершеніе всего и самъ А. С., и всѣ близкіе къ новой редакціи люди были совершенными профанами къ техникѣ журнальнаго дѣла. Утвержденіе было получено только въ февралѣ, и рѣшено было въ мартѣ выпустить тройную книжку. Пустой портфель быстро наполнился благодаря двумъ обстоятельствамъ: во 1-хъ, А. С. привлекъ къ участію въ редакціонной работѣ широкій кругъ лицъ, предоставивъ редакціонному собранію рѣшающій голосъ въ вопросахъ литературныхъ, во 2-хъ, онъ установилъ опредѣленный гонораръ за статьи и рецензіи въ размѣрѣ 25—40 р. за печатный (сравнительно небольшой) листъ, что привлекло въ сотрудники людей, лишенныхъ возможности безвозмездно затрачивать свой трудъ. Въ редакціи закипѣла оживленная работа. Труднѣе было справиться съ вопросами хозяйственными. На первыхъ порахъ сдѣлано было много промаховъ, много ненужныхъ затратъ. Наконецъ, вышла первая книжка, очень сочувственно встрѣченная критикой. Казалось, самое трудное было сдѣлано—начало положено. Но на дѣлѣ вышло, что затрудненія нисколько не уменьшились. Приходилось улаживать недоразумѣнія между сотрудниками, считаться съ цензурными условіями, заботиться о запасѣ матеріала на глухіе лѣтніе мѣсяцы; а между тѣмъ оживленіе нѣсколько улеглось, дѣло входило въ обычную колею, тѣ, кто посвятилъ не мало времени и труда журналу въ началѣ не могли уже принимать такого дѣятельнаго участія въ черной, подготовительной работѣ. Такъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, взявшій на себя работу по приведенію въ порядокъ первыхъ двухъ книжекъ, не могъ продолжать этой хлопотливой работы въ слѣдующіе мѣсяцы. Всю черную работу пришлось взвалить на себя редактору, отчасти только пользовавшемуся помощью немногихъ близкихъ лицъ. Тому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ журнальной работой, понятно, что при ограниченномъ составѣ редакціи редактору приходится просто разрываться на части: и

выправка предназначаемыхъ для печатей статей, и корректуры, и улаживаніе цензурныхъ недоразумѣній, и сношенія съ сотрудниками, и возня съ типографіей—буквально не даютъ редактору возможности вздохнуть свободно: каждый день приноситъ свои новыя, неожиданныя хлопоты. А тутъ еще расходы, расходы изъ своего кармана, безъ надежды на ихъ пополненіе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Нужно сознаться, что А. С. былъ плохой хозяинъ. Дѣла его по имѣніямъ были далеко не въ блестящемъ состояніи. А между тѣмъ соблюдать экономію въ расходахъ по журналу онъ не хотѣлъ, да и не могъ. Его мягкость, податливость приносили изданію большой ущербъ. Бывало, нельзя было уговорить его отложить до слѣдующаго мѣсяца статью, которую онъ пообѣщалъ автору помѣстить въ данной книжкѣ, и книжки выходили въ 18—20 листовъ вмѣсто предположенныхъ 15—16. Легко, особенно въ первые мѣсяцы, выдавалъ А. С. и авансы, которые не разъ такъ и оставались авансами навсегда. Впрочемъ, иногда покойный принимался соблюдать экономію въ мелочахъ, но эта экономія въ большинствѣ случаевъ вела только къ новымъ затратамъ. Прошелъ 1888 годъ. Журналъ увеличился по объему и улучшился по содержанію. Подписка стала увеличиваться, но медленно, и новый 1889 г. грозилъ новыми убытками. А имущественныя дѣла А. С. очень запутались. Хлопоты по устраненію денежныхъ затрудненій пошатнули уже и безъ того разстроенное здоровье А. С. Къ веснѣ 1889 г. онъ сталъ прихварывать. Лѣто, проведенное въ деревнѣ, не возстановило его здоровья, и онъ вернулся въ Кіевъ серьезно больнымъ, а 30 октября его не стало.

Казалось, предпринятое А. С. въ послѣдніе его годы дѣло завершилось неудачей. Но вокругъ „Кіевской Старины" уже сплотился кругъ людей, привыкшихъ считать дѣло А. С.—своимъ дѣломъ. И въ этомъ сказалось вліяніе основной черты характера А. С.—его мягкости, его толерантности. Благодаря этимъ чертамъ, онъ могъ сгруппировать вокругъ журнала людей, не сходящихся, быть можетъ, въ частностяхъ, но равно дорожащихъ и печатнымъ словомъ, и научной истиной, и судь-

бами своей родины. Эти же черты сказались и на направленіи журнала. Чуждый національной и религіозной нетерпимости, А. С. умѣлъ устранить изъ журнала все, что оскорбляло чье бы то ни было національное и религіозное чувство, и это было отмѣчено въ свое время и въ русской, и въ польской, и въ еврейской печати. Заканчивая нашу замѣтку, не можемъ еще разъ не сказать, что покойный, несмотря на всю мягкость и податливость своей натуры, остался на всемъ продолженіи своего жизненнаго пути вѣренъ всѣмъ завѣтамъ, которые вынесъ изъ своей молодости, и до гробовой доски сохранилъ тѣ стремленія, которыя одушевляли его и его товарищей по школѣ.

Е. Кивлицкій.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА.

Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и я былъ въ 5 классѣ Кіевской 1-й гимназіи, когда впервые увидѣлъ и вскорѣ потомъ и познакомился съ двѣнадцатилѣтнимъ Сашей Лашкевичемъ. Онъ поступилъ въ это время во 2-й классъ нашей гимназіи, помѣщавшейся въ то время въ Липкахъ, въ такъ называемомъ Кловскомъ дворцѣ, построенномъ въ царствованіе Елисаветы, въ зданіи, гдѣ теперь женское духовное училище. Въ то время 1-ая гимназія была закрытымъ и вполнѣ сословнымъ учебнымъ заведеніемъ; въ двухъ интернатахъ, 1-мъ и 2-мъ „благородныхъ пансіонахъ", помѣщавшихся въ отдѣльныхъ отъ гимназіи зданіяхъ и даже усадьбахъ, воспитывались исключительно дѣти дворянъ; въ мое время во всей гимназіи было всего лишь 4 ученика изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи. Кромѣ значительнаго числа казеннокоштныхъ во 2-мъ пансіонѣ, остальные пансіонеры въ обоихъ интернатахъ принадлежали къ зажиточнымъ семьямъ; преобладали сыновья помѣщиковъ—польскихъ изъ Юго-Западнаго края и малорусскихъ изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Приходящихъ учениковъ было такъ мало (около 15-ти во всей гимназіи), что они совсѣмъ исчезали бы среди громаднаго большинства остальныхъ учениковъ, если бы исключительность ихъ положенія и даже самая эта малочисленность не выдѣляли

ихъ изъ остальной массы учащихся. Жили они исключительно при родителяхъ и только на время уроковъ приходили, точнѣе—пріѣзжали на собственныхъ лошадяхъ въ гимназію. Рѣзко отличались они отъ грубоватыхъ, въ поношенныхъ курткахъ, пансіонеровъ болѣе мягкими манерами, выхоленной внѣшностью, изящными, чистенькими и новыми мундирчиками. Пансіонеры относились къ нимъ нѣсколько свысока и покровительственно, такъ какъ они обыкновенно оказывались слабѣйшими въ школьныхъ дракахъ, не принимали участія въ шалостяхъ и продѣлкахъ противъ начальства, учителей и надзирателей, стояли въ сторонѣ отъ тѣсной товарищеской среды, созданной совмѣстной жизнію въ интернатѣ. Многіе товарищи по классу были съ ними на „вы", въ то время, какъ среди пансіонеровъ одного возраста нераздѣльно господствовало братское „ты". Впрочемъ, отношенія пансіонеровъ къ приходящимъ не чужды были нѣкоторой доли заискиванія: приходящіе привозили своимъ товарищамъ „сысники", т. е. съѣстное, часто „фундовали", т. е. покупали лакомства, брали ихъ къ себѣ въ отпускъ, водили на свой счетъ въ театръ, но главное—они исполняли въ городѣ разныя порученія пансіонеровъ, которыхъ въ будни не выпускали: сообщали роднымъ или знакомымъ извѣстія отъ пансіонеровъ и обратно, передавали письма, доставали книги для чтенія, дѣлали покупки. Послѣднее было особенно важно; пансіонеры лишь тайно могли хранить у себя свои деньги, поэтому и покупать безъ вѣдома начальства могли только тайно; къ тому же чаще всего самыя пріобрѣтаемыя вещи были запретныя: игральныя карты, табакъ, спиртные напитки. Все это выдѣляло приходящихъ: всякаго изъ нихъ знали всѣ пансіонеры, съ нимъ знакомились и вѣжливо раскланивались.

При такихъ условіяхъ въ число приходящихъ учениковъ, по примѣру своего старшаго брата, моего товарища по классу, поступилъ и А. С. Лашкевичъ. Съ тѣхъ поръ прошло около 45 лѣтъ, но я и теперь живо представляю его себѣ: это былъ худенькій, плохо развитый физически, слабенькій и изнѣженный мальчикъ; уже въ то время онъ былъ сильно близорукъ—отсюда

неувѣренность въ движеніяхъ и робость, замѣтная во внѣшнихъ манерахъ; онъ былъ очень застѣнчивъ, казался боязливымъ, хоть и не былъ таковымъ въ дѣйствительности.

Ежедневно вмѣстѣ со старшимъ братомъ, рослымъ и красивымъ юношей, пріѣзжалъ онъ въ гимназію на парѣ хорошихъ лошадей въ собственномъ некрытомъ экипажѣ, повидимому произведеніи сельскаго, вѣроятно крѣпостного, каретника; изрѣдка братья пріѣзжали въ большой коляскѣ, запряженной четверкой лошадей съ форейторомъ; эти же экипажи являлись къ концу уроковъ и увозили Лашкевичей домой; на козлахъ всегда возсѣдалъ лакей, снимавшій со своихъ панычей верхнюю одежду или же одѣвавшій ихъ. Въ одномъ классѣ съ Александромъ Степановичемъ учился мой младшій братъ—пансіонеръ. Это сблизило меня съ этимъ классомъ, и потому я помню нѣкоторыя черты, отличавшія Сашу. Онъ видимо желалъ сблизиться съ товарищами, и это ему удалось, несмотря на то, что онъ не участвовалъ въ физическихъ играхъ, никогда не вступалъ въ драку, не игралъ въ мячъ, въ городки, паланты, мету; за то онъ дѣятельно участвовалъ въ продѣлкахъ, гдѣ требовались остроуміе и рискъ; въ шалостяхъ, направленныхъ всего чаще противъ надзирателей и учителей-иностранцевъ, онъ не разъ попадался; противъ нашихъ учителей французскаго языка онъ не разъ выступалъ вмѣстѣ съ товарищами, сопровождая ихъ появленіе криками „Трубочистъ“ и „Чижикъ“, ихъ общеизвѣстною кличкою. Когда надо было, по мнѣнію класса, устроить этимъ учителямъ какую-нибудь каверзу, обмануть ихъ, пользуясь тѣмъ, что они по-русски читать не умѣли, или же въ полномъ составѣ класса объявить, что заданный урокъ не выученъ, Лашкевичъ никогда не отставалъ отъ товарищей. Тутъ онъ выказывалъ желаніе жить съ товарищами душа въ душу и поступалъ онъ такъ вовсе не вслѣдствіе лѣности или незнанія: онъ и въ дѣтствѣ, а потомъ и въ зрѣломъ возрастѣ отличался трудолюбіемъ, за всякое дѣло брался горячо и настойчиво, если оно было ему по душѣ. Добросовѣстно готовилъ онъ и уроки, не знаю, по привычкѣ-ли, или же ради полученія хорошихъ от-

мѣтокъ,—во всякомъ случаѣ любознательности тутъ слѣдуетъ отводить самое малое мѣсто: ни учебники, установленные программой, ни тогдашніе преподаватели не могли пробудить въ мальчикѣ этого стремленія,—удовлетворялось оно больше всего чтеніемъ. Лашкевичъ еще и въ то время очень любилъ читать книги, конечно, дѣтскія, уже и въ то время очень дорожилъ ими; можно было замѣтить у него уже и первые признаки позднѣе развившагося библіофильства.

Совсѣмъ иначе сталъ относиться къ своимъ занятіямъ Александръ Степановичъ съ переходомъ въ высшіе классы. Послѣ Крымской войны и въ нашей гимназіи повѣяло новымъ духомъ: многіе великовозрастные, окончательно залѣнившіеся и огрубѣвшіе ученики, остававшіеся въ классахъ по 4 года, иногда совсѣмъ прекратившіе всякія занятія, поступили юнкерами въ войска, отправлявшіяся въ Севастополь; составъ учащихся въ классахъ сталъ болѣе однороднымъ по возрасту; нѣкоторые ученики стали выдѣляться своей любознательностью, охотой къ чтенію; такіе юноши сближались между собой и привлекали къ занятіямъ и другихъ товарищей. Измѣнился и духъ преподавателей: и на нихъ слегка отражался подъёмъ духа, наплывъ новыхъ идей, такъ сильно охватившихъ русское общество послѣ перемѣны царствованія и заключенія Парижскаго мира. Нѣкоторые преподаватели замѣнили суровое, грубое, иногда даже жестокое обращеніе съ учащимися болѣе мягкимъ, гуманнымъ; учителя стали ближе къ ученикамъ, больше стали вникать въ ихъ интересы. Къ тому-же нѣкоторые старики, наиболѣе заплесневѣвшіе въ рутинѣ и злоупотребленіяхъ, удалились, явились новые учителя, молодые, энергичные, совсѣмъ иначе относившіеся къ своему служебному и гражданскому долгу. Среди нихъ былъ и незабвенный для всѣхъ тогдашнихъ учениковъ 1-й гимназіи П. Е. Рощинъ, преподаватель математики. Въ высшей степени просто и изящно излагалъ онъ свой предметъ. Онъ главнымъ образомъ старался на урокахъ вызывать самодѣятельность учениковъ: при помощи своего талантливаго учителя они легко рѣшали трудныя задачи, сами выводили послѣдующія те-

оремы или алгебраическія формулы изъ предъидущихъ. Отмѣтки отступили на задній планъ. Рощинъ неудовлетворительныхъ не ставилъ, но онъ до такой степени съумѣлъ сдѣлать свой предметъ интереснымъ для учащихся, что они горячо принялись за его изученіе, а нѣкоторые не ограничивались гимназическимъ курсомъ и стали изучать нѣкоторые отдѣлы высшей математики. Ученики добросовѣстно готовили уроки не ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, а потому, что совѣстно было огорчить любимаго преподавателя, да и товарищи часто плохой отвѣтъ объясняли тупостью отвѣчающаго. Къ своему предмету Р—нъ успѣлъ внушить такую любовь, что большинство оканчивающихъ курсъ въ гимназіи стали поступать на математическій факультетъ. Добросовѣстно и не ради отмѣтокъ готовясь по математикѣ, ученики понемногу начинали относиться такъ-же и къ другимъ предметамъ гимназическаго курса. Дѣятельность и вліяніе Рощина не ограничивались предѣлами класса: онъ нанималъ себѣ квартиру въ гимназическомъ дворѣ и здѣсь во всякую пору дня принималъ учениковъ просто и любезно, но безъ всякой слащавости; онъ откровенно указывалъ имъ ихъ недостатки и заблужденія и всегда охотно и терпѣливо объяснялъ встрѣтившіяся имъ трудности. Тутъ онъ выходилъ за предѣлы курса, указаннаго программой, задавалъ интересныя математическія задачи, знакомилъ съ вопросами физики, предмета въ то время совсѣмъ заброшеннаго въ нашей гимназіи, сообщалъ свѣдѣнія по математической географіи и астрономіи; въ ясные вечера, даже зимой, на гимнастическомъ дворѣ знакомилъ со звѣзднымъ небомъ, показывалъ свѣтила въ телескопъ. Но одними своими факультетскими предметами не ограничивался Р—нъ; не было вопроса, отъ посильнаго разъясненія котораго онъ бы уклонился. Снисходительный къ внѣшнимъ и мелкимъ проступкамъ, къ нарушеніямъ общепринятыхъ, но формальныхъ условностей, объясняя ихъ лишь относильное значеніе, Р—нъ всегда откровенно указывалъ ученикамъ ихъ нравственные недостатки. Сурово отрицая крѣпостное право и барскія привычки, прирожденныя привиллегіи и всяческія общественныя неправды, онъ всегда старался внушить

окружающимъ глубокое уваженіе и любовь къ наукѣ вообще, а не только къ математикѣ. Особенно охотно останавливался онъ на гражданскихъ обязанностяхъ своихъ юныхъ собесѣдниковъ, на необходимости правды, справедливости и стремленія къ лучшимъ общечеловѣческимъ идеаламъ. Если прибавить, что зоркій, наблюдательный глазъ учениковъ не могъ уловить ни малѣйшаго противорѣчія между словомъ и жизнію учителя, то легко представить силу его вліянія.

Сильное вліяніе оказалъ Р—нъ и на Александра Степановича, не смотря на то, что не болѣе 1 года, да и то въ 4-мъ классѣ, былъ его учителемъ. Р—нъ скоро принужденъ былъ оставить нашу гимназію, переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ сталъ выдающимся профессоромъ въ спеціальныхъ военныхъ академіяхъ. Но Лашкевичъ часто встрѣчался съ Р—мъ въ послѣдніе годы его здѣсь пребыванія, такъ какъ старшій его братъ часто бывалъ у любимаго учителя и познакомилъ съ нимъ ближе и Сашу. Послѣдній не любилъ математики; въ это время уже стало сказываться его влеченіе къ историческимъ и словеснымъ наукамъ; но знакомство съ Р—мъ ярко отразилось на общемъ развитіи юноши, на его общественныхъ идеалахъ и симпатіяхъ.

Переходъ Александра Степановича въ высшіе классы совпадалъ съ цвѣтущей эпохой въ жизни кіевскихъ учебныхъ заведеній, когда Попечителемъ учебнаго округа сталъ Н. И. Пироговъ. Вліяніе его особенно замѣтно отразилось на гимназіяхъ—въ нихъ повѣяло новымъ духомъ. Возвысилось значеніе преподавателей: они стали болѣе самостоятельными; усилилась дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ, къ которымъ теперь съ правомъ равнаго голоса привлечены были и „младшіе" учителя, между тѣмъ какъ раньше въ немъ участвовали полноправно, конечно очень относительно, одни лишь „старшіе" учителя; въ совѣтахъ то и дѣло разсматривались вопросы о лучшей организаціи школы, о болѣе правильныхъ отношеніяхъ къ ученикамъ, болѣе образовательномъ и нравственномъ воздѣйствіи на нихъ, о болѣе правильной постановкѣ курса и наиболѣе цѣле-

сообразныхъ методахъ преподаванія и воспитанія. Освѣжился педагогическій персоналъ, оживилось преподаваніе, отношеніе къ ученикамъ стало вѣжливымъ и гуманнымъ, а грубое обращеніе, произволъ и разнообразныя жестокія наказанія, продолжительныя заключенія въ карцерѣ, пресловутые субботники и вообще частыя тѣлесныя наказанія во время пребыванія Н. И. Пирогова попечителемъ почти исчезли. Въ высшей степени благотворно отразились всѣ эти реформы на настроеніи и поведеніи кіевскихъ гимназистовъ. Къ этому времени Кіевская 1-я гимназія помѣщалась уже въ своемъ нынѣшнемъ зданіи; оба пансіона были соединены въ одинъ, а пріемъ приходящихъ учениковъ очень усиленъ, такъ что учебное заведеніе перестало быть вполнѣ замкнутымъ и сословнымъ. Большее общеніе съ внѣшнимъ міромъ и реформы Пирогова усилили умственную дѣятельность учащихся, вызвали въ нихъ стремленіе къ знанію, къ развитію, и взамѣнъ прежней грубости, тайныхъ попоекъ, карточной игры и разврата теперь стало замѣтно стремленіе къ самообразованію посредствомъ сознательнаго усвоенія гимназическаго курса и внѣкласснаго ученія. Это умственное движеніе сильно отразилось и на Александрѣ Степановичѣ: онъ сталъ теперь замѣтно увлекаться филологическими науками, особенно предавался чтенію журналовъ, которые раньше вовсе не проникали въ нашу гимназію, такъ что, оканчивая курсъ, мы даже не знали о ихъ существованіи. Первое наше знакомство съ ними явилось благодаря покойнымъ профессорамъ университета Павлову и Бунге. Постоянно убѣждаясь въ плохой подготовкѣ поступающихъ въ университетъ молодыхъ людей, П. В. Павловъ сталъ самъ преподавать исторію въ 7-мъ классѣ нашей гимназіи, а Н. Х. Бунге черезъ нашего инспектора, своего школьнаго товарища, познакомившись съ нѣкоторыми изъ насъ, сталъ снабжать насъ книгами и журналами—Отечественными Записками, Современникомъ, Русскимъ Вѣстникомъ. Большое умственное возбужденіе Александра Степановича особенно сильно сказалось въ его отношеніи къ литературнымъ вечерамъ, устроеннымъ Н. И. Пироговымъ. Періодически въ залѣ одной изъ

двухъ гимназій Кіева собирались ученики двухъ высшихъ классовъ. Здѣсь въ присутствіи попечителя и всего педагогическаго персонала обѣихъ гимназій, одинъ изъ учениковъ читалъ рефератъ на тему, имъ выбранную; присутствующіе дѣлали свои замѣчанія и возраженія; въ заключеніе Н. И. Пироговъ дѣлалъ сводъ и оцѣнку всего прослушаннаго. Не смотря на отсутствіе какой-либо предварительной цензуры для темъ и рефератовъ, всѣ литературныя работы и пренія не выходили за предѣлы дозволеннаго; одинъ лишь разъ представленъ былъ рефератъ на тему „О запрещеніи куренія въ гимназіяхъ“, но и тутъ ученики оставались въ границахъ спокойнаго обсужденія и почтительныхъ возраженій старшимъ, а Пироговъ, воспользовавшись этимъ щекотливымъ случаемъ, высказалъ свое основанное на терпимости къ чужимъ, даже незрѣлымъ мыслямъ, мнѣніе. Вѣскія, вооруженныя глубокимъ знаніемъ, уваженіемъ и любовью къ подростающей молодежи, соображенія его о вредѣ куренія и необходимости ограниченій въ школѣ, произвели сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ учениковъ, глубоко запали въ ихъ сердца и понятія.

Лашкевичъ очень горячо относился къ этимъ вечерамъ; къ каждому изъ нихъ онъ готовился, тщательно знакомился съ вопросами, подлежавшими разсмотрѣнію въ ближайшій литературный вечеръ; самъ онъ дважды выступалъ въ качествѣ референта; не вспомню теперь, какія онъ выбралъ темы, но и теперь мнѣ живо рисуется, какъ горячо относился онъ къ этой работѣ, какъ тщательно собиралъ и изучалъ пособія и источники для ихъ разработки; доклады его прошли съ большимъ успѣхомъ и вызвали похвалу попечителя округа. Самъ я въ это время былъ уже студентомъ, поэтому мои свѣдѣнія о литературныхъ вечерахъ и ихъ вліяніи на гимназическую среду я получалъ только отъ младшихъ товарищей по гимназіи и между прочимъ отъ А. С. Лашкевича, съ которымъ постоянно встрѣчался въ послѣдніе годы его пребыванія въ гимназіи, такъ какъ я, познакомившись съ его отцомъ, сталъ часто бывать у него въ домѣ. Въ это время я сблизился съ Александромъ Степано-

вичемъ, узналъ домашнюю обстановку, среди которой онъ росъ и сложился,—къ ней я и перейду теперь.

Степанъ Ивановичъ Лашкевичъ, отецъ Александра, былъ богатый помѣщикъ Новозыбковскаго и Сосницкаго уѣздовъ Черниговской губерніи; ему принадлежало по тогдашнему обозначенію около 3000 „душъ“ въ трехъ имѣніяхъ. Онъ окончилъ со степенью кандидата филологическій факультетъ московскаго университета, былъ слушателемъ пр. Мерзлякова, память котораго глубоко чтилъ. На государственную службу Степанъ Ивановичъ, кажется, никогда не поступалъ, если не считать службой дѣятельность почетнаго попечителя Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Извѣстно, что должность эта вполнѣ оправдывала эпитетъ „почетный“. Выбранный на эту должность дворянствомъ обыкновенно никакой служебной дѣятельности не проявлялъ; обязанности его сводились къ ежегоднымъ пожертвованіямъ въ пользу учебно-образовательныхъ учрежденій гимназіи или на развлеченія учениковъ (на маёвки, угощенія, балы, спектакли), или же на помощь бѣднымъ учащимся; взамѣнъ получались чины и ордена.

Когда я впервые увидѣлъ Степана Ивановича, онъ по наружности былъ уже старикомъ. Высокаго роста, худощавый и стройный, съ красивымъ, очень блѣднымъ лицемъ, съ сѣдыми волосами и бакенбардами, всегда тщательно одѣтый, всегда спокойный, важный и медлительный въ движеніяхъ и рѣчи, онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго образованнаго „барина“. Держался онъ всегда прямо, но голова его почти всегда была опущена, выраженіе лица чаще грустное; смѣялся онъ рѣдко и мало, даже улыбался не часто и какъ-то грустно; казалось, что его неотступно гнететъ какая-то печальная дума: говорили, что онъ не можетъ утѣшиться послѣ смерти любимой жены. Жизнь его отличалась необыкновеннымъ однообразіемъ и правильностью. Большую часть года онъ проживалъ въ Кіевѣ, а на время лѣтнихъ каникулъ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ учились его сыновья, переѣзжалъ въ имѣніе.

Въ Кіевѣ Лашкевичи проживали въ собственномъ домѣ на Печерскѣ на Милліонной улицѣ. Старшіе сыновья жили въ отдѣльномъ флигелѣ во дворѣ, отецъ съ малолѣтней дочерью и сыномъ занимали большой одноэтажный деревянный домъ; тутъ же находился и крайне запущенный, заросшій садъ.

Ежедневно въ опредѣленный часъ къ семьѣ выходилъ изъ своей комнаты вполнѣ одѣтый отецъ; послѣ утренняго чая онъ садился на диванъ, всегда на одно и то же мѣсто, читалъ новые журналы или книги; крайне рѣдко, да и то лишь при отличной погодѣ, онъ выѣзжалъ на прогулку съ малыми дѣтьми и ихъ гувернанткой въ большомъ экипажѣ четверикомъ съ форейторомъ и лакеемъ. Къ обѣду собирались всѣ члены семьи, потомъ вечеромъ опять сходились для чая и ранняго ужина, послѣ котораго отецъ садился на всегдашнее свое мѣсто на диванѣ; часа черезъ два, послѣ довольно вялой бесѣды съ дѣтьми и гостями, въ разъ навсегда опредѣленный часъ старикъ молча вставалъ; всѣ присутствующіе также вставали, хозяинъ прощался съ гостями, благословлялъ дѣтей, цѣловался съ ними и удалялся въ свои апартаменты. По воскресеньямъ и праздникамъ Степанъ Ивановичъ ѣздилъ къ обѣднѣ всегда въ одну и ту же церковь Спаса на Берестовѣ, въ которой состоялъ старостой и о благоговѣніи которой очень заботился; въ ней его стараніями были возобновлены старинныя фрески.

Въ управленіе домомъ и многочисленной дворней, даже въ воспитаніе дѣтей Степанъ Ивановичъ повидимому почти не вмѣшивался. Эти заботы всецѣло лежали на проживавшемъ въ теченіе многихъ лѣтъ у него въ домѣ, у него же и умершемъ Николаѣ Егоровичѣ. Фамиліи его даже очень близкіе къ Лашкевичамъ люди не знали; всѣмъ извѣстно было, что онъ, уроженецъ одной изъ великорусскихъ губерній, былъ товарищемъ Степана Ивановича по Московскому университету, хотя съ виду казался гораздо старѣе его. На какихъ условіяхъ онъ проживалъ у Лашкевича, мы не знали, но видѣли, что на немъ лежали домашнее хозяйство и заботы о старшихъ сыновьяхъ, съ товарищами которыхъ онъ очень сближался. Молодежь очень лю-

била его за чрезвычайное добродушіе, веселый нравъ и невинныя шутки юношей. Будучи фактотумомъ въ домѣ—и управляющимъ, и экономомъ, и ключникомъ, и дядькой при дѣтяхъ, онъ до глубокой старости отличался большой живостью, интересовался литературой, любилъ толковать о ней съ молодежью, изрѣдка бесѣдовалъ о ней же и съ Степаномъ Ивановичемъ; послѣдняго онъ очень уважалъ, всегда свято исполнялъ, и старался предугадывать его волю и желанія, даже замѣтно побаивался его. Снисходительно относился Николай Егорычъ къ молодежи, къ ея не всегда достаточно почтительному подшучиванію. Молодыхъ Лашкевичей онъ очень баловалъ, старался исполнять всѣ ихъ желанія, даже капризы и прихоти, снабжалъ ихъ втихомолку деньгами, прикрывалъ ихъ проступки—въ этомъ отношеніи онъ шелъ даже наперекоръ желаніямъ своего патрона.

Жили въ семьѣ Лашкевича еще и приживалки, бѣдныя пожилыя дворянки, одна изъ нихъ съ дочерью-подросткомъ; онѣ жили въ отдѣльномъ помѣщеніи, никогда не показывались гостямъ, о существованіи ихъ посторонніе узнавали лишь отъ дѣтей или Николая Егорыча, очень ихъ не любившаго, или, наконецъ, по поводу какого-нибудь особеннаго происшествія съ ними. Дворня была чрезвычайно многочисленна: были тутъ поваръ и его помощники, много лакеевъ, нѣсколько кучеровъ, форейторовъ, судомойки, горничныя, прачки, дворники, портные, сапожники, швеи, обойщики, столяры и др. Меня, истиннаго горожанина изъ буржуазной семьи, очень поражала эта масса прислуги; особенно удивлялся я, когда впервые ночевалъ у Лашкевичей. У каждаго изъ сыновей былъ особый лакей, умывавшій и одѣвавшій панича, надѣвавшій носки, завязывавшій галстухъ; у каждаго гостя опять таки былъ свой спеціальный прислужникъ. Надо думать, что эта многочисленная прислуга мало работала: домъ, въ которомъ жили Лашкевичъ и его семья, былъ крайне запущенъ; побѣлка стѣнъ почти исчезла, штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, крыша протекала; внутри—стѣны, потолки и полы выказывали такіе же слѣды за-

пущенности, и это особенно бросалось въ глаза, такъ какъ тутъ же, въ обстановкѣ комнатъ, обращали на себя вниманіе многіе изящные и дорогіе предметы. Я долго думалъ, что за ветхостью—ремонтировать этотъ домъ уже невозможно, но когда онъ сдѣлался наконецъ совсѣмъ неудобнымъ для жизни, Степанъ Ивановичъ продалъ его; при новомъ владѣльцѣ оказалось, что домъ построенъ изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, которые отлично сохранились, а ветхость по внѣшнему виду явилась отъ отсутствія въ теченіе многихъ лѣтъ какого-либо ремонта. Теперь С. И. Лашкевичъ купилъ двухъэтажный домъ въ Липкахъ на Виноградной улицѣ; внутренняя обстановка сдѣлалась еще болѣе барскою, но и этотъ домъ никогда не ремонтировался.

По своему происхожденію, связямъ и богатству Лашкевичъ легко могъ бы примкнуть къ тогдашнему кіевскому бомонду, „Липкамъ", сдѣлаться замѣтнымъ его членомъ, но онъ сторонился отъ свѣтскаго общества, бывалъ лишь у немногихъ родственниковъ, только ихъ и товарищей своихъ сыновей и принималъ у себя. Къ этой молодежи онъ относился съ замѣчательнымъ дружелюбіемъ, терпимостью и гостепріимствомъ. Въ тихихъ и чинныхъ, прежде пустынныхъ барскихъ хоромахъ, со вступленіемъ въ университетъ сыновей, особенно Александра Степановича, теперь стали бывать молодые студенты, происходившіе изъ различныхъ слоевъ общества, въ своей дешевенькой, часто изрядно изношенной одеждѣ, нѣкоторые въ очень распространившихся въ то время украинскихъ національныхъ костюмахъ и вышитыхъ, не блестѣвшихъ особенной чистотой рубахахъ. Здѣсь юноши не чувствовали того стѣсненія, которое обычно испытывали, когда случалось побывать въ томъ или другомъ пышномъ салонѣ или даже въ болѣе скромныхъ буржуазныхъ гостинныхъ. Хозяинъ ко всѣмъ, безъ различія происхожденія, средствъ, костюма, относился равно спокойно, привѣтливо, но сдержанно и немногословно. Въ иные вечера здѣсь раздавались громкіе, оживленные споры по вопросамъ общественнымъ, научнымъ и литературнымъ. Хозяинъ со вниманіемъ и итересомъ слѣдилъ за этими спорами, изрѣдка тихо и спо-

койно выражалъ свое мнѣніе, съ полной терпимосью предоставляя всѣмъ высказаться. Онъ никогда не пользовался своею властью хозяина и старика, чтобы устранить то или другое рѣзкое или крайнее, не нравившееся ему мнѣніе. Слегка выражая сочувствіе свое къ освобожденію крестьянъ, онъ повидимому мало интересовался современностью; его гораздо больше занимали вопросы литературные и историческіе, особенно относившіеся къ родной Малороссіи; онъ очень гордился своимъ происхожденіемъ отъ Полуботка. Постоянно и много читалъ, выписывая журналы, пріобрѣтая новыя книги по исторіи и словесности, Лашкевичъ поражалъ насъ, молодыхъ птенцовъ, своими знаніями. Среди этой шумной, веселящейся молодежи, старикъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на диванѣ съ обычнымъ грустнымъ выраженіемъ лица, по временамъ слегка улыбаясь по поводу той или другой шутки, остроты или выходки; въ обычный часъ онъ вставаньемъ давалъ сигналъ къ прощанію; онъ удалялся въ свои комнаты, а молодежь переселялась къ Александру Степановичу и тутъ долго еще, до глубокой ночи или до разсвѣта, раздавалась оживленная бесѣда, продолжались споры, шумъ, веселіе. Въ позднѣйшее время изрѣдка бывали танцовальные вечера, которые продолжались до поздней ночи; хозяинъ и тутъ все время присутствовалъ на своемъ обычномъ мѣстѣ; оригинально было здѣсь сочетаніе родовитыхъ, чинныхъ и элегантныхъ родичей хозяина съ плохо одѣтыми (студенческая форма было уже отмѣнена), но умственно возбужденными, самоувѣренными и мало стѣсняющимися молодыми товарищами сына.

Къ началу каникулъ вся семья, на долгихъ, въ нѣсколькихъ экипажахъ съ приживалками и дворней переселялась въ главное имѣніе, с. Брахловъ, Новозыбковскаго уѣзда. Однажды я гостилъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Семья обитала въ роскошномъ и просторномъ домѣ; тутъ же большой цвѣтникъ, садъ, рѣка и деревня. Образъ жизни Степана Ивановича и тутъ оставался неизмѣнно такимъ же, какъ и въ городѣ: порядокъ дня, занятія, интересы были тѣ же, недоставало лишь мужской моло-

дежи. И здѣсь хозяинъ крайне рѣдко оставлялъ комнаты для посѣщенія сада или поѣздки въ экипажѣ, и здѣсь онъ не входилъ въ хозяйственныя дѣла, которыми всецѣло и безотчетно распоряжался наемный управляющій; дворня здѣсь была еще многочисленнѣе. Только съ немногими сосѣдями, частью родичами, поддерживалось знакомство. Проходили годы; все кругомъ измѣнялось; прежняя молодежь возмужала; сыновья выросли, стали самостоятельными; Александръ Степановичъ поступилъ на службу, самъ Степанъ Ивановичъ дряхлѣлъ, но домашній порядокъ не измѣнялся, не измѣнялись его привычки и образъ жизни. По прежнему дорожилъ онъ независимостью, сторонился отъ хозяйственныхъ заботъ и всякой дѣятельности, по прежнему много читалъ, продолжая относиться съ интересомъ къ вопросамъ литературы и исторіи, преимущественно мѣстной.

Я, можетъ быть, слишкомъ долго остановился на домашней обстановкѣ А. С. Лашкевича, но мнѣ думается, что личность его отца сама по себѣ представляетъ интересъ—это очень оригинальный представитель интеллигентнаго, но вполнѣ пассивнаго лѣвобережнаго малорусскаго панства въ эпоху освобожденія крестьянъ, того самаго панства, изъ среды котораго въ это самое время выдѣлялись столь же оригинальные и пассивные, но менѣе симпатичные „мочеморды“. Привлекательно было гостепріимство и любовное отношеніе этого *барина* къ университетской, и притомъ по преимуществу нуждающейся, иногда почти бездомной, демократически настроенной молодежи. И теперь, по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, эта успѣвшая уже сама состариться молодежь съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ объ этомъ гостепріимномъ домѣ и его привѣтливомъ хозяинѣ. Остановился я подробно на родной обстановкѣ Александра Степановича еще и потому, что она должна была сильно на немъ отразиться. Полная обезпеченность, даже болѣе того—богатство, родовитыя связи и та бездѣятельность и пассивность, которыя съ дѣтства окружали его, должны были, казалось, при поступленіи въ университетъ въ 1860-мъ году, направить молодого Лашкевича въ студенческіе кружки, предавав-

шіеся веселью и сладкому ничего-недѣланію, тѣмъ болѣе, что въ двухъ такихъ кружкахъ вращались близкіе ему люди. Таковъ былъ кружокъ родовитыхъ молодыхъ людей изъ кіевской чиновничьей знати и лѣвобережнаго панства, которые всецѣло отдавались свѣтской жизни съ ея щегольствомъ, ухаживаніями, развлеченіями, кутежами и отсутствіемъ какихъ либо серьезныхъ интересовъ. Таковъ былъ и другой кружокъ, такъ называемый Дерптскій, съ болѣе буржуазнымъ составомъ, группировавшійся вокругъ нѣсколькихъ студентовъ, перешедшихъ къ намъ изъ Дерптскаго университета; тутъ выпивка, особенно пива, возводилась въ какой-то культъ, причемъ широко практиковались и разные другіе виды кутежа; многіе юноши не устояли и погибли и нравственно, и физически подъ напоромъ растлѣвающаго безъидейнаго прожиганія жизни и пьянства. Къ университетскимъ занятіямъ и лекціямъ, къ идеямъ, которыя одушевляли молодежь того времени, дѣлили ее на кружки и партіи, призывали ее къ дѣятельности во имя убѣжденій и къ борьбѣ за нихъ, представители этихъ двухъ кружковъ относились безучастно: лишь изрѣдка появлялись они въ университетскихъ корридорахъ, и того рѣже посѣщали они лекціи, видимо не интересуясь ими и скучая на нихъ: одинъ изъ принадлежавшихъ къ 1-му упомянутому мною кружку забрелъ какъ то, быть можетъ послѣ бурно проведенной ночи, на лекцію по славяновѣдѣнію, заснулъ тутъ и громко захрапѣлъ; студенты тутъ же выгнали его изъ аудиторіи. Чаще всего однокурсники впервые встрѣчали нѣкоторыхъ изъ принадлежавшихъ къ этимъ кружкамъ студентовъ въ экзаменную пору: тутъ они знакомились съ товарищами ради полученія программъ, записокъ и другихъ пособій или указаній.

Отъ сближенія съ этими и другими подобными кружками Александра Степановича оградило умственное возбужденіе, вызванное вліяніемъ П. Е. Рощина и мѣрами Н. И. Пирогова въ средѣ учениковъ высшихъ классовъ Кіевской 1-й гимназіи. Съ другой стороны, благодаря живости и настойчивости, отличавшимъ Лашкевича, на немъ не сильно отразилась бездѣятельность въ до-

машней обстановкѣ. Онъ искалъ занятій, дѣла, а отъ отца могъ унаслѣдовать любознательность и интересъ къ литературѣ. И вотъ, поступивши на историко-филологическій факультетъ, онъ увлекся славяновѣдѣніемъ; онъ аккуратно посѣщалъ лекціи по этой отрасли знанія, не смотря на то, что онѣ отличались въ то время крайней вялостью и сухостью; посѣщалъ онъ постоянно также лекціи по Исторіи Русской Словесности, увлекался лекціями В. Я. Шульгина по новой исторіи и П. В. Павлова по русской исторіи, физіологіи общества и исторіи пластическихъ искусствъ. Занятія славяновѣдѣніемъ сблизили его съ кружкомъ студентовъ славянофиловъ. Въ этомъ кружкѣ особенно выдавались и пользовались большимъ вліяніемъ нѣкоторые студенты изъ духовнаго званія, большей частью великороссы, перешедшіе къ намъ изъ Кіевской духовной академіи, изъ которой ихъ исключили за нелады съ начальствомъ. Эти молодые люди отличались большей зрѣлостью, стремленіемъ къ знаніямъ, серьезностью занятій. Скоро кружокъ этотъ, при участіи Лашкевича, устроилъ *Печерскую* воскресную школу, которая отличалась отъ двухъ раньше открытыхъ студентами школъ, Подольской и Новостроенской, славянофильскимъ направленіемъ своихъ участниковъ; напротивъ того, въ Подольской, особенно же Новостроенской, преобладало направленіе мѣстное—украинское. Не долго оставался Лашкевичъ въ славянофильскомъ кружкѣ, хотя дружескія отношенія къ нѣкоторымъ изъ его членовъ сохранилъ навсегда. Теперь онъ возмужалъ, характеръ его сталъ складываться окончательно. Это былъ уже высокаго роста, красивый и вполнѣ здоровый юноша; отличаясь, какъ я уже замѣтилъ, живостью и настойчивостью, онъ былъ въ то же время добръ, всегда почти веселъ, остроуменъ и добродушно-насмѣшливъ. Дѣтская застѣнчивость исчезла и замѣнилась общительностью, и потому у него было множество знакомыхъ между студентами. Дѣятельность въ воскресной школѣ и общія собранія учителей всѣхъ такихъ школъ постоянно наталкивали мысли на вопросы о значеніи мѣстнаго языка, этнографіи и исторіи; еще болѣе возбуждались эти интересы начинавшейся въ то время въ стѣнахъ университета

борьбой между польской молодежью и мѣстною русскою по вопросу о томъ, какой національности должны принадлежать край и университетъ. Борьба велась съ большой страстностью, увлекала всѣхъ живыхъ людей, увлекла она и Александра Степановича. Онъ посѣщалъ всѣ сходки молодежи, принималъ горячее участіе въ страстныхъ спорахъ по поводу національныхъ и другихъ вопросовъ, дѣятельно участвовалъ въ кассѣ взаимопомощи и въ студенческой библіотекѣ съ лекторіей, устроенными студентами по почину попечителя учебнаго округа Н. И. Пирогова. Теперь Лашкевичъ всецѣло присоединился къ малорусскому или украинскому кружку, горячо отдался изученію Украины въ ея прошломъ и настоящемъ, сталъ преподавателемъ въ *Ежедневной* школѣ, для которой помѣщеніе отведено было въ самомъ зданіи университета и которую устроили учителя Новостроенской воскресной школы. Участвовалъ Лашкевичъ и въ другой школѣ, которую студенты украинцы устроили на свой счетъ въ частномъ домѣ: здѣсь на полное содержаніе принимались крестьянскіе мальчики, по большей части лакеи-козачки, сопровождавшіе въ Кіевъ своихъ паничей, студентовъ; въ школѣ ихъ готовили къ дѣятельности сельскихъ учителей. Въ этой школѣ воспитывались, между прочимъ, и два родныхъ племянника Т. Г. Шевченка. Въ это время возникли и упрочились дружескія отношенія А. С. Лашкевича со многими земляками студентами: ихъ сближала совмѣстная гуманитарная и національная дѣятельность и общность убѣжденій; связь создавалась крѣпкая: она пережила пребываніе въ университетѣ, держалась годами и потомъ еще разъ освѣжилась и окончательно упрочилась, когда Александръ Степановичъ сталъ издателемъ и редакторомъ „Кіевской Старины", гдѣ нѣкоторые изъ давнихъ университетскихъ друзей его были постоянными сотрудниками.

На 3-мъ курсѣ съ Александромъ Степановичемъ произошелъ случай, о которомъ онъ очень любилъ потомъ вспоминать, съ обычнымъ добродушіемъ остроумно относясь къ постигшей его непріятности. Проснувшись 23 апрѣля 1863 г., кіевляне узнали, что въ минувшую ночь изъ города скрылась вся поль-

ская университетская молодежь и нѣкоторые извѣстные польскіе дѣятели. Вскорѣ появились слухи о кровавой стычкѣ гдѣ то невдалекѣ отъ Кіева; привезли раненаго козака и привели подъ военнымъ конвоемъ много связанныхъ повстанцевъ. Подъ вліяніемъ весьма понятнаго любопытства, многіе кіевляне разныхъ возрастовъ и званій, въ числѣ ихъ и Александръ Степановичъ, устремились на Житомирское шоссе, откуда приводили плѣнныхъ, но тутъ, едва-лишь выходили они за тогдашнюю городскую черту у Тріумфальныхъ воротъ, ихъ ожидалъ совсѣмъ неожиданный сюрпризъ. На время польскаго возстанія изъ крестьянъ на всей территоріи Юго-Западнаго края организована была сельская стража: приказано было задерживать всѣхъ неизвѣстныхъ, безпаспортныхъ и подозрительныхъ людей и доставлять ихъ въ полицію. Среди крестьянъ распространился слухъ, что за каждаго задержаннаго *„шмургента“* они будутъ получать по 3 рубля, и вотъ подъ Кіевомъ сельская стража стала задерживать каждаго, выходившаго изъ города за Тріумфальныя ворота. Вартовники были безграмотны, провѣрять паспортовъ сами не могли, да у большинства случайно вышедшихъ и не было документа, удостовѣряющаго личность. Никакія объясненія не помогали—всѣхъ арестованныхъ уводили пѣшкомъ за нѣсколько верстъ, если не ошибаюсь, въ с. Вету, а отсюда въ Борщаговку. Тутъ всѣхъ задержанныхъ, а приводили ихъ въ теченіе всего дня, за неимѣніемъ другого помѣщенія, заключали въ какой то отвратительный хлѣвъ. Оказалась тутъ самая разнообразная компанія, исключительно русскихъ людей: были тутъ чиновники, студенты, ремесленники, былъ и кіевскій полицейскій городовой, случайно выглянувшій за Тріумфальныя ворота и тоже причисленный къ подозрительнымъ. Былъ тутъ и нашъ Александръ Степановичъ, тоже зашедшій за роковыя ворота. Прибывали все новые заключенные, помѣщеніе становилось невыносимо тѣснымъ, тѣмъ не менѣе задержанные едва допросились воды. Въ теченіе сутокъ они не получали никакой пищи, и крестьяне едва согласились за дорогую цѣну дать имъ ржанаго хлѣба, да и того мало—его не хватило на утоленіе голода. Про-

шла крайне мучительная ночь, и на утро вывели на улицу всѣхъ заключенныхъ, съ понятнымъ наслажденіемъ вздохнувшихъ свѣжимъ воздухомъ. Каждому изъ нихъ туго скручивали руки позади спины, а потомъ связывали ихъ по двое; тутъ сказалось игривое настроеніе крестьянъ: весьма маленькаго городового связали съ очень высокимъ студентомъ—первый до извѣстной степени повисъ—позиція крайне неудобная для обоихъ столь случайно, но тѣсно сплоченныхъ товарищей по невзгодѣ. Александра Степановича такъ крѣпко связали, что онъ все время не могъ рукой коснуться къ своему лицу, между тѣмъ очки его постоянно съѣзжали на носъ и онъ все время принужденъ былъ приставать къ своему случайному близнецу съ просьбой поправить ему очки, при чемъ не мало долженъ былъ изгибаться, чтобы достаточно приблизить свое лице къ услужливой рукѣ товарища. „Шмургентовъ“ поставили въ двѣ шеренги и повели въ городъ; кругомъ, въ качествѣ ближайшаго конвоя, выступали крестьянки, вооруженныя копьями; въ качествѣ надежнаго резерва, въ сторонѣ съ такимъ же оружіемъ шла толпа крестьянъ, все время глумясь подъ своими плѣнными, ругая ихъ. Особенно, по словамъ Александра Степановича, отличался очень высокаго роста, видный и красивый крестьянинъ. „А що, панове? чы добре вамъ? Чы будете ще бунтовать“? обращался онъ къ связаннымъ; „годи вже! не будете вже гербаты зе мличкомъ пыты, будете радисеньки и житній хлибъ зъ водой йисты! Годи вже вамъ панувать—теперъ все буде наше“! воскликнулъ онъ, указывая величественнымъ жестомъ руки во всѣ стороны: „и тутъ, и тутъ буде наше! Скризь буде наше!“

Съ прибытіемъ въ Кіевъ бѣднымъ плѣннымъ пришлось пережить тяжелыя минуты: городская чернь, принимая ихъ за поляковъ, толпилась вокругъ нихъ; раздавались ругательства, въ нихъ бросали комками грязи. Привели ихъ къ Старокіевской части (теперь *участокъ*); здѣсь связанныхъ ввели во внутреннее помѣщеніе, а крестьянъ оставили на улицѣ; послали нарочного къ губернатору, немедленно развязали плѣннаго городового, поставили его сторожить входныя съ улицы двери. Долго пришлось

ждать прибытія губернатора: администрація и полиція въ этотъ день совсѣмъ сбились съ ногъ отъ множества неожиданныхъ дѣлъ. Скучно было крестьянамъ ждать росписокъ въ принятіи плѣнныхъ и желанной трехъ-рублевой награды, и вотъ то одинъ изъ нихъ, то другой направлялся къ завѣтнымъ дверямъ части, стараясь проникнуть во внутреннія помѣщенія. Но тутъ у входныхъ дверей освобожденный городовой мстилъ имъ за перенесенное заключеніе и обиды: крѣпкими словами и ударами въ шею и другія части тѣла онъ прогонялъ ихъ. Прошло уже болѣе сутокъ послѣ задержанія большинства, когда пріѣхавшій губернаторъ, просмотрѣвъ списокъ приведенныхъ, замѣтилъ имъ, что теперь военное время, что всякому слѣдуетъ быть крайне осмотрительнымъ, что они своей неосторожностью сами навлекли на себя пережитыя непріятности. Послѣ этого всѣмъ задержаннымъ разрѣшено было разойтись.

Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ этого эпизода, А. С. Лашкевичъ окончилъ курсъ университета. Онъ поступилъ на службу въ кіевское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, вскорѣ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Безакомъ мировымъ посредникомъ и потомъ предсѣдателемъ повѣрочнаго отдѣленія мирового съѣзда въ Гайсинскій уѣздъ Подольской губ. Здѣсь онъ горячо отдался исполненію служебныхъ обязанностей: онѣ вполнѣ соотвѣтствовали направленію и убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ университета. Съ большимъ одушевленіемъ, радостно разсказывалъ онъ университетскимъ друзьямъ о тѣхъ случаяхъ, когда ему удавалась отстоять тотъ или иной интересъ крестьянъ. Вскорѣ умеръ генералъ-губернаторъ А. П. Безакъ; измѣнилось направленіе политики въ крестьянскомъ вопросѣ въ Юго-Западномъ краѣ; Лашкевичъ оставилъ службу и поселился въ родномъ Новозыбковскомъ уѣздѣ. Здѣсь началась его земская и судебно-мировая дѣятельность, но относится она, какъ и дѣятельность его по крестьянскимъ учрежденіямъ въ Юго-Западномъ краѣ, уже не къ школьнымъ годамъ А. С. Лашкевича, закончившимся въ 1864-мъ году. Школьные годы и молодость не прошли для него даромъ: онъ вышелъ изъ нихъ снабженный

знаніями, духовнымъ развитіемъ, стремленіемъ къ умственному труду; они дали ему то общественно-національное и демократическое направленіе, которое было руководящимъ началомъ во всей его послѣдующей дѣятельности; они же создали ему дружескія связи съ нѣкоторыми университетскими сверстниками—украинцами, связи, сохранившія свою силу до самой смерти его. Лашкевичъ имѣлъ право съ удовольствіемъ вспоминать о золотыхъ годахъ своей молодости—многимъ завѣтамъ ея онъ былъ вѣренъ до конца жизни.

В. Беренштамъ.

Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

(Продолженіе [1]*).*

Рефераты, доложенные съѣзду, распредѣлялись по нѣсколькимъ секціямъ, хотя строгой классификаціи придерживаться было довольно трудно, какъ вслѣдствіе того, что отдѣлы, на которые распадался съѣздъ, были не вполнѣ достаточны и носили довольно общія названія, такъ и благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ, какъ напр., изобиліе рефератовъ въ одномъ отдѣлѣ и отсутствіе ихъ въ другомъ, недостатокъ времени и т. п. Для археологическихъ, или правильнѣе, историческихъ съѣздовъ еще пока не настало то время, когда ихъ можно было-бы раздѣлить на секціи, придерживаясь точной регламентаціи, какая, напр., практикуется на съѣздахъ естествоиспытателей—многія вспомогательныя исторіи науки еще настолько слабо у насъ разработаны, что назначеніе для нихъ спеціальныхъ секцій не имѣло-бы практическаго смысла. Однако, введеніе въ программу съѣзда болѣе спеціальныхъ группъ имѣло-бы то значеніе, что могло бы побудить къ работѣ тѣхъ или другихъ спеціалистовъ; такъ напр., мы думаемъ, что пора бы ввести въ программу отдѣлъ *антропологическій*, имѣющій такое близкое и существенное отношеніе къ археологіи и исторіи вообще. Но это дѣло будущаго, а пока обратимся къ настоящему съѣзду. Въ дальнѣй-

[1]) См. Кіев. Стар. 1899 г., № 10.

шемъ, не придерживаясь строго дѣленія съѣзда на секціи, мы будемъ касаться, и то лишь за недостаткомъ мѣста, только въ общихъ чертахъ рефератовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ прошлому Южной Россіи, прибавляя къ этому тѣ немногочисленныя сообщенія болѣе или менѣе общаго характера, которыя имѣли мѣсто на спеціальныхъ секціяхъ.

Начнемъ съ *первобытныхъ древностей.* Секція эта отличалась сравнительнымъ изобиліемъ докладовъ, но среди нихъ мы можемъ указать лишь одинъ, именно докладъ *В. А. Городцова*—*„Необходимость выработки номенклатуры и системы описанія доисторической керамики“*, гдѣ былъ поднятъ одинъ изъ вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе. Указавъ на важность изученія керамики для доисторической археологіи и на давно ощущаемую потребность въ опредѣленной номенклатурѣ и системѣ описанія матеріала, способа приготовленія, формъ и орнаментаціи керамическихъ издѣлій, референтъ, въ примѣненіи къ орнаменту, предложилъ выработанный имъ образецъ табличной классификаціи. Здѣсь различные виды орнамента подведены подъ извѣстную систему, несомнѣнно могущую облегчить и отчасти упорядочить описательную часть работъ, касающихся первобытной керамики.

На выставкѣ въ новомъ зданіи музея была демонстрирована коллекція предметовъ изъ палеолитической стоянки на Кирилловской улицѣ, обслѣдованной В. В. Хвойко, особенно пополнившаяся, благодаря находкамъ настоящаго года; въ засѣданіи, происходившемъ въ зданіи музея, проф. *П. Я. Армашевскій* сдѣлалъ сообщеніе объ этой стоянкѣ, гдѣ коснулся какъ обстоятельствъ находки, такъ и геологическаго и археологическаго ея значенія. Въ виду того, что о стоянкѣ на Кирилловской у. помѣщены въ различныхъ изданіяхъ довольно полныя свѣдѣнія, [1]) мы не будемъ

[1]) Этой находки коснулся и проф. Антоновичъ въ рефератѣ, прочитанномъ на Рижскомъ съѣздѣ—«Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ». См. также публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя проф. П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ въ «Истор. Общ. Нестора Лѣтописца въ мартѣ 1896 года“. К. 1897 г. и „Археологич. Лѣтопись“ наст. года—январь, май, іюль. Наиболѣе обстоятельный обзоръ этой находки, составленный Хв. Вовкомъ, помѣщенъ въ «Материялах до украіньско-руськоі етнольогіі», т. I, Львовъ, 1899 г.

здѣсь распространяться о ней, упомянемъ лишь, что на этомъ же засѣданіи *проф. Д. П. Анучинъ* высказался въ томъ смыслѣ, что по поводу этихъ находокъ возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, напр., представляется загадочнымъ тотъ фактъ, что на мѣстѣ стоянки не найдено орудій, которыми человѣкъ могъ бы убивать мамонтовъ, такъ что является предположеніе—не вымеръ-ли мамонтъ въ данной мѣстности еще до появленія здѣсь человѣка и что послѣдній воспользовался его костями лишь какъ матеріаломъ? Намъ кажется, что геологическое положеніе находки и нѣкоторыя другія обстоятельства исключаютъ всякія сомнѣнія.

Неолитической эпохѣ каменнаго вѣка было посвящено нѣсколько рефератовъ. Изъ нихъ обобщающій характеръ носилъ рефератъ *проф. Антоновича—„О каменномъ вѣкѣ въ Волынской губерніи"*. Референтъ подводитъ итоги находкамъ отдѣльныхъ предметовъ, стоянкамъ и погребеніямъ, затрогивая попутно и вопросъ о городищахъ каменнаго вѣка, вопросъ, требующій еще болѣе точнаго обслѣдованія. Городища эти круглой и овальной формы, на нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены стоянки каменнаго вѣка, что и дало поводъ референту высказать предположеніе о принадлежности городищъ этому періоду, хотя могло быть и такъ, что подъ городища, сооруженныя въ болѣе позднее время были заняты мѣста, на которыхъ раньше находились поселенія каменнаго вѣка. Стоянокъ и мастерскихъ въ Волынской губ. открыто до 40, обнаружены онѣ главнымъ образомъ въ Дубенскомъ, Кременецкомъ и Острожскомъ у., спорадическія-же орудія встрѣчаются по рр. Ушѣ, Жеревѣ иНоринѣ; въ послѣднемъ случаѣ, по нашему мнѣнію, также еще рано дѣлать выводы—болѣе тщательныя изслѣдованія на мѣстѣ могутъ обнаружить и здѣсь стоянки и мастерскія, какъ это было, напр., въ Ровенскомъ у., гдѣ только лишь въ послѣднее время открыты богатыя мастерскія, до этого-же были извѣстны лишь спорадическія находки. Что до погребальныхъ обрядовъ, то ихъ встрѣчено два типа: въ ямахъ, обложенныхъ плитами съ сосудами, въ которыхъ помѣщались пережженныя кости и орудія—по мнѣнію референта, болѣе поздній типъ, и погребенія въ курганахъ (зарегистриро-

вано ихъ немногимъ болѣе 30-ти), причемъ скелеты лежатъ по большей части на боку, въ скорченномъ положеніи. Докладъ проф. Антоновича съ очевидностью показалъ, что Волынь очень богата каменнымъ вѣкомъ, но, съ другой стороны, для болѣе твердыхъ выводовъ потребуется еще много и много систематической работы.

Неолитическаго періода на Волыни касался затѣмъ небольшой рефератъ *г. Житынскаго,* о которомъ мы уже упоминали выше. Явился онъ результатомъ личныхъ наблюденій и поисковъ въ бассейнѣ р. Стыря; авторомъ отмѣчено нѣсколько новыхъ мѣстъ находки каменныхъ орудій; въ концѣ реферата было обращено вниманіе на новый типъ орудій—грубой отдѣлки топоры съ сверлинами изъ сравнительно мягкаго камня, найденные въ разныхъ мѣстахъ по теченію Зап. Буга и Стыря; имъ посвящена спеціальная работа польскаго археолога Эразма Маевскаго, на которую и ссылался референтъ. Результатомъ нашей экскурсіи на р. Западный Бугъ было открытіе болѣе 30-ти стоянокъ неолитической эпохи, расположенныхъ на песчаныхъ береговыхъ розсыпяхъ. Преобладающими орудіями являются отбивные—ножи, скребки, острія, стрѣлы,—все по большей части небольшихъ размѣровъ; на нѣкоторыхъ изъ стоянокъ однако найдены и куски шлифованныхъ орудій; тутъ-же собрана и керамическая коллекція. На археологич. выставкѣ въ университетѣ находилось довольно большое собраніе древностей изъ Подольской губ. *г. Пуласкаго.* Какъ-бы объясненіемъ этой коллекціи служилъ доложенный владѣльцемъ рефератъ — „*Археологическія находки въ Подольской губ*“. Коллекція составлена главнымъ образомъ благодаря личнымъ раскопкамъ г. Пуласкаго въ мѣстности, ограниченной съ одной стороны р. Смотрычемъ, съ другой—р. Жванчикомъ, съ третьей—т. н. Трояновымъ Валомъ. Встрѣченныя здѣсь культуры относятся къ разнымъ періодамъ: мы тутъ имѣемъ стоянки неолитическаго періода, погребальныя кисты изъ каменныхъ плитъ съ костяками въ скорченномъ положеніи и съ каменными орудіями при нихъ, а также и могилы съ насыпью того-же каменнаго періода, поселенія переходной эпохи къ ме-

таллическому вѣку, сходныя съ галицкими и нашими трипольскими могилы съ каменною насыпью съ инвентаремъ т. н. скиѳскаго типа и, наконецъ, славянскія городища.

Очень интересный вопросъ былъ поднятъ *Н. Е. Бранденбургомъ* въ рефератѣ *„Аборигены Кіевскаго края"*. Матеріаломъ для реферата послужили раскопки кургановъ, произведенныя въ разное время референтомъ въ Кіевской губ. Изъ нихъ онъ выдѣлилъ въ особую группу тѣ курганы, гдѣ были обнаружены скелеты въ скорченномъ положеніи. Населеніе, оставившее эти погребенія, референтъ и считаетъ первоначальнымъ населеніемъ края и пріурочиваетъ имъ названіе Киммерійцевъ, упоминаемое Геродотомъ, Страбономъ и другими древними писателями. По поводу хронологическихъ указаній референтъ не придаетъ этому погребальному типу очень глубокой древности, какая обыкновенно приписывалась ему и, основываясь на находкахъ въ могилахъ нѣкоторыхъ металлическихъ предметовъ, въ томъ числѣ и желѣзныхъ (послѣдніе только въ одномъ случаѣ), въ конечномъ выводѣ относитъ его къ началу христіанской эры. Возражая референту, проф. Антоновичъ сообщилъ, что въ извѣстныхъ ему могилахъ со скорченными костяками никакихъ металлическихъ предметовъ найдено не было и, слѣдовательно, трудно ихъ датировать началомъ христіанской эры. Дѣйствительно, нахожденіе въ одномъ случаѣ желѣза еще ничего не доказываетъ; очень возможно, что данная могила и относится къ болѣе позднему времени; вѣдь встрѣчаются иногда скелеты въ скорченномъ положеніи и въ славянскихъ курганахъ, обычныя же находки предметовъ въ т. н. курганахъ со скорченными же костяками,—каменныя и отчасти мѣдныя и бронзовыя орудія, такъ что ихъ можно отнесть къ переходу отъ камня къ металлу, а потому и по времени они должны быть гораздо древнѣе, чѣмъ начало христіанской эры. Могилъ подобнаго рода вскрыто на югѣ очень много, не всегда однако изслѣдованіе ихъ велось съ необходимой въ данномъ случаѣ тщательностью; по внѣшнему виду такого рода могилы почти не отличаются отъ расположенныхъ по сосѣдству скиѳскихъ, и зачастую раскопка ихъ оставляетъ лишь

однѣ разочарованія искателямъ греко-скиѳской богатой культуры, въ результатѣ поверхностное обслѣдованіе. Между тѣмъ, въ виду открытій въ послѣднее время поселеній съ переходной культурой, очень важно было-бы какъ болѣе добросовѣстное отношеніе къ этого рода памятникамъ, такъ и обработка уже извѣстнаго матеріала; вотъ почему можно привѣтствовать починъ въ этомъ направленіи, сдѣланный Н. Е. Бранденбургомъ.

Очень часто въ могилахъ вышеупомянутаго типа встрѣчаются окрашенные скелеты; на съѣздахъ уже нѣсколько разъ дебатировался вопросъ о способѣ, или правильнѣе, о времени этого окрашиванія: окрашивался ли трупъ, или кости послѣ уничтоженія мягкихъ частей? Вопросъ былъ рѣшенъ въ первомъ смыслѣ, но и на этомъ съѣздѣ *проф. Кулаковскій* въ докладѣ *„Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ“* счелъ умѣстнымъ снова затронуть его, имѣя въ виду мнѣніе чешскаго ученаго Нидерле, склоняющагося въ своемъ сочиненіи „Человѣчество въ доисторическую эпоху“ къ противному объясненію окрашиванія. Другимъ поводомъ къ реферату послужило отнесеніе однимъ ученымъ археологомъ погребенія съ окрашенными костяками, датируемыми обыкновенно переходной эпохой къ металлическому вѣку, къ болѣе позднему времени, съ чѣмъ также не соглашался референтъ. Крашенные скелеты фигурировали еще въ одномъ рефератѣ—*проф. Лилеева*—*„Раскопки кургановъ близъ Нѣжина“*; раскопано здѣсь 16 кургановъ и въ нихъ скелеты и части досокъ гробовъ оказались окрашенными красной краской—фактъ, впервые встрѣченный въ Черниговской губерніи.

Благодаря выставкѣ, устроенной въ музеѣ, на съѣздѣ можно было видѣть въ полномъ составѣ громадную коллекцію предметовъ изъ раскопокъ В. В. Хвойко въ окрестностяхъ м. Триполья, Кіевск. г., площадокъ съ остатками оригинальной керамики и нѣкоторыми другими предметами, какъ каменными, такъ и костяными и мѣдными. *А. М. Покровскимъ и В. В. Хвойко* было сдѣлано сообщеніе объ этихъ раскопкахъ, о результатахъ которыхъ мы уже сообщали раньше [1]). Сообщеніе это было до-

---

[1]) См. Археологич. лѣтопись, январь.

полнено *проф. Милюковымъ*, указавшимъ на то, что данная культура давно уже извѣстна на западѣ и новинкой является только для Поднѣпровья.

Скиѳскимъ древностямъ былъ посвященъ всего лишь одинъ рефератъ—*Д. И. Эварницкаго*—„*Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ*". Въ виду того, что раскопокъ скиѳскихъ кургановъ мы имѣемъ уже достаточно, докладъ съѣзду дневниковъ раскопокъ еще 3-хъ изъ нихъ не представляетъ большого интереса.

Слѣдуя далѣе хронологіи памятниковъ древности нашего юга, упомянемъ о рефератѣ *В. Г. Ляскоронскаго*—„*Находки римскихъ монетъ въ бассейнѣ средняго Приднѣпровья*", въ которомъ референтъ склоняется къ тому мнѣнію (не новому въ нашей исторической литературѣ), что клады римскихъ монетъ могутъ служить доказательствомъ заселенія края въ извѣстную эпоху, а потому и древность многихъ поселеній края, не говоря уже о Кіевѣ, простирается до 2000 лѣтъ. Распредѣляются находки римскихъ монетъ преимущественно по теченію болѣе значительныхъ рѣкъ. На правомъ берегу Днѣпра онѣ встрѣчаются въ бассейнѣ р. Роси и область эта является какъ-бы связывающимъ звеномъ между Днѣпровскимъ и Бужскимъ бассейнами. Въ большомъ количествѣ римскія монеты найдены далѣе на сѣверѣ, по направленію къ Кіеву, какъ по главной магистрали—р. Днѣпру, такъ и по его притокамъ—рр. Красной, Стучнѣ, Бобрику. Въ мѣстности, прилегающей къ Кіеву съ сѣвера и запада, попадаются отдѣльныя находки монетъ по рр. Здвижу, Ирпеню, Гнилопяту и въ устьѣ Припети. Ниже устья Роси онѣ встрѣчаются довольно часто по р. Тясмину и переходятъ затѣмъ въ бассейнъ р. Буга. На лѣвой сторонѣ Днѣпра находки также слѣдуютъ теченію крупныхъ рѣкъ; кромѣ лѣваго берега Днѣпра сюда относятся теченія рр. Десны, Сулы, Слѣпорода, Псла, Ворсклы, Орели и др.; при посредствѣ послѣднихъ находки соединяются съ таковыми-же бассейна р. Дона.

Каждый годъ приноситъ съ собой новыя находки и потому обзоры ихъ, дѣлаемые время отъ времени, имѣютъ серіозное зна-

ченіе. Въ виду того, что мы имѣемъ уже очень значительное число находокъ *кладовъ* римскихъ монетъ, намъ кажется, слѣдовало-бы уже исключить изъ такихъ обзоровъ находки *единичныхъ монетъ*, которыя, какъ случайныя, не могутъ служить надежными фактами для научныхъ выводовъ, хотя и увеличиваютъ число ихъ. Не можемъ не пожелать попутно, чтобы въ изслѣдованіяхъ о римскихъ кладахъ и вообще при регистраціи этихъ кладовъ, было обращено болѣе серьезное вниманіе на обстоятельства ноходокъ, и главнымъ образомъ на посуду, въ какой иногда попадаются клады,—это очень важно въ виду начинающаго обрисоваться у насъ на югѣ особаго погребальнаго типа, относящагося повидимому къ той же эпохѣ, что и большинство римскихъ кладовъ, т. е. къ II—III вв. по Р. X.

Проф. Н. И. Веселовскій въ рефератѣ „*Каменныя орудія при вещахъ римской эпохи*“ сообщилъ о двухъ случаяхъ находокъ каменныхъ топоровъ въ курганахъ Кубанской области, въ которыхъ остальные предметы могутъ быть отнесены къ римской эпохѣ. Въ дополненіе къ этому предсѣдатель Имп. Археологич. комиссіи гр. А. А. Бобринскій привелъ случай нахожденія бронзовыхъ топоровъ въ скиѳскихъ курганахъ средняго Приднѣпровья въ погребеніяхъ, относимыхъ къ позднѣйшей эпохѣ. Эти факты пережитковъ въ древнее время, причемъ предметы болѣе глубокой старины пользуются особымъ значеніемъ, сравнительно очень рѣдки, а потому и заслуживаютъ быть отмѣченными.

Обычной обстоятельностью и научностью отличался рефератъ *проф. Э. Р. фонъ-Штерна*—„*Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи черноморской колонизаціи*“. Наряду съ историческими данными, не всегда ясными, а также надписями и монетами, не маловажную роль для выясненія вопроса колонизаціи черноморскаго побережья занимаютъ предметы керамики. Иллюстрируя это положеніе, референтъ указалъ на послѣдовательный рядъ вліяній, какія можно было установить, основываясь на керамическихъ издѣліяхъ. Самое древнее—милетское, съ V вѣка—аѳинское, имѣвшее небольшой перерывъ и затѣмъ снова возобновившееся, съ паденіемъ Аѳинъ прекра-

щается и это вліяніе; въ III в. въ могилахъ греческихъ колоній встрѣчается „каленская“ и „мегарская“ посуда; со II в. можно замѣтить сношенія съ Италіей и Римомъ, продолжавшіяся до конца римскаго государства; есть указанія и на сношенія съ Александріей. Керамика классическаго міра разработана уже съ достаточной полнотой, но не въ такомъ положеніи находится дѣло съ византійской, арабской и итальянской керамикой, остатки которой также были находимы на югѣ—тутъ еще предстоитъ много трудной, но и важной по результатамъ работы. Добавимъ отъ себя, что даже вопросъ о русской средневѣковой керамикѣ въ нашей археологической литературѣ представляетъ непочатый уголъ—давно-бы пора приняться за него.

Переходимъ теперь къ небольшой группѣ рефератовъ, посвященныхъ доисторическому прошлому *славянъ*.

Проф. чешскаго университета *Л. Нидерле* затронулъ вопросъ, уже раньше трактованный имъ, *„о времени переселенія славянъ съ сѣвера Карпатскихъ горъ въ Венгрію“*. По теоріи референта, подкрѣпленной рядомъ антропологическо-археологическихъ данныхъ (что̀ и представляетъ новизну въ разработкѣ этого стараго вопроса), славяне изъ своей сѣверной родины въ области р. Вислы распространились на западъ и на югъ за Карпаты и заняли область нынѣшней сѣверной Венгріи.

Въ трехъ обстоятельныхъ рефератахъ, именно проф. Антоновича, Е. Н. Мельникъ и С. С. Гамченко, была дана детальная характеристика курганнаго погребальнаго ритуала на Волыни.

Проф. В. Б. Антоновичъ производилъ раскопки въ Кременецкомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уу. и въ рефератѣ *„О раскопкахъ кургановъ въ западной Волыни“* сообщилъ о результатахъ раскопокъ. Всего раскопано 43 кургана; могильники преобладаютъ въ Луцкомъ и Дубенскомъ уу., въ Кременецкомъ-же ихъ меньше; болѣе значительные по числу кургановъ встрѣчены здѣсь у сс. Суража и Брыкова и часть ихъ раскопана; въ Луцкомъ у. раскопки произведены у с. Рыкани, въ Дубенскомъ-же у с. Красно. Форма кургановъ куполообразная, въ большинствѣ слу-

чаевъ они не высоки—до 2-хъ метровъ, иногда окружены канавками, насыпаны изъ окружающей почвы—чернозема или суглинка. Въ насыпи, на разныхъ уровняхъ, встрѣчаются прислойки, иногда по нѣсколько, состоящія изъ черепковъ, углей, костей животныхъ; по мнѣнію референта это остатки тризны, послѣ ко- корой курганъ подсыпался. Попадались въ насыпяхъ кургановъ и кремни со слѣдами обдѣлки—фактъ этотъ можно объяснить тѣмъ, что мѣстомъ подъ некрополь случайно была выбрана бывшая стоянка каменнаго вѣка. Могильныя ямы расположены ниже горизонта: на 47 могилъ 12 было устроено въ почвѣ, 35 на подпочвѣ; средняя глубина могилъ—$73^1/_2$ стм. ниже горизонта. Въ могильныхъ ямахъ, въ 18 случаяхъ, встрѣчено погребеніе безъ признаковъ дерева, въ остальныхъ—найдены остатки бревенъ и досокъ; кромѣ дерева иногда были подстилки подъ скелетомъ изъ золы и угля, такіе-же слои золы и угля встрѣчены и подъ скелетами; въ двухъ случаяхъ подъ могильной ямой открыты слѣды навѣса въ 2 ската изъ 4-хъ досокъ или бревенъ. Обычное явленіе—въ могилѣ хоронился одинъ покойникъ: на 43 кургана встрѣчено всего 6 коллективныхъ могилъ, изъ которыхъ въ пяти случаяхъ при взросломъ находились скелеты дѣтей, а въ одномъ—3 дѣтскихъ скелета. Положеніе скелета—головой на западъ, съ уклоненіями къ сѣверу или югу, смотря по времени года; скелеты лежатъ на спинѣ, ноги вытянуты, руки-же найдены въ разныхъ положеніяхъ: вытянутыми вдоль тѣла, на тазовыхъ костяхъ, на поясныхъ позвонкахъ и т. п. Въ изслѣдованныхъ могилахъ, при костякахъ, встрѣченъ довольно бѣдный инвентарь предметовъ домашняго обихода и украшеній. Характерное обстоятельство—отсутствіе оружія; найдено оно всего лишь въ двухъ курганахъ (у с. Рыкани): въ первомъ, при костякѣ, лежащемъ на боку со скрещенными ногами, находилась костяная орнаментированная пластинка отъ лука, 3 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, 2 стремени и костяная обложка ручки или ноженъ; во 2-мъ—желѣзный наконечникъ дротика. Очень немногочисленны и находки сосудовъ: въ 2-хъ случаяхъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ головы скелета найдены глиняные

горшки, въ одномъ—дужка и обручъ отъ ведра; обычная принадлежность покойника въ большинствѣ славянскихъ могильниковъ—желѣзные ножики—здѣсь встрѣчены всего лишь въ одномъ курганѣ. Лучше обстоитъ дѣло съ украшеніями; онѣ преобладаютъ въ могилахъ съ женскимъ погребеніемъ; простѣйшія изъ нихъ—проволочныя мѣдныя или серебряныя кости, свернутыя въ полтора оборота; ими украшались косы, продѣвавшіяся въ ряды такихъ колецъ, онѣ-же служили запонами къ вороту, серьгами, надѣвались на пальцы; кромѣ спиральныхъ колецъ найдены также перстни изъ плетеной проволоки, стеклянныя и металлическія буссы, мѣдныя пуговки и пара большихъ серебряныхъ серегъ, состоящихъ изъ кольца съ надѣтыми на него двумя полыми конусами, сложенными основаніями. Любопытны остатки одежды: въ одномъ случаѣ у шеи найденъ кусочекъ кожи, покрытый разложившимся глинистымъ бисеромъ, въ другомъ—остатки пояса, затканнаго золотыми нитками. Референтомъ приведены и нѣкоторыя антропологическія данныя для населенія, оставившаго могильники: средній ростъ мужскихъ скелетовъ—1,71 метр., слѣдовательно—высокій, женскихъ—1,55 м.—выше средняго; черепа, въ среднемъ, субдолихацефалы, съ колебаніями въ одну и другую стороны.

Рефератъ *Е. Н. Мельникъ—„Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уу. Волыск. губ.“* отличался такой-же обстоятельностью и строго-фактической основой въ выводахъ какъ и предыдущій. О раскопкахъ Е. Н. Мельникъ мы уже сообщали въ свое время, [1]) теперь скажемъ о содержаніи его лишь въ общихъ чертахъ. Изслѣдованію подверглись 22 могильника, въ которыхъ раскопано 260 кургановъ. Мѣстность избрана такимъ образомъ, чтобы можно было прослѣдить похоронный типъ отъ границъ древлянской земли, по теченію Случи, до области занятой лѣтописными лучанами; раскопки и были главн. обр. сосредоточены въ окрестностяхъ Луцка и Пересопницы. Въ могилахъ обнаружены какъ погребенія, такъ и сожженія, причемъ послѣднія можно скорѣе назвать полусожженіями—кости

[1]) См. „Археологич. лѣтопись,“ февраль.

только обуглены и порядокъ скелета не былъ нарушенъ. И здѣсь оружіе также почти совершенно отсутствуетъ: въ инвентарѣ громаднаго количества раскопанныхъ кургановъ встрѣтились всего 4 желѣзныя стрѣлы, наконечникъ дротика и два желѣзныхъ топорика; не очень часто попадались и деревянныя ведра, окованныя желѣзными обручами; найденныя при скелетахъ украшенія тѣхъ-же типовъ, что и въ другихъ волынскихъ курганахъ. При подсчетѣ найденныхъ предметовъ оказывается, что на 379 металлическихъ предметовъ желѣзныхъ было около 20 проц., 62 проц. низкопробнаго серебра и около 18 проц. бронзы; золото найдено всего въ одномъ случаѣ. Въ заключеніе упомянемъ о въ высшей степени интересной находкѣ въ одномъ изъ кургановъ: здѣсь, при покойникѣ, находился деревянный сундучекъ, отъ котораго сохранились лишь однѣ оковки, и въ немъ желѣзные и бронзовые вѣсы съ цѣлымъ подборомъ болѣе крупныхъ—желѣзныхъ и мелкихъ—бронзовыхъ разновѣсокъ; это наиболѣе древніе памятники подобнаго рода, найденные до сихъ поръ въ Россіи, имѣющіе большое значеніе для древне-русской метрологіи.

За отсутствіемъ *С. С. Гамченко*, которому Волынь обязана уже цѣлымъ рядомъ раскопокъ, произведенныхъ съ образцовой тщательностью, рефератъ его—*„Раскопки кургановъ у м. Мирополя въ бассейнѣ р. Случи“* былъ доложенъ проф. Антоновичемъ. Предприняты были раскопки въ данной мѣстности съ цѣлью опредѣлить западныя границы распространенія древлянскаго погребальнаго типа. Раскопка 32 кургановъ изъ имѣющихся здѣсь 464 убѣдила изслѣдователя, что древлянскій типъ господствуетъ и здѣсь. Курганы дали какъ сожженіе, такъ и погребеніе. При сожженіи кости и вещи клались въ урну, помѣщаемую или на площадкѣ въ насыпи кургана, или на горизонтѣ безъ урны. Погребеніе происходило или въ выжженныхъ колодахъ, или въ гробахъ, сколоченныхъ изъ досокъ. Отдѣльно стоитъ нахожденіе въ могильной ямѣ кисты изъ сіенитовыхъ плитъ, въ которой и былъ схороненъ покойникъ. И миропольская группа кургановъ оказалась бѣдной предметами: это обычные

желѣзные ножики, пряслицы, украшенія въ видѣ колецъ, буссъ, перстней и сосуды. Эти послѣдніе раздѣляются на погребальныя урны (обыкновенно съ покрышкой) и горшки и миски, помѣщавшіеся или у ногъ скелета, или надъ гробомъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ они обсыпались углемъ. Цѣлыхъ сосудовъ найдено въ общемъ немного, чаще встрѣчались черепки, которыми какъ-бы посыпали покойниковъ. Всѣ сосуды изготовлены безъ гончарнаго круга, стѣнки ихъ носятъ слѣды выглаживанія, на днищахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены клейма, въ видѣ напр. круга съ крестомъ посрединѣ. Къ числу очень рѣдкихъ находокъ нужно отнесть разбитую глиняную человѣческую фигурку. С. С. Гамченко раздѣляетъ найденные предметы на приготовленные на мѣстѣ—глиняныя и желѣзныя издѣлія, и на привозные, къ какимъ относитъ серебро, желѣзную руду и кремень, иногда попадавшійся въ могилахъ. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые другіе выводы и предположенія С. С. Гамченко, касающіеся быта, а также и религіозныхъ воззрѣній древнихъ обитателей бассейна Случи, упомянемъ объ одномъ наблюденіи, имѣющемъ большую долю вѣроятности. Означенный могильникъ распадается на 24 группы, расположенныя по урочищамъ; въ центральной части могильника имѣется древнее городище; такое расположеніе кургановъ г. Гамченко считаетъ не случайнымъ, а перенесеннымъ и на покойниковъ остаткомъ семейно-родового быта.

Близко примыкаетъ къ вышеприведеннымъ сообщеніямъ рефератъ *А. М. Покровскаго*—„*Археологическія данныя о типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ*“. Господствующій типъ череповъ—длинноголовые, сравнительно небольшой высоты, съ узкимъ лбомъ; лицо довольно короткое съ сравнительно широкими скуловыми дугами; мужскіе черепа очень сходны съ женскими. Референтъ для своихъ наблюденій пользовался 59 черепами изъ раскопокъ Е. Н. Мельникъ; измѣренія, произведенныя при раскопкахъ, показали, что средній ростъ мужскихъ костяковъ равенъ 168,95 стм., женскихъ—158,45 стм., причемъ больше 50 процентовъ были высокаго роста. А. М. Покровскимъ былъ доложенъ еще другой рефератъ—„*О черепахъ кочевниковъ*“; мате-

ріалъ, надъ которымъ пришлось работать, былъ очень незначителенъ—всего 4 черепа изъ кургановъ, приписываемыхъ кочевникамъ и характеризующихся находками лошади, сбруи, кривой сабли. Черепа оказались короткоголовыми, небольшой высоты, съ короткимъ лицомъ и сильно выраженными скуловыми костями и широкими скуловыми дугами.

Здѣсь мы покидаемъ область доисторической старины и переходимъ къ болѣе близкимъ намъ временамъ.

Кіевскій съѣздъ былъ довольно обиленъ рефератами по исторической топографіи, преимущественно княжескаго періода. Мы уже упоминали объ исторической картѣ Черниговской губ.; нѣсколько рефератовъ было посвящено выясненію отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ. Проф. Антоновичъ въ рефератѣ: *„О мѣстоположеніи лѣтописныхъ Шумска и Пересопницы“* опредѣлилъ мѣстоположеніе ихъ въ древности, указалъ на фактъ передвиженія населенныхъ пунктовъ съ теченіемъ времени на извѣстное разстояніе отъ первоначальнаго мѣста. Съ частью реферата, касающейся г. Шумска, мы уже имѣли возможность познакомить читателей [1]), что-же касается мѣста древней Пересопницы (теперь небольшое село), то референтъ считаетъ имъ городище типа великокняжеской эпохи, ноходящееся въ верстѣ отъ села. *А. И. Бунинъ*, ставя вопросъ: *„Гдѣ находились города Липецкъ и Варголъ, а также и другія мѣста, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1283—84 г.?“* опровергаетъ раньше высказанныя по этому поводу мнѣнія ученыхъ и останавливается на городищѣ въ 20-ти в. къ югу отъ Сумъ, какъ на мѣстѣ древняго Липецка, а для Варгола даетъ указаніе на существованіе городища въ 2-хъ верстахъ отъ теперешняго г. Варгола, Глуховскаго у. Черниговск. губ. Въ другомъ рефератѣ *А. И. Бунина*—*„Гдѣ находились ворота, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1268 г.*, основываясь на текстѣ лѣтописи и топографическихъ данныхъ, опредѣляетъ мѣстоположеніе этихъ „воротъ“ у с. Тарнавы на р. Порѣ, въ Красноставскомъ уѣздѣ Люблинской губ. *П. И. Троицкій* въ рефератѣ *„Древній городъ Лопосня, его мѣстонахожденіе и па-*

---

[1]) См. „Археолог. Лѣтопись“, май.

мятники" приводитъ данныя археологическаго характера, подтверждающія мнѣніе Погодина, что городъ Лопосня, принадлежавшій черниговскимъ князьямъ, находился на берегу р. Оки, при устьѣ рѣчки Лопосни; здѣсь и донынѣ существуетъ городище съ расположеннымъ на немъ погостомъ, называемое „Четыре церкви".

Частнаго вопроса по исторіи нашего княжескаго періода коснулся проф. *Ю. А. Кулаковскій* въ докладѣ „*Къ исторіи Боспора* (*Керчи*) *въ XI—XII вѣкахъ*",—именно вопроса—входилъ-ли этотъ городъ въ предѣлы Тмутараканскаго княжества, явившагося однимъ изъ удѣловъ по смерти Владиміра Святого? Хотя лѣтопись и не упоминаетъ этого города въ числѣ владѣній Тмутаракани, но референтъ цѣлымъ рядомъ наведеній склоняется къ рѣшенію вопроса въ утвердительномъ смыслѣ.

А. М. Черепнинъ въ сообщеніи „*О Кіевскихъ денежныхъ гривнахъ*" приходитъ къ тому заключенію, что кіевскія гривны въ видѣ шестиугольныхъ слитковъ были основною единицей древне-русской, или вѣрнѣе, кіевской денежной системы. Вѣсъ ихъ не былъ постояненъ и измѣнялся благодаря внѣшнимъ торговымъ сношеніямъ; древнѣйшія гривны вѣсятъ отъ 31 до 34 зол., вѣсящія-же отъ 35 до 39 золот. можно считать болѣе поздними.

Въ отдѣлѣ искусствъ и художествъ южные памятники княжескаго періода послужили матеріаломъ всего-лишь для двухъ докладовъ. *Проф. Лашкаревъ* далъ *объясненіе церковныхъ древностей г. Чернигова* по выставленнымъ имъ фотографіямъ, планамъ и разрѣзамъ [1]), а *В. Н. Николаевъ* въ рефератѣ „*Стѣны внутри Великой церкви Кіево-Печерской лавры по снятіи съ нихъ штукатурки*" далъ полную картину состоянія храма въ послѣднее время, съ указаніемъ, какія части храма оказались древними. Тщательнымъ осмотромъ церкви было установлено также, что внутри ея не сохранилось никакихъ древнихъ украшеній: ни мозаики, ни фресокъ, ни мраморовъ, и что даже самая штука-

---

[1]) «Археологич. Лѣтопись», мартъ.

турка была вся замѣнена при возобновленіяхъ храма и покрыта живописью въ періодъ съ 1730 по 1777 г.; кромѣ того, выяснилась крайняя необходимость капитальнаго исправленія и укрѣпленія стѣнъ, сводовъ и арокъ.

Интересными по темамъ, но не вполнѣ удовлетворительными по выполненію, были два реферата *М. П. Истомина*, касающіеся уже болѣе поздней исторіи южно-русской церковной живописи. Въ первомъ рефератѣ—„*Фрески XVII—XVIII в. въ храмахъ и костелахъ юго-зап. Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ*“, референтъ приходитъ къ общему заключенію, что фрески этого періода не представляютъ произведеній, проникнутыхъ народнымъ міровоззрѣніемъ, а являются продуктомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ художественнаго развитія высшихъ слоевъ общества; въ частности, на стѣнописи отражается весьма сильное вліяніе западной гравюры, хотя есть и болѣе оригинальныя композиціи, какъ напр. такія, гдѣ можно видѣть отголоски протестантскихъ вѣроученій, затѣмъ иллюстраціи мѣстно-чтимыхъ иконъ и святынь. Фрески православныхъ храмовъ, несмотря на западное вліяніе, сохранили еще византійскій отпечатокъ болѣе поздняго пошиба. Во второмъ рефератѣ, вызвавшемъ довольно вѣскія возраженія,—„*Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII вѣка*“, референтъ старался установить въ иконописи волынскихъ храмовъ какъ сохранившіеся еще отголоски византійскихъ традицій, такъ и слѣды вліянія западнаго искусства.

Къ вышеприведеннымъ рефератамъ примыкаетъ еще нѣсколько, имѣющихъ предметомъ также церковныя древности. *Свящ. Е. Сѣцинскій* далъ *очеркъ древнѣйшихъ церквей Подоліи*, начиная съ пещерныхъ въ с. Лядавѣ, Могилевск. у. и въ с. Бакотѣ Ушицкаго у.; *проф. свящ. Ѳ. Титовъ* затронулъ вопросъ *о заграничныхъ монастыряхъ кіевской митрополіи*; таковыми были, съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи, монастыри, находившіеся въ польско-литовскомъ государствѣ, такъ напр. монастыри бѣлорусскіе, виленскіе и слуцкіе; *Проф. А. П. Голубцовъ* сообщилъ *о Братской иконѣ Богоматери, Богоявленской церкви и старомъ*

корпусъ кіевской академіи, и, наконецъ, *свящ. Титовъ*, на основаніи документальныхъ данныхъ, установилъ, что на мѣстѣ нынѣшней *Андреевской церкви* и раньше была самостоятельная церковь въ честь того же апостола.

Намъ остается еще дать отчетъ о рефератахъ, касающихся языка и письма, археографіи и исторіи и быта старой Малороссіи, что мы и отлагаемъ до слѣдующаго раза.

Н. Бѣляшевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. Курская губернія, какъ извѣстно, лежитъ въ центральномъ пространствѣ Россіи, населеніе ея искони православное, такъ что представляется страннымъ тотъ фактъ, что въ Курскѣ существовалъ уніатскій мужской монастырь. А между тѣмъ дѣло такъ и было: монастырь, для духовныхъ лицъ изъ уніатовъ, былъ устроенъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1839 году и просуществовалъ въ Курскѣ почти четыре года.—Въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ мы изложимъ, на основаніи неизданныхъ архивныхъ актовъ, нѣсколько свѣдѣній, касающихся Курскаго монастыря для уніатовъ, высланныхъ въ Курскъ изъ Западнаго края.

Въ январѣ 1839 года курскій архіепископъ Иліодоръ получилъ отъ тогдашняго оберъ-прокурора св. Синода графа Протасова увѣдомленіе о томъ, что священники—полоцкаго уѣзда Игнатовичъ и дисненскаго Тимковичъ, не оказавшіе должнаго повиновенія начальству, по повелѣнію Государя Николая Павловича высланы въ курскіе монастыри: первый въ Знаменскій, находящійся въ Курскѣ, и второй—въ Коренской (въ 25 верстахъ отъ Курска), подъ надзоръ настоятелей. Въ письмѣ своемъ Протасовъ сообщилъ архіепископу Иліодору о томъ, что оба священника, принадлежавшіе къ образованному уніатскому духовенству, не проявляли ничего предосудительнаго, но пребываніе ихъ въ Бѣлорусской епархіи оказалось вреднымъ, по нерасположенію ихъ къ православію. Въ слѣдующемъ письмѣ своемъ, полученномъ въ Курскѣ въ февралѣ 1839 года, когда Игнатовичъ и Тимковичъ находились уже въ Курскихъ монастыряхъ,

графъ Протасовъ просилъ преосв. Иліодора отобрать отъ высланныхъ подробное показаніе о томъ, кто именно составлялъ всеподданнѣйшее прошеніе, подписанное ими, и довѣренность на подачу этого прошенія отъ 111 священниковъ—уніатовъ. Игнатовичъ и Тимковичъ сознались въ томъ, что они сочинили прошеніе и довѣренность и объяснили, что никто изъ помѣщиковъ не былъ соучастникомъ въ составленіи прошенія Государю.

Впослѣдствіи (въ 1839 году) продолжалась высылка въ курскіе монастыри упорствовавшихъ въ уніи священниковъ западнаго края. Начальникамъ монастырей было велѣно внушать высланнымъ, чтобы они оказали послушаніе православной церкви. Такъ и дѣлалось. Архіепископъ Иліодоръ самъ объѣздилъ тѣ монастыри, въ которыхъ содержались уніаты, и увѣщевалъ ихъ оставить свое упорство. Мало-по-малу уніатскіе священники стали присылать преосв. Иліодору просьбы о присоединеніи ихъ къ православію. Онъ увѣдомлялъ объ этомъ графа Протасова, и тотъ выражалъ удовольствіе по случаю уменьшенія числа уніатскихъ священниковъ въ Курской губерніи, такъ какъ присоединившихся къ православію немедленно возвращали на родину.

Находившійся въ Обоянскомъ монастырѣ бывшій уніатскій благочинный *Пій Перебилло*, въ числѣ другихъ, получалъ духовные журналы и книги для чтенія отъ архіепископа Иліодора, и это чтеніе повліяло на него въ томъ отношеніи, что онъ подалъ обширное прошеніе о желаніи оставить уніатство. «Находясь, писалъ Перебилло, немалое время въ тихомъ пристанищѣ, свободный отъ заботъ суетнаго міра, не столько огорчаюсь я моремъ скорбей, въ коемъ нынѣ нахожусь, сколь сдѣланной мною погрѣшностью въ ослушаніи своего начальства. Нынѣ же, что жъ начну, унылый? къ кому трепещущее мое сердце обратить, какъ не къ Источнику всѣхъ благъ и съ душевнымъ умиленіемъ вопіять: Отче! согрѣшихъ предъ Тобою, прости мя и пріими мя, яко единаго отъ наемникъ Твоихъ. Сокрытая тайна въ *Христіанскомъ Чтеніи*, мая мѣсяца, въ главѣ XII Св. Іоанна Златоуста изъ Бесѣды 89-й на Евангеліе отъ Матѳея: *Іисусъ срѣте я, глаголя, радуйтеся! Онѣ же, приступльше, яшася за ногъ Его*—хотя довольно вразумлена мною, но не могу знать, ко мнѣ ли въ особенности сіи слова относятся? Если ко мнѣ—то съ полнымъ удовольствіемъ и усердіемъ принимаю и, безпредѣльно сію благость цѣня и вполнѣ будучи увѣренъ въ сущности истины, желаю возвратиться въ прародительское вѣроисповѣданіе Греко-россійской Восточной Церкви».

Въ началѣ 1840 года Ній Перебилло исповѣдался, причастился Св. Таинъ и былъ отпущенъ въ Полоцкъ. Архіепископъ Иліодоръ получилъ отъ оберъ-прокурора Св. Синода письмо, въ которомъ было сказано: «Принося вашему Преосвященству искреннѣйшую благодарность за ваши совѣты и убѣжденія, имѣвшія столь благія послѣдствія, я надѣюсь, что вы не оставите продлить ихъ и въ другихъ случаяхъ, подобныхъ сему». Дѣйствительно, время отъ времени арх. Иліодоръ извѣщалъ графа Протасова о желаніи того или другого уніатскаго священника принять православіе. Долго, около двухъ лѣтъ, оставался непреклоннымъ Игнатовичъ, повидимому, имѣвшій большое вліяніе на другихъ въ мѣстѣ первоначальнаго своего служенія. Свящ. Игнатовичъ былъ порученъ вниманію ректора Курской семинаріи, архимандрита (впослѣдствіи архіепископа) Варлаама. До ноября 1840 года арх. Варлаамъ въ своихъ рапортахъ сообщалъ, что Игнатовичъ, находясь въ монастырѣ, велъ себя хорошо, но образъ мыслей его оставался прежнимъ. Въ рапортѣ же своемъ 13 ноября ректоръ писалъ, что Игнатовичъ «касательно образа своихъ мыслей въ религіи, послѣ данныхъ ему отъ меня въ истекшіе мѣсяцы всевозможныхъ средствъ къ убѣжденію въ истинѣ, какъ кажется, перемѣняется и будетъ просить высшее начальство о принятіи его въ число всѣхъ православныхъ христіанъ».

27-го ноября Игнатовичъ подалъ прошеніе синодальному оберъ-прокурору о желаніи присоединиться къ православной Церкви, по точной силѣ 1-го пункта «формальнаго акта», совершеннаго въ 12-й день февраля 1839 года.

Въ отвѣтъ на это графъ Протасовъ писалъ: „долгомъ считаю увѣдомить васъ, милостивый государь и архипастырь, что мнѣ особенно пріятно было получить извѣщеніе ваше о томъ, что свящ. Іоаннъ Игнатовичъ обращается къ истинѣ. Не оставьте объявить арх. Варлааму о вниманіи къ нему начальства вслѣдствіе успѣха въ обращеніи Игнатовича». Послѣ своего обращенія Игнатовичъ уѣхалъ въ Минскую губернію.

Мы видѣли, что присылаемые въ Курскую епархію уніатскіе священники, обыкновенно, помѣщались въ монастырѣ, гдѣ и были располагаемы къ отрѣшенію отъ уніатства. Но наравнѣ съ этимъ, въ 1839 году въ Курскѣ была учреждена *уніатская обитель*, находившаяся до 1841 года въ завѣдываніи архіепископа Литовскаго Іосифа Сѣмашко, а потомъ преосвященнаго Иліодора. Когда рѣшено

было устроить въ Курской губерніи монастырь для уніатовъ, то графъ Протасовъ писалъ курскому губернатору М. Н. Муравьеву: «Нельзя ли въ одномъ изъ городовъ Курской губерніи найти домъ съ садомъ и другими удобствами, для приличнаго помѣщенія года на 2 или на 3, примѣрно, до 20-ти человѣкъ, съ устроеніемъ въ ономъ домашней церкви для нѣкоторыхъ уніатскихъ духовныхъ, въ меньшей степени фанатиковъ, но которые, по образу мыслей своихъ и религіознымъ убѣжденіямъ, не могутъ оставаться среди благонадежнаго духовенства, съ тѣмъ, чтобы они, будучи подвержены надлежащему надзору, пользовались нѣкоторыми удобствами, безъ значительныхъ изъ казны издержекъ». М. Н. Муравьевъ, по соглашенію съ преосв. Иліодоромъ, призналъ всего удобнѣе устроить уніатскую обитель въ Курскѣ. Для этой цѣли былъ нанятъ на Дворянской улицѣ домъ наслѣдниковъ купца Шматова за 550 руб. въ годъ. Въ домѣ была устроена, на казенный счетъ, церковь. Въ келіяхъ при церкви жили присланные изъ Западнаго края іеромонахи и священники въ числѣ отъ 20-ти до 30-ти человѣкъ. Настоятелемъ обители архіепископъ Іосифъ назначилъ архимандрита *Венедикта Ленартовича*, ранѣе жившаго въ Виленскомъ Базиліанскомъ монастырѣ. Архимандритъ долженъ былъ тщательно соблюдать правила, предписанныя для общежительныхъ монастырей. Духовникъ, казначей и уставщикъ были присланы изъ *Бытенскаго* монастыря. Вообще для Курской уніатской обители были установлены слѣдующія правила:

1) По примѣру другихъ монастырей, въ одной комнатѣ могутъ помѣщаться по 2 или даже по 3 духовныхъ лицъ.

2) Не дозволяется никому, безъ дозволенія начальства, имѣть внѣшнихъ сношеній, а въ особенности съ мѣстами ихъ прежняго жительства; каждое, отправляемое изъ обители, письмо должно быть подвергнуто осмотру, равно и присланное въ обитель не прежде отдаваемо, какъ по предварительномъ прочтеніи.

3) Викарный обители можетъ отлучаться за покупкою съѣстныхъ припасовъ, съ приличнымъ однакоже наблюденіемъ.

4) Архимандритъ и іеромонахи на столъ каждодневно получаютъ по 50 к., а каждый дьячекъ по 30 к.

5) На прочее содержаніе для 3-хъ чиновныхъ іеромонаховъ—викарнаго, духовника и казначея—назначается по 12 руб., остальныхъ іеромонаховъ—по 9 и дьячковъ—по 6 руб. сер. въ годъ. Архимандритъ

остальное содержаніе долженъ имѣть отъ доходовъ своей Трокской архимандріи.

Въ 1841 году св. Синодъ, принявъ во вниманіе, что Литовскому архіепископу «управлять обителью, находящеюся въ Курскѣ, по отдаленности, весьма затруднительно какъ въ отношеніи благочинія, такъ и отчетности въ суммахъ, отпускаемыхъ на содержаніе обители посредствомъ мѣстнаго начальника губерніи», перечислилъ уніатскую обитель въ вѣдѣніе курскаго архіерея. На основаніи синодскаго указа преосв. Иліодоръ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: 1) объявить отъ имени св. Синода настоятелю обители съ братіею, чтобы они оказали курскому епархіальному архіерею надлежащее повиновеніе а въ случаѣ какихъ-либо недоумѣній испрашивали у него разрѣшенія; 2) наблюденіе за благочиніемъ въ обители поручить каѳедральному протоіерею Моисееву, а за хозяйственною отчетностью—эконому архіерейскаго дома.

Получивъ увѣдомленіе о перечисленіи уніатской обители въ вѣдомство Курской епархіи, настоятель ея, Трокскій архимандритъ Венедиктъ Ленартовичъ, представилъ въ курскую духовную консисторію протестъ, изложенный имъ въ формѣ «репорта». Въ началѣ репорта онъ высказалъ, что вмѣстѣ съ братіею монастыря будетъ подчиняться арх. Иліодору, но только въ томъ, «въ чемъ совѣсть наша, безъ нарушенія догматовъ вѣры, исповѣдуемыхъ нами, дозволитъ». Затѣмъ Ленартовичъ выразилъ несогласіе на то, чтобы обитель получила названіе: «временной обители для возсоединенныхъ духовныхъ лицъ, бывшихъ уніатовъ». Онъ писалъ: «ежели бы возсоединеніе было нами учинено, на это имѣло бы начальство наши подписки, и тогда не послѣдовало бы Высочайшаго соизволенія на учрежденіе въ Курскѣ обители. Я и монашествующіе въ ней не были бы отрѣшены и вывезены, равно какъ и духовныя лица не были бы разлучены съ женами, дѣтьми и родными, оставшимися теперь, безъ пропитанія, призрѣнія и пріюта. При семъ я и отъ имени всей братіи имѣю честь изъяснить, что какъ мы были въ исповѣданіи догматовъ вѣры нашей съ Римско-Западною церковью, въ семъ же и по гробъ пребудемъ». Подъ этимъ „репортомъ“ Ленартовичъ подписался: „настоятель обители, докторъ философіи и богословія“.

Въ 1841 году въ Курской уніатской обители состояло 20 человѣкъ: 1 архимандритъ, 11 іеромонаховъ, 2 священника, 4 низведенныхъ въ причетники священника и 2 состоявшихъ въ запрещеніи

іеромонаха. Іеромонахи и священники совершали ежедневно вечерню, утреню, часы и обѣдницу, а въ дни высокоторжественные—установленные молебны. Однако, всѣ бывшіе уніаты оставались непреклонными и не выразили желанія принять возсоединеніе. Не смотря на запрещеніе, Ленартовичъ во всѣхъ своихъ бумагахъ называлъ курскую обитель уніатскою, такъ что архіепископъ Иліодоръ собственноручно вычеркивалъ это названіе. Въ 1842 году онъ обратился къ оберъ-прокурору св. Синода съ такимъ письмомъ:

„Настоятель Венедиктъ Ленартовичъ не перестаетъ именовать курскую обитель *уніатскою*, не смотря на общее возсоединеніе всей греко-уніатской, бывшей въ Россіи, церкви съ Восточною. Цѣль сего упорства, повидимому, не иная, что нѣкоторыя духовныя лица бывшаго греко-уніатскаго обряда, связанныя однимъ духомъ противленія, твердо положили держать и удержать за собою, будто уніатское исповѣданіе сохраняется подъ кровомъ временной обители, какъ малый остатокъ вѣрныхъ Римской каѳедрѣ уніатовъ, почему и при молитвословіяхъ возносится имя Римскаго папы, яко владыки вселенскаго, и при богослуженіи удерживается прежній порядокъ. Единенію сихъ лицъ въ мысляхъ, чувствованіяхъ, равно и въ жизни благопріятствуетъ, вѣроятно и впредь будетъ благопріятствовать, самое ихъ общежитіе, обезпеченное отъ казны содержаніемъ".

Архіепископъ Иліодоръ находилъ самымъ удобнымъ упразднить временный монастырь для упорствующихъ уніатовъ и размѣстить находившихся тамъ по одному или по два въ православные монастыри, въ виду того, что бывшіе уніатскіе священники, высланные въ эти монастыри, возсоединились съ православіемъ, а изъ братіи уніатской обители никто не выразилъ желанія оставить уніатство.

Мнѣніе арх. Иліодора имѣло успѣхъ. Въ концѣ 1842 года курская временная обитель бывшихъ уніатовъ была закрыта. Находившіяся въ ней духовныя лица были высланы въ разные монастыри не только курской, но и другихъ губерній. Въ письмѣ своемъ 15 ноября 1842 года, тогдашнему архіепископу Харьковскому, Иннокентію преосв. Иліодоръ такъ упомянулъ о закрытіи уіатской обители: „Временная обитель курская закрыта. Жившіе въ ней карбонаріи разосланы по разнымъ епархіямъ. Благодаренъ я крайне за облегченіе"...

А. Танковъ.

Письма Ѳеофана Прокоповича къ Кіево-Печерскому архимандриту Іоанникію Сенютовичу. Въ приходской церкви села Оробѣевъ, лубенск. у., полт. губ., хранится старопечатная богослужебная книга подъ заглавіемъ: «Правило молебное къ божественному и покланяемому Параклиту, пресвятому Духу, твореніе инока Максима Святогорца», in 4-to, 39 листковъ. Выходной листъ вырванъ, и потому время и мѣсто изданія этой книжицы не извѣстно, да и въ указателяхъ старопечатныхъ книгъ мы не нашли ея названія. На первыхъ листкахъ, внизу, есть надпись: «Сія книжіца монаха Кіріона, подарована монахомъ Гавріиломъ, 1760 года, мая 22 дня». Такъ какъ въ Оробьевскую церковь поступила часть вещей упраздненнаго при Екатеринѣ II находившагося въ близкомъ сосѣдствѣ Красногорскаго мужского монастыря, то нѣтъ сомнѣнія, что и настоящая книжица поступила оттуда же. Она въ старинномъ бумажномъ переплетѣ. На первомъ бумажномъ листѣ, половина котораго приклеена къ лицевой палатуркѣ, читаемъ слѣдующее письмо, писанное южно-русскимъ почеркомъ XVIII вѣка:

«Преподобнѣйшій отче архимандрите Кіево-Печерскій, мой о Христѣ возлюбленній брате и благодѣтелю!

«В полученномъ отъ вашего преподобія к моему смиренію писаніи получилъ я извѣстіе совершеннаго бившихъ взаимъ обосторонних подозрѣній отложенія и прежней любви нашой возобновленія. Радуюся, яко добримъ новимъ годомъ, таковимъ сердецъ нашихъ обновленнимъ согласіемъ и благодарю Бога, сіе в насъ сотворшаго, что и впредъ оній же любве законоположникъ да утвердитъ в насъ, молити Его благоутробіе долженствую. Которій да подастъ преподобію вашему прочее время жизни сея безпечалное, радостное и в старости юношескимъ здравіемъ благословляемое в долготу дній, желаю от усердія.

«Преподобія вашего искренный братъ и сослужитель

Ѳеофанъ, архіепископъ Псковскій.

«Москва, 1723 году, марта 24 дня».

Хотя въ письмѣ имя адресата не означено, но таковымъ несомнѣнно нужно считать Іоанникія Сенютовича, занимавшаго Кіево-Печерскую архимандрію въ 1715—1729 гг.

Для прикрѣпленія къ книгѣ задней палатурки также употреблено переплетчикомъ два бумажныхъ листа, заключающихъ другое

обширное письмо Θеофана къ тому же печерскому архимандриту, съ объясненіями по поводу бывшей между ними ссоры; но изъ этихъ листковъ уцѣлѣлъ лишь одинъ, гдѣ читаемъ:

«...Вѣдали и сіе и часто от мене слишали, что на явлшихъся мнѣ противниковъ аки загражденнія уста имѣю доносить или свидѣтелствовать нѣчто имъ тяжкое, хотя бы и весма било истинное; которого моего аффекту сію вину, давно мнѣ познанную, обыклъ я предлагать, что у людей неглупихъ вѣри слову своему не обрѣтаетъ, кто противника своего порочитъ. И такъ не могу дознатся, cui bono помянутое к мнѣ недоброхотство ваша и моя братія на васъ бы вымышляли. Дивно мнѣ было слишащему о вашей к мнѣ нелюбвѣ, и она вамъ cui bono могла бы придатся? Но когда пришло на мисль, гдѣ вамъ ваша мишца быть показалася и каковіе оттуду возрасли были надежди вамъ, что и от словъ прежде вашихъ, и от новихъ обходительствъ, прежднимъ нравомъ необыклихъ, разумѣть было мощно, то мощно било и доходить, cui bono порочить мене вамъ похотѣлося. Не сіе ли помислилося, чтобъ я не былъ к возмечтанной висотѣ помѣшкою, и тако надлежало мене, бѣдного аки бервенище, на пути лежащее, изнять изъ среди? Если такъ было, разсуди преподобіе ваше: куди насъ иногда уносять суетніе надежди и неукротимая желанія? Но что ни было, немощно было мнѣ не вѣрить словамъ не одного человѣка и, яко видимо было, не враговъ вашихъ, и обстоятелно согласно повѣствовавшихъ. И какъ же было возможно не скорбѣти, вѣдя глави моей ищущаго, laturum misero quem mihi rebar opem! [1]) Прибавила якъ вѣроятія, такъ и печали необычная дерзость брата вашего, которій, перенявъ от мене писмо, къ зовомой братіи писанное, роспечаталъ,—и сему ли не вѣрить? Тое жъ утвердила и новою болѣзнію уязвила мене неслиханная ваша на бывшаго отца ігумена Видубицкого ярость, безприкладнимъ гоненіемъ (якъ и зъ дѣла видимъ) и брата своего в крайное безчестіе и погибель ведущимъ себе явившая. Сіе предложивъ, и сіе извѣст и творю преподобію вашему, что хотя не безъ скорбы воспомянулося мнѣ імя ваше, однакожъ укрощевалъ я въ себѣ отмстителную похоть, не токмо вамъ вѣчнихъ, но и временнихъ благъ отмщенія не желая, такъ что, если-бы преподобіе ваше видѣлъ сердце мое, то призналъ бы лишное бити ваше моего прощенія требованіе»...

Конца письма не достаетъ.

Сообщилъ **О. Л.**

---

[1]) Т. е. о комъ я думалъ, что онъ мнѣ, бѣдному, окажетъ содѣйствіе.

Эпитафіонъ вознаго Андрея Чечеля, 1765 г. Въ старой Малороссіи эпитафіоны (иначе *нагробки*) сочинялись для каждаго сколько нибудь замѣтнаго покойника, разумѣется, если только находился *сочинитель*. Сочинялись эпитафіи какъ покойникамъ, такъ и покойницамъ, одинаково. Такіе эпитафіоны были своего рода *посмертными* «послужными списками», въ которыхъ разсказывались жизнь умершаго и его заслуги. Въ К. Ст. (1894 г., мартъ, 534) былъ напечатанъ *эпитафіонъ* генер. обознаго Василія Борковскаго, указывающій, какъ подробно излагались черты общественной дѣятельности такихъ видныхъ покойниковъ. [1])

Андрей Чечель возный Роиской сотни, Черниговскаго полка, былъ потомокъ (кажется, внукъ) извѣстнаго мазепинскаго сторонника, сердюцкаго полковника Дмитрія Чечеля, [2]) случайно уцѣлѣвшій при арестахъ семействъ мазепинцевъ. Эпитафіонъ Чечеля полученъ, въ копіи, отъ С. Д. Носа, который нашелъ его гдѣ то въ Городницкомъ уѣздѣ, гдѣ жилъ Чечель.

Эпитафіонъ или надгробно надписанне благочестно преставльшомуся Андрею Чечилю [3]), возному сотнѣ Роиской.

Всякъ пришедъ сюди на гробъ, вспамятуй день смерти,
Вспомни, что я когда-сь жилъ, и тебѣ умерти.
Если впредъ хочешъ познати, кто я былъ въ сей жизни,
Какимъ именемъ звався и какой отчизны,
Что училъ живучи и какое дѣло,
Которое по смерти пребытъ могло бъ цѣло.
Не укорылъ ли кого, не обыдилъ како,
Не взялъ ли мзды и съ правды ученилъ инако.
Открываю здесь тебѣ всяка моя дѣла,
Грѣхи болѣзвенніе и души и тѣла.
Имяновалъ я Андрей, Чечиль прозивался,
Не въ праздности гулялъ, писахъ и забавлялся.
Пространно выписую я, мою забаву,

---

[1]) Кромѣ этого *эпитафіона*, въ К. Ст. были напечатаны такія же эпитафіи: Евд. Ив. Брежинской (1740+1779), въ въ 1883 г., іюнь, 394, и бунч. тов Николая Тризны (1694+1776), въ 1885 г., май, 180.

[2]) См. о немъ Опис. Ст. Малор., II, 277.

[3]) Вмѣсто Чечелю, какъ писался сердюцкій полковникъ.

Чрезъ котору времейну въ жизни имѣлъ славу.
Отъ младенчества, какъ я остался сиротою,
Содержалъ дворъ отческій съ тяжкою бѣдою;
Къ обученью передомъ принялъ я желанье,
Имѣя божеское къ тому дарованье.
Обучался я русскихъ писменъ, чрезъ четыри года,
Имѣя тупость въ юныхъ, десять лѣтъ отъ рода;
Изучался и писать, и полска языка,
И къ латинскому была охота велика.
Совершенно жъ изучить не было мнѣ время,
Отягчило бо мысли, нелегкое бремя:
О домостроительствѣ, началъ сокрушаться,
Кое за нераченьемъ стало разораться,
Смотрѣтели моихъ добръ во свои карманы
Собирали корысты, являя обманы.
Въ незабавномъ времени, прибравши готово,
Коло людей поступать начали сурово,
Явно всѣхъ разогналы, тогожъ въ недостатокъ.
И на пустіе мѣста побрали задатокъ;
Гдѣ все укрепивши у чужіе руки
И болшое думали, покуда заруки
Испрошени отъ мене ко недопущенью,
Учинилъ я тѣмъ конецъ себя разоренью.
Мысли мои на десять часть были розбиты,
Что дворъ въ край спустошали мой домовитый.
И что чинить думалъ я въ пятнадцатомъ лѣтѣ,
Не зная обстоятельствъ въ временномъ томъ свѣтѣ.
Уже отчаятися, уже ослабѣти,
Уже отъ наслѣдія пришлось прочъ отбѣгти;
Сердце во мнѣ смутилось, духъ изнемогаетъ;
Ободрыла мысль одна, что Богъ всесоздателъ,
Бѣднимъ сиротъ своихъ многихъ щедротъ датель,
Положился на его святѣйшую волю,
Несомнѣнно надѣюсь, что и мнѣ дасть долю,
Сиротѣ размножати отческой славы.
Не было мнѣ достатка, ни тоя державы,
Одна бѣдность плачевна мене лишъ постигла,
Что юность моя сію бѣду въ дворъ впустила,

Мнѣ остались клопоти, мнѣ остались бѣды,
Коихъ ни отецъ не зналъ, ни ево сосѣди.
Упустивши зъ рукъ добро, нескоро сискати,
Принужденъ я былъ ко трудамъ себе мордовати.
О что ползы во трудахъ зъ голими руками!
Не утаю, что было ничего предъ вами,
Нелъзя и утаити, видно бо все тое,
Что докучилъ одному, двомъ, тромъ и удвое.
Дворъ спорядилъ про себе порядкомъ пристойнимъ,
И тотчасъ началъ жить хозяиномъ стройнимъ.
Ревностенъ былъ до людей въ всѣхъ случаяхъ бѣднихъ,
Семей съ пятнадцать имѣлъ у себе осѣдлихъ.
Если надобно было что испорядити,
Не хоживалъ по дворамъ помоги просити,
Бо у себе все то имѣлъ, что треба при дворѣ;
Что спорится то все исправится вскорѣ.
Чѣмъ же бы помышлялъ я долговъ удалится,
Разсудилъ я, что законъ не претитъ жениться;
Единому тому я слѣдуя закону,
Оженился безъ всякого своего урону.
Чрезъ женитбу я свою долговъ избувати
Сталъ и закладное все поле отбирати,
И всѣхъ долговъ думалось избуть, чтобъ свободно,
Дѣтямъ владѣть осталось тѣмъ, что есть природно.
Лучше потерпѣть хотѣлъ да збуть лихо зъ шіи,
Но смерть пресѣкла мои всѣ мысли такіи,
О уже жена и дѣти, и вси, мя прощайте,
И хоть что погрѣшилъ, однакъ душу поминайте,
И всѣмъ бо неминути такого предѣла!
Простѣть мене да душа и въ васъ будетъ цѣла!

1765 г. августа 12.

Сатирическія вирши 1786 года. Прилагаемыя ниже сатирическія вирши найдены мною случайно при перетряхиваніи полуистлѣвшаго бумажнаго матеріала, который валялся въ сыромъ углу церковной коморки, старой, нынѣ уже разобранной церкви села Краси-

ловки, черниговской губ., козелецкаго уѣзда. Пересматривая тетрадь копій съ ордеровъ духовнаго Березинскаго правленія и указовъ за 1786 г., я наткнулся тутъ на упомянутыя вирши, которыя и были написаны между этими ордерами.

Авторомъ этихъ виршей былъ, по нѣкоторымъ догадкамъ, дьячекъ той же церкви Николай Мазалевскій, умершій въ 1793 году. Содержаніе виршей—сонъ автора, которому его покойный дѣдъ показываетъ муки на томъ свѣтѣ нѣкоего Буркунъ Змира, знавшаго «всю церковну рахубу до шнира». Фамилія «Змира» въ той мѣстности и по нынѣ распространена. Несомнѣнно, наше стихотвореніе относится къ одному изъ предковъ Змиръ, этой дѣловитой и зажиточной нынѣ фамиліи козаковъ. Сатира интересна тѣмъ еще, что написана до Котляревскаго, который конечно много уже засталъ подобнаго и иного рукописнаго и устнаго матеріала и, усвоивъ духъ этихъ народныхъ произведеній, принялся и самъ писать свою знаменитую Энеиду.

Печатаемъ эти вирши, сохраняя правописаніе подлинника, хотя во многихъ мѣстахъ, очевидно, текстъ испорченъ.

Кажуть, що сонъ змутыв; а мнѣ удалося,
Мовъ у око влѣпило, що во снѣ верзлося.
У пятницю увечери напившися кваши,
Да съ своею Педорою лѣгъ бувъ спаты в поддашши,
Ажно той дѣдъ покойникъ приснившись да каже:
Чому твоя Педора эдь (?) припечка не маже?
Завтре, каже, настане свято роковее,
А я злекавшись промовивъ: дакъ кажить якее?
Колижъ, каже, не знаешъ, чимчикуй за мною!
Да правдѣ (?) повювъ мене на гору тропою.
Тамъ же то я набрався великого пуду:
Поки тютюнъ на свѣтѣ, поти тямить буду.
Перше якъ привювъ мене до товстого дуба,
Такъ я з ляку бувъ почавъ спѣвать кривогуба,
Да питаюсь, що за врагъ висить на кодолѣ,
Витрещило очи и зъ лихои долѣ?
Ажно той дѣдъ покойникъ здихнувши тихенько да каже:
Чи ти жъ не тямишъ Эдь (?) гировій враже?
Сей, каже, покойничокъ звався Буркунъ Змира

И знавъ усю церковну рахубу до шнира.
Якъ же, каже, у Спаса обмаль грошей стало,
Дакъ онъ и его продавъ, лишъ у ладъ не припало,
Вѣнъ, каже, сѣромаха въ чѣпчику родився,
Да легенька жъ ему и смерть—силцемъ задавився,
Бо якъ ластовка, такъ онъ, гнѣздо звивши
Да на шійку подъ горло гречи наложивши,
Пустився мовъ соколъ изъ горы спорненько,
Стрепенувся мовъ рибка на удцѣ чудненько.
Разъ, каже, и руками за голля хватився,
Мовъ Борисовъ бикъ рикнувъ да зновъ у низъ пустився.
Треба ему пѣнити (?) з вечера до свѣта.
Душка бачить, що вже ей болшъ не видати свѣта
Кинулась була вгору шукати дороги,
Ажно веровкою моцненько заплелися пороги.
Такъ, каже, вона на часъ поспѣшилась,
Якъ блоха скрозь редно, скрозь штани пробилась.
Заразъ ему потекло до пятъ ручаями;
Нехай своимъ родичамъ снится, янголь зъ нами;
Якъ бы мавъ, каже, у ями землею покрится,
Лючше угадавъ отмовъ (?) сѣгь на вѣтрахъ вертѣтся
Й въ день, каже, й въ ночѣ якъ балъ (?) звѣзди лѣчитъ
Хоть би, каже, й тобѣ такая смерть на встрѣчи.
Лишъ же глянувъ я назадъ, ажъ друга прочвара.
Смерть из дѣдькомъ чвалае мовъ воликовъ пара,
На дѣдку кожушина вся на шматки порвата,
Роги в пеклѣ позбивани, хромае до ката,
Ногтѣ з лапъ позлазили, скрежече зубами,
Сизенькій мовъ журавликъ—знать бито кіями.
А смерть, мовъ бубонъ, гола собою, нечвидна,
Боса, простоволоса, изгорбилась бѣдна
Пасокою умазалась, ребра кругомъ знати,
Очей, ушей й носа притьмомъ не видати.
Коссіомъ (?) подперши́сь, скаче мовъ по купѣ жаба
Лишъ витрещила зуби щербата мовъ баба
Да правда ис подругомъ ненько (?) галасають
А в лементѣ такіе рѣчи промовляють:
Дѣдько каже: ахъ, бѣда, де намъ теперъ дѣться?

Хиба, каже, пойти у болото утопатся
А смерть у кулакъ трубечи говоритъ истиха:
Ужежъ намъ не россѣстись отъ такого лиха;
Треба, каже, теперъ о собѣ промишляти,
Якъ бы на свѣтѣ прожить, чимъ душу питати.
Купимъ, каже, повозу да купчовать станемъ
За добиччу по рибу то въ Кримъ по соль грянемъ.
Я, правда, супятився, ставъ дѣда питати,
Водкуль имъ лихо се стало, чи можно се знати...
Може ихъ гонять на ліюдъ Днѣпра полонити,
Либо во армію до Криму воловъ гонити,
Ой, нѣтъ, каже, голубе, не тая причина:
Ихъ, каже, побила отце лихая година,
Що ихъ батько анциперъ якъ узявъ насѣку (?)
Атаманську й хотѣвъ пановать до вѣку,
Да всюди по шляхахъ карауля разставивъ,
Тузавъ народъ хрестянскій, бѣди всѣмъ набавивъ
Було, каже, по сто душъ в одинъ кусъ глотае,
Мовъ косарь з вагана галушки матае.
Що богъ сѣявъ—смерть жала, а вунъ жравъ истиха.
Великого повепъ свѣтъ натоливъ (?) бувъ лиха;
Й такъ уже въ его стала була губа ласа,
Що отважилась була углонуть и Спаса.
Якъ же взяли по зубахъ хрестомъ плазовати,
Дакъ мусивъ вунъ усе добро до щенту вертати.
Бачать его молодцѣ, що беда куриться,
Мусили, якъ отъ жару блохи розлетѣтся.
А смерть була у грубѣ сховалася с тривоги,—
Дакъ Ева, еи понявши, вывела за роги,
Якъ узяла нусцями (?) по ребрахъ мѣсити,
Дакъ дѣдко пожалѣвши хотѣвъ боронити.
Ну жъ Адамъ учепившись налигачемъ бити,
Поти бивъ, поки роги мусили злетѣти.
Отто вони эдь (?) по туй холозѣи плачуть,
А хрестяне въ небѣ пьють, гуляють, скачуть.
Я, правда, заглядився такой дивовижи,
Ажно зза гори мелькають в ярмахъ волики рижи,
Отто я думавъ, що Христосъ съ плугомъ иде орати,

Толко жъ дудка заграла, ну, я ставъ гадати:
Може, каже, перезва до свата котится,
Ажно янголія возами тащиться.
А се, реку, яка манѣя, спитався,
Ажно, каже, великлень в гостѣ к намъ прииxався;
Вунъ, каже з Русалиму мався давно бути,
Да лихая халепа якъ узяла дути,
Отто вунъ на тумъ боцѣ ожидавъ дороги,
Ажъ покуль не грянули Днѣпровіе пороги.
Я, правда, догадався, що те свято буде,
Якъ жунки красять яйця, паски лѣплять люде,
Да спитавшись збоку, почавъ познавати
В якомъ возѣ панъ великдень зволить пробувати;
Ажно гляну на передъ, седить у чимлѣтѣ (?),
Крашанками, якъ цвѣтомъ, укруги укритій.
На юмъ жупанъ съ китайки, у бока гаманъ зле,
Ковбасою волики стиха поганяе,
Чижмачки боброви, онучки шовкови,
У вигулярнуй шапотцѣ й ермолукъ новій,
Персніовъ повно на рукахъ, мае корогвою;
Якъ ясна зоря—такъ пригожъ собою
Да на всѣхъ поглядае окомъ веселенькимъ
Й пѣсенку голосомъ спѣвае техенькимъ:
Нащо, каже, ти Юдо кваппвся на гроши,
Щобъ тобѣ вкругъ потилицѣ обйили воши,
У користь, каже, не привювъ й не вспѣвъ пропити,
Лишъ ти мусишъ за той торгъ у пеклѣ горѣти,
Будутъ тобѣ й з плечей полоссье здирати,
Щобъ у кожиницяхъ Иродъ могъ по пеклу скакати,
Припадае тобѣ из нимъ у однуй сутязѣ
Смолу возить до пекла, эдь (?) замуляшъ вязи.
Той, каже, гнався за славою, якъ за зайцемъ,
А ти, бачу, удавився грошовимъ окрайцемъ.
Я, правда, те все почувши заразъ схаменувся,
Да пудъ редномъ лежечи и зо сну прочнувся,
Ну Педору локтями под боки торкати:
Годѣ, реку, намъ хропти,—пора уже уставати,—
Уже, бачу, намъ завтра квашѣ не наварити

Лишъ треба хочъ гречану паску замѣсити
Вона, правда, изо сну стала промовляти:
Я, каже, ще вчора думала учиняти,
Бо недарма всѣ люде к млинамъ потурили,
Знать на Паску борошна молоть захотѣли;
Моя й мати не разъ то було звагае (?),
Що Великдень млиновимъ колесомъ выежжае;
Колядки, каже, тогдѣ угадати,
Якъ свиньи отъ ножа стануть голосати,
Лишъ, Охрѣме, клопотъ намъ безъ сала--
Шити,—билити черга намъ припала.
Эдь же, реку, коли-бъ дѣдъ покойникъ зараннѣ приснився,
Тобъ я й ноччю збоку де-небудь поживився,
А теперъ лишъ мушу у людей прохати,
Да то зайшовъ й до васъ ковбасъ добувати:
Позичте й намъ, эдь и наша поросна;
Якъ наведе свинья кобановъ—будуть съ ковбасъ кросна
Сюлькижъ сего що зедять и з осмину полови,
Да вже жъ буде й сала якъ коробъ здоровій;
Половину оставлю, а другу зменяю,
Тютюну и горѣлки до ката надбаю,—
Тогдѣ попрошу й васъ панове-молодцѣ на ведерце браги,
А теперъ и ви ко мнѣ не будьте тужави.
Якъ витрещить очи на мене ваша ласка,
То в мене при полѣ буде й сало й ковбаска,
А ми с Педорою смелемъ то смачненько,—
Скажетъ: хто давъ, нехай той святкуе легенько.

Сообщилъ **О. Сластіонъ.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ дополненіе къ суммѣ 1598 р. 83 к., поступившей въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 4-й, стр. 30-я 2-го отд.), вновь пожертвовано: Меѳод. Павловскимъ--2 р. 50 к., И. И. Савенкомъ—1 руб. и мелкими бенефиціями 10 руб., *а всего* вмѣстѣ съ прежними *1612 руб. 33 коп.*, которые и отправлены въ Полтавскую Городскую Управу.

Текущія извѣстія.

О присужденіи преміи графа Уварова профессору Д. И. Багалѣю за сочиненіе «*Опытъ исторіи харьковскаго университета*». Оцѣнку этого сочиненія производилъ В. И. Срезневскій. Трудъ этотъ, по мнѣнію рецензента, обращаетъ на себя вниманіе широтою замысла автора и заключаетъ въ себѣ не лѣтопись только внутренней жизни харьковскаго университета, научной и учебной, а его исторію въ связи съ исторіей мѣстнаго просвѣщенія и развитія народнаго образованія, исторію вліянія университета на умственное развитіе края, на ростъ и благоустройство города. Наиболѣе удачными главами труда г. Багалѣя слѣдуетъ признать двѣ начальныя главы, дающія много интересныхъ, а часто и новыхъ свѣдѣній, важныхъ не только для исторіи просвѣщенія въ харьковскомъ краѣ, но и для исторіи русской образованности вообще. Еще большее значеніе слѣдуетъ признать за последней главой «Опыта», посвященной дѣятельности университета по наблюденію за среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ. Сообщая чрезвычайно много новыхъ данныхъ, настоящая глава важна и тѣмъ, что даетъ университету обликъ учрежденія первостепеннаго значенія, какъ разсадника культуры вообще.

Харьковскій историческій архивъ, послѣ двадцатилѣтняго ожиданія, дождался наконецъ помѣщенія, удовлетворяющаго не только требованіямъ правильнаго храненія дѣлъ, но и потребностямъ научной работы. Въ засѣданіи 16 сентября правленіе университета опредѣлило отдать подъ архивъ 8 комнатъ въ пустующемъ теперь помѣщеніи бывшей хирургической клиники. Постановленіе это оказывается какъ нельзя болѣе кстати, какъ въ виду принятаго кіевскимъ археологическимъ съѣздомъ рѣшенія о ходатайствѣ по поводу превращенія историческаго архива въ центральный, такъ и въ виду пополненія архива новыми дѣлами. По распоряженію мѣстнаго начальства, архиву рѣшено передать дѣла губернаторской и генералъ-губернаторской канцелярій и др. присутственныхъ мѣстъ г. Харькова за время отъ учрежденія губерніи по 1855 г. Пріемъ этихъ дѣлъ (около 100,000) при прежнемъ помѣщеніи архива былъ невозможенъ.

Палеографическая выставка. Въ Археологическомъ Институтѣ въ виду успѣха, сопровождавшаго въ прошломъ году иконографическую выставку, предполагается, по словамъ «Нов. Вр.», въ половинѣ учебнаго года устроить палеографическую выставку; организація этого дѣла возложена на гг. Соболевскаго, Покровскаго, Лихачева, Маркова и Успенскаго.

Геологическая раскопка. Въ Кіевъ доставлены кости мамонта, вынутыя изъ русла рѣки Десны корчеподъемною машиною Министерства Путей Сообщенія, производящею очистку рѣки отъ корчей. Изслѣдовавшему эту мѣстность инженеру Максимовичу мѣстные жители сообщили, что близъ того-же пункта, въ кролевецкомъ уѣздѣ, черниговской губ., неоднократно находились клыки и кости мамонтовъ, почему вся эта мѣстность пріобрѣтаетъ особый интересъ для изслѣдованій геологовъ.

Выборъ мѣста для памятника И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Борьба,—пишетъ корреспондентъ «Южнаго Края»,—изъ-за выбора мѣста для постановки памятника Котляревскому снова возгарается. Послѣ многочисленныхъ рѣшеній и перерѣшеній, примѣривъ памятникъ ко всѣмъ площадямъ и улицамъ Полтавы, дума почувствовала себя уставшей и, не прійдя ни къ какому окончательному рѣшенію, вовсе перестала заниматься памятникомъ. Но вотъ въ Полтаву пріѣхалъ товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружного суда скульпторъ-любитель Л. В. Позенъ, изваявшій модель бюста Котляревскаго для памятника, и вопросъ о мѣстѣ для его постановки опять дебатируется. Среди многоразличныхъ предложеній наибольшей симпатіей среди гласныхъ пользуются два—мѣсто за соборомъ на горѣ, съ которой открывается видъ на р. Ворсклу, монастырь и живописныя окрестности Полтавы, и мѣсто въ центрѣ города на Протопоповскомъ бульварѣ, или на площадкѣ близъ номеровъ Воробьева. За первое мѣсто, за соборомъ, вблизи котораго жилъ и самъ Котляревскій, стоятъ многіе изъ полтавцевъ желающіе, поставить памятникъ Котляревскаго въ родной для него обстановкѣ, въ виду роскошной панорамы украинской природы. Но скульпторъ Позенъ, въ засѣданіи коммиссіи изъ гласныхъ заявилъ, что характеръ концепціи памят-

ника не соотвѣтствуетъ характеру этой обстановки и что при его проектированіи имѣлся въ виду укромный уголокъ въ центральной части города, а не необъятная даль, открывающаяся съ захолустной площадки за соборомъ. Г. Позенъ рѣшительно настаиваетъ, чтобы памятникъ Котляревскому былъ поставленъ въ центральной части города, гдѣ бы его могли видѣть, безъ особаго на то намѣренія, и мѣстные жители, и всякій пріѣзжій. И намъ, добавляетъ корреспондентъ, кажется, что съ мнѣніемъ г. Позена нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, приверженцы площадки за соборомъ, какъ на одинъ изъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ, ссылались на то, что, если бы возможно было спросить Котляревскаго, гдѣ ему поставить памятникъ, то онъ несомнѣнно указалъ бы на эту площадку. Сторонники г. Позена, опровергая это, говорятъ, что, ставя памятникъ Котляревскому, мы до извѣстной степени ставимъ памятникъ и автору его—скульптору Позену. И разъ послѣдній и руками и ногами отбивается отъ площадки за соборамъ, то весьма вѣроятно, что то же самое отвѣтилъ бы и самъ Котляревскій, если бы его возможно было привлечь къ совѣщанію о мѣстѣ для постановки памятника. Какъ бы то ни было, сознаніе необходимости окончательно разрѣшить этотъ вопросъ такъ велико среди гласныхъ, что надо думать, не дальше этого мѣсяца будетъ, наконецъ, избрано мѣсто для памятника. Больше шансовъ за то что дума остановится на площадкѣ близъ номеровъ Воробьева, довольно подходящей для данной цѣли. Хотя надо сказать, что, несмотря на заявленіе скульптора Позена, среди гласныхъ есть еще не мало человѣкъ, мечтающихъ о томъ, чтобы поставить памятникъ Ивану Котляревскому на горѣ за соборомъ, переименовавъ ее въ «Иванову гору» и засадивъ ее двумя десятками калинъ и рябинъ, которыя можно бы, по мнѣнію этихъ мечтателей, назвать «Ивановымъ гаемъ».

Въ дополненіе къ этому извѣстію можемъ сообщить, что 28-го октября должно было состояться засѣданіе Полтавской Городской Думы для окончательнаго рѣшенія вопроса о мѣстѣ для памятника.

Съѣздъ славянскихъ журналистовъ Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Краковѣ состоялся съѣздъ славянскихъ журналистовъ, сдѣлавшій нѣсколько важныхъ постановленій, стремящихся къ организаціи славянской печати. Постановили учредить славянское бюро корреспон-

денцій (въ Краковѣ), а также общество, которое служило бы постояннымъ объединеніемъ всѣхъ славянскихъ журналистовъ Австро-Венгріи, и издать памятную книжку на пяти славянскихъ языкахъ. На обѣдѣ въ честь членовъ съѣзда особеннымъ интересомъ отличалась рѣчь краковск. профес. Маріана Здеховскаго. Взявъ исходной точкой ту мысль, что, несмотря на духъ раздора, въ теченіе долгихъ вѣковъ разъединяющій славянъ, славяне умѣли достигнуть единства и взаимнаго пониманія въ области поэтическаго творчества, ораторъ, съ цѣлью подтвердить свою мысль, между прочимъ сослался на Шевченка, который «имѣлъ дружественныя связи въ польскихъ летературныхъ кругахъ и какъ бы являлся олицетвореніемъ той потребности въ мирѣ и прощеніи взаимныхъ обидъ, которую чувствуютъ всѣ славяне.» Слѣдующій съѣздъ назначенъ черезъ годъ въ Загребѣ. (Одесскій Листокъ).

Лекція въ Хоролѣ. По словамъ «Полтавскихъ губернскихъ Вѣдомостей», козаки х. Ромодана рѣшили устроить у себя публичную библіотеку; желаніе хорошее, а средствъ не хватило. Потолковавши, рѣшили просить Д. И. Эварницкаго прочесть въ Хоролѣ двѣ лекціи въ пользу названной библіотеки. «Панивъ багато буде слухать, а мы хоть такъ посыдымо!» Лекторъ не отказалъ въ этой простой искренней просьбѣ и прочелъ двѣ лекціи по археологіи. Первая лекція посвящена была исторіи развитія археологіи въ Западной Европѣ, обозрѣнію палеолитическаго, неолитическаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Вторая—развитію архелогіи и обозрѣнію тѣхъ же вѣковъ въ Россіи. Лекціи были прочитаны столь простымъ и доступнымъ языкомъ, что даже нашимъ ромодановцамъ, собиравшимся посидѣть «хоть такъ»—все пришлось по-душѣ. Лектору были поднесены хлѣбъ-соль, букеты цвѣтовъ, перевязанные вышитыми рушниками, а въ заключеніе одинъ изъ козаковъ благодарилъ Д. И. за оказанное вниманіе и трудъ.

Новое просвѣтительное общество. На-дняхъ начало функціонировать въ Одессѣ «Отдѣленіе петербургскаго благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». Общество это имѣетъ цѣлью содѣйствовать религіозно-нравственному и

умственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа. Для достиженія своихъ цѣлей общество рѣшило издавать книги и брошюры по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и домоводства на единственно-доступномъ пониманію народа природномъ его языкѣ. Общество также будетъ издавать свой печатный органъ. Во главѣ общества стоятъ такіе знатоки Малороссіи и малорусскаго языка, какъ Н. Ф. Федоровскій, Д. Л. Мордовцевъ и др. Между прочимъ, среди членовъ находятся: одесскій городской голова П. А. Зеленый, проф. Новороссійскаго университета Н. Д. Пильчиковъ, секретарь Ганемановскаго общества докторъ-мед. И. М. Луценко и другіе. Представителемъ для Одессы и Херсонской губ. избранъ д-ръ медицины И. М. Луценко. (Южн. Обозрѣніе № 934).

На состоявшемся 6 октября засѣданіи «Товариства ім. Котляревского» (во Львовѣ) выяснилось, что на постройку собственнаго малорусскаго театра собрано уже болѣе 33.000 злот. рейнск. (около 26.000 рубл.). (Русланъ, ч. 244).

Некрологи. Во Львовѣ въ концѣ сентября умеръ гр. Владиміръ Дѣдушицкій, основатель прекраснаго музея во Львовѣ. (Muz. im. Dzieduszickich). Онъ извѣстенъ также какъ авторъ изслѣдованій о жизни и занятіяхъ русиновъ.

Въ концѣ сентября скончался въ Прагѣ Францишекъ *Ржегоржъ*, талантливый чешскій этнографъ, знакомившій чешскій міръ съ галицкимъ народомъ. Онъ объѣхалъ почти всю восточную Галицію, узналъ близко жизнь галицкаго крестьянина, его обычаи, привычки.—Въ послѣднее время особенно много о русинахъ помѣщалъ онъ въ «Slovansk'омъ Prĕhled'ѣ».

БИБЛIОГРАФIЯ.

Иванъ Левицькый. Повисти й оповидання. Т. I зъ портретомъ автора. СПБ. 1899.

Передъ нами первый томъ «повистей и оповидань» И. С. Левицкаго, извѣстнаго подъ давнимъ псевдонимомъ Ивана Нечуя. Имѣя на плечахъ 61 годъ отъ роду, Ив. Сем. Левицкій посвятилъ изъ нихъ литературному труду цѣлыхъ 35 лѣтъ. Трудъ этотъ—поэтическое творчество на малороссійскомъ языкѣ, творчество, слишкомъ замѣтное у насъ, ибо его повѣсти и романы, изображая украинскую народную среду, вмѣстѣ съ тѣмъ затрагиваютъ бытъ нашего духовенства и иныхъ сферъ. Такимъ образомъ Иванъ Семеновичъ почти первый вывелъ на литературную сцену различные слои украинскаго общества. Этимъ онъ заслужилъ украинскія симпатіи: его знаютъ и почитаютъ.

Такого рода мыслями проникнута между прочимъ его сказка-поэма «Запорожци», помѣщенная въ I томѣ [1]). Жилъ себѣ въ селѣ Кодакѣ надъ Днѣпромъ лоцманъ Карпо Летючый,—разсказывается въ этой поэмѣ. Однажды къ лоцманскому атаману Ивану Музыкѣ пріѣзжаетъ богатый купецъ и проситъ его дать ему надежнаго лоцмана для того, чтобы провести его байдакъ черезъ Днѣпровскіе пороги. Лоцманскій атаманъ возлагаетъ эту миссію на Карпа Летючаго. Онъ его очень любилъ и вполнѣ надѣялся на умѣлость его провести

¹) Впервые напечатана въ 1873 году въ галиц. журналѣ „Правда" (№ 11), а затѣмъ вошедшая въ собраніе повѣстей (К. 1874 г.) и отдѣльн. брошюрой (Кіевъ, 1874 г.). Вошла также въ Львовское изд. „Оповидання" (1875 г.).

байдакъ между порогами. Для поощренія Карпа онъ пообѣщалъ, въ случаѣ удачнаго исполненія имъ порученія, выдать за него замужъ дочку свою Олесю. Карпо Летючый немедленно согласился вести байдакъ, движимый надеждой обладать красавицей Олесей. Онъ поѣхалъ съ байдакомъ, но какъ ни былъ остороженъ, все же о послѣдній порогъ онъ разбилъ байдакъ и въ горѣ кинулся въ Днѣпръ. Потеря лоцманской чести, потеря Олеси Музыкивны привела его къ такому поступку... Пошелъ онъ ко дну, ждалъ, что вотъ-вотъ ударится о какой-нибудь порогъ и тѣмъ кончитъ жизнь свою. Онъ потерялъ сознаніе. Но оказалось, что онъ пробудился въ незнакомомъ ему мѣстѣ, на мху, и надъ нимъ была водяная крыша, накрывавшая огромную скалу; на скалѣ этой онъ и находился. Присмотрѣвшись, онъ увидѣлъ пышный садъ, громадные луга; повсюду цвѣли цвѣты; солнце проникало сквозь водяную крышу. Увидѣвъ далѣе кучу цвѣтовъ, онъ сталъ всматриваться и замѣтилъ, что цвѣтки—это люди. И дѣйствительно, двое изъ нихъ направлялись къ нему. На нихъ были высокіе черные шапки съ красивыми верхами, синіе кунтуши съ откидными рукавами. Они расспросили его, кто онъ, и велѣли ему слѣзть со скалы. Онъ забылъ сперва свое имя, но со скалы слѣзъ легко, благодаря помощи пришедшихъ людей. Люди эти отличались необыкновенной красотой. Отъ нихъ онъ услышалъ, что они запорожскіе козаки, что онъ находится въ Сичи. «Ото бачъ, зруйновалы Сичъ, а помочи вамъ не було де взяты, то наши характерныки й зачарувалы Сичъ. Зъ того часу наша Сичъ зъ островомъ, зъ гетьманомъ (почему не съ кошевымъ? зъ козакамы оттутъ! Нашу Сичъ поглынувъ Днипро». Пошли они далѣе и увидѣли запорожцевъ. Запорожцы сидѣли, здоровые, красивые, и тихонько между собою разговаривали, но Карпу показывалось, будто то ревутъ страшные Днѣпровскіе пороги. Запорожцы потребовали, чтобъ Летючого отвести къ гетману. Шли они дальше, приблизились къ новому чудесному саду съ грушами, съ виноградомъ. Въ томъ саду повсюду были каменныя лавки, гдѣ сидѣли старые запорожцы, всѣ съ сѣдыми бородами и черными усами. Они сидѣли «позгортувавшы рукы и пасхылявшы вныза важки головы». Минувъ садъ, прошли они каменную ограду и очутились въ другомъ саду, а изъ этого сада лился человѣческій голосъ, прекрасный, звонкій. Кто то пѣлъ козацкую думу, очень старинную. Карпо вошелъ въ садъ и увидѣлъ, что пѣлъ старый кобзарь; кругомъ его стояли и слушали про давнія дѣла на Украинѣ запорожцы среднихъ лѣтъ. При крикѣ

«до гетьмана! до гетьмана» всѣ встали, кобзарь пересталъ пѣть, и двинулись къ гетману. Вошли снова въ прелестнѣйшій садъ. Тамъ снова пѣли кобзари и козаки танцовали какой-то «танокъ», и «танокъ той бувъ такый жвавый, такый веселый, що въ Карпа ажъ жыжкы затрусылысь до танцивъ». Прошли дальше мимо кладбища. Наконецъ прошли ворота, охраняемыя старыми запорожцами, попали снова въ садъ и очутились у гетмана. «Винъ бувъ такый велыкый, якъ Палій. Здается, не було коня въ свити, щобъ здержавъ его на соби» Гетманъ думалъ глубокую думу, понуривъ голову, и его мысли вылетали соловьями. Увидѣвъ козаковъ, онъ грозно взглянулъ, и отъ этого взгляда взлетѣлъ орелъ къ небу, раздѣливши крыльями хрустальную крышу. Увидѣвъ Карпа, пришельца изъ Украины, гетманъ пролилъ слезы. Слезы упали на землю, и изъ нея появились розы. Спросилъ гетманъ, помнятъ ли про Запорожье на Украинѣ, разсказываютъ ли тамъ о быломъ попы или монахи или другіе какіе люди? Карпо отвѣчалъ, что про Запорожье онъ слыхалъ отъ своихъ близкихъ, а ни попы, ни монахи, никто другой ничего про нихъ не говорятъ. Гетманъ положилъ свою булаву, и изъ-подъ нея появились левкои и фіалки, а виноградъ окрутился вокругъ камня, на который легла булава. Затѣмъ гетманъ пригласилъ отправиться въ церковь и спросить у Бога, что имъ дѣлать, и помолиться за Украину. Пошли въ церковь, которая изображалась однимъ крестомъ изъ чистаго золота. Тамъ пѣлъ чудесный голосъ. Голосъ исходилъ изъ куста калины. При приближеніи гетмана голосъ замолкъ. Гетманъ сталъ молиться, за нимъ молились козаки. «Одъ тіеи козацькои молытвы страшно заревлы порогы, задрыжалы обыдва берегы Днипра, затрусылась земля по Украини, затрусывся Кыивъ на горахъ». Затѣмъ пѣвшій кустъ калины обратился въ красивую дивчину. Карпу Летючему представилось, что предъ нимъ Олеся Музыкивна, но оказалось, что это была Маруся Музыкивна, давно превращенная характерникомъ запорожскимъ въ калиновый кустъ за то, что она полюбила гетмана и вступила на запорожскую землю. Олеся Музыкивна была ей родственница въ пятомъ колѣнѣ. Теперь гетманъ и характерникъ почему-то возвратили Марусѣ образъ человѣческій и рѣшили и ее, и Карпа Летючого вынести на землю. Характерникъ принялъ ихъ на свои плечи, разсѣкъ большими крыльями водяную крышу и вынесъ ихъ на Украину. Музыкивна стала искать свой хуторъ, но хуторъ обратился въ село. Людей было мало. «То бачъ, объяснилъ характерникъ, схопылося

таке страшне повитря и навіяло страшный сонъ на Украину, и люде разомъ такъ и поснулы та й будуть спаты, покы знову не повіе теплый витеръ зъ теплого краю, покы винъ не прынесе зъ хмарамы цилющои та жывущои воды и покропыть тією водою землю и людей». Поражена была Маруся, что кругомъ земля была въ еврейскихъ рукахъ или въ польскихъ. «А де жъ людське»?—«Отамъ трошкы людського къ селу»—гукнувъ дидъ зъ куриня. Дальше увидѣла Маруся большой сахарный заводъ. Онъ оказался принадлежащимъ поляку. Увидѣли потомъ мельницу, принадлежащую еврею. Зашла Маруся въ хату, похожую на ея отцовскую хату, увидѣла кругомъ бѣдность. Она спросила о причинѣ такой бѣдности старуху хозяйку. Та отвѣчала: «Бидни, бо нема зъ чого забагатиты. Зъ поля плата велыка, а тутъ и подушне платы, и на волость, и на школу... Та все платы та платы! И робымо, и ничого не маемо»! Вспомнила Маруся, что не такъ было у ея батька, при немъ было и что ѣсть, и что пить, «бо було въ его стилько степу, скилькы окомъ скынуты, була отара овець, булы волы и коровы. А яки кони мавъ батько! Якъ той степовый витеръ, литалы воны по степахъ. Бувъ въ его и ставокъ, и млынокъ, и садокъ, а въ садку була пасика». Тяжело вздохнула Маруся и снова обратилась въ калину, снова зацвѣла и снова перенеслась подъ Днѣпръ въ гетманскій садъ, оставивъ капли росы, свои слезы, на мѣстѣ родины. Карпо же Летючый узналъ, что все его имущество продано и деньги отданы владѣльцу разбитаго имъ байдака, а его, Карпа, приказалъ судъ высѣчь на скалѣ Ненасытца, у котораго разбился байдакъ. Олеся же его давно вышла замужъ за другого лоцмана. Тогда Карпо пошелъ за Дунай, а всѣ думали, что онъ разбился и погибъ у Ненасытца.

Конечно, Запорожье представлено далеко не въ вѣрныхъ краскахъ, соотвѣтственныхъ дѣйствительно бывшему. Мы видимъ, что въ сказкѣ-поэмѣ Левицкаго запорожцы сидятъ, разговариваютъ да поютъ и молятся, что едва-ли похоже на ихъ давнюю дѣятельность. Если-бы въ сказкѣ запорожцы не сказали, что это ихъ Сичъ, то мы могли бы и не догадаться объ этомъ. Но во всякомъ случаѣ Левицкій хотѣлъ представить давнее Запорожье, давняго носителя идей Украины, давняго выразителя этихъ идей.

При всюду сквозящей главной особенности таланта И. С. Левицкаго, несомнѣнно на произведеніяхъ его сказались еще его воспитаніе, мѣсто рожденія и дальнѣйшая жизнь. Родился И. С. Левицкій въ с. Стеблевѣ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, воспитывался въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Кіевской

духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году и въ томъ же году былъ опредѣленъ учителемъ въ Богуславское духовное училище, а затѣмъ въ 1861 году поступилъ въ студенты Кіевской духовной академіи и, по окончаніи академическаго курса въ 1865 году, былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ Полтавскую духовную семинарію, откуда перешелъ на службу, въ концѣ того же учебнаго года, въ Варшавскій учебный округъ. Черезъ 7 лѣтъ онъ покинулъ Царство Польское и перешелъ на службу въ Одесскій учебный округъ, въ кишиневскую мужскую гимназію, гдѣ состоялъ учителемъ русскаго языка. Отсюда онъ, уже прослуживши 25 лѣтъ, вышелъ въ отставку.

Естественно, знакомство и связи Ивана Семеновича опредѣлялись такою его біографіею. Онъ зналъ хорошо крестьянъ своего родного села, зналъ арендаторовъ и посессоровъ, зналъ затѣмъ духовенство, зналъ писарей волостныхъ, народныхъ учителей, евреевъ, зналъ, наконецъ, студентовъ и профессоровъ Духовной академіи и отчасти студентовъ университетовъ. Въ этомъ кругу онъ и выбираетъ дѣйствующихъ лицъ своихъ повѣстей. Стремясь изображать ихъ, Иванъ Семеновичъ хотя часто бываетъ склоненъ давать положительные типы, тѣмъ не менѣе у него лучше удаются типы отрицательные. Въ большинствѣ же представляемыхъ имъ людей въ его авторской умѣлости какъ бы отсутствуетъ способность превращать въ типы тѣ или другіе характеры; онъ останавливается на передачѣ наблюдаемаго, вовсе не скрашивая съ цѣлью приданія наблюдаемому образу положительнаго или отрицательнаго характера; поэтому мы имѣемъ дѣло часто съ прекрасною фотографіею жизненнаго явленія, при полномъ отсутствіи типа.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній нашего автора является оповидання «Рыбалка Панасъ Круть», одно изъ довольно раннихъ, относящееся къ 1866 году. [1]) Въ немъ авторъ выводитъ старика-рыбалку, который случайно молодому товарищу своему, Паньку, ночью, во время ловли рыбы, разсказываетъ про свое житье. Разнымъ ремесламъ обучился Панасъ Круть, между прочимъ шитью полушубковъ, которыми

---

[1]) Первоначально напечатано въ „Правдѣ“, 1868 г. (№ 23—26) подъ заглавіемъ „Гореславська ничъ, або рыбалка Панас Круть“; затѣмъ напечат. было въ 1882 г. въ календарѣ Товариства „Просвита“ и вошло въ собраніе повѣстей его (Кіевъ 1874 г.); было и два отдѣльн. изданія,—во Львовѣ, въ 1869 г. и въ Кіевѣ, въ 1874 г. и 1887.

торговалъ на ярмаркахъ, и обучился скоро и хорошо. Но ему не удавалось хорошо сбывать готовый товаръ: на ярмаркѣ обыкновенно сосѣдній еврей обрѣтетъ себѣ раньше покупателей, чѣмъ онъ, и онъ остается не причемъ. Научился онъ также играть на цымбалахъ и былъ музыкою; научился и точать сапоги. Женатъ онъ былъ необыкновенно счастливо и очень скорбѣлъ о потерѣ жены, выступающей положительнымъ идеаломъ въ повѣсти. Ему и не думалось замѣнить ее другою. Панасу разъ во снѣ довелось послѣ ея смерти слышать ея чудесное пѣніе, и разсказъ объ этомъ является однимъ изъ поэтичнѣйшихъ во всемъ произведеніи. Послѣ смерти жены Панасъ Круть оставилъ шитье полушубковъ и отдался рыбальству. Пилъ только онъ серьезно и кончилъ жизнь свою на водѣ, въ половодье, пустившись на рыбную ловлю въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ. Весь разсказъ происходитъ надъ Росью, вблизи грязнаго мѣстечка Богуслава, мастерски изображеннаго авторомъ.

Не какъ типъ выступаетъ рыбалка Панасъ Круть въ этомъ разсказѣ. Мы видимъ здѣсь изображеніе, близкое къ дѣйствительности, нисколько не обобщающее какихъ либо сторонъ въ характерѣ людей, близкихъ къ Панасу Крутю.

Та же Рось, тотъ же Богуславъ, Звенигородщина, мѣстность родная автору, является ареной дѣйствія и во многихъ другихъ произведеніяхъ И. С. Левицкаго. Возьмемъ, напримѣръ, повѣсть или лучше сказать романъ «Бурлачку». [1]) Здѣсь выведена молодая красивая дѣвушка Васылына, дочка крестьянина Паляныка. Живетъ семья Васылыны и она въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ с. Комаривкѣ, недалеко отъ с. Кереливки, гдѣ бѣдовалъ Тарасъ Шевченко. Мѣстность опоясана прелестными садами. Живетъ Паляныкъ сносно, достатковъ хватаетъ, но иногда все-же нужно бываетъ въ хозяйствѣ нѣкоторое подспорье. Въ такихъ случаяхъ выручаетъ его дочь. Она, напримѣръ, идетъ на заработки на сосѣдній сахарный заводъ на «буряки». Заводская администрація обыкновенно закликаетъ дивчатъ на работу, разсылая по сосѣднимъ селамъ гарбы съ музыкой и жидомъ, исполняющимъ роль нанимателя. Когда разъ проѣзжалъ такой поѣздъ по Комаривкѣ и набралъ кучу дивчатъ, попросилась у отца отпустить ее на буряки къ пану въ сосѣднее село Журавку и Васылына. Работала она тамъ подъ музыку съ необыкновеннымъ увлеченіемъ.

---

[1]) Первонач. изд. въ. Кіевѣ въ 1881 году.

Кругомъ была масса парубковъ, которые всѣ липли къ красавицѣ Васылынѣ. Но одинъ парубокъ пришелся и ей по душѣ, нѣкто Васыль Кравченко. Не разъ и не два она ѣздила такимъ образомъ на буряки. Красоту ея замѣтилъ и приказчикъ пана арендатора, еврей Лейба. Зная охоту до красивыхъ дивчатъ у пана Ястшембскаго, онъ сразу намѣтилъ Васылыну, какъ жертву для пана. Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній Васылыной буряковой плантаціи, онъ предложилъ ей замѣнить случайную работу постоянной. Нужда у Васылыного отца тогда была большая: предстояло платить подать. Неудивительно поэтому, что онъ согласился отпустить дочь на заработки. Такимъ образомъ Васылына и поступила на службу къ арендатору Ястшембскому. Ястшембскій былъ паничъ польской семьи, вынужденный въ концѣ концовъ взяться за аренду, такъ какъ собственное его имущество было продано за долги. Онъ окончилъ едва три класса гимназіи, волочился за дивчатами, картежничалъ и вообще велъ жизнь пустую, разгульную, хотя отъ природы и не былъ золъ. Къ нему то и поступила Васылына. Очарованный ея красотой, Ястшембскій предложилъ ей занять мѣсто горничной, удаливъ съ этого мѣста другую красавицу Одарку. Ухаживая за Василиной, онъ съумѣлъ ей понравиться. Доходило дѣло до того, что Ястшембскій готовъ былъ даже жениться на ней. Но до женитьбы онъ принималъ своихъ пріятелей и однажды по ихъ совѣту затѣялъ устроить въ своихъ холостяцкихъ покояхъ «дикій балъ» съ участіемъ Васылыны, Олены и другихъ красивыхъ дивчатъ и молодицъ. Во время этого бала, неудачно описаннаго—сказать между прочимъ—,неожиданно пріѣхали къ Ястшембскому двѣ старѣющія тетки, Ядвига и Юзефа. Онѣ стали стыдить Ястшембскаго за его поведеніе, требовали, чтобы онъ остепенился и, наконецъ, женился на приличной ему партіи. Тетки даже выбрали ему пару въ лицѣ панны Брониславы, не старой дѣвицы, съ двадцатью тысячами приданого. Немедленно завязалось знакомство съ будущей невѣстой, и панъ Ястшембскій, чувствовавшій, что въ карманахъ его пусто, вскорѣ влюбился въ панну Брониславу и надѣялся поправить свое состояніе. Предстояла свадьба, но надо было удалить изъ дому Васылыну. Съ большимъ трудомъ онъ сдѣлалъ это. Васылына, уже беременная, была устранена. Ей приходилось идти въ родительскую хату, но она не могла на это рѣшиться. Лейба, доставившій ее въ домъ арендатора, повстрѣчавшись съ ней, выдалъ ей записку, рекомендуя ее въ работницы на суконный заводъ въ Стеблевѣ. Васылына отправилась

туда, кой-какъ, съ помощью какого то человѣка, доѣхала до завода, но въ горѣ, въ отчаяніи, мучимая болѣзненнымъ состояніемъ, она забрела въ какую то расщелину между камней на берегу Роси и тамъ легла. Усталая, разбитая во время дороги, она въ ту же ночь родила сына. Прійдя утромъ на короткое время въ сознаніе и услышавъ дѣтскій крикъ, она въ ожесточеніи на Ястшембскаго отвергла сына, отказалась кормить его и тутъ же бросила ребенка въ Рось. Затѣмъ безчувственно кинулась на землю. Въ такомъ состояніи ее отыскала бурлачка съ фабрики, Марія, перенесла ее въ свою хату и продержала у себя до ея выздоровленія. Оправившись хоть отчасти, Васылына поступила тотчасъ же на суконную фабрику за 2 руб. въ мѣсяцъ. Тутъ ей пришлось узнать фабричныя харчи, фабричные нравы. Съ полгода она держалась въ сторонѣ отъ выпивокъ въ компаніи. Но потомъ, вѣчно приглашаемая на гулянки, и она начала пить и веселиться, позабывши объ утопленномъ ребенкѣ. За нею ухаживалъ бурлакъ Мына, и затѣмъ не бурлакъ Михальчевскій, служившій столяромъ на сахарномъ заводѣ, шляхтичъ родомъ, жившій съ старухой матерью. Онъ влюбился въ Васылыну и ей понравился. Скоро рѣшили они съиграть свадьбу. Но Васылына сразу не могла перестать пить съ бурлаками. Ее, пьяную, лежащую у перевоза, однажды принесъ Михальчевскій къ себѣ въ домъ. Мать съ сокрушеніемъ сердечнымъ ухаживала за ней. Матери было тяжело, что любимый сынъ ея женится на пьяницѣ, но и она поддавалась необыкновенной красотѣ Васылыны. Михальчевскій таки женился на ней и зажилъ счастливо. Васылына и ему не разсказала о гибели ея ребенка, хотя разсказала объ отношеніяхъ къ Ястшембскому. Кончается повѣсть посѣщеніемъ Васылыною родителей ея, оказавшихся живыми и здоровыми.

Во всей повѣсти главнымъ лицомъ, не оставляемымъ авторомъ, является Васылына. Невольно ждешь, что это окажется глубокая натура. Казалось бы, такъ естественно было съ ея стороны, ушедши въ Стеблевъ, тамъ одуматься. Но ничего этого не случилось. Могла она, конечно, лишить жизни своего ребенка, но не могла при серіозной натурѣ такъ скоро забыть объ убійствѣ, совершенномъ ею, не могла предаться вновь веселію и пьянству, не могла скрыть убійства отъ Михальчевскаго. Все это мыслимо при извѣстной легкости въ характерѣ. Въ повѣсти только два человѣка и похожи на положительные типы: это мать и сынъ Михальчевскіе, но и она, какъ образцовая мать, выведена на очень короткое время, и онъ, какъ образцо-

вый мужъ и человѣкъ, является только подъ конецъ повѣсти, и идеальныхъ чертъ его не видно читателю. Такимъ образомъ въ этомъ большемъ произведеніи Ивана Семеновича Левицкаго отсутствуютъ типы, а имѣется на лицо только чудесная фотографія.

Иначе стоитъ дѣло въ повѣсти «Помижъ ворогамы» [1]. Здѣсь болѣе тонко очерченной является фигура волостного писаря Леонтія Петровича Коцюбенка въ селѣ Горобцивкѣ и жены его Феодосіи Карповны. Въ лицѣ ихъ представлены явные грабители и обдиралы села. Тутъ предъ нами является вѣрно изображенный типъ сельскихъ міроѣдовъ. Но за то всѣ остальныя выступающія въ повѣсти лица, не смотря на тягучесть изображенія ихъ помысловъ, являются безцвѣтными. Таковы и отецъ Артемій, и жена его Сусанна Власьевна, и дочка ихъ Ватя, и предполагаемый женихъ послѣдней Леонидъ Семеновичъ, студентъ Кіевскаго университета и братъ по матери Θеодосій Карповичъ. Изъ всѣхъ ихъ типовъ никакихъ не вышло, хотя авторъ повидимому и предполагалъ дать положительный типъ въ лицѣ дочери отца Артемія, Вати.

Но картина значительно измѣняется, когда мы имѣемъ дѣло съ «бабой Параской та бабой Палажкой». Обѣ сердитыя, другъ друга ненавидящія, одна другой всячески досаждающія, и обѣ жалуются на судьбу и преслѣдованія, при чемъ одна заявляетъ, что «не можна баби Парасци вдержатысь на сели», а другая обращается съ просьбою: «благословить баби Палажци скоропостыжно вмерты». Для образца ихъ отношеній приведемъ слѣдующую выдержку: «А це зновъ розсердылась Палажка на мене, що я пожартувала зъ нею, та й то не я, а моя сусида Левадыха выгадала той жартъ. На двори була страшна спека: въ хати душно, а я думаю, пиду та зварю вечерю на городи коло крыныци, покы сынъ та невистка вернутся съ поля. Взяла я таганъ, казанокъ, набрала трисокъ та сухого хворосту. Прыйшла до крыныци, колы зыркъ! на цимрыни стоить зализне видро. Подывылась я, видро Палажчыне: я его заразъ пизнала, бо знаю вси видра на кутку. Це жъ, думаю, Палажка ходыть до моеи крыныци по воду, бо Соловейко (мужъ Палажки) саме тоди чыстывъ свою крыныцю. А тутъ прыйшла по воду моя сусида, стара Левадыха.—Хто це забувся видро?—пытае вона въ мене.—Та хто жъ, кажу,—Палажка! Хиба жъ ты не бачышъ, що видро неначе погрызене зубамы. Мабуть ій не було кого грызты, та одъ злосты погрызла свои видра. Ну тай хазяйка! Добре, що не забулась отутъ коло крыныци своеи головы. Взяла

[1]) Напечат. въ первый разъ въ 1793 г. въ галицк. газетѣ „Заря“.

я те видро та й кынула въ кропыву: нехай, думаю, Палажка трохы пожалыть лыткы, якъ буде доставаты видро. Ото росклала я пидъ вербамы багаття, поставыла таганъ, почепыла казанокъ. Сыдымо соби зъ Левадыхою та балакаемо то про се, то про те. А Левадыха каже: «а давай пожартуемо трохы зъ Палажкою! Облыймо бисову бабу холодною водою, якъ вона прыбижыть за видромъ; може не буде така гаряча та лыха. Левадыха сердылась тоди на Палажку за те, що Палажка давала ій дули та ще й пры громади. «Скупаемо жъ мы тебе, щобъ знала, якъ мени дули сукаты», каже Лывадыха. Тилько що вона це сказала, ажъ Палажка лизе черезъ перелазъ. Мы зъ Левадыхою шусть у конопли та й прысилы. А Палажка прыстранчылась до крыныци, глянула на цямрыны, заглянула въ крыныцю та й каже сама до себе: «де жъ це дилося мое видро?» Вона туды круть, сюды верть, блыснула маленькымы чорнымы очыма по конопляхъ, по бурьянахъ. А очкы такъ и блыщать одъ злосты, якъ у гадюкы, неначе зъ ныхъ искры сыплются, а дали вгледила видро та й полизла въ кропыву. Кропыва жалыть іи въ лыткы, въ рукы, а вона чухае лыткы та лае кропыву. Взяла вона видро, шелепаеться до крыныци по кропыви та такы й мене не забула: «це мабуть, каже вона голосно, ота ыродова душа, Параска, закынула мое видро въ кропыву». Мабуть догадувалась, що я десь тутъ недалечко. Я насылу всыдила въ коноплахъ, трохы не выскочыла, та мене вже Левадыха прыдержала за спидныцю. Ій Богу, кажу до Левадыхы, нарву кропывы та простягнимо Палажку коло крыныци та даймо ій доброи прочуханкы та памьятного, щобъ не забувала видеръ. «Дывымось мы, Палажка трычи перехрестылась, щось пошептала: вже й не знаю, чы молылась, чы видьмыла, вытягла видро зъ водою и тилькы що поставыла на цямрыни, а мы зъ конопель та до неи. Левадыха вхопыла іи за плечи, бо дужча одъ мене. «Держы жъ, кажу, та добре, бо буде пручатысь!» Я вхопыла видро зъ водою та й лынула ій попереду межы очи: оце, кажу, тоби одъ очей, щобъ очыця не болилы; лынула вдруге на самисиньку голову: а це, кажу, тоби одъ головы, щобъ не була така дурна; а потимъ лыну разъ за потылыцю, а другый за пазуху. А вона стоить, якъ дурна вивця, та тилькы: ухъ! ухъ! ухъ! ухъ! «Ухай, кажу, серце, ухай на здоровьячко! Водыця холодненька, якъ зо льдомъ. Це одъ прыстриту дуже добре».

«Скупалы мы іи та й реготемося обыдви. А зъ неи вода ажъ дзюрчыть: и въ запаскы, и въ пидтычкы. Кляне вона насъ и сливъ

не добере: «бодай васъ свята земля поглынула жывымы! Бодай васъ чорты на тимъ свити облылы гарячою смолою!» «А я кажу: «покы васъ чорты обиллють, а мы тебе вже й облылы».

«Взяла Палажка порожне видро та й потяглась до дому. А Левадыха крычыть: «здорова зносы та въ краще вберысь! Це мы тебе скупалы, щобъ блохы въ ночи не кусалы.» Писля того Палажка и не говорыть зо мною и не дывытся на мене, а якъ стринется зо мною на вулыци, то обмынае мене по-надъ самисинькымы тынамы. Хибажъ вона дытына, не знае, що то булы жарты. А якъ парубкы колысь и пхнулы зъ гребли въ ставокъ, якъ вона була дивкою, то вона й не сердылась. Тры рокы писля того все хвалылась: «оце мене дурни парубкы скупалы въ ставку въ квиткахъ та въ стричкахъ та въ червоныхъ чоботяхъ». А якъ я зъ Левадыхою трохы покропыла іи водою, то вона вже и губы надула..

Несомнѣнно въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высоко талантливыми воспроизведеніями двухъ отрицательныхъ типовъ. Типы эти жизненны въ нашемъ селѣ и рисуютъ намъ всю страшную степень невѣжества нашего народа.

Отрицательный же типъ встрѣчаемъ въ «Двухъ прыятеляхъ», въ лицѣ еврея Шмуля, организовавшаго воровскую шайку, и въ концѣ концовъ послѣ того, какъ всѣхъ воровъ переловили, и заслали въ Сибирь, оставшагося нетронутымъ и продолжающимъ пановать.

Наконецъ, отрицательный типъ находимъ мы въ оповиданни «Невынна», гдѣ изображена воровка, мнящая себя лицемѣрно ни въ чемъ неповинной. Она въ концѣ концовъ украла образъ св. Николая и видъ образа ее очень смущалъ. Послѣ ареста мужа ея, укравшаго барильце водки и упившагося ею, она, наконецъ, пошла къ попу, исповѣдалась предъ нимъ и отдала ему краденный образъ,— тогда ей стало легче. Это—снова типъотрицательный, и вышелъ онъ изъ подъ пера И. С. Левицкаго въ прекрасномъ видѣ.

Основная черта таланта И. С. Левицкаго ясно сказалась при изображеніи того тяжелаго гнета, который выпадаетъ украинскому люду при поступленіи его на фабрики и заводы, гдѣ въ большинствѣ случаевъ руководителями работы да и предпріятій являются часто евреи. Такъ, въ повѣсти «Мыкола Джеря», посвященной Н. В. Лисенку и выдѣляющейся изъ ряда другихъ повѣстей присутствіемъ двухъ типовъ, положительнаго

характера Немыроды, жены Джери, и самого Мыколы Джери, изображены два сахарныхъ завода, на которые бѣжалъ Джеря отъ панскаго гнета передъ волей. Оба сахарныхъ завода состояли подъ управленіемъ евреевъ и на обоихъ дурно кормили рабочихъ. Особенно характеренъ еврей Абрамъ Моисеевичъ Бродковскій, посессоръ сахарнаго завода въ Черкащынѣ. „То бувъ товстый здоровый жыдъ, зъ рудою бородою, зъ сирымы очыма, въ чорній оксамытовій жылетци. На жылетци телипався важкый золотый ланцюжокъ зъ печаткою и всякымы цяцькамы; на товстыхъ куцыхъ пальцяхъ блыщалы важки золоти перстни зъ дорогымы блыскучымы камианямы. Комирчыкы й сорочка, чорный блыскучый галстухъ на шыи булы нечысти, засмальцовани, ажъ блыщалы проты сонця. Чорный довгый сюртукъ, вышневый, оксамытовый картузъ на потылыци, давалы ему дуже характерный, жыдивськый выдъ. Не вважаючы на его богате вбрання, на золото, одъ его тхнуло жыдомъ». Не менѣе характерна и его жена. «Вона була убрана зовсимъ по панськи, але іи лыце, іи нечиста одежа, чорный подилъ спидныци и роскудлане волосся на голови—все це показувало, що вона не пани». Оба они сильно сердились на явившихся на ихъ заводъ крестьянъ, когда они обращались къ самому Абраму и его женѣ на ты. «Що ты, свыню! Ну! чого ты на мене тыкаешъ? Я тоби не дамъ грошей за мисяць»—такого рода реплики даютъ они въ повѣсти на обращенія къ нимъ крестьянъ. Жидъ этотъ такъ довольствовалъ людей на заводѣ, что въ великій постъ въ его казармахъ начали умирать люди. Мѣстный попъ отказался въ концѣ концовъ причащать и хоронить жертвъ заразы. Онъ разсердился на еврея за то, что онъ, взявши заводъ въ поссессію, пересталъ давать ему, священнику, пудъ сахару и 100 руб. платы за требы на заводѣ. Въ виду такой обиды, попъ пожаловался на еврея своему благочинному. Поднялось дѣло, въ результатѣ котораго Бродковскаго легко бы засудили въ Сибирь. Но Бродковскій во время сотнями рублей погасилъ поднявшійся шумъ и снова началъ платить попу 100 руб. и пудъ сахару въ годъ. Между тѣмъ зараза, смерть не унималась на заводѣ. Пошли слухи, что жиды рѣзали ночью собакъ и мясо собачье клали въ борщъ бурлакамъ. Ватага бурлаковъ повыбивала окна у Бродковскаго. Бродковскій самъ уѣхалъ изъ села. Тогда явился въ село становой, священникъ и докторъ. Докторъ пробовалъ воду изъ источника, изъ котораго пили крестьяне, но самъ побоялся попробовать бурлацкаго борщу съ гнилою таранью да съ прибавленіемъ

крысъ для вящшаго вкуса. Велѣлъ онъ почистить и помыть казармы. Все было напрасно: бурлаки убѣгали съ завода.

Не менѣе характеристично и изображеніе еврея Лейзора Рабыненка, бывшаго на Стеблевской суконной фабрикѣ, куда поступила въ качествѣ бурлачки Васылына. Этотъ Лейзоръ Рабыненко взялся у стеблевскаго поссессора поставлять рабочихъ на заводы. Хозяинъ уплачивалъ ему наличными деньгами за каждаго поставленнаго рабочаго. Лейзоръ долженъ былъ отыскивать работниковъ, ставить ихъ на заводы, платить имъ отъ себя за работу и кормить ихъ. Коль коро врей не набиралъ нужнаго числа рабочихъ, директоры заводовъ имѣли право доставить рабочихъ, платя имъ двойную плату, при чемъ плату эту записывали на счетъ Лейзора. Поэтому то жидъ долженъ былъ заблаговременно доставлять рабочихъ и для этого держалъ своихъ агентовъ повсюду, гдѣ только можно было повыгоднѣе нанять людей. «По блызькыхъ и далекыхъ селахъ нышпорыла Лейзорова жыдивська поліція,—читаемъ въ Бурлачкѣ,—роздавала гроши наперёдъ, у той часъ, якъ мужыкамъ прыходылось дуже тяжко, а найбильше пидъ часъ выплаты подушного. Лейзорова поліція, окримъ того, заплутувала мужыкивъ у довгы й за страшни проценты тягла людей за шыю до Лейзора на заводы». Объ организаціи, придуманной Лейзоромъ, читаемъ далѣе слѣдующее: «Колы у Лейзора була тысяча робитныкивъ, и одъ каждои души зосталось по карбованцю на рикъ, то й то вже бувъ для его не поганый заробитокъ. Але Лейзоривъ интересъ бувъ той, щобъ зъ кожнои души зоставалося у его кышени якъ можна бильше карбованцивъ. Окримъ того, винъ платывъ одъ кожнои души проценты своимъ агентамъ. И Лейзоривъ заробитокъ и проценты для его поліціи—все це падало на людськи души, до котрыхъ ему було мало дила. Ти души булы не жыды, а гои, а винъ бы й жыдивъ не помылувавъ. И винъ ихъ не мылувавъ, харчувавъ такъ, що люде не выдержувалы, кыдалы пашпорты, кыдалы роботу й втикалы зъ заводивъ, куды тильки можно було втикаты. Мисцеви люде зналы жыдивськи рукы й не йшлы на заводы. Лейзоръ йиздывъ у велыкый пистъ на далеке Полисся, у бидный могылевськый та минськый край, дававъ завдатокъ биднымъ билоруссамъ саме пидъ часъ оплаты подушного, або пидъ часъ голода, бравъ въ волости ихъ пашпорты й потимъ перевозывъ ихъ на заводы. На украинськыхъ заводахъ появылысь нещасни полищукы, чы, якъ звуть ихъ на Украини, лытвыны або лапацоны. Лейзоръ державъ ихъ у такыхъ

казармахъ, харчувавъ такымы харчамы, що нещасни лытвыны, звыклы йисты невіяный та несіяный хлибъ, кыдалы заводы й тикалы въ свій голодный край». Случалось не рѣдко, что онъ добавлялъ въ пищѣ бурлаковъ свиное сало, въ которомъ кишѣли черви. Въ конторѣ Лейзора вертѣлись жидки, сухіе, длинные, проворные, постоянно гуркотящіе. У Лейзора въ подворіи ютились три жидовскія семьи: одна въ комнатѣ при его квартирѣ, другая въ надворной хаткѣ, третья въ мужичьей хаткѣ на огородѣ вблизи, Лейзорова двора. Это были полицейскіе Лейзора—Шмули, Срули, Гершки, которые нишпорили въ Стеблевѣ и въ ближайшей околицѣ, разъѣзжали бидками по селамъ, знались съ шинкарями, съ подрядчиками на заводахъ, съ мельниками изъ жидовъ, съ жидами поссессорами, знали на все цѣны, брали у мужиковъ пашню за проценты и свозили все къ своему начальнику стеблевской околицы, Лейзору Рабыненку. У Лейзора въ Одессѣ были свои высшіе начальники: жидовскіе губернаторы и министры, которыхъ онъ извѣщалъ обо всемъ и доставлялъ имъ пашню. То были министры пшеницы, ржи, гречихи и проса и даже министры свиного сала, олеи, дегтю.

Если ко всему сказанному мы добавимъ, что всѣ повѣсти Левицкаго написаны прекраснымъ, не дѣланнымъ, не кованнымъ малороссійскимъ языкомъ, что во всѣхъ ихъ замѣчаются прекрасные описанія знакомыхъ ему мѣстностей,—то мы этимъ дополнимъ поучительное содержаніе его повѣстей и разсказовъ и должны будемъ признать ихъ въ высшей степени талантливыми.

I. S.

Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. I подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. *Екатеринодаръ, 1899 г., Стр. VIII+166. Ц. 1 р.*

Года полтора назадъ возникло въ Екатеринодарѣ новое „Общество любителей изученія Кубанской области». Потребность въ такомъ обществѣ давно уже чувствовалась. Извѣстный статистическій комитетъ, не смотря на свою почтенную дѣятельность, не могъ по самымъ условіямъ своей организаціи явиться центромъ, объединяю-

щимъ мѣстныхъ изслѣдователей. Проектъ объ учрежденіи ученой архивной коммиссіи, къ сожалѣнію, не осуществился. Въ 1896 г. возникъ новый проектъ устройства общества для всесторонняго изученія края. Проектъ этотъ былъ сочувственно встрѣченъ мѣстной администраціей, и въ концѣ 1897 г. общество уже начало свою дѣятельность, и теперь передъ нами лежитъ первый выпускъ его «Извѣстій».

Содержаніе разбираемой книжки весьма разнообразно. Статья г. Ваганова «Значеніе карантинной линіи по границѣ Кубанской обл. съ Закавказьемъ въ связи съ условіями животноводства въ нагорной полосѣ» касается очень важнаго для Кубанской области вопроса объ охраненіи скота отъ эпизоотій и объ открытіи доступа продуктамъ животноводства на русскіе и заграничные рынки. Статья г. Попандопуло посвящена нефтянымъ промысламъ въ Кубанской области. Другія статьи относятся къ исторіи края. Таковы двѣ статейки извѣстнаго историка Черноморскаго козачества П. П. Короленка о первоначальномъ заселеніи черноморскими козаками Кубанской области и объ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ. Въ замѣткѣ г. Дмитренка разсказанъ эпизодъ изъ жизни некрасовцевъ на Кубани. Г. Сысоевъ начинаетъ свои «Очерки изъ исторіи Тмутараканскаго княжества» біографіей преп. Никона. Отмѣтимъ еще программу для собиранія свѣдѣній о рудахъ, минеральныхъ источникахъ и пр. Въ книжкѣ приложено два вида Екатеринодарскаго войскового собора.

Искренно желаемъ новому обществу успѣшно трудиться надъ изученіемъ родного края.

Е. К.

Щорсовская библіотека графа Литавора-Хребтовича. Краткія свѣдѣнія о собраніи рукописей. Сообщилъ С. Л. Пташицкій. *Москва 1899 г.*

Щорсы, село Новоградскаго уѣзда Минской губерніи, въ 24 верстахъ отъ уѣзднаго города, принадлежитъ графамъ Литоворамъ-Хребтовичамъ. Послѣдній литовскій канцлеръ графъ Іоахимъ Литаворъ-Хребтовичъ († 1812 г.) устроилъ здѣсь прекрасное помѣщеніе для своей богатой библіотеки, которую составилъ покупкой книгъ изъ древнихъ библіотекъ: римскаго кардинала Іосифа Имперіали, библіотеки Іосифа Залускаго и библіотекъ 150 упраздненныхъ галицкихъ

монастырей. Настоящій владѣлецъ Щорсъ К. А. Бушеневъ-Хребтовичъ озаботился приведеніемъ ея въ порядокъ и описаніемъ. Не ожидая, пока выйдетъ въ свѣтъ это послѣднее съ изложеніемъ всѣхъ подробностей, авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о хранящихся въ библіотекѣ 129-ти рукописяхъ. Содержаніе ихъ очень разноообразно: здѣсь мы встрѣчаемъ и книги Литовской метрики, и дипломатическую переписку, сеймовыя конституціи, лявдумы сеймиковъ западнаго края, всякаго рода юридическіе документы, частную переписку, литературныя произведенія, историческія сочиненія, законодательные памятники, и проч. и проч. Въ частности укажемъ на такія рукописи, какъ рукопись XVI в. на польскомъ и латинскомъ языкахъ 2-го литовскаго статута; она пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ, какъ дополненіе, и быть можетъ, поправка и объясненіе русской рукописи этого же статута, найденной нами случайно подъ искаженнымъ заглавіемъ въ библіотекѣ Почаевской Лавры [1]). Русская рукопись, хотя и не полная, во многомъ однако дополняетъ и исправляетъ напечатанный во «Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей» подъ редакціей О. М. Бодянскаго списокъ лит. Статута; сопоставленіе всѣхъ этихъ редакцій Литовскаго закона 1566 г. должно дать богатые результаты; въ виду этого, изданіе Статута Щорсовской библіотеки было бы теперь весьма кстати. Въ числѣ рукописей этой библіотеки находятся также и письма Богдана Хмельницкаго. Вообще трудно опредѣлить весь интересъ, всю важность рукописнаго матеріала библіотеки въ краткой рецензіи, и трудъ г. Пташицкаго служитъ весьма цѣннымъ пособіемъ для археографа.

И. Каманинъ.

Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ. Древніе памятники искусства Кіева: Софійскій соборъ, Златоверхо-Михайловскій и Кирилловскій монастыри. *Харьковъ, 1899 (стр. 62)*

Настоящая брошюра, представляющая оттискъ изъ «Трудовъ педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго об-

---

[1]) Рукопись Статута была обязательно прислана изъ Лавры на палеографическую выставку XI-го археологическаго съѣзда и обратила на себя вниманіе спеціалистовъ.

щества», преслѣдуетъ чисто педагогическія цѣли. «Въ послѣднее время у педагоговъ, говорится въ предисловіи, явилась благая мысль — знакомить учащееся молодое поколѣніе съ родиной, ея памятниками — при помощи лѣтнихъ образовательныхъ поѣздокъ, устройствомъ (sic) историко-географическихъ чтеній, съ иллюстраціями, возсоздающими предъ ними (sic) различныя наиболѣе интересныя мѣста родины, ея замѣчательные памятники. Кіевъ... особенно богатъ важными, замѣчательными древними памятниками искусства (sic)... Краткое ознакомленіе съ ними... составляетъ задачу настоящей книжечки, которая можетъ послужить матеріаломъ для указанныхъ выше чтеній, путеводителемъ при личномъ обозрѣніи указанныхъ святынь Кіева».

Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ мы невправѣ ожидать чего-нибудь новаго, оригинальнаго. И дѣйствительно, брошюра представляетъ только сокращенное изложеніе спеціальнаго изслѣдованія (тѣхъ же) пр. Айналова и Рѣдина, изданнаго въ 1889 г. подъ руководствомъ пр. Кондакова («Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи». Спб. 1889) и соотвѣтствующихъ частей извѣстнаго изданія гр. Толстого и пр. Кондакова «Русскія древности въ памятникахъ быта (выпускъ IV—1891 г. и V—1897). Поэтому мы считаемъ излишнимъ разсматривать брошюру со стороны ея содержанія: названныя сочиненія давно уже пользуются заслуженною извѣстностью не только среди спеціалистовъ, но и въ болѣе обширномъ кругу читателей, и мысль сдѣлать ихъ доступными для юношества заслуживаетъ полнаго сочувствія. Вопросъ только въ томъ, насколько удачно выполнена эта задача: дѣйствительно-ли настоящая переработка принаровлена къ пониманію учащагося юношества? Намъ кажется, что съ этой стороны брошюра пр. А—ова и Р—ина представляетъ существенные недостатки. Она представляетъ, въ сущности, не переработку, а сокращенное изложеніе названныхъ ученыхъ изслѣдованій. Общихъ руководящихъ указаній, необходимыхъ для неподготовленнаго читателя, въ ней совсѣмъ не встрѣчается; это—просто подробное описаніе памятниковъ кіевскаго искусства съ ссылками на аналогичные памятники искусства византійскаго и западно-европейскаго, едва-ли извѣстные предполагаемымъ читателямъ (особенно часто упоминается церковь св. Марка въ Венеціи и соборъ въ Монреалѣ), и на литературныя произведенія, имъ совершенно неизвѣстныя (напр. Гамиліи монаха Іакова Кокцинобофскаго). Въ этомъ отношеніи спеціальное изслѣдованіе пр. А—ова и Р—ина было бы

болѣе доступно для неподготовленнаго читателя,—въ немъ есть, напр., довольно полный очеркъ апокрифическихъ Евангелій, сказанія которыхъ послужили сюжетами для нѣкоторыхъ фресокъ Софійскаго собора. Въ текстѣ часто встрѣчаются, безо всякихъ объясненій, различные спеціальные термины, которые тоже останутся непонятными, напр.: абсида, конха, нефъ, патера, хоронъ, стемма, далматика, оранта, деисусъ, (послѣднее слово опять полнѣе объяснено въ спеціальномъ изслѣдованіи пр. А и Р.). Наконецъ, по нашему мнѣнію, въ популярной брошюрѣ должны имѣть мѣсто только безспорныя положенія, а не личныя мнѣнія авторовъ, между тѣмъ въ настоящей брошюрѣ встрѣчается два такихъ мнѣнія: это оцѣнка мозаичныхъ изображеній Михайловскаго монастыря и мнѣніе о высокой культурѣ славянъ въ эпоху образованія ими государства, основанное на археологическихъ находкахъ, относящихся къ болѣе позднему времени. Распространяться объ этихъ мнѣніяхъ, принадлежащихъ пр. Кондакову, мы, впрочемъ, не станемъ, такъ какъ уже имѣли случай высказаться о нихъ на страницахъ «Кіевской Старины» (въ рецензіяхъ на «Русскія древности» —вып IV въ К. С. 1892 г. № 1 и вып. V—въ К. С. 1897 г. № 5).

Не смотря на всѣ указанные недостатки, брошюра пр. А—ова и Р—ина заключающая подробное описаніе и объясненіе важнѣйшихъ и памятниковъ кіевскаго искусства, можетъ принести большую пользу тому кругу чатателей, для котораго она предназначается (въ особенности, если чтеніе будетъ сопровождаться необходимыми разъясненіями); а многочисленные, прекрасно исполненные рисунки (числомъ 70), заимствованные изъ «Русскихъ древностей», еще болѣе увеличиваютъ ея цѣнность.

В. Щербина.

Корыстни звирятка. Кажанъ, йижакъ и зинське щеня (критъ). Напысавъ О. Степовыкъ. *Зъ малюнкамы. Изданіе Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. № 1. С.-Петербургъ 1899. ц. 3 коп.* [1]

Какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», въ декабрѣ минувшаго года въ С.-Петербургѣ возникло Благотворительное Об-

---

[1]) Кстати сдѣлаемъ поправку невѣрнаго извѣстія, сообщеннаго нами въ прошломъ номерѣ: „Общество" не издавало книжки „Мале зернятко". какъ было у насъ сказано (см. стр. 21-я, 2-го отд.).

щество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ на понятномъ народу языкѣ, имѣющее въ виду удовлетворить, согласно § 1 своего устава, давно назрѣвшую потребность малорусскаго народа въ такого рода изданіяхъ. Къ сожалѣнію, первые же шаги дѣятельности молодого общества сопровождались крупными неурядицами, возникшими благодаря не въ добрый часъ поднятому въ общемъ собраніи еврейскому вопросу. Неурядицы эти вызвали пререканія на столбцахъ столичной прессы и дали поводъ нѣкоторымъ фельетонистамъ вдоволь позубоскалить и при сей удобной оказіи затронуть малорусскій вопросъ. Все это могло бы имѣть печальныя послѣдствія, убивъ въ зародышѣ доброе дѣло, но, къ счастью, лежащая передъ нами книжка даетъ право предположить, что молодое общество покончило со своими распрями и приступило къ мирной и давно ожидаемой дѣятельности.

Настоящая брошюра заключаетъ въ себѣ три популярныхъ естественно-историческихъ этюда, имѣющихъ цѣлью разсѣять укоренившійся въ народѣ предразсудокъ, будто три звѣрька (летучая мышь, ежъ и кротъ) являются вредными и опасными для человѣка животными и подлежатъ нещадному уничтоженію. Съ этой стороны, конечно, вышеупомянутую книжку надо признать желательной и полезной, тѣмъ болѣе, что составлена она толково и написана хорошимъ языкомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и другой вопросъ, а именно—нѣтъ ли въ народной жизни предразсудковъ болѣе опасныхъ, вопросовъ болѣе жгучихъ, для разъясненія которыхъ простолюдину особенно необходима помощь культурнаго человѣка? Отвѣтъ, кажется ясенъ... Гигіена, медицина, сельское хозяйство, вообще экономическія и правовыя отношенія—все это представляетъ для народа такія дебри, изъ которыхъ онъ не скоро еще выпутается. По этимъ вопросамъ можно и надо издать неодинъ десятокъ популярныхъ книгъ, что, конечно, потребуетъ немалыхъ денежныхъ средствъ, а ими-то врядъ ли въ достаточной мѣрѣ обладаетъ только что народившееся общество, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

С. Н.

Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года.

Русская Мысль №№ 1—6.

Профессоръ въ деревнѣ. Н. В. Кропивницкой (№ 4, стр. 128—142). Маленькій очеркъ изъ жизни малорусской деревни, въ которомъ въ беллетристической формѣ дается образъ деревенскаго портного Андрія Кривого, прославившагося на весь околотокъ своимъ искусствомъ. Этотъ образъ, вызывающій въ читателѣ симпатію къ себѣ своей несчастной долей съ самаго дѣтства, нарисованъ авторомъ блѣдно, такъ что типъ ничего собой не выражаетъ. О томъ, что это типъ малорусскій, узнаемъ исключительно изъ словъ самаго автора, да изъ нѣсколькихъ разговоровъ, проведенныхъ на малорусскомъ языкѣ.

Еще о сельскомъ кредитѣ. В. Хижнякова. (№ 6, стр. 131—159). Въ статьѣ разсматривается состояніе волостныхъ сберегательно-вспомогательныхъ кассъ въ Черниговской губ., открытыхъ на основаніи Положенія 7 марта 1840 года, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, а также сельскихъ банковъ, учрежденныхъ на основаніи устава 1883 года. Авторъ, какъ бывшій предсѣдатель Черниговской Губернской Земской Управы, хорошо знакомъ съ положеніемъ и дѣятельностью всѣхъ этихъ учрежденій въ губерніи, и потому въ своей статьѣ даетъ много интересныхъ фактовъ.

Журналъ Мин. Нар. Просв. (№№ 1—6).

В. Сергѣевичъ. Русская Правда и ея списки (*№ 1, стр. 1—41).* Въ этой статьѣ дается характеристика различныхъ списковъ Русской Правды, которые авторомъ распредѣляются по тремъ *группамъ* или *фамиліямъ*. Каждая такая группа опредѣляется съ ея особенностями и устанавливается время составленія ея. Далѣе дѣлается обзоръ содержанія Правды, приводящій къ выводу, что содержаніе это не взято исключительно изъ какого-либо иностраннаго сборника, а представляетъ отраженіе современной составителю русской обычной и уставной практики. Что касается происхожденія Правды, то авторъ отрицаетъ въ ней оффиціальный характеръ, а видитъ слѣды частной работы; въ виду этого нельзя считать, чтобы Правда имѣла практическое значеніе, въ смыслѣ руководства при рѣшеніи дѣлъ.

Ѳ. Леонтовичъ. Сельскіе чиншевики въ Литовско-Русскомъ государствѣ. (№ 2, стр. 285—307). Статья эта, представляющая только начало работы (продолженія въ послѣдующихъ книжкахъ не было),

даетъ указанія на различныя научныя опредѣленія чиншевыхъ отношеній, при чемъ указывается литература предмета. Статья эта, не претендуя на полное и всестороннее разсмотрѣніе чиншевого вопроса въ западномъ краѣ, ограничивается лишь анализомъ доступныхъ въ настоящее время документальныхъ данныхъ, относящихся къ сельскихъ чиншевикамъ въ литовско-русскомъ государствѣ. Въ статьѣ прежде всего разсматривается организація чиншевыхъ отношеній по средневѣковому нѣмецкому и польскому праву, въ связи съ римскимъ ученіемъ объ эмфитевзѣ.

Некрологъ А. А. Скальковскаго, составл. В. Р. (*№ 2, современ. лѣтоп., стр. 84—86*). Даны краткія свѣдѣнія о жизни и учено-литературной дѣятельности покойнаго.

А. Веселовскій. Три главы изъ исторической поэтики (*№ 3—5*). Эта статья представляетъ продолженіе начатой печатаніемъ еще въ 1894 году обширной работы автора въ области поэтики. Въ данныхъ книжкахъ журнала мы знакомимся съ теоріей синкретизма древнѣйшей поэзіи и начала дифференціаціи поэтическихъ родовъ, т. е.— первобытная поэзія сочетала ритмованныя, орхестическія движенія съ пѣсней-музыкой и элементами слова, и только постепенно стали выдѣляться обособленные роды поэтическихъ пѣснопѣній (№ 3 и 4). Разсматривая по этому поводу разныя формы проявленія поэтическаго творчества у народовъ некультурныхъ и цивилизованныхъ, авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ останавливается на фактахъ изъ малорусской народной поэзіи (№ 3, стр. 85, 89, 91—94, 96).

А Шахматовъ. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (*№ 4, стр. 324—384*). Объ этой превосходной статьѣ было сказано уже въ нашемъ журналѣ въ № 6, отд. Библіографія, стр. 159, а подробное изложеніе содержанія статьи передано въ изслѣдованіи А. Крымскаго, Филологія и погодинская гипотеза» (см. № 9, стр. 295—307).

—

Сверхъ того, разсмотрѣны: «Вѣстникъ Европы» (№ 1—6) и «Начало» (№ 1—3 и 5, т. е. всѣ вышедшіе въ этомъ году номера), но въ нихъ ничего не оказалось относящагося къ Югу Россіи, кромѣ статьи М. Фридмана «Мечты и дѣйствительность» («Начало», № 5, стр. 29—49-я 2-го отд.), въ которой говорится объ извѣстныхъ артеляхъ, устраиваемыхъ г. Левицкимъ въ херсонской губерніи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Пѣсни Кубанскихъ и Терскихъ козаковъ для одного голоса и хора съ аккомпаниментомъ фортепіано, сборникъ *А. Бигдая.* Выпускъ IX.

Обширный трудъ А. Д. Бигдая, предпринятый имъ въ 1896 году, успѣшно подвигается впередъ: передъ нами лежитъ уже девятый выпускъ этой интересной работы, и въ непродолжительномъ времени, какъ мы слышали, имѣютъ появиться еще три выпуска, до 12-го включительно. Но и этими двѣнадцатью выпусками изданіе не ограничится, и составитель располагаетъ матеріаломъ по крайней мѣрѣ еще для восьми выпусковъ.

Послѣдній лежащій передъ нами IX выпускъ, составленъ по тому же плану, что и всѣ предыдущіе.

Представляя собою опрятно, на прекрасной плотной бумагѣ, изданную тетрадь въ 60 страницъ, выпускъ этотъ заключаетъ 40 пѣсенъ исключительно на малорусскомъ языкѣ; изъ нихъ одна половина пѣсенъ для одного голоса, а другая—для хора.

—

Bronisław Sokalski: «Powiat Sokalski pod względem geograficznym, etnograficznym, historycznym i ekonomicznym». Lwów, 1899. Naklad Museum im. Dzieduszyckich.

Обстоятельное изложеніе положенія Сокальщины (въ Галиціи), ея площади, границъ, водной сѣти, почвы и климата.

Отдѣлъ этнографическій заключаетъ въ себѣ главы о количествѣ и размѣщеніи населенія, характеристикѣ послѣдняго, обычаяхъ, обрядахъ, праздникахъ годичныхъ, «святахъ» (наиболѣе интересная часть книжки) и, наконецъ, о языкѣ; здѣсь же авторъ приложилъ словарь мало употребительныхъ выраженій, народныя «байкы» и нѣсколько пѣсенъ, сопровождающихъ работы. Затронуты также авторомъ стороны историческая (Белзъ, Сокаль, Крыстынополь, Тартаковъ и Угрыновъ) и экономическая. Въ концѣ приложенъ алфавитный списокъ городовъ, селъ и селеній, а также карта уѣзда (Gazeta Lwowska, № 203).

—

Въ № 191 галицкаго «Дѣла» помѣщена статья Івана Верхратскаго «Гоядюндя и собитка на угорскій Руси», содержащая этнографическіе матеріалы. «Гоя-дюндя» есть видоизмѣненное гагула, гагилка, гаивка,—названіе пѣсенъ, распѣваемыхъ молодежью на «Велыкдень» и въ свѣтлый понедѣльникъ; приведено нѣсколько варіантовъ. Вмѣстѣ съ этимъ приводится нѣсколько объясненій игръ: «качькы», «ступци», «крыжыкъ», «лопта», «гусята», «гаръчикы». Нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены и о «собиткахъ» (купальскомъ обрядѣ).

Въ № 217 «Дѣла» помѣщена статья П. П. подъ загл. «Зъ педагогічнои писательскои творчости Юрія Федьковича», въ которой приводится нѣсколько стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, изъ

«Читанки», составленной Федьковичемъ для народныхъ школъ, почему-то не вышедшей въ свѣтъ. Изъ стихотвореній приведены «Дытына, вогныкъ и мама», «Медвидь и бжолы», «Кинь и батигъ», «Наша хата», «Церковъ»; изъ прозаическихъ: «Перепелычка» (байка), «Убога тай богачка» (казка).

—

Въ № 196 «Beilage zuz Allgemeine Zeitung» помѣщена статья Ф. Кайндля «Bei den Rusnaken am Pruth und Dniester. Beiträge zur Volkskunde der Ruthenen (У Русиновъ на Прутѣ и Днѣстрѣ). Рядъ суевѣрій, и повѣрій, нѣсколько народныхъ разсказовъ. Оригинальнаго ничего нѣтъ.

—

Труды Черниговской губернской архивной комиссіи. Вып. 2. Черниговъ, 1899. ц. 1 руб. 20 к.

Вознесенскій I. Церковное пѣніе юго-зап. Руси по ирмологамъ XVII и XVIII вв. Вып. II. и III. Москва.

Малорусскіе разсказы. Изд. Прянишникова и Маракуева. Москва.

Малорусскія сказки. I вып.—3 к., II вып.—3 к., III вып. ц. 3 к., Изд. Прянишникова и Маракуева.

Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ. Черноморское побережье. Ц. 3 р. Спб.

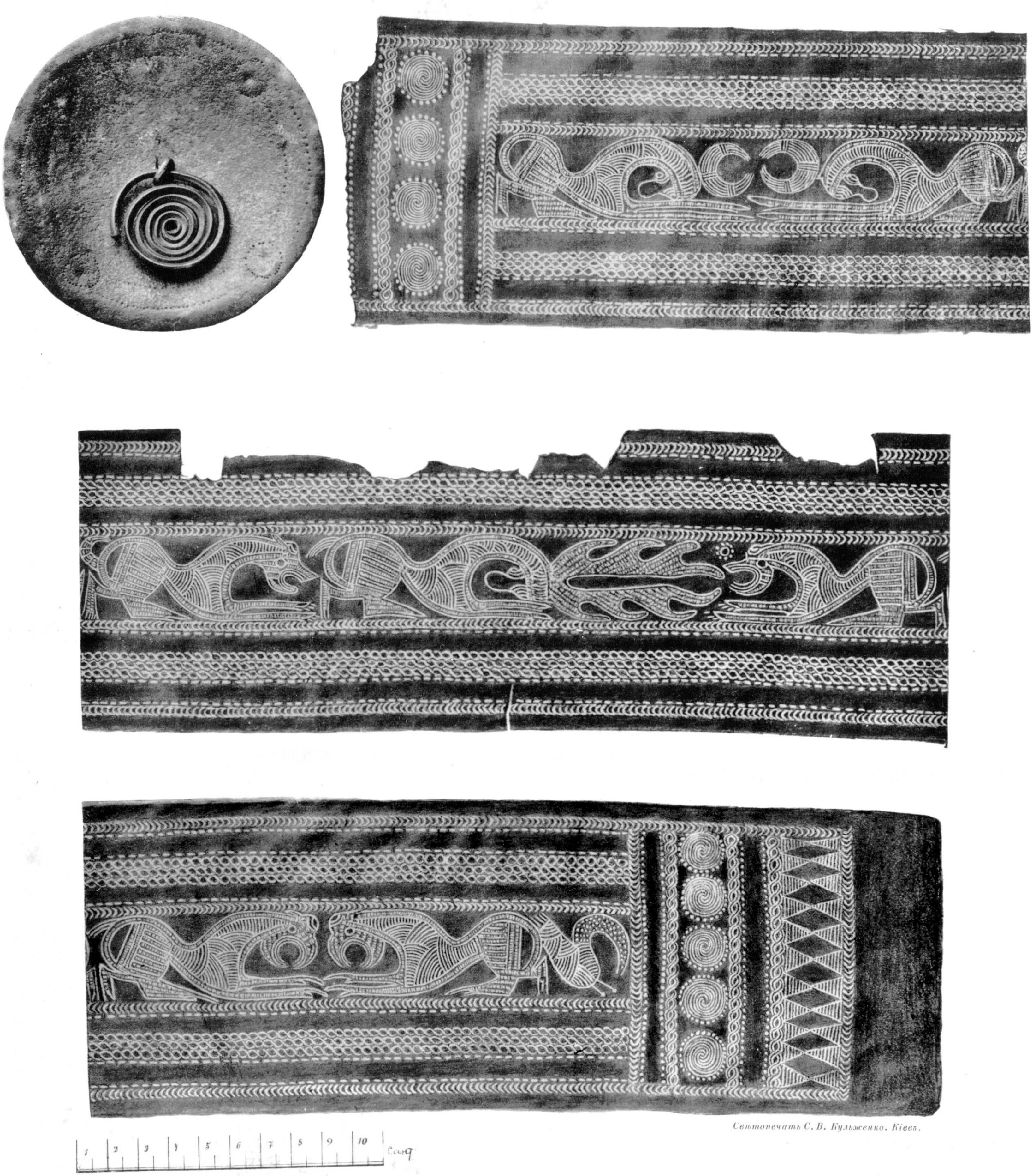
Родной край. Сборникъ матеріаловъ для описанія: Воронеж., Курской, Орлов., Черниговск. и др. губерн. Т. III. Орелъ, 1899.

Чешскій В. Задунайскіе Запорожцы Спб. 1899. Ц. 15 коп.

Г. С. *Сковорода*, украинск. филос.-пропов., стр. 15. *Я. Верховца.* Спб. 1899 г.

«Powiat trembowelski. Szkic geograficzno-historyczny i etnograficzny» *J. A. Baygera* Lwow, 1899.

Поступилъ въ продажу 2-мъ изданіемъ «Сбырнычокъ украинскихъ писень съ нотами». Одесса. Цѣна 20 к., съ перес. 25 к.



Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Мѣдный поясъ кавказскаго типа, найденный въ Кіевской губ.

Археологическая лѣтопись.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки въ с. Ковацкомъ, Херсонскаго у. Берегъ Козака, притока Днѣпра у с. Козацкаго, носитъ слѣды поселенія, существовавшаго въ глубокой древности. При расчисткѣ въ 1896 г. земли подъ виноградникъ здѣсь найдено множество черепковъ отъ античной посуды и нѣсколько цѣльныхъ вещей: два круглыхъ металлическихъ зеркала, глиняная лампочка, нѣсколько глиняныхъ пряслицъ, мозаичная серьга, кремневый скребокъ и мн. др.,—все это хранится въ херсонскомъ археологическомъ музеѣ. Прилегающая степь покрыта множествомъ кургановъ различной величины, начиная отъ едва замѣтныхъ до высокихъ, съ вершинъ которыхъ открывается далекій горизонтъ. Интересуясь изслѣдованіемъ мѣстной старины, владѣлецъ имѣнія Козацкое, князь П. Н. Трубецкой, пригласилъ сюда на-дняхъ хранителя херсонскаго археологическаго музея В. И. Гошкевича, подъ руководствомъ котораго были вскрыты 7 и 8 сентября три небольшихъ кургана. Одинъ изъ нихъ, еле видимый, заключалъ подъ своей насыпью небольшую могилу, вырытую съ запада на востокъ; въ ней лежалъ скелетъ на спинѣ, ногами къ востоку, съ нѣсколько приподнятой головой; кисти рукъ покойника были сложены на тазовыхъ костяхъ; правая нога протянута, а лѣвая согнута въ колѣнѣ вправо. Въ другомъ курганѣ насыпь была повыше—около аршина; могила, глубиною въ два аршина, была вырыта въ томъ же направленіи отъ запада къ востоку. Интересно, что западная стѣнка могилы была устроена уступами, на каждой ступенькѣ лежала камен-

ная плита. Къ сожалѣнію, могила оказалась разграбленной: раздробленныя кости человѣка найдены въ могильной землѣ, а на днѣ могилы, у восточной стѣнки, оказалась полусгнившая рукоятка ножа,—желѣзнаго, судя по сохранившемуся въ рукояткѣ кусочку желѣза. Третій курганъ былъ еще нѣсколько выше: до $1^1/_2$ аршина. Могила въ немъ была также со ступеньками и также вырыта съ запада на востокъ. На днѣ могилы найдены конскія кости, а человѣкъ былъ въ небольшой пещерѣ, выдолбленной въ западной стѣнкѣ могилы. Покойникъ былъ зарытъ въ сидячемъ положеніи. Въ насыпяхъ всѣхъ трехъ кургановъ, какъ и въ самыхъ могилахъ, попадались большіе камни—мѣстный известнякъ—очевидно, нарочито туда уложенные. Кости всѣхъ трехъ покойниковъ настолько истлѣли, что при сдавливаніи ихъ между пальцами превращались въ порошокъ. Судя по устройству могилъ и способу погребенія въ связи съ указаннымъ состояніемъ костей, всѣ открытыя погребенія должны быть отнесены къ весьма отдаленнымъ временамъ. Князь П. Н. Трубецкой предполагаетъ въ будущемъ году продолжать изслѣдованіе кургановъ на своей землѣ. Найденные нынѣ въ могилахъ два человѣческихъ черепа князь любезно уступилъ херсонскому музею. («Югъ», № 436).

—

Площадки съ расписными сосудами въ Звенигородскомъ и Уманскомъ уу. Кіевской губ. Въ концѣ сентября *В. Н. Доманицкимъ* произведенъ рядъ развѣдокъ, имѣвшихъ результатомъ открытіе у *сс. Колодистаго, Луковки и Песчаной, Звенигородскаго у. и Корсунки и Глубочка, Уманскаго у.* площадокъ съ культурой, сходной съ трипольской.

Впервые площадки обнаружены у *с. Колодистаго.* Въ восточной сторонѣ этого села, на склонѣ, ограниченномъ съ одной стороны огромной глубины каменоломней, а съ другой—ручьемъ Колодистымъ, замѣчена громадная площадь, болѣе 10-ти десятинъ, со слѣдами этой первобытной культуры. Собственно вышеупомянутая каменоломня и дала возможность констатировать присутствіе площадокъ. Занимаясь вообще изслѣдованіемъ окружающей мѣстности въ археологическомъ отношеніи, В. Н. Доманицкій обратилъ вниманіе и на разрѣзы почвы, образованные выемкой каменоломни. Въ стѣнкахъ ея, на глубинѣ около $^1/_2$ арш., встрѣтился пластъ пережженныхъ кирпичей и глины, толщиной также около $^1/_2$ арш., подъ которымъ находилась масса

разнообразной посуды, цѣлой и разбитой. Болѣе тщательное обслѣдаваніе привело къ слѣдующему: вся вышеуказанная площадь оказалась занятой площадками, которыя шли, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, параллельными рядами, по направленію съ запада на востокъ; всѣхъ рядовъ площадокъ замѣчено до 8-ми, но часть ихъ совершенно уничтожена добываніемъ камня, такъ что доступными для изслѣдованія осталось около 5-ти рядовъ. Непродолжительныя раскопки, которыя можно было произвести въ данной мѣстности, дали уже давольно много интереснаго матеріала. Мы здѣсь имѣемъ цѣлый подборъ сосудовъ изъ красной, желтой и темной глины, въ видѣ горшковъ съ коническимъ дномъ, чашъ и мисокъ, типичные биноклеобразные сосуды, представляющіе нѣкоторый варіантъ съ трипольскими, цѣлыя и разбитыя глиняныя статуетки, нѣкоторыя изъ нихъ фаллическаго характера, глиняное изображеніе птичьей головы кости животныхъ съ несомнѣнными слѣдами обработки, половину, кремневого отбивного ножа и раковины Unio pictorum. Многіе изъ сосудовъ украшены или вдавленнымъ орнаментомъ изъ точекъ, насѣчекъ, полосокъ, или расписаны красной, синей и черной красками. Въ одномъ изъ сосудовъ найденъ кусокъ кремня, оббитый со всѣхъ сторонъ, и кости какого-то животнаго. Слѣдовъ металла, какъ здѣсь такъ и въ другихъ мѣстахъ, пока не обнаружено.

Близъ *с. Луковки,* на фермѣ, принадлежащей священнику Н· Доманицкому и занимающей собой плоскогорье, окаймленное съ одной стороны рѣкой Гнилымъ Тикичемъ, а съ другой ручьемъ Колодистымъ, обнаружены подобнаго-же рода площадки. Упомянутое плоскогорье имѣетъ незначительный наклонъ съ сѣвера на югъ къ р. Тикичу, и болѣе значительный съ востока на западъ къ ручью Колодистому; площадки идутъ съ сѣвера на югъ въ 4 линіи; обнаруживаются онѣ на глубинѣ 3—4 вершковъ, и, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, сначала идетъ кирпичъ, сложенный въ 1, 2 и 3 ряда, а подъ нимъ культурный слой; послѣдній, вмѣстѣ съ кирпичемъ, достигаетъ толщины $^1/_2$—$^3/_4$ арш. Пробныя раскопки, произведенныя на 6-ти площадкахъ, дали тѣ-же предметы, что и раньше: расписные сосуды, сосуды въ формѣ биноклей, фаллическія статуетки. Нужно кромѣ того отмѣтить, что небольшой уголъ данной площадки отдѣленъ отъ остальной части невысокимъ валомъ, идущимъ отъ Гнилого Тикича къ ручью Колодистому въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ. Еще въ прошломъ году тѣмъ-же изслѣдова-

телемъ вскрыта находящаяся на валу могила, относящаяся повидимому къ той-же эпохѣ, что и площадки. [1])

Слѣды такихъ-же площадокъ встрѣчены у *с. Корсунки* (*Довеньке—тожъ*) на лѣвомъ берегу р. Горнаго Тикича (здѣсь м. п. найдено глиняное грузило въ формѣ усѣченнаго конуса съ поперечнымъ отверстіемъ у вершины), у *с. Глубочка* на правомъ берегу Горскаго Тикича и на полѣ *с. Песчаной*, въ углу, образуемомъ впаденіемъ р. Выси въ Синюху.

Настоящей осенью г. Доманицкій могъ произвести только развѣдочныя раскопки площадокъ; заслуживаютъ-же онѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія, такъ какъ представляютъ большой интересъ для болѣе полнаго выясненія вопроса о площадкахъ, еще во многихъ частяхъ довольно темнаго. Но то, что добыто уже и теперь, имѣетъ немаловажное значеніе для вопроса о географическомъ распространеніи этой культуры.

Случайныя находки.

Возлѣ Княжей горы на береговой возвышенности, носящей названіе *«Велыке Городыще»*, а также и вблизи ея въ теченіи истекшаго лѣта встрѣтилось нѣсколько находокъ, указывающихъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поселеніемъ скиөской эпохи. Находки эти очень типичны: куски посуды—ручной выдѣлки и греческой лакированной, бронзовыя трехгранныя стрѣлы, бронзовыя булавки, привѣски (особенно интересно одно въ видѣ головы дикаго кабана). Въ послѣднее время тутъ-же найденъ цѣлымъ громадный сосудъ 45 стм. вышиной.

На самомъ кряжѣ Княжей горы, въ той части его, которая переходитъ уже въ поле, находился небольшой курганъ; онъ былъ раскопанъ въ 1898 г. Н. Я. Тарновскимъ, и оказался принадлежащимъ той-же скиөской культурѣ. Приводимъ дневникъ раскопки этого кургана, сообщенный намъ Н. Е. Бранденбургомъ. Курганъ вышиной около 3 арш., подъ пашней; раскопанъ колодцемъ въ 8 саженъ діам. По снятіи насыпи на $1^1/_2$ арш., кругомъ колодца обозначился кольце-

---

[1]) Объ этихъ раскопкахъ см. „Археолог. Лѣтопись" за апрѣль.

образный слой зеленоватаго глинистаго песку, видимо вынутаго изъ материка, до $^3/_4$ арш. толщиной, но на сѣв. и южной сторонѣ слой этотъ какъ-бы прерывался, образуя родъ двухъ неширокихъ проходовъ. Въ срединѣ колодца, на глуб. $2^3/_4$ арш. (отъ вершины кургана) обазначилась неправильная могильная яма, до 7 арш. въ поперечникѣ, заваленная красноватой песчанистой глиной; съ южной стороны ея оказались слѣды наклоннаго грабительскаго подкопа (ок. 2 арш. шир.), направлявшагося отъ края ямы къ вышеупомянутому южному проходу. По сторонамъ этого прохода, въ предѣлахъ колодца, рѣзко выдѣлялись два слоя: съ восточной—черный съ примѣсью углей и обгорѣлаго дерева, занимавшій до 2 кв. саж., а западной—слой красноватой пережженной земли, около 1 кв. саж.; наконецъ, съ западной-же стороны ямы лежалъ третій слой въ 2 кв. саж., состоявшій также изъ черной земли, съ большимъ содержаніемъ крупнаго угля. Всѣ эти слои были замѣтны и выше, такъ что имѣли въ толщину около 1 арш. На глубинѣ $4^1/_4$ арш. въ упомянутомъ подкопѣ найдены остатки челов. скелета, но въ безпорядкѣ, а около нихъ нѣсколько черепковъ терракотоваго росписного сосуда и орнаментированная пластинка изъ листоваго золота; кромѣ того, въ подкопѣ оказался еще развалившійся человѣч. черепъ, кость ноги крупнаго животнаго, куски красной краски, наборная бронзовая бляшка и бронзовая стрѣлка. Въ самой ямѣ, бывшей глубиной ок. 3 арш., близъ дна ея, найдено лишь нѣсколько разбросанныхъ и обломанныхъ костей человѣка и животныхъ, а также нѣсколько вещей, какъ-то: желѣзный молотокъ съ долотообразнымъ обушкомъ, три наборныхъ бронзовыхъ бляшки и 4 бронз. стрѣлки. Могила, очевидно, была разграблена еще въ древности.

—

На самой *Княжей горѣ* изъ цѣнныхъ находокъ послѣдняго времени можемъ указать на двѣ серебряныя замкообразныя серьги, украшенныя изображеніями птицъ на черненомъ фонѣ и на бронзовую, хорошо патинированную, пластинку съ грубо выгравированными на ней двумя человѣческими головами съ распущенными волосами, изображенными въ видѣ зигзагообразныхъ линій.

—

У с. Сахновки, Черкасскаго у. крестьянами случайно вскрыта могила скиѳскаго типа. При скелетѣ найдены 2 бронзовыя бляшки

въ видѣ заднихъ звѣриныхъ ногъ, бронзовый налобникъ съ птичьимъ клювомъ и конусообразныя бронз. трубочки—наборъ уздечки, затѣмъ большой желѣзный мечъ, 2 жел. наконечника копій, части жел. чешуйчатаго панцыря и много бронз. наконечниковъ стрѣлъ; изъ предметовъ украшенія оказались всего 2 бронз. булавки, бронзовый браслетъ и стеклянныя бусы.

Разныя извѣстія.

— *Подделка классическихъ древностей въ Кіевѣ.* Въ послѣдніе два года стали появляться на кіевскомъ толкучемъ рынкѣ въ продажѣ мраморныя издѣлія, якобы древне-греческаго производства, найденныя будто-бы при устройствѣ кіевской гавани. Если-бы повѣрить древне-греческому происхожденію этихъ издѣлій, то слѣдовало бы признать, что на мѣстѣ нынѣшняго Кіева находилась одна изъ древнѣйшихъ греческихъ колоній, подобныхъ тѣмъ, какими усѣяны были берега Чернаго моря за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что эти издѣлія—новѣйшаго кіевскаго производства, довольно грубыя, по техникѣ далеко уступающія подделкамъ очаковскимъ и одесскимъ. Въ прошломъ году пишущему эти строки привелось видѣть двѣ такія подделки изъ мрамора, а именно, овальный медальонъ, представляющій грубое воспроизведеніе какой-то монеты понтійско-босфорскихъ царей, съ головой царя, змѣей, перекинутой черезъ столбъ, и съ неосмысленнымъ наборомъ греческихъ буквъ, и во вторыхъ, мраморную дощечку въ $^1/_8$ листа обыкновенной писчей бумаги. На лицевой сторонѣ этой дощечки вырѣзанъ бюстъ, якобы царя, а надъ нимъ трехстрочная греческая надпись, въ которой есть нѣчто похожее на *царя* и *кесаря,* но никакого собственнаго имени этого царя не выходитъ. 17-го сего сентября пишущему предъявлена подобная мраморная дощечка, найденная будто-бы на кіевской пристани. На одной сторонѣ этой дощечки вырѣзано рельефомъ двѣ змѣи, какъ-бы готовыя броситься одна на другую, и на другой сторонѣ—рельефная-же греческая запись, дающая ясный и

опредѣленный смыслъ, но такой, который самъ по себѣ уже изобличаетъ фальсификацію этого издѣлія. Какъ будто фальсификаторъ хотѣлъ зло насмѣяться надъ неопытнымъ покупателемъ, жаднымъ до классическихъ древностей! Три первыя строки этой записи представляютъ изъ себя греческій текстъ извѣстнаго ирмоса «Крестъ начертавъ Моисей», а четвертая состоитъ изъ неосмысленнаго набора греческихъ буквъ. (Кіевское Сл. № 4202)

—

На достройку *Кіевскаго музея древностей и исскуствъ Н. А. Терещенко пожертвовано 40.000 рублей.* Благодаря этому щедрому дару возможно будетъ уже въ настоящемъ году закончить какъ наружную, такъ и внутреннюю отдѣлку зданія музея.

—

Лѣтомъ настоящаго года Императорскимъ Эрмитажемъ былъ командированъ въ Кіевъ для разборки и оцѣнки лаврской находки хранитель нумизматическаго отдѣла эрмитажа А. К. Марковъ. Послѣ продолжительной работы А. К. Марковъ представилъ отчетъ Эрмитажу объ этой находкѣ и опредѣлилъ стоимость ея въ 65.000 руб. (вмѣсто 38.000 стоимости по вѣсу металла). Эрмитажъ предложилъ собору лавры уступить ему находку по вышеприведенной оцѣнкѣ. Но въ виду предложеній нѣсколькихъ фирмъ, дававшихъ гораздо большую сумму, духовный соборъ лавры передалъ вопросъ этотъ на усмотрѣніе свят. синода. По послѣднимъ извѣстіямъ, свят. синодъ далъ свое согласіе на уступку находки Эрмитажу; такимъ образомъ, много нумизматическихъ рѣдкостей останется въ Россіи и не уйдетъ за границу, что непремѣнно-бы случилось при вольной продажѣ находки.

—

Предсѣдатель херсонской губернской архивной комиссіи *Г. Л. Скадовскій* выѣхалъ въ Одесскій у., въ с. Козырку, сосѣднее съ с. Парутинымъ для изслѣдованія въ археологическомъ отношеніи этой мѣстности и производства раскопокъ кургановъ. Въ виду близости этихъ кургановъ къ городищу древней Ольвіи и частаго нахожденія здѣсь у обрывовъ р. Буга обломковъ греческихъ издѣлій и монетъ, раскопки эти представляютъ большой интересъ. («Югъ»).

—

Въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ, выставлена новая обширная витрина, въ которой помѣщается *бронзовый гробъ съ скелетомъ.* Кромѣ скелета въ гробу находится также нѣсколько серебряныхъ чашъ съ затвердѣвшей пищей, колчанъ и сабля; скелетъ охватываетъ золотой поясъ. Гробъ со всѣмъ содержимымъ въ немъ найденъ былъ въ прошломъ году при раскопкахъ проф. Н. И. Веселовскаго *въ Кубанской области.* Находку относятъ приблизительно къ XIII в. Скелетъ прекрасно сохранился. («Кубанск. Обл. Вѣд.»).

—

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ проф. А. И. Маркевичъ, И. Л. Линниченко и г. Ящуржинскій сдѣлали доклады *о рефератахъ XI-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.* Въ общемъ проф. Маркевичъ призналъ, *что Кіевскій съѣздъ 1874 года былъ гораздо плодотворнѣе.*

—

Послѣ долгаго перерыва вышелъ 2-ой выпускъ *«Чтеній въ церковно-археологическомъ обществѣ». Кіевъ, 1899 г.* Выпускъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Дача Кіево-Братскаго монастыря «Церковщина», П. А. Лашкарева, 2) О росписаніи стѣнъ и вообще объ украшеніи Кіевскаго Владимірскаго собора Н. И. Петрова 3) Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры Н. И. Петрова. О первой и третьей статьяхъ мы уже имѣли случай говорить, 2-ая же непосредственно не касается содержанія нашей «Лѣтописи».

Памяти Н. Я. Тарновскаго[1].

Я познакомился съ Н. Я. лишь лѣтомъ 1896 года во время моей раскопки одного большого кургана въ Каневскомъ уѣздѣ, на которую онъ не замедлилъ пріѣхать верстъ за 10 изъ с. Лазурцовъ, узнавъ о моихъ работахъ, бывшихъ столь близкими его археологическимъ наклонностямъ. Кажется, именно съ этихъ поръ въ Н. Я.

окончательно укрѣпилась страсть къ курганнымъ изслѣдованіямъ, по-крайней мѣрѣ съ этого времени онъ отдался имъ вполнѣ, пользуясь всякой возможностью производить свои раскопки и притомъ уже систематически, съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ правилъ; не знаю, какъ было ранѣе, но, кажется, что если онъ и пробовалъ свои силы въ подобныхъ-же работахъ, то лишь, такъ сказать, случайно, въ качествѣ простого диллетанта, по крайней мѣрѣ по собственнымъ словамъ Н. Я., онъ тогда не имѣлъ еще подготовки и опыта и не усвоилъ значенія необходимости вести дѣло съ опредѣленной цѣлью и надлежащимъ образомъ, чтобы результаты работы получили характеръ научный.

Такъ начинали впрочемъ почти всѣ мы. Н. Я. однако быстро понялъ свои ошибки и, отнесясь съ полнымъ вниманіемъ и любовью къ получаемымъ практическимъ совѣтамъ и указаніямъ, отдался интересовавшему его дѣлу съ полнымъ увлеченіемъ и повелъ его раціональнымъ образомъ, стараясь въ то-же время ознакомиться полнѣе и съ археологической литературой. Не разъ онъ, напр., обращался и ко мнѣ лично, прося о высылкѣ той или другой книги и душевно радовался, когда ему удавалось добыть какое нибудь, уже сдѣлавшееся рѣдкимъ, изданіе. Я увѣренъ, что впослѣдствіи, когда-бы условія его жизни измѣнились, онъ составилъ бы себѣ обширную и прекрасную спеціальную библіотеку, тѣмъ болѣе, что владѣлъ иностранными языками и, слѣдов., имѣлъ широкій доступъ къ литературѣ; вообще, насколько я могъ узнать Н. Я., въ немъ были большіе задатки къ серіозной работѣ, такъ что, найди себѣ эти задатки ранѣе надлежащую почву, если-бы напр. Н. Я. своевременно примкнулъ къ мѣстному кружку людей, интересующихся научными вопросами, то изъ него выработался бы основательный археологъ. Но судьба судила иначе и скосила его въ самомъ началѣ новой его дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе Н. Я. успѣлъ оставить послѣ себя слѣдъ своей довольно обширной коллекціей мѣстныхъ доисторическихъ древностей, которую онъ собиралъ, не щадя издержекъ, какъ посредствомъ своихъ

---

[1]) 11-го сентября исполнился годъ со дня смерти Н. Я. Тарновскаго; что бы почтить память его, мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Лѣтописи“ любезно доставленныя намъ воспоминанія о немъ Н. Е. Бранденбурга.

Н. Б.

личныхъ раскопокъ, такъ и при помощи своихъ спеціальныхъ агентовъ. Не разъ лично при мнѣ къ нему приносили разныя вещи не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній; не разъ случалось, что услышавъ о какой нибудь находкѣ, онъ летѣлъ самъ на мѣсто ея, иногда за 30—40 верстъ, несмотря ни на дурную погоду, ни на сквернѣйшія дороги, чтобы только не упустить случая, и въ результатѣ всего этого коллекція его заключала въ себѣ многіе предметы высокаго археологическаго интереса. Нѣсколько любопытнѣйшихъ находокъ было сдѣлано непосредственно и имъ лично; такъ, мнѣ извѣстна его раскопка одного кургана въ Черкасскомъ уѣздѣ, именно на Княжей Горѣ, гдѣ ему удалось сдѣлать даже важное, едва-ли не первое въ своемъ родѣ открытіе, именно констатировать существованіе могилъ бронзоваго вѣка въ среднемъ Приднѣпровьѣ, что до сихъ поръ отвергалось многими археологами, но, очевидно, преждевременно, такъ какъ въ упомянутомъ случаѣ Н. Я. открылъ глубокую курганную могилу съ слабыми остатками человѣческаго скелета, при которомъ между прочимъ оказался бронзовый цельтъ! Извѣстна мнѣ его-же раскопка въ Каневскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ нашелъ интереснѣйшій экземпляръ вооруженія Скиѳо-сарматской эпохи и друг. Вообще въ коллекціи Н. Я., сколько могу припомнить, находилось нѣсколько подобныхъ-же лично имъ сдѣланыхъ находокъ, представляющихъ выдающійся интересъ, но къ сожалѣнію оставшихся неизданными, но еще болѣе заключалось предметовъ изъ числа находокъ случайныхъ, скупленныхъ имъ изъ разныхъ рукъ, между которыми были, напр., очень рѣдкіе образцы оружія бронзоваго вѣка (особенно замѣчательны экземпляры короткаго меча и копья, пріобрѣтенные имъ за довольно дорогую цѣну); находились такіе рѣдчайшіе экземпляры, какъ, напр., боевой топоръ-молотъ изъ рога и др.; кромѣ того у него-же было собраніе мѣстныхъ находокъ римскихъ монетъ, не мало цѣнныхъ предметовъ позднѣйшаго княжескаго періода, былъ, напр., замѣчательнѣйшій въ своемъ родѣ экземпляръ прекраснаго съ перегородчатой эмалью энколпіона, собраніе разныхъ бытовыхъ древностей и т. д. Вся эта коллекція, подробно зарегистрованная покойнымъ, доходила до нѣсколькихъ тысячъ номеровъ, но какая участь ее постигла нынѣ, мнѣ неизвѣстно.

Да, жаль Николая Яковлевича, какъ начинавшаго и обѣщавшаго археолога; изъ него вышелъ-бы одинъ изъ усерднѣйшихъ мѣстныхъ

дѣятелей въ этой области и не пассивный лишь коллекціонеръ, но работникъ на пользу археологіи. Жаль, что онъ не успѣлъ даже издать собранныхъ имъ матеріаловъ, о необходимости чего не разъ говорилъ мнѣ. Нельзя не отмѣтить въ Н. Я. и той черты, что онъ на научные интересы смотрѣлъ шире, чѣмъ многіе. Кто напр. еще при жизни своей, будучи самъ рьянымъ собирателемъ древностей, рѣшился бы безкорыстно поступиться обладаніемъ нѣсколькими интереснѣйшими въ своемъ родѣ предметами въ пользу учрежденія правительственнаго или общественнаго? Въ коллекціи Н. Я. былъ любопытнѣйшій экземпляръ вооруженія Скиѳо-сарматской эпохи (мечъ, два копья, наборный кожаный поясъ и остатки колчана съ бронзовыми стрѣлами) и когда я намекнулъ ему, какой интересъ и значеніе имѣютъ эти предметы для собранія подобнаго рода древностей Историческаго Артиллерійскаго музея въ С.-Петербургѣ, то Н. Я. не поколебался подарить эту свою находку послѣднему! Другой разъ былъ доставленъ очень рѣдкій экземпляръ древняго шлема изъ одной курганной могилы, разграбленной кладоискателями и Н. Я., услыша мнѣніе (на этотъ разъ отъ другого лица), что подобныя вещи особенно важны для спеціальныхъ коллекцій того-же музея, снова не задумался пожертвовать шлемъ послѣднему!.. Имѣя напр. въ своемъ распоряженіи всѣ курганы на обширныхъ земляхъ своего отца, слѣдов., матеріалъ лично для него цѣнный и крайне интересный, онъ тѣмъ не менѣе въ уважительныхъ случаяхъ не дѣлалъ изъ него запрещеннаго для постороннихъ изслѣдователей плода и не только дѣлился имъ на пользу общую, но содѣйствовалъ даже своей личной помощью и притомъ безъ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ. Все это черты не заурядныя, рекомендующія ширину воззрѣній Н. Я. на научные интересы и много говорятъ въ пользу покойнаго.

Касаясь нравственнаго облика Н. Я., нельзя умолчать и о томъ, съ какою готовностью онъ всегда спѣшилъ на оказаніе медицинской помощи обращавшимся къ нему. Н. Я. обладалъ нѣкоторыми медицинскими познаніями, пріобрѣтенными имъ по собственной иниціативѣ на спеціальныхъ курсахъ за границей, такъ что къ нему нерѣдко обращались за совѣтами даже не одни мѣстные крестьяне. Я самъ не разъ пользовался его помощью и не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ напр. въ его квартиру въ Лазурцахъ собирались десятками мужики изъ окрестныхъ деревень въ тѣ дни, когда мы съ нимъ произ-

водили раскопки по сосѣдству и могли пріѣзжать домой обѣдать. Несмотря на то, что, пробывъ на работѣ съ ранняго утра, мы оба крѣпко жаждали хотя-бы кратковременнаго отдыха, Н. Я. немедленно принимался за больныхъ, затѣмъ наскоро обѣдалъ и вмѣсто отдыха снова выходилъ къ нимъ, а покончивъ, уже надо было снова отправляться на работы; иногда въ эти промежутки ему проходилось даже уѣзжать за нѣсколько верстъ для подянія помощи заболѣвшему. Помню, разъ въ Черкасскомъ уѣздѣ, послѣ утомительнаго рабочаго дня, когда больше ни о чемъ и думать-то не хотѣлось, какъ лишь-бы скорѣе напиться чаю да лечь спать, къ намъ на убогой телѣжонкѣ пріѣхалъ какой-то мужикъ просить Н. Я. навѣдать больного, и измученный Н. Я., не взирая на усталость, немедленно потащился куда-то верстъ за пять... Признаюсь, мнѣ при данныхъ условіяхъ это показалось просто подвигомъ!

Какъ товарищъ на работахъ, Н. Я. былъ незамѣнимъ. Всегда готовый на всякое археологическое предпріятіе, всегда добрый и энергичный, не взирая ни на пыль, ни на жару, ни на дурную погоду, онъ былъ неоцѣненнымъ помощникомъ и сотоварищемъ. Немало дней и ночей мнѣ пришлось провести бокъ о бокъ съ нимъ то въ тѣсной крестьянской хатѣ, то въ палаткѣ среди поля, и ни разу онъ не возбудилъ противъ себя какого либо, даже скрытаго неудовольствія, хотя разница въ лѣтахъ между нами была большая. Деликатный и внимательный, онъ невольно подкупалъ къ себѣ; никакія лишенія его не пугали; хлебали, бывало, мы съ нимъ недѣлями на раскопкахъ и крестьянскій борщъ и щи собственнаго на керосиновой кухнѣ издѣлія, но это нисколько не вліяло на его настроеніе и не охлаждало рвенія къ работамъ, а между тѣмъ онъ въ жизни своей видѣлъ много, былъ членомъ семьи богатой, привыкъ къ полному довольству и въ свое время даже пожилъ очень широко, о чемъ любилъ вспоминать, иронизируя впрочемъ надъ ошибками своей молодости и называя себя въ шутку «когда я былъ аркадскимъ принцемъ»!.. Все это рисуетъ его добродушіе и невольно возбуждало къ нему симпатіи.

Н. Я., можно сказать, палъ жертвой своего увлеченія археологіей. Въ прошломъ августѣ онъ во время нашихъ совмѣстныхъ раскопокъ имѣлъ неосторожность, или несчастье, напиться дурной воды и зара-

зился брюшнымъ тифомъ. Вскорѣ затѣмъ мы перебрались въ с. Ромашки Каневск. уѣзда, гдѣ расположились въ палаткѣ на небольшомъ курганномъ кладбищѣ; здѣсь Н. Я. уже началъ чувствовать недомоганіе, но боролся съ собой и уже полубольной сдѣлалъ все таки со мной еще археологическую экскурсію по Днѣпру. Въ ночь на Успеніе погода вдругъ перемѣнилась, поднялся пронзительный холодный вѣтеръ, пронизывавшій насквозь палатку, и въ результатѣ мы оба простудились. Я отдѣлался отчаяннымъ флюсомъ, Н. Я. почувствовалъ себя настолько худо, что несмотря на свое самообладаніе вынужденъ былъ оторваться отъ своихъ любимыхъ раскоповъ и спѣшить вернуться въ свою новую резиденцію въ с. Пекаряхъ, гдѣ у него была на Днѣпрѣ усадьба. Не могу не вспомнить и тутъ объ одномъ фактѣ, рисующемъ всю неисчерпаемую любезность этого человѣка; Н. Я., зная, что мнѣ придется перенести раскопки въ Ромашкахъ версты за 4 отъ селенія и что ежедневно туда путешествовать будетъ довольно тягостно, счелъ возможнымъ пожертвовать своими личными удобствами и, несмотря на свое болѣзненное состояніе, отъѣхавъ верстъ 10, вернулъ обратно свою четверку лошадей съ экипажемъ въ мое полное распоряженіе, а самъ поѣхалъ далѣе на чужихъ! Кто другой это сдѣлаетъ!.. Таковъ онъ былъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ я могъ видѣть.

Покончивъ раскопку, я поѣхалъ къ нему въ Пекари проститься передъ моимъ отъѣздомъ изъ Кіевской губерніи. На дорогѣ встрѣтилъ его отца, возвращавшагося изъ Пекарей и передавшаго мнѣ, что хотя Н. Я. боленъ серіозно, но опасности нѣтъ, а между тѣмъ дни послѣдняго были уже сочтены... Въ Пекаряхъ, какъ оказалось, Н. Я. лежалъ уже на смертномъ одрѣ и умиралъ въ одиночествѣ, лишь среди своихъ любимыхъ древностей; при немъ находилась только сестра милосердія и два дня пробылъ я, не подозрѣвая, какъ и всѣ его родные, приближающейся катастрофы. Онъ находился въ полномъ сознаніи и, лежа въ постелѣ, попрежнему интересовался археологіей, глубоко сожалѣлъ, что не въ состояніи сопровождать меня въ Екатеринославскую губернію на дальнѣйшія мои раскопки и предавался будущимъ планамъ. Однимъ изъ послѣднихъ его мечтаній было принятіе у себя на исторической Княжей Горѣ въ Пекаряхъ предстоящаго въ 1899 г. Археологическаго съѣзда, когда послѣдній будетъ совершать свои проектированныя экскурсіи, и въ числѣ организаторовъ котораго онъ состоялъ въ качествѣ члена Распорядительнаго Комитета;

мечталъ сдѣлать пріемъ этотъ при особой археологической обстановкѣ, хотѣлъ встрѣтить съѣздъ на Княжей Горѣ при освѣщеніи ея вечеромъ кострами и смоляными бочками, встрѣтить хлѣбомъ—солью; его очень забавляла мысль, какъ будутъ «рабы» разносить вино въ древнихъ амфорахъ, занимало, какое оживленіе вызоветъ въ присутствующихъ эта оригинальная обстановка, какія рѣчи будутъ раздаваться на Княжей Горѣ, и т. д.; но помимо этого онъ еще болѣе интересовался будущей научной дѣятельностью съѣзда, на которомъ предполагалъ внести и свою лепту, именно сдѣлать докладъ о новыхъ находкахъ римскихъ монетъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ. Мечтамъ его однако не суждено было осуществиться;—28 августа я простился съ Н. Я., никакъ не думая, что вижу его въ послѣдній разъ, а недѣли три спустя былъ пораженъ извѣстіемъ, что 11-го сентября его уже не стало... Произошли какіе-то усложненія въ болѣзни и послѣдняя свела Н. Я. въ преждевременную могилу. Бѣдняга закрылъ глаза одинъ, въ своихъ любимыхъ Пекаряхъ, не имѣя утѣшенія видѣть около себя никого изъ близкихъ людей... Миръ праху твоему дорогой сотоварищъ.

Н. Бранденбургъ.

Н. П. Черневъ.

(*Некрологъ*).

3 октября скончался, послѣ продолжительной и изнурительной болѣзни, одинъ изъ видныхъ мѣстныхъ археологовъ Н. П. Черневъ. Покойный, сынъ генералъ-маіора, родился въ 1858 г. въ Оренбургѣ. Высшее образованіе покойный получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1880 году поступилъ на службу въ главное военно-судебное управленіе. Отсюда въ томъ-же году онъ былъ камандированъ въ военно-юридическую академію для слушанія спеціальныхъ курсовъ, гдѣ и оставался до 1881 года. Послѣ этого онъ былъ командированъ для практическихъ занятій въ оренбургскій военно-окружной судъ, а вскорѣ затѣмъ, 22 авг. 1881 г., назначенъ кандидатомъ на военно-судебныя должности при кіевскомъ военно-

окружномъ судѣ. Но и поступивъ на службу, покойный продолжалъ свое самообразованіе и приготовлялъ магистерскую диссертацію «О преступленіяхъ противъ женской чести».

Въ Кіевѣ онъ предался наукѣ и оставилъ службу; особенное вліяніе имѣлъ на него проф. Кистяковскій, читавшій лекціи по обычному русскому праву.

Но 13 января 1885 г. скончался профессоръ Кистяковскій, и Н. П. Черневъ, встрѣтивъ неожиданное препятствіе въ своихъ ученоюридическихъ занятіяхъ, постепенно сталъ увлекаться памятниками русской древности, которыми такъ богатъ нашъ Кіевъ, и даже составилъ свою небольшую коллекцію русскихъ монетъ. Эти археологическія стремленія его опредѣлили собою дальнѣйшіе шаги его жизни. Въ 1887 г. онъ поступилъ въ С.-Петербургскій археологическій институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ съ отличіемъ, со степенью дѣйствительнаго члена его. Въ 1890 г. онъ поступилъ на службу въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, гдѣ въ послѣдніе годы и до самой смерти занималъ должность старшаго помощника дѣлопроизводителя. Подкравшаяся къ нему въ этотъ періодъ жизни его злая болѣзнь не дала ему возможности выдвинуться далѣе на служебномъ поприщѣ. Но и въ этотъ періодъ времени Н. П—чъ не оставлялъ научныхъ стремленій своихъ, закончилъ свою магистерскую диссертацію и составилъ на свои не богатыя средства не большую, но рѣдкую, тщательно и осторожно подобранную коллекцію крестиковъ и образковъ великокняжеской эпохи изъ раскопокъ на Княжей Горѣ, близъ г. Канева и др. мѣстъ. Она экспонировалась во время минувшаго XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ одномъ изъ залъ новооткрытаго музея кіевскаго общества древностей и искусствъ. Даже и въ домашней жизни, и въ обстановкѣ покойный любилъ окружать себя предметами, носящими печать художественной старины.

Изъ этого уже краткаго перечня обстоятельствъ жизни покойнаго можно видѣть, что вся его сравнительно не долгая жизнь проникнута была упорнымъ стремленіемъ къ самообразованію, къ свѣту и истинѣ. И, дѣйствительно, рѣдко въ наше время, особенно въ провинціи, можно встрѣтить людей съ такимъ широкимъ образованіемъ и съ такою искреннею любовію и стремленіемъ къ научнымъ изысканіямъ въ области русской науки и въ частности археологіи, какими отличался покойный Н. П—чъ. Ученыя общества въ Россіи

цѣнили его богатую эрудицію и избирали его въ свои члены. Такъ, онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ кіевскаго юридическаго общества, С.-Петербургскаго археологическаго института, Императорскаго русскаго археологическаго общества, московскаго нумизматическаго общества, кіевскаго историческаго общества Нестора лѣтописца и церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи. Къ этому послѣднему обществу и особенно къ его церковно-археологическому музею покойный имѣлъ, можетъ быть, и по мѣсту своего жительства, особенно близкія отношенія: снабжалъ его дублетами изъ своихъ коллекцій и, совмѣстно съ А. Ф. Новицкимъ, составилъ описаніе монетныхъ коллекцій церковно-археологическаго музея, остающееся въ рукописи. Намъ извѣстны слѣдующіе печатные труды покойнаго:

1) «Нѣсколько словъ по поводу книги Его Императорскаго Высочества, Великаго князя Георгія Михайловича: «Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія»,—библіографическая статья въ «Трудахъ Кіевской дух. Академіи», за іюнь 1886 г., и отдѣльными оттисками.

2) «Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ», С.-Петербургъ, 1888 г. (напечатанныя по распоряженію С.-Петербургскаго археологическаго института).

3) Quelques monnaies russes rares ou inédits. (Extrait de l' Annuaire de la Société française de numismatique, année 1888). Macon. 1888.

4) «Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго», Б.(олсуновскаго и Ч.(ернева). Кіевъ. 1889.

5) «Е. И. В. Великій Князь Георгій Михайловичъ. Монеты царствованія Императора Николая I. С.-Пб. 1890. F°. XII+281 стр., съ портретомъ и 41 таблицею,—библіограф. статья въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», октябрь, 1890 г., стр. 412—415, и отдѣльными оттисками.

6) «Историческія замѣтки о трехъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи» (Мазепинцахъ, Выдубицкомъ монастырѣ и Княжей Горѣ) въ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ», издававшемся въ 1890—1893 гг. покойнымъ Н. А. Леопардовымъ при сотрудничествѣ Н. И. Чернева и даже предпринятомъ по его идеѣ, вып. I, 1890 г. стр. 11 и 12.

7) «Замѣтка о неизданныхъ и рѣдкихъ монетахъ», тамъ-же, вып. 3—4, 1891 г. стр. 7—13.

8) «О нѣжинскихъ сребренникахъ съ именемъ Петръ», тамъ-же, стр. 21—28

9) «Нѣсколько словъ по поводу вновь найденнаго экземпляра «Ярославля сребра» скандинавскаго типа, въ «Трудахъ Московскаго Нумизматическаго Общества», первый полутомъ, Москва, 1893 года, стр. 97—102.

10) «Каменныя и глиняныя иконки княжеской эпохи», съ таблицею снимковъ съ 9-ти предметовъ, въ «Кіевской Старинѣ» за августъ сего 1899 г., въ «Археологической лѣтописи Южной Россіи»,— стр. 91—97, и въ особыхъ оттискахъ этой лѣтописи. Статья основана главнымъ образомъ на предметахъ изъ собственной коллекціи покойнаго.

Кромѣ того, покойный Н. П. Черневъ негласно принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіи къ изданію К. В. Болсуновскаго «Дрогичинскія пломбы, ч. I, съ XXI таблицей». Кіевъ, 1894.

Не можемъ указать другихъ печатныхъ трудовъ покойнаго ученаго, такъ какъ часто онъ по скромности или подписывался только иниціалами подъ своими статьями, или-же и совсѣмъ не подписывался.

Послѣ покойнаго Н. П. Чернева остались—вышеупомянутая коллекція крестиковъ и образковъ великокняжеской эпохи, полученныхъ изъ раскопокъ «Княжей Горы», и его магистерская диссертація «О преступленіяхъ противъ женской чести», въ рукописи, но совершенно обработанная и законченная въ научномъ отношеніи. И лучшею памятью по покойникѣ, а вмѣстѣ и подаркомъ для науки, было-бы пріобрѣтеніе археологической коллекціи его, въ цѣломъ ея видѣ, однимъ изъ кіевскихъ археологическихъ музеевъ и напечатаніе его магистерской диссертаціи въ какомъ-либо ученомъ журналѣ.

Н. П.

—

Не могу не прибавить и отъ себя нѣсколько словъ къ выше приведенному некрологу Николая Павловича Чернева. Я познакомился съ Ник. Павл., когда у меня только что проявились стремленія къ изученію памятниковъ мѣстной старины; въ лицѣ Ник. Павл. и жены его Ольги Морицовны, неизмѣнной спутницы его трудовой жизни,

живо интересовавшейся всѣмъ тѣмъ, къ чему лежало сердце покойнаго, я нашелъ людей дѣйствительно преданныхъ дѣлу, людей искреннихъ и отзывчивыхъ. Многимъ я обязанъ Ник. Павл., направлявшему мои первые шаги въ данной области; невольно всмоминаются тѣ частые вечера, когда въ небольшой квартирѣ покойнаго собирались люди, интересующіеся той или другой областью прошлой жизни, вспоминаются тѣ бесѣды, которыя велись по разнымъ вопросамъ нумизматики и археологіи, причемъ Ник. Пав., при его громадной эрудиціи, съ готовностью дѣлился своими знаніями, давая указанія и совѣты... Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ; нѣсколько измѣнилась внѣшняя обстановка жизни, подкралась за тѣмъ болѣзнь.. Но не измѣнились симпатіи, не уменьшилась любовь къ дѣлу. Въ послѣднее время покойный еще съ большей энергіей чѣмъ прежде занялся собираніемъ и изученіемъ памятниковъ княжеской эпохи нашего юга; со всегдашней отзывчивостью согласился участвовать въ «Археологической Лѣтописи», въ которой и помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ. Уже будучи въ постели, среди приступовъ тяжкой болѣзни, Ник. Пав. продолжалъ интересоваться любимымъ предметомъ Трудно найти еще большую безкорыстную преданность дѣлу, какая была у покойнаго. Тяжело думать, что его уже нѣтъ...

Н. Б.

VII.

Затѐ жъ и для ихъ булѓ татусь и матуся! Рыбкы тамъ хорошои достануть булѐ, яловку вбъють, баранчя зарижуть,—и рыбкы булѐ имъ, и мяса. А вже що мы, диты: пырожѐчкы въ повитци, чы тамъ яки други моторжѐныкы—„И дидови жъ пробн и баби!“ и однѐ передъ другымъ изъ рукъ у матуси! Те кàже: „Я однесу!“ а друге: „Я!“

И вже булѐ оцѐ Велыкдень Божый прыйде, абѐ Риздвѐ; на пѐрвый день гости не издять, не годытця,—и прыхѐдять булѐ обѐе. И ихъ булѐ: и въ свитлыцю, и горилочкы, и всякои всячыны... пѐштуютця, идять любѐнько. Иноди булѐ й воны до сѐбе прѐсять, то й до ихъ идуть, и у ихъ тежъ. А зъ празныкомъ тамъ поздоровыть, посыпàть чи-щѐ—зàвжды булѐ вже насъ посылàють. Я николы не забуду, якъ мы булѐ щедрувàть до ихъ!...

Споряжàють булѐ насъ, якъ отъ зъ кутёю до бабуси: и сорочки всимъ били, и всяку нову одѐжыну; стричѐкъ булѐ тилькы немà въ застижкы, якъ тоди. Чогѐ се такъ рàды щѐдрого вѐчора—не знàю; тилькы, кажу,—такъ.

И вже якъ спорядять булѐ насъ, гуртѐмъ мы, зъ старѐю Кылыною—нянькувàла у насъ, колѐ мѐншого брàта.

„Благословить, хазяине и хазяйко, щедрувàть!“

А воны, мовъ насъ и не сподивàлысь, сыдять соби, а и понапикувано, и попрыбирано, и въ новыхъ сорочкàхъ!...

„Щедруйте“, кàжуть.

Мы и почнемѐ: Кылына завѐдыть, а мы за нѐю. И якъ ужѐ „добрывечиръ, давàйте дохи́дъ!“ — „Спасыби, прохѐдьте“, кàжуть, и просять садовытьця!

А якъ порездягаемось, якà ушта намъ пиде!... И варѐныкы, и млынци (дуже смашни робыла ихъ бàба Мыныха!), и груши, и яблука сушени. Тилькы лакомише всёго булѐ—ти горихы-чорнобрывци, абѐ ще насиння зъ волѐськыхъ гарбузивъ: нигдѐ

булò такòго нема̀, якъ у ихъ; такъ уси булò й ка̀жуть, що у Мынъ правдыви волòськи гарбузы.

Та̀къ-то булò мы колысь!... Вонò ни ыгривъ не булòніякихъ, ни крыку, ни га̀му, якъ звыча̀йно диты любять, а вѐсело булò!.. Якось такъ тыхо-вѐсело, тепло-вѐсело!... Мовъ оцѐ матуся коло сѐбе, тѐплымъ одіяльцемъ прыгорнула, и ка̀зочку тоби, про жаръ-птыцю, абò про ти садкы, де сòнечко ясно свитыть, витрѐць тыхо віе-повива̀е, а на яблунькахъ однò золотѐ яблучко, друге срибне, однò золотѐ, друге срибне...

Дидъ Мына було зъ Кылыною колò стòлу, тыхенько бала̀кають; а мы коло ба̀бы Мыныхы, на полу, и тилькы стукъ-стукъ горишкы! хрумъ-хрумъ!.. А та, то тому помòже, то другому! Та ще й прыговòрюе, шуткуе: „Пò лобу ёгò“, каже „Васюню, пò лобу! лулусь!“ Абò: „А ну, Ма̀ню, якъ мышка, а ну?“ То Ма̀ня и спра̀вди, мовъ мышка: вхопыла двòма палюшкамы ядѐрце, мовъ та ла̀пками, и грызь ёгò! та ще й голòвкою!..

Ыноди булò роска̀зуе намъ, якъ ти горишкы збира̀ють мышы и билкы, и якый-то звирòкъ втишный билка, якъ на хвости лита̀. А ыноди и спра̀вди ка̀зку яку роска̀зуе, абò що ынше—вона̀ вже вмила, що пидъ такый часъ. И мы ыноди булò такъ заслуха̀емось, що й горишкы забудемо, товкачечкы зъ рукъ повыпада̀ють, а котрѐ—такъ и заснѐ!... А вона намъ тыхенько такъ, тыхенько!.. „Оттакъ“, ка̀же, „диточкы, и оттакъ та соба̀ка просыла Бòга!“ то намъ и спра̀вди, мовъ мы Бòга ба̀чымо и святòго Петра̀... Поля велыкыи, хлиба̀ высòкыи, кòлосъ ажъ до земли, а Богъ обшмòргуе кòлосъ, обшмòргуе: а соба̀ка на заднихъ ногахъ, прòсыть Бòга: „Щò жъ я“, ка̀же, „заподіяла такѐ? за̀ що жъ мени“, ка̀же, „гынуты?“

А якъ поодяга̀ють булò насъ до-дòму, пидхòпыть булò старый менѐ на рукы, тулыть-тулыть до сѐбе, цилуе-цилуе!... а ыноди булò и заплакнѐ!... „Чомъ-то“, каже, „въ мéне нема̀ такòгò малéнького хлòпчыка!“ (не булò у старыхъ дитей: була̀ колысь дочка̀, та й та вмéрла). Ыноди булò такъ менé и ажъ до-дòму: шалю булò, бòроду ёму скребу, усъ въ ротъ запыха̀ю... Магырку зцуплю, волосся кудлаю... „Хи-хи-хи!“ було,—скрыпъ-

скрыпъ! мовъ... Хрестъ хыба тилькы тепѐръ надъ тобдю скрыпыть, прàведная душе!

VIII.

Хазяйствечко у покійныкивъ, якъ и попѐреду казàвъ, гарнѐньке булд: овечятъ було зъ десятокъ, кордва, а ыноди й двп, воливъ пàра—гарненьке, кажу. И все те, знàете, выкохане таке́, повнобдке: звисно, зàвжды вонб скотына лучча, якъ іи и изъ рукавà ще, якъ то кàжуть. И якъ булб стари втишаютця тымъ всимъ! А найпàче булд своимъ пивнемъ и своимы волàмы. Та не тилькы булд воны нымы втишàютця, а и вси булд въ хуторп.

Пивень у ихъ... винъ и прбстый соби бувъ доморбслый такы, и не тѐ, щобъ сказàть велыкый, абб-що—якъ и звычàйно пивень; тильки такый же то бувъ задырàка, и такый лыхый!... Ёгб вже такъ булд й звуть: Лыхый кàжуть, абб: Задырàка. „Чы бàчыте", мовъ, „щб рббыть Мынышынъ Лыхый, абб: Мынышынъ Задырàка?" И такый же то винъ бувъ зàвжды: задры́паный такый, обскубленый, грѐбинь ёму поклеваный, крыла мовъ деркачи. А вже що хвистъ, то не высять булд косыци, а по земли ззàду, мовъ помелд; и въ грязюци таки, абд въ пищузи, глядя, де тамъ валасàвся, або де воювавъ.. Бо завжды булд, тилькы ёму и дила, що воюе! Опѐ булд тилькы де забачыть пивня, то вже и пустывся... и такъ же тоби, ажъ гдлову простягне. А те помелд ззàду—тилькы ковыль, ковыль!... майталàетця... И якъ доженѐ, пидниме таку бучу, що й ихъ не выдно за пищугдю,—тилькы пиръя вгори, мовъ подушку щд роспустыло! И вже, якъ булд тамъ ни побьють ёгд, кровъ ажъ юшы́ть зъ грѐбиня, пиръя покострубàчене; а наскубся, стрепенувся, пиднявъ гдлову, и пишдвъ выступцемъ, мовъ генорàлъ якый въ пери! мовъ не ёго попобылы, а винъ попобывъ, и прдби кукурику, та й кукурику! нàша, мовъ, взялà!...

Пречудны́й, кажу, бувъ врàжый пивень! Опѐ булд идуть стари зъ ддму, пдле тамъ, абд-що: „Гляды жъ", кажуть, „Задырако, стережы намъ хаты!"—шуткують, знàете; то винъ нибы

и справди розуміє: заляпа деркачàмы, и „ку-ку-ри-кууу!“ Дòбре, мовъ, дòбре! И вже й спрàвди не одійде одъ хàты, все кругòмъ неи! И такъ же то напызытся тоби, надметця... и выступà такъ пышно, мовъ и спрàвди Москаль на вàрти! Тилькы пызытця-пызытця, дмèтця-дмèтця, остогыдіе бидному, поскубтысь бы вже хоть трòшкы,—такъ врàзьки жъ пивни по огорòдахъ, та по токàхъ: звисно лито; то и почнè тоди, щò ни трàпытця. Собàка оцè навèрнетця до хаты, стàла проты викнà и нюшыть, задрàвшы гòлову, ласèнько щось видтиля чутнò... кишка вылизла зъ-пидъ дверèй, на сòнци гріетця, товаряка прыйшлà почухатьця,—вже й пустывся: скàче, на спыну зхопывся собàци, абò товарюци—деркачàмы ля́па...

Врагòвый Задырàка ыноди булò самъ ынàче розуміе, що чудный и ёму те неначе дуже подобалось, и такè булò ыноди вытвòрюе!... Оцè булò якъ назбирàетця до Мыны на прыспу що-недили булò туды: посыди́ть, знàете, погуторыть; и татусь булò ыноди покійныкъ), и котрый: „А ну лыше́нь“, мовъ, „потанцюй!“ (бо вже винъ безпреминно тутъ: якъ такы, мовлявъ, щобъ така́ кумпанія та безъ ёго!) То той и почне́: задерè гòлову, пидниме деркàчи и помелò,—и вытупцёвуе-вытупцёвуе прыгулькамы, нибы и справди танцюе!.. а ти òчи ёму червòни, такъ и выдно, що тамъ регòче посвòему!.. Або выставыть булò якый чмутныкъ пидòшву: „А щò“, кàже, Лыхый! чы будемо бытьця, чы будемо мырытьця?“ то вже той, звисно, не мырытьця, а бытьця, и кыгтямы пидòшву, нòсомъ. Ре́готу-реготу булò! А якъ ужè вхе́каетця,—„Гòди вже“, кажуть, „тоби, гàспыде! наши й батькы булò: бьютця-бьютця, та й оддыхàють!“

Найчуднійшый же бувъ врàжый Задырàка, якъ булò дидъ Мына зъ лису,—зъ лозòю тамъ и съ усячыною. Чы винъ вже ёгò такъ прывчывъ, чы, мòже, булò зрадіе такъ... а мòже, й чудни́мъ ёму въ такимъ рàзи здавався старый, почудувàть захòчетця: якъ забачыть було, що той, мовъ бàйрачокъ, кажу, суне яромъ,—скільки есть духу до ёго и на той байрачокъ, на сàму верхню гильку! И же, якъ зберетця, кукурику та й кукурику на ввесь хутиръ: „Дыви́тця“, мовъ, „люде добри, яка

мы!“ Хихикае булò тильки старый зъ-пидъ бáйрачка, а хто булò забàчыть ихъ, ажъ за жывитъ берутця!

IX.

Чудниши ще, нижъ Задырáка, булы волы Мыныхы, Ёвдошкы, якъ ихъ звàлы...

Вы, мòже, думаете, що, мовъ, колы такè мènня, то певно воны маленькы яки булы, сухорòги, стрыбучи? Зовсимъ ни! Волы на выдъ булы, якъ и звычáйно волы: велыки, гнидои шéрсти, ажъ пидпàли, и рòгы—вгòру, кòлесомъ. И якъ пасутця булò, абò лежять и ремыgають (въ робòти ихъ булò николы не побáчышъ, не бувалы: зáвжды булò нàшимы), ничòго такòго, ѕдаѐтця, и немá. А нехáй лышень булò котрому до тимени шапку прывяжуть абò брыль, абò на рòгы, та ще на супильци и „рыкъ-рыкъ!“ то тоди побачышъ, щó то воны за Ёвдошкы!.. Задерé хвистъ и якъ пиде пó полю гасáть, абò тамъ по толóци, то й мéртвый бы, здаетця, зареготавъ: и скáче, и бéче, и головóю крутыть!... И вже якъ и друга скотына буде, то й ту ще пиддрóчуе ковызытця, такъ що ыноди и вся чередà за нымы. Се такъ старый прывчывъ, якъ булы малѐнькымы. Якъ ничого булó робыть, прывяже котрому магырку на гóлову и „рыкъ!“ ёму и на супильци, то те й скáче зъ-переляку, мовъ цаплѐне: „Танцюе!“ кàже,—втишáвся. И такъ потрóху; бо якъ наскàчетця, то винъ булó ёмý ще й хлиба, и всёго....

А найчуднишымы булы Ёвдошкы въ другóму!... Опé, прымиромъ, пасýтця булò воны, и который зýздривъ (а вже такъ булó и зорять кругóмъ), що тамъ хто на стерни спáть лигъ и одъ сóнця котрáжку зробывъ, зъ свыты абó зъ ряднá, на трынижкахъ напявъ, абó снопы постàвывъ и на снопы накынувъ, —зáразъ тыхéнько до дрýгого, и бóкомъ штовхъ ёгò объ бикъ!... „А ну“, мовъ, „онъ бачъ!“ и до тыеи свыты, чы до ряднá, и за кинéць.... а другый и соби за нымъ и за другый кинѐць,— знялы тыхéнько и понеслы!... Абò въ хýтори тамъ, побáчять, що жинка сорóчку розвисыла на тынý сушыть,—и сорòчку тежъ: одынъ за одынъ рукáвъ, а дрýгый за дрýгый, розыпялы

—и пишлы геть пôручъ!... та ще поважно такъ, мовъ робôту якý рôблять: тилькы хыть! гôловамы тыхéнько хыть!... А ôчи, бестіяκы, такъ жмурять: „Геть“, мовъ, „бачъ, сорôчку сýшымо!...“

Якъ ужè прывчывъ ихъ Мына до сёго, ·не знàю; тилькы булô, якъ кажý: де вжé выситыме тамъ сорôчка, рядно́, свыта, абô якà дрýга одéжына.... абô шыбка розбыта, дирку заткнýлы —вже воны знимуть, выцуплять!“ И не те, щобъ тамъ зжувàть; а такъ тилькы, почудувàть. Подобáлось, бачъ, имъ, якъ у ихъ однимáють. Бо оцé булô якъ несýть щô, то й оглядàютця, чы не женèтця хто. И якъ не женèтця, несýть, и покынуть денéбудь; тилькы поженысь, то абô пидуть выстрыбомъ по всимъ усюдамъ, абô пидпýстять до сêбе, та й начнýть вовтýзатьця, нибы не хочетця имъ выпустыть одѐжыны: упырáютця перѐднимы и зàднимы, ревуть, гôловамы мотàють. Такъ що, якъ хто вже булô зна ихъ, и николы зъ нымы, абô боитця, щобъ не порвàлы, махнè рукôю: „Хай вамъ“, кáже, „прасýнокъ!... Колы́ вже вамъ хôчетця“, мовъ, „похызувáтьця въ моихъ штáняхъ, абô тамъ въ моéму кобеняци,—силькысь, похызуйтесь!“ то ти подывлятця-подывлятця, не однимà, и покынуть. А тилькы, кажý, поженысь, абô стань однимать, бýдешъ знать куциньбу: выволожять тебé дôбре!

X.

Такіи-то булы ти Ёвдошкы! пречудніи, кажý!... Ёвдошкáмы жъ ихъ продражнылы...

У насъ, знàете, сусіда бувъ, Цёмохомъ звàвся, шынкарювàвъ. Высôкый такый бувъ, лобъ все булô мôрщыть, нибы дýма; а якый гàспыдь винъ колы й дýмавъ: манý тилькы булô пускà! „Думаю!“ кàже... Глузують булô зъ ёго за те и було ёму брехèньку ту, про тогô ындыка, що, мовъ, хоть и не спива, та багáто дума... И въ тогô Цёмоха була жинка, Ёвдôхою звàлы. А Цёмохъ булô—Ёвдôшкою: „Ёвдôшко“, кàже, „Ёвдошко“! Молодá ще, знàете, людына булá, а самъ Цёмохъ литній вже чоловикъ бувъ, се вже друга жинка къ ёго булá. И такà жъ то щебетуха

булà вонá, та Ёвдòха, жартовлыва! Булó оцé визьметця въ бòкы, тай почнè Цёмохови:

Ой ты старый дидугá,
Ызогнýвся, якъ дугá...

то винъ: „Нý бо, Ёвдошко, нý бо! Я“, кàже, „чоловикъ поважный, а ты тáкъ!“ то та ще ёмý дýжче!...

Отъ разъ Цёмохъ той и лежыть у сèбе на полу и розмовля́ тамъ зъ кымсь, и ззáду кватырка розбыта, диты, чы пья́ныци тамъ (шынкарювàвъ, кажу), и чымсь зáткнуто. А жинка кудáсь пишлá... Колы слуха—щось дырчыть за спыною; оглядуетця—зàтычка такъ и лизе на двиръ, тя́гне, выдно, хтось!... Цёмохови и прыйды въ гóлову, що тó Ёвдòха ёгö зъ нымъ пожартувáть хöче (а то булы Мыныны волы). „Ну бо“, кàже, „Ёвдóшко, ну бо!... Я повáжный чоловикъ, а ты такъ!“

Попосміялысь же за те зъ Цёмоха дòвго!... А воливъ ынàково вже булò й не звуть,—Ёвдошкы та й Ёвдошкы!... И булó оцè на токý, абò коло другои якóи робòты, а котрый Ёвдòшка по горòду тамъ, чы-щó,—и почнуть булó прыкладáть: „Ну бо, Ёвдóшко, ну бо!... Я повàжный чоловикъ, думаю, а ты такъ!“ то булò Цёмохъ ажъ сидаетця...

XI.

Оджè жъ, яки ни булы ти Ёвдошкы и той Задырàка, и якъ, кажу, ни любылы и ни поважáлы старыхъ, найшлысь такы люде!... И поперèдъ усёго Задырака бидный!

Се булó якъ разъ тогò рóку, що и перва холèра, такъ въ Велыкый пистъ, на другимъ, чы на трéтимъ тыжни. Выхòдыть разъ Мына зъ хаты, колы сыдыть Задырáка колó дверéй, и такъ якòсь и гóлову повисывъ!... „Я“, роскáзуе булò покійныкъ, „ще и засмія́вся! и кажу ёму: „Чогó се“, мовъ, „ты, Задырàко, гóлову такъ повисывъ?“ Звисно, старый думавъ, що такъ чогò надувся пивень. Колы Задырàка такы сыдыть: лупнувъ тилькы очыма, та й ни зъ миста. То булò зáразъ пидскóчыть, почнé

яки штукы выкыдувать, ато́—сыдыть и хоть бы тоби зворухнувся! Бидного Мыну ныначе щд торкнуло: а визьмы, мовъ, та подывысь! И взявъ!... колы дивитця, пра́ва нижка раэтрдщена, а зъпидъ прàвого крылà кровъ такъ и цыбыныть... „Ой лышечко жъ мени!“ крикне, и въ хату!... „Подывысь“, каже, „стара́, щд оце́!“ Та щд й роска́зувать! Щось, выдно, лома́кою оперищыло, абд переихало са́нкамы. До ве́чора й нижкы выпроставъ.

И якъ ужè пдтимъ ни допытувалысь,—ничдго не допыта́лысь! Мыныха жъ покійныця ничдго ще соби, а вже що дидъ Мына—нибы другымъ чоловикомъ зробывся: ни за я́ку булд пра́ве робдту не прыйметця, мовъ не свій булд хдолыть, и ажъ змарнивъ. „И моя́ вже, выдно, чѐрга скдро“, каже було́, „колы Задыра́ка... „и не договдрыть бидный. Покійныкъ татусь и други: „Та го́ди!“ мовъ, було́ ёму, „хыба́ се первына́, що ледàчи люде!“—„Э, ни!“ ка́же... „Се вже вонд“, ка́же, „не да́ромъ!... се вищунъ, ма́буть, мени!“ Ніякъ булд и не розва́жышъ ёго́.

Се жъ такъ на другимъ чы на трѐтимъ тыжни, а въ Ве́рбну суббдту и Ёвдошкы!... И теперъ, якъ згада́ю, то и о́страхъ мене́ берè, и ажъ се́рце болыть.

XII.

Бувъ тамъ у насъ, знàете, копытанъ одынъ одставный Билымъ прозывався. Недале́ко такы й жывъ одъ насъ, такъ за мылю, абд й тогд мѐнше, въ Сыча́хъ: тамъ есть хутиръ Сычи, то винъ въ Сычахъ тыхъ и жывъ. Невелычке було соби той копытанъ, стербелькувàте, и зàвжды похнюпывшись и насупывшысь; тилькы ддбрый чоловикъ бувъ, нехàй царствуе, дуже добрый! И розумный такый бувъ: кныждкъ у ёго було́ и папе́ривъ вся́кыхъ страхъ скилькы! Якъ дошо́въ литъ, изджу було́ до ёго, и винъ було́ до ме́не ыноди наизджае,—зовсимъ ни гордовытый бувъ. И якъ розгуторытця було́ (а не дуже-то любывъ покійныкъ бала́кать), то якъ почнѐ було́ якъ почне́,—слухаю булд ёгд и не наслухаюсь!

И у тдго копыта́на клàпоть земли бувъ колд нàшои. Страткивщыны (урдчыще такъ звѐтця Страткивщыною), якъ разъ пд-

ручъ зъ нашымъ, и байрачокъ. Байрачокъ той колысь, выдно, и хорошенькый бувъ, тилькы потимъ запустылы: звисно, той тамъ въ школахъ, потимъ въ виську, хазяина доскональнього нема; а вже якъ опека та крепакы,—бодай такъ и не хазяинувать! Хиба хто не хотивъ, то не рубавъ, або не пасъ. И нашы пастухы ыноди тежъ, якъ пасуть було коло Страткивщыны: разъ же, що трудно такы завжды й встерегтыся: поручъ, якъ кажу, було зъ нашымъ; а друге—чомъ, мовлявъ, скотыни и не пожывытьця, колы нихто не бороня? Якъ же прыихавъ копытанъ на хазяйство и побачывъ те все (а хазяиновытый бувъ дуже покійныкъ). „Ни," каже, „такъ не можна!" и байрачокъ гарненько вычыстывъ, насадывъ ще дерева и обкопавъ ровомъ—не ходы, мовъ!... Такъ куды тоби! и другыхъ було такы, и нашы! Прывыкло, знаете, те все; покы-то одвыкне, кажуть, за возомъ, то й безъ воза!... Ну, и скотына вправылась, катъ ій и вдержыть. Вже копытанъ похвалявся, що, мовъ, буду скотъ стрелять", а все такы було ыноди....

Отъ и прыиздыть винъ разъ до того байрачка, такъ на провесни, якъ разъ въ ту Вербну Суботу, та ще и зъ рушныцею: „Гусей дыкыхъ", дума, „настреляю", бо тамъ завжды дыкыхъ гусей було багато.

Ну, прыихавъ винъ, и коня тамъ чы зпутавъ, чы-що, а самъ за кущъ и пиджыдать, покы наблызятця, бо цилисинькый табунъ ходывъ. Чы довго винъ тамъ сыдивъ, чы не довго, пиджыдаючы, колы, слуха—ломытця щось, ломытця байрачкомъ!... Гусы й головкы попиднималы!... А дали—гупъ-гупъ! черезъ ривъ...! Ти такъ и шарахнулы, тилькы залопотило!... Копытанъ ажъ зубамы заскреготавъ, и зъ-за куща: „Я жъ вамъ", дума! „сякы-такы!"—думавъ, що пастушкы. Колы дывытця — пара воливъ, Ёвдошкы бидни!... та ще й шенелію его (положывъ, ій тамъ, зъ того боку) розыпялы и несуть!... „Якъ побачывъ я се", роскäзуе було потимъ,—„такъ", каже, „и кынула мени въ голову кровъ!... Що це?", каже, „думаю, сміютця надо мною, чы-що? На посміховыще я имъ здався?" Та що й казать, Молоде ще було... та й не знало, що у насъ, колы зъ тобою

такъ, піимай и дай пастухови прочухана, або займы скотыну и визьмы за спашъ, наветь поморы іи трохы голодомъ,—се такъ, се по-нашому! Якъ що за діло, нихто й не осудыть тебе, всяке скаже: „Що дило, то дило!... Якъ правда, то й не грихъ!“ Якъ и безъ дила,—ну „дурень“,скажуть, або „здырщыкъ“, и все такы ничого. А вбыть скотыну, та ще вола: воно жъ то помищныкъ чоловикови у насъ!... винъ зъ нымъ кривавыцею добува той насущныкъ!... не будь у насъ вола—чоловика бъ у насъ не було!... Ёму й самому стукнуло въ голову, якъ збигся народъ, и побачывъ винъ... та не вернетця!... Я николы того не забуду!...

Я бувъ тоди саме коло Стратківщыны, коло орачивъ—зачымсь верхы пославъ мене туды покійныкъ татусь. И Мына дидъ тутъ же бувъ чогось, и вси ничого, байдуже: смутный тилько старый бувъ, якъ и завжды писля Задыракы бидного... Колы слухаемо—за кряжемъ, коло того байрачка, выстрелыло, и такы добре чутно; бо тамъ знаете, байракъ, а тутъ гаёкъ блызько, такъ луна.. „Ого“, кажуть орачи, „та сей не абы-якъ погрюкуе.... певно се копытанъ гусей такъ!“—а гусей, справди, цилый ключъ зъ-за кряжу... А я: „Поиду“, думаю „подывлюсь!“ и пустывся—зъ-малку любывъ мыслывство. Колы добигаю до кряжу, назустричъ нашъ пастухъ. „Ёвдошокъ“, крычыть, „вбывъ копытанъ!“ и такъ и вдарывся объ землю!... Я вже не знаю якъ и туды... А народъ туды видусиля, хто бувъ блыжче орачи тамъ, то-що (звисно пидъ таку пору въ поли), и ґвалтъ такый, крыкъ!.. Прыбигаю—бидни Ёвдошкы по сей бикъ рову, оручъ, одынъ на одного повалылысь, доходять... и коло ихъ народу вже десяткивъ зо два—и дывытьця наветь страшно! „Вбыть ёго“, крычять, „вбыть, якъ винъ побывъ!... Щобъ то“, кажуть, „Божу скотыну та такъ!“ и ажъ рукы до неба знимають!... А той по тимъ боци рову, спыною до дерева. Ничого бъ, здаетця, ёго й знать, и блидный такый, а очи такъ и свитятця!... И якъ народъ насуне на ривъ, щобъ-то убыть, якъ кажуть,—за курка и до щокы!... И такъ, покы й Мына зъ нашымы—добигъ такы пастухъ и росказавъ. А якъ прыбигъ бидный Мына

и упа́въ на Ёвдошо́къ, забулы и про то̀го... И вже й росказа́ть немо̀жна, що́ тамъ робылося!... У ынщого й усъ вже сывый... На́веть кинь мій... якъ прыбигъ Мына и прыпавъ до тыхъ, я вско̀чывъ и соби въ нымъ... Зпе́ршу харапудывся, хрипъ: а дали блыжче, блыжче... по̀нюхавъ и мо̀рдою одного́, другого... „Встава́йте!“ мовъ... „Чого̀“, мовъ, „вы?“ Не встають небора̀кы! Догада́вся, выдно, и якъ ставъ надъ однымъ (дужче, выдно, любывъ його̀), и якъ повисывъ го̀лову... а слёзы по хра́памъ тилькы капъ, капъ, капъ!...

Якъ Мыну одырва̀лы одъ Ёвдошо́къ, не зна̀ю, не памятую гара́здъ: одъ жалю и одъ плачу мовъ прыглушеный ходывъ. Памятую тилькы, Самсёненко Свырыдъ (коза̀къ бувъ Самсёненко, такый высо́кый и тако́го суро̀вого лыця бувъ чоловикъ), якъ ужѐ одвелы Мыну геть, повернувся до то́го,—а самъ Мына ни сло́ва ёму: „Ты жъ“, ка́же, „сякый-такый поижъ ихъ самъ! чуешъ? Самъ, кажу, поижъ ихъ!... бо тилько ты та ще хиба скаже́на соба̀ка!“ А той хоть бы тоби словѐчко!... о̀чи въ землю, рукы на́вхрестъ и рушныця геть!... Колупнуло, выдно, що не *воливъ*, мовъ, се винъ тилькы... и якъ-бы кынулысь тоди до его, пе́вно и вбылы бъ, то и па́льцемъ бы не ворухнувъ, и сло́ва бъ не промо̀вывъ!... Лежа́чого тилькы въ насъ не бъють.

XIII.

Писля то́го недо́вго вже бидный Мына корота̀въ викъ свій! И тоди ще, хто ба̀чывъ, якъ я зъ нымъ до-до̀му: „О“, ка̀жуть, „не до̀вго вже ему рястъ топтать!“ Бо вже я допровадывъ його̀: ына̀че паморокы ёму зовсимъ забыло, або̀, боро́нь Боже, змыслъ стра́тывъ. Оце́ йде йде, а я за нымъ и коня за по́видъ, та й ста́не. И дума-дума, вибы що̀ зга́дуе, и вѐрнетця наза̀дъ, або́ въ бикъ куды, або́ сяде на зѐмлю... „Вста́ньте“ кажу, «дидусю!... Онъ ха́ты нашы; бабуся жде“ (и самъ, зна́ете, а все такы, бидо́ моя!) то винъ: „Угу!“ ка̀же, и, якъ малёнька дытына, послухаетця!... А якъ вывернувся зъ чо́вна (ужѐ Богъ його̀ зна̀,

якъ бы, здаётця, такóму рыбàлци! Пѐвно вже такъ судылося!... Якъ разъ въ Страстный понедилокъ!) и якъ вхопывъ ёгó тогó жъ такы вѐчора жаръ, вси такъ и зложылы: „Не жывотить вже“, мовъ, „ёму!... дуже вже багàто на одни плéчи“ хоть и не говорывъ объ тимъ нихтò, бо якъ такы объ дидови Мыни та таки рéчи!...

И спрáвди, на сáмый Велыкдень... такый вже той Велыкдепь бувъ! Ще якъ и готóвылысь до ёго, на Билій недили: паскы пеклы—не булó бáбы Мыныхы; розсылáлы и дилылы—тежъ не булó... Все чогóсь нибы немá, все щось нибы не такъ! Тò булó вèсело такъ въ си дни, смихъ, бигають, збирáютця, атó й гóловы повишалы! А якъ вмеръ въ дóсвита, опричъ татуся, та й то, що зъ вéчора ще поихавъ, нихтó й въ цéркви не бувъ.... за гóремъ забулы, що й свято такé Богъ давъ!... Та що й казáть! Якъ згадáю, що тоди діялося у насъ, мовъ абó сóнечко прáведне тоди минылося, абó пожéжа велыка йшла, дымъ ёго вкрывъ: жовтымъ такымъ все мени, и мовъ яки тéни сновыgáють.... И одéжа бъ на кóжному велыкодна, нибы-то воны й праздныкують, а все таке сумнé!...

Бильше всёго въ пáмятку мени, якъ ужé пипъ прыихавъ ховáть. На полу сыдилы якись жинкы, и я зъ сéстрамы, и зъ братáмы, доставáлы зъ макитры кóржыкы и давáлы намъ. Колы хтось въ хату: „Пипъ“, кáже, „прыихавъ!“ Незабáромъ, спрáвди, пипъ у хáту, а за нымъ й татусь, й матуся, й багáто нарóду—а пипъ тоди бувъ у насъ старый такый, отéць Мыхаилъ, любылы ёгó вси дуже!

. . . .

Пидвелы й менé попрощáтьця зъ покійныкомъ!.... Такъ насупывъ брóвы, мовъ, думку яку велыку дума... и óчы такъ дуже зажмурывъ: „Не на вмирущого!“, казáлы.... На óчахъ олыва, а на лóби винчыкъ....

XIV.

Незабáромъ за Мыною и бáба Мыныха: не дóвго ждавъ іи покійникъ на тимъ свити!

Якъ вмеръ винъ, не плáкала вонá за нымъ, не вбывáлась, Не безъ тóго, мóже, щобъ тамъ такы, чогó не булó; а все не такъ, якъ други: чы вже у нéи такá натура булá, чы мóже, що покійныкъ вмеръ якъ разъ на сáмый Велыкдень, та ще до схидъ-сонця, Богъ іи святый знáе!... Того усмиху вже тилькы не булó, що бувъ колысь. Оцé скáжуть щó, шо отъ якъ и колысь; то й хоче усмихнутьця, та бы ій усмихнутьця. тилькы скрывытця.... и такъ же тоби, що лучче бъ ужé вонá заплáкала, нижъ оттáкъ смыятьця. Та мовчязнá ще стáла и такá якáсь.... Тó булó хоть й тыхо вонá зáвжды, та все такы знáешъ, що отъ вонá прихòдыла, чы-щó, що вонá такы въ хутори; атò мовъ іи й на свити немà, абó хоть и жыва ще, та десь ынде жывé, не побачышъ іи, а тилькы почуешъ, що, мовъ, бàба Мыныха.... Оцè до матуси ий нужно: попèреду—въ хàту булò, скàже добрыдень тамъ, чы добрывечиръ, посыдыть, погуторыть, и вже потимъ и объ дили; а тепѐрь—то хибà якъ та до комиръ, абó-що, и такъ, мовъ вонà и не прохòдыла огорòдомъ, абó дворóмъ, абó тамъ якъ-нéбудь...

„Оцé вы до комóри?“ кáже: „дàйте мени, будьте лàскави, вощѐчку!“

„Дóбре, бабусю! Идить же въ хàту, посыдьте тамъ, я зàразъ прынесу.“

„Та я тутъ пидожду, покы одрубàете“, и пиде въ комòрю за матусею, й матуся вже й не усылóвуетця (вже знáла, що ій вáжко буты зъ людьми), и одрубá скорише.

И такъ вонà, покы и вмерла! Такъ що въ послидне врéмя ридко вже іи булó хто й бàчыть, особлыве, якъ, переселылась зовсимъ у пàсику. Іи й одговòрювалы, що, мовъ, нехàй бы вже та пáсика, когó другого туды, а ій отдыхнуть вже порá, на покóй; такъ ни! Не тилькы не послухалась, а и зóвсимъ, кажу, переселылась въ хливѐць: тамъ булó и днюе, и ночуе. Покы жъ ще не булó холéры, все такы булó ынoди—мы навидаемось,

харчъ повезуть, абò такъ хто въ полé; а якъ настàла холèра, прàве забулы, що й есть вона́ на свити!!! И не дывуйтесь! Диты батькивъ и матерèй тоди забува́ла, батькы и матери дитéй!... Тоди холера у насъ була́ не те, що пóтимъ, люды всяку робóту покынулы, задвиръ прàве було нихтó и ногóю! Вмре булó хто въ степу, проижжачый якый, абò чоловикъ по якій нужди велыкій поиде, пошлють тамъ паны, абó одъ уряду; то такъ и лежыть въ поли непохованый... Та и въ селахъ и хуторàхъ: якъ що лучытця нужда, то ніякымъ Бóгомъ не допрòсысся булó, щобъ хоть въ двиръ до тéбе заглянулы: боялысь, що прылыпне, щобъ не занесты до сêбе. Кажу, диты батькивъ и матерèй цуралысь ыноди, батькы и матери дитéй! Въ ыншихъ дворàхъ: бàтько булó на горыщи, ма́ты—въ пòвити, диты тежъ де-нèбудь... и булó й идять наризно и обхóдять однó другóго... Тымъ-то, кажу, пидъ той часъ праве забулы, що чы есть и на свити бàба Мыныха. Одымчыть булó который вóзомъ, вечеркòмъ, въ тры дни, абó въ чотыри дни разъ, харчи тамъ и воды барыло, та й тилькы. Та й то ще: якъ-бы не татусь покійныкъ, нихтò бъ и не догада́вся... и попогарыкае булò ще, покы зберутця!

Тилькы разъ такъ и посла́въ покійныкъ ниччю (прыпизнылысь, знàте, лаштуючысь, та днемъ и боялысь такы дужче, шобъ зъ кымъ не зустрытьця), и пытà на другый день: „А що“, мовъ „одвизъ ты вчора баби?“.

„Одвизъ“, каже наймытъ.

„Що жъ, все тамъ благополушно?“.

„А Богъ ёго, каже, знае“!... „Я, каже, не розглежувавъ, а баба не одзывалась“.

Татусèви дывно стало, щобъ то баба Мыныха не почула, якъ той прыиздывъ, и—„А якъ“, мовъ, „тамъ? чы жыви, чы здорови?“.

„Якъ“, каже, „не одзывалась?“... „А ты жъ“, каже, „до неи одзывався?“.

„Ще й не разъ! Тилькы мовчала все: выдно, спала“.

„Ну, и що жъ ты?“.

„А що жъ бы я?... Ничо́го! поскладавъ“, каже, „все коло хливця, и пойихавъ: встане ранкомъ и забере“.

Татусе́ви ще дывнише стало, и винъ ще дужче роспытувать, якъ и що, чы заглядувавъ въ хливець, чы була вона тамъ? „Ни“, каже, „въ хливець не заглядувавъ“. Татусь до другыхъ, чы не бачывъ іи хто въ хутори. „Ни, кажуть, не бачылы“. Покійныкъ татусь ажъ стревожывся! А все такы и въ мысль пиёму не прыйде: «А може?“ мовъ.... Дума тильки: „Пе́вно пишла до кого!“—за пасику, знаете, що, мовъ, ройба̀ саме, безъ догляду... „Побигну“, каже, „на часокъ!“ и пойихавъ...

Пойихавъ винъ, и байдуже вси: позбира̀лысь въ пека̀рню и се тамъ, те.... Воно́ така̀ вже й розмо̀ва пидъ тикы́й часъ: той, кажуть, такъ, а той—такъ.... Колы слухаемо, въ синяхъ—вси ажъ здрыгнулы!... Выска̀куемо, сиды́ть винъ на стильци.... О, несказа̀нно тяжко слухаты, якъ пла̀че оттакый чоловикъ!... Мовъ у грудяхъ въ ко́го рве́тця, и ты все те чуешъ!...

XV.

Що да̀льше робылось, гора̀зденько вже не памятую: мо̀же, що я пла̀кавъ тоди бага̀то, голова̀ забыта була̀, ма̀ло й прымича́въ чого̀, а мо́же, що колы вже те у Бо́га и діялось!

Памятую, що мы ихалы до па̀сикы. На одному во́зи Нѐштапка (живка у насъ була́ Не́штапка), и Демянъ сусида зъ дошка̀мы, лопа̀тамы, заступа̀мы и всячыною для стравы; а на другому—мы вси.

Памятую, якъ мы прыихалы, и я заглянувъ въ хливѐць.... Сыдыть въ куто́чку, схылывшы го́лову и зложывшы рукы... плечемъ объ тынъ....

„Тыхѐнько“, кажу, „ма̀мо!.... ба́ба спыть“.

„Спыть, спыть!“, матуся, утыра̀ючы слёзы... Въ хливѐць на̀съ не пустылы....

Ище́ памятую—и се такымъ смутнымъ мени було̀ несказа̀нно!... Ого́нь горыть, со́нце пече́; коло́ огню мы и матуся, ва̀рыть, и пла̀че; въ хливци Нештапка щось.... коло хливця та-

тусь майструе домовыну.... а тамъ Демянъ копа̀, тилькы голова̀ вже выдно зъ ямы, бурха̀ землю....

И якъ черезъ огóнь перехо̀дылы, памятую, якъ ужé проща̀ться зъ покійныцею и кла̀сты въ домовыну: поперéду стари, а пóтимъ и насъ... Хоть и зна̀лы, що не одъ холéры вмéрла, а все такы боялысь. Нѐштанка тилькы не боялась: ничо̀го булó не боитця!

Дуже памятую—охъ, якъ я се памятую!... Вже сóнечко зайшлó, домовына въ ями... и татусь, щобъ мы туды по грудочци земли....

Я и соби кынувъ, въ са̀му труну—такъ дуже стукнуло тамъ, подъ землéю!... Мовъ видтиля мени:

Пома̀лу-ма̀лу....

Памятую да̀ли, якъ ужé ста́лы збира̀ться обидъ той помынальный....

Тéмно, ничóго не выдно, тилькы збóку садóчокъ и хливéць буваніють... А передъ на̀мы—огóнь и коло̀ огню на трави кóлыво и обидъ той....

Ста̀лы передъ кóлывомъ; татусь попéреду, молытву.... Демянъ „аминь“.... Всякъ соби тоди и пипъ, и дякъ!.... А да́ли и за обидъ....

Силы. Налывъ соби татусь и перехрестывся.... „Неха̀й же“, ка́же, „ій ца́рство!....“ Не ста̀ло гóлосу.... „Неха̀й ій!“ зно̀ву, и все гóлову внызъ.... А да́ли мóвчкы ча̀рку, и перехыля іи, заплющывшы о̀чи, перехыля.... а слёзы зъ-пидъ вій тилькы ка́пля за каплею....

Та щó вамъ и роска́зувать!...

XVI.

И дóвго тамъ була̀ та могыла Мынышына. И якъ оцѐ идемó въ па̀сику (други вже тамъ пасишныкува́лы!) абó такъ чогó въ пóле, то й до неи було̀. И вже булó Ма̀ня—жалибныця (така̀ була̀!.... за̀вжды булó: „Добры-день“, ка̀же, „тоби,

бабусенько!“... Мовчыть, не одклыкàетця!... „Дòма“, кáже, „немà!... Бóжу пàсичку, пéвно, стережè!“ И якъ що есть буló насиннячко, ягодкы яки, дынька,—посыпле, полóжыть на могылу.... „Оцé тоби, бабусю, насиннячка, ягодóкъ... оцé и дынька—самà найшлà и вырвала“. Тымъ буló на могыли зàвжды сóняшныкы, кущи, огудъ всякый,—здалéку буló іи выдно.... А якъ метèлыкъ буló гàрный налетыть: „Мóже, то бабусенька нáша!“ кàже.... И якъ винъ туды, икъ пàсици: „Вонá!“ кàже, „вонà!... полетила навидаться!...“

1859, октября 5. Петербургъ.

Титка Настя.[1]

— Тоди не такъ ще булò, якъ тепѐръ! Тепе́ръ и жилётки у насъ, и всяка дурныця; або́ ще иноди й самова́ры... Иншый, покы не голувовàвъ або́ не прыкажчыкувáвъ,—кàша, мòже, зъ мякыною, борщъ—дымъ вхоплюетця; та якъ и одпàсся людськымъ по́томъ,—сире тоби, звыняйте, якъ той кнуръ сирый товстый: „мени“, ка́же, „отто́ свижопросо́лня“—рыба—„якъ пахныть“! а лынтваре́вый кожухъ—за пивмыли чынбàрськымъ квàсомъ; а „жывитъ“, кàже, „парыть!“ И-и! не такъ бы тебѐ, гòлубе, попàрыты!

Такъ-то, кажу, тепе́ръ! И тоди люде любылы и хо́роше изходыть, и сма́шноззисты; тилькы все тее́—не забува́лы, якъ було́ батькы й диды, а найпа́че, що батькы й диды—мòже й вычулы.

Прыхо́дыть одынъ со́тенный осаула до свого́ ба́тька: „Повко́вныкъ, та́ту“, кàже, „хо́че мене́ цифе́ромъ запысать“!—„А ты жъ ёму щò?“—„А що́ жъ бы я ёму? Кажу, ба́тька, пиду, зпытàю“.—„То́-то жъ, ты мени гляды! ато́ онъ-бачъ“—на ципуру. „Скажы“, каже, „повко́вныкови, що люде будуть сміятьця!“

Одже титку и тоди вже булò, нàветъ було́ татусь: „Ты“, ка́же, „сѐстро, старосвицька людына!“ Усмихнетця було́ покійныця, та ще й рукòю—силькись, мовъ,—чы такъ, то й такъ!

Старосвицька булà людына, дуже старосвицька!

---

[1]) Основа 1861 г., апрѣль, 28—38.

Сынъ булд зъ Грузіи хустдкъ усякыхъ шовкбвыхъ, матѐрій турéцькыхъ та персыдцькыхъ.—„Про смерть, на цѐрковъ, попáмъ!“ абб пороздардвуе намъ, дядьковымъ, або отъ Кибченятамъ; а самà—матирчатый платдкъ, керсѐтъ зъ рукавàмы, зелѐни смужкы... запаскы, та ще щобъ и ляхивка, черевыкы абб чоботы—и вся невелычкая!... Ахъ, и забувся—хустка ще!... у пбяса: безъ нѐи, якъ то кàжуть, и не ступыть! Домоткàна, а тамъ—зàполоччю, абб-що.

И такъ булб вонà, и въ будденъ, и зъ свято. А мижъ люде абб въ цéрковъ, кожухъ зъ стоячымъ комирцѐмъ, зимою,—сиронимѐцькый верхъ; а литомъ—голубый халàтъ... Иноди, якъ лучытця булб зъ нéю до рбдычивъ-панивъ: „Та вы бъ, титусю, що нéбудь!„ звисно, диты. „Отъ Бигъ зна що! стари выбачять!“ абб: „Чогд вы“, кáже, „турбуетесь? Сёгд не знимуть, крàщого не дадуть!—и чы до Кибця, то й до Кибця, хоть все теé куды попанячылось и пиндючытьця почалд... Абд и до самдго Петѐлькы —и винъ намъ зъ ридни довбдывся.

И булб якъ прыидемо—мы жъ не знáемо, куды и повернутьця, а найпáче, якъ ще пàнство; а вонá, мовлявъ—изогнувшысь, въ тыхъ черевыкахъ и въ голуббму халáтыку—стукъ тыхѐнькоципбчкомъ по гдрныци, стукъ!... Тыхая у покійныци, и мдва, и ходà булà.

Та и у всёму булб вонá! Достàточокъ бувъ гарнéнькый: сусидскыхъ хатъ зд тры, чы зъ чотыри, клунька, комиркы... воливъ супруга добра—що такы одъ покійныка Буркуты, а то и сынѣ; а въ хаткáхъ, не тильки черезъ сины, а и въ мыти: и пичъ, и пилъ.... лáвы, полыци, стилъ на кбныкахъ, мыснякъ колб пордга...

Старосвицька, кажу, булà людына, дуже старосвицька!

Покы тилькы здужала,—и сáдыть булб, и полеть, жне, вàрыть исты; хоть, якъ кажу, про одну душу и бàтечкы бъ! Покійныкъ татусь не разъ—та чы тоби жъ, мовъ старуючы! „Ты бъ уже́“, кáже, „утыхомырылась: у тéбе жъ, слàва Бдгу, сусиды, нáймытъ, наймычка!“.—„Итъ, Бигъ зна що ты, Пéтре! на те“,

каже, „Богъ и руки давъ! Не вже жъ тильки сыдить, вложывшы ихъ, та готове исты?“

И булô такà, що чы въ кумпаніи, чы такъ мижъ людьмы, ридко-ридко колы розгуторытця! та й то ще не зъ усякымъ, а хто тамъ ужé по души, отъ примиромъ, зъ матусею—нехáй легѐнько іи згадáетця, мои стареньки! Ти тамъ и се, и те: „мы“, мовлявъ, абô „нàши батькы й диды“; а вонá—рукóю пидъ щóку, абô на свійципôчокъ, слуха. Иноди жъ усмихнетця, нибы весéленька, а ыноди—ажъ лыце осунетця, мовъ яку путь дôвгу, абô колô мерця тры нôчи...

А щобъ оттáмъ розсéрдытьця, погримать—на наймыта, абô такъ на когó—нихтó и не чувъ никóлы, и не бáчывъ! Дуже-дуже велыко вже булô: „о бодай же тебе!“ а то—„хырный!“ кàже. Той тамъ кобылу припустывъ до новыхъ стижкивъ,—снопы повыцюплювала, абô друге вшкодывъ: „Оцѐ, ты“, кáже, „хырный, и кобылу прыпустывъ!“ Та такы, здаѐтця, вонà и не вміла лаёкъ тамъ, абô сливъ якыхъ, що иноди и жонôта: „сякôго такого сына, сякôи такóи дочкы!“

Разъ тилькы ыначе розсéрдылась, та й то, не якъ инши люде—зъ татусѐмъ покійныкомъ. И за що воны, Богъ ихъ святый знàе! Однó 'днога любылы дуже, и татусь багàто допомагавъ,—отъ якъ и Буркута, кàжуть, вмеръ, и пóтимъ, якъ іи Степàна въ Грузію зъ Грàникомъ... Мóже, чы ны за ёго и выйшло! До покійныка дохôдать булô чуткы, чàсто булó рѐмствуе, що нибы обижà нàшого. А мôже, и за що друге—Богъ ихъ, кажу, святый знáе! И такъ вонó скôро якóсь тée вчынылося!

Я малымъ хлопьямъ ще тоди бувъ, сàме по надвирью,—и байдуже, що тамъ у хàти. Колы вбигàю, въ свитлыцю, и такъ, знáете, ще прожóгомъ: матуся на дзыꙃлыку колó грубы, блидàя,—и смутнáя-смутнàя! гóлову повисыла; проты нéи титка, тежъ на дзыꙃлыку, хустыною слёзы... а покійныкъ у покутнёго столà, выпрямывся, и ôчи, що все булó ажъ дрыжыть... Я такъ и прыкыпивъ до землі!

Трóхы погодя, титка встàла и мôвчкы зъ свитлыци; за нéю—матуся, я.

Выхôдымо на рундукъ, а тутъ и сêстры: „Чогô се вы, титусю, чого?“. Тилькы плаче и нàймытови скорише—кобылу; а запригъ—мóвчкы, и поихала.

Мовъ тепéръ се бàчу!

На рундуци, плàчемо, вонá иде, иде,—мовъ старый богъ зъ дебру зхóдыть... Вже до воритъ, за двиръ... А дали матуся, мовъ у сèрце іи кольнуло: „О, Царыце жъ моя небéсная!“—за нèю, мы... „бôже нашъ старый, бôже! титусю!“

Якъ ужè вонà ублагáла іи вернутьця, ничôго не памьятую—колы теè у Бôга діялось! Памьятую, якъ ужè вернулась, и мы за нéю въ свитлыцю.

Татусь тамъ же такы, коло покутнёго столà, ликтемъ обпéрся, на долôню голôву. Сèрце, выдно, пройшлó вже, тилькы смутокъ велыкый.

Ввишлà, тыхéнько до ёго; вставъ, соби тыхéнько.... Разъ поцилувáлысь трычи нáвхрестъ, у друге, у трéте,—и знóву, де сыдилы... У брáта зъ сестрóю тыха розмóва, обôе люде старосвицьки—вèчысть якàсь!... Замóвклы, пролизла—знóву тыхà розмóва у брàта зъ сестрóю, обôе старосвицьки люде....

— — —

Одже, и що бъ бàчця! Сèрце, якъ кажу; а щôбъ тамъ нàймытъ, абô сусиды,—та и крый Гôсподы! Чи такъ ужé іи поважàлы, що, мовлявъ, и крывôго слóва боялысь,—чи вмила; а якъ вшкóдыть булó, „о, бодáй же!“ мовъ.... „та лучче бъ“, кàжуть булô, „зряду трычи на спôвидь!“ а вмовляе булô на спôвиди Вертькивськый пипъ дуже!

У нéи китъ Спорышко бувъ—литомъ зáвжды въ спорыши колó хàты, за те и Спорышкомъ. А мы ще и Прицýцуватымъ. Оцè, прымиромъ, сыдыть булó пидъ полôмъ, прыслухàетця, якъ мышенята по ниркàхъ, абô пáрыть чéрево на кóмыни, нóги одкыдавшы,—та зрáзу, нынàче якый гàспыдъ ёгô, до тéбе!.. и чобить лàпамы по щокàхъ, по щокàхъ! поля́паса ёму!... Такъ нáветъ оттóй Прицуцуватый. Якъ розбиснуетця булô оцé—а булô якъ розбиснуетця, то и хáта ёму тиснá: и по столу, и по лàвахъ, и по мысныку—то нехáй булó тилькы покійныця „оцé,

мовъ, хырный! годи вже тоби!“—тыць, де бъ тамъ ни бувъ, и уши насторбшывъ! „Тоби, тоби, не выляй хвостомъ!“—терне лапою за однымъ ухомъ, потимъ другою за другымъ, куса, бачъ, щось ёгб—хытра проклятуща звирына була—и пиде, пиде тихенько, мовъ нестрепеный! и хиба пидъ лавою вже, за закаблукъ тамъ тебе, або за халяву!

А вже що отти колистраторы всяки!... Знаете, яки воны иноди у насъ: и чванытця, индычытця... ротъ-безъ-заворотъ, всяке чортзнащо варзякае: „И такый я, и такый тамъ гаспидъ!. мій отецъ, мои диты... „дывытьця и слухаты гыдко; а тилькы нехай вона тутъ.... мовчязна, и зогнувшись, и тамъ де-небудь въ кутбчку, або коло порога—та ба! мовъ ёму языкъ поцупыть въ середыну! Древня людына, знаете, знала не тилькы ихъ, а и ихъ батькивъ и дидивъ; и якъ-бы до чого, и почала росказувать,—не одному бъ прыйшлось, якъ то кажуть, у сирка очей позычать. Та такы було иноди и допечуть, отъ якъ разъ Рыпыця у Петелькы—не сей Рыпыця, що теперъ, а ёго батько.

Такый, знаете, винъ велыкорозумный бувъ, той Рыпыця: накрутыть-накрутыть оце вержетъ, ажъ стрычыть, мовъ у квака чубикъ, та ще й голову набикъ: „Та воно“, каже, „такъ, а заглянь лышень въ законы!“—все було зъ тымы законами, ыначе дурень зъ ступою! А якъ пьяный, то таке жъ тоби, просты Господы, погане, таке въидлыве, що возьмы, та прямо и наплюй ёму середъ лоба!... Отъ разъ винъ и заходывся у Петельки, пидъ пьяну ручъ. Та одигатьця стала, такы въ свитлыци—завжды було, и одигаетця и роздигаетця въ свитлыци, де бъ ни була; а винъ: „чого та й чого, пробы, стоитця оцей халатъ?“ та ще й губы зшылыть, кепковать бы то, брыдкый, зъ старои людыны!.. Мы жъ зъ матусею не знаемо, якъ-то кажуть, куды й подитьця—татуся на той разъ у Петелькы не було; а вона хоть бы тоби окомъ змигнула! застиба повагомъ ґудзыкъ пидъ бородою—рукы тилькы нибы трымтять.... „Оттого й оттого“, каже, „стоитця!“— „Поцинно“, той, „поцинно—одежына хоть бы й княгыни!“ Ни выдержала напослидокъ покійныця! „Се“, каже, „Оныську Семеновычу“—Оныськомъ Семеновычемъ ёго—„се“, каже, „теперь

вонб поцинно здаéтця, грбши дешèвши стáлы! а якъ купувàвся сей халáтъ, тоди грбши дороги булы. Тоди... Вамъ", кáже, „покійныкъ вашъ панотéць, мбже, роскáзувавъ, що за таки грбши, абò ще й тогò дешéвше, тоди въ Кыеви пàнство мòжна булб купыть!"—а Рыпыця, знáете, бувъ зъ такыхъ, якъ бы й мы гришни, та тильки бàтько ёму чына, въ Кыеви, за три четверыкы пшеныци.... Якъ сказàла вонá се, тоди Рыпыця, якъ той цуцыкъ, вхопывшы бблызня. А тутъ ще й Петéлька, спасыби ёму,—за насъ руку потягъ. Пидождàвъ трòхы, щобъ такы не прытакъ вже дуже: „Чы вы", кàже, „Оныську Семèновичу", прыдывлюючысь ёму до бороды,—що-нéдили, мовъ, оттàкъ гблытесь?...

— — —

И булб такъ покійныця: куды бъ ни ихала, а вже безъ паляныци не мòжна. „Годытця такъ!" И прыиде, склоныла головòю, добрыдень, чы якъ прыхбдытця, и наперéдъ усёго—зъ хустыны и на стилъ іи! а вже пбтимъ, и прывтáтьця, и щобъ тамъ наддягтысь.

И гостынцивъ тежъ булб дитямъ,—николы було безъ гостынця! „Свáримось", кàже, „трèба и голубыты. Чымъ же" кàже, „и згáдувать имъ буде стару?" И не те, щобъ тамъ медяныкивъ, абò другòго чогб, городскòго—ни, сёгò у нèи не булò николы. А отъ: насинначка по жминци... коржà медянòго абб прбсто по шматку кнышà абò гречаныкà. „У зàйчыка", кàже, „однялá! Бижыть", кáже, и „несé,—я и однялá!" И якымъ смашнымъ намъ здавàлось, що вонà у зàйчыка однялà! Такъ якбсь умила все вонá,—якъ то кàжуть, всяку копійку рубомъ.

И чы й до нèи булò прыидемо: дуже любыла пàдатьця колб насъ; а щобъ тамъ пундыкивъ якыхъ, прыщивъ—никòлы! И не одъ скнàросты, абб, сказàть бы, ни зъ чого—ни! такá вже людына!

На обидъ булò оцè—борщъ зъ мясомъ, кàша зъ молокòмъ, и дуже-дуже вже багáто, якъ ще й варéныкы; для зáбавкы—насинначка, а иноди й варèнои по чарупынци: „се", кàже, „мòжна"; на пòлудень—колбасы, абб крышèныкивъ сàла... Булò дядькова—звисно, мазаниши—мулятця: „Не копыльте", кàже,

„диткы, губо̀къ, не копыльте! ижте, воно̀ смашнѐ!“—и ти, мовъ непе́вни, уплита̀лы крыше́ныкы.

А щобъ тамъ тарило̀къ билыхъ, або̀ выдѐлокъ и ноживъ—того̀ й заво̀ду въ нѐи не було̀. Про̀сто: на деревяни тарильци—хлибъ, на други—силь... били ложкы деревяни, нижъ колодій, рушныкъ круго́мъ сто̀лу рукы обтыра̀ть, та для дитѐй по полывяному полумыску для ко̀жного, борщъ набира̀ть—отъ и все! „Сида̀йте“, ка̀же, „диткы, за стилъ, або̀ борщъ простыгне!...“ Хлибъ було̀ риже, хиба̀ котре́ не подужае; мясо—зъ одныѐи тарилкы, па̀льцямы... Позаё̀ло̀жуемо було̀ соби и носы, и рукы—усмиха̀етця тилькы тыхе́нько, вытыра̀: „О, якъ же ты“, ка̀же, „Васыльку, нечупа́рно!“—а сама̀, мовъ вона̀ до ёго не прыторка̀лась!

И було́ вже такъ пыльнуе за ко́жнымъ, щобъ тамъ крышѐныка безъ хлиба, або̀ щобъ варе́ныкы не дуже въ ма́сло! За̀разъ за руку: „хлибця“, ка̀же, „дытыно моя, хлибця—ва́ва буде!“; або̀: „помалѐньку ёго, помале́ньку,—ослипнешъ!“

И що жъ! Якъ тилькы прыхо̀дять було̀ святкы, або̀ ска̀жуть, що, мовъ, до титкы На́сти,—тилькы объ тимъ и ре́чи у насъ!

Про̀стеньки у нѐи булы хаткы, и въ ихъ ничо̀го бъ и тако̀го; а яко̀сь такъ тамъ!.. Якъ згада̀ю, отъ якъ разъ мы до нѐи на Голо̀дну Кутю...

Темнова́то, моро̀зъ викна позамуро́вувавъ—мовъ у на̀ши стари цѐркви... и стины, мовъ у на́ши стари цѐркви; на столи трійця—въ васылькахъ—въ калыни, казано́къ зъ кропыльцемъ, надпа̀лена свичка воскова̀... Мовъ мы спра́вди въ на́шу стару цѐркву на Голо́дну Кутю, нема̀ нико́го, а буде та служба: и параміи, „та́ко глаго́леть проро́къ... рикы Орда́нскіи... водо̀ освящѐнная“.

И отти ложкы били, мыснык, сволокы: про́сто, и два́дцять-со́рокъ разъ ихъ ба́чывъ; а ще хо̀четця передывытьця, ще щось ына́че въ ихъ... въ оттыхъ мережка́хъ, держална́хъ зъ горляночкамы, въ оттыхъ закама́ркахъ въ мыснык... въ оттому, на сво̀лоци: „Ро̀ку“, ка́же, Бо́жого 1764 соорудыся домъ сей...“

„*Соорудыся?*... И стара́ це́рковъ *соорудыся*... Пѐвно оттѐ, якъ и въ Хыбцяхъ: и владыка—старый, старый! въ золоти ша́пци: хлѐпчыкы въ золотыхъ свыткѐхъ—якъ янголята спивѐлы!... въ зѐмлю щось закѐпувалы..."

А мыскы у титкы! И на полыцяхъ и на мыснyку, зъ винцямы и безъ винець, крути и розлѐжысти, зъ бока́мы и безъ бокивъ... И все те, знѐете, полывяне: червѐни, зеле́ни, били, жѐвти... цяцькѐвани!

Мы ча́сто булѐ: „Будьте, мовъ, ла́скови, титусю!" Зопнѐтця старе́нька на лаву—любыла такы ихъ показувать; а мы на земли кучею,—и почнѐ одну за дныѐю: и билу велыку, на винцяхъ хрѐщыкы, на бока́хъ пружкы—и червѐну, що паскы святять, зъ крывулькою и зъ зелѐнымы голуба́мы на дни. „Оцю", ка́же, „въ Лубняхъ, на Спа́са—пивзолотѐго вра́жа сидуха! а оцю торикъ въ Оржыци—пята́къ зъ шагѐмъ; а оцю", кѐже, „тутъ такы, ганча́рь въ Богодухивку ихавъ",—и почнѐ намъ, якъ той ганча́рь Коломыивськымъ шляхомъ, а вонѐ на вгорѐди: „по гѐршкы", крычыть, „по гѐршкы!"—пшеныпного ѐрошна зъ верхѐмъ!

А для играшѐкъ булѐ у нѐи! та ще й додѐму надаѐ!... яечѐкъ-знискивъ, карахѐнёкъ, блызнятъ усякыхъ: сѐяшныкового абѐ гарбузѐвого насиння, жытнихъ колоскивъ, що по два на одному стебли. Абѐ ще вѐлыкивъ: „Ось", кѐже, "диты, скилькы орѐлъ зъ стѐпу нагна́въ!"—и цилисиньку намъ торбыну квасѐли: жѐвтои, сынёи, та ще й смужкамы усякъ! „Тутъ", ка́же, „и сыви, и полови, и пидчере́ви!" Пидъ Велыкдень—безконе́шныхъ пысанѐкъ всякыхъ, крашанѐкъ бразолійныхъ. А литнёи поры лучытця у нёи—понавѐзымо додѐму зайченятъ малюсиньвыхъ, пиръ велыкыхъ, що журавли зъ крылъ гублять, дрохвыныхъ яѐць, овраппшвъ—степовый хутиръ!

— — —

Така́я-то була́, та титка На́стя! Старосвицькая, дуже старосвицькая людына! Тепе́рь такыхъ людей, гляды, чы мѐжна вже й найты!

Не весе́лее тилькы покійныци жыття було́! Одъ чоловика зоста́лась давно̀—я й не зазна́ю покійника Буркуты; сынъ одынчыкъ бувъ, та й той заихавъ въ далѐки сто̀роны: одна̀ въ Божому свити, якъ па̀лецъ! А щобъ по бенкета́хъ тамъ, по весилляхъ, въ кумпа̀ніи—не любыла. Въ ряды-годы хиба́ мижъ люде, та й то, щобъ не зо̀всимъ такы одцура̀тьця, прытьмо́мъ трѐба; а то все домуе, все одна́! Та якъ лучалось и мижъ люде—мовчизна́, кажу: яко̀сь не тулылось, и люде ти мовъ іи чужи, и вона̀ мовъ имъ чужа́... А родычи бъ сказа́ть... Изъ усьо̀и ридни вона́ тилькы насъ; такъ разъ те, що такы дале́ко й жылы—колы-то въ Бо́га до̀вѐдетця! а друге—матуся тоди молода̀ людына була́, все не те! ну, й другою жинкою у татуся: все нибы чуже́, чужише, нижъ пе́рша—такъ ужѐ скризь ведѐтця!...

Люде прыра̀ялы, щобъ ко́го за дытыну—все такы, ка̀жуть, охвитнише. Послухалась и взяла̀ дядькову наймѐньшу: „Зъ мало̀го“, ка̀же, „якъ зъ во̀ску, все злипышъ!“ Знала жъ вискъ! Дытына выйшла невмо̀сна, опрысклыва,—а вже що, нечупа́рна, то и кинци погубыла! А тутъ ще й стари: „Обижда̀е!“,—що, бачъ, иноди дубчыкомъ, або̀ посва̀рытця... Шуткуе було̀ покійныця: „Не ма́ла“, ка̀же, „ба́ба клопоту, та купыла порося!“, а выдно, дуже іи те дойма̀ло!

Одна̀ робо̀та, здае́тця, и розважа̀ла тилькы покійныцю, та ще отъ, якъ було́ у церковъ.

Прыидемо було̀ до не́и на степо̀къ, пидъ косовыцю: „коса̀рыкы!“ ка̀же. А якъ гребовыця, то й сама́ ще зъ граблямы: дивци, мовъ, со̀ромъ, рукы зложывшы,—дивкою було̀ собе́, якъ веселиша. Прыбижышъ було̀, дасы зза уха чоло́мъ... поцилуе въ го̀лову и зно́ву за грабли. „Бачъ“, ка́же, „якъ у насъ диво̀та! Скажы“, ка́же, „своимъ парубка̀мъ“—а парубкы бъ то, удови диды, що вже й зубивъ въ ро̀ти не гуртъ,—„скажы“, ка̀же, „що онъ, мовъ, вона̀ якъ!“—и геть вало́къ пидкыне граблямы!

А въ це́рковъ було̀, хоть яка̀ хуga бье, иде въ Вертькы! До утрени було̀ ужѐ не за̀вжды, а до службы—ни однисинькои не пропустыть. Та ще ко̀жный разъ и свичку, завѐрне въ билу хустыну... И якъ вѐрнетця, така̀ жъ тоби! Неговоркиша ще,

здаѐтця, а усмиха́етця: выдно. такъ тыхо, бо̀жо, на души! а ска́же що—мьяко и отто̀тъ, здае́тця, запла́че! „Сыроти бъ“, каже, „тильки молытьця!“

Та ще було́ покійныця, якъ отъ обидъ хто, девятыны, чы сороковыны,—любыть. И не те, щобъ такы спра̀вди обидать и помына̀ть, а щобъ по̀ратьця: помо̀же все, якъ слидъ, и додо́му, ни за що не зоста̀нетця! Отъ хиба́ хто замо́жный, и обидъ йде надво̀е: въ ха́ти, а хто биднишый и старци—на дво̀ри; тоди—такъ, и на такыхъ обидахъ любыла найпа̀че: все коло́ таганивъ! И оцѐ духъ духа пошыба̀, а вона̀—пидты́кавшысь, пидсмыкавшысь, хустына та зпидъ керсе́та. А якъ прыйдуть попы и поблагословлять—и почнѐ коло́ своихъ: садовыть, по́штуе, прыпро̀шуе... Иноди—всякови, зна̀ете, бува̀ють покійныкы! Иншый и викъ свій зжывъ, а ничо́го на той свитъ не заробывъ—и зга́дувать ни-защо, найпа̀че отти бидо̀ти. И якъ обійде ча̀рка разивъ кильки—всячыною почнуть!.. То було покійныця, якъ по̀чне, якъ по́чне—вмила зъ оттымъ наро̀домъ—то чоловикъ и зхаменѐтця: „Неха́й“, ка̀же, „уже́ Богъ ѐго́ судыть! то одынъ суддя нелука̀вый!“... Не одну душу вона́ оберегла̀ тамъ одъ людськы́хъ проклёнивъ.

— — —

Зъ ча̀сомъ у покійныци и того̀ не ста́ло, ста̀ристь почала̀ одолива́ть. То було́, давнише—звисно, диты: „Чого́, мо̀въ, титусю, зъ ципо̀чкомъ?“—„Охвитнише“, ка̀же, „одъ соба́къ!“; а то: „пожывете́ зъ моѐ, самы поба́чыте“... А да́ли до то́го вже дійшло̀—мы пидрослы, розумить ста̀лы, а найме́ньшый братуха... „На те“, ка̀же, „моя дытыно, на трёхъ, щобъ на чотырёхъ не ла́зыты!“ И жартуе було̀ иноди, жартуе, та на таке́ зве́рне... „Я“, ка̀же, „буду ско̀ро тако́ю, якъ ты бувъ колысь: въ пелюшкы менѐ заго̀рнуть, въ колысочку поло̀жять!“

Та и не добача̀ть да́льше ста́ла, и не дочува̀ть: девятый десятокъ карата́ла, та и трудяща людына... Иноди було̀, якъ почнѐ прыглѐжуватьця до те́бе, або́ прыслуха́тьця, покы-то пизна̀ або́ почуе! „Мовъ кризь густе́ сыто“, ка̀же, „а уши ына̀че позатыкани“.

Тимъ въ це́рковъ дуже-дуже вже ридко, та й то хиба̀ литомъ; а на обиды, въ по̂ле, мижъ люде—„Одъиздыла вже своѐ, неха̀й ще други!“ На вгоро̂дъ хиба̀ було̂ выдыбуля, поло̂ть, по̂мацкы; а то все въ ха̀ти, все на полу—прядѐ. И прядиння тамъ було́... Сама̀ иноди: „Якъ упущу“, ка́же, „почынокъ, и нема̀ нико̂го— покы то нама́мраю! ыноди всю ха̀ту вырачкую!“ Все то за вискъ! Своя й пасичка, та й матуся,—чы вже бъ то пожалилы! „Трудовыте“, ка́же, „не те, що даровыте, або̂ сво̂е; мо̂же, хоть симъ Бо̂гови приспособлюсь!“

А по̂тимъ и лижма тре̂ба лягты! Прыто́мна була́, покы и вме̂рла—и памятува̀ла тве́рдо, и говорыла, и розумила—та сылы нема̀! Въ рука̀хъ ще сякъ-такъ—вико̂нце одчыныть, ло̂жку; а ног̀ами—хиба̀ пидъ рукы, то й то тилькы що дыба! „Замолоду не побереглà, одтупала, одтопта́ла!.. Зажила̀сь“, ка̀же, „зажила́сь, пора́ бъ и честь знать!“

Такъ ще вона̀ годивъ килькы пронудыла свитомъ—вылежала, выкачалась на полу. Якъ прыйде вже дуже тяжко: „Прыймы вже!“ мо́лыть було́ Бога́: „на́-що я тутъ здала̀сь!“; а поле́гша: „Его̂ свята̀я во̂ля!... Винъ“, ка̀же, „зна, що̂ ро̂быть!“

Не разъ до сына пысàла; „Прылынь, моя дытыно, хоть подывлюсь!... хоть въ оста̀тній разъ! хоть очи мени закрый!“— „Радъ бы“, ка́же, прылынуты, та крылець не ма̀ю!“

— — —

Въ оста̀тній разъ ба́чывъ за тыждень передъ сме̂ртю.

Прыи̂жжу, а вона̀ пидъ комо̂рою, на прысинкахъ—на со̂нечко вынеслы...

— Се ты, каже,—дытыно моя?

„Я“, кажу, „титусю!“

— А що жъ ваши—чы ще воны, ще́?

„Та ще, сла́ва Бо̂гу!“

— Сла́ва Бо́гу! ка̀же... А я, ка̀же, на со́нечко, тилькы щось и воно̂—а со́нце и дыхать не дае́... Я вже, ка̀же ёму: „и ты, мовъ, старосвицьке, и я—хоть ты мени!“ не гріе, розледачило, за молодне́чею!...

Якъ умирàла, мы зъ *моèю* не булы, у Лубни ходылы... Далы зарикъ; якъ дасть намъ Богъ сына—пишкòмъ у Кыивъ, до Печѐрськыхъ, а дочку—до Офанàсія святòго: Богъ Надéждочку послàвъ!

Смерть, кáжуть, булá—пошлы, Гòсподы, и всякому такòи! тыхая, праведная!... *Зтрывòжылась* трóхы—про сына згадáла; а пòтимъ и знóву: до кинця выдержала, хоть, кàжуть, крычàть, а не плàкать!...

За день почула: „Идѐ“, кàже, „идé!“

Послáла за всимà, и щобъ Мыхаила старòго, одсобòрувать: „Ёгò“, кáже, „бáтько ввивъ, а винъ нехáй вывòдыть!“

Зибрàлысь, одсоборувавъ покійныкъ Михаилъ—все то покійныкы!... Роспорядкувáла—надить, на цéрковъ, старцямъ... чымъ домовыну—дéсять рòкивъ ждáла, такы диждáлась!

Вечорить началò!... „Тепéръ же“, кàже, попрощàймось!...—„Щó вы!“—будемо, мовъ, жыть, Бóга хвалыть!—„Ни“, кáже, „попрощàймось!“—до татуся...

Нахылывсь покійныкъ, гòлову въ обыдви рукы, и дòвго-, дòвго прыдывлялась! „Гòренько“, кàже „мени тяжкее!“, и вже пàльцямы, по лыцю... И такъ же то, кáжуть!... „Такъ“, кáже, „такъ!... и у покійныка бàтька—волóсся, лобъ, нисъ... А брòвы“, кàже, „матусыны... Де то вонà“, каже, „тепêръ, моя рідная? чы побáчу іи?“...

Матусю дòвго, дуже довго тулыла до сѐбе!... „Ти въ мѐне“, кáже, „золотая булà!... Я, мóже“, кáже,—„одпусты мени! Та не пускáй въ далѐки стòроны—никóго не пускáй, ни óдного!... Ой“, кáже, „сыночку, Степаночку, дытыно моя!»...

Пòтимъ нибы заспокòилась.

— Повернить. кàже, менѐ на другый бикъ!

Повернулы, позихнула...

— Повернить знòву!

Знóву повернулы, знóву позихнула.

— Нынáче спать, каже, хóчетця!... Повернить впять, та квартырку одчынить.

Повернулы, одчынылы...

— О-хо-хòхъ! кàже.

„Заснула!“ хтось.

А покійныкъ Мыхаилъ. „Заснула“, кàже „заснула!“...

— — —

Мы зъ *моèю* сàме до язивця дохòдылы, верталысь зъ Лубень...

— Такàя смутнàя-смутнàя вонá, дытына плáче, та й у мéне щось...

— Колы зрàзу, нибы лàданомъ...

— Чуешъ? кажу...

„Чую!“

И въ слёзы!

— Чогó ты?

А въ самóго такъ и душять...

— И самá, любый, не знàю!...

И якъ разъ, въ той самый день, въ ту сàму годыну...

Р. Б. 1860 генваря 10 дня. СПБ.

РАЗСКАЗЪ

О ПОѢЗДКѢ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ [1]).

. . . Поѣхали однажды запорожцы въ Петербургъ, нужно было тамъ, къ сенатôрамъ, или какъ ихъ тамъ зовутъ: всякія уже, знаете, завелись у запорожцевъ нужды.

Ну, вотъ и пріѣхали, и хлопочутъ тамъ вездѣ у *однорализъ* и у всякихъ тамъ сенаторовъ, а народъ, знаете, какъ покажутся они гдѣ—„запорожцы", кричатъ, „запорожцы! смотрите, смотрите!". И у насъ бывало, если они гдѣ покажутся, всѣ бѣгутъ смотрѣть, а ужъ тамъ,—и говорить нечего (въ *Московщыни* вѣдь своихъ запорожцевъ никогда не было). Бывало возлѣ *будынка*, гдѣ они жили, народу—и Боже насобирается! „Авось", моль, „пройдутъ запорожцы, посмотримъ". И паны бывало собираются смотрѣть, а которые, знаете, персоны такіе, какіе небудь *репріи*, [2]) что ли,—такъ тѣ прямо и въ хату къ запорожцамъ; за этими и другіе наползутъ:—„въ гости", говорятъ, „къ вамъ!"... Кто жъ, знаете, похожъ на человѣка,—по-

---

[1]) Черниговскій Листокъ 1863 г., № 11, 82—85.

[2]) Т. е. Репнины. Послѣ генералъ-губернаторства князя Репнина, слово Репнинъ, произносимое моими земляками *Репрій*, обратилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края въ нарицательное и долго служило для обозначенія понятія, выражаемаго на русскомъ языкѣ словами важная особа.

сидитъ прилично, посмотритъ, спроситъ о чемъ-нибудь, и съ Богомъ себѣ поѣдетъ; а тѣ разные, что ужъ знаете какіе они,— *ще бачъ* и посмѣяться надъ сѣчовиками... Эге! такіе они и были, чтобы съ ними можно было какъ-нибудь!

Бывало, если кто-нибудь черезчуръ ужъ дастъ языку волю,— кто-нибудь изъ братчиковъ, будто такъ онъ себѣ, просто изъ запорожья человѣкъ да и только... подойдетъ, да какъ пахнетъ подъ самый носъ *насъкымъ*:... „Употребляете, говоритъ, вы, ваше *однорал ьское осіятельство*, этакой?"... Чихаетъ-чихаетъ одноралъ—слезы даже иногда изъ очей побѣгутъ.

— Вотъ дуракъ! говоритъ.

— Эге!.. мрукнетъ тотъ, и какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ это онъ такъ себѣ.

А если кто изъ этакихъ ужъ слишкомъ часто начнетъ къ нимъ вчащать—увидятъ, что идетъ, поставятъ у дверей столъ, взберется на него какой *палывода*... и тово, знаете, какъ-будто чешется о дверь и не разглядѣвши прямо носомъ...

— Вотъ, говоритъ *пройдысвитъ*, и почесаться не дадутъ доброму человѣку!

А разъ что̀ они сдѣлали одному фертику! Тотъ, знаете, все къ нимъ, все къ нимъ: и день и ночь тамъ, и кормится тамъ, да еще не какъ-нибудь, а все съ затѣями такими—и того купите, и за тѣмъ пошлите! Ну это бы еще пусть себѣ: добрый человѣкъ куска хлѣба не пожалѣетъ и для недруга, коли недругъ похожъ на человѣка; а то—я де вонъ-что̀, а вы—тьфу! и другими разными способами наскучалъ имъ. Ужъ они не разъ его и осаживали, и столъ приставляли къ дверямъ—не понимаетъ, да и полно: видно толстокожій былъ!

— Стой же, говорятъ, когда ты такой, мы тебѣ выкинемъ штуку!—и какъ увидѣли однажды, что бѣжитъ къ нимъ, возьми да и поставь въ сѣняхъ корыто съ дёхтемъ, а у самаго порога кадушку тамъ, или бревно какое. Тотъ, знаете, въ сѣни—а въ сѣняхъ было темно—да бултыхъ черезъ бревно и прямо лицомъ въ корыто... И, Господи, какой подняли шумъ! Тотъ-весь въ дёгтю какъ сатана, кричитъ, бранится, а тѣ и себѣ:—„Вотъ

бѣгаетъ, какъ бѣшеная собака! „съ трудомъ“, говорятъ, „могли найти въ *оцему паскудному болоти доброго дегтю* на сапоги, а онъ и тотъ выворотилъ!“ и прогнали изъ хаты... Какъ былъ, принужденъ былъ домой... Нахохотались же въ волю и тѣ, что на улицѣ были, и эти паливоды...

Такъ вотъ этакъ, слово по слову, слово по слову, и до государыни дошла вѣсть, что, молъ, запорожцы пріѣхали въ Петербургъ и такіе, видишь, забавники... Можетъ статься, какой тамъ однoралъ сказалъ женѣ, та другой *насокотала*,—извѣстное дѣло, бабы,—та третьей, а та можетъ и царицѣ.

Какъ послышала это царица:—Желаю, говоритъ, повидѣть тѣхъ запорожцовъ и какіе тамъ они забавники!

— Не велите, ваше царское величество, говоритъ ей одинъ однoралъ:—казнить меня, а велите меня миловать, и позвольте рѣчь держать!

— Держи рѣчь! говоритъ царица.

— Эти запорожцы, ваше царское величество, простые *мугыри* и не пригоже ихъ пускать въ царскіе будынки.

— Если я хочу, говоритъ царица, то пригоже, а если ты въ другой разъ будешь держать мнѣ такую рѣчь, велю отправить тебя туда, гдѣ ковла́мъ роги правятъ. Сейчасъ позвать ко мнѣ запорожцевъ, чтобъ стали передо мною, какъ листъ передъ травою!

Бросились всѣ, земля даже застонала, и привели запорожцовъ предъ царицу.

— Что это, думаютъ они, за бѣда! И какъ стали передъ царицой—въ ноги ей: „что это, *мамо* (они всегда царицу звали мамою), чѣмъ мы передъ тобой провинились?

— Ничего, говоритъ, ничего, встаньте! Я хотѣла только на васъ посмотрѣть; вы, говорятъ, такіе забавники.

— Какіе, мамо, мы забавники! отвѣчаютъ:—мы не забавники, а такъ себѣ запорожцы, да и все тутъ,—пріѣхали по надобности.

Царица засмѣялась и начала разспрашивать, по какой надобности пріѣхали, велѣла помочь имъ въ ихъ дѣлѣ, шутила съ

ними, и велѣла ходить къ ней въ гости запросто, если выберется свободный часъ.

Съ этой поры запорожцы часто ходили въ царскіе будынки, царица часто съ ними разговаривала, шутила, и разныя тамъ были съ ними оказіи. Вотъ нѣкоторыя разскажу вамъ, какъ слышалъ отъ стариковъ.

Приходятъ однажды запорожцы къ царицѣ въ садъ, а тамъ пановъ-пановъ всякихъ! И знаете, побрались подъ руки, по двое или по трое, *хрелыни* тамъ такія или сенатбры тамъ разные, и ходятъ себѣ по дорожкамъ и разговариваютъ. Вотъ тѣ и себѣ тоже по двое и по трое, и расползлись по саду, какъ *полыгани* волы по полю. Ну и идутъ этакъ двое изъ нихъ, а на-встрѣчу имъ двое одноралозъ, тоже подъ руку, и такіе молоденькіе, и видно такъ себѣ одноралы,—пужина, а не зерно... Загородили запорожцамъ дорогу и говорятъ:—а что̀, запорожцы, какъ теперь у васъ цѣна на волы?

— *Якъ до воливъ*, ваше одноральское высокомордіе! отвѣчаетъ одинъ изъ запорожцевъ.

— Какъ это: якъ до воливъ? снова тѣ.

— Да такъ: если волы, вотъ какъ этихъ пара,—и указалъ на двухъ старичковъ одноралозъ, которые на тотъ-часъ проходили мимо (а то видно, *не абы-яки булы*), этакіе волы у насъ очень дброги, цѣны имъ не зложять; а если волы, примѣрно сказать, вотъ какъ васъ двое—и *нюха табакы* не стоятъ! и гной вывозить негодятся...

Старики одноралы захохотали:—Ого! говорятъ:—да эти брѣютъ безъ мыла!..

А тѣ двое, хвативъ *облызня*, тихонько, тихонько,—были такіе, да и слѣдъ простылъ.

Или разъ, тоже въ саду, ходятъ запорожцы: смотрятъ, двое какихъ-то *пузатыхъ,—богословы* [1]) тамъ какіе-то или Богъ ихъ знаетъ!—стоятъ возлѣ куста какихъ-то цвѣтовъ и спорятъ:

---

[1]) Это слово обломокъ старины, когда умственными свѣтилами для Малороссіи были *богословы*, т. е. воспитанники кіевской академіи и потомъ семинарій.

одинъ говоритъ, что эти цвѣты такъ называются, а другой, что не такъ, а вотъ какъ. Запорожцы остановились возлѣ нихъ, слушали-слушали, а потомъ и говоритъ одинъ изъ нихъ товарищамъ: „Вотъ", говоритъ, „какъ говорятъ то и правда: *що городъ, то норовъ!*" Здѣсь—одинъ такъ зоветъ цвѣты, другой—иначе, а третій можетъ быть и еще иначе, а у насъ, какъ стоитъ въ книгахъ имъ имя, такъ ужъ всѣ и зовутъ... и назвалъ ихъ какъ-то не *по-нашому*.

Богослóвы, или кто они тамъ такіе, и глаза вытаращили! Наконецъ одинъ—должно быть хотѣлъ загнать запорожцевъ въ *дукъ*—и спрашиваетъ о чемъ-то, и тоже не *по-нашому*, а по-нѣмецки, что ли,—а тотъ ему отвѣтъ опять иначе; тотъ снова иначе, и какъ пошли *навперевагы*—богослóвы принуждены были замолчать, и когда стали запорожцы отъ нихъ итти, они и себѣ за ними, какъ школяри за шпекторомъ, и только прислушиваются, кáкъ тѣ разговариваютъ межъ собой о цвѣтахъ, о камняхъ разныхъ, о небесномъ. И, чтó поймутъ, а чего и нѣтъ, потому что тѣ: одинъ хватитъ по-волошски, другой по-турецки, тотъ опять иначе... О, межъ ними всякіе водились!...

Разъ какой-то одноралъ убѣдилъ царицу посмѣяться надъ запорожцами: позвать ихъ обѣдать и дать имъ ложки съ предлинными ручками, оправленными съ обѣихъ сторонъ въ острыя какъ бритва полосы, чтобы если взять такую ложку за конецъ—нельзя было ею достать до рта, а пониже взять нельзя, поранишь руку.

Покликали запорожцевъ обѣдать, сѣли они за царицынъ столъ... Чтò же бы вы думали? Посмотрѣлъ какой-то куренной на ложки:—Вотъ, говоритъ, мать, такъ мать! знаетъ хорошо, какимъ косарямъ какія нужны косы. Этими ложками и накормиться можно доброму человѣку, и ворога черкнуть, если бы вздумалъ обидить. А ну, *Спырыдоне* тамъ, чы *Пылыпе*, открой ротъ!.. и набравши въ этакую ложку *борщу*, или чего тамъ другого, подалъ черезъ столъ другому запорожцу. Тотъ съѣлъ, чтó было въ ложкѣ, и набравши свою, подалъ куренному. Такъ и другіе поступили, и *братчики* встали отъ трапезы, будто у нихъ были ложки, кака и у другихъ.

Однажды запорожцы были у царицы, и о чемъ-то шла тамъ бесѣда, только какъ заиграетъ у нихъ чтó-то надъ головами?

— Чтó это у тебя, мамо, играетъ?

— Часы, отвѣчаетъ.

— Что это такое часы?

Та имъ объяснять, а они удивляются да разспрашиваютъ, а они удивляются да разспрашиваютъ! какъ-будто и въ самомъ-дѣлѣ, паливоды, никогда не видывáли *такои дурныци.*

— Какъ же, спрашиваетъ наконецъ ихъ царица:—узнаете вы время?

— По солнцу, мамо, по солнцу!

— А ночью.

— Ночью, мамо, гм!.. будешь сердиться, мамо, если скажу.

— Говори, говори! сердиться не буду.

— Ну, если видишь, мамо такъ вотъ какъ...

Тутъ запорожцы привели нѣкоторые, извѣстные на запорожьи, способы разпознаванія времени, неудобные для печати.

Другая, знаете, и разсердилась бы, можетъ быть, но та, знаете, была такая себѣ,—*добрая,* засмѣялась только и говоритъ:—ну, чтобъ было чѣмъ лучше узнать вамъ время, такъ я дарю вамъ эти часы. Возьми, Петръ тамъ, или Иванъ, прибавила она, поворотившись къ какому-то полковнику (*у царивъ, знаете, челядь все полковныкы та-що*)—возьми, говоритъ, эти часы и отнеси къ нимъ на домъ.

— Спасибо тебѣ, мамо, спасибо! Вотъ мать, такъ мать!

А старшій изъ нихъ вынулъ изъ-за сапога часики, вотъ какъ паничи на шеяхъ носятъ, всѣ въ галмазахъ, такъ что одинъ ретягёнъ стоилъ тысячъ десятъ червонцовъ:—Возьми, говоритъ тому Петру или Ивану:—это тебѣ за трудъ, что отнесешь намъ царицыны часы.

— Видишь какіе они!... подумала царица.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVII.

1899 г.

ДЕКАБРЬ

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Продолженіе*). **П. Житецкаго** . . . . . 277—300

II. ПИКИНЕРІЯ. **Д. Миллера** . . . . 301—322

III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово-исторычня драма въ пяты одминахъ. (*Окончаніе*). **М. Старицкаго** . . . . . 323—380

IV. КЪ ИСТОРІИ ТОРГОВЛИ КОЛЬЦАМИ СВ. ВАРВАРЫ ВЪ КІЕВѢ. **Л. Орельскаго** . . . . 381—389

V. ВЗГЛЯДЪ НА РЕМЕСЛО ПАЛАЧА ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **Ор. Левицкаго** . . . . 390—398

VI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (*Окончаніе*). **Н. Бѣляшевскаго** . . . . 399—412

VII. КЪ ПОРТРЕТУ И. Ѳ. ТИМКОВСКАГО. **Н. Ш.** . . . . . 413—415

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памяти Алексѣя Петровича Стороженка. (По поводу 25-лѣтія со дня его смерти). **В. Н.**; б) Письмо къ редактору Кіевской Старины о стих. „Славянамъ" профес. **Н. Стороженка**; в) Гетманскій рецептъ отъ кашля; г) Варіантъ пѣсни про дурня; д) Дополненіе къ тексту интермедіи «Замыслъ на попа»; е) Заботы о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія . 121—130

Текущія извѣстія . . . . 131—137

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового товариства імени Шевченка. **А. М.**; б) «Этнографічний збірник». **В. Доманицкаго**; в) Обзоръ украинско-русской литературы за 1898-й годъ. **В. Д.**; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 138—167

Археологическая лѣтопись . . . . 168—182

III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разсказы М. Т. Симонова. (Номиса).
2) Портретъ И. Ѳ. Тимковскаго.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 28 ноября 1899 года.

Просимъ исправить слѣдующую опечатку въ статьѣ П. И. Житецкаго.

Въ заглавіи 8-й главы напечатано: „для изученія произношенія и правописанія *малорусскаго*“, а нужно читать: „для изученія произношенія и правописаніи *великорусскаго*“.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

и

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Продолженіе [1]).

VIII.

Языкъ лѣтописей малорусскихъ первой половины XVIII вѣка. „Діаріушъ" Н. Д. Ханенка и „Дневникъ" его же. Руководства для изученія произношенія и правописанія малорусскаго. Паденіе книжной малорусской рѣчи въ лѣвобережной Украинѣ.

Въ XVII в. книжная малорусская рѣчь употреблялась не въ однихъ сочиненіяхъ церковно-религіознаго содержанія. Не мало дошло до насъ отъ того времени лѣтописей, хронографовъ и козацкихъ хроникъ, написанныхъ этою рѣчью. Повидимому, ей суждено было сдѣлаться тѣмъ, что называется языкомъ образованнаго общества. По крайней мѣрѣ, она составляетъ обычное явленіе въ частной перепискѣ образованныхъ людей XVIII в. Точно такъ же до половины прошлаго вѣка мы встрѣчаемъ ее въ оффиціальныхъ бумагахъ, выходившихъ изъ мѣстныхъ канцелярій, и въ литературныхъ произведеніяхъ историческаго содержанія.

[1]) См. Кіевск. Стар., 1899 г., ноябрь.

Въ 1702 г. окончена была лѣтопись Самовидца. Но такъ какъ авторъ ея началъ службу свою въ войсковой канцеляріи еще при Богданѣ Хмельницкомъ, то можно полагать, что и лѣтопись его начата была не въ XVIII в. На это указываетъ, между прочимъ, и языкъ лѣтописи, представляющій обычный типъ книжной малорусской рѣчи въ томъ видѣ, какъ сложилась она въ XVII вѣкѣ.

Собственно говоря, въ XVIII в. эта рѣчь усвоила нѣкоторыя такія особенности, которыя чужды были ей въ XVII в.

Къ числу этихъ особенностей мы относимъ прежде всего слова, звуки и формы славяно-русской рѣчи, появившіяся въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, написанныхъ въ первой четверти XVIII в. книжною малорусскою рѣчью. Въ ряду этихъ произведеній выдающееся мѣсто занимаетъ извѣстная лѣтопись Самуила Величка (1720 г.)[1].

Величко былъ писатель трудолюбивый и добросовѣстный. Почерпалъ онъ свѣдѣнія свои изъ разныхъ источниковъ рукописныхъ и печатныхъ. Къ послѣднимъ обращался онъ потому, что, за оскудѣніемъ козацкихъ лѣтописцевъ, трудно было, какъ онъ говоритъ, „домацатися совершеннаго о всемъ видѣнія и правды", поэтому онъ простодушно обращается къ читателю: „если покажется тебѣ въ семъ дѣлѣ моемъ що подзорное и неправедное, то може и такъ есть. Ты убо аще достанеши совершеннѣйшихъ козацкихъ или иныхъ якихъ лѣтописцевъ, воленъ... не уничтожая и моего подлаго труда, отъ Бога ти даннымъ разумомъ исправити"[2]. На трудъ литературный онъ смотрѣлъ,

---

1) Лѣтопись Самуила Величка издана Временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ—въ 1848 г. первые два тома, въ 1855 г. третій томъ, а въ 1864 г. четвертый. Можно полагать, что лѣтопись издана по рукописи, принадлежавшей самому автору: тѣмъ болѣе пожалѣть можно, что издатели раскрыли титла, поставили ѣ и ь, и и і по современному употребленію этихъ буквъ въ правописаніи.

2) Томъ I, стр. 7.

какъ на „медикаментъ отъ всякихъ печалей и злоключеній“.[1]) Потерявъ зрѣніе, онъ „не безъ жалю докучалъ людямъ о чтеніе книжное, слушающи, що мога“[2]). Мало того: онъ приказалъ „отрокомъ, въ писаніи при немъ навижавшимъ“, переписать космографію, извиняясь при этомъ предъ читателемъ, что они „за свои въ писаніи помилки, достойной уходячи эпитеміи, закрилися отъ неи лжею и неправдивою коригктурою, его, невѣдущаго, обманувши“[3]). Привлекалъ его также литературный трудъ своимъ общественнымъ значеніемъ, какъ памятникъ „рыцарской отваги и богатырскихъ подвиговъ нашихъ сармато-козацкихъ продковъ“[4]). Народъ малорусскій называетъ онъ козако-русскимъ[5]). Знаетъ онъ его достоинства и не скрываетъ недостатковъ: по его мнѣнію, это народъ „истинній, простодушнія и правосердечній, мало що о прошлихъ, настоящихъ и пришлихъ рѣчахъ и поведеніяхъ разсуждати хотящій, толко до внутрной между собою незгоди, а найпаче за древніи волности свои, яко народъ мужественній и рицерскій, древнимъ продкомъ своимъ скиѳо-славянамъ подобящійся, завше до брани и кровопролитія склонній“[6]). Героемъ козако-русскаго народа онъ считаетъ, какъ и Грабянка, Богдана Хмельницкаго, котораго называетъ вторымъ Мойсеемъ за то, что онъ освободилъ Украину „отъ тяжкаго ига лядскаго“[7]). Таковъ былъ этотъ „истинній Малыя Россіи сынъ“, какъ онъ самъ обыкновенно подписывался подъ всѣми своими „предмовами до чительника“. Страстно любилъ онъ Малую Россію, называя ее „милою отчизною“, „маткою нашею“[8]). И вотъ во славу ея, матки своей, онъ „понудился“ разсказать исторію ея, „простимъ стилемъ и нарѣчіемъ козац-

---

1) Ibidem, стр. 1.
2) Предисл. къ IV т., стр. 3.
3) Ibidem, стр. 4.
4) Томъ I, стр. 1.
5) Томъ II, стр. 8.
6) Ibidem.
7) Томъ I, стр. 31.
8) Томъ II, 13, 32, 34, 36.

кимъ"[1]). Но восторженный авторъ былъ человѣкъ слишкомъ „письменный". Самъ онъ о себѣ говоритъ, что „въ дѣлахъ писарскихъ" былъ онъ „не послѣдній", поэтому стиль у него не простой и нарѣчіе не совсѣмъ козацкое. Дѣйствительно, въ основѣ своей рѣчь Величка малорусская книжная, повторяющая всѣ особенности народной рѣчи, указанныя нами въ обзорѣ книжной малорусской рѣчи XVII в.[2]). Но не даромъ служилъ Величко въ малорусскихъ канцеляріяхъ: съ 1790 года былъ онъ писаремъ „въ поважномъ дому его милости пана Василія Леонтіевича Кочубія", а съ 1705 года „вправленъ былъ до канцеляріи войсковой енеральной", гдѣ тоже прослужилъ четыре года, пока не постигла Кочубея печальная участь: тогда и ему „недоля", какъ говоритъ онъ, „за долговременную службу заплатила крайнимъ несчастемъ"[3]). Вотъ эта долговременная служба и отразилась на литературныхъ пріемахъ нашего автора. Стиль у него канцелярскій съ доброю долею полонизмовъ, которыми изобиловалъ канцелярскій языкъ того времени. Величко охотно употребляетъ не только польскія слова, особенно союзы (*же*, *кгды*, *лечъ*, *подлугъ*, *теди* и т. п.), но даже польскія формы, особенно глагольныя, и притомъ часто неправильно (напр: *воленъ естесми* II, 224), примѣшивая къ нимъ то галицкія (*мусилисмо* II, 34; *жалѣли бысмо* II, 107), то церковно-славянскія (*не потеряли есте* II, 113; *прилѣжахъ*, *вѣдѣхъ* I, 3.; *нарицаху*, *провозглашаху* I, 57 и т. п.). Эти послѣднія формы служатъ часто признакомъ поднятаго тона, напр.: „паде, паде красная козацкая украина тогобочная"[4]), или же входятъ въ описаніе какого-нибудь религіознаго предмета[5]),—но иногда являются безъ всякой надобности

---

1) Томъ I, стр. 6.

2) Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., стр. 116—136.

3) Томъ I, стр. 6.

4) Т. II, 8. См. также прекрасныя строки въ предмовѣ къ тому I, гдѣ Величко изображаетъ впечатлѣніе, произведенное на него руиной правобережной Украины.

5) См. т. II, стр. 23, гдѣ рѣчь идетъ о чудѣ отъ иконы Богоматери Ильинской черниговской.

въ рѣчи дѣловой, обыкновенной, напр.: „зоставшу Самойловичу зъ худопахолства на высокой власти и наченшу убогацатися, начатъ и добронравіе его перемѣнятися“ (т. II, 329). Такъ же часто, какъ и у Грабянки, встрѣчаются у него ошибки въ употребленіи краткихъ причастій и натяжки въ образованіи славянскихъ формъ и оборотовъ рѣчи, напр.: *воевождовъ* (род. множ. I. 4.), *мертвоя плоти* (ibid.), *нѣсть мощно* (ibid). Вообще же рѣчь у Величка пестрая, хотя нельзя отказать ему въ природномъ чувствѣ рѣчи, которое было подавлено канцелярской рутиной и раздутымъ представленіемъ о „козацкомъ“ нарѣчіи [1]).

---

[1]) Тотъ же типъ рѣчи встрѣчаемъ въ двухъ современныхъ Величку путешествіяхъ въ святую землю.

Одно изъ нихъ носитъ такое заглавіе: «Пелгримація или Путешественникъ честного іеромонаха Ипполита Витѣнскаго постриженца святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба катедры Архіепископской Черниговской во святый градъ Іерусалимъ». (Изд. Обществомъ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ въ 1877 г. по списку 1727 года, сдѣланному въ с. Кривцахъ новозыбковс. у. черниговс. г. Іоанномъ Аршукомъ, пресвитеромъ св. Тройцы). О личности автора «Пелгримаціи» можно судить по заключительнымъ словамъ ея: «а еже писахъ, все по истинѣ писахъ, ничто же приложихъ, яже азъ въ путшествіи семъ видѣхъ: тако ми Богъ свидѣтель, ему же честь, слава и хвала во вѣки вѣковъ. Аминь».

Другое называется: «Путникъ до святого града Іеросалима иеромонаху Макарію и Сильвестру идущимъ з великаго монастыря Всемилостиваго Спаса Новгородка сѣверскаго поклонитися гробу Христову року 1704». (Рукопись въ редакціи «Кіевской Старины»). Сравнительно съ «Пелгримаціей» «Путникъ» представляетъ гораздо меньше славянизмовъ и полонизмовъ: прошедшія простыя встрѣчаются рѣдко, изъ польскихъ союзовъ встрѣчается одинъ только союзъ *же*. По изобилію самыхъ характеристическихъ малорусскихъ звуковъ и формъ можно причислить рѣчь «Путника» къ образцамъ книжной малорусской рѣчи, но такъ же непослѣдовательной и невыдержанной, какъ и въ лѣтописи Величка.

Начиная съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка появляется въ книжной малорусской рѣчи болѣе или менѣе замѣтная примѣсь словъ, звуковъ и формъ великорусскихъ. Въ произведеніяхъ, написанныхъ этою рѣчью, почти незамѣтно славянизмовъ, почти нѣтъ въ ней и полонизмовъ, даже союзовъ польскихъ, которые были обычны въ книжной малорусской рѣчи XVII в. Образцемъ этой рѣчи мы считаемъ лѣтопись подъ заглавіемъ: „Лѣтописецъ или описаніе краткое знатнѣйшихъ дѣйствъ и случаевъ, что въ которомъ году дѣлалося въ Украини малороссійской обѣихъ сторонъ Днѣпра, и кто именно когда гетманомъ былъ козацкимъ“ [1]).

Написанъ этотъ „Лѣтописецъ“ въ 1742 году, какъ видно изъ замѣтки подъ 1710 годомъ: „после шведчины... мало не по всякъ часъ падежъ (на скотѣ) проявлялся даже по 742 годъ, въ которомъ я писалъ сію гисторійку“ [2]). Авторъ принадлежалъ, повидимому, къ составу той старшины козацкой, которая всплыла на верхъ въ эпоху Петра Великаго. Онъ не питалъ симпатіи къ Мазепѣ и его приверженцамъ: „пропалъ“, говоритъ онъ, „Мазепа въ Бендерахъ... далеко за девяносто лѣтъ пагубнаго житія своего“, а память Орлика „згасла, яко измѣнника клятвопреступнаго“ [3]). Тѣмъ не менѣе проглядываетъ въ словахъ его сочувствіе къ разоренному Батурину. Не нравились ему новые порядки, заведенные въ Малороссіи Петромъ Великимъ, а именно извѣстная Коллегія малороссійская, о которой онъ вспоминаетъ съ негодованіемъ: „Коллегія сія была ажъ до 1728 года: много людей значнихъ помордовано, здѣрства всякимъ образомъ вымышляно, кабалы, будьто въ нуждѣ позичалъ кто деньги, взымано, а тое дѣлано, чтобъ помочь въ дѣлѣ чіимъ; такого фортелю употребляли члены коллегійскіе, а что готовизною доилы, тое не въ числѣ—выдоилы добре Малороссію“ [4]). Это едва ли не самое

---

1) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, изданный коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ генералъ-губернаторѣ. 1888 г.

2) Сборникъ лѣтописей, 1888 г., стр. 50.

3) Ibidem, 49—50.

4) Ibidem 55.

рѣзкое мѣсто во всей лѣтописи. Авторъ не любитъ распространяться о предметахъ щекотливаго свойства: глухо, напримѣръ, упоминаетъ онъ о вызовѣ въ Петербургъ митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго, такъ же сдержанно и кратко говоритъ о судьбѣ Полуботка и его соучастниковъ. Между тѣмъ, въ 1742 г., когда составлена была лѣтопись, всѣ эти дѣла недавно минувшихъ дней, безъ сомнѣнія, извѣстны были грамотнымъ людямъ съ поясненіями и подробностями, которыя распространяла стоустая молва. Однимъ словомъ, это не Пименъ Пушкина... Онъ не проронилъ ни одного лишняго слова тамъ, гдѣ это было неудобно по обстоятельствамъ времени, хотя въ другихъ мѣстахъ лѣтописи онъ склоненъ былъ сопровождать извѣстія о тѣхъ или другихъ событіяхъ всякаго рода размышленіями и соображеніями. Такъ, по поводу грабежей, которые чинили запорожцы „за поблажкою Брюховецкаго", онъ говоритъ: „обезчестило себе людославне низовее войско запорожское, христіанское, не меншъ татаръ знущаяся всячески, глумили честь дѣвичую и жоночую, и бѣдніе мужи и отци не смѣли перечити ихъ безчинству бусурментскому: а когда которіи хотя ласково упрошали о пощадѣ женъ или дѣтей, то такимъ доставалось якъ отъ ненавистныхъ ляховъ къ православію. Но запорожци—своя родная кровь малороссійска, одной вѣры православнои, благочестивои, а сколько забили они людей, застоючихъ честь семейную, страшно и вспомъянуты!" [1]) Выписанныя нами строки достаточно характеризуютъ малорусскаго лѣтописца, какъ писателя. Рѣчь у него большею частію простая и ясная, какъ и въ лѣтописи Самовидца, которою онъ пользовался, какъ источникомъ, для своего труда. Читалъ онъ, повидимому, и латинскія книги историческаго содержанія—или же, говоря языкомъ того времени, „по латынѣ былъ изученъ", но школьная ученость не подавила въ немъ живаго чувства рѣчи, которое выразилось, между прочимъ, въ изобиліи малорусскихъ словъ, звуковъ и формъ, которыя составляютъ громадную, преобладающую массу надъ элементами иноязычнаго происхож-

---

[1]) Ibidem, 21—22.

денія. Такъ, славянскія глагольныя формы встрѣчаются во всей лѣтописи не болѣе пяти-шести разъ, большею частію по поводу извѣстій о смерти какого-нибудь лица (Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, умре): видно, что эти формы являлись безсознательно, помимо воли и намѣренія писателя. Такъ же рѣдко встрѣчаются и польскія слова, и именно союзы: *жe* (35). *жебы*, *никгды* (33). Это уже черта новая въ языкѣ сравнительно съ лѣтописью Самовидца. Еще болѣе рѣзкое отличіе отъ этой послѣдней заключается въ употребленіи словъ великорусскихъ— какъ бы въ замѣнъ польскихъ. Такія слова, какъ *чуть-ли* (17), *вонъ* (19), *вездѣ* (22), *откудова* (55), *нѣтъ-ли* (57), *покамѣстъ* (62) положительно невозможны въ лѣтописи Самовидца. Нерѣдко слова одного и того же значенія являются, то въ малорусской, то въ великорусской формѣ, напр.: *шчо* и на слѣдующей строкѣ *что* (69), *хто* (12) и *кто* (24), *було* (11) и *было* (67), *пріихавши* (14) и *пріѣхалъ* (24). Иногда рядомъ съ великорусскимъ словомъ стоитъ тождественное по значенію малорусское, и наоборотъ: *але-но* (16), *хиба-развѣ* (9), *дуже-очень* (45). Видимо, авторъ заботился о ясности своей рѣчи, поэтому и прибѣгалъ къ синонимическимъ поясненіямъ, охотно употребляя великорусскія слова въ тѣхъ случаяхъ, когда они казались ему болѣе понятными. Иногда онъ переводитъ малорусскую фонетику на великорусскую, именно—произноситъ *ѣ*, какъ *е*, не всегда, впрочемъ, удачно, напр.: *въ Чернеговѣ* (50). Вообще же нельзя сказать, чтобы онъ достаточно знакомъ былъ съ великорусскою рѣчью [1]).

---

[1]) Тотъ же типъ рѣчи встрѣчаемъ въ слѣдующихъ лѣтописяхъ;

1) «Краткое описаніе Малороссіи». (Издано кіевскою временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ 1878 г.). Оно представляетъ интересъ, какъ попытка передѣлать лѣтопись Грабянки въ прагматическую исторію Украины. Съ этою цѣлью авторъ начинаетъ свой трудъ съ княжеской эпохи и въ сжатомъ видѣ представляетъ обзоръ главнѣйшихъ событій до 1734 г. включительно. Въ языкѣ «Краткаго описанія» нѣтъ церковно-славянскихъ словъ, нѣтъ и полонизмовъ, за то не мало есть иностранныхъ словъ, появившихся въ

Такъ писали малорусскіе лѣтописцы въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Не то, чтобы они дорожили народной рѣчью, но они просто не имѣли возможности и средствъ изучить надлежащимъ образомъ великорусскую рѣчь, которая въ то время и сама еще не отлилась въ опредѣленную литературную форму. Знакомство съ великорусскимъ нарѣчіемъ шло большею частію путемъ практическимъ, а это путь болѣе или менѣе случайный, особенно для тѣхъ, кто не имѣлъ надобности надолго

эпоху Петра Великаго: *вѣнтерквартира* (266), *баталѣя* (283), *амунѣція* (286), *дивизія* (293), *коммунѣкація* (294). Вліяній великорусскихъ не меньше, какъ и въ «Лѣтописцѣ» 1742 г. Черты малорусской рѣчи встрѣчаются главнымъ образомъ въ фонетикѣ.

2) «Черниговская лѣтопись». (Издана Н. Бѣлозерскимъ въ Кіевѣ въ 1856 г.). Списокъ, хранящійся въ черниговской семинаріи, по которому издана эта лѣтопись, сдѣланъ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Къ сожалѣнію, напечатанный текстъ не годенъ для филологическаго употребленія: издатель развернулъ титла и восполнилъ содержимое подъ ними, раздѣлилъ слова, которыя, по его мнѣнію, неправильно соединены были вмѣстѣ, поставилъ, какъ говоритъ онъ, «гдѣ слѣдуетъ», буквы *ы* и *и*, *ъ* и *ь*. Такъ же небрежно изданы имъ вмѣстѣ съ черниговскою лѣтописью и другіе памятники, помѣщенные рядомъ съ «черниговскою лѣтописью». Мы имѣли случай просматривать копію съ списка «черниговской лѣтописи», принадлежавшаго Персидскому. Копія снята А. М. Лазаревскимъ и у него находится. Доведенъ этотъ списокъ только до 1725 года, тогда какъ списокъ черниговской семинаріи—до 1750 г. За то—въ спискѣ Персидскаго есть годы, пропущенные въ семинарскомъ, гдѣ тотчасъ послѣ 1703 г. слѣдуетъ 1729 г. Слѣды современника въ спискѣ Персидскаго замѣтны подъ 1714 годомъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвращеніи мазепинцевъ, Горленка и Ивана Максимовича, въ Россію: послѣднему «велено ехать въ Москву, где и понынѣ обрѣтается и живетъ свободно». Сцена ареста Полуботка и его соучастниковъ могла быть написана или очевидцемъ, или со словъ очевидца. Съ 1711 г. и до самаго конца списокъ Персидскаго написанъ другою рукою. Съ перемѣной почерка, значительно измѣняется и характеръ рѣчи въ самомъ текстѣ, который представляетъ больше великорусскихъ особенностей, чѣмъ до 1711 г.

оставлять свою родину. Даже тѣ малороссіяне, которымъ приходилось жить въ Великороссіи по-долгу, не легко разставались съ привычкой сохранять въ письменной рѣчи довольно яркія черты малорусскаго произношенія и правописанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть „Діаріушъ" генеральнаго хорунжаго Николая Ханенка, написанный имъ въ 1722 г., и „Дневникъ" его, который онъ писалъ съ 1727 по 1753 г.[1]). „Діаріушъ" представляетъ цѣльный разсказъ, разбитый по числамъ мѣсяца, о пребываніи гетмана Скоропадскаго въ Москвѣ въ тотъ знаменательный моментъ, когда Петръ Великій, по заключеніи Ништадтскаго мира, рѣшился окончательно уничтожить гетманство въ Малороссіи. Автору было всего 30 лѣтъ, когда онъ писалъ свой „Діаріушъ", въ которомъ сквозь офиціальную сдержанность явственно проглядываютъ политическія симпатіи его къ стариннымъ правамъ и вольностямъ малороссійскаго народа. По смерти Скоропадскаго Ханенку пришлось раздѣлить участь всей генеральной старшины, замѣшанной въ дѣло Полуботка. Только въ 1725 г. онъ получилъ свободу и возможность жить на родинѣ. Съ 1727 г. онъ началъ писать свой „Дневникъ". Здѣсь уже Ханенко не тотъ, что въ „Діаріушѣ". Онъ распустился въ прозѣ жизни, отмѣчая изо дня въ день текущія мелочи ея съ пунктуальностію человѣка, привыкшаго къ канцелярскимъ формальностямъ, записывая, напримѣръ, что такого-то числа „розышлось въ розницю $10^1/_2$ к.", или же: „пролежалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трактаменту"[2]). Такая же разница между двумя этими произведеніями и въ литературномъ, или лучше сказать, въ стилистическомъ отношеніи. Ни то, ни другое не предназначалось для публики, и однако же первое по обработкѣ гораздо выше послѣдняго. Въ „Діаріушѣ" есть цѣлыя картины, написанныя складною малорусскою рѣчью,

[1]) «Діаріушъ» изданъ въ Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ за 1852 годъ, а «Дневникъ» въ Кіевской Старинѣ 1884—1888 гг.

[2]) Кіевская Старина, 1884 г., ноябрь, 1885 г., мартъ.

безъ излишней примѣси, какъ польской, такъ и великорусской. Въ „Дневникѣ"—та же малорусская рѣчь, составлявшая какъ бы вторую природу писателя, отъ которой онъ отказаться не могъ, но въ ней замѣтны уже не совсѣмъ удачныя попытки его выражаться по великорусски. Нужно сказать, что въ теченіе долговременной службы своей не разъ проживалъ онъ въ Петербургѣ, какъ по личнымъ дѣламъ своимъ, такъ и по общественнымъ. Съ 1745 года по 1749 включительно онъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, „имѣя ходатайство за общенародными дѣлами", изъ которыхъ самымъ главнымъ было испрошеніе у государыни дозволенія избрать по старинѣ гетмана. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ житейскаго опыта, среди самыхъ разнообразныхъ отношеній къ людямъ великорусскаго происхожденія, авторъ усвоилъ нѣкоторый навыкъ къ великорусской рѣчи,—вполнѣ же овладѣть ею, при всей доброй волѣ своей, все-таки не могъ. Большею частію въ „Дневникѣ" своемъ онъ передѣлываетъ великорусскія слова на малороссійскій ладъ. Вотъ нѣсколько забавныхъ случаевъ этой передѣлки. „Во дворцѣ, въ вечеру, была публѣчная ужина", или „была ужина пребогатая" [1]): въ головѣ у автора мелькало малорусское слово *вечеря,* и оттого великорусское *ужинъ* превратилось въ мнимо-малорусское *ужина.* Въ такомъ же родѣ форма *ножовъ* [2]): малорусское *і* замѣнено звукомъ *о,* и вышла форма ни малорусская, ни великорусская.

Н. Д. Ханенко былъ заботливый отецъ. Старшаго сына своего, Василія, онъ послалъ за границу слушать лекціи въ кильскомъ университетѣ, снабдивъ его на дорогу „Увѣщаніемъ", въ которомъ съ величайшею подробностію регламентировано, какъ обученіе, такъ и поведеніе молодого Ханенка. „Съ подлыми, особливо же съ непостоянными людьми", говорится въ „Увѣщаніи", „никакой дружбы и сообщенія не имѣй; напротивъ же того, во всякихъ случаяхъ имѣй обхожденіе съ благовоспитанными, чест-

---

1) Кіевская Старина, 1885 г., декабрь, 247, 254.

2) Ibidem, январь, стр. 265.

ными и знатными персонами" [1]). Вполнѣ естественно это стремленіе отца охранить сына отъ дурныхъ вліяній со стороны низменныхъ слоевъ общества, но въ предпочтительной рекомендаціи *знатныхъ* людей нельзя не видѣть усилій отца поддержать въ сынѣ увѣренность въ томъ, что онъ человѣкъ иной породы, „шляхтичъ, отъ шляхтича рожденный", какъ говорили тогда [2]), а при сословной исключительности вопросъ о наукахъ и просвѣщеніи сводится большею частію къ вопросу о личной карьерѣ въ самомъ утилитарномъ смыслѣ этого слова. Такъ именно и понималъ этотъ вопросъ Василій Ханенко. Отвѣчая отцу на его извѣстіе о томъ, что „дражайшая отчизна наша въ неотмѣнной надеждѣ находится, за неусыпными трудами честныхъ патріотовъ, уже за давнимъ временемъ сердечне желаемую главу съ своей собственной націи собрать",—онъ говоритъ: „сія радостная вѣдомость весьма во мнѣ вновъ возбудила конечную ревность къ моимъ начатымъ наукамъ, дабы со временемъ, по окончаніи оныхъ, себе довольно достаточно показать къ услугамъ такой сладкой отчизны" [3]). Но случилось именно такъ въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, что „малороссійская отчизна" для дѣтей козацкой старшины потеряла, повидимому, свою сладость, ибо, въ замѣнъ гетмана малороссійскаго, возстановлена была въ 1764 г. малороссійская коллегія съ П. А. Румянцевымъ во главѣ, которому дана была инструкція „искуснымъ образомъ присматривать за козацкими старшинами безъ явнаго, однако, виду и огласки поведенія ихъ" [4]). Являлась такимъ образомъ необходимость понимать „отчизну" нѣсколько шире, чтобы найти въ ней примѣненіе личнымъ талантамъ и знаніямъ. И дѣйствительно, въ эпоху Екатерины II мы видимъ малорусское шляхетство на разныхъ поприщахъ государственной службы. Оно не

---

[1]) Черниговс. Губернс. Вѣдомости, 1852 г., № 34.

[2]) Сулимовскій архивъ, изданный А. М. Лазаревскимъ въ 1884 г. См. письмо борзенскаго сотника В. Думитрашка-Раича къ Семену Сулимѣ поздравительное съ рожденіемъ сына отъ 1746 г.

[3]) Черниговс. Губернс. Вѣдомости, 1852 г., № 38.

[4]) Исторія Россіи Соловьева, т. XXVI, стр. 45.

отказывалось и отъ духовной карьеры, если только представлялся къ тому удобный случай. „Хоть лиха набрався, но въ щастя впхався“, пишетъ Христофоръ Сулима къ брату своему, генеральному судьѣ Акиму Сулимѣ, послѣ посвященія своего въ архимандриты, состоявшагося при помощи А. А. Безбородко въ Петербургѣ. Безмѣрное самодовольство слышится въ каждомъ словѣ этого письма: „я теперь важенъ и гордъ! Фе! Я по истинѣ, слава Богу, и здоровъ, и веселъ, и судьбою моею доволенъ!“ [1]) Въ замѣнъ политическихъ призраковъ, уходившихъ въ невозвратную даль прошлаго, явились осязательныя блага, для полученія которыхъ нужно было идти общими путями, а не стариннымъ путемъ выслуги въ мѣстной полковой канцеляріи или же въ козацкомъ войскѣ. Въ новомъ поколѣніи малороссійскаго шляхетства самый духъ воинскій исчезъ оттого, какъ писалъ князь А. А. Безбородко одному земляку своему, что „мѣсто козатства заняло школярство, мѣста Палія Бѣлоцерковскаго, Христы Сенчанскаго, Лавра Остапскаго и другихъ имъ подобныхъ заняты стали *фирчиками* и *штатиками*, которые, сперва позакидавъ выліоты, а потомъ въ нѣмецкое перебрались платье и сдѣлались такими, что можно сказать о нихъ: въ полѣ не жолнѣръ, а дома не господарь“ [2]).

Кто это *фирчики* и *штатики*, о которыхъ говоритъ наблюдательный современникъ? Судя по тому, что они носили сперва жупаны, а потомъ перерядились въ нѣмецкое платье, это, очевидно, переходное поколѣніе, которое оторвалось отъ прошлаго для того, чтобы примкнуть къ „новой породѣ людей“, о созданіи которой такъ много заботились въ вѣкъ Екатерины II. Какъ въ Великороссіи, такъ и въ Малороссіи, эта „новая порода людей“ отдѣлена была отъ простого народа крѣпостными порядками жизни, но въ Великороссіи она стояла все же ближе къ народу,— хоть бы по языку, если не литературному, то разговорному,— да и литературный русскій языкъ, какъ извѣстно, къ концу

---

[1]) Сулимовскій архивъ, стр. 136.

[2]) Кіевская Старина 1883 г. апрѣль, стр. 834.

прошлаго вѣка въ значительной степени приблизился къ народной русской рѣчи, усвоивъ, такъ называемое, московское произношеніе. Это явленіе для Малороссіи имѣло совсѣмъ обратное значеніе, т. е. по мѣрѣ развитія литературнаго русскаго языка въ велико-русскомъ направленіи, онъ отдалялся все больше и больше отъ народной малорусской рѣчи. Такимъ образомъ для того, чтобы войти въ общее теченіе культурной жизни, малороссіяне должны были отказаться отъ своихъ собственныхъ литературныхъ преданій, а для этого должны были усвоить рѣчь такъ называемаго образованнаго общества, сложившуюся по великорусскому типу. Тѣ изъ нихъ, которые имѣли возможность учиться на сѣверѣ, легко усваивали эту рѣчь,—для тѣхъ же, которые учились въ мѣстныхъ школахъ, съ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка начали появляться учебники съ спеціальною цѣлію облегчить изученіе великорусскаго произношенія и правописанія.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи книгу подъ заглавіемъ: „Правила о произношеніи россійскихъ буквъ и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйшемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи или о правописаніи, собранныя изъ россійскихъ грамматикъ въ 1772 году". Составитель этихъ правилъ заботливо отмѣчаетъ погрѣшности правописанія, происходящія отъ малороссійскаго выговора, напримѣръ, отъ произношенія во всѣхъ словахъ безъ разбору *и*, какъ *ы* (стр. 11), отъ смѣшенія твердаго и мягкаго *л* (*похвалный*, *мольва*, стр. 13), отъ произношенія *ѣ*, какъ *и*, „что весьма слуху противно" (стр. 12). Отмѣчены также особенности великорусскаго выговора, напримѣръ: превращеніе въ концѣ словъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные (*берекъ*, *дорокъ* вмѣсто *берегъ*, *дорогъ*, стр. 11),—въ родит. падежѣ именъ прилагат. *во* вмѣсто *го* (ibidem), произношеніи *о* безъ ударенія, какъ *а* (стр. 9). Къ послѣдней особенности авторъ относится снисходительно. „Иногда", говоритъ онъ, „пишутъ въ именит. падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *ы* или *і* буквы *о* или *е*. Это происходитъ отъ единаго подражанія простому выговору, почему *московской нѣжной выговоръ* необходимо произноситъ *о*, какъ *а*".

Другой подобнаго рода учебникъ изданъ былъ въ Харьковѣ въ 1782 г. подъ заглавіемъ: „Краткія правила россійскаго правописанія, изъ разныхъ грамматикъ выбранныя и по свойству украинскаго діалекта для употребленія малороссіянамъ дополненныя“ [1]). Составитель его, Переверзевъ, въ отдѣлахъ о склоненіи и спряженіи ограничивается ссылками на соотвѣтствующіе параграфы грамматики Ломоносова (стр. 36, 38). Онъ указываетъ нѣкоторыя малорусскія формы, отступающія отъ великорусскихъ, напримѣръ: *бере*, *ѣдемо*, *писавъ* вмѣсто *беретъ*, *ѣдемъ*, *писалъ*, будущее сложное отъ *имамъ*, „въ книгахъ неупотребительное“, но главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на звукахъ. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *и* съ *ы*: „крайнѣ (sic) осторожно малороссіянамъ надлежитъ примѣчать, какъ изъ правилъ, такъ и употребленія въ произношеніи, дабы по неосторожности не написать: *купылъ мило*; *онъ въ небитность вашу въ меня былъ предъ всѣмы*; *противъ нашей мислы и волы*; *чѣмъ битъ*, *тѣмъ и слитъ*“ (стр. 15). „Различіе“, говоритъ онъ, „должно примѣчать между слѣдующими реченіями: *никто*, *нѣкто*; *никакой*, *нѣкакой*; *нигдѣ*, *нѣгдѣ*; *никогда*, *нѣкогда*, понеже малороссіяне, слѣдуя выговору, сіи реченія одно вмѣсто другого безъ разбору иногда употребляютъ“ (стр. 18). Предлогъ *съ* малороссіяне часто употребляютъ неправильно вмѣсто *изъ*, притомъ перемѣнивъ *с* въ *з*, напр. говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: *здѣлано зъ дерева*; *пришли зъ города; выѣхали зъ лѣса*; *выволокли зъ ямы*; вмѣсто *здѣлано* (sic) *изъ дерева* и т. д. (стр. 28). Есть одна замѣтка, касающаяся синтаксиса: „Малороссіяне неправильно употребляютъ: *купилъ рабочіе волы*; *гонитъ дойныя овцы* и проч. вмѣсто *воловъ*, *овецъ*“ (стр. 37). Въ заключеніе сочинитель говоритъ: „ревностный чистоты словъ любитель не постыдится исправлять таковыя и симъ подобныя поползновенія въ себѣ самомъ и въ другихъ, прилагая къ правиламъ дѣйствительнаго наставника употребленіе“.

---

[1]) Второе изданіе было въ 1787 г. Есть въ библіотекѣ академіи наукъ. Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

Мы не можемъ, конечно, опредѣлить долю вліянія этихъ учебниковъ на исправленіе „поползновеній“ къ малорусской книжной рѣчи въ средѣ тѣхъ людей, которымъ не чужды были литературные интересы. Безъ сомнѣнія, не въ однихъ учебникахъ заключалась сила дѣла, а въ самомъ свойствѣ новыхъ литературныхъ вѣяній, которыя шли съ сѣвера, опираясь на общій строй государственной жизни, состоявшей въ свою очередь подъ неотразимыми вліяніями европейской культуры. Такъ или иначе, только съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка мы уже не имѣемъ ни одного историческаго произведенія, написаннаго книжною малорусскою рѣчью. Она казалась неумѣстной даже въ старинныхъ лѣтописяхъ и хроникахъ. Митрополитъ кіевскій Гавріилъ Кременецкій докладывалъ св. Синоду, что „въ каѳедральной библіотекѣ кіевской оказался межъ прочими лѣтописцами въ семидесяти четырехъ листахъ хрониконъ, существомъ матеріи до россійской исторіи касающійся, но къ изданію въ печать, развѣ за переводомъ на чистой россійской слогъ изъ нарѣчія, которое больше походитъ на простонародное старинное здѣшнее съ польскимъ и славянскимъ смѣшанное, годнымъ быть могъ“ [1]).

Въ 1765 г. явилось „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ“ Петра Симоновскаго [2]). Языкъ „Краткаго описанія“—обычный въ вѣкъ Екатерины II, съ техническими выраженіями, усвоенными изъ иностранныхъ языковъ (*авантажъ*, *пароль*, *шефъ*, *антецессоръ*). Періоды тягучіе, латинской конструкціи. Ни въ звукахъ, ни въ формахъ почти нѣтъ никакихъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія, ничего такого, что встрѣчаемъ мы даже въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“ 1734 г. Такъ, у Симоновскаго: *отсѣчь*, *присягъ*, *Мурашкъ* (собст. имя), въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“: *отсѣкти*, *присязъ*, *Мурашкъ* и т. п. Изрѣдка только попадаются у Симонов-

1) «О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. Синода», Д. Полѣнова, стр. 7.

2) Издано Бодянскимъ въ 1847 г. въ Москвѣ.

скаго малорусскія формы неопред. наклоненія: *писатись* (83), *явитись* (89), *покорятись* (96). Самъ авторъ, какъ мы уже упоминали объ этомъ, довершилъ свое образованіе за границей, гдѣ слушалъ лекціи въ кенигсбергскомъ, лейпцигскомъ и въ другихъ университетахъ. За границей онъ состоялъ въ качествѣ гофмейстера при дѣтяхъ извѣстнаго В. А. Гудовича, который вмѣстѣ съ Симоновскимъ пригласилъ также въ заграничную экскурсію двухъ товарищей его по академіи Г. В. Козицкаго и Н. Мотониса. Симпатіи его принадлежали старинной Малороссіи. При всей сдержанности своей онъ выражаетъ негодованіе по поводу *гилянскаго* похода, въ которомъ, по его мнѣнію, не было надобности, и въ который были направлены малороссійскія войска, „чтобы никто безъ чувствованія гнѣва, отъ Высочайшей власти послѣдовавшаго чрезъ измѣну Мазепы, хотя бѣдной народъ въ томъ никогда виновнымъ не былъ, въ Малой Россіи не оставался" (141). Трудъ свой довелъ Симоновскій до 1751 года, т. е. до пріѣзда К. Разумовскаго въ Глуховъ. Послѣдующему времени онъ не сочувствовалъ, поэтому и не описывалъ его. Вотъ послѣднія слова „Краткаго описанія": „сколь ни великолѣпное и славное сего гетмана (Разумовскаго), какъ избраніе, такъ и вступленіе было, столь окончаніе онаго гетманскаго уряду Малой Россіи не полезное; но о семъ, какъ и о всемъ житіи его и правленіи, оставляю потомнымъ вѣкомъ описаніе" [1]).

И мы скажемъ, что гетманство Разумовскаго было „не полезное", только не для шляхетства малорусскаго, котораго интересамъ онъ служилъ, по мѣрѣ разумѣнія своего, съ доста-

---

[1]) По составу рѣчи близко подходитъ къ труду Симоновскаго «Собраніе историческое, сочиненное абшитованнымъ полковымъ обозным Стефаномъ Васильевымъ сыномъ Лукомскимъ в малороссійскомъ городѣ Прилукѣ 1770 году». (Издано кіевскою временною коммиссіей въ 1878 г.) Лукомскій старался писать литературною русскою рѣчью, но такъ какъ онъ не выѣзжалъ, повидимому, изъ Малороссіи, то въ произведеніи его сохранилось не мало малорусскихъ особенностей рѣчи, особенно фонетическихъ.

точнымъ усердіемъ, а для посполитаго народа, который не нашелъ въ своемъ гетманѣ никакого разумѣнія завѣтныхъ стремленій своихъ къ свободѣ отъ крѣпостной неволи. Извѣстно, что Разумовскій издалъ универсалъ объ ограниченіи вольнаго перехода крестьянъ (1760 г.), дозволеннаго при Елисаветѣ Петровнѣ. Онъ установилъ, чтобы переходъ этотъ, согласно съ давними домогательствами владѣльцевъ, происходилъ не иначе, какъ подъ условіемъ согласія съ ихъ стороны, и чтобы имущество, нажитое у прежнихъ владѣльцевъ, имъ и принадлежало. Любопытно, что это распоряженіе сдѣлано было якобы на основаніи старинныхъ правъ и вольностей малороссійскаго народа [1]). Не въ пользу посполитыхъ было и другое распоряженіе Разумовскаго, отнимавшее у нихъ право свободнаго винокуренія, предоставленное только духовенству, помѣстнымъ владѣльцамъ и козакамъ (1761 г.).

„Лучше би пороки у сильныхъ истребляти,
Нежель робить горѣлку бѣднымъ воспрещати“,

замѣчаетъ по этому поводу неизвѣстный намъ сочинитель сатиры, изображающей послѣдніе годы гетманства Разумовскаго.

Нельзя не остановиться на этой сатирѣ, призывающей „казнь Божію на внутреннихъ враговъ отечества“ [2]).

Авторъ скрылъ свое имя подъ буквами К. З.

„Кто я таковъ, не пишу, така мнѣ примѣта,
Хотя не живъ чиновнимь, не тягну до вѣйта“ [3]).

---

1) Кіевская Старина, 1885, іюль, стр. 477—488.

2) Кіевская Старина, 1882, мартъ. Древнѣйшая рукопись, отмѣченная 23 декабря 1774 года, находится въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской академіи. Полагать надобно, что сатира написана между 1761 годомъ, когда состоялось запрещеніе посполитымъ свободнаго винокуренія, и 1763 годомъ, когда возстановлены были въ Малороссіи суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, уничтоженные Богданомъ Хмельницкимъ, который ввелъ систему полковаго и сотеннаго управленія.

«Ось слишно», говорится въ сатирѣ, «у насъ будутъ нови подкомори,
Когда бъ лишь съ нихъ по прежнему не били вори»!

3) Приводимъ отрывки изъ сатиры по рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской Духовной академіи.

Итакъ, не чиновникъ, не мѣщанинъ, а „*поселянинъ* трудился в неважномъ семъ дѣлѣ",—такой однакоже *поселянинъ*, которому извѣстны были, хотя, можетъ быть, и по наслышкѣ, „Картезій философъ и славный Виргилій". Въ самомъ концѣ сатиры рукою того времени сдѣлана любопытная приписка, отчасти объясняющая скромность автора, который самъ сомнѣвался, „достойна ли сатира его явиться миру":

„За сей пашколь, а не сатиру,
Наругательній всему миру,
Іздателя высѣкти кнутомъ
Во справность прочимъ піитомъ,
Послѣ чрез ката предать огню:
Такой заплати достоинь, мню".

Очевидно, тотъ, кто написалъ эти строки, затронутъ былъ за живое рѣзкимъ тономъ сатиры, направленной противъ хищниковъ того времени, для которыхъ

„Убійство, нападенне и всякое дѣло
С денгами да с патронами отправлять смѣло".

Въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ ссылается на городъ Зеньковъ, ограбленный панами Разовскимъ и Бурковскимъ, и на „Сорочинецъ городъ", гдѣ не мало встрѣтить можно „в слезахъ сѣдихъ бородъ":

„Ни одного", говоритъ онъ, „не сищешь малаго куточка,
Чтобы гдѣ лиха не била великая бочка".

Главная причина зла заключалась въ безнаказанности хищниковъ, такъ какъ они же сами засѣдали въ судахъ или же имѣли тамъ своихъ патроновъ „судью, писаря, асаула, хорунжаго, обознаго". Въ союзѣ съ ними состояло и духовенство:

„Попи молчать, какъ гостѣ, будто и не знаютъ,
Толко и дѣла, что громко акафистъ читаютъ,
Но пущай би и тое с трелями читали,
Но хот би простой рѣччу в томь ихъ обличали".

Чернецы—тоже равнодушны къ людскому горю. У нихъ—тоже свое горе:

„Адамъ столко не плакалъ, какъ они ридали,
Какъ изгнанне изъ отчинъ свое послихали,

Какъ де тотъ хоть билъ изгнанъ, но изгнанъ з женою,
Имъ сидѣть било въ келли з едною бородою,—
Тотъ имѣлъ в своей власти польские звѣры,
Имъ било бъ изостались одни книги сѣри".

Они тоже ходятъ по судамъ съ позвами и тяжбами за имѣнія или же прохлаждаются въ этихъ имѣніяхъ:

„В монастирѣ дряхлие толко да калѣки,
Всѣ—где села, мелницѣ, где з хлѣбомъ засѣки".

Они „не разсуждаютъ плотско, но мислятъ по духу,
На скрѣпленіе стомаха пьютъ добре сивуху,
Гдѣ уже стоитъ соборной в началной скважнѣ,
Редкою та горѣлкою смердитъ на три сажнѣ".

Эта безотрадная картина жизни вызываетъ у автора не одно негодованіе, но и глубокую скорбь о „любезномъ отечествѣ":

„Увы", восклицаетъ онъ, „отечество, отечество любезно!
В какой ти досталось часъ гѣркой и слезній!
Било ль ти когда-нибудь и тое на мислѣ,
Чтобъ тебе в сие время толь бѣди притисли?
Гдѣ твой мужественій духъ, гдѣ скора расправа?
Щезла, вмерла, пропала, моль села (съѣла) и ржава"!

Авторъ иронически называетъ свою сатиру „колядой", противопоставляя тонъ ея величальному, хвалебному тону колядскихъ пѣсенъ. Настало новое время, явились и новые литературные вкусы. Вмѣсто старинныхъ панегириковъ явилась сатира. Не то, чтобы въ прежнее время въ условіяхъ жизни малорусскаго народа не было матеріала для сатиры. Былъ матеріалъ, была и сатира, особенно въ малорусской народной поэзіи, именно въ поэзіи исторической—въ народныхъ думахъ. Но сатирическое настроеніе, глубоко присущее малорусской натурѣ, обращено

было въ то время не столько на враговъ внутреннихъ, сколько на внѣшнихъ. Сатирическое изображеніе домашнихъ порядковъ жизни казалось тогда дѣломъ излишнимъ или, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ. Можно было ожидать, что внутреннія неурядицы жизни сами собою исчезнутъ, какъ только уничтожены будутъ враги внѣшніе... Теперь ихъ нѣтъ. Теперь наступило религіозное единомысліе. Право физическаго существованія было обезпечено сильнымъ государствомъ:

„Дѣлали предъ симъ бѣды кримские татари,
А теперь миновали ихъ смертнiи удари“,

говоритъ авторъ занимающей насъ сатиры. Но и въ новой обстановкѣ бѣдность осталась бѣдностью, а богатство богатствомъ. Народная масса осталась не только бѣдной, но и юридически безправной, и притомъ глубоко утомленной цѣлыми вѣками борьбы за свое существованіе. Впереди не было уже заманчивыхъ надеждъ на освобожденіе отъ внутренняго бѣдствія—крѣпостнаго порабощенія. Прежде идея освобожденія отъ экономическаго польскаго гнета находила поддержку въ общественно-религіозномъ настроеніи, которое тоже проникнуто было идеей освобожденія отъ католическаго гнета. Теперь—не то. Представители церкви, повидимому, признавали нормальными существующія условія для посполитыхъ, сельскихъ людей. И вотъ изъ среды этихъ сельскихъ людей и отъ лица ихъ раздается безсильный голосъ...

Не лишено значенія и то обстоятельство, что голосъ этотъ направленъ былъ, между прочимъ, противъ духовенства, тогда какъ въ прежнее время это было почти невозможно. Ясно, что въ сознаніи мыслящихъ людей того времени вопросъ религіозный началъ отдѣляться отъ вопросовъ соціальнаго и національнаго. Особенно выразительно поставленъ былъ этотъ послѣдній вопросъ въ извѣстномъ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей“ [1]).

---

[1]) «Разговоръ» этотъ сочиненъ былъ «въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи» переводчикомъ генеральной войсковой канцеляріи Семеномъ Дѣвовичемъ въ 1762 г. См. Кіевская Старина

Собственно говоря, это есть ничто иное, какъ разсказанная въ стихахъ военная исторія Малороссіи — съ цѣлію разсѣять великорусскія предубѣжденія противъ Малороссіи и выставить на видъ ея всероссійское значеніе. На упрекъ Великороссіи за измѣну Мазепы Малороссія отвѣчаетъ:

„Вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ
И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ,
Ты одного такого съ жаждой нашла во мнѣ,
А я легко видѣла сто подобныхъ въ тебѣ“.

Авторъ стоитъ, такъ сказать, на этнографической почвѣ, разумѣя подъ Великороссіей и Малороссіей двѣ народности великорусскую и малорусскую и отдѣляя ту и другую отъ Россіи, подъ которою онъ разумѣетъ государство русское. Идея государства воплощается въ лицѣ монарха, предъ которымъ обѣ народности равноправны.

„Знаю, что ты Россія“, обращается Малороссія къ Великороссіи, „да и я такъ зовусь,

Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрусь.
Не тебѣ, государю твоему поддалась,
При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась,
Не думай, чтобы ты сама была мнѣ властитель,
Но государь твой и мой—общій повелитель,
А разность наша есть въ приложенихъ именахъ:
Ты Великая, а я Малая—живемъ в смежныхъ странахъ,
Такъ мы съ тобою равни и одно составляемъ,
Одному, не двумъ государямъ присягаемъ“.

Не глубоко было этнографическое самосознаніе автора, хотя и опиралось оно на историческія воспоминанія. Предъ нимъ выступаетъ цѣлый рядъ гетмановъ, предводителей козацкаго войска, и самое войско съ его блестящими побѣдами и неумолкаемой славой оружія. Гдѣ же народъ?.. О немъ нѣтъ ни слова въ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей“. Авторъ не раз-

---

1882 года, февраль. Дополненіе «Разговора» тамъ же и за тотъ же годъ, іюль.

слышалъ голоса его въ шумѣ козацкаго оружія, не распозналъ мужественнаго и скорбнаго лица его въ толпѣ тѣхъ самыхъ козаковъ, которые спѣшили потомъ превратиться въ малороссійское шляхетство, не проронилъ ни одного малорусскаго слова въ стихотвореніи, которое написано было въ защиту Малороссіи.

Намъ остается замѣтить только, что въ новомъ поколѣніи малороссійскаго шляхетства самыя преданія о козацкой славѣ, воспѣтой въ народныхъ пѣсняхъ, сдѣлались предметомъ глумленія. Въ 1796 году написана была не дошедшая до насъ ода на смерть графа Румянцева-Задунайскаго. По поводу этой оды неизвѣстный намъ стихотворецъ обращается къ собрату своему съ слѣдующими словами:

„Ахъ, есть ли бъ ты не пѣлъ героевъ,
Но славу бъ пѣлъ однихъ ословъ,
И былъ правитель кобзы строевъ,
Изобрѣтатель грубыхъ словъ:
Ты бъ лучше пѣлъ въ шинкѣ мѣщанамъ
Козацки подвиги и трудъ,
Любовь вознеслъ бы въ нихъ къ стаканамъ,
То шагъ за то тебѣ дадутъ.
А болѣе еще прибавятъ,
Когда опишешь предковъ ихъ,
Какъ было въ полѣ кашу варятъ
Передъ толпой враговъ своихъ,
Набѣговъ оныхъ не боятся
И, кашей флинты зарядивъ,
На нихъ привыкли устремляться,
Галушками имъ лбы разбивъ...
Вотъ лира что твоя пѣть можетъ
Съ достойной славою себѣ,
И ѣдка древность не изгложетъ
Достойныхъ почестей тебѣ!“ [1])

---

[1]) Кіевская Старина, 1884 г., май, стр. 148.

Стихи эти написаны были въ то самое время, когда уже ходили по рукамъ списки первыхъ трехъ пѣсенъ Энеиды Котляревскаго. Намъ предстоитъ теперь коснуться вопроса, была ли народная малорусская рѣчь въ литературномъ употребленіи до Котляревскаго.

Много есть фактовъ, дающихъ положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но всѣ эти факты, разбросанные на протяженіи всего прошлаго столѣтія, требуютъ историко-литературныхъ сопоставленій и объясненій.

П. Житецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИКИНЕРІЯ.

„Исторія Русовъ" давно и справедливо признается крайне мутнымъ источникомъ для исторіи Малороссіи. Многое изъ того, что разсказано въ „Исторіи", не подтвердилось при изученіи документальнаго историческаго матеріала, однакоже и до сихъ поръ остались непровѣренными исторической критикой многія такія данныя, которыя нигдѣ, кромѣ „Исторіи", не встрѣчаются. Настоящая замѣтка представляетъ опытъ провѣрки на основаніи сохранившихся архивныхъ матеріаловъ разсказа автора „Исторіи Русовъ" о пикинерской *вербункѣ*, имѣвшей мѣсто въ 1764 г.

Послѣдніе мѣсяцы гетманства графа Разумовскаго ознаменовались крупнымъ уменьшеніемъ территоріи гетманщины, значительная часть которой была оторвана отъ регимента ясновельможнаго и передана въ чужія руки.

Случилось это благодаря проекту генералъ-поручика Мельгунова, предложившаго правительству образовать на южной границѣ гетманщины изъ поселеній Новой-Сербіи особую губернію, предназначенную служить передовымъ оплотомъ государства противъ Крыма.

Проектъ Мельгунова, въ виду тогдашнихъ политическихъ условій, былъ встрѣченъ въ Петербургѣ благопріятно и, согласно докладу сенаторовъ Н. И. и П. И. Панинымъ, 20 марта 1764 г.

удостоился Высочайшаго утвержденія. Новую губернію велѣно было назвать Новороссійскою; „главнымъ командиромъ“ надъ нею назначенъ Мельгуновъ; населенію ея были обѣщаны широкія льготы и вольности, а для охраны края отъ безпокойныхъ сосѣдей рѣшено организовать здѣсь поселенія двухъ гусарскихъ и трехъ пикинерскихъ полковъ [1]).

Учрежденіе новой губерніи поставило на очередь вопросъ объ украинской линіи, построенной въ Аннинское царствованіе знаменитымъ Минихомъ. Ея дальнѣйшее существованіе, въ виду распространенія поселеній въ глубь степей, становилось почти что ненужнымъ. Къ тому-же и сама линія въ стратегическомъ отношеніи не отличалась выгодами; она была слишкомъ длинна, мѣстность, ею занятая, по природѣ своей, не способна къ укрѣпленію и лишена воды и лѣса. Таково, по крайней мѣрѣ, было мнѣніе о линіи коммиссіи, обсуждавшей вопросъ объ организаціи военной охраны новой губерніи. Коммиссія эта состояла изъ генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа, сенатора д. т. с. Панина, вице-президента Военной Коллегіи генералъ-адъютанта графа Чернышева и генералъ-поручика Мельгунова.

Коммиссія пришла къ заключенію о необходимости передачи украинской линіи въ вѣдомство новой губерніи, а вмѣстѣ съ линіей рѣшено было передать и прилегающую къ ней мѣстность, до тѣхъ поръ входившую въ составъ гетманскаго регимента. „Понеже—объясняла коммиссія въ своемъ докладѣ Государынѣ—многіе противу именныхъ указовъ черезъ нынѣшнюю линію перешли и жительство имѣютъ, слѣдовательно уже ни въ какомъ другомъ правѣ состоять не могутъ, какъ въ томъ, какимъ отъ Вашего Императорскаго Величества пожалованы будутъ, то сходствуя съ милосердіемъ В. И. В. разсуждается, не соизволено-ль будетъ какъ всю ту землю, по черту, при семъ на поднесенной картѣ проведенную подъ литерой Б., также и ту, которая позади старой линіи означена точками подъ литерой А., кая и прежде подъ линію была отдана, также и Водолаги,

---

[1]) П. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. XVI, №. 12099.

въ пользу государственную назвавъ всю овую землю и съ ея жителями провинціей Екатерининскою, нынѣ къ Новороссійской губерніи подъ единое право подчинить и на той землѣ всякаго званія нынѣ живущихъ людей и впредь туда кто изъ малороссіянъ пожелаетъ, тѣхъ невозбранно въ службу и на поселеніе принимать, а кто не пожелаетъ тамъ остаться, тѣмъ вольно въ Малороссію возвратиться".

Земля, которая на поднесенной коммиссіей картѣ „позади старой линіи обозначена точками подъ литерой А"., принадлежала къ составу гетманщины и заключала въ себѣ сотни, расположенныя по Орели, Ворсклѣ и частью по Днѣпру, съ населеніемъ свыше 38 тыс. душъ.

Для охраны новой губерніи рѣшено поселить въ ней два гусарскихъ и три пикинерскихъ полка. Гусарскіе полки уже существовали: это были сербскіе полки, поселившіеся въ Новой Сербіи еще съ елисаветинскихъ временъ; что же касается пикинеровъ, то ихъ предположено навербовать изъ охочихъ людей, а на охочихъ людей представлялась полная возможность разсчитывать, ибо въ одномъ только отхваченномъ отъ гетманщины кускѣ земли числилось болѣе 21 тыс. выборныхъ козаковъ и подпомощниковъ. Три пикинерскихъ полка должны были заключать въ своемъ составѣ 15468 чел. „въ полномъ мундирѣ, аммуниціи и жалованьѣ". Назначеніе офицеровъ въ формируемые полки предоставлено на усмотрѣніе „главнаго командира", генералъ-поручика Мельгунова, который получилъ право „опредѣлять ихъ въ должности ваурядъ, съ апробаціей Военной коллегіи, и какъ скоро который полкъ сочиненъ будетъ, то и настоящіе чины имъ (офицерамъ) оною коллегіею даны будутъ".

Всѣ эти предположенія 11 іюня того-же 1764 г. удостоились Высочайшаго одобренія [1]), а 22 іюля состоялся сенатскій указъ, коимъ, согласно мнѣнію коммиссіи, за живущими на территоріи Екатерининской провинціи людьми и съ тѣми, кто туда изъ малороссіянъ перейти пожелаетъ, подтвердилось право всту-

---

¹. Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Ш. XVI. № 12180.

пать въ службу и на поселеніе, а кто не пожелаетъ,—вольно въ Малороссію возвратиться [1]).

Мельгунову оставалось теперь только принять въ свою команду отданный въ его управленіе край и начать вербовать. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Разсказывая объ этой порѣ внутренней жизни гетманщины, авторъ „Исторіи Русовъ" сообщаетъ: „Одинъ изъ генераловъ, нѣкто Мельгуновъ, проживавшій въ заднѣпрскихъ селеніяхъ подъ видомъ вояжира или и хуже, доносилъ ко Двору, что онъ нашелъ въ оной сторонѣ такихъ людей, которые никакому правительству не принадлежатъ, и суть они тоже, что американцы, но къ военной службѣ признаются способными и охотными. Правительство предписало ему вербовать сихъ людей въ пикинеры и подчинить ихъ пограничнымъ начальствамъ. Вербунокъ тотъ охватилъ всѣ заднѣпрскія селенія Малороссіи и часть полковъ: Миргородскаго, Лубенскаго и почти весь Полтавскій, на сей сторонѣ Днѣпра состоящіе. А происходилъ онъ такимъ образомъ: разъѣзжавшій по селеніямъ Мельгуновъ останавливался обыкновенно въ корчмахъ сельскихъ и въ нихъ созывалъ тамошнихъ козаковъ. Послѣ первой попойки предлагалъ онъ записываться въ пикинеры, т. е. въ такую службу, которая есть также козацкая, но съ лучшими отъ козачьей преимуществами и выгодами, по которымъ нынѣшнихъ ихъ начальниковъ не только бояться они не должны, но и шапокъ передъ ними снимать не обязаны. Народъ, такъ близкій сосѣдствомъ къ азіатскимъ жителямъ, слѣдовательно и къ ихъ грубостямъ, тотчасъ хватался за слово „не бояться начальства и не шапковать передъ нимъ", и началъ записываться въ пикинерію, столько, по ихъ мнѣнію, своевольную. Однако записывались въ нее самые мелкіе хозяева и великіе отъ нихъ опіяки и буяны. Такимъ образомъ навербованные пикинеры изъяты заразъ изъ вѣдомства малороссійскихъ правительствъ и въ нихъ насланы о томъ письменные наказы. Между пикинерствомъ же нажалованы имъ ротмистры и поручики изъ грамотныхъ писарей и церковниковъ, вербунку

---

[1]) Ibid. № 12211.

ному способствовавшихъ. Въ слѣдъ за вербаками, очень понемногу изъ каждаго селенія набравшимися, вошли въ отказъ самыя селенія со всѣми безъ изъятія жителями, ни мало не соглашавшимись на перемѣну ихъ состоянія и правъ природныхъ, и поверстаны всѣ они подъ право Новороссійской губерніи, недавно устроенной, а селенія ихъ раздѣлены на четыре полка: Елисаветградскій, Днѣпровскій, Полтавскій и Донецкій. Сотенныя правленія скасованы, и знамена ихъ и архивы иные заперты въ церквахъ, а другіе употреблены ротмистрами и ихъ женами на домовыя свои снадобья. Отъ правительства полковъ малороссійскихъ многія были представленія къ гетману объ отборѣ изъ ихъ вѣдомства такъ многихъ селеній въ пикинерію, да и отъ частныхъ помѣщиковъ и владѣльцевъ также внесены ему жалобы о уничтоженіи стародавнихъ ихъ правъ, многими монархами упривилегированныхъ. Гетманъ обо всемъ томъ дѣлалъ свои представленія ко Двору и въ Правительствующій Сенатъ, но все было тщетно, и отъ Сената объявленъ на то готовый указъ, еще въ сороковыхъ годахъ состоявшійся, коимъ повелѣвалось причислить къ проводимой тогда Украинской линіи пустопорожнихъ земель въ поперечку на 30 верстъ, а въ длину—на сколько та линія простираться будетъ. Новоявленная пикинерія пользовалась нарочитыми льготами около 7 лѣтъ: никакихъ податей и службы отъ нихъ не требовано, а только внушалось имъ о ихъ преимуществахъ и что они отъ малороссіянъ суть лучшіе и предпочтительнѣе. Для сего отличія нашиты имъ на обыкновенныхъ ихъ шапкахъ бѣлые банты изъ холста и тесьмы. Они снимали сіи шапки съ головы только внутри церкви, но и то уже передъ алтаремъ. Встрѣчаясь съ малороссіяниномъ, обыкновенно грозилъ ему пикинеръ: „вороты зъ дороги, гетманець, бо я за тебе лутчый“. А когда вопрошано его, почему лучшій? то отвѣчалъ: „Я и самъ того не знаю, але рохмыстры наши все пысьменни: изъ прасоливъ и шынкаривъ, а де-яки и изъ поповычивъ жалованы“. Таковою химерою усыплена была пикинерія до того, что никто въ ней больше не отзывался о древнихъ своихъ правахъ и привилегіяхъ, а хвастался каждый настоящимъ

величіемъ" [1])... На этомъ мы и остановимся, а теперь посмотримъ, что говорятъ архивные документы.

Когда въ августѣ 1764 г. Мельгуновъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Сѣвскаго полка Алымовымъ, прибылъ въ гетманщину отбирать отданныя въ его команду сотни, въ Малороссіи еще ровно ничего не знали ни о предстоящей урѣзкѣ края, ни о новоявленномъ пикинерскомъ войскѣ. Правда, еще 15 іюня отъ гетмана изъ Петербурга пришелъ ордеръ, сообщавшій объ учрежденіи Новороссійской губерніи, но въ этомъ ордерѣ, какъ и въ приложенной къ нему грамотѣ на имя гетмана, только и было сказано, что о назначеніи Мельгунова на должность „главнаго командира" надъ новой губерніей, а въ помощники ему—генералъ-маіора Исакова. О докладѣ 11 іюня и его утвержденіи глуховское правительство получило извѣстіе изъ Петербурга только 30 августа, когда Мельгуновъ успѣлъ уже отобрать въ свою команду нѣсколько сотенъ и когда надъ всей южной частью гетманщины царило сплошное недоумѣніе и смущеніе [2]). Самъ же Мельгуновъ счелъ лишнимъ увѣдомлять хохлацкое начальство объ отдачѣ ему отрѣзанной территоріи, а предпочелъ обратиться непосредственно къ сотнянамъ.

24 августа 1764 г. въ Войсковой Генеральной канцеляріи были получены три доношенія полтавскаго полковника Горленка, въ которыхъ онъ сообщалъ глуховскому начальству странныя вѣсти, полученныя имъ отъ подкомандныхъ. Горленко доносилъ, что къ нему поступили „репорты" отъ китайгородскаго сотника Семенова и сотенной Нехворощанской старшины, да письмо маяцкаго сотника Миргородскаго и другіе „письменные виды" „о чинимомъ генералъ-поручикомъ Мельгуновымъ учрежденіи пикинерскаго полку съ произведеніемъ въ тотъ полкъ маяцкаго сотника Миргородскаго ротмистромъ, войсковаго товарища Леонтія Синегуба—ротмистромъ же, коему какъ вербованіе, такъ и сотенное нехворощанское правленіе препоручены, съ отказомъ тамошнему атаману до сотеннаго правленія по всѣмъ указнымъ

---

[1]) Исторія Русовъ, 252 и 253.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 2646.

дѣламъ не касаться, а другихъ старшинъ—въ разные чины". Мельгуновъ объявилъ козакамъ тѣхъ сотенъ словесное приказаніе быть готовымъ вступить въ пикинерскую службу подъ страхомъ отобранія грунтовъ, если они на это не согласятся. Таковы были первыя вѣсти о пикинеріи, полученныя въ Глуховѣ. Вслѣдъ за ними послѣдовалъ рядъ другихъ. Факты, о которыхъ сообщали донесенія полковниковъ, были совсѣмъ необычайными, и Генеральная канцелярія совершенно не знала, что ей въ данномъ случаѣ дѣлать. Препятствовать Мельгунову она не смѣла, дать какой-нибудь отвѣтъ на запросы полковниковъ не рѣшалась, и потому ограничила свою роль аккуратнымъ представленіемъ на высокоповелительную резолюцію его ясновельможности всѣхъ поступавшихъ доношеній. 30 августа былъ наконецъ полученъ гетманскій ордеръ съ прописаніемъ нѣкоторыхъ статей доклада 11 іюня, разъяснившій Глуховскому начальству, въ чемъ дѣло; но такъ какъ и въ этомъ ордерѣ не было ни слова сказано о томъ, какова должна быть ея роль во всемъ происходящемъ, то и въ дальнѣйшемъ отношеніи канцеляріи къ дѣлу перемѣнъ не послѣдовало: доношенія получались, переписывались и отсылались въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ отвѣтъ не получалось ни слова.

А Мельгуновъ между тѣмъ дѣйствовалъ. Сотни одна за другой отбирались, а сотняне записывались въ списки будущаго пикинерскаго войска. Районъ операцій „главнаго командира" Новороссійской губерніи охватилъ обширную территорію, въ составъ которой вошли тридцать южныхъ сотенъ Полтавскаго полка, сотни Кременчугская и Власовская въ Миргородскомъ полку, Потоцкая, Омельницкая, Голтвянская и Горошинская,—въ Лубенскомъ, а въ Переяславскомъ—Крапивенская и Ирклѣевская. Первымъ Мельгуновъ порѣшилъ сформировать Днѣпровскій пикинерскій полкъ, начальникомъ надъ которымъ назначилъ полковника Алымова. Алымову же было поручено и вербованіе съ приказомъ селить новыхъ полчанъ ротами въ крѣпостяхъ: Козловской, Ѳеодоровской, Ряжской, Васильковской, Ливенской, въ Нехворощѣ, Маячкѣ, въ Царичанкѣ и Китайгородѣ. Не по-

лагаясь на подчиненныхъ, „главный командиръ“ Новороссійской губерніи и самъ принималъ въ вербованіи дѣятельное участіе. Во всѣхъ сотняхъ, въ которыя онъ являлся, генералъ прежде всего приказывалъ публиковать „выпись изъ сенатскаго указа о пикинерскомъ полку въ самонужнѣйшихъ речахъ“, въ которой перечислялись преимущества, пожалованныя отъ Ея Императорскаго Величества жителямъ Новороссійской губерніи. Преимущества эти были немаловажны и соблазнительны не для однихъ только обнищавшихъ подпомощниковъ и подсусѣдковъ. „Земля—говорилось въ мельгуновскихъ объявленіяхъ—всякому жителю отъ перваго до послѣдняго каждому особо отмежевана и въ вѣчно-потомственное владѣніе утверждена. Вся земля раздѣляется на три званія. Первое званіе—земля военныхъ людей—никогда никакого платежа не будутъ давать. Второе званіе—государственныхъ поселянъ—также каждому особо отдѣлена и вѣчно во владѣніи утверждена; по прошествіи льготныхъ лѣтъ платить по числу земли малую подать. Третье званіе—помѣщичья, т. е. владѣльческая,—также каждому отдѣлена и вѣчно утверждена; платить противу поселянъ въ-полы. Вину и соли вольная продажа. Никто никогда неволею въ службу взятъ не будетъ. Тѣ, которые въ службѣ находиться будутъ, всегда, когда только захочетъ, можетъ получить отъ службы увольненіе. Гусарскіе и пикинерскіе полки равно старшинство съ армейскими имѣютъ. Съ поселянъ, т. е. съ посполитыхъ, никакого денежнаго платежа въ казну, кромѣ что съ числа земли по 5 коп. съ десятины, а болѣе ничего ни съ хлѣба, ни съ воловъ никогда не будетъ требовано; оные жители будутъ быть государственными поселянами и никогда никому во владѣніе отданы не будутъ. Кто изъ пустыхъ земель населитъ людьми, тому та земля вѣчно утверждается. Кто порожнюю землю засѣетъ лѣсомъ и окопаетъ рвомъ, такая часть земли, какъ бы велика ни была, отдается тому въ вѣчное владѣніе. Кто навербуетъ въ службу въ гусарскій или пикинерскій полкъ, тѣ получатъ за то чины, а именно набирать за чины: за майорскій 300 чел., за капитанскій—150, поручичій—80, прапорщичій—60, вахмистра—30,

а если на поселеніе, то поселянъ вдвое больше числомъ противу военныхъ считать. Земля, опредѣленная каждому рядовому пикинеру и поселянину—30 дес. Военнослужащіе по отставкѣ отъ службы по свою смерть, также и по смерти ихъ оставшіяся жены и дѣти пользуются тѣми же преимуществами, равно какъ и въ службѣ состояли, т. е. съ данной имъ земли никогда никакихъ податей въ казну брано не будетъ".

Увлекая бѣдноту обѣщаніемъ заманчивыхъ льготъ и преимуществъ, Мельгуновъ вліялъ на болѣе состоятельныхъ козаковъ и старшинъ угрозами и щедрою раздачею чиновъ. О томъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ, узнаемъ изъ донесенія сотеннаго нехворощанскаго атамана Ладинскаго. 11 августа,—сообщаетъ Ладинскій,—его высокопревосходительство Мельгуновъ изволилъ слѣдовать черезъ Нехворощу въ крѣпость св. Елисаветы. При надлежащей встрѣчѣ, его высокопревосходительство черезъ полковника Алымова объявилъ находящимся при встрѣчѣ козакамъ, чтобы имъ готовымъ быть и вступить въ пикинеры; сотеннаго атамана отставилъ отъ сотенной канцеляріи, которую поручилъ бывшему войсковому товарищу Леонтію Синегубу, коего произвелъ въ ротмистры; козаковъ устрашалъ отобраніемъ грунтовъ въ случаѣ несогласія на поступленіе въ пикинеры; приказалъ отбирать и содержать въ своемъ вѣдомствѣ деньги, которыя въ нынѣшніе лѣтніе мѣсяцы сотенные коммиссары соберутъ въ консистентскую дачу. Козаки, по донесенію Ладинскаго, хотя и объявили единогласное нежеланіе быть въ пикинерахъ, однакожъ „не безъ сумнительства находятся отобраніемъ грунтовъ". А вотъ и другое донесеніе, отъ маяцкаго сотника Андрея Миргородскаго: „по прибытіи его высокопревосходительства въ Ливенскую крѣпость, гдѣ я находился съ сотенною старшиною, значковыми товарищами и козачьей командой для встрѣчи, позвано меня со всею старшиною въ избу полковника Алымова и онымъ госп. генералъ-поручикомъ Мельгуновымъ персонально спрошено порознь, какихъ мы чиновъ, и когда мы объявили, то его высокопревосходительство безъ всего поздравилъ мене ротмистромъ и всѣхъ порознь, почему я, осмѣлясь, дабы въ

противность отъ меня чего не послѣдовало, говорилъ: ежели подлинно Высочайшее есть повелѣніе, что мѣстечко наше въ Малой Россіи выключено и другія орельскія сотни подошли въ губернію, то прошу де ваше высокопревосходительство меня чиномъ и подкомандныхъ моихъ не оставить, ибо де о семъ отъ его ясновельможности графа гетмана предложенія нѣтъ, и поелику мнѣ сотенный значокъ черезъ народнаго старшину по повелѣнію его ясновельможности врученъ, то не быть бы мнѣ въ какомъ отвѣтѣ; то на тое все генералъ-поручикъ сказалъ самъ: все де при васъ и грунта остаются, и какъ жили люди, и жить велѣлъ". Успокоительныя обѣщанія Мельгунова вліяли, однако, не на всѣхъ. Это видно изъ показанія маяцкаго сотеннаго писаря Семена Рекуновича, который, прибывъ въ Полтаву, заявилъ въ полковой канцеляріи, что никто изъ маяцкой старшины и козаковъ не согласился вступить въ пикинеры и дать подписку, тѣмъ не менѣе Мельгуновъ, не обращая на это вниманія, поздравилъ сотника Миргородскаго съ чиномъ ротмистра, городового атамана Гавриленка, значков. товарища Ивана Адаменка и Сем. Прійму произвелъ въ подпоручики, Николая Адаменка въ поручики, а Григорія и Василія Адаменковъ—въ прапорщики, его же, писаря, „хотя многократно полковникъ Алымовъ вахмистромъ поздравлялъ, токмо какъ и оный не пожелалъ такого чина принять, выгналъ его, писаря, съ квартеры".

Только въ самомъ концѣ августа, послѣ пріема въ свое вѣдомство ряда мѣстечекъ и хуторовъ, Мельгуновъ счелъ нужнымъ извѣстить о происшедшемъ мѣстное начальство. Въ присланномъ имъ на имя полтавскаго полковника Горленка увѣдомленіи значилось, что, наблюдая пользу Е. И. В., онъ, Мельгуновъ, во время проѣзда чрезъ линію въ прилежащихъ къ той землѣ бывшихъ Полтавскаго полка мѣстечкахъ объявилъ указъ и тѣ сотенныя мѣстечки съ хуторами принялъ въ свою команду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „главный командиръ" новой губерніи доставилъ Горленку и копію съ доклада 11 іюня, да кстати же извѣщалъ его и о томъ, что его подкомандный, значковый товарищъ Моисей Петровъ, опредѣленный недавно мѣстнымъ начальствомъ въ

полковые коммиссары, произведенъ имъ, Мельгуновымъ, подпоручикомъ въ Днѣпровскій пикинерскій полкъ, а потому и счеты его съ полтавской полковой канцеляріей должны считаться поконченными.

А жители отошедшихъ подъ Новороссійскую губернію мѣстечекъ между тѣмъ волновались. Изъ Маячки сотникъ Миргородскій снова доносилъ Горленку, что отъ Алымова полученъ приказъ непремѣнно къ 20 августа составить списки всѣхъ обывателей Маячки съ указаніемъ, кто изъ нихъ желаетъ поступить въ пикинеры, а кто въ поселяне. Такія же справки требовались и о состоящихъ въ заднѣпровскихъ мѣстахъ козакахъ. Но маячане не хотѣли ни въ пикинеры, ни въ поселяне, о чемъ и объявили Алымову, единственно ссылаясь на „пункта" при указѣ. Даже маяцкій сотникъ Миргородскій, несмотря на соблазнительность пожалованнаго ему Мельгуновымъ ротмистрскаго чина, отказывался дать подписку въ добровольномъ согласіи на оставленіе малороссійской службы. Раздраженный Мельгуновъ угрожалъ маячанамъ отобраніемъ грунтовъ, съ коихъ нежелающіе будутъ согнаны нарочитыми командами.

Сильно волновались и не знали, что дѣлать, и обыватели Царичанской сотни. Алымовъ объявилъ здѣсь ордеръ Мельгунова объ отобраніи сотни подъ Новороссійскую губернію и запретилъ сотнику Руновскому чинить наряды и вообще какія бы то ни было исполненія по ордерамъ полковой канцеляріи. Энергичнаго сторонника новыхъ порядковъ Алымовъ нашелъ здѣсь въ лицѣ атамана Тимковскаго, о которомъ Руновскій доносилъ Горленку: „атаманъ Царичанскій Тымковскій собралъ въ мѣстечку Царичанкѣ народъ и не выпускаетъ зъ города черезъ два дня, бьетъ въ колоколъ на гвалтъ, объявляетъ имъ себе поручикомъ и что только онъ командиръ, приказываетъ народу мене не слушать, разгонить канцелярскихъ служителей и прочія чинитъ продерзости, отъ которыхъ его продерзостей нижайше прошу вашей панской вельможности показаннаго Тымковскаго унять".

Маячане фрондировали, царичане недоумѣвали, а нехворощане шли къ новопожалованному ротмистру Синегубу и запи-

сывались въ пикинеры или въ поселяне, кому какъ было удобнѣе. Нехворощанскій сотникъ Прокопьевъ доносилъ Горленку: „за опубликованіемъ Е. И. В. указа, какъ изъ слободы моей Андреевки и другихъ владѣльцевъ подданные, такъ и козаки подпомощники подъ учрежденный Днѣпровскій пикинерскій полкъ въ пикинеры и въ поселяне записываются и оставляютъ свои жилые дворы и хаты впустѣ, вмѣстѣ съ имуществомъ своимъ версты за три отъ мѣстечка Нехворощи въ батальоны на жительство переходятъ, да и прочіе всѣ выборные козаки и подпомощники намѣрены переходить, и только однѣ пустыя хаты и церкви остаться имѣютъ. А чтобъ въ переходѣ никому отъ сотенной старшины препятствія чинено не было, для защищенія прислана отъ полковника Алымова 3 сентября регулярная команда“. Ротмистръ Синегубъ показывалъ нехворощанамъ ордеръ, полученный имъ отъ своего новаго начальства, въ которомъ сказано, что Алымову поручено всѣ состоящіе за линіею противъ Днѣпровскаго полка въ 20-ти верстахъ слободы и хутора приписать къ ротамъ пикинерскаго полка, къ которой какое мѣсто удобнѣе будетъ, а владѣльцамъ тѣхъ слободъ и хуторовъ объявить, что если кто изъ нихъ желаетъ быть подъ вѣдомомъ пикинерскаго полка, то подавали бы прошенія Алымову, а кто не пожелаетъ, у такихъ находящихся на ихъ земляхъ подданныхъ приписывать къ ротамъ на правахъ государственныхъ поселянъ. Подданнымъ велѣно было объявить, чтобы они жили на прежнемъ мѣстѣ и всѣмъ тѣмъ пользовались, чѣмъ понынѣ владѣли, а прежнимъ своимъ помѣщикамъ, которые со всѣми своими поселеніями не подпишутся подъ вѣдомство пикинерскаго полка, ничего не платили и не работали; прежній помѣщичій окладъ велѣно было собирать въ казну впредь до разсмотрѣнія. Для доставленія Синегубу возможности осуществить ордеръ, къ нему прислана была команда изъ 8 солдатъ при одномъ капралѣ.

Въ Орлянской сотнѣ Мельгуновскія распоряженія осуществлялъ мѣстный сотникъ Осовѣцкій, не стѣсняясь мѣрами насилія и жестокости. Сотенный Орлянскій атаманъ Байракъ купно съ товарищами-козаками, писалъ Горленку: 13 августа

сотникъ Осовѣцкій произведенъ въ ротмистры въ первую пикинерскую роту (въ мѣст. Кишенки), сотенный писарь Николаевъ —въ подпоручики, сотенный канцеляристъ Пѣкуша—въ прапорщики. 15 августа новый ротмистръ билъ въ колоколъ на гвалтъ, собралъ народъ и принуждалъ, да и теперь принуждаетъ, насильно подписаться въ пикинеры, посылая по дворамъ и хатамъ нарочныхъ и призывая днемъ и ночью въ домъ свой, устращая лишеніемъ имѣній и изгнаніемъ изъ мѣстечка прочь, а другихъ жестокими побоями. Онъ же, Осовѣцкій, находилъ ночью гвалтомъ на домъ одного козака, дабы изувѣчить его за отказъ отъ пикинерской службы, такъ что тотъ едва убѣжалъ; называетъ тѣхъ, кто не согласенъ идти въ пикинеры, раскольниками и бунтовщиками; заперъ ворота линейныя и не пропускаетъ никого безъ вида за его подписью, а за линіею—пишутъ челобитчики—всѣ наши хлѣба и сѣно и скотъ и прочее находятся.

15 сентября къ полтавскому полковнику снова поступила челобитная изъ Орлянской сотни, подписанная тѣмъ же Байракомъ, а съ нимъ 104 козаками да 20 посполитыми. Челобитчики писали, что бывшій ихъ сотникъ, нынѣ ротмистръ, Осовѣцкій „при колокольномъ звонѣ на гвалтъ публикуе чтось и называе указомъ“, принуждаетъ орлянъ записываться въ пикинерію, угрожаетъ отнятіемъ имѣній и изгнаніемъ изъ мѣстечка прочь, не пропускаетъ за линію въ поля, гдѣ хлѣбъ. Ротмистръ испросилъ себѣ 30 солдатъ регулярной команды при одномъ унтеръ-офицерѣ и разставилъ ихъ по домамъ, гдѣ они чинятъ вымогательство, вытаскиваютъ изъ-подъ хозяевъ постели и, что хотятъ, берутъ съ бранными словами. Осовѣцкій—писали сотняне—посылаетъ нарочныхъ козаковъ, которые по-неволѣ принуждены его слушаться, грабить наши имѣнія: у Байрака заграбилъ 3 лошади, у Головка, набѣжавъ на хуторъ гвалтомъ и разогнавъ жену и дѣтей, заграбилъ 3 скрыни съ 12 руб. и всѣмъ бывшимъ въ нихъ добромъ, 3 ружья, 2 списа, одного коня, 12 воловъ, двѣ коровы, 4 казана, барило горѣлки и пр.; у того же Головка взялъ со двора женщину, билъ немилосердно батожьемъ четыре раза и нынѣ держитъ въ своемъ дворѣ; у

Щербатаго взялъ выборническую лошадь и заморилъ; похваляется всѣхъ разорить и съ живыхъ драть кожи, Байрака же, Головка, Щербатаго и Киселя—предать гробу; запродалъ заднѣпрскимъ обывателямъ острова съ лѣсами, принадлежавшими издревле всѣмъ вообще орлянамъ, и они изрублены теперь въ пень. Когда орляне собрались читать грамоту о Новороссійской губерніи, Осовѣцкій, обнажа „шаблю", кричалъ регулярной командѣ заряжать ружья и отъ кровопролитія былъ воздержанъ только унтеръ-офицеромъ. Въ послѣдніе дни Осовѣцкій, испросивъ другую регулярную команду, заграбилъ до остатка все имѣніе Байрака, разорилъ домъ, двери повыламывалъ, окошки повырубилъ, козаковъ Бутенка, Киселя и Стася побилъ до полусмерти, а Бугрилеенка билъ немилостиво и мучилъ „въ вязенню" на колокольнѣ. Осовѣцкій объявилъ жителямъ, что если черезъ три дня они изъ мѣстечка не выберутся, то всѣ выгнаны будутъ насильно.

Осовѣцкій не останавливался передъ мѣрами насилій, конечно, потому, что передъ ними не останавливался и самъ „главный командиръ" Новороссійской губерніи. Дабы побудить упрямыхъ хохловъ къ „добровольному согласію" на поступленіе въ пикинеры, Мельгуновъ приказалъ расположить Молдавскій гусарскій полкъ въ Китайгородкѣ, Маячкѣ, Нехворощѣ и Царичанкѣ постоемъ у тѣхъ жителей, которые не пожелали быть въ пикинерахъ, а всѣ состоящіе за линіею въ 20 верстномъ разстояніи хутора и слободы приписать къ пикинерскому полку. Китайгородскіе козаки, въ числѣ 69 человѣкъ, попробовали было протестовать противъ этого распоряженія. Они указывали, что земля, которую у нихъ теперь отнимаютъ,—ихъ единственное имущество; что живутъ они здѣсь вовсе не „въ противность именныхъ указовъ", какъ докладывала коммиссія Государынѣ, а согласно сенатскому указу отъ 16 ноября 1743 г., по которому имъ вновь было позволено селиться за линіей. Ссылались китайгородскіе сотняне и на многочисленныя жертвы, принесенныя ихъ предками и ими въ 1696 г. при нападеніи татаръ, потомъ въ Шведскую и Турецкую войны, при постройкѣ

крѣпостей св. Елисаветы и св. Димитрія и въ послѣднюю Прусскую войну, и въ заключеніе заявляли, что они вовсе не желаютъ быть подъ Новороссійскою губерніею, а хотятъ быть подъ Малороссійскимъ правомъ и служить козаками, какъ и предки ихъ служили. На протесты, однако, не обратили вниманія. Китайгородскій сотникъ Семеновъ доносилъ Горленку, что при томъ способѣ дѣйствій, какой принятъ Мельгуновымъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ заставитъ всѣхъ обывателей сотни приклониться къ пикинерскому полку, а изъ Маячки сообщалось, что отсюда такъ много обывателей вышло уже въ Слободу при Ливенской крѣпости, что сбирать слѣдуемые порціонные сборы не съ кого, а оставшіеся не въ состояніи платить, ибо за отказъ отъ пикинерской службы ихъ не выпускають ни въ лѣсъ, ни въ поле, гдѣ ихъ добро.

Чувствительно отозвались распоряженія Мельгунова и на мѣстныхъ „владѣльцахъ“. Оставляли свои хаты впустѣ не одни подданные сотника Прокопьева. Самъ генеральный обозный Кочубей принужденъ былъ потерпѣть немалый уронъ отъ мельгуновскихъ ордеровъ. Въ его полтавскихъ маетностяхъ, въ селѣ Писаревкѣ (первой полковой сотни) и въ слободѣ Личковой (Нехворощанской сотни) всѣ подданные, которыхъ было болѣе 200 хатъ, записались въ Новороссійскую губернію,—иные въ пикинеры, а другіе въ поселяне. Алымовъ повыдалъ имъ билеты, чтобы до нихъ никто дѣла не имѣлъ и работы не требовалъ, и „хотя—жаловался Кочубей—оные подданные въ тѣхъ же маетностяхъ находятся, однако, не хотятъ отбывать повинность господину и платить консистентскихъ дачъ“. А между тѣмъ подданные эти жили въ Кочубеевскихъ маетностяхъ болѣе 20 лѣтъ и „нажили себѣ не малую субстанцію“.

Въ Миргородскомъ полку отошли подъ Новороссійскую губернію и тѣ мѣстности, которымъ отходить къ ней совсѣмъ не слѣдовало. Козаки Кременчугской сотни Максимъ Некраса, Сила Ивановъ и Ив. Пышный жаловались полковнику своему Остроградскому: „сего августа 16 сотникъ Кременчугскій Яковъ Гавриловъ призвалъ насъ и многое число товарищей нашихъ

козаковъ въ собственный свой домъ, въ которомъ былъ съ нимъ только зостаючій отъ его высокопревосходительства генералъ поручика Мельгунова капитанъ Данило Ивановъ, уговаривалъ насъ, чтобъ мы всѣ общe изъ-подъ малороссійской команды удалились, а подписались бы подъ нѣкоторымъ письменнымъ обовязательствомъ со всею сотнею Кременчугскою и грунтами и угодьями подъ вѣдѣніе Новороссійской губерніи, обнадеживая, яко всякому, въ прибавокъ къ имѣющимся въ нашемъ теперешнемъ владѣніи грунтамъ, по многому числу за р. Днѣпромъ находящейся земли отведено будетъ къ вѣчному владѣнію, почему мы и купно съ нами до 60 сотнянъ говорили ему: ежели имѣется о заверстаніи насъ подъ Новороссійскую губернію Высочайшій Е. И. В. указъ, то просимъ намъ съ товарищи всей сотни козакамъ и прочимъ жителямъ оный объявить. Напротивъ чего сотникъ сказалъ: „только де подпишѣтся, желаете ли быть подъ Новороссійской губерніей, то и указъ вашъ объявленъ будетъ“. Послѣ чего какъ отъ насъ съ товарищи съ многократнымъ подтвержденіемъ объявлено было ему, сотнику, сіе, что мы, будучи природные малороссіяне, ни въ каково другое названіе отъ своей воли приступить не желаемъ, то помянутый капитанъ Ивановъ сказалъ ему, сотнику: „поэтому де ты, Яковъ Федоровъ, остался“, напротивъ которой капитана рѣчи и онъ, сотникъ, сказалъ: „я де и самъ теперича, какъ вижу, проигралъ“, и затѣмъ сотникъ велѣлъ намъ всѣмъ съ товарищи изъ дому своего отходить. Будучи жъ онъ, сотникъ Гавриловъ, предъ тѣмъ отъ 15 августа подписанъ съ обовязательствомъ быть подъ вѣдѣніемъ Новороссійской губерніи и опредѣленъ уже въ пикинерскій полкъ ротмистромъ, всеприлежнѣйшимъ старательствомъ своимъ пріохотилъ подписаться и кременчугскихъ старшинъ: атамана сотеннаго Оболонскаго, асаула Собецкаго, хорунжаго Гореславца, писаря Семенова, атамана походнаго Вѣлшанаго да канцеляриста Очередка и бывшихъ атамана походнаго Яковлева, хорунжаго Терентіева съ сыномъ его Петромъ да козаковъ 9 чел., а прочіе кременчугскіе сотняне, въ томъ числѣ и мы, что на подговоръ его, сотника, не склоня-

лись, то онъ, сотникъ, злясь и всеудобовозможными мѣрами стараясь, какъ бы сдѣланное имъ о бытіи сотнянамъ кременчугскимъ подъ объявленною губерніею обовязательство привести въ безпорочное исполненіе, умыслилъ козакамъ кременчугскимъ, равно и намъ, запретить въ базарныхъ коморахъ и въ домахъ никакимъ промысломъ не торговать и прочимъ утѣснять, склоняя къ подпису, а сверхъ того въ таково, почитать всѣхъ, кременчугскихъ сотнянъ замѣшательство привелъ, что въ нынѣшнее самонужнѣйшее ко упрятанію хлѣба время принуждены лишиться и по разнымъ отъ домовъ своихъ мѣстамъ скрываться, и когда мы, нижайшіе, такожде и еще 5 сотнянъ, не хотячи по голословному сотника обнадеживанію приступать и подписываться не пожелали, желая по жизнь нашу быть въ малороссійской командѣ въ отправленіи по званіямъ нашимъ козачей службы, какъ и предки наши знайдовались, то онъ, сотникъ, усмотря крайнее наше нежеланіе и не допуская по командѣ нашей за то къ жалобѣ, помянутыхъ козаковъ данными на просьбу его, сотника, Ямбургскаго полка корабинерами въ страхъ другимъ арестовавъ, посадивъ подъ великороссійскій Ямбургскаго полку караулъ; мы же, нижайшіе, всилу ночью тайнымъ образомъ въ мѣстечка убѣгли".

У кременчугскаго сотника нашлись подражатели. Во Власовкѣ два значковыхъ товарища, Семенъ и Алекс. Устимовичи, стали собирать у козаковъ подписи подъ прошеніемъ о желаніи быть подъ Новороссійскою губерніею, а въ с. Рублевкѣ выискался такой же доброхотъ въ лицѣ нѣкоего Задорожнаго. Нашлись охотники до пикинерской службы и въ Келебердѣ (Полтавскаго полка) и тоже подали просьбу о присоединеніи къ новой губерніи. Для Мельгунова этого было достаточно, чтобы объявить Кременчугскую и Власовскую сотни отписанными отъ Малой Россіи и принятыми подъ его команду.

Объявленіе это вызвало среди кременчугцевъ сильные протесты. Стойчикъ сотенной кременчугской канцеляріи Лашко явился къ Остроградскому съ жалобой на Гаврилова за неправильную его записку въ пикинеры и заявилъ: „призвалъ мене

сотника и спросилъ: куда де хочешь записаться, не объявляя, въ какую службу; то я по простотѣ, не вѣдая его намѣренія, сказалъ: „куда козаки, туда и я“, а потомъ Гавриловъ, какъ слышно стороною, вписалъ мене въ пикинеры“. Лашко ходилъ къ сотнику и просилъ не вписывать его въ пикинерскій список, но сотникъ на ту его просьбу ничего ему не объявилъ; „а понеже какъ предки мои козачо служили, такъ и я, нижайшій, съ потомствомъ своимъ козачо служить желаю, въ помянутую жъ пикинерскую службу вовся какъ напередъ не желалъ, такъ и нынѣ не желаю“. Вслѣдъ за Лашко въ полковую канцелярію явилось еще 60 козаковъ изъ Кременчуга съ жалобой на Гаврилова за то, что онъ неправильно показалъ ихъ желающими быть подъ Новороссійскою губерніей, о чемъ они, просители, ни словесно, ни письменно нигдѣ не объявляли, а напротивъ, желаютъ по примѣру предковъ оставаться въ малороссійской службѣ. Гавриловъ, желая ихъ къ своему хотѣнію привесть, ласкаетъ козаковъ, находящихся въ командираціяхъ, смѣною и другими подобными ласкательствами, а прочихъ, не склоняющихся на ласкательство, устрашаетъ разными способами: такъ однажды, будучи въ сотенной канцеляріи, онъ убѣждалъ нѣкоторыхъ и для наивящшаго ихъ устрашенія держалъ подъ карауломъ находящагося въ Кременчугѣ Ямбургскаго карабинернаго полка, причемъ, созвавши плотниковъ съ топорами, приказалъ дѣлать на несогласныхъ колодки. Нѣкоторыхъ изъ челобитчиковъ Гавриловъ тѣснитъ необыкновенными постоями, какихъ прежде даже при большихъ наѣздахъ не бывало; беретъ подводы „съ немалымъ противъ прежняго отягощеніемъ“ и по просьбамъ объ отлучкѣ изъ Кременчуга по крайнимъ нуждамъ не выдаетъ паспортовъ, объявляя, что если просящій въ его угоду подпишется на пикинерскомъ спискѣ, то и паспортъ ему данъ будетъ, а нежелающихъ устрашаетъ высылкой съ нынѣшнихъ предковскихъ грунтовъ и жилей во внутрь Малыя Россіи и чинитъ утѣсненіе въ забраньѣ съ поля хлѣба. „И по такимъ устрашеніямъ—писали челобитчики—и въ домы намъ безъ командира явиться опасно, ибо если командира намъ опредѣлено

не будетъ, онъ крайне насъ раззорить можетъ". Сотняне заканчивали свою челобитную просьбой объ оставленіи ихъ по прежнему въ малороссійской службѣ и опредѣленіи къ защищенію ихъ новаго командира. Вслѣдъ за этимъ поступило прошеніе еще отъ 39 кременчугскихъ сотнянъ уже на имя гетмана въ Генеральную Канцелярію. Въ немъ козаки жаловались, что Гавриловъ принуждаетъ ихъ насильно къ пикинерской службѣ и тѣснитъ многихъ изъ нихъ подъ карауломъ, такъ что они принуждены оставить свои домы, женъ и дѣтей и по разнымъ мѣстамъ крыться; если и впредь имъ не будетъ отъ гетмана защиты, то они, челобитчики, принуждены будутъ спасаться отъ Гаврилова развѣ побѣгомъ. Такъ какъ за опредѣленіемъ Гаврилова въ ротмистры имъ невозможно оставаться безъ командира, то просятъ опредѣлить къ нимъ сотникомъ войсковаго канцеляриста Григорія Бужинскаго [1]).

Не смотря на протесты кременчугскихъ сотнянъ, восторжествовали не они, а Гавриловъ. 6 сентября Ея Величеству доложено было слѣдующее прошеніе отъ старшинъ Кременчугской и Власовской сотенъ:

„Мы, нижеподписавшіеся малороссійскихъ сотенныхъ мѣстечекъ старшины, выборные козаки и владѣльцы въ тѣхъ мѣстечкахъ съ нашими подданными и съ желающими жителями, твердо будучи увѣрены, что В. И. В. изъ матерняго милосердія всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія людей въ лучшее состояніе и благополучную жизнь приводить за весьма себѣ угодное монаршеское удовольствіе поставляя и въ томъ неутомимый трудъ всемилостивѣйше соизволите брать; взирая на то, мы, вѣрноподданные рабы В. И. В., дерзаемъ испросить такого же матерняго призрѣнія, чтобъ насъ цѣлыми нижеозначенными мѣстечками къ Новороссійской губерніи, оставя насъ при прежнихъ нашихъ земляхъ и угодьяхъ, подъ единое право и команду соединить, чрезъ что совершенно мы уповаемъ въ лучшее состояніе нашу жизнь привести, и полезнѣе нынѣшняго В. И. В. и

---

[1]) Архивъ Малор. Полк. № 1884.

отечеству сдѣлаться. Всемилостивѣйшая Государыня, мы, вѣрноподданные В. И. В. рабы, всеподданнѣйше просимъ о семъ нашемъ прошеніи Высоч. милосердіе и указъ учинить" [1]).

Высочайшее милосердіе, о которомъ просили кременецкіе и власовскіе старшины, было учинено; былъ учиненъ и указъ, полученный въ Глуховѣ 4 октября, коимъ повелѣвалось отдать Кременчугъ и Власовку съ жителями, землями и угодьями, по ихъ желанію, подъ вѣдомство и права Новороссійской губерніи [2]).

А что же дѣлалъ гетманъ, на защиту котораго надѣялись всѣ недовольные мельгуновскими распорядками? Гетманъ написалъ въ Сенатъ представленіе, въ которомъ излагалъ содержаніе всѣхъ полученныхъ имъ донесеній, и не надѣясь отстоять за собою отрѣзанныя сотни, напиралъ главнымъ образомъ на экономическія затрудненія, вытекающія изъ новыхъ порядковъ. За отдѣленіемъ значительной части Малой Россіи къ Новороссійской губерніи, по мнѣнію гетмана, должно послѣдовать сильное отягощеніе малороссійскимъ козакамъ и посполитымъ какъ въ нарядахъ козаковъ на службу Е. И. В., такъ и во всякихъ указныхъ повинностяхъ, въ томъ числѣ и въ продовольствіи по положенію квартирующихъ въ Малороссіи шести карабинерныхъ полковъ, командиръ которыхъ, генералъ-адъютантъ Олацъ, по прежнему требуетъ выстаченья натуральнаго довольства безъ уменьшенія. Ссылался гетманъ и на то, что отошедшія къ Новороссіи мѣстечки издавна принадлежали къ Малой Россіи, а относительно владѣльцевъ, подданные которыхъ уходятъ на поселеніе въ роты, писалъ, что для нихъ отъ такихъ уходовъ чувствительная произойдетъ обида, тѣмъ паче, что пріемъ ихъ въ вѣдомство Новороссійской губерніи совершается въ отмѣну указа 10 декабря 1763 г., коимъ за подданными признавалось право вольнаго перехода, но запрещалось принимать ихъ на новыя мѣста безъ письменнаго отпуска отъ прежняго владѣльца. Гетманъ просилъ по крайней мѣрѣ Высочайшаго благоразсмотрѣнія, не повелѣно-ль будетъ живущимъ въ отошедшихъ подъ Ново-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. Рос. Импер. Т. XVI, №. 12236.

[2]) Архивъ Мос. Колл. № 2646.

россійскую губернію сотняхъ обывателямъ отдавать и уплачивать повинности безъоимочно обще съ прочими малороссійскими жителями.

Ясновельможный доживалъ въ это время послѣдніе дни своего гетманства, и не удивительно, что на его представленія не обратили должнаго вниманія. Разумовскій еще разъ обратился въ Глуховъ за справкой, сколько жителей числилось въ отошедшихъ подъ Новороссійскую губернію сотняхъ, а затѣмъ замолкъ окончательно.

Молчаніе не могло, однако, успокоить взволнованные умы. Изъ м. Орлика явился къ ясновельможному въ Петербургъ атаманъ Байракъ, тотъ самый, который уже и прежде ходатайствовалъ за своихъ односотнянъ передъ мѣстнымъ начальствомъ, и подалъ ему челобитную на Высочайшее имя объ оставленіи г. Орлика по прежнему въ Малороссійской службѣ и о чинимыхъ отъ ротмистра Осовѣцкаго, принужденіяхъ, грабительствахъ и обидахъ [1]). Вслѣдъ за прошеніемъ Байрака поступили челобитныя отъ козаковъ и владѣльцевъ изъ Потока, Омельника, Манжелѣевки, Голтвы, Горошина, Бѣлоцерковки, Ирклѣева, отъ генерала Штофеля, отъ полковника Битяговскаго. Въ самой Малороссіи продолжалась прежняя смута. Находились люди, которые, по выраженію Государыни, разными кривотолками пугали и развращали жителей простолюдимовъ и ко всякому неосновательному слуху легковѣрныхъ. Въ число такихъ злоумышленниковъ попалъ, напр., Кобелякскій сотникъ Могилевскій. Успокаивать умы пришлось уже новому „шефу" Малороссіи, графу Румянцеву, на распорядительность котораго Екатерина въ данномъ случаѣ возлагала всѣ упованія. Именнымъ указомъ отъ 26 февраля 1765 г. малороссійскому генералъ-губернатору было приказано „поручить генералъ-поручику Бранту, яко члену Малороссійской коллегіи, придавъ къ нему Сѣвскаго полка полковника Милорадовича и одного изъ старшинъ надежнаго человѣка, чтобъ они въ тѣхъ мѣстечкахъ объявили всѣмъ жителямъ всемилостивѣйшее къ нимъ

---

[1]) Архивъ Моск. Колл. № 2646.

милосердіе, что они всѣ по своимъ прежнимъ обычаямъ при владѣніи землями, угодьями и вольностями навсегда остаются; если же тѣми коммиссіонерами кто примѣченъ будетъ въ разглашеніи вредныхъ слуховъ, таковыхъ имъ приказать, смотря по винѣ, сокращать, дабы черезъ то простыхъ людей отъ невольнаго преступленія сберечь".

Тѣмъ же указомъ былъ наконецъ разрѣшенъ и недоумѣнный вопросъ о томъ, какія изъ присвоинаемыхъ Мельгуновымъ сотенъ должны отойти къ Новороссіи, а какія возвратиться въ малороссійское вѣдомство. „Въ малороссійскую команду" были возвращены: Потокъ, Омельникъ, Манджелѣевка и Голтва—къ Миргородскому полку, къ которому они принадлежали и раньше, Дорошинъ и Бѣлоцерковка—къ Лубенскому, Крапивна и Ирклѣевъ—къ Переяславскому. Изъ владѣльческихъ селеній, попавшихъ было подъ пикинерію, къ Малороссіи были возвращены деревни генералъ-маіора Штофеля и полковника Битяговскаго въ Миргородскомъ полку, а Власовка и Кременчугъ остались за Новороссійской губерніей. Пострадалъ, такимъ образомъ, преимущественно Полтавскій полкъ, отъ котораго было отобрано все, что лежало на 40 верстъ отъ линіи.

Подъ пикинерію отошли: Нехвороща, Маячка, Царичанка, Китайгородокъ, Орель, Переволочна, Кишенка, Соколка, Кобеляки, Бѣлики, Старые-Санжары и Новые Санжары. Попала подъ пикинерію и Келеберда, несмотря на то, что лежала дальше 40 верстъ отъ линіи, попала, какъ сказано выше, потому, что объ этомъ просили сами келебердянцы.

Какова была дальнѣйшая судьба пикинеровъ,—по бывшимъ въ нашемъ распоряженіи документамъ не видно.

Д. Миллеръ.

МАРУСЯ БОГУСЛАВКА.

Побытово-историчня драма въ пяты одминахъ.

(*Окончаніе* [1]).

ДІЯ II.

Роскошный кіоскъ зъ марморовымы сходамы. Кругомъ пышный садокъ зъ квитныкомъ, водометамы и ризными оздобамы. З-за вершынъ деревъ биліють навдали шпыли минаретивъ. Въ прогалыну сыніе море. День.

Выхидъ 1.

Маруся, евнухъ и одалискы.

(Маруся сыдыть въ кіоску; по сходахъ, до самого долу, малёвнычо розмистылысь одалискы съ зурнамы; поодаль стоить и назыра евнухъ).

Хоръ одалисокъ. Лыстъ трипоче, квитка мліе;
Изъ-за темныхъ витивъ въ гаи
Билолыцый вызырае,
Все серпанкомъ срибнымъ крые...
Водометы мовъ поснулы,
Стыха крапають слёзамы;
Лыне письня дывна, чула
З-за мурованои брамы.

---

*) См. Кіевск. Стар., 1899, № 11.

Пидъ розложыстымъ чынаромъ
Прохолода и темрява.
Перелазь же незабаромъ,
Мое щастя и неслава!
Уже сплять дозорци люти,
Нема дома мого ката...
Эхъ, у тяжкій моій скрути
Це едыная видплата!..
Прыгорнусь до тебе щасно,
Поцилункамы зогрію
И у любощахъ заласныхъ
Занимію и зомлію.

Маруся (*слухае письню якось неуважно и журно, а дали махнула рукою на одалисокъ*).
Яка у васъ сумна жиноча доля!
Сыды й нудысь въ нимій самотыни,
Якъ злодій крадь хвылыну того щастя
И за ёго жыттямъ своимъ платысь:
Таки й писни у васъ важки, нудлыви,
Навіють вразъ на душу тилькы сумъ...
Доволи ихъ! Идить соби, здорови,
Лышить мене зъ нудьгою...

Одалиска 1-ша. Выбачай,—
Тоби ни въ чимъ не-можна догодыты.

2-га одалиска. Гордуешъ ты, владычняя...

Маруся. Я васъ,
Подруженькы, образыть не хотила.
Бувайте-но щаслыви! (*Простяга руку, мовъ на прощання*).

Одалискы (*кланяются*). Крый Пророкъ
Тебе по викъ своею бородою! (*Выходять*).

Выхидъ 2-й.

Маруся сама.

Маруся. Якъ обрыда ця золота тюрьма!
Ни щыросты, ни чеснои людыны,

Ни вильныхъ думъ, ничого... Забавкы
Обрыдлыви, одноманитни, мляви,
И дня видъ дня не видризнышъ ничымъ...
Колы бъ свого Гирея не кохала,
Колы бъ мене не мавъ за жинку винъ,
Улюблену, едыну, повновладу,
Колы бъ ище не диточкы мои,
Найкращая въ жытти моимъ утиха,—
Годыны бъ я въ неволи не жыла
И власною бъ рукою іи збулась! (*Схыля голову на руки, а дальше проводыть рукою по чоли*).
Шисть литъ, якъ день, мынуло, уплыло
Въ якомусь сни химернимъ, въ пьянимъ чади,
У пестощахъ, у любощахъ палкыхъ,
Яки мене зненацька огорнулы,
Й заципылы крыкъ болисный души.
Вже сталося мынуле мое млою:
Мовъ марево далеке вырына,
Хвылюется, прозоре та хороше...
Прыдывышся, згадаешъ—и нудьга
Зновъ обивье вужемъ жывучымъ серце,—
Нема снагы забуть незабутнє!..
Ой, Боже мій! Та дай же мени трунку,
Щобъ вытруивъ вси спогады въ чоли!
Не треба ихъ, я прагну супокою...
Воны жъ печуть... дратують... Дали все!
Одирвана, потурчена навикы!

Выхидъ 3-й.

Маруся и Леся.

Маруся (*зуздрившы Лесю, що пидходыть, встае до неи радисно*).

Лесунечко, видрадосте моя!
Тебе Господь мени пославъ на втиху!

Леся. Господарько, владычице моя,
Якъ дякувать за ласку—я й не знаю!

Маруся. Господарько? Владычице? Ты знову
Образыты, напевно, мене хочешъ?
Я скилькы разъ просыла... Ты мени—
Та жъ подруга, а я тоби—Маруся.

Леся. Тоди булы мы ривни, а теперъ
Ты досягла могутносты и влады,
Пышаешся въ роскошахъ чаривныхъ,
А я—твоя рабыня...

Маруся. Ты? Хочъ заразъ
Леты соби де хочешъ...

Леся (*сплеснула рукамы*). Боже мій!
Такъ можу я полынуты на волю?

Маруся. Мене саму покынуть рада ты?

Леся (*змишалась*). Пробачъ, просты!.. Така нудьга въ неволи,
На чужыни... такъ порыва мій край,
Украина тыхесенька...

Маруся (*мовъ нарошне хоче перебыть настрій*).
Этъ, годи!
Хиба тебе нищо тутъ не вража?
Ни цей паланъ хымерный, ни шпыли
Спычастыи высокыхъ минаретивъ,
Ни цей садокъ роскишно—чаривный,
Ни пахощи, що дурманять повитря,
Ни холодокъ видъ водометныхъ сливъ,
Ни море те безкрайне, сынье—сынье!

Леся. Пробачъ мени, а марморъ и кришталь
Лышень слипплять та холодомъ одгонять;
Цей кыпарысъ, ажъ чорный, отдали
Нагадуе ченця чи трунну свичку,
А сынее те море гоминке
Безмежнистью прыныжуе, жахае
И нотай все щось грызне буркотыть...

Ясни у насъ въ зеленыхъ рямахъ плеса,
Струнки, гнучки тополи по гаяхъ
И любьязнѣ мыгтять на неби зори...

Маруся. Ахъ, зновъ!.. Трывай! Хиба чуже все зле?
Хиба свого неможна вже й забуты,
А край чужый неможна полюбыть?
Та вся любовъ—едына звычка, й годи...
То тилькы витъ звыка до мисця: такъ,—
Брыдня усе!

Леся. Ой не брыдня, николы!
Якъ ни було-бъ гараздъ на чужыни,
А ридный край все буде нашымъ раемъ:
Хто неньку намъ здолае заминыть,
Хто чуло такъ прыгорне, прыголубыть?
Хто втре слёзу? Розважыть серце хто?
Помолытся хто Богу?

Маруся. Годи, годи!
Ой, що мени ты прыгадала!..

Леся. Я?
То зъ-нехотя... пробачъ, голубко! (*Цилуе*).

Маруся. Знаю...
То я така вродылася дурна...
Зъ родыною померлою пошуся...
Яка й краса! Степы, лугы й степы...

Леся. А зновъ боры, гаи, дибровы, лукы,
Мережани квиткамы й ковылемъ...
А риченькы яскрави та прозори,
Билесеньки хатыны и садкы...

Маруся (*захоплюючысь*). Свій кревный людъ, свій людъ хрещеный, мылый,
Укохана ричъ наша, голосна
И чаривна, журлыво-чула писня—
Ой ридный край!.. Охъ, якъ болыть отутъ,
И сылъ нема... (*перебыва себе*). Щось я хотила знаты
Й забулася... Все маю роспытать...

Та й не зберусь... Ты такъ недавно зъ намы...
А! Розскажы, якъ сталось, що ты тутъ?
Яка тобе спиткала люта доля
Зъ того часу, якъ насъ забралы двохъ
И вывезлы навикъ?

Леся. Смутніи згады,
Бодай-бы ихъ забуты! Хтила я
Не разъ сама на себе зняты рукы,
Такъ не далы й того мои каты—
Мій кожный крокъ пидъ пыльнымъ бувъ дозоромъ.
Ой матинко, ой мылый Боже мій!...
Яка нудьга, яка страшна грызота
Тоди мени всю душу поняла!
Але проте мене ще шанувалы,
Вважаючы, щобъ не лыла я слизъ,
Щобъ на выду видъ горя не марнила.

Маруся. Такъ, такъ, щобъ взять дорожче на торгу.

Леся. Татарынъ мій купцивъ водывъ чы-мало...
Але мене не зважывсь, якъ другыхъ,
Показувать... боявсь мого одчаю
И дорожывсь циною... Роки въ тры
Нихто не мавъ снагы мене й купыты,
Але знайшовсь нарешти багатырь,
Що заплатывъ и взявъ мене въ рабыни...
На щастя, винъ у мене закохавсь
И не хотивъ мене добуты гвалтомъ...
Та мала я й кинджала про случай...

Маруся. Така й мене отутъ спиткала доля:
И мій паша, закоханый на смерть,
У нигъ лежавъ, благаючы кохання—
И ростопывъ нарешти серця лидъ.

Леся. Бо перше ты никого не кохала,
Не знала ты жагы...

Маруся (*тривожно*). А молодый,
Зъ якымъ взяла святе я заручення?

Леся. Сохронъ, женыхъ? То ынче почуття!..
Омана, вирь: ёго ты шанувала,
Якъ лыцаря, якъ друга, и—не бильшъ!
Вогнемъ палкымъ до ёго не горила...
Маруся. Але то грихъ...
Леся. Не вильни въ серци мы,—
Воно одно надъ намы есть владыка
И прымхою иде наперекиръ...
Ты подолать ёго не мала сылы...
Маруся. Такъ, такъ було... боролась я дарма.
Молылася, рыдала дни и ночи,
Але зъ паши не зводыла очей...
Себе кляла... Сохрона въ серци крыла,
А винъ все блидъ и брався туманóмъ,
И обняла мене пекуча мрія:
Вона мене до любощивъ тягла,
До цилувань зъ коханымъ бусурменомъ...
Ажъ соромомъ пашыло у лыце...
А я думокъ прогнать не мала сылы,—
Воны рослы у душну ясну ничъ,
Мовъ надыхавъ жадання мисяченько...
Ну, й сталося... Въ коханни винъ спалывъ
Мене зовсимъ... Зомлила я.
Леся. Отъ бачъ,
А якъ колысь на мене прогнивылась!..
Маруся. Тебе не разъ згадала я...
Леся Але
Я не могла мынулого забуты
Й перемогты це серце нависне...
Хотила вже на себе зняты рукы,
Та доля ще зоглянулась:—мій панъ,
Мій володарь, умеръ чогось раптово;
Тоди ёго разпродалы гаремъ,
И твій паша купывъ мене...
Маруся. Мій Боже!

И ты въ садку робыла може зъ рикъ,
Покы тебе выпадкомъ не спиткала...
Голубочко! (*Обнима*).

Леся. Мени той свитлый день
Щаслывишымъ ставъ днемъ.

Маруся. Моя зирныце! (*Цилуе*)
Якъ въ очи ци блакитни я дывлюсь,
То мовъ друге, далеке бачу небо...

Леся. Колы воны вражають такъ тебе,
То вырву ихъ...

Маруся (*зъ лякомъ*). Для мене? Ай! Не треба!!
Радниша ты прыняты всякыхъ мукъ...
А я тебе пустыть не маю сылы...

Леся. Куды мени? Винъ, певно, вже забувъ...
И одружывсь, або погынувъ въ сичи...
Вже стилькы литъ—ни висточкы!

Маруся. Прosты,
Вразыла я твою болячу рану...
Ну, годи жъ, ну!.. Отъ краще заспивай...
Я такъ люблю твій голосочокъ слухать!

Леся. Мои письни нерадисни!..

Маруся. Спивай,
Нехай той сумъ хочъ душу одволожыть!

Леся (*спива*). Зеленая лищынонько,
Чомъ не горышъ, та все курышся: и т. д.

(*Маруся спочатку слуха журлыво, а дали й сама вступае дуэтомъ*).

Ахметъ (*наблыжается и заслухается письни*).

Маруся (*зъ рыданнямъ кинча*).

Леся. Ой лелечко!.. Чы жъ не казала я! (*Упада*)

Маруся. Якъ боляче!.. Мовъ нижъ пройнявъ це серце...
Ты не турбуйсь: така вже моя стать...
Отъ, прыведы ты краще янголятокъ.
Моихъ обохъ. Укохани диткы,
Хочъ якъ-не-якъ, розважуть серце неньци...

Выхидъ 4.

Маруся и Ахметъ.

Маруся. И ты Ахметъ, заслухався писень?
Чи до смаку?

Ахметъ. Охъ! (*Втера слёзу*) Серце рвуть:
то-жъ ридни.

Маруся. Якъ?! Що сказавъ?!

Ахметъ. Зъ Украйны, пани, я...

Маруся. Украинець и евнухомъ?

Ахметъ. Не дыво;
Щб не здола надъ безоружнымъ гвалтъ!
Знесылылы, скаличылы... а потимъ
Звелычылы у цей поважный чынъ...
Украинцямъ найбильшъ діймають виры:
Воны цупки у слови...

Маруся. Зроду бъ я
У евнуси...

Ахметъ. Владычняя ханынье!
И ты жъ сама зъ святои стороны...

Маруся. Ты постеригъ?

Ахметъ. Въ Ахмета гостре око,
А ще гостришъ у серци почуття:
Не дарма жъ такъ воно мовъ прыкыпило
До тебе вмыть...

Маруся. Земляче! Ридна кровъ
Лыбонь безъ насъ до ридного насъ горне.

Ахметъ (*кланяется*). Твій вирный рабъ!

Маруся. Не рабъ, а щырый
другъ;
На друга жъ всякъ покластысь може?

Ахметъ. Смило,
Якъ на скалу!

Маруся. Оддячыть тоби Богъ!

Выхидъ 5-й.

Маруся, Леся, дивчынка и хлопчыкъ.

Маруся (*кыдается назустричъ своимъ дитямъ*).
Ахъ, ось воны! Мои роскишни квиты!
Мій любый скарбъ, моя утиха, рай,
Мое жыття и радощи, и боли...
Якъ серденько солодко ные... ой,
Сюды, сюды! До мамы!

Хлопчыкъ (*побигъ*). Я сколишъ!

Дивчынка (*тежъ*). Постій и я!

Леся. (*За руку держыть*). Ну, копкы, копкы! Прудко!

Маруся (*обохъ прыгорта и цилуе то одно, то друге*).
Любесеньки, гарнесеньки! Якъ макъ,
Красуетесь, якъ огирочкы мыти...
Чи-жъ е у кого кращи диточкы? (*Обертается до Ахмета*).

Ахметъ. Доправды ни... надъ вси!...

Леся. Краса-красою!

Маруся. То може такъ, щобъ догодыть мени?
Очыци ци, якъ теренъ! (*Цилуе*). А въ того,
Якъ та блакить! (*Цилуе*) А кучери, а лычкы,
Пампушечкы (*Цилуе*).

Дивчынка. Ой, мамо!

Маруся. Задушу́!
И отъ цёго хлопчыська...

Хлопчикъ. Мамо, Феска!

Ахметъ. Чи ба, уже хызуется!

Маруся. Зюли!
(*Поправля*). Риднесенька! О, кучери шовкови!!
(*До Леси*). Чи кращажъ е утиха на земли?
Любовъ до ныхъ—безбурне, ясне щастя,
Воно мени гамуе и журьбу,
Й нерозважну́ грызоту мого серця:

Якъ обниму, якъ прыголюблю ихъ,
То цилый мыръ слизъ, стогону и мукы
Зныка зъ очей передъ оцымъ мыркомъ...

Леся (*зитха*). Не знать мени такого щастя.

Ахметъ. Боже,
Судылося мени ёго на хвылю взнать,
Щобъ тяжчою здавалася неволя!

Хлопчыкъ. А въ мене йе опука!! (*Котыть*).

Зюли. Въ мене ббидъ,
А кыдай, ну!! (*Той кыда, Маруся бижыть за нымъ*).

Леся (*бере Зюли за руку*). Ну, хутко! Доганяй!! (*Забигають*).

Выхидъ 6.

Гирей—Паша и Ахметъ.

Гирей (*входыть и озырается*).
Нема зори. и цей Эдемъ—пустыня,
Мовъ саваномъ укрывся жалибнымъ,
Мовъ хмарою повывся середъ ночи...
И смутно страхъ, и цвынтаремъ скризь тхне;
А хай блысне зъ за хмаръ пивденный проминь—
И зразу все засяе, ожыве:
Веселкою заграють водометы,
Зашепотять чынаръ и кыпарысъ...
О, якъ іи кохаю я!... Що-день
Моя жага и любощи зростають.
И краю имъ, вбачается, нема!
Шисть литъ жыву въ эдеми я пророчимъ,
Якого врядъ чи й знае Магометъ,
Бо гуріи нема такои въ неби...
Не поривнять зъ іи очыма зорь,
Зъ іи чоломъ—снигивъ горы Лывана,
Изъ лыченькомъ—троянды пелюсткивъ;
А що душа—то Божая зирныця,

Вона сія и надиля тепломъ
Все те, куды долыне іи проминь... (*Озырается*).
Та де-жъ вона? Зъ палацу выйшла въ садъ,
А тутъ нема... Вона чогось сумуе
Й ховается въ самотыни... Це все
Турбуе страхъ мене.... Аговъ, Ахмете!

Ахметъ (*схылывшы голову и прыложывшы до грудей рукы*).
Владыко мій! Я тутъ, якъ вирный песъ,
Чекаю-но вчыныты твою волю.

Гирей. Де сонця свитъ, моя ясна *ханымъ*,
Владычыця, жыття мого утиха?

Ахметъ. Господарька, краса усихъ красотъ,
Пишла туды гулятыся зъ диткамы...

Гирей. Зъ дитками... а! А якъ, смутна́, чи-ни?

Ахметъ. Въ останній часъ пры Леси охвитниша:
Втишалася, сміялася...

Гирей. Аллахъ
Ховай іи видъ всякои грызоты,
Хай хмаронька не крые ій чола!
Я дуже радъ, що ій знайшлась землячка:
Хочъ будыть це за риднымъ краемъ нудъ,
Але ёго ничымъ не погамуешъ...
(*Зуздрившы*). Ахъ, онъ вона... души моеи скарбъ!
(*Ахметъ видходыть*).

Выхидъ 7.

Гирей и Маруся.

Маруся (*пидбига зъ глыбыни кону*).
Ловы, ловы!... Клубочкомъ покотыся!
А хто кого?Ципъ, ципъ!

Дивчынка. Ой, мамо, ой!
Якъ весело!

Хлопчыкъ. Мене ты не піймаесъ?

Маруся. Не дожену? А ось! (*Ловыть и цилуе обохъ*).

Диты (*смiются*). Ха, ха, ха, ха!!
Гирей. Ось певный рай,—нема другого раю!
Маруся. Мiй сокилъ тутъ? (*До Леси*). На, одведы дитей!
Гирей. Трывай! Дай, я ихъ обниму...
Диты (*кыдаются на шыю*). Ой, тато!

(*Маруся дывытся чуло, зрушено; Леся выводыть дитей*).

Маруся. Такъ любышъ ты своихъ орлятокъ?
Гирей. О,
Якъ свiй коранъ, якъ пахощи лилеи;
Воны твои, то досыть и того...
Маруся. Мои й твои, мiй любый, мiй коханый,
Мiй пышный панъ, мiй лыцарь дорогый!
Гирей (*обнима*). О, квите мiй, красо садкивъ Эдемськыхъ!
Усе життя въ тоби й для тéбе... Ахъ,
Якъ серце гра, яке тутъ запьяненння!
Боюся я, позаздрыть намъ Пророкъ
И затмянúть ясне, безкрайе щастя...
Маруся. Чи-жъ винъ лыхый?
Гирей. Але-жъ и самъ Аллахъ
Поквапытся на наше раювання...
Маруся. Щаслывый ты, мiй орле?
Гирей. Якъ ковыль,
Колы его витрець гойдае тыхо,
Якъ рыбонька на воли у води,
Якъ лотосъ той пидъ проминемъ пекучымъ...
Ни, ни, не те! Щаслывишый за все,—
За цилый свитъ!... Вси щастя зкупи зважъ,
И ихъ мое, напевно, переважыть...
Маруся. (*обнима*) О, втихонько!
Гирей (*сида зъ нею на мармори*). А ты, моя зоря,
Щаслыва?
Маруся. Я? Колы тебе я бачу
И голубьятъ пестую,—все тоди...
Втышается—и спбгады и боли...

Гирей. Тильки тоди? (*Зитха*) Я радый и за це;
Але скажы, моя райськá утихо,
Чого до васъ душею не лежышъ
И серденькомъ цураешся? И доси
Мынулого не хочешъ ты забуть?...

Маруся. Охъ, не пытай...

Гирей. Ты щось въ души ховаешъ...
Выходыть те, що ты не вся моя?

Маруся. Не ображайсь, тебе я...

Гирей (*цилуе*). Дя́ка, дяка...
Але, красо, ты журышся, бува,
Завважывъ я—и слизонькы часамы
Брынилы тутъ, (*цилуе*) мовъ перлы на очахъ:
Тебе нудьга грызе...

Маруся. Що-жъ? То не дыво:
Кому жъ отця и матинкы не жаль?
Звиря—и те батькивъ своихъ кохае
И памьята ихъ ласку скилькы литъ...
А я жъ не звирь... людына...

Гирей. Правда, правда:
Те почуття мицнище надъ уси;
Але цёму якъ пособыть—не знаю...
Сюды бъ усихъ ласкаво запросывъ,
Якъ родычивъ, якъ ривныхъ зъ намы въ стани,
Прыдобу бъ давъ, вси прысмакы въ жытти,
Права... абы тоби тымъ догодыты...

Маруся. Мій батько вмеръ... и ненька, певно, тежъ:
Безъ донечкы не жыты ій, я знаю,—
Невольныцтва мого ій не знесты...

Гирей. Невольныцтва?!

Маруся. Для неи все-жъ я бранка.
Едыный братъ... та, певне, й той...

Гирей. А я?
Невже мое кохання невгасыме
Не замистыть и на краплынку ридъ?

Маруся. То, пакъ, одне, а то щось ынче, друге...
Щаслыва я зъ тобою и дитьмы...
Гирей. Яка жъ тоби неволя?
Маруся. Що-жъ, мій орле,
У прымхахъ тутъ я вильна; въ мурахъ цихъ,
Якъ пташка, я у клитци на прыпони...
Трывай! Тебе не маю я корыть,
Бо й самъ ты рабъ своихъ тяжкыхъ звычаивъ;
У васъ жинкы рабыни, а у насъ
Воны въ правахъ зъ козацтвомъ майже ривни;
У насъ жона,—чи матиръ, чи сестра,—
По всихъ свитàхъ гуляе, ходыть вильно,
На бéсидахъ зъ юнацтвомъ, на ральцяхъ,
На весилляхъ, на радахъ навить часомъ...
А у симьи—то мати голова...
Гирей. У насъ того коранъ не дозволяе...
Маруся. Бо й вы сами насъ маете за цяцъ,
Захованыхъ для хити потайнои,—
Не за людей...
Гирей (*перебыва*). Та ты ханыня тутъ...
Маруся (*усъмихнулась*). Въ гареми? Такъ! Старшà рабыня...
Гирей. Зоре,
Не можу жъ я гарема розигнать;
Раднишый бы, та здіймуть гвалтъ...
Маруся. Звычайно....
Я виры йму, що я одна ханымъ
И що тоби надъ сылу...
Гирей. Все, що можу...
Я пры тоби зминывсь цилкомъ...
Маруся. За те
Й кохаю я тебе, мій мисяць ясный,
Що ты не ставъ невольныкивъ держать,
Що ты зминывъ жорстокости на ласку,
Що твій гаремъ теперь взявъ людську стать...
За те, що давъ есы мени двохъ дитокъ

Любесенькыхъ, гарнесенькыхъ... та ще
За те, що ты поклявсь мени Пророкомъ,
Що до жыття вважатымешъ мій край,
И що ёго не будешъ руйноваты.

Гирей. Такъ, крине мій; але про те Дыванъ
И падишахъ...

Маруся. Охъ, бидна Украино!
Нихто тебе не захыстыть, нихто,
А всякъ чыга, щобъ лыхомъ дозолыты...

Гирей. Все журышся... Ну, чымъ бы ту нудьгу
Розважыты? Здается бъ давъ пивъ-свита!
Заклыкавъ я сюды въ гаремъ метцивъ,
Щобъ танцямы побавылы хочъ трохы
Мою зорю небесну... Зволышъ ты
Ихъ допустыть на свои ясни очи?

Маруся. Що-жъ? Хай идуть!... Мене вража до слизъ
Твоя тонка упадлывисть...

Гирей. О, щастя!! (*Бье въ долони*).

(*Зъявляются одалискы и ведуть пидъ музыку схидный, плавный и тыхый танець*).

Маруся (*по танци*). Спасыби! Я цымъ танцямъ не дывую:
Красыви,—такъ; але нема вогню...
Мовъ плавають лебедкы тыхо, чынно,
И рухамы сонлывымы...

Гирей. Тривай,
Мы й ынше ще покажемо пашыни,
Цикавнише! (*Бье въ долони*) Поклыкать арабчатъ!

(*Вбигають маленьки чорни хлопьята и ведуть оригинальный танець*).

Маруся (*усмихается*). Яки смишни! Та жваві, мовъ ти дзыгы...
Такъ крутятся, що й окомъ не змыгнешъ!
Але у насъ танцюють въ парахъ...

Гирей. Заразъ
Я покажу тоби черкесивъ... Гей! (*Бье въ долони*)

(*До музыкы*) Левгинку ты! (*Маруси*) Нак[illegible]
мерщій чадру!

(***Выбигають одна чы дви пары черкесивъ и танцюють зъ кинджаламы запальну лезгинку***).

Маруся. Це гарно! Отъ, спасыби за утиху...
Нагадуе лезгинка й нашъ танѐць...
Тильки козакъ буйнищый... Дуже рада!!

Гирей. А я й потимъ!! (*До всихъ*) За втиху ясній крали
Ихъ надилыть зъ скарбныци! Ласка всимъ! (*Робыть жестъ рукою*).

(*Вси выходють*).

Выхидъ 8-й.

Маруся и Гирей.

Маруся (*бере за руку пашу*).
Просты мою слёзу нудну—я справди
Зъурочена, чы що... Ну, къ дидьку нудъ! (*Обнима ёго*)
Ты, любый мій, та диточкы й кохання...
Та тыхая порада... мій конакъ...
Втишатымуть мене... и навить зъ часомъ
Вси болещи вгамуются...

Дирей. Мій рай,,
Найкращый мій зъ веселкы ясный проминь!
Царыцею ты мусышъ буты тутъ,
Хай надъ усымъ твоя пануе воля!
Я самъ—твій рабъ! (*Обнима*) Ахмете! Гей сюды!

Ахметъ. (*Зъ-за дерева выходыть*).
Величній мій владыко!.. До послугы!

Гирей. Оповисты всихч одалисокъ ты,
Що надъ усымъ владычыця тутъ пани,
Моя ханымъ, мое жыття, мій духъ:
Уси, й я самъ, корытыся ій мусымъ,
Іи наказъ для всихъ васъ „ираде“!

(*Цилуе*). Ну, прощавай! Мене чекають справы...
(*Ахметъ кланяется и одходыть*)
Якъ одженешъ смутный одъ себе нудъ,
И серденькомъ зриднышся зъ нашымъ краемъ,—
Видъ радосты, видъ щастя я умру...
Я самъ пиду оружною рукою,
Куды твое жадання поведе.

Маруся. О, свите мій! Яка-жъ то я щаслыва! (*Обнимае*).

Гирей. Ховай тебе зъ диткамы нашъ Аллахъ!! (*Выходыть*).

Выхидъ 9-й.

Маруся и потимъ Ахметъ.

Маруся. (*Писля паузы*). Такъ, справди... нудъ, журьбу, забуты треба:
Я коринемъ въ Турецькій вже земли,
Кохання тутъ, и найлюбиша втиха,
И ласощи роскоши и пыха...
А тамъ у мли за темно-сынимъ моремъ,
За кылымомъ степивъ... тамъ вже нема
Ни батенька, ни неньки, а ни брата,—
Тамъ тилькы людъ коханый та церквы,
Та дорога, спивоча, ридна мова,
Та... охъ, нехай то буде сномъ
Въ моій души, роскишнымъ сномъ, яскравымъ
И мріею моихъ дивочыхъ литъ!
Такъ, такъ! Розвійсь ты маревомъ мынуле,—
Не вернешся, зъ теперешнимъ тра жыть...
Часъ и пора туркенею ставаты...
Прощай, прощай! (*Зымыслюется*).

(*Въ цю хвылыну оддали стае чуты хорову писню, яка зблыжается и росте*).

Хоръ (*за кономъ*). Ой у поли два яворы,
Третій зелененькый,

Та занедужавъ пры дорози
Козакъ молоденькый... и т. д.

(*Маруся, зачувшы писню, здрыгнула и мовъ остовпила, а дали ажъ потяглась невыдымою сылою за дорогымы згукамы, рыдаючы и ламаючы рукы*).

Маруся (*Задыхаючысь урывочно промижъ куплетивъ*).
Козачый спивъ?... Зъ моихъ краинъ святыхъ?!
Ой, серце рве! Прокынулось все знову!
(*За 2-мъ купл.*) Горыть... пече... Украина моя
Озвалася слёзамы... застогнала! (*Лама рукы, потимъ кыдается, якъ ужалена*).
(*За 3-мъ купл.*) Ай! хто тамъ, хто?... Мій мозокъ запалавъ...
Почувсь мени коханый, кревный голосъ...
Ой! Боже-жъ мій! (*Натыкается на Ахмета*)
Якый спива то гуртъ?

Ахметъ. Невольныкы...

Маруся (*сплеснула рукамы*). Невольныкы?! У пана?!
Въ моимъ садку?! Въ кайданахъ кревный людъ?
И може тамъ... Лукаве ошукання!!
Все кóла йде... Веды мене до ныхъ!

(*Ахметъ поклонывшысь руша, Маруся за нымъ*)

Зависа хутко спада.

ДІЯ III.

Берегъ моря. Кинъ перегорожено барканомъ. Злива за нымъ выдко садокъ паши. Просто за деревамы выдко навдали мисто. Коло моря накыдано дуже каминня; невольныкы ёго зносють сюды для якогось забудовання, що распочате.

Выхидъ 1.

Сохронъ, Малёваный, Степанъ, Охримъ Колій, Андрій Лобань, Иванъ Карпенко, Запорожци. Невольныкы въ кайданахъ сыдять на каминняхъ, на писку, на роспочатій будивли. Навдали Турецькыхъ

два вартовыхъ. Де яки перевьязують раны; други выдырають шпычкы зъ тила, де-хто щось замыва, иншый палыть люльку и передае одынъ одному затягтысь; де-хто щось йисть и дилытся. Степанъ лежыть и стогне).

Андрей (*по паузи зачына письню*)

Та не знавъ козакъ, не знавъ Сохронъ,
Якъ славонькы зажыты.

Гуртъ. Гей, зибравъ військo, військo запорожське,
Тай пишовъ Туркивъ быты. и т. д.

(*Остатній куплетъ може затягты и самъ Сохронъ якый осторонь сыдыть, зажуреный*).

Сохронъ. Спасыби вамъ братци, що про мене письню зложылы; тилькы вона довиръ мени, та ще й велыкый. По своій справи, по дорогій... пидбывъ васъ до походу, тай завивъ у неволю!

Андрій. Ну, то вже Боже попущення, а бывся ты, якъ и чортякы не бьются у досвита.

Иванъ. Ха, ха! Справди головы бусурменьски злиталы, якъ качаны! Просто ажъ смихъ мене взявъ: що обступыла ёго сыла ворожа, чысто якъ хмарою вкрыла, а винъ маха, тай маха шаблею, мовъ блыскавкою навкругы грае.... а голомози, якъ снопы... то тамъ гепъ, то тамъ гепъ!... Крычать „алла"! крутятся, та ничого не вдіють... Я задывывся, залюбовавъ, а мене якась тварюка и шелеснула по голови!...

Андрій. И не доставъ бы нашого отамана ятаганомъ жоденъ псявира, колы-бъ не накынувъ якыйсь проклятый собака арканомъ.

1 Запорож. Та й то попоборсалысь...

2 Запорож. (*сміется*). Багато шкареберть стало...

Сохронъ. А все-жъ такы затяглы горлянку й звязалы. Эхъ! уже я й пальци двомъ одкусывъ бувъ,—думка, що стусоне кинджаломъ... такъ ни!—Жывцемъ захотилы ыроды взяты!

1-й Запор. Звычайно, корысть... чують, кляти, що дорога голова.

Иванъ. Тай добре зробылы, бо то такы жывый, а то-бъ бувъ мертвый.

Андрій. Жывому й надія жыва.

Охримъ. А мертвому лежня та чудесный спокій: спы соби, скилькы влизе... безпешно!

Иванъ. Добре спы, якъ чорты зъ душею мотузятся. Якый же видъ сатаны може буть спокій?

Охримъ. До козачои души винъ не пидступытся

Андрій. Овва!

Охримъ. Не дуже й овва! Мы за святый хрестъ стоимо и головы ложымо, такъ хрестъ карбижемъ на души й стоить... отъ помкнется куцый іи вхопыты, та ба! Гляне на хрестъ, и хвистъ пидъ себе...

1 Запор. Отъ розсказавъ, мовъ самъ тамъ бувъ.

2 Запор. Звисно—характерныкъ... чорты ёму—своякы, прызнавався! (*Смихъ спильный*).

Охримъ. Своякы, не своякы, а у послушенстви; ты чорта не гудь.

2 Запор. Звисно; чы тютюномъ, чы горилкою часомъ надилыть...

Иванъ. То-то, я думаю, видкыля у ёго добрый тютюнъ? Ажъ то—родычи! (*Сміются*).

Сохронъ. Эхъ и людъ же зъ васъ, друзи мои, такъ такого катма на цилому свити: шыбай-головы, лыцари, ридни браты!

Андрій. Не дуже, поволи! На одынъ бикъ перехвалышъ.

Сохронъ. Не перехвалю, брате, нема стилькы сылы у мови, щобъ перехвалыты! Та дежъ, сыдять у кайданахъ, працюють якъ туры, безъ передыху, безъ одпочывку, гныють у тюрьми, йидять гирше за псивъ, поневиряются, терплять мукы нелюдськи—и не скаржутся, а жартують, и не клянуть прыводныка, а ласкаво ёму все выбачають... Охъ, яки-жъ вы, браты мои, щыросерди и якый я выноватець!

Андрій. Гай, гай, пане отамане, друже нашъ, брате! Та зацурай оту письню. Ни въ чому ты не повыненъ... На-

гналы мы холоду бузувирамъ, поплюндрувалы ихъ кубла, въ Кафы невольныкивъ слобонылы чы-мало... ну наскочылы на таку сылу, що, мовлявъ, була въ двадцятеро бильша за насъ: не дыво, що вскочылы и въ лабеты.

Иванъ. За те нагулялысь у волю!

Охримъ. Тай неволя ще розчудесна: и полежаты у ночи можна, и пидъ головы каминня дають, и на шпациръ водять, не дають застоюватысь сыли козачій... ей-Богу, чудесно!... Отъ тильки не хвалю за звычай, шо що-дня чешуть шкуру... Ще за таволгу бъ я ничого, бо та тилькы карбуе й рубцюе... вернешся до дому, то ще краще дивчата упадатымуть, бо якъ помережаный; а отъ мени не до смаку шепшына та терныва, що позаганя тоби скризь у тило спычокъ, а воны мулять... ну й знову робота: сыды й выколупуй...

2-й Запор. Ну, тай недогадлыва жъ голова! Та то жъ для забавкы, щобъ не нудывсь, не скучавъ... Адже-жъ проказують, що

Козакъ душа правдывая
И журьбы не мае—
Горилку-пье, чи нужу бье,
А все не гуляе!

Бильшына. Правда, правда!

Степанъ. Охъ, братци ридни, подайте воды хочъ краплыну: рече... вогнемъ жерущымъ рече...

(*Хтось уставъ по воду*).

Сохронъ. Онъ, яка добра неволя! Скилькы вже лыцаривъ перегнала вона на той свитъ... Натишутся назнущаются азіяты, та якъ завважжуть, що почынаемъ вмерать, заразъ перепродають, и у кожного гаспыда лышаемо мы дороги товарыськи трупы...

Охримъ. Ну що-жъ, якъ бы не прыберавъ до себе Богъ козакивъ, то ихъ росплодылося бъ на ввесь свитъ, и сталы бъ воны буденною риччю, а то Богъ ихъ держыть для земли обмаль, щобъ козакомъ всякъ дорожывъ.

Андрій. И покрашае ними свій рай...

Де́-хто. Такъ, такъ!

Други. Э, Андрій все зна, якъ гаплыкомъ прыстибне!

Иванъ. Що й казать,—зналець! (*Смихъ*)

Степанъ (*напывся*). Я, братци, выненъ! Черезъ мене, клятого, вси мукы... черезъ мене, Іуду... Чуе душа моя... збирается въ далеку дорогу... Та колы бъ швыдче рушаты...

Сохронъ. (*пидходыть, и други*). Та заспокойся, голубе: то ты охлявъ... Ще може одпустыть.

Степанъ. Ни!... Та то бъ и гараздъ... тяжкый у мене на души грихъ... Здіймить, мои друзи, може легше ій буде зъ тиломъ опростытысь.

Сохронъ. Та хто безъ гриха? Богъ мылосердый! А ты не надрывай себе!

Степанъ. Передъ тобою, товарыше, брате мій, найбильше я грішенъ... Я—Каинъ, гирше Каина!...

Сохронъ. Колы передо мною, то байдужѐ... Спочывай безпешно... отъ тоби слово козацьке, що все напередъ дарую; такъ и Богови скажы!... (*Степанъ обнима его й задыхается*).

Охримъ. Отъ и гараздъ, а то мы не попы, покуты не накладаемо... Насъ въ решети возыты не прыйдется. Отъ, якъ бы пани-матка була, ту бъ повозывъ.

Степанъ. Маты моя риднесенька... черезъ мене, проклятого, ниженькы свои стари бье, очи выйидае слизьмы... немошне тило рве тернамы, сыве волося мочыть дощамы... Ой, чы й жыва вона, моя ненька безталанна?

Сохронъ. Не рвы себе: Божа ласка надъ намы!.. Паниматуся наша жыва; чуе мое серце... що вона прынесе намъ рятунокъ.

Степанъ. Матинко моя! Пробачъ!.. Просты!!

Сохронъ. Отъ и я тымъ передъ моимъ товарыствомъ выненъ, що похопывсь сюды безъ пидмогы... Загорилось серце, занялась душа... Эхъ, простить мене!!

Вси. Та годи тоби, пане отамане! Вси мы запалылысь, всихъ взяла нетерплячка.

Выхидъ 2-й.

Тижъ и назорця турокъ.

Назорця. Гей, вы, джавры, до роботы! Вмыть!! (*Козакы встають и почынають каминня носыты*). Заразъ мени, псы! Проворнишъ! Повывертались, якъ свыни, ще й выють... Отъ я васъ повыю! Зъ шкуръ ремнивъ надеру! Повертайся, собако, повертайся! (*Бье то одного, то другого*).

1 запор. Та не бый же, дурню, по рукахъ и ногахъ, бо робыты не будуть!

(*Дозорця зъ невольныкамы виддаляется за кинъ по каминня*).

Сохронъ. (*по паузи*). Свиты́ сходывъ... здоровья, сылу
стратывъ,
Натерпивсь мукъ, и все те надармà:
Я не здолавъ довидатыся навить,
Куды мою голубку занеслы,
Де гаспыды знущаются надъ нею?
Тутъ, кажуть, десь, а саме де—не знать!
Не видаю, а чы й жыва сердешна?
Напевне, ни!.. Козачая дочка,
Попивського, велебного ще роду,
Скоришъ порве сама соби жыття,
А нижъ пиде́ невири на поталу...
Охъ, якъ болыть це серце по тоби,
Мовъ каминь той лежыть воно у грудихъ,
Мовъ сиркою горючою пече!
А! Хочъ-бы знать! Хочъ-бы зырнуть на зирку!
Колы жъ нема іи на свити симъ,
То глянуты хочъ бы катузи въ вичи
Й напытыся тіеи помсты въ смакъ,
Тоди и смерть прынявъ бы за утиху...
А раньше, ни!, О, де жъ ты, зоре, де?
Хочъ стогономъ до мене озовыся,
Хочъ буйнымъ цимъ ты звистку перекынь,

Защебечы хочъ ластивкою зтыха...
Нужуся-жъ я... ношу зъ собою скризь
Тутъ пекло зле (*показуе на груды*), терплю нелюдськи муки...
Колы-жъ кинецъ? О, Боже мылый, зглянься!

Выхидъ 3-й.

Назорця, Тетеря, Панасъ, а дали й невольныкы.

Назорця. А ты чого, собако, загулявся? Колы за тебе выкупу не шлють, то робы, хочъ здыхай! Я зъ тебе, отамана, олію варыть буду, джавра клятый!

Сохронъ. Колы зъ другыхъ варышъ, такъ зъ мене й овшемъ. А стою я тутъ, бо дожыдаю каминня... воны носять и возять, а я кладу: такъ мене будовнычый поставывъ...

Назорця. Будовнычый! Я тебе поставлю! А це смердо̀, чого валяется?

Сохронъ. Не рушъ ёго, каваджа,—винъ слабый... може умира...

Назорця. Заплатылы гроши за падло! Гей, рушай, хочъ натишусь до твого здеху...

Сохронъ. Не рушъ ёго: я видроблю и за свій пай, и за ёго!

(*Надходять невольныкы; той везе на тачци, той несе на плечихъ каминня; де-яки вартови пидганяють ихъ прутамы*).

Назорця (*штовха ногою Степана*). Вставай, собако

Степанъ (*натужуется встаты и зновъ пада*). Не можу. Добый!

Сохронъ (*пидходыть*). Не рушъ, невирне вухо... я за ёго видбуду!

Назорця. Ахъ ты, шайтанськый послидъ! Такъ ты за ёго видробышъ? А спыною за ёго хто видбудется? На всихъ васъ, собакъ, розложыть ёго пай, чы що?

Де-хто. Хочъ и на всихъ... а вмырущого быты не можна...

Назорця. Васъ, гадынъ, пытатысь ще? Гей, всыпать кожному по пьять джутивъ добрыхъ!

Сохронъ. Чого всимъ? Мени всыпъ, колы ласка... Я за Степана беру роботу и муку ёго визьму... а воны тутъ ни прычому!..

Назорця. Гараздъ! Вьяжить ёго до стовпа!

Сохронъ. Чого вьязать? Я й самъ стану!

Вси (*глухо, а дали гризнище*). За що отамана? Не попустымо на знущання... жаловатысь треба паши... Що се за гвалтъ?!

Назорця. (*Бъе въ долони*). Гей, спагы! (*Наблыжается турецька пихота и стае зъ рушныцями бикъ невольныкивъ*).

Андрій. Ты не лякай насъ спагамы! Хочъ и заковани въ зализо, а свого отамана не дамо!

Иванъ. Перебый усихъ,—тоди й знущайся!

Назорця. Быйте ёго, пурбегою-батогомъ! (*Вартови замьялысь*).

Степанъ (*трохы пидводытся*). Мене катуй, прыйму за мылость... Скороты мои мукы... а ёго не чипай!.. Не чипай! (*Плазуе*).

Назорця. Що жъ вы мнетесъ? Лупить!!

Невольныкы (*гризно*). Не рушъ!!

Сохронъ. На Бога, братци! Вы наклычете соби лыхо... Хай на мени зирве злисть!

Степанъ (*трясе рукамы въ кайданахъ*). Не займай отамана, мого брата, якый черезъ мене... черезъ Каина терпыть мукы!.. Ой!!

Назорця. Оточить ихъ, спагы! (*Військo обступа, але невольныкы просуваются*). Ни зъ мисця! Переколю всихъ!

Вси. Колы, а отамана не дамо!

Назорця. Побачымо жъ! Я самъ ёго покарбижу! (*Ударывъ зъ ненацька палыцею по спыни Сохрона, ажъ кровъ выступыла*).

Степанъ. Ай! Шайтанъ клятый!! (*Бъе его наручнямы по голови, такъ що й чалма спала; але якъ слабый, той самъ упавъ*).

Назорця (*бье его кинджаломъ*). Собака! Песъ! Здыхай!!

Степанъ. Спасыби! (*Хапается рукою за груды*).

Вси. Убывъ? Такъ смерть ёму! (*Кыдаются*).

Сохронъ. Не рушъ! (*Пиднима руку*). Отамана наказъ, до послушенства!!

Вси (*одступають*). Наши головы!

Назорця (*мовъ не пры соби, хытается и хапается за голову, ёго одводять назадъ, прымочують голову водою и надиваютъ чалму; пораются коло ёго, покы йде сцена матери зъ сыномъ*).

Сохронъ (*пиддержуе Степана, якый ще жывый*). (*Спагы стоять непевно, неришуче*).

Выхидъ 4.

Ти-жъ и Ганна.

Ганна (*ввиходыть въ цыганськiй одежи*). Гей, паны вирни, владыкы, и воякы велыки, и вы, невольныкы калики! Всимъ до послугы: чы погадаты, чы що вылываты, чы кому у слидъ нашептаты... маю и прыворотъ, и одворотъ, и заворотъ... и на кохання, и на ненáвисть... и на щастя, и на погыбель... и кровъ напускаты, и кровъ замовляты.

Степанъ (*корчучысь*). Ой... голосъ... голосъ! поклычте.. остатнье сконання... Боже! Просты!.. Прыймы!

Сохронъ. Поклычте... хочъ кровъ бы спыныты.

Дехто. Цыганко, сюды!.. Замовъ кровъ!.. (*Цыганка пидходыть*).

Иванъ. Тутъ сатана отой корпыснувъ запоясныкомъ нашого козака бранця.

Цыганка (*тривожно озыраючысь*). Де? кого?!

Иванъ. А онъ!

Цыганка (*хутко оглянувшы, похытнулась, та май-же упала й прыпала до Степана*). Сыну мiй!! Порадо моя!!

Степанъ. Ой, мамо!! (*Занимилы*),

Сохронъ. Пани-матка?! (*Ловыть и цилуе iи руку*).

Андрiй и Иванъ. Тыхше! Щобъ не догадалысь!

Охримъ. Обступить! (*Де-яки обступають*).

Ганна (*рыдаючы здержано*). Згоривъ... Убылы!.. О, помсты жъ, помсты! Дытыно моя, сыне едыный!!

Степанъ. Ихъ рятуйте... а мени смерть—вызволення видъ мукъ... Простить мене... мамо! Просты, брате, и вы, мои товарыши!.. Я грихъ тяжкый ношу... покутувавъ ёго... Я... я продавъ сестру мою Марусю.

Ганна (*сплеснувшы рукамы*). Ты?!.. Ты?!.. (*Одхытнулась*).

Сохронъ. Мою заручену?.. Побратымъ? Другъ!!

Вси блыжчи. Ой, грихъ! Але велыке й каяття!

Степанъ. Простить! Я Каинъ... душогубець... зрадныкъ и вироломъ! Але я знесылывсь одъ мукы... Поневирявсь, смерты скризь шукавъ... Не проклынайте мене, мамо, брате, друзи!! Ой, тяжко зъ проклёнамы души йти до Бога! Уже руша... Простить, простить!! (*Лама рукы въ конвульсіяхъ*).

Ганна (*хмуро*). Богъ мылосердный... мылосерднишый за насъ...

Сохронъ. Такъ! Вороття нема... Просты ёму Боже!

Блыжчи. Пробачъ ёму, Господы, якъ пробачылы мы...

Степанъ (*безъ памяты*). Браття, друзи... не помынайте лыхомъ... Всихъ... Боже!.. Мамо! благословить: передъ судъ иду...

Ганна (*зрушено*). Сыну мій! (*Кладе рукы*). Иды спокійно: молытыметься маты за твою гришну душу.

Сохронъ. Брате мій! Нещасный брате!!

Степанъ (*простяга рукы*). Де вы? де? Не бачу!! (*Умира*).

Выхидъ 5 й.

Ти-жъ и Леся.

Леся (*прыбига и пизнавшы Степана, кыдается зъ рыданнямъ*). Степане!!.. Ой!! (*Зомлила*). (*Блызши коло трупа сталы навколишкы*).

Назорця (*оправывшысь*). Що тамъ за бунтъ? Въ тюрьму всихъ! До росправы!! (*Спагы обступають, женуть невольныкивъ,*

яки пидбирають Степана). (*Цыганка зъ зомлилою Лесею иде за ными*).

(*Кинъ минуту, чы дви порожній*).

Чуты за ономъ: Куды? Назадъ!!

Цыганкы голосъ. Пустить, молю Аллахомъ! То сынъ мій!

Голосы. Жены іи! Геть, джавро!! До шайтана!

Цыганкы голосъ. На Бога! На Пророка!!

Голосы. Бый іи джутомъ!!

Выхидъ 6-й

Ганна сама.

Ганна (*выбига*). Мене... мене... до сына не пустылы?..
Знущаючысь видъ трупа одтяглы...
О, будьте жъ вы перекляти до смерти,
Щобъ цилый викъ ни вы, ни весь вашъ ридъ,
Не зналы й дня щаслывого, годыны...
Щобъ мукы вси, яки у пекли суть,
Невидступно, вамъ душу мордувалы...
Щобъ серце вамъ все струпомъ понялось,
Щобъ въ печинкахъ засилы чорни жабы,
Щобъ робакы точылы скризь нутро,
Щобъ въ мозоку звелы гниздо гадюкы,
Щобъ очи вамъ повыйидала тля!..
О, гаспыды, ненатли бузовиры! (*Пауза*).
Однымъ одна на свити сырота!
Все дороге, все ридне пидъ землею—
И мужъ, и сынъ... дочка жъ? Лыбонь десь тутъ;
Але хто зна?.. Замучена, въ неволи...
Видирвана на викы... все одно,
Що й у земли... и зновъ одна на свити!
Безъ сподивань и безъ меты... Ни, годи!
Гартоване це серце не въ слёзахъ,
Зостанется ёму утиха—помста...

И помстою я душу вдовольню!
Але идуть... Ховайся въ серци горе,
Не проступай, для глуму, на выду!! (*Одступа за каминъ*).

Выходъ 7-й.

Ти-жъ и Маруся зъ Ахметомъ.

Маруся. Де жъ, де жъ воны?.. И беригъ ось... Немае
Никого тутъ...
Ахметъ. Але на мисци симъ
Що-дня воны працюють, господыне;
Онъ и кіоскъ новый розпочалы...
Маруся. Нема жъ, нема.
Ахметъ. Може, погналы дали?..
Ганна (*ажъ кынулась*). Ой, хто жъ то, хто? Пройнявъ мене ножемъ...
Той голосокъ... Не добачають очи...
Маруся. Я чула гвалтъ и лементъ...
Ахметъ. Звыкла ричъ,
Може кого каралы...
Маруся (*сплескуе рукамы*). О, злочыньство!
Яка страшна омана!.. Значыть, тутъ
Така жъ, якъ скризь, дратива мого люду?!
Невольныцтво? О, зрада!.. Спала я
На подушкàхъ шовковыхъ—и не знала,
Що вся пыхà и роскишъ ся райськá
Купована за кровъ и слёзы бранцивъ...
А може ще мижъ ными... Боже мій!..
Учувсь мени знаёмый, ридный голосъ...
Веды, веды!..
Ахметъ (*мнется*). Але...
Маруся. Ты чувъ наказъ?
Законъ для васъ—моя владычня воля!..
Ганна (*на бикъ*). Вона, вона! Моя ясна зоря!
Мое дытя! Хытаюся зъ несылы! (*Занимила*).

Ахметъ. Я ій корюсь, пашынье... Але й самъ
Не видаю, куды и якъ...

Маруся. Хочъ въ пекло!

Ахметъ. Невильно тутъ... Забороня коранъ...
По мисту скризь...

Маруся (*упарто*). Веды, я потрибую!

Ахметъ. Трывайте! Вмыть! (*Забачывшы Ганну*).
Онъ хтось стоить въ кутку.
Цыганка? Такъ, іи тра роспытаты,
Куды зайшлы...

Маруся. Поклычъ іи сюды.

Ахметъ. Аговъ! Сюды!.. Гей, цыганыхо, чуешъ?
Тебе зове владычыця!..

Ганна (*оправывшысь*). Ту-жъ мыть.

Маруся (*до себе*). Зъ Украины цыганка (*Ахмету*) Видступыся!
Іи сама я хочу роспытать. (*Ахметъ кланяется и видходыть*).

Выхидъ 8-й.

Маруся и Ганна.

Маруся. Ты чула? Такъ? Стоявъ тутъ гвалтъ и лементъ...
Зъ якыхъ прычынъ?

Ганна (*стае въ тини и змина голосъ*). Невольныкивъ навчавъ
Дозорця...

Маруся. Якъ? Завищо? Що вчынылы?

Ганна. Прыйшла ёму охота, ну и квитъ!
Тай слидъ, щобъ имъ не выгоилысь спыны...

Маруся. Напастныкы, каты!!

Ганна. Чы жъ жаль тоби,
Ясніийшая пашывье, того быдла?

Маруся. Не лай мени нещасный людъ!

Ганна. Пробачъ,
То жъ псы лыхи...

Маруся. Цыганко, дякуй Бога,
Що ты лыбонь зъ Украины...—не то бъ,
Звелила я тебе провчыты добре,
За речи си...

Ганна. Величнійша ханы́мъ
Яснійшого владыкы на схидъ-сонци,
А що тоби гяурськый дыкый край,—
Хиба ёго ты знаешъ?

Маруся (*нервово*). Знаю, знаю!!

Ганна. Мечетій тамъ нема, а все церквы
Зъ хрещатымы дзвиныцямы... и вира
Не права тамъ, а хрыстіянська...

Маруся (*збентежено, на бикъ*). Ой,
Що діется зи мною? Голосъ... голосъ...
(*до Цыганкы*). Хто ты есы?

Ганна. Цыганка изъ степивъ,
Знадъ Роси...

Маруся. Якъ? Знадъ Роси?.. Боже мылый!

Ганна. Хиба и Рось ты знаешъ?

Маруся. Знаю все.
И Богуславъ...

Ганна (*зблыжается*). Такъ, знаты, пани звидтиль?..
И не забула й доси тыхъ краивъ,
За роскишшю, за бучною пыхою,
За втихамы, за чадомъ...

Маруся. Зроду ни!
Хиба здолá хто вытруиты зъ сердця
Пытымый ридъ, красу родынныхъ мистъ.
Але хто ты... на Бога? Голосъ... голосъ!
Изъ малку винъ у серденьку бренивъ,
Пидъ згукы ти воно жыло и былось...

Цыганка (*зрушено*). Цыганка...

Маруся. (*хутко пидходыть*). Ни! Не крыйся, я молю,
Не одвертай прыхыльного облыччя,
Не мучъ мене!.. Я вся тремчу... Поглянь,

Моя душа щось прочува...

Ганна (*не выдержала, кыдается и обнима*). Марусе!

Маруся. Ой! Мамо!! (*Прыпада зъ рыданнемъ*) (*Занимилы*).

Ганна (*по паузи*). Такъ!.. Дытыно!.. Моя кровъ!.. (*Обнима*).

Риднесенька, едына!..

Маруся. Я стеряюсь... (*Истерычно цилуе и рукы и выдъ, рыдаючы*).

Матусенько... Лебидочко моя!
Ой, якъ рече... якъ солодко... якъ любо!..
Це, певне, сонъ...

Ганна. Ни, це не сонъ,—жыва я!
Пивъ-свита я сходыла, щобъ дизнать,
Де донечка, моя остання втиха,—
Щобъ вышукать и вызволыть зъ рабынь...
Видъ тугы я звелась на тинь, Марусе,
Видъ катувань постарила вкинець...

Маруся. Ой, ненечко!.. Моя порадо тыха!!.
Якъ по тоби нудылась страшно я...
Якъ радисно... яке тепера щастя!
Не знаю пакъ, що й діется мени...
И плачу я й сміюся... Маты Божа!
Ты зглянулась...

Ганна (*пыльно*). Чы Панни пресвятій
Ты молишся, чы може вже Пророку?

Маруся (*змишалась*). Невильно тутъ... Що жъ проты сылы?

Ганна (*строго*). Ни!
Зламать законъ, занехтуваты виру
Мене бъ нихто прымусыть не здолавъ!

Маруся. Душею я все та-жъ...

Ганна. Такъ утечимо
Въ Украину!

Маруся. Мамусю... а диткы?
Жоною я коханого...

Ганна. Ой, доню,
Хочъ пошануй... Мени бъ раднише чуть,
Що згынула видъ гвалту, а выходыть—
Ты серденько по воли продала,
И зрадыла и Бога, и дружыну...

Маруся (*кыдается въ ногы*). Матусенько, простить
мени, простить!
Погляньтеся ласкавымъ окомъ. . дони
Не прокленить! (*Цилуе ногы*) Я вынна...
Серце вразъ...

Ганна. И ворога Украйны покохала?

Маруся. Не ворогъ винъ!.. Винъ прысягавсь мени,
До вику край мій ридный бороныты,
Не брать въ ясыръ... въ гаремъ...

Ганна. Ха, ха, ха, ха!!
Гараздъ поклявсь... и поняла ты виры?

Маруся. Не крывдывъ винъ у слови...

Ганна. Якъ?! Та ты
Чы зъ чаду, чы слипуешъ нарочыто?
Не крывдывъ? Ха!! Та винъ дурывъ тебе,
Якъ те давча...

Маруся (*сплеснула рукамы*). Ой, мамо, мамо! Що вы?!

Ганна. Такъ, все дурывъ!... И розумъ твій спьянывъ
Роскошамы: невольникивъ тутъ сыла—
Край палацу сыдять воны въ тюрьми.

Маруся (*лама рукы*). Не знала я... не видала... клянуся...
Ой, лелечко!.. Ой, ненечко... повирь!
Яке страшне пробудження видъ сону...
Яка сама соби стаю гыдка!
Спьянила я, чы... одибравъ Богъ розумъ...
Чы кара то за втиху гришну... Ой,
Омана зла, нечуте ошукання!
Яка жъ теперъ безщасна я!! Ой, чомъ
Мене малу ты до схидъ-сонця, мамо,
Не кынула въ колодязь? Чомъ мене

Ты въ пелюшкахъ не задавыла зразу?
На-вищо ты пустыла на сей свитъ
Свое дытя,—на горе, на грызоту,
На поквилъ злый... на слёзы нависни?!
Ой, лелечко!... Не можу-жъ я прызнаты,
Щобъ мій Гирей... щобъ мисяць мій ясный....
Мене дурывъ...

Ганна. Пиды въ тюрьму,—тамъ гыне
Видъ мукъ тяжкыхъ хрещеный руськый людъ,
Краса бойцивъ, лыцарство наше славне,
Що виру й край бороныть видъ сипакъ,
Що и сюды забылося зъ завзяття,
Щобъ вызволыть тебе видъ бусурманъ,
Вернуть у ридъ Марусю Богуславку...

Маруся (*не пры соби*). Ой лелечко, (*хытается*) зза мене стилькы мукъ?
Я буду тамъ... я попрошу Гирея—
Винъ выпустыть... То все надужыва
Безъ видома... ёго дозиръ...

Ганна. Ты певна?
Боронишъ все ты ырода пашу?!
Такъ похопысь... бо хоче винъ сёгодня,
Якъ бунтаря, Сохрона покарать,
На люту смерть оддать твою дружыну...

Маруся. Сохронъ мій тутъ?! Дай руку, бо впаду...
Туманъ въ очахъ... зомлило серце въ грудихъ...
Не виддыхну... я вся мовъ на ножахъ...
Сохронъ мій тутъ?..

Ганна (*пиддержуе*). За всихъ прыймае мукы.
А мій Степанъ, твій ридный братъ, умеръ...
На мисци симъ... сёгодня... пидъ кынджаломъ
Довирного твого паши...

Маруся (*несамовыто*). Рятуй!
Рятуй мене одъ пекла, мылый Боже!
Я проклята.... я гришныця тяжка...

Нема мени мижъ людомъ риднымъ мисця...
Викы мынуть—мене клястыме людъ,
Кисткамъ моимъ не буде супокою!
Зъ-за ласощивъ я виру продала,
Зъ-за любощивъ забула край свій любый,
Зъ-за тыхъ роскошъ потурчылась на викъ,
Учадила... и пьяна не змогла я
Обороныть ни брата, ни орливъ...
И братъ умеръ... а той, зъ кымъ обручылась,
Вже у кативъ. О мамо, мамо, вбый (*дае кинджалъ*)
Свою дочку зрадлыву!.. Ты у серце,
Щобъ на ножи все кривью запеклось!...
Геть, причъ усе!! (*Зрыва и кыда оздобы*).
Запроданкы оздобы,
Добути вы за ридну руську кровъ...
О, якъ теперъ ненавыжу себя я,
Гыдую якъ пашею и всима
Невирамы...

Ганна. О моя доню люба!

Маруся. Клянусь тоби цымъ небомъ пресвятымъ,
Клянусь судомъ, клянусь своимъ покволомъ,
Украины покоемъ я клянусь,
И славою сынивъ іи завзятыхъ,
Клянусь отцемъ,—що вызволю усихъ.
Не допущу вже бильше до знущання:
Я вымолю слёзамы у паши...
А колы ни,—ключи у ёго вкраду,
Спьяню, прысплю... зарижу, задушу...
А воленьку братамъ моимъ добуду
И помстою за мукы заплачу!

Ганна. Дытя мое! Морозомъ бытый квите!
Прокынулась въ тоби отецька кровъ...
Ты зновъ моя... зновъ наша...

Маруся. Украина
Не прыйме вже... такои...

Ганна. Прыйме, вары!
И все простыть, якѣ я тоби прощаю...
До помсты-жъ!!

Маруся. Такъ! До помсты!!

Ганна. И въ нашъ край!!

Зависа.

ДІЯ IV.

Направо видъ зрытеливъ ганокъ роскишного будынку, зъ слупамы, шырокымъ рундукомъ, марморовымы сходами, за нымъ здіймаются шпылемъ минаретъ зъ кружганкомъ. Ливоручъ на другимъ пляни — тюрьма, муры, брама... Просто—море, затока; навдали, на другимъ боци затокы, выдко—городъ, минареты, мечети... Вечиръ, а дали ничъ.

Выхидъ 1-й.

Ганна и вартовый.

Ганна. Нема іи (*озыраетcя*). Чы вдача, чы невдача?
Душа въ мене холоне... Часъ иде,
Іи жъ нема...! (*Потимъ, глянувшы надокола и до вартового*) Гей, правовирный брате,
Куды це вси збираются?

Вартовый. Въ мечеть.

Ганна. Въ яку-жъ?

Вартов. Въ генъ ту, що мріется по тій бикъ.

Ганна. И на довго?

Варт. На цилу ничъ...

Ганна. А мы
Зозстанемось самисеньки?

Варт. На вежахъ
По одному зъ вартовыхъ...

Ганна. Двое всихъ?
Ой, лышенько!... Ясный паша звеляе,

Щобъ пробула я ничъ зъ ёго ханымъ,—
То я боюсь...

Варт. Чого? Безпешно, пани....
Черезъ ланцюгъ нихто не проплыве,
А тутъ свои...

Ганна. Та чы ёго-жъ замкнуто?

Варт. Напевно.

Ганна. Я бъ хотила позырнуть...
Ты проведешъ?

Варт. Неможна...

Ганна. Маешъ лиру...

Варт. Хай пани жде, якъ вырушать уси...

Ганна. Гараздъ, гараздъ! (*На бикъ*). Не вернешся ты звидтиль! (*Выходыть*).
Хвылыны йдуть, я жду, мовъ на ножахъ...
И слушный часъ вже блызько, тилькы й можно
Въ цю мыть звольныть невольныкивъ; іи-жъ
Нема й нема!... Може, прызналась кату
И справу тымъ зламала? Або й те,—
Що постеригъ и винъ іи замиры,
Тай забыра зъ собою... Охъ, бида!

(*Знов вызыра, загляда на рундукъ и въ двери; завважывшы, що вартовый пишовъ обходомъ кругъ вежи, надходыть крадькома до зализныхъ дверей и тыхо стука*).

Голосъ Сохрона. Хто тамъ?

Ганна. Це я, я—матиръ зъ Богуслава.

Сохронъ. Матусенько!!

Ганна. Що, кары не було?

Сохронъ. Видложено черезъ велыке свято...

Ганна. Молитеся! Чы знаете пакъ вы,
Якый у насъ сёгодня день велыкый?

Сохронъ. Де жъ знаты намъ! Мы погубылы й дни...

Ганна.. Сёгодня тамъ въ Украини велыкдень:
Хрыстосъ воскресъ!

Сохронъ. Воистыну воскресъ!
Голосы. Во-истыну!
Сохронъ. Ой, мамо дорога!
Що ты мени и всимъ намъ прыгадыла!
Слёзамы насъ умыла... Тяжкый скрутъ!
За моремъ тамъ, въ коханій Украини,
И дзвинъ гуде, и церква сяе вся,
А тутъ... муры, зализо... темна ничъ.
Ганна. Надія е у Бога... незабаромъ,
Може и васъ Всевышній воскресыть,
Якъ воскресывъ свого святого Сына...
Молитеся й чувайте! Але йдуть... (*Видходыть*).

Выхидъ 2-й.

Ти-жъ и Маруся.

Маруся. Добула ось паши мого ключи—
И видъ скарбныць, и видъ тюрьмы, й видъ брамы,
Що море це й прычалы замыка...
Въ оцій руци—добро ёго, и влада,
И супокій, и самее жыття...
Я ласкою, цилункомъ, прыгортаннямъ
Добула ихъ... и мовъ Іуда той
Передаю на згубу мого квита...
Якъ боляче! Що винъ мени вчынывъ?
Кохавъ, жаливъ, всимъ потуравъ бажаннямъ,
Зъ мене очей не зводывъ, витрецю
Не дозволявъ въ мое облыччя віять,—
И я за те ёго ще предаю...
Що-жъ скоивъ винъ? Забула (*Пауза*) А! згадала,—
Невольныкивъ почавъ держаты зновъ,
Наперекиръ моимъ бажаннямъ... правда.
А може то безъ видома ёго?

Лыбонь що ни!... Ой, тяжко зневиратысь
Тому, кому це серце виры йме;
Але про те... кровъ, ридна кровъ волае
Поквитовать неправду викову...
Такъ мусыть буть, нема другого шляху...
Невольныкы замучени на смерть,
Воны неслы зъ-за мене катуванпя—
Повынна я забуть себе для ныхъ...
Повынна я зъ грудей це серце вырвать,
Все вытруить... А дали, дали що?
Заставыты умерле знову бытысь?
На камени садыть нови квиткы?
Ой, зроду ни! Се не можлыве чудо!..

Ганна (*пидходыть*). Марусенько... чы вдача?

Маруся. Ось ключи...

Ганна (*бере*). Хвала тоби, нашъ мылосердный Боже!..
А я уже боялась и спытать,
Якъ вгледила, що ты смутна, журлыва...

Маруся. То такъ соби...

Ганна. Звычайно, скрытый страхъ...
Тривога тежъ... за блызьке, свитле щастя...
Бикъ радосты часамы плыне сумъ...
(*Маруся мовчыть*). Ты не вважай,.. А що жъ готова?

Маруся (*не зовсимъ розуміючы*). Я бъ то?

Ганна. Эге-жъ, чы все взяла? Або й то,—кынь
Здобутее тутъ гвалтомъ соромицькымъ...
А байданы й галеры де?

Маруся. Генъ-генъ
За ланцюгомъ, въ затоци... Вси ключи тамъ...

Ганна. Такъ до тюрьмы!

Маруся (*збентежено*). Тривайте, ще жъ Паша
Не выйихавъ зъ своимъ надворнымъ військомъ...
Якъ вырушать...

Ганна. Колы жъ то, ой, колы?
Тамъ нудятся...
Муэзинъ (*на минареті*). „Алейкумъ эль, Рамзане!“
Маруся. Вже муэзинъ завивъ...
2-й муэзинъ. „Ля илляга
Иля Аллахъ у Магометъ Расудъ!“
Ганна. О,
И тутъ, и тамъ...
Маруся. За мыть одну уси
Вже вырушать на той бикъ.
Ганна. Треба заразъ
Поглянуты,, де замкнуто ланцюгъ? (*Заходыть*)
Маруся. Я вся тремчу, думокъ зибрать не можу...
Щось давыть тутъ и стукотыть въ выскы:
Прощатыся... Стричатыся... Ой, скрута!
Муэзинъ. „Ля иль Аллахъ у Магомедъ Расуль!!“

Выхидъ. 3-й.

Маруся и Гирей.

(*Минареты осяюются одынъ, другый, третій; муэзины перекльікаются. Спагы въ глубыни сцены шыкуются. Выводять пышного коня Гирею. Самъ винъ выходыть зъ палацу*).

Гирей (*до війська*). До лавъ!
Офицеръ. До лавъ! (*Військо шыкуется*)
Гирей. Батавою!
Офицеръ. Батава!
Гирей. Въ Али въ мечеть ходою! Гей, рушай!!

(*Військо выруша, Гирей пидходыть до Маруси*).

Не хочешъ ты въ мечеть? Сёгодня-жъ свято...
Маруся. Не можу я покынуть... щось дитκы
Мовъ-бы слаби... чы прыстрить то, чы зубы...
Гирей. Такъ зоставайсь, ховай васъ всихъ Аллахъ!
Безъ тебе такъ мени нудлыво йихать,

Що й свято це не въ свято... Цилу ничъ
Далеко буть... безъ квиткы, безъ перлыны,
Безъ радосты, безъ втихы всихъ утихъ.

Маруся. Що жъ станется?

Гирей. За спокій я безпеченъ,—
И ящирка не прошмыгне сюды...
А все-жъ добу ты будешъ въ самотыни.

Маруся. Доба не викъ...

Гирей. Для мене—довгый викъ...

Маруся. То не гараздъ... Людына—на хвылыну:
Жыття у насъ, якъ павутына,—вмыть
Ёго порвать здолае подыхъ витру...

Гарей (*збентежено бере іи за руку*). Яку сумну розмову завела...
У мене й такъ журьба чогось на серци,—
Чы пречуття, чы за тобою нудъ?
А ты ище про смерть. Хвылыны навить
Не прожыву безъ тебе... Не здригне
Оця рука порвать жыття никчемне,
Колы бъ мене хотивъ скарать Аллахъ...

Маруся (*зрушено*). О, любый мій, часъ гоить наши раны.

Гирей. Марусе?! Ты такъ думаешъ?...

Маруся. Уси
Говорять такъ...

Гирей. Та не уси такъ чують...
Зъ тобою я душею злывсь на викъ:
Порвешъ одну—порвется й друга разомъ.

Маруся. А тамъ... на тимъ (*показуе на небо*) чы будуть вкупи зновъ?

Гирей. Аллахъ злуча коханцивъ на тимъ свити...

Маруся. Такъ насъ нихто не може розлучыть...

Гирей (*цилуе*). Нихто й нищо!

Маруся (*гирко*). Отъ тилькы прыкро й смутно,
Колы въ жытти ламаются слова

И запада йидке зневирря въ душу,—
Такъ боляче!...

Гирей (*збентежено на бикъ*). Невже вона все зна?
(*До неи чуло*). Не вильни мы, моя голубко тыха,
Въ окружнимъ зли; не переробышъ всихъ...
Не зминышъ вразъ звычаивъ, обычаивъ...
Безъ видома дозорець гне свое...

Маруся. Я певна... Такъ! Тоби я хочу вирыть
Ты щырый...

Гирей. Вирь! Языкъ мій лжи не зна,
И серце се тилькы тобою бьется.

Маруся. О любый мій, коханый, золотый!
Якъ я тебе люблю!

Гирей. Моя богыне!..

Маруся. Визьмы, молю, видъ мене клятьбу злу,
Пекельную, страшенну, невблагану,—
Що ни за що, ни для якыхъ потребъ,
Ни для якыхъ волань чы обовьязкивъ...
Що ни для слизъ, ни для проклёнивъ... Ни...
Ни для всёго святого... а тебе я
Не кыну тутъ, не зражу...

Гирей. Що ты, що?!
Не тямышся... зтурбована... въ тривози...
Ты щось таишъ?...

Маруся. Ничого не таю
Й не видаю ничого, прысяй-Богу...
Щобъ не простывъ мени грихивъ благый,
Щобъ проклята була я на тимъ свити,
Щобъ Пресвята, Пречыста...

Гирей. Схаменысь!

Маруся. Щобъ диточокъ я любыхъ...

Гирей. Годи, годи!
Тебе лыбонь збентежывъ сонъ страшный,
Чы око зле; я помолюсь Пророку,
А ты вблагай своихъ святыхъ: Господь

Для всихъ одынъ. Ну, зоставайсь щаслыва! (*Обнима*).

Маруся. Прощай, прощай! (*Кыдается нервово*).
Стій, ще на мыть одну!
Дай глянуты въ твои хороши очи...
Ясни, ясни... я вирю имъ!... Нема
Лукавства въ ныхъ...

Гирей. Найпаче проты тебе.

Маруся. Мій соколе! (*Обнима*).

Гирей. Ну, поцилуй дитокъ
И зоставайсь щаслыва! (*До конюхивъ*) Гей, Арапа!

(*Пидводють ему коня. Винъ сида и робыть рукою прощальный знакъ*).

Маруся (*знову кыдается, хапа за стремена*).
Стій, потривай! Погляну ще хоть разъ,
Щобъ на весь часъ въ души видбылысь рысы
Прекрасного та любого лыця...

Гирей. Марусенько! Та що зъ тобою, проби?
Лякаешъ ты... Чы часомъ не слаба?
Чы чуется тоби навысле лыхо?

Маруся. Ни, ни! Не те...

Гирей. Такъ заспокойсь!

Маруся. Ще разъ
Дай обниму! (*Паша цилуе*). Ну, а теперъ доволи!
Хай крые Богъ тебе видъ всякыхъ бидъ! (*Паша пойихавъ*).
Прощай навикъ, мій соколе, мій раю!
Маруси вже тоби не прыгортать,
И не почуть навикъ іи воркоты...
Охъ, занимій-же серце! Чую я,
Що вже тоби не довго трипотатысь,—
Натишылось,—ну радости й кинець:
Вона й злита до насъ тилькы на хвылю...
Охъ, а про те... якъ тутъ пече! Вогнемъ

Проймае скрывь... непереможна мука.—
А! маты онъ... Вже блызытся кинець!!

Выхидъ 4.

Маруся и Ганна.

Ганна. Прыспала я вартового и зъ гака
Зняла ланцюгъ, и винъ шубовснувъ въ море...
Теперь скоришъ, не тратьмо мы часу...
Де видъ тырьмы тутъ ключъ?

Маруся (*показуе*) Ось, ось-де винъ.
Вы одимкнить... а я мерщій зъ збройныци
Мушкеты имъ и зброю прынесу...

Ганна. Гараздъ! Хапайсь, моя едына доне,
Украинко найщырша... О, за це
Твое имья не вмре у риднимъ краи,
А буде викъ честытысь у письняхъ! (*Пишла до тюрьмы*).

Выхидъ. 5-й.

Маруся сама.

Маруся (*по паузи*). Для неи такъ, для Украины ненькы,
Охвировать повынна сердце я:
До матери любовъ йе найсвятиша,
Вси почуття схылятысь мусять ій..
Повынни.. ахъ! А часомъ сей повынъ
Такый тяжкый... видъ смерты навить тяжчый.
Симья и ридъ... отчызна, любый край,
Крещенный людъ—все кревне... але диты?
До ныхъ любовъ одъ Бога—те-жъ свята:
Якъ матери зректыся грихъ пекельный,
Такъ и дитей... О, Боже всеблагый!
Наставъ мене и выведы изъ нетривъ
На шляхъ правый... я въ немощи слаба...
Видъ мукъ тяжкыхъ зомлила серцемъ кволымъ...

Ахъ, щô чыныть? Отчызна, ридный край—
Для тебе все... Нема чого вагатысь! (*Хутко выходыть*).

Выхидъ 6-й.

Ганна, Сохронъ, Иванъ, Охримъ и друг. невольныкы. Ганна (одмыка двери въ тюрьми.)

Ганна. Хрыстосъ воскресъ! Вы вильни, мои диты,
Хапайтеся: Украина васъ жде!

Сохронъ (*выход.*). О, Господы, яка нежданна радисть!
Тебе, тебе прыславъ воскреслый Богъ!

Вси (*цилують Ганни руку*). Заступныце, рятовныце ты наша!
Хай радости воскреснуть зновъ тоби!

Андрій. Якъ насъ теперъ изъ мертвыхъ воскресыла.

Иванъ. Не стямлюсь я!

Сохронъ. Се чудо изъ чудесъ!

Ганна. Вчынила все Маруся Богуславка,
Дочка моя, а вамъ усимъ сестра:
Ключи вона украла у Гирея
Видъ кайданивъ и видъ тюрьмы... Вона,
Якъ и була йе щыра Украинка! (*Передае ключи*).

Сохронъ. Зоря моя! Мій сонця-правды свитъ!!
И воля зновъ, и неомирне щастя!
Нежданный рай!! Стеряюсь я!!

Андрій. Трывай!
Видъ втихы? Ни!

Охримъ. Маруси Богуславци
Хвала!

Иванъ. Хвала!

Вси. Хвала и слава ввикъ!

(*Невольныкы хаплыво почынають одмыкать кайданы; де-яки терпугомъ перепылюють, а де-хто каминемъ розбыва*).

Андрій (дыбытся на ногы). Чы ба яки, ажъ сыни видъ зализа!..

Иванъ. Не встою, ни! (Пробує ходыть)

Охримъ. Не зручно, бра, ходыть!

1-й запор. Мовъ не свои...

Андрій. А й справди...

2-й запор. Дыбкы, дыбкы!

Сохронъ. То звыклы такъ до кайданивъ...

Охримъ. Не дыво,

Звыкають же панны вси до наручень...

2-й запор. Чы до перстнивъ... воно такы й краса!

Иванъ. Та що й казать—велыке дило звычка!

Андрій. До голоду, напрыкладъ...

Охримъ. Чы й до лозъ!

1 запор. Тоби того ще закортыть и дома!

Охримъ. Ащо-жъ, колы за возомъ бигты звыкъ,

То побижышъ и за санкамы...

Вси (сміются, тупають ногамы). Правда!

Сохронъ. Помолымся Творцеви щыро мы,

Що зглянувся на наше бидування

И вызволывъ насъ зъ кайданивъ тяжкыхъ...

Вси (стають навколишкы, спивають, чы промовляють).

Тоби Хрысте, що вставъ жывымъ изъ гроба,

И смертію що смерть поправъ—хвала!

Учуй, благый, молытву нашу щыру

И ласкою до дому насъ керуй!! (Встають).

Выхидъ 7-й.

Ти-жъ и Маруся зъ Лесею.

(*Выносять всяку зброю*).

Маруся. Ось зброя вамъ, браты мои и друзи!

Берить іи, кому що по руци—

Одъ ворога й на ворога, ветъ за ветъ!

Всі. Хвала тоби и слава, сестро люба! (*Кыдаются и розбырають зброю*).

Леся. Усихъ локшить... гадюкъ и гадєнятъ!
Все мисто вамъ до плюндрованння!!

Ганна. Лесю!
Красо моя безщасна! (*Обнима*).

Леся. Мамо, я
Для помсты-но зосталась жыть на свити!
(*Ганна обнима Лесю и потиша*).

(*Невольныкы розбирають зброю, пробують, чы зручна.*)

Маруся (*стоить осторонь и не пидійма очей, мовъ прысуджена смерти*).

Сохронъ (*пидходыть до неи неришуче*).
Марусенько! мое подружжя любе,
Мій тыхий рай... невже не пизнаешъ?

Маруся (*злякано*). Сохронъ мій?! Ай!!

Сохронъ. Бачъ, якъ зминыло горе...
Калико ю ставъ, старцемъ.

Маруся (*сплеснула рукамы*). Боже мій!

(*Ганна щось тыхо говорыть Лесі; та бижыть до минаретивъ, вытяга зъ схову килька факеливъ, передае Ганни и де-кому; запалюе свій, збига на минаретъ и маха нымъ, радисно показуе, що запорожци вже тутъ. Дали збига и зъ юрбою кыдается въ палацъ, а Ганна въ тюрьму*).

Сохронъ. Пизнать мене неможна, але серце
У мене те жъ, якъ и було колысь,
Та жъ и душа незминна, незрадлыва...
Тебе, зорю, кохаю тилькы бильшъ,—
Розлукою кохання наболило...

Маруся (*до себе*). Не стямлюсь я... холоне въ жылахъ кровъ
И на вустахъ ниміе слово...

Сохронъ (*пидходыть*). Рыбко!
Ты вся тремтышъ, немовъ моровыть страхъ...
Зи мною ты не прывиталась навить?..

Маруся. Негаданне... спиткання... подывъ... жаль...
Все врушыло...

Сохронъ. И тильки подывъ?!

Маруся. Друже,
Я рада страхъ, що ты жывый зоставсь,
На славоньку... Украйни бидний щастя...

(*Черезъ кинъ прокрадается килька козакивъ то сюды, то туды, зъ факеламы, ножамы, а дали стае тыхо, и Маруся зъ Сохрономъ сами*).

Сохронъ. Украйни!

Маруся. Украйни и мени...
Бо я тебе, якъ лыцаря, якъ брата...
Я рада (*простяга рукы*)

Сохронъ (*бере ихъ*). Охъ, не радуются такъ...
Намъ Богъ веливъ и инакъ прывитатысь:
Стоялы мы на рушныку святимъ,
Предъ Господомъ въ коханни прысягалысь...
И злучени святымъ кильцемъ навикъ...
Ось перстинь той, завьязаный въ сорочку,—
Якъ святощи ёго ховаю я,
Зъ клейнодомъ цымъ до смерти не розстанусь...
А де жъ то твій?

Маруся. Пограбылы мое...
Це все чуже... якъ у рабыни...

Сохронъ (*рванувъ себе за чупрыну*). Доле,
Яка жъ ты зла! У пекли бувъ мій рай...
Але душа твоя зосталась вильна,—
Скаличыты нихто іи не змигъ?..
И серденько все жъ наше, ридне...

Маруся. Друже!
Душа все та жъ, а серце—мертвый струпъ:
Видъ мукъ страшныхъ зотлила я...

Сохронъ. Голубко!
Мыне бида—и ожывешъ...
Маруся. Ой, ни!
Не ожывать вже мертвому до суду...
Сохроне мій, не та вже я, не та!
Убыта вже Маруся Богуславка,
А це стоить потвора...
Сохронъ. Не вражай!
Для мене ты та жъ сама, якъ и перше,
Ще бильшъ лыбопь тебе кохаю я,
Моя красо, мій квите!
Маруся (*лама рукы*). Боже мылый!
Поглянь, пожальсь!! Для чого, брате мій,
Не выкынувъ ты зъ серця тіи бранкы,
Що згынула въ Турещыни? На що
Ты въ намьяти державъ мене ажъ доси?
Часъ гоить же вси вразы и стыра
Вси спогады, вси почування наши...
Сохронъ. Марусенько!!
Маруся. Охъ клята, клята я!
Не можу вже я серцемъ видизватысь—
Нема ёго!.. Забудь мене, забудь!!
Не можу я твоею, друже, буты...
Не можу, вирь... не стою я тебе...
Ганеба брать таку соби въ подружжя:
Я у паши рабынею була,
Коханкою...
Сохронъ. О, ыродъ! Звирь несытый!!
Нетреба, цыть!.. То бувъ нелюдськый гвалтъ...
Про ёго я не хочу й знаты: кривью
Ворожою я змыю ту ганьбу...
Але тебе... ты неповынна въ тому...
Такая жъ ты, якъ и була...
Маруся. Ой ни!
Я видъ паши двохъ дитокъ маю...

Сохронъ. Пекло!
Ай, якъ пече! Пьять литъ скорботъ страшныхъ
И катувань немылосердныхъ, лютыхъ—
И все те знисъ... Для чого, Боже мій?—
Щобъ скоштувать ище такои мукы,
Якои, вирь, и въ пекли не бува!!

Маруся. Покынь мене, забудь и залышы...

Сохронъ. Що Богъ зъеднавъ, того не розъеднаты...

Маруся. Ой, горенько! На-що тоби така?
Визьмы другу, хорошу, чесну дивку,—
Въ Украини багато е квитокъ,
И кожна зъ ныхъ вважатыме за щастя...

Сохронъ. Не треба ихъ! Це серце нависнѐ
Не минытся; кого вже покохало,
То й до труны кохатыме... Хочъ бый,
Хочъ рвы ёго на шмаття, хочъ зализомъ
Проймы наскрізь, хочъ вугиллямъ печы,—
До другои воно не затрипоче...
Не зминытся, якъ гадына...

Маруся (*гирко*) Якъ я?!
За те, що я дитей своихъ кохаю,
Що въ пелюшкахъ не задавыла ихъ?!

Сохронъ. Пробачъ мени, просты за прыкре слово:
У печинкахъ то запеклася кровъ
И мукою страшенною озвалась...
Пробачъ, погляньсь... покынь отыхъ щенятъ,—
То гвалту слидъ... Що жъ проты сылы вдієшъ?
Ты горлыця, яка була й колысь,
Ты якъ крышталь и чыста, и прозора,
За першый снигъ билиша серцемъ ты...
Клянусь тоби, я розмечу сей мозокъ,
Колы винъ що, хочъ пдтай, спогада.
Шисть здйшлыхъ литъ мынулы геть безъ слиду,—
Ихъ не було... ихъ зъ памьяты зитру...
Учора мы зъ тобою обручылысь...

Учора, вирь... Малжонка ты моя!..
Покынь... турчатъ, и все мынуле згыне!..

Маруся. Дитей своихъ? Свою бъ то душу й кровъ?
Та швыдче я зъ грудей це серце вырву!
Ты правышъ те, на що не пиде й звирь.
Не видаешъ, що матиръ чуе въ дитяхъ?
Въ ныхъ все жыття, вси думы, вси гадкы,
Вси матерни найкращи порывання,
Утихы вси, и радощи земни,
И па́мьятка пере́бутого щастя...

Сохронъ (*хапа іи за руку*).
Такъ щастя? А?! Зазнала, значыть, втихъ?
Учадила видъ пестощивъ... зъ коханцемъ?
Мене жъ... ха, ха!.. забула? Продала
И честь свою, и гоноръ мій, и Бога,
И вси клятьбы́ невири зъ-за роскошъ?
Змія! Убыть!! (*Добува запоясныка*).

Маруся (*розпахуе одижъ*). Проймы це серце на̀скризь,
Нехай воно заклякне у крови!
О, буде то мени рятунокъ въ скрути!

Сохронъ (*кыда нижъ*). Кинець всёму! Тутъ пустка! (*На перса*).

Маруся (*по паузи*). О, просты!
Богъ попустывъ, чы сатана пиднадывъ...
Я не змогла перебороть жагы,
Яка мене зненацька охопыла:
Чы чарамы це серце понялось,
Чы хто наддавъ мени отруты-зилля,
Чы нашептавъ...—не видаю,... а вмыть
Вогнемъ занявсь мій мозокъ... кровъ збуяла!
Любыла першъ, якъ друга, я тебе,
Якъ лыцаря, якъ брата... а кохання
Ище тоди не видала цилкомъ;
Але воно озвалось самовладно
И всю мене спалыло на нивѐць!

Сохронъ. И ты забуть невиры не здолаешъ?
(*важко дыше*). Дитей... турчатъ покынуть...
Маруся (*сплеснула рукамы*). Боже, ни!
Надъ сылу то, надъ сылу!
Сохронъ. А! такъ годи жъ!
(*Добуває шаблю*). Поквитовать зъ нымъ горе!
Маруся (*кынувшысь уздрила, що палацъ горыть; хапа Сохрона за руку*).
Ай! Рятуй!!
Горыть палацъ... изъ виконъ дымъ и пломины!
Ой, диты тамъ! (*Бижыть*]. На Бога! Проби!

(*Кыдается въ двери; але воны затасовани и горять; пробує марно влизты въ викно*).

Сохронъ (*спочатку остовпивъ, але заразъ до Маруси*).
Стій!
Погынешъ вразъ!.. Я вырятую диты...
Ище тоби въ останнье послужу
Своимъ жыттямъ огыдлымъ!

Выхидъ 8-й.

Ти-жъ и Ганна.

Ганна (*перебига кинъ*). Помсты! помсты!
Сохронъ. Гей матинко! Марусю стережить,
(*держучы Марусю*). Не выпустить, бо кынется у пломинь...
А я мерщій... (*Вскакує въ двери, що горять*).
Маруся (*пручается*). Пустить!.. Ой, нене... тамъ
Въ вогни... въ дыму... мои кохани диты...
Мое жыття!.. Крычать... мене зовуть...
Ганна (*держыть*). И ты для ныхъ... для тыхъ байстрятъ на згубу
Дружыну ще послала? О звиря!
Зламала все, збрудныла честь жиночу...
И зрадыла дружыну, виру, край...

Маруся. Ой, леле, ни! Украину люблю я...
Але-жъ и ихъ, моихъ дитокъ, люблю...
Не можу ихъ покынуть! Мамо, мамо!
Ты жъ видаешъ любовъ оту й сама!

Ганна. Покынь ихъ тутъ...

Маруся (*рвется*). Пустить! Пустить на Бога!

Ганна. Не вырвешся!.. (*Удержуе*).

Вихидъ 9-й.

Ти жъ и Леся зъ невольныкамы.

Леся (*выбига зъ факеломъ*).
До помсты, гей! Плюндруйте! Мисто ваше!

Ганна (*до ныхъ*). За соромъ, глумъ, замученый нашъ край!
Щобъ тямылысь!!

Леся. За мною, браття мыли!

(*Вси зъ гыкомъ забигають. Чуты за кономъ гвалтъ, launched лементъ; тюрьма, мечети горять. Жарке зарево обійма весь кинъ*).

Выхидъ 10-й.

Ганна, Маруся, а потимъ Сохронъ.

(*Въ палаци щось рухнуло. Полумья языкамы выбуха зъ виконъ. Почувся крыкъ*).

Маруся (*божевильно*). Пустить!.. Горять... и я до ныхъ.

Ганна (*не пуска*). Ни, ни!

Маруся (*бьется*). Пожальтеся!.. Вже кучери шовкови
Понявъ огонь... До мене рученькы
Тамъ въ ленменти нещасни простягають.
(*Рвется*). Ой, проби, ой!! (*Гризно*). Не маты вы!!! (*Вырывается*).

Ганна (*зрушена, кыдается*). Ни, стій,
Мое дытя! Я, я пиду... я—маты!!

Сохронъ (*показуется зъ дитьмы на рукахъ у дверихъ*).
Жыви диткы!... Визьмы ихъ! (*Ставыть*).

Маруся (*кыдается навколишкы, обнима ногы Сохрону. Диты тремтять*). Боже мій! (*Прыпада до дитей. Лементъ и гвалтъ мовъ виддаляются*).
Ты... ты? Мени? Що зрадыла?... Не можу...
Розирвется вже серце... О, мои
Любесеньки, мылесеньки... хороши!
(*Обнима, прыгорта*).

Ганна. Невже й теперъ за вчынокъ сей святый
Не кынешъ ихъ?

Маруся. Ой, леле! Мамо! Друже!
Воны зрослысь зъ цымъ серцемъ нависнымъ...
Для матери вси диты ривни, люби...
Я грихъ тяжкый терпила за-для ныхъ,
Пидъ серцемъ ихъ носыла... Муку, сорамъ...
Все вынесла—за усмихъ дорогый:
Въ ихъ очихъ—рай, въ ихъ голоскахъ—музыка,
Въ орлятахъ цыхъ—вси радощи мои!
О зирочкы, о мои ясни квиты,
Якъ васъ люблю!

Ганна. Такъ ты лышышся тутъ?
И лыцаря—дружыну зацураешъ,
Та ще яку дружыну?!

Маруся. Боже, ни!
Мое жыття... и серце недобыте...
И вся душа ёго—за ныхъ, за ныхъ!

Сохронъ. Марусенько! Чы-жъ переможешъ мукы?
Безвынна ты... То доля нависна
Оповыла въ таке насъ горе...

Маруся (*простяга руку*). Друже!

Сохронъ (*палко*). Не можу я и вирыть у той рай...
Охъ, а колы-бъ...—усе, усе забуду...
Ихъ полюблю... себе переборю...
(*Ришуче*). Беры дитей!

Маруся (*кыдается*). Мій любый!

Ганна (*зупыня строго*). Зглянься, доню!
Навищо намъ сей пóквилъ, глумъ и грихъ?
Невже ёму (*на Сохрона*) виддачышъ такъ жорстоко?
Кохае-жъ винъ... Образа въ ныхъ...

Маруся (*стерянно*). Охъ, такъ!
А я... Ой, що-жъ?... Я все зроблю... я мушу...

Ганна. Та й имъ, диткáмъ, тутъ краще у паши.

Сохронъ. Хай визьме ихъ... Хай украинци будуть
И ворогы напастныкамъ!

Маруся (*борется зъ собою*). Ой, ни!...
Не слидъ... воны... Охъ, маты правду кажуть...
Такъ я сама... Ой, диточкы мои! (*Обнима*)
Прощайте! Я... (*прыпада*) васъ бильше не побачу! (*Прыгорта*).
(*Встае, хытается*) Теперъ—твоя! (*Млiючы трохы не впала*).

Сохронъ (*пидхоплюе, держыть*). Моя! Моя! Моя!!

Выхидъ 11.

Невольныкы.

Андрій. Все скризь пала, добро вже на „байдарахъ".

Сохронъ. На байдакы! Додому!!

Леся. Слава всимъ!

(*Вси вырушають до моря*).

Ганна (*Маруси*). Ну, поспишай!

Сохронъ. Вона слаба, зомлила...
Я на рукахъ... (*Хоче взять*)

Маруся (*прочумалась, жахнулась*). Ой, проби! Дайте разъ...
Хочъ разъ одынъ... останній... прыголубыть
Моихъ дитокъ! (*Кыдается до ныхъ*)
Мои, мои! (*Прыгорта*)

Диты (*ввесь часъ тремтилы переляканu*). Ой, мамо!
Не кыдай насъ!

Маруся (*не пры соби*). Хай васъ Господь...

Ганна (*одрыва iи видъ дитей*). Хапайсь!

Голосъ Охрима. Отамане, хутчiй, бо чуты голосъ:
Гирей наша лыбонь то поспиша!

Маруся. Ой, диты... винъ! (*Iи майже тягнуть*)

Сохронъ (*одгукуе*). Рушайте вси! Я заразъ!
Я понесу iи мерщiй!

Маруся (*вырывается*). Ни, ни!
Нема снагы... немае въ мене сылы!
Розшарпани—и серце и жыття!
Не можу дать тоби я щастя, втихы:
Тутъ диточкы... тутъ батько любый ихъ...
Тамъ маты, людъ, дружына, край коханый...
Яка-жъ мени порада, друже мiй?
Одна нудьга, одынъ проклёнъ и горе!
(*Тне себе кынджаломъ*).

Сохронъ. Марусю! (*До неи, пиддержуе*).

Ганна. Ай!

Маруся (*умыраючы*). Не проклянить мене!...
И ихъ... и ихъ!... (*Вытягуется*).

Сохронъ (*кладе iи; самъ стоить каминемъ*).
Умерла! Боже!

Ганна (*прыпада зъ рыданнямъ*). Доню!
Дытя мое! Моя нещасна кровъ!

(*Пауза. Чуты, якъ одчалюють чайкы*). *Тыхый покрыкъ*: „*На весла! Разомъ! Наляжъ!!*"

(*Полумья розжеврюе. Минареты займаются*).

Сохронъ (*падае передъ трупомъ на колина*).
Просты мене!.. Я тежъ твоимъ бувъ катомъ...
Не перемигсь... и квитоньку скосывъ...
Не проклынай! (*Зъ слёзамы*). Яка блида, хороша...
Мольба iи застыгла на выду,
А рученьки безвладни... (*Ришуче*) Мамо, мамо!

Берить дитей: душа іи у ныхъ...
А я—цей скарбъ... (*Пиднима трупъ*) (*Ганна прыгорта дитей*). О мій пидбытый квите!
Клянусь ховать твій заповитъ по викъ,
Твоихъ дитей любыть, якъ найриднишыхъ,
Украйни й йимъ—виддаты все жыття!!

(*Палацъ и тюрьма валются въ огни. Навдали розлягается гукъ гарматъ*).

Зависа хутко спада.

М. Старицкій.

Къ исторіи торговли кольцами Св. Варвары въ Кіевѣ.

Рѣдкій изъ бомогольцевъ, тысячами приходящихъ въ Кіевъ на поклоненіе мѣстнымъ святителямъ, не унесетъ на память колечка отъ мощей св. великомученицы Варвары. Такъ дѣлается теперь, такъ бывало и въ старину. Съ какихъ именно поръ возникъ этотъ обычай—нѣтъ точныхъ указаній. Одно лишь извѣстно, что съ давнихъ поръ кіевскіе мѣщане, ремесленники золотарскаго цеха, изготовляли такія колечки, съ именемъ великомученицы, и продавали ихъ мѣстнымъ торговцамъ для перепродажи богомольцамъ. Вѣроятно, этотъ мѣстный промыселъ породилъ и самый обычай, сразу понравившійся благочестивымъ паломникамъ. Такіе перстни, какъ и теперь, продавались повсюду, въ лавкахъ и на площадяхъ, и затѣмъ непремѣнно приносились въ Михайловскій монастырь для освященія при гробѣ великомученицы. Но въ концѣ 1830-хъ годовъ монастырское начальство хотѣло монополизировать эту торговлю и возбудило вопросъ о незаконности изготовленія такихъ перстней частными мастерами. Это породило небезъинтересную переписку, сущность которой мы и передаемъ въ настоящей статьѣ.

Въ сентябрѣ 1837 года въ Кіевѣ проживалъ нѣкоторое время командированный сюда по дѣламъ службы штабсъ-капитанъ черноморскаго флота Скандраковъ. Передъ отъѣздомъ онъ

посѣтилъ Лавру, пещеры и другія св. мѣста, купилъ на память, для подарковъ роднымъ и знакомымъ, 37 штукъ серебряныхъ перстней съ надписью „св. великомученицы Варвары“ и отослалъ ихъ съ унтеръ-офицеромъ въ Михайловскій монастырь для освященія, согласно обычаю, при гробѣ великомученицы. По совершеніи обряда, подошелъ о. намѣстникъ и, узнавъ, что перстни куплены въ частной, а не въ монастырской лавкѣ, арестовалъ ихъ, „какъ запрещенный для вольной продажи товаръ“, и потребовалъ указать ту лавку, гдѣ они были пріобрѣтены. Узнавъ о случившемся, офицеръ Скандраковъ заѣхалъ въ лавку купца Ивана Козловскаго, на Печерскѣ, получилъ отъ него расписку въ продажѣ перстней и отправился въ Михайловскій монастырь. Здѣсь ему пришлось объясняться съ самимъ настоятелемъ, преосвященнымъ Иннокентіемъ (Борисовымъ), епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевской митрополіи; у него же онъ засталъ и частнаго пристава. На вопросъ Скандракова—на какомъ основаніи арестованы присланные имъ въ монастырь для освященія перстни?—преосвященный отвѣтилъ: „на томъ основаніи, что оные безъ пробы и что никто изъ вольнопромышленниковъ по закону не имѣетъ права продавать таковые, кромѣ монастыря“. Напрасно Скандраковъ приводилъ соображеніе, что, какъ ему извѣстно, по закону „проба на вещахъ, имѣющихъ вѣсу менѣе золотника, не выставляется“; преосвященный объявилъ рѣшительно, что не можетъ ему возвратить колецъ, а представитъ ихъ къ гражданскому губернатору и будетъ просить его взыскать съ продавца по законамъ“.

Въ то время должность кіевскаго гражданскаго губернатора не была замѣщена и его обязанности исполнялъ вице-губернаторъ Я. И. Пенкинъ. Къ нему обратился Скандраковъ съ просьбою вывести его изъ затруднительнаго положенія, что ему-де необходимо отправляться на мѣсто службы, въ Николаевъ, а онъ не можетъ получить обратно своихъ перстней, за которые заплатилъ 47 рублей ассигнаціями. Пенкинъ успокоилъ его обѣщаніемъ, что, по разсмотрѣніи дѣла, ему будутъ высланы или самые перстни, или же взысканныя съ виновнаго въ незаконной

ихъ продажѣ деньги. Такъ и уѣхалъ Скандраковъ изъ Кіева безъ заготовленныхъ гостинцевъ.

Все это происходило въ среднихъ числахъ сентября, и лишь 27 октября преосвященный Иннокентій прислалъ вице-губернатору слѣдующее письмо:

„Ваше превосходительство, милостивый государь Яковъ Ивановичъ! Правленіе Михайловскаго монастыря донесло мнѣ, что съ нѣкотораго времени начали быть приносимы богомольцами къ гробу великомученицы Варвары кольца съ надписью отъ ея имени, продаваемыя въ нѣкоторыхъ лавкахъ кіевскихъ, вслѣдствіе чего и велѣно было мною намѣстнику Михайловскаго монастыря сдѣлать надлежащія разысканія. Между тѣмъ недавно представлено гробовому при мощахъ великомученицы іеромонаху пріѣзжимъ богомольцемъ штабсъ-капитаномъ Скандраковымъ вдругъ 37 колецъ, купленныхъ имъ въ лавкѣ купца Козловскаго, на что имѣется и расписка отъ приказчика сего купца. Въ то же время посланный отъ монастырскаго правленія іеромонахъ купилъ въ этой лавкѣ еще 5 колецъ. Доводя о семъ до свѣдѣнія вашего пр—ства и препровождая для соображенія сего дѣла удержанныя въ монастырѣ безпробныя кольца и расписку приказчика, ихъ продавшаго, я покорнѣйше прошу ваше пр—ство приказать, кому слѣдуетъ, обратить вниманіе на столь явное злоупотребленіе священными вещами, воспретивъ чрезъ полицію купцамъ оное, и виновныхъ въ нарушеніи церковной собственности предать надлежащему суду и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“.

Пенкинъ немедленно передалъ это письмо и перстни въ Кіевское губернское правленіе съ порученіемъ: „по соображеніи съ правилами о торговой промышленности и другими узаконеніями, настоящему случаю приличными, учинить немедленнно постановленіе“. Но не легко было исполнить это порученіе. Губернское правленіе перерыло весь Сводъ Законовъ и отыскало лишь слѣдующія, „приличныя настоящему случаю“, постановленія: а) т. 2-го, ст. 882, 892 и 893, по которымъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ въ городѣ всѣхъ правилъ, по торговлѣ установлен-

ныхъ, принадлежитъ городской думѣ; б) того же тома ст. 461, гласящую, что никто не можетъ дѣлать золотыхъ и серебряныхъ вещей, не бывъ цеховымъ мастеромъ и не представивъ по себѣ поручной записи въ исполненіи правилъ своего мастерства, и в) ст. 462, по которой серебро во всѣхъ издѣліяхъ должно быть 84, и золото 72 пробы, и ст. 463, обязывающую мастеровъ представлять золотыя и серебряныя издѣлія въ учрежденныя правительствомъ пробирныя палатки для наложенія пробы и проч. На основаніи всѣхъ этихъ статей губ. правленіе учинило слѣдующее постановленіе: а) Полученныя отъ преосвященнаго Иннокентія кольца препроводить въ кіевскую градскую полицію и предписать ей, при бытности члена магистрата, открыть какъ мастера оныхъ колецъ, такъ и то: имѣетъ ли онъ право производить серебряныя издѣлія и почему не исполняетъ существующихъ правилъ относительно пробированія и клейменія издѣлій, и по какому поводу купецъ Козловскій имѣетъ въ лавкѣ безпробныя кольца и производитъ ими торговлю; б) велѣть полиціи при членѣ отъ городской думы, освидѣтельствовать означенныя кольца чрезъ пробирмейстера и, буде не встрѣтится какихъ-либо препятствій, означить на нихъ пробу, а между тѣмъ думѣ и полиціи принять строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ, на счетъ торговли установленныхъ; и в) „отъ лица г. исправляющаго должность гражданскаго губернатора, отнестись къ преосвященному Иннокентію съ тѣмъ, что, какъ препровожденныя имъ кольца, ни до освященія ихъ, ни по освященіи, не бывъ жертвуемы въ пользу монастырской церкви, не могутъ почитаться собственностью оной, а составляютъ собственность частнаго лица, предъявившаго оныя кольца только для освященія, то и просить отъ его преосвященства увѣдомленія: на какомъ основаніи продажа тѣхъ колецъ почитается имъ нарушеніемъ церковной собственности? ибо губернское правленіе не имѣетъ въ виду на сей предметъ закона“.

Получивъ этотъ запросъ, епископъ Иннокентій далъ и. д. губернатора Пенкину такой отвѣтъ: „Правленіе Михайловскаго монастыря, представивъ мнѣ отобранныя имъ кольца съ надписью

великомученицы Варвары, отнюдь не имѣло въ виду обратить ихъ въ свою собственность, а представило ихъ единственно по двумъ причинамъ: 1) что на нихъ нѣтъ никакой пробы, что строго запрещено законами, и 2) что на нихъ изображено имя великомученицы Варвары, что не дозволено дѣлать никакому мастеру никакимъ закономъ. Таковыя кольца только подносятся Высочайшимъ особамъ и даются другимъ желающимъ бомогольцамъ отъ гроба великомученицы на благословеніе. Посему монастырь Михайловскій нисколько не хочетъ стѣснять торговли кольцами, а только покорнѣйше проситъ васъ запретить означать на кольцахъ имя великомученицы Варвары, что съ торговлею вовсе не соединено и противно самому понятію о предметахъ священныхъ".

Губернское правленіе, не дѣлая уже справокъ съ законами, а только, по канцелярскому обычаю того времени, безъ всякой нужды изложивъ со всѣми подробностями все дѣло, съ самаго начала, учинило дополнительное постановленіе: „Какъ, за изъясненнымъ отзывомъ епископа Иннокентія, къ отдачѣ препровожденныхъ имъ 37-ми колецъ купившему оныя штабсъ-капитану Скандракову не встрѣчается препятствія, то предписать полиціи, дабы она, по учиненіи предписаннаго освидѣтельствованія колецъ и означенія на нихъ пробы, буде затѣмъ не встрѣтится какихъ-либо особыхъ препятствій, возвратила оныя немедленно въ правленіе и о томъ, равно и объ исполненіи въ прочихъ статьяхъ даннаго ей предписанія, донесла рапортомъ; а между тѣмъ поставить въ обязанность полиціи воспретить мастерамъ и торговцамъ означать на кольцахъ имя великомученицы Варвары и имѣть за симъ неупустительное наблюденіе, о чемъ и городской думѣ подтвердить указомъ".

Минулъ мѣсяцъ, а полиція и не думала рапортовать объ исполненіи прежняго указа губ. правленія относительно злополучныхъ колецъ. Понадобился нарочитый губернаторскій нагоняй, и лишь тогда послѣдовалъ рапортъ, что указъ не исполненъ по винѣ городской думы, которая никакъ не надумается назначить депутата для производства предписаннаго слѣдствія.

Послали и ей нагоняй,—и только въ концѣ декабря въ городской полиціи, въ присутствіи гласнаго думы Николая Балабухи (который, по старой памяти, титулуется еще „ратманомъ городового магистрата") состоялась экспертиза арестованныхъ перстней, при чемъ правящій должность пробирера кіевской пробирной палатки унтершихтмейстеръ Хотецкій далъ заключеніе, что они сдѣланы изъ серебра 84 пробы и что пробировать ихъ нѣтъ законнаго основанія, такъ какъ Высочайшимъ указомъ 30 августа 1829 г. мелкія золотыя и серебряныя издѣлія, вѣсящія менѣе двухъ золотниковъ, освобождены отъ пробирнаго клейменія; точно также, въ виду прописаннаго указа, нѣтъ основанія воспрещать выдѣлку и продажу перстней только потому, что на нихъ означено имя великомученицы Варвары, „ибо и самый Михайловскій монастырь покупаетъ кольца съ этою же надписью у мѣстныхъ мастеровъ, которые продаютъ ихъ и другимъ людямъ".

Послѣ этого авторитетнаго разъясненія, со ссылкою на законъ, найболѣе „приличный" къ данному случаю, но почему-то выпущенный изъ виду губ. правленіемъ, казалось, не было уже никакой надобности привлекать къ слѣдствію купца Козловскаго и при его содѣйствіи „открывать мастера", изготовившаго злополучныя кольца; но такъ какъ губ. правленіе не отмѣнило своего прежняго постановленія, то полиція—правда, не скоро, лишь въ маѣ 1838 года—подвергла купеческаго сына Ив. Козловскаго допросу, и онъ показалъ, что, торгуя разными галантерейными, золотыми и серебряными товарами, имѣетъ въ своей лавкѣ и кольца св. Варвары и продаетъ ихъ „по обыкновенному купеческому праву" желающимъ. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1837 г. онъ продалъ неизвѣстному офицеру такихъ колецъ до сорока штукъ: тогда же и іеромонахъ Михайловскаго монастыря Серафимъ взялъ у него 5 штукъ этихъ же колецъ подъ видомъ покупки, но слѣдуемыя деньги и до сихъ поръ ему не уплачены; самыя же кольца онъ покупаетъ у мастера, кіевскаго мѣщанина Сергѣя Анастасіенка. О томъ же, что колецъ съ именемъ св. Варвары продавать не дозволяется, онъ,

Козловскій, доселѣ не зналъ и таковой продажи ему никто не запрещалъ, а „публика и теперь ежечасно такія кольца у него въ лавкѣ спрашиваетъ“.

Допрошенъ былъ и мѣщанинъ Анастасіенко, живущій на Подолѣ, и показалъ, что, занимаясь съ надлежащаго разрѣшенія выдѣлкою разныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, онъ дѣлаетъ и кольца съ именемъ св. Варвары и продаетъ желающимъ, получая металлъ, по установленному порядку, изъ пробирной палатки, гдѣ ему объяснили, что, въ виду маловначительнаго вѣса этихъ колецъ, пробу выставлять на нихъ не слѣдуетъ. О томъ же, что колецъ съ именемъ св. Варвары выдѣлывать не можно, ни отъ кого предупреждаемъ онъ не былъ, да и отъ пробирмейстера о томъ не было ему сказываемо.

Этимъ и было закончено слѣдствіе. Получивъ о немъ донесеніе, губ. правленіе постановило: дѣло счесть оконченнымъ и сдать въ архивъ, а кольца выслать начальнику штаба черноморскаго флота для врученія собственнику, штабсъ-капитану Скандракову, возложилъ на него издержки по пересылкѣ въ суммѣ 4 р. 70 коп. Когда въ январѣ слѣдующаго 1839 года кольца эти прибыли наконецъ въ Николаевъ и вручены штабсъ-капитану Скандракову, то послѣдній рѣшительно отказался платить израсходованные на ихъ пересылку 4 р. 80 коп., а въ объсненіе своего отказа подалъ своему командиру слѣдующій рапортъ: „Какъ таковыя кольца удержаны были у меня настоятелемъ Кіево-Михайловскаго монастыря несправедливо, о чемъ я ему тогда же объявлялъ, что пробы на вещахъ, менѣе золотника вѣсу имѣющихъ, не выставляются, и представивъ расписку, взятую мною отъ купца, у котораго они были куплены, просилъ лично епископа Иннокентія о возвращеніи мнѣ оныхъ колецъ потому болѣе, что они уже были освящены въ Михайловскомъ монастырѣ; но онъ мнѣ объявилъ при частномъ приставѣ, что не можетъ возвратить, по причинѣ, что оныя безъ пробы и никто не имѣетъ права продавать таковыя, кромѣ собора, а представитъ ихъ къ гражданскому губернатору для взысканія съ продавшаго мнѣ оныя кольца по законамъ; нынѣ же по слѣдствію, произ-

веденному въ кіевскомъ губ. правленіи, оказалось, что продажа таковыхъ колецъ не воспрещается и пробы на оныхъ выставлять не должно: то и пересылочныя деньги должны быть взысканы съ того, кто оказался по сему дѣлу виновнымъ. Поэтому уплаты въ пользу почты за пересылку денегъ 4 р. 80 коп. я на себя не принимаю, тѣмъ болѣе, что чрезъ задержаніе оныхъ колецъ я понесъ уже убытку болѣе 50 рублей. О чемъ пріемлю честь просить сдѣлать съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе".

Флотское начальство, видимо раздѣлявшее соображенія своего офицера, препроводило его подлинный рапортъ въ кіевское губ. правленіе, а это послѣднее, снова выписавъ въ докладѣ всѣ подробности даннаго дѣла, съ самаго начала, постановило: „поелику штабсъ-капитанъ Скандраковъ отъ платежа пересылочныхъ денегъ отказался, почитая себя къ тому необязаннымъ и отзываясь, что взысканіе оныхъ денегъ должно относиться къ тому, кто причиненъ въ отобраніи и удержаніи его собственности; отобраны же отъ него кольца въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ: посему губ. правленіе, признавая съ своей стороны таковой отзывъ Скандракова справедливымъ и пріемля во вниманіе, что не имѣется въ виду закона, воспрещающаго частнымъ лицамъ дѣлать кольца съ надписью имени св. великомученицы Варвары или другихъ святыхъ, полагаетъ: отъ имени начальника губерніи отнестись къ преосвященному Иннокентію и просить его распоряженія о взысканіи помянутыхъ 4 р. 80 коп. съ виновнаго въ неправильномъ арестованіи тѣхъ колецъ у штабсъ-капитана Скандракова, присовокупивъ къ тому свѣдѣніе, что таковыя кольца, по силѣ указа 1829 года, могутъ быть дѣлаемы и продаваемы безъ пробы, какъ имѣющія въ себѣ вѣсу менѣе золотника".

Преосвященный Иннокентій ничего не отвѣтилъ на это отношеніе, можетъ быть потому, что въ 1841 году состоялся его переводъ на епископскую каѳедру въ Харьковъ. Въ мартѣ слѣдующаго 1842 года кіевскій губернаторъ И. И. Фундуклей писалъ о томъ же преемнику Иннокентія, преосвященному Іереміи, епископу чигиринскому, отъ котораго былъ полученъ отвѣтъ:

„Такъ какъ въ дѣлахъ управляемаго мною Кіево-Михайловскаго монастыря никакого свѣдѣнія не оказалось объ арестованіи колецъ у штабсъ-капитана Скандракова, а въ монастырѣ, за перемѣною людей, никого нѣтъ теперь, кто бы хотя извѣстенъ былъ о семъ обстоятельствѣ, то требуемые вашимъ превосходительствомъ 4 р. 80 коп. ассигнаціями, составляющіе на серебро 1 р. 37 коп., по распоряженію моему взяты изъ экономическихъ монастырскихъ суммъ и вмѣстѣ съ симъ отосланы въ кіевское губ. правленіе".

Тѣмъ и закончилась пятилѣтняя переписка о кольцахъ.

Л. Орельскій.

Взглядъ на ремесло палача въ старой Малороссіи.

Старинное южнорусское законодательство (Лит. Статутъ, Магдеб. право въ разныхъ его кодексахъ) по многимъ преступленіямъ опредѣляло смертную казнь, но такіе приговоры рѣдко приводились въ исполненіе по двумъ причинамъ: во первыхъ, осужденный почти всегда могъ заключить мировую съ потерпѣвшими отъ его преступленія, вознаградивъ ихъ матеріально (напримѣръ, за убійство заплативъ „головщину" родственникамъ убитаго), и такая сдѣлка, заявленная суду, обращала въ ничто судебный приговоръ; во вторыхъ, не всегда можно было найти лицо, которое взялось бы привести смертный приговоръ въ исполненіе. Въ настоящей замѣткѣ остановимся лишь на послѣдней причинѣ, столь характерной для минувшей эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, южнорусское общество XVI—XVIII в. далеко не отличалось утонченностью нравовъ; человѣческая жизнь—и своя и чужая—цѣнилась не дорого; человѣческая кровь на войнѣ, въ поединкѣ, въ буйномъ наѣздѣ и даже въ пріятельской пирушкѣ—изобильно проливались на каждомъ шагу; а между тѣмъ всеобщее отвращеніе къ роли палача было такъ велико, что нерѣдко смертные приговоры оставались безъ исполненія за невозможностью найти исполнителя. Хотя Лит. Статутъ (арт. 5, розд. 11) предписывалъ гродскимъ урядамъ держать „мистра, т. е. ката для каранья злочинцевъ", но въ южнорусскихъ областяхъ ни при одномъ гродскомъ (а тѣмъ болѣе земскомъ) судѣ такой долж-

ности никогда не существовало, и когда этимъ судамъ приходилось произносить смертные приговоры, то они отсылали ихъ, вмѣстѣ съ осужденными, для исполненія въ мѣстный магистратъ; если же таковаго въ данномъ городѣ не существовало, то лицамъ, заинтересованнымъ въ приведеніи приговора въ исполненіе, предоставлялось самимъ искать и приглашать палача, равно и вознаградить его за работу. Но и при магистратскихъ урядахъ должность „ката" сплошь и рядомъ оказывалась вакантной, за неимѣніемъ охотниковъ занять ее, и въ случаѣ нужды въ палачѣ члены даннаго магистрата должны были ѣздить по другимъ городамъ и униженно просить о временномъ его одолженіи. Вотъ нѣсколько характерныхъ фактовъ такого рода. Въ г. Чортковѣ (въ нынѣшней Галиціи) въ 1703 г. былъ обокраденъ костелъ. Преступникъ былъ отысканъ и присужденъ къ отсѣченію рукъ и головы. Но въ городѣ не было палача. Стали искать его—и оказалось, что только въ Каменцѣ есть такой мастеръ. Но магистратъ Каменецкій опасался отпустить столь драгоцѣннаго служителя, боясь, какъ-бы чортковцы не сманили его совсѣмъ. И вотъ, послѣ долгихъ переговоровъ, пришли къ такому соглашенію: Каменецкій магистратъ согласился „занять" на время Чортковскому магистрату своего „мистра" и дать ему городской мечъ, недавно сдѣланный и уже испытанный, но съ тѣмъ условіемъ, что прибывшіе изъ Чорткова члены тамошняго магистрата—бурмистръ Александръ Злотницкій и лавникъ Антоній, впредь до возвращенія „занятаго" ими палача, останутся въ Каменцѣ въ качествѣ заложниковъ. Чортковцы по неволѣ должны были согласиться на эту сдѣлку и выдали каменчанамъ формальную въ томъ расписку [1]). Въ 1707 г. мѣщане м. Баворова (нынѣ въ Галиціи) также выдали Каменецкому магистрату расписку въ томъ, что они останутся въ Каменцѣ до возвращенія изъ Баворова палача, занятаго на время для исполненія казни у Каменецкаго магистрата [2]).

---

[1]) Архивъ Юговап. Россіи, часть V, т. 1, № LXX.

[2]) Тамъ же № LXXXIV.

Еще въ болѣе трудномъ положеніи очутился въ 1710 г. магистратъ г. Кременца, осудившій крестьянку Химу къ смертной казни за участіе въ убійствѣ ея мужа. По закону, такое тяжкое преступленіе ни въ какомъ случаѣ не могло остаться безнаказаннымъ, а между тѣмъ въ городѣ не было палача. Боясь законной отвѣтственности за промедленіе, члены магистрата ѣздили въ Броды, въ Дубно, въ Олыку и въ другіе города съ цѣлью „занять" на время палача, но оказалось, что во всемъ Волынскомъ воеводствѣ и въ пограничныхъ городахъ такого мастера нигдѣ не было. Между тѣмъ въ апрѣлѣ въ Бродахъ была ярмарка; черезъ Кременецъ проѣзжало много торговыхъ людей. Кременецкіе цехи, которымъ осужденная Хима отдана была подъ стражу впредь до исполненія приговора, плохо стерегли ее, хотя держали „въ кайданахъ", и она убѣжала съ кѣмъ-то изъ проѣзжихъ. Опасаясь отвѣтственности, магистратъ внесъ въ книги мѣстнаго гродскаго суда „манифестацію", въ которой свидѣтельствуется Богомъ, что онъ не повиненъ въ случившемся, такъ какъ съ своей стороны употребилъ всѣ усилія къ пріисканію палача, и не его вина, что таковаго нигдѣ не оказалось [1]).

А между тѣмъ ремесло палача было довольно выгоднымъ. Кромѣ опредѣленнаго жалованья, уплачиваемаго магистратомъ, „катъ" и его помощникъ „гицель" получали отъ истцовъ особое вознагражденіе не только за смертную экзекуцію, но и за производство пытокъ, которыя обыкновенно ей предшествовали. Законъ не таксировалъ этихъ доходовъ, глухо опредѣляя ихъ размѣръ „давнимъ обычаемъ", что представляло широкій просторъ требовательности палачей. Вотъ почему „вздать своего шкодника на муки" и добиться „выконанья" надъ нимъ смертной казни могли только состоятельные люди, ибо эта процедура требовала значительныхъ издержекъ. И тѣмъ не менѣе общественное презрѣніе къ профессіи палача было такъ велико, что это выгодное ремесло рѣдко прельщало кого, и „катовскія"

---

[1]) Тамъ же № ХС.

должности при магистратахъ сплошь и рядомъ оставались вакантными. Въ основѣ этого чувства отвращенія къ кровавому ремеслу, безъ сомнѣнія, коренились исконныя черты славянской мягкости и добродушія, но можно полагать, что это расовое чувство окрѣпло и приняло опредѣленныя формы выраженія не безъ вліянія этическихъ воззрѣній болѣе культурныхъ народовъ Запада. Извѣстно, что XV и XVI вѣка были эпохой насажденія въ Южной Руси Магдебургскаго права, и цеховой системы, цѣликомъ заимствованной у нѣмцевъ. А въ Германіи въ это время въ цеховой практикѣ безусловно господствовалъ вполнѣ установившійся и для всѣхъ обязательный кодексъ понятій о честной и безчестной работѣ, по которому всѣ тѣ промыслы и занятія, гдѣ приходилось, хотя бы и противъ воли, по принужденію властей, имѣть соприкосновеніе съ преступниками, съ висѣлицей или орудіями пытки, всякое участіе при постройкѣ тюремъ, обращеніе съ падалью, убійство собаки и т. под.—все это считалось источникомъ безчестія и служило препятствіемъ для вступленія въ цехи. Цеховые рѣшительно отказывались принимать участіе въ погребеніи палачей, живодеровъ или ихъ родственниковъ; и принятіе сына палача или живодера въ извѣстный цехъ подвергало всѣхъ членовъ его опалѣ и презрѣнію со стороны остальныхъ цеховъ. Эти понятія отличались такою живучестью и устойчивостью даже въ концѣ XVIII ст., что, напримѣръ, прусское правительство, ведшее въ теченіе почти цѣлаго вѣка упорную борьбу съ народными воззрѣніями относительно честнаго и позорящаго труда и въ своемъ ремесленномъ законодательствѣ проводившее принципъ, что всякое полезное занятіе и трудъ должны признаваться равно почтенными, все-таки было вынуждено сдѣлать исключеніе относительно промысловъ живодеровъ и палачей [1]). Совершенно тѣ же воззрѣнія господствовали и среди малорусскихъ мѣщанъ, а чрезъ нихъ распространились и въ другихъ классахъ. Въ 1705 году ковель-

---

[1]) Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка. Н. Молчановскаго, стр. 139—143.

скій мѣщанинъ Иванъ Горбачыкъ былъ исключенъ изъ цеха, съ воспрещеніемъ заниматься своимъ ремесломъ, лишь за то, что о немъ прошелъ въ городѣ слухъ, будто онъ убилъ собаку [2]). Исключенный энергично отрицалъ справедливость этого позорнаго слуха, да и изъ судебнаго слѣдствія видно, что его обвиняли въ случайномъ убійствѣ собаки, а никакъ не въ профессіональномъ живодерствѣ; тѣмъ не менѣе ему съ большимъ трудомъ удалось добиться возстановленія своей чести. Что же было бы съ тѣмъ мѣщаниномъ, который прельстился бы выгоднымъ ремесломъ палача? Вѣчный позоръ и отверженіе постигли бы не его одного, но и весь его родъ. Да такихъ случаевъ никогда и не бывало. Въ судебныхъ актахъ того времени палачи обыкновенно упоминаются глухо, подъ однимъ лишь нарицательнымъ именемъ: „катъ", „мистръ", „оправца"; въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ называютъ одними личными именами, но безъ фамилій и безъ обычнаго обозначенія сословія, изъ чего можно заключить, что они набирались изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, такъ называемыхъ его „подонковъ". На ту же мысль наводитъ и то обстоятельство, что, среди многихъ тысячъ просмотрѣнныхъ актовъ, намъ не приходилось еще встрѣчать такого случая, чтобы палачъ выступалъ истцомъ или отвѣтчикомъ въ гражданскомъ искѣ, дарилъ, продавалъ, завѣщалъ или самъ получалъ по завѣщанію какое-либо имущество и, вообще, чтобы онъ съ помощью закона осуществлялъ какія-либо свои гражданскія права. Такъ какъ Литовскій Статутъ формально не лишалъ палачей гражданской правоспособности, то остается предположить, что они не пользовались ею по своему происхожденію, рекрутируясь, вѣроятно, изъ среды тѣхъ бездомныхъ и безправныхъ паріевъ, которые въ Статутѣ именуются „лезными людьми" и „гультяями" и почти не пользовались покровительствомъ закона.

Отверженные по суду общественному, палачи съ позоромъ изгонялись и оттуда, куда открытъ новоизбранный входъ всѣмъ желающимъ и гдѣ съ любовью и всепрощеніемъ пріемлются

---

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть V, т. 1, № LXXVIII.

отъявленные грѣшники: разумѣемъ церковь и религіозное общеніе ея членовъ. Здѣсь происходило то же самое, что мы видѣли уже въ области гражданскихъ правоотношеній. Напрасно стали бы мы искать въ церковныхъ законоположеніяхъ какихъ-либо ограничительныхъ постановленій, касающихся палачей: ихъ не было и тогда, какъ нѣтъ и въ настоящее время; но сила общественнаго мнѣнія и народныхъ понятій о честномъ и безчестномъ ремеслѣ была такъ велика, что властно проникала и въ эту область и, вопреки писанному закону, низводила и здѣсь палачей въ разрядъ отверженныхъ. Оказывается, что не только сельское, но и городское духовенство лишало палачей молитвъ, таинствъ и даже воспрещало имъ входъ въ церковь. Вотъ характерное о томъ свидѣтельство, отысканное нами въ документѣ, доселѣ не опубликованномъ.

Въ началѣ XVIII ст. въ Полтавѣ, при смѣшанномъ судѣ, состоявшемъ изъ полковыхъ и магистратскихъ урядниковъ, должность палача занималъ нѣкій Ѳеодоръ—опять человѣкъ безъ фамиліи. Жестокое ремесло не мѣшало ему быть набожнымъ, и его не столько огорчало общественное презрѣніе, сколько тяготило отлученіе отъ участія въ церковныхъ молитвахъ и таинствахъ. И много разъ молилъ онъ мѣстнаго протопопа, о. Луку Семеновича, снять эту тяготу съ его совѣсти и дозволить хотя бы входъ въ церковь, но тотъ хотя и сожалѣлъ о немъ по христіанскому милосердію, не считалъ однако себя въ правѣ отступить, какъ ему казалось, отъ церковнаго закона и могъ лишь дать совѣтъ—отправиться въ Кіевъ и просить разрѣшенія у высшей духовной власти, и самъ вызвался написать о немъ ходатайственное письмо въ консисторію. Ѳеодоръ такъ и сдѣлалъ: побывалъ въ Кіевѣ, поклонился отцамъ консистористамъ, былъ и у самого митрополита Варлаама Ясинскаго—и привезъ полтавскому протопопу нижеслѣдующій письменный консисторскій репримандъ:

„Пречестний отче протопопо полтавский, мой зичливий отче и брате!

„Полтавский житель Өеодоръ, отъ васъ присланий, что имѣлъ, духовному (суду?) исповѣдалъ и раздрѣшенъ есть іерейскою и архиерейскою властию, и причастился святихъ таинъ. А что вы з невѣжества и простолюдного розсуждения своего возбраняли ему до сихъ временъ с прочиими христиани, яко правдивому христьянину кающомуся, входа церковного, святои исповѣди и причастия святого, питаюся я: по якимъ то правамъ албо правиламъ святихъ отецъ чинилисте? Якое правило и якого собора того учитъ? В правду о вась бы рещи слова Христовы потреба: прелщаетеся, не вѣдуще сили, ни писания. Катовство, правда, нечестное дѣло, еднакъ и не грѣшное. Катъ никого не судитъ, ни забиваетъ невинного, но осужденного и обвиненного от майстрату, и тое самое не ему, но повелѣвающому причитается; бо кто через иного что творитъ, самъ собою видит ся творити. Ежели церулика [1]), что лѣчачи человѣка, подчасъ и значние члонки урѣзуетъ, або кровъ пускаетъ, або, не знаючися добре на лѣкарствѣ, о смерть человѣка приправляетъ [2]),—свѣцкое право не караетъ и духовная власть от церкви не отлучаетъ, далеко барзѣй катъ, который не з своеи волѣ, но з волѣ старшого творитъ, не маетъ быти от церкви отлученнимъ, но яко правдивий християнинъ и правди исполнитель, по латинску executor justiciae (такъ посполите ката зовутъ) с иними правовѣрними да сообщается. А что простии люде з глупства своего таковими гнушаются, вамъ, іереемъ, разумъ имущимъ, непотреба ихъ невѣжеству послѣдовати, но противно и самимъ разумѣти, и прочихъ учити. Тое пишу по указу архиерейскому и по совѣту суду консисторского. З катедри митроп. Киевского, року 1707, мая 4.

Твой братъ и слуга іеромонах Іоаникий, намѣстникъ святософѣйский киев. митроп.“.

Можно полагать, что эта острая отповѣдь болѣе изумила, чѣмъ вразумила полтавскаго протопопа,—до такой степени она

---

[1]) Т. е. фельдшера. Буквально *церуликъ*—парикмахеръ, но въ XVI—XVIII ст. это ремесло соединялось съ врачебнымъ.

[2]) Т. е. доводитъ до смерти.

шла въ разрѣзъ съ привычными для него и для другихъ его собратій понятіями по данному вопросу. Письмо ходило по рукамъ грамотныхъ полтавцевъ, какъ любопытная новинка, а полтавскій городовой писарь Романъ Лозинскій, на память потомству, внесъ его даже въ „мѣскія" актовыя книги, откуда и мы его заимствуемъ [1])

Когда, въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, въ Малороссіи составлялся полный сводъ „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ", то его составители, узаконяя положеніе палача и въ тоже время зная, какимъ поносным безславіемъ и всеобщимъ отвращеніемъ пользуется въ странѣ это ремесло, сочли нужнымъ выступить на его защиту и въ 13 артыкулѣ 25 главы Свода сочинили слѣдующую апологію, приводя въ ней воззрѣнія, тожественныя съ тѣми, какія высказаны въ консисторскомъ судѣ:

„Катъ, или палачъ, хотя званіе на себѣ поносное и ненавистное имѣетъ, которое обще въ народѣ обносится мерзостно для единого того, что чрезъ него дѣйствуется мученіе и кровопролитіе человѣческое, однако онъ въ томъ дѣйствіи тако всему обществу человѣческому потребенъ есть, что безъ него надлежащее правосудіе, самому всѣхъ судий Богу пріятное, яко отъ него узаконенное, а всѣмъ людемъ самонужнѣйшое, исполниться не можетъ: вотще же бы для такого правосудія и права на злодѣевъ установлени были, еслибы не было того, кто бы оныя самимъ исполнилъ дѣломъ. А понеже и тое самое пролитіе крове и мученіе человѣческаго тѣла не отъ его палачевой злобы и безчеловѣчія, но отъ показаннаго правосудія и справедливости происходитъ, того ради яко за то свое званіе онъ предъ Богомъ немерзокъ и яко грѣшникомъ признаванъ быть не долженъ, наипаче слугою справедливости неneприлично называтись можетъ, такъ за то жъ всякому человѣку во омерзеніи его имѣть не надлежитъ, и священный чинъ сообщенія съ вѣрными, входа

---

[1]) Подлинная актовая книга „мѣскаго" Полтавскаго суда 1673—1740 гг., изъ библіотеки А. М. Лазаревскаго. Данный документъ вписанъ на 368 листѣ.

церковного и причастія божественныхъ таинъ возбранять ему не долженъ" [1]).

Это академическое разсужденіе не могло повліять на измѣненіе обычныхъ въ Малороссіи понятій о ремеслѣ палача—уже по одному тому, что сводъ малороссійскихъ „Правъ" никогда не былъ введенъ въ дѣйствіе; но оно заслуживаетъ вниманія, какъ первое (по времени) открытое признаніе за палачемъ правъ гражданина и христіанина. Дальнѣйшее государственное и культурное сближеніе Малороссіи въ Великороссіей привело, наконецъ, къ тому, что съ теченіемъ времени среди образованныхъ малороссійскихъ классовъ старинный взглядъ на ремесло палача если не совершенно видоизмѣнился, то во всякомъ случаѣ потерялъ прежнюю остроту и рѣзкость. Но среди простого украинскаго народа это кровавое ремесло и нынѣ пользуется тѣмъ же позоромъ и омерзеніемъ, что и въ старину. Самое имя „катъ" въ малорусскомъ языкѣ не только поносное слово, но во многихъ выраженіяхъ является синонимомъ понятія „чортъ", „нечистый". Существуетъ множество бранныхъ поговорокъ и реченій, въ которыхъ употребляется имя „чорта". Болѣе деликатные изъ простолюдиновъ, избѣгая упоминанія имени нечистаго, замѣняютъ его словомъ „*катъ*": вмѣсто „*чортъ* ёго беры" говорятъ: „*катъ* ёго беры"; „чортъ-зна-що"=„*ка*(*тъ*)-зна-що"; „до *ката*"=„до чорта" (т. е. очень много) и т. под. Такимъ позоромъ. какъ отождествленіе съ нечистымъ, заклеймлено въ народномъ украинскомъ языкѣ, кромѣ „ката", еще одно историческое имя—царя Ирода, губителя невинныхъ младенцевъ.

Ор. Левицкій.

---

[1]) „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ", изд. профессора А. Ѳ. Кистяковскаго, 1879 г., стр. 753.

Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

(Окончаніе[1]).

Ничего выдающагося, ни въ смыслѣ обобщеній, ни по новизнѣ темъ и пріемовъ работы, не далъ отдѣлъ языка и письма. Въ большинствѣ случаевъ рефераты носили узко-спеціальный характеръ, и потому много говорить о нихъ намъ не придется.

Проф. П. В. Владиміровъ, въ рефератѣ „*О взаимной связи апокрифической иконографіи, древней русской литературы и народной словесности*“, остановился лишь на одномъ фактѣ, именно на изображеніяхъ Рождества Христова, которыя поставилъ въ связь съ преданіями и нѣкоторыми народными обрядами; вслѣдствіе небольшого количества разработаннаго авторомъ матеріала, и тема реферата, очень интересная сама по себѣ, не получила должнаго освѣщенія. Нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности касались рефераты проф. Сперанскаго и А. С. Раевскаго. *Проф. Сперанскій* остановился на вопросахъ *о славяно-русскихъ переводахъ Пчелы*, обратившись для выясненія вопроса къ греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Изъ трехъ группъ, на которыя распадаются по времени греческіе тексты, русскій переводъ, сдѣланный въ XIII—XIV в., относится къ позднѣйшей; къ одной изъ болѣе раннихъ группъ примыкаетъ переводъ болгарскій; третій и послѣдній переводъ, западно-рус-

[1]) См. Кіевская Старина, ноябрь.

скій, сдѣланъ въ 1599 г. на Волыни, въ Дерманскомъ монастырѣ, съ печатнаго изданія Гесснера (1516 г.) и стоитъ въ связи съ Острожскимъ изданіемъ библіи. *А. С. Раевскій* подвергъ критическому разбору *часословъ библіотеки Ярославскаго архіерейскаго дома XVIII в., съ молитвами Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и славяно-католическими*, изданный раньше И. И. Срезневскимъ и уже бывшій темой для реферата Е. В. Барсова на VII археологическомъ съѣздѣ. Сдѣлавъ поправки къ мнѣніямъ о рукописи вышеуказанныхъ ученыхъ, референтъ считаетъ ее сводомъ, составленнымъ изъ часослова по студійскому уставу, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ котораго были размѣщены молитвы, сочиненныя печерскими иноками, Кирилломъ Туровскимъ, и взятыя изъ славяно-католическаго бревіарія, быть можетъ, Сазавскаго монастыря. По палеографическимъ особенностямъ—рукопись южнаго происхожденія, и, по предположенію референта, она могла быть прислана въ Ярославль (или Ростовъ) изъ Кіева въ руководство тамошнимъ монастырямъ. Какъ на очень цѣнный матеріалъ для изученія древняго языка, *проф. Н. В. Волковымъ* было обращено вниманіе съѣзда на *древнѣйшія церковно-славянскія нотныя книги;* хотя эти послѣднія идутъ лишь съ конца XI и первой половины XII в., но онѣ, благодаря особому характеру письма, удерживаютъ очень древнія формы языка. Нотныя книги, по системѣ нотнаго обозначенія, раздѣляются на знаменныя и кондакарныя; сохранились онѣ только въ русскихъ спискахъ, (извѣстно около 50-ти списковъ XI—XIV в.), но по языку онѣ древне-болгарскаго происхожденія, и значеніе ихъ, по мнѣнію референта, заключается въ томъ, что онѣ даютъ возможность отыскать первую редакцію перевода церковныхъ пѣснопѣній съ греческаго языка на славянскій, совершеннаго въ Кирилло-меѳодіевскую эпоху.

Критико-біографическій характеръ носили два реферата. Первый *Д. И. Абрамовича—„Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца“*, гдѣ референтъ, ограничиваясь лишь однимъ источникомъ—Кіево-печерскимъ Патерикомъ и положивъ въ основу своего изслѣдованія

сравненіе различныхъ редакцій Патерика, даетъ очеркъ литературной исторіи произведеній Нестора, вошедшихъ въ Патерикъ, именно—житія прп. Ѳеодосія Печерскаго и ряда лѣтописныхъ статей, касающихся исторіи Печерской обители во вторую половину XI столѣтія. Второй рефератъ, *проф. Н. П. Дашкевича—„Нѣсколько соображеній о былевомъ Ильѣ Муромцѣ на основаніи нѣкоторыхъ кіевскихъ данныхъ (XVI—XVII вв.“)*, имѣлъ цѣлью послѣдовательный пересмотръ старыхъ кіевскихъ преданій объ Ильѣ и связанный съ этимъ вопросъ объ исторической основѣ преданій. Подвергнувъ разбору какъ нѣкоторыя лѣтописныя данныя, такъ и прозвище Ильи, референтъ дѣлаетъ предположеніе, что былевой Илья былъ родомъ изъ города Моровійска и могъ служить сѣверскимъ князьямъ и окончить свои дни въ Кіевѣ; поэтому нѣтъ основаній раздѣлять былевого Илью и святого, почивающаго въ кіевскихъ пещерахъ; по мнѣнію референта, это одно и то-же лицо. Изъ многихъ замѣчаній, вызванныхъ этимъ рефератомъ, отмѣтимъ замѣчаніе Н. Н. Троицкаго, указавшаго на то, что если для эпическаго Ильи можно найти историческое объясненіе, то и сказанія о подвигахъ его должны были возникнуть на фактической почвѣ.

Мало еще затронутаго вопроса въ нашей исторической литературѣ—о томъ значеніи, какое представляютъ для исторіи юго-зап. Россіи документы католическихъ костеловъ и монастырей, коснулся *свящ. І. Е. Шиповичъ*, передавъ содержаніе *лѣтописи Винницкаго капуцинскаго монастыря за 1744—1862 года*. Въ заключеніе упомянемъ о единственномъ, если не ошибаемся, рефератѣ по палеографіи, доложенномъ на съѣздѣ. Мы имѣемъ въ виду рефератъ *Н. М. Каманина—„Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.“*. Изъ трехъ почерковъ, употреблявшихся въ это время—латинскаго, польскаго и русскаго, референтъ остановился на послѣднемъ и намѣтилъ четыре періода въ его видоизмѣненіяхъ: 1-ый періодъ самостоятельнаго развитія письма до половины XVI в., когда буквы являются упрощеніемъ уставной скорописи; 2-ой — съ половины XVI в. до начала XVII., когда письмо принимаетъ

готическій характеръ благодаря польско-нѣмецкому вліянію; 3-ій—письмо теряетъ характеръ готическаго подъ вліяніемъ латыни, господствовавшей въ школахъ, устроенныхъ при братствахъ; этотъ періодъ заканчивается на правомъ берегу Днѣпра во 2-ой половинѣ XVII в. замѣной польскимъ письмомъ, а на лѣвомъ—сѣверно-русскимъ; 4-ый—господство сѣверно-русскаго почерка, который входитъ въ употребленіе на правомъ берегу въ концѣ XVIII в.

Благодаря давно назрѣвшей необходимости въ реорганизаціи у насъ невозможныхъ условій, въ какихъ находится архивное дѣло, уже на предыдущихъ съѣздахъ *археографическая секція* выказала много энергіи и жизненности. То-же самое можно сказать и о кіевскомъ съѣздѣ: археографическая секція, по числу записавшихся въ нее членовъ и по дѣйствительному участію ихъ въ разработкѣ какъ общихъ, такъ и частныхъ вопросовъ архивовѣдѣнія, была одной изъ самыхъ удачныхъ, если даже не самая удачная. Въ работахъ секціи замѣтно было единеніе, чувствовалось серьезное отношеніе къ дѣлу, хотя общее настроеніе членовъ секціи было не изъ радужныхъ, такъ какъ очевидна была та пропасть, которая лежитъ между начинаніями, идущими на помощь дѣлу, и практическимъ ихъ осуществленіемъ; обезкураживало къ тому-же и то равнодушіе, какое встрѣчали даже неотложные вопросы, какъ напр.—вопросъ о субсидіи архивнымъ комиссіямъ.

Начнемъ съ очень грандіознаго проекта *проф. Д. Я. Самоквасова*, вызвавшаго много дебатовъ. Хотя этотъ проектъ получилъ одобреніе секціи, но ему вѣроятно такъ и суждено остаться только проектомъ. Проф. Д. Я. Самоквасовъ, въ рефератѣ „*Централизація государственныхъ архивовъ въ Западной Европѣ, въ связи съ архивной реформой въ Россіи*“, привелъ сначала историческую и практическую справку объ организаціи архивнаго дѣла въ Франціи, Англіи, Пруссіи и другихъ западно-европ. государствахъ, гдѣ, какъ напр. въ Англіи и Пруссіи, централизація архивнаго матеріала проведена на практикѣ. Перейдя затѣмъ къ Россіи, докладчикъ указалъ на дѣятельность комис-

сіи Н. В. Калачева 1873 г. и комиссіи 1892 г., оставшихся почти безъ всякаго результата, и въ заключеніе изложилъ свой проектъ архивной реформы. Проектъ этотъ обсуждался въ спеціальной комиссіи археографической секціи и сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. Для общаго завѣдыванія всѣми архивами, для организаціи ихъ дѣятельности, снабженія штатами служащихъ, помѣщеніями и т. п. учреждается центральный органъ архивнаго управленія, подобный существующимъ въ зап.-европ. государствахъ. Дѣлопроизводства по 1825-ый годъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными архивами, сосредоточиваются въ одномъ центральномъ публичномъ государственномъ архивѣ; дѣлопроизводства мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій по 1775 г. сосредоточиваются въ 12-ти центральныхъ областныхъ архивахъ; дѣлопроизводства же губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій 25-ти лѣтней давности—въ губернскихъ центральныхъ архивахъ. Далѣе, въ проектѣ опредѣляется отношеніе къ этимъ архивамъ существующихъ губернскихъ архивныхъ комиссій и предлагается немедленно издать циркулярное распоряженіе по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ до учрежденія центральнаго архивнаго управленія

Выше упомянутой Калачевской комиссіи былъ посвященъ отдѣльный рефератъ *А. С. Раевскаго*—„*Что сталось съ Калачевской комиссіей 1873 года объ устройствѣ архивовъ?*“, рефератъ, еще разъ напомнившій, какъ много работалъ Калачовъ на излюбленномъ имъ поприщѣ и какъ со смертью его заглохла и сама комиссія, продолжающая de jure существовать и по сей день. Интересно отмѣтить, что вышеприведенный проектъ проф. Самоквасова является не новостью. Еще въ 1876 г. въ комиссіи обсуждался проектъ правилъ о рѣшенныхъ дѣлахъ по министерству путей сообщенія; два года спустя проектъ этотъ обсуждался Комитетомъ министровъ, который рѣшилъ, что вмѣсто правилъ для отдѣльныхъ министерствъ необходимо поручить комиссіи выработать главныя начала устройства и управленія всѣми

вообще архивами. Изъ протоколовъ комиссіи видно, что такія основанія были уже выработаны раньше, въ 1875 году, но за наступившимъ затишьемъ въ дѣятельности комиссіи основанія эти такъ и не были проведены въ жизнь. Все ту же цѣль— преобразованіе архивнаго дѣла имѣлъ въ виду и рефератъ *А. Н. Львова—„Русское законодательство объ архивахъ“*. Картина, нарисованная референтомъ, наводитъ на грустныя размышленія. Полнаго спеціальнаго архивнаго кодекса у насъ нѣтъ; всѣ законоположенія являлись разновременно, по разнымъ частнымъ обстоятельствамъ и для различныхъ учрежденій; единство системы въ законоположеніяхъ отсутствуетъ; при изданіи архивныхъ правилъ цѣли науки совсѣмъ не принимались въ разсчетъ, на архивный матеріалъ смотрѣли только лишь съ канцелярской точки зрѣнія; накопившіяся дѣла представляли для канцелярій въ большинствѣ случаевъ ненужный хламъ, разборка его для выдѣленія дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію согласно законоположенію „объ уничтоженіи ненужныхъ дѣлъ“, поручалась лицамъ мало компетентнымъ, и въ результатѣ мы имѣемъ много фактовъ огульнаго истребленія очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи архивовъ различныхъ учрежденій. Все это приводитъ референта къ мысли о необходимости выработки основныхъ принциповъ архивнаго законодательства соотвѣтственно современнымъ потребностямъ архивнаго дѣла.

Мы коснулись рефератовъ, трактующихъ объ общихъ вопросахъ архивовѣдѣнія. Не мало было интересныхъ докладовъ и по болѣе частнымъ вопросамъ. *Проф. Д. И. Багалѣй* поставилъ на очередь вопросъ *о необходимости устройства центральнаго архива въ Харьковѣ*, по которому, какъ уже извѣстно, съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать предъ правительствомъ. При Харьковскомъ университетѣ постепенно образовался очень богатый архивъ, который уже и теперь носитъ всѣ признаки центральнаго, но не имѣетъ ни опредѣленнаго положенія, ни связаннаго съ этимъ штата служащихъ. Референтъ охарактеризовалъ вкратцѣ содержаніе архива, состоящаго изъ отдѣленій Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго, и привелъ нѣсколько справокъ

о томъ, какъ составлялся архивъ изъ остатковъ прежде обширныхъ архивовъ лѣвобережной Малороссіи, уничтоженныхъ благодаря невѣжеству и равнодушію мѣстнаго общества. *Л. М. Савеловъ*, въ рефератѣ *„Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній“*, указалъ на неудовлетворительное состояніе и этихъ архивовъ, между тѣмъ какъ хранящіеся въ нихъ матеріалы зачастую оказываются очень цѣнными, такъ что очень важно было бы имѣть описи документовъ болѣе древняго періода. Приведеніе архивовъ въ порядокъ тѣсно связано съ техникой описанія ихъ содержанія. Почти въ каждомъ изъ нашихъ архивовъ существуетъ своя система описанія документовъ; археографическая комиссія Импер. Московскаго Археологич. общества, путемъ запросовъ, собрала свѣдѣнія о принятыхъ системахъ описанія въ разныхъ архивахъ, каковыя и дали матеріалъ для реферата *Г. Н. Шепелева*—*„Теорія и практика архивныхъ описей“*, реферата, заставившаго откликнуться многихъ присутствовавшихъ на съѣздѣ архивистовъ. Докладчикъ не остановился ни на одной изъ принятыхъ системъ, считая ихъ не вполнѣ удовлетворительными и пригодными для научныхъ цѣлей и выставилъ два необходимыя условія при составленіи описей—систематичность и возможную краткость. *И. М. Каманинъ* въ рефератѣ *„Объ экспертизѣ древнихъ подложныхъ документовъ“* коснулся нерѣдкаго, по крайней мѣрѣ въ не такъ давнее время, факта поддѣлки документовъ, особенно широко практиковавшагося у насъ на югѣ. Перечисливъ тѣ мѣры, какія принимались для искорененія этого зла, причемъ сначала экспертизы были поручаемы лицамъ мало свѣдущимъ, и только Комиссія 1892 г. признала архивистовъ исключительно компетентными при оцѣнкѣ подлинности или подложности документовъ и установила принципъ аппелляціи, для которой спорные документы должны посылаться въ Петербургъ,—И. М. Каманинъ высказался противъ такой отсылки и предложилъ устраивать періодическіе съѣзды архивистовъ. Къ мнѣнію референта присоединились и нѣкоторые другіе изъ присутствовавшихъ ученыхъ, однимъ изъ которыхъ былъ также

поднять вопросъ о желательности введенія въ Археологическомъ Институтѣ курса по западной и южно-русской палеографіи. По поводу предложенія И. М. Каманина о періодическихъ съѣздахъ, намъ кажется, что таковые уже могутъ быть организованы: архивныхъ дѣятелей есть достаточно въ Россіи, и, какъ видно изъ предыдущаго, назрѣвшихъ вопросовъ накопилось не мало, но въ такомъ случаѣ программа съѣздовъ должна быть выработана гораздо шире, а не исчерпываться лишь экспертизой или переэкспертизой сомнительныхъ документовъ.

И. М. Каманинъ совершилъ лѣтомъ 1898 г. поѣздку по Волынской и Подольской губ. для осмотра архивовъ; результаты этого осмотра и были сообщены имъ съѣзду въ рефератѣ „*О волынскихъ и подольскихъ архивахъ*". Вотъ общее впечатлѣніе, вынесенное изъ осмотра: архивы помѣщаются въ нижнихъ или подвальныхъ этажахъ, и только два или три—въ особыхъ зданіяхъ; въ самыхъ помѣщеніяхъ бумаги ничѣмъ не ограждены отъ сырости и пыли; нѣтъ ни коробокъ, ни закрытыхъ шкафовъ; большая часть дѣлъ почти во всѣхъ архивахъ, признанная ненужной для справокъ, уничтожена безъ просмотра описей спеціалистами... Цѣльное впечатлѣніе оставилъ послѣ себя рефератъ *О. И. Левицкаго*—„*О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи юго-западнаго края и Малороссіи*". Референтъ прежде всего указалъ на характеръ и содержаніе актовыхъ книгъ, бывшихъ въ употребленіи въ правительственныхъ судахъ, старостинскихъ и частно-владѣльческихъ замкахъ, при каѳедрахъ православныхъ и католическихъ епископовъ, при церковныхъ братствахъ и пр. Почти всѣ такія книги погибли; сохранились лишь акты городскіе, земскіе и кое гдѣ магистратскіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи были указаны мѣры, принимавшіяся къ охранѣ книгъ польскимъ правительствомъ въ XVI и до конца XVIII ст. и русскихъ—въ теченіе настоящаго столѣтія. Въ этомъ направленіи дѣйствительныя мѣры къ сохраненію и научной разработкѣ матеріаловъ были приняты лишь въ половинѣ текущаго столѣтія съ учрежденіемъ въ Кіевѣ Комиссіи для разбора древнихъ актовъ и съ устройствомъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ центральныхъ архивовъ.

Въ заключеніе, укажемъ на рефератъ проф. *Д. И. Багалѣя*—*„Объ историческихъ матеріалахъ, какъ источникахъ археологіи“*,—тема, которой проф. Багалѣй уже касался на прежнихъ съѣздахъ, но къ сожалѣнію призывъ его не вызвалъ пока соотвѣтственныхъ работъ. Настоящій рефератъ распадался на двѣ части: въ первой было указано на значеніе историческихъ памятниковъ для археологіи, во второй—это положеніе иллюстрировалось примѣрами на нѣкоторыхъ документахъ, заключающихъ въ себѣ чисто археологическія данныя. Имѣя въ виду несомнѣнное значеніе такихъ выборокъ изъ древнихъ рукописей, референтъ обратился съ предложеніемъ къ Московскому Археологич. Обществу—не возьметъ ли оно на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Рефератъ проф. Багалѣя былъ дополненъ замѣчаніемъ чешскаго ученаго д-ра Папачека, что, кромѣ письменныхъ памятниковъ, богатыя данныя въ области археологіи могутъ быть извлечены также и изъ народныхъ сказаній и преданій, которыя имѣютъ тѣсную связь съ прошлой жизнью народа.

Рефератовъ, касавшихся чисто историческихъ темъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, доложено съѣзду очень немного. Большинство ихъ затрогивало тѣ или другіе вопросы прошлаго въ южно-русскомъ козачествѣ.

Проф. Н. П. Дашкевичъ изложилъ съѣзду *нѣсколько догадокъ о началѣ южно-русскаго козачества (до конца XV в.)*. Держась ретроспективнаго метода и соединяя историческія данныя съ филологическими, референтъ пришелъ къ выводу, что первичною формой южно-русскаго козачества можно считать небольшіе военно-промышленные отряды, съ атаманами во главѣ, возникшіе среди осѣдлаго населенія на окраинахъ Литовскаго Подолья и Кіевской земли. Начало ихъ можно отнести ко времени литовскаго завоеванія Подолья, хотя они могли развиться и раньше, благодаря совмѣстной жизни Подолянъ, и можетъ быть Поросянъ, съ татарами. Явленіе это, бывшее только лишь въ зачаточной стадіи развитія, не обращало на себя вниманія,

а потому и названіе „козакъ" не имѣло широкаго распространенія и не попало въ письменные памятники того времени.

Какъ извѣстно, однимъ изъ чаще всего употреблявшихся козаками способовъ защиты, былъ „таборъ"—укрѣпленіе, составленное изъ возовъ. *Проф. П. В. Голубовскій* попытался указать, *съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Россіи* этотъ способъ защиты. Такъ какъ такого рода укрѣпленія возможно устраивать лишь въ мѣстностяхъ степныхъ, то онѣ и могли появиться у кочевниковъ. Приведя рядъ свидѣтельствъ объ употребленіи этого способа гуннами, венграми, печенѣгами, половцами, отъ которыхъ его могла заимствовать и древняя Русь, референтъ относилъ начало его къ дотатарскому періоду. Это заключеніе представляется намъ болѣе всего правдоподобнымъ и логически вытекающимъ изъ знакомства со складомъ жизни нашего юга, такъ что его нужно предпочесть нѣкоторымъ другимъ предположеніямъ, какъ напр.—о заимствованіи „табора" у чеховъ, которыя были высказаны во время дебатовъ по поводу настоящаго реферата. Въ рефератѣ *„Къ вопросу о числѣ, порядкѣ и топографіи Запорожскихъ Сѣчей по новымъ архивнымъ даннымъ"* *Д. И. Эварницкій* старался разрѣшить нѣкоторые спорные пункты по отношенію къ нѣкоторымъ изъ сѣчей и заключилъ свой докладъ заявленіемъ, что имъ начато уже изданіе „Источниковъ для исторіи запорожскаго козачества съ половины XVII и до конца XVIII в.", которое будетъ, по словамъ Д. И. Эварницкаго, *лучшимъ памятникомъ славному прошлому Запорожья (sic)*. Довольно серьезныя замѣчанія со стороны проф. Антоновича вызвалъ рефератъ *В. И. Щербины*—*„Послѣдніе слѣды козачества въ правобережной Украинѣ"*. De jure козачество здѣсь считается прекратившимъ свое существованіе въ 1711 г., вмѣстѣ съ Прутскимъ договоромъ, но референтъ совершенно справедливо полагаетъ, что такое важное соціальное явленіе въ жизни юга, какъ козачество, не могло прекратиться сразу. Свое положеніе В. И. Щербина подкрѣпляетъ ссылками на люстраціи Кіевскаго воеводства 1765 и 1789 гг., въ которыхъ упоминаются городовые козаки, которые несутъ одну повинность—воен-

ную, и только къ концу столѣтія, значительно уменьшившись въ числѣ, сравниваются съ остальнымъ крестьянствомъ. Возраженія проф. Антоновича заключались, главнымъ образомъ, въ указаніяхъ на то, что эти козаки лишены права самоуправленія и самосуда, не являются землевладѣльцами, у нихъ, какъ кажется, нѣтъ сословной наслѣдственности, и потому считать ихъ козаками въ собственномъ смыслѣ нельзя. Послѣдній рефератъ изъ этой группы—*А. В. Половцева*—*„О малороссійскихъ козакахъ на французской службѣ въ 1646 г.“*, разсматриваетъ частный случай изъ исторіи козачества, когда король Владиславъ IV, по просьбѣ принца Конде и кардинала Мазарини, послалъ во Францію, въ помощь противъ испанцевъ, добровольцевъ-козаковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ осадѣ Дюнкерка.

Особое мѣсто въ ряду другихъ рефератовъ занялъ на съѣздѣ докладъ *Ѳ. Д. Николайчика*—*„Начало и ростъ Полтавской Вишневечины, по даннымъ Литовской Метрики“*, представляющимъ много новаго и важнаго для уясненія вопроса. Проф. Багалѣй, по прочтеніи доклада, указалъ, что сообщенные матеріалы интересны не только для исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи, но и слободской Украины; они, кромѣ того, даютъ новыя свѣдѣнія о введеніи и характерѣ Магдебургскаго права въ малороссійскихъ городахъ. Періодъ, охваченный рефератомъ,—послѣднее десятилѣтіе XVI в., когда Вишневецкіе впервые утверждаются на лѣвомъ берегу Днѣпра, и первая половина XVII в. Система, которой придерживались Вишневецкіе для увеличенія своихъ владѣній—система захватовъ и насилій; въ этомъ отношеніи грандіозностью своихъ подвиговъ особенно отличался кн. Іеремія Вишневецкій.—Мало использованные еще пока матеріалы, послужили основаніемъ и для реферата *В. И. Щербины*—*„Украинскія староства по люстраціямъ XVIII в.“*. Староства эти были сгруппированы въ Кіевскомъ повѣтѣ и населены потомками исконнаго населенія края съ очень незначительнымъ процентомъ польскихъ колонистовъ. Сравнивая люстраціи 1765 и 1789 гг., можно замѣтить какъ увеличеніе населенія, такъ и увеличеніе зависимости его отъ старостъ. Это послѣднее обстоя-

тельство, въ дальнѣйшемъ развитіи, привело къ почти полному уравненію положенія „подданыхъ“ королевскихъ имѣній съ частновладѣльческими; да къ тому-же, и сами староства, въ концѣ столѣтія, частью были обращены въ дѣдичныя имѣнія, а на четырехлѣтнемъ сеймѣ былъ составленъ проектъ и совершеннаго упраздненія старостовъ.

Выясненію экономическаго положенія населенія лѣвобережной Малороссіи, именно 6-ти полковъ ея, былъ посвященъ докладъ *Е. П. Родаковой*—„*Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.*“. На основаніи статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ архивныхъ матеріаловъ, оказывается, что довольно большой процентъ населенія (30%) можно признать безземельнымъ, что объясняется какъ тяжестью повинностей, такъ и отсутствіемъ мѣръ, препятствовавшихъ переходу земель изъ рукъ въ руки и сосредоточиванію ихъ въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Обладавшее земельной собственностью населеніе можно раздѣлить на двѣ группы: козаковъ грунтовыхъ и козаковъ малогрунтовыхъ, причемъ въ среднемъ на одну долю приходилось $4^1/_2$ четверти.

Д. П. Миллеръ, въ рефератѣ „*Пикинерскія вербунки*“, изложилъ одинъ эпизодъ изъ послѣднихъ годовъ Гетманщины, именно: прослѣдилъ исторію образованія, по проекту генералъ-поручика Мельгунова, въ 1764 г., особой губерніи на южной границѣ Гетманщины для оплота противъ Крыма. Сюда требовались какъ поселяне, такъ и „пикинеры“, и вербовка этихъ новыхъ поселенцевъ, въ кадры которыхъ записывались, между прочимъ, и „подданые“, повела къ немалымъ раздорамъ и несогласіямъ среди козацкой старшины. [1])

Юридическихъ древностей касаются два реферата. *Г. В. Демченко* избралъ темой своего реферата „*притомныхъ людей*“, упоминаемыхъ въ актахъ о копныхъ судахъ. „Притомными“ референтъ называетъ стороннихъ людей, не принадлежавшихъ къ числу копниковъ, но появлявшихся на судѣ по желанію истца, отвѣтчика, суда и вообще лицъ, заинтересованныхъ въ данномъ процессѣ. Не смотря на такую, повидимому случайную,

---

[1]) Рефератъ этотъ напечатанъ полностію въ настоящей книжкѣ журнала.

роль, притомные люди принимаютъ активное участіе во всѣхъ актахъ копнаго процесса. Съ этими выводами референта не согласился М. Н. Ясинскій какъ по отношенію къ терминологіи, считая болѣе умѣстнымъ сохранить древній терминъ „добрые люди", такъ и по поводу значенія стороннихъ людей въ процессѣ. О. И. Левицкій въ рефератѣ *Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII ст*", на основаніи документальныхъ данныхъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что въ юго-зап. Руси вышеуказаннаго періода не только среди простонародья, но и въ высшихъ классахъ существовало древнерусское воззрѣніе на бракъ, какъ на гражданскій договоръ и церковное вѣнчаніе имѣло значеніе лишь религіознаго, а на юридическаго акта. Излагая формы заключенія браковъ, референтъ указалъ на положеніе женщины того времени, которая пользовалась полною свободою и весьма значительной гражданской правоспособностью. Браку предшествовали „змовыны" (сговоръ) и въ это время составлялась „шлюбная интерцыза" (предбрачный контрактъ), гдѣ опредѣлялись „посагъ" (приданое), „вѣно" и „привѣнокъ"—обезпеченія приданаго со стороны жениха, день „акта весѣльнаго" (свадьбы) и наконецъ „закладъ"—неустойка, въ случаѣ нарушенія одной изъ сторонъ контракта. Послѣ „змовынъ" слѣдуютъ „заручины", вмѣстѣ съ которыми нерѣдко совершалось и вѣнчаніе. Но это послѣднее не измѣняло положенія жениха и невѣсты: они продолжали жить врозь, не признавались супругами и, уплативъ неустойку, могли разорвать брачный контрактъ и вступить въ новый съ другими лицами. Только съ совершеніемъ „акта весѣльнаго" вступалъ въ силу дѣйствительный бракъ.

Три года тому назадъ, представляя читателямъ „Кіевской Старины" отчетъ о Рижскомъ съѣздѣ и указывая на ту видную роль, какую играла тамъ этнографія, мы сдѣлали пожеланіе въ этомъ смыслѣ и по отношенію къ будущему Кіевскому съѣзду. Наши пожеланія такъ и остались пожеланіями: на прошедшемъ съѣздѣ этнографія почти совершенно отсутствовала. Мы имѣемъ всего два реферата изъ этой обширной области знанія. *О. А. Фотинскій* доложилъ *о побратимствѣ и чинѣ братотворенія*;

по его изслѣдованію, обычай побратимства, возникшій еще въ глубокой древности, въ VI—VII вв. освящается особымъ чинопослѣдованіемъ, постепенно развивающимся до XVII вѣка. Въ Россіи онъ былъ широко распространенъ, не смотря даже на послѣдующія церковныя запрещенія; въ настоящее время онъ сохранился еще кое-гдѣ въ юго-славянскихъ земляхъ. Побратимство считалось духовнымъ родствомъ и, кажется, сопровождалось извѣстными имущественными отношеніями. Южно-русскія церковныя братства возникли изъ иныхъ побужденій, и потому требовали иного чина. Впрочемъ, въ началѣ XIX вѣка, вступленіе въ братство сопровождается чинопослѣдованіемъ, отчасти заимствованнымъ изъ чина братотворенія. Въ другомъ рефератѣ— *Х. П. Ящуржинскаго*—*„Обрядности и пѣсни, касающіяся жатвы хлѣба“*, авторомъ послѣдовательно разбираются различные моменты жатвы: „зажинки“, сама жатва и „дожинки“.

Бросая общій взглядъ на вышеперечисленные рефераты, мы замѣчаемъ большое ихъ разнообразіе; пестрота эта станетъ еще болѣе очевидной, если примемъ во вниманіе всѣ доложенные рефераты—мы вѣдь выдѣлили лишь тѣ, которые имѣютъ соприкосновеніе со прошлымъ южной Россіи. Разнообразіе это объясняется большимъ количествомъ научныхъ дисциплинъ, входящихъ въ программу занятій съѣзда; при такомъ положеніи, успѣхъ съѣзда и его значеніе зависятъ отъ содержательности если не цѣлыхъ секцій, то по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ рефератовъ, вносящихъ „новое слово“ въ область старыхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, кіевскому съѣзду не посчастливилось въ этомъ отношеніи. Быть можетъ, слѣдующій съѣздъ, который соберется черезъ три года въ Харьковѣ, будетъ счастливѣе...

Н. Бѣляшевскій.

Къ портрету И. Ѳ. Тимковскаго.

При помѣщеніи въ Кіевской Старинѣ 1891 года, въ №№ 8, 9 и 10, статьи моей „Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени“,—произошла ошибка, о которой было подробно разсказано въ замѣткѣ „Невольная ошибка“, напечатанной въ декабрьской книжкѣ Кіевской Старины за тотъ же годъ, о чемъ теперь, въ виду прилагаемаго къ настоящей книгѣ портрета, надо напомнить читателямъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Желая приложить къ своей статьѣ портретъ И. Ѳ. Тимковскаго и зная, что въ Новгородсѣверской гимназіи сохраняются портреты двухъ первыхъ директоровъ ея—И. И. Халанскаго и И. Ѳ. Тимковскаго, я отнесся туда съ письменной просьбой снять и выслать мнѣ фотографическую копію имѣющагося въ гимназіи портрета И. Ѳ. Тимковскаго и въ отвѣтъ на эту просьбу получилъ портретъ, снимокъ съ котораго былъ приложенъ къ сентябрьской книгѣ Кіевской Старины, причемъ, по ошибкѣ типографіи, на немъ не было сдѣлано подписи.

Когда же статья моя появилась въ печати, находившаяся тогда въ живыхъ дочь И. Ѳ. Тимковскаго, Елисавета Ильинишна Андреева, передала мнѣ черезъ свою дочь О. А. Постельникову, что приложенный къ Кіевской Старинѣ портретъ изображаетъ не отца ея И. Ѳ. Тимковскаго, а ея дѣда И. И. Халанскаго (тесть И. Ѳ. Тимковскаго).

Изъ этого я увидѣлъ, что при исполненіи моей просьбы въ Новгородсѣверскѣ одинъ портретъ смѣшали съ другимъ—повидимому вслѣдствіе того, что въ гимназіи, сохранившей портреты двухъ первыхъ директоровъ своихъ, не сохранилось достовѣрной памяти о томъ, какой именно изъ этихъ двухъ портретовъ изображаетъ И. Ѳ. Тимковскаго и какой — И. И. Халанскаго.

Подобнымъ же образомъ, послѣ меня, и другія лица, желавшія имѣть портретъ И. Ѳ. Тимковскаго (какъ М. К. Чалый и Д. И. Багалѣй), получили изъ Новгородсѣверска снимки съ того самаго портрета, съ котораго и мнѣ былъ сообщенъ снимокъ, приложенный къ Кіевской Старинѣ.

Лицо, доставившее мнѣ снимокъ, когда ошибка обнаружилась, въ оправданіе своихъ дѣйствій, объяснило мнѣ, что снимокъ былъ сдѣланъ съ этого, а не съ другого портрета—потому, что на задней сторонѣ этого портрета имѣется надпись: „2-й директоръ И. Ѳ. Тимковскій“, что подтверждали мнѣ и другіе.

Когда и какъ случилось, что портретъ этотъ получилъ такую надпись—теперь нельзя опредѣлить. Если-бы ко времени появленія въ печати моей статьи не оставалось въ живыхъ близкихъ родныхъ И. Ѳ. Тимковскаго, ошибочность этой надписи вѣроятно никогда не обнаружилась бы и за портретомъ навсегда осталась бы репутація портрета И. Ѳ. Тимковскаго, за каковой въ Новгородсѣверскѣ и теперь продолжаютъ его выдавать. Въ виду же категорическаго утвержденія дочери И. Ѳ. Тимковскаго и внучки И. И. Халанскаго, что портретъ этотъ изображаетъ не Тимковскаго, а Халанскаго, я считалъ своею обязанностью, въ исправленіе сдѣланной ошибки, отыскать и доставить редакціи Кіевской Старины несомнѣнный портретъ И. Ѳ. Тимковскаго, который теперь и прилагается къ настоящей книгѣ.

Подлинникъ этого портрета, писанный масляными красками, принадлежалъ сыну И. Ѳ. Тимковскаго Василію Ильичу, а отъ него перешелъ къ его племянницѣ (внучкѣ И. Ѳ-ча)

О. А. Постельниковой, у которой и сохраняется въ настоящее время въ дер. Турановкѣ, Глуховскаго уѣзда.

Исполняя таким образомъ давно данное читателямъ Кіевской Старины обѣщаніе, отсылаемъ желающихъ ознакомиться съ дѣятельностью И. Ѳ. Тимковскаго, къ вышеупомянутой статьѣ, помѣщенной въ Кіевской Старинѣ 1891 года.

Н. Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памяти Алексѣя Петровича Стороженка. *(По поводу 25-лѣтія со дня его смерти).* 6 ноября текущаго года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти А. П. Стороженка, одного изъ писателей малорусскихъ, произведенія котораго читались всегда съ большимъ удовольствіемъ и, вѣроятно, долго еще будутъ читаться съ неменьшимъ наслажденіемъ новыми поколѣніями въ нашей Украинѣ. Считаемъ умѣстнымъ по этому поводу посвятить имени А. П. Стороженка нѣсколько строкъ въ нашемъ журналѣ, чтобы вспомнить съ читателями все наиболѣе характерное въ жизни и литературной дѣятельности этого человѣка.

Въ жизни А. П. Стороженка (1805—1874 г. г.) нельзя отмѣтить ничего особенно выдающагося. Принадлежа по происхожденію къ полтавскому дворянству, ведшему свой родъ отъ старой козацкой фамиліи, А. П. Ст—ко обреченъ былъ родителями съ дѣтскихъ лѣтъ на прохожденіе въ будущемъ военной карьеры, почему и воспитывался въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. 18-лѣтнимъ юношей онъ уже поступаетъ на службу и послѣдовательно проходитъ всѣ первые военные чины, отличаясь на полѣ сраженія въ 1829 году, во время войны съ Турціей, и даже получая послѣ сраженія подъ Журжею почетную награду—орденъ св. Георгія, а затѣмъ участвуя въ усмиреніи польскаго возстанія въ 1831 г. Вскорѣ послѣ этого онъ покидаетъ военную службу и переходитъ въ гражданскую, занимая должность чиновника особыхъ порученій при ген.-губернаторѣ Бибиковѣ въ Кіевѣ, затѣмъ—въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и наконецъ—при ген.-губернаторѣ Муравьевѣ въ Вильнѣ, какъ разъ въ періодъ польскаго возстанія 1863 года, и слѣдовательно—теперь уже не въ роли защитника—воина, какъ было въ 1831 году, а въ качествѣ исполнителя

административныхъ предусмотрѣній съ перомъ въ рукахъ. Такъ-какъ вся эта дѣятельность ничѣмъ не связана съ послѣдующимъ его малорусскимъ писательствомъ, то говорить о ней подробнѣе не приходится. По выходѣ въ отставку, А. П. С—ко поселился въ своемъ имѣніи, въ Гродненской губерніи, и занималъ должности предводителя дворянства и предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей.

Указанные только-что факты изъ его жизни совершенно не объясняютъ намъ, какъ и почему онъ съ 50-хъ годовъ, будучи уже въ пожиломъ возрастѣ, обратился къ литературной работѣ на малорусскомъ языкѣ; скорѣе они могутъ объяснить нѣкоторыя изъ его статей на русскомъ языкѣ, какъ напр: «Встрѣча вновь назначеннаго довудцы», «Видѣніе въ Несвижскомъ замкѣ» „Эпизодъ изъ поѣздокъ по Западному краю", „Ксендзъ Мацкевичъ, предводитель шайки мятежниковъ", равно какъ и сотрудничество его въ такомъ органѣ, какъ „Вѣстникъ Западной Россіи", гдѣ и печатались только-что названныя произведенія въ 1864—65 годахъ. Думать надо, что писательство его на малорусскомъ языкѣ было результатомъ болѣе стихійнаго націонализма въ немъ, чѣмъ проявленіемъ идейности. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасный знатокъ малорусской народной рѣчи, образцово владѣвшій ею въ своихъ разсказахъ, онъ не только не выходитъ въ своихъ повѣстяхъ за предѣлы старинныхъ пріемовъ творчества въ духѣ анекдотическаго изображенія разныхъ сторонъ народной жизни, но даже и этнографическія черты Малороссіи воспроизводитъ въ какомъ-то романтически-сказочномъ освѣщеніи, не смотря на то, что къ началу 60-хъ годовъ въ малорусской литературѣ уже ясно обозначилось другое теченіе, болѣе приближенное и къ темамъ соціально-бытовымъ въ народной жизни, и къ воспроизведенію этой жизни въ образахъ вполнѣ реальныхъ. Говоря проще, А. П. Стороженко былъ человѣкъ съ громаднымъ талантомъ, но, какъ это нерѣдко бываетъ съ талантами, не установилъ для себя прочно обоснованныхъ принциповъ въ идеѣ народности. Поэтому, хотя онъ выступалъ съ большинствомъ своихъ разсказовъ въ „Основѣ" (1861—62 гг), но долженъ быть причисленъ къ той школѣ малорусскихъ писателей, которая даетъ, такъ-сказать, *этнографическую беллетристику* безъ соблюденія типичной вѣрности народныхъ чертъ, а главное—безъ привнесенія къ содержанію общественной подкладки. Нельзя не согласиться съ правдивостью характеристики разсказовъ Стороженка слѣдующими словами: «Онъ рисуетъ Малороссію какою-то сказочною

страною, гдѣ люди живутъ по всей своей властной волѣ, не зная ни горя, ни труда, живутъ себѣ, кушаютъ арбузы, пьютъ наливки, собираютъ карбованцы, поютъ пѣсенки да кохаются съ чернобривыми красотками. Счастливые обыватели Малороссіи не испытываютъ ни глада, ни труса, ни потопа, ни нашествія иноплеменниковъ» [1]). И не смотря на все это, повѣсти Стороженка, скажемъ опять, читались съ большимъ наслажденіемъ въ прошломъ, читаются съ удовольствіемъ теперь и будутъ еще читаться долго и впредь—такова ужъ сила таланта, завлекающаго васъ, даже при условіи сознанія съ вашей стороны того, что жизнь ставитъ на очередь иные вопросы и требуетъ на нихъ другихъ отвѣтовъ.

Въ чемъ-же именно сказывается сила таланта Стороженка, заставляющая насъ съ удовольствіемъ еще и еще разъ перечитывать его «Вусы», »Жонатый чортъ», «Се така баба, що ій чортъ на маховыхъ вылахъ чоботы подававъ» и проч.? Конечно, прежде всего въ томъ, что стиль и языкъ этихъ разсказовъ безупречно хороши и дышатъ всей прелестью сильной юмористической и вмѣстѣ съ тѣмъ художественной рѣчи малоросса-простолюдина, а также и въ томъ, что вы чувствуете въ нихъ вездѣ звучащую ноту чего-то своего, близкаго, ту ноту, которая въ васъ самихъ подогрѣваетъ любовь къ родному, любовь, естественную по своей природѣ, но иногда, подъ вліяніемъ слишкомъ сложныхъ жизненныхъ условій, уступающую мѣсто инымъ настроеніямъ.

В. Н.

Письмо къ редактору Кіевской Старины о стих. „Славянамъ“.

М. Г., Владиміръ Павловичъ! Въ замѣткѣ вашей по поводу стихотворенія «Славянамъ», приписаннаго мною Шевченку (Кіевская Старина 1899 г. Іюль), Вы между прочимъ говорите, что вопросъ объ авторѣ этого стихотворенія останется открытымъ до тѣхъ поръ, пока я не представлю мотивовъ, которые заставили меня приписать его Шевченку. Мотивы эти слѣдующіе: изучая хранящееся въ архивѣ Департамента Полиціи *Дѣло о Кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ*, я обратилъ вниманіе на заявленіе донесшаго на это общество студента Петрова, который на допросѣ показалъ, что стихотвореній Шевченка

---

[1]) См. Н. И. Петровъ «Очерки истор. украин. литер. XIX в»., стр. 214.

онъ не имѣетъ, но что онъ могъ запомнить содержаніе только двухъ его стихотвореній: *Сонъ* и *Посланіе къ Родичамъ*. Когда, ознакомившись съ общимъ ходомъ дѣла, я приступилъ къ разбору бумагъ, захваченныхъ у каждаго изъ членовъ общества, то въ бумагахъ Н. И. я нашелъ недоконченное стихотвореніе, безъ заглавія, начинающееся словами: *Диты славы! Диты славы!*, которому я вслѣдствіе этого и далъ названіе *Славянамъ*. Хотя это стихотвореніе писано рукой, сильно похожей на руку Костомарова, но въ протоколѣ обыска, подписанномъ Костомаровымъ, оно приписано Шевченку. Предполагая, что это то же самое стихотвореніе, которое было извѣстно Петрову, подъ заглавіемъ: *Посланіе къ Родичамъ*, я счелъ себя въ правѣ приписать его Шевченку. Еще лѣтомъ прошлаго года я получилъ письмо отъ вдовы Н. И. Костомарова, въ которомъ она доказывала, что стихотвореніе *Славянамъ* принадлежитъ не Шевченку, но ея покойному мужу и было имъ самимъ напечатано въ *Основѣ* подъ заглавіемъ: *На добра нічъ*, а потомъ вошло въ собраніе его стихотвореній: *Збірныкъ творівъ Іеремії Галки*. (Одесса 1875 г.). Дѣйствительно, двукратное изданіе этого стихотворенія, и притомъ при жизни Н. И. Костомарова, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ общемъ оно принадлежитъ ему, но все таки остается вопросъ, кому же принадлежатъ 36 стиховъ въ стихотвореніи *Славянамъ*, которые Костомаровъ не счелъ возможнымъ включить въ стихотвореніе: *На добра нічъ?* Сличивъ стихотвореніе *Славянамъ* съ стихотвореніемъ *На добра нічъ*, я пришелъ къ заключенію, что послѣднее несомнѣнно навѣяно первымъ и что хотя въ ихъ обоихъ много тождественныхъ стиховъ, но въ стихотвореніи *Славянамъ* есть много стиховъ, которые не вошли, да и не могли войти, въ стихотвореніе *На добра-нічъ*, не говоря уже о томъ, что по духу они совершенно различны.—Вы справедливо замѣтили, что стихотвореніе *Славянамъ* носитъ на себѣ отпечатокъ славянофильскихъ идей, что оно проникнуто вѣрой въ возрожденіе славянства, тогда какъ въ стихотвореніи *На добра-ничъ* высказывается надежда на предстоящее обновленіе всего человѣчества въ духѣ правды и любви. Почему же не предположить, что написанные Шевченкомъ начальные куплеты стихотворенія *Славянамъ* вдохновили Костомарова, который, сидя въ крѣпости за славянскую идею, докончилъ стихотвореніе своего друга, но придавъ ему уже не славянскій, а общечеловѣческій характеръ, и для этой цѣли совершенно измѣнилъ его начало. Примѣры такого двойного авторства изрѣдка бываютъ въ ли-

тературѣ. Любителямъ поэзіи, вѣроятно, извѣстно прекрасное стихотвореніе Майкова *Старый Домъ*, но можетъ быть не всѣ знаютъ, что первые четыре стиха его:

Ночь свѣтла, въ небесномъ полѣ
Ходитъ Весперъ золотой,
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой

принадлежалъ Пушкину и что, вдохновившись этимъ стихомъ, Майковъ только докончилъ начатое великимъ поэтомъ. Если предположить и въ данномъ случаѣ это двойное авторство, то станетъ вполнѣ понятнымъ и заявленіе Петрова, и то обстоятельство, что Костомаровъ безъ всякой оговорки подписалъ протоколъ обыска, приписавшій стихотвореніе *Славянамъ*—Шевченку. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ тутъ дѣло съ интересной литературной загадкой, которая, можетъ быть, разрѣшится только тогда, когда будетъ найдено окончаніе стихотворенія «Славянамъ».

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи **Н. Стороженко.**

Гетманскій рецептъ отъ кашля. Д. И. Эварницкому удалось, какъ онъ сообщаетъ въ № 44 „Днѣпровской Молвы", при разборѣ частнаго архива землевладѣльца херсонск. у., Н. Н. Комотодіуса, найти одно письмо о томъ, какъ лѣчили простуду и кашель наши предки въ XVIII ст. Письмо это, написанное собственноручно гетманомъ Даніиломъ Павловичемъ Апостоломъ къ своей женѣ въ 1726 г. 28 ноября, слѣдующаго содержанія:

«Серденко. Еслиб лѣкарства разніе, от кашля вамъ даваеміе, в дефектѣ семъ не здѣлали никой ползы, то бы не худо было спробовать тихъ лѣкарствъ, которие я вамъ часто читалъ, а іменно: первое, на всякій кашель, и саміе удавнѣвшіеся,—положите въ яйце, въ смятку свареное, 4 золотника сѣрки, добре столченой; къ тому прибавте в величину гороха бенцоину, и випить яйце тое натощакъ; тоже здѣлать и у вечеру, спать ложась, и продолжать чрез нѣсколько дней. Бенцоинумъ есть гумма, которую выбирать, чтобъ была чистая, полискуючаяся, пахущая, а вовсе оставить такую, которая была б очень черная и нѣчимъ не пахла. Другое: возми 1 золотникъ

спирду теребентинного, 2 золотника цвѣтковъ сѣрчаныхъ, называемые flos sulfuris, или спирду резины в порошку, вложи в алембикъ, накритій слѣпою шапкою, перегонь, покуда повидишь капли в шапцѣ, и тогда готово. Доза или мѣра пріему отъ 8 капель в чистой водѣ до 10 капель. Вилѣчуетъ пулмонію, только б мало осталось еще что легкого, простуду и кашель. Все сіе можно спробовать, спросивши искусного лѣкаря и употребить, а безъ того я бы не совѣтовалъ для того, что лучше можетъ знать доброту ингредиенцій и мѣру, какъ можно іхъ полезно употребить, а особливо составъ алембика съ накритой слѣпой шапкой, котораго у насъ нѣтъ, и какъ в оное перегонить, огнем ли или пѣскомъ, а лучше б всего, когда б сего вамъ ненадобно было. Если бъ можно здѣлать такій алембикъ и достать всѣхъ вышепомянутих ингредиенцій, то бы лучше привезти сюда и тутъ здѣлать. Цѣлую васъ сердечне и Машенку. Остаюсь вашъ вѣрній мужъ Д. Апостолъ. 28 ноября».

Варіантъ пѣсни про дурня. Разсказъ о добродушномъ дурнѣ, который всюду суется съ добрыми пожеланіями и отовсюду получаетъ вмѣсто благодарности ругательства и побои, общеизвѣстенъ у многихъ народовъ, и не разъ былъ уже записанъ и въ Малороссіи (сравн.: Чубинскій, II, 489—492, Аѳанасьевъ, Сказки, III, 378—381; Grimm, Märchen, I, № 32; Zeitschrift für deutsche Mythologie, II, 386; Hahn., № 3; Врчевичъ, № 173). У великороссовъ варіантъ на эту же тему извѣстенъ въ стихотворн. формѣ, и впервые записанъ еще въ XVIII ст. Киршею Даниловымъ и изданъ Калайдовичемъ (см. Древнія россійскія стихотворенія, стр. 390—402). У насъ понынѣ извѣстны лишь два стихотворныхъ варіанта: одинъ, напечатанный въ V томѣ «Этнографічного Збірника», стр. 223—225 по записи Михаила Зубрицкаго, сдѣланной имъ еще въ 1880 г. въ Кропывныкѣ-Новимъ, Дрогобицкаго пов., и, затѣмъ, варіантъ, записанный въ Мизяковѣ (отъ лирн. Александра) г. Боржковскимъ и помѣщенный въ «Кіев. Старинѣ», за 1883 г. кн. XII ,стр. 640—642). Помѣщаемый нами ниже варіантъ взятъ изъ пѣсеннаго матеріала, собраннаго Максимовичемъ въ 1830—40-хъ годахъ. Гдѣ и отъ кого записана эта пѣсня—

не обозначено, хотя, судя по формѣ записи (карандашемъ, спѣшно), Максимовичъ записалъ ее со словъ пѣвца, въ моментъ исполненія [1]).

Дурень.

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень,
Голый по дорози,
Босый по морози.
Ажъ тамъ чоловикъ
Горохъ молотыть,
А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Симъ кипъ змолотыты,
Решето набраты!»
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!
Иде нашъ Кузьма,
Плаче, рыдае:
«Ой маты моя,
Маты Васылыхо!
На що мене ты навчыла
На такее лыхо?»
— «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты нерозумный!
Якъ трапытся вдруге
Таке дыво бачыть,
То ты кажы, сынку:
«Дай тоби, Боже,
Ни перевозыты,
Ни переносыты!»

—

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень,
Голый по дорози,
Босый по морози,
Ажъ тамъ чоловикъ
Дытыну ховае,
А винъ ёму й каже:
«Дай тоби, Боже,
Ни переносыты,
Ни перевозыты!»
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!
Иде нашъ Кузьма,
Плаче, рыдае:
«Ой маты моя,
Маты Васылыхо!
На що мене ты навчыла
На такее лыхо?»
— «Ой ты сынку, дурню,
Ой ты нерозумный!
Якъ трапытся вдруге
Таке дыво бачыть,
То ты кажы сынку:
«Вичная памъять,
А намъ на здоровья!»

—

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень
Голый по дорози,
Босый по морози,
Ажъ тамъ чоловикъ

[1]) Варіантъ, помѣщенный въ „К. Стар." взятъ въ основу для вольной передѣлки на ту же тему г. Гринченкомъ, подъ назв. „Кузьмына", въ брошюрѣ „Чыя робота важча. Кузьмына. Тры бажанна". Кіевъ, 1891 г.

Кабана смалыть.
А винъ ёму каже:
«Вичная памьять
А намъ на здоровъя!»
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!
Иде нашъ Кузьма,
Плаче, рыдае:
«Ой маты моя,
Маты Васылыхо!
На що мене ты навчыла
На такее лыхо?»
—«Ой ты сынку, дурню,
Ой ты нерозумный!
Якъ трапытся вдруге
Таке дыво бачыть,
То ты кажы, сынку:
«Дай тоби, Боже,
Самому пожыты
И людямъ роздаты!»

—

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень,
Голый по дорози,
Босый по морози,
Ажъ тамъ чоловикъ
Пидъ тыномъ с...
Кузьма ёму й каже:
«Дай тоби, Боже,
Самому пожыты
И людямъ роздаты!»
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!
Иде нашъ Кузьма,
Плаче, рыдае
Та на свою матиръ
Тяжко нарикае:
«Ой маты моя,
Маты Васылыхо!
На що мене ты навчыла
На такее лыхо?»
—«Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты нерозумный!
Якъ трапытся вдруге
Таке дыво бачыть,
То ты изъ-за тыну
Каминемъ у спыну.

Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ой якъ пишовъ дурень,
Голый по дорози,
Босый по морози,
Ажъ тамъ жинкы
Хусты полощуть,
А винъ изъ-за тыну
Каменемъ у спыну...
Ой тамъ Кузьму былы,
Дурня волочылы,
Чорныи кудри
Покривавылы!

Дополненіе къ тексту интермедіи „Замыслъ на попа".

Въ дополненіе къ варіантамъ интермедіи «Замыслъ на попа», помѣщеннымъ въ «Кіевской Старинѣ» въ № 3-мъ 1885 г. и въ № 10-мъ

текущаго года, намъ присланъ М. Дикаревымъ новый варіантъ, записанный въ старинной тетради Острогожскаго купца Маркова подъ загл. «Прозба на попа слободы Нерушъ-мене отъ парафіанъ», мало чѣмъ разнящійся отъ приведеннаго въ 10 кн. текущаго года, на столько мало, что даже имена собственныя, обыкновеоно видоизмѣняемыя въ зависимости отъ новой редакціи, почти повсюду тождественны. Существенныя отличія встрѣчаются лишь въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Варіантъ 10 й кн.	*Новый варіантъ.*
Хто оченаша не вміе, той не причащае	А хто «оченашу» не знае, того и не исповѣдае, А якъ «троицѣ» не знае, то и не причащае.
Стѣижебо (?)	Отжебо
. . . на вѣрну Степѣвну	на Вирку Стецивну
Ось якъ дѣвуе и вѣцна небога	. . . Ивецка небога
Що й *на свѣтѣ* до неи нихто не загляне	. . . *на смѣхъ* . . .
Въ письмѣ дьяка:	
бѣдныхъ защитителю всякой доброй надежды	. . . защитителю, сердцу доброи. . .
Новоглядинской епархіи	Навзглядской. . .

Затѣмъ слѣдуетъ вставка въ письмѣ дьяка, которой нѣтъ въ обоихъ раньше приведенныхъ варіантахъ. Беремъ за основаніе продолженіе варіанта 1885 года, какъ болѣе полнаго сравнительно съ варіантомъ 1899 года:

«Пресвитеръ Онуаріи Славолюбскій много намъ содѣлавъ пакости, удручаше бо великими наказаніями телеса наша и многое уже содѣлавше на хребтѣ нашемъ беззаконія, яже не бѣ лепно пресвитеру такова дела творити, яже тунеядець сеи пребеззаконныи изнуряетъ плоть нашу постомъ и молитвою, наигорше дѣяше, повелѣ бо небыти пѣснославленію, яже есть коляда, в пресвятый день Рождества Христова, также и прославленію честнаго пророка и мученика Предтечу Крестителя Иоанна, скакати юношамъ и дѣтямъ чрезъ огонь, обливаніе в пресвѣтлыи день Воскресенія Христова. Истребивъ сплетенія вѣнцевъ, аки мученическихъ, во время пяти

десятницы, но неудобѣ яже звѣрообразному оному пресвитеру Славолюбскому новая та веселия, яже быть»... Далѣе нѣсколько строкъ есть въ варіантѣ 1885 г.

Въ заключительныхъ строкахъ:

Варіантъ 10 й книги.	*Новый варіантъ.*
Благодарю покорно за вашу ласку, за ваши привѣты,	Благодарю покорно за ваши привѣты,
Иде пономарь до церкви звонити	Ходѣмо лишъ скорѣе, хочится питы
	Ато пора итить до церкви звонити.

Заботы о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Кіевскій протопопъ и благочинный Дражевскій обратился съ „доношеніемъ" въ Синодъ, довольно оригинальнаго содержанія. Въ своемъ „доношеніи" протоіерей горько жаловался на то, что юноши духовнаго званія, окончившіе курсъ въ Кіевской дух. Академіи, а также по неспособности уволенные изъ нея, игнорируютъ дѣвицъ духовнаго званія и вступаютъ въ бракъ съ дочерьми Кіевскихъ мельниковъ, сапожниковъ, кожевниковъ и даже крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, имѣя въ виду приданное, которое дается за этими невѣстами; слѣдствіемъ такого положенія вещей является то, что дочери священниковъ и причетниковъ оказываются вынужденными выходить замужъ также за лицъ крестьянскаго званія и черезъ то теряютъ свои льготы, присвоенныя имъ по правамъ состоянія. Указывая на это обстоятельство, какъ на дѣло весьма обидное, протопопъ и доложилъ Синоду. Послѣдній, хотя и отослалъ „доношеніе" къ Серапіону Кіевскому съ приказаніемъ имѣть доносителя въ дикастеріи на примѣчаніи за подачу просьбы помимо епархіальнаго архіерея, однако, ссылаясь на св. Писаніе, правила св. отцовъ и законы, приказалъ, чтобы, если показаніе протоіерея справедливо, „о прекращеніи вышеозначенныхъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей поступковъ приняты были надлежащія мѣры". («Русскій Архивъ, кн. 11»).

Текущія извѣстія.

М. А. Дикаревъ. *(Некрологъ).* 14 ноября, послѣ тяжкой болѣзни, скончался въ екатеринодарской больницѣ *М. А. Дикаревъ*, одинъ изъ прекраснѣйшихъ работниковъ въ области этнографическаго изученія малорусскаго народа, много потрудившійся для науки, какъ у насъ въ Россіи, такъ еще больше въ Галиціи, въ тамошнихъ научныхъ изданіяхъ. М. А. Дикаревъ между прочимъ былъ сотрудникомъ и нашего журнала, и еще такъ недавно (см. № 10-й текущаго года) на страницахъ его помѣстилъ свою статью, озаглавленную „Малорусское слово *паляныця* и греческое πέλανος" и имѣющую цѣлью представить опытъ сближенія нѣкоторыхъ современныхъ украинскихъ обычаевъ и обрядовъ съ древне-греческими. Сообщая теперь кратко объ этой новой утратѣ для нашей науки, мы надѣемся въ ближайшихъ книжкахъ журнала дать болѣе подробныя свѣдѣнія о его біографіи и научныхъ работахъ. Погребеніе тѣла покойнаго было совершено 16 ноября, при чемъ на гробъ было возложено пять вѣнковъ и изъ нихъ одинъ съ надписью «Видъ землякивъ щырому украинцеви».

Труды Ф. Ржегоржа о русинахъ. Скончавшемуся недавно чешскому ученому Франтишку Ржегоржу (см. К. Ст. кн. XI, стр. 79) принадлежатъ между прочимъ, слѣдующіе труды о русинахъ, помѣщенные въ чешскихъ журналахъ—Průmyslové listy, Svetozor, Slovanský Sbornik, Zlatá Praha, Ruch, Kočty, Osvěta, Lumir, Vesna, Leda, Časopis Českého Musea, Zabavne listy, Narodni listy и др.: Гуцулы, Русины въ домашнемъ хозяйствѣ, Ордань у галицкихъ русиновъ, квѣтная недѣля, Ходачкова шляхта, Рождество Христово на Галицкой Руси, Рахманськый велыкдень, Пасхальныя игры, похоронъ Русиновъ, издѣлія и украшенія у гуцуловъ, день св. Юрія и ночь чаровницъ, свадьба, Меланки, народная медицина у Русиновъ, Гуцульская свадьба, церковныя братства въ Галицкой Руси, народный календарь Бойковъ, народный календарь Лемковъ и масса др.

Для собиранія матеріаловъ для упомянутыхъ работъ, Ржегоржъ совершалъ очень часто поѣздки по Галиціи; во время путешествій онъ

обращалъ вниманіе на внѣшній бытъ населенія, на кустарную промышленность, ручныя издѣлія крестьянъ и мѣщанъ, собиралъ обзоры и передавалъ въ музей Напрстковъ въ Прагѣ. Изъ всего этого составился довольно хорошій Русинскій отдѣлъ въ музеѣ. Кромѣ того онъ собралъ много украинскихъ книжекъ и періодическихъ изданій и отдалъ ихъ въ городскую публичную библіотеку въ Прагѣ, гдѣ онѣ также составляютъ особый отдѣлъ. Его смерть является крупной потерей какъ для чешской науки, такъ и для украинской. (Літерат.-Науков. Вістник, кн. XI).

Шевченко въ представленіи нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Какъ хорошо нѣкоторые русскіе писатели знаютъ Шевченка, можетъ послужить образчикомъ слѣдующій, мелкій пожалуй, фактъ. Поэтъ Умановъ-Каплуновскій взялъ для сборника своихъ стихотворныхъ произведеній motto изъ Шевченка, изобразивъ его слѣдующимъ образомъ:

„За думою дума *риѳмъ* вилитае:
Одна давитъ серце, друга раздирае,
А третья тихо, тихесенько плаче
У самому серци—и нихто не бачить“

Извѣстный критикъ въ «Новомъ Времени» г. Буренинъ поднялъ на смѣхъ Уманова-Каплуновскаго: ибо если каждая риѳма давитъ и раздираетъ сердце поэта,—говоритъ онъ,—то г. Умановъ-Каплуновскій по этой причинѣ долженъ находиться въ очень печальномъ положеніи («Нов. Вр.» № 8468).

Тѣмъ не менѣе, ни поэтъ, ни г. критикъ по наивности и не подозрѣваютъ, что у Шевченка вмѣсто «риѳмъ» написано «роемъ».

Шевченко, какъ аргументъ въ пользу церковно-приходской школы. Въ № 17 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей« священникъ Липковскій, въ статьѣ «Псаломщики и церковныя школы», предлагаетъ проектъ—привлечь къ учительству въ этихъ школахъ сельскихъ псаломщиковъ (дьячковъ), и, между прочимъ, въ качествѣ аргумента въ пользу того, что дьячки могутъ быть годными народными учителями, приводитъ тотъ извѣстный фактъ, что «у дьяка началъ свое образованіе и украинскій поэтъ Тарасъ Шевченко». Жаль, что уважаемый

авторъ не подумалъ, ссылаясь на Шевченка, что за наука была у дьяка—пьяницы, и чѣмъ она завершилась... Аргументъ во всякомъ случаѣ, намъ кажется, не изъ удачныхъ.

Къ біографіи Н. Костомарова. Въ біографіяхъ Костомарова обыкновенно говорится, что, послѣ пребыванія въ Саратовѣ, историка пригласили на каѳедру русской исторіи въ Петербургскій университетъ. Теперь въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (сентябрь) напечатаны письма Костомарова къ управителю Казанскаго округа, откуда видно, что прежде, нежели пригласили Костомарова въ Петербургъ, онъ былъ приглашенъ въ Казанскій университетъ. Однако въ Казань ему не пришлось поѣхать, и упомянутое письмо отчасти объясняетъ и причины послѣдняго. Причиной, кажется, послужили «странныя писанія г. Саратовскаго губернатора», который «поставляетъ на видъ старыя событія изъ моей біографіи».

Лекція г-жи А. Я. Ефименко объ И. П. Котляревскомъ. Въ актовомъ залѣ харьковскаго университета состоится публичная лекція г-жи А. Я. Ефименко, посвященная памяти автора «Перелицованной Энеиды» и «Наталки-Полтавки». Лекціи о Котляревскомъ г-жа Ефименко предполагаетъ прочесть также въ Екатеринославѣ и на родинѣ писателя—въ Полтавѣ. (Южн. Кр.).

Мѣсто для памятника И. П. Котляревскому. Мѣстомъ для постановки памятника Котляревскому въ засѣданіи думы 28-го октября, послѣ продолжительныхъ и горячихъ преній, избранъ бульваръ на Протопоповской ул., при чемъ опредѣленіе мѣста для памятника на бульварѣ предоставлено коммиссіи. (Полт. Вѣд.)

Служанка И. П. Котляревскаго. Въ Полтавѣ понынѣ живетъ крестьянка Варвара Лелека, служившая у автора «Энеиды»; теперь ей уже болѣе 100 лѣтъ. Полтавская городская дума постановила, въ память Котляревскаго, выдавать ей на содержаніе ежемѣсячно по 8 руб. (Полт. Губ. Вѣд.).

Украинско-русскій народный Университетъ имени Шевченка. Въ концѣ октября во Львовѣ состоялось собраніе лицъ, дорожащихъ интересами народнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ не мало молодежи,—по поводу основанія во Львовѣ народнаго университета имени Шевченка. Мысль объ этомъ возникла гораздо раньше, еще весной, передъ извѣстнымъ академическимъ вѣчемъ, поставившимъ требованіе объ основаніи полнаго украинскаго университета.

На собраніи, г. Е. Коссевичъ произнесъ рѣчь, въ которой обстоятельно изложилъ исторію развитія народныхъ университетовъ въ Европѣ, а затѣмъ г. Старосельскій прочелъ статутъ основываемой новой просвѣтительной институціи, дѣятельность которой будетъ всецѣло обращена на села.

Собраніе избрало коммиссію, которая должна будетъ разсмотрѣть предложенный статутъ и послать его затѣмъ въ Министерство. (Руслан, ч. 242).

Премія имени Гильфердинга. Годъ тому назадъ Петербургское Славянское Благотворит. Общество объявило конкурсъ на премію имени Гильфердинга за „лучшій очеркъ исторіи современнаго положенія зарубежной Руси" (Галиціи, Буковины и Угорщины). По всей вѣроятности, на этотъ конкурсъ не поступило никакихъ трудовъ, такъ какъ „Сынъ Отечества" (№ 272) извѣщаетъ, что срокъ подачи сочиненія отложенъ еще на годъ. (Премія равняется 3000 руб.).

Премія за сочиненіе, касающееся Украины. Имп. Одесск. Общ. истор. и древностей назначаетъ премію за наилучшій историческо-археологическій трудъ, касающійся Украины, изъ появившихся въ печати въ теченіе послѣдняго пятилѣтія. Премія будетъ выдана изъ процентовъ съ капитала имени Димитрія Княжевича. Срокъ пятилѣтія истекаетъ 14 ноября 1899 г. (Kwartalnik Historyczny).

Капиталъ, образуемый отъ продажи сочиненій Г. Ѳ. Квитки-Основяненко и находящійся въ распоряженіи харьковской уѣздной земской управы, опредѣляется теперь до 2,500 рублей. (Южн. Кр.)

Письма Гоголя. Послѣ скончавшейся въ маѣ текущаго года въ Москвѣ Н. Н. Соренъ, дочери извѣстной А. О. Смирновой, осталась очень большая и цѣнная переписка ея съ Гоголемъ, Жуковскимъ, и гр. Толстымъ. Особенно много писемъ Гоголя, изъ которыхъ одни подписаны его инициалами, а другія—полной фамиліей. (Изв. кн. маг. М. О. Вольфъ, Ч. III, кн. 1).

Земледѣльческіе кружки въ Галиціи. Въ № 1 (годъ II) журнала «Slovansky přehlend» помѣщена подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ статья С. Дашинской.

Земледѣльческіе кружки въ Галиціи существуютъ уже съ 1882 г. Цѣль ихъ—работа надъ поднятіемъ народнаго благосостоянія, просвѣщенія и нравственности. Къ концу 1898 г. число ихъ доходило до 1350, а число членовъ до—58.000. „Кружки" устраиваютъ по селамъ читальни, библіотеки, книги для каковой цѣли получаютъ отъ главнаго управленія. Затѣмъ, „кружки" въ цѣляхъ распространенія просвѣщенія устраиваютъ бесѣды и чтенія.

Огромной заслугой „кружковъ" является торговая дѣятельность,—основаніе торговыхъ заведеній (болѣе 1000) съ собственнымъ капиталомъ (болѣе 1.000.000). Лавки «кружковъ» снабжены не только предметами повседневнаго употребленія, но и желѣзными издѣліями, хлѣбомъ и т. п. Евреи совершенно исключены изъ этой торговли (въ число членовъ принимаются только христіане).

Малорусская труппа І. В. Скорбинскаго. Въ числѣ труппъ малорусскихъ, пользующихся болѣе или менѣе широкой извѣстностью, какъ труппы г. Кропивницкаго, г. Саксаганскаго, г. Суслова, въ районѣ Малороссіи, а часто и за ея предѣлами, дѣйствуютъ еще и малыя труппы въ достаточномъ числѣ. Одна изъ такихъ труппъ—труппа І. В. Скорбинскаго удачно ведетъ свои представленія въ Шаргородѣ, Под. губ., какъ объ этомъ извѣщаетъ корреспондентъ «Южнаго Края». Онъ пишетъ: «І. В. Скорбинскій гастролировалъ у насъ года четыре назадъ и оставилъ по себѣ хорошую память. Несмотря на то, что вслѣдствіе отсутствія удобнаго помѣщенія труппа вынуждена была играть въ заѣздѣ, сборы достигали 70—80 руб. въ вечеръ—суммы весьма солидной для такого захолустнаго мѣстечка, какъ Шаргородъ. Публика обрадовалась возможности поразвлечься; а театръ былъ

ежевечерно переполненъ какъ простымъ людомъ, такъ и интеллигентными лицами. Хотя играть въ заѣздѣ представляло массу неудобствъ, тѣмъ не менѣе спектакли проходили весьма удачно и въ сценическомъ отношеніи, благодаря тому, что въ труппѣ имѣлись хорошія силы. Особенно выдѣлялся игрой самъ распорядитель и глава товарищества г. Скорбинскій, успѣвшій стать популярнымъ далеко за предѣлами Шаргорода. На этотъ разъ не понадобилось играть въ заѣздѣ, такъ какъ въ помѣщеніи чайной попечительства о народной трезвости имѣется свободная зала съ готовой сценой и декораціями, приспособленная для игры кружкомъ любителей драматическаго искусства и отданная въ распоряженіе товарищества. На первый разъ поставлена была малорусс. оперет. въ 3-хъ дѣйств. «Сватання на Гончаривци», соч. Квитки-Основьяненка и водевиль „Если женщина рѣшила, то поставитъ на своемъ“. Сборъ былъ порядочный, хотя не полный. На второй день поставлена была пьеса »Мартынъ Боруля». И на этотъ разъ публика была въ восторгѣ отъ игры артистовъ вообще и г. Скорбинскаго въ особенности. Сборъ былъ порядочный. Затѣмъ поставлены были день за днемъ драмы: «Несчасне кохання» и «Жыдивка Выхрестка». До сихъ поръ спектакли прошли удачно, какъ въ сценическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Крестьянскій театръ. Въ с. Полтавкѣ, херсонской губерніи, начальникъ почтоваго отдѣленія К. И. Балафатовъ, состоя членомъ общества трезвости и желая дать разумное развлеченіе населенію, пригласилъ нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и предложилъ имъ устроить спектакль, на что они охотно согласились. Для перваго раза были разучены и поставлены двѣ пьесы: водевиль Дмитренка—„Кумъ Мирошныкъ“ и Мирославскаго—„Кыйивськый ярмарокъ“. Первый спектакль прошелъ съ такимъ успѣхомъ, что г. Балафатовъ рѣшилъ продолжать начатое дѣло,—и вотъ уже въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ каждый праздничный день въ Полтавкѣ устраиваютъ спектакли. Пьесы играютъ такія, какія можно было купить на мѣстѣ, на базарѣ у книгонош, т. е. большею частью не особенно высокаго достоинства:—„Козаче серце“, „Богъ не безъ мылосты, козакъ не безъ щастя“, „Бувальщына“, „Замордованый Марко“, но вмѣстѣ съ тѣмъ были уже попытки поставить и болѣе серьезныя и вполнѣ литературныя пьесы, какъ напр., «Розумный и дурень» Карпенка-Карого и «По

ревызія» Кропивницкаго. Театръ посѣщается очень охотно не только мѣстными крестьянами, но и населеніемъ сосѣднихъ селъ. Сборы попусту не тратятся,—уже образовался капиталъ въ 150 руб., на который труппа намѣрена завести собственный оркестръ изъ 12 человѣкъ, тоже крестьянъ. Кромѣ лицъ, составляющихъ постоянную труппу, когда бываетъ надобность, приглашаются еще и другія лица, а также и хоръ; вообще, желающихъ принимать участіе въ спектакляхъ всегда находится очень много. Декораторомъ состоитъ г. Гладкій (почтальонъ), который устроилъ несложныя декораціи: видъ моря, видъ на село, лѣсъ и крестьянскую хату—богатую и бѣдную. Суфлируетъ г-жа Балафатова, режиссеръ—самъ г. Балафатовъ. Кромѣ послѣдняго, большое содѣйствіе этому благому начинанію оказываетъ мѣстный приставъ А. П. Александровъ.

Рядъ спектаклей въ деревнѣ—несомнѣнно хорошее и полезное дѣло, и можно только пожелать успѣха всѣмъ лицамъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нему. Но при этомъ нельзя не вырззить пожеланія, чтобы на будущее время и пьесы для спектаклей выбирались болѣе подходящія. Въ современномъ малорусскомъ репертуарѣ найдется очень много хорошихъ идейныхъ пьесъ,—ихъ то и желательно было-бы видѣть въ исполненіи актеровъ-крестьянъ и предъ сельской публикой, которая, конечно, сумѣетъ оцѣнить ихъ по достоинству. Несомнѣнно, что такіе спектакли окажутъ большую пользу мѣстному населенію, служа однимъ изъ средствъ умственнаго и нравственнаго развитія и облагораживая вкусы и привычки крестьянъ. (Кіев. Слово № 4254).

БИБЛIОГРАФIЯ.

Записки Наукового товариства iмени Шевченка. *Виходять у Львові що два місяці під редакциєю Михайла Грушевського. Тт. XXV—XXX*

Даже поверхностнаго пересмотра этого изданія Галиціи совершенно достаточно для всякаго непредубѣжденнаго человѣка для того, чтобы увидѣть, какъ серьезна, какъ тщательна научная работа малороссовъ за предѣлами Россіи. Есть отдѣлы въ южно-русской исторіи, по которымъ немыслимо ученымъ въ Россіи не вѣдать того обширнаго научнаго матеріала, какой разработанъ въ Галиціи въ «Записках Наукового Товариства iмени Шевченка». Не мало интереса въ этомъ смыслѣ приносятъ также особыя изданія того же Наукового Товариства по исторіи Украины-Руси, какъ напр. обширныя «Жерела до історії України-Руси» и, наконецъ большой томъ «Історії України-Руси» М. Грушевскаго.

Не мало интересныхъ статей и въ пяти томахъ, предстоящихъ нашему обзору.

Въ статьѣ *«Причинки до зносин Петра Дорошенка з Польщею в 1670—1672 року»*, принадлежащей перу Олега Целевича, читавшаго настоящій рефератъ въ исторической семинаріи, руководимой профессоромъ М. С. Грушевскимъ, находимъ документальныя указанія на дипломатическія сношенія Петра Дорошенка съ Польшею въ то время, какъ Московское правительство отвергло право Дорошенка на гетманство на лѣвой сторонѣ Днѣпра и, въ силу Андрусовскаго договора, отказалось отъ мысли соединить правый и лѣвый берегъ Днѣпра подъ своею державою. Извѣстно, что и Польша отказалась признать

правобережнымъ гетманомъ Дорошенка, слишкомъ автономнаго дѣятеля изъ среды козаччины. Острожская коммиссія окончилась избраніемъ въ гетманы праваго берега уманскаго полковника Михаила Ханенка, готоваго, какъ и большинство козацкихъ старшинъ, дѣйствовать въ угоду высшей власти, какою являлась въ то время Польша. Но Дорошенко и послѣ избранія Ханенка былъ ревностно поддерживаемъ украинскимъ народомъ, и польское правительство волей-неволей должно было вести съ нимъ дипломатическіе переговоры.

Г. Целевичъ указываетъ, что не легко было украинскому народу, издавна ненавидѣвшему татаръ и турокъ и издавна привыкшему бить ихъ, теперь признать въ нихъ своихъ союзниковъ и даже подчиниться турецкой власти. Между тѣмъ, Дорошенку только и оставалось, что признать надъ Украиной вассальную власть Турціи, хотя бы на время Ему нужно было, чтобы его краемъ завладѣли Турки и отняли бы его отъ Поляковъ; этимъ Турки развязали бы узелъ, завязанный Андрусовскимъ договоромъ, отнимавшимъ у Московскаго правительства право распоряжаться Украиной праваго берега Днѣпра. При такомъ условіи, онъ думалъ, Московское правительство охотно признаетъ его, Дорошенка, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но прежде чѣмъ прямо идти къ этой цѣли, онъ всячески старался склонить Польское правительство къ болѣе благосклонному отношенію къ Украинѣ и къ нему, Дорошенку. Ему слишкомъ рѣзкимъ казался переходъ къ союзничеству съ Турками, чуялось, что добра изъ этого въ концѣ концовъ не выйдетъ. Отсюда рядъ его дипломатическихъ сношеній, рядъ писемъ его къ представителю тогдашней Рѣчи Посполитой, великому коронному маршалку Яну Собѣсскому.

Въ 1881 году появились эти матеріалы въ краковскомъ изданіи «Acta historica res gestas Poloniae illustrantia 1507—1795, vol II, tom 1, pars I—II» подъ особымъ заглавіемъ «Pisma do wieku i spraw Iana Sobieskiego». Матеріалами этими до сихъ поръ для уясненія политики Дорошенка еще никто не воспользовался. Авторъ по нимъ слѣдитъ сношенія Дорошенка съ Польшею до 1670 года, потомъ сношенія его со времени острожскихъ переговоровъ и, наконецъ, обстоятельства, вызвавшія турецко-козацкое движеніе за время 1672 г. Предъ читателемъ проходитъ здѣсь рядъ событій, показывающихъ, какъ Дорошенко, сперва весьма склонный на миръ съ Поляками, постепенно утрачиваетъ въ нихъ всякую вѣру и въ концѣ концовъ убѣждается въ необходимости вести свое дѣло въ союзѣ съ Турками. При этомъ

мы узнаемъ, какъ смотрѣлъ, на все дѣло Украины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на возможность Рѣчи Посполитой выйти съ нѣкоторой честью на свѣтъ божій, такой замѣчательный дѣятель, какъ будущій польскій король Янъ Собѣсскій.

По мнѣнію Собѣсскаго, существуетъ три способа вывести Польшу изъ труднаго положенія послѣдней четверти 17 вѣка. Первый, наиболѣе вредный и нечестный, это исполнить все, чего желаетъ Турецкій султанъ, отречься Польшѣ отъ Украины, совсѣмъ отъ нея отступиться. Способъ этотъ вреденъ и Польшѣ, и всему христіанскому міру, потому что при немъ увеличились бы силы Турокъ не малымъ числомъ храбрыхъ людей, да и Запорожье, вѣчно Туркамъ колющее въ очи, на вѣки бы загинуло. Другой способъ—допустить все, чего хочетъ Дорошенко, и какъ-нибудь позолотить эту пилюлю Ханенку для того, чтобы онъ оставался вѣренъ Польшѣ. Допустить все требуемое Дорошенкомъ надо: Украина крѣпко держится за Дорошенка, потому что за дѣло Дорошенка стоитъ не только Турція, но и Москва, и наконецъ потому, что и Ханенко не мало требуетъ отъ Польши—и уничтоженія уніи, и увеличенія числа запорожцевъ до 50. 000, и запрещенія расквартированія польскаго войска въ украинскихъ городахъ, и зачисленія въ козацкіе полки полка Подольскаго, такъ, чтобы Могилевъ сталъ пограничнымъ городомъ. Тогда Турки, потерявъ довѣріе къ козакамъ, соединятся съ Поляками и выгубятъ невѣрный украинскій народъ. А на случай если-бъ у Турокъ не пропала охота воевать съ Поляками, то имъ пришлось бы сперва нападать на Украину, и козаки, въ соединеніи съ Поляками, дали бы тогда Туркамъ себя знать, какъ это показываетъ Хотинская битва. Но при этомъ способѣ надо дѣйствовать поспѣшно, ибо если прибудутъ въ Украину турецкія войска, тогда Украина не будетъ больше «sui juris». Третій способъ—это храбрая борьба за отечество и христіанство. Но возможенъ ли этотъ способъ? Собѣсскій указываетъ на недостатокъ войска. Надо на войну и денегъ, а какъ положиться на тѣ подати, которыя утверждаетъ сеймъ.[9]

Янъ Собѣсскій предстаетъ предъ нами давнимъ фанатикомъ христіанской идеи искоренения Турокъ изъ Европы; для этого онъ очень не прочь воспользоваться силами козаковъ-украинцевъ, но, при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ тоже очень желаетъ «выгубить невѣрный Украинскій народъ» хотя бы силами тѣхъ же противниковъ христіанъ—Турокъ.

Очеркъ Целевича полезенъ въ научномъ отношеніи. Къ сожалѣнію только, авторъ, при большой специализаціи, не вводитъ читателя въ кругъ идей, которыя въ XVII в. преслѣдовалъ гетманъ Дорошенко.

Въ другой статьѣ г. Олега Целевича *«Участь козаків в Смоленській війні 1633—1634 рокахъ»* указывается, какъ естественное движеніе козаковъ къ реакціи польскому правительству было прервано въ 1633—34 годахъ участіемъ козаковъ въ походѣ короля Владислава на защиту Смоленска. Авторъ слѣдитъ за дѣятельностью козаковъ въ этой войнѣ на основаніи польскихъ дневниковъ, веденныхъ въ то время, и на основаніи другихъ источниковъ. Такъ, онъ беретъ свои свѣдѣнія изъ: 1) Dijaryusza wojny moskiewskiej 1633 roku» Яна Москожовского, изданнаго А. Рембовскимъ въ XIII т. библіотеки Красинскахъ, и считаетъ этотъ дневникъ наиболѣе обстоятельнымъ, 2) «Przyczynki do historyi wojny moskiewskiej z lat 1633—1634 wraz z planem oblęzenia Smolenska, изданія Лиске въ XI т. библіотеки Оссолинскихъ, 3) «Pamiętniki Albrychta St. X. Radziwilla» т. I., изданныхъ въ Познани въ 1839 г. Эдуардомъ Рачинскимъ, 4) Przylęcki: Pamiętniki o Koniecpolskich, 5) изъ перваго тома Русской Исторической библіотеки, заключающаго въ себѣ памятники, относящіеся къ смутному времени и въ частности «Отрывки дневника о войнѣ царя Михаила Өедоровича съ польскимъ королемъ Владиславомъ 1632—1634 г.», 6) изъ актовъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи археографическою экспедиціею т. III, 7) изъ актовъ историческихъ, собранныхъ и изданныхъ археографической коммиссіей т. III, и 8) изъ актовъ Московскаго государства, изданныхъ въ 1890 г. академіею наукъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, авторъ пользовался еще многочисленными источниками, хранящимися въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, часть которыхъ онъ и приводитъ въ приложеніи къ своей статьѣ. Наконецъ, источниками статьи служили соотвѣтствующіе отдѣлы въ «Исторіи Россіи» Соловьева, также Вассенберга, въ „Gestorum glorissimi ac invictissimi Vladislawi IV, partis secundae liber primus“ и Котлубая „Odsiecz Smolenska i pokoi Polanowski“. Авторъ тщательно слѣдитъ за всѣми перипетіями войны, начиная отъ разрыва Деулинскаго перемирія въ 1633 году до Поляновскаго мира 1634 г. Война эта интересна между прочимъ по участію въ ней будущаго гетмана запорожскаго Богдана Хмельницкаго въ качествѣ сотника, но объ этомъ эпизодѣ г. Целевичъ не

упоминаетъ. Къ сожалѣнію, статья отличается спеціальнымъ характеромъ и читается съ нѣкоторымъ трудомъ.

Въ статьѣ *„Писаня І. П. Котляревского въ Галичинѣ“* д-ра И. Франка мы находимъ очень обстоятельный пересказъ о судьбѣ произведеній Котляревскаго въ Галичинѣ. Первые слѣды знакомства Галичанъ съ Энеидою не восходятъ раньше 20-хъ годовъ нашего столѣтія. Изданіе Энеиды 1809 года было въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, учрежденной въ 1817 году, и тутъ, вѣроятно, познакомилась съ произведеніемъ Котляревскаго нѣкоторые студенты-русины; университетская же библіотека имѣетъ только изданіе 1842 года, и то исправленное, вѣроятно, уже въ 1848 году. Съ Энеидою познакомился Шашкевичъ, вѣроятно, уже въ 1830—32 годахъ по экземпляру библіотеки Оссолинскихъ. По тому же экземпляру познакомился съ нею и Головацкій. Другое изданіе, изданіе 1808 года, было только въ рукахъ Осипа Левицкаго, автора извѣстной грамматики 1838 г. Изъ съѣзда русскихъ ученыхъ 1848 г. мы имѣемъ отзывы о произведеніяхъ Котляревскаго, доказывающіе, что творенія его занимали замѣтное мѣсто въ галицко-русскомъ возрожденіи. Такъ, Николай Устіановичъ поминаетъ Котляревскаго, когда заявляетъ, что при желаніи Галичанъ веселой литературы, они должны браться за Котляревскаго. Затѣмъ, Головацкій въ своей «росправѣ о языцѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ», читанной на означенномъ съѣздѣ, говоритъ о Котляревскомъ, какъ о томъ, кто «первый показавъ дорогу до заведенія укр.-руськоі мови в книжну літературу, перелицевавши Енеиду и написавши кильва оперъ“. Тогда же Вагилевичъ отдалъ дань таланту Котляревскаго, признавъ, что его произведенія всегда будутъ украшать украинскую литературу своимъ юморомъ и необыкновенно гладкой концепціей произведеній. Въ лекціяхъ своихъ Головацкій также высоко цѣнилъ Котляревскаго уже въ 1849 году. Онъ писалъ между прочимъ тогда, что Котляревскій «завсигды старався народнисть малоруску пиднести, языкъ малорускый пидвысыты, ставлячы его або въ протывоположносты до кныжного, або до російского (великорусскаго)». Но Головацкій хотя и чуялъ чисто національное значеніе Энеиды, не умѣлъ однако оцѣнить его. Люди той поры отлично чувствовали свое русское происхожденіе и любили свою «руськість», но они видѣли передъ собою какую то абстрактную Русь, и потому то и возможенъ такой быстрый переходъ Головацкаго отъ формальнаго національизма малороссійскаго къ абстрактному національизму

«обще-русскому». Зналъ Головацкій и «Оду до Куракина», неизвѣстно отъ кого имъ полученную. Въ приводимыхъ имъ 20-ти первыхъ стихахъ этой оды замѣтны измѣненія въ текстѣ противъ изданія ея Кулишемъ. Все это свидѣтельствуетъ о живомъ интересѣ широкаго круга образованныхъ людей въ Галичинѣ произведеніями Котляревскаго. Но въ 1849 году эта живая струя рвется. Наступила пора удаленія съ живого пути русской интеллигенціи. Это удаленіе, объясняемое недостаточностью культурности, недостаткомъ знаній среди народныхъ массъ и отсутствіемъ пониманія соціальныхъ и экономическихъ нуждъ народа, было большимъ десятилѣтнимъ антрактомъ въ исторіи Галицкаго духовнаго развитія. То, что тогда утратили Галичане, и до сихъ поръ чувствуется галицкою интеллигенціею. Въ результатѣ тогдашнихъ утратъ галицкаго населенія былъ, между прочимъ, разрывъ съ духовнымъ проявленіемъ жизни на Украинѣ, съ развитіемъ ея литературы и идеаловъ. Мысли Кирилло-Меѳодіевскаго братства не проникли въ Галицію, да если бы и проникли, то едва ли были бы поняты тогдашнимъ іерархическимъ и чинопоклоннымъ обществомъ, которое въ то время «вело передъ» въ Галичинѣ. Только въ 60-хъ годахъ волна украинскаго вліянія снова набѣжала на Галицію. Въ это время несъ украинскія теченія въ Галицію Кулишъ. Но Кулишъ недостаточно проникся значеніемъ Котляревскаго. Онъ нерѣдко передѣлывалъ отдѣльныя мѣста въ его произведеніяхъ и въ такомъ видѣ издавалъ ихъ въ Галичинѣ. Затѣмъ покойный профессоръ Онишкевичъ положилъ первое основаніе для надлежащаго пониманія Котляревскаго. Но онъ не долго работалъ на этой нивѣ и показалъ, что невозможно приступать къ изданію Котляревскаго съ такимъ ничтожнымъ матеріаломъ, какой былъ въ его распоряженіи. Впослѣдствіи ученикъ его В. Коцовскій издалъ III т. «Руської бібліотеки», который можно назвать началомъ изученія національнаго возрожденія въ Галичинѣ; здѣсь указано и значеніе произведеній Котляревскаго на проявленіе этого возрожденія. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи принадлежатъ профессору Драгоманову.

Несомнѣнно, данный очеркъ д-ра Франка весьма важенъ для характеристики литературнаго положенія дѣлъ въ Галиціи въ первой половинѣ настоящаго вѣка. Даже высоко-талантливымъ произведеніямъ Котляревскаго, доступнымъ обширному кругу читателей, съ немалымъ трудомъ доводилось пробивать себѣ дорогу въ Галиціи.

Др. И. Франку принадлежитъ еще статья *«Галицкий москаль Чарівник»*. Авторъ приводитъ тутъ пьесу о. Степана Петрушевича, написанную на ту же тему о невѣрной женѣ, что и пьеса Котляревскаго, и написанную въ 30-хъ годахъ, во всякомъ случаѣ передъ опубликованіемъ «Москаля Чарівника», который былъ изданъ только въ 1842 г. О. Степанъ Петрушевичъ родился въ 1770 г. и умеръ 1860 г.; онъ былъ современникомъ Ивана Петровича Котляревскаго. Онъ много писалъ на своемъ вѣку, но до насъ дошелъ небольшой и недурной сборникъ народныхъ проповѣдей, напечатанный въ 1854 году въ «Przyjacelu domowym» въ Львовѣ съ нѣкоторыми цензурными выпусками. Д-ръ Франко при этомъ сомнѣвается въ справедливости догадки проф. Н. П. Дашкевича, будто Котляревскій имѣлъ надобность заимствовать свою тему изъ французской комической оперы «Le soldat magicien», текстъ которой профессоръ долженъ былъ отыскать въ British Museum. При этомъ др. Франко приводитъ еще нѣсколько варіантовъ разсказа о «Гостѣ Терентіи», столь многочисленныхъ и у насъ, и въ Галиціи.

Занимающійся славянской діалектологіей найдетъ для себя цѣнныя фактическія замѣтки въ обширной статьѣ г. Ивана Верхратскаго *«Знадоби для пізнаня угорско-руских говорів»*. По мнѣнію автора, говоръ угорскихъ русскихъ, числящихся всего въ полъ-миліона, представляетъ много подробностей, заслуживающихъ вниманія. Кромѣ того, авторомъ приведена масса мѣстныхъ малорусскихъ преданій, загадокъ, пословицъ и народныхъ пѣсенъ, какъ образцовъ угорско-русскаго говора, замѣчательныхъ тѣмъ, что всѣ они записаны съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей въ правописаніи. Заканчиваетъ авторъ статью свою небольшимъ лексикономъ особенныхъ словъ угорско-русскаго языка, переведенныхъ на малорусскій (галицкій) и на нѣмецкій языки.

Въ статьѣ г. М. Грушевскаго *«Описи Ратенского Староства з 1500—1512 р.»* дается продолженіе наиболѣе давнихъ инвентарей, которые началъ опубликовывать авторъ въ «Запискахъ наукового Товариства імени Шевченка». Ратенское староство, состоявшее изъ двухъ волостей, Ратенской и Ветельской, тянулось долгимъ (200 верстъ) поясомъ надъ верхнею Припетью, врѣзываясь клиномъ въ территорію в. кн. Литовскаго, между ковельскимъ староствомъ и Берестейской землею, и причислялось къ Холмской землѣ польской короны. Это было глухое полѣсье, и тутъ архаичныя формы общественныхъ отношеній держались дольше и прочнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе

чего ратенскіе инвентари особенно интересны. Отъ общественныхъ и административныхъ отношеній Ратенскаго староства въ началѣ XVI вѣка вѣетъ глубокою давностью: нерѣдко во многихъ отношеніяхъ мы переносимся ко временамъ формированія русской державной власти; такъ, тутъ, какъ и въ X вѣкѣ, медъ, куницы и бѣлки служили средствомъ для оплаты податей. Отъ дворища еще въ XVI вѣкѣ давали по бѣлкѣ, совсѣмъ какъ въ X вѣкѣ «по бѣлой веверицѣ отъ дома»; куницы фигурировали въ видѣ различныхъ оплатъ; лисицы тоже служили «данью». Медъ еще игралъ важную роль, какъ и въ X вѣкѣ, и давался подъ разными именованіями: давали медъ липовый, потомъ медъ осенній или медъ данный. Полюдье, про которое разсказываетъ намъ въ срединѣ X вѣка Константинъ Порфирородный, сохранило и свое имя, и свое значеніе до XVI вѣка. Оно извѣстно подъ терминами: поклонъ, почта, стація и по поясненію люстраціи 1564 г.: «полюдье зъ давнихъ часивъ дають на пидстарости въ певныхъ часахъ, якъ винъ прииздыть до нихъ на грунтъ». Полюдье давали съ отдѣльныхъ хозяйствъ то медомъ, то деньгами. Обращаютъ еще на себя вниманіе между всякими податками такіе, какъ poczerewczizna, или — по разъясненію рестра 1510 года — poczerewczizna, pobrzuchowszczyzna, jus primae noctis (право первой ночи); по люстраціи 1569 года — poczerewczizny gdy się kto zeni, gdy ktori czlowiek tak wiarę z wdową albo z driewką chczal myeskacz — безъ вѣнчанія; однимъ словомъ poczerewczizna есть та же подать, которая извѣстна въ другихъ русскихъ королевскихъ имѣніяхъ — «poiemszczyzna». Хозяйственною и податною единицею было дворище, подъ которымъ разумѣлись частію близкіе свояки, частію болѣе далекіе свояки или и совсѣмъ чужіе люди общевладѣльцы. Встрѣчаемъ и такое, что хозяинъ платитъ какъ одноoбщественникъ извѣстнаго дворища, но въ то же время поддерживаетъ и другое дворище и за то дворище платитъ особо. Всѣ села пользовались русскимъ правомъ, измѣренія грунтовъ вовсе не было слышно, подати не нормировались какими-либо одинаковыми нормами и были различны для отдѣльныхъ хозяйствъ. Подати, вообще, очень разнообразныя и многочисленныя, мѣнялись для разныхъ селъ. Панщины регулярной, очевидно еще не было. Впрочемъ, инвентарь 1512 года говоритъ про ратенскую волость, что здѣшніе люди «мають зъорати и зробити (засѣять) поле и зибрати урожай до фильворку», и про ветельскую: «мають зъ усих замковихъ синожатей зибрати сіно до замку, ходити зъ пидводами куди треба буде, будоваты и поправляты замокъ

та звозыты дерево своимъ коштомъ». Но эти фольварочныя работы не должны были занимать много времени, судя по описямъ фольварочныхъ доходовъ; хозяйство въ нихъ велось небольшое, поэтому вся повинность крестьянъ для фольварковъ опредѣлялась въ нѣсколько дней въ году. Потомъ уже, въ 1556 году, напримѣръ, явился большій фольваркъ, требовавшій большихъ повинностей отъ крестьянъ. Ратенская волость въ 1500 году подверглась нападенію татаръ, и нѣсколько селъ въ ней сгорѣло. Въ заключеніе приведена и самая люстрація 1500 г. Цѣнность статьи г. Грушевскаго несомнѣнная.

Встрѣчаемъ далѣе въ «Записках Наук. Товариства імени Шевченка» археологическую замѣтку г. М. Грушевскаго *«Молотовське срібло»*. Здѣсь разсмотрѣна имъ находка на глубинѣ метра, на новомъ кладбищѣ въ Демидовѣ, составляющемъ филію с. Молотова, вблизи Николаева надъ Днѣпромъ. Находка эта состоитъ изъ браслета, пары наручниковъ большихъ, пары наручниковъ маленькихъ, пары сходныхъ, но не тождественныхъ колечекъ, пары одинаковыхъ колечекъ для привѣшиванія къ серьгамъ, изъ перстней и 65 чешскихъ монетъ Вячеслава II (1278—1305) и короля Ивана I Люксембургскаго (1311—1345). Г. Грушевскій находитъ очень интересными и самые предметы находки, и мѣсто ея, ибо вообще галицкія находки до сихъ поръ почти не входили въ кругъ изслѣдованій по русскому искусству, и, наконецъ то, что находка эта имѣетъ точную дату. Молотовская находка показываетъ, по свидѣтельству г. Грушевскаго, что искусство княжеской поры, носившее слѣды византійскаго вліянія и сосѣднихъ съ Русью народовъ, имѣетъ свои остатки и въ западной окраинѣ украинско-русской земли, и что это искусство процвѣтало въ Украинѣ еще въ XIV вѣкѣ и вѣроятно исчезло подъ новыми западными вліяніями, которыя принесли съ собою XIII и XIV вѣка. Замѣтка г. Грушевскаго очень обстоятельна и заслуживаетъ вниманія спеціалистовъ.

Г. Юліанъ Левицкій въ статьѣ подъ заглавіемъ *«1 и 2 падолиста 1848 р. у Львові»* приводитъ цѣлый рядъ брошюръ, откликовъ и прокламацій, относящихся къ 1848 году и дальнѣйшимъ. Всѣ приведенные имъ матеріалы покамѣстъ были не въ печатномъ видѣ, и представляютъ собою точный отчетъ по революціонной агитаціи Галиціи 1848 года и особенно по львовскимъ разрушеніямъ, имѣвшимъ мѣсто 1 и 2 ноября этого года. Отчетъ этотъ тѣмъ интереснѣе, что онъ составленъ тогдашнимъ министромъ юстиціи, барономъ Польбергомъ. Результаты слѣдствія были достаточно мирными; оно про-

заводилось значительно позже событій и носитъ на себѣ дату 24 мая 1851 года. Въ приводимой рукописи нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія про русиновъ, про ихъ положеніе и участіе въ фактахъ 1848 года. Авторъ, торопясь познакомить читателей съ своими источниками, ограничивается только ихъ приведеніемъ въ точномъ печатномъ воспроизведеніи и отказывается отъ какихъ-либо своихъ высказываній.

Наконецъ, находимъ въ «Запискахъ еще статью г. *Л. Ч.*—*«Україна після 1654 року»*. Статья эта является обзоромъ въ краткихъ, но ясныхъ чертахъ положенія Украины послѣ присоединенія ея къ Московскому Государству. Начиная съ 1654 г. и вплоть до расцвѣта политической системы Екатерининской эпохи, авторъ шагъ за шагомъ отмѣчаетъ возростающее несоотвѣтствіе между правительственными мѣрами и стремленіями украинскаго народа.

Когда украинскій народъ присоединялся къ Московскому государству, у него *было* четыре завѣтныхъ желанія: 1) полное обособленіе отъ Польши своей территоріи, 2) сохраненіе подъ протекціей Москвы автономія своего края,—хотя бы во внутреннихъ дѣлахъ, 3) уничтоженіе крѣпостничества и 4) сохраненіе церковнаго устройства въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до тѣхъ поръ у нихъ.

Что касается перваго пункта, то время и послѣдующія событія показали, что горячія желанія Украинцевъ избавиться отъ польской власти подъ покровомъ единовѣрной державы не нашли сочувствія у послѣдней. Если сравнить границы Украины 1654 г., обнимавшей пространство по обѣ стороны Днѣпра отъ Горыни, Случи, Днѣстра и Ингула—съ одной стороны, отъ Припети, Десны, Сейма до Запорожской Сѣчи—съ другой, съ границами, напримѣръ, Андрусовскаго договора (1667) и трактатовъ—1681 и 1686 годовъ, по которымъ все правобережье отошло къ полякамъ, а огромное пространство отъ Кіева до Запорожья, фактически обращалось въ пустыню,—выводъ будетъ очевиденъ.

Если обратиться ко второму пункту, то и здѣсь прійдется констатировать постепенное ограниченіе автономіи малорусскаго народа. Исконное право избирать по собственному желанію гетмана сначала постепенно ограничивается вмѣшательствомъ Московскаго правительства, а затѣмъ и совершенно уничтожается; гетманская власть на время замѣнялась «Малороссійской коллегіей» (1722), «Малороссійскимъ правленіемъ» (1734), вторичной «Малороссійской коллегіей» (1764), которая уже служитъ предѣльнымъ срокомъ существованія

гетманской власти; да и самая власть гетмана подверглась огромнымъ стѣсненіямъ: она лишилась многихъ правъ и привилегій, издавна пріобрѣтенныхъ. Кромѣ того, реформы были произведены въ судебномъ устройствѣ. Запорожье же прекратило свое существованіе.

И третье желаніе,—избавиться отъ крѣпостничества—имѣло столь же печальную судьбу, какъ оба вышеуказанныя. Временная зависимость крестьянъ отъ державцевъ обратилась постепенно въ «послушенство» съ правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, а затѣмъ и послѣднее право было у нихъ отнято, и указомъ 1783 г. была утверждена полная крѣпостная зависимость.

Переходя, наконецъ, къ послѣднему желанію украинскаго народа—сохраненію церковнаго устройства, мы видимъ, что и здѣсь произошли постепенно измѣненія и ограниченія въ церковной автономіи. Мало-по малу былъ уничтоженъ обычай избранія паствой какъ митрополитовъ, такъ и пастырей.

Въ общемъ, трудъ г. Л. Ч. хотя и написанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ теченіе которыхъ кое-какія детали въ рассматриваемую эпоху подверглись болѣе полному обслѣдованію, тѣмъ не менѣе, какъ общая характеристика судебъ Украины, онъ является полезнымъ вкладомъ если не въ историческую науку, то въ литературу, имѣющую въ виду распространеніе основательныхъ знаній по исторіи.

Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить весьма богатаго отдѣла библіографій, составляемыхъ съ величайшей тщательностью по всѣмъ отраслямъ наукъ, по скольку онѣ касаются культурной жизни украинскаго народа.

Приведенный нами разборъ пяти книгъ «Записок наукового Товариства імени Шевченка», надѣемся, даетъ право намъ считать означенныя „Записки“ серіознымъ литературнымъ явленіемъ на малорусскомъ языкѣ.

А. М.

„Этнографічний збірник“. *Видає наукове товариство імени Шевченка. Т. т. I—III У Львові, 1895—97; т. т. IV—V—видає этнографічна комісcия науков. Товар. імени Шевченка у Львові, 1898 г.*

Съ момента *временнаго* прекращенія дѣйствій Юго-Западнаго Отдѣла И. Р. Географ. Общества, послѣдовавшаго еще въ 1876 году,

украинско-русская этнографическая наука не имѣла до послѣдняго времени ни спеціальныхъ учрежденій или обществъ, ни таковыхъ же изданій. Существующія спорадическія изданія собраній матеріаловъ обыкновенно обязаны своимъ появленіемъ энергіи отдѣльныхъ лицъ, между тѣмъ какъ богатый этнографическій матеріалъ нерѣдко въ огромномъ количествѣ не находилъ себѣ пристанища и то совершенно погибалъ, то появлялся цѣликомъ, или въ отрывкахъ, въ чужихъ изданіяхъ.

Имѣя въ виду всѣ эти неблагопріятныя условія, львовское «Наукове товариство імени Шевченка» рѣшило въ 1895 г. открыть серію изданій подъ названіемъ «Этнографічний збірник». Въ 1895 г. былъ изданъ І-ый томъ, а въ 1896—II-ой, подъ ред. профес. М. Грушевскаго. Въ слѣдующихъ годахъ, 1897 и 1898,—появились томы III, IV и V,—послѣдній подъ редакціей доктора Ів. Франка. Начиная съ IV тома, изданіе «Збірника» приняла на себя особая, учрежденная при «Науков. Товаристві», этнографическая коммиссія.

Что касается общаго характера матеріаловъ, помѣщаемыхъ въ выпускахъ «Збірника»,—то этотъ матеріалъ весьма разнообразенъ, въ виду того, что онъ собирался и записывался въ разнообразныхъ уголкахъ обширной территоріи, заселенной украинскимъ народомъ.

Обратимся къ обозрѣнію вышедшихъ уже томовъ «Этнографічного Збірника».

Т. І. Въ небольшой статьѣ *М. Крамаренка* «Різдвяні сьвятки в Станиці Павлівській Ейського оддiлу, на Чорноморії» (стр. 1—24) даются свѣдѣнія о приготовленіяхъ въ упомянутой мѣстности къ рождественскимъ праздникамъ, къ богатой кутьѣ; о времяпрепровожденіи въ первый день Рождества (напр. коза, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—кобыла); здѣсь же приведено нѣсколько колядокъ и щедривокъ; гаданья подъ новый годъ, голодная кутя и крещеніе.

Гораздо больше мѣста удѣлено «Галицькім народнім казкам». (25 NN-овъ, стр. 1—120), записаннымъ въ Бродскомъ пов. г. Роздольскимъ и приведеннымъ въ систему, а также снабженнымъ параллелями докторомъ Ів. Франкомъ; послѣднія исполнены съ образцовой добросовѣстностью по многочисленнымъ сборникамъ сказокъ,—малорусскихъ, русскихъ, польскихъ, сербскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ. Сказки снабжены указателемъ сказочныхъ и иныхъ мотивовъ, встрѣчающихся въ приведенныхъ номерахъ сказокъ. Не безъинтересно будетъ отмѣтить раздѣленіе докторомъ Ів. Франкомъ устной народной

(прозаической) словесности на основаніи литературныхъ ея формъ, а не на основаніи содержанія,—въ предисловіи къ систематизированнымъ имъ сказкамъ. По его мысли, главными формами произведеній народной словесности (прозаической) слѣдуетъ считать: сказку, легенду, новеллу, фацецію (анекдотъ), миѳическіе разсказы, разсказы о людяхъ, событіяхъ и историческихъ мѣстностяхъ, сказки о животныхъ, притчи и «апологи».

Третьей статьей является «Українські людські вигадки» (стр. 1—28)—анекдоты, собранные О. Шимченкомъ въ Украинѣ (по всему вѣроятію, въ Полтавщинѣ). Всѣхъ анекдотовъ собрано 29: «про руськвх» (великороссовъ), про жидів, про циганів, про панів, про москалів (солдатъ), про птахів і звірів.

Къ концу тома приложена «программа до збирання відомостей про українсько-руський край і народ», составленная членами «Наукового Товариства», нѣсколько напоминающая программу, изданную кіевскимъ предварительнымъ комитетомъ по устройству XI археологическаго съѣзда, только гораздо полнѣе, т. к., кромѣ свѣдѣній историческихъ, сюда вошли, въ большемъ объемѣ, вопросы по этнографіи (общія свѣдѣнія, антропологическія данныя, хата и дворъ, одежа, пища и питье, занятія, промыслы, семейные обычаи, повѣрья, народная литература), вопросы соціально-экономическіе и юридическіе (семейное и семейно-имущественное право, обязательства и наслѣдственное право, уголовное право).

Т. II. Значительную часть этого тома заполняютъ цѣнные этнографическіе матеріалы, собранные В. Гнатюкомъ въ Бучацкомъ повѣтѣ: «Лірники. Лірницькі пісні, молитви, слова, звістки і т. і про лірників повіту Бучацького (стр. 1—76). Собиратель имѣлъ въ виду представить репертуаръ галицкихъ лирниковъ, для чего и приводитъ не мало извѣстныхъ уже варіантовъ по другимъ этнографическимъ трудамъ и сборникамъ,—Вересая, Головацкаго, Чубинскаго, въ Богогласникѣ, въ Зап. Ю.-З. Отд. И. Р. Географ. Общ. и друг.). и нѣсколько польскихъ виршей, которыя поются галицкими лирниками. Статьѣ предпосланы интересныя данныя о жизни и привычкахъ лирниковъ, добытыя отъ послѣднихъ же, а въ заключеніи—словарь лирницкаго условнаго языка.

Далѣе слѣдуетъ статья—«Замітки этнографічні з Угорськоі Руси» (1—38)—матеріалъ, собранный угорскимъ священникомъ о. Юріемъ Жатковичемъ. Статья заключаетъ въ себѣ интересныя данныя о раз-

дѣленія русиновъ (въ этнографич. смыслѣ), о народномъ календарѣ, свадьбѣ, рожденіи, болѣзняхъ, похоронахъ, одеждѣ, пищѣ, сельскомъ хозяйствѣ, иноплеменномъ элементѣ въ чертахъ Угорскихъ русиновъ.

Заключается томъ довольно большой статьей М. Дикарева «Чорноморські народні казки й анекдоти» (стр. 1—53),—въ количествѣ 39 номеровъ. Къ статьѣ приложенъ указатель предметовъ и мотивовъ, встрѣчающихся въ приводимомъ матеріалѣ, а также очень солидныя замѣчанія и параллели.

Т. т. III и IV исключительно посвящены этнографическимъ матеріаламъ изъ Угорской Руси, собраннымъ Владиміромъ Гнатюкомъ во время его путешествій по Угорской Руси въ 1895—96 г.г. Въ III-ій томъ вошли «легенди і новелі» (тѣхъ и другихъ 83 номера),—всѣ снабженныя многочисленными параллелями изъ болѣе чѣмъ полусотни печатныхъ источниковъ; въ IV—сказки, басни, разсказы объ историческихъ лицахъ и анекдоты (56 номеровъ) съ указателемъ мотивовъ содержимаго въ обоихъ томахъ, а также «словарцем угорско-руських місцевих виразів», безъ котораго пониманіе многихъ мѣстъ матеріаловъ III и IV томовъ является затруднительнымъ. Трудъ В. Гнатюка является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что донынѣ, за исключеніемъ мелочей, не было ни одного сборника этнографическихъ матеріаловъ именно того характера, какой носятъ матеріалы В. Гнатюка.

V томъ заключаетъ въ себѣ весьма разносторонній матеріалъ. Любопытный матеріалъ помѣстилъ здѣсь М. Дикаревъ:—«Народня гутірка з поводу коронациі 1896 року» (стр. 1—24)—12 документовъ, въ основу которыхъ положены два мотива: представленіе особы «цара и цариці», и затѣмъ—надѣлъ крестьянъ панской землей. Документы представляютъ огромный интересъ.

Не менѣе интересны «Гуцульскі примівки» (стр. 41—72), 21 заговоръ отъ всевозможныхъ болѣзней и на разные случаи.

Ф. Колесса знакомитъ насъ съ «Людовими віруваннями на Пидгірью» (въ с. Ходовичахъ, Стрыйск. пов.) (стр. 76—95). Это есть проба систематическаго свода народныхъ вѣрованій въ одной мѣстности; снабжено докторомъ Ів. Франкомъ аналогіями и параллелями, взятыми изъ вѣрованій другихъ народовъ. Сюда вошли: народная метеорологія, вѣрованія о животныхъ, народная антропологія, явленія и предметы домашней и общественной жизни, народные праздники, миѳологія, чары. Собраніе Ф. Колессы, по словамъ д-ра Ів. Франка,—

не исчерпываетъ темы даже для одной данной мѣстности, тѣмъ не менѣе все же даетъ ясное понятіе о томъ комплексѣ вѣрованій, который живетъ въ душѣ нашего народа.

Въ такомъ же родѣ и матеріалы, собранные Ів. Франкомъ въ Дрогобыцкомъ, Коломыйск. и Стрыйскомъ повѣтахъ въ 1880—1882 г.г.: «Людові віруваня на Підгірю» (стр. 160—228). Систематизація въ этомъ собраніи нѣсколько шире, чѣмъ въ собраніи Ф. Колессы, но послѣднее произошло благодаря только тому обстоятельству, что данный матеріалъ затрагиваетъ болѣе широкій кругъ народныхъ вѣрованій. Въ общемъ же планъ размѣщенія матеріала въ обоихъ статьяхъ одинаковъ.

Затѣмъ слѣдуютъ болѣе мелкіе матеріалы: М. Ендика — 10 отголосковъ эпохи крѣпостничества въ Галиціи, подъ общимъ заглавіемъ «Із народньоі памяти про панщину» (стр. 24—32); нѣсколько записей объ одномъ изъ послѣднихъ опришковъ,—гуцулѣ Миронѣ Штолѣ (стр. 32—40); «Пісня про Бразилію» (стр. 75—77), записанная М. Павликомъ; «Фолькльорні материяли»—изъ собранія этнографическихъ матеріаловъ проф. д-ра Р. Кайндля, автора «Die Ruthenen in der Bukowina» и «Die Huzulen» (стр. 141—159); «Примівка від усякоі слабости» (стр. 99—105), записанная въ Залучу надъ Збручемъ Л. Порубальскимъ; «Жебрацькі молитви» (стр. 106—110) въ с. Любши, Жыдачивск. пов., записанныя Ів. Франкомъ; «Пять легенд» (стр. 111—116): объ Адамѣ, Соломонѣ, о происхожденіи шляхты и медвѣдя, о ненасытности человѣка; «Три пісні з збірки О. Бодянського» (стр. 117—120),—присланныя еще покойнымъ М. Драгомановымъ въ редакцію «Жите и Слово», но понынѣ не появлявшіяся въ печати [1]);

---

[1]) Въ числѣ этихъ трехъ пѣсенъ находится и извѣстная пѣсня „На бережку у ставка", исправленный текстъ который помѣщенъ былъ въ „Кіевской Старинѣ" кн. VII, стр. 4 (отд. II) за тек. годъ. По сличеніи съ записью Бодянскаго оказалось, что текстъ, приведенный въ „Кіевской Старинѣ" поразительно близокъ къ первому; разница только оказалась въ слѣд. строкахъ (нумерація строчекъ по „Кіевской Старинѣ"):

Кіевская Старина.	У Бодянскаго.
4. Плескалась якъ рыбчына	Полоскалась рыбчына
42. Къ бережечку не збредешся	Къ бережечку не прыбъешся
44. Якъ я тебе вытягавъ	Що якъ тебе вытягавъ
62 Пожартуй соби якъ хочешъ	Пожартуй зо мной якъ хочешъ.

«Селянські діти», (стр. 121—140) этнографическій очеркъ М. Дерлицы,— разсказывается объ уходѣ за новорожденными, приводятся колыбельныя пѣсни, дѣтскія забавы и игры; «Людові загадки з Каменецького повіту» (в с. Половинмъ), записанныя Я. Миколаевичемъ; 110 номеровъ загадокъ, съ указаніемъ варіантовъ у Номиса и Чубинскаго (стр. 219—223); «Віршована фацеция про дурного Кузьмину (224—226),—(Запис. въ Дрогобицк. пов.), варіантъ о которомъ приведенъ въ этой же книжкѣ журнала.

Въ концѣ тома (стр. 244—261) приложенъ весьма цѣнный систематическій указатель темъ, упомянутыхъ въ обоихъ собраніяхъ вѣрованій (въ статьяхъ Ф. Колессы и Ів. Франка), съ нѣкоторыми дополненіями.

Таково содержаніе I—V томовъ «Этнографічн. Збірника», изобилующаго, какъ мы видѣли, весьма цѣнными, вновь добытыми по преимуществу, этнографическими матеріалами на пространствѣ всей Руси-Украины.

Отъ души желаемъ, чтобы это богатое, многообѣщающее изданіе пріобрѣло какъ можно больше симпатій со стороны лицъ, интересующихся этнографіей, и получало бы для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія ту духовную и матеріальную поддержку, безъ которой безсильно всякое общественное явленіе. Матеріалы, не стѣсняясь ни качествомъ, ни количествомъ, просятъ присылать по адресу «Науковогo товариства» во Львовѣ, ул. Чарнецкого, 26.

В. Доманицкій.

Обзоръ украинско-русской литературы за 1898 годъ..

1898-й годъ далеко не принадлежитъ къ выдающимся въ отношеніи продуктивности украинско-русской литературы: не принесъ онъ ни новыхъ талантливыхъ писателей, ни особенно выдающихся литературныхъ произведеній. Изъ украинскихъ писателей, умершихъ въ этомъ году, также никто не создалъ эпохи:—*Щоголевъ* въ (Харьковѣ)

Пѣсня взята изъ небольшой рукописной тетради, переданной вдовой Максимовича М. Драгоманову, съ надписью: „Малороссійскія пѣсни“ съ и приписной, рукой Максимовича: „Г. Бодянского“. Тетрадь эта списана въ 30-хъ годахъ нын. столѣтія. (Этногр. Збірн., V, стр. 117).

давно уже отжилъ, а *Козловскій* (въ Галиціи), едва начавшій жить, оставилъ послѣ себя лишь небольшой сборникъ лирическихъ произведеній.—Тѣмъ не менѣе, 1898 годъ можетъ намъ дать характерный образецъ литературнаго движенія украинско-русскаго народа. Чтобы яснѣе себѣ представить послѣднее, слѣдуетъ, въ краткихъ чертахъ, упомянуть о развитіи украинской прессы въ Галиціи за послѣднія десять лѣтъ (1887—1896). Количество газетъ за это время возросло съ 15 до 24; число подписчиковъ, за одну четверть года, до 1890 года,—достигало лишь 5.422 чел., въ 1893 г. возросло до 10.946, въ 1894—11.215, а въ 1895—11.696.; всего оттисковъ изданій до 1890 г. было 628.092, въ 1893—2.092.100, потомъ въ 1894 г.—упало до 2.020.410, а въ 1895—до 1.982.880.; (Надо добавить, что сюда не причислены такія литературныя и литературно-научныя періодическія изданія, какъ «Зоря», «Жите и Слово», а также изданія въ Буковинѣ).

1898 годъ принесъ значительныя перемѣны. Первая, наболѣе крупная,—основаніе новаго ежемѣсячнаго журнала (не менѣе 12 листовъ печати) «Літературно-Наукового Вістника», вмѣсто прекратившихъ существованіе «Зори» и «Жите и Слово».—Съ его появленіемъ украинско-русская литература пріобрѣла литерат.-научный органъ, хотя не слишкомъ объемистый, но со столь широкой програмкой, что можетъ удѣлять мѣсто и побуждать къ болѣе интенсивной литературной и научной работѣ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ.

Вторая перемѣна, принесенная 1898 годомъ,—основаніе во Львовѣ «Видавничої спілки», которая имѣетъ цѣлью увеличить продукцію издательской дѣятельности. Это общество начало функціонировать лишь съ сего 1899 года, почему о немъ и не будемъ теперь распространяться.

Среди литературныхъ произведеній, принесенныхъ 1898-мъ годомъ, найдется не мало такого, что заслуживаетъ глубокаго вниманія. На средства «Академичної громади» во Львовѣ изданъ сборникъ стихотворныхъ произведеній *Ів. Франка* «Мій Ізмарагд»; въ Вѣнѣ вышелъ альманахъ въ память 25-лѣтія Вѣнскаго общества «Січ»; затѣмъ еще во Львовѣ: альманахъ *«Привіт д-ру Франку*, по случаю 25-лѣтняго юбилея послѣдняго, «Дві долі» *Д. Мордовцева* (романъ) и повѣсть *Школьниченка* «На селі», Кобзарь, Шевченка ч. 4. (Содержаніе: Наймычка, Безщасный, Капитанша, Музыка, Княгыня, Варнакъ). Въ Черновцахъ роскошно из-

дано описаніе кругосвѣтнаго путешествія д-ра *Я. Окуневского* подъ загл. «Листи з чужини» и сборникъ разсказовъ Богдана Лепкого «З села» [1]). Кромѣ только что упомянутыхъ, руссинская литература обогатилась такими крупными научными изданіями, какъ тт. XXI—XXV *«Записок Наукового Товариства»*; тт. IV и V *«Этнографічн. збірника»*; т. IV *«Жерела до істориї України-Руси»*; т. I *«Збірника фільольогічної секциї* Науков. тов. ім .Шевч.», заключающій въ себѣ большой трудъ—біографію Т. Г. Шевченка—А. Я. Кониссказо; т. I «Збірника *історично-фільософичної* секциї», содержащій 1-ую часть крупнаго труда проф. М. Грушевскаго—«Історияя України-Руси до XI віку».; т. XX-ый «Рускої історичної бібліотеки», гдѣ помѣщенъ переводъ труда Я. Н. Шульгина—«Очеркъ Коліивщины»; тт. 3-ый и 4-ый «Збірника *математично-природописно-лікарської* секциї»; выпуски XXI—XXIX «Бібліотеки для рускої молодіжі»; учебники: ботаники—*Ростафинскаго*, минералогіи—*І. Верхратскаго*, ариеметики—*Огоновскаго*; «Кобзар»—выборка произведеній для юношества; переводы—*Дрепера* «Історияя боротьби між релігією и наукою», *Эдгара Пов*—«Новелі»; *Гауптмана*—«Ткачі», *Марка-Твена*—«Американський претендент», *Сеньобоса*—Сучасна Англія».

50-тилѣтній юбилей уничтоженія крѣпостничества въ Галиціи вызвалъ цѣлую литературу: *Л. Селянского*—«У 50-ту річницю знесення панщини і відродження Галицької Руси»; *І. Франка*—«Про панщину і її знесення 1848 року»; неизв. автора—«Про знесення панщини і відродженне Русинів»; *Будзиновскаго*—«Панщина, її початокъ і скасованне». Празднованіе столѣтняго юбилея малорусской литературы также оставило замѣтные слѣды въ украинской литературѣ,—изданы: «Наталка-Полтавка»,—юбилейное изданіе; *Пачовского*—«Сотні роковини народнього письменства Руси-України»; перепечатка «Першого видання Энеіди Котляревського»; «Великі роковини» и «Соті роковини»—*Щурата*; «Столітне обновленне укр.-русск. літератури»; «Наше відродженне, драматична дума»—*Щурата*; «Значіне Котляревского в руській літературі» (Перемышль), «На великі роковини в память Ів. Котляревського» (тамъ-же), «Русько-українська література,—Ів. Франка» (въ Черновцахъ). Изъ драматическихъ произведеній появились слѣдующія: *Б. Гринченка*—«За батька», драма; *Цеглинского*—

---

[1]) Это наиболѣе крупныя литературныя изданія, вышедшія въ 1898 году въ Галиціи.

«Аргонавти», драма; *Лопатинского*—«До Бразилії», драма; «Капрал Тимко»—мелодрама (въ Коломыѣ); І. Тобилевича—«Чумаки», драма. Изъ болѣе мелкихъ беллетристическихъ и научно-популярныхъ произведеній отмѣтимъ слѣдующія: *В. Щурата*—«Мої листи», *Т. Морозa*—«Образ тьми і сьвітла», *Гецовъ*—«З побуту въ Карльсбаді», *Загирньої*—«Добра порада» (перепечатка черниговскаго изданія, подъ тѣмъ же заглавіемъ), «Гадки про потреби українців» (Черновцы), *Пачовского*—«Замітки до науки рускої мови в середній школі», «Тарас Шевченко»—рѣчь проф. Колессы въ 37-ю годовщину смерти Шевченка, «Богдан Хмельницкий», т. II (Событія1648 года),—составлено преимущественно по Костомарову, *Лебедевой*—«Гостинець для руских дітей», «Про обірник і інші навози»—*Данилевича*, «Иллюстриров. календарь «Просвіти» на 1899 г., указатель произведеній Ів. Франка за 25-тилѣтіе его литературной дѣятельности.

Въ Украинѣ книжная продукція за минувшій годъ стоитъ несравненно ниже. Въ теченіе 1898 года вышли слѣдующія книги и брошюры: въ Кіевѣ: «Богданъ Хмельницкій»—драма Старицкаго (оттискъ изъ „Кіев. Стар.“), и «Шевченко»: Прычынна, Утоплена, Русалка, Черныця Марьяна—изданіе Кіев. Общ. Грамотности (реценз. на послѣдн. см. К. Стар. 1898, кн. V). Въ Черниговѣ: *Гринченко*—*Оповидання*» (Сестрыця Галя, Дядько Тымоха, Ксеня, Нелюбъ, Каторжна, Батько та дочка, Панько, Писпалъ); *Добрый звиръ*, *Сирко*, *Вирный кинь*; *Чередныкъ та дивчына* (реценз. см. К. Стар. 1898, кн. V); *Веселый оповидачъ* (Двисти народникъ оповиданнивъ); *Колоскы*. Казкы та оповидання; медицинская брошюра *Махновскаго*—«*Про висну*»; «*Батькове вищованне та инше*»; *Грабъ П.*—*Кобза*, *спивы и переспивы*; *Р. Б. Хома Баглай*. Поэма; переиздана: *Шевченка*—Катерына.—Въ Черкассахъ: *І. Карпенка-Карого*: 1) Розумный та дурень и 2) Сто тысячъ (реценз. см. К. Стар. 1898, кн. 9); *Гаврышъ*. Пылыпъ Бандура. Рогатый сватъ и Голка (О. Стороженка). Въ Харьковѣ—крупное изданіе—«Слобожанщына» *Щоголева*; *Краснокутскій*. Обжынкы. Видьма та упырь. Ганчына паска; *Сластинъ*. Любышъ смородыну, любы и оскомыну—водевиль,—оба послѣднія ничего нестоющія произведеньица. Въ С.-Петербургѣ: перепечатано изъ Саратовскаго Сборника за 1859 годъ—«Козакы и море» *Д. Мордовцева*. Въ Одессѣ: «Двисти найкращыхъ писень». Въ Полтавѣ: Полное собр. сочиненій Котляревскаго. Въ Юрьевѣ—довольно объемистая книжка «Наши люде на сели» *Грыцька Грыгоренка* (рец. см. К. Ст. 1898, кн. 9).

Въ Херсонѣ—«Полещукъ. Сто карбованцавъ грошей, драма въ 3-хъ діяхъ». Въ Бердичевѣ—«Ный та дило розумій» *Острожинскаго*. Въ Кременчугѣ—«Лирни творы 1890—1897» *Д. Кулиды* (рец. см. К. Стар. 1898, кн. 8). Въ Бахмутѣ—«Донецьки сонеты» *М. Чернявскаго*. Вотъ и все, что намъ извѣстно изъ изданій въ 1898 году по украинской литературѣ.

Что касается укр.-русскихъ писателей, то *Панасъ Мырный*, авторъ весьма талантливыхъ произведеній, умолкъ; *А. Я. Кониссхій* очень мало работалъ въ беллетристикѣ, но за то издалъ на малорусскомъ и великорусскомъ языкахъ обширное жизнеописаніе Шевченка; талантливый писатель *Иванъ Левицкій (Нечуй)* ничего не издалъ въ 1898 г.; *М. Старицкій*, кромѣ упомянутой выше драмы, написалъ еще историческую драму «Оборона Буши» и обширную историческую повѣсть на великорусскомъ языкѣ «Передъ бурею».

Наконецъ, остается еще упомянуть о малорусской прессѣ въ Америкѣ, гдѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ, нынѣ находится до 300,000 русиновъ. Эмиграція туда изъ Галиціи началась болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Лѣтъ десять, положеніемъ переселенцевъ занялось духовенство, были основаны при церквахъ русинскія школы, основана типографія, стала издаваться газета подъ редакціей Волянскаго „Америка", а теперь, вотъ уже 7-й годъ, выходитъ подъ редакціей Стефана Макара, еженедѣльная газета „Свобода". Кромѣ текущихъ извѣстій, газета эта помѣщаетъ беллетристическія произведенія, отмѣчаетъ наиболѣе крупныя явленія въ галицкой и украинской литературѣ. Изъ мѣстныхъ, американскихъ, русиновъ, понынѣ, кромѣ Нестора Дмитрова, недурного наблюдателя народной жизни, на литературномъ поприщѣ никого замѣтнаго не явилось. Въ теченіе 1898 года редакціей „Свобода" были изданы: „Канадійська Русь. Подорожнû спомыны" *Н. Дмитрова* (въ Кармелѣ, въ Пенсильваніи), „Конституція Сполученыхъ Державъ Пôвнôчноѣ Америкы". *С. Макара* и „Де-що про права і суды въ Спол. Державахъ"—*Чупка*.

В. Д.

Обозрѣніе епархіальныхъ Вѣдомостей южныхъ епархій 1898 г.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости.

Прот. Н. *Трипольскій.* Документы, относящіеся къ древней исторіи православнаго Почаевскаго монастыря на Волыни [1]), №№. 1—2, 3 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Села *Староконстантиновскаго* и *Ковельскаго уу.* (№№ 1—35).

А. Малевичъ. Тригорскій Преображенскій монастырь (Жит. у. Волын. г.) (№№ 4—14) Историческій очеркъ: основаніе и просвѣтительная дѣятельность обители.—Школы.—Хозяйственная сторона— Тѣсная связь Тригорья съ другими монастырями. Приложенія (документы, касающіеся исторіи монастыря).

А. Левицкій. Церковно-приходская лѣтопись с. Глубочка (Жит. у.) (№№ 18—35).

Приходъ.—Приходской храмъ. Церковная утварь шитая.—Церковная библіотека.—Причтъ.—Прихожане (масса интересныхъ бытовыхъ чертъ народной жизни; богатый этнографическій матеріалъ).

Николай Теодоровичъ (№ 22). Заставная запись каштел. Волынскаго кн. Никол. Чарторыйскаго, данная дворянамъ Адаму и женѣ его Констанціи Клунскимъ на имѣнія сс. Рыдомль и Хотовицу въ обезпеченіе долга 60 тысячъ злотыхъ польскихъ, отъ 13 янв. 1645 года.

Онъ же. (№ 23). Заставная запись кн. Михаила—Юрія Чарторыйскаго, данная дворянамъ Ѳедору и Евѣ Домашевскимъ на с. Островецъ въ обезпеченіе долга въ 7000 зл. отъ 21 апр. 1648 г. и искъ къ нему Домашевскихъ отъ 14 ноября 1651 г.

Онъ же. (№ 27) Заставная запись двор. Ѳед. и Евы Домашевскихъ, данныя дворянину Ивану Решневецкому на часть с. Рыдомля въ обезпеченіе долга 800 злотыхъ отъ 18 февр. 1647 г. и актъ передачи этого села почаевскому монастырю отъ 23 окт. 1651 г.

Онъ же (№ 29). Завѣщаніе гражданина Ѳедора Домашевскаго Почаевскому монастырю отъ 1654 г.

---

[1]) См. ст. г. Волынца „Почаевская лѣтопись“, К. Ст. 1898, № 4, стр. 87—106.

Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости.

Обычай обхожденія крестнымъ ходомъ засѣянныхъ полей. (№ 25). Перепечатка изъ «Литовск. Епарх. Вѣд.». Сожалѣніе по поводу того, что этотъ обычай, не лишенный поэзіи и имѣющій въ то же время религіозно-нравственное значеніе, въ нѣкоторыхъ приходахъ выводится.

А. Дородницынъ. (№ 35, 36). Къ вопросу о возстановленіи церковно-обиходнаго пѣнія.

—

Кишиневскія Епарх. Вѣдомости.

В. Курдиновскій. Пасхальные обычаи въ Бессарабіи. (№ 8). Интересный этнографическій матеріалъ: обычай зажигать костры въ ночь передъ Пасхой («остатокъ языческаго культа»).—Обычаи, соединяемые съ 1-ымъ днемъ Пасхи; пасхальныя игры; обычай поздравленія священника «ягнямъ» и т. п.

Д. Щегловъ. Объ упраздненныхъ монастыряхъ Бессарабіи (№№ 16, 17). Причины упраздненія (внѣшнія и внутреннія). Скитъ Галица и скитъ Маня, Гиртанскій скитъ, скиты: Печешти, Поноуцы, Поянa. Мужскій Городищенскій монастырь.

Паисій Величковскій, его значеніе въ исторіи православнаго монашества (№№ 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24).

Первые годы жизни Паисія.—Постриженіе въ монашество; пребываніе въ Валахіи, на Аѳонѣ, въ Молдавіи. Литературные труды Паисія.—Кончина его.

Д. Щегловъ. Измаильскіе монастыри (№ 25).

Монастыри Успенскій и Никольскій. Краткая исторія ихъ до времени присоединенія Измаила къ Румыніи.

—

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости.

В. К. Село Сенчанскіе Юсковцы и святыня его храма (№ 2, 3).

Историко-статистическое описаніе Трехсвятительской церкви г. Зѣнькова. (№ 4).

Молитвенное воспоминаніе событія—8 января 1654 года въ Переяславскомъ Успенскомъ соборѣ, храмѣ—памятникѣ, 8 янв. 1898 г. (№ 5).

В. Курдиновскій. Замѣчательные памятники церковной старины въ с. Рымаровкѣ, Гадячскаго уѣзда, Полтавской епархіи (№ 10, 13). Требникъ, писанный полууставомъ, и евангеліе, писанное уставомъ. Опредѣленіе времени и мѣста написанія требника (во 2-ой половинѣ XVI в. въ Брацлавѣ. Описаніе евангелія. Опрдѣленіе времени написанія (1416 г). Особенности евангелія.

Святый преподобномученикъ Макарій, архимандритъ Овручскій, игуменъ Каневскій, Переяславскій Чудотворецъ (№ 14, 15, 16, 17).

Происхожденіе Макарія.—Дѣятельность его въ Купятицкомъ монастырѣ (Пинск. у.), Каменецкомъ (Брестскаго у.), въ Овручѣ, и наконецъ въ Каневѣ. Отношенія его къ Дорошенку.—Осада Канева.—Кончина преподобнаго.—Примѣчанія къ статьѣ.

А. Пясецкій. Полтавщина въ первой четверти XVII вѣка (№№ 26, 28). (Очеркъ колонизаціи края). Общія замѣчанія о мѣстахъ осѣдлости. Типы усадьбъ и поселковъ. Численность поселковъ; географическое ихъ положеніе: обводъ Кіевскій, Переяславскій, Миргородскій. Важнѣйшіе княжескіе и земскіе роды, которымъ принадлежали маетности въ Полтавщинѣ:—князья Половцы-Рожиновскіе Глинскіе, Домонты, Вишневецкіе; земяне: Дашкевичи, Олизары-Волковичи, Байбузы.—Цѣны имѣній.—Приложенія (алфавитный указатель городовъ, существовавшихъ въ первой четверти XVII).

Борьба съ суевѣріемъ (№ 30). О необходимости борьбы съ *«шептаньемъ»*; нѣсколько текстовъ послѣднихъ.

—

Кіевскія епархіальныя Вѣдомости.

Н. Шпачинскій. Историческая замѣтка о викаріатствѣ Кіевской Митрополіи въ XVIII столѣтіи. (№ 11). Арсеній Могилянскій и его докладъ о назначеніи «коадъютора». Номинальный Кіевскій викарій Гедеонъ Слонимскій. Преемники Арсенія: Гавріилъ Кременецкій, Самуилъ Миславскій; коадъюторъ кіевской митрополіи Викторъ Садковскій, епископъ Переяславскій. Самостоятельность кіевскаго и переяславскаго викаріевъ (съ 1799 г.).

А. М. Кіевскій храмъ св. апостола Андрея Первозваннаго (№ 12). Историческая справка о построеніи церковнаго зданія и позднѣйшихъ строительныхъ въ немъ работъ.

Состояніе штунды въ Кіевской епархіи въ настоящее время и борьба съ нею (№ 15). Отношеніе теперешнихъ штундистовъ къ церкви и обществу.—Внутреннее состояніе секты.—Состояніе миссіи.

Прот. Кл. Ѳоменко. Галицкая Русь и Галичане (№ 15). Путевая замѣтка. Сравненіе жизни народа и духовенства въ Галиціи съ таковой-же въ Украинѣ.

Во уши почитателей Веделя (№ 16). Напоминаніе о предстоящемъ столѣтіи со дня смерти талантливаго композитора духовной музыки, Артемія Лукьяновича Веделя (съ характеристикой произведеній его).

С. Голубевъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, какъ возобновитель Кіевскихъ храмовъ. (№№ 17, 18, 19, 20, 21).

Извлеченіе, съ небольшими измѣненіями, изъ II тома сочиненія того же автора: Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. См. Кіев. Ст. № 12 (за 1898 г.), стр. 85—92.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости.

Краткія статистическія свѣдѣнія о Подольской епархіи за 1896—97 годы (№ 2).

Пространство, населеніе; духовно-административное дѣленіе, духовно-учебныя заведенія.

О такъ называемомъ «выводѣ» новобрачной. (№ 15—16). Въ чемъ состоитъ этотъ обычай. Отношеніе церкви къ этому обычаю.—Обычай, исключительно существующій на югѣ Россіи.

М. Бачинскій. Основаніе подольской духовной семинаріи и первые годы ея существованія (№ 17).

Каменецкая православная Св.-Николаевская церковь, какъ древнѣйшая христіанская святыня въ Каменцѣ. (№ 18).

Свящ. П. Б. Обычай обхожденія крестнымъ ходомъ засѣянныхъ полей. (№ 18).

Свящ. К. С—чъ. Дикая забава «Дубокъ» (№ 19—29). Объясненіе этого суевѣрнаго обычая—игры. Попытки опредѣлить происхожденіе его. Сравненіе съ подобнымъ обычаемъ въ Галиціи („коты“).

А. Лотоцкій. Гдѣ обучалось Подольское духовенство до учрежденія Подольской духовной семинаріи? (№№ 37, 38, 39). См. обзоръ этой статьи Кіев. Стар. 1899, № 2.

В. Коренное православіе и пришлый католицизмъ въ Подоліи. (№ 44). Бездоказательные намеки на какія-то «таемницы»—тайныя польскія сборища, имѣющія цѣлью совращать православныхъ!

Подольскій народный Катихизисъ. (№№ 45, 46, 48). О немъ см. К. Ст. 1898 г. № 1, стр. 32.

Свящ. І. С—й. Рождественскія колядки (№ 51—52). См. Кіев. Стар. 1898 № 2.

Н. И. Колядники, какъ матеріалъ для образованія народно-церковныхъ хоровъ въ приходахъ (№ 51—52).

—

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости.

П. Н. Крыжановскій. Открытіе исправительныхъ дѣтскихъ пріютовъ при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Маріинской обителяхъ въ Кубанской области. (№ 24).

Мѣстоположеніе Лебяжскаго монастыря и основаніе его (въ 1794 г.) черноморскими козаками («старыми сѣчевиками»).—Заботы о немъ черноморскаго козачьяго войска.—Переходъ управленія монастыремъ въ руки духовенства (съ 1872 г.).

—

Херсонскія Епарх. Вѣдомости.

Свящ. Павелъ Чеховичъ. Що таке штунда? (№ 3). Призывъ штундистовъ къ покаянію,—въ стихахъ безъ риѳмы, на малорусскомъ языкѣ, болѣе чѣмъ сомнительнаго качества.

Кончина и погребеніе одесскаго каѳедральнаго протоіерея Арсенія Гавриловича Лебединцева. (№ 5).

Рѣчи, сказанныя при погребеніи каѳедральнаго протоіерея Арсенія Гавриловича Лебединцева. (№ 6).

Свящ. Іоаннъ Гордіевскій. Одесскій каѳедральный протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ. (№ 16, 17). Біографическія данныя о покойномъ. Дѣятельность послѣдняго въ Одессѣ.

Свящ. Павелъ Колосовъ. Новогеоргіевскій единовѣрческій Воскресенскій приходъ. (Къ столѣтію его открытія 1798—1898) (№ 17). Краткій очеркъ исторіи.

Свящ. В. Флоровскій. Краткій историческій очеркъ о построеніи единовѣрческой Одесской Покровской церкви. (№ 21).

Свящ. Мелетій Шаравскій. Рѣчь съ краткими свѣдѣніями о священнослужителяхъ и благотворителяхъ Одесской Покровской церкви, (№ 22).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 11 «Русскаго Архива», въ воспоминаніяхъ Н. Д. Богатинова, между прочимъ встрѣчается слѣдующее интересное для характеристики мемуариста мѣсто: «Около того времени (1866 г.) въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась въ фельетонѣ статья, за подписью «Учитель», о переводѣ на малороссійскій языкъ учебниковъ для народныхъ училищъ Юго-Западнаго края, о введеніи мѣстнаго нарѣчія вообще въ преподаваніе по сельскимъ училищамъ. Хлопоманство, украинофильство не бросало своихъ затѣй и добивалось вторгнуться и въ школу, какъ удалось ему засѣсть въ мозгу своихъ тупоголовыхъ сторонниковъ. Обнаружилось, что статью эту писалъ учитель 2-й Кіевской гимназіи Др..... Я возмущенъ былъ наглымъ посягательствомъ на народную школу этихъ наѣздниковъ—степняковъ печенѣговъ, и рѣшился вступиться за школу: собралъ сборники народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ и другія еще кое-какія замѣтки, и съ горячностью и энергіей обличителя вредныхъ затѣй и идей усѣлся писать статью; ночи преимущественно шли на эту мою работу, работалъ и днемъ... Эту статью я написалъ, все свое время ей отдавъ въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ 1866 года; тамъ нужно было переписать на-чисто. Все готово: „Кіевлянинъ" потребовалъ, по своему обыкновенію, значительныхъ сокращеній; я отдалъ статью въ „Кіевскій телеграфъ". Юнгъ охотно взялъ ее, и она пошла въ іюлѣ уже въ печать... Статья моя была озаглавлена: „Южно-русская школа, южно-русская поэзія, южно-русскій языкъ"; напечатана въ №№ 67—74 „Кіевскаго телеграфа" за 1866 годъ. Князь Ш.-Шихматовъ [1]) сердечно

[1]) Попечитель округа.

благодарилъ меня за статью, за то несился на меня его помощникъ, М. А. Туловъ, по убѣжденіямъ близкій къ хохломанству, хотя, вѣроятно, только въ отношеніи къ языку, и едва ли серьезно имѣвшій что-либо общее съ безумными затѣями раздѣленности и обособленности, о чемъ, какъ во снѣ такъ и наяву грезила и теперь еще грезитъ хлопоманская *безтолочь*. Я предложилъ князю, не признаетъ ли онъ полезнымъ, разослать мою статью по всѣмъ училищамъ округа. Онъ одобрилъ мою мысль... Статья была разослана мною по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ края: въ университетъ—3 экземпляра, въ гимназіи—по 2, въ училища, дворянскія и уѣздныя, по одному экз. (цѣна 25 к.). Одинъ изъ смотрителей, а именно Овручскаго дворянскаго училища, И. А. Абрамовичъ, на препроводительной бумагѣ приписалъ, на сторонѣ: «*Великое спасибо за правду*».

Знакомые съ этой брошюркой знаютъ, конечно, насколько она основательна, а теперь узнаютъ и интересную исторію ея написанія.

Въ № 294 «Одесскаго Листка» профес. В. Модестовъ помѣстилъ письмо «Изъ Италіи», въ которомъ, выражая недовольство г. Мордовцевымъ, упрекнувшимъ его въ некомпетентности по вопросу о малорусскомъ языкѣ, по обыкновенію своему возмущается тѣмъ «жаргономъ, который губитъ всю прелесть народнаго малороссійскаго языка», который «представляетъ собою грубую искусственную мѣшанину изъ словъ малороссійскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и великорусскихъ», и который «*нѣкоторые* хотятъ возвести въ языкъ науки».

Авторъ высказывается категорически, въ томъ убѣжденіи, что противъ выставленнаго имъ положенія ни одинъ спокойно-мыслящій человѣкъ спорить не станетъ. Пусть авторъ думаетъ, какъ ему угодно, но жизнь ставитъ свои требованія, на которыя не такъ то просто давать газетные категорическіе отвѣты.

Въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщены «Отрывки изъ моихъ воспоминаній» Льва Жемчужникова, относящіеся къ 50-мъ гг. и представляющіе нѣкоторый интересъ, такъ какъ въ нихъ авторъ упоминаетъ о семействѣ Кулиша, Гоголя, о Тарновскихъ, Марковичахъ, Галаганѣ.

Иллюстрированныя изданія для народа. Въ Петербургѣ, по словамъ „Нов.", возникаетъ въ высшей степени симпатичное предпріятіе. Въ самое последнее время предпринято однимъ изъ петербургскихъ издателей обширное изданіе большихъ листовъ рисунковъ на разныя темы: въ нихъ будетъ русская исторія, географія и этнографія. Уже давно въ разныхъ художественныхъ кружкахъ поднимался вопросъ о необходимости замѣнить, такъ-называемыя, лубочныя картины настоящими художественными, напечатанными въ возможно меньшемъ количествѣ красокъ для наиболѣе дешевой продажи.

Оригиналъ одного изъ листковъ вышеупомянутаго новаго народнаго изданія представляетъ большую карту Европейской Россіи, на которой въ географическомъ порядкѣ расположены виды разныхъ мѣстностей и городовъ, исполненные акварелью и тушью, и между прочимъ Малороссія, Кіевъ, Донецкія степи, Новороссія, Одесса и Крымъ. Всего до 80 акварелей, исполненныхъ чрезвычайно тщательно и колоритно. Сообразно измѣненію климата, мѣняется и самый тонъ акварелей, начиная отъ холодно-сѣраго и синяго сѣвера и кончая видами юга, залитыми жгучими лучами солнца. Эта карта по художественности исполненія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Скоро она начнется печатаніемъ въ одной изъ лучшихъ художественныхъ литографій.

Въ №№ 41 и 42 „Днѣпровской Молвы" помѣщена статья нѣкоего *Г. Л.* подъ загл. „Малороссійская свадьба въ Екатеринославскомъ уѣздѣ". Здѣсь разсказывается объ обрядовой сторонѣ свадьбы, но самаго важнаго, свадебныхъ пѣсенъ, совсѣмъ не приводится. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя черты, присущія спеціально данному району, представляютъ извѣстный интересъ.

По поводу 25-лѣтія со дня смерти талантливаго писателя Олексы Стороженка помѣщены были статьи, съ приведеніемъ довольно подробныхъ біографическихъ данныхъ и оцѣнкой литературной дѣятельности писателя, въ «Кіевскомъ Словѣ» (№ 4251), въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 304, статья Ф. М—каго) и, наиболѣе подробная, въ «Днѣпровской Молвѣ» (№ 44—Ф. Смѣлянца).

Въ № 38 «Днѣпровской Молвы» помѣщена довольно обширная статья «посѣтившаго прикарпатскую Русь», подъ заглавіемъ: «*Къ вопросу* **объ австрійской Руси**», въ которой почтенный авторъ, возражая противъ г. «Новаго Одессита», помѣстившаго въ № 217 «Одесск. Листка» статью „По славянскимъ землямъ", доказываетъ полнѣйшее невѣжество и безцеременность г. Новаго Одессита по вопросамъ галицкой общественной, политической и литературной жизни. Самъ авторъ приходитъ къ тѣмъ несомнѣннымъ выводамъ, что въ Австріи, во-первыхъ, если бы даже кто-либо и пожелалъ,— возведеніе великорусскаго языка на степень господствующаго не можетъ быть допущено Австрійск. правительствомъ и, во вторыхъ, если бы австрійскіе русины захотѣли отказаться отъ родного языка, отъ массы школъ съ преподаваніемъ на этомъ языкѣ, отъ связанной съ этимъ украинско-русской литературы, то пришлось бы воспринять литературный языкъ господствующей тамъ народности, т. е. польской или мадьярской, а это значитъ ополячиться и омадьяриться.

Общество им. Качковскаго во Львовѣ предпринимаетъ изданіе сочиненій Наумовича. Тамъ-же основывается „литературное общество им. Пушкина", задачею котораго будетъ изученіе и распространеніе русской литературы (Извѣстія кн. магаз. М. О. Вольфъ, годъ III, книга I).

Ежедневная галицкая газета «Дѣло» начала печатаніемъ въ литературномъ прибавленіи, новую историческую повѣсть Івана Нечуя-Левицкаго „Гетьманъ Иванъ Выговськый".

Въ № 250—251 «Дѣла» помѣщена статья *В. Чернецкаго* „Мѣсточко Зборôвъ". Кое-что сообщается объ исторіи Зборова, а больше— о родѣ Зборовскихъ.

Довольно обширную статью о Гребенкѣ помѣстилъ г. Лесевичъ въ еженедѣльной газетѣ „Днѣпровская молва", №№ 36, 37, и 38.

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

Я. Жарко. Оповидання. Полтава, 1889, 1—66. in 8⁰.

Б. Гринченко. Середъ крыжаного моря. Оповидання. № 42. У Чернигови, 1899, 1—56, in 8⁰.

У неволи. Оповидання. № 43. У Чернигови, 1899, 1—24, in 8⁰.

Етнографічний збірник. Видае етнографічна комісия науков. товарыства. Т. VI. Галицько-руські анекдоти. Зібрав Володимер Гнатюк. У Львові, 1899, II+XIV+III in 4⁰.

Памятки українсько руськоі мови і лїтератури! Видае археограф комісия тов. им. Шевченка. Т. II. Апокріфи новозавитні. А. Апокріфічні евангелия. Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. У Львові, 1899, LXXVIII+443, in 8⁰.

Ласкаревъ. Геологическое изслѣдованіе водораздѣла верховьевъ рр. Горыни и Случи. Спб. 1899 стр. 1—34.

Степовыкъ О. Лихи потайни хлибоïды: хлибный комарыкъ, та шведська муха. Одесса, 1899, 1—16, in 8⁰, (съ рисунками).

А. Лазаревскій. Очерки, замѣтки, документы по исторіи Малороссіи. V (съ рисунками Т. Г. Шевченка). Кіевъ, 1899 г. 1—148, т. 8⁰

Ц . . . . батько О. Стародавня Украина въ драматычнихъ справахъ I. Чорный шляхъ, II. Козакъ Байда. Одесса, 1899. Тип. Ю. Р. Общ. печ. дѣла. 1—88—80, in 4⁰.

Русская земля. Сборникъ для народнаго чтенія. Т. V. Очерки Малороссіи. (Приходская библіотека, издаваемая подъ ред. Шемякина). Спб. 1899, in 8⁰, 1—244.

Осадчій. Земля и земледѣльцы въ Ю. Зап. краѣ (Кіевск. и Подольск. губ.). Кіевъ, 1899.

Семенцовъ. Кіевъ и его святыни, древности и достопримѣчательности. Кіевъ, 1899 г.

Астафьевъ. У святынь Приднѣпровья. Спб. 1899.

Плѣхинскій. М. М. Архивы Черниговской губерніи. М. 1899 г.

Слатинъ М. «Знайся кинь зъ конемъ, а вилъ зъ воломъ», Трагикомичный этюдъ въ двухъ картинахъ. Харьковъ 1899 г.

Райській П. П. и *Сластинъ М. Ф.* Сватъ Крысогонъ. Трагикомичный этюдъ въ 1 дѣйствіи. Харьковъ, 1896 г.

Спилка И. Козача помста. Оповидання. Харьковъ. 1899 г.

Археологическая лѣтопись.

Засѣданія обществъ.

Общество Нестора Лѣтописца при университетѣ св. Владиміра. 27 октября состоялось годичное собраніе общества, пріурочиваемое, согласно съ уставомъ общества, ко дню памяти отца русской исторіи—преп. Нестора Лѣтописца. Въ этомъ засѣданіи секретаремъ общества М. Н. Ясинскимъ былъ прочитанъ отчетъ о состояніи и дѣятельности общества съ 27 октября 1898 года по 28 октября 1899 года, т. е. въ 27-й годъ существованія общества. Изъ отчета видно, что къ 27 октября 1898 года общество состояло изъ 148 членовъ (20 почет., 127 дѣйств. и 1 корреспондентъ). Выбыло въ теченіе года за смертью 6 членовъ (2 почет. и 4 дѣйств.), обзору дѣятельности которыхъ отведена значительная часть отчета. Вновь избрано 3 дѣйствительныхъ члена и въ настоящее время общество состоитъ изъ 145 членовъ (18 почетн., 126 дѣйств. и 1 корреспондентъ). Бюро общества состоитъ изъ тѣхъ-же лицъ, что и въ предшествовавшее время, исключая должности предсѣдателя, которую въ настоящее время занимаетъ профессоръ Н. П. Дашкевичъ.

Библіотека общества состоитъ изъ 2074 названій въ 4694 томахъ и брошюрахъ (поступило 101 названіе въ 204 томахъ и брошюрахъ).

Въ кассѣ общества отъ прошлаго года оставалось 2278 р. 71 к. Поступило 1466 руб. 57 коп. Израсходовано 684 р. 94 к. Остается въ наличности 3061 р. 34 к. Главнымъ источникомъ прихода является правительственная субсидія и % сборъ съ публичныхъ лекцій. Ма-

лая-же сумма расхода объясняется тѣмъ, что новыя книги «Чтенія» не закончены печатаніемъ и не вполнѣ оплачены.

Дѣятельность общества Нестора Лѣтописца выразилась: 1) въ чтеніи и обсужденіи докладовъ членами въ очередныхъ засѣданіяхъ, 2) въ печатаніи XIII книги „Чтеній", 3) въ чтеніи членами публичныхъ лекцій и 4) въ подготовительныхъ работахъ по устройству XI археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ.

Всѣхъ засѣданій въ году было 11, изъ коихъ 2 административныхъ, одно годичное торжественное и 8 очередныхъ, въ которыхъ было прочитано 18 научныхъ сообщеній; изъ этихъ сообщеній къ археологіи относился одинъ рефератъ, къ древней русской исторіи 2, къ исторіи Юго-Западной Руси XVI и XVII вѣковъ 2, къ той-же исторіи XIX вѣка 1, къ изслѣдованію древнихъ памятниковъ письменностей и обозрѣнію историческихъ и историко-географическихъ матеріаловъ 7, къ исторіи литературы южныхъ славянъ 1, къ древней исторіи Востока 1, къ обзору дѣятельности XI археологическаго съѣзда 1 и къ обзору научныхъ работъ умершихъ членовъ общества 2.

Часть прочитанныхъ рефератовъ въ истекшемъ и предшествовавшемъ годахъ составитъ содержаніе XIII книги «Чтеній», которая въ настоящее время заканчивается печатаніемъ; въ этомъ-же году издана отдѣльной книгой историческая записка по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія общества Нестора Лѣтописца, составленная Н. П. Дашкевичемъ.

Чтеніе публичныхъ лекцій происходило подъ завѣдываніемъ проф. И. В. Лучицкаго; 9-ю членами общества лекціи читались по всеобщей исторіи—древней, средней и новой, по русской исторіи, по исторіи славянъ, по исторіи всеобщей и русской литературъ, по психологіи, по исторіи соціологическихъ теорій и по политической экономіи; на всѣ курсы подписалось около 250 слушателей, а на отдѣльные отъ 5 до 92 человѣкъ, а это служитъ вѣрнымъ показателемъ запроса въ обществѣ на высшія знанія.

Участіе общества Нестора въ подготовительныхъ работахъ по устройству XI археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ этого года, выразилось: 1) въ работахъ предварительнаго комитета по устройству съѣзда; въ этомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ 36 лицъ, членовъ общества было 30; комитетъ имѣлъ 12 засѣданій, 2) въ со-

ставленіи программы собиранія свѣдѣній о древностяхъ, 3) въ научныхъ экскурсіяхъ для производства раскопокъ и выбора предметовъ для выставки, 4) въ устройствѣ выставки по отдѣламъ: археологическому, иконографическому, церковныхъ древностей, рукописей, старопечатныхъ книгъ, картъ и плановъ; 5) въ приготовленіи къ съѣзду изданій: Ю. А. Кулаковскимъ: „Европейская Сарматія по Птоломею", И. М. Каманинымъ: „Палеографическій изборникъ—матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.", В. А Кордтомъ: „Матеріалы по исторіи русской картографіи" и П. А. Лашкаревымъ: „Церковно-археологическіе очерки, 6) въ представленіи съѣзду рефератовъ и 7 ъ обсужденіи рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ.

—

14-го ноября въ засѣданіи того-же общества было доложено письмо предсѣдателя Императ. Московскаго Археологическаго общества гр. П. С. Уваровой, въ которомъ гр. Уварова обратилась къ обществу по вопросамъ о выработкѣ мѣръ къ сохраненію памятниковъ старины и объ описаніи и изданіи снимковъ съ разныхъ предметовъ древности, которыхъ такъ много въ Юго-Западномъ краѣ и которые все болѣе и болѣе уничтожаются. По поводу этого предложенія обществомъ было рѣшено образовать изъ среды своихъ членовъ особую коммиссію, которой и поручить разработку данныхъ вопросовъ. *18-го ноября состоялось первое засѣданіе комиссіи.* Комиссія, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли гр. Уваровой, нашла, что въ настоящее время общество Нестора Лѣтописца и по уставу своему, и по силѣ дѣйствующихъ узаконеній не имѣетъ возможности фактически проявить въ чемъ-либо свои заботы въ дѣлѣ охраненія отъ разоренія памятниковъ нашей старины. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію комиссіи, было-бы желательно, что-бы обществу Нестора Лѣтописца было предоставлено право ex officio ходатайствовать предъ подлежащими вѣдомствами и предъ частными собственниками о прекращеніи и предупрежденіи разрушенія или порчи вещественныхъ памятниковъ старины. Для этого внести въ этомъ смыслѣ предложеніе обществу Нестора Лѣтописца для дополненія устава его; при этомъ, по мнѣнію комиссіи, желательно было-бы внести также въ уставъ и дополненіе въ томъ смыслѣ, чтобы обществу было разрѣшено пріобрѣтать въ собственность всѣми, дозволенными закономъ

способами, отдѣльные участки земли, гдѣ находятся древности, подлежащія охранѣ.

Независимо сего, комиссія постановила предложить обществу Нестора просить Импер. Московск. Археологич. Общество ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ объ изданіи особаго распоряженія правительства, въ силу котораго всѣ собственники памятниковъ древности, будутъ-ли то частныя лица, или общественныя и правительственныя установленія, предварительно приступа къ передѣлкамъ, исправленію, уничтоженію и вообще ко всякимъ мѣрамъ, которыя сопряжены съ измѣненіемъ существующаго вида памятниковъ, обязаны были-бы сноситься съ ближайшимъ историческимъ или археологическимъ обществомъ. Въ этомъ отношеніи въ раіонъ Кіевскаго общества Нестора Лѣтописца желательно былобы включить всѣ губерніи Кіевскаго учебнаго округа.

Съ цѣлью поставить дѣло охраны памятниковъ древности на болѣе прочную почву, слѣдовало-бы также, по мнѣнію комиссіи, просить Московск. Археологич. Общество издать брошюру, въ которой были-бы сведены всѣ существующія по сему предмету указанія и распоряженія правительства.

По вопросу объ изданіи описанія и снимковъ памятниковъ мѣстной старины и историческихъ картъ, подготовленныхъ къ Кіевскому археологическому съѣзду нѣкоторыми членами общества Нестора Лѣтописца, комиссія постановила: 1) Просить циркулярно всѣхъ членовъ общества Нестора Лѣтописца сообщить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о памятникахъ древности до конца XVIII вѣка: церквяхъ, замкахъ и старинныхъ зданіяхъ или объ ихъ остаткахъ; предметахъ утвари, оружія; частныхъ коллекціяхъ вещественныхъ памятниковъ древности и документовъ; старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ. 2) Просить ихъ-же указать свѣдущихъ лицъ, къ которымъ слѣдовало-бы обратиться за собираніемъ свѣдѣній объ упомянутыхъ памятникахъ. 3) Раздѣлить между членами комиссіи работу по составленію списковъ памятниковъ, какъ извѣстныхъ имъ лично, такъ и такихъ, свѣдѣнія о коихъ будутъ ими получены. Составленіе такихъ списковъ комиссія полагаетъ поручить слѣдующимъ лицамъ: 1) по 6-ти уѣздамъ восточной части Волынской губерніи—В. Б. Антоновичу, 2) по 6-ти уѣздамъ западной Волыни—О. И. Левицкому, 3) по Подольской губ.— Е. І. Сѣцинскому и Н. В. Молчановскому, 4) по Кіевской губ.—

В. И. Щербинѣ и И. М. Каманину, 5) по Черниговской губ.—А. М. Лазаревскому, Н. П. Василенко и Ѳ. М. Уманцу, 6) по Полтавской губ.—В. Г. Лянскоронскому, В. И. Василенко, А. В. Стороженко и О. И. Левицкому.

Послѣ утвержденія этихъ предположеній Обществомъ Нестора, Лѣтописца увѣдомить о настоящихъ постановленіяхъ гр. Уварову, добавивъ, что изданіе систематическаго описанія этихъ памятниковъ и рисунковъ будетъ зависѣть отъ средствъ, которыя на это могутъ быть ассигнованы, причемъ желательно было-бы для такого систематическаго описанія снарядить особую экспедицію.

—

Кіевское Общество Древностей и Искусствъ. 27-го октября, въ новомъ зданіи Музея, состоялось общее собраніе членовъ Общества. По поводу доклада вицепредсѣдателя Общества Б. И. Ханенко о необходимости изысканія средствъ на содержаніе музея и учрежденія штатовъ его, собраніемъ было постановлено уполномочить Правленіе Общества войти съ представленіемъ въ Думу для испрошенія субсидіи, а также на представленіе по сему предмету ходатайства предъ Правительствомъ и у почетнаго предсѣдателя Общества Великаго Князя Владиміра Александровича, и утвердить выработанный Правленіемъ проектъ положенія о Музеѣ. Въ этомъ-же засѣданіи былъ заслушанъ докладъ о назначеніи комиссіи для пріема зданія Музея и произведены выборы новыхъ членовъ Общества.

—

Физико-медицинское Общество при университетѣ св. Владиміра. 11 ноября проф. Я. Н. Якимовичемъ былъ сдѣланъ докладъ «*Объ окрашенныхъ* костякахъ, находимыхъ при археологическихъ раскопкахъ». Какъ извѣстно, вопросъ объ окрашенныхъ костякахъ представляетъ собой одинъ изъ самыхъ интересныхъ и въ то же время самыхъ спорныхъ вопросовъ въ области доисторической археологіи. На каждомъ изъ археологическихъ съѣздовъ вопросъ этотъ выдвигался на первый планъ, вызывая оживленные дебаты. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ августѣ въ Кіевѣ, этому вопросу былъ посвященъ докладъ проф. Ю. А. Кулаковскаго, который рѣшительно отвергалъ гипотезу извѣстнаго чешскаго ученаго Любора Нидерле. Послѣдній въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о жизни народовъ въ доисторическія времена вновь выдвинулъ старую гипотезу, полагая, что при погребеніи человѣка въ эпоху каменнаго

вѣка съ него первоначально снимались всѣ мягкія части, обнаженный скелетъ разбирался, кости тщательно окрашивались и затѣмъ вновь складывались въ скелетъ. Ю. А. Кулаковскій, доказывая въ своемъ докладѣ полную несостоятельность этой гипотезы, высказался въ томъ смыслѣ, что на трупъ покойника накладывался слой краски, которая, послѣ истлѣнія мягкихъ частей и одежды, переходила на кости. Съ мнѣніемъ докладчика тогда же согласился проф. В. Б. Антоновичъ. За то проф. Д. Н. Анучинъ, авторитетный переводчикъ книги проф. Нидерле, возражалъ Ю. А. Кулаковскому. Если не возможно обнажить скелетъ, разобрать его, окрасить и вновь составить, говорилъ онъ, то равнымъ образомъ представляется невозможнымъ, чтобы краска, положенная на тѣло, впослѣдствіи перешла на кости. Какъ на доказательство, онъ указывалъ на индѣйцевъ, которые, какъ это исторически извѣстно, окрашивали своихъ покойниковъ поверхъ кожи, и однако раскопки новѣйшаго времени не давали находокъ, гдѣ бы эта окраска переходила на кости. Проф. Н. И. Веселовскій, признавая этотъ вопросъ весьма спорнымъ, высказался въ томъ смыслѣ, что для рѣшенія его еще не пришло время. Проф. Я. Н. Якимовичъ занялся тѣмъ же вопросомъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, выясненіе способа окраски костяковъ. Разумѣется, методы его изслѣдованія, какъ гистолога, не имѣли ничего общаго съ методами, примѣняемыми археологами. Надо замѣтить, что окрашенные костяки встрѣчаются въ изобиліи на всемъ югѣ Россіи. Иногда они здѣсь попадаются цѣлыми массами. Сѣвернѣе Кіевской губерніи окрашенные костяки не встрѣчаются. Въ западной Европѣ такія же находки попадаются не рѣдко. При костякахъ находятъ орудія каменнаго и рѣдко бронзоваго вѣка. Окрашена бываетъ по преимуществу передняя поверхность скелета, главнымъ образомъ черепъ, лицо, ключицы и т. д. Иногда краска лежитъ въ могилѣ отдѣльными массами подлѣ трупа. Окраска производилась преимущественно въ красный цвѣтъ. Но краска эта бываетъ различной интенсивности. Изрѣдка можно встрѣтить окраску при помощи розовой, бурой, желтой и даже бѣлой краски. При своихъ изслѣдованіяхъ проф. Я. Н. Якимовичъ пользовался костями, добытыми при раскопкахъ проф. В. Б. Антоновича и проф. Ѳ. И. Кнауэра. Какъ-же производилась эта таинственная окраска? Несостоятельность гипотезы Л. Нидерле, по мнѣнію докладчика, очевидна. Это видно, хотя-бы изъ того, что, напримѣръ, изслѣдованная имъ головка лѣвой бедряной кости окраше-

на уже послѣ того, какъ весь связочный аппаратъ былъ уничтоженъ тлѣніемъ. Изслѣдованія подъ микроскопомъ привели докладчика къ тому несомнѣнному выводу, что окраска эта производилась именно такъ, какъ думаетъ проф. Ю. А. Кулаковскій. Подробно изложивъ тотъ методъ, какимъ проф. Я. Н. Якимовичъ пользовался при своемъ изслѣдованіи способа окраски костяковъ, онъ, на основаніи точныхъ данныхъ микроскопическаго изслѣдованія, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. 'Краска при погребеніи накладывалась на трупъ покойника. Съ теченіемъ времени мягкія части трупа и одежда тлѣли, и, такимъ образомъ, между слоемъ краски и костями скелета образовывался слой, состоящій изъ продуктовъ гніенія органическихъ веществъ. Мало-по-малу слой этотъ уносился при помощи почвенныхъ водъ, и, когда, наконецъ, всѣ продукты гніенія уходили въ сторону, краска ложилась непосредственно на кости. Но и краска, въ свою очередь, подвергалась вліянію почвенныхъ водъ: съ ней происходило выщелачиваніе, благодаря чему легкія частицы краски удалялись. Въ то-же время краска болѣе равномѣрно распредѣлялась на костякѣ. Такимъ образомъ, процессъ окрашиванія костяка есть процессъ вторичный, а не первичный. Онъ происходилъ въ теченіе тысячелѣтій, продолжаясь и въ настоящее время, и гипотеза проф. Ю. А. Кулаковскаго вѣрна. Ссылка проф. Д. Н. Анучина на примѣръ индѣйскихъ погребеній ничего не доказываетъ: тамъ могла употребляться другая краска, не допускающая такихъ процессовъ. Костяки юга Россіи окрашены охрой, состоящей изъ глины, окиси желѣза и разныхъ другихъ примѣсей. Но изслѣдованіе окрашенныхъ костей показываетъ, что теперь на нихъ остались только частицы окиси желѣза. Всѣ остальныя частицы, какъ болѣе легкія, удалены почвенными водами. Благодаря этому-же обстоятельству, цвѣтъ окраски костяковъ теперь гораздо интенсивнѣе, чѣмъ это было непосредственно послѣ погребенія. Обращаясь къ разсмотрѣнію значенія окраски, проф. Якимовичъ, прежде всего, указалъ на мнѣніе Ю. А. Кулаковскаго, который, придавая окраскѣ религіозное значеніе, видитъ въ ней пережитокъ прошлаго. Свое мнѣніе проф. Ю. А. Кулаковскій на археологическомъ съѣздѣ аргументировалъ ссылкой на свидѣтельство Плинія, изъ котораго видно, что римляне въ извѣстные дни окрашивали Юпитеру лицо красной краской, что то-же должны были дѣлать съ своимъ лицомъ тріумфаторы и т. д. Это даетъ право сдѣлать выводъ, что въ отдаленную эпоху представленіе римлянъ о бо-

жественномъ величіи, красотѣ, силѣ, славѣ и проч. ассоціировалось съ представленіемъ о красномъ цвѣтѣ. То же могло наблюдаться и у народа, жившаго на югѣ Россіи, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется явленіе окрашиванія покойниковъ. Докладчикъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что это окрашиваніе имѣло религіозное значеніе и что оно являлось переживаніемъ прошлаго. Но онъ идетъ далѣе этого. По его мнѣнію, окрашиваніе костяковъ эпохи каменнаго и бронзоваго вѣковъ происходило вслѣдствіе того, что у народовъ соотвѣтственныхъ эпохъ существовалъ обычай, въ силу котораго при погребеніи покойника на трупъ его, въ могилу, бросали охру. Если же не было охры, то бросали что нибудь другое, въ крайнемъ случаѣ, землю. Вотъ почему мы видимъ, съ одной стороны, разнообразіе цвѣта окраски, а съ другой стороны, неравномѣрность и неправильность распредѣленія краски въ могилѣ. Отсюда же, между прочимъ, ведетъ свое начало и нашъ обычай бросать въ могилу, на гробъ покойника, куски земли. Количество окрашенныхъ костяковъ идетъ рука объ руку съ количествомъ залежей охры въ данной мѣстности. Быть можетъ, и сѣвернѣе области нахожденія окрашенныхъ костяковъ существовалъ тотъ же обычай, но тамъ не было охры, и потому приходилось ограничиваться землей. По окончаніи доклада проф. Я. Н. Якимовича между присутствовавшими произошелъ довольно оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ, кромѣ членовъ физико-медицинскаго общества, приняли участіе присутствовавшіе въ засѣданіи археологи, профессора В. Б. Антоновичъ, Ю. А. Кулаковскій и Ѳ. И. Кнауэръ. Проф. Ю. А. Кулаковскій, указавъ на огромную важность для археологіи доклада Я. Н. Якимовича, который при помощи точнаго метода, какъ естествоиспытатель, окончательно доказалъ то, въ чемъ многіе археологи уже давно были убѣждены, замѣтилъ, что гипотеза о накладываніи краски на поверхность тѣла покойника принадлежитъ не ему. Гипотеза эта была предложена и обоснована проф. В. Б. Антоновичемъ. Онъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ выступилъ вновь въ защиту ея потому, что профессора Нидерле и Анучинъ печатно выступили въ защиту, казалось, уже оставленной гипотезы о сдираніи мягкихъ частей трупа. По мнѣнію проф. Ѳ. И. Кнауэра, объ искусственномъ способѣ окраски костяковъ не стоитъ много говорить, несмотря на то, что за этотъ способъ высказался не только Нидерле, но и Вирховъ. Въ пользу своего мнѣнія Ѳ. И. Кнауэръ привелъ слѣдующій фактъ. Лѣтомъ нынѣшняго года при

раскопкахъ на югѣ Россіи онъ нашелъ окрашенный скелетъ. Охра лежала густымъ слоемъ на лицѣ. При осмотрѣ же черепа оказалось, что внутри его имѣлась земляная глыба, смѣшанная съ охрой. Ясно, что искусственно туда нельзя было набросать охры, и это сдѣлали почвенныя воды („Кіевлян.“, № 314).

—

Въ Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ организованы еженедѣльныя собранія для прочтенія рефератовъ. 4-го ноября, на такомъ собраніи, былъ доложенъ рефератъ *г. Эрдели—«О раскопкахъ кургановъ въ м. Мостовое, Херсонской губ.»*. Въ началѣ своего доклада референтъ замѣтилъ, что вообще по югу Россіи разсѣяны въ значительномъ числѣ курганы, съ раскопкой которыхъ, по его мнѣнію, надлежало бы поспѣшить: кромѣ необразованныхъ кладоискателей, жаждущихъ лишь легкой наживы и отыскивающихъ въ курганахъ драгоцѣнныя вещи, большимъ врагомъ кургановъ является и земледѣльческій плугъ, который въ пять—шесть лѣтъ совершенно стираетъ съ лица земли насыпи древнѣйшаго происхожденія. По характеру раскопанныхъ г. Эрдели кургановъ, они могутъ быть отнесены къ тремъ типамъ. Въ курганахъ перваго типа, болѣе древнихъ, были найдены въ материковомъ грунтѣ человѣческіе костяки, окрашенные въ красноватый цвѣтъ,—референтъ, для объясненія этого факта придерживается уже потерявшаго всякій кредитъ мнѣнія объ очисткѣ трупа отъ мягкихъ частей и окраскѣ костей. Курганы второго типа заключали въ наносномъ слоѣ неокрашенные человѣческіе костяки съ согнутыми колѣнями и руками, такъ что кости рукъ приходились близъ черепа. Наконецъ, курганы третьяго типа, позднѣйшіе, принадлежали къ желѣзному вѣку; при ихъ раскопкахъ обнаружены человѣческіе костяки съ черепами лошадей, предметами конскаго снаряженія и различнымъ оружіемъ.

Изслѣдованія и раскопки.

Экскурсія отъ Городецкаго Музея Волынской губерніи барона Ѳ. Р. Штейнгель. Лѣтомъ настоящаго года Городецкій Музей снарядилъ небольшую экскурсію какъ для общаго ознакомленія съ краемъ, такъ и съ цѣлью собиранія различныхъ коллекцій для Музея. Въ экскурсіи, во главѣ которой находился владѣлецъ музея, приняло

участіе до 10-ти лицъ, распредѣлившихъ между собой занятія: одни собирала естественно-историческія коллекціи, другіе записывали народныя пѣсни, причемъ пущенъ былъ въ ходъ и фонографъ, снимали фотографіи видовъ, типовъ, построекъ, а также производили археологическія изслѣдованія и развѣдки. Экскурсіей была охвачена часть Ровенского и Луцкаго уу., какъ переходная къ Полѣсью, такъ и представляющая изъ себя глухое Полѣсье. Вотъ списокъ мѣстностей, черезъ которыя, подвигаясь изъ села къ селу, прошли экскурсанты: с. Пересопница, с. Бѣлевъ, с. Жуковъ, м. Клевань, м. Деражно, м. Степань, д. Корость, с. Кречильскъ, с. Нѣмовичи, с. Городецъ, с. Большіе Цепцевичи, м. Бережница, д. Курашъ, д. Орваница, с. Берестъ, м. Домбровица, с. Селецъ, с. Лютинскъ, м. Высоцкъ, Рѣчица, Удрицкъ.

Ограничиваемся приведеніемъ краткихъ свѣдѣній о результатахъ экскурсіи по отношенію къ памятникамъ мѣстной старины. Какъ мы уже выше упомянули, въ распоряженіи экскурсантовъ были фотографическіе аппараты, которые и сослужили большую службу при съемкѣ различныхъ остатковъ старины, главнымъ образомъ старинныхъ построекъ. Затѣмъ, сняты планы городищъ при сс. Бѣлевѣ, Городцѣ, Кречильскѣ и м. Степани. На этихъ-же городищахъ произведены также и пробныя раскопки; особенно интереснымъ оказалось городище у. с. Кречильска, здѣсь найдены очень хорошіе образцы желѣзнаго наконечника копья и боевого топора княжеской эпохи, въ валу-же городища открыта масса погребеній.

Пробныя раскопки кургановъ произведены у. с. Пересопницы и д. Корости—Ровенскаго у. и у с. Городца и д. Теклюковки—Луцкаго у. Пересопницкіе курганы извѣстны по раскопкамъ г-жи Мельникъ, и погребальный типъ тамъ выясненъ. *Курганы у д. Корости* небольшой величены—около одного метра высоты и въ среднемъ 30 м. окружностью; скелеты обнаружены почти что на уровнѣ почвы, головой по большей части на западъ, скелеты плохой сохранности, такъ какъ курганы насыпаны изъ песку; у костяковъ найдены лишь незначительные желѣзные предметы. *Въ могильникѣ у с. Городца* высота кургановъ достигаетъ $1^1/_2$ мет., скелеты также на уровнѣ почвы, хоронились въ гробахъ; изъ найденыхъ предметовъ отмѣтимъ наборъ пояса, состоящій изъ бронзовыхъ орнаментированныхъ бляшекъ и пряжекъ. Въ одномъ курганѣ *у д. Теклюковки,* при скелетѣ, лежав-

шенъ въ такомъ-же положеніи, какъ и предыдущіе, найдены обручи и дужка отъ ведра.

Въ заключеніе упомянемъ, что экскурсантами на лѣвомъ берегу р. Горыни, между Лютинскомъ и Высоцкомъ, открыта стоянка каменнаго вѣка.

Экскурсія настоящаго года была лишь пробой; проба оказалась удачной, и потому будущимъ лѣтомъ имѣется въ виду предпринять еще цѣлый рядъ новыхъ экскурсій.

Случайныя находки.

Въ с. Жовнино, Золотоношскаго у., Полтавской губ. найденъ, скелетъ человѣка въ сидячемъ положеніи, причемъ одна нога его была перекинута на другую. Рядомъ со скелетомъ найдена золотая чашка, съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ въ днѣ, наполненная металлическими наконечниками стрѣлъ, которыя въ изобиліи (болѣе 150) лежали и вокругъ чашки. Найдено также нѣсколько кусковъ желѣза, настолько изъѣденныхъ ржавчиной, что при одномъ прикосновеніи они разсыпаются. («Жизнь и Иск.»).

С. Воля-Адынка, Подольской губ. Въ долинѣ за селомъ, на толокѣ, стояла съ давнихъ временъ большая каменная плита. Лявнемъ плита эта снесена въ рѣчку, а на мѣстѣ ея образовалась большая яма. Въ ямѣ найденъ скелетъ, отличавшійся по словамъ находчиковъ большими размѣрами. («Бессар.»).

Вблизи ст. Буды, Харьково-Никол. ж. д., крестьянинъ, при вспашкѣ поля, нашелъ кладъ мѣдныхъ монетъ; онѣ оказались русскими прошлаго столѣтія, не представляющими интереса. Но, по словамъ корреспондента «Южн. Края», здѣсь находили золотыя и серебрянныя монеты, а также разныя цѣнныя въ археологическомъ отношеніи вещи. Многія изъ нихъ, къ сожалѣнію, утаивались и сбывались на харьковскихъ базарахъ мелочнымъ торговцамъ. Въ мѣстности между Будами и Люботиномъ, на пространствѣ 4 верстъ, встрѣчается не мало кургановъ и разнаго рода искусственныхъ насыпей.

Кол. Старошведская, Херсонск. у. На пространствѣ всего участка, по направленію къ юго-зап., находится масса незначительныхъ возвышенностей и углубленій. При расчисткѣ этого мѣста мѣстными поселянами, найдено много костей и нѣсколько монетъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Во время работы на устраиваемыхъ поселянами виноградникахъ, одинъ изъ поселянъ натолкнулся на небольшую плиту. Разломавъ ее и расчиститвъ вокругъ нея мѣсто, онъ нашелъ довольно хорошо уцѣлѣвшіе остатки русской печи, конечно, въ небольшомъ размѣрѣ. При устройствѣ этихъ углубленій и насыпей соблюдена извѣстная симметрія, которую и теперь еще не трудно открыть. Всѣ углубленія расположены въ нѣсколько рядовъ и находятся другъ отъ друга на почти равномъ разстояніи. Выше указанные признаки свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь, по всей вѣроятности, когда то былъ лагерь запорожскихъ козаковъ. Когда всѣ углубленія будутъ засыпаны и начнется работа по приготовленію канавъ для посадки весной виноградныхъ чубуковъ, есть надежда, что будутъ найдены еще и другія вещи. («Югъ»).

Разныя извѣстія.

Общество любителей изученія Кубанской области, по просьбѣ предсѣдателя Московск. Археолог. Общества гр. Уваровой, вознамѣрилось приступить къ точному *описанію церковныхъ предметовъ,* доставшихся Кубанскому войску изъ *Запорожья и Межигорскаго монастыря.* Въ этихъ видахъ оно обратилось къ Начальнику области съ просьбою сдѣлать распоряженіе о выдачѣ предсѣдателю правленія, В. М. Сысоеву, на нѣкоторое время „описи церковнымъ вещамъ Екатеринодарскаго войскового собора, предназначеннымъ къ вѣчному храненію" и о разрѣшеніи тому же предсѣдателю и тѣмъ членамъ Общества, которымъ это будетъ поручено, доступа въ Екатеринодарскій войсковой соборъ, въ Лебяжій монастырь и въ другія церкви Кубанской области.

Просьба эта, въ той части, которая касается войскового собора, начальникомъ области удовлетворена, относительно-же другихъ церквей Обществу придется обратиться за разрѣшеніемъ къ духовному начальству. („Кубанск. Вѣд.").

—

Въ Лубнахъ, по сообщенію мѣстнаго корреспондента „Кіевлянина", *Д. И. Эварницкимъ*, „проѣздомъ черезъ городъ", были прочтены *двѣ публичныя лекціи по археологіи*, привлекшія сравнительно много публики. Къ сожалѣнію, корреспондентъ не говоритъ о темѣ лекцій, но приводитъ замѣчаніе лектора, «что при ограниченности отпускаемыхъ казною на археологическія изслѣдованія средствъ, раскопки возможно производить въ имѣніяхъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ и остается пожалѣть, что въ Лубенскомъ уѣздѣ нѣтъ такихъ условій, а, слѣдовательно, наши курганы не могутъ привлечь ученыхъ изслѣдователей».

—

Въ августовскомъ номерѣ «Журнала Минист. Народнаго Просвѣщенія» помѣщена статья *А. А. Спицына—Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ*, вышедшая и отдѣльнымъ оттискомъ. Статья эта представляетъ большой интересъ и должна занять исключительное мѣсто въ русской археологической литературѣ, очень бѣдной работами обобщающаго характера. Статья небольшая, но она потребовала массы подготовительной работы по собиранію и разработкѣ, матеріала въ большинствѣ случаевъ представляющаго изъ себя груды сырья. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы не можемъ остановиться подольше на этой работѣ извѣстнаго археолога и ограничиваемся указаніемъ лишь на общіе выводы. Прежде чѣмъ перейти къ основновной темѣ, авторъ останавливается на вопросѣ о разселеніи вообще славянъ въ древнѣйшую эпоху и указываетъ на поля погребальныхъ урнъ, могущія пролить свѣтъ на этотъ вопросъ. Погребенія въ урнахъ спорадически констатированы и въ Россіи, не говоря уже о Царствѣ Польскомъ, но на нихъ до сихъ поръ еще мало обращено вниманія, мало затронута и классификація ихъ. Поэтому намъ кажется немного преждевременнымъ мнѣніе автора, что находки г. Хвойки въ Кіевской губ. т. н. площадокъ съ сосудами, могутъ имѣть значеніе въ обще-славянской литературѣ—находки эти относятся къ переходной эпохѣ отъ каменнаго къ металлическому вѣку, и потому до славянства имъ еще далеко, да кромѣ того, если не ошибаемся, на площадкахъ до сихъ поръ не обнаружено погребеній въ урнахъ. Въ основу своихъ изслѣдованій о разселеніи древне-русскихъ племенъ авторъ кладетъ ту часть лѣтописи Нестора, которая касается этого вопроса, но прибавляетъ, что картина, нарисованная лѣтописцемъ страдаетъ отсутствіемъ историко-этнографической перспективы—

недостатокъ этотъ, по мнѣнію автора, и должна попытаться пополнить археологія, вмѣстѣ съ филологіей и антропологіей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ останавливается на различныхъ типахъ погребальнаго обряда и прослѣживаетъ ихъ по областямъ всѣхъ племенъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись. У автора, благодаря его громадной эрудиціи по данному вопросу, былъ въ распоряженіи довольно обширный матеріалъ, но въ виду той безсистемности, съ какой все еще ведутся въ Россіи раскопки, ему зачастую приходилось наталкиваться на совершенно пустыя мѣста, отчего страдала и общая картина. Древнѣйшіе памятники IX и X вв.—погребеніе сожженнаго праха въ урнахъ; какъ уже сказано, типъ этотъ мало прослѣженъ въ Россіи. Далѣе, въ X вѣкѣ, господствуетъ погребеніе сожженнаго трупа въ курганахъ, по мнѣнію автора наиболѣе распространенное въ странѣ сѣверныхъ русскихъ племенъ, хотя это положеніе, пожалуй, съ накопленіемъ большаго числа изслѣдованій, и придется измѣнить Не вполнѣ можно также согласиться съ мнѣніемъ высказаннымъ правда съ оговорками, что распространеніе обычая погребенія въ курганахъ шло у насъ съ сѣвера, а начало обычаю было положено норманнами, да и самъ авторъ, повидимому, не настаиваетъ на немъ, особенно по отношенію къ юго-западу Россіи. Въ эту эпоху, по археологическихъ даннымъ, древне-русскія племена являются соединенными въ 2 главныя группы: сѣверную—новгородцы и кривичи, и южную—дреговичи, древляне, поляне; внѣ этихъ группъ стоятъ отдѣльно бужане, сѣверяне и радимичи съ вятичами. Подъ вліяніемъ христіанства, обычай сожженія покойниковъ мало по малу уступаетъ мѣсто погребенію въ курганахъ, и въ XI в., наряду съ сожженіемъ, распространяется обычай погребать покойниковъ въ грунтовыхъ ямахъ; обычай этотъ, по мнѣнію автора, въ XII в. можно считать окончательно установившимся. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ, идущимъ противъ общераспространеннаго, по которому погребеніе въ курганахъ непремѣнно связывалось съ язычествомъ. Быть можетъ это положеніе автора и можно измѣнить по отношенію къ отдѣльнымъ областямъ, но въ общемъ, основанное на выводахъ, добытыхъ путемъ сравненія культуры этого періода, оно, на нашъ взглядъ, имѣетъ подъ собой твердую почву. По археологическимъ даннымъ, относящимся къ этому времени, древне-русскія племена распадаются на три группы: сѣверную, юго-западную и восточную, причемъ въ

юго-зап. группу входятъ волыняне, поляне и древляне. Это распредѣленіе не вполнѣ сходится съ распредѣленіемъ, основаннымъ на филологическихъ данныхъ (статья акад. Шахматова); да и роль археологіи въ вопросѣ о соединеніи древне-русскихъ племенъ въ этнографическія группы менѣе значительна, чѣмъ въ вопросѣ о разселеніи ихъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, данныя археологіи вполнѣ соотвѣтствуютъ извѣстіямъ лѣтописи—таковъ общій выводъ работы А. Спицына.

РАЗСКАЗЫ

М. Т. СИМОНОВА

(НОМИСА).

Изданіе „Кіевской Старины".

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 24 ноября 1899 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе I
Изъ дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній автора . . . III
I. Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка:
1. Утро въ свѣтлый праздникъ 1
2. Каленикъ разсказываетъ про дьяка Ивана 8
3. Отецъ разсказываетъ про хату дьяка Ивана и про людей, въ ней жившихъ 12
4. Отецъ снова разсказываетъ про какого-то неизвѣстнаго силача . 25
5. Поступленіе Василія Петровича въ городское училище . . . 33
6. Эпизодъ 45
7. Первые дни въ школѣ и первая поѣздка домой 66
8. Хорошо или худо 123
II. Риздвяни святки:
1. Приготовленія къ риздвянымъ святкамъ 129
2. Багата кутя 145
3. Святый Вечиръ 174
III. Дидъ Мына и баба Мыныха 195
IV. Титка Настя 226
V. Разсказъ о поѣздкѣ запорожцевъ въ Петербургъ . . . 239

Предисловіе.

Имя *Матвѣя Терентьевича Симонова* болѣе извѣстно въ нашей малорусской литературѣ подъ псевдонимомъ *Нóмисъ*, чтó составляетъ обратное чтеніе его предковской фамиліи *Симонъ*. Литературная дѣятельность его не столько выдѣляется по количеству написаннаго имъ, сколько по качеству: онъ такой знатокъ народно-бытовой жизни своей родины, исполненъ такой любви къ ней, что все написанное имъ, главнымъ образомъ на страницахъ „Основы“ [1]), живо воспроизводитъ картины недавняго прошлаго нашей Украины. А между тѣмъ, всѣ разсказы, издаваемые теперь нами отдѣльной книгой, мало были доступны современнымъ читателямъ, изъ которыхъ одни, читая эти разсказы, унесутся воспоминаніями въ годы своего дѣтства и отрочества и оживятъ въ памяти то, чему они сами были свидѣтелями, а другіе получатъ возможность нарисовать въ своемъ воображеніи ту характерную обстановку малорусской жизни, которая за нѣсколько послѣднихъ десятковъ лѣтъ успѣла уже отойти въ область невозвратнаго прошлаго. Мы вполнѣ увѣрены, что и тѣ, и другіе изъ читателей одинаково скажутъ вмѣстѣ съ нами сердечное *спасибо* М. Т. Симонову за то, что онъ далъ согласіе напечатать свои разсказы съ ихъ нестарѣющей прелестью.

---

[1]) Мѣсто и время первоначальнаго напечатанія разсказовъ М. Т. С—ва указано въ примѣчаніяхъ при заглавіи каждаго изъ нихъ.

Какъ поясненіе къ исторіи издаваемыхъ разсказовъ М. Т. Симонова, помѣщаемъ здѣсь очеркъ его дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній, написанный имъ по нашей просьбѣ, вмѣсто авторскаго предисловія къ настоящей книжкѣ.

Ред.

ИЗЪ ДѢТСКИХЪ И ОТРОЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ АВТОРА.

Первоначальная родина моихъ предковъ (*Сымоны*, *Сыминъ*, *Сыминко*) была мѣстечко Оржица. Какъ видно изъ бумагъ, были они люди съ вѣсомъ: былъ, напр., одинъ изъ Сымонивъ Оржицкимъ атаманомъ—въ началѣ XVIII в.; это въ мѣстномъ колесѣ была не послѣдняя спица. О степени состоятельности ихъ можно судить изъ того факта, что, когда Оржичане положили увеличить свой выгонъ добровольнымъ пожертвованіемъ земли, то всѣ дали по одному *дню*, а кто и по *полъ-дня*, а одинъ изъ Сымонивъ далъ *два дня*. А что Сымоны были народъ *завзятый* —это прозвище сохранилось за ними до послѣдняго времени...

Что было причиною выселенія Сымонивъ изъ Оржицы—не знаю,—должно быть общая украинская черта—индивидуализмъ, наклонность къ обособленности, любовь къ хуторной жизни. Да и обстоятельства къ тому располагались благопріятныя: по степамъ становилось тише (меньше стало тамъ волочиться той *погани-татарвы*), стали по Оржицкимъ степамъ разсыпаться хутора́ Иржавскіе, Вершино-Иржавскіе, Слиньковскіе и т. д. Выселились и Сымоны, не всѣ, а лишь двѣ семьи братьевъ Сымонивъ (около тридцатыхъ годовъ XVIII в.); за ними впослѣдствіи и еще выселились нѣкоторые Сымоны. Но выселились Сымоны не въ глубь „Оржицкого Степу", а поселились надъ тѣмъ же берегомъ рѣчки Оржицы, гдѣ находилось и м. Оржица, только на противоположной сторонѣ того угла, *рога*, который дѣлаетъ этотъ берегъ въ степь: выселились значитъ за *ригъ*, гдѣ въ то время, по преданію, была одна лишь

какая то маленькая хатка (вѣроятно сторожка); зажили, значитъ, *за рогомъ* (*Зарігъ*). Мѣсто вышло для поселенія—удивительное: съ одной стороны роскошный степъ, а съ другой пышныя по косогору *стѣнки*[1]), а за стѣнками очеретъ, болота невылазныя, *нетры*—гдѣ можно было прятаться и все прятать, если бы появилась татарва. Къ концу прошлаго столѣтія Сымонивъ размножилось въ Зарогѣ порядочно, такъ что значительнѣйшею его частію стала *Сымонивщина*, причемъ *нѣкоторые Сымоны* перемѣнили свое прозваніе *Сымоны* на *Симоновъ*, въ томъ числѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ старость, и мой дѣдъ, а за дѣдомъ и его три сына... Однимъ словомъ, пошла писать губернія...

Родился я въ Зарогѣ 17 ноября 1823 года... Вспоминаетъ было впослѣдствіи покойница мать: „якъ папèро жъ ты родывся билый! А вже що велыкый, велыкый!.. Якъ обносывъ тебе о. Михаилъ по церкви (т. е. при вводинахъ) и положывъ передъ царськымы дверьмы, то ажъ рукамы стрипнувъ—отто, мовъ рукы пообтягавъ!..“ Недолго, однако, пришлось утѣшаться покойницѣ первымъ ея сыномъ! Скорó такая страшная оспа напала, что одно время сочли меня было умершимъ, снарядили на смерть и на столъ положили... А потомъ и глазъ мнѣ вышибли—двухъ мѣсяцевъ не было мнѣ отъ рожденія...

Тѣмъ не менѣе, раннее мое дѣтство, *до вченія*, представляется въ моемъ воспоминаніи очень свѣтлымъ. Довѣрчивость моя ко всѣмъ (покы хто не звирытся—о, тогда я истый украинецъ!), наивность, веселость, любовь ко всякимъ забавамъ дѣтскимъ располагали въ мою пользу окружающихъ: „Таке жъ воно втишне, оцей хлопець!..“. По всей вѣроятности, имѣли тутъ вліяніе на хорошія украинскія сердца, особенно женскія, та непривѣтливость, съ которой встрѣтила меня жизнь сейчасъ по моемъ явленіи на свѣтъ. Какъ бы то ни было, эта свѣтлость моего ранняго дѣтства, вѣроятно, была причиною того, что у меня сохранились и теперь воспоминанія

---

[1]) Участки, заросшіе лѣсомъ. *Ред.*

изъ такой глубины моего дѣтства, изъ какой вѣроятно рѣдко сохраняется у другихъ дѣтей. Напр., ранняя свѣтлая весна 1825 г. (слѣдовательно, мнѣ нѣтъ еще и полутора года отъ рожденія), свѣтлое утро; я изъ спальни перебрался черезъ *прыхожу* въ *пекарни*, переступилъ порогъ и—„Бабусю!»; а она, дорогая, за столомъ, шьетъ или вяжетъ, въ колпакѣ (такой головной уборъ былъ иногда въ то время у женщинъ), освѣщенная съ тылу въ окно взошедшимъ уже солнцемъ... „Ахъ ты мій парубче!.. ты, мій соколе!.. Бросаетъ она работу, *пидтюпцемъ* ко мнѣ спѣшитъ, хватаетъ на руки... Или: воспоминанія о массѣ *кроливъ*, бывшихъ у отца во дворѣ въ особой хатѣ, которыхъ я любилъ очень посѣщать. Эти воспоминанія относятся тоже къ 1825 г., а можетъ быть и къ 1824 г., потому что въ 1826 г. кролиное царство уже было раскассировано, хата разобрана, и въ 1827 г. уже стоялъ тамъ новый домъ, такъ называемыя *мали хаты*. Или: отецъ купилъ гдѣ-то на ярмаркѣ точеную изъ дерева, съ крышкою, красную *мыльнычку*; мнѣ дали поиграться, но мыльничка мнѣ такъ понравилась, что моя нянька, Орышка Нештапка, чтобы снова добыть въ свои руки мыльничку, у меня ее украла. Спохватившись, что нѣтъ мыльнички, я поднялъ плачъ, исканіе... Чтобы меня успокоить, Нештапка такой фокусъ употребила: поставила меня на столикѣ передъ зеркаломъ: „Дывысь“, говоритъ, „туда“! Я взглянулъ въ зеркало: какая-то круглолицая краснощокая фигура (единственное отраженіе въ зекралѣ, сохранившееся въ памяти у меня отъ молодыхъ лѣтъ), а изъ-за шеи фигуры выглядываетъ въ зеркалѣ мыльничка... Я бросился къ зеркалу, цапнулъ рукою за мыльничку, мыльничка исчезла... Я снова въ слёзы; заглядывалъ въ зеркало—пропала мыльничка... И много у меня такихъ воспоминаній осталось...

Но вотъ отецъ въ одно прекрасное утро, въ 1826 г., вѣроятно въ сентябрѣ, объявляетъ мнѣ, что сегодня, дескать, возьмемся за *грама́тку*... Счастливый, я бросился въ спальню надѣть новенькіе *чобиткы* вмѣсто старыхъ, въ чаяніи, что меня повезутъ учиться граматкѣ въ школу; но сестры меня разувѣрили,

что ни въ какую школу меня не повезутъ, а будемъ учиться всѣ дома:—одинъ изъ старшихъ братьевъ, Федоръ, будетъ учить Я, какъ говорится, *осився* и отложилъ въ сторону новые чобитки.

Здѣсь, на время, считаю нужнымъ пріостановиться и, прежде всего, замѣтить, что для меня неясна моя радость при мысли объ ученьи въ школѣ. Трудно предположить, чтобы въ то время не было извѣстно мнѣ, какъ горекъ былъ у насъ въ школахъ корень ученія. Одно только правдоподобное объясненіе моей радости можно допустить то, что тѣ интеллектуальныя утѣхи, которыя доставляла намъ *книга* въ нашемъ разношерстномъ домашнемъ кружкѣ, заслонила для меня на тотъ разъ корень ученія. У насъ въ домѣ былъ обычай въ праздничные ненастные дни собираться всѣмъ чадамъ и домочадцамъ въ нашей огромной пекарнѣ, у большого стола, и тамъ разсматривать всякіе *кунштыки* въ грамматкѣ, часословцѣ, псалтыри... Обыкновенно дѣло начиналось съ разсматриванія заставныхъ буквъ въ псалтыри—при чемъ бывшіе грамотные изъ домочадцевъ (говорю *бывшіе*, потому что большая часть ихъ, хотя и много между ними училось грамотѣ, съ теченіемъ времени грамоту забывали), поднимали дебаты—то утверждаетъ, что это *и*, другое, что *покой* и т. д. и т. д. Шумно, весело! Такимъ образомъ еще до начала ученья я былъ знакомъ съ формою нѣкоторыхъ буквъ, особенно заставныхъ. Но верхъ радости былъ для всѣхъ, когда принимались за настоящіе *кунштыки*: *всевидящее око*, *духъ въ видѣ голубинѣ* и т. д. и еще болѣе—*царь Давидъ*, *играющій на гусляхъ*, а особенно *фараоны гибнувшіе въ Черномъ морѣ*... „Такъ тимъ фараонамъ и треба"!—Во вторыхъ, для меня не совсѣмъ понятно и то, почему отецъ меня не отдалъ въ школу, [1]), а оставилъ учиться дома, тѣмъ болѣе, что школа всегда пользо-

[1]) А школъ въ то время въ Зарогѣ было штукъ пять. Даже теперь помню школы Дитняка, Шемины и Грузина. Школа Дитняка при отцѣ его, корнетѣ Дитнякѣ, какъ мнѣ разсказывалъ лѣтъ сорокъ назадъ одинъ изъ Кременчугскихъ купцовъ Слиньковъ во время ихъ ученія въ ней, имѣла отъ сорока до пятидесяти школярей.

валась его аттенціей. Конечно, въ состоятельныхъ семьяхъ у насъ, часто неграмотные члены ихъ грамотились грамотными; но старикъ былъ не такой человѣкъ, чтобы руководствоваться подобными примѣрами безъ особаго резона. Должно быть, порѣшивъ грамотить и дочерей, онъ счелъ болѣе обезпеченнымъ достиженіе своей цѣли при домашнемъ обученіи, подъ личнымъ наблюденіемъ, чѣмъ при посредствѣ школы.

Какъ бы то ни было, подъ руководствомъ брата Федора машина была пущена въ ходъ: „азъ, буки, вѣди, глаголь, добро... буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва... бла, вла, гла... гдѣ, кто, чту, мню.... азъ, ангелъ, архангелъ... оксія, исо, вара, камора, краткая, зватель"... Фу ты, Боже мой! И все это дѣлалось не какія либо 7000 лѣтъ назадъ, а лишь съ чѣмъ то семьдесятъ!! Сколько на это потрачено времени, силъ!.. И однако, если сказать по правдѣ, то все это не настолько надоѣдало и не столько было безмѣрно скучно, какъ тѣ правила для учащихся, которыя заставляли послѣ насъ учить наизусть въ приходскомъ училищѣ!.. Руководительство брата Федора продолжалось до Пасхи 1827 г. (въ Полтаву уѣхалъ); отъ Пасхи до Филипповокъ у насъ дѣйствовало начало самопомощи (сестры *промовлялы* пройденное, а я шелъ дальше подъ ихъ руководствомъ). И нельзя сказать, чтобы у насъ шло дѣло совсѣмъ плохо: по крайней мѣрѣ, повѣшенный отцомъ на гвоздикѣ въ нашей классной комнатѣ кпутикъ оставался все время безучастнымъ зрителемъ. Отъ Филипповки до масляной 1828 г. мы пробыли въ ученьи у дядька (брата матери) Михаила, въ с. Онушкахъ, бездѣтнаго и добрѣйшаго человѣка, и большого моего баловника. Тутъ самопомощь была совершенно въ отсутствіи: нѣтъ дядька Михайла дома—шабашъ учиться, такъ-какъ сестры съ наймычкой работаютъ и ведутъ бесѣду, а я—по наружному хозяйству съ наймитомъ, большей частію у него на спинѣ сидя и оперши́сь ногой, какъ въ стремя, въ петлю *налыгача*, переброшеннаго имъ себѣ черезъ плечо. А былъ дядько Михайло дома, что случалось далеко непостоянно, т. к. онъ былъ церковнымъ старостой—и безбожный о. Авель, царство ему небесное, помавая предъ ду-

ховнымъ взоромъ дядька Михайла впереди похвальнымъ листомъ отъ кого слѣдуетъ, а можетъ быть даже и серебряною медалью, *турявъ* его вездѣ за разными надобностями иногда и церковными, но главнымъ образомъ своими собственными. Такъ, говорю, когда былъ дядько Михайло дома, тогда ученье шло довольно старательно, и онъ частенько насъ награждалъ за то роздыхомъ, всегда впрочемъ сопровождая такой актъ своей благости насупленною миною и словами: „а я пиду навію гречкы про запасъ, щобъ було чимъ васъ черезъ гречку перегонять"...

Не мудрено послѣ этого, что мнѣ легко могла представиться возможность однажды разбить стекло въ *напичнимъ окни* и пролить по этому поводу цѣлые потоки слезъ. Но объ этомъ, можетъ быть, послѣ. Отъ масляной до Пасхи 1828 г. мы учились у мужа старшей дочери отца, Яцыны, съ тремя его дѣтьми (двумя мальчиками и одной дѣвочкой) и уже учились у настоящаго *шпехтаря*, какого-то Чеберяка, должно быть уроженца хуторовъ с. Денисовки, но почему то долго жившаго, вѣрно, въ низовскихъ губерніяхъ, что-ли. Крайне непріятный онъ былъ человѣкъ, и особенно не сошелся съ нашими дѣвицами. Отъ Пасхи 1828 до начала генваря 1832 мы учились уже постоянно дома, сначала съ дѣтьми Яцыны, а съ весны 1829 года безъ нихъ, и сначала подъ шпектарствомъ же Чеберяка, а потомъ, съ начала 1829 г. до холеры (весна 1831 г.), подъ шпектарствомъ какого-то Волошина, *богослова*, какъ его величали, но богословія вѣроятно никогда и издали не видавшаго, за то семинарствомъ, дѣйствительно, порядочно пропитаннаго. Это была совершенная противоположность Чеберяку: добрый, мягкой души, любимый своими ученицами, но пьяница... Отецъ долго терпѣлъ, наконецъ поставилъ Волошину вопросъ ребромъ: или—или... Волошинъ избралъ среднее: далъ отцу письменное обязательство, что если онъ еще разъ окажется пьянымъ, то отецъ воленъ ему дать 30 батоговъ... Ей, Богу, правда. Еще бывши студентомъ въ университетѣ, я находилъ эту росписку въ бумагахъ отца, и крайне жалѣю, что тогда не взялъ себѣ этого *антика*,—а послѣ онъ куда-то исчезъ... Росписка нѣкоторое время удерживала Воло-

шина, но въ концѣ концовъ не сдержала... Отецъ было его разсчиталъ, но не устоялъ предъ ходатайствами сестеръ и всякихъ заступниковъ... По окончаніи холеры 1831 г., отецъ послалъ въ Лубны прошеніе объ опредѣленіи меня въ Лубенское училище; но опредѣленіе тогда не состоялось: я проболѣлъ всю осень, возили меня по разнымъ шептухамъ и знахарямъ переполохъ выливать и т. д. Поступилъ я въ училище, да и то въ меньшее отдѣленіе приходскаго класса, въ генварѣ (кажется 10 числа) 1832 г.

Изъ случаевъ и обстоятельствъ, интересныхъ въ какомъ нибудь отношеніи за этотъ пятилѣтній періодъ времени, вспоминаю слѣдующія происшествія: передъ Пасхою 1827 г. (еще за шпектарство брата Федора) у насъ появился откуда то *Бова-Королевичъ*—первая на русскомъ языкѣ книга, какую намъ приходилось видѣть. Это было цѣлое событіе въ нашей средѣ чадъ и домочадцевъ. Въ свободное время на свѣтлыхъ праздникахъ, которая-нибудь изъ сестеръ садится въ пекарнѣ за столомъ читать Бову, а мы, вся туча, наваливаемся на столъ, одно другому на спину лѣзетъ, чтобы слышать... Положительно Бова взялъ верхъ надъ всѣми героями *насъкыхъ* казокъ, и тѣмъ болѣе, что то, что въ нашихъ казкахъ разсказывается, то можетъ быть еще и *брехня*, а это вѣдь изъ печатной книги читается. Вотъ и поди ты, толкуй о народной психологіи. А вотъ другой случай. Я выше упомянулъ о пролитыхъ мною слезахъ по поводу разбитаго стекла въ *напичнимъ* окнѣ. Дѣло было передъ Рождествомъ 1827 г.; дядька и дядыны не было дома (кажется куда-то на базаръ уѣхали); я утромъ сижу за столомъ и читаю пятую каѳизму изъ псалтыри (именно *пятую*, а не иную, твердо помню это: какъ видите, я далеко шагнулъ за годъ). Только пріѣзжаетъ отецъ, велитъ мнѣ продолжать дальше, а самъ начинаетъ ходить по хатѣ, обогрѣваться (морозы стояли лютые). Я читаю, тѣшусь, что такъ *голосно* и *добре* читаю (т. е. собственно *промовляю*, читаю выученное). Только замѣчаю, что отецъ какъ дойдетъ до противоположнаго конца хаты, то и заглянетъ за печку, гдѣ выбитое стекло; дойдетъ, то и заглянетъ..

У меня голосъ постепенно падаетъ, начинаю путаться въ чтеніи („вѣрно догадался, что я окно разбилъ")... Наконецъ я совсѣмъ сталъ!.. „Читай дальше"!.. Молчу... „Читай, кажу"!.. Молчу... Затѣмъ слезы, потомъ рыданія... Пріѣхали дядько съ дядыною; взяли отецъ съ дядькомъ на допросъ меня въ свитлыцю,—ничего не добились; съ тѣмъ отецъ и уѣхалъ домой: слезы, слезы—и больше ничего!.. Взяли насъ на Рождество домой; слезы забыты. Но тутъ повредила мнѣ моя глупая откровенность. Какъ то при отцѣ мать начинаетъ меня разспрашивать, чѣмъ мы занимаемся въ Онушкахъ, когда дядька и дядыны нѣтъ дома. Я и началъ разсказывать про свои похожденія съ наймытомъ. „А дивчата (т. е. сестры)"?..—Шыють зъ наймычкой, прядуть, спивають!..—„Та не все жъ шыють и прядуть та спивають—може жъ и ще що роблять"?—„Балакають".—Про що жъ воны балакають?—„А хто ихъ зна про що! Воны тыхо соби балакають". Отецъ насторожилъ уши, а когда пришлось снова отвозить насъ въ Онушки, мы поснидалы и вошли въ свитлыцю прощаться; отецъ сидитъ на стулѣ, а возлѣ въ углу три дубца, аки свѣтильники... „А про що вы шепоты ведете зъ наймычкою"? и не пускаясь въ дальнѣйшія объясненія и не ожидая отвѣтовъ, отпустилъ каждой изъ сестеръ по пяти ударовъ по шубейкѣ... „А ты чого тоди плакавъ"? и тѣмъ же порядкомъ отпустилъ и мнѣ пять ударовъ по кожушку [1])... Значитъ, человѣкъ исполнилъ свой долгъ!.. Когда мы спустились внизъ съ горы на болото, возница, поворотившись къ намъ, спросилъ: „А що жъ всимъ трёмъ була хлоста"? Отвѣтъ былъ дружный—*всимъ*... А якъ же—по одежи тилькы?..—„По одежи"! еще дружнѣе отвѣтили мы всѣ. Поганяйло одобрительно кивнулъ головой и обратился къ своимъ обязанностямъ.

Припоминается мнѣ и еще одинъ эпизодъ. Это было у Яцыны въ 1828 г. Подъ вліяніемъ разсказовъ Яцыны, бывшаго

---

[1]) Къ чести благоразумія отца надобно сказать, что онъ рѣдко наказывалъ насъ, а особенно меня. Да меня и въ учебныхъ заведеніяхъ, ни одного разу тѣлесно не наказывали: безъ обѣда часто случалось быть въ уѣздномъ училищѣ, а ужъ что били по ладонямъ линейками за мое скверносписаніе—то и счету не было! ну и что же? скверносписаніе, какъ видите, оттуда линейками не изгнали.

въ 1812 г. въ ополченіи, мы втроемъ, мальчики, сочинили игру у—*хранцузъ*: старшій Яцына начальникъ, младшій—*хранцузъ*, а я *русъкый*: кто кого одолѣетъ. Я такъ стремительно налетѣлъ на хранцуза, что вырвалъ и отбросилъ его ружье (палку), и въ догонку уходящему хранцузу далъ порядочнаго тычка штыкомъ въ спину... Хранцузъ побѣжалъ къ отцу жаловаться; позвали меня къ отвѣту, и старому Яцынѣ большого труда стоило нѣсколько прохладить меня и увѣрить, что не все слѣдуетъ принимать на вѣру. Другой случай былъ тоже у Яцыны. Какъ то вечеромъ, предъ ужиномъ, всѣ были въ сборѣ и, въ ожиданіи вечери, про разное вели бесѣду. Только старый Яцына и разсказываетъ случай, что какой то панъ любилъ читать много и столько читалъ, что наконецъ *зачытáвся* и тронувся ума. Я и говорю ему (и сколько и теперь могу судить, должно быть—безъ всякой задней мысли): „Вотъ видите“ говорю, „а вы все меня подгоняете—*читай* да *читай*: такъ и я могу *зачитаться* и *тронуться* ума“! Послѣдовалъ гомерическій смѣхъ, и послѣ долго меня шпиняли: „ты, молъ, смотри, не зачитайся, а то ума тронешься“!

Школа наша не любила шпехтаря Чеберяка, особенно дивчата, и нерасположеніе наше до того разрослось, что однажды, увидѣвши сѣрую смушевую шапку (онъ носилъ такую шапку), осенью въ праздничный день, въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, побѣжали въ *стинкы*, наламали прутьевъ и начали *тюжить* несчастную шапку (Чеберякъ куда то ушелъ гулять); оббили почти совсѣмъ на шапкѣ волосъ, подѣлали дырья, пыль подняли страшную и, разгоряченные и раскраснѣвшіеся, выскочили наконецъ на крыльцо, чтобы перевести духъ... Но, о ужасъ! идетъ Чеберякъ и на немъ его сивая шапка, цѣлая и невредимая! А это мы изволили такъ обработать сивую шапку брата Федора, нашего любимца всеобщаго!

Мое обученіе началось собственно съ начала 1829 г., т. е. съ учителя Волошина; да онъ и началъ съ *азовъ*, т. е. съ *промовляння* всего пройденнаго (граматки и проч.), какъ это впрочемъ дѣлалось и прежде каждымъ новымъ учителемъ, начиная

съ дядька Михайла. Этимъ значительно затягивалась наша наука; къ тому же, при Волошинѣ прибавилось и предметовъ для обученія: а) сначала *полу́ставецъ* (чему мы тамъ учились—теперь рѣшительно не помню), а потомъ и толстый лаврскій молитвословъ, гдѣ мы изучали чинъ разнаго богослуженія, ирмосы и проч. б) пѣніе (съ голоса, безъ нотъ): пѣли наши народныя пѣсни, учились пѣть церковныя пѣсни, пѣли и такія, какъ: „охъ ты птычка, жовтобока, не клады гнизда звысока“, „звукъ унылый хвортепьяна выражай тоску мою, я люблю, хотя тирана“ (или по редакціи Полтавской мѣщанки, слышанной мною послѣ, въ 1840 г.: „Жукъ унилий, ку-ва пьяна, виряжаечку мою, я люблю хотя тараню, обычаечку мою“); в) *цифиру счисленія* мы не учили и никакихъ дѣйствій ариѳметики, да едва ли что въ этомъ тямилъ и самъ богословъ Волошинъ; а просто долгою практикой повыучивались писать и читать ряды чиселъ съ сотнями тысячъ правильно. За сотнями тысячъ тутъ для насъ былъ уже *конецъ свита, зъ дощанымъ небомъ,* на которомъ *жинкы праныки ховалы, якъ сорочкы пралы,* и г) гражданская грамотность. Тутъ Волошинъ особенно отличился передъ отцомъ, хорошо выучивъ насъ по-граждански читать и писать, довольно правильно писать подъ *диктуру,* а сестру Маню и—довольно грязно—составлять небольшія письма. За то же не проходило ни одной поѣздки у отца на ярмарку, чтобы онъ не привозилъ намъ разныхъ книжечокъ съ картинками, которыя мы съ жадностію читали, иногда даже заучивали наизусть и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ подходящій моментъ произносили ихъ передъ гостями, къ великой утѣхѣ отцовскаго сердца и къ великой злобѣ сердецъ иныхъ *кальзкихъ калистраторовъ,* не могшихъ прощать отцу, что онъ школитъ своихъ дѣтей, а ихъ—*де царь* казною не жалуетъ...

Въ Лубнахъ въ училищѣ я пробылъ съ генваря 1832 г. до каникулъ 1835 г. Какими побужденіями отецъ руководился, отдавая меня туда, и были ли у него тогда на мой счетъ какіе либо планы—не знаю. Очень можетъ быть, что онъ поступилъ такъ по внушенію другого брата матери, дядька Васыля, очень

дѣльнаго человѣка: Говорю это въ виду того, что помню, во время бытности моей въ Лубнахъ, дядя Василь не одинъ разъ мнѣ говорилъ: „учысь-учысь, Махтейку, *по Лицеи* пидешъ“, т. е. въ лицей (Нѣжинскій) поступишь, хотя тогда ни о какой лицей я и понятія не имѣлъ. Учился я въ Лубнахъ не блестяще, но переводили меня изъ класса въ классъ охотно, а при переводѣ въ 3-й классъ въ 1835 г. меня назначили отвѣчать изъ географіи на публичномъ экзаменѣ.

Въ Переяславѣ въ духовномъ училищѣ и, по его окончаніи, въ семинаріи я пробылъ съ каникулъ 1835 г. до начала 1840 г. Очень Лубенскій смотритель не совѣтовалъ отцу брать меня въ Переяславъ, а совѣтовалъ дать мнѣ окончить училище, потомъ везти въ Полтаву въ гимназію, или, если уже и взять меня изъ училища, то все таки везти въ Полтаву въ гимназію. Но у отца на этотъ разъ уже былъ свой планъ: сдѣлать меня медикомъ, а медикомъ въ тѣ времена дѣлались черезъ семинарію. Къ тому же старшіе мои два брата, готовившіеся держать экзаменъ на уѣздныхъ учителей, раньше меня поѣхали въ Переяславъ для почерпанія знаній изъ тамошняго кладезя премудрости. Переяславу я обязанъ привитіемъ мнѣ усидчивости въ трудѣ, такъ что, при переводѣ меня въ семинарію, меня наградили даже книгою.

Начало 1840 г., до каникулъ, я прожилъ въ Пирятинѣ съ братомъ, учителемъ математики тамошняго училища, приготовляясь у него изъ математики для экзамена въ пятый классъ гимназіи (поступилъ, впрочемъ, лишь въ четвертый классъ: сказали, что не дадутъ аттестата, если поступлю мимо четвертаго класса). Въ гимназіи я пробылъ съ каникулъ 1840 г. по каникулы 1844 г., а въ университетѣ съ каникулъ 1844 г. по каникулы 1848 г., и сейчасъ же по окончаніи университета посланъ на службу въ Нѣжинъ.

О дальнѣйшей моей жизни можно получить свѣдѣнія въ моихъ *Замѣткахъ на юбилейную записку Лубенской гимназіи* [1]).

---

[1]) Авторъ разумѣетъ изданную имъ брошюру—*Замѣтки къ юбилейной по случаю двадцати-пятилѣтія Лубенской гимназіи запискѣ. М. Симонова.* (*Перваго директора Лубенской гимназіи*). *Кіевъ, 1898. 8°. 39 стр.* Ред.

Скажу еще, что отецъ не хотѣлъ меня пускать въ университетъ, представляя тотъ резонъ, что онъ дряхлѣетъ и требуетъ помочи въ хозяйствѣ, да и средства его значительно сокращаются, такъ какъ главный источникъ его доходовъ, конскій заводъ, приходитъ въ упадокъ, а между тѣмъ у меня имѣется еще одна сестра незамужняя и братъ въ четвертомъ классѣ Полтавской гимназіи, которыхъ надобно тоже довести *до пуття*. Кромѣ того, невысказанными резонами были, какъ онъ послѣ сознавался, неосуществленіе его мечты послать меня въ Петербургскую медицинскую академію и страхъ пустить меня въ Кіевъ *мижъ ляхивъ и нимецькихъ хлёрокъ*, какъ онъ выражался. Въ концѣ концовъ было то, что я поступилъ въ университетъ на казенный счетъ, о чемъ послѣ отецъ горько плакалъ, пріѣхавши туда вслѣдъ за моимъ поступленіемъ въ университетъ и узнавши, что я уже *йимъ казенный хлибъ*: „Не сподивався я для себе“ говорилъ, „такого николы“...

Я упустилъ тамъ, выше, сказать еще, что причина бѣгства моего отъ медицины и перехода изъ семинаріи въ гимназію было выработавшееся у меня убѣжденіе въ Переяславѣ, что медицинская наука не пойдетъ мнѣ въ прокъ. Этому неизбѣжно должна была помѣшать моя непреоборимая гидливость — не великорусская *гадливость*, что-то въ значительной степени зависящее отъ воли и разсужденія, а наша *гидливость*, что-то пассивное, никому и ничему неподчиняющееся, мгновенно разражающееся рвотами, головокруженіями, обмороками и т. п.

Что касается до генезиса моихъ писаній, то дѣло вышло какъ то совершенно случайно и непроизвольно [1]). Надобно сказать, что авторство никогда меня не прельщало и даже не интересовало вовсе. Въ гимназіи у насъ въ ходу было кропаніе стиховъ, но я никогда не согрѣшилъ ни однимъ стишкомъ: дѣло какъ будто вовсе меня не касается. Въ университетѣ на первомъ же году, возникло было, кажется по идеѣ адъюнкта Костыря, изданіе студентскихъ сочиненій и переводовъ. Указано было даже нѣ-

---

[1]) Здѣсь авторъ отвѣчаетъ на вопросъ *редакціи*.

сколько иностранныхъ сочиненій, которыя желательно имѣть въ русскомъ переводѣ. Я взялся за Гётевого Гёца, быстро перевелъ его, Костырь очень одобрилъ переводъ—и на томъ дѣло кончилось. Бывши учителемъ въ Нѣжинѣ, я перевелъ для одной дамы Гётевого же Вильгельма Мейстера, даже переписалъ и подарилъ по принадлежности, а остальное какъ то такъ и осталось. Даже на службѣ въ Контролѣ и Управѣ Благочинія составленіе точныхъ записокъ, докладовъ и т. д. не увлекло меня. Увлекла меня глазная болѣзнь въ 1847—8 г. Читать и писать нельзя; скука, вспоминаешь Малороссію, давніе годы, разсказы разные. Рѣшительный толчокъ сдѣлало въ этомъ отношеніи расширеніе зрачка, сдѣланное Фребеліусомъ каплями. Лежишь, какъ пень, какіе-то кружки скачутъ передъ глазами—тоска! Я и вздумалъ карандашомъ записывать понемногу разное, что вспоминалось... На Пасху, предъ поѣздкою въ Малороссію, кое-что перевелъ на русскій языкъ и отправилъ въ Русскую Бесѣду. Осенью, когда я нѣсколько мѣсяцевъ оставался безъ службы и получилъ отъ Аксакова увѣдомленіе о напечатаніи отрывковъ, я пустился писать воспоминанія Бѣлокопытенка уже запоемъ... Вотъ вамъ и весь генезисъ!

Весна 1899 г. М. С.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 67-го:

октябрь, ноябрь, декабрь 1899.

Книга первая—октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. **П. Житецкаго** . . . . 1—30

II. МАЛОРУССКОЕ СЛОВО „ПАЛЯНЫЦЯ" И ГРЕЧЕСКОЕ ΠΕΛΑΝΟΣ **М. Дикарева** . . . . 31—49

III. „ОСТАННЯ НИЧЪ". Историчяя драма въ двохъ картынахъ. **М. Старицкаго** . . . . 50—92

IV. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. *(Окончаніе)*. **Е. К.** . . . . 93—106

V. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. **Н. Бѣляшевскаго** . . . . 107—120

VI. ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЯСТРЕБОВЪ. (*Некрологъ*). 121—126

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Замѣчательный кладъ. **В. Антоновича**; б) Замыслъ на попа по рукописи 1798 г. Сообщ. **В. Науменко**; в) Письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу. **В. Науменка**; г) Порфирій Корeницкій—забытый малорусскій писатель. Сообщ. **В. Науменко**; д) Истребленіе древняго замка на Подоліи. **Ор. Левицкаго**; е) Богданъ Залѣскій и Гоголь; ж) Н. И. Гулакъ

(некрологъ); з) Объ изданіи перепечатки И. И. Срезневскаго; и) Поправка . . . . 1—19

Текущія извѣстія . . . . 19—28

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв. **В. Щербины**; б) К. Болсуновскій. 1) Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Запад. края. 2) Свинцовыя пластинки (пломбы) съ условными знаками церковныхъ праздниковъ, 3) Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владиміра во время XI-го русскаго археолог. съѣзда въ Кіевѣ. **И. Каманина**; в) С. Л. Пташицкій. Князья Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы. **И. Каманина**; г) Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 29—42

Археологическая лѣтопись . . . . 43—58

III. ПРИЛОЖЕНІЯ 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 12-й и 13-й.

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Продолженіе*). **П. Житецкаго** . . . . . 127—166

II. ВОСПОМИНАНІЯ О ПРИВОРОТСКОМЪ ДУХОВН. УЧИЛИЩѢ 50-ХЪ ГОДОВЪ. **М. Трублаевича** . . . . . . 167—184

III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово-историчня драма въ 2-хъ картынахъ. **М. Старицкаго** . . . . 185—227

IV. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА Г. П. ГАЛАГАНА за 1845 годъ. 228—242

V. ПАМЯТИ А. С. ЛАШКЕВИЧА. (Къ 10-лѣтію со дня его кончины). **Е. Кивлицкаго**. . . . . 243—248

VI. ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА. **В. Беренштама**. . . . . 249—269

VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (*Продолженіе*). **Н. Бѣляшевскаго**. . . . . 270—286

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. **А. Танкова**; б) Письмо Ѳеофана Прокоповича къ Кіево-Печерскому архимандриту Іоаннникію Сенютовичу. Сообщ. **О. Л.**; в) Эпитафіонъ вознаго Андрея Чечеля, 1765 г. Сообщ. **А. Л.**; г) Сатирическія вирши 1786 года. Сообщ. **О. Сластіонъ**; д) Подписка на памятникъ И П. Котляревскому въ Полтавѣ . . . . 59—74

Текущія извѣстія . . . . 75—79

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Иванъ Левицкій. Повисти и оповидання. Т. I. **J. S.**; б) Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. I, подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. **Е. К.**; в) Щорсовская библіотека графа Литовра-Хребтовича. Краткія свѣдѣнія о собраніи рукописей. Сообщ. С. Л Пташицкій. **И. Каманина**; г) Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ. Древніе памятники искусства: Кіево-Софійскій, Златоверхо-Михайловскій и Кирилловскій монастыри. **В. Щербины**; д) Користни звирятка. Кажанъ, йижакъ и зинське щеня (критъ). Напысавъ О. Степовыкъ. **С. Н.**; е) Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . . 80—102

Археологическая лѣтопись . . . . 103—120

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 14-й, 15-й и $1/4$ 16-аго.

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Продолженіе*). **П. Житецкаго**. . . . . . 277—300

II. ПИКИНЕРІЯ. **Д. Миллера**. . . . . 301—322

III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово-исторычня драма въ пяты одминахъ. (*Окончаніе*). **М. Старицкаго** . . . . . 323—380

IV. КЪ ИСТОРІИ ТОРГОВЛИ КОЛЬЦАМИ СВ. ВАРВАРЫ ВЪ КІЕВѢ. **Л. Орельскаго** . . . . 381—389

V. ВЗГЛЯДЪ НА РЕМЕСЛО ПАЛАЧА ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **Ор. Левицкаго** . . . . 390—398

VI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (*Окончаніе*). **Н. Бѣляшевскаго** . . . . 399—412

VII. КЪ ПОРТРЕТУ И. Ѳ. ТИМКОВСКАГО. **Н. Ш.** . . . 413—415

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памяти Алексѣя Петровича Стороженка. (По поводу 25-лѣтія со дня его смерти). **В. Н.**; б) Письмо къ редактору Кіевской Старины о стих. „Славянамъ" профес. **Н. Стороженка**; в) Гетманскій рецептъ отъ кашля; г) Варіантъ пѣсни про дурня; д) Дополненіе къ тексту интермедіи «Замыслъ на попа»; е) Заботы о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія . 121—130

Текущія извѣстія . . . . 131—137

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового товариства імени Шевченка. **А. М.**; б) «Этнографічний збірник». **В. Доманицкаго**; в) Обзоръ украинско-русской литературы за 1898-й годъ. **В. Д.**; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 138—167

Археологическая лѣтопись . . . . 168—182

III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разсказы М. Т. Симонова. (Номиса).
2) Портретъ И. Ѳ. Тимковскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

1—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ Ученныхъ Записках помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканія наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

1—3

нятыя Редакціей для описанія заводовъ и рудниковъ Приднѣпровья и всего Донецкаго Бассейна по особо составленной обширной программѣ. Описаніе будетъ иллюстрировано чертежами и рисунками. Къ производству изслѣдованія редакціей привлеченъ цѣлый рядъ специалистовъ.

Условія подписки на 1900 годъ: съ доставкой въ Екатеринославѣ 10 р., съ пересылкой почт. въ др. города 12 р., за границу 23 руб.

1—3

ЗАПИСКИ
Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *оффиціальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальнные акты и документы,

2) Часть *неоффиціальная*: а) научный отдѣлъ (ученныя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ *Д. Овсянико-Куликовскій.*

1—3

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерніи: за $1^1/_2$ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногородныхъ на годъ 8 руб., причемъ деньги могутъ быть уплочены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, оффиціальныя и вообще извѣстныя лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакцію. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

1—3

два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

Запросини до передплати

на третій рик видаия

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК.

В р. 1900 „Літературно-науковий Вістник“ буде виходити під тою самою редакциею, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакцийний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцию відповідае В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австриї з пересилкою на	чверть року	5	корон
„ „ „ „	пів „	10	„
„ „ „ „	цілий рік	16	„
В Росиї „ „ „ „	„	8	рублів.

В иньших державах по обчисленю пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за ціну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовженя містять ся в сих книжках. Другий річник можна дістати по ціні передплати.

Редакция і адміністрация у Львові, ул. Чарнецкого ч. 26.

Всякі вплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числї і передплату можна посилати також на адрес книгарні „Кіевской Старины“, Кіевъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посьвідчувати сторонам друкованими квітками з книги Товариства. В такім разї інтересовані, замовляючи або реклямуючи Вістникъ або иньші книжки з нашого Товариства, зволять прислати в листї такий квітокъ, одержаний від книгарні К. Стар., і все замовлене вишлеть ся їм зараз. Надїемо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росиї велику догідність.

З усякими реклямациями треба звертати ся не до книгарні „Кіев. Старины“, а до адміністрациї Літ.-наук. Вістника.

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мірѣ“, „Мозаикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе „Новаго Міра“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,— 26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Новаго Міра“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—14 р. Роскошное изданіе—18 рублей. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Міра“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.

Г О С П О Д А!

ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ И ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ ПРОГРАММА «КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО», СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ НА СОЗДАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ КНИГ. ПРОГРАММА СОЗДАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ И ИСПОЛЬЗУЕТ СОБСТВЕННЫЕ КНИЖНЫЕ РЕСУРСЫ.

ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ В КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ НАИМЕНОВАНИЙ ГОТОВЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ ИЗДАНИЙ:

П Е Р И О Д И Ч Е С К И Е   И З Д А Н И Я :

- **ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» НА 6-ТИ CD. 312 НОМЕРОВ. 74432 СТР. С ПРИЛОЖЕНИЯМИ И ДОПОЛНЕНИЯМИ.**

ЖУРНАЛ ИЗДАВАЛСЯ С 1882 Г. ПО 1906 Г.(В 1907 УКРАИНА) В КИЕВЕ, ТИПОГРАФИЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СВ. ВЛАДИМИРА Н.Т. КОРЧАК-НОВИЦКОГО, МЕРИНГОВСКАЯ УЛИЦА, №6.

СТОИМОСТЬ КОМПЛЕКТА 312 $.

- **ЖУРНАЛ П.А. КУЛИША «ХАТА» 1860 Г. И КОМПЛЕКТ ИЗ 22 (320 СТРАНИЧНЫХ) НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «ОСНОВА» НА 1--м CD**

Журнал издавался в Санкт-Петербурге в 1861-1862 годах в типографии П.А. Кулиша и Тиблена и имеющий сходную концепцию с журналом «КИЕВСКАЯ СТАРИНА».

СТОИМОСТЬ ДИСКА 42 $.

И С Т О Р И Я   К И Е В О - М О Г И Л Я Н С К О Й   А К А Д Е М И И   Н А   2 - Х   C D

1. КРЫЛОВСКИЙ А. С. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ 14 ВЫПУСКОВ. КАТАЛОГ СОДЕРЖИТ ОКОЛО 36000 НАИМЕНОВАНИЙ КНИГ.
    - Т 1. ВЫПУСК ПЕРВЫЙ: БОГОСЛОВИЕ. СВ, ПИСАНИЕ И ПАТРОЛОГИЯ. КИЕВ, 1890 Г. 349 С.
    - Т 1. ВЫПУСК ВТОРОЙ: ОСНОВНОЕ, ДОГМАТИЧЕСКОЕ, ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ ИЛИ СРАВНИТЕЛЬНОЕ И НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ, ЛИТУРГИКА, ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ГОМИЛЕТИКА. КИЕВ, 1892 Г. 440 С.
    - Т 1. ВЫПУСК ТРЕТИЙ: ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ, ЦЕРКОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, БОГОСЛОВСКИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, БОГОСЛОВСКИЕ СЛОВАРИ, БОГОСЛОВСКИЕ СБОРНИКИ И БОГОСЛОВСКАЯ СМЕСЬ. КИЕВ, 1893 Г. 185 С.
    - Т 1. ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ: СОЧИНЕНИЯ ФИЛОСОФОВ, ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИЯ, ЛОГИКА, ГНОСЕОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА, ПСИХОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКАЯ ЭТИКА И ЭСТЕТИКА, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ И СЛОВАРИ, ФИЛОСОФСКАЯ СМЕСЬ. КИЕВ, 1896 Г. 215 С.
    - ТII. ВЫПУСК ПЯТЫЙ: СЛОВЕСНОСТЬ. КИЕВ, 1901 Г. 360 С.
    - ТII. ВЫПУСК ШЕСТОЙ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ. КИЕВ, 1903 Г. 184 С.
    - Т III. ИСТОРИЯ. ВЫПУСК СЕДЬМОЙ: БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ. КИЕВ, 1907Г. 105 С.

- Т III. ВЫПУСК ВОСЬМОЙ: ОБЩАЯ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ. КИЕВ, 1908 Г. 222 С.
- Т III. ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ: ОБЩАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ. КИЕВ. 1910Г. 376 С.
- IV. ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ И ОДИННАДЦАТЫЙ: РУССКАЯ ИСТОРИЯ — ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. КИЕВ. 1912Г. 531 С.
- IV. ВЫПУСК ДВЕНАДЦАТЫЙ: РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И НАРОДОВЕДЕНИЕ. БИБЛИОГРАФИЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ. КИЕВ 1913 Г. 379 С.
- V. БОГОСЛОВИЕ. ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ: ДОПОЛНЕНИЕ К ВЫПУСКУ ПЕРВОМУ ТОМА ПЕРВОГО - СВ. ПИСАНИЕ И ПАТРОЛОГИЯ. КИЕВ, 1915 Г. 352 С.
- СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. (БЫВШЕЙ ПОЛОЦКОЙ УНИАТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ). 1906 Г. 432 С.

1. АСКОЧЕНСКИЙ В. КИЕВ С ДРЕВНЕЙШИМ ЕГО УЧИЛИЩЕМ АКАДЕМИЕЮ. ЧАСТЬ 1. КИЕВ. 1856Г. 360 С.
2. АСКОЧЕНСКИЙ В. КИЕВ С ДРЕВНЕЙШИМ ЕГО УЧИЛИЩЕМ АКАДЕМИЕЮ. ЧАСТЬ 2. КИЕВ. 1856Г. 553 С.
3. ТІТОВ ХВ. СТАРА ВИЩА ОСВІТА В КИЇВСЬКІЙ УКРАЇНІ XVI-ПОЧ. XIX. КИЕВ 1924 Г. 431С. 180 ИЛЛЮСТРАЦИЙ.
4. ГОЛУБЕВ С. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ 1 ТОМ. КИЕВ 1883Г. 1165 С.
5. ГОЛУБЕВ С. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ 2 ТОМ. КИЕВ 1898Г. 1028 С.
6. ЩЕРОЦКІЙ К. В. КІЕВЪ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ. ИЗДАНИЕ В. С. КУЛЬЖЕНКО. 1917 Г.
7. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ И ЕЕ СТУДЕНТЫ (1697-1702 Г.) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1882 Г.
8. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 3, 7 1882 Г.
9. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА. (БИОГРАФ. ОЧЕРК) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 4 1882 Г.
10. БУЛАШЕВ Г. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКИЙ. КОАДЬЮТОР КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1, 5, 8 1883 Г.
11. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКОГО. ЧАСТЬ I. (1762-1784 Г.Г.).
12. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ, МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО, К АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТИЮ, РЕКТОРУ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 6 1883 Г., № 2 1884 Г.
13. УКАЗ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МАЛОРОССИЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ. «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 8 1883 Г.
14. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА К АРХ. КИЕВСКОМУ РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 4 1884 Г.
15. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О КИЕВЕ. О НАЧАЛЕ БОГОЯВЛЕНСКОГО БРАТСКОГО МОНАСТЫРЯ И КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 10 1884 Г.
16. ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ СКАЗАНИЯ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1 1885 Г.
17. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТВЕТ С.Т. ГОЛУБЕВУ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1885 Г.
18. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1886 Г.
19. КАМАНИН И. М. ЕЩЕ О ДРЕВНОСТИ БРАТСТВА И ШКОЛЫ В КИЕВЕ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ДЕВЯТАЯ., КИЕВ. ТИПОГРАФИЯ Г.Т. КОРЧАК-НОВИЦКОГО, МИХАЙЛОВСКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 4., 1895

20. КИВЛИЦКИЙ Е.А. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ РОССИИ В 1783-1803 ГГ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ДЕВЯТАЯ., КИЕВ. ТИПОГРАФИЯ Г.Т. КОРЧАК-НОВИЦКОГО, МИХАЙЛОВСКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 4., 1895

21. ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ЗА XVIII СТОЛЕТИЯ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» №4 1889 Г.

22. СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРА МОГИЛЫ / АРХИВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ Т. 7 Ч. 1 (СТР. 49-189)

23. ГОЛУБЕВ С.Т. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕТРЕ МОГИЛЕ ДО ПОСВЯЩЕНИЯ ЕГО В САН КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО АРХИМАНДРИТА. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ПЕРВАЯ., КИЕВ. В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ., 1879 Г.

24. ЛЕБЕДЕВ АМФИАН. ИОСАФ ГОРЛЕНКО, ЕПИСКОП БЕЛГОРОДСКИЙ И ОБОЯНСКИЙ. ХАРЬКОВ. 1900 Г.

25. ЖИТТЄПИС АКАДЕМИКА МИКОЛИ ЙВАНОВИЧА ПЕТРОВА. / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

26. БІБЛІОГРАФІЯ НАЙВАЖЛИВІШИХ ПРАЦЬ АКАД. М.І. ПЕТРОВА. / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

27. ПЕТРОВ Н.І. КИЇВСЬКА АКАДЕМІЯ (З НАГОДИ МИНУЛОГО 300-ЛІТТЯ ЇЇ ІСНУВАННЯ). / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

28. ПЕТРОВ Н.И. ДРЕВНЕЙШИЕ РУКОВОДСТВА ПО ФИЛОСОФИИ В КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1888 Г. ФЕВРАЛЬ

29. ПЕТРОВ Н.І. ДВА ДОКУМЕНТИ ДО ПОБУТОВОЇ ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ МОГИЛЯНСЬКОЇ КОЛЕГІЇ В XVII СТ. ЗАПИСКИ НТШ CXXIII-CXXIV. ЛЬВІВ, 1917 Р.

30. ПЕТРОВ Н.І. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II (1762-1796 ГГ.) / «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1906 ГГ. ИЮЛЬ-НОЯБРЬ

31. ПЕТРОВ Н.И. ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII И XVIII ВЕКОВ. Л., 1911 Г. 541 С.

32. ПЕТРОВ Н.И. УКАЗАТЕЛЬ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. КИЕВ. 1897Г. 291 С.

33. ПЕТРОВ Н.И. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА. К., 1895

34. ПЕТРОВ Н.И. АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩИЕСЯ К КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТДЕЛЕНИЕ II., (1722-1795) ГГ. I-V Т., 1904-1908 Г. 3234 С.

35. ОТЧЕТ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ЗА 1898 Г. КИЕВ. 1899 Г. 36 С.

36. СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ КИЕВА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ. К., 1874 Г.

37. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1860-1904 ГГ.

38. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1905-1914 ГГ.

39. ГОЛУБЕВ С.Т. НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. К., 1907. 236 С.

40. ГОЛУБЕВ С.Т. ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. ПЕРИОД ДО-МОГИЛЯНСКИЙ. КИЕВ., 1886Г. 436 С.

41. ТИТОВ Ф.И. РУССКИЙ ЦАРСТВУЮЩИЙ ДОМ РОМАНОВЫХ В ЕГО ОТНОШЕНИЯХ К КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. / ТРУДЫ КДА 1913 Г. ИЮЛЬ-АВГУСТ, НОЯБРЬ.

42. ТИТОВ Ф.И. ДВА МНЕНИЯ МАКАРИЯ БУЛГАКОВА, БЫВШЕГО МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО, О РЕФОРМЕ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. / ТРУДЫ КДА 1906 Г. АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ.

43. ПОЛОЖЕНИЕ О ПРАВАХ И ПРЕИМУЩЕСТВАХ ЛИЦ, СЛУЖАЩИХ ПРИ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ. 24 СЕНТЯБРЯ 1876 Г.

44. ПОЛОЖЕНИЕ О ПРЕМИИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО МИХАИЛА, ЕПИСКОПА КУРСКОГО И БЕЛГОРОДСКОГО, УЧРЕЖДЕННОЙ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. 19 МАЯ 1888 Г.

45. ТИТОВ Ф.И. РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 26 СЕНТЯБРЯ 1898 ГОДА, НА АКАДЕМИЧЕСКОМ ГОДИЧНОМ АКТЕ. / ТРУДЫ КДА. 1898 Г. НОЯБРЬ

46. СЕМЕЙКИН Н. М. Ф. БЕРЛИНСКИЙ, БЫВШИЙ УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И ЕГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. К., 1916 Г. 230 С.

47. ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ В ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА КНИГУ: КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ. (ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ). Т. 1. КИЕВ, 1883 Г. С. ГОЛУБЕВА. К., 1884 Г.

48. ТИТОВ Ф.И. АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩИЕСЯ К КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТДЕЛЕНИЕ III., (1796-1819 ГГ.) I-V Т., 1910-1914 Г. 4768 С.

49. ИННОКЕНТИЙ ГИЗЕЛЬ. (К ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 10 1884 Г.

50. СУМЦОВ И.Ф. ИОАННИКИЙ ГОЛЯТОВСКИЙ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1-4 1883 Г.

51. СУМЦОВ И.Ф. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1 1885 Г.

52. НОВИЦКИЙ ИВ. НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ПЕРВОЙ ФУНДАТОРКИ БРАТСКИХ ШКОЛ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 8 1885 Г.

53. РАЗГОВОР ВЕЛИКОРОССИИ С МАЛОРОССИЕЙ. (ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА). «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1882 Г.

54. ДОПОЛНЕНИЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССИИ С МАЛОРОССИЕЙ» / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1882 Г.

55. ВИШНЕВСКИЙ Д.К. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ (НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ЭТОЙ АКАДЕМИИ ЗА УКАЗАННОЕ ВРЕМЯ). К., 1903 Г. 371 С.

56. ВИШНЕВСКИЙ Д.К. ИЗ БЫТА СТУДЕНТОВ СТАРОЙ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1-3 1896 Г.

57. ПРОШЕНИЕ МАЛОРОССИЙСКОГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИН, ВМЕСТЕ С ГЕТМАНОМ, О ВОССТАНОВЛЕНИИ РАЗНЫХ СТАРИННЫХ ПРАВ МАЛОРОССИИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНЕ II В 1764 ГОДУ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 6 1883 Г.

58. ПЕРЕТЦ В. К ИСТОРИИ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ КОЛЛЕГИИ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ., ВЫП. I КИЕВ., ТИПОГРАФИЯ Т.Г. МЕЙНАНДЕР., 1900 Г.

59. СОБОЛЕВСКИЙ А. НЕИЗДАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ВАРЛААМА ЯСИНСКОГО. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ., ВЫП. I КИЕВ., ТИПОГРАФИЯ Т.Г. МЕЙНАНДЕР., 1900 Г.

60. МУХИН Н. КИЕВО-БРАТСКИЙ УЧИЛИЩНЫЙ МОНАСТЫРЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. К., 1893 Г. 430 С.

61. ХРОНИКА КИЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПИОНА (1804-1824 Г.). / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1884 Г.

62. ПОСЕЩЕНИЕ КИЕВА В. КН. ПАВЛОМ ПЕТРОВИЧЕМ И В. КН. МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1883 Г.

63. ОБЗОР РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (862-1720 ГГ.). СОЧИНЕНИЕ ФИЛАРЕТА, АРХИЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКОГО. КНИГА I. ХАРЬКОВ, 1859 Г. 448 С.

64. ОБЗОР РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (1720-1858 ГГ.). СОЧИНЕНИЕ ФИЛАРЕТА, АРХИЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКОГО И НЕЖИНСКОГО. КНИГА II. ЧЕРНИГОВ., 1863 Г. 311 С.

65. ЧЕРНЫШЕВ С.И. ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ И ПАТРИАРХ ФИЛАРЕТ НИКИТИЧ РОМАНОВЫ В ИХ ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ. ТРУДЫ КДА. ИЮЛЬ-АВГУСТ., 1913 Г.

66. ГОЛУБЕВ С.Т. ИСТОРИИ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ. (ВЫП. 1). КИЕВ, 1891 Г. 83 С.

67. МАКСИМОВИЧ М.А. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. I-III. К. 1887-8. 2142 С.

СТОИМОСТЬ КОМПЛЕКТА 112 $.

Т В О Р И П А Н Т Е Л Е Й М О Н А К У Л И Ш А Н А 2 - Х С D

ТВОРИ

1. ТВОРИ ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛЇША. Т.1-6 «ПРОСВІТА». 1908-1909
2. СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА П.А. КУЛИША. ТОМ 2,4-Й. ИЗД. А.М. КУЛИШ. ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. КАМАНИНА КИЕВ. 1908, 1910
3. СОЧИНЕНИЯ П.А. КУЛИША. ТОМ 1-Й. ХАРКІВ. 1930
4. СОЧИНЕНИЯ П.А. КУЛИША. ТОМ 6-Й. 1932
5. ИСТОРИЯ ВОЗСОЕДИНЕНИЯ РУСИ В 2-Х ТОМАХ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», 1874
6. ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ. ТОМ ПЕРВЫЙ С.-ПЕТЕРБУРГ. «В ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА», 1856
7. ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ. ТОМ ВТОРОЙ С.-ПЕТЕРБУРГ. «В ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА», 1857
8. ОТПАДЕНИЕ МАЛОРОССИИ ОТ ПОЛЬШИ В 3-Х ТОМАХ . М., 1888-1889
9. ХУТОРСЬКАЯ ФИЛОСОФІЯ И УДАЛЕННАЯ ОТ СВЕТА ПОЭЗІЯ С.-ПЕТЕРБУРГ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», 1879
10. ЖИЗНЬ КУЛІША. «ПРАВДА». 1868
11. ГРАМАТКА
12. ДВІ МОВІ, КНИЖНЯ І НАРОДНЯ

ПЕРЕКЛАДИ

1. СВЯТЕ ПИСЬМО СТАРОГО І НОВОГО ЗАВІТУ ВІДЕНЬ. 1896
2. АНТОНІЙ І КЛЕОПАТРА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1901
3. БАГАЦЬКО ГАЛАСУ З НІЧЕВЛЯ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1901
4. ГАМЛЕТ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1899
5. КОМЕДІЯ ПОМИЛОК ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
6. КОРІОЛЯН. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1900
7. КОРОЛЬ ЛІР. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1902
8. МАКБЕТ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА

ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900

9. МІРА ЗА МІРУ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1902
10. ОТЕЛЛО ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
11. ПРИБОРКАНА ГОСТРУХА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900
12. РОМЕО І ДЖУЛЬЄТА. ЗА РЕДАКЦІЄЮ М. ВОРОНОГО ВИДАВНИЦТВО «УКРАЇНСЬКИЙ РОБІТНИК». ХАРКІВ. 1928
13. РОМЕО І ДЖУЛЬЄТА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1901
14. ТРОЇЛ І КРЕССІДА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
15. ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900
16. ГОРДОН БАЙРОН. ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДОВА МАНДРІВКА. ЛЬВІВ, 1905

БІОГРАФІЧНІ НАРИСИ, ЛИСТУВАННЯ, БІБЛИОГРАФІЯ, НАУКОВІ РОЗВІДКИ

1. ПОРТРЕТНА ГАЛЕРЕЯ П. КУЛІША
2. БІБЛІОГРАФИЯ. УКРАЇНСЬКІ ПИСЬМЕННИКИ. БІО-БІБЛІОГРАФІЧНИЙ СЛОВНИК. ТОМ 2. К., ВИД. ХУД., ЛІТ. 1963
3. Ш-РОВ Н. У МОГИЛЫ П.А. КУЛИША И В. М. БЕЛОЗЕРСКОГО «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 09.1899 Г.
4. КОСТОМАРОВ П. КУЛІШ И ЕГО ПОСЛЕДНЯЯ ЛІТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02.1883 Г.
5. ШЕНРОК П. А. КУЛІШ (БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРК) «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02-10.1901 Г.
6. ВЛ. ДАНИЛОВ П. А. КУЛИШ И «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» ПОД РЕДАКЦІЕЙ Ф.Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА «УКРАЇНА», № 07.1907 Г.
7. НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ С Н. КОСТОМАРОВЫМ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 06.1885 Г.
8. ЧАЛЫЙ ЮНЫЕ ГОДЫ П.А. КУЛИША «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 05.1897 Г.
9. ЛОБОДОВСКИЙ М. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРЕ У ПАНТЕЛЕЙМОНА АЛЕКСАНРОВИЧА И АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ(ГАННЫ БАРВИНОК) КУЛИШ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 04.1897 Г.
10. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ П.А. КУЛИША «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 05.1897 Г.
11. БРОШЕННЫЙ ИЗ-ЗА УГЛА КАМЕНЬ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 09.1885 Г.
12. НОМИС М. ПАНТЕЛЕЙМОН АЛЕКСАНДОВИЧ КУЛИШ. НЕКРОЛОГ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 03.1897 Г.
13. ОЛЕНА ПЧИЛКА НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ СТОРОЖЕНКО «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02.1906 Г.
14. ДОРОШЕНКО ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ. ДО 10-РІЧЧЯ ЗО ДНЯ ЙОГО СМЕРТІ «УКРАЇНА», № 02.1907 Г.
15. КУЛІШ П. О. МАТЕРІЯЛИ ТА РОЗВІДКИ ЛЬВІВ. 1929-1930
16. ФРАНКО ІВАН ІЗ ПЕРЕПИСКИ П. КУЛІША З ГАЛИЧАНАМИ В 1870-1871 Р. ЗАПИСКИ НТШ № 26
17. БАРВІНСЬКИЙ ОЛЕКСАНДР ТРИ ЛИСТА М. КОСТОМАРОВА ДО П. КУЛІША ЗАПИСКИ НТШ № 128
18. ЄВГЕН КИРИЛЮК. БІБЛІОГРАФІЯ ПРАЦЬ П.О. КУЛІША ТА ПИСАНЬ ПРО НЬОГО. К., 1929
19. ВІКТОР ПЕТРОВ. ЕТНОГРАФІЧНЕ ОПОВІДАННЯ П. КУЛІША